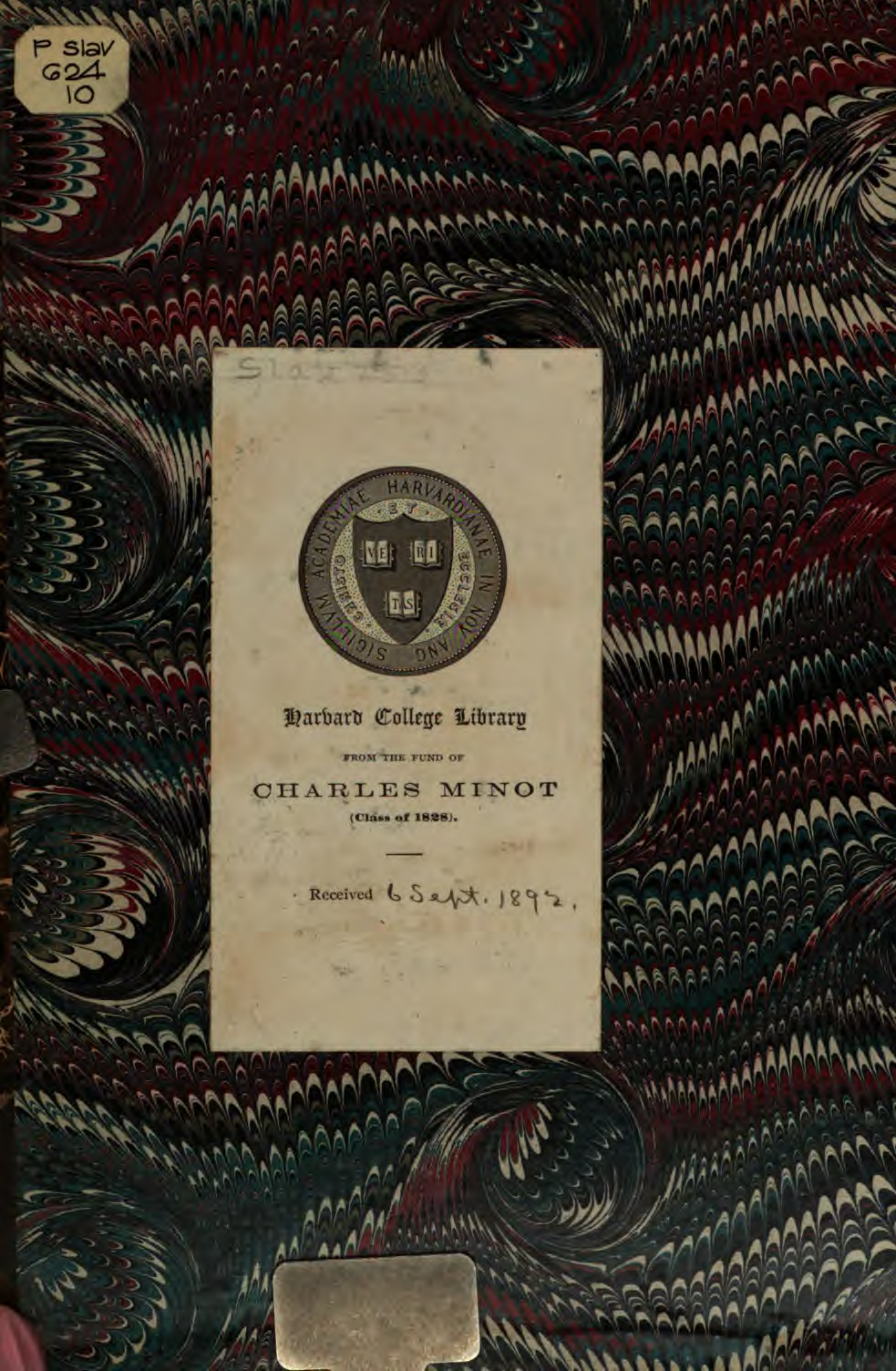

P Slav
624
10
SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
Harvard College Library
FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
(Class of 1828).
Received 6 Sept. 1892.

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1891

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюденіемъ секретаря Общества **Г. Ѳ. Штендмана.**

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

72-й томъ „Сборника“ Общества служитъ продолженіемъ изданія *дипломатической переписки прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ* и, составляя третью часть этого изданія, обнимаетъ собою періодъ времени съ 1772 по 1774 годъ. Первая часть этихъ документовъ, за время съ 1763 по 1766 годъ, вошла въ 22-й томъ „Сборника“; затѣмъ дальнѣйшая переписка съ 1767 по 1772 годъ помѣщена въ 37-мъ томѣ. Какъ на необходимое дополненіе къ этимъ тремъ томамъ, слѣдуетъ указать на 20-й томъ „Сборника“ Общества, въ которомъ напечатана личная переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II, съ 1762 по 1781-й годъ, сообщенная Обществу канцлерами княземъ Горчаковымъ и княземъ Бисмаркомъ.

Большая часть документовъ *дипломатической переписки прусскихъ посланниковъ* съ королемъ Фридрихомъ II была доставлена Обществу марбургскимъ профессоромъ Э. Германомъ, а оказавшіеся въ этой перепискѣ пробѣлы впослѣдствіи были дополнены выписками изъ Берлинскаго тайнаго государственнаго архива, благодаря содѣйствію графа Герберта Бисмарка.

Напечатанныя въ настоящемъ томѣ донесенія графа Сольмса, прусскаго посланника при русскомъ дворѣ, королю Фридриху II, и отвѣты на эти донесенія, выясняютъ главнымъ образомъ два вопроса:

I. Первый раздѣлъ Польши и

II. Отношенія Пруссіи и другихъ иностранныхъ державъ къ заключенію мира между Россіею и Турціею.

I. Документы, касающіеся перваго раздѣла Польши, выясняютъ мѣропріятія Россіи, Пруссіи и Австріи при окончательномъ исполненіи, условленнаго уже между ними, общаго плана дѣйствій относительно раздѣла Польши, на основаніи февральской тайной конвенціи 1772 года; опредѣляютъ ходъ переговоровъ о границахъ, пріобрѣтаемыхъ каждою державою земель въ Польшѣ; указываютъ на отношенія короля Фридриха II къ вопросу о пріобрѣтеніи г. Данцига и выясняютъ взглядъ на это дѣло императрицы Екатерины II, не желавшей уступки этого города королю прусскому.

Кромѣ приведенныхъ въ предисловіи къ 37-му тому „Сборника“ Общества сочиненій и изслѣдованій по вопросу о первомъ раздѣлѣ Польши, должно указать еще на новѣйшій трудъ профессора Е. Реймана, напечатанный въ „Исторіи европейскихъ державъ“, издававшейся Гереномъ и Укертомъ, а послѣ смерти ихъ издаваемой профессоромъ Гизебрехтомъ.

Въ первомъ томѣ „Новѣйшей исторіи Прусскаго государства“, вышедшемъ въ 1882 г., въ Готѣ, профессоръ Рейманъ подробно разсматриваетъ весь ходъ дѣла о первомъ раздѣлѣ Польши; указываетъ на отношенія короля Фридриха II къ войнѣ и заключенію мира Россіи съ Портой и къ вопросу о пріобрѣтеніяхъ Австріи на счетъ Оттоманской имперіи. Напечатанными въ 20-мъ, 22-мъ и 37-мъ томахъ Сборника Русскаго Историческаго Общества матеріалами, профессоръ Рейманъ воспользовался вполнѣ при изданіи перваго тома своего труда. Въ 1888 г. вышелъ второй томъ его Исторіи Прусскаго государства, въ которомъ онъ еще разъ возвращается къ вопросу о раздѣлѣ Польши; но къ сожалѣнію онъ не могъ при этомъ воспользоваться документами, напечатанными въ настоящемъ 72-мъ томѣ Сборника Общества.

На основаніи политическаго завѣщанія короля Фридриха II, написаннаго имъ въ 1768 г. для наслѣдника прусскаго престола, профессоръ Рейманъ, въ первомъ томѣ „Новѣйшей исторіи Прусскаго государства“, склоненъ былъ думать, что первая мысль о раздѣлѣ Польши, послѣдовавшемъ въ 1772 г., возникла у короля

Фридриха II. Завѣщаніе это извѣстно было Рейману въ то время только по изслѣдованіямъ другихъ ученыхъ. Но послѣ тщательнаго разсмотрѣнія имъ въ Берлинскомъ государственномъ архивѣ подлиннаго документа, профессоръ Рейманъ пришелъ, повидимому, къ другому заключенію, и уже во второмъ томѣ своего сочиненія, на стр. 701, гораздо осторожнѣе выражается объ этомъ важнѣйшемъ для Пруссіи политическомъ вопросѣ.

II. Что касается втораго вопроса, — войны Россіи съ Турціею, — то донесенія графа Сольмса, не касаясь собственно военныхъ дѣйствій, выясняютъ отношенія къ мирнымъ переговорамъ воюющихъ сторонъ какъ со стороны Пруссіи и Австріи, такъ и со стороны другихъ иностранныхъ державъ; при чемъ довольно часто указываютъ на интриги Франціи, старавшейся помѣшать мирнымъ переговорамъ Россіи съ Оттоманской имперіей.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРАГО ТОМА.

Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ.

Донесенія графа Сольмса Фридриху II и отвѣты короля, 1772 по 1774 г.

(Correspondance politique du roi Frédéric II avec le comte Finckenstein et le comte Solms 1772—1774).

1773 годъ.

1774 годъ.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА
ПРУССКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ
при
РУССКОМЪ ДВОРѢ.

1772 годъ.

№ 597.

Le roi au comte de Solms.

à Potsdam, le 9 de Février 1772.

Je vois par votre rapport du 24 de Janvier dernier, que nous sommes presque d'accord sur tous les points de notre négociation. Je vous ai dépêché un courrier d'ici, il y a quelques jours, et je ne doute pas que vous ne

---

Король графу Сольмсу [1]).

Потсдамъ, 9-го февраля 1772 г.

№ 597. Изъ доклада вашего отъ 31-го января я усматриваю, что мы почти согласны между собой по всѣмъ пунктамъ нашихъ переговоровъ. Нѣсколько дней тому назадъ я отправилъ вамъ курьера, и не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ прибу-

---

[1]) Le commencement de la correspondance diplomatique entre le roi Frédéric II, son ministère et le comte de Solms se trouve dans les volumes 22 et 37 du Recueil de la Société; la correspondance entre le roi et l'Impératrice Catherine II est imprimée dans le volume 20 du même Recueil.

Начало дипломатической переписки короля прусскаго Фридриха II, министровъ его, и донесеній графа Сольмса напечатано въ 22 и 37 т. Сборника; дипломатическая переписка короля съ Императрицей Екатериною II напечатана въ 20 т. Сборника.

l'ayez reçu avant que mes présents ordres vous parviennent. Vous aurez vu par les ordres, dont je l'ai chargé, que je cède sur tous les points où l'on peut céder, et que par conséquent il ne se rencontre plus des difficultés, mais que plutôt notre convention secrète pourra se signer tout de suite. En attendant, je m'étonne qu'en Russie l'on ne comprenne point du touts mes idées sur l'armée d'observation. Celle-ci se trouvant assemblée en Pologne sur le chemin de Hongrie que j'ai indiqué, il est impossible aux Autrichiens de pénétrer dans la Valachie et Moldavie. Ils agiraient effectivement avec la plus grande imprudence du monde, s'ils ne faisaient pas attention à un corps, qui pourrait tout de suite les prendre à dos, et c'est ce qu'un général sensé ne doit jamais hasarder. La position de ce corps rendra tout de même impossible toute diversion des Autrichiens en Valachie et Moldavie. Elle les forcera même de défendre leurs frontières vers la Pologne, et vous comprenez, que si néanmoins ils voulaient envoyer dans ces deux provinces un corps de 20 m. hommes, l'armée d'observation serait toujours à portée d'en détâcher un nombre pareil pour le joindre au maréchal de Romanzow. Telle est mon idée relativement à ce corps d'observation, et je suis fâché, qu'on ne l'ait pas comprise bien à la cour où vous-êtes. Si la chose vient à l'exécution et si la Russie n'envoie alors un général pour se concerter avec moi sur ce sujet, pour peu qu'il soit intelligent, il la comprendra facilement et la trouvera très-conforme aux intérêts de sa cour.

детъ къ вамъ ранѣе настоящихъ моихъ приказаній. Изъ врученныхъ мною ему предписаній вы увидите, что я уступилъ по всѣмъ вопросамъ, гдѣ только уступка была возможна, и потому не встрѣчается болѣе препятствій, и тайная наша конвенція могла бы быть тотчасъ подписана. Въ настоящую минуту я удивляюсь, что въ Россіи вовсе не понимаютъ моихъ мыслей относительно обсерваціонной арміи. Если бы такая армія была расположена въ Польшѣ, на указанной мною дорогѣ въ Венгрію, австрійцамъ было бы невозможно проникнуть въ Молдавію и Валахію. Дѣйствительно, они поступили бы съ величайшей неосторожностью, если бы не обратили вниманія на корпусъ, который могъ бы немедленно захватить ихъ съ тыла, чему никогда не подвергается благоразумный полководецъ. Положеніе этого корпуса сдѣлало бы также невозможнымъ какую бы то ни было диверсію со стороны австрійцевъ въ Валахіи и Молдавіи. Оно даже заставило бы ихъ защищать свои границы со стороны Польши, и вы понимаете, что если бы даже они выслали въ обѣ эти провинціи двадцатитысячный корпусъ, обсерваціонная армія всегда имѣла бы возможность отдѣлить подобное же число войска для присоединенія къ графу фельдмаршалу Румянцову.

Таково мое мнѣніе относительно обсерваціоннаго корпуса и мнѣ досадно, что его не поняли при дворѣ, гдѣ вы находитесь. Если мысль эта осуществится и Россія вышлетъ мнѣ генерала для соглашенія объ этомъ предметѣ, то, въ случаѣ если только онъ окажется смышленымъ, онъ легко пойметъ это дѣло и найдетъ его вполнѣ соотвѣтствующимъ интересамъ своего двора. Впрочемъ, не повторяю вамъ

D'ailleurs, je ne vous répète point ici ce que je vous ai déjà marqué par mon dernier courrier, et je suis plutôt assuré, qu'à son arrivée le traité aura pu être signé. Enfin, je me réfère également pour le reste à mes autres ordres, que je vous ai adressés. Ils vous auront appris entre autres l'étrange révolution qui s'est faite dans la façon de penser du prince de Kaunitz, de sorte qu'à présent vous pouvez compter que les négociations de paix iront tout de suite, et que l'Autriche même sera obligée de coopérer à la pacification de la Pologne, si nous l'exigeons.

№ 598.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 8 Mars. à St. Pétersbourg, le 10 (21) Février 1772.

Contenu: Dépêches communiquées au comte Panin, ses raisonnements sur le changement subit arrivé dans la façon de penser de la cour de Vienne; il va lui communiquer le contenu de la convention conclue.

J'ose espérer que les chasseurs Enig et Sternsdorff, que j'ai expédiés d'ici avant hier seront arrivés sans accident auprès de V. M. et lui auront remis la convention signée avec les autres dépêches importantes dont ils étaient chargés. J'ai eu l'honneur de recevoir hier Ses ordres immédiats du 5 et du 6 de ce mois avec le rapport du sieur de Zegelin de Constantinople du 3 de Janvier dernier.

того, что уже высказано мною черезъ послѣдняго курьера, предполагая, что при пріѣздѣ его трактатъ уже могъ быть подписанъ. Словомъ, во всемъ остальномъ полагаюсь на приказанія, уже данныя мною вамъ. Изъ нихъ вы между прочимъ узнали о необычайной перемѣнѣ, происшедшей въ образѣ мыслей князя Кауница, вслѣдствіе которой Вы теперь можете ожидать, что мирные переговоры тотчасъ же подвинутся, и даже Австрія вынуждена будетъ содѣйствовать заключенію мира съ Польшей, если мы того потребуемъ.

Отъ графа Сольмса къ Королю.

(Представлено 8-го марта). С.-Петербургъ, 10-го (21-го) февраля 1772 г.

№ 598. (Содержаніе: депеши сообщенныя графу Панину, его разсужденія по поводу внезапной перемѣны въ образѣ мыслей вѣнскаго двора — онъ намѣревается передать ему содержаніе заключенной конвенціи).

Смѣю надѣяться, что фельдъегеря Энигъ и Штернсдорфъ, отправленные мною отсюда третьяго дня, прибыли безпрепятственно и вручили Вашему Величеству подписанную конвенцію вмѣстѣ съ другими порученными имъ важными бумагами. Я имѣлъ честь получить вчера послѣднія повелѣнія Вашего Величества отъ 5-го и 6-го текущаго мѣсяца вмѣстѣ съ донесеніемъ Г. Зегелина изъ Константинополя отъ

J'ai fait voir le dernier au comte Panin qui incline volontiers à adopter le sentiment de V. M., qu'après les dernières insinuations, qu'on a faites d'ici à la Porte, les fortes représentations que V. M. lui fait faire et qui vont être appuyés par la cour de Vienne, ébranleront les Turcs, et sans faire plus les difficiles ils se prêteront à la paix. Comme la cour de Vienne a désiré que le maréchal comte de Romanzof soit averti que le Sr. Thugut s'adresserait directement à lui pour lui rendre compte du succès de la négociation, non seulement on a envoyé au maréchal les instructions dont il a besoin, mais le comte Panin à fait partir en secret le sieur Simolin pour assister de sa part aux conférences pour l'armistice et préparer sans maintes préliminaires de la paix avec le député confident d'Osman Effendi, comme cela a été proposé à ce ministre turc par le canal du Sr. Zegelin. Le comte Panin prévoit cependant qu'au commencement les Turcs seront un peu réservés, parce qu'ils entrent en défiance contre les puissances qui ont employé jusqu'ici leurs bons offices, et c'est ce qu'il m'a fait entendre par le canal de l'ambassadeur d'Angleterre, qui lui a appris, que la Porte commençait à rechercher le sieur Murray, et qu'elle s'était plainte envers celui-ci de la partialité des cours de Berlin et de Vienne. Mais malgré cela le comte Panin m'a répété l'assurance que l'Impératrice s'en tiendrait à ces deux cours et qu'elle aurait désiré préférablement de n'avoir eu besoin d'autre médiation, que de celle de V. M.

3-го января. Я показывалъ послѣдній документъ графу Панину, который охотно раздѣляетъ мнѣніе Вашего Величества, что послѣ послѣднихъ внушеній, сдѣланныхъ отсюда Портѣ, убѣдительныя представленія отъ имени Вашего Величества, подкрѣпленныя вѣнскимъ дворомъ, поколеблятъ турокъ, и не воздвигая болѣе дальнѣйшихъ затрудненій, они согласятся на миръ. Вслѣдствіе желанія вѣнскаго двора, чтобы фельдмаршалъ графъ Румянцовъ былъ предупрежденъ о томъ, что г. Тугутъ обратится непосредственно къ нему для сообщенія ему результата переговоровъ, фельдмаршалу не только высланы нужныя ему инструкціи, но кромѣ того графъ Панинъ тайнымъ образомъ отправилъ г. Симолина, чтобы присутствовать при переговорахъ о перемиріи, и безъ дальнѣйшихъ проволочекъ договориться о мирѣ съ довѣреннымъ депутатомъ Османа-Эффенди, какъ о томъ было предложено этому турецкому министру черезъ посредство г. Зегелина. Однако, графъ Панинъ предвидитъ, что сначала турки будутъ неподатливы по возникшему въ нихъ недовѣрію къ державамъ посредницамъ, и онъ мнѣ передавалъ объ этомъ черезъ англійскаго посланника, сообщившаго ему, что Порта начинаетъ заискивать въ г. Муррей и жалуется ему на пристрастіе дворовъ берлинскаго и вѣнскаго. Не смотря на это, графъ Панинъ вновь увѣрилъ меня, что Императрица будетъ держаться этихъ двухъ дворовъ и что она предпочла бы обойтись безъ всякаго посредничества кромѣ Вашего Величества. Я сообщилъ также графу Панину частную депешу Вашего Величества, и онъ остался

J'ai communiqué encore au comte Panin la dépêche particulière de V. M.; il a applaudi aux réponses qu'elle a faites aux propositions extraordinaires et peu étendues du sieur de Swieten et il m'a prié de lui en donner un extrait pour le faire voir à l'Impératrice.

D'ailleurs, il est persuadé que c'est à la convention de l'étroite union entre V. M. et la Russie qu'il faut attribuer cette révolution totale dans la façon de penser du conseil de Vienne, qui a été si subite qu'on serait tenté de soupçonner qu'elle n'est pas sincère; mais comme elle l'était pourtant, il fallait la regarder comme une preuve de la faiblesse plutôt que comme une marque de sa bonne volonté et dont il fallait tâcher de tirer parti. Et comme il croyait qu'il était au dessous d'une grande puissance de cacher ses sentiments et d'employer des finesses dans le goût de celles du prince Kaunitz, il était d'avis de confondre cette cour par des procédés honnêtes et de bonne foi, que pour cette fin il allait communiquer à cette cour le contenu de notre convention sous le titre de plan arrêté entre V. M. et l'Impératrice de Russie, qu'il dépendrait d'elle de régler là-dessus ses demandes; que si la cour de Vienne se bornait à faire des acquisitions en Pologne, rien n'était plus aisé, parce qu'il ne s'agissait pour ce pays-là que d'assigner le lot, qui reviendrait à chacun, mais que si elle portait ses vues sur les provinces turques il ne faudrait pas, à la vérité, l'empêcher de se satisfaire, mais qu'il lui semblait, qu'il fallait laisser à la cour de Vienne l'hon-

---

чрезвычайно доволенъ отвѣтами Вашего Величества на особенныя предложенія г. Свитена и просилъ меня дать ему изъ нихъ выписку для предъявленія Императрицѣ.

Впрочемъ, онъ увѣренъ, что одно только убѣжденіе въ тѣсномъ союзѣ Вашего Величества съ Россіей вызвало столь полную перемѣну въ образѣ мыслей вѣнскаго двора, перемѣну, происшедшую до того внезапно, что можно бы усомниться въ ея искренности, но такъ какъ она дѣйствительно искренна, ее слѣдутъ разсматривать какъ доказательство слабости, а отнюдь не проявленіе доброй воли, и надо постараться воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Скрывать свои чувства и прибѣгать къ хитростямъ, во вкусѣ князя Кауница, по мнѣнію его, Свитена, недостойно могущественной державы, а потому онъ полагаетъ, что слѣдуетъ побѣдить этотъ дворъ прямыми и искренними дѣйствіями, и съ этой цѣлью онъ намѣревается сообщить этому двору содержаніе нашей конвенціи въ формѣ плана, рѣшеннаго между Вашимъ Величествомъ и русской Императрицей, и съ которымъ отъ него будетъ зависѣть соображать свои требованія. Далѣе онъ высказалъ, что если вѣнскій дворъ ограничится пріобрѣтеніями въ Польшѣ, то это удобнѣе всего, такъ какъ этой державѣ оставалось бы только опредѣлить долю каждаго государства, но если Австрія обратитъ свои виды на турецкія провинціи, то въ сущности не слѣдуетъ ей въ томъ препятствовать, и по мнѣнію его слѣдуетъ предоставить вѣнскому двору честь обра-

neur d'en faire elle-même la proposition aux Turcs, aussi bien que la gloire de les acquérir seule; que ce n'était pas à V. M. et à l'Impératrice à s'en mêler, que tout l'odieux de cette proposition devait tomber sur la maison d'Autriche, que par là elle perdrait son crédit auprès de la Porte, au lieu que les deux cours en gagneraient beaucoup, lorsqu'elle comparerait leur conduite envers elle avec celle de la cour de Vienne. Je suis etc.

№ 599.

Le roi au comte de Solms.

à Potsdam, le 11 de Mars 1772.

J'ai oublié dans mes ordres précédents, de vous faire une observation essentielle sur la négociation qui va s'entamer entre la Russie et l'Autriche, au sujet de la portion qui doit revenir à cette dernière de la Pologne; j'y supplée par la présente et peut-être se sera-t-elle dejà présentée d'elle-même à votre esprit. Il s'agit de l'égalité parfaite, qu'il conviendra de mettre entre nos portions réciproques. Elle m'importe trop pour n'y pas donner toute mon attention. Vous aurez donc grand soin d'en faire remarquer au comte Panin la justice et la nécessité, afin que, comme selon toute apparence, vous n'interviendrez guère dans cette négociation particulière, ce ministre n'oublie pas d'y prêter une attention scrupuleuse vis-à-vis d'une cour, qui de

---

титься самому къ туркамъ съ подобнымъ предложеніемъ, а также и славу этого пріобрѣтенія, но ни Вашему Величеству ни Императрицѣ не должно въ это вмѣшиваться, дабы вся гнусность этого предложенія пала на австрійскій домъ, черезъ что онъ утратитъ свое вліяніе на Порту, а оба двора весьма выиграютъ изъ того сравненія, которое Порта сдѣлаетъ между ихъ дѣйствіями и дѣйствіями вѣнскаго двора.

Остаюсь и проч.

Король къ графу Сольмсу.

Потсдамъ, 11-го марта 1772 г.

№ 599. Въ послѣднихъ моихъ приказаніяхъ я позабылъ высказать вамъ существенныя замѣчанія относительно переговоровъ, открывающихся между Россіей и Австріей по поводу доли послѣдней изъ нихъ при раздѣлѣ Польши; пополняю этотъ пробѣлъ настоящимъ письмомъ, и быть можетъ что мысль, которую я выскажу, уже пришла вамъ на умъ. Я разумѣю совершенное равенство, которое надо будетъ соблюсти при опредѣленіи обоюдныхъ нашихъ частей. Этотъ вопросъ для меня слишкомъ важенъ, чтобы не обратить на него полнѣйшаго вниманія. И такъ, вы особенно постараетесь поставить на видъ графу Панину справедливость и необходимость этой мѣры; такъ какъ по всей вѣроятности вы не будете участвовать въ частныхъ переговорахъ, то надо, чтобы этотъ министръ не позабылъ отнестись съ тщательнымъ

tout temps a cherché à gagner sur les autres dans de pareils partages à faire.

№ 600.

Le roi au comte de Solms.

à Potsdam, le 15 de Mars 1772.

Combinez mes ordres du 1 de ce mois avec votre dépêche du 28 de février dernier et vous verrez que j'ai regardé alors également comme possible, que l'accession de la cour de Vienne à notre plan d'acquisitions en Pologne pourrait nous mener avec le temps à une triple alliance avec cette cour. Mais il s'en faut beaucoup, que je sois encore dans les mêmes idées à l'heure qu'il est. Bien au contraire, après mes lettres de France, que je vous ai communiquées à la suite de mes ordres du 9 de ce mois, j'ai grand lieu d'en douter. En effet, après que selon ces lettres le prince Kaunitz a porté la France à lui refuser d'entrer dans les affaires de Pologne et de prendre part à la guerre par le secours stipulé, il se servira de ce refus comme d'un prétexte plausible pour justifier vis-à-vis de cette cour l'accord où il est entré avec nous relativement aux acquisitions susmentionnées. Il lui alléguera pour cet effet qu'au défaut de son secours il n'avait pu prendre un autre parti pour soutenir l'équilibre vis-à-vis de nous, et il tâchera par là de l'apaiser et d'éviter toute brouillerie ultérieure avec elle. Mais par

---

вниманіемъ къ дѣйствіямъ двора, всегда старавшагося въ подобныхъ раздѣлахъ пріобрѣтать преимущество надъ прочими.

Король къ графу Сольмсу.

Потсдамъ, 15-го марта 1772 г.

№ 600. Сопоставивъ мои приказанія отъ перваго числа сего мѣсяца съ депешей вашей отъ 28-го минувшаго февраля, вы убѣдитесь, что я уже тогда признавалъ возможнымъ, что вмѣшательство вѣнскаго двора въ нашъ планъ пріобрѣтеній въ Польшѣ со временемъ доведетъ насъ до тройственнаго союза съ этимъ дворомъ. Въ настоящее же время я далекъ отъ подобнаго мнѣнія; напротивъ, судя по письмамъ изъ Франціи, сообщеннымъ мною вамъ при предписаніяхъ отъ 9-го сего мѣсяца, я имѣю полное основаніе въ этомъ сомнѣваться. Дѣйствительно, судя по этимъ письмамъ, съ той минуты какъ князь Кауницъ вынудилъ Францію отказаться отъ вмѣшательства въ польскія дѣла и отъ участія въ войнѣ посредствомъ предлагаемаго пособія, онъ воспользуется этимъ отказомъ, какъ достаточнымъ предлогомъ для оправданія въ глазахъ этого двора соглашенія съ нами относительно вышеупомянутыхъ пріобрѣтеній. Въ этихъ видахъ онъ докажетъ ему, что по неимѣнію отъ него помощи ему не оставалось иного средства для поддержанія равновѣсія относительно насъ, и такимъ образомъ постарается успокоить эту державу и на будущее время

la même raison il se bornera aussi à la seule garantie de nos acquisitions mutuelles, sans aller plus loin. Quoiqu'il en soit, cependant et si vous remarquez que cette idée d'une union intime avec la cour de Vienne fait plaisir au comte Panin, ne vous appliquez point à l'en désabuser entièrement. Laissez la lui plutôt. Si jamais une telle union peut avoir lieu, elle ne me sera sûrement pas contraire. Elle deviendrait assurément, ainsi qu'il l'a observé très-bien, fort respectable pour tout le reste de l'Europe et le boulevard le plus assuré de la tranquillité générale. Mais après tout, l'expérience lui fera voir, que mon prognostic est très fondé, et que jamais il ne pourra porter le prince Kaunitz dans ses liaisons avec nous au delà des bornes, que je viens d'indiquer.

№ 601.

Le roi au comte de Solms.

à Potsdam, le 25 de Mars 1772.

Votre dépêche du 10 de ce mois avec un P. S. de la même date me sont bien parvenus, et le comte Panin a bien raison de regarder, selon le dernier, le rapport que le prince Kaunitz a fait de ma conversation avec le baron de Swieten comme tronqué. Il l'est effectivement en beaucoup d'endroits et apparemment, que le prince Kaunitz n'a pas voulu ajouter l'article de la prise de possession du Zips et d'autres starosties, pour ne pas paraître

---

избѣжать съ ней столкновеній. Но вслѣдствіе тѣхъ же причинъ онъ ограничится одной гарантіей нашихъ взаимныхъ пріобрѣтеній, не заходя далѣе. Какъ бы то ни было, но, если вы замѣтите, что мысль о болѣе тѣсномъ союзѣ съ вѣнскимъ дворомъ пріятнѣе графу Панину, не старайтесь его въ томъ разубѣждать, оставьте его въ этихъ мысляхъ. Если бы подобный союзъ состоялся когда бы то ни было, онъ, конечно, не былъ бы мнѣ противенъ. Союзъ этотъ явился бы, какъ онъ справедливо замѣтилъ, весьма внушительнымъ для остальной Европы и послужилъ бы вѣрнѣйшимъ оплотомъ общаго спокойствія. Впрочемъ, опытъ докажетъ ему, что мои предсказанія весьма основательны и что никогда не удастся ему довести князя Кауница въ сношеніяхъ съ нами далѣе границъ, мною указанныхъ.

Король къ графу Сольмсу.

Потсдамъ, 25-го марта 1772 г.

№ 601. Депеша Ваша отъ 10-го числа текущаго мѣсяца съ припискою къ ней того же числа получена мною своевременно, и, какъ значится въ послѣдней, графъ Панинъ совершенно правъ, предполагая, что отчетъ князя Кауница о моемъ разговорѣ съ барономъ Свитеномъ невѣренъ. Дѣйствительно, онъ неточенъ въ многихъ пунктахъ и, вѣроятно, князь Кауницъ не захотѣлъ прибавить статьи о захватѣ владѣній Ципса и другихъ староствъ, чтобы не быть обвиненнымъ въ возбужденіи послѣдствій

donner lieu aux conséquences que cette affaire a eu. Il est certain que ce ministre est très-dangereux. Il a trompé la France, son allié. Il veut tromper les Turcs. Je suis sûr, que s'il le pouvait il ne demanderait pas mieux que de me brouiller avec les Russes et de tromper l'Impératrice également, mais il n'oserait, car cela ne pourrait se faire impunément et il pourrait lui en mal prendre. Enfin il faudra voir, comme il se démasquera, quand il s'agira de régler la portion de la cour de Vienne, et je suis persuadé, qu'il y aura bien de tergiversations avant que d'en venir là, mais ce qu'il faut observer sérieusement, c'est que lorsque la cour de Russie lui a offert la Valachie et la Moldavie, il l'a refusé, et qu'à présent il ne sera pas fâché d'en avoir sa part. Tout ce que je dois ajouter à ces réflexions est de prier le comte Panin, de prendre bien garde, que la portion que le prince Kaunitz se propose de prendre, ne soit plus grande que celle des Russes et la nôtre ensemble, car l'appétit lui est venu, et autant dégouté qu'il paraissait l'année passée autant affamé me paraît-il à présent...

№ 602.

Le roi au comte de Solms.

à Potsdam, le 29 de Mars 1772.

Votre dépêche du 15 de ce mois vient de m'être fidèlement rendue, et je vous avoue naturellement, que j'observe de jour en jour plus de ruse et

---

этого дѣла, несомнѣнно, что министръ этотъ весьма опасенъ. Онъ обманулъ Францію, свою союзницу. Онъ хочетъ обмануть турокъ. Я увѣренъ, что если бы онъ только могъ, то съ радостью поссорилъ бы меня съ русскими и съ Императрицей, но не смѣетъ этого сдѣлать, ибо такой поступокъ не остался бы безнаказаннымъ и онъ могъ бы за него поплатиться. Словомъ, остается выждать, какъ онъ выскажется, когда зайдетъ рѣчь объ опредѣленіи доли вѣнскаго двора, и я убѣжденъ, что прежде чѣмъ дойти до рѣшенія, много еще будетъ перемѣнъ, но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что когда русскій дворъ предлагалъ ему Валахію и Молдавію, онъ отказался отъ нихъ, а теперь непрочь получить изъ нихъ свою долю. Въ дополненіе къ высказаннымъ мною разсужденіямъ, мнѣ остается только просить графа Панина остерегаться, чтобы доля, которую князь Кауницъ намѣревается захватить, не превзошла размѣромъ нашу и русскую взятыя вмѣстѣ, потому что алчность его увеличилась, и насколько пресыщеннымъ казался онъ въ прошломъ году, настолько теперь кажется онъ алчнымъ...

Король графу Сольмсу.

Потсдамъ, 29-го марта 1772 г.

№ 602. Депеша Ваша отъ 15-го числа текущаго мѣсяца только что вручена мнѣ въ цѣлости, и, признаюсь, я замѣчаю съ каждымъ днемъ болѣе хитрости и обмана въ

de duplicité dans la conduite du prince Kaunitz. Le délai, qu'il apporte à nous nommer les provinces de la Pologne que sa cour désire de faire entrer dans sa portion, cache sûrement quelque dessein secret, et aussi longtemps qu'il reste clos et boutonné sur cet article, il sera très difficile de le pénétrer. Supposé cependant qu'il porte effectivement, ainsi qu'on a lieu de le soupçonner, ses vues sur un agrandissement du côté de la Hongrie, au lieu de le prendre en Pologne. Je suis bien aise de vous prévenir que la Valachie et la Moldavie ne sont rien moins que des provinces aussi médiocres qu'on pourrait se l'imaginer peut-être. Bien au contraire, elles mettraient une puissance chrétienne, qui y établirait le bon ordre, très-bien en état d'entretenir un corps de 40 m. hommes, et vous sentirez bien qu'en ce cas là, il n'y aurait absolument aucune proportion entre nos acquisitions réciproques, de sorte, que c'est un article qui mérite bien qu'on y apporte une très-sérieuse attention pour n'être pas la dupe des finesses de ce ministre.

Au reste, je vous ai déjà averti par mes ordres du 18 de ce mois de la mercuriale, que le prince Kaunitz a adressé au prince Lobkowitz sur les confidences indiscrètes que ce dernier a faites au Sr. de Sabatier à Pétersbourg. La France sera bien étonnée en apprenant les duperies de son alliée, la cour de Vienne, et il n'est pas à douter qu'elle n'en prenne de l'humeur et que nous ne voyons éclater bien des bisbilles entre les deux cours à ce sujet.

дѣйствіяхъ князя Кауница. Онъ медлитъ перечисленіемъ намъ польскихъ провинцій, которыя дворъ его желаетъ включить въ свою долю, а такой образъ дѣйствій, вѣроятно, скрываетъ какой нибудь тайный планъ, и пока онъ сохранитъ молчаніе на этотъ счетъ, будетъ весьма трудно проникнуть въ его намѣренія. Допустивъ, однако, какъ есть основаніе предполагать, что онъ направилъ виды свои на увеличеніе со стороны Венгріи, вмѣсто Польши, мнѣ пріятно предупредить Васъ, что Валахія и Молдавія провинціи далеко не столь ничтожныя, какъ быть можетъ предполагаютъ. Напротивъ, всякой христіанской державѣ, которая ввела бы въ нихъ порядокъ, провинціи эти дали бы возможность содержать сорока тысячный корпусъ, и Вы легко поймете, что въ такомъ случаѣ не было бы ни малѣйшаго равенства между нашими взаимными пріобрѣтеніями, и потому слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на этотъ вопросъ, дабы не сдѣлаться жертвами обмана со стороны этого министра. Впрочемъ, я уже увѣдомлялъ Васъ предписаніями моими отъ 18-го числа о выговорѣ князя Кауница князю Лобковичу, по поводу неосторожной откровенности этого послѣдняго съ г. Сабатіе въ Петербургѣ. Франція весьма удивится, узнавъ о хитростяхъ своего союзника, вѣнскаго двора, и, несомнѣнно, что она будетъ этимъ недовольна, и мы увидимъ по этому поводу не мало столкновеній между обоими дворами.

№ 603.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 13 Mars. à St. Pétersbourg, le 14 (25) Février 1772.

Monsieur le comte de Panin ayant expédié il y a trois jours un courrier de Vienne pour porter au prince de Gallitzin les instructions sur la manière de répondre aux propositions de L. L. M. M. I. I. et R. R. touchant leur demande pour être admises au partage de Pologne, il me les a remises pour les faire parvenir sans délais à V. M., afin de ne lui laisser rien ignorer des démarches de sa cour relativement à cet objet de l'intérêt commun des deux États et d'effectuer par cette cordialité que les cours de Berlin et de Pétersbourg soient toujours en état de parler uniformément et du même ton à celle de Vienne, lorsqu'il sera question de s'expliquer vis-à-vis d'elle sur cette matière, en quoi ce ministre convient ne faire autre chose que de suivre l'exemple généreux et amiable de V. M. qui en tout temps et surtout encore en dernier lieu a bien voulu communiquer de la manière la plus étendue et la plus confidentielle les propositions que le baron van Swieten a été chargé de lui exposer. Comme il a désiré que pour plus de sûreté et de promptitude je fisse partir ces pièces par un courrier exprès, j'en ai chargé le chasseur Bartenfelder pour vous présenter, Sire, à la suite de ce rapport:

Графъ Сольмсъ къ Королю.

С.-Петербургъ, 14-го (25-го) февраля 1772 г.

№ 603. Графъ Панинъ отправилъ три дня тому назадъ изъ Вѣны къ князю Голицыну курьера съ инструкціями касательно предстоящаго отвѣта на предложенія ихъ императорскихъ и королевскихъ величествъ, по поводу ихъ требованія о включеніи ихъ въ раздѣлъ Польши. Князь Голицынъ передалъ мнѣ эти документы для немедленнаго сообщенія Вашему Величеству, дабы Вамъ былъ извѣстенъ во всей подробности ходъ переговоровъ своего двора относительно этого вопроса, обоюдно интереснаго для обоихъ государствъ, чтобы посредствомъ этой откровенности дворъ берлинскій и петербургскій могли бы всегда говорить съ дворомъ вѣнскимъ въ одномъ духѣ, когда дѣло дойдетъ до объясненія касательно этого вопроса. Поступая такимъ образомъ, министръ этотъ признается, что онъ слѣдуетъ великодушному и любезному примѣру Вашего Величества, ибо Вамъ постоянно и особенно въ послѣднемъ случаѣ угодно было сообщать самымъ подробнымъ и откровеннымъ образомъ предложенія барона фонъ Свитена. Такъ какъ графъ Панинъ желалъ, чтобы для бо́льшей вѣрности и скорости я бы отправилъ эти документы съ нарочнымъ, я поручилъ ихъ курьеру Бартенфельдеру для представленія Вашему Величеству вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ.

1. La Copie de la lettre du comte de Panin au prince de Gallitzin à Vienne. 2. Le plan d'un concert arrêté entre Sa Maj. Impériale de toutes les Russies et Sa Maj. le roi de Prusse, conséquemment à la situation des affaires de Pologne, dans la forme qu'il doit être communiqué à la cour de Vienne.

Je dois rendre compte à cette heure à V. M. de quelques observations que j'ai cru devoir faire au sujet de ces deux pièces au comte de Panin et des réponses qu'il m'a données pour résoudre mes doutes.

Je me suis arrêté d'abord à la promesse, qu'il met dans la bouche du prince de Gallitzin pour assurer le prince de Kaunitz que dans l'ouverture que ce prince avait faite relativement à la Turquie, la cour de Russie était intentionnée de *concourir efficacement* aux avantages de la cour de Vienne. J'ai regardé cela comme un engagement de vouloir aider cette dernière à faire des conquêtes sur la Porte, et je lui ai dit, que cela me paraissait contraire aux intentions de la Russie, telles, qu'il me les avait fait connaître auparavant et que j'en avais informé V. M. Ce ministre m'a fait comprendre par sa réponse qu'il n'attachait aucunement une telle énergie obligatoire à ce mot; qu'il avait été intentionné seulement de faire connaître par là le consentement le plus étendu de sa cour aux vues de l'Autriche sur les provinces turques, sans la charger d'une part active à son exécution. Que ce qu'il disait dans cette lettre au prince de Gallitzin, ne pouvait être re-

---

1) Копія съ письма графа Панина князю Голицыну въ Вѣну. 2) Проэктъ соглашенія, условленнаго между Ея Императорскимъ Величествомъ Императрицей Всероссійской и его величествомъ королемъ прусскимъ, по отношенію къ польскимъ дѣламъ, и въ той формѣ, какъ предполагается сообщить его вѣнскому двору.

При семъ считаю нужнымъ сообщить Вашему Величеству нѣсколько замѣчаній, высказанныхъ мною графу Панину по поводу этихъ документовъ, а также и отвѣты его въ разъясненіе моихъ сомнѣній. Прежде всего я остановился на его порученіи князю Голицыну увѣрить князя Кауница, что по поводу предложенія, сдѣланнаго имъ касательно Турціи, Россія намѣревается дѣятельно содѣйствовать выгодамъ вѣнскаго двора. Я понялъ это въ смыслѣ обязательства помогать этой державѣ въ завоеваніяхъ отъ Порты, что̀ по моему мнѣнію противорѣчитъ намѣреніямъ Россіи въ томъ видѣ какъ онъ мнѣ до сего времени излагалъ ихъ и какъ мною было о томъ сообщено Вашему Величеству. Министръ возразилъ мнѣ, что далеко не придаетъ своимъ словамъ столь обязательнаго значенія и что въ данномъ случаѣ намѣреніе его ограничивалось лишь заявленіемъ полнаго согласія его двора на виды Австріи относительно турецкихъ провинцій, при чемъ онъ отъ имени своего правительства отнюдь не принималъ на себя обязательства дѣятельно участвовать въ выполненіи таковыхъ видовъ. Далѣе онъ объяснилъ, что все высказанное имъ въ письмѣ къ князю Голицыну должно быть разсматриваемо лишь какъ частный отвѣтъ на част-

gardé que comme sa réponse particulière aux propositions particulières du prince de Kaunitz à laquelle les cours n'avaient aucune part formelle, et où par conséquent les mots et les expressions ne se pesaient pas et n'emportaient encore avec eux aucune obligation comme dans un acte de cour en cour.

Je lui ai demandé ensuite s'il avait eu quelque raison, pourquoi il n'avait pas jugé à propos d'avouer au prince Kaunitz que V. M. avait fait connaître à la cour de Russie ses sentiments au sujet de la proposition de celle de Vienne? Il m'a dit sur cela que sa lettre au prince de Gallitzin avait été faite avant que je ne lui eusse communiqué le contenu des ordres de V. M. du 5 de ce mois, et quoiqu'il aurait eu encore le temps de changer et d'annoncer le consentement de V. M. pour l'accession de l'Autriche au plan de partage, il avait préféré cependant de n'en rien dire parce que de la manière dont le prince Kaunitz avait énoncé ici par l'exposé de son entrevue avec le prince de Gallitzin la manière dont sa cour se proposait de vous requérir, Sire, à lui confier amiablement Vos vues sur la Pologne et celles dont elle s'y était prise en effet, mais qu'on ne savait que par la communication confidentielle de V. M., dont on ne voulait ni devait faire usage, étaient si différentes qu'on ne savait quel jugement porter sur cette diversité, qui considérée du meilleur côté marquait toujours une finesse de la part du ministre autrichien qui tendait, comme on disait, à vouloir tirer les vers du nez aux gens; de sorte que pour ne pas se compromettre et pour ne point se contredire il avait estimé qu'il serait mieux d'attendre ce que

---

ныя предложенія князя Кауница, къ которымъ дворы не имѣютъ прямаго отношенія, и, слѣдовательно, въ такого рода отвѣтахъ слова не взвѣшиваются съ той точностью и не имѣютъ той обязательной силы какъ выраженія документа оффиціальнаго. Вслѣдъ затѣмъ я спросилъ его, руководствовался ли онъ какимъ либо особымъ соображеніемъ, умалчивая о томъ, что Ваше Величество сообщили русскому двору Ваши мысли по поводу предложеній двора вѣнскаго. На это онъ отвѣтилъ, что письмо его къ князю Голицыну было уже написано ранѣе чѣмъ я сообщилъ ему содержаніе приказаній Вашего Величества отъ 5-го сего мѣсяца и, хотя бы онъ успѣлъ измѣнить его и сообщить о согласіи Вашего Величества на участіе Австріи въ проектѣ раздѣла, тѣмъ не менѣе онъ предпочелъ умолчать объ этомъ, ибо выраженія, употребленныя княземъ Кауницемъ при передачѣ о своемъ свиданіи съ княземъ Голицынымъ, и о томъ въ какомъ смыслѣ дворъ его намѣревается испросить Вашего откровеннаго мнѣнія насчетъ Польши, настолько различны отъ мѣръ, уже принятыхъ имъ и о коихъ было извѣстно лишь изъ конфиденціальнаго сообщенія Вашего Величества, которымъ не хотѣли и не могли воспользоваться, что различіе это являлось совершенно непонятнымъ и, даже будучи разсматриваемо съ наилучшей стороны, доказывало хитрость австрійскаго министра съ цѣлью выпытать наши мысли, а потому

le prince de Kaunitz lui ferait savoir du résultat de l'audience du baron de Swieten, pour voir s'il tenait le même langage vis-à-vis de nos deux cours, pour juger de là de ses intentions. Comme d'ailleurs on serait informé à Vienne des sentiments de V. M. directement par le rapport du dit van Swieten, le prince de Kaunitz pourrait là-dessus compasser sa conduite et former le tableau des prétentions de sa cour en conséquence.

J'ai désiré enfin de savoir la véritable raison pourquoi le comte de Panin a communiqué le traité fait entre V. M. et la Russie sous la forme d'un plan arrêté en changeant l'ordre des articles et en lui ôtant tout ce qui le constitue traité effectif. Il a cru devoir agir ainsi par prudence et ne pas déclarer déjà à la cour de Vienne la date de l'accomplissement de ce concert, parce qu'on ne sait pas positivement encore l'usage qu'elle est intentionnée de faire de la connaissance de nos projets. Si c'était peut-être dans l'intention pour sonner l'alarme là-dessus auprès des autres cours de l'Europe, elle ne pourrait prouver son assertion que par la production d'un plan seulement, sur lequel elle n'aurait point d'assurance qu'il ait été accompli, et avec cela on ne se serait point avancé trop vis-à-vis d'elle, mais si elle agissait de bonne foi et qu'elle entrât sincèrement dans nos vues, tant au sujet de la paix avec la Porte que des affaires de Pologne, on pourrait lui communiquer alors le traité in extenso, qui lui ferait voir qu'on avait agi

---

чтобы не впасть въ противорѣчіе, онъ рѣшился выждать что̀ князь Кауницъ сообщитъ ему о результатѣ аудіенціи барона Свитена, желая удостовѣриться говоритъ ли онъ въ одинаковомъ смыслѣ съ обоими дворами, и поэтому судить о его намѣреніяхъ, а какъ кромѣ того въ Вѣнѣ будутъ извѣщены о намѣреніяхъ Вашего Величества непосредственно донесеніемъ фанъ Свитена, то князь Кауницъ можетъ сообразить съ этимъ свои дѣйствія и составить по сему перечень притязаній своего двора.

Въ заключеніе я освѣдомился о настоящей причинѣ почему графъ Панинъ сообщилъ трактатъ, заключенный между Вашимъ Величествомъ и Россіей въ формѣ окончательнаго плана, измѣнивъ порядокъ статей и отнявъ все то, что дѣлаетъ его дѣйствительнымъ трактатомъ. Поступилъ онъ такимъ образомъ въ видахъ осторожности, не объявляя вѣнскому двору о точномъ времени заключенія этого соглашенія, ибо еще неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ воспользуется онъ нашими проектами. Если цѣль его заключается въ томъ, чтобы возбудить опасенія прочихъ европейскихъ державъ, то въ такомъ случаѣ въ подтвержденіе его заявленія у него будетъ одинъ только планъ, въ выполненіи котораго онъ не будетъ имѣть никакихъ доказательствъ, и Россія относительно его не была бы ничѣмъ связана; если же напротивъ того Австрія поступила бы откровенно и искренно приняла бы участіе въ нашихъ видахъ, какъ относительно мира съ Турціей, такъ и по вопросу о польскихъ дѣлахъ, тогда можно бы было сообщить ей трактатъ во всѣхъ подробностяхъ, при чемъ держава

de bonne foi avec elle, qu'on ne lui avait point caché ce qu'on avait été en état de lui dire, et que nos mesures avaient été concertées avant qu'on eut su, qu'elle avait voulu y prendre part. Ce serait alors aussi sur le modèle de notre convention qu'il croyait, qu'on pourrait dresser un nouveau traité de partage pour les trois cours réunies, dans lequel on conviendrait de la part d'une chacune et d'une garantie réciproque pour les nouvelles acquisitions, aussi bien que pour les anciennes possessions.

Enfin ce ministre m'a dit encore, que quoiqu'on était déjà convenu de ne procéder à la prise de possession effective qu'au mois de Juin, il osait cependant, Sire, vous prier très-humblement, de ne point faire de démarche certaine avant ce temps qui pût donner aux Polonais lieu de soupçonner quelque chose sur nos projets d'acquisition. Car quoiqu'il ne serait plus nécessaire de faire à la cour de Vienne la déclaration dont on était convenu dans l'article second de la convention, il faudrait cependant annoncer nos intentions à la Pologne par une espèce de manifeste qui ferait connaître à la nation Polonaise les motifs de nos cours dans cette démarche; qu'il croyait qu'il faudrait les prendre dans des raisons uniquement relatives aux troubles de la Pologne et s'entendre pour le publier en même temps. Il s'est offert d'ébaucher un tel manifeste comme il croit qu'il pourrait convenir pour V. M. et la Russie, et dont la cour de Vienne même pourrait se servir, et de l'envoyer à l'approbation de V. M. Je ne doute pas que l'inten-

---

эта убѣдилась бы, что съ ней поступали честнымъ образомъ, что отъ нее не скрыли того, что только могли сообщить, и что мѣры принятыя нами были рѣшены прежде, чѣмъ стало извѣстно, что она желаетъ въ нихъ участвовать. Въ такомъ случаѣ онъ полагалъ, что по образцу нашей конвенціи можно будетъ составить новый трактатъ раздѣла для всѣхъ трехъ соединенныхъ державъ, въ которомъ опредѣлялась бы доля каждаго государства и обоюдныя гарантіи новыхъ пріобрѣтеній, а также и прежнихъ владѣній.

Въ заключеніе этотъ министръ сказалъ мнѣ, что, хотя условлено приступить къ дѣйствительному владѣнію лишь въ іюнѣ, однако, онъ осмѣливается всепокорнѣйше просить Ваше Величество до тѣхъ поръ не принимать никакихъ мѣръ могущихъ возбудить подозрѣнія поляковъ относительно нашихъ плановъ пріобрѣтенія, ибо хотя не предстояло бы болѣе необходимости въ условленной по второму пункту конвенціи декларацію вѣнскому двору, тѣмъ не менѣе слѣдовало бы объявить о нашихъ намѣреніяхъ Польшѣ въ формѣ манифеста, въ коемъ излагались бы причины, побудившія наши дворы къ подобной мѣрѣ; по мнѣнію его мѣры эти слѣдовало объяснить исключительно безпорядками, происходящими въ Польшѣ, и условиться объ одновременномъ объясненіи подобнаго манифеста. Онъ предложилъ составить такого рода манифестъ въ смыслѣ подходящемъ для Вашего Величества и Россіи, которымъ вѣнскій дворъ могъ бы также воспользоваться и выслать его на разсмотрѣніе Вашего Величества.

tion du comte de Panin ne soit parfaitement bonne, et que son manifeste ne pourra peut-être être agréé par V. M., mais comme les choses ne se font pas trop vite ici, j'ose vous remettre, Sire, si vous ne jugerez peut-être à propos de faire fournir Vous même à ce ministre des matériaux pour une telle déclaration. Du moins cela lui ferait connaître si ses idées s'approchent de celles de V. M. et le porterait à achever d'autant plutôt l'ouvrage, afin qu'il puisse être prêt vers le temps où l'on procédera à la prise de possession.

Pièce I, ad № 603.

Copie de la lettre de S. E. Mr. le comte de Panin à S. E. Mr. le prince de Gallitzin à Vienne.

Monsieur, après avoir reçu la dépêche que V. E. m'a faite en date du 18 (29) Janvier, le prince Lobkowitz nous a remis ministériellement la réponse de L. L. M. M. I. I. et R. R. à la réponse personnelle de l'Impératrice. J'ai ordre de vous charger, monsieur, de témoigner de la façon la plus expresse au prince de Kaunitz, en le priant d'en rendre compte à Leurs Majestés, avec combien de satisfaction S. M. Impériale a reçu une résolution si conforme à ses désirs sur les objets importants en ouverture entre

---

Не сомнѣваюсь, что намѣреніе графа Панина вполнѣ хорошо и быть можетъ манифестъ его заслужитъ одобреніе Вашего Величества, но такъ какъ здѣсь дѣла идутъ не особенно быстро, смѣю предложить Вашему Величеству, не признаете ли Вы полезнымъ сами снабдить этого министра матеріалами для подобнаго манифеста. По крайней мѣрѣ такимъ образомъ онъ узнаетъ, совпадаютъ ли его мнѣнія съ мыслями Вашего Величества, и это побудитъ его поспѣшить окончаніемъ этого дѣла, дабы оно было готово ко времени вступленія во владѣніе.

Остаюсь и пр.

Приложеніе I, къ № 603.

Копія съ письма графа Панина къ князю Голицыну въ Вѣну.

Милостивый Государь.

Послѣ полученія мною депеши Вашего Сіятельства отъ $^{18}/_{29}$ января, князь Лобковичъ оффиціально передалъ намъ отвѣтъ Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ на личный отвѣтъ Императрицы. Мнѣ повелѣно поручить Вамъ, милостивый Государь, высказать наиположительнѣйшимъ образомъ князю Кауницу, прося его довести о томъ до свѣденія Ихъ Величествъ, что Ея Императорское Величество была весьма довольна рѣшеніемъ, столь соотвѣтствующимъ ея желаніямъ по поводу

les deux cours. Vous ne saurez employer des termes trop énergiques pour exprimer avec la haute estime que l'Impératrice porte à L. L. M. M. I. I. et R. R. ses égards invariables sur les intérêts permanents des états héréditaires de la maison d'Autriche qui établissent d'eux à Son empire des liens si naturels et si solides. Et vous pouvez assurer authentiquement que dans toute circonstance il ne saura s'offrir d'occasion de les marquer et d'agir en conséquence que Sa Maj. Imp. n'y trouve sa satisfaction la plus décidée. J'ai pareillement mis sous les yeux de l'Impératrice l'exposé de Votre conférence confidentielle, monsieur, avec le prince Kaunitz. D'après ce que je viens de Vous faire connaître des dispositions de S. M. I. il Vous sera facile de juger de son inclination à consommer des mesures si propres à vérifier ces rapports d'Etat à Etat, toujours soutenus par les sentiments personnels des souverains, et que S. M. I. a souhaité, dès le moment de son avènement au trône, de voir amenés au point heureux où il est permis aujourd'hui de les envisager par un accord solide entre les trois puissances pour le bien de l'humanité et leur intérêt réciproque. V. E. va être en état de donner la preuve la plus évidente au prince Kaunitz que tels sont nos vrais sentiments par la confiance avec laquelle j'ai ordre de Vous autoriser de communiquer à ce ministre le plan ci-joint du concert arrêté entre l'Impératrice et le roi de Prusse relativement à la Pologne. Ce ministre judicieux y apercevra

---

важныхъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ настоящую минуту обоими дворами. Вы не найдете слишкомъ сильныхъ выраженій, дабы заявить вмѣстѣ съ высокимъ уваженіемъ Императрицы къ Ихъ Императорскимъ и Королевскимъ Величествамъ о неизмѣнномъ ея вниманіи къ постояннымъ интересамъ наслѣдственныхъ владѣній австрійскаго дома, служащимъ основаніемъ столь естественныхъ и прочныхъ связей съ ея имперіей. При этомъ Вы можете положительно увѣрить, что если при какихъ либо обстоятельствахъ представится случай заявить эти чувства и дѣйствовать сообразно съ ними, Ея Императорское Величество исполнитъ это съ величайшимъ удовольствіемъ. Я отчасти предъявлялъ Императрицѣ изложеніе Вашей конфиденціальной бесѣды съ княземъ Кауницемъ; на основаніи сообщеннаго мною Вамъ о расположеніи Ея Императорскаго Величества, Вамъ будетъ легко судить о готовности ея принять мѣры, столь цѣлесообразныя для скрѣпленія между государствами отношеній, упроченныхъ личными чувствами государей, каковыя чувства Ея Императорское Величество съ самого вступленія своего на престолъ постоянно желала видѣть въ той счастливой степени развитія, въ которой нынѣ можно ихъ видѣть, вслѣдствіе прочнаго союза трехъ державъ для счастія человѣчества и для обоюдныхъ ихъ интересовъ. Что таковы въ дѣйствительности наши чувства, это Ваше Сіятельство будете имѣть возможность самымъ очевиднымъ образомъ доказать князю Кауницу посредствомъ той откровенности, съ которой мнѣ предписано уполномочить Васъ сообщить этому министру прилагаемый планъ соглашенія, условленнаго между Императрицей и королемъ прусскимъ относительно Польши. Этотъ проницательный министръ убѣдится,

que toujours nos vues ont été de tâcher d'engager sa cour à y participer, et tous les points de ce concert, que nous communiquons sans réserve, manifestent d'autant mieux la sincérité de nos désirs à cet égard, qu'ils ont été arrêtés dans un temps, où nous devions entrevoir plutôt la dislocation que l'accord de nos intérêts. Mais nous n'en avons jamais désespéré, ayant à discuter la matière avec un ministre aussi éclairé dans ses vues que constant dans ses résolutions. Je suis personnellement fâché de ne pouvoir faire plus dans le moment pour la prompte conclusion de l'ouvrage, mais l'autre partie par sa nature appartient toute entière à la cour où Vous êtes. — Je prie en conséquence Mr. le prince Kaunitz, de vouloir bien nous communiquer les demandes de sa cour, et elles seront reçues chez nous dans les dispositions les plus justes, les plus raisonnables, les plus caractérisées de bonne volonté et de conciliation sur cette proposition d'avantages réciproques, dont les trois cours font leur maxime et la base de leur conduite respective. Quand je me trouve à cet objet je ne veux point négliger de Vous répondre, monsieur, que nous entrons pleinement dans l'ouverture que le prince de Kaunitz Vous a faite relativement à la Turquie, et nous ne sommes pas moins intentionnés de concourir efficacement à ses avantages de ce côté-là que du côté de la Pologne. En un mot, le principe admis, qu'il est de l'intérêt de nos cours de s'entendre et les dispositions de nos souverains nous ouvrent la voie de la négociation. Je vous prie d'assurer personnellement le prince de Kaunitz

---

что намѣренія наши постоянно клонились къ тому, чтобы включить въ соглашеніе его дворъ, и всѣ статьи сообщаемаго нами договора съ полной откровенностью доказываютъ искренность нашихъ желаній въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что онѣ были составлены въ такое время, когда мы могли ожидать скорѣе разобщенія чѣмъ совпаденія нашихъ интересовъ. Но мы никогда въ томъ не отчаявались, такъ какъ намъ предстояло разобрать этотъ вопросъ съ министромъ столь же просвѣщеннымъ какъ и постояннымъ въ своихъ намѣреніяхъ. Я лично сожалѣю, что въ настоящую минуту ничего не могу сдѣлать для скорѣйшаго окончанія дѣла, но остальная часть его по свойству своему принадлежитъ вполнѣ двору, при которомъ Вы находитесь. Вслѣдствіе сего прошу князя Кауница потрудиться сообщить намъ желанія своего двора, и они будутъ приняты нами въ настроеніи самомъ справедливомъ, благоразумномъ и съ полнѣйшей доброй волей и готовностью къ соглашенію по поводу предложеній обоюдныхъ выгодъ, которыя для всѣхъ трехъ дворовъ служатъ правиломъ и основаніемъ ихъ взаимнаго образа дѣйствій. Коснувшись этого вопроса, не могу не отвѣтить Вамъ, милостивый государь, что мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе князя Кауница, высказанное имъ Вамъ относительно Турціи, и не менѣе его готовы содѣйствовать его интересамъ съ этой стороны, равно какъ и со стороны Польши. Словомъ, поставивъ основаніемъ, что взаимныя выгоды нашихъ дворовъ требуютъ между ними соглашенія, то въ такомъ случаѣ расположеніе нашихъ государей открываетъ намъ путь къ переговорамъ. Прошу Васъ увѣрить лично князя Кауница, что я не

que non seulement j'y apporterai de ma part tous les sentiments les plus analogues à la nature de l'objet et les plus propres à son succès, mais encore que je me ferai gloire d'une franchise et d'une ardeur qui tiennent à mon caractère personnel tel que je crois l'avoir prouvé à tous ceux, avec qui j'ai eu à traiter et que mon estime particulière pour les talents et la façon de penser du ministre, avec lequel le moment est venu d'accorder de si grands intérêts, ne fait qu'augmenter ma confiance.

C'est dans ces sentiments que je suis prêt à mettre la main à l'oeuvre. Je ne suis pas moins pénétré que le prince de Kaunitz de l'avantage d'en accélérer la conclusion. Nous avons appris par le même courrier, qui a apporté au prince Lobkowitz ses dépêches, que le roi de Prusse se trouvant indisposé, n'avait pas pu instruire son ministre ici en détail conséquemment à la communication que le prince de Kaunitz vous a dit, monsieur, avoir fait demander à ce prince. Ainsi nous ne savons pas si cette avance, que nous aurions pu gagner sur l'éloignement des lieux, sera effectué. Toutefois, ce que nous avons appris, et ce dont V. E. peut donner l'assurance, c'est la parfaite satisfaction de ce prince du concours de la cour de Vienne aux vues des deux cours, et en conséquence nous ne doutons pas que dès que sa santé l'aura permis il n'ait répondu, et dans toute l'étendue qu'on aura pu désirer. Il se peut donc que déjà à la cour où vous êtes on aura fixé ses idées sur les avantages qui peuvent lui convenir, et que même avant que cette lettre vous parvienne le courrier chargé de nous en apporter la com-

---

только отнесусь къ этому дѣлу съ чувствами наиболѣе соотвѣтствующими предмету и наиболѣе могущими способствовать его успѣху, но кромѣ того я сочту за особую для себя славу заявить откровенность и горячность, свойственныя моему личному характеру, что, я полагаю, достаточно заявлено мною всѣмъ, съ кѣмъ приходилось мнѣ вести переговоры, и что особое мое уваженіе къ талантамъ и образу мыслей министра, съ которымъ предстоитъ рѣшать столь важные вопросы, лишь усиливаетъ мое довѣріе. Таковы чувства, съ которыми я готовъ приступить къ дѣлу. Я не менѣе князя Кауница убѣжденъ въ выгодѣ поспѣшить его заключеніемъ. Мы узнали черезъ того же курьера, который привезъ князю Лобковичу его депеши, что король прусскій по нездоровью не могъ сообщить своему министру при здѣшнемъ дворѣ подробностей относительно испрашиваемыхъ у него княземъ Кауницемъ свѣденій. По этому мы не знаемъ, удастся ли достигнуть того выигрыша времени, который бы желателенъ былъ, въ виду дальности разстоянія. Впрочемъ, что мы узнали и въ чемъ Ваше Сіятельство можете вполнѣ удостовѣрить, это — что государь этотъ весьма доволенъ согласіемъ вѣнскаго двора съ видами обоихъ дворовъ, и, слѣдовательно, мы не сомнѣваемся, что какъ только здоровье ему то позволитъ, онъ отвѣтитъ съ желаемой подробностью. И такъ, быть можетъ что при дворѣ, гдѣ Вы находитесь, вопросъ объ его выгодахъ уже будетъ рѣшенъ, и прежде чѣмъ Вы получите это письмо,

munication sera expédié, mais de toute façon tout ce que je Vous ai tracé ici fait foi des sentiments dans lesquels nous la recevrons.

J'ai l'honneur d'être etc...

Pièce II, ad № 603.

Copie. Plan d'un concert arrêté entre S. M. I. de toutes les Russies et Sa Maj. le roi de Prusse conséquemment à la situation actuelle des affaires de Pologne.

S. M. I. de toutes les Russies et Sa Maj. le roi de Prusse se trouvant dans une union intime de tous les intérêts de leurs monarchies, se croient obligées de donner l'attention la plus sérieuse et la plus réfléchie aux conjonctures actuelles, tant de la confusion générale où se trouve la république de Pologne par la division des grands et la perversité des esprits de tous les citoyens que de la guerre, où par une suite des affaires de cette même république S. M. I. de toutes les Russies se trouve engagée contre la Porte Ottomane, dans laquelle Sa Maj. le roi de Prusse prend une part effective, conformément au traité d'alliance qui existe entre les deux cours.

Leurs dites Majestés considérant que de tous les moyens employés par Elles pour opérer la pacification de la Pologne aucun n'a produit son effet, qu'au contraire l'acharnement de l'esprit de parti et de faction y acquiert

---

курьеръ съ извѣщеніемъ о томъ уже выѣдетъ, но во всякомъ случаѣ изложенное мною здѣсь доказываетъ Вамъ въ какихъ чувствахъ мы примемъ это извѣстіе.

Честь имѣю и пр.

Приложеніе II, къ № 603.

Копія съ проекта соглашенія между Ея Величествомъ Императрицей Всероссійской и Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ относительно настоящаго положенія дѣлъ въ Польшѣ.

Ея Величество Императрица Всероссійская и Его Величество Король Прусскій вслѣдствіе тѣсной связи, существующей между интересами ихъ монархій, вынуждены обратить серьезнѣйшее вниманіе на настоящія обстоятельства, какъ въ виду смутъ, вызванныхъ въ польской республикѣ раздорами вельможъ и извращеннымъ состояніемъ умовъ всѣхъ гражданъ, такъ и въ виду войны съ Оттоманской Портой, въ которую Ея Величество Императрица Всероссійская вовлечена послѣдствіями дѣлъ этой же республики, при чемъ по смыслу союзныхъ трактатовъ, заключенныхъ между обоими дворами, въ войнѣ этой Его Величество Король Прусскій принимаетъ дѣятельное участіе. Такъ какъ изъ всѣхъ средствъ, употребленныхъ Ихъ Величествами для умиротворенія Польши, ни одно не имѣло дѣйствія, а напротивъ, озлобленіе духа партій ежедневно усиливается и анар-

chaque jour de nouvelles forces et que l'anarchie s'y enracine de telle sorte, qu'il est à craindre que la perpétuité des troubles et des divisions n'entraîne la décomposition totale de l'état, considérant encore que déjà par une suite de ces circonstances S. M. l'Impératrice Reine à fait entrer un corps de ses troupes en Pologne et a fait occuper quelques districts sur lesquels Elle réclame d'anciens droits. Leurs dites Majestés pesants mûrement les relations immédiates qu'une telle situation d'un état voisin a avec les intérêts propres de leurs monarchies et la sûreté de leurs frontières, Elles ont jugé nécessaire de se concerter entre Elles sur les moyens de mettre à couvert leurs titres, droits et prétensions à la charge de la république de Pologne, en réunissant à leurs états certains districts de ce royaume, se proposant d'assurer par là d'une part la conservation de leurs intérêts et de l'autre de faire une impression d'autant plus forte sur les esprits désunis des polonais et de les rapprocher des termes de la pacification de leur patrie par la considération du ressentiment effectif de leurs voisins: En conséquence de quoi il a été convenu:

1°. De se seconder mutuellement dans le dessein de se prévaloir des circonstances présentes pour revendiquer les districts de la Pologne sur lesquels L. L. M. M. I. I. et R. R. ont d'anciens droits aussi bien que de se procurer par quelques unes des possessions de la république un équivalent aux droits prétensions et demandes, qu'elles ont à sa charge.

хія укореняется тамъ до такой степени, что можно опасаться, что постоянные смуты и раздоры повлекутъ за собой полное разрушеніе государства, а съ другой стороны, въ виду этихъ обстоятельствъ, Ея Величества Императрица Королева уже ввела въ Польшу корпусъ своихъ войскъ и велѣла имъ занять нѣсколько областей, на которыя предъявляетъ старинныя права, то Ихъ Величества, зрѣло взвѣсивъ немедленныя послѣдствія подобнаго положенія сосѣдняго государства относительно интересовъ ихъ монархій и безопасности ихъ границъ, признали необходимымъ придти ко взаимному соглашенію касательно средствъ защитить со стороны польской республики свои титулы, права и притязанія, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ нѣкоторыя области этаго королевства, разсчитывая такимъ образомъ, съ одной стороны, упрочить огражденіе своихъ интересовъ, а съ другой стороны, произвести по возможности сильное впечатлѣніе на разъединенные умы поляковъ и заставить ихъ согласиться на условія умиротворенія ихъ родины, изъ опасенія послѣдствій неудовольствія сосѣдей.

Вслѣдствіе сего условлено:

1) Содѣйствовать другъ другу въ намѣреніи воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы потребовать польскія области, на которыя Ихъ Императорскія и Королевскія Величества имѣютъ старинныя права, а также пріобрѣсти посредствомъ нѣкоторыхъ владѣній республики вознагражденіе, равное претензіямъ и требованіямъ, которыя они имѣютъ предъявить республикѣ.

2°. Que dans cette vue S. M. I. de toutes les Russies se mettra en possession du reste de la Livonie polonaise de même que de la partie du palatinat de Polock, qui est en delà de la Dwina, et pareillement du palatinat de Witepsk, de sorte que la rivière de la Dwina fera la limite naturelle entre les deux états jusque près de la frontière particulière du palatinat de Witepsk d'avec celui de Polock, en suivant cette frontière jusqu'à la pointe, où les limites des trois palatinats, savoir de Polock, Witepsk et Minsk, se sont jointes; de laquelle pointe la limite sera prolongée par une ligne droite jusqu'auprès de la source de la rivière Drujec, vers l'endroit nommé Ordwa, et de là en descendant cette rivière jusqu'à son embouchure dans le Dniepr, de sorte que tout le palatinat de Mscislaw tant en deça qu'au delà du Dniepr et les deux extrémités du palatinat de Minsk au dessus et au dessous de celui de Mscislaw, en deça de la nouvelle limite et du Dniepr appartiendront à l'empire de toutes les Russies, et depuis l'embouchure de la rivière Drujec, le Dniepr fera la limite entre les deux états, en conservant toutefois à la ville de Kiow et à son district la limite qu'ils ont actuellement de l'autre côté du fleuve.

3°. Que le roi de Prusse se mettra également en possession de toute la Pomerellie, la ville de Dantzig avec son territoire exceptés, de même que du district de la Grande-Pologne en deça de la Netze, en longeant cette rivière depuis la frontière de la Nouvelle Marche jusqu'à la Vistule près de Vordon et le Solitz, de sorte que la Netze fasse la frontière des états de

---

2) Въ этихъ видахъ Ея Величество Императрица Всероссійская вступитъ вовладѣніе остальной части польской Литвы, частью Полоцкаго воеводства, расположенной по ту сторону Двины, а также частью воеводства Витебскаго, такимъ образомъ что рѣка Двина составитъ естественную границу между обоими государствами, до частной границы Витебскаго и Полоцкаго воеводствъ, слѣдуя этой границѣ до того пункта, гдѣ сходятся границы трехъ воеводствъ Полоцкаго, Витебскаго и Минскаго, откуда граница пойдетъ по прямой линіи до источниковъ рѣки Друи близь мѣста называемаго Ордва и ниже, спускаясь по этой рѣкѣ до впаденія ея въ Днѣпръ, такъ что все воеводство Могилевское по ту и по сю сторону Днѣпра и обѣ окраины воеводства Минскаго какъ выше такъ и ниже Могилевскаго по сю сторону новой границы и Днѣпра будутъ принадлежать Всероссійской Имперіи, а со впаденія рѣки Друйи въ Днѣпръ составитъ границу между обоими государствами, при чемъ, однако, городъ Кіевъ и область его сохранятъ нынѣ принадлежащую имъ границу по ту сторону рѣки.

3) Король Прусскій равно вступитъ во владѣніе всей Помераніей за исключеніемъ Данцига съ его областью также какъ и провинціей Великой Польши по ту сторону рѣки Нетцы, слѣдуя по теченію этой рѣки отъ границы Неймарка до Вислы близь Вордона и Солицы, такимъ образомъ, чтобы Нетца составила границу вла-

Sa Maj. le roi de Prusse et que cette rivière lui appartienne en entier. Et Sa dite Majesté ne voulant pas faire valoir ses autres prétensions sur plusieurs autres districts de la Pologne limitrophes de la Silésie et de la Prusse, qu'Elle pourrait reclamer avec justice et se désistant en même temps de toute prétension sur la ville de Dantzig et sur son territoire, prendra en guise d'équivalent le reste de la Prusse polonaise, nommément le palatinat de Marienbourg, la ville d'Elbing y comprise avec l'évêché de Warmie et le palatinat de Culm, sans en rien excepter que la ville de Thorn, laquelle ville sera conservée avec tout son territoire à la domination de la république de Pologne.

4°. Que L. L. M. M. I. I. et R. R. feront entrer respectivement leurs troupes en Pologne dès le commencement du printemps prochain, et comme Elles sont convenues d'occuper dans un même temps les lieux et districts qu'Elles se proposent de réunir à leurs états, Elles ont fixé pour cette prise de possession le mois de Juin de l'année courante.

5°. Qu'elles ne déclareront rien jusqu'alors de leurs vues et desseins; mais du moment que cette prise de possession aura lieu, Elles en feront part conjointement à la cour de Vienne et lui offriront même de faire sa convenance, en la faisant entrer dans ce plan de partage; bien entendu cependant, qu'il n'aura pas moins son effet, dans le cas même où cette cour, contre toute attente, ne voudrait pas y donner les mains.

дѣній Его Величества Короля Прусскаго, и чтобы эта рѣка вполнѣ ему принадлежала. А такъ какъ Его Величество не желаетъ предъявлять претензій на нѣсколько польскихъ областей пограничныхъ съ Силезіей и Пруссіей, которыя онъ могъ бы по справедливости потребовать, и въ то же время отказывается отъ всякихъ видовъ на Данцигъ и область его, то въ видѣ вознагражденія за то онъ возьметъ себѣ остальную часть польской Пруссіи, а именно Маріенбургское воеводство, городъ Эльбингъ, епископство Вармійское и Кульмское воеводство, исключивъ изъ него лишь городъ Торнъ, который со всей принадлежащей ему территоріей остается во власти польской республики.

4) Ихъ Императорское и Королевское Величество съ наступленіемъ весны введутъ въ Польшу свои войска, и такъ какъ они условились занять одновременно мѣста и области, кои намѣреваются присоединить къ своимъ владѣніямъ, то опредѣлили для этаго занятія іюнь мѣсяцъ текущаго года.

5) До тѣхъ поръ они ничего не объявятъ о своихъ видахъ и намѣреніяхъ, но съ того времени, что занятіе это состоится, они вмѣстѣ сообщатъ о томъ вѣнскому двору и предложатъ ему тѣмъ воспользоваться, принявъ участіе въ планѣ раздѣла; само собою разумѣется, однако, что планъ этотъ состоится и въ томъ случаѣ если бы дворъ этотъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, не согласился бы участвовать въ этомъ дѣлѣ.

6⁰. Que L. L. M. M. I. I. et R. R. se garantiront réciproquement toutes les possessions ci-dessus spécifiées, de manière qu'elles soient comprises dans la garantie générale de tous leurs états, telle qu'elle a été stipulée par le traité d'alliance qui subsiste entre les deux cours.

7⁰. Que comme il sera plus nécessaire d'en venir à un arrangement définitif avec la république de Pologne au sujet de ces acquisitions, leurs Majestés donneront à leurs ministres résidants à Varsovie les instructions les plus précises pour agir en tout d'un commun accord et parfait concert et pour appuyer les intérêts communs des deux cours par les représentations les plus convenables et les démarches les plus propres à faire réussir cette négociation à la satisfaction de leurs Majestés.

Pièce III, ad № 603.

Le comte de Solms au roi.

Prés le 25 Mars. a St. Pétersbourg le 14 (25) Février 1772.

P. S. J'arrête le départ de mon courrier pour annoncer encore très-humblement à V. M. la reception de ses ordres immédiats et médiats du 9 et du 11 de ce mois. De la manière que V. M. a bien voulu s'exprimer sur l'objet de la négociation pour une convention secrète, j'ai lieu de me flatter d'avoir eu le bonheur de rencontrer juste ses idées dans la façon de

---

6) Ихъ Императорское и Королевское Величества взаимно гарантируютъ другъ другу всѣ выше поименованныя владѣнія, съ тѣмъ, чтобы они были включены въ общую гарантію ихъ владѣній, какъ о томъ изложено въ союзномъ трактатѣ, существующемъ между обоими дворами.

7) Въ виду настоятельной необходимости придти къ окончательному соглашенію съ Польской республикой по вопросу объ этихъ пріобрѣтеніяхъ, Ихъ Величества дадутъ своимъ министрамъ въ Варшавѣ самыя точныя инструкціи, дабы дѣйствовать по взаимному соглашенію и съ полнымъ единодушіемъ, и поддержать общіе интересы обоихъ дворовъ соотвѣтствующими представленіями и мѣрами наиболѣе цѣлесообразными для успѣха переговоровъ, согласно желаніямъ Ихъ Величествъ.

Приложение III, къ № 603.

Графъ Сольмсъ Королю.

Подано 25 марта. С.-Петербургъ, 14 (25 февраля) 1772 г.

P. S. Я задержалъ отъѣздъ своего курьера, чтобы всенижайше донести Вашему Величеству о полученіи мною Вашихъ непосредственныхъ и министерскихъ приказаній отъ 9-го и 11-го сего мѣсяца. Судя по тому какъ Вашему Величеству угодно было выразиться о переговорахъ по секретной конвенціи, я надѣюсь, что имѣлъ счастіе заключеніемъ дѣла выполнить вполнѣ мысли Вашего Величества и заслу-

la terminer et d'avoir mérité sa gracieuse approbation pour l'avoir signée immédiatement après l'arrivée des ordres que V. M. m'a fait parvenir par un courrier.

On a reçu présentement de la part du maréchal comte de Romanzof les avis de l'expédition du courrier qui est parti d'ici le dernier jour de l'année passée pour porter au sieur de Zegelin les propositions de cetter cour Impériale pour la paix. Le maréchal avait écrit d'abord le 1 (12) Janvier au Seraskier de Ruszig pour demander des passeports turcs pour son passage, mais celui-ci ayant eu besoin de ce concerter sur cette affaire avec le grand-vizir et de la faire parvenir peut-être jusqu'au Sultan, la réponse a tardée jusqu'au 28 Janvier (5 Février) où le Seraskier a mandé (?) qu'on serait charmé de recevoir ce courrier envoyé du roi Frédéric de Brandebourg leur grand ami à son ministre auprès de la Porte. Le maréchal l'a expédié sur cela le même jour et il a su qu'il était arrivé le 8 de ce mois à Giurgevo. Si ce délai empêche qu'on n'aura pas ici la réponse de la Porte aussitôt, qu'on l'avait attendue, il aura peut-être d'un autre côté produit ce bien que les ordres de la cour de Vienne seront en attendant arrivés au sieur Thougout, et que les deux ministres, ayant pu agir de nouveau en commun, la Porte aura d'autant plutôt reconnu la nécessité de céder aux circonstances et de se prêter à la négociation proposée par la Russie.

En attendant, on ne croit pas ici qu'il faille se reposer sur ces appa-

---

жить милостивое одобреніе Ваше, подписавъ таковое соглашеніе немедленно по полученіи приказаній Вашего Величества, пересланныхъ мнѣ съ курьеромъ.

На дняхъ здѣсь получено отъ фельдмаршала графа Румянцова извѣстіе о прослѣдованіи курьера, отправленнаго отсюда въ послѣдній день прошлаго года, для врученія г. Зегелину мирныхъ предложеній этаго двора. Фельдмаршалъ сначала написалъ 1-го (12-го января) рущукскому сераскиру, прося для его проѣзда турецкаго паспорта, но такъ какъ сераскиру предстояло снестись объ этомъ дѣлѣ съ великимъ визиремъ и быть можетъ довести его до султана, отвѣтъ промедлилъ до 25-го января (5-го февраля), когда сераскиръ сообщилъ, что они съ радостью примутъ курьера, посланнаго ихъ большимъ пріятелемъ королемъ Фридрихомъ бранденбургскимъ къ министру своему при Портѣ. Фельдмаршалъ въ тотъ же день отправилъ его далѣе и зналъ, что 8-го числа онъ прибылъ въ Джурджево. Если вслѣдствіе этаго промедленія отвѣтъ Порты получится здѣсь не такъ скоро какъ того ожидали, быть можетъ съ другой стороны это окажется полезнымъ, ибо въ это время приказанія вѣнскаго двора будутъ получены г. Тугутомъ, что̀ дастъ обоимъ министрамъ возможность дѣйствовать вмѣстѣ, и тѣмъ скорѣе заставить Порту признать необходимость подчиниться обстоятельствамъ и согласиться на переговоры, предлагаемые Россіей.

Между тѣмъ здѣсь не думаютъ, чтобы слѣдовало полагаться на эти признаки

rences d'une paix prochaine et négliger pour cela les préparatifs pour la continuation de la compagne pour cette année. Outre les mesures employées auprès de l'armée de terre, on roule encore de grands projets pour faire aux turcs une diversion du côté de la Mer Noire. On garde à la vérité le secret sur la manière dont elle doit être exécutée, mais on se propose, suivant les apparences, de faire de grandes choses, et l'on envoit d'ici en Moldavie l'admiral Knowles, qui est venu d'Angleterre l'année passée, avec beaucoup d'officiers étrangers et nationaux pour diriger l'entreprise projetée. On dit qu'il y a à Isaccia trois où quatre frégates à une vingtaine de canons chaque prête pour cette expédition, qu'il se trouve également à Jenikala en Crimée quatorze vaisseaux qui y ont été transportés d'Asow, où ils on été construits, qui portent chacun deux mortiers, de sorte qu'il paraît bien qu'on a en vue de tenter une entreprise sur Constantinople même, et si je ne me trompe, je crois, qu'on songe à combiner cette expédition sur mer avec une sur terre, du moins ai-je entendu parler beaucoup cet hiver de la possibilité de pousser un corps d'armée de terre jusqu'aux portes de cette capitale de l'empire Ottoman.

№ 604.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 17 Mars). A St. Pétersbourg, le 21 Février (3 Mars) 1772.

Contenu: 1) Le lot de la cour de Vienne se prendrait en partie en Po-

---

близкаго мира и пренебречь приготовленіями къ продолженію похода нынѣшняго года. Кромѣ мѣръ, принимаемыхъ относительно сухопутнаго войска, существуютъ обширные планы, съ цѣлью сдѣлать нэ турокъ диверсію со стороны Чернаго моря. Правда, что держатъ въ секретѣ подробности о томъ какъ именно должна эта диверсія состояться, но, кажется, намѣреваются сдѣлать что-то весьма крупное, а отсюда посылается въ Молдавію адмиралъ Нольсъ, пріѣхавшій въ прошломъ году изъ Англіи, съ многими офицерами, какъ иностранцами такъ и русскими, для выполненія задуманнаго предпріятія. Говорятъ, что въ Исакчи находятся два или три фрегата по двадцати пушекъ на каждомъ, приготовленные для этой экспедиціи, что кромѣ того въ Эникале въ Крыму стоитъ 14 кораблей, перевезенныхъ туда изъ Азова, гдѣ ихъ построили, а на каждомъ изъ нихъ по двѣ мортиры, изъ чего очевидно, что замышляютъ о предпріятіи на самый Константинополь, и если не ошибаюсь, полагаю, что одновременно съ морскимъ походомъ будетъ сдѣланъ и сухопутный; по крайней мѣрѣ я этой зимой много слышалъ о возможности провести корпусъ сухопутныхъ войскъ до воротъ столицы Оттоманской Имперіи.

Графъ Сольмсъ Королю.

Подано 17-го марта. С.-Петербургъ, 21-го февраля (3-го марта) 1772 г.

№ 604. Содержаніе: 1) долю вѣнскаго двора предполагается взять отчасти отъ

logne, en partie sur la Servie, Belgrade y compris: idée du comte Panin. 2) Plaintes de ce ministre des officiers Prusses en Pologne qui empêchent ceux de la Russie d'amasser du blé pour les magasins. 3) Cordon de l'aigle noir que le roi veut donner au comte Panin et au comte Orlof. Doutes du comte Solms.

Le dernier courrier ordinaire m'a apporté les ordres immédiats et médiats de V. M. du 16 et du 18 de ce mois. L'opinion de V. M. qu'on oblige les Autrichiens à prendre également leurs acquisitions en Pologne a été extrêmement goûtée ici, et on la trouve très-politique et convenable aux intérêts de nos deux cours. Le comte Panin surtout se sent flatté d'avoir eu la même idée que V. M. Il m'a dit qu'il en avait déjà fait la proposition au conseil avant l'arrivée de la dépêche de V. M. Comme elle a été approuvée, elle a été confirmée présentement et établie comme un principe fondamental qui doit être nécessairement suivi. Son avis particulier en cela, qu'il regarde cependant comme entièrement compatible avec celui de V. M., est, qu'en obligeant les Autrichiens à prendre leur part en Pologne et à s'étendre même jusqu'à la Vistule, il ne faut pas les empêcher de se faire aussi une part sur la Servie et par Belgrade. Les acquisitions qu'ils feraient de ce côté-là n'augmenteraient pas leur puissance relativement à V. M. et à la Russie, et produiraient d'ailleurs chez les Turcs contre la maison d'Autriche seule des sentiments de haine et de mauvaise volonté, que nous aurions à

Польши, отчасти отъ Сербіи, со включеніемъ Бѣлграда. Мысли графа Панина. 2) Жалобы этого министра на прусскихъ офицеровъ въ Польшѣ, мѣшающихъ русскимъ заготовлять запасы продовольствія въ магазины. 3) Орденъ Чернаго Орла, который король хочетъ пожаловать графу Панину и графу Орлову. Сомнѣнія графа Сольмса.

Послѣдняя очередная почта привезла мнѣ непосредственныя и министерскія приказанія Вашего Величества отъ 16-го и 18-го этого мѣсяца. Мнѣніе Вашего Величества о томъ, чтобы принудить Австрію получить пріобрѣтенія тоже въ Польшѣ, здѣсь очень понравилось и его находятъ весьма политичнымъ и соотвѣтствующимъ интересамъ обоихъ дворовъ. Графъ Панинъ особенно польщенъ тѣмъ, что его мысли встрѣтились съ мыслями Вашего Величества. Онъ передалъ мнѣ, что уже сдѣлалъ такое предложеніе совѣту Императрицы, ранѣе полученія депеши Вашего Величества. Будучи одобрена, мысль эта была тотчасъ же подтверждена и признана основнымъ правиломъ, котораго необходимо держаться. Личное мнѣніе его, которое онъ считаетъ вполнѣ совмѣстимымъ съ мыслями Вашего Величества, заключается въ томъ, что, вынуждая австрійцевъ къ овладѣнію ихъ частью въ Польшѣ даже до Вислы, въ то же время не слѣдуетъ мѣшать имъ въ отнятіи части территоріи Сербіи и Бѣлграда. Пріобрѣтенія, сдѣланныя ими съ этой стороны, не усилятъ ихъ могущества относительно Вашего Величества и Россіи, а между тѣмъ они вызвали бы у турокъ исключительно противъ австрійскаго дома чувства ненависти и недоброжелательства, ко-

appréhender de la part des Polonais, si nous étions les seuls à empiéter sur leur pays. Une telle disposition de la Porte contre la maison d'Autriche lui paraît une affaire à ménager, parce qu'il ne peut être qu'avantageux à V. M. et à la Russie, qu'elle ait besoin d'être toujours sur ces gardes contre ce voisin.

№ 605.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 21 Mars). St. Pétersbourg, le 24 Février (6 Mars) 1772.

Contenu: L'extrême satisfaction qu'on a en Russie de la conduite de Mr. Zegelin; le comte Solms est chargé de la lui témoigner de la part de l'Impératrice. Raisonnement du comte Panin sur la dépêche de Mr. Zegelin.

№ 606.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 24 Mars). St. Pétersbourg, le 28 Février (10 Mars) 1772.

Contenu: Quelques remarques du comte Panin sur la dépêche du prince Gallitzin.

Je sors de chez le comte de Panin qui m'avait fait inviter chez lui pour me lire la dépêche, que le prince de Galitzin a envoyé ici par un courrier,

---

торыхъ мы бы могли опасаться со стороны поляковъ въ томъ случаѣ, если бы мы одни покусились на ихъ страну. Подобное настроеніе Порты противъ австрійскаго дома представляется ему желательнымъ, ибо для Вашего Величества и для Россіи можетъ быть лишь выгодно, чтобы Австріи приходилось постоянно остерегаться этого сосѣда.

Графъ Сольмсъ Королю [1]).

Подано 21-го марта. С.-Петербургъ 24-го февраля (6-го марта) 1772 г.

№ 605. Содержаніе: чрезвычайное удовольствіе въ Россіи, вслѣдствіе образа дѣйствій г. Зегелина. — Графу Сольмсу поручено передать ему о томъ отъ имени Императрицы. Размышленія графа Панина по поводу депеши г. Зегелина.

Графъ Сольмсъ Королю.

Подано 24-го марта. С.-Петербургъ, 28-го февраля (10-го марта) 1772 г.

№ 606. Содержаніе: нѣсколько замѣчаній графа Панина по поводу депеши князя Голицына.

Я только что вернулся отъ графа Панина, пригласившаго меня для чтенія депеши, присланной ему княземъ Голицынымъ черезъ курьера. Князь сообщаетъ о

---

[1]) Двѣ депеши Сольмса, № 777 и 778 (№№ берлинскаго архива), не были доставлены Обществу.

pour faire son rapport d'un entretien qu'il a eu avec le prince de Kaunitz au sujet de la dépêche que le baron de Swieten a fait à sa cour après la dernière audience qu'il a eue de V. M. après son retablissement. Comme le comte de Panin a bien voulu me promettre qu'il m'en donnerait une copie, qu'il ferait faire dans sa chancellerie, afin de l'avoir prête vers le temps du départ de la poste d'aujourd'hui, je ne m'arrêterai pas à en répéter la teneur. Je me bornerai simplement, Sire, à vous informer très-humblement que le comte Panin a fait l'observation que le passage de la dépêche du baron de Swieten, où il parle du temps que V. M. a fixé comme l'époque qui avait donné lieu à l'Impératrice de Russie de faire naître à S. A. R. le prince Henri l'idée de proposer à se concerter entre les trois cours pour faire des acquisitions en Pologne, paraissait avoir été tronqué par le prince Kaunitz en le lisant au prince Galitzin, et que c'était apparemment pour cela qu'il avait refusé de leur en donner une copie. Le comte Panin s'imagine que V. M. aura peut-être dit à van Swieten, que lorsqu'on avait appris à Pétersbourg la nouvelle que les Autrichiens étaient entrés en Pologne et qu'ils avaient pris possession de Zips, alors l'Impératrice de Russie avait parlé à S. A. R., le prince Henri, de se concerter pour y faire pareillement des acquisitions en Pologne pour V. M. et pour Elle, d'y faire accéder la cour de Vienne. Il croit que le prince Kaunitz a fait cette omission pour ne pas être obligé d'avouer que sa cour a été la première qui a donné l'exemple

---

разговорѣ своемъ съ княземъ Кауницемъ по поводу депеши барона Свитена своему двору, послѣ аудіенціи его у Вашего Величества, по выздоровленіи [1]). Такъ какъ графъ Панинъ обѣщалъ мнѣ копію съ этой депеши, которую велитъ приготовить въ канцеляріи ко времени отправленія сегоднишней почты, то я не стану останавливаться на передачѣ Вамъ ея содержанія. Ограничусь только всепокорнѣйшимъ донесеніемъ о томъ, что графъ Панинъ высказалъ, что выраженія въ депешѣ барона Свитена, гдѣ упоминается о времени опредѣляемомъ Вашимъ Величествомъ эпохой, когда Императрица Всероссійская подала принцу Генриху мысль предложить соглашеніе между тремя дворами съ цѣлью пріобрѣтеній въ Польшѣ, повидимому, измѣнены княземъ Кауницемъ при прочтеніи этой бумаги князю Голицыну и, очевидно, что по этой причинѣ онъ отказалъ выдать съ депеши копію. Графъ Панинъ полагаетъ, что Ваше Величество быть можетъ сказали фанъ Свитену, что, когда въ Петербургѣ узнали о вступленіи австрійцевъ въ Польшу и о томъ, что они завладѣли Ципсомъ, Императрица Всероссійская говорила Его Королевскому Высочеству Принцу Генриху о соглашеніи съ цѣлью пріобрѣсти въ Польшѣ владѣнія для Вашего Величества и для себя съ соучастіемъ вѣнскаго двора. Онъ думаетъ, что князь Кауницъ не упомянулъ объ этомъ, дабы не быть вынужденнымъ сознаться, что его дворъ первый подалъ

---

[1]) См. A. Beer: «Friedrich II und van Swieten», стр. 55 и 61.

aux deux autres. Le comte Panin remet au jugement de V. M. ce qu'il faut opiner du désaveu donné à la proposition que van Swieten en a faite pour comprendre Belgrade et la Servie dans le partage de la cour de Vienne. Il le regarde comme une mauvaise défaite pour justifier le désir actuel de cette cour pour acquérir contre des témoignages affectés de désintéressement qu'elle avait professé ci-devant. Au reste, il attend d'être informé dans son temps de la résolution que V. M. aura trouvé bon de prendre sur la proposition de la signature d'une déclaration pour convenir de l'égalité dans les acquisitions. Il m'a chargé enfin, Sire, de Vous prier très-humblement de vouloir lui garder le secret que le prince Kaunitz a exigé de lui et de ne pas lui faire soupçonner d'être informée de la communication que lui, prince Kaunitz, avait faite à la Russie de l'entretien de V. M. avec le baron de Swieten, afin de ne pas rendre cette cour défiante à l'avenir vis-à-vis de celle-ci, et c'est dans la persuasion que V. M. ne trouvera pas cette prière indiscrète, que le comte Panin a suivi son penchant à communiquer à V. M. tout ce qui a du rapport à l'intérêt commun de nos deux cours et ne pas lui laisser ignorer cette confiance du prince Kaunitz. La copie de la dépêche[1] susdite du prince de Galitzin venant de m'être apportée, j'ai l'honneur de la joindre à cette apostille.

примѣръ остальнымъ дворамъ. Графъ Панинъ предоставляетъ Вашему Величеству судить о томъ, что̀ слѣдуетъ заключить объ отказѣ на предложенія фанъ Свитена включить въ долю Австріи Бѣлградъ и Сербію. Онъ считаетъ этотъ поступокъ худо разсчитанной уловкой, въ видахъ оправданія настоящаго стремленія этого двора къ пріобрѣтеніямъ, вопреки высказаннымъ имъ ранѣе притворнымъ увѣреніямъ въ безкорыстіи. Впрочемъ, онъ ожидаетъ своевременнаго увѣдомленія о рѣшеніи Вашего Величества относительно подписанія декларацiи о равенствѣ въ пріобрѣтеніяхъ. Кромѣ того онъ поручилъ мнѣ всепокорнѣйше просить Ваше Величество сохранить тайну, которой требовалъ отъ насъ князь Кауницъ, не подавая ему повода къ подозрѣнію о томъ, что Вашему Величеству извѣстно сообщеніе князя Кауница Россіи о разговорѣ Вашего Величества съ барономъ фанъ-Свиттеномъ, дабы не внушили тому двору на будущее время недовѣрія относительно здѣшняго двора, и лишь въ этой увѣренности, что Ваше Величество не сочтете просьбу эту нескромной, графъ Панинъ охотно сообщилъ Вамъ все относящееся до общихъ интересовъ нашихъ обоихъ дворовъ, нескрывая отъ Вашего Величества о подобномъ довѣріи князя Кауница. Копія съ упомянутой депеши князя Голицына мнѣ сейчасъ принесена, и потому имѣю честь при семъ приложить ее.

---

[1]) См. ниже № 607.

№ 607.

Copie de la lettre au comte de Panin du prince de Galitzin de Vienne, le 12 (23) Février 1772.

Avant hier au soir j'ai été invité par le prince de Kaunitz à une nouvelle conférence pour la même heure du lendemain. J'en suis sorti fort tard hier et je n'ai rien de plus pressé aujourd'hui que de mettre V. E. au fait de tout ce qui a été l'objet de mon entretien avec le prince en vous dépêchant pour cet effet le courrier Julinetz.

Il m'a dit en entrant chez lui qu'il avait souhaité à me parler en particulier pour m'informer à l'aise du contenu d'une dépêche, qu'il avait reçu du ministre de sa cour à Berlin baron van Swieten et qui servait de réponse aux dernières ouvertures, que celui-ci avait été autorisé de faire au roi de Prusse de la part de LL. MM. I. I. et R. R. sur les conjonctures présentes. Il tenait cette pièce en main et se donna tout de suite la peine de me la lire lui-même d'un bout à l'autre.

J'y prêtais toute l'attention dont j'étais capable pour ne rien perdre du fil de la dépêche, prévoyant que le prince ne serait pas d'humeur peut-être à la mettre sous mes yeux, ni à m'en donner un extrait par écrit. Il me refusa effectivement l'un et l'autre en suite sous prétexte que j'aurais assez bien retenu la partie essentielle de sa lecture et autant que j'en pouvais

---

Копія съ письма князя Голицына къ графу Панину изъ Вѣны отъ 12-го (23-го февраля) 1772 г.

№ 607. Третьяго дня вечеромъ я былъ приглашенъ къ князю Кауницу на новую конференцію, на слѣдующій день въ тѣ же часы. Я вышелъ отъ него вчера очень поздно, а сегодня могу сообщить Вашему Превосходительству содержаніе нашего разговора, и съ этою цѣлью отправляю къ Вамъ курьера Юлинеца.

При входѣ моемъ онъ сказалъ, что желаетъ поговорить со мной наединѣ, чтобы подробно сообщить мнѣ содержаніе депеши, полученной имъ отъ барона фанъ-Свиттена, министра его двора въ Берлинѣ, служащую отвѣтомъ на послѣднія предложенія, которыя сей послѣдній уполномоченъ былъ сдѣлать прусскому королю, отъ имени Ихъ Императорскаго и Королевскаго Величества по поводу настоящихъ обстоятельствъ. Онъ держалъ этотъ документъ въ рукахъ и тотчасъ же потрудился прочитать мнѣ его отъ начала до конца. Я выслушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ, чтобы ничего не потерять изъ нити депеши, предвидя, что быть можетъ князь не будетъ расположенъ передать мнѣ ее въ руки, или же дать мнѣ изъ нея письменное извлеченіе. Дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ онъ отказалъ мнѣ въ томъ и въ другомъ подъ предлогомъ, что я достаточно запомнилъ существенную часть его чтенія, насколько то можетъ потребоваться мнѣ и моему двору. Я счелъ некстати настаивать, на-

avoir besoin pour ma connaissance et celle de ma cour. Je ne jugeais pas à propos d'insister me flattant sans cela que ma mémoire me rendrait assez fidèlement ce que je venais d'entendre. — Ainsi, V. E. peut Elle même être persuadé que tout ce que j'aurai l'honneur de lui détailler ci-dessus est très-conforme au sens de la dite dépêche. Le baron van Swieten marque donc au prince Kaunitz qu'ayant rendu compte au roi (qui l'avait admis à son audience aussitôt qu'il allait mieux de son indisposition) du désir sincère dont LL. M. M. I. I. étaient pénétrés de vivre en paix et bonne intelligence avec Sa Maj. le roi de Prusse et l'Impératrice de Russie, et qu'Elles avaient pris la résolution en conséquence d'agréer d'un côté et d'approuver le projet de partage de la Pologne proposé depuis peu par le ministère de Pétersbourg et de l'autre de faciliter le progrès des négociations de paix avec la Porte, en chargeant dès-à présent son ministre à Constantinople de disposer de concert avec le ministre du roi la Porte à un armistice et un congrès dans lequel la négociation serait ouverte et entamée d'après le dernier plan formé par la cour de Russie, qu'ayant, dis-je, rendu compte de tout ceci au roi de Prusse, S. M. avait témoigné être très-satisfaite de ces dispositions de L. L. M. M. I. I. et R. R., assurant le baron van Swieten, qu'elles répondaient parfaitement à ses propres sentiments pour la cour de Vienne, qui étaient tels à lui inspirer de l'éloignement contre tout ce qui pourrait troubler l'amitié et la bonne harmonie entre lui et LL. M. M. I. I. et R. R.

Que son ministre à la Porte avait déjà ses ordres de coopérer avec celui

---

дѣясь, что память достаточно сохранитъ мнѣ все слышанное. И такъ, Ваше Превосходительство, можете быть вполнѣ увѣрены, что все что я буду имѣть честь излагать ниже будетъ вполнѣ согласно со смысломъ упомянутой депеши.

Баронъ фанъ-Свиттенъ сообщаетъ князю Кауницу, что, когда онъ передалъ королю (принявшему его на аудіенцію тотчасъ по выздоровленіи) объ искреннемъ желаніи Ихъ Императорскихъ Величествъ жить въ мирѣ и согласіи съ Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ и Императрицей Всероссійской и объ ихъ намѣреніи, съ одной стороны, одобрить проектъ раздѣла Польши, недавно предложенный петербургскимъ министерствомъ, и согласиться на него, а съ другой стороны облегчить ходъ мирныхъ переговоровъ съ Портой, поручивъ нынѣ же своему министру въ Константинополѣ вмѣстѣ съ королевскимъ министромъ расположить Порту къ перемирію и конгрессу, въ которомъ бы открыть переговоры, согласно послѣднему плану русскаго двора, то, выслушавъ все это, Его Величество отвѣчалъ, что весьма доволенъ подобнымъ расположеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ и увѣрилъ барона фанъ-Свитена, что чувства эти вполнѣ соотвѣтствуютъ его личнымъ чувствамъ относительно вѣнскаго двора, побуждающимъ его уклоняться отъ всего могущаго нарушить дружбу и доброе согласіе между нимъ и Ихъ Императорскимъ и Королевскимъ Величествомъ. Далѣе онъ высказалъ, что министръ его при Портѣ уже получилъ отъ

de Vienne pour le même but: qu'au reste pour répondre avec la même bonne foi et candeur à l'ouverture que LL. M. M. venaient de lui faire, il rapporterait au baron van Swieten jusqu'à la première origine du projet de partage de la Pologne; il en mit l'époque dans le séjour de son frère le prince Henri à Pétersbourg; qu'alors Sa Maj. l'Impératrice en présence de quelques uns de ses ministres avait fait entendre à son frère par manière de conversation qu'un pareil arrangement exécuté en son temps de concert avec la cour de Vienne et avec sa participation pourrait convenir beaucoup aux intérêts réciproques des cours et applanir les difficultés d'une pacification finale avec la Porte. Que le prince Henri n'avait eu rien de plus pressé que de faire part de cette ouverture au roi, et que lui de son côté n'avait pas pu s'empêcher de goûter beaucoup une idée qui, en le laissant maître de faire des acquisitions sans coup férir et d'arrondir ses états, ne préjudiciait en rien à la cour de Vienne, vu le choix libre qu'on lui abandonnait d'accéder au même partage.

Quand le roi fit ici une petite pause, le baron de Swieten saisit le moment pour insinuer au roi, que puisque Sa cour n'avait été informée que fort tard de ce projet nouveau pour elle et qu'elle se voyait par là arriérée de beaucoup dans les déliberations nécessaires, elle comptait sur la franchise du roi de Prusse à ne point lui cacher les mesures qui pourraient déjà avoir été prises entre lui et la cour de Russie au sujet du partage en question, aussi bien que sur la discrétion des deux cours à n'y point vouloir

---

него приказанія содѣйствовать вѣнскому министру, преслѣдуя одинаковую цѣль, и въ заключеніе, желая столь же откровенно отвѣтить на сообщеніе Ихъ Величествъ, онъ передалъ барону ванъ-Свиттену первоначальное происхожденіе проекта раздѣла Польши. Онъ относилъ его ко времени пребыванія въ Петербургѣ брата его, принца Генриха, когда Ея Величество Императрица, въ присутствіи нѣсколькихъ своихъ министровъ, намекнула его брату въ разговорѣ съ нимъ, что подобная мѣра, выполненная своевременно по соглашенію съ дворомъ вѣнскимъ и съ участіемъ его, могла бы чрезвычайно содѣйствовать взаимнымъ интересамъ дворовъ и устранить препятствія къ окончательному умиротворенію съ Портой. Принцъ Генрихъ поспѣшилъ сообщить о томъ Королю, а онъ съ своей стороны чрезвычайно одобрилъ мысль, которая, предоставляла ему право дѣлать пріобрѣтенія, безъ кровопролитія, и округлить свои владѣнія, не нанося никакого вреда двору вѣнскому, ибо ему являлась возможность участвовать въ томъ же раздѣлѣ. Здѣсь Король остановился и баронъ ванъ-Свиттенъ воспользовался этимъ, чтобы намекнуть Королю, что такъ какъ дворъ его былъ лишь весьма поздно увѣдомленъ объ этомъ новомъ проектѣ и потому весьма отсталъ въ необходимыхъ переговорахъ, то онъ полагается на откровенность Короля прусскаго и надѣется, что онъ не скроетъ отъ него мѣръ, быть можетъ уже принятыхъ между нимъ и русскимъ дворомъ, по поводу упомянутаго раздѣла, и въ то же время разсчитываетъ на умѣренность обоихъ дворовъ, которые не захотятъ

s'éloigner du principe de l'équilibre. Le roi répondit: qu'il sentait la justice de cette demande, qu'il était d'accord, qu'on songeait à l'égalité dans le partage, mais qu'il pouvait en même temps assurer la cour de Vienne que jusqu'à présent il n'y avait aucune convention de signée entre la cour de Pétersbourg et lui sur cet objet, qu'il savait seulement en gros que la Russie se proposait de garder pour elle différents districts, dont la position avantageuse servirait à établir des limites stables et permanentes entre son empire et la Pologne, et qu'à lui on destinait la Prusse polonaise avec l'évêché de la ville de Dantzig et de Thorn, que l'Impératrice de Russie ainsi que lui souhaitaient de maintenir dans leurs anciens priviléges.

Il ajoute, que ne sachant que ceci, la cour de Vienne serait déjà à même de diriger ses vues en conséquence; qu'il observait cependant que dès la naissance de ce plan il avait été arrêté qu'on en excepterait la ville et les environs de Cracovie, quant à la cour de Vienne; mais qu'en échange il lui serait libre de s'étendre dans les provinces de Pologne voisines à la Hongrie, qui pour leur fertilité et situation avantageuse pourraient également lui convenir.

Le baron van Swieten répliqua au roi, que la même maxime d'après laquelle voulait se régler la cour de Russie, c'est à dire la plus grande sûreté des limites, guiderait aussi le choix de sa cour; qu'en partant de-là, il serait difficile pour elle de fixer ses bornes au delà du mont Carpath, tandis que tout ce qui était situé en deçà n'offrait rien de proportionné à l'égalité du

---

уклониться отъ принципа равновѣсія. Король отвѣчалъ, что онъ знаетъ справедливость этого требованія и о необходимости равенства въ раздѣлѣ, но въ то же время можетъ увѣрить вѣнскій дворъ, что до сихъ поръ между нимъ и петербургскимъ дворомъ не подписано никакой конвенціи касательно этого вопроса, но ему извѣстно лишь въ общихъ чертахъ, что Россія намѣрена сохранить нѣсколько областей, выгодное положеніе которыхъ способствуетъ установленію постоянной и прочной границы между ея владѣніями и Польшей, а ему предназначается Польская Пруссія съ епископствомъ и городами Данцигомъ и Торномъ, за которыми Императрица также какъ и онъ желаетъ сохранить ихъ старинныя привилегіи. Онъ прибавилъ, что, зная лишь это, вѣнскій дворъ уже будетъ имѣть возможность сообразно съ этимъ направить свои виды, однако, онъ замѣчаетъ, что съ самого появленія этаго плана было рѣшено исключить изъ него городъ Краковъ и его область, по отношенію къ вѣнскому двору; взамѣнъ же этого ему будетъ предоставлено распространить свои владѣнія на польскія провинціи сосѣднія съ Венгріей, кои могутъ быть ему полезны своимъ плодородіемъ и выгоднымъ положеніемъ.

Баронъ ванъ-Свиттенъ возразилъ королю, что правило, котораго будетъ держаться Россія, т. е. бо́льшая безопасность границъ, послужитъ также руководствомъ при выборѣ его двора, и потому ему трудно будетъ опредѣлить свои границы Карпатскими горами, ибо все, что̀ расположено по сю сторону ихъ, не удовлетворяетъ

partage, qu'en conséquence LL. M. M. l'avaient chargé de proposer au roi un expédient qui n'avait besoin que de son approbation pour rencontrer toute celle de LL. M. M. Ce serait de leur céder le comté de Glatz avec cette partie de la haute Silésie qui se trouve enclavée entre la Bohème, de façon qu'elle lui sert quasi de clef; qu'en revanche de cetté cession Sa M. le roi de Prusse tâcherait de se procurer un équivalent dans les nouvelles possessions en Pologne.

Cette proposition le roi ne la reçut pas bien du tout; le baron de Swieten observa au prince de Kaunitz qu'il l'avait repoussé même avec vivacité en lui déclarant net: «*qu'il ne voulait rien céder de ses états*». Il n'en sera donc plus question, Sire, répondit le baron, puisque ma cour loin d'imaginer rien qui puisse déplaire à V. M., ne cherchera que de s'entendre amicalement avec vous et la cour de Russie sur toute chose.

Et croyant le roi disposé à continuer la conversation, ajoute Mr. van Swieten dans sa dépêche, il voulut hasarder à lui faire en son particulier une autre proposition pour voir ce qu'en penserait le roi. A peine le baron avait il fait mention d'un tempérament qui lui passait par la tête, mais sur lequel il n'avait absolument pas l'aveu de sa cour, que le roi lui demanda avec impatience, en quoi il consistait, «Dans la cession de Belgrade, répondit van Swieten, et des provinces de Servie et de Bosnie, qu'on pourrait retrancher à la Porte pour les incorporer de nouveau dans les états d'Autriche».

условій равенства раздѣла, вслѣдствіе чего Ихъ Императорскія Величества поручили ему предложить королю средство, ожидающее лишь его одобренія, чтобы быть вполнѣ одобреннымп Ихъ Величествами, а именно, уступить имъ графства Гладъ съ той частью верхней Силезіи, которая такъ окружена Богеміей, что почти служитъ ей какъ бы ключемъ. Взамѣнъ же этой уступки Его Величество Король Прусскій постарается получить соотвѣтствующее пріобрѣтеніе въ новыхъ польскихъ владѣніяхъ.

Это предложеніе было принято королемъ далеко не благосклонно. Баронъ ванъ-Свиттенъ передаетъ князю Кауницу, что онъ даже съ живостью оттолкнулъ эту мысль, сказавъ кратко, что ничего нехочетъ уступать изъ своихъ владѣній.

«Слѣдовательно, Ваше Величество, объ этомъ небудетъ и рѣчи», отвѣчалъ баронъ, «ибо мой дворъ не только нежелаетъ предлагать ничего непріятнаго для Вашего Величества, но постарается дружески договориться обо всѣхъ прочихъ условіяхъ съ Вами и съ русскимъ дворомъ».

Считая короля расположеннымъ продолжать разговоръ, прибавляетъ г. ванъ-Свиттенъ въ своей депешѣ, онъ хотѣлъ попробовать сдѣлать ему частнымъ образомъ другое предложеніе, чтобы видѣть что̀ король на это скажетъ, но едва только баронъ коснулся пришедшей ему на умъ мысли, о которой онъ вовсе не имѣлъ предписанія своего двора, какъ король нетерпѣливо спросилъ его, въ чемъ именно она состоитъ? «въ уступкѣ Бѣлграда», отвѣчалъ Свиттенъ, «а также Сербіи и Босніи, которыя можно урѣзать отъ Порты и вновь присоединить къ австрійскимъ владѣ-

Bon, j'approuve cela, répondit le roi, et j'en écrirai à l'Impératrice de Russie dès demain. — Van Swieten en protesta que Sa Majesté n'en fit rien encore, vu que ce n'était qu'une idée à lui, qui peut-être serait rejetée par sa cour, mais le roi persista qu'il en donnerait toujours part à la cour de Pétersbourg, et qu'en attendant, il lui conseillait de demander des instructions ultérieures de sa cour sur cet objet.

Voici, Monsieur, le précis de la dépêche du baron van Swieten, tel que j'ai pu me la rappeler.

Le prince Kaunitz aussitôt qu'il avait cessé de lire me dit, qu'il avait fait partir un autre courrier pour Berlin le 19 avec la réponse à cette dépêche, qu'il avait eu ordre de dire au baron van Swieten de la part de LL. MM. II. et RR., qu'Elles voulaient bien envisager l'insinuation faite de sa part au roi de Prusse, touchant des possessions à prendre sur la Porte, comme une suite du zèle qu'il professait pour le service de ses maîtres, mais qu'elles n'en désapprouvaient pas moins cette idée comme directement contraire à la bonne foi et à la paix perpétuelle qui subsistait entre elles et la Porte, qu'en conséquence il devait exposer incessament à Sa Majesté le roi de Prusse la vraie façon de penser de sa cour, en se rétractant nommément sur tout ce qu'il avait avancé à se sujet de son propre chef et en son nom privé.

Je ne pouvais qu'être surpris de ce propos du prince Kaunitz qui pa-

---

ніямъ». — «Хорошо, это я одобряю», отвѣчалъ Король «и напишу объ этомъ завтра же русской Императрицѣ.» Ванъ-Свиттенъ убѣдительно просилъ Его Величество не дѣлать этого, ибо это не болѣе какъ его личная мысль, которую быть можетъ отвергаетъ его дворъ; однако, король настаивалъ, чтобы сообщить эту мысль въ Петербургъ, а покуда совѣтовалъ ему испросить дальнѣйшихъ инструкцій своего двора касательно этого предмета.

Вотъ, милостивый Государь, на сколько я могъ припомнить, содержаніе депеши барона ванъ-Свиттена. Прочитавъ мнѣ ее, князь Кауницъ сказалъ, что 19-го отправилъ въ Берлинъ другаго курьера съ отвѣтомъ на эту депешу; что ему было приказано передать барону ванъ-Свиттену отъ имени Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ, что они разсматриваютъ намекъ, сдѣланный имъ королю прусскому касательно владѣній у Порты какъ проявленіе усердія къ службѣ его повелителей, но тѣмъ не менѣе не одобряютъ этой мысли, ибо она прямо противорѣчитъ постоянному довѣрію и миру, существующимъ между ними и Портой, вслѣдствіе чего ему предписывали немедленно изложить Его Величеству Королю Прусскому настоящій образъ мыслей своего двора, отказавшись при этомъ отъ всего, что по этому поводу было имъ высказано по собственному почину и отъ своего частнаго имени.

Меня, конечно, удивили такія слова князя Кауница, очевидно, противорѣчащія

raissait contredire évidemment ce qu'il m'avait invité lui même de marquer à V. E. sur ce même objet dans ma dépêche du 18 (29) Janvier, et je le lui relevai sur le champ.

Il me répondit, que la contrediction n'était qu'apparente, que sa cour serait sérieusement disposée à faire quelques acquisitions aux dépens de la Porte, mais sans choquer celle-ci ouvertement, qu'il dépendrait de la Russie, qui par droit de conquête tenait déjà en son pouvoir un vaste terrain appartenant à la Porte, à s'assurer de la propriété d'une partie ou d'en échanger une autre pour céder ensuite à un tiers ce que l'on jugerait convenable; enfin, qu'il était indispensablement nécessaire, si la cour de Vienne devait recevoir quelque augmentation de ce côté là, qu'elle y parvint par la seule voie de la négociation et par conséquent du plein gré de la Porte.

Par cette interprétation subtile et recherchée le prince Kaunitz me fit assez connaître, ce me semble, que la cour d'ici ne se fera point de scrupule de partager les dépouilles de la Porte, pourvu que cela puisse se faire de bonne grâce, et que la rétraction même, qu'Elle a obligée son ministre à Berlin de faire, n'est qu'une grimace au fond et rien de plus.

Le second motif de l'expédition du courrier du 19 a été, selon ce que m'a encore dit le prince de Kaunitz, de porter au baron van Swieten une déclaration signée de L. L. M. M. II., laquelle a pour but d'engager la bonne foi des cours respectives dans le partage futur et doit lui servir de

---

тому, что самъ онъ поручилъ мнѣ передать вашему превосходительству по этому же предмету въ депешѣ моей отъ $^{18}/_{29}$-го января, и я тотчасъ же ему это замѣтилъ.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что противорѣчіе тутъ лишь кажущееся, что дворъ его серьезно расположенъ сдѣлать нѣкоторыя пріобрѣтенія въ ущербъ Портѣ, но безъ открытаго съ ней столкновенія, что отъ Россіи, уже владѣющей по праву завоеванія обширной территоріей, принадлежавшей Портѣ, будетъ зависѣть упрочить за собой часть этихъ владѣній, или же обмѣнять другую часть съ тѣмъ, чтобы уступить третьей державѣ то, что будетъ признано удобнымъ, наконецъ, что если вѣнскій дворъ долженъ получить съ этой стороны какія либо пріобрѣтенія, то положительно необходимо, чтобы это было достигнуто исключительно путемъ переговоровъ, и слѣдовательно, съ полнаго согласія Порты.

Этимъ уклончивымъ и ухищреннымъ объясненіемъ князь Кауницъ доказалъ мнѣ, что здѣшній дворъ не задумается подѣлить добычу, отнятую отъ Порты, лишь бы только это произошло мирнымъ образомъ, и отказъ отъ подобныхъ намѣреній высказанный министромъ его въ Берлинѣ ничто болѣе какъ личина.

Второй поводъ къ отправкѣ курьера 19-го состоялъ, какъ передавалъ мнѣ князь Кауницъ, въ пересылкѣ барону фонъ Свитену деклараціи за подписью Ихъ Императорскихъ Величествъ, имѣющей цѣлью заключить между дворами искреннее взаимное обязательство, по поводу предстоящаго раздѣла, и долженствующей послужить основа-

base et de sûreté réciproque. Elle pose pour principe la distribution ou acquisition égale de part et d'autre.

Si le roi de Prusse l'accepte et donne une pareille signée de son nom, le baron de Swieten a ordre d'expédier le même courrier au prince de Lobkowitz avec un exemplaire de la même déclaration, dont il ferait le même usage vis-à-vis de notre cour.

Cette déclaration agréé par les trois cours, m'observa le prince Kaunitz, leur tiendrait lieu de convention préliminaire et donnerait la première consistance au traité de partage qui s'ensuivrait.

Je m'avisai de lui demander ici, si la cour de Vienne n'avait encore formé aucun plan relatif au nouveau projet, ni fixé ses vues sur quelques possessions?

Il me répondit, que non; qu'elle n'avait pu le faire jusqu'ici, ni articuler ce que lui convenait, d'un côté, faute de notions suffisantes sur les provinces de Pologne, et de l'autre, parce que les acquisitions de la Russie et de la Prusse devaient entièrement régler les siennes, tandis qu'elle ignorait encores les unes et qu'elle n'avait qu'une idée superficielle des autres.

Je me contentai de cette raison et prêt à quitter le prince, il me recommanda encore très-fort que toute cette affaire fut gardée sous un secret impénétrable. Il m'assura que le prince Lobkowitz ne serait instruit de la négociation touchant la Pologne qu'en gros, et au cas seulement que Mr. van

---

ніемъ этаго раздѣла и обезпечить взаимную безопасность; главнѣйшимъ условіемъ ея полагается равенство пріобрѣтеній каждой стороны.

Въ случаѣ если король прусскій согласится и выдастъ подобную же декларацію, подписанную его именемъ, барону Свитену повелѣно отправить того же курьера къ князю Лобковичу съ копіей этой же деклараціи, которую онъ долженъ употребить подобнымъ же образомъ и относительно нашего двора.

Эта декларація, будучи одобрена тремя дворами, какъ передавалъ мнѣ князь Кауницъ, послужитъ имъ вмѣсто предварительной конвенціи и будетъ основаніемъ послѣдующаго раздѣльнаго трактата.

Тутъ я осмѣлился спросить его, неужели вѣнскій дворъ еще не составилъ никакого плана по поводу новаго проэкта и не намѣтилъ для себя никакихъ владѣній.

Онъ отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ, и что онъ не могъ этого сдѣлать до сихъ поръ, ни опредѣлить что именно ему нравится, съ одной стороны, по недостатку свѣдѣній о польскихъ провинціяхъ, а съ другой стороны, потому что пріобрѣтенія Россіи и Пруссіи должны вполнѣ опредѣлять его долю, а между тѣмъ какъ ему еще неизвѣстны первыя, а о вторыхъ онъ имѣетъ лишь весьма поверхностное понятіе. Я удовлетворился этими доводами и уже хотѣлъ уходить, когда князь еще разъ и самымъ настойчивымъ образомъ просилъ меня, чтобы это дѣло сохранилось въ непроницаемой тайнѣ. Онъ увѣрилъ меня, что князь Лобковичъ будетъ увѣдомленъ о переговорахъ относительно Польши лишь въ общихъ чертахъ, и то только въ томъ случаѣ если

Swieten lui dépêchat un courrier de Berlin; et qu'il serait fâché au reste si les ouvertures confidentielles qu'il venait de me faire surtout ce qui s'était passé dans l'entrevue entre le roi de Prusse et le baron de Swieten, transpiraient même vis-à-vis du roi, attendu qu'elles n'avaient absolument d'autre but que de convaincre ma cour que la sienne ne voulait avoir rien de caché pour elle.

Je ne fus pas sitôt de retour chez moi, que je pris la plume à la main pour retracer à V.E. cette confidence dans toute son étendue; je crois m'en être acquitté avec exactitude, et il ne me reste que d'y joindre les assurances de la considération la plus distinguée avec laquelle j'ai l'honneur, etc.

№ 608.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 28 Mars). A St. Pétersbourg, le 2 (13) Mars 1772.

Contenu: 1) Avis donné par le comte de Solms à Mr. Zegelin des ouvertures à la cour de Vienne, touchant Belgrade et la Servie. 2) La Russie attendra les suites de la révolution arrivée à Copenhague avant que de se mêler de cette affaire.

г. ванъ-Свитенъ отправитъ ему курьера изъ Берлина. Къ тому же ему было бы очень непріятно, если бы откровенныя сообщенія, сдѣланныя имъ мнѣ о всемъ происшедшемъ во время свиданія прусскаго короля и барона Свитена, стали бы извѣстны королю, ибо слова его не имѣли рѣшительно никакой другой цѣли, какъ только убѣдить мой дворъ въ томъ, что его дворъ не желаетъ отъ него ничего скрывать.

Тотчасъ по возвращеніи домой, я взялся за перо, чтобы описать это довѣрчивое сообщеніе Вашему Превосходительству во всей подробности. Полагаю, что выполнилъ это въ точности, и мнѣ остается лишь прибавить увѣренія въ высокомъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь и пр.

Графъ Сольмсъ Королю.

Подано 28-го марта. С.-Петербургъ, $^{2}/_{13}$-го марта 1772 г.

№ 608. Содержаніе: 1) Сообщеніе графа Сольмса г. Зегелину о предложеніяхъ вѣнскому двору касательно Бѣлграда и Сербіи. 2) Россія подождетъ послѣдствій революціи, происшедшей въ Копенгагенѣ, прежде чѣмъ вмѣшаться въ это дѣло.

№ 609.

Le comte de Finckenstein au comte de Solms.

A Berlin, le 4 Mars 1772.

Je profite du courrier, porteur de la ratification, pour Vous remercier de la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date de 18 du Février et pour vous féliciter en même temps d'avoir mis la dernière main à une négociation aussi intéressante que c'est celle que vous venez de signer...

Comme les cinq mots: *au sujet de ces acquisitions*, omis dans l'expédition de l'exemplaire de la convention secrète que vous aviez envoyée, se trouvent dans la minute de notre contreprojet, et sont en quelque manière nécessaires pour fixer le sens du paragraphe 4, nous les avons fait insérer dans la ratification, d'après la proposition que vous m'en avez fait, et pour rendre tous les exemplaires parfaitement égaux.

Vous verrez, monsieur, par les dépêches d'aujourd'hui, que le roi a entièrement approuvé la précaution qu'on a prise d'antidater la convention, et c'est pour remplir d'autant mieux les intentions de la cour de Russie que nous avons daté la ratification du 10 de Février, afin qu'elle ne passe pas le terme stipulé de six semaines. Il dépendra du bon plaisir de S. E. Mr. le comte Panin de fixer la date de la ratification russe au jour qu'il jugera le plus convenable...

Графъ Финкенштейнъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 4-го марта 1772 г.

№ 609. Пользуюсь курьеромъ, отвозящимъ ратификацію, чтобы поблагодарить Васъ за письмо, которое Вы сдѣлали честь написать мнѣ 18-го февраля, и въ то же время поздравить Васъ съ окончаніемъ переговоровъ, столь важныхъ какъ нынѣ Вами подписанные....

Такъ какъ пять словъ: «по поводу этихъ новыхъ пріобрѣтеній» пропущенные въ экземплярѣ тайной конвенціи, присланной Вами, находятся въ черновомъ нашего контрпроэкта и въ нѣкоторомъ родѣ необходимы для уясненія смысла параграфа 4-го, то мы включили ихъ въ ратификацію, согласно сдѣланному Вами предложенію и дабы всѣ экземпляры были вполнѣ тождественны.

Вы увидите, милостивый Государь, изъ сегодняшнихъ депешъ, что король вполнѣ одобрилъ принятую предосторожность обозначить конвенцію заднимъ числомъ, и, желая тѣмъ лучше выполнить намѣренія русскаго двора, мы помѣтили ратификацію 10-мъ февраля, дабы не пропустить назначеннаго шестинедѣльнаго срока. Отъ Его Сіятельства графа Панина будетъ зависѣть обозначить дату русской ратификаціи днемъ, который онъ найдетъ наиболѣе удобнымъ....

№ 610.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 31 Mars). A St. Pétersbourg, le 6 (17) Mars 1772.

Contenu: 1) Ratifications prussiennes arrivées, l'échange se fera dans trois ou quatre jours. 2) Première idée du comte Panin sur les acquisitions que la cour de Vienne pourrait faire en Pologne. 3) Déclaration faite par le prince Lobkowitz comme quoi sa cour ne pense plus à revendiquer Belgrade et la Servie. Le comte Panin pense et espère même que la cour impériale reviendra à l'idée de vouloir s'agrandir aux dépens des Turcs; son plan est, d'en profiter pour faire une paix d'autant plus avantageuse avec la Porte. Autre plan de ce ministre pour conduire la négociation sur les acquisitions en Pologne entre les trois cours intéressés.

Les ratifications pourront être échangées vers la fin de la semaine, et j'aurai l'honneur de renvoyer alors incessamment celles d'ici à V. M. On se range ici, Sire, tout à fait de votre sentiment de regarder comme plus avantageux que les Autrichiens fassent toutes leurs acquisitions en Pologne plutôt, qu'en Hongrie, et puisqu'il vous a été agréable de signer l'acte pour l'égalité des acquisitions, l'Impératrice de Russie en fera remettre un pareille de Sa part pour la cour de Vienne. Il m'est tombé en idée de demander au comte Panin sur quelle mesure il croyait qu'il fallait régler cette égalité, sur quoi il m'a répondu qu'il fallait attendre les demandes de la

---

Графъ Сольмсъ Королю.

Представлено 31-го марта. С.-Петербургъ, $^{6}/_{17}$-го марта 1772 г.

№ 610. 1) Содержаніе: Прусскія ратификаціи получены, обмѣнъ произойдетъ черезъ три или четыре дня. 2) Первая мысль графа Панина о пріобрѣтеніяхъ, которыя вѣнскій дворъ можетъ сдѣлать въ Польшѣ. 3) Заявленіе князя Лобковича о томъ, что дворъ его не думаетъ болѣе требовать Бѣлградъ и Сербію. Графъ Панинъ полагаетъ и даже надѣется, что императорскій дворъ возвратится къ мысли увеличить свои владѣнія въ ущербъ турокъ. Планъ его: этимъ воспользоваться для заключенія тѣмъ болѣе выгоднаго мира съ Портой. Другой планъ этого министра о томъ, чтобы вести переговоры о пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ между тремя заинтересованными дворами.

Ратификаціи могутъ быть обмѣнены въ концѣ недѣли, и тогда я немедленно буду имѣть честь переслать отсюда здѣшнія ратификаціи Вашему Величеству. Здѣсь совершенно переходятъ на сторону мнѣнія Вашего Величества, считая выгоднѣе, чтобы австрійцы сдѣлали всѣ свои пріобрѣтенія въ Польшѣ, предпочтительно передъ Венгріей, и такъ какъ вамъ угодно было подписать документъ о равенствѣ пріобрѣтеній, Русская Императрица перешлетъ Вамъ съ своей стороны такой же документъ для вѣнскаго двора. Мнѣ пришло на умъ спросить у графа Панина: въ какой мѣрѣ полагаетъ онъ, слѣдуетъ опредѣлять это равенство, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что

cour de Vienne. Sans avoir rien arrêté encore là-dessus, il m'a fait voir sur la carte, qu'il croyait qu'on pourrait lui laisser prendre le long de la Vistule, Cracovie jusque vers Sandomir et tirer de là une ligne au travers des marais et le palatinat de Lemberg jusqu'au Dniestr, où leur frontière finirait dans le coin marqué sur la carte à celle de Moldavie entre Kaminieck et Chotzim peu en arrière.

Il s'était servi pour cela de la carte de Pologne du prince Repnin que j'ai envoyée à V. M. avec le premier contreprojet de la convention. Mais comme j'ai observé qu'alors les Autrichiens enclaveraient les duchés de Zator et d'Oswieczin, sur lesquels V. M. peut former des prétensions par rapport à la Silésie, je La supplie de me faire savoir si Elle trouve bon de faire contre cela quelque protestation.

Le prince Lobkowitz a déclaré ici également, que sa cour abandonnait entièrement ses idées sur Belgrade et la Servie. Le comte Panin est cependant dans l'idée, que pour cela elle n'a rien moins renoncé au dessein d'arracher quelque partie de l'empire Ottoman, et il s'attend, que le prince Kaunitz pourrait faire encore quelque proposition là-dessus au prince Gallitzin à Vienne. Il me paraît même qu'il serait bien aise que cela se fit, bien attendu que la cour de Vienne fit sur cela elle-même des propositions à la Porte, et qu'elle se chargeât de la faire valoir. En animant par ce moyen la Porte contre elle, il se flatte de profiter pour rendre meilleures les condi-

---

надо выждать требованій вѣнскаго двора. По этому вопросу еще ничего не рѣшено, но онъ показывалъ мнѣ на картѣ, что по его мнѣнію имъ можно бы предоставить берега Вислы, Краковъ до Сандомира, а оттуда провести прямую линію черезъ болото и Львовское воеводство до Днѣпра, гдѣ ихъ граница заключалась бы угломъ, обозначеннымъ на картѣ, близь Молдавіи, между Каменцомъ и Хотиномъ, немного подалѣе. Онъ пользовался для этого картой Польши князя Репнина, которую я пересылалъ Вашему Величеству вмѣстѣ съ первымъ контпроэктомъ конвенціи. Но замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ австрійцы захватили бы герцогства Заторъ и Освѣчинъ, на которыя Ваше Величество можете имѣть притязанія, относительно Силезіи, почтительнѣйше прошу Ваше Величество сообщить мнѣ, угодно ли Вамъ дѣлать по этому поводу какое либо заявленіе.

Князь Лобковичъ также объявилъ здѣсь, что дворъ его совершенно отказался отъ своихъ видовъ на Бѣлградъ и Сербію. Однако, графъ Панинъ держится того мнѣнія, что дворъ этотъ отнюдь не отказался отъ намѣренія завладѣть какой нибудь частью Оттоманской Имперіи, и онъ ожидаетъ, что князь Кауницъ быть можетъ еще сдѣлаетъ на этотъ счетъ какія либо предложенія князю Голицыну въ Вѣнѣ. Мнѣ кажется даже, что онъ былъ бы очень радъ, если бы это случилось, разумѣется подъ тѣмъ условіемъ, чтобы вѣнскій дворъ самъ сдѣлалъ о томъ предложеніе Портѣ и настоялъ бы на немъ. Посредствомъ сего онъ надѣется воспользоваться возбужденіемъ Порты противъ Австріи для улучшенія условій, при которыхъ Россія возвратила бы

tions sous lesquelles la Russie restituerait la Moldavie et la Valachie, et quoiqu'il n'y aurait pas moyen d'obtenir pour ces deux provinces l'indépendance entière, du moins serait-il possible, que la première retournât à la Porte avec les mêmes conditions sous lesquelles elle s'est soumise autrefois volontièrement, qu'on pourrait obtenir la démolition de Bender et de Choczim, de former de ce pays là un établissement au prince Ghika, ci-devant hospodar de la Valachie, qui se trouve prisonnier ici, et qui a rendu autrefois, lorsqu'il était interprète de la Porte, des services à V. M. et quelquefois aussi à la Russie. Les vues de ce ministre ne se bornent pas à cela, étant assuré qu'il n'a pas la maison d'Autriche à craindre. Il voudrait bien faire encore une campagne contre les Turcs pour leur enlever Ozakoff qu'il serait bien aise de conserver à la Russie, et c'est pour parvenir à tout cela que son opinion est de favoriser les Autrichiens dans leurs demandes et de se montrer généreux pour les acquisitions qu'on leur fera faire en Pologne. Le prince Lobkowitz a eu ordre également de promettre de nouveau le concours parfait de sa cour à faire accélérer la conclusion de la paix avec les Turcs et pour finir entièrement les troubles de la Pologne. Le comte Panin s'est contenté pour le moment de cette déclaration verbale, remettant l'explication ultérieure à l'arrangement final de ces concerts à la négociation qui doit se faire pour le partage. On a été extrêmement flatté ici de ce que V. M. a renvoyé la cour de Vienne à Pétersbourg pour s'arranger là avec l'Impératrice de Russie

---

Молдавію и Валахію, и хотя не удастся достигнуть для этихъ провинцій полной независимости, покрайней мѣрѣ возможно было бы, чтобы первая изъ нихъ возвращена была Портѣ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ она нѣкогда подчинилась добровольно, при чемъ можно бы достигнуть разрушенія Бендеръ и Хотина и образовать изъ этихъ областей владѣніе для князя Гики, бывшаго Валахскаго господаря, а нынѣ здѣшняго плѣнника, который въ прежнее время былъ драгоманъ Порты, оказывалъ услуги Вашему Величеству, а иногда и Россіи. Этимъ не ограничиваются виды этого министра въ томъ случаѣ, если ему нечего будетъ опасаться австрійскаго дома. Онъ бы хотѣлъ сдѣлать еще походъ противъ турокъ, чтобы отнять у нихъ Очаковъ, который желалъ бы сохранить Россіи, и для достиженія всего этого, по мнѣнію его, слѣдуетъ способствовать австрійцамъ въ ихъ требованіяхъ и великодушно отнестись къ ихъ будущимъ пріобрѣтеніямъ въ Польшѣ. Князю Лобковичу также предписано вновь обѣщать полное содѣйствіе его двора къ ускоренію мира съ турками и къ совершенному прекращенію смутъ въ Польшѣ. Въ настоящую минуту графъ Панинъ удовлетворился этимъ словеснымъ заявленіемъ, отложивъ дальнѣйшее объясненіе до окончательнаго рѣшенія вопроса объ этомъ соглашеніи при будущихъ переговорахъ о раздѣлѣ. Здѣсь были чрезвычайно польщены тѣмъ, что Ваше Величество направили вѣнскій дворъ къ петербургскому, дабы тамъ условиться съ русской Императрицей относительно предпо-

sur les acquisitions qu'elle prétend faire en Pologne; et comme elle a aussi déjà consenti à transporter ici toute la négociation, le prince Kaunitz a chargé le prince Lobkowitz de proposer au comte Panin de convenir d'un jour où il puisse se concerter avec lui et le ministre de V. M. sur la manière d'entamer cette négociation et la mettre en règle. Le comte Panin tire un peu de vanité de cette proposition. Il la regarde comme un aveu du prince Kaunitz de l'embarras où il se trouve de se déclarer, mais comme de l'accord de toutes les parties on est convenu d'agir avec tout le secret possible, le comte Panin trouve de l'inconvénient à les rassembler chez lui à la même heure, le ministre de Prusse et celui de Vienne, et il se propose de donner au prince Kaunitz une note par écrit dans laquelle il se référera au plan déjà connu à Vienne de notre convention secrète; il lui dira de demander à sa cour des pleins pouvoirs pour entrer en négociation avec les ministres de l'Impératrice de Russie et avec celui de V. M. sur l'objet des acquisitions et sur les moyens d'obtenir la paix avec la Porte, ainsi que sur ceux pour parvenir à la pacification de la Pologne, et cela relativement au dernier objet suivant le plan communiqué à la cour de Vienne par V. M. depuis plus d'un an. Tout ceci, Sire, est l'ouvrage de cette semaine, le comte Panin n'a pas voulu manquer de me faire connaître préalablement sur ces objets les idées de Sa cour, afin d'en pouvoir faire à temps mon rapport à V. M. Il me remettra la copie de la note qu'il donnera au prince Lobkowitz avec tout ce qui pourrait se rencontrer encore avoir besoin d'être porté à

лагаемыхъ пріобрѣтеній въ Польшѣ, и такъ какъ дворъ этотъ уже согласился перенести сюда всѣ переговоры, князь Кауницъ поручилъ князю Лобковичу предложить графу Панину назначить день, когда бы онъ могъ уговориться съ нимъ и съ министромъ Вашего Величества о томъ, какъ начать эти переговоры и дать имъ ходъ. Графъ Панинъ нѣсколько тщеславится этимъ предложеніемъ. Онъ видитъ въ немъ сознаніе князя Кауница въ затрудненіи высказаться, но такъ какъ съ согласія всѣхъ сторонъ рѣшено дѣйствовать по возможности тайно, то графъ Панинъ находитъ неудобнымъ собрать у себя въ одинъ и тотъ же часъ министровъ прусскаго и вѣнскаго и намѣревается написать ноту князю Коуницу, при чемъ, ссылаясь на планъ нашей тайной конвенціи, уже извѣстный Вѣнѣ, скажетъ ему, испросить у своего двора уполномочія для вступленія въ переговоры съ министрами Императрицы Всероссійской и Вашего Величества, по вопросу о пріобрѣтеніяхъ и о средствахъ достигнуть мира съ Портой, а также, чтобы достигнуть умиротворенія Польши, съ обсужденіемъ послѣдняго вопроса, согласно плану, сообщенному Вашимъ Величествомъ вѣнскому двору болѣе года тому назадъ. Все это, Ваше Величество, совершено было на той недѣлѣ; графъ Панинъ не преминулъ предварительно сообщить мнѣ мысли своего двора объ этихъ вопросахъ, дабы я могъ своевременно доложить о томъ Вашему Величеству. Онъ передастъ мнѣ копію съ ноты, которую вручитъ князю Лобковичу вмѣстѣ со всѣми свѣдѣніями, потребными для сообщенія Вашему Величеству, и я буду

la connaissance de V. M., et je pourrai envoyer le tout par le courrier qui sera chargé des ratifications....

№ 611.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 1 Avril). A St. Pétersbourg, le 9 (20) Mars 1772.

Contenu: Déclaration de la Russie sur l'égalité des acquisitions remises au prince Lobkowitz, qui a reçu encore du comte Panin la note pour ouvrir la négociation entre les trois cours intéressées.

№ 612.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 8 Avril). A St. Pétersbourg, le 12 (23) Mars 1772.

J'expédie le porteur de ce présent rapport le chasseur Sonnenberg pour présenter très-humblement à V. M. les ratifications de Sa Maj. l'Impératrice de Russie de la convention secrète, de l'article séparé et plus secret et de la convention particulière pour l'entretien des troupes auxiliaires, telles qu'elles ont été arrêtées et signées ici précédemment et dont l'échange s'est fait hier. Je ne m'arrêterai pas à rendre verbalement les assurances que les ministres de Sa Maj. l'Impératrice de Russie, M. le comte de Pa-

---

имѣть возможность отправить все это съ курьеромъ, которому поручены будутъ ратификаціи.

Графъ Сольмсъ Королю.

Подано 1 апрѣля. С.-Петербургъ, $^{9}/_{20}$-го марта 1772 г.

№ 611. Содержаніе: декларація Россіи по вопросу о равенствѣ пріобрѣтеній, поданная князю Лобковичу, получившему также отъ графа Панина ноту для открытія переговоровъ между тремя заинтересованными дворами.

Графъ Сольмсъ Королю.

Подано 8 апрѣля. С.-Петербургъ, $^{12}/_{23}$-го марта 1772 г.

№ 612. Отправляю подателя этого письма фельдъегеря Зонненберга для всепокорнѣйшаго представленія Вашему Величеству ратификаціи Ея Величествомъ Русской Императрицей тайной конвенціи, отдѣльной и еще болѣе секретной конвенціи и отдѣльной конвенціи касательно продовольствія вспомогательныхъ войскъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были установлены и предварительно подписаны, а вчера произошелъ ихъ обмѣнъ. Не буду останавливаться надъ подробной передачей увѣреній, вновь высказаныхъ мнѣ министрами Ея Величества Русской Императрицы, графомъ Панинымъ и княземъ Го-

nin et le prince de Galitzin, m'ont renouvellées du plus grand contentement de leur souveraine, de l'heureuse conclusion de cette importante négociation, et de la satisfaction qu'ils ressentaient eux mêmes d'y avoir été employés. Je me bornerai de Vous assurer, Sire, que j'ai le bonheur de voir tous ceux, qui ont quelque connaissance seulement de l'affaire, sincèrement joyeux et contents de son accomplissement. J'ai fait connaître aussi aux deux ministres les intentions de V. M. par rapport au présent de 5000 roubles pour chacun d'eux, et de mille pour la chancellerie, ce qu'ils ont reçu avec les témoignages de la plus respectueuse reconnaissauce, me priant de faire parvenir à V. M. leurs très-humbles remercîments.

Ayant eu l'honneur vendredi passé de prévenir V. M. par l'occasion du courrier, que le prince de Lobkowitz a envoyé à Vienne par Berlin, de la signature de l'acte sur l'égalité des acquisitions pour la maison d'Autriche par l'Impératrice de Russie dans les mêmes termes qu'il avait plu à V. M. de le ratifier et d'une note qui avait été remise au dit ministre de leurs M-tés Impériales et Royales à cette cour-ci, j'ai maintenant celui de joindre à ce rapport d'aujourd'hui la copie de cette note que le comte de Panin m'a délivrée. Comme tout ce qu'elle contient sont des choses qui Vous sont, Sire, entièrement connues et qui n'ont été réglés ainsi qu'en vertu de Votre approbation et de Votre consentement, le comte Panin a regardé comme superflu de les exposer dans un mémoire à part adressé particulièrement à V. M. Il m'a commis seulement de la prier de vouloir bien, si elle le

---

лицынымъ, по поводу того, какъ довольна ихъ Государыня счастливымъ окончаніемъ этихъ важныхъ переговоровъ, и какъ сами они рады, что участвовали въ нихъ. Ограничусь только тѣмъ, что увѣрю Ваше Величество, что я имѣю счастіе видѣть всѣхъ знающихъ объ этомъ дѣлѣ искренно довольными его заключеніемъ. Я также передалъ обоимъ министрамъ намѣренія Вашего Величества относительно подарка въ 5.000 р. каждому изъ нихъ и 1000 р. на канцелярію, что было принято ими съ выраженіями почтительнѣйшей признательности, при чемъ они просили меня передать Вашему Величеству ихъ всепокорнѣйшую благодарность.

Въ прошлую пятницу, съ курьеромъ отправленнымъ княземъ Лобковичемъ черезъ Берлинъ въ Вѣну, я имѣлъ честь увѣдомить Ваше Величество о подписаніи Русской Императрицей акта о равенствѣ пріобрѣтеній австрійскаго дома въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какія угодно было Вашему Величеству ратификовать, и объ нотѣ, выданной упомянутому министру Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ при здѣшнемъ дворѣ; нынѣ же имѣю честь приложить къ настоящему донесенію копію съ ноты, врученной мнѣ графомъ Панинымъ. Такъ какъ все въ ней заключающееся составляетъ вопросы, вполнѣ извѣстные Вашему Величеству и опредѣленные такимъ образомъ лишь въ силу Вашего одобренія и согласія, графъ Панинъ счелъ излишнимъ излагать ихъ въ особой меморіи, адресованной Вашему Величеству. Онъ только по-

trouvait bon, faire parvenir à moi les plein-pouvoirs, afin de m'autoriser d'entrer conjointement avec le ministre de Sa Maj. l'Impératrice de Russie en négociation avec le ministre de L. L. MM. II. et R. R., le prince de Lobkowitz, pour une convention entre les trois cours sur l'évaluation des réquisitions communes à faire par elles en Pologne, et pour concourir aux voies à prendre pour la pacification de la Pologne, et à l'emploi des bons offices pour accélérer et déterminer la paix entre la Russie et la Porte.

№ 613.

Note de la part de monsieur le comte de Panin pour monsieur le prince de Lobkowitz, ministre plénipotentiaire de LL. M. M. II. et R. R.

Dans ce moment où l'on vient d'établir la base des nouveaux intérêts, qui doivent donner à l'amitié ét à la bonne intelligence permanentes des deux cours Impériales les effets de l'intimité d'une union, le comte Panin se félicite sincèrement et se plaît à marquer à Mr. le prince de Lobkowitz toute sa satisfaction de voir les choses arrivées à des termes si heureux. Il répond avec empressement à la proposition que Mr. le prince de Lobkowitz lui a faite relativement au concert pour parvenir à la conclusion d'une convention formelle ici à St. Pétersbourg entre les trois cours, et il adopte entièrement le sentiment de Mr. le prince de Kaunitz sur cette marche de la négociation. Le comte de Panin avant tout à l'honneur de communiqner

---

ручилъ мнѣ просить Ваше Величество, если Вамъ будетъ то угодно, благоволить выслать мнѣ полномочіе, дабы разрѣшить мнѣ вмѣстѣ съ министромъ Ея Величества Русской Императрицы войти въ переговоры съ министромъ Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ, князем Лобковичемъ, касательно конвенціи между тремя дворами для опредѣленія взаимныхъ пріобрѣтеній, предполагаемыхъ ими въ Польшѣ, и для содѣйствія средствамъ къ умиротворенію Польши и посредничества къ ускоренію и опредѣленію мира между Россіей и Портой. Остаюсь и пр.

Нота графа Панина князю Лобковичу, уполномоченному министру Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ.

№ 613. Въ настоящую минуту, когда опредѣлены основанія новыхъ интересовъ, долженствующихъ придать постоянной дружбѣ и согласію обоихъ императорскихъ дворовъ характеръ тѣснаго союза, графъ Панинъ искренно радуется и спѣшитъ высказать князю Лобковичу какъ пріятно ему видѣть, что дѣла приняли столь счастливый оборотъ. Онъ спѣшитъ отвѣтить на сдѣланное ему княземъ Лобковичемъ предложеніе относительно соглашенія, въ видахъ заключенія въ Петербургѣ формальной конвенціи между тремя дворами, и онъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ князя Кауница по вопросу о способѣ веденія переговоровъ. Прежде всего графъ Панинъ имѣетъ

spécialement à Mr. le prince de Lobkowitz le plan du concert arrêté entre l'Impératrice et le roi de Prusse conséquemment à l'état actuel de la Pologne, plan qui, à l'heure qu'il est, aura déjà été communiqué confidemment à Mr. le prince de Kaunitz par le prince de Galitzin, et il y ajoute pour information ultérieure et plus confidentielle, que déjà depuis quelque temps sa cour et celle de Berlin ont signé entre elles une convention mot à mot conforme au dit plan.

Il paraît au comte de Panin et il se flatte que Mr. le prince Lobkowitz en portera le même jugement que la mesure la plus unie, la plus naturelle et la plus prompte est qu'il soit signé entre les trois cours une convention tout à fait pareille. Il a l'honneur de prévenir Mr. le prince de Lobkowitz qu'il en a déjà conféré avec le comte de Solms, et que ce ministre se chargera d'écrire à sa cour pour que les instructions et pleinpouvoirs lui soient envoyés dans des termes analogues à un tel dessein. Mr. le comte de Panin croit donc devoir prier Mr. le prince de Lobkowitz de vouloir bien dans son rapport à sa cour y faire les représentations qu'il jugera convenables pour que cette mesure y soit pareillement goûtée, et demander que ses instructions et ses pleinpouvoirs y correspondent. Comme au moyen de la communication déjà faite à la cour Impériale et Royale du concert arrêté entre l'Impératrice et le roi de Prusse, dont la convention n'est que la copie revêtue des formalités ordinaires, on aura pu y faire l'évaluation de ses in-

---

честь специально сообщить князю Лобковичу проэктъ соглашенія условленнаго между Императрицей и королемъ прусскимъ касательно настоящаго положенія Польши, проэктъ, который въ настоящую минуту уже конфиденціяльно сообщенъ князю Кауницу княземъ Голицынымъ, и прибавить при семъ, для дальнѣйшаго и болѣе конфиденціальнаго свѣденія, что нѣсколько времени тому назадъ между его дворомъ и берлинскимъ подписана конвенція, отъ слова до слова тождественная съ упомянутымъ проэктомъ.

Графъ Панинъ предполагаетъ и надѣется, что князь Лобковичъ также признаетъ, что мѣра самая согласная, естественная и быстрая заключается въ подписаніи тремя дворами совершенно одинаковой конвенціи. Онъ имѣетъ честь предупредить князя Лобковича, что уже обсуждалъ этотъ вопросъ съ графомъ Сольмсомъ, и этотъ министръ обѣщалъ написать своему двору о высылкѣ ему инструкцій и полномочій, составленныхъ въ выраженіяхъ соотвѣтствующихъ этому плану. Поэтому графъ Панинъ считаетъ долгомъ просить князя Лобковича, изложить въ своемъ докладѣ двору своему доводы, какіе онъ признаетъ нужными, въ видахъ одобренія этой мѣры, испрашивая въ то же время соотвѣтствующія тому инструкціи и уполномочія. Такъ какъ, вслѣдствіе сообщенія уже сдѣланнаго Императорскому и Королевскому двору о соглашеніи условленномъ между Императрицей и королемъ прусскимъ, съ каковаго соглашенія, конвенція составляетъ лишь копію облеченную обычными формальностями, Австрія имѣя уже возможность опредѣлить свои интересы сравнительно съ тѣмъ, что усло-

térêts sur ceux que la cour de Russie et celle de Berlin ont stipulés pour elles, on a lieu de se flatter que Mr. le prince de Lobkowitz ne tardera pas à recevoir des instructions et à être autorisé à signer une convention sur le même plan et dans les mêmes termes qui portera les stipulations en faveur de sa cour avec celles qui sont pour la cour de Russie et celle de Berlin.

Après la signature de cette convention le moyen, le plus propre à en accélérer l'effet, sera que les deux cours s'entendent et conviennent des voies à prendre pour opérer la pacification des troubles intérieurs de la Pologne, et dans quel terme cette pacification devra s'effectuer. Sa Maj. Impériale n'a point d'autres vues à ce sujet et Elle est dans les mêmes dispositions et les mêmes sentiments que son ministre le prince de Galitzin a communiqués à Mr. le prince de Kaunitz dans un plan relatif à ces affaires, et ce sont aussi les termes sur lesquels l'Impératrice est d'accord avec le roi de Prusse.

Sa Maj. Impériale, en recevant un acte qui lui manifeste les sentiments sincères de LL. MM. II. et RR. pour le maintien de l'amitié et de la bonne harmonie qui subsiste heureusement entre Elle et leurs Majestés, et qui ouvre les moyens les plus propres à l'affirmer et la perpétuer invariablement, et y répondant par celui qu'Elle y donne de son côté, se persuade avec confiance que les bons offices de LL. MM. II. et RR. pour accélérer et déterminer sa paix avec la Porte seront plus pressants et plus efficaces que jamais.

влено русскимъ и берлинскими дворами, то надѣются, что князь Лобковичъ не замедлитъ получить инструкціи съ уполномочіемъ подписать конвенцію, составленную по тому же плану и въ тѣхъ же выраженіяхъ, по вопросу объ условіяхъ въ пользу его двора, а также дворовъ русскаго и берлинскаго. По подписаніи этой конвенціи, наилучшее средство ускорить ея дѣйствіе будетъ заключаться въ томъ, чтобы оба двора пришли къ соглашенію относительно мѣръ къ прекращенію внутреннихъ безпорядковъ въ Польшѣ, а также срока для заключенія этого умиротворенія. Ея Императорское Величество не имѣетъ иныхъ видовъ касательно этого предмета и остается вѣрна тѣмъ же мыслямъ, которыя ея министръ князь Голицынъ сообщилъ князю Кауницу въ проэктѣ, относящемся до этихъ дѣлъ, и по всѣмъ этимъ вопросамъ Императрица также согласна съ королемъ прусскимъ. Ея Императорское Величество, получивъ документъ, свидѣтельствующій объ искреннемъ желаніи Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ сохранить дружбу и согласіе, счастливо существующія между Нею и Ихъ Величествами, и открывающій наилучшій путь къ укрѣпленію и упроченію этихъ чувствъ, которыя они съ своей стороны вполнѣ раздѣляютъ, совершенно убѣждена, что содѣйствіе Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ къ ускоренію мира съ Портой будетъ настоятельнѣе и дѣйствительнѣе чѣмъ когда бы то ни было. Въ столь благопріятномъ настроеніи при русскомъ дворѣ ожидаютъ

Dans une position ainsi favorable, on attend avec impatience à la cour de Russie de savoir le retour du courrier que la cour Impériale et Royale a envoyé à Constantinople pour y proposer un armistice et le congrès, en y faisant connaître en même temps l'avis et le sentiment de LL. MM. II. et RR. sur l'un et l'autre.

P. S. Depuis l'arrivée du comte de Raguina de Raguse à Pétersbourg, qui y est depuis le mois de Novembre de l'année passée, pour solliciter la grâce de sa république pour les offenses que la cour de Russie prétend en avoir reçues, usera (?) aujourd'hui pour la première fois que je me trouverai en état de faire à ce sujet mon très-humble rapport à V. M.

D'abord, après son arrivée le comte de Raguina est venu me trouver pour me mettre au fait des griefs que la Russie avait contre la république de Raguse, qui à ce qu'il me disait alors consistaient: 1) en ce que son consul à Gênes avait empêché la sortie du port de Gênes à un vaisseau que les Russes y avaient achetés; 2) de ce que les vaisseaux ragusains avaient transporté dans la mer Méditerranée des provisions et des munitions aux places turques; 3) qu'un capitaine ragusain avait tiré contre un vaisseau russe.

P. S. Il (Le comte de Panin) a accepté avec la déférence la plus respectueuse le projet pour le manifeste à donner en Pologne. Il a témoigné qu'il était fort aisé d'être prévenu par là des intentions de V. M. à ce sujet, et il se promet d'autant plus de facilité pour l'arrangement de ses propres

---

съ нетерпѣніемъ извѣстія о возвращеніи курьера, отправленнаго въ Константинополь Императорскимъ и Королевскимъ дворомъ для предложенія перемирія и конгресса, съ объясненіемъ образа мыслей Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ относительно того и другаго.

P. S. I. Со времени прибытія въ Петербургъ изъ Рагузы графа Рагина, находящагося здѣсь съ ноября прошлаго года для испрошенія прощенія своей республикѣ въ оскорбленіяхъ, которыя по мнѣнію русскаго двора нанесены ему, я только сегодня въ первый разъ буду имѣть возможность представить объ этомъ Вашему Величеству мой всеподданнѣйшій докладъ.

По пріѣздѣ своемъ, графъ Рагина былъ у меня для сообщенія мнѣ поводовъ къ жалобамъ Россіи на Рагузскую республику, заключающихся, по словамъ его, въ слѣдующемъ: во-первыхъ, консулъ республики въ Генуѣ помѣшалъ выходу изъ генуезскаго порта корабля, купленнаго тамъ русскими. Во-вторыхъ, рагузскіе корабли перевозили по Средиземному морю провіантъ и военные запасы, предназначенные въ турецкія укрѣпленія. Въ третьихъ, одинъ рагузскій капитанъ корабля стрѣлялъ въ русскій корабль.

P. S. II. Онъ (графъ Панинъ) принялъ съ величайшимъ почтеніемъ проэктъ манифеста Польшѣ. Онъ высказалъ, что ему весьма пріятно быть такимъ образомъ предупрежденнымъ о намѣреніяхъ Вашего Величества, касательно этого предмета, и онъ на-

idées afin de les accorder à celles de V. M. Il a pris la pièce pour l'étudier avec attention et il m'a promis de me communiquer ses observations là-dessus dans un couple de jours.

(Solms fait mention au commencement de sa dépêche de la reception des ordres immédiats et médiats du 6, 8, 9 et 10 de ce mois, avec le *projet d'un manifeste pour la Pologne*).

№ 614.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 12 Avril). A St. Pétersbourg, le 16 (27) Mars 1772.

Contenu: Déclaration formelle faite par le prince Kaunitz que sa cour approuve entièrement le plan de partage et qu'elle y accédera. Le manifeste de la Russie sera semblable au manifeste prussien à quelques différences près. Le comte Panin persuadé que le prince Kaunitz ayant changé de plan sur les affaires présentes, quoique ce soit à regret, n'en suivra pas moins fidèlement le nouveau plan. 2) La cour de Russie indécise encore sur ce qu'il faut prendre pour mesure de la portion de la Pologne, à assigner à la cour de Vienne, attend les demandes de celle-ci pour se déterminer.

Le chasseur Sonnenberg qui est parti d'ici mardi passé avec les ratifications des derniers traités et mes rapports du 23 de ce mois, les aura

---

дѣется тѣмъ съ большей легкостью осуществить свои собственныя намѣренія, согласуя ихъ съ мнѣніями Вашего Величества. Онъ взялъ этотъ документъ для внимательнаго его изученія и обѣщалъ сообщить мнѣ дня черезъ два свои заключенія о немъ.

(Сольмсъ извѣщаетъ вначалѣ о полученіи послѣднихъ приказаній отъ 6-го, 8-го, 9-го и 10-го текущаго мѣсяца съ проэктомъ манифеста для Польши).

Графъ Сольмсъ Королю.

(Подано 12-го апрѣля). С.-Петербургъ, 16-го (27-го) марта 1772 г.

№ 614. Содержаніе: 1) Формальная декларація князя Кауница о томъ, что дворъ его вполнѣ одобряетъ проэктъ раздѣла и будетъ въ немъ участвовать, русскій манифестъ будетъ подобенъ прусскому за нѣкоторыми лишь измѣненіями. Графъ Панинъ убѣжденъ, что князь Кауницъ, измѣнивъ намѣренія относительно настоящихъ дѣлъ, хотя бы то и съ сожалѣніемъ, тѣмъ не менѣе въ точности послѣдуетъ новому плану. 2) Русскій дворъ, еще не придя къ окончательному рѣшенію относительно размѣра той части Польши, которая отойдетъ во владѣніе вѣнскаго двора, ожидаетъ его требованій, чтобы рѣшить этотъ вопросъ.

Фельдъегерь Зонненбергъ, выѣхавшій отсюда въ прошлый вторникъ съ ратификаціями послѣднихъ трактатовъ и моими донесеніями отъ 23-го сего мѣсяца, надѣюсь,

j'espère déjà présentés à V. M., avant l'arrivée de celui d'aujourd'hui. Par un courrier arrivé de Vienne avant-hier le prince Galitzin a informé sa cour, qu'il avait communiqué au prince Kaunitz le plan du partage de Pologne, que celui-ci en avait écouté la lecture avec une très-grande attention, qu'à l'article de la distribution des provinces il avait dit en souriant, qu'il avouait que les deux cours avaient coupé en plein drap, et qu'à la fin il avait pris le tout ad referendum; que quelques jours après il avait dit au prince Galitzin qu'il n'était pas encore en état de lui donner une réponse formelle, qu'il y travaillait et qu'il lui faudrait bien une huitaine de jours pour la préparer et pour l'achever. En attendant, il lui a déclaré par ordre exprès de l'empereur et de l'impératrice qu'ils approuvaient entièrement le plan qu'avait été arrêté entre V. M. et la Russie, qu'ils étaient bien résolus d'y accéder, et qu'il le priait d'en informer préalablement sa cour. Il lui a fait part en même temps que, suivant les nouvelles qu'il avait reçues de Constantinople, les ministres de V. M. et celui de sa cour avaient présentés conjointement leur proposition pour l'armistice et pour l'assemblée d'un congrès, que la Porte avait déclaré vouloir accepter le premier, en témoignant cependant, qu'elle désirait qu'il fût conclu sous la garantie de V. M. et de l'empereur; qu'au reste elle n'avait encore point donné de réponse décisive sur aucun de ces deux objets, mais qu'elle avait fait savoir à ces deux ministres, que comme l'affaire était d'une très-grande importance, il était impossible de prendre là-dessus une résolution sur le champ, et que la

---

уже вручилъ ихъ Вашему Величеству, до прибытія настоящаго моего донесенія. Князь Голицынъ черезъ, курьера прибывшаго изъ Вѣны третьяго дня, увѣдомилъ свой дворъ о томъ, что онъ сообщилъ планъ раздѣла Польши князю Кауницу, который выслушалъ чтеніе его съ величайшимъ вниманіемъ; по поводу статьи о распредѣленіи провинцій, онъ съ улыбкой замѣтилъ, что оба двора себя не обидѣли, и въ заключеніе принялъ все ad referendum, а нѣсколько дней спустя сказалъ князю Голицыну, что еще не въ состояніи дать ему формальнаго отвѣта, уже начатаго имъ, но еще требующаго недѣли для полной и окончательной обработки. Въ ожиданіи же сего, онъ объявилъ ему отъ имени императора и императрицы-матери, что они совершенно одобряютъ планъ, условленный между Вашимъ Величествомъ и Россіей, что они рѣшились участвовать въ немъ и просятъ его увѣдомить о томъ предварительно свой дворъ. Въ то же время онъ передалъ ему, что, судя по извѣстіямъ полученнымъ имъ изъ Константинополя, министры Вашего Величества и его двора представили вмѣстѣ свое предложеніе о перемиріи и о созваніи конгресса, при чемъ Порта объявила намѣреніе согласиться на первое изъ этихъ предложеній, выразивъ, однако, желаніе, чтобы оно было заключено и гарантировано, Вашимъ Величествомъ и императоромъ. Впрочемъ, Порта не дала еще положительнаго отвѣта ни по одному изъ этихъ двухъ вопросовъ, но сообщитъ обоимъ министрамъ, что такъ какъ дѣло это чрезвычайно важно, то не-

Porte se reservait de répondre par écrit au mémoire qui lui avait été remis. On a été bien content ici de recevoir à la fois ces deux nouvelles, qui augmentent l'espérance qu'on pourra sortir de bonne manière des troubles et des embarras dans lesquels la Russie s'est vue enveloppée depuis plusieurs années. Le comte Panin qui me les a communiquées, Sire, m'a prié en même temps de Vous faire ses très-humbles remercîments du projet du manifeste à publier en Pologne qu'il vous a plu de lui envoyer. Il se trouve flatté d'avoir pensé sur ce sujet comme V. M., et comme il croit le conserver presque en entier quelque chose près qui regarde les engagements de la Russie avec la Pologne par le traité d'Andrussow, qui a été annullé en 1686 par celui de Moscou, il se réserve la permission de faire quelques changements dans le manifeste et de le renvoyer à l'approbation de V. M. Je lui ai fait voir de mon côté le rapport que V. M. a reçu en date du 6 de Février de Paris sur les dernières tentatives que le prince Kaunitz a faites auprès de la cour de Versailles pour l'entraîner dans son premier système, et qui font voir que ce n'est qu'aprés avoir été refusé qu'il a pris le parti de changer de sentiment. Le comte Panin trouve la chose vraisemblable et son opinion est, que le prince Kaunitz s'est défendu jusqu'à la dernière extrêmité avant que d'abandonner son ouvrage et son système favori avec la France; mais voyant enfin les inconvénients qui en résulteraient pour sa

---

возможно тотчасъ же придти къ рѣшенію, предоставляя себѣ при этомъ отвѣтить письменно на поданную ей меморію. Здѣсь были очень довольны одновременнымъ полученіемъ этихъ двухъ извѣстій, усиливающихъ надежду на благополучный исходъ изъ тѣхъ затрудненій и безпокойствъ, которымъ Россія была подвержена въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Графъ Панинъ, сообщившій мнѣ это, просилъ меня въ то же время передать Вашему Величеству его всепокорнѣйшую благодарность за проэктъ манифеста Польшѣ, который Вашему Величеству угодно было ему выслать. Ему лестно, что его мысли встрѣтились съ мыслями Вашего Величества по этому вопросу, и такъ какъ онъ намѣревается сохранить манифестъ безъ малѣйшаго измѣненія, за исключеніемъ нѣкоторой части относящейся до обязательствъ между Россіей и Польшей по смыслу Андрусовскаго договора, уничтоженнаго въ 1688 г. договоромъ Московскимъ, онъ разсчитываетъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и затѣмъ переслать манифестъ на одобреніе Вашего Величества. Съ своей стороны я показалъ ему донесеніе, полученное Вашимъ Величествомъ изъ Парижа отъ 6-го февраля, относительно послѣднихъ попытокъ, сдѣланныхъ княземъ Кауницомъ при версальскомъ дворѣ для склоненія его къ своей первоначальной системѣ, изъ чего ясно, что онъ рѣшился перемѣнить мнѣніе не ранѣе, какъ потерпѣвъ отказъ. Графъ Панинъ находитъ это правдоподобнымъ и полагаетъ, что князь Кауницъ защищался до послѣдней крайности прежде чѣмъ отказаться отъ своего плана и отъ своей любимой системы союза съ Франціей, но увидя наконецъ неудобства, въ которыя это вовлекло бы его дворъ,

cour, il s'est rendu à la nécessité, et qu'il y avait apparence qu'il se tiendrait à ce nouveau système avec la même fermeté aussi longtemps, qu'il le trouverait conforme aux intérêts de la maison d'Autriche. Il a donné au prince Galitzin les assurances les plus fortes de la sincérité de l'intention de ses maîtres de cimenter l'union entre les deux cours Impériales.

J'ai reçu par la poste d'hier les ordres immédiats de V. M. du 11 et du 12 de ce mois avec le rapport de Constantinople du 3 de Février. Comme leur arrivée s'est rencontrée avec le jour du conseil, je n'ai pu encore conférer là dessus avec le ministère de Sa Maj. l'Impératrice. Je me suis contenté seulement d'envoyer au comte de Panin les nouvelles de Turquie avec l'extrait des ordres du 11 touchant l'observation de l'égalité pour la maison d'Autriche dans l'assignation de sa portion de la Pologne; mais je suis, Sire, très-aise de pouvoir vous assurer que j'ai déjà parlé auparavant sur ce sujet, que j'ai recommandé la nécessité de ne pas perdre de vue cette égalité, et de penser d'avance à la déterminer qu'on pourrait prendre pour mesures que ce fut sur la quantité des habitants ou sur l'étendue du pays ou sur le rapport des revenus. On n'a pas su se déterminer sur cela et on m'à dit, qu'il fallait voir auparavant les demandes de la cour Impériale, et V. M. aura trouvé dans mon rapport du 17 de ce mois les idées de ce ministre sur la part qu'il estime qu'on pourrait lui accorder. Au reste, comme Elle aura daigné s'appercevoir par le contenu de mes dernières lettres que l'intention

---

онъ покорился необходимости, и, повидимому, будетъ держаться новой системы съ той же твердостью до тѣхъ поръ, пока найдетъ то выгоднымъ для интересовъ австрійскаго дома. Онъ увѣрялъ князя Голицына въ искренности намѣреній его повелителей скрѣпить союзъ между обоими императорскими дворами.

Я получилъ съ вчерашней почтой непосредственныя повеленія Вашего Величества отъ 11-го и 12-го ч. сего мѣсяца вмѣстѣ съ донесеніемъ изъ Константинополя отъ 3-го февраля. Такъ какъ полученіе ихъ совпало съ днемъ обычныхъ совѣщаній я не могъ еще переговорить объ этомъ съ министерствомъ Ея Императорскаго Величества. Поэтому я могъ только переслать графу Панину извѣстія изъ Турціи съ извлеченіемъ о приказаніяхъ отъ 11-го, касательно соблюденія равенства въ опредѣленіи австрійскому дому доли въ раздѣлѣ Польши; но мнѣ весьма пріятно доложить Вашему Величеству, что я уже заранѣе говорилъ объ этомъ предметѣ, указывалъ на необходимость не терять изъ виду это равенство и заранѣе подумать объ опредѣленіи этой доли, принявъ за мѣру число жителей, пространство земли, или размѣръ дохода. Въ этомъ отношеніи еще не пришли къ рѣшенію, и отвѣчали мнѣ, что прежде всего надо видѣть требованія императорскаго двора, и Ваше Величество уже видѣли изъ моего донесенія отъ 17-го сего мѣсяца мысли этого министра о долѣ, которую можно въ этомъ случаѣ предоставить названному двору. Впрочемъ, какъ Ваше Величество изволили усмотрѣть изъ содержанія моихъ послѣднихъ доне-

de cette cour est que j'intervienne de la part de V. M. comme étant partie principale dans la négociation qui doit se faire ici avec le prince Lobkowitz, il dépendra d'Elle de m'honorer d'instructions spéciales sur la détermination de cette égalité, et je suis persuadé qu'on y fera toute l'attention nécessaire.

№ 615.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 14 Avril). A St. Pétersbourg, le 20 (31) Mars 1772.

Contenu: Réponse à la dépêche du roi.

Les derniers ordres immédiats de V. M. du 15 de ce mois m'ont été bien rendus et je suivrai les instructions qu'elles contiennent dans les entretiens que j'aurai avec le comte Panin sur la possibilité d'une union entre V. M., la Russie et la cour de Vienne. Depuis le départ de mon dernier rapport j'ai eu l'occasion de lui parler des intentions de V. M. sur la nécessité d'observer une juste égalité dans l'assignation de la portion pour la maison d'Autriche. Il est bien d'accord sur le principe que la portion ne doit excéder celle de V. M., mais il n'est pas bien décidé encore sur la manière de faire l'application de ce principe. Il attend pour cela que la cour de Vienne expose ses demandes pour voir si elles ne vont pas au-delà de ce

---

сеній, что здѣшній дворъ желаетъ, чтобы я участвовалъ отъ имени Вашего Величества, какъ главной стороны, въ переговорахъ, которые будутъ имѣть здѣсь мѣсто съ княземъ Лобковичемъ, то отъ Вашего Величества будетъ зависѣть почтить меня точными инструкціями относительно опредѣленія этого равенства, и я убѣжденъ, что къ нимъ отнесутся съ должнымъ вниманіемъ.

Графъ Сольмсъ Королю.

(Подано 14-го апрѣля). С.-Петербургъ, 20 (31-го) марта 1772 г.

№ 615. Содержаніе: отвѣтъ на депешу короля.

Послѣднія непосредственныя повелѣнія Вашего Величества отъ 15-го сего мѣсяца были мнѣ своевременно вручены и я буду слѣдовать заключающимся въ нихъ инструкціямъ во время переговоровъ, предстоящихъ мнѣ съ графомъ Панинымъ, о возможности союза между Вашимъ Величествомъ, Россіей и вѣнскимъ дворомъ. Со времени отправленія моего послѣдняго донесенія я имѣлъ случай говорить съ графомъ Панинымъ о намѣреніяхъ Вашего Величества относительно необходимости соблюсти справедливое равенство при опредѣленіи доли австрійскаго дома. Онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что въ принципѣ доля эта не должна превышать доли Вашего Величества, но еще не рѣшилъ какимъ путемъ примѣнить къ дѣлу эту мысль. Для этого онъ ожидаетъ, чтобы вѣнскій дворъ изложилъ свои требованія, желая убѣдиться,

qu'il lui destine pour sa part, suivant ce que j'en ai mandé dans mon rapport du 10 de ce mois, et sur quoi j'attends les ordres de V. M. Au reste, on ne trouve point de raison relative à la Russie pour reculer le terme de la prise de possession, pour elle et pour V. M. au-delà du mois de Juin. Le comte Panin m'a dit que chez-eux tout était arrangé de façon qu'elle puisse avoir lieu alors.

№ 616.

Le comte de Finkenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

A Berlin, le 4 Avril 1772,

Quoique j'ai déjà répondu à Vos dernières dépêches du 17 et du 20 de Mars, j'ai cru cependant devoir retoucher encore la matière des acquisitions qui doivent être stipulées en faveur de la maison d'Autriche, cet article étant trop essentiel pour ne pas exiger l'attention la plus sérieuse de la part de la Russie aussi bien que de la mienne, afin d'écarter d'avance tout ce qui pourrait faire naître des inconvénients préjudiciables à nos intérêts. Je vous dirai donc d'abord, qu'en posant pour premier principe que ces acquisitions doivent être prises sur la Pologne et non pas sur les provinces Ottomanes, j'ai été charmé de voir par les ouvertures que le comte Panin vous a faites, que les idées de ce ministre vont à excepter nommément la

---

не превзойдутъ-ли они то что онъ предназначаетъ на ихъ долю, согласно съ переданнымъ мною въ донесеніи отъ 10-го этого мѣсяца, на что ожидаю приказаній Вашего Величества. Впрочемъ, неусматривается причины отдалить срокъ вступленія во владѣніе какъ для Россіи такъ и для Вашего Величества далѣе іюня мѣсяца. Графъ Панинъ передавалъ мнѣ, что у нихъ приняты всѣ мѣры, дабы исполненіе этого рѣшенія могло совершиться къ этому времени.

Графъ Финкенштейнъ и г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 4-го апрѣля 1772 г.

№ 616. Хотя я уже отвѣчалъ на послѣднія депеши Ваши отъ 17-го и 20-го марта, я счелъ однако долгомъ вернуться къ вопросу о пріобрѣтеніяхъ назначаемыхъ въ пользу австрійскаго дома, такъ какъ это обстоятельство слишкомъ важно, чтобы не привлекать особенно самаго серьезнаго вниманія, какъ со стороны Россіи такъ и съ моей стороны, во избѣжаніе всего могущаго подать и впредь поводъ къ затрудненіямъ пагубнымъ для нашихъ интересовъ. И такъ, скажу Вамъ прежде всего, что, опредѣливъ первымъ основаніемъ, чтобы пріобрѣтенія эти были взяты отъ Польши, а не провинцій оттоманскихъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ изъ переданнаго Вамъ графомъ Панинымъ, что по мнѣнію этого министра слѣдуетъ исключить

ville de Cracovie de la portion autrichienne, ce qui est d'autant plus juste que le démembrement de cette ancienne capitale du royaume n'aurait pu que rencontrer des difficultés à l'infini. Il pourrait d'ailleurs m'être assez indifférent que la cour de Vienne étendit ses possessions jusqu'à la Vistule, s'il n'en résultait deux inconvénients, que je suis bien aise de vous faire observer. Le premier, que la Haute-Silésie se trouverait pour ainsi dire entièrement enclavée par là dans les états de la maison d'Autriche, ce qui comme vous le sentirez vous-même ne saurait convenir à mes intérêts. Le second, que les salines, qui se trouvent dans ces environs, pourraient de cette manière lui tomber en partage, ce qui indépendamment du tort qni en pourrait naître pour le débit du sel de mes états, enleverait en même temps au roi de Pologne une des principales branches de ses revenus qui lui ont été assignés sur ces salines. Ces considérations qui sont des plus importantes me feraient désirer, qu'on pût engager la cour de Vienne à prendre sa part dans cette partie de la Pologne, qui est située entre la Hongrie et la ville de Lemberg, où elle trouverait suffisamment de quoi s'étendre et faire sa convenance, sans que les intérêts de la Russie ni les miens en puissent souffrir le moindre préjudice. Vous ferez donc bien de prévenir le comte Panin sur tout ceci, et vous tâcherez de lui faire goûter cette idée, afin de le munir d'avance contre les projets, que l'ambition de la cour de Vienne pourrait suggérer au prince Kaunitz, et comme il faut s'attendre à des prétensions assez fortes de la part de ce ministre, je ne saurai assez vous re-

---

изъ доли Австріи городъ Краковъ; это тѣмъ справедливѣе, что отнятіе этой древней столицы королевства должно было встрѣтить безчисленныя затрудненія. Къ тому же для меня было бы безразлично расширеніе владѣній вѣнскаго двора вплоть до Вислы, если-бы оно не влекло за собою двухъ затрудненій, которыя я Вамъ тутъ кстати изложу. Во-первыхъ, въ такомъ случаѣ Верхняя Силезія была-бы такъ сказать окружена владѣніями австрійскаго дома, что, какъ Вы сами поймете, несовмѣстимо съ моими интересами. Во-вторыхъ, соляныя копи, находящіяся въ этой мѣстности, могли-бы такимъ образомъ очутиться въ долѣ этого государства, что, независимо отъ ущерба, могущаго возникнуть при продажѣ соли изъ моего государства, въ то же время лишило-бы польскаго короля одной изъ главныхъ статей его доходовъ, опредѣленныхъ ему съ этихъ копей. Въ виду столь важныхъ соображеній, мнѣ-бы хотѣлось, чтобъ вѣнскій дворъ убѣдили взять себѣ долю въ той части Польши, расположенной между Львовомъ и Венгріей, гдѣ онъ могъ-бы достаточно распространить свои владѣнія, не нанося тѣмъ ни малѣйшаго вреда интересамъ Россіи и моимъ собственнымъ. И такъ, Вы хорошо сдѣлаете, предупредивъ графа Панина обо всемъ этомъ, при чемъ постараетесь склонить его къ этой мысли, дабы заранѣе предостеречь его противъ проэктовъ, которые честолюбіе вѣнскаго двора можетъ внушить князю Кауницу, а такъ какъ со стороны этого министра слѣдуетъ ожидать довольно

commander d'avoir l'œuil à ce qu'on y observe l'égalité la plus parfaite, article, auquel la cour de Vienne pourra d'autant moins se refuser, qu'elle l'a éxigé elle-même comme un préalable nécessaire. Je me reserve au reste de vous faire parvenir une instruction encore plus détaillée sur l'importante négociation à laquelle vous allez être admis. Je n'attends pour cela que les points, que vous m'avez annoncées, et dont le courrier porteur des ratifications doit être chargé, et j'aurai soin de vous envoyer en même temps le plein pouvoir nécessaire pour cet effet.

№ 617.

Le comte de Solms au Roi.

A St. Pétersbourg, le 27 Mars (7 Avril) 1772.

J'ai parlé encore une fois au comte Panin de l'idée, qu'on pourrait faire entrer la cour de Vienne entièrement dans le parti de la sienne et de l'engager avec le temps à faire une triple alliance; comme j'ai eu le bonheur de me rencontrer sur cet objet avec V. M. et que c'est la première fois que ce ministre m'a fait connaître ses idées, j'ai cru devoir lui déclarer mes doutes sur l'entière réussite de ce projet. Je n'ai rien risqué en lui tenant cette fois-ci le même langage. Sur quoi il m'a témoigné qu'il ne comptait pas sur la chose si fermement, qu'il croirait avoir manqué son but si cette triple alliance ne se fai-

---

крупныхъ требованій, не могу достаточно повторять Вамъ, чтобы Вы настаивали на соблюденіи полнѣйшаго равенства, отъ котораго вѣнскій дворъ тѣмъ менѣе можетъ отказываться, что самъ онъ настаивалъ на немъ какъ на необходимомъ предварительномъ условіи. Впрочемъ, я намѣренъ выслать Вамъ еще болѣе подробную инструкцію по вопросу о важныхъ переговорахъ, въ которыхъ Вы будете участвовать. Для этого я ожидаю лишь обѣщанныхъ Вами мнѣ статей, которыя должны быть вручены курьеру, везущему ратификаціи, и я постараюсь выслать Вамъ въ то же время нужныя Вамъ на этотъ предметъ уполномочія.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 27-го марта (7-го апрѣля) 1772 г.

№ 617. Я еще разъ говорилъ съ графомъ Панинымъ о возможности привлечь совершенно вѣнскій дворъ на сторону его двора и склонить его со временемъ къ заключенію тройственнаго союза. Такъ какъ я поэтому поводу имѣлъ счастіе раздѣлять мысли Вашего Величества, и графъ Панинъ въ первый разъ высказалъ мнѣ свое мнѣніе на этотъ счетъ, я счелъ долгомъ объяснить ему свои сомнѣнія касательно полной удачи этого проэкта. Говоря съ нимъ такимъ образомъ, я наблюдалъ величайшую осторожность. Онъ отвѣчалъ, что не особенно твердо разсчитываетъ на успѣхъ и сочтетъ себя недостигнувшимъ цѣли, въ случаѣ если этотъ тройственный

sait pas. Mais que comme l'union intime entre V. M. et la Russie avait forcé la cour de Vienne à se prêter à nos vues contre son gré, il espérait que la continuation de cette union, qu'il regardait comme éternelle, parce qu'elle n'était à charge à aucune des parties contractantes, ferait qu'à l'avenir cette cour serait nécessitée de préférer notre système à celui de toute autre puissance, et que ce n'était que dans ce cas qu'il regarderait comme possible qu'il existât entre ces trois puissances une liaison, dont il se flattait que l'Allemagne et toute la chrétienté aurait de l'obligation à V. M. et à l'Impératrice de Russie, pour avoir été les premiers à établir ce système. Il ajouta que son intention n'était pas de se livrer à la maison d'Autriche, que la Russie avait senti le poids de son alliance pendant 30 ans, que pour rompre des liaisons si onéreuses lui, comte Panin, avait été obligé de bouleverser entièrement l'ancien système; mais qu'à présent il y avait réussi, et qu'il avait forcé ses compatriotes portés pour l'ancien système à reconnaître eux-mêmes l'utilité préférable du nouveau qui était fondé sur une étroite union avec la monarchie prussienne, qu'ainsi il ne ferait certainement rien pour remettre son état dans sa première dépendance, qu'enfin pour dire le principe qu'il avait sur cela, il croyait, qu'il était possible et qu'il valait mieux, que la cour de Vienne fut avec lui, et que son système fut obligé de se prêter au nôtre, que si nous étions avec elle, c'est à dire que si nous étions

---

союзъ не состоится, но такъ какъ тѣсное согласіе между Вашимъ Величествомъ и Россіей заставило вѣнскій дворъ противъ воли подчиниться нашимъ цѣлямъ, то онъ надѣется, что продолженіе этого союза, который онъ считаетъ вѣчнымъ, ибо онъ не тяготитъ ни одной изъ договаривающихся сторонъ, на будущее время поставитъ этотъ дворъ въ необходимость предпочесть нашу систему союза со всякой другой державой, и лишь въ такомъ случаѣ сочтетъ онъ возможнымъ существованіе между этими тремя державами союза, за который онъ надѣется, что Германія и всѣ христіянскія государства будутъ благодарны Вашему Величеству и Русской Императрицѣ, за то, что они первые ввели эту систему. Онъ прибавилъ, что вовсе не намѣренъ довѣряться австрійскому дому, что Россія чувствовала гнетъ этого союза въ продолженіе тридцати лѣтъ, и съ цѣлью порвать столь тяжелыя узы онъ, графъ Панинъ, принужденъ былъ опрокинуть всю прежнюю систему, но что теперь это ему удалось, и соотечественники его, сторонники прежней системы, вынуждены сами признать на сколько полезнѣе и предпочтительнѣе новая система, основанная на тѣсномъ союзѣ съ прусской монархіей, и потому онъ, конечно, не сдѣлаетъ ничего, чтобы поставить свое государство въ прежнюю зависимость, и наконецъ въ объясненіе причинъ, имъ руководившихъ, онъ полагаетъ, что возможно и лучше бы было, если бы вѣнскій дворъ былъ на его сторонѣ и его система уступила бы мѣсто нашей, чѣмъ

obligés de nous conformer aux sien, mais qu'il regardait cela comme impossible, aussi bien que l'union intime entre la Prusse et la Russie tiendrait l'Europe entière en respect. J'ai l'honneur etc.

№ 618.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

A Berlin, le 8 Avril 1772.

Le courrier que vous m'avez adressé en dernier lieu, étant arrivé dimanche dernier et m'ayant apporté les ratifications de la convention secrète conclue avec la cour de Russie ainsi que vos dépêches du 23 de Mars, je n'ai pas voulu différer à vous faire parvenir le pleinpouvoir, dont le comte Panin a souhaité que vous fussiez muni pour la négociation qui va s'ouvrir à Pétersbourg, et que vous recevrez à la suite de cette dépêche.

Je suis bien aise de vous donner en même temps les instructions qui doivent servir à vous diriger dans cette négociation, et je vous dirai d'abord que j'approuve entièrement l'idée contenue dans la note, que le comte Panin a remise au prince Lobkowitz, de mettre notre convention secrète pour base de celle, qui doit être arrêtée entre les trois cours, et de convenir sur les trois chefs principaux que le prince Kaunitz a indiqué, savoir, l'évaluation des acquisitions réciproques à faire en Pologne, les moyens, qui doivent

чтобы мы были на его сторонѣ и намъ пришлось бы слѣдовать его системѣ, но послѣднее онъ считаетъ невозможнымъ, такъ какъ тѣсный союзъ между Пруссіей и Россіей внушитъ всей Европѣ почтеніе.

Графъ Финкенштейнъ и г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 8-го апрѣля 1772 г.

№ 618. Послѣдній Вашъ курьеръ прибылъ въ прошлое Воскресенье и привезъ мнѣ ратификаціи секретной конвенціи, заключенной съ русскимъ дворомъ, а также депеши Ваши отъ 23-го марта, и я незахотѣлъ откладывать высылку Вамъ уполномочія, которымъ графъ Панинъ желалъ, чтобы Вы были снабжены, для веденія переговоровъ, имѣющихъ открыться въ Петербургѣ, каковыя уполномочія Вы получите вслѣдъ за этой депешей.

Мнѣ весьма пріятно выдать Вамъ въ то же время инструкціи, долженствующія руководить Вами въ этихъ переговорахъ, и прежде всего скажу Вамъ, что вполнѣ одобряю мысль, выраженную въ нотѣ, врученной графомъ Панинымъ князю Лобковичу о принятіи нашей секретной конвенціи за основаніе конвенціи, долженствующей быть заключенной между тремя державами, и о соглашеніи по тремъ главнымъ вопросамъ, указаннымъ княземъ Кауницемъ, а именно: объ оцѣнкѣ взаимныхъ пріобрѣтеній, предстоящихъ въ Польшѣ, о средствахъ, потребныхъ для умиротворенія этого коро-

être mis en œuvre pour la pacification de ce royaume et l'emploi des bons offices pour le rétablissement de la paix entre la Russie et la Porte.

Au premier égard il faut espérer que le prince Kaunitz ne tardera pas à articuler les districts et possessions, qu'il a en vue pour la portion qui doit revenir à sa cour, et comme cet article est des plus essentiels et qu'il y a apparence que la cour de Vienne ne s'oubliera pas dans cette occasion et qu'elle demandera une portion assez considérable, vous aurez soin d'y apporter une attention toute particulière et d'insister sur ce que l'égalité la plus parfaite soit observée dans ce partage. Cet article est d'autant moins sujet aux difficultés, que la cour de Vienne l'a stipulée elle-même comme un préalable nécessaire par l'acte secret, qu'elle a proposée et qui a été accepté par moi et par la Russie. Les disputes qui pourraient naître à cette occasion ne pourraient donc avoir pour objet que l'évaluation des provinces qu'elle voudrait acquérir et qu'elle tâchera probablement de mettre à un taux fort au dessous de leur véritable rapport. Il faudra donc discuter soigneusement les propositions que le prince Lobkowitz sera chargé de faire sur ce sujet en combinant l'étendue des pays avec la bonté du sol et le nombre des habitants; et comme la Russie n'est pas moins intéressée que moi au maintien de la balance entre les trois puissances, je me flatte que le comte Panin ne sera pas trop facile à accorder les prétentions outrées que la cour de Vienne pourrait faire, et que sans chicaner sur des objets de peu de conséquence,

---

левства, и о посредничествѣ для возстановленія мира между Россіей и Портой. Въ отношеніи перваго изъ этихъ вопросовъ надо надѣяться, что князь Кауницъ не замедлитъ перечислить области и владѣнія, которыя имѣетъ въ виду для составленія доли своего двора, и такъ какъ это одна изъ самыхъ существенныхъ статей и повидимому вѣнскій дворъ въ данномъ случаѣ себя не позабудетъ и потребуетъ довольно значительной доли, Вы отнесетесь къ этому дѣлу съ особеннымъ вниманіемъ, настаивая на соблюденіи полнѣйшаго равенства. Вопросъ этотъ тѣмъ менѣе подлежитъ затрудненіямъ, что вѣнскій дворъ въ секретномъ актѣ, предложенномъ имъ и принятымъ мною и Россіей, самъ указалъ на это равенство, какъ на необходимое предварительное условіе. Слѣдовательно, споры, могущіе возникнуть въ данномъ случаѣ, коснулись-бы лишь оцѣнки провинцій, которыя онъ желалъ бы пріобрѣсти и вѣроятно постарается оцѣнить гораздо ниже настоящей ихъ доходности. И такъ, слѣдуетъ тщательно разобрать предложенія, которыя князю Лобковичу поручено было сдѣлать по этому вопросу, принимая при томъ въ соображеніе пространство земли съ качествомъ почвы и числомъ жителей; и такъ какъ Россія не менѣе меня заинтересована въ сохраненіи равновѣсія между тремя державами, то, надѣюсь, что графъ Панинъ не отнесется слишкомъ снисходительно къ чрезмѣрнымъ требованіямъ, которыя быть можетъ заявитъ вѣнскій дворъ и, не ссорясь по поводу обстоятельствъ незначительныхъ, онъ въ то же время будетъ избѣгать уступокъ въ вопросахъ существен-

il évitera cependant de céder sur ceux qui pourraient être plus essentiels, et c'est en particulier la conduite que vous aurez à tenir et qui vous engagera à m'informer le plus promptement qu'il sera possible des acquisitions que la cour de Vienne souhaite de faire, afin que je puisse me décider sur ce sujet et vous donner mes ordres en conséquence.

Quant au local de ces possessions l'objet principal sera d'insister d'un côté sur ce qu'elles soient prises sur la Pologne et non sur l'empire Ottoman, selon la dernière déclaration que la cour de Vienne m'en a fait faire, et d'empêcher de l'autre qu'elle ne les étend le long de mes frontières, et comme je vous ai déjà amplement instruit sur ce sujet par ma dépêche du 5 de ce mois, je ne peux aussi que vous y renvoyer.

L'article 3 de notre convention secrète[1]) contenant une garantie formelle de ces acquisitions, il sera juste aussi que cette garantie soit stipulée de la même manière entre les trois cours, et qu'elles s'engagent également, selon la teneur du 4-ème article, à réunir leurs efforts pour obliger la république à un arrangement final et à une cession formelle des acquisitions réciproques, de manière que les trois puissances en jouissent avec une pleine souveraineté et sans que les polonais puissent jamais faire revivre d'anciens droits sur ces provinces démembrées.

Il sera nécessaire aussi de se concerter sur le temps et la manière de

---

ныхъ, при чемъ Вамъ слѣдуетъ держаться точно такого-же образа дѣйствій, увѣдомляя меня какъ можно скорѣе о пріобрѣтеніяхъ, желаемыхъ вѣнскимъ дворомъ, дабы я могъ придти къ рѣшенію по этому дѣлу и сообразно съ тѣмъ снабдить Васъ приказаніями.

Что касается до расположенія этихъ владѣній, важнѣе всего настаивать на томъ, чтобы, съ одной стороны, они были взяты у Польши, а не у Оттоманской Имперіи, какъ значилось въ послѣдней деклараціи, сдѣланной мнѣ вѣнскимъ дворомъ, а съ другой стороны, помѣшать распространенію этихъ владѣній вдоль моей границы; сообщивъ Вамъ по этому поводу подробныя инструкціи въ моей депешѣ отъ 5-го этого мѣсяца, могу только вновь сослаться на эту депешу.

Статья 3-я нашей секретной конвенціи[1]) заключаетъ формальную гарантію этихъ пріобрѣтеній, а потому справедливость требуетъ, чтобы эта гарантія равно была опредѣлена между тремя дворами, при чемъ они бы равно обязались, согласно смыслу четвертой статьи, соединить свои усилія и вынудить республику къ окончательному соглашенію и къ формальной уступкѣ взаимныхъ пріобрѣтеній, съ тѣмъ чтобы всѣ три державы пользовались въ нихъ полной властью и поляки навсегда отказались-бы предъявлять старинныя права на отчужденныя провинціи.

Необходимо также условиться относительно времени и способа сообщить объ

---

1) См. Ф. Мартенса: «Собраніе Трактатовъ» т. VI, стр. 76.

donner connaissance de cette affaire à la république, et de lui faire parvenir le manifeste dont les trois cours conviendront et les déductions qui doivent servir à prouver et à constater leurs droits, ce qui, à mon avis, devrait se faire dans un même jour par les ministres des trois puissances.

Quant à la pacification de la Pologne et au moyen de la rétablir, je suis très content qu'on s'en tienne au plan, que la cour de Russie a fait communiquer il y a déjà longtemps à celle de Vienne et que j'ai approuvé dès lors. Le moyen le plus propre à calmer les polonais serait sans doute celui de leur assurer le maintien de leur ancienne constitution en apportant aux articles que la Russie voudra excepter, et nommément à celui des dissidents, les modifications, qu'elle pourrait être disposée à y admettre; mais comme nous avons dans tout ceci les mêmes intérêts, vous ne risquerez rien à vous conformer sur cette matière aux idées du comte Panin et aux arrangements, qu'il jugera les plus convenables pour rétablir le calme et la tranquillité dans ce royaume.

Vous en userez de même à l'égard du 3 article qui regarde l'emploi des bons offices pour le rétablissement et la paix entre la Russie et la Porte; mon plus grand désir est d'accélerer et de faciliter cet ouvrage salutaire d'une manière conforme aux vues et aux intérêts de mon allié, ainsi je ne ferai aucune difficulté de me prêter aux moyens que le comte Panin vous suggérera et qui lui paraîtront les plus propres pour parvenir au but que nous nous proposons.

этомъ республикѣ, переславъ ей манифестъ условленный между тремя дворами и заключенія долженствующія доказать и поддержать ихъ права, что по моему мнѣнію должно бы быть выполнено въ одинъ и тотъ же день министрами трехъ державъ.

Что же касается до умиротворенія Польши и средствъ его достиженія, я весьма доволенъ, что въ этомъ отношеніи будутъ слѣдовать плану, давно уже сообщенному Россіей вѣнскому двору и тогда же мною одобренному. Наилучшее средство успокоить поляковъ заключалось бы безъ сомнѣнія въ обезпеченіи имъ сохраненія ихъ древней конституціи, при чемъ въ статьяхъ, которыя Россія захотѣла бы исключить, какъ напр. въ вопросѣ о диссидентахъ, можно бы ввести желаемыя ею измѣненія, но такъ какъ во всемъ этомъ интересы наши вполнѣ одинаковы, то Вы ничѣмъ не рискуете, соглашаясь въ этомъ отношеніи съ мнѣніями графа Панина и съ мѣрами, которыя онъ признаетъ наиболѣе полезными для возстановленія въ этомъ королевствѣ спокойствія и тишины.

Точно также будете Вы поступать относительно третьей статьи, по вопросу о посредничествѣ для возстановленія мира между Россіей и Портой; я ничего такъ не желаю какъ ускорить и облегчить это полезное дѣло, сообразно видамъ и интересамъ моего союзника, а потому я безъ всякаго затрудненія послѣдую мѣрамъ, которыя Вамъ укажетъ графъ Панинъ и которыя онъ признаетъ наиболѣе пригодными для достиженія преслѣдуемой нами цѣли.

Mais comme il pourrait survenir dans cette négociation des incidents imprévus et des difficultés assez essentielles pour exiger une approbation plus particulière de ma part, vous aurez soin dans ce cas inattendu de m'en faire votre rapport et de demander mes ordres avec le détail et la célérité nécessaires; et comme il va sans dire que vous devez m'envoyer le projet d'une convention de cette importance avant que de la signer, comme cela se pratique toujours dans ces sortes d'occasions, vous tâcherez de profiter pour cet effet ainsi que dans tous les autres cas ou cela sera faisable et nécessaire des courriers que le prince Lobkowitz ne manquera pas d'envoyer à sa cour, et qui étant ordinairement adressés au baron de Swieten, pourraient aussi être chargés des rapports que vous me ferez sur des matières pareilles.

Je vous envoie au surplus la copie ci-jointe d'une déduction[1]) dans laquelle mes titres et mes droits sur les provinces polonaises que je me propose de revendiquer sont détaillés et prouvés d'une manière également solide et convaincante, et comme il sera nécessaire d'en faire usage en son temps pour justifier la prise de possession de ces provinces vis-à-vis de la nation polonaise et de toute l'Europe, mon intention est, que vous la communiquiez confidemment au comte Panin et que vous me fassiez votre rapport de la manière dont il aura accueilli cette pièce.

Но такъ какъ въ ходѣ этихъ переговоровъ могутъ встрѣтиться случаи непредвидѣнные и затрудненія настолько существенныя, чтобы потребовать особеннаго моего одобренія, то Вы въ такомъ непредвидѣнномъ случаѣ постараетесь о томъ мнѣ донести и испросить моихъ приказаній съ возможной подробностью и быстротой, а такъ какъ само собою разумѣется, что до подписанія столь важной конвенціи Вы пришлете мнѣ ея проэктъ, какъ то обыкновенно дѣлается въ подобныхъ обстоятельствахъ, Вы постараетесь пользоваться для всѣхъ такого рода сообщеній курьерами, которыхъ, конечно, будетъ посылать своему двору князь Лобковичъ; такъ какъ они обыкновенно адресуются барону Свиттену, то эти курьеры могли бы также отвозить и Ваши мнѣ донесенія.

Кромѣ того посылаю Вамъ копію съ заключенія[1]), исчисляющаго и доказывающаго основательнымъ и убѣдительнымъ образомъ мои справедливыя требованія и права на польскія провинціи, кои я намѣреваюсь потребовать, и такъ какъ этимъ документомъ надо будетъ воспользоваться для оправданія завладѣнія этими провинціями передъ польской націей и всей Европой, то я желаю, чтобы Вы его конфиденціально сообщили графу Панину и увѣдомили бы меня о томъ, какъ онъ это приметъ.

---

1) См. Hertzberg: «Recueil des déductions», vol. I, p. 324 et suiv.

№ 619.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 3 Mai). A St. Pétersbourg, le 6 (17) Avril 1772.

Contenu: Le comte Panin continue à expliquer au comte Solms ses idées sur les mesures à prendre à l'égard de la négociation avec la cour de Vienne, et sur la conclusion de l'armistice et du congrès.

J'ai reçu par une poste arrivée les ordres immédiats et médiats de V. M. du 29, 30 et 31 du mois passé. Il nous en manque cependant encore une, qui aurait dû arriver hier matin. Les délais de la cour de Vienne à déclarer ses intentions sur les acquisitions en Pologne et le parfait silence, qu'elle a gardé sur ses négociations avec la Porte, ont mis tous les esprits en mouvement sur le jugement qu'on doit porter de ses sentiments présentement. On doit espérer que nous approchons du moment qu'on en sera éclairé, après l'avis que le comte Panin reçut, il y a trois jours, par une estafette dépêchée par le prince Galitzin. Il lui marque comme quoi le prince Kaunitz lui avait dit, qu'il n'attendait que l'arrivée du courrier qui apporterait la déclaration signée par l'Impératrice sur l'égalité à observer dans ces acquisitions, qu'aussitôt après il ferait partir celui, qui serait chargé de porter en Russie l'explication des intentions de sa cour, qu'il lui tardait à lui même de voir finir cette affaire, afin de pouvoir s'expliquer sur l'objet en question

---

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 3-го мая). С.-Петербургъ, 6-го (17-го) апрѣля 1772 г.

№ 619. Содержаніе: графъ Панинъ продолжаетъ объяснять графу Сольмсу свои мысли о предстоящихъ мѣрахъ, относительно переговоровъ съ вѣнскимъ дворомъ и заключенія перемирія и конгресса.

Я получилъ съ прибывшей почтой непосредственныя и министерскія депеши Вашего Величества отъ 29, 30 и 31-го прошлаго мѣсяца. Однако, недостаетъ еще одной депеши, которая должна была прибыть вчера утромъ. Медлительность вѣнскаго двора въ объявленіи своихъ намѣреній, по поводу пріобрѣтеній въ Польшѣ и полное его молчаніе по вопросу о переговорахъ съ Портой, внушили здѣсь всеобщія подозрѣнія насчетъ искренности его теперешнихъ намѣреній. Надо надѣяться, что мы приближаемся къ минутѣ, когда вопросъ этотъ разъяснится, о чемъ можно заключить по извѣстіямъ, полученнымъ три дня тому назадъ графомъ Панинымъ эстафетой отъ князя Голицына. Онъ сообщаетъ, что князь Кауницъ ожидаетъ лишь прибытія курьера съ декларацiей, подписанной Императрицей по вопросу о равенствѣ пріобрѣтеній, послѣ чего онъ тотчасъ же отправитъ въ Россію курьера съ объясненіемъ намѣреній его двора, и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ окончанія этого дѣла, дабы имѣть

vis-à-vis de nos cours, qui commençaient à prendre des soupçons et de l'ombrage sur la conduite de la sienne. Je ne manquerai pas, Sire, d'exhorter dans toutes les occasions, comme V. M. me l'ordonne, qu'on proportionne les acquisitions des autrichiens avec celles de V. M. et de la Russie, et qu'on se garde surtout d'être trop généreux envers eux au sujet de la Moldavie et de la Valachie. J'ai été bien aise d'avoir à présent des ordres signés par V. M. sur ce sujet, et je n'ai pas tardé à envoyer au comte l'extrait de l'article des derniers ordres de V. M. qui s'y apporte.

A la vérité je ne l'ai pas vu depuis, mais je sais qu'il a lu l'extrait dans le conseil, et je compte qu'on fera plus d'attention à cette affaire.

On m'a fait écrire au Sr. de Zeglin pour répondre aux dépêches, qui m'ont été apportées par le courrier, dont j'ai annoncé l'arrivée. Je l'ai assuré de l'entière satisfaction que donnaient à Sa Maj. Impériale toutes les peines et les soins qu'il se donnait dans la négociation dont il était chargé. Je l'ai informé que l'Impératrice approuvait les propositions du comte de Romanzof sur l'arrangement de l'armistice, et qu'elle espérait qu'il pourrait porter les Turcs à les agréer et à renoncer à la demande de la garantie de l'armistice et à sa prolongation après la rupture du congrès, qu'elle se flattait que la suspension d'armes serait conclue sur cette base, qu'en conséquence de cela on ferait partir d'ici les plénipotentiaires, et qu'après l'ouverture du congrès l'armistice serait encore prolongé de quatre semaines.

возможность объясниться по данному вопросу съ нашими дворами, начинающими уже относиться недовѣрчиво и подозрительно къ поступкамъ его двора. Я не премину настаивать, согласно повелѣніямъ Вашего Величества, на соотвѣтствіи между пріобрѣтеніями австрійцевъ и таковыми же пріобрѣтеніями Вашего Величества и Россіи, предостерегая при этомъ отъ излишней щедрости къ австрійцамъ по вопросу о Молдавіи и Валахіи. Я былъ весьма радъ получить въ настоящую минуту по этому вопросу повелѣнія, подписанныя Вашимъ Величествомъ, и не замедлилъ переслать графу извлеченіе изъ послѣднихъ повелѣній Вашего Величества, относящихся до этого предмета. Правда, что съ тѣхъ поръ я его не видалъ, но я знаю, что онъ читалъ мою записку въ совѣтѣ, и разсчитываю, что къ дѣлу этому отнесутся съ большимъ вниманіемъ.

Мнѣ поручили написать г. Зегелину, въ отвѣтъ на депеши, привезенныя мнѣ курьеромъ о прибытіи котораго я увѣдомлялъ. Я передалъ ему, что Императрица вполнѣ довольна его трудами и заботами по веденію возложенныхъ на него переговоровъ. Далѣе я сообщилъ ему, что Императрица одобряетъ предложенія графа Румянцова о заключеніи перемирія и надѣется, что ему удастся склонить турокъ къ принятію этихъ условій безъ гарантіи перемирія и продолженія его по окончаніи конгресса; и что Императрица разсчитываетъ, что прекращеніе военныхъ дѣйствій будетъ условлено на такомъ основаніи, и вслѣдствіе сего отсюда будутъ отправлены уполномоченные, и, по закрытіи конгресса, перемиріе будетъ продолжено еще на че-

Je l'ai prévenu de même que quoique la Russie rejetât la garantie formelle de V. M. et de la cour de Vienne, touchant l'observation de la suspension d'armes, elle avait cependant remis au bon plaisir de ces puissances, si elles voulaient permettre à leurs ministres de Constantinople d'engager pour cela leur parole personnelle. En un mot, je lui ai fait connaître les intentions de la Russie tout comme je les ai exposées dans mon dernier rapport à V. M. Quant à son assistance personnelle aux conférences du congrès, je l'ai renvoyé aux ordres qu'il recevrait là-dessus de V. M. J'ai eu à ce sujet une explication personnelle avec le comte Panin qui m'a chargé à faire connaître à V. M., qu'il souhaitait beaucoup que le Sr. Zeglin pût être présent au congrès, où il croit, que son assistance deviendrait très utile aux négociations russes, que d'un autre côté sa présence pourrait être encore plus utile à Constantinople non seulement pour entretenir la correspondance avec les ministres russes au congrès, mais encore pour être à portée de diriger le ministère de la Porte, dans le cas que les plénipotentiaires turcs eussent recours à lui pour demander des éclaircissements ou pour demander des instructions au Sultan; que comme on ne voulait rien prescrire là-dessus à V. M., on la priait de décider elle-même ce qu'elle jugerait le plus convenable et le plus conforme à ses propres intentions. La présence d'un ministre de V. M. assistant au congrès par ses bons offices serait très-agréable

---

тыре недѣли. Я также предупредилъ его, что, хотя Россія отклонила оффиціальную гарантію Вашего Величества и вѣнскаго двора по вопросу о прекращеніи военныхъ дѣйствій, она тѣмъ не менѣе предоставила на благоусмотрѣніе этихъ державъ позволить своимъ министрамъ въ Константинополѣ скрѣпить его своимъ личнымъ поручительствомъ. Однимъ словомъ, я объяснилъ ему намѣренія Россіи, точно также какъ мною о томъ изложено въ донесеніи моемъ Вашему Величеству. Что же касается до его личнаго присутствія на засѣданіяхъ конгресса, въ этомъ отношеніи я сослался на приказанія, которыя онъ получитъ отъ Вашего Величества. По этому поводу я имѣлъ личное объясненіе съ графомъ Панинымъ, который поручилъ мнѣ передать Вашему Величеству, что онъ чрезвычайно желаетъ, чтобы г. Зегелинъ могъ присутствовать на конгрессѣ, гдѣ онъ полагаетъ, что его поддержка можетъ быть очень полезна русскимъ переговорамъ, а съ другой стороны, присутствіе его можетъ быть еще полезнѣе въ Константинополѣ, не только для сношеній съ русскими министрами на конгрессѣ, но и для того, чтобы имѣть возможность направлять министровъ Порты, въ случаѣ если турецкіе уполномоченные обратятся къ нему за разъясненіями или для испрошенія у султана инструкцій; но такъ какъ по дѣлу этому не хотятъ ничего предписывать Вашему Величеству, то просятъ, чтобы Ваше Величество сами рѣшили, что Вы признаете наиболѣе удобнымъ и соотвѣтствующимъ Вашимъ собственнымъ интересамъ. Присутствіе на конгрессѣ министра Вашего Величества, содѣйствующаго

à la Russie, bien entendu que pour continuer les ménagements pour l'Angleterre, dont on a décliné la médiation, quoiqu'elle s'y soit offerte la première, il n'y paraisse pas sous le titre de médiateur, que ce ministre entretient une correspondance utile avec le ministre de V. M. qui serait à Constantinople; que de plus il fait à même de vous informer, Sire, directement du succès du congrès, et de vous requérir, si le besoin l'exigeait, de donner vos ordres pour faire à la Porte des instructions, des déclarations propres à avancer l'ouvrage de la paix; que V. M. voulut bien choisir si ce serait le Sr. Zeglin ou un autre, qui devait se rendre de sa part au congrès. On ne s'est point encore expliqué sur ce sujet à la cour de Vienne, avant que d'en venir là on veut attendre, qu'elle déclare ses sentiments sur son accession à la convention secrète et sur la part qu'elle se propose à l'avancement de la paix. Le comte Panin m'a dit, qu'il parlerait à la cour de Vienne sur l'admission de son ministre au congrès, et que ce serait dans le même sens, que ce qu'il venait de me dire. Il a plu à V. M. de me faire connaître l'été passé, qu'elle avait jeté les yeux sur moi pour assister à ce congrès, je me soumets à ses ordres dans tous les cas qu'elle me jugera capable de les exécuter, mais comme je dois assister ici aux négociations qui vont s'ouvrir avec la maison d'Autriche, j'ose douter que celles-ci finissent assez tôt, pour que je puisse arriver à temps à l'ouverture du congrès en Valachie, et

---

его успѣху, было бы весьма пріятно Россіи; разумѣется, что изъ вниманія къ Англіи, посредничество которой было отклонено, несмотря на то, что она сама на него вызвалась, министръ этотъ не назывался бы оффиціально посредникомъ, но велъ бы переписку съ министромъ Вашего Величества въ Константинополѣ и имѣлъ бы возможность непосредственно увѣдомить Васъ о ходѣ конгресса, и въ случаѣ надобности испрашивать Вашихъ приказаній, дабы обратиться къ Портѣ съ инструкціями и декларапіями, способными подвинуть заключеніе мира. Надѣятся, что Вашему Величеству угодно будетъ рѣшить, будетъ-ли это г. Зегелинъ или кто-либо другой, кто отправится отъ имени Вашего Величества на конгрессъ. Объ этомъ вопросѣ еще не объяснялись съ вѣнскимъ дворомъ и, прежде чѣмъ коснуться его, выжидаютъ, чтобы дворъ этотъ высказалъ свои мысли относительно согласія на тайную конвенцію и участія въ заключеніи мира. Графъ Панинъ передавалъ мнѣ, что будетъ говорить съ вѣнскимъ дворомъ о допущеніи его министра на конгрессъ, и что это будетъ въ томъ же смыслѣ какъ онъ говорилъ со мной. Прошлымъ лѣтомъ Вашему Величеству угодно было сказать мнѣ, что на меня палъ выборъ Вашего Величества для присутствія на этомъ конгрессѣ; подчиняюсь повелѣніямъ Вашего Величества во всѣхъ случаяхъ, гдѣ Вы признаете меня способнымъ ихъ выполнить, но такъ какъ я долженъ присутствовать здѣсь при переговорахъ, имѣющихъ открыться съ австрійскимъ дворомъ, смѣю сомнѣваться въ томъ, чтобы переговоры эти окончились достаточно рано для своевременнаго моего прибытія къ открытію конгресса въ Валахіи; и думаю,

je crois que le Sr. Zeglin sera plus à portée de le faire. La première idée du comte Panin était qu'il suffirait que de la part de V. M. et de la cour de Vienne les premiers secrétaires de leurs interprêtes à Constantinople fussent présents au congrès; je ne sais si V. M. trouve cette idée assez bonne pour mériter son approbation.

P. S. A St. Pétersbourg, le 6 (17) Avril 1772.

Contenu: Le comte Orlof et le Sr. Obreskof seront envoyés au congrès sans qu'on ajoute un troisième plénipotentiaire.

№ 620.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

à Berlin, le 21 Avril 1772.

Vous aurez reçu à l'arrivée de celle-ci les ordres immédiats que je vous ai adressés tant par un chasseur que par le courrier dépêché au prince Lobkowitz. Vous saurez donc quelles sont les demandes de la cour de Vienne pour sa part dans le démembrement de la Pologne. Je suis très impatient de voir comment le comte de Panin les aura prises et le parti pour lequel il se sera en conséquence déterminé. Mon intention n'est nullement de faire naître dans cette négociation des difficultés qui sentent la chicane, je n'y

---

что г. Зегелинъ будетъ въ состоянiи это лучше выполнить. Первоначальная мысль графа Панина заключалась въ томъ, чтобы со стороны Вашего Величества и вѣнскаго двора на конгрессѣ присутствовали лишь первые секретари вашихъ министровъ въ Константинополѣ. Не знаю, признаете-ли, Ваше Величество, эту мысль, заслуживающей одобренiя.

P. S. Къ депешѣ отъ 6-го (17-го) апрѣля, поданной 3-го мая 1772 г.

Графъ Орловъ и г. Обрѣзковъ будутъ отправлены на конгрессъ безъ третьяго уполномоченнаго.

Графъ Финкенштейнъ и г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 21-го апрѣля 1772 г.

№ 620. При полученiи этого письма у Васъ уже будутъ предписанiя, пересланныя мною Вамъ черезъ фельдъегеря и черезъ курьера, отправленнаго къ князю Лобковичу. Поэтому Вамъ уже извѣстны требованiя вѣнскаго двора по вопросу о долѣ его въ польскомъ дѣлежѣ. Съ нетерпѣнiемъ ожидаю какъ были они приняты графомъ Панинымъ, и на что онъ вслѣдствiе ихъ рѣшился. Я отнюдь не намѣренъ возбуждать въ этихъ переговорахъ затрудненiя, близкiя къ недоброжелательству, и буду въ нихъ преслѣдовать лишь равенство, предложенное самимъ вѣнскимъ дворомъ,

chercherai que l'égalité proposée par la cour de Vienne elle-même, principe dont il est juste qu'aucun de nous ne s'écarte. Cette égalité doit s'apprécier d'après l'étendue et le local du terrain, la population qui s'y trouve et les revenus qu'il rapporte; si nous jugeons sur ce taux de la portion que la cour de Vienne s'alloue, sa part fera autant que la mienne et celle de la Russie prises ensemble, et voilà, je vous l'avoue, une disproportion un peu forte. J'espère que cette considération n'échappera point au comte Panin. S'il entre dans le détail, il verra que la cour de Vienne veut donner à ses possessions une étendue, qu'ils n'est de l'intérêt ni de l'une ni de l'autre puissance de lui accorder .... Elle s'approche également des frontières de la Russie et de la Silésie, elle perce dans le coeur du royaume de Pologne, et en sépare les trois principales villes Lemberg, Lublin et Sandomir. Pour ne parler que des salines et abstraction faite de la perte que j'en ressentirais si la cour de Vienne en faisait l'acquisition, il suffit de se rappeler que ces salines font une principale branche des revenus du roi de Pologne, pour sentir combien il serait déplacé d'en faire partie du démembrement. En général, les demandes de la cour de Vienne sont si outrées, que je suis persuadé que le prince Kaunitz ne les a faites que parce qu'il s'est bien attendu qu'on en rabattrait, et qu'il a pensé qu'il serait toujours temps alors d'en venir à l'ultimatum qu'il se sera réservé. Je suis donc persuadé que si on lui oppose des difficultés raisonnables et dont il soit obligé de sentir lui-même

---

и отъ котораго справедливость, требуетъ чтобы ни одинъ изъ насъ неуклонялся. Равенство это должно опредѣляться пространствомъ и положеніемъ территоріи, ея населеніемъ и доходами. Если съ этой точки зрѣнія судить о владѣніи, на которое претендуетъ вѣнскій дворъ, доля его равняется моей и русской взятымъ вмѣстѣ, и признаюсь это несоотвѣтствіе слишкомъ уже сильное. Надѣюсь, что это соображеніе не ускользнетъ отъ графа Панина. Если онъ вникнетъ въ подробности, онъ увидитъ, что вѣнскій дворъ стремится расширить свои владѣнія на столько, какъ интересы той и другой державы не позволяютъ его допустить. Онъ равно приближается къ границамъ России и Силезіи, проникаетъ въ сердце польскаго королевства, и отнимаетъ у него три главнѣйшихъ города, Лембергъ, Люблинъ и Сандомиръ. Если разсмотрѣть одинъ только вопросъ о соляныхъ копяхъ и оставляя при этомъ въ сторонѣ тотъ убытокъ, который бы я потерпѣлъ въ случаѣ перехода ихъ во владѣніе вѣнскаго двора, достаточно припомнить, что эти соляныя копи составляютъ одну изъ главныхъ отраслей доходовъ польскаго короля, для того, чтобы почувствовать насколько было бы неумѣстно включить ихъ въ отчуждаемое пространство. Вообще, требованія вѣнскаго двора до того преувеличены, что по моему убѣжденію, князь Кауницъ высказалъ ихъ лишь въ увѣренности, что, съ нихъ сбавятъ и тогда онъ еще успѣетъ возвратиться къ тому ультиматуму, который онъ себѣ назначилъ. Поэтому я увѣренъ, что если ему поставятъ на видъ благоразумныя опроверженія, съ

la justesse, il se relâchera et se rapprochera des termes d'égalité qui doivent faire la base de notre arrangement, au lieu qu'en se montrant d'abord trop facile, on l'excitera à se roidir et à ne rien vouloir démordre de ses prétentions vraiment exorbitantes.

Suivant mes dernières lettres de Constantinople en date du 12 de Mars, on n'y attend que la déclaration de la Russie relativement au lieu du congrès et au temps où les plénipotentiaires doivent s'y rendre, pour régler ultérieurement de la part de la Porte, ce qui sera nécessaire pour hâter l'armistice et l'ouverture du congrès.

№ 621.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 4 Mai. à St. Pétersbourg, le 10 (21) Avril 1772.

Contenu: 1) Le comte Panin paraît résolu de vouloir assigner à la cour de Vienne la portion de la Pologne telle, qu'il a proposé au roi. 2) Oukase publié contre les propos indiscrets en fait de religion et de politique.

Les ordres immédiats et médiats de V. M. du 1 et du 4 de ce mois m'ont été remis avant-hier. Je n'ai pas laissé échapper l'occasion qui s'est

---

справедливостью которыхъ онъ принужденъ будетъ согласиться, онъ окажется податливымъ и приблизится къ условіямъ равенства, долженствующимъ служить основаніемъ нашего соглашенія, между тѣмъ какъ если сначала ему окажутъ уступчивость, это только побудитъ его упорствовать и не отступать отъ своихъ по истинѣ непомѣрныхъ требованій.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ мною изъ Константинополя отъ 12-го марта, тамъ ожидаютъ лишь деклараціи Россіи относительно мѣста конгресса и времени, къ которому должны туда прибыть уполномоченные, чтобы заранѣе опредѣлить со стороны Порты, чтò потребуется для ускоренія перемирія и открытія конгресса.

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 4-го мая. С.-Петербургъ, 10-го (21-го) апрѣля 1772 г.

№ 621. Содержаніе: 1) графъ Панинъ, повидимому, намѣренъ назначить вѣнскому двору такую часть Польши, какая была имъ предложена королю. 2) Указъ, обнародованный противъ неосторожныхъ отзывовъ о вопросахъ религіозныхъ и политическихъ.

Непосредственныя приказанія Вашего Величества и министерскія, отъ 1-го и 4-го этаго мѣсяца, были мнѣ вручены третьяго дня. На дняхъ я воспользовался

présentée un de ces jours-ci pour représenter au comte Panin combien il importait d'observer l'égalité quand on en viendrait à déterminer les districts et les provinces de la Pologne qui feraient le partage de la cour de Vienne. Lui-même m'en paraît bien persuadé, n'étant nullement disposé à agir par prédilection et désirant que V. M. trouve le partage, qu'il a fait en son particulier et dont je l'ai informé en date du 17 de Mars, fondé sur le principe d'égalité dont elle veut qu'on ne s'écarte pas. Il faudra voir en combien ce partage projeté s'accordera avec les demandes de la cour de Vienne. On s'attend à les recevoir dans une huitaine de jours tout au plus. Le comte Panin pense, que si on réglait la portion de la cour de Vienne sur le pied qu'il propose, elle sera dans une juste proportion avec celle que V. M. s'est réservée et qu'il n'y aura point de différence essentielle entre les acquisitions qu'on fera de part et d'autre, non-seulement par rapport au nombre des habitants, mais encore à l'égard de la bonté du terrain. Pour ce qui est de la Moldavie et de la Valachie, le comte Panin ne croit pas que le prince Lobkowitz pousse l'indiscrétion jusqu'à demander ces deux provinces; s'il le faisait, je crois qu'on persistera dans la résolution de les lui refuser. Du moins, le comte Panin m'a-t-il dit que ces pays-là étaient trop considérables pour les céder à la cour de Vienne, et qu'elle n'avait pas assez mérité de la Russie pour les lui abandonner ainsi. Il n'en est pas de même de la

---

случаемъ поставить на видъ графу Панину, насколько необходимо наблюдать равенство, когда дѣло дойдетъ до опредѣленія польскихъ областей и провинцій, которыя составятъ долю вѣнскаго двора. Мнѣ кажется, что самъ онъ вполнѣ убѣжденъ въ этомъ, не будучи ничуть расположеннымъ дѣйствовать пристрастно и желая чтобы Ваше Величество признали раздѣлъ, опредѣленный имъ и сообщенный мною Вамъ 17-го марта, основаннымъ на принципѣ равенства, котораго Вашему Величеству угодно держаться. Остается разсмотрѣть, насколько этотъ предполагаемый раздѣлъ совпадаетъ съ требованіями вѣнскаго двора. Ихъ ожидаютъ не позже какъ черезъ недѣлю. Графъ Панинъ полагаетъ, что если долю вѣнскаго двора опредѣлить въ томъ размѣрѣ, какъ было имъ предложено, то она будетъ вполнѣ соотвѣтствовать долѣ, назначенной Вашимъ Величествомъ для себя, и не окажется существенной разницы въ пріобрѣтеніяхъ той и другой стороны, не только по числу жителей, но и относительно доброкачественности почвы. Что̀ же касается до Молдавіи и Валахіи, графъ Панинъ не полагаетъ, чтобы князь Лобковичъ имѣлъ смѣлость потребовать ихъ; если же онъ это сдѣлаетъ, думаю, что останутся вѣрны намѣренію ему отказать. По крайней мѣрѣ графъ Панинъ говорилъ мнѣ, что земли эти слишкомъ обширны, для того чтобы уступить ихъ вѣнскому двору, и что дворъ этотъ ничѣмъ не заслужилъ отъ Россіи подобной уступки. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится Сербія:

Servie, on serait trop charmé que cette acquisition devint pour l'Autriche une épine au pied excitant contre elle l'animosité des Turcs.

Depuis quelque temps la liberté qu'on se donne en Russie de dire librement son sentiment sur toutes sortes de sujets, s'est accrue à un pied qu'elle est devenue offensante pour le gouvernement. On a donc cru devoir mettre des bornes et on vient de publier un oukase où l'Impératrice menace de son indignation ceux qui tiendront des propos indiscrets sur la religion et la politique, matières auxquelles ils n'entendent rien et ne peuvent qu'offenser Dieu et la Majesté du trône en voulant en parler.

№ 622.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 9 Mai. à St. Pétersbourg, le 13 (24) Avril 1772.

Contenu: 1) Le comte Solms écrit à M. de Zegelin, à la réquisition du comte Panin, qu'il ne fasse pas usage de la garantie du roi autant qu'elle regarde la prolongation de l'armistice après la rupture du congrès, condition que la Russie ne veut absolument admettre. 2) Le comte Panin promet de faire son possible pour porter la cour de Vienne à modérer ce qu'elle prétend à acquérir en Pologne.

были бы очень рады, чтобы это пріобрѣтеніе оказалось вреднымъ для Австріи, возбудивъ противъ нея вражду турокъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ свобода, съ которой высказываютъ въ Россіи свое мнѣніе о всякаго рода вопросахъ, до такой степени усилилась, что правительство сочло это для себя оскорбительнымъ и признало нужнымъ это прекратить. Въ этихъ видахъ нынѣ изданъ указъ, грозящій гнѣвомъ Императрицы противъ всѣхъ кто позволитъ себѣ неосторожные отзывы о религіи и политикѣ, вопросахъ, въ которыхъ ничего не понимаютъ и, судя о нихъ, могутъ лишь оскорблять величіе Божіе и престола.

Остаюсь и пр.

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 9-го мая. С.-Петербургъ, 13-го (24-го) апрѣля 1772 г.

№ 622. Содержаніе: 1) графъ Сольмсъ, по просьбѣ графа Панина, пишетъ г. Зегелину, чтобы онъ не пользовался королевской гарантіей, по отношенію къ продленію перемирія, въ случаѣ разрыва конгресса, условіе, котораго Россія положительно несогласна допустить. 2) Графъ Панинъ обѣщалъ употребить всѣ усилія, дабы склонить вѣнскій дворъ умѣрить требованія, предъявляемыя имъ въ вопросѣ о польскихъ пріобрѣтеніяхъ.

№ 623.

Le comte de Solms au roi.

à St. Pétersbourg, le 3 (14) Avril 1772.

Contenu: 1) Le comte Panin déclare aux ministres de Prusse et de Vienne, invités à une conférence, l'intention de sa souveraine sur les conditions de l'armistice suivant que le comte Romanzow les a proposées. 2) Les plénipotentiaires de Russie, comtes Orlof et Obreskof, partiront en trois semaines pour se rendre à Yassi.

№ 624.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Avril, 1772.

J'ai reçu vos dépêches du 17 et du 20 de Mars, l'une par la poste et l'autre par le courrier du prince Lobkowitz.

C'est avec plaisir que j'ai appris que l'Impératrice de Russie a également signé l'acte d'égalité qui lui a été proposé par la cour de Vienne. Au moyen de cet arrangement la négociation pourra se mettre en train, et le prince Kaunitz sera obligé de s'expliquer sur la nature des acquisitions qu'il a en vue. Mes ordres immédiats vous instruiront au reste de mes idées, tant sur l'égalité que sur le local de ces acquisitions qui doivent actuellement se

---

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 3 (14)-го апрѣля 1772 г.

№ 623. Содержаніе: 1) графъ Панинъ объявляетъ министрамъ прусскому и вѣнскому, приглашеннымъ имъ на переговоры, о намѣреніи своей Монархини относительно условій перемирія, въ томъ видѣ какъ они предложены графомъ Румянцовымъ. 2) Русскіе уполномоченные, графъ Орловъ и Обрѣзковъ, выѣдутъ черезъ три недѣли въ Яссы.

Графъ Финкенштейнъ и Г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Апрѣль, 1772 г.

№ 624. Я получилъ Ваши депеши отъ 17-го и 20-го марта, первую по почтѣ, а вторую черезъ курьера князя Лобковича.

Я съ удовольствіемъ узналъ, что Русская Императрица также подписала условіе о равенствѣ, предложенное ей вѣнскимъ дворомъ. Благодаря этому соглашенію переговоры могутъ быть открыты, и князь Кауницъ будетъ вынужденъ высказаться по поводу пріобрѣтеній, которыя имѣетъ въ виду. Впрочемъ, изъ непосредственныхъ моихъ предписаній вы узнаете мои мнѣнія, какъ относительно равенства, такъ и по поводу о мѣстѣ этихъ пріобрѣтеній, долженствующихъ состояться въ Польшѣ предпо-

faire plutôt en Pologne qu'ailleurs. J'attends au reste la communication des pièces que le comte Panin vous a promises; ce ne sera qu'après les avoir vues que je serai en état de vous donner une instruction détaillée sur ce qui en sera l'objet.

№ 625.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

à Berlin, le 28 Avril 1772.

J'ai reçu votre dépêche du 7 de ce mois; et les ordres immédiats que je vous ai déjà adressées en conséquence vous auront fait connaître quelles sont mes idées sur ce qui en est l'objet. Ce qui me fait de la peine aux difficultés de la cour de Russie, c'est d'en voir l'ouverture du congrès et le commencement des négociations si retardés. Je n'en ai cependant pas moins donné au sieur de Zegelin des instructions telles que la cour de Russie a pu les désirer.

La triple-alliance, sur l'idée de laquelle le comte Panin a raisonné avec vous, est sans doute une de ces affaires qui dépendent du temps et des circonstances. Il serait difficile de calculer d'avance le degré de probabilités requis pour juger du plus ou moins de vraisemblance que l'on doit donner à la réalité d'un semblable projet. La manière dont la France prendra le parti pour lequel l'Autriche va se déterminer dans les affaires de Pologne entrera pour beaucoup dans cette supputation.

чтительно передъ иной мѣстностью. Ожидаю сообщенія документовъ, обѣщанныхъ вамъ графомъ Панинымъ, и лишь ознакомившись съ ними, буду имѣть возможность снабдить васъ подробными инструкціями по поводу изложенныхъ въ нихъ вопросовъ.

Графъ Финкенштейнъ и Г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 28-го апрѣля 1772 г.

№ 625. Я получилъ вашу депешу отъ 7-го текущаго мѣсяца, и непосредственныя предписанія, высланныя мною вамъ по этому предмету, уже ознакомили васъ съ моимъ мнѣніемъ по вопросу, вами упоминаемому. Затрудненія русскаго двора огорчаютъ меня, потому что задерживаютъ открытіе конгресса и начало столь запоздавшихъ переговоровъ. Тѣмъ не менѣе я далъ г. Зегелину инструкціи въ томъ смыслѣ, какъ могъ того желать русскій дворъ.

Тройственный союзъ, о которомъ разсуждалъ съ вами графъ Панинъ, безъ сомнѣнія является однимъ изъ вопросовъ, зависящихъ отъ времени и обстоятельствъ. Трудно было бы заранѣе судить о степени правдоподобія, съ которымъ слѣдуетъ отнестись къ выполненію такого проэкта. Въ подобныхъ разсчетахъ будетъ имѣть рѣшающее вліяніе то обстоятельство, какъ отнесется Франція къ поступкамъ Австріи въ Польшѣ.

Il paraît au reste que la cour de Vienne veut gagner de vitesse dans l'occupation des domaines qu'elle prétend s'allouer en Pologne. J'apprends que le général Esterhazy s'avance du côté de Zips en Pologne avec le cordon qu'il commande et qui doit former un corps de 20 m. hommes, et que de l'autre le général Althen (?) a ordre de pénétrer aussi dans ce royaume du côté de la Haute-Silésie à la tête de sept mille hommes. Je ne suis pas instruit encore de l'étendue qu'on se propose de donner à ces mouvements. J'espère qu'on ne voudra pas d'abord le pousser jusqu'aux limites qu'on a fixées dans les dernières propositions.

№ 626.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 12 Mai. à St. Pétersbourg, le 17 (28) Avril 1772.

Contenu: Entretien préliminaire entre le comte Panin et le comte Solms sur le plan à suivre dans la négociation, qu'on va entamer à Pétersbourg avec la cour de Vienne, pour la triple-convention et sur les demandes proposées par le prince Kaunitz.

J'ai reçu les ordres qu'il a plu à V. M. de me faire adresser en date du 8 de ce mois, un postscript. du 10, la déduction de ses droits, et un plein-pouvoir qui m'autorise à assister à la négociation avec la cour de Vienne. Quant à ce dernier, le comte Panin estime, que comme dans cette négo-

---

Впрочемъ, кажется, что вѣнскій дворъ хочетъ взять быстротой при занятіи провинцій, которыя онъ намѣревается отнять у Польши. Я слышалъ, что генералъ Эстергази подвигается къ Польшѣ отъ Ципса съ войскомъ, которымъ онъ командуетъ, составляющимъ 20-ти тысячный корпусъ, а съ другой стороны генералу Альтену повелѣно проникнуть въ это королевство отъ Верхней-Силезіи во главѣ семи тысячъ человѣкъ. Мнѣ неизвѣстенъ еще размѣръ замышляемыхъ имъ движеній. Надѣюсь, что незахотятъ съ самаго начала довести это передвиженіе до границъ, опредѣленныхъ въ послѣднихъ предложеніяхъ.

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 12-го мая. С.-Петербургъ, 17-го (28-го) апрѣля 1772 г.

№ 626. Содержаніе: предварительная бесѣда между графомъ Панинымъ и графомъ Сольмсомъ о планѣ переговоровъ, предстоящихъ въ Петербургѣ съ вѣнскимъ дворомъ, о тройственномъ союзѣ, и о требованіяхъ, заявленныхъ княземъ Кауницемъ.

Я получилъ приказанія, которыя Вашему Величеству угодно было выслать мнѣ отъ 8-го числа сего мѣсяца, постъ-скриптумъ отъ 10-го, доказательства правъ Вашего Величества и полномочіе присутствовать при переговорахъ съ вѣнскимъ дворомъ. Что же касается до сего послѣдняго, графъ Панинъ полагаетъ, что такъ какъ

ciation chacune des trois puissances sera dans le cas, pour l'observation de l'égalité entre elles, de faire faire des expéditions en double pour chacune des deux autres, il était nécessaire que V. M. voulût bien faire faire expédier pour moi encore un pleinpouvoir pour être échangé contre celui des ministres de Russie, celui que j'avais obtenu présentement pouvant servir vis-à-vis du prince Lobkowitz, la cour de Vienne y étant nommée avant celle de Russie. Il a accepté la déduction, assurant qu'il était persuadé d'avance qu'elle ne laissait rien à désirer sur la vérité des titres. Il m'a permis cependant de m'en instruire, me disant qu'il comptait dans peu pouvoir me communiquer les preuves des prétentions de la cour de Russie. Il croit pouvoir me remettre encore avant la fin de la semaine le projet du manifeste à publier en Pologne. J'ai fait connaître à ce ministre le contenu des instructions dont V. M. m'a honoré à l'occasion de la négociation en question, et il a promis d'y conformer ses intentions le plus strictement qu'il serait possible, d'insister que les Autrichiens ne pretendent rien sur les Turcs et qu'ils prennent toute leur portion sur la Pologne, d'employer aussi toute son attention pour ne pas manquer à l'égalité de leurs acquisitions, et avoua qu'à cet égard-là, il y aura bien quelque chose à laisser au hasard, faute d'avoir des connaissances assez justes du local de ces pays-là. Il demandera à la cour de Vienne sa garantie pour les nouvelles acquisitions et

---

въ этихъ переговорахъ каждой изъ трехъ державъ, для соблюденія равенства между ними, предстоитъ обмѣняться документами въ двойныхъ экземплярахъ, для каждой изъ остальныхъ двухъ державъ, то необходимо, чтобы Вашему Величеству угодно было снабдить меня еще полномочіемъ, для обмѣна съ русскими министрами; нынѣ же имѣющееся у меня полномочіе можетъ служить для князя Лобковича, ибо вѣнскій дворъ поименованъ въ немъ раньше русскаго. Онъ принялъ объясненіе правъ Вашего Величества, увѣривъ, что заранѣе былъ убѣжденъ въ законности заявляемыхъ правъ. Тѣмъ не менѣе онъ позволилъ мнѣ ознакомиться вполнѣ съ этимъ документомъ, прибавивъ, что въ скоромъ времени разсчитываетъ сообщить мнѣ основанія требованій Россіи. Онъ полагаетъ, что еще ранѣе конца недѣли будетъ имѣть возможность вручить мнѣ проэктъ манифеста, который будетъ обнародованъ въ Польшѣ. Я сообщилъ этому министру содержаніе инструкцій, которыми Ваше Величество почтили меня по поводу упомянутыхъ переговоровъ, и онъ обѣщалъ мнѣ какъ можно болѣе сообразоваться съ ними въ своихъ дѣйствіяхъ, настаивать на томъ, чтобы австрійцы ничего не брали отъ турокъ, а получили бы свою долю отъ Польши, а также внимательно слѣдить за соблюденіемъ равенства въ пріобрѣтеніяхъ, при чемъ онъ сознался мнѣ, что въ этомъ отношеніи кое что придется предоставить случаю, по недостатку вѣрныхъ свѣдѣній объ этихъ странахъ. Онъ потребуетъ отъ вѣнскаго двора гарантіи новыхъ пріобрѣте-

à la république de Pologne une cession entière et pleinière des pays démembrés.

Le comte Panin a trop bien senti les raisons qui faisaient désirer à V. M. de sortir à cette occasion de toute connexion avec la Pologne relativement à la réunion du royaume de Prusse et des autres seigneuries, et prenant d'abord la résolution de faire à ce sujet un article à part dans la triple-convention, je lui ai fourni le projet à donner, qui se trouve dans les ordres de V. M. Il m'a prié de lui en donner la copie, mais comme son sentiment est de le rendre en des termes plus généraux et de ne nommer ni la Prusse en particulier ni aucune des autres anciennes possessions en particulier, que la maison de Brandebourg a acquises autrefois sur les Polonais, il croit que ce renforcement de titres pour les anciennes possessions va être regardé par la cour de Vienne comme une espèce de nouvelle acquisition, et que cela l'engagera à donner plus d'étendue à ses prétentions pour conserver la juste égalité politique, car c'est là le nouveau terme dont le prince Kaunitz commence à se servir. J'ai combattu ses raisons, mais nous nous sommes séparés cette fois-ci sans rien conclure, et ce sera à V. M. à décider, après que le comte Panin lui aura fait parvenir le projet de cet article qu'il se propose d'ébaucher et après qu'il lui aura exposé les raisons pour lesquelles il croit qu'il vaudrait mieux éviter une trop grande précition. Il est convenu qu'il était nécessaire que les trois cours déclarassent à la république de Pologne en commun et le même jour leurs intentions sur les provin-

---

ній, а отъ польской республики полной и совершенной уступки отчужденныхъ провинцій.

Графъ Панинъ отлично понялъ причины, внушающія Вашему Величеству желаніе избѣгнуть нынѣ всякихъ сношеній съ Польшей, относительно присоединенія Прусскаго королевства и другихъ областей, и намѣревается составить по этому вопросу особую статью въ тройственной конвенціи, вслѣдствіе чего я сообщилъ ему проэктъ, находящійся въ повелѣніяхъ Вашего Величества. Онъ просилъ меня выдать ему съ него копію, но такъ какъ онъ намѣренъ изложить его въ болѣе общихъ выраженіяхъ, не называя вообще ни Пруссіи ни другихъ владѣній, пріобрѣтенныхъ въ прежнее время отъ Польши Бранденбургскимъ домомъ, то онъ полагаетъ, что подобное подтвержденіе правъ на старинныя владѣнія будетъ считаться вѣнскимъ дворомъ отчасти за новое пріобрѣтеніе, что побудитъ его увеличить свои требованія, подъ предлогомъ сохраненія справедливаго политическаго равновѣсія, ибо это новое выраженіе, которое начинаетъ употреблять князь Кауницъ. Я оспаривалъ его доводы, но на этотъ разъ мы разошлись, ничего не порѣшивъ, и Вашему Величеству предстоитъ это рѣшить, послѣ того какъ графъ Панинъ сообщитъ Вамъ проэктъ этой статьи, который онъ намѣревается составить, при чемъ имъ будутъ объяснены причины, почему онъ считаетъ за лучшее избѣгать слишкомъ большой точности. Рѣшено, что всѣмъ тремъ

ces qu'elles en veulent détacher. Mais comme il prévoit que peut-être l'arrangement avec la cour de Vienne ne sera pas achevé vers le mois de Juin, il prie V. M. de lui permettre qu'il profite de l'offre qu'elle lui a faite d'elle-même, qu'on convienne de différer de quelques semaines la prise de possession et la publication des manifestes.

Après ceci le comte Panin m'a fait part qu'un courrier du prince Galitzin était arrivé et qu'il lui avait apporté les demandes de la cour de Vienne. Il a avoué que V. M., quand elle avait prévu, que les prétentions de cette cour ne seraient pas modérées, la connaissait parfaitement bien, car en effet elle paraît ne pas se contenter de peu de chose. Comme le courrier, qui va apporter au prince Lobkowitz les instructions qu'il attend là-dessus, passera par Berlin et vont être communiquées à V. M., le comte Panin attend, pour apprécier le plus particulièrement les demandes de la cour de Vienne, qu'il soit éclairci avec plus de précision sur la manière dont V. M. les envisage. Pour son particulier, il est d'avis de modérer les demandes, quoique le prince Kaunitz lui ait fait dire, qu'il ne connaissait pas assez l'intérieur de la Pologne, et qu'il se pourrait fort bien, que s'il eût mal choisi la portion de sa cour, et qu'il eût dû l'étendre davantage, mais qu'ayant une très grande confiance dans le comte Panin et le regardant comme un homme intègre, il le priait de se mettre à sa place et de choisir lui-même la portion, qu'il croyait convenir aux intérêts de la maison d'Autriche,

---

дворамъ слѣдуетъ вмѣстѣ и въ одинъ и тотъ же день объявить польской республикѣ намѣренія ихъ относительно отчуждаемыхъ у нея провинцій. Но предвидя, что быть можетъ соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ не будетъ окончено къ іюню, онъ проситъ Ваше Величество позволить ему воспользоваться предложеніемъ Вашимъ и отсрочить на нѣсколько недѣль вступленіе во владѣніе, по обнародованіи манифестовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ графъ Панинъ сообщилъ мнѣ, что отъ князя Голицына прибылъ курьеръ и привезъ ему требованія вѣнскаго двора. Онъ сознался, что Ваше Величество отлично знаете этотъ дворъ, предвидя, что требованія его не будутъ умѣрены, такъ какъ оказывается, что онъ не удовлетворится малымъ. Курьеръ, отвозящій князю Лобковичу инструкціи, ожидаемыя имъ по этому поводу, поѣдетъ черезъ Берлинъ, и черезъ его посредство требованія вѣнскаго двора будутъ сообщены Вашему Величеству, а потому графъ Панинъ, для болѣе точнаго опредѣленія этихъ требованій, ожидаетъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, какъ Ваше Величество взглянете на это дѣло. Что же до него касается, онъ того мнѣнія, что слѣдуетъ умѣрить эти требованія, несмотря на то, что князь Кауницъ поручилъ передать ему, что, не зная достаточно внутреннее состояніе Польши, онъ весьма быть можетъ дурно выбралъ долю своего двора, которую бы ему можетъ статься слѣдовало болѣе увеличить, но, имѣя полное довѣріе къ графу Панину и считая его весьма честнымъ человѣкомъ, онъ проситъ его поставить себя на его мѣсто и выбрать ту часть, которая по его мнѣнію со-

et de l'étendre, afin de la rendre égale à celle des deux autres puissances. Le comte Panin a garde d'être la dupe de ces paroles miellées, et de décider lui seul, ce qu'il y aurait à déterminer sur ce sujet. Aussi m'a-t-il fait comprendre, mais simplement comme une idée, qui lui était venue à la première vue de ces demandes, qu'il en fallait retrancher les salines près de Cracovie et la ville de Léopold ou de Lemberg, cette ville étant le rendez-vous de la noblesse polonaise pour ses affaires économiques et de crédit. Il voudrait ainsi reculer du côté de la Silésie le commencement de la ligne autrichienne jusqu'à une rivière, qui sortant de la Hongrie traverse Sandeck et tombe dans la Vistule, de là allant le long de la Vistule et d'une autre rivière nommée Wipersk, il voudrait continuer cette ligne jusqu'à un bourg dans le palatinat de Chelm et l'abandonner là pour ôter tout le palatinat de Belcz avec moitié de celui de Lemberg, et la conduire jusqu'à la source du Dniester, jusqu'à la frontière de la Moldavie, de la façon que la portion autrichienne comprendrait une partie du palatinat de Cracovie et de celui de Sandomir, qui sont l'une et l'autre à la gauche de la Vistule, les palatinats de Chelm et de Lublin, une partie de celui de Lemberg et toute la Pokutie. Je lui ai proposé en opposition, qu'on tire la ligne plus du côté de la Pologne, parce que selon le projet du comte Panin elle s'approcherait trop des états de V. M. et qu'on la laisse plutôt s'étendre du côté de la Podolie. Mais le comte Panin dit que si on rendait à la cour de Vienne de

---

отвѣтствуетъ интересамъ австрійскаго дома, расширивъ ее настолько, чтобы сравнять съ долями обѣихъ остальныхъ державъ. Графъ Панинъ, конечно, не поддается на эти льстивыя рѣчи и не рѣшаетъ самъ этого вопроса. Онъ передавалъ мнѣ, но лишь какъ мысль, пришедшую ему на умъ тотчасъ по прочтеніи этихъ требованій, что изъ нихъ слѣдовало бы исключить Краковскія соляныя копи и городъ Львовъ или Лембергъ, такъ какъ городъ этотъ служитъ сборнымъ пунктомъ польскаго дворянства для хозяйственныхъ и денежныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, онъ хотѣлъ бы отодвинуть по направленію къ Силезіи начало австрійской линіи до рѣки, вытекающей изъ Венгріи, протекающей черезъ Зандекъ и впадающей въ Вислу; оттуда, слѣдуя по теченію Вислы и другой рѣки по имени Выперскъ, онъ хотѣлъ бы продолжить эту линію до Хелмскаго воеводства и отрѣзавъ все воеводство Бѣльское и половину Львовскаго, продолжить линію до истоковъ Днѣстра и Молдавской границы такимъ образомъ, что доля Австріи заключала бы часть воеводства Краковскаго и Сандомирскаго, расположенныхъ по лѣвому берегу Вислы, воеводство Хелмское и Люблинское, часть Львовскаго и всю Покутію. Въ отвѣтъ на это я предложилъ ему, чтобы границу провели ближе къ Польшѣ, такъ какъ по плану графа Панина линія эта подошла бы слишкомъ близко къ владѣніямъ Вашего Величества, вмѣсто чего можно бы расширить ее со стороны Подоліи. Но графъ Панинъ возразилъ, что если съ этой стороны вѣнскому

côté-ci ce qu'on lui ôtait de l'autre, elle enclaverait toute la Moldavie par ses états, et qu'en cela les intérêts de la Russie n'étaient pas ménagés. Mais que dans la complication présente des intérêts de V. M. et de ceux de la Russie, il croyait que la portion telle, qu'il venait de la proposer pour l'assigner à la cour de Vienne et supposé, qu'on put l'engager à s'en contenter, tiendrait un assez juste milieu entre les portions des deux autres cours intéressées, et ne pouvait leur donner aucune jalousie; qu'il était impossible de calculer et de proportionner exactement le nombre des habitans et la bonté du sol; que comme la Russie gagnerait par ses nouvelles acquisitions de meilleures limites naturelles et perdrait par là en grande partie le désagrément d'avoir une frontière ouverte du côté de la Pologne, et que V. M. de son côté gagnait par ses nouvelles acquisitions d'avoir ses états arrondis, il lui paraissait, qu'on ne pouvait pas refuser à la cour de Vienne des acquisitions, qui à vue de pays égaleraient à la vérité les deux autres portions pour l'étendue du terrain, mais qui ne lui donneraient pas les mêmes avantages, que nous retirerions de nos portions; que si la cour de Vienne avait voulu s'en emparer, sans nous en rien dire, il aurait fallu sans doute s'y opposer, mais comme elle se livrait à notre système et nous recherchait pour avoir quelque chose, il était selon lui glorieux tant pour V. M. que pour la Russie, qu'on ne lui fit pas trop de difficultés, et qu'on ne lui donnât pas lieu de s'imaginer, qu'on craignait l'excédant de sa puissance, et qu'il pensait,

---

двору отдать то, что съ другой будетъ у него отнято, то владѣнія его окружатъ всю Молдавію, что̀ вовсе не удовлетворитъ интересамъ Россіи. Имѣя же въ виду общіе интересы какъ Вашего Величества, такъ и Россіи, онъ полагаетъ, что доля, нынѣ предлагаемая имъ для вѣнскаго двора, съ условіемъ только чтобы онъ ею удовлетворился, составила бы справедливое соотношеніе между частями обоихъ другихъ заинтересованныхъ дворовъ и не можетъ возбуждать ихъ зависти. Далѣе онъ объяснилъ, что невозможно высчитать и съ точностью опредѣлить пропорціональное число жителей и качество почвы, и такъ какъ Россія посредствомъ новыхъ пріобрѣтеній получитъ лучшія естественныя границы и въ значительной степени укоротитъ неудобство имѣть открытую границу со стороны Польши, а Ваше Величество своими новыми пріобрѣтеніями достигнете округленія Вашихъ владѣній, то ему кажется, что вѣнскому двору нельзя отказать въ пріобрѣтеніяхъ, которыя дѣйствительно по пространству сравняются съ обѣими остальными частями, взятыми вмѣстѣ, но которыя не дадутъ ему тѣхъ выгодъ, какія мы извлечемъ изъ своихъ частей. Онъ прибавилъ, что если бы вѣнскій дворъ хотѣлъ овладѣть этими землями, не предупредивъ насъ о томъ, безъ сомнѣнія надо бы было тому воспротивиться, но такъ какъ онъ примыкалъ къ нашей системѣ и обращался къ намъ, чтобы что-либо получить, то по мнѣнію его было бы равно славно какъ для Вашего Величества, такъ и для Россіи, чтобы ему не воздвигали особыхъ затрудненій и не давали бы поводъ воображать, что опа-

que si les deux cours étaient bien d'accord entre elles, elles n'avaient pas besoin de le craindre. Au reste, tout ce que je viens d'exposer, ne peut être regardé que comme une idée préliminaire. On ne décidera rien, avant qu'on n'ait appris le sentiment de V. M. sur l'article, que la cour de Vienne vient de proposer.

J'ai reçu encore avant d'avoir achevé ce rapport les ordres immédiats et médiats de V. M. du 12 et du 14 de ce mois. J'aurai soin d'informer le comte Panin des nouveaux avis, que V. M. a bien voulu me fournir sur la manière de s'arranger avec la cour de Vienne, touchant le partage, et de me prévaloir dans l'occasion des arguments, que V. M. a bien voulu me suggérer en me confiant ce qu'on lui a rapporté sur le nombre des habitans et sur le revenu de la Prusse polonaise. Je suis etc.

№ 627.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 16 Mai). à St. Pétersbourg, le 20 d'Avril (1 Mai) 1772.

Contenu: Entretien préliminaire du comte Panin avec le prince Lobkowitz: le ministre de Russie lui fait entrevoir les difficultés, qui empêchent d'admettre, dans toute son étendue, ce que la cour de Vienne prétend acquérir en Pologne.

саются его чрезмѣрнаго усиленія, такъ какъ по его мнѣнію въ случаѣ согласія между обоими дворами имъ нечего его опасаться. Впрочемъ, все изложенное мною можетъ быть разсматриваемо лишь какъ первое предположеніе. Ничего не рѣшатъ, пока не узнаютъ мнѣнія Вашего Величества по вопросу, нынѣ предложенному вѣнскимъ дворомъ.

Еще до окончанія этого донесенія я получилъ непосредственныя и министерскія повелѣнія Вашего Величества отъ 12-го и 14-го сего мѣсяца. Я постараюсь сообщить графу Панину новыя указанія, которыми Вашему Величеству угодно было снабдить меня по поводу предстоящаго соглашенія съ вѣнскимъ дворомъ, относительно раздѣла, и при этомъ воспользуюсь данными, сообщенными мнѣ Вашимъ Величествомъ о числѣ жителей и доходахъ польской Пруссіи.

Остаюсь и пр.

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 16-го мая. С.-Петербургъ, 20-го апрѣля (1-го мая) 1772 г.

№ 627. Содержаніе: — Предварительная бесѣда графа Панина съ княземъ Лобковичемъ; русскій министръ указываетъ ему на затрудненія, препятствующія признать въ полномъ составѣ все то что̀ вѣнскій дворъ намѣревается пріобрѣсти въ Польшѣ.

Le courrier Phemel, qui m'a apporté les ordres immédiats de V. M. du 15 et du 18 d'Avril, est arrivé ici avec beaucoup de diligence mardi passé le 28 du mois dernier dans la nuit. Je me suis aperçu par le contenu des ordres du 18 que V. M. a été exactement informée de ce qui s'est passé à Vienne entre le prince Kaunitz et le prince Gallitzin, lorsque le premier s'est ouvert à l'autre sur les demandes de sa cour touchant les acquisitions en Pologne. Le comte Panin ignore la circonstance de la lettre, que le prince Kaunitz aurait dressée pour le prince Gallitzin, celui-ci n'en ayant rien mandé dans son rapport. Il lui a envoyé simplement le précis d'une conversation, tel que le ministre autrichien lui-même a couché par écrit, et lui a remis le même que le comte Panin m'a donné à lire, et qui a servi de canevas à mon rapport de l'ordinaire dernier. Je me suis dispensé d'entrer dans un très grand détail sur ce sujet, étant assuré, comme je suis encore, que V. M. aura été informée du moins pour ce qui regarde l'essentiel des demandes de la cour de Vienne par le baron de Swieten. Ces demandes ont été exposées dans un projet d'articles, que le prince Kaunitz a dressé. Il m'a paru, que sans les répéter, je devais m'attacher plustôt à rendre compte à V. M. des idées du comte Panin sur la manière, qu'il croit pouvoir modérer les prétentions autrichiennes. Après ce que j'ai dit à ce ministre en dernier lieu après l'arrivée du courrier et en conséquence de la dépêche, qu'il

---

Курьеръ Фемель, привезшій мнѣ послѣднія непосредственныя приказанія Вашего Величества отъ 15-го и 18-го апрѣля, прибылъ сюда съ большой поспѣшностью въ ночь на прошлый вторникъ 28-го минувшаго мѣсяца. Изъ содержанія этихъ повелѣній отъ 18-го я убѣдился, что Вашему Величеству въ точности извѣстно все происшедшее въ Вѣнѣ между княземъ Кауницемъ и княземъ Голицынымъ, когда первый изъ нихъ объяснилъ послѣднему требованія своего двора по поводу пріобрѣтеній въ Польшѣ. Графъ Панинъ ничего не знаетъ о письмѣ князя Кауница къ князю Голицыну, такъ какъ сей послѣдній не упоминаетъ о томъ въ своемъ донесеніи, отосланномъ по почтѣ. Онъ просто выслалъ ему изложеніе разговора въ томъ видѣ, какъ записалъ и отдалъ ему самъ австрійскій министръ; это же точно самое изложеніе графъ Панинъ давалъ мнѣ читать, и оно послужило матеріаломъ для послѣдняго моего донесенія. Я не счелъ нужнымъ подробно распространяться объ этомъ предметѣ, бывъ увѣренъ и сохраняя до сихъ поръ увѣренность, что Вашему Величеству извѣстно черезъ барона Свитена по крайней мѣрѣ главное содержаніе требованій вѣнскаго двора. Требованія эти изложены въ проэктѣ статей, составленномъ княземъ Кауницемъ. Мнѣ казалось, что, не повторяя ихъ, мнѣ слѣдуетъ прежде всего отдать Вашему Величеству отчетъ о мнѣніяхъ графа Панина касательно способа, какимъ онъ разсчитываетъ умѣрить требованія Австріи. Послѣ того, что было передано мною этому министру по прибытіи послѣдняго курьера и вслѣдствіе депеши врученной имъ мнѣ, онъ надѣется, что

m'a apportée, il se flatte que ses idées s'approcheront de celles de V. M., qu'il aura eu le bonheur de saisir ses intentions, et qu'il règne entre les deux cours cette union et conformité de sentiments sur leurs intérêts réciproques, si heureuse et si propre à entretenir une intimité durable et permanente. Il ne s'agit présentement que de donner le poids nécessaire aux raisonnements, qu'on opposera à la cour de Vienne pour la convaincre, qu'il faut, qu'elle se relâche en faveur de l'égalité d'une partie de ses demandes. Dans cette occasion le comte Panin compte sur mon assistance; il se propose de se prévaloir de l'autorité de V. M. et des considérations, que ses intérêts fournissent pour faire connaître dans le cours de la négociation à la cour de Vienne que c'est là un des principaux motifs du système de la Russie. Le mal est, qu'il y aura du temps de perdu; le prince Lobkowitz, comme le comte Panin le prévoit, ne se trouvera pas pourvu d'instructions assez amples, pour pouvoir tout accorder et sera obligé d'en attendre de nouvelles. Pour préparer les matières, le comte Panin, se croyant à présent assez au fait des intentions de V. M., a dit préalablement au prince Lobkowitz, que par un courrier, que le prince Galliczin lui avait dépêché, il venait d'être informé des acquisitions, que sa cour voulait faire en Pologne, qu'il ne pouvait pas encore entrer en aucune conférence ministériale avec lui sur l'objet en question, qu'il fallait qu'auparavant l'Impératrice fût informée des sentiments de V. M. sur ces mêmes propositions, qui auraient été envoyées à V.

мысли его совпадаютъ съ мыслями Вашего Величества, что онъ имѣлъ счастіе усвоить Ваши намѣренія, и что между обоими дворами существуетъ согласіе и единомысліе по вопросу о ихъ взаимныхъ интересахъ, столь счастливое и необходимое для поддержанія прочной и постоянной дружбы. Въ настоящую минуту дѣло только въ томъ, чтобы придать должный вѣсъ доводамъ, съ помощью которыхъ будутъ убѣждать вѣнскій дворъ, что ему слѣдуетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ требованій, въ виду соблюденія равенства. Въ этомъ случаѣ графъ Панинъ разсчитываетъ на мое содѣйствіе и намѣревается указать на авторитетъ Вашего Величества и на соображенія, подсказанныя его интересами, чтобы во время переговоровъ объяснить вѣнскому двору, что это составляетъ одинъ изъ главныхъ вопросовъ русской системы. Бѣда въ томъ, что будетъ потеряно много времени; князь Лобковичъ, какъ предвидитъ графъ Панинъ, не будетъ имѣть достаточно обширныхъ полномочій, чтобы все согласовать, и будетъ вынужденъ ожидать новыхъ. Для подготовленія дѣла графъ Панинъ, считая себя нынѣ достаточно знакомымъ съ мнѣніями Вашего Величества, предварительно сказалъ князю Лобковичу, что только что узналъ черезъ курьера, присланнаго ему княземъ Голицынымъ, о пріобрѣтеніяхъ, которыя дворъ его желаетъ сдѣлать въ Польшѣ, что онъ не можетъ оффиціальнымъ образомъ коснуться этого вопроса до тѣхъ поръ, пока Императрицѣ не будутъ извѣстны мысли Вашего Величества касательно этихъ предложеній, пересланныхъ Вашему Величеству съ тѣмъ же

M. par le même courrier, qui les apporterait à lui, prince Lobkowitz, et qu'on ne pouvait pas se décider, sans avoir montré cette défférence, due à l'amitié étroite et à l'alliance, qui subsistait déjà entre V. M. et la Russie, qu'il ne pouvait donc lui parler encore sur les demandes de la cour de Vienne, que de particulier à particulier, et qu'il lui dirait avec franchise et de bonne amitié les réflexions personnelles, qui lui étaient venues; qu'il lui avouait, qu'il établissait deux points principaux sur lesquels le concert devait s'établir, le premier, si contre l'attente des trois cours le partage, qu'elles avaient en vue, ne réussissait point, malgré les dispositions personnelles des souverains et l'avantage évident des trois monarchies à former un système d'union plus solide et plus durable entre elles, on devait espérer du moins, que de ce partage il ne pouvait jamais résulter de cause et occasion de choc d'intérêts, qui par ses suites mettrait en compromis l'union et la bonne harmonie actuelle. Le second point, qui dérivait immédiatement du premier, était, qu'en donnant actuellement à la Pologne un état plus conforme aux intérêts de ses voisins, on devait nécessairement lui conserver une force et une valeur intrinsèque, qui la maintînt dans une situation intermédiaire et mît une barrière entre les intérêts des puissances: parce que l'état de Pologne étant anéanti, les frontières des trois puissances pourraient s'entretoucher de trop près, d'où il naîtrait une collision d'intérêts, qui ne tarderait pas à altérer leur amitié et leurs bonnes dispositions l'une envers l'autre; qu'après avoir

---

курьеромъ, который вручитъ ихъ ему, князю Лобковичу, и что они не могутъ ни на что рѣшиться, не оказавъ подобнаго уваженія, необходимаго при тѣсной дружбѣ и союзѣ уже существующемъ между Вашимъ Величествомъ и Россіей. Въ виду этого обстоятельства онъ можетъ обсуждать требованія вѣнскаго двора не иначе какъ совершенно частнымъ образомъ, и въ такомъ смыслѣ откровенно и дружески выскажетъ ему личныя свои соображенія, а именно, что по его мнѣнію соглашеніе должно состояться по двумъ главнѣйшимъ вопросамъ, изъ которыхъ первый, если вопреки ожиданіямъ трехъ дворовъ раздѣлъ, имѣющійся у нихъ въ виду, не состоялся бы, несмотря на личное расположеніе монарховъ и на очевидную для трехъ государствъ выгоду составить между собой твердый и прочный союзъ, то по крайней мѣрѣ можно надѣяться, что раздѣлъ этотъ не подастъ повода къ столкновенію, послѣдствія котораго могли бы повредить нынѣ существующему согласію. Второй вопросъ, непосредственно вытекающій изъ перваго, состоитъ въ томъ, что, приведя Польшу въ состояніе болѣе соотвѣтствующее интересамъ ея сосѣдей, слѣдуетъ по необходимости сохранить ей собственную ея силу и значеніе, достаточныя для того, чтобы государство это служило какъ бы оплотомъ между интересами державъ, ибо въ случаѣ уничтоженія Польши, границы трехъ государствъ слишкомъ близко соприкасались бы, что подавало бы поводъ къ столкновенію интересовъ и не замедлило бы нарушить ихъ дружбу и взаимное благорасположеніе; далѣе графъ Панинъ высказалъ, что, раз-

examiné le projet de la cour de Vienne, il ne voulait pas lui cacher, qu'il trouvait dans la portion, que cette cour voulait incorporer à ses états, un objet, qui relativement aux bases, qu'il venait d'établir, lui paraissait de la plus grande importance. Il lui a parlé alors de la ville de Lemberg, lui disant, que comme depuis un temps immémorial, on y tenait le dépôt des titres des biens et des possessions de la noblesse, qu'on y passait tous les contracts et autres actes, qui transportaient les biens d'une main à l'autre, on ne pourrait détacher cette ville de la Pologne, sans causer une confusion énorme dans la fortune des particuliers, dont la conservation était liée trop essentiellement avec celle de tout le corps de la république, que par conséquent cette ville devait rester unie au royaume. Quant au point, d'où la cour de Vienne a commencé de tirer ses nouvelles limites, le comte Panin a témoigné, qu'il attendait que V. M. s'expliquât sur ce que ses intérêts lui conseillaient par rapport à l'extension de la ligne des frontières autrichiennes du côté de ses possessions comme un objet, qui la touchait particulièrement; mais que comme par cette nouvelle limite, les deux salines les plus considérables de la Pologne se trouvaient enclavées, qu'elles faisaient le seule régale et l'unique revenu fixe du roi de Pologne, il était aisé de juger, combien l'économie royale se trouvait affaiblie par la perte d'un revenu de près de 120 m. ducats, et combien ce dérangement influerait sur toute l'administration de l'état et altérerait cette existence politique, qu'on voulait conserver à la Pologne. C'est à peu près le sens, autant que j'ai pu

---

смотрѣвъ проэктъ вѣнскаго двора, онъ не скрываетъ, что въ долѣ, которую дворъ его хочетъ присоединить къ своимъ владѣніямъ, встрѣчается нѣчто несогласуемое съ высказанными имъ основаніями. Вслѣдъ за тѣмъ онъ упомянулъ о городѣ Лембергѣ и сказалъ, что такъ какъ тамъ съ незапамятныхъ временъ сохраняются документы на владѣнія и имущества дворянства и тамъ заключаются всѣ контракты и прочіе акты, въ силу которыхъ имѣнія переходятъ изъ рукъ въ руки, то города этого невозможно отдѣлить отъ Польши, не причинивъ большаго вреда въ состояніи частныхъ лицъ, существенно связаннаго съ благосостояніемъ всей республики, и слѣдовательно, городъ этотъ долженъ быть сохраненъ за польскимъ королевствомъ. Что же касается до того пункта, откуда вѣнскій дворъ начинаетъ свою новую границу, графъ Панинъ высказалъ, что ожидаетъ указаній Вашего Величества относительно опредѣленія австрійскихъ границъ по сосѣдству съ Вашими владѣніями, какъ о вопросѣ близко касающемся Вашего Величества; но такъ какъ подобная новая граница захватила бы двѣ самыя значительныя во всей Польшѣ соляныя копи, составляющія единственный вѣрный доходъ и регалію короля польскаго, легко понять, на сколько королевскіе финансы оскудѣли бы вслѣдствіе утраты 120 т. дукатовъ, и до какой степени это повліяло бы на всю администрацію государства и поколебало бы то политическое существованіе, которое намѣревалось сохранить Польшѣ. Таковъ, насколько я могъ запомнить, при-

le retenir, de l'entretien du comte Panin avec le prince Lobkowitz, que le premier m'a rendu au cercle de la cour, le moment après l'avoir eu, et qu'il a donné ensuite, à l'imitation du prince Kaunitz, au prince Lobkowitz par écrit dans la forme d'un précis de conversation. Son but en cela est de préparer la cour de Vienne à recevoir de l'opposition à ses demandes, et de lui faire comprendre surtout la parfaite harmonie, qui règne entre V. M. et la Russie, pour l'engager par là à perdre toute idée de pouvoir les désunir, et l'espérance, qu'elle pourrait mieux faire ses affaires avec l'une séparément, à l'insu et indépendamment de l'autre.

Par les dernières nouvelles du maréchal comte de Romanzow la cour a été informée que le grand-vizir a accepté toutes les propositions, que le maréchal lui a faites pour l'arrangement d'un armistice; qu'il avait promis d'envoyer un commissaire de sa part en deçà du Danube et qu'on était convenu des deux côtés de choisir Giurgewo pour le lieu du rendez-vous des deux commissaires, de sorte, qu'on espère d'apprendre en peu que la suspension d'armes aura été réglée.

№ 628.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

à Berlin, le 5 de Mai 1772.

J'ai reçu vos dépêches du 17 d'Avril. La cour de Russie n'aura pas

---

близительный смыслъ разговора графа Панина съ княземъ Лобковичемъ, о чемъ первый изъ нихъ передавалъ мнѣ при дворѣ немедленно вслѣдъ затѣмъ. Разговоръ этотъ онъ, въ подражаніе князю Кауницу, вручилъ князю Лобковичу въ письменномъ изложеніи. Цѣль его въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, чтобы приготовить вѣнскій дворъ встрѣтить оппозицію противъ своихъ требованій, а главнымъ образомъ заявить ему о полномъ согласіи, существующемъ между Вашимъ Величествомъ и Россіей, и тѣмъ заставить его отказаться отъ мысли ихъ разъединить и отъ надежды лучше устроить свои дѣла съ одной изъ державъ въ отдѣльности, тайно и независимо отъ другой.

Послѣднія извѣстія отъ фельдмаршала графа Румянцова увѣдомляютъ дворъ о томъ, что великій визирь согласился на всѣ предложенія, сдѣланныя ему фельдмаршаломъ по вопросу о перемиріи, что онъ обѣщалъ выслать съ своей стороны комиссара за Дунай, и что съ обѣихъ сторонъ рѣшено избрать Джурджево сборнымъ мѣстомъ для обоихъ комиссаровъ, вслѣдствіе чего ожидаютъ въ непродолжительномъ времени извѣстія о соглашеніи, касательно прекращенія военныхъ дѣйствій.

Остаюсь и проч.

Графъ Финкенштейнъ и г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 5-го мая 1772 г.

№ 628. Я получилъ Ваши депеши отъ 17-го апрѣля. Съ тѣхъ поръ русскій дворъ

tardé depuis à recevoir la déclaration de celle de Vienne sur la nature des réquisitions, qu'elle voudrait faire en Pologne, et je suis curieux de voir de quelle façon elle accueillera des demandes si démesurées. J'attends avec impatience vos premiers rapports sur ce sujet et suis bien aise, que vous ayez toujours prévenu le comte Panin sur la nécessité de ne point s'écarter dans cette négociation du principe d'égalité proposé par la cour de Vienne elle-même. J'espère, que les observations, que vous lui avez présentées feront impression sur son esprit et l'engageront à porter l'Autriche à se désister de ses prétentions exorbitantes.

Suivant mes dernières lettres de Constantinople le sieur Thugut continue de faire à la Porte des insinuations plus propres à la roidir contre la paix, qu'à l'amener aux termes où nous la voudrions. Il y a apparence que la cour de Vienne, par les principes d'une politique à la vérité peu franche et cordiale, tiendra cette conduite équivoque jusqu'à ce qu'elle eût entièrement conclu avec la Russie et soit sûre de la portion, qu'elle aura en Pologne.

Si j'en dois croire des avis venus au ministre de Pologne, qui réside à ma cour, les Russes ont pris Cracovie, le sieur Benoit n'en a encore rien mandé.

не замедлилъ получить декларацію двора вѣнскаго по вопросу о пріобрѣтеніяхъ, которыя онъ желаетъ сдѣлать въ Польшѣ, и мнѣ желательно узнать, какимъ образомъ будутъ приняты столь чрезмѣрныя требованія. Съ крайнимъ любопытствомъ ожидаю Вашихъ первыхъ донесеній по этому дѣлу, и весьма доволенъ тѣмъ, что Вы постоянно предупреждали графа Панина о необходимости держаться въ этихъ переговорахъ принципа равенства, предложеннаго самимъ вѣнскимъ дворомъ. Надѣюсь, что высказанныя Вами ему замѣчанія произведутъ на него впечатлѣніе и побудятъ его склонить Австрію къ отказу отъ своихъ чрезмѣрныхъ требованій.

Судя по послѣднимъ письмамъ моимъ изъ Константинополя, г. Тугутъ продолжаетъ дѣлать Портѣ намеки, болѣе способные возстановить ее противъ мира, чѣмъ довести ее до заключенія желаемыхъ нами условій. Кажется, что вѣнскій дворъ, движимый принципами политики чуждой откровенности и искренности, будетъ слѣдовать этому двусмысленному образу дѣйствій до тѣхъ поръ, пока не придетъ къ полному соглашенію съ Россіей, и не будетъ увѣренъ въ части, которую получитъ въ Польшѣ.

Если вѣрить извѣстіямъ, полученнымъ польскимъ министромъ при моемъ дворѣ, русскіе заняли Краковъ, но г. Бенуа ничего о томъ не сообщаетъ.

№ 629.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 19 Mai). à St. Pétersbourg, le 24 d'Avril (5 de Mai) 1772.

J'ai reçu par la poste ordinaire les ordres immédiats et médiats de V. M. du 18, 19 et 21 d'Avril, avec les rapports de Constantinople du 6 et du 17 de Mars, et par l'occasion du courrier autrichien les immédiats seuls du 20 d'Avril.

L'observation de V. M. sur l'inexactitude des Autrichiens dans leurs relations est encore justifiée cette fois-ci par celle, que le baron de Swieten a faite au prince de Lobkowitz de l'audience, qu'il a eue de V. M. Il lui a peint l'approbation de V. M. sur le projet de la cour de Vienne pour ses acquisitions en Pologne, comme étant si facile à obtenir, que le prince Lobkowitz a été fort surpris, quand il a appris de moi, et puis du comte Panin, qu'il y en avait encore quelque chose à rabattre. Pour remédier à la perte, que le roi de Pologne souffrirait dans ses économies, qui se trouveraient enclavées dans l'une ou l'autre des portions des trois puissances, et pour dédommager en particulier ce prince de la perte des salines, la partie la plus considérable de son revenu, le prince Lobkowitz a cru obvier à cet inconvénient, en proposant par ordre de sa cour, qu'on assignât à Sa Maj. Polonaise en propre, pour soutenir l'éclat et la dignité du trône, autant de

---

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 19-го мая. С.-Петербургъ, 24-го апрѣля (5-го мая) 1772 г.

№ 629. Я получилъ по почтѣ непосредственныя и министерскія приказанія Вашего Величества отъ 18-го, 19-го и 21-го апрѣля, съ донесеніями изъ Константинополя, отъ 6-го и 17-го марта, а черезъ австрійскаго курьера повелѣнія В. В. отъ 20-го апрѣля.

Замѣчаніе Вашего Величества объ неточности австрійскихъ сообщеній на этотъ разъ еще подтвердилось отчетомъ барона Свитена князю Лобковичу объ аудіенціи, которую онъ имѣлъ у Вашего Величества. Онъ представилъ ему, будто бы весьма легко получить одобреніе Вашего Величества на проэктъ вѣнскаго двора о пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ, и потому князь Лобковичъ крайне удивился, услышавъ отъ меня, а затѣмъ отъ графа Панина, что требованія эти придется уменьшить. Имѣя въ виду вознаградить убытокъ, который бы понесъ король польскій, лишившись владѣній, заключенныхъ въ долѣ какой либо изъ трехъ державъ, въ особенности же потерю соляныхъ копей, источника значительнѣйшихъ его доходовъ, князь Лобковичъ думалъ устранить это затрудненіе, предложивъ, по повелѣнію своего двора, чтобы его польскому величеству было назначено въ личную собственность для поддержанія блеска и достоин-

starosties, qu'elles fissent l'équivalent de ce qu'il perdrait dans ses revenus, par les économies, qui seraient détachées de la Pologne. Cette idée aurait assez plu au comte Panin, s'il n'avait été retenu par la considération, que la cession des salines à la cour de Vienne touchait de près les intérêts de V. M., et ce point est resté encore indécis pour le présent. Le prince Lobkowitz s'est beaucoup récrié qu'on veuille reculer les frontières des possessions de sa cour en Pologne depuis Biala jusqu'à cette rivière, qui traverse Sandecz, et il paraît, qu'il est moins étonné, que suivant la proposition qu'on a faite ici, on veuille retrancher de la portion autrichienne le palatinat de Belcz, avec une partie de celui de Lemberg, la ville de ce nom y étant comprise. Mais les instructions du prince Lobkowitz se trouvant si limitées, qu'il ne peut se relâcher sur rien, on l'engagera à renvoyer son courrier à Vienne pour en demander d'autres, ce courrier sera aussi le porteur de la note, que le comte Panin donnera au ministre autrichien et où la portion de la cour de Vienne est déterminée selon les idées, que V. M. a daigné fournir; il passera par Berlin, afin que V. M., si elle le trouvera bon, puisse faire connaître ouvertement à la cour de Vienne les raisons, qui exigent, que la frontière de ses possessions soit reculée jusqu'à Biala, et qu'elle renonce aux salines de Cracovie. Le comte Panin a déclaré au prince Lobkowitz, qu'on ne déciderait rien ici sur ces deux points, sans s'être arrangé préalablement là-dessus avec V. M., qui y était principale-

---

ства его престола достаточное число староствъ, для соразмѣрнаго покрытія суммы доходовъ изъ экономіи, утрачиваемой имъ черезъ отчужденіе польскихъ земель. Эта мысль понравилась бы графу Панину, если бы его не удерживало соображеніе, что уступка соляныхъ копей вѣнскому двору близко затрогиваетъ интересы Вашего Величества, почему въ настоящую минуту вопросъ этотъ и остался нерѣшеннымъ. Князь Лобковичъ сильно возсталъ противъ того, что хотятъ отодвинуть границу владѣній его двора въ Польшѣ отъ Бѣлой до рѣки, протекающей въ Зандекѣ; но, какъ кажется, онъ менѣе удивился, что по смыслу здѣшнихъ предложеній намѣреваются отдѣлить отъ доли Австріи Бѣльское воеводство съ частью Лембергскаго со включеніемъ города этого имени. Но такъ какъ инструкціи князя Лобковича на столько ограничены, что онъ не можетъ ни отъ чего отказаться, то ему предложатъ отправить обратно своего курьера въ Вѣну, испросивъ новыхъ инструкцій, при чемъ курьеръ этотъ отвезетъ также и ноту графа Панина къ австрійскому министру, опредѣляющую долю вѣнскаго двора, согласно съ указаніями, которыя угодно было высказать Вашему Величеству; онъ поѣдетъ черезъ Берлинъ, дабы Ваше Величество, если признаете то полезнымъ, имѣли бы возможность открыто сообщить вѣнскому двору причины, требующія чтобы граница его владѣній была отодвинута до Бѣлой и чтобы онъ отказался отъ Краковскихъ соляныхъ копей. Графъ Панинъ объявилъ князю Лобковичу, что по этимъ двумъ вопросамъ ничего не будетъ рѣшено до предварительнаго соглашенія съ Вашимъ

ment intéressée. Sur l'article de la pacification de la Pologne le baron de Swieten mande au prince Lobkowitz, comme si c'était une idée personnelle à V. M., qu'elle avait proposé de promettre aux Polonais d'élire un Piaste à la première vacance du trône pour leur roi, qu'en outre V. M. lui avait parlé de deux autres idées, la première, qu'on songeât à rendre ce royaume héréditaire, et la seconde, qu'on convînt d'avance d'un successeur à donner au roi d'aujourd'hui. Quant à la première, je l'ai contredit tout net, sachant à quoi m'en tenir par la dépêche immédiate de V. M. du 20 d'Avril, et pour ce qui est de la seconde, j'ai fait observer au prince Lobkowitz, qu'il était probable, que son collègue s'était trompé sur ce dernier point, tout comme sur le premier, qu'il était probable, qu'il avait mal entendu, ou bien, qu'il s'était mépris en lui écrivant, que comme il n'avait j'amais été question entre V. M. et la Russie de se concerter d'avance sur un pareil évènement, nous devions, à ce qu'il me semblait, nous reposer là-dessus pour le présent et nous attacher à l'essentiel, qui était actuellement l'arrangement de la triple convention. Je ne doute pas, que le prince Lobkowitz ne relève la différence, qui se trouve entre le rapport, qu'on lui a fait de ce qui s'est dit des mesures préalables à prendre relativement à la vacance du trône de Pologne, et la manière, dont V. M. a daigné m'en instruire. Mais ce qui a lieu de surprendre plus que tout le reste, c'est que le prince Kaunitz dans ses instructions au prince Lobkowitz ne dit pas le mot de la

---

Величествомъ, какъ наиболѣе ими заинтересованнымъ. По поводу умиротворенія Польши, баронъ Свитенъ сообщаетъ князю Лобковичу, въ видѣ личной мысли Вашего Величества, будто бы Вы предложили обѣщать полякамъ избрать на ихъ престолъ Пяста, и кромѣ того Ваше Величество говорили ему о двухъ предположеніяхъ, а именно: во-первыхъ объ обращеніи этого королевства въ наслѣдственное, а во-вторыхъ, о заблаговременномъ назначеніи преемника нынѣ царствующему королю. Что̀ касается до первой изъ этихъ мыслей, я прямо опровергъ ее, зная какъ поступить въ этомъ случаѣ изъ депеши Вашего Величества отъ 20-го апрѣля. Относительно же второй, я замѣтилъ князю Лобковичу, что вѣроятно его товарищъ ошибся въ этомъ вопросѣ, точно также какъ и въ первомъ, что быть можетъ онъ недослышалъ или же не такъ понялъ, писавъ объ этомъ, и что такъ какъ между Вашимъ Величествомъ и Россіей никогда не было рѣчи о соглашеніи касательно подобнаго событія, то по моему мнѣнію намъ и не слѣдуетъ теперь разбирать этого вопроса, а заняться исключительно существеннѣйшимъ вопросомъ о тройной конвенціи. Не сомнѣваюсь, что князь Лобковичъ замѣтитъ разницу между тѣмъ, что было передано ему о предварительныхъ мѣрахъ, на случай упраздненія польскаго престола, и тѣмъ, что благоугодно было сообщить мнѣ о томъ Вашему Величеству. Но всего удивительнѣе то, что князь Кауницъ въ своихъ инструкціяхъ князю Лобковичу ни слова не упоминаетъ о томъ,

manière, dont il comptait de rendre utiles à la Russie les bons offices de sa cour pour avancer l'ouvrage de la paix avec la Porte. Le prince Lobkowitz n'a su en rendre raison, avouant, que la chose le surprenait également, il a promis d'en écrire à sa cour. Il ne peut expliquer, si c'est par oubli ou par quelque autre raison, que le prince Kaunitz a négligé de l'instruire sur un point de cette importance. En attendant, comme on a gardé ici les dehors aussi longtemps, qu'il a été possible, le comte Panin a dit au ministre de Vienne, qu'il était nécessaire de s'assurer des intentions de sa cour par un article exprès de la convention, il ne pourra cependant qu'être projeté, sans qu'on puisse rien arrêter, il faut attendre le retour des courriers, qui seront envoyés à Vienne, et les éclaircissements, qu'ils rapporteront, pourront dicter les mesures ultérieures, qu'il y aura à prendre avec la cour de Vienne. Au reste, je n'ai pas encore pu trouver l'occasion de parler au comte Panin en particulier, le jour de naissance de l'Impératrice qui fut célébré avant-hier, les conseils, qui ont été tenus, et le départ de Sa Maj. Impériale pour la campagne, ne lui ont pas encore permis de me donner une heure pour parler d'affaires. En attendant, par ce qu'il m'a dit d'avance, il se proposait de dire au ministre autrichien, je sais, qu'il a suivi ses idées, dont nous sommes convenus ensemble, de vouloir tâcher de donner à la cour de Vienne et de ce que le prince Lobkowitz, et par ce que ce dernier a dit au sortir de la conférence, je sais aussi, que cela s'est fait; de sorte,

---

какимъ способомъ онъ надѣялся помочь Россіи содѣйствіемъ своего двора для ускоренія мира съ Портой. Князь Лобковичъ не умѣлъ объяснить этого и сознался, что самъ равно этимъ удивленъ. Онъ обѣщалъ написать объ этомъ своему двору. Онъ приписываетъ лишь забывчивости или какой либо иной причинѣ, что князь Кауницъ не далъ ему инструкцій по столь важному предмету. Между тѣмъ, послѣ возможно долгаго выжиданія, графъ Панинъ сказалъ вѣнскому министру, что необходимо удостовѣриться въ намѣреніяхъ его двора посредствомъ отдѣльной статьи конвенціи, которая, впрочемъ, составлена будетъ лишь въ видѣ проэкта, ибо до принятія какого либо рѣшенія надо выждать возвращенія курьеровъ, отправляемыхъ въ Вѣну, и объясненія, которыя они привезутъ, быть можетъ, укажутъ дальнѣйшія мѣры, которыя слѣдуетъ принять относительно вѣнскаго двора. Впрочемъ, я еще не имѣлъ случая говорить съ графомъ Панинымъ наединѣ, такъ какъ день рожденія Императрицы, отпразднованный третьяго дня, засѣданія совѣта и отъѣздъ Ея Императорскаго Величества за городъ лишили его возможности удѣлить мнѣ часъ на бесѣду о дѣлахъ. Но судя по тому, что онъ говорилъ мнѣ ранѣе о предполагаемыхъ переговорахъ съ австрійскимъ министромъ, мнѣ извѣстно, что онъ держался относительно доли вѣнскаго двора прежнихъ своихъ идей, о которыхъ мы пришли къ соглашенію, а изъ словъ князя Лобковича послѣ свиданія съ нимъ я узналъ также, что онъ это выполнилъ, и, слѣдова-

que je suis sûr de ne point faire de faux rapport à V. M. sur cette matière.

P. S. ad relat. 629. Pétersbourg, 24 Avril (5 Mai) 1772. Betrifft die Ordensverleihungen, die der König den Grafen Orlow und Panin zu ertheilen geneigt ist.

№ 630.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 23 Mai. à St. Pétersbourg, le 27 d'Avril (8 de Mai) 1772.

Contenu: Le comte Solms annonce pour l'ordinaire prochaine le détail d'une réponse ultérieure du comte Panin aux ouvertures de la cour de Vienne.

№ 631.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 26 Mai). A St. Pétersbourg, le 30 d'Avril (11 de Mai) 1772.

P. S. Je puis aujourd'hui rendre compte à V. M. de la conférence, que j'ai eu avec le comte Panin depuis le départ du dernier courrier ordinaire. D'abord il m'a communiqué la copie de la dépêche, que le prince Kaunitz

---

тельно, я увѣренъ, что я не сообщаю объ этомъ предметѣ Вашему Величеству ложныхъ свѣдѣній.

(P. S. къ депешѣ изъ С.-Петербурга отъ 24-го апрѣля (5-го мая) 1772 г. касается орденовъ, которые прусскій король намѣренъ пожаловать графамъ Орлову и Панину).

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 23-го мая. С.-Петербургъ, 27-го апрѣля (8-го мая) 1772 г.

№ 630. Содержаніе: Графъ Сольмсъ обѣщаетъ въ слѣдующей депешѣ сообщить по почтѣ подробности дальнѣйшаго отвѣта графа Панина на предложенія вѣнскаго двора.

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 26-го мая. С.-Петербургъ, 30-го апрѣля (11-го мая) 1772 г.

№ 631. П. С. Сегодня могу представить Вашему Величеству отчетъ о разговорѣ, который я имѣлъ съ графомъ Панинымъ со времени отправленія послѣдняго курьера. Прежде всего онъ сообщилъ мнѣ копію съ депеши князя Кауница къ князю Лобко-

a adressée au prince Lobkowitz sur l'affaire de la négociation, qui est sur le tapis; il m'a permis même d'en tirer les endroits les plus intéressants pour en faire usage dans mon rapport d'aujourd'hui. Il se trouve à la tête de cette dépêche une instruction pour le prince Lobkowitz sur la manière, dont il doit remettre ici les demandes de sa cour relativement aux acquisitions, qu'elle se propose de faire en Pologne, et prouver la juste proportion de ce qu'elle exige comme équivalent des acquisitions des deux autres cours. Il lui annonce que ses souverains consentaient, que cette affaire soit négociée à Pétersbourg entre les ministres de Russie, celui de Prusse et lui, lui envoyant pour cet effet les pleinpouvoirs nécessaires, de plus il lui enjoint de se conformer au bon plaisir de la cour d'ici, quant à la façon dont la cour de Vienne prendrait part à la convention, qui subsistait déjà entre V. M. et la cour de Russie, que ce fût par un simple acte d'accession ou par une triple convention, qui se concluerait séparément. Quant à ces premiers articles, le comte Panin y a déjà répondu dans la note remise dernièrement au prince Lobkowitz sous le nom de précis d'un entretien particulier, qu'il aurait eu avec le ministre de Vienne. Il y fait connaître à la cour impériale, que les intérêts de V. M. aussi bien que ceux de sa cour exigeaient, qu'on retranchât quelque chose des prétentions de celle de Vienne. Il lui fera cependant une note encore plus précise et lui déclarera en même temps, qu'il lui paraissait, que la participation de la

---

вичу по вопросу о настоящихъ переговорахъ, и даже позволилъ мнѣ списать самыя интересныя мѣста, чтобы воспользоваться ими въ настоящемъ моемъ донесеніи. Депеша эта начинается инструкціей князю Лобковичу о томъ,какъ ему слѣдуетъ передать здѣсь требованія своего двора по вопросу о пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ, доказавъ справедливое соотношеніе между требуемой имъ долей и пріобрѣтеніями двухъ другихъ дворовъ. Онъ сообщаетъ ему, что государи его согласны на веденіе этихъ переговоровъ въ Петербургѣ министрами русскимъ, прусскимъ и имъ, на что высылаются ему необходимыя полномочія. Кромѣ того, онъ предписываетъ ему сообразоваться съ желаніями здѣшняго двора для рѣшенія, какимъ образомъ вѣнскій дворъ приметъ участіе въ конвенціи, уже существующей между Вашимъ Величествомъ и русскимъ дворомъ, будетъ ли то посредствомъ простаго акта соглашенія или же въ силу отдѣльно заключенной тройной конвенціи. Что касается до этихъ первыхъ вопросовъ, графъ Панинъ уже отвѣтилъ на нихъ нотой, недавно врученной князю Лобковичу подъ именемъ изложенія частнаго разговора его съ вѣнскимъ министромъ. Въ нотѣ этой сообщается императорскому двору, что интересы Вашего Величества, а также и собственнаго его двора, предписываютъ нѣсколько урѣзать требованія двора вѣнскаго. Впрочемъ, онъ составитъ ему еще болѣе точную ноту, объявивъ ему въ то же время, что по его мнѣнію участіе вѣнскаго двора въ соглашеніи уже со-

cour de Vienne au concert déjà arrangé entre V. M. et la Russie se ferait mieux par une triple convention à conclure entre les trois puissances intéressées dans ce concert, que par un simple acte d'accession de la cour de Vienne. Il veut éviter par là, qu'il ne paraisse jamais, que l'une des deux premières cours ait recherché l'Autriche pour la faire entrer dans leur système, mais plustôt, que celle-ci paraisse avoir les premières avances aux autres. Le reste de la dépêche du prince Kaunitz roule sur l'entrée des troupes autrichiennes en Pologne pour se mettre en possession des districts, que la cour de Vienne prétend y acquérir, et sur le moyen d'y parvenir à la pacification des troubles de ce royaume. Le prince regardant la négociation sur les acquisitions de sa cour comme entièrement réglée, quant à l'essentiel, fixe toute son attention sur les moyens de s'en assurer la possession, et croyant se conformer à ce qui a été réglé entre V. M. et la Russie sur le terme de la prise de possession, fixé au mois de Juin, il déclare, que l'intention de sa cour était d'occuper dès à présent par ses troupes les districts, qui lui tomberaient en partage, afin que la prise de possession se fit dans le même temps. Il demande même que la cour de Russie donne des ordres aux officiers, commandant ses troupes en Pologne, qu'ils facilitent le passage en Pologne aux régiments, qui viendront de Transylvanie et qui pour abréger le chemin doivent passer par la Moldavie. Il expose ensuite le plan, qu'il s'est formé, pour procéder à la prise de possession, il revient

---

стоявшемся между Вашимъ Величествомъ и Россіей лучше выполнить посредствомъ тройной конвенціи между тремя заинтересованными державами, чѣмъ черезъ простой актъ включенія двора вѣнскаго. Этимъ онъ хочетъ избѣжать, чтобы отнюдь не казалось, что одинъ изъ двухъ вышепоименованныхъ дворовъ привлекалъ Австрію на сторону своей системы, а явствовало бы напротивъ того, что эта держава сама искала сближенія съ ними. Остальная часть депеши князя Кауница, касается вступленія австрійскихъ войскъ въ Польшу для занятія провинцій, которыя вѣнскій дворъ намѣревается пріобрѣсти, и мѣръ къ прекращенію безпорядковъ въ этомъ государствѣ. Считая вполнѣ опредѣленнымъ вопросъ о пріобрѣтеніяхъ своего двора по существу, князь обращаетъ все свое вниманіе на средства утвердить за собой эти владѣнія и, полагая слѣдовать въ этомъ случаѣ рѣшенію Вашего Величества и Россіи о вступленіи во владѣніе въ Іюнѣ, объявляетъ, что дворъ его намѣренъ тотчасъ же занять войсками провинціи, составляющія его долю, дабы вступленіе во владѣніе состоялось бы одновременно. Онъ даже проситъ, чтобы русскій дворъ повелѣлъ офицерамъ, командующимъ войсками въ Польшѣ, облегчить переходъ въ Польшу полкамъ, которые придутъ изъ Трансильваніи, и для сокращенія пути должны пройти черезъ Молдавію. Затѣмъ онъ излагаетъ планъ, составленный имъ для вступленія во владѣніе, и заключаетъ приблизительно слѣдующимъ: въ виду необходимости

à peu près à ce qui suit: comme il est nécessaire de former des magasins, il pense qu'il faut envoyer tout de suite des officiers et des commissaires, qui puissent l'effectuer. Mais afin de ne pas trahir le secret de notre triumvirat, comme il l'appelle, et pour dérouter du moins pour un temps les spéculatifs, sa cour doit faire entrer au plustôt quelque détachement dans les districts en question, et que l'officier, qui le commande, doit publier, que ce détachement sera suivi incessamment par un corps d'armée considérable, que sa cour, forcée par les circonstances faisait entrer en Pologne, qu'en conséquence elle exigerait des livraisons, comme elle les jugerait nécessaires suivant les temps et les lieux. Il prie le comte Panin de lui faire savoir au plustôt, s'il était d'accord avec lui sur ce qu'il venait de lui proposer, ou s'il pensait, que cela pourrait se faire autrement, et de lui dire en ce cas-là, comment cela devait se faire; il ajoute, qu'il lui serait redevable du conseil, qu'il attendait de son amitié dans cette conjoncture. Pour ne pas perdre une si bonne occasion de dire ouvertement son sentiment au prince Kaunitz sur l'entrée des troupes autrichiennes en Pologne, le comte Panin l'a couché par écrit. Il le remit avant-hier au prince Lobkowitz, et il y dit, que plus il y aurait d'uniformité dans les premières démarches de chacune des trois puissances, plus éclateraient l'intimité de leur concert et leur bonne harmonie; que lorsque les cours de Berlin et de Pétersbourg avaient cru devoir faire entrer des détachements en Pologne, pour occuper les districts

---

устроить магазины, онъ считаетъ нужнымъ тотчасъ же выслать офицеровъ и комисаровъ, которые бы это выполнили. Но дабы не выдать тайны нашего тріумвирата, какъ онъ называетъ его, и хотя на время сбить съ пути всякія догадки, дворъ его долженъ какъ можно скорѣе ввести отрядъ въ упомянутыя провинціи, и начальствующій этимъ отрядомъ долженъ объявить, что за этимъ отрядомъ близко слѣдуетъ значительный корпусъ войскъ, который дворъ его вводитъ въ Польшу, будучи къ тому вынужденнымъ обстоятельствами, вслѣдствіе чего и потребуетъ различныхъ припасовъ, смотря по времени и мѣсту. Онъ проситъ графа Панина, сообщить ему въ возможной скорости, согласенъ ли онъ на предлагаемыя имъ мѣры или же думаетъ, что это можетъ состояться иначе, и въ такомъ случаѣ высказать ему, какъ именно все это должно имѣть мѣсто; къ этому онъ прибавляетъ, что будетъ ему благодаренъ за совѣтъ, котораго ожидаетъ отъ его дружбы при подобныхъ обстоятельствахъ. Пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, откровенно высказать князю Кауницу свое мнѣніе о вступленіи австрійскихъ войскъ въ Польшу, графъ Панинъ изложилъ его письменно. Третьяго дня онъ вручилъ его князю Лобковичу, высказавъ въ этой нотѣ, что чѣмъ однообразнѣе будутъ первыя мѣры каждой изъ трехъ державъ, тѣмъ блистательнѣе заявятъ онѣ о тѣсномъ ихъ союзѣ и согласіи; что когда дворы берлинскій и петербургскій сочли нужнымъ ввести въ Польшу отряды войскъ, для занятія провинцій, опредѣлен-

assignés dans la convention, elles n'avaient rien fait publier, qui indiquât, que ces détachements seraient suivis d'un corps de troupes plus considérable, qu'elles n'avaient pas annoncé non plus, que les circonstances du temps leur imposaient la nécessité d'une telle démarche, qu'elles s'étaient contentées de procéder à la construction de magasins et de nettoyer le pays des confédérés, que s'il plaisait au ministère de Vienne de suivre la même méthode, lorsqu'on ferait entrer les troupes autrichiennes en Pologne, il en résulterait un double avantage, le premier, que les Polonais seraient moins dans le cas de s'allarmer avant le temps, le second, que les confédérés, serrés de tous les côtés, se dissiperaient d'autant plus facilement, que par là l'opposition de la nation à l'entreprise des trois cours diminuerait considérablement au moment, qu'elle devrait éclater. Aussi selon l'avis du comte Panin les troupes autrichiennes devraient commencer par prendre pied en Pologne, sans dire le mot; que s'il fallait cependant déclarer quelque chose de plus particulier, ce serait que la cour impériale, voyant que la force des confédérés se concentrait si près de ses frontières et que les troupes russes se disposaient à les y poursuivre, ne pouvait pas permettre, que le théâtre des troubles si nuisibles à la tranquillité de ses sujets, s'établît dans le voisinage de ses états, avait fait avancer dans le pays le cordon de ses troupes, jusqu'à telle ou telle circonstance, pour mettre d'autant mieux ses frontières à couvert; on ne voulait pas non plus, que ces troupes fussent mêlées avec

---

ныхъ конвенціей, они не объявляли ничего, что бы указывало на приближеніе значительныхъ корпусовъ, не заявляли также и о томъ, что обстоятельства налагали на нихъ необходимость подобной мѣры, что они ограничились исключительно устройствомъ магазиновъ и очищеніемъ страны отъ конфедератовъ. Далѣе объяснено, что если австрійское министерство согласится слѣдовать этой же методѣ при введеніи своихъ войскъ въ Польшу, то это будетъ имѣть двойную выгоду, во первыхъ поляки не встрѣтятъ повода къ преждевременнымъ опасеніямъ, а во вторыхъ конфедераты, будучи стѣснены со всѣхъ сторонъ, разсѣялись бы тѣмъ легче, что такимъ путемъ народное сопротивленіе предпріятію трехъ дворовъ значительно ослабѣетъ въ ту самую минуту, когда должно бы было разразиться. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, по мнѣнію графа Панина, австрійскія войска должны вступить въ Польшу, безъ всякихъ заявленій; если же потребовалось какое либо объявленіе, оно должно бы было ограничиваться слѣдующимъ: императорскій дворъ, видя, что силы конфедератовъ сосредоточиваются столь близко къ его границамъ, и русскіе полки приготовляются ихъ тамъ преслѣдовать, не можетъ допустить, чтобы театръ смутъ, столь пагубныхъ для спокойствія его подданныхъ, находился въ сосѣдствѣ съ его владѣніями, и потому приказалъ выдвинуть въ страну линію своихъ войскъ, впредь до такого или такого-то обстоятельства, дабы вѣрнѣе оградить свои границы; кромѣ

des bandits, comme les confédérés, avec lesquels elles pourraient être compromises à tout moment, et qu'en conséquence la cour impériale avait ordonné aux officiers, commandants ses troupes, de ne les point souffrir dans l'enceinte du cordon, qu'elles allaient former. Après ces avis le comte Panin recommande au prince Kaunitz d'avoir égard aux magasins et dépôts, qui se trouveront dans ces districts pour l'armée russe, qui est sur le Danube et qui ne peut tirer ses subsistances que de ces seuls endroits, que les Autrichiens allaient occuper. Et comme l'Impératrice de Russie, outre le fardeau des troubles de Pologne, avait encore la guerre avec les Turcs à supporter, il lui fait observer la nécessité de maintenir dans leur état présent les corps fixes de troupes russes, tant ceux de la grande armée, que ceux de l'armée en Pologne, qui sont répartis dans ces mêmes districts, et qui y sont essentiellement nécessaires pour la garde et la formation des magasins et pour contenir les confédérés. Pour cet effet il requiert le prince Kaunitz, de faire donner des ordres aux officiers commandants les troupes autrichiennes, afin qu'ils tiennent la main sur ces ménagements, si analogues au concert établi entre les trois cours, et qu'ils s'entendent amicalement dans tous les cas avec le général Bibikof, qui commande les troupes russes en Pologne, et avec les officiers de la grande armée, qui se trouvent repartis dans ces contrées, afin que les troupes respectives se traitent avec amitié, et que loin de se croiser et de s'incommoder mutuellement, elles tâchent plutôt de s'en-

---

того не желали, чтобы войска эти были смѣшиваемы съ бандитами, подобными конфедератамъ, вслѣдствіе чего императорскій дворъ предписалъ начальникамъ, командующимъ этими войсками, не допускать ихъ за кордонъ, который будетъ поставленъ. Вслѣдъ за этими совѣтами графъ Панинъ поручаетъ князю Кауницу обратить вниманіе на магазины и склады, заготовленные въ этой мѣстности для русскаго войска на Дунаѣ, могущаго получить продовольствіе лишь изъ тѣхъ провинцій, которыя австрійцы намѣрены занять. И такъ какъ кромѣ польскихъ смутъ Русская Императрица ведетъ еще войну съ турками, то онъ указываетъ ему на необходимость сохранить въ настоящемъ ихъ составѣ постоянные корпуса русскихъ войскъ, какъ въ главной арміи, такъ и арміи въ Польшѣ, расположенной въ тѣхъ же провинціяхъ, и существенно необходимыхъ тамъ для образованія и охраны магазиновъ и для того, чтобы сдерживать конфедератовъ. Въ этихъ видахъ онъ предлагаетъ князю Кауницу предписать начальникамъ, командующимъ австрійскими войсками, чтобы они наблюдали за выполненіемъ этихъ условій, столь соотвѣтствующихъ согласію, существующему между тремя дворами, и по всѣмъ вопросамъ приходили бы къ дружелюбному соглашенію съ генераломъ Бибиковымъ, командующимъ русскими войсками въ Польшѣ и съ начальниками отрядовъ главной арміи, находящимися въ этой мѣстности, дабы войска обѣихъ сторонъ обращались между собой взаимно дружески, и, отнюдь не сталкиваясь и не мѣшая другъ другу, старались бы напротивъ того о взаимной помощи и содѣйствіи.

tr'aider et de se favoriser. Pour mettre d'autant plus de précision dans ce que le comte Panin recommande aux soins du prince Kaunitz, il a joint à sa note la spécification des endroits, où les magasins se trouvent, et des postes, que les troupes russes occupent, avec les noms des officiers, qui les commandent. A la fin de la dépêche du prince Kaunitz, où il s'agit de la pacification de la Pologne, ce ministre dit, qu'il est d'accord avec le comte Panin, que les deux cours impériales s'entendent entre elles sur les moyens de pacifier les troubles de ce royaume, l'assurant, combien la cour de Vienne désirait d'y contribuer par tout ce qui dépendrait d'elle. Suivant le sentiment particulier du prince Kaunitz, il faudrait pour y réussir faire attention à quatre choses, la première: il faut penser aux moyens de rétablir la tranquillité dans l'intérieur de la Pologne, la seconde: il faut songer d'en venir avec la république à un arrangement définitif sur les acquisitions des trois puissances, la troisième: il faut trouver des ressources pour dédommager le roi de la perte d'une partie de son revenu, que ces acquisitions lui causent, la quatrième: il faut aviser à la forme de la constitution, qu'il y aurait à donner à la Pologne, suivant les nouveaux rapports, qu'elle va avoir avec les trois cours, afin d'établir la tranquillité sur des fondements solides, d'empêcher une fermentation continuelle, et de prévenir par là, que les trois cours ne s'y trouvent à la fin enveloppées. Il approuve le plan de pacification, proposé par la Russie en 1770, que V. M. commu-

---

Для большей же точности въ мѣрахъ поручаемыхъ графомъ Панинымъ заботливости князя Кауница онъ присоединяетъ къ своей нотѣ перечисленіе мѣстъ, гдѣ находятся магазины, и постовъ, занятыхъ русскими войсками, вмѣстѣ съ именами начальниковъ ими командующихъ. Въ концѣ депеши князя Кауница рѣчь идетъ объ умиротвореніи Польши и министръ этотъ высказываетъ, что онъ согласенъ съ графомъ Панинымъ въ томъ, чтобы оба императорскіе двора пришли къ соглашенію о мѣрахъ прекратить смуты этого королевства, и увѣряетъ его въ готовности вѣнскаго двора содѣйствовать этому умиротворенію всѣми зависящими отъ него средствами. По личному мнѣнію князя Кауница для достиженія успѣха въ этомъ дѣлѣ надо обратить вниманіе на четыре вопроса: во первыхъ слѣдуетъ подумать о средствахъ возстановить спокойствіе внутри Польши, во вторыхъ придти къ окончательному соглашенію съ республикой по поводу пріобрѣтеній трехъ державъ, въ третьихъ отъискать пути къ вознагражденію короля за потерю части доходовъ, причиненную ему этимъ раздѣломъ, наконецъ, въ четвертыхъ обсудить форму конституціи, которую предстояло бы дать Польшѣ, въ виду новыхъ ея отношеній съ тремя дворами, дабы утвердить спокойствіе на прочныхъ основаніяхъ, предупредить постоянное броженіе умовъ, и тѣмъ избѣжать для трехъ дворовъ возможности быть увлеченными въ эту неурядицу. Онъ одобряетъ планъ умиротворенія, предложенный Россіей въ 1770 г. и сообщенный

niqua à la cour de Vienne, en tant que ce plan peut se combiner avec le quatrième article, qui lui paraît le plus important, et il déclare, que pourvu que celui-là soit obtenu, sa cour consentira à tous les moyens, que la Russie choisirait pour y parvenir, qu'elle ne négligerait rien de ce qui pouvait y contribuer, et qu'elle avait déjà ordonné au baron de Rewizki, son ministre désigné pour résider à la cour de Varsovie, de se concerter et d'agir confidemment en tout avec les ministres de V. M. et celui de l'Impératrice. Finalement, le prince Kaunitz enjoint au prince Lobkowitz de déclarer, que la cour de Vienne renonçait entièrement à toute idée de faire des conquêtes sur la Porte, mais qu'elle avait remarqué avec beaucoup de satisfaction le désir amical de former dans la suite une liaison plus intime entre les deux cours impériales et celle de Berlin; qu'il pouvait assurer le comte Panin, que la cour de Vienne de son côté se prêterait avec la plus grande satisfaction à tout ce qui pouvait conduire à former une union si heureuse; sur ce dernier point le comte Panin n'a pas encore donné de réponse formelle; mais il n'en approuve pas moins en général les idées, que le prince Kaunitz propose sur le quatrième article de son plan de pacifier la Pologne, parce qu'il les regarde comme étant conformes à l'intérêt et aux vues de V. M. et de la Russie, qui exigent précisément, que la constitution de la Pologne soit mise sur un tel pied, que les dissensions intérieures de ce pays-là ne causent plus de chocs entre les intérêts des trois puissances voisines. Au

---

Вашимъ Величествомъ вѣнскому двору на столько, на сколько планъ этотъ совпадаетъ съ четвертой статьей, которая кажется ему самой важной, и объявляетъ, что лишь бы это условіе было достигнуто, дворъ его согласится на всѣ средства, какія будутъ избраны Россіей для его достиженія, не пренебрежетъ ничѣмъ, могущимъ къ тому содѣйствовать, и уже предписалъ барону Ревицкому, министру своему, назначенному при варшавскомъ дворѣ, сноситься и во всемъ дѣйствовать по соглашенію съ министрами Вашего Величества и Императрицы. Въ заключеніе князь Кауницъ поручаетъ князю Лобковичу объявить, что вѣнскій дворъ вполнѣ отказался отъ всякаго намѣренія на завоеванія со стороны Порты, но съ удовольствіемъ усматриваетъ дружеское желаніе, составить со временемъ болѣе тѣсный союзъ между обоими императорскими и берлинскимъ дворами; онъ поручаетъ ему увѣрить графа Панина, что съ своей стороны вѣнскій дворъ весьма охотно приметъ участіе въ мѣрахъ, могущихъ содѣйствовать образованію столь счастливаго союза. Графъ Панинъ не далъ еще формальнаго отвѣта по этому вопросу, но тѣмъ не менѣе одобряетъ вообще мысли, предлагаемыя княземъ Кауницемъ по поводу статьи предлагаемаго имъ умиротворенія Польши, ибо считаетъ ихъ соотвѣтствующими интересамъ и видамъ Вашего Величества и Россіи, требующимъ, чтобы государственное устройство Польши было такъ установлено, чтобы внутренніе раздоры этой страны не отражались столкновеніемъ интересовъ трехъ сосѣднихъ державъ. Впрочемъ, вотъ путь, которому

reste, voici la marche, que le comte Panin se propose de suivre dans la négociation avec la cour de Vienne. Il compte de mettre incessamment sur le papier, pour le donner ensuite au prince Lobkowitz, ses remarques sur les acquisitions, que les Autrichiens comptent de faire en Pologne, de faire suivre bientôt après et sans attendre la réponse de la cour de Vienne à ces remarques le projet même de la triple convention, en y laissant en blanc l'article, qui doit spécifier les acquisitions, qui doivent revenir à la maison d'Autriche, celles-ci devant être réglées auparavant, et de finir par arranger un plan plus détaillé, qu'il veut ébaucher pour le suivre dans la pacification de la Pologne. Mais comme tout ceci prendra du temps, il supplie V. M. de différer la prise de possession effective jusqu'au temps, que cette affaire se trouvant entièrement réglée, les trois puissances puissent y procéder le même jour. Le manifeste, qui va être publié ici de la part de cette cour à cette occasion, est déjà prêt. Il me l'a donné à lire, mais comme il ne se trouve pas encore muni de l'approbation de l'Impératrice, il n'a pas voulu me le donner pour l'envoyer par la poste d'aujourd'hui à V. M.

№ 632.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 30 Mai). A St. Pétersbourg, le 4 (15) de Mai 1772.

Contenu: 1) Difficultés sur la signature de la triple convention et l'al-

---

графъ Панинъ намѣревается слѣдовать при переговорахъ съ вѣнскимъ дворомъ. Онъ думаетъ тотчасъ же изложить письменно, для передачи князю Лобковичу, свои замѣчанія относительно пріобрѣтеній, замышляемыхъ австрійцами въ Польшѣ, а вслѣдъ затѣмъ и не ожидая отвѣта вѣнскаго двора на эти замѣчанія, точно также изложить и самый проектъ тройной конвенціи, оставивъ въ пробѣлѣ лишь статью, перечисляющую пріобрѣтенія имѣющія перейти къ австрійскому дому, такъ какъ ихъ еще предстоитъ опредѣлить, и наконецъ составить болѣе подробный планъ, которому и слѣдовать для умиротворенія Польши. Но такъ какъ все это возьметъ время, онъ проситъ Ваше Величество отложить дѣйствительное вступленіе во владѣніе до тѣхъ поръ, пока дѣло окончательно вырѣшится, и всѣ три державы будутъ имѣть возможность приступить къ нему одновременно. Манифестъ, который будетъ здѣсь обнародованъ отъ имени здѣшняго двора, уже готовъ. Онъ далъ мнѣ прочесть его, но такъ какъ онъ еще не одобренъ Императрицей, то онъ не хотѣлъ дать мнѣ его, для пересылки Вашему Величеству съ сегодняшней почтой.

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 30-го мая. С.-Петербургъ, 4-го (15-го) мая 1772 г.

№ 632. Содержаніе: 1) Затрудненія, по поводу подписанія тройной конвенціи,

ternative du rang à observer: le prince Lobkowitz en prévient le comte Solms. 2) Armistice conclu entre la Russie et la Porte; il dure jusqu'à la fin de Juin. 3) Fausses impériales; on les laisse courir, sans s'en embarrasser. 4) Faux billets de Banque. Les frères Pouschkin et Soukin, qui les ont fabriqués, arrêtés.

Depuis mon dernier rapport, que j'ai fait partir par une estafette, j'ai eu avec le prince Lobkowitz une conversation sur le cérémonial à observer dans les signatures de la triple convention, dont je ne puis me dispenser de rendre compte à V. M. Ce ministre avait lâché quelques jours auparavant le propos, que chacun des deux ministres, avec lesquels il avait à traiter, resterait le maître de mettre dans l'exemplaire, qu'il ferait expédier chez lui, le nom de son propre souverain devant les deux autres, mais ayant selon toute apparence tiré depuis d'autres lumières de ses archives d'ambassade, il m'a donné à connaître, qu'en se regardant simplement comme ministre de l'Impératrice-Reine, il serait obligé de demander, que dans les exemplaires, qu'on lui remettrait, le nom de sa souveraine fût toujours mis devant celui de V. M., et son propre nom devant le mien, sans qu'il pût admettre l'alternative, puisque c'était un usage reçu entre les cours de Vienne et de Berlin, que pour cela ses instructions le renvoyaient à ce qui s'était pratiqué dans les instruments de la paix de Dresde et de celle de Hubertsbourg, qu'il pensait, que cela ne serait ainsi sujet à aucune contestation,

---

въ виду соблюденія старшинства договаривающихся сторонъ: князь Лобковичъ предупреждаетъ о томъ графа Сольмса. 2) Перемиріе заключенное между Россіей и Портой; оно будетъ продолжаться до конца іюня. 3) Фальшивые имперіалы; ихъ оставляютъ въ обращеніи, не конфискуя ихъ пока. 4) Фальшивыя ассигнаціи. Братья Пушкины и Сукинъ, поддѣлывавшіе ихъ, арестованы.

Со времени послѣдняго моего донесенія, отправленнаго эстафетой, я имѣлъ съ княземъ Лобковичемъ разговоръ о церемоніалѣ подписанія тройной конвенціи, и не могу не доложить о томъ Вашему Величеству. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, министръ этотъ между прочимъ замѣтилъ, что каждый изъ двухъ министровъ, съ которыми онъ ведетъ переговоры, воленъ въ экземплярѣ отправленномъ имъ къ своему двору, помѣстить имя своего собственнаго государя впереди обоихъ остальныхъ, но съ тѣхъ поръ, по всей вѣроятности, получивъ иныя свѣдѣнія изъ посольскаго архива, онъ сказалъ мнѣ, что, считая себя лишь министромъ Императрицы-Королевы, онъ вынужденъ просить, чтобы въ экземплярахъ, которые будутъ ему вручены, имя его государыни упоминалось всегда ранѣе имени Вашего Величества, и его фамилія значилась раньше моей, при чемъ онъ не допускалъ попеременнаго порядка, ибо таковъ обычай принятый между дворами вѣнскимъ и берлинскимъ, и въ этомъ случаѣ инструкція его содержитъ ссылку на пріемы, употребленные при заключеніи мира дрезденскаго и губертсбургскаго; онъ полагаетъ, что это требованіе не можетъ по-

que de plus comme il intervenait encore dans cette négociation en qualité de ministre de l'Empereur, qui avait signé ses pleinpouvoirs conjointement avec l'Impératrice-Reine, il était d'autant plus autorisé à demander, que le nom de Sa Maj. Impériale fût mis devant ceux des deux autres souverains et le sien propre devant ceux de leurs ministres. Pour ne point compromettre V. M., j'ai évité d'entrer en contestation sur ce sujet, je vois cependant par des exemplaires des traités ci-dessus cités, qui ont été imprimés à Berlin, que le nom de V. M. est mis devant celui de l'Impératrice-Reine, et je dois supposer, que V. M. ayant négocié dans les deux occasions avec tant d'avantages, a eu ses bonnes raisons, de ne point exiger l'alternative de dénomination. Toutefois, comme je ne crois pas, qu'il me soit permis de décider là-dessus quelque chose de mon propre chef, V. M. daignera me prescrire la conduite, que j'aurai à tenir dans cette occasion; d'ailleurs pour prévenir, que cette dispute sur le cérémonial ne cause point de contestations entre les deux cours impériales, le prince Lobkowitz soutient, qu'en tant qu'il traite au nom de l'Impératrice-Reine, il peut admettre l'alternative avec la Russie, puisqu'on en avait usé ainsi autrefois, mais qu'en tant qu'il traitera au nom de l'Empereur, il ne pouvait admettre aucune autre alternative, puisque l'Empereur des Romains avait le rang non-seulement comme chef de l'empire sur les électeurs, mais aussi comme premier potentat de

---

дать поводъ къ разногласію тѣмъ болѣе, что въ этихъ переговорахъ онъ участвуетъ въ качествѣ министра Императора, подписавшаго его полномочія вмѣстѣ съ Императрицей-Королевой, что давало ему право требовать, чтобы имя Ея Австрійскаго Величества значилось бы прежде остальныхъ двухъ государей, а его собственное имя ранѣе ихъ министровъ. Не желая вмѣшивать въ это дѣло имя Вашего Величества, я воздержался отъ всякаго спора по этому предмету; однако, я видѣлъ въ экземплярахъ вышеупомянутыхъ трактатовъ, напечатанныхъ въ Берлинѣ, что имя Вашего Величества поставлено впереди имени Императрицы-Королевы и долженъ предположить, что Ваше Величество, при переговорахъ столь успѣшныхъ въ обоихъ случаяхъ, вѣроятно, имѣли основательныя причины не требовать поперемѣннаго порядка наименованія. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ я не считаю себя въ правѣ рѣшить въ этомъ дѣлѣ что либо по собственному усмотрѣнію, то Вашему Величеству благоугодно будетъ предписать мнѣ образъ дѣйствій, котораго мнѣ слѣдуетъ держаться въ данномъ случаѣ, въ видахъ предупрежденія, чтобы этотъ споръ о церемоніалѣ не вызвалъ несогласій между обоими императорскими дворами. Князь Лобковичъ утверждаетъ, что тамъ, гдѣ онъ служилъ представителемъ Императрицы-Королевы, онъ допустилъ бы поочередный съ Россіей порядокъ наименованія, ибо такимъ образомъ было уже поступлено въ прежнее время, но ведя переговоры отъ имени Императора, онъ не можетъ допустить никакого инаго порядка, такъ какъ римскій императоръ стоитъ выше не только всѣхъ курфирстовъ какъ глава имперіи, но и выше всѣхъ коронованныхъ

l'Europe sur toutes les autres têtes couronnées. Pour appuyer cette demande vis-à-vis du souverain de Russie, le prince Kaunitz lui a cité l'exemplaire du traité d'alliance conclu en 1726 entre l'Empereur Charles VI et l'Impératrice Catherine Ire. Depuis ce temps-là il ne s'est point fait de traité entre les deux cours d'Empereur des Romains et de Russie, tous ceux qui ont été conclus depuis ce temps-là, ont été négociés entre l'Impératrice-Reine et l'Impératrice de Russie, l'Empereur François Ier n'ayant paru dans aucun, et voilà pourquoi l'alternative a été admise. Je n'ai pu parvenir à voir le comte Panin de toute la semaine; j'ignore ainsi ce qu'il pense de cette prétention, mais je vois que les autres membres du conseil en sont fort offensés. Ils la regardent comme inadmissible, la cour de Russie ayant déclaré, qu'elle ne prétendait le rang sur aucune des grands souverains, qu'elle ne voulait non plus céder à aucune.

J'ai reçu une lettre du sieur Zeglin du 12 d'Avril. Il me mande, que la Porte ayant accepté les propositions faites par le comte Romanzow pour convenir d'un armistice, le grand-vizir ferait partir le commissaire turc, pour en régler les conditions avec celui de Russie. Je viens aussi d'apprendre, qu'effectivement la suspension d'armes a été arrêtée et conclue. Les Turcs ont laissé tomber la demande de la garantie, ils ont simplement demandé, que le terme de l'armistice fût prolongé au-delà du mois de Juin, et le maréchal s'y trouvant autorisé d'avance, il en a prolongé le terme jus-

---

особъ, какъ первый монархъ въ Европѣ. Въ подтвержденіе этихъ требованій передъ русской монархиней, князь Кауницъ сослался на экземпляръ союзнаго трактата, заключеннаго въ 1726 г. между императоромъ Карломъ VI и императрицей Екатериной I. Съ тѣхъ поръ не было заключено трактатовъ между дворами римскаго императора и русскимъ, а какіе имѣли мѣсто, о тѣхъ велись переговоры между императрицей-королевой и русской императрицей, при чемъ императоръ Францъ I не участвовалъ ни въ одномъ изъ нихъ, а потому и былъ допущенъ очередный порядокъ. Мнѣ въ теченіе всей недѣли не удалось увидѣть графа Панина, и мнѣ неизвѣстно, что думаетъ онъ объ этихъ претензіяхъ; но я вижу, что прочіе члены совѣта ими крайне оскорблены. Они разсматриваютъ это какъ условіе невозможное, такъ какъ русскій дворъ объявилъ, что не оспориваетъ первенства ни у одного изъ монарховъ великихъ державъ, но никоторому изъ нихъ ничего не уступитъ изъ своихъ правъ.

Я получилъ письмо отъ г. Зегелина отъ 12-го апрѣля. Онъ сообщаетъ мнѣ, что Порта согласилась на предложенія графа Румянцова касательно перемирія, вслѣдствіе чего великій визирь вышлетъ турецкаго комисара для того, чтобы съ русскимъ комисаромъ опредѣлить всѣ условія этого перемирія. Я только что узналъ, что прекращеніе военныхъ дѣйствій въ самомъ дѣлѣ договорено и состоялось. Турки отказались отъ требованія гарантіи, испросивъ только, чтобы срокъ перемирія былъ продленъ далѣе іюня мѣсяца, и фельдмаршалъ, будучи на то заблаговременно уполно-

qu'à la fin du même mois. Mr. de Zeglin marque de plus dans sa lettre, qu'il remarquait du changement dans la conduite du ministre de Vienne, et l'attribue aux instructions, qui lui sont venues nouvellement par un courrier. Cela doit l'avoir d'autant plus frappé, que dans une autre lettre du 3 d'Avril, dont il joint le duplicat par précaution, il parle beaucoup des cabales de la France auprès de la Porte, et des conférences secrètes, que le sieur Thougout a eues avec les ministres de la Porte. Tout cela a dû donner d'autant plus de soupçon à Mr. Zeglin, que les ministres de la Porte ont paru eux-mêmes plus réservés, que ci-devant, pour lui, *en dire le mot;* qu'il envoie des extraits amples de ces deux lettres, entretenir sur cette matière avec moi aussi bien que d'autres protestants (?). En attendant, pour répondre d'abord, autant que je le suis en état, sur les ordres immédiats et médiats du 29 et du 30 du mois passé et du 2 de celui-ci, j'aurai l'honneur de lui dire, que quand le comte Panin a dit au prince Lobkowitz et à moi, que l'Impératrice de Russie pourrait bien admettre, que les ministres de nos deux cours à Constantinople donnent sur leur parole ministériale des assurances à la Porte, comme quoi la Russie observerait toutes les conditions de l'armistice, son intention n'était pas, comme nous l'avons compris tous les deux, que les deux cours autorisassent leurs ministres là-bas, à assurer hardiment, que la Russie observerait finalement toutes les conditions de l'armistice, mais il désirait, qu'ils donnassent leur parole en leur propre nom à eux et qu'ils ne fissent point cette démarche au nom de leurs cours. Présentement que les

---

моченъ, продлилъ срокъ этотъ до конца того же мѣсяца. Кромѣ того г. Зегелинъ передаетъ, что замѣчаетъ перемѣну въ образѣ дѣйствій вѣнскаго министра, и приписываетъ это инструкціямъ, недавно полученнымъ имъ черезъ курьера. Это тѣмъ болѣе поразило его, что въ другомъ письмѣ отъ 3-го апрѣля, съ котораго онъ изъ предосторожности предлагаетъ дубликатъ, онъ много говоритъ объ интригахъ Франціи передъ Портой и о тайныхъ переговорахъ г. Тугута съ министроми Порты. Все это тѣмъ болѣе возбудило подозрѣнія г. Зегелина, что сами министры Порты, повидимому, стали относительно его сдержаннѣе прежняго. Желаніе себѣ объяснить это обстоятельство. Высылка пространныхъ извлеченій изъ двухъ его писемъ. (Пропускъ). Между тѣмъ, чтобы по возможности отвѣтить на приказанія отъ 29-го и 30 прошедшаго и отъ 2-го текущаго мѣсяца, честь имѣю сообщить, что когда графъ Панинъ сказалъ князю Лобковичу и мнѣ, что русская императрица дозволитъ, чтобы министры нашихъ обоихъ дворовъ въ Константинополѣ завѣрили своимъ министерскимъ словомъ передъ Портой, что Россія соблюдетъ всѣ условія перемирія, онъ не имѣлъ въ виду, какъ мы и поняли оба, чтобы оба двора предписали своимъ министрамъ тамъ смѣло утверждать, что Россія окончательно соблюдетъ всѣ условія перемирія, а только желаетъ, чтобы они въ томъ дали слово отъ своего имени, не вмѣшивая въ этотъ вопросъ своихъ дворовъ.

Turcs ne font plus mention de cette prétention, la chose tombe d'elle-même. On se flatte qu'ils désirent la paix et que s'ils font encore quelque prétention chicaneuse, ce ne seront pas eux, qui les auront inventés, et que ce seront (lacune) qui les leur auront suppédité.

Je ferai un bon usage de ce que V. M. m'a ordonné de déclarer au comte Panin au sujet des impériales d'or, qu'on a soupçonnées venir de Prusse. Pour éloigner d'abord ce soupçon, autant que cela dépendait de moi, je me suis récrié sur la fausseté des indices, qu'il prétendait tirer de l'envoi de cette monnaie de Kœnigsberg, et je lui ai proposé, qu'il devait les faire décrire dans les gazettes de Pétersbourg. Mais comme il arrive souvent ici, qu'on entreprend une chose avec beaucoup de chaleur, et qu'on se relâche ensuite, il en a été de même de celle-ci. On l'a laissée tomber entièrement, et toutes les impériales, qui ont été envoyées ici à diverses reprises, ont été débitées tranquillement et roulent dans le public comme les véritables. Tout ce qu'on a fait se borne, à ce que je crois, à une réprimande donnée de Riga pour avoir coopéré à l'entrée de cette monnaie, et à un ordre, d'être plus vigilant à l'avenir.

On est moins indulgent à l'égard des faiseurs de faux billets de banque, qu'on a découverts ici. Ce sont deux gentilshommes de Russie, les frères Pouschkin et un nommé Soukin, qui se sont mêlés de ce métier. L'aîné des

---

Въ настоящую минуту, такъ какъ турки не упоминаютъ болѣе объ этомъ требованіи, то вопросъ этотъ падаетъ самъ собой. Надѣются, что они желаютъ мира, и если предъявляютъ еще нѣкоторыя придирчивыя претензіи, то они не сами ихъ изобрѣтаютъ, а дѣйствуютъ по наущенію. (Пропускъ).

Я воспользуюсь тѣмъ, что Ваше Величество повелѣли мнѣ объявить графу Панину по поводу о золотой монетѣ, о которой подозрѣвали, что ее привозятъ изъ Пруссіи. Чтобы разсѣять это подозрѣніе, на сколько отъ меня то зависитъ, я сталъ доказывать невѣрность доказательствъ, которыя онъ видитъ въ присылкѣ этой монеты изъ Кенигсберга, и предложилъ ему опровергнуть эти слухи въ петербургскихъ газетахъ. Но какъ часто случается здѣсь, что берутся за дѣло съ жаромъ, а вслѣдъ за тѣмъ охладѣваютъ къ нему, такъ случилось и на этотъ разъ: дѣлу этому вовсе не дали хода, и всѣ имперіалы, присланные сюда въ разное время, спокойно размѣниваются и обращаются въ публикѣ за настоящіе. Все что было сдѣлано по этому поводу, какъ мнѣ кажется, ограничилось выговоромъ начальству Риги за содѣйствіе ввозу этой монеты и приказаніемъ на будущее время быть осмотрительнѣе.

Менѣе снисходительно отнеслись къ открытымъ здѣсь поддѣлывателямъ кредитныхъ ассигнацій. Этой поддѣлкой занялись два русскихъ дворянина [1]), братья Пушкины

---

[1]) См. Сборникъ т. 10, по указателю; Русская старина, мартъ 1888.

Pouschkin fit déjà l'annnée passée un voyage en France et en Hollande, afin d'y faire préparer les coins. Sa mauvaise conduite, déjà connu précédemment, avait donné des soupçons sur le motif de son voyage et une correspondance imprudente avec ses deux compagnons, l'un et l'autre présidents du conseil de commerce à Moscou, les a augmentés. Ses coffres ayant été visités à Riga à son retour, on y a trouvé tout ce qui était nécessaire pour le convaincre entièrement de son crime. On instruit actuellement leur procès et il paraît, qu'on veut les punir rigoureusement.

№ 633.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 10 Juin). A St. Pétersbourg, le 17 (28) de Mai 1772.

On m'a bien remi les ordres immédiats et médiats de V. M. du 10 et du 12 de ce mois, et j'ai causé bien du plaisir au comte de Panin, en lui apprenant, qu'Elle avait daigné approuver, qu'il eût pris la liberté de faire recommander au sieur de Zegelin, de ne point se presser pour promettre à la Porte la garantie de V. M. pour l'armistice.

Ce ministre vient de me remettre les pièces qu'il a dressées concernant la négociation avec la cour de Vienne sur les acquisitions en Pologne. J'ai

---

и Сукинъ. Старшій Пушкинъ еще въ прошломъ году ѣздилъ во Францію и въ Голландію для заготовленія штемпелей и досокъ. Его уже извѣстное дурное поведеніе возбудило подозрѣнія касательно цѣли его путешествія, а неосторожная его переписка съ двумя товарищами, которые оба предсѣдатели коммерческаго совѣта въ Москвѣ, еще болѣе усилила эти подозрѣнія. При его возвращеніи сундуки его были вскрыты въ Ригѣ, и въ нихъ нашли все необходимое для полнаго подтвержденія его преступленія. Въ настоящую минуту разбираютъ это дѣло, и, кажется, хотятъ подвергнуть ихъ строгому наказанію.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 10-го іюня). С.-Петербургъ, 17-го (28-го) мая 1772 г.

№ 633. Мнѣ въ исправности вручили приказанія Вашего Величества и министерскія отъ 10-го и 12-го сего мѣсяца, и я доставилъ большое удовольствіе графу Панину, сообщивъ ему, что Вашему Величеству угодно было одобрить принятую имъ на себя смѣлось предложить г. Зегелину не торопиться обѣщаніемъ Портѣ гарантіи Вашего Величества по вопросу о перемиріи.

Этотъ министръ сейчасъ вручилъ мнѣ документы, имъ составленные для переговоровъ съ вѣнскимъ дворомъ о пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ. Честь имѣю при семъ

l'honneur de les envoyer ci-joint à V. M. par le chasseur Sternsdorff. Il m'a semblé, qu'il convenait de confier des affaires de cette importance à une personne affidée au service de V. M. plutôt qu'à un courrier autrichien. J'apprends d'ailleurs, que le prince de Lobkowitz envoit le sien chargé des mêmes pièces en droiture à Vienne sans le faire passer par Berlin. J'ai donc l'honneur de Vous présenter, Sire, à la suite de ce rapport:

1) le projet de la convention;

2) des observations sur la part des possessions de la république de Pologne, qui devra appartenir à la cour Impériale et Royale;

3) une évaluation de la valeur intrinsèque des parts des trois cours;

4) le projet du manifeste à publier en Pologne à l'époque de la prise de possession.

Quant au premier, il a semblé au comte Panin, qu'il serait à propos de donner à cette convention la forme d'un acte, qui se traite de la part d'un ministre d'une seule puissance en vertu de ses pleinpouvoirs avec le ministre d'une seule autre, afin d'éviter la contestation du rang et la prétention de la prééminance de la cour impériale romaine sur les deux autres cours, qui aurait eu lieu, si on avait fait un traité formel, où dans l'introduction on aurait été obligé de nommer, l'une après l'autre, les trois puissances, qui se

---

переслать ихъ Вашему Величеству черезъ фельдъегеря Штернсдорфа. Мнѣ кажется, что умѣстнѣе поручить столь важныя дѣла человѣку, преданному службѣ Вашего Величества, чѣмъ австрійскому курьеру. Къ тому же я слышалъ, что князь Лобковичъ отправляетъ своего курьера съ подобными же документами прямо въ Вѣну, не отправляя его черезъ Берлинъ. Итакъ, имѣю честь представить Вамъ, Государь, вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ:

1) Проектъ конвенціи.

2) Замѣчанія касательно той части польской республики, которая будетъ принадлежать императорскому и королевскому двору.

3) Оцѣнку при раздѣлѣ дѣйствительной стоимости доли каждаго изъ трехъ дворовъ.

4) Проектъ манифеста, который предстоитъ обнародовать въ Польшѣ при вступленіи во владѣніе.

Относительно перваго изъ этихъ вопросовъ, графъ Панинъ думаетъ, что лучше облечь эту конвенцію въ форму акта, заключаемаго министромъ одной лишь державы, въ силу принадлежащихъ ему уполномочій, только съ министромъ другой, дабы тѣмъ избѣжать пререканій о титулахъ и притязаній на первенство римскаго императорскаго двора передъ обоими другими дворами, чтó возникло бы въ случаѣ заключенія формальнаго трактата, гдѣ при началѣ акта встрѣтилась бы необходимость перечислить одну за другой три державы, намѣревающіяся заключить конвенцію. Такимъ образомъ

proposent de la faire. De cette façon-ci, chaque ministre en exposant le cas, dont il est question, au nom de sa seule cour, ne peut autrement que la nommer la première, pour arriver à annoncer au ministre de l'autre, que la sienne est intentionnée de faire des acquisitions en Pologne, et qu'elle veut garantir à l'autre les acquisitions, que celle-là se propose de faire également. Il y aura ainsi pour chaque cour deux actes à recevoir et deux à rendre.

Le comte de Panin et le prince de Galitzin remettront au prince de Lobkowitz un instrument, dans lequel ils ne parleront que des acquisitions de leur cour et de celles de la cour de Vienne, sans faire mention de celles de la cour de Berlin, et ils déclareront là-dedans la garantie de Sa Maj. l'Impératrice de Russie pour les nouvelles possessions de L. L. M. M. I. I. et R. R., son intention de vouloir se mettre en possession des siennes au mois de Juillet et de donner à cette occasion ses ordres à son ministre à Varsovie de se concerter avec celui de L. L. M. M. I. I. et R. R., pour venir à un arrangement définitif avec la république de Pologne au sujet des acquisitions, sans exiger aucune réciprocité de là cour impériale romaine pour ne pas être dans le cas de la nommer avant ou après celle de Russie, excepté dans le seul article, qui regarde l'emploi des bons offices de la première pour déterminer la Porte à conclure la paix, lequel article n'aurait pas pu être tourné différemment, quand même il aurait été question de faire un traité dans les formes usitées.—Les ministres de Russie signeront seuls

---

каждый министръ, излагая вышеупомянутое обстоятельство отъ имени одного только своего двора, по необходимости долженъ назвать его первымъ, объявляя министрамъ другаго двора, что собственно его государство намѣрено сдѣлать пріобрѣтенія въ Польшѣ и гарантировать таковыя же пріобрѣтенія другой державы. Такимъ образомъ каждый изъ дворовъ получитъ по два акта и выдастъ ихъ столько же. Графъ Панинъ и князь Голицынъ вручатъ князю Лобковичу документъ, въ которомъ коснутся лишь пріобрѣтеній своего и вѣнскаго двора, не упоминая о пріобрѣтеніяхъ двора берлинскаго, и въ то же время включатъ въ него гарантію Ея Величества русской императрицы по поводу новыхъ владѣній ихъ императорскаго и королевскаго величествъ, и объявятъ свое намѣреніе вступить во владѣніе своими новыми пріобрѣтеніями въ іюлѣ мѣсяцѣ, и предписать по этому случаю своему министру въ Варшавѣ, условиться съ министромъ И. И. и К. В., дабы придти къ окончательному соглашенію съ польской республикой по вопросу о пріобрѣтеніяхъ, не требуя взаимности со стороны римскаго императорскаго двора, и тѣмъ избѣжать необходимости назвать его прежде или послѣ двора русскаго, за исключеніемъ статьи о дружескомъ содѣйствіи перваго изъ этихъ дворовъ къ заключенію мира съ Портой, каковую статью невозможно было изложить иначе, хотя бы даже и не требовалось составить трактата съ соблюденіемъ общепринятыхъ формъ. Документъ этотъ будетъ подписанъ одними только русскими

cet instrument et ils recevront en retour un autre de la part du prince de Lobkowitz, dans lequel celui-ci ne fera mention aussi, que des intentions de ses souverains en égard à Sa Maj. l'Impératrice de Russie relativement à ces mêmes objets, et il le signera également tout seul.

Les ministres de Russie remettront à moi le même acte tourné seulement de façon, qu'il soit relatif purement aux intentions de leur souveraine vis-à-vis de V. M., sans parler là dedans de rien de ce qui regarde la cour de Vienne, lequel acte sera signé par eux seuls. Ils accepteront de ma part un acte réciproque signé de moi seulement.

J'agirai de même vis-à-vis du prince de Lobkowitz, à qui j'annoncerai dans l'acte, que je lui remettrai de la même teneur des autres, les intentions de V. M. à l'égard de L. L. M. M. I. I., pour avoir occasion de prononcer le nom de V. M. avant celui de ses souverains. Il n'y sera pas question des acquisitions de la Russie et je le signerai seul. — Je recevrai de sa part un acte réciproque, dans lequel il observera la même formalité par rapport à la prénomination de L. L. M. M. I. I. et il le signera seul aussi.

Le comte de Panin espère, que cet expédient, qui laisse la question de la prééminance tout à fait en suspens, sera agréé par la cour de Vienne, supposé, qu'elle soit de bonne foi pour vouloir entrer avec nous et agir de concert pour les affaires de Pologne et pour celles de la paix avec la Porte,

---

министрами и въ обмѣнъ его получатъ отъ князя Лобковича документъ, въ которомъ онъ также будетъ касаться лишь намѣреній своихъ монарховъ относительно ея величества русской императрицы, по поводу этихъ же самыхъ вопросовъ и также подпишетъ его одинъ.

Русскіе министры вручатъ мнѣ такой же актъ, только составленный такимъ образомъ, чтобы содержаніе его касалось исключительно намѣреній ихъ монархини относительно Вашего Величества, не упоминая ни о чемъ касающемся до вѣнскаго двора, при чемъ актъ этотъ будетъ подписанъ ими одними. Они получатъ отъ меня подобный же документъ за одной только моей подписью.

Точно такимъ же образомъ поступлю я относительно князя Лобковича, которому объявлю актомъ, ему вручаемымъ, о подобномъ же содержаніи остальныхъ документовъ и о намѣреніяхъ Вашего Величества относительно И. И. и К. В., дабы имѣть случай упомянуть имя Вашего Величества прежде имени его государей. Въ этомъ документѣ не будетъ упоминаться о пріобрѣтеніяхъ Россіи, и я одинъ подпишу его. Отъ него я получу подобный же актъ съ соблюденіемъ точно такой же формальности по вопросу о наименованіи первыми И. И. и К. В. и онъ также одинъ подпишетъ его. Графъ Панинъ надѣется, что такой образъ дѣйствій, оставляющій совершенно въ сторонѣ вопросъ о первенствѣ наименованія, будетъ одобренъ вѣнскимъ дворомъ, предположивъ, что дворъ этотъ искрененъ въ своемъ желаніи сойтись съ нами и дѣйствовать за одно въ польскихъ дѣлахъ и въ умиротвореніи съ Портой, а не хочетъ напротивъ

et qu'elle ne veuille au contraire chercher à s'accrocher quelque part pour avoir un prétexte de se dédire. Il n'estime pas, que la chose pourrait déplaire à V. M.

Pour ce qui est des observations sur les possessions autrichiennes, le comte de Panin les regarde comme si équitables, si justes et si claires, qu'elles doivent absolument convaincre la cour de Vienne, qu'en adoptant les principes de la conservation de la république de Pologne dans l'état d'une puissance intermédiaire et l'observation de l'égalité pour les acquisitions des trois cours, elle ne doit pas étendre ses prétentions au-delà des limites, qu'il lui indique dans cet écrit. Il ajouta qu'au cas, qu'il plairait à V. M. de le parcourir Elle-même, Elle daignerait observer, qu'il avait parlé pour les intérêts de la monarchie Prussienne autant que pour ceux de sa propre cour, mais qu'il osait la prier très humblement, de vouloir bien appuyer là-dessus présentement, et faire connaître à la cour de Vienne, directement et de sa propre part, les raisons qu'elle avait particulièrement à Elle, pourquoi Elle trouvait nécessaire d'insister sur une diminution de ses prétentions et sur l'éloignement des nouvelles frontières autrichiennes de celles de ses propres états. Dans les propositions, qu'on fait dans ces observations à la cour de Vienne sur la manière de tirer la ligne de ses possessions, le comte de Panin a ajouté une partie, qu'il croyait au commencement d'en séparer. Son intention était de suivre le courant de la rivière de Duniecz, au commencement de la frontière de Hongrie, d'où il va par un cours presque droit se

---

того отъискать предлога къ отказу. Онъ не полагаетъ, чтобы подобная мѣра могла не понравиться Вашему Величеству.

Что̀ же касается до замѣчаній по поводу австрійскихъ владѣній, графъ Панинъ признаетъ ихъ до того основательными, справедливыми и ясными, что они должны непремѣнно убѣдить австрійскій дворъ въ необходимости ограничить свои требованія чертой, указанной ему въ этомъ документѣ, руководствуясь въ этомъ принципомъ сохраненія польской республики, какъ державы находящейся посреди трехъ сказанныхъ державъ, и соблюденіемъ равенства въ пріобрѣтеніяхъ каждаго изъ трехъ дворовъ. Къ этому онъ прибавилъ, что если Вашему Величеству благоугодно будетъ лично просмотрѣть этотъ актъ, Вы изволите замѣтить, что онъ настаиваетъ на интересахъ прусской монархіи столько же, какъ и на интересахъ собственнаго двора, но осмѣливается всепокорнѣйше просить Ваше Величество настаивать на этомъ и объявить вѣнскому двору прямо, и отъ своего имени, о причинахъ, побуждающихъ Ваше Величество требовать уменьшенія его претензій и удаленія новыхъ австрійскихъ границъ отъ границъ собственныхъ Вашихъ владѣній. Въ предложеніяхъ, высказанныхъ при этихъ замѣчаніяхъ по вопросу о пограничной чертѣ этихъ владѣній, Панинъ прибавилъ нѣкоторую часть, которую прежде предполагалъ отдѣлить. Онъ намѣревался слѣдовать теченію рѣки Дунца при началѣ венгерской границы, откуда она почти въ пря-

jeter dans la Vistule; mais comme par là le comté de Zips aurait pu être regardé comme retranché à ses acquisitions, il a commencé à tirer la ligne en suivant cette rivière, qui vient des monts Carpats et qui porte aussi le nom de Duniecz, qui passe à côté de Novitorg et entre dans la grande Duniecz. En tirant la ligne de cette façon-là on conserve à l'Autriche le dit comté de Zips, sur lequel elle a des prétentions, et on obtient nonobstant cela l'exclusion des salines et son éloignement des frontières de V. M.

Le comte Panin s'est donné beaucoup de peine à faire arranger l'évaluation de la valeur intrinsèque des parts des trois cours. Il assure qu'elle est faite sur des mémoires aussi exacts, qu'il a été possible de se les procurer sur les districts, qui doivent entrer dans la portion de la Russie et de celle de la cour de Vienne. Il n'a pu ni voulu parler avec la même précision de la portion de V. M., c'est pourquoi il m'a estimé le rapport sur la supposition du nombre des habitants, et quoique par là le revenu en argent comptant est plus considérable pour V. M. qu'il ne l'est pour la cour de Vienne dans ce moment, il prétend cependant, que le raisonnement, qui accompagne cette évaluation et celui qu'il a fait au prince de Lobkowitz en la lui remettant, doivent faire conclure à la cour de Vienne, que comme sa portion est meilleure quant au terrain, plus peuplée que celle de V. M. et qu'elle rapporte sous la mauvaise administration polonaise beaucoup moins, qu'elle

---

момъ направленіи течетъ до впаденія въ Вислу; но такъ какъ при этомъ графство Ципсъ было бы такъ сказать отрѣзано отъ пріобрѣтаемой страны, что онъ начинаетъ обозначеніе границы по теченію рѣки, вытекающей изъ Карпатскихъ горъ и также носящей названіе Дунецъ, протекающей близъ Новоторга и впадающей въ главный Дунецъ. Проведя такимъ образомъ пограничную черту, упомянутое графство Ципсъ сохраняютъ Австріи, имѣющей на него претензіи, и въ то же время достигаютъ исключенія соляныхъ копей и удаленія отъ границъ Вашего Величества.

Графъ Панинъ чрезвычайно заботился о томъ, чтобы произвести оцѣнку дѣйствительной стоимости каждой изъ трехъ частей. Онъ увѣряетъ, что она составлена на основаніи точнѣйшихъ отчетовъ, какіе только возможно было получить о земляхъ, долженствующихъ войти въ составъ долей какъ русскаго такъ и вѣнскаго двора. Онъ не могъ и не хотѣлъ говорить съ такой же точностью о долѣ Вашего Величества, а потому онъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о предполагаемомъ числѣ жителей, и хотя въ настоящую минуту наличный доходъ, предполагаемый для Вашего Величества, значительнѣе, чѣмъ для двора вѣнскаго, онъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что объясненія, сопровождающія эту оцѣнку, и доводы, высказанные имъ князю Лобковичу при передачѣ ему этого документа, должны привести вѣнскій дворъ къ заключенію, что такъ какъ его часть лучше по качеству почвы, болѣе населена чѣмъ часть Вашего Величества и при плохой польской администраціи приноситъ гораздо меньше дохода

ne pourrait, cette différence entre les revenus en argent comptant disparaîtra aussitôt que ces pays se trouveront sous une autre domination, et qu'on reviendra alors parfaitement au point de l'égalité, qu'on s'est proposée de prendre pour règle. Il se flatte encore, que V. M. par les connaissances qu'Elle a de l'intérieur de la Pologne et particulièrement de la portion, qu'Elle s'est réservée pour Elle-même, voudra s'apercevoir, qu'en faisant le dénombrement des avantages de ces deux parts, il a rendu celle de V. M. au-dessous et celle de l'Autriche au-dessus de ce qu'ils ne se trouveront peut-être dans la réalité.

Au reste, cette évaluation est un ouvrage uniquement particulier du comte de Panin, fait dans l'intention de convaincre le prince de Kaunitz de son équité et de sa bonne foi, en déterminant la portion pour la cour de Vienne. Il proteste contre tout usage qu'on voudrait en faire pour la citer comme un document authentique donné sous l'autorité de la cour de Russie. Il assure même très fortement, que son contenu n'est connu ni de l'Impératrice sa Souveraine ni de son conseil. Il n'a pu se refuser de la faire parvenir à la connaissance de V. M., mais il me charge de la supplier très instamment de ne point en vouloir faire mention dans des ordres ostensibles, qu'Elle trouverait à propos de m'adresser, ni dans ses lettres de main propre à Sa Majesté l'Impératrice, ni dans aucune autre pièce destinée à devenir publique.

чѣмъ бы могла приносить, то это различіе въ денежномъ доходѣ исчезнетъ, какъ только страна перейдетъ подъ другую власть, при чемъ вполнѣ возстановится то равновѣсіе, которымъ намѣревались руководствоваться. Онъ надѣется также, что Ваше Величество, зная внутренность Польши и въ особенности той части ея, которая избрана Вашимъ Величествомъ, изволите усмотрѣть, что при перечисленіи выгодъ обѣихъ частей онъ опредѣлилъ долю Вашего Величества менѣе цѣнной, а долю Австріи болѣе того, что̀ можетъ оказаться въ дѣйствительности.

Впрочемъ, оцѣнка эта является лишь частной работой графа Панина, составленной въ видахъ убѣжденія князя Кауница въ справедливости и искренности, руководившихъ имъ при опредѣленіи доли вѣнскаго двора. Онъ не допускаетъ, чтобы этой запискѣ придавалось значеніе оффиціальнаго документа, выданнаго по распоряженію русскаго двора. Онъ даже настойчиво увѣряетъ, что содержаніе этой бумаги неизвѣстно ни Императрицѣ, его монархинѣ, ни ея совѣту. Онъ не могъ отказать себѣ въ сообщеніи этой записки Вашему Величеству, но поручилъ мнѣ убѣдительно просить Васъ, не упоминать о томъ ни въ оффиціальныхъ предписаніяхъ, которыя Вамъ благоугодно будетъ мнѣ выслать, ни въ собственноручныхъ письмахъ къ Ея Величеству Императрицѣ, ни вообще ни въ какомъ другомъ документѣ, имѣющимъ быть обнародованнымъ.

Il me reste encore à rendre compte des observations du comte de Panin au sujet du projet du manifeste. Il s'est proposé de suivre les idées fournies par V. M. dans le projet, qu'Elle a envoyé ici, jusqu'à conserver autant qu'il a pu des phrases et des tournures, mais il lui a paru, qu'il serait mieux de le rendre plus général, afin de quadrer pour les trois puissances, qui se proposent de le publier, et son opinion est, qu'en rendant ce manifeste-ci à la république, chacune lui en remette encore un autre de sa part particulière, dans lequel elle spécifiera plus distinctement les parties de la Pologne, dont elle est intentionnée de se mettre en possession, en l'appuyant par des preuves et des raisons, qu'elle jugera les plus propres et les plus convaincantes pour justifier sa démarche. Il a voulu faire sentir aux Polonais dans cette pièce, qu'ils étaient trop puissants et trop riches, que l'abus leur devenait nuisible à eux-mêmes et préjudiciable aux puissances voisines, et que l'intérêt de celles-ci demandait de donner à la république une autre existence politique, et c'est ce, qu'il leur dit assez clairement dans deux ou trois endroits de ce manifeste.

Son Altesse Impériale le Grand-Duc se transportera demain à Zarskoe-Selo pour y passer l'été avec Sa Majesté l'Impératrice. Son grand gouverneur comte de Panin l'accompagnera et y demeurera avec lui. L'absence de ce ministre, dans les circonstances présentes, ne pourra que produire des retards et des longueurs dans les négociations, pendant le séjour de la cour

---

Мнѣ остается еще отдать отчетъ о замѣчаніяхъ графа Панина, по поводу проекта манифеста. Онъ намѣревается слѣдовать мыслямъ, изложеннымъ Вашимъ Величествомъ въ присланномъ сюда проектѣ, сохраняя даже по возможности фразы и обороты, но полагаетъ, что было бы лучше придать ему болѣе общій смыслъ, дабы онъ могъ служить для всѣхъ трехъ державъ, намѣревающихся его обнародовать, и считаетъ нужнымъ, чтобы независимо отъ этого манифеста каждая держава передала бы республикѣ особый манифестъ съ подробнымъ обозначеніемъ тѣхъ частей Польши, которыми она намѣрена овладѣть, а также доказательствъ и доводовъ, которые будутъ ею признаны наиболѣе убѣдительными для оправданія своего поступка. Въ бумагѣ этой онъ хотѣлъ доказать полякамъ, что они слишкомъ могущественны и слишкомъ богаты, что избытокъ этотъ вреденъ какъ имъ самимъ, такъ и сосѣднимъ державамъ, и интересы этихъ послѣднихъ требуютъ, чтобы имъ было дано иное политическое существованіе, и все это онъ довольно ясно высказываетъ имъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ манифеста.

Его Императорское Высочество Великій Князь переѣдетъ завтра въ Царское Село, гдѣ проведетъ лѣто съ Ея Величествомъ Императрицей. Его оберъ-гофмейстеръ, графъ Панинъ, сопровождаетъ его и останется тамъ съ нимъ. При настоящихъ обстоятельствахъ отсутствіе этого министра немпнуемо отзовется задержками и про-

à la campagne, il ne vient qu'une fois par semaine en ville pour assister au conseil, et V. M. daignera me pardonner, si à l'avenir je ne pourrais pas lui faire exactement deux fois par semaine des rapports intéressants, comme je le désirerais.

Sa Majesté l'Impératrice vient d'accorder une augmentation d'appointements à tous les officiers de toute son armée pour l'entretien des chevaux, dont ils ont besoin pour le service, et dont les rations se payaient jusqu'à présent suivant l'état, qui en avait été fait du temps de l'empereur Pierre I. Cette augmentation fait un cinquième des gages, qu'ils ont tirés jusqu'ici. Elle importe pour un maréchal treize cent roubles de plus par an, et ainsi à proportion en descendant jusqu'au enseignes.

№ 634.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 22 de Mai (2 de Juin) 1772.

Contenu: 1) Réponse du comte Panin donnée par écrit, mais étant censée verbale, aux différentes insinuations, que le comte Solms lui a faites par ordre du roi sur l'abolition de la réversibilité du royaume de Prusse à

волочками въ переговорахъ, ибо во время пребыванія двора за городомъ, онъ бываетъ въ столицѣ лишь разъ въ недѣлю, чтобы присутствовать въ совѣтѣ, и Ваше Величество благоволите простить меня, если на будущее время я не буду имѣть возможности еженедѣльно два раза представлять Вамъ интересныя донесенія съ той точностью, которой бы желалъ.

Ея Величество Императрица недавно назначила всѣмъ офицерамъ своей арміи усиленіе жалованья на содержаніе лошадей, потребныхъ имъ для службы и продовольствіе которыхъ до сихъ поръ выдавалось имъ по штату, опредѣленному еще во времена Императора Петра I. Эта прибавка составляетъ $1/5$ часть получаемаго ими по нынѣ жалованья, и она составляетъ для фельдмаршала тысячу триста рублей ежегодно и такъ нисходя, соотвѣтственно чинамъ, до прапорщика.

Остаюсь и проч.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 22-го мая (2-го іюня) 1772 г.

№ 634. Содержаніе: 1) Отвѣтъ графа Панина, изложенный письменно, но долженствующій считаться словеснымъ, на различныя внушенія, высказанныя ему графомъ Сольмсомъ по приказанію короля, относительно возстановленія политической зависимости прусскаго королевства отъ Польши, и о томъ, какія мѣры принимать

la Pologne, sur ce qu'il y aurait à faire, si la cour de Vienne voulait s'obstiner à garder tout ce qu'elle veut se stipuler en Pologne. 2) Présents à donner au comte Panin et au comte Orlof.

Les ordres immédiats et médiats de V. M. du 13 et du 17 du mois de Mai, avec un second pleinpouvoir pour moi, m'ont été remis le jour du départ du courrier Sternsdorff, que j'ai expédié d'ici le 28 de Mai, et qui, j'espère, sera bien arrivé auprès de V. M. avec ses dépêches. Le comte de Panin étant parti aussi ce même soir pour Zarskoé-Sélo, je n'ai pu faire promptement un meilleur usage des susdits ordres, que d'en envoyer le contenu principal à ce ministre par extrait. J'ai rendu aussi exactement, que cela se pouvait, les propres termes de tout ce que V. M. a dit contre la France et son ministère. Comme je connais la façon de penser de l'Impératrice sur ce sujet et que je sais, combien elle méprise la politique de cette cour, je suis persuadé, que cela sera bien reçu et que cela augmentera sa confiance dans les sentiments de V. M. D'ailleurs, les représentations que la France ferait à la cour de Russie, pour lui faire entrevoir, qu'il y a du désavantage pour elle dans ces arrangements avec V. M., ne la porteront jamais à changer d'opinion, et quand même elle pût trouver des raisons apparentes pour appuyer ces représentations ou les insinuer de loin, pour entamer une négociation, elle s'est fermé le chemin pour y parvenir, en tenant ici comme chargé d'affaires le nommé Sabbathier, qui par les imper-

---

въ случаѣ, если вѣнскій дворъ будетъ упорствовать въ сохраненіи всѣхъ провинцій, требуемыхъ имъ отъ Польши. 2) Подарки, предназначаемые графу Панину и графу Орлову.

Непосредственныя и министерскія приказанія Вашего Величества отъ 13-го и 17-го мая, вмѣстѣ съ новымъ для меня уполномочіемъ, были мнѣ вручены въ день отъѣзда курьера Штернсдорфа, отправленнаго мною отсюда 28-го мая и, надѣюсь, благополучно прибывшаго съ депешами къ Вашему Величеству. Такъ какъ въ этотъ же вечеръ графъ Панинъ уѣхалъ въ Царское Село, то я могъ воспользоваться этими депешами не иначе, какъ сообщивъ этому министру существеннѣйшую часть ихъ въ видѣ извлеченій. Я передалъ съ возможной точностью подлинныя выраженія Вашего Величества, высказанныя противъ Франціи и ея министерства. Зная образъ мыслей Императрицы касательно этого предмета и презрѣніе ея къ политикѣ этого двора, я убѣжденъ, что это будетъ хорошо принято и усилитъ ея довѣріе къ чувствамъ Вашего Величества. Впрочемъ, представленія, которыя бы Франція могла сдѣлать русскому двору, чтобы увѣрить его въ невыгодности соглашенія съ Вашимъ Величествомъ, никогда не измѣнятъ мнѣнія Императрицы, и хотя бы Франціи удалось подъискать причины, повидимому, оправдывающія эти представленія или же слегка намекнуть о нихъ для открытія переговоровъ, но она сама закрыла себѣ путь къ достиженію этой цѣли, назначивъ своимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ нѣкоего Сабатье,

tinences, qu'il écrit contre la Russie et qu'il dit même ici sans relâche dans ses propos familiers, s'est attiré la haine et le mépris de tout le monde. Il n'a nul accès auprès de qui que ce soit, et je n'en connais personne, qui soit assez prévenu pour la France, pour être le porteur des premières insinuations.

J'ai eu l'honneur de rendre compte à V. M., dans mon rapport du 28, des idées du comte Panin sur la façon de s'arranger avec la république de Pologne, touchant la réversibilité de la Prusse. Son commis François Oubri est venu chez moi par ordre de ce ministre. Il m'a lu un écrit, qui ne doit cependant être regardé que comme une réponse verbale, et où le ministre marque, combien il se sent flatté de voir, que V. M. a daigné approuver ses idées. Il s'excuse en même temps de ce qu'il n'a rien fait entrer touchant cette réversibilité dans le projet de la convention avec la cour de Vienne, comme il l'avait promis alors à V. M. Il prétend l'avoir omis pour ne lui pas fournir un nouveau prétexte de se roidir contre les conditions, qu'on exige d'elle, et d'écarter tout ce qui pourrait empêcher, qu'on ne finisse bientôt avec elle de bonne grâce. Mais il compte de faire entrer tout ce qui se rapporte à l'abolition de la réversibilité dans le plan de la pacification de la Pologne, auquel il travaille actuellement, et dans lequel les états de la république de Pologne et les acquisitions respectives seront

---

который пишетъ и даже высказываетъ здѣсь въ близкомъ кругу безъ всякаго стѣсненія дерзости противъ Россіи, что̀ навлекло на него всеобщую ненависть и презрѣніе. Онъ рѣшительно ни къ кому не имѣетъ доступа и я не знаю никого, достаточно расположеннаго въ пользу Франціи для того, чтобы первому взяться за передачу подобныхъ сплетенъ.

Я имѣлъ честь, донесеніемъ отъ 28-го, дать отчетъ Вашему Величеству о мысляхъ графа Панина относительно способа, придти къ соглашенію съ польской республикой по вопросу о политической зависимости Пруссіи. Его чиновникъ Франциск Убри былъ у меня по приказанію этого министра. Онъ прочелъ мнѣ записку, которую, однако, слѣдуетъ разсматривать лишь какъ словесный отвѣтъ съ выраженіемъ, насколько министру лестно, что Вашему Величеству угодно было одобрить его мысли. Въ то же время онъ извиняется, что не включилъ вопроса о возвратѣ и зависимости Пруссіи въ проектъ конвенціи съ вѣнскимъ дворомъ, согласно обѣщанію, данному имъ Вашему Величеству. Онъ увѣряетъ, что съ намѣреніемъ упустилъ это обстоятельство, дабы не давать новаго предлога, оспаривать предлагаемыя условія, и стараясь устранить все, могущее помѣшать полюбовному соглашенію. Но онъ предполагаетъ включить все, относящееся до уничтоженія зависимости и возврата Пруссіи, въ планъ умиротворенія Польши, которымъ занятъ въ настоящую минуту, и которымъ будутъ перечислены и опредѣлены какъ пріобрѣтенія державъ, такъ и составъ владѣ-

spécifiées et fixées. C'est là, où l'on exigera de la république, qu'elle renonce nommément à la réversibilité du royaume de Prusse. Voilà le sens de l'écrit que le sieur Oubri m'a fait lire et dont il m'a permis de noter les endroits les plus essentiels.

V. M. m'ayant marqué en date du 13 de Mai, que si on laissait le temps aux Autrichiens, de s'assurer la possession de leurs acquisitions par un corps de 20 m. hommes, qui va entrer en Pologne, ils pourraient ne vouloir pas se dessaisir de ce qu'on se propose de leur retrancher, j'ai pris occasion de demander au comte Panin, ce qu'il pensait de ce qu'il y aurait à faire dans un tel cas. Il m'a fait répondre, qu'il croyait, que la cour de Vienne entrait de bonne foi dans le plan de partage, qu'en conséquence il espérait, qu'elle se prêterait de bonne grâce à ce qu'on exigeait d'elle, et se contiendrait dans les limites, qu'on veut lui assigner, que cependant si contre toute attente elle faisait trop le difficile, il lui paraissait que l'union des deux cours, celle de leurs armes et le désir, qu'avait la Porte, de faire une alliance avec V. M. et la Russie, faisaient la seule ressource, à laquelle il fallait recourir, pour forcer la cour de Vienne à ce prêter à nos vues.

J'ai encore fait connaître au comte Panin, en conséquence de l'ordre de V. M. du 13 de Mai, que vous étiez, Sire, de l'opinion, que la prise de possession ne pouvait guère être différée au-delà de dix jours. Ce mot a

---

ній польской республики. При этомъ потребуютъ отъ республики, чтобы она отказалась отъ означенной зависимости и возврата ей прусскаго королевства. Таковъ смыслъ записки, прочитанной мнѣ Г. Убри, съ позволеніемъ выписать изъ нее самую существенную часть.

Такъ какъ Ваше Величество писали отъ 13-го мая, что если австрійцамъ будетъ предоставлено время вступить во владѣніе новыми пріобрѣтеніями, занявъ ихъ введеніемъ въ Польшу 20-ти тысячнаго корпуса, то легко можетъ случиться, что они не захотятъ отступиться отъ части, которую намѣреваются у нихъ отнять, и я воспользовался случаемъ, спросить графа Панина, какъ по его мнѣнію слѣдуетъ дѣйствовать при такихъ обстоятельствахъ. Онъ поручилъ мнѣ передать, что считаетъ вѣнскій дворъ искренно участвующимъ въ проектѣ раздѣла, и потому надѣется, что онъ добровольно подчинится предъявляемымъ ему требованіямъ и будетъ держаться назначаемыхъ ему границъ; если же, вопреки всякимъ ожиданіямъ, дворъ этотъ окажется неподатливымъ, то ему кажется, что союзъ двухъ дворовъ и ихъ войскъ и желаніе Порты заключить союзъ съ Вашимъ Величествомъ и Россіей, составляютъ единственное средство, къ которому должно прибѣгнуть, чтобы заставить Австрію подчиниться нашимъ видамъ.

Вслѣдствіе предписаній Вашего Величества отъ 13-го мая, я сообщилъ графу Панину о томъ, что по Вашему мнѣнію вступленіе во владѣніе не можетъ быть от-

beaucoup allarmé le ministre. Il m'a fait répondre, qu'il espérait, que V. M. daignerait retarder la prise de possession jusqu'à ce qu'on fût d'accord avec la cour de Vienne, qu'il craignait, que si cette démarche était anticipée, la dite cour n'en prît ombrage, et qu'elle ne se déterminât à s'emparer de la totalité de la quote-part, qu'elle prétendait se réserver, que pour le prévenir il lui paraissait, qu'il vâlait mieux attendre, qu'on se fût entièrement arrangé avec elle.

Pour ce qui est de la bague, que V. M. destine au comte Panin avec son portrait, elle ne peut, selon moi, lui faire un présent plus magnifique et plus distingué; si j'excepte les deux richards de la Russie, le comte Scheremetew et Rasoumowski, je n'y connais aucun particulier, qui ait des bagues ou des tabatières de la valeur de 10 m. écus. Il n'est pas douteux, qu'un tel présent ne fasse beaucoup de plaisir à l'Impératrice; personne n'y pourrait trouver à redire. Le comte Panin a été d'ailleurs obligé d'avouer lui-même, que V. M. n'avait pas de meilleur moyen de témoigner son amitié à Sa Maj. Impériale qu'en donnant une marque distinguée de sa bienveillance royale à la personne, que cette souveraine honore d'une faveur particulière et il en a inféré, que pour l'ordre.... Je suis donc persuadé, qu'il n'aura pas sujet de faire le jaloux, il me semble, qu'il est convaincu présentement, qu'un principal ministre et un favori ont des prétentions égales à l'estime des puissances amies de l'état, dans lequel ils se trouvent

---

срочено болѣе, какъ на десять дней. Эти слова чрезвычайно встревожили министра. Онъ поручилъ передать мнѣ, что надѣется, что Вашему Величеству угодно будетъ отложить вступленіе во владѣніе до тѣхъ поръ, пока не состоится соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ, опасаясь, что въ случаѣ, если къ мѣрѣ этой будетъ приступлено преждевременно, это возбудитъ неудовольствіе упомянутаго двора, который вслѣдствіе того вознамѣрится овладѣть въ полномъ составѣ доли имъ намѣченной, во избѣжаніе чего, по мнѣнію его, лучше подождать окончательнаго съ нимъ соглашенія.

Что касается до перстня, предназначаемаго Вашимъ Величествомъ графу Панину вмѣстѣ съ Вашимъ портретомъ, то, по мнѣнію моему, Ваше Величество не можете сдѣлать ему болѣе великолѣпнаго и отличнаго подарка; за исключеніемъ двухъ русскихъ богачей, графовъ Шереметева и Разумовскаго, я не знаю ни одного частнаго лица, имѣющаго перстни или табакерки стоимостью въ 10 тысячъ экю. Нѣтъ сомнѣнія, что подобный подарокъ будетъ весьма пріятенъ Императрицѣ, и никто не посмѣетъ сказать ничего противъ этого. Къ тому же графъ Панинъ самъ принужденъ былъ сознаться, что Ваше Величество не можете лучше заявить свою дружбу къ Ея Императорскому Величеству, какъ пожаловавъ знакъ своей королевской благосклонности лицу, взысканному особой милостью Государыни, при чемъ онъ далъ понять, что орденъ (пропускъ). Поэтому я убѣжденъ, что не будетъ повода къ возбужденію его зависти; мнѣ кажется, что въ настоящую минуту онъ убѣжденъ, что главный министръ и

l'un et l'autre. V. M. aura le choix, si j'ose dire ce que je pense, de donner au comte Orlow ou son grand ordre, infiniment précieux ici. à cause de sa rareté, ou une tabatière, qui aurait une valeur équivalente à celle du portrait.

№ 635.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 23 Juin). A St. Pétersbourg, le 29 de Mai (9 de Juin) 1772.

Contenu: Réponse à plusieurs dépêches immédiates, dont le contenu a été communiqué au comte Panin.

Le comte Panin étant venu en ville vendredi dernier, j'ai eu avec lui au sortir du conseil un entretien sur les matières contenues dans les dépêches de V. M. que j'ai eu l'honneur de recevoir depuis le 17 jusqu'au 22 de Mai. Il a été extrêmement content, quand les extraits, que je lui en avais envoyé auparavant, lui ont appris, que V. M. avait approuvé ce qu'il a dit préalablement au prince Lobkowitz sur les demandes de sa cour, sur l'entrée des troupes autrichiennes en Pologne et sur la pacification des troubles de ce royaume. Il s'aperçoit avec une si grande satisfaction, que les sentiments de V. M. sont si fréquemment d'accord avec ceux de sa cour, que pour

---

любимецъ имѣютъ равныя права на уваженіе державъ дружественныхъ тому государству, гдѣ они оба находятся. Если смѣю высказать свое мнѣніе, то Вашему Величеству предстоитъ выборъ, пожаловать графу Орлову орденъ, чрезвычайно цѣнимый здѣсь вслѣдствіе своей рѣдкости, или табакерку, одинаковой цѣны съ портретомъ.

Остаюсь и пр.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 23 іюня). С.-Петербургъ, 29-го мая (9-го іюня) 1772 г.

№ 635. Содержаніе: Отвѣтъ на нѣсколько непосредственныхъ депешъ, содержаніе которыхъ было сообщено графу Панину.

Графъ Панинъ пріѣзжалъ въ городъ въ прошлую пятницу, и при выходѣ изъ совѣта я имѣлъ съ нимъ разговоръ о вопросахъ, заключающихся въ депешахъ Вашего Величества, которыя я имѣлъ честь получить отъ 17-го до 22-го мая. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, узнавъ изъ извлеченій, присланныхъ мною ему еще ранѣе того, что Ваше Величество одобрили все предварительно высказанное имъ князю Лобковичу о требованіяхъ его двора, о вступленіи австрійскихъ войскъ въ Польшу и о прекращеніи смутъ въ этомъ королевствѣ. Усматривая съ радостью, что чувства Вашего Величества такъ часто совпадаютъ съ чувствами его двора, и желая выразить, на-

m'exprimer bien fortement, combien il en est pénétré, il m'a dit, que s'il était possible, qu'on voulût l'obliger à prêter son ministère à quelque chose, qui fût contraire aux intérêts de la monarchie Prussienne, il ne balancerait pas un moment de se démettre de sa charge plutôt que de s'y soumettre.

Les informations, que V. M. a daigné me donner de la mauvaise humeur, que les arrangements faits touchant la Pologne, donnent à la cour de France, ont fait beaucoup de plaisir à l'Impératrice. On ne craint pas, que les cabales de cette cour auront quelque pouvoir sur celle de Vienne, comme V. M. le remarque elle-même; cette dernière cour s'est engagée trop en avant et trouve même trop son compte dans ces arrangements, pour qu'elle puisse reculer. Le prince Lobkowitz vient de donner à connaître au comte Panin, qu'on avait ordonné au Sr. Thougout, de suivre les ministres turcs au congrès. Il a ajouté, que sa cour se flattait de persuader dans cette occasion celle de Russie, qu'elle ne prétendait employer ses bons offices qu'à faire accepter aux Turcs les conditions que la Russie demandait.

On a bien senti ici, combien il y a de délicatesse dans le procédé de V. M. envers la Russie, quand elle lui conseille de tâcher de s'arranger avec la Porte sans l'intervention d'aucune autre cour, V. M. aimant mieux de renoncer elle-même à la médiation, afin d'en écarter la cour de Vienne. La chose est devenue quasi impossible; jusqu'ici on s'est si bien trouvé de l'intervention de V. M. qu'on désire de la conserver, et quant à celle de la

---

сколько онъ этимъ сознаніемъ проникнутъ, онъ сказалъ мнѣ, что еслибъ могло случиться, что ему какъ министру предписали что либо противное интересамъ прусской монархіи, то онъ, ни минуты не колеблясь, отказался бы отъ своей должности, лишь бы только не исполнить подобнаго требованія.

Императрицѣ были весьма пріятны свѣдѣнія, которыя Вашему Величеству угодно было сообщить мнѣ о недовольствѣ Франціи по поводу мѣръ, принимаемыхъ въ Польшѣ. Интригъ этого двора относительно двора вѣнскаго неопасаются, ибо, какъ Ваше Величество замѣтили, этотъ послѣдній зашелъ слишкомъ далеко, и ему соглашеніе это слишкомъ выгодно для того, чтобы отступить. Князь Лобковичъ только что сообщилъ графу Панину, что г. Тугуту предписано сопровождать на конгрессъ турецкихъ министровъ. Онъ прибавилъ, что въ этомъ случаѣ дворъ его надѣется доказать русскому двору свое намѣреніе, употребить свое вліяніе лишь для того, чтобы склонить турокъ на предлагаемыя Россіей условія.

Здѣсь вполнѣ оцѣнили деликатность Вашего Величества, съ которой Вы совѣтуете Россіи стараться о достиженіи соглашенія съ Портой безъ вмѣшательства какой либо другой державы, отказываясь такимъ образомъ отъ посредничества, лишь бы только устранить отъ него вѣнскій дворъ. Но дѣло это становится почти невозможнымъ; до сихъ поръ оставались такъ довольны вмѣшательствомъ Вашего Величества, что желаютъ его сохранить; что же касается до вмѣшательства вѣнскаго

cour de Vienne, on ne peut plus s'y refuser sans s'exposer à de très grands inconvénients, il y a déjà trop longtemps qu'on lui a déclaré, qu'on voulait l'admettre à la négociation de la paix. Si elle agit sincèrement, comme elle le promet, son intervention, en effet, ne peut qu'être d'une grande utilité; mais supposé, en mettant la chose au pis, que la cour de Vienne vînt changer de nouveau de sentiment et de système dans le moment décisif, on aurait encore pour dernière ressource une alliance, qu'on ferait contre elle avec la Porte.

Le comte Panin connaît assez la faiblesse et la légèreté du ministère actuel en Angleterre, pour le croire capable, de se laisser induire par les insinuations, que la France lui fera contre les arrangements, qui vont se faire en Pologne. Mais il est persuadé en même temps, qu'on ne soutiendra pas avec plus de vigueur ce qu'on pourra faire à cet égard, que la conduite emportée, qu'on a tenue avec le Danemark, et que tant que les trois cours resteront unies ensemble, les déclarations de l'Angleterre ne peuvent les allarmer en aucune façon. Les insinuations de la France pourraient faire plus de mal auprès de la Porte. Les Turcs sont peu fermes dans leur conduite politique et cèdent à chaque nouvelle impression, qu'on leur donne. C'est aux cabales de la France, qu'on croit devoir attribuer les difficultés, qu'ils opposent à la conclusion de l'armistice. Le Sr. Simolin en avait à dresser un nouveau projet, lequel quoiqu'il fût adapté à celui, qu'il avait reçu d'ici,

---

двора, отъ него уже не могутъ отказаться, не подвергаясь большимъ неудобствамъ, ибо уже слишкомъ давно ему объявлено, что его хотятъ пригласить къ участію въ мирныхъ переговорахъ. Если онъ, согласно данному обѣщанію, будетъ поступать искренно, то участіе его, дѣйствительно, можетъ оказаться весьма полезнымъ. Но если допустить наихудшее предположеніе, что въ рѣшительный моментъ вѣнскій дворъ снова перемѣнитъ мнѣнія и систему, то и тогда останется послѣднимъ средствомъ союзъ, который бы можно заключить съ Портой противъ Австріи.

Графъ Панинъ достаточно знаетъ слабость и легкомысліе нынѣшняго англійскаго министерства, и потому считаетъ его способнымъ подчиняться внушеніямъ Франціи противъ предстоящихъ мѣропріятій въ Польшѣ. Но въ то же время онъ убѣжденъ, что не будетъ приступлено ни къ чему болѣе энергическому относительно сего; необдуманное поведеніе относительно Даніи не должно ихъ безпокоить пока: всѣ три двора останутся въ союзѣ между собой, а потому деклараціи Англіи отнюдь не могутъ возбуждать ихъ опасеній. Происки Франціи могли бы больше повредить передъ Портой, турки не имѣютъ политической твердости и уступаютъ всякому новому вліянію, на нихъ производимому. Полагаютъ, что затрудненія, воздвигаемыя ими противъ перемирія, слѣдуетъ приписать интригамъ Франціи. Г. Симолину предстояло составить по этому вопросу новый проектъ, который, хотя согласенъ съ проектомъ, по-

cependant conforme à ce que les Turcs avaient déjà accordé à Constantinople, à cela près, qu'il était partagé en plus d'articles, que le premier projet. Le commissaire turc l'ayant reçu avec beaucoup de froideur, a témoigné, que pour lui, il n'y trouvait rien à redire, qu'il fallait cependant, que le projet fût envoyé au grand-vizir et que celui-ci entrerait directement en correspondance avec le comte Romanzow, pour arranger l'armistice définitivement. Le comte Panin pense que le parti français travaille à faire traîner en longueur la négociation de l'armistice, pour se ménager le temps, de faire manquer celle de la paix. Il croit cependant, que si la cour de Vienne demeurant ferme dans ses principes, pour recommander sincèrement la paix à la Porte, celle-ci ne se fiera pas assez aux promesses de la France pour continuer la guerre. Le seul évènement qui pourrait embrouiller les choses, ce serait, si les Français s'avisaient d'attaquer la flotte russe dans l'Archipel; une pareille démarche releverait le courage des Turcs, et ferait manquer la paix de cette année, mais si ce cas arrivait, on croit que les Anglais ne resteraient pas tranquilles spectateurs, et on a promis positivement au comte Iwan Czernichew, quand il était à Londres, qu'on ferait la guerre à la France, si celle-ci voulut secourir ouvertement les Turcs, mais pour espérer l'accomplissement de ces promesses, on compte plus sur les sentiments de la nation que sur la fermeté du ministère.

Sur l'article d'une liaison plus intime à contracter avec la cour de Vienne,

---

лученнымъ имъ отсюда, но въ то же время основанъ на условіяхъ, уже получившихъ въ Константинополѣ согласіе турокъ, и разнится отъ перваго проекта лишь раздѣленіемъ на бо̀льшее число статей. Турецкій комиссаръ принялъ его весьма холодно и отвѣчалъ, что самъ лично не можетъ ничего сказать противъ него, однако, слѣдуетъ переслать проектъ великому визирю, который вступитъ въ непосредственные переговоры съ графомъ Румянцовымъ объ окончательномъ заключеніи перемирія. Графъ Панинъ полагаетъ, что французская партія старается затянуть переговоры о перемиріи, дабы выиграть время и умѣть помѣшать заключенію мира. Онъ думаетъ, однако, что если вѣнскій дворъ останется вѣренъ своимъ принципамъ и будетъ искренно совѣтовать Портѣ заключить миръ, то держава эта едва ли настолько положится на обѣщанія Франціи, чтобы продолжать войну. Единственное событіе, могущее запутать дѣла, это если бы французы осмѣлились напасть на русскій флотъ въ Архипелагѣ; подобный поступокъ поднялъ бы храбрость турокъ, и на этотъ годъ помѣшалъ бы заключенію мира; но если бы это произошло, то полагаютъ, что англичане не остались бы спокойными зрителями, и въ бытность графа Ивана Чернышева въ Лондонѣ ему положительно обѣщано, что Франціи будетъ объявлена война въ случаѣ, если она открыто станетъ поддерживать турокъ. Впрочемъ, относительно выполненія этого обѣщанія больше полагаются на общественное мнѣніе англ. націи, чѣмъ на твердость министерства.

По вопросу о заключеніи болѣе тѣснаго союза съ вѣнскимъ дворомъ, Ваше Вели-

V. M. s'est exprimé d'une manière si amicale et si avantageuse pour la Russie, que sa façon de penser n'a pu qu'être infiniment agréable à l'Impératrice et à son ministère. Le comte Panin pense que dans le moment présent on n'a pas besoin de se presser et qu'il faut attendre le dénouement des affaires, pour voir, si la chose est faisable. Il avoue cependant, que contribuer à achever ce grand ouvrage, qu'il regarde comme le plus beau et le plus parfait, sur lequel la tranquillité de l'Europe puisse être fondée, ce serait l'objet le plus intéressant de son ambition. Il souscrit également au sentiment de V. M. sur la manière de pourvoir à la sûreté du roi de Pologne et de lui assurer un revenu convenable, après que les troubles de la Pologne seront pacifiés. Il compte de s'y conformer dans la conduite de cette affaire. En même temps il m'a annoncé, que le projet pour la pacification de la Pologne était presque achevé et serait bientôt en état d'être communiqué à V. M. et à la cour de Vienne.

Le comte Panin remercie très humblement V. M. de ce qu'elle daigne différer l'acte de la prise de possession en Pologne, jusqu'à ce qu'on se soit entièrement arrangé avec la cour de Vienne. V. M. peut être persuadée, qu'elle sera exactement informée de la marche de cette affaire, de façon, qu'elle même pourra juger alors, quand l'affaire sera arrangée définitivement. Il m'a dit, qu'on n'avait aucun intérêt à l'avoir en ce pays-ci, tout ce

---

чество высказались такъ дружественно и лестно для Россіи, что подобный образъ мыслей былъ, конечно, весьма пріятенъ Императрицѣ и ея министрамъ. Графъ Панинъ полагаетъ, что въ настоящую минуту нѣтъ необходимости спѣшить, и чтобы рѣшить, возможное ли это дѣло, слѣдуетъ выждать, какой оборотъ примутъ обстоятельства. Онъ сознается, однако, что содѣйствіе окончанію столь великой задачи, которую онъ считаетъ совершенной и наиболѣе способной послужить основаніемъ спокойствія въ Европѣ, составляетъ наилучшую цѣль его честолюбія. Онъ также согласенъ съ мнѣніемъ Вашего Величества относительно средствъ, гарантировать безопасность польскаго короля и обезпечить ему необходимый доходъ, по минованіи смутъ въ Польшѣ. Онъ намѣренъ слѣдовать этому мнѣнію при рѣшеніи дѣла. Въ то же время онъ сообщилъ мнѣ, что проектъ умиротворенія Польши почти оконченъ и скоро можно будетъ сообщить его Вашему Величеству и вѣнскому двору.

Графъ Панинъ всепокорнѣйше благодаритъ Ваше Величество за то, что Вамъ угодно было отсрочить вступленіе во владѣніе въ Польшѣ до тѣхъ поръ, пока состоится окончательное соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ. Ваше Величество можете быть увѣрены, что Вамъ съ точностью будетъ сообщаемо о ходѣ этого дѣла, и Ваше Величество будете имѣть возможность судить о томъ, когда оно окончательно рѣшится... Онъ сказалъ мнѣ, что не видятъ никакого интереса, имѣть его[1]) здѣсь;

---

1) Въ оригиналѣ не означена фамилія.

que l'Impératrice désirait, était d'obtenir son aveu sur la lettre en question et sur celle du nommé Villars, afin qu'on sût, qui en était l'auteur, et que l'Impératrice serait bien aise, que V. M. voulût l'obliger à dire la vérité.

№ 636.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 8 (19) de Juin 1772.

Contenu: Raisonnements du comte Panin pour prouver, que la prise de possession ne doit se faire, qu'après que tout sera arrangé avec la cour de Vienne. 2) Mémoire du sieur Pzarski pour demander un éclaircissement sur l'entrée des troupes prussiennes et autrichiennes en Pologne. Le rapport du sieur Paulitz, économe de Marienbourg, en fait le pendant. 3) Le primat est, selon le comte Panin, mal intentionné pour la Russie et le roi de Pologne.

№ 637.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 12 (23) de Juin 1772.

Contenu: Le roi demande pour le cas, que l'Autriche garde sa portion

---

все что желала бы Императрица, это, имѣть его признаніе относительно письма, о которомъ идетъ рѣчь, и о письмѣ Виллара, дабы знать, кѣмъ оно написано, и Императрица была бы весьма довольна, если бы Ваше Величество принудили его сказать правду.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 8-го (19-го) іюня 1772 г.

№ 636. Содержаніе: 1) Разсужденія графа Панина съ цѣлью доказать, что вступленіе во владѣніе должно состояться лишь по окончательномъ соглашеніи съ вѣнскимъ дворомъ. 2) Меморія г. Псарскаго, требующая разъясненія по поводу введенія въ Польшу прусскихъ и австрійскихъ войскъ. Въ томъ же смыслѣ составленъ и докладъ г. Паулица, Маріенбургскаго эконома. 3) По мнѣнію графа Панина Примасъ враждебно настроенъ противъ Россіи и польскаго короля.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 12-го (23-го) іюня 1772 г.

№ 637. Содержаніе: Въ случаѣ, если Австрія сохранитъ свою часть въ пол-

en entier, qu'on ajoute Danzic et Thorn à ses acquisitions. Le comte Solms attend la réponse du comte Panin, à qui il en a écrit.

Les gracieux ordres immédiats et médiats de V. M. du 7 et du 9 de ce mois avec le rapport du Sr. de Zegelin du 4 de Mai, m'ont été bien remis, et je suis charmé de pouvoir assurer très humblement V. M., qu'avant l'arrivée des premiers, j'ai déjà entamé quelque chose de moi-même sur l'augmentation de ses acquisitions en Pologne en cas, que la cour de Vienne ne voulût rien relâcher de celles, qu'elle a demandées. Il s'est présenté une occasion, qui m'a fourni un prétexte très plausible pour hasarder ici une pareille proposition, et je vais avoir l'honneur d'en rendre compte à V. M. Le prince de Lobkowitz a reçu par la dernière poste la réponse du prince Kaunitz au précis par écrit de la conversation, que le premier a eue avec le comte Panin. Ce ministre y avait exposé préalablement les raisons, pourquoi il désirait, que la cour de Vienne ne s'approchât pas trop près par ses nouvelles possessions de la Silésie prussienne, et qu'elle renonçât également à acquérir les salines de Cracovie et la ville de Lemberg avec les districts, qu'on y a fait appartenir. Mon rapport du premier Mai contient le détail de tout cela, et V. M. me permettra de m'y rapporter. Dans la réponse du prince Kaunitz, dont je viens de parler, et qui n'est aussi que préalable, ce ministre se réservant de s'expliquer plus positivement, après qu'il saura

---

номъ составѣ, король желаетъ, чтобы къ его пріобрѣтеніямъ прибавлены были Данцигъ и Торнъ. Графъ Сольмсъ ожидаетъ по этому поводу отвѣта графа Панина, которому онъ писалъ.

Милостивыя повелѣнія Вашего Величества, какъ непосредственныя, такъ и министерскія отъ 7-го и 9-го этого мѣсяца, вмѣстѣ съ докладомъ г. Зегелина отъ 4-го мая, были мнѣ исправно вручены и я съ радостью могу почтительнѣйше увѣрить Ваше Величество, что еще ранѣе ихъ полученія я уже завелъ рѣчь объ увеличеніи пріобрѣтеній Вашего Величества въ Польшѣ въ случаѣ, если вѣнскій дворъ не согласится отказаться отъ своихъ требованій. Здѣсь встрѣтилось обстоятельство, представившее мнѣ весьма основательный предлогъ для заявленія подобнаго предложенія, о чемъ и буду имѣть честь доложить Вашему Величеству. Князь Лобковичъ получилъ съ послѣдней почтой отвѣтъ князя Кауница на письменное изложеніе разговора Лобковича съ графомъ Панинымъ. Министръ этотъ предварительно изложилъ причины, почему онъ желаетъ, чтобы вѣнскій дворъ не слишкомъ приближался границами своихъ новыхъ владѣній къ прусской Силезіи, и въ то же время отказался бы отъ пріобрѣтеній краковскихъ соляныхъ копей и Лемберга съ уѣздами, къ нимъ принадлежащими. Мой докладъ отъ 1-го мая содержитъ подробности всего этого и Ваше Величество позволите мнѣ на него сослаться. Въ отвѣтѣ князя Кауница, сейчасъ мною упомянутомъ и тоже лишь предварительномъ, этотъ министръ, откладывая подробности

avec précision, ce que la Russie propose de retrancher de la portion, que la cour de Vienne demande. Dans cette réponse le prince Kaunitz déclare en gros, que le raisonnement, qu'on avait fait à Pétersbourg, ne l'avait point convaincu, que la portion, qu'on avait demandé pour la cour de Vienne, était encore incompatible avec le principe d'égalité, qu'on avait adopté pour fixer les acquisitions des trois cours; qu'ainsi bien loin, que la portion autrichienne doit souffrir quelque diminution, il persistait à demander, qu'elle fût conservée toute entière telle, qu'il avait demandé dans son projet. Le comte Panin ne se trouvant pas en ville, lorsque cette dépêche arriva au prince Lobkowitz, celui-ci ne l'a informé que très superficiellement de son contenu, remettant à la lui faire voir en original le jour du conseil, que le comte Panin entrerait en ville. Le prince Lobkowitz m'en a fait à moi une confidence plus détaillée, et j'ai cru que l'intimité, qui subsiste entre V. M. et l'Impératrice, exigeait, que j'en fisse part au comte Panin. Je lui ai donc écrit, et après lui avoir exposé le détail de l'ouverture, que le prince Lobkowitz m'avait faite, je lui dis, que comme je ne présumais pas, que l'Impératrice eut l'intention de s'opposer par la force aux desseins de la cour de Vienne, en cas qu'on ne pût pas l'engager par le raisonnement à se désister d'une partie de ses prétentions, il pourrait résulter de là, qu'on serait obligé de la laisser faire; que j'espérais, que si cela arrivait, la cour de Russie ne trouverait pas à redire, que V. M. songeât également à donner plus

---

объясненія до тѣхъ поръ, когда ему будетъ въ точности извѣстно, что̀ именно Россія намѣрена урѣзать отъ части, требуемой вѣнскимъ дворомъ, объявляетъ въ общихъ чертахъ, что разсужденія, имѣвшія мѣсто въ Петербургѣ, его не убѣдили въ томъ, что часть, требуемая вѣнскимъ дворомъ, не совмѣстима съ принципомъ равенства, принятымъ за основаніе при опредѣленіи пріобрѣтеній трехъ дворовъ; а потому, отнюдь не допуская, чтобы часть Австріи подверглась какому либо уменьшенію, онъ продолжаетъ настаивать на сохраненіи ея въ полномъ составѣ, въ томъ видѣ, какъ изложено въ его проектѣ. При полученіи этой депеши, графа Панина не было въ городѣ, и князь Лобковичъ лишь весьма поверхностно увѣдомилъ его объ ея содержаніи, намѣреваясь показать ему ее въ подлинникѣ въ день совѣта, когда графъ Панинъ будетъ въ городѣ. Мнѣ же князь Лобковичъ передалъ о томъ весьма подробно, и я подумалъ что дружба, существующая между Вашимъ Величествомъ и Императрицей, возлагаетъ на меня обязанность сообщить о томъ графу Панину. Поэтому я написалъ ему, и, изложивъ подробно все переданное мнѣ княземъ Лобковичемъ, высказалъ, что такъ какъ не предполагаю, чтобы Императрица рѣшилась сопротивляться силою оружія намѣреніямъ вѣнскаго двора въ случаѣ, если бы не удалось убѣдить его, отказаться отъ нѣкоторой части своихъ требованій, то легко быть можетъ, что придется предоставить этому двору полную свободу дѣйствій, и если дѣла примутъ такой оборотъ, то я надѣюсь, что русскій дворъ ничего не возразитъ, если Ваше Величество рѣшите

d'étendue à ses prétentions, et que le moins, qu'elle pourrait faire, pour rendre sa portion égale à celle de la cour de Vienne, serait de demander, qu'on ajoutât à ses acquisitions les villes de Danzic et de Thorn. J'ai donné ma lettre au général comte de Czernicheff, qui se rendit hier à Tzarskoe-Zelo pour assister au conseil. Je l'ai informé aussi bien que son frère, le comte Iwan, du contenu de ma lettre, afin qu'ils fussent préparés sur la matière et pour leur faire sentir l'équité de ma proposition. L'ordre immédiat de V. M. du 7 de ce mois m'étant venu du depuis, je n'ai pas différé d'informer le comte Panin de ce qu'il contient de plus essentiel, afin de donner d'autant plus de poids et d'autorité à ce que je n'avais avancé encore, que de mon propre chef, et j'ai appuyé particulièrement sur la nécessité de suivre le conseil de V. M. pour couper court aux discussions, afin de ne pas s'exposer à des incidents, en voulant entrer dans de longues recherches sur l'égalité et la balance, et de préférer de tous les partis possibles de terminer nos affaires, celui qui n'exigerait pas de recourir à des précautions embarrassantes. Je compte d'apprendre au plutôt du moins, quand le comte Panin viendra cette semaine en ville, le sentiment qu'il aura porté sur tout ceci au conseil de Sa Maj. Impériale, et je ne manquerai pas, d'en faire mon très humble rapport à V. M. aussitôt qu'il me sera possible. Je prévois et j'ai même pu m'apercevoir par les propos de ceux, à qui j'en ai pu par-

---

также расширить свои требованія, при чемъ наименьшее, что можно бы было сдѣлать для уравновѣшенія части Вашего Величества съ частью вѣнскаго двора, заключалось бы въ присоединеніи къ Вашимъ пріобрѣтеніямъ городовъ Данцига и Торна. Я вручилъ свое письмо генералу графу Чернышеву, уѣзжавшему вчера въ Царское-Село для присутствія въ совѣтѣ. Я сообщилъ, какъ ему, такъ и брату его, графу Ивану, о содержаніи моего письма, чтобы приготовить ихъ къ этому дѣлу и дать имъ почувствовать всю справедливость моего предложенія. Получивъ съ тѣхъ поръ непосредственное предписаніе Вашего Величества отъ 7-го сего мѣсяца, я не замедлилъ передать графу Панину главную сущность его содержанія, дабы придать больше вѣса и значенія тому, что ранѣе было мною высказано лишь лично отъ себя, особенно настаивая на необходимости слѣдовать совѣту Вашего Величества и прервать пререканія, и не подвергаясь случайностямъ, могущимъ возникнуть при продолжительныхъ изысканіяхъ по вопросу о соразмѣрности и равновѣсіи, избрать изъ всѣхъ средствъ, окончить дѣло, то, которое не повлечетъ за собой затруднительныхъ предосторожностей. Разсчитываю въ скоромъ времени, не позже возвращенія графа Панина на этой недѣлѣ въ городъ, узнать, какое мнѣніе было имъ по этому поводу высказано въ совѣтѣ Императрицы, и не премину составить о томъ всеподданнѣйшее донесеніе Вашему Величеству, какъ только буду имѣть на то возможность. Я предвижу и даже могъ замѣтить изъ отзывовъ лицъ, съ кѣмъ я разго-

ler, qu'on sera ici fortement en peine, si la cour de Vienne persiste à ne vouloir rien rabattre de ses prétentions. Une longue discussion, qu'on aurait avec elle, remettrait encore pour longtemps la pacification finale de la Pologne. Si elle obtenait tout, ce qu'elle demande, cela dérangerait les idées, qu'on a ici sur la nouvelle forme de gouvernement, qu'on veut donner à ce pays-là, pour le conserver dans l'état d'une puissance intermédiaire, car en lui ôtant une partie après l'autre, on le réduira à la fin à peu de chose. On ne sait pas non plus comment bonifier au roi de Pologne, ce qu'il perdra par les salines et les autres œconomats, qu'on lui enlevera, car pour l'en dédommager complètement, on serait obligé de séquestrer tant de starosties, qu'on ne pourrait plus en gratifier la noblesse, qui doit occuper les charges. D'un autre côté, si l'on montrait de l'humeur contre la cour de Vienne, et que V. M. et la Russie voulussent procéder à la prise effective de possession, sans s'être concerté auparavant avec elle, il est à craindre, qu'elle n'agisse de même sans notre consentement, ce qui pourrait donner occasion à de grands inconvéniens, dont le premier serait, qu'en s'emparant des palatinats de Lemberg et de Pocutie, sans être d'accord sur cela avec la cour d'ici, elle empêcherait la communication entre les deux armées de Russie, qui se trouvent en Pologne et en Moldavie, et couperait la subsistence à la dernière, qui a tous ses magasins dans ces deux palatinats. Enfin, de quelque manière, que l'affaire s'arrange, que ce soit selon l'intention de la cour de Russie ou selon les désirs de la cour de Vienne, il me

варивалъ, что здѣсь будутъ весьма недовольны, если вѣнскій дворъ не согласится убавить свои требованія. Продолжительные переговоры съ нимъ отсрочили бы еще далѣе окончательное умиротвореніе Польши. Если же Австрія достигла бы всего, это разстроило бы имѣющіеся здѣсь виды на новую форму правленія, которую хотятъ предоставить этой странѣ для сохраненія ей положенія серединной державы, между тѣмъ какъ, отнимая у Польши одну часть за другой, ее скоро приведутъ къ полному ничтожеству. Не знаютъ также, чѣмъ вознаградить короля польскаго за потерю соляныхъ копей и другихъ доходовъ съ имѣній, ибо для полнаго его вознагражденія потребовалось бы секвестровать столько старостствъ, что не осталось бы достаточно для надѣленія ими дворянъ, назначаемыхъ на должности. Съ другой стороны, если выразить недовольство вѣнскому двору и если бы Ваше Величество и Россія захотѣли приступить къ дѣйствительному владѣнію, безъ предварительнаго соглашенія съ Австріей, слѣдовало бы опасаться, что она тоже будетъ дѣйствовать безъ нашего согласія, что̀ подало бы поводъ къ крупнымъ затрудненіямъ, и прежде всего, овладѣвъ воеводствомъ лембергскимъ и Покутіей безъ согласія здѣшняго двора, она прервала бы сообщенія между обѣими русскими арміями, расположенными въ Польшѣ и въ Молдавіи, и прекратила бы подвозъ продовольствія въ послѣднюю изъ этихъ армій, всѣ магазины которой находятся въ этихъ двухъ воеводствахъ. Словомъ, какъ бы ни рѣшилось дѣло, согласно ли видамъ русскаго двора, или по желаніямъ

paraît qu'il n'est presque pas possible, que la chose se fasse de bonne grâce. Celle des deux cours, qui se verra obligée de se conformer au sentiment de l'autre, le fera toujours malgré elle, et en conservera un peu de dépit. Comme le prince Kaunitz a fait savoir au prince Lobkowitz, qu'il avait reçu du baron de Swieten des rapports sur le même sujet, je suppose, qu'en lui répondant, il l'aura chargé de faire connaître à V. M. combien sa cour était éloignée d'accepter les restrictions; je me flatte, que je serai bientôt honoré d'une dépêche de V. M. qui me mette à même de faire connaître à la cour d'ici ce que V. M. en pense.

Quant à la façon de penser, que le baron de Belsheim croit supposer au prince Kaunitz, je l'ai communiqué au comte Panin et j'attendrai le jugement, qu'il en portera. Il serait à souhaiter, qu'il eut prévu juste, que ce ministre consentira à laisser diminuer la portion de sa cour en Pologne, du moins d'abord pour les salines. Peut être, que les représentations raisonnées du ministère d'ici l'engageront à se relâcher aussi sur Lemberg. Pour ce qui est des instructions du prince Lobkowitz, il est certain, qu'elles ne sont pas assez étendues, pour qu'il puisse admettre le moindre changement sur l'objet principal. A chaque nouvelle proposition il est obligé de recourir à de nouveaux ordres; lui même en est offensé, et il est certain, que cela retarde beaucoup les affaires.

Je suis etc.

двора вѣнскаго, мнѣ кажется, что это почти не возможно путемъ полюбовнаго соглашенія. Тотъ изъ дворовъ, который будетъ вынужденъ подчиниться мнѣнію другаго, сдѣлаетъ это всегда противъ воли и сохранитъ за то извѣстную досаду. Такъ какъ князь Кауницъ сообщилъ князю Лобковичу, что получилъ отъ барона Свитена донесенія по тому же вопросу, полагаю, что въ своемъ отвѣтѣ онъ поручилъ ему передать Вашему Величеству, на сколько его дворъ далекъ отъ согласія на ограниченія. Надѣюсь, что въ скоромъ времени буду имѣть честь получить отъ Вашего Величества депешу, которая бы дала мнѣ возможность сообщить здѣшнему двору мнѣніе Вашего Величества.

Что касается до предполагаемаго барономъ Бельсгеймомъ образа мыслей князя Кауница, я сообщилъ о томъ графу Панину и буду ожидать его мнѣнія по этому предмету. Желательно было бы, чтобы онъ не ошибся, и чтобы этотъ министръ согласился на уменьшеніе доли своего двора въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ относительно соляныхъ копей. Быть можетъ, что благоразумныя представленія здѣшняго министерства побудятъ его отказаться также и отъ Лемберга. Что̀ же касается до инструкцій князя Лобковича, несомнѣнно, что онѣ не достаточно обширны, чтобы онъ имѣлъ право допустить малѣйшее измѣненіе относительно главнаго предмета. При каждомъ новомъ предложеніи онъ принужденъ обращаться за новыми предписаніями; онъ самъ этимъ оскорбленъ, и несомнѣнно, что это крайне задерживаетъ дѣла.

Остаюсь и проч.

№ 638.

Le comte de Finckenstein et le Sr. Hertzberg au comte de Solms.

A Berlin, le 20 Juin 1772.

J'ai reçu vos dépêches du 2 de ce mois, et ne puis que vous renvoyer tant sur l'article de l'extinction de la réversibilité du royaume de Prusse, que sur le reste de leur contenu aux ordres immédiats, que je vous ai déjà fait parvenir sur ce sujet. Je n'ajouterai simplement aujourd'hui que le mémoire, concernant un entretien, que le président Domhardt doit avoir eu avec le sous-administrateur de l'économie de Marienbourg sur les prochaines acquisitions, et le concert pris à cet égard entre les trois cours. Le président Domhardt est trop sage, pour avoir pu faire une telle confidence à un homme attaché au service de la Pologne, et je suis persuadé, qu'on a imaginé à dessein ce discours, pour se ménager une occasion d'entrer en explications sur le plan de partage, de même qu'on a forgé et répandu, il y a quelque temps, une soi-disante lettre, de ce même président Domhardt sur le même sujet, qu'il n'a jamais écrite. J'ai donc fait répondre verbalement au Sr. de Kwilecki, que je ne pouvais regarder l'entretien, dont il était parlé dans son mémoire, que comme une invention de gens, qui avaient voulu en imposer au public, n'étant nullement apparent, qu'un homme attaché à mon service, tel que le président Domhardt, tint de semblables

---

Графъ Финкенштейнъ и г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 20-го іюня 1772 г.

№ 638. Я получилъ Ваши депеши отъ 2-го іюня, и какъ по вопросу объ уничтоженіи права на возвратъ прусскаго королевства, такъ и по поводу остальнаго ихъ содержанія могу лишь сослаться на непосредственныя повелѣнія, пересланныя мною Вамъ по этому предмету. Упомяну только на этотъ разъ о меморіи, заключающей будто бы разговоръ президента Домгарта съ помощникомъ управляющаго маріенбургской экономіей по поводу предстоящихъ пріобрѣтеній и соглашенія, состоявшагося между тремя дворами. Президентъ Домгартъ слишкомъ благоразуменъ для того, чтобы говорить такъ откровенно съ человѣкомъ, состоящимъ на службѣ Польши, и я увѣренъ, что эту рѣчь придумали, съ цѣлью имѣть случай объясниться о планѣ раздѣла, равно какъ нѣсколько времени тому назадъ сочинили и распустили слухъ о письмѣ, будто бы написанномъ этимъ же президентомъ Домгартомъ о томъ же предметѣ, между тѣмъ какъ онъ никогда его не писалъ. Поэтому я поручилъ отвѣтить на словахъ г. Квилецкому, что считаю разговоръ, о которомъ упоминается въ его меморіи, выдумкой людей, хотѣвшихъ обмануть общество, ибо ничуть не правдоподобно, чтобы человѣкъ, состоящій на моей службѣ, какъ президентъ Домгартъ, говорилъ бы такимъ

discours sans être autorisé; réponse dont vous pourrez informer le comte Panin, car je sais qu'on a fait part à Varsovie de ces prétendus discours aux ministres de Russie, d'Angleterre et de Danemark, et le sieur Kwilecki vient de les communiquer également au baron de Swieten.

№ 639.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 15 (26) de Juin 1772.

Contenu: La cour de Russie décline la proposition, qu'on laisse à l'Autriche la portion de la Pologne, qu'elle demande, et qu'on ajoute Dantzic et Thorn à celle du roi. Le comte Panin continue à vouloir laisser à la Pologne les salines de Cracovie et Lemberg; pour appaiser l'Autriche, il aimerait mieux ajouter à sa portion le palatinat de Belz, une partie de celui de Chelm et Haliz. Ce ministre assure positivement, que l'Angleterre est indifférente au sort de la Pologne.

J'ai eu l'honneur de recevoir avec le dernier courrier ordinaire les ordres immédiats de V. M. du 11 et du 13 de ce mois, sur l'affaire des acquisitions en Pologne, qui a fait le sujet de mon dernier rapport, il n'y a encore rien de décidé. Le comte Panin, que je vis hier au soir, m'a dit, qu'il avait eu un long entretien sur cette matière avec S. M. Impériale;

образомъ, не будучи на то уполномоченъ. Отвѣтъ этотъ Вы можете передать графу Панину, такъ какъ я знаю, что въ Варшавѣ передавали объ этихъ выдуманныхъ разговорахъ министрамъ Россіи, Даніи и Англіи, и г. Квилецкій сообщилъ о нихъ также барону Свитену.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 15-го (26-го) іюня 1772 г.

№ 639. Содержаніе: Русскій дворъ отклоняетъ предложеніе, предоставить Австріи требуемую ею часть Польши, и прибавить къ части короля Данцигъ и Торнъ. Графъ Панинъ по прежнему хочетъ сохранить Польшѣ соляные копи Кракова и Лембергъ; въ видахъ успокоенія Австріи онъ охотнѣе бы согласился прибавить къ ея долѣ палатинство Бѣльское и часть Холмскаго и Галичскаго. Этотъ министръ положительно увѣряетъ, что Англія равнодушно относится къ судьбѣ Польши.

Я имѣлъ честь получить съ послѣднимъ курьеромъ непосредственныя приказанія Вашего Величества отъ 11-го и 13-го этого мѣсяца. По вопросу о пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ, послужившихъ предметомъ моего послѣдняго донесенія, до сихъ поръ еще ничего не рѣшено. Графъ Панинъ, котораго я видѣлъ вчера вечеромъ, передавалъ мнѣ, что имѣлъ объ этомъ продолжительный разговоръ съ Ея Императорскимъ Величествомъ,

qu'elle était du même sentiment que lui, savoir, qu'il ne lui paraissait pas que ce fût là le meilleur moyen de terminer les affaires de Pologne, que cela obligerait d'abord de faire une nouvelle répartition que la cour de Vienne, qui se croyait déjà lésée par l'ancienne répartition, acquiescerait d'autant moins à celle-ci; qu'ainsi on allait d'augmentation en augmentation et que chacun prenait autant qu'il pourrait, tachant de se mettre en état (de) défendre sa portion le mieux qu'il pourrait; les trois puissances parviendraient bientôt à partager toute la Pologne entre elles, mais que cette façon de procéder ferait manquer totalement le but, qu'elles se proposaient dans l'arrangement, qui faisait l'objet de la présente négociation; que bien loin, de se rapprocher, elles s'éloigneraient encore d'avantage l'une de l'autre dans leurs sentiments et leurs principes, et qu'elles se prépareraient des embarras, qui ne leur seraient pas aisés d'ajuster; de sorte, que S. M. I. souhaitait et priait même V. M. de ne pas se proposer déjà quelque chose de relatif à cela, qui pourrait donner à ce qui n'était encore qu'une idée une opinion de consistence, qui conduirait insensiblement à en faire un principe de nécessité. Le comte Panin ajouta, que ce n'était pas qu'on ne voulait à la cour de Russie tout le bien imaginable à V. M. et qu'on ne lui souhaitât volontiers les deux villes et un district de plus vers les frontières de la Silésie, mais comme cela ne pourrait se faire, qu'à la condition, qu'on laissât à l'Autriche tout ce qu'elle avait demandé, et que nous étions con-

---

что она раздѣляетъ его мнѣніе и не считаетъ этого пути наилучшимъ средствомъ окончить польскія дѣла, ибо это вызвало бы новое распредѣленіе, при чемъ вѣнскій дворъ, считающій уже себя обиженнымъ въ силу первоначальнаго распредѣленія, тѣмъ неохотнѣе отнесется къ этому проекту; такимъ образомъ, переходя отъ прибавленія къ прибавленію, если каждый будетъ захватывать по возможности больше, стараясь пріобрѣсти средства, какъ можно лучше защитить свою часть, то мало по малу три державы подѣлятъ между собой всю Польшу, но при подобномъ образѣ дѣйствій отнюдь не достигается цѣль, предполагавшаяся ими при соглашеніи, послужившемъ предметомъ настоящихъ переговоровъ, и вмѣсто взаимнаго сближенія, державы еще болѣе разойдутся между собой въ мнѣніяхъ и принципахъ, и приготовятъ себѣ затрудненія, устранить которыя будетъ не легко; вслѣдствіе сего Ея Императорское Величество желала бы и даже просить Ваше Величество, не дѣлать въ этомъ отношеніи никакихъ предположеній, подъ вліяніемъ которыхъ мысль эта перешла бы въ положительное мнѣніе, а затѣмъ незамѣтно стала бы принципомъ необходимости. Графъ Панинъ прибавилъ, что русскій дворъ, въ силу чрезвычайнаго своего благорасположенія къ Вашему Величеству, охотно бы согласился на пріобрѣтеніе Вами двухъ городовъ и одного уѣзда близъ границы Силезіи, но такъ какъ это возможно лишь при условіи предоставленія Австріи всего, что она потребовала, между тѣмъ какъ мы

venus de lui en retrancher les salines et Lemberg, il espérait, que V. M. elle-même préférerait d'essayer tous les moyens possibles de la faire entrer dans nos vues; qu'il se flattait de l'obtenir, si on lui parlait d'une manière à lui remarquer le parfait concert de sentiments et d'intérêts, qui subsistait entre V. M. et la Russie, auquel elle ne pourrait pas résister à la longue. Pour ce qui est de l'entretien du baron de Swieten avec le ministre d'état de V. M., il est presque aux paroles près en français, la même chose, que l'est en allemand le contenu de la lettre du prince Kaunitz au prince Lobkowitz, que ce dernier m'a lue. Le comte Panin est très reconnaissant de l'attention précieuse, que V. M. a eue en lui faisant part de cet entretien. Son sentiment est, qu'il n'y faut rien répliquer, ni se décider sur un parti à prendre avant qu'on n'ait reçu la réponse formelle de la cour de Vienne, sur les observations, qui lui ont été envoyées d'ici sur la part de ses possessions à faire en Pologne, à la suite du projet pour la convention. Il espère, qu'elles lui feront changer d'idée, et qu'elle se relâchera d'abord sur les parties en question. Le jugement, que le baron d'Edelsheim a porté sur la façon de penser du prince Kaunitz, qui lui paraît être celui d'un homme, qui connaît le caractère de ce ministre autrichien, augmente ses espérances. Le comte Panin est même tenté de mettre la plupart des difficultés et des contradictions, qui se trouvent dans la conduite de la cour de Vienne, sur le compte du caractère personnel du prince Kaunitz. Fier et

---

рѣшились исключить изъ этого соляныя пріиски и Лембергъ, то онъ надѣется, что Ваше Величество сами предпочтете испытать всѣ возможныя средства склонить это государство къ нашимъ видамъ; г. Панинъ надѣется достигнуть согласія Австріи, давъ ей понять совершенную солидарность мнѣній и интересовъ, существующую между Вашимъ Величествомъ и Россіей, и противъ которой она не можетъ долго устоять. Что же касается до разговора барона Свитена съ государственнымъ министромъ Вашего Величества, онъ за исключеніемъ словъ, сказанныхъ по французски, почти ровенъ по содержанію съ нѣмецкимъ письмомъ князя Кауница князю Лобковичу, прочитаннымъ мнѣ этимъ послѣднимъ. Графъ Панинъ весьма благодаренъ за то отличное вниманіе, которое Ваше Величество оказали ему, сообщивъ ему объ этомъ разговорѣ. Онъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ ничего отвѣчать, ни рѣшать до полученія формальнаго отвѣта вѣнскаго двора на замѣчанія, высланныя отсюда по вопросу о его владѣніяхъ въ Польшѣ, на основаніи проекта конвенціи. Онъ надѣется, что эти замѣчанія заставятъ его измѣнить мнѣніе, и отнестись уступчивѣе къ упомянутымъ вопросамъ. Сужденіе барона Эдельсгейма о мнѣніяхъ князя Кауница, исходя отъ человѣка, хорошо знающаго характеръ этого австрійскаго министра, усиливаетъ его надежды. Графъ Панинъ расположенъ даже объяснить большую часть затрудненій и противорѣчій, въ дѣйствіяхъ вѣнскаго двора, личнымъ характеромъ князя Кауница.

arrogant, comme il est, accoutumé à se voir recherché, il doit souffrir, se voyant obligé de plier aux volontés d'autrui, ne pouvant pas jouer le tout premier rôle et se trouvant exposé à être critiqué par les amis de sa cour aussi bien que par ses ennemis. Au reste, se souvenant, que le conseil de V. M. est tout à ses propres sentiments, que pour rendre parfait le concert entre les trois cours, il ne fallait pas chicaner la cour de Vienne sur quelques terrains de plus ou de moins, le comte Panin est intentionné, lorsque l'arrivée de la réponse du prince Kaunitz le mettra à même de s'expliquer plus précisément envers le prince Lobkowitz, de céder à l'Autriche, de commencer à tirer sa ligne depuis le commencement des frontières de sa Silésie, afin de lui faciliter la communication avec ses anciens états et l'entrée dans ses nouveaux, et d'y ajouter le palatinat de Belcz, et en tout cas la parcelle de celui de Chelm et la terre de Halicz, que les Autrichiens avaient demandée et qu'on avait retranché, pour régler les frontières selon le cours des rivières, s'il peut à ce prix là acheter, comme il dit, la perfection du concert entre les trois puissances sur un plan modéré et équitable et établir entre elles une parfaite intelligence, dépourvue de défiance et de jalousie. Il ne m'a pas paru, que j'avais des observations à faire contre ceci. J'ai dit seulement, que si l'on consumait beaucoup de temps en discussions, la prise de possession serait de nouveau fort arriérée, et qu'il était à appréhender, que cet intervalle ne donnât lieu aux puissances du sud, de pénétrer entièrement nos desseins, et d'avoir le temps de former leur parti, pour

---

Гордый и надменный, привыкнувъ къ поклоненію, онъ долженъ страдать, будучи вынужденъ уступать чужой волѣ, не имѣя возможности разъигрывать первую роль, и подвергаясь осужденію какъ друзей, такъ и враговъ своего двора. Впрочемъ, помня, что совѣтъ Вашего Величества вполнѣ совпадаетъ съ его собственнымъ мнѣніемъ, и что для поддержанія полнаго согласія между тремя дворами, не слѣдуетъ ссориться съ вѣнскимъ дворомъ, по поводу какого нибудь лишняго участка, графъ Панинъ намѣренъ, какъ только полученіе отвѣта князя Кауница дастъ ему возможность точнѣе объясниться съ княземъ Лобковичемъ, сдѣлать Австріи уступку, начавъ опредѣленіе пограничной линіи отъ границъ Силезіи, дабы облегчить ей сообщеніе съ прежними ея владѣніями и вступленіе въ новыя, прибавивъ къ нимъ Бѣльское воеводство, и во всякомъ случаѣ ту частицу Холмской и Галичской земли, которую австрійцы требовали, но которую предполагалось отрѣзать для опредѣленія границъ по теченію рѣкъ, разсчитывая путемъ подобной уступки достигнуть окончательнаго союза между тремя державами, на основаніяхъ умѣренности и справедливости, и учредить между ними полное согласіе, чуждое всякаго недовѣрія и зависти. Я не счелъ нужнымъ, возражать противъ этого. Я сказалъ только, что если проведутъ много времени въ переговорахъ, то это опять надолго отодвинетъ вступленіе во владѣніе, при чемъ можно опасаться, что подобная отсрочка дастъ южнымъ государствамъ время про-

tâcher de nous rendre l'exécution au moins plus embarrassante. Le comte Panin ne craint plus aucun empêchement. Il est bien persuadé, que la cour de Vienne ne se séparera plus d'avec nous, et la déclaration amiable, qu'elle a faite à Berlin et ici, qu'elle ne procéderait point à la prise de possession, qu'en même temps et de concert avec les deux cours intéressées, le rassure, qu'il n'a rien à appréhender en la remettant jusqu'à la conclusion finale du concert. Il se flatte, que le moment n'en est pas fort éloigné.

D'ailleurs, il m'a dit, comme une confidence, que présentement il était sûr de la façon de penser de l'Angleterre et qu'il savait positivement, qu'elle ne prendrait aucune part aux affaires de Pologne et qu'elle avait rejeté les propositions, que le duc d'Aiguillon lui avait fait faire pour cela. Il n'a pas voulu convenir, que pour la tranquilliser, il lui avait fait la confidence de notre plan, mais j'ai cru comprendre par ses discours, que pour rassurer cette cour il lui a insinué, que les liaisons entre V. M. et l'Autriche ne devaient point allarmer l'Angleterre, qu'au contraire elle y trouverait son avantage, en ce qu'elles obligeraient peut-être la dernière de séparer entièrement ses intérêts d'avec ceux de la France, ce qui la lui rendrait d'autant moins dangereuse, qu'en considération de cette assurance l'Angleterre avait promis de rester indifférente sur les affaires de Pologne.

Le comte de Panin ayant bien voulu me communiquer la déduction, qui

---

никнуть въ наши намѣренія, и принять мѣры въ видахъ, по возможности затруднить ихъ выполненіе. Графъ Панинъ не опасается болѣе никакихъ препятствій. Онъ увѣренъ, что вѣнскій дворъ не отдѣлится отъ насъ, и добровольная декларація, сдѣланная имъ въ Берлинѣ о томъ, что имъ не будетъ приступлено къ владѣнію ранѣе, какъ одновременно съ обоими заинтересованными дворами, удостовѣряетъ его въ безопасности, отложить этотъ вопросъ до окончательнаго соглашенія. Онъ надѣется, что время это уже не далеко.

Кромѣ того онъ высказалъ мнѣ подъ условіемъ тайны, что въ настоящую минуту онъ увѣренъ въ образѣ мыслей Англіи, и ему положительно извѣстно, что она не приметъ никакого участія въ польскихъ дѣлахъ, и отвергла предложенія, сдѣланныя ей по этому поводу герцогомъ д'Эгильонъ. Онъ не хотѣлъ сознаться, что для успокоенія ея сообщилъ ей содержаніе нашихъ плановъ, но я заключилъ изъ его рѣчей, что онъ старался убѣдить этотъ дворъ въ томъ, что отношенія Вашего Величества къ Австріи не должны возбуждать опасеній Англіи, для которой они, напротивъ того, даже выгодны, ибо быть можетъ побудятъ послѣднюю изъ этихъ державъ, совершенно отдѣлить свои интересы отъ интересовъ Франціи, тѣмъ менѣе тогда для нея опасной, и вслѣдствіе этихъ увѣреній Англія обѣщала отнестись равнодушно къ польскимъ дѣламъ.

Графъ Панинъ имѣлъ любезность, сообщить мнѣ объяснительную записку, дол-

doit paraître en son temps, pour prouver les droits et les prétentions de la Russie sur la Pologne, j'ai l'honneur d'adresser par l'occasion d'aujourd'hui l'exemplaire manuscrit, qu'il m'a donné, au ministère de Votre Majesté.

Joint à la dépêche № 639 du comte Solms au roi 15 (26) Juin 1772.

Déduction de la conduite de la cour de Russie vis-à-vis de la sérénissime république de Pologne, et des titres sur lesquels elle fonde la prise de possession d'un équivalent à ses droits et prétentions à la charge de cette puissance.

On a vu dans tous les temps, et notamment au dernier interrègne, la cour de Russie s'intéresser vivement à procurer la paix intérieure de la Pologne, ainsi qu'à lui assurer un gouvernement stable selon les lois. Outre les raisons d'humanité et de bon voisinage, qui lui prescriraient une telle conduite, elle y était déterminée par la considération importante de termi-amiablement avec la république une multitude d'affaires ouvertes et en suspens depuis si longtemps entre les deux états, dont elle ne pouvait espérer de voir la fin qu'au moyen de cet état paisible, dont jouirait la Pologne. C'est dans ces vues qu'au dernier interrègne, de concert avec Sa Majesté le roi de Prusse, elle s'unit aux patriotes qui lui parurent les plus éclairés et les mieux intentionnés pour procurer à la nation polonaise l'avantage d'élire librement un roi du corps de ses citoyens, événement qui rendait son ancien lustre à la liberté polonaise, rassurait la qualité élective de

---

женствующую своевременно быть обнародованной въ доказательство правъ и претензій Россіи къ Польшѣ, и я имѣлъ честь, съ сегодняшней почтой переслать министерству Вашего Величества подлинный экземпляръ врученный имъ мнѣ.

Приложеніе къ депешѣ № 639.

Объясненіе дѣйствій Россіи относительно польской республики и правъ, на которыхъ она основываетъ вступленіе во владѣніе частью территоріи, соотвѣтствующей ея правамъ и претензіямъ.

Русскій дворъ постоянно, а особенно во время послѣдняго междуцарствія, принималъ живое участіе въ доставленіи Польшѣ внутренняго мира, и въ утвержденіи прочнаго правительства, соотвѣтствующаго ея законамъ. Кромѣ побужденій человѣколюбія и близкаго сосѣдства, предписывавшихъ подобный образъ дѣйствій, Россіей руководило серьезное соображеніе, окончить полюбовно съ республикой множество дѣлъ, начатыхъ давно и не рѣшеныхъ между обоими государствами, и на окончаніе которыхъ можно надѣяться лишь при условіи полнаго спокойствія въ Польшѣ. Въ этихъ видахъ, Россія, во время послѣдняго междуцарствія, по соглашенію съ Его Величествомъ королемъ прусскимъ, соединилась съ патріотами, казавшимися ей наиболѣе просвѣщенными и благонамѣренными, для доставленія польскому народу преимущества свободнаго избранія короля изъ числа своихъ сограждaнъ, что возвращало прежній блескъ польской свободѣ, упрочивало избирательный характеръ престола и

la couronne et rompait une influence étrangère enracinée dans l'état et qui y était une source constante de troubles et de divisions. Un gouvernement vraiment républicain et national pouvait pourvoir efficacement aux besoins intérieurs, veiller à l'exécution des engagements au dehors, et maintenir par une police et une justice exacte sur les frontières l'union et l'amitié avec les voisins. Après l'élection libre et unanime d'un roi piaste, un point paraissait encore s'opposer à l'union des esprits et à la parfaite liberté dans les délibérations. Une partie des citoyens, autrefois membres de l'état, se trouvaient exclus de tous les emplois par une force injuste et gémissaient dépouillés de l'état de citoyen, nonobstant l'authenticité de leurs droits, leurs réclamations constantes et l'appui des puissances garantes de leur état.

La cour impériale de Russie ne cesse jamais, sur cet objet, de faire à la république les représentations les plus pressantes et les plus amicales, et enfin, après bien des tentatives et des efforts avoués par la nation, elle réussit, de concert avec les autres puissances intéressées à la même cause, à obtenir, que la république légalement assemblée en diète, rendît justice à ces citoyens et les rétablît dans la plus grande partie de leurs droits.

Tout concourrait jusqu'alors aux vues bienfaisantes de la Russie. Elle croyait toucher au moment où, la paix parfaitement assurée à la république, cette puissance voisine allait entrer avec elle dans une négociation amiable

---

уничтожало иностранное влiянiе, укоренившееся въ государствѣ и служившее постояннымъ источникомъ смутъ и несогласiй. Истинно республиканское и нацiональное правительство могло существенно удовлетворять внутреннимъ нуждамъ, наблюдать за выполненiемъ внѣшнихъ обязательствъ, и съ помощью администрацiи, и точной справедливости на границахъ поддерживать согласiе и дружбу съ сосѣдями.

Послѣ свободнаго и единогласнаго избранiя короля Пяста оставался еще вопросъ, препятствовавшiй слiянiю умовъ и полной свободѣ совѣщанiй. Часть гражданъ, бывшихъ нѣкогда членами государства, оказались, въ силу несправедливости, исключенными изъ всѣхъ должностей, и страдали отъ лишенiя званiя гражданъ, несмотря на подлинность ихъ правъ, на постоянныя ихъ требованiя, и на поддержку державъ, гарантировавшихъ ихъ правительство.

По этому поводу русскiй Императорскiй дворъ постоянно обращался къ республикѣ съ самыми настойчивыми и дружественными представленiями, и наконецъ, послѣ многихъ попытокъ и усилiй, поддержанныхъ народомъ, ему удалось, по соглашенiи съ прочими державами, заинтересованными въ преслѣдованiи этой цѣли, достигнуть, чтобы республика на законномъ собранiи, на сеймѣ оказала справедливость этимъ гражданамъ и возстановила бы бóльшую часть ихъ правъ.

До тѣхъ поръ все способствовало благодѣтельнымъ видамъ Россiи. Она полагала, что достигла минуты, когда, по утвержденiи мира въ республикѣ, держава эта всту-

et tranquille et lui faire justice sur tant de points qu'elle a à régler avec elle. Et pour donner plus de consistance à cet état, et augmenter encore la confiance de la nation polonaise, la cour Impériale de Russie s'engagea par un traité solennel à garantir tant les constitutions de la dernière diète, que les possessions de la république.

Cet aspect heureux ne tarda pas à disparaître. Une partie des esprits séditieux d'entre les principaux de l'état, forment des factions qui se déclarent contre ces arrangements fondés sur l'équité et la saine raison, sous les prétextes les plus absurdes ou les plus frivoles, ils se soulèvent contre l'autorité légitime de l'état et mettent tout le royaume en combustion. Ils ont la témérité de s'attaquer à la cour de Russie, l'outragent par les manifestes les plus sanglants et commencent une guerre ouverte contre elle, en attaquant à main armée ses troupes qui se trouvaient alors à titre d'auxiliaires dans leur patrie, réclamées par l'autorité légitime. Ils font plus: leur méchanceté s'élance au-delà de leurs frontières, ils séduisent la Porte jusqu'à la porter, par l'unique motif de protéger leurs complots, à déclarer une guerre à la Russie, qui dans trois campagnes a déjà coûté tant de sang et des dépenses énormes des deux parts. Ils déclarent le trône vacant dans la vue d'attirer l'étranger dans leur patrie, d'y augmenter la confusion et, en y multipliant les embarras de la Russie, de faire une diversion d'autant plus favorable à l'ennemi qu'ils ont provoqué contre elle. L'ambition et la

---

пить съ ней въ дружескіе и спокойные переговоры, и справедливо отнесется къ многочисленнымъ вопросамъ, которые имъ предстоитъ разрѣшить между собой. Имѣя въ виду еще болѣе усилить это государство, и въ то же время увеличить довѣріе польскаго народа, русскій императорскій дворъ обязался торжественнымъ трактатомъ гарантировать конституцію, составленную послѣднимъ сеймомъ, и владѣнія республики.

Но эти счастливыя обстоятельства не замедлили измѣниться. Нѣкоторые мятежные умы между главнѣйшими лицами государства, составили партіи враждебныя этимъ учрежденіямъ, основаннымъ на справедливости и на здравомъ смыслѣ, ссылаясь при этомъ на самые пустые и нелѣпые предлоги, возстаютъ противъ законной власти правительства и приводятъ все королевство въ волненіе. Они имѣютъ дерзость, напасть на русскій дворъ, оскорбляютъ его самыми оскорбительнѣйшими манифестами, и вступаютъ съ нимъ въ открытую войну, выступивъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ его войска, находившагося въ то время въ ихъ родинѣ на правахъ союзниковъ, призванныхъ законной властью. Они идутъ далѣе: злоба ихъ переходитъ границу ихъ предѣловъ, они убѣждаютъ Порту, подъ предлогомъ поддержки ихъ замысловъ, объявить Россіи войну, которая въ продолженіе трехъ походовъ стоила съ обѣихъ сторонъ много крови и денегъ. Они объявили престолъ свободнымъ, въ видахъ привлеченій на свою родину иностранцевъ, усиленія безпорядковъ и увеличенія затрудненій Россіи, что̀ составило бы диверсію весьма благопріятную для врага, вызваннаго ими противъ этой державы.

cupidité, couvertes du fantôme de la religion et de la défense des lois, couvrent et désolent ce vaste royaume sans qu'on prévoit d'autre terme à une telle fureur que sa ruine entière. Les forces que la cour de Russie y entretient à grands frais depuis quatre années, les échecs multipliés qu'elles ont fait essuyer à ces perturbateurs, la certitude que leurs bandes sont dispersées aussitôt qu'elles osent paraître, des victoires signalées qui ont reculé si loin d'eux la protection odieuse dans laquelle, au mépris de la religion et de l'intérêt de leur patrie, ils ont mis leur refuge: rien ne peut les ramener de leur égarement et de leur fureur. Eux-mêmes n'ont plus d'autre but, d'autre espoir que de s'ensevelir sous les ruines de l'état, pourvu qu'il périra avec eux, tandis que l'autre parti des chefs de l'état, au lieu de travailler de bonne foi à calmer les troubles, s'est répété dans ses vues cachées de s'élever sur les ruines nationales au-dessus de leurs égaux par une conduite dissimulée et équivoque dans le gouvernement.

Ce n'est qu'à une telle extrémité que la cour de Russie peut perdre patience et désespérer de guérir des maux si envenimés, ni de pouvoir jamais obtenir justice de la Pologne par des voies paisibles et amicales.

Il n'y a qu'une année qu'au milieu des avantages les plus décisifs dans sa guerre contre les Turcs et les coups les plus sensibles portés par ses troupes aux différentes bandes des soi-disants confédérés, elle fit le pas le plus

---

Честолюбіе и корыстолюбіе, прикрытыя призракомъ религіи и защитой законовъ, разоряютъ это обширное королевство, и злобѣ этой не предвидится иного конца, кромѣ полной гибели государства. Войска, содержимыя тамъ Россіей дорогою цѣною уже четыре года, многочисленныя пораженія, нанесенныя ими этимъ мятежникамъ, увѣренность, что шайки ихъ будутъ разсѣяны, какъ только осмѣлятся появиться, значительныя побѣды, лишившія ихъ гнуснаго покровительства, къ которому они обратились вопреки религіи и блага ихъ родины, ничто не можетъ возвратить ихъ отъ ихъ заблужденія и злобы. Сами они не имѣютъ иной цѣли и надежды, какъ похоронить себя подъ развалинами государства, лишь бы только оно погибло вмѣстѣ съ ними, между тѣмъ, какъ другая партія, стоящая во главѣ правительства, вмѣсто того, чтобы искренно стараться о прекращеніи безпорядковъ, втайнѣ замышляла возвыситься на развалинахъ отечества, и выдвинуться между равными себѣ, для чего лица, облеченныя властью, прибѣгали къ дѣйствіямъ скрытнымъ и двусмысленнымъ.

Лишь въ подобной крайности Россія въ состояніи выйти изъ терпѣнія, и отчаяться въ излеченіи столь укоренившихся золъ, и въ возможности достигнуть справедливости со стороны Польши мирнымъ и дружественнымъ путемъ.

Не долѣе какъ годъ тому назадъ, несмотря на рѣшительныя выгоды, пріобрѣтенныя Россіей въ войнѣ ея съ Турками, и на чувствительные удары, нанесенные ея войсками различнымъ бандамъ такъ называемыхъ конфедератовъ, она сдѣлала важный

généreux et le plus grand pour vaincre l'opiniâtreté de ces derniers. Elle fait publier une déclaration dans laquelle, en déférant à la faiblesse de la multitude, elle s'attache à détruire les ressorts les plus cachés de la malignité, explique encore ses intentions, dont la droiture n'aurait jamais dû être suspectée, offre des tempéraments, des modifications, des concessions même sur les choses les plus justes, tant elle était en garde contre le moindre soupçon qui pût lui imputer les maux de l'état, tant elle désirait de les guérir. A des gens qui portent le trouble et la désolation dans leur patrie, à des particuliers qui sans autre titre qu'une audace furieuse ont osé lui faire la guerre, elle offre une suspension pour travailler à rapprocher et à réconcilier les esprits. Jamais la dignité d'un état ne pouvait déférer avec plus d'éclat au cri de l'humanité et de la compassion, et malheureusement elle n'a point été écoutée.

Après avoir donc épuisé tous les moyens qui pouvaient par le concours de la volonté de la nation polonaise lui rendre la paix et à la suite procurer à la Russie la justice qui lui est due, il ne reste plus qu'à recourir de cette même volonté, et c'est ce qui doit faire désormais l'unique règle de la conduite de la cour de Russie. Elle n'offrira et ne soutiendra plus en faveur de la république le poids d'une garantie méprisée et rejetée par la voix individuelle de la plus grande partie de la nation à laquelle le reste applaudit ou du moins qu'il enhardit par son silence. Et dans une anarchie où la dés-

---

и великодушный шагъ, дабы побѣдить упрямство сихъ послѣднихъ. Россія обнародовала декларацію, въ которой, снисходя къ слабости толпы, она старалась уничтожить самые скрытые происки злобы, снова объясняла свои намѣренія, честности коихъ никогда не должно было касаться подозрѣніе, предлагала измѣненія, уступки даже по поводу самыхъ справедливыхъ вопросовъ, до такой степени она опасалась малѣйшаго подозрѣнія въ причиненіи бѣдствій государству, и такъ желала ихъ исцѣлить. Людямъ, вносящимъ въ отечество смуты и разореніе, частнымъ лицамъ, осмѣлившимся вести съ ней войну безъ всякихъ правъ кромѣ безумной дерзости, она предложила перемиріе для сближенія и успокоенія умовъ. Никогда достоинство государства не дѣлало болѣе блистательной уступки голосу человѣколюбія и сострраданія, и къ сожалѣнію безуспѣшно.

И такъ, истощивъ всѣ средства, могущія при содѣйствіи воли польской націи возвратить ей миръ, и со временемъ доставить Россіи должную ей справедливость, остается лишь обратиться къ этой самой волѣ, и отнынѣ это должно служить единственнымъ правиломъ для дѣйствій русскаго двора. Онъ не станетъ долѣе поддерживать отвѣтственность гарантіи, презираемой и отвергаемой частнымъ голосомъ бо̀льшей части націи, которой остальной народъ рукоплещетъ, или, по крайней мѣрѣ, поощряетъ ее своимъ молчаніемъ. Посреди анархіи, гдѣ непослушаніе уничтожаетъ

obéissance anéantit tout gouvernement régulier et détruit tout droit civil, le droit public aussi, perpétuellement violé, est de fait réduit à la même inexistence.

La cour Impériale de Russie, obligée donc de pourvoir par elle-même, selon toute l'étendue de l'intérêt de son empire, à arrêter enfin la fureur des désordres en Pologne, à empêcher l'écroulement de l'état, ainsi qu'à s'assurer une juste satisfaction à ses droits légitimes, est entrée dans un parfait concert avec la cour Impériale et Royale, et Sa Majesté le roi de Prusse à l'effet de déterminer par des efforts et des mesures unanimes ces objets si importants pour le voisinage de leurs états.

En conséquence de ce concert, les trois cours ont déjà annoncé à la nation polonaise, qu'elles veulent travailler d'un commun accord à rétablir et assurer l'ordre et la tranquillité en Pologne, à maintenir la constitution de cet état et les libertés de la nation, ainsi qu'à consolider son existence politique extérieure et lui assurer la permanence désirée par l'intérêt immédiat de leur voisinage.

En même temps, Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, pour s'acquitter envers son état et son peuple de ce qu'elle doit à l'un et à l'autre, et ne pouvant, sans compromettre leurs intérêts les plus évidents, attendre plus longtemps justice de la Pologne, a arrêté de se faire raison à elle-même en prenant dès-à présent en sa propriété et possession effective les

---

всякое правильное правительство и разрушаетъ всякое гражданское право, права общественныя, будучи постоянно нарушаемы, въ сущности сводятся къ несуществованію этихъ правъ.

Русскій императорскій дворъ, будучи вынужденъ, въ виду интересовъ своей имперіи, остановить наконецъ собственными силами ярость польскихъ безпорядковъ, помѣшать разрушенію государства, а также обезпечить себѣ справедливое удовлетвореніе своихъ законныхъ правъ, вступилъ въ полное соглашеніе съ дворомъ императорскимъ и королевскимъ, и съ Его Величествомъ королемъ прусскимъ, дабы путемъ единодушныхъ усилій и мѣропріятій, достигнуть этихъ цѣлей, столь необходимыхъ въ виду сосѣдства ихъ государствъ.

На основаніи такого соглашенія, эти три двора уже объявили польской націи о своемъ намѣреніи единодушно приступить къ востановленію въ Польшѣ порядка и спокойствія, къ поддержанію конституціи этого государства и свободы націи, въ виду утвержденія ея внѣшняго политическаго существованія и достиженія твердости, столь желательной для ближайшихъ интересовъ ихъ сосѣдей.

Въ то же время Ея Императорское Всероссійское Величество, желая удовлетворить свое государство и народъ, и не имѣя возможности долѣе ожидать справедливости отъ Польши, не нанося тѣмъ ущерба ихъ очевиднымъ интересамъ, признала нужнымъ, нынѣ же удовлетворить ихъ, принявъ въ полное владѣніе и собственность нижепо-

terres et pays ci-après énoncés de la république de Pologne, savoir: Sa Majesté l'Impératrice de Russie se mettra en possession du reste de la Livonie-Polonaise, de même que de la partie du palatinat de Polock qui est en-deçà de la Dwina, et pareillement du palatinat de Vitebsk, de sorte que la rivière de la Dwina fera la limite naturelle entre les deux états jusque près de la frontière particulière du palatinat de Vitebsk d'avec celui de Polock, et en suivant cette frontière jusqu'à la pointe où les limites des trois palatinats, savoir: de Polock, de Vitebsk et de Minsk se sont jointes, de laquelle pointe la limite sera prolongée par une ligne droite jusque près de la source de la rivière Drujetz vers l'endroit nommé Ordwa, et de là en descendant cette rivière jusqu'à son embouchure dans le Dnieper, de sorte que tout le palatinat de Msceslawl, tant en-deçà qu'au-delà du Dnieper et les deux extrémités du palatinat de Minsk au-dessus et au-dessous de celui de Msceslawl en-deçà de la nouvelle limite et du Dnieper appartiendront à l'empire de toutes les Russies, et depuis l'embouchure de la rivière Drujetz le Dnieper fera la limite entre les deux états, en conservant toutefois à la ville de Kiew et à son district la limite qu'ils ont actuellement de l'autre côté de ce fleuve.

Au moyen de quoi elle renonce à toute restitution des pays considérables usurpés sur son empire par la république et ses sujets, comme aussi à toute réparation pour ses sujets des torts et dommages à eux causés, et à la

---

именованныя земли и владѣнія Польской республики, а именно:[1]) Ея Величество Русская Императрица вступитъ во владѣніе остальной частью польской Лифляндіи, а также частью воеводства Полоцкаго по сю сторону Двины и воеводствомъ Витебскимъ, при чемъ рѣка Двина послужитъ естественной границей между обоими государствами, вплоть до частной границы между воеводствами Витебскимъ и Полоцкимъ, и слѣдуя этой границѣ до мѣста, гдѣ сходятся три границы воеводствъ, а именно: Полоцкаго, Витебскаго и Минскаго, откуда граница пойдетъ прямой линіей до источниковъ рѣки Дружеца, близъ мѣстности называемой Ордва, и далѣе внизъ по теченію этой рѣки до впаденія ея въ Днѣпръ, вслѣдствіе чего все воеводство Мстиславское, какъ по ту, такъ и по сю сторону Днѣпра, и обѣ окраины воеводства Минскаго, выше и ниже Мстиславскаго, вплоть до новой границы и Днѣпра, будутъ принадлежать Имперіи Всероссійской, а начиная отъ впаденія рѣки Дружеца въ Днѣпръ составитъ границу между обоими государствами, при чемъ, однако, за городомъ Кіевомъ и его областью будетъ сохранена настоящая ихъ граница по ту сторону рѣки.

Такимъ образомъ, Императрица отказывается отъ всякаго возвращенія значительныхъ областей, отнятыхъ республикой у ея имперіи и подданныхъ, а также отъ всякаго вознагражденія ея подданныхъ за потери и убытки, имъ причиненные, и отъ

---

1) Ср. Мартенсъ: «Собраніе трактатовъ», т. II, стр. 27 и сл. и т. VI, стр. 74.

restitution des descendants des transfuges de son empire, nés et domiciliés en Pologne. Objets qui vont être spécialement déduits ci-après article par article et prouvés avec la plus grande évidence.

Il demeurera constant, que les terres que la Russie prend en sa main et réunit à ses états, n'en sont qu'un équivalent très modéré. Ce sont d'ailleurs celles qui peuvent être cédées à la Russie avec le moins de préjudice pour la Pologne, puisque les deux états en retirent l'avantage commun d'une frontière plus nette et moins litigieuse, tellement que la république en traitant l'objet d'un dédommagement aussi indispensable, que celui qui est dû à la Russie dans une négociation tranquille, n'aurait pas pu elle-même en proposer d'autres, ni accorder moins, tant les droits de la Russie sont positifs et étendus.

Depuis 1523 tous les traités et réglements des frontières, conclus solennellement entre l'empire de Russie et la Pologne, ont établi et fixé la limite des deux états depuis l'embouchure de la Dwina jusqu'à la petite ville de Stoïka, sise sur le Dnieper, 5 milles au-dessus de Kiow. La Pologne, sans égard pour cette détermination des limites, a fait successivement et selon les lieux de sa convenance des entreprises sur le territoire de Russie, et depuis plus de soixante années elle en occupe et cultive au profit de ses sujets et au préjudice de ceux de la Russie au-delà de 1300 werstes carrées

---

возвращенія потомковъ лицъ, бѣжавшихъ изъ ея имперіи, родившихся и поселившихся въ Польшѣ. Всѣ эти вопросы будутъ подробно разобраны по статьямъ и доказаны съ полной очевидностью.

Несомнѣнно, что земли, которыя Россія беретъ въ свою власть и присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ, составляютъ лишь весьма умѣренное вознагражденіе за вышеизложенное. Къ тому же, это тѣ земли, которыя могутъ быть уступлены Россіи съ наименьшей потерей для Польши, ибо подобная уступка гарантируетъ обоимъ государствамъ взаимную выгоду границы болѣе ясной и менѣе спорной; такъ что если бы республика сама спокойно вела переговоры о вознагражденіи столь необходимомъ, какъ вознагражденіе обязательное относительно Россіи, то сама она не могла бы предложить иныхъ условій или предоставить менѣе, въ виду положительности и обширности правъ Россіи.

Съ 1523 года всѣ трактаты и опредѣленія, торжественно заключенные между русской Имперіей и Польшей, опредѣлили и утвердили границу обоихъ государствъ отъ впаденія Двины до небольшаго города Стайки расположеннаго на Днѣпрѣ, и въ пяти миляхъ выше Кіева. Польша, вопреки этимъ опредѣленіямъ границъ, въ мѣстахъ для нея удобныхъ, постепенно производила захваты русской территоріи, и уже болѣе шестидесяти лѣтъ владѣетъ и обработываетъ въ пользу своихъ подданныхъ, и въ ущербъ подданныхъ Россіи, болѣе 1300 кв. верстъ тучной и плодородной земли,

d'un terrain gras et fertile, ce qui est démontré par des plans et cartes exactes de chacun de ces endroits injustement envahis, ce qui est constaté encore par des réclamations publiques de la cour de Russie et par une multitude de plaintes particulières de ses sujets lésés par ces usurpations.

Quelques peines que se soit données la cour de Russie pour obtenir satisfaction sur un objet aussi liquide, elle l'a toujours fait sans succès, parce que l'intérêt des particuliers, qui y avaient trouvé un agrandissement considérable de leur fortune, a toujours eu plus d'effets sur les résolutions de l'état, que la justice, l'observation des traités et les égards que prescrit un bon voisinage. Il y a plus, c'est que comme l'injustice ne connaît d'autre règle, que celle de conserver ce qu'elle s'est approprié, chaque propriétaire, cantonné dans ces terrains envahis sur la Russie, y exerçait tous les désordres propres à de telles usurpations, tenait ses gens perpétuellement en armes, ne cessait par des excursions de fatiguer les possessions de son voisinage et croyait n'assurer les siennes, qu'en poussant en avant une espèce de désert pour leur servir de barrière. Des informations authentiques sur cet état des frontières et le témoignage de nombre de témoins oculaires, encore vivants, ferait le tableau le plus affreux des maux que les sujets de la Russie ont eu à en souffrir et en souffrent journellement. Quand on considérera ce qu'importe à un état la restitution d'une étendue de terrain si considérable et en y joignant les dommages causés par toutes les voies illicites dont l'occupation s'en est faite successivement, enfin les in-

---

что̀ доказано планами и точными картами каждой изъ этихъ неправильно отнятыхъ мѣстностей, и кромѣ того оффиціальными представленіями русскаго двора и множествомъ частныхъ жалобъ ея подданныхъ, потерпѣвшихъ отъ подобныхъ захватовъ.

Какъ ни старался русскій дворъ получить удовлетвореніе по столь законному вопросу, эти попытки постоянно оставались безуспѣшны, ибо интересы частныхъ лицъ, получившихъ значительное увеличеніе состоянія, оказывали бо̀льшее вліяніе на рѣшенія правительства, чѣмъ справедливость, соблюденіе трактатовъ и отношенія добраго сосѣдства. Болѣе того—такъ какъ несправедливость не знаетъ иныхъ правилъ, кромѣ сохраненія присвоеннаго, то каждый владѣлецъ, поселившійся на земляхъ, отнятыхъ у Россіи, производилъ на нихъ всѣ безчинства, свойственныя подобнымъ узурпаціямъ, постоянно держалъ вооруженныхъ людей, не переставалъ разорять набѣгами владѣнія сосѣдей, и думалъ обезпечить собственныя земли, лишь отодвигая все далѣе передъ собой нѣкотораго рода пустыню, долженствовавшую служить имъ границей. Достовѣрныя свѣдѣнія о подобномъ положеніи границъ, и свидѣтельство многихъ очевидцевъ еще живыхъ и понынѣ, составили бы самую ужасную картину бѣдствій, которыя русскіе подданные терпѣли и терпятъ до настоящаго времени. Принимая во вниманіе, какъ важно для государства возвращеніе столь значительной территоріи, и прибавивъ къ тому убытки, понесенные вслѣдствіе беззаконныхъ путей,

térêts de plus de soixante années de jouissance, on sentira que la valeur totale de l'objet de cette première réclamation de la cour de Russie est immense, mais elle n'est pas encore la plus considérable, toute importante qu'elle est.

Par l'article 7 du traité de paix perpétuelle, conclu à Moscou en 1686, la Russie consentit à laisser en barrière un terrain qui était une de ses anciennes possessions et sur lequel étaient situées les villes de Rzyszczw, Trachtamirow, Kanew, Moszny, Sokolnia, Czarkassy, Bobrowica, Buszyn, Waronkow, Krylow et Cygirin. Si l'on réfléchit qu'une pareille concession n'a eu pour but que de mettre plus promptement fin à une guerre sanglante, et d'assurer par un remède violent, tel qu'une dévastation de pays, la tranquillité du voisinage entre deux nations rivales et nouvellement réconciliées, on sentira que la violation d'une telle stipulation de barrière, par les sujets de la république de Pologne, a par le fait même fait revivre sur cette étendue de terrain le droit incontestable et jamais aliéné de la Russie, et que c'est à la Pologne non-exécutrice des traités à répondre de tous les dommages qu'au défaut de cette barrière on a eus du côté de la Russie à souffrir. Il y a même quelque chose de positif, c'est que cette stipulation de barrière n'était qu'éventuelle et à temps, puisqu'il est nommément dit que cela ne restera ainsi *que jusqu'à ce qu'il en ait été autrement convenu amiablement.* Il s'agissait donc de donner aux deux nations le temps

---

сопровождавшихъ этотъ захватъ, наконецъ, выгоды, доставленныя болѣе чѣмъ шестидесятилѣтнимъ владѣніемъ, станетъ очевидно, какъ громадна общая стоимость предмета этого перваго требованія со стороны Россіи; но какъ бы ни была она значительна, вопросъ этотъ еще не самый важный.

По смыслу седьмой статьи трактата вѣчнаго мира, заключеннаго въ Москвѣ въ 1686 г., Россія согласилась оставить въ видѣ границы землю, составлявшую одно изъ древнихъ ея владѣній, и на которой находились слѣдующіе города: Ржевъ, Трактемировъ, Каневъ, Мошны, Соколовка, Черкасы, Бѣловица, Бужинъ, Воронково-Крыловъ и Чигиринъ. Обсудивъ, что подобная уступка имѣла цѣлью лишь скорѣйшее прекращеніе кровопролитной войны, и помощью столь сильнаго средства, какъ опустошеніе страны, упроченіе спокойныхъ отношеній сосѣдства между двумя народами соперниками, недавно примирившимися, станетъ понятно, что подобное нарушеніе границъ со стороны подданныхъ Польской республики само собою возстановило въ этой странѣ неоспоримое и никогда не отмѣненное право Россіи, и что Польша, не исполнивъ трактата, обязана отвѣчать за всѣ убытки, понесенные Россіей по недостатку этой границы. Кромѣ того, весьма существенно, что подобное опредѣленіе границъ служитъ лишь мѣрой случайной и временной, ибо именно упомянуто, что опредѣленіе это останется въ силѣ до тѣхъ поръ, пока вопросъ этотъ не подвергнется иному полюбовному соглашенію. Значитъ, имѣлось въ виду предоставить обѣимъ націямъ время отказаться отъ старинной вражды, и во

de déposer les anciennes haines et pour ôter les occasions prochaines à des querelles entre les sujets et la suite de celle-là à une rupture entre les deux états; la Russie sacrifie pour un temps la possession d'un terrain qui s'étend depuis la petite ville de Stoïka jusqu'à la rivière Tecmine, et s'avance depuis la rive droite du Dnieper jusqu'à 56 werstes en largeur le long des frontières de la Pologne. Il n'y a pas ici la moindre idée de cession de la part de la Russie, c'est un gage qu'elle avance pour la solidité de la paix, qui lui retourne quand cet effet en est produit, puisque c'est la seule interprétation raisonnable qu'on puisse donner à la stipulation, jusqu'à ce qu'autrement il en ait été amiablement convenu, et que ce n'est point à la Russie à souffrir de dommage de ce que la misérable situation des affaires antérieures de la Pologne n'a jamais permis de régler définitivement cet objet avec elle, quelques instances qu'il lui en ait été fait de la part de la Russie. Mais qu'est-il arrivé? Les Polonais qui, sous un gouvernement aristocratique, ne sont pas mus aussi uniformément par le mobile de la politique du gouvernement que dans un état monarchique, n'ont point balancé à s'approprier un terrain qui était tellement à leur bienséance et y trouvant déjà l'avantage de tous les anciens établissements des Russes, ils n'ont pas tardé à en faire un des districts les plus fertiles et les plus peuplés de la Pologne. Mais ce qu'il y a de plus criant et de plus préjudiciable pour la Russie, c'est que c'est pour la plupart de ses sujets, tirés de la petite

---

избѣжаніе на будущее время случаевъ къ ссорамъ между подданными, а вслѣдствіе того и къ разрыву между обоими государствами, Россія пожертвовала на время владѣніемъ територіей, расположенной между городкомъ Стайками и рѣкой Tecmine, и отъ праваго берега Днѣпра на 56 верстъ въ ширину, вдоль границы Польши. Въ этомъ не заключалось ни малѣйшей мысли объ уступкѣ со стороны Россіи — это лишь залогъ, выданный ею въ обезпеченіе прочности мира, и возвращающійся ей по достиженіи этой цѣли, ибо таково единственное благоразумное толкованіе, которое можно придать выраженію «до тѣхъ поръ, пока не состоится иное полюбовное соглашеніе», а потому Россіи и не слѣдуетъ терпѣть убытковъ отъ того, что несчастное положеніе внутреннихъ дѣлъ Польши никогда не допускало окончательно вырѣшить съ ней этотъ вопросъ, несмотря на настоятельныя требованія со стороны Россіи. Но что же случилось? Поляки, которые, находясь подъ аристократическимъ управленіемъ, не подчиняются столь единодушно побужденіямъ правительственной политики, какъ въ государствѣ монархическомъ, — не колеблясь, присвоили себѣ землю столь для нихъ удобную и, найдя уже тамъ выгоду всѣхъ прежнихъ русскихъ поселеній, не замедлили обратить ее въ одну изъ плодороднѣйшихъ и населеннѣйшихъ областей Польши. Но самое вопіющее и вредное для Россіи обстоятельство заключается въ томъ, что земли эти были населены по бо́льшей части ея подданными,

Russie, qu'ils ont peuplé ces districts, gens qu'ils ont attirés par toutes les voies de la séduction, et quand celle-ci n'était pas suffisante, en faisant des excursions sur le territoire de la Russie et y enlevant de force ses sujets. On a dit ci-dessus que, dans un gouvernement aristocratique, le particulier ne sent pas autant que dans un gouvernement monarchique l'impression politique de l'état, et par là on a donné, du moins en apparence, prétexte à l'obligation que l'état dans un cas pareil n'est point responsable de la conduite des particuliers, qu'il peut avoir ignoré, et que ce n'est pas de lui qu'on peut répéter des dommages causés par eux. Elle disparaîtra d'abord cette objection dès qu'on se représentera l'état certain de ce district. Il se trouve actuellement dans son enceinte nombre de possessions des premières familles de l'état, s'entend de celles-mêmes qui participent au gouvernement. Il y a onze villes, lesquelles sont régies selon les mêmes lois que le reste de la Pologne, ont des tribunaux, dont les juges sont installés avec les mêmes formalités; il y a plusieurs starosties et autres bénéfices royaux, auxquels il a été nommé à plusieurs vacances, ainsi le même gouvernement qui sait, quel doit être l'état de ce district par l'engagement des traités qu'il était tenu de faire observer, ne sait pas moins positivement ce qu'il est devenu par l'usurpation et de fait, en recueille le fruit comme du reste de ses possessions. Une réflexion qui constatera encore mieux que non-seulement le gouvernement n'ignore pas cette usurpation, mais que

---

уроженцами Малороссіи, привлекавшимися путемъ всякихъ соблазновъ, а когда это было недостаточно, то посредствомъ набѣговъ на русскую землю и насильственнаго похищенія ея жителей. Выше было упомянуто, что при аристократическомъ правленіи частныя лица не столько, какъ въ монархическомъ государствѣ, чувствуютъ политическое направленіе и давленіе правительства, и это, повидимому, даетъ предлогъ утверждать, что въ подобномъ случаѣ правительство не отвѣчаетъ за дѣйствія частныхъ лицъ, которыхъ могло не знать, и что отъ него нельзя требовать удовлетворенія, за понесенные отъ того убытки. Но возраженіе это исчезнетъ, если принять во вниманіе положеніе этой области. Въ настоящую минуту въ этомъ районѣ находится множество владѣній первыхъ фамилій въ государствѣ и даже тѣхъ, которыя участвуютъ въ правленіи. Одиннадцать городовъ управляются по тѣмъ же законамъ, какъ и остальная часть Польши, въ нихъ такіе же суды, судьи коихъ поставляются съ одинаковыми формальностями; нѣсколько старостствъ и другихъ королевскихъ доходныхъ статей были розданы при ихъ упраздненіи, изъ чего слѣдуетъ, что то же самое правительство, которому извѣстно, каково должно быть положеніе области по смыслу трактатовъ, для него обязательныхъ, въ то же время положительно знаетъ, до какого состоянія доведена страна захватомъ, и въ сущности получаетъ съ нее доходъ, точно такъ же, какъ и съ остальной части своихъ владѣній. Соображеніе еще болѣе доказывающее, что правительство не только знаетъ о подобномъ захватѣ, но

c'est de son aveu et de son autorisation, soit tacite, soit publique, qu'elle s'est faite, c'est que le moment choisi pour l'effectuer est celui des plus grands embarras politiques où la Russie se soit trouvée, savoir en 1711 où elle était engagée dans la guerre avec les Suédois et la Turquie. Un calcul aussi politique trahit la main qui opéra. Mais la Russie n'a besoin que de son droit, et quand elle réclame un terrain qui lui appartient à si juste titre, elle ne doit connaître que l'état lui-même, et c'est à lui à lui procurer avec la restitution d'un terrain, qui contient près de 8000 werstes quarrées, un dédommagement suffisant pour la jouissance qu'en ont eue à leur profit les sujets de la république et la république elle-même pendant plus de soixante années. L'évaluation d'une restitution aussi incontestable, selon l'estimation la plus modique, formerait une somme prodigieuse.

Il a été avancé ci-dessus que les Polonais, pour peupler le district usurpé sur la Russie, y avaient attiré par toutes sortes de voies nombre de sujets de la Russie, et cela n'a pu se faire que par une contravention manifeste au traité de paix perpétuelle, mais ce n'est pas de ce seul côté qu'ils ont employé et pratiqué ces manèges avec le préjudice le plus évident tant pour l'état que les particuliers de la Russie. Sur toute l'étendue des frontières entre les deux états, et même à une profondeur considérable dans l'intérieur des terres, il n'y a presque point de terre qui ne se ressente plus ou moins de cette désertion favorisée et sollicitée et souvent forcée par la noblesse polonaise, laquelle ne manque pas aussitôt qu'elle a reçu ou attiré

что онъ совершился съ его тайнаго или явнаго согласія и разрѣшенія, заключается въ томъ, что время, выбранное для его выполненія, совпадаетъ съ величайшими политическими затрудненіями Россіи въ 1711 г., во время ея войны съ Швеціей и Турціей. Столь тонкій разсчетъ выдаетъ руку, имъ управлявшую. Но Россія заявляетъ лишь свое право и, требуя территорію, принадлежащую ей на законномъ основаніи, она признаетъ лишь само правительство и его дѣло, доставить ей вмѣстѣ съ возвращеніемъ территоріи, заключающей около восьми тысячъ квадратныхъ верстъ, вознагражденіе, достаточное за доходы съ нея, которыми подданные республики пользовались въ теченіе болѣе шестидесяти лѣтъ. Стоимость столь неоспоримаго вознагражденія по самой умѣренной оцѣнкѣ составила бы громадную сумму. Выше было упомянуто, что Поляки для населенія области, отнятой у Россіи, привлекли туда всякими путями множество русскихъ подданныхъ, что̀ составляло очевидное нарушеніе трактата вѣчнаго мира, и это не единственный случай, гдѣ они употребляли подобныя хитрости къ несомнѣнному вреду, какъ государства, такъ и частныхъ лицъ въ Россіи. По всему протяженію границъ между обоими государствами, и даже на значительное пространство во внутрь страны, почти нѣтъ имѣнія, на которомъ бы до извѣстной степени не отразились эти побѣги, поощряемые, вызываемые, и часто насильственно производимые польскими дворянами, которые тотчасъ по привлеченіи къ

chez elle un de ces transfuges, de le faire passer sur des terres de l'intérieur, ou même vers la frontière de Hongrie, et de cette façon élude toute réclamation qui en est faite, en niant hautement que tel homme se soit retiré chez eux. Ce sont de ces faits publiques que dépose chaque village polonais où l'on trouve plus ou moins de ces transfuges de Russie et les différents états ramassés des diverses plaintes des particuliers, ainsi que des rapports des gouverneurs pour les paysans de la couronne en portent le nombre à plus de trois cent mille, sans compter leurs descendants depuis tout le temps qu'a commencé et que se perpétue cette émigration, dans laquelle il faut penser, qu'il y en a toujours un grand nombre qui échappent aux spécifications les plus exactes. Cet objet a fait la matière des perpétuelles réclamations de la cour de Russie, et on ne doit pas être surpris de leur inutilité quand on réfléchit que les seules personnes qui auraient pu déterminer l'état à cet acte de justice de bon voisinage et d'observation des traités, étaient les premières intéressées à traîner cette affaire en longueur sous mille prétextes frivoles, et à lasser la Russie dans une poursuite, qui de la part de tout autre état aurait été immanquablement un sujet de guerre.

Mais comme une telle appropriation des sujets de la Russie est contraire au droit des gens et est nommément défendue par les traités, la Russie est fondée dans les titres les plus légitimes à les réclamer, et elle

---

себѣ подобнаго бѣглеца немедленно отправляли его внутрь страны, и даже на границу Венгріи, и такимъ образомъ избѣгали всякихъ требованій, громко утверждая, что отъискиваемаго человѣка у нихъ не оказывается. О подобныхъ фактахъ заявляется въ каждой польской деревнѣ, гдѣ находятся такіе русскіе бѣглецы, и множество жалобъ частныхъ лицъ, а также донесенія управляющихъ казенными крестьянами доводятъ ихъ число болѣе, чѣмъ до трехъ сотъ тысячъ, не считая ихъ потомства за все время, съ тѣхъ поръ, какъ началась эта эмиграція, при чемъ надо полагать, что многія лица пропущены, несмотря на самыя тщательныя перечисленія. Этотъ вопросъ служитъ предметомъ постоянныхъ требованій со стороны русскаго двора, и нельзя удивляться ихъ безплодности, принявъ въ соображеніе, что единственныя лица, которыя могли бы вынудить государство къ подобному оказанію правосудія, согласія и соблюденія трактатовъ между сосѣдними державами, были наиболѣе заинтересованы въ томъ, чтобы затянуть это дѣло подъ тысячи пустыхъ предлоговъ, и утомить Россію преслѣдованіемъ дѣла, которое, со стороны всякаго другаго государства, неизбѣжно послужило бы причиной войны.

Но такъ какъ подобное присвоеніе русскихъ подданныхъ противорѣчитъ международному праву и запрещается трактатами, Россія имѣетъ самое законное право требовать возвращенія захваченнаго, и относительно этого вопроса она сдѣ-

fera sur cet article tout ce qu'il est humainement possible d'attendre de son amour pour la paix, que de se borner à la restitution des fuyards nés dans ses états et ne l'étendant pas après leur mort sur leurs descendants nés en Pologne.

Tels sont les droits proprement de l'état que la Russie a à réclamer de la Pologne, l'évidence et la justice ne formeront jamais de titres plus incontestables. Elle n'est pas moins fondée à y joindre la demande des dédommagements aussi légitimes qu'indispensables pour les pertes et les torts les plus graves causés à ses sujets; et en voyant l'importance de ces objets, on doit sentir quelle a été sa modération et sa patience pendant un si long espace de temps, et combien elle est autorisée à se faire à la fin à elle-même une justice qui doit être censée lui avoir été refusée pour jamais, puisque pendant soixante ans elle l'a sollicitée inutilement.

Les pertes propres des sujets de la Russie se trouvent énoncées ci-dessous. On sait que le cultivateur en Russie comme en Pologne et dans une grande partie de l'Europe est attaché à la glèbe et forme une partie de la propriété du seigneur. On sent déjà sur la perte de trois cent mille habitants de toute espèce, quelle diminution prodigieuse la noblesse a soufferte dans ses revenus et dans le capital de ses richesses. Non-seulement il y a la perte effective de chaque famille qui est désertée pour s'établir en Pologne. Il y a dû régner dans tous les villages voisins des frontières par l'exemple de tous ces transfuges un esprit de désobéissance, de désordre, de menace de quitter les terres, qui n'a pas permis de tirer de

---

лаетъ все, чего можно ожидать отъ ея миролюбія, ограничивая свои требованія возвращеніемъ бѣглецовъ, родившихся въ ея владѣніяхъ, и не распространяя своихъ правъ на ихъ потомковъ, родившихся въ Польшѣ. Таковы собственно права Россіи, какъ государства, относительно Польши, очевидность и справедливость коихъ неоспоримы. Не менѣе основательны требованія Россіи о вознагражденіи столь же законномъ, сколько и необходимомъ, за убытки и серьезныя потери, причиненные ея подданнымъ; и въ виду важности этихъ вопросовъ нельзя не признать ея умѣренности и терпѣнія, въ теченіе столь продолжительнаго времени, а также и правъ ея на доставленіе себѣ наконецъ удовлетворенія, въ которомъ ей было отказано, такъ сказать, на всегда, ибо она тщетно испрашивала его въ продолженіе шестидесяти лѣтъ. Потери подданныхъ Россіи поименованы ниже. Извѣсто, что въ Россіи, какъ въ Польшѣ, и въ большой части Европы, пахарь прикрѣпленъ къ землѣ, и составляетъ часть собственности владѣльца. Изъ этого ясно, что вслѣдствіе потери трехъсотъ тысячъ жителей, дворянство потерпѣло значительное уменьшеніе доходовъ и капиталовъ, кромѣ прямаго убытка отъ каждаго семейства, сбѣжавшаго для переселенія въ Польшу. Во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ близъ границы, примѣръ этихъ побѣговъ долженъ былъ развить духъ непокорности и безпорядка, выражавшійся

ceux, qui restaient, le parti ordinaire pour la culture des terres. Souvent tel propriétaire, au lieu de retirer du fruit d'un village, a été obligé de nourrir ses paysans pour prévenir la désertion du reste, et à conserver ainsi des terres qui lui étaient à charge et qui n'avaient plus de valeur vénale, toujours dans l'attention que sa cour obtiendrait justice, qu'il y aurait une police des frontières qui les contiendraît, et à l'abri de cette police d'y rétablir un jour l'ordre et l'économie.

Il y a aussi une perte immense en richesses de toute espèce, chaque transfuge prenant ce qu'il a de meilleur, son cheval, son argent, empruntant le cheval ou l'argent de son voisin, tout disparaît pour toujours avec lui et l'appauvrissement augmente chaque jour.

Souvent les propriétaires ont envoyé de leurs gens en Pologne chercher à découvrir les fuyards de leurs terres. Souvent ils les ont trouvés les ont réclamés juridiquement, mais sans aucun succès, par l'impossibilité d'obtenir justice sur un objet où chaque gentilhomme polonais se donne mutuellement la main et connive aux injustices de l'autre. Souvent même ces gens, en venant solliciter une justice si évidente, ont été exposés, on ne dira pas à des chicanes, on sait comme s'administre la justice en Pologne, mais à des persécutions énoncées, à des emprisonnements, des outrages, des punitions corporelles et même de mort, ou d'ordre pervers d'un petit tribunal borgne; souvent on les a renvoyés défigurés pour leur vie par des mutilations bar-

---

угрозами покинуть землю, что̀ мѣшало доходности и правильности ея обработки оставшимся. Случалось, что помѣщикъ, вмѣсто того, чтобы получать съ деревни доходъ, бывалъ вынужденъ кормить своихъ крестьянъ, дабы удержать ихъ отъ побѣга, и сохранялъ земли, бывшія ему въ тягость, и утратившія всякую цѣнность, въ надеждѣ, что дворъ заставитъ оказать правосудіе, и на границахъ будетъ учреждена пограничная стража, которая станетъ ихъ охранять, и со временемъ будетъ возстановлены благосостояніе и порядокъ. Кромѣ того пропадаетъ множество имущества всякаго рода, такъ какъ каждый бѣглецъ забираетъ съ собой все, что̀ имѣетъ лучшаго, какъ напр. не только собственную лошадь и деньги, но часто, подъ предлогомъ займа, лошадь и деньги сосѣда, при чемъ все это навсегда съ нимъ исчезаетъ и бѣдность увеличивается съ каждымъ днемъ. Часто помѣщики отправляли своихъ людей въ Польшу для отъисканія бѣглецовъ, часто они ихъ находили, требовали ихъ законнымъ порядкомъ, но безъ всякаго успѣха, въ виду невозможности получить правосудіе въ дѣлѣ, гдѣ всѣ польскіе дворяне подаютъ другъ другу руку и взаимно прикрываютъ беззаконія одинъ другаго. Часто даже люди эти, испрашивая очевидной справедливости, подвергались не только притѣсненіямъ,—извѣстно, какъ въ Польшѣ творится правосудіе,—но открытымъ преслѣдованіямъ, заточенію, оскорбленіямъ, тѣлеснымъ наказаніямъ, и даже смертной казни, и получали

bares. Ces excès, ces dépenses qu'a dû supporter la noblesse dans la recherche de ces gens, dans la poursuite d'une justice qu'il lui a toujours été impossible d'obtenir, augmentent encore cette perte, et le dommage total est immense.

Sur un autre article, une partie des sujets de la Russie n'ont pas moins éprouvé, par des pertes et des torts excessifs, combien il est impossible à un Russe d'obtenir quelque justice en Pologne. Nommément ceux de la petite Russie, tant les particuliers que les ecclésiastiques et les monastères, lesquels, après avoir été quelque temps sous la domination de la Pologne, sont retournés à leur ancien maître, l'empire de Russie ayant des prétentions à exercer dans différentes provinces de la Pologne, soit à titre d'héritages, de donation, d'acquit ou autres, ont été vainement sur les lieux réclamer les biens qui leur écharient légitimement, souvent on les a consumés en frais en les faisant passer par tout le dédale de la chicane. On les a obligés de retourner chez eux sans rien terminer, de confier leurs titres à des commissaires qui n'ont pas tardé à en traiter avec leur parti adverse, et les biens qui leur appartenaient le plus légitimement, leur ont été ravis sans retour. Nombre d'entre eux ont ici encore à essuyer les mêmes avaries, les mêmes emprisonnements et tous les traitements barbares qu'ont éprouvés les gens envoyés par les gentilhommes russes pour la réclamation de leurs transfuges. Quelque réclamation qu'ait faite le ministère de Russie en faveur

---

несправедливое рѣшеніе ничтожнаго и пристрастнаго судебнаго учрежденія; часто случалось и то, что ихъ отсылали обратно, изувѣчивъ на всю жизнь самымъ звѣрскимъ образомъ. Подобныя злоупотребленія и расходы, понесенные дворянствомъ при отысканіи правосудія, въ которомъ имъ постоянно отказывали, еще болѣе увеличиваютъ ихъ потери, и общая сумма ихъ громадна.

Съ другой стороны, часть русскихъ подданныхъ не менѣе того испытала цѣною значительныхъ потерь и убытковъ, на сколько невозможно русскому добиться правды въ Польшѣ, а именно жители Малороссіи, какъ частныя лица, такъ и духовныя, и монастыри, которые, пробывъ нѣкоторое время подъ властью Польши, возвратились къ прежней своей владѣлицѣ, русской Имперіи, и имѣя въ разныхъ польскихъ провинціяхъ претензіи въ видѣ наслѣдствъ, дарственныя или пріобрѣтенныя, тщетно ѣздили на мѣста требовать земли, доставшіеся имъ законнымъ путемъ; ихъ разоряли расходами, подвергая всей путанницѣ кляузнаго судопроизводства. Ихъ принуждали возвратиться на родину, ничего не окончивъ и поручивъ свои дѣла повѣреннымъ, которые, не медля, вступали въ переговоры съ противной стороной, и такимъ образомъ имѣнія, принадлежавшія имъ на самыхъ законныхъ основаніяхъ, безвозвратно у нихъ отбирались. Многимъ изъ нихъ пришлось испытать тѣ же бѣдствія, то же заточеніе и всякія жестокости, какимъ подвергались люди, посылаемые русскими дворянами за своими бѣглецами. Несмотря на всѣ заявленія русскаго министерства

de tant de ses sujets ruinés par un déni de justice si inhumain et si opposé à ce que des états policés se doivent l'un à l'autre, l'examen de ces affaires ayant toujours été renvoyé à ces mêmes tribunaux qui avaient commis les premières injustices, ou les avaient autorisées, il n'a jamais été possible d'avoir aucune résolution, les biens sont restés à qui s'en était emparé, sans que les sujets de la Russie avaient obtenu le moindre dédommagement. Par les documents originaux qui se trouvent encore dans les familles malheureusement ruinées par ces injustices, sans compter ni la restitution des fruits depuis près d'un siècle, ni les dépenses et frais excessifs faits par leurs aïeux pour tâcher d'obtenir justice, cet objet va à une somme très considérable.

Il n'existe point entre aucunes puissances de traités et d'engagements plus solennels, plus précis et plus analogues au vrai bien des sujets, pour leur commerce et communication respective, que ceux qui existent entre la Russie et la Pologne et celle-ci et la Suède relativement à la Livonie, province cédée à la Russie avec tous ses droits et appartenances. Le traité d'Oliva, art. 15, celui de paix perpétuelle à Moscou 1686, art. 18, et les paragraphes 1, 2, 4, 5, 10 et 19 du traité de 1705 à Varsovie.

Cependant jamais il ne fut fait d'infractions aussi sensibles, ni aucune d'aussi grands préjudices que ceux que le commerce des sujets de la Russie a eus à souffrir pendant près d'un siècle de la part de la république et de

---

въ пользу столь многочисленныхъ своихъ подданныхъ, разоренныхъ безчеловѣчнымъ отказомъ въ правосудіи, противнымъ взаимнымъ обязанностямъ благоустроенныхъ государствъ, разсмотрѣніе подобныхъ дѣлъ постоянно поручалось тѣмъ самымъ учрежденіямъ, которыя учинили первоначальную несправедливость, или же разрѣшили ее, а потому оказывалось невозможнымъ достигнуть какого нибудь рѣшенія, и земли оставались въ рукахъ лицъ, овладѣвшихъ ими, при чемъ русскіе подданные не получали за то ни малѣйшаго вознагражденія. По смыслу подлинныхъ документовъ, сохранившихся въ рукахъ семействъ, разоренныхъ этими несправедливостями, не считая ни возвращенія доходовъ за цѣлое столѣтіе, ни чрезвычайныхъ расходовъ, сдѣланныхъ ихъ предками въ видахъ достиженія правосудія, стоимость требованій по этому вопросу доходитъ до весьма крупной суммы. Ни одна держава не имѣетъ для торговли и взаимныхъ сношеній, трактатовъ и обязательствъ болѣе торжественныхъ, точныхъ и соотвѣтствующихъ истинному благу ея подданныхъ, какъ трактаты, существующіе между Россіей, Польшей и Швеціей относительно Лифляндіи, провинціи уступленной Россіи со всѣми правами и преимуществами. Трактатъ, заключенный въ Оливѣ (ст. 15), и трактатъ вѣчнаго мира, заключенный въ Москвѣ въ 1686 г. (ст. 18), и §§ 1, 2, 4, 5, 10 и 19 Варшавскаго трактата 1705 г. Между тѣмъ, никогда не было столь значительныхъ нарушеній, и столь крупныхъ торговыхъ убытковъ, какъ понесенные русскими подданными въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія, со стороны республики и ея

ses sujets. Ceci n'est point un fait mis en avant pour prévenir le public, ni une accusation sans titre. C'est un fait incontestable, prouvé par les documents les plus authentiques et par des milliers de témoins oculaires. C'est sur ce qui demeure constant par l'expérience journalière que la Russie impute à l'état, à ses membres et à ses sujets la ruine totale du commerce entre les deux nations, que la cupidité et l'intérêt de leur part a causée avec la violation la plus manifeste des traités, et elle leur impute en même temps d'avoir autorisé, favorisé et souvent établi eux-mêmes les innovations suivantes contre la teneur des traités, et de n'avoir jamais entendu au redressement ni à la réparation de ces griefs, quelque instance qui leur en ait été faite de la part de la Russie.

1) Contre la teneur des traités ci-dessus cités, non-seulement la république a changé arbitrairement les lieux fixés pour les douanes, mais encore elle en a augmenté le nombre, ce qui a causé des entraves, des gênes et des pertes considérables au commerce des Russes soit sur le Dnieper, soit sur la Dwina. L'inconvénient de la multiplication de ces bureaux se trouve encore accrû par le manque de règlement ou de tarif, de sorte qu'il est absolument laissé à la discrétion des employés, dont le nombre est prodigieux à chaque bureau, de fixer, d'augmenter ou de laisser la douane selon les circonstances ou, pour mieux dire, selon leur caprice et leur cupidité particulière. Aussi la dénomination seule de tous les droits, que ce nombre

---

подданныхъ. Это не фактъ, выставляемый съ цѣлью убѣдить публику, и не голословное обвиненіе. Обстоятельство это неоспоримо, и доказано самыми точными документами и тысячами очевидцевъ. И такъ, на основаніи данныхъ, ежедневно повторяющихся, Россія обвиняетъ государство, его членовъ и подданныхъ въ полномъ уничтоженіи торговли между обѣими націями, вызванномъ ихъ корыстолюбіемъ и въ нарушеніи яснаго смысла трактатовъ, обвиняя ихъ въ то же время въ томъ, что они допускали, поощряли, и часто сами устанавливали нижепоименованныя нововведенія, противорѣчащія смыслу трактатовъ, и никогда не принимали требованій относительно вознагражденія или исправленія этихъ злоупотребленій, несмотря на всѣ представленія Россіи.

1) Въ противность смысу вышепоименованныхъ трактатовъ, республика не только произвольно измѣняла мѣста, назначенныя для таможенъ, но даже увеличивала ихъ число, что причиняло торговлѣ русскихъ на Днѣпрѣ и на Двинѣ затрудненія, стѣсненія и значительныя потери. Неудобство, происходящее отъ многочисленности таможенъ, усиливается еще отсутствіемъ правилъ или тарифа; вслѣдствіе чего предоставляется разсмотрѣнію чиновниковъ, которые весьма многочислены въ каждой таможнѣ, опредѣлять и увеличивать пошлины, смотря по обстоятельствамъ, или вѣрнѣе, по ихъ капризу и личной корысти. Поэтому, одно перечисленіе всѣхъ пошлинъ, собираемыхъ этимъ громаднымъ числомъ чиновниковъ, доказываетъ, какъ ихъ неспра-

prodigieux d'employés se fait payer, montre autant l'injustice du titre que la rapacité des mains où ils passent. Ce sont des casuels, des donatifs de discrétions, des présents, des droits de tour, droits du Voeivodae, droits du Vice-Voeivody, du staroste, des officiers aux douanes, des assistants, réviseurs, bas-officiers et soldats de garde, droit de tournée, droits d'expéditeurs, enfin il n'y a pas jusqu'au bourreau pour lequel il y a aussi un droit à payer. De sorte qu'actuellement toutes ces concessions, ces pillages, ces déprédations exercés contre tous les navires qui descendent la Dwina, chargés des productions du pays, en font monter actuellement les droits à 500 pour cent au-dessus de ce qu'ils étaient encore il y a quarante ans, et alors ils étaient déjà hors de leur vrai taux.

2) Un exemple aussi pernicieux ne manque pas à être suivi par la noblesse de tout état le long du Dnieper et de la Dwina, à laquelle il n'appartient pas le moindre droit de lever des douanes, accises ou autres impôts sur les marchandises. Ils se sont trouvés d'autant plus enhardis à redoubler graduellement leurs excès, que quelque représentation qui ait été faite, ils n'en ont jamais été repris ni punis comme la justice et l'évidence des torts l'avait demandé. Loin de cela, les sujets de la Russie qui ont été solliciter justice dans les tribunaux de Pologne, ont eu des frais immenses à supporter, et souvent ont été condamnés à des punitions corporelles. Dans ce même esprit de rapine, la noblesse qui a ses terres le long de ces deux rivières et les juifs leurs fermiers, sous prétexte de vérifier les acquits des

---

ведливость, такъ и хищность рукъ, въ которыя онѣ достаются. Эти случайныя взиманія подарки и подати всѣмъ: воеводамъ, вице-воеводамъ, старостамъ, таможеннымъ офицерамъ, ихъ помощникамъ, ревизорамъ, дежурнымъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ за право провоза, за экспедицію, наконецъ, существуетъ даже сборъ въ пользу палача. Вслѣдствіе всего этого въ настоящую минуту эти подношенія, грабежи и притѣсненія, по отношенію къ судамъ, спускающимся по Двинѣ съ грузомъ мѣстныхъ произведеній, доводятъ пошлины до пятисотъ процентовъ выше того, что платилось сорокъ лѣтъ тому назадъ, хотя и тогдашняя плата превосходила настоящую стоимость товара.

2) Столь вредному примѣру не замедлили послѣдовать дворяне различнаго состоянія, живущіе по берегамъ Днѣпра и Двины, и не имѣющіе ни малѣйшаго права собирать пошлины, акцизы или иныя подати съ товаровъ. Они постепенно увеличивали эти злоупотребленія, тѣмъ съ большей смѣлостью, что, несмотря на сдѣланныя по этому случаю представленія, они никогда не подвергались замѣчаніямъ или наказаніямъ, какъ того требовали справедливость и очевидность ихъ вины. Напротивъ того, русскіе подданные, искавшіе правосудія въ польскихъ судахъ, терпѣли громадные убытки и часто даже присуждались къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Слѣдуя тому же духу хищничества, дворяне, владѣющіе землями по берегамъ этихъ обѣихъ рѣкъ, и евреи, ихъ арендаторы, подъ предлогомъ провѣрки пошлинъ, останавливали суда, на-

douanes, arrêtent les navires chargés de marchandises, les font ancrer au rivage et prennent après de force tout ce qu'ils veulent pour le prétendu droit d'étappe. Souvent ils leur refusent des pilotes jusqu'à ce que les eaux soient basses et alors les pilotes les conduisent sur les sables ou sur des rochers cachés sous l'eau, afin qu'eux et leurs maîtres puissent à leur gré piller les navires quand ils ont fait naufrage et rétorquer des paiements excessifs pour le droit de sauvetage et de dépôt, car en contravention au contenu précis du § 4 de l'article 19 du traité de Varsovie de 1705, ils ne permettent jamais aux propriétaires des navires naufragés de sauver eux-mêmes leurs effets, et ils poussent l'excès et l'inhumanité jusqu'à faire payer même pour la pierre contre laquelle le vaisseau s'est brisé.

3) Le commerce par terre n'est pas exposé à moins de chicanes et de contributions de la part de la noblesse le long des routes et des chemins, car ces gentilhommes extorquent des marchands des sommes excessives sous le nom de douanes, d'accises, de traités de péages, et si le marchand veut prendre la route la plus courte et la plus facile, ils le forcent à prendre le plus mauvais chemin et le plus difficile, le font passer sur des ponts ruinés ou sur de méchants radeaux.

4) Une des pertes les plus grandes que le commerce a à souffrir, c'est la mauvaise foi de beaucoup de gentilhommes polonais qui contractent avec les marchands de Riga ou d'autres villes de Russie pour la vente du bois

---

груженныя товаромъ, заставляли ихъ становиться на якорь близъ берега и вслѣдъ за тѣмъ насильно отбирали у нихъ все, что хотѣли, будто бы за право причала. Часто они отказывали имъ въ лоцманахъ до пониженія воды, и тогда лоцмана наводили ихъ на мели или на пороги, скрытые подъ водой, чтобы доставить себѣ и своимъ хозяевамъ возможность на свободѣ грабить суда, потерпѣвшія крушеніе, и требовать громадныхъ суммъ за право спасенія и склада, ибо въ противность точному смыслу параграфа 4-го ст. 19 Варшавскаго трактата 1705 г. они никогда не допускали владѣльцевъ затонувшихъ кораблей, самимъ спасать свое имущество, и даже доводили безчеловѣчіе до того, что требовали уплаты за камень, о который судно разбилось.

3) Сухопутная торговля подвергается не меньшимъ притѣсненіямъ и поборамъ со стороны дворянства, живущаго вдоль путей и дорогъ, ибо эти дворяне требуютъ съ купцовъ громадныхъ суммъ, подъ названіемъ пошлинъ, акциза, права провоза, подорожныхъ, и если купецъ захочетъ воспользоваться кратчайшимъ и болѣе легкимъ путемъ, они принуждаютъ его ѣхать по самымъ дурнымъ и тяжелымъ дорогамъ, и переправляться по обвалившимся мостамъ и по плохимъ перевозамъ.

4) Обстоятельсто, причиняющее одинъ изъ наибольшихъ убытковъ торговлѣ, заключается въ недобросовѣстности многихъ польскихъ дворянъ, совершающихъ контракты съ купцами рижскими и другихъ русскихъ городовъ, на счетъ продажи лѣса и прочихъ

et autres denrées, et qui ayant pris de l'argent d'avance, souvent la moitié du prix, non-seulement n'exécutent rien du contrat, mais encore souvent retiennent l'avance dont ils sont nantis, sous mille faux prétextes comme celui de dire, qu'ils ont des prétentions d'une égale valeur sur les marchands de telle ou telle ville russe. Malgré que la sûreté du commerce soit garantie par tant de traités, la noblesse polonaise, qui ne connaît ni frein, ni règle, arrête sur les routes les marchands russes et leurs facteurs, les pille et leur enlève leur argent, souvent sans l'ombre de prétexte et d'autres fois pour des prétentions qui ne les regardent en aucune manière. Cela n'est pas assez, souvent ils enferment ces marchands sur leur terre dans des cachots obscurs, où ils leur font éprouver les plus cruels tourments. Il y en a des exemples sans nombre et de tout récents, et la justice que ces malheureux vont chercher à grands frais dans les tribunaux et qu'ils n'obtiennent jamais, ne fait que consommer leur ruine. Par toutes ces violences, ces fraudes, ces véxations odieuses et injustes, ces vols manifestes et ce déni perpétuel de toute justice, il est constaté par des documents les plus sûrs et presque tous fondés sur des actes juridiques, que les marchands de Riga seuls ont souffert un dommage de plus d'un million d'écus d'Albert et les commerçants des autres villes russes trois fois plus.

Voilà quelles sont les prétentions aussi justes qu'importantes de la Russie. La restitution de deux terrains immenses, enlevés contre la teneur

---

продуктовъ, и забирающихъ впередъ часто половину стоимости товара, послѣ чего не только не выполняютъ принятыхъ обязательствъ, но даже часто удерживаютъ задатокъ подъ разными фальшивыми предлогами, какъ напримѣръ утверждая, что они имѣютъ денежныя претензіи одинаковой стоимости на имя купцовъ какого-либо русскаго города. Несмотря на то, что торговля обезпечена столь многими трактатами, польское дворянство, не признающее никакихъ законовъ ни правилъ, останавливаетъ по дорогѣ русскихъ купцовъ и ихъ повѣренныхъ, грабитъ ихъ и отнимаетъ у нихъ деньги, часто безъ тѣни предлога, а иногда на основаніи претензій, нимало до нихъ касающихся. Не довольствуясь этимъ, они часто заключаютъ этихъ купцовъ на своихъ земляхъ въ темницы, гдѣ подвергаютъ ихъ самымъ жестокимъ мученіямъ. Примѣры тому многочислены, и весьма недавни, и правосудіе, котораго эти несчастные отъискиваютъ цѣною большихъ затратъ по судамъ, и котораго имъ никогда не оказываютъ, окончательно ихъ разоряетъ. Вычислено по достовѣрнымъ документамъ, изъ которыхъ почти всѣ основаны на юридическихъ актахъ, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ насилій, обмановъ, ужасныхъ и незаслуженныхъ оскорбленій, очевиднаго грабежа и постояннаго отказа въ правосудіи, одни рижскіе купцы понесли убытокъ свыше милліона альбертовыхъ талеровъ, а торговцы прочихъ русскихъ городовъ, втрое болѣе. Вотъ каковы претензіи Россіи, столь же важныя, какъ и справедливыя. Воз-

des traités et les intérêts légitimement dus pour une possession dont ses sujets ont été frustrés si longtemps, la restitution de sujets séduits, enlevés ou recélés, dont le nombre forme un objet trop considérable pour que l'état n'y pourvoie pas, la réparation de tant de torts et dommages faits à la noblesse, aux monastères et enfin au commerce contre la teneur des traités, à quoi on pourrait encore ajouter bien d'autres titres et prétentions qui ne seraient pas d'une médiocre considération.

Après les dépenses considérables en hommes et en argent qu'a coûté à l'empire de Russie son assistance à la Pologne pour la sauver de la fureur de ses propres citoyens, et qui au lieu de reconnaissance n'a produit qu'un renouvellement de cette même fureur jusqu'à menacer de l'écroulement total de l'état, c'est un acte de générosité que, de concert avec les deux puissances voisines de la Pologne, la cour de Russie se soit prêtée à mettre fin à l'anarchie qui la désole et à lui assurer une existence mieux réglée, plus heureuse et plus tranquille.

Après la perte irréparable en hommes et en argent que lui cause une guerre injuste dont les Polonais sont les seuls instigateurs, il doit paraître bien modéré que Sa Majesté Impériale de toutes les Russies se borne à n'exercer que des droits aussi incontestables que les siens, à se procurer la réparation de dommages que jamais un état ne peut refuser à l'autre, et qu'ici rien ne soit aggravé par la vengeance plus juste.

вращеніе двухъ обширныхъ территорій, отнятыхъ вопреки трактатамъ, и законные проценты за владѣніе, котораго подданныхъ Россіи были долго лишены, возвращеніе подданныхъ,—которыхъ переманили, уведенныхъ или утаенныхъ, число коихъ слишкомъ значительно, чтобы государство о нихъ не заботилось, вознагражденіе за множество убытковъ, причиненныхъ дворянству, монастырямъ и торговлѣ, въ противность содержанію трактатовъ, къ каковымъ потерямъ можно бы прибавить еще многія значительныя права и претензіи.

Послѣ значительныхъ потерь, какъ людьми, такъ и деньгами, понесенныхъ Русской Имперіей при оказаніи помощи Польшѣ, для спасенія ея отъ неистовствъ собственныхъ ея гражданъ, и вмѣсто ея благодарности вызвавшихъ возобновленіе этого самаго неистовства, грозившаго полной погибелью государства, Россія проявила великодушіе, согласившись съ обѣими державами сосѣдними Польшѣ въ томъ, чтобы прекратить анархію, ее разоряющую, и упрочить ей существованіе болѣе правильное, счастливое и спокойное.

Послѣ непоправимой потери людьми и деньгами, причиненной ей несправедливой войной, вызванной исключительно поляками, должно признать весьма умѣреннымъ, что Ея Императорское Величество ограничивается заявленіемъ правъ, столь неоспоримыхъ, и требованіемъ вознагражденія за убытки, въ которомъ никакое государство не можетъ отказать другому, причемъ въ дѣлѣ этомъ ничто не должно быть отягощено самымъ справедливымъ мщеніемъ.

№ 640.

Le comte de Solms au roi.

à St-Pétersbourg, le 19 (30) Juin 1772.

Contenu: Le comte Panin, se flattant que le prince Kaunitz se laissera persuader à entrer dans ses vues sur la portion à assigner à la maison d'Autriche, insiste fort que la prise de possession soit différée.

J'ai reçu avec la poste d'avant-hier les ordres immédiats et médiats de V. M. du 14 et du 12 de ce mois, et j'ai fait parvenir au comte Panin les nouvelles, qui s'y trouvent jointes, afin de le mettre au fait des sentiments du prince Kaunitz, et des motifs secrets, qui font que l'acquisition de la ville de Lemberg tient si fort à cœur à ce ministre. D'ailleurs, mes rapports précédents auront informé V. M. des raisons, qui font désirer à la cour d'ici de remettre la prise de possession formelle jusqu'à la conclusion finale du concert entre les trois cours. On croit présentement avoir un argument de plus d'en agir ainsi depuis que le prince Kaunitz par sa réponse préalable, qui a été donnée tant à Berlin qu'à Pétersbourg, a déclaré que sa cour n'était point intentionnée de procéder à la prise de possession, que dans le même temps et de concert avec les deux autres cours intéressées, de sorte qu'il paraît, qu'on ne risque rien à différer encore un peu cette démarche, à employer la douceur et la persuasion pour tâcher de mener ce ministre à

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 19-го (30-го) іюня 1772 г.

№ 640. Содержаніе: Графъ Панинъ, надѣясь, что князь Кауницъ согласится на виды его по поводу опредѣленія доли австрійскаго дома, настаиваетъ на отсрочкѣ вступленія во владѣніе.

Третьяго дня я получилъ по почтѣ непосредственныя и министерскія повелѣнія Вашего Величества отъ 14-го и 12-го этого мѣсяца, и сообщилъ графу Панину приложенныя къ нимъ извѣстія, дабы ознакомить его съ мнѣніями князя Кауница, и съ тайными побужденіями, вслѣдствіе которыхъ этотъ министръ такъ дорожитъ пріобрѣтеніемъ Лемберга. Впрочемъ, предъидущія мои донесенія уже сообщили Вашему Величеству причины, почему здѣшній дворъ желаетъ отложить вступленіе во владѣніе до окончательнаго соглашенія между тремя дворами. Въ настоящую минуту считаютъ тѣмъ болѣе основательнымъ такъ поступать, съ тѣхъ поръ, какъ князь Кауницъ въ предварительномъ отвѣтѣ, данномъ имъ какъ Берлину, такъ и Петербургу, объявилъ, что дворъ его не намѣренъ вступать во владѣніе, иначе какъ одновременно и по соглашенію съ обоими заинтересованными дворами, и потому кажется, что ничѣмъ не рискуютъ, отложивъ нѣсколько эту мѣру и стараясь путемъ кроткаго убѣжденія склонить этого министра къ нашей цѣли; приступивъ же къ дѣлу немедленно,

notre but, qu'on s'exposerait à de grands embarras en y procédant sans attendre, qu'on soit ou tout à fait d'accord avec la cour de Vienne ou tout à fait séparé d'avec elle, que dans ce cas elle suivrait certainement notre exemple, et qu'alors il y aurait beaucoup plus de difficultés à lui faire rendre les acquisitions qu'on lui contesterait, qu'il n'y aura présentement pour la disposer à ne se pas porter à une pareille démarche. Au reste, quand j'ai parlé au comte Panin sur cette matière la dernière fois, qu'il fut en ville, il m'a dit, que de la manière, dont les troupes de V. M. et celles de Russie étaient distribuées dans les districts que chaque puissance s'était réservés, la prise de possession existait déjà actuellement quant au fait, beaucoup plus pour ces deux cours, qu'elle n'existait encore pour la cour de Vienne, qu'ainsi il ne s'agissait proprement que de s'accorder de différer la cérémonie de la déclaration par la remission du manifeste, et qu'il se flattait, que par les raisons qu'il avait pris la liberté d'exposer à V. M., elle daignera y donner sa gracieuse approbation. J'ai eu l'honneur, Sire, de vous rendre compte en date du 19 de ce mois du mémoire que le roi de Pologne à fait remettre ici, pour s'informer du sort qu'aurait la Pologne, et V. M. aura bien voulu s'apercevoir que la réponse qu'on a faite, a été conçue en des termes fort généraux et tels, que la principale question a été laissée indécise.

можно бы подвергнуться большимъ затрудненіямъ, независимо отъ того обстоятельства, будемъ ли мы дѣйствовать по соглашенію съ вѣнскимъ дворомъ или отдѣльно отъ него, ибо въ такомъ случаѣ онъ, конечно, послѣдуетъ нашему примѣру, и гораздо труднѣе будетъ заставить его отказаться отъ оспариваемыхъ пріобрѣтеній, чѣмъ въ настоящую минуту отклонить его отъ подобной мѣры. Впрочемъ, въ послѣдній разъ, когда графъ Панинъ былъ въ городѣ, и я говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ, онъ сказалъ мнѣ, что, въ виду расположенія войскъ, какъ Вашего Величества, такъ и русскихъ, въ тѣхъ самыхъ областяхъ, которыя избраны этими державами, въ сущности вступленіе во владѣніе фактически уже подвинулось для этихъ дворовъ гораздо болѣе, чѣмъ для двора вѣнскаго, и слѣдовательно, вопросъ заключается лишь въ томъ, чтобы договориться относительно отсрочки объявленія манифеста, а потому онъ надѣется, что на основаніи причинъ, которыя онъ осмѣливался изложить, Ваше Величество благоволите выразить на то свое милостивое одобреніе. Я имѣлъ честь, 19-го этого мѣсяца, дать отчетъ Вашему Величеству о меморіалѣ короля польскаго поданномъ тутъ, съ вопросомъ о судьбѣ, ожидающей Польшу, и Ваше Величество изволите усмотрѣть, что отвѣтъ составленъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, причемъ главный вопросъ остался нерѣшеннымъ.

№ 641.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 22 Juin (3 Juillet) 1772.

On m'a remis hier les ordres immédiats et médiats de V. M. du 17 et du 20 du mois de Juin. Comme le comte Panin se trouvait justement en ville, quand je les ai reçus, j'ai été à même de lui en communiquer incessamment le contenu; V. M. ne saurait douter, qu'il n'ait été extrêmement charmé d'apprendre, qu'elle approuve le manifeste, qu'on veut publier en Pologne, et en général il n'est pas moins flatté de la manière gracieuse, avec laquelle V. M. s'explique à son sujet et des témoignages de confiance, qu'elle daigne lui accorder. Il trouve que les instructions, que V. M. a données au baron de Goltz sur la manière dont il aurait à s'expliquer envers le duc d'Aiguillon sur les affaires de Pologne, ressemblent à la réponse verbale, qu'il a donnée ici au ministère de Pologne sur le mémoire, que celui-ci lui avait remis par ordre de son maître sur le même sujet. Il se félicite de cette ressemblance et il m'a marqué quelque curiosité de voir le mémoire, que le ministre de Pologne à Berlin a présenté au ministère de V. M. sur les conjonctures, où son pays se trouve, il desire de voir, si dans ce mémoire on se plaint envers V. M. de la cour de Vienne. Il a été fort aise d'apprendre, que V. M. a daigné accorder de remettre la prise de possession solennelle

---

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 22-го іюня (3-го іюля) 1772 г.

№ 641. Вчера мнѣ вручены непосредственныя и министерскія повелѣнія Вашего Величества отъ 17-го и 20-го іюня. Такъ какъ графъ Панинъ находился въ это время въ городѣ, то я имѣлъ возможность немедленно сообщить ему ихъ содержаніе. Ваше Величество не сомнѣваетесь въ томъ, что онъ съ чрезвычайной радостью узналъ объ одобреніи Вашимъ Величествомъ манифеста, предполагаемаго къ обнародованію въ Польшѣ, и вообще весьма польщенъ милостивымъ отзывомъ о немъ Вашего Величества, и довѣріемъ, которое Вамъ угодно ему оказывать. Онъ находитъ, что инструкціи, данныя Вашимъ Величествомъ барону Гольцу, по поводу предстоящихъ ему объясненій съ герцогомъ д'Эгильонъ, похожи на словесный отвѣтъ, высказанный имъ польскому министерству, вслѣдствіе меморіала, поданнаго этимъ министерствомъ по повелѣнію своего государя, и касательно того же предмета. Онъ весьма доволенъ этимъ сходствомъ, и выражалъ мнѣ нѣкоторое любопытство видѣть меморію, поданную польскимъ министромъ въ Берлинѣ министрамъ Вашего Величества, по поводу обстоятельствъ, въ которыхъ находится его родина, желая знать, жалуются ли Вашему Величеству на вѣнскій дворъ. Онъ съ большимъ удовольствіемъ узналъ, что Вашему Величеству угодно было отложить оффиціальное вступленіе во

jusqu'à ce qu'on soit entièrement d'accord avec la cour de Vienne, et se flatte, qu'on s'arrangera avec elle selon nos vues et que cela ne tardera pas à se faire. Le prince Lobkowitz lui a communiqué ses dernières lettres de Vienne par lesquelles le prince Kaunitz lui annonce l'arrivée du courrier, porteur du projet de la convention comme aussi des autres pièces qui l'accompagnaient. Il lui marque, que l'importance des matières exigeait des réflexions sérieuses, qu'il en ferait son rapport à L. L. M. M. I. I. et dès qu'il saurait leur résolution, il ne perdrait pas un instant à lui renvoyer le courrier, qui pourra être ici dans huit ou dix jours.

Pour ce qui est du magnifique présent, que V. M. destine au comte Romanzow, il dépendra uniquement d'elle, de choisir la manière de le lui faire parvenir, sans qu'il soit besoin de l'agrément de l'Impératrice pour le lui faire accepter. Je suis persuadé au contraire, que cette princesse regarde comme une preuve de l'amitié de V. M. pour elle, qu'elle se plaise à distinguer par des moyens de sa bienveillance royale les personnes, qui dans des temps critiques lui ont rendu des services, dont elle croit avoir lieu d'être satisfaite.

№ 642.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 26 Juin (7 Juillet) 1772.

J'ai bien reçu les ordres immédiats et médiats qu'il a plu à Votre Ma-

---

владѣніе до тѣхъ поръ, пока не состоится окончательное соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ, и надѣется, что съ нимъ условятся соотвѣтственно нашимъ видамъ, и что это не замедлитъ состояться. Князь Лобковичъ сообщилъ ему послѣднія письма, полученныя имъ изъ Вѣны, и въ которыхъ князь Кауницъ увѣдомляетъ его о прибытіи курьера съ проектомъ конвенціи и прочихъ приложенныхъ къ нему документовъ. Онъ высказываетъ, что важность предмета требуетъ серьезнаго размышленія, что онъ доложитъ о томъ И. И. В., и какъ только узнаетъ ихъ рѣшеніе, то, не теряя ни минуты, отправитъ ему обратно курьера, который можетъ быть здѣсь черезъ восемь или десять дней.

Что же касается до великолѣпнаго подарка, предназначаемаго Вашимъ Величествомъ графу Румянцову, отъ Вашего Величества будетъ зависѣть избрать путь для передачи ему его, не испрашивая на то согласія Императрицы. Напротивъ того, я убѣжденъ, что эта Монархиня считаетъ доказательствомъ дружбы Вашего Величества къ ней знаки Вашей королевской благосклонности къ лицамъ, оказавшимъ ей въ трудныя минуты услуги, за которыя она считаетъ себя обязанной имъ.

Отъ графа Сольмса къ королю.

С.-Петербургъ, 26-го іюня (7-го іюля) 1772 г.

№ 642. Я получилъ своевременно непосредственныя и министерскія повелѣнія,

jesté de me faire adresser en date du 21 et 23 du mois de Juin, accompagnés d'un rapport de Constantinople du 18 de Mai. Pour ce qui est de la relation que le commissaire polonais à Marienbourg a envoyé à sa cour d'un prétendu entretien confident entre lui et le président de Domhardt, V. M. daignera se rappeler mon rapport du 19 de Juin, que cette affaire a fait ici aucune impression et que le comte Panin a été d'abord lui-même d'avis de la désavouer, mais ayant eu l'honneur de recevoir là-dessus les ordres de V. M., je ne manque point de déclarer présentement ce désaveu formellement. L'ambition démesurée et l'envie de parvenir bien vite et sans beaucoup de peine à faire des fortunes brillantes, qui sont devenues dans la nation russe un vice très dangereux et nuisible, n'ont manqué nouvellement d'occasionner une catastrophe qui aurait pu avoir des suites funestes. Quelques jeunes gentilhommes débauchés, bas-officiers dans les gardes de Préobrachenski, s'ennuyant de leur état et s'imaginant que le chemin le plus court pour arriver au comble était celui de faire une révolution, avaient conçu le ridicule dessein de mettre le grand-duc sur le trône. Ils avaient fait entrer dans leur complot une trentaine de soldats et un officier d'un régiment de campagne qui était sorti depuis peu des gardes. L'intention était d'aller à Tsarkoé Sélo pour enlever le grand-duc et le conduire ici en ville pour le proclamer, de se saisir en même temps de la personne de l'Impératrice qu'ils remettraient à la disposition du nouvel empereur, pour en

---

кои Вашему Величеству угодно было дать мнѣ 21-го и 23-го іюня вмѣстѣ съ депешей изъ Константинополя отъ 18-го мая. По поводу извѣстія изъ Маріенбурга, сообщаемаго польскимъ комисаромъ своему двору о конфиденціальномъ разговорѣ, будто бы имѣвшемъ мѣсто между нимъ и президентомъ Домгартомъ, Вашему Величеству угодно будетъ припомнить изъ моего донесенія отъ 19-го іюня, что обстоятельство это не произвело здѣсь никакого впечатлѣнія, и графъ Панинъ тотчасъ же намѣревался отказаться отъ него, а получивъ на то приказаніе отъ Вашего Величества, я не преминулъ объявить этотъ отказъ оффиціальнымъ образомъ. Безграничное честолюбіе и стремленіе быстро и безъ труда составить блестящую карьеру и состояніе обратились въ русской націи въ весьма опасные и вредные пороки и недавно чуть не вызвали катастрофу, которая могла имѣть пагубныя послѣдствія. Нѣсколько молодыхъ людей, служившихъ унтеръ-офицерами въ преображенскомъ полку и предававшихся разсѣянному образу жизни, соскучили своими занятіями и вообразили, что кратчайшій путь возвыситься заключается въ томъ, чтобы вызвать революцію, а потому и составили смѣшной планъ возвести на престолъ Великаго Князя. Они привлекли въ свой заговоръ тридцать человѣкъ солдатъ и одного офицера армейскаго полка, недавно вышедшаго изъ гвардіи. Предполагалось отправиться въ Царское Село, взять Великаго Князя и отвезти его въ городъ для объявленія его вступленія на престолъ и въ то же время арестовать Императрицу и отдать ее въ распоряженіе новаго Импера-

faire ce qu'il jugerait à propos pour sa sûreté. Ils avaient réglé la destination de tous les seigneurs de la cour et des ministres, dont les uns devaient être conservés, les autres renvoyés, et quoique tous les détails n'ont pu parvenir à ma connaissance, je sais pourtant en gros qu'un des principaux articles de leur plan portait de se défaire de la famille des comtes d'Orlow. Mais le plan extravagant de tous c'était celui, que si le grand-duc refusait de se prêter à leurs vues, alors un de ces bas-officiers, l'auteur du complot, se chargerait du gouvernement de l'empire. Ce ridicule plan a été ignoré à ce que ce même chef des conjurés est allé le communiquer au chambellan prince Bariatinsky, qui était autrefois officier dans le même régiment des gardes et un des principaux acteurs de la révolution, qui a mis l'impératrice d'aujourd'hui sur le trône, et il lui en a fait part dans l'intention de l'engager à y entrer aussi et à favoriser son succès, comme un homme expérimenté déjà dans ces sortes de choses. Celui-ci a fait semblant de s'y prêter, mais a donné tout de suite avis au major du régiment qui n'a pas perdu de temps de faire arrêter les coupables et à tirer d'eux sans aucune difficulté l'aveu de leurs criminelles intentions. Leur procès a été bientôt fini. Les bas-officiers ont eu le knouth. L'officier du régiment de campagne a été dégradé et passé par les verges et les simples soldats, outre ces punitions, ont eu encore les oreilles et les narines coupées et tous marqués d'infamie ont été envoyés au fond de la Sibérie, de sorte que ce projet, l'ou-

---

тора, который рѣшилъ бы какъ поступить съ ней для обезпеченія своей безопасности. Заговорщики уже опредѣлили судьбу всѣхъ придворныхъ сановниковъ и министровъ, изъ которыхъ однихъ предполагалось сохранить, а другихъ уволить, и, хотя до меня не дошли всѣ подробности, однако, мнѣ извѣстно, что одна изъ главныхъ задачъ заговора состояла въ удаленіи семейства графовъ Орловыхъ. Но самый сумасбродный планъ заключался въ томъ, что, если бы Великій Князь отказался отъ выполненія ихъ видовъ, то одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, составившихъ заговоръ, бралъ на себя управленіе имперіей. Этотъ смѣшной планъ былъ разрушенъ тѣмъ, что самъ глава заговорщиковъ сообщилъ о немъ камергеру князю Барятинскому, служившему въ прежнее время въ этомъ же полку и бывшему однимъ изъ главныхъ дѣятелей революціи, возведшей на престолъ царствующую императрицу; цѣлью этого сообщенія было убѣдить Барятинскаго, какъ человѣка опытнаго въ этихъ дѣлахъ, вступить въ заговоръ и содѣйствовать его успѣху. Онъ притворился, будто на то согласенъ, но тотчасъ же сообщилъ о томъ маіору полка, не замедлившему арестовать виновныхъ, которыхъ не трудно было заставить сознаться въ ихъ преступныхъ намѣреніяхъ. Дѣло это было скоро рѣшено. Унтеръ-офицеровъ наказали кнутомъ. Офицера армейскаго полка разжаловали и прогнали сквозь строй, а простымъ солдатамъ кромѣ этихъ наказаній отрѣзали уши и вырвали ноздри и всѣхъ ихъ, заклеймивъ, сослали въ глубь Сибири. Такимъ образомъ этотъ заговоръ, плодъ глупости и праздности, но,

vrage de la stupidité et de la débauche, mais qui, comme V. M. daignera s'apercevoir par le récit que j'ai eu l'honneur de lui en faire, ne marque ni mécontentement contre le gouvernement, ni fermentation générale, a été heureusement étouffé dans sa naissance et ne pourra avoir aucune suite dangereuse.

№ 643.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 28. à St. Pétersbourg, le 3 (14) de Juillet 1772.

Contenu: 1) Le comte Panin paraît un peu dérouté par la précipitation avec laquelle la cour de Vienne s'est emparée des salines. — 2) Voyage du roi de Suède en Finlande et à Pétersbourg, rompu pour cette année. — 3) Entrée des Autrichiens dans Lemberg, connue à Pétersbourg; on n'en a pas encore parlé au comte de Solms.

J'ai reçu la semaine passée les ordres immédiats du 24 et 27 du mois de Juin, mais comme leur arrivée est tombée précisément sur le jour de l'anniversaire de l'avènement de Sa Maj. l'Impératrice, qui a été célébré à Péterhoff ainsi que le lendemain la fête de Pierre et Paul, qui est celle du nom du grand-duc et que j'ai été obligé d'y aller les deux jours, je n'ai pu observer le départ de la poste, qui se rencontrait avec le second. En attendant, j'ai eu occasion de faire connaître leur contenu au comte Panin, qui a été

какъ Вашему Величеству угодно будетъ усмотрѣть изъ моего донесенія, не доказывающій ни недовольства правительствомъ, ни общаго броженія, былъ счастливо погашенъ при самомъ его появленіи и не можетъ имѣть никакихъ опасныхъ послѣдствій.

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 28-го. С.-Петербургъ, 3-го (14-го) іюля 1772 г.

№ 643. Содержаніе: графъ Панинъ кажется нѣсколько озадаченъ поспѣшностью, съ которой вѣнскій дворъ овладѣлъ соляными копями. 2) Путешествіе шведскаго короля въ Финляндію и въ Петербургъ на этотъ годъ не состоится. 3) О вступленіи австрійцевъ въ Лембергъ извѣстно въ Петербургѣ, но о немъ не говорили графу Сольмсу.

На прошлой недѣлѣ я получилъ непосредственныя повелѣнія отъ 24-го и 27-го іюня, но такъ какъ ихъ прибытіе совпало съ годовщиной вступленія на престолъ Ея Величества Императрицы, отпразднованной въ Петергофѣ такъ же какъ и слѣдующій день праздника Петра и Павла и имянины Великаго Князя, и я былъ принужденъ ѣздить туда эти оба дня, то я и не могъ наблюсти за отправленіемъ почты, имѣвшимъ мѣсто во второй изъ этихъ дней. Но въ это время я имѣлъ случай сообщить содержаніе депешъ графу Панину, который былъ очень радъ узнать, что Ваше Вели-

fort aise d'apprendre, que V. M. était aussi de l'opinion, que le prince Kaunitz après avoir chicané un peu le terrain, pour conserver, s'il était possible, à sa cour les districts entiers, qu'elle se propose d'acquérir en Pologne, se rendra à la fin et consentira aux restrictions proposées. On attend avec impatience le retour du courrier, par lequel ce ministre a promis d'envoyer la réponse formelle. L'Impératrice me faisant l'honneur de me parler l'autre jour au sujet de cette négociation, me dit, que le prince Kaunitz lui paraissait une tête singulière, qu'avec du temps et de la patience on viendrait à bout de lui faire entendre raison. D'ailleurs on désire ici infiniment de finir avec cette cour d'une bonne manière, et on marque un grand éloignement d'augmenter les portions de V. M. et de la Russie sous le prétexte de les rendre égales avec celle de la cour de Vienne dans le cas, que celle-ci refusât trop longtemps d'admettre la diminution de la portion, qu'elle demande pour elle. Je fais ce que je puis pour leur faire goûter cette idée, mais on s'imagine, qu'une pareille augmentation amenerait de si grands inconvénients, qu'il vaudrait mieux se passer encore pendant quelque temps de la jouissance de ses acquisitions, que de prendre un moyen si extrême, qui d'une certaine façon serait brusquer la cour de Vienne et contredirait les sentiments de modération, dont on a voulu persuader l'Europe, que nos cours n'étaient point écartées dans cet arrangement en Pologne.

La séquestration des salines n'a pas fait plaisir ici, elle est tout à fait con-

---

чество также предполагаете, что князь Кауницъ, проспоривъ нѣкоторое время въ видахъ, если возможно, сохранить своему двору въ полномъ составѣ области, которыя онъ намѣревается пріобрѣсти въ Польшѣ, наконецъ уступитъ и согласится на предполагаемыя ограниченія. Ожидаютъ съ нетерпѣніемъ возвращенія курьера, съ которымъ этотъ министръ обѣщалъ прислать формальный отвѣтъ. На дняхъ Императрица сдѣлала мнѣ честь говорить со мной объ этихъ переговорахъ и высказала мнѣ, что считаетъ князя Кауница хотя и оригиналомъ, но, что съ помощью времени и терпѣнія удастся убѣдить его. Къ тому же здѣсь чрезвычайно желаютъ покончить съ этимъ дворомъ полюбовно и весьма нерасположены къ увеличенію частей, какъ Вашего Величества, такъ и русской, въ видахъ уравненія ихъ съ частью вѣнскаго двора въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній дворъ слишкомъ долго будетъ отказываться отъ уменьшенія доли, имъ требуемой. Я дѣлаю все, что могу, чтобы склонить ихъ къ этой мысли, но воображаютъ, что подобное увеличеніе повлекло бы за собой столь крупныя затрудненія, что лучше бы на нѣкоторое время отказаться отъ пользованія этими пріобрѣтеніями, лишь бы только не прибѣгать къ такому крайнему средству, которое отчасти оскорбило бы вѣнскій дворъ и въ то же время противорѣчило бы чувствамъ умѣренности, отъ коихъ, какъ увѣряли Европу, дворы наши не удалялись въ вопросѣ о настоящихъ польскихъ дѣлахъ и ихъ устройствѣ.

Занятіе соляныхъ копей здѣсь не понравилось, находясь въ полномъ проти-

traire au système de cette cour-ci, qui aurait désiré d'éviter tout éclat précipité et de laisser tout le monde en suspens sur les intentions des trois cours jusqu'au moment de l'exécution. Le comte Panin m'a dit, qu'il était surpris de l'acharnement avec lequel la cour de Vienne se pressait de s'emparer de ces salines, tandis qu'à l'égard de tout le reste elle agissait avec toute la discrétion, qu'on pouvait désirer. On a été tenté pendant un moment de faire la même chose dans les nouvelles acquisitions, qui doivent revenir à la Russie, mais comme on ne sait pas, si dans les biens royaux, qui s'y trouvent enclavés, il se trouve des revenus en caisse, dont on pourrait se saisir ainsi par voie de séquestre, on ne s'est point décidé là-dessus et d'ailleurs le comte Panin, à ce que je crois, a tâché d'empêcher, que la chose n'ait été mise en question. Mais il y a d'autres personnes du conseil, qui m'ont avoué, que si la cour de Vienne ne levait pas l'arrêt, qu'elle avait mis sur le produit des salines, V. M. aurait le même droit de mettre l'arrêt sur le produit des biens royaux, qui se trouveraient dans l'étendue de ses possessions et qu'elle pourrait également défendre, que l'argent de leur revenu soit envoyé à Varsovie.

On est très bien informé ici, que V. M. a été portée pour le voyage que le roi de Suède ferait à Pétersbourg, qu'elle le lui a même conseillé, mais on ne sait pas au juste, si ce sont les insinuations de la France ou des raisons d'économie, qui l'en ont détourné. Le comte Panin m'a dit, qu'il savait pour

---

ворѣчіи съ системой здѣшняго двора, желающаго избѣгнуть всякихъ поспѣшныхъ мѣръ, и оставить всѣхъ въ неизвѣстности относительно намѣреній трехъ дворовъ до самой минуты ихъ выполненія. Графъ Панинъ говорилъ мнѣ, что удивляется настойчивости, съ которой вѣнскій дворъ поторопился овладѣть копями, между тѣмъ какъ относительно всего остальнаго онъ поступаетъ съ желательной умѣренностью. Была минута, что соблазнялись поступить такимъ же образомъ въ новыхъ владѣніяхъ, долженствующихъ составить часть Россіи, но такъ какъ неизвѣстно, имѣются ли въ королевскихъ имѣніяхъ, тамъ находящихся, наличные доходы, которые бы можно секвестровать, то и не рѣшились на это, и кромѣ того, какъ мнѣ кажется, графъ Панинъ постарался не допустить обсужденія этого вопроса. Но другіе члены совѣта высказали мнѣ, что если вѣнскій дворъ не сниметъ ареста, наложеннаго имъ на произведенія копей, то Ваше Величество будете имѣть такое же право наложить арестъ на доходы съ королевскихъ имѣній, которыя окажутся въ чертѣ владѣній Вашего Величества, запретивъ при этомъ отправлять эти деньги въ Варшаву.

Здѣсь хорошо извѣстно, что Ваше Величество одобряли предстоявшее путешествіе Шведскаго короля въ Петербургъ и даже совѣтовали ему его предпринять, но не знаютъ навѣрное, внушенія ли Франціи или экономическіе разсчеты побудили его отъ того воздержаться. Графъ Панинъ передавалъ мнѣ, что ему положительно из-

sûr, que le voyage n'aurait pas lieu cette année, que le roi de Suède n'irait non plus en Finlande, que d'ailleurs ce voyage aurait pu fournir un bon prétexte pour l'engager à le pousser jusqu'ici. Je ne manquerai pas de prévenir ici à temps sur la résolution de la garnison d'Elbing, de vouloir se défendre contre l'occupation de V. M., et je suis persuadé, qu'on ne trouvera point extraordinaire les mesures, que V. M. jugera nécessaires d'employer dans ce cas là.

J'ai encore entendu parler de l'entrée des troupes autrichiennes dans Lemberg et je ne sais pas, comment envisager cet évènement, qui indique toujours une grande avidité de la part de la cour de Vienne et le peu de complaisance, qu'elle a pour les représentations de la Russie. Il se peut, que ce soit à dessein, qu'on ne m'en a parlé, parce qu'on serait embarrassé de justifier la grande complaisance, qu'on a pour les démarches peu ménagées de la cour de Vienne et dont je leur ai déjà fait des reproches à l'amiable. A l'égard de l'entrée des troupes autrichiennes dans les salines, le comte Panin ne peut pas disconvenir, que ce ne soit une démarche précipitée. Mais il soutient que c'est encore une suite de la première idée, qu'on a eue à Vienne, que la prise de possession se ferait au mois de Juin et que c'est en conséquence de cela, qu'ils ont fait leurs dispositions, qui n'ont pu être changées tout de suite. D'ailleurs il prétend être informé, que ce n'est qu'un petit détachement, qui est entré dans Lemberg et qui n'a pas pré-

---

вѣстно, что путешествіе это не состоится въ нынѣшнемъ году, что король Шведскій не поѣдетъ и въ Финляндію, но что подобная поѣздка представила бы прекрасный предлогъ для того, чтобы склонить его доѣхать и досюда. Я не премину своевременно предупредить здѣсь о намѣреніи Эльбингскаго гарнизона защищаться противъ оккупаціи Вашего Величества, и я увѣренъ, что не найдутъ необычайными мѣры, къ которымъ Ваше Величество признаетъ нужнымъ обратиться въ подобномъ случаѣ.

Я также слышалъ о вступленіи австрійскихъ войскъ въ Лембергъ, и не знаю, какъ разсматривать подобное событіе, указывающее на жадность вѣнскаго двора и невнимательность, съ которой онъ относится къ представленіямъ Россіи. Быть можетъ мнѣ преднамѣренно о томъ не говорили, затрудняясь оправдать чрезмѣрную снисходительность, оказываемую неосторожнымъ поступкамъ вѣнскаго двора, по поводу чего я уже подъ видомъ шутки высказывалъ имъ упреки. Что касается до занятія австрійскими войсками соляныхъ копей, графъ Панинъ не можетъ не сознаться, что мѣра эта преждевременна. Но онъ утверждаетъ, что это лишь слѣдствіе первоначальной идеи, возникшей въ Вѣнѣ о томъ, что вступленіе во владѣніе состоится въ іюнѣ, на основаніи чего были приняты предварительныя мѣры, которыхъ не возможно было тотчасъ же измѣнить. Къ тому же онъ увѣряетъ, что по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ въ Лембергъ вступилъ лишь небольшой отрядъ, не пытавшійся вы-

tendu déloger les Russes de ses quartiers, se contentant de camper hors de la ville. Ce ministre s'est fait un principe de vouloir conduire cette cour par la persuasion du bon droit et de la justice. Ce sera la première réponse, qu'on attend du prince Kaunitz, qui fera voir, si cette espérance pourra se soutenir.

№ 644.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 1-r Août. A St. Pétersbourg, le 6 (17 de Juillet) 1772.

Contenu: Propos du comte Pauin sur l'entrée des Autrichiens en Pologne et sur la prise de possession; ce sont à peu près les mêmes réflexions, que le comte Solms a déjà mandées.

№ 645.

Le sieur de Hertzberg au comte de Solms à Pétersbourg.

Berlin, le 14 de Juillet 1772.

J'ai reçu votre dépêche du 26 Juin avec la déduction de la cour de Russie et j'ai vu par la première, combien cette cour est éloignée de vouloir accorder une augmentation de ma portion, que j'ai demandée dans le cas, que la cour de Vienne persistait à ne vouloir rien laisser retrancher de la

---

мѣстить русскихъ изъ мѣстъ, гдѣ они расположены, и ставшій лагеремъ внѣ города. Этотъ министръ поставилъ себѣ задачей подѣйствовать на этотъ дворъ убѣжденіемъ и справедливостью. Отвѣтъ, ожидаемый отъ князя Кауница, докажетъ насколько основательна подобная надежда.

Остаюсь и пр.

Отъ графа Сольмса королю.

(Подано 1-го августа). С.-Петербургъ, 6-го (17-го) іюля 1772 г.

№ 644. Содержаніе: Отзывъ графа Панина о переходѣ австрійцевъ черезъ границу Польши и о вступленіи во владѣніе. Это почти тѣ же самыя разсужденія, которыя уже были высказаны графомъ Сольмсомъ.

Отъ г. Герцберга графу Сольмсу въ Петербургѣ.

Берлинъ, 14-го іюля 1772 г.

№ 645. Я получилъ Вашу депешу отъ 26-го іюня вмѣстѣ съ документомъ (дедукція) русскаго двора и усмотрѣлъ изъ первой насколько этотъ дворъ далекъ отъ согласія на увеличеніе моей части, испрашиваемое мною на тотъ случай, если вѣнскій дворъ

sienne. Vous saurez à présent par la dépêche immédiate, que je vous ai adressée par le courrier autrichien, qui porta au prince Lobkowitz la réponse de la cour de Vienne, que la thèse est venue à changer et que cette cour persiste à vouloir garder Lemberg et les salines, mais qu'elle veut renoncer en revanche aux Palatinats de Lublin et de Chelm et que j'ai trouvé cet arrangement fort acceptable. En effet, quand on pèse mûrement et sans prévention les raisons pour et contre, elles se réunissent toutes à me faire juger, que ce nouveau plan est de beaucoup préférable, tant pour mes intérêts que pour ceux de la Russie et de la Pologne même, à l'idée singulière, que le comte Panin a conçue, de vouloir augmenter encore la portion autrichienne dans l'intérieur de la Pologne, pour pouvoir y retrancher les salines et la ville de Lemberg. Il est vrai, que l'acquisition de ces deux objets est très importante pour la cour de Vienne, funeste à la Pologne, et d'une grande conséquence pour nos deux cours, mais elle ne l'est pas tant que celle des Palatinats de Lublin et de Chelm, de sorte que je suis persuadé que si on laissait le choix aux Polonais, ils aimeraient mieux perdre les salines et la ville de Lemberg, que les palatinats de Lublin et de Chelm. Si la cour de Vienne garde ces deux palatinats, elle perce dans le coeur de la Pologne, elle coupe pour ainsi dire le royaume en deux parties, elle s'approche de fort près de la capitale et par toutes ces circonstances elle gagnerait dans les affaires de Pologne une influence beaucoup plus grande, que si

---

не допустить никакого уменьшенія его части. Нынѣ изъ непосредственной депеши, отправленной мною вамъ съ австрійскимъ курьеромъ, отвозившимъ князю Лобковичу отвѣтъ вѣнскаго двора, Вы узнаете, что дѣло приняло другой оборотъ и дворъ этотъ настаиваетъ на сохраненія Лемберга и соляныхъ копей, отказавшись взамѣнъ ихъ отъ воеводствъ Люблинскаго и Хелмскаго, и что я призналъ такого рода соглашеніе вполнѣ удобнымъ. Дѣйствительно, если взвѣсить зрѣло и безъ предубѣжденія обстоятельства за и противъ, они всѣ приводятъ меня къ заключенію, что новый планъ этотъ, какъ въ виду нашихъ интересовъ, такъ и по отношенію къ интересамъ Россіи и самой Польши, предпочтительнѣе оригинальной идеи графа Панина увеличить еще болѣе долю Австріи внутри Польши, съ тѣмъ, чтобы урѣзать отъ нее соляныя копи и городъ Лембергъ. Правда, что пріобрѣтеніе этихъ копей и города весьма важно для вѣнскаго двора, пагубно для Польши и имѣетъ большое значеніе для нашихъ обоихъ дворовъ, но все же не до такой степени, какъ утрата воеводствъ Люблинскаго и Хелмскаго, и я убѣжденъ, что если предоставить выборъ полякамъ, то они предпочтутъ лишиться копей и Лемберга, лишь бы не терять воеводствъ. Если вѣнскій дворъ сохранитъ эти два воеводства, онъ тѣмъ проникнетъ въ самое сердце Польши, перерѣжетъ королевство на двѣ части, весьма близко подойдетъ къ столицѣ и въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ пріобрѣтетъ въ польскихъ дѣлахъ значеніе

ses frontières sont plus éloignées du centre du royaume. Ce qui est encore plus important pour nous, la possession des deux palatinats susdits couperait la communication libre au commerce important, que la Silésie fait avec la Podolie et l'Ukraine et approcherait la cour de Vienne de beaucoup plus près de mes provinces de la Prusse et de la Poméranie aussi bien, que des frontières de la Russie même, de sorte que dans le cas d'une guerre les Autrichiens pourraient m'inquiéter dans mes provinces aussi bien que la Russie dans les siennes, surtout si la nation polonaise se joignait à eux, ce qu'elle ne manquerait pas de faire à la première occasion pour conquérir ce qu'elle a perdu. Vous pourrez faire bon usage de toutes ces considérations envers le comte Panin; elles me paraissent si fortes, que je ne crois pas, que ce ministre puisse se retenir à leur évidence; j'avance même, que je ne comprends pas, comment il a pu concilier jusqu'ici l'influence supérieure dans les affaires de Pologne, qu'il voudra pourtant conserver à sa cour, avec l'extension des Autrichiens au de là des rivières du Sau et du Niester, qui auraient pu et dû faire la limite naturelle de la cour de Vienne, comme la Netze et la Vistule font la mienne, et la Dwina et le Dniéper celle de la cour de Russie. On n'a qu'à examiner la carte avec attention pour être encore plus convaincu de la vérité de tout ce que je viens de vous détailler.

гораздо большее, чѣмъ если бы границы ея были болѣе удалены отъ центра королевства. Что для насъ еще важнѣе, владѣніе обоими вышеупомянутыми воеводствами прекратило бы свободныя сношенія важной торговли Силезіи съ Подоліей и Украиной и придвинуло бы вѣнскій дворъ гораздо ближе къ моимъ провинціямъ Пруссіи и Помераніи, такъ же какъ и къ границамъ самой Россіи, такъ что въ случаѣ войны, австрійцы имѣли бы возможность безпокоить меня въ моихъ владѣніяхъ, такъ же какъ и Россію въ ея провинціяхъ, особенно если польская нація къ нимъ присоединится, что̀ она не преминула бы сдѣлать при первомъ удобномъ случаѣ, дабы возвратить себѣ утраченное. Вы можете высказать графу Панину всѣ эти соображенія; они кажутся мнѣ столь сильными, что не полагаю, чтобы этотъ министръ могъ оспаривать ихъ очевидность, скажу даже, что не понимаю, какъ могъ онъ до сихъ поръ согласовать высшее вліяніе въ польскихъ дѣлахъ, которое, конечно, захочетъ сохранить за своимъ дворомъ, съ расширеніемъ австрійскихъ владѣній далѣе рѣкъ Савы и Днѣстра, могущихъ и долженствующихъ составить естественную границу вѣнскаго двора, подобно тому, какъ Нетца и Висла ограничиваютъ мои владѣнія, и Двина и Днѣпръ владѣнія русскаго двора. Достаточно—внимательно разсмотрѣть карту, чтобы еще болѣе убѣдиться въ справедливости всего мною изложеннаго.

№ 646.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 4 Août. à St. Pétersbourg le 10 (21), de Juillet 1772.

Contenu: Entretien du comte Panin avec le comte de Solms sur l'affaire du partage. Le résultat est, qu'on ne saurait laisser à la cour de Vienne les salines et la ville de Lemberg, qu'en cas, qu'elle ne veuille pas s'en désister, il vaudrait mieux lui donner tout ce qu'elle a demandé pour le reste et qu'on lui avait refusé. Ce ministre se persuade toujours, que le prince Kaunitz, si le roi et l'Impératrice trouvent bon, se relâchera à la fin, il pense que s'il en était autrement, il fallait regarder la négociation avec la cour de Vienne comme rompue et s'en tenir à la convention conclue entre le roi et l'Impératrice.

J'ai reçu il y a deux jours par une estafette les ordres immédiats de V. M. du 8 de ce mois avec un supplément chiffré et une carte de la Pologne. J'ai fait part au comte Panin de leur contenu intéressant. Je lui en ai envoyé un extrait, pour le mettre par là à même, d'y réfléchir à son aise et pour lui fournir un moyen de faire parvenir à l'Impératrice la façon avantageuse, dont V. M. pense sur le sujet de son ministre, je suis persuadé, que cela fera un très bon effet sur l'esprit de cette princesse. Je ne suis pas, Sire, en état, de marquer aujourd'hui à V. M. comment on envisage les insinuations, que je leur ai faites par vos ordres. La cour étant absente de la ville pendant

---

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 4-го августа.) С.-Петербургъ, 10-го (21-го) іюля 1772 г.

№ 646. Содержаніе: Разговоръ графа Панина съ графомъ Сольмсомъ по вопросу о раздѣлѣ. Результатъ разговора заключается въ томъ, что не слѣдуетъ оставлять за вѣнскимъ дворомъ соляныхъ копей и города Лемберга, и въ случаѣ, если онъ не согласится отказаться отъ нихъ, лучше бы предоставить ему все остальное, имъ потребованное, и отказанное ему. Этотъ министръ все еще держится того мнѣнія, что князь Кауницъ, въ случаѣ настойчивости со стороны короля и Императрицы, подъ конецъ уступитъ, въ противномъ же случаѣ, слѣдуетъ считать переговоры съ вѣнскимъ дворомъ прерванными и держаться исключительно конвенціи, заключенной между королемъ и Императрицей.

Я получилъ два дня тому назадъ эстафетой непосредственныя повелѣнія Вашего Величества отъ 8-го нынѣшняго мѣсяца вмѣстѣ съ шифрованнымъ прибавленіемъ и картой Польши. Я сообщилъ графу Панину интересное ихъ содержаніе, дабы дать ему возможность на свободѣ о томъ поразмыслить и въ то же время предоставить ему средства довести до свѣдѣнія Императрицы лестное мнѣніе Вашего Величества объ ея министрѣ, я увѣренъ, что это окажетъ благотворное вліяніе на умъ этой государыни. Въ этотъ разъ не могу сообщить Вашему Величеству какъ относятся къ внушеніямъ, высказаннымъ мной по Вашему повелѣнію. Такъ какъ лѣтомъ дворъ выѣз-

l'été et souvent occupée par des parties de plaisir, auxquelles le grand-duc et le comte Panin assistent également, cela fait, que tout le monde est dispersé et que les négociations sont longues et pénibles. Autant que je connais la façon de penser de cette cour en général, je crois, que l'idée d'augmenter en faveur de V. M. la portion des acquisitions à faire en Pologne, n'en a rien de contraire à ses principes. Pourvu qu'elle s'accorde avec d'autres circonstances et que les circonstances en aplanissent le moyen, je suis persuadé, qu'on ne s'y opposera pas. Comme je ne puis encore parler positivement sur cette matière, je n'avancerai rien non plus là-dessus, qui puisse me rendre responsable de l'évènement. J'ose toutefois assurer V. M. que je m'appliquerai avec zèle à exécuter ses ordres. S'il m'est permis de le dire, je travaillerai avec un véritable plaisir pour avancer ses intérêts.

Pour le présent j'aurai l'honneur de lui rendre compte de l'entretien, que j'ai eu avec le comte Panin, avant l'arrivée de l'estafette, sur l'entrée des Autrichiens en Pologne, sur les desseins, qu'on leur peut supposer et sur les mesures, qu'on pourrait prendre dans le cas, que leurs vues se trouvassent en trop grande opposition avec celles de V. M. et de la Russie. Sur le premier point je suis maintenant convaincu, qu'ils ne savent encore ici par aucun rapport direct, quand les troupes autrichiennes sont entrées en Pologne, jusqu'où elles sont avancées ou ce qu'elles y font, il n'y a donc pas moyen de raisonner là-dessus. Quant au second, je veux dire l'intention

---

жаетъ изъ города и часто занятъ праздниками, въ которыхъ также участвуютъ Великій Князь и графъ Панинъ, то всѣ разсѣяны и сношенія медленны и затруднительны. Насколько мнѣ извѣстенъ образъ мыслей здѣшняго двора, полагаю, что вопросъ объ увеличеніи въ пользу Вашего Величества предстоящихъ въ Польшѣ пріобрѣтеній ничѣмъ не противорѣчитъ его принципамъ. Лишь бы только мысль эта согласовалась съ другими обстоятельствами и обстоятельства эти сгладили бы путь къ ея выполненію, я увѣренъ, что этому не станутъ противодѣйствовать. Не имѣя возможности говорить объ этомъ дѣлѣ положительно, не буду касаться его, дабы не навлечь на себя отвѣтственности въ его исходѣ. Смѣю однако увѣрить Ваше Величество, что усердно постараюсь объ исполненіи Вашихъ повелѣній. Позвольте мнѣ высказать, что я съ истиннымъ удовольствіемъ буду преслѣдовать Ваши интересы.

Въ настоящую минуту буду имѣть честь доложить Вашему Величеству о разговорѣ, который я имѣлъ съ графомъ Панинымъ до прибытія эстафеты, о вступленіи австрійцевъ въ Польшу, о предполагаемыхъ ихъ намѣреніяхъ и о средствахъ, къ которымъ слѣдовало бы прибѣгнуть въ случаѣ, если бы ихъ виды оказались въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ видами Вашего Величества и Россіи. Относительно перваго вопроса я теперь убѣжденъ, что здѣсь еще не знаютъ никакимъ прямымъ донесеніемъ ни о томъ, когда австрійскія войска вступили въ Польшу, ни о томъ, до какихъ мѣстъ они дошли и что̀ они дѣлаютъ, а потому невозможно объ этомъ разсуждать.

qu'aurait la Cour de Vienne de garder en leur entier les provinces, qu'elle se propose d'acquérir en Pologne, le comte Panin est de l'opinion, qu'il est impossible d'en juger avec fondement avant qu'on la connaisse avec précision par la réponse, qu'on attend sur les dernières propositions de la Russie, et comme je lui ai appris, y ayant été autorisé par les ordres de V. M. du 1-er de ce mois, qu'elle était aussi de ce sentiment, le comte Panin se persuadera, que V. M. trouve elle-même, qu'il est trop difficile, de concerter des mesures sur les différents cas, que les procédés de la cour de Vienne pourront amener. On lui mande de Vienne, qu'on a envoyé secrètement deux personnes en Pologne, qu'on prétend être jésuites. Ils doivent examiner sur les lieux et vérifier ce que le comte Panin avance dans son écrit sur l'étendue, le rapport et sur les autres qualités des districts, réservés pour composer la portion autrichienne. Il pense qu'on attend leur retour, pour dresser une réponse verbale et raisonnée, tout comme les propositions, qui sont venues d'ici, l'ont été. C'est donc cette réponse, qu'il veut attendre, avant que de songer aux mesures, qu'il y a à prendre, en cas que la cour de Vienne continue à faire la difficile. Il ne peut pas se mettre dans l'esprit, qu'elle voudra le faire et quoiqu'il s'attend bien, qu'elle ne se rendra pas d'abord entièrement, il se persuade cependant, que la réponse sera conçue de façon, qu'elle laissera une porte ouverte. C'est alors, que le comte Panin compte de faire déclarer au prince Kaunitz, qu'on ne pouvait pas

---

Что̀ же касается до втораго, т. е. до намѣренія вѣнскаго двора сохранить въ полномъ составѣ провинціи, которыя онъ предполагаетъ пріобрѣсти въ Польшѣ, графъ Панинъ того мнѣнія, что невозможно основательно судить о томъ, пока неизвѣстенъ въ точности ожидаемый отвѣтъ на послѣднія предложенія Россіи, и такъ какъ, будучи на то уполномоченъ повелѣніями Вашего Величества отъ 1-го числа этого мѣсяца, я передалъ ему, что Ваше Величество раздѣляете это мнѣніе, графъ Панинъ изъ этого убѣдится, что Вы признаете слишкомъ труднымъ согласовать принимаемыя мѣры съ различными случаями, могущими возникнуть, вслѣдствіе поступковъ вѣнскаго двора. Изъ Вѣны ему сообщаютъ, что въ Польшу тайнымъ образомъ отправлено два лица, какъ полагаютъ, іезуиты. Они должны разсмотрѣть на мѣстахъ и провѣрить то, что графъ Панинъ излагаетъ о пространствѣ, доходности и прочихъ качествахъ областей, долженствующихъ составить долю Австріи. Онъ полагаетъ, что ожидаютъ ихъ возвращенія для составленія отвѣта словеснаго и съ доводами, каковы были и предложенія, отсюда исходившія. Этого-то отвѣта онъ и хочетъ подождать, прежде чѣмъ подумать о мѣрахъ, къ которымъ слѣдуетъ обратиться въ случаѣ, если вѣнскій дворъ будетъ по прежнему несговорчивъ. Не должно воображать, что такъ и будетъ, и хотя онъ предвидитъ, что дворъ этотъ не сразу пойдетъ на уступки, тѣмъ не менѣе онъ разсчитываетъ, что отвѣтъ на вопросъ будетъ составленъ въ смыслѣ, допускающемъ дальнѣйшія его обсужденія. Тогда графъ Панинъ и разсчитываетъ объявить князю Кау-

consentir à faire détacher du royaume de Pologne les salines et la ville de Lemberg; que cela était entièrement opposé au plan, qu'on avait formé pour laisser une consistence politique à cet état, plan, que la cour de Vienne elle-même avait approuvé. En effet, l'Impératrice et tout son conseil veulent, que la Pologne garde l'un et l'autre. La résolution en a été prise en partie parce que V. M. le désire, en partie aussi, parce qu'on ne veut pas dépouiller la Pologne de possessions aussi importantes, pour en gratifier la cour de Vienne; on est résolu ici, de tenir bon sur cet article, et le comte Panin vous supplie, Sire, de faire la même chose. Pour ne pas blesser l'ambition de la cour de Vienne, il pense qu'on pourra se relâcher sur les autres districts, qu'on a rayés dans le plan du prince Kaunitz; ils pourront lui convenir pour faire la communication de ses nouvelles acquisitions avec ses anciennes possessions, ou bien pour les arrondir. Il compte de lui faire valoir cette concession comme une marque de sa complaisance et de son attention amiable, en lui insinuant, qu'après cette condescendance l'Impératrice espérait, que la cour de Vienne se prêterait aux vues de V. M. et aux siennes et qu'elle imiterait l'exemple de modération, que V. M. aurait donnée, qu'elle avait renoncé à la possession des villes de Danzic et de Thorn, en considération de l'intérêt général et pour laisser la Pologne l'état de puissance intermédiaire, auquel on était convenu de la réduire; qu'il était incontestable, que les états de V. M. auraient été plus arrondis, qu'il ne le seront

---

ницу, что невозможно согласиться на отдѣленіе отъ польскаго королевства соляныхъ копей и города Лемберга, что это совершенно противорѣчитъ плану, составленному въ видахъ сохраненія государству политическаго существованія, что̀ было одобрено и самимъ Вѣнскимъ дворомъ. Дѣйствительно, Императрица и весь ея совѣтъ желаютъ, чтобы Польша сохранила и то и другое. Рѣшеніе это состоялось, отчасти въ виду желанія Вашего Величества, отчасти потому, что не желаютъ отнимать у Польши столь важныя владѣнія для того, чтобы обогатить ими вѣнскій дворъ; здѣсь намѣреваются настаивать на этомъ вопросѣ, и графъ Панинъ умоляетъ Васъ, Государь, поступить такимъ же образомъ. Дабы не оскорбить самолюбія вѣнскаго двора, онъ полагаетъ, что можно будетъ уступить по поводу другихъ областей, исключенныхъ въ планѣ князя Кауница; онѣ могутъ быть ему полезными для сообщенія между новыми пріобрѣтеніями и прежними его владѣніями, или же для ихъ округленія. Онъ разсчитываетъ поставить ему на видъ эту уступку какъ доказательство своей обязательности и любезной внимательности, намекнувъ ему при этомъ, что послѣ такой снисходительности Императрица надѣется, что вѣнскій дворъ согласится съ видами Вашего Величества и ея собственными, и послѣдуетъ примѣру умѣренности, данному Вашимъ Величествомъ отказомъ отъ владѣнія городами Данцигомъ и Торномъ изъ уваженія къ общимъ интересамъ и съ цѣлью сохраненія Польшѣ роли посредствующей державы, каковое положеніе рѣшено ей обезпечить, хотя безъ сомнѣнія подобное прі-

par la possession de ces deux villes, qu'il serait honteux, que des puissances comme les nôtres, donnassent à l'Europe le spectacle de se brouiller entre elles, parce qu'on ne pouvait pas convenir de la manière de dépouiller la Pologne et de déceler par là tant d'avidité, pour avancer un intérêt particulier, de manquer par là de donner la tranquillité et un état permanent à la Pologne et de rompre pour cela le concert entre les trois cours si heureusement entamé. J'ai répondu à tout ceci, que j'étais persuadé, que V. M. trouverait ses idées admirables et applaudirait à son projet, que je le priais cependant de me dire ce qu'il y aurait à faire, si tout cela ne faisait aucune impression. Il regarde cette supposition comme impossible, il pense que le point d'honneur et la crainte de s'attirer de grands embarras rendra la cour de Vienne traitable et il espère que V. M. voudra bien accorder, qu'on attende encore la réplique aux secondes et dernières représentations, avant que de procéder à la déclaration formelle à faire à Varsovie. Cependant que si contre toute attente la chose tournait autrement, en ce cas là il est de l'opinion, qu'il faudrait regarder la négociation comme rompue relativement à la cour de Vienne et nous en tenir à notre première convention. Je voulais pousser plus loin sur les suites d'une telle rupture, mais il regarde une telle conduite de la cour de Vienne, qui y pourrait donner lieu, comme si contraire à la saine politique et comme si opposé à l'idée, qu'il s'est formée de l'esprit du prince Kaunitz, qu'il ne trouve pas la moindre vraisemblance,

---

обрѣтеніе этихъ двухъ городовъ значительно округлило бы владѣнія Вашего Величества; что стыдно было бы державамъ, подобнымъ нашимъ, подавать Европѣ примѣръ распрей по поводу польскаго раздѣла, обнаруживъ при этомъ жадность, преслѣдующую личные интересы, въ ущербъ общаго спокойствія, вмѣсто устройства политическаго положенія Польши, причемъ рушится столь счастливо установившееся согласіе между тремя державами. На все это я отвѣчалъ, что убѣжденъ, что Ваше Величество признаете эти мысли прекрасными и одобрите его проэктъ, однако, просилъ его высказать къ какимъ мѣрамъ прибѣгнуть въ случаѣ, если это не произведетъ никакого впечатлѣнія. Онъ считаетъ подобное предположеніе невозможнымъ, полагая, что вопросъ чести и опасеніе навлечь на себя серьезныя затрудненія сдѣлаютъ вѣнскій дворъ уступчивѣе, и надѣется, что Ваше Величество разрѣшите дождаться отвѣта на вторыя и послѣднія представленія прежде, чѣмъ приступить къ формальной декларацiи въ Варшавѣ. Если же, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, дѣло приметъ другой оборотъ, въ такомъ случаѣ онъ думаетъ, что слѣдовало бы считать переговоры прерванными относительно вѣнскаго двора и держаться нашей первой конвенціи. Я хотѣлъ было распространиться о послѣдствіяхъ такого разрыва, но, по мнѣнію его, дѣйствія вѣнскаго двора, могущія вызвать подобную необходимость, были бы до того противны здравой политикѣ и его понятію объ умѣ князя Кауница, что онъ отнюдь не считаетъ

que cela puisse arriver et qu'ainsi il ne pouvait pas se faire une idée sur des mesures aussi éloignées. Telle a été l'idée du comte Panin, avant que de connaître les dernières intentions de V. M. — Peut-être sa façon de penser changera-t-elle, après qu'il sera instruit, et je n'attends que de prendre ce qu'il me dira sur ce sujet pour en faire mon très humble rapport à V. M.

J'ai fait connaître au comte de Panin, que V. M. souhaitait que Sa Maj. l'Impératrice de Russie voulût bien à la future diète de pacification en Pologne s'intéresser, pour que le roi et la république étendissent la garantie, dont ils se sont chargés de la convention arrêtée entre le duc de Courlande et son épouse, nommément aux baillages, qui ont été hypothéqués dans la dite convention pour la sûreté de ces revenus. Ce ministre m'a assuré, que cela ne trouverait pas la moindre difficulté et qu'il adresserait dès à présent à l'ambassadeur de Russie en Pologne des instructions relatives à ce sujet.

Je suis etc.

№ 647.

Le comte de Solms au roi.

à St. Pétersbourg, le 13 (24) de Juillet 1772.

Contenu: Le comte Panin décline de promettre positivement, que la portion du roi serait augmentée, nommément par l'acquisition de la ville de Thorn,

---

этого правдоподобнымъ, а потому и не составилъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія о мѣрахъ столь отдаленныхъ. Таковы были мысли графа Панина, пока ему еще не были извѣстны намѣренія Вашего Величества. Быть можетъ, что, узнавъ о нихъ, онъ перемѣнитъ мнѣніе и ожидаю лишь свѣдѣній о томъ для всеподданнѣйшаго донесенія Вашему Величеству.

Я передалъ графу Панину, что Ваше Величество желаете, чтобы на слѣдующемъ сеймѣ, по умиротворенію Польши, Ея Величество Русская Императрица благоволила бы принять участіе въ томъ, чтобы король и республика распространили бы принятую ими на себя гарантію конвенціи между герцогомъ Курляндскимъ и его супругой, на коронныя имущества, которыми по смыслу конвенціи эти доходы обезпечены. Этотъ министръ увѣрялъ меня, что подобная мѣра не встрѣтитъ ни малѣйшаго затрудненія и что онъ нынѣ же вышлетъ русскому посланнику въ Польшѣ инструкціи по поводу этого предмета.

Остаюсь и пр.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 13-го (24-го) іюля 1772 г.

№ 647. Содержаніе: 1) Графъ Панинъ уклоняется отъ положительнаго обѣщанія увеличить часть короля пріобрѣтеніемъ города Торна въ случаѣ, если вѣнскій

en cas que la cour de Vienne ne voulût pas acquiescer aux modifications proposées pour ce qui lui doit revenir. 2) Le comte Panin propose de ne publier l'exposé des titres sur lesquels les trois puissances établissent leurs droits, que lorsque la diète de pacification sera assemblée.

J'ai reçu par le dernier courrier ordinaire les ordres médiats de V. M. du 10 de ce mois, et l'arrivée du comte Panin en ville pour le terme du conseil, m'ayant procuré l'occasion de lui parler, nous eûmes un entretien sur le contenu intéressant des ordres immédiats de V. M. du 8 de ce mois touchant l'augmentation de ses acquisitions en Pologne, au cas, qu'on accorde à la cour de Vienne toutes celles, qu'elle a demandées. Ce ministre commença par me faire les plus grandes protestations du désir sincère, qu'il avait de satisfaire les volontés de V. M. autant qu'elles pourraient s'accorder avec le système général, sur lequel il avait appris à connaître l'uniformité de vos sentiments avec ceux de l'Impératrice de Russie. Etant ensuite entré en matière, il me pria de vous représenter très humblement, qu'il serait bien difficile de prendre sur ce sujet un concert décisif, avant que de connaître pleinement la façon de penser de la cour de Vienne, car, dit-il, qui nous répondra, que cette cour, qui s'appuyant sur l'égalité à observer dans les acquisitions à faire, se récrie déjà sur ce qu'on veut retrancher quelque chose des siennes, ne se récrie encore plus, quand on lui annoncera, qu'en conséquence de ce qu'elle prétend, nous voulons augmenter nos acquisitions et qu'elle ne pré-

---

дворъ не захочетъ согласиться на измѣненія, предлагаемыя относительно его доли. 2) графъ Панинъ предлагаетъ обнародовать изложеніе основаній, на которыхъ державы предъявляютъ свои права лишь по созваніи сейма.

Я получилъ съ послѣдней почтой министерскія приказанія Вашего Величества отъ 10-го этого мѣсяца, а такъ какъ пріѣздъ графа Панина въ городъ къ дню совѣта далъ мнѣ случай съ нимъ бесѣдовать объ интересномъ содержаніи непосредственныхъ повелѣній Вашего Величества, отъ 8-го этого мѣсяца, по поводу увеличенія пріобрѣтеній Вашего Величества въ Польшѣ въ случаѣ, если вѣнскому двору предоставлено будетъ все имъ требуемое. Министръ этотъ прежде всего усиленно увѣрялъ меня въ своемъ искреннемъ желаніи выполнить волю Вашего Величества, насколько она будетъ согласоваться съ общей системой, касательно которой ему извѣстно, что вы находитесь въ совершенномъ единомысліи съ Русской Императрицей. Затѣмъ, перейдя къ дѣлу, онъ проситъ меня почтительнѣйше объяснить вамъ, что весьма трудно придти къ какому-либо положительному рѣшенію вопроса прежде, чѣмъ подробно ознакомиться съ образомъ мыслей вѣнскаго двора, ибо, говоритъ онъ, кто поручится намъ, что этотъ дворъ, опираясь на соблюденіе равенства въ пріобрѣтеніяхъ, уже недовольный нѣкоторыми предполагаемыми уменьшеніями его части, не возстанетъ еще сильнѣе, когда ему будетъ объявлено, что вслѣдствіе его претензій мы хотимъ увеличить наши пріобрѣтенія, и что въ такомъ

tende être autorisée par là à en faire autant de son côté. Un tel expédient, au lieu de concilier les esprits, ne ferait que les augmenter davantage, nous mènerait peut-être à une guerre ouverte et renverserait un concert si sage, qui sert de base au plus grand et au plus heureux de tous les systèmes, qu'on ait pu imaginer pour la gloire des trois puissances, qui sont prêtes à s'arranger entre elles pour cet objet et pour le bonheur de l'Europe. L'idée d'une telle rupture me répugne à un tel point, que je ne saurais y penser sans frémir. Comme il est persuadé, que V. M. pense tout comme lui, qu'il serait plus glorieux et plus avantageux pour elle, de même que pour la Russie, de terminer les choses avec l'Autriche à l'amiable, il espère que V. M. persistera dans l'opinion, qu'elle lui a fait connaître, savoir, qu'il vaut mieux s'en tenir au projet, qui a été formé ici pour borner les prétentions de la cour de Vienne. Il ne désespère pas d'y réussir. D'abord il est fermement décidé de ne pas se relâcher sur les deux articles, qui concernent les salines et la ville de Lemberg, et pour me convaincre de la vérité de son assertion, il me dit, que son propre honneur était intéressé à ne plus céder, après qu'il en avait demandé si positivement la restitution de l'un et l'autre, dans ses observations, qui avaient été ajoutées au contreprojet envoyé à Vienne. L'exemple de V. M. qui avait renoncé aux villes de Danzic et de Thorn, par considération pour les intérêts de la Russie, la conservation du royaume de Pologne comme puissance intermédiaire, la possibilité d'une rupture, la continuation

---

случаѣ онъ не сочтетъ себя въ правѣ и съ своей стороны поступить точно такимъ же образомъ. Подобная мѣра вмѣсто успокоенія умовъ лишь болѣе ихъ возбудила бы, могла бы вовлечь насъ въ открытую войну и разрушила бы мудрое согласіе, служащее основаніемъ самой великой и благополучной системы, какую только могли придумать для славы всѣхъ трехъ державъ, готовыхъ придти къ взаимному между собой соглашенію для достиженія этой цѣли и блага всей Европы. Мысль о подобномъ разрывѣ мнѣ до того тяжела, что не могу подумать о немъ безъ содроганія. Будучи убѣжденъ, что Ваше Величество также полагаете, какъ и онъ, что для васъ и для Россіи почетнѣе и выгоднѣе было бы покончить съ Австріей дружелюбно; онъ надѣется, что Ваше Величество будете держаться мнѣнія, сообщеннаго вами ему, а именно, что лучше руководствоваться проэктомъ, составленнымъ здѣсь для ограниченія претензій вѣнскаго двора. Онъ не теряетъ надежды достигнуть въ томъ успѣха. Прежде всего онъ твердо рѣшился не уступать по двумъ вопросамъ: о соляныхъ копяхъ и о городѣ Лембергѣ, и дабы увѣрить меня въ истинѣ своихъ словъ, онъ высказалъ, что собственная его честь затронута въ томъ, чтобы не уступать, послѣ того, какъ онъ такъ настойчиво требовалъ возвращенія того и другаго въ своихъ замѣчаніяхъ, приложенныхъ къ отправленному въ Вѣну контръ-проэкту. Примѣръ Вашего Величества, отказавшагося отъ городовъ Данцига и Торна изъ уваженія къ интересамъ Россіи, сохраненіе польскаго королевства, какъ посредствующей державы, возмож-

des jalousies et les suites funestes, qui en résulteraient, seront autant d'arguments, par lesquels il espère de conduire l'esprit du prince Kaunitz à acquiescer à ses vues. Mais si tout cela n'était pas capable de faire impression et qu'il n'y eût pas moyen de s'arranger, il est d'accord et convient même, qu'il serait juste, que V. M. songeât à s'étendre davantage et il promet déjà d'avancer toute l'assistance de la cour de Russie. J'ai cherché à obtenir de ce ministre pour le cas que la cour de Vienne renonçât aux deux principaux articles et qu'on convînt alors de lui céder quelques autres parcelles de la Pologne, que cela ne se fît qu'à condition, que V. M. obtînt aussi quelque équivalent et pour le moins la ville de Thorn. Mais il n'a voulu s'engager positivement à rien, me priant de ne pas insister pour lui arracher cette promesse, et d'être assuré, que si l'on était obligé de céder par nécessité à la cour de Vienne sur l'un ou l'autre des deux points principaux, il ne négligerait certainement pas les intérêts de V. M. comme étant ceux d'un ami et d'un allié de la Russie, qui avait certainement des droits sur sa reconnaissance, mais que par contre, il espérait aussi, que si la cour de Vienne acquiesçait aux modifications, qu'on avait mises à ce qu'elle demandait, V. M. se contenterait également de la portion, telle qu'elle avait été stipulée dans la convention conclue entre elle et l'Impératrice de Russie. Pour ce qui est de la publication des droits respectifs sur la Pologne, le comte Panin est de l'opinion, qu'il n'est pas nécessaire de la faire au moment de la prise de posses-

---

ность разрыва, продолженіе зависти и пагубныя послѣдствія, могущія произойти, все это составитъ доводы, которыми онъ надѣется склонить князя Кауница къ согласію на его виды. Если же все это окажется безуспѣшнымъ и не будетъ инаго средства придти къ соглашенію, онъ согласенъ, что было бы справедливо, чтобы Ваше Величество подумали о дальнѣйшемъ расширеніи и обѣщаетъ вамъ поддержку русскаго двора. Я старался получить отъ этого министра обѣщаніе, что въ случаѣ, если вѣнскій дворъ откажется отъ двухъ главныхъ статей, за что̀ согласятся уступить ему какую либо другую часть Польши, то это могло бы состояться не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы Ваше Величество тоже пріобрѣли что̀ либо соотвѣтствующее и по меньшей мѣрѣ городъ Торнъ. Но онъ не хотѣлъ обѣщать ничего положительнаго, прося меня не настаивать на подобномъ обѣщаніи и быть увѣреннымъ, что если окажется необходимость уступить вѣнскому двору по какому либо изъ двухъ главныхъ вопросовъ, то онъ, конечно, не пренебрежетъ интересами Вашего Величества, какъ друга и союзника Россіи, имѣющаго несомнѣнныя права на ея благодарность, но что съ другой стороны онъ надѣется, что если вѣнскій дворъ согласится на измѣненія, предлагаемыя въ его требованіяхъ, то Ваше Величество также удовлетворитесь своей частью въ томъ видѣ, какъ о томъ было условлено конвенціей, заключенной между Вашимъ Величествомъ и Императрицей Русской. Что̀ же касается до обнародованія обоюдныхъ правъ на Польшу, графъ Панинъ того мнѣнія, что нѣтъ необходимости

sion, mais que cela peut être remis jusqu'à l'assemblée de la diète de pacification. Selon lui les trois puissances ne sont responsables en ce cas-ci, qu'à Dieu et à la nation polonaise et à nulle autre puissance sur la terre. Et comme cette nation n'existera pas, avant qu'elle ne soit assemblée en diète, il n'est pas besoin de l'informer non plus des motifs, qui engagent ces puissances à en agir comme elles feront. C'est aussi pour l'engager à s'assembler, qu'il a fait entrer dans le manifeste une invitation formelle de le faire au plutôt. Quant aux déclarations à faire aux autres puissances sur l'évènement, qui se prépare, il lui paraît qu'il suffit de leur donner une copie du manifeste, qui doit être publié en Pologne, lorsque la prise de possession se fera effectivement, du moins se propose-t-il de les distribuer à tous les ministres étrangers, qui sont à Pétersbourg, indistinctement, que leurs cours soient amies de la sienne, ou qu'elles lui soient opposées, et il fera donner une copie du manifeste, nommément au chargé d'affaires de France.

№ 648.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 11 d'Août. à St. Pétersbourg, le 17 (28) de Juillet 1772.

Contenu: 1) L'Impératrice de Russie et tout le ministère sont contents de la réponse de la cour de Vienne et des conditions, qu'elle exige. — 2) Le

---

приступить къ нему ранѣе срока вступленія во владѣніе, но что это можно отложить до созванія сейма. По его мнѣнію въ данномъ случаѣ всѣ три державы отвѣтственны предъ Богомъ и польскимъ народомъ, и предъ никакой другой державой на свѣтѣ. А такъ какъ эта нація станетъ существовать лишь со времени созванія сейма, то и не слѣдуетъ увѣдомлять ее о причинахъ, побуждающихъ всѣ три державы поступать такимъ образомъ. Имѣя въ виду ускореніе созванія сейма, онъ включилъ въ манифестъ формальное приглашеніе приступить къ нему въ возможной скорости. Что же касается до декларацій другимъ державамъ относительно приготовляющагося событія, онъ полагаетъ, что достаточно выдать имъ копіи съ манифеста, который будетъ напечатанъ въ Польшѣ, и то лишь при дѣйствительномъ вступленіи во владѣніе; по крайней мѣрѣ онъ намѣревается раздать ихъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ, находящимися въ Петербургѣ, безъ всякаго различія, дружественно ли онъ или враждебно относятся къ Россіи, и между прочимъ выдастъ копію съ манифеста французскому повѣренному въ дѣлахъ.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 11-го августа). С.-Петербургъ, 17-го (28-го) іюля 1772 г.

№ 648. Содержаніе: 1) Русская Императрица и все министерство довольны отвѣтомъ вѣнскаго двора и требуемыми имъ условіями. 2) Такъ какъ князь Кау-

prince Kaunitz refuse que sa cour s'engage formellement dans la convention, à seconder les vues de la Russie au congrès, cette difficulté pourra empêcher peut-être, qu'on ne procède pas tout de suite à la signature de la convention. Pour prouver à la Russie la sincérité de ses sentiments, il a fait au prince Gallizin le récit de tout ce qui a été traité entre sa cour et la Porte; il y a eu un traité de signer, que la cour de Vienne, voyant des acquisitions à faire en Pologne, n'a pas ratifié. — 3) Osman-Effendi déclare à M. Zeglin, qu'on ne pourrait pas consentir à l'affranchissement des Tartares. Le congrès pourrait bien être bientôt rompu; le comte Orlow désirant de retourner à Pétersbourg s'ennuit en Moldavie et l'Impératrice, qui désire le revoir, saisira cette occasion, de mettre fin au congrès.

Les ordres médiats de V. M. que j'ai reçus deux jours auparavant par l'occasion du courrier autrichien, je ne suis pas en état de lui faire aujourd'hui un rapport complet de la situation actuelle de la négociation avec la cour de Vienne relativement aux arrangements en Pologne. J'ai appris par les susdits ordres immédiats la réponse, que le prince Kaunitz se proposait de donner aux dernières propositions de cette cour. J'en ai fait part au comte Panin, afin de le prévenir sur une pièce si importante, avant que le prince Lobkowitz la lui annonçât formellement. Il m'en a beaucoup remercié, puisqu'en effet, c'est par là que le comte Panin en a eu la première nouvelle, le prince Gallizin n'ayant point

---

ницъ отказывается именемъ своего двора отъ формальной конвенціи, обязующей его слѣдовать видамъ Россіи на конгрессѣ, это затрудненіе быть можетъ помѣшаетъ немедленному подписанію конвенціи. Желая доказать Россіи искренность своихъ чувствъ, онъ разсказалъ князю Голицыну всѣ сношенія своего двора съ Портой; имѣлся въ виду трактатъ, который вѣнскій дворъ не ратификовалъ, ибо въ немъ заключалась статья о пріобрѣтеніяхъ въ Польшѣ. 3) Османъ-Эффенди объявляетъ г. Зегелину, что нельзя согласиться на освобожденіе татаръ. Конгрессъ быть можетъ скоро закроетъ свои дѣйствія; графъ Орловъ, желая вернуться въ Петербургъ, скучаетъ въ Молдавіи, а Императрица хочетъ его видѣть, и потому воспользуется этимъ случаемъ закрыть конгресъ.

Я получилъ министерскія повелѣнія Вашего Величества два дня тому назадъ черезъ посредство австрійскаго курьера, но сегодня я еще не имѣю возможности подробно доложить Вамъ о настоящемъ положеніи переговоровъ съ вѣнскимъ дворомъ по вопросу о польскихъ дѣлахъ. Я узналъ изъ упомянутыхъ непосредственныхъ повелѣній отвѣтъ, который князь Кауницъ намѣревается дать на послѣднія предложенія этого двора. Я сообщилъ о томъ графу Панину, дабы предупредить его о столь важномъ вопросѣ прежде, чѣмъ князь Лобковичъ объявитъ ему о томъ оффиціальнымъ образомъ. Онъ очень благодарилъ меня за то, ибо дѣйствительно такимъ путемъ графъ Панинъ получилъ о томъ первое извѣстіе, такъ какъ князь Голицынъ

envoyé de courrier à cette occasion. Je l'ai vu ensuite un moment à la cour avant-hier au soir, mais comme le grand-duc se trouvait incommodé par une indigestion pour avoir mangé trop de fruits, il est bientôt retourné chez lui et a fait inviter le prince Lobkowitz de passer dans son appartement, afin de recevoir de lui toutes les pièces, qu'il avait à lui remettre. Je ne sais ce qui s'est passé dans cette conférence, n'ayant vu du depuis ni l'un ni l'autre. Mais après le peu, que le comte Panin m'a dit sur l'affaire en gros, je puis déjà assurer V. M. qu'il est très content de la résolution, que la cour de Vienne a prise, de céder les deux palatinats de Lublin et de Chelm, et qu'il est très décidé, de suivre le conseil, que V. M. a bien voulu lui donner, savoir, qu'on ferait bien de se prêter à de pareilles conditions et d'y acquiescer. Tous ceux, à qui j'ai parlé de l'affaire en question, sont du même sentiment. Sa Maj. l'Impératrice m'a fait elle-même la grâce, de me dire en mots ouverts, qu'elle était très contente de ces conditions, et tous les autres regardent la cession de deux importantes provinces comme un triomphe remporté sur la cour de Vienne, par cette union indissoluble, qui subsiste entre V. M. et la Russie. Je dois rendre au comte Panin et à tout le ministère russien la justice de dire, que pendant le temps, qu'on était dans l'incertitude sur la manière, dont la cour de Vienne se déciderait sur les modifications, qu'on lui a proposées, ils ont été fort en peine sur le parti, qu'il y aurait à prendre en cas que cette cour refusât d'être modérée dans ses demandes, et cela pour ne rien faire, Sire, qui pût vous être désagréable. La ville de

---

не отправлялъ по этому дѣлу курьера. Послѣ того я видѣлъ его третьяго дня вечеромъ при дворѣ, но весьма недолго, потому что Великій Князь былъ нездоровъ, вслѣдствіе большаго количества съѣденныхъ фруктовъ, и онъ скоро уѣхалъ, пригласивъ къ себѣ князя Лобковича для врученія ему всѣхъ имѣвшихся у него документовъ. Не знаю, что произошло во время этого разговора, такъ какъ съ тѣхъ поръ не видѣлъ ни того ни другаго. Но судя по тому немногому, что графъ Панинъ высказалъ мнѣ о дѣлѣ, вообще могу увѣрить Ваше Величество, что онъ очень доволенъ рѣшеніемъ вѣнскаго двора уступить оба воеводства, Люблинское и Холмское, и вполнѣ рѣшился слѣдовать совѣту Вашего Величества, а именно, принять подобныя условія и выразить на нихъ согласіе. Всѣ, съ кѣмъ я ни говорилъ объ этомъ дѣлѣ, раздѣляютъ это мнѣніе. Ея Величеству Императрицѣ угодно было прямо высказать мнѣ, что она весьма довольна этими условіями, а всѣ прочіе считаютъ уступку двухъ столь важныхъ провинцій побѣдой, одержанной надъ вѣнскимъ дворомъ ненарушимымъ союзомъ, существующимъ между Вашимъ Величествомъ и Россіей. Я долженъ отдать справедливость графу Панину и всему русскому министерству, упомянувъ, что въ то время, пока было неизвѣстно, какъ отнесется вѣнскій дворъ къ предложеннымъ измѣненіямъ, всѣ они были весьма озабочены вопросомъ, на что рѣшиться въ случаѣ, если бы этотъ дворъ отказался умѣрить свои требованія, руководствуясь при этомъ

Lemberg ne tenait pas autrement à cœur à la Russie, que parce qu'elle regardait sa conservation comme avantageuse à la Pologne. Mais on avait résolu de lui laisser les salines, parce que V. M. avait fait remarquer, que son propre intérêt y perdrait, si elles passaient entre les mains de la cour de Vienne et on y aurait tenu ferme, si elle avait trouvé bon de persister dans cette idée. Mais après qu'elle avait bien voulu donner à connaître, qu'elle était bien contente des propositions des Autrichiens, qu'elle les trouvait modérées, et que V. M. ne demandait plus pour elle-même une augmentation de sa portion, on en a inféré, que V. M. regardait les deux palatinats cédés par la cour de Vienne, comme équivalents aux salines et à la ville de Lemberg et qu'elle ne trouvait plus que la portion autrichienne excédait la sienne. Enfin V. M. ayant conseillé à la Russie de conclure la convention sur ces principes, on ne balance plus ici, sur ce qu'on a à faire et la discussion de l'égalité à observer dans les acquisitions n'arrêtera plus la consommation du concert sur les arrangements à prendre en Pologne. Il y a cependant encore un article, qui pourra y apporter quelque empêchement et donner lieu peut-être à l'envoi d'un second courrier à Vienne. Le prince Lobkowitz, qui m'a communiqué confidemment tout ce qu'il avait reçu de sa cour, avant qu'il ait vu le comte Panin, m'a fait apercevoir, quand il m'en fit la lecture, que le prince Kaunitz avait omis dans le contreprojet de la convention l'article quatrième, où la cour de Vienne doit promettre,

---

желаніемъ не сдѣлать ничего непріятнаго Вашему Величеству. Россія отстаивала городъ Лембергъ лишь потому, что считала сохраненіе его выгоднымъ для Польши. Но было рѣшено сохранить соляные копи, потому что Ваше Величество замѣтили, что собственные Ваши интересы пострадали бы отъ перехода ихъ въ руки вѣнскаго двора, и въ этомъ случаѣ проявили бы твердость, если бы Вашему Величеству угодно было настаивать на этомъ вопросѣ. Но когда Вашему Величеству угодно было объявить, что Вы довольны предложеніями австрійцевъ, находя ихъ умѣренными и не требуя увеличенія собственной части, то изъ этого заключили, что Ваше Величество считаете оба воеводства, уступленныя вѣнскимъ дворомъ, соотвѣтствующими солянымъ копямъ и г. Лембергу, и не находите болѣе, что австрійская часть превосходитъ Вашу собственную. Наконецъ, такъ какъ Ваше Величество совѣтовали Россіи заключить конвенцію на этихъ основаніяхъ, то здѣсь не колеблятся болѣе относительно предстоящаго образа дѣйствій и разсужденіе о равенствѣ въ пріобрѣтеніяхъ не остановитъ болѣе соглашенія о польскихъ дѣлахъ. Впрочемъ, существуетъ еще статья, могущая возбудить нѣкоторыя затрудненія и вызвать необходимость въ отправкѣ новаго курьера въ Вѣну. Князь Лобковичъ, сообщившій мнѣ конфиденціальнымъ образомъ все полученное имъ отъ своего двора еще ранѣе свиданія съ графомъ Панинымъ, прочтя мнѣ эти бумаги, далъ мнѣ понять, что князь Кауницъ пропустилъ въ контръ-проэктѣ конвенціи статью четвертую, по которой

qu'elle voulait concourir au congrès par ses bons offices à la paix avec la Porte. Le prince Lobkowitz a ordre d'insinuer à ce sujet, que la cour avait lieu de croire, qu'à présent on aurait en Russie une meilleure opinion de ses sentiments, qu'on l'avait eue auparavant, qu'elle espérait donc, qu'on ne voudrait pas exiger une chose, qui pourrait l'exposer dans la suite à des embarras fâcheux, que certainement elle agirait dans cette occasion avec toute la bonne foi possible, mais qu'elle ne pouvait pas admettre, qu'il y eût dans le traité une promesse positive de sa part. Que cependant si l'on continuait à y insister, lui, le prince Lobkowitz, était autorisé à insérer dans la convention un article, dont on lui a envoyé le projet. Mais cet article est si vague et si peu précis, qu'il ne dit presque rien, et le prince Lobkowitz m'a assuré, qu'il ne pouvait en accepter un autre, sans demander de nouveaux ordres à sa cour. Je ne sais pas encore, à quoi l'on se résoudra, ici, mais autant qu'il me paraît, on ne voudra pas se contenter de si peu de chose et par cette réserve le prince Kaunitz rendra de nouveau ses sentiments fort suspects. Il est vrai, que pour prouver sa sincérité, il a eu recours à un expédient singulier, il a lu au prince Galliczin une déclaration, dont il n'a cependant pas voulu lui donner la copie et dans laquelle il avoue, qu'il a eu des pourparlers entre sa cour et la Porte, pour procurer à la dernière la paix à de meilleures conditions, que n'étaient celles, que la Russie lui avait offertes au commencement, qu'elle avait promis, que pour y parvenir, elle

---

вѣнскій дворъ обязывался бы содѣйствовать на конгрессѣ миру съ Портой. По этому поводу князь Лобковичъ долженъ намекнуть, что дворъ его полагаетъ, что въ настоящее время въ Россіи имѣютъ о семъ лучшее противъ прежняго понятіе, а потому надѣется, что отъ него не потребуютъ условія, могущаго со временемъ навлечь на него большія затрудненія, что въ данномъ случаѣ онъ, разумѣется, поступитъ съ полнѣйшей искренностью, но тѣмъ не менѣе не можетъ допустить, чтобы въ трактатѣ заключалось положительное съ его стороны обѣщаніе. Впрочемъ, еслибы продолжали настаивать, онъ, князь Лобковичъ, уполномоченъ включить въ конвенцію статью, проэктъ которой ему высланъ. Но статья эта до того неясная и неопредѣленная, что не выражаетъ почти ничего, а между тѣмъ князь Лобковичъ увѣрялъ меня, что не можетъ принять другой, не испросивъ на то разрѣшенія своего двора. Мнѣ еще неизвѣстно на что здѣсь рѣшатся, но на сколько я могу судить, не захотятъ удовольствоваться столь малымъ, и подобная сдержанность со стороны князя Кауница снова возбудитъ подозрѣніе къ искренности его чувствъ. Правда, что въ доказательство своей искренности онъ прибѣгнулъ къ странной уловкѣ, прочтя князю Голицыну декларацію, съ которой, однако, не согласился выдать ему копію и въ которой онъ сознается, что между дворомъ его и Портой происходили переговоры съ цѣлью доставить послѣдней миръ на условіяхъ лучшихъ, чѣмъ первоначально предлагаемыя ей Россіей, причемъ вѣнскій дворъ обѣщалъ, что для достиженія этой цѣли употребитъ

employerait non seulement ses bons offices, mais même les armes, s'il le fallait, et qu'elle s'était stipulée pour cela la partie de la Vallachie, qu'elle avait cédée à la Porte par la dernière paix, et en outre une somme d'argent; que ce traité avait été signé à Constantinople par les ministres des deux puissances, mais qu'il n'avait pas été ratifié; que depuis que la cour de Vienne était entrée en négociation avec la cour de Russie, elle avait fait déclarer à la Porte, qu'elle ne se croyait pas obligée de s'en tenir à ce traité, qu'il devait être regardé comme non-avenu. Le prince Lobkowitz est révolté lui-même de ce mauvais procédé, que sa cour a été sur le point d'avouer et très offensé de ce que le prince de Kaunitz lui a laissé ignorer cette circonstance jusqu'à ce moment-ci. Il a ajouté qu'il croyait que le baron de Swieten aurait eu ordre de faire la même confidence à V. M. comme lui, prince Lobkowitz, se trouvait chargé de la faire à la Russie. Selon l'idée du prince Kaunitz, cette confession doit servir de preuve à la Russie, que ce ministre, s'avouant coupable pour le passé, est intentionné d'en agir sincèrement cette fois-ci; mais en même temps, elle doit convaincre cette cour, qu'il ne peut pas agir ouvertement pour ses intérêts au congrès, pour ne pas exposer sa cour aux reproches et peut-être au ressentiment de la Porte; reste à savoir, quel jugement on en portera ici.

J'ai reçu nouvellement une lettre du Mr. Zeglin, datée du camp du grand-vizir du 6 de ce mois. Il me mande, que Osman-Effendi lui avait déclaré,

---

не только убѣжденія, но даже и оружіе, если въ томъ окажется необходимость, выговоривъ себѣ за подобное содѣйствіе часть Валахіи, уступленную имъ Портѣ по послѣднему миру, и кромѣ того денежную сумму; трактатъ этотъ былъ подписанъ въ Константинополѣ министрами обѣихъ державъ, но не былъ ратификованъ, а со времени открытія переговоровъ съ русскимъ дворомъ вѣнскій дворъ объявилъ Портѣ, что не признаетъ этого трактата для себя обязательнымъ и считаетъ его не имѣвшимъ мѣста. Князь Лобковичъ самъ возмущенъ дурнымъ поступкомъ, котораго едва не совершилъ его дворъ, и крайне обиженъ тѣмъ, что князь Кауницъ до сихъ поръ скрывалъ отъ него это обстоятельство. Онъ прибавилъ, что барону Свитену, вѣроятно, предписано сдѣлать Вашему Величеству такое же сообщеніе, какое ему, князю Лобковичу, поручено передать Россіи. По мнѣнію князя Кауница подобная откровенность должна доказать Россіи, что этотъ министръ, признавая себя виновнымъ въ прошедшемъ, на этотъ разъ намѣревается поступить искренно; но въ то же время это должно убѣдить здѣшній дворъ, что онъ (князь) лишенъ возможности открыто дѣйствовать на конгрессѣ въ пользу его интересовъ, дабы не подвергать своего двора упрекамъ, а быть можетъ и враждѣ Порты. Остается знать, какъ отнесутся здѣсь къ этому.

Недавно я получилъ письмо отъ г. Зегелина, написанное въ лагерѣ великаго визиря отъ 6-го числа этого мѣсяца. Онъ сообщаетъ мнѣ, что Османъ-Эффенди

que les Ulémas s'opposaient à l'affranchissement des Tartares, et que cet article, contraire à la religion et qui exposait la personne du sultan, ne pourrait pas être accepté. Cette nouvelle n'a pas fait plaisir ici, cependant on prendra bien vite son parti et si les Turcs refusent tout de bon de souscrire à l'article en question, le congrès se rompra tout de suite. Le comte Orlow est déjà impatienté de la lenteur, avec laquelle les plénipotentiaires turcs font leur voyage, il se déplait là où il se trouve, et pour trancher le mot, il s'y ennuye et voudrait être de retour ici. Son mécontentement a eu beaucoup d'influence sur l'esprit de la souveraine, qui est fâchée de le savoir là bas mal à son aise. Je ne serais point surpris, qu'on prît quelque résolution précipitée, le refus de la liberté des Tartares de la Crimée la justifierait.

№ 649.

Le roi au comte de Solms à Pétersbourg.

(En chiffres.) Potsdam, le 31 de Juillet 1772.

Le baron de Swieten vient de sortir de chez moi. Il m'a demandé une audience par ordre de sa cour et je la lui ai accordée tout de suite. Il a été question de me communiquer un nouveau projet de manifeste pour la prise de possession en Pologne qui me paraît différer en rien de celui du comte Panin. Le prince de Kaunitz en est l'auteur. Ce ministre a pensé, que comme

---

объявилъ ему, что улемы сопротивляются освобожденію татаръ, и что статья эта, противорѣчащая религіи и подвергающая опасности особу султана, не можетъ быть принята. Извѣстіе это здѣсь не понравилось, однако, здѣсь скоро придутъ къ рѣшенію, и если Турки положительно откажутся подписать упомянутую статью, конгрессъ тотчасъ же закроется. Графъ Орловъ уже раздраженъ медленностью, съ которой ѣдутъ турецкіе уполномоченные, ему не нравится тамъ, гдѣ онъ находится, или вѣрнѣе, онъ тамъ скучаетъ и желалъ бы возвратиться сюда. Его неудовольствіе имѣло большое вліяніе на настроеніе Государыни, которой непріятно знать, что ему тамъ не хорошо. Я не удивлюсь, если будетъ принято какое либо поспѣшное рѣшеніе, — оно будетъ оправдано, вѣроятно, отказомъ въ освобожденіи крымскихъ татаръ.

Отъ короля графу Сольмсу въ Петербургъ.

(Шифрованная.) Потсдамъ, іюля 31-го 1772 г.

№ 649. Отъ меня только что вышелъ баронъ Свитенъ [1]). Онъ испросилъ у меня по приказанію своего двора аудіенцію, которую я ему тотчасъ же назначилъ. Ему было предписано сообщить мнѣ проэктъ манифеста относительно вступленія во владѣніе въ Польшѣ, по моему, ничѣмъ не разнящійся отъ проэкта графа Панина. Авторъ его—князь Кауницъ. Этотъ министръ предположилъ, что въ виду различнаго положе-

---

1) Ср. A. Beer: Friedrich II und Van Swieten, стр. 83 и слѣд.

il y avait une différence entre la situation de sa cour et celle de Russie, il en faudrait aussi dans ce manifeste. Je l'ai lu attentivement et je n'y ai rien trouvé à redire. Bien au contraire, c'est une règle générale dans la politique, que faute d'arguments sans réplique, il vaut mieux s'énoncer laconiquement et ne point trop éplucher la matière. Or, je sais bien que la Russie a bien plus de raisons à alléguer, mais il n'en est pas de même de nous, de sorte qu'à mon avis, le meilleur serait de se conformer à cet égard aux idées du prince de Kaunitz. Supposé cependant que le comte de Panin persiste à ne vouloir admettre que son projet, je crois que la cour de Vienne ne s'y opposera point, pourvu qu'on lui laissât la liberté de conserver à son tour le sien.

Un second sujet de cette audience a été la réponse du prince Kaunitz au sentiment du comte de Panin sur les 4 points capitaux relativement à la pacification de la Pologne, et j'ai été bien aise d'apprendre que les idées de ces deux ministres s'accordent aussi parfaitement sur cet article. C'est toujours un grand point de gagné qui aurait pu devenir une source de mille tracasseries et difficultés.

Tout me persuade donc que notre grande affaire touche au moment de sa conclusion et je l'attends avec la dernière impatience. En attendant mon major de Zeglin ajoute en chiffre à son dernier rapport dont je vous adresse ci-joint une copie: qu'ayant eu occasion de s'entretenir beaucoup pendant le

---

нія его двора и Россіи, таковое же различіе должно существовать и въ манифестѣ. Я внимательно прочелъ его и не имѣлъ ничего на него возразить. Напротивъ, общее правило политики заключается въ томъ, что въ случаѣ неимѣнія неоспоримыхъ доводовъ—всего лучше выражаться лаконическимъ образомъ и не слишкомъ вдаваться въ подробности. Мнѣ хорошо извѣстно, что Россія можетъ выставить болѣе основаній своимъ требованіямъ, но мы въ иномъ положеніи, и потому я полагаю, что для насъ всего лучше въ этомъ отношеніи слѣдовать мнѣнію князя Кауница. Предположивъ, однако, что графъ Панинъ будетъ настаивать на принятіи своего проэкта, думаю, что вѣнскій дворъ не возстанетъ противъ этого, лишь бы только ему была предоставлена свобода въ свою очередь сохранить собственный проэктъ. Вторымъ предметомъ этой аудіенціи послужилъ отвѣтъ князя Кауница на мнѣніе графа Панина о четырехъ главныхъ статьяхъ умиротворенія Польши, и мнѣ было весьма пріятно услышать, что мнѣнія этихъ обоихъ министровъ вполнѣ согласны между собой. Это очень существенно, ибо въ противномъ случаѣ могли произойти многочисленныя столкновенія и затрудненія.

Все это доказываетъ, что важное дѣло, насъ занимающее, подходитъ къ концу, котораго я ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ маіоръ Зегелинъ въ послѣдней своей депешѣ, съ которой посылаю вамъ копію, прибавляетъ шифрами слѣдующее: во время путешествія онъ имѣлъ случай много разговаривать съ Османъ-

voyage avec Osman Effendi, ce ministre ottoman avait fait renaître mille difficultés sur l'indépendance des Tartares, qu'il avait prétendu que le corps des Ulemas n'y voulait absolument pas consentir, qu'en général cette indépendance était contraire à leur religion et qu'en y condescendant, le sultan même ne serait pas assuré sur son trône. Le sieur de Zeglin n'a pas négligé de lui faire toutes les représentations imaginables à ce sujet, et n'a rien oublié pour le persuader de la nécessité indispensable d'y souscrire. Mais jusqu'ici il ne sait pas encore si ses représentations auront fait impression et il faudra voir si au congrès les ministres ottomans insisteront avec la même opiniâtreté sur cet article. L'internonce autrichien au contraire ne s'est pas encore déboutonné vis-à-vis du sieur de Zeglin et jusqu'ici au moins il a gardé bouche close sur les instructions de sa cour à ce sujet.

(En clair). — C'est tout ce que je puis vous mander aujourd'hui.

№ 650.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 15 d'Août. à St. Pétersbourg, le 20 (31) de Juillet 1772.

Contenu: 1) Le projet du prince Kaunitz est accepté en plein; la convention sera signée peu de temps après le retour de l'Impératrice de Finlande. 2) Digression sur le pouvoir exorbitant des frères Orlow. 3) Conditions du traité

Эффенди, причемъ оттоманскій министръ выставилъ множество препятствій къ признанію независимости татаръ, увѣряя, что сословіе улемовъ ни за что на то не соглашается, что, вообще, подобная независимость противна ихъ религіи и, согласившись на нее, самому султану не былъ бы обезпеченъ его престолъ. Г. Зегелинъ не преминулъ сдѣлать ему по этому поводу всевозможныя представленія и не позабылъ ни о чемъ, чтó могло бы убѣдить его въ положительной необходимости на нее согласиться. Но онъ до сихъ поръ не увѣренъ въ томъ, произвели ли его представленія достаточное впечатлѣніе, и остается выждать, будутъ ли оттоманскіе министры настаивать на конгрессѣ съ одинаковымъ упрямствомъ на этомъ именно условіи. Австрійскій интернунцій, напротивъ, до сихъ поръ еще не высказался передъ г. Зегелинымъ и до настоящей минуты хранитъ упорное молчаніе объ инструкціяхъ своего двора.

(Буквами) Вотъ все, чтó могу сообщить вамъ сегодня.

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 15-го августа. С.-Петербургъ, 20-го (31-го) іюля 1772 г.

№ 650. Содержаніе: 1) Проэктъ князя Кауница безусловно принятъ; конвенція будетъ подписана вскорѣ по возвращеніи Императрицы изъ Финляндіи. 2) Разсужденія о чрезмѣрной власти братьевъ Орловыхъ. 3) Условія трактата, заклю-

conclu l'année passée entre la cour de Vienne et la Porte, dont on a une copie à Pétersbourg. 4) Les premiers jours de Septembre fixés pour la prise de possession commune. 5) Baron de Stackelberg, ministre de Russie en Espagne, nommé pour remplacer Mr. de Saldern à Varsovie.

J'ai eu l'honneur de rendre compte à V. M. dans mon dernier rapport des sentiments de cette cour, tels que je les avais aperçus, sur la manière de terminer avec la cour de Vienne le concert à prendre pour les arrangements en Pologne. Je puis les confirmer aujourd'hui avec une entière certitude, ayant eu avant-hier un entretien sur cette matière avec le comte Panin, qui m'avait fait inviter de me rendre pour cela à Peterhoff. Il me dit, que Sa M. l'Impératrice étant entièrement d'accord avec V. M. sur cette matière, elle avait résolu de suivre le conseil, qu'elle avait bien voulu lui donner et accepter les dernières conditions, que la cour de Vienne avait proposées pour accéder au traité de partage; qu'il venait de recevoir les ordres de S. M. qui voulait, qu'il préparât toutes les choses de façon, que l'Impératrice à son retour de Finlande put les trouver prêtes à être approuvées par elle et que les instruments de la triple convention pussent être signés la semaine prochaine. Voici ce que le comte Panin ajouta à ce que dessus lui-même, qu'on aurait bien pu pousser la cour de Vienne plus, qu'on ne faisait; que se trouvant sans amis sûrs et dans une situation embrouillée, elle aurait fini par s'accommoder de tout ce qu'on aurait voulu lui donner, mais

---

ченнаго въ прошломъ году между вѣнскимъ дворомъ и Портой, и копія съ котораго имѣется въ Петербургѣ. 4) Первые дни сентября назначены срокомъ для общаго вступленія во владѣніе. 5) Баронъ Штакельбергъ, русскій министръ въ Испаніи, назначенъ вмѣсто г. Сальдерна въ Варшаву.

Въ послѣднемъ моемъ докладѣ я имѣлъ честь отдать отчетъ Вашему Величеству о настроеніи здѣшняго двора, насколько я могъ понять его, относительно окончательнаго соглашенія съ вѣнскимъ дворомъ по польскимъ дѣламъ. Сегодня могу положительно подтвердить это, такъ какъ третьяго дня я имѣлъ по этому поводу разговоръ съ графомъ Панинымъ, пригласившемъ меня въ Петергофъ. Онъ сказалъ мнѣ, что Ея Величество Императрица, будучи вполнѣ согласна съ Вашимъ Величествомъ по поводу этого вопроса, рѣшилась слѣдовать совѣту и принять послѣднія условія, предложенныя вѣнскимъ дворомъ, относительно трактата раздѣла; онъ только что получилъ приказанія Ея Величества, которая желаетъ, чтобы онъ все подготовилъ такимъ образомъ, чтобы Императрица по возвращеніи изъ Финляндіи нашла дѣло уже готовымъ и ожидающимъ лишь ея одобренія, послѣ чего документы тройной конвенціи могли бы быть подписаны на слѣдующей недѣлѣ. Ко всему вышеизложенному графъ Панинъ прибавилъ отъ себя, что возможно было бы подвинуть и далѣе вѣнскій дворъ, который, находясь безъ друзей и въ затруднительномъ положеніи, въ заключеніе удовлетворился бы всѣмъ, что́ бы только согласились ему дать, но не упоминая объ об-

que sans s'arrêter à la considération générale des embarras, dans lesquelles nos deux cours auraient été entraînées par une telle rupture, il était bien aise en son particulier, de ne pas les augmenter pour sa propre cour, afin de diminuer l'influence presque despotique des frères Orlofs, dans les affaires, que celui, qui se trouvait actuellement au congrès, prétendait à décider en toute occasion, sans se donner la peine d'approfondir les choses et ne faisait que les embrouiller, que l'autre, qui était actuellement à Livourne, agissait selon sa tête, que par les pirateries, qu'il faisait exercer sur les vaisseaux marchands, il attirait de nouveaux embarras à la Russie, que l'influence décisive, que l'Impératrice lui accordait toujours par préférence dans les affaires, ne s'étendait cependant pas si loin, qu'il put prévenir toutes les fausses démarches de façon, qu'on pourrait redresser toutes les bévues qui en résultaient. Le baron de Swieten ayant communiqué à V. M. la réponse de sa cour, il serait superflu, que je m'y arrêtasse dans mon rapport. Je m'y bornerai seulement à vous exposer, Sire, la manière, dont le comte Panin estime pouvoir concilier les changements, qui se trouvent dans le projet de la cour de Vienne, avec les principes, qui ont été établis pour base dans le plan du concert entre les trois puissances dès le commencement de la négociation et même dans le corps du traité. Dans le projet autrichien on a omis le nom de l'Empereur, qui ne doit plus paraître dans toute cette négociation. On y a substitué le nom de l'Impératrice-Reine seule, qui s'engage pour elle, ses

---

щихъ затрудненіяхъ, въ которыя наши оба двора могли быть вовлечены подобнымъ разрывомъ; онъ лично весьма доволенъ не увеличивать ихъ для собственнаго двора и тѣмъ ослабить почти деспотическое вліяніе на дѣла братьевъ Орловыхъ; что тотъ изъ нихъ, который въ настоящую минуту находится на конгрессѣ, беретъ на себя рѣшать всякіе вопросы, не давая себѣ труда ихъ обдумывать, и тѣмъ только запутываетъ дѣла, между тѣмъ какъ другой, въ Ливорно, дѣйствуетъ какъ ему вздумается, и своими нападеніями на купеческіе корабли навлекаетъ на Россію новыя затрудненія. Съ другой стороны, рѣшающее вліяніе на дѣла, постоянно предоставленное ему Императрицей, не простирается, однако, такъ далеко, чтобы онъ былъ въ состояніи предупреждать всѣ неправильныя мѣропріятія и исправлять неудобства, отъ нихъ происходящія. Такъ какъ баронъ Свитенъ сообщилъ Вашему Величеству отвѣтъ своего двора, то считаю безполезнымъ останавливаться на немъ въ настоящемъ донесеніи. Изложу только Вашему Величеству какимъ образомъ графъ Панинъ разсчитываетъ примирить измѣненія, находящіяся въ проэктѣ вѣнскаго двора, съ принципами, положенными въ основаніе проэкта соглашенія между тремя державами, съ самаго начала переговоровъ и даже въ самомъ трактатѣ. Въ австрійскомъ проэктѣ опущено имя Императора, которое уже не появится во всемъ ходѣ переговоровъ. Его замѣнили именемъ Императрицы-Королевы, которая принимаетъ обязательства на себя,

héritiers et successeurs. Le prince Kaunitz ne s'étend pas trop dans sa dépêche au prince Lobkowitz sur les raisons, qu'il pourrait alléguer pour justifier ce changement, il dit simplement, que la chose n'est pas trop nécessaire, ajoutant cependant, que l'Empereur ne refuserait pas d'accéder au concert, si la Russie persistait à la demander et qu'alors cela se ferait par un acte séparé. Le comte Panin regarde une obligation contractée au nom de l'Impératrice-Reine, comme tout aussi valable, que si le nom de l'Empereur accompagnait le sien dans cet acte, il pense, que quelque raison secrète et particulière à la maison d'Autriche avait donné occasion au changement en question, qu'elle pouvait se rapporter peut-être au rang entre l'Impératrice-Reine, qu'on n'avait pas voulu déterminer, ou bien qu'on n'a pas voulu joindre le nom de l'Empereur à celui de l'Impératrice-Reine, afin que cela n'eût pas l'air, que dans ses états l'autorité du gouvernement fût partagée entre la mère et le fils. Il croit donc, qu'il n'est pas nécessaire de relever ce changement et qu'on peut se contenter de l'accession de ce prince, qu'on a offerte, et que lui, comte Panin, exigera. V. M. aura déjà vu par mon dernier rapport, que le prince Kaunitz fait difficulté d'admettre l'article 4 du projet prussien, où les autres cours stipulent d'employer leurs bons offices au congrès, et que le dit prince Kaunitz propose de lui en substituer, si on le demande absolument, un autre, dont le projet se trouve à la suite de ce rapport. Quoique l'article soit assez vague,

---

а также и отъ имени своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ. Въ депешѣ своей князю Лобковичу, князь Кауницъ не особенно распространяется насчетъ причинъ, которыми могъ бы оправдать подобное измѣненіе; онъ просто говоритъ, что это вопросъ не особенно важный, прибавляя, однако, что если Россія будетъ настаивать на этомъ требованіи, то Императоръ не откажется отъ участія въ соглашеніи, что̀ будетъ тогда выполнено посредствомъ отдѣльнаго акта. Графъ Панинъ разсматриваетъ обязательство, принятое отъ имени Императрицы-Королевы, на столько же дѣйствительнымъ, какъ еслибы къ имени ея въ этомъ актѣ было присоединено также и имя Императора; онъ полагаетъ, что упомянутое измѣненіе вызвано какой нибудь тайной причиной, касающейся исключительно австрійскаго дома и быть можетъ титула Императрицы-Королевы, или же нежеланія соединить имя Императора съ именемъ Императрицы-Королевы, дабы не казалось, что въ ихъ владѣніяхъ правленіе раздѣлено между матерью и сыномъ. Поэтому онъ полагаетъ, что нѣтъ необходимости указывать на эту перемѣну и можно удовлетвориться предлагаемымъ участіемъ этого государя, котораго графъ Панинъ и потребуетъ. Изъ послѣдняго моего доклада Вашему Величеству уже извѣстно, что князь Кауницъ затрудняется допустить статью 4 прусскаго проэкта, по которому прочіе дворы обязываются употребить на конгрессѣ свое вмѣшательство, причемъ тотъ же князь Кауницъ предлагаетъ замѣнить его въ случаѣ непремѣннаго требованія другимъ, проэктъ котораго приложенъ къ этому

et qu'à la fin, où il est parlé des bons offices, que la cour de Vienne s'engage envers les deux parties belligérantes à employer, cet article soit tourné de façon, comme je l'ai fait remarquer au comte Panin, qu'on a lieu de soupçonner, que cette cour se réserve la liberté de pouvoir exhorter avec le temps cette cour-ci, à se relâcher sur quelques-unes des conditions, qu'elle a proposées pour la paix; on a été cependant d'avis d'admettre cet article, tel que le prince Kaunitz l'a projeté, parce qu'il a paru, que dans l'essentiel il ne différait pas de celui du projet de la cour de Russie et qu'on veut écarter de ce côté-ci tout ce qui pourrait arrêter la conclusion définitive de la négociation. On se flatte, qu'en prenant toujours avec la cour de Vienne le ton de la bonne foi, de la modération et de la complaisance, on l'obligera à la fin de se rapprocher de la Russie, à être moins délicate sur les intérêts de la Porte et à employer finalement ses bons offices uniquement en faveur de cette cour-ci. Pour la déterminer d'autant plus à en agir de la sorte, le comte Panin se propose de remettre, après que la convention aura été signée, au prince Lobkowitz une déclaration, se rapportant à ce qu'ici on se croit en droit d'attendre de la cour de Vienne dans le cours de la négociation de la paix. Cette déclaration n'étant pas encore ébauchée, le comte Panin ne m'en a pu dire le contenu, il m'a prévenu simplement, qu'elle sera tournée d'une manière, que le prince Kaunitz ne pourra se dispenser d'y répondre et de faire connaître par là ses véritables sentiments. Le comte

---

донесенію. Не смотря на то, что статья эта довольно неясна, и что въ концѣ ея при упоминаніи о посредничествѣ, принимаемомъ на себя вѣнскимъ дворомъ, относительно обѣихъ воюющихъ сторонъ, высказано это такимъ образомъ, что, какъ я указывалъ на то графу Панину, можно подозрѣвать, что этотъ дворъ сохраняетъ за собой право со временемъ убѣждать здѣшній дворъ отказаться отъ нѣкоторыхъ условій, предложенныхъ имъ при заключеніи мира; тѣмъ не менѣе полагаютъ, что слѣдуетъ принять эту статью въ томъ видѣ, какъ она составлена княземъ Кауницемъ, ибо оказывается, что въ самыхъ существенныхъ вопросахъ онъ не отличается отъ проэкта русскаго двора, и къ тому же съ этой стороны желаютъ удалить все, что могло бы задержать окончательный исходъ переговоровъ. Надѣются, что, постоянно употребляя съ вѣнскимъ дворомъ языкъ искренности, умѣренности и уступчивости, его наконецъ заставятъ сблизиться съ Россіей, относиться менѣе щепетильно къ интересамъ Порты и въ заключеніе употребить свое содѣйствіе исключительно въ пользу этого двора. Чтобы окончательно склонить его дѣйствовать такимъ образомъ, графъ Панинъ намѣревается вслѣдъ за подписаніемъ конвенціи вручить князю Лобковичу декларацію по вопросу о томъ, чего считаютъ себя здѣсь въ правѣ ожидать отъ вѣнскаго двора въ теченіе мирныхъ переговоровъ. Такъ какъ декларація эта еще не составлена, то графъ Панинъ не могъ передать мнѣ ея содержанія, а только высказалъ мнѣ, что она будетъ изложена такимъ образомъ, чтобы вынудить князя Кауница на нее отвѣтить и

Panin est d'ailleurs assez porté à attribuer tout ce qu'il y a de contradictoire dans la conduite du prince Kaunitz à l'embarras, où il se trouve, de n'avoir dans ce moment-ci aucun véritable système à suivre pour sa cour, laquelle pour avoir voulu finasser, se voit abandonnée de tout le monde. Le prince Kaunitz ayant avoué, sans réserve, les engagements, que sa cour était prête à contracter avec la Porte, le comte Panin regarde ce trait comme une preuve de la bonne foi de la cour de Vienne, il en infère même, qu'avec le temps elle pourra être entraînée plus loin, quoique dans le moment présent elle n'ait pas le courage de se décider. Le comte Panin croit donc, qu'en ce moment-ci il ne faut pas rendre le prince Kaunitz plus confus, qu'il ne l'est déjà, qu'au contraire il faut songer à lui inspirer de la confiance pour notre système, afin de le porter à s'y engager, qu'on ne risquait rien avec lui, parce que s'il voulait nous tromper, rien ne serait plus facile, que d'exciter contre la maison d'Autriche la jalousie de la Porte et de l'abandonner à son ressentiment.

Le comte Panin m'a communiqué encore, que le prince Lobkowitz, autorisé par le prince Kaunitz, lui avait fait part en confidence de la négociation de la cour de Vienne avec la Porte, exigeant cependant, qu'on lui gardât le secret le plus absolu, que cela l'engageait par conséquent à supplier V. M. de ne jamais laisser transpirer, que c'était par lui, qu'elle avait été instruite de cette négociation. Toutefois comme il vient d'arriver un

---

тѣмъ объяснить настоящія свои чувства. Впрочемъ, графъ Панинъ расположенъ приписать всѣ противорѣчія въ дѣйствіяхъ князя Кауница затрудненію, въ которомъ онъ въ настоящую минуту находится, не имѣя положительной системы для своего двора, желавшаго хитрить, и за то покинутаго всѣми. Такъ какъ князь Кауницъ безъ утайки сознался въ обязательствахъ, которыя дворъ его былъ готовъ принять на себя относительно Порты, графъ Панинъ считаетъ этотъ поступокъ доказательствомъ искренности вѣнскаго двора, и даже заключаетъ изъ того, что со временемъ его можно будетъ довести и далѣе, хотя въ настоящую минуту онъ не имѣетъ мужества на то рѣшиться. По этому графъ Панинъ полагаетъ, что въ настоящую минуту не слѣдуетъ приводить князя Кауница въ еще большее смущеніе; напротивъ того, надо стараться внушить ему довѣріе къ нашей системѣ, дабы склонить его въ ней участвовать, и что съ нимъ ничего не рискуютъ, потому что, еслибы онъ хотѣлъ насъ обмануть, не было бы ничего легче, какъ возбудить въ Портѣ зависть къ австрійскому дому и предоставить его ея гнѣву.

Графъ Панинъ сообщилъ мнѣ также, что князь Лобковичъ, уполномоченный на то княземъ Кауницемъ, конфиденціально сообщилъ ему о переговорахъ вѣнскаго двора съ Портой, требуя, однако, сохраненія полнѣйшей тайны, что̀ налагаетъ на него обязанность умолять Ваше Величество никогда не давать замѣтить, что объ этихъ переговорахъ Вамъ извѣстно черезъ его посредство. Впрочемъ, такъ какъ

courrier dépêché par le prince Galitzin, qui envoye à sa cour le traité conclu entre la cour de Vienne et la Porte, qui a été signé à Constantinople le 6 de Juillet de l'année passée, et dont le ministre de Russie a trouvé moyen de se procurer une copie par corruption, le comte Panin m'a promis de m'en donner une autre copie, pour l'envoyer à V. M., qui lui apportera la convention signée. Par ce traité la cour de Vienne se stipulait dix millions de piastres payables en huit mois de temps pour se mettre en état d'assister la Porte et se réservait la partie de la Valachie entre la Transylvanie et la rivière d'Aluta. Le comte Panin est tenté de croire, qu'elle a encore des vues sur ce pays-là, que c'est là peut-être une des raisons, pourquoi elle a fait la confidence de ce traité, afin de nous accoutumer à l'idée de la possibilité de détacher ce pays de l'empire Ottoman, qu'elle cède présentement les plus belles provinces de sa portion en Pologne, pour nous engager à souffrir, qu'elle s'en dédommage du côté des Turcs. On est convenu, que le terme de la prise de possession, à laquelle les trois cours procèderont en Pologne, serait fixé aux premiers jours du mois de Septembre v. style. On a calculé le temps, qu'il faut pour l'expédition des instruments de la triple convention et pour le retour des courriers, porteurs des ratifications, et il a paru, que si on voulait, que rien ne manquât au concert, on ne pouvait pas fixer un terme plus court. D'ailleurs, le prince Kaunitz n'est pas d'accord sur le manifeste, qu'il y aurait à publier en Pologne et

---

отъ князя Голицына прибылъ курьеръ и привезъ трактатъ, заключенный между вѣнскимъ дворомъ и Портой, подписанный въ Константинополѣ 6-го іюля прошлаго года, и съ котораго русскій министръ нашелъ средство добыть путемъ подкупа копію, то графъ Панинъ обѣщалъ мнѣ дать съ него другую копію для пересылки Вашему Величеству черезъ курьера съ подписной конвенціей. Въ силу этого трактата вѣнскій дворъ выговаривалъ себѣ десять милліоновъ піастровъ съ выплатой ихъ въ восьмимѣсячный срокъ, дабы приготовиться къ оказанію помощи Портѣ и сохранить себѣ часть Валахіи между Трансильваніей и рѣкой Алутой. Графъ Панинъ расположенъ къ мысли, что Австрія все еще имѣетъ виды на эту страну и быть можетъ одной изъ причинъ, почему она сообщила объ этомъ трактатѣ, служитъ желаніе пріучить насъ къ мысли о возможности отдѣлить эту страну отъ Оттоманской Имперіи, почему она въ настоящую минуту отказывается отъ прекраснѣйшихъ провинцій ея части въ Польшѣ, дабы обязать насъ не препятствовать ей, когда она захочетъ вознаградить себя въ томъ со стороны Турціи. Рѣшено, что срокъ, когда всѣ три державы вступятъ во владѣніе своими пріобрѣтеніями въ Польшѣ, назначается на первыя числа сентября ст. ст. Разсчитали время, потребное для пересылки документовъ тройной конвенціи и для возвращенія курьеровъ съ ратификаціями, и оказалось, что для полнаго соблюденія необходимыхъ формальностей невозможно назначить болѣе краткій срокъ. Къ тому же князь Кауницъ не согласенъ на манифестъ, предстоящій къ обнародованію въ Польшѣ, и который хотятъ сообщить къ

qu'on veut communiquer aux autres cours pour leur information. Il est d'avis qu'il s'y trouve des choses, qui ne sont pas applicables à la cour de Berlin et encore moins à celle de Vienne, il se réserve de communiquer au comte Panin ses idées sur ce sujet, et de proposer un manifeste, qui soit plus succinct et conçu en termes plus généraux. Voilà une raison de plus, pourquoi le comte Panin croit devoir reculer jusqu'au mois de Septembre le terme de la prise de possession; il veut donner le temps au prince Kaunitz, de lui envoyer le projet de son nouveau manifeste et à soi-même de l'examiner ici. Le comte Panin ne doutant point, que le projet de manifeste du prince Kaunitz ne soit communiqué à V. M. avant qu'il vienne à Pétersbourg, il s'attend, Sire, à apprendre, si vous le préférez peut-être à celui, qui a été projeté ici, et en ce cas sa cour se conformera à l'avis de V. M. Mais si V. M. trouve, que le projet Autrichien n'est pas acceptable, ou bien qu'il n'est pas meilleur, que le projet de Russie, alors il pense, que les deux cours pourront s'en tenir au dernier, sur lequel elles se sont déjà accordées, et que la cour de Vienne pourra en agir de son côté comme elle jugera à propos.

Le comte Panin m'a dit au reste, que l'Impératrice avait accordé à M-r de Saldern le rappel, qu'il sollicitait depuis longtemps, que le baron de Stackelberg, ministre de Russie en Espagne, était désigné pour le remplacer à Varsovie, mais qu'il n'aurait que le caractère de ministre du second

---

свѣдѣнію другихъ дворовъ. Онъ полагаетъ, что въ немъ заключаются вопросы, не касающіеся двора берлинскаго и еще менѣе вѣнскаго, и предоставляетъ себѣ сообщить графу Панину свои мысли объ этомъ предметѣ и предложить манифестъ болѣе сжатый, и составленный въ болѣе общихъ выраженіяхъ. Это также служитъ причиной, почему графъ Панинъ признаетъ нужнымъ отложить до сентября срокъ вступленія во владѣніе, онъ хочетъ дать князю Кауницу время выслать ему проектъ своего новаго манифеста, и успѣть разсмотрѣть его. Не сомнѣваясь въ томъ, что проектъ манифеста князя Кауница будетъ сообщенъ Вашему Величеству ранѣе, чѣмъ о немъ будетъ извѣстно въ Петербургѣ, графъ Панинъ ожидаетъ свѣдѣнія о томъ, не предпочтете-ли Вы его проекту здѣсь составленному, въ каковомъ случаѣ дворъ его послѣдуетъ мнѣнію Вашего Величества. Если же Ваше Величество признаете, что нельзя принять австрійскій проектъ или же, что онъ не лучше проекта русскаго, въ такомъ случаѣ онъ полагаетъ, что оба двора могутъ руководствоваться послѣднимъ проектомъ, по поводу котораго они уже пришли къ соглашенію, причемъ вѣнскій дворъ, съ своей стороны, можетъ дѣйствовать по собственному благоусмотрѣнію. Наконецъ, графъ Панинъ сказалъ мнѣ, что Императрица согласилась отозвать г. Сальдерна, давно о томъ ходатайствовавшаго, и вмѣсто него въ Варшаву назначается баронъ Штакельбергъ, русскій министръ въ Испаніи, но лишь въ званіи

rang. Le baron de Stackelberg se rendra incessamment à sa destination. Le comte Panin ajouta à ce que je viens de marquer, que présentement on sentait la nécessité absolue d'avoir en Pologne un homme du monde, qui fût d'un caractère doux et conciliant et propre par là même, à gagner la confiance et l'amitié des Polonais. Le comte Panin croit avoir trouvé toutes ces qualités en M-r de Stackelberg et en effet je pense, qu'on n'a pu mieux choisir, je le crois incapable de mauvais procédés avec les Polonais, pourvu qu'il sache résister aux pièges des femmes.

Projet de l'article IV de la convention tel qu'il a été proposé par le prince Kaunitz.

ARTICLE IV.

Comme Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, qui soutient depuis plus de trois ans une guerre particulière contre l'empire Ottoman, pour la seule raison des affaires de Pologne, a communiqué avec pleine confiance à Sa Majesté l'Impératrice-Reine de Hongrie et de Bohème les conditions définitives auxquelles elle consentirait à faire la paix avec la Porte, et qu'au moyen de ce plan Sa dite Majesté a bien voulu se prêter à ne plus exiger ni la conquête ni même l'indépendance de la Valachie et de la Moldavie et à ne plus insister par conséquent sur celles des premières conditions qui s'opposaient le plus directement à l'intérêt immédiat des états de la maison

---

второстепеннаго министра. Баронъ Штакельбергъ въ непродолжительномъ времени отправится къ мѣсту своего назначенія. Ко всему сказанному графъ Панинъ прибавилъ, что въ настоящую минуту сознаютъ необходимость имѣть въ Польшѣ человѣка вполнѣ свѣтскаго, обладающаго кроткимъ и уживчивымъ характеромъ, который былъ бы въ состояніи заслужить этимъ дружбу и довѣріе поляковъ. Графъ Панинъ полагаетъ, что нашелъ всѣ эти качества въ г. Штакельбергѣ, и дѣйствительно, думаю, что нельзя было сдѣлать лучшаго выбора; я считаю его неспособнымъ къ дурному обращенію съ поляками, лишь бы только онъ съумѣлъ устоять противъ женскихъ интригъ.

Проектъ 4-й статьи конвенціи въ томъ видѣ, какъ она предложена княземъ Кауницемъ.

СТАТЬЯ IV.

Такъ какъ Ея Величество Императрица Всероссійская, ведя уже болѣе трехъ лѣтъ отдѣльную войну съ Оттоманской Имперіей, вслѣдствіе польскихъ дѣлъ съ полнымъ довѣріемъ сообщила Ея Величеству Императрицѣ-Королевѣ Венгріи и Богеміи окончательныя условія, на которыхъ она согласна заключить міръ съ Портой, и въ силу этого плана Ея Величеству угодно было обязаться не требовать болѣе ни покоренія, ни даже независимости Валахіи и Молдавіи, и слѣдовательно, не настаивать на условіяхъ наиболѣе противорѣчившихъ ближайшимъ интересамъ владѣній

d'Autriche, Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, conformément aux sentiments d'une amitié sincère pour Sa Majesté Impériale de toutes les Russies, promet pour elle et pour ses descendants héritiers et successeurs, de continuer à s'employer sincèrement au succès désirable des négociations du congrès, conséquemment aux bons offices auxquels elle s'est engagée envers les deux parties belligérantes.

№ 651.

Le comte de Finckenstein et le Sr. Hertzberg au comte de Solms.

A Berlin, le 1 Août 1772.

J'ai reçu votre dépêche du 14 de Juillet par laquelle je crois, que le comte Panin est toujours dans l'idée que le prince Kaunitz se sera entièrement relâché de ses prétentions après avoir cherché à chicaner le terrain. Il aura cependant su le contraire depuis et je suis très-impatient de voir à quoi l'on se déterminera en conséquence à Pétersbourg. Il est à tous égards à souhaiter que ceci finisse bientôt et l'on paraît aussi le souhaiter à Vienne. On prétend m'assurer que l'Impératrice-Reine ne se mêle point de l'affaire des acquisitions, l'ayant entièrement remise à l'Empereur, qui doit la prendre fort à coeur. Un manifeste, dont on vient de m'envoyer une copie de Varsovie, semble accréditer l'idée que c'est l'Empereur principalement qui se

---

австрійскаго дома, то Ея Императорское и Королевское Апостолическое Величество, подчиняясь чувствамъ искренней дружбы къ Ея Величеству Императрицѣ Всероссійской, обѣщаетъ какъ отъ собственнаго имени, такъ и отъ имени своихъ потомковъ, наслѣдниковъ и преемниковъ, продолжать искренно содѣйствовать желаемому успѣху переговоровъ конгресса, въ силу посредничества, которое она приняла на себя относительно обѣихъ воюющихъ державъ.

Графъ Финкенштейнъ и г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 1-го августа 1772 г.

№ 651. Я получилъ вашу депешу отъ 14-го іюля, изъ которой заключаю, что графъ Панинъ все еще предполагаетъ, что князь Кауницъ, затянувъ дѣло споромъ, въ заключеніе откажется отъ своихъ претензій. Между тѣмъ съ тѣхъ поръ онъ уже узналъ противоположное, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю, какъ это повліяетъ на рѣшеніе въ Петербургѣ. Во всѣхъ отношеніяхъ желательно, чтобы это окончилось въ возможной скорости, и кажется, того же желаютъ и въ Вѣнѣ. Меня старались увѣрить, будто бы Императрица-Королева не вмѣшивается въ вопросъ о пріобрѣтеніяхъ, предоставивъ его вполнѣ Императору, который этимъ дѣломъ весьма интересуется. Манифестъ, копія съ котораго переслана мнѣ изъ Варшавы, повидимому, подтверж-

mêle de cette affaire, en supposant cependant que cette pièce est authentique. Elle doit avoir été affichée aux portes de Prezemisl, signée de l'Empereur même. Il y est dit que Sa Majesté Impériale, informée des troubles qui règnent en Pologne, a pris la résolution d'y envoyer des troupes pour mettre fin au désordre, qu'elle promet sa protection aux habitants, mais que son intention est que les revenus des domaines du roi et de la république ne soient dorénavant livrés à personne, les officiers qui y sont employés doivent cependant continuer à s'acquitter de leurs fonctions jusqu'à la disposition ultérieure de Sa dite Majesté Impériale.

Je vous dirai au reste, que le ministère de Varsovie ayant remis au s-r Benoît une nouvelle note au sujet de l'occupation des salines, faite par les Autrichiens, je n'y ai fait répondre qu'en termes vagues, en me bornant seulement à assurer le roi et la république que je me réservais de m'expliquer dans peu plus amplement sur le contenu de la dite note.

№ 652.

Le comte de Solms au roi.

(Prés. le 18 Août.) à St-Pétersbourg, le 24 Juillet (4 Août) 1772.

Contenu: Récit de ce qui s'est passé dans la conférence qui a précédé la signature de la triple convention. Excuses du comte Panin de ce qu'il

---

даетъ мысль, что дѣйствуетъ по этому вопросу главнымъ образомъ Императоръ, допустивъ, впрочемъ, достовѣрность этого документа. Онъ былъ наклеенъ на воротахъ города Пржемысла и подписанъ самимъ Императоромъ. Въ немъ значится, что Его Императорское Величество, узнавъ о смутахъ, происходящихъ въ Польшѣ, рѣшился отправить войска для прекращенія безпорядковъ, обѣщая свое покровительство жителямъ, однако, съ тѣмъ, чтобы доходы отъ имѣній короля и республики впредь никому бы не выдавались, а должностныя лица продолжали бы исполнять свои обязанности въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій Его Императорскаго Величества.

Въ заключеніе сообщу вамъ, что варшавское министерство подало г. Бенуа новую ноту по поводу занятія соляныхъ копей Австрійцами, на что я отвѣтилъ лишь въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, увѣривъ короля и республику, что въ непродолжительномъ времени предоставляю себѣ объясниться подробнѣе по поводу содержанія упомянутой ноты.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 18-го августа). С.-Петербургъ, 24-го іюля (4-го августа) 1772 г.

№ 652. Содержаніе: Сообщеніе о томъ, что происходило въ конференціи, предшествовавшей подписанію тройной конвенціи. Извиненія графа Панина по поводу

admet le changement de l'article 4 proposé par le prince Kaunitz comme s'il devait faire de la peine au roi. Réponse qu'il demande au prince Kaunitz, qui doit promettre que dans le cas que le congrès se rompît, sa cour, qui se bornerait dans l'emploi de ses bons offices à une parfaite impartialité, ne s'opposera point à la continuation de la guerre. 2) Le prince Lobkowitz à la réquisition du comte Panin dépêche une estafette pour demander le projet de manifeste Autrichien. La prise de possession doit être déclarée, suivant le comte Panin, par les ministres des trois cours dans l'étranger en commun.

Les derniers ordres immédiats et médiats de V. M. du 15, 18, 19, 20 et 21 du mois de Juillet me sont parvenus successivement avec les suppléments contenants, l'un le manifeste du général Haddick en Pologne et l'autre la note du s-r de Kwilewski au ministère de V. M. pour accompagner le rapport du conseiller de l'œconomie du roi de Pologne à Marienbourg. Je les ferai voir l'un et l'autre au comte de Panin, mais autant que je me rappelle, le dernier a été envoyé ici mot pour mot de même. V. M. aura d'ailleurs daigné s'appercevoir par mes rapports des deux derniers ordinaires, que cette cour entre si parfaitement dans les vues qu'elle s'est faite un principe de n'exiger de la cour de Vienne que celles, qu'elle a offertes elle-même. Elle pousse même sa complaisance au point, qu'elle a accepté les modifications que le prince Kaunitz a proposées pour diminuer les obliga-

---

измѣненія ст. 4-й, предложенной княземъ Кауницемъ на случай, если то не понравится королю. Отвѣтъ, требуемый имъ отъ князя Кауница и обѣщаніе, если конгрессъ прекратитъ свои дѣйствія, то дворъ его, ограничивъ свое содѣйствіе совершеннымъ безпристрастіемъ, не станетъ сопротивляться продолженію войны. 2) Князь Лобковичъ, по требованію графа Панина, отправляетъ эстафету, испрашивая проектъ австрійскаго манифеста. О вступленіи во владѣніе по мнѣнію графа Панина должно быть объявлено за границей министрами трехъ державъ одновременно.

Послѣднія непосредственныя и министерскія повелѣнія Вашего Величества отъ 15, 18, 19, 20 и 21 іюля, послѣдовательно получены мною вмѣстѣ съ прибавленіями, заключающими манифестъ генерала Гаддика въ Польшѣ, и ноту г. Квилецкаго къ министерству Вашего Величества, приложенную къ докладу совѣтника-эконома короля польскаго въ Маріенбургѣ. Я покажу тотъ и другой документъ графу Панину, но, насколько помню, послѣдній изъ нихъ былъ пересланъ сюда, отъ слова до слова въ такомъ же изложеніи. Впрочемъ, Ваше Величество, вѣроятно, изволили усмотрѣть изъ моихъ двухъ послѣднихъ донесеній почтой, что дворъ этотъ, преслѣдуя эти виды, держится правила требовать отъ вѣнскаго двора лишь то, что было предложено имъ самимъ. Онъ доводитъ свою уступчивость до того, что принялъ измѣненія, предложенныя княземъ Кауницемъ въ видахъ уменьшенія обязательствъ, которыя имѣлись

tions qu'on voulait lui imposer relativement à la manière d'employer ses bons offices. Tout cela se fait pour confondre la cour de Vienne par de bons procédés, pour l'engager à s'approcher de la Russie avec plus de confiance et pour terminer avec elle une négociation que d'autres puissances auraient été bien aises de faire traîner en longueur et même de rompre entièrement. Le comte Panin nous a fait inviter l'autre jour, le prince Lobkowitz et moi, de nous rendre chez lui à Pétershoff, afin de proposer au premier d'admettre un changement dans le projet du prince Kaunitz pour le quatrième article de notre convention. Il lui a présenté, que comme il était clair que sa cour en proposant cet article avait eu en vue de se libérer de l'obligation d'employer au congrès ses bons offices dans toute leur étendue et que Sa Majesté l'Impératrice, en considération de la communication confidentielle que le prince Kaunitz avait faite au prince Galitzin à Vienne sur les embarras où sa cour se trouverait vis-à-vis de la Porte, si elle se rendrait suspecte de partialité dans cette occasion, avait bien voulu se contenter de la promesse, quoiqu'elle fût exprimée un peu vaguement dans le dit article, elle croyait qu'il n'y avait eu l'inconvéniant d'en ôter ce qui y était dit de la renonciation de la Russie à la Valachie et à la Moldavie, puisque cette condition, si elle avait paru contraire aux intérêts de la maison d'Autriche, ne l'avait pas paru à V. M. et n'avait pas été pour elle la raison déterminante à employer ses bons offices pour la Russie, de sorte que ce passage ne quadrait

---

въ виду возложить на него относительно примѣненія посредничества. Все это дѣлается съ цѣлью поразить вѣнскій дворъ, своими дружелюбными поступками расположить его сблизиться съ Россіей съ бо́льшимъ довѣріемъ и окончить съ нимъ переговоры, которые другія державы были бы весьма довольны затянуть и даже вовсе прервать. На дняхъ графъ Панинъ пригласилъ князя Лобковича и меня къ себѣ въ Петергофъ, дабы предложить первому допустить измѣненіе въ проектѣ князя Кауница относительно четвертой статьи. Онъ представилъ ему, что такъ какъ очевидно, что дворъ его, предлагая эту статью, имѣлъ въ виду освободиться отъ обязательства примѣнять свое посредничество на конгрессѣ въ полномъ размѣрѣ, и Ея Императорское Величество, вслѣдствіе конфиденціальнаго сообщенія князя Кауница князю Голицыну въ Вѣнѣ, относительно затруднительнаго положенія, въ которомъ дворъ его очутится передъ Портой, если въ этомъ случаѣ навлечетъ на себя подозрѣніе въ пристрастіи, согласна удовлетвориться обѣщаніемъ, хотя и не ясно выраженнымъ въ этой статьѣ; она полагаетъ, что нѣтъ неудобства исключить все касающееся до отказа Россіи отъ Валахіи и Молдавіи, ибо это условіе, если и показалось противорѣчащимъ интересамъ Австрійскаго дома, не казалось таковымъ Вашему Величеству, и не послужило для Васъ побудительной причиной къ употребленію своего вмѣшательства въ пользу Россіи, такъ что эта часть не соотвѣтствуетъ обѣимъ державамъ,

point aux deux puissances avec lesquelles la Russie allait contracter, qu'il voudrait donc mieux l'omettre et dire que l'Impératrice s'était désistée des conditions qui s'opposaient le plus à l'intérêt de la cour de Vienne et de la maison royale de Prusse. Le prince Lobkowitz a été assez raisonnable pour sentir la justesse de ce raisonnement, mais déployant devant nous trois passages de ses instructions où il est parlé de ce 4 article, il nous a fait voir, qu'il avait les mains tellement liées, qu'il n'osait consentir au moindre changement. Pour ne pas arrêter la conclusion de cette négociation, le comte Panin s'est relâché sur sa demande, à condition que je pusse lui promettre, que V. M. n'y trouverait rien à redire. Je lui ai répondu que les liaisons de V. M. avec la Russie ne dépendaient pas de l'acte que nous allions signer avec la cour de Vienne; qu'ainsi V. M. consentirait à tout ce que pourrait convenir à la cour de Russie et que je ne m'opposais point à cette admission. Le comte Panin a fait ses excuses sur cet article qu'il sentait être tout à fait inapplicable à V. M. et qui ferait rire la postérité qui ignorerait les circonstances, que le seul sens raisonnable dont il était susceptible était de dire, que si la Russie par considération pour l'Autriche n'avait renoncé aux deux provinces en question, il en aurait pu résulter une guerre, où V. M., en vertu de son alliance avec la Russie, aurait été impliquée, de sorte que leur restitution devenait un objet immédiat pour sa maison royale, que c'était cependant un sens forcé et qu'il espérait, qu'en considé-

---

съ которыми Россія заключаетъ договоръ, а потому лучше бы было ее опустить и сказать, что Императрица отказалась отъ условій, наиболѣе противорѣчившихъ интересамъ вѣнскаго двора и прусскаго королевскаго дома. Князь Лобковичъ имѣлъ благоразуміе почувствовать справедливость этого разсужденія, но указавъ намъ три мѣста своихъ инструкцій, упоминающихъ о 4-й статьѣ, объяснилъ намъ, что у него руки до того связаны, что онъ не смѣетъ согласиться на малѣйшее измѣненіе. Не желая задерживать окончаніе этихъ переговоровъ, графъ Панинъ отказался отъ своего требованія съ условіемъ, чтобы я ему обѣщалъ, что Ваше Величество не будете этимъ недовольны. Я отвѣчалъ ему, что дружественныя отношенія Вашего Величества съ Россіей не зависятъ отъ документа, который мы приготовлялись подписать съ вѣнскимъ дворомъ, а потому Ваше Величество согласитесь на все соотвѣтствующее интересамъ русскаго двора, и я не сопротивляюсь этому измѣненію. Графъ Панинъ извинялся по поводу этого вопроса, который, какъ онъ сознаетъ, вовсе не касается до Вашего Величества, и покажется смѣшнымъ для потомства, которому будутъ неизвѣстны всѣ обстоятельства, что единственное благоразумное толкованіе, приложенное къ этому вопросу, заключается въ томъ, что если бы Россія изъ уваженія къ Австріи не отказалась отъ двухъ упомянутыхъ провинцій, отъ этого могла бы возникнуть война, въ которую союзъ съ Россіей вовлекъ бы и Ваше Величество, а потому возвращеніе ихъ имѣло важное значеніе для Вашего Королевскаго дома, но что

rant seulement que l'acceptation du changement de cet article nous menait à la conclusion, V. M. agréerait, qu'il fût inséré dans la convention. Il nous a lu ensuite la déclaration qu'il compte de faire à la cour de Vienne; elle est conçue à peu près en ces termes: que l'Impératrice entendait, que l'obligation de l'emploi des bons offices, telle qu'elle était limitée, se bornait à une impartialité parfaite, qu'elle espérait que si la Porte s'obstinait à refuser les conditions de paix proposées par la Russie et approuvées par la cour de Vienne, celle-ci voudrait bien faire déclarer alors à la Porte, qu'elle ne mettrait plus d'obstacle à la guerre que la Russie continuerait de lui faire. Le comte Panin finit cette déclaration par demander au prince Kaunitz qu'il lui fasse avoir sur ce point une réponse satisfaisante de sa cour. Je crains que V. M. ne trouve cette précaution presque inutile, du moins que son effet ne pourra être que fort tardif. Effectivement, supposé que la cour de Vienne puisse être portée par là à donner à son ministère au congrès des instructions comme on les désire ici, elles lui arriveraient après que le congrès serait ou rompu ou entièrement terminé. Mais enfin c'est une idée dont le comte Panin se promet beaucoup et qu'il a voulu suivre absolument. Il ne nous a pas donné la copie de la déclaration, parce que l'Impératrice ne l'a pas encore approuvée, mais il nous a dit qu'il nous la donnerait à la signature de la convention, acte qu'il a fixé à la fin de cette semaine.

подобное объясненіе натянуто, и онъ надѣется, что Ваше Величество согласитесь на допущеніе упомянутаго измѣненія этой статьи, во вниманіе къ тому обстоятельству, что согласіе наше въ данномъ случаѣ приведетъ къ заключенію переговоровъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ прочелъ намъ декларацію, которую онъ намѣревается сдѣлать вѣнскому двору; она составлена приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Императрица полагаетъ, что обязательство вмѣшательства, въ томъ смыслѣ какъ оно обозначено, ограничивается полнѣйшимъ безпристрастіемъ, но надѣется, что, если Порта будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ отъ мирныхъ условій, предлагаемыхъ Россіей и одобренныхъ вѣнскимъ дворомъ, этотъ послѣдній согласится объявить въ такомъ случаѣ Портѣ, что не будетъ болѣе противиться продолженію войны со стороны Россіи. Графъ Панинъ заключаетъ эту декларацію, прося князя Кауница доставить ему на этотъ счетъ удовлетворительный отвѣтъ своего двора. Опасаюсь, что Ваше Величество найдете эту предосторожность почти излишней, по крайней мѣрѣ дѣйствіе ея будетъ крайне замедлено. Дѣйствительно, предположивъ, что это можетъ побудить вѣнскій дворъ, дать своему министру на конгрессѣ инструкціи, соотвѣтствующія желаніямъ здѣшняго двора, достигнутъ онѣ до него лишь по закрытіи конгресса или по окончаніи его занятій. Какъ бы то ни было, это идея, отъ которой графъ Панинъ многаго ожидаетъ, и потому непремѣнно хочетъ ей слѣдовать. Онъ не далъ намъ копіи съ декларацiи, потому что Императрица еще не одобрила ее, но сказалъ, что выдастъ намъ ее при подписаніи конвенціи, которое назначено на концѣ будущей

Il a engagé le prince Lobkowitz d'envoyer une estafette au prince Kaunitz pour le presser d'envoyer au plutôt son projet du manifeste à publier lors de la prise de possession, afin qu'on ait le temps de se concerter là-dessus et de rendre les démarches des trois puissances uniformes à cette occasion. En même temps il lui a fait proposer de se conformer à l'exemple de V. M. et de la Russie, quand il sera question de faire part aux autres cours de cette résolution par la publication de ce manifeste. Son avis est, que cela se fasse par les ministres, qui résident auprès de ces cours, qu'ils fassent cette communication en commun dans les endroits où il y aurait des ministres accrédités de chacune des trois cours, et que là où l'une de ces cours n'en aurait point, l'un des ministres des deux autres fit la communication également au nom de la cour qui manquait de ministres.

Je ferai part au comte Panin des circonstances, qu'il a plu à V. M. de me communiquer au sujet de la princesse de Darmstadt, je prévois qu'elles lui seront très-agréables à savoir.

№ 653.

Le roi au comte de Solms.

(En chiffre). Potsdam, le 5 d'Août 1772.

Malgré tout ce que vous me dites dans votre dépêche du 21 de Juillet, de la façon de penser de la Russie au sujet de la portion de la cour de

---

недѣли. Онъ совѣтовалъ князю Лобковичу отправить эстафету князю Кауницу, прося его выслать въ возможной скорости свой проектъ манифеста, предстоящій къ обнародованію при вступленіи во владѣніе, дабы имѣть время придти къ соглашенію по этому предмету и придать дѣйствіямъ всѣхъ трехъ державъ характеръ полнаго единства. Въ то же время онъ поручилъ предложить ему слѣдовать примѣру Вашего Величества и Россіи, когда настанетъ время сообщить объ этомъ рѣшеніи другимъ державамъ, черезъ обнародованіе этого манифеста. Онъ полагаетъ, что это должно быть исполнено министрами, состоящими при этихъ дворахъ, причемъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ находятся акредитованные министры каждой изъ трехъ державъ, они бы это сообщеніе сдѣлали бы коллективнымъ образомъ, а тамъ, гдѣ не оказалось бы министра одной изъ державъ, одинъ изъ министровъ остальныхъ государствъ сдѣлалъ бы это сообщеніе и отъ имени того двора, который бы не имѣлъ представителя.

Я передалъ графу Панину обстоятельства, которыя Вашему Величеству угодно было сообщить мнѣ о принцессѣ Дармштадтской, и предвижу, что ему будетъ весьма пріятно о нихъ узнать.

Отъ короля графу Сольмсу.

(Шифромъ). Потсдамъ, 5-го августа 1772 г.

№ 653. Несмотря на все, что вы сообщили мнѣ въ депешѣ отъ 21-го іюля, о мнѣніи Россіи по поводу доли вѣнскаго двора въ Польшѣ, я тѣмъ не менѣе по-

Vienne en Pologne, je ne laisse pas de présumer encore, que dès qu'elle aura vu sa réponse formelle qui lui sera parvenue immédiatement après le départ de la susdite dépêche, elle aimera mieux y acquiescer que de risquer de faire échouer toute cette négociation par de nouvelles difficultés. Mes ordres précédents vous ont déjà prévenus sur les motifs de mes conjectures, et les observations suivantes les mettront dans un plus grand jour. Et d'abord j'ai cru que sa renonciation aux palatinats de Chelm et de Lublin paraîtrait très raisonnable à la Russie, vu que si la cour de Vienne y avait insisté, cette acquisition l'aurait approchée de trop près de Varsovie, elle aurait divisé le nouveau royaume de Pologne en deux parties séparées l'une de l'autre, et elle aurait coupé en même temps toute communication entre moi et la Russie du côté de Kiovie, au cas d'une rupture entre les deux cours Impériales. Il me semble donc qu'en considération de cette renonciation, la Russie pourrait bien lui laisser les salines et de dédommager le roi de Pologne de leur perte par les revenus de ces deux palatinats. Peut-être et à la rigueur trouvera-t-elle que je néglige mes propres intérêts en lui donnant ce dernier avis. Mais j'aime mieux les sacrifier à l'intérêt public et me conserver par cette renonciation aux deux palatinats une libre communication avec la Russie. Une seconde considération qui me fait désirer, que la Russie acquiesce aux dernières propositions de la cour de Vienne, c'est qu'il sera extrêmement difficile d'engager le prince de Kaunitz à se

---

лагаю, что по полученіи оффиціальнаго отвѣта, дошедшаго тотчасъ по отправленіи упомянутой депеши, Россія согласится охотнѣе, чѣмъ помѣшать новыми затрудненіями успѣху всѣхъ переговоровъ. Предъидущія мои повелѣнія уже предупредили васъ о поводахъ моихъ заключеній, а слѣдующія замѣчанія сдѣлаютъ ихъ еще очевиднѣе. Прежде всего я предполагалъ, что отказъ отъ воеводствъ Холмскаго и Люблинскаго покажется Россіи весьма благоразумнымъ, ибо въ случаѣ, если бы вѣнскій дворъ настаивалъ на этомъ пріобрѣтеніи, оно бы слишкомъ придвинуло его къ Варшавѣ, раздѣлило бы на двѣ отдѣльныя части новое польское королевство, и въ то же время перерѣзало бы всякое сообщеніе между мною и Россіей, со стороны Кіева въ случаѣ разрыва между обоими императорскими дворами. Поэтому мнѣ кажется, что въ виду этого отказа Россія могла бы предоставить Австріи соляныя копи, вознаградивъ польскаго короля за эту потерю доходами съ обоихъ этихъ воеводствъ. Быть можетъ Россія найдетъ, что, давая ей этотъ совѣтъ, я пренебрегаю собственными интересами. Но я предпочитаю пожертвовать ими общему благу, и сохранить за собой, путемъ отказа отъ обоихъ воеводствъ, свободное сообщеніе съ Россіей. Второе соображеніе, заставляющее меня желать, чтобы Россія согласилась на послѣднія предложенія вѣнскаго двора, заключается въ томъ, что будетъ чрезвычайно трудно убѣдить князя Кауница къ дальнѣйшимъ уступкамъ, и что въ такомъ случаѣ

relâcher davantage et que plutôt toute cette négociation pourrait entièrement échouer, risque cependant qui me paraît d'autant plus important à éviter, que celle de la paix avec la Porte n'est pas encore aussi avancée qu'on puisse y faire fonds. D'ailleurs et en troisième lieu la mauvaise volonté de la France et d'Angleterre contre le démembrement de la Pologne mérite bien aussi des réflexions sérieuses. Déjà ces deux couronnes emploient peut-être le vert et le sec pour détacher la cour de Vienne de notre système et pour l'engager à s'entendre avec la Porte. Si cette intrigue leur réussit, on peut compter que le congrès de paix se rompra et que les affaires se brouilleront de nouveau bien plus qu'elles n'ont jamais fait, et qu'il y aura des difficultés insurmontables pour les raccommoder, de sorte que plus on reculera et plus on risquera de voir échouer toute notre convention.

Je reste donc inébranlable dans le sentiment que je vous ai déjà communiqué dans mes ordres précédents et je pense toujours que le meilleur sera, de conclure plutôt aux dernières conditions de la cour de Vienne, que de voir rompre toute cette affaire. De mauvais payeurs il faut prendre ce qu'on peut, dit le proverbe, et c'est sur ce pied-là qu'il faut regarder la cour de Vienne dans toute cette négociation.

всѣ эти переговоры могли бы рушиться; между тѣмъ подобной опасности необходимо избѣжать, особенно въ виду того обстоятельства, что миръ съ Портой далеко не такъ вѣренъ, чтобы можно было на него разсчитывать. Наконецъ въ третьихъ, недоброжелательное отношеніе Франціи и Англіи къ раздѣлу Польши заслуживаетъ также серьезнаго обсужденія. Обѣ державы эти употребляютъ всѣ средства, чтобы отдалить вѣнскій дворъ отъ союза съ нами, и убѣдить его къ соглашенію съ Портой. Если эта интрига имъ удастся, можно ожидать, что мирный конгрессъ разрушится, дѣла перепутаются гораздо больше прежняго, и къ приведенію ихъ въ порядокъ появятся непреодолимыя затрудненія, вслѣдствіе чего, чѣмъ болѣе будутъ медлить, тѣмъ болѣе будетъ рости опасность полной неудачи нашей конвенціи.

Поэтому я неизмѣнно остаюсь при мнѣніи, уже высказанномъ мною вамъ въ предъидущихъ предписаніяхъ, и по прежнему полагаю, что лучше согласиться на послѣднія условія вѣнскаго двора, чѣмъ разстроить все это дѣло. «Отъ неисправныхъ плательщиковъ надо брать, что̀ можно», говоритъ пословица, и съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ во всемъ этомъ вопросѣ относиться къ вѣнскому двору.

№ 654.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 27 de Juillet (7 d'Août) 1772.

La négociation pour concerter entre V. M., Sa Majesté l'Impératrice de Russie et Sa Majesté l'Impératrice-Reine de Hongrie et de Bohème des arrangements en Pologne convenables à l'intérêt des trois cours respectives, ayant été terminée avant-hier au soir par la signature de la triple-alliance qui a été concertée pour cet effet, j'ai l'honneur d'expédier à V. M. le chasseur Phemel, pour lui présenter très humblement les deux instruments que j'ai reçus, l'un de la part des ministres de Russie et l'autre de celle du prince de Lobkowitz, ministre de la cour Impériale et Royale, autorisés pour cet acte.

Et j'ai l'honneur de joindre encore à ce rapport une copie de la déclaration que les ministres de Russie ont remis au prince de Lobkowitz pour obtenir de sa cour une extension de bons offices à la négociation de la paix avec la Porte, de même que la déclaration confidentielle entre la cour de Vienne et la Porte avec une copie de cette convention même, que le dit prince Gallizin a su se procurer.

Отъ графа Сольмса королю.

С.-Петербургъ, 27-го іюля (7-го августа) 1772 г.

№ 654. Переговоры о соглашеніи между Вашимъ Величествомъ, Ея Величествомъ Русской Императрицей и Ея Величествомъ Императрицей-Королевой Венгріи и Богеміи, относительно мѣропріятій въ Польшѣ въ виду взаимныхъ интересовъ трехъ дворовъ, окончены третьяго дня вечеромъ подписаніемъ тройнаго союза, условленнаго съ этой цѣлью, и потому имѣю честь отправить Вашему Величеству фельдъ-егеря Фемеля для всеподданнѣйшей передачи обоихъ полученныхъ мною документовъ, изъ которыхъ одинъ отъ русскихъ министровъ, а другой отъ князя Лобковича министра императорскаго и королевскаго двора, кои были уполномочены на заключеніе этого акта.

Честь имѣю приложить къ этому донесенію копію съ деклараціи, врученной русскими министрами князю Лобковичу, чтобы получить отъ его двора согласіе на распространеніе его дружественнаго содѣйствія въ мирныхъ переговорахъ съ Портой, а также конфиденціальную декларацію между Вѣнскимъ дворомъ и Портой вмѣстѣ съ копіей этой самой конвенціи, которую успѣлъ достать князь Голицынъ.

№ 655.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 27 de Juillet (7 d'Août) 1772.

P. S. Je viens de recevoir encore les ordres immédiats et médiats de V. M. du 22 et du 25 de Juillet, et pour ne pas différer d'y faire ma très-humble réponse, je prends la liberté de lui dire et autant que je suis en état de porter un jugement sur de pareilles matières, il ne me paraît rien de plus sage, que l'opinion de V. M. qu'il faudrait assigner aux gardes de Russie d'autres quartiers que la capitale, pour les empêcher de s'ameuter et d'être dangereux au gouvernement, mais il y a beaucoup d'inconvénients qui en rendraient l'exécution difficile. Le corps d'officiers, qui composent les quatre régiments, sont la plupart des jeunes gens des premières familles du pays qui y entrent pour avancer d'autant plus vite, parce qu'en demandant d'en sortir, ils sont placés dans l'armée avec trois rangs de plus, qu'ils n'avaient dans les gardes. Un capitaine n'en sort que comme colonel et obtient un régiment. D'ailleurs toutes les charges, tant civiles, qu'à la cour, ayant un rang militaire et tout le monde étant obligé d'acquérir ce rang par le service militaire, on est bien aise de pouvoir entrer dans les gardes où il est plus facile à l'acquérir à cause du pas que ce corps a sur toute l'armée (avec trois rangs de plus qu'ils n'avaient dans les gardes). Se trouvant dans la capitale et toujours à portée de la cour, les officiers ont plutôt l'occasion

---

Отъ графа Сольмса королю.

С.-Петербургъ, 27-го іюля (7-го августа) 1772 г.

№ 655. П. С. Я только что получилъ непосредственныя и министерскія повелѣнія Вашего Величества отъ 22-го и 25-го іюля, и не откладывая всеподданнѣйшаго на нихъ отвѣта, осмѣливаюсь высказать слѣдующее: насколько я могу судить о подобныхъ вопросахъ, ничего не можетъ быть мудрѣе мнѣнія Вашего Величества о томъ, что слѣдовало бы назначить русской гвардіи другія квартиры, выведя ее изъ столицы, дабы лишить ее возможности бунтовать и представлять опасности правительству, но существуетъ множество неудобствъ, затрудняющихъ выполненіе этой мысли. Офицеры этихъ четырехъ полковъ, по бóльшей части молодые люди лучшихъ фамилій, поступающіе туда для скорѣйшаго повышенія, ибо при выходѣ изъ этихъ полковъ они поступаютъ въ армію тремя чинами выше того, который имѣли въ гвардіи. Такъ капитанъ переходитъ съ чиномъ полковника и получаетъ командованіе полкомъ. Къ тому же, такъ какъ всѣ должности какъ гражданскія, такъ и придворныя, соединены съ военнымъ чиномъ, и всѣ должны получить этотъ чинъ посредствомъ военной службы, всякій радъ поступить въ гвардію, гдѣ легче достигнуть этого чина, въ виду старшинства, предоставленнаго этому корпусу передъ арміей. Находясь въ столицѣ и

de se faire connaître et d'employer la protection et le crédit de leurs parents qui occupent les grandes charges pour se pousser et pour être employé dans les occasions, joint à cela l'agrément à vivre dans le grand monde, de participer à tous les plaisirs, de ne point être fort gênés dans le service, il est aisé à prévoir, que ce serait mécontenter toute la noblesse, en leur ôtant les moyens de faire des intrigues pour avancer leur fortune. Le commun des soldats, étant établi dans les casernes comme un bourgeois dans sa ville, ne quitterait pas sans murmurer toutes les commodités qu'il y a. L'ambition propagée dans les corps depuis leur institution toujours destinés à la garde de leur souverain et de jouir des dinstinctions et de privilèges particuliers, ne leur ferait pas regarder cette privation avec indifférence, de sorte qu'un tel déplacement pourrait être d'une conséquence dangereuse et occasionner une rébellion ouverte dans tous les quatre régiments. Il y aurait peut-être moyen de préparer de loin une telle entreprise, mais il paraît par bien des choses, que l'Impératrice est retenue par la crainte de déplaire à la nation, en introduisant des nouveautés qui pourraient lui être désagréables. Elle sent peut-être le vice capital, si j'ose m'exprimer ainsi, qu'elle porte sur elle, qui est celui de n'être pas née russe, qui ferait certainement qu'on lui attribuerait en haine de nation des changements qui seraient contraires aux fortunes qui se sont soutenues depuis Pierre le Grand, ou se sont introduites pendant ses successeurs, issus de son rang. Il est impossible

---

вблизи двора, офицеры скорѣе имѣютъ случай заявить себя и, пользуясь протекціей и вліяніемъ родственниковъ, занимающихъ значительныя должности, могутъ выдвинуться, и при случаѣ получить назначеніе. Если къ этому прибавить пріятность жить въ большомъ свѣтѣ, участвовать во всѣхъ удовольствіяхъ и не быть особенно обремененными службой, то станетъ понятно, что отнять у нихъ средства къ интригамъ, подвигающимъ ихъ карьеру, значило бы возбудить неудовольствіе всѣхъ дворянъ. Простые же солдаты, будучи помѣщены въ казармахъ, какъ обыватели въ своемъ городѣ, не безъ ропота разстались бы со всѣми удобствами, которыми они тамъ пользуются. Честолюбіе, развившееся въ этомъ корпусѣ съ самаго времени его учрежденія, имѣвшаго цѣлью лишь ограждать особу государя, пользуясь особыми отличіями и привилегіями, не допустило бы ихъ перенести подобныя лишенія равнодушно, и потому такого рода перемѣщеніе могло бы имѣть опасныя послѣдствія, и вызвать во всѣхъ четырехъ полкахъ открытое возмущеніе. Быть можетъ нашлось бы средство издали подготовить такое мѣропріятіе, но судя по многимъ случаямъ, Императрица опасается оскорбить народъ нововведеніями, для него непріятными. Быть можетъ она сознаетъ главный свой порокъ, если смѣю такъ выразиться, а именно, что она не русская по рожденію, и потому непремѣнно объяснили бы ненавистью къ народу, перемѣны противныя положенію, существующему со временъ Петра Великаго, или образовавшемуся при наслѣдникахъ изъ его рода. Иначе невозможно согла-

sans cela de concilier avec un esprit juste et éclairé et avec sa grande pénétration, la tolérance avec laquelle elle supporte une quantité d'abus, et cette indulgence excessive qu'elle a pour tous ceux qui manquent avec si peu de ménagements à des devoirs essentiels; mais pour en revenir aux gardes, la précaution qu'on prend pour se mettre à couvert contre leurs entreprises, c'est d'abord de ne les presque pas recruter, et effectivement il n'y a aucun des régiments qui ne manque du tiers de ce qu'il devrait avoir selon l'état, d'éloigner en secret et sans bruit ceux qui sont le moins du monde soupçonnés de mutinerie qu'on envoit dans les autres régiments de campagne et d'avoir à tous ces régiments les majors et quelques officiers subalternes, surtout des Livoniens et des Allemands de confiance, qui veillent exactement à toutes les démarches des soldats pour être d'abord en état d'étouffer la moindre étincelle de désordre qui s'y manifeste, de sorte qu'il est très difficile de lier un complot sans que ces personnes n'en soient bientôt instruites et ne puissent le prévenir.

№ 656.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

A Berlin, le 11 Août 1772.

J'ai reçu votre dépêche du 24 de Juillet et comme je vois par le postscriptum qui l'accompagnait, que le courrier porteur de la dernière déclaration

---

сить съ здравымъ и просвѣщеннымъ умомъ, и замѣчательной проницательностью, терпимость, съ которой Императрица допускаетъ множество злоупотребленій, и чрезмѣрную снисходительность, оказываемую ею всѣмъ столь дерзко нарушающимъ существенныя обязанности. Но возвращаясь къ гвардейцамъ, мѣры предосторожности, принимаемыя противъ ихъ замысловъ, заключаются въ томъ, что, во-первыхъ, ихъ почти не пополняютъ наборами, такъ что въ каждомъ изъ полковъ не достаетъ одной трети противъ опредѣленнаго положенія, затѣмъ, тайно и безъ шума удаляютъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ стремленіи къ возмущенію, переводя ихъ въ армейскіе полки; наконецъ во всѣхъ этихъ полкахъ имѣются маіоры и нѣсколько субалтернъ-офицеровъ изъ довѣренныхъ нѣмцевъ и лифляндцевъ, зорко наблюдающихъ за поступками солдатъ, дабы имѣть возможность погасить малѣйшую искру возмущенія, вслѣдствіе чего весьма трудно составить заговоръ безъ того, чтобы это не дошло до свѣдѣнія этихъ лицъ, которыя бы и могли его предупредить.

Графъ Финкенштейнъ и г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 11-го августа 1772 г.

№ 656. Я получилъ вашу депешу отъ 24-го іюля, и, узнавъ изъ сопровождавшаго ее постскриптума, что въ тотъ же самый день въ Петербургъ прибылъ курьеръ

de la cour de Vienne était arrivé le même jour à Pétersbourg, je m'attends à recevoir au plustôt des rapports fort intéressants sur ce qui en fait l'objet. Je ne peux aujourd'hui que vous renvoyer tant à mes ordres immédiats, qu'à ceux que je vous ai fait parvenir sur cette importante matière par mon département des affaires étrangères. J'espère que le comte Panin y refléchira mûrement, quand il verra que c'est ici *l'ultimatum* de la cour de Vienne et que considérant les embarras et les longueurs où de nouvelles difficultés nous jetteraient, il sentira la nécessité de finir et d'agréer le nouveau plan du prince Kaunitz, pour prévenir les incidents que les cours jalouses de nos avantages s'efforceront à faire naître pour les traverser.

№ 657.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 25 Août. A St. Pétersbourg, le 31 Juillet (11 Août) 1772.

Contenu: Projet d'acte de l'accession de l'Empereur, communiqué et envoyé par le comte Solms au roi.

J'ai l'honneur de Lui (V. M.) présenter à la suite de celui (rapport) d'aujourd'hui le projet que le comte de Panin a abouché pour l'acte de l'accession de S. M. l'Empereur des Romains à cette convention, avec celui de l'acceptation de la part de V. M. et de Sa Majesté l'Impératrice de Russie, et qu'il a remis au prince de Lobkowitz afin (пропускъ).

съ послѣдней декларацiей вѣнскаго двора, ожидаю въ скоромъ времени весьма интересныхъ свѣдѣнiй о ея содержанiи. Сегодня могу лишь напомнить вамъ, какъ непосредственныя мои повелѣнiя, такъ и предписанiя, переданныя вамъ по этому важному вопросу моимъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ. Надѣюсь, что графъ Панинъ зрѣло ихъ обсудить, увидѣвъ, что таковъ ультиматумъ вѣнскаго двора, и въ виду тѣхъ неудобствъ и замедленiй, которымъ бы насъ подвергли новыя затрудненiя, сознаетъ необходимость кончать дѣло, принявъ новый планъ князя Кауница, во избѣжанiе случайностей, которыя дворы, завидующiе нашимъ выгодамъ, постараются возбудить, дабы имъ воспрепятствовать.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 25-го августа). С.-Петербургъ, 31-го iюля (11-го) августа 1772 г.

№ 657. Содержанiе: Проектъ акта принятiя участiя Императора, сообщаемый и пересылаемый Сольмсомъ королю [1]).

Честь имѣю представить при семъ Вашему Величеству проектъ участiя Императора въ конвенцiи, который графъ Панинъ присоединилъ къ акту соглашенiя со стороны Вашего Величества и Ея Величества Императрицы Всероссiйской, и вручилъ князю Лобковичу, дабы (пропускъ).

---

1) Ср. Ф. Мартенсъ: Собранiе трактатовъ, т. II, стр. 29 и слѣд.

№ 658.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 29 Août. A St. Pétersbourg, le 3 (14) Août 1772.

Contenu: 1) Le comte Panin est prêt à adopter sans aucune peine le projet de manifeste du prince Kaunitz, si le roi l'approuve. 2) Défiances de ce ministre de la sincérité des sentiments de la cour de Vienne, elles lui sont inspirées par une lettre du prince Gallizin; instructions qu'il lui donne, communiquées au comte Solms; instructions qu'il demande au roi pour M-r d'Edelsheim et Zegelin. 3) Découvertes qu'on a faites sur le dessein du roi de Suède de faire changer la forme du gouvernement par une révolution. Le comte Panin désire que le roi fasse faire des remontrances sérieuses à ce prince.

Le comte Panin me fit inviter d'aller le trouver avanthier au soir à Péterhoff, j'eus là un entretien avec lui sur plusieurs matières importantes et je m'empresse à en faire mon très-humble rapport à V. M. Il commença par me lire une dépêche du prince Gallizin qui le prévient que le prince Kaunitz allait faire partir le courrier qui passerait par Berlin et apporterait au prince Lobkowitz le projet d'un autre manifeste à publier en Pologne, quand on en viendrait à la prise de possession. Le ministre autrichien quoiqu'il loue beaucoup le projet, dressé par le comte Panin, trouve pourtant

---

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 29-го августа). С.-Петербургъ, 3-го (14-го августа) 1772 г.

№ 658. Содержаніе: 1) Графъ Панинъ готовъ безъ всякихъ затрудненій принять проектъ манифеста князя Кауница въ случаѣ, если король одобряетъ его. 2) Недовѣріе этого министра къ искренности чувствъ вѣнскаго двора, внушенное ему письмомъ князя Голицына; инструкціи, данныя имъ, сообщены графу Сольмсу; инструкціи испрашиваемыя имъ у короля для г. Эдельсгейма и Зегелина. 3) Открытія о намѣреніяхъ короля шведскаго измѣнить форму правленія путемъ революціи. Графъ Панинъ желаетъ, чтобы король сдѣлалъ этому государю серьезныя замѣчанія.

Графъ Панинъ пригласилъ меня третьяго дня вечеромъ къ себѣ въ Петергофъ; тамъ я имѣлъ съ нимъ разговоръ о нѣсколькихъ важныхъ предметахъ, о чемъ и спѣшу почтительнѣйше донести Вашему Величеству. Онъ началъ съ того, что прочиталъ мнѣ депешу князя Голицына, сообщающаго ему, что князь Кауницъ уже приготовляется отправить курьера, который проѣдетъ черезъ Берлинъ и привезетъ князю Лобковичу проектъ другаго манифеста для обнародованія его въ Польшѣ, когда настанетъ время вступить во владѣніе.

Австрійскій министръ, хотя и очень хвалитъ проектъ, составленный графомъ Панинымъ, находитъ, однако, что вѣнскій дворъ не можетъ разсуждать такимъ же

que la cour de Vienne ne peut pas tenir le même langage, parce qu'elle devait lever aux yeux du public la contradiction apparente qui se trouvait dans sa conduite actuelle à l'égard de la Pologne et celle qu'elle avait tenue avec elle, avant que le concert fut établi entre elle, V. M. et la Russie; que par cette raison il avait donné au manifeste une tournure qui fût applicable à la cour de Vienne. Le prince Kaunitz propose cependant, que si les deux cours voulaient conserver le manifeste projeté par le comte Panin, on laissât au moins à sa cour la liberté d'omettre certains articles qui s'y trouvaient et de leur en substituer d'autres. Le prince Kaunitz s'en est expliqué envers le prince Gallizin d'une manière très-obligeante pour le comte Panin, marquant non-seulement beaucoup de déférence pour ses lumières, mais une véritable envie d'inspirer à cette cour-ci une plus grande confiance dans les sentiments de la sienne.

Le comte Panin en a été fort satisfait, mais comme il n'a pas encore vu le projet du prince Kaunitz, il espère, que par le même courrier je recevrai l'ordre de lui faire connaître ce que V. M. pense de cette pièce. Dans le cas que V. M. la trouvât bonne, il est tout disposé, pour peu qu'elle soit applicable à la situation de V. M. et de la Russie à l'égard de la Pologne, à l'adopter soit en entier, soit dans sa plus grande partie, et il ne fera, comme il m'a dit, nulle difficulté de sacrifier ses idées, afin que les trois cours puis-

---

образомъ, ибо долженъ объяснить въ глазахъ публики кажущееся противорѣчіе, между его настоящими поступками относительно Польши и дѣйствіями его до тѣхъ поръ, пока еще не состоялось соглашеніе между нимъ, Вашимъ Величествомъ и Россіей, и въ этихъ видахъ онъ придалъ манифесту оборотъ, удобный для вѣнскаго двора. Тѣмъ не менѣе, однако, князь Кауницъ предлагаетъ, что въ случаѣ, если оба двора пожелаютъ сохранить манифестъ, составленый графомъ Панинымъ, его двору было бы предоставлено право пропустить нѣкоторыя заключающіяся въ немъ статьи и замѣнить ихъ другими. Князь Кауницъ объяснялся по этому поводу съ княземъ Голицынымъ въ самомъ любезномъ для графа Панина смыслѣ, выказавъ не только полное уваженіе къ его свѣдѣніямъ, но и истинное желаніе внушить здѣшнему двору болѣе довѣрія къ чувствамъ своего собственнаго двора.

Графъ Панинъ былъ этимъ весьма доволенъ, но не видѣвъ еще проекта князя Кауница, онъ надѣется, что съ тѣмъ же курьеромъ я получу приказаніе сообщить ему мнѣніе Вашего Величества объ этомъ документѣ. Въ случаѣ, если Ваше Величество его одобрите, и при условіи примѣняемости его къ положенію Вашего Величества и Россіи относительно Польши, онъ вполнѣ готовъ принять его въ цѣломъ составѣ, или же бóльшую часть его, и какъ онъ передалъ мнѣ, онъ безъ всякаго затрудненія пожертвуетъ своими мнѣніями, дабы всѣ три двора могли говорить вполнѣ

sent tenir un langage uniforme et que les autres puissances soient bien convaincues par là du concert intime qui régnait entre elles.

Le prince Kaunitz a donné encore un autre sujet de contentement au comte Panin. Il a déclaré au prince Gallizin qu'il ne trouvait absolument rien à relever dans le plan, qu'il avait fait pour la pacification de la Pologne, et que sa cour s'y conformerait entièrement. Comme le comte Panin est déjà assuré de l'approbation de V. M., il veut dresser en conséquence les nouvelles instructions que le baron de Stackelberg, nommé pour remplacer M-r de Saldern, doit recevoir. Il supplie V. M. de faire communiquer le plan en question au sieur Benoît et de lui donner ses ordres, afin qu'il se concerte avec le baron de Stackelberg, quand il sera arrivé à Varsovie, sur les moyens de mettre ce plan en exécution. Après ce que le prince Kaunitz a fait connaître au comte Panin des dispositions de sa cour, comme je viens de l'exposer à V. M., le dernier a dû naturellement se former une très bonne idée des sentiments de la cour de Vienne. Une lettre particulière du prince Gallizin, que le comte Panin a reçue peu de jours après la dépêche, en a un peu rabattu et répandu des doutes sur la solidité du nouveau système, qu'elle a adopté en se liant avec V. M. et la Russie. Le prince Gallizin lui mande en confidence, qu'il venait d'apprendre de bonne part que l'Empereur s'entretenant avec quelques personnes, qu'il honore de sa confiance, lui avait dit, qu'il ne comprenait pas la politique des deux cours

---

единодушно, и прочія державы черезъ это убѣдились бы въ искреннемъ согласіи, существующемъ между ними.

Князь Кауницъ подалъ еще поводъ къ удовольствію графа Панина. Онъ объявилъ князю Голицыну, что рѣшительно ничего не можетъ выразить противъ составленнаго имъ плана умиротворенія Польши, и дворъ его вполнѣ съ нимъ согласенъ. Такъ какъ графъ Панинъ уже увѣренъ въ одобреніи Вашего Величества, то хочетъ составить на этомъ основаніи новыя инструкціи для барона Штакельберга, назначеннаго вмѣсто г. Сальдерна. Онъ умоляетъ Ваше Величество сообщить упомянутый планъ г. Бенуа, и приказать ему, по пріѣздѣ барона Штакельберга въ Варшаву, договориться съ нимъ о средствахъ привести этотъ планъ въ исполненіе. Послѣ того, что князь Кауницъ сообщилъ графу Панину о расположеніи своего двора, какъ о томъ мною выше изложено Вашему Величеству, послѣдній естественно составилъ себѣ наилучшее понятіе о чувствахъ вѣнскаго двора. Частное письмо князя Голицына, полученное графомъ Панинымъ нѣсколько дней послѣ депеши, нѣсколько ослабило это впечатлѣніе и внушило сомнѣнія относительно прочности новой системы, въ которую вступилъ вѣнскій дворъ посредствомъ союза съ Вашимъ Величествомъ и Россіей. Князь Голицынъ сообщаетъ ему подъ секретомъ, что слышалъ изъ вѣрнаго источника, будто бы императоръ въ разговорѣ съ нѣкоторыми довѣренными лицами высказалъ, что не понимаетъ политики обоихъ императорскихъ дво-

impériales, qui s'unissaient pour dépouiller la Pologne, qu'il n'avait pas intérêt à affaiblir; que dans le fond il n'y avait que le roi de Prusse, qui gagnait au partage par l'arrondissement de ses états, et par l'augmentation de sa puissance; que selon lui il aurait mieux valu qu'on eût laissé la Pologne comme elle avait toujours été et que les deux cours impériales ce fussent entendues entre elles pour faire leurs convenances aux dépens des Turcs. Le prince Gallizin garantit la vérité de cet avis mandant de plus que l'Impératrice-Reine avait une répugnance extrême à entendre parler de cet arrangement en Pologne, qu'elle n'y prenait non plus aucune part ayant remis toute la conduite de cette affaire à l'Empereur, son fils, et au prince Kaunitz. Car cet avis ne peut qu'affaiblir la confiance qu'on aurait pris dans les sentiments de la cour de Vienne, sujets à changer à tout moment à cause de la diversion d'opinion qui règne dans cette cour. Le comte Panin sent donc la nécessité d'être sur ses gardes avec elle et d'être attentif à toutes ses démarches pour n'être pas détourné de la route qu'on se propose de tenir. C'est pour cet effet et pour exciter le prince Gallizin à la plus grande vigilance qu'il lui a donné les instructions les plus précises; il n'a pas fait difficulté de me les communiquer par le moyen de la pièce ci-jointe, afin de les faire parvenir à V. M. Comme il recommande entre autres au prince Gallizin de vivre avec le ministre de V. M. dans la plus parfaite intimité, il espère, que V. M. ordonnera au baron d'Edelsheim d'en

---

ровъ, соединившихся между собой для того, чтобы ограбить Польшу, ослаблять которую для него вовсе невыгодно; что въ сущности при раздѣлѣ выигрываетъ лишь король прусскій, округляющій свои владѣнія и увеличивающій свое могущество; что по его мнѣнію лучше бы было, если бы оставить Польшу въ прежнемъ состояніи, а оба императорскіе двора пришли бы ко взаимному соглашенію насчетъ усиленія путемъ пріобрѣтеній со стороны турокъ. Князь Голицынъ ручается за справедливость этихъ свѣдѣній и прибавляетъ, что императрица-королева не расположена слышать о польскихъ дѣлахъ, не принимаетъ въ нихъ ни малѣйшаго участія, и передала все веденіе этого дѣла императору, своему сыну, и князю Кауницу. Подобное извѣстіе можетъ лишь ослабить довѣріе къ чувствамъ вѣнскаго двора, могущимъ ежеминутно измѣниться, вслѣдствіе различія мнѣній, существующаго при этомъ дворѣ. Поэтому графъ Панинъ сознаетъ необходимость быть съ нимъ на сторожѣ, и внимательно слѣдить за всѣми его дѣйствіями, дабы не уклониться отъ пути, которому намѣрены слѣдовать. Въ этихъ видахъ, и желая внушить князю Голицыну величайшую бдительность, онъ далъ ему самыя точныя инструкціи, и не затруднился мнѣ ихъ сообщить посредствомъ прилагаемаго документа для передачи его Вашему Величеству. Такъ какъ онъ между прочимъ предписываетъ князю Голицыну поддерживать полнѣйшее согласіе съ министромъ Вашего Величества, то надѣется, что Ваше Величество предпишите барону Эдельсгейму поступать такимъ же образомъ относи-

user de même à l'égard du ministre de l'Impératrice, afin qu'ils se communiquent avec franchise le résultat de leurs recherches et de leurs observations et que par là ils soient en état de tracer en tout temps un tableau vrai et fidèle de la situation des choses, qu'ils ne se bornent pas à se procurer seulement de justes notions sur les révolutions, qui pourraient arriver dans le système politique de la cour de Vienne, mais qu'ils tâchent de mettre leurs cours en état de se garantir des suites qui pourraient résulter d'un changement dans la façon de penser de cette cour. Elles pourraient se faire marquer surtout dans la négociation de la paix avec la Porte; voilà pourquoi il supplie V. M. de donner au sieur Zegelin des instructions dans le sens que voici: que lorsque cette négociation sera venue au point que les plénipotentiaires russes ayent donné l'ultimatum de leur cour, qui est la liberté des Tartares, et que m-r Zegelin remarque que le sieur Thougout ne charrie pas droit pour engager les Turcs à passer par cette condition, M-r Zeglin tâche d'insinuer adroitement aux plénipotentiaires de la Porte, qu'ils avaient tort de se fier à l'impartialité des Autrichiens, qu'ils savaient par leur propre expérience, que la cour de Vienne ne se piquait pas trop de tenir scrupuleusement sa parole, que cette cour malgré l'intérêt qu'elle avait paru prendre par le passé au sort de la Pologne, n'avait pas hésité de prendre avec la Russie des engagements bien opposés; qu'ainsi les Autrichiens s'ils voulaient à présent induire la Porte à la continuation de la

---

тельно министра Императрицы, дабы они откровенно сообщали другъ другу результаты ихъ попытокъ и наблюденій, и такимъ образомъ были бы въ состояніи во всякое время изобразить вѣрную и точную картину положенія дѣлъ, не ограничиваясь собираніемъ свѣдѣній о переворотахъ, могущихъ произойти въ политической системѣ вѣнскаго двора, но стараясь доставить своимъ дворамъ средства обезпечить себя отъ возможныхъ послѣдствій перемѣны въ образѣ мыслей этого двора. Обстоятельство это могло бы особенно отразиться при переговорахъ о мирѣ съ Портой, и потому онъ умоляетъ Ваше Величество выдать г. Зегелину инструкціи въ слѣдующемъ смыслѣ: когда переговоры дойдутъ до того, что русскіе уполномоченные объявятъ ультиматумъ своего двора, т. е. независимость татаръ, и г. Зегелинъ замѣтитъ, что г. Тугутъ дѣйствуетъ съ недостаточной прямотой, убѣждая турокъ подчиниться этому условію, тогда г. Зегелинъ постарается искусно намекнуть уполномоченнымъ Порты, что они напрасно полагаются на безпристрастіе Австрійцевъ, зная по собственному опыту, что вѣнскій дворъ не слишкомъ затрудняется выполненіемъ даннаго слова, что вопреки участію, принимаемому имъ въ прежнее время въ судьбѣ Польши, онъ не усомнился заключить съ Россіей обязательства совершенно противоположныя, а потому Австрійцы, убѣждая въ настоящую минуту Порту продолжать войну, весьма быть можетъ преслѣдуютъ при этомъ какія-либо скрытныя цѣли, и со временемъ придутъ къ соглашенію съ Россіей, чтобы участвовать въ завоеваніяхъ отъ Порты, что

guerre, pourraient bien de même avoir des vues cachées et vouloir s'arranger dans la suite avec la Russie pour avoir part aux dépouilles de la Porte, que les Turcs devaient considérer d'ailleurs que depuis que la bonne intelligence était raffermie entre les deux cours impériales et que celle de Vienne n'envisageait plus les avantages que la Russie remporterait sur l'empire ottoman comme étant préjudiciables à ses propres intérêts, par conséquent que rien n'engageait plus l'Autriche à s'y opposer, la paix devenait par là même moins nécessaire à la Russie, que celle-ci n'avait rien à risquer en continuant la guerre, qui si le congrès venait à se rompre, elle n'était plus tenue aux conditions, qu'elle avait proposées, qu'ainsi au lieu qu'elle s'offrait maintenant à faire de la Crimée un état indépendant, elle pourrait bien vouloir la garder pour elle, si la guerre durait plus longtemps, que par les garnisons, qu'elle avait dans la Crimée, il ne lui serait pas difficile de se maintenir dans cette conquête, et que cet établissement des Russes sur la mer Noire pourrait à l'aide d'une bonne flotte devenir très-dangereux à la Porte; que personne n'était en état de l'en empêcher; que ce moyen était, que la Russie fît enlever les habitants de la Moldavie et de la Vallachie pour les transplanter avec leurs bestiaux et leurs effets dans les provinces de la Russie, qui n'étaient pas habitées, et que cela fait, elle changeât la Moldavie et la Vallachie en un parfait désert, en faisant brûler tous les bois et toutes les habitations pour l'abandonner ensuite à quiconque, soit turc ou chrétien, voudrait s'en emparer, que lui, M-r Zeglin, leur conseillait donc de suivre

---

къ тому же турки должны имѣть въ виду, что съ тѣхъ поръ, какъ между обоими Императорскими дворами возстановилось согласіе, вѣнскій дворъ не считаетъ болѣе выгодъ, пріобрѣтаемыхъ Россіей надъ Оттоманской Портой, вредными для собственныхъ интересовъ, и слѣдовательно, ничто не побуждаетъ болѣе Австрію имъ противодѣйствовать, а потому заключеніе мира является для Россіи менѣе необходимымъ, она ничѣмъ не рискуетъ въ случаѣ продолженія войны, и если конгрессъ прекратится, она не обязана выполнять условій, ею предложенныхъ, вслѣдствіе чего вмѣсто предлагаемаго ею въ настоящее время обращенія Крыма въ независимое государство, быть можетъ она въ случаѣ продолженія войны захочетъ сохранить его себѣ; при гарнизонахъ ея, находящихся въ Крыму, ей не трудно будетъ удержать за собой это завоеваніе, а между тѣмъ утвержденіе русскихъ на Черномъ морѣ можетъ съ помощью хорошаго флота сдѣлаться весьма опаснымъ для Порты; помѣшать же въ томъ Россіи никто не въ состояніи, ибо ей стоитъ только переселить жителей Молдавіи и Валахіи, съ стадами и имуществами, въ ненаселенныя провинціи Россіи, чтобы обратить Молдавію и Валахію въ совершенную пустыню, въ которой всѣ лѣса и жилища были бы сожжены, послѣ чего эти области были бы предоставлены на произволъ турокъ или христіанъ, кто бы только хотѣлъ ими владѣть, а потому онъ, г. Зегелинъ, и совѣтуетъ имъ послѣдовать дружескимъ указаніямъ Вашего Величества, и,

les avis que V. M. leur donnait par amitié et qu'ils feraient bien de renoncer à toute vaine espérance de rendre pour le présent le sort de la Porte meilleur et de faire au plutôt leur paix pour éviter de plus grands maux. Comme le comte Panin ne prévoit pas, que ce qu'il prend la liberté de demander à V. M. soit le moins du monde contraire à ses intérêts, il se flatte qu'elle daignera déférer à sa prière et il m'a requis d'en prévenir d'avance le S-r Zeglin, comme de son côté il communiquera ce que dessus à M-r d'Obreskof, afin qu'il se concerte avec le ministre de V. M. sur le moment où il sera le plus expédient de faire usage de cette ressource.

Après que notre entretien entre le comte Panin et moi sur le sujet de la cour de Vienne fût fini, ce ministre me dit, qu'il avait encore à me parler des nouvelles cabales qui se formaient en Suède à l'instigation de la France; que ces cabales paraissaient combinées avec les intrigues qu'elle continuait à faire jouer à Constantinople pour engager la Porte à reculer sa paix avec la Russie par toutes sortes de difficultés et que ces cabales venaient de la part du roi de Suède. C'est par la correspondance originale entre le duc d'Aiguillon et le S-r de Vergennes qui a été interceptée, qu'on a appris que ce prince a demandé à cet ambassadeur de l'argent pour amener une révolution en Suède que lui-même avait préparée afin de changer la présente forme du gouvernement; que par plusieurs avis, qu'un courrier, dépêché par le comte Ostermann et arrivé ici la semaine passée, avait apporté, on savait

---

отказавшись отъ всякой тщетной надежды улучшить въ настоящую минуту судьбу Порты, какъ можно скорѣе заключить миръ во избѣжаніе бо́льшихъ бѣдствій. Такъ какъ графъ Панинъ не предвидитъ, чтобы покорнѣйшая просьба его въ какомъ бы то ни было отношеніи противорѣчила бы интересамъ Вашего Величества, то надѣется, что Вамъ угодно будетъ ее выполнить, и поручилъ мнѣ заранѣе предупредить о томъ г. Зегелина, а съ своей стороны сообщить все вышеизложенное г. Обрѣзкову, дабы онъ согласился съ министромъ Вашего Величества, относительно наиболѣе удобнаго момента, прибѣгнуть къ этой мѣрѣ.

По окончаніи моего разговора съ графомъ Панинымъ о вѣнскомъ дворѣ, этотъ министръ сказалъ, что имѣетъ переговорить со мной о новыхъ интригахъ, появившихся въ Швеціи по наущенію Франціи и, повидимому, состоящихъ въ связи съ происками этого двора въ Константинополѣ, съ цѣлью побудить Порту отодвигать заключеніе мира съ Россіей, путемъ всякаго рода затрудненій, причемъ происхожденіе этихъ интригъ приписываютъ королю Шведскому. Изъ перехваченной подлинной переписки герцога д'Эгильонъ и г. де-Верженъ узнали, что этотъ государь просилъ у этого посланника денегъ на революцію въ Швеціи, уже приготовленную имъ самимъ въ видахъ измѣненія настоящаго образа правленія; что по извѣстіямъ, привезеннымъ сюда на прошлой недѣлѣ курьеромъ графа Остермана, революція эта должна была обнару-

que cette révolution avait dû éclater en Finlande au mois de Juillet, qu'une certaine proposition qui se ferait dans le même temps à la. diète, en a dû fournir l'occasion; mais que cette proposition n'ayant pu se faire par un coup de hasard, toutes les cordes de la machine s'étaient trouvées démontées par là et que le reste du projet n'avait pu s'exécuter non plus cette fois-là; que le roi de Suède avait cependant touché depuis de nouvelles sommes que l'ambassadeur de France lui avait remises en mains propres, se contentant par ordre de sa cour d'un simple reçu de S. M. Suédoise, que cette circonstance faisait appréhender que le roi de Suède ne revînt à son projet et qu'une seconde tentative n'eût un succès plus heureux.

Voilà, Sire, ce que le comte Panin m'a communiqué des découvertes qu'on a faites sur ce sujet. Je ne doute pas que V. M. n'en soit déjà informée en droiture par les rapports de son ministre à Stockholm. Le comte Panin se persuade que du premier coup-d'oeil V. M. se représentera toutes les suites qu'une pareille révolution pourra avoir; qu'il était incontestable que la France engagerait sans aucun scrupule le jeune roi de Suède à exciter des troubles dans le nord, que par le moyen de diversion qu'elle lui ferait faire à ses dépens, et cela vraisemblablement contre la Russie, elle tâcherait d'encourager les Turcs à la continuation de la guerre, qu'en conséquence le comte Panin se persuade, que V. M. non seulement en qualité d'ami et d'allié de la Russie, mais encore comme étant une puissance

---

житься въ Финляндіи, въ іюлѣ мѣсяцѣ, по поводу нѣкотораго предложенія, долженствовавшаго состояться въ это же время на сеймѣ, но такъ какъ предложеніе это, вслѣдствіе встрѣтившейся случайности, не могло имѣть мѣсто, это разстроило всѣ пружины предпріятія, остальная часть котораго не могла быть выполнена въ этотъ разъ. Несмотря на то, король шведскій и послѣ того получалъ новыя суммы, переданныя ему собственноручно французскимъ посланникомъ, согласно съ приказаніями своего двора, въ обмѣнъ на простую росписку Его Шведскаго Величества, и обстоятельство это заставляетъ опасаться, чтобы шведскій король не возвратился къ своему плану, и чтобы вторая его попытка не имѣла бо́льшаго успѣха.

Вотъ, Ваше Величество, все что графъ Панинъ сообщилъ мнѣ касательно этого предмета. Не сомнѣваюсь, что Ваше Величество уже увѣдомлены о томъ, непосредственно докладами Вашего министра въ Стокгольмѣ. Графъ Панинъ убѣжденъ, что Ваше Величество съ перваго же взгляда усмотрите всѣ послѣдствія, могущія возникнуть отъ подобной революціи: несомнѣнно, что Франція убѣдитъ молодаго шведскаго короля возбудить смуты на сѣверѣ, и посредствомъ диверсіи, вызванной ею и направленной, вѣроятно, противъ Россіи, постарается ободрить турокъ къ продолженію войны, вслѣдствіе чего графъ Панинъ убѣжденъ, что Ваше Величество, не только въ качествѣ друга и союзника Россіи, но какъ монархъ непосредственно заинтересо-

intéressée directement à la conservation de la tranquillité dans le nord, reconnaîtra qu'il faut employer tous les moyens possibles pour prévenir un tel embrasement, qu'il suppliait donc très-humblement V. M. de faire faire des remontrances amicales, mais en même temps très-sérieuses au roi de Suède, pour le faire renoncer à tout projet d'innovation dans la forme du gouvernement de ce royaume. Comme V. M. est non seulement proche parent du roi de Suède, mais encore une puissance très respectable dans le nord, le comte Panin pense qu'elle est doublement autorisée à lui parler d'une façon énergique et persuasive; il estime que si après avoir épuisé tous les arguments que le proche parentage lui fournit, V. M. prenait ensuite le ton de roi, elle pourrait plus facilement qu'aucune autre des puissances voisines lui faire abandonner un projet aussi dangereux pour la Suède, que pour sa propre personne, surtout si V. M. lui faisait considérer l'intérêt immédiat, qu'elle-même, la Russie et le Danemark prenaient à la conservation de la constitution présente du royaume de Suède et que les engagements réciproques, dans lesquels les trois cours se trouvaient réunies, ne leur permettraient pas de regarder avec indifférence les tentatives qu'on ferait pour la changer. Avec tout cela le comte Panin supplie V. M. de ne pas compromettre sa cour ou lui-même en particulier et de ne pas laisser remarquer au roi de Suède, que les premiers avis sur toute cette affaire soient venus de ce côté-ci à V. M. Enfin, le comte Panin fait des instances à son ministre à Stockholm d'agir dans ces circonstances dans un parfait

---

ванный въ сохраненіи спокойствія на сѣверѣ, признаете, что слѣдуетъ употребить всѣ средства во избѣжаніе подобнаго усложненія, и потому всепокорнѣйше проситъ Ваше Величество сдѣлать дружеское, но въ то же время весьма серьезное внушеніе королю шведскому, съ цѣлью заставить его отказаться отъ всякихъ проектовъ нововведеній въ формѣ правленія королевства. Такъ какъ Ваше Величество не только близкій родственникъ шведскаго короля, но и государь весьма уважаемый на сѣверѣ, то графъ Панинъ полагаетъ, что Вы вдвойнѣ имѣете право говорить съ нимъ настойчиво и убѣдительно, и думаетъ, что если, истощивъ всѣ доводы близкаго родства, Ваше Величество заговорите какъ король, то лучше всякой другой державы заставите его отказаться отъ проекта, равно опаснаго какъ для Швеціи, такъ и для собственной его особы, особенно если Ваше Величество поставите ему на видъ непосредственное участіе, принимаемое Вами, Россіей и Даніей въ сохраненіи настоящаго образа правленія въ шведскомъ королевствѣ, а также взаимныя обязательства трехъ дворовъ, въ силу которыхъ они не могутъ отнестись равнодушно къ попыткѣ ниспровергнуть этотъ строй. При всемъ томъ графъ Панинъ умоляетъ Ваше Величество не выдавать его двора, ни самого его, и не дать королю шведскому замѣтить, что первыя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ сообщены Вашему Величеству отсюда. Кромѣ того, графъ Панинъ проситъ Вашего министра въ Стокгольмѣ поступать въ этомъ

concert avec le comte Ostermann et de promettre à celui-ci d'avance qu'il allait concourir avec lui dans le cas qu'il trouvât qu'il fallait faire quelque déclaration ou telle autre démarche propre à prévenir tout éclat.

J'ai l'honneur de joindre ici la copie d'une lettre, que le comte Panin a écrite au prince de Gallitzin à Vienne pour lui servir d'instructions dans les circonstances actuelles, et que ce ministre a désiré de faire parvenir à la connaissance de V. M.

Je suis, etc.

№ 659.

Projet de la lettre de S. E. M-r le comte Panin à S. E. M-r le prince Gallitzin à Vienne.

à St.-Pétersbourg le... Juillet 1772.

Monsieur.

J'ai exactement reçu avec la lettre de V. E. du 3 (14) de ce mois la copie qui y était jointe de la convention entre LL. MM. II. et RR. et la Porte Ottomane et je n'ai point négligé cette occasion de faire valoir votre zèle pour le service dans les soins que vous vous êtes donnés pour vous procurer cette pièce importante.

Je vous avouerai, monsieur, qu'il y a près de six mois qu'il m'en était parvenue par une voie oblique une copie pareille que j'ai tenue secrète

---

случаѣ вполнѣ согласно съ графомъ Остерманомъ, и обѣщать ему свое содѣйствіе, если онъ признаетъ необходимымъ сдѣлать декларацію или принять какую-либо иную мѣру для предупрежденія бѣды.

Честь имѣю приложить при семъ копію съ письма, написаннаго графомъ Панинымъ князю Голицыну въ Вѣну въ видѣ инструкціи при настоящихъ обстоятельствахъ, о чемъ этотъ министръ и желалъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества.

Остаюсь и проч.

Проектъ письма Его Сіятельства графа Панина Его Сіятельству князю Голицыну, въ Вѣнѣ.

С.-Петербургъ, іюль 1772 г.

№ 659. Милостивый Государь, Я своевременно получилъ съ письмомъ Вашего Сіятельства, отъ $^{3}/_{14}$ этого мѣсяца, приложенную къ нему копію конвенціи, заключенной между Ихъ Императорскими и Королевскими Величествами и Оттоманской Портой, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поставить на видъ усердіе къ службѣ, проявленное вами пріобрѣтеніемъ этого важнаго документа.

Признаюсь вамъ, милостивый государь, уже около шести мѣсяцевъ, какъ я получилъ косвеннымъ путемъ подобную копію, которую до сего времени сохранялъ въ

jusqu'à ce jour; mais celle que vous nous avez envoyée n'en a pas moins tout son prix comme venant de source, et par là elle nous sert à lever tout doute, qui pouvait exister sur l'authenticité de la première.

Je répondrai pareillement à la dernière lettre de V. E. en date du . . . dans laquelle elle me fait part de ce qui lui est revenu par une voie sûre de quelques discours de l'Empereur. Tout ce que je peux juger d'après cela, c'est une plus grande complication des affaires et une différence marquée de sentiments à la cour où vous êtes, l'Empereur ayant une façon de penser, l'Imp. une autre et le prince Kaunitz aussi la sienne. Je n'en accorderai que plus de mérite à ce ministre, s'il a le talent de ramener cette diversité d'opinions à un but juste, utile à la paix de l'Europe et avantageux à sa cour, quoique à la vérité cette variation de politique dans l'espace de quelques mois de la convention conclue avec la Porte à la négociation avec nous soit un préjugé à mes yeux ou contre sa sagacité ou contre la réalité de son influence à sa cour. C'est pourquoi, quoique nous la devions juger actuellement fixée, cette politique par la sanction de l'engagement que la cour de Vienne vient de prendre avec nous et que nous devions croire qu'elle charriera droit dans l'emploi de ses bons services pour notre paix, je ne dois pas moins recommander à V. E. de redoubler d'efforts et d'attentions pour connaître à fond tous les ressorts et les manigances qui la font mouvoir. Il

---

тайнѣ; тѣмъ не менѣе копія, вами присланная, является документомъ весьма цѣннымъ, ибо, исходя изъ достовѣрнаго источника, устраняетъ всякое сомнѣніе касательно подлинности первой бумаги.

Имѣю также отвѣтить на послѣднее письмо Вашего Сіятельства отъ......., извѣщающее меня о томъ, что дошло до васъ достовѣрнымъ путемъ о нѣкоторыхъ рѣчахъ Императора. Могу только заключить изъ этого, что это составитъ новое усложненіе дѣлъ, а что въ мнѣніяхъ двора, при которомъ вы находитесь, существуетъ большое разнообразіе, ибо Императоръ думаетъ по своему, Императрица совсѣмъ иначе, а князь Кауницъ съ своей стороны держится совсѣмъ особыхъ мыслей. Тѣмъ больше будетъ заслуга министра, если онъ съумѣетъ направить эти разнообразныя мнѣнія къ справедливой цѣли, полезной европейскому миру и выгодной собственному его двору, хотя, говоря откровенно, подобная измѣнчивость въ политикѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ заключенія конвенціи съ Портой до переговоровъ съ нами въ моихъ глазахъ противорѣчитъ понятію о его умѣ или о дѣйствительности его вліянія при дворѣ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, хотя мы должны считать эту политику твердо опредѣлившейся обязательствомъ, принятымъ на себя передъ нами вѣнскимъ дворомъ, предположивъ, что онъ будетъ искренно содѣйствовать заключенію мира, тѣмъ не менѣе я долженъ просить Ваше Сіятельство удвоить усилія и вниманіе, дабы основательно узнать всѣ тайныя пружины, управляющія имъ.

serait bon pour juger plus mûrement du présent, d'éclaircir encore davantage ce qui a précédé. Je prie donc V. E. de travailler à découvrir au vrai jusqu'où la cour de Vienne était réellement intentionnée d'entrer en jeu en faveur de la Porte, si cette mesure était le sentiment de l'Empereur auquel le ministre était obligé de condescendre, ou plutôt si contre le gré de l'Empereur ce n'était pas la force de la politique du prince Kaunitz qui avait tout penché vers ce parti. Enfin quelle part a eu à tout cela l'instigation de la France, si c'est avec sa participation ou à son insu que la convention avec la Porte a été conclue, parce qu'il se peut fort bien que le prince Kaunitz, pour n'être pas entraîné au delà de ses propres vues par le zèle du ministère français, ait arrangé, sans lui en faire part, les clauses de cette convention et par cette sorte d'engagement, dont il ne l'aurait informé qu'en général, il l'ait tenu tranquille et en suspens. En un mot, il ne faut rien épargner pour connaître bien positivement, quelle est actuellement l'influence dominante et quels seront les mouvements et le système subséquents à notre présent accord. Dans une telle situation vous ne sauriez, mon prince, marquer assez d'intimité au ministre du roi de Prusse à la cour où vous êtes, afin que réunissant vos efforts et combinant les lumières qu'il pourra acquérir avec les vôtres, vous soyez l'un et l'autre en état d'informer à point nommé vos deux cours.

Для болѣе зрѣлаго обсужденія настоящаго не худо бы было еще болѣе объяснить предшествовавшіе факты, а потому прошу Ваше Сіятельство постараться достовѣрно узнать насколько вѣнскій дворъ дѣйствительно намѣревался вступиться за Порту и была ли мѣра эта вызвана личнымъ желаніемъ Императора, которому министръ обязанъ былъ слѣдовать, или же напротивъ того, таково было рѣшеніе политики князя Кауница вопреки воли Императора, наконецъ, какую роль играло во всемъ этомъ вмѣшательство Франціи, съ ея ли участіемъ или безъ ея вѣдома состоялась конвенція съ Портой, ибо легко быть можетъ, что князь Кауницъ, не желая, чтобы усердіе французскаго министерства увлекло его далѣе его собственныхъ намѣреній, порѣшилъ дѣло, не сообщивъ ему статей этой конвенціи, и путемъ соглашенія, извѣстнаго Франціи лишь въ общихъ чертахъ, заставилъ ее сохранять спокойное и выжидательное положеніе. Словомъ, надо употребить всѣ усилія, чтобы узнать самымъ положительнымъ образомъ, какое въ настоящую минуту преобладающее вліяніе, и какія мѣры и система послѣдуютъ за настоящимъ нашимъ соглашеніемъ. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ Вашему Сіятельству слѣдуетъ относиться какъ можно дружественнѣе къ министру прусскаго короля при дворѣ, гдѣ вы находитесь, дабы съ помощью соединенныхъ усилій, и соображая ваши собственныя свѣдѣнія съ тѣми, которыя онъ пріобрѣтетъ, каждый изъ васъ былъ бы въ состояніи своевременно увѣдомлять свой дворъ.

L'autre lettre française, que vous recevrez en clair de même date que celle-ci, est écrite de façon à pouvoir être produite, c'est pourquoi je vous prie d'en faire usage dans l'entretien que vous aurez avec M-r le prince Kaunitz sur les deux matières qui y sont contenues et vous pourrez en faire lecture à ce ministre sous le prétexte de votre propre confiance et de l'ouverture avec laquelle vous êtes accoutumé de traiter avec lui.

J'ai l'honneur d'être avec une considération très distinguée, monsieur, de Votre Excellence, etc.

№ 660.

Dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

à St.-Pétersbourg, le 3 (14) Août 1772.

J'ai cessé de parler à V. M. du projet de révolution qui s'était formé ici, parce qu'il n'a pas eu la moindre suite, mais je ne saurais tarder davantage à l'informer d'un autre événement intéréssant, qui vient d'arriver à cette cour, et qui ne manquera pas d'attirer l'attention tant de la Russie, que des autres nations.

L'absence du comte Grégoire Orlow a eu un effet à la vérité très naturel, mais inattendu cependant, celui que S. M. I. a appris à se passer de lui, à changer de sentiment à son égard et à placer sa faveur sur un autre objet.

Второе французское письмо, которое вы получите безъ помѣтки числа, написано въ такомъ смыслѣ, что можетъ быть предъявлено, а потому прошу васъ употребить его въ разговорѣ съ княземъ Кауницемъ объ обоихъ вопросахъ, заключенныхъ въ немъ, причемъ вы можете прочесть его этому министру, подъ предлогомъ собственнаго къ нему довѣрія и той искренности, съ которой вы привыкли къ нему относиться.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ къ Вамъ, Вашего Сіятельства и проч.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 3-го (14-го августа) 1772 г.

№ 660. Я пересталъ доносить Вашему Величеству о планѣ переворота, который здѣсь составился, потому что планъ этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій; но я не могу не увѣдомить о другомъ важномъ событіи, случившемся при этомъ дворѣ,—событіи, которое не замедлитъ обратить на себя вниманіе какъ Россіи, такъ и другихъ державъ.

Въ отсутствіе графа Григорія Орлова произошла перемѣна, хотя и совершенно естественная, однако неожиданная, именно та, что Ея Императорское Величество привыкла обходиться безъ него, измѣнила къ нему свои чувства и перенесла свою благосклонность на другое лице.

Un lieutenant des gardes à cheval, nommé Wassiltchikoff, que le hasard avait fait envoyer à son tour ce printemps à Tsarskoé-Sélo pour y commander le petit détachement, qui devait y être de garde pendant que la cour y demeurait,—s'est attiré l'attention de sa Souveraine, sans qu'on ait pu s'en douter auparavant; puisque ce n'est pas un homme d'une figure distinguée, ni qu'il ait jamais cherché à se faire remarquer, et qui est peu connu dans le monde. La première marque, que S. M. I. lui a donné de ses bonnes grâces, c'était lorsqu'elle quitta Tsarskoé-Sélo pour se transporter à Péterhoff. Elle lui envoya alors une boîte d'or, en lui faisant dire, que c'était pour avoir tenu un si bon ordre parmi sa troupe. On regarda cependant cela comme une pure générosité de sa part, et on en parla comme d'une chose, qui n'était d'aucune conséquence.

Les assiduités de cet officier à Péterhoff, le soin de se trouver partout, au passage de l'Impératrice de Russie, une espèce d'empressement de cette princesse de chercher à le distinguer dans la foule, beaucoup plus d'aisance et de gaieté qu'elle a depuis le départ de son ancien favori, la mauvaise humeur et le mécontentement des parents et amis de ce dernier, enfin mille autres petites circonstances ont fait ouvrir les yeux aux courtisans, et quoique jusqu'ici au moins la chose se traite encore avec le plus grand secret, il n'y a plus personne cependant de ceux qui sont journellement à la cour qui doutent que ce Wassiltchikoff ne soit déjà dans la plus haute

---

Поручикъ конно-гвардіи, Васильчиковъ, котораго случай привелъ этой весной въ Царское Село, гдѣ онъ, долженъ былъ командовать маленькимъ отрядомъ, содержавшимъ караулъ во время пребыванія тамъ двора, обратилъ на себя вниманіе своей Государыни; предвидѣть этого никто не могъ, такъ какъ это человѣкъ наружности не представительной, никогда не искалъ быть замѣченнымъ и мало извѣстенъ въ свѣтѣ. Первый знакъ своихъ милостей Ея Императорское Величество явила ему, когда она оставляла Царское Село, переѣзжая въ Петергофъ. Она послала ему золотую табакерку, велѣвъ сказать, что жалуетъ ее за тотъ отличный порядокъ, въ которомъ онъ держалъ свою часть. Однако это сочли какъ простую щедрость съ Ея стороны и говорили, какъ о вещи, не имѣющей никакого значенія.

Постоянное пребываніе этого офицера въ Петергофѣ, его забота быть всегда тамъ, гдѣ находилась русская Императрица, стараніе, съ которымъ Государыня искала отличить его среди толпы, замѣтныя довольство и веселость, проявляемыя Ею со времени отъѣзда прежняго любимца, дурное расположеніе духа и недовольство родственниковъ и друзей послѣдняго, наконецъ тысячи ничтожныхъ обстоятельствъ открыли глаза придворнымъ, и не смотря на то, что дѣло и до сихъ поръ держится въ большомъ секретѣ, нѣтъ однако никого, изъ ежедневно бывающихъ при дворѣ, кто бы сомнѣвался въ томъ, что Васильчиковъ въ самой большой милости у Госуда-

faveur auprès de sa Souveraine; surtout, depuis qu'il a été nommé, il y a quelques jours, gentilhomme de la chambre. Il est très-vrai, que pour diminuer un peu la surprise d'un avancement aussi extraordinaire, pour un homme qui n'a aucune relation à la cour, l'Impératrice a créé en même temps quatre autres, parmi lesquels se trouvent deux des fils du comte de Romanzoff; mais tout le monde sait à quoi s'en tenir là-dessus, et on sent parfaitement que ceux-ci ont servi de pont pour passer l'autre. Cette diminution de faveur du comte Orlow a commencé insensiblement depuis son départ pour le congrès. L'Impératrice ayant fait réflexion sur l'ennui qu'il a marqué depuis quelques années de Sa personne, la précipitation avec laquelle il est parti d'ici en dernier lieu, qui, outre ce qu'il y a là de personnellement désobligeant pour l'Impératrice, peut encore avoir des influences sur les affaires, en faisant regarder aux Turcs ce départ précipité des ministres de Russie comme une marque du grand besoin que cet empire a de la paix, la découverte enfin de plusiers infidélités, commises sans le moindre ménagement,—tout cela ensemble a contribué à le faire regarder comme un homme, qui se rendait indigne des bontés, qu'on avait pour lui. Le comte Panin, à qui l'Impératrice s'est, peut-être, ouverte là-dessus, n'a pas jugé à propos de la désabuser, et le hasard présentant un nouveau sujet d'affection, l'affaire s'est faite de soi-même, sans qu'on puisse dire que quelqu'un l'aie préparée exprès. Autant que je crois pouvoir hasarder mon sentiment sur

---

рыни, особенно съ той поры, какъ онъ, нѣсколько дней тому назадъ, былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ. Правда, чтобы ослабить нѣсколько удивленіе передъ такимъ необыкновеннымъ возвышеніемъ человѣка, не имѣющаго никакихъ связей при дворѣ, Императрица назначила въ то же время четырехъ другихъ, между которыми находятся два сына графа Румянцева, но всѣ знаютъ какъ къ этому слѣдуетъ относиться и прекрасно понимаютъ, что назначеніе этихъ послѣднихъ было сдѣлано для облегченія пути первому. Уменьшеніе благосклонности къ графу Орлову началось незамѣтно, со времени его отъѣзда на конгрессъ. Императрица, размысливъ о холодности, оказываемой имъ къ Ея Особѣ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, о той поспѣшности, лично ее оскорбляющей, съ которой онъ недавно уѣхалъ отсюда, могущей дурно повліять на дѣла, ибо турки объяснятъ себѣ торопливый отъѣздъ русскихъ министровъ настоятельной необходимостью для Россіи заключить миръ, наконецъ, открывъ многіе случаи невѣрности, по поводу которыхъ онъ вовсе не стѣснялся,—въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, взятыхъ вмѣстѣ — Императрица сочла его за человѣка недостойнаго Ея милостей. Графъ Панинъ, которому Государыня можетъ быть сказала откровенно все по этому дѣлу, не нашелъ нужнымъ Ее разувѣрять, и когда случай представилъ новый предметъ для благосклонности, — дѣло само собой устроилось, и нельзя предполагать, чтобы кто-нибудь это подготовилъ нарочно. Насколько я могу осмѣлиться высказать свое мнѣніе по этому дѣлу, предполагая, что оно продлится, я не думаю,

cette affaire, supposé qu'elle se soutienne, je n'imagine pas que V. M. pourra y perdre, car quoique le comte Orlow depuis quelque temps s'est montré moins contraire au système prussien, l'inconstance de son caractère, sa légèreté et son inapplication aux choses solides, rendent cependant son amitié très incertaine. Celui qui y gagnera le plus, ce sera le comte Panin; son crédit, quoique toujours prépondérant, n'aura plus aucune concurrence à craindre, et il aura les mains beaucoup plus libres, tant pour les affaires du dehors, que pour celles qui regardent le gouvernement intérieur. Un bon effet déjà, que l'absence du comte Orlow a produit, c'est l'augmentation de tendresse de S. M. I. pour le grand-duc. Tout le monde a observé ces deux augustes personnes vivre depuis ce temps-là beaucoup plus cordialement ensemble, que par le passé, où l'attachement pour le favori l'emportait souvent sur l'amour maternel. Au reste, il faudra voir comment la chose se soutiendra et comment la famille du favori s'y prendra en cette occasion.

Il y en a qui ne sont pas contents de ce changement; les deux comtes Tchernichew, par exemple, qui tenaient très fort à lui, mais ils sont très prudents pour vouloir prendre parti pour lui ouvertement; lui-même est averti de tout ce qui se passe et il n'est pas à prévoir encore quelle influence cela aura sur sa négociation et quelle résolution il prendra pour prolonger son absence, ou pour hâter son retour. Enfin la chose est encore si nouvelle, qu'il est impossible de faire déjà des conjectures, un peu fondées, sur les

---

что Ваше Величество при этомъ потеряете, такъ какъ графъ Орловъ, хотя и показалъ себя, съ нѣкотораго времени, менѣе враждебнымъ прусской политикѣ, но непостоянство его характера, его легкомыслiе и небрежность въ серьезныхъ занятiяхъ дѣлаютъ его дружбу очень сомнительной. Кто же больше всѣхъ выиграетъ — это графъ Панинъ. Онъ всегда имѣетъ первенствующее влiянiе, а теперь ему нечего опасаться никакого соперничества; онъ будетъ менѣе стѣсненъ въ своихъ дѣйствiяхъ, какъ относительно внѣшнихъ дѣлъ, такъ и въ тѣхъ, которыя касаются внутренняго управленiя. Хорошiя послѣдствiя, уже произведенныя отсутствiемъ графа Орлова — это усиленiе расположенiя Ея Императорскаго Величества къ великому князю. Всѣ замѣтили, что обѣ державныя особы относятся другъ къ другу сердечнѣе теперь, нежели тогда, когда привязанность къ любимцу часто преобладала надъ материнской любовью. Впрочемъ, надо будетъ видѣть, какъ пойдетъ дѣло и какъ семья бывшаго любимца поступитъ въ этомъ случаѣ. Нѣкоторые недовольны происшедшей перемѣной: два графа Чернышевы, напримѣръ, которые крѣпко держались за графа Орлова, но они слишкомъ осторожны, чтобы стать открыто на его сторону; онъ увѣдомленъ обо всемъ, что здѣсь происходитъ, и еще нельзя предвидѣть какое влiянiе это будетъ имѣть на его переговоры: продолжитъ-ли онъ свое отсутствiе или ускоритъ возвращенiе. Наконецъ, дѣло еще такъ ново, что невозможно дѣлать предположенiй сколько-нибудь основательныхъ о тѣхъ послѣдствiяхъ, какiя оно повлечетъ.

suites qu'elle aura. On ne peut pas s'exposer non plus d'en parler à un chacun, de crainte de se compromettre.

№ 661.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 1 septembre. à St.-Pétersburg, le 7 (18) août 1772.

Contenu: Le projet de manifeste autrichien est adopté en entier par l'Impératrice. Prise de possession fixée au temps depuis le 12—18 septembre. C'est un de ces jours que les ministres des trois puissances à Varsovie, qui le fixeront plus précisément, remettront chacun le manifeste au roi et au ministère de Pologne. 2) Communication à faire à la Porte de l'arrangement pris. En Russie on s'en remet au roi et à l'Imp.-Reine, pourvu qu'elle ne soit trop différée. 3) Concours, qu'on demande au roi et à la cour de Vienne, pour faire réussir le plan de la pacification de la Pologne.

№ 662.

Le comte de Solms au roi.

à St. Pétersbourg, le 10 (21) août 1772.

Contenu: Départ du baron de Stackelberg pour Varsovie fixé. S'il n'y arrivait à temps, M-r de Saldern va faire conjointement avec le ministre du

---

Нельзя также разговаривать объ этомъ съ каждымъ встрѣчнымъ, изъ опасенія компрометировать себя.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 1-го сентября). С.-Петербургъ, 7-го (18-го) августа 1772 г.

№ 661. Содержаніе: 1) Проектъ австрійскаго манифеста принятъ Императрицей въ полномъ составѣ. Вступленіе во владѣніе назначено на время отъ 12-го до 18-го сентября. На дняхъ министры трехъ державъ въ Варшавѣ опредѣлятъ этотъ срокъ съ бо́льшей точностью и вручатъ каждый свой манифестъ королю польскому и министерству. 2) Предстоящее сообщеніе Портѣ относительно принятыхъ мѣръ. Въ Россіи это предоставляютъ Королю и Императрицѣ-Королевѣ съ условіемъ, чтобы это не было слишкомъ отсрочено. 3) Содѣйствіе, испрашиваемое у короля и у вѣнскаго двора, для достиженія удачи въ дѣлѣ умиротворенія Польши.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 10-го (21-го) августа 1772 г.

№ 662. Содержаніе: Отъѣздъ барона Штакельберга въ Варшаву назначенъ. Въ случаѣ если онъ не доѣдетъ туда своевременно, г. Салдернъ вмѣстѣ съ ми-

roi et celui de l'Imp.-Reine la déclaration qui annoncera la prise de possession.

№ 663.

Le roi au comte de Solms.

Neisse, le 21 d'août 1772.

Vous sentirez bien vous-même toute la satisfaction que j'ai ressentie à la réception de votre dépêche du 31 de Juillet (№ 815) dernier. J'y ai vu avec un plaisir infini, que notre convention avec la cour de Vienne touche (en chiffre) au moment d'être signée, et ce n'est pas seulement la considération de mes propres intérêts, mais encore et surtout celle de la Russie qui me fait envisager cette époque avec un contentement que j'ai de la peine à vous exprimer. En effet, plus j'y pense et plus j'y trouve des motifs à m'en réjouir. J'espère surtout que, du moment que la cour de Vienne aura signé cette convention, les plénipotentiaires russes au congrès de paix auront en main une preuve bien parlante pour convaincre ceux de la Porte du parfait concert qui subsiste entre les deux cours, et cette conviction ne saura manquer de leur faire faire des réflexions bien sérieuses sur la nécessité indispensable de hâter la conclusion de la paix sans faire trop les difficiles ou se permettre des prétentions qui pourraient la traîner en longueur. En attendant, le comte Panin n'est pas le seul qui

---

нистрами Короля и Императрицы-Королевы сдѣлаетъ декларацію о вступленіи во владѣніе.

Отъ короля графу Сольмсу.

Нейссе, 10-го (21) августа 1772 г.

№ 663. Вы легко поймете какъ пріятно мнѣ было получить вашу депешу отъ 31-го іюля (№ 815). Изъ нея я съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что наша конвенція съ вѣнскимъ дворомъ приближается (шифромъ) къ минутѣ подписанія и не только собственные мои интересы, но особенно интересы Россіи заставляютъ меня относиться къ этому событію съ полнымъ удовольствіемъ, которое мнѣ трудно вамъ выразить. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе я о томъ думаю, тѣмъ болѣе нахожу поводовъ радоваться. Надѣюсь особенно, что съ той минуты, какъ вѣнскій дворъ подпишетъ эту конвенцію, и русскіе уполномоченные на конгрессѣ будутъ имѣть въ рукахъ столь осязательное доказательство для убѣжденія уполномоченныхъ Порты въ полномъ согласіи, существующемъ между обоими дворами, это сознаніе наведетъ ихъ на серьезныя размышленія о настоятельной необходимости поспѣшить заключеніемъ мира, не возбуждая напрасныхъ затрудненій и не позволяя себѣ требованій, могущихъ затянуть переговоры. Между тѣмъ не одинъ только графъ Панинъ

soupçonne la cour de Vienne d'avoir des vues sur la Valachie. Vous trouverez dans mes ordres précédents assez d'indices qui m'ont donné les mêmes soupçons.

Mais je vous y ai fourni en même temps assez de motifs pour ne point prêter l'oreille à de pareilles prétentions. En effet, je ne saurais m'empêcher de vous le faire observer de nouveau: si l'on voulait y condescendre, les acquisitions de cette cour surpasseraient de beaucoup les nôtres.

Elles se font déjà, à l'heure qu'il est, nonobstant la cession qu'elle a faite des palatinats de Lublin et de Chelm, et que serait-ce si l'on y voulait encore ajouter une partie de la Valachie? La balance entre nos trois cours tomberait entièrement, et que deviendrait ce nivellement politique dont le prince de Kaunitz a prétendu faire la balance de toute cette négociation et qu'il a tant prôné dans toutes ses déclarations? Supposé donc que cette cour insistât tôt ou tard sur la cession d'une partie de la Valachie, il faut de toute nécessité par les considérations que je viens d'alléguer, qu'elle renonce en revanche à une partie proportionnée de ses nouvelles acquisitions en Pologne. Un peu de fermeté de la part de la Russie, sur cet article, l'engagera aussi ou à acquiescer à ce retranchement ou à renoncer à ses vues sur la Valachie, et voici les raisons que j'ai de le supposer. J'ai été à portée pendant le voyage que je fais actuellement à me mettre bien au fait de la situation actuelle de cette cour. Je sais positivement, et vous n'avez qu'à en

---

подозрѣваетъ вѣнскій дворъ въ видахъ на Валахію. Вы найдете въ прежнихъ моихъ повелѣніяхъ достаточно данныхъ, возбуждавшихъ во мнѣ подобныя же подозрѣнія. Но въ то же время я снабжалъ васъ достаточными основаніями, не поддаваться этимъ требованіямъ. Дѣйствительно, не могу не поставить вамъ снова на видъ, что, если бы отнестись къ нимъ уступчиво, то пріобрѣтенія этого двора далеко превзошли бы наши собственныя. Они уже и теперь значительны, несмотря на уступку воеводствъ Люблинскаго и Холмскаго, а что̀ бы было, если бы ко всему этому согласились прибавить часть Валахіи? Всякое равновѣсіе между нашими тремя дворами совершенно бы нарушилось, и что̀ сталось бы съ политическимъ равновѣсіемъ, будто бы принятымъ княземъ Кауницемъ за основаніе всѣхъ этихъ переговоровъ, и о которомъ онъ столько распространялся въ своихъ деклараціяхъ. И такъ, предположивъ, что дворъ этотъ рано или поздно будетъ настаивать на уступкѣ части Валахіи, положительно необходимо, въ виду соображеній, изложенныхъ мною, заставить его въ такомъ случаѣ отказаться отъ соотвѣтственной части его новыхъ пріобрѣтеній въ Польшѣ. Нѣкоторая твердость со стороны Россіи вынудитъ Австрію или согласиться на это уменьшеніе, или же отказаться отъ своихъ видовъ на Валахію, и вотъ причины, почему я это предполагаю. Во время моего настоящаго путешествія я имѣлъ случай хорошо ознакомиться съ положеніемъ этого двора. Мнѣ положительно извѣстно, и вы

informer confidemment le comte de Panin, que la dernière disette lui a porté un coup des plus terribles. En Bohème, qui contenait 500 m. (?) habitants, elle a perdu par ce fléau près de 200 m., et il n'a sûrement pas fait moins de ravages dans son armée. Plusieurs compagnies qui sont formées sur le pied de 112 têtes, sont réduites à 65, de sorte que toutes les troupes réglées, qu'elle a actuellement sur pied dans ce royaume, ne surpassent pas le nombre de 15 m. hommes et que le nombre des croates peut aller à 6 m. Ces anecdotes ne sauraient être indifférentes à la Russie. Elles me sont parvenues de trop bonne part pour les revoquer en doute, et c'est ce qui m'engage à les porter à sa connaissance comme des avis très certains et sur lesquels elle peut tabler.

Quant au manifeste, je me refère à mes ordres du 31 de Juillet dernier. Je vous y ai déjà fait observer que je n'ai ni autant, ni les mêmes raisons à alléguer que la Russie, qu'un style succint et laconique me paraît cependant le plus convenable dans ces pièces publiques pour éviter de donner prise sur nous, et qu'en tout cas et si le comte de Panin ne veut pas agréer le projet du prince de Kaunitz, le meilleur serait de laisser à la cour de Vienne la liberté de faire usage du sien pour elle seule.

Au reste, la chasse que cette cour a donnée à tous les confédérés, en les obligeant de sortir de ses états, me fait juger qu'elle a effectivement dessein d'aller d'un parfait concert avec nous dans l'arrangement des affaires de

---

можете конфиденціально передать графу Панину, что послѣдній неурожай нанесъ ему сильный ударъ. Въ Богеміи, заключавшей 500 тысячъ (?) жителей, отъ этого бѣдствія погибло около 200 тысячъ, и вѣроятно, не менѣе того пострадала армія. Многія роты, составленные изъ 112 человѣкъ, теперь имѣютъ лишь по 65; вслѣдствіе чего общее число регулярныхъ войскъ этого королевства, находящихся въ строю, въ настоящую минуту не превышаетъ 15 тысячъ, а число кроатовъ доходитъ до 6 тысячъ. Эти подробности не могутъ быть безъинтересны для Россіи. Онѣ дошли до меня изъ слишкомъ вѣрнаго источника, чтобы въ нихъ сомнѣваться, почему я и сообщаю ихъ Россіи какъ достовѣрныя свѣдѣнія, на которыя она можетъ положиться.

Что̀ же касается до манифеста, то остаюсь при моихъ предписаніяхъ отъ 31-го минувшаго іюля. Я уже указывалъ вамъ, что мы не имѣемъ ни столько же, ни такихъ же доводовъ какъ Россія, а потому слогъ сжатый и лаконическій кажется мнѣ наиболѣе пригоднымъ для этихъ публичныхъ документовъ, во избѣжаніе обвиненій противъ насъ, и во всякомъ случаѣ, если графъ Панинъ не согласенъ на проектъ князя Кауница, всего лучше было бы предоставить вѣнскому двору свободу имъ воспользоваться для себя.

Впрочемъ, преслѣдованія, которымъ дворъ этотъ подвергъ всѣхъ конфедератовъ, заставивъ ихъ удалиться изъ его владѣній, доказываютъ мнѣ, что онъ дѣйствительно намѣренъ дѣйствовать съ нами единодушно въ устройствѣ польскихъ дѣлъ. Кромѣ

Pologne. J'ai reçu d'ailleurs la nouvelle de la réduction de Czenstochow par les Russes, dont je félicite d'autant plus cette cour, qu'elle porte le coup de grâce au reste des confédérés, qui aussi commencent déjà à se réfugier en France. Ce refuge nous doit être cependant fort indifférent. Il ne pourra altérer nos arrangements en aucune façon et dès que nous parviendrons à la diète de pacification, ils seront peut-être bien obligés de retourner dans leur patrie pour éviter l'exil auquel ils pourraient être condamnés. Nos intérêts ne s'en ressentiront donc nullement quel parti qu'ils prennent. Tout ce qu'il y a, et je ne saurais vous le répéter assez, c'est qu'il ne faut absolument rien précipiter au congrès de paix, avant que notre convention ne soit signée. Dès qu'elle le sera, je suis persuadé, ainsi que je l'ai déjà remarqué plus haut, que la Porte ne se raidira plus contre la paix et que tout ira grand train à Fockzany.

Sur ce, etc.

№ 664.

Le comte de Solms au roi.

Prés, le 8 Septembre. à St. Pétersbourg, le 14 (25) août 1772.

Contenu: 1) Le comte Solms n'est pas porté pour l'idée d'une triple-alliance. 2) Mission du S-r Durand en Russie, connu à Pétersbourg.

того, я получилъ извѣстіе о взятіи русскими Ченстохова, съ чѣмъ поздравляю этотъ дворъ тѣмъ болѣе, что этимъ нанесенъ рѣшительный ударъ остальнымъ конфедератамъ, которые тоже начинаютъ искать убѣжища во Франціи. Впрочемъ, это обстоятельство для насъ совершенно безразлично. Оно ни въ какомъ отношеніи не можетъ измѣнить нашихъ соглашеній, и когда дѣло дойдетъ до сейма умиротворенія, они, быть можетъ, будутъ вынуждены возвратиться на родину, дабы не подвергнуться изгнанію, которому они могутъ быть приговорены. Итакъ, каково бы ни было ихъ рѣшеніе, наши интересы нимало отъ того не пострадаютъ. Главное, что̀ надо имѣть въ виду, и о чемъ не могу довольно напоминать вамъ, это, что не слѣдуетъ торопить рѣшенія мирнаго конгресса, пока не подписана конвенція. Тотчасъ по ея подписаніи, я убѣжденъ, какъ уже упоминалъ выше, что Порта не станетъ болѣе сопротивляться миру и дѣла въ Фокшанахъ пойдутъ быстро.

За симъ и т. д.

Графъ Сольмсъ королю,

(Подано 8-го сентября). С.-Петербургъ, 14-го (25-го) августа 1772 г.

№ 664. Содержаніе: 1) Графъ Сольмсъ не расположенъ къ мысли о тройственномъ союзѣ. 2) Назначеніе въ Россіи г. Дюранъ, извѣстно въ Петербургѣ.

J'ai eu l'honneur de bien recevoir les derniers ordres immédiats et médiats de V. M. du 9, 10 et 11 de ce mois, et je me trouve maintenant en état d'avoir pu lui annoncer la résolution de la cour de Russie pour terminer avec celle de Vienne le concert sur la Pologne. V. M. a bien voulu me témoigner combien elle le désirait par sa dépêche immédiate du 9 d'août et par celle du 5 qui l'a précédée, et comme j'ose me flatter en même temps qu'elle ne s'y est pas attendue, c'est vous même, Sire, qui avez fixé alors l'irrésolution de la cour de Russie à ce sujet, en ne considérant que les intérêts particuliers de cet empire; on trouvait d'abord que les dernières propositions de la cour de Vienne, lorsqu'elle renonçait à ces deux grands palatinats, devenaient des plus acceptables pour assurer l'égalité dans les possessions. On croyait même qu'elle s'était précipitée à faire ces offres, qu'elle ne connaissait pas le local, qu'elle n'entendait pas ses intérêts et qu'il fallait se hâter d'y toper pour ne lui pas donner le temps de reconnaître son erreur et pour ne pas lui faire venir l'envie de se retraiter. C'était surtout le sentiment du général comte Czernichef. La juste attention, qu'on avait pour les intérêts de V. M., l'obligation qu'on avait contractée avec elle relativement aux salines, et les assurances, qu'on lui avait données et qu'elle avait acceptées, de ne pas permettre la séparation de Lemberg, auraient cependant retardé la résolution et on ne se serait pas permis d'en prendre une à son insû et contre son gré. Mai aussitôt que je leur ai pu annoncer ici le sentiment de V. M. et son approbation à ce plan, il n'y a eu plus rien

---

Я имѣлъ честь аккуратно получить послѣднія непосредственныя и министерскія повелѣнія Вашего Величества отъ 9, 10 и 11-го этого мѣсяца, и теперь имѣю возможность сообщить Вамъ о рѣшеніи русскаго двора, относительно соглашенія съ вѣнскимъ дворомъ по вопросу о Польшѣ. Вашему Величеству угодно было выразить насколько Вы того желаете непосредственной депешей отъ 9-го августа и предшествовавшей ей отъ 5-го августа, и хотя думаю, что Вы этого не ожидаете, Вы сами вызвали нерѣшительность русскаго двора по этому вопросу. Первоначально, принимая въ соображеніе лишь частные интересы этой имперіи, находили послѣднія предложенія вѣнскаго двора съ отказомъ отъ двухъ воеводствъ вполнѣ удобными для соблюденія равенства во владѣніяхъ. Полагали даже, что дворъ этотъ, высказывая подобныя предложенія, поторопился, не зная мѣстности, и не сознавая собственныхъ интересовъ; а потому надо спѣшить этимъ воспользоваться, не давая ему времени понять свою ошибку и отказаться отъ нея. На этомъ особенно настаивалъ генералъ графъ Чернышевъ. Должное вниманіе къ интересамъ Вашего Величества, обязательство, принятое передъ Вами относительно соляныхъ копей, и высказанныя Вамъ увѣренія въ томъ, что отдѣленіе Лемберга не будетъ допущено, тѣмъ не менѣе задержали бы рѣшеніе, и не осмѣлились бы придти къ таковому безъ вѣдома и противъ воли Вашего Величества. Но когда я сообщилъ имъ мнѣніе Вашего Величества и

qui ait pu arrêter la décision finale. Le contenu de la dépêche immédiate du 5 de ce mois a fait à cause de cela d'autant plus de plaisir ici, puisqu'elle prouve l'uniformité des sentiments entre V. M. et cette cour, et cette habitude d'envisager des objets importants d'un même point de vue, sert de garantie pour la durée et la stabilité de cet heureux système. V. M. voudra me permettre encore que je lui fasse observer cette déférence de la cour de Russie, à ne rien entreprendre dans les choses qui regardent ses intérêts communs que sur les avis de V. M., comme une marque de l'influence réelle qu'elle a sur l'esprit de l'Impératrice de Russie et de son principal ministre, qui respecte non seulement la supériorité de ses lumières, mais qui reconnaît aussi la nécessité et l'utilité de son alliance et qui se persuade de son amitié personnelle pour eux. Sa constance et sa fermeté dans le temps où les affaires paraissaient le plus embrouillées, les marques d'amitié qu'elle a témoignées si souvent pour la personne de l'Impératrice et la bienveillance qu'elle a fait paraître dans l'occasion pour la nation russienne, lui ont mérité à juste titre ces égards et cette intimité. Qu'il me soit permis, Sire, de vous témoigner en cette occasion mon appréhension que cette grande intimité pourrait être exposée à quelque altération, si cette triple-alliance dont on a si souvent parlé durant le cours de cette dernière négociation venait à prendre consistance. Je conçois bien que les deux cours impériales ont un point d'union dans leurs intérêts communs autant qu'ils se rapportent à la Porte.

Ваше одобреніе этого плана, ничто болѣе не мѣшало окончательному рѣшенію. Поэтому содержаніе непосредственной депеши отъ 5-го августа вызвало здѣсь тѣмъ бо́льшее удовольствіе, доказавъ единогласіе между Вашимъ Величествомъ и здѣшнимъ дворомъ, такъ какъ подобная привычка, разсматривать важные вопросы съ одинаковой точки зрѣнія, служитъ обезпеченіемъ продолжительности и прочности этой счастливой системы. Позвольте мнѣ, Ваше Величество, еще разъ указать Вамъ на уваженіе, слѣдуя которому, русскій дворъ въ дѣлахъ, касающихся общихъ интересовъ, ничего не предпринимаетъ безъ совѣтовъ Вашего Величества, какъ ея доказательство дѣйствительнаго вліянія Вашего на умы Русской Императрицы и ея главнаго министра, признающаго не только превосходство Вашихъ свѣдѣній, но также пользу и необходимость союза съ Вашимъ Величествомъ, и увѣреннаго въ личной Вашей дружбѣ къ нимъ. Ваше постоянство и твердость въ такое время, когда дѣла казались всего запутаннѣе, проявленія дружбы, столь часто оказанныя особѣ Императрицы, и благоволеніе, заявленное въ данномъ случаѣ, относительно русскаго народа, справедливо пріобрѣли Вамъ право на подобное вниманіе и дружбу. Позвольте мнѣ, Ваше Величество, высказать Вамъ при этомъ случаѣ опасенія на счетъ могущихъ произойти въ этой дружбѣ измѣненій, вслѣдствіе осуществленія того тройственнаго союза, о которомъ столько разъ упоминалось въ продолженіе послѣднихъ переговоровъ. Я вполнѣ понимаю, что оба императорскіе двора имѣютъ точку сопри-

Si la cour de Russie persiste toujours dans le principe de ne pas vouloir s'étendre davantage et de se contenter de jouir d'un rôle considérable en Europe et de conserver son influence en Allemagne et de contribuer à maintenir le repos dans le nord, elle ne trouve pas de puissance plus en état, plus intéressée elle-même à seconder ses vues que la cour de Prusse, qu'elle sera par obtenir toujours attentivement (?) et qui de son côté tâchera également de la ménager et de s'assurer de son assistance; et ces deux puissances n'ayant point d'objet où leurs intérêts peuvent se croiser, il semble que non seulement cette alliance lui est tout aussi nécessaire que l'autre, mais c'est en même temps la plus naturelle et la plus solide qui puisse jamais exister entre deux grandes monarchies. On pourrait donc concevoir, que la Russie pût se trouver en alliance avec la cour de Prusse et avec celle de Vienne tout à la fois; besoin de l'une et de l'autre pour des objets séparés. La même chose pourrait se dire réciproquement de celle-ci vis-à-vis de la Russie. Mais il ne me semble pas qu'il soit possible que cette même bonne intelligence puisse subsister entre les cours de Berlin et de Vienne.

Elles auront souvent des intérêts différents relativement à la Pologne et plus sûrement encore relativement à l'Allemagne. La jalousie que la puissance de la première doit donner à l'autre, la rivalité qui ne peut manquer de subsister entre elles, ne saurait produire une uniformité de principes et de maximes et rendre leur alliance naturelle et solide. La Russie, alliée de ces

---

косновенія своихъ взаимныхъ интересовъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отношеніяхъ съ Портой. Если русскій дворъ останется вѣренъ своему принципу: не желать дальнѣйшаго расширенія, довольствоваться значительной ролью въ Европѣ, и сохранять свое вліяніе въ Германіи, содѣйствуя поддержанію мира на сѣверѣ, онъ не найдетъ другой державы настолько заинтересованной въ выполненіи его видовъ, какъ дворъ Прусскій, который съ своей стороны постарается его оберегать и обезпечить себѣ его помощь; а такъ какъ обѣ эти державы не имѣютъ цѣлей, гдѣ бы ихъ интересы столкнулись, повидимому, союзъ этотъ не только равно необходимъ одной какъ и другой, но въ то же время является самымъ существеннымъ и прочнымъ, какой только можетъ существовать между двумя великими монархіями. Можно бы допустить, что Россія заключитъ союзъ одновременно съ прусскимъ и съ вѣнскимъ дворами, нуждаясь въ каждомъ изъ нихъ для достиженія различныхъ цѣлей. То же самое можно сказать и о здѣшнемъ дворѣ относительно Россіи. Но я не считаю возможнымъ существованіе подобнаго согласія между дворами берлинскимъ и вѣнскимъ. У нихъ часто встрѣтятся различные интересы относительно Польши, и особенно относительно Германіи. Зависть, возбуждаемая во второмъ изъ этихъ государствъ могуществомъ первой, соперничество, неизбѣжное между ними, не могутъ отразиться единствомъ принциповъ и правилъ, и сдѣлать ихъ союзъ естественнымъ и прочнымъ. Каковы бы ни были основанія этого будущаго союза, Россія, состоя союзницей этихъ двухъ дер-

deux puissances, sur quels principes que ce soit qu'on adoptera pour servir de base commune à cette future union, devra donc un jour se trouver dans le cas d'opter à donner la préférence ou à la Prusse ou à l'Autriche, lorsque ces deux puissances se trouveront dans celui de se croiser dans leurs intérêts privés. Il me semble donc qu'il serait plus avantageux à V. M. de tâcher de prévenir cet embarras pour la Russie et pour elle-même, en dissuadant la première de suivre cette idée d'une triple-alliance et à l'engager plutôt à se contenter plutôt de votre alliance seule, pour ne pas l'accoutumer à apprécier les intérêts de l'Autriche et à s'intéresser à leur avancement. Je suis assez porté à croire qu'il n'y aurait rien à risquer pendant le règne de l'Impératrice de Russie d'aujourd'hui et le ministère du comte Panin. Mais il y a des évènements qu'on ne saurait prévoir dans un changement, et la bonne harmonie une fois établie entre les deux cours impériales, celle de Vienne emploiera sûrement tous les moyens possibles pour tâcher de se remettre en Russie sur le pied où elle a été autrefois. J'espère que V. M. me pardonnera la liberté que je prends, de lui présenter ce squelette d'idées, dans lesquelles elle voudra reconnaître la pureté du motif, qui m'a engagé, qu'elle aura de l'indulgence pour les erreurs, que le zèle et l'attachement pour son service peuvent avoir et qu'elle ne dédaignera pas de me rectifier, de m'enseigner la route, que sa haute prudence lui a fait choisir comme la meilleure et la plus conforme aux intérêts de son royaume.

On a reçu ici également de France la nomination du S-r Durand et

---

жавъ, со временемъ будетъ поставлена въ необходимость оказать предпочтеніе Пруссіи или Австріи въ томъ случаѣ, когда произойдетъ столкновеніе между частными интересами этихъ обѣихъ державъ. Поэтому мнѣ кажется, что для Вашего Величества было бы выгоднѣе предотвратить это затрудненіе какъ для себя, такъ и для Россіи, убѣдивъ ее отказаться отъ мысли о тройномъ союзѣ и удовольствоваться однимъ союзомъ съ Вашимъ Величествомъ, что̀ устранило бы ее отъ участія въ интересахъ Австріи. Я склоненъ думать, что во время царствованія Русской Императрицы и управленія министерства графа Панина нѣтъ основанія къ какимъ-либо опасеніямъ. Но невозможно предвидѣть всѣхъ послѣдствій перемѣны, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что по утвержденіи добраго согласія между обоими Императорскими дворами, вѣнскій дворъ употребитъ всѣ усилія, чтобы возвратить себѣ въ Россіи прежнее положеніе. Надѣюсь, что Ваше Величество простите мою смѣлость высказывать эти идеи въ общихъ чертахъ, усмотрѣвъ въ нихъ чистоту побужденій, руководившихъ мною, отнесетесь снисходительно къ заблужденіямъ, въ которыя, быть можетъ, увлекло меня усердіе и преданность службѣ, и благоволите, исправивъ мои взгляды, указать мнѣ путь, избранный Вашей мудрой осторожностью какъ наилучшій и наиболѣе соотвѣтствующій интересамъ Вашего государства.

Здѣсь получено изъ Франціи извѣстіе о назначеніи г. Дюранъ и о томъ, что

qu'il est chargé principalement de détourner la cour de Vienne aussi bien que V. M, à son passage par Berlin, de l'idée du démembrement de la Pologne. Surtout il arrivera trop tard, et ses raisons, fussent-elles bonnes, ne sauront plus rien effectuer, parce que le coup sera frappé avant qu'il aura pu les déployer. C'est là, Sire, le jugement qu'on a porté ici de sa nomination. D'ailleurs je crois qu'on fait tort en France au S-r Sabbathier et trop d'honneur au prince Lobkowitz, si l'on croit que le premier ait suivi les conseils de l'autre. Il nous a paru à nous tous le contraire. Il était si épris de l'esprit et des talents, qu'il croyait avoir découvert dans ce ministre, qu'il se livrait aveuglément à sa direction, qu'il avait en lui une confiance contraire même aux intentions du prince Kaunitz et qu'il regardait la Russie avec les mêmes yeux envénimés que l'autre. Il n'a eu même que les derniers ordres de sa cour, qui l'ont fait changer d'opinion et de langage et il est actuellement prévenu contre la France et son chargé d'affaires avec autant de chaleur que peu de semaines auparavant il pensait favorablement de l'un et de l'autre, ce qui ne donne une grande opinion ni de sa fermeté, ni de son intelligence.

Sa Maj. Imp. a quitté hier le château de Pétersbourg pour se transporter à celui de Zarskoé-Sélo, où elle restera jusqu'à la fête de St. Alexandre qui tombe sur le 30 août (10 septembre).

Je suis, etc.

ему главнымъ образомъ поручено отклонить вѣнскій дворъ, равно какъ и Ваше Величество, при проѣздѣ его черезъ Берлинъ, отъ мысли о расчлененіи Польши. Впрочемъ, онъ опоздаетъ и его доводы, хотя бы они были основательны, не достигнутъ никакихъ результатовъ, такъ какъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ ихъ высказать, ударъ уже будетъ нанесенъ. Таково, Ваше Величество, мнѣніе, существующее здѣсь о его назначеніи. Впрочемъ, мнѣ кажется, что во Франціи несправедливо судятъ о г. Сабатье, и оказываютъ слишкомъ много чести князю Лобковичу, полагая, что первый изъ нихъ послѣдовалъ совѣтамъ втораго. Намъ же показалось совершенно противоположное. Кн. Лобковичъ былъ до того очарованъ умомъ и талантами, которые предполагалъ въ этомъ министрѣ, что слѣпо предался его руководству, оказывая ему довѣріе, несогласное даже съ намѣреніями князя Кауница, и питая къ Россіи такую же вражду. Лишь послѣднія приказанія его двора измѣнили его образъ мыслей и рѣчи, и въ настоящую минуту онъ возстановленъ противъ Франціи и ея повѣреннаго въ дѣлахъ тѣмъ сильнѣе, что нѣсколько недѣль тому назадъ былъ о нихъ хорошаго мнѣнія, что даетъ не высокое понятіе о его твердости и умѣ.

Ея Императорское Величество переѣхала изъ Петербургскаго дворца въ Царско-Сельскій, гдѣ пробудетъ до праздника Св. Александра Невскаго, празднуемаго 30-го августа (10-го сентября).

Остаюсь и пр.

№ 665.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 12 Septembre. à St. Pétersbourg, le 17 (28 août.) 1772.

Contenu: La révolution qui a aboli la forme de gouvernement limitée en Suède, a éclaté en Finlande. Plusieurs villes et bourgades et nommément la forteresse Louisa ont refusé de se joindre au colonel Sprengpoorten, auteur de la révolution, arrivé dans cette province. Ordre donné d'achever au plutôt deux vaisseaux de guerre qui se trouvent sur les chantiers et auxquels on avait cessé de travailler.

№ 666.

Le roi au comte de Solms à Pétersbourg.

En chiffre. Wenig Mohnau, le 30 d'août 1772.

Pour mon particulier, j'approuve parfaitement l'acte de mon acceptation que le comte de Panin a ébauché pour l'accession de l'empereur à notre triple convention, et que vous m'avez fait venir à la suite de votre dépêche du 11 de ce mois. J'ai déjà ordonné à mon département des affaires étrangères, d'avoir soin de son expédition et dès que je l'aurai signé, je ne tarderai point de vous l'adresser tout de suite. En attendant j'ai vu, il y a quelques jours, à Neisse le comte de Dietrichstein.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 12-го сентября). С.-Петербургъ, 17-го (28-го) августа 1772 г.

№ 665. Содержание: Революція, уничтожившая ограниченную форму правленія въ Швеціи, вспыхнула въ Финляндіи. Многіе города и мѣстечки, и въ числѣ ихъ крѣпость Ловиза, отказались отъ присоединенія къ полковнику Шпренгпортену, предводителю революціи, прибывшему въ эту провинцію. Приказъ окончить какъ можно скорѣе два военныхъ корабля, находящихся на верфи, но работы на которыхъ были остановлены.

Отъ короля графу Сольмсу въ Петербургъ.

Шифромъ. Венигъ Монау, 30-го августа 1772 г.

№ 666. Что касается до меня лично, я совершенно одобряю составленный графомъ Панинымъ актъ моего соглашенія на включеніе императора въ нашу тройную конвенцію, присланный вами мнѣ вмѣстѣ съ вашей депешей отъ 11-го этого мѣсяца. Я уже приказалъ моему департаменту иностранныхъ дѣлъ озаботиться изготовленіемъ этого документа и тотчасъ по его подписаніи не замедлю вамъ его переслать. Между тѣмъ я нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ въ Нейссѣ Гр. Дитрихштейна.

(INSERAT. AU COMTE DE SOLMS DE LA MAIN PROPRE DU ROI. COPIE.)

J'ai vu ici le comte Dietrichstein, qui, je crois, a été envoyé pour sonder le terrain. Voici ce que j'ai pu combiner de toutes les choses qu'il a dites. Je vois clairement que l'empereur et Lascy ne sont pas contents de ce bout de la Pologne qu'ils obtiennent. Il voudrait chasser le Turc de l'Europe et s'attribuer toute la partie de la Hongrie qui se trouve à la rive gauche du Danube, pour cette fin il serait bien aise de voir les conférences de Fockzany rompues, pour seconder les Russes à expulser les Turcs de l'Europe, et dans ce cas ils consentiraient peut-être à leur laisser la Moldavie et la Valachie. Je crois qu'ils auraient bien envie de se liguer pour cet objet avec la Russie, mais la crainte qu'ils ont que les Français et les Espagnols ne leur fassent une diversion en Italie et en Flandres, les oblige de recourir à moi, et pour me mettre de leur parti, ils renonceraient à tous les avantages qui leur ont été stipulés en Pologne en faveur de la cession du cours de la Warthe, et de tout ce que je voudrais m'approprier au voisinage de la Silésie. J'ai été curieux de savoir ce que l'on prétendait faire de la Grèce, mais ils n'y ont pas encore pensé jusqu'ici. Je souhaite donc que le comte Orlow conclue la paix avec les Turcs. Mais si cela n'a pas lieu, nous verrons une nouvelle scène s'ouvrir et cela vise à un traité d'alliance, par lequel probablement la cour de Vienne se propose de régler tout avec ses nou-

---

Приложено (графу Сольмсу собственноручно отъ короля). (Копія).

Я видѣлъ здѣсь графа Дитрихштейна, который, какъ я полагаю, присланъ изслѣдовать почву. Вотъ, что я могъ заключить изъ всего имъ сказаннаго. Ясно, что Императоръ и Ласси недовольны получаемой ими частью Польши. Онъ желалъ бы изгнать Турокъ изъ Европы и присвоить себѣ всю часть Венгріи, расположенную по лѣвому берегу Дуная. Въ этихъ видахъ онъ былъ бы весьма радъ, еслибы переговоры въ Фокшанахъ рушились, чтобы содѣйствовать русскимъ въ изгнаніи турокъ изъ Европы, причемъ въ такомъ случаѣ они, быть можетъ, согласились бы предоставить имъ Молдавію и Валахію. Полагаю, что имъ бы очень хотѣлось съ этой цѣлью заключить союзъ съ Россіей, но опасеніе диверсіи со стороны Франціи и Испаніи въ Италіи и во Фландріи вынуждаетъ ихъ обратиться ко мнѣ, и чтобы склонить меня на свою сторону, они отказались бы ото всѣхъ выгодъ, обѣщанныхъ имъ въ Польшѣ въ обмѣнъ на уступку теченія рѣки Варты и всей страны, которую бы я желалъ получить близъ Силезіи. Я полюбопытствовалъ узнать какъ думаютъ поступить съ Греціей, но объ этомъ до сихъ поръ еще не помышляли. Поэтому я желаю, чтобы графъ Орловъ заключилъ миръ съ турками. Но если это не состоится, то картина перемѣнится и усилія направятся къ союзному трактату, посредствомъ котораго вѣнскій дворъ, вѣроятно, разсчитываетъ придти къ полному соглашенію со своими новыми

veaux alliés. Je me suis contenté d'entendre tranquillement tout ce qu'on m'a dit, et j'ai répondu que tout cela était des choses possibles qui pourraient s'exécuter si on voulait s'entendre et agir de bonne foi, mais qu'il fallait préalablement consulter l'impératrice de Russie sur tous ces articles. On a paru content de ma réponse, et je ne doute nullement que le prince Lobkowitz n'ait sondé également la cour de Russie sur ce sujet; en tout cas on peut compter sur ces nouvelles-ci, qui sont authentiques, et ce qui m'a fait le plus de plaisir dans ces ouvertures, c'est que le comte Dietrichstein n'a pu en aucune manière dissimuler la mauvaise intelligence et la méfiance qui règne actuellement entre sa cour et celle de Versailles. Il faut voir à quoi tout cela menèra. Le congrès de Fockzany décidera probablement de la tournure que prendra la politique de la cour de Vienne.

Mais je ne saurais vous dissimuler à cette occasion que j'ai grand sujet de soupçonner que cette cour se trouve partagée, à l'heure qu'il est, en deux parties. L'empereur et Lascy ont un système à part et l'impératrice-reine avec le prince de Kaunitz un autre. Ce dernier ministre est cependant encore flottant entre les deux partis, et tantôt il se range de celui de l'empereur et tantôt de celui de l'impératrice-reine, de sorte que je ne saurais vous assurer positivement si ce que le comte de Dietrichstein m'a dit, doit être regardé comme le sentiment de tout le conseil de la cour de Vienne, ou seulement de l'empereur et de son parti. Quoiqu'il en soit, ce précis

---

союзниками. Я ограничился тѣмъ, что спокойно выслушалъ все, что было мнѣ высказано, и отвѣчалъ, что все это вещи возможныя и могущія исполниться при совершенномъ согласіи и искренности, но что прежде всего необходимо по поводу всѣхъ этихъ вопросовъ узнать мнѣніе Русской Императрицы. Отвѣтомъ моимъ, кажется, остались довольны и я не сомнѣваюсь въ томъ, что князь Лобковичъ обращался также по этому поводу и къ русскому двору; во всякомъ случаѣ можно полагаться на эти новости вполнѣ достовѣрныя, а что мнѣ было особенно пріятно въ этихъ переговорахъ, это— что графъ Дитрихштейнъ никоимъ образомъ не могъ скрыть несогласія и недовѣрія, существующихъ въ настоящую минуту между его дворомъ и дворомъ версальскимъ. Увидимъ, къ чему все это приведетъ. Фокшанскій конгрессъ, вѣроятно, рѣшитъ направленіе, которое приметъ политика вѣнскаго двора.

При этомъ не могу отъ васъ скрыть, что по моимъ догадкамъ дворъ этотъ въ настоящую минуту раздѣленъ на двѣ партіи. Императоръ и Ласси держатся одной системы, а Императрица-королева и князь Кауницъ другой. Впрочемъ, этотъ министръ еще колеблется между обѣими партіями, переходя отъ Императора къ Императрицѣ-королевѣ, а потому я не могу положительно увѣрить васъ, слѣдуетъ ли разсматривать сказанныя мнѣ слова графа Дитрихштейна за выраженіе мыслей всего вѣнскаго совѣта или же одного императора и его партіи. Какъ бы то ни было, эти подробности

pourra fournir au comte de Panin quelques lumières ultérieures dans la négociation du prince de Lobkowitz, et pour cet effet vous aurez soin de le lui communiquer confidemment in extenso. Il se peut très bien, ainsi que je l'ai observé, que cette cour vit avec plaisir que les conférences de Fockzany fussent rompues et vous y trouverez des motifs assez plausibles pour lui attribuer de pareilles vues. Peut-être le prince de Lobkowitz même, si l'on le sondait adroitement sur cet article, ne pourrait-il pas dissimuler entièrement et ne point s'empêcher de laisser échapper quelques mots, qui pourraient répandre plus de jour sur les vues secrètes de sa cour. J'en abandonne donc le soin au comte de Panin et je suis bien curieux d'apprendre en son temps comme le prince de Lobkowitz se sera expliqué sur ce sujet.

En attendant, je viens d'apprendre de bien fâcheuses nouvelles de la Suède.

№ 667.

Le roi au comte de Solms.

A Potsdam, ce 4 de Septembre 1772.

Comme je viens à mon retour de recevoir deux de vos lettres avec des dépêches très importantes, pour plus d'ordre je vous répondrai par matière: 1) sur le concert intime de nos ministres, 2) sur la cour de Vienne, 3) touchant mes ordres à Zeglin relativement au congrès, 4) sur les affaires

---

могутъ послужить графу Панину къ дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ при переговорахъ съ княземъ Лобковичемъ, и въ этихъ видахъ вы потрудитесь передать ему о томъ конфиденціально и подробно. Весьма быть можетъ, какъ я уже упомянулъ, что этотъ дворъ былъ бы доволенъ нарушеніемъ фокшанскихъ переговоровъ, и вы найдете достаточно вѣскихъ причинъ тамъ, чтобы приписать этому двору подобные виды. Быть можетъ самъ князь Лобковичъ, если искусно разспросить его объ этомъ предметѣ, не съумѣетъ вполнѣ этого скрыть и выскажетъ что-либо, что̀ освѣтитъ тайныя намѣренія его двора. Передаю заботу о томъ графу Панину и ожидаю съ любопытствомъ какъ объяснится князь Лобковичъ по сему предмету.

Между тѣмъ я сейчасъ получилъ весьма непріятныя извѣстія изъ Швеціи.

Отъ короля графу Сольмсу (собственноручно).

Потсдамъ, 4-го сентября 1772 г.

№ 667. Получивъ по возвращеніи два письма отъ васъ съ весьма важными депешами, я для бо̀льшаго порядка отвѣчу вамъ по статьямъ: 1) о тайномъ соглашеніи между нашими министрами, 2) о вѣнскомъ дворѣ, 3) о моихъ предписаніяхъ Зегелину по поводу конгресса, 4) о шведскихъ дѣлахъ, 5) о послѣднемъ вашемъ письмѣ

de Suède, 5) sur votre dernière lettre relativement aux manifeste et à la prise de possession et 6) enfin, au sujet du nouveau favori.

1) Je donnerai des ordres réitérés à mes ministres tant à Vienne qu'en France, Hollande, Angleterre, Suède et Danemarc d'entretenir la plus étroite liaison avec ceux de Russie pour se communiquer réciproquement tout ce qui poura parvenir à leur connaissance, ils ont déjà reçu cette instruction et j'espère que les ministres de Russie au cours étrangères entreront de même dans les idées du comte Panin, car cet accord est d'une nécessité absolue. 2) Je vous ai déjà donné quelques éclaircissements relativement à la cour de Vienne; mais je crois, entre nous soit dit, que le prince Kaunitz qui gouverne la barque n'est pas toujours de l'avis de l'empereur et de Lascy, et qu'ainsi nos affaires continueront d'aller leur train à moins que le congrès de Fockzany ne se rompe, d'où il pourrait résulter que l'empereur reprit son plan sur la Hongrie, à peu près dans le temps que je vous l'ai détaillé. 3) Je n'ai pas attendu votre lettre pour instruire Zeglin de quelle façon il doit intimider la Porte pour la presser à la paix, et comme actuellement je suis obligé de lui mander de quelle façon lui et l'Autrichien doivent notifier à la Porte notre prise de possession en Pologne.

Je tirerai de là-même des arguments à montrer tout le danger auquel ils s'exposent s'ils n'acceptent pas le parti que la Russie leur offre.

относительно манифестовъ и о вступленіи во владѣніе и, наконецъ 6) о новомъ любимцѣ.

1) Я подтвержу приказанія моимъ министрамъ какъ въ Вѣнѣ, такъ и во Франціи, Голландіи, Англіи, Швеціи и Даніи о поддержаніи полнѣйшаго согласія съ русскими министрами для взаимнаго сообщенія другъ другу всякихъ получаемыхъ свѣдѣній. Они уже имѣютъ эту инструкцію и надѣюсь, что русскіе министры при иностранныхъ дворахъ также будутъ слѣдовать мнѣніямъ графа Панина, ибо таковое соглашеніе составляетъ настоятельную необходимость.

2) Мной уже даны вамъ нѣкоторыя разъясненія насчетъ вѣнскаго двора, но между нами будь сказано, я полагаю, что князь Кауницъ, стоящій у кормила правленія, не всегда сходится съ мнѣніями Императора и Ласси и потому дѣла наши пойдутъ тѣмъ же порядкомъ, если только не нарушитъ его конгрессъ въ Фокшанахъ, изъ чего можетъ послѣдовать, что императоръ возвратился къ своему плану относительно Венгріи, около того же времени, какъ я вамъ о томъ сообщалъ.

3) Еще до полученія вашего письма я объяснилъ Зегелину какимъ образомъ онъ долженъ запугать Порту для того, чтобы склонить ее къ миру, а въ настоящую минуту имѣя сообщить ему какими доводами онъ вмѣстѣ съ Австрійцемъ долженъ объяснить Портѣ наше вступленіе во владѣніе въ Польшѣ, я нынѣ воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы указать и на ту опасность, которой они подвергнутся, если не примутъ условій предлагаемыхъ Россіей.

4) L'article de la Suède est bien plus embarrassant que tous les autres. Vous saurez sans doute la révolution qui vient d'arriver en Suède, tout est fait, et les représentations, que je pouvais faire, arriveraient après coup, il ne s'agit donc plus du passé mais de nous concerter avec la Russie sur nos démarches futures, je vous dis donc mon avis pour en rendre compte au comte Panin: je vous avoue que je suis parent de ces jeunes gens et que leur conduite me fait une peine infinie, c'est pourquoi et en faveur de leur mère, qui n'est point mêlée en tout ceci, je pense au moyens de rajuster la sottise qu'ils ont faite. Voici ce que je propose: que les ministres de Russie, le mien et le danois demandent une audience du roi de Suède, dans laquelle ils lui exposent qu'étant garant de la forme du gouvernement, établie en l'année 1720, nous le prions de se désister du projet qu'il a formé, de mettre cette affaire en négociation et de rétablir à la lettre la forme du gouvernement du comte Horn, que son refus nous réduirait à la dure nécessité de remplir nos engagements et que nous serions fâché, apparentés comme nous le sommes tous avec lui, à être obligé de recourir à des mesures fâcheuses dont il pourrait lui-même envisager quelles seraient les tristes suites. Si cette affaire tourne en négociation, je pourrais l'appuyer par mon ministre en remontrant au roi dans quel abîme de malheurs il se précipitera lui et son royaume s'il refuse de se désister de son projet, il nous sera libre alors de prendre des

---

4) Вопросъ о Швеціи всего затруднительнѣе. Вамъ конечно извѣстно о происшедшей въ Швеціи революціи. Дѣло сдѣлано, и представленія съ моей стороны были бы уже несвоевременны, слѣдовательно, рѣчь идетъ не о прошедшемъ, а о томъ, чтобы согласиться съ Россіей касательно мѣръ, предстоящихъ въ будущемъ, и потому сообщаю вамъ свое мнѣніе для передачи графу Панину. Признаюсь вамъ, будучи родственникомъ этихъ молодыхъ людей, я чрезвычайно огорченъ ихъ поступкомъ, а потому и изъ уваженія къ ихъ матери, не участвовавшей въ этихъ дѣлахъ, я отъискиваю средства исправить глупость, ими сдѣланную. Вотъ что̀ я имѣю предложить: чтобы министръ русскій, мой и датскій испросили у шведскаго короля аудіенцію и изложили бы ему, что, гарантировавъ форму правленія, учрежденнаго въ 1720 г., мы просимъ его отказаться отъ проэкта имъ составленнаго, подвергнуть дѣло это переговорамъ и возстановить буквально форму правленія составленную графомъ Горномъ, что отказъ его подвергъ бы насъ жестокой необходимости выполнить наши обязательства и что, въ виду нашихъ съ нимъ родственныхъ отношеній, намъ было бы прискорбно прибѣгнуть къ мѣрамъ, печальныя послѣдствія которыхъ онъ можетъ самъ предвидѣть. Если дѣло это подвергнется переговорамъ, я могу поддержать его чрезъ посредство моего министра, указавъ королю въ какую пучину бѣдствій онъ ввергнетъ себя и свое королевство, настаивая на своемъ проэктѣ. Вслѣдъ за тѣмъ отъ насъ будетъ зависѣть обратиться къ болѣе серьезнымъ мѣрамъ, но во всякомъ случаѣ по моему мнѣнію мы должны поступить такимъ образомъ, т. е. начать съ умѣренности,

mesures plus sérieuses, mais voilà toujours selon moi la marche que nous devons suivre; commencer par la modération et, si ce moyen est insuffisant, recourir à d'autres plus efficaces. 5) Quant au manifeste, je me conformerai en tout à ce qui a été résolu à Pétersbourg et je ferai de même expédier des ordres à toutes les cours où j'ai des ministres pour que la communication s'en fasse au dites cours selon qu'on en est convenu. 6) Pour ce qui regarde le nouveau favori, faites ce que vous pourrez pour gagner son amitié, il suffit que l'Impératrice lui veuille du bien pour que je lui en veuille aussi, et s'il y a quelque chose en quoi je puisse lui faire plaisir, ne manquez pas de me le marquer, car les premiers qui flattent ces sortes de gens captivent leur amitié; je vois bien que mon ordre ne sera pas donné si tôt là-bas, gardez-le toujours au cas qu'il soit nécessaire de le distribuer à quelqu'un.

Dailleurs, je bénis le Ciel que notre grande affaire soit enfin heureusement terminée et j'espère que ce qui reste à faire à Fockzany et pour la pacification de la Pologne réussira de même, il n'y a que la révolution de la Pologne (Suède?) qui me chagrine et qui me fait une peine infinie.

Fr.

и, если это окажется недостаточнымъ, прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ.

5) Чтò же касается до манифеста, я во всемъ буду слѣдовать рѣшеніямъ принятымъ въ Петербургѣ, а также разошлю приказанія ко всѣмъ дворамъ, при которыхъ находятся мои министры, дабы и о томъ было сообщено упомянутымъ дворамъ по смыслу состоявшагося соглашенія.

6) Относительно же новаго любимца сдѣлайте все что можете, чтобы пріобрѣсти его дружбу; коль скоро Императрица расположена къ нему—этого достаточно для моей къ нему благосклонности и если могу чѣмъ нибудь быть ему пріятнымъ, не забудьте мнѣ о томъ передать, помня, что кто прежде другихъ польститъ такого рода людямъ, тотъ и упрочитъ за собой ихъ дружбу. Вижу, что мой орденъ не скоро будетъ данъ тамъ кому-либо, тѣмъ не менѣе сохраните его на случай надобности.

Въ заключеніе благодарю Небо за то, что наше важное дѣло наконецъ благополучно завершилось и надѣюсь, что окончаніе переговоровъ въ Фокшанахъ и умиротвореніе Польши точно также удадутся. Одна только революція въ Польшѣ (Швеціи?) причиняетъ мнѣ безконечныя заботы.

№ 668.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 21 d'Août (1 de Septembre) 1772.

...Tout Pétersbourg est en alarmes au sujet de cet évènement inattendu (arrivé en Suède). Tout le monde en parle. Chacun est curieux de connaître les véritables ressorts qui ont mis la machine en mouvement. On est surpris seulement qu'après avoir été prévenu, qu'il se tramait quelque chose en Suède en faveur du roi, le parti opposé à la cour n'a pu prévoir l'évènement ni l'empêcher, et on fait honneur à la sagacité de S. M. Suédoise de cette heureuse issue. Il vient d'arriver ici un courrier auprès du ministre de Suède, le chambellan baron de Taube, qui est chargé d'annoncer cette révolution à S. M. I., ainsi qu'on ne sera plus longtemps sans avoir des éclaircissements. Comme le comte Panin n'a pas été en ville depuis 8 jours je ne saurais encore rien assurer du jugement que la cour de Russie porte sur cet évènement. On peut remarquer cependant qu'elle en est fort occupée par des arrangements qui se contiennent pour préparer des démonstrations guerrières sérieuses. Le comte Ivan Czernichew, qui est à la tête de la marine, travaille depuis 4 jours avec une assiduité extraordinaire dans son département, et il m'a fait entendre qu'avec l'escadre de 3 vaisseaux de guerre, qui croisent actuellement dans la Baltique, il y aurait d'aujourd'hui

---

Отъ графа Сольмса королю.

С.-Петербургъ 21-го августа, (1-го сентября) 1772 г.

№ 668. Весь Петербургъ взволнованъ этимъ неожиданнымъ событіемъ (случившимся въ Швеціи). Всѣ говорятъ о немъ. Всякому крайне желательно узнать истинныя пружины, которыя привели въ дѣйствіе механизмъ. Удивляются лишь тому обстоятельству, что партія враждебная двору, будучи предупреждена о замыслѣ въ пользу короля, не съумѣла ни угадать событія ни помѣшать ему и приписываютъ столь благополучный результатъ проницательности Его Шведскаго Величества. Къ здѣшнему шведскому министру прибылъ курьеръ, камергеръ баронъ Таубе, которому поручено объявить объ этой революціи Ея Императорскому Величеству, такъ что дѣло это скоро подробно разъяснится. Графъ Панинъ не былъ въ городѣ въ продолженіе недѣли и потому ничего не могу сказать положительнаго о сужденіи русскаго двора касательно этого событія. Можно, однако, заключить, что Россія имъ очень занята, судя по приготовленіямъ къ серьезнымъ военнымъ демонстраціямъ. Графъ Иванъ Чернышевъ, управляющій морскимъ вѣдомствомъ, въ теченіе послѣднихъ четырехъ дней занимается въ своей коллегіи особенно усердно и далъ мнѣ понять, что къ эскадрѣ изъ трехъ кораблей, крейсирующихъ въ настоящую минуту въ Балтійскомъ

en 3 jours des vaisseaux de ligne tout équipés à la rade de Cronstadt. Il m'a fait voir une liste suivant laquelle il se trouve ici et dans les deux ports de Cronstadt et de Réval 5400 matelots, prêts à être employés à toute heure. Les galères, dont le port est ici à Pétersbourg, s'équipent aussi et il y aura dans 3 ou 4 jours 50 de prêts pour sortir au premier ordre. D'un autre côté, le général en chef, comte Z. Czernichew, ne paraît pas moins occupé des affaires de son ressort et il est parti avant-hier matin pour la Finlande pour examiner l'état des forteresses de cette province et pour faire des dispositions pour leur défense.

№ 669.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 24 d'Août (4 de Septembre) 1772.

L'arrivée du chambellan suédois, baron de Taube, a fait venir le comte Panin extraordinairement en ville, pour s'entretenir avec lui avant qu'il serait admis à l'audience de S. M. l'Impératrice et pour recevoir la copie de la lettre qu'il doit présenter de la part du roi de Suède. Celle-ci est de la propre main du prince. Le comte Panin la trouve spirituelle et très bien écrite, mais tournée d'une manière à donner moins des assurances des sentiments d'amitié du roi pour l'Impératrice, qu'à faire connaître sa confiance

---

морѣ, черезъ три дня присоединятся линейные корабли, вооруженные въ кронштадтскомъ рейдѣ. Онъ показывалъ мнѣ списокъ, по которому здѣсь и въ портахъ кронштадтскомъ и ревельскомъ находится 5.400 матросовъ всегда готовыхъ къ отплытію. Галеры, портъ которыхъ здѣсь въ Петербургѣ, также снаряжаются и черезъ три или четыре дня ихъ будетъ до пятидесяти готовыхъ къ отплытію при первомъ приказаніи. Съ другой стороны генералъ-аншефъ, графъ З. Чернышевъ, не менѣе занятъ дѣлами своего вѣдомства и третьяго дня утромъ выѣхалъ отсюда въ Финляндію съ цѣлью осмотрѣть положеніе крѣпостей этой провинціи и распорядиться мѣрами къ ихъ защитѣ.

Отъ графа Сольмса королю.

С.-Петербургъ, 24-го августа (4-го сентября) 1772 г.

№ 669. Прибытіе шведскаго камергера, барона Таубе, заставило графа Панина неожиданно пріѣхать въ городъ, чтобы имѣть съ нимъ разговоръ прежде чѣмъ онъ будетъ принятъ на аудіенцію Ея Величества Императрицы и получить копію съ письма, которое онъ долженъ представить отъ имени шведскаго короля. Письмо это написано королемъ собственноручно. Графъ Панинъ находитъ его умно и прекрасно написаннымъ, однако, составленнымъ такимъ образомъ, что заявленіе дружескихъ чувствъ короля къ Императрицѣ уступаетъ мѣсто выраженію его довѣрія къ чувствамъ самой

dans les sentiments de cette princesse pour lui. Elle est signée: bon frère et cousin. Les mots d'amis et d'allié sont omis, comme ils l'ont été dans toutes les lettres que l'Impératrice a reçues de S. M. Suédoise aujourd'hui régnante. Ce ministre n'a pu s'empêcher de faire encore une remarque sur l'extérieur de ce baron de Taube, qui est un jeune homme de 20 et quelques années, qui affecte cet air militaire et de bravoure qui rappelle le souvenir de la cour du défunt empereur Pierre III. Comme il est chambellan et en même temps capitaine des chevaux-légers, il a conservé l'uniforme de son corps et porte au bras gauche une écharpe de taffetas blanc que le roi son maître a donné le jour de la révolution comme une marque pour distinguer ceux qui étaient de son parti. Le comte Panin trouve dans tout cela un air de conspiration, qui ne le prévient pas en faveur de l'entreprise. D'ailleurs c'est de celui-ci qu'on a reçu ici la première nouvelle suivie de la manière dont la révolution s'est passée à Stockholm. Le comte Ostermann avait expédié le même jour qu'elle a éclaté, le 19 août, un courrier pour ici, mais comme on l'avait chicané partout sur sa route et qu'à son arrivée à Helsingfors on lui avait tenu des propos menaçants, il a pris le parti de déchirer ses dépêches et il est arrivé ici sans rien apporter. La relation du baron de Taube représente l'affaire fort aisée et comme s'étant faite d'un consentement libre et universel sans gêne ni violence; mais le rapport du dit courrier, quelques avis qu'on recueillit de différents endroits et des propos même de ce Taube, qu'il a tenus vis-à-vis du ministre de sa cour ici,

---

Императрицы по отношенію къ нему. Письмо подписано: bon frère et cousin. Слова «другъ» и «союзникъ» выпущены, какъ и во всѣхъ письмахъ, полученныхъ Императрицей отъ Его Шведскаго Величества, нынѣ царствующаго. Министръ дѣлалъ еще замѣчанія о наружности барона Таубе: это молодой человѣкъ двадцати лѣтъ съ небольшимъ, щеголяющій военными замашками, напоминающими дворъ покойнаго императора Петра III. Состоя камергеромъ и въ то же время капитаномъ легкой кавалеріи, онъ сохранилъ мундиръ своей части и носитъ на лѣвой рукѣ шарфъ изъ бѣлой тафты, данный въ день революціи королемъ, его повелителемъ, какъ знакъ, отличающій лицъ его партіи. Во всемъ этомъ графъ Панинъ видитъ духъ заговора, не располагающій въ пользу предпріятія. Впрочемъ, здѣсь отъ него отъ перваго узнали подробности о ходѣ революціи въ Стокгольмѣ. Въ день, когда она разразилась, 19-го августа, графъ Остерманъ отправилъ сюда курьера, но на пути ему были сдѣланы разныя затрудненія, а по пріѣздѣ его въ Гельсингфорсъ ему были высказаны такія угрозы, что онъ рѣшился разорвать свои депеши и прибылъ сюда съ пустыми руками. Разсказъ барона Таубе изображаетъ дѣло, будто бы оно совершилось весьма легко по свободному и общему соглашенію и безъ всякаго стѣсненія и насилія, но докладъ упомянутаго курьера, нѣкоторыя свѣдѣнія полученныя изъ разныхъ сторонъ, и разговоры этого самаго Таубе съ здѣшнимъ министромъ своего двора, Г. Риббингъ, ясно дока-

le sieur Ribbing, font voir assez que le censentement n'a pas été libre, puisque les sénateurs ont été arrêtés pendant 3 jours au château dans des chambres séparées et qu'on a conduit du canon chargé à balle contre la maison où les Etats avaient été assemblés pour délibérer sur la proposition du roi, mais je ne m'arrêterai pas à ces circonstances, étant assuré qu'avant l'arrivée de ce rapport V. M. en aura reçu un ample détail de Stockholm même, et je passe plutôt aux réflexions que cet événement a fait naître auprès du comte Panin, que j'ai vu immédiatement après qu'il s'était entretenu avec le chambellan suédois. Il trouve qu'on ne saurait déjà fixer trop bien ses idées sur cette affaire, connaissant jusqu'ici trop peu de ces circonstances, qu'on voit seulement que c'est un coup de main, exécuté par des régiments levés, mais qu'on ignore si les troupes nationales et toutes les provinces généralement y auront acquiescé, et si la chose en restera là, ou si elle occasionnera des suites si fortes, qui, en partageant la Suède en deux parties, pourraient dégénérer en guerre civile; mais ce qui lui paraît très clair, c'est que l'entreprise du roi de Suède est un renversement total de cette forme de gouvernement pour la conservation intacte de laquelle V. M. et la Russie ont pris des engagements très décidés, par conséquent que c'est un cas de l'alliance, qui exige de la part des hauts alliés un concert confidentiel et parfait, pour convenir entre eux des mesures les plus propres à choisir dans ces circonstances pour la sûreté du repos du nord et de la conservation de leur sy-

---

зываютъ, что согласіе послѣдовало не добровольно, такъ какъ въ продолженіе трехъ дней сенаторы были арестованы въ отдѣльныхъ комнатахъ замка и домъ, гдѣ происходило собраніе сословій для обсужденія королевскаго предложенія, былъ окруженъ заряженными орудіями, но не буду останавливаться на этомъ обстоятельствѣ въ увѣренности, что еще ранѣе полученія этого донесенія Вашему Величеству будетъ о томъ подробно извѣщено изъ Стокгольма, и потому перейду лучше къ разсужденіямъ по поводу этого событія со стороны графа Панина, котораго я видѣлъ тотчасъ послѣ его свиданія съ шведскимъ камергеромъ. Онъ находитъ, что объ этомъ событіи еще нельзя судить основательно, ибо слишкомъ мало извѣстно объ обстоятельствахъ его сопровождавшихъ, видно покуда только то, что это смѣлая выходка полковъ, собранныхъ по набору, но неизвѣстно примкнули ли къ ней національныя войска и всѣ провинціи, а также остановится ли дѣло на томъ или же вызоветъ болѣе серьезныя послѣдствія, которыя, раздѣливъ Швецію на двѣ партіи, могли бы перейти въ междоусобную войну; одно кажется ему очевиднымъ, а именно, что предпріятіе шведскаго короля есть полное ниспроверженіе той формы правленія, для сохраненія которой Ваше Величество и Россія заключили весьма рѣшительныя обязательства, и слѣдовательно это фактъ требующій со стороны высокихъ союзниковъ полнаго и конфиденціальнаго соглашенія о мѣрахъ наиболѣе цѣлесообразныхъ для обезпеченія, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, спокойствія на сѣверѣ и сохраненія ихъ системы, осно-

stème fondé sur ce principe, de sorte que ce ministre ose vous prier, Sire, de vouloir bien faire part à S. M. l'Impératrice de vos sentiments à cet égard et de lui faire connaître en même temps vos idées et lui communiquer amiablement vos avis sur le temps et la manière d'employer ces mesures. La résolution que l'Impératrice a trouvée bon de se prescrire pour le présent est: d'éviter vis-à-vis de la Suède tout appareil offensif mais de prendre en même temps toutes les mesures que la prudence lui recommande, pour pourvoir à sa propre défense et à se mettre dans un état à ne pas pouvoir être pris au dépourvu. Le comte Panin ajouta à ceci comme une réflexion particulière à lui, que si même en d'autres temps et circonstances tout le nord et la Russie spécialement relativement à ses propres intérêts, aurait pu demeurer indifférent sur tout ce qui regardait le gouvernement intérieur de la Suède, l'influence étrangère qui avait coopéré à ce changement actuel, suffirait seule pour autoriser les précautions que l'Impératrice de Russie prenait pour sa défense et pour sa sûreté, qu'il était trop connu que la France avait fourni à S. M. Suédoise les moyens pour mettre son projet en exécution, qu'il n'était pas à présumer qu'elle l'avait fait uniquement par amitié pour ce prince, mais qu'elle aurait certainement stipulé pour elle en retour des services, conformes à son système, que cette supposition était d'autant plus fondée, puisqu'on n'ignorait pas le contenu de la lettre du roi de Suède par laquelle, en demandant de l'assistance pécuniaire au roi de France,

---

ванной на этомъ принципѣ, а потому этотъ министръ осмѣливается просить Ваше Величество поставить Ея Величество Императрицу въ извѣстность о Вашихъ мысляхъ по поводу этого вопроса, изложивъ ей также при этомъ Ваши намѣренія и мысли относительно времени и способа выполнять эти мѣры. Рѣшеніе, принятое въ настоящую минуту Императрицей, заключается въ томъ, чтобы избѣгать относительно Швеціи всякихъ враждебныхъ дѣйствій, принимая въ то же время всѣ мѣры предосторожности съ цѣлью обезпечить себя и не быть застигнутой врасплохъ. Графъ Панинъ прибавилъ въ видѣ личнаго своего разсужденія, что хотя бы въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ весь сѣверъ Европы, и Россія въ особенности, въ виду многихъ интересовъ могли бы отнестись равнодушно къ событіямъ внутренняго управленія Швеціей, однако, иностранное вліяніе, содѣйствовавшее этой перемѣнѣ, оказалось бы само по себѣ достаточнымъ, чтобы вызвать предосторожности, принимаемыя русской Императрицей для своего обезпеченія, ибо, какъ хорошо извѣстно, Франція снабдила Его Шведское Величество средствами выполнить проэктъ, и нельзя предполагать, чтобы она поступила такъ исключительно изъ дружбы къ этому государю, съ котораго, конечно, выговорила себѣ за то услуги, соотвѣтствующія ея системѣ, и это предположеніе является тѣмъ основательнѣе что, какъ извѣстно изъ содержанія письма шведскаго короля, онъ, испрашивая у французскаго короля денежной помощи, по-

il lui assurait positivement qu'il se montrerait dans toute occasion véritable ami et allié reconnaissant et actif de la France. Reprenant ensuite le ton de ministre, qui parle au nom et de la part de son souverain, le comte Panin dit que S. M. I. en considération de l'intimité de son union avec V. M. croyait de pouvoir vous proposer, Sire, de faire de votre côté également des démonstrations passives vis-à-vis de la Suède, et en conseillant le roi, votre neveu, de ne rien entreprendre qui serait en état de troubler le repos et la tranquillité du Nord, lui assurer en même temps qu'il n'avait aucun sujet de s'alarmer des mesures qu'il voyait prendre à la Russie, puisqu'elles étaient fondées sur la prudence qui demandait de se mettre en garde contre les entreprises d'un prince, qui, ayant démenti par ses actions les assurances que peu de semaines auparavant il avait donnés du contraire, ne pouvait pas trouver mauvais d'exciter de la méfiance contre lui, mais que toutes celles qu'il prendrait de son côté ayant l'apparence d'une démonstration guerrière, attireraient beaucoup l'attention de la Russie et confirmant les terreurs justes qu'elle avait de ses intentions, l'obligeraient à régler ses démarches en conséquence. S. M. Danoise, par un courrier envoyé ici par une frégate, a communiqué à la cour de Russie sa façon de penser au sujet de cet événement en Suède, que le comte Panin trouve entièrement conforme au système passif de la Russie, tel que je viens de le détailler à V. M. et il est d'autant plus aise de cette conformité que par un courrier expédié par terre à Copenhague, d'abord après avoir reçu les avis du commencement de la révolte

---

ложительно увѣрялъ его, что при всякомъ случаѣ будетъ его истиннымъ другомъ и признательнымъ и дѣятельнымъ союзникомъ Франціи. Затѣмъ, возвращаясь къ оффиціальному тону министра, говорящаго отъ имени своей государыни, графъ Панинъ высказалъ, что Ея Императорское Величество въ виду тѣснаго союза, существующаго между ней и Вашимъ Величествомъ, считаетъ возможнымъ предложить Вамъ сдѣлать относительно Швеціи нѣкоторыя демонстраціи, посовѣтовавъ королю, Вашему племяннику, не предпринимать ничего, что̀ могло бы нарушить миръ и спокойствіе на сѣверѣ, и увѣривъ его въ то же время, что ему нечего опасаться мѣръ, принимаемыхъ Россіей и основанныхъ лишь на осторожности, предписывающей защищать себя отъ предпріятій государя, который, нарушивъ своими дѣйствіями увѣренія, высказанныя имъ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ, не можетъ оскорбляться вызываемымъ имъ недовѣріемъ, но что всѣ мѣры, кои бы онъ принялъ съ своей стороны, имѣя характеръ военной демонстраціи, привлекли бы серьезное вниманіе Россіи, подтвердили бы ея опасенія и заставили бы ее дѣйствовать сообразно съ этимъ. Его Датское Величество черезъ курьера, присланнаго сюда на фрегатѣ, сообщилъ русскому двору свое мнѣніе по поводу случившагося въ Швеціи, и графъ Панинъ находитъ эти мысли вполнѣ соотвѣтствующими русской системѣ невмѣшательства, подробности которой изложены мной выше Вашему Величеству, и это единомысліе радуетъ его тѣмъ болѣе, что тотчасъ по полученіи извѣстія о началѣ возмущенія въ Финляндіи онъ черезъ

en Finlande, il avait proposé à la cour de Danemark d'embrasser pour le présent ce système.

№ 670.

Copie de la lettre de Sa Majesté le roi de Suède à Sa Majesté Impériale.

à Stockholm, le 21 d'Août 1772.

Madame ma sœur et cousine,

Le changement arrivé dans cet état ne serait pas un événement digne d'être notifié à Votre Majesté Impériale, si je ne regardais pas comme très précieuses pour moi toutes les occasions de l'assurer de ma constante confiance que j'ai dans la sienne. Ma situation présente me mettant en état plus que jamais d'entretenir la bonne intelligence qui subsiste entre nos Etats, je m'attends aussi de la part de Votre Majesté Impériale à tout ce qui peut raffermir la tranquillité publique, étant bien persuadé que la grande âme de Votre Majesté Impériale n'envisage pas de plus solide gloire que celle de maintenir la paix, le premier et le plus grand bien des peuples. C'est avec ces sentiments et ceux du plus parfait attachement que je serai toujours,

Madame ma sœur et cousine,
le bon frère et cousin
Gustave.

курьера, отправленнаго въ Копенгагенъ сухимъ путемъ, предлагалъ датскому двору въ настоящую минуту держаться подобной системы.

Копія съ письма Его Величества Короля Шведскаго къ Ея Императорскому Величеству Всея Россіи.

Стокгольмъ, 21-го августа 1772 г.

Государыня Сестра моя,

№ 670. Перемѣна, происшедшая въ этомъ государствѣ, не составила бы событія, заслуживающаго быть сообщаемымъ Вашему Императорскому Величеству, если бы я не считалъ весьма для себя драгоцѣнными всѣ случаи увѣрить Ваше Величество въ моемъ постоянномъ довѣріи къ Вашему расположенію. Такъ какъ настоящее мое положеніе даетъ мнѣ больше чѣмъ когда либо возможность поддерживать согласіе, существующее между нашими государствами, ожидаю также со стороны Вашего Императорскаго Величества дѣйствій, могущихъ утвердить общественное спокойствіе, въ полной увѣренности, что великодушіе Вашего Императорскаго Величества не желаетъ славы болѣе прочной какъ поддержаніе мира, перваго и наилучшаго блага народовъ. Съ этими чувствами и совершенной привязанностію остаюсь навсегда,

Государыня Сестра моя,
Вашимъ добрымъ братомъ и кузеномъ
Густавомъ.

№ 671.

Copie de la lettre de Sa Majesté Impériale au roi de Suède de 4 Septembre 1772.

Monsieur mon frère et cousin,

Je reçois toujours avec une satisfaction sincère les marques de l'amitié de Votre Majesté en toute occasion où il lui plaît de me les donner. Une tendresse fondée sur les liens du sang et l'intérêt des deux monarchies que la Providence nous a confiées, me feront cultiver soigneusement mes sentiments personnels pour Votre Majesté et toute sa maison Royale et mon penchant pour l'union la plus parfaite entre les deux nations. Rien ne saurait me toucher davantage que de trouver les mêmes dispositions dans Votre Majesté. Il n'est sans doute point de plus solide gloire que celle de maintenir la paix, le premier et le plus grand bien des peuples, ainsi qu'Elle s'en exprime dans sa lettre du 21 d'Août et rien ne serait conséquemment plus désirable que de rendre inutiles tant de ressorts multipliés, qui, ainsi qu'il ne peut échapper aux lumières de Votre Majesté, sont mis si souvent en action pour détourner de ce principe. C'est dans cette intention pure et avec les sentiments de la plus parfaite amitié que je suis, etc.

Копія съ письма Ея Императорскаго Величества Королю Шведскому отъ 4-го сентября 1772 г.

Государь Братъ мой,

№ 671. Я всегда получаю съ искреннимъ удовольствіемъ доказательства дружбы Вашего Величества при всякомъ случаѣ, когда Вамъ угодно ихъ заявить. Дружба, основанная на узахъ крови и интересѣ обѣихъ монархій, порученныхъ намъ Провидѣніемъ, побуждаетъ меня тщательно сохранять личныя чувства мои къ Вашему Величеству и ко всему Вашему королевскому дому и готовность мою къ тѣснѣйшему союзу между обѣими націями. Ничто не могло бы меня такъ тронуть, какъ подобныя же чувства, встрѣченныя мною со стороны Вашего Величества. Безъ сомнѣнія, нѣтъ славы прочнѣе поддержанія мира, перваго и величайшаго блага народовъ, какъ о томъ выражается Ваше Величество въ письмѣ отъ 21-го августа, и слѣдовательно, нѣтъ ничего желательнѣе какъ сдѣлать безполезными многочисленныя усилія, которыя, какъ не ускользнуло отъ проницательности Вашего Величества, часто направлены къ колебанію этихъ принциповъ. Въ этихъ искреннихъ намѣреніяхъ и съ чувствами совершенной дружбы остаюсь и пр.

№ 672.

Le comte de Solms au roi.

à S.-Pétersbourg, le 4 (15) Septembre 1772.

P. S. Depuis que j'ai eu l'honneur de faire à V. M. pour la première fois mon rapport sur le choix que S. M. I. a fait d'un nouveau favori, j'ai cessé d'en dire d'avantage pour me donner le temps de suivre un peu cette affaire et de pouvoir rendre compte de la tournure qu'elle prendrait.

J'ai vu présentement ce S-r de Wassiltchikow et je l'ai reconnu pour l'avoir rencontré auparavant assez souvent à la cour, où il était confondu dans la foule. C'est un homme de moyenne taille, à peu près de 28 ans,— noireau et assez bon visage. Il a été toujours fort poli envers tout le monde et a eu un maintien fort doux, mais très timide, et il le conserve jusqu'ici. Il paraît qu'il est embarrassé du rôle qu'il joue et ne sait pas encore se trouver dans sa fortune. Au commencement l'affaire a été conduite avec tant de ménagements et de secret, qu'on avait de la peine à s'en apercevoir, et que le comte Iwan Orlow, l'aîné des frères, qui est resté ici, a douté lui-même de cette liaison. On a cru aussi que l'intention de l'Impératrice était de conduire son goût avec plus de discrétion et de ne pas faire éclater du moins de sitôt en public. Mais il paraît qu'Elle a changé là-dessus, puisqu'Elle a trouvé bon avant-hier de le nommer chambellan, et présentement

---

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 4-го (15-го) сентября 1772 г.

№ 672. П. С. Съ того времени, какъ я имѣлъ честь въ первый разъ представить Вашему Величеству мое донесеніе о выборѣ Ея Императорскимъ Величествомъ новаго любимца, я пересталъ о немъ докладывать, дабы имѣть время слѣдить за этимъ дѣломъ и имѣть возможность дать отчетъ о направленіи, которое оно приметъ.

Я недавно видѣлъ г. Васильчикова и убѣдился въ томъ, что встрѣчалъ его раньше, довольно часто, при дворѣ, гдѣ онъ смѣшивался съ толпой. Это человѣкъ средняго роста, приблизительно лѣтъ 28-ми — брюнетъ и довольно красивъ. Онъ былъ всегда со всѣми очень вѣжливъ, въ обращеніи своемъ очень пріятенъ, но въ то же время очень застѣнчивъ; онъ продолжаетъ и теперь быть такимъ. По видимому онъ смущенъ ролью, которую играетъ, и еще не умѣетъ примѣниться къ своей счастливой судьбѣ. Въ началѣ, дѣло велось съ такой осторожностью и въ такомъ секретѣ, что было трудно догадаться, и графъ Иванъ Орловъ, старшій изъ братьевъ, остававшійся здѣсь, сомнѣвался самъ въ этой связи. Думали также, что Императрица была намѣрена дѣйствовать съ большей осторожностью при выборѣ или, что по крайней мѣрѣ она не будетъ такъ скоро и публично обнаруживать свое увлеченіе. Но повидимому она измѣнила этому намѣренію и нашла удобнымъ, третьяго дня, назначить его ка-

on commence à en glosser et à parler de ce changement. Généralement, tous ceux qui appartiennent à la cour désapprouvent cette affaire, elle cause parmi eux, parmi la famille et les amis du comte Orlow et parmi les domestiques de la chambre, les valets et les femmes de chambre de l'Impératrice une grande émotion. On les voit abattus, pensifs et mécontents. Ils étaient tous connus et familiers avec le comte Orlow; il les favorisait, il les protégeait.— Wassiltchikoff est inconnu. On ne sait pas encore s'il aura du crédit comme l'autre et comment et pour qui il l'employera. — On craint le ressentiment de l'ancien favori, si on se jette trop tôt du parti du nouveau, qui peut-être n'aura pas le bonheur de se soutenir, et l'on appréhende de déplaire au nouveau, si l'on tarde trop longtemps à lui montrer des déférences; heureusement, qu'il est encore sans aucune prétention et qu'il laisse ainsi à chacun le temps de prendre son parti. Il est poli et prévenant envers tout le monde et il est conduit pas les conseils d'un chambellan le prince Feodor Bariatinsky, qui a été le premier confident de l'intrigue et qui a été même employé par S. M. I. pour arranger toute l'affaire. Jusqu'ici cet événement n'a produit que de très bons effets dans le public. L'Impératrice est de la meilleure humeur du monde, toujours gaie et contente et ne respire que fêtes et plaisirs. L'absencede l'ancien favori la rapproche davantage du Grand-Duc son fils. Elle le voit plus souvent qu'autrefois. Elle a appris à le connaître et à se plaire dans sa société. Le jeune prince de son

---

мергеромъ; теперь начали судить и рядить объ этой перемѣнѣ. Вообще всѣ, принадлежащіе ко двору, порицаютъ это дѣло; оно возбуждаетъ сильное волненіе какъ между ними, такъ и среди семьи и друзей графа Орлова, и между комнатной прислугой, между лакеями и горничными Императрицы. Всѣ унылы, озабочены и недовольны. Всѣ они знали графа Орлова и привыкли къ нему; онъ ихъ любилъ и покровительствовалъ имъ. Васильчиковъ же неизвѣстенъ. Еще не знаютъ, будетъ-ли онъ имѣть такое вліяніе, какое имѣлъ тотъ, и какъ и для кого онъ употребитъ это вліяніе. Боятся мщенія прежняго любимца, если примутъ слишкомъ скоро сторону новаго, который можетъ быть не будетъ имѣть счастья удержаться, и опасаются не понравиться новому, если будутъ медлить заявленіемъ ему услужливости; къ счастью, онъ пока еще безъ всякихъ претензій, и такимъ образомъ предоставляетъ каждому время принять какое-угодно рѣшеніе. Онъ вѣжливъ и предупредителенъ со всѣми, и руководится совѣтами камергера князя Θедора Барятинскаго, который былъ первымъ довѣреннымъ лицемъ и посредникомъ, и которому Императрица поручила даже устроить все дѣло. До сихъ поръ событіе это въ городѣ произвело только хорошее впечатлѣніе. Императрица находится въ наилучшемъ расположеніи духа, всегда весела и довольна, и наслаждается празднествами и удовольствіями. Отсутствіе прежняго любимца сближаетъ ее съ великимъ княземъ, ея сыномъ. Она его видитъ чаще прежняго, больше узнала его и находитъ удовольствіе въ его обществѣ. Великій князь

côté est beaucoup plus libre avec madame sa mère que par le passé. Il est sensible aux caresses qu'Elle lui fait, aux distinctions et aux amusements qu'Elle lui procure, et il règne présentement entre ces deux Augustes personnes un air de cordialité bourgeoise et de confiance réciproque, qui enchante tout le monde. Je n'ose assurer s'il n'entre un peu de dissimulation, du moins de l'affectation de la part de l'Impératrice, car tous ses discours à nous autres étrangers surtout, ne roulent que sur le chapitre du Grand-Duc; mais, quel qu'en soit le but, il est certain que ce changement extraordinaire de conduite envers son fils, doit faire du tort au comte d'Orlow, parce que n'ayant pas été telle dans le temps de son crédit, on doit supposer que c'est lui qui l'a empêchée. Il n'est pas douteux, que le comte Panin ne profite de toutes ces circonstances pour assurer la perte de son rival, et qu'il ne travaille à tenir sa souveraine dans l'éloignement de son ancien favori, pour gagner pour lui seul toute sa confiance. La conduite irrégulière et inconséquente de cet homme lui fournit de l'étoffe pour le rendre odieux et méprisable aux yeux d'une princesse éclairée et ambitieuse, et si les choses restent sur ce pied où elles sont, il paraît bien que sa faveur est totalement finie. Il s'agira de voir si sa présence pourra la faire revivre et si au cas qu'il ne puisse y réussir, il sera d'humeur de s'en consoler ou s'il prendra des idées de vengeance. Selon l'idée que j'ai de sa façon de

---

въ свою очередь, держитъ себя съ матерью свободнѣе, нежели прежде. Онъ отзывчивъ на Ея ласки, благодаренъ за расположеніе и удовольствія, которыя она ему доставляетъ, и, въ настоящее время, между этими обѣими державными особами царствуетъ искренняя дружба, какъ въ простыхъ семействахъ, и обоюдное довѣріе, радующія всѣхъ. Я не смѣю утверждать, не кроется-ли тутъ притворство или, по крайней мѣрѣ, принужденность со стороны Императрицы, такъ какъ всѣ ея рѣчи, особенно съ нами, иностранцами, сводятся къ разговору о великомъ князѣ; какова бы ни была, однако, цѣль, достовѣрно то, что эта необыкновенная перемѣна въ ея обращеніи съ сыномъ должна вредить графу Орлову, потому что если Императрица не была такой во времена его вліянія и силы, то надо предполагать, онъ ей въ томъ препятствовалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что графъ Панинъ воспользуется всѣми этими обстоятельствами, чтобы подготовить паденіе своего соперника, и постарается держать Государыню вдали отъ прежняго любимца, дабы пріобрѣсти себѣ одному ея довѣріе. Измѣнчивое и непослѣдовательное поведеніе графа Орлова даетъ Панину достаточно матерьяла, чтобы представить Орлова гнуснымъ и достойнымъ презрѣнія во мнѣніи просвѣщенной и честолюбивой Государыни; если дѣло останется такъ, какъ оно идетъ теперь, то очень вѣроятно, что расположеніе къ нему исчезнетъ окончательно. Надо будетъ слѣдить за тѣмъ, возродится-ли оно снова съ пріѣздомъ графа и, въ случаѣ, если онъ въ этомъ неуспѣетъ, будетъ-ли онъ расположенъ утѣшиться или задастся мыслью о мщеніи. На сколько мнѣ извѣстенъ образъ его мы-

penser, je le croirais assez enclin au premier, mais je me défierais des conseils et de l'instigation de ses frères, pour qui la perte de l'influence qu'ils avaient dans les affaires doit être trop sensible, pour ne pas leur faire naître l'envie de la reprendre par des emportements audacieux.

№ 673.

Le comte de Solms au roi.

à St.-Pétersbourg, le 11 (22) Septembre 1772.

P. S. L'affaire du favoritisme met depuis quelques jours tout dans un mouvement plus remarquable qu'il n'y en a eu jusque là. Le comte Orlow, ayant fait son dernier rapport ministériel de l'interruption des conférences du congrès, avait mandé en même temps, qu'il se rendrait au quartier général pour y attendre les ordres ultérieurs de Sa M. Impériale. On lui avait répondu là-dessus par un rescript signé de l'Impératrice et de tout le conseil, que S. M. approuvait sa résolution et qu'il pouvait rester à l'armée, soit pour y attendre le renouement des négociations, soit pour y faire le service de général en chef, et le comte Panin s'était félicité, de ce que le comte d'Orlow avait fourni lui-même cette occasion pour prolonger son éloignement; mais celui-ci, s'impatientant et se brouillant avec le maréchal comte de Romanzoff, pric le parti de quitter l'armée et de revenir ici en courrier. Cependant, ommet on s'était douté, qu'il serait capable de faire une pareille incartade, on avait

---

слей, я думаю, что онъ склонится къ первому; но я опасаюсь, что не обойдется безъ совѣтовъ и подстрекательства его братьевъ, для которыхъ потеря ихъ вліянія на дѣла должна быть очень чувствительна, и возбудить въ нихъ желаніе вернуть это вліяніе дерзкой смѣлостью.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 11-го (22-го) сентября 1772 г.

№ 673. П. С. За послѣдніе дни, всѣ умы заняты исключительно вопросомъ о перемѣнѣ фаворита. Графъ Орловъ прислалъ свой послѣдній министерскій докладъ о перерывѣ совѣщаній конгресса, испрашивая въ то же время разрѣшенія оставаться въ главной квартирѣ для ожиданія дальнѣйшихъ приказаній Ея Императорскаго Величества. На это ему отвѣтили рескриптомъ за подписью Императрицы и всего совѣта. Ея Величество одобрила его рѣшеніе, и дозволила ему оставаться при арміи, или для того, чтобы ждать возобновленія переговоровъ, или для того, чтобы исправлять должность генералъ аншефа. Графъ Панинъ радовался, что графъ Орловъ самъ далъ поводъ продлить свое отсутствіе; но этотъ послѣдній, потерявъ терпѣніе и поссорившись съ фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ, рѣшился оставить армію и пріѣхать курьеромъ сюда. Между тѣмъ, предполагая, что онъ способенъ на такой шагъ, здѣсь

pris des mesures, pour empêcher qu'il n'arrivât par suprise à Pétersbourg, et lorsqu'il n'était encore qu'à quelques centaines de verstes, il rencontra un courrier avec ordre de la main propre de l'Impératrice, qui lui enjoignait de ne point venir à la capitale, mais de se rendre à sa terre de Gatschina, à 60 verstes d'ici, pour y faire la quarantaine. Il ne désobéit pas cette fois ci, se transporta à cette ville, et il y est depuis 5 ou 6 jours, où on ne le laisse manquer de rien. On lui envoit des provisions de la cour et il y est servi par les officiers et la livrée de la cour, tout comme par le passé. Ayant fait savoir qu'il était malade, l'Impératrice y a même envoyé le S-r de Cruse, qui porte le titre du premier médecin de la cour. — C'est de là qu'il s'est établi présentement une espèce de négociation entre la souveraine et lui, mais on ne peut rien pénétrer jusqu'ici parce qu'elle se traite uniquement entre l'Impératrice, assistée du comte Panin—et le comte Orlow. — Le comte Iwan, frère aîné de ce dernier, porte la parole d'un endroit à l'autre. On suppose qu'on capitule avec lui pour le faire renoncer volontairement à ces prérogatives que les grandes charges, dont il est revêtu, lui donnaient autrefois à la cour et auprès de la personne de l'Impératrice, comme sont par exemple: l'entrée dans l'intérieur des appartements, le logement à la cour, le commandement des Chevaliers-Gardes, du régiment des Gardes à Cheval et du corps d'artillerie; mais on ne le sait pas positivement; ce qui me paraît cependant très vrai, c'est qu'on n'est pas content de sa modération, qu'il fait

---

приняли мѣры, чтобы помѣшать его неожиданному пріѣзду въ Петербургъ, и, когда онъ былъ еще за нѣсколько сотъ верстъ отсюда, его встрѣтилъ фельдъегерь и вручилъ ему собственноручное приказаніе Императрицы, предписывавшее ему не въѣзжать въ столицу, а ѣхать въ его имѣніе, въ Гатчину, за 60 верстъ отсюда, и тамъ выдержать карантинъ. На этотъ разъ онъ не ослушался и отправился въ этотъ городъ, гдѣ онъ и живетъ пять или шесть дней, и гдѣ ему ни въ чемъ не отказываютъ; провизію посылаютъ отъ двора; служатъ ему тамъ офиціанты двора и придворная прислуга, совершенно такъ, какъ было въ прежнее время. Онъ далъ знать, что боленъ и Императрица послала ему доктора Крузе, который имѣетъ званіе лейбъ-медика двора. Оттуда установился родъ переговоровъ между нимъ и Императрицей; но до сихъ поръ еще ничего нельзя узнать, такъ какъ переговоры ведутся исключительно между Императрицей, графомъ Панинымъ ея совѣтникомъ, и между графомъ Орловымъ. Графъ Иванъ, старшій братъ послѣдняго, состоитъ посредникомъ для передачи этихъ переговоровъ. Предполагаютъ, что графа хотятъ убѣдить добровольно отказаться отъ правъ, которыя ему давало его высокое положеніе, какъ при дворѣ, такъ и при особѣ Императрицы, напримѣръ: входъ во внутренніе покои, помѣщеніе во дворцѣ, командованіе кавалергардами, полкомъ конной-гвардіи и корпусомъ артиллеріи; достовѣрно, однако, ничего неизвѣстно; мнѣ же кажется совершенно вѣроятнымъ, что сдержан-

le rêveur et qu'on est un peu embarrassé sur le parti à prendre, au cas qu'il continue à s'obstiner. L'intention de l'Impératrice, sur laquelle elle doit s'être expliquée envers l'aîné des Orlow, a été de conserver au comte Grégoire le rang, les honneurs et les emplois, qui lui assureraient toujours une des places les plus distinguées dans l'état, de lui témoigner dans toutes les occasions de la reconnaissance pour les grands services qu'il lui a rendus par le passé et de ne point lui ôter sa confiance. Comme ces sentiments s'accordent assez avec le caractère de cette princesse, je suis porté à y ajouter foi; mais s'il continue à faire le difficile, je crains que son affaire ne tourne mal, et un examen de sa conduite passée pourrait en faire un coupable envers sa souveraine et envers l'état. S. M. Impériale continue en attendant à être de la meilleur humeur du monde et à montrer un contentement et une gaîté suivie, comme on ne l'a jamais vu, et qui pourrait faire croire, qu'elle se sent délivrée d'un grand fardeau. Son amitié et sa tendresse pour le grand-duc augmentent de plus en plus; elle ne fait plus un pas sans l'avoir avec elle. Le comte Panin, qui gagne considérablement à ce changement, qu'on peut regarder actuellement comme le seul ministre confident et l'ami de l'Impératrice, est accablé dans les premiers moments sous le poids de toutes les occupations qui s'accumulent sur sa tête, étant obligé de partager son temps entre les affaires politiques de la plus grande importance et les tracasseries internes, et de passer une grande partie du jour

---

ностью его очень недовольны; онъ раздумываетъ, и если будетъ продолжать въ своемъ упорствѣ—не знаютъ на что рѣшиться. Намѣреніе Императрицы, которое она должно быть сообщила старшему Орлову, заключалось въ томъ, чтобы оставить Григорію Орлову званіе, почести и должности, которыя бы сохраняли за нимъ навсегда одно изъ высшихъ мѣстъ въ государствѣ; проявлять ему, при всякомъ случаѣ, признательность за большія услуги, оказанныя имъ въ прошломъ, и не лишать его довѣрія. Такъ какъ подобныя чувства отвѣчаютъ характеру этой Государыни, я склоненъ этому вѣрить; но если онъ будетъ упорствовать, я опасаюсь, что дѣло его приметъ дурной оборотъ; разбирая его прошлое поведеніе, можно найти его виновнымъ и противъ Государыни, и противъ государства. До сихъ поръ Ея Императорское Величество продолжаетъ быть въ наилучшемъ настроеніи духа, и постоянно такая довольная и веселая, какой ее прежде никогда не видали. Это даетъ право думать, что она избавилась отъ большей тяжести. Ея дружба и нѣжность къ великому князю все болѣе и болѣе усиливается; она шагу не дѣлаетъ безъ того, чтобы онъ не былъ съ ней. Графъ Панинъ, который очень выигрываетъ отъ этой перемѣны, и на котораго въ настоящее время можно смотрѣть какъ на единственнаго довѣреннаго министра и друга Императрицы, удрученъ массой скопившихся дѣлъ; онъ вынужденъ дѣлить свое время между политическими дѣлами самаго важнаго свойства и между домашними неурядицами, и проводить бо́льшую часть дня у Императрицы, то съ ве-

auprès de l'Impératrice, tantôt avec le grand-duc, tantôt seul. Il n'a presque pas un moment pour respirer et il succomberait, si cela durait longtemps, outre que les affaires n'y gagnent point, parce qu'il est impossible à un homme seul de faire face à tant d'objets différents. Dans le public on voit bien des visages abattus, outre ceux de la famille qui craignent le contre-coup de la chute de leur parent, tous ceux, qui lui faisaient servilement la cour et qui ne se soutenaient que par lui, sont dans l'appréhension d'être obligés de céder leurs places à de nouveaux personnages qui paraîtront sur la scène, et je crois qu'il y aura, lorsque tout cela sera une fois en règle, bien des déplacements en Russie. Je suis fâché seulement de ce que les frères Czernichew sont du nombre de ceux qui appréhendent quelque diminution de crédit pour eux; quoiqu'ils n'ont jamais voulu paraître tenir au comte d'Orlow, on voit pourtant à présent qu'ils le flattaient en cachette et qu'ils croyaient avoir besoin de sa protection pour se soutenir. Le nouveau favori n'entre jusqu'ici dans aucune cabale. Il s'attache au comte Panin, qui le protège et le dirige. Il vient d'occuper un appartement à la cour. L'Impératrice lui a fait un présent de 50 m. roubles, et il ne tardera guère d'être décoré de quelque ordre, mais je doute qu'il parvienne si tôt à avoir une influence dans les affaires. En attendant j'ose assurer très humblement V. M. que je ne négligerai rien vis-à-vis de lui, qui pourra aboutir à le disposer pour les intérêts de V. M., aussitôt que sans affectation je pourrais former quelque liaison avec lui.

ликимъ княземъ, то одинъ. Онъ не имѣетъ минуты свободной, и ежели такъ продолжится, можетъ заболѣть; дѣла при этомъ не выигрываютъ нисколько, такъ какъ одному человѣку нѣтъ возможности выполнять столько различныхъ задачъ. Среди публики встрѣчаются унылыя лица; кромѣ семьи, опасающейся паденія родственника, всѣ тѣ, которые подобострастно служили ему, и тѣ, которые держались только имъ, предчувствуютъ, что они будутъ принуждены уступить свои мѣста новымъ лицамъ, выступающимъ на сцену; я думаю, что какъ только это совершится, въ Россіи будетъ много перемѣнъ. Мнѣ непріятно только, что братья Чернышевы находятся въ числѣ лицъ, опасающихся за потерю довѣрія къ нимъ; хотя они никогда не обнаруживали, что стоятъ за Орлова, теперь однако видно, что они льстили ему втихомолку и что они разсчитывали на его покровительство, чтобы удержаться самимъ. Новый любимецъ не примыкаетъ, пока, ни къ какой партіи; онъ присоединился къ графу Панину, который ему покровительствуетъ и имъ руководитъ. Онъ получилъ помѣщеніе во дворцѣ Императрица подарила ему 50 т. рублей и конечно онъ не замедлитъ получить какой нибудь орденъ; но я сомнѣваюсь, чтобы онъ скоро добился вліянія на дѣла. Пока, я могу почтительнѣйше завѣрить Ваше Величество, что не пропущу ни одного случая, могущаго расположить его въ пользу интересовъ Вашего Величества, лишь только найду возможность завязать съ нимъ сношенія.

№ 674.

Le comte de Solms au roi.

à St. Pétersbourg, le 11 (22) de Septembre 1772.

Comme on a désiré beaucoup ici de connaître les sentiments de V. M. au sujet de la révolution en Suède, on a été extrêmement satisfait de les apprendre par les ordres qu'il a plu de m'adresser en date du 4 de ce mois. Le comte Panin s'est expliqué là-dessus dans des termes qui marquent dans le plus haut degré son respectueux attachement pour V. M. et le prix inestimable qu'il met aux avis et aux conseils qui lui viennent de sa part. Il a reconnu dans ceux-ci la plus grande droiture, l'âme la plus élevée et les sentiments d'un véritable ami et allié de son empire. En attendant qu'on aura pris dans le conseil, où cette affaire sera mise dans une délibération sérieuse, une décision, il m'a dit, que son sentiment particulier, avant de connaître, Sire, le vôtre, avait été de garder pour le présent encore le silence envers la cour de Suède sur cet événement et de gagner ainsi une partie de l'automne pour se concerter en attendant avec V. M. et le Danemark sur le parti qu'il conviendrait de prendre pour les intérêts communs et d'en commencer l'exécution en hiver par des déclarations communes, suivant qu'on se serait accordé là-dessus; qu'en attendant on aurait continué de se préparer à tout événement et qu'eux ici en particulier auraient eu, comme il s'en était flatté, les bras plus libres pour agir selon que les circonstances l'exi-

---

Отъ графа Сольмса королю.

С.-Петербургъ, 11-го (22-го) сентября 1772 г.

№ 674. Такъ какъ здѣсь весьма желали знать мнѣнія Вашего Величества о революціи въ Швеціи, то были крайне довольны узнать о нихъ изъ приказаній, которыя Вамъ угодно было дать мнѣ отъ 4-го числа сего мѣсяца. Графъ Панинъ высказалъ это въ выраженіяхъ, свидѣтельствующихъ въ высшей степени о почтительной преданности его Вашему Величеству и о томъ, какъ высоко онъ цѣнитъ указанія и совѣты, получаемые отъ Вашего Величества, признавая въ нихъ величайшую прямоту, великодушіе и чувство истиннаго друга и союзника его отечества. Въ ожиданіи рѣшенія этого дѣла совѣтомъ, который подвергнетъ его серьезному разсмотрѣнію, онъ сказалъ мнѣ, что личное его мнѣніе, пока мнѣніе Вашего Величества объ этомъ событіи было неизвѣстно, заключалось въ томъ, чтобы въ настоящую минуту хранить молчаніе относительно Швеціи и такимъ образомъ выиграть часть осени и условиться съ Вашимъ Величествомъ и Даніей о мѣрахъ, требуемыхъ общими интересами, приступить же къ ихъ выполненію зимой путемъ единодушныхъ декларацій заранѣе условленныхъ, въ ожиданіи же сего продолжать приготовляться ко всякимъ случайностямъ и тогда въ частности у нихъ были бы болѣе развязаны руки, чтобы дѣйствовать

geraient, et qu'actuellement que les conseils vigoureux de V. M. leur donnaient lieu d'être assurés de la plus complète coopération de sa part, il serait d'avis d'autant plus de convenir entre les trois cours sur des démarches et de suivre dans leurs déclarations au roi de Suède le projet proposé par V. M. Il a été très sensible à la communication de votre correspondance avec ce prince et il m'a donné en revanche de celle qui a eu lieu entre l'Impératrice et S. M. Suédoise; la réponse de la première n'est de beaucoup pas si ferme que celle de V. M. On a voulu s'exposer à rien avant de n'être assuré auparavant de sa façon d'envisager la chose. S'il m'est permis de hasarder mon sentiment à cet égard, je dirai que je suis persuadé qu'on est très d'accord ici d'agir en conséquence du plan de V. M. et d'employer au défaut de la modération les moyens les plus vigoureux pour remettre les affaires en Suède sur l'ancien pied et pour y rétablir la forme du gouvernement de 1720. Mais l'obligation, où l'on est de continuer la guerre contre les Turcs, semble rendre les gens ici plus soigneux qu'ils ne l'étaient autrefois, pour éviter les occasions de s'attirer de nouveaux embarras. Quoique je n'aie pas lieu de présumer, qu'on manque ici de ressources, il n'est pas moins vrai pourtant qu'il leur serait un peu onéreux de soutenir en même temps la guerre contre la Porte et les Suédois et d'entretenir outre cela du moins encore pour quelque temps une armée en Pologne. Si ce n'est pas du côté de l'argent qu'on se trouverait en défaut, la levée annuelle des recrues

---

сообразно съ обстоятельствами. Теперь же, съ той минуты какъ рѣшительные совѣты Вашего Величества удостовѣряли ихъ въ полнѣйшемъ содѣйствіи съ Вашей стороны, онъ полагаетъ, что тѣмъ цѣлесообразнѣе будетъ соглашеніе между тремя дворами и декларацiи ихъ шведскому королю согласно съ проэктомъ, предложеннымъ Вашимъ Величествомъ. Онъ былъ весьма благодаренъ за сообщеніе переписки Вашего Величества съ этимъ государемъ и съ своей стороны передалъ мнѣ переписку Императрицы и Его Шведскаго Величества; отвѣтъ первой далеко не такъ твердъ какъ отвѣтъ Вашего Величества. Не хотѣли ничему подвергаться до тѣхъ поръ, пока не узнали Вашего взгляда на это дѣло. Если позволите мнѣ высказать мое мнѣніе, то я убѣжденъ, что здѣсь совершенно готовы дѣйствовать согласно плану Вашего Величества и въ случаѣ, если умѣренность окажется недостаточной, обратиться къ самымъ энергическимъ мѣрамъ для возстановленія прежняго порядка и формы правленія въ Швеціи, учрежденной въ 1720 г. Но обязанность продолжать войну съ Турціей, повидимому, заставляетъ относиться осторожнѣе прежняго къ обстоятельствамъ, могущимъ вовлечь ихъ въ новыя затрудненія. Хотя я не имѣю повода предполагать, чтобы здѣсь нуждались въ средствахъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что для нихъ было бы затруднительно поддерживать одновременно войны съ Портой и со Швеціей и въ то же время содержать нѣкоторое время армію въ Польшѣ. Если бы и не почувствовался недостатокъ со стороны денегъ, ежегодный рекрутскій наборъ

pourrait à la fin devenir trop onéreuse aux propriétaires des terres, de sorte que quoique très portés à suivre ce que l'honneur et l'ambition et l'intérêt de l'Etat leur conseillent, je crois cependant, qu'intérieurement ils souhaitent que cet événement en Suède eût retardé son apparition de quelque temps, pour ne pas se trouver dans le cas d'employer leur attention de trop de côtés à la fois. En attendant, j'ose espérer que l'exemple de V. M. les encouragera et leur fera prendre un parti tel qu'il convient aux circonstances et aux liaisons qui subsistent entre les deux monarchies.

№ 675.

Dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

18 (29) Septembre 1772.

P. S. L'affaire du comte Orlow n'est pas encore finie. On capitule avec lui, non comme avec un particulier, mais comme avec son égal. On veut qu'il demande la démission de ses emplois et vive éloigné de la cour avec 150 m. roubles de pension. Pour lui, il fait l'arrogant et ne veut rien proposer, ni accepter et persiste de vouloir parler à l'Impératrice. Comme c'est une chose sur laquelle cette princesse est d'accord avec le comte Panin de n'y point consentir, on est fort en peine comment faire pour

---

могъ бы наконецъ оказаться слишкомъ обременительнымъ для землевладѣльцевъ, а потому, несмотря на полную готовность слѣдовать побужденіямъ чести, честолюбія и интересовъ государства, полагаю, что они внутренно желали бы, чтобы событіе, случившееся въ Швеціи, замедлило бы свое появленіе на нѣкоторое время, чтобы не быть вынужденными обращать вниманіе одновременно въ разныя стороны. Между тѣмъ смѣю надѣяться, что примѣръ Вашего Величества поощритъ ихъ и заставитъ принять рѣшеніе соотвѣтствующее обстоятельствамъ и союзу существующему между обѣими монархіями.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 18-го (29-го) сентября 1772 г.

№ 675. П. С. Дѣло графа Орлова еще не кончено. Съ нимъ ведутъ переговоры не какъ съ подданнымъ, а какъ съ равнымъ себѣ. Хотятъ, чтобы онъ просилъ отставки и жилъ подальше отъ двора, получая 150 т. рублей пенсіи. Что касается его поведенія, то онъ надменен, не хочетъ ничего ни предлагать, ни принимать и упорствуетъ въ желаніи говорить съ Императрицей; но такъ какъ государыня, вполнѣ согласная по этому предмету съ графомъ Панинымъ, ни за что не хочетъ согласиться, то и является большое затрудненіе какъ поступить и чѣмъ образумить этого человѣка, не

mettre cet homme à la raison, sans y employer la force. Je crois cependant qu'il faudra en venir là à la fin, pour éviter de plus grands incovénients.

Le comte Orlow est à sa terre absolument livré à lui-même. On dit qu'il mange et boit au micux et qu'il s'amuse fort bien. Le général Bauer, qui est revenu avec lui de l'armée, et d'autres de ses anciennes créatures lui tiennent compagnie, et il lui vient du petit monde de temps en temps de la ville. Je crains que tant de liberté qu'on lui laisse, ne lui fasse mépriser ses ennemis, et les regardant, ou trop faibles, ou trop peu circonspects, l'envie ne lui vienne de vouloir se venger par les moyens de ses anciens amis dans le peuple. J'espère bien que l'entreprise ne réussirait pas, mais elle pourrait causer bien du désordre. Le comte Panin est si occupé présentement de cette affaire, que toutes les autres s'en ressentent, ainsi, que de toute façon il est à désirer que celle-ci finisse le plutôt le mieux.

№ 676.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Pétersbourg, le 21 Septembre (2 Octobre) 1772.

P. S. ... Le comte Orlow persiste dans son refus de vouloir accorder sur les degrés de sa disgrâce, et l'Impératrice ne peut pas encore se résoudre à

прибѣгая къ силѣ. Мнѣ кажется, однако, что необходимо покончить, дабы избѣжать большихъ неприятностей.

Графъ Орловъ, въ своемъ имѣніи, предоставленъ вполнѣ самому себѣ. Говорятъ, что онъ ѣстъ и пьетъ нынѣ какъ нельзя лучше и живетъ очень весело. Генералъ Бауеръ, вернувшійся вмѣстѣ съ нимъ изъ арміи, и другіе изъ его прежнихъ креатуръ составляютъ его постоянное общество и нѣкоторые изъ городскихъ жителей пріѣзжаютъ къ нему отъ времени до времени. Я опасаюсь, чтобы такая свобода не внушила ему презрѣнія къ врагамъ и чтобы онъ, считая ихъ слишкомъ слабыми или мало опасными, не вздумалъ имъ мстить, черезъ посредство своихъ прежнихъ приверженцевъ изъ народа. Надѣюсь, что предпріятіе не удастся, но оно бы могло повлечь за собою большіе безпорядки. Графъ Панинъ на столько занятъ теперь этимъ дѣломъ, что всѣ остальныя дѣла отъ того страдаютъ; во всякомъ случаѣ желательно, чтобы это кончилось какъ можно скорѣе и лучше.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 21-го сентября (2-го октября) 1772 г.

№ 676. П. С. Графъ Орловъ упорствуетъ въ своемъ отказѣ придти къ соглашенію о степеняхъ немилости, а Императрица не можетъ еще рѣшиться приказать ему по-

lui ordonner ce qu'il doit faire. Les choses sont trop avancées, pour qu'on puisse s'imaginer qu'il soit possible qu'elles puissent être rechangées, sans qu'il y aurait à craindre, que l'esprit de S. M. I. pourrait être ébranlé en faveur de son ancien favori; mais le comte Panin, qui risquerait trop par un pareil retour, a sans doute si bien pris ses mesures, qu'une pareille chose, qui pourrait avoir des suites fâcheuses, n'arrive pas.

En attendant, V. M. daignera juger elle-même, combien l'activité et la vigilence qu'il est obligé d'employer dans cette circonstance, le tient occupé et lui fait perdre le temps qu'il devait donner à d'autres affaires.

№ 677.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Pétersbourg, le 25 Septembre (6 Octobre) 1772.

P. S. ... Le sort du comte Orlow reste encore indécis du côté de l'Impératrice. On continue à lui faire des propositions pour l'engager à donner lui-même la démission de ses charges. Il persiste à le refuser; il ne veut capituler sur rien, mais il remet tout à la décision de sa souveraine. Il semble qu'il agit en ceci en homme d'esprit qui connaît le caractère de cette princesse. Ce qu'il y a de certain, c'est que par cette raideur il embarrasse beaucoup ses adversaires.

ступать какъ слѣдуетъ. Дѣло зашло слишкомъ далеко и нельзя представить себѣ, чтобы оно могло измѣниться, не допустивъ опасенія, что чувства Ея Императорскаго Величества поколеблются въ пользу ея прежняго любимца; но графъ Панинъ, рискующій слишкомъ многимъ отъ такого возврата, вѣроятно принялъ уже свои мѣры и недопуститъ, чтобы случилось такое обстоятельство, которое можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія.

Ваше Величество благоволите судить сами сколько дѣятельности и неусыпнаго вниманія онъ принужденъ отдавать этому событію; оно его поглощаетъ и заставляетъ терять время, которое онъ долженъ былъ бы посвящать другимъ дѣламъ.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 25-го сентября (6-го октября) 1772 г.

№ 677. П. С. Императрица не рѣшила еще судьбу графа Орлова. Ему продолжаютъ дѣлать предложенія, чтобы убѣдить его самого просить отставки отъ должностей; онъ упорствуетъ и противится; онъ не хочетъ ни въ чемъ условливаться и предоставляетъ все на рѣшеніе своей Государыни. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ онъ дѣйствуетъ какъ человѣкъ умный, знающій характеръ этой Монархини. Достовѣрно, что такимъ упорствомъ онъ очень смущаетъ своихъ противниковъ.

№ 678.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Pétersbourg, le 28 Septembre (9 Octobre) 1772.

P. S. ... Actuellement l'affaire du comte d'Orlow est décidée, du moins pour un temps. Il a un congé pour un an, avec la permission de demeurer partout où il voudra et même de sortir du pays. C'est ainsi que la liberté de l'Impératrice de Russie a été annoncée par un oukase au sénat, qui, selon l'usage du pays, en a fait part à tous les collèges de l'empire. Cette espèce d'exil est adoucie par une pension de 150 m. roubles par an, d'un présent de 100 m. roubles pour établir une maison, d'un don de 10 m. paysans en Russie, au choix du comte, d'une superbe vaisselle d'argent, que S. M. I. a fait venir cette année de Paris et dont elle ne s'est encore jamais servie, et d'une autre vaisselle ordinaire. Au reste, on ne sait pas si la liberté de demeurer à l'endroit où le comte voudra, s'étend aussi sur Pétersbourg, ou si la résidence de sa souveraine en est exclue pour toujours. L'affaire s'est traitée à la fin si mystérieusement entre cette souveraine et son ancien favori, par la médiation du frère du dernier, qu'on ne sait pas au juste les conditions faites entre eux. Il paraît toujours, que S. M. I. a employé de grands ménagements et qu'elle a craint de pousser le comte à un certain degré de désespoir.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 28-го сентября (9-го октября) 1772 г.

№ 678. П. С. Теперь судьба графа Орлова рѣшена; по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Ему данъ отпускъ на годъ, съ разрѣшеніемъ жить, гдѣ онъ самъ захочетъ, и даже уѣхать изъ государства. Такимъ образомъ была выражена воля русской Императрицы указомъ сенату, который, въ свою очередь, по обычаю страны, сообщилъ его всѣмъ коллегіямъ государства. Этотъ родъ ссылки смягченъ пенсіею въ 150 тысячъ рублей въ годъ, подаркомъ въ сто тысячъ рублей, для устройства дома, пожалованіемъ ему десяти тысячъ крестьянъ въ Россіи по выбору графа; кромѣ того, ему подаренъ великолѣпный серебряный столовый сервизъ, выписанный въ этомъ году Ея Императорскимъ Величествомъ изъ Парижа и которымъ она еще ни разу не пользовалась, и еще другая посуда, обыкновенная. Не знаютъ, однако, простирается ли разрѣшеніе жить графу гдѣ угодно также и на Петербургъ, или же здѣсь, въ мѣстопребываніи Государыни, это воспрещено ему навсегда. Дѣло велось, подъ конецъ, такъ таинственно, между самой Государыней и ея бывшимъ любимцемъ, черезъ посредничество брата его, что не знаютъ навѣрное объ условіяхъ, заключенныхъ между сторонами. Кажется несомнѣннымъ, что Ея Императорское Величество употребила крайнюю осторожность и что она боялась довести графа до извѣстной степени отчаянія.

№ 679.

Le roi au comte de Solms.

En chiffre. Potsdam, le 1 d'Octobre 1772.

Quant au nouveau favori dont vous m'apprenez les progrès par votre première apostille du 15 de ce mois (Sept.), vous sentirez assez combien il m'importe que vous vous mettiez bien dans son esprit sans négliger cependant de procéder avec toute la prudence imaginable. Autant que j'en puis juger, il ne me semble pas qu'on lui fera perdre les accès. Tout ce qu'il y a, c'est que S. M I. fera très bien d'être sur ses gardes contre le ressentiment de la famille des Orlow. Si tous ressemblent à celui qui commande la flotte et que j'ai appris à connaître, c'est une famille très entreprenante et capable de faire les plus grands déterminés (sic). La course extr. que l'ancien favori le comte Grégoire d'Orlow vient de faire en courrier de Fockchany à Pétersbourg, me paraît aussi trop singulière pour ne pas soupçonner qu'elle s'est faite à l'instigation de ses frères. Mais je connais trop la vigilance du comte de Panin pour ne me pas reposer sur l'attention scrupuleuse qu'il apportera à toutes les démarches de cette famille et tous les traits dangereux de cette dernière se briseront contre l'égide de sa pénétration, de sa prudence et de son attachement pour sa souveraine.

Король графу Сольмсу.

(Шифровано). Потсдамъ, 1 октября 1772 г.

№ 679. Что же касается до новаго любимца, объ успѣхахъ котораго вы увѣдомляете меня припискою отъ 15-го этого мѣсяца (сент.), вы поймете насколько для меня важно, чтобы вы вступили съ нимъ въ хорошія отношенія, не пренебрегая, однако, полнѣйшей осторожностью. На сколько я могу судить, не полагаю, чтобы его вліяніе (?) было ограничено. Дѣло въ томъ, что Ея Императорскому Величеству слѣдуетъ остерегаться мести семейства Орловыхъ. Если всѣ они похожи на командующаго флотомъ, съ которымъ я познакомился, это семейство весьма предпріимчивое и способное на самые рѣшительные поступки. Пріѣздъ прежняго любимца Григорія Орлова курьеромъ изъ Фокшанъ въ Петербургъ кажется мнѣ слишкомъ страннымъ, чтобы не подозрѣвать подстреканія его братьевъ. Но мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна бдительность графа Панина, чтобы не полагаться на тщательную внимательность, съ которой онъ будетъ слѣдить за всѣми поступками этого семейства, и всѣ опасные замыслы ихъ разобьются о испытанную его проницательность, осторожность и преданность его государынѣ.

№ 680.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Pétersbourg, le 9 (20) Octobre 1772.

P. S. ... L'ancien favori vient de donner une nouvelle scène, en se déclarant prince de l'Empire Romain.

V. M. daignera peut-être se rappeler qu'à la réquisition de l'Impératrice même, la cour de Vienne lui en avait envoyé le diplôme dans la première année du règne de S. M. I., mais qu'on empêcha alors qu'elle ne permît au comte Orlow de prendre cette dignité, parce qu'on trouva moyen de la persuader qu'il était contre la gloire de la Russie de faire donner une telle dignité à un sujet de cet empire, tandis que son souverain était en état de donner lui-même; enfin, que si S. M. I. voulait que le comte Orlow eût ce titre, elle ferait mieux de le nommer premièrement prince de Russie, avant de lui faire porter celui de prince allemand. L'affaire en est restée là, et a paru être oubliée jusqu'à présent que le comte Orlow a demandé à S. M. I. son agrément pour déployer ce caractère, et qu'elle le lui a accordé. C'est une espèce de bravade, qui ne peut pas avoir fait plaisir à l'Impératrice, quoiqu'elle n'en ait rien fait remarquer. Ceux qui sont contraires au comte Orlow s'imaginent que par ce trait-là et par d'autres, qu'il fera peut-être encore, pour marquer son dépit, — il contribuera lui-

---

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 9-го (20-го) октября 1772 г.

№ 680. П. С. Прежній любимецъ заставилъ снова о себѣ говорить, объявивъ себя княземъ Римской Имперіи.

Вашему Величеству, можетъ быть, угодно будетъ припомнить, что, по требованію самой Императрицы, вѣнскій дворъ прислалъ ему дипломъ, въ первый годъ царствованія Ея Императорскаго Величества. Ей отсовѣтывали тогда же разрѣшить графу Орлову пользоваться этимъ достоинствомъ и убѣдили ее, что слава Россіи не допускаетъ, чтобы подданный ея принималъ отъ другихъ такой титулъ, который можетъ ему дать его Монархъ; наконецъ, что если Ея Императорскому Величеству угодно, чтобы графъ Орловъ имѣлъ этотъ титулъ, то она поступитъ лучше, если сдѣлаетъ его русскимъ княземъ раньше, чѣмъ позволитъ ему называться княземъ германскимъ. Дѣло такъ и осталось и, повидимому, было забыто до сей поры, когда графъ Орловъ испросилъ соизволеніе Императрицы на провозглашеніе этого титула, на это она и согласилась. Такая выходка не можетъ нравиться Государынѣ, хотя она и не дала ничего замѣтить. Противники Орлова думаютъ, что какъ этимъ поступкомъ, такъ и другими, которые онъ вѣроятно совершитъ, чтобы выразить свое неудовольствіе, — онъ самъ будетъ способствовать охлажденію къ нему чувствъ Им-

même à éloigner davantage l'esprit de cette princesse, et de se fermer entièrement la porte au retour. D'ailleurs, cette affaire n'a point fait impression sur le public, qui semble regarder cette élévation avec indifférence, et je commence à me persuader que ce changement de favori n'aura point de suite fâcheuses. Il est intentionné d'aller au premier traînage à Moscou et de faire peut-être l'été prochain un tour à Spa. C'est au retour de là et à cette fin de l'année de son congé qu'il se décidera, s'il pourra reparaître à la cour, ou si on la lui interdira pour plus longtemps, car pour cette première année il s'est soumis, à ne pas se trouver au lieu de la résidence de l'Impératrice.

№ 681.

P. S. ad relationem. Le comte de Solms au roi.

A St.-Pétersbourg, le 23 d'Octobre (3 de Novembre) 1772.

Sire! je serais fort embarrassé de hasarder vis-à-vis de V. M. une opinion assurée sur les suites que pourrait avoir encore le changement que S. M. Impériale a fait dans le choix d'un favori. Toutes les personnes sages et qui aiment leur patrie souhaiteraient que l'affaire ne restât pas si longtemps dans cette espèce d'indécision où elle se trouve. Elles sont de la même opinion, que ce n'est que faire les choses à demi, que de renvoyer pour un certain temps seulement un homme qui a eu tant de pouvoir et

---

ператрицы и окончательно уничтожить возможность своего возвращенія. Впрочемъ, это дѣло не произвело никакого впечатлѣнія на всѣхъ, которые относятся къ этому возвышенію, кажется, съ равнодушіемъ, и я начинаю убѣждаться, что перемѣна любимца не будетъ имѣть никакихъ непріятныхъ послѣдствій. Съ первымъ саннымъ путемъ, онъ намѣренъ ѣхать въ Москву, а лѣтомъ предпринять путешествіе въ Спа. По возвращеніи оттуда и къ концу года его отпуска, рѣшится вопросъ, можетъ ли онъ вернуться ко двору или это ему будетъ запрещено на болѣе долгій срокъ; на этотъ первый годъ онъ подчинился требованію не жить въ мѣстѣ пребыванія Императрицы.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 23-го октября (3-го ноября) 1772 г.

№ 681. П. С. Ваше Величество. Я крайне затруднился бы высказать рѣшительное мнѣніе о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя еще могутъ произойти отъ перемѣны, сдѣланной Ея Императорскимъ Величествомъ въ выборѣ любимца. Всѣ разумные люди, любящіе свое отечество, желаютъ, чтобы дѣло не оставалось такъ долго въ этомъ положеніи неопредѣленности, въ которомъ оно находится. Они того мнѣнія, что удалять только на нѣкоторое время человѣка, имѣющаго столько власти и вліянія, не

tant d'influence, sans lui ôter entièrement l'espérance de pouvoir retourner et redevenir tout ce qu'il a été. Le pis de celà, c'est que cet ancien favori est toléré si près de la capitale, où on lui continue le même entretien aux dépens et avec la livrée de la cour, comme s'il y tenait encore par les mêmes liens par lesquels il y était attaché ci-devant, et d'où il a des facilités par ses frères, dont le cadet, le comte Feodor, est venu le joindre aussi de l'armée, et par le moyen de la correspondance, à tracasser l'esprit de l'Impératrice, et à le tenir dans une indécision continuelle. On assure qu'elle en est affectée quelquefois jusqu'aux larmes; cependant, elle ne peut prendre sur elle de lui ordonner de s'en aller plus loin, et cela fait voir l'ascendant que cet homme avait pris sur elle, qu'elle n'est pas la maîtresse de vaincre, et qui prouve, si j'ose le dire, de la faiblesse et de la crainte. Le comte Panin, avec tout son crédit, ne peut encore obtenir une résolution ferme, et on croit même qu'elle lui cache une partie de la correspondance qui subsiste entre elle et l'ancien favori.

Le nouveau cependant se conserve en grâce et ne la quitte pas d'un moment, de sorte qu'aussi longtemps que celui-ci se soutiendra, il n'est pas à présumer que S. M. I. voudra faire rentrer l'autre dans tous ses droits. De plus, elle continue à vivre dans la plus intime harmonie avec le grand-duc, son fils, et il n'est pas à croire non plus, qu'elle voudrait s'ôter cette consolation, et s'exposer à redevenir de nouveau soupçonneuse à son égard.

отнимая отъ него всякой надежды на возможность вернуться и стать тѣмъ, чѣмъ онъ былъ — значитъ дѣлать дѣло на половину только. Худшее изъ всего заключается въ томъ, что этотъ бывшій любимецъ терпимъ такъ близко отъ столицы, гдѣ ему продолжаютъ отпускать то же содержаніе на счетъ двора и служатъ придворные слуги, какъ будто онъ находится въ тѣхъ же отношеніяхъ ко двору, въ какихъ былъ прежде; онъ имѣетъ полную возможность черезъ братьевъ, изъ коихъ младшій Федоръ пріѣхалъ къ нему изъ арміи, и съ помощью писемъ — смущать Императрицу и поддерживать въ ней постоянную нерѣшительность. Говорятъ, что иногда она огорчается этимъ до слезъ, между тѣмъ не можетъ рѣшиться приказать ему уѣхать дальше, изъ чего можно заключить, какую власть имѣетъ надъ ней этотъ человѣкъ и какъ она безсильна побѣдить себя, что и доказываетъ, если осмѣлюсь сказать, ея боязнь и слабость. Графъ Панинъ, не смотря на все свое вліяніе, не можетъ добиться твердой рѣшимости, и думаютъ даже, что она скрываетъ отъ него часть переписки, существующей между ею и ея бывшимъ любимцемъ.

Новый любимецъ, между тѣмъ, пребываетъ въ милости и не отходитъ отъ Императрицы ни на шагъ; такимъ образомъ, пока онъ продержится, нельзя предполагать, что Ея Величество пожелаетъ вернуть прежнему любимцу всѣ его права. Кромѣ того, она продолжаетъ жить въ самомъ задушевномъ согласіи съ Великимъ Княземъ, своимъ сыномъ, и нельзя также повѣрить, что она захочетъ лишить себя

Enfin, cette affaire est un chaos impénétrable, et il y a dans la conduite de l'Impératrice une contradiction où personne peut comprendre quelque chose. Le jugement le plus probable est celui, que quoique S. M. soit convaincue que son ancien favori la tenait dans une sujetion indécente, qu'il abusait de sa confiance, pour lui donner des idées fausses du grand-duc, qu'il éloignait de sa personne tous ceux qui n'étaient pas, ou ses parents, ou ses créatures et qu'il parvenait à un pouvoir au-dessus de celui d'un particulier, et que par conséquent il était absolument nécessaire pour sa propre tranquillité, pour le bien de l'Etat, et pour la sûreté du grand-duc, de mettre des bornes à son ambition et se soustraire au joug, qu'il lui faisait porter; elle ne peut pas par un faux principe de clémence se permettre de punir, ou seulement de maltraiter un homme, qui, à ce qu'elle croit, a un droit acquis à sa reconnaissance par les services qu'il lui a rendus. Quoiqu'il en soit, des inconvénients, qui peuvent encore résulter de cette indécision, j'espère néanmoins qu'il n'y aura rien de fâcheux à craindre. Personne des grands (ne?) se mêle ouvertement de cette affaire. Il y en a qui regrettent l'éloignement du comte d'Orlow parce qu'ils perdent par là leur protecteur; mais il n'y a pas un seul qui voudrait acheter son retour au prix d'une révolution, et si cet homme dût se laisser aveugler au point de vouloir se venger de cette façon-là, je suis persuadé, qu'il trouverait tout le monde contre lui.

этого утѣшенія и сдѣлается снова недовѣрчивой относительно его. Словомъ, дѣло это представляетъ хаосъ непроницаемый, и въ поведеніи Императрицы есть какое-то противорѣчіе, въ которомъ никто ничего понять не можетъ. Самое вѣрное сужденіе есть то, что хотя Ея Императорское Величество убѣждена, что ея прежній любимецъ держалъ ее въ подчиненіи недостойномъ, что онъ злоупотреблялъ ея довѣріемъ, чтобы дать ей ложное мнѣніе о великомъ князѣ, что онъ удалялъ отъ ея особы всѣхъ, которые только не были его родственниками или его креатурами, что онъ пріобрѣталъ власть гораздо выше власти подданнаго и что поэтому было бы вполнѣ необходимо, какъ для собственнаго спокойствія, такъ и для блага государства и для безопасности Великаго Князя, положить предѣлы честолюбію любимца и сбросить иго, которое онъ заставлялъ ее носить; — но она не можетъ, изъ ложнаго принципа милосердія, позволить себѣ наказать, или даже только дурно обращаться съ человѣкомъ, который, какъ она думаетъ, заслужилъ право на ея благодарность оказанными услугами. Хотя подобная нерѣшительность можетъ повлечь къ затрудненіямъ, но я надѣюсь однако, что не слѣдуетъ опасаться ничего прискорбнаго. Никто изъ высокопоставленныхъ лицъ не вмѣшивается открыто въ это дѣло. Есть сожалѣющіе объ удаленіи графа Орлова потому, что съ нимъ они теряютъ покровителя; но нѣтъ никого, кто бы захотѣлъ купить его возвращеніе цѣной революціи, и если этотъ человѣкъ былъ бы такъ слѣпъ, что захотѣлъ бы отомстить за себя этимъ способомъ, то — я увѣренъ — онъ возстановилъ бы противъ себя всѣхъ.

Les personnes les plus affligées de sa chute ne sauraient disconvenir qu'il ne lui arrive que ce qu'il a mérité; mais tous ces gens-ci, gâtés par un gouvernement trop doux, craignent, que si un homme comme celui-ci peut être dans le cas de devenir responsable de sa conduite, le tour de chacun d'eux peut venir aussi, et ils n'aiment pas être trop recherchés. Au reste le comte Panin a été extrêmement sensible à la gracieuse attention de V. M. à son égard. Il espère que ce changement arrivé dans l'intérieur de sa cour, le rendra plus libre de contribuer par ses services à entretenir constamment la parfaite union entre la Prusse et la Russie, puisque après l'éloignement du comte d'Orlow il n'aurait plus de contradiction, ni d'opposition à craindre. C'est tout ce qu'il m'a dit cette fois-ci à ce sujet, sur lequel il observe de s'expliquer avec beaucoup de circonspection. Il se persuade volontiers que le s-r de Durand a eu dans ses instructions de chercher à gagner le comte d'Orlow, pour porter l'Impératrice à demander la médiation de la France pour la paix entre la Russie et la Porte.

№ 682.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Pétersbourg, le 26 Octobre (6 Novembre) 1772.

P. S. ... Le comte Panin se flatte d'être au dessus des appréhensions que le retour du comte Orlow puisse lui devenir préjudiciable. Il croit pouvoir

---

Лица, наиболѣе огорченныя его паденіемъ, не могутъ не сознаться, что онъ заслужилъ все съ нимъ случившееся; но всѣ эти люди, избалованные слишкомъ кроткимъ правленіемъ, опасаются, что если такой человѣкъ можетъ быть сдѣланъ отвѣтственнымъ за свое поведеніе, то и ихъ чередъ можетъ наступить, а имъ не могутъ быть пріятны никакія изслѣдованія. Графъ Панинъ былъ очень тронутъ милостивымъ къ нему вниманіемъ Вашего Величества. Онъ надѣется, что перемѣна, происшедшая во внутренней жизни двора, дастъ ему больше свободы поддерживать своими услугами постоянное и прочное согласіе между Пруссіей и Россіей, такъ какъ съ удаленіемъ графа Орлова, ему нечего опасаться ни противорѣчій, ни противодѣйствій. Вотъ все, что на сей разъ онъ сказалъ мнѣ по этому вопросу, о которомъ онъ старается выражаться съ большой осторожностью. Онъ убѣждается охотно, что г. де-Дюранъ, вслѣдствіе данныхъ ему инструкцій, искалъ расположенія графа Орлова для того, чтобы склонить Императрицу просить посредничества Франціи для установленія мира между Россіей и Портой.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 26-го октября (6-го ноября) 1772 г.

№ 682. ... П. С. Графъ Панинъ надѣется, что прошло то время, когда возвращеніе графа Орлова могло бы повредить ему, Панину. Онъ увѣренъ, что Ея Император-

être persuadé, que S. M. I. est fermement résolue de ne pas le revoir, du moins avant la fin de l'année, qui a été fixée pour son éloignement de la cour, et comme il doit partir avec le premier traînage pour Moscou, il compte de profiter de cet éloignement, ou pour prolonger cet exil, ou du moins de déterminer si bien l'esprit de sa souveraine, que sa présence dans la résidence deviendra une chose fort indifférente. Il convient qu'on en a agi avec une modération excessive à son égard, mais comme le caractère de S. M. I. était heureusement porté à la clémence et éloigné de toute sévérité, et que lui-même n'aimait employer cette dernière que dans la plus grande nécessité, il avoue, qu'il a évité d'animer l'esprit de cette princesse et de l'exciter à une résolution plus violente. Cependant, il prétend être sûr des précautions qui ont été prises, pour observer la conduite de cet ancien favori, et au cas qu'il dût vouloir tenter quelque chose contre la tranquillité du gouvernement, il assure qu'on saurait l'en empêcher et le mettre hors d'état d'abuser davantage de sa liberté.

№ 683.

Dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Pétersbourg, le 6 (17) Novembre 1772.

Nous sommes un peu alarmés sur la demande réitérée et pressante du

---

ское Величество твердо рѣшила не видѣть прежняго любимца, по крайней мѣрѣ, до конца года, назначеннаго для удаленія его отъ двора; а такъ какъ онъ долженъ уѣхать въ Москву, съ первымъ саннымъ путемъ, то графъ Панинъ разсчитываетъ воспользоваться этимъ отсутствіемъ и продолжить его изгнаніе, или, по крайней мѣрѣ, такъ настроить умъ Императрицы, что присутствіе его въ мѣстѣ ея жительства не будетъ имѣть никакого значенія. Панинъ согласенъ, что относительно Орлова поступали съ необыкновенной умѣренностью; но такъ какъ, къ счастью, Императрица по характеру своему склонна къ милосердію и уклоняется отъ всякой строгости, и самъ графъ Панинъ не любитъ прибѣгать къ этой послѣдней иначе, какъ только въ крайней необходимости, то онъ и признается, что избѣгалъ раздражать Государыню и подстрекать ее на болѣе суровое рѣшеніе. Впрочемъ, онъ увѣренъ, что были приняты мѣры предосторожности; за поведеніемъ бывшаго любимца наблюдали и, въ случаѣ, если бы онъ захотѣлъ посягнуть на спокойствіе государства, ему съумѣли бы помѣшать и поставили бы его въ невозможность злоупотреблять своей свободой.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 6-го (17-го) ноября 1772 г.

№ 683. Мы нѣсколько встревожены настоятельно повторяемой просьбой графа

comte Orlow pour obtenir la permission de venir en ville pour deux jours. Hier, dans l'après-dînée, la chose ne lui était ni accordée, ni refusée.

On remarque assez la peine que S. M. I. a de prendre un parti, qu'il lui reste encore un penchant très fort pour cet ancien favori, et quoiqu'elle croit pouvoir lui parler avec indifférence et l'obliger à ne pas prolonger son séjour en ville au delà du terme fixé, il n'y a pas moyen de répondre d'un retour de faiblesse pour lui.

Il n'est pas à présumer que cela pût diminuer la tendresse qu'elle a prise pour le grand-duc, ni faire tort au comte Panin, dont le ministère lui est devenu trop nécessaire, cependant une explication entre elle et le comte Orlow pourrait laisser des impressions dans l'esprit de cette princesse, qui pourraient causer de la confusion et des défiances entre ceux qui ont pris parti contre l'ancien favori.—Il faut attendre ce que le bon génie de la Russie inspirera à S. M. I. de faire, car si elle cède aux instances de cet homme, il n'y a personne en état de l'empêcher, ni de la prévenir.

№ 684.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Petersbourg, le 9 (20) Novembre 1772.

P. S. ...Jusqu'à présent le comte Orlow n'a pas obtenu la permission de

---

Орлова о дозволеніи ему пріѣхать въ городъ на два дня. Вчера, послѣ обѣда, ему это не было ни разрѣшено, ни воспрещено. Въ Императрицѣ замѣчаютъ и нѣкоторую заботу на что рѣшиться, и все еще большую склонность къ бывшему любимцу; хотя она и думаетъ, что можетъ говорить съ нимъ равнодушно и заставить его не оставаться въ городѣ дольше опредѣленнаго срока, но нельзя поручиться, что ея слабость къ нему не вернется.

Нѣтъ основаній предполагать, что это можетъ уменьшить ея нѣжность къ великому князю, ни повредить графу Панину, управленіе котораго сдѣлалось ей необходимымъ,—однако, объясненіе съ графомъ Орловымъ можетъ оставить въ ней впечатлѣніе, которое способно будетъ вызвать замѣшательство и недовѣріе среди лицъ, принявшихъ сторону противъ бывшаго любимца. Надо выждать, что внушитъ Ея Императорскому Величеству добрый геній Россіи, ибо если она уступитъ настояніямъ этого человѣка, то никто не будетъ въ состояніи ни помѣшать ему, ни предупредить ее.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 9-го (20-го) ноября 1772 г.

№ 684. П. С. ...До сихъ поръ графъ Орловъ не получилъ позволенія прибыть

pouvoir venir pour 2 jours à Pétersbourg, mais son frère cadet Feodor y est venu hier, et comme il n'est pas compris dans l'exil d'une année, il s'est présenté le matin et le soir à la cour, et a été accueilli pas S. M. I. comme par le passé. — Pour cette fois-ci donc ceux qui craignaient le retour du comte Orlow ont réussi à l'empêcher encore pour un temps, mais je crois que si cet ancien favori persiste à le demander, et à prier que l'Impératrice consente à entendre sa justification, S. M. ne résistera pas à la longue à ses instances. — Cet homme a pris un ascendant trop fort sur son esprit; elle se fait des reproches de l'avoir maltraité, et pour tout dire, Elle s'est tellement accoutumée à lui, qu'elle sent de la peine à s'en passer. Elle éprouve un vide de n'avoir personne à qui elle puisse ouvrir son cœur sur toute chose, et le nouveau favori n'est pas du tout propre à le remplir. C'est un très honnête homme, mais absolument neuf en tout, de sorte, que c'est tout ce qu'on peut attendre, si cette princesse tient ferme dans sa résolution pendant l'année, mais je doute qu'il y aura moyen de la retenir au-delà.

№ 685.

Le comte de Solms au roi.

A St.-Pétersbourg, le 16 (27) Novembre 1772.

Contenu: M-rs de Saldern et de Czernichef sont du même sentiment que le roi sur la façon de traiter les affaires du démembrement avec les Po-

---

на два дня въ Петербургъ, но его младшій братъ, Федоръ, пріѣхалъ вчера сюда, и такъ какъ онъ не подлежитъ годичному удаленію, то представился ко двору утромъ, и вечеромъ былъ принятъ Императрицей, какъ въ былое время. На сей разъ, всѣ опасавшіеся возвращенія графа Орлова помѣшали этому на нѣкоторое время; но я думаю, что если бывшій любимецъ будетъ настоятельно просить и молить Императрицу, чтобы она согласилась выслушать его оправданія, Ея Величество, въ концѣ концовъ, не устоитъ противъ его настояній. Этотъ человѣкъ пріобрѣлъ слишкомъ большую власть надъ ней; она упрекаетъ себя въ дурномъ съ нимъ обращеніи и, говоря правду, она такъ къ нему привыкла, что ей тяжело обходиться безъ него. Не имѣя около себя человѣка, которому бы она могла говорить по душѣ обо всемъ, она чувствуетъ пустоту, а новый любимецъ вовсе не способенъ наполнить ее. Онъ очень честный человѣкъ, но новичекъ рѣшительно во всемъ. Если Государыня выдержитъ свое твердое рѣшеніе до конца года—это все, чего можно ожидать; но я сомнѣваюсь, что будетъ возможность сдержать ее на болѣе долгій срокъ.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 16-го (27-го) ноября 1772 г.

№ 685. Содержаніе: 1) Г. Сальдернъ и г. Чернышевъ раздѣляютъ мнѣніе короля о томъ, какъ вести съ Поляками дѣло о раздѣлѣ. Первый полагаетъ, что

lonais. Le premier croit, que la Russie doit envoyer un ambassadeur à Varsovie et incline avec le comte Solms pour le comte Iwan Czernichef. 2) Arrivée de Reis-Effendi à Bukarest. Armistice prolongé.

Les derniers ordres immédiats de V. M. du 8 et du 10 de ce mois, m'ayant instruit de ses sentiments sur les affaires de Suède et de Pologne, j'ai cru bien faire en les faisant connaître ou comte Panin par un extrait que je lui ai envoyé en termes généraux. Je sais, qu'il en a été extrêmement satisfait, qu'il l'a communiqué sur le champ à l'Impératrice, qui en a été également contente; que tout le Conseil, quand on y a lu la pièce le lendemain, y a applaudi et la regarde comme un double témoignage des sentiments de tendresse pour le roi de Suède en qualité de neveu de V. M. et d'une fermeté inébranlable pour le système. Je n'ai pas vu le comte Panin du depuis; à la vérité, il m'avait appointé pour hier, afin de me montrer l'instruction qu'il a dressée pour le comte Ostermann. Il comptait que l'Impératrice la lui rendrait confirmée de son approbation; mais comme il m'a fait dédire la conférence, je suppose que cette princesse aura trouvé à propos de la garder encore.

Pour ce qui regarde la manière dont V. M. trouve qu'il faut procéder dans les affaires de Pologne, j'en ai fait part au s-r de Saldern et au comte Czernichef, qui soutiennent la même opinion et qui sont bien aises d'avoir

---

Россія должна назначить въ Варшаву посла и, подобно графу Сольмсу, указываетъ на графа Ивана Чернышева. 2) Пріѣздъ Рейсъ-Эффенди въ Бухарестъ. Продленіе перемирія.

Такъ какъ послѣднія непосредственныя повелѣнія Вашего Величества отъ 8-го и 10-го этого мѣсяца сообщили мнѣ мнѣніе Ваше о дѣлахъ Польскихъ и Шведскихъ, я счелъ долгомъ увѣдомить о томъ графа Панина посредствомъ извлеченія изъ нихъ, составленнаго мною для него въ общихъ выраженіяхъ. Мнѣ извѣстно, что онъ былъ этимъ чрезвычайно доволенъ, тотчасъ же передалъ о томъ Императрицѣ, которой это также понравилось, а всѣ члены совѣта, прочитавъ бумагу на слѣдующій день, одобрили ея содержаніе, увидя въ немъ двойное доказательство чувства пріязни къ королю Шведскому, какъ племяннику Вашего Величества, и въ то же время непоколебимой твердости къ системѣ. Съ тѣхъ поръ мнѣ не удалось видѣться съ графомъ Панинымъ, хотя онъ назначилъ мнѣ свиданіе вчера, желая показать мнѣ инструкцію, изготовленную имъ для графа Остермана. Онъ разсчитывалъ, что Императрица возвратитъ ему эту бумагу, скрѣпивъ ее своимъ одобреніемъ, но такъ какъ онъ отложилъ наше свиданіе, то я предполагаю, что Государыня нашла нужнымъ сохранить ее еще нѣкоторое время.

Что̀ касается до того, какъ Ваше Величество признаетъ наилучшимъ приступить къ Польскимъ дѣламъ, я говорилъ объ этомъ г. Сальдерну и графу Чернышеву; оба они раздѣляютъ ваше мнѣніе и весьма довольны встрѣтить поддержку въ авторитетѣ

l'autorité de V. M. pour leur appui. J'espère que cela aidera à engager le comte Panin à convenir d'après ces principes du plan décidé, qui doit servir de norme invariable aux ministres des trois cours unies, qui résident à Varsovie, suivant ce que j'ai eu l'honneur de mander à V. M. dans mon rapport de l'ordinaire dernier. Mais il paraît que pour en faciliter l'exécution, il serait nécessaire que la cour de Russie y envoyât alors une personne distinguée avec le caractère d'ambassadeur, tant pour en imposer à la nation polonaise, accoutumée à ce faste, que pour allier la politique et le militaire ensemble, et que ce fût une personne qui sût réunir à la fermeté des manières engageantes, afin d'employer tantôt les promesses, tantôt les menaces, enfin une personne qui fût au-dessus des séductions de différente espèce, qu'emploient les parents du roi depuis bien des années contre les ministres et les généraux de la Russie. Le sr de Saldern est de mon avis, que de tous ceux que nous connaissons, personne n'y serait plus propre que le comte Iwan Czernichef, et comme il est certainement dévoué à V. M., nous croyons, Sire, rien faire qui puisse vous être désagréable en prenant des mesures pour faire goûter cette idée au comte Panin et pour engager le comte Czernichef à accepter cette place, si on la lui offrait, car l'exemple de ceux qui ont échoué, le rend d'une certaine façon timide et lui inspire de l'éloignement pour s'en charger.

Вашего Величества. Надѣюсь, что это поможетъ убѣдить графа Панина составить на этихъ основаніяхъ рѣшительный планъ, долженствующій служить неизмѣнной нормой для министровъ трехъ союзныхъ дворовъ, находящихся въ Варшавѣ, какъ я имѣлъ честь докладывать о томъ Вашему Величеству въ послѣднемъ донесеніи, отправленномъ обыкновенной почтой. Но, кажется, что для облегченія этой задачи Русскому двору слѣдовало бы отправить туда знатное лицо, облеченное званіемъ посла, какъ для внушенія уваженія Польской націи, привыкшей къ неумѣстному величію, такъ и для того, чтобы соединить характеръ политическій съ военнымъ и, чтобы лице это кромѣ твердости обладало бы въ то же время привлекательными манерами, умѣя прибѣгать то къ обѣщаніямъ, то къ угрозамъ, словомъ, личность, которая бы стояла выше различнаго рода соблазновъ, употребляемыхъ уже много лѣтъ родственниками короля относительно Русскихъ министровъ и генераловъ. Г. Сальдернъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ лицъ никто такъ не способенъ это выполнить, какъ графъ Иванъ Чернышевъ, а такъ какъ онъ несомнѣнно преданъ Вашему Величеству, мы полагаемъ, что не сдѣлаемъ ничего вамъ неугоднаго, стараясь расположить къ этой мѣрѣ графа Панина и убѣдить графа Чернышева принять это мѣсто, въ случаѣ, если его ему предложатъ, ибо примѣръ потерпѣвшихъ неудачу внушаетъ ему опасенія и нежеланіе взяться за это дѣло.

№ 686.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 15 Décembre. A St.-Pétersbourg, le 20 Novembre (1 Décembre) 1772.

Contenu: 1) Plan du comte Czernichef pour faire repartir en Pologne les troupes des trois puissances unies dans l'affaire du démembrement, dans le cas qu'elles soient obligées de s'étendre en Pologne pour en venir à un arrangement définitif avec la république. 2) Ce ministre croit qu'il ne faut pas publier la déduction avant que les Polonais ne soient assemblés en diète. Jusqu'ici on n'a pas songé en Russie même à préparer les matériaux pour une déduction. 3) L'ambassadeur de France à Stockholm dit hautement que la réponse de la cour de Danemark à la déclaration du roi de Suède prouvait les intentions pacifiques de la première.

On m'a bien remis les ordres immédiats de V. M. du 18 de Novembre avec ceux de son ministère du 13, accompagnés d'une lettre du roi de Pologne à V. M., d'une note du ministère polonais sur les péages de la Vistule et six exemplaires de la déduction des droits de V. M. sur les nouvelles acquisitions. Il n'est plus douteux que la cour d'ici ne soit résolue de suivre dans les affaires de Pologne les idées de V. M., contenues dans les ordres immédiats de V. M. au-dessus indiqués et dans ceux du 10 de Novembre.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 15-го декабря). С.-Петербургъ, 20-го ноября (1-го декабря) 1772 г.

№ 686. Содержаніе: 1) Проектъ графа Чернышева относительно распредѣленія въ Польшѣ войскъ трехъ союзныхъ державъ, въ виду раздѣла и въ томъ случаѣ, если они будутъ вынуждены распространиться въ Польшѣ для достиженія окончательнаго соглашенія съ республикой. 2) Министръ предполагаетъ, что не слѣдуетъ обнародовать дедукціи до тѣхъ поръ, пока Поляки не соберутся на сеймъ. До сего времени въ Россіи еще не думали о заготовленіи матеріаловъ для дедукціи. 3) Французскій посланникъ въ Стокгольмѣ громко высказываетъ, что отвѣтъ Датскаго двора на декларацію Шведскаго короля доказываетъ миролюбивыя намѣренія первой изъ этихъ державъ.

Мнѣ своевременно передали непосредственныя повелѣнія Вашего Величества отъ 18-го ноября вмѣстѣ съ министерскими отъ 13-го съ приложеніемъ письма Польскаго короля къ Вашему Величеству, ноты Польскаго министерства о пошлинахъ на Вислѣ и шесть экземпляровъ дедукціи правъ Вашего Величества на новыя пріобрѣтенія. Не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что здѣшній дворъ рѣшился слѣдовать въ Польскихъ дѣлахъ мыслямъ Вашего Величества, изложеннымъ въ вышеупомянутыхъ непосредственныхъ повелѣніяхъ Вашего Величества, а также въ повелѣніяхъ отъ

Je compte que le projet du plan, qui doit être formé et approuvé des trois cours, sortira peut-être d'entre les mains du comte Panin. Je sais que l'Impératrice a recommandé l'expédition à tous ceux qui ont droit de se mêler des affaires concourant à les faire achever, car on commence à se lasser de ces affaires de Pologne et à désirer qu'elles finissent une fois. L'idée, que le comte Zachar Czernichef a fournie pour les opérations militaires, est celle-ci: qu'après que les trois cours seraient convenues des districts que chacune d'elles voudra prendre sous sa direction spéciale et qu'elle y enverra des troupes, il croit que le corps ne peut pas être en dessous de 12 à 18 m. hommes; que ces troupes y seront distribuées d'une manière qu'elles ne seront pas à la charge du pays et qu'elles subsisteront, tant qu'elles ne seront pas employées à quelque expédition, de leur propre argent, qu'au commencement les trois généraux feront leur résidence à Varsovie et suivront pour les affaires politiques la direction des ministres de leurs cours respectives, qu'ils n'enverront que des détachements dans les terres des magnats opposants pour les forcer par des exécutions militaires à faire ce qu'on exigera d'eux; que ces troupes ne seront employées à d'autres expéditions que sur l'avis du surdit ministre de leur cour. Le comte Czernichef nous a fait part de cette idée, au prince Lobkowitz et à moi, il l'a également communiquée au comte Panin, qui la trouve très-propre à faciliter l'exécution des vues générales. Ce ministre a été fort aise, que V. M. l'ait prévenu, que le prince Kaunitz est dans les mêmes sentiments que lui et il voudrait qu'il

---

10-го ноября. Полагаю, что проектъ плана, долженствующаго быть составленнымъ и одобреннымъ тремя державами, будетъ, вѣроятно, дѣломъ графа Панина. Мнѣ извѣстно, что Императрица приказала всѣмъ участвующимъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать быстрѣе, ибо начинаютъ тяготиться Польскими дѣлами и желаютъ, чтобы они приходили къ концу. Мысль, поданная графомъ Захаромъ Чернышевымъ относительно военныхъ дѣйствій, заключается въ слѣдующемъ: по соглашеніи, состоявшемся между тремя дворами касательно того, какія именно части каждый изъ нихъ желаетъ принять подъ свое особое управленіе, онъ полагаетъ, что при высылкѣ туда войскъ, корпусъ ихъ долженъ быть не менѣе, какъ отъ 12 до 18 тысячъ, причемъ войска эти будутъ расположены такимъ образомъ, что не будутъ обременять страны и, пока не потребуются въ дѣло, будутъ продовольствоваться на свой собственный счетъ; сначала всѣ три генерала будутъ находиться въ Варшавѣ, слѣдуя въ политическихъ дѣлахъ указаніямъ министровъ своихъ дворовъ, и посылая лишь отряды въ имѣнія враждебныхъ магнатовъ, дабы путемъ военныхъ экзекуцій вынудить ихъ къ покорности, и войска эти не будутъ употреблены ни на что другое, иначе какъ по требованію упомянутыхъ министровъ ихъ дворовъ. Графъ Чернышевъ сообщилъ эту мысль князю Лобковичу и мнѣ, а также графу Панину, который находитъ ее весьма способной облегчить выполненіе общихъ видовъ. Этотъ министръ былъ очень радъ, что Ваше Величество предупредили его о томъ, что князь Кауницъ раздѣляетъ его мнѣ-

se hâtât d'expédier au prince Lobkowitz le courrier qu'il se propose de lui envoyer à ce sujet.

Quant à la publication des déductions des trois cours pour faire connaître leurs titres aux nouvelles acquisitions, le comte Panin n'est pas d'avis qu'on y procède avant l'ouverture de la pacification et il croit devoir changer à cet égard la résolution qui a été prise en conséquence. Il estime que nous devons soutenir le principe: qu'actuellement nous ne connaissons point de principe, qu'elle se trouve dans un état d'anarchie et que nous ne la reconnaîtrons, qu'après qu'elle subsistera dans un corps légitime, formé par une diète à laquelle nous invitons la nation à s'assembler et à qui nous ferons connaître alors nos titres pour entrer avec elle dans un arrangement décisif au sujet de ces acquisitions. Tout ce qui pourra se dire ou être publié avant ce temps-là, ne doit pas attirer l'attention des trois cours; on doit le regarder comme des libelles factieux auxquels on n'est pas obligé de répondre. Au reste, comme il me paraît, qu'on a perdu un peu de vue la publication des déductions, puisqu'on croit qu'il n'en sera question qu'à la diète et que celle de la cour d'ici n'est même imprimée encore, j'espère qu'après que j'en aie renouvelé le souvenir par ordre de V. M., on songera au moins à la préparer pour qu'elle soit prête vers cette époque. J'ai également engagé le prince Lobkowitz à écrire à sa cour pour s'informer jusqu'où on est avancé à cet égard chez lui.

нія, и желалъ бы, чтобы онъ поспѣшилъ отправить князю Лобковичу курьера съ приказаніями по этому дѣлу.

Чтò же касается до обнародованія дедукціи трехъ дворовъ для заявленія ихъ правъ на новыя пріобрѣтенія, графъ Панинъ не считаетъ нужнымъ приступить къ ней ранѣе заключенія мира, и полагаетъ, что въ этомъ отношеніи слѣдуетъ измѣнить первоначальныя намѣренія. Онъ думаетъ, что мы должны поддержать тотъ принципъ, что въ настоящую минуту не признаемъ никакихъ принциповъ, такъ какъ Польша находится въ состояніи анархіи, и признаемъ ее лишь тогда, когда она приметъ законное устройство, вырѣшенное на сеймъ, на который мы приглашаемъ республику собраться, и которой мы предъявимъ наши права, дабы войти съ ней въ окончательное соглашеніе по поводу нашихъ пріобрѣтеній. Все, чтò можетъ быть до тѣхъ поръ сказано или напечатано, не должно привлекать вниманія трехъ дворовъ, а должно быть разсматриваемо лишь какъ заявленія партій, отвѣтъ на которыя необязателенъ. Впрочемъ, такъ какъ мнѣ кажется, что нѣсколько упустили изъ виду публикацію дедукцій, полагая, что онѣ потребуются лишь на сеймъ, а дедукція здѣшняго двора еще не напечатана, надѣюсь, что послѣ напоминанія, сдѣланнаго мной по приказанію Вашего Величества, по крайней мѣрѣ позаботятся о томъ, чтобы она была готова къ этому времени. Я также совѣтовалъ князю Лобковичу написать своему двору, чтобы узнать на сколько подвинулось тамъ это дѣло.

№ 687.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 21 Décembre. A St. Pétersbourg, le 27 Nov. (8 Déc.) 1772.

Contenu: Le désintéressement de la cour de Russie ne lui permet pas d'adopter facilement un second partage, cependant il n'est pas impossible, que ses principes ne se changent-là dessus.

La poste arrivée aujourd'hui à midi, m'a encore apporté les ordres immédiats de V. M. du 23 et deux médiats du 24 de Novembre avec un mémoire de la cour de Vienne sur la pacification de la Pologne et des nouvelles intéressantes de la France, dont je tâcherai de faire le meilleur usage possible aussitôt que le rétablissement du comte Panin me mettra à même de conférer avec ce ministre. J'ai reçu aussi par ce même courrier la lettre de notification de V. M. à Sa Maj. l'Impératrice de Russie au sujet de l'heureux accouchement de Son Altesse la princesse épouse de Son Altesse Royale le prince Ferdinand, frère de V. M., d'un prince. J'ose assurer V. M. que si les circonstances de la future pacification menaient à un nouveau partage de la Pologne, les intérêts de sa monarchie animeront, comme ils l'ont fait toujours, mon zèle pour son service. Jusqu'ici cette idée est fort éloignée ici et quoiqu'on n'y soit pas sujet à des remords de conscience, comme à Vienne, cependant on a de la répugnance à donner au public

---

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 21-го декабря). С.-Петербургъ, 27-го ноября (8-го декабря) 1772 г.

№ 687. Содержаніе: Безкорыстіе Русскаго двора не допускаетъ его легко склониться на второй раздѣлъ; однако, не невозможно, что его мнѣнія на этотъ счетъ измѣнятся.

Почта, прибывшая сегодня въ полдень, доставила мнѣ непосредственныя повелѣнія Вашего Величества отъ 23-го и два министерскихъ предписанія отъ 24-го ноября вмѣстѣ съ меморіаломъ вѣнскаго двора по вопросу объ умиротвореніи Польши, а также интересныя извѣстія изъ Франціи, которыми я постараюсь воспользоваться, какъ только выздоровленіе графа Панина доставитъ мнѣ возможность съ нимъ бесѣдовать. Съ этимъ же курьеромъ я получилъ письмо Вашего Величества къ Ея Величеству Русской Императрицѣ съ извѣщеніемъ о благополучномъ разрѣшеніи, сыномъ, супруги Его Королевскаго Высочества принца Фердинанда, брата Вашего Величества. Смѣю увѣрить Ваше Величество въ томъ, что если обстоятельства умиротворенія приведутъ къ новому раздѣлу Польши, интересы Вашей монархіи, какъ всегда, будутъ направлять мое усердіе къ службѣ. До сихъ поръ здѣсь весьма далеки отъ этой мысли и хотя здѣсь совѣсть не такъ щекотлива какъ въ Вѣнѣ, однако, не желали

l'idée que la Russie, en attirant les yeux de la Pologne et en s'alliant avec V. M. et la cour de Vienne, puisse viser à une augmentation de son empire, puisque cela est entièrement opposé à l'opinion qu'on voudrait donner à l'Europe d'un parfait désintéressement de la cour de Russie. En attendant, de nouveaux évènements pourraient donner lieu à de nouveaux principes et disposer cette cour à prêter l'oreille à un second partage de la Pologne, comme ils ont amené le premier auquel on ne voulait pas d'abord prêter les mains.

№ 688.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 27 Nov. (8 Déc.) 1772.

...Le comte d'Orlow a pris la résolution de passer cet hiver à Rével, où il a déjà envoyé une partie de ses équipages, mais à force d'importunités, il a obtenu de S. M. I. de venir ici auparavant pour 2 jours et faire sa cour à S. M. et pour se congédier d'elle. On l'attend donc pour la fin de cette semaine, ou pour le commencement de l'autre. L'entrevue entre lui et la souveraine est certainement intéressante, cependant je ne saurais m'imaginer qu'elle pourrait avoir des suites fâcheuses pour le comte de Panin, ou pour d'autres, qui ont eu part à son éloignement. J'ose dire, que je compte trop sur l'esprit et la sagesse de S. M. I. pour qu'elle exposât son

---

бы дать поводъ заключить, что Россія, въ союзѣ съ Вашимъ Величествомъ и вѣнскимъ дворомъ, стремится къ увеличенію своихъ владѣній, ибо это вполнѣ противорѣчило бы понятію о совершенномъ безкорыстіи Россіи относительно Польши, которое бы хотѣли внушить Европѣ. Между тѣмъ новыя событія могутъ вызвать и новыя убѣжденія, склонивъ этотъ дворъ къ согласію на второй раздѣлъ, подобно тому, какъ было и съ первымъ, о которомъ сначала не хотѣли и слышать.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 27 ноября (8 декабря) 1772 г.

№ 688. ...Графъ Орловъ рѣшился провести эту зиму въ Ревелѣ, куда онъ отправилъ уже часть своего имущества; но онъ успѣлъ своими настояніями добиться разрѣшенія Ея Императорскаго Величества прибыть, предварительно, сюда на два дня, чтобы откланяться Государынѣ. Его ожидаютъ въ концѣ этой недѣли или въ началѣ будущей. Конечно, весьма любопытно знать какъ пройдетъ его свиданіе съ Монархиней; но я не могу себѣ представить, чтобы оно могло имѣть дурныя послѣдствія для графа Панина и для другихъ, принимавшихъ участіе въ его удаленіи. Смѣю сказать, что я слишкомъ вѣрю въ умъ и мудрость Ея Императорскаго Величества: она

règne à un bouleversement et à des troubles, qui pourraient facilement arriver, si cet ancien favori reprenait le crédit et l'influence qu'il avait ci-devant.

№ 689.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 25 Décembre. A St. Pétersbourg, le 30 Nov. (11 Déc.) 1772.

Contenu: Idées du comte Panin sur le plan à suivre pour la pacification de la Pologne et l'arrangement définitif à faire avec la république touchant les nouvelles acquisitions. Elles diffèrent sur plusieurs points importants du plan du prince Kaunitz.

Quoique le comte Panin soit encore indisposé, il m'a cependant fait inviter hier chez lui pour me parler des arrangements à prendre relativement à la pacification de la Pologne et pour analyser le dernier mémoire de la cour de Vienne qui s'y rapporte. Il désapprouve le projet du prince Kaunitz et la déclaration à faire au roi et aux magnats parce que ce sont ceux-ci, qui peuvent véritablement retarder ou avancer l'assemblée de la diète qu'on demande. Il n'approuve pas cette menace, qu'au cas de refus du roi et de la république, de déterminer l'arrangement avec les trois puissances au terme marqué, celles-ci feraient valoir leurs droits sur les entiers

---

не подвергнетъ свое царствованіе смутамъ и безпорядкамъ, которые могутъ произойти, если этотъ прежній любимецъ возвратитъ себѣ власть и вліяніе, какими онъ пользовался прежде.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 25-го декабря). С.-Петербургъ, 30-го ноября (11-го) декабря 1772 г.

№ 689. Содержаніе: Мысли графа Панина о планѣ, котораго слѣдуетъ держаться при умиротвореніи Польши и окончательномъ соглашеніи съ республикой по вопросу о новыхъ пріобрѣтеніяхъ. Предположенія эти во многихъ существенныхъ статьяхъ разнятся отъ плана Кауница.

Несмотря на то, что графъ Панинъ еще боленъ, онъ пригласилъ меня вчера къ себѣ, чтобы переговорить о мѣрахъ, предстоящихъ въ виду умиротворенія Польши, и разобрать послѣдній меморіалъ вѣнскаго двора, относящійся до этого вопроса. Онъ не одобряетъ проекта князя Кауница и деклараціи королю и магнатамъ, ибо они могутъ дѣйствительно задержать или подвинуть собраніе испрашиваемого сейма. Онъ также не одобряетъ предполагаемой угрозы, а именно, чтобы, въ случаѣ отказа короля и республики придти къ соглашенію съ тремя державами къ назначенному сроку, державы эти предъявили бы свои права на цѣлыя Польскія области, такъ какъ подобный обо-

districts de la Pologne, puisque cette tournure donnerait à croire comme si effectivement elles avaient des droits sur toute la Pologne, ce qui était contraire à la déclaration, qu'elles avaient faite à l'occasion de la prise de possession, où elles avaient renoncé à toute prétention ultérieure. Son intention est donc de projeter une autre déclaration où il demandera de nouveau la convocation d'une diète générale, en menaçant du ressentiment ceux d'entre les magnats qui ne voudraient pas y concourir et contribuer à l'arrangement final avec les trois puissances; que chacune des trois cours ferait remettre cette déclaration à la cour de Varsovie et la ferait distribuer dans le pays, et que leurs ministres-résidents à Varsovie y ajouteraient verbalement, en parlant aux grands-seigneurs de leur connaissance, que s'ils ne se prêtaient pas aux vues des trois cours, on s'en prendrait à eux et à leurs terres, que ces dernières seraient confisquées et que leurs personnes ne seraient pas même en sûreté, que c'était là l'explication du mot de ressentiment qui se trouvait dans la déclaration imprimée, car l'opinion du comte Panin est de la imprimer afin de la faire rouler plus facilement. C'est dans ce sens, qu'il compte de s'expliquer envers le prince Lobkowitz. Il le recevra aujourd'hui chez lui pour recevoir les mémoires de la cour de Vienne par une communication formelle, ce qui ne s'était pas encore fait jusqu'ici. Il dressera ensuite son propre projet pour la susdite déclaration, il m'a promis de me le communiquer avant que de le remettre au ministre Autrichien. Pour réaliser ses séquestrations le comte Panin est d'accord avec V. M. et pense,

---

ротъ заставилъ бы предположить, что онѣ дѣйствительно имѣютъ право на всю Польшу, чтò противорѣчило бы деклараціи, заключенной ими при вступленіи во владѣніе, причемъ онѣ отказались отъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій. Поэтому онъ намѣренъ составить новую декларацію, испрашивая вновь созваніе общаго сейма и угрожая взысканіемъ съ тѣхъ магнатовъ, которые бы не захотѣли въ немъ участвовать и содѣйствовать окончательному соглашенію съ тремя державами; каждый изъ трехъ дворовъ вручилъ бы эту декларацію двору Варшавскому для раздачи въ государствѣ, а министры ихъ въ Варшавѣ добавили бы къ этому словесно, разговаривая съ знакомыми сановниками, что въ случаѣ если они не подчинятся видамъ трехъ дворовъ, то поплатятся за то имѣніями, которыя будутъ конфискованы, и сами они лично не будутъ въ безопасности, ибо таково значеніе слова «взысканіе», употребленнаго въ напечатанной деклараціи, такъ какъ по мнѣнію графа Панина ее слѣдуетъ напечатать для бòльшаго распространенія. Въ такомъ смыслѣ намѣренъ онъ объясниться съ княземъ Лобковичемъ. Онъ сегодня принимаетъ его у себя въ домѣ, чтобы получить отъ него меморіалы вѣнскаго двора оффиціальнымъ образомъ, чтò до сихъ поръ еще не было выполнено. Вслѣдъ за тѣмъ онъ составитъ собственный проектъ упомянутой деклараціи и обѣщалъ мнѣ сообщить его мнѣ ранѣе врученія Австрійскому министру. По вопросу о секвестрѣ имѣній графъ Панинъ согласенъ съ Вашимъ Величествомъ и по-

que les trois puissances partagent entre elles la Pologne de façon que dans les districts que chacune d'elles prendra sous sa direction, elle fasse agir ses propres troupes contre les magnats récalcitrants. Le district que le comte Panin ose proposer à V. M., est cette partie de la Grande-Pologne qui se trouve entre la Netze et la Vistule, depuis les frontières de Silésie, les palatinats de Cracovie, de Sandomir et de ceux de Lublin et de Chelm, les parties enclavées entre les rivières de Wipertz et du Boug. Ce qui reste de la Grande-Pologne, la Lithuanie et tout le reste du royaume demeurera sous la direction de la Russie, parce que indépendamment de cette considération elle est pourtant obligée à cela par rapport à la guerre avec la Porte d'y maintenir ses troupes. Chacune des cours enverra de sa part un général, qui résidera à Varsovie et commandera les troupes, que sa cour aura envoyées dans son district. Il ne les fera agir que de l'avis qu'il recevra du ministre de sa cour, qui est accrédité auprès du roi et de la république de Pologne. Je me suis chargé, Sire, de vous exposer ce que dessus dans mon rapport, mais il m'a paru nécessaire de demander au comte Panin, s'il jugeait que V. M. fît d'abord marcher ses troupes pour occuper les districts en question et qu'elle envoyât tout-de-suite un général à Varsovie. Il a répliqué que ce qu'il m'en avait dit, n'était que par manière de conversation, puisque comme nous avions l'intention de faire nos opérations ensemble et d'un commun accord, il en parlerait premièrement au prince Lobkowitz, après quoi et après que nous aurions concerté ensemble les ter-

---

лагаетъ, что тремъ державамъ слѣдуетъ раздѣлить между собой Польшу, причемъ каждая изъ нихъ въ занятыхъ ею областяхъ употребила бы собственныя войска противъ непокорныхъ магнатовъ. Область, которую графъ Панинъ осмѣливается предложить Вашему Величеству, состоитъ изъ части Великой Польши между Нетцой и Вислой, начиная отъ границъ Силезіи, воеводствъ Краковскаго, Сандомірскаго, Люблинскаго и Холмскаго, и пространства, заключающагося между рѣками Виперцомъ и Бугомъ. Остальная же часть Великой Польши, Литва и прочія земли королевства останутся подъ властью Россіи, ибо, независимо отъ этого соображенія, держава эта, въ виду войны съ Портой, обязана содержать тамъ войско. Каждая изъ державъ пошлетъ съ своей стороны генерала, который будетъ находиться въ Варшавѣ и командовать войсками, выставленными его дворомъ въ своей области. Обращать же ихъ въ дѣйствіе онъ будетъ не иначе какъ по полученіи о томъ предписанія черезъ министра своего двора, аккредитованнаго при Польскомъ королѣ и республикѣ. Я взялъ на себя, Ваше Величество, передать Вамъ все вышеизложенное въ моемъ донесеніи, но прежде всего счелъ нужнымъ спросить у графа Панина, предполагаетъ ли онъ, чтобы Ваше Величество тотчасъ же двинули свои войска для занятія упомянутыхъ областей, выславъ немедленно генерала въ Варшаву. Онъ возразилъ мнѣ, что все имъ высказанное — не болѣе какъ разговоръ, ибо такъ какъ мы намѣрены дѣйствовать вмѣстѣ и по взаимному соглашенію, то прежде всего онъ переговоритъ съ княземъ Лобковичемъ, а

mes de la déclaration à faire à la cour de Vienne, nous fixerions le temps pour commencer à agir tous à la fois, qu'il ne savait pas même, s'il était nécessaire, que V. M. et la cour de Vienne fissent entrer leurs troupes dans leurs districts, qui étaient si près des frontières de leurs portions respectives, que ce ne serait que l'affaire d'un couple de jours pour les y faire entrer, quand le général qui allait résider à Varsovie leur en enverrait l'ordre. Il me paraît que cette incertitude sur le propre temps de faire entrer les troupes, vient de ce qu'on est peu en défiance des entreprises de la cour de Vienne. Elle doit déjà avoir fait pousser plusieurs détachements au-delà de ses nouvelles limites, pour exécuter ce qui n'est encore que projeté. En outre elle prétend s'approprier la ville de Brody et quelque terrain à l'entour à titre d'appartenance du palatinat de Lemberg, et le général Haddick a été en effet en correspondance avec le comte de Romanzof qui l'a cependant refusée, puisqu'il a dans cette ville un magasin pour son armée. Le prince Kaunitz propose encore, que les troupes de sa cour soient mises en Pocutie et dans les palatinats de Podolie et de Luckow pour y agir contre les magnats, qui y ont leurs terres. Cela embarrasse également les Russes; ils ne veulent pas se désaisir de ces provinces, qui leur servent de communication entre les deux armées avec la Pologne et d'où ils tirent leurs subsistances. J'ose croire que le comte Panin veut tirer tout au clair avec la cour de Vienne, avant que de faire entrer ses troupes dans les districts

---

вслѣдъ за тѣмъ, уже обсудивъ въ какихъ именно выраженіяхъ сдѣлать декларацію вѣнскому двору, мы назначимъ время, когда слѣдуетъ намъ начать дѣйствовать, и что онъ даже не знаетъ, нужно ли, чтобы Ваше Величество и вѣнскій дворъ вводили свои войска въ предназначаемыя имъ области, которыя на столько близки къ границѣ, что потребуется не болѣе двухъ дней, чтобы ввести ихъ туда въ случаѣ, если генералъ, находящійся въ Варшавѣ, того потребуетъ. Мнѣ кажется, что подобная нерѣшительность относительно срока вступленія войскъ происходитъ отъ нѣкотораго недовѣрія къ поступкамъ вѣнскаго двора. Предполагаютъ, что онъ уже выдвинулъ нѣсколько отрядовъ за свои новыя границы, чтобы исполнить то, что составляетъ еще лишь одинъ проектъ. Кромѣ того онъ намѣренъ присвоить себѣ городъ Броды и окружающую территорію, будто бы принадлежащую къ Лембергскому палатинству и, дѣйствительно, генералъ Гаддикъ велъ о томъ переговоры съ графомъ Румянцовымъ, который, однако, ему отказалъ, такъ какъ въ этомъ городѣ расположены магазины для его арміи. Князь Кауницъ предлагаетъ также, чтобы войска его двора были введены въ Покутію и въ палатинства Подольское и Луковское для противодѣйствія магнатамъ, имѣющимъ тамъ свои земли. Это также не нравится Русскимъ: они не хотятъ отказаться отъ этихъ областей, служащихъ для сообщенія обѣихъ армій съ Польшей и снабжающихъ ихъ продовольствіемъ. Думаю, что графъ Панинъ хочетъ убѣдиться въ истинныхъ намѣреніяхъ вѣнскаго двора, прежде чѣмъ допустить его вводить свои войска въ назна-

qui lui seront assignés. Quant au projet d'un acte secret que le prince Kaunitz a proposé pour être signé entre les trois cours, le comte Panin a été d'accord tout de suite, qu'il était acceptable quant à la partie qui doit empêcher la rentrée des troupes de l'une sans le consentement des deux autres, mais il croit que pour satisfaire la cour de Vienne, on pourrait bien stipuler une nouvelle renonciation pour toutes les parties de la Pologne, qui ne seraient pas comprises dans la dernière convention; mais ayant été un peu raisonné là-dessus, il est convenu que tout l'acte était inutile, puisque la dernière convention suffisait déjà pour nous rassurer réciproquement que nous ne demandions plus rien de la Pologne que ce que nous avions trouvé bon d'en détacher en vertu de ce concert. Je lui représentais que cela même était déjà de trop; que c'était trop lier les mains à V. M. et à la Russie, que de leur faire prendre de tels arrangements pour l'avenir et en vue d'évènements incertains, qu'au commencement des troubles de Pologne nous n'avions pas cru être obligés d'en venir à un démembrement de ce royaume et que nous ne pouvions prévoir, si de nouvelles circonstances ne rendraient la chose nécessaire une seconde fois, de sorte que pour ne pas s'exposer à un démenti, je croyais que le meilleur serait, de ne point faire d'acte du tout. Ce ministre a assez goûté ces réflexions, mais il craint de donner par un refus total des soupçons à la cour de Vienne des intentions de nos cours. Il a promis de décliner, autant qu'il pourrait, de

---

ченныя ему области. Что же касается до проекта секретнаго акта, предложеннаго княземъ Кауницемъ къ подписи трехъ дворовъ, графъ Панинъ тотчасъ же рѣшилъ, что принять изъ него можно лишь статьи, воспрещающія возвращеніе войскъ одной изъ державъ безъ согласія обѣихъ остальныхъ, полагая, что для удовлетворенія вѣнскаго двора слѣдовало бы составить новое отреченіе отъ всѣхъ частей Польши, не включенныхъ въ послѣднюю конвенцію, но по нѣкоторомъ размышленіи призналъ, что весь актъ безполезенъ, такъ какъ послѣдняя конвенція служитъ для насъ достаточнымъ взаимнымъ ручательствомъ въ томъ, что мы не потребуемъ отъ Польши ничего кромѣ областей, взятыхъ нами въ силу этого договора. Я представилъ ему, что и это является излишнимъ, ибо подобная мѣра слишкомъ связала бы руки Вашему Величеству и Россіи, вынудивъ ихъ принять обязательства на будущее время и въ виду неизвѣстныхъ событій, и что подобно тому, какъ при началѣ польскихъ смутъ мы не предвидѣли, что будемъ поставлены въ необходимость прибѣгнуть къ раздѣлу этого королевства, такъ точно и теперь намъ неизвѣстно, не потребуютъ ли того обстоятельства вторично, а потому, чтобы не нарушать даннаго слова, я считалъ бы за лучшее не заключать никакого акта. Министръ отчасти согласился съ этими доводами, но опасается полнымъ отказомъ возбудить въ вѣнскомъ дворѣ подозрѣнія относительно намѣреній нашихъ дворовъ. Онъ обѣщалъ по мѣрѣ возможности уклоняться

ne pas faire un tel acte, mais que si l'autre y insistait trop, il tâcherait de le rendre aussi général que possible. Il m'a prié d'assurer V. M. de la plus parfaite reconnaissance de l'Imp., sa souveraine, des sentiments qu'elle avait témoignés au sujet des affaires de Suède. J'ose vous assurer, Sire, que les assurances que vous m'avez ordonné de donner de votre résolution, d'assister la Russie quand elle se trouverait engagée dans une guerre avec la Suède en faveur du Danemark, ont fait sur l'esprit de Sa Maj. Imp. et de son ministère l'impression la plus avantageuse. Elles ont augmenté l'opinion déjà établie de l'utilité et de la nécessité de votre alliance pour cet empire et elles ont confirmé la résolution de tout employer pour ménager et se conserver un allié si puissant et si fidèle.

№ 690.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 29 Décembre. A St. Pétersbourg, le 4 (15) Décembre 1772.

Contenu: 1) Refus du comte Panin de signer l'acte secret que le prince Kaunitz a proposé. 2) Affaire de la ville de Dantzig: plaintes adressées de toute part à la cour de Vienne, qui refuse cependant de s'en mêler. 3) Confédération, soit-disant telle, que les Sulkowski ont formé et dont le comte Panin ne s'embarasse pas.

отъ заключенія подобнаго акта, а въ случаѣ если на немъ будутъ очень настаивать, то составить его въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Онъ просилъ меня увѣрить Ваше Величество въ чрезвычайной признательности Императрицы, его монархини, за чувства, высказанныя Вашимъ Величествомъ по поводу Шведскихъ дѣлъ. Смѣю увѣрить Ваше Величество, что переданное мною о Вашемъ намѣреніи помочь Россіи въ случаѣ войны съ Швеціей за Данію, произвело самое благопріятное впечатлѣніе на Ея Величество Императрицу и на ея министровъ. Извѣстіе это усилило уже установившееся мнѣніе о пользѣ и необходимости Вашего союза для Имперіи и утвердило намѣреніе употребить всѣ средства къ сохраненію столь могущественнаго и вѣрнаго союзника.

Графъ Сольмсъ королю.

Подано 29-го декабря. С.-Петербургъ, 4-го (15-го декабря) 1772 г.

№ 690. Содержаніе: 1) Отказъ графа Панина подписать секретный актъ, предложенный княземъ Кауницемъ. 2) Дѣло города Данцига; жалобы со всѣхъ сторонъ вѣнскому двору, который тѣмъ не менѣе отказывается отъ вмѣшательства въ это дѣло. 3) Конфедерація, составленная будто бы по мысли Сулковскихъ, и которой графъ Панинъ не стѣсняется.

Le courrier ordinaire de vendredi passé, arrivé après le départ de la poste d'ici, m'a apporté les ordres immédiats de V. M. du 24, 25, 26 et 27 de novembre avec une dépêche de son ministère du 27 du même mois. J'ai tâché d'inspirer au comte Panin l'idée que V. M. a bien voulu me fournir par ses ordres immédiats, savoir, que la cour de Vienne par l'apparence de la proximité de la paix avec la Porte manquant son projet de profiter aux dépens des Turcs, avait dessein de s'en dédommager sur la Pologne. Il est fort porté à croire que cette cour se repent d'avoir négligé l'occasion de cette guerre pour se refaire des pertes, qu'elle a faites par la paix de Belgrade, et qu'elle souhaite en secret la continuation de la guerre, afin de pouvoir y prendre part, mais il ne croit pas, qu'elle soit intentionnée d'enlever de nouvelles parties à la Pologne. En attendant ce ministre paraît avoir fait attention aux réflexions que je lui ai fait faire l'autre jour au sujet de l'acte secret que le prince Kaunitz a proposé pour être signé par les trois cours, et comme il me l'avait promis, il a si bien décliné de l'accepter vis-à-vis du prince Lobkowitz, que celui-ci, comme il me l'a dit lui-même, le regarde comme entièrement refusé, de sorte que la porte restant ouverte pour augmenter les portions en Pologne, V. M. sans paraître y avoir contribué, ne peut manquer d'y participer, si en effet la cour de Vienne avait l'idée de faire réussir ce projet. Au reste le comte Panin a remis jusqu'à

Въ прошлую пятницу почта, прибывшая сюда уже по отправленіи здѣшней, доставила мнѣ непосредственныя предписанія Вашего Величества отъ 24-го, 25-го, 26-го и 27-го ноября вмѣстѣ съ депешей министерства отъ 27-го числа того же мѣсяца. Я постарался внушить графу Панину мысль, которую Вашему Величеству угодно было сообщить мнѣ непосредственнымъ Вашимъ предписаніемъ, а именно, что вѣнскій дворъ, видя, что близкій миръ съ Портой помѣшаетъ успѣху его проектовъ на счетъ пріобрѣтеній со стороны турокъ, намѣренъ вознаградить себя за эту неудачу, присвоивъ себѣ провинціи отъ Польши. Онъ склоненъ къ мнѣнію, что дворъ этотъ раскаивается въ томъ, что не воспользовался случаемъ этой войны для пополненія потерь, понесенныхъ ею по условіямъ Бѣлградскаго мира, и въ тайнѣ желаетъ продолженія войны, дабы въ ней участвовать, но не полагаетъ, чтобы онъ намѣревался отнять у Польши новыя области. Между тѣмъ мнѣ кажется, что министръ этотъ обратилъ вниманіе на мысли, высказанныя мной ему на дняхъ по вопросу о секретномъ актѣ, предложенномъ княземъ Кауницемъ къ подписанію трехъ дворовъ, и согласно данному имъ мнѣ обѣщанію, онъ такъ твердо отказался отъ него, что князь Лобковичъ, какъ самъ передавалъ мнѣ, считаетъ это дѣло окончательно отвергнутымъ, вслѣдствіе чего, такъ какъ путь къ увеличенію пріобрѣтеній въ Польшѣ остается открытымъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Ваше Величество, не проявляя своего въ томъ содѣйствія, тѣмъ не менѣе будете участвовать въ этомъ дѣлѣ, если только вѣнскій дворъ поддержитъ такого рода проектъ. Впрочемъ, графъ Панинъ отложилъ до будущей не-

la semaine prochaine de donner une réponse formelle aux derniers mémoires du prince Kaunitz et de remettre au prince Lobkowitz et à moi le projet de déclaration au roi de Pologne, et il m'a fait part, que Sa Maj. Polonaise avait promis au S-r Stackelberg, qu'après avoir eu recours à toutes les puissances de l'Europe au sujet du démembrement de son royaume et après avoir satisfait à son devoir et s'être mis à couvert des reproches de la nation, il allait concourir avec sincérité à la pacification générale et à l'arrangement définitif, selon les idées et les intentions des trois cours, et que dans trois jours à compter de celui, où il lui parlait, il signerait les lettres de convocation du grand conseil du sénat. Cette déclaration plaît assez au comte Panin et il est porté à croire, qu'elle est sincère, puisqu'elle est conforme à l'état de ce prince. Il est d'ailleurs content de la convocation du conseil du sénat, qu'il regarde comme nécessaire avant celle de la diète.

J'ai fait envisager à ce ministre le refus de la ville de Dantzig de traiter avec V. M. comme une démarche inconsidérée, qui la mettait dans son tort et justifiait le ressentiment de V. M., si elle jugeait un jour à propos d'en prendre. Il n'a pu en disconvenir et lui-même a trouvé qu'il fallait s'en mêler et faire des exhortations à cette ville, afin qu'elle ne se raidisse pas contre la force. Le prince Kaunitz a écrit à ce sujet au prince Lobkowitz, qu'on s'adressait de toute part à sa cour pour lui porter des plaintes de l'entreprise de V. M. contre le port de Dantzig, que sa cour

---

дѣлѣ оффиціальный отвѣтъ на послѣдній меморіалъ князя Кауница, и врученіе князю Лобковичу и мнѣ проекта декларація польскому королю, и сообщилъ мнѣ, что Его Польское Величество обѣщалъ г. Штакельбергу, что, обратившись ко всѣмъ Европейскимъ державамъ по вопросу о раздробленіи своего королевства и исполнивъ свой долгъ во избѣжаніе упрековъ своего народа, онъ будетъ искренно содѣйствовать общему умиротворенію и окончательному рѣшенію дѣлъ, согласно мыслямъ и намѣреніямъ трехъ дворовъ, и что черезъ три дня послѣ этого разговора онъ подпишетъ указъ, сзывающій общее собраніе сената. Подобное заявленіе нравится графу Панину и онъ полагаетъ, что оно искренно, ибо соотвѣтствуетъ положенію этого государя. Кромѣ того онъ доволенъ созваніемъ совѣта сената, которое считаетъ нужнымъ до созванія сейма.

Я указалъ этому министру на отказъ города Данцига отъ переговоровъ съ Вашимъ Величествомъ какъ на необдуманный поступокъ, оправдывающій Ваше Величество въ случаѣ, если бы Вамъ было угодно со временемъ ему за это отплатить. Онъ не могъ съ этимъ не согласиться и самъ нашелъ, что въ это дѣло слѣдуетъ вмѣшаться и убѣдить этотъ городъ не сопротивляться силѣ. По этому поводу князь Кауницъ написалъ князю Лобковичу, что къ его двору поступаютъ со всѣхъ сторонъ жалобы на дѣйствія Вашего Величества относительно Данцигскаго порта, что дворъ

n'aimerait pas à s'en mêler, mais qu'elle espérait que celle de Russie trouverait moyen d'arranger cette affaire à l'amiable, qu'au reste lui, prince Lobkowitz, devait éviter d'en parler au ministère de Russie. Le ministre d'Angleterre m'a dit, qu'il avait reçu plus de vingt lettres particulières remplies de plaintes à ce sujet, mais qu'il n'avait encore fait usage d'aucune parce qu'il n'avait point d'ordre de sa cour d'en parler, qu'il craignait cependant que l'affaire fît du bruit au prochain parlement et qu'alors le ministère britannique serait obligé de suivre l'impression que la nation lui donnerait. J'ai fait beaucoup valoir dans ma conversation avec ce ministre la modération de V. M. et sa disposition à s'accommoder avec la ville, et je l'ai instruit de plusieurs anecdotes relatives à cela et j'espère même de l'avoir persuadé d'écrire au résident russe là bas de ne pas encourager, comme j'ai appris qu'il fait, les Dantzigais à se refuser aux offres d'accommodement. Quoique je ne crois pas avoir avancé beaucoup par là les intérêts de V. M., je me flatte au moins d'avoir gagné un homme de plus, lequel, s'il ne peut pas être pour nous, n'aigrira pas les choses.

Les desseins de Sulkowski dans l'espèce de confédération, qu'ils ont faite dans la Grande-Pologne, sont inconnus ici. On ne sait pas si leur intention est de se déclarer pour ou contre nous. Mais le comte Panin n'estime pas que leurs vues aillent assez loin pour vouloir se rendre indépendants. Peut-

---

его не желалъ бы вмѣшиваться въ это дѣло, надѣясь, что Россія съумѣетъ привести его къ полюбовному соглашенію, но что самъ онъ, князь Лобковичъ, долженъ избѣгать этого разговора съ русскимъ министромъ. Англійскій министръ передавалъ мнѣ, что получилъ болѣе двадцати частныхъ писемъ, наполненныхъ жалобами по этому предмету, но не употребилъ еще ни одного изъ нихъ, за неимѣніемъ приказаній отъ своего двора, однако, опасается, что дѣло это будетъ поднято на предстоящемъ собраніи парламента, причемъ англійское министерство будетъ вынуждено подчиниться тому направленію, которое дастъ ему нація. Въ разговорѣ съ этимъ министромъ я особенно выставлялъ на видъ умѣренность Вашего Величества и готовность придти къ соглашенію съ городомъ, о чемъ разсказалъ ему нѣсколько случаевъ, и даже надѣюсь, что убѣдилъ его написать мѣстному русскому резиденту не поощрять Данцигцевъ въ своемъ упорствѣ отказываться отъ соглашенія, ибо я слышалъ, что онъ это дѣлалъ. Хотя я не разсчитываю, чтобы это особенно благопріятствовало интересамъ Вашего Величества, тѣмъ не менѣе надѣюсь, что пріобрѣлъ на нашу сторону лице, которое, если не окажется полезнымъ, то и не станетъ враждовать противъ насъ.

Намѣренія Сулковскихъ при составленіи конфедераціи въ Великой Польшѣ здѣсь неизвѣстны. Ничего не знаютъ о томъ, объявятся ли они за насъ или противъ насъ. Но графъ Панинъ не предполагаетъ, чтобы виды ихъ простирались до пріобрѣтенія независимости. Быть можетъ, онъ ужъ слишкомъ ихъ презираетъ, ибо онъ такого

être les méprise-t-il trop, car il a une si petite idée de tous les Sulkowski, qu'il les croit incapables d'entreprendre quelque chose de sensé.

Ce ministre n'avait non plus aucune idée de l'intention de l'Angleterre pour faire des alliances dans le nord. Le ministre de Russie à Londres ne lui en a point parlé jusqu'ici. En attendant il a été fort aise d'en avoir été prévenu et il remercie beaucoup V. M. des instructions, qu'elle a données à ses ministres dans les autres cours, par lesquelles ils seront mis en état de lui donner des éclaircissements pareils à ceux, que son secrétaire d'ambassade à donnés au S-r Mussin-Puschkin.

№ 691.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 2 Janvier 1773. A St. Pétersbourg, le 7 (18) Décembre 1772.

Contenu: 1) Quelques avis déjà connus qui sont venus de Stockholm. 2) Projet de déclaration du comte Panin, il s'accorde presque avec celui du prince Kaunitz aux menaces ouvertes. 3) Ordre donné au résident de Russie à Dantzig, d'exhorter la ville à s'accommoder avec le roi. 4) Gouvernement de Holstein remis au Grand-duc et fin de la tutèle de l'Impératrice.

Le courrier, que selon les derniers rapports on attendait de la part du comte Ostermann de Stockholm, est arrivé il y a quelques jours, et suivant

---

жалкаго мнѣнія о всѣхъ Сулковскихъ, что считаетъ ихъ неспособными предпринять что либо разумное.

Этотъ министръ не имѣлъ также понятія о намѣреніи Англіи заключить союзъ на сѣверѣ. Русскій министръ въ Лондонѣ до сихъ поръ не говорилъ ему о томъ. Поэтому онъ былъ очень радъ получить по этому предмету предупрежденіе и очень благодаренъ Вашему Величеству за инструкціи, данныя министрамъ Вашимъ при другихъ дворахъ, коими предписываются имъ приказанія подобныя тѣмъ, которыя сдѣланы секретаремъ Вашимъ посольства графу Мусину-Пушкину.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 2-го января 1773 г.). С.-Петербургъ, 7-го (18-го декабря) 1772 г.

№ 691. Содержаніе: Вѣсти, полученныя изъ Стокгольма и извѣстныя уже ранѣе. 2) Проектъ декларацiи, составленный графомъ Панинымъ и согласный съ проектомъ князя Каунипа, за исключеніемъ открытыхъ угрозъ. 3) Приказъ русскому резиденту въ Данцигѣ склонять городъ къ соглашенію съ королемъ. 4) Передача великому князю управленія Гольштиніей и прекращеніе опеки Императрицы.

Курьеръ, котораго ожидали отъ графа Остермана, прибылъ изъ Стокгольма нѣсколько дней тому назадъ, и судя по тому, что графъ Панинъ передавалъ мнѣ о со-

ce que la comte Panin m'a dit des dépêches qu'il a apportées, elles roulent essentiellement sur les informations, qu'il a désiré de recevoir de l'état actuel où se trouve le militaire de ce royaume, et certains autres arrangements dont la connaissance intéressait cette cour. L'armée de terre doit être sûrement de 45 m. hommes, mais au mois de janvier elle sera par la nouvelle augmentation au delà de 80 m. hommes. On a appris de plus que la révolution qu'on attendait en Norvège ayant manqué, S. M. le roi de Suède s'était mis en marche pour retourner à Stockholm, mais que les troupes avaient reçu l'ordre de rester ensemble cet hiver et de ne point se séparer pour rentrer dans leurs quartiers ordinaires.

Le comte Panin m'a fait voir aussi la contre-déclaration qu'il a projetée pour être faite au roi et à la république de Pologne. Quant au sens, il a conservé celui de la déclaration du prince Kaunitz à cela près, que selon celle-ci les trois puissances menaçaient ouvertement les Polonais, que s'ils s'obstinaient elles feraient alors leurs prétensions sur toutes les provinces de la Pologne, et que le comte Panin dit simplement dans la sienne, qu'elles prendraient les mesures, qu'il leur paraîtraient les plus convenables. Le projet a dû être porté comme hier au conseil et j'espère, Sire, vous le présenter par le courrier de l'ordinaire prochain. Il n'a pas cru pouvoir se dispenser de faire encore un projet de l'acte secret sur la conservation des troupes en Pologne. Mais au lieu de se lier les mains sur ceci aussi bien que sur la liberté de faire un nouveau partage, il n'a employé que des ter-

---

держанія депешъ, имъ привезенныхъ, онѣ главнымъ образомъ касаются истребованныхъ имъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи военныхъ силъ этого королевства и еще нѣкоторыхъ подробностей, интересовавшихъ этотъ дворъ. Сухопутное войско должно заключать 45,000 человѣкъ, но въ январѣ вслѣдствіе новаго увеличенія оно будетъ простираться свыше чѣмъ до 80 тысячъ. Кромѣ того сообщаютъ, что такъ какъ революція, предполагавшаяся въ Норвегіи, не состоялась, Его Величество шведскій король выступилъ въ обратный походъ къ Стокгольму, однако, войскамъ предписано оставаться въ сборѣ эту зиму, не расходясь по обычнымъ квартирамъ.

Графъ Панинъ показалъ мнѣ также контръ-декларацію, проектированную имъ для объявленія польскому королю и республикѣ. По содержанію она сохраняетъ смыслъ деклараціи князя Кауница съ той лишь разницей, что въ сей послѣдней всѣ три державы открыто угрожали полякамъ, въ случаѣ ихъ сопротивленія, заявить претензіи на всѣ польскія провинціи, а графъ Панинъ въ своемъ проектѣ просто высказываетъ, что онѣ примутъ мѣры, кои будутъ ими признаны наиболѣе цѣлесообразными. Проектъ этотъ долженъ былъ разсматриваться въ совѣтѣ вчера и надѣюсь, Ваше Величество, быть въ состояніи сообщить Вамъ его съ слѣдующей почтой. Онъ счелъ необходимымъ составить еще проектъ секретнаго акта относительно оставленія войскъ въ Польшѣ. Но, не связывая себѣ рукъ по этому вопросу и сохраняя за собой право при-

mes généraux, tels que j'ose présumer, que V. M. les honorera de son approbation et qu'elle n'aura pas de peine à les accepter.

Le comte Panin m'a promis positivement d'écrire par la poste d'aujourd'hui au résident de sa cour à Dantzig pour lui ordonner d'exhorter le plus efficacement qu'il pourra cette ville à ne pas pousser à bout la patience de V. M., en refusant avec opiniâtreté d'entrer en accommodement avec elle sur les différends, qui subsistent au sujet du port.

S. A. I. le Grand-duc étant entré le mois passé dans sa 19 année qui est l'âge de majorité pour les princes d'Allemagne, l'Impératrice s'est démise solennellement de l'administration de ses Etats héréditaires de Holstein et lui en a remis le gouvernement. A cette occasion elle lui a adressé un petit discours sur les devoirs des souverains et lui a recommandé le soin de ses sujets pour les gouverner avec douceur et avec justice.

Cette cérémonie, qui a été fort touchante et qui se faisait avec quelque éclat, comme on s'y attendait, s'est passée dans l'appartement de l'Impératrice. Le comte Panin et le S-r de Saldern ont été les seuls qui y ont assisté. Elle n'a fait d'ailleurs aucune sensation ici à la cour, ni dans l'état de la maison du Grand-duc, qui reste, comme elle a toujours été, dépendante de la cour de l'Impératrice.

ступить къ новому раздѣлу, онъ употребляетъ лишь общія выраженія, которыя, смѣю надѣяться, Ваше Величество почтете своимъ одобреніемъ и согласіемъ.

Графъ Панинъ положительно обѣщалъ мнѣ написать съ сегодняшней почтой въ Данцигъ резиденту своего двора, съ приказаніемъ убѣждать самымъ настойчивымъ образомъ городъ этотъ, не выводить изъ терпѣнія Ваше Величество упорнымъ отказомъ отъ соглашенія по поводу спора, возникшаго о портѣ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ Его Имп. Выс. великому князю наступилъ девятнадцатый годъ, признаваемый срокомъ совершеннолѣтія для германскихъ князей, а потому Императрица торжественно отреклась отъ управленія его наслѣдственными владѣніями въ Гольштиніи и передала ему его. По этому случаю она сказала ему небольшую рѣчь объ обязанностяхъ государей и поручила ему заботиться о своихъ подданныхъ, управляя ими кротко и справедливо.

Ожидали, что эта трогательная церемонія произойдетъ съ нѣкоторымъ блескомъ, но она имѣла мѣсто въ покояхъ Императрицы въ присутствіи только графа Панина и г. Сальдерна, и не сдѣлала никакого впечатлѣнія ни при дворѣ, ни перемѣны въ штатѣ дома великаго князя, который остается въ прежней зависимости отъ двора Императрицы.

№ 692.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 4 Janvier. A St. Pétersbourg, le 11 (22) Décembre 1772.

Contenu: 1) Le ministre d'Espagne est plus soupçonné que M-r Durand de vouloir cabaler, s'il pouvait. 2) Lettre du duc d'Aiguillon à M-r Durand interceptée, son contenu. 3) Déclaration faite par les ministres des trois cours à Varsovie que le comte Panin approuve. Il changera son projet de déclaration et le rendra plus précis. 4) Exhortations très-sérieuses que le résident de Russie doit faire au magistrat de Dantzig pour l'engager à s'accommoder avec le roi. 5) Conseils donnés par l'Emp. et l'Emp.-Reine au roi de Pologne pour l'engager à hâter la pacification de son royaume et l'arrangement définitif. 6) Nouvelles de Bukarest qui font augurer que la négociation de paix aura un bon succès.

Les trois derniers ordres immédiats de V. M. du 2, 3 et 5 de ce mois m'ayant mis à même de donner des avis très-importants au comte Panin sur des matières de conséquence, j'ai appuyé principalement sur les conseils de V. M. pour observer toutes les démarches du S-r de Durand et il m'a assuré qu'il ne manquait pas de vigilance à cet égard, mais que jusqu'à présent toutes ses alliances ne donnaient aucun sujet d'alarme. Autant que moi-même je suis en état de suivre ce ministre que je rencontre presque

---

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 4-го января). С.-Петербургъ, 11-го (22-го) декабря 1772 г.

№ 692. Содержание: Испанскій министръ подозрѣвается болѣе чѣмъ г. Дюранъ въ желаніи интриговать, если бы только могъ. 2) Перехваченное письмо герцога д'Эгильона къ г. Дюрану, содержаніе его. 3) Декларація, сдѣланная въ Варшавѣ министрами трехъ дворовъ и одобряемая графомъ Панинымъ. Онъ измѣнитъ свой проектъ деклараціи и сдѣлаетъ его точнѣе. 4) Весьма серьезныя внушенія, которыя русскій резидентъ имѣетъ сдѣлать данцигскому магистрату, убѣждая его придти къ соглашенію съ королемъ. 5) Совѣты императора и императрицы-королевы королю Польскому относительно ускоренія мира и окончательнаго устройства королевства. 6) Извѣстія изъ Бухареста, обѣщающія благополучный исходъ мирныхъ переговоровъ.

Такъ какъ три послѣднія непосредственныя предписанія Вашего Величества отъ 2, 3 и 5 этого мѣсяца дали мнѣ возможность преподать весьма важные совѣты графу Панину по поводу существенныхъ вопросовъ, то я особенно настаивалъ на указаніяхъ Вашего Величества о наблюденіи за всѣми поступками г. Дюрана, и онъ увѣрилъ меня, что обращаетъ на нихъ особенное вниманіе, но до сихъ поръ сношенія его не подаютъ никакого повода къ опасеніямъ. Насколько я самъ въ состояніи слѣдить за

journellement dans une des maisons des trois frères comtes Czernichef, où tous les étrangers sont rassemblés, je ne m'apperçois pas encore que sa conduite ou ses propos indiquent quelque cabale.

Je soupçonnerais plutôt le ministre d'Espagne le comte de Lascy d'être plus enclin à jouer ce rôle. Il tâche de rechercher et de gagner les personnes, qu'il croit pouvoir lui procurer la connaissance des personnes de la cour, sans parler qu'il a apporté de Suède la réputation d'avoir un peu de duplicité dans le caractère, et voilà pourquoi je n'ai pas manqué non plus d'en avertir le comte Panin, qui a trouvé lui-même, qu'il fallait être sur ses gardes avec lui. Quoiqu'il en soit, j'oserais croire que toutes les menées de ces deux ministres ne seront pas capables d'altérer le système de cette cour. Leurs insinuations ne trouveront point d'entrée auprès des personnes, qui sont au timon des affaires, et les autres, qu'ils pourraient persuader, ne peuvent pas les seconder. Il leur sera bien difficile de faire un changement dans le ministère. Si cet évènement dût jamais arriver, auquel il n'y a cependant point d'apparence, cela ne pourrait qu'être l'effet d'une cabale intérieure pour laquelle la coopération des ministres étrangers est absolument inutile, de sorte que les intrigues que ceux-ci pourraient être préparés à employer n'aboutiraient à rien.

Le comte Panin a été bien aise de la communication de l'instruction que le roi de France a donnée au roi de Suède. Il croit qu'il peut y avoir du

---

этимъ министромъ, котораго встрѣчаю почти ежедневно въ домѣ одного изъ братьевъ Чернышевыхъ, гдѣ собираются всѣ иностранцы, я еще не замѣчалъ, чтобы его поступки или рѣчи указывали на интриги.

Я скорѣе готовъ подозрѣвать испанскаго министра, графа Ласи, въ расположеніи къ подобной роли. Онъ старается отъискивать и располагать въ свою пользу лицъ, которыя по его мнѣнію могутъ доставить ему знакомство съ особами, находящимися при дворѣ, и кромѣ того онъ еще изъ Швеціи привезъ репутацію нѣкотораго лукавства, на что̀ я не преминулъ указать графу Панину и онъ самъ находитъ, что слѣдуетъ быть осторожнымъ. Какъ бы то ни было, смѣю утверждать, что всѣмъ проискамъ этихъ обоихъ министровъ не удастся измѣнить систему здѣшняго двора. Ихъ внушенія не дойдутъ до лицъ стоящихъ во главѣ управленія дѣлами, а тѣ, кого имъ удастся убѣдить, не будутъ въ состояніи имъ содѣйствовать. Имъ будетъ весьма трудно произвести перемѣну въ министерствѣ. Если произойдетъ это событіе, что̀ впрочемъ мало вѣроятно, то это можетъ случиться лишь вслѣдствіе внутренней интриги, для которой содѣйствіе иностранныхъ министровъ совершенно безполезно, и потому происки ими замышляемые ни къ чему бы не привели.

Графъ Панинъ былъ очень доволенъ извѣстіемъ о совѣтахъ короля французскаго королю шведскому. Онъ полагаетъ, что быть можетъ, это справедливо, такъ какъ по-

vrai en cela, parce que la politique de la France exige que la Suède tienne la conduite que cette instruction prescrit, et il m'a prié de lui en donner un extrait pour le faire voir au conseil. De son côté il m'a fait part, sous la promesse, que je ne trahirais point ici la confidence qu'il me faisait, d'une lettre du duc d'Aiguillon au Sr. Durand, qu'on a surprise et qui prouverait en tout cas qne la cour de France ne cherche pas tant à gagner du terrain en Russie par des voies sourdes, qu'au contraire elle veut aller droit en besogne pour saper le présent système et lui substituer le sien.

Cette lettre sert de réponse aux rapports que le S-r Durand a faits à sa cour de sa réception à Pétersbourg et de la conversation que le comte Panin a eue sur la conduite irrégulière et peu amiable de la France envers la Russie et sur le comportement des ministres français dont j'ai rendu compte à V. M. en date du 16 d'octobre et du 3 de novembre. Le duc d'Aiguillon prend le propos du comte Panin comme une confidence brusquée de sa part et la regarde comme une preuve du désir qu'aurait la Russie de se lier plus étroitement avec la France. C'est en conséquence de cette proposition qu'il donne à son ministre au nom du roi des instructions, pour mettre ces bonnes dispositions à profit et pour engager le comte Panin à s'expliquer plus clairement, en un mot, il le charge de mener les choses à un parfait concert entre la Russie et la France sur les points qui, dans le moment présent, peuvent intéresser le plus la dernière. Elles sont au nombre de trois, la ré-

---

литика Франція требуетъ, чтобы Швеція держалась образа дѣйствій, предписываемаго этой инструкціей, и просилъ меня дать ему изъ нея извлеченіе для предъявленія въ совѣтѣ. Съ своей стороны онъ сообщилъ мнѣ подъ условіемъ сохраненія тайны перехваченное письмо герцога д'Эгильона къ г. Дюрану, доказывающее во всякомъ случаѣ, что французскій дворъ не старается влiять на Россію тайными путями, а напротивъ того хочетъ идти прямо къ цѣли и, ниспровергнувъ настоящую систему, замѣнить ее своей собственной.

Это письмо служитъ отвѣтомъ на донесенія г. Дюрана о пріемѣ, оказанномъ ему въ Петербургѣ, и о разговорѣ графа Панина по поводу неправильнаго и нелюбезнаго отношенія Франціи къ Россіи и дѣйствій французскихъ министровъ, о которыхъ я передавалъ Вашему Величеству 16-го октября и 3-го ноября. Герцогъ д'Эгильонъ принимаетъ слова графа Панина за вырвавшуюся у него откровенность и видитъ въ нихъ доказательство желанія Россіи вступить въ болѣе тѣсный союзъ съ Франціей. Вслѣдствіе этого предложенія онъ отъ имени короля даетъ министру инструкціи о томъ, какъ воспользоваться столь благопріятнымъ настроеніемъ и убѣдить графа Панина высказаться точнѣе, словомъ, онъ поручаетъ ему довести дѣло до полнаго соглашенія между Россіей и Франціей касательно вопросовъ, наиболѣе интересующихъ въ настоящую минуту послѣднюю изъ этихъ державъ. Такихъ вопросовъ три, а именно:

volution en Suède, la pacification de la Pologne et la paix avec la Porte. Sur le premier point il lui enjoint d'assurer le comte Panin, que cet évènement ne s'était point fait dans l'intention de nuire à la Russie, qu'il n'avait pour but que de contribuer par l'introduction d'un gouvernement plus solide au bonheur d'une nation aimée de la France depuis longtemps, et en faisant valoir cette considération, il doit conduire insensiblement la Russie à renouveler son alliance avec la Suède pour cimenter d'autant plus la tranquillité dans le nord. Quant aux affaires de Pologne, il ordonne au S-r Durand, qu'il tâche de pénétrer quels sont les moyens que la Russie se propose d'employer pour pacifier les troubles de ce pays-là. Et comme il suppose que son intention est de maintenir sur le trône le roi d'aujourd'hui, il lui enjoint d'assurer, que la France était dans les mêmes sentiments, et qu'elle offrait le crédit, qu'elle avait en Pologne pour l'employer à y faire réussir les desseins de la Russie et qu'elle était prête à y concourir et à convenir pour cella d'un concert formel. Enfin, quant à la paix avec la Porte, le duc veut, que le S-r Durand assure que le roi de France reconnaissait la modération de la Russie dans cette occasion, qu'il convenait en même temps que les grands succès lui donnaient un droit d'exiger un dédommagement pour les frais de la guerre, que vu l'obstination laquelle la Porte a à le lui refuser, il s'offrait, sans vouloir cependant se changer du rôle de médiateur, à engager la Porte à conclure la paix; tel est le contenu de cette dépêche en général. Le comte Panin m'a promis de la lire dans son cabinet. Il sem-

---

революція въ Швеціи, успокоеніе Польши и заключеніе мира съ Портой. По поводу перваго онъ поручаетъ ему увѣрить графа Панина, что въ событіи этомъ не имѣлось въ виду повредить Россіи, а цѣль его заключалась лишь въ содѣйствіи введенію новаго правительства, болѣе прочнаго для счастія націи, издавна любимой Франціей; выставивъ на видъ это соображеніе, онъ долженъ незамѣтно довести Россію до возобновленія союза съ Швеціей, долженствующаго утвердить спокойствіе на сѣверѣ. Относительно же польскихъ дѣлъ онъ приказываетъ г. Дюрану постараться узнать, къ какимъ средствамъ намѣревается прибѣгнуть Россія для прекращенія смутъ въ этой странѣ. Предполагая, что Россія намѣрена поддерживать на престолѣ нынѣшняго короля, онъ поручаетъ ему увѣрить, что Франція раздѣляетъ этотъ образъ мыслей, предлагаетъ употребить свое вліяніе въ Польшѣ для выполненія намѣреній Россіи и готова имъ содѣйствовать, вступивъ съ этой цѣлью въ формальное соглашеніе. Наконецъ, что касается до мира съ Портой, герцогъ желаетъ, чтобы г. Дюранъ заявилъ, что король французскій признаетъ умѣренность Россіи въ этомъ случаѣ и въ то же время согласенъ съ тѣмъ, что успѣхи ея даютъ ей право требовать вознагражденія за военныя издержки, а потому въ виду упорнаго отказа Порты онъ, не принимая на себя роли посредника, предлагаетъ склонить Порту къ заключенію мира; таково общее содержаніе этой депеши. Графъ Панинъ обѣщалъ мнѣ дать прочитать ее у себя въ ка-

ble que la France s'imagine être parvenue au point où elle pourra, comme elle désire, se lier par une union intime avec la Russie, à laquelle, selon les assurances du duc d'Aiguillon, l'Espagne accéderait sur tous les points. Le comte Panin, très-aise de cette capture, songe actuellement à donner une tournure au refus qu'il prépare à ces propositions du S-r Durand, qui depuis quelques jours lui demande une conférence où il viendra apparemment les lui exposer. L'intention du comte Panin est de les lui demander par écrit et d'y répondre de même. Je lui ai représenté que cette façon de traiter avait ses inconvénients et l'exposerait à voir donner un faux sens aux termes qu'il emploierait. Mais il est porté pour elle et se flatte donner une telle clarté à ses paroles, que la France ne pourra nullement douter que ses offres ne soient refusées et qu'elle n'en pourra tirer aucun avantage.

J'ai informé le comte Panin de la circonstance dont V. M. a daigné m'instruire, savoir, que la ville de Dantzig payait la moitié de ses revenus au roi de Pologne. Je l'ai fait valoir comme une nouvelle preuve pour appuyer les droits de V. M., sur quoi ce ministre m'a dit que selon son avis il ne fallait plus s'arrêter à la question du droit, puisqu'elle devait être regardée comme un axiome contre lequel il n'y a plus rien à repliquer, mais qu'on devait seulement songer à régler l'exercice de ce droit. Il m'a fait savoir depuis peu de jours que pour la première fois le ministre d'Angleterre

---

бинетѣ. Франція, кажется, предполагаетъ, что достигла возможности заключить по желанію тѣсный союзъ съ Россіей, къ которому, по увѣренію герцога д'Эгильона, примкнетъ по всѣмъ пунктамъ и Испанія. Графъ Панинъ, весьма довольный этимъ успѣхомъ, въ настоящую минуту обдумываетъ какой придать оборотъ отказу на предложенія г. Дюрана, испросившаго у него нѣсколько дней тому назадъ свиданія, вѣроятно, для того, чтобы изложить ему эти предложенія. Графъ Панинъ намѣренъ потребовать ихъ въ письменномъ изложеніи и такимъ же образомъ отвѣтить на нихъ. Я поставилъ ему на видъ, что подобный способъ вести переговоры имѣетъ свои неудобства и подвергаетъ его неправильному истолкованію выраженій имъ употребляемыхъ. Но ему нравится этотъ путь и онъ надѣется придать своимъ словамъ такую ясность, что для Франціи не останется сомнѣнія въ отказѣ на ея предложенія и въ невозможности извлечь изъ нихъ какія либо выгоды.

Я передалъ графу Панину объ обстоятельствѣ, о которомъ Вашему Величеству угодно было сообщить мнѣ, а именно о томъ, что городъ Данцигъ уплачиваетъ половину своихъ доходовъ королю польскому. Я указалъ на это какъ на новое доказательство, подтверждающее права Вашего Величества, на что министръ отвѣчалъ мнѣ, что по его мнѣнію не слѣдуетъ болѣе останавливаться на вопросѣ о правѣ, который долженъ быть разсматриваемъ какъ неоспоримая аксіома, а предстоитъ лишь обдумать примѣненіе этого права. Нѣсколько дней тому назадъ онъ сообщилъ мнѣ, что англійскій министръ въ первый разъ заговорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ и о

lui venait de parler sur cette matière et des ordres qu'il avait reçus de sa cour, ce qu'il avait fait dans des termes fort mesurés et modérés, représentant que comme le commerce de l'Angleterre souffrait extrêmement par les péages que V. M. faisait payer à l'entrée du port de Dantzig, S. M. Britannique espérait que l'Impératrice de Russie, comme amie commune, voudrait bien s'employer à trouver les moyens d'accommoder cette affaire. Le comte Panin lui a répondu, que V. M. ayant fait connaître, que son intention n'était pas de gêner le commerce et qu'elle était occupée maintenant à s'entendre avec la ville sur la manière de percevoir les droits du port, il pouvait l'assurer, que la nation anglaise n'avait point d'entraves à craindre pour son commerce et qu'au retour de la navigation les différends seraient accommodés. Le ministre d'Angleterre s'est contenté de cette déclaration, il a simplement ajouté, qu'il craignait que cette affaire n'occasionnât du bruit à l'ouverture du parlement, et que la nation, qui se trouvait lésée, ne forçât le ministère à des démarches, auxquelles il ne serait pas le maître de les refuser. En attendant le résident de Russie à Dantzig a reçu l'ordre de faire des représentations très-sérieuses au magistrat et de l'intimider sur les suites de son obstination à refuser d'entrer dans un accommodement et de lui déclarer en propres termes que l'intérêt de la ville faisait un trop petit objet pour rompre entre la Russie et la Prusse et que le magistrat devait revenir de l'illusion que des étrangers pouvaient lui avoir données par leurs

---

приказаніяхъ, полученныхъ имъ отъ своего двора, о которыхъ передалъ въ самыхъ обдуманныхъ и умѣренныхъ выраженіяхъ, объяснивъ, что такъ какъ англійская торговля чрезвычайно страдаетъ отъ пошлинъ, взимаемыхъ Вашимъ Величествомъ при входѣ въ Данцигскій портъ, то его Британское Величество надѣется, что Русской Императрицѣ по дружбѣ къ обоимъ государямъ угодно будетъ найти средство устроить это дѣло. Графъ Панинъ отвѣчалъ ему, что Ваше Величество заявили, что не намѣрены стѣснять торговли и теперь ведете переговоры съ городомъ о способѣ взиманія портовыхъ пошлинъ, и потому онъ можетъ Васъ увѣрить, что англійской націи нечего опасаться препятствій для своей торговли, и по открытіи судоходства споры будутъ улажены. Англійскій министръ удовлетворился этимъ объясненіемъ и только прибавилъ, что опасается, чтобы этотъ вопросъ не возбудилъ волненія при открытіи парламента, причемъ англійскій народъ, считая себя оскорбленнымъ, можетъ вынудить министерство къ принятію мѣръ, въ выполненіи которыхъ оно будетъ не властенъ ему отказать. Въ настоящую минуту русскому резиденту въ Данцигѣ предписано сдѣлать весьма серьезныя представленія магистрату, угрожая ему послѣдствіями его упрямаго отказа отъ соглашенія, высказавъ ему въ самыхъ точныхъ выраженіяхъ, что интересы города составляютъ вопросъ слишкомъ мелкій для разрыва между Россіей и Пруссіей, и магистратъ долженъ оставить заблужденія, въ которыя его могли вовлечь вну-

insinuations. L'illusion sur les sentiments du roi de Pologne, que ses promesses faites au ministre d'Angleterre à Varsovie, dont j'ai informé V. M. par mon rapport du 15 de ce mois, avaient fait naître, n'a heureusement pas duré longtemps. Le terme qu'il a mis à la convocation du grand senatus-consilium a fait ouvrir les yeux aux ministres des trois cours réunies et a produit la déclaration, qu'ils ont remise au ministère de Pologne, dont V. M. aura été informé dans son temps. Cette déclaration a été fort approuvée ici, et comme elle dit en termes généraux tout ce que le comte Panin voulait dire plus amplement dans celle qu'il avait préparée, il vient de changer les tournures de la sienne qui la rendront plus déterminée. Et comme il l'a portée hier à l'approbation du conseil, j'espère qu'il ne tardera pas à me la remettre afin, que je puisse l'envoyer à V. M. Le sieur de Stackelberg a mandé ici que cette déclaration avait beaucoup consterné le roi de Pologne et qu'il avait pris la résolution d'avancer le terme de la convocation du grand senatus-consilium. Mais comme on ne se fie plus trop à ses promesses, on lui fixera des termes dans la déclaration projetée pour tout ce qu'on ne voudra pas lui permettre de changer à son gré. Le baron de Stackelberg a encore mandé ici le contenu d'un entretien de l'Empereur avec le comte Oginsky; il en assure l'authenticité. Ce ministre polonais ayant pris congé de S. M. I., ce prince lui a parlé de la situation des affaires en Pologne et l'a chargé de conseiller à S. Maj. polonaise de ne pas augmenter les diffi-

---

шенія иностранцевъ. Заблужденіе на счетъ расположенія короля польскаго, вызванное его обѣщаніями англійскому министру въ Варшавѣ, о чемъ я сообщалъ Вашему Величеству въ своемъ донесеніи отъ 15-го этого мѣсяца, къ счастію оказалось непродолжительнымъ. Срокъ, назначенный имъ для созванія общаго совѣта сената, открылъ глаза министрамъ трехъ союзныхъ дворовъ и вызвалъ декларацію, врученную ими польскимъ министрамъ, о чемъ Вашему Величеству было своевременно сообщено. Эта декларація была здѣсь вполнѣ одобрена и такъ какъ въ ней въ общихъ выраженіяхъ высказано, то же самое, что графъ Панинъ намѣревался высказать подробнѣе въ деклараціи имъ приготовленной, то онъ измѣнилъ обороты послѣдняго документа, чѣмъ придалъ ему болѣе рѣшительный смыслъ. А такъ какъ вчера онъ предъявлялъ его на одобреніе совѣта, то надѣюсь, что онъ не замедлилъ вручить мнѣ его для отправленія Вашему Величеству. Г. Штакольбергъ сообщалъ, что эта декларація чрезвычайно поразила короля польскаго и что онъ рѣшился ускорить созваніе общаго senatus-consilium. Но такъ какъ на обѣщанія его не очень полагаются, то въ деклараціи ему будутъ назначены сроки по всѣмъ вопросамъ, которыхъ ему не дозволятъ измѣнить. Баронъ Штакельбергъ сообщилъ сюда также содержаніе разговора Императора съ графомъ Огинскимъ, ручаясь за его подлинность. Когда польскій министръ откланивался Е. И. В., Императоръ заговорилъ съ нимъ о польскихъ дѣлахъ и поручилъ ему посовѣтовать Его Польскому Величеству не увеличивать затрудненій по

cultés par rapport à la pacification de la république; l'arrangement définitif avec les trois puissances est l'établissement d'une bonne constitution, puisqu'ayant pris sur ces points des mesures invariables avec les cours de Berlin et de Pétersbourg, toute opposition de la part du roi de Pologne devenait inutile à l'avenir et ne ferait qu'exposer sa personne à de grands dangers et son état à une suite de malheurs. L'Imp.-Reine lui a fait donner à peu près les mêmes conseils, elle n'a cependant pu s'empêcher de plaindre la Pologne et de dire, qu'elle n'était pas la cause des malheurs qui lui arrivaient et qu'il viendrait peut-être un temps où elle serait à même de se justifier là-dessus.

On a reçu il y a trois jours des nouvelles de Bucharest, qui augmentent les espérances d'un bon succès de la négociation de paix.

№ 693.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 15 Janvier 1773. A St. Pétersbourg, le 14 (25 Décembre) 1772.

Le grand-maître M-r le comte de Panin nous ayant fait inviter, le prince de Lobkovitz et moi, à une conférence sur les affaires de Pologne, il m'a remis les quatre pièces, à savoir:

1) La réponse au mémoire de la cour Impériale et Royale. 2) Le contre-

---

вопросу объ умиротвореніи республики, окончательномъ соглашеніи съ тремя державами и устройствѣ твердой конституціи, ибо въ виду неизмѣнныхъ мѣръ, принятыхъ Императоромъ съ дворами Берлинскимъ и Петербургскимъ, всякое сопротивленіе со стороны польскаго короля на будущее время являлась бы безполезнымъ и подвергло бы особу короля большимъ опасностямъ, а государство его цѣлому ряду несчастій. Императрица-королева поручила передать ему приблизительно тѣ же совѣты, однако, не могла не выразить сожалѣнія о Польшѣ, причемъ сказала, что она не причина бѣдствій постигающихъ ее и что, быть можетъ, наступитъ время, когда она будетъ имѣть возможность оправдаться въ этомъ отношеніи.

Три дня тому назадъ здѣсь получены извѣстія изъ Бухареста, усиливающія надежды на успѣхъ мирныхъ переговоровъ.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 15-го января 1773 г.). С.-Петербургъ, 14-го (25-го) декабря 1772 г.

№ 693. Оберъ-гофмейстеръ графъ Панинъ пригласилъ къ себѣ князя Лобковича и меня для переговоровъ о польскихъ дѣлахъ и вручилъ намъ четыре документа, а именно:

1) Отвѣтъ на меморію Императорскаго и Королевскаго двора.

projet d'une déclaration à remettre au roi et à la république de Pologne pour les ministres des cours de St. Pétersbourg, de Vienne et de Berlin. 3) Le contreprojet d'un acte secret à échanger entre les cours de St. Pétersbourg, de Vienne et de Berlin. 4) L'idée générale sur les mouvements ultérieurs des troupes respectives en Pologne.

№ 694.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 15 Janvier 1773. A St. Pétersbourg, le 14 (25) Décembre 1772.

Contenu: P. S. Retour du comte Orlow à Pétersbourg différé; cette affaire est toujours embrouillée par la conduite incertaine de l'Impératrice qui se relâche beaucoup dans les soins du gouvernement.

Sire! L'arrivée du comte Orlow à Pétersbourg, qu'on croyait pour sûr qu'elle se ferait dans cette semaine, a été contrecarrée de nouveau, sans que je sache en dire la raison. Il y a des gens qui prétendent que cet homme se fait un plaisir de faire courir ces bruits pour découvrir par là l'impression que cela fera sur le public et de juger si on craint son retour ou si on le désire. Peut-être qu'au premier cas il aurait cherché à extorquer la permission de l'Impératrice de Russie et aurait voulu tâcher d'intimider par sa présence et tirer vengeance de ses ennemis, mais ayant appris que tout le

---

2) Контръ-проектъ декларацін для врученія королю, и отвѣтъ Польши для министровъ дворовъ с.-петербургскаго, вѣнскаго и берлинскаго.

3) Контръ-проектъ секретнаго акта между дворами с.-петербургскимъ, вѣнскимъ и берлинскимъ.

4) Общія соображенія о предстоящихъ движеніяхъ войскъ въ Польшѣ.

Графъ Сольмсъ королю.

(Подано 15-го января 1773 г.). С.-Петербургъ, 14-го (25-го) декабря 1772 г.

№ 694. P. S. Содержаніе: Возвращеніе графа Орлова въ Петербургъ отсрочено; дѣло это по прежнему запутано нерѣшительными дѣйствіями Императрицы, которая относится гораздо небрежнѣе къ государственнымъ заботамъ.

Ваше Величество! Графу Орлову, котораго ожидали въ Петербургъ непремѣнно на этой недѣлѣ, снова воспрепятствовано пріѣхать. Есть люди думающіе, что человѣкъ этотъ доставляетъ себѣ удовольствіе, распространяя подобные слухи и, этимъ способомъ, хочетъ узнать о впечатлѣніи, производимомъ на всѣхъ, чтобы судить — боятся ли его возвращенія или его желаютъ. Можетъ быть въ первомъ случаѣ онъ добивался бы вынудить согласіе русской Императрицы и хотѣлъ бы запугать своимъ присутствіемъ враговъ своихъ и отомстить имъ; но узнавъ, что всѣ относятся къ

monde était fort indifférent sur son sujet, il a préféré de rester à Gatchino, d'où l'on croit qu'il partira pour Revel, quoiqu'on ne le sache pourtant pas certainement; cette affaire devient de jour en jour plus énigmatique et plus impénétrable. On ne comprend point pourquoi cet homme est toléré si près de la capitale, s'il n'a point l'espérance d'y pouvoir revenir, et d'un autre côté on ne trouve pas des raisons pourquoi l'Impératrice, si elle consentait à le voir, ne lui permettrait pas de venir. Cette princesse tient dans cette occasion une conduite qu'il est difficile de concilier. Elle a pris une passion très forte pour le nouveau favori. Des anecdotes sorties de l'intérieur de la cour doivent faire croire, qu'elle s'y livre avec toute la vivacité d'une jeune personne, mais tandis qu'on la croirait absorbée dans ce seul objet, elle s'est occupée, à ce qu'on assure dernièrement, à faire arranger sous ses yeux toutes sortes de linges destinés pour le corps et pour la maison de son ancien favori et elle entretient avec lui une correspondance immédiate dont le contenu n'est connu à personne, car le comte Panin même n'en sait là dessus pas plus qu'un autre. Quoiqu'il en soit, je serais tenté de croire que cette affaire de quelle manière qu'elle tourne, ne produira plus de grande révolution à la cour; déjà elle n'aura jamais d'influence sur son système politique, et pour ce qui est des changements, qu'elle pourra occasionner sur la fortune de quelques particuliers, cela ne sera pas une chose bien sensible. — Les personnes qui se trouvent présentement au

---

нему совершенно равнодушно, онъ предпочелъ остаться въ Гатчино, откуда, какъ думаютъ, онъ поѣдетъ въ Ревель, хотя въ послѣднемъ и не вполнѣ увѣрены; дѣло это, день ото дня, становится загадочнѣе и непроницаемѣе. Не понимаютъ, зачѣмъ терпятъ присутствіе этого человѣка въ такой близости отъ столицы, если у него нѣтъ надежды вернуться; а съ другой стороны — не находятъ причинъ, почему Императрица, разъ что она согласна видѣть его, не разрѣшаетъ ему пріѣхать. Поведеніе этой Государыни трудно объяснить въ данномъ случаѣ. Къ новому любимцу она питаетъ сильную страсть. Можно думать, что она предается ей со всѣмъ пыломъ молодой особы, если судить по разсказамъ, выходящимъ изъ внутреннихъ покоевъ дворца; но въ то время, когда предполагали, что она поглощена исключительно этимъ предметомъ, она занималась, какъ теперь увѣряютъ, заготовкой, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, разного рода бѣлья для своего прежняго любимца; она поддерживаетъ съ нимъ непосредственную переписку, содержаніе которой никому не извѣстно, ибо даже графъ Панинъ знаетъ о ней столько же, какъ и всякій другой. Такъ или иначе, но я склоненъ думать, что чѣмъ бы ни кончилось это дѣло, оно не произведетъ большаго волненія при дворѣ; на политику оно уже не будетъ имѣть вліянія; а что касается до перемѣнъ, которыя оно можетъ произвести въ судьбѣ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, то это не особенно важно. Люди, находящіеся въ данное время у кормила правленія, удержатся тамъ, независимо отъ вопроса, вернется ли

timon des affaires s'y maintiendront, que le c. d'Orlow revienne ou non. Le mal véritable consiste en ce que cette tracasserie, qu'il faut regarder comme une affaire domestique relativement à la personne de S. M. I., a une influence fâcheuse sur son esprit et son caractère. De laborieuse et active qu'elle était ci-devant, elle devient indolente et relâchée dans les affaires. Il semble qu'elle est combattue continuellement par les reproches qu'elle se fait d'avoir abandonné un ancien ami, et par les plaisirs qu'elle trouve dans la possession du nouveau favori. On remarque qu'elle est plus recherchée dans son habillement et qu'elle est beaucoup plus avide d'amusements qu'elle ne l'était autrefois. Les affaires en souffrent, et il n'est plus nouveau qu'elle renvoye 3 ou 4 fois les ministres avec leurs rapports. Cette conduite ne saurait que faire perdre à cette princesse la bonne opinion que le monde avait conçue de ses qualités supérieures; elle peut procurer un règne aussi indolent que celui de l'Impératrice Elisabeth, et les personnes qui lui sont le plus attachées en gémissent et laissent échapper malgré elles des plaintes, qu'elles ne sont pas en état de cacher.

№ 695.

Dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 25 Décembre (5 Janvier) $177^2/_3$.

Le changement de favori a fait réellement plus de mal que de bien au

---

графъ Орловъ или нѣтъ? Главное зло заключается въ томъ, что неурядица эта, на которую слѣдуетъ смотрѣть какъ на домашнее дѣло Ея Императорскаго Величества, дурно вліяетъ на ея умъ и характеръ. Вмѣсто трудолюбивой и дѣятельной, какой она была прежде, она становится безпечной и неаккуратной въ своихъ занятіяхъ. Повидимому она мучится постоянно упреками, которые сама себѣ дѣлаетъ въ томъ, что покинула стараго друга, и находитъ удовольствіе въ обладаніи новымъ любимцемъ. Замѣчаютъ, что она тщательнѣе занимается своими нарядами и больше прежняго жаждетъ удовольствій. Дѣла отъ этого страдаютъ, и уже не новость, что она по три и по четыре раза отказываетъ въ пріемѣ министрамъ, являющимся съ докладами. Подобное поведеніе Государыни можетъ лишить ее того хорошаго мнѣнія, которое свѣтъ составилъ объ ея высокихъ качествахъ; царствованіе ея можетъ оказаться такимъ же безпечнымъ, какимъ было царствованіе Императрицы Елизаветы; люди, болѣе другихъ преданные Государынѣ, горюютъ и, противъ воли, выражаютъ свои сѣтованія, скрыть которыхъ не могутъ.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 25-го декабря (5-го января) $177^2/_3$ г.

№ 695. Перемѣна любимца сдѣлала, въ сущности, больше зла нежели добра,

gouvernement de ce pays. L'indécision de l'Impératrice de faire revenir le c. Orlow, ou de l'envoyer plus loin, qu'elle se repent d'une résolution précipitée, mais ayant été capable d'en prendre une pareille, contre un homme qu'elle aimait tant, un chacun craint de se trouver dans le même cas, et cette idée décourage. D'un autre côté, l'incertitude où l'on est sur les suites de cet évènement rend les gens d'une défiance l'un vis-à-vis de l'autre, que personne ne se découvre et qu'on agit continuellement avec une circonspection réciproque. Il y a un germe de mécontentement entre ceux qui sont à la tête des affaires, qui ne parviendra pas facilement à un éclat fâcheux, mais qui leur inspire du dégoût pour la cour, et qui leur fait prendre des idées de retraite peu avantageuses à l'activité qu'il devrait y avoir dans les ressorts du gouvernement, dans un temps où il y a de si grandes choses sur le tapis.

№ 696.

Le roi au comte de Solms.

A St. Pétersbourg, le 25 Décembre (5 Janvier) 177²/₃.

P. S. Sire! Fort inopinément le comte Orlow est arrivé en ville avant-hier au soir, et est descendu chez son frère. Hier il a eu sa première audience de S. M. Impériale, qui l'a reçu en présence de deux personnes de confiance: le S-r Jelagine et le S-r Betzky. Il a passé de là chez le Grand-

---

правленію этой страны. Хотя колебаніе Императрицы въ вопросѣ: вернуть ли графа Орлова или выслать его подальше, — показываетъ, что она раскаивается въ своемъ поспѣшномъ рѣшеніи, — но видя, что она была способна поступить такъ съ человѣкомъ, столь ею любимымъ, каждый боится очутиться въ такомъ же положеніи и мысль эта всѣхъ смущаетъ. Съ другой стороны, неизвѣстность, къ чему могутъ повести эти событія, дѣлаетъ людей недовѣрчивыми другъ къ другу; всякая откровенность исчезла, всѣ дѣйствуютъ со взаимной подозрительностью. Зародышъ недовольства существуетъ среди лицъ, стоящихъ во главѣ дѣлъ, и хотя трудно ожидать появленія прискорбныхъ послѣдствій его, но оно породитъ въ нихъ нежеланіе являться болѣе ко двору и наведетъ ихъ на мысли объ отставкѣ, что было бы крайне невыгодно для хода государственныхъ дѣлъ въ такое время, когда на очереди столько важныхъ вопросовъ.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 25-го декабря (5-го января) 177²/₃ г.

№ 696. P. S. Ваше Величество! Совершенно неожиданно графъ Орловъ пріѣхалъ въ столицу третьяго дня, вечеромъ, и остановился у своего брата гр. Ивана. Вчера онъ имѣлъ первую аудіенцію у Ея Императорскаго Величества, которая приняла его въ присутствіи двухъ довѣренныхъ особъ: г. Елагина и г. Бецкаго. Оттуда онъ прошелъ къ

Duc et est entré avec le comte Panin dans son cabinet où il s'est entretenu seul avec lui pendant quelque temps. Il est retourné dîner chez son frère, et a assisté après-midi aux vèpres de la veille de Noël à la cour, et c'est là proprement où le public à été informé de son arrivée. De là il est allé faire des visites en ville et est revenu le soir assister au jeu de l'Impératrice. Je l'ai vu ce matin à la cour, où il m'a accueilli avec le même air de franchise et d'amitié qu'il m'a toujours témoigné. Il a été mêlé avec les autres courtisans et il a paru n'avoir jamais été absent. On ne saura que difficilement des circonstances sur sa première entrevue avec S. M. I.; car dans le public il ne paraît pas qu'elle cherche à le distinguer. On dit qu'il restera ici pendant les fêtes et qu'il ira ensuite passer l'hiver à Rével.

№ 697.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 28 Décembre (8 Janvier) $177^2/_3$

. . . Le comte Orlow est encore ici, et n'a point vu l'Impératrice en particulier. Je suis même mieux informé que je ne l'étais la dernière fois, qu'il n'a pas eu non plus un entretien particulier avec le comte Panin; mais il vit ici sur le même pied que tout seigneur du pays qui viendrait à la

---

великому князю, а потомъ — въ кабинетъ графа Панина, гдѣ и разговаривалъ съ нимъ нѣкоторое время, съ глазу на глазъ. Обѣдать онъ вернулся къ своему брату, а послѣ обѣда присутствовалъ во дворцѣ при всенощной службѣ на канунѣ Рождества; тамъ-то именно всѣ и узнали о его пріѣздѣ. Затѣмъ онъ отправился дѣлать визиты въ городѣ и къ вечеру вернулся присутствовать при карточной игрѣ Императрицы. Я видѣлъ его сегодня при дворѣ и онъ поздоровался со мной съ тѣмъ видомъ откровенности и дружбы, который онъ мнѣ всегда показывалъ. Онъ смѣшался съ другими придворными и казалось, будто онъ никогда не былъ въ отсутствіи. Трудно судить о подробностяхъ его перваго свиданія съ Императрицей, ибо передъ всѣми Государыня не старается отличить его. Говорятъ, онъ пробудетъ здѣсь праздники, а на зиму ѣдетъ въ Ревель.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 28-го декабря (8-го января) $177^2/_3$ г.

№ 697. . . . . . Графъ Орловъ все еще здѣсь; но частнаго свиданія съ Императрицей не имѣлъ. Я знаю теперь достовѣрнѣе, нежели зналъ это въ первый разъ, что и съ графомъ Панинымъ онъ не разговаривалъ наединѣ. Здѣсь же онъ живетъ, какъ и каждый дворянинъ, пріѣхавшій въ столицу. Онъ ѣздитъ ко двору утромъ и

capitale. Il va à la cour matin et soir aux heures ordinaires, où l'Impératrice a coutume de paraître. Elle lui parle d'un air qui ne marque ni prédilection, ni embarras. J'ai été témoins hier au soir, que la conversation a roulé sur des tableaux. Pour lui, il a avec l'Impératrice un air beaucoup plus respectueux qu'il n'avait autrefois; hors de là, il est tout comme il a été toujours. Il fait le plaisant, comme il a toujours fait, parle avec le nouveau favori et avec ses amis, comme si de rien n'était, et fait des visites par toute la ville. Je lui ai fait la mienne; les autres ministres étrangers également, et il nous l'a rendue le même jour, de sorte qu'il n'y a pas à prévoir ni à prédire ce qui en arrivera de tout ceci.

1773 годъ.

№ 698.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Pétersbourg, le 1 (12) Janvier 1773.

...A moins que l'Impératrice et son ancien favori ne s'entendent et ne jouent des rôles étudiés d'avance, pour en imposer à tout le monde, il ne paraît pas que le retour de ce dernier produira le moindre effet de conséquence. Il loge auprès de son frère, se sert d'un équipage de remise, et ne

---

вечеромъ, въ назначенные часы, когда Императрица имѣетъ обыкновеніе появляться. Въ тонѣ ея разговора съ нимъ не замѣтно ни предпочтенія, ни смущенія. Я былъ тому свидѣтелемъ вчера вечеромъ; разговоръ шелъ о картинахъ. Что касается его, то онъ относится къ Императрицѣ съ видомъ большаго почтенія нежели прежде; кромѣ этой перемѣны онъ совершенно тотъ же, что и былъ. Шутитъ онъ какъ всегда; разговариваетъ съ новымъ любимцемъ и съ его друзьями, какъ будто ничего не произошло, и ѣздитъ съ визитами по всему городу. Я былъ у него съ визитомъ; тоже сдѣлали и остальные иностранные министры; онъ отдалъ намъ визиты въ тотъ же день; такимъ образомъ, нѣтъ возможности ни предвидѣть, ни предсказать, что изъ этого выйдетъ.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 1-го (12-го) января 1773 г.

№ 698. ... Если Императрица и Ея бывшій любимецъ не сговорились и не играютъ ролей раньше заученныхъ, для того, чтобы всѣхъ обмануть, — то кажется, что возвращеніе его не будетъ имѣть ни малѣйшихъ послѣдствій. Онъ живетъ у брата, ѣздитъ въ наемномъ экипажѣ и только изрѣдка бываетъ при дворѣ. Онъ самъ

vient que peu à la cour. Il est le premier à plaisanter sur son cas, d'une manière à embarrasser ceux à qui il s'adresse. A le voir et à le juger sur son air extérieur, on dirait, que c'est un homme qui se sent déchargé d'un fardeau, qui veut jouir de la liberté, et qu'il n'a tant désiré revenir à la cour, que pour triompher de ceux qui ont voulu l'en tenir éloigné, de se réjouir de leur embarras et de se montrer au public, qui aurait pu le soupçonner coupable. La Souveraine a conservé de son côté devant le monde toute sa gaîté qu'Elle a prise depuis l'été passé. Il y a eu vendredi passé masquerade à la cour, et S. M. I. se promena ouvertement avec le chambellan Wassilchikoff, et comme Elle ne se portait pas bien ce jour-là, et qu'Elle se retira de bonne heure, le comte Orlow ne vint au bal qu'après et y resta fort tard. En attendant, on prépare magnifiquement un hôtel en ville que l'Impératrice avait acheté depuis plusieures années d'un particulier, nommé Stegelmann, et où elle donnait autrefois des fêtes privées,— sous le nom du comte Orlow — et il est probable qu'il y logera présentement. On dit même, qu'il ira bientôt à Révél, pour voir une belle terre qu'il a achetée dans le voisinage, et qu'il s'y arrêtera jusqu'à ce que cet hôtel soit prêt. Le public, entièrement ignorant et confus sur ce secret, présume que le comte Orlow restera toujours à Pétersbourg, et qu'il sera distingué de sa Souveraine, sur le même pied que le comte Alexis Rasou-

---

подшучиваетъ надъ своимъ приключеніемъ и шутитъ такъ, что приводитъ въ замѣшательство тѣхъ, къ кому обращается. Видя его и судя по внѣшности, скажешь, что это человѣкъ, который, чувствуя себя избавленнымъ отъ тяжести, хочетъ наслаждаться свободой и что онъ пожелалъ вернуться ко двору только для того; чтобы восторжествовать надъ замышлявшими держать его вдали, порадоваться ихъ смущенію и показаться публикѣ, которая могла считать его виновнымъ. Государыня, съ своей стороны, сохраняетъ передъ обществомъ всю свою веселость, пріобрѣтенную ею еще прошлымъ лѣтомъ. Въ послѣднюю пятницу былъ маскарадъ при Дворѣ; Ея Императорское Величество прохаживалась открыто съ камергеромъ Васильчиковымъ, но такъ какъ она была нездорова въ этотъ день, то и удалилась рано; графъ Орловъ пріѣхалъ послѣ ея ухода и оставался очень долго. Между тѣмъ въ городѣ великолѣпно отдѣлываютъ одинъ домъ, купленный Императрицей нѣсколько лѣтъ тому назадъ у нѣкоего Стегельмана; въ былое время, она въ немъ устраивала частныя празднества, отъ имени графа Орлова; очень вѣроятно, что теперь онъ тамъ и поселится. Говорятъ даже, что онъ скоро поѣдетъ въ Ревель, для осмотра прекраснаго имѣнія, которое онъ купилъ по близости этого города, и что онъ проживетъ тамъ, пока домъ здѣсь не будетъ готовъ. Публика, ничего незнающая и смущенная этой тайной, предполагаетъ, что графъ Орловъ навсегда останется въ Петербургѣ, что онъ будетъ также отличенъ своей Государыней,

mowsky l'était sous le règne de l'Impératrice Elisabeth, et qu'il ne perdra rien de l'avantage de l'approcher familièrement. Des spéculatifs s'imaginent, que l'Impératrice sera bien aise de l'avoir à portée, comme une personne de confiance, et pouvoir se servir de lui, au cas que le comte Panin, sous le nom du grand-duc, voudrait un jour machiner quelque chose contre Elle, car on prétend savoir, que dans toutes les lettres, que le comte Orlow a écrites à S. M. I. avant son arrivée, il a toujours tâché d'exciter en Elle des soupçons contre les intentions de ce ministre, et quoiqu'ils ne paraissent pas avoir porté coup, il se pourrait pourtant, qu'ils ayent laissé quelque impression et que l'Impératrice croit nécessaire de se précautionner contre tout événement.

№ 699.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Pétersbourg, le 8 (19) Janvier 1773.

...Le premier acte du comte Orlow est joué et il est parti samedi passé pour Révél. Il a soutenu jusqu'à la fin le rôle qu'il avait commencé. Après les deux premiers jours de son arrivée, il a évité la cour et la présence de l'Impératrice, d'une manière marquée. Il n'a vécu qu'avec ses intimes et fait le galant auprès de toutes les jolies femmes de la ville très

---

какъ былъ отличенъ графъ Алексѣй Разумовскій въ царствованіе Императрицы Елизаветы, и что онъ нисколько не утратитъ преимущества имѣть къ Государынѣ свободный доступъ. Глубокомысленные политики думаютъ, что Императрица будетъ очень довольна имѣть его по близости, какъ лице довѣренное, и пользоваться его услугами въ томъ случаѣ, если графъ Панинъ, именемъ Великаго Князя, задумалъ бы предпринять что нибудь противъ нея, ибо при этомъ говорятъ, будто бы извѣстно, что графъ Орловъ во всѣхъ своихъ письмахъ къ Ея Императорскому Величеству, писанныхъ до его возвращенія, всегда старался возбудить въ Ней подозрѣніе противъ намѣреній этаго министра, и хотя, кажется, онѣ не достигли цѣли, но очень вѣроятно, что оставили какое нибудь впечатлѣніе и Императрица находитъ необходимымъ остерегаться, на всякій случай.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 8-го января (19) 1773 г.

. . . № 699. Первый актъ съигранъ, и графъ Орловъ уѣхалъ, въ прошлую субботу, въ Ревель. Онъ до конца выдержалъ начатую роль. Послѣ двухъ первыхъ дней пребыванія здѣсь, онъ сталъ замѣтно избѣгать двора и присутствія Императрицы. Время проводилъ только съ самыми близкими и ухаживалъ за всѣми хорошенькими женщинами въ городѣ такъ открыто, что не стѣснялся даже въ театрѣ, на глазахъ

publiquement, même au spectacle et à la vue de l'Impératrice et de tout le monde. S. M. Impériale de son côté n'a marqué aucun empressement de l'approcher de Sa personne et il est très positif, qu'Elle ne l'a pas entretenu en particulier et ne lui a pas témoigné des égards auxquels on aurait trouvé à redire. Il a été par exemple peu de fois invité à dîner à Sa table. Elle ne lui a pas fait donner les équipages de la cour, quoiqu'il les ait toujours eus à la campagne, ni la garde d'honneur du grand-maître d'artillerie qu'il aurait pu prétendre, n'ayant pas résigné cette place, ni aucune autre qu'il avait pour toujours, mais étant seulement dispensé de les exercer pendant une année. En prenant congé, S. M. I. ne lui a pas dit un mot sur son retour. Elle l'a reçu fort gracieusement et lui a souhaité un bon voyage et toutes sortes de prospérités. Malgré ces apparences, on croit cependant qu'il y a de la dissimulation dans la conduite de tous les deux, mais on ne saurait pénétrer en quoi elle consiste, ni à quoi elle aboutira. L'Impératrice fait apercevoir de plus en plus la plus forte passion pour son nouveau favori; nonobstant cela, le départ de l'ancien l'a rendu triste, de mauvaise humeur, et Elle a renvoyé pendant 3 jours toutes les affaires. Il est certain qu'Elle conserve encore beaucoup d'amitié pour lui, et il est probable qu'Elle entretient avec lui une correspondance secrète, et tout le monde est persuadé, qu'il n'aurait qu'à désirer une chose qui lui ferait plaisir pour être sûr de l'obtenir. L'échantillon qu'il en a donné, c'est de faire nommer

---

Императрицы и всего общества. Ея Императорское Величество, съ своей стороны, не проявляла никакого желанія приблизить его къ своей особѣ, и очень вѣроятно, что она не бесѣдовала съ нимъ наединѣ и не показала ему никакого вниманія, за которое ее можно было бы осуждать. Напримѣръ, онъ былъ рѣдко приглашаемъ къ ея обѣденному столу; она не приказывала давать ему ни придворныхъ экипажей, хотя на дачѣ онъ ими постоянно пользовался, ни почетнаго караула, на что онъ могъ претендовать какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, ибо онъ не оставилъ этой должности и не сдалъ ни одной изъ своихъ должностей, предоставленныхъ ему навсегда, но только пользовался разрѣшеніемъ не заниматься дѣлами въ теченіи года. При прощаніи Ея Императорское Величество не сказала ему ни слова о его возвращеніи. Она приняла его очень милостиво и пожелала ему счастливаго пути и всякаго благополучія. Несмотря на этотъ наружный видъ, думаютъ однако, что въ поведеніи обоихъ кроется притворство; но нельзя проникнуть, ни въ чемъ оно состоитъ, ни къ чему оно поведетъ. Императрица показываетъ все болѣе и болѣе сильную страсть къ своему новому любимцу; но, не взирая на это, съ отъѣздомъ прежняго она стала грустна, въ дурномъ расположеніи духа и на три дня отложила всѣ дѣла. Несомнѣнно, что она сохраняетъ къ нему еще много дружбы; вѣроятно она поддерживаетъ съ нимъ тайную переписку, и всѣ убѣждены, что стоитъ ему пожелать для себя чего нибудь пріятнаго и, онъ можетъ быть увѣренъ, получить желаемое. Доказательствомъ можетъ служить то, что назначена фрейлиной дѣ-

demoiselle à la cour une mademoiselle Boehm, belle-fille du général Bauer, son confident et son ami, qui n'a presque été connue de personne. Cette nomination ne peut venir que de la recommandation du comte Orlow, qui a voulu relever par là le général Bauer, qui d'ailleurs s'est attiré la jalousie de la nation.

En même temps S. M. I. a nommé une autre demoiselle d'honneur, parente du favori, pour faire plaisir à celui-ci; mais ce qu'Elle a fait de plus fort, c'est de donner avant-hier son grand cordon bleu au prince Wiazemsky, procureur général du sénat, sous prétexte de le récompenser d'un nouvel arrangement de finances qu'il aurait fait. Tout le monde est persuadé que c'est l'ouvrage du comte Orlow, dont cet homme est la créature, qui d'ailleurs, de l'aveu général, n'a ni la capacité, ni la droiture qu'exige cette place, la plus importante de tout l'Empire, et qui par cette distinction est préféré au comte Iwan Czernischeff, au vice-chancelier Gallizin, au comte de Munnich et à d'autres, qui pendant longtemps ont été en passe d'aspirer à cet ordre, qui se donne en ce pays-ci autant aux services et au rang, qu'à la faveur. Cette affaire a causé du mécontentement, et les Czernicheff surtout, qui ont cru que l'Impératrice les ménagerait plus que d'autres et qui se sont tenus assurés de l'amitié du comte Orlow, qui leur a témoigné, étant éloigné, de la reconnaissance de ce qu'ils avaient marqué tant de compassion à son exil, se regardent présentement comme

вица Бёмъ (Софія Андреевна), которую почти никто незнаетъ, но она падчерица генерала Бауера, довѣреннаго и друга графа Орлова. Это назначеніе не могло состояться иначе, какъ по рекомендаціи графа Орлова, который тѣмъ самымъ хотѣлъ еще возвысить генерала Бауера, очень не любимаго всѣми. Въ тоже время Ея Императорское Величество назначила фрейлиной другую дѣвицу, родственницу любимца, чтобы доставить ему удовольствіе; но самое выдающееся изъ Ея дѣйствій — это пожалованіе ордена Андрея Первозваннаго князю Вяземскому, оберъ-прокурору Сената, подъ предлогомъ вознагражденія его за новое устройство финансовъ, будто бы имъ произведенное. Всѣ убѣждены, что это дѣло рукъ графа Орлова, такъ какъ Вяземскій его креатура и, по общему голосу, не имѣетъ ни способностей, ни прямоты, необходимыхъ въ этой должности, самой важной въ Государствѣ; даннымъ же ему отличіемъ онъ становится выше графа Ивана Чернышева, вице канцлера Голицына, графа Миниха и другихъ, которые очень давно жаждали получить этотъ орденъ, даваемый въ этомъ государствѣ столько же за заслуги и положеніе, сколько и по особой милости. Дѣло это возбудило неудовольствіе, и особенно недовольны Чернышевы, которые предполагали, что Императрица будетъ милостивѣе къ нимъ чѣмъ къ другимъ; они были также увѣрены въ дружбѣ къ нимъ графа Орлова, который выражалъ имъ свою признательность за то, что они показывали ему столько сочувствія во время его опалы; теперь они видятъ, что обмануты обоими, такъ

joués de tous les deux, puisqu'au lieu de faire tomber sur eux des récompenses, on les donne à des personnes avec lesquelles ils ne sont pas bien et qui ne tiennent à personne autre qu'au comte Orlow seul. V. M. me pardonnera si je suis entré dans quelque détail sur tout ceci. J'ai cru devoir le faire, parce qu'elles ont, en quelque façon, de l'influence sur les affaires, qui, s'il faut dire les choses comme elles sont, ne vont pas comme autrefois, lorsqu'il n'y avait qu'un seul favori décidé, qu'il y avait moins de mécontentement contre la cour et moins de défiance et de jalousie entre les particuliers. Toutefois, il faut espérer que cela ne viendra pas à un point à pouvoir nuire ni aux intérêts de V. M., ni au bien-être de ce pays-ci. On vient de me faire la confidence, que pour donner à l'Impératrice et au grand-duc le moyen de choisir eux-mêmes la princesse destinée à être l'épouse de ce dernier, on a écrit à Madame la landgrave de Darmstadt, pour l'inviter à venir ici l'été prochain, avec les trois princesses, ses filles. La lettre doit être partie depuis peu de jours.

№ 700.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

St.-Pétersbourg, le 22 Janvier (2 Février) 1773.

...Il y a de nouveau un bruit sourd dans la ville, comme s'il était question de faire revenir le comte Orlow et de le rétablir dans tous ses

---

какъ вмѣсто того, чтобы осыпать ихъ наградами, награды даются лицамъ, съ которыми Чернышевы были не въ хорошихъ отношеніяхъ, но которые держались исключительно графа Орлова. Ваше Величество простите мнѣ, что я вхожу въ нѣкоторыя подробности на счетъ всего этого. Я считалъ долгомъ это сдѣлать, ибо событія эти, отчасти, вліяютъ на дѣла, которыя, сказать правду, не идутъ по прежнему; пока былъ одинъ избранный любимецъ, было меньше неудовольствія при дворѣ и меньше недовѣрія и зависти между частными лицами. Во всякомъ случаѣ надо надѣяться, что это не дойдетъ до размѣровъ, могущихъ повредить интересамъ Вашего Величества и благу этой страны. Мнѣ сообщили по секрету, что для того, чтобы Императрица и великій князь могли сами выбрать принцессу, предназначаемую въ супруги этому послѣднему, написали ландграфинѣ Дармштадтской, приглашая ее пріѣхать сюда, будущимъ лѣтомъ, вмѣстѣ съ тремя принцессами, ея дочерьми. Письмо отправлено нѣсколько дней тому назадъ.

Изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 22-го января (2-го февраля) 1773 г.

№ 700. ...Снова носится слухъ въ городѣ, будто поднятъ вопросъ о возвращеніи графа Орлова и о возстановленіи его въ его прежнихъ правахъ и должностяхъ. Это

anciens droits et charges. Ce ne sont peut-être que des soupçons, mais qui ont été fortifiés par quelques inquiétudes que le nouveau favori à témoigné à ce sujet à un de ses amis. En attendant, il ne paraît pas au dehors, que S. M. I. se soît dégoûtée du dernier. Elle étend au contraire ses bienfaits sur toute sa famille et Elle vient de faire conclure un mariage entre un de ses frères avec une des filles du maréchal de Razoumovsky, qui est un parti fort considérable et que S. M. I. augmente encore d'une belle maison qu'Elle a achetée et qu'Elle fournira certainement amplement.

№ 701.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St.-Pétersbourg, le 29 Janvier (9 Février) 1773.

...Le séjour que le comte Orlow a fait ici n'a causé ni alors, ni depuis aucun changement visible dans la bonne harmonie entre S. M. l'Impératrice et le grand-duc. Elle continue de dîner journellement avec lui, de l'avoir la plus grande partie de la journée auprès d'Elle, et Elle ne sort jamais du palais sans l'avoir toujours à ses côtés. En attendant, je dois avouer à V. M. qu'il y a bien des gens qui veulent soupçonner de la dissimulation dans la conduite de l'Impératrice. On est persuadé qu'elle ne lui

---

могутъ быть только догадки, но онѣ однако подтверждаются нѣкоторымъ безпокойствомъ, высказаннымъ новымъ любимцемъ одному изъ своихъ друзей. До сихъ поръ не замѣтно, чтобы Ея Императорское Величество получила къ нему охлажденіе. Напротивъ, Она распространяетъ Свои благодѣянія на всю его семью и еще недавно Она устроила бракъ одного изъ его братьевъ съ дочерью фельдмаршала Разумовскаго [1]; партія эта очень значительная сама по себѣ, а Ея Императорское Величество увеличиваетъ еще ея значеніе, подаривъ великолѣпный домъ, который Она же конечно устроитъ богато.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 29-го января (9-го февраля) 1773 г.

№ 701. Пребываніе здѣсь графа Орлова не измѣнило нисколько, ни тогда ни теперь, хорошихъ отношеній между Ея Величествомъ, Государыней, и Великимъ Княземъ. Она продолжаетъ, ежедневно, обѣдать съ нимъ, проводитъ вмѣстѣ большую часть дня и никогда не выѣзжаетъ изъ дворца безъ того, чтобы онъ съ ней не былъ. Но я долженъ сознаться Вашему Величеству, что очень многіе здѣсь подозрѣваютъ притворство въ поведеніи Императрицы. Увѣрены всѣ, что зла она ему не желаетъ,

---

1) Гр. Анна Кирилловна за камергеромъ Васил. Семен. Васильчиковымъ.

veut pas du mal, mais on ne croit pas cette amitié si tendre qu'elle paraît au dehors. On croit que c'est un jeu concerté entre cette princesse et son ancien favori, qu'Elle témoigne tant d'amitié au successeur, uniquement pour se concilier la nation, dont il est extrêmement aimé et de s'assurer par là de son approbation pour faire revenir le comte Orlow. Il est fâcheux que la conduite, s'il est permis de dire, inconséquente qu'Elle a tenue à l'égard de cet homme a donné aux courtisans une défiance contre Elle, qui fait qu'on soupçonne du mystère et des vues cachées dans toutes ses actions. Je sais de source certaine que le grand-duc n'est pas trop persuadé lui-même de l'excès de l'amitié de Madame Sa mère, qu'il désapprouve cette continuation des sentiments favorables qu'Elle conserve pour l'ancien favori et qu'il a de la jalousie contre cet homme, mais comme ce jeune prince a reçu une éducation excellente, il sait si bien s'observer, qu'il ne paraît absolument rien au dehors de ce qu'il pense.

№ 702.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 27 de Février. à St.-Pétersbourg, le 1 (12) de Février 1773.

Le plan de direction pour les ministres des trois cours à Varsovie durant la négociation prochaine de la diète de pacification est achevé. Il a

---

но не вѣрятъ въ нѣжную дружбу, которую она показываетъ. Думаютъ, что все это условленная игра между Государыней и Ея бывшимъ любимцемъ; что показываетъ Она столько любви къ Наслѣднику единственно для того, чтобы примирить съ собой народъ, который Его чрезвычайно любитъ, и этимъ пріобрѣсти его согласіе для возвращенія Графа Орлова. Прискорбно, что поведеніе Ея, если осмѣлюсь сказать, такое непослѣдовательное въ отношеніи этого человѣка, — внушаетъ къ ней недовѣріе среди придворныхъ и даетъ поводъ подозрѣвать тайны и скрытыя намѣренія во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что Великій Князь и самъ не вѣритъ въ чрезмѣрную любовь къ себѣ Императрицы-Матери; онъ порицаетъ Ее за то, что Она продолжаетъ питать милостивыя чувства къ прежнему любимцу и въ немъ есть зависть къ этому человѣку; но такъ какъ молодой Князь прекрасно воспитанъ — онъ на столько умѣетъ владѣть собой, что по внѣшности положительно нельзя судить о томъ, что онъ думаетъ.

Графъ Сольмсъ королю.

Представлено 27 февраля. С.-Петербургъ, 1-го (12-го) февраля 1773 г.

№ 702. Проектъ инструкцій, которыми послы трехъ дворовъ въ Варшавѣ должны руководствоваться во время предстоящихъ преній на сеймѣ умиротворенія—

été approuvé par le conseil et se trouve maintenant entre les mains de l'Impératrice. Le comte Panin me l'a communiqué préalablement, et selon moi c'est une pièce solidement écrite, où l'on a pourvu, autant que la prudence et la sagesse humaines peuvent fournir de lumières, à tout ce qui peut établir en Pologne un gouvernement conforme aux intérêts de ses voisins. Il sera très-glorieux aux ministres d'être chargés de l'exécution et de pouvoir le conduire à sa perfection. Comme cet ouvrage est un peu volumineux, je ne me trouve pas en état après une seule lecture d'en faire l'extrait, mais je compte de présenter au premier jour l'original même à V. M. Pour aujourd'hui je me contente de la prévenir que les récompenses de même que les punitions allant devenir nécessaires, le comte Panin, quand il en indique les moyens, établit comme un principe fondamental, qu'il y ait à Varsovie une caisse destinée au secours des opérations, à laquelle chacune des trois cours contribuerait la somme de 150 m. ou de 200 m. écus; que cette caisse serait à la disposition des trois ministres en commun et qu'il n'en serait rien tiré que d'un consentement unanime de tous les trois. L'acte secret entre V. M. et l'Impératrice de Russie pour la sortie des troupes de Pologne n'a pas encore été échangé; l'exemplaire n'était pas encore prêt la dernière fois que je vis le comte Panin, et pour excuser ce délai, il m'a dit que les engagements qui se prenaient entre les deux Souverains, lui paraissaient déjà si fort au dessus de toutes les formalités, qu'il n'avait pas songé

оконченъ. Проектъ былъ одобренъ совѣтомъ и находится теперь въ рукахъ Императрицы. Графъ Панинъ предварительно сообщилъ мнѣ его; по моему мнѣнію это серьезный трудъ: съ осторожностью и житейской мудростью позаботились обо всемъ, что̀ можетъ установить въ Польшѣ такое именно правленіе, которое согласовалось бы съ интересами сосѣдей. Усовершенствованіе и исполненіе такого плана послужитъ на славу пословъ. Трудъ сей довольно обширенъ, а потому я не нахожу возможнымъ сдѣлать извлеченіе, прочитавъ его только одинъ разъ; надѣюсь, въ скоромъ времени, представить его въ подлинникѣ Вашему Величеству. На сегодня ограничусь предувѣдомленіемъ Вашего Величества, что такъ какъ награды являются такой же необходимостью какъ и взысканія, то графъ Панинъ, изыскивая къ тому средства, указываетъ какъ на основное начало — на учрежденіе въ Варшавѣ кассы, которая служила бы для успѣха дѣла, и въ которую каждый изъ трехъ дворовъ внесъ бы отъ 150 до 200 тысячъ экю; касса эта находилась бы въ распоряженіи трехъ пословъ, и никакой расходъ не могъ бы быть сдѣланъ иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ трехъ. Здѣсь еще не сдѣланъ обмѣнъ секретнаго акта, заключеннаго между Вашимъ Величествомъ и русской Императрицей, по вопросу объ удаленіи изъ Польши войскъ; документъ этотъ не былъ еще написанъ, въ послѣдній разъ, когда я видѣлъ графа Панина и, что бы извинить эту отсрочку, онъ сказалъ мнѣ, что обязательства, взятыя на себя обоими монархами, казались ему на столько солидными, помимо вся-

à presser l'expédition de celui-ci, mais qu'il le porterait cependant ces jours-ci à la signature de l'Impératrice.

Le contenu des derniers ordres immédiats et médiats du 30 du mois passé me fournira l'occasion de renouveller ici les insinuations amiables pour porter à la cour de Russie à essayer tous les moyens possibles à conclure sa paix avec la Porte et à tenir en particulier le comte Panin éveillé sur les cabales de la cour de France et sur les intrigues du ministre de cette cour à Pétersbourg. La première pourrait bien causer encore cette fois-ci la rupture du congrès de Bucharest, mais j'espère que les dernières ne deviendront pas dangereuses. Je suis etc.

№ 703.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 8 de Mars. à St.-Pétersbourg, le 12 (23) Février 1773.

Le projet du plan de conduite des trois ministres à Varsovie pour la future diète de pacification en Pologne, nous ayant été remis par monsieur le comte de Panin, au prince de Lobkowitz et à moi, j'ai l'honneur de le présenter à V. M. à la suite de ce rapport:

Projet d'un plan pour la conduite des trois ministres en Pologne pour effectuer qu'entre les trois cours et la république légalement assemblée en

---

кихъ формальностей, что онъ и не торопился отправкой акта; обѣщалъ же, на этихъ дняхъ, поднести его къ подписанію Императрицы.

Содержаніе послѣднихъ непосредственныхъ и министерскихъ приказаній, отъ 30-го прошлаго мѣсяца, даетъ мнѣ случай возобновить мои дружескія представленія о необходимости для русскаго двора изыскать всевозможныя средства для заключенія мира съ Портой, а главное — возбудить бдительность графа Панина по поводу происковъ французскаго двора и интригъ французскаго посланника въ Петербургѣ. Въ первомъ случаѣ, на этотъ разъ, еще можно опасаться нарушенія конгресса въ Бухарестѣ; что же касается интригъ, то, надѣюсь, — онѣ не будутъ опасны. Остаюсь и пр.

Графъ Сольмсъ королю.

Представлено 8 марта. С.-Петербургъ, 12-го (23-го) февраля 1773 г.

№ 703. Графъ Панинъ вручилъ князю Лобковичу и мнѣ проектъ инструкцій для совмѣстнаго дѣйствія трехъ пословъ въ Варшавѣ, на предстоящемъ сеймѣ умиротворенія Польши; имѣю честь представить при семъ этотъ проектъ Вашему Величеству, вмѣстѣ съ симъ рапортомъ:

Проектъ плана для дѣйствій, въ Польшѣ, трехъ пословъ, имѣющихъ опредѣлить окончательнымъ трактатомъ между тремя дворами и республикой, законно-

diète il soit statué irrévocablement par un traité sur leurs intérêts avec cette puissance et qu'il leur soit fait une cession pleine et absolue des pays dont préalablement elles ont pris possession. Et conjointement avec cet arrangement extérieur, pour procurer que l'ordre et la tranquillité soient rétablis dans ce royaume sur un pied équitable et solide, les griefs nationaux redressés, les abus du gouvernement corrigés et une existence politique permanente, analogue aux dispositions et intérêts de ses voisins, assurée à la république.

Les points à prescrire aux ministres respectifs se rapportent à leur conduite avant ou pendant la diète. Les premiers sont préparatoires, les seconds d'exécution.

Points préparatoires:

1° Dans les derniers ordres envoyés conjointement par les trois cours à leurs ministres à Varsovie les deux termes fixés dans la déclaration, qu'il leur est enjoint de remettre au gouvernement, tant pour l'assemblée de la diète que pour l'arrangement final avec les trois puissances, pouvant se trouver insuffisants, les trois ministres n'insisteront pas à la rigueur sur les dits termes, dès qu'ils verront évidemment que le roi et le ministère travaillent à acheminer les choses à ces deux fins, sans y perdre du temps au delà de ce qu'il en faut absolument selon la constitution.

собравшейся на сеймѣ, какъ взаимные ихъ съ этой державой интересы, такъ и полную и безповоротную уступку провинцій, которыми эти дворы сдѣлались, предварительно, распорядителями. Вмѣстѣ съ устройствомъ этихъ внѣшнихъ дѣлъ, послы имѣютъ озаботиться о томъ, чтобы порядокъ и спокойствіе были возстановлены въ Польшѣ прочно и справедливо, убытки народные возмѣщены, злоупотребленія правительства исправлены, и чтобы республикѣ было обезпечено прочное политическое существованіе, согласное съ видами и интересами сосѣдей.

Статьи инструкціи относятся къ дѣйствіямъ пословъ до собранія сейма и во время сейма. Первыя — подготовительныя, вторыя — исполнительныя.

Статьи подготовительныя:

1° Между послѣдними приказаніями, отправленными совокупно тремя дворами къ посламъ въ Варшавѣ, находится декларація, которую повелѣно имъ вручить правительству; въ этой деклараціи назначены два срока, одинъ для собранія сейма, другой для окончательнаго соглашенія съ тремя государствами. Если сроки окажутся недостаточными, то послы не будутъ настаивать на точномъ исполненіи ихъ, коль скоро убѣдятся несомнѣнно, что король и министерство стараются привести дѣла къ указаннымъ двумъ цѣлямъ, не теряя больше того времени, которое строго необходимо по конституціи.

2° La marche des troupes respectives, qui d'après les derniers arrangements doivent s'avancer dans l'intérieur du royaume, devant faire sur la nation une impression générale, qui lui fasse désirer de sortir enfin de la crise où elle est, c'est là proprement que commence l'activité des trois ministres et qu'ils travailleront unanimement à disposer et réunir les esprits vers les vues des trois cours.

3° Si on remarquera que le roi est disposé, vu la nécessité où il se trouve, d'entrer dans les vues des trois cours, on pourra s'ouvrir avec lui au sujet de la direction de cette diète, bien entendu, qu'on soit sûr d'avance, qu'aucun intérêt, ni intrigue, ni influence étrangère puisse s'en mêler au préjudice des trois cours. On exclut d'autant moins le roi, que dans cette opération purement nationale on trouve utile d'admettre tous les acteurs de quelque parti qu'ils puissent avoir été, pourvu qu'ils veuillent sincèrement finir les troubles de leur patrie.

4° Comme il ne sera pas possible, que les trois ministres veillent par eux-mêmes à tant d'endroits différents, où se tiendront les diètines, — ils s'assureront d'un certain nombre d'acteurs dévoués, qui se chargeront d'y ménager les choses vers les fins qu'on se propose, et dans ce choix ils s'attacheront beaucoup moins au nombre qu'au caractère des personnes et ne prendront, s'il se peut, que des gens sûrs, résolus et capables.

2° Движеніе союзныхъ войскъ, которыя по послѣднимъ распоряженіямъ обязаны вступить внутрь страны, должны произвести на націю сильное впечатлѣніе, которое заставитъ ее, наконецъ, искать выхода изъ настоящаго кризиса; тогда то именно и наступитъ моментъ для дѣятельности трехъ пословъ, которые направятъ, единодушно, свои стремленія къ тому, чтобы подготовить и соединить умы къ выполненію видовъ трехъ дворовъ.

3° Если послы замѣтятъ, что король расположенъ, по необходимости въ которой онъ находится, раздѣлить виды трехъ дворовъ, то можно будетъ откровенно высказаться ему о направленіи сейма, разумѣется убѣдясь предварительно, что ни интересы, ни интриги, ни вліяніе иностранцевъ не могутъ вмѣшаться въ дѣло во вредъ интересамъ трехъ дворовъ. Тѣмъ менѣе слѣдуетъ отстранять содѣйствіе короля, что къ дѣлу этому, вполнѣ національному, полезно допустить всѣхъ дѣятелей, къ какой бы партіи они ни принадлежали, лишь бы у нихъ было искреннее желаніе покончить съ безпорядками въ ихъ отечествѣ.

4° Такъ какъ не возможно, чтобы три посла имѣли личное наблюденіе во всѣхъ тѣхъ различныхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ собираться сеймики, то послы заручатся нѣкоторымъ числомъ преданныхъ агентовъ, которые обяжутся вести осторожно дѣла къ намѣченнымъ цѣлямъ; въ выборѣ такихъ лицъ послы гораздо менѣе обратятъ вниманіе на число, чѣмъ на качества людей и пригласятъ, если возможно, лицъ только вѣрныхъ, рѣшительныхъ и способныхъ.

5° Les moyens de force seuls ne pouvant jamais suffire à donner le mouvement aux diètines et en décider les résolutions dans les principes des trois cours, tant pour le choix des nonces qui leur conviennent, que pour les instructions dont ceux-ci seront munis, il sera indispensable d'y ajouter la séduction, et pour être en état de le faire, les trois cours formeront dès à présent auprès de leurs ministres une caisse destinée uniquement aux succès des opérations présentes, pour laquelle on estime que le premier fond pour chaque cour ne pourra pas être moins de 150 à 200 m. écus.

6° Cette caisse sera en commun à la disposition des trois ministres et il n'en sera rien payé que du consentement unanime de tous les trois.

7° Un fond ainsi assuré pour la séduction, les forces militaires disposées le plus à propos qu'il se pourra, et tous les moyens de persuasion, qui naissent de l'intérêt particulier, connus autant qu'il est possible et prêts à être administrés, ce sera aux acteurs, qu'on emploiera, lesquels connaissent le fort et le faible de telle ou telle diètine, à instruire les ministres, lequel des moyens devra être employé par préférence ou dans quel degré tous les trois, et d'après ces avis les ministres dispenseront au besoin la pression militaire, la persuasion ou la séduction. Comme la première regarde les généraux, il y aura toujours entre eux et les ministres une communication ouverte et sans réserve, pour que leur partie soit toujours exécutée à point nommé.

5° Такъ какъ никогда не достаточно однихъ насильственныхъ средствъ для того, чтобы подвинуть частные сеймы и склонить ихъ принять рѣшенія, согласныя съ видами трехъ дворовъ, какъ въ дѣлѣ избранія земскихъ депутатовъ благопріятныхъ для дворовъ, такъ и въ дѣлѣ инструкцій, которыми будутъ снабжены депутаты, необходимо будетъ прибѣгнуть къ подкупу, и, чтобы это было возможно, три двора тотчасъ же образуютъ при послахъ кассу, предназначаемую исключительно для успѣшнаго веденія настоящихъ операцій; предполагается, что первый взносъ каждаго двора долженъ быть не менѣе 150 или 200 тысячъ экю.

6° Касса эта будетъ находиться въ распоряженіи трехъ пословъ и расходы изъ нея не могутъ быть производимы иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ трехъ.

7° Когда такимъ образомъ будетъ обезпеченъ фондъ для подкуповъ, военныя силы расположены, на сколько возможно, сообразно потребностямъ, изучены, по возможности, всѣ тѣ средства убѣжденія, которыя основаны на личномъ интересѣ, и организованы способы управлять этимъ интересомъ, тогда агенты, знающіе основательно сильныя и слабыя стороны частныхъ сеймовъ, должны будутъ доставлять посламъ свѣдѣнія о томъ, которое изъ средствъ воздѣйствія слѣдуетъ предпочтительнѣе употреблять, или въ какой мѣрѣ нужно прибѣгать ко всѣмъ тремъ средствамъ; сообразно съ этими свѣдѣніями, послы употребятъ военную силу, убѣжденіе или подкупъ. Такъ какъ военная сила зависитъ отъ генераловъ, то между ними и послами общеніе будетъ постоянно открытое и откровенное, для того, чтобы планы пословъ были всегда выполняемы своевременно.

8° Dans les points et articles énoncés ci-après, les trois ministres obligés de s'ouvrir tant au roi qu'aux acteurs, qui concourreront à leurs vues, sur le plan général de l'arrangement, auront attention à ménager les uns et les autres en se tenant dans une réserve raisonnable sur ceux de ces points, qu'ils sauront devoir déplaire indubitablement aux uns ou aux autres.

9° Comme toutes les affaires à régler à la diète future, tant l'arrangement avec les puissances voisines, que la pacification de l'état et la réforme de ses abus, sont sous la loi du liberum veto et que conséquemment il n'est pas même présumable, qu'on vienne à bout de les résoudre dans une diète libre et leur donner la sanction désirée par les lois de la république, toutes les vues des ministres doivent se tourner vers une diète sous le noeud de la confédération.

10° Cette opération peut se faire de deux manières. Ou les nonces prévenus et disposés par les ministres et convaincus de la nécessité de la chose se confédéreraient comme par leur propre impulsion et établiraient d'abord la diète sous cette confédération, à quoi il faudra travailler au moyen des acteurs, dont on se sera assuré d'abord; ou l'impossibilité de cette première mesure reconnue, les ministres feront à Varsovie une confédération à laquelle la diète devra accéder et dès lors prendre la nature d'une diète tenue par confédération. Pour entraîner l'un ou l'autre moyen, les ministres ne manqueront pas d'exposer avec énergie tout ce qui peut résulter de la prolon-

---

8° По статьямъ нижеизложеннымъ, послы, обязанные быть откровенными какъ съ королемъ, такъ и съ тѣми агентами, которые будутъ содѣйствовать ихъ видамъ и планамъ общаго устройства, обратятъ вниманіе на то, чтобы не раздражать ни короля, ни агентовъ и отнесутся съ благоразумной осторожностью къ тѣмъ статьямъ, кои, по ихъ мнѣнію, могутъ несомнѣнно не понравиться или королю или агентамъ.

9° Такъ какъ всѣ дѣла, подлежащія рѣшенію будущаго сейма, — и согласіе съ сосѣдними державами, и умиротвореніе страны, и исправленіе злоупотребленій — зависятъ отъ закона liberum veto и такъ какъ, слѣдовательно, нельзя даже предположить, чтобы въ свободномъ сеймѣ, по законамъ республики, пришли къ окончательному рѣшенію этихъ дѣлъ и дали бы имъ желательное направленіе, — всѣ стремленія пословъ должны быть направлены на устройство сейма конфедеративнаго.

10° Предпріятіе это можетъ быть устроено двумя способами: земскіе депутаты, подготовленные и предрасположенные послами и убѣжденные въ необходимости дѣла, соединятся, какъ бы по собственному побужденію, и учредятъ сеймъ конфедеративный, къ достиженію чего слѣдуетъ стремиться посредствомъ тѣхъ агентовъ, которыми заручатся сначала; если же этотъ первый способъ будетъ признанъ невозможнымъ, то послы составятъ въ Варшавѣ конфедерацію, къ которой долженъ будетъ примкнуть сеймъ, черезъ что онъ и приметъ характеръ конфедеративный. Чтобы привести къ тому или другому рѣшенію, послы не преминутъ энергично изло-

gation des calamités de l'état et de faire sentir à tous ses membres pour lors rassemblés à Varsovie, que puisque les trois cours remettent encore entre leurs mains de sauver leur patrie, c'est à eux à prendre le chemin le plus court et le plus sûr pour y parvenir.

11° Il est à observer que ces représentations feront plus d'effet sur le roi, dont l'état se trouve plus critique à proportion de l'indécision et de la confusion des affaires, que sur ceux des chefs de parti ou d'autres qui tiennent à la faction Saxonne, parce que ceux-ci, toujours imbus de leur passion favorite de revoir un prince de Saxe sur le trône, croient toujours y apercevoir une lueur d'espérance dans la complication des maux de leur patrie. Or, comme il est absolument hors du système des trois cours, d'entendre à aucune ouverture propre à favoriser de telles vues et que d'autre part, à mesure de l'importance dont le roi croirait être pour le succès de l'opération, il ne manquerait pas d'exiger des assurances sur le maintien de ses avantages personnels et de ceux de sa famille, dont partie doit être sacrifiée à la pacification de l'état, les vrais acteurs, que les ministres ont à choisir, sont ceux d'une classe moyenne, dont la fortune ne tient ni à la cour de Varsovie, ni au parti de Saxe et qui n'ont personnellement à entrevoir qu'une amélioration du bien-être pour eux dans la fin des maux de leur patrie.

12° Le choix du maréchal de la diète étant d'une grande importance pour la réussite de l'objet principal, les trois ministres emploieront tous

---

жить все то, что можетъ воспослѣдовать отъ продленія бѣдствія страны и дадутъ понять всѣмъ государственнымъ дѣятелямъ, что такъ какъ три двора отдаютъ въ ихъ руки спасеніе отечества, то они же и должны найти кратчайшій и вѣрнѣйшій путь къ этому спасенію.

11° Слѣдуетъ замѣтить, что увѣщанія эти произведутъ болѣе сильное впечатлѣніе на короля, положеніе котораго тѣмъ опаснѣе, чѣмъ больше нерѣшительности и запутанности въ дѣлахъ, нежели на предводителей партій и другихъ лицъ, стоящихъ на сторонѣ саксонской партіи; эти послѣднія, питая постоянно любимую мечту увидѣть опять саксонскаго принца на престолѣ, усматриваютъ лучъ надежды въ усложненіи бѣдствій ихъ отечества. А такъ какъ поощрять подобные планы рѣшительно не согласно съ политикой трехъ дворовъ, и съ другой стороны, по мѣрѣ убѣжденія короля въ необходимости его участія для осуществленія дѣла, онъ не замедлилъ бы потребовать обезпеченія личныхъ выгодъ и выгодъ его семейства, часть которыхъ должна быть принесена въ жертву умиротворенія страны, то настоящіе дѣятели должны быть выбираемы послами изъ средняго класса, благосостояніе коихъ не зависѣло бы ни отъ варшавскаго двора, ни отъ саксонской партіи, и которые предвидѣли бы улучшеніе личнаго благосостоянія въ окончаніи бѣдствій отечества.

12° Выборъ предводителя сейма, будучи дѣломъ большой важности для успѣха главной цѣли, три посла употребятъ всѣ свои усилія на то, чтобы найти лице, на-

leurs soins pour trouver un sujet, dont les intentions soient sincères et qui se laisse diriger dans les cas de besoin. Ce choix étant fait, il s'entend de soi-même qu'ils travaillent pour son élection.

Points d'exécution.

La diète ayant pris consistance de l'une ou de l'autre des deux manières ci-dessus énoncées et se trouvant en activité, commence de la part des trois ministres l'exécution des vues de leurs cours, savoir: la conclusion d'un traité confirmatif du partage qu'elles ont fait entre elles. La fixation de l'état de la république, tel qu'il convient à une puissance intermédiaire. Enfin le rétablissement du gouvernement dans ses vrais principes, pour opérer la pacification présente et y assurer à l'avenir le maintien de l'ordre et de la tranquillité.

Conclusion du traité.

1° Les trois ministres feront en commun une démarche formelle auprès des Etats assemblés en diète pour demander qu'il soit nommé une députation pour traiter avec eux, autorisés pour cet effet par leurs cours.

2° Dans la négociation les ministres n'entendront à aucune discussion sur la validité des titres de leurs cours, ni à aucune restriction, ni diminution de la portion de chacune, mais insisteront sur une cession et renonciation pleine et absolue de la part de la république aux terres et districts, dont chacun a pris possession.

мѣренія котораго были бы искренни, и которое позволило бы руководить собой въ случаѣ надобности. Пріискавъ такое лице, послы, само собою разумѣется, будутъ хлопотать объ его избраніи.

Статьи исполнительныя.

Лишь только сеймъ образуется, тѣмъ или другимъ путемъ, три посла приступятъ къ выполненію плановъ ихъ дворовъ, а именно: къ заключенію трактата, утверждающаго раздѣлъ, сдѣланный между дворами, къ упроченію положенія республики, какое приличествуетъ посредствующей державѣ и, наконецъ, къ возстановленію управленія на истинныхъ началахъ, для умиротворенія въ настоящемъ и для упроченія въ будущемъ порядка и спокойствія.

Заключеніе трактата.

1° Три посла сдѣлаютъ общее формальное предложеніе сейму объ избраніи депутаціи, которая была бы уполномочена договориться съ ними, послами, уполномоченными для этого ихъ правительствами.

2° При переговорахъ послы не будутъ вступать ни въ какія разсужденія о законности правъ ихъ дворовъ, ни объ ограниченіи или уменьшеніи пріобрѣтеннаго каждой изъ державъ, но будутъ настаивать на уступкѣ и на полномъ и совершенномъ отреченіи со стороны республики отъ земель и областей, которыми завладѣла каждая изъ державъ.

3° De leur part ils renonceront, aux noms de leurs cours, à toutes prétentions quelconques à la charge de la république.

4° La renonciation de la part de la république comprendra outre les provinces cédées tout droit ou prétention ancienne sur les états et possessions quelconques des trois cours.

5° Les ministres obtiendront la délivrance de toutes les archives, titres et documents appartenants aux pays qui leur sont cédés.

6° Ils statueront qu'il ne sera plus fait mention de la régie de ces provinces dans les actes de la république et que tout ce qui les a concernées, comme faisant partie de ses états, est annullé et nommément les articles 13 et 14 des lois cardinales, concernant les villes de la Prusse et la Livonie.

7° Enfin ils stipuleront, que le traité sera ratifié des deux partis et inserré dans la constitution de la présente diète.

Fixation de l'état de la république.

1° Les deux points établis par l'article 5 des lois cardinales de la constitution de 1768, qui statuent la couronne élective à perpétuité et la succession au trône prescrite, seront renouvelés et confirmés.

2° Il ne pourra à l'avenir être élu pour roi de Pologne qu'un noble polonais d'origine noble, né et possessionné en Pologne. La diète statuera à perpétuité l'exclusion de tout prince étranger.

3° Съ своей стороны, послы откажутся, именемъ своихъ дворовъ, отъ какихъ бы то ни было притязаній къ республикѣ.

4° Республика отречется не только отъ уступленныхъ провинцій, но и отъ всѣхъ старыхъ своихъ правъ и притязаній на всѣ земли и владѣнія, принадлежащія тремъ дворамъ.

5° Посламъ будутъ выданы всѣ архивы, акты и документы, принадлежащіе и относящіеся къ уступленнымъ провинціямъ.

6° Они постановятъ, чтобы въ актахъ республики не упоминалось больше объ управленіи этими провинціями и чтобы все, что ихъ касалось, какъ части этого государства, было уничтожено, а именно: пункты 13 и 14 основныхъ законовъ, касающіеся городовъ въ Пруссіи и Ливоніи.

7° Наконецъ, послы условятся, что трактатъ будетъ утвержденъ обѣими сторонами и включенъ въ конституцію настоящаго сейма.

Упроченіе республики.

1 Два пункта, установленные параграфомъ 5-мъ основныхъ законовъ конституціи 1768 года, коими королевское достоинство объявлено выборнымъ навсегда, а престолонаслѣдіе отмѣнено, — будутъ возобновлены и подтверждены.

2 Польскимъ королемъ, на будущее время, можетъ быть избираемъ только польскій дворянинъ, благороднаго происхожденія, родившійся въ Польшѣ и владѣющій тамъ землей. Сеймъ постановитъ исключить навсегда избраніе всякаго иностраннаго принца.

3° Le fils ou petit-fils du dernier roi ne pourront être élus rois immédiatement après leur père ou leur grand-père, mais il faudra au moins un intervalle de deux règnes, pourqu'ils puissent être éligibles.

4° Le gouvernement de la Pologne sera à perpétuité un gouvernement républicain.

5° Le liberum veto restera loi immuable, comme il a été statué à la dernière diète, et les mêmes matières qui ont été mises sous sa garde y seront aussi conservées.

Le rétablissement du gouvernement dans ses vrais principes.

Comme c'est en ceci que consiste la pacification de la Pologne, à laquelle les trois cours ont annoncé qu'elles veulent travailler de concert avec la nation, les trois ministres réuniront leurs efforts pour y rapprocher toute chose du vrai état de la république et que cette opération soit caractérisée et se recommande aux yeux de toute la nation par une utilité non équivoque. En ceci il faudra, qu'ils distinguent ce qui est passion ou caprice de quelques-uns ou fantôme de la multitude d'avec ce qui est juste, réellement salutaire et requis par les lois.

1° On ne pense point, que qui que ce soit ose faire des propositions relativement à la personne du roi, mais toutefois les ministres auront par devers eux comme un principe en tête de tous les autres sa conservation sur le trône.

---

3 Сынъ и внукъ послѣдняго короля не могутъ быть избираемы вслѣдъ за правленіемъ отца или дѣда; необходимъ промежутокъ, по крайней мѣрѣ, двухъ царствованій, чтобы они могли быть избираемы.

4 Образъ правленія въ Польшѣ навсегда остается республиканскимъ.

5 Liberum veto остается неизмѣннымъ закономъ, какъ было постановлено на послѣднемъ сеймѣ, и тѣ вопросы, которые стояли подъ его защитой, останутся подъ нею по прежнему.

Возстановленіе управленія на истинныхъ началахъ.

Такъ какъ въ этомъ именно и состоитъ умиротвореніе республики, надъ которымъ три двора выразили свою готовность работать вмѣстѣ съ націей, то три посла соединятъ свои усилія къ тому, чтобы все приняло истинное направленіе ко благу республики и чтобы эта дѣятельность пословъ носила, въ глазахъ націи, характеръ дѣятельности несомнѣнно полезной. Для достиженія этого нужно, чтобы послы отличали страсти и причуды нѣкоторыхъ лицъ и неебыточныя мечты толпы отъ того, что справедливо, дѣйствительно полезно и требуется законами.

1 Хотя нельзя предполагать, чтобы кто нибудь осмѣлился поставить вопросъ о королевской власти, но во всякомъ случаѣ, послы будутъ имѣть въ виду принципъ, стоящій во главѣ всѣхъ прочихъ принциповъ: сохраненіе королевской власти.

2° Le vrai principe du gouvernement polonais est l'équilibre des pouvoirs des trois ordres, le roi, le sénat et l'ordre équestre. C'est la loi ancienne et fondamentale de la république et la première loi cardinale dans la dernière constitution y est relative. Mais il s'en faut de beaucoup, que cet équilibre légal soit réalisé par une influence égale des trois ordres sur le gouvernement, et c'est à rétablir et assurer cette égalité d'influence que doivent tendre toutes les réformes actuelles.

3° A cette fin on reprendra toutes les constitutions récentes, par lesquelles il a été plus ou moins porté atteinte à cet équilibre et l'on prendra toutes les précautions qui peuvent l'assurer à l'avenir.

4° Comme c'est particulièrement du côté du roi que la nation se plaint que l'équilibre penche, on redressera ce qui se trouve de trop à ce pouvoir, l'autorité et la dignité royale seront circonscrites par de nouvelles lois rédigées plus convenablement à la forme du gouvernement républicain.

5° Une des premières opérations pour y parvenir est d'empêcher qu'au moyen de ses parents le roi ne puisse réunir à son pouvoir celui des autres ordres de l'Etat, ce qui indiquerait leur exclusion de toutes les charges; mais comme en eux on ne saurait cesser de considérer les prérogatives de nobles polonais, qui leur donnent la capacité à toutes les places à l'égal de leurs concitoyens, il est bon d'user de tempérament sur cet article et on se

---

2 Истинное начало польскаго управленія есть сохраненіе равновѣсія власти между королемъ, сенатомъ и шляхетствомъ. Это старинный и основной законъ республики и первый и главный законъ послѣдней конституціи. Но это законное равновѣсіе далеко не соблюдается, посредствомъ равнаго вліянія трехъ властей въ дѣлѣ управленія; всѣ настоящія реформы должны быть направлены къ тому, чтобы возстановить и упрочить это равновѣсіе вліяній.

3 Для этой цѣли пересмотрять всѣ недавнія конституціи, которыми равновѣсіе это болѣе или менѣе нарушалось, и примутъ всѣ мѣры, могущія упрочить его на будущее время.

4 Такъ какъ нація жалуется, что равновѣсіе нарушается преимущественно въ пользу короля, то отмѣнятъ все, что составляетъ превышеніе въ правахъ этой власти; королевскія же власть и достоинство будутъ ограничены новыми законами, болѣе сообразными съ республиканской формой правленія.

5 Для достиженія этой цѣли, должно, прежде всего, помѣшать королю, черезъ посредство своихъ родственниковъ, присоединить къ своей власти власть другихъ правителей государства, что было бы равносильно удаленію послѣднихъ со всѣхъ должностей; но такъ какъ за родственниками короля нельзя перестать признавать преимущества поляковъ — дворянъ, дающаго имъ право занимать всѣ мѣста, наравнѣ съ ихъ согражданами, то было бы полезно воспользоваться этимъ пунктомъ и

bornera à statuer, que les oncles, frères et cousins-germains du roi et de la reine seront exclus du ministère et des grandes charges, leur réservant de pouvoir être sénateurs, palatins ou castellans et posséder toute autre charge de moindre considération.

6° La faveur et l'amitié produisant souvent les mêmes effets que les liens du sang, le roi en se choisissant un conseil privé, s'assure par là un nombre de créatures, qui pour partager l'éclat qui environne le trône, sont moins jaloux du maintien du pouvoir de l'ordre auquel ils appartiennent, et souvent en font les sacrifices à des vues d'intérêt particulier. Il sera donc à propos de statuer, que le roi ne pourra avoir d'autre conseil privé qu'un certain nombre de sénateurs à son choix, qui lui seront donnés par la diète ad latus regium.

7° L'influence du roi sur les commissions de guerre et du trésor, étant un sujet d'alarmes pour la nation, ces deux commissions seront cassées et les charges de grands généraux et de grands trésoriers rétablis sur l'ancien pied, si la pluralité le souhaite. Seulement on préviendra les anciens abus en statuant que les grands généraux n'ayent point le droit de vie et de mort sur le militaire de la république, et que les grands trésoriers ne disposent point arbitrairement des fonds de la république, ni n'en soyent les caissiers. Pour cet effet il sera donné un conseil aux grands généraux et grands trésoriers. Aucune des personnes, qui composeront ce conseil ne pourra être

---

ограничиться постановленіемъ, что дяди, братья и двоюродные братья короля и королевы исключаются изъ министерства и изъ высшихъ должностей, но за ними сохраняется право быть сенаторами, воеводами или кастелянами и занимать всѣ другія, менѣе значительныя, должности.

6 Такъ какъ милость и дружба имѣютъ часто такое же вліяніе, какъ и кровныя связи, то король, избирая свой частный совѣтъ, тѣмъ самымъ, обезпечиваетъ себѣ извѣстное число приверженцевъ, которые, увлекаясь блескомъ, окружающимъ тронъ, менѣе ревниво охраняютъ власть сословія, къ которому они принадлежатъ, и часто жертвуютъ ею, ради личныхъ интересовъ. Было бы кстати постановить, что король не можетъ имѣть другаго совѣта, кромѣ извѣстнаго числа сенаторовъ, имъ выбранныхъ, которые ему будутъ назначены сеймомъ, ad latus regium.

7 Вліяніе короля въ военной и финансовой коммиссіяхъ, будучи предметомъ безпокойства націи — обѣ коммиссіи будутъ уничтожены и должности великаго гетмана и главнаго казначея (скарбія) возстановлены, на прежнихъ началахъ, если большинство того пожелаетъ. Однако, предупреждая прежнія злоупотребленія, постановятъ, что великіе гетманы не должны болѣе имѣть права надъ жизнью и смертью военныхъ чиновъ республики, а скарбіи не располагаютъ самовластно финансами республики и не могутъ быть казначеями. Въ исполненіе этого будетъ образованъ совѣтъ при великомъ гетманѣ и при скарбіи. Ни одно лице, входящее въ составъ со-

à la nomination du roi, mais chaque palatinat ou district les éliront tous les deux ans.

8° Le pouvoir des grands généraux rétabli, il sera remis sous leur commandement les troupes qui sont actuellement sous celui du roi, et à l'avenir le roi de Pologne ne pourra avoir ni des troupes appartenantes à lui en particulier, ni les troupes de la république dépendantes de lui.

9° L'influence des grands et notamment de la famille du roi sur les tribunaux de justice étant un sujet d'oppression pour la nation et une des causes qui renversent l'équilibre de pouvoir, les présidents et les membres de ces tribunaux seront élus par les districts et palatinats, et l'on fera les lois les plus salutaires pour tirer ces tribunaux de toute dépendance quelconque du roi et des grands.

10° Le département de la poste restera un attribut de la royauté, mais sous la régie de la république assemblée en diète, si la pluralité le désire.

11° Le pouvoir dans l'ordre du sénat s'étant soutenu jusqu'à présent assez dans les bornes qui lui conviennent, il n'y a qu'à le maintenir tel qu'il est. Il ne s'agit que de prévenir, 1ment qu'aucun parti de ce pouvoir ne se joigne à celui du roi pour faire pencher la balance de son côté. 2ment d'empêcher, autant que les lois peuvent y pourvoir, la trop grande accumulation des richesses dans les membres de cet ordre et 3ment leur pression sur les charges inférieures et surtout sur celles de judicature, en

---

вѣта, не можетъ быть назначено королемъ, но каждое воеводство и каждый округъ будутъ избирать членовъ совѣта, черезъ каждые два года.

8 Возстановивъ власть великихъ гетмановъ, имъ передадутъ командованіе войсками, которыя теперь находятся подъ начальствомъ короля; на будущее время, польскій король не будетъ имѣть права содержать собственное войско или распоряжаться войсками республики.

9 Вліяніе магнатовъ и особенно членовъ королевской семьи въ судахъ ведетъ къ притѣсненію націи и служитъ одной изъ причинъ, нарушающихъ равновѣсіе властей, а потому предсѣдатели и члены судовъ будутъ избираться округами и воеводствами, и чтобы вывести суды изъ всякаго подчиненія королю или магнатамъ, уставы и законы будутъ составлены самые цѣлесообразные.

10 Почтовый департаментъ остается принадлежностью королевскаго сана, но подъ управленіемъ республики, собранной на сеймѣ, если большинство этого желаетъ.

11 Такъ какъ власть сената сдерживалась до сихъ поръ въ законныхъ предѣлахъ, то и остается поддерживать ее такою, какая она есть. Слѣдуетъ только предупредить: 1) чтобы никакая часть этой власти не присоединялась къ власти королевской, для склоненія равновѣсія въ ея сторону; 2) помѣшать, на сколько позволятъ законы, излишнему накопленію богатствъ между членами этого сословія, и 3) помѣшать давленію этой власти на низшія должности и особенно на судейское

un mot, cette influence des grands sur les petits qui est la source de toute les factions dans l'Etat. Pour parer à ces appréhensions, il pourra être statué sur la première qu'à l'assemblée de chaque diète la conduite des sénateurs donnés au roi ad latus regium et celle des autres dans les senatus concilia devra être louée ou reprise, selon qu'elle aura tendu au bien de la république ou s'en sera éloignée. Pour la seconde on ne peut pas faire plus que d'établir des lois fixes sur la distribution des grâces et bénéfices royaux. On se précautionnera contre la troisième de la manière indiquée ci-dessus au point 9. Tout ceci aura lieu, si la nation assemblée y trouve son compte et si la pluralité le souhaite.

12° L'ordre équestre, qui forme le troisième pouvoir de la république, n'a pas à beaucoup près la même influence que les deux autres sur le gouvernement. Ce pouvoir n'a qu'une existence périodique et momentanée tous les deux ans à la convocation de chaque diète, au lieu que les deux autres sont permanents et toujours en activité, même dans les intervalles des diètes. De plus on sait l'influence des deux premiers sur l'élection des nonces, ce qui diminue encore ce pouvoir. Il sera bon de statuer le renouvellement et la confirmation d'anciennes lois, ou l'établissement de nouvelles qui assurent mieux que par le passé la liberté des diètines. Il sera bon surtout de statuer que cet ordre ait des délégués au sénat avec le droit de

---

сословіе; однимъ словомъ, устранить давленіе большихъ на малыхъ — давленіе, которое служитъ источникомъ для образованія всѣхъ партій въ государствѣ. Для устраненія этого опасенія, слѣдуетъ постановить по первому пункту, что на собраніи каждаго сейма поведеніе сенаторовъ, назначенныхъ королю ad latus regium, а также и поведеніе другихъ въ Senatus consilia, должно быть одобряемо и порицаемо, смотря потому, клонилось ли оно ко благу республики или уклонялось отъ него. По второму пункту нельзя сдѣлать ничего больше, какъ подчинить точнымъ законамъ раздачу королевскихъ милостей и пожалованій. Относительно третьяго пункта слѣдуетъ ограждаться тѣмъ способомъ, который изложенъ выше, въ девятой статьѣ. Все это состоится, если собравшаяся нація найдетъ въ томъ свою выгоду и если большинство того пожелаетъ.

12 Шляхетство, составляющее третью власть въ республикѣ, далеко не имѣетъ того вліянія на управленіе, какъ двѣ первыя. Власть эта существуетъ періодически и кратковременно, каждые два года, при созваніи сейма, между тѣмъ какъ другія постоянны и дѣйствуютъ даже во время промежутковъ между сеймами. Кромѣ того, извѣстно вліяніе двухъ первыхъ на выборы земскихъ депутатовъ, что еще болѣе уменьшаетъ вліяніе первой власти. Полезно было бы сдѣлать постановленіе о возобновленіи и подтвержденіи старинныхъ законовъ или объ учрежденіи тѣхъ, которыми бы обезпечивалась бо́льшая, чѣмъ прежде, свобода сеймикамъ. Особенно было бы хорошо постановить, чтобы шляхетское сословіе имѣло депутатовъ въ сенатѣ, съ правомъ протеста противъ всего того, что было бы тамъ предложено или рѣшено во вредъ

protestation contre tout ce qui y serait proposé ou résolu au préjudice des constitutions ou des prérogatives de leur ordre, afin que sur l'avertissement qui en sera donné par eux aux diètines, les nouveaux nonces soyent instruits d'en poursuivre le redressement à la diète. C'est ainsi qu'on pourrait donner au pouvoir de l'ordre équestre la permanence d'activité, qu'ont déjà les deux autres.

13° A la suite de ces arrangements, comme il est indispensable de suppléer à la diminution que le roi a souffert dans ses biens par le partage des trois cours et lui assurer un entretien sortable à sa dignité, il sera pris un certain nombre de starosties, qui seront affectées par la diète à perpétuité à cet objet. Et l'on pense, qu'un tel entretien pour être convenable devrait être 400 m. ducats, ou bien aussi pour fournir à cet état du roi on pourra mettre un impôt proportionné sur les starosties conférées jusqu'à cette diète.

14° On pourrait encore fournir à cet état du roi, en faisant une réduction générale sur toutes les starosties conférées jusqu'à ce jour. C'est à la nation à voir ce qui lui conviendra le mieux de ces propositions.

15° Comme il ne sera plus élevé sur le trône de Pologne de prince étranger, qui joigne à l'éclat de la royauté la puissance et les richesses d'états patrimoniaux, il serait à craindre que la royauté bornée aux seuls Piastes, qui passent de l'égalité au trône, ne perdît trop de sa considération.

конституціи или прерогативъ ихъ сословія, дабы черезъ предостереженіе, посланное ими на сеймики, новые земскіе депутаты были предувѣдомлены и могли бы домогаться возстановленія правъ на сеймѣ. Такимъ образомъ, возможно было бы придать власти шляхетскаго сословія ту постоянную дѣятельность, которую уже имѣютъ два другія сословія.

13 Вслѣдствіе этихъ распоряженій, необходимо вознаградить короля за имущественные убытки, понесенные имъ отъ раздѣла между тремя дворами, и дать ему содержаніе, сообразно съ его саномъ; а потому слѣдуетъ выбрать извѣстное число староствъ, которыя сеймъ назначитъ ему въ постоянное пользованіе. Предполагается, что для приличнаго содержанія короля нужна сумма въ 400 тысячъ дукатовъ; или можно будетъ, для пополненія денежныхъ средствъ короля, наложить соразмѣрную подать на староства, жалованныя до собранія этого сейма.

14 Можно было бы также восполнить денежныя средства короля, сдѣлавъ общую сбавку со староствъ, пожалованныхъ до настоящаго времени. Дѣло націи—опредѣлить, которое изъ двухъ предположеній нравится ей наиболѣе.

15 Въ виду того, что на польскій престолъ не будетъ больше возводимъ иностранный принцъ, который къ блеску королевскаго сана присоединилъ бы могущество и богатство своихъ родовыхъ владѣній, можно опасаться, какъ бы королевское достоинство не утратило слишкомъ много изъ своего значенія, разъ что оно будетъ

Si on retranchait de ses prérogatives celle de la distribution des grâces et bénéfices royaux, la distribution des starosties restantes, après que la destination de l'article 13 aura été remplie, lui sera donc conservée. Mais en même temps il sera statué, que dans chaque maison il ne pourra pas être donné plus de deux starosties et celles-ci ensemble excéder la valeur de 7 à 8 m. ducats de revenu annuel, de sorte qu'une starostie qui seule aurait une telle valeur, serait déjà une exclusion pour une deuxième dans la même maison. Ce point aura lieu, si la pluralité de la nation le désire.

16° Pour assurer l'exécution de cette loi, on accordera action en diète contre toute maison en faveur de laquelle il y aurait été contrevenu, et le cas prouvé, la punition sera la perte de toutes les starosties, dont l'une sera conférée ipso facto à celui qui aura intenté l'action et les autres seront pour cette fois à la nomination de la république, qui les conférera dans la même diète.

17° Le roi n'accordera plus de lettres de survivance aux fils ou parents ou à la veuve du possesseur d'une starostie, mais à la mort de celui-ci elle rentre en ses mains, libre de tout engagement, pour être de nouveau conférée. Ce point, comme très indifférent aux intérêts des trois cours, doit être réglé ou non réglé comme les Polonais le trouveront bon.

18° Un objet désiré par tous les ordres est l'augmentation du militaire;

ограничено родовыми дворянами, избираемыми на престолъ, изъ равныхъ между собой. Если изъ прерогативъ королевскаго сана исключить право раздачи королевскихъ милостей и пожалованій, то послѣ выполненія постановленій 13 статьи, королю остается право раздачи остальныхъ староствъ. Но въ то же время будетъ постановлено, что въ пользу одной семьи нельзя предоставить болѣе двухъ староствъ, и что доходъ съ нихъ не долженъ превышать 7—8 тысячъ дукатовъ въ годъ; если же одно староство даетъ такой доходъ, то другаго староства нельзя предоставить той же семьѣ. Этотъ пунктъ будетъ постановленъ, если большинство націи пожелаетъ того.

16 Чтобы обезпечить исполненіе этого закона, будетъ дозволено приносить жалобы сейму на ту семью, въ пользу которой законъ нарушенъ; въ случаѣ основательности жалобы, въ наказаніе воспослѣдуетъ отобраніе всѣхъ староствъ, изъ которыхъ одно будетъ отдано ipso facto тому, кто началъ дѣло, а другія, на этотъ разъ, по опредѣленію республики, будутъ розданы на томъ же сеймѣ.

17 Король не будетъ больше давать актовъ на право преемства сыновьямъ, родственникамъ или вдовѣ владѣтеля староства; но послѣ смерти владѣльца, староство переходитъ въ распоряженіе короля, свободное отъ всякихъ обязательствъ, для новаго пожалованія. Эта статья, незатрогивающая интересовъ трехъ дворовъ, можетъ быть установлена или нѣтъ, какъ найдутъ это лучше поляки.

18 Предметъ желанія всѣхъ сословій — увеличеніе количества войскъ; и,

et dans le fait, il en est essentiellement besoin pour le maintien du bon ordre et de la tranquillité, rien n'y étant plus contraire que le peu de proportion, qu'il y a entre les troupes de l'Etat et les troupes des particuliers, lesquels par là peuvent se jouer impunément de l'autorité et la braver. Il n'y aura aucun inconvénient pour les puissances voisines à consentir, que le militaire de la république soit augmenté de six mille hommes.

19° L'affaire des dissidents, étant un des points essentiels de la pacification, les trois ministres favoriseront une négociation entre eux et les catholiques sur les points qui peuvent être cédés de part et d'autre dans la réintégration effectuée à la dernière diète de ceux-là au corps de l'Etat. De la part des dissidents il pourra être renoncé à l'entrée au sénat et aux places du ministère et de la part des catholiques la loi pénale contre ceux qui passent d'une religion à l'autre, loi barbare, pour un siècle éclairé, sera abrogée. Le reste des points qui concernent les dissidents restera en vigueur et sera renouvelé dans la nouvelle constitution, surtout l'admission à la place de nonce.

20° Outre ces points les ministres ne feront aucune opposition à tous ceux qui seront proposés par la nation, dès qu'ils ne toucheront ni directement ni indirectement les intérêts de leurs cours.

21° La classification des lois faite dans la dernière constitution, n'offrant que des vues d'utilité, on peut l'admettre ou la conserver dans les arrange-

---

дѣйствительно, это крайне необходимо для поддержанія порядка и спокойствія, чему ничто столько не мѣшаетъ, какъ несоразмѣрность въ численности войскъ государства съ войсками частныхъ лицъ; послѣднія, благодаря этому, могутъ безнаказанно издѣваться надъ властью и не уважать ее. Для сосѣднихъ державъ не будетъ никакого неудобства, если войска республики будутъ усилены шестью тысячами человѣкъ.

19 Дѣло о диссидентахъ, будучи вопросомъ существеннымъ при умиротвореніи страны, три посла будутъ способствовать переговорамъ ихъ съ католиками о тѣхъ статьяхъ, по которымъ можетъ быть сдѣлана уступка съ той или съ другой стороны относительно возвращенія гражданскихъ правъ диссидентамъ, постановленнаго на послѣднемъ сеймѣ. Диссидентамъ могутъ отказать въ правѣ вступленія въ сенатъ и на министерскія должности; католики же уничтожатъ карательный законъ противъ переходящихъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, — законъ варварскій, для просвѣщеннаго вѣка. Остальныя статьи, касающіяся диссидентовъ, останутся въ силѣ и будутъ возобновлены новой конституціей, особенно статья о допущеніи въ депутаты.

20 За исключеніемъ этихъ пунктовъ, послы не будутъ нисколько препятствовать осуществленію предложеній, дѣлаемыхъ націею, коль скоро предложенія эти не затронутъ ни прямо, ни косвенно интересы трехъ дворовъ.

21 Классификацію законовъ, принятую послѣдней конституціей и имѣющую въ виду только пользу, можно допустить или сохранить при настоящемъ устройствѣ,

ments actuels, à moins qu'on n'y trouve une impossibilité absolue dans la répugnance de la nation; et si elle est conservée, on rangera dans la classe des lois cardinales ou des matières d'Etat tous les points ci-dessus, selon qu'ils sont d'un intérêt plus ou moins immédiat pour les trois cours et qu'il sera plus ou moins facile de les faire admettre à la nation; mais tous les points de la fixation de l'état de la république devront immanquablement être mis dans la classe des lois cardinales.

Observation générale.

Tous les points d'exécution qui concernent, soit la conclusion du traité, soit la fixation de l'état de la république, seront d'injonction préfixe pour les ministres respectifs, qui ne pourront s'en écarter ni y admettre des changements et des restrictions, qui puissent en altérer la substance. On leur laissera les mains plus libres sur ceux qui regardent le rétablissement du gouvernement ou la pacification comme n'étant que d'un intérêt secondaire pour les trois puissances. Le vrai sens de leurs instructions sur ces derniers sera: de se régler sur le goût le plus général de la nation et par des complaisances, ménagées avec art, de faciliter d'autant plus l'obtention des premiers. On en excepte cependant l'augmentation des troupes de l'Etat, laquelle ne pourra jamais être plus forte que de $^6/_m$ hommes, et l'abrogation de la loi

---

если не встрѣтится къ тому положительной невозможности въ противодѣйствіи націи; въ случаѣ сохраненія классификаціи, слѣдуетъ помѣстить въ разрядъ государственныхъ или основныхъ законовъ всѣ вышеизложенныя статьи, сообразуясь съ ихъ пользой, болѣе или менѣе непосредственной, для трехъ дворовъ и съ тѣмъ, на сколько легко приметъ ихъ нація; но всѣ пункты по упроченію положенія республики должны быть непремѣнно помѣщены въ разрядъ основныхъ законовъ.

Общее заключеніе.

Всѣ исполнительныя статьи, какъ по заключенію трактата, такъ и по упроченію положенія республики, составляютъ опредѣленное повелѣніе, обязательное для всѣхъ пословъ, которые не должны ни уклоняться, ни допускать измѣненій, могущихъ исказить сущность статей. Имъ предоставляется больше свободы относительно тѣхъ статей, которыя касаются возстановленія управленія и умиротворенія, такъ какъ эти статьи имѣютъ второстепенное значеніе для трехъ державъ. Истинный смыслъ инструкцій для выполненія послѣднихъ пунктовъ сводится къ слѣдующему: послы примѣнятся къ желанію большинства націи и, посредствомъ уступокъ, сдѣланныхъ ловко и любезно, облегчатъ себѣ полученіе согласія на проведеніе главныхъ пунктовъ. Однако изъ этого слѣдуетъ изъять вопросъ объ увеличеніи численности войскъ, которая никогда не должна превышать шести тысячъ человѣкъ, а также вопросъ объ отмѣнѣ карательнаго закона, чего послы должны добиться всенепремѣнно. Что касается по-

pénale, qu'ils devront absolument emporter. Et quant à l'état des dissidents, excepté leur renonciation au ministère et à l'entrée au sénat, ils ne devront pas souffrir, qu'il soit fait aucune diminution à leurs privilèges, qui puisse infirmer leur liberté de religion ou leur existence civile.

Observation particulière.

Il a été dit ci-dessus art. 13 que pour former l'entretien du roi, il sera fait une réduction générale de toutes les starosties conférées jusqu'à ce jour. On se réglera dans cette opération sur la fortune des particuliers, selon qu'elle pourra plus ou moins supporter de diminution.

Les gens mal aisés, qui ne subsistent qu'à la faveur des starosties, qui sont en leurs mains, pourront être exemptes de la réduction, mais les familles qui ont des biens héréditaires suffisants, surtout les familles riches et opulentes, y seront assujetties sans aucune exception et elles doivent d'autant moins s'en défendre, que l'entretien du roi est un besoin de l'Etat, qui doit passer avant toute grâce ou faveur ou même récompense de service. Et tel particulier de cette classe, qui par une longue jouissance des biens a accru ses propres richesses, ne saurait contester que ces biens au moment d'un besoin pareil retournent à leur usage primitif.

ложенія диссидентовъ, то, за исключеніемъ лишенія ихъ права вступленія въ министерство и въ сенатъ, послы не допустятъ никакого уменьшенія изъ ихъ вольностей, которое могло бы стѣснить свободу ихъ вѣроисповѣданія или ихъ гражданскія права.

Особое примѣчаніе.

Въ статьѣ 13 было сказано, что для обезпеченія содержанія короля будетъ сдѣлана общая сбавка со всѣхъ староствъ, жалованныхъ до сихъ поръ. При этой операціи слѣдуетъ имѣть въ виду денежныя средства частныхъ лицъ, соображаясь съ тѣмъ, на сколько тѣ или другія могутъ перенести эту сбавку.

Люди недостаточные, которые существуютъ только на доходы со староствъ, находящихся въ ихъ рукахъ, могутъ быть освобождены отъ уменьшенія доходовъ; но семьи, имѣющія достаточныя наслѣдственныя помѣстья, особенно семьи богатыя и могущественныя, подчинятся безъ всякаго исключенія, онѣ тѣмъ менѣе должны этому противиться, что содержаніе короля — дѣло государственной необходимости и должно быть обезпечено закономъ прежде всякихъ правъ на милости и пожалованія и даже прежде правъ на вознагражденіе за службу. Всякое лице, нажившее себѣ состояніе, вслѣдствіе долгаго пользованія старостствомъ, не можетъ оспаривать того, что для подобной потребности доходы со староствъ должны быть обращены къ основному назначенію.

№ 704.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 12 Mars. A St. Pétersbourg, le 15 (26) Février 1773.

Je sors d'une nouvelle conversation avec le comte Panin, dans laquelle je lui ai fait connaître les intentions de V. M. de ne point abandonner à la ville de Dantzic le revenu entier de son port contre une redevance annuelle; je lui ai détaillé les raisons qui vous y engageaient, je lui ai récapitulé les titres et le droit incontestable qui autorisaient V. M. à prétendre à ce revenu, sauf d'en céder une partie à la ville à proportion de la facilité avec laquelle elle se prêterait à l'accommodement proposé. J'ai fini, en disant au comte Panin, que si la cour de Russie voulait donner en cette occasion une marque réelle de son amitié pour V. M., comme on avait lieu de se le promettre, il me paraissait, qu'au lieu de continuer à faire des représentations à V. M. pour l'engager à céder ses droits à la ville, il convenait plutôt qu'on s'employât présentement auprès de la ville pour lui faire sentir, qu'elle eût à accepter les conditions, que V. M. avait la bonté de lui offrir. Le comte Panin, bien qu'il convint de tout ce que je lui avais exposé, me répondit, qu'il était obligé de m'avouer, que l'Impératrice était d'un sentiment différent, qu'elle était persuadée, que pour conserver à la ville la liberté, que V. M. lui assurait en vertu de la convention secrète, il était nécessaire qu'elle gardât son port pour elle-seule, et que pour lui, comte Panin, il n'avait en-

---

Графъ Сольмсъ королю.

Предст. 12 марта. С.-Петербургъ, 15-го (26-го февраля) 1773 г.

№ 704. Я только-что имѣлъ еще одинъ разговоръ съ графомъ Панинымъ и сообщилъ ему намѣреніе Вашего Величества не уступать городу Данцигу всего дохода съ гавани, взамѣнъ ежегодной подати; я подробно изложилъ ему причины, Васъ къ тому побуждающія, перечисливъ ему всѣ документы и несомнѣнныя права, которыя позволяютъ Вашему Величеству требовать этого дохода, исключая той его части, какая будетъ уступлена городу, соразмѣрно его сговорчивости въ предлагаемомъ соглашеніи. Въ заключеніе я сказалъ графу Панину, что если бы русскій дворъ хотѣлъ, въ настоящемъ случаѣ, дать дѣйствительное доказательство своей дружбы къ Вашему Величеству, на что имѣлось основаніе разсчитывать, то мнѣ казалось бы, что вмѣсто того, чтобы продолжать дѣлать представленія Вашему Величеству объ уступкѣ Вашихъ правъ этому городу, приличествовало бы болѣе постараться дать понять городу, что ему слѣдуетъ принять условія, которыя Ваше Величество милостиво предложили ему. Графъ Панинъ отвѣчалъ мнѣ на это, что хотя онъ лично вполнѣ согласенъ со всѣмъ, мною изложеннымъ, но долженъ сознаться, что Императрица другаго мнѣнія: она убѣждена, что для сохраненія свободы города, которую Ваше Величество

core pu réussir à lui faire adopter un autre sentiment, qu'au contraire il en essuyait des désagréments, et que cette princesse lui reprochait, qu'il n'avait pas eu soin de mieux s'informer du local et de ne lui avoir pas fait connaître les suites, qui en résulteraient, si V. M. voulait étendre son droit territorial et qu'on aurait pu s'arranger d'avance là-dessus. Enfin je l'ai trouvé fort embarrassé, il m'a dit positivement, qu'il craignait pour son personnel les suites de cette affaire et qu'il pourrait devenir la victime du système prussien, comme il était arrivé autrefois à Bestouchef, qui l'avait été de celui de la maison d'Autriche. Je fis de mon mieux pour l'encourager, lui faisant voir, que la conduite que V. M. avait tenue dans l'affaire de l'élection du roi de Pologne, dans l'arrangement des affaires de ce royaume et lorsque la guerre avec la Porte était venue à éclater, que tant de marques d'amitié et tant de traits de complaisance que V. M. avait donnés à l'Impératrice de Russie pendant tout ce temps-là, que tout cela devrait bien engager cette princesse à en user de même par un juste retour à l'égard de V. M. dans cette occasion-ci; je le priai enfin de faire valoir toutes ces considérations dans ses entretiens particuliers avec l'Impératrice. Il répliqua, qu'il ne se rebuterait pas facilement, que son dévouement et son attachement pour V. M. étaient sincères et fondés sur la conviction, mais que dans ce moment-ci, où ses ennemis, les Orlofs, lui cherchaient querelle, ils seraient fort aises de trouver des prétextes plausibles pour le noircir et dénigrer ses

---

обезпечивали секретнымъ условіемъ, необходимо оставить гавань въ полномъ владѣніи города. Что касается его, графа Панина, онъ не успѣлъ до сихъ поръ убѣдить Императрицу принять другое мнѣніе; напротивъ, онъ потерпѣлъ отъ этого непріятности и Государыня упрекала его въ томъ, что онъ не озаботился лучше узнать мѣстныя условія и не предупредилъ Ее о послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти, если Ваше Величество пожелаете распространить Ваши земельныя права, и что объ этомъ можно было условиться заранѣе. Наконецъ онъ былъ видимо смущенъ и сказалъ мнѣ положительно, что опасается для себя послѣдствій этого дѣла, которое можетъ сдѣлать его жертвой прусской политики, подобно тому, какъ Бестужевъ былъ жертвой политики австрійскаго дома. Я старался, какъ только могъ, ободрить его, указывая ему, что какъ въ дѣлѣ избранія короля Польши и устройства дѣлъ этого государства, такъ и во все то время, когда разразилась война съ Портой, Ваше Величество своимъ образомъ дѣйствія дали столько доказательствъ дружбы и проявили столько уступчивости въ отношеніи къ русской Императрицѣ, что все это должно побудить Государыню къ справедливой отплатѣ Вашему Величеству тѣмъ же въ данномъ случаѣ; я просилъ его, наконецъ, въ его частныхъ разговорахъ съ Императрицей поставить на видъ всѣ эти соображенія. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что постарался бы съ удовольствіемъ сдѣлать это, что преданность и привязанность его Вашему Величеству искренни и основаны на убѣжденіи, но теперь, когда враги его Орловы ищутъ случая вредить ему, они

actions et ses services passés, qu'ayant besoin d'agir avec toute la circonspection possible, il ne me cacherait pas, qu'il ne s'était pas encore hasardé de faire connaître à l'Impératrice la résolution que V. M. avait prise, de ne vouloir pas se relâcher sur la jouissance du droit du port, à laquelle elle prétendait; qu'il regardait cependant la cession du droit du péage contre une redevance annuelle comme le seul moyen de réfuter toutes les objections qu'on tirait de la conservation de la liberté du commerce, qu'on voulait laisser aux Dantzicais; qu'il osait proposer encore une fois cet expédient à V. M. comme le seul moyen qui pourrait le mettre en état de lui donner à l'avenir des marques de son zèle, que quand même V. M. n'y gagnât pas autant que par la recette du péage, qui se ferait par ses propres employés, il se pourrait présenter dans la suite des occasions favorables, qui la dédommageraient de cette diminution de revenu; que si V. M. daignait accepter cette proposition et l'en faire avertir, il pourrait alors envoyer ou le comte Ivan Czernichef, supposé que son voyage eût encore lieu ou qu'il passât pour Dantzic dans le temps où on aurait besoin de lui, ou bien une autre personne de confiance et munie de ses instructions particulières, qui pourrait appuyer à Dantzic la négociation de V. M. d'une manière, que la ville n'oserait s'y refuser, que par là il obtiendrait qu'il pût obliger le sieur

---

будутъ очень довольны найти правдоподобный предлогъ, чтобы очернить его и унизить его дѣйствія и прошлыя заслуги; что, видя необходимость поступать съ возможной осмотрительностью, онъ не скрываетъ отъ меня, что до сихъ поръ не осмѣлился еще доложить Императрицѣ о принятомъ Вашимъ Величествомъ рѣшеніи не отступаться отъ правъ на гавань, на которыя Ваше Величество изволили претендовать; онъ видитъ, однако, въ уступкѣ права на сборъ пошлины, взамѣнъ ежегодной подати, единственный способъ опровергнуть всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлаются въ видахъ желанія сохранить за Данцигомъ свободу торговли, и осмѣливается еще разъ предложить Вашему Величеству этотъ способъ соглашенія, такъ какъ Панинъ видитъ въ немъ единственное средство сохранить за собой возможность, на будущее время, доказывать свое усердіе Вашему Величеству; если теперь Ваше Величество и не получите тѣхъ выгодъ, какія бы могъ доставить сборъ пошлины черезъ посредство Вашихъ чиновниковъ, то впослѣдствіи могутъ представиться благопріятные случаи, которые вознаградятъ за уменьшеніе этого дохода; если бы Ваше Величество удостоили принять это предложеніе и увѣдомить о томъ графа Панина, то въ такомъ случаѣ онъ могъ бы послать или графа Ивана Чернышева, — предполагая, что путешествіе этого послѣдняго можетъ еще состояться и онъ будетъ въ Данцигѣ въ то время, когда въ немъ будутъ нуждаться, — или какое нибудь другое довѣренное лицо, которое графъ Панинъ снабдитъ особенными инструкціями и которое могло бы поддержать въ Данцигѣ переговоры Вашего Величества такимъ способомъ, что городъ этотъ не осмѣлился бы не подчиниться Вашимъ требованіямъ; этимъ самымъ графъ Панинъ достигъ

de Rehbinder à faire des rapports en cour, où il y aurait moins de prédilection pour les intérêts de la ville, qu'actuellement il n'était pas le maître de diriger cet homme, qui tenait à la famille des Orlows, qu'elle le protégeait et que l'Impératrice approuvait sa conduite parce que dans ce moment-ci elle se piquait de marquer par préférence des bontés à tous ceux qui appartenaient aux Orlows, afin de faire voir au public, que malgré l'éloignement du favori, elle n'avait pas oublié les obligations qu'elle avait à lui et à toute sa famille. Il était aisé de s'apercevoir par les propos du comte Panin qu'il craint plus l'influence du prince Orlow sur l'esprit de l'Impératrice lorsqu'il est absent, qu'il ne l'appréhendait dans le temps qu'il était sur les lieux. Il aurait mieux valu, ou que ce ministre ne se fût pas mêlé du tout de ces cabales intestines, qui ne sont pas faites pour un coeur aussi droit que le sien et pour un homme indolent que lui, ou bien qu'il ne s'en fût pas mêlé à demi. Mais sans entrer dans cette discussion je me suis borné à pénétrer, si le prince Orlow prenait une part directe à l'affaire de Dantzic et s'il était contraire aux intérêts de V. M. Il me dit, qu'il n'était pas en état de me dire, ce qui en était, qu'il ne le savait pas positivement, qu'il ignorait absolument sur quoi roulait la correspondance qu'il entretenait avec l'Impératrice, ou ce qu'elle lui faisait parvenir par le comte Féodor qui était le médiateur perpétuel entre eux, mais qu'il savait que le prince, qui était son ennemi, saisissait tout ce qui pouvait faire du tort à lui, comte Pa-

---

бы и того, что заставилъ бы г. Ребиндера, въ донесеніяхъ своихъ ко двору, выражать поменьше предпочтенія къ интересамъ города; въ настоящее же время Панинъ не можетъ имѣть вліянія на этого человѣка, который держится семьи Орловыхъ, покровительствующей ему; Императрица одобряетъ дѣйствія Ребиндера потому, что теперь она расточаетъ свои милости всѣмъ тѣмъ, которые стояли за Орловыхъ, желая этимъ показать всѣмъ, что, несмотря на удаленіе любимца, Она не забыла услугъ, которыми Она обязана ему и всей его семьѣ. Изъ разговоровъ графа Панина легко вынести заключеніе, что онъ опасается вліянія графа Орлова на Императрицу гораздо болѣе теперь, когда Орловъ въ отсутствіи, нежели боялся тогда, когда онъ былъ здѣсь. Было бы лучше, если бы министръ этотъ не вмѣшивался вовсе во внутреннія интриги, для которыхъ, по своему характеру прямому и безпечному, онъ вовсе не созданъ, или же, чтобы онъ не участвовалъ въ нихъ лишь на половину. Но, не вступая въ разсужденіе по этому предмету, я ограничился тѣмъ, что постарался узнать, принимаетъ ли графъ Орловъ непосредственное участіе въ дѣлѣ о Данцигѣ и противится ли онъ интересамъ Вашего Величества? Графъ Панинъ сказалъ, что онъ не въ состояніи отвѣтить мнѣ на это, такъ какъ самъ рѣшительно не знаетъ ни того, о чемъ переписывается Орловъ съ Императрицей, ни того, что передаетъ онъ ей черезъ графа Федора, который служитъ постояннымъ посредникомъ между ними; но Панинъ знаетъ, что Орловъ, будучи его врагомъ, ухватится за все, что можетъ по-

nin, dans l'esprit de l'Impératrice, et que si Elle lui avait communiqué ses idées sur le différend pour le port de Dantzic, il était assuré que le prince Orlow n'aura pas laissé échapper cette occasion de lui en faire un crime, que dans ce cas-là il n'y aurait personne ni à la cour, ni dans le conseil, qui entreprendrait de combattre les idées de l'Impératrice. Ce ministre a témoigné sa très humble reconnaissance de ce que V. M. veut faire passer à l'empereur des exhortations pour faire agir avec plus de vigueur le sieur Thougout à Constantinople. Il s'engage de son côté à ne pas lui laisser ignorer si au cas que la présente négociation de paix venait à se rompre, la cour de Vienne faisait faire ici des insinuations, qui tendraient à faire cause commune dans une nouvelle campagne, pour l'engager à s'expliquer plutôt, et juge à propos de faire au prince de Kaunitz des propositions pour une coopération active à la négociation à Constantinople, et c'est à ce but, qu'il a remis au prince Lobkowitz le précis de l'entretien qu'il a eu avec lui. Il croit qu'il sera en état de juger de la réponse, que le prince Kaunitz y fera, si la cour est réellement portée pour la paix, ou si elle croit trouver son intérêt dans la prolongation de la guerre.

Il m'a communiqué confidemment cette pièce pour la faire parvenir à V. M. En attendant comme cela ne doit pas être une explication ministérielle, mais particulière entre le prince Kaunitz et lui, à laquelle leurs cours ne prennent aucune part, il se flatte que V. M. voudra bien la recevoir

---

вредить ему, графу Панину, во мнѣніи Императрицы; если Она сообщила Орлову Свои мысли касательно разногласія въ вопросѣ о гавани Данцига, графъ Панинъ увѣренъ, что князь Орловъ не пропуститъ этого случая и изобразитъ его въ видѣ преступленія, и ни при дворѣ, ни въ совѣтѣ не найдется никого, кто бы въ данномъ обстоятельствѣ рѣшился опровергать мнѣніе Императрицы. Министръ этотъ выражаетъ Вашему Величеству почтительнѣйшую признательность за то, что Ваше Величество выразили желаніе убѣдить Императора въ необходимости заставить г. Тугута дѣйствовать энергичнѣе въ Константинополѣ; на случай, если настоящіе переговоры о мирѣ порвутся, и вѣнскій дворъ сдѣлаетъ здѣсь намеки на общее дѣйствіе въ новой войнѣ, то графъ Панинъ обязывается, съ своей стороны, дать понять г. Тугуту, что онъ долженъ высказаться заранѣе; въ этихъ видахъ Панинъ полагаетъ своевременнымъ сдѣлать князю Кауницу предложеніе о совмѣстномъ дѣйствіи въ переговорахъ въ Константинополѣ, и съ этою именно цѣлью онъ, Панинъ, вручилъ князю Лобковичу письменное изложеніе разговора, происходившаго между ними. Графъ Панинъ полагаетъ, что по отвѣту, который ему дастъ князь Кауницъ, онъ будетъ въ состояніи судить: дѣйствительно ли вѣнскій дворъ расположенъ къ миру, или считаетъ для себя выгоднымъ продолженіе войны. Панинъ секретно передалъ мнѣ этотъ документъ для сообщенія Вашему Величеству. Такъ какъ документъ этотъ, пока, не представляетъ изъ себя оффиціальнаго сношенія, а только частное между княземъ Кауницемъ и

comme une confidence, qu'il prend la liberté de lui faire et dont il a supplié de ne pas faire semblant d'être instruite. J'ose de mon côté faire remarquer à V. M. la façon dont le comte Panin s'est expliqué dans cette pièce au sujet de l'Angleterre, puis qu'elle me paraît propre à faire voir la manière conforme aux sentiments de V. M., dont ce ministre juge de cette cour, ce qui, quant à moi, me paraît devoir rassurer, qu'il n'entrera jamais avec elle à la légère et par pure prédilection dans des liaisons plus étroites, et que s'il a le désir de pouvoir former une alliance avec elle, ce n'est que dans la supposition qu'on pourra engager l'Angleterre à prendre une part directe au système de V. M. et de la Russie.

J'ai l'honneur de présenter à V. M. à la suite de ce rapport le précis d'un entretien du grand-maître comte de Panin avec le prince de Lobkowitz relatif à l'emploi des bons offices de la cour de Vienne auprès de la Porte pour le succès des négociations de la paix. Je suis, etc.

Précis d'un entretien du comte Panin avec le prince de Lobkowitz.

Il est bien connu à la cour Impériale et Royale combien la France fait jouer de ressorts pour brouiller toutes les affaires, qu'on peut regarder comme faisant le tableau actuel de l'activité politique de l'Europe, dans l'unique vue d'embarrasser le concert des trois cours relatif à la Pologne et d'apporter des empêchements à son exécution.

графомъ Панинымъ, въ которомъ дворы ихъ не принимаютъ участія, то графъ Панинъ надѣется, что Ваше Величество благоволите принять это какъ секретъ, который онъ осмѣливается довѣрить Вамъ и умоляетъ Ваше Величество не показывать виду, что Вы о немъ извѣщены. Съ своей стороны я осмѣливаюсь обратить вниманіе Вашего Величества на то, какъ графъ Панинъ выразился въ этомъ документѣ объ Англіи, мнѣ кажется, что его взгляды совершенно отвѣчаютъ намѣреніямъ Вашего Величества; по тому какъ судитъ этотъ министръ объ англійскомъ дворѣ слѣдуетъ заключить, что онъ никогда не вступитъ легкомысленно и изъ одного только пристрастія въ болѣе тѣсный союзъ съ этимъ государствомъ, и что если онъ и желаетъ заключить такой союзъ, то въ тѣхъ только видахъ, чтобы побудить Англію принять прямое участіе въ политической системѣ Вашего Величества и Россіи.

Имѣю честь представить Вашему Величеству, вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ, краткій отчетъ разговора между оберъ-гофмейстеромъ графомъ Панинымъ и княземъ Лобковичемъ относительно вліянія вѣнскаго двора на Порту, для обезпеченія успѣха въ переговорахъ о мирѣ.

Краткій отчетъ разговора между графомъ Панинымъ и княземъ Лобковичемъ.

Императорскому и королевскому двору хорошо извѣстно, сколько стараній употребляетъ Франція, чтобы запутать всѣ дѣла, — Франція, составляющая настоящее отраженіе политической дѣятельности Европы, съ единственной цѣлью помѣшать согласію трехъ дворовъ въ польскихъ дѣлахъ и затруднить исполненіе ихъ плана.

Ici M-r Durand ne cesse de représenter l'avantage, qu'il y aurait pour la Russie à entrer dans une intelligence plus étroite avec sa cour, par les facilités qu'elle trouverait à sortir de la position jusqu'à présent indécise de ses affaires. Ce n'est plus par des circonlocutions et à demie voix, mais ouvertement et directement, qu'il fait la proposition d'une alliance entre les deux cours, dans laquelle la Suède serait comprise, démarche qui ne tend visiblement qu'à refroidir la Russie et diminuer son activité pour l'exécution du susdit concert; car quoiqu'on ne soit pas encore allé jusqu'à lui en proposer nommément la rétrogradation, on ne manque pas de lui promettre et de chercher à lui faire entrevoir de plus grands avantages dans les nouvelles liaisons, qu'on lui propose.

En Suède on sait que la révolution qui a changé la forme du gouvernement est son ouvrage, on sait de même que tous les mouvements du roi et ses dispositions militaires depuis cette époque se font sous sa direction et à l'aide de son argent. C'est aussi elle, qui presse ce prince de profiter du moment, où la Russie se trouve encore la guerre de Turquie sur les bras, pour la forcer au renouvellement de l'alliance expirée entre les deux couronnes, à laquelle celle de France, comme il a été dit, veut aussi participer.

A Constantinople elle excite et ranime l'opiniâtreté de la Porte sur les conditions de paix, que la Russie est en position d'exiger d'elle, afin d'entraîner par là la prolongation de la guerre, de retarder la décision des affaires en Pologne par les illusions, qu'elle suppose, que se fera toujours la

---

Г. Дюранъ не перестаетъ представлять здѣсь выгоды, которыя Россія получила бы, вступивъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ его дворомъ, черезъ что могла бы выйти изъ ея настоящаго, неопредѣленнаго положенія въ дѣлахъ. Говорится безъ околичностей, не въ полголоса, а открыто, что онъ предлагаетъ союзъ двухъ дворовъ, въ который войдетъ и Швеція; такая попытка клонится видимо къ тому, чтобы охладить Россію и ослабить ея дѣятельность въ устройствѣ вышесказаннаго соглашенія; ибо, хотя Дюранъ и не дошелъ еще до предложенія Россіи выйти изъ союза трехъ дворовъ, но не пропускаетъ случая дѣлать обѣщанія и старается представить огромныя выгоды отъ новыхъ предлагаемыхъ союзовъ.

Въ Швеціи всѣ знаютъ, что революція, измѣнившая форму правленія, есть дѣло рукъ Франціи; извѣстно также, что, съ того времени, всѣ дѣйствія короля и всѣ его военныя распоряженія направляются Франціею и съ помощью ея денегъ. Она же убѣждаетъ этого короля воспользоваться моментомъ, пока Россія озабочена войной съ Турціею и принудить ее къ возобновленію истекшаго между двумя державами союза, къ которому, какъ было сказано, желаетъ присоединиться и Франція.

Въ Константинополѣ Франція подстрекаетъ и ободряетъ упорство Порты въ вопросѣ объ условіяхъ мира, которыя Россія имѣетъ право требовать, и Франція дѣлаетъ это въ тѣхъ видахъ, чтобы продолженіемъ войны затянуть окончаніе дѣлъ въ

nation sur l'issue de cette guerre des Turcs, entreprise, pour elle, enfin, de tenir par cette déclaration la Russie hors de mesure de pourvoir aux affaires de Suède, et de l'engager à la fin, par la considération de sa propre tranquillité, à entendre aux propositions qu'on lui fait de ce côté-là et de sa part.

Il n'est point de cour, où elle n'intrigue, et qu'elle ne cherche à animer contre le partage de la Pologne. L'Angleterre elle-même, si on ne voit pas, qu'elle ait pu la décider à faire cause commune avec elle, du moins est-il très connu et senti par les effets, que le ministère britannique est déjà séduit et prévenu jusqu'à faire appuyer par son ministre à Constantinople toutes les cabales de la France contre la paix par l'object indirect du commerce sur la mer Noire.

Vous savez, mon prince, quel est déjà l'effet senti de toutes ces intrigues dans notre négociation. Or, il est certain, que lorsque ma cour s'est relâchée par déférence pour LL. MM. II. et RR. sur la restitution de la Wallachie et de la Moldavie, nulle autre considération au monde ne l'aurait pu porter à un tel sacrifice. Il était naturel aussi pour elle et pour la cour impériale et royale de penser, que les termes modérés, où par là se trouvaient réduites nos conditions, faciliteraient la conclusion de la paix, et sans doute elle était immanquable, sans les nouveaux ressorts, que l'on met en jeu.

Dans une telle position ce serait un acte conforme à l'équité de LL.

Польшѣ иллюзіями, которыя нація эта, по предложенію Франціи, будетъ всегда питать на счетъ исхода войны съ Турціею, — войны, предпринятой ради ея; такимъ образомъ, поставивъ Россію въ невозможность слѣдить за дѣлами Швеціи, убѣдить ее, наконецъ, ради собственнаго спокойствія, склониться на предложенія, дѣлаемыя ей Франціею.

Нѣтъ ни одного двора, гдѣ бы она не интриговала и не старалась возстанавливать всѣхъ противъ раздѣла Польши. Хотя до сихъ поръ не видно еще, чтобы она успѣла убѣдить Англію дѣйствовать заодно съ нею, тѣмъ не менѣе во всѣхъ дѣйствіяхъ Англіи явно выражается то, что британское министерство уже обольщено и предубѣждено на столько, что, черезъ посла своего въ Константинополѣ, поддерживаетъ интриги Франціи противъ мира, преслѣдуя косвенный вопросъ о торговлѣ въ Черномъ морѣ.

Вамъ извѣстно, князь, какъ повліяли уже всѣ эти интриги на наши переговоры. Однако, несомнѣнно, что когда дворъ мой согласился возвратить Молдавію и Валахію, онъ дѣлалъ этимъ уступку ихъ императорскимъ и королевскимъ Величествамъ, и никакое другое соображеніе не могло склонить его на подобную жертву. Было бы совершенно естественно, какъ русскому, такъ и императорскому и королевскому дворамъ думать, что умѣренныя рамки, въ которыя были поставлены наши условія, должны бы облегчить заключеніе мира, и миръ былъ бы неминуемъ, если бы не эти новыя интриги, пущенныя въ ходъ.

При такомъ положеніи вещей, было бы дѣломъ справедливымъ со стороны ихъ

MM. II. et RR. et une suite naturelle de l'intérêt, qu'elles ont et ont témoigné dans le principe au rétablissement de la paix, qu'elles voulussent bien prescrire à leur ministre à Constantinople, d'ouvrir les yeux à la Porte sur cette double intrigue de la France, qui agit à la fois auprès de la Russie et auprès d'elle à la faveur de la Suède. A la suite de cela de lui représenter, que si la Porte, qui ne doit qu'à leur intercession la restitution de la Wallachie et de la Moldavie, se laisse entraîner par des vues étrangères à prolonger les calamités de la guerre, tandis que par cet effet de leurs bons offices elle peut obtenir une paix équitable, non seulement elles abandonnent au sort ultérieur des armes l'état de ces deux provinces, sans intercéder davantage pour leur restitution à la Porte, mais que pour elles-mêmes elles prendront sur leurs frontières tels arrangements qui pourront être conseillés par les circonstances, pour faire cesser les troubles dans leur voisinage.

Enfin de lui déclarer, que de même que pour le maintien de l'équilibre, lorsque les deux puissances étant seules en guerre et voyant les avantages pencher trop du côté de la Russie, LL. MM. II. et RR. se sont intéressées en faveur de la Porte pour la faire sortir d'affaires avec moins de perte, de même si dans la continuation de la guerre la Porte compte sur une diversion de la part de la Suède, et qu'elle croie tirer parti d'une telle dislocation, LL. MM. ne resteront point spectatrices tranquilles des événements, et ne

---

императорскихъ и королевскихъ Величествъ и естественнымъ послѣдствіемъ участія, которое они показывали къ принципу возстановленія мира, чтобы имъ благоугодно было предписать послу ихъ въ Константинополѣ обратить вниманіе Порты на эту двойную игру Франціи, дѣйствующей въ интересахъ Швеціи, одновременно и при русскомъ дворѣ и при Портѣ.

Вслѣдствіе этого, Портѣ можно внушить, что если она, обязанная возвращеніемъ ей Молдавіи и Валахіи единственно заступничеству вѣнскаго двора, позволитъ иностраннымъ интригамъ увлечь себя и будетъ продолжать бѣдствія войны, между тѣмъ какъ черезъ доброе посредничество ихъ императорскихъ и королевскихъ Величествъ могла бы добиться справедливаго мира, — то они не только оставляютъ судьбу этихъ провинцій на произволъ дальнѣйшихъ случайностей войны, не ходатайствуя больше о возвращеніи ихъ Портѣ, но и на собственныхъ границахъ сдѣлаютъ такія распоряженія, какія могутъ требоваться обстоятельствами, дабы прекратить безпорядки въ ихъ сосѣдствѣ.

Наконецъ можно объявить ей, что если для поддержанія равновѣсія между двумя воюющими державами ихъ императорскія и королевскія Величества, видя, что выгоды слишкомъ клонятся на сторону Россіи, приняли участіе въ Портѣ, чтобы помочь ей выйти изъ ея положенія съ меньшей потерей, то точно также, если Порта продолженіемъ войны разсчитываетъ на диверсію со стороны Швеціи и надѣется выгадать что нибудь отъ такого поворота дѣлъ, — Ихъ Величества никакъ не останутся спо-

feront pas moins en faveur de la Russie, qu'elles n'ont voulu faire en faveur de la Porte.

Je vous prie, mon prince, de présenter à Mr. le prince de Kaunitz ce point de vue de notre position. J'ai trop de confiance dans sa droiture et l'honnêteté de sa politique pour douter que ses représentations et les démarches de votre cour ne justifient notre attente.

№ 705.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi Frédéric II.

A St. Pétersbourg, le 15 (26) Février 1773.

Il est aisé de s'apercevoir par les propos du comte Panin, qu'il craint davantage les influences du prince Orlow sur l'esprit de sa souveraine dans l'éloignement, qu'il ne faisait lorsqu'il était sur les lieux. Il aurait donc mieux valu pour le ministre, ou de ne se mêler du tout de ces cabales intérieures, qui ne sont pas faites pour un coeur aussi droit que le sien, ni pour un caractère aussi indolent, ou de ne pas s'en mêler à demi; mais sans vouloir entrer dans cette discussion, j'ai tâché seulement de savoir, s'il avait des raisons de croire, que le prince Orlow prendrait quelque part directe dans cette affaire de Dantzig, et qu'il fût contraire à V. M. — Il me dit qu'il ne savait le dire positivement, qu'il ignorait absolument sur quoi pouvait rouler

---

койными зрителями этихъ событій и для пользы Россіи сдѣлаютъ не менѣе того, что хотѣли сдѣлать для Порты.

Прошу васъ, князь, представить князю Кауницу этотъ взглядъ на наше положеніе. Я слишкомъ вѣрю въ его прямоту и въ честность его политики, чтобы сомнѣваться въ томъ, что его представленія и попытки его двора не оправдали бы нашихъ ожиданій.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 15-го (26-го) февраля 1773 г.

№ 705. Изъ словъ графа Панина легко замѣтить, что онъ опасается вліянія князя Орлова на Императрицу гораздо болѣе теперь, издалека, нежели тогда, когда онъ былъ здѣсь. Желательно, чтобы министръ этотъ не вмѣшивался во внутреннія козни; это такъ несвойственно ни его правдивому сердцу, ни его беззаботному характеру; но, не желая касаться этого предмета, я старался только узнать, имѣетъ ли онъ основаніе думать, что князь Орловъ приметъ сколько нибудь прямое участіе въ дѣлѣ по вопросу о Данцигѣ и будетъ ли онъ враждебенъ Вашему Величеству? Графъ Панинъ отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ сказать утвердительно, ибо онъ рѣшительно не

la correspondance qu'il entretenait avec S. M. I., ni ce que celle-ci lui faisait parvenir par le canal du comte Feodor, qui était le médiateur perpétuel entre eux, mais qu'il savait, que le prince, qui était son ennemi, cherchait à s'accrocher à tout ce qui pouvait lui faire du tort dans l'esprit de leur souveraine et que si S. M. lui avait communiqué ses idées sur le port de Dantzig, il était certain, qu'il ne l'aurait pas laissé échapper, pour lui en faire un crime, et que dans ce cas-là, personne ni à la cour, ni dans le Conseil, entreprendrait de contredire les idées de l'Impératrice.

№ 706.

Le comte de Solms au roi. P.-S. ad relat.

A St. Pétersbourg, le 19 Février (2 Mars) 1773.

Mr. Saldern n'est pas trop content de la manière trop indépendante et despotique dont l'Impératrice, depuis l'absence du c. d'Orlow, traite les affaires et les hommes, et quoiqu'il n'ait aucune raison de se plaindre personnellement, puisqu'au contraire Elle le consulte et lui demande ses avis, — il souffre cependant de la manière dont il voit qu'Elle néglige le comte Panin, et qu'Elle cherche à lui faire de la peine. Le Sr. Saldern regarde celui-ci comme son protecteur et son ami, et comme il craint même, que ce ministre aura de la peine à résister à la longue aux cabales sourdes du pr.

знаетъ, о чемъ идетъ переписка Орлова съ Ея Императорскимъ Величествомъ; не знаетъ и того, о чемъ Государыня доводитъ до его свѣдѣнія, черезъ посредство графа Федора Орлова, постояннаго между ними посредника; но ему извѣстно, что князь, будучи его врагомъ, воспользуется всѣмъ, чтобы только повредить ему во мнѣніи Государыни, и если Ея Императорское Величество сообщила ему свои мысли о данцигскомъ портѣ, то несомнѣнно, что онъ не пропустилъ бы случая поставить это въ преступленіе ему, графу Панину, и что тогда, ни при дворѣ, ни въ совѣтѣ, никто не рѣшился бы противорѣчить Государынѣ.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 19-го февраля (2-го марта) 1773 г.

№ 706. Г. Сальдернъ не очень доволенъ тѣмъ самостоятельнымъ и деспотическимъ способомъ вести дѣла и обращаться съ людьми, который Императрица усвоила себѣ, послѣ удаленія графа Орлова; и хотя самъ онъ не имѣетъ никакихъ причинъ жаловаться, такъ какъ съ нимъ Императрица и совѣтуется и спрашиваетъ его мнѣній, — но онъ скорбитъ, видя, какъ Она пренебрегаетъ графомъ Панинымъ и какъ Она старается огорчать его. Г. Сальдернъ, считая его своимъ покровителемъ и другомъ и опасаясь, что министръ этотъ, въ концѣ концевъ, не будетъ въ состояніи выдержать

Orlow, il m'a avoué, que pour sa propre personne il songeait à sa retraite et de se mettre à l'abri, à l'âge de 62 ans, des orages qui pourraient survenir.

№ 707.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

à Berlin, le 2 de Mars 1773.

J'ai reçu votre dépêche du 12 de Février sur le contenu de laquelle je n'ai rien à vous mander, si ce n'est que j'attendrai le plan de direction que vous m'y annoncez pour les ministres des trois cours à Varsovie durant la négociation de la prochaine diète.

Le Sr. Benoît m'a mandé, que le ministère de la république souhaiterait de commencer des conférences réglées avec les ministres des trois cours pour arranger les projets à proposer à la diète sur les différentes matières qui y seront à discuter. Je crois en effet que ces conférences pourraient être très-utiles pour préparer les matières et en accélérer la conclusion, lorsque la diète sera rassemblée. Mais j'ai répondu au Sr. Benoît que je me conformerais en cela à ce que la cour de Russie jugerait à propos d'en décider et que c'était au baron de Stackelberg à demander sur ce sujet des ordres. J'attendrai donc que vous me mandiez ce que l'on aura déterminé en conséquence à Pétersbourg, mon intention étant d'agir en cela comme en tout autre point concernant les affaires de Pologne d'un parfait concert avec l'Impératrice de Russie.

козней графа Орлова, признался мнѣ, что и самъ подумываетъ, какъ бы удалиться и оберечь себя на 62-мъ году жизни отъ могущихъ разразиться бурь.

Графъ Финкенштейнъ и г. Герцбергъ графу Сольмсу.

Берлинъ, 2-го марта 1773 г.

№ 707. Я получилъ ваше письмо отъ 12 го февраля, на содержаніе коего не имѣю ничего сообщить кромѣ того, что буду ждать, возвѣщеннаго вами, плана инструкцій посламъ трехъ дворовъ въ Варшавѣ, на время переговоровъ предстоящаго сейма.

Г. Бенуа увѣдомилъ меня, что республиканское министерство желало бы начать правильныя совѣщанія съ послами трехъ державъ, дабы условиться на счетъ проектовъ по различнымъ вопросамъ, которые будутъ разсматриваться на сеймѣ. Я думаю, что совѣщанія эти дѣйствительно могли бы быть полезны, для подготовленія вопросовъ и ускоренія ихъ разрѣшенія на сеймѣ. Я отвѣтилъ, однако, г. Бенуа, что въ этомъ я буду согласоваться съ рѣшеніемъ, которое русскій дворъ найдетъ нужнымъ принять, и что баронъ Штакельбергъ долженъ спросить приказаній по этому предмету. И такъ, я буду ждать вашихъ сообщеній о томъ, на что, въ данномъ случаѣ, рѣшатся въ Петербургѣ; я намѣренъ дѣйствовать, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Польши, въ полномъ согласіи съ русской Императрицей.

№ 708.

Dépêche du comte Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 5 (16) Mars 1773.

Dimanche passé le comte d'Orlow est revenu de Rével et a paru fort inopinément au cercle public de la cour. Quoiqu'il soit certain, qu'il n'a pas fait cette apparition à l'insu et sans la permission de sa souveraine, cette chose a été traitée avec tant de secret, que son apparition a surpris beaucoup de personnes. Il est vrai qu'on avait depuis plusieurs jours parlé qu'il arriverait, mais comme on débite continuellement tant de choses à son sujet, on ne fait plus presque attention à ces bruits. On ignore s'il s'arrêtera quelques jours ici, où s'il ira ailleurs, ni quel est proprement le motif de sa venue. Il y a des gens qui prétendent qu'il y a une cabale pour lui faire donner le commandement de la grande armée, et que le comte Romanzoff pourrait lui-même y avoir fourni le prétexte par les plaintes qu'il a faites sur la faiblesse de sa santé, — mais ce sont des choses qu'il est impossible de pénétrer d'avance. Au reste, S. M. I., quoiqu'il s'était présenté à Elle avant que de paraître en public, lui a parlé encore beaucoup au cercle des choses relatives à son séjour à Rével, mais en même temps, Elle a aussi souvent adressé la parole au nouveau favori, pour faire voir pour ainsi dire publiquement, qu'en continuant ses bonnes grâces à l'un, Elle ne songe pas à retirer ses faveurs à l'autre.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 5-го (16-го) марта 1773 г.

№ 708. Въ прошлое воскресенье графъ Орловъ вернулся изъ Ревеля и совершенно неожиданно явился въ публичное собраніе при дворѣ. Хотя вѣроятно, что появленіе его было съ вѣденія и разрѣшенія Императрицы, но дѣло это велось въ такомъ секретѣ, что поразило очень многихъ. Правда, въ теченіи нѣсколькихъ дней, говорили о томъ, что онъ вернется; но въ виду того, что разговоровъ о немъ такъ много, на слухи и не обращаютъ почти никакого вниманія. Не знаютъ, останется ли онъ здѣсь на нѣсколько дней, или отправится въ другое мѣсто, и вообще какой былъ предлогъ для его пріѣзда. Есть люди, предполагающіе, что существуетъ заговоръ, чтобы предоставить ему главное командованіе арміей, что графъ Румянцевъ самъ далъ тому поводъ, жалуясь постоянно на слабость здоровья; но все это трудно разгадать. Хотя и Орловъ представился Ея Императорскому Величеству раньше чѣмъ появился оффиціально при дворѣ, но на вечерѣ Императрица много разговаривала съ нимъ о его пребываніи въ Ревелѣ; въ то же время Она часто обращалась съ рѣчью и къ новому любимцу, желая этимъ какъ бы всѣмъ показать, что, продолжая оказывать свою милость одному, Она не думаетъ отнимать своей благосклонности отъ другого.

№ 709.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 12 (23) Mars 1773.

. . . . Le nouveau séjour du comte Orlow n'offre encore rien de remarquable; c'est, si on ose le dire, une comédie que S. M. I. se plait à jouer pour dérouter tout le monde, et qu'Elle pourrait faire finir, si Elle le trouvait bon. Il est certain qu'Elle désire de le faire rentrer, à la fin de l'année, qui lui a été donnée pour son congé, dans tous ses emplois, mais Elle observe des ménagements dont on ignore le motif; lui, en attendant, affecte une indifférence et montre une liberté d'esprit extraordinaire. Il ne cherche qu'à s'amuser et il fréquente toutes les sociétés en ville. Quelqu'un de ses amis lui ayant parlé du bruit qui courait, comme s'il devait avoir le commandement de l'armée, il s'en est fort offensé, et a dit, qu'on ne devait pas le croire si dépourvu de bon sens, que de s'exposer une seconde fois au risque de se casser le col; qu'il savait qu'il n'était pas propre à cela et qu'il ne prêterait pas son nom à un autre pour commander sous lui l'armée. Il dit être intentionné d'aller voir ses terres en Russie, mais qu'il n'est pas sûr, si cela se fera, qu'il remet la décision de son sort entre les mains de l'Impératrice; qu'il fera tout ce qu'Elle lui ordonnera, mais que sans ses ordres exprès il ne reprendra aucune de ses charges avant la fin de l'année.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 12-го (23-го) марта 1773 г.

№ 709. . . . Настоящее пребываніе графа Орлова не представляетъ ничего достопримѣчательнаго; это, если позволительно такъ выразиться, комедія, которую разъигрываетъ Ея Императорское Величество, чтобы сбить всѣхъ съ толку, и которую Она можетъ прекратить, какъ только пожелаетъ. Достовѣрно, что къ концу года, когда истекаетъ срокъ его отпуска, Она хочетъ вернуть его ко всѣмъ его должностямъ; но при этомъ соблюдаетъ осторожность, причина которой не извѣстна; онъ же, пока, притворяется равнодушнымъ, говоритъ и держитъ себя чрезвычайно свободно. Онъ ищетъ только развлеченій и посѣщаетъ всѣ общества. Кто-то изъ друзей его сообщилъ ему слухъ, будто бы онъ получитъ командованіе арміей; онъ очень этимъ оскорбился и сказалъ, что не слѣдуетъ считать его лишеннымъ здраваго смысла, ибо онъ не намѣренъ вторично подвергать себя опасности сломать себѣ шею; что онъ считаетъ себя не способнымъ на это дѣло и не позволилъ бы, подъ своимъ именемъ, командовать арміей другому. Онъ говоритъ, что желалъ бы съѣздить для осмотра своихъ помѣстій въ Россіи, но не увѣренъ, можетъ ли это осуществиться, что судьбу свою онъ ввѣряетъ въ руки Императрицы и будетъ исполнять все, что Она ему прикажетъ, но что безъ Ея положительнаго приказанія онъ не вступитъ въ управленіе ни одной изъ своихъ должностей, до конца года.

№ 710.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 9 d'Avril. A St. Pétersbourg, le 15 (26) Mars 1773.

J'ai eu l'honneur de recevoir avec la poste d'hier les ordres immédiats et médiats de V. M. du 11 et du 13 de ce mois avec trois pièces ajoutées, contenant des nouvelles de France et d'Angleterre, et une quatrième, le mémoire du comte de Wielhorsky au ministère de France. J'ai fait parvenir au comte de Panin deux de ces pièces en original et des extraits des deux autres qui se trouvaient chiffrées, — et j'ai parlé le soir sur le contenu des deux ordres immédiats. Pour ce qui regarde l'établissement d'une caisse commune, il demeure persuadé, qu'elle est d'une nécessité indispensable, non pas pour corrompre les grands, mais pour soutenir et pour faire vivre les petits indigents, dont on aurait besoin. Il dit que jusqu'ici la Russie avait fourni à ces besoins, mais que depuis que V. M. et la cour de Vienne avaient aggréé de partager la conduite des affaires de Pologne avec elle, il avait cru qu'il lui serait permis de leur proposer de concourir à la dépense dans cette circonstance. Qu'il dépendrait de LL. MM. II. et RR. de s'assurer de la supériorité et de tenir tête aux intrigues, qui n'étaient conduites que par l'argent. Quant aux précautions à prendre pour garantir la sûreté personnelle

---

Графъ Сольмсъ королю.

Представлено 9-го апрѣля. С.-Петербургъ, 15-го (26-го) марта 1773 г.

№ 710. Я имѣлъ честь получить со вчерашней почтой министерскія и непосредственныя приказанія Вашего Величества отъ 11 и 13 этого мѣсяца, а также три документа, заключающіе извѣстія о Франціи и Англіи и четвертый — записку графа Віельгорскаго къ французскому правительству. Изъ этихъ документовъ я препроводилъ къ графу Панину два — въ подлинникѣ, изъ двухъ же другихъ, которые были шифрованы, сдѣлалъ извлеченія, а вечеромъ говорилъ ему о содержаніи двухъ непосредственныхъ приказаній. Что касается до учрежденія общей кассы, то графъ Панинъ убѣжденъ по прежнему въ ея крайней необходимости, не для подкупа вельможъ, но для поддержанія существованія мелкихъ бѣдняковъ, въ которыхъ можетъ быть надобность. Графъ Панинъ говоритъ, что до сихъ поръ Россія удовлетворяла эти нужды, но съ того времени, какъ Ваше Величество и вѣнскій дворъ согласились принять участіе въ управленіи дѣлами Польши, Панинъ полагалъ, что ему дозволено будетъ предложить Вашему Величеству и вѣнскому двору раздѣлить расходы въ данномъ обстоятельствѣ. Отъ Ихъ Императорскихъ и Королевскихъ Величествъ будетъ зависѣть завладѣть положеніемъ и противодѣйствовать интригамъ, которыя велись только при помощи денегъ. Что же касается предосторожностей для охраны личной

du roi de Pologne, ce ministre croit que si la pacification se fait sincèrement, l'animosité de la nation contre le roi pourra peut-être se calmer, parce que les polonais devraient craindre, qu'un nouvel interrègne les exposerait à de nouveaux troubles et à la rentrée des troupes étrangères, qui dans le cas d'une vacance amenée par la violence reviendraient dans leur pays. La garde, toute composée d'étrangers, occasionnerait des soupçons contre ce prince, d'avoir des vues de se rendre souverain, puisque sous le règne des princes saxons l'entretien des troupes étrangères avait fait un des principaux griefs de la nation. Enfin il convenait, que le cas était réellement critique et qu'il serait nécessaire de songer aux moyens de le mettre à l'abri de la crainte d'un attentat contre sa personne.

Il a paru applaudir à l'idée de V. M. de la défense à tout palatin ou autre grand du royaume, de n'avoir jamais au-delà de 60 hommes de troupes domestiques. Il prétend avoir déjà songé à cela et va faire ajouter cet article aux instructions du baron de Stackelberg. Celui-ci, en lui donnant des espérances sur la réussite de la diète de pacification, lui a mandé que l'abolition de la loi pénale contre les catholiques, qui embrasseraient des religions dissidentes, passerait difficilement. Le ministre lui a avoué, que sur cet article il ne saurait faire cause commune avec lui et avec le ministre de V. M. Il lui a fait confidence, que sur les exhortations du Pape il avait reçu de l'Impératrice-Reine des ordres secrets, de se bien garder d'abandonner

---

безопасности польскаго короля, министръ предполагаетъ, что если послѣдуетъ искреннее умиротвореніе, то враждебное настроеніе націи противъ короля, быть можетъ, утихнетъ; поляки должны были-бы опасаться, что новое междуцарствіе повлечетъ и новыя смуты, а за ними послѣдуетъ и вступленіе иностранныхъ войскъ въ страну, если тронъ ея станетъ вакантнымъ вслѣдствіе насилія. Гвардія, состоящая вся изъ иностранцевъ, могла бы навлечь подозрѣнія на короля въ намѣреніи его стать самодержавнымъ, ибо за время правленія саксонскихъ принцевъ главной причиной недовольства націи было содержаніе иностранныхъ войскъ. Наконецъ, графъ Панинъ находитъ, что положеніе дѣйствительно опасно и признаетъ необходимость подумать о мѣрахъ, которыя бы могли оградить личную безопасность короля. Графъ Панинъ, вполнѣ, повидимому, одобряетъ мысль Вашего Величества, запретить навсегда воеводамъ и другимъ вельможамъ королевства держать при себѣ болѣе 60 человѣкъ стражи. Онъ говоритъ, что самъ объ этомъ думалъ и намѣренъ прибавить этотъ пунктъ къ инструкціямъ, даннымъ барону Штакельбергу. Сей послѣдній, выражая надежду на успѣхъ умиротворенія на сеймѣ, сообщалъ Панину, что отмѣна карательнаго закона противъ католиковъ, переходящихъ въ другія вѣроисповѣданія, встрѣтитъ затрудненія. Посолъ (Австріи) признался, что по этому вопросу онъ не можетъ дѣйствовать за одно съ графомъ Панинымъ и съ посломъ Вашего Величества. Онъ сообщилъ по секрету, что, вслѣдствіе увѣщаній Папы, Императрица-Королева дала ему секретныя

les intérêts de la catholicité et de ne suivre que les instructions particulières que l'Impératrice lui donnerait. Pour ce qui est enfin de l'affaire de Dantzig, le comte Panin ne se permet plus, Sire, de vous faire des représentations respectueuses. Il attend, qu'il apprendra par vos ordres prochains la résolution finale, qu'il vous aura plu de prendre après en conséquence de mes très humbles rapports, — postscripts à celui, sur lequel elle a daigné répondre par l'immédiate du 13 de ce mois, et ce qu'elle aura trouvé bon de résoudre sur la note verbale, qui contient les sentiments de l'Impératrice de Russie. . . . . Je suis, etc.

№ 711.

Dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 22 Mars (2 d'Avril) 1773.

Sire! Le nouvel essai que le comte Panin a fait pour faire changer d'idée à sa Souveraine au sujet de Dantzig, n'a pas été bien accueilli. S. M. Impériale a déclaré, qu'après s'être chargée de garantir à la ville sa liberté et son indépendance, Elle ne pouvait pas consentir qu'elle fût cédée à une puissance étrangère et qu'Elle appelait céder la ville, que d'en remettre en d'autres mains le port, sans la conservation duquel elle ne pouvait plus être considérée, ni de la part de la Russie, ni de celle d'aucune autre puissance

---

приказанія отнюдь не нарушать интересы католической церкви, а слѣдовать только особымъ инструкціямъ, которыя ему будетъ давать Императрица-Королева.

Что касается вопроса о Данцигѣ, графъ Панинъ не позволяетъ себѣ больше дѣлать Вамъ, Государь, представленій. Онъ ждетъ окончательнаго рѣшенія, которое Вашему Величеству угодно будетъ принять послѣ моихъ дополнительныхъ рапортовъ къ тому моему донесенію, на которое Вы удостоили отвѣтомъ отъ 13 этого мѣсяца, онъ ожидаетъ также, чѣмъ угодно будетъ Вашему Величеству разрѣшить мое заявленіе о намѣреніяхъ Императрицы.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

Представлено 16-го апрѣля. С.-Петербургъ, 22-го марта (2-го апрѣля) 1773 г.

№ 711. Ваше Величество! Новая попытка, сдѣланная графомъ Панинымъ, склонить Государыню къ перемѣнѣ Ея намѣренія относительно Данцига, — была принята неблагосклонно. Ея Императорское Величество заявила, что послѣ того, какъ она поручилась гарантировать свободу и независимость города, Она не можетъ согласиться, чтобы онъ былъ уступленъ иностранной державѣ, и что подъ уступкой города Она понимаетъ разрѣшеніе отдать въ чужія руки гавань, безъ владѣнія которой городъ не можетъ быть признанъ комерческимъ и независимымъ, ни Россіей ни

dans la qualité de ville commerçante et indépendante. Elle a ajouté, qu'à moins de ne pas vouloir trahir la Russie, on ne pouvait pas Lui conseiller d'adopter d'autres sentiments. Le comte Panin, qui a été fort mortifié de cette réponse, me dit, qu'après ceci il n'osait plus se charger de parler de cette affaire à l'Impératrice et qu'il vous suppliait, Sire, de vouloir pour le présent vous contenter de l'équivalent en argent comptant, auquel la ville serait forcée de souscrire, pour racheter une fois pour toutes, ou annuellement, comme vous le jugerez à propos, la liberté de faire percevoir les revenus de port en son propre nom. D'autres membres du conseil et nommément le général comte de Czernischeff, m'ont répété la même chose, et me confirment dans la persuasion, qu'on ne s'opposera point du côté de la Russie aux conditions quelque onéreuses qu'elles pourront être, que V. M. exigera de la ville de Dantzig. On a pris ici en délibération les conseils de V. M. relativement à la prévoyance pour la sûreté de la personne du roi de Pologne, et il a été résolu de donner au baron de Stackelberg des ordres pour travailler à établir une garde composée d'étrangers pour S. M. Polonaise, et surtout aussi à faire abolir l'entretien des troupes domestiques par les grands seigneurs polonais. . . . . Pour le présent V. M. me permettra de lui représenter très humblement, que j'ai frappé à toutes les portes, par lesquelles j'ai cru qu'il serait possible de parvenir à effectuer un changement dans la façon de penser de l'Impératrice (au sujet de Dantzig). Tout ce que cela a pu produire, c'est qu'on Lui a fait prendre la résolution de se

---

какой либо другой державой. Она присовокупила, что совѣтовать ей поступать иначе, можно развѣ при желаніи предать Россію. Графъ Панинъ, глубоко оскорбленный этимъ отвѣтомъ, сказалъ мнѣ, что онъ не смѣетъ болѣе говорить объ этомъ дѣлѣ съ Императрицей и умоляетъ Васъ, Государь, удовольствоваться пока денежнымъ вознагражденіемъ, которое городъ долженъ обязаться уплатить, если хочетъ, разъ навсегда, или ежегодно, какъ вы найдете удобнѣе, получить право взимать доходъ съ гавани, отъ своего имени. Другіе члены совѣта, а именно генералъ графъ Чернышевъ, повторили мнѣ то же самое и увѣряютъ меня, что Россія не будетъ протестовать противъ условій, поставленныхъ Вашимъ Величествомъ, какъ бы ни были убыточны эти условія для города Данцига. Совѣты Вашего Величества, относительно охраны особы короля польскаго, приняты здѣсь въ соображеніе и рѣшено дать приказаніе барону Штакельбергу хлопотать объ учрежденіи стражи изъ иностранцевъ для его величества короля, и особенно стараться упразднить войска, содержимыя самими польскими магнатами для себя.... Ваше Величество позволите мнѣ почтительнѣйше доложить Вамъ, что я хлопоталъ всюду, гдѣ только разсчитывалъ найти способъ повліять на образъ мыслей Императрицы (по вопросу о Данцигѣ). Единственно чего я могъ достигнуть, это — что убѣдили Императрицу объявить себя принимающей, въ на-

déclarer nommément pour le parti de V. M. contre la ville. Les dames n'ont pû être d'aucune utilité en cette occasion. Ce n'est pas le siècle des femmes présentement en Russie. L'Impératrice ne vit familièrement qu'avec la seule comtesse de Bruce et celle-ci n'ose jamais lui parler d'affaires. L'unique espérance que j'avais était fondée sur le comte Zachar Chernishoff. Il se montrait disposé à vouloir s'employer, mais sachant la dernière réponse de l'Impératrice au comte Panin, il se dédit aussi et ne veut pas se hasarder. V. M. aura aperçu, par la première partie de ce rapport, les raisons qui défendent au comte Panin même de s'en charger davantage. Pour ce qui est de la situation de ce ministre, quoiqu'elle ne soit pas si agréable vis-à-vis de sa souveraine qu'elle l'était ci-devant, je suis persuadé cependant qu'elle n'est pas si dangereuse, qu'il ait une disgrâce formelle à craindre. Le comte d'Orlow même s'est déclaré là-dessus, que quoiqu'il avait à se plaindre du tort qu'il lui avait fait, il ne voudrait jamais pousser sa vengeance contre un ministre tel que celui-ci, qu'il était obligé de respecter, à cause de ses sentiments intérieurs d'honnêteté et de patriotisme; S. M. Impériale, n'étant pas poussée, ne le renverra pas d'Elle-même dans un temps aussi critique que l'est celui d'à présent, et lui-même, le comte Panin, supportera de petites mortifications, plutôt que d'abandonner le timon dans ce temps orageux, quoiqu'il paraisse bien intentionné, après cette paix et la pacification des affaires de Pologne, de quitter le ministère et de conserver seulement sa place auprès du Grand-Duc. Si cependant, contre toute appa-

---

стоящее время, сторону Вашего Величества противъ города. Дамы были совершенно безполезны, въ данномъ случаѣ. Теперь не вѣкъ женщинъ въ Россіи. Государыня интимна только съ одной графиней Брюссъ, а эта послѣдняя никогда не осмѣливается говорить о дѣлахъ. Я возлагалъ единственную надежду на графа Захара Чернышева. Онъ, казалось, былъ расположенъ предложить свои услуги, но, узнавъ о послѣднемъ отвѣтѣ Императрицы графу Панину, — отказался тоже и не хочетъ рисковать. — Изъ начала этого донесенія Ваше Величество изволите усмотрѣть, какія причины запрещаютъ графу Панину дальше руководить этимъ дѣломъ. Что же касается положенія самаго министра, то хотя оно и не такъ пріятно по отношенію къ Императрицѣ, какъ было прежде, я, однако, увѣренъ, что оно не настолько опасно, чтобы можно было бояться открытой немилости. Даже графъ Орловъ высказался по этому предмету такъ, что хотя онъ и могъ бы сѣтовать на вредъ ему сдѣланный Панинымъ, но никогда не захочетъ мстить этому министру, ибо не можетъ не уважать его за его честность и патріотизмъ; Ея Императорское Величество, не будучи подстрекаема, не отстранитъ его отъ дѣлъ въ такое критическое время; а самъ графъ Панинъ перенесетъ маленькія оскорбленія скорѣй чѣмъ оставитъ кормило правленія въ настоящее бурное время, хотя онъ, кажется, твердо рѣшился, послѣ заключенія мира и улаженія польскихъ дѣлъ, отказаться отъ министерства, сохраняя только свое мѣсто при особѣ великаго князя. Но если, несмотря на все и противъ всякой очевидности, явилась бы

rence, il eût un malheur à craindre, je ne pense pas que le nouveau favori serait un appui assez fort pour lui dans une telle circonstance. Cet homme n'a pas assez de crédit lui-même pour avoir de l'influence dans les affaires, et il ne paraît pas avoir assez de génie pour s'en procurer. Tout ce qu'il peut, c'est de s'intéresser pour des particuliers ses amis, ou ses parents, ce qu'il fait même avec beaucoup de retenue; mais, d'ailleurs, les recommandations du comte Orlow, quoiqu'absent, auront toujours plus d'effet que celles de celui-ci sur les lieux. . . . .

On prépare au port de Czarskosélo (Cronstadt?) deux yachts, qui aussitôt que la mer sera dégagée de glaces doivent aller à Lübeck, pour y attendre M-e la landgrave de Darmstadt et la conduire ici avec les deux princesses ses filles. On arrange aussi, tant au palais d'hiver d'ici qu'aux châteaux de Czarskosélo et de Péterhoff, des appartements pour y loger ces princesses à leur arrivée. Quoiqu'on n'ait rien publié jusqu'ici sur ce qui regarde ces préparatifs pour le futur mariage du Grand-Duc, la chose s'est cependant tellement divulguée, qu'on en parle assez ouvertement.

№ 712.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 16 d'Avril. A St. Pétersbourg, le 22 Mars (2 d'Avril) 1773.

Les nouvelles qu'on a reçues jusqu'ici de l'augmentation de l'armée

---

для него опасность, я не думаю, чтобы новый любимецъ могъ быть ему опорой, въ подобномъ обстоятельствѣ. Этотъ человѣкъ самъ не имѣетъ довольно власти, чтобы оказать вліяніе на дѣла и, кажется, въ немъ нѣтъ того таланта, который помогъ бы ему пріобрѣсти вліяніе. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это — покровительствовать нѣкоторымъ лицамъ изъ своихъ друзей и родственниковъ; да и за это онъ берется съ большой осторожностью; притомъ же, рекомендація графа Орлова, хотя и отсутствующаго, будетъ всегда имѣть больше вѣса, чѣмъ ходатайство Васильчикова, несмотря на то, что онъ вблизи...

Въ гавани Кронштадта (?) снаряжаютъ двѣ яхты, которыя, какъ только море очистится отъ льда, должны отплыть въ Любекъ, гдѣ онѣ будутъ дожидаться ландграфини Дармштадтской, чтобы привезти ее сюда съ двумя принцессами, ея дочерьми. Въ покояхъ зимняго дворца здѣсь, а также во дворцахъ Царскаго Села и Петергофа дѣлаются приготовленія для пріема этихъ особъ по ихъ пріѣздѣ. Хотя до сихъ поръ и не было публично объявлено о будущемъ бракѣ Великаго Князя, но дѣло это настолько разгласилось, что о немъ говорятъ открыто.

Графъ Сольмсъ королю.

Предст. 16-го апрѣля. С.-Петербургъ, 22-го марта (2-го апрѣля) 1773 г.

№ 712. Извѣстія, полученныя здѣсь въ послѣдняго времени объ увеличеніи

française ont été si incertaines qu'on n'a pas su à quoi s'en tenir. Je ne manquerai pas de donner les éclaircissements, qu'il a plu à V. M. de me faire savoir là-dessus. La disgrâce du comte Osten à Copenhague vient d'être confirmée par les lettres d'aujourd'hui.

J'ai l'honneur de joindre à ce rapport immédiat la quittance pour le premier quartier des subsides de cette année-ci, que V. M. a fait délivrer à la cour de Russie. Je suis etc.

№ 713.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 12 (23) d'Avril 1773.

. . . . S. M. l'Impératrice a quitté la ville ce même jour et est allé s'établir à Tsarskoé-Sélo, où M-r le Grand-Duc avec le c. Panin la suivront aujourd'hui et d'où ce dernier ne reviendra ici que toutes les semaines une fois, pour assister à un des conseils et pour conférer avec les ministres étrangers; de sorte que V. M. pardonnera, si faute d'être au fait à temps des affaires, je ne serai peut-être pas en état de lui faire à l'avenir deux fois chaque semaine un rapport intéressant.

Quoique le comte d'Orlow ne soit pas de la suite de l'Impératrice, il est allé cependant aussi à sa terre de Gatschina, qui est si près de Czarskoe-

---

французской арміи, настолько неопредѣленны, что никто не знаетъ, слѣдуетъ ли имъ вѣрить. Я не замедлю доставить объясненія, которыя Вашему Величеству угодно было сообщить мнѣ по этому поводу. — Паденіе графа Остена въ Копенгагенѣ подтверждается сегодняшними письмами.

Имѣю честь приложить къ сему рапорту квитанцію за первую четверть этого года въ тѣхъ субсидіяхъ, которыя Ваше Величество приказали выдать русскому двору.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 12-го (23-го) апрѣля 1773 г.

№ 713. ... Ея Императорское Величество, Государыня, уѣхала сегодня изъ города и поселилась въ Царскомъ Селѣ, куда великій князь, вмѣстѣ съ графомъ Панинымъ, послѣдуетъ за ней сегодня же. Этотъ послѣдній будетъ пріѣзжать сюда одинъ разъ въ недѣлю, для засѣданія въ одномъ изъ совѣтовъ и для совѣщаній съ иностранными послами; Ваше Величество простите мнѣ, если, по невозможности, во время услѣдить за дѣлами, я, можетъ быть, не буду въ состояніи каждую недѣлю два раза сообщать что нибудь интересное въ моихъ донесеніяхъ. Хотя графъ Орловъ и не состоитъ въ свитѣ Императрицы, но онъ тоже уѣхалъ въ свое Гатчинское имѣніе, которое находится такъ близко отъ Царскаго Села, что онъ можетъ, если захо-

Sélo, qu'il est en état d'y venir tous les jours, s'il en aurait envie. Ce voisinage aurait peut-être allarmé, il y a quelques mois, mais à l'heure qu'il est, on regarde généralement le retour de ce seigneur et sa présence à la cour avec toute l'indifférence possible. Il paraît, que lui ne cherche, ni ne brigue rien et n'a aucune idée de se venger de ceux qui ont été la cause de son éloignement, mais qu'il met son triomphe à pouvoir reparaître librement à la cour, où il est avec toute l'aisance qu'il a eue auparavant. Il semble même qu'il ne désire pas d'y retourner dans le même degré de faveur qu'il a eue, et qu'il se trouve au contraire fort heureux d'être entièrement son propre maître, d'être fort distingué partout où il vient et d'avoir 200 m. roubles à dépenser. C'est du moins son propos favori à présent que de se vanter de ses richesses. En un mot, tout ce qui s'est passé avec lui, paraît n'être point avenu, et jamais on n'aurait cru que l'éloignement d'un favori et son retour pourrait avoir si peu de suites.

№ 714.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 21 Mai (1 Juin) 1773.

. . . Le prince Orlow vient d'être rétabli par S. M. I. dans toutes les charges et dans tous les emplois qu'il a occupés autrefois. L'ukase de son rétablissement lui a été envoyé hier et communiqué, selon l'usage, au sénat;

четъ, бывать тамъ ежедневно. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, это сосѣдство могло бы встревожить; но въ настоящее время и на возвращенiе этого вельможи и на пребыванiе его при дворѣ смотрятъ съ полнымъ равнодушiемъ. Повидимому, самъ онъ не ищетъ и не добивается ничего, и не имѣетъ никакихъ намѣренiй мстить тѣмъ, которые были причиной его удаленiя; торжество же его состоитъ въ томъ, что онъ можетъ свободно появляться при дворѣ, гдѣ чувствуетъ себя также непринужденно, какъ прежде. Кажется, и самъ онъ не желаетъ вернуться къ той степени милости, въ которой онъ былъ, и, напротивъ, очень доволенъ и своей полной независимостью, и тѣмъ отличiемъ, которое ему всюду оказываютъ, и полученiемъ 200 т. рублей на свои расходы. Теперь излюбленная тема разговоровъ его, это — хвастовство своими богатствами. Однимъ словомъ: все то, что произошло, представляется какъ будто никогда небывшимъ; и нельзя было предполагать, чтобы удаленiе любимца и возвращенiе его могло имѣть такъ мало послѣдствiй.

Извлеченiе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 21-го мая (1-го iюня) 1773 г.

№ 714. ...Князю Орлову возвращены, Ея Императорскимъ Величествомъ, всѣ званiя и должности, какiя онъ занималъ прежде. Указъ о возвращенiи посланъ ему

reste à savoir, s'il prendra à la cour les appartements qu'il occupait avant son éloignement dans le voisinage de ceux de S. M. I. Selon les apparences et ce qu'il a témoigné là dessus lui-même, il ne paraît pas disposé à cela, et il sera bien aise de conserver, avec la grandeur, la jouissance de sa liberté.

№ 715.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 14 de Juin. à St.-Pétersbourg, le 21 de Mai (1 de Juin) 1773.

J'ai l'honneur d'accuser aujourd'hui à V. M. l'arrivée de Ses ordres immédiats et médiats du 18 de Mai. Ce que j'ai de plus intéressant à rapporter d'ici cette fois-ci, c'est que Sa Majesté l'Impératrice de Russie a enfin résolu de terminer finalement l'affaire de l'échange du duché de Holstein contre les comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst. On est déjà occupé à ébaucher le projet de l'acte, par lequel S. A. I. approuvera et ratifiera le traité éventuel, conclu ci-devant entre Sa Majesté Impériale Sa Mère et feu le roi de Danemarc sur cet objet, et l'échange effectif s'ensuivra bientôt après.

L'Impératrice n'a pas été trop portée à conduire cette affaire si tôt à sa conclusion. Elle a été plutôt de l'opinion que la politique exigeait que pour retenir d'autant mieux le Danemarc dans son système il fallait le

---

вчера и сообщенъ, по обычаю, въ сенатъ; остается ждать, получитъ ли онъ то помѣщеніе во дворцѣ, рядомъ съ комнатами Императрицы, которое онъ занималъ до своего удаленія? Повидимому, да и судя потому что онъ говоритъ, онъ не желаетъ этого и будетъ очень доволенъ, сохраняя высокое положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ наслаждаться свободой.

Графъ Сольмсъ королю.

Предст. 14 іюня. С.-Петербургъ, 21-го мая (1-го іюня) 1773 г.

№ 715. Имѣю честь увѣдомить Ваше Величество о полученіи мною сегодня непосредственныхъ и министерскихъ приказаній отъ 18 мая. Самое интересное, что я могу на этотъ разъ донести отсюда это — Ея Величество Императрица рѣшила, наконецъ, покончить дѣло объ обмѣнѣ герцогства Гольштейнскаго на графства Ольденбургское и Дельменгорстское. Уже приступлено къ составленію акта, которымъ Его И. Высочество одобритъ и утвердитъ предварительный трактатъ, заключенный ранѣе Ея Величествомъ Императрицею Матерью и покойнымъ Датскимъ королемъ. Дѣйствительный же обмѣнъ совершится вскорѣ.

Императрица была не очень расположена доводить это дѣло такъ скоро до конца. Она была того мнѣнія, что изъ политики слѣдовало еще нѣкоторое время оставить Данію между страхомъ и надеждою, чтобы заставить это государство держаться по-

laisser encore quelque temps entre la crainte et l'espérance. Mais comme elle a été convaincue, que la France s'en servait tantôt pour menacer, tantôt pour séduire cette cour, et qu'il y a eu des moments où elle commençait effectivement à être ébranlée et à prendre de la défiance des sentiments de la Russie, on a pris enfin tout de bon la résolution d'ôter cette pomme de discorde. C'est surtout à l'activité du sieur de Saldern que la cour de Danemarc en est redevable. Ce ministre a fait ce qui a dépendu de lui pour conduire cette affaire à une heureuse fin; il la regarde comme son ouvrage et c'est par elle, qu'il se propose de finir sa carrière en Russie. Il s'est fait nommer plénipotentiaire du Grand-Duc pour aller accomplir sur les lieux en Holstein la tradition effective des pays à échanger, et son intention est de ne plus revenir sur ce théâtre-ci, où la disharmonie entre les grands et l'existence d'une jeune cour lui font prévoir et craindre beaucoup de cabales et d'intrigues. Une autre raison bien forte, qui a engagé l'Impératrice à finir cette affaire, c'est de ne plus exposer un souverain de Russie par rapport à la possession de ce fief de l'Empire à une espèce de dépendance de la cour de Vienne. Le style de la chancellerie de cette cour, qu'elle a employé en dernier lieu à l'occasion de la reconnaissance de la majorité du Grand-Duc, a causé ici tant de déplaisir, qu'on a pris tout de suite la résolution de se hâter pour faire cesser toute connexion de cette espèce entre les deux cours Impériales. C'est aussi pour cette même raison que le Grand-Duc ne conservera pas pour lui la possession des comtés d'Oldenbourg et

---

литической системы Императрицы. Но убѣдясь, что Францiя то угрозами, то обольщенiемъ дѣйствуетъ на Данiю и что эта послѣдняя по временамъ впадала въ нерѣшительность и недовѣрiе къ чувствамъ, Россiя рѣшилась устранить окончательно это яблоко раздора. Датскiй дворъ обязанъ разрѣшенiемъ этого вопроса преимущественно дѣятельности посланника Сальдерна. Посланникъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы довести дѣло до благополучнаго окончанiя; онъ смотритъ на него какъ на творенiе своихъ рукъ и этимъ дѣломъ намѣревается закончить свою службу въ Россiи. Онъ выхлопоталъ себѣ назначенiе полномочнаго посланника великаго князя и ѣдетъ въ Гольштейнъ, чтобы тамъ на мѣстѣ завершить фактическую передачу странъ, подлежащихъ обмѣну; сюда же онъ не хочетъ болѣе возвращаться, ибо вслѣдствiе разлада между вельможами и существованiя малаго двора онъ предвидитъ и опасается многихъ интригъ. Другая важная причина, понудившая Императрицу покончить съ этимъ дѣломъ, было нежеланiе подвергать русскаго Государя, какъ владѣтеля имперскаго лена, нѣкотораго рода зависимости отъ вѣнскаго двора. По поводу признанiя совершеннолѣтiя великаго князя, канцелярiя вѣнскаго двора написала такимъ тономъ, который произвелъ здѣсь чрезвычайно непрiятное впечатлѣнiе, и тотчасъ же было рѣшено прекратить подобнаго рода отношенiя между обоими дворами. По той же самой причинѣ великiй

de Delmenhorst, mais qu'il la recèdera aux branches cadettes de sa maison.

№ 716.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 14 (25) de Juin 1773.

Les ordres immédiats et médiats du 11 et du 12 de ce mois m'ont été bien remis. — V. M. me permettra de l'oser assurer selon ma conviction, que l'humeur, s'il est permis d'employer ce terme de l'Impératrice de Russie, contre les extensions des limites le long de la Netze, ne vient d'aucune insinuation étrangère et surtout point de la part de l'Angleterre, qui se conduit dans tout ce qui regarde les affaires de Pologne avec une circonspection et une modération tout à fait louable. Tout ce que cette princesse dit là-dessus, ce sont ses sentiments personnels, parce que, comme j'ai eu l'honneur de le mander dernièrement, elle se regarde comme personnellement lésée par ses alliés au partage de la Pologne, en ce qu'ils cherchent à donner une explication plus étendue à la convention, que les paroles de ce traité, selon l'opinion de cette princesse, ne le comportent. Elle n'est certainement pas portée à favoriser la cour de Vienne préférablement à V. M., mais elle ne sait comment entamer l'affaire avec celle-ci, parce qu'on ne sait jusqu'ici qu'en

---

князь не будетъ владѣтелемъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго графствъ, а уступаетъ ихъ младшей линіи своего дома.

Графъ Сольмсъ королю.

С.-Петербургъ, 14-го (25-го іюня) 1773 г.

№ 716. Мнѣ были аккуратно доставлены непосредственныя и посредственныя приказанія отъ 11-го и 12-го текущаго мѣсяца. Осмѣливаюсь завѣрить Ваше Величество, на основаніи моего убѣжденія, что дурное расположеніе духа Императрицы (если позволительно такъ выразиться о русской Государынѣ), вслѣдствіе вопроса о протяженіи границы вдоль Нетцы, происходитъ вовсе не отъ постороннихъ внушеній; менѣе же всѣхъ можно заподозрить въ этомъ Англію, которая во всемъ, что касается польскихъ дѣлъ, ведетъ себя съ умѣренностію и осторожностію достойными похвалы. Все, что Монархиня выражаетъ по этому поводу, — есть ея личное мнѣніе; какъ я имѣлъ честь донести послѣдній разъ, Государыня чувствуетъ себя лично обиженною союзниками по раздѣлу Польши, обиженною тѣмъ, что они стараются придать болѣе широкое толкованіе договору, точное значеніе котораго, по мнѣнію Монархини, не допускаетъ такого толкованія. Она, конечно не расположена благопріятствовать вѣнскому двору болѣе чѣмъ Вашему Величеству; но Государыня не знаетъ какъ приступить къ дѣлу; до сихъ поръ извѣстно только въ общихъ чертахъ, что вѣнскій дворъ хочетъ пере-

gros, que cette cour veut outrepasser ses limites, mais on ne sait ni où ni comment, car sur les premières représentations du comte Panin au prince Kaunitz sur ce sujet, il n'est point encore venu de réponse. Votre crédit et votre considération en ce pays-ci n'ont, Sire, aucunement baissé, et si la cour de Vienne fait des prétentions auxquelles, pour ne pas se brouiller avec elle et pour ne pas donner lieu aux ennemis d'en profiter, en soufflant la discorde et la désunion parmi les trois cours, on sera obligé de conniver, on ne proposera assurément pas à V. M. de renoncer seule aux siennes. Mais on aurait souhaité, Sire, que vous vous fussiez trouvé dans le cas, de n'en point faire de votre côté, afin de pouvoir s'opposer de concert avec la Russie contre celle des Autrichiens; ce qui ne peut plus se faire présentement. Le comte Panin appréhende, que l'habitude de s'étendre en Pologne pourrait gagner les cours et reveiller non seulement les autres sur la destruction entière de la Pologne, mais causer entre les trois alliés des sujets de jalousie et de défiance et altérer leur union pour les affaires de Pologne. En attendant, j'ose assurer très-humblement V. M., que je ne négligerai rien de ce que j'imaginerai propre à justifier sa conduite et pour en faire percer les impressions jusqu'à l'Impératrice de Russie même. Aussi suis-je persuadé que cette affaire pour elle-même ne fera point naître de brouilleries. Il y entre plus de personnel de la part de l'Impératrice de Russie que d'opposition réelle de la part de son ministre, et pourvu que les Polonais ne

---

ступить границы своихъ правъ, но никто не знаетъ ни гдѣ именно, ни какъ; ибо на первыя представленія по этому вопросу, предъявленныя графомъ Панинымъ графу Кауницу, — отвѣта еще не послѣдовало. Довѣріе и уваженіе къ Вашему Величеству не уменьшилось, Государь, въ этой странѣ; если вѣнскій дворъ предъявитъ притязанія, которымъ принуждены будутъ потворствовать ради того, чтобы не поссориться съ Австріей и не дать тѣмъ самымъ повода врагамъ воспользоваться этой ссорой и посѣять раздоръ между тремя дворами, то одному Вашему Величеству, конечно, не предложатъ отказаться отъ Вашихъ требованій. Однако, здѣсь желали бы, чтобы Вы, Государь, не предъявляли Вашихъ притязаній и тѣмъ самымъ дали бы возможность совмѣстнаго съ Россіей отпора австрійскимъ притязаніямъ. Въ настоящее же время сдѣлать этого нельзя. Графъ Панинъ опасается, чтобы привычка округлять границы на счетъ Польши не укоренилась и не привела не только къ полному уничтоженію этого государства, но и къ образованію постояннаго источника недовѣрія и зависти между тремя союзниками, даже къ разрушенію ихъ согласія по дѣламъ Польши. Пока позволю себѣ почтительнѣйше завѣрить Ваше Величество, что я не премину воспользоваться случаемъ и постараюсь выставить въ выгодномъ свѣтѣ Ваше отношеніе къ дѣлу, — выставить такъ, чтобы произвести впечатлѣніе даже на Императрицу. Такимъ образомъ я увѣренъ, что это дѣло не породитъ раздоровъ. Здѣсь нужно считаться больше съ личнымъ вліяніемъ Русской Государыни, чѣмъ съ противодѣйствіемъ

soyent pas excités à crier, il faut espérer que l'affaire s'arrangera tranquillement.

L'idée qui s'est répandue présentement dans plusieurs cours de l'Europe et dont on a reçu ici également des avis de Copenhague et de Stockholm, savoir, celle du dessein de V. M. sur la Courlande, ne peut être venue que de l'alarme, qu'a donnée là-dessus le sieur Durand, qui, comme V. M. daignera se rappeler, l'a mandée comme une chose assurée au duc d'Aiguillon dans la dépêche, qui a été interceptée il y a quelque temps. Mais d'où ce ministre français a puisé cette idée, c'est ce que personne n'est ici en état de deviner....

№ 717.

Extrait d'une dépêche du ministre comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 18 (29) de Juin 1773.

....M-r de Saldern, qui avant son départ d'ici déclamait toujours avec son immodération habituelle contre les Orlow et les Czernicheff, qu'il regardait comme les ennemis ouverts du c. Panin, a totalement changé de conduite à leur égard et est devenu, du moins selon les apparences, l'ami intime et le confident des uns et des autres. Je suis persuadé qu'il n'a pas

---

Ея министра, лишь бы поляки не очень протестовали, дѣло, можно надѣяться, уладится спокойно.

Въ настоящее время распространился слухъ, при многихъ европейскихъ дворахъ, о планахъ Вашего Величества относительно Курляндіи; здѣсь тоже получены объ этомъ свѣдѣнія изъ Копенгагена и Стокгольма. Мысль эта могла возникнуть только послѣ тревоги, возбужденной господиномъ Дюраномъ, который, какъ Ваше Величество соблаговолите припомнить, донесъ объ этихъ планахъ герцогу Эгиліонскому, какъ о достовѣрномъ событіи, въ депешѣ, перехваченной нѣсколько времени тому назадъ. Откуда явилась у французскаго посланника эта мысль, отгадать здѣсь никто не въ состояніи. . . .

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 18-го (29-го іюня) 1773 г.

№ 717. ...Г. Сальдернъ, который до отъѣзда своего отсюда, съ свойственной ему несдержанностью, всегда гремѣлъ противъ Орловыхъ и Чернышевыхъ, считая ихъ открытыми врагами графа Панина, — совершенно перемѣнился въ своихъ къ нимъ отношеніяхъ и сталъ, по внѣшности по крайнѣй мѣрѣ, ихъ интимнымъ другомъ и повѣреннымъ тѣхъ и другихъ. Я увѣренъ, что онъ установилъ эти связи не для того,

employé ces nouvelles liaisons pour faire tort au comte Panin, mais ayant néanmoins frappé par cette conduite tout le monde, il en est résulté aussi entre ce ministre et lui un refroidissement, qui fait qu'ils ne peuvent plus s'être mutuellement d'une utilité comme par le passé, et jusqu'au Grand-Duc, qui est toujours fort attaché au premier et qui suit préférablement les impressions de son grand-gouverneur, a changé vis-à-vis de Saldern et observe à l'égard de lui une retenue qui le désespère, de sorte, que voyant qu'il ne pourra plus jouer un rôle brillant dans les affaires et craignant de ne pouvoir non plus être le plus considéré auprès du Grand-Duc, se défiant peut-être avec cela de sa vivacité et de ses emportements et qu'ils ne l'entraînent finalement à un éclat désagréable, qui pourrait lui faire encore plus de tort, — il prend sagement le parti de se retirer... Pour dire encore un mot du comte Panin, quoiqu'il soit presqu'impossible, qu'augmentant en âge et perdant eń forces, il puisse allier toujours les deux places de ministre et de grand gouverneur, il ne paraît cependant pas que l'Impératrice de Russie soit disposée à vouloir lui ôter la première. Le comte Orlow, qui reconnaît ses grandes qualités, ne veut pas venger l'affront personnel qui lui a été fait et qu'il lui impute, aux dépens de la patrie, qui souffrirait d'une telle perte; et les Czernischeff, quoique fâchés contre lui de ce qu'il leur a ôté un favori, dont ils ont toujours besoin pour se faire épauler, n'ont pas assez de forces pour le culbuter, et comme ils sont pourtant aussi réellement attachés à leur patrie, ils ne voudraient pas ôter un ministre, dont ils sont

---

чтобы вредить графу Панину; но такъ какъ подобнымъ поведеніемъ онъ поразилъ всѣхъ, то между нимъ и этимъ министромъ явилось охлажденіе, которое и мѣшаетъ имъ быть полезными другъ другу, какъ это было прежде, и Великій Князь, все еще очень расположенный къ графу Панину и руководящійся преимущественно желаніями своего воспитателя, измѣнился относительно Сальдерна и показываетъ ему холодность, которая того огорчаетъ; такимъ образомъ видя, что онъ не можетъ больше имѣть ни значительной роли въ дѣлахъ, ни пользоваться особымъ уваженіемъ Великаго Князя, опасаясь при этомъ, можетъ быть, чтобы собственная горячность и вспыльчивость не увлекли его окончательно и не надѣлали бы ему еще больше бѣдъ, — онъ принимаетъ мудрое рѣшеніе удалиться. . . . Скажу еще о графѣ Панинѣ: хотя почти невозможно допустить, чтобы, старѣясь и теряя силы, онъ могъ бы еще совмѣщать обѣ должности — и министра и воспитателя, но кажется однако, что Русская Императрица не расположена отставлять его отъ перваго поста. Графъ Орловъ, признавая высокія качества Панина, не хочетъ мстить ему за нанесенную личную обиду, ибо это было бы въ ущербъ отечеству, для котораго потеря этого министра была бы вредна; и Чернышевы, хотя и сердиты на него за то, что онъ отстранилъ любимца, въ которомъ они всегда нуждались для опоры, — не имѣютъ достаточно силы, чтобы смѣстить Панина, а такъ какъ притомъ они дѣйствительно любятъ свое

obligés d'avouer le mérite et qu'ils n'ont personne dans le moment présent à lui substituer.

Madame la landgrave de Darmstadt est arrivée enfin avec les trois princesses ses filles samedi passé le 15 (26) de ce mois à Tsarskoé-Sélo, et elles ont été reçues de S. M. I. ainsi que de S. A. I. le Grand-Duc avec les témoignages de la plus grande amitié et tendresse. — La première entrevue s'est faite à Gatschina, terre appartenante au prince d'Orlow; les princesses s'y sont arrêtées pour dîner et y ont trouvé Sa Maj. Impériale. En partant de là, le Grand-Duc, qui s'était allé promener de ce côté, les a rencontrée à demi-chemin. Il était dans une voiture ouverte en usage à la cour, à six places. Après la première connaissance faite, l'Impératrice y est montée avec les princesses, et ainsi réunies, ces Augustes Personnes ont continué d'aller en compagnie jusqu'au château.

№ 718.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 14 de Juillet. à St.-Pétersbourg, le 18 (29) de Juin 1773.

J'ai reçu avec le dernier courrier ordinaire les deux ordres immédiats de V. M. avec la dépêche de son ministère du 14 et du 15 de ce mois. Pour ne pas importuner V. M. par des répétitions, touchant la façon dont

---

отечество, то и не хотѣли бы удаленія такого министра, не признать достоинствъ котораго они не могутъ и замѣнить котораго, въ настоящее время, не кѣмъ.

Ландграфиня Дармштадтская пріѣхала, наконецъ, съ тремя своими дочерьми, въ прошлую субботу 15 (26) этого мѣсяца, въ Царское Село. Ея Императорское Величество и Его Высочество, Великій Князь, встрѣтили ихъ съ изъявленіями большой къ нимъ дружбы и расположенія. Первое свиданіе было въ Гатчинѣ, въ помѣстьи Князя Орлова; принцессы остановились тамъ для обѣда и тамъ же онѣ увидали Ея Императорское Величество. Уѣзжая оттуда, на полъ пути, онѣ встрѣтили Великаго Князя, который выѣхалъ кататься по этой дорогѣ. Онъ былъ въ шестимѣстной коляскѣ, согласно обычаю при дворѣ. Послѣ перваго знакомства, Императрица и принцессы пересѣли въ коляску и, соединясь такимъ образомъ, эти августѣйшія особы продолжали путь до дворца.

Графъ Сольмсъ королю.

Предст. 14 іюля. С.-Петербургъ, 18-го (29 іюня) 1773 г.

№ 718. Послѣдній курьеръ доставилъ мнѣ два непосредственныя приказанія Вашего Величества, а также депешу министерства отъ 14 и 15 этого мѣсяца. Дабы не утомлять вниманія Вашего Величества повтореніями о томъ, какъ здѣшній дворъ

cette cour-ci envisage la détermination des limites en Pologne, j'ose seulement lui faire remarquer encore une fois, que l'ignorance où l'on est ici également sur l'étendue des limites, que la cour de Vienne prétend fixer pour ses possessions, l'incertitude où l'on se trouve sur la manière de penser au sujet de celles de V. M. et l'espèce de contradiction qui, selon mon rapport du 18 de ce mois, s'est rencontrée dans les déclarations des ministres de Prusse et d'Autriche à ce sujet, font, qu'on ne sait pas bien, quelle contenance on doit faire tenir à la cour de Russie devant le monde sur tout ceci. On ne veut pas qu'elle se brouille pour si peu de chose avec les deux cours et entre ces deux certainement point avec celle de Berlin, et cependant on voudrait aussi conserver la réputation dont on est si jaloux ici d'une équité à toute épreuve et d'un attachement scrupuleux aux engagements contractés, qu'on aurait craint de perdre, si l'on s'était tû entièrement sur ces faits. A l'égard de ceci l'Impératrice a été personnellement plus sensible qu'aucun de ses ministres, et voilà les véritables raisons pourquoi il y a eu tous ces pourparlers jusqu'ici qui prendront fin aussi, dès que l'on verra que la cour de Vienne sera modérée et surtout que les Polonais ne sonneront point l'alarme, car d'ailleurs j'ose prendre sur moi, Sire, de vous assurer, qu'aucune suggestion étrangère n'a osé entreprendre jusqu'ici de desservir V. M. en ce pays-ci et qu'aucune jalousie ou envie entre les gens, qui sont ici en place, se propose un changement de système.

смотритъ на опредѣленіе границъ въ Польшѣ, я позволю себѣ замѣтить еще разъ только слѣдующее: неизвѣстность, въ которой здѣсь пребываютъ относительно предѣловъ владѣній, на кои претендуетъ вѣнскій дворъ, неувѣренность въ томъ, какъ Ваше Величество изволите смотрѣть на размѣръ Вашихъ владѣній, и нѣкоторое противорѣчіе, отмѣченное въ моей депешѣ отъ 18 іюня, встрѣтившееся въ заявленіяхъ пословъ Австріи и Пруссіи — все это служитъ причиною, что здѣсь не знаютъ, какъ русскій дворъ долженъ держаться передъ свѣтомъ. Поссориться изъ-за такихъ пустяковъ съ обоими дворами не хотятъ, и менѣе всего, конечно, хотятъ поссориться съ берлинскимъ дворомъ, а между тѣмъ желаютъ также сохранить репутацію политиковъ безупречной справедливости и строгаго выполненія принятыхъ обязательствъ,— репутацію, которою здѣсь очень дорожатъ и которую опасаются потерять, если будутъ молчать о всѣхъ этихъ вопросахъ. Въ этомъ отношеніи Императрицу это болѣе затронуло, чѣмъ кого либо изъ ея министровъ; вотъ почему именно происходили до сихъ поръ всѣ эти переговоры, которые окончатся тотчасъ же, какъ сдѣлается извѣстнымъ, что вѣнскій дворъ умѣренъ въ требованіяхъ и что поляки не подымутъ тревогу. Сверхъ этого, беру смѣлость завѣрить васъ, Государь, что до сего времени никто изъ представителей иностранныхъ дворовъ не рискнулъ и пытаться вредить Вашему Величеству, что даже зависть или вражда между лицами, имѣющими здѣсь высокое положеніе, не можетъ повліять на перемѣну политики.

Je serais même assez hardi d'avancer que si le comte Orlow lui-même visait le plan du premier-ministre, ce qu'il ne fait cependant pas, il ne songerait pas à quitter le système prussien. Toute la politique des deux ministres de Bourbon, qui sont ici, se borne à scruter et à tâcher de pénétrer tout ce qui se fait et se dit à la cour, dans le cabinet, ou chez les particuliers, de faire de cela des raisonnements et des combinaisons dont ils entretiennent leurs cours et leurs amis en Suède et à Dantzic, et ailleurs pour leur faire espérer des révolutions et des changements dans le ministère et de mille autres choses, qui doivent paraître avantageuses à leur système; mais pour pouvoir contribuer eux-mêmes à effectuer un tel changement, c'est ce que dans la situation présente des affaires ils sont incapables de faire. Il est vrai, qu'ils sont assez au fait de tout ce qui se passe, ils ont eu aussi du vent de ces pourparlers sur l'affaire des limites, ils en ont même triomphé en les regardant comme un moyen capable d'altérer la bonne harmonie entre les trois cours. Pour ce qui regarde le sieur de Saldern la crainte d'être trop impliqué dans les intrigues de la jeune cour, qui va se former, peuvent certainement beaucoup sur son désir de vouloir se retirer et de préférer peut-être malgré lui le repos au plaisir de nourrir son ambition.

Mais je pense, qu'il les craindrait moins s'il se trouvait dans une situation conforme à ses désirs et à ses prétentions. Cet homme, d'ailleurs rempli de mérite et réellement attaché à V. M., il a été gâté par son ambassade.

Я даже отваживаюсь утверждать, что если бы самъ гр. Орловъ добивался мѣста перваго министра, чего онъ однако не дѣлаетъ, то и онъ не подумалъ бы измѣнить политикѣ прусской системы. Вся политика двухъ пословъ Бурбонскаго дома, находящихся здѣсь, сводится къ тому, чтобы стараться узнать все, что дѣлается и говорится при дворѣ, въ министерствѣ и у частныхъ людей; на этомъ они строятъ заключенія и разсчеты, которые и сообщаютъ своему двору, а также своимъ друзьямъ, живущимъ въ Швеціи, Данцигѣ и въ другихъ мѣстахъ, питая ихъ надеждами на перевороты, перемѣны въ министерствѣ и тысячами другихъ предположеній, которыя имъ кажутся выгодными для ихъ политики; сами же они, посланники, при настоящемъ положеніи дѣлъ, не способны содѣйствовать лично перемѣнѣ въ политикѣ. Правда, что посланникамъ этимъ извѣстно все, что здѣсь дѣлается; они слышали также о переговорахъ по поводу границъ, и торжествовали даже по этому случаю, усматривая въ немъ поводъ для нарушенія согласія между тремя дворами. Что касается г. де Сальдерна, то опасенія (?), быть слишкомъ замѣшаннымъ въ интриги будущаго молодаго двора, вліяютъ, конечно, сильно на его желаніе удалиться и предпочесть, вопреки желанію, спокойствіе честолюбію. Я думаю, однако, что де Сальдернъ меньше опасался бы этихъ интригъ, если бы положеніе его здѣсь соотвѣтствовало его желаніямъ и притязаніямъ. Человѣкъ этотъ, полный достоинствъ и дѣйствительно преданный Вашему Величеству, избаловался въ бытность свою

Accoutumé à gouverner la Pologne et à y prendre le ton de dictateur, il ne se retrouve plus ici, manquant d'y être à la première place. Employé ci-devant comme le premier commis du comte Panin, il a bien voulu être regardé depuis son retour comme son ami; mais il a voulu avoir en cette qualité et en considération de sa dignité le droit de dire son sentiment et de juger des affaires avec une égalité qui a déplu à l'autre. On prétend encore, que durant son ambassade il a fait dans des lettres, qu'il a écrites au comte Orlow, (il était au congrès), et à de petits amis qu'il avait ici dans le bureau, la critique des actions ministérielles du comte Panin d'une manière qui n'a pas été à son avantage.

Ces lettres doivent être tombées entre les mains de ce ministre et ont dû naturellement produire (une méfiance?) réciproque, et il est certain, que le comte Panin n'agit plus vis-à vis du sieur de Saldern avec cette confiance sans bornes de ci-devant.

№ 719.

Lettre chiffrée du ministre comte de Solms au roi de Prusse.

du 24 Juin (5 Juillet) 1773.

Sire!

Je me trouve chargé de vous révéler un secret de la plus grande im-

---

посломъ. Привыкнувъ управлять Польшей и держаться тамъ диктаторомъ, онъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что не занимаетъ здѣсь перваго мѣста. Бывши прежде первымъ между подчиненными графа Панина, де Сальдернъ захотѣлъ по возвращеніи своемъ быть другомъ графа; но въ качествѣ друга и во вниманіе къ своему положенію, онъ захотѣлъ присвоить себѣ право выражать свои мнѣнія и судить о дѣлахъ какъ равный министру, что и не понравилось этому послѣднему. Предполагаютъ также, будто во время своего посольства де Сальдернъ писалъ гр. Орлову (бывшему на конгрессѣ) и друзьямъ своимъ, служащимъ здѣсь въ канцеляріи, письма, въ которыхъ онъ разбиралъ министерскія распоряженія графа Панина и разбиралъ ихъ не въ пользу министра. Письма эти, должно быть, попали въ руки Панина и конечно послужили къ взаимному неудовольствію, и понятно, что графъ Панинъ не относится теперь къ де Сальдерну съ тѣмъ безграничнымъ довѣріемъ, какое оказывалъ ему прежде.

Шифрованное письмо посланника при С.-Петербургскомъ дворѣ, графа Сольмса, къ прусскому королю.

24-го іюня (5-го іюля) 1773 г.

Ваше Величество!

№ 719. Я уполномоченъ открыть Вамъ огромной важности тайну, отъ которой

portance, dont dépend le bonheur de la Russie, auquel en qualité d'allié et d'ami de cet empire, aussi bien que par des considérations relativement à V. M. même, on est persuadé qu'Elle ne saurait rester indifférente. Le comte Panin, qui a toujours les yeux ouverts sur les menées de la famille Orlow, croit avoir des raisons de soupçonner que le prince Orlow porte ses vues ambitieuses assez loin, que d'avoir formé le projet de vouloir épouser une des princesses de Darmstadt.

Les attentions extraordinaires selon sa façon d'agir commune pour la landgrave, et les manières libres dont il commence à user avec les princesses, surtout avec la cadette, à laquelle il en conte formellement, augmentent ses soupçons et lui en font craindre les suites. La vivacité de cette princesse Louise pourrait, sans en prévoir du mal, fournir à cet homme ambitieux des moyens pour s'emparer de son esprit et pour conduire les choses à un point, où elles ne seraient pas à rompre qu'avec un éclat extrême. Quoique les sentiments élevés de la landgrave doivent faire présumer, qu'elle sentirait une parfaite répugnance pour associer à un prince royal de Prusse et au Grand-Duc de Russie un particulier pour gendre — cependant les effets de la surprise à la première, et l'obligation d'avoir une attention continuelle pour se défendre contre les ruses de la persévérance, pourraient la mettre dans des embarras continuels et dangereux. Elle se trouve déjà

зависитъ благополучіе Россіи, благополучіе — къ которому Ваше Величество, въ качествѣ союзника и друга этого государства, а также и по соображеніямъ, относящимся до Вашего Величества, не можете, какъ полагаютъ, оставаться равнодушны. Графъ Панинъ, зорко слѣдящій за всѣми происками семьи Орловыхъ, думаетъ, будто имѣетъ основаніе подозрѣвать кн. Орлова въ томъ, что онъ простираетъ свои честолюбивые виды довольно высоко и составилъ планъ жениться на одной изъ принцессъ дармштадтскихъ.

Чрезвычайное вниманіе, постоянно оказываемое имъ Ландграфинѣ, и свободное обращеніе съ принцессами, усвоенное имъ, особенно по отношенію къ младшей, за которой онъ открыто ухаживаетъ, усиливаютъ подозрѣнія и заставляютъ опасаться за послѣдствія. Принцесса Луиза, не подозрѣвая зла, своею живостью можетъ дать этому честолюбивому человѣку средства овладѣть ея умомъ и повести дѣло такъ далеко, что его нельзя будетъ остановить иначе, какъ съ большой оглаской. Хотя слѣдуетъ предполагать, что Ландграфиня, при своихъ возвышенныхъ понятіяхъ, почувствуетъ рѣшительное отвращеніе къ мысли зятемъ имѣть честнаго человѣка на ряду съ наслѣдникомъ прусскаго престола и русскимъ Великимъ Княземъ, — первое поразило бы Пруссію, — однако же обязанность постоянно и внимательно ограждать себя отъ хитростей и упорнаго домогательства могла бы поставить ее въ затруднительное и опасное положеніе. Она

entourée des créatures du c. Orlow qui s'empressent autour d'elle, qui sont d'autant plus difficiles à écarter, que ce sont eux qui sont le mieux en cour, qui sont les plus approuvés, et qui par conséquent agissent avec plus de liberté et d'assurance. Il faut s'avouer malheureusement encore, qu'on ne saurait trop compter sur l'assistance de S. M. Impériale, et qu'il y a à appréhender, que la faiblesse qu'Elle a pour toutes les volontés de cet ancien favori (soit que ce soient les restes d'une tendresse trop enracinée, soit la crainte de son ressentiment) pourrait l'engager à seconder ses vues et concourir à ébranler l'esprit de la landgrave par la promesse des biens immenses qui seraient versés, pour prix de sa complaisance, sur toute sa maison. Mais il est certain, que le Grand-Duc ne supporterait pas patiemment un tel événement, et ayant déjà le coeur ulcéré contre un homme, qu'il n'ignore pas qui a eu dessein de s'assoir sur le trône de son père, il ne souffrira pas non plus qu'il puisse prendre place à côté. Il n'est pas douteux que la landgrave aurait recours à lui pour se mettre à couvert des poursuites, et on est très assuré que ce jeune prince se porterait aux dernières extrémités pour s'opposer à une telle alliance, et le ressentiment de ceux qui verraient leur dessein rompu se tournera alors contre ceux qui l'entourent et qu'il juge dignes de sa confiance. Voilà, Sire, le sujet d'un tableau que l'imagination peut facilement étendre et que le comte Panin vous supplie d'effacer dans sa première esquisse, étant le seul en état de le faire

---

уже окружена приверженцами графа Орлова; они увиваются вокругъ нея и удалить ихъ тѣмъ болѣе трудно, что эти люди самые близкіе при дворѣ и наиболѣе вліятельные, а потому и дѣйствующіе свободно и съ увѣренностью. Къ сожалѣнію, надо признаться, что на помощь Ея Императорскаго Величества расчитывать нельзя и скорѣй надо опасаться, что Ея снисхожденіе ко всѣмъ желаніямъ бывшаго любимца (остатокъ ли нѣжности, слишкомъ укоренившейся, или страхъ его мести) можетъ повести Ее къ тому, что Она будетъ содѣйствовать его планамъ и можетъ поколебать Ландграфиню своими обѣщаніями пожаловать, какъ даръ за снисхожденіе, громадныя помѣстья всей ея семьѣ. Но вѣроятно, что Великій Князь не отнесется спокойно къ такому союзу; его сердце уже уязвлено этимъ человѣкомъ; ему не безъизвѣстно, что онъ имѣлъ замыслы занять престолъ его отца и, конечно, Великій Князь не потерпитъ, чтобы графъ Орловъ занялъ мѣсто съ нимъ рядомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Ландграфиня обратится къ В. Князю за защитой отъ преслѣдованій и всѣ вполнѣ увѣрены, что молодой В. Князь пойдетъ на все, лишь бы воспрепятствовать такому союзу; злоба тѣхъ, которые увидятъ свои планы разрушенными, обратится тогда на людей, окружающихъ Великаго Князя и пользующихся его довѣріемъ.

Вотъ, Государь, планъ картины, которую легко дополнить воображеніемъ, и графъ Панинъ умоляетъ Васъ стереть этотъ первый ея эскизъ, ибо, кромѣ Васъ, никто

casser; ce serait que vous eussiez la grâce d'écrire à la Landgrave d'être sur ses gardes, dans un pays rempli d'ambitieux et d'intrigants, contre le projet qu'on pourrait former pour retenir une seconde des princesses ses filles en Russie, pour la marier à quelque grand de l'Empire, et de former par cette alliance une race de prétendants au trône de Russie. C'est là l'essentiel du texte, qu'il ose proposer à V. M. pour le sujet de sa lettre, mais qu'il remet à sa haute sagesse d'étendre et d'accompagner d'arguments qu'Elle jugera Elle-même les plus propres, pour faire impression et pour la rendre attentive à toutes les démarches, par lesquels on voudra préparer le dénouement. Il lui suffit d'éveiller son attention, persuadé comme il est de la justice d'esprit de cette princesse et de la confiance qu'elle lui montre, qu'elle s'adressera à lui pour se faire expliquer ce qui lui paraîtra peut-être du premier abord inintelligible dans la lettre de V. M., et il espère alors de pouvoir lui être utile par ses conseils pour la garantir des pièges qu'on lui tendrait. Je regarde comme superflu de faire mention des précautions que le comte Panin m'a recommandé de prendre pour ménager son secret, afin de ne point le laisser deviner et de l'exposer, lui, à devenir la victime de son patriotisme et de son attachement inviolable aux intérêts de son Auguste Elève. J'en sens trop les conséquences, pour ne pas vouloir y manquer moi-même, c'est pour être d'autant plus sûr que personne n'en-

---

этого сдѣлать не можетъ, а именно: благоволите написать Ландграфинѣ, чтобы она была осторожнѣе въ этой странѣ, наполненной честолюбцами и интриганами; что здѣсь легко можетъ составиться планъ удержать въ Россіи и другую принцессу, ея дочь, выдать ее замужъ за какого нибудь вельможу и тѣмъ создать поколѣніе претендентовъ на русскій престолъ. Вотъ сущность текста, который Панинъ осмѣливается предложить для письма Вашего Величества; но онъ повергаетъ его на рѣшеніе Вашей высокой мудрости: благоволите расширить и дополнить письмо такими доводами, кои соизволите признать пригодными для того, чтобы произвести впечатлѣніе; нужно убѣдить Ландграфиню внимательно относиться къ попыткамъ, которыми захотятъ подготовить развязку. Достаточно пробудить ея вниманіе, ибо графъ Панинъ, убѣжденный въ вѣрности взглядовъ этой принцессы и въ томъ довѣріи, которое она ему показываетъ, полагаетъ, что она обратится къ нему за разъясненіемъ того, что будетъ для нея, на первый разъ, неяснаго въ письмѣ Вашего Величества; тогда онъ надѣется быть ей полезнымъ, и своими совѣтами съумѣетъ остеречь ее отъ козней, которыя ей строятъ. Я нахожу излишнимъ упоминать о той предосторожности, съ которой графъ Панинъ рекомендовалъ мнѣ относиться къ этому секрету; необходимо, чтобы никто о немъ не догадался, ибо иначе онъ можетъ сдѣлаться жертвой своего патріотизма и своей непоколебимой преданности интересамъ Державнаго Воспитанника. Я слишкомъ хорошо понимаю, какія могутъ быть послѣдствія, а потому, чтобы не погрѣшить и быть вполнѣ увѣреннымъ, что этого никто не узнаетъ, я самъ шиф-

puisse être informé, que j'ai chiffré cette dépêche tout seul et je ferai de même pour le déchiffrement de la réponse que V. M. daignera me faire. Sur les instances du comte Panin j'ose la prier encore, de vouloir bien m'adresser la lettre à la Landgrave, en cas qu'Elle juge à propos de lui écrire sur l'affaire, par la voie d'un courrier exprès, qu'il serait cependant nécessaire de charger encore de quelque autre dépêche, sur une matière qui me fournirait un prétexte de parler au ministre, afin de cacher par là le vrai motif de son expédition.

№ 720.

Le comte de Solms au roi. P. S. ad relationem.

A St.-Pétersbourg, le 2 (13) Juillet 1773.

Sire!

Je me trouve de nouveau chargé d'une commission particulière pour V. M., entièrement opposée à celle dont j'ai été obligé de l'entretenir il y a 8 jours de la part du comte Panin; mais comme celle d'à présent vient de la part de S. M. l'Impératrice directement, et que son objet est plus agréable, je m'en acquitte aussi avec d'autant plus de plaisir, et je commence à croire que l'appréhension du comte Panin peut venir peut être de la défiance continuelle où il est contre toutes les actions du prince Orlow, auxquelles il est porté d'attribuer une mauvaise intention plutôt, qu'il n'est

---

ровалъ эту депешу и поступлю также и съ отвѣтнымъ письмомъ, если Ваше Величество удостоите послать его мнѣ. По настоянію графа Панина, осмѣливаюсь просить Васъ, благоволите переслать ко мнѣ письмо для Ландграфини; въ случаѣ, если Вамъ будетъ угодно отправить его черезъ особаго курьера, необходимо снабдить этого послѣдняго какой нибудь другой депешей, которая дала бы мнѣ поводъ говорить съ министромъ и такимъ образомъ скрыть настоящую причину отправленія этого курьера.

Шифрованная депеша графа Сольмса королю прусскому.

С.-Петербургъ, 2-го (13-го) іюля 1773 г.

Ваше Величество!

№ 720. Мнѣ снова дано особое порученіе къ Вашему Величеству, совершенно противуположное тому, которое, 8 дней тому назадъ, я долженъ былъ сообщить Вамъ отъ имени графа Панина; но такъ какъ настоящее исходитъ непосредственно отъ Ея Императорскаго Величества и притомъ содержаніе его гораздо пріятнѣе, то я и берусь за него съ особеннымъ удовольствіемъ; притомъ же я начинаю думать, что опасенія графа Панина происходятъ отъ постояннаго недовѣрія его ко всѣмъ поступкамъ князя Орлова, — поступкамъ, которымъ графъ Панинъ склоненъ придавать дурныя намѣ-

autorisé de la soupçonner réellement des intentions qu'il lui impute. Ce fut aussi vendredi dernier, pendant le cercle, que S. M. I. m'appela près d'Elle, et me dit qu'Elle avait une idée à me communiquer au sujet des deux princesses de Darmstadt: l'aînée et la cadette, auxquelles Elle souhaiterait de pouvoir procurer des établissements; que l'aînée pouvait épouser le roi de Danemark, et l'autre le prince Charles de Suède. Qu'Elle croyait de pouvoir arranger l'affaire avec la cour de Danemark. Mais pour ce qui est de la Suède, il faudrait que V. M. eût la bonté de prendre cette négociation sur Elle, et que de cette façon-là tout le Nord serait apparenté, ce qui pourrait même avec le temps avoir des influences sur les affaires politiques.

«Au reste, ajouta-t-Elle, je n'en ai rien dit à la Landgrave, mais je crois qu'elle sera d'accord, surtout si le roi, votre maître, l'approuve et Je serais charmée de savoir son sentiment la dessus».

J'offris donc d'abord de vous en faire, Sire, mon très humble rapport, et S. M. Impériale eut la bonté de me dire, que je lui ferais plaisir de vous en écrire et de lui faire savoir votre réponse. Elle me le répéta quelque temps après, ajoutant, que je ne devais pas oublier la commission qu'Elle m'avait donnée.

ренія, не имѣя въ дѣйствительности повода подозрѣвать того, что онъ имъ приписываетъ. Въ прошлую среду, во время собранія, Ея Императорское Величество подозвала меня къ себѣ и сказала, что хочетъ сообщить мнѣ свою мысль относительно двухъ принцессъ дармштадтскихъ, старшей и младшей, которыхъ бы она желала пристроить; что старшая могла бы выйти замужъ за короля датскаго, а другая — за принца Карла шведскаго. Съ датскимъ дворомъ Она сама думаетъ устроить дѣло; что же касается Швеціи, желательно, чтобы Ваше Величество благоволили взять на себя дѣло переговоровъ; такимъ образомъ весь Сѣверъ породнится, что, со временемъ, можетъ повліять и на политическія дѣла.

Впрочемъ, прибавила Она, я ничего не говорила Ландграфинѣ, но думаю, что она будетъ согласна, особенно если король, вашъ государь, выразитъ одобреніе. Я же была бы рада узнать его мнѣніе по этому предмету.

Я предложилъ предварительно почтительнѣйше Васъ о томъ увѣдомить, Государь, и Ея Императорское Величество благосклонно выразила мнѣ, что я доставлю ей удовольствіе, если сообщу Вамъ объ этомъ и передамъ ей Вашъ отвѣтъ. Нѣкоторое время спустя, Она опять мнѣ повторила то же, присовокупивъ, что я не долженъ забывать даннаго мнѣ порученія.

№ 721.

Le comte de Solms au roi. P. S. ad relationem.

A St.-Pétersbourg, le 14 (25) Juillet 1773.

La conversation avec le comte Panin que j'ai annoncée dans le rapport précédent, commença par là qu'il me dit ne plus oser revenir auprès de S. M. l'Impératrice avec l'affaire des limites et qu'il ne pouvait rien y faire parce que le comte Orlow s'y opposait, non pas parce qu'il la croyait contraire au sens du traité, comme cela avait été effectivement le premier mobile de l'opposition de l'Impératrice, mais parce qu'elle servait à le chicaner et à augmenter ses torts dans l'esprit de cette princesse, et à précipiter sa disgrâce complète; que je devais me souvenir, que lorsque je lui avais quelquefois témoigné mes appréhensions sur sa situation, il avait toujours été le premier à me rassurer, mais que présentement il croyait devoir à son amitié pour moi, de me prévenir, que sa disgrâce était résolue et qu'on voulait l'éloigner absolument. Sur ce que je l'interrompis en lui disant, que je ne pouvais pas me persuader que l'Impératrice voudrait jamais remettre à d'autres les affaires, il me dit, qu'il comprenait ce que je voulais dire; qu'on croyait et que ses ennemis pour ne pas se découvrir vis-à-vis de moi m'auraient peut-être fait accroire aussi, qu'on voulait seulement l'ôter d'auprès du Grand-duc, puisqu'il ne pouvait plus satisfaire à cet emploi, mais que

---

Шифрованная депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 14-го (25-го) іюля 1773 г.

№ 721. Разговоръ, о которомъ я доносилъ въ моемъ послѣднемъ рапортѣ, графъ Панинъ началъ, сказавъ мнѣ, что онъ не смѣетъ болѣе обращаться къ Ея Императорскому Величеству съ вопросомъ о границахъ; сдѣлать онъ тутъ ничего не можетъ, ибо графъ Орловъ противодѣйствуетъ, и не потому, чтобы находилъ это дѣло противнымъ смыслу договора, какъ то было дѣйствительно первымъ мотивомъ несогласія Императрицы, но потому что графу Орлову дѣло это служитъ средствомъ досаждать ему, графу Панину, увеличивать его вины во мнѣніи Государыни и тѣмъ ускорять его паденіе; графъ Панинъ напомнилъ мнѣ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда я выражалъ ему мои опасенія относительно его положенія, онъ первый всегда меня успокаивалъ, теперь же считаетъ долгомъ дружбы предупредить меня, что немилость его рѣшена и что его хотятъ удалить непремѣнно. Когда я перебилъ графа, сказавъ ему, что не могу повѣрить желанію Императрицы передать дѣла другимъ, онъ отвѣтилъ мнѣ, что понимаетъ мою мысль, что таково было и общественное мнѣніе, да и враги его, не желая вѣроятно обнаруживать себя передо мною, можетъ быть старались меня убѣдить, что его хотѣли только удалить отъ Великаго Князя, такъ какъ онъ больше не могъ выполнять эту должность, — но это было только заблужденіе,

cela n'était qu'une illusion et que lui-même n'entrevoit pas dans une telle composition, que pour diriger les affaires il fallait l'esprit libre, tranquille et satisfait; qu'il ne l'aurait pas si on le séparait du Grand-duc malgré lui, parce que ce serait le séparer de son seul appui et qu'il quitterait alors tout le reste pour se retirer entièrement; qu'il ne pouvait se dissimuler, que l'affaire de Dantzik et présentement celle des limites fournissaient de beaux prétextes à ses ennemis pour le dénigrer journellement davantage dans l'esprit de l'Impératrice, dont la froideur pour lui allait à un point, qu'Elle ne lui parlait plus et qu'il n'allait chez Elle pour lui parler d'affaires que lorsqu'il n'y avait pas moyen de s'en dispenser; mais qu'il ne regardait pas pour cela V. M. comme l'auteur de son malheur; qu'il avait fallu à ses ennemis quelque prétexte pour agir avec force contre lui et qu'on avait saisi celui-ci, comme le plus propre à donner de lui une mauvaise opinion à l'Impératrice; mais que malgré cela, il conserverait toujours pour V. M. les sentiments de la plus profonde vénération et du plus respectueux attachement dont jamais un particulier pourrait être capable pour un souverain; mais qu'il la suppliait instamment d'employer de la modération, pour ne pas préparer la perte du système. Je lui demandais s'il croyait donc le comte Orlow porté pour quelque autre; il me dit, qu'à la vérité il n'en avait point d'indice; qu'il ne lui supposait aucun principe sur cela, mais que des gens comme lui et sa clique, s'ils ne trouvaient plus personne qui s'oppose à

и самъ онъ не захочетъ стать въ подобное положеніе; ибо для веденія дѣлъ нужно быть свободнымъ, спокойнымъ и довольнымъ, а быть таковымъ онъ не можетъ, если его насильно разлучать съ Великимъ Княземъ; это значило бы отнять отъ него единственную опору и, въ такомъ случаѣ, онъ оставитъ все и удалится; онъ не можетъ обманывать себя: дѣло о Данцигѣ, а теперь и дѣло о границахъ, даютъ врагамъ его сильные поводы ежедневно все болѣе и болѣе унижать его во мнѣніи Императрицы, холодность которой доходитъ до того, что она больше не разговариваетъ съ нимъ и что самъ онъ не является къ ней больше съ дѣлами иначе, какъ когда этого избѣжать уже невозможно. Графъ Панинъ, однако, не считаетъ Ваше Величество виновникомъ своего несчастья; врагамъ его нуженъ былъ какой нибудь предлогъ для козней противъ него и они выбрали этотъ, какъ самый удобный для внушенія Императрицѣ дурнаго о немъ мнѣнія; не смотря на это, онъ сохраняетъ къ Вашему Величеству чувства самаго глубокаго почитанія и самой почтительной преданности, какія только можетъ питать частный человѣкъ къ государю; но онъ убѣдительно проситъ Ваше Величество сохранять крайнюю умѣренность, чтобы не погубить всего плана. Я спросилъ его — не составилъ-ли графъ Орловъ другаго плана и Панинъ отвѣтилъ мнѣ, что, по истинѣ, онъ не имѣетъ на это ни малѣйшихъ указаній и не думаетъ, чтобы Орловъ имѣлъ какое нибудь на этотъ счетъ мнѣніе; но что такіе люди, какъ онъ и его партія, не встрѣчая отпора для своихъ цѣлей,

leur dessein, pourraient agir par boutade, par caprice et même par corruption, dont les amis du comte Orlow étaient fort susceptibles. Ceux qu'il reconnaît comme les premiers d'entre ceux-ci et comme des gens entièrement livrés à lui, ce sont: le comte Zachar Czernischeff et le sieur de Saldern. Le premier parce que comme un homme qui ne met point de bornes à son ambition et qui ne désire qu'à primer, il lui faut un favori qui le protège et qui le soutienne et dont il achète les faveurs par toutes les bassesses possibles et par un dévouement entier à ses volontés. L'autre était entré dans cette cabale par un esprit de vengeance contre lui, qu'il s'était attiré par trop d'honnêteté, et comme le comte Panin se plaint le plus de celui-ci, comme d'un homme perfide et ingrat envers lui, il s'étendait aussi davantage sur son sujet et me dit, que la première origine de l'inimitié qu'il avait prise contre lui avait commencé à son ambassade en Pologne; qu'ambitieux au suprême dégré, vain et pédant comme il était, il n'avait pu lui pardonner, qu'il avait changé tout le système pour la Pologne, pendant le temps qu'il y avait été, et qu'il avait désapprouvé les mesures violentes qu'il avait suivies et qui auraient bouleversé toute la Pologne; qu'il était revenu ici autant fâché contre lui, que la rage dans le coeur contre l'Impératrice, qui, à ce qu'il prétendait, s'était jouée de lui dans son ambassade. Intentionné de se venger d'Elle à quel prix que ce fût, il aurait fait à lui, comte Panin, des propositions qui l'avaient fait trembler et l'ayant trouvé

способны руководиться фантазіей, капризомъ и даже подкупомъ, къ чему друзья графа Орлова очень склонны. Главнымъ изъ нихъ и вполнѣ Орлову преданными онъ, Панинъ, считаетъ графа Захара Чернышева и г. де Сальдерна. Первому, какъ человѣку, честолюбію котораго нѣтъ предѣловъ и который стремится только къ первенству — необходимъ временщикъ, чтобы пользоваться покровительствомъ и поддержкою этого послѣдняго; Чернышевъ готовъ купить расположеніе временщика всевозможными низостями и полной покорностью его волѣ. Другой вступилъ въ эту интригу изъ мести къ нему, графу Панину, навлекшему эту месть на себя своей излишней честностью; такъ какъ графъ Панинъ жалуется на де Сальдерна больше всѣхъ, считая его вѣроломнымъ и неблагодарнымъ относительно себя, то и говорилъ о немъ подробнѣе: начало злобы, которую Сальдернъ возъимѣлъ къ графу, относится ко времени его посланничества въ Польшѣ; въ высшей степени честолюбивый, тщеславный и педантичный, онъ не могъ простить графу Панину того, что этотъ послѣдній измѣнилъ всю систему политики по отношенію къ Польшѣ — за время его тамъ пребыванія, и что онъ не одобрялъ крутыхъ мѣръ, введенныхъ Сальдерномъ, — мѣръ, которыя могли потрясти всю Польшу; онъ вернулся сюда разсерженный противъ графа Панина и съ злобой въ сердцѣ на Императрицу, которая, какъ полагалъ де Сальдернъ, насмѣялась надъ нимъ въ его посольствѣ. Намѣреваясь отомстить Императрицѣ какими бы то ни было средствами, де Сальдернъ дѣлалъ графу Панину такія предложенія, что привелъ этого послѣдняго въ ужасъ;

fort éloigné de pareils sentiments, il s'était jeté sur le Grand-duc, à qui, avec sa violence et son empressement ordinaire, il avait tenu des propos si indécents contre sa mère, contre la nation russe en général et contre lui en particulier, que ce jeune prince n'avait plus su à quoi il en était; qu'il était devenu timide et appréhensif contre tous ceux qui l'environnaient et qu'il avait pris surtout de lui, comte Panin, une défiance si outrée, qu'il n'avait pu manquer à la fin de s'en apercevoir et de tâcher d'en pénétrer la cause; mais que grâce au bon coeur du Grand-duc, cela était venu à une explication entre eux deux, et que depuis ce temps ce prince avait reconnu le méchant caractère de Saldern et avait cessé de le voir et de lui parler. Celui-ci, se sentant par ce changement de conduite démasqué, s'était alors attaché aux Orlow et aux Czernicheff, dont il avait été auparavant l'antagoniste déclaré; qu'ils avaient travaillé de concert au retour du comte Orlow, et n'ayant point eu de peine à y faire résoudre l'Impératrice, qui le désirait déjà sans cela, lui Saldern avait acquis par là toute la confiance de cette princesse, dont il se servait à présent, d'accord avec les autres, pour aider à critiquer toutes ses actions, à lui faire trouver des torts partout et à travailler à sa perte, qui ne serait pas difficile, puisque le péché qu'il avait sur lui d'avoir parlé ouvertement à S. M. I. sur le sujet du comte Orlow, ne serait pas aisément pardonné et qu'il deviendrait la victime de leur réconciliation. Il se déchaîne alors beaucoup contre le sieur de Saldern, qu'il appelle l'homme

---

но, не найдя у графа никакого сочувствія, онъ бросился къ Великому Князю. Съ свойственной де Сальдерну наглостью и поспѣшностью, онъ говорилъ Великому Князю такимъ непристойнымъ языкомъ и о его матери, и о русскихъ вообще и о графѣ Панинѣ въ особенности, что молодой в. князь совсѣмъ растерялся, сталъ робкимъ и подозрительнымъ ко всѣмъ окружающимъ, а недовѣріе къ нему, графу Панину, довело до такихъ размѣровъ, что графъ, наконецъ, не могъ этого не замѣтить и постарался доискаться причины; только благодаря доброму сердцу Великаго Князя, они объяснились, и съ той поры в. князь понялъ злой характеръ Сальдерна и пересталъ видѣться и говорить съ нимъ. Такая перемѣна со стороны Великаго Князя подсказала Сальдерну, что онъ разоблаченъ, и тогда онъ привязался къ Орловымъ и Чернышевымъ, открытымъ противникомъ которыхъ онъ былъ до того времени; вмѣстѣ съ ними онъ сталъ хлопотать о возвращеніи графа Орлова; имъ не понадобилось большаго труда, чтобы склонить къ этому Императрицу, такъ какъ она и сама того желала; такимъ образомъ Сальдернъ пріобрѣлъ полное довѣріе къ себѣ Государыни, которымъ онъ пользуется, вмѣстѣ съ другими, чтобы осуждать дѣйствія его, графа Панина, отъискивать всюду его вины и подготовлять его паденіе; послѣдняго достигнуть не трудно, ибо Ея Императорское Величество не легко проститъ ему тотъ грѣхъ, что онъ откровенно говорилъ Императрицѣ про графа Орлова; такимъ образомъ онъ, графъ Панинъ, будетъ жертвой ихъ примиренія. Онъ разразился противъ

du plus méchant et du plus noir caractère, le plus faux, le plus traître, le plus capable des plus mauvaises entreprises, vénal et propre à tout pour satisfaire son orgeuil et sa vengeance. Il m'avertit d'être sur mes gardes avec lui, parce que tandis qu'il se montrait tout dévoué à V. M., il savait que dans les affaires de Pologne, pour ne pas déplaire à l'Impératrice, il n'avait rien fait pour lui donner son assentiment. Je ne sais si ce portrait n'est pas un peu trop chargé, mais le sieur de Saldern a manqué à son ami et à son bienfaiteur, en se jetant du côté des Orlows mais j'aurais de la peine pourtant à le soupçonner si méchant que de travailler à la perte du comte Panin, à laquelle je ne vois pas qu'il gagnerait, si ce n'est de jouer à son retour du Holstein, où il doit aller bientôt, une sorte de rôle de sous-ministre en ce pays-ci, ce que pour un homme de son âge serait une ambition bien singulière et qui pourrait lui devenir bien funeste; avec son caractère il ne serait pas possible qu'il s'y maintînt longtemps. D'un autre côté le trait avec le Grand-duc, que je ne saurais m'imaginer comme une invention du comte Panin, est d'une telle force, que je ne sais qu'en dire, et qui suffirait, s'il était connu, à lui casser le col; mais le comte Panin ne veut pas le découvrir; il ne peut pas le faire, dit-il, sans compromettre le Grand-duc, mais il attendra que le sieur de Saldern soit parti pour démasquer cet homme dangereux. Ce ministre regarde la cabale contre lui d'autant plus dange-

---

Сальдерна, называя его самымъ злымъ человѣкомъ, самаго гнуснаго характера, самымъ фальшивымъ измѣнникомъ, готовымъ на самыя дурныя дѣла, продажнымъ и способнымъ на все для удовлетворенія своего честолюбія или чувства мести. Панинъ предостерегалъ меня, совѣтуя быть на сторожѣ, потому что въ то время, когда Сальдернъ представлялся самымъ преданнымъ Вашему Величеству, графъ зналъ, что въ польскихъ дѣлахъ, чтобы угодить Императрицѣ, Сальдернъ не сдѣлалъ ничего.

Не знаю, не слишкомъ-ли искаженъ этотъ портретъ; правда, что де Сальдернъ погрѣшилъ противъ своего друга и благодѣтеля, перейдя на сторону Орловыхъ; но трудно заподозрить его въ томъ, чтобы онъ подготовлялъ паденіе графа Панина, причемъ я не вижу, чтобы многое могъ отъ этого выиграть Сальдернъ; развѣ только не задумалъ-ли онъ, по возвращеніи своемъ изъ Гольстейна, куда онъ долженъ скоро ѣхать, играть роль помощника министра, что, однако, въ этой странѣ и въ его годы было-бы довольно страннымъ честолюбіемъ; оно бы могло сдѣлаться для него очень опаснымъ; съ его характеромъ, де Сальдернъ не могъ.бы удержаться долго. Съ другой стороны, поступокъ де Сальдерна съ Великимъ Княземъ, который я не могу себѣ представить плодомъ воображенія графа Панина, — поступокъ этотъ такого свойства, что я не знаю, что и сказать о немъ; будь онъ извѣстенъ, де Сальдернъ могъ бы погибнуть; но графъ Панинъ не хочетъ огласить этотъ поступокъ; графъ говоритъ, что не можетъ сдѣлать этого, не компрометируя Великаго Князя; но онъ дождется отъѣзда де Сальдерна и тогда разоблачитъ этого вреднаго человѣка. Министръ усматриваетъ въ заговорѣ противъ него большую опасность потому, что

reuse, qu'elle est fondée sur un principe solide et raisonné. Ce n'est pas tant, dit-il, la haine personnelle des Orlows contre lui, qui les fait agir, mais la nécessité, où se trouve cette famille avec les Czernischeff, d'écarter un homme épilogueur continuel de leur conduite, qui s'opposera toujours à leur dessein de gouverner l'Empire. Il ne leur suffit pas d'avoir l'Impératrice à leur disposition, ils veulent s'emparer aussi du Grand-duc, et le pervertir s'il est possible comme feu son Père, pour être après les maîtres de tout, sans s'embarrasser du bouleversement de l'état s'il dût s'ensuivre; mais il croit à ce prince un trop bon esprit pour se laisser corrompre, et il est persuadé, qu'il en arriverait le contraire de ce qu'ils s'imaginent, dont peut être l'Impératrice et sa famille favorite pourraient se repentir. Ces gens, à ce qu'il prétend, depuis le retour du comte Orlow ont rempli l'esprit de l'Impératrice d'appréhension contre lui, Panin, et le Grand-duc et lui ont fait croire, que pour être sûre sur son trône, Elle devait nécessairement conserver les Orlows, qui par leur crédit dans le peuple et dans les gardes seraient les seuls capables de la soutenir. Cela a porté coup à la fin, et l'ancienne habitude, aûtant que présentement la crainte, font, qu'Elle considère cette famille comme son ange tutélaire, et qu'Elle regarde le Grand-duc et son gouverneur comme ses ennemis, malgré que dans le public Elle témoigne beaucoup d'amitié pour le premier, que le comte Panin ne croit

---

заговоръ основанъ на твердыхъ и обдуманныхъ началахъ. Онъ говорятъ, что не столько личная месть Орловыхъ заставляетъ дѣйствовать противъ него, сколько необходимость для нихъ и для Чернышевыхъ удалить человѣка, постоянно порицающаго ихъ поведеніе, человѣка, который всегда будетъ противодѣйствовать ихъ замысламъ захватить управленіе Имперіей. Имъ недостаточно вліять на Императрицу; они хотятъ заполонить и Великаго Князя и, если возможно, развратить его, подобно тому, какъ они сдѣлали это съ его покойнымъ отцемъ, и потомъ властвовать надъ всѣмъ, не смущаясь потрясеніемъ основъ государства, если таковое послѣдуетъ; но графъ Панинъ увѣренъ, что здравый смыслъ в. князя не поддасться развращенію и убѣжденъ, что случится совершенно противное тому, чего ожидаютъ Орловы, и что какъ Императрица, такъ и любимицы ея, можетъ быть, будутъ раскаиваться. Эти люди, какъ полагаетъ графъ Панинъ, со времени возвращенія Орлова, внушали Императрицѣ опасенія противъ графа Панина и Великаго Князя и увѣрили ее, что для того, чтобы твердо держаться на престолѣ, она необходимо должна сохранить Орловыхъ, которые своимъ вліяніемъ въ народѣ и въ гвардіи одни могутъ поддержать ее. Это, въ концѣ концовъ, на нее подѣйствовало и, какъ старая привычка, такъ и настоящее опасеніе, дѣлаютъ то, что она видитъ въ этой семьѣ своего ангела хранителя, и на Великаго Князя и его наставника смотритъ какъ на своихъ враговъ; несмотря на то, въ обществѣ, она показываетъ большое расположеніе къ первому, но графъ Панинъ не

pas sincère.... Je dois croire à ce qu'il dit, parce qu'il est mieux en état d'en juger que moi. Ce que j'en sais, c'est que l'Impératrice n'a plus pour lui cette déférence et ces attentions qu'autrefois, mais j'ai cru sur ce qui m'en est revenu, que ce n'était, que parce qu'Elle trouvait qu'il tenait trop le Grand-duc sous sa dépendance, à quoi l'extrême attachement de ce prince pour lui, lui donne toute la facilité possible, et qu'Elle est fâchée de voir que la jeune cour se gouvernera absolument sur ses avis, tandis qu'Elle seule voudrait la conduire, et y établir le crédit des Orlows, au même dégré qu'il l'est auprès d'Elle; mais j'ai toujours espéré que l'ancienne habi ude qu'Elle a d'agir confidemment avec son ministre, fournirait une explication entre eux; mais il croit la chose impossible; il soutient même, qu'Elle ne lui a jamais voulu du bien, qu'Elle l'a cru nécessaire pour travailler à Sa gloire, mais qu'Elle croit pouvoir s'en passer présentement, et que les Orlows Lui suffisent pour soutenir ce qui est fait. En récapitulant plusieurs traits du règne de S. M. Impériale, où le comte Panin a songé davantage à servir l'état que sa personne, on pourrait croire qu'Elle n'a jamais eu beaucoup d'affection pour lui. C'est contre le gré du comte Panin qu'Elle est devenue souveraine; c'est par son opposition qu'Elle a manqué le mariage qu'Elle voulait faire en 1763, ainsi il se pourrait, que (par la) fortune grandi(ssante) du Grand-duc, on a pu parvenir à la rendre défiante

---

считаетъ этого чувства искреннимъ. Я долженъ вѣрить тому, что говоритъ графъ, ибо онъ можетъ судить лучше, нежели я. Все, что я знаю, это то, что Императрица не имѣетъ къ графу Панину ни того расположенія, ни того вниманія, какъ въ былое время; но я предполагалъ, основываясь на дошедшихъ до меня свѣдѣніяхъ, что происходитъ это только отъ того, что Императрица находитъ чрезмѣрнымъ то подчиненіе, въ которомъ графъ Панинъ держитъ Великаго Князя; подчиненію этому очень способствуетъ необыкновенная привязанность Великаго Князя къ графу; Императрица недовольна тѣмъ, что маленькій дворъ руководится исключительно мнѣніями Панина; тогда какъ она желала бы сама руководить этимъ дворомъ и хотѣла-бы установить тамъ вліяніе Орловыхъ въ той же степени, какъ и при ней. Я всегда надѣялся, что старая привычка Императрицы — довѣрчиво относиться къ своему министру — дастъ возможность ему объясниться; онъ же находитъ это невозможнымъ и утверждаетъ даже, что Императрица никогда не была къ нему доброжелательна; онъ былъ ей необходимъ для упроченія ея славы, но теперь она находитъ возможнымъ обойтись и безъ него; для поддержанія созданнаго, достаточно и Орловыхъ. Перебирая въ памяти нѣкоторые эпизоды изъ царствованія Ея Императорскаго Величества, когда графъ Панинъ служилъ больше государству, нежели Ея Особѣ, можно повѣрить, что она никогда особенно его не любила. Онъ — противился Ея вступленію на престолъ, онъ же помѣшалъ Ея бракосочетанію, какъ она того хотѣла въ 1763 году; такимъ образомъ, быть можетъ, могли достигнуть того, что Она стала недовѣрчива къ Великому Князю вслѣдствіе успѣха его и увеличивающейся его славы. Однимъ

à son égard. Enfin, c'est actuellement un chaos, et il doit se préparer des fermentations dans l'intérieur de la cour de Russie, qui pourront avoir de grandes suites. Je ferai sûrement mon possible de les suivre avec vigilance, mais V. M. daignera Elle-même juger de la difficulté où je me trouve de les pénétrer et de pouvoir les prévoir à temps, surtout si je dois me défier des avis du sieur Saldern, à qui j'avoue avoir cru sujet jusqu'ici de pouvoir me fier.

№ 722.

Extrait d'une dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 19 (30) Juillet 1773.

... Le comte Panin m'a dit: L'affaire de Dantzig avait été entamée dans un temps, où ses avis avaient encore valu quelque chose; présentement, qu'on ne les demandait plus, qu'on se plaisait au contraire à le contrecarrer en tout, il n'était plus en état de servir V. M. comme il le désirait.

Je lui dis, que j'espérais que le temps reviendrait où ses amis pourraient compter sur son crédit. Il me dit, qu'il resterait éternellement, autant par principe, que par penchant, le serviteur le plus attaché de V. M., mais qu'il ne croyait plus de pouvoir lui être de quelque utilité à l'avenir, parce

---

словомъ, теперь здѣсь хаосъ, и при дворѣ должно подготовиться внутреннее броженіе, которое можетъ имѣть важныя послѣдствія. Я, конечно, употреблю всѣ усилія, чтобы за всѣмъ слѣдить бдительно; но Ваше Величество благоволите судить сами о томъ, какъ трудно мнѣ проникнуть во все и во̀ время все узнать, особенно, если я долженъ остерегаться сообщеній де-Сальдерна, которому, признаюсь, до сихъ поръ я считалъ возможнымъ довѣряться.

Извлеченіе изъ депеши графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 19-го (30-го іюля) 1773 г.

№ 722. . . . Сольмсъ доноситъ королю, что онъ просилъ графа Панина содѣйствовать Пруссіи въ дѣлѣ о пріобрѣтеніи Данцига, — и что графъ отвѣчалъ ему:

Дѣло о Данцигѣ начато было еще въ то время, когда его мнѣнія что нибудь значили; теперь же, когда ихъ не спрашиваютъ, а напротивъ находятъ удовольствіе во всемъ ему противорѣчить, онъ не въ силахъ служить Вашему Величеству такъ, какъ бы хотѣлъ.

Я выразилъ ему надежду, что придетъ время, когда друзьямъ его будетъ можно разсчитывать на его вліяніе. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что навсегда останется самымъ вѣрнымъ слугой Вашего Величества, столько же по принципу, сколько изъ преданности, но что онъ не вѣритъ въ возможности быть полезнымъ въ будущемъ, такъ какъ

que l'Impératrice ne lui parlait plus, et que lui, de son côté, tâchait de l'éviter autant qu'il pouvait. Qu'au reste, son parti était pris, qu'il attendait qu'on lui fit seulement quelques propositions relativement à ses emplois, pour les mettre tout de suite tous aux pieds de sa souveraine et se retirer tout à fait. Je lui fis là-dessus plusieurs représentations, applicables au sujet et au local de sa position, pour le persuader à se procurer une explication privée avec sa souveraine. Il ne rejeta pas l'idée en elle-même, mais il prétendit que je ne connaissais pas le personnel de cette princesse et que la chose n'était pas aussi aisée, comme elle me le paraissait. Il est malhereux que les choses en soient venues en si peu de temps au point que la souveraine et le ministre se dépitent l'un envers l'autre et que se voyant toute la journée presque, ils ne se parlent plus. Il est aisé de s'imaginer combien les affaires en souffrent et combien de difficultés on rencontrera pour avancer dans une négociation, car, c'est présentement un vrai temps d'anarchie.

№ 723.

Dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, le 23 Juillet (3 d'Août) 1773.

Le courrier, qui a été à Darmstadt, est revenu avant-hier avec l'approbation du Landgrave, pour le mariage de la princesse Wilhelmine, sa fille, avec le Grand-duc. Quoiqu'on devait bien s'y attendre, il paraît pourtant

---

Императрица не разговариваетъ съ нимъ больше, и онъ, съ своей стороны, избѣгаетъ Ея, на сколько можетъ. Впрочемъ, онъ принялъ рѣшеніе и ждетъ только того, чтобы ему сдѣлали какія нибудь предложенія на счетъ его должностей, тогда онъ немедленно сложитъ ихъ къ стопамъ своей Государыни и удалится совсѣмъ. На это я представилъ ему нѣсколько соображеній, относящихся до него и до его положенія, убѣждая объясниться частно съ Государыней. Онъ не протестуетъ противъ самой мысли, но думаетъ, что я недостаточно знаю характеръ Монархини и что устроить это дѣло не такъ легко, какъ я думаю. Онъ очень несчастливъ тѣмъ, что все такъ внезапно случилось и что Государыня и министръ въ раздраженіи другъ на друга и, находясь вмѣстѣ, почти цѣлый день даже не разговариваютъ. Легко можно себѣ представить, какъ страдаютъ дѣла и какъ трудно вести переговоры, ибо теперь здѣсь настоящая анархія.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 23-го іюля (3-го августа) 1773 г.

№ 723. Третьяго дня вернулся курьеръ изъ Дармштадта и привезъ согласіе Ландграфа на бракъ принцессы Вильгельмины, его дочери, съ Великимъ Княземъ. Хотя этого должны были ожидать, но кажется, какъ будто увѣренность въ этомъ

comme si cette assurance avait répandu plus de contentement à la cour, du moins est-il certain qu'elle a fait cet effct sur le Grand-duc, qui ne se possède pas de joie, et qui regarde comme le plus grand bonheur qui puisse lui arriver, d'être uni à une princesse qu'il adore et qu'il considère comme digne de sa tendresse et de sa plus haute estime. Suivant les usages de la Russie, qu'on veut suivre en cette occasion, la résolution de ce mariage ne peut pas encore être publiée. Il faut qu'auparavant la princesse soit en état de faire sa confession de foi en langue russe; cela se pourra cependant au bout d'une quainzaine de jours. On viendra pour cela en ville; elle y recevra la confirmation; elle communiera selon le rite grec et le lendemain elle sera fiancée; après quoi elle sera d'abord déclarée grande-duchesse et on priera pour elle dans les églises. Les noces se feront 2 où 3 mois après. On commencera à cette heure lui préparer les appartements qu'elle doit occuper après le mariage, et comme il est impossible de lui en donner d'autres, pour qu'elle soit logée près de son époux, que ceux du comte Panin, qui touchent à ceux du Grand-Duc, la manière dont on les lui demandera fera voir, si on est intentionné, comme il le prétend, de le brusquer, pour le faire sortir de la cour d'une façon désagréable, ou, si comme je l'espère, on s'arrangera doucement avec lui, pour faire trouver d'autres appartements que les siens à la grande-duchesse, cela n'est pas possible; la distribution du palais Impérial ne le comporte pas autrement que de le faire déloger. Ce ne sera qu'après le départ de la Landgrave, qu'on pourra

---

произвела замѣтное довольство; по крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе, произведенное на Великаго Князя, который внѣ себя отъ радости, и видитъ величайшее счастье въ бракѣ своемъ съ этой принцессой; онъ очень въ нее влюбленъ и считаетъ ее вполнѣ достойной его любви и уваженія. По русскимъ обычаямъ, которымъ хотятъ слѣдовать въ настоящемъ случаѣ, рѣшеніе о бракѣ пока не можетъ быть объявлено. Надо, чтобы сначала принцесса была приготовлена къ принятію православной вѣры и мѵропомазанію; достичь этого можно черезъ двѣ недѣли; для этого пріѣдутъ въ городъ, гдѣ она будетъ помазана мѵромъ, исповѣдуется по обряду греческой церкви и на другой день будетъ объявлена невѣстой; послѣ этого она будетъ провозглашена Великой Княгиней и за нее будутъ молиться въ церквахъ. Вѣнчаніе совершится черезъ два или три мѣсяца. Съ этого времени начнутъ приготовлять покои, которые она должна занять послѣ бракосочетанія; само собою разумѣется, что они должны быть рядомъ съ покоями ея супруга, т. е. должны быть въ томъ именно помѣщеніи, которое занято графомъ Панинымъ. По манерѣ, съ которой обратятся къ нему, можно будетъ судить, намѣрены ли относиться къ нему безцеремонно, какъ онъ это предполагаетъ, чтобы заставить его выѣхать изъ дворца, или же, какъ я надѣюсь, сдѣлаютъ это вѣжливо. Найти же другое помѣщеніе для Великаго Князя — невозможно, ибо расположеніе комнатъ во дворцѣ таково, что необходимо, чтобы графъ Панинъ переѣхалъ

donner à la jeune cour un appartement ailleurs, plus vaste que celui d'à présent, et si le comte Panin voulait s'en tenir offensé, il aurait certainement tort. Tout ce dont il aurait à se plaindre, c'est qu'on ne l'en ait pas averti auparavant, puisque toute la ville parle de ces arrangements au palais, sans que lui en sache un mot; mais l'Impératrice le boude, et lui ne veut faire aucune avance pour s'expliquer avec Elle, ce qui fait qu'ils s'aigrissent tous les deux.

...La haute sagesse de V. M. et sa grande pénétration ont fait éviter un cruel embarras à la Landgrave de Darmstadt, dans lequel elle se serait trouvée, si elle lui avait écrit selon les intentions du comte Panin au sujet de son appréhension pour un mariage inégal d'une des princesses ses filles. Cette réserve a épargné peut être encore bien des troubles intérieurs à la cour, auxquels des soupçons excités auprès de cette princesse auraient pu donner lieu. Après tout ce qui a suivi cette première confidence du comte Panin, je crois avoir raison de soupçonner que l'appréhension continuelle, où il est contre les desseins du comte Orlow, lui fait voir les choses tout autrement qu'elles ne le sont, et que son animosité contre cet ancien favori lui fait former aussi dans son imagination des idées que l'autre n'a jamais eues...

J'ai été avant-hier au cercle de la cour à Pétershoff, où j'ai remarqué, que l'Impératrice a parlé jusqu'à trois fois au comte Panin, avec ce même

---

оттуда. Только послѣ отъѣзда Ландграфини, молодымъ супругамъ можно будетъ устроить помѣщеніе обширнѣе настоящаго, и если графъ Панинъ оскорбится — онъ будетъ неправъ. Единственно на что онъ могъ бы жаловаться — это на то, что его не предупредили заранѣе; ибо весь городъ говоритъ о переустройствѣ во дворцѣ, а онъ ничего не знаетъ; но Императрица сердита на него, не дѣлаетъ ни шагу для того, чтобы объясниться и, такимъ образомъ, раздражаются оба.

Высокая мудрость и проницательность Вашего Величества избавили Ландграфиню Дармштадтскую отъ тяжелаго затрудненія, въ которое она была бы поставлена, если бы Ваше Величество написали ей, какъ просилъ того графъ Панинъ, объ опасеніяхъ на счетъ неравнаго брака одной изъ принцессъ, ея дочерей. Эта осторожность предупредила, можетъ быть, много внутреннихъ смутъ при дворѣ, которыя могли бы произойти вслѣдствіе подозрѣній, внушенныхъ Ландграфинѣ. Все, что послѣдовало за этимъ первымъ секретнымъ сообщеніемъ графа Панина, даетъ мнѣ право подозрѣвать, что его постоянныя опасенія на счетъ происковъ графа Орлова, заставляютъ Панина смотрѣть на вещи не такъ, какъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ, и что злоба противъ бывшаго любимца создаетъ въ соображеніи Панина такія намѣренія, которыхъ тотъ никогда и не имѣлъ.

Третьяго дня я былъ въ собраніи при дворѣ, въ Петергофѣ, гдѣ я замѣтилъ, что Императрица раза три говорила съ графомъ Панинымъ, съ той же видимой добротой,

air de bonté qu'Elle a toujours eu vis-à-vis de lui, de sorte que je me flatte, qu'encore qu'il y a plus d'imagination que de réalité dans les craintes qu'il a de mauvaises intentions de sa souveraine à son égard, pourvu qu'il ne la pousse à bout par sa raideur, et qu'il donne ainsi prise contre lui à ses ennemis. Après la cour, l'Impératrice alla souper à Oranienbaum et amena les ministres étrangers avec Elle. On y soupa à 4 tables, chacune de 10 couverts, dont elle-même, le Grand-Duc avec sa future, la Landgrave et la princesse aînée prirent chacune une. Je fus placé à celle de la Landgrave, et c'est là pour la première fois que j'ai pu avoir le bonheur de lui parler. Elle m'a témoigné la crainte qu'elle avait eu avant d'arriver dans ce pays-ci, mais elle avoua en même temps, qu'elle s'était dissipée après sa première entrevue avec l'Impératrice, et que présentement elle était extrêmement satisfaite de son séjour. Elle fut très charmée d'apprendre, qu'autant que je pouvais être instruit des sentiments publics, je pouvais l'assurer, qu'elle avait gagnée l'approbation générale et que la nation applaudissait au choix du Grand-duc. En effet, je ne me suis pas permis de lui dire cela par flatterie, mais parce que cela me revient de tous les côtés. Je crois devoir être convaincu, qu'on a pris pour cette princesse des sentiments de respect et de vénération et qu'on trouve la future grande-duchesse digne du sort qui l'attend.

съ которой она всегда къ нему обращалась; такимъ образомъ, я надѣюсь, что всѣ его опасенія, будто Императрица дурно къ нему расположена, скорѣй существуютъ въ его воображеніи нежели въ дѣйствительности. Лишь бы онъ, своей жесткостью, не вывелъ Ее изъ терпѣнія и не далъ бы этимъ повода своимъ врагамъ повредить ему. Изъ дворца Императрица поѣхала въ Ораніенбаумъ, куда и пригласила съ собой всѣхъ иностранныхъ министровъ. Тамъ ужинали за четырьмя столами, каждый на десять кувертовъ. Императрица за 1 столомъ, Великій Князь съ своей нарѣченной за 2, Ландграфиня за 3, и старшая принцесса (Амалія) за 4. Я былъ посаженъ за столъ Ландграфини и тутъ только въ первый разъ имѣлъ счастье разговаривать съ ней. Она разсказывала мнѣ о страхѣ, который испытывала передъ поѣздкой въ эту страну, но въ то же время призналась, что при первомъ же свиданіи съ Императрицей страхъ этотъ прошелъ и что теперь она вполнѣ довольна своимъ пребываніемъ здѣсь. Она была очень обрадована, когда я сказалъ ей, что на сколько могу судить объ общественномъ настроеніи, я смѣю ее увѣрить, что она пріобрѣла всеобщую симпатію и что нація одобряетъ выборъ Великаго Князя. По истинѣ, я сказалъ ей это не изъ лести, но потому, что слышалъ это со всѣхъ сторонъ. Я вполнѣ увѣренъ, что всѣ проникнуты чувствами уваженія и почтенія къ этой принцессѣ и будущую Великую Княгиню считаютъ достойной той судьбы, которая ее ожидаетъ.

№ 724.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 23 d'Août. A St.-Pétersbourg, le 30 de Juillet (10 d'Août) 1773.

J'ai eu avec le sieur de Saldern, avant qu'il soit parti d'ici, une conversation sur la situation dans laquelle il laissait la cour de Russie et sur la sienne propre. Comme il me regarde toujours comme son ami et que certainement je ne saurais me plaindre qu'il en ait jamais agi autrement envers moi, il est convenu qu'il avait des raisons de se plaindre du comte Panin, lequel, depuis que lui, sieur de Saldern, était de retour de Pologne, ne lui avait plus marqué la même confiance et lui avait fait remarquer des défiances, auxquelles il avait fort détourné; que malgré cela il aurait un éternel attachement pour lui et qu'ayant eu souvent à entendre les plaintes de Sa Majesté Impériale contre lui, il avait pris extrêmement son parti et avait tâché d'adoucir son esprit, en lui représentant qu'il fallait qu'elle ménageât un ministre qui lui était si nécessaire; il accompagna cette assertion des serments les plus terribles et protesta que sa conscience ne lui reprochait rien à cet égard, mais qu'il avouait n'avoir toujours rendu compte exactement au comte Panin de tous les entretiens qu'il avait eu avec l'Impératrice de Russie relativement à son sujet, ce qu'il avait fait pour ne pas aigrir les choses, mais que ce ministre aurait dû se fier à lui et se persuader qu'il était incapable de lui faire du

---

Гр. Сольмсъ королю.

Предст. 23-го августа. С.-Петербургъ, 30-го іюля (10 августа) 1773 г.

№ 724. Передъ отъѣздомъ отсюда г. де Сальдерна, я имѣлъ съ нимъ разговоръ о положеніи русскаго двора, въ которомъ оставляетъ его де Сальдернъ, и его собственномъ положеніи. Де Сальдернъ считаетъ меня своимъ другомъ и я не могу пожаловаться, чтобы когда нибудь онъ относился ко мнѣ иначе, поэтому онъ признался, что имѣетъ основанія жаловаться на гр. Панина. Съ того времени, когда де Сальдернъ вернулся изъ Польши, Панинъ уже не былъ съ нимъ довѣрчивъ, показалъ даже недовѣріе (пропускъ) не смотря на это, де Сальдернъ сохраняетъ неизмѣнное расположеніе къ Панину и не разъ случалось ему, выслушивая жалобы Императрицы на Панина, брать горячо его сторону; Сальдернъ старался смягчать гнѣвъ Императрицы, представляя Ей необходимость щадить министра, столь Ей полезнаго; увѣренія эти онъ подтвердилъ страшными клятвами, утверждая, что на совѣсти его въ этомъ отношеніи не лежитъ укора; онъ признался только, что не всегда передавалъ точно всѣ свои разговоры съ Императрицей, относившіеся къ графу Панину; но поступалъ такъ для того, чтобы не обострять отношеній. Министръ этотъ долженъ былъ бы вѣрить ему, и убѣдиться, что онъ не способенъ былъ наносить ему вредъ; не смотря на все это,

tort; que malgré cela il avait pris des soupçons et des jalousies contre lui et avait agi envers lui comme envers un homme de qui il avait le plus à craindre de toute la cour de Russie, et cela principalement parce qu'il lui avait parlé selon sa conviction et lui avait conseillé de se défaire à temps de la place du grand-gouverneur et se maintenir dans celle de principal ministre, parce que non seulement ces deux places étaient incompatibles, mais aussi que le principal grief de l'Impératrice de Russie était qu'elle ne voulait pas qu'il tint le Grand-Duc dans une dépendance continuelle et ne le fit vivre qu'avec des gens qui déplaisaient à l'Impératrice de Russie, qui avaient trouvé malheureusement le secret de s'insinuer auprès du comte Panin et qu'elle ne croyait pas bien intentionnés pour elle. En continuant de parler sur les chagrins que le comte Panin s'attirait en se mettant pour ainsi dire avec le Grand-Duc à la tête d'un parti, il lâcha un propos remarquable en disant que s'il avait voulu suivre ses conseils, il serait présentement dans une situation bien plus agréable. Il me fit entendre très-clairement que son idée avait été qu'après la déclaration de la majorité du Grand-Duc on aurait dû le faire nommer Empereur et Co-Régent, que cela aurait dû se faire dans le temps que l'année passée le comte Orlow s'amusait à Réval, que lui-même, sieur de Saldern, s'était offert à diriger cette révolution, qu'il aurait sacrifié sa personne et sa vie pour la faire réussir, et qu'il était persuadé que cela aurait été facile, mais que le comte Panin avait

---

Панинъ сталъ подозрителенъ, завистливъ и дѣйствовалъ противъ де Сальдерна какъ противъ человѣка, котораго надо было опасаться больше всѣхъ придворныхъ; главной причиной такого отношенія Панина было то, что де Сальдернъ, по своему убѣжденію, совѣтывалъ ему, отказаться во время отъ должности обергофмейстера и держаться только мѣста перваго министра; кромѣ того, что должности эти не совмѣстимы, Императрица особенно была недовольна тѣмъ, что графъ Панинъ держалъ Великаго Князя въ постоянной зависимости и окружалъ его людьми непріятными Императрицѣ; эти послѣдніе, къ сожалѣнію, нашли способъ втереться къ гр. Панину, а Императрица считаетъ ихъ людьми, дурно расположенными къ ней. Продолжая разсказъ о непріятностяхъ, которыя гр. Панинъ самъ навлекалъ на себя, становясь, такъ сказать, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ во главѣ новой партіи, — де Сальдернъ обмолвился замѣчательной фразой, сказавъ, что если бы Панинъ хотѣлъ слѣдовать совѣтамъ его, то былъ бы теперь въ гораздо болѣе пріятномъ положеніи. Онъ очень ясно далъ мнѣ понять, что его мысль была такая: по объявленіи Великаго Князя совершеннолѣтнимъ слѣдовало провозгласить его Императоромъ и Сорегентомъ; это нужно было устроить въ прошломъ году, когда гр. Орловъ веселился въ Ревелѣ; самъ онъ, г. де Сальдернъ, предложилъ управлять этимъ переворотомъ и пожертвовалъ бы собою и жизнію для успѣха дѣла; онъ былъ увѣренъ, что все было бы легко улажено: графу Панину не достало смѣлости, а дѣйствовать теперь уже

manqué de courage et que présentement la chose était trop tard. Quoique ceci ne prouve pas le bon coeur du sieur de Saldern, du moins cela pourrait prouver que dans ce temps-là il n'était pas porté pour les Orlows; mais qu'il était tout dévoué au comte Panin, à qui il aurait remis par ce coup d'éclat la plus grande partie de l'administration entre les mains, et ce sont là certainement les propositions dont ce ministre a voulu parler, lorsque dans son entretien confidentiel, dont j'ai rendu compte à V. M. en son temps, il m'a dit, que cet homme lui avait fait contre l'Impératrice de Russie des propositions qui l'avaient fait trembler et d'où il date le changement du sieur de Saldern à son égard à cause du refus, qu'il avait fait d'y entrer. A la fin il me dit qu'il partait sans savoir s'il retournerait, quoiqu'il eût déclaré à l'Impératrice de Russie et à tout le monde que cela dépendrait des ordres de Sa Majesté Impériale, qu'en effet il lui était égal de mourir à Paris ou à Pétersbourg, mais que cela dépendrait de la situation des affaires de ce pays-ci, que celle-ci fût plus assurée qu'il ne la croyait plus tranquille, puisqu'il ne pouvait pas vivre dans une cour, où pour être bien avec l'Impératrice de Russie il fallait être mal avec le Grand-Duc, et où pour être bien avec celui-ci on s'exposait aux soupçons de l'autre. Tel est, Sire, l'entretien que j'ai eu avec le sieur de Saldern et je me trouve embarrassé à porter mon jugement. Ce qui me paraît bien décidé et prouvé par le

---

поздно. Все это плохо рекомендуетъ г. де Сальдерна, но доказываетъ по крайней мѣрѣ, что въ то время онъ не былъ партизаномъ гр. Орлова, а былъ вполнѣ преданъ гр. Панину, которому, съ помощію этого переворота, онъ передалъ бы огромную власть въ управленіи. Панинъ подразумѣвалъ, конечно, эти самыя предложенія, когда въ откровенномъ со мной разговорѣ, о коемъ своевременно я доносилъ Вашему Величеству, онъ высказалъ мнѣ, что де Сальдернъ сдѣлалъ ему такого рода предложенія противъ русской Императрицы, которыя привели министра въ трепетъ, и что съ этого именно времени началась перемѣна въ отношеніяхъ де Сальдерна къ Панину, вслѣдствіе отказа послѣдняго принять эти предложенія. Подъ конецъ нашего разговора, де Сальдернъ сказалъ, что, уѣзжая отсюда, не знаетъ вернется ли, хотя онъ и заявилъ Императрицѣ и всѣмъ, что это вполнѣ зависитъ отъ приказаній Ея Императорскаго Величества; въ дѣйствительности ему рѣшительно все равно, гдѣ придется умереть,—въ Парижѣ или въ Петербургѣ, но гдѣ онъ завершитъ свою карьеру — будетъ зависѣть отъ положенія дѣлъ въ Россіи; это положеніе онъ находитъ обезпеченнымъ, но безпокойнымъ; онъ не можетъ жить при такомъ дворѣ, гдѣ быть пріятнымъ Императрицѣ возможно только тогда, когда состоишь въ дурныхъ отношеніяхъ къ Великому Князю, а находясь въ хорошихъ отношеніяхъ къ этому послѣднему, навлечешь подозрѣнія Императрицы. Такова была моя бесѣда съ г. де Сальдерномъ и я затрудняюсь высказать свое мнѣніе. Мнѣ представляется, однако, очевиднымъ и

propre aveu du sieur de Saldern, c'est que son plus grand mécontentement vient de ce qu'il a été empêché de jouer un rôle principal dans ce pays-ci; que pour satisfaire son ambition démesurée il n'aurait pas été scrupuleux sur les moyens, car il est bien à présumer que si son idée de la Co-Régence avait eu lieu, il n'aurait pas été content d'avoir eu part à son établissement, il aurait bien prétendu d'avoir aussi la sienne à la Co-Régence même. Il me paraît tout simple qu'après ce projet, ayant manqué rechercher l'amitié du comte Orlow, le comte Panin ait pris contre lui des soupçons et des défiances, qu'il en ait donné aussi au Grand-Duc et que le changement de la conduite de ce jeune prince à son égard lui ayant déplu et choqué son ambition, il se soit permis de blâmer avec trop peu de ménagement les actions du ministre pour se mettre d'autant mieux avec les Orlows. Ceci aura été redit et aura causé ce grand refroidissement et cette défiance mutuelle qui a été depuis le printemps entre lui et le comte Panin, en quoi il a certainement eu grand tort, parce que après tout ce que celui-ci a fait pour lui, il ne devait pas se permettre la moindre chose contre ce ministre, son bienfaiteur, son ami et son protecteur, et il faut que je dise qu'à cet égard il est généralement blâmé, car sans pouvoir juger de ses sentiments intérieurs, sa conduite extérieure a été telle, qu'elle a été aperçue et qu'elle a frappé tout le monde. Mais qu'avec tout cela il ait vraiment l'intention de nuire au comte Panin, de le desservir auprès de l'Impératrice de Russie et de co-

---

доказаннымъ собственнымъ признаніемъ г. де Сальдерна, что сильное недовольство его происходитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе невозможности играть выдающуюся роль въ этой странѣ; онъ не разбиралъ бы средствъ для удовлетворенія своего непомѣрнаго честолюбія, ибо можно смѣло предположить, что, если бы планъ Соregентства удался, то де Сальдернъ не удовольствовался только ролью устроителя, но захотѣлъ бы участвовать въ самомъ составѣ регентства. Мнѣ кажется вполнѣ правдоподобнымъ, что послѣ этой неудачи де Сальдернъ сталъ искать дружбы гр. Орлова, а у гр. Панина родились подозрѣнія противъ де Сальдерна и недовѣріе, которыя Панинъ внушилъ также и Великому Князю; молодой Князь измѣнилъ свое отношеніе къ Сальдерну, а этотъ послѣдній, оскорбленный въ своемъ честолюбіи, позволилъ себѣ безъ стѣсненія порицать дѣйствія министра, разсчитывая черезъ то сблизиться съ Орловыми. Это было передано Панину и положило основаніе обоюдному охлажденію и недовѣрію, начавшемуся еще весной; конечно де Сальдернъ былъ вполнѣ неправъ, ибо послѣ всего, что для него сдѣлалъ Панинъ, онъ не долженъ былъ позволять себѣ ни малѣйшаго дѣйствія противъ министра, бывшаго его благодѣтеля, друга и покровителя. Я долженъ сказать, что де Сальдерна всѣ обвиняютъ; такъ какъ судить о его внутреннихъ побужденіяхъ нѣтъ возможности, то внѣшняя сторона его поведенія была одна замѣтна и поразила всѣхъ. Однако, не смотря на все это, я повѣрю съ трудомъ, чтобы де Сальдернъ вредилъ гр. Панину въ глазахъ Импера-

opérer à son éloignement, c'est ce que j'avoue avoir de la peine à me persuader. Ce trait me paraît trop noir, trop imprudent pour que je puisse l'en imaginer capable, et les protestations énormes, qu'il m'a faites du contraire, doivent au moins me laisser encore en suspens. Le comte Panin peut avoir poussé ses soupçons trop loin, car c'est dans le caractère de ce ministre d'être soupçonneux, de prendre aisément des jalousies contre quelqu'un et de suspecter les gens de vouloir diminuer sa gloire ou son mérite. Je sais qu'on porte ces plaintes contre lui dans le conseil, où il ne peut souffrir les contradictions et où il est toujours porté à supposer de la haine ou de l'envie à ceux qui lui en font. Ce que le sieur de Saldern a dit des gens, qui entourent le Grand-Duc et le comte Panin et qui déplaisent à l'Impératrice de Russie, est fondé. C'est surtout un Talisin, capitaine aux gardes, un Paschikoff (Protasoff?), un prince Baratinsky, frère de celui qui doit aller comme ministre en France, tous trois chambellans, et un Apraxin, qui a pris sa démission comme général, mais qui est un homme de très mauvaises moeurs. Ces gens l'obsèdent pour profiter de sa grande générosité et le pillent. Les trois premiers sont les ouvriers de la révolution qui a mis l'Impératrice sur le trône et étaient autrefois créatures du comte Orlow. Mais à sa disgrâce ils se sont déclarés ouvertement pour le nouveau favori, et au retour de l'ancien, comme ils n'ont plus pu (?) auprès de lui, ils jouent un mauvais rôle à la cour. L'Impératrice, quoiqu'elle conserve son nouveau favori, leur veut du mal de ce

---

трицы и содѣйствовалъ его удаленію. Такой поступокъ представляется мнѣ слишкомъ чернымъ и слишкомъ неосторожнымъ и я не считаю его способнымъ на это; притомъ же клятвенныя его увѣренія въ противномъ по крайней мѣрѣ заставляютъ меня колебаться. Гр. Панинъ могъ и преувеличить свои подозрѣнія, ибо министру этому свойственна подозрительность, онъ легко проникается завистію къ кому нибудь и опасеніемъ, что другіе стараются уменьшить его славу и заслуги. Я знаю, что на это жалуются и въ совѣтѣ, гдѣ графъ не выноситъ никакихъ противорѣчій и гдѣ онъ всегда готовъ заподозрить къ себѣ ненависть и зависть въ тѣхъ, которые ему возражаютъ. Справедливо все то, что г. де Сальдернъ высказалъ о людяхъ, окружающихъ Великаго Князя и гр. Панина и не нравящихся Императрицѣ: Талызинъ — капитанъ гвардіи, Пашковъ (Протасовъ?), кн. Барятинскій, братъ того, который назначенъ посломъ во Францію, всѣ трое камергеры; Апраксинъ, отставной генералъ, человѣкъ очень дурнаго поведенія. Всѣ эти люди окружаютъ Великаго Князя и, пользуясь его щедростью, обираютъ его. Три первые — дѣятели революціи, которая возвела на тронъ Императрицу, и всѣ трое — креатуры Орлова. Послѣ паденія Орлова, они открыто перешли на сторону новаго любимца, и по возвращеніи прежняго не съумѣли къ нему пристроиться (пропускъ) и теперешняя роль ихъ при дворѣ незавидная. Хотя Императрица держится новаго любимца, но она сердита на нихъ за дурные

qu'ils ont dit de l'autre et elle est si fâchée qu'elle ne peut pas les souffrir. A cause de cela ils se piquent de se montrer plus assidument à la cour du Grand-Duc. Le comte Panin devrait donner cette satisfaction à sa souveraine de ne pas les distinguer, au moins de ne pas vivre avec eux sur le pied d'amis. Mais à cet égard il se pique mal à propos et prétend que Sa Majesté Impériale ne doit pas le gêner sur les personnes avec lesquelles il doit vivre en société. La femme de Talisin passe même pour être sa maîtresse et il donne toutes les apparences pour le faire croire. L'Impératrice n'a pas tort, quand elle désapprouve que de pareilles gens ayent plus d'accès auprès du Grand-Duc, que ceux qui sont bien venus auprès d'elle; mais s'il était permis de la blâmer, ce serait qu'elle n'en parle jamais elle-même au comte Panin, mais qu'elle témoigne son mécontentement à d'autres, que cela donne occasion à des rapports et à des tracasseries qui aigrisssent et ne produisent que du mauvais sang de part et d'autre. Malgré cela le sieur de Saldern prétend pourtant que l'Impératrice n'ôtera pas les affaires au comte Panin, que sans lui ôter le titre de grand-gouverneur, on le mettra hors d'état d'y vaquer, en lui enlevant ses chambres à la cour, et qu'on l'obligera de se loger ailleurs, qu'au reste ce ministre était plus craintif qu'il n'avait sujet de l'être, et que ni le comte Orlow, ni personne autre ne désirait de l'éloigner des affaires et de le mettre mal auprès de sa souveraine, que tout ce qui était entre eux deux était personnel et venait de ce qu'il avait mal pris ses dimensions dans l'éloignement du comte Orlow, que l'Impératrice

---

отзывы о прежнемъ и терпѣть ихъ не можетъ. За то они стараются какъ можно больше быть при дворѣ Великаго Князя. — Гр. Панинъ долженъ былъ бы, угождая своей Государынѣ, не отличать этихъ людей, или, по крайней мѣрѣ, не относиться къ нимъ, какъ къ своимъ друзьямъ. Но въ этомъ случаѣ онъ чванится не кстати, заявляя, что Ея Императорское Величество не должна стѣснять его въ выборѣ знакомствъ. Жену Талызина считаютъ его любовницей и онъ держитъ себя такъ, чтобы этому вѣрили. Императрица права, не одобряя, что подобные люди имѣютъ доступъ къ Великому Князю предпочтительно передъ людьми хорошо Ею принятыми; если можно Ее обвинить, то развѣ только за то, что она никогда не высказываетъ этого лично гр. Панину, а выражаетъ свое неудовольствіе другимъ, давая, такимъ образомъ, поводъ къ сплетнямъ и пересудамъ, которые только раздражаютъ и портятъ кровь обоимъ. Не смотря на это, де Сальдернъ думаетъ, что Императрица не удалитъ Панина отъ дѣлъ; не отнимая отъ него должности наставника, его поставятъ въ невозможность вліять на Великаго Князя, отобравъ у него помѣщеніе во дворцѣ и заставивъ его жить въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ де Сальдернъ находитъ, что гр. Панинъ боязливъ безъ причины, и ни гр. Орловъ, и никто другой не желаютъ его удалить отъ дѣлъ и поссорить съ Императрицей; все, что произошло между Ею и министромъ, было слѣдствіемъ того излишняго участія, которое онъ принялъ въ дѣлѣ уда-

repentie d'avoir fait ce pas, resterait toujours fâchée contre ceux qui s'étaient mêlés dans cette intrigue.

№ 725.

Le comte de Solms au roi.

A St. Pétersbourg, le 27 d'Août (7 de Septembre) 1773.

Prés. le 20 de Septembre.

On m'a bien remis les derniers ordres immédiats de V. M. du 24 d'Août.

On découvre tous les jours de nouveaux traits de la malhonnêteté et de la perfidie du sieur de Saldern et on ne peut croire autre chose, sinon que l'orgueil et l'ambition lui ont entièrement tourné la tête et qu'il en a perdu l'esprit et la raison. D'abord il est très probable que tandis qu'il faisait les plus fortes protestations de son attachement pour V. M. et qu'il se croyait obligé à cela par la reconnaissance, il a travaillé ici contre ses intérêts. On ne peut pas savoir au juste les insinuations qu'il a faites à l'Impératrice, quand il lui a parlé en particulier, mais il est bien avéré, qu'il aurait voulu lui faire prendre d'autres sentiments sur l'affaire de Dantzig et il y aurait peut-être réussi, si la chose n'avait été trop avancée avant qu'il gagnât ce libre accès auprès d'elle. Je me rappelle présentement des propos, qu'il m'a tenus à ce sujet, par lesquels il désapprouvait en général l'arrange-

---

ленія Орлова. Императрица, сожалѣя о прошломъ, будетъ всегда досадовать на тѣхъ, которые вмѣшались въ это дѣло.

Графъ Сольмсъ королю.

Предст. 20 сентября. С.-Петербургъ, 27-го августа (7-го сентября) 1773 г.

№ 725. Я получилъ послѣднія непосредственныя приказанія Вашего Величества, отъ 24-го августа.

Каждый день открываются новыя доказательства злобы и предательствъ г. де Сальдерна; слѣдуетъ полагать, что гордость и честолюбіе совсѣмъ вскружили ему голову и что онъ лишился и ума и благоразумія. Очень вѣроятно, что въ то самое время, когда онъ выражалъ самую сильную преданность Вашему Величеству, къ чему, по его мнѣнію, его обязывала благодарность, онъ интриговалъ здѣсь противъ Вашего Величества. Трудно знать, что именно внушалъ онъ Императрицѣ въ своихъ частныхъ съ ней разговорахъ, но положительно извѣстно, что въ дѣлѣ о Данцигѣ онъ хотѣлъ, чтобы Императрица измѣнила свое мнѣніе; можетъ быть, онъ и успѣлъ бы въ этомъ, если бы дѣло не было уже въ ходу раньше чѣмъ онъ получилъ свободный доступъ къ Императрицѣ.

Теперь я припоминаю разговоры его со мной по этому предмету: онъ осуждалъ

ment des affaires de Pologne et du traité de partage, me disant, que si on l'avait consulté, on ne l'aurait pas d'une manière à donner lieu dans la suite à des disputes sur l'explication des termes. Et quelquefois il trouvait à redire à la façon d'agir de V. M. en cette occasion, parlant de la jalousie que donnerait aux autres puissances le droit qu'elle exerçait sur le port de Dantzig. Son sentiment était, comme il me l'a témoigné lui-même, que V. M. devait se contenter d'une somme d'argent payable une fois pour toutes pour le rachat de ce droit et qu'elle ne devait pas prétendre à une redevance annuelle. Sur cette matière nous nous sommes disputés et j'ai l'aveu qu'il me faisait de son opinion, et qu'il soutenait souvent avec emportement. Comme une marque d'une grossière malhonnêteté est qu'il ajoutait toujours à cela des assurances qu'il ne se mêlerait en rien dans ce qui regardait les affaires de Pologne et qu'il se montrait piqué de ce qu'on ne le consultait pas là-dessus, j'ai cru, que tout ce qu'il m'en disait n'était que pour épancher sa bile parce que cela était toujours accompagné de plaintes des injustices de l'Impératrice et du comte Panin à son égard. Mais il a agi tout différemment et aussitôt que ses actions ont monté auprès de l'Impératrice, il a employé auprès d'elle à l'insu du comte Panin et de tout le monde les mêmes insinuations, et Sa Majesté, qui le regardait comme un homme entendu et intègre, s'est servie ensuite contre les propositions du comte Panin des arguments qu'elle s'était imprimés des discours de l'autre. Dans l'affaire de la détermination des limites sur la Netze il a paru approuver

---

вообще устройство дѣлъ въ Польшѣ и договоръ о раздѣлѣ, говоря, что если посовѣтывались бы съ нимъ, то договоръ не давалъ бы поводовъ впослѣдствіи къ спорамъ при толкованіи выраженій. Иногда онъ осуждалъ образъ дѣйствій Вашего Величества въ этомъ дѣлѣ, говоря, что права Ваши надъ гаванью Данцига могутъ возбудить зависть другихъ державъ. Выраженное имъ мнѣніе сводилось къ тому, что Вашему Величеству нужно было довольствоваться единовременнымъ выкупомъ деньгами этихъ правъ и не требовать ежегодной подати. Мы спорили по этому поводу и онъ, часто съ горячностью, защищалъ свое мнѣніе. Доказательствомъ его грубой безчестности служитъ то, что въ разговорахъ своихъ онъ всегда увѣрялъ меня, что не будетъ никогда вмѣшиваться въ дѣла Польши, при этомъ оскорблялся тѣмъ, что совѣтовъ его не спрашивали; я думалъ, что де Сальдернъ только изливалъ свою желчь, такъ какъ онъ не переставалъ жаловаться на несправедливое къ нему отношеніе Императрицы и графа Панина; но де Сальдернъ поступалъ совсѣмъ иначе: лишь только акціи его повысились у Императрицы, онъ началъ безъ вѣдома графа Панина и прочихъ внушать Императрицѣ тѣ же мнѣнія. Ея Императорское Величество, считая де Сальдерна человѣкомъ знающимъ и честнымъ, проникласъ его доводами и впослѣдствіи опровергала ими предложенія, представляемыя графомъ Панинымъ. Въ дѣлѣ объ опредѣленіи границъ на Нетце онъ, казалось, одобрялъ требованія Вашего Величе-

les demandes de V. M., il a blâmé la délicatesse de l'Impératrice, mais il s'est excusé de ne pouvoir m'assister, comme il le désirait, parce qu'il n'était point consulté présentement. Je crois devoir me défier également de sa sincérité à cet égard, puisque cet homme était impliqué à la fin dans tant de cabales, ne se soutenait que par de fausses confidences et par des mensonges. Ce n'est pas tout encore ce qu'il a fait contre V. M. Il a écrit à Copenhague et a cherché d'en persuader le ministre de Danemarc ici que V. M. s'opposait à la conclusion du traité de cession pour le Holstein, qu'elle avait écrit elle-même une lettre à l'Impératrice de Russie pour l'en dissuader, et n'y ayant pas réussi, elle avait prétendu y faire entrer un article pour la libre navigation par le Sund à ses vaisseaux de Stettin et de Colberg. Et comme il s'était vanté d'avoir paré ce coup, il s'est fait payer par la cour de Danemarc 12 m. roubles, comme un don gratuit qu'il lui a demandé tout uniment comme une .... dont il avait besoin. Heureusement qu'en Copenhague on s'est défié de cet avis, on a eu plus de confiance dans les assurances que V. M. y a fait donner du contraire, et présentement l'affaire est éclaircie et le comte Panin a eu une explication formelle à ce sujet avec le ministre de Danemarc, le sieur de Numsen. Voici l'autre trait du sieur de Saldern vis-à-vis de la cour de Danemarc. Il a dit ici au sieur de Numsen que le comte Panin avait un extrême besoin de 12 mille roubles pour sa nièce, la princesse Daschkof, qu'il était trop fier pour les lui de-

---

ства и порицалъ деликатность Императрицы, но отказался поддерживать меня, извиняясь тѣмъ, что совѣтовъ его теперь не спрашиваютъ. Я полагаю необходимымъ не довѣрять его искренности и въ этомъ случаѣ, потому что, въ концѣ концовъ, человѣкъ этотъ запутался въ столькихъ интригахъ, что держался только фальшивыми внушеніями и ложью. Но это еще не все, что онъ позволилъ себѣ противъ Вашего Величества: онъ написалъ въ Копенгагенъ, а также старался увѣрить и здѣсь датскаго посла, что Ваше Величество не соглашались на подписаніе договора объ уступкѣ Гольштейна, что Ваше Величество сами писали Императрицѣ, отсовѣтывая Ей эту сдѣлку, и что, не успѣвъ въ этомъ, Ваше Величество старались ввести въ договоръ параграфъ, которымъ бы кораблямъ Вашего Величества, идущимъ изъ Штетина и Кольберга, было открыто свободное плаваніе по Зунду. И такъ какъ онъ хвасталъ тѣмъ, что отразилъ этотъ ударъ, то и заставилъ датскій дворъ подарить ему 12 тысячъ р.; онъ просто попросилъ ихъ какъ...., которая была ему нужна. Къ счастію, въ Копенгагенѣ отнеслись недовѣрчиво къ такому заявленію, тамъ повѣрили больше завѣреніямъ, которыя были даны по приказанію Вашего Величества, и теперь дѣло это выяснилось и графъ Панинъ имѣлъ офиціальное объясненіе съ датскимъ посломъ, г. Нумсеномъ. Вотъ еще выходка г. де Сальдерна съ датскимъ дворомъ: онъ сказалъ здѣсь г. Нумсену, что графъ Панинъ чрезвычайно нуждается въ 12 тысячахъ рублей для племянницы своей, княгини Дашковой; что гордость не

mander, mais que lui, sieur de Saldern, sachant un moyen de les lui faire, le ministre de Danemarc devrait écrire tout de suite à sa cour qu'outre le présent qui se donne pour la signature du traité elle lui envoyât 12 m. roubles, dont il y aurait 10 m. pour le comte Panin, mille pour le directeur de la chancellerie de Holstein, le sieur Kroog, et mille pour le secrétaire favori du comte Panin, nommé Wisin. On a été fort surpris à Copenhague de cette demande, mais comme on y était accoutumé à faire tout ce que le sieur de Saldern proposait, le regardant comme l'unique mobile de la négociation, on a envoyé ces 12 m. roubles. Saldern s'est chargé de les distribuer, et la veille de son départ il en renvoie mille au sieur Numsen, lui marquant par un billet que les 11 m. avaient été employés, mais pour les mille qu'il lui envoyait il ferait bien de les remettre lui-même au conseiller Holsteinois. Présentement cette friponnerie a été découverte, et il se trouve, qu'il a mis les 11 m. roubles dans sa poche.

Il est incroyable combien de tracasseries il a fait ici, surtout à la cour du Grand-Duc, par des insinuations contre les personnes, qui y sont, par de faux avis et par de fausses confidences, de sorte, qu'il y a répandu une défiance générale des uns contre les autres.

Il a fait le même manége dans la chancellerie du comte Panin, et il n'est pas bien aisé encore de deviner ce qui peut l'avoir engagé à tant de noirceurs. Si c'est, qu'il a cru trouver à la fin quelqu'un, qui fût la dupe de

---

допускаетъ Панина просить этихъ денегъ, но что онъ, г. де Сальдернъ, знаетъ, какъ ихъ доставить графу; потому датскій посолъ долженъ былъ бы поскорѣе написать своему двору, чтобы кромѣ подарка, который дается при подписаніи договора, прислали еще 12 тысячъ рублей; изъ нихъ 10 тысячъ для графа Панина, тысячу рублей директору канцеляріи гольштейнскаго посольства, г. Крогу, и тысячу — любимому секретарю Панина — нѣкоему Визину. Въ Копенгагенѣ были очень удивлены такимъ требованіемъ, но такъ какъ тамъ привыкли исполнять все, что предлагаетъ де Сальдернъ, считая его единственнымъ двигателемъ переговоровъ, то 12 тысячъ р. были высланы. Де-Сальдернъ взялся раздать эти деньги, но, наканунѣ своего отъѣзда, онъ возвратилъ тысячу рублей г. Нумсену, увѣдомивъ его запискою, что 11 тысячъ употреблены по назначенію, а тысячу рублей приложенные къ ней онъ проситъ г. Нумсена передать лично совѣтнику гольштейнскаго посольства. Теперь мошенничество это открылось и оказывается, что 11 тысячъ де Сальдернъ положилъ себѣ въ карманъ. Трудно повѣрить, какую смуту онъ здѣсь произвелъ, особенно при дворѣ Великаго Князя нареканіями на людей, состоящихъ при дворѣ, ложными извѣстіями и фальшивыми признаніями — онъ поселилъ при дворѣ всеобщее недовѣріе. То же самое де Сальдернъ продѣлалъ и въ канцеляріи графа Панина, и не легко еще угадать, что побудило его на такіе гнусные поступки. Не думаетъ-ли де Сальдернъ найти кого нибудь, кто бы, обманутый его кажущейся честностію и гостепріимствомъ,

son honnêteté apparente, et de la bonne chère qu'il leur faisait dans sa maison, se livrerait entièrement à lui pour être son espion et pour tirer les flèches qu'il forgeait, ou s'il a cru nécessaire de brouiller tout le monde, pour que les uns se défiassent des autres et qu'il n'y eût personne, qui prît garde à la source de ses démarches; en quoi il a assez bien réussi, car quoique à la fin on commençât à se plaindre beaucoup de ses hauteurs, de sa dureté et qu'on blamât généralement sa conduite envers le comte Panin, on ne se permettait cependant pas alors de le soupçonner de tant de duplicité, de mauvaise foi et d'avidité. Il se trouve aussi présentement dans le Holstein ducal plusieurs personnes pourvues de titres, d'expectatives, de pensions et d'autres bénéfices dont la cour d'ici n'a aucune connaissance. Comme cependant l'expédition de pareilles choses aurait besoin de l'approbation du Grand-Duc, ou pendant sa minorité de celle de l'Impératrice et toujours à la contre-signature du comte Panin, on commence à soupçonner qu'il a poussé l'audace jusqu'à abuser des seigns et à contrefaire des signatures. Son projet de révolution qu'il a voulu exécuter au nom du comte Panin et à son insu, commence à être connu. Quelques-uns des ministres étrangers m'en ont parlé, et comme je crois en savoir plus qu'eux, par les confidences du comte Panin et par le propre aveu du coupable, je me suis borné à les écouter et à m'observer pour ne pas me compromettre.

Il avait trouvé moyen de tirer du Grand-Duc un écrit signé de sa main

---

предался ему вполнѣ, сдѣлался бы его наушникомъ и сталъ бы его послушнымъ орудіемъ? Или онъ находилъ нужнымъ перессорить всѣхъ, чтобы при общемъ недовѣріи всѣхъ и каждаго не нашлось никого, кто бы добрался до причины его поступковъ? Въ послѣднемъ де Сальдернъ успѣлъ довольно хорошо, ибо если подъ конецъ и начали жаловаться на его заносчивость и грубость, и если осуждали вообще его поведеніе относительно графа Панина, то все же никому не приходило тогда въ голову подозрѣвать въ немъ столько двоедушія, коварства и корыстолюбія. Въ герцогскомъ Гольштейнѣ есть, въ настоящее время, много особъ, пользующихся пенсіями и иными пособіями, о которыхъ здѣшній дворъ ничего не знаетъ. Но такъ какъ въ отправленіи подобныхъ дѣлъ необходимо утвержденіе Великаго Князя или, при несовершеннолѣтіи его, согласіе Императрицы, во всякомъ же случаѣ нужна скрѣпа графа Панина, то начинаютъ подозрѣвать, что де Сальдернъ дошелъ въ своей дерзости до злоупотребленія печатями и поддѣлки подписей. Начинаетъ дѣлаться извѣстнымъ планъ переворота, который де Сальдернъ хотѣлъ произвести именемъ графа Панина и безъ его вѣдома. Нѣкоторые изъ иностранныхъ пословъ говорили мнѣ объ этомъ, полагая, что я знаю больше ихъ, какъ изъ откровенныхъ бесѣдъ графа Панина, такъ и изъ собственнаго признанія виновника; я ограничился тѣмъ, что слушалъ ихъ и молчалъ, чтобы не выдать себя.

Де Сальдернъ нашелъ способъ достать отъ Великаго Князя, за подписью послѣд-

par lequel il lui promettait de suivre en tout ses avis. Ce document aurait servi pour former le complot, s'il n'avait trouvé une si sérieuse opposition chez le comte Panin, mais cette dangereuse pièce, à ce qu'on m'assure, a été retirée de ses mains. Le comte Panin n'ignore aucune de ces circonstances et il en sait certainement davantage. Mais il s'en réserve le secret, son humanité et sa douceur ne lui permettent pas encore de les dévoiler aux yeux de sa souveraine. Son plus grand embarras est de ne pas compromettre le Grand-Duc et il poussera ses ménagements jusqu'à la dernière extrémité. La cour de Danemarc gardera également le secret tant que celle de Russie ne marquera point de ressentiment contre lui, elle craint, qu'en le brusquant elle ne l'engage à retarder et à traîner en longueur la négociation pour le Holstein, dont lui seul est chargé; quoique en le conservant elle doit s'attendre encore à bien des difficultés et des chicanes, car, comme il a géré pendant tant d'années l'administration du duché en ministre indépendant, il est en état d'embrouiller si bien les affaires, qu'il serait bien difficile à quelqu'un qui n'aurait pas la même connexion de les tirer au clair en peu de temps, de sorte que cet homme chargé de tant de forfaits jouira encore pendant quelque temps du rare bonheur d'être ménagé, tandis qu'il y a eu bien des gens dans le monde, qui ont porté leur tête sur l'échaffaud et n'ont pas été la moitié aussi coupables.

няго, бумагу, въ которой Великій Князь обѣщалъ слушать во всемъ его совѣтовъ. Документъ этотъ служилъ бы для составленія заговора, если бы де Сальдернъ не встрѣтилъ такого серьезнаго противодѣйствія въ графѣ Панинѣ; но мнѣ сказали, что эта опасная бумага была отобрана у де Сальдерна. Графу Панину извѣстны всѣ эти обстоятельства, и онъ знаетъ, конечно, и больше того; но графъ сохраняетъ тайну; человѣколюбіе и доброта не позволяютъ ему открыть ее Государынѣ. Самая большая забота графа Панина — не подвергнуть непріятностямъ Великаго Князя, и Панинъ будетъ соблюдать осторожность до послѣдней крайности. Датскій дворъ, съ своей стороны, сохранитъ секретъ до той поры, пока русскій дворъ не обнаружитъ своего негодованія противъ де Сальдерна. Датскій дворъ опасается поступить съ нимъ круто: онъ одинъ уполномоченъ вести дѣло о Гольштейнѣ и можетъ остановить переговоры и затянуть ихъ надолго; хотя, съ другой стороны, оставляя де Сальдерна, Данія должна ожидать большихъ затрудненій и непріятностей, такъ какъ, имѣя столько лѣтъ управленіе дѣлами герцогства въ своихъ рукахъ, въ качествѣ независимаго министра, онъ можетъ такъ запутать дѣло, что кому нибудь другому, не имѣющему тамъ связей, будетъ очень трудно привести все въ ясность въ короткій срокъ; такимъ образомъ, человѣкъ этотъ, обремененный столькими преступленіями, будетъ еще въ теченіи нѣкотораго времени пользоваться рѣдкимъ преимуществомъ безнаказанности, а между тѣмъ на свѣтѣ было много людей, которые погибли на эшафотѣ, не будучи и на половину столь преступны, какъ де Сальдернъ.

On a célébré hier le jour de nom de la grande-princesse Natalie. Elle a reçu le matin les compliments de félicitations dans les appartements de Son Altesse sérénissime la Landgrave de Darmstadt, madame sa mère, et le soir il y a eu à la cour en présence de Sa Majesté l'Impératrice bal paré et grand souper par billets. Sa Majesté a fait présent à la princesse à l'occasion de sa fête d'une garniture de perles d'un grand prix. Dimanche passé le conseiller privé de Moser, envoyé ici comme ministre de la part du Landgrave de Hesse-Darmstadt, eut ses premières audiences auprès de Sa Majesté l'Impératrice et de monseigneur le Grand-Duc.

Je suis avec le plus profond respect Solms.

№ 726.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 10 de Décembre. A St.-Pétersbourg, le 15 (26) Novembre 1773.

J'ai eu l'honneur de recevoir par le courrier ordinaire d'hier les ordres immédiats et médiats de V. M. du 10 et du 13 de ce mois, et je n'ai pas manqué de communiquer au comte Panin les nouvelles intéressantes des intrigues de la cour de Saxe en Pologne. Il faut espérer qu'elles seront sans effet. Si cependant elles devraient en avoir, ce ne serait certainement que par la faute de cette cour-ci, ou, pour nommer à mon regret la chose par son nom, par la faute du comte Panin, qui par son peu d'activité laisse

---

Вчера праздновали день ангела Великой Княжны Наталіи. Утромъ она принимала поздравленія въ покояхъ своей матери, Ея Свѣтлости Ландграфини дармштадтской, а вечеромъ былъ костюмированный балъ при дворѣ, въ присутствіи Ея Величества Императрицы, и большой ужинъ по именнымъ приглашеніямъ. По случаю тезоименитства принцессы, Ея Величество подарила ей дорогое жемчужное ожерелье. Третьяго дня тайный совѣтникъ Мозеръ, отправленный сюда посланникомъ Ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго, имѣлъ свою первую аудіенцію у Ея Императорскаго Величества Императрицы и Его Высочества Великаго Князя.

Графъ Сольмсъ королю.

Предст. 10 декабря. С.-Петербургъ, 15-го (26-го) ноября 1773 г.

№ 726. Я имѣлъ честь получить со вчерашнимъ курьеромъ непосредственныя и посредственныя приказанія Вашего Величества отъ 10-го и 13-го этого мѣсяца и не преминулъ сообщить графу Панину интересныя новости объ интригахъ саксонскаго двора въ Польшѣ. Надо надѣяться, что интриги эти пройдутъ безслѣдно. Но если онѣ и будутъ имѣть послѣдствія, то единственно по винѣ здѣшняго двора, или, если называть вещи ихъ собственными именами, по винѣ графа Панина, который,

toujours au parti opposé le temps de dresser ses batteries à son aise et ne fournit jamais à ses ministres dans l'étranger à temps les instructions dont ils ont besoin. Il y a maintenant quatre semaines qu'il est question d'envoyer un courrier au sieur de Stackelberg à Varsovie, et hier les dépêches n'étaient pas encore commencées. J'ai tout lieu d'espérer que celles pour Dantzig partiront plus tôt, du moins les renvois pour les commencer se raccourcissent et ce fut hier, qu'il me promit, qu'il les ferait ce soir même....

№ 727.

Dépêche du comte de Solms au roi de Prusse.

A St. Pétersbourg, 26 Novembre (7 Décembre) 1773.

On a célébré avant-hier à Czarskoé Sélo la fête du nom de l'Impératrice. S. M. Impériale a trouvé bon de faire à cette occasion des avancements dans l'armée de terre et dans la flotte et de distribuer des ordres aux personnes de sa cour.

Le fameux gros-diamant, qui depuis quelques années est venu de Perse en Europe, qui a été longtemps déposé à la banque d'Amsterdam et qui à la fin a été porté ici, pour être vendu à la cour de Russie, mais sur lequel on n'a pu convenir encore du prix, a été placé aussi ce jour-là. Le prince Orlow, l'ayant acheté pour 400 m. roubles du marchand arménien Lazareff,

---

благодаря своей бездѣятельности, всегда даетъ время противной сторонѣ спокойно устроить свои батареи, и никогда не посылаетъ вόвремя необходимыхъ инструкцій своимъ посламъ заграницей. Четыре недѣли сряду говорятъ о томъ, что надо послать курьера въ Варшаву къ барону Штакельбергу, но еще вчера не было даже приступлено къ составленію депешъ. Я имѣю надежду, что депеши въ Данцигъ будутъ отправлены скорѣе, по крайней мѣрѣ отсрочки сокращаются, и вчера еще графъ Панинъ обѣщалъ мнѣ, что онѣ будутъ написаны вечеромъ же.

Депеша графа Сольмса прусскому королю.

С.-Петербургъ, 26-го ноября (7-го декабря) 1773 г.

№ 727. Третьяго дня праздновали въ Царскомъ Селѣ день тезоименитства Императрицы. Ея Императорское Величество, по этому случаю, дѣлала производство въ высшіе чины въ арміи и во флотѣ, а придворнымъ лицамъ пожаловала ордена.

Тотъ знаменитый большой бриллiантъ, который былъ доставленъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ Персіи въ Европу и хранился, долгое время, въ амстердамскомъ банкѣ и, наконецъ, былъ привезенъ сюда для продажи русскому двору, но не былъ проданъ потому, что не могли сойтись въ цѣнѣ, бриллiантъ этотъ былъ поднесенъ въ этотъ же день. Графъ Орловъ, купивъ его за 400 тысячъ рублей у армян-

à qui ce précieux trésor était confié, l'a offert à Sa Majesté Impériale l'Impératrice, comme un bouquet pour sa fête, et la souveraine a daigné l'accepter.

№ 728.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 7 de Janvier 1774. A St.-Pétersbourg, le 13 (24) de Décembre 1773.

... Présentement c'est un arrangement de mesures à prendre contre les cosaques rebelles, qui sert d'excuse au comte Panin pourquoi il n'est pas en état de pousser celui de l'affaire de Dantzig. Il m'a juré de nouveau sur son honneur, que tout sera terminé la semaine prochaine et il approuve et accorde tout ce que je lui insinue sur la manière dont V. M. désire, que sa cour s'explique envers la ville. Cette rebellion les occupe en effet plus qu'ils ne veulent le faire paraître, et le comte Panin se plaint, qu'il est si mal secondé par les collègues au conseil, qui sont bien aise de jeter sur lui les affaires épineuses et tâchent de tirer leur épingle du jeu, dès qu'il s'agit de prendre quelque résolution vigoureuse. . . .

скаго купца Лазарева, которому было довѣрено это драгоцѣнное сокровище, поднесъ его Ея Величеству Государынѣ, какъ букетъ ко дню Ея тезоименитства, и Монархиня удостоила принять его.

Графъ Сольмсъ королю.

Предст. 7 января 1774. С.-Петербургъ, 13-го (24-го) декабря 1773 г.

№ 728. ...Въ настоящее время извиненіемъ графу Панину въ замедленіи дѣла о Данцигѣ, служитъ изысканіе мѣръ, которыя слѣдуетъ принять противъ возмутившихся казаковъ. Онъ опять клялся мнѣ своей честью, что окончитъ дѣло на будущей недѣлѣ. Я внушилъ ему, въ какомъ духѣ Ваше Величество желали бы, чтобы здѣшній дворъ высказался о Данцигѣ и онъ все одобрилъ и согласился на все. Возмущеніе казаковъ безпокоитъ ихъ больше, чѣмъ они хотятъ это показать; графъ Панинъ жалуется, что товарищи его въ совѣтѣ мало его поддерживаютъ, охотно сваливаютъ на него всѣ щекотливыя дѣла и стараются уклониться отъ нихъ всякій разъ, когда приходится рѣшаться на крутыя мѣры.

№ 729.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 2 de Janvier 1774. A Potsdam, ce 21 de Décembre 1773.

(En chiffre). C'est avec bien du plaisir, que j'ai appris, par votre dépêche du 7 de ce mois, l'état florissant des finances de la cour où vous êtes; et il faut bien que les bruits qu'on a répandus du contraire partent des personnes, qui n'ont pas été bien instruites.

Au reste, l'on n'entend parler ici que des succès signalés des armes russiennes contre les Turcs. En effet ils surpassent toute imagination, et si la Russie persévère dans ses dispositions pacifiques, il n'est pas à douter, que la Porte ne s'empresse à se prêter à ses dernières propositions et que la paix ne tardera plus à se conclure.

№ 730.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 6 Janvier 1774. Berlin, ce 23 de Décembre 1773.

(En chiffre). Je viens d'apprendre de très bonne part que la France, dans l'espérance de faire naître une espèce de dissention entre moi et l'Impératrice de Russie, a autorisé la démarche que le chevalier de St.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 2-го января 1774 г. Потсдамъ, 21-го декабря 1773 г.

№ 729. (Шифрованная). Съ большимъ удовольствіемъ я узналъ изъ вашей депеши отъ 7-го сего мѣсяца о цвѣтущемъ положеніи финансовъ того двора, при которомъ вы находитесь, и по всей вѣроятности распространившіеся неблагопріятные слухи исходятъ отъ лицъ дурно освѣдомленныхъ.

Кромѣ того здѣсь только и говорятъ объ успѣхахъ, выказанныхъ русскимъ оружіемъ въ борьбѣ съ турками. Дѣйствительно, они превосходятъ все, что можно себѣ вообразить, и если Россія не измѣнитъ своихъ мирныхъ намѣреній, нѣтъ сомнѣнія, Порта поспѣшитъ согласиться на послѣднія предложенія, сдѣланныя Россіей, и миръ будетъ заключенъ.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 6-го января 1774 г. Берлинъ, 23-го декабря 1773.

№ 730. (Шифрованная). Я только что узналъ изъ очень вѣрнаго источника, что Франція въ надеждѣ породить нѣкоторое разногласіе между мной и Императрицей россійской, уполномочила кавалера С-тъ При на дѣйствія его въ Константинополѣ,

Priest avait faite à Constantinople, pour effectuer la délivrance du prince Repnin, en faisant entendre que mon intention était de prolonger autant que possible la guerre entre la Porte et la Russie, et d'éloigner la médiation de la France. C'est une nouvelle finesse de cette dernière, que je regarde avec d'autant plus de mépris et d'indifférence qu'elle ne saurait faire la moindre impression sur la cour où vous êtes, qui sait bien mieux et par des expériences sans nombre, que mon major de Zegelin est bien plus empressé à Constantinople de travailler pour que contre ses intérêts.

№ 731.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 18 Janvier 1774. A St. Pétersbourg, le 24 Décembre (4 Janvier) $177^3/_4$.

Sire! Les derniers ordres immédiats et médiats de V. M. datés du 21 du Décembre passé m'ont été bien remis.

(En chiffre). Il a couru ici la semaine passée les bruits les plus funestes sur les progrès que faisaient les cosaques rebelles, mais ils ont été heureusement démentis par le rapport qui est arrivé vendredi du gouverneur même d'Orenbourg, le général de Reinsdorf, qui mande, qu'il ne craint rien des attaques de ces gens contre la ville, qu'il a des vivres suffisants pour sa garni-

---

чтобы освободить князя Рѣпнина, давая при этомъ понять, что мое намѣреніе было продолжить, на сколько возможно, войну между Портой и Россіей и устранить посредничество Франціи. Это новая хитрость со стороны послѣдней, на которую я смотрю съ презрѣніемъ и равнодушіемъ, тѣмъ болѣе, что она не въ состояніи будетъ произвести ни малѣйшаго впечатлѣнія на тотъ дворъ, при которомъ вы находитесь; тамъ отлично знаютъ, на основаніи множества опытовъ, что мой маіоръ Зегелинъ, въ Константинополѣ, гораздо болѣе дѣйствуетъ въ пользу русскихъ интересовъ, чѣмъ противъ нихъ

Отъ графа Сольмса къ королю.

С.-Петербургъ, 24-го декабря (4-го января) $177^3/_4$ г.

Представлена 18-го января 1774 г.

№ 731. В. В. Послѣднія повелѣнія В. В., какъ непосредственныя, такъ и министерскія, отъ 21-го декабря прошлаго года, были мнѣ своевременно переданы.

(Шифровано). На прошлой недѣлѣ здѣсь распространились весьма зловѣщіе слухи относительно успѣховъ, сопровождающихъ дѣйствія мятежныхъ казаковъ, но по счастью слухи эти были опровергнуты извѣстіемъ, доставленнымъ въ пятницу, отъ самого оренбургскаго губернатора генерала Рейнсдорпа, который доводитъ до свѣдѣнія, что онъ ни мало не боится нападеній со стороны этихъ людей на городъ и имѣетъ достаточно

son, mais qu'il n'en aurait pas pour en fournir aux troupes qui doivent arriver au secours de la province, ainsi qu'il prie le collège de guerre de pourvoir à cela, pour qu'ils ne manquent point après cela toutes les deux. Ces nouvelles ont beaucoup rassuré le gouvernement, et on a déjà réexpédié le courrier au dit gouverneur, qui cependant ne peut pas aller encore le droit chemin, mais qui est obligé de prendre un grand détour, tout comme il a fait aussi pour venir ici. On a appris aussi que le gouverneur de Tobolsk, le général de Coulong, a pris des mesures très sages pour mettre en sûreté les riches mines de Ekaterinenbourg, en tirant avec les troupes, qu'il a sous ses ordres, un cordon pour les couvrir. Les régiments qui sont partis d'ici et de Narva pour ce côté-là, font une diligence extrême dans leur marche. Ils sont arrivés en trois semaines à Moscou, d'où ils sont partis déjà aussi; ils ne portent absolument rien sur eux, leurs armes et leurs bagages les suivent en poste, et l'on suppose, qu'au commencement de Février toutes ces troupes seront rassemblées aux rendez-vous désignés pour commencer les opérations. Le comte Alexei Orlow partira demain pour Moscou. On ne sait pas bien, si c'est pour une raison relative à cet objet de rebellion, ou, si c'est pour aller voir ses terres, qui ne sont pas éloignées de Kazan, parce qu'il y a déjà quelque temps qu'on a dit, qu'il devait y aller.

V. M. voudra permettre que je ne lui dise rien aujourd'hui sur l'affaire de Dantzig, et que pour lui épargner l'ennui des redites, je ne lui en par-

---

жизненныхъ припасовъ для своего гарнизона, но что этихъ припасовъ не хватитъ для войскъ, которыя должны прибыть на помощь изъ губерніи; поэтому онъ проситъ военную коллегію оказать содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ, чтобы уже потомъ ни въ чемъ имъ не было недостатка. Эти извѣстія весьма успокоили правительство и къ помянутому губернатору уже отправленъ курьеръ, который однако не можетъ слѣдовать прямымъ путемъ, но долженъ дѣлать большой обходъ, точно такой же, какой онъ сдѣлалъ на пути сюда. Извѣстно также, что тобольскій губернаторъ, генералъ де-Кулонъ,—прибѣгнулъ къ весьма благоразумнымъ мѣрамъ, чтобы обезопасить богатые Екатеринбургскіе рудники, присоединивъ къ имѣющимся въ его распоряженіи войскамъ кордонъ для прикрытія ихъ. Полки, отправленные къ этому пункту отсюда и изъ Нарвы, двигаются чрезвычайно быстро. Въ три недѣли они достигли Москвы, откуда они уже также выступили; идутъ они совсѣмъ налегкѣ, такъ какъ оружіе ихъ и багажъ слѣдуетъ за ними почтовымъ трактомъ, и, какъ предполагаютъ, въ началѣ февраля всѣ эти войска соберутся въ назначенныхъ имъ пунктахъ для открытія военныхъ дѣйствій. Графъ Алексѣй Орловъ ѣдетъ завтра въ Москву. Неизвѣстно навѣрное, имѣетъ ли его поѣздка какое нибудь отношеніе къ этому бунту, или онъ ѣдетъ ради того, чтобъ осмотрѣть свои помѣстья, находящіяся недалеко отъ Казани, потому что уже довольно давно, какъ говорятъ, онъ долженъ былъ туда отправиться.

В. В., соблаговолите мнѣ разрѣшить не говорить теперь ничего о Данцигскомъ дѣлѣ и, чтобы не докучать В. В. повтореніями, я стану говорить Вамъ объ этомъ

lerai plus, que lorsque je serais assez heureux de pouvoir lui en annoncer la conclusion. Le comte Panin, qui promet d'un jour à l'autre de terminer, me veut persuader que ce n'est pas par négligence qu'il diffère d'en parler à l'Impératrice, mais uniquement pour saisir le vrai moment, où il le pourra avec une assurance entière de succès. En attendant, comme j'ai eu l'honneur de le dire déjà dernièrement, il y a si souvent des incidents qui empêchent de profiter de ces moments, et il n'est pas assez actif, ni même, à ce qu'il me paraît, plus assez courageux pour écarter ceux qui ne sont pas fort importants. De sorte qu'avec le coeur le plus droit et les meilleures intentions du monde, il donne toujours les apparences d'un homme fautif, et fait souvent autant de mal, comme s'il l'était effectivement.

(En clair). Sa M. l'Impératrice ayant été incommodée d'un refroidissement, qui l'a obligé de garder la chambre pendant une couple de jours, l'audience du comte de Goertz n'a pas eu lieu dimanche passé, et elle a été remise jusqu'à demain, qui sera le premier jour de Noël.

№ 732.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 6 Janvier 1774. Berlin, ce 25 de Décembre 1773.

Votre dépêche du 10 de ce mois n'exige aucune instruction ultérieure.

лишь тогда, когда буду имѣть счастье, извѣстить Васъ объ окончаніи этого дѣла. Графъ Панинъ, обѣщающій со дня на день покончить съ нимъ, хочетъ меня увѣрить, что онъ откладываетъ разговоръ объ этомъ съ Императрицей не по нерадѣнію, но единственно желая уловить наилучшій моментъ, когда ему можно будетъ это сдѣлать съ полной увѣренностью въ успѣхѣ. А пока, какъ я уже имѣлъ честь доносить въ послѣдней депешѣ, такъ часто встрѣчаются обстоятельства, мѣшающія воспользоваться этими моментами; графъ же недостаточно энергиченъ, какъ мнѣ кажется, недостаточно теперь рѣшителенъ, чтобъ устранить препятствія неособенно значительныя. Такъ что, будучи человѣкомъ вполнѣ прямодушнымъ и имѣющимъ наилучшія намѣренія, онъ кажется всегда виноватымъ и дѣлаетъ часто столько же зла, какъ если бы онъ дѣйствительно былъ таковымъ.

(Нешифровано). Е. В. Императрица захворала отъ простуды, заставившей ее не выходить изъ комнаты въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и такимъ образомъ аудіенція графа Герца въ прошлое воскресенье не состоялась, а отложена до завтра, т. е. до перваго дня Рождества.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 6-го января 1774 г. Берлинъ, 25-го декабря 1773 г.

№ 732. Ваша депеша отъ 10-го сего мѣсяца не требуетъ никакого особаго распоряженія.

Je vous ai déjà fait connaître dans mes précédentes lettres que je ne doute plus un instant, que la paix ne se fasse incessamment entre la Russie et la Porte, et il ne me reste rien à y ajouter, vu que la situation de la dernière, après tous les succès signalés des armes russiennes, est effectivement telle, qu'elle ne saurait plus se passer de la paix et qu'elle s'emploiera plutôt avec toute l'ardeur possible à l'obtenir.

(En chiffre). En attendant, vous aurez déjà appris, par mes ordres du 23, une nouvelle intrigue de la France, pour me brouiller avec la cour où vous êtes, et combien je me tiens assuré, que tous les efforts de cette couronne resteront sans effet. Mais je viens d'être informé de très bonne part, qu'elle en a encore imaginé une nouvelle et qui doit s'exécuter dans le cours de l'année prochaine. C'est qu'à son instigation le roi de Suède profitera du voyage, qu'il se propose de faire au printemps prochain en Finlande, pour passer de là à Pétersbourg, et on m'assure en même temps que la France veut faire, par le canal de ce prince, un nouvel essai, de brouiller les 3 cours copartageantes de la Pologne. J'espère qu'il en sera de cette nouvelle finesse française, comme de toutes les précédentes, et que la cour où vous êtes ne donnera pas dans ces nouveaux pièges, qu'on veut lui dresser. D'ailleurs, selon mon calcul ce prince ne saurait arriver en Russie qu'au mois de Juin prochain, et je me flatte qu'alors on aura déjà mis la

---

Я вамъ уже далъ знать въ предшествовавшихъ письмахъ, что я не сомнѣваюсь болѣе ни минуты въ весьма скоромъ заключенiи мира между Россiей и Портой, и мнѣ не остается ничего къ этому прибавить, въ виду того, что послѣдняя, послѣ всѣхъ успѣховъ, проявленныхъ русскимъ оружiемъ, дѣйствительно находится въ такомъ положенiи, что не можетъ уже не согласиться на миръ; скорѣй же Порта употребитъ все свое рвенiе на то, чтобы достичь этого мира.

(Шифровано). Между тѣмъ вы уже знаете изъ моихъ предписанiй отъ 23-го дек. о новой интригѣ со стороны Францiи, имѣющей цѣлью поссорить меня съ тѣмъ дворомъ, при которомъ вы находитесь; вы знаете также, на сколько сильно во мнѣ убѣжденiе, что всѣ старанiя этой державы останутся тщетными. Но мнѣ только что сообщили изъ весьма вѣрнаго источника еще о новыхъ проискахъ, задуманныхъ Францiей, которые должны быть приведены въ дѣйствiе въ теченiи будущаго года. Дѣло въ томъ, что король шведскiй, по наущенiю этой державы, воспользуется поѣздкой въ Финляндiю, которую онъ предполагаетъ совершить будущей весною, чтобы отправиться оттуда въ Петербургъ, а въ это-то время, какъ меня увѣряютъ, Францiя чрезъ посредство этого государя хочетъ произвести новую попытку поссорить 3 двора, участвующiе въ раздѣлѣ Польши. Я надѣюсь, что эта новая французская хитрость будетъ имѣть такую же участь, какъ и всѣ предшествующiя, и что дворъ, при которомъ вы находитесь, не попадетъ въ разставленную ему ловушку. Кромѣ того по моему разсчету, этотъ государь можетъ прибыть въ Россiю не ранѣе будущаго iюня мѣсяца, и я

dernière main tant à nos arrangements en Pologne qu'à la paix même entre la Russie et la Porte, de sorte que la France se trouvera de nouveau trompée dans son plan chimérique, de commettre les trois cours susmentionnées.

№ 733.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 9 Janvier 1774. Berlin, ce 27 de Décembre 1773.

(En chiffre). Vous saurez peut être déjà, que le consul britannique à Dantzig a accepté du roi de Pologne le titre de baron. Mais vous ignorerez encore, que toute apparence y est, que c'est du su et avec l'agrément du ministère britannique. C'est sans doute pour récompenser toutes les peines que cet homme s'est données, pour animer le magistrat de Dantzig contre moi, et je n'ai pas voulu tarder, de vous faire observer dans cette démarche une nouvelle preuve des manigances du ministère britannique.

№ 734.

Le comte de Solms au roi.

A St.-Pétersbourg, le 27 de Décembre (7 de Janvier) $177^3/_4$.
Prés. le 22 Janvier 1774.

Sire! J'ai parfaitement bien reçu les ordres immédiats et médiats de V. M. du 23 et 25 du Décembre passé.

льщу себя надеждою, что тогда уже окончательно устроятся, какъ наши дѣла въ Польшѣ, такъ и миръ между Россіей и Портой, и Франція такимъ образомъ снова обманется въ своемъ химерическомъ планѣ поссорить три выше упомянутые двора.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 9-го января 1774 г. Берлинъ, 27-го декабря 1773 г.

№ 733. (Шифрованная). Вы уже, вѣроятно, знаете, что британскій консулъ въ Данцигѣ получилъ титулъ барона отъ польскаго короля. Но вамъ, быть можетъ, еще неизвѣстно, что по всѣмъ видимостямъ это сдѣлано съ вѣдома и по желанію британскаго министерства. Сдѣлано же оно, безъ сомнѣнія, въ награду за всѣ старанія этого человѣка возстановить противъ меня данцигскій магистратъ, и я не хотѣлъ упускать случая поставить вамъ на видъ въ этомъ поступкѣ новое доказательство козней британскаго министерства.

Отъ графа Сольмса королю.

С.-Петербургъ, 27-го декабря (7-го января) $177^3/_4$ г.
Представлена 22-го января 1774 г.

№ 734. В. В. Я вполнѣ своевремеменно получилъ непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 23-го и 25-го декабря прошлаго года.

(En chiffre). Je ne manquerai point de faire part à la cour d'ici des nouvelles intrigues de la France qu'elle a fait jouer auprès de la Porte et en Suède, pour essayer de refroidir l'amitié entre V. M. et la Russie, et dont une partie est vérifiée, parce qu'on est déjà informé ici des intentions du roi de Suède de vouloir venir à Pétersbourg l'été prochain.

Le ministre de Vienne a reçu la semaine passée un courrier de sa cour, qui lui annonce la résolution de LL. MM. II. et RR. de ne point écouter les représentations de celle d'ici contre l'extension des limites, mais de se tenir au projet de les étendre jusqu'au Sbrutz. Elle lui ordonne en même temps d'assurer de nouveau de la coopération de l'internonce à Constantinople aux efforts du ministre de V. M. pour exhorter la Porte à la paix, en exigeant, cependant, que les démarches des deux ministres se fissent d'une manière égale et concertée, parce qu'elle prétend avoir été informée que le sieur de Zegelin avait donné à entendre à la Porte, qu'elle s'attirerait la cour de Vienne sur les bras, si elle ne se prêtait aux conditions proposées par la Russie; c'est en quoi elle se regarde en quelque façon comme compromise, parce qu'elle ne se croit point obligée à aller si loin, quoiqu'elle promît de déclarer à la Porte, qu'elle ne pourrait rester indifférente, si la guerre entre elle et la Russie devait durer plus longtemps. Du reste, elle exige encore que pour pouvoir continuer efficacement l'emploi de ses bons offices, la cour de Russie veuille se résoudre de renoncer à la cession

---

(Шифровано). Я не премину сообщить здѣсь при дворѣ о новыхъ интригахъ со стороны Франціи, которыя она ведетъ въ Портѣ и въ Швеціи, съ цѣлью охладить дружескія отношенія между В. В. и Россіей; отчасти эти интриги уже удостовѣрены, такъ какъ здѣсь уже получено увѣдомленіе о намѣреніи шведскаго короля посѣтить будущимъ лѣтомъ Петербургъ.

Къ вѣнскому министру прибылъ на прошлой недѣлѣ курьеръ отъ вѣнскаго двора, объявившій ему рѣшеніе, принятое ихъ имп. вел., не слушать вовсе представленій со стороны русскаго двора о нерасширеніи границъ, а держаться напротивъ проекта о расширеніи ихъ до Сбрутцы. Въ то же время вѣнскій дворъ приказываетъ этому министру увѣрить снова въ содѣйствіи интернунція усиліямъ министра В. В., взявшаго на себя посредничество въ Константинополѣ, чтобы склонить Порту къ миру, требуя, однако, чтобы дѣйствія обоихъ министровъ происходили единодушно и согласно; какъ утверждаетъ вѣнскій дворъ, до него дошли извѣстія, что Зегелинъ намекалъ Портѣ на грозящее столкновеніе съ вѣнскимъ дворомъ, если Порта не согласится на условія, предлагаемыя Россіей; въ этомъ случаѣ вѣнскій дворъ считаетъ себя нѣсколько скомпрометированнымъ, такъ какъ онъ вовсе не полагаетъ нужнымъ заходить такъ далеко, хотя и обѣщаетъ объявить Портѣ, что не въ состояніи будетъ остаться безучастнымъ, если война между Портой и Россіей будетъ еще продолжаться. Кромѣ того вѣнскій дворъ еще требуетъ отъ русскаго двора слѣдующаго: чтобы продолжать пользоваться настоящимъ образомъ услугами вѣнскаго двора, рус-

des deux places en question en Crimée et à la navigation illimitée dans la mer Noire. Voilà ce que je sais du contenu des dépêches que le prince Lobkowitz a reçues; mais, comme pendant les fêtes de Noël, il n'a pu parvenir à avoir sur cela une conférence avec le comte de Panin, je ne sais encore la réponse qu'il recevra, quoiqu'il est aisé de prévoir que ses propositions ne seront pas agréables; et je ne saurais m'empêcher d'observer à cette occasion très-humblement à V. M. que, si jamais la France parvient à s'ancrer en ce pays-ci, c'est certainement l'indifférence et la hauteur avec laquelle la cour de Vienne agit envers celle de Russie, qui lui en faciliteront les voies, et qui donneront aux ministres français et aux émissaires cachés qui se trouvent ici, et qui viendront encore, l'occasion de s'insinuer par leurs souplesses, leurs facéties, et peut-être même par les promesses qu'ils seront autorisés de faire, de gagner ici de ces têtes légères et frivoles, tant qu'elles se persuaderont qu'il n'y a point de salut hors de la France. Il n'y a que la paix avec la Porte, si elle peut se faire par l'intervention de V. M. de la manière, comme cela se prépare à cette heure, qui puisse couper court, du moins pour bien du temps, au succès de ces intrigues, parce que cela ferait lever la tête aux gens sensés, qui préfèrent le bien de la patrie à leurs amusements et à leurs intérêts particuliers; et qu'en second lieu, cela dégoûterait peut-être la France même, de se donner des peines inutiles

---

скій дворъ долженъ рѣшиться отказаться отъ уступки двухъ вышеупомянутыхъ крымскихъ крѣпостей и отъ неограниченной навигаціи въ Черномъ морѣ. Вотъ что я знаю о содержаніи депешъ, полученныхъ графомъ Лобковичемъ, но такъ какъ во время рождественскихъ праздниковъ ему не удалось имѣть объ этомъ предметѣ разговора съ гр. Панинымъ, я еще не знаю отвѣта, который онъ получитъ, хотя легко предвидѣть, что его предложенія не встрѣтятъ сочувствія; и я не могу по этому поводу не замѣтить почтительнѣйше В. В., что, если Франціи и удастся когда либо утвердиться въ этой странѣ, то путь для нея будетъ облегченъ въ этомъ случаѣ небрежностью и высокомѣріемъ, съ которыми относится вѣнскій дворъ къ русскому; такое отношеніе дастъ возможность французскимъ министрамъ и тайнымъ агентамъ, находящимся здѣсь и не замедлящимъ еще явиться, войти здѣсь въ довѣріе благодаря своей угодливости, шутливости, а можетъ быть, и при помощи обѣщаній, на которыя они уполномочены; имъ удастся на столько овладѣть безпечнымъ и легкомысленнымъ разсудкомъ русскихъ, что тѣ не будутъ видѣть и спасенія внѣ Франціи. Только миръ съ Портой, если его въ состояніи будутъ заключить при посредствѣ В. В. на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онъ въ настоящее время задуманъ, только этотъ миръ могъ бы разомъ положить конецъ, по крайней мѣрѣ на долгое время, успѣхамъ этихъ интригъ, потому что миръ съ Портой заставилъ бы возвысить голосъ людей благоразумныхъ, придающихъ болѣе значенія благу своего отечества, чѣмъ своимъ забавамъ и частнымъ интересамъ; а кромѣ того, этотъ миръ, быть можетъ, заставилъ бы са-

de faire des efforts pour gagner cette cour-ci. Si les nouvelles d'un Tschauch Bachi, qui a été fait prisonnier par les Russes à l'affaire du général Ungern, sont vraies et sincères, l'espérance de la paix deviendrait fort apparente: il a dit au sieur Obreskow que la Porte désirait la paix qui lui devenait de jour en jour plus nécessaire; et que probablement elle aurait été déjà faite au second congrès de Bucharest, si Osman Effendy, qui était le plénipotentiaire à celui de Fockchany, par jalousie et par crainte, n'eût employé les intrigues et la corruption auprès de l'ancien moufti, pour l'engager à s'y opposer. Cet officier turc opine mieux des sentiments pacifiques du nouveau.

Je ne suis pas en état de profiter de cette saison pour offrir, comme de coutume, du caviar à V. M. Les désordres sur le Jaïck, dont il en vient le premier et le meilleur, empêchent le transport de cette denrée, et font juger que les rebelles sont encore les maîtres de cette rivière en entier, et peut-être encore d'une partie du Wolga, parce qu'on n'en reçoit point non plus de ce côté-là.

(En clair). Le colonel comte de Goertz a eu l'honneur avant-hier, le premier jour de Noël, de présenter à S. M. l'Impératrice de Russie les lettres de V. M. et d'avoir en suite des audiences auprès de LL. AA. II. le Grand-Duc et la Grande-Duchesse, et il a été accueilli avec une distinction marquée de toute la famille Impériale. Je lui ai fait faire la connaissance

---

ную Францію отказаться отъ безполезныхъ усилій овладѣть русскимъ дворомъ. Если извѣстія о Чаушъ-Башѣ, попавшемъ въ плѣнъ къ русскимъ во время дѣла генерала Унгерна, дѣйствительно справедливы, то надежда на миръ становится весьма вѣроятной: онъ сказалъ Обрѣзкову, что Порта желаетъ мира, дѣлающагося для нея со дня на день необходимѣе; и вѣроятно, даже онъ былъ бы уже заключенъ на второмъ конгрессѣ въ Бухарестѣ, если-бы Османъ-эффенди, бывшій уполномоченнымъ на конгрессѣ въ Фокшанахъ, изъ зависти и страха, не подѣйствовалъ интригами и подкупомъ на прежняго муфтія и не склонилъ его воспротивиться миру. Этотъ турецкій офицеръ высказываетъ мнѣніе, что новый муфтій расположенъ болѣе мирнымъ образомъ.

Я не въ состояніи воспользоваться нынѣшнимъ сезономъ, чтобы, по обыкновенію, прислать В. В. икры. Безпорядки на Яикѣ, откуда приходитъ прежде всего и наилучшая икра, препятствуютъ доставкѣ этого товара, и заставляютъ предполагать, что бунтовщики еще держатъ въ своихъ рукахъ всю эту рѣку, а можетъ быть и часть Волги, такъ какъ икры не привозится и оттуда.

(Нешифрованная). Полковникъ гр. Герцъ третьяго дня, въ первый день Рождества, имѣлъ честь представить письма В. В. русской Императрицѣ, и имѣлъ вслѣдъ затѣмъ аудіенціи у Ихъ Имп. Выс. Великаго князя и Великой княгини; всѣмъ Императорскимъ домомъ онъ былъ принятъ весьма благосклонно. Я его познакомилъ

des principaux de la cour, et je tâcherai d'obtenir à cette heure le plus tôt qu'il se pourra les expéditions pour son retour; je crois cependant qu'il conviendra attendre avec cela jusqu'après le jour du nouvel an, pour donner au comte de Goertz occasion de faire sa cour à S. M. I. au moins une couple de fois pendant son séjour.

№ 735.

Le roi au comte de Solms [1]).

Reçu le 9 Janvier 1774. Berlin, le 28 Décembre 1773.

(En chiffre). Votre dépêche du 14 de ce mois m'est bien parvenue, et à mesure que je reçois vos relations, plus je me confirme dans l'idée que l'intérêt de l'Impératrice demande que la paix se conclue promptement, je n'agirai cependant en rien sans l'aveu du comte Panin, et j'écrirai incessamment à Zegelin dans le sens que vous me marquez.

Pour cette affaire de Dantzig je ne sais plus où j'en suis, nous étions convenus de tout, mais je vois de perpétuelles variations dans l'esprit de l'Impératrice, et j'attribue le tout aux intrigues des Anglais, car mes lettres de Londres m'avertissent d'une nouvelle fermentation dans les esprits pour

---

съ значительнѣйшими лицами при дворѣ, и постараюсь теперь устроить возможно скорѣе все нужное для его возвращенія; но впрочемъ, я думаю, что лучше будетъ подождать въ этомъ случаѣ вплоть до новаго года, чтобы дать гр. Герцу возможность явиться ко двору Е. И. В., по крайней мѣрѣ, еще нѣсколько разъ во время его пребыванія здѣсь.

Отъ короля графу Сольмсу. [2])

Получена 9-го января 1774 г. Берлинъ, 28-го декабря 1773 г.

№ 735. (Шифрованная). Ваша депеша отъ 14-го сего мѣсяца была мнѣ во время доставлена и по мѣрѣ того, какъ я получаю ваши донесенія, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ той мысли, что интересы Императрицы требуютъ быстраго заключенія мира; я, однако, не предприму ничего ранѣе свѣдѣній, которыя я получу отъ графа Панина, и тогда немедленно я напишу Зегелину въ томъ смыслѣ, какъ вы мнѣ говорите.

Относительно Данцигскаго дѣла я совершенно не знаю, что предпринять; мы договорились обо всемъ, но я замѣчаю безпрестанныя колебанія въ мысляхъ Императрицы и приписываю все это интригамъ англичанъ, такъ какъ мои письма изъ Лондона извѣщаютъ меня о новыхъ волненіяхъ въ умахъ относительно данцигской торговли;

---

1) Chiffrée d'après la minute écrite par le roi.

2) По собственной черновой короля.

ce commerce de Dantzig; le meilleur serait de terminer promptement cette affaire, car les Français, par lesquels les Anglais se laissent conduire, espèrent que par le moyen de toutes les chicanes, qu'ils feront naître pour cette ville, ils parviendront à me brouiller avec l'Impératrice; ainsi il me semble que le comte Panin ne pourrait rien faire de plus utile que de terminer cette affaire sur le pied dont nous sommes convenus, il y a plus d'une année; sans cela ces chicanes et les tracasseries des Anglais ne finiront jamais; mais si l'on ne montre pas les grosses dents aux Dantzicois, jamais on ne viendera à bout du magistrat de cette ville qui seul est récalcitrant, et qui se flatte que par de grosses corruptions il mettra dans ses intérêts ceux dont il pourra avoir besoin pour se soutenir contre moi.

№ 736.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 24 Janvier. A St.-Pétersbourg, le 31 Décembre (11 de Janvier) 177$^3/_4$.

Les derniers ordres immédiats et médiats de V. M. du 27 et 28 du mois de Décembre m'ont été bien remis.

(En chiffre). Et elle a certainement raison d'être surpris des délais continuels que le comte Panin apporte à terminer l'affaire de Dantzig, surtout,

---

лучше всего было бы скорѣе окончить это дѣло, потому что французы, позволяющіе руководить собою англичанамъ, надѣятся, что при помощи всевозможныхъ придирокъ, предъявляемыхъ ими по отношенію къ этому городу, имъ удастся поссорить меня съ Императрицей; по этому-то, мнѣ кажется, что графъ Панинъ не могъ бы сдѣлать ничего полезнѣе, какъ окончить это дѣло на тѣхъ основаніяхъ, которыя были нами обоюдно приняты ужъ болѣе года тому назадъ; иначе эти придирки и происки англичанъ никогда не кончатся; и если не повести съ Данцигомъ дѣла рѣшительно, никогда не удастся покончить съ магистратомъ этого города, который только и упорствуетъ, надѣясь, что при помощи крупныхъ подкуповъ онъ привлечетъ на свою сторону тѣхъ, въ комъ ему можетъ встрѣтиться надобность, чтобъ выдержать борьбу со мною.

Отъ графа Сольмса королю.

С.-Петербургъ, 31 декабря (11 января) 17$^{73}/_{74}$ г.
Представлена 24-го января 1774 г.

№ 736. (Шифровано). Послѣднія непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 27 и 28-го декабря были мнѣ своевременно доставлены.

В. В., разумѣется, справедливо были удивлены постояннымъ откладываньемъ Данцигскаго дѣла со стороны гр. Панина, въ особенности послѣ того, какъ имъ были

après avoir pris là-dessus des engagements si décidés. Mais sa timidité que j'ai grand sujet de soupçonner, et son inactivité qui n'est malheureusement que trop connue, me font croire, qu'il manque bien souvent les occasions, où selon lui il y aurait un moment favorable pour présenter l'affaire à l'Impératrice, et pour être assuré de son approbation. En attendant, j'ose assurer très humblement V. M. que je ne négligerai aucune occasion pour animer ce ministre à remplir ses engagements, et, comme je n'ai aucun lieu de douter de sa bonne volonté, j'espère à la fin pourtant d'en venir à bout. Lui-même compte que le refus que la cour de Vienne a fait de se prêter aux représentations de celle-ci dans l'affaire des délimitations en Pologne, et l'indifférence avec laquelle elle s'est expliquée sur l'emploi de ses bons offices auprès de la Porte, deviendront en cette occasion avantageux pour les intérêts de V. M., et il promet d'en profiter. D'ailleurs, V. M. me permettra de lui dire, qu'il ne me paraît pas que les intrigues anglaises lui nuisent ici dans l'exercice incontesté de ses droits sur Dantzig. La cour de Londres n'a plus entrepris d'animer celle d'ici de s'y opposer, depuis que les tentatives, qu'elle a faites pour cela au commencement, ne lui ont point réussi; et comme je viens de l'apprendre du comte Panin, elle a été si mécontente de la partialité dont son consul à Dantzig s'est rendu suspect,

---

на себя приняты такія рѣшительныя обязательства. Но его робость, въ которой я сильно его подозрѣваю, и его къ несчастью слишкомъ хорошо извѣстная бездѣятельность заставляютъ меня думать, что онъ очень часто пропускаетъ случаи, заключающіе въ себѣ по его мнѣнію благопріятный моментъ для представленія этого дѣла Императрицѣ, когда бы онъ могъ навѣрное разсчитывать на Ея одобреніе. А пока со всею скромностью смѣю увѣрить В. В., что я не упущу ни малѣйшаго повода къ тому, чтобъ побуждать этого министра исполнить свои обязательства, и такъ какъ я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ его добрыхъ намѣреніяхъ, то и надѣюсь наконецъ все же достигнуть цѣли. Онъ самъ разсчитываетъ, что отказъ со стороны вѣнскаго двора согласиться на представленія здѣшняго двора относительно установленія польскихъ границъ, также какъ и равнодушіе, съ которымъ вѣнскій дворъ высказался по поводу оказанія добрыхъ услугъ по отношенію къ Портѣ, все это и представитъ благопріятный для интересовъ В. В. случай, которымъ графъ обѣщаетъ воспользоваться.

Кромѣ того В. В. позволитъ мнѣ сказать, что, какъ мнѣ кажется, англійскія интриги тутъ не оказываютъ вреднаго дѣйствія на пользованіе со стороны В. В. своими неоспоримыми правами надъ Данцигомъ. Лондонскій дворъ не старался уже болѣе склонять здѣшній дворъ къ сопротивленію въ этомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ его попытки, направленныя въ началѣ къ этой цѣли, не имѣли никакого успѣха, и, какъ я только что узналъ отъ гр. Панина, англійскій дворъ былъ такъ недоволенъ пристрастностью своего консула въ Данцигѣ, въ которой онъ заставилъ себя заподозрить,

en acceptant le titre de baron de Pologne, qu'elle lui a ôté son emploi. Il m'a dit même, qu'il croyait savoir pour sûr, que le duc de Suffolk s'était expliqué à ce sujet envers le ministre de V. M. à Londres. Le principal obstacle au prompt succès des intentions de V. M. est venu de l'Impératrice même, et de l'opinion qu'Elle a prise, que V. M., en accordant l'exception de Dantzig, s'était réservée une explication contraire au sens que S. M. I. y avait attaché; et c'est pourquoi, quoique je ne saurais me dissimuler que l'inactivité du comte Panin contribue beaucoup au retard d'une résolution finale dans cette affaire, il faut pourtant l'excuser en quelque façon, puisqu'il est obligé d'agir là-dedans avec des ménagements, pour ne pas exciter la défiance de l'Impératrice contre lui, qui lui reproche déjà, de s'être laissé surprendre, et qu'il n'a personne qui le seconde, aucun ne voulant contredire ouvertement le sentiment de la souveraine.

(En clair). Un nouveau transport de caviar venant d'arriver à Pétersbourg, je n'ai pas voulu manquer d'en présenter aujourd'hui un petit baril à V. M.

принявъ отъ Польши баронскій титулъ, что этотъ консулъ былъ смѣщенъ съ своей должности. Гр. Панинъ сказалъ мнѣ даже, что, какъ ему навѣрное извѣстно, герцогъ Суффолькъ давалъ по этому поводу объясненія министру В. В., находящемуся въ Лондонѣ. Главное препятствіе для быстраго и успѣшнаго исполненія намѣреній В. В. явилось со стороны самой Императрицы, которая пришла къ той мысли, что В. В., соглашаясь на исключеніе Данцига, сохранилъ за собой толкованіе этого дѣйствія, противное тому смыслу, который ему придаетъ Е. И. В.; вотъ почему, хоть я и не могу скрыть, что бездѣятельность гр. Панина сильно содѣйствуетъ замедленію въ окончательномъ рѣшеніи этого дѣла, тѣмъ не менѣе нужно его нѣсколько извинить, такъ какъ онъ обязанъ дѣйствовать при этомъ осторожно, чтобы не возбудить противъ себя недовѣрія со стороны Императрицы, упрекающей уже его въ томъ, что онъ позволилъ себя провести; кромѣ того у Панина нѣтъ ни одного пособника, такъ какъ никто не хочетъ открыто противорѣчить Монархинѣ въ этомъ вопросѣ.

(Нешифровано). Недавно прибылъ въ Петербургъ новый транспортъ икры, и я не хотѣлъ упустить случая на этотъ разъ послать небольшой боченокъ ея В. В.

1774 годъ.

№ 737.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 13 Janvier. Berlin, ce 1 de Janvier 1774.

(En chiffre). La Russie connaissant si bien la France et ses intrigues, sentira bien elle-même, qu'elle ne mérite point sa confiance, et j'en suis si convaincu, que je n'appréhende rien de tous les mouvements, que selon votre dépêche du 17 de Décembre dernier le sieur Durand continue à se donner la peine pour persuader la cour où vous êtes de la sincérité de la sienne.

Mais ce qui commence à m'inquiéter, c'est que mon affaire avec la ville de Dantzig paraît de nouveau rester au croc. Je vous ai déjà avoué dans mes derniers ordres, que je ne savais plus où j'en étais, et le silence parfait, que vous observez à ce sujet dans votre susdite dépêche, ne me rend guère plus tranquille. La lettre de l'Impératrice, dont vous m'avez marqué le précis dans votre dépêche du 14, me fait même craindre, que S. M. I. ne change à la fin d'idées à cet égard. Je désire donc bien vivement, que le comte de Panin ait trouvé incessamment une occasion favorable, pour

---

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 13-го января 1774 г. Берлинъ, 1-го января 1774 г.

№ 737. (Шифрованная). Россія, такъ хорошо знающая Францію и ея интриги, найдетъ, конечно, сама, что эта держава совершенно не заслуживаетъ ея довѣрія, и я въ этомъ настолько убѣжденъ, что ни мало не опасаюсь никакихъ стараній, проявляемыхъ какъ и прежде г. Дюраномъ, по словамъ вашей депеши отъ 17-го декабря прошлаго года, стараній, имѣющихъ цѣлью убѣдить дворъ, при которомъ вы находитесь, въ искренности французскаго двора.

Но что начинаетъ меня безпокоить, такъ это мое дѣло съ городомъ Данцигомъ, которое, повидимому, опять затягивается. Я уже признавался вамъ въ своихъ послѣднихъ предписаніяхъ, что я не знаю болѣе, что дѣлать, а полное молчаніе, которымъ вы прошли этотъ вопросъ въ своей вышепомянутой депешѣ, мало меня успокаиваетъ. Письмо Императрицы, содержаніе котораго вы вкратцѣ мнѣ сообщили въ своей депешѣ отъ 14-го числа, заставляетъ меня даже опасаться, что Е. И. В. измѣнитъ наконецъ свой взглядъ на это дѣло. Я желаю поэтому весьма горячо, чтобы графъ Панинъ на-

représenter cette affaire dans un autre jour à sa Souveraine, et pour l'engager à approuver les instructions, qu'il a préparées pour le comte de Golowkin. Vous ne négligerez au moins rien, pour disposer ce ministre à faire tout son possible pour la terminer par un prompt accommodement, et vous sentirez bien vous-même, qu'il sera bien plus convenable que sa cour ait tout l'honneur d'un accommodement, dont elle a une fois entrepris la médiation, que d'y laisser intervenir la délégation en Pologne.

(En clair). Au reste je puis encore ajouter aujourd'hui aux bonnes nouvelles, que je vous ai déjà données de la santé de madame la landgrave de Darmstadt, que selon nos nouvelles ultérieures S. A. S. s'est de jour en jour trouvée mieux sur la route et doit être à l'heure qu'il est heureusement de retour dans sa résidence.

№ 738.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 28 Janvier. St. Pétersbourg, le 3 (14) de Janvier 1774.

Sire, on vient de me remettre les ordres immédiats et médiats de V. M. du 1 de ce mois. (En chiffre). Et je demande très humblement pardon, si je n'ai pas continué, dans chacun de mes rapports, à lui rendre compte de

---

шелъ скорѣе удобный случай представить это дѣло своей Монархинѣ въ иномъ свѣтѣ и склонить ее къ принятію инструкцій, приготовленныхъ имъ для графа Головкина. Вы не должны, по крайней мѣрѣ, ничего упускать изъ вида, чтобъ побудить этого министра приложить всѣ свои старанія и привести скорѣе это дѣло къ соглашенію; вы сами хорошо понимаете, что для русскаго двора гораздо лучше будетъ, чтобы ему принадлежала вся честь достигнутаго соглашенія въ дѣлѣ, въ которомъ этотъ дворъ взялъ на себя посредничество, а не допускать вмѣшательства делегаціи въ Польшѣ.

(Нешифровано). Въ заключеніе я могу теперь еще прибавить нѣчто къ сообщеннымъ мною вамъ благопріятнымъ извѣстіямъ относительно здоровья ландграфини Дармштадтской; судя по послѣднимъ сообщеніямъ, е. св. чувствуетъ себя въ дорогѣ съ каждымъ днемъ лучше и должна быть въ настоящее время на пути къ благополучному возвращенію въ свою резиденцію.

Отъ графа Сольмса королю.

Представлена 28-го января 1774 г. С.-Петербургъ, 3-го (14-го) января 1774 г.

№ 738. (Шифрованная). Ваше Величество! Мнѣ только что были доставлены непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 1-го сего мѣсяца. Я смиренно прошу прощенія у В. В. за то, что не продолжалъ въ каждомъ изъ своихъ

la situation de l'affaire de Dantzig. Je ne l'ai pas fait pour ne pas vous importuner, Sire, si souvent avec des redites, parce que je n'aurais pu annoncer à V. M. chaque fois, que mes sollicitations auprès du ministre, pour l'engager à terminer, et ses promesses de le faire infailliblement dans la semaine. J'ai eu l'honneur d'informer V. M. l'autre jour, qu'il m'a dit que la conduite peu amiable de la cour de Vienne lui servirait utilement, pour convaincre d'autant plus l'Impératrice d'augmenter de complaisances pour V. M. Il a approuvé ensuite l'idée que je lui ai suppéditée, de profiter de la circonstance présente, où la délégation en Pologne se propose d'ôter à la ville de Dantzig le droit d'étape, pour faire voir à S. M. l'Impératrice que sa propre nation lui est contraire, et qu'elle ne sera blâmée de personne, si Elle l'oblige à signer son accommodement. J'ai essayé même de lui donner la peur que, si l'Impératrice tardait trop à rendre ce service à V. M., Elle serait prévenue par la bourgeoisie, qui était portée pour V. M., et qui pourrait bien obliger le magistrat, non seulement à faire l'accommodement, mais même à la soumettre tout à fait à la domination prussienne. Par toutes ces représentations, je l'avais porté enfin à fixer de nouveau un jour, où il devait aller chez l'Impératrice pour s'assurer de son consentement, lorsqu'une malhereuse maladie est survenue, qui a renversé tous ces projets. Le comte Panin, qui s'est refroidi pendant les fêtes de Noël, est obligé de

---

донесеній отдавать Вамъ отчетъ о положеніи данцигскаго дѣла. Я не дѣлалъ этого, чтобы не докучать В. В. безпрестанными повтореніями, такъ какъ я не могъ бы сообщать вамъ каждый разъ ничего кромѣ своихъ просьбъ, обращенныхъ къ русскому министру съ цѣлью побудить его окончить это дѣло, и обѣщаній съ его стороны непремѣнно окончить на той-же недѣлѣ. Я имѣлъ уже честь однажды извѣщать В. В., что, какъ онъ мнѣ говорилъ, не особенно любезный образъ дѣйствій вѣнскаго двора послужить ему въ пользу и поможетъ ему скорѣе убѣдить Императрицу относиться къ интересамъ В. В. съ большею благосклонностью. Далѣе онъ одобрилъ мысль, которую я ему внушилъ, воспользоваться настоящими обстоятельствами, когда делегація въ Польшѣ предполагаетъ лишить городъ Данцигъ штапельнаго права, и указать Е. В. Императрицѣ, что его собственные жители возстаютъ противъ этого права, и что Она не будетъ никѣмъ порицаема, если заставитъ городъ подписать свое соглашеніе. Я попробовалъ даже внушить страхъ гр. Панину, указывая на то, что, если Императрица черезчуръ будетъ медлить, оказывая эту услугу В. В., то граждане города предупредятъ Ее, такъ какъ они расположены къ В. В., и легко могутъ принудить магистратъ не только войти въ соглашеніе, но даже и вполнѣ подчинить городъ прусскому владычеству. Представивъ ему все это, я побудилъ наконецъ графа снова назначить день, въ который онъ отправится къ Императрицѣ, и пріобрѣтетъ Ея согласіе, какъ вдругъ, къ несчастію, наступила болѣзнь, разрушившая всѣ эти планы. Гр. Панинъ, простудившійся во время рождественскихъ праздниковъ, не можетъ

garder la chambre déjà depuis huit jours, et il me reste à recommencer mes importunités auprès de lui après son rétablissement.

Il est douloureux de voir que ce ministre, qui n'a jamais été bien laborieux, l'est beaucoup moins à cette heure, et se permet infiniment plus de dissipations, depuis qu'il a quitté la cour, que lorsqu'il y était attaché par la charge de grand-maître. Il commence avec cela à devenir valétudinaire, ainsi que je crains, qu'il ne pourra presque pas se maintenir à la longue. Les affaires souffrent trop de cette inactivité.

On n'a point dans le public des nouvelles de la situation de l'affaire d'Orenbourg. On calcule que le général Bibikow pourra être arrivé pour sa personne à Cazan, hier huit jours, et on attend son premier rapport. En attendant, comme la cour a fait publier un manifeste à ce sujet, je n'ai pas voulu manquer de l'envoyer ci-joint, qui peut au moins faire connaître la manière, dont elle veut qu'on doit l'envisager.

(En clair). J'ai l'honneur de joindre à ce rapport la traduction d'un manifeste, que la cour d'ici a fait publier au sujet d'une rebellion que les cosaques du Jaïck ont excitée, de même que le bulletin de l'entreprise qui a été tentée sur Varna, et du retour de l'armée russe en deçà du Danube.

Le prince de Salm, colonel aux services d'Espagne, et le colonel de

---

уже съ недѣлю выходить изъ комнаты, и мнѣ остается лишь возобновить свои докучливыя просьбы къ нему по его выздоровленіи.

Непріятно видѣть, что этотъ министръ, который и никогда не былъ особенно трудолюбивымъ, теперь еще гораздо менѣе дѣятеленъ, и позволяетъ себѣ несравненно болѣе развлеченій, съ тѣхъ поръ какъ онъ покинулъ дворъ, чѣмъ, когда онъ занималъ тамъ должность оберъ-гофмейстера. Въ добавокъ онъ становится болѣзненнымъ, и я боюсь, что онъ едва ли продержится долго. Дѣла весьма сильно страдаютъ отъ такого бездѣйствія.

Въ обществѣ почти нѣтъ никакихъ извѣстій о положеніи дѣлъ въ Оренбургѣ. По разсчетамъ вчера уже исполнилось восемь дней, какъ генералъ Бибиковъ могъ уже лично прибыть въ Казань, и теперь ожидается его первое донесеніе. А пока русскій дворъ обнародовалъ манифестъ по этому поводу, и я не преминулъ послать его приложеннымъ къ этой депешѣ; манифестъ этотъ можетъ, по крайней мѣрѣ, дать свѣдѣніе о томъ, какъ этотъ дворъ желаетъ, чтобы смотрѣли на эти событія.

(Нешифровано). Я имѣю честь приложить къ этому донесенію переводъ манифеста, обнародованнаго здѣшнимъ дворомъ по поводу бунта, поднятаго яицкими казаками, также и бюллетень о попыткѣ овладѣть Варной и о возвращеніи русской арміи по сю сторону Дуная.

Кн. Сальмъ, полковникъ испанской службы, и полковникъ французской службы

Crillon, colonel à ceux de France, sont arrivés ici de Berlin, et ont eu l'honneur d'être présentés avant'hier, le jour de l'an, à la famille Impériale.

№ 739.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 16 Janvier. Berlin, le 4 Janvier 1774.

J'ai reçu votre dépêche du 21 de Décembre dernier. (En chiffre). Vous devez croire qu'ami de la Russie, comme je le suis, j'ai été fort affecté des nouvelles que vous me donnez du soulèvement des tartares, c'est une étincelle qu'il faut éteindre avant qu'elle ne cause un embrasement, je ne saurais assez applaudir aux sages mesures que l'Impératrice prend pour conjurer cet orage avant qu'il ait le temps de grossir. Tout ceci me fait désirer pour la Russie la conclusion de la paix plus que jamais. Dites au comte Panin que, si les turcs se prêtent aux insinuations de Zegelin, qu'il ne serait pas, je crois, à propos de chicaner sur des bagatelles, mais que je crois la paix plus importante pour la Russie dans ce moment, que toutes les conquêtes qu'elle pourrait faire sur les turcs ne sauraient jamais lui procurer d'avantages. Quant à l'affaire de Dantzig, je m'en remets entièrement au comte Panin et j'attendrai qu'il trouve un moment favorable pour faire signer sa dépêche.

Крильонъ прибыли сюда изъ Берлина и имѣли честь представиться Императорскому дому третьяго дня, въ день Новаго года.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 16-го января 1774 г. Берлинъ, 4-го января 1774 г.

№ 739. (Шифрованная). Я получилъ вашу депешу отъ 21-го декабря прошлаго года. Вы можете повѣрить, что я, какъ другъ Россіи, весьма встревоженъ извѣстіями, сообщаемыми вами о возмущеніи татаръ; это такая искра, которую слѣдуетъ потушить, прежде чѣмъ она произведетъ общій пожаръ, и я не могу выразить достаточнаго одобренія мудрымъ мѣрамъ, принимаемымъ Императрицей для предупрежденія этой грозы, прежде чѣмъ она успѣетъ разразиться. Все это заставляетъ меня, болѣе чѣмъ когда либо, желать для Россіи заключенія мира. Скажите графу Панину, что, если турки соглашаются на предложенія Зегелина, то, по моему мнѣнію не слѣдуетъ препираться изъ за мелочей, но, какъ я полагаю, миръ для Россіи въ настоящій моментъ важнѣе всѣхъ преимуществъ, которыя могли бы ей быть доставлены побѣдами надъ турками. Что касается до Данцигскаго дѣла, то я совершенно полагаюсь въ этомъ случаѣ на графа Панина и буду ожидать, пока онъ найдетъ благопріятный случай, чтобы представить свою депешу для подписи.

Je dois vous informer d'ailleurs, que le sieur Van-Swieten est de retour ici de Vienne et qu'il a été chargé d'une commission que je vous rends autant que me fournit ma mémoire. Il s'agit des limites de la Nouvelle Galicie; par les papiers qu'il m'a communiqués les russes ont chicané les autrichiens sur les limites de la Podhoritza qui, dit-on, n'existent point, il m'a montré la réponse de la cour de Vienne qui paraît très fermement résolue de ne se point désister de sa possession; si donc on l'accorde aux autrichiens et qu'on me chicane de mon côté, la cour de Pétersbourg traitera mieux ses envieux que ses plus fidèles alliés. Il me semble qu'il vaudrait mieux que la cour de Pétersbourg nous fit à tous deux un cadeau de ces petites lisières qui nous conviennent fort aux uns et aux autres et qui dans le fond ne sont que des misères. Van-Swieten propose que chaque cour devrait envoyer sa démarcation de limites à Varsovie, où les trois ministres après être convaincus de leurs limites respectives les donneraient aux commissaires qui ne seraient alors proprement chargés que de vérifier sur les lieux, si les poteaux des frontières sont exactement placés selon la démarcation dont on est convenu. Vous ferez usage de ceci en communiquant le tout au comte Panin, et j'attendrai de vous, à quoi la cour de Russie se sera décidée.

(En clair). Voici enfin quelques nouvelles de France, dont vous ferez part également à ce ministre. L'abbé Terray fait faire le dénombrement exact

---

Я долженъ васъ кромѣ того увѣдомить, что г. Ванъ-Свитенъ возвратился сюда изъ Вѣны, и что на него было возложено порученіе, которое я вамъ изложу, на сколько мнѣ позволитъ моя память. Дѣло идетъ о границахъ Новой Галиціи; изъ сообщенныхъ имъ мнѣ документовъ оказывается, что русскіе спорили съ австрійцами о границахъ Подгорицы, которыхъ, какъ говорятъ, не существуетъ вовсе; Свитенъ мнѣ показалъ отвѣтъ вѣнскаго двора, вполнѣ твердо, повидимому, рѣшившагося ни въ какомъ случаѣ не отказываться отъ этихъ владѣній; если же ихъ отдадутъ австрійцамъ, а со мной будутъ все-таки продолжать препираться, то петербургскій дворъ будетъ въ такомъ случаѣ благосклоннѣе относиться къ своимъ завистникамъ, чѣмъ къ наиболѣе вѣрнымъ союзникамъ. Мнѣ кажется, что было бы лучше, если бы петербургскій дворъ подарилъ намъ обоимъ эти мелкія окраины, весьма для насъ обоихъ подходящія, между тѣмъ безъ крупныхъ владѣній онѣ не имѣютъ серьезнаго значенія. Ванъ-Свитенъ предлагаетъ каждому двору послать свой проектъ демаркаціонной линіи къ варшавскому двору, гдѣ три министра, установивъ свои взаимныя границы, передадутъ ихъ комиссарамъ, которые тогда должны будутъ собственно лишь провѣрить на мѣстѣ, точно ли разставлены пограничные столбы, соображаясь съ условленной демаркаціонной линіей. Вы воспользуетесь этимъ сообщеніемъ для передачи его графу Панину, и я буду ожидать отъ васъ извѣстія, что рѣшитъ сдѣлать по этому поводу русскій дворъ.

(Нешифровано). Вотъ наконецъ нѣкоторыя извѣстія изъ Франціи, которыя вы также сообщите этому министру. Аббатъ Терре производитъ точное исчисленіе фран-

de la nation; pour être mieux servi, il promet même des récompenses aux intendants. La désunion du ministère est affreuse. L'on veut absolument culbuter Monteynard, Boynes et le chancelier. Le sieur Durand espère de gagner terrain, dans cette cour l'intérêt de l'état marche après les passions. Il voudrait piquer l'ambition de ne point paraître recevoir la loi du roi de Prusse. Dans l'intérieur il y a révolte et embarras pour les levées, et mauvaise conduite en fait de guerre. De tout cela doit résulter un embarras, qui ferait recourir à la France. L'Espagnol insiste, il veut que l'on gagne la Hollande, pour accéder aux vues de la France, et on espère se faire écouter à Vienne par le comte Merci, avec lequel on a conférences assiduelles. L'Espagne veut guerre à tout prix. On parle de marcher en Flandres, on fait armer dans les ports, mais la Barry veut la paix, le roi la souhaite, et le ministère encore plus.

№ 740.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 31 de Janvier. à St.-Pétersbourg, le 7 (18) de Janvier 1774.

(En chiffre) Sire, Présentement le prince de Lobkowitz a eu une conférence avec le comte Panin, dans laquelle il lui a fait connaître les sentiments

---

цузскаго народа; а чтобы ему лучше служили, онъ обѣщаетъ даже награды интендантамъ. Рознь въ министерствѣ ужасная; тамъ непремѣнно хотятъ вытѣснить Монтенара, Буана и канцлера. Г. Дюранъ надѣется усилиться; при русскомъ дворѣ государственные интересы находятся въ зависимости отъ страстей. Французы хотѣли бы изъ тщеславія не показывать вида, что король прусскій предписываетъ ему законы. Внутри государства возмущенія и безпорядки вслѣдствіе налоговъ и дурнаго веденія военныхъ дѣлъ. Изъ всего этого должны родиться затрудненія, которыя заставятъ искать помощи у Франціи. Испанія настаиваетъ на томъ, чтобы привлекли Голландію, для удовлетворенія французскихъ интересовъ; и какъ они надѣятся, ихъ выслушаютъ въ Вѣнѣ при помощи графа Мерси, съ которымъ ведутся постоянныя совѣщанія. Испанія во что бы то ни стало хочетъ войны. Толкуютъ о томъ, чтобы идти на Фландрію, производятъ вооруженія въ портахъ, но г-жа дю Барри хочетъ мира, король его желаетъ, а министерство еще больше.

Отъ гр. Сольмса королю.

Представлено 31-го января 1774 г. С.-Петербургъ, 7-го (18-го) января 1774 г.

№ 740. (Шифрованная). В. В. Въ настоящее время кн. Лобковичъ имѣлъ совѣщаніе съ гр. Панинымъ и изложилъ ему мнѣніе своего двора относительно расширенія

de sa cour, sur l'extension des limites en Pologne, sur la pacification de la Porte et sur les affaires de Pologne. Il lui a remis pour cet effet trois pièces, dont la première porte le titre de: Réponse confidentielle aux remarques verbales du comte Panin sur la démarcation des limites. Il est dit là-dedans que: la cour de Vienne est très éloignée, de vouloir rien au-delà de ce qui lui est dû par la triple convention, mais qu'elle est persuadée, qu'elle ne peut être entendue autrement qu'elle ne l'entend; qu'elle a fait marquer ses limites en conséquence avant la publication même de son manifeste, et qu'elle en a fait adopter les termes dans l'acte de cession, qui vient d'être ratifié; et que ce n'est par conséquent pas sans peine, qu'elle a appris l'interprétation que la cour de Russie a fait du sens de la convention, que son bon droit ne lui permet pas d'admettre. Elle entre ensuite dans une discussion géographique, pour prouver, qu'au lieu de Podhoriza, ont doit entendre et prendre le Sbrutz pour la rivière qu'on a désignée pour servir de frontière. Et pour ne pas arrêter par l'exécution de cette démarcation, l'arrangement de l'établissement de la nouvelle forme de gouvernement, elle déclare, de s'être proposé, de suivre sur la démarcation la route marquée par l'acte de cession, c'est-à-dire: d'en traiter avec des commissaires de la république, et de recourir ensuite, supposé des difficultés de leur part, à la médiation stipulée réciproquement entre les trois cours en pareil cas. Elle est d'avis cependant qu'aucun changement essentiel aux

---

границъ въ Польшѣ, умиротворенія Порты и польскихъ дѣлъ. Для этой же цѣли онъ передалъ графу три документа, изъ которыхъ первый носитъ названіе: Конфиденціальный отвѣтъ на устныя замѣчанія гр. Панина относительно распредѣленія границъ. Тутъ говорится, что вѣнскій дворъ весьма далекъ отъ того, чтобы желать чего-либо сверхъ принадлежащаго ему на основаніи тройственной конвенціи, но, какъ этотъ дворъ увѣренъ, вышепомянутая конвенція не можетъ быть понимаема иначе, чѣмъ она понимается имъ, на основаніи же своего толкованія вѣнскій дворъ и намѣтилъ себѣ границы даже прежде обнародованія своего манифеста, приглашая признать эти предѣлы въ только что ратификованномъ уступительномъ актѣ; а вслѣдствіе этого не безъ огорченія узналъ этотъ дворъ о дѣлаемомъ Россіею толкованіи смысла конвенціи, котораго вѣнскій дворъ не можетъ допустить по чувству справедливости. Далѣе идетъ географическое разсужденіе съ цѣлью доказать, что вмѣсто Подгорицы слѣдуетъ согласиться признать Сбруцу за рѣку, предназначенную служить границей. А чтобы не препятствовать этимъ установленіемъ границъ устройству учреждающейся новой формы правленія, вѣнскій дворъ объявляетъ, что въ дѣлѣ разграниченія онъ предполагаетъ слѣдовать пути, намѣченному уступительнымъ актомъ, а именно: вести въ этомъ дѣлѣ переговоры съ комиссарами Рѣчи Посполитой, а въ случаѣ затрудненій съ ихъ стороны, обращаться къ взаимному обусловленному въ такихъ случаяхъ посредничеству трехъ дворовъ. Впрочемъ, этотъ дворъ держится такого мнѣнія, что ни-

limites actuellement marquées par les aigles des trois puissances ne doit être l'objet de la négociation de ces députés, mais qu'ils doivent se borner simplement aux arrangements de convenance, que l'intérêt des particuliers, qui se trouveront être tombés dans le partage de l'une ou de l'autre des trois cours, pourrait rendre justes ou raisonnables. Finalement, on témoigne que LL. MM. II. et RR. sont très fâchés de ne pouvoir se conformer dans cette occasion aux conseils de S. M. l'Impératrice de Russie, parce qu'elles ne peuvent ni ne doivent se permettre de ne point chercher à faire valoir leur bon droit.

La seconde pièce est une réponse verbale aux ouvertures faites par le prince Galitzin au prince Kaunitz en Novembre de l'année passée au sujet de la pacification entre la Russie et la Porte. Elle contient des témoignages du désir de la cour de Vienne pour un prompt rétablissement de la paix, et des regrets, que ses instances ont été jusqu'ici sans succès, à cause de la fermeté des turcs à rejeter les conditions proposées par la Russie, qu'ils regardaient contraires à leur religion et à leur propre existence; et, comme les évènements de la dernière campagne n'ont pas été assez décisifs pour obliger les turcs à se relâcher sur cela, elle conseille à la Russie de se désister de Kertsche et Yénicale, ainsi que de la navigation illimitée dans la mer Noire, afin d'autoriser par cette condescendance la cour de Vienne

---

какое существенное измѣненіе границъ, установленныхъ въ настоящее время тремя могущественными державами, не должно находиться въ вѣдѣніи этихъ депутатовъ; ихъ дѣятельность должна ограничиться лишь соотвѣтствующимъ улаженіемъ интересовъ частныхъ лицъ, которыя, попавъ при раздѣлѣ въ область того или другаго двора, могутъ предъявить справедливыя и разумныя требованія. Наконецъ, ихъ имп. кор. вел. высказываютъ свое сожалѣніе по поводу того, что они не могутъ сообразоваться въ этомъ случаѣ съ совѣтами русской Императрицы, такъ какъ они не могутъ и не должны отступать отъ намѣренія защищать свое право.

Второй документъ есть изложеніе устнаго отвѣта, даннаго по поводу предложеній, сдѣланныхъ кн. Голицынымъ кн. Кауницу, въ ноябрѣ прошлаго года, относительно заключенія мира между Россіей и Портой. Въ этомъ отвѣтѣ вѣнскій дворъ высказываетъ желаніе быстраго возстановленія мира и сожалѣетъ о томъ, что до сихъ поръ его старанія въ этомъ направленіи не имѣли успѣха, такъ какъ турки упорно отвергаютъ условія, предлагаемыя Россіей, на которыя они смотрятъ какъ на враждебныя ихъ религіи и собственному ихъ существованію; и такъ какъ событія послѣдней кампаніи не имѣли достаточно рѣшительнаго характера, чтобъ обязать турокъ отступить отъ своего заявленія, вѣнскій дворъ совѣтуетъ Россіи согласиться на уступку Керчи и Еникале, также не настаивать на вполнѣ свободное плаваніе по Черному морю; такія уступки дадутъ вѣнскому двору возможность приступить съ болѣе

à faire de plus vives instances auprès de la Porte. Elle avoue à la vérité, que l'honneur et la bonne foi ne lui permettent pas des menaces offensantes, et encore moins des voies de fait, attendu la promesse de neutralité qu'elle avait donnée à la Porte, avant qu'elle eût eu aucune espèce d'engagement avec la Russie; mais elle promet de faire des instances réitérées et très sérieuses, à condition, primo, que le ministre de V. M. s'expliquât auprès du ministère ottoman, exactement toujours de la même façon, dont serait chargé de faire l'internonce; secundo, qu'au sujet de la pacification la cour de Vienne ne sera dorénavant pas moins dans le secret de la Russie, que ne l'est celle de Berlin, — afin d'éviter les contradictions d'une négociation différente de la part de chacun de ces deux ministres, puisqu'on savait que celui de V. M. continuait à vouloir persuader à la Porte que la cour de Vienne réunirait ses armes à celles de la Russie pour forcer les turcs à la paix; et que d'un autre côté, on était informé aussi de science certaine de Constantinople même, qu'il avait proposé depuis peu de nouvelles conditions de paix, auxquelles la cour de Vienne n'avait pu concourir, faute d'en avoir été prévenue par celle de Russie, comme il conviendrait cependant qu'elle aurait dû l'être, supposé qu'on désirât, qu'elle dût continuer à s'employer pour le rétablissement de la paix.

Le troisième écrit enfin est intitulé: Réponse à une note remise au prince Lobkowitz le 17 Octobre 1773, au sujet de la nécessité d'une uni-

---

настоятельными требованіями къ Портѣ. Правда, этотъ дворъ признается, что совѣсть и честь не позволятъ ему обратиться къ Портѣ съ оскорбительными угрозами, и еще менѣе съ враждебными дѣйствіями, такъ какъ онъ обѣщалъ ей сохранять нейтралитетъ, еще прежде всякихъ обязательствъ, принятыхъ имъ по отношенію къ Россіи; но вѣнскій дворъ обѣщаетъ сдѣлать Портѣ неоднократныя и настойчивыя заявленія, на томъ однако условіи, чтобы во 1) министръ В. В. объяснялся передъ оттоманскимъ министерствомъ совершенно точно также, какъ это будетъ уполномоченъ дѣлать интернунцій; 2) чтобы по дѣлу о заключеніи мира отъ вѣнскаго двора Россіею точно также ничего не скрывалось отнынѣ какъ и отъ берлинскаго; все это для устраненія противорѣчій при переговорахъ, которые ведутся каждымъ изъ этихъ министровъ особо; министръ В. В., вѣдь, какъ извѣстно, все хотѣлъ увѣрить Порту, что вѣнскій дворъ присоединяется съ вооруженными силами къ русскому, чтобы принудить турокъ къ заключенію мира; а съ другой стороны, также были увѣдомлены изъ вѣрнаго источника и изъ самого Константинополя, что этотъ министръ предложилъ недавно новыя условія для заключенія мира, причемъ вѣнскій дворъ не могъ оказать своего содѣйствія, не будучи предупрежденъ Россіею относительно этихъ условій; какъ бы однако слѣдовало сдѣлать, если желаютъ, чтобы онъ хлопоталъ о возстановленіи мира.

Третій документъ, наконецъ, озаглавленъ: Отвѣтъ на замѣтку, присланную кн. Лобковичу 17-го октября 1773 г., о необходимости единодушныхъ дѣйствій среди ми-

formité de conduite entre les ministres des trois cours unies, qui se trouvent à Varsovie. La cour de Vienne convient là-dedans de la nécessité de cette unanimité, mais elle prétend aussi de n'y avoir pas fait manquer le sien jusqu'ici. Elle déclare en même temps que: quoique dans le plan pour le rétablissement du gouvernement dans ses vrais principes, il y avait bien des articles, sur lesquels il lui paraissait que les trois cours auraient encore à se concerter, avant que de les adopter pour principe inaltérable de la négociation avec la république de Pologne, et que dans le projet surtout, pour l'établissement d'un conseil permanent, il se trouvait des choses, au moins problématiques, sur lesquelles les trois cours auraient dû également discuter encore mûrement le pour et le contre; cependant, pour marquer son empressement de vouloir déférer en tout aux désirs de S. M. l'Impératrice de Russie, elle venait d'autoriser le baron Revitzky en général de condescendre, et même à aider à tout ce qui sera décidé par la pluralité des délégués. Je tiens ces anecdotes du comte Panin même, qui m'a fait lire les écrits et m'a permis de les extraire, pour pouvoir en rendre compte à V. M., mais qui la supplie très humblement, de ne pas vouloir faire remarquer à la cour de Vienne qu'elle en soit instruite; puisque, comme V. M. le remarquera bien elle-même, que la jalousie, la défiance et une envie de commettre nos deux cours perçait dans chaque ligne, il se croyait obligé de ménager cette cour, pour qu'elle ne pût reprocher de l'indiscrétion

---

нистровъ трехъ союзныхъ дворовъ, находящихся въ Варшавѣ. Вѣнскій дворъ признаетъ здѣсь необходимость такого единодушія, но утверждаетъ при этомъ, что его министру до сихъ поръ не приходилось измѣнять этому правилу. Въ то же время этотъ дворъ объявляетъ, что, однако, въ планѣ возстановленія правительства на истинныхъ началахъ встрѣчалось не мало статей, относительно которыхъ, какъ казалось вѣнскому двору, слѣдовало-бы этимъ тремъ дворамъ еще договориться, прежде чѣмъ принимать ихъ какъ неизмѣнные принципы при веденіи переговоровъ съ польскою Рѣчью Посполитой; въ особенности въ проектѣ объ учрежденіи постояннаго совѣта есть пункты по меньшей мѣрѣ загадочные, и относительно ихъ, между прочимъ, три двора должны бы еще зрѣло обсудить мнѣнія за и противъ; однако, желая выказать готовность согласоваться во всемъ съ желаніями русской Императрицы, вѣнскій дворъ только что уполномочилъ барона Ревицкаго, уступать вообще и даже содѣйствовать всему, что будетъ рѣшено большинствомъ делегатовъ.

Мнѣ сообщены эти извѣстія самимъ гр. Панинымъ, который далъ мнѣ прочитать эти документы и позволилъ сдѣлать изъ нихъ извлеченія, чтобы имѣть возможность представить отчетъ о нихъ В. В.; только гр. Панинъ покорнѣйше проситъ В. В. не показывать вида вѣнскому двору, что вамъ извѣстны эти документы, такъ какъ В. В. усмотрите сами, что зависть, подозрительность и желаніе поссорить наши два двора проглядываетъ въ каждой строкѣ; поэтому гр. Панинъ счелъ нужнымъ соблюдать

à celle-ci, et s'autoriser par là à se refroidir davantage, et changer son indifférence, avec le temps, dans une opposition ouverte. Il lui prépare cependant des réponses, et il m'a fait voir le brouillon de celle qu'il destine à l'apologie de sa démarcation. Il y refusera tout net le consentement de l'Impératrice à l'extension des limites autrichiennes, déclarant que V. M. sur les représentations de S. M. I. ayant bien voulu se relâcher sur son droit de convenance, elle ne pouvait pas montrer plus de complaisance pour la cour de Vienne, qu'elle n'avait fait pour son véritable ami et allié, à qui elle avait des obligations réelles, pour l'assistance qu'il lui prêtait dans toutes les occasions où elle se trouvait les plus embarassantes, et qui elle aurait souhaité de favoriser par préférence à tout autre. Ne pouvant ainsi rien faire pour la cour de Vienne, elle lui conseillait de s'adresser à V. M. pour régler avec elle, qu'elles croiraient convenables à l'intérêt général. Le comte Panin médite également une réponse au sujet de ce que la cour de Vienne a dit sur la pacification avec la Porte, dans laquelle il prétend lui faire sentir, qu'on n'est pas ici la dupe des sentiments qu'elle affecte d'avoir, et qu'on est très content de la conduite du sieur de Zegelin, qui se montre en tout comme le ministre d'une cour amie et sincèrement bien intentionnée pour les intérêts de la Russie. Mais celle-ci n'est pas ébauchée encore, et le tout ne sera achevé qu'à la fin de cette semaine, où le mi-

---

осторожность съ этимъ дворомъ, чтобы онъ не могъ упрекнуть здѣшній дворъ въ нескромности, а на основаніи этого позволилъ бы себѣ еще болѣе охладѣть къ русскому двору, а со временемъ даже измѣнить свою безучастность въ открытое противодѣйствіе. Графъ однако подготовляетъ отвѣты и показалъ мнѣ одинъ черновой, предназначенной имъ для восхваленія его демаркаціонной линіи. Тутъ онъ на отрѣзъ отказываетъ въ согласіи Императрицы на расширеніе австрійскихъ границъ, объявляя, что такъ какъ В. В. все-же пожелали отказаться отъ своего права на округленіе владѣній, то русскій дворъ не можетъ по отношенію къ вѣнскому выказывать бо́льшую любезность, чѣмъ была имъ выказана къ своему истинному другу и союзнику, которому русскій дворъ дѣйствительно обязанъ поддержкой, оказывавшейся имъ при всѣхъ наиболѣе затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ этотъ дворъ находился. Не будучи такимъ образомъ въ состояніи ничего сдѣлать для вѣнскаго двора, русскій дворъ совѣтуетъ ему обратиться къ В. В., чтобы рѣшить сообща, что лучше слѣдуетъ предпринять для общаго блага. Гр. Панинъ обдумываетъ также отвѣтъ на то, что высказано вѣнскимъ дворомъ о заключеніи мира съ Портой; въ отвѣтѣ этомъ онъ желаетъ дать почувствовать вѣнскому двору, что здѣсь ни мало не заблуждаются относительно чувствъ, выставляемыхъ на видъ вѣнскимъ дворомъ, и что здѣсь очень довольны поведеніемъ Зегелина, вездѣ выказывающаго себя министромъ дружественнаго двора и искренно расположеннаго къ интересамъ Россіи. Но этотъ отвѣтъ еще не составленъ, а всѣ они будутъ окончены только къ концу этой недѣли, когда этотъ министръ по-

nistre le portera à l'approbation de sa Souveraine, et où il finira aussi ce qui regarde l'affaire de Dantzig. Et pour cette fois-ci, à moins que sa santé ou d'autres incidents imprévus n'y portent un nouvel obstacle, j'entrevois, à ce qui me paraît, une grande probabilité de l'accomplissement de ses promesses.

(En clair). En travaillant à cette dépêche j'ai eu l'honneur de recevoir les ordres immédiats et médiats (en chiffre) de V. M. du 4 de ce mois, par lesquels je m'aperçois, qu'elle a été informée par le baron de Swieten directement des sentiments de la cour de Vienne, touchant les limites de la Galitzie. Bien loin de les approuver, V. M. aura daigné remarquer par les matériaux du projet de la réponse du comte Panin, que l'Impératrice refusera son consentement, précisément par la raison, qu'elle a fait naître des obstacles à V. M. pour un sujet pareil. Mais, comme il reconnaît que ces oppositions ne produiront aucun effet, pour sauver l'honneur de sa cour, il prend le parti de renvoyer la cour de Vienne à V. M., et on acquiescera ici, certainement, à tout ce qu'elles arrangeront sur la convenance de leurs limites respectives. Pour le confirmer dans cette idée de la nécessité d'une résignation de la volonté de la Russie à celles des deux cours, je lui ferai part des conseils de V. M. à ce sujet. Je lui communiquerai aussi les nouvelles de France, dans lesquelles les articles, qui regardent la Russie, sont certainement très vrais. L'opinion que V. M. donne la loi à la Russie, est

---

несетъ ихъ для одобренія къ своей Государынѣ; тогда-же онъ кончитъ и переговоры по данцигскому дѣлу. И на этотъ разъ, если только его здоровье или другія неожиданныя случайности не выдвинутъ новыхъ препятствій, какъ мнѣ кажется, съ большой вѣроятностью можно предвидѣть, что обѣщанія свои онъ исполнитъ.

(Нешифровано). Составляя эту депешу, я имѣлъ честь получить непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 4-го сего мѣсяца; (Шифровано) и я усматриваю изъ нихъ, что В. В. непосредственно были извѣщены барономъ Свитеномъ о мнѣніи вѣнскаго двора относительно границъ Галиціи. Насколько не одобряя его взгляда, В. В. удостоили замѣтить вѣнскому двору, на основаніи матерьяловъ, дающихся проектируемымъ отвѣтомъ гр. Панина, что Императрица откажетъ въ своемъ согласіи, совершенно на томъ-же основаніи, на которомъ она затруднилась удовлетворить В. В. по такому-же поводу. Но, такъ какъ гр. Панинъ сознаетъ, что подобныя возраженія не произведутъ ни малѣйшаго дѣйствія, онъ рѣшается, чтобы спасти честь своего двора, предложить вѣнскому двору обратиться къ В. В., и здѣсь навѣрное будетъ принято все, что выработаютъ оба двора относительно устройства соотвѣтствующихъ своихъ границъ. Чтобы утвердить графа въ мысли о необходимости со стороны Россіи подчинить свою волю желанію двухъ другихъ дворовъ, я сообщу ему совѣты В. В. по этому поводу. Я сообщу ему также извѣстія изъ Франціи, въ которыхъ статьи, касающіяся Россіи, разумѣется, вполнѣ вѣрны. Мнѣніе, что В. В. пред-

assez généralement reçue auprès tous les ministres étrangers, il n'y a aucun qui ne soit persuadé, que l'Impératrice n'agît en tout, que par les directions de V. M.

(En clair). S. M. l'Impératrice vient de donner son consentement à un mariage que le duc de Courlande a résolu de contracter ici avec une dame du pays. Il épouse une princesse de Youssoupow; les promesses se sont faites avant-hier, il part dans deux jours pour Mitau pour y faire des arrangements préparatoires, et revient dans un mois pour célébrer les noces. La famille de Youssoupow est originairement tartare; c'est le grand-père de cette demoiselle qui est venu dans le pays et a embrassé la religion grecque du temps de Pierre-le-Grand. Les faveurs et les grâces de cet empereur ont élevé cette famille et l'ont enrichie.

Le comte de Goertz a eu hier ses audiences de congé de S. M. l'Impératrice, et de LL. AA. II. le Grand-Duc et la Grande-Duchesse. Outre qu'il attend encore ses dernières expéditions, il sera obligé de s'arrêter quelques jours pour se remettre d'une maladie qui lui a fait garder la chambre pendant trois jours. Ayant un peu bravé le climat, il s'est attiré un refroidissement dont il a été fortement incommodé.

Je prends la liberté de présenter aujourd'hui encore un baril de caviar à V. M.

писываетъ законы Россіи, достаточно распространено среди всѣхъ иностранныхъ министровъ; нѣтъ ни одного, который бы не былъ убѣжденъ, что Императрица во всемъ дѣйствуетъ подъ руководствомъ В. В.

(Нешифровано). Е. В. Императрица выразила недавно согласіе на бракъ, въ который желалъ вступить герцогъ Курляндскій съ одной изъ русскихъ дѣвицъ. Онъ женится на княжнѣ Юсуповой[1]): обрученіе было совершено третьяго дня; черезъ два дня онъ ѣдетъ въ Митаву, чтобъ приготовить тамъ все предварительно, а черезъ мѣсяцъ онъ вернется для отпразднованія свадьбы. Родъ Юсуповыхъ татарскаго происхожденія, а именно, дѣдъ этой дѣвицы явился въ Россію и принялъ греческое вѣроисповѣданіе въ царствованіе Петра Великаго. Благоволеніе и милости этого императора возвысили и обогатили родъ Юсуповыхъ.

Гр. Герцъ имѣлъ вчера прощальныя аудіенціи у Е. В. Императрицы и у Ихъ Имп. Выс. Великаго Князя и Великой Княгини. Кромѣ того, что онъ ожидаетъ, пока придутъ послѣднія распоряженія, онъ долженъ будетъ пробыть здѣсь еще нѣсколько дней, чтобы оправиться отъ болѣзни, заставившей его не покидать комнаты въ теченіи трехъ дней. Рискуя нѣсколько по отношенію къ климату, онъ схватилъ простуду, сильно повліявшую на его здоровье.

Беру на себя смѣлость предложить еще боченокъ икры В. В.

---

1) Евдокія Борисовна Юсупова, вышедшая замужъ за Петра Бирона, владѣтельнаго герцога Курляндскаго.

№ 741.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 20 Janvier. Berlin, le 8 de Janvier 1774.

Depuis le départ de mes derniers ordres, il m'est entré une dépêche de mon major de Zegelin à Constantinople, en date du 3 de Décembre dernier, que je vous communique ci-joint en copie, telle que je l'ai reçue.

(En chiffre). D'ailleurs j'ai vu, dans le même intervalle, une lettre de Paris, qui contient des anecdotes assez curieuses, au sujet des bisbilles, qui se sont élevées entre l'Angleterre et la France, à l'occasion des démarches de cette dernière, pour se rapprocher de la cour où vous êtes. L'Angleterre ayant fait témoigner une espèce de déplaisir au ministère de Versailles de ces démarches, celui-ci a répondu, que le désir de contribuer à la pacification des puissances belligérantes les avait produites et en faisait l'unique but. Mais le ministère britannique y a fait répliquer, que ces mouvements de la France étaient bien éloignés d'amener la paix et il a même témoigné de la jalousie sur la médiation, que la France ambitionnait d'obtenir seule de cette paix. Cette insinuation a engagé le duc d'Aiguillon à lui faire proposer de se joindre à sa cour dans cette besogne, et il faudra voir maintenant, quel compte le ministère de Londres tiendra à celui de Versailles de cette proposition. En attendant ces anecdotes, qui viennent de très bonne

---

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 20-го января 1774 г. Берлинъ, 8-го января 1774 г.

№ 741. По отправленіи моихъ послѣднихъ распоряженій ко мнѣ пришла депеша отъ моего маіора Зегелина, находящагося въ Константинополѣ, помѣченная 3-го декабря прошлаго года; прилагаю вамъ здѣсь ея копію, въ томъ видѣ какъ я ее получилъ.

(Шифровано). Далѣе въ тотъ же промежутокъ времени я прочиталъ одно письмо изъ Парижа, содержащее довольно любопытныя сообщенія о ссорахъ, происходящихъ между Англіей и Франціей изъ за дѣйствій, предпринимавшихся послѣдней, съ цѣлью сблизиться съ тѣмъ дворомъ, при которомъ вы находитесь. Англія выразила нѣкоторое неудовольствіе версальскому министерству по поводу этихъ дѣйствій, на что это министерство отвѣчало, что они были вызваны и имѣли единственной цѣлью содѣйствовать умиротворенію воюющихъ державъ. Но британское министерство возразило на то, что стремленія Франціи весьма мало имѣли общаго съ миромъ, и выразило при этомъ даже завистливое чувство къ тому, что Франція старается присвоить себѣ одной посредничество при заключеніи этого мира. Такое подозрѣніе заставило даже герцога Эгильонскаго предложить англійскому министерству присоединиться къ французскому двору для веденія этого дѣла, и теперь интересно будетъ видѣть, что отвѣтитъ на это предложеніе лондонское министерство версальскому. А пока эти извѣстія, идущія изъ

source, font voir, combien l'Angleterre aussi bien que le France s'occupent encore de l'idée de participer à la médiation, tandis qu'à mon avis la Russie n'en a nul besoin, et qu'est plutôt maîtresse de faire seule sa paix, quand bon lui semblera. Aussi suis-je bien persuadé que pourvu qu'elle ne se raidisse point sur certaines conditions, et qu'elle ne se cabre point contre l'opposition qu'elles pourraient trouver de la part de la Porte, cette paix pourra être fort accélérée et se conclure plus tôt qu'on ne le pense. Je le souhaite même de tout mon coeur en bon et fidèle allié de la Russie, dont les propres intérêts me paraissent exiger une prompte paix.

Au reste, c'est avec un plaisir infini que je viens d'apprendre par votre dépêche du 24 de Décembre dernier, que la rebellion des cosaques n'est pas aussi redoutable, que vos premières dépêches semblaient l'annoncer. Toutefois il sera très bon, qu'on ne néglige rien, pour l'étouffer dans sa naissance, et je souhaite au comte de Panin tous les succès imaginables dans les démarches qu'il fera pour y parvenir.

(En clair). Enfin ma cavallerie de Prusse sera bien obligée de faire cette année-ci une partie de sa remonte dans l'Ukraïne de Russie, de sorte que vous n'aurez rien de plus pressé, que d'en prévenir la cour où vous êtes et de la requérir en même temps, de vouloir bien me faire expédier une couple de passeports pour faciliter cette remonte et la mettre à l'abri

---

весьма вѣрнаго источника, указываютъ, какъ сильно Англія наравнѣ съ Франціей занята мыслью участвовать въ этомъ посредничествѣ, между тѣмъ, по моему мнѣнію, Россія въ немъ нисколько не нуждается; она скорѣй имѣетъ полную возможность одна заключить миръ, когда только пожелаетъ. Поэтому я вполнѣ увѣренъ, что если только Россія не будетъ слишкомъ упорствовать относительно нѣкоторыхъ условій и не станетъ очень горячиться при противодѣйствіи, которое можетъ встрѣтиться со стороны Порты, заключеніе мира можетъ быть весьма ускорено и совершится раньше, чѣмъ думаютъ. Я даже желаю этого отъ всего сердца, какъ добрый и вѣрный союзникъ Россіи, собственные интересы которой, какъ мнѣ кажется, требуютъ скорѣйшаго мира.

Въ заключеніе я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ узналъ изъ вашей депеши отъ 24-го декабря прошлаго года, что бунтъ казаковъ не такъ страшенъ, какъ извѣщали, повидимому, объ этомъ ваши первыя депеши. Во всякомъ случаѣ весьма полезно будетъ не пренебрегать ничѣмъ, чтобъ прекратить его въ самомъ началѣ, причемъ я желаю всяческихъ успѣховъ гр. Панину въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя онъ предприметъ съ этой цѣлью.

(Нешифровано). Наконецъ, моя прусская кавалерія непремѣнно должна будетъ въ этомъ году произвести отчасти свой ремонтъ въ русской Украйнѣ, такъ что вы прежде всего должны будете предупредить объ этомъ тотъ дворъ, при которомъ вы находитесь, и попросить его въ то же время выслать мнѣ нѣсколько паспортовъ, чтобъ

de toute difficulté et de tout empêchement, tant pour l'emplette des chevaux que pour leur transport.

№ 742.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 4 Février. St. Pétersbourg, le 10 (21) Janvier 1774.

Sire, le courrier ordinaire d'hier m'a apporté les ordres immédiats et médiats de V. M. du 8 de ce mois, avec la copie d'un rapport du sieur de Zegelin de Constantinople du 3 de Décembre passé, dont je ne manquerai point de communiquer le contenu au ministère de cette cour-ci.

(En chiffre). Ainsi que des avis fournis par V. M. au sujet de la jalousie qui se forme entre l'Angleterre et la France pour la médiation de la paix entre la Russie et la Porte. J'ai fait part premièrement en particulier au comte Panin des sentiments de V. M. énoncés dans son ordre immédiat antérieur du 4 de ce mois, par rapport aux petites extensions à ajouter aux limites de V. M. et de la maison d'Autriche en Pologne, — et aux anecdotes, touchant le jugement qu'on porte en France sur la situation actuelle de la Russie; pour savoir, s'il trouvait à propos, que je lui en fisse un

---

облегчить производство ремонта, и устранить при этомъ всякія затрудненія и препятствія, какъ относительно пріобрѣтенія лошадей, такъ и ихъ доставки.

Отъ гр. Сольмса королю.

Представлено 4-го февраля 1774 г. С.-Петербургъ, 10-го (21-го) января 1774 г.

№ 742. Ваше Величество! Курьеръ, по обыкновенному порядку, привезъ мнѣ вчера непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 8-го сего мѣсяца вмѣстѣ съ копіей донесенія, присланнаго Зегелинымъ изъ Константинополя отъ 3-го декабря прошлаго года; все содержащееся въ этомъ донесеніи я не преминулъ сообщить министрамъ здѣшняго двора.

(Шифровано). Я сообщу также и мнѣнія, высказываемыя В. В. относительно возникающихъ между Англіей и Франціей ревнивыхъ подозрѣній изъ-за посредничества при заключеніи мира между Россіей и Портой. Я передалъ во первыхъ частнымъ образомъ гр. Панину мнѣніе, выраженное В. В. въ непосредственномъ повелѣніи, предшествовавшемъ 4-му числу сего мѣсяца, относительно небольшаго расширенія границъ въ Польшѣ, какъ со стороны В. В., такъ и со стороны австрійскаго дома, — также и объ извѣстіяхъ, рисующихъ, какъ смотритъ Франція на нынѣшнее положеніе Россіи; я пожелалъ узнать, не найдетъ ли онъ нужнымъ, чтобъ я ему составилъ

extrait qu'il pût montrer à l'Impératrice. Il a désiré que je lui en donnasse un bien étendu, surtout pour ce qui regarde le dernier article, puisqu'il pourrait servir à faire connaître les vues de la France. Quant au premier, il n'est point entré en discussion cette fois-ci. Il sent bien qu'il faut passer par là, pour ne pas compromettre sa cour par des oppositions, qu'elle ne saurait faire respecter actuellement; il m'a donc dit seulement qu'on ne donnerait pas à V. M. sujet de se plaindre, que l'Impératrice de Russie eût négligé ses intérêts pour favoriser ceux de la maison d'Autriche, que les réponses aux dernières insinuations de la cour de Vienne seraient toutes prêtes dans cette semaine encore, et qu'il me les remettrait alors, pour vous les présenter, Sire.

La grande armée est entrée dans ses quartiers d'hiver. Du côté d'Orenbourg on n'a point de nouvelles positives, on sait seulement que la rebellion ne gagne pas et que les cosaques du Don, aussi bien que les colonies de Saratow sur le Wolga, qu'on disait soulevés aussi, sont au contraire très soumis et tranquilles. On s'est aperçu que toutes ces mauvaises nouvelles sortaient de la maison du ministre de France, qui les répandait non seulement en ville, mais qui en remplit aussi ses rapports à sa cour.

(En clair). Le comte de Goertz est assez bien remis à cette heure pour pouvoir, malgré le grand froid qu'il fait, entreprendre le voyage, et il

---

краткій отчетъ о всемъ вышесказанномъ, который бы онъ могъ показать Императрицѣ. Онъ-же пожелалъ вполнѣ подробнаго отчета, въ особенности о томъ, что касается послѣдняго пункта, который могъ бы послужить къ раскрытію замысловъ Франціи. А что касается перваго пункта, онъ на этотъ разъ не вступилъ въ разговоръ по поводу его. Онъ чувствуетъ конечно, что придется уступить въ этомъ дѣлѣ, чтобы не компрометировать свой дворъ противодѣйствіемъ, котораго тотъ въ настоящее время не въ состояніи былъ бы заставить уважать; графъ сказалъ мнѣ только, что со стороны В. В. не будетъ никакого повода жаловаться на то, что Императрица россійская пренебрегла Вашими интересами ради интересовъ австрійскаго дома. Отвѣты-же на послѣднія внушенія, дѣлавшіяся вѣнскимъ дворомъ, будутъ совершенно готовы на этой-же недѣлѣ, и графъ тогда мнѣ передастъ ихъ для представленія В. В.

Главная армія расположилась на зимнія квартиры. Со стороны Оренбурга нѣтъ никакихъ положительныхъ извѣстій; извѣстно только, что бунтъ не разростается, и что донскіе казаки, также какъ и саратовскія колоніи на Волгѣ, про которыхъ говорили, что они тоже возмутились, остаются напротивъ совершенно покорными и спокойными. Какъ было замѣчено, всѣ эти дурные слухи исходили изъ дома французскаго министра, не только распространявшаго ихъ въ городѣ, но и наполнявшаго ими свои донесенія къ французскому двору.

(Нешифровано). Гр. Герцъ въ настоящее время уже достаточно поправился, чтобы быть въ состояніи предпринять путешествіе, несмотря на стоящіе сильные мо-

n'attend que ses dernières expéditions pour se mettre tout de suite en chemin. Pour ce qui regarde les passeports de cette cour qui seront nécessaires aux détachements de la cavallerie de V. M. qui iront en Ukraine pour la remonte des chevaux, je me ferai toujours un devoir de les requérir ici toutes les fois qu'il en sera besoin. Mrs. le général d'Apenbourg et de Meyer m'en ont demandés depuis peu, et je les leur ai envoyés.

№ 743.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 23 Janvier. Berlin, le 11 de Janvier 1774.

Je vous remercie du baril de caviar, que vous m'avez adressé à la suite de votre dépêche du 28 Décembre dernier.

(En chiffre). Quant à l'affaire de Dantzig, je remets entièrement mes intérêts entre les mains du comte de Panin. Il saura mieux que personne le moment favorable de la mettre en règle, et j'ai une confiance complète dans son amitié, pour en attendre tranquillement la décision. Mais il y a longtemps que vous n'avez donné mot du sieur de Saldern. On prétend ici que S. M. I. l'a gratifié d'un superbe présent. Cela ne quadrerait pas trop avec sa conduite, dont cette Grande Princesse doit cependant être instruite à l'heure qu'il est. Je serais donc bien curieux de savoir au juste, si cet avis est fondé, et vous n'oublierez point de me dire ce qui en est.

розы; онъ ожидаетъ лишь окончанія послѣднихъ приготовленій, чтобы тотчасъ-же отправиться въ путь. Что касается паспортовъ отъ здѣшняго двора, необходимыхъ для кавалерійскихъ отрядовъ, которые отправятся въ Украйну для ремонта лошадей, я сочту долгомъ, доставать эти паспорты всякія разъ, какъ въ нихъ встрѣтится надобность. Генералы Апенбургъ и Мейеръ недавно просили ихъ у меня, и я имъ ихъ выслалъ.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 23-го января 1774 г. Берлинъ, 11-го января 1774 г.

№ 743. Благодарю васъ за боченокъ икры, присланный мнѣ вами вслѣдъ за вашей депешей отъ 27-го декабря прошлаго года.

(Шифровано). Что касается до Данцигскаго дѣла, я вполнѣ препоручаю свои интересы гр. Панину. Онъ лучше кого либо съумѣетъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы распутать это дѣло, и я чувствую полное довѣріе къ его дружбѣ, чтобы спокойно ожидать рѣшенія. Но уже давно вы не писали мнѣ ничего о Сальдернѣ. Здѣсь увѣряютъ, что Е. И. В. пожаловала ему великолѣпный подарокъ. Это не вполнѣ соотвѣтствовало бы его образу дѣйствій, о которомъ эта великая Монархиня должна уже быть извѣщена въ настоящее время. Поэтому мнѣ было бы чрезвычайно интересно узнать навѣрное, на сколько основателенъ этотъ слухъ, и вы не должны преминуть разъяснить мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло.

Au reste, votre rapport susmentionné m'a bien désabusé sur les nouvelles flatteuses qui s'étaient répandues ici, des nouveaux succès des armes russiennes au-delà du Danube, et selon lesquelles Silistrie se trouvait déjà entre ses mains. Différentes lettres particulières arrivées à Vienne les avaient également confirmées, mais ce que vous venez de me rapporter m'en fait douter; il confirme plutôt mon pronostic sur les opérations au-delà du Danube, que j'ai toujours regardées pour bien hasardées et dangereuses, et c'est un des premiers motifs, qui m'a engagé à désirer que la paix se rétablisse le plus tôt possible entre les deux puissances belligérantes. Je persiste aussi toujours dans la même idée, et comme il est bien à présumer, que la position actuelle des armes russiennes fera les bornes de leurs avantages, il me semble toujours, qu'elle est aussi la meilleure époque pour obtenir une paix glorieuse et qu'il vaut mieux en profiter, que de s'en remettre au sort ultérieur des armes, qui est toujours chancelant et inconstant. Pour cet effet je suis fort curieux d'apprendre des nouvelles de Constantinople, et je me flatte de savoir dans peu, comment les dernières propositions, que j'y ai fait passer, y auront été accueillies. Je m'empresserai à vous en faire part incessamment.

Далѣе ваше помянутое выше донесеніе сильно поколебало во мнѣ вѣру къ распространившимся здѣсь лестнымъ слухамъ о новыхъ успѣхахъ русскаго оружія по ту сторону Дуная; судя по этимъ извѣстіямъ, Силистрія находилась уже въ рукахъ русскихъ. Различныя частныя письма, полученныя въ Вѣнѣ, также ихъ подтверждали, но то, что вы мнѣ только что сообщили, заставляетъ меня въ нихъ сомнѣваться; скорѣй подтверждается мое предсказаніе относительно военныхъ дѣйствій по ту сторону Дуная, на которыя я смотрѣлъ всегда, какъ на весьма рискованныя и опасныя, это и было однимъ изъ главныхъ побужденій, заставлявшихъ меня желать скорѣйшаго, по возможности, заключенія мира между обѣими воюющими державами. И я по прежнему остаюсь при той же мысли; а такъ какъ слѣдуетъ, конечно, предвидѣть, что настоящее положеніе русскихъ боевыхъ силъ поставитъ предѣлы пріобрѣтаемымъ преимуществамъ, то мнѣ по прежнему кажется, что теперь наилучшее время для заключенія славнаго мира, и гораздо лучше имъ воспользоваться, чѣмъ полагаться на дальнѣйшую судьбу войны, всегда шаткую и непостоянную. Ради этого обстоятельства мнѣ будетъ весьма интересно получить извѣстія изъ Константинополя; я льщу себя надеждой въ скоромъ времени узнать, какъ были тамъ приняты мои послѣднія предложенія, которыя я туда препроводилъ. Я поспѣшу немедленно увѣдомить васъ объ этомъ предметѣ.

№ 744.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 7 Février. St. Pétersbourg, le 14 (25) Janvier 1774.

Les ordres immédiats et médiats de V. M. du 11 de ce mois me sont parfaitement bien entrés. (En chiffre). J'ai communiqué au comte Panin, ce dont il vous à plu, Sire, de lui faire part par votre ordre précédent du 8, touchant la jalousie entre l'Angleterre et la France pour l'amitié de la Russie. Cet avis est pour lui d'autant plus vraisemblable, qu'il s'accorde avec la conduite que suit ici le ministre de la première, le sieur Gunning, qui ne l'entretient d'autre chose que des mouvements des français pour gagner du crédit en Russie, et s'informe toujours avec beaucoup d'inquiétude des sentiments que la cour d'ici a pour elle, et surtout, si on lui remettra la médiation pour la paix?— Il a reçu la semaine passée un courrier, qui probablement lui aura porté de nouvelles instructions à ce sujet, mais il n'a pas jugé à propos d'en communiquer aucune chose au ministre, il a montré seulement plus d'empressement pour savoir la façon de penser de cette cour Impériale au sujet de la France, et lorsque le comte Panin lui a assuré, qu'elle ne se trouvait dans aucune liaison avec elle, qu'elle ne désirait non plus d'en former, mais qu'elle se tiendrait constamment à son

---

Отъ гр. Сольмса королю.

Представлено 7-го февраля 1774 г. С.-Петербургъ, 14-го (25-го) января 1774 г.

№ 744. (Шифрованная). Непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 11-го сего мѣсяца совершенно своевременно были мнѣ доставлены. Я сообщилъ гр. Панину, о чемъ В. В. благоугодно было извѣстить его въ предшествовавшемъ вашемъ повелѣніи отъ 8-го числа, относительно соревнованія между Англіей и Франціей изъ за дружбы Россіи. Это извѣстіе явится для него тѣмъ вѣроятнѣе, что оно вполнѣ согласуется съ поведеніемъ англійскаго министра Гуннинга при этомъ дворѣ, который не говоритъ съ Панинымъ ни о чемъ, кромѣ стараній французовъ войти въ довѣріе въ Россіи, и освѣдомляется всякій разъ съ большимъ безпокойствомъ, какого мнѣнія держится здѣшній дворъ о французскомъ, а въ особенности не поручатъ ли французскому двору посредничество въ мирныхъ переговорахъ? На прошлой недѣлѣ у Гуннинга былъ курьеръ, привезшій ему, вѣроятно, новыя инструкціи по этому дѣлу, изъ которыхъ однако Гуннингъ ничего не счелъ нужнымъ сообщить русскому министру; онъ выказалъ лишь больше стараній узнать, что думаетъ дворъ здѣшней Императрицы относительно Франціи; и когда гр. Панинъ увѣрилъ его, что русскій дворъ не находится съ ней ни въ какихъ дружественныхъ сношеніяхъ и не желаетъ ихъ устанавливать, а будетъ неизмѣнно придерживаться своей прежней системы, Гуннингъ, казалось, былъ весьма доволенъ этимъ обстоятельствомъ; въ свою очередь, онъ увѣрилъ гр. Панина,

premier système, il en a paru fort content, et il lui a assuré en retour que l'Angleterre n'aurait non plus jamais aucune union d'intérêt avec la France, et peu de jours après ce dernier entretien, il a renvoyé son courrier.

La situation du sieur de Saldern relativement à S. M. l'Impératrice conserve un air énigmatique. On sait ici, qu'il se vante des présents qu'il en a reçu, qu'il prétend être avec Elle encore dans une correspondance intime, et que par là il se conserve une autorité à la cour de Danemark, dont il sait tirer le profit. Mais comme il y a ici bien des gens, qui sont intéressés d'en connaître la vérité, et qui se donnent de la peine pour l'approfondir, je suis porté à croire avec ceux-ci que ce sont des faussetés pures qu'il débite uniquement pour se maintenir en crédit au dehors. Il pousse cela si loin que, pour dérouter même les gens ici, il vient de renouveler encore pour un an le bail de la maison, qu'il occupait à Pétersbourg. Cependant on prétend savoir, qu'une tabatière avec le chiffre de l'Impératrice en diamants, et je crois même avec son portrait, qu'il produit comme un présent qu'il aurait eu à son départ, ne lui a pas été donnée, mais qu'il l'a prise à Varsovie, du dépôt, qui y est à l'ambassade, de nippes destinées pour faire des présents aux polonais, et que des lettres qu'il montre de S. M. I. ne sont pas de nouvelle date, mais que ce sont des anciennes qu'il a reçues autrefois, et dont il cache la signature. Ce qui a alarmé dernièrement la cour de Danemark, c'est une lettre dont elle a été informée que

---

что у Англіи также никогда не будетъ союза, основаннаго на общихъ выгодахъ, съ Франціей; а черезъ нѣсколько дней вслѣдъ за послѣднимъ разговоромъ онъ отправилъ обратно своего курьера.

Отношенія г. Сальдерна къ Е. В. Императрицѣ остаются нѣсколько загадочными. Онъ, какъ здѣсь извѣстно, хвалится подарками, полученными отъ Императрицы, и увѣряетъ, что находится съ Ней въ интимной перепискѣ; на основаніи этихъ разсказовъ онъ продолжаетъ пользоваться авторитетомъ при датскомъ дворѣ, и извлекаетъ выгоды изъ такого положенія. Но здѣсь много людей, заинтересованныхъ узнать истину въ этомъ дѣлѣ, и старающихся разслѣдовать дѣло; такъ вмѣстѣ съ этими людьми я склоненъ думать, что Сальдернъ распространяетъ чистую ложь, единственно для поддержанія своего кредита внѣ Россіи. Онъ такъ далеко простираетъ свои старанія, что, ради того, чтобы ввести и здѣсь людей въ заблужденіе, онъ недавно возобновилъ опять на годъ контрактъ найма дома, занимаемаго имъ въ Петербургѣ. Между тѣмъ, какъ утверждаютъ, табакерка съ брильянтовымъ шифромъ Императрицы и, кажется, даже съ Ея портретомъ, выдаваемая имъ за подарокъ, полученный при его отъѣздѣ, совсѣмъ не была ему подарена, а взялъ онъ её въ Варшавѣ изъ находящагося при посольствѣ склада подарковъ, предназначенныхъ для поляковъ; показываемыя же имъ письма Е. И. В. не недавно писаны, а напротивъ, старинныя, полученныя имъ когда-то, и подпись ихъ онъ скрываетъ. Недавно еще при датскомъ дворѣ надѣлало шума

l'Impératrice doit avoir écrite à une m-me de Bielke[1]) à Hambourg, dans laquelle en parlant avec estime du sieur de Saldern, elle l'a priée de ne se concilier qu'avec lui. On a fait sur cela ici toutes les recherches possibles, pour savoir, ce qu'il y avait de cette lettre, mais enfin on prétend avoir des notions positives que S. M. l'Impératrice n'a pas écrit à cette dame depuis le départ du sieur de Saldern d'ici, et on soupçonne que ces deux personnes qui n'étaient pas amis autrefois, ce sont peut-être raccommodées présentement, et qu'elle lui ayant fait confidence de cette lettre, il a su en tirer parti, en faisant croire, qu'elle était écrite nouvellement. Toutes ces menées sourdes que cet homme trame encore, pourraient prendre fin, si le comte Panin voulait se résoudre de parler de lui à l'Impératrice, mais il n'y a pas de moyen de le porter à cette résolution. Il est assuré que cette princesse est informée de tout, qu'elle connaît sa méchanceté, et qu'il ne remontera plus sur l'eau, mais il ne veut pas toucher cette corde vis-à-vis d'elle, et il attend que ce soit elle qui lui en parle la première. En attendant, il amasse des preuves pour servir de conviction de sa méchante conduite, dont il se propose de faire usage à cette occasion, et il attend surtout une de Copenhague, qui serait certainement une des plus fortes pour le rendre criminel. C'est l'original d'un ordre qu'il a envoyé de Varsovie en

---

одно письмо, написанное, какъ извѣщали, Императрицей г-жѣ Біельке[1]) въ Гамбургѣ, въ которомъ, съ уваженіемъ отзываясь о Сальдернѣ, Императрица проситъ её не совѣтоваться ни съ кѣмъ, кромѣ него. Здѣсь произвели всевозможные розыски, чтобы узнать, что это за письмо, и пріобрѣли наконецъ, какъ увѣряютъ, положительныя свѣдѣнія о томъ, что Императрица не писала этой дамѣ со времени отъѣзда Сальдерна отсюда; поэтому подозрѣваютъ, что эти двѣ особы, Сальдернъ и Біельке, которыя не были прежде друзьями, быть-можетъ, примирились въ настоящее время, и послѣ того, какъ она призналась ему въ существованіи такого письма, онъ съумѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, увѣривъ, что письмо написано недавно. Всѣ эти тайные ковы, которые этотъ человѣкъ продолжаетъ устраивать, могли бы быть уничтожены, если-бы гр. Панинъ рѣшился заговорить о немъ съ Императрицей, но нѣтъ возможности побудить его къ такому рѣшенію. Онъ увѣренъ, что этой Государынѣ извѣстно всё, что она знаетъ злое поведеніе Сальдерна, и ему ужъ болѣе не войти въ довѣріе; но гр. Панинъ не хочетъ затрогивать этой стороны при совѣщаніяхъ съ Императрицей, онъ ожидаетъ, чтобъ она первая заговорила объ этомъ предметѣ. Покаже онъ собираетъ доказательства, которыя бы могли привести къ убѣжденію въ дурномъ образѣ дѣйствій Сальдерна; въ особенности-же графъ ожидаетъ изъ Копенгагена одинъ документъ, который навѣрное болѣе всѣхъ способенъ будетъ выставить на видъ преступность его дѣйствій. Это подлинный приказъ, посланный Сальдерномъ

---

1) См. Сборникъ т. XIII, по указателю.

Holstein, pour se faire payer de la caisse ducale la somme de 12 m. écus. Cet ordre n'aurait pu être reçu par la régence, s'il n'eût été signé par l'Impératrice, et comme on se souvient très bien qu'une pareille pièce ne lui a jamais été présentée, on soupçonne qu'il a contrefait la signature. C'est ce document que le comte Panin demande qu'on recherche dans les archives de Holstein, et qu'on lui envoie, par lequel après cela il veut entamer sa dénonciation.

Je compte de pouvoir présenter à V. M., l'ordinaire prochain, toutes les pièces qui se rapportent aux dernières insinuations de la cour de Vienne, touchant la délimitation en Pologne, et l'emploi de ses bons offices auprès de la Porte, avec les réponses de celle d'ici. J'ai aussi beaucoup d'espérance de pouvoir lui annoncer quelque chose décisive sur l'affaire de Dantzig.

(En clair). Le comte de Goertz a reçu samedi passé ses dernières expéditions, et il est parti le lendemain, le 12 (23) de ce mois. Il a été traité ici avec une distinction particulière, dont il aura l'honneur de rendre compte lui-même à V. M. Outre le présent accoutumé, S. M. l'Impératrice lui a fait remettre encore une belle bague en diamants.

Le colonel comte de Braun que LL. MM. II. et RR. envoient ici, pour la même raison, de complimenter l'Impératrice sur le mariage du Grand-Duc, est arrivé hier.

Je joins encore aujourd'hui un baril de caviar.

изъ Варшавы въ Голштинію, для выдачи ему изъ казны герцога суммы въ 12 тысячъ экю. Такой приказъ не могъ бы быть принятъ регентствомъ, если-бъ онъ не былъ подписанъ Императрицей, а такъ какъ отлично помнятъ, что подобный документъ никогда Ей не былъ представленъ, то Сальдернъ подозрѣвается въ поддѣлкѣ подписи. Панинъ теперь и требуетъ, чтобъ этотъ документъ былъ разысканъ въ голштинскихъ архивахъ и присланъ ему; а съ него онъ и начнетъ затѣмъ свое обличеніе.

Я разсчитываю представить В. В. со слѣдующей почтой всѣ документы, относящіеся къ послѣднимъ внушеніямъ вѣнскаго двора по поводу установленія границъ въ Польшѣ, также какъ и относительно оказанныхъ имъ добрыхъ услугъ въ Портѣ; представлю и отвѣты здѣшняго двора. Я питаю также большія надежды на то, что въ состояніи буду сообщить В. В. нѣчто рѣшительное по данцигскому дѣлу.

(Нешифровано). Графъ Герцъ получилъ на прошлой недѣлѣ послѣднія распоряженія и уѣхалъ на слѣдующій день, 12-го (23-го) сего мѣсяца. Съ нимъ обходились здѣсь съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, о чемъ онъ будетъ имѣть честь лично отдать отчетъ В. В. Кромѣ обычнаго подарка, Е. В. Императрица повелѣла передать ему еще прекрасный перстень съ брильянтами.

Полковникъ гр. Браунъ, посылаемый сюда Ихъ Имп. Кор. Вел. съ тою же цѣлью, поздравить Императрицу съ бракосочетаніемъ Великаго князя, пріѣхалъ вчера.

Прилагаю и сегодня боченокъ икры.

№ 745.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 27 Janvier. Berlin, le 15 de Janvier 1774.

Votre dépêche du 31 de Décembre dernier avec la quittance pour le 4 quartier de mes subsides, m'a été fidèlement rendue, et je joins ici en copie un bulletin de France, qui m'est parvenu par la dernière poste.

(En chiffre). Mais d'ailleurs j'ai trouvé fort laconique votre dépêche susmentionnée. Vous n'y touchez aucune des affaires qui sont actuellement sur le tapis, et qui m'intéressent si fort, et je ne vous dissimulerai même point que je me serais attendu à de plus grands détails, vu surtout que la position de la cour où vous êtes dans le moment présent ne laisse pas de me paraître fort critique et embarassante. En particulier j'espérais, d'y trouver quelque nouvelle favorable au sujet du soulèvement des cosaques, au lieu que le silence parfait que vous en observez me fait présumer, que tout est encore dans le même état d'indécision. En attendant, le bulletin susmentionné vous apprendra d'un côté la joie de la France sur les derniers mauvais succès des armes russiennes au delà du Danube, et de l'autre que cette cour se berce toujours de l'idée chimérique, que la Russie se verra obligée enfin de soliciter sa médiation, pour obtenir une bonne paix de la

---

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 27-го января 1774 г. Берлинъ, 15-го января 1774 г.

№ 745. Ваша депеша отъ 31-го декабря прошлаго года вмѣстѣ съ квитанціей въ полученіи четвертой четверти моихъ субсидій были мнѣ вѣрно переданы, и я прилагаю здѣсь копію французскаго бюллетеня, пришедшаго ко мнѣ съ послѣдней почтой.

(Шифровано). Однако-же я нашелъ слишкомъ лаконичной вышепомянутую вашу депешу. Вы не касаетесь въ ней ни одного изъ дѣлъ, находящихся въ настоящее время на очереди и чрезвычайно меня интересующихъ; и не скрою даже отъ васъ, что я ожидалъ большихъ подробностей, въ особенности въ виду того, что положеніе, занимаемое въ настоящее время дворомъ, при которомъ вы находитесь, не перестаетъ мнѣ казаться весьма критическимъ и затруднительнымъ. Въ частности я надѣялся получить какое нибудь благопріятное извѣстіе относительно бунта казаковъ, между тѣмъ какъ полное ваше молчаніе на этотъ счетъ заставляетъ меня предполагать, что всё дѣло находится еще въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи. А пока вышепомянутый бюллетень извѣститъ васъ съ одной стороны о радости, выказываемой Франціей по поводу неудачъ, испытываемыхъ русскимъ оружіемъ по ту сторону Дуная, а съ другой стороны французскій дворъ всё еще тѣшитъ себя необычайной надеждой на то, что Россія увидитъ себя вынужденной наконецъ обратиться къ его посредничеству для заключенія выгоднаго мира съ Портой, несмотря на то, что эта мысль чрезвычайно

Porte, quelque présomptueuse et sotte que soit cette idée. Je vous avoue cependant naturellement qu'en bon et fidèle allié de la Russie je souhaite plus que jamais, qu'elle trouve moyen d'accélérer cette paix, de façon qu'elle parvienne encore avant le printemps prochain à une heureuse conclusion.

(En clair). Au reste, nous avons appris également ici, par des lettres immédiates, que la présente campagne est finie et que les troupes russiennes ont répassé le Danube, pour se mettre en quartiers d'hiver.

№ 746.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 11 de Février. St.-Pétersbourg, le 17 (28) de Janvier 1774.

Sire, Les ordres immédiats et médiats de V. M. du 15 de ce mois me sont bien entrés, avec un bulletin de France dont je ferai part au ministère. J'ai l'honneur de lui présenter aujourd'hui les trois notes que la cour de Vienne a fait parvenir ici: sur l'affaire de la démarcation des limites en Pologne, sur la pacification entre la Russie et la Porte, et sur la coopération unanime des ministres des trois cours en Pologne, notées de A_1 A_2 et A_3 avec les réponses d'ici aux deux premières marquées de B_1 et B_2, la

---

заносчива и нелѣпа. Я признаюсь вамъ однако, что, разумѣется, какъ добрый и вѣрный союзникъ Россіи, я болѣе чѣмъ когда либо желаю ей найти средство къ скорѣйшему заключенію этого мира, такъ чтобы еще ранѣе будущей весны это дѣло было приведено къ счастливому окончанію.

(Нешифровано). Въ заключеніе, мы также узнали здѣсь непосредственнымъ образомъ, что нынѣшняя кампанія окончена, и русскія войска снова перешли Дунай, чтобы расположиться на зимнія квартиры.

Отъ гр. Сольмса королю.

Представлено 11-го февраля 1774 г. С.-Петербургъ, 17-го (28-го) января 1774 г.

№ 746. Непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 15 сего мѣсяца были мнѣ своевременно доставлены, также какъ и бюллетень изъ Франціи, о содержаніи котораго я сообщу министерству. Я имѣю честь представить теперь В. В. три ноты, присланныя сюда вѣнскимъ дворомъ: по поводу распредѣленія границъ въ Польшѣ, о заключеніи мира между Россіей и Портой и о единодушномъ образѣ дѣйствій министровъ трехъ дворовъ въ Польшѣ; эти документы отмѣчены буквами A_1, A_2, A_3; затѣмъ отвѣты здѣшняго двора на два первыхъ изъ этихъ документовъ, отмѣченные B_1 и B_2[1]); третьяго отвѣта я еще не получилъ; при этомъ я повторяю просьбу

---

1) Изъ этихъ документовъ въ Сборникѣ помѣщены лишь A_2 и B_2.

troisième n'en ayant pas reçue, (en chiffre) en renouvelant la prière du comte Panin, pour que V. M. lui fasse la grâce, de ne pas faire connaître à la cour de Vienne, du moins, pour ce qui regarde l'affaire de la pacification, qu'elle a été informée de ce qu'on lui a déclaré à ce sujet. Elle daignéra m'excuser, si je ne suis pas en état de lui rendre compte aussi souvent qu'elle le désire, et que je le souhaiterais moi-même, de la situation des armées et présentement de celle du soulèvement des cosaques. Les généraux commandants en chef les deux armées principales se sont mis sur le pied d'envoyer assez rarement des rapports à la cour; et que depuis que le général Karr a abandonné le commandement du corps envoyé contre les rebelles, on n'a pas eu de ce côté-là aucun, excepté ceux qu'on a reçus d'Orenbourg par des messagers, qui ont eu le bonheur de se glisser au travers d'eux, et qui n'ont apporté que des nouvelles d'ancienne date, qui ont suffi seulement de rassurer sur le sort de cette ville. J'ai eu l'honneur de vous informer, Sire, de celles qui sont parvenues à ma connaissance, de l'autenticité desquelles j'ai été sûr, parce que je n'ai pas voulu vous mander tous les bruits, quand même qu'ils ont eu des apparences de vraisemblance. Présentement on a reçu du général Bibikow le premier rapport, qu'il a fait après son arrivée à Cazan. Il mande, qu'il attend l'arrivée de toutes les troupes pour pouvoir faire les dispositions nécessaires pour marcher sur l'ennemi, mais, autant que j'en ai pu apprendre, ce rapport n'est pas suffi-

---

гр. Панина, чтобы В. В. (шифровано) были такъ милостивы, и не доводили-бы до свѣдѣнія вѣнскаго двора, по крайнѣй мѣрѣ, о томъ, что вамъ извѣстенъ отвѣтъ, данный этому двору по вопросу о заключеніи мира. Да соблаговолитъ В. В. простить меня за то, что я не представляю отчетовъ такъ часто, какъ было-бы желательно В. В., и какъ бы хотѣлось мнѣ самому, вообще о положеніи армій, а въ настоящее время о ходѣ казацкаго бунта. Генералы, командующіе двумя главными арміями, стали довольно рѣдко посылать донесенія ко двору, и съ тѣхъ поръ какъ генералъ Каръ оставилъ командованіе корпусомъ, отправленнымъ противъ мятежниковъ, не было съ той стороны никакихъ извѣстій, за исключеніемъ вѣстей, полученныхъ изъ Оренбурга при помощи гонцовъ, которымъ удалось пробраться черезъ бунтующіе отряды; но они сообщили лишь старыя новости, которыя могли только успокоить относительно участи этого города. Я уже имѣлъ честь докладывать В. В. о полученныхъ мною извѣстіяхъ, въ достовѣрности которыхъ я былъ убѣжденъ, такъ какъ я не хотѣлъ сообщать Вамъ какихъ бы то ни было слуховъ, даже еслибъ они и имѣли видъ правдоподобія. Въ настоящее время отъ генерала Бибикова получено первое донесеніе, отправленное имъ по прибытіи его въ Казань. Онъ извѣщаетъ, что ждетъ прибытія всѣхъ войскъ, чтобъ сдѣлать необходимыя распоряженія для открытія наступательныхъ дѣйствій противъ непріятеля, но, насколько я могъ понять, это доне-

sant encore pour mettre la cour entièrement au fait de la situation de la rebellion et du nombre des rebelles. Le meilleur en est que ce général les a faits déloger avec quelque perte d'une ville nommée Samara, qui est située sur le Wolga au dessous de Cazan, où il a fait même des prisonniers sur eux. Il loue d'ailleurs beaucoup la noblesse de Cazan, qui a levé des bataillons pour le service de la patrie, qu'elle conduira sous ses ordres pour exterminer ces rebelles. On a dit aussi qu'il y avait de la mauvaise volonté parmi les troupes, qui ne voulaient pas faire leur devoir. Mais, sur cela, il n'y a pas moyen d'avoir des éclaircissements bien justes; tout ce que j'ai pu apprendre là-dessus, c'est—qu'on vous répond aux questions qu'on fait: que cela n'aura pas de conséquences, et que le général Bibikow mettra tout cela bientôt en ordre.

L'affaire de Dantzig est parvenue enfin au point, que l'Impératrice a approuvé l'instruction pour le comte Golowkin, par laquelle il lui est enjoint de déclarer à la ville que S. M. I. voulait absolument, qu'elle reconnût le droit de propriété de V. M. sur le terrain du port, et que par cet acte de soumission, elle tâchât de fléchir V. M. pour obtenir par un accommodement les conditions les moins onéreuses pour se conserver la jouissance de ses revenus. Tel est à peu près le sens de cette déclaration, dont j'aurai la copie pour l'ordinaire prochain. Elle n'est certainement pas si complètement

---

сеніе недостаточно обстоятельно, чтобъ дворъ могъ получить представленіе о томъ, въ какомъ положеніи дѣло относительно бунта и о числѣ бунтующихъ. Лучше всего здѣсь то, что генералъ Бибиковъ заставилъ казаковъ очистить съ нѣкоторымъ урономъ одинъ городъ, называемый Самарой и находящійся на Волгѣ пониже Казани; Бибиковъ захватилъ даже плѣнныхъ при этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, онъ воздаетъ громкую хвалу казанскому дворянству, выставившему свои батальоны для службы отечеству; оно поведетъ ихъ подъ начальствомъ генерала Бибикова на гибель мятежникамъ. Говорилось также, что среди войскъ обнаруживалось недовольство и нежеланіе исполнять свой долгъ. Но на этотъ счетъ нѣтъ возможности получить вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія; все, чего я могъ добиться въ этомъ отношеніи, такъ слѣдующихъ отвѣтовъ на задаваемые вопросы: что это не будетъ имѣть послѣдствій, и что генералъ Бибиковъ вскорѣ приведетъ все въ порядокъ.

Данцигское дѣло доведено наконецъ до того, что Императрица одобрила инструкцію, составленную для гр. Головкина, въ которой ему поручается объявить городу, что Е. И. В. непремѣнно желаетъ, чтобы городъ призналъ право собственности В. В. на пространство, занимаемое этимъ портомъ, и чтобы при помощи такого заявленія покорности онъ постарался выговорить у В. В. посредствомъ соглашенія наименѣе тяжкихъ условій для сохраненія пользованія доходами города. Таковъ, приблизительно, смыслъ этой деклараціи, копія которой будетъ мнѣ доставлена съ ближайшей почтой.

nerveuse, comme le comte Panin avait promis de la rendre, et qu'il m'avait autorisé de l'annoncer au sieur Reichard; mais il s'excuse, d'avoir été obligé de l'adoucir, pour ménager la délicatesse de sa Souveraine, et qu'il avait fallu encore saisir le temps et les circonstances pour conserver l'essentiel.

Il m'a chargé à cette occasion de prier très humblement V. M. qu'elle voulût bien avoir pour agréable, de compléter le contingent qu'elle avait eu la bonté de promettre de fournir à la caisse commune en Pologne: que jusqu'ici il n'y avait que sa cour qui avait payé son contingent de 150 m. roubles en entier, mais que cela commençait à s'épuiser, et qu'il y aurait encore par la durée de la diète des dépenses à faire pour les intérêts communs. Que la cour de Vienne était restée également en arrière, mais que son ministre à Varsovie assurait, qu'elle fournirait le restant, aussitôt qu'elle saurait que V. M. serait disposée de faire autant. Il prend la liberté encore de rappeler à V. M. que les trois cours étaient convenues, de restituer au roi de Pologne les revenus de ses biens royaux enclavés dans les acquisitions respectives, jusqu'au terme de la signature de la triple convention; sous quoi, il lui paraissait, qu'il fallait entendre aussi les inventaires des blés, effets et autres choses appartenant en propre à ce prince, qui s'étaient trouvés dans ses économies au moment de la prise de possession. Et comme

---

Она конечно не такъ уже рѣзка, какою обѣщалъ мнѣ ее сдѣлать гр. Панинъ, и о которой онъ уполномочилъ меня заявить Рейхарду; но графъ извиняется тѣмъ, что обязанъ былъ смягчить ее, чтобы не затронуть щепетильности своей Государыни, и нужно было еще уловить минуту и обстоятельства, чтобы сохранить существенное въ этомъ дѣлѣ.

При этомъ случаѣ онъ поручилъ мнѣ покорнѣйше просить В. В. соблаговолить пополнить сумму, которую В. В. были настолько добры, что обѣщали доставить въ общую кассу въ Польшѣ: до сихъ поръ лишь русскій дворъ уплатилъ вполнѣ свою часть въ 150 тыс. рублей, но сумма эта начинаетъ истощаться, а въ продолженіи сейма предстоитъ еще много расходовъ ради общихъ интересовъ. Вѣнскій дворъ также не доплатилъ суммы, но его министръ, находящійся въ Варшавѣ, увѣряетъ, что этотъ дворъ пришлетъ остальное, если только будетъ знать, что В. В. намѣревается сдѣлать то же. Онъ беретъ далѣе смѣлость напомнить В. В., что три двора условились выплачивать польскому королю доходы, получавшіеся имъ съ его королевскихъ владѣній, врѣзывающихся въ соотвѣтствующія пріобрѣтенія дворовъ, вплоть до срока подписанія тройственной конвенціи; въ числѣ этихъ владѣній, какъ кажется этому министру, слѣдуетъ разумѣть и склады хлѣба, хозяйственные инвентари и прочее имущество, принадлежащее собственно этому государю, которое было найдено въ королевскихъ помѣстьяхъ въ моментъ завладѣнія ими. А такъ какъ е. в. король польскій дѣйствительно находится въ стѣсненномъ положеніи, то такой способъ дѣйствій

S. M. polonaise se trouvait réellement dans un état nécessiteux, ce serait une charité autant qu'une justice, si V. M. daignait accorder ces restitutions, comme l'Impératrice l'avait fait également de son côté.

J'ai l'honneur d'envoyer encore aujourd'hui un baril de caviar à V. M.

№ 747.

Réponse verbale aux ouvertures, qui ont été faites par le prince Galitzin à Vienne au prince de Kaunitz-Rittberg le.. Novembre 1773, au sujet de la pacification entre la cour Impériale de Russie et la Porte, remise à Pétersbourg le.. Janvier 1774.

Adj. à la relation du comte de Solms du 17 (28) Janvier 1774.

La cour Impériale de Russie ne rendrait pas justice à celle de Vienne, si elle n'était pas persuadée, que non seulement elle désire le plus prompt rétablissement de la paix entre l'empire de Russie et la Porte, mais qu'elle a même fait à cette dernière toutes les instances possibles pour cet effet, quoiqu'à son grand regret sans succès, la Porte ayant persisté à soutenir que sa religion et sa propre existence ne lui permettaient pas de se prêter aux conditions sur lesquelles la Russie avait insisté jusqu'ici.

Les évènements de cette campagne n'ont pas été décisifs pour que l'on

---

будетъ столько-же дѣломъ милосердія, сколько и справедливости, если В. В. удостоитъ согласиться на подобное возмѣщеніе потерь, какъ согласилась также на это съ своей стороны и Императрица.

Я имѣю честь и сегодня послать боченокъ икры В. В.

Словесный отвѣтъ на предложенія, сдѣланныя кн. Голицынымъ кн. Кауницу-Ритбергу, въ Вѣнѣ... ноября 1773 г. относительно заключенія мира между Императорскимъ россійскимъ дворомъ и Портой, присланный въ Петербургъ.. января 1774 г.

Приложенъ къ депешѣ гр. Сольмса отъ 17-го (28-го) января 1774 г.

№ 747. Императорскій россійскій дворъ не воздалъ бы должной справедливости Вѣнскому, если-бы не проникся убѣжденіемъ, что не только Вѣнскій дворъ желаетъ наивозможно скорѣйшаго заключенія мира между Россійской имперіей и Портой, но что этотъ послѣдній употребилъ всѣ возможныя усилія для достиженія этой цѣли, хотя къ великому его сожалѣнію и безуспѣшно, такъ какъ Порта продолжаетъ утверждать, что ни религія, ни возможность собственнаго ея существованія не позволяетъ ей согласиться на условія, настойчиво предлагавшіяся до сихъ поръ Россіей.

Событія нынѣшней кампаніи не были на столько рѣшительны, чтобъ можно было

puisse espérer raisonnablement plus de succès de la proposition réitérée des mêmes conditions de paix qu'elle n'en a eu avant l'ouverture de la campagne, et moyennant cela, quoique très éloigné de vouloir donner des conseils à la cour Impériale de Russie, par une suite de l'intention la plus pure, on croit devoir néanmoins ne pas lui dissimuler que l'on souhaiterait que l'on trouvât bon de se désister de sa demande de Kersch et Yénicalé, ainsi que de la liberté illimitée de la navigation sur la mer Noire, ce désistement pouvant autoriser la cour de Vienne à faire de plus vives instances à la Porte.

L'honneur et la bonne foi ne peuvent pas lui permettre à la vérité de menaces offensantes et encore moins des voies de fait, attendu la promesse de neutralité qu'elle a faite à la Porte, avant qu'elle n'eût aucun engagement avec la Russie. Mais elle n'en est pas moins sincèrement intentionée, pour accélérer la conclusion désirable de la paix à faire des instances réitérées et très sérieuses à la Porte, sans pouvoir se dispenser cependant de demander deux choses également justes et raisonnables pour cet effet, à savoir:

1) que le ministre de S. M. prussienne résidant à Constantinople aura ordre de s'expliquer vis-à-vis du ministère Ottoman exactement de la façon dont sera chargé de le faire l'internonce de la cour de Vienne, et

---

имѣть основаніе надѣяться теперь на большій успѣхъ при возобновленіи мирныхъ предложеній на прежнихъ условіяхъ, чѣмъ это было передъ началомъ кампаніи; при такомъ положеніи дѣла, хотя здѣсь и весьма далеки отъ того, чтобы давать совѣты императорскому русскому двору, тѣмъ не менѣе, побуждаемый самыми чистыми намѣреніями, здѣшній дворъ считаетъ своимъ долгомъ сознаться, что онъ сильно желалъ-бы, чтобъ русскій дворъ почелъ за благо отступить отъ своихъ требованій Керчь и Еникале, также какъ и отъ неограниченнаго свободнаго плаванія по Черному морю, такъ какъ такія уступки могутъ дать вѣнскому двору возможность обратиться къ Портѣ съ болѣе настойчивыми заявленіями.

Руководясь честью и совѣстью, вѣнскій дворъ, правда, не можетъ отнестись къ Портѣ съ оскорбительными угрозами, а еще менѣе съ непріязненными дѣйствіями, такъ какъ этотъ дворъ обѣщалъ Портѣ быть нейтральнымъ, еще прежде чѣмъ онъ принялъ на себя какія бы то ни было обязательства по отношенію къ Россіи. Тѣмъ не менѣе вѣнскій дворъ имѣетъ искреннее намѣреніе для ускоренія желаемаго заключенія мира обратиться къ Портѣ съ неоднократными и весьма серьезными заявленіями; для осуществленія этой цѣли однако вѣнскій дворъ не можетъ отказать себѣ въ предъявленіи двухъ требованій, равно справедливыхъ и разумныхъ, а именно:

1) чтобы министръ е. в. прусскаго короля, находящійся въ Константинополѣ, получилъ инструкцію объясняться съ оттоманскимъ министерствомъ точно такимъ-же образомъ, какъ будетъ уполномоченъ дѣлать это интернунцій вѣнскаго двора, и

2) qu'au sujet de la pacification la cour de Vienne ne sera dorénavant pas moins dans le secret de la Russie que ne l'est celle de Berlin.

La première de ces deux demandes est fondée sur ce que le sieur de Zegelin continue à vouloir persuader à la Porte que la cour de Vienne réunirait enfin ses armes à celles de la Russie pour forcer le Grand-Seigneur à la paix, et que pour détruire ce langage, diamétralement opposé à la façon dont elle est dans le cas de devoir s'expliquer à cet égard vis-à-vis de la Porte, lorsque l'occasion s'en présente, il semble qu'il conviendrait au lieu de ce langage que m-r de Zegelin en tînt dorénavant un qui combinât avec celui de la cour de Vienne.

Et la seconde est fondée sur ce que de Constantinople même on sait de science certaine que le sieur de Zegelin y a proposé depuis peu de nouvelles conditions de paix à la Porte, que celle-ci sent bien ne pas pouvoir lui avoir été faites sans l'aveu de la Russie, tandis que celle de Vienne n'a point pu les appuyer conjointement avec lui, faute d'en avoir été requise, que la différence qui doit se trouver moyennant cela entre le langage de l'internonce Impérial et celui du ministre de S. M. le roi de Prusse ne peut que nuire au succès même des insinuations, et que par conséquent, supposé que la cour de Vienne doive continuer à s'employer pour le rétablissement de la paix, il paraît qu'il conviendra qu'à l'avenir elle ne soit ni plus, ni moins instruite au sujet des termes où en est la négociation, que ne l'est celle de

---

2) чтобы по дѣлу о заключеніи мира вѣнскій дворъ былъ отнынѣ не менѣе посвященъ въ тайныя намѣренія Россіи, чѣмъ посвященъ берлинскій дворъ.

Первое изъ этихъ двухъ требованій основывается на томъ, что маіоръ Зегелинъ по прежнему хочетъ увѣрить Порту, будто-бы вѣнскій дворъ соединитъ свои военныя силы съ русскими, чтобы вынудить миръ у султана, и для прекращенія подобныхъ рѣчей, діаметрально противоположныхъ тому, какъ долженъ объясняться въ этомъ случаѣ вѣнскій дворъ, если представится къ тому случай, повидимому, слѣдовало-бы, чтобъ Зегелинъ вмѣсто переговоровъ въ такомъ смыслѣ велъ ихъ отнынѣ иначе, болѣе согласуясь съ желаніями вѣнскаго двора.

А второе требованіе основывается на томъ, что, какъ достовѣрно извѣстно по свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ самого Константинополя, маіоръ Зегелинъ недавно предложилъ тамъ Портѣ новыя условія мира, и вѣнскій дворъ хорошо понимаетъ, что они не могли быть ей предложены безъ вѣдома Россіи; между тѣмъ вѣнскій дворъ не могъ поддержать этихъ предложеній, такъ какъ его къ тому не призывали, и разногласіе, которое должно произойти по такому поводу между рѣчами имперскаго интернунція и рѣчами министра е. в. прусскаго короля, можетъ лишь повредить успѣху дѣлаемыхъ внушеній; поэтому, полагая, что вѣнскій дворъ долженъ по прежнему стараться о возстановленіи мира, ясно, что ему надо будетъ доставлять не болѣе и не менѣе свѣдѣній, чѣмъ берлинскому двору, о тѣхъ конечныхъ предѣлахъ, до кото-

Berlin, avec laquelle d'ailleurs elle sent bien qu'en toute autre chose elle n'est pas en droit de pouvoir prétendre à un égal degré de confiance de la part de S. M. l'Impératrice de Russie.

A Vienne, le 16 Décembre 1773.

№ 748.

Note que le prince de Galitzin a reçue de sa cour, pour la communiquer au ministère de la cour Impériale et Royale, relativement aux ouvertures pour la pacification. Envoyée au prince Galitzin le . . Janvier 1774.

Adj. à la relation du 17 (28) Janvier 1774.

On a entendu avec autant de regret que d'étonnement, qu'il s'est répandu à Constantinople un bruit, qu'on juge même digne de croyance, que m-r de Zegelin y a proposé depuis peu de nouvelles conditions de paix, qu'on suppose faites de l'aveu de la cour de Russie. Celle-ci proteste de la fausseté absolue d'un tel avis, et elle met en avant comme une vérité hors de toute atteinte, qu'elle n'a communiqué à la cour de Berlin, ni fait passer à son ministre à Constantinople aucunes autres conditions de paix, que celles qui ont été communiquées à m-r de Thugut. Le bruit qu'on réfute ne saurait donc qu'être l'ouvrage d'esprits intrigants et mal intentionnés,

---

рыхъ дошли переговоры. Вѣнскій дворъ, впрочемъ, прекрасно сознаетъ, что во всякомъ другомъ дѣлѣ онъ не въ правѣ предъявлять притязаній на равную съ берлинскимъ дворомъ степень довѣрія со стороны Е. В. русской Императрицы.

Вѣна, 16 декабря 1773.

Нота полученная кн. Голицынымъ отъ русскаго двора для сообщенія министерству императорскаго и королевскаго двора и касающаяся предложеній относительно заключенія мира. Прислана кн. Голицыну... января 1774 г.

Приложена къ депешѣ отъ 17-го (28-го) января 1774 г.

№ 748. Съ сожалѣніемъ и съ изумленіемъ въ неменьшей степени узнали здѣсь, что въ Константинополѣ распространился слухъ, считающійся даже достойнымъ вѣроятія, будто-бы маіоръ Зегелинъ предложилъ тамъ недавно новыя условія мира, которыя, какъ полагаютъ, составлены съ вѣдома русскаго двора. Но русскій дворъ объявляетъ это извѣстіе совершенно ложнымъ и ставитъ на видъ, какъ истину, не подлежащую сомнѣнію, что онъ не сообщалъ берлинскому двору и не передавалъ своему министру въ Константинополѣ никакихъ новыхъ мирныхъ условій, кромѣ тѣхъ, которыя были сообщены г. Тугуту. Опровергаемый-же слухъ этотъ можетъ быть лишь дѣломъ интригановъ и лицъ злонамѣренныхъ, безпрестанно занятыхъ сѣяньемъ

occupés sans cesse à semer la défiance et la désunion, ou qu'un mensonge forgé par la Porte elle-même, tel qu'on sait qu'elle ne se fait aucun scrupule, ou plutôt qu'elle est en habitude de faire circuler perpétuellement d'une puissance chrétienne à l'autre. Tout ce que l'on peut dire du côté de la Russie, c'est qu'il lui est parvenu plus fréquemment des informations des dispositions de la Porte, ou d'entretiens relatifs à la paix de la part de m-r de Zegelin que de Thugut, et sur cette faible lueur se sont appuyés les auteurs du bruit de nouvelles propositions de paix, soit la Porte, soit les autres qu'on a indiqués. Mais, quoiqu'il en puisse être, après l'assurance qui vient d'être donnée, S. M. I. ne se fera point l'offense de penser, qu'il puisse rester le moindre soupçon dans l'esprit de LL. MM. II. et RR. de l'existence d'un fait où se serait démentie sa confiance en elles et en leurs bons offices, et tout ce qui va suivre portera le caractère de cette certitude.

C'est avec reconnaissance que l'Impératrice voit LL. MM. II. et RR. persister dans les mêmes dispositions et la même bonne volonté à concourir au rétablissement de la paix, et de son côté elle n'est pas moins constante dans l'état qu'elle en doit faire pour parvenir à un but pour lequel ses désirs et son penchant ne sont pas équivoques. Si sa délicatesse, sur tout ce qui touche à la dignité et à l'honneur de la cour Impériale et Royale, ne lui permet pas de demander d'elle aucune démarche, qui pût compro-

---

розни и недовѣрія, или это ложь, придуманная самой Портой, такъ какъ извѣстно, что она ничѣмъ не стѣсняется, или вѣрнѣе имѣетъ постоянную привычку распространять ложные слухи между христіанскими державами. Всё, что можно сказать относительно Россіи, это то, что извѣстія о намѣреніяхъ Порты или о переговорахъ по поводу мира, чаще приходили къ ней со стороны Зегелина, чѣмъ отъ Тугута, и этимъ-то шаткимъ основаніемъ и воспользовались сочинители слуховъ о новыхъ мирныхъ предложеніяхъ, считать-ли виновной въ этомъ Порту, или другихъ намѣченныхъ нами лицъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ Е. И. В. отнюдь не допуститъ въ себѣ даже оскорбительной мысли о томъ, что въ умѣ ихъ имп. и кор. в. можетъ остаться хоть тѣнь подозрѣнія относительно существованія факта, противорѣчащаго довѣрію, питаемому къ намъ Императрицей, и къ добрымъ услугамъ, имъ оказываемымъ, также какъ и все послѣдующее здѣсь изложеніе будетъ носить на себѣ печать такого довѣрія.

Съ признательностью видитъ Императрица, что ихъ и. к. в. пребываютъ всё въ томъ-же расположеніи и столь-же охотно содѣйствуетъ возстановленію мира, и съ своей стороны Императрица столь-же неизмѣнна въ своихъ намѣреніяхъ воспользоваться этимъ миромъ для достиженія цѣли, относительно которой ея стремленія и склонности не могутъ быть подвержены сомнѣнію. Если крайняя внимательность по всему, касающемуся достоинства и чести императорскаго и королевскаго двора, и не позволитъ Императрицѣ требовать отъ этого двора никакого дѣйствія, которое могло

mettre la neutralité à laquelle elle s'est engagée dans cette guerre — d'un autre côté elle est trop vraie et trop confiante dans l'amitié de LL. MM. II. et RR. de s'interdire aucun des bons offices de LL. MM. qui peuvent se concilier avec l'état de neutralité. Il est connu de la Porte, qu'elle ne doit qu'à la considération de la cour Impériale et Royale la modification d'une des conditions sine qua non de paix de la Russie: le démembrement des deux pays de Walachie et de Moldavie, mais il doit aussi lui être connu, que ce ne fut point pour son avantage personnel, mais pour l'intérêt seul de l'accélération de la paix, que LL. MM. s'employèrent à obtenir cette condescendance préparatoire de la cour de Russie. Le congrès s'est assemblé, tous les articles de la paix ont été discutés, et la Russie, fidèle à la promesse faite à la cour Impériale et Royale de la restitution de la Moldavie et de la Walachie, n'a pas négocié autrement que sur la base de ce sacrifice, et conséquemment dans l'état de dispositions pacifiques bien évidentes. La Porte au contraire (et sera-t-il permis de le dire, déjà sûre, que la plus importante de ses conditions de paix ne saura lui échapper) a négocié dans tout un autre esprit; et quoiqu'après avoir essayé tout ce qu'elle a pu mettre d'opiniâtreté, de faux fuyants et de lenteurs, on fut venu à bout d'arranger tous les articles de la paix, ses sentiments ne manquèrent pas de se démasquer au moment critique de conclure. Alors elle parla son vrai langage, celui d'une puissance qui se croit à l'abri de tout risque. Elle désavoua tous

---

бы компрометировать нейтралитетъ, принятый имъ на себя въ эту войну, то съ другой стороны Императрица слишкомъ искренно вѣритъ въ дружбу и. и. к. в., чтобы думать, что ихъ в. откажутся отъ какой либо доброй услуги, совмѣстимой съ нейтралитетомъ. Какъ извѣстно Портѣ, лишь Императорскому и Королевскому двору обязана она измѣненіемъ со стороны Россіи одного изъ условій мира sine qua non, а именно отказомъ отъ двухъ областей, Валахіи и Молдавіи, но Портѣ также должно быть извѣстно, что не ради собственныхъ личныхъ выгодъ, а единственно въ виду скорѣйшаго заключенія мира, ихъ в. старались добиться этой предварительной уступки со стороны Россіи. Конгрессъ собрался, всѣ статьи мира были обсуждаемы, и Россія, вѣрная обѣщанію, данному императорскому и королевскому двору относительно возвращенія Молдавіи и Валахіи, и не вела переговоровъ иначе, какъ основываясь на этомъ пожертвованіи, стало быть вполнѣ очевидными мирными намѣреніями. Порта-же напротивъ (и, да разрѣшатъ намъ это высказать, будучи увѣренной что самое важное изъ мирныхъ условій отъ нея не уйдетъ) вела переговоры совершенно въ другомъ духѣ: послѣ того какъ она истощила все свое упорство, на какое только была способна, пустила въ ходъ всѣ свои мнимые планы и проволочки, и наконецъ удалось договориться обо всѣхъ мирныхъ статьяхъ, ея намѣренія не преминули обнаружиться въ рѣшительный моментъ заключенія мира. Тогда Порта заговорила своимъ настоящимъ языкомъ, языкомъ державы, считающей себя огражденной отъ всякаго риска. Она

les articles convenus pendant le cours de la négociation, et elle offrit pour toute et unique condition un dédommagement en argent, quoique toute proposition en eût été rejetée, et qu'avant même l'assemblée du congrès elle fût bien instruite que ce n'était point à prix d'argent que la Russie voulait traiter de ses conquêtes. S. M. I. est trop sincère pour cacher à LL. MM. II. et RR., qu'il lui paraît et compatible avec la neutralité, et même dans la justice d'une vraie neutralité qu'il leur plût de déclarer à la Porte, que l'intérêt seul du prompt rétablissement de la paix les avait portés à s'employer auprès de la Russie, pour la faire désister du démembrement de la Walachie et de la Moldavie, que cette facilité obtenue d'elle n'avait pas produit l'effet pour lequel elle avait été demandée, que la Porte par le désaveu des conditions convenues pendant la négociation et la substitution brusque d'une condition toute nouvelle, inadmissible par sa nature, et qui lui était connue telle même alors qu'elle la proposait, a rendue vaine cette avance si importante de la paix ménagée par LL. MM., que puisque ce n'est plus d'elle qu'on peut espérer le retour de la paix, mais qu'il est laissé au sort des armes d'en décider, LL. MM. II. et RR. n'entendent point soustraire au même jugement, qui prononcera sur toutes les conditions, celle qui doit concerner la Walachie et la Moldavie, et que la Porte s'abuserait en comptant encore sur l'effet de leur interposition pour le retour de

---

отказалась отъ признанія всѣхъ статей, относительно которыхъ пришли къ соглашенію во время веденія переговоровъ, и вмѣсто всякихъ условій предложила денежное вознагражденіе, хотя всякія подобныя предложенія были отвергнуты раньше, и прежде еще созванія конгресса Портѣ было ясно сказано, что вовсе не съ денежной стороны Россія хочетъ договариваться относительно своихъ завоеваній. Е. И. В. слишкомъ искренна, чтобы быть въ состояніи скрыть отъ и. и. к. в., что Ей представляется согласнымъ съ нейтралитетомъ и даже вытекающимъ изъ справедливыхъ требованій истиннаго нейтралитета, если ихъ вел. угодно будетъ объявить Портѣ, что лишь цѣли скорѣйшаго возстановленія мира побудили ихъ приложить свои старанія къ тому, чтобы уговорить Россію отказаться отъ отдѣленія Валахіи и Молдавіи, и послѣ того какъ эта уступка со стороны Россіи была достигнута, она не осуществила той цѣли, для которой она требовалась; Порта, отступила отъ условій, признанныхъ во время веденія переговоровъ, и замѣнила ихъ внезапно совершенно новымъ условіемъ, которое недопустимо по самой своей сущности и было ей извѣстно какъ таковое въ то самое время, когда она его предлагала; такимъ образомъ она сдѣлала напрасной весьма существенную уступку ради заключенія мира, устраивавшагося и. в.; и такъ какъ теперь уже не отъ Порты слѣдуетъ ждать возстановленія мира, а предоставить рѣшеніе этого вопроса судьбѣ войны, то и. и. к. в. отнюдь не должны исключать изъ этого постановленія, простирающагося на всѣ условія, статьи, касающейся Валахіи и Молдавіи; Порта заблуждалась-бы, разсчитывая по прежнему на дѣйствіе вашего посред-

ces deux pays. S. M. I. croit ne demander à LL. MM. II. et RR. que ce qu'elles trouveront elles-mêmes fondé en équité et appuyé par leurs propres sentiments.

Pour ce qui est de l'insinuation, qu'il plût à l'Impératrice de se désister de Kertsch et de Yénicalé et de la liberté illimitée de la navigation sur la mer Noire, S. M. I. ne trouvera jamais dans aucun conseil qu'il plaira à LL. MM. de lui donner, que de nouvelles preuves d'une amitié sincère, et du désir de la voir bientôt jouir du retour de la paix, S. M. I. n'a point d'autre réponse que de se rapporter aux propres lumières de LL. MM. II. et RR., combien est infructueuse toute avance de conditions modérées vis-à-vis de la Porte: sa méthode est trop connue de toutes les cours chrétiennes, et on l'a trop éprouvé même dans la dernière négociation, surtout après qu'il est connu, combien de ressorts et d'intrigues on fait jouer à Constantinople et ailleurs, non seulement pour embarrasser la paix, mais encore pour renverser la nouvelle combinaison d'intérêts entre la cour de Russie, la cour Impériale et Royale et S. M. Prussienne, afin de nous forcer à y chercher une route contraire à l'union et l'intelligence actuelle des trois cours; mais comme l'amour de la paix est le guide de S. M. I., selon son avis une tentative promettrait plus de succès, et en quoi LL. MM. II. et RR. lui rendraient un bon office essentiel, c'est qu'elles voulussent bien

---

ничества въ пользу возвращенія этихъ двухъ земель. Е. В. полагаетъ, что требуетъ отъ и. и. к. в. лишь того, что они сами находятъ основаннымъ на справедливости и что поддерживается собственными ихъ чувствами.

Что касается внушеній относительно того, чтобы Императрица соизволила отказаться отъ Керчи и Еникале также какъ и отъ неограниченной свободы плаванія по Черному морю, Е. И. В. во всякомъ совѣтѣ, который ихъ и. к. в. угодно будетъ дать ей, всегда будетъ находить лишь новыя доказательства искренней дружбы и желанія увидѣть Ее наслаждающейся возстановленнымъ миромъ, Е. И. В. не можетъ дать иного отвѣта, какъ сослаться на то, что извѣстно ихъ и. к. в. насколько безплоднымъ является обращеніе къ Портѣ съ болѣе умѣренными условіями: ея способъ дѣйствій слишкомъ извѣстенъ среди всѣхъ христіанскихъ державъ, слишкомъ хорошо былъ онъ испытанъ и при послѣднихъ переговорахъ; въ особенности если знать, сколько пружинъ дѣйствуетъ и сколько интригъ разыгрывается въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ, не только съ цѣлью затормозить заключеніе мира, но также, чтобы разрушить новое сочетаніе интересовъ между русскимъ дворомъ, императорскимъ королевскимъ и прусскимъ, вынуждая насъ слѣдоватъ по пути, противоположному настоящему пути единенія и согласія трехъ дворовъ; но такъ какъ Е. И. В. руководитъ любовь къ миру, то по Ея мнѣнію еще одна попытка могла бы обѣщать успѣхъ, и въ этомъ случаѣ ихъ и. к. в. могли бы оказать Императрицѣ существенную услугу, а именно, если-бы ихъ в. пожелали поручить своему министру, находящемуся въ

instruire leur ministre à Constantinople de s'employer à la Porte, pour la conduire à faire de nouvelles propositions, propres à modifier celles des conditions de la Russie, pour lesquelles le congrès fut rompu, vu que depuis sa rupture il n'est arrivé aucun changement essentiel dans la position des armes respectives, ou au moins défavorable à la Porte, et alors ce ministre pourrait voir, si les nouvelles conditions de la Porte seraient plus admissibles, et de nature à être portées à la connaissance de la Russie. L'Impératrice assure qu'elle aurait une obligation infinie à LL. MM. II. et RR., si elles amenaient la Porte à cette démarche — persuadée qu'elles ne refuseront pas d'entrer dans cette idée, et afin de s'aider également de l'entremise du roi de Prusse, elle va prier ce prince, de prescrire à son ministre à Constantinople la même direction, et d'agir de concert avec le ministre de LL. MM. II. et RR., et on se persuade, que celui-ci, prévenu par sa cour que des ordres analogues aux siens seront donnés au sieur de Zegelin, se portera à agir d'intelligence avec lui.

№ 749.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 30 Janvier. Berlin, le 18 de Janvier 1774.

(En chiffre). C'est avec bien du plaisir, que je viens d'apprendre par

---

Константинополѣ, постараться склонить Порту обратиться съ новыми предложеніями, которыя могли бы измѣнить тѣ изъ русскихъ условій, изъ-за которыхъ конгрессъ разошелся; на томъ основаніи, что со времени прекращенія конгресса не произошло никакой существенной перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ воюющихъ сторонъ, или, если и произошла, то не въ пользу Порты, тогда этотъ министръ могъ бы видѣть, будутъ ли новыя условія Порты болѣе допустимы и будутъ ли они такого свойства, чтобъ можно было ихъ предложить Россіи. Императрица увѣряетъ, что она чувствовала бы себя безконечно обязанной ихъ и. к. в., если-бы они побудили Порту къ такому поступку, такъ какъ Императрица убѣждена, что ихъ в. не откажутъ воспользоваться этой мыслью; а чтобы не лишить себя также содѣйствія и прусскаго короля, Императрица обратится къ этому государю съ просьбой предписать своему министру въ Константинополѣ одинаковый способъ дѣйствій, чтобы онъ поступалъ согласно съ министромъ ихъ и. к. в., и, какъ убѣждены здѣсь, этотъ министръ, предупрежденный своимъ дворомъ о томъ, что повелѣнія, подобныя тѣмъ, которыя ему даны, будутъ посланы также и маіору Зегелину, станетъ дѣйствовать съ нимъ за одно.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 30-го января 1774 г. Берлинъ, 18-го января 1774 г.

№ 749. (Шифровано). Съ большимъ удовольствіемъ я узналъ изъ вашей де-

votre dépêche du 4 de ce mois, que les funestes nouvelles des succès des cosaques rebelles sont heureusement démenties, par l'arrivée d'un courrier du gouverneur même d'Orenbourg; et il est bien à désirer, que la cour où vous êtes parvienne bientôt à étouffer cette sédition et à rétablir la tranquillité dans ces cantons. D'ailleurs, j'attends avec la plus grande impatience mes lettres de Constantinople, pour savoir les dispositions actuelles de la Porte pour la paix. Le prince de Kaunitz m'a fait insinuer, qu'au cas que la Russie fût effectivement intentionnée de la faire, il ferait parler à Constantinople sur un ton plus haut, pour y ramener également la Porte, anecdote dont vous aurez soin de parler historiquement au comte de Panin. Nous ne tarderons en attendant pas de voir ce qu'il y a à se promettre des dernières ouvertures pacifiques, que j'ai fait faire à Constantinople, et l'accueil que la Porte y aura fait nous servira de baromètre sur le plus ou moins d'inclination qu'elle a pour le rétablissement de la tranquillité.

Quant à l'affaire de Dantzig, quelque plaisir que son prompt arrangement me ferait, j'attendrai cependant tranquillement le moment que le comte de Panin y trouvera le plus convenable, pourvu qu'elle soit à la fin terminée de la manière que je suis convenu avec ce ministre, (en clair) et pour ce qui est de vos extraordinaires de l'année passée, je viens d'ordonner à ma caisse de légation d'en prendre note, pour vous faire rembourser en son temps les 1168 roubles 20 cop. qui vous en reviennent.

пеши отъ 4-го сего мѣсяца, что зловѣщіе слухи объ успѣхахъ, одерживаемыхъ взбунтовавшимися казаками, по счастію опровергнуты, черезъ курьера, прибывшаго отъ самого оренбургскаго губернатора; и весьма желательно, чтобы дворъ, при которомъ вы находитесь, успѣлъ скорѣе усмирить бунтъ и возстановить спокойствіе въ этихъ областяхъ. Кромѣ того я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю писемъ изъ Константинополя, чтобы знать, насколько Порта расположена теперь къ миру. Кн. Кауницъ поручилъ передать мнѣ, что, если Россія дѣйствительно намѣрена заключить миръ, то онъ повыситъ тонъ въ Константинополѣ, чтобы склонить и Порту къ тому-же; объ этомъ сообщеніи позаботьтесь разсказать гр. Панину. Между тѣмъ мы не замедлимъ увѣдомить, чего можно ожидать въ отвѣтъ на послѣднія мирныя предложенія, которыя я поручилъ сдѣлать въ Константинополѣ, и пріемъ, который имъ окажетъ Порта, послужитъ для насъ барометромъ относительно бóльшаго или меньшаго ея расположенія къ возстановленію спокойствія.

Что-же касается данцигскаго дѣла, то какъ бы ни было для меня пріятно быстрое его разрѣшеніе, я буду однако спокойно ожидать момента, который гр. Панинъ сочтетъ наиболѣе подходящимъ, лишь бы это дѣло было наконецъ устроено такъ, какъ я условился съ этимъ министромъ; (Нешифрованная) а что касается до вашихъ экстренныхъ прошлогоднихъ расходовъ, то я только что приказалъ своей посольской кассѣ принять счетъ этихъ расходовъ и чтобы вамъ своевременно были выданы причитающіеся вамъ 1168 руб. 20 коп.

№ 750.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 15 Février. A St. Pétersbourg, le 21 Janvier (1 Février) 1774.

Sire! J'ai bien reçu l'ordre immédiat que V. M. m'a fait la grâce d'adresser en date du 18 Janvier, et je me trouve en état de lui présenter ci-joint la copie de l'instruction que S. M. l'Impératrice a confirmée pour le comte de Golowkin à Dantzig, par laquelle il est autorisé de déclarer à cette ville les intentions de sa cour, relativement à son différend avec V. M. au sujet de son port. (En chiffre). Le comte Panin s'excuse non seulement, de n'avoir pas pu la rendre plus forte et plus pressante, mais il prétend même de faire regarder comme une marque de son crédit, d'avoir porté l'Impératrice à l'appouver telle qu'elle est; et il ne m'a pas caché que pour obtenir ceci, il a été obligé de donner encore des instructions particulières au comte Golowkin, par lesquelles il lui est enjoint, à la vérité, d'exiger absolument du magistrat la reconnaissance du droit territorial de V. M., mais, qui l'autorisent en même temps, de lui faire entrevoir que s'il se soumet à cela, et qu'il vacille entrer de bonne foi en négociation sur l'article de la redevance, qu'alors l'Impératrice emploierait tout son crédit, pour engager V. M. à

Отъ графа Сольмса королю.

Предст. 15-го февраля 1774 г. С.-Петербургъ, 21-го января (1-го февраля) 1774 г.

№ 750. В. В. Я своевременно получилъ непосредственное и повелѣніе, которое В. В. угодно было отправить ко мнѣ отъ 18 числа января мѣсяца, и я могу теперь представить В. В. приложенную здѣсь копію съ инструкціи, утвержденной Императрицей, для гр. Головкина, находящагося въ Данцигѣ; инструкціей этой онъ уполномочивается объявить городу Данцигу, какъ намѣревается поступить русскій дворъ относительно разногласія, возникшаго между этимъ городомъ и В. В. по поводу владѣнія портомъ. (Шифровано). Гр. Панинъ не только извиняется въ томъ, что не могъ выработать инструкціи въ выраженіяхъ болѣе сильныхъ и настойчивыхъ, но и увѣряетъ еще, что слѣдуетъ смотрѣть какъ на знакъ оказываемаго ему довѣрія на то, что Императрица согласилась одобрить инструкцію и въ такомъ-то видѣ; онъ не скрылъ отъ меня, что для полученія согласія онъ долженъ былъ дать еще особыя наставленія гр. Головкину, благодаря которымъ ему дѣйствительно предоставляется требовать отъ магистрата безусловнаго признанія правъ В. В. на поземельныя владѣнія, но въ то-же время гр. Головкинъ уполномочивается намекнуть магистрату на то, что, если онъ приметъ это условіе, и будетъ колебаться вступить съ полнымъ довѣріемъ въ переговоры объ уплатѣ королю поземельнаго взноса, то Императрица употребитъ весь свой кредитъ на то, чтобы склонить В. В. отказаться отъ другихъ

se relâcher sur d'autres conditions onéreuses pour la ville et préjudiciables à son commerce. Surtout à abolir les douanes et les impôts qu'elle avait établis dans ses nouvelles possessions pour toutes les marchandises et denrées, qui entrent à Dantzig et qui en sortent; et à ne pas étendre les limites du royaume à la rigueur jusque dans les faubourgs et au travers des fortifications de la ville. Quand le comte Panin m'a fait voir cela, je lui ai dit, que ce n'était rendre service qu'à demi, que cela donnerait de nouveau occasion au magistrat de chicaner, et de tâcher de faire traîner l'affaire en longueur, et pour ce qui était des sacrifices que l'Impératrice exigeait de V. M., je ne pouvais pas lui en faire espérer le consentement, puisque je ne croyais pas qu'elle voudrait, ni qu'elle devait céder des choses qu'elle exerçait, qu'elle possédait de droit, et sur lesquelles ses titres étaient prouvés. Il n'a pas su me le contester, mais il m'a dit, qu'il avait été obligé d'ajouter cet adoucissement, pour diminuer les idées dont l'esprit de sa Souveraine était préoccupé, que de la manière dont V. M. se prenait à l'égard de Dantzig, cette ville perdait entièrement son commerce et son indépendance qui lui était garantie par la Russie, qu'elle devenait tout à fait dépendante de la Prusse, et que V. M. se rendrait maître absolument de tout le commerce de la Pologne, ce qui devait non seulement exciter la jalousie de toutes les autres puissances contre notre système, qui feraient tous les

---

условій, обременительныхъ для города и наносящихъ ущербъ его торговлѣ. Въ особенности, чтобы В. В. уничтожили таможни и налоги, учрежденные въ новыхъ владѣніяхъ для всѣхъ товаровъ и произведеній промышленности, ввозимыхъ или вывозимыхъ изъ Данцига; также, чтобы вы отнюдь не расширяли границъ королевства вплоть до предмѣстьевъ и не проводили ихъ черезъ городскія укрѣпленія. Когда гр. Панинъ открылъ мнѣ эти подробности, я сказалъ ему, что такъ значило лишь на половину оказывать услугу, что подобныя обѣщанія снова дадутъ магистрату поводъ къ препирательствамъ и къ стараніямъ затянуть дѣло; что-же касается до жертвъ, требуемыхъ Императрицей отъ В. В., я не могъ подать Ей надежды на ваше согласіе, потому что я не думаю, чтобы В. В. пожелали или должны были уступать то, чѣмъ вы пользуетесь и владѣете по праву, и права на это пользованіе уже доказаны. Гр. Панинъ не могъ мнѣ возражать на это, а сказалъ лишь, что онъ долженъ былъ присовокупить такое смягченіе, чтобы подѣйствовать ослабляющимъ образомъ на ходъ мыслей, занимающихъ преимущественно его Государыню; а именно, что при способѣ дѣйствій В. В. относительно Данцига, этотъ городъ совершенно лишается своей торговли и независимости, гарантированной ему Россіей; онъ становится вполнѣ зависимымъ отъ Пруссіи, а В. В. всецѣло овладѣете польской торговлей, что не только возбудитъ зависть всѣхъ прочихъ державъ относительно нашей системы и заставитъ ихъ прибѣгнуть ко всѣмъ возможнымъ усиліямъ, чтобы эту систему раз-

efforts possibles pour le rompre, mais ce qui pouvait devenir aussi un jour très contraire aux intérêts de la Russie même, supposé que nos deux cours ne fussent pas si étroitement unies qu'elles l'étaient présentement. De sorte qu'il vous priait, Sire, très humblement, et qu'en ministre reconnu pour ne s'occuper que du soin d'entretenir une harmonie constante entre les deux cours, il osait même prendre la liberté de vous conseiller: de vous relâcher sur l'article des douanes et sur celui de l'occupation des faubourgs, qui donnaient tant d'inquiétudes à l'Impératrice, ce qu'il n'était pas le maître de l'en faire revenir.

J'ai fait part au comte Panin discussivement des insinuations que le prince Kaunitz a fait faire à V. M. sur son intention de faire parler d'un ton plus haut à la Porte pour l'engager à la paix, au cas qu'il sût que la cour de Russie fût intentionnée effectivement de la faire. Il m'a répondu sur cela, qu'il semblait que ce chancelier autrichien parlait un ton à Berlin, et un autre à Pétersbourg, et que par la note qu'il avait fait insinuer ici sur la pacification, V. M. aurait daigné juger elle-même, jusqu'où s'étendaient ses bonnes intentions à cet égard.

La cour, autant que je sache, n'a pas eu nouvellement de rapport du général Bibikow, mais j'ai eu connaissance d'une lettre, qu'il a écrite ici à sa femme, dans laquelle il dit que, lorsqu'il aurait toutes les troupes qu'il attendait à sa disposition, il espérait de réduire bientôt les rebelles, mais

---

рушить, но можетъ нѣкогда стать также весьма пагубнымъ и для самихъ русскихъ интересовъ, если предположить, что два нашихъ двора не будутъ находиться въ такомъ тѣсномъ союзѣ, какъ теперь. Такъ что гр. Панинъ, В. В., нижайше васъ просить, и даже, будучи извѣстенъ какъ министръ, занимаемый исключительно заботой сохранять постоянно согласіе между двумя дворами, онъ рѣшается взять на себя смѣлость совѣтовать вамъ слѣдующее: отказаться отъ статей, касающихся таможенъ и занятія предмѣстій и возбуждающихъ на столько сильную тревогу въ Императрицѣ, что графъ не въ состояніи Ее успокоить.

Въ разговорѣ я сообщилъ гр. Панину о внушеніяхъ, передававшихся кн. Кауницемъ В. В. относительно его намѣренія повысить тонъ въ переговорахъ съ Портой, чтобы побудить ее къ миру, если-бы только ему было извѣстно, что русскій дворъ дѣйствительно намѣревается заключить миръ. На это гр. Панинъ отвѣчалъ мнѣ, что, повидимому, этотъ австрійскій канцлеръ въ Берлинѣ говоритъ одно, а въ Петербургѣ другое; изъ присланной имъ сюда ноты о заключеніи мира В. В. сами соблаговолите разсудить, какъ далеко простираются его добрыя намѣренія въ этомъ вопросѣ.

Русскій дворъ, на сколько мнѣ извѣстно, не получалъ новыхъ донесеній отъ генерала Бибикова, но я познакомился съ содержаніемъ одного письма, написаннаго имъ сюда его женѣ; онъ пишетъ, что какъ только въ его распоряженіи будутъ находиться всѣ ожидаемыя имъ войска, онъ надѣется быстро привести мятежниковъ

qu'il avouait, qu'à son arrivée à Cazan, il n'avait pas été à son aise; qu'il avait trouvé la ville presque abandonnée de ses habitants, dont une partie s'était sauvée de peur, une autre était allée joindre les rebelles, et parmi ceux qui restaient il avait trouvé beaucoup de mauvaise volonté. Que le jour de sa venue le feu avait pris aux quatre coins de la ville, que personne s'était présenté pour l'éteindre, et qu'au lieu de cela le peuple avait commencé à piller, et à commettre toutes sortes de désordre; mais, après qu'il avait fait saisir quelques-uns qui avaient été pris sur le fait, qu'il avait fait pendre sur le champ, l'ordre et la tranquillité s'étaient rétablis dans la ville.

On assure qu'on a découvert ici un émissaire de ces révoltés, qui avait été envoyé par le chef, pour prendre langue, mais qu'il avait été arrêté et conduit à la forteresse. Ce sont de ces anecdotes qui, quoiqu'elles viennent de personnes qui ont des connexions, ne peuvent pourtant jamais être approfondies.

Ce qui est certain, c'est qu'on a trouvé, il y a environ deux semaines, dans une des antichambres à la cour une lettre à terre, adressée en mains propres de l'Impératrice, dans laquelle l'anonyme, qui s'était signé «l'honnête homme», avertissait S. M. que le sénat était composé de fripons, et que le procureur général surtout ne méritait point la confiance de la nation; qu'il Lui conseillait de les changer tous, sans quoi Elle courrait risque de l'être

---

къ покорности, но сознается, что по прибытіи своемъ въ Казань, онъ былъ въ затруднительномъ положеніи: городъ онъ засталъ почти покинутымъ своими жителями, часть ихъ отъ страха разбѣжалась, часть двинулась на соединеніе съ бунтовщиками, а среди оставшихся генералъ Бибиковъ нашелъ сильно распространеннымъ духъ неповиновенія. Въ день его прибытія огонь занялся на четырехъ концахъ города, и никто не явился тушить его, а вмѣсто того народъ принялся грабить дома и совершать всякія безчинства; но послѣ того какъ генералъ Бибиковъ велѣлъ схватить нѣсколькихъ лицъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, и приказалъ ихъ тотчасъ-же повѣсить, порядокъ и спокойствіе въ городѣ возстановились.

Увѣряютъ, что здѣсь открыли посланца отъ возмутившихся казаковъ, отправленнаго сюда ихъ главою съ цѣлью пріобрѣсти лазутчика («языка»); но посланный былъ арестованъ и отведенъ въ крѣпость. Это одно изъ тѣхъ извѣстій, которыя, хотя и исходятъ отъ лицъ, имѣющихъ связи, не могутъ однако никогда быть провѣрены.

А навѣрное извѣстно, что около двухъ недѣль тому назадъ въ одной изъ переднихъ дворца было найдено подметное письмо, адресованное въ собственныя руки Императрицы; анонимъ, подписавшійся «честнымъ человѣкомъ» предувѣдомлялъ Е. В., что Ея сенатъ состоитъ изъ плутовъ, и что въ особенности генералъ-прокуроръ вовсе не заслуживаетъ народнаго довѣрія; авторъ письма совѣтовалъ Императрицѣ смѣнить ихъ всѣхъ, иначе Она сама подвергалась бы опасности лишиться престола. Много тру-

Elle-même. On s'est donné beaucoup de peine de découvrir l'auteur de ce libelle, on a fait même avertir dans toutes les maisons que «l'honnête homme» qui avait perdu une lettre à la cour, devait se présenter un tel jour auprès du maréchal de la cour, mais comme personne n'est venu, la lettre a été brûlée devant la maison du sénat, par la main du bourreau. Depuis ce temps, on est fort vigilant sur les personnes qui viennent à la cour, et on ne laisse plus entrer dans les appartements que ceux, qui ont le rang de major.

Le mal est que le public est dans la même persuasion, que le sénat est composé de personnes qui ne sont pas dignes d'occuper les places, et que ce public n'a pas tant tort.

(En clair) Je joins encore aujourd'hui très humblement un baril de caviar.

№ 751.

Projet de lettre du comte Panin au comte Golowkin à Dantzig, pour faire en conséquence sa déclaration au magistrat de la ville. Le 20 Janvier 1774.

Adj. à la relation du 21 Janvier (1 Février) 1774.

On n'a pu se défendre d'un mouvement d'indignation, m-r., à la réception des différentes pièces et mémoires de la ville de Dantzig, que vous avez fait parvenir ici, joints à votre lettre № 28. Il est inouï, que cette ville s'oublie jusqu'à vouloir donner des règles à l'Impératrice sur ses droits et

---

довъ было положено на то, чтобы открыть автора этого подметнаго письма, приказано даже было оповѣстить во всѣхъ домахъ, чтобы «честный человѣкъ», потерявшій письмо во дворцѣ, явился въ такой-то день къ гофмаршалу, но такъ какъ никто не пришелъ, письмо было сожжено рукою палача передъ зданіемъ сената. Съ этого времени учрежденъ бдительный надзоръ надъ лицами, являющимися ко двору, и въ апартаменты допускаютъ входить лишь находящихся въ маіорскомъ рангѣ.

Бѣда въ томъ, что общество проникнуто тѣмъ-же убѣжденіемъ, что сенатъ составленъ изъ лицъ, недостойныхъ занимать свои мѣста, и въ этомъ общество не совсѣмъ неправо.

(Нешифровано). И сегодня я всепокорнѣйше прилагаю къ посылкѣ боченокъ икры.

Проектъ письма графа Панина графу Головкину въ Данцигѣ, чтобы на основаніи этого письма была сдѣлана графомъ Головкинымъ декларація магистрату города Данцига. 20 января 1774.

Приложенъ къ депешѣ гр. Сольмса отъ 21 января (1 февраля) 1774 г.

№ 751. Невозможно было подавить въ себѣ порыва негодованія, м. г., при полученіи различныхъ документовъ и записокъ отъ города Данцига, которые вы доставили сюда приложенными къ своему письму № 28. Невѣроятно, чтобъ этотъ городъ забылся до того, что хочетъ Императрицѣ предписывать правила для толкованія своихъ

l'étendue de ses engagements à l'appui de principes d'une jurisprudence scolastique, qui ne portent rien moins que de faire reconnaître Dantzig comme le point central de tous les intérêts de l'Europe dont il ne leur est permis de s'écarter. On est sans doute révolté de prétentions aussi absurdes, mais comme il s'agit, non de discussions juridiques d'un tribunal, mais de l'accomplissement d'un système politique de quatre puissances, nous, les cours de Vienne et de Berlin, et la Pologne sous la domination de laquelle reste Dantzig, il n'est ni nécessaire, ni conforme à la dignité de tant de cours de s'arrêter à relever ces prétentions, quelles qu'elles soient, et à les détruire; l'Impératrice, qui à la lecture de ces mémoires, en a connu le sens et les vues, vous ordonne, m-r., que vous ayez à déclarer à cette ville, que S. M. ne saurait que ressentir vivement l'irrégularité et l'inconséquence de ses procédés, qu'elle a attendu d'elle plus de reconnaissance de la protection, dont elle l'a fait jouir jusqu'à ce jour, et plus de déférence à la médiation, dont elle a bien voulu se charger dans la collision de double propriété qui s'est rencontrée entre elle et le roi de Prusse: de sa part à raison de son travail et de sa dépense à la construction du port, et du côté de ce prince, comme seigneur de l'abbaye d'Olive, propriétaire du fond du port et terres adjacentes: que s'il est quelque esprit qui flatte la ville de la vaine espérance, qu'en traînant en longueur l'arrangement de cet affaire, qu'en l'embrouillant

---

правъ и объема своихъ обязательствъ, основываясь на положеніяхъ схоластической юриспруденціи, сводящихся къ тому, ни болѣе, ни менѣе, какъ заставить признать городъ Данцигъ средоточіемъ всѣхъ европейскихъ интересовъ, отъ которыхъ представителямъ города нельзя отстраняться. Разумѣется, можно возмутиться столь нелѣпыми притязаніями, но здѣсь идетъ дѣло не о юридическомъ разбирательствѣ судилища, но о выполненіи политической системы четырехъ державъ, нашей, дворовъ вѣнскаго и берлинскаго и польской державы, подъ господствомъ которой еще находится Данцигъ; поэтому нѣтъ необходимости, да и не сообразовалось бы съ достоинствомъ столькихъ дворовъ, обращать вниманіе на эти притязанія, каковы бы они ни были, и стараться ихъ разрушить; Императрица, проникшая при чтеніи означенныхъ документовъ въ ихъ смыслъ и намѣренія, приказываетъ вамъ, м. г., объявить этому городу, что Е. В. лишь живѣйшимъ образомъ чувствуетъ его неправильный и непослѣдовательный образъ дѣйствій, что Она ожидала отъ города большей благодарности за то покровительство, которымъ съ Ея стороны онъ до сихъ поръ пользовался, и болѣе вниманія къ тому посредничеству, которое Императрица соблаговолила взять на себя при столкновеніи, происшедшемъ между городомъ и королемъ прусскимъ изъ за совмѣстныхъ владѣній: городъ предъявляетъ свои права на основаніи своихъ работъ и издержекъ при постройкѣ порта, а король съ своей стороны, какъ владѣлецъ Оливскаго монастыря, есть обладатель портоваго грунта и прилегающихъ земель; и если есть кто нибудь, усыпляющій городъ тщетной надеждой, что, откладывая въ дол-

par des chicanes et des prétentions indécentes, elle parviendra à faire naître la désunion entre l'Impératrice et son allié, la ville doit se tenir pour avertie, qu'à coup sûr elle en sera la victime, que c'est sur quoi Sa Majesté l'exhorte à réfléchir; mais qu'elle ne veut point encore lui fermer la voie de sortir de l'extrémité, où elle est: que si enfin elle veut entrer de bonne foi en négociation, et écarter toute chicane inutile, S. M. I. persiste dans la première appréciation, qu'elle a faite de l'affaire et que vous avez été autorisé de faire connaître à la ville, et qu'encore à présent elle continuera les bons offices, pour y faire entrer son allié.

En effet, m-r., c'est tout ce que la ville a de mieux à faire, et elle doit s'y sentir d'autant moins de répugnance, qu'il n'est point d'autre moyen pour elle pour tirer de presse et assurer à l'avenir sa navigation et sa liberté de commerce, pour laquelle elle crie tant, ainsi que ses possessions. Il est certain, et c'est une chose que nous voyons avec peine, que la cour de Berlin se raidit plus qu'elle n'a fait, contre la seconde des alternatives proposée par nous, savoir un rachat à perpétuité des droits du port pour une somme payée une fois pour toutes, et c'est un désavantage que la ville ne doit imputer qu'à son opiniâtreté à éluder la négociation. Une conduite toute contraire est la seule chose, qui peut-être pourrait changer une telle

---

гій ящикъ устройство этого дѣла, запутывая его препирательствами и неподходящими претензіями, городу удастся породить рознь между Императрицей и Ея союзникомъ, то пусть этотъ городъ вѣдаетъ, что навѣрное онъ будетъ жертвою такой розни; объ этомъ-то обстоятельствѣ Е. В. и умоляетъ городъ размыслить; но Императрица не хочетъ еще совершенно отрѣзывать городу пути для выхода изъ затрудненія, въ которомъ онъ находится, и если наконецъ городъ пожелаетъ добросовѣстнымъ образомъ войти въ переговоры, устранивъ всѣ безплодныя препирательства, Е. И. В. продолжаетъ держаться своего перваго сужденія, высказаннаго Ею по этому дѣлу, и которое вы были уполномочены возвѣстить городу; сверхъ того Императрица и теперь будетъ продолжать оказывать городу добрыя услуги, стараясь привлечь своего союзника къ соглашенію.

Дѣйствительно, м. г., пойти на такое соглашеніе будетъ все, что городъ можетъ сдѣлать наилучшаго, и онъ тѣмъ менѣе долженъ этому противиться, что для него нѣтъ иного средства облегчить отъ гнета и обезпечить на будущее время свою навигацію и свободу торговли, о которыхъ городъ такъ много толкуетъ, и владѣнія свои точно также. Какъ извѣстно, и на это мы взираемъ съ прискорбіемъ, берлинскій дворъ упорствуетъ болѣе, чѣмъ когда либо, противъ втораго изъ двухъ предложеній предлагаемыхъ нами, а именно противъ выкупа на вѣчныя времена правъ порта за извѣстную уплоченную разъ навсегда сумму, и пенять въ этой неудачѣ городъ долженъ единственно на то упорство, съ которымъ онъ уклонялся отъ переговоровъ. Одно лишь поведеніе вполнѣ противоположнаго характера могло бы, пожалуй, измѣ-

disposition, au moins n'y a-t-il qu'une prompte reconnaissance de la supériorité territoriale du roi de Prusse, qui puisse par le renouvellement du bail emphytéotique la remettre dans la jouissance de son port. Ce premier pas indispensable, qui dès le principe a été exigé d'elle, pourra seul justifier au roi de Prusse sa résolution à terminer de bonne foi cette affaire, disposer ce prince à lui accorder pour le reste des conditions raisonnables, et engager l'Impératrice à lui continuer son appui pour le succès de la négociation. Quand vous aurez ainsi fait connaître au magistrat la volonté de l'Impératrice et le sentiment de votre cour, vous verrez m-r., s'il est encore possible de le porter à négocier, et si en vous donnant tous les mouvements qui conviennent à un médiateur, vous ne pourrez pas rapprocher les parties et les arranger.

№ 752.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 3 Février. Berlin, le 22 Janvier 1774.

(En chiffre). Quoique je ne saurais me flatter de rendre la cour de Vienne plus pliante dans les bons offices que, selon votre dépêche du 7 de ce mois, elle offre de nouveau, d'employer à la Porte, pour moyenner la paix, je réponds cependant à la Russie, que je ne discontinuerai point de

---

нить такое положеніе дѣла; по крайней мѣрѣ, лишь немедленное признаніе территоріальнаго господства и права короля прусскаго могло-бы возвратить городу возможность пользоваться своимъ портомъ, возобновивъ эмфитеотическій контрактъ. Этотъ первый необходимый шагъ, съ самаго начала требовавшійся отъ города, одинъ можетъ послужить основаніемъ для короля прусскаго рѣшиться окончить это дѣло полюбовно, расположить этого государя въ томъ, что касается остальнаго, назначить подходящія условія и побудить Императрицу по прежнему оказывать поддержку городу для увѣнчанія переговоровъ успѣхомъ. Когда вы сообщите такимъ образомъ магистрату волю Императрицы и мнѣніе своего двора, вы, м. г., увидите, возможно-ли еще склонить магистратъ къ продолженію переговоровъ, и не удастся-ли вамъ, прибѣгнувъ ко всѣмъ дѣйствіямъ, приличествующимъ посреднику, сблизить и примирить партіи.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 3-го февраля 1774 г. Берлинъ, 22-го января 1774 г.

№ 752. (Шифрованная). Я не могъ-бы конечно льстить себя надеждой, что сдѣлаю вѣнскій дворъ болѣе сговорчивымъ въ дѣлѣ оказанія добрыхъ услугъ, которыя онъ снова предлагаетъ, какъ сообщаетъ ваша депеша отъ 7-го сего мѣсяца, желая быть посредникомъ при заключеніи мира съ Портой; но я ручаюсь передъ Россіей,

m'employer de mon côté à cette paix avec toute l'ardeur et toute la sincérité possible. En attendant, je me persuade par tout ce que vous me dites des facilités, que l'indifférence et la hauteur autrichienne pourrait procurer à la fin aux mouvements français, que la meilleure méthode de l'obtenir serait, de faire passer, comme jusqu'ici, à toutes les propositions par mon major de Zegelin, afin d'éloigner la France, l'Angleterre et toute autre puissance quelconque de la médiation, et de convenir ensuite des conditions de cette paix sans l'intervention de personne et immédiatement avec la Porte. J'augure d'autant plus favorablement de cette manière de négocier, que j'ai lieu de présumer, que le Tschauch-Bachi, dont vous faites mention dans votre dépêche susmentionnée, a dit vrai, dans tout ce qu'il a avancé au sieur Obreskow des dispositions favorables de la Porte pour la paix, et je suis moralement sûr, que pourvu que la Russie se relâche sur celles des conditions qui révoltent le plus la Porte, auxquelles il n'y a nulle apparence de pouvoir la porter jamais, tout le reste rencontrera bien moins de difficultés.

Au reste, ce que vous m'annoncez du refus de la cour de Vienne, d'acquiescer aux représentations de celle, où vous êtes, contre l'extension de ses limites, et de restituer les districts, qu'elle a occupés jusques au Sbrutz, me fait espérer au moins, que la Russie ne fera aucune difficulté, de se montrer plus favorable à ma propre démarcation, et je m'en flatte même

---

что не перестану никогда съ своей стороны стараться о заключеніи этого мира съ наивозможно бо́льшимъ рвеніемъ и искренностью. Пока-же, на основаніи всего, сообщаемаго вами о томъ, что безучастность и высокомѣріе австрійцевъ могутъ наконецъ облегчить французамъ путь для дѣйствій, я убѣждаюсь, что наилучшій способъ достигнуть заключенія мира, состоитъ въ томъ, чтобы согласиться, какъ это и было до сихъ поръ, на всѣ предложенія моего маіора Зегелина и устранить отъ посредничества Францію, Англію и всякую иную державу, а потомъ договориться относительно мирныхъ условій безъ всякаго вмѣшательства непосредственно съ Портой. И я тѣмъ болѣе предсказываю успѣхъ подобному способу дѣйствій, что, какъ я имѣю основаніе предполагать, Чаушъ-Баши, о которомъ вы упоминаете въ вышеозначенной своей депешѣ, былъ правъ во всемъ, что онъ высказалъ генералу Обрѣзкову относительно благопріятнаго расположенія Порты къ миру, и я внутренно убѣжденъ, что, если только Россія отступится отъ условій, наиболѣе возмущающихъ Порту, удовлетвореніе которыхъ повидимому совершенно нельзя будетъ отъ нея добиться, то всё остальное встрѣтитъ гораздо менѣе затрудненій.

Наконецъ, сообщаемое мнѣ вами извѣстіе объ отказѣ Австріи признать доводы, представленные тѣмъ дворомъ, при которомъ вы находитесь, противъ расширенія австрійскихъ границъ и относительно возвращенія занятыхъ вплоть до Сбруцы областей, это извѣстіе заставляетъ меня, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что Россія ни мало не замедлитъ отнестись болѣе благопріятно къ моей собственной демаркаціонной линіи, и

d'autant plus qu'il ne dépend que d'elle, de donner également une étendue proportionnée à la sienne. Je sens bien que sa première attention dans le moment fatal du soulèvement des cosaques, où elle se trouve à l'heure qu'il est, doit être de l'apaiser. C'est un article trop important, pour en différer la décision, et il est absolument nécessaire qu'elle donne tous ses soins à dissiper auparavant cet orage. Aussi ne sauriez vous me rendre un service plus agréable, qu'en me rassurant bientôt par de bonnes nouvelles contre toutes ces inquiétudes, que différents bruits, qui se répandent, Dieu sait, de quelle source, ne laissent pas de m'inspirer à cet égard. Mais après que le calme sera rétabli dans ces cantons rebelles et qu'elle reprendra l'affaire des limites, alors je m'attends de son amitié, qu'elle se déclarera plus favorablement pour mes intérêts et qu'elle ne refusera point à un allié fidèle et éprouvé les avantages, qu'une puissance, qui ne lui a encore rendu aucun service essentiel, et dont je ne saurais même m'imaginer, qu'elle lui en rendra jamais, pourrait exiger et obtenir. Je suis aussi tout convaincu, que de telles réflexions ne sauraient manquer de faire impression tant sur le comte de Panin que sur tous ceux à qui elles appartiennent et qui ont voix au chapitre. La justice et l'équité les appuient, et si vous trouvez occasion d'en faire sentir toute l'énergie et la force, vous aurez grand soin de vous en prévaloir.

я льщу себя этой надеждой тѣмъ болѣе, что лишь отъ нея одной зависитъ занять также участокъ, соотвѣтствующій ея долѣ. Я хорошо знаю, что главное вниманіе Россіи въ роковой моментъ казацкаго возстанія, переживаемый ею теперь, должно быть устремлено на подавленіе его. Это слишкомъ важное дѣло, чтобъ можно было откладывать его рѣшеніе, и для Россіи вполнѣ необходимо приложить всѣ свои старанія, чтобы разсѣять сначала эту грозу. А потому вы не могли-бы оказать мнѣ болѣе пріятной услуги, какъ успокоить меня скорѣе, при помощи добрыхъ вѣстей, относительно всѣхъ этихъ волненій, не перестающихъ возбуждать во мнѣ безпокойство, благодаря различнымъ слухамъ, идущимъ, Богъ вѣсть, изъ какого источника. Но послѣ того какъ будетъ возстановлено спокойствіе въ этихъ мятежныхъ областяхъ, и Россія снова приступитъ къ дѣлу о границахъ, тогда я ожидаю, что она, по своей дружбѣ, выкажетъ себя болѣе благосклонной къ моимъ интересамъ и не откажетъ вѣрному и испытанному союзнику въ тѣхъ преимуществахъ, которыя были потребованы и получены державой, не оказавшей Россіи ни одной важной услуги, и относительно которой я даже не могу себѣ представить, что она когда либо ихъ окажетъ. Я и убѣжденъ поэтому вполнѣ, что такія соображенія не преминутъ подѣйствовать какъ на гр. Панина, такъ и на всѣхъ у кого они явятся, и кто имѣетъ голосъ въ этомъ дѣлѣ. Справедливость и безпристрастіе служатъ имъ основой, и если вы найдете случай заставить почувствовать всю энергію и силу этихъ доводовъ, вы приложите всѣ старанія, чтобы доставить имъ торжество.

(En clair). Enfin voici l'extrait de mes dernières dépêches de Constantinople.

№ 753.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 3 Février. Berlin, le 22 Janvier 1774.

(En chiffre). J'ai reçu votre dépêche du 4 de ce mois, et je suis bien charmé que les bruits funestes dont vous y faites mention sur les progrès de la rebellion des cosaques aient été démentis par des nouvelles postérieures plus favorables. Les troupes destinées à mettre ces mutins à la raison faisant autant de diligence que vous le dites, et ayant même déjà dépassé Moscou, je me flatte qu'on parviendra bientôt à éteindre le feu de cette sédition.

Par ordre exprès du roi.

№ 754.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 18 Février. A St. Pétersbourg, le 24 Janvier (4 Février) 1774.

Sire, J'ai bien reçu les ordres immédiats et médiats de V. M. du 22

(Нешифровано). Вотъ, наконецъ, извлеченіе изъ моихъ послѣднихъ депешъ изъ Константинополя.

Отъ гр. Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 3-го февраля 1774 г. Берлинъ, 22-го января 1774 г.

№ 753. (Шифровано). Я получилъ вашу депешу отъ 4-го сего мѣсяца, и меня весьма радуетъ, что упоминаемые здѣсь вами слухи объ успѣхахъ казацкаго возмущенія были опровергнуты позднѣйшими болѣе благопріятными извѣстіями. Войска, предназначенныя къ тому, чтобы привести этихъ мятежниковъ къ порядку, двигаются, какъ вы говорите, такъ быстро, что уже миновали Москву, и потому я льщу себя надеждой, что скоро удастся потушить это пламя возстанія.

По особому повелѣнію короля.

Отъ графа Сольмса королю.

Представлена 18-го февраля 1774 г.
С.-Петербургъ, 24-го января (4-го февраля) 1774 г.

№ 754. В. В. Я своевременно получилъ непосредственныя и министерскія по-

et du 19 de Janvier, avec la copie du rapport du sieur de Zegelin du 14 de Décembre, (en chiffre) dont j'ai fait part au comte Panin qui ne peut assez s'étonner de la conduite singulière de la cour de Vienne, laquelle, en excitant l'attention de la Porte sur les démarches en Hongrie qui ont l'apparence de quelque dessein important, ne fait d'un autre côté rien pour s'attirer la confiance de la Russie, et nourrit ainsi contre elle les soupçons des deux puissances belligérantes. Il est pourtant de l'opinion, que ces inconséquences viennent de la froideur, pour ne pas dire pis, de S. M. l'Impératrice-reine pour la Russie, et pour la personne même de l'Impératrice d'aujourd'hui, ainsi que de son éloignement de ne plus exposer son état aux embarras d'une guerre, mais que l'empereur agirait peut-être différemment, s'il avait plus de voix en chapitre, du moins le lui a-t-il fait assurer par le colonel Brown qu'il a envoyé ici avec des compliments sur le mariage du Grand-Duc. Il l'a chargé de lui dire en particulier, qu'il était bien fâché de ne pas pouvoir contribuer selon ses désirs au rétablissement de la paix avec la Porte, que ce n'était pas sa faute, et que si les choses dépendaient seules de lui, il y a longtemps que la paix aurait été faite.

On attend au sujet de l'espérance, qu'on doit se faire de cette paix, avec impatience les premières nouvelles qu'on aura du sieur de Zegelin dans une

---

велѣнія В. В. отъ 22 и 19 января вмѣстѣ съ копіей донесенія маіора Зегелина отъ 14 декабря, о которой я сообщилъ графу Панину; (Шифровано) онъ не можетъ достаточно надивиться странному поведенію вѣнскаго двора, который, возбуждая вниманіе Порты своимъ образомъ дѣйствій въ Венгріи, похожимъ на выполненіе какого-то важнаго плана, съ другой стороны не дѣлаетъ ничего для пріобрѣтенія себѣ довѣрія со стороны Россіи, и даетъ такимъ образомъ поводъ къ подозрѣніямъ противъ себя, являющимся у обѣихъ воюющихъ державъ. Графъ однако того мнѣнія, что эти недоразумѣнія происходятъ отъ холодныхъ отношеній, чтобъ не сказать хуже, е. в. императрицы-королевы по отношенію къ Россіи и къ самой даже особѣ нынѣшней русской Императрицы, также какъ и отъ нежеланія императрицы-королевы подвергать свое государство тягостямъ войны; но императоръ сталъ бы дѣйствовать, можетъ быть, совершенно иначе, если бы онъ имѣлъ болѣе голоса въ этомъ дѣлѣ; по крайнѣй мѣрѣ, онъ увѣрялъ въ этомъ графа Панина чрезъ полковника Брауна, посланнаго сюда съ поздравленіями по поводу брака Великаго Князя. Императоръ поручилъ передать частнымъ образомъ графу, что ему весьма непріятно то, что онъ не можетъ содѣйствовать, согласно своимъ желаніямъ, возстановленію мира съ Портою, что онъ въ этомъ случаѣ не виноватъ, и если бы дѣло зависѣло отъ него одного, миръ былъ бы уже давно заключенъ.

По поводу надеждъ, возлагаемыхъ на этотъ миръ, съ нетерпѣніемъ ожидаются первыя извѣстія, которыя будутъ получены отъ маіора Зегелина недѣли черезъ двѣ,

quinzaine de jours, par lesquelles on apprendra l'effet qu'auront eu les premières insinuations préliminaires qu'il a été autorisé de faire. En attendant, on songe aux mesures à prendre pour le cas d'une nouvelle campagne, et je regarde comme très décidé, qu'on voudra y faire le siége d'Oczakow.

On n'a pas de nouvelles fraîches de l'état de la rebellion des cosaques. J'ai appris seulement, qu'il doit se trouver parmi eux beaucoup de malfaiteurs qui étaient autrefois gardés au Port Baltique et qui, lorsqu'on a abandonné les ouvrages, qu'on y faisait, ont été transportés en Sibérie, où ils travaillaient dans les mines, d'où ils se sont enfuis présentement; de même, ils doivent s'être recrutés par les confédérés envoyés comme prisonniers dans le gouvernement de Cazan, où ils n'étaient pas sévèrement gardés.

(En clair). Le comte Panin vient de faire un acte de générosité, qui est jusqu'ici, je crois, sans exemple, et qui aura aussi difficilement des imitateurs. Des neuf mille cinq cents paysans que sa Souveraine lui a donnés en dernier lieu, il a fait des quatre mille, qui se trouvaient dans les nouvelles acquisitions de la Russie en Pologne, une donation à ses trois principaux commis, les sieurs Bacounin, Oubry et Fonwisin. Et comme on ne sait pas, qu'il leur ait quelques obligations très particulières, que les deux premiers même ont déjà été en place, lorsqu'il est entré, il y a dix ans, dans le ministère, on ne peut l'attribuer qu'à un mouvement de reconnaissance

---

и сообщать объ исходѣ первыхъ внушеній, которыя маіоръ уполномоченъ былъ предварительно сдѣлать. А пока обсуждаютъ мѣры, къ которымъ слѣдуетъ прибѣгнуть въ случаѣ новой кампаніи, и мнѣ представляется дѣло вполнѣ рѣшеннымъ, что на этотъ разъ обнаружено будетъ желаніе приступить къ осадѣ Очакова.

О положеніи казацкаго бунта нѣтъ новыхъ извѣстій. Я узналъ лишь, что между ними находится, должно быть, много преступниковъ, содержавшихся прежде въ Балтійскомъ портѣ; а когда были оставлены производившіяся тамъ работы, они были переведены въ Сибирь и работали въ рудникахъ, откуда въ настоящее время бѣжали; также число мятежниковъ должно было еще пополниться конфедератами, отправленными, какъ военно-плѣнные, въ Казанскую губернію, гдѣ не было надъ ними строгаго надзора.

(Нешифровано). Графъ Панинъ только что совершилъ поступокъ, исполненный великодушія, не имѣвшій до сихъ поръ себѣ подобнаго и которому врядъ ли также найдутся подражатели. Изъ девяти тысячъ пяти сотъ крестьянъ, дарованныхъ ему недавно его Государыней, онъ отдалъ въ подарокъ четыре тысячи крестьянъ, находящихся въ новыхъ пріобрѣтенныхъ Россіею польскихъ владѣніяхъ, своимъ тремъ главнымъ подчиненнымъ чиновникамъ, — Бакунину, Убри и Фонъ-Визину. А такъ какъ не слышно, чтобы онъ былъ имъ чѣмъ нибудь особенно обязанъ, и двое первыхъ занимали уже свои должности, когда онъ вступилъ десять лѣтъ тому назадъ въ министерство, то приписать подобный поступокъ можно лишь чувству благодарности; и

qu'il a été bien aise de donner à des gens, qui ont bien servi l'état, qui lui sont attachés, et qui n'ont pas de fortune à eux.

J'ai l'honneur de joindre encore aujourd'hui un baril de caviar.

№ 755.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 6 Février. Potsdam, le 25 Janvier 1774.

(En chiffre). Votre dernière dépêche du 11 de ce mois continue toujours, dans le même ton, sur mon affaire avec la ville de Dantzig. Elle démonterait même mes espérances, si je me promettais moins des lumières et de la justice de l'Impératrice de Russie. Mais j'en ai une si grande idée, que je ne saurais jamais m'imaginer, qu'elle veuille effectivement me refuser son assistance dans cette affaire. En effet, si l'on veut séparer l'esprit d'un traité des termes, dans lesquels il est couché, il n'en est aucun, qui ne puisse être mal interprété et par cela même à la fin anéanti, de sorte que je suis moralement sûr du suffrage de S. M. I., dès qu'on lui représentera dans tout leur jour les titres, qui appuient mes prétentions, ainsi que les conséquences, qui pourraient résulter d'une plus longue connivence envers le magistrat de cette ville. Vous ferez donc très bien, de ne négliger

---

весьма естественно дарить людямъ, хорошо служившимъ государству, вполнѣ преданнымъ графу и не имѣющимъ собственнаго состоянія.

Я имѣю честь и сегодня предложить В. В. боченокъ икры.

Отъ короля гр. Сольмсу.

Получено 6-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 25-го января 1774 г.

№ 755. (Шифровано). Ваша послѣдняя депеша отъ 11-го сего мѣсяца продолжаетъ по прежнему изложеніе въ томъ же тонѣ данцигскаго дѣла. Она разрушила бы даже мои надежды, если бы я предполагалъ меньшую степень просвѣщенія и справедливости въ русской Императрицѣ. Но я имѣю о ней такое высокое понятіе, что никогда не буду въ состояніи себѣ представить, что Она дѣйствительно желаетъ отказать мнѣ въ своемъ содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ. Дѣйствительно, если захотятъ отдѣлить духъ договора отъ выраженій, въ которыхъ онъ составленъ, не найдется ни одного, который бы не могъ быть дурно истолкованъ, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ сдѣланъ недѣйствительнымъ; такъ что я нравственно увѣренъ въ мнѣніи Е. И. В. въ мою пользу, какъ только Ей представятъ въ настоящемъ свѣтѣ всѣ доводы, на которые опираются мои притязанія, также какъ и всѣ послѣдствія, могущія произойти отъ дальнѣйшаго потворства по отношенію къ магистрату города Данцига. Поэтому вы сдѣлаете очень хорошо, если не будете пренебрегать никакимъ случаемъ, чтобы

aucune occasion, pour animer le comte de Panin à remplir enfin ses engagements, et, s'il s'y prend comme il faut, je ne doute point, qu'il ne parvienne à surmonter la répugnance apparente de sa Souveraine à cet égard.

D'ailleurs, je ne veux pas vous dissimuler, que le refus de la cour de Vienne, de se prêter aux représentations de celle de Pétersbourg, au sujet de l'extension de ses limites en Pologne jusqu'au Sbruz, et la déclaration qu'elle a fait faire de ne rien céder des districts, qu'elle a fait prendre en possession, m'a engagé également de faire remettre mes poteaux sur la Netze, là où ils étaient auparavant, et d'étendre ainsi mes limites selon le droit, que les termes mêmes de mon traité me donnent. J'ai aussi lieu de me flatter, que la cour où vous êtes, en y bien réfléchissant ne s'opposera pas au parti, que j'ai pris, et j'espère au moins, qu'elle voudra bien me traiter tout aussi favorablement que la cour de Vienne et ne point refuser à son ancien et fidèle ami et allié le même privilège, qu'une cour jalouse de sa puissance et de ses succès sut s'approprier. En effet, à bien considérer les choses, l'extension de cette dernière fait un objet de 40 milles quarrées, et la mienne jusqu'à la source de la Netze ne roule que sur 10, et encore y a-t-il cette différence, que la cour de Vienne n'y a aucun titre, puisque la rivière de Podhorize, qu'elle prétend n'exister nulle part, se trouve réellement sous ce nom dans la bonne carte de Zanoni et est la même que le

---

побуждать гр. Панина исполнить наконецъ свои обѣщанія, а если онъ возьмется за дѣло какъ слѣдуетъ, я ни мало не сомнѣваюсь, что ему удастся преодолѣть видимое нерасположеніе его Государыни къ рѣшенію этого вопроса.

Кромѣ того, я не скрою отъ васъ, что отказъ вѣнскаго двора на представленія, сдѣланныя петербургскимъ дворомъ о расширеніи австрійскихъ границъ въ Польшѣ до Сбруццы и сдѣланное имъ заявленіе, что онъ не уступитъ ничего изъ тѣхъ округовъ, во владѣніе которыми вступила Австрія — все это заставило меня также перенести мои пограничные столбы на Нетцу, тамъ гдѣ они и были прежде, и расширить мои границы на основаніи права, даваемаго мнѣ самимъ текстомъ моего договора. Я также имѣю основаніе надѣяться, что дворъ, при которомъ вы находитесь, не воспротивится принятымъ мною намѣреніямъ, и я полагаю, по крайней мѣрѣ, что онъ пожелаетъ обходиться со мною столь-же благосклонно, какъ и съ вѣнскимъ дворомъ, и не откажетъ своему старинному и вѣрному союзнику въ тѣхъ же преимуществахъ, какія могъ снискать себѣ дворъ, завидующій какъ могуществу русскихъ, такъ и ихъ успѣхамъ. Дѣйствительно, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, расширеніе австрійскихъ границъ составляетъ въ общемъ 40 квадратныхъ миль, а расширеніе моихъ границъ до истока Нетцы заключаетъ въ себѣ лишь 10 миль, и съ тѣмъ еще различіемъ, что вѣнскій дворъ не имѣетъ никакого права на увеличеніе границъ, такъ какъ рѣка Подгорица, которой по увѣренію вѣнскаго двора не существуетъ вовсе, находится въ дѣйствительности подъ этимъ именемъ на хорошей картѣ Занони, и это та-

Séreth, tandis que j'y suis pleinement autorisé par les termes exprès de mon traité de partage, qui m'assigne la Netze en entier. Afin donc de ne point perdre toute proportion entre mes acquisitions et celles des autrichiens je suis fermement résolu, de prendre la conduite de ces derniers pour boussole de la mienne, et d'insister sur cette extension de mes limites aussi longtemps qu'ils ne voudront point démordre de la leur, tout comme de la modérer du moment qu'ils le feront de leur côté.

Au reste, je n'ai aujourd'hui rien à ajouter. Je vous ai déjà fait parvenir mes dernières lettres de Constantinople, et je m'attends à apprendre par la première poste, comment les dernières propositions de paix y auront été accueillies, pour juger de ce qu'il y a à espérer ou à craindre. En attendant je souhaite bien ardemment de recevoir bientôt de votre part des nouvelles consolantes sur le soulèvement des cosaques.

№ 756.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 6 Février. Berlin, le 25 Janvier 1774.

(En chiffre). J'ai vu par votre dépêche du 7 de ce mois l'arrivée du courrier que le prince Lobkowitz attendait et la déclaration qu'il a faite en

---

же рѣка, что и Сереть; между тѣмъ я вполнѣ имѣю право на расширеніе границъ на основаніи точныхъ выраженій моего договора о раздѣлѣ земель, въ которомъ мнѣ предоставляется рѣка Нетца во всемъ ея теченіи. И такъ, чтобы отнюдь не нарушать соотвѣтствія между моими пріобрѣтеніями и австрійскими, я твердо рѣшился руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ поведеніемъ австрійцевъ, и вслѣдствіе этого настаивать на вышеупомянутомъ расширеніи своихъ границъ, до тѣхъ поръ пока они не отступятся отъ своихъ притязаній и, напротивъ, умѣрить свои требованія, если и они это сдѣлаютъ съ своей стороны.

Въ заключеніе мнѣ не остается сегодня ничего вамъ прибавить. Я уже доставилъ вамъ полученныя мною послѣднія письма изъ Константинополя, и ожидаю свѣдѣній при первой почтѣ, какъ были тамъ приняты послѣднія мирныя предложенія, чтобы знать, на что я долженъ надѣяться и чего опасаться. Въ ожиданіи я отъ всего сердца желаю получить скорѣе отъ васъ утѣшительныя извѣстія о казацкомъ возстаніи.

Отъ гр. Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 6-го февраля 1774 г. Берлинъ, 25-го января 1774 г.

№ 756. (Шифровано). Я узналъ изъ вашей депеши отъ 7-го сего мѣсяца о прибытіи курьера, ожидавшагося гр. Лобковичемъ, и о заявленіи, привезенномъ имъ

conséquence sur l'extension projetée des limites autrichiennes jusqu'au Zbrucz. Il me tarde maintenant de savoir la réponse de la cour de Russie. Je me flatte que, si elle est satisfaisante pour celle de Vienne, on ne me fera aussi point de mauvaises difficultés sur la ligne de démarcation que je demande de mon côté. L'extension sur laquelle on insiste à Vienne est forcée et ne saurait se justifier par la lettre du traité de partage, la rivière de Podhorize étant la même que celle de Séreth et se trouvant sous ce nom dans la carte de Zanoni et en d'autres bonnes cartes, au lieu que ce que je demande est fondé sur les termes mêmes de ce traité pour la partie qui me concerne et ne me saurait être disputé que par une interprétation forcée. Vous observez à l'occasion de la raideur avec laquelle la cour de Vienne traite l'affaire des limites que, si jamais la France parvient à prendre pied en Russie, ce sera à cette raideur et à cette obstination autrichienne qu'elle en aura l'obligation. Mais je ne conçois pas bien l'opposition que vous mettez ici entre les intérêts de la France et ceux de l'Autriche. Ces deux puissances étant amies et alliées, il me paraît, que l'une ne saurait gagner du terrain à Pétersbourg sans que l'autre y profite, et si la France venait à obtenir son but, ce ne serait pas, ce me semble, l'Autriche qui risquerait d'y perdre. Je regarderais plutôt cet événement comme propre à conso-

---

въ отвѣтъ на проектируемое расширеніе границъ вплоть до Сбруццы. Мнѣ теперь важно скорѣе узнать отвѣтъ русскаго двора. Я льщу себя надеждой, что если этотъ отвѣтъ благопріятенъ для вѣнскаго двора, то и мнѣ не будутъ дѣлать напрасныхъ затрудненій относительно той демаркаціонной линіи, которой я требую съ своей стороны. Расширеніе границъ, на которомъ настаиваетъ Вѣна, произвольно и не могло-бы быть оправдано текстомъ договора о раздѣлѣ земель, такъ какъ рѣка Подгорица то-же самое что и Серетъ, и помѣщена подъ тѣмъ-же самымъ именемъ на картѣ Занони и на другихъ хорошихъ картахъ; между тѣмъ то, что требуется мною, основывается на самомъ текстѣ этого договора въ той его части, которая касается меня, и можетъ быть у меня оспариваемо лишь при произвольномъ толкованіи договора. Вы замѣчаете по поводу той рѣзкости, съ которою вѣнскій дворъ ведетъ переговоры въ своемъ дѣлѣ относительно границъ, что, если когда либо Франціи удастся стать твердой ногой въ Россіи, она будетъ обязана такимъ положеніемъ именно этой рѣзкости и упорству австрійцевъ. Но я не понимаю вполнѣ противупоставленія, дѣлаемаго при этомъ вами между французскими и австрійскими интересами. Такъ какъ обѣ державы находятся между собою въ дружественномъ союзѣ, то, какъ мнѣ кажется, ни одна изъ нихъ не могла бы возвыситься въ Петербургѣ безъ того, чтобы другая не воспользовалась этимъ, и если Франціи удастся достигнуть своей цѣли, то, какъ мнѣ представляется, не Австріи придется рисковать при этомъ потерять что-либо. Я бы смотрѣлъ скорѣе на это событіе, какъ на такое, которое можетъ еще

lider les liaisons déjà si étroites des cours unies par le traité de Versailles. Mais je me flatte toujours que l'on se gardera à Pétersbourg des pièges du sieur Durand. La mauvaise volonté de sa cour ne saurait y être douteuse. Je m'aperçois que dans les pays étrangers et à Vienne même on commence à soupçonner que le sieur Durand a trouvé moyen par de sourdes menées à fomenter la révolte qui vient d'éclater du côté du Jaïck et de Cazan. Ces deux grecs, dont vous faites mention dans votre rapport du 14 de Décembre et qui doivent se trouver depuis leur élargissement près des rebelles, pourraient bien ne pas être restés inconnus au sieur Durand pendant leur séjour à Pétersbourg. Quoi qu'il en soit, cette fâcheuse sédition, jointe au succès disgrâcieux des dernières expéditions de Bulgarie, me fait beaucoup désirer que les propos du Tschauch-Bachi prisonnier que vous me rapportez se justifient par l'évènement et que la cour Ottomane apporte en effet à l'ouvrage de la pacification les facilités qu'il lui prête. Rien de plus à souhaiter dans l'état présent des choses que cette pacification et pour le bien de l'humanité et pour le repos de l'Europe et pour la sûreté même de l'empire de Russie en particulier.

Par ordre exprès du roi.

болѣе упрочить союзъ между обоими дворами, уже и такъ весьма тѣсный, благодаря версальскому договору. Но я все льщу себя надеждой, что въ Петербургѣ поостерегутся сѣтей, разставленныхъ Дюраномъ. Злой умыселъ его двора не можетъ въ этомъ случаѣ быть подверженъ сомнѣнію.

Какъ я замѣчаю, въ иностранныхъ земляхъ и въ самой Вѣнѣ начинаютъ подозрѣвать, что Дюранъ тайными ковами нашелъ возможность раздуть возстаніе, которое только что разразилось со стороны Яика и Казани. Два грека, упоминаемые вами въ вашемъ донесеніи отъ 14-го декабря и долженствовавшіе находиться со времени ихъ освобожденія вмѣстѣ съ мятежниками, очень вѣроятно, не остались неизвѣстными г. Дюрану, во время пребыванія ихъ въ Петербургѣ. Какъ бы то ни было, это прискорбное возмущеніе, вмѣстѣ съ плохими успѣхами послѣднихъ военныхъ дѣйствій въ Болгаріи, заставляетъ меня сильно желать, чтобы мнѣнія плѣннаго Чаушъ-Баши, сообщаемыя вами, оправдались событіями, и чтобы оттоманскій дворъ облегчилъ въ дѣйствительности дѣло возстановленія мира, какъ говоритъ объ этомъ Чаушъ-Баши. Ничего нельзя такъ желать при нынѣшнемъ положеніи вещей, какъ этого мира, столько-же для блага человѣчества, сколько для спокойствія Европы и для безопасности самой Россійской Имперіи въ частности.

По особому повелѣнію короля.

№ 757.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 21 Février. A St. Pétersbourg, le 28 Janvier (8 Février) 1774.

Sire, On m'a bien remis les ordres immédiats et médiats de V. M. du 25 de Janvier.

(En chiffre). J'ai pris occasion de parler de nouveau au comte Panin sur la démarcation étendue des autrichiens de leurs limites en Pologne, et je lui ai fait connaître que, pour conserver la proportion entre les acquisitions respectives, V. M. avait fait remettre ses poteaux sur la Netze, où ils étaient auparavant; j'ai ajouté à cela les raisons de droit, qu'elle avait d'agir ainsi, même selon les termes de la convention. Au lieu de continuer le ton d'opposition, comme il avait coutume de faire autrefois, quand il parlait sur cette matière, sa réponse cette fois-ci était plus naïve. Selon moi, me dit-il, je trouve que le roi votre maître a raison d'agir, comme il fait, et qu'il prête un oeil attentif à tout ce qui peut augmenter la puissance de la maison d'Autriche. Qu'il s'accorde seulement avec elle sur ces démarcations, et il peut être sûr que, de notre côté, il ne sera pas chicané là-dessus.

Quant à la rébellion des cosaques, j'ai prié ce ministre de vouloir bien me faire part de l'état véritable de cette affaire, afin d'en pouvoir faire un

---

Отъ графа Сольмса королю.

Представлена 21-го февраля 1774 г.

С.-Петербургъ, 28-го января (8-го февраля) 1774 г.

№ 757. В. В., Мнѣ своевременно были доставлены непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 25 января.

(Шифровано). Я нашелъ случай снова говорить съ гр. Панинымъ о расширеніи австрійскихъ границъ въ Польшѣ, и я ему высказалъ, что для сохраненія соотвѣтствія въ пріобрѣтеніяхъ той и другой державы В. В. повелѣли снова перенести свои пограничные столбы на Нетцу, гдѣ они и были раньше; къ этому я присовокупилъ доводы, излагающіе право В. В. дѣйствовать такимъ образомъ, основываясь на самомъ текстѣ конвенціи. Вмѣсто того, чтобы продолжать возражать мнѣ, какъ обыкновенно дѣлалъ это прежде графъ Панинъ, говоря объ этомъ дѣлѣ, онъ отвѣчалъ на этотъ разъ болѣе наивнымъ образомъ: по моему мнѣнію, сказалъ онъ мнѣ, я нахожу, что король, вашъ государь, правъ, дѣйствуя такимъ образомъ, какъ онъ дѣйствуетъ, и внимательно слѣдя за всѣмъ, что можетъ увеличить могущество австрійскаго дома. Пусть только онъ придетъ къ соглашенію съ Австріей относительно такого установленія границъ, и король вашъ можетъ быть увѣренъ, что съ нашей стороны онъ не встрѣтитъ на этотъ счетъ затрудненій.

Что касается казацкаго бунта, я просилъ этого министра, чтобы онъ соблаговолилъ сообщить мнѣ о настоящемъ положеніи этого дѣла, и на основаніи этого я бы

rapport assuré à V. M., dont l'amitié pour la Russie ne lui permettait pas d'être indifférente à cette occasion. Il reçut ce compliment avec des témoignages de reconnaissance, et d'une conviction entière des sentiments favorables de V. M. pour cet empire, et m'autorisa de vous assurer, Sire, que présentement les choses commençaient à aller bien, que la première terreur d'un événement aussi imprévu, et la confusion qui en était résultée, avaient été calmées à l'arrivée des troupes et d'un homme de tête, comme était le général de Bibikow, que la nation avait repris l'âme qui lui avait manqué jusque là. Ce sont là les termes dont le comte Panin se servait. Outre ce que faisait la noblesse de Cazan pour le service de la patrie, la bourgeoisie de cette ville formait un escadron d'houssards pour le même usage; les tartares qui demeuraient dans le gouvernement étaient montés également à cheval, et la noblesse des provinces adjacentes avaient aussi envoyé au général Bibikow, pour arranger avec lui la levée d'un régiment formé de leurs sujets. Qu'enfin, les troupes mêmes reprenaient courage et zèle, et les plus petits détachements battaient déjà des corps de deux jusqu'à trois cents rebelles, partout, où ils les trouvaient; de sorte qu'on pouvait se flatter que tout cela serait bientôt dissipé, malgré les envieux et malgré les fausses nouvelles que répandait là-dessus le sieur de Durand, et avec lesquelles il amusait sa cour.

могъ представить вѣрный отчетъ В. В., дружба котораго къ Россіи не позволяетъ ему оставаться въ этомъ случаѣ безучастнымъ. Графъ Панинъ принялъ эти любезности съ изъявленіями благодарности и выражая полное довѣріе къ добрымъ чувствамъ, питаемымъ В. В. къ русскому государству. Онъ уполномочилъ меня увѣрить В. В., что въ настоящее время обстоятельства начинаютъ улучшаться: первое чувство страха, внушенное столь неожиданнымъ событіемъ, и, происшедшее вслѣдствіе того замѣшательство, теперь миновалось, по прибытіи войскъ и столь разумнаго человѣка, какъ генералъ Бибиковъ, такъ что народъ, до сихъ поръ падавшій духомъ, теперь ободрился. Таковы выраженія, употребленныя графомъ Панинымъ. Кромѣ того, что сдѣлало казанское дворянство для службы отечества, граждане этого города сформировали еще гусарскій эскадронъ для той же цѣли; татары, жившіе въ Казанской губерніи, также сѣли на лошадей, а дворяне сосѣднихъ губерній равнымъ образомъ отправили къ генералу Бибикову посланныхъ, чтобы устроить съ его помощью полкъ, набранный изъ ихъ крѣпостныхъ. Наконецъ и самыя войска, вновь одушевленныя мужествомъ и рвеніемъ, даже самые мелкіе отряды, разсѣивали уже сборища мятежниковъ по двѣсти, триста человѣкъ вездѣ, гдѣ они ихъ находили; такъ что можно льстить себя надеждою, что все это возмущеніе скоро будетъ подавлено, вопреки мнѣнію завистниковъ и не смотря на лживыя извѣстія, распространяемыя на этотъ счетъ Дюраномъ, которыми онъ занимаетъ свой дворъ.

(En clair). Le courrier d'aujourd'hui est encore chargé d'un baril de caviar pour V. M.

№ 758.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 10 Février. Potsdam, le 29 Janvier 1774.

(En chiffre). Votre dépêche du 1 de ce mois se borne à mon affaire de Dantzig, et encore ne contient-elle rien de fort consolant sur les progrès ultérieurs de cette négociation. Une nouvelle maladie du comte de Panin la tient de nouveau en suspens, et la lenteur ordinaire de ce ministre et de ses collègues me fait bien présumer, que j'aurai encore pour longtemps à exercer ma patience. Pourvu cependant qu'à la fin de tous ces délais cette affaire se termine à ma satisfaction, je ne regretterai point cette longue attente, et me tranquilliserai en attendant, par les bonnes dispositions, que ce ministre a manifestées jusques ici dans cette affaire, et dont vous venez encore de m'assurer la persévérance et l'immutabilité. Tout ce qu'il y a, et je ne saurais me dispenser de vous faire cette observation, c'est qu'il faut presser la décision de ce différend plus que jamais dans le moment présent, et en voici la raison: nos cessions en Pologne étant en règle, la délégation est sur le point d'en faire fixer les limites par ses députés. Il est donc bien

---

(Нешифровано). Сегодняшній курьеръ снова снабженъ боченкомъ икры для В. В.

Отъ короля гр. Сольмсу.

Получено 10-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 29-го января 1774 г.

№ 758. (Шифровано). Ваша депеша отъ 1-го сего мѣсяца ограничивается моимъ данцигскимъ дѣломъ и не содержитъ все-таки ничего утѣшительнаго относительно дальнѣйшихъ успѣховъ этихъ переговоровъ. Новая болѣзнь гр. Панина заставляетъ ихъ опять отложить, а обычная медлительность этого министра, также какъ и его товарищей, заставляетъ меня предугадывать, что мнѣ еще долго придется испытывать свое терпѣніе. Лишь бы только послѣ всѣхъ этихъ отсрочекъ дѣло это окончилось къ моему удовольствію, и я не буду ни мало жалѣть о столь долгихъ ожиданіяхъ; пока-же я буду себя успокоивать добрыми намѣреніями, которыя этотъ министръ обнаруживалъ до сихъ поръ въ моемъ дѣлѣ, и въ постоянствѣ и неизмѣнности которыхъ вы только что опять увѣряли меня. Дѣло все въ томъ, я не могу скрыть отъ васъ этого соображенія, что въ настоящій моментъ надо поспѣшить рѣшеніемъ этого спора болѣе чѣмъ когда либо, и вотъ почему: наши уступки въ Польшѣ вполнѣ правильны и делегація готова установить ихъ границы при помощи своихъ депутатовъ.

à appréhender, que cette besogne sera bientôt faite, est que les deux autres cours copartageantes jouiront tranquillement de leurs nouvelles acquisitions, tandis que par un plus long délai de la décision de mon différend avec Dantzig, je serai le seul, qui ne jouira point de ce bénéfice et qui aura encore à lutter contre le caprice et l'injustice d'un magistrat superbe, je dirais presque insolent. En effet, c'est une considération, dont vous ne manquerez point de faire usage. Elle est d'une d'autant plus grande conséquence pour moi, que l'expérience de tous les siècles n'a prouvé que trop, que si l'on fait un accord, sans avoir soin d'y décider tous les articles, qui y appartiennent, celui qu'on a laissé indécis reste au croc; aucune des cours intéressées dans cet accord ne s'en embarrasse plus, et peu à peu il tombe entièrement en oubli, au grand préjudice de celle, qu'il regarde plus particulièrement.

Au reste, c'est avec la plus grande impatience, que j'attends des nouvelles plus favorables au sujet du soulèvement des cosaques, et je souhaite bien ardemment, que la cour où vous êtes trouve incessamment moyen, d'étouffer cette sédition. Elle demande en effet toute l'activité et vigilance possible, et la moindre lenteur peut être d'une très fâcheuse conséquence et faire éclater cette étincelle dans un incendie plus considérable qu'on ne le pense.

En attendant je ne saurais vous cacher que mes lettres de France con-

---

Поэтому нужно весьма опасаться, что это дѣло будетъ скоро окончено и два другихъ двора, участвующихъ въ раздѣлѣ, будутъ спокойно пользоваться своими новыми пріобрѣтеніями, между тѣмъ какъ я, при дальнѣйшей отсрочкѣ въ рѣшеніи своего спора съ Данцигомъ, останусь единственнымъ, которому не дано будетъ пользоваться такимъ благомъ, а должно будетъ еще бороться съ капризами и несправедливостью надменнаго магистрата, я бы даже могъ почти сказать наглаго магистрата. Дѣйствительно это такое соображеніе, которымъ вы отнюдь не преминете воспользоваться. Оно имѣетъ для меня тѣмъ болѣе значенія, что, какъ слишкомъ ясно доказываетъ опытъ всѣхъ вѣковъ, если устраивается соглашеніе и не позаботятся при этомъ договориться относительно всѣхъ статей, сюда принадлежащихъ, та статья, которая осталась нерѣшенной, затягивается; ни одинъ изъ заинтересованныхъ въ этомъ соглашеніи дворовъ не стѣсняется болѣе ею, и она мало по малу предается забвенію, къ большому ущербу того двора, котораго она ближе касается.

Далѣе, я ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ болѣе благопріятныхъ извѣстій о казацкомъ возстаніи и горячо желаю, чтобы дворъ, при которомъ вы находитесь, немедленно нашелъ средство подавить этотъ бунтъ. Дѣло это требуетъ дѣйствительно чрезвычайной энергіи и бдительности, а малѣйшее замедленіе можетъ имѣть роковыя послѣдствія и раздуть эту искру въ пожаръ болѣе значительный, чѣмъ думаютъ.

А пока, я не могу скрыть отъ васъ, что получаемыя мною письма изъ Франціи

tinuent à indiquer que l'acharnement de cette cour contre moi et l'Impératrice surpasse toute imagination et est poussée jusqu'à la fureur de nous brouiller à quelque prix que ce soit. La copie de l'extrait ci-joint d'une lettre de bonne part vous en convaincra et vous aurez soin de la brûler après l'avoir lue. Ce n'est cependant pas, que j'appréhende beaucoup de cette trame dans le moment présent, et je ne vous fais cette confidence, que pour vous donner l'éveil sur toutes les malignes insinuations que quelque écervelé malintentionné ou partisan caché de cette cour pourrait tenter de glisser à la cour où vous êtes, et qui exigent effectivement que vous ayez continuellement l'oeil au guet pour épier et éventer les mines, que la politique française pourrait faire pour parvenir à son but.

Quant à l'Autriche, vous savez déjà ce que le baron Swieten m'a dit après son retour au sujet de l'étendue des limites de sa cour en Pologne, et mes ordres suivants vous ont appris, qu'elle est fermement résolue, de soutenir les districts, qu'elle a pris en possession en conséquence, et qui font une augmentation de 40 milles quarrées. Or, j'ai à la vérité voulu d'abord céder quant à mes limites aux instances de l'Impératrice de Russie afin de donner à S. M. I. une nouvelle preuve de ma condescendance à ses désirs. Mais voyant après que la cour de Vienne s'obstinait à soutenir sa thèse, j'ai cru manquer à ce que je me dois à moi-même et à ma maison royale en

---

продолжаютъ указывать на то, что раздраженіе этого двора противъ меня и Императрицы выше всякаго вѣроятія, и дошедши до ярости, французскій дворъ стремится поссорить насъ какой бы то ни было цѣною. Прилагаемая здѣсь сокращенная копія письма, полученнаго изъ достовѣрнаго источника, убѣдитъ васъ въ этихъ стремленіяхъ; вы позаботитесь сжечь ее по прочтеніи. Я, впрочемъ, не особенно боюсь этой интриги въ настоящее время, и дѣлаю вамъ это конфиденціальное сообщеніе лишь для того, чтобъ возбудить вниманіе ваше на всякіе злобные навѣты, которые могъ бы пытаться внушать тому двору, при которомъ вы находитесь, какой нибудь злонамѣренный сумасбродъ или тайный сторонникъ французскаго двора; это обстоятельство дѣйствительно заставитъ васъ быть постоянно на сторожѣ и раскрывать козни, которыя, быть можетъ, будутъ строиться французской политикой, ради достиженія своихъ цѣлей.

Что касается Австріи, вы знаете уже то, что сказалъ мнѣ баронъ Свитенъ, по своемъ возвращеніи, относительно расширенія австрійскихъ границъ въ Польшѣ, а мои послѣдовавшія затѣмъ распоряженія вамъ сообщили, что Австрія твердо рѣшилась держаться въ занятыхъ ею вслѣдствіи областяхъ, составляющихъ 40 квадратныхъ миль. Я, правду говоря, хотѣлъ сначала уступить въ дѣлѣ о своихъ границахъ настояніямъ русской Императрицы, чтобы представить Е. И. В. новое доказательство своей покорности Ея желаніямъ. Но видя далѣе, что вѣнскій дворъ упорно отстаиваетъ свои притязанія, я подумалъ, что это значило бы не исполнять своего долга по отношенію къ самому себѣ и къ моему королевскому дому, если бы я отказался отъ рас-

renonçant à une extension de mes limites sur la Netze, bien plus petite à la vérité, mais appuyée sur des titres incontestables et sur le sens même du traité de partage. Je ne vous répèterai donc point ici tout ce que je vous ai dit à ce sujet dans mes ordres précédents. Je m'y réfère plutôt tant à cet égard, que par rapport à la paix, et j'attends avec la plus grande impatience mes lettres de Constantinople, pour juger de ce qu'il y a à espérer ou à craindre des dernières insinuations pacifiques que j'ai fait passer à la Porte par mon major de Zegelin.

(En clair). Enfin, le baril de caviar, que vous m'avez adressé par le même courrier, m'est bien parvenu. Je vous en sais gré.

№ 759.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 10 Février. Berlin, le 29 Janvier 1774.

(En chiffre). J'ai reçu votre dépêche du 11 de ce mois et ne puis que vous renvoyer à mes ordres antérieurs pour ce qui concerne l'affaire de Dantzig au sujet de laquelle vous ne pouvez encore rien m'annoncer de satisfaisant. Je me flatte comme vous que la raideur avec laquelle la cour de Vienne persiste dans ses dernières prétentions me sera avantageuse, et cela non seulement dans la susdite affaire de Dantzig, mais aussi par rapport à

ширенія своей границы по Нетцѣ, въ самомъ дѣлѣ, гораздо менѣе значительнаго, но опирающагося на неоспоримыя права и на самый смыслъ договора о раздѣлѣ земель. Я не буду вамъ повторять здѣсь все, что я уже говорилъ вамъ по этому поводу въ предъидущихъ распоряженіяхъ. Сошлюсь лучше на нихъ, какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и относительно заключенія мира; съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю я писемъ изъ Константинополя, чтобы судить на что можно надѣяться и чего опасаться по поводу послѣднихъ внушеній о мирѣ, сдѣланныхъ мною Портѣ, чрезъ моего маіора Зегелина.

(Нешифровано). Наконецъ, присланный вами черезъ того-же курьера боченокъ икры во время былъ мнѣ доставленъ. Благодарю васъ.

Отъ гр. Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 10-го февраля 1774 г. Берлинъ, 29-го января 1774 г.

№ 759. (Шифровано). Я получилъ вашу депешу отъ 11-го сего мѣсяца и въ томъ что касается данцигскаго дѣла, могу лишь сослаться на мои предшествующія распоряженія, такъ какъ вы ничего еще не можете сообщить мнѣ удовлетворительнаго по этому поводу. Я льщу себя надеждой, также какъ и вы, что рѣзкость, выказываемая вѣнскимъ дворомъ въ его послѣднихъ притязаніяхъ, будетъ для меня выгодна и не только относительно выше помянутаго данцигскаго дѣла, но

la difficulté que j'ai avec la cour de Russie pour la détermination de mes nouvelles limites. L'extension que je demande est bien peu de chose au prix de celle que la cour de Vienne veut fixer à ses acquisitions de Pologne. La mienne a de plus sur celle-ci l'avantage d'être fondée sur la teneur expresse du traité de partage, et certainement il n'est pas fort à craindre qu'elle rencontre de la part de la République des oppositions fort difficiles à écarter dès-là que je m'entendrai sur ce sujet avec la cour de Pétersbourg.

Par ordre exprès du roi.

№ 760.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 25 Février. St. Pétersbourg, le 31 Janvier (11 Février) 1774.

Sire, Par le courrier ordinaire d'hier, j'ai reçu les ordres immédiats et médiats de V. M. du 29 de Janvier (en chiffre) avec les nouvelles intéressantes de France du 10 Janvier dont je ferai l'usage que ses ordres me prescrivent. Cependant, j'espère de n'y pas contrevenir absolument, et je suis sûr de ne pas nuire aux intérêts de V. M., si dans la conversation je fais part au comte Panin des articles qui regardent purement la Russie.

также по отношенію къ затрудненіямъ, возникшимъ у меня съ русскимъ дворомъ изъ-за установленія моихъ новыхъ границъ. Расширеніе ихъ, требуемое мною, весьма незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, котораго хочетъ добиться вѣнскій дворъ по поводу своихъ пріобрѣтеній въ Польшѣ. Мое увеличеніе границъ имѣетъ кромѣ того преимущество передъ австрійскими требованіями въ томъ, что оно основывается на точномъ выполненіи договора о раздѣлѣ земель и, разумѣется, не надо особенно бояться, что оно встрѣтитъ со стороны Рѣчи Посполитой противодѣйствіе, которое было бы трудно устранить, послѣ того какъ я договорюсь объ этомъ дѣлѣ съ петербургскимъ дворомъ.

По особому повелѣнію короля.

Отъ графа Сольмса королю.

С.-Петербургъ, 31-го января (11-го февраля) 1774 г.

Представлена 25-го февраля 1774 г.

№ 760. В. В. Со вчерашнимъ курьеромъ я получилъ непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 29-го января (шифровано) вмѣстѣ съ интересными извѣстіями изъ Франціи отъ 10-го января, которыми я воспользуюсь, какъ мнѣ это предписывается сдѣлать въ вашихъ повелѣніяхъ, однако, я надѣюсь, что не поступлю совершенно въ разрѣзъ съ повелѣніями В. В., и увѣренъ, что не поврежу вашимъ интересамъ, если въ разговорѣ съ гр. Панинымъ я сообщу ему статьи, касающіяся

C'est l'engager à une confiance réciproque pour ce qui tend à découvrir les intrigues de la France, et qui servira aussi pour lui faire connaître la manière, dont dans ce pays-là on juge du gouvernement russien et de sa Souveraine; et s'il trouve à propos de le redire à S. M. I., cela augmentera son éloignement pour une cour, où l'on pense si mal à son sujet. Elle est d'ailleurs jusqu'ici dans une défiance si grande contre les ruses que cette cour emploie pour se mettre bien dans son esprit, qu'elle évite d'elle-même les occasions pour se laisser surprendre. Le sieur Diderot est revenu dernièrement de nouveau à la charge, pour lui parler du désir du roi de France et de toute la nation de vivre en bonne amitié avec la Russie, et de lui déclarer de la part du sieur Durand que, si elle voulait remettre la médiation entre les mains de sa cour, elle aurait la paix telle, qu'elle pourrait la désirer. Mais S. M. l'a renvoyé sans réponse sur ce sujet, et lui a dit de laisser le soin de la politique au ministre de sa cour, qui était ici, et de ne l'entretenir quand il se trouvait auprès d'elle, que des affaires de littérature. C'est S. M. l'Impératrice même qui a fait part de cela au comte Panin qui me l'a rendu en grande confidence. On a surpris aussi depuis peu une dépêche du sieur Durand dans laquelle il se déchaîne fort contre la conduite inconséquente de la cour de Vienne, et dit tout le mal possible de son mi-

---

исключительно Россіи; это послужитъ къ тому, чтобы вызвать съ его стороны взаимное довѣріе въ томъ, что можетъ способствовать къ обнаруженію интригъ Франціи, мои же сообщенія послужатъ также къ тому, чтобы ему открыть, какія мнѣнія высказываются во Франціи о русскомъ правительствѣ и о его Государынѣ; если же онъ найдетъ умѣстнымъ довести эти свѣдѣнія до Е. И. В., то это увеличитъ охлажденіе Ея къ тому двору, гдѣ такъ дурно о Ней думаютъ. Кромѣ того Она до сихъ поръ съ такимъ недовѣріемъ относится ко всѣмъ хитростямъ, употребляемымъ этимъ дворомъ, чтобъ заискать Ея расположеніе, что Она и сама избѣгаетъ сношеній съ нимъ, боясь быть обманутой. Г-нъ Дидеро опять недавно возобновилъ свои увѣщанія, и сталъ говорить Императрицѣ о томъ, какъ желаетъ французскій король и вся нація жить въ доброй дружбѣ съ Россіей, и объявилъ ей отъ имени Дюрана, что если Императрица пожелаетъ предоставить посредничество французскому двору, то достигнетъ заключенія такого мира, какого Она только можетъ желать. Но Е. В. не дала Дидеро никакого отвѣта на это заявленіе, и сказала ему, чтобы онъ предоставилъ заботы о политикѣ министру отъ французскаго двора здѣсь находящемуся, и чтобъ разговаривалъ съ Ней, когда будетъ находиться въ ея присутствіи, лишь о предметахъ, касающихся литературы. Е. В. сама Императрица и сообщила объ этомъ разговорѣ гр. Панину, который мнѣ передалъ его весьма конфиденціально. Недавно также была перехвачена депеша Дюрана, въ которой онъ сильно порицаетъ лишенное послѣдовательности поведеніе вѣнскаго двора, и отзывается чрезвычайно дурно

nistre d'ici le prince de Lobkowitz, qu'il dépeint comme un homme trop prévenu pour la Russie. Il y parle aussi d'ùn ami qu'il avait gagné ici, pour lequel il demande une récompense. C'est un comte Masini, italien et chevalier de Malte, que la protection des frères Orlow a poussé ici jusqu'au grade de contre-amiral et chef des galères, et qui était destiné de les commander, au cas qu'on en eût eu besoin l'année passée contre la Suède, mais qui, comme on vient de découvrir à cette heure, avait pris alors des engagements avec les ministres de France et d'Espagne, de faire manquer l'expédition par sa retraite. Tant de marques accumulées de mauvaise volonté ne peuvent qu'augmenter l'éloignement de cette cour pour la France, et forcent même ceux, qui sans aucune considération politique, mais par un pur penchant préfèrent la nation française à toutes les autres, de se taire à son sujet. De sorte que j'espère bien qu'elle ne parviendra pas si facilement à faire changer ici le système actuel. J'excepte le seul cas, où l'opiniâtreté de la Porte pour la paix n'obligeât cette cour-ci encore à quelques années de guerre, et que le besoin de la paix ne la nécessitât de faire usage de ce dernier remède pour l'obtenir. Plus de vigueur de la part de la cour de Vienne pourrait prévenir cet inconvénient.

Ceci me fournit l'occasion de rendre compte de la raison, qui m'a engagé

о находящемся здѣсь его министрѣ, князѣ Лобковичѣ, котораго онъ обрисовываетъ какъ человѣка слишкомъ пристрастнаго къ Россіи. Въ этой же депешѣ онъ упоминаетъ еще о пріобрѣтенномъ имъ здѣсь приверженцѣ, для котораго онъ проситъ награды. Это нѣкій гр. Мазини, итальянецъ, кавалеръ Мальтійскаго ордена, который, благодаря покровительству братьевъ Орловыхъ, достигъ здѣсь званія контръ-адмирала и начальника галеръ; онъ же былъ назначенъ въ прошломъ году для командованія надъ ними, противъ шведовъ, если бы представилась къ тому надобность; но, какъ недавно теперь обнаружено, онъ тогда же принялъ на себя обязательство передъ французскимъ и испанскимъ министрами погубить эту экспедицію своимъ отступленіемъ. Такое большое количество доказательствъ злонамѣренности Франціи можетъ лишь увеличить отдаленіе здѣшняго двора отъ французскаго и принудить къ молчанію въ этомъ случаѣ даже тѣхъ, которые предпочитаютъ французскую націю всѣмъ прочимъ, не ради какихъ либо политическихъ соображеній, но просто по личной склонности. Такимъ образомъ я вполнѣ надѣюсь, что Франціи не особенно легко удастся произвести перемѣну въ принятой здѣсь въ настоящее время системѣ. Я исключаю одинъ лишь случай, если упорное уклоненіе Порты отъ мира принудитъ здѣшній дворъ продолжать еще нѣсколько лѣтъ войну, и потребность въ мирѣ заставитъ его прибѣгнуть хоть къ такому крайнему средству для его достиженія. Болѣе дѣятельное отношеніе со стороны вѣнскаго двора могло бы предупредить это зло.

Послѣднее обстоятельство подаетъ мнѣ поводъ высказать основаніе, побудившее

de parler dans ma dépêche du 7 de Janvier passé au sujet de la possibilité, que la hauteur de la maison d'Autriche pourrait faciliter à la France les moyens de gagner le dessus en Russie, d'une manière à faire soupçonner à V. M., comme elle me le fait observer dans son ordre médiat du 25 du même mois, que je mettais de l'opposition entre les intérêts de la France et de l'Autriche, tandis qu'elle est de l'opinion que ces deux puissances étant amies et alliées, la dernière ne saurait que gagner, si la première parvenait à avoir du terrain à Pétersbourg. Quoique je ne l'aie pas dit expressément dans cette susdite dépêche, j'avoue cependant que j'ai cru que ces deux effets ne pourront pas arriver ensemble, et qu'au contraire, si l'une gagnait considérablement de l'influence en Russie, ce ne serait qu'au détriment de l'autre. Mon sentiment n'a peut-être d'autre fondement que l'habitude d'entendre porter ce même jugement au comte Panin, et à d'autres qui se mêlent de raisonner sur les affaires. On est généralement persuadé que, quoique l'alliance entre la France et l'Autriche ne soit pas formellement dissolue, les points des vues politiques depuis le changement arrivé dans le ministère de la première ont tellement altéré l'union et l'intimité entre elles, qu'elles sont présentement sur un pied de défiance et de jalousie toutes propres à se désunir à la première occasion. Et comme la cour de Vienne, par les liaisons qu'elle a prises avec V. M. et la Russie, a agi ouver-

---

меня говорить въ депешѣ отъ 7-го января сего года о возможности того положенія, что высокомѣріе австрійскаго дома могло бы облегчить для Франціи пути, чтобы овладѣть особымъ вниманіемъ Россіи; такъ что В. В. предположили, какъ мнѣ это и было вами замѣчено въ министерскомъ приказѣ отъ 25-го числа того же мѣсяца, что я противопоставляю интересы Франціи и Австріи, между тѣмъ, какъ В. В. держитесь того мнѣнія, что разъ эти двѣ державы находятся въ дружбѣ и союзѣ, то послѣдняя можетъ лишь выиграть, если первой удастся утвердиться въ Петербургѣ. Хотя я и не высказалъ этого именно въ вышепомянутой депешѣ, я признаюсь все-таки, что, какъ я полагалъ, два подобныхъ дѣйствія не могутъ произойти одновременно и что, напротивъ, если одна держава пріобрѣтетъ значительное вліяніе въ Россіи, это послужитъ лишь въ ущербъ другой державѣ. Мое мнѣніе основывается, можетъ быть, лишь на томъ, что я привыкъ слышать то же самое сужденіе отъ гр. Панина и отъ другихъ, высказывающихъ свое мнѣніе о политическихъ дѣлахъ. Вообще здѣсь убѣждены, что хотя союзъ между Франціей и Австріей формальнымъ образомъ не уничтоженъ, политическіе виды обѣихъ державъ со времени перемѣнъ, происшедшихъ во французскомъ министерствѣ, на столько измѣнили существовавшія между ними единство и близость, что въ настоящее время эти державы проникнуты недовѣріемъ и подозрительностью другъ къ другу и уже готовы разъединиться по первому поводу. А такъ какъ вѣнскій дворъ, опираясь на связи, существующія у него съ В. В. и съ Россіей, открыто противодѣйствовалъ системѣ фран-

tement contre le système de la cour de France, on ne doute pas que celle-ci ne soit toute disposée à lui nuire, dès qu'elle trouvera pour cela les moyens; — et la soupçonnant encore mieux qu'elle n'est en effet avec la Russie, elle fait jouer pour cela tant de machines pour gagner la confiance de cette cour Impériale par les offres avantageux, de lui procurer une paix conforme à ses désirs afin de l'attirer entièrement à soi, et en la refroidissant contre l'autre, de mettre la cour de Vienne dans une situation isolée, où se trouvant sans amis, elle reste exposée à son ressentiment et à sa vengeance. La conduite de la cour de Russie semble être d'accord avec ce principe. Ennemie, si non de nom, du moins quant aux sentiments, et de la France, et de l'Autriche, aussi longtemps qu'elles agissaient de concert contre elle, elle a conservé cette même façon de penser pour la première, qui continue toujours à lui susciter des embarras, et qui paraît être intentionnée de vouloir l'abaisser totalement, pour avoir ensuite la gloire de la relever, au lieu qu'elle est allée au devant de la cour de Vienne, aussitôt que celle-ci s'est montrée mieux disposée pour ses intérêts, et qu'elle lui a fait connaître, qu'elle désapprouvait la politique de la France. Et c'est pour la conserver dans ces mêmes bonnes intentions, et pour empêcher qu'elle ne prenne envie de changer, qu'elle continue de la flatter, et qu'elle supporte toute la raideur que l'autre met dans ses négociations, et la froi-

---

цузскаго двора, то нѣтъ сомнѣнія, что этотъ дворъ вполнѣ приготовился дѣйствовать въ ущербъ вѣнскому двору, какъ только найдетъ къ тому средства; подозрѣвая его еще въ лучшихъ отношеніяхъ съ Россіей, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ, французскій дворъ пускаетъ въ ходъ множество средствъ, чтобъ пріобрѣсти довѣріе русскаго двора, предлагая выгодныя обѣщанія доставить Россіи миръ, соотвѣтствующій ея желаніямъ, чтобы окончательно привлечь русскій дворъ на свою сторону; въ то же время французскій дворъ стремится произвести въ Россіи охлажденіе къ вѣнскому двору и поставить этотъ дворъ въ обособленное положеніе, чтобы, лишивъ его друзей, французскій дворъ могъ насытить свою злобу и месть противъ него. Образъ дѣйствій русскаго двора согласуется, повидимому, съ этимъ намѣреніемъ; враждебный, если не по имени, то по крайней мѣрѣ по чувствамъ, и къ Франціи и къ Австріи, пока онѣ дѣйствовали за одно противъ Россіи, русскій дворъ сохранилъ прежнее отношеніе къ первой изъ этихъ державъ, все продолжающей ставить ему на пути затрудненія, и намѣревающейся повидимому окончательно его унизить, чтобы потомъ опять возвысить его и пріобрѣсти себѣ тѣмъ славу; между тѣмъ къ вѣнскому двору русскій обратился дружелюбно, какъ только этотъ дворъ выказалъ себя болѣе расположеннымъ въ пользу русскихъ интересовъ и увѣдомилъ русскій дворъ, что онъ не одобряетъ политики Франціи. Чтобы не нарушить этихъ добрыхъ намѣреній вѣнскаго двора и недопустить, чтобы имъ овладѣло желаніе ихъ измѣнить, русскій дворъ продолжаетъ заискивать передъ вѣнскимъ и переноситъ отъ него всякія рѣз-

deur avec laquelle elle agit dans l'emploi de ses bons offices pour la paix. Le comte Panin à ce sujet m'a dit une fois que, selon lui, il valait mieux se contenter de la médiocre utilité que la Russie tirait de sa présente union avec l'autre, dans l'espérance qu'en continuant d'agir avec elle sur le même pied de confiance et de bonne foi comme on avait commencé, on pouvait avec le temps en obtenir davantage, et tolérer pour cela un peu de hauteur et de suffisance, plutôt que de se brouiller avec elle, et de donner par là occasion à la France de gagner du terrain en Russie, et d'y établir un nouveau système, contraire à celui d'à présent, qui est fondé principalement sur une union intime avec V. M. Tels sont, Sire, les sentiments de cette cour-ci au sujet des deux puissances, qui prétendent actuellement toutes les deux à son amitié, que j'ai été bien aise d'avoir une occasion de vous exposer de suite, remettant à votre sagesse supérieure, de l'apprécier à sa véritable valeur.

(En clair). Le colonel de Kaulbars, qui a été envoyé de s. m. le roi de Suède pour féliciter l'Impératrice sur le mariage du Grand-Duc, est arrivé enfin aussi, ayant été obligé de faire le grand tour par le nord. Il aura ce soir ses audiences de S. M. I.

V. M. me permettra de lui présenter encore aujourd'hui un baril de caviar.

кости, высказываемыя имъ при веденіи переговоровъ, и холодность, съ которой вѣнскій дворъ оказываетъ свои добрыя услуги для заключенія мира. Гр. Панинъ сказалъ мнѣ однажды по этому поводу, что лучше все таки по его мнѣнію довольствоваться хоть незначительной пользой, извлекаемой Россіей отъ нынѣшняго союза съ Австріей въ надеждѣ, что, продолжая дѣйствовать вмѣстѣ съ ней съ тѣмъ же полнымъ довѣріемъ и добросовѣстностью, какъ они начали, можно со временемъ достигнуть отъ Австріи бóльшаго; а ради этого лучше ужь перенести нѣкоторое высокомѣріе и самодовольство, чѣмъ ссориться съ этой державой, и дать такимъ образомъ возможность Франціи утвердиться прочнѣе въ Россіи и установить новую политическую систему, противную дѣйствующей здѣсь нынѣ, основанной главнымъ образомъ на тѣсномъ сближеніи съ В. В. Таковы, В. В., отношенія здѣшняго двора къ двумъ державамъ, которыя обѣ въ настоящее время имѣютъ притязаніе на дружбу русскаго двора; я очень радъ, что имѣю возможность изложить вамъ тотчасъ же эти отношенія, предоставляя высокой мудрости В. В. оцѣнить настоящее значеніе ихъ.

(Нешифровано). Полковникъ Каульбарсъ, отправленный сюда отъ е. в. шведскаго короля для поздравленія Императрицы съ бракосочетаніемъ Великаго Князя, наконецъ сюда прибылъ, такъ какъ онъ долженъ былъ сдѣлать на сѣверѣ большой объѣздъ. Сегодня вечеромъ онъ будетъ имѣть аудіенцію у Е. И. В.

В. В. позволитъ мнѣ и сегодня преподнести боченокъ икры.

№ 761.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 13 Février. Potsdam, le 1 Février 1774.

(En chiffre). Le parti, que selon votre dépêche du 18 Janvier le comte de Panin prendra au sujet de la démarcation de la cour de Vienne en Pologne, m'a fait un plaisir infini. Il est très certain, et je puis l'avancer avec d'autant plus d'assurance, que je tiens de la propre bouche du baron Swieten, que cette cour ne cèdera point un pouce de terrain des districts, qu'elle a pris en possession. C'est donc effectivement le seul parti mitoyen, qui restait au comte de Panin, pour ne la point heurter de front sur un article, qui lui tient si fort à coeur, et soutenir cependant sa propre thèse, que de me l'adresser, afin d'arranger ensemble nos limites réciproques; et aussi longtemps que la paix avec la Porte n'est pas conclue, il vaut toujours mieux, de ménager que d'indisposer cette cour. Il ne s'agit donc plus qu'à voir, si je puis m'entendre avec elle sur ce sujet. Je n'y vois rien d'impossible, et je compte bien, que les soins, que j'y donnerai, ne seront pas tout-à-fait sans succès.

Quant à l'affaire de Dantzig, je me repose entièrement sur ceux du comte de Panin. Ce ministre saura mieux que personne saisir le moment

---

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 13-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 1-го февраля 1774 г.

№ 761. (Шифрованная). Рѣшеніе, которое, на основаніи вашей депеши отъ 18-го января, будетъ принято гр. Панинымъ относительно установленія границъ въ Польшѣ со стороны вѣнскаго двора, доставило мнѣ огромное удовольствіе. Какъ несомнѣнно извѣстно, и я могу высказать это тѣмъ съ большей увѣренностью, что получилъ это свѣдѣніе изъ собственныхъ устъ барона Свитена, вѣнскій дворъ не уступитъ ни пяди земли изъ тѣхъ областей, которыми онъ завладѣлъ. И дѣйствительно, чтобъ не ставить вѣнскій дворъ прямо лицомъ къ лицу съ той статьей, которая такъ дорога сердцу гр. Панина, но поддержать въ то же время высказанное имъ самимъ положеніе, ему оставалась, какъ единственная средняя мѣра, направить ко мнѣ вѣнскій дворъ, чтобы мы установили вмѣстѣ наши взаимныя границы; а до тѣхъ поръ, пока миръ съ Портою не заключенъ, во всякомъ случаѣ лучше быть внимательнымъ къ этому двору, чѣмъ его раздражать. Теперь надо лишь посмотрѣть, буду ли я въ состояніи сговориться съ вѣнскимъ дворомъ о границахъ. Я не вижу тутъ ничего невозможнаго, и вполнѣ надѣюсь, что заботы, которыя я употреблю для этой цѣли, не останутся вполнѣ безуспѣшными.

Что касается данцигскаго дѣла, я полагаюсь во всемъ на старанія гр. Панина. Этотъ министръ съумѣетъ лучше всякаго другаго уловить моментъ, въ который

qu'il conviendra de la rappeler à la mémoire de sa Souveraine, et de la rendre favorable à mes intérêts. En attendant je souhaite bien ardemment, que vous soyez bientôt à même de me donner de bonnes nouvelles au sujet du soulèvement des cosaques, et je serai content, pourvu que vous puissiez m'assurer positivement, qu'au moins l'esprit de révolte et de sédition n'ait point gagné plus de terrain, avant l'arrivée des troupes, qu'on a dépêchées, pour l'étouffer. D'ailleurs je compte de recevoir dans peu des nouvelles de mon major de Zegelin, dont les premières dépêches me feront apparemment juger, si la Porte persiste encore dans les mêmes dispositions pacifiques, qu'elle a manifestées ci-devant, ou si les instigations et intrigues de quelque autre puissance auront ranimé son courage, jusqu'au point de préférer la continuation de la guerre. Pour mon particulier, la Russie peut compter que je continuerai à m'employer de toute mon âme à lui procurer une bonne paix.

№ 762.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 13 Février. Berlin, le 1 Février 1774.

(En chiffre). J'ai vu avec peine par votre dépêche du 14 de Janvier l'indisposition survenue au comte de Panin. J'espère qu'elle n'aura point de suites et que ce ministre se retrouvera bientôt en état de reprendre le tra-

---

всего подходящѣе будетъ вызвать въ памяти его Государыни это дѣло и расположить ее въ пользу моихъ интересовъ. Пока-же я весьма горячо желаю, чтобы вы скорѣй имѣли возможность сообщить мнѣ утѣшительныя извѣстія относительно бунта казаковъ, и я буду доволенъ, если вы хоть въ состояніи будете увѣрить меня положительнымъ образомъ, что духъ мятежа и возмущенія не выигралъ въ силѣ, по крайней мѣрѣ, до прибытія войскъ, отправленныхъ для его подавленія. Кромѣ того, я въ скоромъ времени разсчитываю получить извѣстія отъ своего маіора Зегелина, при первыхъ депешахъ котораго я, вѣроятно, пріобрѣту возможность судить, продолжаетъ ли Порта пребывать въ томъ-же мирномъ настроеніи, которое она обнаруживала недолго, или, быть можетъ, подстрекательства и интриги какой нибудь иной державы возбудили снова ея мужество до такой степени, что она предпочитаетъ продолжать войну. Что касается въ частности меня, Россія можетъ разсчитывать, что я по прежнему буду отъ всей души стараться доставить ей выгодный миръ.

Отъ гр. Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 13-го февраля 1774 г. Берлинъ, 1-го февраля 1774 г.

№ 762. (Шифрованная). Съ огорченіемъ узналъ я изъ вашей депеши отъ 14-го января о нездоровьи, постигшемъ гр. Панина. Надѣюсь, что оно не будетъ имѣть послѣдствій, и что этотъ министръ вскорѣ будетъ въ состояніи взяться опять за дѣла.

vail. L'affaire de Dantzig sera alors, à ce que je me flatte, la première à laquelle il se remettra. Il est bien temps qu'il s'en occupe sérieusement. Le dernier terme de la diète approche insensiblement, et il n'y a plus de moments à perdre, si nous voulons qu'avant sa fin l'affaire en question soit décidée.

Suivant mes dernières lettres de Stockholm, le président de la chancellerie a informé ministériellement le comte Osterman que le roi, son maître, toujours dans les mêmes sentiments d'amitié pour l'Impératrice de Russie, avait écrit à cette princesse relativement aux affaires de Holstein, que l'échange étant fait, il avait chargé son ministre à Vienne de déclarer, lorsqu'il y serait question de la confirmation impériale, que S. M. R. se réservait ses droits sur les comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst, qu'étant de la branche aînée, elle avait jugé cette démarche nécessaire pour en assurer la succession à sa famille au défaut d'héritier du Grand-Duc, et qu'elle devait cette précaution aux princes ses frères, qui pourraient avoir postérité et besoin par conséquent d'établissements pour leurs enfants. Le baron Scheffer a ajouté que l'on n'avait pu en parler plutôt, toute l'affaire s'étant traitée à l'insu de la Suède. Vous apprendrez sans doute la manière dont la cour de Russie aura répondu à cette déclaration et vous aurez soin de m'en faire votre très humble rapport.

Par ordre exprès du roi.

Данцигское дѣло, какъ я льщу себя надеждой, будетъ первымъ, за которое онъ опять примется. Уже давно пора, чтобы онъ занялся имъ серьезно. Послѣдній день сейма незамѣтно приближается, и нельзя болѣе терять ни минуты, если мы хотимъ, чтобы названное дѣло было рѣшено до окончанія сейма.

Судя по моимъ послѣднимъ письмамъ изъ Стокгольма, президентъ канцлерства увѣдомилъ гр. Остермана въ министерской депешѣ, что король, его государь, пребывая все въ тѣхъ же дружескихъ чувствахъ къ русской Императрицѣ, написалъ этой Государынѣ относительно голштинскихъ дѣлъ, что, такъ какъ обмѣнъ уже сдѣланъ, онъ поручилъ своему министру, находящемуся въ Вѣнѣ, объявить, какъ только зайдетъ рѣчь объ этихъ дѣлахъ, что Е. К. В. утвердило рѣшеніе и сохраняетъ за собой права надъ графствами Ольденбургскимъ и Дельменгорстскимъ; принадлежа къ старшей вѣтви династіи, Е. В. сочло необходимымъ поступить такимъ образомъ, чтобы обезпечить за своимъ родомъ наслѣдіе престола, въ случаѣ отсутствія наслѣдника у Великаго Князя. Е. К. В. обязано прибѣгнуть къ этой предосторожности ради принцевъ, своихъ братьевъ, которые могутъ имѣть потомство и нуждаются поэтому въ обезпеченіи своихъ дѣтей. Баронъ Шефферъ присовокупилъ, что невозможно было говорить объ этомъ раньше, такъ какъ все дѣло производилось безъ вѣдома Швеціи. Вы узнаете безъ сомнѣнія, какъ русскій дворъ отвѣчалъ на эту декларацію и позаботитесь представить мнѣ по этому предмету всеподданнѣйшій докладъ.

По особому повелѣнію короля.

№ 763.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 28 Février. A St.-Pétersbourg, le 4 (15) de Février 1774.

Sire, Les derniers ordres immédiats et médiats de V. M., du 1 de ce mois, me sont bien entrés.

(En chiffre). J'ai réussi, comme je me le suis imaginé, de faire plaisir au c-te Panin en lui apprenant les anecdotes françaises qu'il a plu à V. M. de faire joindre à ses ordres immédiats précédents du 29 de Janvier. Il s'en est noté les plus fortes pour les employer dans l'occasion.

On continue ici de recevoir de très bonnes nouvelles du succès des mesures employées contre les cosaques rebelles. On leur enlève tous les endroits dont ils s'étaient mis en possession, on les a battus en détail en plusieurs rencontres, et le soldat acharné contre eux n'est pas à retenir pour leur donner quartier. Il y a eu dans une de ces affaires trois cents cosaques massacrés, sans qu'il a été possible aux officiers de l'empêcher. Un autre corps de rebelles d'au-delà de deux milles hommes s'est rendu par capitulation. La terreur et la crainte commencent à passer de leur côté.—L'essentiel présentement, pour étouffer le mal jusque dans sa source, est de pouvoir atteindre le corps principal avec lequel le chef se trouve, et d'empêcher qu'il ne se disperse au-delà de la rivière du Jaick et du fleuve d'Irtisch par les

---

Отъ графа Сольмса королю.

Представлена 28-го февраля 1774 г. С.-Петербургъ, 4-го (15-го) февраля 1774 г.

№ 763. Ваше Величество. Последнія повеленія В. В., непосредственныя и министерскія отъ перваго сего месяца, были мне своевременно доставлены.

(Шифровано). Мне удалось, какъ я это и представлялъ себе, доставить удовольствіе гр. Панину, сообщивъ ему известія изъ Франціи, которыя В. В. угодно было приложить къ предъидущимъ непосредственнымъ повеленіямъ вашимъ отъ 29-го января. Онъ отметилъ у себя наиболее важныя известія, чтобы при случае воспользоваться ими. Здесь продолжаютъ получаться очень утешительныя известія объ успехе меръ, принимаемыхъ противъ мятежныхъ казаковъ. Ихъ вытесняютъ изъ всехъ областей, которыми они завладели; они разбиты по частямъ въ несколькихъ стычкахъ, и солдатъ, остервенившихся противъ нихъ, невозможно остановить, чтобы пощадить ихъ жизнь. Въ одномъ изъ такихъ делъ было перебито триста казаковъ, и офицеры не могли воспротивиться этому; другой корпусъ мятежниковъ, свыше двухъ тысячъ человекъ, сдался на капитуляцію. Паническій страхъ начинаетъ овладевать уже мятежниками. Важное теперь для уничтоженія зла въ самомъ корне, это — настигнуть главный корпусъ, при которомъ находится глава мятежниковъ, и не допустить ихъ разсыпаться по степямъ по ту сторону реки Яика и Иртыша, откуда

déserts, d'où il pourrait renouveler ses courses après la retraite des troupes réglées. Mais le général Bibikow fait espérer, que par ses dispositions il réussira à leur couper ces retraites.

La déclaration des intentions de s. m. le roi de Suède, de se pourvoir par une réservation de ses droits, auprès de la cour impériale de Vienne, contre le traité d'échange conclu entre la Russie et le Danemarc pour le duché d'Holstein, ne s'est pas bornée à ce que le sénateur Scheffer en a dit ministériellement à Stockholm au c-te Ostermann, mais a été répetée encore dans une lettre de main propre que ce prince a écrite à ce sujet à l'Impératrice. On est un peu piqué ici du reproche que la cour de Suède fait à celle de Russie, de ce qu'elle lui a laissé ignorer la négociation qu'elle entretenait à ce sujet avec la cour de Danemarc, ainsi que dans la réponse de S. M. I. Elle fera observer au roi de Suède: qu'Elle n'avait pas cru nécessaire d'instruire la cour de Suède de la disposition, que le grand-duc faisait de son bien à lui appartenant en propre, en faveur de son plus proche parent; puisque, quand le feu roi de Suède, qui à ce même bien n'avait qu'un droit de succession éventuelle, avait fait la même disposition, n'avait pas fait part non plus de la moindre chose à la cour de Russie.—Du reste, que si s. m. suédoise ne trouvait pas à propos, de confirmer la renonciation que le roi son père a faite pour lui et pour ses héritiers au duché de Holstein, et à

они могли бы возобновить свои набѣги по уходѣ регулярныхъ войскъ. Но генералъ Бибиковъ подаетъ надежды на то, что, благодаря его распорядительности, ему удастся отрѣзать такое отступленіе мятежникамъ.

Заявленіе со стороны е. в. короля шведскаго о намѣреніи сохранить за собой пользованіе своими правами при императорскомъ вѣнскомъ дворѣ противно договору объ обмѣнѣ земель, заключенному между Россіей и Даніей въ пользу герцогства Голштинскаго, — это заявленіе не ограничилось тѣмъ, что офиціально было высказано по этому поводу сенаторомъ Шефферомъ въ Стокгольмѣ графу Остерману, но было повторено еще и въ собственноручномъ письмѣ этого государя, посланномъ имъ по этому дѣлу Императрицѣ. Здѣсь нѣсколько оскорблены упрекомъ, дѣлаемымъ шведскимъ дворомъ русскому по поводу того, что этотъ дворъ не извѣстилъ шведскаго двора о переговорахъ, которые онъ велъ по этому дѣлу съ датскимъ дворомъ; поэтому Е. И. В. въ своемъ отвѣтѣ дастъ шведскому королю замѣтить, что Она не считала нужнымъ увѣдомлять шведскій дворъ о распоряженіи, сдѣланномъ Великимъ Княземъ относительно своей собственности, лично ему принадлежащей, въ пользу своего ближайшаго родственника; когда же покойный шведскій король, имѣвшій на эти же самыя владѣнія лишь право случайнаго наслѣдованія, сдѣлалъ точно такое же распоряженіе, онъ также не далъ ни малѣйшаго увѣдомленія о томъ двору русскому. Наконецъ, можетъ быть, е. в. шведскій король не находитъ для себя удобнымъ утвердить отреченіе, данное королемъ, отцомъ его, за него и его наслѣдниковъ, отъ герцогства Голштинскаго и отъ всего, что когда либо могло бы имъ

tout ce qui pourrait jamais leur revenir comme appartenant à cette maison ducale, en faveur du duc-évêque de Lubec son frère, qui était cependant la même personne à laquelle le grand-duc avait cédé présentement ses droits effectifs, S. M. l'Impératrice ne l'empêcherait pas de se réserver les droits qu'elle croyait de pouvoir prétendre là-dessus.

C'est sur ce principe qu'on est intentionné ici d'agir dans cette affaire. C'est-à-dire: d'être d'accord présentement avec le Danemarc pour l'exécution du traité qui vient d'être conclu, et de remettre aux événements des temps futurs l'occasion que la branche de s. m. le roi de Suède puisse faire valoir ses droits de succession aux comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst, après l'extinction de celle de l'évêque de Lubec, et celle des enfants du feu prince George d'Holstein. Et l'on se donnera toutes les peines d'engager la cour de Vienne, de ne point refuser la confirmation de l'arrangement actuel.

(En clair). S. M. l'Impératrice avec LL. AA. II. le grand-duc et la grande-duchesse sont partis avant-hier pour Zarskoé Selo, pour y demeurer une dizaine de jours.

№ 764.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 17 Février. Potsdam, le 5 de Février 1774.

(En chiffre). C'est avec bien du plaisir, que j'apprends, par votre dépêche

---

достаться, какъ принадлежащее къ этому герцогскому дому, отреченіе въ пользу герцога и епископа Любскаго, его брата, который однако и есть то самое лицо, въ чью пользу Великій Князь уступилъ въ настоящее время свои дѣйствительныя права; въ такомъ случаѣ, Е. В. Императрица не помѣшаетъ ему сохранить за собою права, на которыя, какъ Она полагала, онъ можетъ заявить притязанія.

На такихъ-то основаніяхъ и намѣреваются поступать въ этомъ дѣлѣ, а именно: дѣйствовать въ настоящее время заодно съ Даніей относительно выполненія только что заключеннаго трактата и предоставить событіямъ грядущаго времени возможность заявить линіи е. в. шведскаго короля свои наслѣдственныя права на графства Ольденбургское и Дельменгорстское, послѣ того, какъ прекратится родъ епископа Любскаго и потомство покойнаго герцога Голштинскаго Георга; всѣми силами постараются здѣсь привлечь и вѣнскій дворъ къ согласію на утвержденіе настоящаго постановленія.

(Нешифровано). Е. В. Императрица съ Е. И. В. Великимъ Княземъ и Великой Княгиней уѣхали третьяго дня въ Царское село, гдѣ и пробудутъ дней десять.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 17-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 5-го февраля 1774 г.

№ 764. (Шифровано). Съ большимъ удовольствіемъ узналъ я изъ вашей де-

du 21 de Janvier dernier, que la rebellion des cosaques n'augmente pas. C'est toujours une bonne chose, que ceux du Don et les colonies de Saratow restent tranquilles et soumis. Le reste des rebelles sera bientôt ramené à son devoir, et au moins n'a-t-on plus tant de sujet d'appréhender.

Au reste, je n'ai pas besoin, de vous faire connaître, combien je suis satisfait de tout ce que le comte de Panin vous a dit de poli et d'obligeant sur le soin qu'il prendrait de mes intérêts. Vous le sentirez mieux que je ne saurais vous l'exprimer, et d'ailleurs un accès de goutte et de fièvre, qui cependant n'aura point de suite, j'espère, m'oblige à être aujourd'hui fort laconique.

(En clair). Le baril de caviar en attendant m'est bien parvenu et je vous en remercie.

№ 765.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 17 Février. Berlin, le 5 Février 1774.

(En chiffre). J'ai vu avec plaisir, par votre dépêche du 18 de Janvier, que la cour de Russie a pris le parti de renvoyer celle de Vienne à s'arranger avec moi sur l'article des limites respectives des deux puissances.

пеши отъ 21-го января сего года, что бунтъ казацкій не разрастается. Во всякомъ случаѣ хорошо, что донскіе казаки и саратовскія колоніи остаются спокойными и покорными. Остальные мятежники скоро будутъ снова приведены къ должному повиновенію, и по крайней мѣрѣ теперь нѣтъ уже столь многихъ поводовъ къ опасеніямъ.

Въ заключеніе, мнѣ нѣтъ надобности сообщать вамъ, какъ я доволенъ всѣми любезными и обязательными заявленіями, высказанными вамъ гр. Панинымъ о томъ участіи, которое онъ будетъ принимать въ моихъ интересахъ. Вы почувствуете мое состояніе лучше, чѣмъ я могъ бы вамъ это выразить, и кромѣ того приступы подагры и лихорадки, которыя, надѣюсь, не будутъ однако имѣть послѣдствій, заставляютъ меня сегодня быть очень краткимъ.

(Нешифровано). Боченокъ же икры былъ мнѣ своевременно доставленъ; благодарю васъ.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получена 17-го февраля 1774 г. Берлинъ, 5-го февраля 1774 г.

№ 765. (Шифровано). Съ удовольствіемъ узналъ я изъ вашей депеши отъ 18-го января, что русскій дворъ рѣшилъ направить вѣнскій дворъ ко мнѣ, чтобы уговориться со мной относительно статьи, касающейся границъ въ Польшѣ каждой

C'est en effet la meilleure résolution à prendre dans cette occasion, vu en particulier l'intérêt que l'on a à Pétersbourg de ménager la cour impériale dans les conjonctures présentes de la guerre avec la Porte et des troubles intérieurs de l'empire. Je ne doute pas que cette affaire ne s'arrange maintenant avec facilité, me flattant au reste à juste titre, que la cour de Russie sera d'autant plus disposée à me favoriser sur le point de la démarcation de mes frontières, que je suis fondé en cela sur la lettre même du traité de partage, tandis que la cour de Vienne est obligée de faire violence aux expressions de cette même convention et d'y substituer même un nom tout différent de rivière à celui qui s'y trouve pour donner quelque couleur à ses nouvelles prétentions.

Par ordre exprès du roi.

№ 766.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 19 Février. Potsdam, le 6 de Février 1774.

Mes lettres de Constantinople du 3 de Janvier dernier viennent de m'entrer, et je m'empresse de vous les communiquer ci-joint en copie. Elles vous apprendront, que la Porte ne paraît pas éloignée de la paix, et qu'elle

---

изъ державъ. Дѣйствительно, это наилучшее рѣшеніе, къ которому можно было придти въ этомъ случаѣ, имѣя особенно въ виду, что петербургскому двору не слѣдуетъ раздражать императорскаго двора при нынѣшнихъ усложнившихся военныхъ дѣлахъ съ Портой и при внутреннихъ волненіяхъ въ государствѣ. Я не сомнѣваюсь, что это дѣло легко теперь уладится и имѣю основаніе льстить себя надеждой, что русскій дворъ тѣмъ болѣе будетъ расположенъ ко мнѣ благопріятно при опредѣленіи моей демаркаціонной линіи, что я основываюсь въ этомъ случаѣ на самомъ текстѣ договора о раздѣлѣ, между тѣмъ какъ вѣнскій дворъ вынужденъ прибѣгать къ произвольному толкованію этой конвенціи и подставлять названіе рѣки совершенно отличное отъ находящагося въ договорѣ, лишь бы найти какое либо оправданіе новымъ своимъ притязаніямъ.

По особому повелѣнію короля.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 19-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 6-го февраля 1774 г.

№ 766. Мои письма изъ Константинополя отъ 3-го января сего года только что пришли ко мнѣ, и я спѣшу вамъ сообщить ихъ, прилагая копіи съ нихъ. Изъ нихъ вы узнаете, что Порта, повидимому, не далека отъ мира и согласится, можетъ

se prêtera peut-être à en entamer de nouveau la négociation. Je me flatte même que la réponse du grand-vizir sur les dernières propositions répandra plus de jour sur ce qu'il y a à en espérer.

(En chiffre). Mais avec tout cela, il faut s'attendre que l'envie et la jalousie de certaines cours feront tous leurs efforts, pour empêcher ou traverser cette négociation, et c'est ce qui me fait désirer, qu'au cas que la Porte s'y prête effectivement, les plénipotentiaires réciproques fassent tant de diligence et y apportent tant de facilités, qu'ils parviennent à la conclusion avant que les intrigues étrangères puissent éclore et prendre quelque faveur.

№ 767.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 19 Février. Berlin, le 7 Février 1774.

J'ai reçu votre rapport du 21 de Janvier. (En chiffre). Je suppose que le sieur Zegelin n'aura pas manqué de vous mander en droiture la réception de la lettre concernant les nouvelles insinuations de paix à faire à la Porte. Un rapport qu'il m'a adressé en date du 3 de Janvier m'apprend qu'il en a déjà fait usage de la manière prescrite et qu'il y a eu en conséquence un

---

быть, снова вступить въ мирные переговоры. Я льщу притомъ себя надеждой, что отвѣтъ Великаго визиря на послѣднія предложенія прольетъ болѣе свѣта на то, чего можно ожидать отъ переговоровъ.

(Шифровано). Но несмотря на все это, слѣдуетъ предполагать, что зависть и соперничество нѣкоторыхъ дворовъ употребятъ всѣ свои усилія, чтобъ помѣшать или прервать эти переговоры; это-то обстоятельство и заставляетъ меня желать, въ случаѣ, если Порта дѣйствительно согласится на переговоры, чтобы уполномоченные отъ обоихъ дворовъ выказали такъ много рвенія и уступчивости, что достигли бы заключенія мира, прежде чѣмъ чужеземныя интриги могли бы получить развитіе и найти благопріятный доступъ.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получена 19-го февраля 1774 г. Берлинъ, 7-го февраля 1774 г.

№ 767. Я получилъ ваше донесеніе отъ 21-го января. (Шифровано). Какъ я полагаю, маіоръ Зегелинъ не преминулъ увѣдомить васъ непосредственно о полученіи письма, касающагося новыхъ внушеній относительно мира, съ которыми онъ долженъ обратиться къ Портѣ. Донесеніе, отправленное имъ ко мнѣ отъ 3-го января, извѣщаетъ меня, что онъ уже воспользовался указаннымъ способомъ дѣйствій, слѣдствіемъ которыхъ было экстренное созваніе дивана, но исходъ совѣщаній пока неиз-

divan extraordinaire dont il ignorait encore le résultat. Il y a apparence que l'on aura voulu préalablement consulter le grand-vizir sur cette importante affaire, et c'est de quoi les premières lettres de Constantinople nous éclairciront. Il est seulement à souhaiter que le sultan, dont les jours paraissent menacés par un état très valétudinaire, se conserve jusqu'à la conclusion de l'ouvrage entamé. Un nouveau ministère ne serait peut-être pas aussi bien disposé pour la paix que le ministère d'aujourd'hui.

Par ordre exprès du roi.

№ 768.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 5 Mars. A St. Pétersbourg, le 7 (18) Février 1774.

(En chiffre). Sire, Le mystère au sujet du sr. de Saldern a été enfin dévoilé à S. M. l'Impératrice par la bouche du Grand-Duc. Ce jeune prince était convenu à la vérité avec le c-te Panin de n'en rien dire que sur son avis et sur son conseil; mais, étant alarmé des bruits soutenus qui couraient sur son retour, et voyant que cela ne faisait aucune impression sur l'esprit de son ancien grand-gouverneur, il a pris sur lui d'aller lui-même chez l'Impératrice pour lui découvrir tout ce qui s'était passé entre lui et le s. de Saldern, et pour la prier d'éloigner pour l'avenir de sa personne un homme si dangereux par son esprit d'intrigue et de cabales.

вѣстенъ ему. Вѣроятно тамъ захотятъ посовѣтоваться предварительно съ Великимъ визиремъ объ этомъ важномъ дѣлѣ; все это объяснится по полученіи первыхъ писемъ изъ Константинополя. Надо лишь пожелать, чтобы султанъ, жизни котораго повидимому грозитъ опасностью весьма болѣзненное его состояніе, продлилъ свое существованіе до окончанія предпринятаго дѣла. Новое министерство не будетъ, можетъ быть, такъ искренно расположено къ миру, какъ нынѣшнее.

По особому повелѣнію короля.

Отъ графа Сольмса королю.

Представлена 5-го марта 1774 г. С.-Петербургъ, 7-го (18-го) февраля 1774 г.

№ 768. (Шифровано). Ваше Величество, Тайна относительно Сальдерна была наконецъ разоблачена передъ Е. В. Императрицей самимъ Великимъ Княземъ. Этотъ молодой Великій Князь условился, правда, съ Панинымъ не говорить ничего, не спросивъ его мнѣнія и совѣта, но встревожившись упорными слухами о возвращеніи Сальдерна и видя, что это не производитъ никакого впечатлѣнія на его бывшаго оберъ-гофмейстера, онъ взялъ на себя пойти къ Императрицѣ и открыть Ей лично все, что произошло между нимъ и Сальдерномъ, прося Государыню удалить на будущее время отъ своей особы человѣка столь опаснаго, вслѣдствіе его наклонности къ интригамъ и ковнямъ.

L'Impératrice a été surprise au dernier point, d'entendre des choses dont elle n'avait en effet aucune connaissance, et ayant fait appeler le c-te Panin, celui-ci a eu une explication très détaillée avec elle à ce sujet, dans laquelle il ne lui a laissé rien ignorer des traits de perfidie et de mauvaise foi de ce ministre. Il lui a dénoncé la tabatière avec le chiffre de l'Impératrice volée à Varsovie; les 12 m. roubles escroqués de la cour de Danemarc sous le nom de la princesse Dachkow; les 20 m. écus demandés à V. M.; en un mot, il a mis la Souveraine entièrement au fait de toute sa mauvaise conduite dont elle s'est mise tellement en colère, qu'elle a voulu qu'on envoyât dans le moment des ordres pour s'assurer de lui partout, où on le trouverait, et qu'on le conduisît ici les fers aux pieds pour le faire punir. Qu'on informât en même temps les commandants sur les frontières, de l'arrêter sur le champ, au cas qu'il s'y présentât pour passer. Elle a déclaré que cette dernière précaution était nécessaire afin d'empêcher qu'il n'arrivât inopinément, parce qu'elle avouait, qu'elle avait pris des engagements avec le s. de Saldern, qu'il devait revenir aussitôt que les affaires d'Holstein seraient terminées, et qu'elle lui avait promis de lui donner ici une place avantageuse. Le c-te Panin a pris sur lui d'empêcher, qu'il ne revînt point sans être appelé, et se livrant ensuite à son penchant naturel d'humanité et de compassion, il a tâché de calmer l'esprit agité de S. M. l'Impératrice et a trouvé moyen de faire différer l'exécution de sa première

---

Императрица была удивлена въ высшей степени, услыхавъ вещи, о которыхъ она дѣйствительно не имѣла никакого понятія, и призвавъ графа Панина, она имѣла съ нимъ очень подробное объясненіе по этому предмету, причемъ гр. Панинъ не скрылъ отъ Нея ни одного вѣроломнаго и недобросовѣстнаго поступка этого министра. Онъ доложилъ Ей о табакеркѣ съ шифромъ Императрицы, украденной въ Варшавѣ, о двѣнадцати тысячахъ рублей, выманенныхъ у датскаго двора на имя княгини Дашковой, о двадцати тысячахъ экю, потребованныхъ имъ у В. В.; однимъ словомъ, онъ вполнѣ посвятилъ Монархиню во всѣ подробности гнуснаго поведенія Сальдерна, противъ котораго она пришла въ такой гнѣвъ, что пожелала тотчасъ же послать приказъ о томъ, чтобы схватить его, гдѣ бы его ни нашли, и привести сюда съ кандалами на ногахъ, для того, чтобы подвергнуть его наказанію. Въ то же время было приказано пограничнымъ начальникамъ немедленно арестовать его, если онъ появится на границѣ. Она заявила, что эта послѣдняя предосторожность необходима, чтобы помѣшать ему пріѣхать неожиданно, такъ какъ Она призналась, что уговорилась съ Сальдерномъ, чтобы онъ вернулся тотчасъ же, какъ окончатся голштинскія дѣла, и обѣщала дать ему здѣсь выгодное мѣсто. Гр. Панинъ взялъ на себя воспрепятствовать ему вернуться прежде, чѣмъ онъ будетъ призванъ, и подчинившись затѣмъ вліянію своей естественной склонности къ гуманности и состраданію, онъ постарался успокоить взволнованную Императрицу и нашелъ возможность отсрочить приведеніе

résolution. S. M. est partie le même jour pour Zarskoé Sélo, et l'affaire a été suspendue par là. L'intention du c-te Panin est de porter sa Souveraine à la terminer sans éclat, et de lui envoyer simplement sa démission, qu'il accompagnera, lui, d'une lettre particulière, dans laquelle il lui conseillera de ne plus retourner en Russie, et de renvoyer la tabatière qui ne lui avait pas été donnée. Quoique ce parti est des plus doux qu'on puisse prendre, partout ailleurs cependant on se serait empressé de l'exécuter, mais cela ne se fait point ici; le c-te Panin n'a pas jugé à propos d'aller de toute la semaine à Zarskoé Sélo, et il ne verra S. M. l'Impératrice que lundi prochain, où il sera obligé d'aller à ce château de campagne pour la tenue du conseil. V. M. daignera juger de cet échantillon, combien on devait avoir de la peine pour obtenir de ces gens ici des résolutions dans les affaires d'autrui, lorsqu'ils traitent avec tant d'indolence celles qui les regardent eux-mêmes. En attendant, il n'y a pas à craindre que l'Impératrice change de sentiment au sujet du s. de Saldern: le Grand-Duc qui augmente tous les jours de crédit auprès d'elle, est trop outré contre cet homme, pour ne pas s'opposer de toutes ses forces à son retour; et il est animé par la Grande-Duchesse qui sait, que le sr. de Saldern a voulu détourner le Grand-Duc d'épouser une princesse de sa maison, et qui lui a conseillé en tout cas, s'il fallait en choisir une, de préférer la cadette à elle-même.

въ дѣйствіе перваго ея рѣшенія. Е. В. уѣхала въ тотъ же день въ Царское село, и дѣло было такимъ образомъ отложено. Гр. Панинъ намѣренъ склонить свою Государыню окончить это дѣло безъ шума и послать Сальдерну просто отставку, къ которой Панинъ приложитъ частное письмо, совѣтуя ему не возвращаться болѣе въ Россію и прислать назадъ табакерку, которой ему не жаловали. Хотя это и самое милостивое рѣшеніе, какое только можно было предпринять, гдѣ бы то ни было, однако, его поспѣшили бы привести въ дѣйствіе, но не такъ дѣлается здѣсь; гр. Панинъ не счелъ нужнымъ ѣхать въ Царское село впродолженіи цѣлой недѣли, и увидитъ Е. В. Императрицу лишь въ будущій понедѣльникъ, когда онъ обязанъ будетъ отправиться въ загородный дворецъ на засѣданіе совѣта. В. В. соблаговолитъ разсудить по этому примѣру, сколько приходится потратить труда, чтобы добиться отъ такихъ людей рѣшительныхъ дѣйствій въ чужихъ дѣлахъ, если они съ такой апатіей относятся къ дѣламъ, касающимся ихъ самихъ. Пока же нечего опасаться, чтобъ Императрица перемѣнила мнѣніе о Сальдернѣ: Великій Князь, каждый день пріобрѣтающій все большее довѣріе Императрицы, слишкомъ раздраженъ противъ этого человѣка, чтобъ не воспротивиться всѣми силами его возвращенію; его же побуждаетъ къ тому еще Великая Княгиня, которой извѣстно, что Сальдернъ хотѣлъ отговорить Великаго Князя жениться на принцессѣ изъ ея рода, и совѣтовалъ ему во всякомъ случаѣ, если ужь надо выбирать оттуда невѣсту, предпочесть ея младшую сестру ей самой.

(En clair). Je viens de recevoir les ordres immédiats et médiats de V. M. du 5 de ce mois, dans lesquels j'ai été très affligé de lire l'accès de goutte qui lui est survenu. Je fais des voeux sincères et très respectueux pour son prompt et parfait rétablissement.

Le colonel pr. de Dolgorouky est revenu de Berlin et a rendu compte à S. M. l'Impératrice de la manière extrêmement gracieuse dont il a été accueilli de V. M. et de toute la maison royale. Il a montré les présents qu'il a reçus, le portrait de V. M. et une boîte de S. A. R. la pr-sse de Prusse, qui ont été admirés. Il n'a pu s'arrêter ici que trois jours, et il est parti hier pour joindre son régiment, qui fait partie du corps employé contre les cosaques rebelles sous les ordres du général de Bibikow.

№ 769.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 19 Février. Potsdam, le 8 de Février 1774.

Le comte de Goertz a devancé de quelques heures votre rapport du 25 de Janvier dernier; (en chiffre) et j'ai été bien charmé d'apprendre de sa bouche, qu'il n'y a pas beaucoup à appréhender de la révolte des cosaques. En attendant, il me tarde d'être informé plus particulièrement de la réponse,

---

(Нешифровано). Я только что получилъ непосредственные и министерскіе приказы В. В. отъ 5-го сего мѣсяца, въ которыхъ я съ великимъ прискорбіемъ прочиталъ о приступахъ подагры, появившихся у В. В. Я приношу искреннѣйшее и почтительное желаніе о скоромъ и совершенномъ выздоровленіи В. В.

Полковникъ князь Долгоруковъ возвратился изъ Берлина и отдалъ отчетъ Е. В. Императрицѣ о чрезвычайно любезномъ пріемѣ, оказанномъ ему В. В. и всѣмъ королевскимъ домомъ. Онъ показалъ полученные имъ подарки: портретъ В. В. и шкатулку отъ е. к. в. прусской принцессы; подарки эти вызвали общій восторгъ. Онъ могъ пробыть здѣсь лишь три дня и уѣхалъ вчера, чтобъ присоединиться къ своему полку, составляющему часть корпуса, отправленному противъ мятежныхъ казаковъ подъ начальствомъ генерала Бибикова.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 19-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 8-го февраля 1774 г.

№ 769. Графъ Гёрцъ опередилъ нѣсколькими часами ваше донесеніе отъ 25 января сего года; (шифровано) мнѣ было чрезвычайно пріятно услышать отъ него лично, что нечего особенно опасаться казацкаго бунта. Пока же мнѣ весьма интересно получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ отвѣтѣ, данномъ тѣмъ дворомъ, при

que la cour où vous êtes a donnée à celle de Vienne, sur nos frontières en Pologne. Vous me la promettez pour l'ordinaire prochain, et vous m'avez déjà prévenu, par votre dépêche du 18 de Janvier, sur le précis de son contenu. Un article essentiel en était, qu'après avoir refusé tout net le consentement de l'Impératrice à l'extension de ses limites, S. M. I. lui conseille cependant, de régler avec moi ce que nous croirions convenable à l'intérêt général. Il s'agit donc, de savoir bien positivement, si telle est encore l'intention de S. M. I., et si ce conseil a été inséré effectivement dans la réponse, qu'on a remise au prince de Lobkowitz; et il m'importe d'autant plus d'en être bien assuré, qu'à son défaut je ne saurais pas trop, comment m'expliquer sur les propositions, que la cour de Vienne pourrait me faire en conséquence. Je me réfère à cet égard à mon ordre du 1 de ce mois, et j'attends sur cet article important des éclaircissements ultérieurs, soit par la copie de cette réponse, que vous me faites espérer d'obtenir, soit par un rapport particulier de votre part, afin de me servir de direction dans la conduite que j'aurai à tenir vis-à-vis de la cour de Vienne. Pour l'affaire avec la ville de Dantzig, je serai également bien charmé, si enfin vos espérances se remplissent et que vous puissiez effectivement m'annoncer dans peu quelque chose de décisif et de conforme aux promesses du comte de Panin. Jusqu'ici ce ministre en est resté à des assurances positives, à la vé-

---

которомъ вы находитесь, вѣнскому двору относительно нашихъ границъ въ Польшѣ. Вы обѣщаете мнѣ сообщить этотъ отвѣтъ съ ближайшей почтой и вы уже передали мнѣ въ своей депешѣ отъ 18 января вкратцѣ его содержаніе. Существенная его статья состоитъ въ томъ, что, отказавъ на отрѣзъ въ своемъ согласіи на расширеніе границъ австрійскихъ, Е. И. В. совѣтуетъ, однако, вѣнскому двору договориться со мной о томъ, что мы найдемъ подходящимъ для общихъ интересовъ. Дѣло же теперь идетъ о томъ, чтобъ знать вполнѣ точно, тѣ же ли самыя намѣренія питаетъ Е. И. В., и дѣйствительно ли этотъ совѣтъ включенъ былъ въ отвѣтъ, переданный князю Лобковичу; мнѣ тѣмъ болѣе важно вполнѣ убѣдиться въ этомъ, что при отсутствіи такого совѣта я не зналъ бы точно, какъ мнѣ объясняться въ отвѣтъ на предложенія, съ которыми вѣнскій дворъ могъ бы ко мнѣ обратиться впослѣдствіи. Я ссылаюсь въ этомъ случаѣ на свои повелѣнія отъ 1 сего мѣсяца, и ожидаю дальнѣйшихъ разъясненій по этому важному пункту, будутъ ли они даны посредствомъ копіи съ этого отвѣта, на полученіе которой вы подаете мнѣ надежду, или посредствомъ особаго сообщенія съ вашей стороны, чтобы я могъ чѣмъ нибудь руководиться относительно того, какъ мнѣ вести себя съ вѣнскимъ дворомъ. А что касается дѣла съ городомъ Данцигомъ, я былъ бы также весьма радъ, если наконецъ ваши надежды исполнятся, и вы дѣйствительно въ состояніи будете въ скоромъ времени сообщить мнѣ что-либо рѣшительное и соотвѣтствующее обѣщаніямъ гр. Панина. До сихъ поръ этотъ министръ ограничивался въ этомъ дѣлѣ увѣреніями, правда положительными, но не

rité, mais sans effet, et il faut attendre maintenant, que ce moment tant désiré, d'obtenir le consentement de sa Souveraine au plan qu'il a projeté, soit arrivé, et qu'il ait enfin trouvé une occasion favorable d'en entretenir S. M. I. Ce que vous me marquez en attendant du sieur de Saldern ne me surprend point. Son caractère personnel ne m'a jamais plu, et dès la première fois qu'il a passé chez moi, pour se rendre à Copenhague, j'ai eu tout lieu de juger, par les discours qu'il m'a tenus au sujet de sa Souveraine, que sa fidélité était très équivoque, et que personne ne pouvait s'y fier. Mais je suis bien plus surpris qu'après toutes les preuves, que le comte de Panin a en mains de ses noirceurs et de ses infidélités, ce ministre diffère encore de les découvrir à S. M. I. En effet, plus j'y réfléchis et plus me semble-t-il que son devoir exigerait plus de promptitude de sa part. Je puis même ajouter encore une anecdote à celles dont vous faites mention dans votre rapport susmentionné, et qui s'origine de la première apparition que Saldern a faite en Danemark. Il y a fait connaître, que le comte de Panin ayant une nièce à marier, à laquelle il devait une dot de 12 m. écus, le baron Bernsdorff l'obligerait beaucoup, s'il voulait les lui fournir. Je sais aussi qu'il les a effectivement touchés pour le compte du comte de Panin, et les a gardés, ce qui pourrait fournir la meilleure occasion à ce ministre, d'en porter des plaintes à S. M. I. et de découvrir toute la noirceur du ca-

---

имѣвшими послѣдствій, и надо теперь ожидать, что наступитъ этотъ столь желаемый моментъ полученія согласія его Государыни на проектированный имъ планъ, и что наконецъ онъ найдетъ удобный случай переговорить объ этомъ дѣлѣ съ Е. И. В. А то, что вы мнѣ сообщаете о Сальдернѣ, ни мало меня не удивляетъ. Его личный характеръ никогда мнѣ не нравился, и съ перваго раза, когда онъ былъ у меня по пути въ Копенгагенъ, я имѣлъ полную возможность сдѣлать выводъ на основаніи того, что онъ говорилъ мнѣ о своей Государынѣ, что его вѣрность къ Ней весьма сомнительна, и что никто не можетъ на эту вѣрность полагаться. Но я гораздо болѣе удивленъ тѣмъ, что послѣ всѣхъ доказательствъ, находящихся въ рукахъ гр. Панина относительно вѣроломныхъ и темныхъ поступковъ Сальдерна, этотъ министръ все еще медлитъ обнаружить ихъ передъ Е. И. В. Право, чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, тѣмъ яснѣе мнѣ представляется, что его долгъ требуетъ большей поспѣшности дѣйствій съ его стороны. Я могу даже прибавить еще одно извѣстіе къ тѣмъ, о которыхъ вы упоминаете въ своемъ вышеупомянутомъ донесеніи; оно относится ко времени перваго появленія Сальдерна въ Даніи. Онъ распространилъ тамъ извѣстіе, что гр. Панинъ долженъ выдать замужъ свою племянницу и снабдить ее приданымъ въ двѣнадцать тысячъ экю, что баронъ Бернсдорфъ его очень обяжетъ, если согласится доставить ему эту сумму. Я знаю также, что онъ дѣйствительно взялъ эти деньги на имя гр. Панина и оставилъ ихъ у себя; этотъ поступокъ могъ бы послужить отличнымъ поводомъ для этого министра обратиться съ жалобой къ Е. И. В. и

ractère de cet homme. Mais pour le faire cependant avec succès, il faudrait qu'il tâchât auparavant d'approfondir encore mieux en Danemark cette anecdote, afin de le pouvoir d'autant mieux convaincre de cette malversation.

(En clair). Le nouveau baril de caviar m'a été également bien rendu.

№ 770.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 7 Mars. À St. Pétersbourg, le 11 (22) Février 1774.

Sire, J'ai eu l'honneur de recevoir par le courrier ordinaire d'avant-hier les ordres immédiats de V. M. du 6 et du 8 de ce mois, ceux de son ministère du 7, et le rapport de Constantinople du 3 de Janvier.

(En chiffre). Comme j'avais été prévenu sur le contenu de ce dernier, par la lettre particulière du sieur de Zegelin que j'ai reçue la poste passée, je l'avais déjà communiqué au comte Panin, pour convenir avec lui de la manière d'en faire l'extrait qui devait être présenté à S. M. l'Impératrice. Mais, comme V. M. daignera se rappeler par mon très humble rapport du 14 Décembre de l'année dernière, qu'il fut extrêmement alarmé, lorsqu'il apprit qu'elle avait donné des ordres à son ministre à Constantinople, d'y faire en son nom formellement les propositions de paix, sur lesquelles son

---

разоблачить всѣ темныя стороны въ способахъ дѣйствій этого человѣка. Но, впрочемъ, чтобы произвести это разоблаченіе съ успѣхомъ, надо, чтобъ онъ постарался сначала точнѣе разслѣдовать это дѣло еще разъ въ Даніи и тѣмъ лучше могъ бы убѣдиться въ этомъ злонамѣренномъ поступкѣ.

(Нешифровано). Новый боченокъ икры былъ мнѣ также своевременно переданъ.

Отъ графа Сольмса королю.

Представлено 7-го марта 1774 г. С.-Петербургъ, 11-го (22-го) февраля 1774 г.

№ 770. Ваше Величество, Я имѣлъ честь получить третьяго дня черезъ почтоваго курьера непосредственныя повелѣнія отъ 6-го и 8-го сего мѣсяца и министерское повелѣніе отъ 7-го, кромѣ того донесеніе изъ Константинополя отъ 3-го января.

(Шифровано). Такъ какъ я былъ уже предупрежденъ о содержаніи послѣдняго донесенія частнымъ письмомъ отъ Зегелина, полученнымъ мною съ прошлой почтой, то я уже сообщилъ о немъ графу Панину, чтобы сговориться съ нимъ, какимъ образомъ сдѣлать извлеченіе изъ этого письма для представленія Е. В. Императрицѣ. Но какъ В. В. соблаговолитъ припомнить, изъ моего покорнѣйшаго донесенія отъ 14-го декабря прошлаго года, графъ былъ чрезвычайно встревоженъ, узнавъ, что В. В. отдали повелѣніе своему министру въ Константинополѣ обратиться офиціальнымъ образомъ къ Портѣ съ предложеніями о мирѣ, между тѣмъ, какъ его жела-

intention seulement était, de faire sonder de loin les dispositions de la Porte; ses inquiétudes se sont renouvelées, lorsqu'il a su que cela avait été exécuté effectivement ainsi, et il a pris d'abord la résolution, de n'en rien faire connaître à l'Impératrice, qui trouverait trop mauvais qu'il eût osé de lui même hasarder une telle démarche, sans avoir eu pour cela son consentement. Je lui ai fait sur cela des représentations de bouche, et par écrit, pour lui faire remarquer, qu'un ami aussi chaud de la Russie, comme l'était V. M. qui connaissait les intérêts et la situtation de cet empire, aurait bien pu prendre de soi-même, et sans qu'elles lui fussent suppéditées, sur la manière de rétablir la paix entre les deux puissances belligérantes, des idées pareilles à celles qu'elle avait chargé son ministre de proposer à la Porte comme la base d'une pacification, et qu'en représentant la chose de cette façon là à l'Impératrice et en lui faisant voir qu'elle restait la maîtresse de les accepter; si l'autre ne les accordait, tout ce qui s'ensuivrait serait regardé comme non avenu, et serait mis sur l'empressement zélé de V. M.— Tout ce que j'ai pu faire et dire a été inutile. Le c-te Panin est resté ferme sur l'opinion qu'il s'exposerait à la disgrâce de sa Souveraine, en lui rendant compte de ce qui était arrivé, qu'elle ne se laisserait pas persuader que V. M. eût conçu de soi même des idées aussi parfaitement semblables à celles qu'on lui a fait agréer à elle dans la suite; et qu'elle regarderait cela comme des manigances de la part de lui, Panin, de recourir à V. M.

ніе было лишь издали вывѣдать намѣренія Порты; его безпокойство увеличилось, когда онъ узналъ, что это и было дѣйствительно выполнено такимъ образомъ; сначала онъ рѣшился ни о чемъ не доводить до свѣдѣнія Императрицы, которая нашла бы слишкомъ неиріятнымъ для себя, что осмѣлились самовольно рѣшиться на такой поступокъ, не испросивъ на то ея согласія. Я дѣлалъ по этому поводу графу представленіе устно и письменно, давая ему замѣтить, что столь пылкій приверженецъ Россіи, какъ В. В., знающій интересы и положеніе этой имперіи, могъ конечно усвоить себѣ планы возстановленія мира между двумя воюющими державами самъ по себѣ, безъ того, чтобы они ему были внушены кѣмъ нибудь, планы, по идеѣ подобные тѣмъ, которые Императрица поручила своему министру предложить Портѣ, какъ основу для заключенія мира; представляя Императрицѣ дѣло въ такомъ видѣ, и указывая ей, что въ ея власти остается принять эти предложенія, а если другая на нихъ не согласится, то все дальнѣйшее будетъ считаться какъ бы не случившимся, и будетъ отнесено на счетъ крайняго усердія В. В. Все, что я ни говорилъ и ни дѣлалъ, было безполезно; графъ Панинъ твердо держался того мнѣнія, что подвергнетъ себя немилости своей Государыни, если представитъ ей отчетъ о случившемся, и она не дастъ себя убѣдить, что В. В. самъ собой пришелъ къ заключеніямъ, совершенно подобнымъ тѣмъ, на которыя уговорили впослѣдствіи склониться и ее. Императрица будетъ смотрѣть на это, какъ на хитрости со стороны его, Панина, содѣй-

pour forcer la volonté et les inclinations de S. M. l'Impératrice. Qu'il connaissait trop l'esprit de sa Souveraine, et celui de ses collègues, pour savoir le tort que cela lui ferait à lui personnellement, et le mal qui en arriverait au succès de la paix même. Sur les nouvelles instances que je lui ai faites, il m'a dit à la fin que je ne devais pas m'inquiéter, qu'en agissant comme il faisait, il ne perdait pas de vue l'objet principal, qu'il fallait attendre la réponse du sieur Zegelin sur la seconde lettre, dans laquelle je lui avais répété du su et de l'avenu de l'Impératrice les mêmes choses que je lui avais recommandées quatre semaines auparavant, mais alors uniquement à sa réquisition particulière. Et comme l'Impératrice ne pourrait pas trouver extraordinaire ni que j'eusse rendu compte à ma cour de cette dernière démarche, ni que V. M. par amitié pour la Russie l'eût fait appuyer par son propre crédit auprès de la Porte, il pourrait toujours représenter la résolution que cette dernière aurait prise, comme l'effet combiné des insinuations venues d'ici, et de l'assistance de V. M., et faire considérer le consentement de la Porte, supposé qu'elle le donne, comme des offres faites en premier de sa part à la Russie, et que c'était là le plus sûr moyen d'obtenir aussi pour ce projet de pacification même le consentement de l'Impératrice, qu'il répondait d'ailleurs qui serait adopté ici. J'ai donc été obligé de supprimer de la lettre de Zegelin tout ce qui regarde la négociation dont il a été chargé par V. M., et je n'ai mis dans l'extrait que j'en ai donné, et que le c-te

---

ствующаго В. В. подчинить себѣ волю и склонности Императрицы. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ характеръ своей Государыни и своихъ коллегъ, чтобы оцѣнить весь вредъ, который причинитъ такой поступокъ ему лично, и какой ущербъ нанесетъ онъ успѣху самаго дѣла о мирѣ. На новыя настоянія, дѣлавшіяся съ моей стороны, онъ мнѣ сказалъ наконецъ, что я не долженъ безпокоиться: дѣйствуя такимъ образомъ, онъ не теряетъ изъ вида главной цѣли; что слѣдуетъ еще подождать отвѣта отъ г. Зегелина на второе письмо, въ которомъ я повторилъ ему съ вѣдома и съ соизволенія Императрицы то же самое, что я совѣтовалъ ему сдѣлать 4 недѣли раньше, но тогда лишь по его частному обращенію. Такъ какъ Императрица не можетъ найти страннымъ, что я отдалъ отчетъ своему двору объ этомъ дѣйствіи, ни тѣмъ, что В. В. по дружбѣ къ Россіи подкрѣпили его своимъ собственнымъ вліяніемъ въ Портѣ, то графъ Панинъ могъ бы во всякомъ случаѣ представить рѣшеніе, принятое этой послѣдней, какъ сложное слѣдствіе, во первыхъ, исходившихъ отсюда внушеній, а во вторыхъ, поддержки, оказанной В. В., и выставить согласіе, данное Портой, предположивъ, что она его дастъ, какъ даръ, принесенный Россіи прежде всего В. В.; и это было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ получить согласіе Императрицы на этотъ проектъ заключенія мира, за принятіе котораго здѣсь, впрочемъ, онъ ручается. По этому я былъ принужденъ опустить въ письмѣ Зегелина все, касающееся переговоровъ, возложенныхъ на него В. В., и изложилъ въ сдѣланномъ мною

Panin a pris avec lui hier à Zarskoé Sélo, que ce qui regarde la maladie du sultan, et les informations qu'il a données sur l'état des prisonniers russes et de leur entretien.

Je crains que V. M. n'aura pas trouvé dans la copie de la réponse, qui a été faite ici à la cour de Vienne sur les démarcations en Pologne, assez expressif le conseil qu'on a voulu lui donner, de s'entendre avec V. M. sur le règlement des frontières, ni aussi clair, comme j'ai cru de pouvoir lui annoncer qu'il le serait. Je l'ai fait observer au c-te Panin, lorsqu'il m'a remis cette copie, mais il m'a dit alors, qu'en faisant remarquer à cette cour, que l'Impératrice de Russie ne pouvait donner un consentement pur et simple à la démarcation intentionnée par elle, après avoir persuadé V. M. de renoncer à celle qu'elle s'était crue en droit d'exiger pour ses frontières, il l'avait mis dans une espèce de nécessité de s'expliquer avec V. M. sur cette affaire, et d'en remettre la décision à leur convenance réciproque.

L'anecdote fournie par V. M. contre le sr. de Saldern des 12 m. écus, demandés au baron de Bernsdorf sur le nom d'une nièce du c-te Panin, a été découverte aussi à cette heure, parce que pour la même nièce, qui est la p-sse Dachkow, il a répété la même demande depuis son retour de Pologne au ministre Danois d'ici, le sr. de Numsen, et qu'il les a reçus aussi

---

извлеченія изъ письма, взятомъ вчера графомъ Панинымъ съ собою въ Царское село, лишь то, что касается болѣзни султана и сообщаемыхъ Зегелиномъ извѣстій о положеніи русскихъ плѣнныхъ и о содержаніи ихъ.

Я опасаюсь, что В. В. въ копіи отвѣта, даннаго здѣсь вѣнскому двору о пограничной линіи въ Польшѣ, не найдетъ достаточно ясно выраженымъ совѣтъ, который хотѣли дать вѣнскому двору, уговориться съ В. В. объ установленіи границъ, и В. В. не найдетъ его столь же опредѣленно высказаннымъ, какъ я счелъ возможнымъ увѣдомить васъ о томъ. Я поставилъ это обстоятельство на видъ графу Панину, когда онъ передалъ мнѣ эту копію, но онъ отвѣтилъ мнѣ тогда, что здѣсь онъ указываетъ вѣнскому двору на то, что русская Императрица не можетъ дать прямаго и рѣшительнаго согласія на установленіе пограничной линіи, задуманной этимъ дворомъ, послѣ того, какъ она убѣдила В. В. отказаться отъ той пограничной линіи, которую В. В. считали въ правѣ требовать для себя. Такимъ образомъ графъ ставилъ этотъ дворъ въ нѣкотораго рода необходимость объясниться съ В. В. по этому дѣлу и предоставить его рѣшеніе обоюдному соглашенію вѣнскаго двора съ вами.

Извѣстіе, доставленное В. В. о Сальдернѣ относительно двѣнадцати тысячъ экю, испрошенныхъ имъ у барона Бернсдорфа на имя племянницы графа Панина, также въ настоящее время обнаружено, такъ какъ для той же самой племянницы, а именно княгини Дашковой, онъ обратился съ той же просьбой по возвращеніи своемъ въ Польшу къ датскому министру, находящемуся здѣсь, г. Нумсену, и получилъ эту

une seconde fois. On prétend d'ailleurs qu'il s'était assuré du feu baron Bernsdorf la promesse d'une gratification de 100 m. écus de la cour de Danemarc après la réussite de l'affaire de Holstein, et qu'il a tiré plusieurs fois déjà des remises en rabais de la somme totale. Enfin, le c-te Panin est content d'empêcher que cet homme soit seulement mis hors d'état de faire du mal à l'avenir, il veut qu'on passe l'éponge sur ce qui est passé.

№ 771.

Le roi au comte de Finckenstein.

Prés. le 12 Février. Potsdam, ce 12 de Février 1774.

Les cinq annexes de la dernière dépêche du comte de Solms, du 28 de Janvier dernier, me font désirer de vous parler sur leur contenu, et pour cet effet, vous me ferez plaisir, de vous trouver ici, demain, dans la matinée, entre les 9 et 10 heures de l'avant midi. Je suppose que ce ministre n'aura pas négligé de vous adresser également les copies de ces annexes, et que vous aurez eu le temps, de vous mettre bien au fait de tout ce qu'elles contiennent. En tout cas, j'ai déjà donné mes ordres, pour qu'on les mette sous vos yeux, dès le moment de votre arrivée ici, afin que vous en ayez pleine connaissance, lorsque vous entrerez chez moi. Sur ce etc.

сумму вторично. Увѣряютъ, кромѣ того, что отъ покойнаго барона Бернсдорфа онъ получилъ формальное обѣщаніе вознагражденія въ сто тысячъ экю отъ датскаго двора въ случаѣ успѣха голштинскаго дѣла, и что онъ уже нѣсколько разъ бралъ деньги въ счетъ всей этой суммы. Наконецъ, графъ Панинъ доволенъ, что ему удалось отнять лишь у этого человѣка возможность на будущее время дѣлать зло, и онъ хочетъ, чтобы все прошлое было предано забвенію.

Отъ короля графу Финкенштейну.

Представлена 12-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 12-го февраля 1774 г.

№ 771. Пять приложеній послѣдней депеши отъ гр. Сольмса, присланной отъ 28 января сего года, вызываютъ во мнѣ желаніе говорить съ вами о заключающихся въ нихъ сообщеніяхъ, и потому вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, если будете здѣсь завтра утромъ, между 9 и 10 часами. Я полагаю, что этотъ министръ не преминулъ прислать также и вамъ копіи съ этихъ приложеній и вы уже имѣли время вникнуть въ то, что содержится въ нихъ. Во всякомъ случаѣ я сдѣлалъ уже распоряженіе представить ихъ вамъ, какъ только вы сюда прибудете, чтобъ вы вполнѣ ознакомились съ этими документами, когда ко мнѣ явитесь. За симъ и пр.

№ 772.

Cœper au comte de Finckenstein.

Prés. le 12 Février. à Potsdam, le 12 Février 1774.

Votre excellence voudra bien avoir la bonté de me permettre de lui annoncer très humblement, que le roi souhaiterait de lui parler ici demain matin, sur le contenu des pièces, que m. le comte de Solms vient d'envoyer à Sa Majesté, à la suite de sa dépêche qui est entrée hier.

Comme il se pourrait que votre excellence ne reçût pas ce soir la lettre, que Sa Majesté a ordonné de lui écrire à ce sujet, parce que Sa Majesté, qui d'ailleurs se porte assez bien et se trouve sans fièvre, pourrait peut-être être empêchée de la signer cet après-midi, à cause que sa main droite a aussi été atteinte depuis hier de la goutte, j'ai cru devoir l'en prévenir très humblement, et lui envoyer la copie de la lettre de Sa Majesté. Quoique au reste, m. le conseiller Hessert (?) soit mort depuis quelques jours, les appartements que votre excellence est accoutumé d'occuper dans sa maison, n'en seront pas moins tenus prêts, pour qu'elle y puisse entrer, à son arrivée demain matin, et je me flatte, que votre excellence agréera, que je les aie fait commander, le mort ayant déjà été enterré avant-hier, et la maison ne se ressentant plus d'aucun appareil funèbre.

Отъ г. Кёнера графу Финкенштейну.

Представлена 12-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 12-го февраля 1774 г.

№ 772. Ваше сіятельство соблаговолите мнѣ позволить покорнѣйше возвѣстить вамъ, что король желаетъ говорить съ вами здѣсь завтра утромъ о сообщеніяхъ, заключающихся въ документахъ, только что присланныхъ Е. В. графомъ Сольмсомъ, вслѣдъ за пришедшей вчера его депешей.

Можетъ случиться, что в. с. не получитъ сегодня вечеромъ письма, которое Е. В. приказалъ написать по этому поводу, такъ какъ Е. В., хотя и чувствуетъ себя довольно хорошо и не имѣетъ лихорадки, все-таки, можетъ быть, не въ состояніи будетъ подписать этого письма сегодня послѣ полдня, такъ какъ и его правая рука также страдаетъ отъ подагры со вчерашняго дня; поэтому я счелъ своимъ долгомъ смиреннѣйше предупредить васъ объ этомъ обстоятельствѣ и послать вамъ копію съ письма Е. В. Далѣе, хотя г. совѣтникъ Гессертъ и умеръ нѣсколько дней тому назадъ, аппартаменты, которые в. с. занимали обыкновенно въ его домѣ, тѣмъ не менѣе будутъ приготовлены, чтобы вы могли въ нихъ поселиться по прибытіи вашемъ сюда завтра утромъ. Я льщу себя надеждой, что в. с. будете довольны тѣмъ, что я велѣлъ ихъ приготовить, такъ какъ покойный погребенъ уже третьяго дня и домъ не заключаетъ въ себѣ болѣе никакихъ слѣдовъ похоронъ.

№ 773.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 24 Février. Potsdam, le 12 de Février 1774.

La goutte m'a pris aux deux mains, et quoique je me flatte d'en être bientôt quitte, c'est cependant bien à regret que je me vois obligé par là, de différer mes réponses aux lettres obligeantes de S. M. l'Impératrice et LL. AA. II. le Grand-Duc et la Grande-Duchesse de Russie, dont le comte de Goertz a été le porteur. Vous aurez soin, d'en informer le c-te de Panin, pour justifier mon silence, et vous y ajouterez les assurances les plus positives, que je m'acquitterais de mon devoir, du moment que j'aurais mes mains un peu plus libres.

(En chiffre). C'est par la même raison, que je remets à la poste prochaine, de vous expliquer mes idées sur les 5 annexes de votre dépêche du 28 de Janvier dernier. Elles demandent sans cela quelques moments de réflexion; et en attendant je me bornerai aujourd'hui à une réponse succincte de cette dépêche même. Et d'abord je vous dirai, que les nouvelles qu'elle renferme de la rebellion des cosaques m'ont rassuré beaucoup sur cet événement fâcheux. Elles détruisent les différents bruits, qu'on en avait répandus, et je commence à espérer, qu'elle n'aura aucune conséquence fâcheuse, et qu'on parviendra dans peu à l'assoupir et à l'éteindre entière-

---

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 24-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 12-го февраля 1774 г.

№ 773. Подагра овладѣла моими обѣими руками и, хотя я льщу себя надеждой освободиться отъ нея вскорѣ, къ сожалѣнію всетаки я вижу себя вынужденнымъ, благодаря этому обстоятельству, отложить свои отвѣты на любезныя письма Е. В. русской Императрицы и И. И. В. Великаго Князя и Великой Княгини, доставленныя мнѣ гр. Герцомъ. Вы позаботитесь извѣстить объ этомъ гр. Панина, чтобы оправдать мое молчаніе и присовокупить притомъ самыя положительныя увѣренія, что я исполню этотъ свой долгъ, какъ только освободятся немного отъ подагры мои руки.

(Шифровано). На томъ же самомъ основаніи я откладываю до будущей почты сообщеніе вамъ своихъ мнѣній о пяти документахъ, приложенныхъ къ вашей депешѣ отъ 28 января сего года. Они и безъ того требуютъ нѣкотораго времени на размышленіе; а пока я ограничусь теперь краткимъ отвѣтомъ на самую вашу депешу. И во первыхъ, скажу вамъ, что заключающіяся въ ней извѣстія о казацкомъ бунтѣ весьма меня успокоили относительно этого прискорбнаго событія; они опровергаютъ различные слухи, распространявшіеся по этому поводу, и я начинаю надѣяться, что это событіе не будетъ имѣть никакихъ непріятныхъ послѣдствій, и что въ скоромъ времени удастся это дѣло заглушить и подавить окончательно. Далѣе мнѣ было не

ment. D'ailleurs je n'ai pas été moins charmé, d'apprendre, qu'à la fin le c-te de Panin est parvenu à faire approuver à sa Souveraine les nouvelles instructions du c-te Golowkin, dans l'affaire de Dantzig. Je ne vous dissimulerai cependant point, qu'elles ne me paraissent pas suffisantes à rabattre l'orgueil et la présomption du magistrat superbe de cette ville. Le meilleur et le plus sûr moyen serait, à mon avis, de lui mettre la peur au ventre, par la perspective d'un siège, qui le rendrait bientôt plus modeste et plus souple. Jusqu'ici je n'ai pas voulu faire une telle démarche de mon chef, mais je vous fais part de cette idée, afin que vous puissiez en préventir le c-te de Panin, comme du seul moyen, qui restait pour mettre ces gens-là à la raison. Il ne s'agirait que de faire quelques ostentations, et je lui donne ma parole, que je m'y bornerais scrupuleusement, sans faire le moindre mal réel à la ville. Les apprêts seuls effraieraient ces républicains et les rendraient plus souples à se prêter à mes propositions. Au reste, toutes les autres instances, que le c-te de Panin vous a faites, relativement à notre caisse commune en Pologne et aux revenus des biens royaux, enclavés dans nos acquisitions réciproques, ne sont pas de mon goût. J'ai envoyé, il est vrai, il n'y a pas longtemps, une nouvelle somme à Varsovie, à compte de mon contingent à la première. Mais je ne saurais m'empêcher de vous faire observer qu'il y a une grande différence à mettre entre mes fonds et ceux de la Russie. Elle peut assigner une somme après l'autre, pour remplir son

---

менѣе пріятно узнать, что гр. Панину наконецъ удалось получить одобреніе отъ своей Государыни для новыхъ инструкцій, данныхъ гр. Головкину по Данцигскому дѣлу. Не скрою отъ васъ однако во всякомъ случаѣ, что эти инструкціи кажутся мнѣ недостаточными для того, чтобы сбить спѣсь и заносчивость надменнаго магистрата этого города; самымъ лучшимъ и вѣрнымъ средствомъ, по моему мнѣнію, было бы нагнать на него страхъ, пригрозивши осадой, что сейчасъ-же сдѣлало бы его болѣе скромнымъ и сговорчивымъ. До сихъ поръ я не хотѣлъ, чтобы вы дѣлали такое заявленіе отъ моего имени, но сообщаю вамъ эту мысль, чтобы вы могли предувѣдомить гр. Панина объ этомъ средствѣ, какъ единственномъ, остающимся въ распоряженіи, чтобы образумить этихъ людей. Требовались бы лишь нѣкоторыя демонстраціи, и я даю ему свое слово, что ограничусь въ этомъ случаѣ никакъ не болѣе, чѣмъ лишь демонстраціями, не причинивъ ни малѣйшаго вреда городу. Одни приготовленія устрашили бы этихъ республиканцевъ и сдѣлали бы ихъ болѣе сговорчивыми на мои предложенія. Наконецъ, всѣ прочія заявленія, сдѣланныя вамъ гр. Панинымъ относительно нашей общей кассы въ Польшѣ и о доходахъ съ королевскихъ земель, врѣзывающихся въ наши обоюдныя пріобрѣтенія, мало мнѣ нравятся. Я послалъ, правда, недавно новую сумму въ Варшаву въ добавокъ къ прежней и въ счетъ моей доли. Но я не могу не поставить вамъ на видъ, что слѣдуетъ весьма различать мои фонды отъ фондовъ Россіи. Она можетъ ассигновать одну сумму за другой въ уплату своей

contingent, tandis que mes facultés ne s'étendent pas aussi loin et qu'on se l'imagine peut-être à la cour où vous êtes. Il faut plutôt que j'aille bride en main dans ces sortes de rencontres et que je compasse avec soin de pareilles dépenses à mes revenus; réflexions que vous ne ferez pas mal de glisser de temps en temps, quoiqu' avec beaucoup de politesse et de ménagement au c-te de Panin, afin de le rendre moins empressé de me demander de telles largesses. Je voudrais qu'il le devînt également sur la restitution des revenus des biens royaux, qui font actuellement partie de nos acquisitions, vu que si nous voulions y condescendre, il faudrait que la cour de Vienne en fît autant du produit des salines, à quoi elle ne voudra cependant jamais s'entendre et se prêter.

Enfin le bulletin de Versailles du 25 de Janvier, que je vous adresse ci-dessous en clair, apprendra par l'extrait des papiers anglais y joint, du 23 du même mois, au c-te de Panin le vrai motif, qui a engagé la cour de Londres à tant biaiser, et vous n'oublierez pas de le communiquer à ce ministre, afin qu'il en soit informé pour sa direction.

(En clair). Voici aussi un nouveau bulletin de France que vous aurez soin de communiquer au c-te de Panin, et après vous avoir remercié du nouveau baril de caviar, que vous m'avez adressé encore à la suite de votre dépêche du 28 de Janvier, je prie Dieu etc.

доли, между тѣмъ мои средства не простираются такъ далеко, какъ воображаютъ, можетъ быть, при томъ дворѣ, гдѣ вы находитесь. Мнѣ приходится скорѣй сдерживать себя при подобномъ стеченіи обстоятельствъ и заботливо соразмѣрять такого рода издержки съ своими доходами; вы недурно сдѣлаете, если будете время отъ времени указывать на это соображеніе гр. Панину, хотя вполнѣ вѣжливо и осторожно, чтобы умѣрить его настойчивость въ требованіи отъ меня такихъ затратъ. Я бы хотѣлъ отъ него такого же отношенія и по вопросу о доходахъ съ королевскихъ земель, составляющихъ въ настоящее время часть нашихъ пріобрѣтеній, въ виду того, что если мы захотимъ въ этомъ случаѣ уступить, нужно, чтобъ и вѣнскій дворъ сдѣлалъ то же по отношенію къ доходамъ отъ соляныхъ копей, на что этотъ дворъ однако никогда не захочетъ согласиться и уступить.

Въ заключеніе, версальскій бюллетень отъ 25 января, прилагаемый мною здѣсь въ нешифрованномъ видѣ, увѣдомитъ гр. Панина на основаніи извлеченія изъ присоединенныхъ къ нему англійскихъ документовъ отъ 23 того же мѣсяца объ истинной причинѣ, побудившей лондонскій дворъ къ такимъ уклончивымъ дѣйствіямъ; вы не преминете сообщить объ этомъ бюллетенѣ министру Панину, чтобы онъ принялъ его для руководства въ своихъ дѣйствіяхъ.

(Нешифровано). Вотъ еще новый бюллетень изъ Франціи, о которомъ вы позаботитесь сообщить гр. Панину. Поблагодаривъ васъ за новый боченокъ икры, присланный мнѣ вами опять вслѣдъ за депешей отъ 28 января, я молю Бога и пр.

№ 774.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 24 Février. Berlin, le 12 Février 1774.

J'ai reçu votre dépêche du 25 de Janvier.

Le c-te de Goertz dont vous m'y annoncez le départ est arrivé ici, il y a quelques jours, et m'a remis les lettres dont il est chargé. Cet officier n'a pu assez se louer de toutes les bontés et de toutes les marques de distinction dont il a été comblé à la cour de S. M. I. Je les envisage avec une satisfaction infinie comme un effet de l'amitié dont cette grande princesse répond aux sentiments que je lui ai voués.

(En chiffre). Il y a longtemps que je connais le s. de Saldern dans toute sa noirceur. Sans quoi les détails contenus sur son sujet dans votre dépêche seraient bien capables d'achever de m'inspirer l'indignation la plus complète contre un homme à tous égards si méprisable. Il est à désirer que l'Impératrice soit bientôt entièrement éclairée sur son compte, et j'attends à cet égard vos rapports ultérieurs.

Je suis impatient au reste de voir les pièces, que vous m'annoncez à la fin de votre susdite dépêche, et me flatte de les recevoir par le premier ordinaire.

Par ordre exprès du roi.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получена 24-го февраля 1774 г. Берлинъ, 12-го февраля 1774 г.

№ 774. Я получилъ вашу депешу отъ 25 января.

Гр. Герцъ, объ отъѣздѣ котораго вы меня въ ней увѣдомляете, прибылъ сюда нѣсколько дней тому назадъ и передалъ мнѣ врученныя ему письма. Онъ не могъ достаточно нахвалиться всѣми любезностями и знаками вниманія, которыми онъ былъ осыпанъ при дворѣ Е. И. В. Я узналъ объ этомъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ, какъ о доказательствѣ дружбы, съ которою эта великая Государыня отвѣчаетъ на чувства, питаемыя къ Ней мною.

(Шифровано). Уже давно я знаю Сальдерна во всей его гнусности. Не будь этого, подробности относительно него, заключающіяся въ вашей депешѣ, окончательно вызвали бы во мнѣ полнѣйшее негодованіе къ человѣку столь презрѣнному. Слѣдуетъ пожелать, чтобы Императрицѣ скорѣе открыли глаза относительно этого человѣка и я ожидаю по этому поводу отъ васъ дальнѣйшихъ донесеній.

Горю, наконецъ, нетерпѣніемъ увидѣть документы, о которыхъ вы извѣщаете меня въ концѣ вышепомянутой вашей депеши, и льщу себя надеждой получить ихъ съ первой почтой.

По особому повелѣнію короля.

№ 775.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 27 Février. Potsdam, le 14 de Février 1774.

La nouvelle de la mort du sultan contenue dans mes dernières lettres de Constantinople du 21 de Janvier dernier, me paraît trop importante pour la cour, où vous êtes, pour ne pas m'empresser, de vous faire tenir ci-joint une copie de ces lettres in extenso.

(En chiffre). Quoique l'on ne saurait encore rien dire sur l'influence que cet événement pourra avoir sur les affaires générales de l'Europe, je vous avoue cependant naturellement, que je ne suis pas sans crainte, qu'il ne retarde de nouveau la négociation de la paix entre la Russie et la Porte. Les changements de règne à la Porte entraînent ordinairement ceux du ministère Ottoman, et il faut toujours beaucoup de temps avant de pénétrer les véritables dispositions de ceux, qui montent sur le trône ou qui sont placés à la tête des affaires.

№ 776.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 27 Février. Potsdam, le 15 de Février 1774.

(En chiffre). A vous dire vrai, la nouvelle instruction que l'Impératrice de Russie a adressée à son ministre à Dantzig, et dont j'ai trouvé la copie à

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 27-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 14-го февраля 1774 г.

№ 775. Извѣстіе о смерти султана, заключающееся въ послѣднихъ моихъ письмахъ изъ Константинополя отъ 21-го января сего года, представляется мнѣ слишкомъ важнымъ для того двора, при которомъ вы находитесь, чтобы я могъ не поспѣшить послать вамъ прилагаемую здѣсь сокращенную копію съ этихъ писемъ.

(Шифровано). Хотя нельзя еще ничего сказать о томъ вліяніи, которое можетъ произвести это событіе на общеевропейскія дѣла, все-таки, какъ я вамъ откровенно признаюсь, я не чуждъ опасеній, что оно снова замедлитъ веденіе мирныхъ переговоровъ между Россіей и Портой. Перемѣна правителя въ Портѣ влечетъ, обыкновенно, за собой и смѣну оттоманскаго министерства, а всегда нужно не мало времени, чтобы проникнуть въ истинныя намѣренія лицъ, вступающихъ на престолъ, или находящихся во главѣ государственныхъ дѣлъ.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 27-го февраля 1774 г. Потсдамъ, 15-го февраля 1774 г.

№ 776. (Шифровано). Говоря правду, новая инструкція отправленная русской Императрицей своему министру въ Данцигѣ, и копію которой я нашелъ приложен-

la suite de votre dépêche du 1er de ce mois, n'est par fort consolante. Elle souffle le froid et le chaud, et les suites feront voir, qu'elle ne fera pas la moindre impression sur cette ville. Bien au contraire je suis très assuré, qu'elle rendra le magistrat plus fier, et qu'elle fournira une nouvelle occasion à quelques consuls, qui résident dans cette ville, à l'affermir dans son opiniâtreté. Il ne se prêtera sûrement pas aux nouvelles propositions, que S. M. I. lui fait faire, et je ne saurais non plus vous dissimuler, que les conditions, que cette princesse lui fait entrevoir de ma part, ne sont de nature, que je ne pourrai jamais y consentir, de sorte que toute cette affaire restera au croc et dans la même confusion et indécision, où elle est actuellement. En effet, on ne peut pas exiger de moi d'abolir les douanes et les impôts, que j'ai établis, ni de renoncer aux droits incontestables qui me compètent sur les faubourgs de cette ville, que j'ai pris en possession. Les premiers sont une suite naturelle de mon droit de souveraineté sur les districts, qui m'ont été cédés, et les derniers appartiennent au territoire de Poméranie, que personne n'a pensé jusqu'ici à me contester. La ville n'en a jamais été le maître ou le propriétaire. Elle n'y a pas non plus exercé aucun acte de juridiction ou de seigneurie. Ils ont plutôt appartenu à des particuliers, et jamais l'idée lui n'est venue, de les considérer comme ses domaines. D'ailleurs il ne s'agit plus ici seulement de leurs revenus. Ceux-ci font un trop petit objet, pour

---

вою къ вашей депешѣ отъ 1-го сего мѣсяца, не особенно утѣшительна; отъ нея вѣетъ и тепломъ и холодомъ, и послѣдствія покажутъ, что она не произведетъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на этотъ городъ. Совершенно напротивъ, я вполнѣ убѣжденъ, что она заставитъ магистратъ еще болѣе возгордиться и дастъ новый поводъ нѣкоторымъ консуламъ, находящимся въ этомъ городѣ, утвердить городъ въ его упорствѣ. Магистратъ, конечно, не согласится на новыя предложенія, дѣлаемыя ему отъ имени Е И. В., и я не могу кромѣ того скрыть отъ васъ, что условія съ моей стороны, о которыхъ ему намекаетъ эта Государыня, такого рода, что я никогда не въ состояніи буду на нихъ согласиться, такъ что все это дѣло затормозится и останется въ томъ же смутномъ и далекомъ отъ рѣшенія видѣ, въ какомъ оно находится теперь. Дѣйствительно, нельзя требовать отъ меня уничтоженія таможенъ и налоговъ, учрежденныхъ мною, также какъ и отказа отъ неоспоримыхъ правъ моихъ на предмѣстья этого города, которыми я завладѣлъ. Первые являются естественнымъ слѣдствіемъ моего верховнаго права надъ уступленными мнѣ округами, а послѣднія принадлежатъ къ области Помераніи, которой никто еще до сихъ поръ не думалъ у меня оспаривать. Городъ никогда не былъ ни хозяиномъ, ни владѣльцемъ этихъ предмѣстій. Никогда не производилъ онъ тамъ суда и не пользовался извѣстными правами владѣльца. Эти предмѣстья принадлежали скорѣе частнымъ лицамъ и никогда городу и въ голову не приходило смотрѣть на нихъ, какъ на свои владѣнія. Далѣе, здѣсь не идетъ уже дѣло исключительно о доходахъ съ этихъ предмѣстій; они слишкомъ ни-

entrer en considération, et pour vous en faire une idée, je vous dirai qu'ils vont à peu près à 15 m. écus par an. Mais il est question en même temps de l'exercice de mes droits territoriaux et de police. La possession de ces faubourgs ainsi que les douanes que j'y ai établies n'auront aucune influence sur l'indépendance de la ville de Dantzig. Elle ne restera pour cela pas moins libre et indépendante, et je pourrais nommer encore d'autres villes en Allemagne, par exemple Nordhausen, où les frontières sont réglées sur le même pied et où mon territoire avec les droits, qui en dépendent, s'étendent également jusqu'aux portes de la ville sans porter le moindre préjudice à leur liberté. Ce qui me surprend le plus dans cette déclaration de la cour où vous êtes et me fait même le plus de peine, c'est qu'elle est diamétralement opposée à ses premiers sentiments; et en effet, il est bien fâcheux, qu'après avoir été d'abord d'accord avec moi sur ce sujet, elle ait changé aussi subitement de principes et en ait adopté précisément de contraires, ce qui est d'autant plus embarrassant, que de cette façon on ne sait pas trop, à quoi s'en tenir et sur quels principes on peut faire fonds vis-à-vis d'elle.

Quant à la rebellion des cosaques, il paraît par ce que vous m'en rapportez dans votre dépêche susmentionnée qu'elle est plus redoutable que les premiers rapports ne l'ont annoncée, et il est fort à appréhender, qu'ayant

---

чтожны, чтобы принимать ихъ въ соображеніе и, чтобъ вы могли составить о нихъ понятіе, я скажу вамъ, что они простираются приблизительно лишь до пятнадцати тысячъ экю въ годъ, но тутъ поднимается въ то же время вопросъ о примѣненіи моихъ територіальныхъ и полицейскихъ правъ. Обладаніе этими предмѣстьями, равно какъ и таможни, учрежденныя тамъ мной, не будутъ имѣть никакого вліянія на независимость города Данцига. Онъ тѣмъ не менѣе останется все-таки свободнымъ и независимымъ; я бы могъ назвать еще и другіе города въ Германіи, напримѣръ Нордгаузенъ, гдѣ границы установлены на тѣхъ же основаніяхъ, и гдѣ мои земли съ примѣненіемъ всѣхъ правъ владѣній простираются также вплоть до городскихъ воротъ, не нанося ни малѣйшаго ущерба свободѣ города. Что меня болѣе всего удивляетъ въ деклараціи, сдѣланной тѣмъ дворомъ, при которомъ вы находитесь, и что мнѣ причиняетъ даже наибольшую скорбь, это то, что дворъ этотъ находится въ діаметральномъ противорѣчіи съ своими первоначальными намѣреніями; дѣйствительно, весьма непріятно, что договорившись сначала со мной по этому дѣлу, онъ такъ внезапно измѣнилъ своимъ основнымъ планамъ и усвоилъ себѣ какъ разъ противоположные; это тѣмъ болѣе затруднительно, что не знаешь, въ такомъ случаѣ, чего держаться и на какіе устои можно полагаться въ отношеніяхъ съ этимъ дворомъ.

Что касается до казацкаго бунта, изъ того, что вы сообщаете мнѣ въ вышепомянутой депешѣ вашей, явно, что бунтъ этотъ болѣе опасенъ, чѣмъ возвѣщалось въ первыхъ донесеніяхъ, и нужно сильно опасаться того, что, возникнувъ изъ недоволь-

son origine dans le mécontentement sur la levée des recrues, elle n'ait des suites plus sérieuses et fort pénibles dans les conjonctures actuelles, où il s'agira de recruter l'armée. Car autant qu'il serait à souhaiter, qu'on pût parvenir à une prompte conclusion de la paix avec la Porte, autant il est à craindre que l'événement de la mort du sultan, dont je vous ai fait part par mes ordres d'hier, ne la retarde. En effet, il est aisé à présumer, que le nouveau sultan ne manifestera pas d'abord et dans les premiers moments de son règne les mêmes dispositions pacifiques de son prédécesseur, et que les puissances malintentionnées en profiteront, pour l'animer à la continuation de la guerre. D'ailleurs, qui sait, comment ses nouveaux ministres, qu'il placera peut-être à la tête des affaires, seront disposés? Tout cela est encore caché sous un voile épais, et s'éclaircira premièrement avec le temps. Jusqu'ici on ne saurait encore rien dire de positif, et il faut au moins attendre les premières lettres de Constantinople après cet événement pour former quelque pronostic sur ce qu'il y a à espérer ou à craindre à cet égard. En attendant, vous pouvez renouveler au comte Panin les assurances les plus positives, que dans cette occasion, comme dans toute autre, j'agirai constamment en bon et fidèle allié de sa cour, et que je ferai tous les efforts possibles, pour contribuer au prompt rétablissement de cette paix et favoriser les intentions de sa Souveraine.

ства по поводу набора рекрутовъ, онъ будетъ имѣть болѣе серьезныя послѣдствія, весьма тяжелыя при настоящихъ обстоятельствахъ, когда дѣло коснется набора арміи. На сколько слѣдуетъ желать, чтобъ удалось скорѣе заключить миръ съ Портой, на столько же приходится и опасаться, что смерть султана, о которой я сообщилъ вамъ въ своихъ вчерашнихъ повелѣніяхъ, отсрочитъ этотъ миръ. Дѣйствительно легко предположить, что новый султанъ не обнаружитъ сначала, на первыхъ порахъ своего правленія, тѣхъ же мирныхъ наклонностей, какія были у его предшественника, а злонамѣренныя державы воспользуются этимъ обстоятельствомъ, чтобъ побудить его къ продолженію войны. Кромѣ того, кто знаетъ, какъ будутъ расположены его новые министры, которыхъ онъ поставитъ, можетъ быть, во главѣ всѣхъ дѣлъ? Все это скрыто еще непроницаемою завѣсой и выяснится только со временемъ. До тѣхъ же поръ нельзя еще сказать ничего положительнаго, и нужно по крайней мѣрѣ подождать первыхъ писемъ изъ Константинополя, которыя придутъ вслѣдъ за этимъ событіемъ, чтобы составить какое нибудь сужденіе о будущемъ, о томъ, на что надѣяться, или чего опасаться въ этомъ отношеніи. А пока вы можете опять обратиться къ гр. Панину съ положительнѣйшими увѣреніями, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, я всегда буду дѣйствовать, какъ добрый и вѣрный союзникъ его двора, и что я употреблю всевозможныя усилія, чтобы содѣйствовать быстрому возстановленію мира и осуществить намѣренія его Государыни.

Enfin, il me reste encore un article de votre avant-dernière dépêche, sur lequel j'ai remis à aujourd'hui à vous dire mon sentiment, et qui regarde les réponses que la cour où vous êtes a faites à la cour de Vienne, tant sur l'extension de ses limites que sur la pacification. Je vous dirai donc, que je n'ai pu qu'être extrêmement sensible à tout ce qui s'y trouve de poli et d'obligeant sur mon sujet, et que sans faire semblant d'être instruit du contenu de ces réponses, j'attendrai, que la cour de Vienne m'en fasse les premières ouvertures, dont je ne manquerai alors pas à mon tour de faire également confidence à celle où vous êtes. C'est tout ce que je puis vous en dire préalablement.

№ 777.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 27 Février. Berlin, le 15 de Février 1774.

J'ai reçu votre dépêche du 28 de Janvier avec les pièces y jointes, notées A 1, A 2, A 3, B 1 et B 2. Vous ne manquerez pas de remercier le comte Panin de cette communication confidente, en l'assurant du secret avec lequel j'en ménagerai suivant ses désirs le contenu: mes ordres immédiats vous instruiront d'ailleurs de mes idées sur les divers objets auxquels ces pièces se rapportent.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать еще объ одной статьѣ вашей предпослѣдней депеши, мнѣніе о которой я рѣшилъ высказать вамъ сегодня; статья эта касается отвѣтовъ, данныхъ тѣмъ дворомъ, при которомъ вы находитесь, вѣнскому двору, какъ относительно расширенія его границъ, такъ и о заключеніи мира. И такъ я скажу вамъ, что я могу быть лишь чрезвычайно тронутымъ всѣми любезными и обязательными выраженіями по отношенію ко мнѣ, находящимися въ этомъ документѣ; не показывая вида, что мнѣ извѣстно содержаніе этихъ отвѣтовъ, я подожду пока вѣнскій дворъ обратится ко мнѣ съ первыми предложеніями, о которыхъ я не премину тогда въ свою очередь извѣстить также тотъ дворъ, при которомъ вы находитесь. Вотъ все, что я могу вамъ предварительно сказать объ этомъ дѣлѣ.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получена 27-го февраля 1774 г. Берлинъ, 15-го февраля 1774 г.

№ 777. Я получилъ вашу депешу отъ 28-го января съ приложенными къ ней документами, помѣченными A_1, A_2, A_3, B_1, B_2. Вы не преминете поблагодарить гр. Панина за это конфиденціальное сообщеніе и увѣрить его въ сохраненіи тайны, которую я соблюду относительно содержанія этихъ документовъ согласно его желанію. Мои непосредственныя повелѣнія вамъ сообщатъ кромѣ того мои мысли о различныхъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ этимъ документамъ.

(En chiffre). Il eût bien été à souhaiter que la déclaration que le comte Golowkin est chargé de faire à Dantzig eût été moins vague et plus catégorique que ne le portent les termes dans lesquels elle est conçue, suivant le précis que vous m'en donnez. Le magistrat a déjà reçu plusieurs semblables exhortations de la part de la cour de Russie sans y avoir fait attention, et il est à prévoir que celle-ci n'avancera pas plus les affaires que les précédentes.

Je vois, au reste, avec plaisir par ce que vous me mandez des premières nouvelles venues du général Bibikow, les bonnes espérances que l'on a de voir bientôt la révolte des cosaques apaisée, et souhaite que l'événement justifie ces favorables augures.

(En clair). Je viens de recevoir par une lettre du sieur de Zegelin, qui m'a été expédiée de Vienne par un courrier, l'importante nouvelle de la mort du sultan Mustapha, décédé le 21 de Janvier. Tout ce que l'on a pu mander dans les premiers moments de cet événement, c'est que le frère du sultan, nommé Abdoul Hamis, âgé de 54 ans, est monté sur le trône deux heures après, et que cela s'est fait avec tranquillité.

(En chiffre). Ce changement n'est pas venu dans un moment favorable. Il eût été à souhaiter qu'il n'eût eu lieu qu'après la conclusion de la paix, étant à craindre que l'hiver se passe, sans y parvenir dans les premières occupations du nouveau règne et les mouvements qu'il entraînera dans l'in-

---

(Шифровано). Было бы весьма желательно, чтобъ декларація, которую поручено сдѣлать гр. Головкину городу Данцигу, была менѣе неопредѣленна и болѣе категорична въ сравненіи съ тѣми выраженіями, въ которыхъ она составлена, если основываться на представленномъ мнѣ вами извлеченіи изъ нея. Магистратъ уже получалъ нѣсколько подобныхъ увѣщаній со стороны русскаго двора, и не обратилъ вниманія на нихъ, и слѣдуетъ предвидѣть, что и это увѣщаніе не подвинетъ дѣла болѣе предъидущихъ. Въ заключеніе, я съ удовольствіемъ вижу изъ сообщаемыхъ мнѣ вами первыхъ извѣстій отъ генерала Бибикова, что есть основаніе надѣяться на то, что вскорѣ возстаніе казаковъ будетъ усмирено, и я желаю, чтобы событія оправдали эти благопріятныя предвѣстія.

(Нешифровано). Я только что получилъ въ письмѣ отъ Зегелина, привезенномъ ко мнѣ курьеромъ изъ Вѣны, важное извѣстіе о смерти султана Мустафы, скончавшагося 21-го января. Все о чемъ могли меня извѣстить въ первый моментъ вслѣдъ за этимъ событіемъ, это то, что братъ султана, по имени Абдулъ-Гамидъ, пятидесяти четырехъ лѣтъ, вступилъ на престолъ два часа спустя, и вступленіе совершилось спокойно.

(Шифровано). Эта перемѣна произошла въ неблагопріятный моментъ; слѣдовало бы желать, чтобъ она случилась лишь по заключеніи мира, такъ какъ нужно опасаться, что зима пройдетъ, а миръ не будетъ заключенъ, благодаря первымъ заботамъ по поводу новаго царствованія и перемѣщеніямъ, которыя оно повлечетъ за

térieur du gouvernement. Un changement de ministère est d'ailleurs souvent la suite d'une semblable révolution et tout dépendra en ce cas des dispositions de la nouvelle administration et du caractère du nouveau sultan.

Par ordre exprès du roi.

№ 778.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 4 Mars. Potsdam, le 17 de Février 1774.

Voici deux nouveaux bulletins de Versailles, l'un du 3 et l'autre du 4 de ce mois, dont vous ferez part au comte de Panin.

(En chiffre). Ce ministre y verra la belle instruction, que l'abbé de la Ville a donnée jadis au roi de Suède sur la conduite qu'il aurait à tenir vis-à-vis de l'Impératrice de Russie. D'ailleurs, je sais de très bonne part et par d'autres lettres de Paris, que les confédérés de Baar, qui depuis longtemps avaient perdu tout mouvement, s'arrangent pour donner incessamment un nouveau manifeste contre ce qui vient de se faire en Pologne, et que la France, quoiqu'elle ne soit pas encore déterminée à approuver cette démarche vis-à-vis des autres cours, doit avoir au moins assuré les confédérés d'y conniver. Je n'ai donc pas différé d'en informer mon ministre à Varsovie en lui

---

собой во внутреннемъ составѣ правительства. Перемѣна министерства кромѣ того часто является слѣдствіемъ подобнаго переворота, и все въ этомъ случаѣ будетъ зависѣть отъ расположенія новой администраціи и отъ характера новаго султана.

По особому повелѣнію короля.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 4-го марта 1774 г. Потсдамъ, 17-го февраля 1774 г.

№ 778. Посылаю вамъ два новыхъ бюллетеня изъ Версаля, одинъ отъ 3-го, а другой отъ 4-го сего мѣсяца; вы сообщите о нихъ графу Панину.

(Шифровано). Этотъ министръ увидитъ изъ этихъ бюллетеней, какую прекрасную инструкцію далъ нѣкогда аббатъ де-ля Вилль королю шведскому относительно образа дѣйствій, котораго тотъ долженъ былъ держаться въ сношеніяхъ съ русской Императрицей Кромѣ того я знаю изъ весьма хорошаго источника, а также и на основаніи другихъ писемъ изъ Парижа, что Баарскіе конфедераты, уже давно не нарушавшіе покоя, хлопочутъ о томъ, чтобы выпустить вскорѣ новый манифестъ противъ совершившихся недавно въ Польшѣ событій, а Франція, хотя она и не рѣшилась еще открыто одобрить этотъ поступокъ въ виду прочихъ дворовъ, увѣрила, должно быть, конфедератовъ, что отнесется къ нимъ по крайней мѣрѣ снисходительно. Я же не замедлилъ объ этомъ увѣдомить своего министра въ Варшавѣ, поручивъ ему сдѣ-

enjoignant, d'en faire également confidence au comte de Stackelberg, afin qu'ils puissent prendre leurs mesures d'avance et de concert, au cas qu'un tel manifeste dût éclater effectivement en Pologne. On m'a donné encore avis d'un autre projet du duc d'Aiguillon, sur lequel j'attends cependant encore des éclaircissements ultérieurs, et voici comme l'on s'exprime sur ce sujet. Lorsque ce ministre se crut assuré de réunir les deux départements, il en a fait passer l'avis à Constantinople comme une nouvelle propre à lui donner une plus grande influence auprès de cette puissance. Il a donc conseillé à celle-ci de profiter de ses avantages, et de ne point se prêter aux premières propositions de la Russie. Il a assuré de plus la Porte, que si les cours de Berlin et de Vienne voyant la Russie si faible sur le Danube voulaient forcer la Porte à recevoir les propositions de paix de la Russie, toutes dures qu'elles fussent, alors la France et ses alliés feraient déclarer à ces deux cours l'intérêt qu'elles prenaient en faveur de la Porte. Vous n'oublierez pas de prévenir également sur ceci le comte Panin. Sur ce je prie Dieu etc.

№ 779.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 4 de Mars. Potsdam, ce 19 de Février 1774.

(En chiffre). Le comte de Panin a bien raison, selon votre dépêche du 4 de ce mois, dans son jugement sur la cour de Vienne. Le prince de Kau-

---

лать также конфиденціальное сообщеніе по этому поводу г. Штакельбергу, чтобы они могли заранѣе и сообща принять свои мѣры, въ случаѣ, если такой манифестъ дѣйствительно долженъ появиться въ Польшѣ. Мнѣ сообщили также о другомъ проектѣ герцога Эгильонскаго, относительно котораго я ожидаю однако еще дальнѣйшихъ разъясненій; а вотъ что говорятъ по этому поводу: когда этотъ министръ счелъ обезпеченнымъ за собой соединеніе двухъ департаментовъ, онъ передалъ извѣстіе о томъ въ Константинополь, какъ новость, которая можетъ увеличить его вліяніе относительно этой державы; онъ и посовѣтывалъ Турціи воспользоваться своими преимуществами, и отнюдь не соглашаться на первыя предложенія Россіи. Кромѣ того онъ увѣрилъ Порту, что если берлинскій и вѣнскій дворы, видя Россію столь слабой на Дунаѣ, хотятъ всетаки принудить Порту принять мирныя предложенія со стороны Россіи, какъ бы они ни были тяжки, то Франція и ея союзники объявятъ этимъ двумъ дворамъ объ участіи, принимаемомъ ими въ интересахъ Порты. Незабудьте и объ этомъ обстоятельствѣ также увѣдомить графа Панина. Молю Бога и пр.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 4-го марта 1774 г. Потсдамъ, 19-го февраля 1774 г.

№ 779. (Шифровано). Графъ Панинъ вполнѣ правъ, судя по вашей депешѣ отъ 4-го сего мѣсяца, относительно мнѣнія составленнаго имъ о вѣнскомъ дворѣ.

nitz, qui la gouverne est un homme singulier. Prévenu autant qu'on peut l'être de ses lumières et de son savoir faire, il est fier et altier et fort entêté dans ses sentiments. Il pousse même l'ascendant, qu'il a su prendre, si loin que de ne point céder ni à l'impératrice-reine, ni à l'empereur. S. M. I. et R. suit en tout ses conseils, elle n'écoute que lui dans les affaires politiques, et auteur et protecteur constant du système français, il ne s'en départira pas, malgré toutes les démarches, qu'il a faites depuis quelque temps vis-à-vis de moi et de la Russie, et que les conjonctures actuelles lui ont, pour ainsi dire, extorquées. Le comte de Panin juge donc très bien, qu'il n'y a guère de fonds à faire sur les démonstrations favorables de l'impératrice-reine et de son premier ministre. Elles ne sont qu'apparentes et le système contraire prévaudra toujours à la cour de Vienne, aussi longtemps que S. M. I. et R. sera en vie, et que le prince de Kaunitz y tiendra le gouvernail. Mais, si un jour cette princesse venait à mourir, alors le système politique de cette cour prendra sûrement une autre face; on y adoptera d'autres principes, et l'empereur son fils agira effectivement tout autrement, ainsi qu'il en a fait assurer le comte de Panin, que cela arriverait déjà à présent, relativement au rétablissement de la paix avec la Porte, s'il avait plus de voix en chapitre. En attendant, depuis la mort du sultan je n'ai aucune nouvelle ultérieure de Constantinople, et comme les premières qui

---

Князь Кауницъ, руководящій этимъ дворомъ, человѣкъ странный, увѣренный, на сколько это только можетъ быть, въ своихъ познаніяхъ и умѣніи дѣйствовать; онъ гордъ, высокомѣренъ и чрезвычайно упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ; онъ простираетъ вліяніе, которое онъ съумѣлъ пріобрѣсти, такъ далеко, что не уступаетъ даже нисколько ни королевѣ-императрицѣ, ни императору. Е. в. королева-императрица слѣдуетъ во всемъ его совѣтамъ, она слушаетъ въ политическихъ дѣлахъ его одного, а онъ, будучи творцомъ и постояннымъ покровителемъ французской системы, никогда отъ нея не отступитъ, несмотря на всѣ производившіяся имъ съ нѣкотораго времени обращенія ко мнѣ и къ Россіи, исторгнутыя у него, такъ сказать, стеченіемъ обстоятельствъ настоящаго времени. Графъ Панинъ судитъ поэтому вполнѣ вѣрно, что едва ли можно полагаться на благосклонность, выказываемую королевой-императрицей, также какъ и ея первымъ министромъ. Это лишь внѣшняя благосклонность, и противоположная система всегда будетъ одерживать верхъ при вѣнскомъ дворѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ жить е. и. и к. в. и князь Кауницъ будетъ находиться у кормила правленія; но если разъ наступитъ день смерти этой государыни, тогда политическая система этого двора навѣрное приметъ другой оборотъ, въ основаніе будутъ положены другія начала, и императоръ, сынъ ея, въ самомъ дѣлѣ станетъ дѣйствовать совершенно иначе, какъ онъ и поручалъ увѣрить въ этомъ графа Панина, говоря, что это произошло бы даже и теперь по вопросу о возстановленіи мира съ Портой, если бы онъ имѣлъ болѣе голоса въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ со смерти султана я не имѣю никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій изъ Константинополя, и такъ какъ первыя извѣстія,

nous entreront par la voie ordinaire seront antérieures à cet événement, il faudra bien attendre les suivantes pour juger de ce qu'il y aura à espérer des premières nouvelles insinuations, que mon major de Zegelin a été chargé d'y faire pour l'avancement de cette paix. Dans les états despotiques la mort du souverain entraîne ordinairement beaucoup de changements dans le gouvernement et dans le ministère, et on ne saurait jamais juger des dispositions du successeur, qu'après être parvenu à bien pénétrer celles des nouveaux ministres qui sont mis à la tête des affaires. Il y a donc toute apparence, que par la même raison, cet événement apportera également quelques délais à la négociation de cette paix, et que pour former un pronostic solide sur cet important ouvrage, il faut attendre les premières suites de ce changement de règne à la Porte.

№ 780.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 4 de Mars. Berlin, le 19 Février 1774.

J'ai reçu votre dépêche du 1 de ce mois avec la copie de l'instruction envoyée au comte Golowkin. (En chiffre). Il eût bien été à souhaiter, comme je vous l'ai déjà fait observer dernièrement, que ce ministre eût été autorisé à tenir au magistrat de Dantzig un langage plus ferme que celui qu'on lui

---

которыя придутъ къ намъ обычнымъ путемъ, будутъ касаться событій, предшествовавшихъ смерти, то нужно ужь будетъ подождать послѣдующихъ извѣстій, чтобы судить о томъ, на что надѣяться въ отвѣтъ на начатыя вновь внушенія, которыя поручено сдѣлать маіору Зегелину, чтобы подвинуть дѣло о заключеніи этого мира. Въ деспотическихъ государствахъ смерть верховнаго правителя влечетъ обыкновенно за собой много перемѣнъ въ дѣлахъ управленія и въ министерствѣ, и о намѣреніяхъ преемника никакъ нельзя будетъ судить раньше, чѣмъ удастся проникнуть въ планы новыхъ министровъ, поставленныхъ во главѣ дѣлъ; поэтому весьма вѣроятно, что на такомъ же основаніи и это событіе произведетъ нѣкоторую задержку въ веденіи переговоровъ о мирѣ, и чтобы основательнымъ образомъ предсказать исходъ этого важнаго дѣла, нужно подождать первыхъ слѣдствій этой перемѣны правленія въ Портѣ.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 4-го марта 1774 г. Берлинъ, 19-го февраля 1774 г.

№ 780. (Шифровано). Я получилъ вашу депешу отъ 1-го сего мѣсяца вмѣстѣ съ копіей инструкціи, посланной графу Головкину. Было бы очень желательно, какъ я уже и далъ вамъ знать въ послѣдній разъ, чтобы этотъ министръ былъ уполномоченъ вести съ данцигскимъ магистратомъ переговоры въ болѣе твердыхъ выраже-

a prescrit. Certainement sa déclaration ne produira pas le moindre bon effet. Elle peut au contraire en avoir un mauvais, le passage de la lettre du comte Panin, où l'on insinue que la cour de Russie désirait que je me contentasse d'une somme une fois payée pour toutes, étant très propre à affermir le magistrat indocile de Dantzig dans son obstination, mais je vous renvoie aux ordres détaillés que je viens de vous adresser sur ce sujet immédiatement.

Je vois, au reste, avec peine par les particularités de votre dépêche, qui sont relatives à la rebellion des cosaques, que cette affaire est plus sérieuse qu'on ne l'avait d'abord pensé. Il faut cependant espérer que le général Bibikof justifiera les bonnes espérances qu'il donne de mettre bientôt les mutins à la raison.

Par ordre exprès du roi.

№ 781.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 6 de Mars. Potsdam, ce 20 de Février 1774.

Je viens à la vérité de recevoir de nouveau une dépêche de mon major de Zegelin à Constantinople, mais elle est du 17 de Janvier et antérieure de 4 jours à l'époque de la mort de Mustapha 3. Je vous en adresse cependant ci-joint une copie, pour la communiquer au comte de Panin.

ніяхъ, чѣмъ ему это предписано. Навѣрное эта декларація не произведетъ ни малѣйшаго благопріятнаго дѣйствія. Напротивъ, она можетъ имѣть дурной исходъ: то мѣсто изъ письма графа Панина, въ которомъ внушается, что русскій дворъ желаетъ, чтобы я удовольствовался денежной суммой, уплаченной разъ на всегда, весьма способно утвердить непокорный данцигскій магистратъ въ его упорствѣ, но я отсылаю васъ къ подробнымъ повелѣніямъ, непосредственно мною къ вамъ посланнымъ по этому поводу.

Въ заключеніе, я съ прискорбіемъ замѣчаю изъ подробностей, сообщаемыхъ вашей депешей о казацкомъ бунтѣ, что это дѣло болѣе серьезно, чѣмъ думали о немъ раньше. Нужно однако надѣяться, что генералъ Бибиковъ оправдаетъ возлагаемыя на него благія надежды и въ скоромъ времени приведетъ мятежниковъ къ порядку.

По особому повелѣнію короля.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 6-го марта 1774 г. Потсдамъ, 20-го февраля 1774 г.

№ 781. Хотя я только что получилъ опять депешу отъ своего маіора Зегелина, находящагося въ Константинополѣ, но эта депеша отъ 17-го января и послана за 4 дня до постигшей Мустафу III смерти; все же я прилагаю вамъ здѣсь ея копію для сообщенія графу Панину.

(En chiffre). Et je n'y ajoute qu'une seule réflexion, c'est qu'autant que j'en puis juger, la Russie pourrait bien être obligée de se relâcher encore beaucoup sur ses dernières conditions. Cette réflexion n'est toutefois que pour vous seul et vous vous garderez bien d'en parler au comte de Panin ou à d'autres.

P. S. J'attends à présent de nouvelles lettres de Constantinople pour juger des dispositions du nouveau sultan. Mais, à juger des manoeuvres de nos ennemis, il est probable, qu'ils emploieront tous les moyens imaginables pour roidir la Porte contre les propositions des russes relatives au commerce de la Mer Noire, et des tartares. Les anglais et les français en sont jaloux, et chacun de son côté tâchera de contrecarrer les russes; comment donc parvenir à la paix?

№ 782.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 6 de Mars. Potsdam, ce 21 de Février 1774.

(En chiffre). Mes dernières lettres de Paris confirment les conseils que la France a donnés à la Porte, de se prêter moins que jamais aux propositions de la Russie, et on ajoute, qu'elle y a insisté nouvellement, par la

---

(Шифровано). Присовокупляю при этомъ лишь одно замѣчаніе: на сколько я могу судить, Россія, очень вѣроятно, придется еще во многомъ уступить относительно своихъ послѣднихъ условій. Это соображеніе, во всякомъ случаѣ, предназначается лишь для васъ, и вы должны весьма остерегаться говорить о немъ графу Панину и другимъ.

P. S. Я ожидаю теперь новыхъ писемъ изъ Константинополя, чтобы судить о намѣреніяхъ новаго султана; но если основываться на маневрахъ, употребляемыхъ нашими противниками, весьма вѣроятно, они пользуются всѣми возможными средствами, чтобы возстановить Порту противъ предложеній, дѣлаемыхъ русскими, относительно торговли на Черномъ морѣ и относительно татаръ. Англичане и французы, чувствуя зависть къ русскимъ, постараются каждый съ своей стороны выставить имъ преграды на пути; какъ же тутъ достигнуть мира?

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 6-го марта 1774 г. Потсдамъ, 21-го февраля 1774 г.

№ 782. (Шифровано). Мои послѣднія письма изъ Парижа подтверждаютъ, что Франція совѣтовала Портѣ менѣе, чѣмъ когда-либо, соглашаться на предложенія Россіи; присовокупляютъ, что она снова настаивала на этомъ, на томъ соображе-

considération, que la fin de la campagne n'avait pas été favorable à la dernière. Je ne vous fais part de cette anecdote que pour suppléer à ce que je vous en ai communiqué précédemment, et le comte de Panin y trouvera une nouvelle preuve de la mauvaise volonté de cette cour contre la Russie.

№ 783.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 6 de Mars. Potsdam, ce 22 de Février 1774.

(En chiffre). L'étendue de mes limites en Pologne, sur le pied que je vous l'ai indiqué, me tenant fort à coeur, j'ai été bien charmé, d'apprendre par votre dépêche du 8 de ce mois, que le comte de Panin est à la fin parfaitement d'accord avec moi sur cet article, et qu'il convient de la justice de mes prétentions, fondées sur les termes mêmes de mon traité de partage. J'attends à présent que la cour de Vienne touche cette corde avec moi. Jusqu'ici cependant elle garde encore le silence, et à dire vrai, elle n'a guère pu s'en expliquer encore, vu qu'il n'y a pas longtemps que la dernière réponse de la Russie lui est parvenue. Dès qu'elle viendra à moi, je vous ferai part de ses propositions. Mais en attendant, je ne vous dissimulerai point, que, dans les conjonctures actuelles, il me semble, qu'il ne faut pas

---

ніи, что конецъ кампаніи не былъ благопріятенъ для Россіи. Я передаю вамъ это извѣстіе лишь для того, чтобъ дополнить то, что я сообщалъ вамъ уже раньше, и графъ Панинъ найдетъ въ этомъ извѣстіи новое доказательство недоброжелательства французскаго двора къ Россіи.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получена 6-го марта 1774 г. Потсдамъ, 22-го февраля 1774 г.

№ 783. Такъ какъ расширеніе моихъ границъ въ Польшѣ, на указанныхъ мною вамъ основаніяхъ, для меня чрезвычайно важно, то я былъ очень радъ узнать изъ вашей депеши отъ 8-го сего мѣсяца, что графъ Панинъ вполнѣ наконецъ согласился со мной въ этомъ дѣлѣ и признаетъ справедливость моихъ притязаній, основывающихся на самыхъ выраженіяхъ заключеннаго мною договора о раздѣлѣ земель. Я ожидаю теперь, чтобы вѣнскій дворъ коснулся этого вопроса, приступивъ къ совѣщаніямъ со мной; до сихъ поръ, однако, онъ хранитъ еще молчаніе и, говоря правду, онъ и не могъ пока объясниться объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ мало еще времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ ему былъ доставленъ послѣдній отвѣтъ Россіи. Какъ только этотъ дворъ обратится ко мнѣ, я сообщу вамъ о его предложеніяхъ. Пока же не скрою отъ васъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ, мнѣ кажется, не слѣдуетъ

la trop chicaner sur l'étendue de ses frontières, afin de ne point altérer le parfait concert, qui subsiste encore entre les trois cours copartageantes, et qu'il est d'une nécessité absolue de cimenter, pour consolider nos arrangements en Pologne.

D'ailleurs, les nouvelles que vous me donnez de la rebellion des cosaques m'ont fait d'autant plus de plaisir, qu'indépendamment de mon amitié pour la Russie, elles m'ont rassuré entièrement sur les bruits affreux, qu'un éventé français, nommé de Large, qui a passé ici en courrier pour se rendre en France, d'où il compte de repasser dans peu ici pour retourner à Pétersbourg, en a répandus. Selon lui, la consternation sur cette rebellion est si grande à Pétersbourg, que tout le monde en est abattu, et que tous les spectacles sont interdits. Mais il ne s'est pas borné à ce seul objet. Il a vomi même les propos les plus indécents contre la personne de l'Impératrice, en soutenant que S. M. I. était tellement haïe de sa nation, qu'elle avait à tout moment à appréhender d'être détrônée, et qu'en général on n'avait qu'à s'attendre dans peu à des changements étonnants, tant à Pétersbourg que dans tout l'empire de Russie. En général, on ne saurait penser ni parler plus mal de S. M. I. et de toute la nation russe, que cet insolent a fait, et comme je suppose, qu'il appartient à la maison du sieur Durand, je vous avertis de ces impertinences à dessein, afin qu'au cas qu'il

---

слишкомъ препираться о расширеніи его границъ для того, чтобы не нарушить какъ нибудь полнаго согласія, существующаго между тремя, участвующими въ раздѣлѣ дворами; между тѣмъ, это согласіе безусловно необходимо упрочить, чтобы закрѣпить мѣры, принятыя нами по отношенію къ Польшѣ.

Далѣе, новости, сообщаемыя мнѣ вами о казацкомъ бунтѣ, доставили мнѣ тѣмъ большее удовольствіе, что независимо отъ моей дружбы къ Россіи, онѣ меня вполнѣ успокоили относительно ужасныхъ слуховъ, распространявшихся по этому поводу однимъ сумасбродомъ французомъ по имени де-Ларжемъ, проѣзжавшимъ здѣсь въ качествѣ курьера по пути въ Францію, откуда онъ разсчитываетъ вскорѣ снова сюда пріѣхать, чтобы вернуться въ Петербургъ. По его мнѣнію, всѣ такъ поражены этимъ бунтомъ, что находятся въ совершенно подавленномъ состояніи и всякія зрѣлища въ Петербургѣ запрещены. Но онъ не ограничился однимъ этимъ сообщеніемъ, онъ высказывался самымъ неприличнымъ образомъ объ особѣ Императрицы и утверждалъ, что ее до такой степени весь народъ ненавидитъ, что она каждую минуту должна опасаться быть свергнутой съ престола, и вообще въ скоромъ времени надо ждать весьма много крупныхъ перемѣнъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и во всей Россійской имперіи. Однимъ словомъ, нельзя было хуже ни говорить, ни думать о Е. И. В. и обо всемъ русскомъ народѣ, чѣмъ говорилъ этотъ нахалъ; такъ какъ я предполагаю, что онъ принадлежитъ къ лицамъ, служащимъ у Дюрана, то и предупреждаю васъ нарочно объ этихъ дерзостяхъ, чтобы министерство, по возвращеніи его въ Россію,

retournât en Russie, le ministère puisse le faire observer plus particulièrement et épier toutes ses démarches.

(En clair). Je vous remercie, au reste, du baril de caviar.

№ 784.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 6 de Mars. Berlin, le 22 Février 1774.

J'ai reçu votre dépêche du 4 de ce mois et ne puis que vous renvoyer quant à son contenu à mes ordres immédiats.

(En chiffre). Il me revient de bonne part que la France ne discontinue point d'intriguer à Constantinople pour animer la Porte à la prolongation de la guerre. Cette puissance doit lui avoir fait conseiller tout nouvellement de profiter de ses prétendus avantages dans cette campagne et de ne point se prêter aux premières propositions de la Russie. Elle doit l'avoir fait assurer en même temps que, si moi et la cour impériale voulions la forcer à la paix, la France nous ferait déclarer l'intérêt qu'elle prend aux affaires des turcs. Je ne sais où la cour de Versailles trouve là un grand motif d'encouragement pour ceux-ci. Je doute qu'une semblable déclaration fît grande impression à Vienne et elle n'en ferait certainement aucune chez moi. Mais

---

могло подвергнуть его болѣе тщательному надзору и слѣдить за всѣми его поступками.

(Нешифровано). Благодарю васъ, въ заключеніе, за боченокъ икры.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получена 6-го марта 1774 г. Берлинъ, 22-го февраля 1774 г.

№ 784. Я получилъ вашу депешу отъ 4-го сего мѣсяца, и что касается до ея содержанія, могу лишь отослать васъ къ своимъ непосредственнымъ повелѣніямъ.

(Шифровано). Изъ хорошаго источника дошло до меня, что Франція ничуть не перестаетъ интриговать въ Константинополѣ, побуждая Порту продолжать войну. Эта держава, по всей вѣроятности, посовѣтовала Портѣ въ послѣднее время воспользоваться своими яко-бы преимуществами въ эту кампанію и ни за что не соглашаться на первыя предложенія Россіи. Она, должно быть, увѣрила Порту въ то же время, что если я и имперскій дворъ захотимъ принудить Турцію къ миру, то Франція объявитъ намъ объ участіи, принимаемомъ ею въ турецкихъ дѣлахъ. Я не знаю, почему въ этомъ заявленіи версальскій дворъ находитъ важное основаніе для поднятія духа въ Портѣ; я сомнѣваюсь, чтобы подобное заявленіе произвело большое впечатлѣніе въ Вѣнѣ, а у меня оно, разумѣется, не произведетъ никакого. Но вотъ

voilà du moins toujours les services rendus à la cour de Russie par une puissance qui ne cesse de lui prouver son amitié et de vouloir captiver sa confiance par les plus insidieuses cajoleries.

Par ordre exprès du roi.

№ 785.

Le roi au comte de Solms.

Potsdam, le 24 de Février 1774.

Je ne doute point qu'en conformité de mes ordres du 12 vous n'ayez déjà fait mes excuses tant à S. M. qu'à LL. AA. II. du délai que j'ai été obligé d'apporter à mes réponses aux obligeantes lettres, dont Elles avaient chargé mon colonel le comte de Goertz à son départ de Pétersbourg. Trouvant cependant un plaisir infini à m'entretenir avec Elles, j'ai employé les premiers moments de ma convalescence à m'acquitter de ce devoir et je m'empresse à vous faire tenir ci-joint mes trois réponses, pour les faire remettre à S. M. et à LL. AA. II. avec un compliment convenable de ma part, priant au reste Dieu etc.

каковы, по крайней мѣрѣ, услуги, оказываемыя русскому двору державой, не перестающей доказывать ему свою дружбу, и желающей овладѣть его довѣріемъ при помощи вѣроломныхъ ласкательствъ.

По особому повелѣнію короля.

Отъ короля графу Сольмсу.

Потсдамъ, 24-го февраля 1774 г.

№ 785. Я ни мало не сомнѣваюсь, что, на основаніи полученныхъ отъ меня повелѣній отъ 12-го числа, вы уже извинялись отъ моего имени какъ передъ Е. В., такъ и передъ И. И. В. за невольное съ моей стороны промедленіе по отношенію къ отвѣтамъ на любезныя письма, которыми Они снабдили моего полковника, графа Герца, при отъѣздѣ его изъ Петербурга. Находя, однако, чрезвычайное удовольствіе бесѣдовать съ ними, я воспользовался первымъ моментомъ своего выздоровленія, чтобы исполнить этотъ долгъ и спѣшу вручить вамъ приложенные здѣсь три своихъ отвѣта, для передачи ихъ Е. В. и И. И. В. съ присовокупленіемъ соотвѣтствующихъ случаю привѣтствій съ моей стороны. За симъ молю Бога и пр.

№ 786.

Le comte de Solms au roi.

Prés. le 11 de Mars. A St.-Pétersbourg, le 14 (25) de Février 1774.

Sire. Un dégel extraordinaire dans cette saison étant survenu depuis une huitaine de jours, les chemins en ont été tellement gâtés, que l'arrivée des postes en devient irrégulière. Celle, qu'on attendait hier matin, n'est pas arrivée que le soir fort tard et m'a apporté les ordres immédiats et médiats de V. M. du 12 et du 13 de ce mois, avec un bulletin de France et d'Angleterre que je ne négligerai pas de communiquer au comte Panin. Je ne manquerai pas non plus l'occasion de lui insinuer ce qui fait le contenu principal des susdits ordres.

On a reçu ici avant-hier, par un courrier envoyé de la part du prince Gallitzin de Vienne, la nouvelle de la mort du sultan Moustafa, et de l'élévation de son frère Abdoul Hamid au trône. (En chiffre). On ne prévoit point encore ici l'influence que cet événement pourrait avoir sur les sentiments de la Porte relativement à la paix, et on est dans l'impatience d'apprendre sur cela des informations ultérieures. — Le prince Lobkowitz a eu la confiance de me faire voir une dépêche qu'il a reçue par l'occasion de ce courrier du prince Kaunitz, dans laquelle il lui dit, d'offrir de nouveau l'emploi étendu des bons offices de la cour impériale romaine, pour les mesures que la Russie

---

Отъ графа Сольмса королю.

Представлено 11-го марта 1774 г. С.-Петербургъ, 14 (25-го) февраля 1774 г.

№ 786. Ваше Величество. Оттепель, неожиданная для этого времени года, наступила съ недѣлю тому назадъ и такъ испортила дороги, что правильная доставка почты нарушилась; почта, ждавшаяся вчера утромъ, прибыла лишь очень поздно вечеромъ, и доставила мнѣ непосредственныя и министерскія повелѣнія В. В. отъ 12-го и 13-го сего мѣсяца, вмѣстѣ съ бюллетенемъ изъ Франціи и Англіи, который я не премину сообщить графу Панину. Равнымъ образомъ я не замедлю при случаѣ внушить ему о томъ, что составляетъ главное содержаніе вышепомянутыхъ повелѣній.

Третьяго дня здѣсь получено было черезъ курьера, посланнаго княземъ Голицынымъ изъ Вѣны, извѣстіе о смерти султана Мустафы и о возведеніи на престолъ его брата Абдулъ-Гамида. (Шифровано). Никто еще не предвидитъ здѣсь вліянія, которое можетъ оказать это событіе на расположеніе Порты къ заключенію мира; съ нетерпѣніемъ ожидаются на этотъ счетъ дальнѣйшія увѣдомленія. Князь Лобковичъ оказалъ мнѣ довѣріе, показавши депешу, полученную имъ чрезъ того же курьера отъ князя Кауница, въ которой онъ предлагаетъ ему предложить снова широко пользоваться услугами императорскаго римскаго двора въ мѣрахъ, къ которымъ Россія, быть мо-

pourrait trouver à propos de prendre en conséquence de l'événement de la mort du sultan; mais de déclarer en même temps au comte Panin que ce n'était pas dans l'intention d'importuner cette cour-ci, ni de lui arracher son secret qu'il lui faisait faire ces offres, que LL. MM. II. et RR., contentes que la paix pût se faire, n'auraient ni envie ni jalousie, si la cour de Russie ne se servît pas d'elles, ou qu'elle employât même une autre puissance pour parvenir à ce but; mais, au cas que S. M. l'Impératrice de Russie jugeât convenable à ses intérêts d'employer la cour de Vienne, alors il serait nécessaire de lui montrer une confiance entière, et de la mettre complétement au fait de ses véritables sentiments, puisque sans cela elle ne pouvait en charger, ni lui être d'aucune utilité. — Je n'ai pas vu le comte Panin depuis qu'il a reçu cette déclaration, mais je m'attends bien qu'il aura renvoyé le ministre autrichien à la note qu'il a donnée en dernier lieu en réponse aux ouvertures de la cour de Vienne pour la pacification, par laquelle il prétend lui avoir fait connaître clairement, qu'on désire ici qu'elle s'emploie à la Porte pour la conduire à proposer la première des modifications pour les propositions faites au dernier congrès, et qu'on ne refusera pas d'entrer là-dessus en négociation. Et en se défaisant par cette réponse dilatoire des exhortations ultérieures de ce ministre, il sera bien aise d'attendre des in-

---

жетъ, сочтетъ нужнымъ прибѣгнуть вслѣдствіе такого событія, какъ смерть султана; но въ то же время онъ поручаетъ заявить графу Панину, что дѣлаются имъ эти предложенія не съ цѣлью докучать здѣшнему двору, и не изъ желанія вывѣдать его тайны; ихъ имп. и кор. вел. были бы на столько довольны заключеніемъ мира, что не почувствовали бы никакой зависти, или недовольства, если бы русскій дворъ не воспользовался ихъ услугами, или еслибъ даже онъ прибѣгнулъ къ содѣйствію другой державы для достиженія этой цѣли; но въ случаѣ если Е. В. русская Императрица сочтетъ удобнымъ для своихъ интересовъ воспользоваться услугами вѣнскаго двора, тогда необходимо будетъ, чтобы она ему оказывала полное довѣріе и вполнѣ посвятила его въ свои истинные планы, такъ какъ иначе вѣнскій дворъ не можетъ ихъ взять на себя и быть сколько нибудь полезнымъ Императрицѣ. Я не видѣлъ графа Панина съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ эту декларацію, но я вполнѣ надѣюсь, что онъ указалъ австрійскому министру на ноту, посланную имъ недавно въ отвѣтъ на предложеніе вѣнскаго двора относительно заключенія мира, въ которой, какъ онъ увѣряетъ, онъ ясно высказалъ вѣнскому двору слѣдующее: что здѣсь желаютъ, чтобъ вѣнскій дворъ постарался склонить Порту первую ходатайствовать о видоизмѣненіяхъ въ предложеніяхъ, сдѣланныхъ на послѣднемъ конгрессѣ, и тогда не откажутся войти въ переговоры объ этихъ предложеніяхъ; отдѣлавшись при помощи такого уклончиваго отвѣта отъ дальнѣйшихъ обращеній со стороны этого министра, графъ Панинъ безъ всякой помѣхи будетъ ожидать дальнѣйшихъ извѣстій о на-

formations sur les sentiments du nouveau sultan pour se décider en conséquence.

On a reçu des nouvelles du général Bibikow, qui ne contiennent encore rien de décisif. Elles confirment seulement que l'esprit de révolte ne gagne pas plus de terrain, que les détachements envoyés contre les rebelles, les tiennent en respect et les resserrent peu à peu, de sorte que, lorsqu'il aura rassemblé tout ce qui lui faut, il espère de pouvoir tomber sur eux avec le gros de son corps, et finir l'affaire dans une fois.

№ 787.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 11 de Mars. Potsdam, le 26 de Février 1774.

(En chiffre). La défiance, où, selon votre dépêche du 11 de ce mois, la Russie est contre la France, est très légitime. Les ruses et les intrigues de cette dernière indiquent manifestement le dessein qu'elle a de mettre la mésintelligence entre les trois cours copartageantes de la Pologne. Mais je ne m'en inquiète pas, puisque je suis plus que persuadé, que la Russie sera fort en garde contre toutes ses insinuations emmiellées et ne donnera jamais dans les piéges, qu'elle voudrait lui tendre. Pour ce qui est de l'Autriche, je ne saurais, à la vérité, qu'applaudir infiniment aux sages mesures, que le

---

мѣреніяхъ новаго султана, чтобы, сообразуясь съ ними, придти къ какому либо рѣшенію.

Получены новыя извѣстія отъ генерала Бибикова, не заключающія еще ничего рѣшительнаго. Они подтверждаютъ только, что духъ мятежа не распространяется далѣе, что отряды, посланные противъ мятежниковъ, сдерживаютъ ихъ и мало по малу ограничиваютъ кругъ ихъ дѣйствій; такъ что, когда Бибиковъ соберетъ всѣ необходимыя ему силы, онъ надѣется, что въ состояніи будетъ напасть на нихъ главными силами своего корпуса и разомъ покончить дѣло.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 11-го марта 1774 г. Потсдамъ, 26-го февраля 1774 г.

№ 787. (Шифровано). Недовѣріе, которое, судя по вашей депешѣ отъ 11-го сего мѣсяца, овладѣло Россіей по отношенію къ Франціи, вполнѣ основательно. Хитрости и интриги этой послѣдней явно указываютъ на ея намѣреніе породить недоразумѣнія между тремя дворами, участвующими въ раздѣлѣ Польши. Но я объ этомъ не безпокоюсь, такъ какъ я вполнѣ убѣжденъ, что Россія будетъ относиться весьма осторожно ко всѣмъ медоточивымъ внушеніямъ Франціи и никогда не попадется въ сѣти, которыя та ей будетъ разставлять; что же касается Австріи, то я, право, могу

comte de Panin prend pour la ménager. Elles sont bonnes en tout temps, mais elles me paraissent préférablement convenables dans les conjonctures actuelles. Mais je flatterais trop la Russie, si je voulais lui promettre de grands avantages de ses complaisances pour elle, et il me semble, que le comte de Panin en présume trop favorablement, s'il se persuade, qu'elles pourraient avec le temps concilier à la Russie l'amitié réelle de cette cour. A vous dire vrai même, j'ai lieu de lui supposer la même jalousie que l'Angleterre et la France manifestent sur le commerce, que la cour où vous êtes voudrait se procurer sur la mer Noire, et je ne crois pas me tromper d'attribuer à cette même jalousie l'envie extrême, qu'a la France, de brouiller les trois cours et de s'emparer de la médiation. Quoi qu'il en soit, si la Russie désire effectivement de faire promptement sa paix avec la Porte, elle a les moyens en main de l'obtenir sans la médiation de qui que ce soit. Elle n'a qu'à se relâcher sur cet article ainsi que sur celui des tartares, et la Porte ne fera plus de difficulté d'y donner les mains. Je vous l'ai déjà fait observer dans quelques ordres précédents, et plus particulièrement encore dans le P. S. de ma propre main du 20, et je ne saurais que me référer à tout ce que je vous en ai dit. D'ailleurs, le silence que vous observez dans votre susdite dépêche sur le soulèvement des cosaques me paraît de bon augure,

---

лишь чрезвычайно одобрить мудрыя мѣры, принимаемыя графомъ Панинымъ ради того, чтобы не раздражать ее. Онѣ хороши во всякое время, но кажутся мнѣ особенно подходящими при настоящихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, я бы слишкомъ польстилъ Россіи, если бы сталъ обѣщать ей большія выгоды отъ ея любезнаго отношенія къ Австріи, и мнѣ кажется, что графъ Панинъ въ слишкомъ благопріятномъ видѣ представляетъ себѣ дѣло, если онъ увѣряетъ себя, что такое отношеніе можетъ со временемъ пріобрѣсти для Россіи истинную дружбу австрійскаго двора. Говоря даже по правдѣ, я имѣю основаніе предполагать со стороны этого двора ту же зависть, какую обнаруживаетъ Англія и Франція по поводу торговли на Черномъ морѣ, которую желаетъ себѣ пріобрѣсти тотъ дворъ, гдѣ вы находитесь; я не думаю, чтобы я ошибался, приписывая этой же зависти страстное желаніе Франціи поссорить эти три двора и овладѣть самой посредничествомъ при заключеніи мира. Какъ бы то ни было, если Россія дѣйствительно желаетъ скорѣе заключить миръ съ Портой, она имѣетъ въ своихъ рукахъ средство достигнуть этого безъ чьего бы то ни было посредничества. Ей стоитъ лишь отказаться отъ этой статьи о торговлѣ, также какъ отъ статьи о татарахъ; тогда Порта не будетъ болѣе создавать затрудненій, чтобы согласиться на миръ. Я вамъ это уже указывалъ въ нѣсколькихъ предшествующихъ повелѣніяхъ, въ особенности же писалъ вамъ объ этомъ въ P. S. отъ 20-го числа собственной своей рукой, и я могу лишь сослаться на все, что я вамъ сказалъ по этому поводу. Далѣе, молчаніе, хранимое вами въ вышепомянутой депешѣ, о казацкомъ бунтѣ, представляется мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ, и я надѣюсь, что тутъ

et j'espère qu'il n'y aura plus rien à en appréhender. Je le souhaite du moins du fond de mon coeur en bon et fidèle allié de la Russie.

(En clair). Et en vous remerciant du nouveau baril de caviar, je prie Dieu etc.

№ 788.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 11 de Mars. Berlin, le 26 de Février 1774.

(En chiffre). Le contenu de votre dépêche du 8 de ce mois ne m'a donné que des sujets de satisfaction. J'y ai vu d'abord avec beaucoup de plaisir la sagesse et l'esprit de l'équité du comte Panin dans la manière dont il s'est expliqué envers vous sur l'affaire des limites, en reconnaissant combien il est juste que, si la cour de Vienne étend ses frontières par une interprétation assurément très forcée de la convention de partage, je fasse aussi valoir au même égard des droits bien plus solides que les siens, puisqu'ils sont fondés sur la lettre même et sur l'explication simple et naturelle des termes de la dite convention.

J'ai aussi été bien aise d'apprendre par la suite de votre rapport que la rebellion des cosaques commence à prendre une tournure favorable et telle que je l'attendais de la bonté des mesures que le gouvernement a prises pour la comprimer.

Par ordre exprès du roi.

нечего болѣе опасаться, по крайней мѣрѣ я желаю этого отъ глубины своего сердца, какъ добрый и вѣрный союзникъ Россіи.

(Нешифровано). Выражая вамъ благодарность за новый боченокъ икры, я молю Бога и пр.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 11-го марта 1774 г. Берлинъ, 26-го февраля 1774 г.

№ 788. (Шифровано). Содержаніе вашей депеши отъ 8-го сего мѣсяца доставило мнѣ только удовольствіе. Во первыхъ, съ чрезвычайно пріятнымъ чувствомъ увидѣлъ я въ ней мудрость и справедливость, которыми исполненъ графъ Панинъ, судя по тому, какъ онъ объяснился съ вами о дѣлѣ относительно границъ, признавъ, что, если вѣнскій дворъ расширяетъ свои границы въ Польшѣ на основаніи несомнѣнно и вполнѣ произвольнаго толкованія конвенціи о раздѣлѣ, на столько и справедливо, чтобы я поставилъ также на видъ въ этомъ случаѣ свои права, гораздо болѣе основательныя, чѣмъ права австрійцевъ, такъ какъ они опираются на самый текстъ вышепомянутой конвенціи и на простое и естественное толкованіе ея выраженій.

Мнѣ также было весьма пріятно узнать далѣе изъ вашего донесенія, что казацкій бунтъ начинаетъ принимать благопріятный оборотъ, именно такой, какой ожидался мною отъ соотвѣтствующихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для его усмиренія.

По особому повелѣнію короля.

№ 789.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 13 de Mars. Potsdam, le 1 de Mars 1774.

En attendant le déchiffrement de votre dépêche du 5 de Février dernier, je vais toujours vous faire part d'une couple d'anecdotes, qui me sont revenues d'assez bonne main, au sujet du prince Radzivil, palatin de Wilna, et du fameux Pulawski. Le premier, après avoir passé quelque temps à Paris, se trouve actuellement à Venise, où il a été suivi par quelques officiers subalternes de France, avec la permission de la cour de Versailles. On ajoute, que ce prince a dessein de lever des troupes à Venise, et que ces officiers sont destinés à les commander; tandis que d'autres prétendent qu'il pourrait bien passer, avec ces officiers, à Constantinople, d'où ces derniers iront joindre leurs compatriotes, qui servent depuis quelques années dans l'armée ottomane. Pulawski, au contraire, selon ces mêmes avis, est arrivé à Paris, sous le nom de Roemer, et y a eu une entrevue secrète avec le duc d'Aiguillon. Il est, dit-on depuis, destiné à se rendre également à Constantinople, tant pour y crier plus fort que jamais contre le démembrement de la Pologne et les autres changements faits dans la constitution de son gouvernement, que pour éloigner la Porte de toute idée de paix, sous la perspective flat-

---

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 13-го марта 1774 г. Потсдамъ, 1-го марта 1774 г.

№ 789. Въ ожиданіи разбора вашей шифрованной депеши отъ 5-го февраля сего года, я сообщу вамъ пока нѣсколько слуховъ, пришедшихъ ко мнѣ изъ довольно хорошаго источника, относительно князя Радзивила, виленскаго воеводы, и знаменитаго Пулавскаго. Первый, проведя нѣсколько времени въ Парижѣ, находится въ настоящее время въ Венеціи, куда за нимъ послѣдовало изъ Франціи нѣсколько офицеровъ низшаго ранга, съ разрѣшенія версальскаго двора. Прибавляютъ, что этотъ князь имѣетъ намѣреніе набрать войско въ Венеціи, а офицеры эти предназначаются командовать имъ; между тѣмъ, другіе утверждаютъ, что онъ легко можетъ проникнуть съ этими офицерами въ Константинополь, откуда эти послѣдніе отправятся, чтобъ присоединиться къ своимъ соотечественникамъ, находящимся уже нѣсколько лѣтъ на службѣ въ оттоманской арміи. Пулавскій, напротивъ, по тѣмъ же извѣстіямъ, пріѣхалъ въ Парижъ подъ именемъ Ремера и имѣлъ тамъ тайное свиданіе съ герцогомъ Эгильонскимъ. Ему также, говорятъ далѣе, назначено отправиться въ Константинополь, во первыхъ, чтобы ратовать тамъ сильнѣе чѣмъ когда либо противъ раздѣла Польши и другихъ перемѣнъ, произведенныхъ въ устройствѣ польскаго правленія, а во вторыхъ, чтобы отклонить Порту отъ всякой мысли о мирѣ, при помощи заманчи-

teuse, que les cours de Bourbon saisiraient avec empressement la première occasion favorable pour paraître dans cette affaire; et différents entretiens particuliers, que le duc d'Aranda a eus avec le sieur Wielgorski, émissaire des confédérés à la cour de Versailles, donnent un nouveau degré de vraisemblance à ces dispositions des cours de Bourbon. Quoi qu'il en soit de ces anecdotes, vous n'oublierez pas de les communiquer au comte de Panin, afin de ne lui laisser rien ignorer de tout ce qui me revient d'intéressant ou de relatif aux intérêts de sa cour.

D'ailleurs, je viens de recevoir un rapport de mon conseiller privé de finances Reichardt à Dantzig, en date du 24 de Février, qui confirme pleinement le pronostic que j'ai formé sur la dernière instruction, que la cour où vous êtes a adressée au comte de Golowkin relativement à l'accommodement de mes différends avec cette ville. Je vous en fais tenir ci-joint une copie, pour faire voir au comte de Panin, que cette nouvelle tentative n'a pas eu un meilleur succès que les premières, et que bien loin de rendre le magistrat plus pliant, il se raidit au contraire plus que jamais et pousse sa présomption jusqu'au point, de prétendre me priver du péage et me prescrire des lois pour son commerce dans mes états. Mais vous sentirez bien, que je ne suis nullement d'humeur, de conniver à de pareilles prétentions qui sont en même temps insultantes, et comme je m'aperçois de plus en plus, que c'est effectivement peine perdue, de vouloir le persuader de l'injustice de ses

---

выхъ обѣщаній, а именно, что дворы Бурбоновъ съ готовностью воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вмѣшаться въ это дѣло; и различные частные разговоры, происходившіе между герцогомъ Арандой и г. Вьельгорскимъ, эмиссаромъ конфедератовъ при версальскомъ дворѣ, придаютъ еще новую степень правдоподобія такимъ намѣреніямъ бурбонскихъ дворовъ. Какъ бы то ни было, относительно этихъ слуховъ, вы не забудете сообщить ихъ графу Панину, чтобы не оставлять его въ невѣденіи ни о чемъ, что приходитъ ко мнѣ занимательнаго или имѣющаго отношеніе къ интересамъ его двора.

Далѣе, я только что получилъ донесеніе отъ моего тайнаго совѣтника по дѣламъ финансовъ, Рейхарта, находящагося въ Данцигѣ, помѣченное 24-го февраля и вполнѣ подтверждающее сдѣланное мной предсказаніе о послѣдней инструкціи, данной тѣмъ дворомъ, при которомъ вы находитесь, графу Головкину по вопросу о прекращеніи моихъ разногласій съ этимъ городомъ. Я вручаю вамъ приложенную здѣсь копію съ этого донесенія, чтобъ вы показали графу Панину, что эта новая попытка не увѣнчалась бо́льшимъ успѣхомъ нежели предъидущія, и магистратъ, весьма далекій отъ того, чтобы стать уступчивымъ, напротивъ, упорствуетъ болѣе чѣмъ когда-либо, и простираетъ свою заносчивость до того, что заявляетъ притязаніе лишить меня права взиманія пошлинъ и предписываетъ мнѣ законы относительно своей торговли въ моихъ владѣніяхъ. Но вы, разумѣется, поймете, что у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты потворствовать подобнымъ притязаніямъ, въ добавокъ еще оскорбительнымъ, и такъ

demandes et de le ramener à des conditions raisonnables, le meilleur sera, de rompre toute négociation avec lui, de rappeler mon susdit conseiller privé de finances, et de laisser toute cette affaire sur le pied où elle a été jusqu'ici.

(En chiffre). Mais, si la Russie veut effectivement la terminer, selon la promesse, qu'elle m'a faite, je ne connais que deux moyens, pour y parvenir: des menaces sérieuses de sa part et quelques démonstrations de la mienne feraient bientôt toute une autre impression sur le magistrat de cette ville, et ce serait le meilleur et le plus puissant véhicule, pour le faire descendre de ses hauts chevaux, et lui faire adopter des sentiments et des dispositions plus convenables à son état et à la nature même de mon différend. Je me réfère à cet égard à mes ordres immédiats du 12 et du 15 de Février, et j'attends avec impatience, comment le comte de Panin se sera expliqué sur les ouvertures, que je vous ai chargé de lui faire à cet égard. Tout ce qui me surprend, c'est que la Russie regarde les tergiversations de ce fier et superbe magistrat avec tant de sang-froid, et qu'elle souffre même qu'il ose braver sa médiation jusqu'à vouloir en appeler à la diète et au roi de Pologne.

Au reste, c'est avec un plaisir infini, que j'ai appris par votre dépêche susallégnée les succès des armes russiennes contre les rebelles; et à en

---

какъ я все болѣе и болѣе замѣчаю, что, дѣйствительно, напрасны старанія убѣдить его въ несправедливости его требованій и склонить его на болѣе благоразумныя условія, то самымъ лучшимъ будетъ прервать съ нимъ всякіе переговоры, отозвать моего вышепомянутаго тайнаго совѣтника и оставить все это дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь находится.

(Шифровано). Однако, если Россія дѣйствительно хочетъ окончить это дѣло, согласно сдѣланному мнѣ его обѣщанію, то я знаю лишь два средства для этой цѣли: серьезныя угрозы съ ея стороны и нѣкоторыя демонстраціи съ моей вскорѣ произвели бы совсѣмъ иное дѣйствіе на магистратъ этого города, и были бы наилучшимъ и могущественнѣйшимъ побудительнымъ средствомъ, чтобы заставить его сбавить спеси и усвоить себѣ чувства и намѣренія, болѣе подходящія къ его положенію и къ самому существу моего съ нимъ разногласія. Я ссылаюсь въ этомъ случаѣ на свои непосредственныя повелѣнія отъ 12-го и 15-го февраля, и съ нетерпѣніемъ ожидаю, какъ отвѣтитъ графъ Панинъ на предложеніе, съ которымъ я поручилъ вамъ обратиться къ нему по этому вопросу. А что удивляетъ меня, такъ это то, что Россія смотритъ на упрямство этого гордаго и надменнаго магистрата съ такимъ хладнокровіемъ, и терпитъ даже, что онъ до такой степени осмѣливается пренебрегать ея посредничествомъ, что желаетъ на него аппелировать сейму и польскому королю.

Въ заключеніе, съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ узналъ я изъ вашей помянутой выше депеши объ успѣхахъ русскаго оружія въ борьбѣ съ мятежниками. Судя

juger sur tout ce qui vous m'en dites, le mal sera bientôt étouffé entièrement, et la Russie n'aura plus aucun sujet d'en appréhender les suites.

(En clair). Enfin, je viens à votre lettre particulière du 15 de Février, et je vous dirai, que votre dessein de placer votre fils unique dans mon armée ne rencontre pas la moindre difficulté. Vous pouvez plutôt le mettre d'abord en exécution, et dès qu'il se présentera, je ne tarderai pas de donner mes ordres pour le recevoir.

№ 790.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 13 de Mars. Berlin, le 1 de Mars 1774.

(En chiffre). J'ai reçu votre dépêche du 11 de Février, et c'est avec plaisir que j'y ai vu la cour de France de nouveau éconduite avec les insinuations qu'elle a fait passer à l'Impératrice par la bouche du s. Diderot relativement à la médiation. Cette princesse, comme j'ai déjà eu souvent occasion de vous le faire observer, est trop éclairée sur ses intérêts pour en confier de si chers à une puissance qui depuis le commencement des troubles de Pologne et de la guerre des turcs, qu'elle a seule excitée, n'a cessé de donner à la cour de Russie les marques les plus évidentes de sa mauvaise

---

по всему, что вы мнѣ объ этомъ говорите, зло будетъ вскорѣ окончательно истреблено, и Россія не будетъ уже имѣть никакихъ основаній опасаться его послѣдствій.

(Нешифровано). Наконецъ, я перехожу къ вашему частному письму отъ 15-го февраля, и скажу вамъ, что намѣреніе ваше, помѣстить вашего единственнаго сына въ ряды моей арміи, не встрѣчаетъ ни малѣйшихъ затрудненій; напротивъ, вы можете его привесть тотчасъ же въ исполненіе, и какъ только сынъ вашъ явится, я не замедлю отдать приказъ о его зачисленіи.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 13-го марта 1774 г. Берлинъ, 1-го марта 1774 г.

№ 790. (Шифровано). Я получилъ вашу депешу отъ 11-го февраля и съ удовольствіемъ увидѣлъ изъ нея, что Франція снова получила отказъ на внушенія, дѣлавшіяся ею Императрицѣ чрезъ г. Дидеро, относительно своего посредничества. Эта Государыня, какъ я уже часто имѣлъ случай вамъ замѣтить, хорошо знаетъ свои интересы, чтобъ довѣрить наиболѣе дорогіе изъ нихъ державѣ, которая съ самаго начала волненій въ Польшѣ и турецкой войны, поднятой благодаря лишь ей одной, не переставала представлять русскому двору самыя очевидныя доказательства своей злонамѣренности, не перестаетъ и теперь еще интриговать противъ Россіи, какъ я

volonté et qui ne discontinue point encore aujourd'hui à manoeuvrer contre elle, ainsi que je vous en ai fourni des preuves encore récentes dans mes rescrits antérieurs. Je me flatte en conséquence que le ministère de Versailles échouera dans tous les efforts qu'il fait pour lier sa cour avec celle de Pétersbourg. Je ne vois pas aussi quelle union solide pourrait se former entre ces deux puissances, vu la rivalité de leurs prétensions. L'une et l'autre voudraient jouer un premier rôle dans le système politique de l'Europe, et aucune des deux ne serait disposée à la céder à l'autre. La France n'a pour but en cherchant à gagner la Russie que de mettre celle-ci tôt ou tard dans la dépendance de ses directions; or, si ce but est pénétré à Pétersbourg, comme il doit l'être, pour peu qu'on y réfléchisse, il est par là même manqué pour toujours.

Par ordre exprès du roi.

№ 791.

Le comte de Solms au roi.

Praes. d. 14-ten Maerz. A St. Pétersbourg, le 18 Février (1 de Mars) 1774.

Sire. Les ordres immédiats et médiats de V. M. du 14 et 15 de Février, avec le rapport du Sr. de Zegelin du 21 de Janvier de la mort du Sultan, m'ont été bien remis.

далъ вамъ новыя къ тому доказательства въ предшествовавшихъ своихъ рескриптахъ. Поэтому я льщу себя надеждой, что версальское министерство потерпитъ неудачу во всѣхъ производящихся имъ попыткахъ сблизить свой дворъ съ петербургскимъ. Я не понимаю также, какая прочная связь можетъ возникнуть между этими двумя державами, если принять во вниманіе ихъ соперничество, и выказываемыя ими притязанія. И та и другая хотѣли бы играть первую роль въ политической системѣ Европы, и ни одна изъ двухъ державъ не чувствуетъ расположенія уступить другой; Франція, стараясь привлечь Россію къ себѣ, не имѣетъ другой цѣли, какъ поставить ее рано или поздно въ зависимость отъ своихъ указаній; а если эта цѣль станетъ извѣстной въ Петербургѣ, какъ оно и должно быть, разъ только немного подумаютъ объ этомъ, то тѣмъ самымъ этотъ планъ французовъ навсегда рушится.

По особому повелѣнію короля.

Отъ графа Сольмса королю.

Подано 14-го марта. С.-Петербургъ, 18-го февраля (1-го марта) 1774 г.

№ 791. Ваше Величество! Непосредственныя и министерскія повелѣнія Вашего Величества отъ 14-го и 15-го февраля вмѣстѣ съ донесеніемъ г. Зегелина отъ 21-го января о смерти султана были мнѣ своевременно переданы.

(En chiffre). Quoiqu'il n'y a pas encore ici de rapport du comte Golowkin de la manière dont la ville de Dantzig a répondu aux dernières exhortations de S. M. l'Impératrice, j'ai cru cependant nécessaire de prévenir le comte Panin sur la façon de penser de V. M. au sujet de ses différends avec cette ville, et je lui ai dit: qu'il était inutile de se flatter de pouvoir, Sire, Vous faire renoncer à user de vos droits, tant pour ce qui regarde la possession des faubourgs, que pour la perception des douanes sur Votre territoire. Il paraissait que cette déclaration ne lui fût pas agréable à entendre, et il me dit que, pourvu que l'article de la redevance annuelle serait réglé au contentement de V. M., il espérait qu'Elle se relâcherait sur les autres; que c'était une affaire promise de Sa part de conserver la ville in statu quo, et de ne point augmenter les douanes sur la Vistule, puisque cela porterait trop de préjudice au commerce polonais; que d'ailleurs il fallait ménager les opinions de l'Impératrice, et qu'il ne savait pas comment Lui proposer la chose, au cas que l'accommodement n'eût pas lieu. Je lui ai répondu sur cela que les promesses de V. M. pour la conservation de Dantzig seraient observées, qu'il s'entendait cependant de soi-même, que cela ne pouvait être au préjudice de ses propres droits; que l'abolition des douanes sur la Vistule n'était pas une chose à proposer seulement à un Souverain, qui était le maître chez lui, de faire tels arrangements de finance qu'il croyait convenables pour ses intérêts; que la Russie ne devait jamais en souffrir, et qu'ainsi j'osais dire,

---

(Шифромъ). Хотя здѣсь еще не получено отъ графа Головкина извѣстій о томъ, какъ городъ Данцигъ отвѣчалъ на послѣднія увѣщанія Ея Величества Императрицы, тѣмъ не менѣе я счелъ нужнымъ предупредить графа Панина объ образѣ мыслей Вашего Величества касательно столкновеній съ этимъ городомъ, и въ этихъ видахъ высказалъ ему, что не слѣдуетъ льстить себя надеждой на отказъ Вашего Величества отъ пользованія Вашими правами, какъ по вопросу о владѣніи предмѣстьями, такъ и по сбору таможенныхъ пошлинъ на Вашей территоріи. Повидимому, это заявленіе ему не понравилось и онъ отвѣчалъ мнѣ, что при условіи опредѣленія ежегодной уплаты, согласно желанію Вашего Величества, онъ надѣется, что В. В. не откажется отъ нѣкоторыхъ уступокъ по другимъ вопросамъ, такъ какъ имъ уже дано обѣщаніе сохранить городъ in statu quo и не прибавлять таможенъ на Вислѣ, дабы тѣмъ не стѣснять торговли Польши; къ тому же необходимо отнестись съ уваженіемъ къ мнѣнію Императрицы, и онъ не знаетъ, какъ подвергнуть дѣло это ея разсмотрѣнію въ случаѣ, если соглашеніе не состоится. На это я отвѣчалъ ему, что обѣщанія Вашего Величества относительно сохраненія Данцига будутъ выполнены, но, разумѣется, безъ нарушенія Вашихъ собственныхъ правъ; что же касается до уничтоженія таможенъ на Вислѣ, то подобнаго предположенія нельзя и предлагать Монарху, имѣющему полное право принимать въ своемъ государствѣ всѣ финансовыя мѣры, кои признаетъ потребными для своихъ интересовъ и въ данномъ случаѣ нимало не вредящихъ Россіи, а по-

je ne comprenais pas, pourquoi l'Impératrice voulait défendre les droits des autres qui, s'ils croyaient avoir des sujets de se plaindre, pouvaient s'adresser directement à la cour de Berlin. Que V. M. avait trouvé moyen de tranquilliser les Anglais, qu'Elle en trouverait aussi pour faire autant avec les Polonais ou les Autrichiens. Pour ce qui regardait les ménagements pour les opinions de l'Impératrice, j'étais assuré que V. M. aurait toujours beaucoup de déférence pour elles, mais qu'il fallait de la réciprocité dans ces choses là; qu'Elle en avait montrée assez dans l'affaire des limites sur la Netze, et que si celle-ci avait pris une autre tournure, c'était à la fermeté de la cour de Berlin qu'il fallait l'attribuer, ce qui engageait celle de Russie à fermer les yeux sur les arrangements dont on conviendrait; qu'il serait donc juste que V. M. pût attribuer le succès de l'affaire de Dantzig à l'effet de l'amitié de l'Impératrice pour Elle, et à aucune considération étrangère. Que les sentiments de V. M. pour la personne de l'Impératrice et pour Son empire étaient connus et prouvés, mais que pour les conserver, il fallait aussi avoir des ménagements, et que des contradictions continuelles lassaient à la fin; de sorte que je le priais instamment de tâcher d'empêcher que les nouvelles chicanes de la ville de Dantzig, au cas qu'elle en fît, ne fussent pas écoutées comme des choses dignes de mériter l'attention de sa Souveraine, puisque je ne pouvais plus lui promettre le moindre effet des repré-

---

тому, смѣю сказать, что для меня непонятно желаніе Императрицы защищать права лицъ, которые, если имѣютъ поводъ къ жалобамъ, могутъ непосредственно обратиться къ берлинскому двору. Далѣе я высказалъ, что какъ Ваше Величество нашли средство успокоить Англичанъ, точно также поступите и относительно Поляковъ или Австрійцевъ. Переходя же къ вопросу объ уваженіи къ мнѣніямъ Императрицы, я увѣренъ, что Ваше Величество всегда отнесетесь къ нимъ съ полнымъ почтеніемъ, но въ дѣлахъ такого рода нужна взаимность, между тѣмъ подобныя чувства достаточно заявлены съ Вашей стороны по дѣлу о границахъ на рѣкѣ Нетцѣ, и если это обстоятельство приняло иной оборотъ, то это слѣдуетъ приписать исключительно твердости берлинскаго двора, что̀ налагаетъ на Россію обязанность закрыть глаза на нынѣшніе переговоры, а потому было бы справедливо, чтобы Ваше Величество могли ожидать успѣха данцигскаго вопроса лишь отъ дѣйствія дружбы Императрицы, а не отъ какихъ-либо посторонних соображеній. Въ заключеніе я сказалъ, что, хотя чувства Вашего Величества къ особѣ Императрицы и къ Ея Имперіи достаточно извѣстны и доказаны, но о сохраненіи ихъ слѣдовало прилагать извѣстную заботливость, ибо постоянное противодѣйствіе можетъ наконецъ утомить, и потому я настоятельно просилъ его постараться о томъ, чтобы новыя претензіи со стороны Данцига, если таковыя воспослѣдуютъ, не были бы приняты какъ недостойныя вниманія Государыни, такъ какъ я съ своей стороны не могу обѣщать ему никакихъ результатовъ отъ

sentations à ce sujet auprès de V. M., et que je La voyais trop fermement résolue, de soutenir ce qu'Elle avait commencé. Le comte Panin me dit sur tout cela à la fin, qu'il ne fallait encore rien précipiter, mais attendre le résultat des conférences entre les deux commissionnaires et le magistrat, et que si l'affaire ne se terminait pas tout de suite, il espérait pourtant que cela serait au printemps. Je ne me flatte pas par cet entretien d'avoir préparé les choses au point, que la ville de Dantzig ne soit plus écoutée avec ses plaintes, au cas qu'elle retourne à la charge pour en faire; mais peut-être aurai-je obtenu, que le comte Panin, pour faire réussir la chose au gré de V. M., appuie davantage auprès de sa Souveraine sur la nécessité d'avoir de la complaisance pour un ami et allié qu'on veut ménager.

Le comte Panin a donné au prince Lobkowitz sur le renouvellement qu'il lui a fait des offres de sa cour pour s'employer au rétablissement de la paix, la réponse telle que je l'ai annoncée d'avance dans mon dernier rapport; il l'a renvoyé à celle qu'il lui avait déjà faite précédemment, et comme il m'a dit, il la lui répètera encore dans un écrit qu'il prépare pour cela.

Malgré la vivacité avec laquelle S. M. l'Impératrice a annoncé Ses premières résolutions lorsqu'Elle a été informée de la conduite du sieur de Saldern, cette affaire, comme toutes les autres, reposera son temps. Le comte Panin, qui est chargé de lui écrire pour lui annoncer le mécontentement de sa Souveraine, et pour lui déclarer Son intention de ne plus retourner en

---

представленій по этому поводу Вашему Величеству, зная, что Вы слишкомъ твердо рѣшились поддержать до конца начатое дѣло. На все это графъ Панинъ отвѣтилъ мнѣ, что не слѣдуетъ торопиться, но дождаться исхода переговоровъ между обоими членами комиссіи и магистратомъ, и если бы даже дѣло не окончилось немедленно, онъ надѣется, что это состоится весной. Не надѣюсь, чтобы этотъ разговоръ достаточно измѣнилъ обстоятельства, чтобы въ случаѣ возобновленія жалобъ города Данцига ихъ бы не стали слушать; но быть можетъ мнѣ удалось достигнуть, что графъ Панинъ, въ виду угоднаго Вашему Величеству рѣшенія дѣла, будетъ болѣе настаивать передъ своей Монархиней на необходимости бóльшей уступчивости по отношенію къ другу и союзнику, которымъ дорожатъ.

На возобновленное княземъ Лобковичемъ предложеніе вмѣшательства его двора по дѣлу о заключеніи мира, графъ Панинъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, какъ я Вамъ то предсказывалъ въ одномъ изъ послѣднихъ моихъ донесеній, ссылаясь на отвѣтъ, уже данный ему предварительно, и который, какъ онъ говорилъ мнѣ, онъ намѣренъ изложить ему письменно.

Несмотря на поспѣшность, съ которой Ея Величество Императрица объявила свое первоначальное намѣреніе, лишь только узнала о поступкахъ г. Сальдерна, дѣло это, какъ и всѣ прочія, вѣроятно, затянется. Графъ Панинъ, получивъ порученіе написать ему, чтобы высказать неудовольствіе своей Монархини и отъ Ея имени воспретить

Russie, diffère cette expédition d'un jour à l'autre, et il attend, à ce qu'il dit, encore des informations de Copenhague pour éclaircir divers traits de sa conduite, et donne peut-être par là occasion à cet homme, d'être averti de ce qui se trame ici contre lui, et de prendre des mesures pour conjurer l'orage.

(En clair). S. M. l'Impératrice avec Msgr. le Grand-Duc et Madame la Grande-Duchesse sont revenus vendredi passé de Tsarskoé Sélo. Le mauvais temps, que le dégel amène, les a obligés d'en quitter le séjour plus tôt, qu'ils n'étaient intentionnés, lorsqu'ils y sont allés.

Le duc de Courlande est revenu aussi de Mitau, et ses noces devaient se faire hier, mais une maladie survenue à la mère de sa promise, les a fait différer jusqu'à Dimanche prochain. En attendant, S. M. l'Impératrice a cédé au duc le palais du chancelier, qu'il occupe présentement, et où il logera avec la future duchesse pendant le temps qu'ils resteront ici après leur mariage. C'est ce même palais où demeurait Msgr. le prince Henri, frère de V. M., lorsqu'il a été ici. Je suis etc.

ему возвращеніе въ Россію, со дня на день откладываетъ это подъ предлогомъ, будто ожидаетъ изъ Копенгагена дальнѣйшихъ свѣдѣній для объясненія различныхъ подробностей его поступковъ, и тѣмъ, быть можетъ, дастъ возможность этому человѣку получить извѣстіе о замышляемомъ противъ него и принять мѣры, чтобы оградить себя отъ опасности.

(Нешифровано). Ея Величество Императрица съ ихъ Высочествами Великимъ Княземъ и Великой Княгиней въ прошлую пятницу возвратились изъ Царскаго Села. Дурная погода, слѣдствіе оттепели, вынудила ихъ сократить свое пребываніе тамъ, сравнительно съ первоначальными ихъ намѣреніями при отъѣздѣ отсюда.

Герцогъ Курляндскій также прибылъ изъ Митавы и свадьба его должна была происходить вчера, но болѣзнь матери[1]) невѣсты заставила отложить ее до будущаго воскресенья. Ея Величество Императрица уступила герцогу дворецъ канцлера, который онъ занимаетъ въ настоящую минуту и гдѣ будетъ жить съ будущей герцогиней[2]) все время, что они пробудутъ здѣсь послѣ свадьбы. Это тотъ же самый дворецъ, гдѣ помѣщался Его Высочество принцъ Генрихъ, братъ Вашего Величества, въ бытность свою здѣсь. Остаюсь и пр.

---

1) (Кн. Ирина Михайловна Юсупова, урожд. Зиновьева).

2) (Княжна Евдокія Борисовна Юсупова, замужемъ за герцогомъ курляндскимъ Петромъ Бирономъ).

№ 792.

Le comte de Solms au roi.

Praes. d. 18-ten Maerz. A St. Pétersbourg, le 21 Févr. (4 Mars) 1774.

Sire. La poste d'Allemagne, qui m'a apporté les ordres immédiats et médiats de V. M. du 17 et du 19 de ce mois, avec les bulletins de Versailles du 3 et du 4 de Février, est arrivée si tard aujourd'hui, que je n'ai pu encore faire usage de leur contenu.

(En chiffre). J'ai entretenu le comte Panin tous ces jours passés de l'affaire de Dantzig, et j'ai tâché de l'animer à porter sa Souveraine de ne pas continuer par trop d'indulgence, à augmenter la fierté de cette ville, au cas qu'elle ne se prêtât pas tout de suite à ce qu'Elle a fait exiger d'elle par la dernière déclaration que le comte Golowkin a été chargé de lui faire. Je le trouve toujours fort embarrassé sur cette affaire, et fort craintif de proposer à sa Souveraine un parti vigoureux. J'ai hasardé l'autre jour de lui dire, qu'il y avait un seul moyen de la réduire, qui serait celui de laisser faire à V. M., et que je répondais que tout serait terminé avant l'ouverture de la négociation. Il devina que ce serait un siège par lequel V. M. s'en rendrait le maître absolument. Je lui dis, qu'il ne s'agissait que d'en faire le semblant, pour l'intimider seulement, qu'il y aurait une assurance signée, que ce ne

---

Отъ гр. Сольмса королю.

Подано 18-го марта. С.-Петербургъ, 21-го февраля (4-го марта) 1774 г.

№ 792. Ваше Величество! Германская почта, принесшая мнѣ непосредственныя и министерскія повелѣнія Вашего Величества отъ 17-го и 19-го текущаго мѣсяца, а также извѣстія изъ Версали отъ 3-го и 4-го февраля, сегодня такъ опоздала, что я еще не могъ воспользоваться полученными свѣдѣніями.

(Шифромъ). Всѣ эти послѣдніе дни я бесѣдовалъ съ графомъ Панинымъ о Данцигскомъ дѣлѣ и старался внушить ему, чтобы онъ убѣдилъ свою Государыню не проявлять по отношенію къ этому городу излишней снисходительности, напрасно возбуждающей его гордость въ томъ случаѣ, если онъ не подчинится немедленно требованіямъ, изложеннымъ въ деклараціи графа Головкина. По всѣмъ этимъ вопросамъ я постоянно встрѣчалъ съ его стороны большую нерѣшительность и опасеніе предложить своей Монархинѣ энергичный образъ дѣйствія. На днахъ я осмѣлился высказать ему, что единственное средство привести городъ къ соглашенію заключалось бы въ томъ, чтобы предоставить Вашему Величеству полную свободу дѣйствовать, причемъ я ручаюсь, что дѣло было бы окончено до открытія переговоровъ. Онъ догадался, что я говорю объ осадѣ, посредствомъ которой Ваше Величество совершенно овладѣли бы городомъ, но я отвѣчалъ, что слѣдовало бы только сдѣлать лишь подобіе осады единственно для того, чтобы напугать его жителей, причемъ имѣлось бы подписанное

serait pas pour la garder, et que V. M. lèverait le blocus aussitôt que la ville aurait consenti aux conditions qu'Elle était en droit d'exiger d'elle, que la cour de Russie avait reconnue elle-même pour juste, et contre lesquelles les autres puissances, et l'Angleterre nommément, cessaient de faire des oppositions. Il trouva ce remède trop violent, et me dit, qu'il espérait que V. M. ne voudrait pas l'employer, puisqu'il effaroucherait trop l'Impératrice, et fournirait à ses ennemis à lui de la matière pour animer l'esprit de cette princesse contre lui, pour n'avoir su prévoir et prévenir un pareil évènement à la négociation de la convention secrète.

Le siège d'Oczakow paraît être tout résolu pour cette année, au cas que la paix ne se conclût point. On a fait partir d'ici un train de grosse artillerie, avec 700 canonniers choisis, que le public même destine pour cette expédition, mais comme ils ne sont partis successivement que depuis une quinzaine de jours, et que la difficulté du transport devient journellement plus grande par la fonte prématurée des glaces, ils ne pourront arriver à leur destination guère avant le mois de Juin.

Le comte Alexis Orlow est revenu de Moscou, où il n'a été que pour son amusement, et il retournera à cette heure bientôt à l'Archipel, quoique cette fois-ci contre son inclination, parce qu'il reconnaît lui-même, qu'il n'y a rien d'essentiel à faire là-bas. Il m'est revenu d'assez bonne part que les deux frères commencent à s'apercevoir que la gloire qu'ils espéraient toujours

---

удостовѣреніе въ томъ, что Ваше Величество не сохранили бы города за собой и сняли бы осаду, какъ только онъ согласился бы на условія, законно отъ него потребованныя, справедливость которыхъ признана самой Россіей и уже болѣе не оспаривается другими державами, а именно Англіей. Онъ нашелъ это средство слишкомъ рѣшительнымъ и высказалъ надежду, что Ваше Величество не захотите его употребить, ибо оно не понравится Императрицѣ и дастъ его врагамъ поводъ возстановить эту Монархиню противъ него за то, что онъ при заключеніи тайной конвенціи не съумѣлъ предвидѣть и предупредить такое событіе.

Кажется, что осада Очакова рѣшена на нынѣшній годъ, если не состоится заключеніе мира. Отсюда отправленъ отрядъ тяжелой артиллеріи съ 700 отборныхъ пушкарей, и молва народная предназначаетъ ихъ для этой цѣли, но какъ выступили они лишь двѣ недѣли тому назадъ, и кромѣ того пути сообщенія становятся съ каждымъ днемъ затруднительнѣе вслѣдствіе ранняго таянія льдовъ, то они не могутъ достигнуть мѣста своего назначенія ранѣе іюня мѣсяца.

Графъ Алексѣй Орловъ вернулся изъ Москвы, куда ѣздилъ единственно для развлеченія, и скоро вновь отправляется въ Архипелагъ, хотя на этотъ разъ противъ своего желанія, ибо самъ признаетъ, что тамъ нельзя сдѣлать ничего существеннаго. Я слышалъ изъ довольно достовѣрнаго источника, что оба брата начинаютъ убѣж-

d'acquérir pour eux dans la continuation de la guerre, l'un sur mer, et l'autre sur terre, parce que le prince n'avait pas renoncé encore jusqu'ici à prendre une fois le commandement de la première armée, ne serait peut-être pas assez assurée, pour qu'ils dussent continuer à la désirer. Ce serait un moyen bien propre à augmenter les sentiments pacifiques auprès de l'Impératrice même, si cette famille-là voulût s'y intéresser de bonne foi, et par persuasion de la nécessité pour l'utilité de l'Empire.

Je suis etc.

№ 793.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 17 de Mars 1774. Potsdam, ce 4 de Mars 1774.

Voici un nouveau bulletin de France, qui vient de m'entrer. Il est du 21 de Février et vous aurez soin de le communiquer au comte de Panin. D'ailleurs je ne veux pas vous laisser ignorer, que le baron Swieten, après avoir reçu un courrier de sa cour, m'a tout de suite demandé une audience particulière, pour me rendre compte du contenu de ses dépêches. Je la lui ai accordée hier, et ce ministre m'y a fait la lecture de la dernière déclaration, que sa cour a reçue de celle où vous êtes, au sujet de l'arrangement de nos limites en Pologne. Je l'ai trouvée fort obligeante et j'ai été surtout bien

---

даться, что слава, на которую они разсчитывали при продолженіи войны, одинъ на морѣ, а другой на сушѣ, ибо князь не отказался отъ мысли принять на себя начальство первой арміей, быть можетъ не достаточно достовѣрна, чтобы къ ней стремиться. Если бы это семейство, сознавъ необходимость мира и пользу его для имперіи, приняло въ его заключеніи искреннее участіе, то это послужило бы наилучшимъ средствомъ повліять въ этомъ смыслѣ на саму Императрицу.

Отъ короля гр. Сольмсу.

Получено 17-го марта 1774 г. Потсдамъ, 4-го марта 1774 г.

№ 793. Вотъ новыя извѣстія изъ Франціи, сейчасъ мною полученныя. Они отъ 21-го февраля и вы потрудитесь сообщить ихъ содержаніе графу Панину. Кромѣ того имѣю передать вамъ, что баронъ Свитенъ, тотчасъ по прибытіи курьера отъ его двора, испросилъ у меня особую аудіенцію, дабы сообщить мнѣ содержаніе своихъ депешъ. Я назначилъ ему ее вчера и этотъ министръ прочелъ мнѣ послѣднюю декларацію, полученную его дворомъ отъ двора, гдѣ вы находитесь, по вопросу объ опредѣленіи нашихъ границъ въ Польшѣ. Я нашелъ ее весьма обязательной и особенно былъ порадованъ тѣми вѣжливыми и благосклонными выраженіями, въ кото-

charmé de la manière polie et affectueuse, dont la Russie y a relevé mes sentiments favorables pour elle. Elle n'en a effectivement rien avancé, qui ne soit très fondé, et le comte de Panin peut être très assuré, que je ne manquerai jamais de justifier pleinement par mes dispositions et par ma conduite l'idée favorable, qu'il en a donnée dans cette déclaration.

(En chiffre). Après lecture faite, le baron Swieten m'a demandé, ce que je pensais de cette déclaration, et quel parti nous restait à prendre. Je lui ai répondu tout uniment que je n'en connaissais que deux, et qu'à mon avis il fallait: ou rétrécir nos frontières et acquiescer à celles que la Russie nous assignait, ou bien nous régler sur la démarcation, qui nous avait servi de base dans notre prise de possession réciproque. Le baron Swieten y a repliqué que, comme la Russie avait renvoyé sa cour à moi, pour nous arranger ensemble à ce sujet, il avait lieu de présumer que sa cour pencherait pour le dernier parti, c'est-à-dire, qu'elle voudrait garder toute l'étendue des districts, qu'elle avait pris en possession; et il ajouta même, que pour cet effet elle avait dessein de me faire remettre incessamment un plan exact de la démarcation de ses nouvelles acquisitions, en me priant, de vouloir bien faire préparer également un des miennes, afin d'en déterminer plus positivement les vraies limites et le prendre pour base dans la démarcation à faire par les commissaires de la délégation. Je n'ai eu nulle de peine, de déférer à sa demande, vu que c'est le seul moyen de se bien entendre, et de donner à

рыхъ Россія упоминаетъ о моихъ дружескихъ къ ней чувствахъ. Дѣйствительно, по этому поводу высказано лишь то, что вполнѣ основательно, и графъ Панинъ можетъ быть совершенно увѣренъ, что я не премину оправдать на дѣлѣ лестное мнѣніе, выраженное имъ въ этой деклараціи.

(Шифромъ). По прочтеніи этой деклараціи, баронъ Свитенъ спросилъ у меня, что̀ я о ней думаю и на что̀ мы рѣшимся. Я откровенно отвѣтилъ ему, что вижу лишь два возможныхъ образа дѣйствія и что по моему мнѣнію: мы должны или съузить наши границы, согласясь на указываемыя Россіей, или держаться разграниченія, послужившаго основаніемъ при взаимномъ нашемъ вступленіи во владѣніе. На это баронъ Свитенъ высказалъ мнѣ, что такъ какъ Россія предложила его двору обратиться ко мнѣ по поводу соглашенія объ этомъ вопросѣ, то онъ полагаетъ, что его дворъ будетъ болѣе расположенъ къ послѣднему рѣшенію, т. е. захочетъ сохранить взятыя имъ владѣнія въ полномъ составѣ; къ этому онъ даже прибавилъ, что въ этихъ видахъ дворъ его намѣренъ вручить мнѣ въ скоромъ времени точный планъ границъ его новыхъ владѣній, прося меня приготовить такой же планъ моихъ владѣній, дабы точнѣе опредѣлить настоящія ихъ границы и принять ихъ за основаніе при предстоящемъ разграниченіи, возложенномъ на комисаровъ делегатовъ. Я безъ труда согласился на его просьбу, ибо это единственное средство придти къ соглашенію и придать ему необходимую

cet arrangement toute la perfection nécessaire. Mais je ne lui ai point dissimulé en même temps, que dès que nous serions d'accord là-dessus, il conviendrait de mettre ces deux plans ou cartes sous les yeux de la Russie, pour en obtenir l'agrément et la sanction, et qu'ensuite il ne s'agirait que de les faire prendre pour base dans la démarcation à faire par les commissaires polonais, et que par cette raison il faudrait leur donner toute l'exactitude et précision possible, afin de prévenir toutes disputes, qui pourraient s'élever dans l'avenir, et nous prémunir contre toutes les chicanes, que les polonais nous voudraient susciter à ce sujet. Je ne me suis toutefois pas borné à ce seul objet dans cet entretien avec le baron Swieten. Bien au contraire, n'ayant pas moins à coeur le prompt rétablissement de la paix entre la Russie et la Porte, j'ai cru devoir en profiter, pour lui faire observer, qu'il me semblait, que la Russie ne trouverait rien à redire, si mon ministre à Constantinople sondait, conjointement avec celui de sa cour, le nouveau sultan, s'il avait les mêmes dispositions pacifiques que son prédécesseur, et s'il aurait pour agréable, qu'on renouât la négociation pour le rétablissement de la paix. En effet, cette insinuation ne devant se faire que de notre part, la Russie n'a absolument pas à appréhender, qu'elle y soit commise, et si elle a les succès que nous en attendons, l'ouverture d'un nouveau congrès ne tardera pas d'en être la suite.

Sur ce je prie Dieu etc.

законченность. Въ то же время я не скрылъ отъ него, что какъ только мы придемъ по этому вопросу къ соглашенію, слѣдуетъ оба наши плана или карты предъявить Россіи, дабы получить ея одобреніе и подтвержденіе, послѣ чего останется лишь предложить ихъ въ основаніе разграниченія предстоящаго польскимъ комиссарамъ, и потому въ виду этого обстоятельства необходимо придать имъ возможную точность и опредѣленность, во избѣжаніе всякихъ несогласій, могущихъ возникнуть въ будущемъ, и въ огражденіе себя отъ всѣхъ затрудненій, которыя поляки захотѣли бы воздвигнуть противъ насъ. Я не ограничился однимъ этимъ предметомъ въ разговорѣ моемъ съ барономъ Свитеномъ. Напротивъ, не менѣе того интересуясь скорымъ возстановленіемъ мира между Россіей и Портой, я счелъ долгомъ воспользоваться случаемъ, чтобы замѣтить ему, что, по моему мнѣнію, Россія не будетъ недовольна, если мой министръ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ министромъ его двора, постарается узнать столь же ли миролюбиво настроеніе новаго султана, какъ его предшественника, и согласенъ ли онъ будетъ возобновить переговоры о заключеніи мира. Въ сущности, такъ какъ эта попытка произойдетъ лишь съ нашей стороны, Россія нечего опасаться, что это ее уронитъ, и въ случаѣ ожидаемаго нами успѣха, послѣдствіемъ его не замедлитъ явиться открытіе новаго конгресса.

Затѣмъ молю Бога и пр.

№ 794.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 17 Mars 1774. Berlin, le 5 Mars 1774.

(En chiffre). J'ai vu avec beaucoup de satisfaction par votre dépêche du 15 de Février les bonnes nouvelles venues du corps commandé par le général Bibikow. Je souhaite que les détails qu'elles renferment soient bientôt suivis de succès encore plus décisifs et propres à assurer une prompte et totale extinction de la rebellion.

Cet ordinaire ne me fournit du reste rien de remarquable à vous mander.

Par ordre exprès du roi.

№ 795.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 17 de Mars 1774. Potsdam, ce 5 de Mars 1774.

(En chiffre). Je suis bien aise d'apprendre par votre dépêche du 18 de Février, que l'Impératrice est à la fin instruite des perfidies de Saldern, et que cet homme dangereux ne paraîtra plus à la cour où vous êtes. Quelque rigoureuse que puisse être la peine, que S. M. I. pourrait lui faire infliger, elle ne sera jamais au-dessus de ce que cet indigne a mérité.

Sur ce je prie Dieu etc.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 17-го марта 1774 г. Берлинъ, 5-го марта 1774 г.

№ 794. (Шифромъ). Я съ большимъ удовольствіемъ узналъ изъ вашей депеши отъ 15-го февраля о хорошихъ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ корпуса генерала Бибикова. Желаю, чтобы за этими подробностями послѣдовалъ болѣе рѣшительный успѣхъ, который бы доставилъ быстрое и полное уничтоженіе мятежа.

Впрочемъ, почта эта не доставила мнѣ ничего, о чемъ бы стоило передавать.

По особому повелѣнію короля.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 17-го марта 1774 г. Потсдамъ, 5-го марта 1774 г.

№ 795. (Шифромъ). Я былъ весьма доволенъ, узнавъ изъ вашей депеши отъ 18-го февраля, что Императрица наконецъ увѣдомлена о неблаговидныхъ поступкахъ Сальдерна, и что этотъ опасный человѣкъ не останется долѣе при дворѣ, гдѣ вы находитесь. Какъ бы ни строго было наказаніе, наложенное на него Ея Императорскимъ Величествомъ, оно никогда не превзойдетъ того, чтó заслужилъ этотъ недостойный человѣкъ.

Затѣмъ молю Бога и пр.

№ 796.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 20 de Mars 1774. Potsdam, ce 8 de Mars 1774.

(En chiffre). Quoique je ne saurais qu'applaudir aux réponses, que selon votre dépêche du 22 de Février vous avez faites au comte de Panin, pour justifier mes insinuations pacifiques à la Porte, vous ferez cependant bien, de ne point presser ce ministre, d'en rendre compte à sa Souveraine, mais d'abandonner plutôt à son jugement, quand il le trouvera le plus convenable, pour se mettre à l'abri des reproches, qu'il paraît appréhender, en les lui faisant connaître avant l'entrée de la réponse du sieur Zegelin à la seconde lettre, qui lui a été adressée du su et de l'aveu de S. M. I. D'ailleurs, il n'y a absolument rien à perdre au délai, qu'il vous a proposé. La mort du sultan Mustapha III étant survenue, il faut savoir auparavant, quelles sont les dispositions de son successeur et de ceux, qui seront mis à la tête de ses affaires, et s'ils ont des sentiments pacifiques, ou s'ils sont plus portés pour la continuation de la guerre. Ces différentes notions sont absolument nécessaires, pour nous diriger sur ce qu'il y a à faire ultérieurement; en attendant, je ne saurais vous dissimuler en même temps, que selon tous les avis, qui me sont revenus de l'état intérieur de la Russie, il est fort à désirer, que la paix se fasse bientôt et sans délai. En effet, tous ces avis indiquent assez, que

---

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 20-го марта 1774 г. Потсдамъ, 8-го марта 1774 г.

№ 796. (Шифромъ). Хотя я не могу не одобрить сообщеннаго депешей отъ 22-го февраля отвѣта, даннаго вами графу Панину въ подтвержденіе моихъ миролюбивыхъ внушеній Портѣ, тѣмъ не менѣе вамъ не слѣдуетъ торопить этого министра докладомъ о томъ Государынѣ, предоставивъ ему рѣшить, когда то будетъ наиболѣе удобнымъ, во избѣжаніе упрековъ, коихъ онъ опасается въ томъ случаѣ, если бы сообщеніе его послѣдовало ранѣе полученія отвѣта отъ г. Зегелина на второе письмо, написанное ему съ вѣдома и разрѣшенія Ея Величества Императрицы. Къ тому же отсрочка, имъ предложенная, не представляетъ никакого неудобства. Въ виду смерти султана Мустафы III надо прежде всего узнать мнѣнія его преемника и лицъ, кои будутъ поставлены во главѣ управленія, и миролюбивы ли ихъ намѣренія, или же они напротивъ того болѣе расположены къ продолженію войны. Всѣ эти свѣдѣнія намъ положительно необходимы для дальнѣйшаго направленія нашихъ дѣйствій, но въ ожиданіи этого, не могу отъ васъ скрыть, что, судя по дошедшимъ до меня извѣстіямъ о внутреннемъ состояніи Россіи, весьма желательно, чтобы миръ былъ заключенъ въ непродолжительномъ времени и безъ замедленія. Дѣйствительно, по всѣмъ этимъ свѣ-

la nation ne se plait nullement à la prolongation de cette guerre onéreuse, et il est toujours à craindre, qu'il n'en résulte à la fin un mécontentement général. D'ailleurs, il paraît bien par l'expérience, que le Danube forme la barrière entre les deux armées belligérantes et que son passage sera tout aussi dangereux et fatal à l'une qu'à l'autre, de sorte qu'une plus longue guerre ne saurait aboutir qu'à une consommation plus considérable, mais fort infructueuse, d'hommes et d'argent.

Au reste, le comte de Golowkin ayant mandé au ministre de Russie à Londres, que la ville de Dantzig venait de refuser de me reconnaître seigneur territorial du port, par ordre du roi de Pologne, ce ministre s'est proposé de demander au ministère britannique des ordres au sieur Wroughton, de dissuader le roi de pareilles démarches, et je ne vous fais part de cette anecdote que pour votre direction, puisqu'elle fournit une nouvelle preuve, que l'Angleterre ne cesse de chipoter dans cette affaire. La France vient également de manifester de nouveau son animosité contre la Russie, et je sais, à n'en pouvoir pas douter, qu'elle a tâché d'engager la Porte à faire une déclaration à l'ambassadeur d'Angleterre, par laquelle elle demanderait que l'Angleterre rappelle tous les anglais au service de la Russie, et qu'elle ne fournisse plus aucun secours à ses escadres, que la Porte ne considérait désormais que comme des actes formels d'hostilité contre elle. Si cette déclaration se fait à la vérité, et que l'Angleterre vient d'apprendre que c'est à l'instigation de la France, elle pourait bien augmenter le germe des dissensions

---

дѣніямъ очевидно, что народъ нимало не желаетъ продолженія столь тягостной войны, и можно постоянно опасаться, что это вызоветъ общее недовольство. Кромѣ того опытъ доказалъ, что Дунай составляетъ границу между обоими войсками и переходъ его всегда равно опасенъ какъ для той, такъ и для другой арміи, и потому дальнѣйшее продолженіе войны можетъ лишь привести къ еще болѣе значительному и безплодному уничтоженію людей и денегъ.

Вслѣдствіе заявленія графа Головкина русскому министру въ Лондонѣ о томъ, что городъ Данцигъ по приказу польскаго короля отказалъ въ признаніи моихъ правъ на владѣніе портомъ, этотъ министръ намѣревался испросить у британскаго министерства предписаніе г. Раутону отклонить короля отъ подобныхъ дѣйствій, и сообщаю вамъ объ этомъ происшествіи лишь для вашего свѣдѣнія, ибо это представитъ Вамъ новое доказательство англійскихъ интригъ въ этомъ дѣлѣ. Франція также вновь проявила свою вражду къ Россіи и мнѣ несомнѣнно извѣстно, что она старалась убѣдить Порту сдѣлать англійскому посланнику декларацію, которой бы испрашивалось, чтобы Англія отозвала всѣхъ англичанъ, состоящихъ на русской службѣ, и не доставляла бы болѣе никакой помощи ея эскадрамъ, причемъ неисполненіе этого требованія разсматривалось бы Портой за направленное противъ нее враждебное дѣйствіе. Если подобнаго рода декларація, дѣйствительно, состоится и Англія узнаетъ, что это

et des brouilleries, qui existent déjà entre les deux cours. Le temps nous en éclaircira.

Sur ce je prie Dieu etc.

№ 797.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 20 Mars 1774. Berlin, le 8 Mars 1774.

(En chiffre). J'ai reçu votre dépêche du 18 de Février et j'y ai vu avec plaisir que les mystères d'iniquité du sieur de Saldern ont enfin été dévoilés aux yeux de sa Souveraine. Il est bien bon que cet homme méprisable ait été ainsi mis hors d'état de continuer d'indignes manœuvres; elles n'avaient que trop duré. Je suis curieux maintenant de voir comment son affaire se terminera et si l'Impératrice prendra en cela le parti qui lui a été conseillé par le comte Panin.

Je vois par mes dernières lettres de Stockholm que le roi de Suède a fait connaître au ministre de Russie qu'il comptait de se rendre en Finlande au mois de Juillet et d'aller de là à Pétersbourg à la fin de ce mois ou au commencement d'Août. Nous verrons alors comment ce prince débutera auprès de l'Impératrice et quelles seront les insinuations qu'il lui fera relativement à ses intérêts et aux affaires générales.

Par ordre exprès du roi.

случилось по наущенію Франціи, то это легко можетъ усилить поводъ къ несогласіямъ, уже существующимъ между обоими дворами. Время намъ это разъяснитъ.

Затѣмъ молю Бога и пр.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 20-го марта 1774 г. Берлинъ, 8-го марта 1774 г.

№ 797. (Шифромъ). Я получилъ вашу депешу отъ 18-го февраля и съ удовольствіемъ узналъ, что тайныя беззаконныя дѣйствія г. Сальдерна были наконецъ обнаружены передъ Императрицей. Хорошо, что этотъ презрѣнный человѣкъ наконецъ лишенъ возможности продолжать свои недостойные поступки, которые уже слишкомъ долго продолжались. Теперь мнѣ весьма любопытно видѣть, чѣмъ кончится его дѣло и приметъ ли Императрица тѣ мѣры, которыя ей совѣтовалъ графъ Панинъ.

Послѣднія письма, полученныя мной изъ Стокгольма, передаютъ мнѣ, что король шведскій сообщилъ русскому министру о своемъ намѣреніи поѣхать въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Финляндію, а оттуда въ концѣ іюля или въ началѣ августа въ Петербургъ. Тогда мы увидимъ, въ какія отношенія станетъ этотъ государь съ Императрицей и каковы будутъ его внушенія по поводу его собственныхъ интересовъ и хода общихъ дѣлъ.

По особому повелѣнію короля.

№ 798.

Le comte de Solms au roi.

Praes. d. 21-ten Maerz. A St. Pétersbourg, le 25 Févr. (8 Mars) 1774.

Sire. J'ai eu l'honneur de recevoir par la dernière poste les ordres immédiats de V. M. du 20, 21 et 22 avec celui de son ministère du 22 Février, et la dépêche de Constantinople du 17 de Janvier.

(En chiffre). Les avis qu'il Vous a plu, Sire, de communiquer ici par l'immédiat du 17 de Février, touchant les intentions des confédérés de Baar, de se manifester contre tout ce qui s'est fait en Pologne, et les encouragements que le duc d'Aiguillon a fait passer à la Porte pour l'engager à refuser les propositions de la Russie, ont fait prendre au comte Panin la résolution, quant au premier point: d'avertir le baron Stackelberg à Varsovie, d'être en garde contre une telle démarche; d'ailleurs, il estime que le meilleur parti à prendre contre cela serait que, le cas arrivant, V. M. et la cour de Vienne fissent d'abord revenir de leurs troupes en Pologne pour étouffer le mal dans sa naissance. Quant à l'autre, il est de l'opinion que la France, en faisant déclarer aux cours amies de la Russie l'intérêt qu'elle prenait aux affaires des Turcs, ne ferait autre chose que publier ce qui est connu qu'elle a fait déjà depuis longtemps; mais qu'il est bien sûr aussi que cela ne serait

---

Отъ графа Сольмса королю.

Подано 21-го марта. С.-Петербургъ, 25-го февраля (8-го марта) 1774 г.

№ 798. Ваше Величество! Съ послѣдней почтой я имѣлъ честь получить непосредственныя повелѣнія Вашего Величества отъ 20-го, 21-го и 22-го вмѣстѣ съ министерскими отъ 22-го февраля и депешу изъ Константинополя отъ 17-го января.

(Шифромъ). Извѣстія, кои Вашему Величеству угодно было сообщить непосредственнымъ предписаніемъ отъ 17-го февраля, относительно намѣренія Баарской конфедераціи возстать противъ мѣръ, принятыхъ въ Польшѣ и совѣты герцога д'Эгильона Портѣ, клонящіеся къ тому, чтобы заставить ее отказаться отъ предложеній Россіи, побудили графа Панина относительно перваго вопроса предупредить барона Штакельберга въ Варшавѣ, дабы онъ остерегался такого поступка. Кромѣ того онъ считаетъ, что наилучшимъ средствомъ въ такомъ случаѣ было бы возвращеніе въ Польшу войскъ Вашего Величества и вѣнскаго двора, въ видахъ подавленія зла въ самомъ началѣ. Что же касается до втораго вопроса, онъ находитъ, что Франція, заявивъ передъ дворами, дружественными Россіи, участіе, принимаемое ею въ дѣлахъ турокъ, лишь обнаружитъ образъ дѣйствій, котораго, какъ извѣстно, она держится давно, но что въ то же время онъ убѣжденъ, что это не можетъ повліять ни на Ваше Величество, ни

pas capable de faire impression ni sur V. M. ni sur la cour de Vienne, supposé que cette dernière voulût une fois employer avec vigueur ses bons offices.

Ce ministre a été assez content que la dernière lettre du sieur de Zegelin n'a point contenu encore une résolution décisive de la Porte sur les propositions qu'il lui a faites par ordre de V. M. pour le rétablissement de la paix. Il attend à cette heure, que par la poste prochaine, il me fasse la réponse à la lettre que je lui ai faite à ce sujet du consentement de S. M. l'Impératrice, dont il espère de pouvoir lui faire le rapport en entier, et avoir de quoi justifier la raison de la participation de V. M. à cet essai de négociation, sur laquelle il ne l'a pu prévenir jusqu'ici. Il n'est pas sans appréhension pourtant, que ce secret n'éclate avant le temps, puisque la lettre du sieur Zegelin confirme les nouvelles, qu'il a reçues d'ailleurs par la voie de Vienne et de la Pologne, des grands mouvements que se donnent les ministres étrangers à Constantinople pour le découvrir, et il craint que cela lui fera du tort auprès de sa Souveraine, tout comme cela compromettra sa cour vis-à-vis de la Porte.

Quant à la chose même, il avoue, que le Reis-Effendy a eu raison de dire que, sur l'article de la liberté des tartares il n'y a eu rien d'arrêté encore ni de signé entre les deux ambassadeurs au dernier congrès; mais il prétend qu'il y a eu de convenu entre eux assez pour que l'on puisse partir des points sur lesquels on a été d'accord, pour parvenir à s'accorder sur le

---

на вѣнскій дворъ, предположивъ, что сей послѣдній согласился бы оказать дѣятельное вмѣшательство по этому дѣлу.

Министръ былъ доволенъ тѣмъ, что послѣднее письмо г. Зегелина еще не заключаетъ окончательнаго рѣшенія Порты на предложенія, сдѣланныя имъ по волѣ Вашего Величества по поводу заключенія мира. Теперь онъ ожидаетъ со слѣдующей почтой отвѣта на письмо, написанное мной ему по этому предмету съ разрѣшенія Ея Величества Императрицы, и надѣется, что будетъ имѣть возможность доложить ей содержаніе этого отвѣта и тѣмъ оправдать участіе Вашего Величества въ этой попыткѣ къ переговорамъ, о которой онъ еще не успѣлъ ее предупредить. Однако, онъ отчасти опасается, что эта тайна откроется ранѣе этого срока, ибо письмо г. Зегелина подтверждаетъ извѣстія, уже полученныя имъ изъ Вѣны и Варшавы о томъ, какъ иностранные министры въ Константинополѣ стараются ее проникнуть, и онъ боится, что это навлечетъ на него неудовольствіе Государыни и повредитъ его двору въ глазахъ Порты.

Что же касается до главнаго вопроса, онъ сознался, что Рейсъ-эффенди былъ правъ, сказавъ, что относительно независимости татаръ на послѣднемъ конгрессѣ между обоими послами не было ничего рѣшено, ни подписано, но въ то же время онъ утверждаетъ, что дѣло это при взаимныхъ переговорахъ уже настолько подвинулось, что, исходя изъ вопросовъ, по коимъ пришли къ соглашенію, не трудно будетъ

reste. Cette réponse modérée me fait présumer, et il me l'a fait entendre même assez clairement, qu'on se relâchera à la fin ici sur la protection qu'on a désiré de se ménager sur les tartares, à condition seulement que les Turcs n'aient point d'établissement non plus dans la Crimée, et qu'on fera peut-être encore davantage, pourvu que la proposition vienne des Turcs directement, et qu'on ne puisse pas dire que ce soit la Russie, ou un de ses alliés pour elle, qui en ait fait le premier l'offre à la Porte.

Il n'estime pas que l'article de la navigation dans la mer Noire pourrait embarrasser, puisque les Turcs y ont déjà consenti au dernier congrès. Du reste, le comte Panin convient à la fin, que, comme l'éloignement des lieux fait consumer beaucoup de temps par l'attente des réponses entre Pétersbourg et Constantinople, qu'il ne faut plus attendre la fin d'une campagne pour renouveler les essais des négociations, mais que si même la présente ne réussit point tout de suite, qu'il faudrait la continuer pendant tout l'été. Ce serait certainement un moyen de parvenir à la fin au but, il est seulement à souhaiter, que ces sentiments puissent s'accorder avec ceux de l'Impératrice, qui a toujours devant les yeux la gloire qui l'attend par l'humiliation de la Porte.

Les informations que V. M. a bien voulu donner au sujet du français de Large ont fait impression sur l'Impératrice, qui en a été vivement offensée. Le comte Panin se propose de demander au Sr. Durand, quel est le fran-

---

окончательно вырѣшить этотъ вопросъ. Столь умѣренный отвѣтъ подаетъ мнѣ надежду, подтверждаемую его довольно ясными намеками на то, что здѣсь наконецъ откажутся отъ покровительства, которое желали пріобрѣсть надъ татарами, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы и турки съ своей стороны не имѣли поселеній въ Крыму, а быть можетъ пойдутъ и далѣе, если только предложенія послѣдуютъ непосредственно со стороны турокъ и нельзя будетъ сказать, что первые шаги къ тому сдѣланы Россіей или однимъ изъ ея союзниковъ. Онъ не предполагаетъ, чтобы статья о судоходствѣ на Черномъ морѣ могла составить препятствіе, такъ какъ турки уже согласились на нее при послѣднемъ конгрессѣ. Впрочемъ, графъ Панинъ наконецъ соглашается съ тѣмъ, что въ виду дальности разстоянія, значительно замедляющаго сношенія между Петербургомъ и Константинополемъ, не слѣдуетъ ожидать окончанія похода для возобновленія переговоровъ, но если даже настоящая попытка не удастся немедленно, тѣмъ не менѣе необходимо продолжать ее въ теченіе всего лѣта. Это, конечно, было бы средствомъ наконецъ достигнуть цѣли, но остается только желать, чтобы это совпало съ мнѣніемъ Императрицы, у которой постоянно передъ глазами слава, ожидающая ее въ случаѣ униженія турокъ.

Свѣдѣнія, сообщенныя Вашимъ Величествомъ о французѣ де Ларжѣ, произвели большое впечатлѣніе на Императрицу и чрезвычайно ее оскорбили. Графъ Панинъ намѣренъ спросить у г. Дюрана, какой французъ недавно проѣхалъ по Германіи подъ

çais qui a traversé nouvellement l'Allemagne à titre de courrier, puisqu'il n'avait pas demandé ici de passeport pour en expédier un, et qui avait parlé si mal de l'Impératrice et de la Russie. Et il donnera des ordres aux frontières, pour l'arrêter au cas qu'il revienne pour rentrer dans le pays. Ce que cet homme a avancé de l'abattement, où l'on était ici de l'affaire des cosaques, est bien faux. A voir la cour et la ville, on ne s'aperçoit pas qu'il y a guerre au dehors, ni rebellion au dedans de l'empire.

Le luxe, la prodigalité et la dissipation vont leur train, comme si l'on se trouvait dans la situation la plus heureuse du monde. L'insensibilité et la légèreté de ces gens-ci a de quoi étonner. Il en est de même à Moscou. Malgré la peste qu'il y a eu il y a deux ans, malgré l'énorme incendie de l'année passée, on n'y songe qu'à s'amuser et à se divertir, et il n'y a pas longtemps qu'il a passé par ici une troupe d'acteurs pour un opéra Buffa italien, que la noblesse de Moscou a fait venir exprès pour elle, et qui y joue actuellement. Malgré cela il paraît que l'argent manque aux particuliers, les marchands dans les deux capitales se plaignent qu'ils ne vendent rien, ou qu'ils ne sont pas payés de ce qu'on leur prend.

On n'a pas de nouvelles du gén. Bibikow depuis une quinzaine de jours, et l'on croit que ce sont les mauvais chemins qui empêchent le courrier d'arriver, mais on s'attend apprendre par le premier qui arrivera, que ce général se soit mis à la tête de son corps principal pour commencer les grandes opérations contre les rebelles.

видомъ курьера, хотя для отправки его здѣсь не было испрошено паспорта, и такъ дурно отзывался объ Императрицѣ и объ Россіи. Въ случаѣ его возвращенія въ Россію на границѣ будетъ предписано его арестовать. Все, что этотъ человѣкъ разсказывалъ объ унынія, распространенномъ здѣсь по поводу возмущенія казаковъ, совершенно ложно. При взглядѣ на дворъ и на городъ невозможно предположить, что въ Имперіи идетъ внѣшняя война и внутреннее возстаніе.

Роскошь, расточительность и мотовство идутъ своимъ порядкомъ, какъ будто бы страна находилась въ счастливѣйшемъ положеніи. Небрежность и легкомысліе этихъ людей удивительны. То же самое происходитъ и въ Москвѣ. Несмотря на чуму, бывшую тамъ два года тому назадъ, несмотря на громадный прошлогодній пожаръ, тамъ думаютъ только объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, и недавно здѣсь проѣхала труппа актеровъ для итальянской оперы-буффъ, выписанная московскими дворянами и въ настоящее время дающая представленія. Но тѣмъ не менѣе, кажется, частныя лица испытываютъ недостатокъ въ деньгахъ, а купцы въ обѣихъ столицахъ жалуются на то, что ничего не продаютъ и не получаютъ денегъ за отпускаемый товаръ.

Уже двѣ недѣли какъ не получаютъ извѣстій отъ генерала Бибикова и полагаютъ, что курьеръ задержанъ дурными дорогами, но ожидаютъ въ скорости извѣстія о томъ, что генералъ принялъ начальство надъ главнымъ корпусомъ и приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ мятежниковъ.

Il est venu aussi un rapport du comte Golowkin de Dantzig, mais il n'était pas déchiffré encore quand j'ai vu le comte Panin; il m'a témoigné cependant de n'être pas trop content de ce plénipotentiaire, il le trouve trop indolent, et il me dit, qu'il recevait tout, qu'il écoutait toujours le dernier venu, et qu'il ne savait pas faire une réponse de lui-même. Je ne sais, si je ne dois prendre cela pour une bonne marque, que ce ministre croit enfin devoir mettre plus de vigueur dans l'interposition des bons offices de sa cour auprès de la ville.

(En clair). Les noces du duc de Courlande ont été célébrées avant-hier; elles ont été bénies à la cour dans la chapelle Impériale à la manière grecque, de là le duc a ramené sa mariée à l'hôtel qu'il occupe, où il y a eu grand souper, auquel, outre les parents, il n'y a eu d'invités que les personnes des deux premières classes, les maréchaux et les généraux en chef avec leurs femmes. Au retour du duc à Mittau, le mariage sera béni une seconde fois selon le rite de l'église luthérienne, et quoique la duchesse restera dans sa religion, et aura même une chapelle grecque auprès d'elle, il est stipulé cependant par le contrat de mariage que tous les enfants qui naîtraient de ce mariage, de quel sexe qu'ils soient, seraient élevés dans la religion luthérienne.

Le Sr. Diderot est parti ces jours-ci pour retourner par la Hollande en France, sans passer cependant par Berlin. On lui a donné pour l'accom-

---

Здѣсь также получено шифрованное донесеніе отъ графа Головкина изъ Данцига, но оно было еще не разобрано, когда я видѣлъ графа Панина; однако, онъ мнѣ высказалъ, что не особенно доволенъ этимъ уполномоченнымъ, находитъ его слишкомъ вялымъ и кромѣ того онъ всѣхъ принимаетъ и всегда подъ вліяніемъ того, кто съ нимъ говорилъ послѣдній, и не умѣетъ отвѣчать самостоятельно. Не знаю, могу ли я это объяснить въ томъ смыслѣ, что министръ наконецъ сознаетъ необходимость болѣе энергическаго вмѣшательства со стороны его двора въ дѣла этого города.

(Нешифровано). Третьяго дня происходило бракосочетаніе герцога курляндскаго; церемонія вѣнчанія по греческому обряду имѣла мѣсто во дворцѣ, въ придворной церкви, и вслѣдъ затѣмъ герцогъ привезъ новобрачную въ занимаемый имъ домъ, гдѣ былъ большой ужинъ въ присутствіи родственниковъ, лицъ двухъ первыхъ классовъ, фельдмаршаловъ и генераловъ съ супругами. По возвращеніи герцога въ Митаву бракъ ихъ будетъ вторично благословленъ по обрядамъ лютеранской церкви, и несмотря на то, что герцогиня останется вѣрна своей религіи и будетъ даже имѣть домовую православную церковь, тѣмъ не менѣе брачнымъ контрактомъ установлено, что дѣти, имѣющія родиться отъ этого брака, къ какому бы полу ни принадлежали, будутъ воспитаны въ лютеранской религіи.

Г. Дидро уѣхалъ на дняхъ, намѣреваясь возвратиться во Францію черезъ Голландію, не заѣзжая въ Берлинъ. Сопровождать его назначенъ нѣкто по имени Бала,

pagner un nommé Bala, grec de nation, que le comte Orlow a amené avec lui ici, lorsqu'il revint pour la première fois de l'Archipel, il y a quelques années, et qui a été placé à la chancellerie du bureau des affaires étrangères.

Je suis etc.

№ 799.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 24 de Mars. Potsdam, ce 9 de Mars 1774.

La poste de Constantinople vient d'arriver. Elle m'a apporté des lettres de mon major de Zeglin du 3 de Février, dont vous trouverez çi-joint la copie.

(En chiffre). Je m'en rapporte à votre jugement, pour la communication à faire au comte de Panin. Rien n'empêche cependant, à ce qu'il me semble, de lui faire part des changements arrivés, ainsi que de la résolution du nouveau sultan, de remettre toute la négociation de la paix entre les mains de son grand-vizir. J'ignore si ce ministre est déjà informé des difficultés, que la demande d'Oczakow avec son territoire pourrait rencontrer, et j'abandonne entièrement à votre discernement, si et ce que vous jugerez convenable d'en porter à sa connaissance. Autant que j'en puis juger, je commence à appréhender, qu'à moins que la Russie ne propose des conditions plus modérées, il n'y aura pas moyen de renouer la négociation avant la fin de la campagne de cette année. Mon major de Zeglin craint même que, si

---

родомъ грекъ, котораго графъ Орловъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ привезъ съ собой, возвращаясь въ первый разъ изъ Архипелага, и помѣстилъ въ канцеляріи коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Остаюсь и пр.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 24-го марта 1774 г. Потсдамъ, 9-го марта 1774 г.

№ 799. Сейчасъ прибыла почта изъ Константинополя и привезла мнѣ письма отъ моего маіора Зегелина отъ 3-го февраля, копія съ которыхъ при семъ прилагается.

(Шифромъ). Полагаюсь на ваше сужденіе относительно сообщенія графу Панину. Но мнѣ кажется, что ничто не препятствуетъ передать ему о происшедшихъ перемѣнахъ, а также и о намѣреніи новаго султана, поручить весь вопросъ о мирныхъ переговорахъ своему великому визирю. Не знаю, извѣстно ли уже этому министру о затрудненіяхъ, могущихъ встрѣтиться при требованіи Очакова съ територіей, и поручаю вполнѣ вашему разсмотрѣнію, слѣдуетъ ли и что именно говорить ему о томъ. На сколько могу о томъ судить, начинаю опасаться, что если Россія не предложитъ болѣе умѣренныхъ условій, то окажется невозможнымъ возобновить переговоры ранѣе окончанія похода нынѣшняго года. Мой маіоръ Зегелинъ опасается даже, что

la Russie insiste sur ses premières conditions, que la Porte ne peut encore digérer, le sultan ne prenne la résolution, de se mettre lui-même à la tête de son armée, et tout ce qu'il me paraît le plus à appréhender, c'est que la France ne gagne par ce délai du temps, pour faire mieux valoir ses insinuations pernicieuses et inspirer plus d'éloignement que jamais à la Porte pour le rétablissement de la tranquillité.

Au reste, mes dernières lettres de Varsovie m'ont fait venir une nouvelle idée au sujet de l'arrangement des élections futures des rois de Pologne, dont vous ferez ouverture au comte de Panin. Pour éviter d'autant mieux à l'avenir toute confusion à ces élections, il me semble que le meilleur serait de restreindre le nombre des suffrages aux sénateurs, palatins et aux députés des palatinats et des villes, sans y admettre d'autres personnes de la noblesse et des autres rangs, et de statuer comme une loi fondamentale, d'exclure du trône tout candidat, qui n'aurait pas rempli auparavant quelque charge ou dignité dans le royaume. Toutefois vous aurez soin de ne proposer cette idée au comte de Panin, que comme mon sentiment particulier, sur lequel je serais bien aise d'apprendre son avis.

Sur ce je prie Dieu etc.

въ случаѣ, если Россія станетъ настаивать на первоначальныхъ условіяхъ, которыхъ Порта до сихъ поръ не можетъ допустить, султанъ не рѣшился бы лично принять начальства надъ войскомъ, и мнѣ кажется, его всего болѣе пугаетъ, что тогда Франція черезъ это промедленіе получитъ возможность пустить въ ходъ свои лукавыя внушенія и еще болѣе отклонить Порту отъ возстановленія спокойствія.

Послѣднія письма, полученныя мною изъ Варшавы, внушили мнѣ новую мысль по вопросу о будущихъ выборахъ польскихъ королей, которую вы сообщите графу Панину. Во избѣжаніе на будущее время всякихъ замѣшательствъ на этихъ выборахъ, мнѣ кажется, что всего лучше было бы ограничить число избирателей сенаторами, воеводами и депутатами воеводствъ и городовъ, не включая въ ихъ число ни дворянъ, ни лицъ другихъ сословій, и постановить основнымъ закономъ, чтобы на престолъ не допускался ни одинъ кандидатъ, не занимавшій до тѣхъ поръ въ королевствѣ никакой должности или поста. Впрочемъ, вы передадите эту мысль графу Панину лишь какъ мое личное мнѣніе, насчетъ котораго мнѣ было бы весьма пріятно узнать его отзывъ.

Затѣмъ молю Бога и пр.

№ 800.

Le comte de Solms au roi.

Prés. de 25-ten Maerz. A St. Pétersbourg, le 28 Février (11 de Mars) 1774.

(En chiffre). Sire. Je continue de faire des instances auprès du comte Panin, afin de le rendre actif dans l'affaire de Dantzig, et d'empêcher s'il est possible qu'on ne s'endorme plus là-dessus comme l'année passée. Il m'a dit hier, qu'il avait été obligé de laisser le dernier rapport du comte Golowkin entre les mains de l'Impératrice, et qu'il n'avait encore point eu d'entretien avec elle à ce sujet. Qu'il était vrai que la ville ne s'était point rendue encore cette fois. Qu'elle prétextait sa dépendance du roi de Pologne, qui l'empêchait de décider dans une affaire de telle importance sans son approbation, et qu'elle avait fait des propositions pour pouvoir renouveler son ancien port du côté du nord; mais que tout cela n'étaient que des chicanes que le comte Golowkin aurait pu prévenir, et dont il espérait de venir à bout, et que je devais, Sire, vous assurer, qu'il ferait tout au monde pour servir vos intérêts, mais qu'il fallait qu'il aille bride en main, pour les concilier avec les opinions qui m'étaient connues que l'Impératrice avait au sujet de la conservation de cette ville et du maintien de sa garantie. Qu'il espérait, que la réponse qu'il attendait de Vienne, sur le refus qu'on lui avait donné d'approuver ses délimitations en Pologne, lui fournirait un

---

Отъ графа Сольмса королю.

Подано 25-го марта 1774. С.-Петербургъ 28-го февраля (11-го марта) 1774 г.

№ 800. (Шифромъ). Ваше Величество! Я продолжаю настаивать передъ графомъ Панинымъ, стараясь возбудить въ немъ бо́льшую энергію къ Данцигскому дѣлу, и если возможно, не дать задремать относительно этого вопроса, какъ случилось въ прошломъ году. Онъ говорилъ мнѣ вчера, что послѣднее донесеніе гр. Головкина находится въ рукахъ Императрицы и онъ еще не касался въ разговорѣ съ ней этого предмета; затѣмъ онъ передалъ мнѣ, что, дѣйствительно, городъ и на этотъ разъ не уступилъ предъявленнымъ требованіямъ, ссылаясь на свою зависимость отъ польскаго короля, препятствующую ему принять какое либо рѣшеніе въ столь важномъ дѣлѣ безъ его одобренія, и въ то же время сдѣлалъ предложенія о возобновленіи своего прежняго порта съ сѣверной стороны, но что все это лишь пустыя возраженія, которыя графъ Головкинъ долженъ былъ предупредить и которыя онъ надѣется преодолѣть, а потому онъ поручилъ мнѣ увѣрить Ваше Величество, что онъ сдѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобы послужить Вашимъ интересамъ, но что ему не легко будетъ согласить ихъ съ извѣстными мнѣ мнѣніями Императрицы относительно сохраненія этого города и поддержанія его гарантіи. Онъ надѣется, что ожидаемый имъ изъ Вѣны отвѣтъ по поводу отказа утвердить разграниченія въ Польшѣ, снабдитъ его новымъ средствомъ

moyen de plus, pour mettre cette affaire en ordre; mais qu'il osait aussi s'attendre, que V. M., se relâchant sur quelques-unes de ses prétensions, daignerait le seconder, pour être d'autant mieux en état d'annuller les chicanes de la ville.

Il m'a fait alors un raisonnement dont je ne veux pas négliger de rendre compte ici à V. M. Il dit que: comme elle avait consenti de conserver Dantzig dans l'état où cette ville s'était trouvée avant la prise de possession de la Pomérellie, c'est-à-dire, ville commerçante et forteresse, il paraissait être de l'équité, de lui conserver en entier les deux choses qui constituaient cette double qualité, savoir, son port et ses fortifications. Mais comme V. M. avait prouvé, que le port était construit sur son territoire, ce qui lui donnerait un droit de propriété sur lui, il était juste, que la ville pour pouvoir s'en servir, devait la dédommager de ce qu'elle consentait de renoncer à l'exercice de ce droit, et qu'elle devait lui payer la redevance annuelle, puisqu'elle ne jugeait pas à propos de le lui céder à une autre condition. Qu'il était de même à l'égard des fortifications, qui cesseraient d'être telles dès qu'elles seraient coupées par des lignes qui en remettraient une partie sous une autre domination; mais, puisque cette partie appartenait au territoire de V. M. et qu'on ne pouvait pas exiger qu'elle le cédât pour faire plaisir à la ville, il était juste aussi que celle-ci, pour éviter l'inconvénient d'une telle séparation, s'arrangeât pour racheter ce terrain, et que

---

привести это дѣло въ порядокъ, но при этомъ онъ смѣетъ надѣяться, что Ваше Величество, отказавшись отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ требованій, благоволите ему въ томъ содѣйствовать, дабы тѣмъ вѣрнѣе уничтожить интриги этого города.

Считаю долгомъ передать Вашему Величеству дальнѣйшія его разсужденія. Онъ говоритъ, что, такъ какъ Ваше Величество согласились сохранить за Данцигомъ то положеніе, въ которомъ городъ этотъ находился до вступленія во владѣніе Померелiей, т. е. какъ торговый городъ и крѣпость, то, повидимому, справедливость требуетъ предоставить ему оба условія, придающія ему этотъ характеръ, т. е. его портъ и укрѣпленія. Съ другой стороны, въ виду доказательства Вашего Величества, что портъ построенъ на принадлежащей вамъ територіи, что даетъ Вамъ на него права владѣнія, справедливо, чтобы городъ, пользуясь имъ, въ вознагражденіе Вашего Величества за уступку этого права, обязался бы ежегодно платить за то, если не соглашаетесь уступить имъ его на иныхъ условіяхъ. То же самое было бы и относительно укрѣпленій, которыя утратили бы всякое значеніе съ той минуты, какъ ихъ перерѣзали бы границы, отдѣляющія часть ихъ подъ другую власть; но такъ какъ часть эта принадлежитъ къ територіи Вашего Величества и невозможно требовать отъ Васъ уступки ея для удовольствія города, то было бы точно также справедливо, чтобы сей послѣдній, во избѣжаніе неудобствъ, сопряженныхъ съ такимъ отдѣленіемъ, договорился бы относительно выкупа этой територіи, и чтобы Ваше Величество оказали бы ему вели-

V. M. eût la générosité pour elle, et l'attention pour l'intercession de la cour de Russie, de lui faire sur cela des conditions supportables.

Comme le comte Czernichew m'a parlé à ce sujet à peu près de la même manière, j'ai cru devoir juger par là, que c'est après ces principes qu'on envisage à cette heure la chose dans le conseil de S. M. l'Impératrice, et qu'on croit qu'elle puisse être réglée. J'attendrais que V. M. me fasse la grâce de me faire connaître son sentiment là-dessus, et de m'instruire: si elle jugera à propos de m'autoriser, que je puisse donner des espérances que, si la ville de Dantzig, après s'être soumise au payement de la redevance annuelle pour le port, hasardât de lui faire des propositions pour racheter le terrain sur lequel sont bâties ses fortifications, elle daignera y consentir. Il me paraît au moins que ce serait un moyen de faire voir à l'Impératrice, que l'intention de V. M. n'est point de priver la ville de Dantzig entièrement de son commerce, ni de se ménager une occasion de s'en emparer à l'avenir. Car, c'est là le fantôme qui allarme S. M. Impériale et, permettez Sire, que j'ose le dire: c'est l'opinion générale, même de ceux qui sont les mieux intentionnés, et qui, quant à eux, n'envieraient pas même cette acquisition à V. M.

Le courrier du général Bibikow, qui est arrivé avant-hier, a apporté que ce général s'est mis effectivement en marche avec le gros de son armée,

---

кодушіе и въ то же время вниманіе къ вмѣшательству русскаго двора, назначивъ городу выполнимыя условія.

Такъ какъ графъ Чернышевъ говорилъ со мной объ этомъ дѣлѣ точно въ такомъ же смыслѣ, полагаю, что именно съ этой точки зрѣнія разсматривается въ настоящую минуту вопросъ въ совѣтѣ Ея Величества Императрицы, и думаютъ, что такимъ образомъ можно его разрѣшить. Ожидаю, чтобы Вашему Величеству угодно было объяснить мнѣ свое мнѣніе по этому предмету, сообщивъ въ то же время, признаетъ ли Ваше Величество нужнымъ уполномочить меня высказать обѣщаніе въ томъ смыслѣ, что, если городъ Данцигъ, подчинившись уплатѣ ежегодной подати за пользованіе портомъ, осмѣлился бы сдѣлать предложенія относительно выкупа територіи, на которой построены укрѣпленія, то Вашему Величеству благоугодно будетъ на то согласиться. Мнѣ кажется, что это былъ бы наилучшій путь заявить Императрицѣ, что Ваше Величество не имѣете намѣренія совершенно лишить городъ Данцигъ торговли, или же приготовить себѣ случай овладѣть ею на будущее время, ибо это составляетъ призракъ, пугающій Ея Императорское Величество, и дозвольте мнѣ, Ваше Величество, осмѣлиться высказать Вамъ, что таково мнѣніе лицъ даже самыхъ благонамѣренныхъ, кои съ своей стороны ни мало не завидовали бы такому пріобрѣтенію Вашего Величества.

Курьеръ, прибывшій третьяго дня отъ генерала Бибикова, дѣйствительно, привезъ извѣстіе, что этотъ генералъ выступилъ во главѣ всего своего войска и на-

et qu'il espère de pouvoir bientôt réduire entièrement les rebelles à l'obéissance. Les paysans russes, que la crainte ou la séduction avaient rangés sous les drapeaux de Pugazew, commencent à les quitter, et reviennent en foule demander pardon et implorer la clémence de Bibikow, qui les reçoit avec beaucoup d'humanité. Il est arrivé aussi la semaine passée un transport d'argent en barres des mines de Koliwan sur la rivière d'Irtisch en Sibérie. Quoiqu'elles sont très éloignées de l'endroit, où se fait cette rebellion, le convoi a été obligé pourtant de passer par Tobolsk et Cathrinenbourg, et comme cela s'est fait sans accident, c'est une preuve que l'esprit de révolte ne s'étend pas jusque là, comme on a fait courir le bruit, et qu'il n'est concentré que dans la nation seule des cosaques qui habitent sur le Jaick et aux environs d'Orenbourg.

(En clair). La poste d'Allemagne, qui n'est arrivée qu'aujourd'hui seulement, m'a apporté les ordres immédiats et médiats de V. M. du 24 et 26 de Février, avec ses réponses de main propre à S. M. l'Impératrice et à Leurs Altesses Impériales, que j'ai fait remettre à l'instant au comte Panin pour les présenter. Je ne manquerai pas non plus d'insinuer à ce ministre convenablement le contenu du susdit ordre immédiat du 26.

La cour ayant jugé à propos de faire publier un bulletin des exploits du général en chef de Bibikow contre les cosaques rebelles, jusqu'au 6 de Février, et des témoignages d'attachement pour S. M. l'Impératrice et de

---

дѣется въ скоромъ времени привести мятежниковъ къ полному повиновенію. Русскіе крестьяне, привлеченные страхомъ или обманчивыми обѣщаніями подъ знамена Пугачева, начинаютъ его покидать и толпами являются просить помилованія и милосердія Бибикова, который принимаетъ ихъ весьма человѣколюбиво. На прошлой недѣлѣ прибылъ транспортъ серебра въ слиткахъ изъ колыванскихъ рудниковъ расположенныхъ въ Сибири по рѣкѣ Иртышу. Хотя они весьма удалены отъ мѣста возстанія, тѣмъ не менѣе транспортъ долженъ былъ проѣхать черезъ Тобольскъ и Екатеринбургъ, и такъ какъ все обошлось благополучно, то это доказываетъ, что духъ мятежа не распространяется до этой мѣстности, какъ увѣряли слухи, а сосредоточенъ лишь въ средѣ казаковъ, живущихъ по Яику и въ окрестностяхъ Оренбурга.

(Нешифровано). Германская почта, прибывшая только сегодня, привезла мнѣ непосредственныя и министерскія предписанія Вашего Величества отъ 24-го и 26-го февраля вмѣстѣ съ собственноручными отвѣтами Вашего Величества Ея Величеству Императрицѣ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, кои я немедленно велѣлъ передать графу Панину для ихъ представленія. Кромѣ того я не премину должнымъ образомъ сообщить этому министру содержаніе упомянутаго непосредственнаго предписанія отъ 26-го числа.

Дворъ обнародовалъ отчетъ объ успѣхахъ главнокомандующаго Бибикова въ борьбѣ съ мятежными казаками до 6-го февраля и о преданности Ея Императорскому Ве-

zèle patriotique qu'ont fait éclater à cette occasion la noblesse de Casan et de ses environs, je n'ai pas voulu manquer d'en présenter à V. M. un exemplaire, à la suite du présent rapport.

Je suis etc.

№ 801.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 24 de Mars. Potsdam, ce 12 de Mars 1774.

(En chiffre). A la suite de mes ordres du 14 de Février et du 9 de ce mois-ci, je vous ai déjà communiqué les rapports de mon major de Zeglin, tant sur la mort de Mustapha III, dont, selon votre dépêche du 25 de Février, un courrier du prince Gallizin de Vienne a apporté la première nouvelle à la cour où vous êtes, que sur les premiers jours de règne du nouveau Sultan Abdoul Hamid, frère du défunt. L'un et l'autre cependant sont de trop vieille date, pour juger avec précision des suites de ce grand évènement, et ils nous laissent encore en suspens sur l'influence, qu'il pourrait avoir sur les sentiments de la Porte par rapport à la paix. Autant que j'en puis juger toutefois sur la dépêche de mon major de Zeglin, en date du 3 de Février dernier, il paraitraît presque que le nouveau Sultan ne s'empressera pas beaucoup pour faire sa paix. Mais nous y verrons sans

---

личеству и патріотизмѣ, заявленныхъ при семъ случаѣ казанскимъ и окрестнымъ дворянствомъ. Считаю долгомъ приложить къ этому донесенію Вашему Величеству экземпляръ упомянутой реляціи и манифеста.

Остаюсь и пр.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 24-го марта 1774 г. Потсдамъ, 12-го марта 1774 г.

№ 801. (Шифровано). (Вслѣдъ за моими повелѣніями отъ 14-го февраля и 9-го текущаго мѣсяца я уже сообщалъ вамъ донесенія маіора Зегелина какъ о кончинѣ Мустафы III, о которой, какъ значится въ вашей депешѣ отъ 25-го февраля, курьеръ отъ князя Голицына изъ Вѣны привезъ первое извѣстіе ко двору, гдѣ вы находитесь, такъ и о первыхъ дняхъ царствованія новаго султана Абдулъ-Гамида, брата покойника. Однако, и то и другое сообщеніе уже слишкомъ давнія для того, чтобы по нимъ можно было съ точностью судить о послѣдствіяхъ этого крупнаго событія и мы остаемся въ неизвѣстности относительно вліянія, которое оно можетъ произвести на настроеніе Порты по вопросу о заключеніи мира. Но насколько я могу судить по депешѣ маіора Зегелина отъ 3-го февраля, кажется, новый султанъ не особенно торопится заключить миръ. Конечно, этотъ вопросъ для насъ разъяснится, лишь

doute plus clair, dès que nous aurons appris les personnes, qu'il aura mis à la tête des affaires, et que nous aurons eu le temps d'approfondir leurs sentiments et leurs dispositions. Peut-être la réponse, que mon major de Zeglin attend encore de leur part, sur ses dernières propositions, répandra-t-elle déjà plus de jour, sur ce qu'il y en a à espérer ou à craindre. Mais comme selon sa dernière dépêche le nouveau Sultan veut entrer en correspondance immédiatement avec son Grand-Visir à ce sujet, il se passera encore quelque temps avant d'être instruit du résultat de leurs délibérations. En attendant, je suis fort tenté de soupçonner, que ce n'est que la France, que la cour de Vienne a voulu désigner par le mot d'autre puissance, dans l'insinuation, dont, selon votre dépêche susmentionnée, elle a chargé tout nouvellement le prince de Lobkowitz relativement à la médiation. Ce qui me confirme dans ce soupçon, c'est que la France désire ardemment d'obtenir cette médiation, et qu'elle fait jouer tous les ressorts de sa politique, pour se la procurer. J'ai même pénétré à peu près le vrai motif de ce grand empressement, et je ne veux pas vous le laisser ignorer. C'est que cette puissance est dans l'appréhension, que la Russie, immédiatement après la conclusion de sa paix avec la Porte, ne déclarât la guerre à la Suède, et que la France ne fût entraînée dans cette guerre par les liaisons intimes, qui subsistent entre elle et la Suède, et comme elle espère de se tirer cette épine du pied par la médiation, où elle ne manquerait alors pas de faire stipuler, que la Russie

---

только мы узнаемъ имена лицъ, поставленныхъ имъ во главѣ управленія, и успѣемъ ознакомиться съ ихъ чувствами и образомъ мыслей. Быть можетъ, ожидаемый маіоромъ Зегелинымъ отвѣтъ на его послѣднія предложенія прольетъ уже болѣе свѣта на вопросъ о томъ, на что̀ можно надѣяться или чего слѣдуетъ опасаться. Но такъ какъ, судя по послѣдней его депешѣ, новый султанъ хочетъ обсудить это дѣло съ великимъ визиремъ, то пройдетъ еще нѣкоторое время прежде чѣмъ можно будетъ узнать о результатахъ ихъ переговоровъ. Въ настоящую же минуту я весьма склоненъ подозрѣвать, что вѣнскій дворъ имѣлъ въ виду указать на одну только Францію, упоминая о другихъ державахъ въ томъ сообщеніи, которое, какъ видно изъ вышеупомянутой вашей депеши, возложено имъ на князя Лобковича, по предмету посредничества. Меня утверждаетъ въ моемъ подозрѣніи то обстоятельство, что Франція чрезвычайно желаетъ этого посредничества и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины своей политики съ цѣлью его достигнуть. Я даже почти угадалъ истинную причину такого усердія и не хочу скрывать ее отъ васъ. Дѣло въ томъ, что эта держава опасается, какъ бы Россія немедленно по заключеніи мира съ Портой не объявила войны Швеціи, причемъ Франція, въ силу существующихъ между ней и Швеціей союзныхъ обязательствъ, была бы также вовлечена въ эту войну, вслѣдствіе чего она стремится устранить эту опасность путемъ посредничества, которое дало бы ей возможность поставить условіемъ, что Россія по заключеніи мира не станетъ вмѣ-

ne se mêlerait plus des affaires de Suède après la paix. C'est au moment le résultat des recherches que j'ai faites à cet égard, et je ne crois pas me tromper dans mes conjectures.

Quant aux nouvelles, qu'on a reçues à la cour où vous êtes au sujet de la rebellion, elles m'ont fait à la vérité plaisir, mais elles ne remplissent pas encore tous mes voeux. Je voudrais plutôt, que vous fussiez bientôt à même, de m'annoncer, qu'elle est entièrement éteinte et une parfaite tranquillité rétablie dans ces cantons, car je ne saurais vous dissimuler que ces délais me font toujours appréhender, que l'esprit de sédition ne gagne tous les jours de terrain et ne prenne de nouvelles forces, ce qui, quoique sans beaucoup d'influence sur les affaires du dehors, ne laisserait cependant pas de causer différents nouveaux embarras dans l'intérieur et de distraire l'attention de la cour où vous êtes sur les affaires bien plus importantes qui sont actuellement sur le tapis, de sorte qu'à tous égards on peut bien dire, que cet intermède fâcheux n'aurait jamais pu arriver plus mal à propos.

(En clair). Au reste, je ne veux pas vous laisser ignorer une nouvelle scène, à laquelle l'opiniâtreté du magistrat de Dantzig vient de donner lieu, et dont voici le précis. Ce magistrat est obligé, selon une convention qui subsiste avec lui, de me délivrer tous les jeunes gens, qui, de crainte d'être enrôlés, désertent de leurs cantons et cherchent un asyle dans sa ville. Or,

---

шиваться въ дѣла Швеціи. Таковъ въ настоящую минуту результатъ сдѣланныхъ мною въ этомъ отношеніи разслѣдованій, и полагаю, что я не ошибаюсь въ своихъ заключеніяхъ.

Что же касается до извѣстій, полученныхъ при дворѣ, гдѣ вы находитесь, о ходѣ мятежа, они меня искренно порадовали, хотя еще не вполнѣ соотвѣтствуютъ моимъ желаніямъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы могли въ скоромъ времени сообщить мнѣ о совершенномъ его подавленіи и объ окончательномъ возстановленіи спокойствія въ этихъ губерніяхъ, ибо не могу отъ васъ скрыть, что эти отсрочки заставляютъ меня опасаться, чтобы духъ мятежа не распространялся съ каждымъ днемъ и не усилился бы, что, хотя бы не особенно повліяло на внѣшнія событія, но тѣмъ не менѣе причинило бы новыя затрудненія внутри Имперіи и отвлекло бы вниманіе двора, при которомъ вы находитесь, отъ гораздо болѣе важныхъ дѣлъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящую минуту, такъ что во всѣхъ отношеніяхъ можно сказать, что это прискорбное событіе никогда не могло явиться болѣе некстати.

(Нешифровано). Далѣе имѣю сообщить вамъ о новомъ происшествіи, вызванномъ упрямствомъ Данцигскаго магистрата и заключающемся въ слѣдующемъ. На основаніи существующей между нами конвенціи этотъ магистратъ обязанъ выдавать мнѣ всѣхъ молодыхъ людей, которые изъ опасенія рекрутства покидаютъ мѣстожительства и ищутъ убѣжища въ томъ городѣ. Такихъ бѣглецовъ оказалось значительное

il y en avait un bon nombre, qui avaient pris ce parti et que j'ai fait réclamer. Mais après le refus constant que le magistrat a fait de céder à mes instances, j'ai à la fin été forcé d'avoir recours aux voies de fait, et d'ordonner, qu'on enlevât de son territoire une pareille quantité, pour l'obliger à me faire rendre mes sujets fugitifs. Quoique je sois pleinement autorisé à une telle démarche par les tergiversations indécentes de ce magistrat de satisfaire à notre convention, je suis cependant persuadé, qu'elle occasionnera de nouvelles criailleries de sa part, et c'est pourquoi je suis bien aise de vous en exposer les motifs, afin de vous mettre à même de la justifier au cas qu'on vous en parle.

Sur ce je prie Dieu etc.

№ 802.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 24 de Mars. Berlin, le 12 Mars 1774.

J'ai reçu votre dépêche du 22 de Février.

(En chiffre). Les dernières nouvelles de Constantinople ne contiennent rien d'essentiel encore sur le jugement à porter des suites du changement de règne. Les premiers jours de cette révolution se sont passés dans les cérémonies de l'installation et du couronnement. Tout ce que l'on a pu recueillir sur le caractère du nouveau Sultan, c'est qu'il doit être fort haut

---

число и я ихъ потребовалъ обратно, но послѣ упорнаго отказа магистрата удовлетворить моимъ требованіямъ, я наконецъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ силѣ и приказалъ захватить на ихъ территоріи такое же число людей, дабы заставить выдать мнѣ обратно моихъ бѣжавшихъ подданныхъ. Хотя я имѣю полное право на подобную мѣру, вслѣдствіе неприличнаго уклоненія магистрата отъ выполненія условій нашей конвенціи, тѣмъ не менѣе я убѣжденъ, что мой образъ дѣйствій вызоветъ съ его стороны новыя жалобы, а потому я охотно изложилъ вамъ побужденія, мной руководившія, дабы вы имѣли возможность оправдать его въ случаѣ, если съ вами о немъ заговорятъ. Затѣмъ молю Бога и пр.

Отъ графа Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 24-го марта 1774 г. Берлинъ, 12-го марта 1774 г.

№ 802. Я получилъ вашу депешу отъ 22-го февраля.

(Шифровано). (Послѣднія извѣстія изъ Константинополя не заключаютъ еще ничего существеннаго относительно послѣдствій перемѣны царствованія. Первые дни послѣ этого событія прошли въ церемоніяхъ водворенія султана во дворцѣ и его коронованія. Все, что можно было узнать о характерѣ султана, заключается лишь въ

et nourri dans des idées gigantesques de la grandeur ottomane. Il s'est aussi montré libéral envers le peuple et ses largesses, mises en opposition avec la parcimonie de son prédécesseur, ont excité la joie de la multitude sur son avènement. Tout dépendra vraisemblablement par rapport à la paix ou à la guerre du maintien ou du renvoi du ministère. Une partie des ministres a déjà été congédiée, et le Reis Effendi aussi que le Caimacam paraissent menacés du même sort. Si leur éloignement arrive, la guerre pourrait bien traîner en longueur.

Les restes de l'ancienne confédération de Bar viennent de publier un nouveau manifeste contre tout ce qui s'est fait ou pourra encore se faire en Pologne et principalement contre les traités de cession. Cette démarche peut au fond nous paraître assez indifférente et n'est assurément pas de nature à pouvoir donner de l'inquiétude aux trois cours. Il serait cependant convenable que le Roi et le ministère de Pologne condamnassent ce libelle comme séditieux, et je ne doute pas que nos ministres ne l'exigent. Il est clair au reste que les confédérés n'ont fait cette démarche qu'à l'instigation de la France. Je l'ai même prévue sur quelques avis qui me sont venus des relations secrètes que cette puissance entretient avec les mécontents de Pologne, et toutes ses démarches se rapportent au même but. Je vois par les mêmes lettres de Constantinople, dont je vous ai parlé plus haut, qu'il y est arrivé nouvellement quelques officiers français d'artillerie, destinés

---

томъ, что онъ очень высокомѣренъ и воспитанъ въ широкихъ понятіяхъ объ оттоманскомъ величіи. Онъ выказалъ великодушіе относительно народа и его щедрость, столь противоположная скупости его предшественника, возбудила общую радость по поводу его восшествія на престолъ. Вѣроятно, вопросъ о войнѣ или мирѣ рѣшится сохраненіемъ или отставкой министерства. Нѣкоторые министры уже уволены и, повидимому, та же участь угрожаетъ Рейсъ-эффенди и каймакаму. Если ихъ удаленіе состоится, то легко можетъ случиться, что война продолжится. Оставшіеся члены прежней Баарской конфедераціи только что обнародовали новый манифестъ противъ всѣхъ мѣръ, уже принятыхъ или могущихъ быть принятыми въ Польшѣ, и въ особенности противъ всѣхъ трактатовъ по вопросу объ уступкахъ. Конечно, этотъ поступокъ можетъ въ сущности казаться намъ довольно безразличнымъ и не способенъ возбудить опасеній со стороны трехъ дворовъ. Тѣмъ не менѣе польскому королю и министрамъ слѣдовало бы осудить этотъ актъ какъ мятежный, и я не сомнѣваюсь, что наши министры этого потребуютъ. Впрочемъ, очевидно, что конфедераты рѣшились на это исключительно по наущенію Франціи. Я даже предвидѣлъ это обстоятельство по нѣкоторымъ извѣстіямъ, дошедшимъ до меня о тайныхъ сношеніяхъ, поддерживаемыхъ этой державой съ недовольными въ Польшѣ, причемъ всѣ ея происки клонятся къ одной и той же цѣли. Изъ тѣхъ же константинопольскихъ писемъ, о которыхъ мною упомянуто выше, я вижу, что туда недавно прибыло нѣсколько

sans doute à assister le chevalier Tott dans les mouvements qu'il se donne pour routiner les Turcs dans cette partie encore assez neuve pour eux de l'art militaire. D'un autre côté le colonel Adhemar, ayant passé par Varsovie à son retour de Pétersbourg, y a eu des pourparlers secrets avec le roi de Pologne et plusieurs polonais qui doivent avoir fait échauffer leurs esprits.

Par ordre exprès du roi.

№ 803.

Le roi au comte de Solms.

Reçu le 27 de Mars. Potsdam, le 15 de Mars 1774.

J'attends encore le déchiffrement de votre dépêche du 1 de ce mois, et je profite de cet intervalle, pour vous faire part de ce qui m'est revenu du nouveau manifeste, que les confédérés de Baar ont publié encore en dernier lieu. On n'a pas encore su m'en procurer une copie; mais on en sait assez, pour m'assurer positivement, que c'est une protestation réitérée contre tout ce qui a été fait et se fera encore par la confédération de Varsovie. Ils y réclament l'assistance de toutes les puissances et ils espèrent surtout, qu'il fera grande impression à la Porte. Vous vous rappellerez sans doute à cette occasion les nouvelles espérances, que le duc d'Aiguillon,

---

французовъ, офицеровъ артиллеріи, которые, вѣроятно, назначены въ помощь кавалеру Тоту въ его усиліяхъ обучить турокъ этому еще новому для нихъ отдѣлу военнаго искусства. Съ другой стороны, полковникъ Адемаръ, возвращаясь изъ Петербурга, имѣлъ въ Варшавѣ тайные переговоры съ королемъ польскимъ и нѣкоторыми поляками, которымъ это разгорячило головы.

По особому повелѣнію короля.

Отъ короля графу Сольмсу.

Получено 27-го марта 1774 г. Потсдамъ, 15-го марта 1774 г.

№ 803. Ожидаю, чтобы депеша ваша отъ 1-го текущаго мѣсяца была дешифрирована и пользуюсь этимъ временемъ для сообщенія вамъ полученныхъ мною извѣстій о новомъ манифестѣ, недавно составленномъ баарскими конфедератами. Мнѣ еще не доставлено съ него копіи, однако, о немъ уже знаютъ достаточно, чтобы положительно меня увѣрить, что это возобновленный протестъ противъ всего, что̀ сдѣлано и что̀ будетъ еще сдѣлано варшавской конфедераціей. Они обращаются къ помощи всѣхъ державъ и особенно надѣются произвести впечатлѣніе на Порту. По этому случаю вы, безъ сомнѣнія, припомните новыя обнадеживанія, коими угощалъ этихъ конфедератовъ герцогъ д'Эгильонъ, какъ я о томъ сообщалъ вамъ въ свое время. Но

selon des avis, que je vous ai communiqués en son temps, a régalé ces confédérés. Mais soit par sentiment d'impuissance, soit par quelque autre motif, on prétend aujourd'hui, que ce ministre a dit tant au comte Oginski, qu'au sieur Wilhourski, que, par certaines raisons, sa cour ne paraîtrait point dans le moment présent dans cette affaire, ainsi qu'elle avait cru pouvoir le faire d'abord. Ce dernier, quoiqu'il proteste n'avoir aucune part à ce manifeste, et qu'il ait renoncé au parti de ces confédérés par le recez, qu'il prétend avoir envoyé à Varsovie, n'a cependant pas pu s'empêcher d'excuser leur démarche, et il a allégué pour leur justification, qu'ils croyaient devoir faire encore ce dernier effort, pour se mettre à l'abri de tout reproche de la part de leur posterité, en assurant toutefois, qu'il était persuadé, qu'il apporterait tout aussi peu que les précédents quelque changement aux arrangements de la confédération de Varsovie. Quelque peu importantes que soient ces différentes anecdotes, vous pouvez cependant les porter à la connaissance du comte de Panin, ne fût-ce que pour ne lui laisser rien ignorer de tout ce qui me revient sur ce sujet.

(En chiffre). Je voudrais seulement, que ce ministre me fît éprouver le même empressement, pour soutenir mes droits incontestables contre la ville de Dantzig. Mais votre dépêche susmentionnée indique assez, qu'il lutte encore contre sa timidité naturelle et qu'il décline d'en parler à sa Souveraine. En attendant je ne saurais assez vous exprimer, combien j'applaudis aux représentations mâles et nerveuses, que vous lui avez faites à ce sujet,

---

по сознанію-ли своей слабости, или по какому иному побужденію министръ этотъ, какъ разсказываютъ въ настоящую минуту, громко высказалъ какъ графу Огинскому, такъ и г. Віельгорскому, что по нѣкоторымъ причинамъ дворъ его въ настоящую минуту не приметъ въ этомъ дѣлѣ того участія, которое первоначально входило въ его намѣренія. Послѣдній изъ этихъ лицъ, хотя отвергаетъ всякое содѣйствіе этому манифесту, увѣряя, что онъ отказался отъ конфедератовъ, о семъ и заявилъ рецессомъ въ Варшавѣ, однако, не могъ не извинить ихъ поступка, оправдывая ихъ тѣмъ доводомъ, что они считаютъ своимъ долгомъ сдѣлать это послѣднее усиліе во избѣжаніе упрековъ со стороны потомства, причемъ онъ высказалъ, впрочемъ, убѣжденіе, что эта попытка, подобно всѣмъ предшествовавшимъ, нисколько не повліяетъ на Варшавскую конфедерацію. Хотя эти различныя подробности и не имѣютъ особаго значенія, тѣмъ не менѣе вы можете сообщить ихъ графу Панину, чтобы ему было извѣстно все, что я слышу объ этомъ предметѣ.

(Шифровано). Я желалъ бы только, чтобы этотъ министръ заявилъ такуюже готовность для поддержанія моихъ неоспоримыхъ правъ противъ города Данцига. Но вышеупомянутая ваша депеша ясно доказываетъ, что онъ еще борется съ своей природной робостью и уклоняется отъ разговора о томъ съ своей Государыней. Въ ожиданіи этого, не могу высказать вамъ достаточно насколько я доволенъ твердыми и энергич-

et je me flatte qu'à la fin il cédera à la force des motifs, que vous lui avez allégués pour l'y engager. Mais, comme vous savez par une longue expérience, qu'on ne procède à la cour où vous êtes, que d'un pas extrêmement lent et mesuré dans les affaires, et que ce ministre vous a insinué de nouveau lui-même, qu'il ne fallait rien précipiter dans celle-ci, vous observerez aussi, de ne la point brusquer, et de vous borner à renouveler de temps en temps vos représentations, et à répéter à ce ministre tout ce que je vous ai suppédité dans mes ordres précédents, pour constater la justice de mes prétentions. De cette manière il se familiarisera plus avec mes idées, et sentira toujours mieux, que je ne saurais m'en départir, sans déroger à mes droits seigneuriaux, de sorte que j'ai tout lieu d'espérer, qu'à la fin il en sera lui-même si bien convaincu, qu'il ne se fera plus de peine, de les appuyer auprès de sa Souveraine. Le semestre, que la Russie à accordé à son résident à Dantzig, vient dans ces circonstances fort à propos. Cet homme ayant lui-même un commerce et ne consultant que l'intérêt des négociants, ne s'est guidé que par l'espérance du gain, et a fait toute son étude à offusquer dans ses rapports mes droits incontestables, de sorte que je suis bien aise de le voir éloigné pour un temps des affaires, et pour l'Angleterre je me flatte également de n'avoir plus tant à en appréhender. Après lui avoir fait sentir, que mes arrangements ne contenaient rien qui fût contraire à ses intérêts de commerce, j'espère l'avoir entièrement tranquillisé à cet

---

ными представленіями вашими по этому вопросу и надѣюсь, что наконецъ онъ уступитъ силѣ доводовъ, высказанныхъ вами съ этой цѣлью. Но, такъ какъ вамъ изъ долгаго опыта извѣстно, что при дворѣ, гдѣ вы находитесь, дѣла подвигаются лишь весьма медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ, и къ тому самъ министръ намекнулъ вамъ, что этимъ дѣломъ не слѣдуетъ торопиться, вы постараетесь безъ особой настойчивости лишь отъ времени до времени возобновлять ваши представленія, повторяя этому министру все высказанное мною въ предшествующихъ предписаніяхъ въ подтвержденіе справедливости моихъ требованій. Такимъ образомъ онъ болѣе освоится съ моими мнѣніями и убѣдится въ томъ, что я не могу отъ нихъ отказаться безъ ущерба моимъ владѣтельнымъ правамъ, и потому имѣю полное основаніе надѣяться, что въ заключеніе, придя къ подобному сознанію, онъ уже не затруднится поддержать мои требованія передъ своей Государыней. Отпускъ, данный Россіей своему резиденту въ Данцигѣ, является при настоящихъ обстоятельствахъ весьма кстати. Человѣкъ этотъ, занимаясь самъ торговлей и преслѣдуя лишь интересы негоціантовъ, увлекался корыстными цѣлями и всячески старался въ донесеніяхъ своихъ опровергать мои неоспоримыя права, а потому я чрезвычайно доволенъ, что онъ на время удаленъ отъ дѣлъ; относительно же Англіи я также надѣюсь, что не имѣю болѣе повода ее такъ опасаться. Давъ ей почувствовать, что мои дѣйствія ничѣмъ не противорѣчатъ интересамъ ея торговли, надѣюсь, что она совершенно успокоилась

égard, et il y a beaucoup d'apparence qu'elle ne s'opposera plus à l'accommodement que j'ai proposé. Il ne reste donc que le roi de Pologne et la France, qui soufflent encore le feu et animent le magistrat de cette ville, à ne se point prêter à mes propositions. Le premier, par la haine qu'il a prise contre moi, parce qu'il me regarde comme l'auteur du partage de son royaume, et la dernière, par l'espérance, dont elle se berce toujours, qu'en soutenant le magistrat dans son opiniâtreté, elle parviendra à la fin à susciter des brouilleries entre les trois puissances copartageantes, et le mal est, que je ne connais aucun moyen, de mettre ces deux opposants hors de jeu.

Au reste et pour ce qui est du rétablissement de la paix, il me semble à présent, que la cour de Vienne le désire elle-même et que son intention d'y coopérer est sincère, et la seule jalousie qui lui reste contre la Russie, c'est qu'elle appréhende, que le commerce, que celle-ci demande sur la mer Noire, ne porte un trop grand préjudice à celui qu'elle a établi elle-même sur le Danube avec la Porte.

Sur ce je prie Dieu etc.

№ 804.

Le comte de Finckenstein et le sieur de Hertzberg au comte de Solms.

Reçu le 27 Mars. Berlin, le 15 Mars 1774.

J'ai reçu votre dépêche du 25 de Février.

(En chiffre). Les insinuations dont, à ce que vous m'y marquez, le prince

---

и весьма вѣроятно не будетъ болѣе сопротивляться предложенному мной соглашенію. Слѣдовательно, остаются лишь король польскій и Франція, которые еще раздуваютъ огонь и возбуждаютъ магистратъ города не соглашаться на мои предложенія. Первый изъ нихъ дѣйствуетъ изъ личной ненависти ко мнѣ, видя во мнѣ виновника раздѣла его королевства, а послѣдняя льститъ себя надеждой, что посредствомъ поддержанія упрямства магистрата ей наконецъ удастся вызвать несогласія между тремя державами, участвовавшими въ раздѣлѣ; и бѣда въ томъ, что я не вижу никакого средства устранить этихъ противниковъ.

Что же касается до возстановленія мира, мнѣ кажется, что вѣнскій дворъ самъ желаетъ его и искренно намѣренъ ему содѣйствовать, и единственный поводъ къ зависти, сохраняемой имъ противъ Россіи, заключается въ опасеніи, чтобы требуемая ею торговля на Черномъ морѣ не нанесла слишкомъ большаго вреда торговлѣ между Австріей и Портой на Дунаѣ.

Затѣмъ молю Бога и пр.

Отъ гр. Финкенштейна и г. Герцберга графу Сольмсу.

Получено 27-го марта 1774 г. Берлинъ, 15-го марта 1774 г.

№ 804. Я получилъ вашу депешу отъ 25-го февраля.

(Шифровано). Предложенія, кои, какъ вы сообщаете въ ней, возложены на

Lobkowitz sera chargé au sujet des bons offices de sa cour par rapport à la paix, sont conformes à l'idée qu'on m'avait déjà donnée des ordres dont il serait chargé à cet égard. Mais il faut attendre, ainsi que je vous l'ai fait nouvellement observer, des nouvelles moins vagues que ne l'étaient les dernières de Constantinople pour juger des dispositions du nouveau Sultan et de ce que l'on peut en conséquence s'en promettre relativement à la pacification.

Je vois avec quelque plaisir par ce que vous me mandez des rapports du général Bibikoff que les cosaques rebelles ne gagnent point de terrain et que ce général donne toujours espérance d'en rendre bientôt un bon compte.

Mais ma satisfaction n'est point complète. Je ne vous dissimulerai point que cette affaire traîne trop pour ne pas me faire craindre que la rébellion n'ait jeté de racines plus profondes qu'on ne voudrait le faire croire à Pétersbourg. Ce fâcheux incident ne pouvait venir plus mal à propos et il me tarde infiniment d'apprendre que le feu de cette sédition ait été définitivement éteint.

Vous saurez déjà par mes ordres immédiats ainsi que par les lettres du sieur Reichardt la scène qui vient de se passer dans le territoire de Dantzig. Vous y aurez vu qu'elle a été uniquement occasionnée par le refus opiniâtre que le magistrat a fait de rendre, comme il y était obligé en vertu de la

---

князя Лобковича, по вопросу о вмѣшательствѣ его двора въ дѣло заключенія мира, вполнѣ тождественны съ тѣмъ, что я уже слышалъ о предписаніяхъ, данныхъ ему касательно этого вопроса. Но, какъ я уже замѣчалъ вамъ, необходимо обождать извѣстій менѣе неопредѣленныхъ, чѣмъ послѣднія, полученныя изъ Константинополя, чтобы судить о настроеніи новаго султана и о томъ, что можно на этомъ основаніи ожидать для заключенія мира.

Вижу съ удовольствіемъ изъ сообщаемаго вами мнѣ о донесеніяхъ генерала Бибикова, что мятежные казаки не дѣйствуютъ успѣшно и что генералъ этотъ продолжаетъ надѣяться въ скоромъ времени окончательно ихъ подчинить. Но я еще не совсѣмъ доволенъ. Не скрою отъ васъ, что дѣло это слишкомъ затягивается, чтобы не внушать опасеній, что мятежъ пустилъ болѣе глубокіе корни, чѣмъ хотятъ увѣрить въ Петербургѣ. Это прискорбное происшествіе не могло случиться болѣе некстати и я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о томъ, что пламя мятежа окончательно потушено.

Вамъ уже извѣстно, какъ изъ моихъ непосредственныхъ предписаній, такъ и изъ писемъ г. Рейхарта о томъ, что случилось въ Данцигѣ. Вы усмотрите, что случай этотъ былъ вызванъ исключительно упорнымъ отказомъ магистрата выдать, какъ къ тому его обязывала конвенція, заключенная имъ со мной четыре года тому назадъ,

convention conclue il y a quatre ans avec moi, les sujets cantonistes de mes états, qui se sont sauvés et refugiés dans la ville de Dantzig. Je m'attends aux clameurs que ce magistrat insolent va faire retentir à ce sujet et prévois que pour en imposer au public il voudra mêler cet incident avec les difficultés survenues entre nous depuis la prise de possession de la Pomerellie. Ce sont cependant deux affaires qui n'ont pas la moindre liaison entre elles. Je n'aurais jamais eu la moindre discussion avec la ville de Dantzig relativement à cette prise de possession, que je n'aurais cependant pas moins été en droit de réclamer en vertu de la susdite convention et même indépendamment de cette convention, simplement par le droit de souveraineté, aussi bien qu'en conséquence des anciennes conventions subsistant entre la Pologne et mes états, selon lesquelles les sujets fugitifs des deux états doivent être délivrés à celui qui les réclame, en vertu de tous ces titres dis-je, j'aurais été en droit de réclamer ceux de mes sujets qui se sont retirés en cette ville, et le refus obstiné du magistrat à remplir en cela ses engagements ne me laissant que la voie des représailles pour obtenir droit, les mesures auxquelles je me suis vu obligé de recourir se trouvent par là même pleinement justifiées.

Par ordre exprès du roi.

моихъ подданныхъ, подлежащихъ рекрутскому набору, которые убѣжали и спаслись въ городѣ Данцигѣ. Ожидаю жалобъ, которыми разразится по этому поводу этотъ дерзкій магистратъ, и предвижу, что, желая тѣмъ произвести впечатлѣніе на публику, онъ постарается пріурочить этотъ случай къ затрудненіямъ, возникшимъ между нами со времени взятія Померелія. Между тѣмъ эти два дѣла не имѣютъ между собой ничего общаго. Если бы я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго столкновенія съ городомъ Данцигомъ, по поводу этого вступленія во владѣніе, я тѣмъ не менѣе имѣлъ бы право требовать, на основаніи вышеупомянутой конвенціи и даже независимо отъ нея, просто какъ государь, а также вслѣдствіе старинныхъ конвенцій, существующихъ между Польшей и моимъ государствомъ, въ силу которыхъ бѣглые подданные обѣихъ странъ должны быть выдаваемы требующему ихъ, на основаніи всѣхъ этихъ правъ, говорю я, я бы могъ требовать своихъ подданныхъ, удалившихся въ этотъ городъ, а такъ какъ упорный отказъ магистрата, выполнить въ этомъ случаѣ свои обязательства, предоставилъ мнѣ лишь путь насильственныхъ мѣръ для достиженія справедливости, то дѣйствія, къ коимъ я былъ вынужденъ прибѣгнуть, являются черезъ это вполнѣ законными.

По особому повелѣнію короля.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

ролю шведскому, съ цѣлію заставить его отказаться отъ проектовъ измѣнить образъ правленія, 221; неприятныя извѣстія изъ Швеціи, 242; его мнѣніе относительно возстановленія въ Швеціи прежней формы правленія 1720 года, 244; революція въ Швеціи его безпокоитъ, 245; имп. Екатерина II желаетъ знать его мнѣніе о переворотѣ и предлагаетъ ему сдѣлать относительно Швеціи военныя демонстраціи, 250; 251; сообщеніе Сольмса о взглядѣ русскаго двора на переворотъ въ Швеціи, 261—263; мнѣніе короля о политической системѣ Швеціи раздѣляется въ Россіи, 276; въ случаѣ войны Россіи съ Швеціею онъ намѣренъ помогать первой изъ нихъ, 288; желаетъ знать отвѣтъ русскаго двора на декларацію Швеціи по голштинскому вопросу, 483.

По отношенію къ Турціи. Кор. Фридрихъ II называется «большимъ пріятелемъ» турокъ, 25; инструкціи Зегелину, 75; сообщаетъ гр. Сольмсу о несогласіи турокъ признать независимость крымскихъ татаръ, 189, 190; желаетъ, чтобы гр. Орловъ заключилъ миръ съ Турціей, 240; надѣется на удачное окончаніе переговоровъ въ Фокшанахъ, 245; желаетъ содѣйствовать миру, 339—344; и скорѣйшему заключенію его, 427; 431; 436; 437; 468; 482; 488; 510; 517; 542; 543, 550; но опасается соперничества другихъ дворовъ, 489; даетъ, безъ вѣдома импер. Екатерины II, инструкціи Зегелину; гр. Панинъ встревоженъ этимъ, 496—498; надѣется, что Порта поспѣшитъ согласиться на миръ съ Россіей; доволенъ военными успѣхами русскихъ, 399; 403; 408; по его мнѣнію Порта употребитъ все свое рвеніе, чтобы достичь мира съ Россіей, 403; полагаетъ, что Россіи не слѣдуетъ препираться изъ за мелочей, если турки соглашаются на предложеніе Зегелина, 416; сдѣлалъ новыя предложенія Портѣ относительно мира съ Россіей, 450; имѣетъ основаніе думать, что Порта желаетъ мира и совѣтуетъ имп. Екатеринѣ II вести переговоры безъ всякаго посредничества, не исключая и Англіи, 459; опасается, что смерть султана повредитъ мирнымъ переговорамъ Россіи съ Портою, 506; 509; старается узнать настроеніе новаго султана, 540; не знаетъ, какъ будутъ приняты новыя внушенія его Портѣ, сдѣланныя чрезъ Зегелина, 515; ожидаетъ извѣстій изъ Константинополя, чтобы судить о намѣреніяхъ новаго султана, 517; совѣтуетъ уступить въ вопросѣ о Черномъ морѣ и о независимости татаръ, 525; гр. Панинъ убѣжденъ, что заявленіе Франціи объ участіи, принимаемомъ ею въ дѣлахъ Порты, не можетъ повліять на кор. Фридриха II, 545; по его мнѣнію султанъ не поторопится заключить миръ съ Россіей, 556; его отзывъ о султанѣ Абдулъ-Гамидѣ, 559—560; по его мнѣнію, прежде возбужденія вопроса о посредничествѣ вѣнскаго двора въ заключеніи мира Россіи съ Портою, слѣдуетъ обождать извѣстій о настроеніи новаго султана, 565.

По отношенію къ Англіи. Опасается недоброжелательнаго отношенія Англіи къ раздѣлу Польши, 207; ставитъ на видъ гр. Сольмсу козни британскаго министерства въ данцигскомъ вопросѣ, 404; интригами Англія объясняетъ колебаніе Екатерины II въ рѣшеніи данцигскаго вопроса, 408; Англія, по его мнѣнію, должна быть устранена отъ посредничества въ дѣлѣ заключенія мира Россіи съ Портою, 459; сообщаетъ гр. Сольмсу объ англійскихъ интригахъ въ данцигскомъ дѣлѣ, 543; не опасается протеста Англіи по данцигскому дѣлу, 563.

По разнымъ вопросамъ и отношенія его къ нѣкоторымъ лицамъ. Намѣ-

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
3	6 сверху	заключенію мира	перемирію
5	10 »	Свитена	Паннна
11	1 »	изъ Вѣны	въ Вѣну
—	4 »	князь Голицынъ	графъ Панинъ
17	10 снизу	можду	между
42	7 сверху	контпроэктомъ	контрпроэктомъ
44	9 »	Коуницу	Кауницу
105	6 »	министроми	министрами
286	5 снизу	Луковское	Луцкое

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ СЕМИДЕСЯТИ ОДНОГО ТОМА СБОРНИКА

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Томъ IX. 1, Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ, 1782 г. Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ; документы эти напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. 2, Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ Великою Княжною Александрою Павловною. 3, Переписка гр. П. А. Румянцова съ гр. Н. И. Панинымъ, въ 1765 и 1771 гг. 4, Письма кн. А. А. Чарторижскаго къ Н. Н. Новосильцеву. 5, Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову) .... Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги им. Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ М. И. Д., съ 1765—1771 г. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія академикомъ Пекарскимъ. Часть II .... Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ, Н. В. Калачевымъ и извлеченные изъ архива Прав. Сената. Всѣхъ документовъ свыше 600. Собраны и изданы академикомъ А. Ө. Бычковымъ .... Цѣна 3 р.

Томъ XII. Дипломатическая переписка Англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ Англійскаго Государств. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть I .... Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги им. Екатерины II, хран. въ Госуд. архивѣ. М. И. Д., съ 1771 — 1774 г., изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Часть III .... Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III .... Цѣна 3 р.

Томъ XV. 1, Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. 2, Донесенія барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 3, Бумаги князя Репнина, за время константинопольскаго посольства .... Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина, за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ .... Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка императрицы Екатерины II съ Фальконетомъ... Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 іюля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ө. Штендманомъ. Часть I .... Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка Англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено изъ Англійскаго Государств. архива и архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть II. .... Цѣна 3 р.

Томъ XX. 1, Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. 2, Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. 3, Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено Имперскимъ Канцлеромъ Княземъ Бисмаркомъ и Госуд. Канцлеромъ Княземъ А. М. Горчаковымъ. 4, Собственноручныя письма Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (въ послѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 5, Письма Великаго Князя Павла Петровича (въ послѣдствіи императора Павла I) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 6, Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. 7, Записка Государственнаго Секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. 8, Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ 17-го Марта 1877 года, въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 9, Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гротомъ .... Цѣна 3 р.

Томъ XXI. 1) Донесенія А. И. Чернышева им. Александру I., 1810 и 1811 гг., 2. Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1811 г. 3) Письма А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцову, 1809 г. 4) Донесенія Им. Александру I кн. А. Б. Куракина, 1811 и 1812 гг. 5) Донесенія кн. А. Б. Куракина канцлеру Н. П. Румянцову. 1811 и 1812 гг. 6) Письмо графа П. А. Шувалова им. Александру I, 1811 г. 7) Донесенія бар. Сухтелена им. Александру I, 1812 г. Сообщено А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ Гос. архива въ С.-Петербургѣ. 8) Отчетъ о дѣлахъ 1810 г., представленный им. Александру I, М. М. Сперанскимъ. Сообщено А. Ө. Бычковымъ .... Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ: 1, Донесенія гр. Сольмса Фридриху II, и отвѣты короля, съ 1763 по 1766 г.; 2, Шесть приложеній къ донесенію гр. Сольмса королю, отъ 15 (26) октября 1766 г., № 270. Сообщено изъ Берлинскаго Госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. Ө. Штендмана. Часть I .... Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма им. Екатерины II барону Мельхіору Гримму. Сообщ. изъ Государ. архива Мин. Ин. Дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. академикомъ Я. К. Гротомъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію, въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ Нидерландскаго Государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ .... Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петровича Шереметева, съ 1704—1718 г., и другія бумаги. Съ портретомъ им. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ. Цѣна 3 р.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1747—1787 гг. Томъ I.. Цѣна 3 р.

Томъ XXVII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящ. въ государ. архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ; съ 1774 по 1788 г. Собраны академ. Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV.. Цѣна 3 р.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. I.. Цѣна 3 р.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ 2-мя гравюрами и планомъ. 1788 — 1799 гг. Томъ II.. Цѣна 3 р.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I.. Цѣна 4 р.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. II... Цѣна 4 р.

Томъ XXXII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Собраны и напеч. подъ наблюд. проф. В. И. Сергѣевича. Часть IV.. Цѣна 3 р.

Томъ XXXIII. 1, Письма барона Мельхіора Гримма къ импер. Екатеринѣ II, съ приложеніями. 2, Письма Эрнеста — Іоганна Бирона посланнику гр. Герману Кейзерлингу. 3, Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ примѣчаніями.......................... Цѣна 3 р.

Томъ XXXIV. Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при Русскомъ дворѣ; повелѣнія правительства и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ, наход. во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Парижѣ. Напечатано подъ наблюденіемъ А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Г. Ѳ. Штендмана. Часть I-ая.. Цѣна 3 р.

Томъ XXXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею въ царствованіе Вел. Кн. Ивана Васильевича, съ 1487 года. Напечатано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Томъ I.. Цѣна 3 р.

Томъ XXXVI. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть V.. Цѣна 2 р.

Томъ XXXVII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при Русскомъ дворѣ. Сообщ. изъ Берлинскаго Государ. архива. Томъ изданъ подъ наблюд. Г. Ѳ. Штендмана. Часть II........................ Цѣна 3 р.

Томъ XXXVIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Англіею. Съ 1581 по 1604 годъ. Изданъ подъ наблюден. К. Н. Бестужева-Рюмина. Томъ II.. Цѣна 3 р.

Томъ XXXIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1704 — 1708 г. Сообщено изъ Англійскаго Государственнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Часть III.. Цѣна 3 р.

Томъ XL. Дипломатическая переписка французскихъ посланниковъ и агентовъ при Русскомъ дворѣ, съ 1719—1723 г. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана Ч. II. Цѣна 3 р.

Томъ XLI. Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ азіятскими народами, Крымомъ, Казанью, Ногайцами и Турціею, за время Великихъ Князей Іоанна III и Василія Іоанновича. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Томъ III.............. Цѣна 3 р.

Томъ XLII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящ. въ госуд. архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, съ 1788 по 1796 гг. Собраны академикомъ Я. К. Гротомъ и напечатаны подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть V.. Цѣна 3 р.

Томъ XLIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Часть VI.. Цѣна 3 р.

Томъ XLIV. Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II. Напечат. подъ наблюденіемъ члена совѣта Я. К. Грота.. Цѣна 3 р.

Томъ XLV. Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ, Т. II.......... Цѣна 3 р.

Томъ XLVI. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть II.. Цѣна 3 р.

Томъ XLVII. Бумаги посланника Я. И. Булгакова съ 1779 — 1798. Рескрипты императрицы генераламъ Коховскому и Кречетникову и донесенія ихъ императрицѣ. Томъ изданъ Н. Ѳ. Дубровинымъ.. Цѣна 3 р.

Томъ XLVIII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1762 — 1764 г. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго. Часть I.. Цѣна 3 р.

Томъ XLIX. Донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722 — 1724 г., Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Ч. III...Цѣна 3 р.

Томъ L. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1708 — 1712 гг. Сообщено изъ Англійскаго госуд. архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть IV...Цѣна 3 р.

Томъ LI. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, съ 1764 — 1766 г. Часть II. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ, при содѣйствіи магистра Ульяницкаго...Цѣна 3 р.

Томъ LII. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Ч. IV.........Цѣна 3 р.

Томъ LIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 2 р.

Томъ LIV. Переписка герцога Ришелье съ Императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами. — Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова......Цѣна 3 р.

Томъ LV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726 — 1730 г. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Ч. I. (Февраль—іюль 1726 г.)..........Цѣна 3 р.

Томъ LVI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, 1726 — 1730 г. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина. Ч. II. (Іюль—декабрь 1726 г.).........Цѣна 3 р.

Томъ LVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, съ 1766—1767 г. Ч. III. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ при содѣйствіи магистра Ульяницкаго...Цѣна 3 р.

Томъ LVIII. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. (Ч. V). Цѣна 3 р.

Томъ LIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1533—1560 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 3 р.

Томъ LX. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго Словаря. Часть I. А—Л.................................... Цѣна 3 р.

Томъ LXI. Дипломатичеекая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1712—1719 г. Сообщено изъ Англійскаго государственнаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть V.................................... Цѣна 3 р.

Томъ LXII. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для составленія Русскаго Біографическаго Словаря. Часть II. М—Ѳ..............................Цѣна 3 р.

Томъ LXIII. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ 1 января по конецъ іюня 1727 года. Часть III. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина.. Цѣна 3 р.

Томъ LXIV. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ, Кампредона, и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна, за 1726 и 1727 г. по 7 мая. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана.................................... Цѣна 3 р.

Томъ LXV. Дипломатическіе акты, изъ архива князя Репнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г., изданные профессоромъ Ф. Ф. Мартенсомъ. .... Цѣна 3 р.

Томъ LXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1728 — 1733 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. VI...Цѣна 3 р.

Томъ LXVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II съ 1767 — 1768 гг. Ч. IV. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго...Цѣна 3 р.

Томъ LXVIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Ч. VII...Цѣна 3 р.

Томъ LXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, съ 1 іюля по конецъ декабря 1727 г. Ч. IV. Изданы подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина.........Цѣна 3 р.

Томъ LXX. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Ч. I, 1800 — 1802 гг. Изданы подъ редакціею А. С. Трачевскаго..............Цѣна 3 р.

Томъ LXXI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1560—1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова. Цѣна 3 р.

Къ каждому тому Сборника приложенъ азбучный указатель личныхъ именъ.

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

73

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ редакціею дѣйствительнаго члена Н. Ѳ. Дубровина.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

БУМАГИ

ГРАФА АРСЕНІЯ АНДРЕЕВИЧА

ЗАКРЕВСКАГО.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Письма князя Петра Михайловича Волконскаго къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1852 гг.

II. Письма Арсенія Андреевича (впослѣдствіи графа) Закревскаго къ князю Петру Михайловичу Волконскому.

1820—1830 гг.

III. Письма Алексѣя Петровича Ермолова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812–1828 гг.

IV. Письма графа Феодора Васильевича Растопчина къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1824 гг.

V. Письма графа (впослѣдствіи князя) Михаила Семеновича Воронцова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1826 гг.

VI. Письма Дениса Васильевича Давыдова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1831 гг.

VII. Письма Ивана Васильевича Сабанѣева къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1828 гг.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка сверху.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
24	31	Чадаевымъ	Чаадаевымъ
153	8	Кремковскій	Кремповскій
163	24	Княжинъ	Княжнинъ
362	31	Ожеровскій	Ожаровскій.
474	3	1812—1825	1812—1826

Въ началѣ 1889 года князь Друцкой-Соколинскій поднесъ Его Императорскому Величеству фамильныя бумаги, оставшіяся послѣ смерти графа Арсенія Андреевича Закревскаго.

Государю Императору угодно было возложить разсмотрѣніе этихъ бумагъ на предсѣдателя Императорскаго русскаго историческаго общества, А. А. Половцова, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ интересъ и не появлялись еще въ печати, были помѣщены на страницахъ Сборника.

Согласно сему издается нынѣ подъ редакціею члена общества Н. Ѳ. Дубровина настоящій томъ бумагъ графа Закревскаго.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

о жизни графа Арсенія Андреевича Закревскаго,

составленная княземъ **Д. В. Друцкимъ-Соколинскимъ.**

Въ сентябрѣ 1864 года покойный графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій передалъ мнѣ въ Италіи, въ нашемъ имѣніи Гальчето (въ 4 верстахъ отъ города Прато въ Тосканѣ), цѣлый сундукъ писемъ и бумагъ всякаго рода, которыя накопились у него за всю его жизнь. Предполагалось весною 1865 года, когда графъ вернется въ Гальчето, что я займусь, по его указаніямъ и съ помощью имѣющихся документовъ, писаніемъ его записокъ, такъ сказать, подъ его диктовку. Предположенію этому не суждено было осуществиться. Въ ноябрѣ 1864 года графъ переѣхалъ во Флоренцію и тамъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ скончался.

Графъ Закревскій происходилъ отъ стариннаго дворянскаго рода. Родился онъ 13 сентября 1786 года, Тверской губерніи, Зубцовскаго уѣзда, въ родовомъ имѣніи Берниковѣ. Дѣдъ его, Иванъ Андреевичъ, служилъ въ арміи подполковникомъ, былъ женатъ на Аннѣ Ильинишнѣ Лутковской; отецъ, отставной поручикъ Андрей Ивановичъ, былъ женатъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Солнцевой. Послѣ смерти графа, въ 1865 году, родовое имѣніе его было подарено наслѣдницами, женою и дочерью, его племянникамъ, дѣтямъ единственнаго брата, Ивана Андреевича Закревскаго.

Въ 1795 году девятилѣтній Арсеній Закревскій поступилъ въ Шкловскій кадетскій корпусъ, перемѣщенный потомъ въ г. Гродно. 19-го ноября 1802 года онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ, расположенный тогда въ западныхъ губерніяхъ. По разсказамъ графа, онъ еще засталъ въ арміи старинную форму; носилъ букли, пудру и въ строю имѣлъ эспантонъ въ рукахъ. Начало его службы было тяжелое; приходилось жить въ грязной, кур-

ной литовской избѣ и питаться исключительно яйцами. Помню, разъ въ Ивановскомъ онъ самъ изготовилъ яичницу такъ, какъ онъ ее дѣлалъ въ началѣ своей службы, и могу засвидѣтельствовать что это блюдо было очень вкусно.

Мирная стоянка въ курныхъ избахъ продолжалась недолго; скоро подпоручикъ (произведенъ въ 1804 г.) Закревскій вступилъ въ боевую жизнь. Первое сраженіе, въ которомъ онъ участвовалъ, было 10-го ноября 1805 г. при вытѣсненіи непріятеля изъ мѣстечка Раузница, а десять дней спустя, 20-го ноября, онъ принималъ участіе въ битвѣ подъ Аустерлицемъ, за каковую и получилъ Анну 3-й, что нынѣ 4-й степени.

Шефомъ Архангелогородскаго полка передъ кампаніей 1805—1807 годовъ былъ молодой графъ Николай Михайловичъ Каменскій 2-й, сынъ извѣстнаго екатерининскаго фельдмаршала. По Высочайшему повелѣнію шефы полковъ обязаны были находиться при своихъ полкахъ и ими дѣйствительно командовать. Во время отступленія тотчасъ послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ, шефъ полка замѣтилъ хладнокровіе, находчивость и распорядительность подпоручика Закревскаго, результатомъ чего было назначеніе его въ томъ же году баталіоннымъ адъютантомъ; въ слѣдующемъ (8 іюля) 1806 году онъ былъ уже полковымъ. Близкое знакомство шефа съ молодымъ офицеромъ рѣшило участь послѣдняго. Когда графъ Каменскій былъ произведенъ въ бригадные командиры, то Закревскій былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ (14 апрѣля 1807 года), и это званіе при своемъ начальникѣ сохранилъ во все время до самой смерти графа Каменскаго, т. е. до 1811 года.

Кампанія 1805—1807 г. была особенно тяжелая по военнымъ дѣйствіямъ въ зиму 1806 — 1807 годовъ. Закревскій участвовалъ во всѣхъ трудныхъ походахъ этой зимней кампаніи и былъ въ двухдневномъ большомъ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау (26-го и 27-го января 1807 г.), за что пожалованъ золотымъ знакомъ отличія, въ память сей битвы установленномъ, а затѣмъ былъ въ составѣ того отряда, который былъ посаженъ 26-го апрѣля 1807 г. въ Пиллау на англійскіе корабли и перевезенъ къ Данцигу. За сраженіе при крѣпости Вейксельмюнде онъ былъ награжденъ прусскимъ орденомъ Pour le mérite. 8-го іюля 1807 года бригада графа Каменскаго возвратилась въ Россію, но не надолго: 23-го февраля 1808 года она была уже въ Финляндіи при осадѣ и взятіи Свеаборга.

Въ финляндскую кампанію 1808 — 1809 гг., оконченную графомъ Каменскимъ уже въ качествѣ главнокомандующаго, Закревскій, оставаясь его адъютантомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ его

канцеляріи. Съ 1808 года начинаются тѣ письменные документы, которые хранятся въ нашемъ архивѣ. За 1808—1811 года они интересны какъ относящіеся до дѣятельности графа Каменскаго, такъ какъ исключительно содержатъ его распоряженія, писанныя рукою А. Закревскаго. Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ нѣтъ біографіи графа Николая Михайловича, жизнь котораго представляетъ своего рода романическую изъ ряда вонъ выходящую окраску. Молодой, красивый, блестящій человѣкъ дѣлается главнокомандующимъ арміей, ведетъ дѣло успѣшно при трудныхъ обстоятельствахъ, одерживаетъ славныя побѣды и вдругъ умираетъ какъ-то таинственно. Ученикъ Суворова (графъ Каменскій участвовалъ въ славной италіанской кампаніи 1799 года), онъ угасаетъ, не высказавшись вполнѣ, если такъ можно выразиться, и во всякомъ случаѣ не осуществивъ тѣхъ надеждъ, которыя возбуждалъ, и именно въ такое время, когда это осуществленіе было всего болѣе необходимо для Россіи. Графъ Закревскій до конца своей жизни боготворилъ своего перваго начальника; по его словамъ, графъ Каменскій былъ геніальный полководецъ, которому не было равнаго между генералами той эпической эпохи нашей исторіи. Онъ всегда положительно увѣрялъ, что таково было мнѣніе Наполеона I, которое тотъ высказывалъ какъ во время любезностей тильзитскаго свиданія, такъ впослѣдствіи, въ Парижѣ, неоднократно, послѣ финляндской кампаніи. Графъ Закревскій не разъ мнѣ повторялъ это мнѣніе Наполеона и всегда въ тѣхъ же одинаковыхъ выраженіяхъ, а потому привожу его здѣсь.

Въ 1808 году, 22-хъ лѣтъ, капитанъ Закревскій (произведенъ въ этотъ чинъ 12 декабря 1808 г., за отличіе при сраженіи у Оровайса) былъ начальникомъ канцеляріи главнокомандующаго русской арміи въ Финляндіи. За сраженія при Сарвикѣ, Кауртанѣ и Сальме, происходившія съ 18-го по 21-е августа, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. За сраженіе съ 7 по 9 августа 1809 г., въ предѣлахъ шведскаго королевства, въ Вестерботніи при Зеерарѣ и у гавани Ратанъ, за особое отличіе онъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость».

Вскорѣ послѣ окончанія военныхъ дѣйствій въ Финляндіи графъ Каменскій 2-й былъ назначенъ главнокомандующимъ русской арміей въ Молдавіи. При новомъ назначеніи своего начальника А. А. Закревскій сохранилъ при немъ свое прежнее мѣсто управляющаго его канцеляріей и сопровождалъ его изъ Петербурга въ армію. По дорогѣ они заѣхали къ отцу графа Каменскаго, жившему тогда постоянно въ деревнѣ. Старикъ фельдмаршалъ принялъ ихъ радушно, но съ нѣкоторымъ це-

ремонным достоинством, часто встрѣчавшимся тогда у людей XVIII вѣка, даже въ семейныхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, во время краткаго пребыванія сына, онъ поручилъ молодому главнокомандующему повѣрить подворную опись села, въ которомъ жилъ. Побѣдитель шведовъ повиновался безпрекословно отцовскому приказанію и, въ сопровожденіи своего адъютанта, обходя всѣ избы, собственноручно сдѣлалъ необходимыя отмѣтки на описи.

Въ 1810 году за отличіе въ сраженіи при Шумлѣ Закревскій былъ произведенъ въ маіоры (28 іюля). Никогда прежде не получившій ни малѣйшей царапины, не смотря на то что не разъ бывалъ въ жаркомъ бою, тутъ при штурмѣ Рущука онъ былъ контуженъ дважды въ лѣвую руку и въ лѣвую же ногу; но не смотря на это остался при исполненіи своихъ обязанностей. За это, а также за отличіе въ Батинской битвѣ, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса.

Въ 1811 году графъ Каменскій скончался. Смерть загадочная, странная, необъяснимая обыкновенными причинами. Молодой еще человѣкъ, съ небольшимъ тридцати лѣтъ, здоровый, крѣпкій, перенесшій не мало лишеній, закаленный, вдругъ при лучшихъ условіяхъ жизни, безъ всякой болѣзни, слабѣетъ и въ короткое время угасаетъ. Не разъ Закревскій высказывалъ мнѣ категорически, что графъ Каменскій былъ отравленъ. Передаю вслѣдствіе сего вкратцѣ его слова.

Въ Бухарестѣ графъ Каменскій счелъ необходимымъ сдѣлать визитъ представителю Франціи, съ которой мы тогда наружно были еще въ тѣсной дружбѣ. Окруженный конвоемъ и блестящей свитой отправился онъ къ французскому консулу. Пріемъ былъ чрезвычайно почетный, чашку чаю главнокомандующему подала съ глубокимъ поклономъ сама жена консула. Не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ онъ выпилъ эту чашку, какъ съ нимъ сдѣлалось дурно и онъ вынужденъ былъ поспѣшно удалиться. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого визита графъ Каменскій на столько ослабѣлъ, что отказался отъ командованія арміей и въ сопровожденіи Закревскаго уѣхалъ въ Одессу, гдѣ на его рукахъ и скончался.

Не задолго передъ своей смертью онъ передалъ Закревскому собственноручное письмо Государю Императору съ приказаніемъ тотчасъ по его кончинѣ передать это письмо лично по назначенію. Арсеній Андреевичъ въ точности исполнилъ послѣднее приказаніе своего начальника. Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ вообще очень любезно, особенно бывшимъ тогда военнымъ министромъ, Барклаемъ де Толли, знав-

шимъ его по финляндской кампаніи. Безъ всякихъ его просьбъ ему было обѣщано скорое назначеніе; но время уходило и ни о какомъ назначеніи не было слышно. Проживъ въ Петербургѣ болѣе мѣсяца безъ дѣла, одинокій и нравственно разбитый только-что перенесенной утратой, въ которой онъ видѣлъ потерю всей своей будущности, Закревскій счелъ себя забытымъ и пришелъ къ убѣжденію, что ему ничего другого не остается какъ бросить службу и навсегда уѣхать въ деревню. Со всегдашней своей рѣшительностью онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Отвѣтомъ на это прошеніе было назначеніе его адъютантомъ къ военному министру (12-го декабря 1811 года), а 30 января 1812 года онъ былъ произведенъ въ подполковники съ переводомъ изъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка въ лейбъ-гвардіи Преображенскій и съ оставленіемъ въ прежней должности. 13-го февраля того же года онъ былъ произведенъ въ полковники, а 21-го марта Высочайшимъ указомъ даннымъ Правительствующему Сенату назначенъ директоромъ особенной канцеляріи при военномъ министрѣ.

Съ этимъ назначеніемъ начинается, такъ сказать, вторая часть служебной карьеры А. А. Закревскаго. Сдѣлавшись приближеннымъ человѣкомъ той исторической личности, которой вскорѣ предстояло играть выдающуюся роль въ столь важныхъ событіяхъ, молодой полковникъ пріобрѣталъ возможность выказать вполнѣ свои способности. Обстоятельства дѣйствительно слагались выгодно для него; но однимъ счастливымъ сочетаніемъ обстоятельствъ невозможно объяснить дальнѣйшую карьеру Закревскаго. Было же, вѣроятно, что-нибудь и другое, помимо счастья, которое помогло ему не только удержаться въ достигнутомъ положеніи, но идти далѣе и выше.

Весной 1812 года Закревскій сопровождалъ Барклая-де-Толли въ западную армію, коей тотъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, и ему выпала печальная обязанность объявить Государю Императору Александру Павловичу о переходѣ войскъ Наполеона черезъ русскую границу. Затѣмъ, какъ директоръ канцеляріи главнокомандующаго, онъ участвовалъ въ двухдневномъ бою подъ Смоленскомъ (4-го и 5-го августа), въ дѣлѣ подъ Гедеоновымъ и Бредихинымъ (7-го августа) и, наконецъ, въ славномъ для русскаго оружія сраженіи подъ Бородинымъ (24-го и 26-го августа). За послѣднее онъ былъ нагржденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

Наканунѣ бородинскаго сраженія, Барклай-де-Толли, графъ Кутайсовъ и полковникъ Закревскій ночевали вмѣстѣ, въ одной крестьянской избѣ. По словамъ послѣдняго, Барклай былъ очень грустенъ, чуть не

всю ночь писалъ и только къ утру, запечатавъ и положивъ въ карманъ написанное,—немного подремалъ. Графъ Кутайсовъ, столь любимый всей арміей, которая считала его однимъ изъ лучшихъ, боевыхъ, молодыхъ генераловъ, былъ, напротивъ, веселъ, разговорчивъ, шутливъ, нисколько не предвидя предстоящаго ему на завтра печальнаго конца. Во время самаго сраженія Барклай, очевидно, искалъ смерти и не разъ Закревскій чуть не силой выводилъ его изъ убійственнаго огня, которому онъ подвергался безъ всякаго основанія, совершенно даромъ; однако, оба остались невредимы.

Послѣ извѣстнаго историческаго совѣщанія въ Филяхъ, А. А. Закревскій вмѣстѣ съ докторомъ Баталинымъ сопровождалъ Барклая-де-Толли объѣзднымъ путемъ въ его новгородское имѣніе. Здѣсь во Владимірской губерніи на одной изъ почтовыхъ станцій случилось съ ними обстоятельство, которое не имѣло печальнаго исхода, только благодаря энергіи Закревскаго. Барклай во время всего путешествія былъ угрюмъ, молчаливъ и казался совершенно безучастнымъ ко всему тому, что вокругъ него происходило. Онъ машинально, такъ сказать, повиновался своему адъютанту, который всѣмъ распоряжался. На этой станціи вслѣдствіе-ли праздничнаго дня, или по другой причинѣ, народъ былъ въ сборѣ; когда узнали кто ѣдетъ, толпа собралась вокругъ станціоннаго дома и послышались зловѣщіе крики. Народъ не хотѣлъ выпускать измѣнника, а собирался удержать его. Къ счастію, лошади были уже запряжены; съ саблей въ рукахъ Закревскій проложилъ дорогу своему начальнику и заставилъ ямщика ѣхать.

По пріѣздѣ къ себѣ въ имѣніе, Барклай-де-Толли отдалъ своему адъютанту письмо съ порученіемъ лично отдать его Государю Императору Александру Павловичу. Во второй разъ, почти ровно черезъ годъ, въ жизни Закревскаго передача. письма играетъ важную, рѣшающую роль. Государь былъ милостивъ къ нему; лично поздравилъ его флигель-адъютантомъ (Высочайшій приказъ 3-го декабря 1812 г.) и высказалъ ему желаніе, чтобы онъ завтра же на выходѣ явился въ мундирѣ своей новой должности.

Графу несказанно хотѣлось исполнить волю Государя, а еще болѣе вѣроятно, поскорѣе надѣть блестящій флигель-адъютанскій мундиръ; но никто изъ извѣстныхъ, лучшихъ въ то время, въ Петербургѣ портныхъ не брался его сшить. Тогда графъ рѣшился обратиться къ портному Государя, старику раскольнику, очень своеобразнаго и независимаго характера, который отъ незнакомыхъ ему и особенно отъ молодыхъ офицеровъ не принималъ заказовъ. Выслушавъ просьбу,

онъ улыбнулся и сказалъ ему: «Хорошо, будь спокоенъ, завтра все будетъ готово, но знай, не для тебя это дѣлаю, а въ память бывшаго твоего начальника, графа Каменскаго, который славно поработалъ матушкѣ Россіи».

Отдыхъ, которому, по милостивому выраженію Государя Императора, могъ предаваться молодой полковникъ флигель-адъютантъ Закревскій въ Петербургѣ,—продолжался не долго. Историческія событія шли тогда быстро, и 20-го апрѣля 1813 года онъ уже принималъ участіе въ сраженіи подъ Люценомъ, Бауценомъ (8-го и 9-го мая), подъ Дрезденомъ (12-го — 15-го мая) и Кульмомъ (17-го и 18-го мая). За отличіе въ сихъ дѣйствіяхъ 15-го сентября 1813 г. Закревскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а на другой день лейпцигскаго сраженія, 8-го октября того же года, былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты къ Его Императорскому Величеству.

Въ 27 лѣтъ быть генералъ-адъютантомъ въ то время, когда ихъ было всего семь человѣкъ, считая въ томъ числѣ и Великаго Князя Константина Павловича—это было рѣдкое явленіе, особенно исключительное, если принять въ соображеніе, что новопожалованный молодой незнатный дворянинъ былъ пришлецомъ въ петербургскихъ правящихъ сферахъ. Тотчасъ послѣ своего новаго назначенія Закревскій лично получилъ слѣдующее порученіе отъ самого Государя Императора. Я столько разъ слышалъ отъ покойнаго объ этой эпохѣ его жизни и всегда одинаково, что приводимыя мною ниже слова Государя безусловно вѣрны, или точнѣе сказать, безусловно тѣ, которыя слышалъ отъ А. А. Закревскаго. Главнокомандующимъ тогда русской арміей въ Германіи былъ Барклай-де-Толли.

«Я не хочу»,—сказалъ Государь Закревскому,—«затруднять главнокомандующаго письменными рапортами и личными объясненіями, посему назначаю васъ состоять при немъ, и мнѣ ежедневно, а то и чаще,—если необходимо, сообщать все, что главнокомандующій сочтетъ нужнымъ доводить до моего свѣдѣнія. Въ походѣ не всегда можно писать какъ слѣдуетъ,—пишите мнѣ хоть на клочкѣ бумаги, карандашомъ. Если же и писать вамъ будетъ некогда,—присылайте мнѣ словесныя сообщенія. Для сего назначаю состоять при васъ двухъ моихъ флигель-адъютантовъ».

Одинъ изъ сихъ назначенныхъ флигель-адъютантовъ былъ графъ Браницкій; имя другаго не помню. Съ 9-го октября 1813 года и до вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ Закревскій былъ связующимъ звеномъ между Государемъ Императоромъ и главнокомандующимъ.

Часто въ это время ему удавалось улаживать и устранять многія недоразумѣнія, неизбѣжныя при военныхъ дѣйствіяхъ, производимыхъ союзными войсками, такъ сказать, на глазахъ Государей, слѣдовавшихъ за своими арміями. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. А. принималъ дѣятельное участіе въ этихъ дѣйствіяхъ, сопровождая всюду своего бывшаго начальника. За сраженіе подъ Феръ-Шампенуазомъ 13-го и подъ Парижемъ 18-го марта онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени.

29-го мая 1815 года ему было Высочайше поручено сформированіе главнаго штаба Его Императорскаго Величества, къ чему онъ и приступилъ въ Гейдельбергѣ. Вторичный походъ во Францію пріостановилъ это формированіе; но фактически онъ былъ дежурнымъ генераломъ, сопровождалъ Государя Императора въ продолженіе всего похода и за тщательное исполненіе новыхъ обязанностей получилъ бриллiантовые знаки къ ордену св. Анны 1-й степени.

12-го декабря 1815 года Закревскій былъ окончательно назначенъ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба. Этимъ назначеніемъ заканчивается боевая его дѣятельность и начинается чисто административная. Вѣдѣнію дежурнаго генерала подлежали инспекторскій и аудиторіатскій департаменты, всѣ военно-сиротскія отдѣленія въ Россіи и военная типографія.

Дѣятельность его въ административной сферѣ, если пе самостоятельной вполнѣ, то во всякомъ случаѣ видной, заслужила безусловно Высочайшее одобреніе. Доказательствомъ тому служитъ тотъ важный фактъ, что, не смотря на открытую вражду со всесильнымъ тогда графомъ Аракчеевымъ, онъ оставался въ должности дежурнаго генерала весьма продолжительное время. А. А. Закревскій очень тяготился своей кабинетной бумажной службой и не безъ причины. Онъ страдалъ тогда жестокими, головными болями и не разъ хлопоталъ черезъ начальника штаба князя П. М. Волконскаго о перемѣнѣ этой службы; но перемѣна эта послѣдовала не скоро. 30-го августа 1821 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 30-го августа 1823 года былъ назначенъ Финляндскимъ Генералъ-Губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Финляндскаго корпуса. Позднѣе, Арсеній Андреевичъ неоднократно получалъ явныя доказательства тому, что оставилъ по себѣ добрую память въ Финляндіи и пользовался тамъ всеобщей любовью. Самъ онъ очень любилъ эту страну и всегда отзывался съ похвалой о трудолюбіи ея народа. Когда только могъ, онъ всегда носилъ мундиръ Финскаго стрѣлковаго баталіона, котораго былъ творцомъ и мундиръ котораго ему былъ пожалованъ. Одно только сожалѣніе высказывалъ онъ

всегда, что обстоятельства помѣшали ему присоединить совершенно Финляндію къ Россіи. Въ 1825 году при восшествіи па престолъ Императора Николая Павловича, Закревскій привелъ Сенатъ, должностныхъ лицъ и все населеніе Финляндіи къ присягѣ, по общей формѣ, какъ во всей Россіи, и тѣмъ фактически считалъ уничтоженнымъ обособленное положеніе этой страны. Но Государь впослѣдствіи, не смотря на всѣ настоянія его, подтвердилъ основанія Абоскаго мира и тѣмъ возвратилъ самостоятельность Финляндіи. Графъ подчинился, какъ всегда, распоряженію самодержавной власти; но до конца своей жизни горячо доказывалъ, что еслибы было поддержано его распоряженіе, даже пожертвовавъ имъ лично, можно бы было достигнуть полнаго сліянія Финляндіи съ Россіей.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, во Флоренціи, я познакомился съ жившимъ тамъ тогда декабристомъ Поджіо, который не разъ, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, высказывалъ свою горячую благодарность Закревскому за его вниманіе къ нему и къ его товарищамъ въ ихъ печальномъ положеніи въ то время какъ онъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Финляндіи. Оставаясь точнымъ исполнителемъ закона, А. А. съумѣлъ избѣгнуть излишней придирчивости и доставлялъ заключеннымъ всѣ тѣ облегченія, которыя были возможны.

Въ управленіи Финляндіей А. Закревскій внесъ много личнаго вмѣшательства и ежегодно объѣзжалъ всю страну для ознакомленія съ мѣстными нуждами, для наблюденія за дѣятельностью администраціи и для смотра войскъ. Его труды были оцѣнены по достоинству въ лестномъ для него Высочайшемъ рескриптѣ отъ 23-го декабря 1824 года. Послѣднею милостью Императора Александра Павловича была пожалованная Закревскому 1-го января 1825 года табакерка съ портретомъ, украшеннымъ алмазами въ знакъ Монаршаго благоволенія и признательности за особенное участіе въ похвальномъ поступкѣ Финляндскаго Сената и обитателей Финляндіи въ пожертвованіи 300 т. р. ассигнаціями для пособія жителямъ Петербурга, потерпѣвшимъ отъ наводненія 7-го ноября 1824 года.

Императоръ Николай Павловичъ относился къ службѣ Закревскаго не менѣе милостиво, и 25-го декабря 1825 г. пожаловалъ орденъ Св. Александра Невскаго. Затѣмъ Высочайшими указами Правительствующему Сенату 6-го декабря 1826 года Закревскій былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ, а 19-го апрѣля 1828 г.—министромъ внутреннихъ дѣлъ съ сохраненіемъ званія Финляндскаго Генералъ-Губернатора и командира отдѣльнаго Финляндскаго корпуса.

21-го апрѣля 1829 года Закревскій былъ произведенъ въ гене-

ралы отъ инфантеріи; 20-го апрѣля 1830 года ему были пожалованы алмазные знаки Св. Александра Невскаго; а 2-го (14-го) августа того же года, Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ въ Гельсингфорсѣ, онъ былъ возведенъ съ потомствомъ въ графское Великаго Княжества Финляндскаго достоинство. Его Величество, какъ сказано въ рескриптѣ, «оказываетъ сей знакъ Монаршаго благоволенія тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что оный согласуется съ желаніемъ, изъявленнымъ Финляндскимъ Сенатомъ: соединить его Закревскаго тѣснѣйшими узами съ согражданами финляндской націи и считать его въ числѣ ея сочленовъ». Финляндскій Сенатъ, въ лицѣ всѣхъ своихъ членовъ, испросивъ черезъ статсъ-секретаря финляндскихъ дѣлъ Высочайшее позволеніе предстать передъ Государемъ Императоромъ, поднесъ Его Величеству адресъ, въ коемъ ходатайствовалъ о возведеніи генералъ-губернатора Закревскаго въ достоинство графа Великаго Княжества Финляндскаго.

19-го ноября 1831 года графъ Закревскій, по разстроенному здоровью, былъ уволенъ въ отставку. Странное совпаденіе чиселъ: онъ вступилъ на службу также 19-го ноября. Обыкновенно отставку графа Закревскаго приписываютъ крутымъ мѣрамъ, принятымъ имъ противъ холеры. Дѣйствительно, эти мѣры были причиной неудовольствія противъ него общества, публики, а никакъ не Государя. Карантинныя мѣры, въ цѣлесообразность которыхъ глубоко вѣрилъ графъ, были одобрены Государемъ. Правда, что онѣ не достигли своей цѣли; правда также, что на мѣстахъ очень часто онѣ примѣнялись не только отяготительно для народонаселенія, но неразумно, и даже корыстно; но плохое, превратное исполненіе мѣстными дѣятелями той или другой мѣры еще не доказываетъ непригодность ея.

Открывшаяся въ половинѣ іюня 1830 года въ сопредѣльныхъ съ Персіей нашихъ областяхъ холера быстро перешла Кавказскія горы и распространилась по губерніямъ Астраханской, Оренбургской, Саратовской и по землѣ войска Донскаго. Государь Императоръ призналъ необходимымъ, чтобы всѣ способы къ борьбѣ съ этой болѣзнью исходили отъ одной власти, отъ одного лица, облеченнаго широкими полномочіями. Такимъ лицомъ былъ избранъ графъ Закревскій, и Высочайшимъ рескриптомъ отъ 4-го сентября 1830 г. ему было поручено принимать на мѣстѣ всѣ тѣ рѣшительныя мѣры, какія только потребуютъ обстоятельства и надобность. Всѣмъ воинскимъ начальникамъ было повелѣно исполнять требованія графа Закревскаго въ точности. На время его отсутствія изъ Петербурга управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было возложено на члена Государственнаго Совѣта дѣйствительнаго тай-

наго совѣтника Энгеля; но по должностямъ Финляндскаго генералъ-губернатора и командира Финляндскаго корпуса графу было повелѣно не прерывать своихъ занятій.

Графъ Закревскій 10-го сентября 1831 года выѣхалъ изъ Петербурга и лично находился въ разныхъ зараженныхъ холерою мѣстахъ въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской, Саратовской, Казанской, Нижегородской, Тамбовской и Тульской; въ другихъ же дѣйствовалъ посредствомъ высшихъ чиновниковъ, прикомандированныхъ къ нему. Всюду какъ лично, такъ и черезъ довѣренныхъ лицъ онъ съ неутомимой энергіей приводилъ въ исполненіе ту программу, которая была одобрена верховнымъ правительствомъ, и тѣ мѣры, которыя признавались спасительными и необходимыми. Когда холера прекратилась во внутреннихъ губерніяхъ, входившихъ въ раіонъ, предоставленный его власти, и только въ нѣкоторыхъ, немногихъ мѣстахъ болѣзнь оставалась еще въ слабой степени, онъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, направился въ обратный путь. По выдержаніи двухнедѣльнаго карантина въ г. Вышнемъ-Волочкѣ графъ Закревскій 1-го февраля 1831 г. возвратился и 9-го того же мѣсяца вступилъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 5-го марта того же 1831 года ему была выражена Монаршая благодарность за пламенное усердіе къ общему благу по прекращенію холеры и за то, «что, наблюдая съ непоколебимой твердостью за строгимъ исполненіемъ своихъ спасительныхъ распоряженій, онъ достигъ ихъ цѣли, и мѣрами благоразумной предосторожности, приведенными въ дѣйствіе со всевозможнымъ соблюденіемъ частныхъ пользъ и выгодъ мѣстныхъ жителей, большая часть Имперіи совершенно сохранена отъ опасности ей угрожавшей».

Къ несчастію, врагъ далеко былъ не побѣжденъ. Дѣйствительно, въ восточной части Россіи холера не возобновлялась; но она появилась въ Москвѣ и оттуда проникла въ Петербургъ. Для борьбы съ нею въ столицѣ былъ учрежденъ особый комитетъ, въ которомъ графъ Закревскій принималъ только участіе; предсѣдательствовалъ же въ немъ с.-петербургскій генералъ-губернаторъ.

Лишь только холера стала ослабѣвать въ столицѣ, графъ Закревскій 11-го іюля 1831 года, по Высочайшему повелѣнію, выѣхалъ въ Финляндію и тамъ принималъ всѣ нужныя мѣры къ успокоенію жителей и прекращенію общественнаго бѣдствія. Когда болѣзнь исчезла, онъ 28-го сентября 1831 г. возвратился въ Петербургъ, а 19-го ноября того же года уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1818 году графъ Закревскій женился на графинѣ Агриппинѣ Ѳедоровнѣ Толстой, принесшей съ собою въ приданое большія имѣнія въ Пензенской, Нижегородской и Московской губерніяхъ. Отецъ ея, графъ Ѳедоръ Андреевичъ Толстой *) ослѣпъ въ двадцатыхъ годахъ; жилъ вмѣстѣ съ зятемъ и дочерью и еще при жизни своей отдалъ въ ихъ распоряженіе всѣ имѣнія. Графъ Закревскій при своей служебной дѣятельности не имѣлъ ни времени, ни возможности заниматься этими имѣніями какъ слѣдуетъ и поручилъ управленіе ими одному пользовавшемуся его довѣріемъ лицу. Было ли тутъ злоупотребленіе или только неумѣніе, но управленіе довѣреннаго лица привело имѣнія, да и все состояніе въ полное разстройство. Значительные долги и совершенное отсутствіе доходовъ вызывали энергическія мѣры.

Десятилѣтнее, личное управленіе графа имѣніями привело ихъ въ блестящій видъ. Доходы значительно увеличились; но не одни только доходы имѣлъ онъ въ виду въ своей деревенской дѣятельности. Съ истинно отеческой заботливостью занимался онъ также улучшеніемъ экономическаго положенія крестьянъ. Имъ было выработано нормальное положеніе крестьянскаго двора съ росписью всего того, что въ каждомъ должно быть по части скота, орудій и запасовъ. Бо̀льшее количество поощрялось наградами; меньшее же пополнялось на выгодныхъ для крестьянина условіяхъ, изъ экономіи. Частые, сплошные, деревенскіе пожары очень озабочивали графа и ему удалось совершенно ихъ устранить правильнымъ распланированіемъ крестьянскихъ селеній. Крестьянскія постройки располагались гнѣздами по два двора въ каждомъ и между этими гнѣздами оставлялось свободное мѣсто таковой же величины, сплошь засаженное деревьями. Еще теперь, изъ всѣхъ бывшихъ селъ и деревень графа Закревскаго, только въ с. Бѣликовѣ (Мокшанскаго уѣзда) сохранились остатки этого порядка; во всѣхъ же прочихъ, съ перваго же года послѣ освобожденія, деревья стали вырубаться, а интервалы застроиваться. Нѣтъ возможности перечислить всего, сдѣланнаго графомъ Закревскимъ какъ по части сельскаго хозяйства, такъ и собственно для крестьянъ. Въ дѣло управленія и устройства имѣній онъ вложилъ свою душу, какъ онъ ее влагалъ во всякое дѣло, за которое брался.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда дочь его подросла, графъ съ семействомъ проводилъ зимы въ Петербургѣ. Тамъ возобновились

---

*) Мать графиня Степанида Алексѣевна скончалась ранѣе.

у него прежнія, близкія, хорошія отношенія съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который всегда относился къ нему особенно милостиво. Государь Императоръ также выказывалъ ему вниманіе и удостоивалъ его неоднократно разговоромъ о болѣе важныхъ государственныхъ вопросахъ. Безъ всякой просьбы графа, 20-го апрѣля 1843 года, дочь его была пожалована во фрейлины Двора Ея Величества, что несказанно обрадовало отца. Въ частныхъ бесѣдахъ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ послѣдній постоянно убѣждалъ графа снова вступить на службу; но онъ всегда уклонялся и продолжалъ свою скромную, частную жизнь зимою въ Петербургѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ.

Считая себя принадлежащимъ къ другому времени, ряды представителей котораго все болѣе рѣдѣли, графу Закревскому положительно не хотѣлось вступать на службу, но когда Государь Императоръ самъ лично высказалъ ему свое желаніе, онъ повиновался Самодержавной волѣ и 6-го мая 1848 года былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ и вмѣстѣ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству, а 1-го ноября 1848 г. назначенъ членомъ Государст. Совѣта. Какъ генералъ-губернаторъ, графъ Арсеній Андреевичъ проявлялъ необыкновенную дѣятельность.

Графъ Закревскій, какъ московскій генералъ-губернаторъ, получилъ всѣ высшія награды, доступныя человѣку на службѣ въ Россіи, какъ-то: орденъ св. Андрея Первозваннаго, св. Владиміра 1-й степени и въ коронацію Государя Императора Александра Николаевича портретъ Ихъ Величествъ. 16-го апрѣля 1859 года онъ былъ уволенъ отъ должности съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена государственнаго совѣта.

Необходимо разсказать какъ проходилъ день у графа Закревскаго. Вставалъ онъ всегда въ шесть часовъ утра и тотчасъ занимался прежде всего дѣлами по имѣніямъ, домашнимъ хозяйствомъ и казеннымъ домомъ, въ которомъ жилъ. Въ восемь часовъ утра, выходилъ онъ въ халатѣ изъ кабинета въ пріемную, и съ полчаса гулялъ по комнатамъ; затѣмъ окончательно одѣвался и начиналась служебная дѣятельность. Въ девять часовъ утра являлся дежурный адъютантъ; въ десять дежурные чиновники особыхъ порученій, военный и гражданскій. Около трехъ часовъ по полудни оканчивались служебные доклады, пріемъ разныхъ лицъ и графъ отпускалъ дежурныхъ чиновниковъ, а самъ уѣзжалъ съ адъютантомъ что либо осмотрѣть или такъ только проѣхаться. Дежурный канцелярскій чиновникъ не отпускался никогда. Возвращался графъ обыкновенно къ обѣду и послѣ отдыхалъ не болѣе

часу; когда онъ снова занимался въ кабинетѣ, еще до восьми часовъ вечера, намъ, дежурнымъ чиновникамъ удавалось иногда доложить входящія бумаги; а то приходилось это дѣлать очень поздно, въ самомъ концѣ вечера. Не окончивъ же хоть какую нибудь бумаженку графъ не уходилъ спать и насъ, дежурныхъ, и адъютанта и канцелярскаго чиновника, не отпускалъ. Вечеръ назначался преимущественно на занятія съ управляющимъ канцеляріей и секретаремъ, а также на специальные особенно важные доклады. Начальники отдѣленій канцеляріи докладывали по утрамъ только. Пріемъ разныхъ лицъ происходилъ и вечеромъ, но нѣсколько менѣе чѣмъ утромъ. Пріемъ просителей былъ безусловно открытъ всегда для всѣхъ, если просьба имѣла сколько нибудь спѣшный или важный характеръ. Къ разряду просьбъ, принимаемыхъ во всякое время, принадлежали тѣ, которыя подавались, большею частью словесно,—дворовыми, потерпѣвшими отъ своихъ помѣщиковъ. Графъ вообще высоко ставилъ значеніе дворянства; но онъ строго, неумолимо преслѣдовалъ злоупотребленія помѣщичьей власти. Избитый своимъ бариномъ кучеръ, поваръ, дворникъ и вообще дворовый или крестьянинъ смѣло являлся къ генералъ-губернатору. Обыкновенно, выслушавъ такого субъекта, графъ приказывалъ его посадить въ Тверскую часть. Производилось негласное дознаніе, и если жалоба подтверждалась, то черезъ день другой по ея принесеніи, вызывался скорый на руку баринъ. Появлялся начальникъ секретнаго отдѣленія канцеляріи Василій Дмитріевичъ Шлыковъ, который вступалъ съ вызваннымъ лицомъ въ разговоръ гдѣ нибудь въ уголку пріемной; затѣмъ они оба отправлялись въ кабинетъ графа; кое-что потомъ писали, иногда снова возвращались въ кабинетъ; а въ концѣ концовъ очень часто избитый дворовый выходилъ изъ Тверской части съ вольной въ рукахъ или съ билетомъ на свободное проживаніе.

Въ іюлѣ 1852 года былъ я назначенъ исправлять должность секретаря графа съ обязанностью сопровождать его въ с. Ивановское *), гдѣ онъ проводилъ лѣтомъ часть своего времени.

Въ Ивановскомъ графъ много гулялъ пѣшкомъ и замѣчательно былъ неутомимъ. Часа два походить по полямъ и подъ жгучимъ, лѣтнимъ солнцемъ было обычнымъ дѣломъ, чуть не каждый день. Часто въ этихъ прогулкахъ его сопровождали пріѣзжавшіе изъ Москвы и многіе изъ нихъ уставали до того, что по возвращеніи съ прогулки, удалялись

---

*) Ивановское, Подольскаго уѣзда, отъ г. Подольска въ двухъ верстахъ, отъ Москвы въ 35, нынѣ принадлежащее графинѣ Келлеръ, урожденной графини Бобринской.

на нѣсколько часовъ въ отведенныя имъ комнаты; онъ же немедленно садился за свой письменный столъ и тотчасъ принимался выслушивать докладъ, диктовать письма и занимался тѣми особенными дѣлами, которыя онъ откладывалъ для личнаго, спокойнаго въ деревнѣ разсмотрѣнія.

Два раза въ день, по казачьей почтѣ, привозились изъ Москвы въ Ивановское всѣ входящія и исходящія бумаги, докладываніе которыхъ лежало на обязанности секретаря.

Надо припомнить, что кругъ дѣятельности московскаго генералъ-губернатора былъ въ то время гораздо обширнѣе, чѣмъ нынѣ. Достаточно сказать, что всѣ рѣшенія Московской уголовной палаты тогда утверждались генералъ-губернаторомъ и имъ же вносились, въ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, въ Сенатъ. Въ уголовномъ отдѣленіи канцеляріи ежедневно составлялись записки изъ подлинныхъ дѣлъ уголовной палаты и изготовлялась резолюція на подлинномъ приговорѣ палаты, которую онъ подписывалъ. Все городское и земское хозяйство, слѣдственная часть, управленіе войсками, расположенными въ Москвѣ и въ Московской губерніи, однимъ словомъ все по части администраціи столицы восходило до него и отъ него получало распоряженія.

Секретарство мое продолжалось не долго: въ августѣ возвратился изъ отпуска оффиціальный секретарь графа и вступилъ въ отправленіе своей должности. Установившіеся же въ Ивановскомъ хорошія отношенія мои съ семействомъ графа закончились тѣмъ, что 6-го февраля 1859 года я женился на его дочери, по первому мужу графини Нессельроде.

Въ апрѣлѣ того же года графъ Закревскій былъ уволенъ отъ должности Московскаго генералъ-губернатора, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и члена Государственнаго совѣта. Уѣхавъ за-границу и поселившись во Франціи, онъ прожилъ не долго. 10-го января 1865 года у него оказалась незначительная простуда: кашель, насморкъ и небольшое разстройство желудка. Хотя болѣзнь такого рода не внушала ни малѣйшаго опасенія, тѣмъ не менѣе въ виду его лѣтъ, при которыхъ всякое болѣзненное явленіе имѣетъ серьезное значеніе, докторъ совѣтывалъ ему остаться хоть до полудня въ постели; но онъ энергически протестовалъ и съ общаго согласія мы рѣшили, что дѣйствительно, при его характерѣ, подвижности и любви къ дѣятельности ему лучше встать. Онъ очень обрадовался этому рѣшенію и утромъ 11-го января всталъ съ постели. Пока онъ стоя одѣвался, сидѣвшая близъ него дочь, шутила съ нимъ и графъ расхохотался. Вдругъ смѣхъ

оборвался и онъ тихо опустился на землю; голова его упала на колѣни дочери и не смотря на всѣ медицинскія пособія графъ скончался въ 8 часовъ утра 11-го января 1865 года. Похороненъ онъ въ семейномъ склепѣ въ Гальчето, въ древней католической церкви, обращенной нынѣ въ Православную часовню. Тамъ же похоронена его жена († 6 декабря 1879 г.) и дочь († 29 марта 1884 г.).

I. Письма князя Петра Михайловича Волконскаго къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1852 гг.

1.

28-го іюля 1815 г., въ 9 часовъ вечера. Парижъ.

Арсеній Андреевичъ, увѣдомьте, пожалуйста, отъ чего по сіе время не присланы полковые командиры на гаубтвахту? Кончится я думаю уже тѣмъ, что меня самого пошлютъ, ибо безпрестанно спрашиваетъ объ нихъ, и прикажите послать къ генералу Ермолову, чтобы онъ завтра по утру пріѣхалъ во дворецъ самъ для объясненія, почему не исполнено по сіе время Его повелѣніе.

Генералъ-адъютантъ *Князь Волконскій.*

2.

29-го сентября 1816 г. Варшава.

Письмо ваше, любезный Арсеній Андреевичъ, отъ 20-го сентября, получилъ; радуюсь, что вы благополучно прибыли въ С.-Петербургъ, и весьма сему завидую, ибо нѣтъ силъ отъ скуки, въ которой мы живемъ; къ тому же я схватилъ простуду и лежу какъ въ кельѣ съ подвязанною щекою. Благодаря Бога есть надежда, что въ будущій четвергъ, то есть 5-го числа, рано по утру отсюда вырвемся, и 3-го къ вечеру будемъ въ Гатчину, гдѣ надѣюсь васъ 14-го увидѣть. Приказы понемногу спускаю, а больше ничего, и все возвращу въ томъ положеніи, какъ отъ васъ въ Москвѣ получилъ. Ученій и смотровъ здѣсь нѣтъ конца; надобно однако отдать справедливость Цесаревичу, что онъ насъ перещеголялъ, войска удивительно выправлены, о.ты,

равенство отмѣнное во всѣхъ частяхъ, примѣчаніе въ офицерахъ, начальникахъ удивительное и старанія много. Армейскіе полки такъ же хороши, какъ и гвардейскіе, чего у насъ никакъ нѣтъ. Мы видѣли наши бригады весьма плохія, а особливо 24 дивизіи. Гарнизонные баталіоны и инвалиды въ жалкомъ положеніи во многихъ мѣстахъ, но однако не всѣ.

Прошу болѣе бумагъ ко мнѣ не присылать, ибо класть уже нѣтъ мѣста. Затѣмъ пожелавъ вамъ всего хорошаго, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію навсегда имѣю честь быть

вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Князь Петръ Волконскій.

P. S. Жомини и здѣсь не даетъ мнѣ отдыха, мучитъ теперь квартирою во дворцѣ, однако велѣно отказать, о чемъ уже и пишу къ нему, но думаю симъ не отдѣлаюсь.

Фельдъегерямъ прикажите уже ѣхать изъ Петербурга на Ригу, Митаву, Ковну, а тамъ гдѣ изготовлены будутъ лошади для насъ.

3.

15-го марта 1818 г. Варшава.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше. Увѣренъ и никогда не сомнѣвался, что въ дѣлахъ остановки не будетъ; желательно, чтобы ко мнѣ не попадали *въ омутъ*. Сегодня было открытіе сейма весьма великолѣпно и множество рѣчей хорошо говоренныхъ. Вчера на меня надѣли Бѣлаго орла, а на Кривляку (гр. Нессельроде?) и на гр. Потоцкаго св. Станислава. Отъ брата Михайлы (графа Воронцова) присланъ адъютантъ его Франкъ, послѣ указа о ремонтѣ съ письмомъ въ собственныя руки, въ которомъ жалуется, что уже мѣсяцевъ 6 какъ замѣчаетъ онъ, что будто на него нападаютъ, что ему служить нельзя, однимъ словомъ, не понимаю, кто на него нападаетъ, въ чемъ ему отказываютъ, и ко мнѣ пишетъ тоже своеручно. На его письмо Государь хочетъ ему самъ отвѣчать, но боюсь, чтобы не было круто.

Прощайте, любезный другъ, желаю чтобы предположеніе ваше совершилось по намѣренію вашему, и ежели я въ чемъ могу вамъ быть полезнъ въ семъ случаѣ, то прошу безъ церемоніи мнѣ объяснить и быт увѣреннымъ, что всегда готовъ оказывать вамъ мои услуги, ибо люблю васъ душевно.

4.

27-го марта 1818 г. Варшава.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 20-го марта, которое получилъ вмѣстѣ съ копіею письма брата Алексѣя (Ермолова) и другимъ на мое имя отъ него, которыя меня весьма потѣшили. Каховскаго приказано перевесть въ гвардію съ назначеніемъ адъютантомъ къ начальнику штаба Вельяминову, ежели у него еще нѣтъ адъютанта, а ежели есть, такъ къ ген.-лейт. Вельяминову. Мы такъ развеселились на разводахъ, что я сижу дома отъ простуды въ ухѣ, и боюсь чтобы пророчество ваше объ омутѣ не сбылось, ибо по сіе время онъ въ томъ положеніи, какъ сюда привезенъ и напротивъ еще прибавляется.

Сеймъ идетъ хорошо, спорятъ въ камерахъ много и умно; границъ не прибавится у нихъ, а у насъ не убавится, не безпокойтесь.

Мнѣ сказывали сегодня, что изъ Москвы пишутъ, будто Потемкинъ тестя своего прогналъ, и будто жена Бахметьева, на имя коей имѣніе было покупаемо, имѣніе все за собою оставила, а мужу опредѣлила въ пенсіонъ по 10 тыс. руб. въ годъ. Увѣдомьте меня правда-ли. Хотя я знаю каковъ Бахметьевъ, но весьма сожалѣю, ежели Потемкинъ въ чемъ нибудь тутъ замѣшался, чего, признаюсь, я отъ него никогда не ожидалъ, ибо сіе было бы не деликатно съ его стороны; Бахметьевъ каковъ не есть, но все отецъ его жены; по моему въ такихъ обстоятельствахъ всегда лучше самому терпѣть.

Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ, будьте здоровы и пожалуйста поменѣе присылайте бумагъ, особенно около 16-го апрѣля и во всю дорогу, ибо читать некогда и класть некуда.

5.

14-го апрѣля 1818 г. Варшава.

Во-первыхъ, позвольте, любезный Арсеній Андреевичъ, поздравить васъ съ праздникомъ св. Пасхи и отъ искренняго сердца васъ поцѣловать.

Кучи присылаемыхъ отъ васъ бумагъ, равно и съ другихъ сторонъ стекающіяся ко мнѣ, такъ меня замучили, что по сіе время не

успѣлъ отвѣчать на нѣсколько вашихъ ко мнѣ писемъ. Бумаги ваши кажется всѣ спускаю, а теперь прошу ко мнѣ какъ можно менѣе присылать; развѣ тѣ, кои по данной власти рѣшаются. Изъ *омута* въ Калишѣ вытащилъ два дѣла аудиторіатскія, между коими наконецъ сжилъ съ рукъ извѣстнаго Железняка, шесть еще беру съ собою, а остальныя всѣ отослалъ въ С.-Петербургъ въ канцелярію до моего пріѣзда, право негдѣ класть, и увѣренъ, что въ томъ же бы положеніи возвратились. Изъ инженерныхъ по старшинству въ Калишѣ сбылъ съ рукъ также двугодовое, хотя съ нѣкоторыми еще крючками, но уже на мази. Сожалѣю весьма о болѣзни Левашова и Желтухина; я самъ не могу оправиться отъ простуды въ ухѣ, которую думаю поѣздкою въ Калишъ подбавилъ. Теперь уставилось тепло и даже жарко, надѣюсь простудѣ моей будетъ лучше.

Завтра закрывается сеймъ съ тою же церемоніей, какая была при открытіи, а послѣ завтра парадъ всѣмъ войскамъ, коихъ привели изъ окрестностей довольно. Гурьевъ лишь расплачивайся серебряными рублями. 18-го числа весьма рано отсюда выѣзжаемъ. Въ Калишѣ также читалъ всѣ бумаги по ремонтамъ брата Михайлы (графа Воронцова), которыя повелѣно немедленно пополнить на счетъ полковыхъ командировъ, остановя все ихъ содержаніе. Братъ Михайла вѣрно взбѣсится вновь, но что̀ было мнѣ дѣлать. Государь всѣ бумаги слово отъ слова читалъ, а также и отъ Дибича на сей счетъ полученныя. Я къ брату Михайлѣ писалъ прежде сего еще, и не знаю право за что онъ на меня негодуетъ, моя совѣсть какъ предъ всѣми, такъ и предъ нимъ чиста. Адъютантъ его тогда же уѣхалъ, но не къ нему, а въ мѣста гдѣ покупаются ремонты. Государь еще къ нему не отвѣчалъ, и боюсь чтобы не надулъ. Изъ сего письма усмотрите, что и я начинаю придерживаться къ Усачеву, ибо писано довольно мелко и строки часты. Фельдъегерей направляйте къ намъ уже прямымъ трактомъ, отсюда ихъ довольно будетъ разослано въ разныя мѣста, въ чужіе края и съ нашими товарищами; Ожаровскій ѣдетъ къ австрійскому Императору, Чернышевъ— въ Швецію и Данію, Орловъ — въ Берлинъ, Остерманъ — въ Калугу; съ первыми двумя посылаются также фельдъегери. Списковъ генеральскихъ присылайте по одному экземпляру до Москвы, а туда привезите другой экземпляръ. Пришлите, пожалуйста, всѣ послѣдніе строевые рапорты отъ всѣхъ армій и корпусовъ. Затѣмъ пожелавъ вамъ добраго здоровья и по возможности веселія, навсегда остаюсь и проч.

Кривляка совсѣмъ промотался; уже занимаетъ деньги.

6.

4-го мая 1818 г. Одесса.

Чувствительно благодарю васъ, любезный Арсеній Андреевичъ, за поздравленіе ваше какъ съ праздникомъ, такъ и съ днемъ моего рожденія, который провелъ я въ бессарабскихъ степяхъ. Извините, что замѣшкалъ отвѣтомъ, но право не отъ меня, а отъ переѣздовъ и отъ пилителей, отъ коихъ какъ отъ блохъ, мѣста не могу найти; заѣли до смерти. Смотры и маневры обоихъ корпусовъ, слава Богу, кончились благополучно, кромѣ нѣкоторыхъ однакожь замѣчаній, которыя весьма справедливы. Сего утра послѣдовало увольненіе гр. Беннигсена въ отпускъ за границу и отъ командованія арміею, и назначеніе на его мѣсто гр. Витгенштейна; о чемъ посылаю приказъ вчерашнимъ числомъ и указъ въ Сенатъ. Отсюда же посланъ орденъ св. Андрея Дюку-де-Ришелье за устроеніе Одессы. И въ самомъ дѣлѣ, городъ очень хорошій для столь малаго времени, но требуетъ еще много дѣла для усовершенствованія. Гр. Ланжерону дана аренда и разныя награжденія чиновникамъ по его представленію, какъ-то: крестами и подарками по положенію нашему . . . . . и проч. и всѣ, слава Богу, довольны. Я отпросился не ѣздить на поселенія въ Вознесенскъ, дабы тѣмъ воспользоваться побыть еще два дня съ дѣтьми и выѣду прямо въ Николаевъ, гдѣ опять соединюсь. Погода стояла все холодная, но со вчерашняго дня лучше. О смерти Барклая мы никакого слуха не имѣемъ и полагаю несправедливо, ибо навѣрно мы бы имѣли о томъ нарочнаго. Театръ здѣсь очень хорошъ и мы имъ пользуемся по вечерамъ. Письмо брата Алексѣя (Ермолова) презабавное, но меня удивляетъ, что онъ ни слова не пишетъ касательно о своемъ производствѣ, о чемъ уже раза два меня спрашивалъ Государь.

Пожалуйста немного бумагъ присылайте. Прощайте, до свиданія въ Москвѣ и будьте здоровы.

Киселевъ отправленъ въ Берлинъ къ королю отсюда.

7.

18-го мая 1818 г. Симферополь.

За письма ваши, любезный Арсеній Андреевичъ, премного благодарю, не отвѣчалъ по сіе время, потому что полуденный берегъ насъ

замучилъ; со всѣмъ тѣмъ вояжъ весьма пріятный и мѣста прекрасныя, но нѣтъ дня, ни мѣста, гдѣ бы не терзала меня внутренняя стража своими безпорядками, за которые достается все мнѣ. Господа начальники здѣшніе раскомандировываютъ изъ армій, баталіоновъ и командъ людей во всѣ мѣста, куда только понадобится, и отъ того въ Тираснолѣ на лицо штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 2, а рядовыхъ 3; всѣ же прочіе въ раскомандировкахъ и по нѣскольку мѣсяцевъ въ Ѳеодосіи, въ Керчи, въ Ениколѣ и въ Севастополѣ; взято по нѣскольку человѣкъ въ полицію, въ таможню. Сіи послѣдніе ходятъ въ мундирахъ 806 года. Можете себѣ представить каковы? Все сіе заставило меня подтвердить приказомъ, чтобы отнюдь изъ гарнизонныхъ баталіоновъ людей никуда не отдавать, не отчислять, равно и изъ инвалидовъ и слѣдовать въ точности положенію о внутренней стражѣ. О чемъ прошу отъ себя подтвердить Инспекторскому Департаменту, чтобы отнюдь впредь никуда и никому не давать людей въ противность положенію. Сверхъ всего, полки 9-й дивизіи въ отлично худомъ положеніи на счетъ ученія и гарнизонной службы, ни одинъ парада не далъ порядочнаго, хотя ген.-м. Турчаниновъ вѣкъ служилъ въ гвардіи, но кажется совершенно все забылъ; а что за коменданты, плацъ-маіоры, плацъ-адъютанты, то и говорить нечего: набьютъ полную пазуху рапортами и суютъ кому ни попало, а не смотрятъ такъ-ли стоятъ караулы и часовые. Нужно бы весьма напечатать инструкцію комендантамъ на счетъ исправности карауловъ и часовыхъ и какъ имъ стоять должно. О семъ можно почерпнуть изъ напечатанной Цесаревичемъ книжки о гарнизонной службѣ для польскихъ войскъ, въ которой все сіе находится, ибо устава о семъ дожидаться еще долго, а между тѣмъ всѣ меня будутъ бранить за неисправность карауловъ. Прикажите составить изъ сей книжки проектъ таковой инструкціи; если вы не можете достать такой книжки у кого нибудь въ Петербургѣ, то поищите ее въ моей собственной библіотекѣ въ верхнихъ комнатахъ, въ шкапахъ заключающихъ тамъ россійскія книги, но прошу не потерять. Благодарю за книжку законовъ. Кажется Быковъ начинаетъ отличаться; одно лишь нужно подтвердить, чтобы во всѣхъ приказахъ моихъ, циркулярахъ и указахъ печатныхъ непремѣнно выставляли число мѣсяца, какое въ оригиналѣ было, дабы знать какого числа оный послѣдовалъ. О Беннигсенѣ вы уже знаете, что онъ уволенъ за границу и что Витгенштейнъ на его мѣстѣ. Простуда моя прошла совсѣмъ, но желчи много отъ внутренней стражи. Скоро буду отправлять фельдъегерей чрезъ Москву; увѣдомьте, когда

вы выѣзжаете туда. Пожелавъ вамъ совершеннаго здоровья прошу быть увѣрену въ моей къ вамъ преданности.

Я нѣсколько разъ писалъ къ архитектору Стасову о весьма нужныхъ комнатахъ въ Зимнемъ Дворцѣ и отъ него отвѣта не получено; прошу справиться дошли-ли до него мои письма, которыя всѣ были отправлены чрезъ дежурство.

8.

24-го октября 1818 г. Ахенъ.

Съ самаго отъѣзда нашего изъ С.-Петербурга не имѣлъ я ни малѣйшаго отъ васъ, любезный Арсеній Андреевичъ, извѣстія. По бумагамъ и отъ фельдъегерей знаю, что вы въ Москвѣ, но неизвѣстенъ женаты-ли вы уже и скоро-ли возвратитесь въ С.-Петербургъ. Ежели уже все кончено, то отъ искренняго сердца васъ поздравляю и желаю всякаго благополучія.

О себѣ скажу вамъ, что мы здѣсь живемъ довольно скучно, спускаемъ по маленьку бумаги сколько можно, а теперь прошу поудержаться присылкою, кромѣ самыхъ нужныхъ и не терпящихъ времени, ибо около 3-го или 4-го ноября мы отсюда выѣдемъ въ Брюссель, а оттуда поѣдемъ въ Веймаръ, потомъ въ Бруксалъ, Штутгардтъ, Мюнхенъ и въ Вѣну. Направленіе фельдъегерей до Веймара будетъ то же, а потомъ уже тамъ оставлю я имъ записку куда сворачивать, а послѣ уже нужно будетъ ихъ посылать прямо на Вѣну, по тому тракту, по коему мы назадъ поѣдемъ. Я полагаю, что мы будемъ въ Вѣнѣ въ послѣднихъ числахъ ноября или въ первыхъ числахъ декабря; по сему и разочтите такъ, чтобы съ половины ноября или съ 11-го числа уже посылать фельдъегерей на Вѣну и Мюнхенъ, ежели тамъ не застрянутъ.

Въ корпусѣ гр. Воронцова нашли мы отмѣнно много порядка, въ строю были очень опрятны и прошли довольно хорошо, но есть нѣсколько полковъ посредственныхъ. Въ кавалеріи лошади и люди мало работаны по одиночкѣ, но вмѣстѣ хороши. Объясненія у насъ съ братомъ Михайлою были большія и наконецъ увѣрился онъ, что я ничего противу него не имѣлъ и не имѣю и все происходило за трехъ французовъ, коимъ не прислали мы подарковъ; но теперь, слава Богу, все кончено и простились кажется друзьями. Я писалъ къ Муханову о высылкѣ намъ на встрѣчу саней и къ Княжнину повелѣ-

ніе, чтобы нарядилъ исправнаго и знающаго нѣмецкій языкъ фельдъегеря, полагая что вы еще въ Москвѣ. Пожалуйста выберите толковаго. На сихъ дняхъ проѣхала здѣсь Императрица Марія Ѳеодоровна въ Брюссель и очень хорошо выдерживаетъ свое путешествіе, особенно графиня Ливенъ. Мы были въ Парижѣ, но не болѣе 6-ти часовъ, только отобѣдали, такъ что я почти ничего не видалъ, кромѣ мадамъ Шабо, къ которой зашелъ посмотрѣть нѣтъ-ли новостей и не найдя ничего ушелъ. Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ, желаю скорѣе съ вами видѣться и признаюсь, что мнѣ уже наскучило разъѣзжать, пора бы въ Суханово*), о чемъ прошу Орлову сказать и отъ меня поклониться; также Васильчикову и Киселеву.

9.

12-го ноября 1818 г. Франкфуртъ на Майнѣ.

Чувствительно благодарю васъ, любезный Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 20-го октября, а не за присланные доклады, коихъ покорнѣйше прошу поменѣе присылать, аудиторіатскихъ совсѣмъ ненадобно, ибо у меня и прежнихъ еще довольно и не легко сходятъ съ рукъ. Корпусъ гр. Воронцова уже на походѣ и передніе 10-го числа сего мѣсяца прошли уже чрезъ Ахенъ. За присланную книжку законовъ благодарю. Мы, славу Богу, благополучно сюда вчера пріѣхали и завтра ѣдемъ въ Карлсруэ. За нѣсколько дней предъ отъѣздомъ нашимъ изъ Ахена въ Брюссель, открыли мы заговоръ, сдѣланный нѣкоторымъ числомъ французскихъ изгнанныхъ изъ Франціи офицеровъ, которые съ помощію нѣсколькихъ контрабандистовъ хотѣли схватить насъ на дорогѣ и приставя пистолетъ ко лбу, заставить Государя подписать декларацію въ пользу Бонапарте и его сына, и даже хотѣли увезти Государя въ Бургундію въ какой либо городъ; моя же участь вѣроятно была бы быть убиту. Изъ числа сихъ заговорщиковъ уже взяты нѣсколько человѣкъ, въ числѣ коихъ нѣкто Пиже, зачинщикъ же всего Лабордъ, бывшій адъютантъ Вандама, прочихъ стараются еще отыскивать. Хотя Государь по обыкновенію своему принялъ все сіе весьма легко и за пустыя выдумки, не менѣе того были взяты всевозможныя мѣры во время проѣзда нашего для безопасности, и такъ сокрыты были удачно, что Государь и не догадался и одному мнѣ

---

*) Подмосковное имѣніе князя П. М. Волконскаго.

были оныя извѣстны, какъ ѣхавши въ Брюссель, такъ и на обратномъ пути, и во все время пребыванія въ Брюсселѣ. Вотъ каковы французскія головы; признаюсь, что я весьма радъ, что мы отъ нихъ уѣхали. Я пишу къ вамъ нарочно о семъ, чтобы въ Петербургѣ не перепугались, читая въ газетахъ о семъ происшествіи, которое уже напечатано въ разныхъ здѣсь газетахъ и можетъ дойдетъ прежде сего письма.

Фельдъегерей посылайте уже на Вѣну по маршруту, который къ вамъ отъ кн. Меньшикова посланъ и пришлите ко мнѣ онаго нѣсколько экземпляровъ отпечатанныхъ съ первымъ фельдъегеремъ, дабы насъ застали еще въ Вѣнѣ. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе супругѣ вашей и быть увѣрену въ истинной моей къ вамъ преданности.

10.

21-го августа 1819 г. Кирка Пихаіоки.

Прилагаемое у сего собственноручное письмо Его Величества къ Цесаревичу отправьте тотчасъ по полученіи съ нарочнымъ фельдъегеремъ въ Варшаву.

Экспедиція наша въ Каяну продлила вояжъ нашъ однимъ днемъ по случаю противнаго и крѣпкаго вѣтра на озерѣ близъ Каяны, и чуть было не утонули, а теперь отсюда удерживаетъ насъ огонь—лѣса горятъ по самой дорогѣ, по которой намъ ѣхать; послалъ сейчасъ офицера осмотрѣть можемъ-ли проѣхать, ибо пріѣхавшій отъ пожара чиновникъ сказываетъ, что нѣтъ никакого проѣзда. Фельдъегеря сего къ вамъ посылаю по другой дорогѣ чрезъ Куопіо. Съ фельдъегеремъ, котораго отправите къ намъ 27-го числа, пожалуйста бумагъ лишнихъ не присылайте. Я было очень занемогъ послѣ Каянской экспедиціи, такъ что принужденъ былъ оставаться нѣсколько часовъ назади, а потомъ отправясь въ Улеоборгъ два раза былъ опрокинутъ, но весьма счастливо отдѣлался, ушибъ только слегка грудь, которая нѣсколько еще побаливаетъ, впрочемъ здоровъ. Надѣюсь Кривляка въ Петербургѣ, я думаю привезъ изъ деревни кучу денегъ, пожалуйста посмотрите, чтобы не промотался, а только можно позволить ему перемѣнить мерзкій затрапезный диванъ подлѣ кабинета его въ канцеляріи и даже мебель и въ гостинной. Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ, будьте здоровы. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Какихъ дураковъ гр. Штейнгель напихалъ въ города въ плацъмаіоры. Это ужасно!

11.

Получено 8-го сентября 1819 г.

На случай прибытія гр. Витгенштейна въ С.-Петербургъ, Государь приказалъ, чтобы всего гарнизона штабъ и оберъ-офицеры на другой день явились во всей формѣ къ нему.

Дорога ужаснѣйшая, совсѣмъ тѣмъ мы пріѣхали въ 11 часовъ ѣзды сюда, хотя и изломали всѣ рессоры, а сегодня обѣщаютъ дорогу еще хуже.

Спишитесь съ Киселевымъ на сколько времени гр. Витгенштейнъ сюда будетъ и одинъ или съ женою?

Ежели онъ будетъ одинъ, то Высочайше повелѣно помѣстить его въ шепелевскомъ дворцѣ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, гдѣ жилъ генералъ Сакенъ, о чемъ объявить тогда гофмаршалу Нарышкину, равно чтобъ была услуга, экипажъ и столъ, какъ было Сакену. Ежели же онъ будетъ съ женою, то нанять домъ особый въ городѣ.

Учившемуся здѣсь сего дня сводному учебному Гренадерскому полку отдано благоволеніе, которое я объявилъ и выдалъ по рублю на человѣка изъ суммъ у меня находящихся, но нужно выдать за фунтъ говядины и по чаркѣ вина на человѣка, о чемъ сдѣлайте нужное распоряженіе, для чего прилагаю при семъ строевую записку.

Напрасно прислали бумаги къ докладу; право некуда класть и читать нѣтъ времени.

12.

6-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше отъ 29-го декабря, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, получилъ, чувствительно благодарю, и съ новымъ годомъ васъ отъ искренняго сердца поздравляю, желая всѣхъ возможныхъ благъ, а болѣе всего здоровье, равномѣрно и Аграфенѣ Ѳедоровнѣ, которой сверхъ того желаю, чтобы взятыя (ею) въ Москву 54 платья сдѣлались въ теченіе года узки по нѣкоторой причинѣ и отнюдь въ то время не смотрѣть на Башуцкаго и на Княжнина, съ коимъ мы частехонько побраниваемся чрезъ Бибикова. На прошедшей недѣли въ такой былъ дистракціи, что прислалъ ко мнѣ къ подписанію бумагу, подписавъ свое имя на моемъ

мѣстѣ, а мнѣ оставилъ свое, равно и справки различныя неполныя доставляетъ, и бумагъ довольно перемарываю.

Сегодня назначенъ въ Москву военнымъ генералъ-губернаторомъ кн. Дмит. Васил. Голицынъ, надѣюсь городъ будетъ доволенъ.

Не худо бы Шульгину поближе посмотрѣть за больными женщинами и по осмотрѣ зараженныхъ положить въ больницу.

Когда экзерциргаузъ будетъ поправленъ, то загляните въ оный, какъ на ученьи, такъ и на разводѣ.

Эссенъ посѣщеніями своими меня не оставляетъ по своему обыкновенію, и порядочно пилитъ, уже ему дали рескриптъ благоволительный за экономію земель, надѣюсь симъ отъ него отдѣлаюсь. Въ добавокъ къ нему, па мою шею былъ и Чубаровъ, недоставало только Маркова къ довершенію моего отчаянія. Какъ бы не сглазить, дѣла мои идутъ всѣ хорошо, и какъ вы видите и смертельные спустилъ.

По рапорту полученному отъ Полторацкаго задамъ порядочную баню, начиная съ Комаровскаго и Арсеньева.

Въ веселостяхъ у насъ нѣтъ недостатка: въ новый годъ былъ преславный маскарадъ у двора, вошедшихъ (входныхъ?) билетовъ было 18,328, кромѣ тѣхъ кои безъ билетовъ были: вы можете судить о просторѣ. Третьяго дня опять былъ балъ у Императрицы. Сегодня парада не было за стужею, которой теперь 26 градусовъ. 8-го числа у гр. Остермана маскарадъ. Братъ Михайла пріѣхалъ и непремѣнно хочетъ идти прочь, имѣлъ экспликацію съ самимъ, который по обыкновенію ...... славно, потомъ и меня пилилъ, хочетъ чтобы отдали войскамъ его бывшимъ благоволеніе теперь, что хорошо себя здѣсь вели по прошествіи года, и чтобы, хотя не теперь, но чтобы зналъ когда его произведутъ.

Волкову прошу отъ меня поклонъ сказать. Кривляка былъ болѣнъ горломъ, но теперь здоровъ, а у меня все чирьи еще продолжаются, то есть уже четвертый.

Прощайте, будьте здоровы и веселитесь, но къ сроку прошу непремѣнно явиться, хотя и всѣ платья не переносятся.

Мое усердное почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ прошу изъявить.

Весь вашъ К. *Петръ Волконскій.*

Сейчасъ получилъ и второе письмо ваше отъ 1-го января, благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ.

13.

12-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Спѣшу увѣдомить васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, что по желанію вашему Его Величество приказать изволилъ опредѣлить въ пажи племянниковъ вашихъ, кн. Оболенскаго и Шалашникова. Радуюсь, что вы здоровы, и говорятъ что въ Москвѣ очень веселятся, балы и маскарады безпрестанные, что и здѣсь не урѣживаемъ: на сихъ дняхъ былъ преславнѣйшій маскарадъ у гр. Остермана. Сейчасъ запилилъ меня до смерти Эссенъ, мочи нѣтъ, кажется все для него сдѣлалъ, что можно, а всякій день вырываетъ что нибудь новое. Въ Гвардейскомъ штабѣ случилась весьма непріятная исторія, чувствительная для меня болѣе потому, что въ семъ корпусѣ никогда ничего подобнаго не бывало. Штабсъ-капитанъ Мейендорфъ вздумалъ объясняться съ Бенкендорфомъ о запискѣ присланной отъ Казначеева, требующей квартирмейстерскихъ офицеровъ къ должности, въ которой написано было къ одному изъ офицеровъ *предлагаю*. Слово сіе имъ показалось обидное, хотя Казначеевъ могъ и долженъ былъ написать въ запискѣ *приказываю явиться*. Я принужденъ былъ Мейендорфа отдать подъ судъ, посадивъ въ казематъ. Признаюсь такъ меня разсердилъ Мейендорфъ, когда допрашивалъ я его, что едва могъ удерживаться, чтобы дать ему все проговорить. Сипягинъ много причиною сему своими бывшими собраніями, въ коихъ они позволяли себѣ судить старшихъ, и тому подобное, вотъ къ чему сіе ихъ привело. Бибиковъ бумагами меня замучилъ, нѣтъ минуты свободной, я имъ доволенъ, а въ департаментѣ справки все еще дѣлаютъ слегка, что часто замѣчаю Княжнину. Пожалуйста, ради Бога, не просрочивайте. Великій Князь Константинъ Павловичъ пилитъ также по дѣлу аудиторіатскому о приговорахъ, нужно сіе скорѣй разрѣшить. Графъ Аракчеевъ присылалъ также запросъ по мнѣнію Государственнаго Совѣта объ одномъ неспособномъ безъ языка воспитанникѣ, на чемъ Инспекторскій Департаментъ основывалъ, чтобы его, какъ выключеннаго еще при Горчаковѣ, записать въ мѣщанство. По дѣлу я нашелъ, что о семъ спрашивалъ Сенатъ у департамента мнѣніе, на которое вы рапортами къ военному министру согласились, съ чего и принужденъ я былъ послать копію, боюсь не сдѣлали бы намъ за сіе какого замѣчанія, хотя впрочемъ другаго дѣлать было нечего.

У графа Аракчеева также былъ маскарадъ, Депрерадовичъ и Пе-

тровъ говорятъ отличались въ мазуркѣ, а каммергеръ Кокошкинъ, одѣтый бурмистромъ изъ деревень около Грузина лежащихъ, сказываютъ бросился въ ноги графу и благодарилъ за милостивое съ крестьянами обхожденіе, представляя въ рубище одѣтыхъ всю фамилію Клейнмихелей, говоря сколько онъ имъ сдѣлалъ добра; не знаю правда-ли, а всѣ такъ говорятъ. Пожелавъ вамъ добраго здоровья и Аграфенѣ Федоровнѣ мое усердное почтеніе, пребуду навсегда весь вашъ.

К. Петръ Волконскій.

14.

31-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Премного благодарю васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, за письма ваши, но сожалѣю, что отъ баловъ и маскарадовъ московскихъ не можете порядочно отдохнуть и употребить отпускъ въ пользу для здоровья вашего. И здѣсь замучили насъ балами и маскарадами, признаюсь силъ нѣтъ. Къ тому же Бибиковъ пилитъ меня ежедневно по нѣсколько часовъ, и ежели выищется хотя минута свободная, то по наставленію вашему, какъ коршунъ, налетаетъ Эссенъ, а за нимъ не урѣживаетъ и Гогель, право голова кругомъ идетъ. Вчера поутру былъ я въ Инспекторскомъ Департаментѣ и тамъ занимался дѣлами, нашелъ все въ порядкѣ и чистотѣ. Княжнина засталъ больного въ сюртукѣ, а чиновники во фракахъ. Пожурилъ немного начальниковъ отдѣленій за неполныя справки иногда дѣлаемыя, впрочемъ все хорошо. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего возвращенія, ради Бога не просрочивайте, право нѣтъ силъ. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почтеніе, и скажите, что я за нее вчера насмотрѣлся на Княжнина и на Башуцкаго. Прощайте, будьте здоровы и скорѣе пріѣзжайте.

Весь вашъ К. *Петръ Волконскій.*

15.

15-го іюля 1820 г. Тверь.

Мы слава Богу благополучно сюда доѣхали, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, и смотрѣли 1-ю уланскую дивизію, которой маневръ былъ хорошо произведенъ. Военно-Сиротское отдѣленіе отлично содержано, и ученики хорошо на экзаменѣ отвѣчали. Генералъ-маіору Гладкому за сіе

данъ Владиміръ 2-й, Трефурту—Анна 2-й съ алмазами, смотрителю перстень, учителямъ чины и Государь былъ очень доволенъ. Завтра ѣдемъ поутру въ Москву, не знаю какъ попасть въ Суханово, признаюсь больно будетъ не быть тамъ. Прощайте, будьте здоровы, Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе. Приказы всѣ спустилъ.

Весь вашъ *К. П. Волконскій.*

16.

31-го іюля 1820 г. Чугуевъ.

Благодарю васъ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 23 іюля. Сожалѣю весьма, что Аграфена Федоровна все нездорова, видно не акуратно принимаетъ прописываемыя лекарства, которыя хотя и непріятны, но начавши оные принимать надлежитъ употреблять ихъ съ большою точностію, безъ того мало приносятъ пользы, желаю искренно, чтобы здоровье ее поправилось.

Приказъ Ермолова читалъ и вижу, что Мадатовъ не перестаетъ покрывать себя славою; онъ его вновь рекомендуетъ, но не знаю еще что дадутъ, ибо не имѣлъ время читать его представленіе Государю.

Касательно надписей въ камерахъ присутственныхъ я бы желалъ, чтобы оныхъ до моего пріѣзда не прибивать, равно и таблицъ. О дровахъ я писалъ и къ Селявину, чтобы хорошенько расчелся, дабы не было недостатка, и чтобы, послѣ не прикупать по дорогой цѣнѣ, лучше имѣть нѣсколько лишнихъ дровъ въ запасѣ.

Въ Курскѣ кирасирскій смотръ былъ отличный, не дурны были также смотры и въ Козловѣ и Воронежѣ, также и здѣсь довольно хороши полки, но гораздо слабѣе прочихъ, ибо занимаются полевыми работами. Кантонисты здѣсь отличные и школа взаимнаго обученія идетъ очень хорошо, школою управляетъ изъ моихъ кантонистовъ изъ депо.

Мѣстоположеніе Чугуева прекрасное, но городъ болѣе похожъ на деревню. Сегодня послѣ обѣда ѣдемъ въ Харьковъ, гдѣ ожидаетъ насъ балъ. Въ Курскѣ былъ балъ отличный, зала была построена нарочно, и прекрасно наполнена хорошими лицами.

Пожалуйста почаще заглядывайте въ новый нашъ домъ, дабы строеніемъ не мѣшкали, и чтобы все хорошо отдѣлывалось. Инструкцію прочитавъ подписалъ, при семъ возвращаю для приведенія въ исполненіе, что теперь нужно и возможно. Пожарные инструменты были у насъ прежде, но не думаю, чтобы оныхъ было достаточно, то прикажите Селя-

вину хорошенько ихъ вмѣстѣ съ Юшковичемъ осмотрѣть и заказать, сдѣлать вновь тѣ, коихъ не достаетъ. Въ казармахъ у сторожей и писарей я бы желалъ чтобъ были кровати, какъ у моихъ кантонистовъ, хорошенько выкрашены зеленою краскою и съ надписями. Полы выкрашены и не лучше-ли бы ихъ сдѣлать каменные изъ лещади или по рецепту, который я доставилъ изъ Варшавы, изъ глины и росписать. Хотя каменные полы для зимы холодны, но думаю отъ большаго числа живущихъ не такъ будетъ холодно, но за то гораздо чище; о семъ переговорите напередъ съ г. Росси. Кухни для нихъ также лучше сдѣлать въ особенныхъ комнатахъ и не въ жилыхъ, и нельзя ли также сдѣлать ихъ паровыя. Увѣдомьте меня что̀ дѣлается съ паровыми кухнями въ Военно-Сиротскомъ отдѣленіи и когда будутъ готовы. Въ новомъ архивѣ начали ли бить сваи и для газа дѣлаютъ-ли устроеніе, равно и проводятъ-ли для сего трубы?

Жары необычайныя стоятъ, и силъ нѣтъ переносить, а смотры и балы замучили, я точно какъ разваренный, особенно въ дорогѣ; солнце печетъ ужаснымъ манеромъ, лицо какъ у араповъ и безпрестанно лупится.

Прощайте, любезнѣйшій другъ, будьте здоровы и не душите меня бумагами.

К. *Волконскій.*

Чернышеву дали Александровскую ленту за усмиреніе и Вахрушевъ произведенъ.

17.

17-го августа 1820 г. Варшава.

Не знаю почему пеняете вы, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, что мы мало занимаемся вашими бумагами, напротивъ того я почти всѣ уже къ вамъ обратилъ, особенно тѣ, кои отъ моего рѣшенія зависятъ, и теперь рѣшился не дожидая посылки фельдъегеря отправить всѣ бумаги по эстафетѣ, ибо легко можетъ продлиться отправленіе отсюда фельдъегеря.

Изъ приказовъ, грамотъ и указовъ капитулу усмотрите, что Государь весьма былъ доволенъ всѣми смотрами, и дѣйствительно были весьма хорошіе полки, маневры же всѣ вездѣ были удачны. У Бороздина только слишкомъ были растянуты и въ настоящемъ дѣлѣ онъ бы очень

потерпѣлъ. У гр. Витта кантонисты познаніями своими меня удивили въ различныхъ частяхъ, право многихъ дворянъ за поясъ бы заткнули, надобно отдать справедливость успѣху сему ген.-м. Храповицкому, который видно самъ имѣетъ большія познанія и охотникъ до упражненія и имѣетъ легкій способъ преподавать уроки. Поселенія идутъ очень хорошо, деревни отстраиваются и содержатся въ удивительной чистотѣ и порядкѣ, изъ кантонистовъ выйдутъ удивительные не только солдаты или унтеръ-офицеры, но и отличные офицеры, и многихъ кадетъ и даже и другихъ перещеголяютъ познаніями и ловкостію. Во 2-й арміи видѣли мы проѣздомъ С.-Петербургскій драгунскій полкъ весьма посредственный, хорошъ только лошадьми, чисто вычищенными, а впрочемъ въ ѣздѣ еще требуетъ много работы. Въ Умани видѣли 3-ю бригаду 19-й дивизіи порядочную и нѣкоторыя роты въ караулѣ по дорогѣ довольно хорошія. На будущій годъ Государь обѣщалъ пріѣхать смотрѣть 2-ю армію.

Бывъ въ Вознесенскѣ имѣлъ я случай видѣть дѣтей своихъ, которые пріѣхали ко мнѣ изъ Одессы съ женою, и къ крайнему сожалѣнію видѣлъ, что они потеряли весьма много времени въ лицеи въ наукахъ, и гораздо менѣе знаютъ нежели кантонисты гр. Витта, кои изъ мужиковъ; не могу вамъ изъяснить сколько сіе меня огорчило. Отдавъ ихъ въ полное распоряженіе женѣ, по неимѣнію времени заниматься, желаю, чтобы пребываніемъ въ чужихъ краяхъ пріобрѣли они нужныя познанія, и перемѣнили бы заключеніе мое на ихъ счетъ. Признаюсь, что отправленіе въ Парижъ меня весьма страшитъ, по безпрестаннымъ тамъ раздорамъ. Сегодня еще пишу къ женѣ, чтобы пріостановилась отправленіемъ ихъ, ибо вчера получены здѣсь чрезъ курьера весьма дурныя извѣстія изъ Парижа,—вновь открытъ по счастію заговоръ противу короля и всей фамиліи, между военными, которые хотѣли короля со всей фамиліею вывезть за границу, назвать королемъ Бонапарта сына, а регентомъ Евгенію Богарне. Къ счастію открыто оное было до исполненія, и 35 человѣкъ арестовано изъ офицеровъ, между коими есть и два офицера изъ королевской гвардіи, но какъ заговоръ сей имѣлъ связь съ другими провинціями Франціи, то еще неизвѣстно какой возьметъ оное оборотъ. Въ Парижѣ все было спокойно и даже солдаты сами выдали зачинщиковъ заговора. Все сіе заставляетъ сомнѣваться, чтобы покой остался на долго во Франціи, и не только въ оной, но и въ другихъ государствахъ, ибо и въ Италіи идетъ все не хорошо.

Признаюсь, что мы живемъ въ весьма трудномъ вѣкѣ, и нельзя понять чего хотятъ сіи злодѣи. Процессъ королевы въ Англіи также не дѣлаетъ чести ни ей, ни королевству, и также думаю хорошо кончиться не можетъ. Какъ и у насъ въ числѣ молодежи, особенно петербургской, есть

чрезвычайно много вскруженныхъ головъ, то я писалъ сегодня къ Васильчикову, чтобы онъ имѣлъ за ними неослабный надзоръ, и васъ прошу приложить всемѣрное наблюденіе за всѣми ихъ поступками, и особенными собраніями ихъ между собою. Нужно бы завесть довѣренныхъ людей, кои бы старались быть вхожи въ таковыя собранія, дабы болѣе имѣть свѣдѣніе объ оныхъ, и предупредить могущее случиться какое либо зло.

Крайне сожалѣю, любезный другъ, что вы все страдаете головною болью, ради Бога не пренебрегайте симъ и употребляйте все что нужно для излеченія; надѣюсь, что морскія бани помогутъ Аграфенѣ Федоровнѣ, не знаю только въ Ораніенбаумѣ или Петергофѣ могутъ-ли приносить большую пользу, ибо вода еще не довольно солона. Прошу ей мое почтеніе засвидѣтельствовать.

Благодарю васъ покорнѣйше за исправное теченіе дѣлъ, и ни мало не сомнѣвался никогда, чтобы могло быть какое либо затрудненіе, зная ваше трудолюбіе и отличнѣйшее усердіе, безъ чего дѣла идти никакъ не могутъ. Здѣсь мы видѣли два развода отличные по обыкновенію, а послѣзавтра будетъ большой смотръ всей арміи, а потомъ нѣсколько ученій разнаго рода, кои продолжатся до открытія сейма. Духъ здѣшнихъ жителей сколько слышно очень хорошъ, въ семьѣ не безъ урода, есть и здѣсь собаки, которые лаютъ; но лишь бы не кусались, а то по пословицѣ собака лаетъ, а вѣтеръ носитъ. Радуюсь очень, что строеніе наше идетъ успѣшно, желаю чтобы оное было отличное, особенно по деньгамъ на оное употребляемымъ.

Ермолова представленія почти всѣ утверждены, кромѣ еще о Мадатовѣ не вышло. По желанію Ермолова корпусъ велѣно называть Кавказскимъ, а не Грузинскимъ, но въ приказѣ не велѣно объявлять, а сообщить циркулярно, ему же самому будетъ благоволительный рескриптъ за всѣ его распоряженія.

Прошу всѣмъ нашимъ товарищамъ кланяться, и пожелавъ вамъ совершеннаго здоровья пребуду навсегда

Весь вашъ кн. *П. Волконскій.*

Кривляка заволочился здѣсь.

18.

2-го сентября 1820 г. Варшава.

За письма ваши чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и сердечно сожалѣю, что здоровье ваше и Агра-

фены Федоровны худо поправляется, искренно желаю, чтобы вы оба были здоровы и счастливы. О деньгахъ для Прусскаго принца уже всѣ разрѣшены, касательно Эссена забылъ прежде спросить, и думаю, что теперь сіе письмо получите уже по его отъѣздѣ. Эссену до границы необходимо должно ѣхать съ принцемъ.

Войсками мы были довольны какъ видите, о Киселевѣ оставлено до будущаго смотра арміи, ибо нынѣ видѣли только три полка. Касательно молодежи петербургской нахожу, что домашнія ихъ собранія опаснѣе и гораздо бы лучше было, ежели бы они болѣе были въ публикѣ, нежели запершись между собою дѣлали превратные о всемъ толки. Кажется дѣло господъ полковыхъ командировъ за симъ поближе смотрѣть, и обращать вниманіе на домашнее занятіе ихъ подчиненныхъ, а не однимъ только ученіемъ фронта и разводами заниматься. На счетъ дома Главнаго Штаба я писалъ мнѣніе мое Селявину о размѣщеніи нижнихъ чиновъ, которое повторять было бы долго, то прикажите, чтобъ онъ показалъ вамъ мою записку, и постарайтесь любезный другъ такъ устроить, чтобы несчастные нижніе чины могли жить хорошо и опрятно, отъ чего и болѣзней будетъ мало. Ежели Скоти худо гдѣ росписалъ комнаты, то прикажите г-ну Росси заставить его оныя переписать, а денегъ во всякомъ случаѣ всѣхъ до моего пріѣзда ему не выдавать. Кухонь особыхъ на Кусовниковомъ дворѣ нельзя строить, ибо и безъ того некуда дровъ будетъ ставить. Братъ Михайло (гр. Воронцовъ) былъ съ женою своею и тещею въ Вознесенскѣ, оттуда поѣхалъ въ Одессу, а на сихъ дняхъ писалъ ко мнѣ и просилъ заграничнаго паспорта, который послалъ я ему въ Бѣлую Церковь, откуда отправляется онъ въ чужіе края. Кажется былъ доволенъ пріемомъ ему въ Вознесенскѣ сдѣланнымъ и никакихъ вновь проектовъ не предлагалъ. Очень желаю знать, что Ермоловъ напишетъ на прежній его проектъ. 30-го августа для именинъ Его Величества намѣстникъ открылъ вновь отдѣланный великолѣпно свой домъ преславнымъ баломъ, а вчера было открытіе сейма. Прилагаю при семъ экземпляръ рѣчи Его Величества. Послѣ того маршалъ сейма Рембелинскій давалъ въ ратушѣ обѣдъ всему сейму, а сегодня начались засѣданія.

Касательно свиданія Государей оно будетъ послѣ сейма въ городѣ *Троппау* въ австрійской Силезіи, куда мы отправимся 4-го октября и тамъ будемъ 8-го. Фельдъегерямъ прикажите продолжать ѣздить чрезъ Брестъ и Варшаву, до тѣхъ поръ какъ увѣдомлю васъ о перемѣнѣ направленія по случаю нашего возвращенія, боюсь только, чтобы далѣе куда либо *не пошли*, до сихъ поръ ничего нельзя положительнаго сказать. Пожалуйста оставьте сіе единственно про себя, и не знаемъ долго-

ли можетъ продлиться свиданіе. Дипломаты думаютъ по меньшей мѣрѣ мѣсяцъ, а можетъ и болѣе, лишь бы только хорошо кончить. Прощайте, любезный другъ, повторяю желаніе мое, чтобы здоровье ваше поправилось. Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе. Отъ брата Алексѣя (Ермолова) получилъ презабавное письмо на счетъ Дренякина.

Прошу кланяться Васильчикову и Алешѣ Орлову, а Михайла шалитъ своимъ языкомъ, надо будетъ мнѣ крѣпко его побранить.

19.

11-го сентября 1820 г. Варшава.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 3-го числа, и весьма сожалѣю, что здоровье ваше худо поправляется, пожалуйста берегитесь и не слишкомъ онымъ пренебрегайте. На счетъ офицеровъ Измайловскаго полка, рѣшившихся оставить полкъ по негодованію на командира, нахожу, что таковыхъ отнюдь не нужно оставлять въ службѣ, ежели не умѣютъ повиноваться и цѣнить службою пусть идутъ, хотя всѣ, мѣста ихъ могутъ быть заняты другими, и не надобно показывать того что ими дорожатъ, ибо они и не стоятъ того. Офицеръ не умѣющій повиноваться никогда самъ хорошимъ начальникомъ быть не можетъ, слѣдовательно для службы не есть потеря. Ежели Мартыновъ худо съ офицерами обошелся, то дѣло бригаднаго и дивизіоннаго замѣтить таковой поступокъ, а не подчиненнымъ разсуждать о дѣяніяхъ начальника по службѣ, особенно ежели они не касаются чести офицерской. Вотъ на сей счетъ мое мнѣніе.

Очень желаю знать, какъ будете вы довольны вашими воспитанниками Дидота, и будетъ ли отъ нихъ прокъ.

Касательно перемѣщенія назначенныхъ частей въ новый домъ теперь опредѣлительно не могу вамъ еще сказать, долго ли продлится пребываніе наше за границею. До моего же возвращенія я не хочу, чтобы занимали домъ, ибо желаю его видѣть напередъ въ какомъ видѣ онъ отдѣланъ будетъ; все надѣюсь не позже ноября половины или исхода, а можетъ быть и ранѣе мы возвратимся. Къ флигель-адъютанту Эссену я посылаю отсюда повелѣніе, чтобы провожалъ до Берлина принца.

Сожалѣю крайне, что вы недовольны Военно-сиротскимъ отдѣленіемъ, и увѣренъ что обративъ на него вниманіе ваше вы поставите его на ту степень, въ которой долженъ быть оный.

Ежели Захаржевскій не началъ еще дѣлать паровыхъ печей въ кухняхъ у инвалидовъ, по образцу присланному изъ Варшавы, то прикажите ему пріостановиться, ибо выходитъ, что онѣ не такъ удобны, какъ предполагали: 1-е въ дровахъ нѣтъ никакой экономіи, и 2-е пища не столь хорошо уваривается какъ въ обыкновенныхъ артельныхъ котлахъ; а какъ у г-на Вильсона кухни паровыя лучше, то нельзя-ли брать съ него примѣра, и показавъ ему присланныя изъ Варшавы, съ нимъ посовѣтоваться о недостаткѣ оныхъ.

Отъѣздъ нашъ отсюда послѣдуетъ 4-го октября въ Троппау, куда мы будемъ 8-го октября, почему прикажите снабжать фельдъегерей прогонами съ 1-го октября до Троппау, чрезъ Варшаву, на Петрикау и Ченстоховъ и въ обратный путь до Петербурга. Государь былъ очень недоволенъ по рапорту Михаила Павловича о недостаткѣ снарядовъ въ Грузіи, велѣлъ замѣтить Миллеру и строгій выговоръ Гогелю за упущеніе. Я сіе предвидѣлъ, но помочь нечѣмъ. Теперь подобнаго еще ожидать надобно по представленію Михаила Павловича о назначеніи Талызина въ Грузію. Какъ послѣ того, что было съ Талызинымъ, который найденъ негоднымъ командовать бригадою, представляютъ его въ начальники? Оправданія представляемыя Талызинымъ весьма слабы, противъ того гдѣ кн. Яшвиль самъ говоритъ, что артиллерія его или лошади найдены худы, слѣдовательно тутъ уже не личность Игнатьева дѣйствуетъ. Не худо бы погонять и Перена, что онъ не предостерегаетъ въ подобныхъ случаяхъ Его Высочество. Графъ Аракчеевъ ѣдетъ послѣ завтра отсюда въ Петербургъ, признаюсь мнѣ очень завидно, не повѣрите какъ скучно, хотя почти всякій день вечеринки и балы, но какъ я не танцую и не играю, то меня оные не веселятъ; за то рано ложусь спать и рано встаю, на охоту хожу изрѣдка, но неудачно, потому что нѣтъ совсѣмъ дичи. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и пожелать ей добраго здоровья. Погода у насъ изрядная, но однако не холодная. Прощайте.

20.

29 октября 1820 г. Троппау.

За письмо ваше, любезный Арсеній Андреевичъ, благодарю, и увѣдомляю, что по сіе время обратный путь нашъ назначается чрезъ Варшаву, Брестъ, Минскъ, Витебскъ и Порховъ, коему маршрутъ приказалъ кн. Меньшикову къ вамъ послать, но ни ночлеговъ, ни времени

нашего отъѣзда еще неизвѣстно. Дипломаты обѣщаютъ окончить чрезъ три недѣли, но мало къ нимъ имѣю вѣры, и боюсь, чтобы не продлилось долѣе.

Хотя Его Высочеству Михаилу Павловичу не полюбилась ваша табель, но пришлите мнѣ ее взглянуть, равномѣрно постарайтесь достать и ту, которою онъ довольствуется, дабы видѣть въ чемъ она состоитъ.

Касательно дѣлъ аудиторскихъ напрасно думаете, что ихъ позабываю, напротивъ того право часто о нихъ твержу и напоминаю; въ Варшавѣ сеймъ мѣшалъ ими заняться, а здѣсь дипломатическія дѣла. На счетъ же разжалованныхъ, о коихъ гр. Толстой и Гельфрейхъ представляли и по коимъ было отказано съ замѣчаніями, нахожу весьма справедливымъ, ибо люди признанные въ воровствѣ, въ смертоубійствѣ и другихъ подобныхъ неистовыхъ поступкахъ и по суду разжалованные безъ выслуги, не могутъ быть терпимы ни въ какомъ обществѣ, и должны наказаніе свое нести въ полной мѣрѣ, потому что много есть такихъ, кои наказаніе считаютъ ни во что, говоря *«ну разжалуютъ въ солдаты, а тамъ чрезъ годъ или два простятъ»*. Къ тому, мнѣ весьма извѣстно, какъ сіи разжалованные служатъ; я знаю что ни одинъ настоящей должности рядоваго не несетъ, а только званіе, и живетъ или у баталіоннаго или ротнаго командира, какъ бы провесть годъ или два, а тамъ и выплакиваетъ у начальства прощенія. Повѣрьте мнѣ, къ такому роду людей никогда никакой жалости имѣть нельзя, и не должно, впрочемъ всякій судитъ по своему, можетъ быть я и ошибаюсь, но думаю, что симъ способомъ много бы зла прекратилось, ежели усмотрѣть что подпавъ подъ наказаніе болѣе уже не выслужишься, или по крайней мѣрѣ не скоро. Что относится до тѣхъ, кои за дурное поведеніе, не заключающее вышесказанныхъ пороковъ, поступаютъ добровольно въ рядовые изъ офицеровъ и прослужа годъ времени представляютъ, о таковыхъ никогда не отказывалось, ежели только подробно объясненъ проступокъ прежній. Слѣдовательно, напрасно полагаете удерживать подобные доклады до возвращенія и можете присылать къ докладу. О рекрутахъ въ то же время разрѣшено ваше представленіе, и къ вамъ отослано. Весьма сожалѣю о болѣзни Петра Ивановича, и желаю, чтобы онъ выздоравливалъ скорѣе, я увѣренъ что онъ неосторожно покушалъ славной своей солонинки. Исторія между Бенкендорфомъ и Пирхомъ никуда не годится, и съ вами весьма согласенъ, что никакой переписки заводить не должно было, а вмѣсто отвѣта Бенкендорфу бы слѣдовало призвать Пирха и добрымъ манеромъ вымыть за то голову, чтобы лучше

понималъ что ему говорятъ, а переписокъ подобныхъ съ начальниками не осмѣливался заводить, а ежели не знаетъ власти начальника штаба, какъ говорится, то дать ему желтую книжку въ руки, чѣмъ бы и прекратилось все сужденіе молодежи неопытной. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы, Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе. У насъ скука ужасная. Рядоваго Бланкова и товарища держите особо до разрѣшенія.

21.

4-го ноября 1820 г. Троппау.

Извѣстіе о приключеніи, случившемся въ Семеновскомъ полку, меня такъ поразило, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, что не нахожу словъ къ изъясненію чувствъ, какія произвело сіе неслыханное въ арміи нашей происшествіе. Для меня еще больнѣе, потому что я началъ и продолжалъ службу свою въ семъ полку и всегда имѣлъ къ нему особенную привязанность. Изъ всего дѣла вижу, что несчастіе сего полка произошло отъ того, что Бенкендорфъ потерялся при первомъ допросѣ...... Не менѣе того удивляетъ меня, что Васильчиковъ самъ при первомъ началѣ не поѣхалъ въ полкъ, и вамъ ничего не далъ о семъ знать, вы нашъ дежурный генералъ въ правѣ были тотчасъ туда ѣхать и увѣренъ, что при первомъ допросѣ кончили бы дѣло иначе, и полкъ бы остался цѣлъ. Когда же дѣло сіе такъ было испорчено, то конечно нечего было болѣе дѣлать какъ поступить тѣмъ образомъ, какъ впослѣдствіи сдѣлано, но полку уже существовать нельзя. Зачѣмъ Васильчиковъ, ни Бенкендорфъ во время его отсутствія, знавъ о неистовомъ обхожденіи Шварца, терпѣли оное, и не доносили о томъ, неужели думали они, что Государь, узнавъ о таковыхъ поступкахъ, оставилъ бы Шварца въ полку; я васъ увѣряю, что въ ту же бы минуту онъ былъ бы преданъ суду, и другой бы командиръ былъ назначенъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ я вамъ писалъ, что нужно имѣть свѣдѣнія что въ полкахъ происходитъ: еслибы о семъ знали, то сего бы не случилось.

Вы говорите офицеры показывали мало твердости, сіе справедливо весьма, но я почти увѣренъ, что они съ намѣреніемъ не мѣшались, дабы избавиться Шварца. Потомъ, что за порядокъ службы, что полковой командиръ водилъ къ себѣ людей на ученье безъ офицеровъ, и безъ ротнаго командира; какимъ образомъ могъ Шварцъ требовать отъ ротныхъ командировъ и отъ офицеровъ, чтобы они поступали по тѣмъ правиламъ въ ученьи, какъ ему сіе было надобно, когда они никогда

при томъ не находились, и слѣдственно не знали, что у нихъ въ ротахъ дѣлается. Сверхъ того, сколько было запрещеній, чтобы солдатскихъ денегъ ни на что не употреблять, а въ семъ полку оказывается, что Шварцъ заставлялъ ихъ дѣлать многіе расходы изъ собственныхъ ихъ денегъ, о чемъ и послана была отъ меня къ Васильчикову давно записка, по жалобѣ явившагося одного рядоваго въ Спб. Ордонансгаузъ, что принуждаютъ его употреблять собственныя деньги, чтобы строго о семъ изслѣдовалъ; но я никакого извѣстія о томъ не получилъ отъ него и по сіе время, прошу его о томъ понудить. Когда рота была отослана въ крѣпость, зачѣмъ было посылать полкъ въ караулъ и не назначить другого, пока слѣдствіе не было окончено. Слѣдствіе какъ сказываютъ первоначальное производили, допрашивая всѣхъ вмѣстѣ, а не поодиночкѣ, можно бы господина корпуснаго оберъ-аудитора бывшаго при ономъ за сіе отдать самого подъ судъ, и я до него доберусь, прошу прислать мнѣ его имя. Его было дѣло напомнить какъ оное производить, ежели того производители не знали, однимъ словомъ полкъ погибъ отъ ошибокъ. Сказываютъ, что будто и военный судъ въ крѣпости началъ допрашивать цѣлыми взводами, симъ способомъ, думаю, немного можно узнать, и какой человѣкъ на товарища своего явно будетъ доказывать, порознь же можетъ быть многое бы открылъ. Къ тому же, допрошенныхъ не нужно оставлять съ тѣми, кои еще не были допрошены, никто не торопитъ судъ, но должно требовать, чтобы онъ произведенъ былъ въ установленномъ порядкѣ и безъ малѣйшихъ упущеній, ибо участь многихъ людей отъ сего зависитъ. Пожалуйста обратите на сіе ваше вниманіе и посмотрите, чтобы не было упущеній. Составъ полка уничтоженъ Высочайшимъ приказомъ, который къ вамъ посылаю, и притомъ назначеніе людей по дивизіямъ. Пожалуйста распорядитесь, чтобы въ продовольствіи въ пути не было недостатка, и чтобы штабъ- и оберъ-офицеры шли съ ними въ тѣ дивизіи, кто изъ нихъ куда назначенъ. При донесеніи мнѣ объ исполненіи доставьте мнѣ маршрутъ ихъ съ числами когда выступятъ, и гдѣ котораго числа будутъ находиться; роздыхи сдѣлать чрезъ два и три дня, но однако избѣжать дѣлать роздыхи близъ С.-Петербурга. Въ такомъ случаѣ можно сдѣлать роздыхи за два перехода до Петербурга, и за три или четыре послѣ Петербурга. Зачѣмъ 2-й баталіонъ послали водою въ Свеаборгъ въ столь позднее время, кажется достаточно бы было его высадить въ Систербекѣ или въ Выборгѣ и оттуда вести сухимъ путемъ въ Свеаборгъ или въ Нарву. Судя по сему и по послѣднему вашему рапорту полагаю, что онъ не дошелъ водою до Свеаборга, ибо легко могъ бы еще

понесть какія либо несчастія на морѣ. О семъ также меня увѣдомьте гдѣ его высадили? Какъ всѣ люди въ полку были хороши собою, то сходно съ повелѣніемъ, чтобы для размѣщенія въ армейскіе полки сихъ людей выбирать изъ всѣхъ ротъ, лучше думаю поручить выборъ предписаннаго числа для каждой дивизіи, самому дивизіонному начальнику той дивизіи куда они прибывать будутъ, равномѣрно онъ же самъ долженъ будетъ раздѣлять ихъ по равному числу въ каждый полкъ, стараясь также, чтобы не было много съ одной роты въ полку, но съ разныхъ. Я слышу, что будто и въ Саперномъ баталіонѣ жалѣютъ о Сазоновѣ и недовольны Геруа, то пожалуйста о семъ поразвѣдайте, и также о лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ и меня увѣдомьте.

Объ отъѣздѣ нашемъ отсюда ничего еще рѣшительнаго сказать не могу, полагаю, что еще продержатъ насъ около мѣсяца. Какъ скоро, что положительное узнаю, то не замедлю васъ увѣдомить. Скука здѣсь ужаснѣйшая, къ коей несчастная исторія Семеновскаго полка придала еще уныніе; можете по сему судить о нашемъ пріятномъ положеніи. Къ тому же и погода стоитъ весьма дурная: то дождь, то снѣгъ, отъ каковой сырости мы всѣ почти больны и нѣтъ ни одного человѣка, который бы не былъ болѣнъ чѣмъ нибудь.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе, а вамъ желаю здоровье и прошу меня не забывать.

Прошу васъ оставить сіе письмо единственно для васъ однихъ.

22.

8-го ноября 1820 г. Троппау.

Письмо ваше отъ 26-го октября *) получилъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и спѣшу на оное отвѣтствовать, что по неизвѣстности, когда послѣдуетъ наше возвращеніе, по важности здѣшнихъ дѣлъ, нельзя оныя не окончить. Почему Его Величество и не хотѣлъ далѣе оставлять безъ рѣшенія столь неслыханнаго въ арміи нашей поступка, каковъ произошелъ въ Семеновскомъ полку. Сначала Государь дожидался дополнительныхъ извѣстій съ Чадаевымъ, получивъ же оныя, тотчасъ рѣшился на уничтоженіе прежняго состава полка, менѣе чего и сдѣлать нельзя было, ибо никакой довѣренности уже нельзя имѣть было къ сему полку послѣ подобнаго происшествія. Сіе послужитъ урокомъ надѣюсь,

*) См. ниже письма А. А. Закревскаго князю П. М. Волконскому.

какъ нижнимъ чинамъ, такъ особенно и *молодымъ начальникамъ*, какъ съ людьми должно обращаться, и что безъ чинопочитанія и повиновенія военная служба не можетъ существовать. Если достали подкинутую бумагу, то пришлите мнѣ.—Здѣсь такъ скучно, что описать вамъ не могу, къ тому же погода стоитъ дурная, и выдти нельзя, грязь престрашная, что и верхомъ нельзя ѣздить, ждемъ морозу, чтобы погулять на воздухѣ, безъ того похоже на тюрьму. Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе. Прощайте, будьте здоровы, и чтобы у васъ все было тихо и смирно.

Король прусскій завтра уже возвращается въ Берлинъ, окончивъ свои дѣла.

23.

10-го (22-го) ноября 1820 г. Троппау.

Какъ назначенный къ отправленію нѣсколько дней тому назадъ фельдъегерь Ранцевичъ еще не отправленъ, и зачѣмъ вы его посылаете онъ чуть живъ сюда пріѣхалъ, ему бы надобно другое мѣсто, я приказалъ на случай съ нимъ послать другого, не равно занеможетъ опять дорогою, и пользуюсь еще чтобы вамъ писать нѣсколько строкъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ.—Я читалъ подкинутую бумагу, которую уже ко мнѣ не присылайте, признаюсь не могъ вообразить столь ужасной мерзости; что и доказываетъ что такого же рода вѣрно было что нибудь употреблено и для Семеновскаго полка. Повторяю вамъ еще, вотъ для чего я всегда желалъ, чтобы имѣть свѣдѣніе и наблюденіе, что въ полкахъ дѣлается, какъ между офицерами, такъ и между нижними чинами. Вы видите теперь ясно, въ какомъ несчастномъ вѣкѣ мы живемъ, что нигдѣ и ни въ чемъ увѣрену быть нельзя.

Дѣла здѣшнія требуютъ перемѣщенія конгресса, и потому вмѣсто приближенія къ вамъ мы болѣе удаляемся и дней чрезъ 10 поѣдемъ чрезъ Вѣну въ *Лайбахъ* въ Иллиріи, гдѣ не знаю сколько времени пробудемъ. Почему по полученіи сего снабжайте фельдъегерей прогонами до Тріеста или Венеціи, сіе назначаю я на случай, ежели бы мы изъ *Лайбаха* выѣхали, и чтобы у сихъ въ прогонахъ недостатка не было. Тому который отправится послѣ завтра отъ васъ, то есть 12-го ноября, я прикажу въ Варшавѣ добавить до Вѣны, а тамъ дадутъ ему до *Лайбаха*. Вы не повѣрите, какъ сіе неожиданное перемѣщеніе меня разстроиваетъ въ собственныхъ моихъ дѣлахъ, которыя управляются со-

вершенно однимъ Богомъ, жена въ Парижѣ, я Богъ вѣдаетъ куда попаду и на сколько времени. На деньги считалъ въ С.-Петербургѣ, и изъ тѣхъ еще по милости Обрѣскова, котораго пожалуйста отъ меня поблагодарите какъ увидите, за удивительную исправность его таможенныхъ надо мною только, а не надъ жидами, которые провозятъ на милліоны безъ пошлинъ, а съ меня за то что некуда намъ класть лишнихъ вещей старыхъ, которыхъ отослалъ въ Петербургъ какъ-то: старые мундиры, эполеты и аксельбанты заставили заплатить вдвое того, что они новые стоили. Не повѣрите какъ меня сіе взбѣсило и признаюсь лучше бы Григорій ихъ вовсе уступилъ таможеннымъ, нежели платить такую цѣну, напрасно и Плаксинъ отсылалъ посылку сію въ таможню. Теперь уже буду здѣсь раздаривать старыя вещи, чѣмъ туда посылать. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и насъ не забывайте.

24.

20-го ноября 1820 г. Троппау.

Письма ваши, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 2-го и 5-го сего мѣсяца получилъ, благодарю за оныя, и радуюсь, что у васъ слава Богу идетъ все тихо. Нужно непремѣнно отыскать сочинителя найденной въ Преображенскомъ полку бумаги у унтеръ-офицера, дабы прекратить всѣ подобныя мерзости. Какъ возвращеніе наше отсюда еще не рѣшено по здѣшнимъ обстоятельствамъ конгресса, то Его Величество и не хотѣлъ удерживаться рѣшеніемъ о Семеновскомъ полку, которое вы полагаю получили уже нѣсколько дней тому назадъ; судъ же пусть идетъ своимъ чередомъ и по окончаніи съ виновными будетъ поступлено по законамъ. Приказъ же по арміи полагаю подѣйствуетъ надъ прочими. Я бы весьма желалъ, чтобы вы какимъ нибудь образомъ учредили, чтобы мы имѣли свѣдѣнія что̀ въ полкахъ дѣлается, такъ чтобы сіе никому не было извѣстно именно для подобныхъ случаевъ. Прилагаемое при семъ повелѣніе Кіевскаго отдѣленія смотрителю пошлите съ первымъ курьеромъ, который поѣдетъ въ армію, ему писано также о таблицахъ для чтенія въ школѣ взаимнаго обученія, коихъ смысломъ Государь недоволенъ и повелѣваетъ ему отобравъ всѣ экземпляры прислать оные къ вамъ, а на мѣсто ихъ пошлите имъ тѣ, кои у васъ печатаются для поселенныхъ войскъ, я и къ Тельшевскому писалъ, чтобы онъ прислалъ къ вамъ требованіе сколько таковыхъ ему надобно? Ѳедору Петровичу Уварову наскучило здѣсь жить и по случаю смерти

брата своего, имѣя дѣла въ С.-Петербургѣ, отпросился къ вамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество поручаетъ ему объяснить подробно причины удерживающія Государя здѣсь, онъ завтра поутру отсюда ѣдетъ. Не могу вамъ изъяснить здѣшней скуки, Уваровъ лично вамъ объяснитъ оную; право, какъ въ тюрьмѣ, и ему завидую. При отправленіи изъ С.-Петербурга въ армейскіе полки оставшихся людей Семеновскаго полка, не забудьте отправить всѣхъ вообще оставшихся подпрапорщиковъ и унтеръ-офицеровъ, также съ баталіонами, предписавъ дивизіоннымъ командирамъ (что), при выборѣ людей, унтеръ-офицеровъ должны (они) оставлять при дивизіи въ С.-Петербургѣ же, чтобы никого кромѣ въ лазаретѣ лежащихъ не оставлять, но и съ тѣми поступать, какъ сказано было въ моемъ повелѣніи. Прощайте, будьте здоровы и веселы. Аграфенѣ Федоровнѣ усердное почтеніе прошу засвидѣтельствовать.

25.

4-го (16-го) декабря 1820 г. Троппау.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, за откровенное письмо ваше отъ 19-го ноября, и по той же откровенности не могу не сказать моего мнѣнія на нѣкоторыя изложенія онаго, истинно по дружбѣ и съ тѣмъ, чтобы вы на меня не сердились. *Во-первыхъ*, вы говорите, что по образованію дежурства вы не имѣете права вмѣшиваться въ дѣла отдѣльныхъ корпусовъ. На сіе скажу вамъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ, ежели бы и дѣйствительно нельзя было вамъ вмѣшиваться, то, кажется, непремѣнно надобно было вступиться, дабы чего худшаго не произошло. Къ тому же скажу вамъ, что Его Величество совсѣмъ иначе понимаетъ сіе и тогда какъ я къ вамъ о семъ писалъ, то было по словамъ Его Величества, и нынѣ повторяю, что ваше званіе не то что дежурный генералъ при арміи; вы, находясь при Его Величествѣ, имѣете уже подъ собою армейскихъ дежурныхъ генераловъ, а тѣмъ еще болѣе и корпусныхъ отдѣльныхъ командировъ,—вотъ собственныя слова Государя. *Во-вторыхъ*, касательно офицеровъ Семеновскаго полка нельзя было оныхъ никакъ здѣсь различить въ проступкѣ, ибо отъ Васильчикова былъ присланъ общій списокъ, гдѣ ничего совсѣмъ особеннаго не было упомянуто, и конечно, по моему мнѣнію, многіе офицеры заслуживали быть выписанными тѣми же чинами. Васильчиковъ и нынѣ проситъ о подпрапорщикахъ, что я предчувствовалъ, и къ вамъ писалъ, чтобы ихъ непремѣнно выслать съ ба-

таліонами. Онъ считаетъ ихъ ни къ чему непричастными; сіе можетъ быть и правда, но по разнымъ ихъ болтаніямъ заслуживаютъ они, по моему мнѣнію, какъ ребятишки, чтобы ихъ хорошенько высѣчь розгами, какъ школьниковъ, дабы и духъ вольнодумства въ нихъ искоренить. Каковы будутъ молодцы, ежели щенки сіи въ сихъ званіяхъ осмѣливаются осуждать главныхъ своихъ начальниковъ, чего отъ нихъ можно ожидать? И потому прошу приказать имѣть у васъ въ канцеляріи особенный имъ всѣмъ списокъ куда поступятъ, дабы впослѣдствіи, какъ нибудь, они куда не вышли, и къ дежурнымъ генераламъ писать, чтобы безъ спроса ихъ къ производству не представлять, а полковымъ командирамъ, чтобы держали ихъ въ рукахъ и строго наблюдали за поведеніемъ и нравственностію ихъ. *Въ-третьихъ*, вы говорите, что много бы надобно было занять крѣпостей для того, чтобы разсадить по одиночкѣ подсудимыхъ, но какъ въ числѣ подсудимыхъ главные зачинщики въ лейбъ-ротѣ, и къ тому еще въ стрѣлковомъ взводѣ, которыхъ и всего не болѣе 100 человѣкъ, а полагаю на лицо было и менѣе, то столько мѣстъ особыхъ можно найти, и думаю ежели бы въ крѣпости мѣста не достало, то можно нѣкоторыхъ посадить въ Адмиралтейство, или даже отдѣлить особую казарму Семеновскаго же полка, приставя къ оной караулъ, дабы никого къ нимъ не пускать. Сіе даже есть мнѣніе Его Величества, но отдѣлить весьма нужно, безъ того, кажется, судъ немного отыщетъ. Сегодня посылаю я къ Васильчикову записку отъ графа Кочубея, доставленную о разговорахъ солдатскихъ женъ. Государю угодно, чтобъ на оную обращено было особенное вниманіе военнаго суда, о чемъ приказалъ мнѣ и васъ увѣдомить, дабы вы съ своей стороны взяли сіе въ уваженіе. Весьма статься можетъ, что фельдфебель Брагинъ всю исторію сію самъ затѣялъ; его бы должно покруче допросить. Пожалуйста увѣдомьте меня, что по сему откроется, и также постараться бы хорошенько поразспросить солдатокъ, чрезъ которыхъ можно многое открыть, ибо нельзя, чтобы мужья съ ними предъ симъ когда либо чего не говорили.

Кавалергардское производство на вакансіи остановлено впредь до повелѣнія, потому что Васильчиковъ ихъ сужденіями также недоволенъ; я уже ему напредь сего писалъ, и нынѣ повторяю, чтобы обо всѣхъ судящихъ своихъ начальниковъ или правительство сообщалъ бы мнѣ имена для выписки тѣми же чинами, а между тѣмъ я думаю много подѣйствуетъ и остановка производства. Мнѣ все что-то сдается, что фельдфебель Брагинъ завелъ всю исторію: нельзя-ли, приведя его къ допросу, приказать Ивашову рѣшительно на него крикнуть что от-

крыто, что онъ самъ былъ зачинщикъ исторіи и что онъ уговаривалъ солдатъ, чтобы стояли дружнѣе, и что онъ ихъ не выдастъ, можетъ быть и не признается-ли, иногда сіе удается съ такими людьми, которые запираются, а затѣмъ увидятъ что будутъ отвѣчать.

Изъ 36-ти дѣлъ аудиторіатскихъ посылаю къ вамъ рѣшенныхъ 20, затѣмъ надѣюсь и остальныя скоро прислать. Ежели у васъ еще есть, то присылайте, равно пришлите ко мнѣ экстрактъ дѣламъ, какія у васъ есть, къ докладу Государю, и которыя вы откладываете и сюда не присылаете, дабы можно было нѣкоторыя сюда потребовать. Завтра отправляю я въ Вѣну верховыхъ нашихъ лошадей, куда и сами скоро поѣдемъ, оттуда же и далѣе, почему прикажите пожалуйста снабжать фельдъегерей достаточными прогонами, а ежели бы у нихъ не доставало, то могутъ брать въ Вѣнѣ въ посольствѣ, о чемъ отъ меня будетъ сдѣлано распоряженіе. Вы не повѣрите, какъ я сожалѣю, что мы не къ вамъ ѣдемъ, а въ противную сторону, особенно же по столь худой погодѣ и ужаснѣйшимъ въ этой сторонѣ дорогамъ. Сегодня здѣсь выпалъ снѣгъ и теперь продолжаетъ идти, и сіе болѣе испортитъ дорогу особенно въ горахъ. Великій Князь Николай Павловичъ сего вечера отправляется обратно въ Берлинъ.

Теперь подивитесь новому чуду: Кривляка вчерась далъ здѣсь балъ и очень хорошій; не знаю, что̀ съ нимъ сдѣлалось? Доказательство вамъ, что видно скучно, коли онъ рѣшился дѣлать такіе расходы. Для освѣщенія залы, ежели такъ комнату назвать можно, купилъ онъ за нѣсколько гульденовъ дощечекъ съ жестяными подсвѣчниками, служившими на похоронахъ нашего домохозяина, который недавно умеръ, а чтобы ихъ не ўзнали, то Кривляка купилъ въ аптекѣ серебряной бумажки и ею оклеилъ дощечки, прибивъ гвоздиками мишурную серебряную бахраму для бо̀льшаго украшенія. Для питья дамамъ взялъ изъ аптеки лимоннаго хрусталя, изъ коего сдѣлалъ лимонаду и безпрестанно онымъ подчивалъ. Балъ былъ превеселый, только подъ конецъ, говорятъ, ужасно воняло по̀томъ, потому что здѣшнія дамы не очень чистоплотны и видно худо моются; танцовали до втораго часа, даже и Вилламовъ съ Брискорномъ отличались. Совсѣмъ тѣмъ, право, на меня отчаяніе находитъ отъ скуки, и отъ того что ѣдемъ не домой. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и сообщить какъ Кривляка веселитъ здѣшнюю публику. Затѣмъ прощайте и будьте здоровы, любезный другъ, Богъ знаетъ когда увидимся.

Весь вашъ *К. Волконскій.*

Кутузову, Трубецкому и Орлову прошу поклонъ отъ меня сказать; не худо бы Кутузова въ Вѣну прислать вмѣстѣ побѣгать за черными капотами по старинѣ, а здѣсь и того нѣтъ.

26.

12 (24) декабря 1820 г. Троппау.

За письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 26 ноября, премного благодарю, и весьма радъ, что вы здоровы и что у васъ все хорошо идетъ, чего навсегда желаю отъ искренняго сердца. Отъѣздъ нашъ отсюда рѣшенъ по несчастію въ Лайбахъ, а не къ вамъ, что меня весьма огорчаетъ; прилагаю для свѣдѣнія вашего нашъ маршрутъ. Долго-ли тамъ пробудемъ, и куда оттуда поѣдемъ одному Богу извѣстно, ибо обстоятельства безпрестанно перемѣняются. Я весьма опасаюсь, что сіе завлечетъ насъ въ Италію, на что будетъ потребно много и времени; дай Богъ по крайней мѣрѣ хорошо окончить предпріятія. Неаполитанскій король будетъ въ Лайбахѣ по сдѣланному ему отъ державъ приглашенію, но что изъ пріѣзда этого выйдетъ еще неизвѣстно, между тѣмъ отъѣздъ его оттуда произвелъ въ Неаполѣ въ каморахъ большой шумъ и перемѣну министровъ. Король ѣдетъ изъ Неаполя до Ливорно водою, а оттуда прямо въ Лайбахъ.

Мы въ Вѣнѣ остановимся весьма мало, какъ усмотрите изъ маршрута. Морозы здѣсь стоятъ преизрядные, сегодня было около 10 градусовъ, но снѣгу мало и на саняхъ нельзя ѣхать, что дѣлаетъ дорогу весьма непріятною, особенно въ горахъ куда мы ѣдемъ. Фельдъегерей изъ Петербурга продолжайте посылать чрезъ Варшаву, для того, что они привозятъ бумаги отъ Цесаревича, и таковыя же туда отвозятъ.

О комплектованіи Семеновскаго полка посылаю вамъ указъ, на мое имя послѣдовавшій, который и прошу привести въ исполненіе. Изъ него увидите, что Великому Князю тутъ никакого дѣла нѣтъ, да и прочимъ немного, потому что баталіоны поступаютъ цѣликомъ, стоитъ только переодѣть людей и приладить аммуницію. Полковой командиръ еще не назначенъ, а думаю Государь самъ изволитъ писать къ Васильчикову о выборѣ онаго. Весьма сожалительно, что Великіе Князья окружены такими людьми, кои не заслуживаютъ довѣрія . . . . . . желательно бы имъ открыть глаза. Мнѣ кажется Великій Князь Михаилъ Павловичъ былъ всегда къ вамъ хорошо расположенъ, почему бы вамъ не поговорить о семъ и не предостеречь . . . . . .

На счетъ учрежденныхъ въ полкахъ кабаковъ, я съ вами совершенно согласенъ, что сіе произвело большое зло, которое однако происходитъ единственно отъ того, что никто въ полкахъ своего дѣла не дѣлаетъ, и не входятъ никогда въ совершенный смыслъ постановленій. Заведеніе сіе учреждено было съ тѣмъ, чтобы солдаты не шатались по улицамъ пьяные, и для того приказано было держать вино въ ротахъ; но сколько вина; сіе совершенно зависитъ отъ расторопнаго ротнаго командира, котораго дѣло есть смотрѣть, чтобы каждый день поутру, каждый артельщикъ для своей артели бралъ вина изъ кабака по билету въ роту не болѣе отнюдь, какъ по двѣ чарки на человѣка для обѣда и ужина, осматривая напередъ каждое утро самъ въ каждой артели, все-ли вино взятое наканунѣ вышло; ежели есть остатокъ, то можетъ число уменьшить, тогда никогда корчемства не будетъ. А какъ никто за симъ въ ротѣ не смотритъ, и позволяютъ брать въ роты вина безъ всякаго на то опредѣленія, дабы облегчить ходьбою артельщиковъ, забывая, что кабаки окружаютъ почти всѣ полки, слѣдовательно, ежели бы и не достало положеннаго числа чарокъ, то недалеко бы имъ было и вновь сходить за виномъ; мнѣ кажется, что сей способъ есть одинъ, который можетъ удерживать людей отъ пьянства по кабакамъ и корчемства въ ротахъ, но нужно для сего, чтобы ротный командиръ и фельдфебели дѣлали свое дѣло, равно и баталіонные командиры за симъ наблюдали.

Касательно подкинутой бумаги я ее видѣлъ и читалъ; не знаю, что можетъ быть хуже того что въ ней заключается; весьма бы нужно отыскать сочинителя, съ которымъ нѣтъ никакого грѣха, и должно бы поступить по § 7 дѣйствующихъ армій «Полеваго Уложенія». Присланную записку и допросы нижнихъ чиновъ къ вамъ обращаю съ тѣмъ, что Его Величество весьма недоволенъ сдѣланнымъ надъ ними Мыловымъ допросомъ, повелѣваетъ вамъ вновь произвесть слѣдствіе, назначивъ для сего кого нибудь изъ аудиторіата, или изъ хорошихъ аудиторовъ въ гвардіи состоящихъ. На счетъ посылки флигель-адъютантовъ я бы желалъ, чтобы вы сего не дѣлали, развѣ въ такомъ случаѣ, когда совершенно уже некого будетъ послать, и то съ самымъ большимъ разборомъ. Мои адъютанты ничего не дѣлаютъ; я бы желалъ, чтобы вы ихъ употребляли и чтобы они привыкали заниматься дѣломъ для ихъ же собственной пользы. Новость въ совѣтѣ происшедшая не дѣлаетъ никому изъ сихъ господъ чести, и конечно слѣдуетъ сіе знать, что вѣроятно и не останется безъ того.

На счетъ генераловъ и полковыхъ командировъ вы говорите, что

желательно, чтобы они удержались отъ нѣкоторыхъ разглашеній и забыли бы личности,—что сіе значитъ растолкуйте мнѣ? И будьте увѣрены, что между нами совершенно останется, но я бы желалъ имѣть поясненіе, неужели и между ими есть такіе неистовцы? Чувствительно благодарю васъ, что поговорили Обрескову о моихъ бѣдахъ съ таможенными, сіе очень подѣйствовало кажется, а теперь уже прошу васъ покорнѣйше потрудиться поблагодарить отъ меня Михаила Алексѣевича за столь милостивое снисхожденіе, и право справедливое.

Кривляка сейчасъ отправился въ Вѣну къ матери своей, и кряхтитъ, что отъ балу разорился.

Съ наступающими праздниками и Новымъ годомъ васъ, любезный другъ, отъ искренняго сердца поздравляю, равномѣрно и Аграфену Федоровну; желаю вамъ обоимъ совершеннаго здоровья и всякаго благополучія, а сверхъ того давно бы пора и прибавленіе семейства.

Дай Богъ, чтобы мы скорѣй возвратились къ вамъ и хотя бы годъ посидѣли; право, наскучило таскаться и вѣкъ свой жить по цыгански. Надѣюсь дѣла наши не накопляются, сколько могу отсюда къ вамъ обращаю. Подулъ было хорошій вѣтеръ на аудиторскія и 20 снесло вихремъ, но къ несчастію затихла погода. Говорятъ, въ Лайбахѣ все горы, и вѣтры весьма сильные, надѣюсь набѣжитъ опять шквалъ и остальныя снесетъ, какъ-то мнѣ будетъ раздѣлываться съ патентами; по дружбѣ вашей вы меня ими не забывали, а теперь я думаю и порядочный возъ накопился, ежели бы не трудно было ихъ возить, то и сюда можно бы понемногу присылать, но вѣрнѣе однако дома оставлять, надѣюсь оттерплюсь коли живъ ворочусь. Скоро внутренняя стража наша перещеголяетъ армію отличіями; умилосердитесь, уймите ее отъ отличій, даже иногда и неизвѣстныхъ, а симъ убавится и лишнихъ бумагъ, которыхъ довольно и безъ ея отличій.

Къ формированію Семеновскаго полка прикажите тотчасъ приступить, и думаю симъ средствомъ онъ даже въ нѣсколько дней поспѣть можетъ. Ежели Васильчиковъ по письму Государя не назначитъ полковаго командира, то до назначенія онаго можетъ старшій изъ трехъ выбранныхъ штабъ-офицеровъ занять мѣсто для формированія. Въ указѣ сказано: выбрать по три человѣка изъ 1-го и 2-го Карабинернаго полка, сіе разумѣется только по три съ полка, не съ роты. Бѣдный Стенель (Стессель?) какъ будетъ плакать, я думаю и Берхману грустно будетъ разстаться съ своими людьми, признаюсь большой подрывъ, но все имъ чести много. Прощайте, любезный другъ, пожалѣйте о мнѣ, несчастномъ, котораго потащутъ нѣмцы по горамъ, того и гляди

чтобы голову не сломили; то-ли бы дѣло въ санкахъ въ Петербургъ какъ славно бы полетѣли.

Весь вашъ К. *Петръ Волконскій.*

Княжнину прошу кланяться и съ новымъ годомъ поздравить, онъ, я думаю, готовитъ къ святкамъ свой театръ.

27.

15 (27) декабря 1820 г. Троппау.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 3-го декабря, получилъ. Чувствительно благодарю и искренно сожалѣю о вашемъ нездоровьи; ради Бога берегите себя и старайтесь дѣлать поболѣе движенія; сіе гораздо болѣе поможетъ вамъ нежели кровопусканіе. Мы завтра ѣдемъ отсюда въ Лайбахъ, какъ я уже къ вамъ писалъ по маршруту мною къ вамъ посланному. Погода стоитъ очень холодная, но снѣгу мало. При семъ препровождаю къ вамъ рапортъ ген.-адъют. Васильчикова о нижнихъ чинахъ, бывшихъ въ Шлиссельбургѣ въ дополненіе къ посланной о семъ къ вамъ запискѣ, чтобы дѣло сіе вновь переизслѣдовать, и людей прежде не выписывать въ армію. О комплектованіи Семеновскаго полка посланъ къ вамъ указъ, изъ коего увидите, что ни одного офицера изъ гвардіи не берутъ, а сегодня посылаю грамату Семеновскому полку на передачу знаменъ новымъ людямъ сего полка. Полагаю, что оное произведетъ хорошее дѣйствіе не только надъ новыми людьми, но и надъ старыми, которую нужно чтобы Васильчиковъ не печатавъ распустилъ по прочимъ полкамъ въ копіи. Прощайте, любезный другъ, повторяю вамъ желаніе мое, чтобъ вы всегда были здоровы и прошу не забывать насъ, бѣдныхъ заключенныхъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ приношу истинное мое почтеніе, и также желаю ей болѣе здоровья, *и нѣкоторой* пріятной болѣзни, только чуръ, на кривлякъ и горбатыхъ не смотрѣть.

28.

21-го декабря 1820 г. Вѣна.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, не успѣлъ отвѣчать о фонъ-Визинѣ или лучше сказать за-

былъ, какъ между тѣмъ въ рапортѣ о проѣзжающихъ показанъ онъ былъ прибывшимъ въ С.-Петербургъ, и загнутъ былъ уголъ съ тѣмъ, чтобы узнать зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Какъ же вы ко мнѣ писали, что намѣреніе его есть по болѣзни просить губернаторскаго мѣста, то и сдѣлалъ я сей отвѣтъ, на что Государь изволилъ отозваться, что полагаетъ его весьма способнымъ къ сей должности, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ мнѣ, что онъ извѣстенъ за весьма большаго массона, о чемъ и сожалѣетъ, и поручаетъ вамъ имѣть во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ особенный за нимъ надзоръ. О мѣстѣ же ничего рѣшительнаго не сказалъ, почему и полагаю лучше бы ему о семъ обратиться съ просьбою къ гр. Кочубею, который можетъ сдѣлать представленіе особенно, ежели г-нъ Ашъ оставляетъ свое мѣсто.

Мы сюда пріѣхали 18-го къ обѣду, и чуть было въ самыхъ воротахъ городскихъ на поворотѣ съ моста насъ не опрокинули, самъ Богъ спасъ, коляска ударилась о ворота и была отброшена въ другую сторону, и не понимаю какъ не упала; ежели бы сіе случилось, то намъ бы худо было отъ противной каменной стѣны воротъ. Не знаю что и дѣлать съ нѣмцами, такъ глупы, что способу нѣтъ, какъ хочешь имъ толкуй ничего не понимаютъ, и думаютъ, что возя Россійскаго Императора надобно скакать сломя голову; теперь же за Вѣною говорятъ еще хуже, и ужасно гористо, а отъ морозовъ и снѣга очень скользятъ экипажи, отчего легко можно быть въ канавѣ, но надѣюсь на милость Божію. Завтра поутру ѣдемъ отсюда по марштруту въ Лайбахъ, куда король Неаполитанскій будетъ 25 декабря (4 января). Сегодня потѣшился я въ Пратерѣ на охотѣ фазановъ, оберъ-егермейстеръ извинялся что мало убили, всего было убито болѣе 500 штукъ, по ихъ это ничего, а по нашему ужасно. Признаюсь, жаль въ Вѣнѣ быть на столь короткое время, а особенно послѣ Троппау и имѣя въ предметѣ Лайбахъ, который еще хуже Троппау.

Больныхъ бывшаго Семеновскаго полка Государь велѣлъ перевести всѣхъ въ Сухопутный госпиталь, разумѣется кромѣ трудныхъ, и тѣхъ коимъ переѣздъ не будетъ вреденъ, ибо они должны уже быть причислены къ Сводному пѣхотному баталіону и по мѣрѣ выздоровленія отправляться въ тѣ дивизіи, куда прочіе тѣхъ баталіоновъ люди отправлены, что и привести тотчасъ въ исполненіе. Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ совершеннаго здоровья и прошу меня не забывать.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу мое почтеніе засвидѣтельствовать.

Ѣхавши изъ Троппау въ горахъ была столь сильная мятель и мо-

розъ, что деньщикъ Виллашова замерзъ совсѣмъ на козлахъ, правда и отъ того, что неосторожно выпилъ горячаго вина.

29.

31-го декабря 1820 г. Лайбахъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 10-го декабря, получилъ, чувствительно благодарю васъ какъ за оное, такъ и за отчеты по дѣламъ департаментовъ вамъ ввѣренныхъ, изъ коихъ усматриваю успѣшное теченіе дѣлъ и отличную исправность, за каковыя покорнѣйше васъ прошу принять мою наичувствительнѣйшую признательность, и признаюсь что горжусь, имѣя въ васъ столь усерднаго и отличнаго сотрудника. Представленія ваши всѣ утверждены съ самою малою перемѣною. Его Величество весьма былъ доволенъ отчетомъ и всѣхъ наградилъ, кромѣ что приказалъ дать чины вмѣсто орденовъ тѣмъ, кто ниже чина титулярнаго совѣтника, что и впредь при представленіяхъ повелѣлъ наблюдать. Хотя число чиновниковъ Государь изволилъ найти обширнымъ, но во уваженіе вашего представленія удостоилъ своею милостію, впредь же надо будетъ не столь много вдругъ представлять. О поступкѣ князя Мещерскаго я пишу къ Васильчикову, чтобы подробнѣе удостовѣрился и формально бы меня увѣдомилъ, тогда можно будетъ его выписать вонъ, ибо сего отнюдь терпѣть не должно, и какъ могло ему придти сіе въ голову?

На счетъ привезенныхъ Тургеневымъ таблицъ я васъ разрѣшаю особенною бумагою.

О нижнихъ чинахъ гвардейскихъ, бывшихъ въ Шлиссельбургской крѣпости, вы уже должны были получить мое повелѣніе, изъ коего увидите, что Его Величество недоволенъ былъ слѣдствіемъ Мылова и приказалъ вновь переслѣдовать. Объ отпускѣ шести тысячъ на С.-Петербургское военное сиротское отдѣленіе васъ разрѣшилъ, и ни мало не сомнѣваюсь, что вы приведете оное въ должный и даже отличный порядокъ, потому что сіе отдѣленіе должно быть образцовымъ для прочихъ по всѣмъ частямъ, какъ въ наукахъ, такъ и содержаніи воспитанниковъ и дома.

Не понимаю, отчего жалуетесь, что мы мало отсылаемъ къ вамъ бумагъ, до сихъ поръ у меня всѣ рѣшены, кромѣ безсмертныхъ (?), которыя съ Петербурга вожу съ собою, и аудиторскихъ, которыя надѣюсь при первомъ удобномъ случаѣ пойдутъ въ ходъ.

Пожалуйста, любезный другъ, увѣдомьте меня совсѣмъ-ли отдѣлался нашъ домъ штаба, и хорошо-ли, то-есть отвѣтствуетъ-ли своему назначенію. Селявинъ весьма боится освѣщенія газомъ и по сихъ поръ не имѣю еще отъ него положительнаго донесенія окончено-ли устройство онаго и дѣлали-ли пробу. Князь Меньшиковъ видѣлъ въ Вѣнѣ во вновь устроенной политехнической школѣ освѣщеніе ее масломъ на томъ же основаніи какъ и наше, и говоритъ, что весьма хорошо и никакой нѣтъ опасности; онъ тамъ же видѣлъ отопленіе того же дома парами также отлично и удивительно выгодно; на обратномъ пути я самъ побываю тамъ, постараюсь достать планы. Хорошее надобно вездѣ перенимать. Балашовъ и Воиновъ долго насъ прождутъ, ибо не думаю, чтобъ мы могли скоро воротиться, хотя наши дипломаты обѣщаютъ, что будто въ концѣ января мы можемъ ѣхать обратно, чего нетерпѣливо желаю; но ежели поѣдемъ въ Италію, тогда сомнѣваюсь, чтобы прежде апрѣля могли быть назадъ. Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и поздравить съ новымъ годомъ, съ коимъ и васъ поздравляю, желаю совершеннаго здоровья и скорѣе васъ видѣть. Лайбахъ получше Троппау, но скука та же. Тепла 10 градусовъ, окна открыты, но дождя много. Насъ не забывайте.

Кривляка зажился въ Вѣнѣ, и только вчера сюда пріѣхалъ.

30.

6-го (18-го) января 1821 г. Лайбахъ.

Премного благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ за письма ваши отъ 17-го декабря, изъ которыхъ о большомъ письмѣ объяснимся лишь по возвращеніи, а на другое спѣшу отвѣчать. Производство остановленное Кавалергардскаго полка, Его Величество повелѣть изволилъ внести въ приказъ, что и прикажите исполнить. Посылаю сегодня указъ министру финансовъ объ отпускѣ на извѣстное мнѣ употребленіе сорока тысячъ рублей, и отношеніе коимъ прошу его отпустить сію сумму подъ росписку Гошота, а васъ прошу тотчасъ вручить лично Ларіону Васильевичу Васильчикову, безъ всякой формальной бумаги. Касательно суда надъ нижними чинами Его Величество весьма недоволенъ, и уже писалъ давно Васильчикову, чтобы онымъ отнюдь не торопиться, и даже, если коммиссія сія военнаго суда ни-

чего не откроетъ, то Его Величество разрѣшилъ Васильчикову, закрывъ оную, нарядить совсѣмъ новую для раскрытія истины, и дойти до источника причины происшествія. Мнѣніе ваше на счетъ сообщенія полковымъ командирамъ апробовано, и я уже объявляю о томъ главнокомандующему. О формированіи полка вы уже все получили, и полагаю по полученіи письма сего полкъ новый уже будетъ готовъ, ибо съ нимъ немного дѣла, только переодѣть. Аудиторіатскія дѣла постараюсь всѣ окончить лишь только свободное время у Государя будетъ.

О времени отсутствія нашего ничего еще рѣшительнаго, къ сожалѣнію, сказать не могу, а усердно желаю, чтобы скорѣе кончилось, дабы къ вамъ возвратиться, хотя климатъ весьма пріятный, но съ хорошею шубою и добрыми печами нечего бояться холода. Впрочемъ кромѣ климата скука преужасная и до такой степени, что, право, по вечерамъ отчаяніе на всѣхъ насъ находитъ. За то ложимся рано спать, и боюсь, какъ къ вамъ возвратимся, что будемъ зѣвать, тогда какъ вы только на балъ собираться будете. Весьма сожалѣю, любезный другъ, что здоровье ваше худо поправляется, пожалуйста посовѣтуйтесь съ г. Рейманомъ, онъ человѣкъ преискусный; я писалъ къ тетушкѣ, чтобы она ему отъ меня поговорила, чтобы онъ къ вамъ съѣздилъ, онъ можетъ быть полезенъ и Аграфенѣ Федоровнѣ, которой прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Предъ окончаніемъ сего письма имѣлъ я случай объясняться еще съ Его Величествомъ на счетъ производимаго суда. Государь изволитъ полагать, что ежели ничего не будетъ открыто и Васильчиковъ не рѣшится назначить другую коммисію суда, тогда какъ дѣло поступитъ въ аудиторіатъ, вы можете обще съ аудиторіатомъ, найдя недостаточнымъ производство суда, возвратить дѣло съ назначеніемъ совсѣмъ другой коммисіи, избравъ въ презусы Желтухина или Удома, также и ассессоровъ другихъ и вновь дѣло пересмотрѣть, дабы непремѣнно найти источникъ, отчего приключеніе сіе случилось. Въ семъ дѣлѣ всѣ личности и уваженія должны идти въ сторону, а надобно дойти непремѣнно до истины, и чтобы господа судьи соблюдали долгъ присяги, не дѣлая ни для кого никакихъ снисхожденій. При семъ случаѣ, признаюсь, я жалѣю объ Усачевѣ, онъ бы уже не спустилъ никому и дѣло бы сдѣлалъ. Прощайте, любезный другъ, желаю искренно поправленія вашего здоровья и скорѣе съ вами увидиться.

31.

12-го (24-го) января 1821 г. Лайбахъ.

За письмо ваше отъ 24-го декабря благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и посылаю къ вамъ съ нарочнымъ разрѣшеніе на записку вашу по дѣлу о нижнихъ чинахъ Семеповскаго полка, изъ которой усмотрите, что Его Величество разрѣшаетъ отправленіемъ невинныхъ въ полки 3-го корпуса, прямо не останавливая въ Порховѣ, по разсмотрѣніи однако дѣла въ аудиторіатѣ; а буде кто изъ нихъ, хотя только поименованъ будетъ въ дѣлѣ, то таковыхъ отослать въ Шлиссельбургскую крѣпость, дабы въ случаѣ, ежели Государь не будетъ доволенъ производствомъ суда и прикажетъ нарядить новый, чтобы люди сіи были близко для разныхъ вопросовъ или справокъ. При отправленіи же ихъ изъ крѣпости, для всякой осторожности высылайте ихъ небольшими партіями, и не пускайте въ городъ, а ранѣе утромъ со свѣтомъ проводить, какъ на запискѣ означено, чрезъ Охту. Наказаніе же виновнымъ не прежде приводить въ исполненіе, какъ когда дѣло будетъ Высочайше конфирмовано. Его Величество изволитъ полагать, что наказаніе сіе произвесть въ новомъ Семеновскомъ полку, дабы оное могло послужить примѣромъ для оныхъ. Касательно тѣхъ, кои будутъ наказываться плетьми на Конной, то нужно взять обыкновенно употребляемыя на то мѣры съ большею предосторожностію, и также полагаю не нужно наказаніе сіе производить вдругъ въ одинъ день, ежели преступниковъ будетъ много, а въ нѣсколько дней.

Подпрапорщиковъ росписанныхъ по разнымъ полкамъ Его Величество приказалъ произвесть въ тѣ же полки въ прапорщики, о чемъ и отдано сегодня въ приказѣ. О формированіи полка вы уже давно должны были получить и полагаю полкъ уже сформированъ.

При семъ прилагаю двѣ записки отъ графа Милорадовича полученныя: одна доносъ на Семеновскаго каптенармуса Бобровскаго, а другая допросъ съ него снятый, съ отмѣткою что̀ по немъ исполнить вамъ Государь поручаетъ. Признаюсь вамъ, мнѣ весьма не понравилось въ отвѣтѣ Бобровскаго, что онъ показываетъ, что ходилъ въ крѣпость переодѣтымъ: чего же смотрѣли караульные, симъ способомъ могли прокрадываться и другіе, можетъ быть и съ наущеніями или наставленіями, какъ нижніе чины должны поступать, и должны отвѣчать, сіе весьма важно, и отнюдь изъ вида не выпускать, и добираться, какъ можно

подробнѣе, какъ сіе произошло, и какъ караульные допускали къ арестантамъ постороннихъ людей.

Предъ Ермоловымъ виноватъ что не отвѣчалъ, но Государю тогда неугодно было перевесть въ гвардію двоюроднаго брата его; постараюсь вновь попробовать попросить. Очень радъ, что мальчики бывшіе въ Парижѣ удались, желаю чтобъ переплетчики ваши также получше бы переплетали книги; не худо бы ихъ отдать поучить къ лучшему переплетчику, потому что послѣдняя присланная отъ васъ книжка собранія Законовъ весьма худо переплетена и почти не раскрывается, хотя Быковъ и въ брилліантахъ.

Рядовыхъ Московскаго пѣхотнаго полка, Бланкова и Алекринскаго, Государь приказалъ отослать въ Шлиссельбургскую крѣпость для содержанія подъ арестомъ, но однако безъ притѣсненія, и чтобы отнюдь не имѣли сообщенія, какъ между собою, такъ и съ содержащимися въ сей крѣпости другими арестантами, о чемъ лично для свѣдѣнія на словахъ скажите графу Кочубею, дабы онъ зналъ гдѣ они находятся въ случаѣ надобности.

Письмо Ермолова къ вамъ обратно посылаю и весьма буду сожалѣть, ежели онъ пріѣдетъ безъ насъ въ Петербургъ, и не дождавшись уѣдетъ; ибо я не вижу уже здѣшнимъ дѣламъ конца, и никакъ не знаю когда мы воротимся: по теперешнему ходу дѣлъ дай Богъ чтобы къ лѣту могли воротиться. Признаюсь, отчаяніе беретъ. Весьма сожалѣю, любезный другъ, что здоровье ваше такъ худо поправляется, и отъ всего сердца желаю, чтобы было лучше; пожалуйста посовѣтуйтесь съ докторомъ Рейманомъ, я увѣренъ, что онъ вамъ поможетъ. Бумагъ отъ васъ было ужасно много прислано съ Лащевскимъ, который ужасно дурно ѣхалъ, долѣе всѣхъ: я его покаталъ немного за то. Большую часть бумагъ къ вамъ посылаю съ симъ фельдъегеремъ, который ѣдетъ нарочнымъ въ главную квартиру 1-й арміи, по случаю вывода войскъ изъ Черниговской губерніи по неурожаю, почему ежели Императрица будетъ спрашивать писемъ, то скажите, что онъ пріѣхалъ изъ главной квартиры, куда былъ посланъ съ бумагами, другой же очередной отправится въ концѣ недѣли. Прощайте, будьте пуще всего здоровы и веселы, не по нашему, у насъ только и хорошаго, что погода и устрицовъ тьма уже пріѣлись, всякій день свѣжія изъ Тріеста, равно и разная морская рыба, а больше ничего, скука ужасная. Аграфенѣ Федоровнѣ мое преусердное почтеніе прошу сказать.

Орлову поклонъ и прочимъ товарищамъ.

32.

15-го (27-го) января 1821 г. Лайбахъ.

Любезный другъ, Арсеній Андреевичъ. Съ симъ курьеромъ посылаю вамъ еще нѣсколько оконченныхъ дѣлъ аудиторіатскихъ и указы Капитулу съ грамотами, между коими одну для Запольскаго Государь не подписалъ, ибо онъ уже давно умеръ. Грамоты на знамена и штандарты не подносилъ, потому что желаю знать, когда которымъ полкамъ оные уже выданы, что и прошу отмѣтить на спискѣ. Почему Преображенскому и Семеновскому равно и гренадерскимъ полкамъ 1-й Гренадерской дивизіи оныхъ нѣтъ, тогда какъ знамена точно имъ были пожалованы, и еще недавно разрѣшено освятить знамена полку графа Аракчеева, коему и грамота была недавно подписана. Я очень помню, что при Сипягинѣ еще знамена для гренадерскихъ полковъ были изготовлены, и не находятся ли въ гвардейскомъ штабѣ? Сипягинъ мнѣ сказывалъ, что только остановилось затѣмъ, что Его Величество хотѣлъ самъ назначить время для освященія, и съ тѣхъ поръ я о нихъ ничего не слыхалъ, пожалуйста по справкѣ о семъ меня увѣдомьте.

Представленія генерала Ермолова всѣ утверждены, и самому ему пожалованъ Владиміръ 1-й степени, на который и грамота здѣсь будетъ подписана; племянника его, квартирмейстерской части прапорщика Ермолова, повелѣно перевесть въ гвардейскій штабъ, о чемъ помѣщу здѣсь въ приказѣ. Надѣюсь, что Ермоловъ будетъ доволенъ, и ему нельзя жаловаться, чтобы представленія его были безуспѣшны или долго у насъ залеживались. Я очень радъ, что Его Величество и ему самому отдалъ должную справедливость, которую, конечно, онъ заслуживаетъ. Я удивляюсь, что онъ князя Дадіана по § 7-му дѣйствующей арміи не отдѣлалъ, и теперь привелъ въ нѣкоторое затрудненіе, о которомъ у него же велѣно спросить мнѣнія. Очень желаю видѣть Ермолова въ С.-Петербургѣ, но ужасно боюсь, чтобы здѣшнія дѣла не продержали насъ здѣсь еще весьма долго. Отошлите, пожалуйста, по первой оказіи письмо на имя Киселева. Здѣсь нѣсколько дней стало опять холоднѣе и морозы были до 6 и 7 градусовъ по утру, но къ обѣду всегда градуса 3 и 4 тепла и солнце очень грѣетъ, вотъ все что есть здѣсь хорошаго, впрочемъ, скука ужасная. Надняхъ ожидаютъ для увеселенія итальянскую оперу, которая, надѣюсь, хотя немного развлечетъ нашу скуку и мо-

настырскую жизнь. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы, и не забывайте насъ, грѣшныхъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе прошу засвидѣтельствовать.

33.

22-го января 1821 г. Лайбахъ.

Схватилъ на сихъ дняхъ простудную лихорадку, которая меня очень ослабила и производитъ ужасную боль въ головѣ, такъ что едва писать могу, и потому, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, на сей разъ много писать не могу, а благодарю за письма ваши отъ 31-го декабря и отъ 7-го января, которыя отлично въ 13 дней привезъ Паркачовъ и за то произведенъ въ прапорщики. Прилагаю при семъ записку отъ одного отставнаго штабсъ-капитана князя Друцкаго, пожалуйста прикажите справиться, ежели ничего дурнаго по службѣ его не было, то попросите отъ меня товарищей нашихъ о помѣщеніи его по желанію его, а тогда меня увѣдомьте. Я надѣюсь, они мнѣ въ семъ не откажутъ.

Весьма радъ, что формированіе полка идетъ хорошо, но мнѣ кажется не слишкомъ-ли уже разборчивы въ выборѣ нижнихъ чиновъ, потому что такъ мало выбрали съ баталіоновъ. Скажите, зачѣмъ безпрестанно требуете вы и даете отпуски бывшимъ семеновскимъ офицерамъ, тогда какъ сіе было запрещено. Государь очень за сіе сердится и находитъ, что таковое снисхожденіе совсѣмъ неумѣстно, особенно вопреки повелѣнія. Вы слишкомъ добры, я нахожу, что симъ шалунамъ доставляете удовольствіе въ непріятность себѣ. Командиромъ Семеновскаго полка Государь назначилъ Удома, я очень радъ за добраго и почтеннаго старика, и увѣренъ, что полкъ будетъ содержать исправно. Прошу отъ меня его поздравить. Прежнихъ офицеровъ семеновскихъ въ армію переведенныхъ, буде изъ нихъ еще кто въ Петербургѣ есть, прикажите тотчасъ выслать къ своимъ мѣстамъ, не внимая никакимъ отговоркамъ. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы, Аграфенѣ Федоровнѣ мое усерднѣйшее почтеніе.

Весь вашъ князь *П. Волконскій.*

34.

30-го января 1821 г. Лайбахъ.

Лихорадка моя меня не покидаетъ и такъ ослабила, что едва шатаюсь, любезный другъ Арсеній Андреевичъ; благодарю васъ за письмо ваше отъ 14-го января и весьма сожалѣю, что мы совсѣмъ захирѣли, видно старость приходитъ, особливо ко мнѣ. Вы не повѣрите, какъ я постарѣлъ, вы удивитесь какъ меня увидите.

На счетъ статскихъ болтуновъ, желательно бы знать, кто они таковы, то можно бы было ихъ добрымъ манеромъ и поунимать, чтобы не въ свои дѣла не вмѣшивались.

Касательно отказа графа Милорадовича я нахожу, что въ семъ случаѣ онъ весьма справедливо поступилъ, и на его мѣстѣ я то же бы сдѣлалъ, потому что никакой нужды не было перемѣнять очереди, которая могла произвести неудовольствіе, коего особенно въ теперешнемъ положеніи надо стараться сколь можно избѣгать. Сверхъ того, Государь изволилъ самъ Васильчикову писать, чтобы полкъ вступилъ въ караулъ въ свою очередь, а къ тому же, нельзя ему было идти въ караулъ не получивъ знаменъ. Я нахожу также, что Васильчиковъ напрасно вошелъ о семъ въ переписку, не объяснясь прежде на словахъ съ графомъ Милорадовичемъ, тогда бы избѣжалъ всѣхъ сихъ непріятностей.

Хорошо сдѣлали, что послали нарочнаго фельдъегеря къ партіоннымъ офицерамъ, идущимъ съ людьми 3-го баталіона. Стыдно, что они до того довели, когда имъ при отправленіи было приказано имѣть за людьми наблюденіе. Я уже писалъ къ главнокомандующему, чтобы за сими людьми имѣть надзоръ и чтобы полковые командиры тотчасъ мнѣ доносили, ежели что замѣтятъ, или изъ разговоровъ что либо откроютъ на счетъ происшествія. Хорошо что увѣдомили меня, зачѣмъ требовали вы офицеровъ, безъ того Государь думалъ что для отпуска. Въ допросѣ измайловскаго писаря хотя много пустяковъ, но однако есть вещи довольно странныя и которыя прикажите строго розыскать, какимъ образомъ фельдфебель роты Его Величества приходилъ изъ крѣпости въ партикулярномъ платьѣ въ гости къ фельдфебелю измайловской роты Его Высочества. Писаря же сего отправить въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ 3-го корпуса, и увѣдомьте меня, кто сей человѣкъ Валѣевъ, къ которому ходилъ писарь бумаги переписывать, сіе тоже не должно бы позволять, и въ нашу службу крѣпко запрещалось, чтобы писаря ходили на сторону писать.

Все сіе доказываетъ, что служба въ гвардіи идетъ только для однихъ парадовъ, но настоящей службы совсѣмъ нѣтъ, и не думаютъ объ ней, все полагаютъ бездѣлицею, а того не знаютъ, что отъ сихъ-то бездѣлицъ происходятъ всѣ бѣды.

О возвращеніи нашемъ еще ничего сказать не могу, потому что никто не можетъ онаго рѣшить, пока дѣла неаполитанскія не кончатся, которыя, кажется, берутъ весьма хорошій оборотъ. Австрійцы уже перешли рѣку По и идутъ къ Неаполю; кажется сопротивленій никакихъ не будетъ. Король неаполитанскій на сихъ дняхъ отправляется уже въ Римъ, почему и надѣемся, что можетъ быть въ половинѣ или концѣ февраля можемъ мы отсюда вырваться; но какъ дѣла сіи безпрестанно мѣняются, то и нельзя ничего сказать положительнаго. Изъ Парижа получено извѣстіе, что занесли боченокъ съ порохомъ на маленькую лѣстницу королевскую, и въ 4 часа послѣ обѣда оный взорвало, безъ всякаго однако вреда, кромѣ выбило нѣсколько стеколъ и вышибло двери; чрезъ часъ послѣ, другой былъ взрывъ въ Луврѣ, также мало значущій. Все сіе доказываетъ, сколько тамъ злыхъ людей, которые никакъ не могутъ быть спокойны, и желаютъ какимъ нибудь только способомъ производить общее безпокойство. Въ Испаніи дѣла также идутъ ужасно плохо, однимъ словомъ, мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что каждый день должно ожидать чего чрезвычайнаго. Секретныя общества иллюминатовъ ужасно увеличиваются и распространяются повсюду, имъ ничего нѣтъ невозможнаго и ничего у нихъ нѣтъ святаго, только и мыслятъ уничтоженіе всѣхъ властей и произведенія общихъ безпокойствій. Число ихъ такъ велико, что и у насъ очень много, и даже въ войскѣ и въ разныхъ должностяхъ, почему и нужно обращать всевозможное вниманіе къ открытію таковыхъ извергoвъ для удаленія ихъ.

Скажите отъ чего на «Русскомъ Инвалидѣ» съ № 7 отмѣненъ гербъ, для выиграniя ли мѣста, или для чего другого? Изданіе ваше россійскихъ узаконеній прекрасно, какъ бумага, литеры и переплетъ, но нахожу, что оттиски не всѣ равны: иные черны, другіе слабы, сверхъ того еще жаль, что оглавленіе во 2-й части, хотя и по алфавиту, но не совсѣмъ по азбучному порядку. Эта неосторожность была сочинителя. Не худо бы къ сему переплетчику дать поучиться нашихъ переплетчиковъ на нѣкоторое время. Прилагаю при семъ записку московскаго военнаго генералъ-губернатора о выбывшемъ изъ подъ ареста отставленномъ отъ службы 6-го класса Гусевѣ. Увѣдомьте меня какъ онъ отставленъ, съ тѣмъ-ли, чтобы никуда не опредѣлять или просто; ибо мнѣ извѣстно, что онъ недоволенъ рѣшеніемъ дѣла, и дѣлаетъ разные происки, чтобы

просить о семъ, то ежели онъ пріѣдетъ въ С.-Петербургъ надобно будетъ отнестись къ военному генералъ-губернатору, чтобы имѣть за нимъ присмотръ, и ежели что нибудь будетъ замѣчено тотчасъ меня увѣдомить.

Съ симъ же курьеромъ получите странное письмо ко мнѣ отъ г-жи Арсеньевой, жалующейся на флигель-адъютанта Бибикова, который будто удержалъ прошеніе сына ея и перескабливалъ числа: сіе повелѣно вамъ съ Васильчиковымъ строго изслѣдовать; она тутъ же упоминаетъ, будто вы приказали сыну ея просить по командѣ, чему я не вѣрю, ибо симъ офицерамъ не велѣно давать отставокъ безъ Высочайшаго разрѣшенія.

Сегодня мнѣ ужасно досталось за вопросъ, сдѣланный отъ васъ о разрѣшеніи на пріемъ внутренней стражи офицеровъ въ госпитали. Государь очень разсердился, что могли въ семъ отказывать, ибо госпитали устроены для всѣхъ войскъ вообще безъ различія, и сколько разъ самъ видѣлъ въ разныхъ госпиталяхъ больныхъ внутренной стражи офицеровъ, то почему иныхъ не принимаютъ и которые именно мнѣ донесли дабы съ нихъ взыскать; ибо признаюсь вамъ, служа близъ 30 лѣтъ безъ всякаго упрека, весьма больно слышать что: *«можно бы васъ какъ начальника и съ военнымъ министромъ отдать подъ судъ за сіе»*. Вотъ слова мнѣ сказанныя, за какого нибудь коммисаріатскаго бездѣльника, или безтолковаго военнаго начальника; особенно находясь за нѣсколько тысячъ верстъ, мудрено мнѣ знать, что тамъ дѣлается. Пожалуйста, чтобы сіе осталось между нами, а военному министру о семъ ничего не говорите, то есть о словахъ мнѣ сказанныхъ, но о томъ что зачѣмъ не принимаютъ больныхъ можете сказать, чтобы подтвердилъ о семъ свои приказанія. Пора, пора въ Суханово, право безъ того въ самомъ дѣлѣ, того и гляди, что попадешь безвинно, подъ судъ.—Хорошее лекарство для лихорадки таковое обѣщаніе; признаюсь вамъ такъ прискорбно, что и описать не могу, ежели я худо служу, то желалъ бы знать, кто лучше оную исполняетъ, и былъ-ли хотя одинъ изъ военныхъ министровъ, который столько времени оставался въ сей должности, и шли-ли дѣла съ равнымъ успѣхомъ. Нѣтъ, конечно, на свѣтѣ ни одного человѣка совершеннаго, почему могу легко и я проступиться, но въ семъ случаѣ право не вижу я, чтобы проступокъ мой былъ такъ великъ, чтобы заслужить суда, и признаюсь чистосердечно ничего больше не желаю, какъ какимъ нибудь случаемъ удалиться отъ всего заранѣе, безъ всякихъ хлопотъ. Еще разъ повторяю, любезный другъ, чтобы осталось сіе между нами и даже въ письмѣ

вашемъ ко мнѣ на сіе не отвѣчайте; ибо онъ часто читаетъ ваши письма ко мнѣ. Прощайте, любезный другъ, желаю отъ искренняго сердца, чтобъ головныя ваши боли васъ покинули и чтобы здоровье ваше совсѣмъ поправилось.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Весь вашъ *Князь П. Волконскій.*

35.

6 (18) февраля 1821 г. Лайбахъ.

Весьма благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 21-го января. По бумагѣ вашей о Сѣвскомъ полку Его Величество приказалъ мнѣ послать нарочнаго фельдъегеря въ главную квартиру съ запросомъ не было ли какихъ неудовольствій отъ нижнихъ чиновъ сего полка на командира, что подало поводъ распустить такіе слухи. Гр. Ожаровскій получилъ изъ Петербурга также письмо отъ адъютанта своего Варинецкаго, который пишетъ, что будто Елецкій полкъ взбунтовался и убилъ шефа своего въ Митавѣ, что и доказываетъ пустые слухи, ибо Елецкій полкъ никогда не былъ въ Митавѣ, но видно въ Петербургѣ есть охотники выпускать злые слухи, почему Государь и приказалъ мнѣ писать къ гр. Милорадовичу, съ симъ же фельдъегеремъ, чтобы стараться добраться отъ одного до другаго, разсказывающихъ сіи вѣсти, кто первый оную выпустилъ о томъ и донести именно. Вѣроятно, графъ Милорадовичъ вамъ о семъ сдѣлаетъ запросъ, ибо я пишу къ нему, что отъ васъ дошло донесеніе, и что Ожаровскаго адъютантъ пишетъ о семъ сюда, помогите ему въ семъ изслѣдованіи и постарайтесь открыть перваго выдумщика. О Корсаковѣ отъ Васильчикова не получилъ еще представленія въ армію, а совѣтую ему настоятельно сего требовать, ибо по свѣдѣніямъ, какія я имѣю на счетъ Корсакова, они совсѣмъ не съ выгодной для него стороны, и такого шалуна въ Петербургѣ терпѣть не нужно. Ежели получите о немъ представленіе, то напишите его въ одинъ изъ полковъ 3-го пѣхотнаго корпуса, выбравъ полковника построже. На мѣсто уволеннаго отъ службы командира гвардейскихъ жандармовъ выберите хорошаго и надежнаго офицера изъ стариковъ лейбъ-кирасирскихъ полковъ, буде есть изъ старыхъ штабсъ-ротмистровъ, которые давно служатъ и были въ войнѣ, хорошаго поведенія. Отставку генералъ-маіора Крейца Государь приказалъ остановить, и напередъ списаться съ Дибичемъ, что уже я

сдѣлалъ. Объ адъютантѣ князя Трубецкаго я формально къ вамъ пишу. Ежели онъ въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума, то зачѣмъ имѣть его на службѣ, на мѣсто же его въ адъютанты Государю неугодно, чтобы имѣли адъютантовъ тѣ, кои ничѣмъ не командуютъ, то есть, чтобы брали вновь, почему и представленіе князя Трубецкаго осталось безъ исполненія. Объ Андржейковичѣ не успѣлъ еще доложить, можетъ быть завтра доложу; но напередъ знаю, что велятъ отставить, и дѣльно. Какъ нынѣ все перебаловалось, всѣ хотятъ чиновъ, но съ тѣмъ, чтобы жить въ Петербургѣ или Москвѣ и ничего не дѣлать; въ старое время кому достанется въ полковники и дадутъ полкъ, то удивительно какая была радость; нынѣ даютъ генеральскій чинъ и бригаду и того не хотятъ.

Моя лихорадка, благодаря Бога, совсѣмъ прошла и третьяго дня я ходилъ уже пѣшкомъ гулять болѣе 10 верстъ, а вчера былъ на охотѣ и убилъ двѣ дикія козы. Погода стоитъ претеплая, какъ у насъ въ маѣ мѣсяцѣ, только и хорошаго, безъ того скука ужасная. Дѣла неаполитанскія идутъ не очень хорошо, они хотятъ защищаться, что и произведетъ войну, за успѣхъ которой отвѣчать не всегда можно, хотя австрійцевъ и много и должно надѣяться, что они побьютъ неаполитанцевъ, но все возьметъ болѣе времени, нежели бы занятіе Неаполя просто безъ обороны.—Сіе задержитъ насъ, вѣроятно, болѣе нежели предполагали, что, признаюсь, весьма непріятно, но дѣлать нечего, нельзя такъ оставить начатыя дѣла. Весьма сожалѣю, любезный другъ, что ваше здоровье худо поправляется и съ нетерпѣніемъ ожидаю письма доктора Реймана, отъ котораго ничего не получилъ съ послѣднимъ курьеромъ; онъ человѣкъ весьма искусный, и я увѣренъ, что и вамъ принесетъ пользу. Переписку вашу съ Лаптевымъ Государь также приказалъ послать къ главнокомандующему, для замѣчанія зачѣмъ не исполнено въ точности повелѣніе, данное о распредѣленіи нижнихъ чиновъ, о чемъ я и прежде сего уже писалъ къ Дибичу, по донесенію его о таковомъ размѣщеніи въ двѣ роты, а не во всѣ вообще, но отвѣта еще не имѣю, и не могъ получить онаго, ибо недавно только писалъ. Пришлите ко мнѣ службу Нарвскаго пѣхотнаго полка маіора Макка 2-го, откуда и когда онъ поступилъ къ намъ въ службу, и по чьему представленію.

7-го февраля.

Не окончивъ вчера письма сего, на случай ежели что понадобится прибавить, увѣдомляю, что я предузналъ объ участи Андржейковича.

Государь очень прогнѣвался и велѣлъ тотчасъ его уволить безъ всего, прибавя, что долженъ бы былъ думать о дѣлахъ прежде. Въ генеральскомъ же мундирѣ россійской арміи повѣреннымъ по дѣламъ частнымъ быть не можетъ. Объ увольненіи его сего дня и въ приказъ внесено; пожалуйста, ему объявите, что онъ самъ тому причиною, и письмо его къ вамъ при семъ прилагаю. Прощайте, любезный другъ, отъ искренняго сердца желаю поправленіе вашего здоровья. Аграфенѣ Федоровнѣ мое усерднѣйшее почтеніе. Прошу меня не забыть и быть увѣрену въ моей къ вамъ истинной дружбѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо генералъ-маіора Ивана Андржейковича А. А. Закревскому.

9 января 1821 г. С.-Петербургъ.

Государю Императору благоугодно было произвести меня въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ въ 3-ей Гренадерской дивизіи.—Сколь не лестны для меня таковое назначеніе и милость Его Императорскаго Величества, нельзя, однако, мнѣ скрыть предъ вашимъ превосходительствомъ, что въ теперешнее время не могу я совершенно предаться полному чувству радости по обстоятельствамъ, которыя вынуждаютъ меня прибѣгнуть къ вамъ, милостивый государь, съ просьбою моею.

Будучи всѣми успѣхами по службѣ моей одолженъ особенному покровительству графа Леонтія Леонтьевича Беннигсена, и считая его всегда первымъ моимъ благодѣтелемъ, за счастіе я себѣ поставляю, за отсутствіемъ его за границу, быть въ Россіи исполнителемъ всѣхъ его приказаній, по дѣламъ, по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ встрѣчающимся, а тѣмъ болѣе въ нынѣшнее время, когда онъ, лишась зрѣнія, никакимъ образомъ болѣе не можетъ ни дѣлъ своихъ производить, ни наблюдать за исправнымъ теченіемъ оныхъ; почему сестра моя и ея дѣти, а также и всѣ домашнія дѣла графа Леонтія Леонтьевича лежатъ непосредственно на моемъ попеченіи, и я съ должною благодарностію и почтеніемъ, за счастіе считаю оказывать ему мои услуги.—Командованіе же назначенною мнѣ бригадою, отдаля меня отъ столицы и мѣстъ, гдѣ наблюденіе мое за дѣлами графа нужно, вовсе лишаетъ меня способовъ оказывать ему услуги и съ ними вмѣстѣ и душевную мою приверженость.—Почему и прошу я покорнѣйше вашего превосходительства войти въ теперешнее мое положеніе, почтить меня ходатайствомъ вашимъ у Монаршаго Престола, дабы года на два времени Высочайше позволено мнѣ было состоять по арміи, по истеченіи каковаго срока съ новыми чувствами вѣрноподданнической любви и усердія вступлю я въ исполненіе всякой должности, которую угодно будетъ Его Императорскому Величеству мнѣ назначить.

Письмо мое по сему предмету къ его сіятельству князю Петру Михайловичу Волконскому имѣю я честь приложить при семъ и ввѣрить благосклонному участію вашего превосходительства.

36.

7-го февраля 1821 г.

Въ рапортѣ о проѣзжающихъ отъ 19-го января показанъ прибывшимъ въ С.-Петербургъ для постройки въ полкъ киверовъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Малининъ. Его Величеству угодно, чтобы вы лично его узнали, и не онъ-ли выпустилъ такой слухъ о полку своемъ, или неизвѣстно-ли ему чего нибудь, или нѣтъ-ли съ нимъ нижнихъ чиновъ, кои подобные слухи въ пьянствѣ могли распустить, и меня обо всемъ увѣдомьте.

Также прочитавъ письмо свое усмотрѣлъ, что выпустилъ я вопросъ, который хотѣлъ вамъ сдѣлать, на нѣкоторое выраженіе ваше, что *«вышнія власти стараются по прежнему затруднять дѣйствіе мѣръ приличныхъ обстоятельствамъ, и зло постепенно распространяется»*, чтò сіе значитъ? кто сіи вышнія власти, дѣлающія затрудненія? скажите мнѣ откровенно.

Киселевъ ко мнѣ пишетъ и проситъ прислать что нибудъ положительнаго о стрѣлковомъ ученьи. Скажите мнѣ, неужели по сіе время не разослана по полкамъ книжка о стрѣлковомъ ученьи, которая еще при началѣ лѣта отдана въ печать, и я знаю, что планы уже давно готовы и отпечатаны; поторопите симъ и тотчасъ разошлите ее по нѣскольку экземпляровъ, не дожидаясь всѣхъ 6 тысячъ, какъ предполагалось, и меня увѣдомьте отъ чего сіе замѣшкалось; пришлите также одинъ экземпляръ или два ко мнѣ. Затѣмъ прощайте.

8-го февраля.

Вы пишете также, что вамъ не понравились лица семеновскихъ музыкантовъ, во время какъ читали грамоту о знаменахъ. Его Величеству угодно, чтобы вы о семъ переговоря съ Васильчиковымъ положили имѣть за ними строгое наблюденіе, и буде что либо малѣйшее будетъ замѣчено, то подъ видомъ дурнаго поведенія тотчасъ выписывать въ армейскіе полки, не жалѣя что тѣмъ хоръ разстроится, а на мѣста выбывающихъ тотчасъ опредѣлять изъ учебнаго Карабинернаго полка; о распоряженіи какое по сему сдѣлаете меня увѣдомьте.

Сею ночью для рѣдкости выпалъ здѣсь вдругъ пребольшой снѣгъ, который, вѣроятно, тотчасъ и растаетъ, ибо теперь солнце и тепла уже 5 градусовъ, а къ обѣду вѣрно будетъ 10 градусовъ.

37.

15-го (27-го) февраля 1821 г. Лайбахъ.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 28-го января. Касательно суда надъ нижними чинами Семеновскаго полка, надѣюсь, что вы по разсмотрѣніи онаго въ Аудиторіатѣ, ежели оный не найдетъ никакого упущенія со стороны коммисіи, пришлете его на конфирмацію Его Величества, какъ о томъ уже было мною къ вамъ писано, и не приведете въ исполненіе сентенціи суда иначе, какъ по возвращеніи онаго съ Высочайшею конфирмаціею. Буде же Аудиторіатъ найдетъ упущеніе суда, или что оный недостаточно велъ оный и признаетъ за нужное передѣлать оный съ замѣчаніями или выговорами презусу и членамъ, то Его Величество разрѣшаетъ васъ для выигранія времени въ семъ случаѣ объявить Высочайшую волю о поступленіи согласно съ мнѣніемъ Аудиторіата, и утверждаетъ выборъ вашъ въ презусы генералъ-лейтенанта Демидова. Буде Аудиторіатъ признаетъ нужнымъ назначить другую коммисію суда, къ сему нужно и ассесоровъ выбрать лучшихъ, оставя изъ тѣхъ, коихъ признаете хорошими. Посылку Жуковскаго Его Величество апробуетъ, и буду ожидать вашего донесенія, что имъ будетъ найдено.

О московской исторіи получилъ я то же самое отъ Дибича. Его Величество утверждаетъ распоряженіе главнокомандующаго, который нашелъ, что князь Хованскій слабо поступилъ, ибо должно бы отдать сихъ рядовыхъ подъ судъ, что генералъ Сакенъ и приказалъ сдѣлать.

За записку объ осмотрѣ дома васъ благодарю; я сегодня говорилъ Его Величеству на счетъ штата сторожей, и что я полагаю вмѣсто оныхъ не лучше-ли имѣть гвардейскую подвижную инвалидную роту, на сіе Его Величество изволилъ отозваться, чтобы напередъ счесть, что̀ будетъ стоить содержаніе во всемъ инвалидная рота, и число предполагаемыхъ сторожей, имѣя при нихъ трехъ офицеровъ изъ классныхъ чиновъ.

Сынъ Петра Ивановича назначенъ адъютантомъ по желанію его къ ген.-лейт. Левенштерну.

Отправленныя отъ Оленина бумаги по дѣламъ Государственнаго Совѣта уже окончены всѣ и обращены къ Оленину, почему и можете у него справиться о дѣлѣ Ефименкова, ибо Государь не изволитъ помнить именно о немъ, только сказалъ, что всѣ окончены и отосланы.

О возвращеніи нашемъ еще ничего рѣшительнаго сказать не могу, ибо и сами не знаемъ, потому что неаполитанцы располагаются частію

защищаться, другіе же кажется сего не желаютъ, что должно открыться дней чрезъ десять. Какъ бы дѣла скоро не пошли, между нами, я думаю мы прежде Святой недѣли врядъ-ли можемъ быть. Весьма сожалѣю, любезный другъ, что ваше здоровье все въ одномъ положеніи. Докторъ Рейманъ мнѣ пишетъ, что вы совсѣмъ никакого движенія не дѣлаете, что есть большая причина вашей болѣзни; ежели же вы будете болѣе ходить или ѣздить верхомъ, то непремѣнно боли сіи пройдутъ, почему прошу васъ, пожалуйста, дѣлать болѣе движенія и у дѣлъ убавить часа два на гулянье, что и я намѣренъ сдѣлать по возвращеніи, ибо здоровье дороже всего. Дѣла же не слишкомъ потеряютъ, ежели два или три часа позже будутъ исполнены, разумѣется текущія, почему и полагаю совсѣмъ перемѣнить систему моихъ занятій, къ чему и старость моя уже побуждаетъ.

О розыскѣ выпустившаго слухъ о Сѣвскомъ полку я писалъ по Высочайшему повелѣнію къ гр. Милорадовичу, но Его Величество поручаетъ и вамъ понуждать его, чтобы непремѣнно былъ отысканъ, кто первый оный выпустилъ, и имя того прислать ко мнѣ.

О женитьбѣ Киселева и здѣсь слухи есть, но въ послѣднемъ его ко мнѣ письмѣ онъ ничего не упоминаетъ, хотя прежде всегда былъ ко мнѣ откровененъ, и надѣюсь, что и теперь поступитъ равнымъ образомъ.

Вы пишете, что Удомъ слабъ здоровьемъ, но онъ уже назначенъ командиромъ по прежнему вашему письму и по желанію Васильчикова и его самого.

Рапортъ вашъ съ допросами нижнихъ чиновъ возвращаю съ тѣмъ, чтобы исполнить по вашему предположенію, то есть судить виновныхъ военнымъ судомъ, но не исполняя о нихъ приговора напередъ пришлите мнѣ къ чему будутъ приговорены, а прочихъ отошлите какъ предполагали, ежели не будутъ замѣшаны по суду.

Почему бригадиръ Волковъ на своемъ рапортѣ вмѣсто *секретно* пишетъ *инкогнито*, я еще сего никогда не видывалъ, это видно по *бригадирски* въ перепискахъ между ими живущими за Москвою рѣкою и за Сухаревою башнею на Самотекѣ.

Прилагаемое письмо къ тетушкѣ прошу отослать. Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ добраго здоровья и будьте увѣрены въ истинной моей къ вамъ дружбѣ.

Аграфенѣ Федоровнѣ мое усерднѣйшее почтеніе.

При семъ посылаю на имя ваше посылку изъ Парижа отъ жены

моей полученную съ шелкомъ, которую прикажите отправить съ первымъ курьеромъ въ Тульчинъ графинѣ Витгенштейновой.

Письмо къ Паулуччи прикажите послать по почтѣ.

Я бы желалъ, чтобы вы мнѣ назвали именно тѣхъ, кои болѣе всѣхъ говорятъ пустые вздоры и выпускаютъ разные толки противу правительства; вы можете быть увѣрены, что сіе останется между нами. Не менѣе того я буду по крайней мѣрѣ уже знать съ кѣмъ имѣю дѣло, и какъ съ таковыми людьми обходиться, говоря же вообще о всѣхъ, сіе мало можетъ принести пользы, и зло искоренить нельзя будетъ совершенно, которое по несчастію весьма распространяется. Почему и должно стараться сколь возможно захватить оное при началѣ, не давая злу сему усиливаться, а для того нужно знать именно сихъ злыхъ людей. По моему мнѣнію, лучше, чтобы потерпѣло нѣсколько человѣкъ злыхъ, нежели тысячи добрыхъ и невинныхъ. Я слышу уже, что многіе вступаются за Корсакова, что за растегнутый мундиръ выгоняютъ; всѣхъ бы сихъ защитниковъ слѣдовало бы наказать подобно Корсакову, ибо можно-ли до большей степени забыться какъ сдѣлалъ Корсаковъ и гдѣ еще—во дворцѣ? Кто мнѣ отвѣчаетъ, что послѣ того иной и штаны растегнетъ и все надобно терпѣть. Васильчиковъ ко мнѣ пишетъ, что Корсаковъ прошеніе ко мнѣ посылаетъ, но я его не получилъ; ежели до васъ дошло, то внесите въ приказъ къ увольненію и безъ всего. Скажите мнѣ отчего старшій адъютантъ Бибиковъ просится прочь; мнѣ, признаюсь, его жаль, онъ бы современемъ весьма могъ быть полезенъ, и скажите, пожалуйста, откровенно? Прощайте, ежели увидите кн. Алекс. Николаевича Голицына, то скажите ему отъ меня, чтобы приказалъ выслать почтоваго чиновника Максимова въ Брестъ-Литовскъ для устройства, но лошадей, однако, на почтахъ не выставлять до тѣхъ поръ, пока я не увѣдомлю чрезъ нарочнаго. Я полагаю весьма бы полезно, ежели (бы) князь уполномочилъ устройствомъ сего Максимова, онъ человѣкъ проворный и знаетъ, что для насъ надобно; уже нѣсколько разъ съ нами ѣзжалъ.

38.

23-го февраля (7-го марта) 1821 г. Лайбахъ.

За письмо ваше отъ 4-го февраля, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, благодарю, и при семъ возвращаю записку вашу о наказаніи нижнихъ чиновъ 1-го баталіона бывшаго Семеновскаго полка, на ко-

торую Его Величество изволилъ изъявить Свое согласіе; но все наказаніе не прежде приводить въ исполненіе какъ по Высочайше утвержденной конфирмаціи суда.

По дѣлу Бобровскаго я нахожу большую неосторожность въ томъ, что къ арестантамъ допускали фурштатскихъ людей, въ чемъ, по моему мнѣнію, виноваты, какъ комендантъ, такъ и плацъ-маіоръ крѣпости, тѣмъ болѣе, что вами было объявлено о взятіи всѣхъ мѣръ осторожности. Не менѣе того нужно бы розыскать какъ сіе было, часовые должны быть извѣстны, ибо записываются въ караулѣ въ книгу по именамъ, одно что затруднительно, то, что Бобровскій былъ переодѣтъ; но ежели часовые стояли внутри казематъ, то могли слышать его разговоръ и лично его видѣть. Успокойтесь на счетъ любовницы вашей Быкова, я пошутилъ, знаю вашу удивительную къ нему страсть, и, конечно, отдаю ему справедливость въ усердіи его къ приведенію типографіи въ такое состояніе, которая вамъ нынѣ приноситъ доходу, говорятъ, до 80 тысячъ. Надѣюсь, что отъ экономіи сего дохода новая типографія будетъ отлично убрана, и что вы ничего для нее и для департамента вашего не пожалѣете, только смотрите меня не перещеголяйте.

Чернышевъ былъ посланъ въ Мюнхенъ, и на обратномъ пути съ горы спускаясь былъ опрокинутъ и имѣлъ несчастіе переломить лѣвую ключевую кость въ плечѣ за 25 миль отсюда; его нѣсколько дней тамошніе лекаря мучили, и ничего не сдѣлали до пріѣзда Виллье, который вправивъ руку привезъ его вчера вечеромъ сюда. Бѣдный очень страдаетъ, и думаю недѣли три пройдетъ пока совсѣмъ оправится. Я слава Богу здоровъ, но весьма для меня прискорбно подозрѣніе приложеннаго секретнаго письма, о чемъ ежели будете оффиціально отвѣчать на мое повелѣніе, то на сіе отвѣчайте особой запиской сверхъ оффиціальнаго рапорта и не въ письмѣ ко мнѣ; я увѣренъ, что ничего похожаго нѣтъ, а между тѣмъ требуютъ, чтобы было строго розыскано, почему и желаю, чтобы была доказана вся точность. Надѣюсь, что мы теперь не долго уже здѣсь останемся, ожидаемъ извѣстій изъ Италіи отъ австрійской арміи, по успѣхѣ коей думаю будемъ располагать отъѣздъ нашъ. Прощайте, любезный другъ, дай Богъ, чтобы здоровье ваше поправилось. Мы на сей недѣлѣ говѣемъ, прошу меня простить во грѣхахъ буде признаете, а съ моей стороны право ни единаго нѣтъ, особливо противу васъ, ибо почитаю и люблю васъ искренно.

Весь вашъ Князь *П. Волконскій.*

Ежели братъ Алексѣй пріѣхалъ, пожалуйста скажите ему мое почтеніе, и надѣюсь, что насъ дождется.

39.

2-го (14-го) марта 1821 г. Лайбахъ.

За два письма ваши, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, премного васъ благодарю: одно отъ 8-го, а другое отъ 11-го февраля, и душевно сожалѣю, что вы такъ огорчились замѣчаніемъ на счетъ отпускныхъ семеновскихъ офицеровъ, о чемъ доводилъ я до свѣдѣнія Его Величества. Государь изволилъ отозваться, что ежели и не дано было при началѣ повелѣнія не отпускать, то происшествіе самое сего полка заставляло и безъ повелѣнія не давать отпусковъ, что и теперь наблюдать, и нужно будетъ сообщить главнокомандующему, ибо по нынѣшнимъ рапортамъ вновь усмотрѣно, что пріѣхалъ полковникъ Обресковъ, котораго также выслать безотговорочно, и узнать, кто его отпустилъ. Я не понимаю, какъ симъ господамъ самимъ не стыдно послѣ показываться и проситься въ отпускъ.

Весьма желаю видѣть Алексѣя Петровича Ермолова и съ нимъ побесѣдовать; радуюсь, что привезенныя имъ дѣла до насъ не касаются и что нами доволенъ. По прилагаемой при семъ запискѣ *) прошу приказать сдѣлать подробныя справки и ко мнѣ прислать. Вчера получены извѣстія изъ австрійской арміи, изъ Италіи, что неаполитанскій генералъ Пепе атаковалъ авангардъ генерала Вальмодена у Ріетти и былъ австрійцами разбитъ и преслѣдуемъ до Чивита-Дукале; на-дняхъ ожидаемъ другихъ извѣстій о сраженіи между главными силами неаполитанскими, собравшимися у Сентъ-Джермано; дай Богъ австрійцамъ успѣха и чтобы скорѣе заняли Неаполь, дабы мы могли отсюда ѣхать домой. Всѣ сіи дни здѣсь было ужасно тепло, а вчера пресильная гроза и ударилъ громъ въ городѣ, но безъ вреда. Извините, что не досмотрѣвши, что поллиста у перваго были оторваны началъ свое письмо, переписывать же нѣтъ времени. Пожелавъ вамъ совершеннаго здоровья, любезный другъ, съ нетерпѣніемъ желаю васъ видѣть, а между тѣмъ, прошу не забывать вамъ преданнаго.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу мое усердное почтеніе засвидѣтельствовать.

---

*) Записки при письмѣ не оказалось.

3-го марта.

По окончаніи письма моего, получилъ весьма непріятныя извѣстія изъ Турина, гдѣ піемонтскія войска взбунтовались и хотятъ непремѣнно идти противу австрійцевъ, въ Сѣверной Италіи находящихся, что я предвидѣлъ, бывъ еще въ Троппау и говорилъ нашимъ дипломатамъ. А какъ въ сѣверной части Италіи австрійцевъ, по несчастію, не терпятъ, то и надобно ожидать весьма для нихъ худыхъ послѣдствій отъ сего происшедшихъ, у нихъ же войскъ тамъ недостаточно, чтобы удерживать піемонтцевъ и жителей Италіи. Теперь посылаютъ за остальными войсками въ Австрію, Богемію, Венгрію и Галицію, но когда они придутъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ и нашей помощи. Сегодня посылаю повелѣніе къ Цесаревичу о немедленномъ выступленіи литовскаго корпуса, 24-й, 25-й и литовской уланской дивизій, къ графу Витгенштейну, также о командированіи Рудзевича съ 17-ю, 18-ю и 3-ю драгунскими дивизіями какъ ближе расположенныхъ; всѣ должны тотчасъ идти въ 2-хъ баталіонахъ. Къ Сакену посылаю, чтобы 3-й пѣхотный и 4-й резервный кавалерійскій корпуса также шли вслѣдъ за тѣми двумя, что все и составитъ **3-ю армію.** 4-й пѣхотный и 5-й кавалерійскій корпуса перейдутъ на мѣсто литовскаго, 2-я пѣхотная на мѣсто 4-й гренадерской подвинется къ Могилеву; 1-й пѣхотный въ Митаву къ границѣ; гвардія съ будущимъ курьеромъ, думаю, также получитъ повелѣніе выступить къ Витебску, смотря по извѣстіямъ, какія еще имѣть будемъ изъ Италіи. Что меня теперь крайне безпокоитъ, то уничтоженіе обозовъ и не сформированіе еще вездѣ фурштатовъ; движеніе, безъ сомнѣнія, будетъ произведено, но будетъ дорого стоить, и Гурьевъ не долженъ жалѣть денегъ, ежели у него есть оныя въ запасѣ. Къ Алексѣю Петровичу (Ермолову), хотя было и писалъ, чтобы насъ ожидалъ, но по теперешнимъ обстоятельствамъ его Государь желаетъ видѣть здѣсь для нѣкоторыхъ соображеній, о чемъ и посылается ему рескриптъ.

Секретно, *а между нами сказать думаю будетъ главнокомандующій сей 3-й арміи, о чемъ ему скажите; но ради Бога, чтобы ни онъ, ни отъ васъ о семъ его назначеніи никто не зналъ и по пріѣздѣ его сюда, чтобы не подалъ вида что знаетъ;* я на тотъ случай извѣщаю его, чтобы взялъ для себя какія-нибудь мѣры. Что же изъ насъ будетъ, ничего не можемъ вамъ сказать. Мерзкія сіи дѣла помѣшали вновь нашему возвращенію, которое должно было быть скоро, теперь же никакъ опредѣлить не можно: кончатъ-ли австрійцы одни до прибытія нашихъ войскъ или загорится еще гдѣ-нибудь; всего

опаснѣе теперь Франція, но и за Германію отвѣчать мало можно. Признаюсь вамъ вѣкъ ужаснѣйшій. У меня здѣсь такъ мало теперь чиновниковъ, то-есть всего два, и потому прошу васъ о присылкѣ Бибикова, ежели же худо пойдетъ, то можетъ быть и за самихъ васъ примусь, держитесь въ готовности на всякій случай. Пожалуйста о назначеніи Ермолова ни слова.

Генералъ-маіоръ Селявинъ пришлетъ вамъ ящикъ съ разными картами, которыя требую изъ депо картъ будто для себя, но онѣ назначаются для Алексѣя Петровича, которыя и прикажите взять тому фельдъегерю, котораго назначите къ Ермолову для сопровожденія его сюда, съ тѣмъ, что я ихъ уже сдамъ здѣсь лично. Сейчасъ получены извѣстія изъ Турина, что революція усилилась и король, сложивъ съ себя достоинство свое въ пользу брата своего, уѣхалъ въ Ниццу. Чѣмъ все сіе кончится одному Богу извѣстно, но только весьма все дурно и опасно для всѣхъ сосѣдей. Боже сохрани, ежели во Франціи что еще теперь откроется, то и конца нельзя будетъ предвидѣть.

Къ Ермолову въ начальники штаба назначается изъ 5-го корпуса Нейдгардъ, а въ генералъ-квартирмейстеры Шубертъ: не знаю будетъ-ли ими доволенъ, но кажется оба очень хороши; дежурнаго (генерала) самъ изберетъ.

40.

8-го (20-го) марта 1821 г. Лайбахъ.

За письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 18-го февраля, премного благодарю, и посылаю при семъ печатное извѣстіе, полученное изъ Рима о неаполитанскихъ дѣлахъ, которыя, кажется, приходятъ къ концу, и надобно ожидать, что произведутъ большое вліяніе и на Пьемонтскую революцію, гдѣ, по счастію, есть еще въ нѣкоторой части войскъ хорошій духъ. Въ городахъ Генуѣ и Наваррѣ гарнизонъ держится еще противъ бунтовщиковъ; желательно весьма, чтобы австрійцы скорѣе могли отдѣлить часть войскъ изъ Неаполя въ сѣверную часть Италіи, гдѣ у нихъ оныхъ не весьма много, дабы тѣмъ удержать пьемонтцевъ, ежели бы они вздумали начать наступательныя дѣйствія противу австрійцевъ. Хотя сіи послѣдніе вновь много ведутъ войскъ въ Италію, что должны они были сдѣлать гораздо ранѣе, но по обыкновенному ихъ распоряженію всегда думаютъ о томъ поздно и отъ того всегда бываютъ въ неудачѣ. Дай Богъ, чтобы они одни могли окончить дѣла пье-

монтскія, и чтобъ наше вооруженіе и походъ былъ только дѣйствіемъ угрозы, хотя онъ довольно дорого будетъ намъ стоить издержками, но лучше издержать нѣсколько денегъ, нежели потерять людей или время, ежели бы въ случаѣ нужды понадобились войска.

Съ сими извѣстіями отправляется отсюда графъ Ожаровскій, которому выдано отсюда 500 червонцевъ и 1,000 руб. ассигнаціями *) и вмѣстѣ съ тѣмъ везетъ и повелѣніе о выступленіи гвардіи на присоединеніе къ 1-й арміи, что увидите изъ оффиціальныхъ бумагъ къ вамъ посылаемыхъ. Ежели Богъ дастъ, что дѣла здѣсь кончатся и безъ нашихъ войскъ, не менѣе того пребываніе наше за границею должно продлиться до совершеннаго оныхъ окончанія; когда же оное послѣдуетъ одному Богу извѣстно. Я увѣренъ, что выступленіе гвардіи произведетъ большое уныніе въ С.-Петербургѣ, но нечего дѣлать, лучше быть въ готовности, нежели быть взяту врасплохъ, тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно, что̀ будетъ дѣлать Франція по дѣламъ Пьемонта. Я писалъ къ Васильчикову, чтобы онъ приказалъ купить у васъ для гвардіи нѣсколько экземпляровъ Свода Законовъ, заставляя бы походомъ на роздыхахъ читать не только нижнимъ чинамъ, но и офицерамъ артикулы о чинопочитаніи, о дуэляхъ и о неисполняющихъ повелѣнія начальниковъ. Я увѣренъ, что большая часть не только офицеровъ, но и генераловъ, многихъ законовъ сихъ не знаютъ, и нахожу въ семъ сочиненіи большую пользу, дѣлающую вамъ большую честь. Сверхъ того, прошу васъ сдѣлать одолженіе послать въ подарокъ экземпляровъ шесть въ Москву къ ген.-маіору Муравьеву для училища колоновожатыхъ, съ тѣмъ, чтобы имъ оные читать, а я буду требовать отъ него, чтобы колоновожатые знали оные наизустъ, особенно о чинопочитаніи и послушаніи, и внесли бы оныя въ часть экзамена.

Скажите, что Веселицкому такъ хочется быть по квартирмейстерской части, тогда какъ и безъ того онъ состоитъ по ученой части въ артиллеріи; между нами сказать, мнѣ не весьма нравятся ихъ дѣла по нѣкоторой части по Оренбургу. О Карповѣ по желанію вашему сдѣлалъ. По слухамъ о Сѣвскомъ полку хотя я давно писалъ къ маркизу Паулуччи, но еще не имѣю отвѣта, и вѣроятно получу тотъ же самый; совсѣмъ тѣмъ вновь нынѣ Государь приказалъ мнѣ послать къ нему рапортъ его адъютанта къ вамъ, съ тѣмъ, чтобы непремѣнно было

*) О выданныхъ прогонныхъ для того говорю, чтобы и назадъ не болѣе давать, ежели еще здѣсь будемъ, а ежели ближе, то по разсчету дать, потому что ему хотѣлось и отсюда имѣть вдвое сего, что и такъ достаточно.

отыскано, кто именно первый распустилъ столь нелѣпый слухъ. Поручика Симборскаго повелѣно судить арестованнаго, и признаюсь, надобно унимать сихъ шалуновъ; какое право имѣютъ выживать старшихъ? Другого вида нѣтъ какъ вакансія, и что за сборища? Дѣло сдѣлали, что тотчасъ арестовали и впредь прошу такъ поступать. Я нахожу, что Васильчиковъ не хорошо сдѣлалъ, что тотчасъ не арестовалъ Преображенскаго полка Болховскаго, убившаго на дуэлѣ Рубцова, равномѣрно и секундантовъ, которые всегда какъ-то остаются въ сторонѣ, тогда какъ законами подлежатъ равному наказанію съ прочими. Болховской же говорятъ въ тотъ же день былъ гдѣ-то въ концертѣ, и хвастался какъ будто славнымъ дѣломъ, что убилъ человѣка за...... Весьма радъ, что Миша мой Орловъ женится; надѣюсь, что послѣ того остепенится, я его очень люблю, и сожалѣю, что вѣтренностью своею и легкомысліемъ онъ много дѣлаетъ себѣ вреда, тогда какъ у него душа и сердце предобрыя и благородныя чувства, но язычокъ проклятый не можетъ удержать, воображая, что все что онъ говоритъ есть свято, и что всѣ должны быть съ нимъ одного мнѣнія. Весьма сожалѣю о бѣдномъ Удомѣ, и по описанію его болѣзни сомнѣваюсь, чтобы могъ долго прожить; жаль его, добрый и честный человѣкъ. Каковъ вамъ покажется молодецъ безрукій князь Ипсилантій: вмѣсто чтобъ ѣхать къ водамъ, пустился въ Яссы, куда прибывъ съ какими-то своими товарищами взбунтовалъ Молдавію, и оттуда прислалъ сюда курьера съ письмомъ къ Государю, въ которомъ извѣщаетъ, что Молдавія и Валахія взбунтовались, что Владимиреско занялъ Краіово, и что онъ получилъ изъ Греціи болѣе нежели 600 тыс. подписей разныхъ лицъ, кои его зовутъ въ Грецію начальствовать войсками противу турокъ, почему и проситъ увольненія отъ службы, и чтобы мы содѣйствовали своею арміею на изгнаніе турокъ. Государь приказалъ начать съ того, чтобы исключить его изъ списковъ, и никакъ въ его дѣло никто мѣшаться не хочетъ. Брата же его, адъютанта Раевскаго, коего онъ также проситъ прислать къ себѣ, не велѣно пускать въ отпускъ, хотя и было уже въ приказѣ, то прикажите уничтожить, а я писалъ къ главнокомандующему и къ Раевскому прямо, чтобы его не пускать; но увѣдомьте меня, куда дѣвали еще одного брата его, бывшаго также въ кавалергардахъ. Пришлите, пожалуйста, мнѣ послѣдніе, какіе у васъ есть, мѣсячные рапорты, особенно гвардейскаго корпуса, ибо у меня еще отъ ноября мѣсяца. Гвардіи стыднѣе всѣхъ такъ поздно присылать свои рапорты, стоя въ Петербургѣ. Прощайте, любезный другъ; дай Богъ намъ

скорѣе увидѣтся въ Петербургѣ, а не здѣсь, и желаю вамъ здоровья, я слава Богу теперь здоровъ.

Весь вашъ К. *П. Волконскій.*

Аграфенѣ Федоровнѣ мое усерднѣйшее почтеніе.

41.

17-го (29-го) марта 1821 г. Лайбахъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 25-го февраля, которое получилъ исправно вмѣстѣ съ приложеніями, изъ коихъ допросъ рядоваго Степанова и рапортъ Мылова препровождаю по Высочайшему повелѣнію къ графу Милорадовичу для ближайшаго изслѣдованія истины, и чтобы донесъ потомъ Его Величеству; притомъ ему же сообщаю, что Государь замѣчаетъ изъ многихъ записокъ отъ полиціи получаемыхъ, что люди, коимъ поручается вывѣдывать у нижнихъ чиновъ, большею частью дѣлаютъ имъ вопросы, о коихъ они никакого понятія не имѣли, и вводятъ нижнихъ чиновъ въ разсужденія совсѣмъ имъ не приличныя, и можетъ быть, своими вопросами и разговорами даютъ имъ мысли, о коихъ можетъ быть солдаты никогда бы и не думали. Бомбардира Васильева повелѣно судить, но чтобы Васильчиковъ съ нимъ прежде суда еще поговорилъ, почему и нужно будетъ приказать привезти его съ фельдъегеремъ, когда Васильчиковъ его потребуетъ. Каждый разъ впредь прикажите наблюдать, чтобы при подобныхъ допросахъ нижнихъ чиновъ спрашивать у нихъ, были-ли они въ бывшей большой школѣ взаимнаго обученія въ С.-Петербургѣ. Прочія бумаги отъ васъ доставленныя, при семъ возвращаю съ помѣткою. На вопросъ мой, сдѣланный вамъ, любезный другъ, о *вышнихъ властяхъ*, вы мнѣ недовольно удовлетворительно отвѣчаете и заставляете угадывать, почему полагаете, что я могу ихъ по сему узнать. Легко можетъ быть, что я совсѣмъ о другихъ буду думать, притомъ же вы можете быть увѣрены, что сіе осталось бы совершенно между нами.

Дѣла неаполитанскія, слава Богу, совсѣмъ кончены, войско неаполитанское совсѣмъ разбѣжалось, оставалась одна гвардія, которая вся обратилась къ власти короля и соединилась съ австрійцами, которые должны были 11-го (23-го) марта вступить уже въ Неаполь, гдѣ и будутъ ожидать пріѣзда короля, который еще находится во Флоренціи. О пьемонтскихъ дѣлахъ получаемъ почти всякій день извѣстія, иной день

весьма хорошія, а иногда и не очень выгодныя, но кажется, что и сіи по полученіи ими извѣстій объ окончаніи дѣлъ въ Неаполѣ поправятся. Остается только желать, дабы во Франціи осталось все спокойно, тогда можно надѣяться, что и мы возвратимся, и что всѣ наши военныя дѣйствія остановятся, чего, признаюсь, душевно желаю, ибо они довольно дорого намъ будутъ стоить.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю пріѣзда Ермолова, который, надѣюсь, насъ позабавитъ своими разсказами восточными. Здѣсь прошелъ слухъ, что будто и онъ собирается жениться на Пашковой, но какъ вы мнѣ о семъ ни слова не пишите, то я не совсѣмъ вѣрю. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и не забывайте того, который васъ весьма много любитъ и почитаетъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе.

42.

24-го марта (5-го апрѣля) 1821 г. Лайбахъ.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письма ваши отъ 4-го и 11-го марта, и весьма сожалѣю, что удовольствіе ваше о возвращеніи нашемъ совсѣмъ перемѣнится, по полученіи совсѣмъ противныхъ тому извѣстій съ послѣдующими фельдъегерями. Признаюсь вамъ, мнѣ сіе самому весьма прискорбно, но что̀ дѣлать, дѣла нынѣшняго вѣка столь мудрены и смутны, что ежедневно перемѣняются. Однако, по полученнымъ вновь изъ Пьемонта извѣстіямъ, есть большая надежда къ хорошему окончанію оныхъ, чему весьма много подѣйствовало повелѣніе наше о выступленіи войскъ нашихъ, которымъ число подробно составленной отъ меня вѣдомости было послано къ министру нашему въ Туринъ, графу Моцениго, который искуснымъ своимъ распоряженіемъ довелъ до того, что самые злые бунтовщики смирились и послали депутацію къ королю въ Модену, гдѣ онъ находится, съ предложеніемъ совершенной ихъ покорности и прошеніемъ прощенія. Самъ Моцениго сюда долженъ быть чрезъ два дня съ окончательными свѣдѣніями. Дай Боже, чтобы сіи дѣла такъ прекратились, и чтобы Франція осталась спокойна, тогда, полагаю, мы не замедлимъ возвратиться и вернемъ выступающія наши войска.

Киселевъ отъ меня о женитьбѣ своей секретничаетъ, хотя еще сегодня получилъ отъ него письмо, но князь Сергій меня о семъ увѣ-

домляетъ, и признаюсь, я Киселеву попрекну, и не думалъ, что онъ такъ мало имѣетъ ко мнѣ довѣренности. О перемѣнѣ Удома теперь думать нечего, надобно ожидать времени. Стыдно начальникамъ заступаться за подчиненныхъ, забывающихся до такой степени, какъ сіе сдѣлалъ Корсаковъ; долгъ начальника былъ сдѣлать совсѣмъ противное, и тотчасъ бы его арестовать, для примѣра другимъ. Я радъ, что вы довольны Бибиковымъ, я было опасался, нѣтъ-ли какого неудовольствія съ вашей стороны, и мнѣ бы было жаль, ибо онъ молодой человѣкъ со способностями и обѣщаетъ много, надѣюсь милость Его Величества, ему оказанная, удержитъ его въ службѣ, тѣмъ болѣе еще, что я его требую сюда. Андржейковича Государь по милости своей и по раскаянію его въ письмѣ ко мнѣ простилъ и принялъ въ службу, но не бригаднымъ, что потерялъ онъ отъ своей неосмотрительности, и что можетъ для него быть урокомъ, а равно и для прочихъ. Не повѣрите, какъ мнѣ больно было слышать объ исторіи, происшедшей за столомъ у Императрицы между генералами. Какой примѣръ господа сіи даютъ молодымъ офицерамъ, и можно-ли до такой степени забыть уваженіе, которое обязаны они хранить къ особѣ той, куда были приглашены, и можно-ли послѣ того куда либо приглашать людей, имѣющихъ такое воспитаніе.

Больныхъ число по вѣдомости вижу весьма велико, но сіе кажется ежегодно бываетъ весною; нужно будетъ имѣть въ виду ораніенбаумскіе госпитали, буде бы мѣстъ много понадобилось, но за выступленіемъ гвардіи изъ С.-Петербурга должно и число больныхъ прибывающихъ прекратиться.

Не напоминайте мнѣ о дѣлахъ аудиторіатскихъ, они приводятъ меня въ отчаяніе, и не думайте, чтобы я о нихъ не помышлялъ и не хлопоталъ; къ несчастію, здѣшнія дѣла много тому причиною. Прикажите, пожалуйста, взять подробную справку и ко мнѣ доставьте, а о нѣкоемъ господинѣ Имбергѣ, живущемъ въ Кронштадтѣ, о которомъ одинъ разъ уже упоминалось, по дѣлу о частой поѣздкѣ въ Кронштадтъ офицера графа Соллогуба, что было усмотрѣно изъ рапортовъ о проѣзжающихъ и кажется былъ отъ Васильчикова отвѣтъ, въ которомъ упоминалось объ Имбергѣ. Я бы желалъ знать, не братъ-ли онъ тому, который находится оберъ-аудиторомъ при князѣ Репнинѣ. Изъ письма вашего отъ 11-го марта усматриваю, что фельдъегерь отсюда отправленный запоздалъ, отъ того, что три дня былъ задержанъ въ Варшавѣ отъ льда, какъ о семъ меня увѣдомляетъ Цесаревичъ. Я былъ увѣренъ, что требованіе мое изъ С.-Петербурга лейбъ-кучеровъ произ-

ведетъ ожиданіе нашего возвращенія и дѣйствительно, ежели бы не пьемонтскія дѣла, то мы бы теперь были уже близъ Варшавы.

Ежели принцъ поѣдетъ въ Москву, то распорядитесь съ Эссеномъ и прочими по прежнему примѣру. Радуюсь слышать, что и у васъ весенняя погода, а у насъ уже лѣтняя, но деревья еще не распустились.

Какъ письмо сіе придетъ къ вамъ къ святой недѣлѣ, то поздравляю васъ, любезный другъ, отъ искреннѣйшаго сердца съ симъ праздникомъ и сердечно сожалѣю, что лично не могу васъ поцѣловать и сказать *«Христосъ воскресе»*, но прошу принять заочно, съ желаніемъ истиннымъ вамъ добраго здоровья. Прошу у Аграфены Федоровнѣ за меня ручку поцѣловать и поздравить ее съ праздникомъ. На будущей недѣлѣ, то есть въ концѣ, надѣюсь и брата Алексѣя (Ермолова) здѣсь видѣть, уже приготовилъ ему и квартиру по сосѣдству, то-то будетъ разсказовъ и увѣреній, весьма любопытно его слышать и видѣть. Прощайте, будьте здоровы и веселитесь, и больше ходите пѣшкомъ для вашего здоровья.

Весь вашъ К. *П. Волконскій.*

43.

8-го (20-го) апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 18-го марта, въ которомъ извѣщаете, что отправленный отъ насъ фельдъегерь поздно пріѣхалъ, бывъ задержанъ въ Варшавѣ Вислою; точно такъ полагаю гдѣ нибудь задержанъ отъ васъ отправленный отъ 25-го марта, который и по сейчасъ еще не прибылъ. Я полагаю въ Суражѣ не задержала-ли его Двина? Также никого еще нѣтъ изъ тѣхъ, кои требованы были изъ С.-Петербурга, кромѣ Аверина, который вчера пріѣхалъ изъ Дерпта, а Дибичъ болѣе недѣли уже какъ здѣсь; всякій часъ ожидаю генерала Ермолова и надѣюсь, что путешествіе его кончится только однимъ нашимъ свиданіемъ, и что привеземъ его назадъ съ собою, ибо, благодаря Бога, дѣла пьемонтскія идутъ какъ нельзя лучше, и ежели чего посторонняго не случится, то можно будетъ, полагаю, и безъ насъ обойтись, и мы можемъ въ скоромъ времени къ вамъ возвратиться. Признаюсь, съ большимъ нетерпѣніемъ сего ожидаю, какъ равномѣрно и разрѣшенія объ остановленіи движенія войскъ за границу, ибо ужаснѣйшія издержки должны были сдѣлать для при-

готовленія къ выступленію. Не менѣе того, по теперешнимъ обстоятельствамъ все нужно будетъ нѣкоторое время имѣть войска на границѣ сближенныя, что также требуетъ большихъ издержекъ, но все не столько, ежели бы выступили совсѣмъ за границу. Прилагаемую при семъ посылку на имя тетушки прошу къ ней отослать вмѣстѣ съ письмомъ. Посылка сія адресована нарочно на ваше имя, дабы не попалась въ таможню, ибо заключаетъ самую бездѣлицу отъ жены моей изъ Парижа посылаемую. Погода у насъ совсѣмъ лѣтняя, такъ что во фракѣ уже жарко гулять въ полдень. Поздравляю васъ, любезный другъ. съ причащеніемъ Святыхъ Таинъ. желаю чтобы оныя доставили вамъ совершенное здоровье; касательно просимаго прощенія, то навѣрное его имѣете, ибо ни въ чемъ, конечно, не грѣшны противу меня, въ чемъ я увѣренъ. Вторично поздравляю васъ съ праздникомъ Пасхи, равномѣрно и Аграфену Федоровну, и прошу быть увѣрену въ моей къ вамъ искренней любви.

А. Я. Княжнина прошу поздравить также съ праздникомъ.

Сдѣлайте одолженіе, прикажите доставить письмо къ ген.-маіору Новицкому, ибо я не знаю, гдѣ онъ теперь находится.

44.

15-го (27-го) апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 25-го марта получилъ, за которое васъ премного благодарю, а вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу отвѣтствовать, что напрасно полагаете, чтобы васъ забыли въ С.-Петербургѣ. Когда бы нужда востребовала настоящая, я бы тотчасъ васъ увѣдомилъ и вытребовалъ, а какъ изъ всѣхъ здѣшнихъ обстоятельствъ должно было ожидать болѣе одной демонстраціи, то зачѣмъ было васъ сюда везти, и тѣмъ останавливать ходъ дѣлъ. Слава Богу, здѣшнія дѣла взяли весьма счастливый оборотъ, почему и остановленъ походъ войскъ нашихъ за границу; но какъ совершенно нельзя еще увѣриться, что пожаръ сей совсѣмъ погасъ, то и нужны мѣры большой осторожности и готовности, на могущія случиться какія либо происшествія, для сего и сближаются нѣкоторые корпуса къ границѣ, равно и гвардія примыкаетъ къ 1-й арміи. Можетъ быть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мѣры сіи будутъ и не нужны, но теперь необходимы.

Перемѣнившіяся обстоятельства подаютъ надежду намъ отправиться отсюда въ Россію; ожидаемъ на-дняхъ извѣстій еще изъ Пье-

монта, послѣ которыхъ полагаю можемъ выѣхать изъ Лайбаха 26-го или 27-го апрѣля. Въ Варшавѣ остановимся только сутки, почему и полагаю, что къ 15-му или 16-му мая можемъ быть у васъ. Вы не повѣрите, съ какимъ нетерпѣніемъ я сего ожидаю. На будущей недѣлѣ надѣюсь послать фельдъегеря для заготовленія лошадей, съ коимъ пришлю къ вамъ и маршрутъ. Пожалуйста, кромѣ приказовъ и нѣкоторыхъ неважныхъ дѣлъ болѣе сюда не присылайте; ибо я не знаю чтò мнѣ дѣлать и съ тѣми, кои еще у меня не окончены, особенно аудиторскія. Семеновское бы дѣло нужно очень прислать и кончить до пріѣзда, но не знаю, успѣете-ли сіе сдѣлать. Генералы, флигель-адъютанты, также и мои, могутъ спокойно оставаться въ С.-Петербургѣ. Ермоловъ и Канкринъ и даже Бибиковъ еще по сіе время не пріѣхали, что заставляетъ думать происходитъ отъ дурныхъ дорогъ. Дай Богъ, чтобы для насъ они просохли и поправились; судя по здѣшней погодѣ, надобно надѣяться, что будутъ хороши. Фельдъегерей продолжайте посылать по той же дорогѣ на Варшаву, и оттуда чрезъ Троппау, ибо теперь они ѣздятъ по приказанію Цесаревича чрезъ Краковъ, о чемъ я и Его увѣдомлю.

Прощайте, любезный другъ, желаю найти васъ въ добромъ здоровьѣ, и лично увѣряю васъ въ истинной моей къ вамъ дружбѣ.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу мое усердное почтеніе засвидѣтельствовать.

45.

17-го (29-го) апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Письмо ваше, отъ 1-го апрѣля, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, получилъ до отправленія еще фельдъегеря отсюда; благодарю васъ за оное, и напрасно мнѣ пеняете въ скупости фельдъегерей: ежели бы отъ меня зависѣло, то конечно бы регулярно оныхъ отправлялъ. Лукененко отъ того долго ѣхалъ, что Ожаровскій его задержалъ, и Богъ знаетъ для чего, вотъ почему вы и были долго безъ извѣстій. Ермоловъ еще не прибылъ, а сегодня поутру пріѣхалъ Кремповскій, завтра полагаю будетъ и Канкринъ, всѣ они теперь прокатились понапрасно, и прогулка ихъ стоитъ много червонцевъ, но нечего было дѣлать инаго. Весьма жалѣю, любезный другъ, что вы сами лично не побранили хорошенько Скалона, не за свое дѣло взявшагося; пожалуйста, ежели впредь безъ меня что замѣтите за квартирмейстерами, то какъ дежур-

наго генерала разрѣшаю вамъ ихъ хорошенько проучивать. Скажите зачѣмъ поѣхалъ въ Бѣлую Церковь адъютантъ графа Воронцова и при мнѣ состоящій графъ Бутурлинъ, и съ чьего позволенія? Жаль старика Чаликова, на мѣсто коего дивизіоннымъ начальникомъ назначенъ ген.-адъют. Чернышевъ, а полковымъ командиромъ Андреевскій. Приказъ Юзефовича чрезмѣрно плодовитъ, видно много времени остается сочинять такіе пустяки, и также у тѣхъ, коимъ читать оный должно. Государь не очень доволенъ дѣломъ Карасева, находитъ недостаточнымъ, потому что осталось разногласіе между обоими, и не дошли до того, чтобы который либо признался, ибо по существу дѣла непремѣнно который нибудь изъ двухъ долженъ быть виноватъ. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и не забывайте меня.

Нейдгардъ завтра ѣдетъ отсюда обратно въ Москву, а послѣзавтра отправится думаю и Шубертъ.

46.

23-го апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Весьма много благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 8-го апрѣля вчера полученное; радуюсь весьма, что вы здоровы, и пожалуйста не безпокойтесь и не думайте, чтобы я васъ забылъ въ столицѣ, когда бы мнѣ была нужда васъ здѣсь имѣть. Я почти былъ увѣренъ, что всѣ сіи послѣднія дѣла обойдутся безъ насъ, то-есть послѣ хорошаго хода дѣлъ неаполитанскихъ. Не понимаю, какъ забылъ я запечатать письмо, съ Лукененкою посланное, и какъ онъ мнѣ не возвратилъ его, видѣвъ, что оно не запечатано. Благодаря Бога, дѣла здѣсь приходятъ къ концу; завтра надѣюсь Поццо-ди-Борго будетъ сюда изъ Рима, и завтра же получимъ извѣстіе, гдѣ находится эрцъ-герцогъ палатинъ, то-есть въ Вѣнѣ или въ Венгріи, такъ и путь нашъ отсюда направимъ на Вѣну, буде онъ тамъ; въ противномъ случаѣ на Венгрію, и думаю въ теченіе будущей недѣли отправимся. По полученіи извѣстія объ эрцъ-герцогѣ, тотчасъ отправлю фельдъегерей для заготовленія намъ лошадей, и тогда вамъ пришлю маршрутъ съ означеніемъ ночлеговъ. Изъ Венгріи мы всѣ поѣдемъ на Варшаву, почему фельдъегери всѣ должны ѣхать на Варшаву, а оттуда уже будутъ получать направленіе на дорогу, по какой поѣдемъ. Отъ Ермолова получилъ письмо изъ Минска, пишетъ что принужденъ былъ бросить коляску и ѣдетъ на перекладной, лишь бы только до насъ до-

браться. Фельдъегерь, вчера изъ Варшавы отъ Цесаревича пріѣхавшій, сказывалъ, что видѣлъ въ понедѣльникъ въ Краковѣ Стабуша, который въ тотъ же день ждалъ туда Ермолова къ обѣду, почему и полагаю, что онъ завтра будетъ сюда. Благодарю васъ за отправленіе Свода Законовъ къ ген.-маіору Муравьеву, и дѣйствительно бы хорошо завести сіе при экзаменахъ юнкерскихъ, о чемъ переговорите съ Васильчиковымъ, Михаиломъ Павловичемъ и Опперманомъ; для инженерныхъ, также бы не худо сіе было. Происшествіе въ Финляндскомъ полку также не хорошо, и доказываетъ, что Палицынъ мало своимъ дѣломъ занимается. Скажите зачѣмъ остановилось дѣло семеновское 1-го баталіона; прежде вы все торопили, чтобы скорѣе окончить, а теперь утихло, какъ бы его не было; нужно бы очень его окончить до нашего пріѣзда, но теперь не знаю успѣемъ-ли. Сейчасъ и Государь у меня объ ономъ спрашивалъ. О солдатскихъ женахъ разрѣшено отправить, какъ въ поселенные баталіоны привозили и денегъ имъ болѣе не выдавать. Сейчасъ пріѣхалъ изъ Рима Поццо-ди-Борго, надѣюсь теперь ничто насъ уже не задержитъ.

47.

27-го апрѣля (9-го мая) 1821 г. Лайбахъ.

Наконецъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, рѣшительно могу васъ увѣдомить, что мы ѣдемъ отсюда 1-го числа мая и будемъ слѣдовать по прилагаемому маршруту, изъ коего усмотрите, что будемъ въ Царское Село 23-го числа мая, ежели гдѣ на дорогѣ не задержатъ насъ, можетъ быть смотры нѣкоторыхъ полковъ гвардіи. Не повѣрите, сколько я радъ вырваться отсюда, но ради Бога пожалѣйте меня, и не вдругъ на меня наваливайте ужасныя кучи несносныхъ бумагъ, дайте хотя нѣсколько дней отдыха съ пріѣзда. Ермоловъ вчера сюда пріѣхалъ. Я нахожу, что онъ ужасно потолстѣлъ, а онъ нашелъ что я очень постарѣлъ. Говорилъ съ нимъ много о разныхъ вещахъ весьма любопытныхъ, особенно про его край. Государь изволилъ принять его очень хорошо и былъ очень радъ его видѣть. Послѣ насъ тотчасъ онъ отправится отсюда въ С.-Петербургъ, остановится, я полагаю, въ Вѣнѣ и Варшавѣ по нѣсколько дней. Какъ эрцъ-герцогъ палатинъ въ Оффенѣ, то мы ѣдемъ чрезъ Венгрію, земля прекрасная, но дороги не очень хороши — по нашему; только горъ ужасно много и очень большія. Дай Богъ намъ благополучно изъ всего сего выбраться. О фельдъегеряхъ

отъ васъ ѣдущихъ уже распорядился, пусть всѣ ѣдутъ на Варшаву, а оттуда будутъ уже имѣть новое направленіе. Прощайте, любезный другъ, желаю нетерпѣливо васъ видѣть и въ добромъ здоровьѣ. Бумагъ ко мнѣ уже не присылайте, особенно съ послѣднимъ по разсчету фельдъегеремъ, кромѣ партикулярныхъ писемъ.

48.

29-го апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

За письмо ваше, отъ 15-го апрѣля, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, премного благодарю, равно и за выписку изъ дѣла аудиторіатскаго по смоленской коммиссіи. Распоряженія ваши объ отъѣздѣ принца мекленбургскаго Его Величество изволилъ утвердить. Гвардія выступаетъ 26-го числа, но когда гдѣ какой полкъ будетъ, въ маршрутахъ отъ Васильчикова присланныхъ не показано, также и когда онъ самъ выступаетъ не сказано; надѣюсь, съ будущимъ фельдъегеремъ подробно меня увѣдомитъ.

Весьма желаю, чтобы мерзкія безпрестанныя исторіи въ гвардіи прекратились; и очень ясно вижу, что полковые и баталіонные командиры своего дѣла не знаютъ, а генералы кажется не хотятъ онымъ заниматься, а думаютъ только о своихъ удовольствіяхъ, и не помышляютъ о послѣдствіяхъ, какія отъ сего произойти могутъ. По пріѣздѣ нашемъ, необходимо будетъ принять рѣшительныя мѣры, которыя, безъ сомнѣнія, симъ господамъ будутъ не по нраву; но лучше болѣзнь захватывать въ ея началѣ, нежели давать ей усиливаться и труднѣе будетъ ее вылечивать. О Булгаковѣ постараюсь исполнить по вашему желанію и васъ увѣдомлю.

Мы рѣшительно ѣдемъ послѣ завтра отсюда въ Венгрію, и будемъ слѣдовать по маршруту. Ермоловъ завтра ѣдетъ въ Вѣну, гдѣ пробывъ нѣсколько дней, поѣдетъ на Варшаву, а оттуда въ Петербургъ. Императоръ австрійскій пожаловалъ сегодня мнѣ орденъ Святаго Стефана. Желтухину отошлите грамату и пожалованный орденъ. Государь былъ недоволенъ, что ее удержали. Кривляка также отправился сегодня уже въ Вѣну къ матери своей, а оттуда поѣдетъ въ Варшаву, къ нашему туда пріѣзду. Киселевъ наконецъ рѣшился и писалъ ко мнѣ о своей свадьбѣ, я его увижу дорогою; ему приказано быть въ Слонимѣ или въ Ружану, гдѣ будетъ ночлегъ. Прощайте, любезный другъ, желаю здоровья какъ вамъ, такъ и Аграфенѣ Федоровнѣ, и скораго исцѣленія

въ ея болѣзни. Пожалуйста, бумагъ уже не посылайте, потому что нѣкогда ими дорогою заниматься. Съ нетерпѣніемъ желаю васъ видѣть, а между тѣмъ, прошу быть увѣреннымъ въ моей къ вамъ истинной дружбѣ.

49.

15-го мая 1821 г. Брестъ-Литовскъ.

Наконецъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, мы на своей границѣ, и бывъ удержаны сутки лишнія въ Варшавѣ, пріѣдемъ въ Царское Село однимъ днемъ позже, то-есть 24-го. Благодарю васъ за ваши письма, на кои теперь отвѣчать не имѣю времени, а переговоримъ на словахъ. Васильчиковъ весьма худо расположился дожидать Его Величество въ С.-Петербургѣ, тогда какъ приличнѣе, и должно ему быть, въ головѣ войскъ; о чемъ и пишу къ нему съ симъ курьеромъ. Прикажите письмо ему тотчасъ доставить, дабы онъ успѣлъ выѣхать къ намъ, хотя за станцію впередъ войскъ, для разныхъ объясненій. Я пишу къ нему также, чтобы тотчасъ отправить Розена и Потемкина къ своимъ новымъ назначеніямъ, равно и тѣхъ, кои на ихъ мѣста назначены. Прощайте, болѣе писать нѣкогда, всю ночь ѣхали, я такъ усталъ, что насилу хожу, вотъ каково состариться, къ тому же, жаръ несносный. Нетерпѣливо желаю васъ видѣть.

50.

17-го мая 1821 г. Новый Сверженъ.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 13-мая, и весьма мало пишу оттого, что очень усталъ, а завтра опять рано надобно ѣхать. На прошедшемъ ночлегѣ видѣлъ Киселева, которому Его Величество пожаловалъ Анну 1-го класса, и онъ кажется былъ очень доволенъ и признался въ женитьбѣ. Какъ мы вѣроятно поздно пріѣдемъ 24-го въ Царское Село, то лучше оставайтесь въ Петербургѣ, куда я буду 25-го, и тамъ увидимся. Фельдъегерей пришлите въ Гатчину на дежурство двухъ. Прощайте, будьте здоровы.

51.

23-го мая 1821 г. Луга.

Хотя я и просилъ васъ дожидаться меня въ С.-Петербургѣ, но какъ мы завтра рано отсюда выѣзжаемъ, и будемъ къ обѣду въ Гатчину, откуда послѣ обѣда я пріѣду въ Царское Село, то и прошу васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, пріѣхать завтра послѣ обѣда въ Царское Село, но пожалуйста безъ бумагъ, а развѣ только одинъ приказъ привезите, потому что я ужасно усталъ отъ дороги и отъ смотровъ гвардіи вчера и сегодня. Все что мы видѣли, было въ отличномъ видѣ и Его Величество былъ отмѣнно доволенъ. Семеновскій полкъ показался въ превосходномъ видѣ, и по мнѣ, есть первый изъ всѣхъ и лучше прежняго полка. Артиллеріею 1-й гренадерской дивизіи я былъ недоволенъ, тѣмъ, что г-нъ Пребешингъ (?) хотѣлъ блеснуть покупкою всѣхъ лошадей, которыя еще не объѣзжаны, и потому, вмѣсто церемоніальнаго марша прошелъ въ разсыпную и чуть было не передавилъ людей; то же было немного и во 2-й гвардейской артиллерійской бригадѣ. Скажите, зачѣмъ не отправляете вы по сіе время солдатскихъ женъ бывшаго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка? Пожалуйста распорядитесь скорымъ отправленіемъ оныхъ, также, что сдѣлано съ дочерьми семеновскихъ солдатъ бывшихъ въ дѣвичьей школѣ, остались-ли въ оной, или нѣтъ, ежели остались, то гдѣ и у кого живутъ? И подъ чьимъ надзоромъ? Прощайте, любезный другъ, до завтра.

Весь вашъ князь *П. Волконскій.*

52.

10-го октября 1821 г. Царское Село.

Премного благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше, отъ 30-го сентября, и весьма сожалѣю о несчастіи, постигшемъ семейство ваше. Пожалуйста берегите здоровье ваше, и хоть медики много даютъ вамъ лѣкарства; но ежели нужно, то должно имъ повиноваться, ибо лучше (при началѣ) захватить болѣзнь, нежели дать ей усилиться. Весьма сожалѣю также, что обстоятельства сіи не позволили вамъ побывать въ Сухановѣ, о которомъ мнѣ всегда пріятно извѣстіе, и куда право пора мнѣ переселиться, также для поправленія здоровья, которое ежедневно ослабѣваетъ отъ сидячей жизни и множества бумагъ, ко-

торыхъ часть большая, по несчастью, все еще лежитъ въ портфелѣ и ящикахъ безъ разрѣшенія; не знаю что и дѣлать иначе, какъ ѣхать, какъ можно скорѣе въ Суханово. Я всякій день теперь ожидаю пріѣзда тетушки, которая, по письму ея, должна была отправиться около 6-го числа. Вчера былъ въ департаментѣ, который все въ томъ отличномъ видѣ, какъ и прежде, также и въ казармахъ писарей, у которыхъ очень хорошо; на будущій годъ лѣтомъ нужно будетъ выкрасить у нихъ полы. По моей части также все уже окончено и довольно хорошо вышло, по крайней мѣрѣ, не стыдно будетъ сдавать преемнику. Одно могутъ попрекнуть, что немного роскошно, но какъ я не кладу себѣ въ карманъ экономическихъ денегъ, а полагаю, лучше ихъ употреблять на украшеніе дома, то, думаю, нельзя будетъ причесть сего въ худую сторону.

Аграфенѣ Феодоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.

Когда здоровье ваше вамъ позволитъ, пожалуйста заѣзжайте къ ген.-маіору Муравьеву и загляните, каково идетъ въ училищѣ колоновожатыхъ; также стороною развѣдайте и на счетъ нравственности ихъ, потому что, къ несчастію, здѣсь распустили слухъ не весьма благопріятный, но какъ злыхъ и завистныхъ людей вездѣ много, то я худо вѣрю, имѣя опыты тому противные, со всѣмъ тѣмъ, однако, лучше удостовѣриться, нѣтъ-ли чего либо подобнаго? Прощайте, любезный другъ, отъ искренняго сердца желаю вамъ совершеннаго здоровья, и прошу быть увѣрену въ моей къ вамъ любви.

53.

8-го (20-го) октября 1822 г. Верона.

Мы пріѣхали сюда 4-го числа благополучно и по весьма благопріятной погодѣ, проѣхавъ чрезъ Зальцбургъ и Тироль, мѣста чудеснѣйшія своею красотою и жителями. Здѣшній городъ довольно великъ, но весьма запачканъ, окружности же прекрасныя, климатъ удивительный, тепло какъ среди лѣта, всякій день ѣдимъ мороженое изъ свѣжей земляники и розы вновь цвѣтутъ, вдали же верхи горъ покрыты уже снѣгомъ. Я, слава Богу, здоровъ, кромѣ безконечныхъ моихъ чирьевъ, кои никакъ меня не покидаютъ, и теперь отъ одного хромаю, но надѣюсь скоро пройдетъ.

Вчера получилъ письмо ваше, отъ 20-го сентября, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, изъ Радзивилова; надѣюсь, что вы уже въ С.-Петер-

бургѣ. Письмо ваше сего же дня отправлю во Флоренцію къ Аграфенѣ Федоровнѣ, которая, бывъ въ Венеціи, неосторожно покушала устрицъ, и была немного нездорова, какъ и всѣ наши, кто только ѣлъ устрицы былъ болѣнъ; они, говорятъ, теперь здѣсь нездоровы, почему я и запретилъ ихъ здѣсь подавать. Однако вы не безпокойтесь на счетъ Аграфены Федоровны, болѣзнь ея не важная, и еще можетъ быть полезная....... Мои васъ благодарятъ за напамятованіе, они сюда прибыли въ одинъ день съ нами, только чрезъ Венецію, гдѣ пробыли нѣсколько дней, равно и въ Падуѣ и Венеціи. О времени пребыванія нашего здѣсь ничего еще сказать не могу, потому что еще конференціи не начались, а что узнаю, то впредь напишу. Присылкою небольшаго числа бумагъ изъ С.-Петербурга я весьма доволенъ, и надѣюсь, что отъ сего однако въ дѣлахъ нѣтъ остановки. Одно меня сокрушаетъ, признаюсь, аудиторіатскія дѣла, не знаю какъ ихъ сбыть, такъ туги. Увѣдомьте меня, любезный другъ, въ какомъ положеніи нашли нашъ штабъ, не опустили-ли безъ насъ, и каковъ архивъ, который, полагаю, долженъ быть скоро оконченъ. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и пишите, что у васъ есть новаго и все-ли хорошо идетъ.

Весь вашъ князь *Петръ Волконскій.*

54.

15-го (27-го) ноября 1822 г. Верона.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 27-го октября, получилъ и очень благодарю. Я докладывалъ Его Величеству рапортъ вашъ о приказѣ 2-й арміи, по которому Государь приказалъ мнѣ писать графу Витгенштейну, графу Милорадовичу и графу Кочубею, дабы стараться непремѣнно открыть сочинителя и узнать, у кого перваго оный въ городѣ появился, о чемъ я и писалъ уже ко всѣмъ.

Очень радъ, что архивъ нашъ удался, и съ вами согласенъ не переводить въ оный до будущаго лѣта старый архивъ, развѣ бы несносные рапорты губернаторскіе, которые мнѣ всегда наводятъ тошноту отъ одного на нихъ взгляда, и которымъ бы туда и дорога. Съ аудиторіатскими докладами не знаю что право и дѣлать, они меня въ отчаяніе приводятъ, а пособить нельзя.

Приложенное письмо на имя тетушки и съ пакетомъ, прошу васъ къ ней доставить.

Въ прошедшее воскресенье, 12-го числа, былъ здѣсь такой праздникъ, какого нигдѣ никакъ видѣть нельзя: въ древнемъ римскомъ открытомъ театрѣ, весьма хорошо сохраненномъ, данъ былъ праздникъ. Погода была прекрасная и теплая, собраніе народа въ семъ театрѣ было болѣе 55 тысячъ человѣкъ, потому что съ одними билетами взошло 52 тысячи, видъ былъ единственный и удивительный; афишку о семъ праздникѣ для любопытства при семъ посылаю. Иллюминація въ городѣ была хороша, но ничего отличнаго; мы видаемъ весьма часто лучше.

О скульпторѣ Орловскомъ, до полученія вашего письма, писалъ уже, по Высочайшему повелѣнію, въ отвѣтъ на Оленина представленіе, чтобы его непремѣнно прислать сюда, дабы я могъ его отослать въ Римъ къ Торвальдсену, почему надѣюсь, что князь Голицынъ его не задержитъ, а вы можете предложить ему послать его съ однимъ изъ фельдъегерей. Обѣщаютъ, что мы недѣли черезъ двѣ, или много три, отсюда уѣдемъ, но какъ мы поѣдемъ еще въ Венецію, и для свиданія съ виртембергскимъ королемъ въ Баварію, а съ Великой Княгинею Маріей Павловною въ Богемію, то не думаю, чтобы возможно было пріѣхать къ новому году, а развѣ къ половинѣ января. Прощайте, будьте здоровы, и не забывайте любящаго васъ.

55.

16-го (28-го) ноября 1822 г. Верона.

Не забудьте, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, прислать мнѣ новую книжку памятную на будущій 1823 годъ. Хотя я и писалъ къ вамъ вчера, что мы возвратимся по моему разсчету не прежде половины января, но сіе оставьте про себя, ибо можетъ быть и ранѣе пріѣдемъ; къ тому же, онъ не любитъ, когда разсказываютъ въ городѣ о его прибытіи, особенно когда дойдетъ до вдовствующей, та къ нему пишетъ и спрашиваетъ, почему и прошу васъ, когда и у тетушки моей будете, сказать то же, что хотя я и писалъ къ ней, что прежде не думаю ее видѣть, но что я нарочно сіе написалъ, дабы сдѣлать сюрпризъ, но чтобы не разсказывала. Сегодня погода начала портиться, идетъ мелкій дождь, но тепла 9 градусовъ, тогда какъ у васъ я думаю столько мороза. Прощайте, желаю вамъ совершеннаго здоровья.

Весь вашъ князь *П. В.*

56.

18-го ноября 1822 г. Верона.

Сію минуту получилъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, письмо ваше, отъ 3-го ноября, за которое васъ благодарю, и спѣшу отвѣчать на оное только вкратцѣ. Касательно предписанія графа Витгенштейна, Гельфрейху въ 1816 или 1817 году, пишете, что достали копію, но откуда и отъ кого, ничего не говорите, ибо симъ способомъ, полагаю, можете добраться, кто его выпустилъ въ публику подъ видомъ приказа.

При семъ посылаю рѣшеніе о Янушевичѣ, котораго велѣно содержать въ шлиссельбургской крѣпости до нашего пріѣзда. По бумагамъ графа Кочубея усматриваю, что онъ тотъ самый, который былъ присланъ уже въ С.-Петербургъ отъ маркиза Паулуччи подъ именемъ Усова и котораго тогда велѣно было препроводить для допроса къ графу Кочубею. По всему видно, что онъ большой плутъ и котораго не худо будетъ подержать у Плуталова. Алекринскаго велѣно отправить въ Оренбургскій корпусъ. Вы пишете, что Михайловскій зàмокъ хорошо передѣланъ; не мудрено, сколько денегъ дано, тогда какъ наши украшенія Его Величеству ничего не стоятъ, и все изъ собственной экономіи сдѣлано, но, пожалуйста, не говорите его высочеству.

Весьма бы желательно, чтобы страсть къ сочиненію приказовъ прекратилась, ибо весьма часто оные унижаются и теряютъ настоящую цѣну отъ худой редакціи и отъ частаго оныхъ изданія. На все надобна мѣра и время, безъ того, никакого дѣйствія хорошаго производить не будутъ. Не знаю что̀ мнѣ дѣлать съ докладами аудиторіатскими, не идутъ съ рукъ никакъ, а что болѣе еще меня мучаетъ, то военная смѣта; никакого рѣшенія получить нельзя, и потому не могу увѣдомить и министра финансовъ, который между тѣмъ меня понуждаетъ, ибо дѣйствительно конецъ года приходитъ, и мы ничего не рѣшили, почему и вижу, что не намѣрены дѣлать никакой убавки, и что министръ финансовъ долженъ будетъ опять намъ приготовить ту же сумму, какъ въ семъ году. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте вамъ преданнаго.

57.

23-го ноября (5-го декабря) 1822 г. Верона.

При семъ препровождаю къ вамъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, выписку изъ нашего маршрута изъ Вероны въ Варшаву, куда мы пріѣдемъ только къ новому году, ибо въ Митенвальдѣ, что въ Баваріи, будетъ свиданіе съ виртембергскимъ королемъ, а потомъ въ Богеміи, въ Пильзенѣ, съ великою княгинею Маріею Павловною. Въ Варшавѣ полагаю пробудемъ съ недѣлю, а къ вамъ, по моему разсчету, прежде 20-го января врядъ можемъ-ли быть. Фельдъегерямъ прикажите продолжать ѣздить все чрезъ Варшаву, откуда уже должны ѣхать по тракту, въ нашемъ маршрутѣ означенному, то-есть съ Кракова, до тѣхъ поръ, пока мы будемъ въ Богеміи и Галиціи, о чемъ еще подробнѣе прикажите имъ узнавать въ Варшавѣ. Дѣла аудиторіатскія совсѣмъ нейдутъ, не знаю что и дѣлать, а хуже всего смѣта, что право меня въ отчаяніе приводитъ, пусть графъ Гурьевъ дѣлаетъ какъ знаетъ; но изъ всего усматриваю, что по военной части уменьшеніе не будетъ. Погода уже нѣсколько дней испортилась, безпрестанно дожди, но все тепло; дай Богъ, чтобы во время нашего путешествія поправилась, безъ того, намъ очень будетъ худо возвращаться, надѣюсь, что около Варшавы встрѣтимъ уже зиму и снѣгъ, тогда будетъ покойнѣе ѣхать въ саняхъ и безопаснѣе.

Изъ дѣлъ усматриваю я, что наша типографія задерживаетъ въ печати весьма долго нѣкоторыя положенія, какъ то было съ «Положеніемъ о понтонахъ», почему прикажите пожалуйста строго, чтобы впредь сего не было, и чтобы всѣ казенныя бумаги, безъ малѣйшаго отлагательства, печатались. Сіе происходитъ отъ того, что много занимаются постороннимъ печатаніемъ. Но и сему теперь помочь можно, отдѣлить нѣсколько станковъ, другіе же должны всегда печатать казенныя бумаги; увѣдомьте также, печатается-ли у насъ «Инвалидъ» на нѣмецкомъ языкѣ? Я сіе спрашиваю для того, что прусскій король получаетъ «Инвалидъ», но по-русски и заставляетъ оный для приказовъ переводить на нѣмецкій языкъ, а какъ я помню, что оный печатался у насъ по-нѣмецки, то и совѣтовалъ я генералу Вицлебену выписывать оный лучше на нѣмецкомъ языкѣ. Прощайте, будьте здоровы, съ нетерпѣніемъ желаю васъ видѣть, но какъ взгляну на карту, сколько намъ ѣхать и страдать, то морозъ по кожѣ деретъ еще и безъ мороза.

58.

1-го (13-го) декабря 1822 г. Верона.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 10-го ноября, получилъ со всѣми къ оному приложеніями. Весьма порадовался, читая біографію Федора Петровича (Уварова), по которой теперь узналъ всѣ его военные подвиги, и вижу, что не даромъ находится при немъ по особымъ порученіямъ Смирновъ, потому что полагаю, должно быть, сія біографія его сочиненія. Боюсь только, чтобы не обратилась она въ насмѣшку, и признаюсь, на мѣстѣ Уварова, я бы не позволилъ сего печатать. Не худо также и объясненіе Реметьева, неужели такого рода бумаги можно пускать въ дѣло. О Гельманѣ представленіе Государь не изволилъ разрѣшить, оставивъ до возвращенія въ С.-Петербургъ, потому что неугодно болѣе никого отчислять по арміи, потому что теперь весьма ввелось въ обычай, когда кѣмъ недовольны, то вмѣсто чтобы совсѣмъ уволить, представляютъ къ отчисленію по арміи, и часто еще и съ жалованьемъ. Какое же отличіе тѣмъ, кои дѣйствительно за ранами, или точно по болѣзни, не позволяющей никакъ служить во фронтѣ, просятъ объ отчисленіи и смѣшиваются съ совершенными тунеядцами. По возвращеніи, Государь хочетъ пересмотрѣть вновь списокъ сихъ отличныхъ чиновниковъ, дабы избавиться многихъ, и положить преграду, чтобы впредь уже никого не отчислять; ежели болѣнъ, то можетъ идти въ отставку, и потомъ по выздоровленіи хорошій можетъ быть принятъ по прежнему на службу, а худому отказывать. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, будетъ разница между хорошими и дурными.

Мы послѣ завтра, то-есть, въ воскресенье 3-го (15-го) декабря, ѣдемъ въ Венецію, и пробывъ тамъ до 10-го (22-го), поѣдемъ по маршруту, къ вамъ съ прошедшимъ фельдъегеремъ посланному. Жена и дочь моя благодарятъ, что ихъ помните; сегодня отправились уже напередъ въ Венецію. Курьера, котораго мы взяли въ Вѣнѣ отъ графа Головкина, можетъ быть вы помните, его зовутъ Николай Пикаръ, Государь приказалъ опредѣлить въ фельдъегери; человѣкъ очень расторопный, знаетъ всѣ языки, и графъ Головкинъ весьма его хвалилъ за вѣрность во все время его при немъ нахожденія; о семъ я пришлю къ вамъ оффиціальное повелѣніе и самого его. Прощайте, желаю вамъ добраго здоровья.

Вчера сардинскій король пожаловалъ мнѣ свой орденъ Анунціады, а прочимъ генералъ-адъютантамъ св. Мориса.

59.

7-го (19-го) декабря 1822 г. Венеція.

Премного благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше, отъ 17-го ноября, и весьма сожалѣю, что здоровье ваше такъ худо; пожалуйста берегитесь и старайтесь дѣлать побольше движенія, и будьте осторожны въ пищѣ, можетъ не отъ того-ли происходятъ сіи обмороки.

Предписаніе графа Витгенштейна къ Гельфрейху при семъ возвращаю, которое удержите у себя до возвращенія нашего въ С.-Петербургъ. За «Благонамѣренный» васъ благодарю, и все остаюсь въ сомнѣніи, что былъ писанъ Смирновымъ, ибо много нахожу сходнаго съ тѣмъ, что часто слыхалъ о подвигахъ при Бородинѣ отъ самого Уварова, который съ своей стороны мнѣ также прислалъ копію съ того, что пишетъ къ Измайлову. Признаюсь, все сіе не хорошо, особливо помѣщеніе приказовъ. О Палицынѣ поговоримъ по возвращеніи нашемъ. Письмо при семъ прошу отослать къ Петру Ивановичу и очень сожалѣю о его болѣзни.

Мы съ 4-го числа уже здѣсь, въѣздъ нашъ былъ прекрасный. Венеція приводитъ меня въ восхищеніе и удивленіе своею красою, положеніемъ мѣста, зданіями и отличными картинами, изъ коихъ очень желалъ бы имѣть хотя часть для эрмитажа. Погода намъ также благопріятствуетъ, хотя немного свѣжа, но все думаю разница съ вашею. 10-го числа мы отсюда выѣзжаемъ по маршруту. Признаюсь, сожалѣю, что здѣсь остаемся столь короткое время, потому что нѣтъ возможности всего осмотрѣть. Пожелавъ вамъ поправленія вашего здоровья, поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ и прошу о продолженіи дружбы вашей, къ тому, который васъ искренно любитъ.

60.

9-го (21-го) декабря 1822 г. Венеція.

Письмо ваше, отъ 24-го ноября, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, получилъ, и очень сожалѣю, что болѣзнь ваша все продолжается; право меня сіе крайне безпокоитъ, и отъ всего сердца желаю совершеннаго выздоровленія, хотя для новаго года, съ коимъ васъ искренно поздравляю. Весьма для меня пріятно, что вы довольны вашими де-

партаментами и теченіемъ дѣлъ оныхъ; имѣя такого усерднаго помощника, какъ вы, иначе и быть не можетъ, потому что и подчиненные берутъ примѣры съ начальниковъ и дѣла должны идти хорошо. Мнѣ весьма пріятно всегда отдавать справедливость заслугамъ и трудамъ чиновниковъ; но какъ вы сами знаете, что сіе еще не отъ меня зависитъ, то и буду о семъ хлопотать по возвращеніи, гдѣ будетъ болѣе времени. Къ тому же надѣюсь, что Государь изволитъ посѣтить лично сіи заведенія, дабы удостовѣриться въ порядкѣ оныхъ; а между тѣмъ, возвращаю при семъ присланные списки о наградахъ, прошу сдѣлать по отмѣтѣ на бумагѣ. Касательно Шатилова и Бибикова, буду просить, но также не знаю удастся-ли, и право не оттого, чтобы я не желалъ, потому что лучше Государю имѣть такихъ адъютантовъ каковы они, коихъ можно вездѣ употреблять.

Мы завтра поутру ѣдемъ отсюда. Сегодня погода испортилась и выпалъ снѣгъ, какъ у насъ, я думаю для того, чтобы можно было сказать, что здѣшніе жители хотѣли нашему Государю угодить всѣмъ, и даже снѣгомъ. Столько напало снѣгу, что можно бы ѣхать на саняхъ, но та бѣда, что нѣтъ во всемъ городѣ ни саней, ни даже лошадей, да и ѣздить негдѣ. Признаюсь вамъ, что я съ нетерпѣніемъ ожидаю того времени, когда можемъ пересѣсть въ сани изъ колясокъ, дабы покойнѣе, безопаснѣе и скорѣе ѣхать. Прощайте, и меня не забывайте. Жена моя и Алина вамъ кланяются, они ѣдутъ въ Римъ послѣ завтра.

61.

6-го января 1823 г.

Пожалуйста никому не сообщайте нашего маршрута, когда мы будемъ въ Петербургѣ и даже Императрицамъ, потому что матушка къ нему тотчасъ пишетъ, что знаетъ по днямъ, гдѣ онъ будетъ, а онъ за то сердится на меня, и спрашивалъ, кто ей сообщилъ, я сказалъ что я никому кромѣ васъ не посылалъ, что и правда, то можетъ не знаетъ-ли отъ васъ. Теперь онъ говоритъ, что ждутъ насъ къ 25-му числу въ С.-Петербургъ, то пусть сіе такъ и остается; и чтобы не сообщать, буде мы ранѣе будемъ, хотя я и замѣтилъ ему, что приготовляя въ Гатчинѣ лошадей, нельзя чтобы директоръ онаго не донесъ Императрицѣ о томъ, слѣдовательно, она все будетъ знать, но онъ приказалъ только, чтобы мы о томъ не сообщали, то-есть, мы всегда

сами себя любимъ обманывать. 19-го числа въ пятницу пошлите, какъ по обыкновенію, къ намъ фельдъегеря съ дневными рапортами и письмами, но ко мнѣ бумагъ ничего не присылайте. Выписку маршрута оставьте собственно для себя, а ежели будутъ спрашивать, то всѣмъ говорите, что будемъ 25-го числа не прежде. Прощайте, будьте здоровы.

62.

3-го января 1823 г. Варшава.

Два письма ваши, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, одно отъ 15-го, а другое отъ 22-го декабря, получилъ и чувствительно благодарю. При семъ прилагаю выписку изъ нашего маршрута, по которому мы къ вамъ будемъ 20-го января; но пожалуйста по пріѣздѣ дайте мнѣ отдохнуть съ бумагами дня два. Притомъ, я бы желалъ, чтобы ходъ оныхъ не перемѣнялся, а точно такъ, какъ теперь идетъ въ мое отсутствіе, кромѣ тѣхъ, кои должны идти къ моему подписанію; тѣхъ же, кои должны вноситься въ приказъ къ производству на вакансіи, переводы, отставки, выключки, ко мнѣ не присылать иначе, какъ нынѣ, съ приказами на утвержденіе, и также тѣхъ, кои къ свѣдѣнію не присылать. Вы пишете, что были въ Петергофѣ у Вистенгаузена, чтобы видѣть паровую кухню, то совѣтую, прежде нежели заводить, хорошенько посмотрѣть, ибо Вистенгаузенъ большой прожектеръ.

Боюсь я крѣпко за нашего старика Петра Ивановича, что-то часто онъ сталъ болѣнъ становиться, дай Богъ, чтобы онъ пожилъ, добрый человѣкъ.

Письмо Сабанѣева къ вамъ возвращаю, и по пріѣздѣ лично объяснюсь. Киселевъ здѣсь съ женою и свояченицею, утверждаетъ, что всѣ происшедшія у нихъ исторіи ничего не значатъ, и что опасаться нечего. Киселевъ потолстѣлъ и очень здоровъ, завтра будемъ съ нимъ толковать о ихъ арміи. Наконецъ аудиторіатскія дѣла пошли въ ходъ: съ послѣднимъ фельдъегеремъ послалъ вамъ два, и дѣлъ шесть Государь взялъ къ себѣ, обѣщавъ прочитать дорогою на ночлегахъ, между коими и дѣло Вадковскаго, которое желалъ бы, чтобъ скорѣе кончилось. Здѣсь нашли мы уже настоящую зиму, и надѣюсь поѣдемъ отсюда на саняхъ, которыя сегодня сюда пріѣхали изъ Бреста, но остальныя еще не бывали. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и не забывайте любящаго васъ.

P. S. Къ 19-му числу пришлите къ вечеру на дежурство фельдъ-

егерей въ Царское Село, чтобы никто туда не пріѣзжалъ, ибо мы будемъ поздно къ вечеру, и съ дороги устанемъ, то дайте отдохнуть. Сейчасъ, говорятъ, пріѣхалъ изъ Петербурга фельдъегерь Вороновъ.

Не нужно совсѣмъ присылать въ Царское Село на дежурство фельдъегерей, ибо Государю сего неугодно.

63.

10-го (22-го) августа 1823 г. Ахенъ.

Возвращая вамъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, письмо Киселева съ приложенною копіею, крайне сожалѣю о семъ несчастномъ происшествіи, котораго бы въ званіи Киселева, и по дѣлу до службы касающемуся, должно стараться избѣгать, сколько возможно, потому что послѣ сего, кому охота быть начальникомъ, ежели всякій подчиненный будетъ требовать объясненіе за дѣло по службѣ. Я весьма радъ за Киселева, что сіе такъ кончилось, и что судьба наказала виновнаго; но ежели Мордвиновъ остался живъ, то слѣдовало бы его примѣрно наказать. Мнѣ кажется, послѣ письма Мордвинова для пользы службы, Киселевъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы обѣщавъ ему сатисфакцію, требовалъ бы непремѣнно, чтобъ Мордвиновъ оставилъ напередъ службу, что конечно бы онъ и исполнилъ, ежели уже предпринялъ намѣреніе драться. Сіе мнѣ кажется ничѣмъ честь Киселева не оскорбило бы, но порядокъ службы сохранился бы, а теперь вы увидите, что изъ сего выйдетъ. Вы меня совершенно поразили извѣстіемъ о лопнувшемъ резервуарѣ, потому что я никакого извѣстія не имѣю, которое вѣроятно въ Парижѣ, куда недавно пріѣхавшій курьеръ говорятъ привезъ много на мое имя пакетовъ. Зачѣмъ вы мнѣ ничего не сказали, не произвелъ-ли разрывъ сей какого несчастія и не повредилъ-ли архивъ или типографію, я никакъ сего понять не могу, и полагаю не иначе, какъ заснули въ присмотрѣ и не наблюдали моего приказанія въ точности, касательно наполненія. Я здѣсь видѣлъ газометръ въ 10 разъ болѣе моего, и уже нѣсколько лѣтъ существуетъ и ни малѣйшаго вреда никогда не случилось, потому что ключъ отъ онаго у хозяина, а я увѣренъ, что нашъ не запирали, и часоваго не ставили, что уже и мною было одинъ разъ замѣчено, и крѣпко тогда же всѣмъ досталось. Къ тому же, тутъ есть проходъ къ живущимъ печатникамъ, которые, легко случиться можетъ, нечаянно прошли съ огнемъ мимо и газъ могъ вспыхнуть. Признаюсь, что всего больнѣе то, что у насъ вѣкъ свой

надобно стоять самому на часахъ, дабы порядокъ наблюдался, и никто своимъ дѣломъ, или весьма мало такихъ, кои бы занимались какъ слѣдуетъ, а наградъ всѣ хотятъ. Весьма сожалѣю, любезный другъ, что ваше здоровье не столь хорошо, какъ было здѣсь, что и доказываетъ, что слѣдовало бы вамъ оставаться еще здѣсь, и потомъ побывать немного въ Спа, тогда бы вы совершенно были здоровы, и намъ пріятнѣе бы было раздѣлить ужасную скуку вмѣстѣ. О себѣ скажу вамъ, что бани мнѣ очень помогаютъ, со вчерашняго дня началъ уже брать паровыя ванны, которыхъ докторъ говоритъ нужно 7 или 8, потомъ, отдохнувъ дня два, поѣду въ Парижъ, гдѣ мѣсяца чрезъ два или три увижу, могу-ли возвратиться зимою въ Россію, и къ вамъ оттуда напишу. Я на сихъ дняхъ къ вамъ писалъ о непріятности, случившейся со мною на прежней квартирѣ, отъ хозяина, и сегодня получилъ отъ Алопеуса, что велѣно сдѣлать большое головомытіе президенту и хозяина проучить за его грубость. Прощайте, любезнѣйшій другъ, отъ искренняго сердца желаю, чтобы здоровье ваше поправилось, какъ было здѣсь, и право очень, очень сожалѣю, что васъ отсюда отпустили, чему причиною Вольскій, и для него бы лучше было волочиться бы за знакомыми, и за вновь пріѣхавшими, между коими появилось много хорошенькихъ. Продолжите дружбу вашу и будьте увѣрены въ моей навсегда.

64.

23-го сентября (4-го октября) 1823 г. Парижъ.

Вчера по почтѣ получилъ я, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, приказъ 30-го августа, который меня совершенно поразилъ вашимъ назначеніемъ въ Финляндію. Такое удаленіе изъ столь важнаго мѣста, которое вы занимали безъ малѣйшаго предваренія о томъ главнаго начальника, ясно мнѣ доказываетъ, что всячески ищутъ и желаютъ и его избавиться; но вы спросите меня за что?... Право не знаю, можетъ быть, за лишнее усердіе, Богу одному извѣстно; по крайней мѣрѣ, отойду съ чистою совѣстью со всѣхъ сторонъ и безъ упрековъ. Съ нетерпѣніемъ ожидать буду отъ васъ извѣстія и истолкованіе сей непонятной для меня загадки. Мое здоровье все въ одномъ положеніи, чирья меня замучили, а извѣстіе сіе, навѣрное, усугубитъ еще мою болѣзнь. Я вамъ описать не могу никакъ чувство, каковое произвело во мнѣ сіе извѣстіе. Теперь уже, любезный другъ, не знаю,

когда и гдѣ мы съ вами увидимся, но какъ бы то ни было, будьте увѣрены, что дружба моя къ вамъ останется навсегда неизмѣнна. Я слышалъ, что у васъ, неподалеку отъ Суханова, есть помѣстье, то можетъ быть Богъ приведетъ насъ и тамъ съѣхаться и гулять безъ торопливости, какъ то было въ Карлсбадѣ и въ Ахенѣ, занимаясь совершенно однимъ хозяйствомъ и удовольствіями деревенской жизни. Между тѣмъ, я здѣсь собираю разные планы для садовъ и различныхъ строеній, которыми будемъ тамъ заниматься, и подъ старость утѣшаться своими трудами. Прощайте, любезнѣйшій другъ, пожелавъ вамъ совершеннаго здоровья, прошу не забывать того, который вамъ душою и сердцемъ преданъ. Пишите ко мнѣ почаще.

65.

3-го (15-го) октября 1823 г. Парижъ.

Хотя и писалъ я къ вамъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, на прошедшей недѣлѣ по почтѣ, но теперь пользуюсь отъѣздомъ фельдъегеря Грибова, и вновь повторяю, сколько меня поразило неожиданное назначеніе васъ въ Финляндію. Ежели сіе будетъ согласно съ желаніемъ вашимъ, то будетъ для меня немного полегче, совсѣмъ тѣмъ, меня удивляетъ, какъ вы будете управляться, не зная языка; потеря же васъ въ штабѣ неизъяснима. Сіе назначеніе еще болѣе рѣшаетъ меня вовсе удалиться, ибо вижу, что нѣтъ ко мнѣ ни малѣйшаго уваженія послѣ всѣхъ моихъ трудовъ, которые совершенно разстроили мое здоровье до такой степени, что никакъ по сіе время не могу оправиться, хотя употреблялъ къ сему, какъ вамъ извѣстно, всевозможные способы, но тщетно, потому что чирья мучаютъ безпрестанно, лишь одинъ пройдетъ, то чрезъ два дня другой приходитъ, и теперь продолжаю здѣсь пить минеральныя воды и брать барежскія ванны съ душами, а на весну посылаютъ меня опять къ водамъ, въ южную часть Франціи или Италіи. Все сіе заставило меня писать къ Дибичу довольно откровенно, чтобы увѣдомилъ, что значитъ и какъ послѣдовало ваше назначеніе? Желаю сердечно, чтобы преемники наши успѣшнѣе дѣйствовали насъ, и улучшили бы часть нами начатую. Не получая отъ васъ давно писемъ, я совершенно въ недоумѣніи, что съ вами дѣлается, и приняли-ли вы новое назначеніе? Я веду жизнь весьма тихую и спокойную, хожу много, для движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятнѣе нежели въ Ахенѣ, ибо, во-первыхъ, съ своею семьею, а во-

вторыхъ, въ большомъ и столь любопытномъ городѣ, хотя оный никакого дѣйствія надо мною не дѣлаетъ, противу прежняго. Дѣтьми своими я очень доволенъ. Жена и Алина вамъ кланяются, равно и Аграфенѣ Федоровнѣ, которой и отъ меня прошу засвидѣтельствовать почтеніе. Я думаю, для нея Гельсингфорсъ не столь пріятенъ будетъ, какъ Римъ или Флоренція.

Прощайте, любезный другъ, пишите ко мнѣ почаще, чрезъ Булгакова, или по оказіи, ибо навѣрное наши письма распечатываютъ на почтѣ; хотя Булгаковъ намъ и пріятель, но обязанность его и вѣроятно приказанія, сіе дѣлать заставляютъ. Впрочемъ, у кого совѣсть чиста, тотъ покоенъ, и ничего не боится. Сожалѣю только о томъ, что современемъ, конечно, Государь узнаетъ всѣ неистовства злодѣя (Аракчеева), коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыть же ихъ, нѣтъ возможности, по непонятному ослѣпленію его къ нему; между тѣмъ, растеряетъ много честныхъ людей, и возстановится прежнее лихоимство и безпорядокъ въ ходѣ дѣлъ. Прошу о продолженіи вашей ко мнѣ дружбы и быть увѣрену въ моей.

66.

3-го (15-го) ноября 1823 г. Парижъ.

Сейчасъ лишь только получилъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, письмо ваше изъ Москвы отъ 11-го октября, за которое благодарю васъ премного, потому что не зналъ, къ чему приписать ваше молчаніе, не получая ни строчки съ самаго Пирмонта. Поздравляю васъ сердечно съ прибытіемъ супруги вашей, которой прошу засвидѣтельствовать мое совершенное почтеніе, также отъ жены и дочери: онѣ весьма ее благодарятъ за память. Видя изъ письма вашего, что вы приняли новое назначеніе ваше, желаю отъ искренняго сердца вамъ успѣховъ и счастья, ибо вы знаете, сколько я васъ люблю, но не могу притомъ скрыть предъ вами моего удивленія, какимъ образомъ могутъ идти дѣла хорошо, когда языкъ земли вамъ неизвѣстенъ. Правда, что переписка идетъ на россійскомъ языкѣ, то-есть бумаги, получаемыя изъ городовъ и провинцій, переводятся по-русски; но кто можетъ отвѣчать, что переводъ вѣрно сдѣланъ, и что отвѣтъ вами данный, точно изъясненъ въ томъ смыслѣ, какъ вами сказанъ. Мы видимъ часто, что и на нашемъ языкѣ выражаютъ мысли наши иначе, иногда по недоразумѣнію, а иногда съ умысла, и что безпрестанно нужно имѣть

наблюденіе неусыпное за чиновниками, дабы не сдѣлали какой погрѣшности, или просто сказать и плутню. Можетъ быть въ Финляндіи все придумано лучше нашего, дабы сего не случалось, но вы сами знаете, каково шло при Штейнгелѣ, который имѣлъ ту выгоду, что зналъ языкъ. Изъ всего сего вижу я не что иное, какъ то, чтобы разстроить все нами заведенное и удалить наши надоѣвшія лица. Желаю г-ну Дибичу съ Потаповымъ успѣховъ болѣе нашихъ. Вы пишете и просите, чтобы я возвратился, но зачѣмъ? чтобы совершенно себя убить, ибо до сихъ поръ не могу поправить своего здоровья; къ тому же, весьма непріятно видѣть, что всѣ мои труды пропали совершенно. Устройство, которое стоило мнѣ здоровья, все разрушено, надобно снова знакомиться съ чиновниками, работать какъ лошадь, не имѣя довѣренности, ни къ военному министру, ни къ дежурному генералу, на коихъ лежитъ основаніе всего штаба, заниматься каждою бездѣлицею самому, къ тому же еще быть задавлену побочными дѣлами и не имѣть нисколько времени для себя. Вы признаетесь, что никому не можетъ быть пріятна сія жизнь. Вы говорите, что Государь и соотечественники увидятъ, сколько я жертвую собою. Я весьма сожалѣю, ежели въ 27 лѣтъ, что я былъ при Его Величествѣ, сего еще не замѣтили, ибо кажется, во все сіе время довольно было случаевъ, гдѣ я жертвовалъ жизнію и здоровьемъ, не говоря уже о состояніи, о которомъ никогда и не помышлялъ. Теперь же нахожу даже безчестнымъ занимать мѣсто такое, котораго труды здоровье мое не позволяетъ мнѣ переносить. Пусть тѣ, кои моложе, онымъ занимаются, а мнѣ пора подумать и о дѣтяхъ, которыя весьма будутъ вправѣ мнѣ упрекать, что не думалъ о будущемъ ихъ состояніи. Получивъ нѣкоторое облегченіе, надобно ѣхать зарыться въ деревню и изыскивать способы уплатить долги, женою сдѣланные для воспитанія дѣтей, а не для прихотей, ибо и симъ мнѣ упрекнуть нельзя, потому что къ стыду званія моего, жилъ не такъ роскошно, какъ можетъ быть мѣсто сіе требовало, хотя, впрочемъ, скромность предпочтительнѣе роскоши, и не есть порокъ, но однако же, всему есть мѣра, и званіе мое требовало бы иногда видѣть и свѣтъ; но принужденъ былъ себѣ въ томъ отказывать, дабы не увеличить долги. И такъ, любезный другъ, весьма сожалѣю, что не могу исполнить вашего желанія, особенно еще теперь, потому что все еще продолжаю лечиться, и безпрестанно почти замученъ чирьями. Пожалуйста, пишите ко мнѣ чаще, и увѣдомляйте, что у насъ дѣлается, потому что я здѣсь какъ въ Америкѣ, совершенно всѣми забытъ, кромѣ Булгакова. Бригадиръ вамъ кланяется, онъ былъ также нездоровъ, но теперь лучше. Про-

щайте, любезнѣйшій другъ, дай Богъ вамъ всякаго благополучія, совершеннаго здоровья и счастія, чего отъ всей души желаетъ вамъ преданный искренно навсегда

Князь *П. В.*

67.

18-го (30-го) ноября 1823 г. Парижъ.

Послѣ письма вашего, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, изъ Москвы, ничего отъ васъ не имѣю, но знаю, чрезъ Булгакова, что теперь вы уже должны быть въ Финляндіи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю оттуда вашего извѣстія, какъ о здоровьѣ вашемъ, такъ и о занятіяхъ въ новомъ мѣстѣ; желаю отъ искренняго сердца, чтобы первое не разстроилось отъ упражненій вашихъ въ новомъ вашемъ назначеніи. Мое здоровье, благодаря Бога, примѣтно начинаетъ поправляться, и ежели (все) такъ будетъ продолжаться, то можетъ легко быть, что я отсюда выѣду въ началѣ декабря; но какъ вамъ извѣстно, что я по ночамъ не ѣзжу и не вижу даже большой нужды торопиться, особенно, ежели хотятъ еще меня имѣть на каторгѣ, то и не могу быть дома прежде января мѣсяца, ибо полагаю остановиться въ Вѣнѣ на нѣсколько дней, и также въ Варшавѣ. Признаюсь, что хотя праздная жизнь меня не веселитъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасаюсь, какъ только вздумаю о томъ, что̀ мнѣ предстоитъ, особливо съ новыми лицами, коихъ мало знаю, и никакой довѣренности не имѣю; почему и долженъ буду заниматься самъ почти всѣми мелочами. Вы знаете сами, каково сіе легко; я увѣренъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мое здоровье опять придетъ въ прежнее худое положеніе, и никакой другой пользы отъ сего не получу, а еще къ тому, полагаю, будутъ вымѣщать за отсутствіе. Все сіе, признаюсь, заставляетъ меня колебаться, изъ доброй воли кабалить себя по пустому. Легко можетъ быть еще, что узнавъ о моемъ возвращеніи, захотятъ предупредить и меня какимъ либо новымъ назначеніемъ, о коемъ уже слухи и здѣсь распускаютъ. Что мнѣ всего прискорбнѣе, любезный другъ, что насъ разлучили съ вами, и тѣмъ разстроили такую часть, которая кажется одна изъ важнѣйшихъ по государству, и шла такъ, какъ желать бы можно и для прочихъ частей. Всего больнѣе то, что у насъ со всѣмъ желаніемъ быть полезнымъ нельзя въ томъ успѣть, и что всегда найдутся мерзкія и завистливыя твари, которыя разными происками откроютъ способъ все разстроить и даже уничтожить. Александръ Львовичъ Нарышкинъ, на сихъ дняхъ

прибылъ сюда, и въ лучшемъ духѣ, нежели поѣхалъ отъ насъ, веселъ и кажется доволенъ Парижемъ, который мнѣ уже наскучилъ. Прощайте, любезный другъ, приношу мое почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ; мои всѣ вамъ кланяются, желаю вамъ совершеннаго здоровья и не забывать искренно васъ любящаго.

Бригадиръ здоровъ, сегодня вмѣстѣ обѣдаемъ съ Нарышкинымъ.

68.

15-го (27-го) декабря 1823 г. Парижъ.

Письма ваши, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 17-го и 24-го ноября, получилъ, чувствительно благодарю за всѣ изъясненія чувствъ вашихъ ко мнѣ, въ коихъ никогда не сомнѣвался, прошу васъ о продолженіи столь неоцѣненной для меня дружбы, которая всего дороже, ибо на семъ свѣтѣ друзья весьма рѣдки, что я знаю изъ опытовъ. Я здѣсь остался долѣе, нежели полагалъ, потому что поджидалъ петербургскаго курьера, котораго здѣсь ожидали со дня на день, и такимъ образомъ, промѣшкалъ цѣлую недѣлю. Къ тому же, хотѣлось видѣть Поццо-ди-Борго, который также третьяго дня возвратился изъ Мадрида. Отвѣтъ Дибича на мое письмо очень мало успокоилъ и весьма, какъ говоритъ Ермоловъ, восточный и іезуитскій; впрочемъ, время все окажетъ. Желаю имъ всѣмъ счастья и успѣховъ, лишь бы меня оставили въ совершенномъ покоѣ жить и умереть въ Сухановѣ, гдѣ коекакъ могу проволочить остатокъ своихъ дней съ друзьями, что всего пріятнѣе на свѣтѣ, нежели всѣ почести и суеты мірскія. Изъ записки Селявина вижу, что Толю дали еще 10 тысячъ на подъемъ жены его, дай Богъ имъ всѣмъ болѣе, и что онъ совсѣмъ остается въ арміи; почему и заключаю, что Дибичъ останется на теперешнемъ мѣстѣ, а меня вѣроятно уволятъ. Здоровье мое, хотя и поправилось, но еще не совершенно, и чтобы не думали, что я здѣсь живу для веселья, рѣшился возвратиться. Ежели же меня уволятъ вовсе, то можетъ быть, будущимъ лѣтомъ поѣду опять куда либо къ водамъ, потому что здоровье всего дороже, и безразсудно терять оное понапрасно безъ всякой пользы. Будьте спокойны на счетъ Шатилова, я увѣренъ, что онъ по способностямъ своимъ сдѣлаетъ свою дорогу, хотя бы и меня тутъ не было; я всегда прочилъ его на сіе мѣсто, и очень радъ, что его назначили, по крайней мѣрѣ, знаетъ ходъ дѣлъ, чиновниковъ, и самъ имѣетъ способность и дѣятельность. Аграфенѣ Федоровнѣ приношу мое

совершенное почтеніе, равно и отъ жены и дочери. Онѣ остаются здѣсь еще до марта, дабы возвратиться по хорошему пути, и знать, куда имъ пріѣхать по обстоятельствамъ. Плановъ для Суханова у меня достаточно заготовлено, и могу съ вами подѣлиться. Прощайте, любезный другъ, пожелавъ вамъ добраго здоровья, поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ, прошу меня продолжать любить и быть увѣрену въ моей истинной къ вамъ привязанности и дружбѣ.

Я завтра поутру отсюда ѣду чрезъ Вѣну, бригадиръ провожаетъ меня до перваго ночлега. Княгиня Суворова здѣсь идетъ замужъ, за князя Василія Сергѣевича Голицына, вотъ и наши вамъ новости. Сію минуту пріѣхалъ Ломоносовъ и привезъ ваше письмо, за которое премного благодарю.

69.

17-го апрѣля 1824 г. С.-Петербургъ.

Премного благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 13-го апрѣля, которому я былъ очень радъ, потому что не получая долго отъ васъ извѣстія, ни отвѣта на мое письмо, начиналъ безпокоиться на счетъ вашего здоровья. Весьма признателенъ вамъ за участіе, которое во мнѣ принимаете. Поступокъ отличный!!! а еще болѣе тѣмъ, что мнѣ ни слова не говорили, ни предъ приказомъ, ни послѣ онаго и до сего времени! Чтò подумаютъ обо мнѣ во всей арміи? Одно, что меня утѣшаетъ, что меня довольно знаютъ и конечно въ худую сторону не оборотятъ моего изгнанія. Ожидаю теперь окончанія дѣлъ своихъ, какъ по продажѣ моего имѣнія, такъ и вступленія въ управленіе имѣнія отъ тетушки; окончивъ оное формальными актами, буду проситься ѣхать для принятія имѣнія на мѣстѣ, въ чемъ, кажется, мнѣ отказать нельзя, ибо службой дѣла мои не поправились, а напротивъ того, разстроились до самой высшей степени; къ тому же и въ службѣ моей теперь нужды нѣтъ. Подличать же меня никакъ заставить нельзя, и потому надѣюсь въ маѣ быть въ Сухановѣ, гдѣ, полагаю, съѣдусь и съ своими, которые съ недѣлю какъ уже въ дорогѣ. Тетушка васъ благодаритъ, что ее помните; приношу мое усердное почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ и продолженія дружбы вашей къ тому, который васъ искренно любитъ отъ всей души.

70.

28-го апрѣля 1824 г. С.-Петербургъ.

Благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 16-го апрѣля, изъ коего вижу, что вамъ хлопотъ много и чувствую, сколь должно быть непріятно, когда теченіе дѣлъ идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало; особенно, зная вашъ нравъ и порядокъ, который вы привыкли видѣть уже нѣсколько лѣтъ въ мѣстѣ трудами вашими устроенномъ; остается переносить все съ терпѣніемъ и достигать желаемаго. Мнѣ весьма жаль, любезный другъ, что вы отпечатали отчетъ вашъ по дежурству: устройство и ходъ дѣлъ были самымъ вѣрнымъ доказательствомъ вашего усердія; теперь же отчетъ сей ходитъ по рукамъ и производитъ разнаго рода толки, которые бы можно было избѣгнуть. Вы со мною согласитесь, что свѣтъ не перемѣнишь, и что мы надобны и хороши тогда, какъ въ насъ нужду имѣютъ; когда же сіе прошло, то весьма много такихъ, кои въ васъ искали, говорятъ про васъ совсѣмъ иначе и даже во многомъ осуждаютъ. Правда, что такого рода люди презрительны; не менѣе того, по несчастію ихъ на свѣтѣ больше, слѣдовательно лучше быть осторожнѣе и не давать имъ никакого способа къ сужденію, вотъ мои мысли; извините, что такъ говорю, но любя и почитая васъ, почелъ долгомъ сообщить вамъ свое мнѣніе откровенно и по-дружески. Къ тому еще слышалъ я, что будто бы вы иначе исполнили данное повелѣніе объ отправленіи нѣкоторыхъ войскъ сюда, и что за сіе сдѣлано вамъ замѣчаніе; не могу вамъ изъяснить, какъ для меня сіе было прискорбно, и прошу васъ, любезный другъ, быть осторожнѣе, и не давать никакого случая, къ коему бы могли придраться, чтобы дѣлать какія либо замѣчанія. Мое здоровье изрядное, но не совсѣмъ, и нужно еще въ хорошую погоду пить соки; намѣренъ въ будущемъ мѣсяцѣ проситься ..... *) по окончаніи домашнихъ дѣлъ моихъ, кои не приведены еще къ концу, за нѣкоторыми справками по судебнымъ мѣстамъ. Тетушка благодаритъ васъ за напамятованіе и вамъ кланяется, равно и Аграфенѣ Федоровнѣ, которой и отъ меня прошу сказать мое почтеніе; сердечно радъ, что ее здоровье лучше. Вчера я былъ посаженнымъ отцомъ у Бутурлина, а сегодня у своего племянника, Кожина. На сихъ дняхъ Левашовъ помолвленъ съ Додо Пашковой и кажется всѣ довольны. Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ

*) Здѣсь въ подлинникѣ нѣсколько словъ вырвано.

добраго здоровья и всякаго благополучія, продолжая дружбу вашу къ тому, который вась искренно любитъ и почитаетъ.

71.

24-го мая 1824 г. С.-Петербургъ.

Извините, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, что замедлилъ отвѣтить на два письма ваши, за которыя васъ премного благодарю и радуюсь сердечно, что слухи о замѣчаніи, о коемъ я къ вамъ писалъ, оказались ложны; но изъ сего видите, какъ есть много людей недоброжелательныхъ. Объ отчетѣ также слышанъ я, что будто рѣчь была въ комитетѣ и что хотѣли положить правиломъ, чтобы впредь отнюдь оныхъ не печатать безъ разрѣшенія начальства; но можетъ быть и сіи слухи несправедливы? Третьяго дня былъ въ Царскомъ Селѣ, просился я въ отпускъ и получилъ оный безъ всякаго замѣчанія, ибо представилъ причины, кои заставляютъ меня просить объ ономъ, по случаю домашнихъ обстоятельствъ, находящихся въ весьма затруднительномъ положеніи, и на будущей недѣлѣ обвѣнчавъ Левашева и княжну Оболенскую за графа Толстова, у коихъ я посаженымъ отцемъ, отправлюсь съ тетушкой въ Суханово, отсюда поѣду по деревнямъ. Вчера получилъ письмо отъ жены изъ Радзивилова; она и Алина, слава Богу, здоровы и теперь уже въ Одессѣ, откуда будутъ въ Суханово, а въ іюлѣ пріѣдутъ въ С.-Петербургъ. Какъ торопиться некуда, то буду въ Сухановѣ заниматься хозяйствомъ и различными украшеніями сего мѣста, дабы подъ старость хотя пожить весело для себя и для друзей. Аграфенѣ Федоровнѣ приношу мое почтеніе. Пожелавъ вамъ здоровья, прошу продолжать дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ и почитаетъ.

72.

25-го іюня 1824 г., с. Суханово.

Вчера была недѣля какъ я здѣсь, любезный другъ Арсеній Андреевичъ; живу совершенно какъ въ раю, никуда не тороплюсь, отвѣтственности никакой, дѣлаю что хочу, занимаюсь цѣлый день разными работами по дому, въ саду, отдѣлываю дорогу въ паркѣ, пишу инструкціи управляющимъ, хожу и верхомъ ѣзжу весьма много;—однимъ

словомъ, недовольно нахожу времени для занятій и, конечно, никогда празднен не буду. Часто вспоминаю о васъ, и какъ скоро удосужусь, то поѣду въ вашу подмосковную посмотрѣть. Признаюсь, удерживаютъ меня также весьма много всѣ здѣшнія дороги; я съ рода не видывалъ такихъ, каковы со всѣхъ сторонъ вокругъ Москвы; нельзя себѣ вообразить до какой степени онѣ дурны: я сюда изъ Москвы пріѣхалъ верхомъ и то мѣстами было трудно проѣхать. Правда, что безпрерывные дожди тому также много причиною, вездѣ были большія наводненія, много плотинъ и мельницъ посорвано, надѣлавъ симъ весьма много убытка, а у насъ въ саду только перепортило много дорогъ, которыя теперь привожу въ порядокъ. Сдѣлайте одолженіе, любезный другъ, пришлите мнѣ по возможности къ первымъ числамъ августа на сѣмена четверь хорошей вазовской ржи и также овса, называемаго многоплоднымъ. Еще совѣтывалъ бы вамъ одного изъ вашихъ собственныхъ людей, который потолковѣе, приказать выучить какъ въ Финляндіи дѣлаютъ дороги. Мнѣ въ Петербургѣ далъ подполковникъ Лихардовъ описаніе, какъ ихъ тамъ дѣлаютъ, но совсѣмъ тѣмъ гораздо бы лучше было, ежели бы былъ здѣсь въ краю такой человѣкъ, который бы самъ въ Финляндіи симъ занимался, а для здѣшнихъ мѣстъ сіе весьма нужно. Здѣсь мнѣ говорили, что затруднительно имѣть хряща, но я его отыскалъ очень много, и у нихъ подъ глазами теперь выкапываю и вывожу на дороги. Здоровье мое, благодаря Бога, поправляется и сею жизнію надѣюсь совсѣмъ поправить. Въ Москвѣ принятъ я былъ отмѣнно публикою, и ежели бы не уѣхалъ сюда, то я думаю замучили бы обѣдами. Жена моя еще не пріѣхала, но полагаю теперь уже въ дорогѣ и чрезъ нѣдѣлю должна быть здѣсь. Аграфенѣ Ѳедоровнѣ прошу (передать?) мое почтеніе и желаю вамъ отъ всей души совершеннаго здоровья; сожалѣю, что мы не вмѣстѣ проводимъ время. Князь Меншиковъ очень похудѣлъ и уѣхалъ въ Крымъ, а бригадира еще нѣтъ, ожидаютъ каждый день. Прощайте, прошу продолжать дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ и почитаетъ.

73.

29-го іюня 1824 г. Суханово.

Чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Вазы отъ 13-го іюня и за поздравленіе; сердечно сожалѣю, что не получили моего письма, которое я писалъ

предъ отъѣздомъ; надѣюсь, что предъ симъ отсюда уже писанное и посланное чрезъ Булгакова дойдетъ до васъ вѣрнѣе. Мнѣ весьма прискорбно, что вы хотя минуту могли подумать, что я къ вамъ перемѣнился. Повѣрьте, любезный другъ, что я не изъ тѣхъ людей, кои такъ легко могутъ мѣняться: когда я кого истинно полюблю, какъ васъ, то уже сіе навсегда. Теперь скажу вамъ о себѣ, что я, благодаря Бога и тетушку, которая для меня все сдѣлала, живу весьма спокойно и счастливо, какъ съ роду еще не живалъ, только здоровье мое не совсѣмъ еще хорошо, боюсь не отъ большаго-ли уже насилія къ упражненіямъ, потому что я почти цѣлый день въ ходьбѣ и движеніи по хозяйственнымъ дѣламъ, кои меня точно такъ занимаютъ, какъ бывало казенныя; одно утѣшеніе, что нѣтъ той отвѣтственности и никто никуда не торопитъ, а вы знаете какъ я сіе ненавижу. Бригадира все еще здѣсь нѣтъ, также и жена моя еще не пріѣхала; ожидалъ было сегодня, но видно дурныя дороги ее гдѣ-либо задержали. Тетушка свидѣтельствуетъ вамъ и Аграфенѣ Федоровнѣ свое почтеніе, которое прошу ей сказать и отъ меня. Затѣмъ прошу о продолженіи дружбы вашей къ тому, который васъ искренно любитъ и уважаетъ навсегда.

74.

11-го ноября 1824 г. С.-Петербургъ.

Извините, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, что замедлилъ отвѣтомъ на пріятное письмо ваше ко мнѣ отъ 21-го октября, за которое благодарю васъ премного и чувствительно сожалѣю, что здоровье ваше все плохо поправляется, а мы всѣ здѣсь находимся еще въ уныніи отъ ужаснѣйшаго бѣдствія, бывшаго 7-го числа сего мѣсяца отъ наводненія столь внезапнаго, что едва могли спасаться; весьма еще счастливо что случилось днемъ, а не ночью. Вода по всѣмъ улицамъ была гораздо выше роста человѣческаго. Нижніе этажи и погреба всѣ были наполнены водою; въ Коломнѣ, въ Галерномъ портѣ и по Петергофской дорогѣ снесло совсѣмъ очень много домовъ и жителей погибло очень много. На одномъ чугунномъ заводѣ у Кларка 145 человѣкъ! Мосты всѣ на Невѣ и многіе на каналахъ посорвало; барокъ и разныхъ судовъ разнесло по всѣмъ улицамъ премножество. Однимъ словомъ, картина была преужасная видѣть утопающихъ и не имѣть средства подать помощи по малости судовъ и по сильному шторму. Вода прибывала съ удивительною скоростію до двухъ часовъ пополудни,

потомъ начала сбывать и въ 9 часовъ вечера сбыла уже со многихъ улицъ. Только на другой день было можно судить о всѣхъ несчастіяхъ, происшедшихъ отъ сего бѣдствія. Кронштадтъ и Петергофъ весьма много потерпѣли; изъ другихъ же мѣстъ еще нѣтъ свѣдѣній. Можетъ быть и вы въ томъ же положеніи находились; съ нетерпѣніемъ ожидать буду и отъ васъ извѣстія. Государь изволилъ учредить для пособія потерпѣвшимъ отъ наводненія особенный комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Куракина и пожаловалъ милліонъ рублей на предварительное вспоможеніе.

По пріѣздѣ Его Величества изъ вояжа, угодно было ему, чтобы я опять принялъ тѣ же дѣла и безъ всякаго титла, а между тѣмъ на сихъ дняхъ назначилъ меня ѣхать въ Парижъ посломъ съ поздравленіемъ короля, что я принялъ съ большою благодарностію, потому что случай сей дозволяетъ мнѣ удовольствіе видѣть еще разъ дѣтей своихъ и даже взять старшаго оттуда для опредѣленія на службу по иностранной части. Къ этому же именно сказано, что торопиться некуда, а мнѣ то и надобно. И такъ, любезный другъ, дней чрезъ 10 или 12 я опять пущусь въ путь; желаю только, чтобы оный, хотя немного установился, дабы можно было спокойнѣе ѣхать. Давайте коммисіи въ Парижѣ. Аграфенѣ Федоровнѣ приношу мое почтеніе, и также нѣтъ-ли коммисій. Жена и дочь моя вамъ и ей кланяются. Тетушкины дѣла идутъ очень худо, доходовъ ни отъ куда не присылаютъ, а долги ежедневно открываю вновь, такъ что не знаю что мнѣ и дѣлать, одна надежда на любезнаго нашего Булгакова, чтò пособитъ въ семъ горѣ, особливо по случаю моего отсутствія. Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ добраго здоровья и благополучія и прошу меня не забывать душевно васъ почитающаго.

75.

13-го (25-го) марта 1825 г. Парижъ.

Пріятное письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 16-го февраля изъ Петербурга получилъ, и чувствительно благодарю. До полученія онаго извѣстенъ уже я былъ о намѣреніи вашемъ оставить службу и о рескриптѣ вамъ данномъ; желаю сердечно, чтобы финляндскій климатъ не дѣйствовалъ на ваше здоровье и не препятствовалъ вамъ продолжать службу, въ которой вы столь полезны.

Мое здоровье, слава Богу, хорошо и на покоѣ надѣюсь совсѣмъ

поправиться. Знакомыхъ здѣсь нашелъ много и всѣми вообще принятъ хорошо и съ уваженіемъ. Домъ взялъ очень хорошій и устроилъ какъ по званію моему слѣдуетъ. На сихъ дняхъ давалъ большой обѣдъ всѣмъ посламъ, министрамъ и главнымъ здѣшнимъ чинамъ. Все было весьма удачно и отлично. Дѣтей своихъ вижу въ свободные отъ классовъ дни и доволенъ ими, надѣюсь будутъ хорошими людьми и добрыми слугами Государю.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе и поблагодарить за довѣренность избраніемъ меня своимъ коммиссіонеромъ; прошу, чтобы всегда располагала мною какъ угодно. Часть порученій ея исполнилъ и при семъ посылаю при особой запискѣ. Касательно чепцовъ изъ цвѣтнаго флера остановился, потому что таковыхъ здѣсь не носятъ и не дѣлаютъ; развѣ непремѣнно она сего пожелаетъ, то прошу написать и тогда ихъ нарочно закажу, и прибавить съ цвѣтами-ли, или безъ цвѣтовъ. До тѣхъ же поръ рѣшился взять наудачу у славнаго г. Гербо самомоднѣйшіе и наряднѣйшіе два чепца; надѣюсь, что понравятся, потому что берутъ ихъ на расхватъ, такъ что пока выбиралъ оные, то шесть другихъ купили. Также прошу увѣдомить нужны-ли послѣ сего еще два блондовые чепчика. Чулокъ шелковыхъ посылаю самыхъ лучшихъ дюжину, а другихъ рѣшился взять модныхъ, каковыхъ у насъ мало еще знаютъ, *en fil d'écosse*—ежели за симъ еще нужно будетъ чулокъ, то прошу увѣдомить и какихъ именно. Деньги же заплаченныя за сіи вещи прошу отдать Константину Яковлевичу Булгакову.

Поздравляю васъ, любезный другъ, съ наступающимъ праздникомъ Св. Пасхи, желаю весело въ добромъ здоровьѣ проводить оный и продолжать дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ и почитаетъ.

Есть-ли слухи о братѣ Алексѣѣ, здоровъ-ли и что дѣлаетъ?

76.

14-го (26-го) іюня 1825 г. Парижъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 24-го апрѣля (6-го мая) изъ Гельсингфорса получилъ, чувствительно благодарю и очень радъ, что угодилъ исполненіемъ коммиссій Аграфенѣ Федоровнѣ, которой прошу засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почте-

ніе. Деньги отъ Булгакова исправно получилъ. Я ему чрезмѣрно обязанъ за труды его по моимъ дѣламъ: безъ него мнѣ весьма бы было трудно по множеству долговъ и безпорядка въ дѣлахъ. Здоровье мое изрядно, однако изрѣдка показываются чирья, почему и располагаю на возвратномъ пути воспользоваться еще нѣсколькими ваннами въ Баденъ-Баденѣ, а оттуда поѣду чрезъ Вирцбургъ, Карлсбадъ, гдѣ также остановлюсь нѣсколько дней, чтобъ видѣться съ Цесаревичемъ, который сказываютъ туда ѣдетъ для княгини Ловичевой, потомъ чрезъ Варшаву въ С.-Петербургъ, куда буду не прежде 10-го августа нашего стиля, потому что слѣдую своему правилу: куда торопиться? Крайне сожалѣю, любезный другъ, что здоровье ваше плохо, и что ваши занятія имѣютъ такое вліяніе на здоровье; желаю, однако, чтобы оное совершенно возстановилось. О бывшей коронаціи ничего къ вамъ не пишу, потому что вамъ все сіе извѣстно изъ газетъ. Церемонія была весьма великолѣпна и праздниковъ много, но сіи меня не удивляютъ, потому что не могутъ никакъ равняться съ нашими. Къ тому же чрезвычайные жары весьма непріятны для столь многолюдныхъ собраній и я никакъ не сожалѣю оставить Парижъ, который начинаетъ уже мнѣ надоѣдать.

Я располагаю отправиться отсюда 18-го (30-го) сего мѣсяца и беру съ собою старшаго сына для начатія службы въ Россіи. Денегъ издержалъ довольно, но, однако, не чрезмѣрно, жилъ какъ должно по моему званію, но не бросалъ понапрасну и даже удивилъ многихъ умѣренною издержкою, которая для меня, однако, кажется значительною, потому что употреблена изъ казенныхъ денегъ, издержка коихъ для меня всегда непріятна, дабы не навлечь нареканій отъ людей, особенно ко мнѣ недоброжелательныхъ, но въ семъ случаѣ поневолѣ не могъ дѣлать иначе.

Искренно благодарю васъ и Аграфену Федоровну за поздравленіе съ моимъ рожденіемъ и за ваши мнѣ желанія.

Слышу, что дворъ собирается провести зиму въ Москвѣ; сіе извѣстіе меня утѣшаетъ, потому что могу опять пожить въ Сухановѣ и заняться строеніями и садами.

Душевно желаю, чтобы путешествіе ваше по Финляндіи кончили благополучно и пріятно. Прощайте, любезный другъ, будьте здоровы и сохраняйте дружбу (вашу) къ тому, который васъ любитъ и почитаетъ душевно.

77.

14-го августа 1825 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 22-го іюля получилъ по пріѣздѣ моемъ сюда 11-го сего мѣсяца и чувствительно васъ за оное благодарю. Сожалѣю только, что здоровье ваше худо поправляется и что труды ваши разстроиваютъ его болѣе.

Ѣхавъ сюда услышалъ я дорогою, что Государь намѣревается ѣхать внутрь Россіи; я сдѣлалъ было для себя проектъ съѣздить и пожить во время его отсутствія въ Сухановѣ, но не тутъ-то было, всѣ мои проекты упали какъ въ воду, ибо по пріѣздѣ моемъ сюда узналъ, что здоровье Императрицы Елисаветы Алексѣевны требуетъ лучшаго климата для зимы и что для сего доктора избрали ей для зимы въ жилище Таганрогъ, куда Государь изволитъ ѣхать 1-го сентября напередъ для обозрѣнія сего мѣста и устройства жилища для Императрицы, которая отправится туда 3-го сентября, а я назначенъ для ея сопровожденія во все время тамъ ея пребыванія. Признаюсь вамъ, любезный другъ, что я сего никакъ не ожидалъ, и едва только пріѣхалъ, какъ уже опять долженъ отправиться за двѣ тысячи верстъ, покинуть все семейство и разстроенныя дѣла, жить въ уединеніи, почти какъ въ ссылкѣ, имѣя весьма большую отвѣтственность, особенно по болѣзненному состоянію Императрицы. Случай сей столь деликатенъ, что я почелъ невозможнымъ отказаться отъ сего предложенія и тѣмъ показать еще болѣе мою преданность и привязанность къ особѣ Его Величества, хотя сіе меня весьма растроиваетъ во всѣхъ моихъ дѣлахъ и лишаюсь быть въ семействѣ, особенно въ такое время, когда лѣта дочери требуютъ ея устройства и вступленіе въ службу сына, долженъ все оставить и ѣхать въ пустыню за двѣ тысячи верстъ. Дай Богъ только, чтобы путешествіе сіе было въ пользу для здоровья Ея Величества. Признаюсь, не понимаю, какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣтъ.

Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ совершеннаго здоровья. Богъ знаетъ, гдѣ и когда съ вами увидимся, между тѣмъ, пожалѣйте о мнѣ пустынникѣ и продолжайте дружбу вашу къ тому, который васъ искренно любитъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ приношу мое почтеніе. Я привезъ для нея чепчикъ изъ Парижа, который болѣе года лежалъ въ канцеляріи посольства; я отдалъ его Булгакову для доставленія къ вамъ.

78.

1-го сентября 1825 г. С.-Петербургъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 27-го августа, и не хотѣлъ оставить Петербурга безъ того, чтобъ вамъ еще не написать нѣсколько строкъ. По письму вашему къ Булгакову я имѣлъ случай напомнить Царю о вашемъ желаніи, которое принято было очень хорошо и обѣщано было объясниться съ матушкою, но послѣ того мнѣ ничего не сказано, а завтра постараюсь развѣдать у Вилламова и чрезъ Булгакова извѣщу, что узнаю. Государь сего утра въ 3 часа уѣхалъ въ Таганрогъ отсюда, а мы ѣдемъ послѣ завтра изъ Царскаго Села. Дай Богъ, чтобы погода постояла хорошая и чтобы благополучно окончить путешествіе. Я совсѣмъ не радъ ночевать у Змѣя (Аракчеева), котораго по счастію тамъ не будетъ, а здѣсь видѣлъ его только издали; дай Богъ, чтобы намъ никогда съ нимъ нигдѣ не сходиться. У брата Алексѣя (Ермолова) были бѣды съ Лисаневичемъ и Грековымъ, коихъ по неосторожности Лисаневича аксайцы обоихъ зарѣзали на переговорахъ. Я воображаю себѣ брата Алексѣя въ какомъ онъ былъ положеніи, когда о семъ узналъ. Братъ Михайла (графъ Воронцовъ) говорятъ очень болѣнъ и даже доктора боятся за него, что ѣдетъ въ Англію, а не въ Италію.

Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ добраго здоровья и не забывайте таганрогскаго пустынника вамъ душою и сердцемъ преданнаго.

Аграфенѣ Федоровнѣ мое всеусерднѣйшее почтеніе. Мои всѣ вамъ и ей кланяются.

79.

8-го октября 1825 г. Таганрогъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Гельсингфорса отъ 12-го сентября и весьма сожалѣю, что желаніе ваше не исполнилось, и что меня надули, хотя сіе не совсѣмъ деликатно и можно бы кажется было уважить наши съ вами прежніе труды; но, къ сожалѣнію, не всѣ такъ чувствуютъ.

Вотъ уже двѣ недѣли какъ мы здѣсь живемъ, какъ въ монастырѣ. Въ климатѣ нѣтъ ни малѣйшей разницы съ петербургскимъ, также

холодно, сыро; сверхъ того грязь преужасная, что поневолѣ должно сидѣть дома. Къ тому же дома постройкою не отличаются и вотъ уже болѣе недѣли какъ я живу у Виллie, потому что у меня чуть не сдѣлался пожаръ отъ худыхъ печей, которыя теперь вновь перекладываютъ. Скука смертельная, одна отрада, въ ясные дни хожу на охоту, а по вечерамъ бываю у брата Михайлы, который здѣсь съ женою, и хотя онъ уже въ Англію не поѣдетъ, но все оставитъ насъ на нѣсколько мѣсяцевъ, бывъ обязанъ ѣхать въ Одессу и Кишиневъ, тогда уже мы совершенно будемъ какъ въ монастырѣ. Здоровье брата Михайлы, кажется, лучше, но все еще весьма худъ. Съ графинею по вечерамъ играемъ въ вистъ, чего я съ роду никогда не дѣлалъ, равно и она только здѣсь начала играть. Можете себѣ представить каковы мы сошлись игроки; лучшій изъ насъ Лонгиновъ, потомъ братъ Михайла, все по крайней мѣрѣ видимъ хоть человѣческія лица и говоримъ; но что̀ будетъ какъ они уѣдутъ? Государь 11-го числа ѣдетъ въ Новочеркаскъ на 4 дня и 15-го возвратится; потомъ собирается съѣздить также на нѣсколько дней въ Крымъ, ежели погода будетъ хороша. Здоровье Императрицы идетъ хорошо, покой въ которомъ она находится приноситъ кажется ей пользу. Дай Богъ, чтобъ она совершенно поправилась и чтобъ мы могли скорѣй избавиться сего прекраснаго края.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу сказать мое усердное почтенie.

Прощайте, любезный другъ, желаю вамъ искренно добраго здоровья и прошу не забывать таганрогскаго пустынника, васъ истинно любящаго.

80.

21-го ноября 1825 г. Таганрогъ.

Ужаснѣйшее бѣдствie насъ всѣхъ постигшее, любезный другъ Арсенiй Андреевичъ, отнимаетъ у меня силы къ изъясненiю скорби и сокрушенiя мною ощущаемыхъ. 19-го ноября по утру, въ 10-ть часовъ и 50 минутъ, поражены мы были жестокимъ ударомъ по случаю кончины обожаемаго Монарха нашего Государя Александра Павловича, послѣ 13-ти-дневной желчной и потомъ обратившейся въ нервическую горячку.

Никому столь не было извѣстно, любезный другъ, какъ вамъ, преданность, привязанность и даже, смѣю сказать, дружество мое съ нимъ; легко можете себѣ представить въ какомъ положенiи я нахожусь. Увѣренъ, что и вы равномѣрно печаль сiю чувствуете въ той же силѣ,

бывъ столько ему преданы. Во все время болѣзни Государевой я не покидалъ его, ухаживалъ за нимъ, оказывая всѣ пособія, какія только были нужны, и къ несчастію моему всѣ мои труды были тщетны. Всевышнему Творцу угодно было ниспослать на насъ гнѣвъ свой, лишивъ насъ столь драгоцѣннаго Монарха. Однимъ утѣшеніемъ остается мнѣ то, что я еще при концѣ его могъ оказать ему послѣдній долгъ.

Теперь бывъ здѣсь совершенно одинъ, въ ужасной горести занимаюсь учрежденіемъ печальной церемоніи. За двѣ тысячи верстъ отъ столицы, въ углу Имперіи, безъ малѣйшихъ способовъ и съ большою трудностію доставать самыя необходимыя вещи по сему случаю нужныя, за всякой бездѣлицею принужденъ посылать во всѣ стороны курьеровъ, распоряжать всѣмъ и не только толковать, но даже самому рисовать разные планы и фигуры, потребные для церемоніи, и признаюсь, что ежели бы меня здѣсь не было, не знаю какъ бы сіе пошло, ибо всѣ прочіе потеряли совершенно голову. Императрица во все время болѣзни также не покидала Государя и за нимъ ухаживала, при кончинѣ оказала удивительную твердость. Печаль Свою, по слабому Ея здоровью, переноситъ благодаря Бога хорошо, не знаю что будетъ впослѣдствіи. Я такъ ослабѣлъ, бывъ 13 дней и ночей безъ пищи и безъ сна, что едва шатаюсь; имѣю сверхъ того на рукахъ Императрицу и устроеніе церемоніи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія Императора Константина Павловича, за коимъ послалъ уже нѣсколько курьеровъ, для дальнѣйшихъ распоряженій къ препровожденію тѣла покойнаго въ С.-Петербургъ. Не знаю чѣмъ все кончится и какая будетъ моя участь. Отдавъ долгъ отечеству прослуженіемъ тремъ царствованіямъ, можно кажется и удалиться, дабы, по крайней мѣрѣ, имѣть время заняться собственными дѣлами, кои весьма въ худомъ положеніи, ибо никогда не рѣшался и не хотѣлъ утруждать объ оныхъ покойнаго Императора, онъ же самъ никогда не обращалъ на сіе вниманія, слѣдовательно, я остался безъ всего. Теперь не знаю еще на что рѣшится Императрица, которую оставить одну въ семъ положеніи нахожу что грѣшно, но быть удалену отъ своего семейства, при столь худыхъ обстоятельствахъ, также весьма затруднительно. Рѣшился положиться на Бога, который меня никогда не покидалъ, надѣюсь и въ семъ несчастномъ положеніи не оставитъ. Я воображаю въ какомъ уныніи должна быть столица, особенно Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Я боюсь какъ за нее, такъ и за Императрицу Елисавету Алексѣевну, которая сколько не крѣпится, но страдаетъ ужасно, отъ удара ея постигшаго. Вотъ, любезный другъ, событіе несчастныхъ предчувствій, кои имѣлъ я предъ отъѣздомъ мо-

имъ сюда, чувствуя и здѣсь ужаснѣйшую тоску и грусть непомѣрную, кои относилъ всегда на счетъ скуки и недостатка въ обществѣ и никогда не входило въ голову, чтобы могло послѣдовать подобное бѣдствіе. Проклятый змѣй (Аракчеевъ) и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею *) и гнуснѣйшимъ поступкомъ, ибо въ первый день болѣзни Государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ змѣя и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно, происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду-ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ и Государя, который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно; вотъ предчувствіе мое и сбылось. Можетъ-ли сей извергъ имѣть смѣлость показываться еще на глаза въ свѣтѣ и неужели совѣсть его не убьетъ, но хотя бы сіе и случилось, не воротить уже несчастія постигшаго Россію и всѣхъ насъ истинно преданныхъ Государю. Благодарю васъ за письмо ваше отъ 31-го октября, и весьма сожалѣю о вашемъ нездоровьѣ, пора вамъ приняться за леченіе, теперь болѣе нежели когда можемъ надѣяться, что удастся намъ пожить въ сосѣдствѣ и заниматься хозяйствомъ.

Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе

Прощайте, любезный другъ, что-то съ нами будетъ!!! Желаю вамъ здоровья и прошу быть увѣрену въ совершенной моей къ вамъ дружбѣ.

81.

7-го января 1826 г. Таганрогъ.

Письмо ваше, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 10-го декабря изъ Гельсингфорса получилъ, чувствительно благодарю, и очень понимаю въ какомъ ужасномъ положеніи должны были находиться, получивъ извѣстіе о бѣдствіи насъ постигшемъ. Меня оно такъ разстроило, что здоровье мое едва начинаетъ поправляться. Грусть и скука здѣшней жизни также не мало тому причиною. По счастію, что жена съ дочерью сюда пріѣхали, безъ нихъ, я думаю, что я бы сошелъ съума, съ печали и тоски. Мы живемъ совершенно какъ въ деревнѣ. По вечерамъ приходитъ къ намъ Лонгиновъ вмѣстѣ горевать. Погода стоитъ холодная съ метелями, и гололедица никакъ не позволяетъ выходить изъ дома, хотя

*) Извѣстное происшествіе съ Настасьею Минкиной.

для моціона. Здоровье Императрицы весьма слабо, и потому не позволяетъ никакъ думать объ отъѣздѣ въ сію погоду, но какъ скоро можно будетъ пуститься въ путь, то поѣдемъ къ Москвѣ, гдѣ Императрица имѣетъ намѣреніе поселиться въ какой-нибудь подмосковной; что для меня непротивно, ибо сближаетъ меня съ Сухановымъ и моими собственными дѣлами, которыя находятся въ весьма худомъ положеніи, о чемъ можетъ вамъ сказать общій нашъ другъ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, и ежели бы не онъ, то я думаю, что я давно бы отступился отъ всего. Теперь по необходимости долженъ еще продолжать тянуть, ибо нахожу неприличнымъ и невозможнымъ покинуть несчастную вдову, которую покойникъ мнѣ поручилъ, и которая столь ко мнѣ милостива. Сейчасъ получилъ извѣстіе изъ С.-Петербурга, что вамъ дали орденъ Св. Александра Невскаго. Не могу описать, любезный другъ, сколько сіе извѣстіе меня обрадовало, примите искренное мое поздравленіе; я надѣюсь, что Государь Императоръ, зная лично усердную службу вашу, не оставитъ никогда отдавать вамъ полную справедливость, и не позволитъ злымъ людямъ вредить тѣмъ, кои служатъ ему вѣрно и безъ всякихъ видовъ.

Змѣй, говорятъ, сидитъ въ своей конурѣ и дѣлами уже не занимается, въ чемъ я ни мало не сомнѣвался, ибо весьма бы странно было, и даже полагаю неприлично оставить такого изверга послѣ гнуснѣйшаго его поступка противу покойнаго Государя, который непрестанно его отличалъ своею довѣренностію, о чемъ я всегда соболѣзновалъ, ибо зналъ сего . . . . . недостойнаго пользоваться таковымъ отличіемъ. Время еще болѣе покажетъ всѣ его неистовыя и противозаконныя дѣла. Поздравляю васъ также, любезный другъ, и съ новымъ годомъ, желаю съ онымъ здоровья, которое всего нужнѣе. Аграфенѣ Федоровнѣ мое почтеніе, и также прошу и ее поздравить съ новымъ годомъ и съ вашимъ орденомъ, съ чѣмъ васъ равномѣрно поздравляютъ жена моя и дочь.

Прощайте, любезный другъ, пишите ко мнѣ и не забывайте любящаго васъ искренно.

82.

Получено 8-го сентября 1830 г.

Любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, отыскавъ сейчасъ привезенный мною изъ Парижа уксусъ предохранительный отъ разныхъ

прилипчивыхъ болѣзней, коимъ должно натирать немного руки, курить въ комнатахъ и поливать или прыскать по полу, посылаю вамъ, мой любезнѣйшій другъ; прошу употреблять оный и сердечно желаю, чтобы оный предохранилъ васъ отъ всѣхъ болѣзней и въ особенности отъ проклятой холеры. Я показывалъ оный сейчасъ Бушу, который полагаетъ, что можетъ принести пользу. Прощайте, желаю благополучнаго пути и скорѣе здоровымъ къ намъ возвратиться.

Весь вашъ кн. *П. Волконскій.*

83.

5-го апрѣля 1835 г. С.-Петербургъ.

Христосъ Воскресе! Любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, отъ искренняго сердца поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ Св. Пасхи, и желаю всѣхъ благъ, а болѣе всего здоровья, которое нахожу всего дороже и пріятнѣе.

Увѣренъ будучи въ дружбѣ вашей, надѣюсь не поскучаете прочитать при семъ прилагаемый отчетъ мой по департаменту удѣловъ, который довольно удовлетворителенъ и не плодовитъ. Если видаетесь съ любезнѣйшимъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, то покажите его и ему, можетъ полюбопытствуетъ пробѣжать оный, и сказать вамъ свое мнѣніе, которое прошу мнѣ сообщить вмѣстѣ съ вашимъ. Теперь у меня прибавилось хлопотъ съ присоединеніемъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ Симбирской губерніи въ удѣлъ. Дай Богъ, чтобы удалось поставить и ихъ наравнѣ съ прочими удѣльными той губерніи крестьянами. Ежели не будетъ какихъ мерзостей отъ земскихъ чиновниковъ и отъ выгнанныхъ изъ службы негодяевъ, то съ помощію Божіею не отчаиваюсь успѣть въ нѣсколько лѣтъ поставить ихъ на желаемую ногу. Прощайте, любезный другъ, прошу принять увѣреніе въ истинной и нелицемѣрной и постоянной моей къ вамъ дружбѣ.

84.

10-го іюня 1848 г. Петергофъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Ивановскаго, отъ 5-го сего іюня, и за увѣдомленіе о свадьбѣ Чебышева (желаю имъ счастія и благополучія),

равно и о путешествіи тетушки. Здоровье ее хорошо и благополучно доѣхала до Москвы, о чемъ она ко мнѣ писала уже оттуда, теперь ожидаю изъ Суханова.

Третьяго дня въ Петербургѣ было два случая холеры въ нижнемъ классѣ; приказано брать мѣры осторожности въ пищѣ и устройства въ госпиталяхъ. Да сохранитъ насъ Богъ отъ сей болѣзни. Здоровье мое, благодаря Бога, хорошо. Погода стоитъ свѣжая съ холоднымъ вѣтромъ.

Заграничныя извѣстія все худыя. Въ Берлинѣ вновь было возмущеніе 2-го іюня, изломали рѣшотки около дворца, ворвались въ арсеналъ, взяли 3,000 ружей, подрались съ національною гвардіею. Въ Прагѣ дрались богемцы съ нѣмцами, убили командующаго войсками кн. Вендишгреца на своемъ балконѣ; послѣ войска вышли за городъ и бомбардировали оный; какъ сіи извѣстія получены по телеграфу, то неизвѣстно чѣмъ кончилось. Хорошаго ожидать нечего. У Радецкаго въ Ломбардіи также дѣла идутъ худо, хотя и занялъ онъ Виценцію, но потерялъ Пескіеру. Въ Даніи война продолжается и другъ друга щиплютъ по днямъ. Прощайте, любезнѣйшій другъ, желаю отъ искренняго сердца вамъ совершеннаго здоровья при вашихъ многочисленныхъ занятіяхъ и успѣха въ вашихъ трудахъ и будьте увѣрены въ моей всегдашней преданной дружбѣ.

P. S. Алексѣю Петровичу Ермолову мое истинное почтеніе.

85.

26-го іюня 1848 г. Петергофъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Москвы, отъ 20-го іюня, и за книжку о мѣрахъ отъ холеры, которая весьма сильно свирѣпствуетъ въ Петербургѣ и здѣсь; но кажется начинаетъ слабѣть, потому что многіе изъ заболѣвающихъ начинаютъ выздоравливать и смертность противъ заболѣвающихъ уменьшается. Благодарю васъ за извѣстіе о тетушки, которая очень перепугалась смертію ея повара, но пишетъ что здоровье ее хорошо и бережется.

Мои здѣсь всѣ, благодаря Бога, здоровы и я также; беру всѣ мѣры осторожности. Желаю и вамъ, любезнѣйшій другъ, совершеннаго здоровья при всѣхъ вашихъ упражненіяхъ и хлопотахъ по запутаннымъ дѣламъ. Зная ваши усердіе и дѣятельность, увѣренъ, что все приведете въ должный порядокъ.

Вчера пожалованъ военному министру портретъ Его Величества: Шульгинъ произведенъ въ чинъ, а кіевскому Бибикову св. Александра. Не знаю за что!

Заграничныя извѣстія день ото дня хуже. Въ Парижѣ дрались нѣсколько дней, сами не знаютъ за что и за кого; много убитыхъ и раненыхъ. Генералъ Кавеньякъ всѣмъ завѣдывалъ, одержалъ поверхность надъ бунтовщиками и назначенъ президентомъ республики народнымъ собраніемъ, но на долго ли?

Въ Германіи также весьма худо; въ Штутгартѣ войска стали также бунтовать! Въ Берлинѣ и Вѣнѣ ничего хорошаго, живутъ со дня на день. Богъ знаетъ чѣмъ и когда все кончится. Графиню я не вижу, потому что не ѣзжу въ городъ, и сюда не позволяютъ пріѣзжать, почему и своихъ никого давно не видалъ. Прощайте, любезнѣйшій другъ, прошу Бога, чтобы сохранялъ васъ всегда въ добромъ здоровьи, и примите увѣреніе въ искренней моей дружбѣ.

P. S. Алексѣю Петровичу мое искреннее почтеніе.

86.

24-го іюля 1848 г. Петергофъ.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Москвы отъ 21-го іюля и за увѣдомленіе о представленіи кн. Абамелика; я надѣюсь, что онъ оправдаетъ вашъ выборъ и мою рекомендацію.

Благодаря Бога, холера въ Петербургѣ и здѣсь убавляется и смертность уменьшается, въ особенности если подается помощь при появленіи ея у больнаго; но какъ вы говорите весьма трудно переувѣрить нашъ народъ. Здѣсь надняхъ занемогъ одинъ изъ плотниковъ на строеніи; по приводѣ его немедля въ больницу, никакъ не хотѣлъ принимать лекарствъ, говоря доктору: *выпей самъ, такъ я послѣ выпью,* и сжалъ зубы не слушая никого, хотя тутъ же возлѣ него лежалъ больной его товарищъ выздоравливающій, который какъ его не увѣщевалъ, не успѣлъ его уговорить и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ, полагая что доктора ихъ отравляютъ. Здоровье Императорской Фамиліи, слава Богу, хорошо и мое также, берегусь простуды и пищу употребляю самую умѣренную; мало выѣзжаю, тѣмъ болѣе, что и погода не позволяетъ много выѣзжать — почти всякій день дождь идетъ по нѣ-

скольку разъ въ день, и тепла не болѣе 14 градусовъ, а по вечерамъ очень свѣжо.

Благодарю васъ искренно, любезнѣйшій другъ, за посѣщеніе тетушки и за празднованія меня въ Сухановѣ. Весьма сожалѣю о вашихъ заботахъ, берегите ваше здоровье и менѣе сердитесь. Хотя сіе и трудно, что знаю по себѣ и по вашей дѣятельности по службѣ и что вы не любите безпорядковъ, но что дѣлать съ москвичами, они не привыкли къ дѣятельности и любятъ праздность и веселіе. Я всегда говорю, что они служатъ только изъ наградъ, и тогда только, какъ узнаютъ, что ѣдетъ въ Москву Государь. Какъ же скоро онъ выѣдетъ за заставу, то перекрестясь говорятъ: *славу Богу, уѣхалъ*, и тотчасъ мундиръ и штаны долой, надѣваютъ халатъ и закуриваютъ сигарки, растянувшись на диванѣ. Вотъ вся ихъ служба, къ которой мы съ вами не привыкли и потому не можетъ нравиться; но на сіе смотрѣть не надобно; я увѣренъ, что вы все сіе приведете въ порядокъ.

Изъ заграницы извѣстія все неблагопріятныя, кромѣ полученныхъ извѣстій изъ Вѣны, откуда пишутъ, что австрійскій фельдмаршалъ гр. Радецкій разбилъ порядочно піемонтцевъ предъ Сераною и принудилъ ихъ отступать за Минчіо въ большомъ безпорядкѣ, взялъ нѣсколько орудій и довольное число плѣнныхъ, и если воспользуется симъ успѣхомъ, то можетъ еще разбить отдѣльный отрядъ, посланный сардинскимъ королемъ къ обложенію крѣпости Мантуи; но на сіе потребна рѣшимость, которой, какъ вы знаете, у австрійцевъ невсегда бываетъ.

Алексѣю Петровичу приношу мое искреннее почтеніе и сожалѣю о его нездоровьѣ.

Прощайте, любезнѣйшій другъ, отъ всей души желаю вамъ совершеннаго здоровья и успѣховъ во всѣхъ вашихъ трудахъ, и прошу принять увѣреніе въ искренней моей къ вамъ дружбѣ навсегда.

87.

12-го августа 1848 г. Петергофъ.

Поспѣшаю, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, вновь поблагодарить за избраніе въ адъютанты кн. Абамелика, который назначенъ къ вамъ приказомъ сего 10-го августа; надѣюсь, что онъ будетъ стараться оправдать мою рекомендацію.

Благодаря Бога, болѣзнь у насъ уменьшается, дай Боже, чтобы совсѣмъ прекратилась во всей Россіи.

Мое здоровье, благодаря Бога, довольно хорошо, вчера и третьяго дня былъ въ Ропшѣ на маневрахъ, а послѣ завтра поѣду въ Красное Село, гдѣ въ воскресенье назначается смотръ всего корпуса гвардіи и гренадеровъ, а въ понедѣльникъ въ Петербургъ, для осмотра комнатъ въ Зимнемъ Дворцѣ, приготовляемыхъ для свадьбы, которая назначается въ Александровъ день, то есть, 30-го августа; а 1-го или 2-го сентября дворъ переѣзжаетъ въ Царское Село.

Здѣсь погода стоитъ не постоянная, холодная и почти всякій день дождь мѣшаетъ уборкѣ хлѣба, который въ губерніяхъ, по донесеніямъ, весьма не хорошъ.

По газетамъ извѣстно вамъ, что старикъ фельдмаршалъ Радецкій побилъ сильно піемонтцевъ, выгналъ изъ Ломбардіи и занялъ Миланъ. Государь послалъ ему, съ генералъ-маіоромъ Ефимовичемъ, орденъ св. Георгія 1-й степени. Онъ свое дѣло сдѣлалъ отлично. Дай Богъ, чтобы успѣлъ возстановить нарушенный вольнодумцами порядокъ, и тѣмъ показалъ бы другимъ, какъ должно съ ними поступать.

Прощайте, любезнѣйшій другъ, искренно желаю вамъ совершеннаго здоровья и прошу быть увѣрену въ истинной моей всегдашней дружбѣ.

P. S. Прошу прилагаемое письмо приказать доставить къ тетушкѣ.

88.

1-го іюля 1849 г. Петергофъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше отъ 26-го іюня изъ Москвы и за поздравленіе съ именинами со всѣми желаніями вашими.

Благодарю васъ также, что не оставляете тетушку своими посѣщеніями; она была нездорова желчью, но я полагаю, не отъ неосторожности-ли въ пищѣ?

Хорошо дѣлаете, что пользуетесь водами; но только съ употребленіемъ ихъ сердиться не должно.

Понимаю весьма, что трудно вамъ теперь отлучаться въ такое смутное время, которое требуетъ внимательнаго присмотра за шалунами, которые становятся болѣе нежели шалуны. Государь вчера послѣ обѣда сюрпризомъ прибылъ сюда въ тележкѣ по-фельдъегерски, потому что коляска его изломалась за 200 верстъ отсюда. Слава Богу здоровъ, но 9-го іюля возвращается въ Варшаву. Сказываетъ, что дѣла въ арміи

идутъ хорошо, что венгерцы бѣгутъ, лишь только казаки наши появляются, и оставляютъ города и позиціи безъ боя. Армія наша идетъ на Пештъ, который, по полученнымъ сегодня послѣ обѣда извѣстіямъ, венгерцы оставили и соединяются всѣ у Коморна. Я опасаюсь, чтобы они до прихода нашей арміи не напали на австрійцевъ, которыхъ близъ *Раба* выкупила наша артиллерія дивизіи ген.-адъютанта Панютина.

Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Цесаревною отправляются послѣ завтра въ Ревель, откуда наслѣдникъ отправится прямо къ своей командѣ въ Гродно. По отсутствіи Его Высочества и Государя, управленіе здѣсь всѣми дѣлами возлагается на особенную секретную коммиссію, подъ моимъ предсѣдательствомъ и членами: кн. Чернышевымъ—по военной части и гр. Блудовымъ—по гражданской. Помоги Богъ мнѣ на старости и по слабости силъ управиться, ибо и безъ того я довольно замученъ и пора бы все оставить.

Холера здѣсь ежедневно прибавляется, вчера всего больныхъ было болѣе 200 человѣкъ, а въ арміи до 5 тысячъ, умерло болѣе 1,400 человѣкъ—стоитъ большаго сраженія. Желательно бы, что война сія скорѣе кончилась.

Прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ и поздравить ее съ прошедшими именинами. Желаю вамъ, любезнѣйшій другъ, совершеннаго здоровья, и прошу принять увѣреніе въ искренней моей дружбѣ.

P. S. Алексѣю Петровичу мое усердное почтеніе.

89.

20-го августа 1849 г. Петергофъ.

Чувствительно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Ивановскаго отъ 14-го августа, и сердечно радуюсь, что воды вамъ принесли пользу; но послѣ нихъ надобно нѣсколько времени отдыха; зная же вашу дѣятельность, я опасаюсь, чтобъ вы не забыли леченія и не принялись слишкомъ за дѣла, кои не всегда пріятны и тѣмъ хорошее дѣйствіе водъ уменьшится.

Благодаря Бога, дѣла наши кончились славно и какъ нельзя было ожидать. Великъ россійскій Богъ, а кн. Варшавскій счастливъ; войска наши возвращаются всѣ домой на прежнія мѣста, равно и гвардія.

Я ожидаю Государя сюда сегодня или завтра, и очень буду радъ сдать ему всѣ дѣла, которыми довольно мучаюсь.

Вамъ, полагаю, извѣстно несчастное приключеніе съ добрымъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, у котораго параличомъ отняло движеніе всей правой стороны и языка, съ большимъ трудомъ произноситъ слова. По сегодняшнимъ извѣстіямъ, по телеграфу полученнымъ, здоровье Его Высочества въ одномъ положеніи и не выходитъ изъ опасности, что весьма огорчаетъ Государя. Я его очень жалѣю, потому что онъ всегда былъ ко мнѣ милостивъ, и еще за день до сего приключенія писалъ ко мнѣ весьма милостиво.

Гвардія и гренадерскій корпусъ поручены на время болѣзни Его Высочества Цесаревичу, а прочія всѣ дѣла, по кадетскимъ корпусамъ, по артиллеріи и по инженерному корпусу военному министру, которому довольно дѣла и безъ того.

Сынъ мой, кн. Дмитрій, мнѣ сказывалъ, что онъ къ вамъ писалъ о кончинѣ графини Нессельроде отъ апоплексическаго удара на водахъ въ Гастейнѣ. Графъ очень огорченъ. Кн. Варшавскій получилъ отъ австрійскаго императора орденъ Маріи Терезіи 1-го класса. Холера въ Петербургѣ понемногу начала уменьшаться; но у васъ и въ другихъ разныхъ губерніяхъ вновь показалась. Божіе наказаніе и Богъ знаетъ избавимся-ли ее когда?

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое искреннее почтеніе графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ и принять увѣреніе въ истинной моей дружбѣ и преданности.

90.

8-го сентября 1849 г. Петергофъ.

Искренно благодарю васъ, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше изъ Москвы отъ 2-го сентября, и съ вами сердечно раздѣляю горесть отъ потери добрѣйшаго великаго князя Михаила Павловича, который всегда осыпалъ насъ съ вами милостію и добрымъ расположеніемъ. За день до случившагося съ нимъ приключенія писалъ ко мнѣ премилостивое письмо. Государь весьма разстроенъ и огорченъ сею жестокою потерею брата и истиннаго друга. Хотя съ пріѣздомъ Его Величества я немного облегченъ, но все довольно остается мученія, которое портитъ и уноситъ здоровье; пора, любезный другъ, все оставить и удалиться отъ всѣхъ дѣлъ. Теперь есть кѣмъ замѣнить. Прослуживъ 57 лѣтъ, могу смѣло сказать, безпорочно и безъ упреку

можно кажется отойтить, и чего мнѣ ждать? Лучше заранѣе отойтить. Охотниковъ на мое мѣсто много.

Примите, любезнѣйшій другъ, мое искреннее поздравленіе съ будущимъ днемъ вашего рожденія и желаніе вамъ совершеннаго здоровья, которое всего дороже на семъ свѣтѣ и не принимать такъ къ сердцу воровъ, которыхъ, къ несчастью, столь много разводится, что надобно съ ними поступать по § 7 желтой книжки, для убавленія ихъ числа.

Я сегодня былъ у великой княгини Елены Павловны, которая вчера пріѣхала въ Павловское, съ великою княжною Екатериною Михаиловною; обѣ въ ужасномъ огорченіи. Тѣло покойнаго великаго князя Михаила Павловича привезутъ прямо въ Чесму, 15-го сего сентября, оттуда 16-го повезутъ съ церемоніею въ крѣпость, гдѣ 17-го сентября будетъ погребено. Сегодня былъ здѣсь у меня графъ Нессельроде, который весьма огорченъ потерею жены своей, ожидалъ вчера прибытія тѣла ея, но въ Пруссіи какъ-то опоздало къ отплытію парохода, отчего будетъ позже нѣсколько дней.

Прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ и поздравить съ вашимъ рожденіемъ.

Алексѣю Петровичу Ермолову также мое почтеніе.

Холера, благодаря Бога, здѣсь уменьшается. Дай Богъ, чтобы скорѣе прекратилась и не возвращалась.

Прощайте, любезнѣйшій другъ, будьте здоровы и увѣрены въ моей истинной дружбѣ и отличномъ почтеніи.

91.

12-го декабря 1850 г. С.-Петербургъ.

Получивъ сегодня письмо ваше, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, съ поздравленіемъ производства моего въ генералъ-фельдмаршалы, прошу принять мою наичувствительнѣйшую благодарность, равно и графиню Аграфену Федоровну, за участіе принимаемое по сему случаю.

Признаюсь вамъ, я сего никакъ не ожидалъ и полагалъ, что карьера моя кончилась, какъ вдругъ 5-го числа декабря за фамильнымъ обѣдомъ (къ которому я имѣлъ счастіе быть приглашенъ), во время подачи шампанскаго, Государь, вставъ изъ-за стола, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: *«позвольте ваша свѣтлость поздравить васъ генералъ-фельд-*

маршаломъ». Меня сіе такъ поразило, что слезы потекли изъ глазъ, принося Его Величеству мою благодарность. Императрица въ слезахъ подошла меня поздравлять, цѣлуя меня нѣсколько разъ, равно и вся Высочайшая фамилія послѣдовала Ея Величеству; таковая милость ни съ чѣмъ не можетъ сравниться. Послѣ обѣда въ гостинной комнатѣ, Государь Императоръ пожаловалъ мнѣ фельдмаршальскіе эполеты, приказавъ тутъ же ихъ надѣть, а 10-го декабря при рескриптѣ препроводилъ мнѣ и фельдмаршальскій жезлъ.

Не могу, любезнѣйшій другъ, умолчать вамъ сколь для меня пріятно, что по разнесшемуся слуху по всему городу, всѣ приняли сіе съ большою радостію и со всѣхъ сторонъ пріѣзжали поздравлять.

Вторично благодарю васъ, любезнѣйшій другъ, и за желаніе мнѣ здоровья, которое всего нужнѣе и прошу принять увѣреніе въ искренней моей всегдашней дружбѣ.

92.

9-го августа 1851 г. Петергофъ.

Любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, поспѣшаю увѣдомить васъ, что Высочайшая фамилія вся, кромѣ великаго князя Константина Николаевича и его супруги, но съ принцами и свитами, отправляется изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ 19-го августа, въ 4 часа пополудни, для чего вся фамилія и принцы пріѣдутъ 18-го числа въ вечеру на желѣзную дорогу и будутъ ночевать въ вагонахъ, дабы съ разсвѣтомъ въ 4 часа отправиться въ путь. Обѣдать предполагаютъ на станціи въ Твери и прибыть въ Москву къ вечеру того же дня.

Вся свита отправится изъ Петербурга въ 7 часовъ и прибудетъ въ Москву тремя часами позже.

Я приказалъ князю Четвертинскому, чтобы къ вечеру 19-го числа онъ былъ самъ на станціи желѣзной дороги въ Москвѣ со всѣми экипажами, какъ для Высочайшей фамиліи, такъ и для принцевъ и для сопровождающихъ по списку особъ и чтобы экипажи стояли у дома станціи по порядку и старшинству, дабы не было суеты. Я прошу васъ, любезнѣйшій другъ, приказать поставить карету для меня назначенную и съ лакеемъ немного впереди, дабы я могъ уѣхать впередъ во дворецъ, для принятія Ихъ Величествъ. Графъ Клейнмихель увѣряетъ, что все будетъ готово. 15-го сего августа будетъ освященіе желѣзной дороги,

послѣ котораго начнется отправленіе войскъ, назначенныхъ въ Москву, потомъ придворныхъ служителей, экипажей и лошадей.

Дай Богъ, чтобы все прошло благополучно и сердечно радуюсь увидѣться съ вами. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ и принять увѣреніе въ истинной моей всегдашней дружбѣ.

93.

1-го іюля 1852 г. Петергофъ.

Приношу мою чувствительнѣйшую благодарность, любезнѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ, за дружеское письмо ваше отъ 27-го іюня и за поздравленіе съ днемъ моихъ именинъ и за всѣ желанія ваши къ моему выздоровленію, равно и за присылку г. медика Осиповскаго, который посѣщалъ меня здѣсь нѣсколько разъ, видѣлъ состояніе моей болѣзни, подробно можетъ вамъ объяснить въ какомъ находится положеніи. Всѣ медики вообще находятъ, что идетъ хорошо; но я, признаюсь, вижу мало хорошаго, потому что страдаю отъ боли почти ежедневно, особенно по ночамъ боль отнимаетъ сонъ, отъ чего и силы ослабѣваютъ. Прежде зимою могъ ходить и даже выѣзжать, теперь же никакъ не могу ступать на больную ногу; первый суставъ пальца уже потерялъ, и, безъ сомнѣнія, отойдетъ и второй. Дай Богъ, чтобы на этомъ остановилось и далѣе не распространялось. Сегодня были всѣ медики въ одно время и остались, кажется, недовольны г. Буяльскимъ, который только что порѣзалъ и не медля уѣхалъ безъ всякаго объясненія и совѣта съ прочими; таковой поступокъ ихъ разсердилъ; но каково же для меня страждущаго. Однимъ словомъ, я не знаю, что мнѣ дѣлать и на кого положиться, кромѣ единственно на Бога.

Г. Безсоновъ вручилъ мнѣ отъ васъ гравированный вашъ портретъ, который нахожу довольно сходнымъ и чувствительно благодарю.

Графинѣ Аграфенѣ Федоровнѣ прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе и Лидинкѣ также.

Повторяю, любезнѣйшій другъ, мою благодарность за всѣ дружескія ваши желанія; прошу принять увѣреніе въ моей неизмѣнной къ вамъ дружбѣ.

II. Письма Арсенія Андреевича (впослѣдствіи графа) Закревскаго къ князю Петру Михайловичу Волконскому.

1820—1830 гг.

94.

19-го октября 1820 г. С. Петербургъ.

Почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, происшествіе, случившееся въ Семеновскомъ полку, всѣхъ здѣсь огорчило, но долженъ вамъ сказать, что сему не иная есть причина, какъ совершенное остервененіе противу полковника Шварца, и другихъ побочныхъ причинъ совершенно никакихъ нѣтъ, развѣ военный судъ, назначенный надъ первымъ баталіономъ, не откроетъ-ли чего. Генералъ Васильчиковъ подробно донесетъ съ адъютантомъ своимъ завтра или послѣ завтра о бывшемъ происшествіи. Сей случай, кажется, не имѣетъ никакой связи съ другими полками гвардіи, не менѣе того корпусный командиръ обратитъ особенное вниманіе на всѣ полки, дабы знать все совершённо, что въ оныхъ происходитъ. Знаю, почтеннѣйшій князь, что вы съ Государемъ примите сей случай съ большимъ неудовольствіемъ и весьма справедливо. Но дѣлать нечего, и мѣра взятая съ симъ полкомъ была необходимая, жаль, что при непослушаніи сего полка вчерашняго числа много было нижнихъ чиновъ пьяныхъ, а офицеры не столь были тверды съ нижними чинами, какъ служба въ такихъ случаяхъ требовала. Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы, веселы и помните вамъ душевно преданнаго.

Вы можете вообразить, какіе идутъ толки въ городѣ!

95.

21-го октября 1820 г. С.-Петербургъ.

Адъютантъ Чаодаевъ вамъ разскажетъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, всѣ подробности о бывшемъ происшествіи Семеновскаго полка.

Надъ 1-мъ баталіономъ производится военный судъ, и по окончаніи онаго представится на утвержденіе Его Величеству заведеннымъ порядкомъ. Графъ Милорадовичъ и генералъ Васильчиковъ подробно доносятъ о бывшемъ происшествіи Государю, а послѣдній пишетъ къ вамъ и партикулярно.

Здѣсь слуховъ вздорныхъ много, какъ обыкновенно въ таковыхъ случаяхъ бываетъ, которые, конечно, и до васъ достигнутъ. Но будьте разборчивы въ вѣрѣ ихъ и различайте пустыхъ людей, которые симъ особенно занимаются. Москва, наполненная пустыми и праздными людьми, не оставитъ по привычкѣ своей распускать разные слухи по полученіи писемъ изъ Петербурга; я за нужное счелъ предупредить о семъ князя Голицына и писалъ партикулярно къ нему какъ оное происходило, давъ знать о семъ и главнокомандующимъ 1-й и 2-й арміями, дабы знали истину сего происшествія, а не удовлетворялись бы на партикулярныхъ письмахъ отсель посылаемыхъ.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы, веселы и помните вамъ душевно преданнаго.

96.

26-го октября 1820 г., С.-Петербургъ.

За письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 12-го октября, приношу мою наичувствительнѣйшую благодарность. Росписаніе о распредѣленіи рекрутъ получилъ, и составляю циркуляръ и по отпечатаніи нужнаго числа экземпляровъ пошлю оные во всѣ губерніи съ нарочными фельдъегерями и предпишу баталіоннымъ командирамъ внутренней стражи, дабы они на мѣстѣ набора сдавали не нагихъ, ибо отдатчики за платье назначенную цѣну одежды имъ почти никакой не даютъ, что случилось третьяго года въ Новгородской губерніи. Мнѣніе ваше весьма основательное на счетъ отправленія рекрутъ въ однѣхъ ши-

неляхъ, а чтобы мундиры и прочее шилось въ полкахъ, тогда избавились бы переписки о рекрутской одеждѣ дурно сшитой и лишнихъ издержекъ.

Замѣтилъ изъ письма вашего, что Троппау васъ не веселитъ и вы не знаете еще когда къ намъ возвратитесь. Дай Богъ, чтобы все кончилось у васъ хорошо. Бутурлинъ и Шепингъ ѣздили въ Тульчинъ прогуляться и провести время съ Потоцкими, вотъ главная причина ихъ туда поѣздки; занятія у нихъ никакого нѣтъ и во время вояжа Государя симъ воспользовались. Кажется, оба они влюблены въ Потоцкихъ. Волкову писалъ, дабы немедленно прислалъ къ вамъ донесеніе на счетъ таблицъ взаимнаго обученія. Рядовой Бланковъ содержится у меня подъ присмотромъ въ сводномъ баталіонѣ впредь до повелѣнія вашего, о чемъ прежде вамъ уже доносилъ.

Грушенька свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и благодаритъ за память.

Графъ Милорадовичъ требовалъ отъ меня фельдъегеря для отправленія къ Государю съ донесеніемъ, который сего дня и отправляется. Здѣсь много различныхъ толковъ на счетъ бывшаго происшествія въ Семеновскомъ полку, о чемъ доносятъ Государю Милорадовичъ и Васильчиковъ; но долгомъ поставляю васъ увѣдомить, что всякое рѣшеніе, какое Государю угодно будетъ сдѣлать по сему дѣлу, должно оставить до вашего сюда возвращенія, а спѣшить симъ не должно. Сегодня слышалъ поутру, что подкинута какая-то пасквиль ужаснѣйшая на улицѣ, но не могъ еще оной найти, дабы прочитать; завтра ѣду къ Горголи спросить о справедливости сихъ слуховъ. Не оставьте меня увѣдомить въ свое время, когда предполагаете сюда быть и по какому тракту поѣдете.

Будьте, почтеннѣйшій князь, здоровы, веселы и помните вамъ душевно преданнаго.

97.

2-го ноября 1820 г. С.-Петербургъ.

По требованію графа Милорадовича посылаю сегодня къ вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, фельдъегеря съ бумагами отъ него отправленными. Военный судъ надъ 1-мъ баталіономъ Семеновскаго полка продолжается и не прежде долженъ кончиться какъ къ пріѣзду вашему, тогда уже и рѣшите участь всего полка, но прежде на сіе Государю никакъ рѣшаться не слѣдуетъ.

Лазаретъ устроенный въ крѣпости отличный и по сіе время поступило больныхъ 15 человѣкъ и большая часть изъ нихъ въ венерической.

Слуховъ здѣсь различныхъ много, но это ничто иное какъ привычка что-нибудь говорить. Войска Петербургскаго гарнизона исполняютъ свои обязанности хорошо и тихо.

Надняхъ посылаю во всѣ губерніи, съ которыхъ берутся рекруты, фельдъегерей съ распоряженіями о распредѣленіи оныхъ.

Не забудьте меня увѣдомить заблаговременно по какому тракту будете сюда возвращаться.

Будьте здоровы и покойны, чего желаетъ вамъ душевно преданный.

98.

5-го ноября 1820 г. С.-Петербургъ.

По требованію с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича отправлены мною въ Шлиссельбургскую крѣпость съ особыми фельдъегерями, 3-го числа, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка 1-го баталіона 1-й роты рядовой Дорофей Абрамовъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка 2-го баталіона 5-й роты фельдфебель Кармановъ, 4-го числа лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка роты Его Величества каптенармусъ Петръ Федоровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано мною коменданту Плуталову содержать ихъ въ казематахъ порознь и подъ строжайшимъ присмотромъ, такъ чтобы они не имѣли ни съ кѣмъ сношенія и не могли знать, что въ одной крѣпости содержатся. Вчерашняго числа отправленъ туда отъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора чиновникъ для снятія съ сихъ арестантовъ допроса, и съ нимъ депутатомъ съ военной стороны старшій адъютантъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка капитанъ Русановъ. О причинахъ же почему люди сіи отправлены въ крѣпость, графъ Милорадовичъ доноситъ съ симъ фельдъегеремъ подробно Его Величеству. Долгомъ поставляю все сіе довести до свѣдѣнія вашего сіятельства.

99.

19-го ноября 1820 г. С.-Петербургъ.

Получивъ откровенное письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 4-го ноября, съ равною откровенностію долгомъ счи-

таю подробно на оное отвѣтствовать. Не удивляюсь, что извѣстіе о приключившемся въ Семеновскомъ полку васъ поразило; подобнаго происшествія до сихъ поръ въ россійской арміи не случалось, и конечно, всякій русскій долженъ съ негодованіемъ смотрѣть на оное, тѣмъ болѣе, что сіе случилось въ гвардіи, въ одномъ изъ первыхъ полковъ, гдѣ самъ Государь шефомъ и который долженъ служить примѣромъ для арміи, такъ, какъ кромѣ древности полка, предполагается, что въономъ противъ армейскихъ отличнѣе и солдаты и офицеры. По моему мнѣнію, сіи послѣдніе болѣе всего виновны, потому что не показали должной твердости и рѣшимости начальника, которою могли утушить пожаръ при самомъ его началѣ, но еще болѣе потому, что въ семъ полку, ,какъ мнѣ кажется, было мало дисциплины и офицеры можетъ быть позволяли себѣ иногда передъ фронтомъ показывать неуваженіе и неудовольствіе къ своему полковому командиру, чрезъ что подавали солдату самый дурной примѣръ неуваженія къ начальству, и вотъ главная причина, почему они не умѣли заставить солдатъ повиноваться въ семъ случаѣ. Я не оправдываю и полковыхъ командировъ въ гвардіи: они излишнею деликатностію своею, мнѣ кажется, распустили офицеровъ до того, что они не имѣютъ вовсе уваженія къ начальству. Каждый гвардейскій офицеръ (съ послѣдняго прапорщика начиная) почитаетъ себя въ правѣ разсуждать о всякомъ распоряженіи начальства, осуждать оное и сдѣлавъ свои заключенія по оному развозить по городу съ своими примѣчаніями; по моему мнѣнію, должно бы г.г. генераламъ болѣе обратить вниманія на таковыхъ болтуновъ и изобличенныхъ уже, или болѣе замѣченныхъ наказывать примѣрно выпискою въ армію тѣмъ же чиномъ и объявленіемъ поступка ихъ по всей гвардіи, равно какъ и наказанія за оный понесеннаго. Сіе тѣмъ болѣе полагаю я нужнымъ, что духъ нынѣ царствующій въ Европѣ сильно поражаетъ слабые ихъ умы и заражаетъ ихъ; они напитавшись онымъ первою обязанностію себѣ поставляютъ опорочивать всѣ распоряженія и дѣйствія начальниковъ и объ ономъ говорить во всѣхъ собраніяхъ.

Увѣренъ, что сіе происшествіе васъ еще болѣе трогаетъ, потому что вы сами въ этомъ полку служили; мы всѣ вообще невольно привязываемся болѣе къ мѣсту перваго служенія нашего, что весьма натурально, ибо первое служеніе даетъ всякому дорогу къ службѣ и обыкновенно бываетъ въ молодыхъ лѣтахъ, о коихъ всегда вспоминать пріятно. Но, впрочемъ, будьте увѣрены, почтеннѣйшій князь, что происшествіе, въ Семеновскомъ полку бывшее, совершенно не имѣетъ никакихъ побочныхъ причинъ, какъ только единственно ненависть къ Шварцу.

Я не полагаю, что Бенкендорфъ потерялся при первомъ допросѣ: онъ, мнѣ кажется, просто не умѣлъ прилично дѣйствовать; онъ не знаетъ достаточно русскаго солдата, не умѣлъ хорошо объясниться по-русски и не знаетъ какими выраженіями и съ какою твердостію должно говорить съ солдатомъ, чтобъ заставить себя понимать и повиноваться. Болѣе же всего, по моему мнѣнію, онъ виноватъ въ томъ, что взялъ съ собою великаго князя. Присутствіе бригаднаго командира въ лицѣ великаго князя при таковомъ слѣдствіи было ни съ чѣмъ несовмѣстно. Они же въ заключеніе собрали всѣхъ фельдфебелей прочихъ ротъ и приказывали имъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы въ ихъ ротахъ того же не случилось; это одно уже въ прочія роты вселило мысль, что они могутъ тоже сдѣлать и что слѣдственно ихъ боятся, если приказываютъ остерегаться, чтобъ они того же не сдѣлали. Генералъ Васильчиковъ самъ сначала не поѣхалъ по причинѣ своего нездоровья; но онъ въ правѣ былъ положиться въ семъ случаѣ на начальника штаба, который есть его единственный помощникъ по званію своему и который, бывъ избранъ начальствомъ, признанъ уже Его Величествомъ способнымъ къ исправленію сей должности. Слѣдовательно, трудно было ему показать въ семъ случаѣ недовѣріе къ нему, тѣмъ болѣе, что нездоровье его не позволяло ему самому ѣхать. Вы пишете, что если-бъ онъ мнѣ далъ знать о семъ, то я, какъ дежурный генералъ, въ правѣ былъ туда поѣхать и кончить это дѣло. На это позвольте вамъ, почтеннѣйшій князь, возразить, что званіе дежурнаго генерала никакъ мнѣ такого права не даетъ: гвардейскій корпусъ, будучи отдѣльнымъ, генералъ Васильчиковъ какъ командиръ онаго дѣйствуетъ по праву ему постановленіями предоставленному и ни въ чемъ ко мнѣ въ такихъ случаяхъ относиться не обязанъ. Наши власти никакого сосредоточія не имѣютъ и я не могъ бы ни въ какомъ случаѣ вмѣшаться во внутреннія его распоряженія. Если я узнавъ о семъ происшествіи вмѣшался въ оное, то это совсѣмъ не по праву дежурнаго генерала, а единственно потому, что бывъ русскій генералъ я почелъ долгомъ своимъ подать свои совѣты или мнѣніе Васильчикову, отъ воли котораго зависѣло совершенно принять оныя или отвергнуть, и я ничего не могъ бы ему сказать, если-бъ онъ ихъ не послушалъ, потому что права дежурнаго генерала, образованіемъ дежурства ограниченныя, никакъ не предоставляютъ мнѣ власти вмѣшиваться въ его внутреннія распоряженія, и всѣ совѣты, которые могъ я подать ему въ семъ случаѣ, были частные, которые я себѣ въ обязанность поставилъ изложить ему, какъ человѣкъ, присягавшій въ вѣрности престолу, какъ русскій генералъ, не могшій хладнокровно видѣть

таковое неслыханное происшествіе, и какъ человѣкъ, желающій общей пользы и любящій Васильчикова. Вы не ошиблись, что я конечно бы тотчасъ поѣхалъ въ полкъ при первомъ началѣ, если-бъ мнѣ дали знать; но все-таки по описаннымъ мною причинамъ, а не по носимому мною званію. Коль скоро я узналъ, что полкъ вышелъ изъ казармъ, то въ то же время отправился въ гвардейскій штабъ, гдѣ были собраны всѣ генералы и полковые командиры гвардейскаго корпуса и на дорогѣ уже встрѣтилъ адъютанта Васильчикова, приглашавшаго меня туда. Распоряженія, которыя сдѣланы и которыя вы находите весьма приличными, были въ то время почти всѣми собравшимися въ штабъ генералами одобрены, но къ удивленію моему вскорѣ послѣ приведенія сего въ исполненіе, сіи же самые генералы, или большая часть изъ нихъ, начали опорачивать, дѣлать свои разсужденія по сему предмету, и съ своими замѣчаніями на счетъ корпуснаго командира и его поступка въ семъ случаѣ распускать по городу нелѣпые толки. Это никакъ несообразно съ носимымъ ими званіемъ, и тѣмъ болѣе дѣлаетъ вредъ, что публика, не зная совершенно сего дѣла, основываясь на разглашеніяхъ отъ такихъ лицъ происходящихъ, приняла оныя и начала много болтать на счетъ сего, согласно таковымъ разглашеніямъ и разумѣется, по привычкѣ, съ немалыми прибавленіями.

Приказъ по арміи отданный удивилъ весь гвардейскій корпусъ и доказалъ имъ благородную твердость Государя, и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость его, что онъ, не взирая, что дѣло шло о любимомъ полку, не могъ оставить безъ должнаго наказанія за безпорядокъ, который долженъ быть всегда чуждъ военному сословію. Это непремѣнно сдѣлаетъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

Прочихъ полковъ генералы и офицеры во время сего происшествія оказали свое малодушіе. Нѣкоторые семеновскіе офицеры, которые находились при полку во время происшествія, по моему мнѣнію, не довольно наказаны: переводъ въ армію съ обыкновенными преимуществами не долженъ быть почтенъ за наказаніе, между тѣмъ какъ, я полагаю, они главнѣйшею причиною сего происшествія.

Я думаю и почти увѣренъ, что ни Васильчиковъ, ни Бенкендорфъ не знали о неистовомъ обхожденіи Шварца; они знали только, что его не терпятъ въ полку, но до какой степени и какое изъ этого можетъ произойти послѣдствіе, конечно, никакъ не предполагали. Причина же ненависти къ нему подчиненныхъ началась съ самаго дня назначенія его командиромъ полка. Я полагаю неприличнымъ теперь о нихъ здѣсь

объясняться, а оставлю до перваго нашего свиданія. Судъ всѣ жестокости Шварца долженъ открыть.

Вы пишете ко мнѣ, что если-бъ Государь получилъ прежде о семъ донесеніе, то наказалъ бы Шварца приличнымъ образомъ, удаливъ его отъ командованія; я слишкомъ увѣренъ въ правосудіи Государя, чтобы смѣть подумать, что Его Величество оказалъ бы пристрастіе къ полковнику Шварцу. Это никакому сомнѣнію не подвержено и потому излишнимъ почитаю о семъ распространяться.

Я не понялъ хорошо смысла, въ которомъ вы писали, что нужно имѣть свѣдѣніе, чтò въ полкахъ происходитъ, ибо вы именно писали въ письмахъ отъ 17-го августа и 2-го сентября, что надобно имѣть наблюденіе за офицерами и узнавать о разговорахъ въ приватныхъ собраніяхъ ихъ, на что я уже вамъ отвѣчалъ, что не могу завести военной полиціи и почитаю, что было бы слишкомъ унизить званіе гвардейскаго офицера, если сдѣлать изъ нихъ шпіоновъ, подслушивающихъ разговоры своихъ товарищей и сверхъ того могло бы послужить къ большему вреду, ибо офицеры, узнавъ какимъ нибудь образомъ, что за ними примѣчаютъ, возмечтаютъ, что они дѣйствительно опасны и изъ пустыхъ, ничтожныхъ, дѣтскихъ собраній ихъ сдѣлаются опасныя скопища. Вотъ мое мнѣніе на счетъ учрежденія такого рода полиціи.

Вы замѣчаете, что Шварцъ не долженъ былъ смѣть водить къ себѣ людей на ученье безъ офицера и ротнаго командира; но въ семъ случаѣ, по моему мнѣнію, если онъ виноватъ, то нельзя и ихъ оправдать: ротный командиръ не долженъ позволить вести людей безъ себя. Если требуютъ людей, то и онъ самъ долженъ идти съ ними. Тогда онъ всегда бы зналъ чего требуетъ отъ его подчиненныхъ полковой командиръ, и сей послѣдній въ его присутствіи, конечно, не рѣшился бы оказывать такой строгости, о которой говорятъ. Въ семъ случаѣ мнѣ кажется во всей гвардіи нѣтъ настоящей службы: тутъ единственно дѣйствующими лицами полковой командиръ и фельдфебели. Офицеры же подчиненныхъ имъ солдатъ видятъ только когда они выведены на смотръ, въ караулъ или на ученье. Въ прочее же время они не входятъ ни въ какое распоряженіе на счетъ ихъ, не заботятся объ нихъ ни мало и не знаютъ, что съ ними дѣлается. Отъ сего происходитъ, что солдаты не знаютъ своихъ офицеровъ, не имѣютъ къ нимъ довѣрія, не уважаютъ ихъ и не удостоиваютъ ихъ должнымъ повиновеніемъ.

По присланной отъ васъ къ Васильчикову запискѣ, чтобъ онъ изслѣдовалъ жалобу одного рядоваго въ томъ, что принуждаютъ его упо-

треблять собственныя деньги, Васильчиковъ послалъ уже къ вамъ донесеніе, которое отправлено съ нынѣшнимъ фельдъегеремъ.

Напрасно обвиняете вы корпуснаго оберъ-аудитора за то, что при производствѣ первоначальнаго слѣдствія допрашивали роту вмѣстѣ, а не по одиночкѣ: онъ въ этомъ не виноватъ. Бенкендорфъ для сего изслѣдованія поѣхалъ въ Семеновскія казармы, куда, по приказанію корпуснаго командира, отправился и оберъ-аудиторъ. По прибытіи его Бенкендорфъ объявилъ ему о случившемся, приказалъ допрашивать роту по одиночкѣ, но едва успѣлъ онъ допросить двухъ или трехъ человѣкъ, какъ приказано ему отобрать показаніе отъ рядоваго той же роты, содержавшагося на полковой гаубтвахтѣ, который наканунѣ былъ наказанъ и по исполненіи онаго немедленно явиться въ штабъ. Слѣдственно оберъ-аудиторъ тутъ ничего не могъ сдѣлать и ни въ чемъ не виноватъ. Притомъ же имѣвши производителемъ слѣдствія непосредственнаго своего начальника, онъ не могъ учить его, тѣмъ болѣе, что начальникъ штаба, по званію своему удостоенный довѣрія высшаго начальства, долженъ уже быть человѣкъ опытный, прозорливый, знающій службу, порядокъ дѣла и слѣдовательно немогущій ничего упустить изъ виду. Имя сего оберъ-аудитора Волковъ.

При производствѣ суда въ крѣпости также допрашивали сперва по одиночкѣ, а потомъ вмѣстѣ и капральствами. Они всѣ прежде еще кажется сговорились ничего не открывать и при всѣхъ допросахъ всѣ показываютъ совершенно одно и тоже. Они до такой степени тверды, что нѣсколько человѣкъ 1-й фузелерной роты, которые показали было, что баталіонъ прежде весь сговорился и которые немедленно были разсажены порознь, коль скоро вторично были призваны къ уличенію другихъ, то объявили, что никогда того не говорили и что не помнятъ даже, чтобъ были призваны къ допросу прежде. Всѣ сіи люди порознь сидѣвшіе сдѣлали одинъ и тотъ же отвѣтъ при вторичномъ допросѣ. Послѣ сего кажется нельзя ожидать, чтобъ была какая либо возможность открыть что-либо чрезъ судъ сей. Допрошенные должны бы были быть отдѣлены отъ тѣхъ, кои не были еще у допроса, но по тѣснотѣ крѣпости сего сдѣлать невозможно. Конечно, было бы гораздо удобнѣе и полезнѣе разсадить ихъ по казематамъ каждаго порознь, но для сего нужно бы было занять очень много крѣпостей, и таковое распоряженіе продолжило бы судъ на безконечное время. Я обращаю на сей судъ особенное вниманіе и для лучшаго производства онаго назначилъ отличнаго оберъ-аудитора, состоящаго при корпусѣ внутренней стражи,

Бѣляева. Онъ извѣстенъ по своимъ способностямъ, честности и знанію порядка дѣлъ и судопроизводства.

По предписанію вашему сдѣлалъ всѣ надлежащія распоряженія, которыя посылаю вамъ при донесеніи моемъ. Касательно же распредѣленія людей по дивизіямъ исполнено въ точности какъ вы ко мнѣ писали.

Вы находите, что напрасно отправили 2-й баталіонъ водою въ Свеаборгъ: сіе нашелъ я приличнымъ для того, что 2-й баталіонъ найденъ болѣе виновенъ въ непослушаніи, нежели 3-й и слѣдовательно долженъ быть болѣе отдаленъ отъ столицы; удобнаго же мѣста кромѣ Свеаборга мнѣ не представилось, такъ какъ сія крѣпость окружена водою со всѣхъ сторонъ и потому въ оной баталіонъ сей не можетъ имѣть ни съ кѣмъ сообщенія. Опасности же въ пути нельзя было ожидать особенной, такъ какъ морской министръ, по сношенію съ нимъ, увѣдомилъ, что можно еще безъ опасности доплыть до Свеаборга. Люди всѣ прибыли уже благополучно въ Свеаборгъ, какъ вы увидите изъ моего послѣдняго донесенія.

Въ саперномъ баталіонѣ люди дѣйствительно жалѣютъ о Сазоновѣ и не терпятъ Геруа: они называютъ перваго отцомъ, а послѣдняго собакою. Лейбъ-гренадеры поговаривали прежде о жестокости Стюрлера, но теперь они умолкли и ничего у нихъ не слышно.

Приказъ Государя сдѣлалъ на всѣхъ большое впечатлѣніе и перемѣнилъ умы. Всѣ утѣшаются онымъ и восхищаются рѣшительными мѣрами и вмѣстѣ справедливостію Государя. Мнѣнія даже и недовольныхъ теперь перемѣнились, видя какое на всѣхъ это произвело дѣйствіе. Многія дамы мнѣ незнакомыя присылали просить сей приказъ, въ чемъ я имъ и не отказывалъ. Вы очень огорчили увѣдомленіемъ, что не надѣетесь скоро къ намъ возвратиться; я съ нетерпѣніемъ васъ ожидаю и признаюсь, что въ присутствіи вашемъ такого рода случаи счастливѣе и скорѣе были бы приведены къ концу. Крайне сожалѣю, что вы такъ скучно проводите время; но и мы не можемъ похвастать, чтобъ слишкомъ здѣсь веселились.

За ваше откровенное письмо, платя вамъ равною откровенностію, покорнѣйше прошу, чтобъ письмо сіе осталось между нами и не было никому показано.

100.

3-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 20-го ноября, вчера мною полученное. Съ прискорбіемъ изъ онаго вижу, что обстоятельства конгресса такъ нерѣшительны, что до сихъ поръ неизвѣстно, когда будетъ ваше возвращеніе къ намъ, коего я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю. Сочинитель бумаги, найденной у унтеръ-офицера Преображенскаго полка, открытъ: это флейщикъ того же полка; о чемъ я уже и доносилъ вамъ съ послѣднимъ фельдъегеремъ. Судъ надъ 1-мъ баталіономъ Семеновскаго полка продолжается; равнымъ образомъ и надъ Шварцомъ уже учрежденъ. Что касается до желанія вашего, чтобы я учредилъ отъ себя военную полицію, то я сего сдѣлать никакъ не могу, не имѣя ни средствъ къ оному, ни людей, которыхъ бы можно употребить на оное. Я писалъ уже вамъ, что, по моему мнѣнію, всего удобнѣе внушить полковымъ командирамъ, чтобы каждый старался завести оную въ своемъ полку; ибо они имѣютъ болѣе къ тому средствъ. При томъ же, если они будутъ имѣть свѣдѣніе о томъ, что̀ въ полку происходитъ, то собственныя ихъ выгоды заставятъ ихъ доносить обо всемъ начальству, дабы оно взяло мѣры къ прекращенію всякаго неустройства, имъ самимъ во вредъ послужить могущаго.

Предписаніе ваше къ смотрителю Кіевскаго военно-сиротскаго отдѣленія отправлено будетъ съ первымъ курьеромъ, который будетъ посланъ въ армію. Вмѣстѣ съ тѣмъ я и самъ предпишу ему, чтобы онъ при доставленіи ко мнѣ таблицъ увѣдомилъ меня сколько ему таковыхъ нужно; тогда я немедленно отправлю къ нему требуемое количество изъ числа напечатанныхъ для военныхъ поселеній. Я опасаюсь, чтобы генералъ Раевскій не обидѣлся, что предписаніе ваше дано Тельшевскому мимо его, такъ какъ ему поручено имѣть особенное попеченіе о семъ отдѣленіи и котораго Тельшевскій отъ него скрыть не можетъ и не скроетъ.

Нетерпѣливо ожидаю прибытія Ф. П. Уварова, чтобы имѣть подробное свѣдѣніе о вашемъ препровожденіи времени, которое по письмамъ вашимъ должно быть такъ скучно.

По полученіи высочайшаго повелѣнія о Семеновскомъ полку всѣ офицеры и нижніе чины нами отправлены уже по назначенію. Здѣсь же оставлены ротные командиры 1-го баталіона до тѣхъ поръ, пока будетъ

продолжаться судъ надъ нижними чинами сего баталіона, такъ какъ можетъ быть по дѣлу и отъ нихъ нужны будутъ какія-либо свѣдѣнія. Полковникъ Казнаковъ оставленъ здѣсь для приведенія въ ясность артельныхъ денегъ и въ порядокъ аммуниціи и прочаго. Офицеры же 1-го баталіона частію уже мною отправлены къ полкамъ, а остальные въ непродолжительномъ времени также отправятся. Сверхъ того оставлены подпрапорщики впредь до разрѣшенія на представленіе Васильчикова къ вамъ посланное, что они не могли имѣть въ семъ происшествіи никакого участія, а между тѣмъ, потерпятъ жестокое наказаніе, будучи переведены въ армію тѣми же чинами, такъ какъ большая часть изъ нихъ довольно долгое время служатъ въ настоящемъ званіи. При семъ долгомъ считаю сообщить вновь мое мнѣніе, что я полагаю весьма полезно бы было поспѣшить сформированіемъ вновь Семеновскаго полка, потому что большая часть офицеровъ и генераловъ гвардейскихъ предполагаютъ, что Государь имѣетъ намѣреніе простить наказанныхъ и возвратить ихъ въ полкъ, что отъ того оный и не формируется вновь. Нижніе же чины гвардейскихъ полковъ полагаютъ это вѣрнымъ; между тѣмъ, какъ скорое формированіе полка увѣрило ихъ въ противномъ и прекратило бы всѣ недоумѣнія и различные толки по сему предмету продолжающіеся. Для снабженія онаго офицерами избрать изъ каждой дивизіи извѣстное число отличнѣйшихъ офицеровъ, по заслугамъ военнымъ, по знанію фронтовой службы и по поведенію. Изъ гвардейскихъ же полковъ не назначать въ оный ни одного офицера, ибо вся гвардія, можно сказать, наполнена слишкомъ молодыми и недовольно служившими офицерами; которые не могутъ дать надлежащаго духа повиновенія сему полку, который можетъ современемъ доведенъ быть сими еще неизбалованными и неимѣющими никакой протекціи офицерами до того, что можетъ служить примѣромъ прочимъ полкамъ гвардейскимъ въ порядкѣ и военной дисциплинѣ столь необходимо нужной теперь въ гвардіи.

Сюда прибылъ состоящій по арміи генералъ-маіоръ фонъ-Визинъ, который по разстроенному здоровью своему не можетъ продолжать военной службы и желаетъ быть опредѣленнымъ въ губернаторы. Онъ всегда служилъ отлично и по способностямъ своимъ можетъ быть отличный губернаторъ, тѣмъ болѣе, что получилъ хорошее воспитаніе и имѣетъ достаточное состояніе. Весьма полезно бы было, сходно его желанію, помѣстить его въ Смоленскъ, гдѣ съ давняго времени не отлично управляетъ губерніею баронъ Ашъ, чему я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ при начатіи кампаніи 1812 года, и который, кажется, наконецъ и самъ желаетъ оставить сію должность.

О причинахъ почему остановлено производство жалованья генералу Брозину, я требую свѣдѣнія, по полученіи коего не замедлю къ вамъ оное доставить. Памятная книжка на 1821 годъ будетъ перепечатана по вашему желанію съ нѣкоторыми прибавленіями и по изготовленіи оную къ вамъ доставлю.

Здоровье мое съ нѣкотораго времени чувствительно разстроилось. Почти въ продолженіе цѣлаго мѣсяца меня мучили головныя боли. Медики не могли ихъ прекратить лекарствами, которыми долго меня мучили, рѣшились, наконецъ, пустить мнѣ кровь изъ руки; третьяго дня сіе было исполнено, но облегченіе чувствую весьма небольшое. Не страшитесь однако же, почтеннѣйшій князь, за дѣла наши: они идутъ своимъ порядкомъ и отъ болѣзни моей не потерпятъ ни малѣйшаго упущенія, покуда не истощатся совершенно силы мои. Аграфена Федоровна чувствительнѣйше благодаритъ васъ за то, что ее помните: она также все больна, страдаетъ грудною болью и мучается лекарствами.

101.

10-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Здѣсь съ давняго времени носились слухи, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, что нѣкоторые офицеры гвардейскихъ полковъ дѣлаютъ подписку, чтобы просить Государя о прощеніи Семеновскаго полка. Слухи сіи хотя скоро прекратились, но съ нѣкотораго времени они опять возобновились. До сихъ поръ однако же, не взирая на всѣ старанія, ничего не открыто, кромѣ что лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка князь Мещерскій ходилъ приглашать къ таковой подпискѣ въ Кавалергардскій полкъ; о чемъ Васильчиковъ вамъ подробно пишетъ. Онъ обращаетъ на сіе особенное вниманіе и, конечно, ничего не упуститъ къ принятію нужныхъ мѣръ въ семъ случаѣ.

Старшій адъютантъ Тургеневъ, посланный въ Москву для закупки таблицъ, употребляемыхъ въ тамошнемъ военно-сиротскомъ отдѣленіи, возвратился и объ исполненіи сего порученія посылаю особое донесеніе вашему сіятельству.

Нижніе чины гвардейскихъ полковъ, содержавшіеся въ Шлиссельбургской крѣпости и оказавшіеся невинными распредѣлены мною въ полки 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій, полагая, что въ прежніе возвратить ихъ не слѣдуетъ и неприлично, какъ я уже къ вамъ и прежде писалъ.

Виновные же преданы военному суду. О семъ посылаю также особое донесеніе.

Вмѣстѣ съ симъ посылаю къ вашему сіятельству представленіе о награжденіи чиновниковъ по ввѣреннымъ мнѣ департаментамъ, и убѣдительнѣйше прошу исходатайствовать къ новому году просимыя имъ награды. Изъ прилагаемаго перечневаго списка вы изволите увидѣть, что число ихъ не велико: я избралъ самыхъ достойнѣйшихъ чиновниковъ, которые по способностямъ своимъ, усердію и необыкновенному трудолюбію по истинѣ заслуживаютъ Монаршаго вознагражденія для дальнѣйшаго поощренія ихъ къ службѣ. Для пользы самой службы испрашиваю я сіи награды, ибо безъ поощренія чиновники сіи оставятъ занимаемыя ими мѣста. Потерять хорошихъ чиновниковъ легко, но замѣнить ихъ трудно. Потеря же ихъ должна необходимо затруднить успѣшное производство многочисленныхъ дѣлъ нашихъ. Утвержденіе испрашиваемыхъ мною наградъ симъ чиновникамъ почту я особенною милостію ко мнѣ Государя. Равнымъ образомъ прошу разрѣшить выдачу, по особому моему представленію, шесть тысячъ рублей на поправку и обзаведеніе военно-сиротскаго отдѣленія, которое нашелъ не въ томъ видѣ какъ желалъ. На устройство его необходимо нужны большія издержки, на которыя суммъ экономическихъ въ отдѣленіи я почти вовсе не имѣю.

Вчерашняго числа прибыли отъ васъ два фельдъегеря, которые привезли бумагъ очень мало. Нетерпѣливо желаю, чтобъ фельдъегеря перестали пріѣзжать, а чтобъ вы сами къ намъ возвратились.

Мое здоровье очень плохо поправляется. Не взирая на кровопусканіе и на множество принятыхъ мною лекарствъ, я все не могу выздоровѣть и разстаться съ несносными своими головными болями.

У насъ теперь все тихо и благополучно. Дай Богъ, чтобъ и у васъ все шло по вашему желанію, и чтобъ совершенный во всемъ успѣхъ ускорилъ ваше возвращеніе.

Надняхъ пріѣхали сюда генералы Балашовъ и Воиновъ и ожидаютъ къ 12-му числу Аракчеева. Уварова же и по сіе время нѣтъ, не взирая, что давно отъ васъ уѣхалъ.

102.

17-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ! Судъ надъ бывшимъ 1-мъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка приводится къ окончанію и дѣло должно въ непродолжительномъ времени поступить на ревизію къ корпусному командиру, а отъ него въ аудиторіатъ, гдѣ я прикажу заняться онымъ немедленно. Когда представится докладъ на Высочайшее утвержденіе, то нужно разрѣшить его скорѣе, дабы привести конфирмацію въ исполненіе прежде вашего сюда возвращенія, ибо Государю непріятно будетъ тотчасъ по пріѣздѣ приступить къ наказанію.

По суду, сколько видѣть можно, нѣтъ надежды, чтобъ могли открыть истинную причину и первыхъ виновниковъ начала случившагося происшествія въ семъ полку. Посему я полагаю полезно бы было поручить командирамъ армейскихъ полковъ, въ кои распредѣлены нижніе чины и офицеры, имѣть за ними неослабное наблюденіе и стараться, хотя современемъ, отъ нихъ сіе вывѣдать; можетъ быть они, почувствовавъ сдѣланное имъ наказаніе и придя въ раскаяніе, рѣшатся обнаружить какимъ образомъ все случилось, съ какого времени былъ сдѣланъ заговоръ и кто были главныя лица, склонившія ихъ на такое преступленіе. Обо всемъ же что будетъ ими открыто, чтобы доносили прямо вашему сіятельству. Сіе полагаю я лучшимъ способомъ къ открытію зачинщиковъ, которыхъ безъ всякой жалости справедливо будетъ наказать примѣрнымъ образомъ, не смотря къ какому бы состоянію они не принадлежали, ибо это люди вредные для общества и истинные враги отечества; навѣрное полагать можно, что они окажутся не изъ числа нижнихъ чиновъ сего полка. Если и ваше сіятельство найдете сіе полезнымъ, то я полагаю, что нужно отнестись о семъ къ главнокомандующему, дабы онъ далъ секретныя предписанія полковымъ командирамъ о точномъ исполненіи сего предположенія.

У насъ теперь все спокойно и благополучно, но разные толки и ложные слухи продолжаются. Столицы всегда оными бываютъ изобильны, между тѣмъ военные болтуны, въ которыхъ здѣсь нѣтъ недостатка во всѣхъ чинахъ, ихъ поддерживаютъ. Однако же, обращаемъ вниманіе и, конечно, не упустимъ ничего изъ виду, дабы предупредить могущее случиться происшествіе. Прибытіе Уварова дало случай къ новымъ толкамъ. Всѣ увѣряютъ, что онъ присланъ сюда для того,

чтобы объявить волю Государя о прощеніи Семеновскаго полка и что въ скоромъ времени его возвратятъ сюда по прежнему. Сіе подтверждаетъ мое мнѣніе, изложенное въ письмѣ къ вашему сіятельству отъ 3-го декабря, что полезно было бы поспѣшить сформированіемъ Семеновскаго полка. Коль скоро оный будетъ въ Петербургѣ, то прекратятся всѣ нелѣпые толки на счетъ прощенія прежняго полка, тогда какъ теперь въономъ увѣрены не только нижніе чины, но офицеры и даже генералы, а публика слѣдуетъ уже ихъ мнѣнію. Я полагаю, что если по скорому сформированію полка будутъ въ немъ люди и не отличные, то таковые по пріѣздѣ Государя могутъ быть перемѣнены другими, если Его Величеству оные не понравятся, а между тѣмъ къ его возвращенію полкъ бы былъ совсѣмъ готовъ. Изъ разговоровъ съ генералъ-маіоромъ Удомомъ я могъ замѣтить, что еслибъ Государю угодно было назначить его командиромъ Семеновскаго полка, то онъ съ удовольствіемъ принялъ бы на себя сіе званіе, о чемъ я долгомъ счелъ вамъ сказать для свѣдѣнія.

Кантонисты бывшаго Семеновскаго полка, имѣющіе свыше 10 лѣтъ, отправляются мною завтрашняго числа въ назначенныя отдѣленія.

Не излишнимъ считаю увѣдомить васъ о случившемся 12-го числа: графъ Кочубей по возвращеніи изъ дворца, былъ дома встрѣченъ у крыльца толпою крестьянъ, коихъ было человѣкъ до ста. Это рабочіе, которые пришли къ нему съ жалобою, что не получаютъ слѣдующей имъ по контракту платы за ихъ работу; кажется, по работамъ путей сообщенія. Таковаго примѣра никогда не случалось въ Петербургѣ, а въ теперешнемъ положеніи дѣлъ сіе можетъ произвести сильное впечатлѣніе.

Мое здоровье все плохо поправляется и Грушинька также все нездорова; она свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе.

103.

17-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Сейчасъ прибылъ къ намъ фельдъегерь Лацынскій, отправленный изъ Троппау 5-го числа, и привезъ мнѣ откровенное письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ. Приношу вамъ за оное чувствительнѣйшую благодарность и съ таковою же откровенностію спѣшу на оное отвѣтствовать. Напрасно предлагаете мнѣ не сердиться за искреннее изложеніе вашего мнѣнія на нѣкоторые пункты моего письма:

я, напротивъ того, вамъ за оное истинно благодаренъ, ибо сіе доказываетъ мнѣ доброе ваше ко мнѣ расположеніе, на коемъ основываясь, долгомъ считаю сдѣлать мое опроверженіе на сіи пункты.

Во-первыхъ. Вы пишете, что мое званіе не то что дежурный генералъ при арміи; что я, находясь при Его Величествѣ, имѣю уже подъ собою армейскихъ дежурныхъ генераловъ, а тѣмъ еще болѣе и корпусныхъ отдѣльныхъ командировъ, и что это слова собственныя Государя. Права, преимущества и обязанности каждаго чиновника опредѣляются законами, которые объявляются для свѣдѣнія каждаго. Права и обязанности присвоенныя моему званію опредѣлены образованіемъ дежурства, но въ семъ образованіи мнѣ ни мало не присвоены тѣ права, о коихъ вы пишете; слѣдственно, я никакъ не могъ самъ собою ихъ себѣ присвоить, тѣмъ болѣе, что мнѣ не было извѣстно и мнѣніе Государя на счетъ сего. Дежурные генералы въ арміи мнѣ не подчинены: я съ ними сношусь какъ съ равными себѣ и подчиненности отъ нихъ требовать не имѣю права, тѣмъ еще менѣе отъ командировъ отдѣльныхъ корпусовъ, которыхъ права опредѣлены Высочайше утвержденными постановленіями, объявленными по всему военному вѣдомству. Какимъ образомъ могъ бы я учить Васильчикова и распоряжать внутреннимъ его управленіемъ? Онъ просто могъ бы мнѣ приказать удалиться и не вмѣшиваться не въ свои дѣла; мнѣ нечего бы было ему отвѣчать, ибо дежурному генералу нигдѣ не предоставлено сего права. Теперь, даже зная волю Государя, я не могу сего предпринять; ибо кромѣ меня никто объ ономъ неизвѣстенъ. Еслибъ я сіе сдѣлалъ, Васильчиковъ потребуетъ отъ меня объясненія, почему я осмѣлился присвоить себѣ такія права и преимущества, и мнѣ убѣдить его нечѣмъ. Если Государю угодно предоставить званію дежурнаго генерала при Его Величествѣ подобныя права, то должно сдѣлать о семъ прибавленіе къ образованію дежурства и оное объявить по военному вѣдомству. Тогда только дежурный генералъ будетъ онымъ руководствоваться. Впрочемъ, вамъ извѣстно изъ письма моего отъ 19-го ноября, что я не былъ хладнокровнымъ зрителемъ извѣстнаго происшествія, что я, какъ вѣрный подданный Государя, предложилъ по совѣсти мои мнѣнія Васильчикову, и по своему уразумѣнію подавалъ ему совѣты, которые онъ совершенно былъ въ правѣ принять, или отвергнуть по своей волѣ, такъ какъ и всякій подобный ему отдѣльный корпусный командиръ.

Во-вторыхъ. На счетъ подпрапорщиковъ бывшихъ Семеновскаго полка. Они были оставлены потому, что Васильчиковъ дѣлалъ представленіе о производствѣ ихъ, но теперь, по приказанію вашему, не-

медленно ихъ отправлю въ полки; куда же они назначены будутъ, донесу вамъ съ первымъ фельдъегеремъ. Равнымъ образомъ сдѣлаю распоряженіе, чтобы ихъ не представляли къ производству безъ особаго разрѣшенія вашего и наблюдали бы за ихъ поведеніемъ и нравственностію. Списокъ имъ всѣмъ съ означеніемъ кто куда поступилъ, будетъ по желанію вашему содержаться въ моей канцеляріи и таковой же отправлю для храненія въ канцелярію вашего сіятельства.

Въ-третьихъ. На счетъ мнѣнія вашего разсадить подсудимыхъ, кромѣ крѣпости, еще въ Адмиралтейство и въ одной казармѣ Семеновскаго полка, почитаю я неудобоисполнительнымъ, потому что будучи разсажены по разнымъ мѣстамъ, они необходимо должны имѣть сообщеніе съ разными полками, содержащими при нихъ караулы, и духъ возмущенія или неповиновенія, который они питаютъ, могутъ они распространить и между всѣми полками; при томъ же, содержась въ казармѣ, трудно удержать, чтобъ они не имѣли совершенно никакого сообщенія съ посторонними разнаго рода людьми, тогда какъ теперь, находясь въ одной крѣпости, несравненно удобнѣе и легче прекратить сообщеніе ихъ съ другими. Вотъ что заставило на это рѣшиться.

Въ-четвертыхъ. Касательно женъ солдатскихъ, то хотя на нихъ обращено послѣ происшествія особое вниманіе, но до сихъ поръ сколько ни употребляли стараній, ничего не могли открыть чрезъ нихъ къ обнаруженію истины.

Въ-пятыхъ. Что же касается до желанія вашего, чтобы я внушилъ Левашову, дабы онъ, приведя фельдфебеля Брагина къ допросу, рѣшительно на него крикнулъ и увѣрилъ, что уже открыто, что онъ былъ зачинщикомъ всей исторіи, то сіе полагаю я неприличнымъ, потому что производство суда, коего онъ презусомъ, должно поступить на ревизію ко мнѣ въ аудиторіатъ, и онъ легко можетъ подумать, что я это для того говорю, чтобы сдѣлать ему по сему суду непріятности. Впрочемъ, я объясню ему ваше желаніе на счетъ сего. Признаюсь вамъ, однакожь, что я никакъ не полагаю, чтобы фельдфебель Брагинъ могъ быть душою таковаго заговора: мнѣ кажется главною пружиною онаго должны быть люди не изъ нижнихъ чиновъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ надежды, чтобы судъ могъ открыть сихъ людей, какъ я уже писалъ къ вамъ въ первомъ моемъ письмѣ отъ сего числа.

Въ-шестыхъ. Я полагаю, что вы напрасно остановили производство Кавалергардскаго полка: офицеры онаго не болѣе заслуживаютъ таковаго наказанія, нежели офицеры другихъ полковъ. Во всѣхъ полкахъ гвардейскихъ болтуновъ достаточно и эта мѣра не послужитъ къ

ихъ исправленію. Вамъ угодно, чтобы Васильчиковъ сообщалъ вамъ имена всѣхъ судящихъ своихъ начальниковъ, или правительство для выписки ихъ въ армію тѣми же чинами? По моему мнѣнію, трудно ему сіе исполнить, потому что онъ получаетъ о семъ свѣдѣніе партикулярно и отъ людей, которые не могутъ, или не захотятъ доказать справедливость таковаго обвиненія. Если бы онъ имѣлъ способъ кого уличать въ ономъ, то вѣрно представилъ бы о наказаніи ихъ; ибо таковые офицеры въ гвардіи и даже въ арміи терпимы быть не могутъ. Наказаніе же по однимъ словамъ безъ всякаго доказательства было бы, я думаю, совершенно несправедливо и послужило бы не къ исправленію другихъ, а болѣе къ раздраженію умовъ, котораго, мнѣ кажется, до возвращенія вашего теперь избѣгать должно. Къ тому же мнѣ кажется, что наказаніе въ семъ случаѣ должно бы было начать не съ офицеровъ, а съ генераловъ.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за присылку 20-ти дѣлъ аудиторіатскихъ: поспѣшите возвратить и остальныя съ Высочайшимъ разрѣшеніемъ. Съ тѣхъ поръ какъ вы меня увѣдомили, что изъ Троппау поѣдете далѣе, я сталъ отправлять къ вамъ всѣ доклады, которые я остановилъ до вашего возвращенія. Съ сегодняшнимъ фельдъегеремъ посылаю остальные и впредь до увѣдомленія вашего оставлять бумагъ здѣсь не буду. Васъ же покорнѣйше прошу оныя не задерживать, а возвращать поскорѣе съ разрѣшеніями.

Вы не можете себѣ представить какъ вы меня огорчили увѣдомленіемъ, что ѣдете далѣе, а неизвѣстно когда возвратитесь. По прежнему моему увѣдомленію посылаемые къ вамъ фельдъегеря снабжаются прогонами до Венеціи и обратно.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за описаніе чуда, случившагося въ Троппау. Рѣшительность Кривляки дать балъ должна всѣхъ удивить болѣе нежели какое-либо чрезвычайное политическое происшествіе, ибо въ нынѣшнія времена всего ожидать можно; но такой расточительности отъ скупости Кривляки никто не ожидаетъ. Еслибъ не вы мнѣ это написали, то я съ трудомъ бы оному повѣрилъ. Я думаю онъ очень благодаренъ смерти хозяина вашего дома, доставившей ему освѣщеніе для бала за сходную цѣну. Грушинька моя очень смѣялась сему описанію, и свидѣтельствуя вамъ искреннее почтеніе, благодаритъ васъ за сообщеніе такой неожиданной новости.

Письмо свое кончаю искреннимъ желаніемъ, чтобъ вы были здоровы, благополучны, веселы и поскорѣе къ намъ возвращались.

Не будьте скупы на фельдъегерей и посылайте къ намъ таковыхъ, хотя въ недѣлю одного. Отдаленность ваша насъ страшитъ.

104.

24-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, бывшіе семеновскіе подпрапорщики всѣ распредѣлены по полкамъ и кто куда именно назначенъ, посылаю вамъ при особомъ донесеніи списокъ.

Инвалидная полурота при Семеновскомъ полку бывшая, также вся распредѣлена, на мѣсто же оной формируется новая полурота, что увидите изъ особаго моего донесенія.

Долгомъ поставляю повторить вамъ, что необходимо нужно и должно поспѣшить сформированіемъ Семеновскаго полка. Медленность въ семъ случаѣ можетъ произвесть дурныя послѣдствія. Безпрестанные толки на счетъ прощенія стараго полка усиливаются и это, дѣлаясь всеобщимъ мнѣніемъ, распространяетъ между солдатами и всѣми сословіями мысль, что можно не повиноваться и получить послѣ прощеніе; если случится (чего Боже избави) еще что нибудь подобное, то медленность сія будетъ единственно тому причиною. Буде полкъ, по скорому сформированію, будетъ и не отличный, то его всегда исправить можно и людей, въ теченіе нѣкотораго времени, можно перемѣнить всѣхъ до одного человѣка. Теперь нужна не красота полка, а нужно чтобъ существовалъ полкъ, дабы прекратить всякіе вредные толки на счетъ возвращенія прежнихъ людей и истребить мысль сію въ генералахъ, офицерахъ и солдатахъ другихъ гвардейскихъ полковъ, равно какъ и въ публикѣ.

Съ симъ фельдъегеремъ посылаю вамъ особыя записки: 1) о нижнихъ чинахъ 1-го батальона, на которую прошу покорнѣйше поспѣшить прислать ко мнѣ разрѣшеніе съ нарочнымъ фельдъегеремъ безъ отлагательства; 2) о посланномъ графомъ Милорадовичемъ въ Шлиссельбургскую крѣпость бывшаго Семеновскаго полка каптенармусѣ Бобровскомъ, для свѣдѣнія вашего. Прилагаю при семъ письмо Ермолова, коимъ онъ проситъ о переводѣ въ гвардію двоюроднаго брата; онъ уже просилъ васъ о немъ, но не получилъ отвѣта; изъ письма видно, что его это очень огорчаетъ. Удовлетвореніемъ таковой просьбы вы его утѣшите; оскорбленіе же сего человѣка, вредно для службы, тѣмъ болѣе, что Государь рѣдко отказываетъ въ сей милости людямъ, не могущимъ идти въ сравненіе съ Ермоловымъ. Письмо его по прочтеніи прошу возвратить ко мнѣ обратно. Препровождаю также выписку изъ письма его, мною третьяго дня полученнаго о братѣ Михайлѣ (графѣ

Воронцовѣ). Ермоловъ, по данному ему прежде позволенію, въ концѣ сего мѣсяца выѣзжаетъ изъ Тифлиса сюда и заѣдетъ въ Астрахань, для осмотра ввѣренныхъ ему тамъ частей и прибудетъ въ Петербургъ въ концѣ января или началѣ февраля мѣсяца.

Мальчики, бывшіе въ ученіи въ Парижѣ у Дидота, занимаются въ нашей типографіи вырѣзываніемъ пунсоновъ: они очень тамъ успѣли и нимало не испортились въ нравственности; я очень доволенъ какъ работою, такъ и поведеніемъ ихъ и прилежаніемъ. Они по истинѣ заслуживаютъ вниманія. Работу ихъ покажу вамъ по возвращеніи сюда и нимало не жалѣю издержекъ на нихъ употребленныхъ.

Мое здоровье дурно поправляется, хотя и выѣзжаю понемногу, но рѣдкій день проходитъ, чтобъ я не страдалъ головною болью. Грушинька все также нездорова; она свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Сердечно желаю, чтобы вы къ намъ скорѣе возвратились.

Поспѣшите также разрѣшить меня на счетъ Московскаго пѣхотнаго полка рядовыхъ Бланкова и Алекринскаго, привезенныхъ по требованію графа Кочубея; первый изъ нихъ имѣетъ весьма строптивый нравъ.

105.

31-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письма ваши отъ 12-го и 15-го декабря; вы чрезвычайно огорчили меня увѣдомленіемъ о рѣшительномъ отъѣздѣ вашемъ въ Лайбахъ и о неизвѣстности, сколько времени продолжится ваше пребываніе за границею. Дай Богъ, чтобъ всѣ предпріятія ваши кончились по желанію вашему, и чтобъ вы, не имѣя надобности ѣхать въ Италію, поскорѣе къ намъ возвратились. Можетъ быть, пріѣздъ къ вамъ короля неаполитанскаго ускоритъ успѣхъ вашихъ предпріятій.

Указъ о комплектованіи Семеновскаго полка полученъ и по оному сдѣланы всѣ надлежащія съ моей стороны распоряженія. По приказанію вашему, я не премину употребить возможный надзоръ за симъ комплектованіемъ и давать всѣ способы отъ меня зависящіе. Васильчиковъ призналъ для службы нужнымъ и полезнымъ, поручить комплектованіе сего полка, до назначенія полковаго командира, генералу Желтухину, какъ человѣку опытному, усердному и на котораго, во всякомъ случаѣ, положиться можно. Великій князь, съ которымъ я послѣ сего назначенія

по желанію Васильчикова говорилъ, хотя и успокоенъ съ той стороны, что Желтухинъ сформируетъ полкъ основательно и ему во всемъ угодитъ, но въ разговорѣ о семъ, замѣтилъ я порывы слишкомъ скорые. При семъ объявилъ мнѣ, что Государь писалъ къ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, что онъ хорошо сформируетъ полкъ и потому я не преминулъ поставить ему на видъ, сколько онъ новъ по сей части, гдѣ надо знать много мелочей, ему вовсе неизвѣстныхъ. Почему же именно Васильчиковъ не поручилъ комплектовать сей полкъ старшему штабъ-офицеру, пришедшему съ гренадерскимъ баталіономъ, онъ вамъ подробно и основательно пишетъ. Какъ въ этомъ разговорѣ, такъ и во всякомъ, я никогда не льстилъ великому князю, но говорилъ какъ чувствовалъ и понималъ вещи и вѣрно совѣты мои соотвѣтствовали и пользамъ службы и пользамъ его личнымъ. По наклонности его къ порядку и всему хорошему, во многомъ онъ исполнялъ мои совѣты; но какъ говорятъ и совѣтуютъ ему многіе молодые люди его окружающіе, то не смѣю думать, чтобъ совѣты мои всегда были предпочитаемы.

На счетъ кабаковъ въ полкахъ, я совершенно согласенъ съ вами, что они вредны отъ того только, что начальники не такъ поступаютъ въ семъ случаѣ какъ слѣдуетъ; но какъ трудно и почти невозможно заставить всѣхъ дѣлать то, что должно или по неразумѣнію, или по безпечности начальниковъ, то полезнѣе было бы отмѣнить сіе учрежденіе, какъ я уже къ вамъ о семъ и писалъ.

Записку и допросы нижнимъ чинамъ, содержавшимся въ Шлиссельбургской крѣпости, я получилъ и исполню по ней сходно съ Высочайшею волею.

Я писалъ къ вамъ, что буду употреблять флигель-адъютантовъ въ крайнемъ только случаѣ и съ величайшею разборчивостью. Теперь же не надѣюсь и вовсе имѣть въ нихъ надобности, ибо адъютанты мои возвратились изъ командировокъ.

На счетъ генераловъ, нескромныхъ, конечно, вы извѣстны обстоятельно изъ другихъ свѣдѣній, да и генералъ Васильчиковъ вѣроятно вамъ объ нихъ пишетъ, и потому позвольте мнѣ поговорить объ этомъ съ вами при свиданіи.

Что касается до отличій по внутренней стражѣ, то я согласенъ съ вами, что они чрезмѣрно велики, но стараясь ихъ умалить, можно произвесть зло худшее, тогда вовсе никакихъ не будетъ, да и не въ правѣ я не довѣрять корпусному командиру и останавливать его представленія. Въ вашей волѣ разрѣшать ихъ по вашему усмотрѣнію.

Командиры гренадерскихъ полковъ дѣйствительно плачутъ о своихъ

баталіонахъ, за то утѣшатся мыслію, что они заслужили особенное вниманіе Государя и удостоились поступить въ гвардію.

Всѣ дѣла, которыя требуютъ вашего разрѣшенія, я не удерживая посылаю къ вамъ. Желательно весьма, чтобъ попутный вѣтеръ подулъ скорѣе на дѣла аудиторіатскія и принесъ ихъ сюда съ Высочайшими конфирмаціями, или разрѣшеніями. О патентахъ не безпокойтесь. Ихъ не такъ много накопилось, чтобъ могли васъ слишкомъ обременить, а потому и посылать къ вамъ не буду.

Изъ разговора съ княгинею Екатериною Алексѣевною замѣтилъ я, что она огорчается тѣмъ, что письма ваши получаетъ на другой день послѣ пріѣзда фельдъегеря. Какъ это вѣроятно происходитъ отъ того, что вы ихъ посылаете чрезъ вашу канцелярію, то неугодно-ли вамъ присылать ихъ въ моемъ конвертѣ, чтобъ въ ту же минуту доставить ихъ къ княгинѣ.

Начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса, числящійся по артиллеріи генералъ-маіоръ Веселицкій, по примѣру другихъ начальниковъ корпусныхъ штабовъ, желаетъ переведенъ быть въ квартирмейстерскую часть. Удовлетвореніе просьбы его зависитъ отъ усмотрѣнія вашего. Княжнинъ благодаритъ васъ, что его вспомнили. Онъ занятъ столько дѣлами, что ему не до театральныхъ сочиненій, которыми онъ давно уже не занимается.

Съ граматою на передачу знаменъ новымъ людямъ Семеновскаго полка поступлено будетъ въ точности какъ предписано; а какъ она должна быть читана по окончаніи комплектованія, то какое дѣйствіе произведетъ сія грамата на людей, я не премину увѣдомить васъ въ свое время.

Искренно благодарю васъ, почтеннѣйшій князь, за поздравленіе съ наступившими праздниками и взаимно поздравляя васъ, отъ души желаю, чтобъ вы встрѣтили и провели ихъ въ совершенномъ здоровьѣ, при исполненіи всѣхъ вашихъ желаній.

Нельзя не жалѣть о бѣдномъ Кривлякѣ, котораго знаменитый балъ, въ Троппау имъ данный, безъ сомнѣнія, разорилъ совершенно.

Здоровье мое все плохо поправляется, сколько я о томъ не забочусь.

106.

7-го января 1821 г. С.-Петербургъ.

Третьяго дня прибылъ отъ васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, фельдъегерь уже изъ-за Вѣны 15 миль и привезъ мнѣ письмо ваше отъ 21-го декабря. О фонъ-Визинѣ писалъ я къ вамъ только какъ о военномъ генералѣ, дабы вы знали о намѣреніи его на случай, если Государь, получа представленіе отъ графа Кочубея, которому фонъ-Визинъ объявилъ свое желаніе, спроситъ васъ о семъ генералѣ. Что онъ масонъ я этого вовсе не зналъ; людей сего рода я самъ не жалую. Впрочемъ онъ здѣсь пробылъ короткое время и уже отсюда уѣхалъ.

Жалѣю очень, что вояжъ вашъ сопряженъ съ такими опасностями отъ дурной дороги и глупыхъ кучеровъ. Слава Богу, что вы благополучно отдѣлались въ городскихъ воротахъ въ Вѣнѣ. Случай этотъ вѣрно заставитъ васъ взять всѣ предосторожности, чтобъ подобнаго съ вами не встрѣтилось, особливо въ горахъ; признаюсь, описаніе дорогъ очень меня на счетъ васъ безпокоитъ. Охота въ пратерѣ должна быть очень пріятна, она сколько нибудь развлекла васъ послѣ скучной жизни въ Троппау. Какое ужасное побоище бѣдныхъ фазановъ!

До полученія еще повелѣнія вашего приказалъ я всѣхъ больныхъ бывшаго Семеновскаго полка перевесть въ артиллерійскій госпиталь; а какъ Государю угодно, чтобъ они помѣщены были въ сухопутные госпитали, то и сіе сходно воли Его Величества немедленно исполнено. По мѣрѣ же выздоровленія сихъ людей я отправлю ихъ по прежнему вашему повелѣнію тотчасъ въ тѣ полки, куда поступили ихъ баталіоны.

Вчера во время выхода было уже человѣкъ 15 новыхъ семеновскихъ офицеровъ. Я нарочно пораньше пріѣхалъ во дворецъ, чтобъ лучше замѣтить, какое они произведутъ впечатлѣніе въ гвардейскихъ офицерахъ, между коими былъ прежде разговоръ, что нельзя ожидать, чтобъ офицеры новаго состава Семеновскаго полка были такіе, какимъ должно быть въ гвардіи. Я замѣтилъ, что внезапное появленіе сихъ офицеровъ произвело во многихъ удивленіе и любопытство ихъ видѣть, и конечно теперь будетъ причиною прекращенія разныхъ неосновательныхъ толковъ. Всѣ сіи офицеры отлично были одѣты и всѣмъ соотвѣтствовали павшему на нихъ выбору; стоя возлѣ преображенскихъ они разговаривали только между собою, другихъ же гвардейскихъ полковъ офицеры разговоровъ съ ними очень мало имѣли.

13-го числа надѣемся дать въ 1-е отдѣленіе разводъ Семеновскаго полка; тогда еще болѣе сдѣлается впечатлѣнія какъ въ иностранцахъ, такъ и въ нашихъ болтунахъ, которые приносятъ ужаснѣйшій вредъ службѣ. 11-го числа генералъ Васильчиковъ полагаетъ прочитать высочайшую грамату Семеновскому полку отъ васъ присланную и тогда экземпляры оной, сходно вашему желанію, распустятся по полкамъ здѣшняго гарнизона. Надѣюсь, что Семеновскій полкъ можетъ служить со временемъ примѣромъ всей гвардіи въ дисциплинѣ и военномъ порядкѣ, безъ коихъ существованіе войскъ бываетъ всегда нетвердое и ненадежное.

Препровождаю при семъ записку Желтухина на счетъ комплектованія Семеновскаго полка. Отъ васъ зависитъ уважить его мнѣніе. Впрочемъ, могу васъ удостовѣрить, что комплектованіе сего полка идетъ быстро и въ должномъ порядкѣ.

По требованію генерала Васильчикова я прошу у военнаго министра 20 тысячъ рублей для Семеновскаго полка и о возвратѣ оныхъ ему прошу сдѣлать распоряженіе, и полагаю не худо поспѣшить разрѣшеніемъ о выдачѣ Васильчикову просимыхъ съ прошедшимъ фельдъегеремъ денегъ, которыя теперь очень нужны на всякія мелочи.

5-го числа Федоръ Петровичъ отправился къ вамъ чрезъ Кіевъ. Онъ разскажетъ вамъ много о здѣшнихъ дѣлахъ, бывъ нѣкоторое время личнымъ всего свидѣтелемъ.

107.

14-го января 1821 г. С.-Петербургъ.

Прибывшій сюда изъ Вышняго-Волочка генералъ-маіоръ Васильчиковъ невыгодно отзывается на счетъ 3-го баталіона бывшаго состава Семеновскаго полка. Онъ сказывалъ мнѣ, собственно для моего свѣдѣнія, что при распредѣленіи имъ сего баталіона многіе были пьяны и не такъ смирно стояли во фронтѣ, какъ бы отъ солдата ожидать слѣдовало. Это заставило меня послать нарочнаго фельдъегеря съ предписаніями партіоннымъ офицерамъ, чтобъ они имѣли строжайшій надзоръ за своими командами, съ тѣмъ, что всякій случившійся въ командахъ ихъ безпорядокъ совершенно останется на ихъ личной отвѣтственности. О каждомъ же чрезвычайномъ случаѣ доносили бы мнѣ тотчасъ по эстафетѣ, для принятія съ моей стороны должныхъ мѣръ. По сему весьма

нужно, какъ я уже вамъ и прежде писалъ, поручить командирамъ армейскихъ полковъ имѣть за ними неослабное наблюденіе.

Коммиссія, учрежденная надъ Шварцомъ, требуетъ для спроса баталіоннаго и ротныхъ командировъ; офицерамъ симъ прилагаю списокъ. Изъ нихъ не принадлежавшихъ къ 1-му баталіону требую я сюда и оставлю здѣсь столько времени, сколько нужно будетъ по дѣлу.

Хотя я писалъ къ вамъ, что 13-го числа надѣемся дать разводъ Семеновскаго полка, что въ особенности было нужно для иностраннаго дипломатическаго корпуса; но теперь долженъ увѣдомить, что графъ Милорадовичъ, по причинамъ весьма кажется недостаточнымъ, отклонилъ исполненіе сего. Вѣроятно о семъ пишетъ вамъ Васильчиковъ.

Къ прискорбію моему долженъ сказать вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, что духъ единомыслія, который при началѣ семеновскаго происшествія одушевлялъ по крайней мѣрѣ тѣхъ, кои и по власти и по званію ближе знали подробности онаго, исчезъ совершенно. Лица, которыхъ мнѣнія имѣютъ большой вѣсъ въ публикѣ и вліяніе на умы, говорятъ противъ нѣкоторыхъ распоряженій корпуснаго командира. Въ семъ участвуютъ и статскіе, неимѣющіе понятія о томъ, что значитъ военное непослушаніе и какія мѣры приличны въ подобныхъ случаяхъ. Желалъ бы я видѣть сіи умствующія головы на мѣстѣ Васильчикова и посмотрѣть ихъ распоряженія. Не нужно вамъ говорить сколько вредно такое разномысліе, особливо въ отсутствіе Государя, и что оно, внушая неуваженіе къ власти корпуснаго командира, дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ пагубное впечатлѣніе въ войскахъ и въ публикѣ, коимъ не можетъ не быть извѣстно, что всѣ дѣйствія корпуснаго командира соображаются или съ намѣреніемъ Государя или даже съ предварительною Его волею. Кромѣ весьма дурныхъ слѣдствій, особенно для службы, другаго отъ сихъ невмѣстныхъ разговоровъ ожидать нельзя. Признаюсь вамъ, что я ничего такъ не желаю теперь какъ скораго вашего пріѣзда, ибо никогда не было столько нужно присутствіе здѣсь Государя, какъ теперь, и потому прошу васъ, почтеннѣйшій князь, стараться по окончаніи заграницею дѣлъ вашихъ поспѣшить сюда пріѣздомъ. Одно появленіе Государя здѣсь зажметъ ротъ многимъ и всему дастъ иной видъ, а между тѣмъ дай Богъ, чтобъ все у насъ было благополучно.

Формированіе Семеновскаго полка по особенному усердію Желтухина идетъ хорошо; 17-го числа Васильчиковъ въ Михайловскомъ экзерциргаузѣ будетъ читать полку грамату, а 20-го полкъ пойдетъ въ караулъ.

Разные толки и безразсудныя сужденія слишкомъ противу прежняго распространяются.

Препровождаю къ вамъ допросъ, снятый съ писаря Измайловскаго полка Степанова; оный посылается къ вамъ и отъ графа Милорадовича. Отъ васъ зависитъ дать дѣлу сему какой угодно ходъ или оное оставить; съ моей же стороны скажу вамъ, что если входить въ подробное розысканіе такихъ нелѣпыхъ разговоровъ, то, судя по множеству ихъ, розыски будутъ безпрестанные; полиція и другіе чиновники будутъ ими обременены, а пользы никакой, ибо всѣ подобные разговоры, какъ изъ опыта уже знаемъ, основаны на пустыхъ случаяхъ и разсказахъ. Между тѣмъ до разрѣшенія вашего приказалъ я писаря Степанова содержать на гаубтвахтѣ, а о фельдфебелѣ роты Его Величества говорилъ Васильчикову, чтобъ за нимъ имѣли неослабное наблюденіе. Впрочемъ, могу васъ увѣрить, что ничего не упускается изъ виду и на все обращается вниманіе.

Мое здоровье плохо, вчера цѣлый день пролежалъ и совершенно не знаю когда мои головныя боли пройдутъ. Грушинька свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и желаетъ всякаго веселья.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы и помните вашего душевно преданнаго.

108.

21-го января 1821 г. С.-Петербургъ.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 31-го декабря. Радуюсь душевно, что отчетами, по департаментамъ мнѣ ввѣреннымъ, могъ я доставить вамъ удовольствіе. Милость же Государя, оказанную мнѣ награжденіемъ представленныхъ отъ меня чиновниковъ, пріемля съ искреннѣйшею признательностью, прошу васъ, почтеннѣйшій князь, повергнуть оную къ стопамъ Его Величества. Запрещеніе представлять къ орденамъ ниже 9-го класса, исполню на будущее время въ точности. Что же касается до сокращенія числа представляемыхъ къ награжденію чиновниковъ, то я всякій разъ въ выборѣ ихъ по возможности ограничиваюсь, и только однихъ самыхъ достойныхъ представляю: число ихъ, въ сравненіи со всѣми вообще чиновниками въ департаментахъ служащими, всегда не велико, лишить же награды и поощренія людей отличныхъ воспрещаетъ

самая польза службы, которую въ сихъ случаяхъ имѣю главнѣйшею цѣлью.

Нельзя удивляться, что князю Мещерскому пришла въ голову такая глупость, когда подобные вздоры занимаютъ и тѣхъ, кто гораздо его старше.

Чувствительно васъ благодарю за разрѣшеніе отпуска 6 тысячъ рублей для здѣшняго Военно-Сиротскаго отдѣленія. Я употреблю всѣ способы, чтобъ довести сіе отдѣленіе до той степени устройства, въ какомъ оно быть должно, то-есть, чтобъ служило образцомъ для прочихъ. Конечно, давно бы оному слѣдовало быть таковымъ, но вамъ извѣстно, какія причины препятствовали мнѣ заняться имъ прежде; теперь же дѣлается оно постепенно лучшимъ противъ прежняго, что вы изволите замѣтить по пріѣздѣ вашемъ, и какъ всего вдругъ исправить невозможно, то хотя исподволь, но съ возможною поспѣшностью надѣюсь довести оное до желаемаго устройства.

О маломъ количествѣ возвращаемыхъ отъ васъ бумагъ писалъ я къ вамъ тогда, когда еще не получалъ отъ васъ присланныхъ послѣ того въ большомъ количествѣ, но теперь получа ихъ, много вамъ благодаренъ за скорое ихъ разрѣшеніе; не худо такимъ же манеромъ поступить и съ аудиторіатскими докладами, дабы подсудимые знали, что ихъ участью занимаются.

О домѣ Главнаго Штаба ничего вамъ сказать не могу, ибо не успѣлъ еще осмотрѣть его какъ слѣдуетъ; по осмотрѣ же донесу вамъ обо всемъ обстоятельно.

Прилагаю при семъ копіи съ двухъ бумагъ, посланныхъ отъ меня къ дивизіонному начальнику 1-й пѣхотной дивизіи и къ командующему Сѣвскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Дай Богъ, чтобъ свѣдѣнія, на коихъ оныя основаны, оказались несправедливы. Что по донесеніямъ окажется, не премину васъ увѣдомить подробно.

Забылъ написать вамъ, съ послѣднимъ фельдъегеремъ, что 13-го числа во дворцѣ, на балѣ, лейбъ-гвардіи Московскаго полка полковникъ Корсаковъ за ужиномъ позволилъ себѣ имѣть мундиръ совсѣмъ разстегнутый, за каковой поступокъ Васильчиковъ велѣлъ ему подать въ армію.

Семеновскій полкъ видѣлъ я нѣсколько разъ, онъ комплектуется хорошо и во всемъ основательно. 18-го числа даны оному знамена и читана Васильчиковымъ грамата: лица были у всѣхъ довольныя, но лица музыкантовъ мнѣ не понравились. Послѣ прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо корпуснаго командира; 1-й и 2-й баталіоны

прошли хорошо, но 3-й во всемъ отъ другихъ отсталъ. Желтухинъ обратитъ на сей баталіонъ особенное вниманіе. Грамата распущена по полкамъ, по вашему желанію. Первые два дня, сужденія военныхъ, не исключая нѣкоторыхъ и генераловъ, по привычкѣ были слишкомъ неприличныя, но мало по малу начинаютъ утихать и перестаютъ уже думать, что прежніе люди сего полка возвратятся. Вообще нынѣшнія вздорныя и вредныя сужденія безпрестанно продолжаются. Единомыслія, которое бы должно всѣхъ направлять къ одной благонамѣренной цѣли, не существуетъ. Вышнія власти стараются по-прежнему затруднять дѣйствіе мѣръ, приличныхъ обстоятельствамъ и зло постепенно распространяется. Вотъ что̀ производитъ отсутствіе Государя въ нынѣшнемъ случаѣ! Повторяю еще вамъ, почтеннѣйшій князь, что скорое возвращеніе ваше сюда необходимо. Дай Богъ, чтобъ вы не ѣздили въ Италію, а вмѣсто того къ намъ бы возвратились.

Усерднѣйше благодарю васъ за попеченіе о моемъ здоровьѣ. По желанію вашему былъ у меня Рейманъ; онъ пишетъ вамъ о томъ, какъ объявила мнѣ ваша тетушка; но не смотря на способы, какіе употребляю по возможности къ поправленію здоровья, все положеніе его плохо.

Намъ остается завидовать климату, въ которомъ вы теперь находитесь. У насъ хотя также послѣ порядочныхъ морозовъ настала умѣренная стужа, а третьяго дня даже шелъ и дождикъ, но кто открылъ бы окошки подобно вамъ, тотъ бы дорого заплатилъ за подражаніе въ семъ случаѣ лайбахскимъ жителямъ.

Вчерашнимъ разводомъ Семеновскаго полка были всѣ довольны и даже болтливые люди; но комендантъ, когда офицеры къ нему являлись, сдѣлалъ неприличный вздоръ, можетъ быть и безъ умыслу, о чемъ вѣрно пишетъ вамъ Васильчиковъ.

Ген.-маіоръ Крейцъ прислалъ просьбу въ отставку, почему и внесенъ въ приказъ, съ симъ фельдъегеремъ посылаемый; проситъ приложенное письмо доставить къ вамъ.

Полученныя мною, какъ на имя ваше и мое письма отъ ген.-маіора Андржейковича, при семъ на ваше разсмотрѣніе препроводить честь имѣю.

Князь Трубецкой, по болѣзни адъютанта своего графа Віельгорскаго, проситъ меня причислить его въ полкъ и испросить ему у васъ до излеченія болѣзни отпускъ, о чемъ посылаю докладную записку.

Сейчасъ возвратился фельдъегерь изъ Пскова и присланный отвѣтъ на мое отношеніе отъ Лаптева посылаю при особомъ донесеніи.

109.

26-го января 1821 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 6-го (18-го) января, я получилъ и приношу за оное мою наичувствительнѣйшую благодарность. Производство кавалергардское внесено въ приказъ, который къ вамъ сегодня посылаю. 40 тысячъ министръ финансовъ отпуститъ на-дняхъ, и я оныя безъ всякой формальной бумаги лично отдамъ Васильчикову. Касательно суда надъ нижними чинами бывшаго Семеновскаго полка, я исполню все, что отъ меня зависитъ, чтобъ, согласно съ Высочайшею волею, сколько можно ближе дойти до истинной причины происшествія; но къ сему не прежде могу приступить, какъ въ то время, когда дѣло поступитъ уже въ Аудиторіатъ. Считаю однакожь нужнымъ предварить васъ, что когда Аудиторіатъ разсмотритъ сіе дѣло и можетъ быть сдѣлаетъ по оному замѣчанія съ выговоромъ презусу и ассесорамъ, то чтобъ выиграть время, я напишу на докладной запискѣ Аудиторіата: Высочайше повелѣно исполнить по мнѣнію Аудиторіата.

Неудовлетворительный отвѣтъ генерала Лаптева заставилъ меня послать во Псковъ, подъ видомъ отпуска, подполковника Жуковскаго, для точнѣйшаго узнанія, что̀ тамъ происходило; онъ, безъ сомнѣнія, исполнитъ сіе порученіе съ успѣхомъ. По возвращеніи его не премину обо всемъ васъ увѣдомить.

Во множествѣ разнаго рода нелѣпыхъ слуховъ, ежедневно здѣсь распускаемыхъ, узналъ я, что будто одинъ караулъ въ Москвѣ, учинивъ непослушаніе, оставилъ свой постъ. Это заставило меня послать эстафету къ коменданту Волкову и какой полученъ отъ него отвѣтъ, прилагаю въ оригиналѣ, вмѣстѣ съ копіею моего къ нему предписанія.

Сей и подобные слухи доказываютъ, что множество есть такихъ неблагонамѣренныхъ и вредныхъ людей, которые стараются увеличивать дурныя вѣсти. Въ нынѣшнее время расположены къ сему въ высшей степени всѣ умы и всѣ сословія, и потому судите сами, чего ожидать можно при малѣйшемъ со стороны правительства послабленіи. О Семеновскомъ полку, нынѣ комплектуемомъ, бываютъ такіе вздорные разсказы, что вы представить себѣ не можете, а потому должно сей полкъ во всѣхъ отношеніяхъ поддержать сходно Высочайшей волѣ.

Благодарю васъ за обѣщаніе кончить скорѣе дѣла аудиторіатскія, которыхъ отъ васъ ожидаю.

По желанію вашему, я осматривалъ домъ Главнаго Штаба, и что̀ замѣтилъ, прилагаю при семъ записку.

Съ симъ фельдъегеремъ посылается приказъ о назначеніи Меллера-Закомельскаго, сына Петра Ивановича, въ адъютанты къ генералу Левенштерну. Отецъ проситъ васъ уважить сіе представленіе для совершеннаго его успокоенія.

Съ фельдъегеремъ, отправленнымъ отсюда 14-го числа сего мѣсяца, статсъ-секретарь Оленинъ послалъ въ конвертѣ на ваше имя пакеты къ Государю, въ которыхъ представляются на утвержденіе рѣшенныя въ Государственномъ Совѣтѣ дѣла, въ томъ числѣ, дѣло о духовномъ завѣщаніи коллежскаго совѣтника Ефименкова, на котораго дочери женатъ правитель канцеляріи моей Ноинскій. Если вы можете содѣйствовать, чтобъ Государь скорѣе утвердилъ единогласное рѣшеніе совѣта по этому дѣлу и возвратилъ бы его сюда къ исполненію, то тѣмъ чувствительнѣйше меня бы обязали, по особенному участію, которое я принимаю въ Ноинскомъ, какъ въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ чиновникѣ.

Съ каждымъ фельдъегеремъ ожидаю отъ васъ увѣдомленія о времени возвращенія сюда и всякій разъ ошибаюсь. Вы, какъ вижу, наслаждаетесь жизнію въ Лайбахѣ,—прекрасный климатъ, ложитесь рано спать — все это содѣйствуетъ, конечно, много укрѣпленію вашего здоровья, котораго отъ души вамъ желаю. Съ моимъ же здоровьемъ дѣлается противное. Оно все въ одинаковомъ дурномъ положеніи. Совѣтами г. Реймана, на счетъ образа жизни, не могу я, къ сожалѣнію, теперь воспользоваться.

Получивъ донесеніе на счетъ слуха о Сѣвскомъ пѣхотномъ полку, въ оригиналѣ къ вамъ оное препровождаю. Я показывалъ его графамъ Кочубею и Милорадовичу, и просилъ стараться отыскать вреднаго изобрѣтателя сей новости, а сегодня разсказалъ объ этомъ донесеніи во дворцѣ тѣмъ, которые больше занимались симъ слухомъ и объ ономъ говорили. Нельзя не заключить, что сей и подобные слухи распускаются для того, чтобъ сдѣлать пагубное внушеніе здѣшнему гарнизону; впрочемъ желаю, чтобъ я въ этомъ предположеніи ошибся. Вы не воображаете, съ какимъ удовольствіемъ разсказываютъ здѣсь подобныя сему новости, за то хорошимъ и полезнымъ мало занимаются.

Великій князь Николай Павловичъ пріѣхалъ изъ Берлина и поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе.

Паша Киселевъ, говорятъ, точно женится на Софьи Потоцкой, о

чемъ здѣсь сказываютъ ея родственники. Пишу къ нему, чтобъ достовѣрно меня о семъ увѣдомилъ.

Если Васильчиковъ по разсмотрѣніи дѣла не рѣшится возвратить оное для пополненія, или нарядить новую коммиссію, но Аудиторіатъ найдетъ сіе необходимымъ, тогда полагаю назначить въ презусы генералъ-лейтенанта Демидова; Желтухина же отвлекать нельзя отъ теперешнихъ занятій, а Удома нахожу для сего слабымъ и больнымъ.

Сегодня былъ разводъ Семеновскаго полка 3-го баталіона, довольно изрядный, но люди были одѣты хорошо.

110.

4-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, чувствительнѣйшую благодарность за два письма ваши, одно отъ 12-го (24-го), а другое отъ 15-го (27-го) января.

Въ исполненіи Высочайшей воли, послѣдовавшей на докладную записку мою о нижнихъ чинахъ бывшаго 1-го баталіона Семеновскаго полка, я встрѣтилъ затрудненіе и посылаю вмѣстѣ съ симъ на разрѣшеніе особую записку. Что же касается до наряда новой коммисіи, если Аудиторіатъ найдетъ сіе нужнымъ для переслѣдованія дѣла о сихъ людяхъ, то въ письмѣ моемъ отъ 28-го января я подробно о семъ предметѣ васъ увѣдомилъ и въ точности по оному исполню.

Производство Семеновскихъ подпрапорщиковъ многимъ доставило большую радость.

Исполненіемъ Высочайшей резолюціи о каптенармусѣ Бобровскомъ я до времени удержался, ибо многія обстоятельства, кои сею резолюціею велѣно изслѣдовать, уже розысканы и объяснены въ запискѣ моей, отосланной къ вамъ 31-го декабря вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, а потому буду ожидать разрѣшенія на сію записку. Изъ дѣла о Бобровскомъ вы увидите, что онъ ходилъ въ крѣпость переодѣтый въ фурштадтскій мундиръ, а потому нельзя удивляться, что онъ былъ туда впущенъ, ибо не могъ быть сочтенъ за посторонняго, когда чины фурштадтскаго баталіона возили туда и теперь возятъ хлѣбъ для содержащихся нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка; по сей причинѣ, кажется, излишнимъ будетъ добираться кто были караульные, которыхъ нельзя признать въ семъ случаѣ виновными. Впрочемъ, при самомъ началѣ просилъ я графа Милорадовича о взятіи мѣръ, чтобъ посторонніе не имѣли

сообщенія съ содержащимися въ Петропавловской крѣпости нижними чинами; копію съ сего моего донесенія при семъ прилагаю. Смотрѣніе за симъ непосредственно лежитъ на отвѣтственности коменданта крѣпости.

Рядоваго Московскаго пѣхотнаго полка Бланкова въ Шлиссельбургскую крѣпость отправилъ; другой его товарищъ, рядовой Алекринскій, будетъ посланъ туда по выздоровленіи, ибо теперь за болѣзнію находится въ Сухопутномъ госпиталѣ. Объ обоихъ сдѣлано отъ меня надлежащее предписаніе г. Плуталову, а гдѣ рядовые сіи будутъ находиться, объявилъ я графу Кочубею.

Переплетчики военной типографіи дѣйствительно еще не таковы, какими быть должны. Хотя къ приготовленію ихъ всѣ нужныя мѣры приняты, но одинъ изъ нихъ, отданный въ ученье къ лучшему мастеру, не удался, а тѣмъ, кои послѣ отданы, не вышли еще контракты. При всемъ томъ весьма жалѣю, что худо переплетенная книжка Собранія Законовъ подала вамъ случай попрекнуть Быкова бриллiантами. Вамъ извѣстно, что̀ была типографія и что̀ она теперь. Перемѣна эта послѣдовала при Быковѣ, его неусыпною дѣятельностью, и смѣю увѣрить, что другаго на его мѣсто не скоро сыскать можно.

Большое количество бумагъ отправилъ я съ Лощевскимъ потому, что прежде многія оставались до вашего пріѣзда, передъ отправленіемъ же Лощевскаго получилъ я разрѣшеніе посылать къ вамъ всѣ, и потому вдругъ ихъ и отправилъ. Лощевскаго и я замѣчаю съ нѣкотораго времени не такъ расторопнымъ какъ онъ былъ прежде.

О граматахъ на знамена и штандарты пришлю вамъ особое донесеніе съ первымъ фельдъегеремъ.

Ермоловъ скоро сюда будетъ и вѣрно дождется пріѣзда Государя, если грузинскія его дѣла позволятъ. Онъ особенно будетъ благодаренъ вамъ за переводъ въ гвардію племянника его. Съ княземъ Дадіаномъ никакъ не могъ онъ поступить по § 7-му учрежденій дѣйствующей арміи, ибо онъ права на то не имѣетъ, и тѣмъ менѣе, что сей офицеръ принадлежитъ къ гвардейскому корпусу; впрочемъ, будьте увѣрены, что требуемое вами мнѣніе онъ пришлетъ сообразно поступкамъ Дадіана.

По предписанію вашему отъ 12-го января № 2-й о Столяровѣ и Левицкомъ производится изысканіе по личному моему объясненію съ графомъ Милорадовичемъ, но еще ничего не открыто.

Прилагаю записку о бывшей 28-го числа января дуэли Преображенскаго полка у поручика Болховскаго лейбъ-гвардіи Уланскаго полка съ корнетомъ Рубцовымъ, въ коей послѣдній убитъ на мѣстѣ. Васильчиковъ доноситъ вамъ также о семъ происшествіи.

Подполковникъ Жуковскій возвратился изъ Пскова. Донесеніе его при семъ въ оригиналѣ на разсмотрѣніе ваше препровождаю.

Въ указѣ на имя министра финансовъ, данномъ 16-го января объ отпускѣ 68 тысячъ Васильчикову, сказано, что деньги сіи назначены на первоначальную *обмундировку* и *обзаведеніе* штабъ и оберъ-офицеровъ новаго Семеновскаго полка. Соображая толки о семъ полку и болтанье военныхъ, старающихся всячески унизить оный, нельзя не предполагать, что сіе изъясненіе дастъ случай болтунамъ ссылаться на него въ своихъ разговорахъ, а потому полагаю, что полезно было бы на будущее время избѣгать подобныхъ оговорокъ въ указахъ, если оныя случатся. Суммы же можно назначить и на *извѣстное употребленіе*.

Вы приводите меня въ отчаяніе извѣстіемъ, что вы развѣ къ лѣту къ намъ воротитесь. Мнѣніе мое на сей счетъ вамъ извѣстно. Не стану повторять его, оно будетъ одно и тоже.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за участіе въ моемъ здоровьѣ, которое все въ одинаковомъ плохомъ состояніи.

111.

8-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ.

Душевно сожалѣю, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, о нездоровьѣ вашемъ, о которомъ узналъ изъ письма вашего отъ 22-го января. Съ потерею своего собственнаго здоровья я научился цѣнить здоровье другихъ, ваше же особенно для меня дорого и потому искренно желаю, чтобъ вы скорѣе освободились отъ вашей болѣзни, о чемъ съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего увѣдомленія.

Производству Паркачова я порадовался, онъ изъ числа отличнѣйшихъ фельдъегерей и таковую милость Государя совершенно заслуживаетъ.

Объ отставномъ штабсъ - капитанѣ князѣ Друцкомъ собираю я справки и потомъ не премину просить объ немъ гг. членовъ комитета.

Съ прискорбіемъ получилъ я замѣчаніе Государя и ваше за отпуски въ Петербургъ нѣкоторыхъ офицеровъ прежняго Семеновскаго полка, и оно тѣмъ болѣе для меня чувствительно, что имѣю несчастіе слышать его тогда, какъ не имѣю ни часа, ни минуты свободной и покойной отъ занятій по службѣ и притомъ за то, будто, какъ вы говорите, что отпуски сіи воспрещены были Высочайшимъ повелѣніемъ. Въ оправданіе мое скажу вамъ, почтеннѣйшій князь, что Высочайшаго повелѣнія

о семъ не было, и въ предписаніи вашемъ отъ 4-го ноября № 2000, гдѣ подробно изложены всѣ распоряженія на счетъ отправленія людей и офицеровъ сего полка, ничего о томъ не сказано, а только отъ меня писано было Васильчикову отъ 17-го ноября № 4872, чтобъ во время слѣдованія командъ ни подъ какимъ видомъ офицеровъ въ Петербургъ пе пускать и о семъ распоряженіи моемъ донесъ вамъ рапортомъ отъ 19-го ноября № 4902. Впослѣдствіи хотя и приступилъ я къ отпуску нѣкоторыхъ офицеровъ въ Петербургъ на день и не болѣе какъ на три дня, но отнюдь не для того, чтобъ доставить имъ удовольствіе, а единственно потому, что необходима была личная ихъ здѣсь бытность для разсчета съ артелями и весьма немногихъ для распоряженія оставшимся здѣсь ихъ имуществомъ въ томъ уваженіи, что они отправлены отсюда внезапно и въ бытность ихъ здѣсь имѣлъ за ними особенное наблюденіе. О семъ доносилъ я вамъ запискою отъ 19-го ноября, на коей вы отмѣтили резолюцію *напрасно;* и какъ прежде, такъ и послѣ кромѣ резолюціи на сей запискѣ другаго повелѣнія на сей счетъ я не имѣлъ. Но по полученіи мною обратно сей записки всѣ уже пріѣзжавшіе сюда офицеры были отсюда высланы, кромѣ принадлежащихъ къ 1-му баталіону и вытребованныхъ послѣ, кои всѣ нужны по дѣлу, какъ я писалъ къ вамъ въ письмѣ отъ 14-го января. Но теперь всѣхъ вышлю кромѣ нужныхъ офицеровъ для коммиссіи военнаго суда.

По объявленіи приказа о назначеніи Удома командиромъ Семеновскаго полка былъ я у него и засталъ его весьма слабымъ. Онъ объявилъ, что дня черезъ четыре надѣется выѣхать, но судя по его слабости сомнѣваюсь, чтобъ онъ такъ скоро выздоровѣлъ.

Сегодня смотрѣлъ я кондукторскую школу вѣдомства великаго князя Николая Павловича и нашелъ оную въ отличномъ устройствѣ какъ на счетъ преподаванія наукъ, такъ содержанія и помѣщенія воспитанниковъ.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы, веселы и помните вамъ душевно преданнаго.

Соломка сего дня къ вамъ отправляется.

112.

11-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ.

Послѣ письма моего, писаннаго къ вамъ съ Соломкою, не имѣю ничего особеннаго сообщить вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ. Рядовой Московскаго пѣхотнаго полка Алекринскій, о которомъ я

писалъ къ вамъ отъ 4-го сего мѣсяца, что онъ за болѣзнію остается въ сухопутномъ госпиталѣ, отосланъ уже отъ меня въ Шлиссельбургскую крѣпость 8-го числа.

Съ нынѣшнимъ фельдъегеремъ посылаю къ вамъ записку о подпоручикѣ Рахманиновѣ, исключенномъ изъ службы и преданномъ суду за долговременное неприбытіе изъ отпуска. Свидѣтельства имъ представленныя ясно доказываютъ его невинность. При томъ я видѣлъ его лично: кромѣ, что онъ совершенное дитя, наружный видъ его есть лучшее свидѣтельство болѣзненнаго его состоянія. Это побудило меня остановить надъ нимъ судъ въ надеждѣ, что вы уважите представляемыя имъ въ оправданіе свои причины. Отъ васъ зависитъ сдѣлать на вѣкъ его счастливымъ.

Алексѣй Петровичъ (Ермоловъ) сегодня поутру пріѣхалъ сюда и ужасно какъ посѣдѣлъ; онъ очень забавенъ разсказами своими о народахъ ему ввѣренныхъ и о невѣжествѣ, которое тамъ существуетъ — но вообще, жизнь тамошняя пренесноснѣйшая — письмо его при семъ прилагаю. Онъ много привезъ сюда разнаго рода дѣлъ; но, слава Богу, что не по нашей части, и кажется весьма доволенъ нами, что представленія его скоро разрѣшаются.

113.

18-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ

Душевно пожалѣлъ, увидя изъ письма вашего, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 30-го января, что болѣзнь васъ не покидаетъ. Вы пишете, что очень постарѣли; не удивляюсь: при вашихъ занятіяхъ, работахъ и съ вашею чувствительностію, которая заставляетъ васъ все принимать къ сердцу, старость приближается не по лѣтамъ. Къ прискорбію узналъ я это собственнымъ опытомъ: кто больше меня состарѣлся преждевременно! а о здоровьи и говорить нечего, оно потеряно невозвратно. Утѣшьте меня извѣстіемъ о вашемъ совершенномъ выздоровленіи. Пріѣзжайте къ намъ хотя старичкомъ, но здоровымъ и веселымъ.

Зачѣмъ я требовалъ нѣкоторыхъ стараго Семеновскаго полка офицеровъ вы еще подробнѣе видѣли изъ письма моего отъ 8-го сего мѣсяца.

По приказанію вашему на счетъ измайловскаго писаря Степанова розыщу все подробно и васъ увѣдомлю. Что же касается до запрещенія писарямъ ходить по домамъ для переписки, то запрещеніе это сдѣлано

по моему вѣдомству при самомъ началѣ образованія дежурства, и не только ходить по домамъ для переписки, но и вообще переписывать партикулярныя бумаги не велѣно и за этимъ по моей части строго наблюдаю.

По послѣднему письму вашему я уже и надежду потерялъ о скоромъ вашемъ возвращеніи. Хотя слухи и разсказы нѣсколько поутихли и сужденія высшихъ классовъ поуменьшились, но все еще много бываетъ различныхъ вредныхъ толковъ, которые привесть въ ничтожество можетъ одно присутствіе Государя. Не смѣю рѣшительно сказать суть-ли они и у насъ дѣйствіемъ неблагонамѣренныхъ секретныхъ обществъ, подобно какъ и въ другихъ государствахъ, или только пустое болтанье праздныхъ и легковѣрныхъ, но то вѣрно, что еслибъ кто-либо замѣченъ былъ мною по моему вѣдомству принадлежащимъ къ какому либо изъ подобныхъ обществъ, то не ожидая разрѣшенія я принялъ бы на счетъ его такія мѣры, какія только по нынѣшнимъ обстоятельствамъ могутъ быть приличны.

По происшествіямъ въ Парижѣ и въ Гишпаніи, которыя видны отчасти и изъ газетъ, рано или поздно должно ожидать ужасной развязки; дай Богъ, чтобъ мы до ее не дожили.

Гербъ на Русскомъ Инвалидѣ съ 7-го нумера по 10-й не выставленъ единственно для того, чтобъ выиграть мѣсто для напечатанія скопившихся вдругъ разныхъ статей. Причина эта оговорена и въ самыхъ сихъ вѣдомостяхъ № 8.

Весьма радуюсь, что изданіе книги сводъ узаконеній вамъ понравилось. Неравенство въ оттискахъ, конечно, есть недостатокъ, но и въ самыхъ лучшихъ типографіяхъ, даже и въ Дидотовой, не всегда могутъ его избѣгнуть. Несоблюденіе точности въ алфавитѣ есть неосторожность, впрочемъ незначущая. О переплетчикахъ я уже писалъ къ вамъ и надѣюсь, что со временемъ и по сей части будете вы довольны нашею типографіею.

О Гусевѣ посылаю къ вамъ заключеніе Аудиторіата и Государственнаго Совѣта. По пріѣздѣ его сюда исполню на счетъ его ваше приказаніе.

О поступкѣ Бибикова посылаю особое донесеніе. При подачѣ Арсеньевымъ прошенія въ отставку я дѣйствительно объявилъ ему, чтобъ просилъ по командѣ; но въ то время не было еще у меня въ виду повелѣнія, что отъ офицеровъ прежняго Семеновскаго полка запрещено принимать подобныя прошенія, да еслибъ и зналъ о семъ повелѣніи, то и тогда не могъ бы дать ему другаго отвѣта, чтобы не обнаружить здѣсь предъ нимъ и его товарищами, что таковое повелѣніе существуетъ. Впро-

чемъ вы подробно увидите изъ докладной записки мною о семъ къ вамъ посланной.

Я писалъ къ вамъ о желанiи генералъ-маiора Веселицкаго считаться по квартирмейстерской части. Повторяю о семъ мою у васъ просьбу въ надеждѣ, что вы не встрѣтите затрудненiя удовлетворить ее, между прочимъ, и въ томъ уваженiи, что и другiе начальники штабовъ пользуются симъ преимуществомъ.

Хотя, какъ вамъ извѣстно изъ моего донесенiя, слухи о Сѣвскомъ полку оказались совершенно ложными, но желая сколько можно дойти до истины отъ кого они вышли, я собралъ свѣдѣнiя по доставленной ко мнѣ объ нихъ отъ графа Кочубея записки и подлинныя посему предмету бумаги препровождаю къ вамъ при особомъ моемъ донесенiи. Рапортъ генералъ-маiора Бистрома о поручикѣ Симборскомъ при семъ на разсмотрѣнiе ваше посылаю, а до полученiя онаго посадилъ его на гаубтвахту.

Препровождаю при семъ къ вамъ письмо Михаила Орлова, который увѣдомляетъ васъ, что женится на дочери генерала Раевскаго.

Иванъ Федоровичъ Удомъ очень болѣнъ и выздоровленiе его кажется сомнительно.

114.

25-го февраля 1821 г. С.-Петербургъ.

Спѣшу отвѣтствовать вамъ, почтеннѣйшiй князь Петръ Михайловичъ, на письмо ваше отъ 6-го февраля.

О Сѣвскомъ полку отправилъ я къ вамъ при письмѣ отъ 28-го января послѣднiя бумаги. Безъ сомнѣнiя, весьма бы полезно было отыскать перваго выдумщика такой новости, но это зависитъ отъ полицiи и я, какъ и въ письмѣ моемъ отъ 28-го января васъ увѣдомлялъ, просилъ о томъ графовъ Кочубея и Милорадовича. Находящагося здѣсь Сѣвскаго полка штабсъ-капитана Малинина я подробно спрашивалъ и для лучшаго удостовѣренiя приказалъ ему подать рапортъ, который въ подлинникѣ къ вамъ препровождаю; нижнихъ же чиновъ никого при немъ не находится. Впрочемъ и не вѣроятно, чтобъ сами офицеры выдумали про свой полкъ такую исторiю, которая бы къ ихъ же предосужденiю относилась. Слухъ о Елецкомъ полку, сообщенный адъютантомъ Ожаровскаго, по всему кажется есть одинъ и тотъ же съ слухомъ о полку Сѣвскомъ, перемѣна же названiя полка легко могла по-

слѣдовать при передачѣ сей новости отъ одного другому. Полиціи дѣло дойти до источника, и въ этомъ случаѣ въ моемъ же содѣйствіи можетъ встрѣтиться надобность тогда только, когда розыскъ коснется до военныхъ и тогда я не премину исполнить мою обязанность.

Полковникъ Корсаковъ подалъ прошеніе въ отставку и какъ приказъ объ немъ уже къ вамъ отправленъ, то отъ васъ зависѣть будетъ написать его вмѣсто отставки въ полки 3-го пѣхотнаго корпуса. На мѣсто командира гвардейскихъ жандармовъ постараюсь сыскать офицера, но не предполагаю исполнить сего въ скорости, потому что изъ кавалерійскихъ офицеровъ мало имѣю знакомыхъ или особенно мнѣ извѣстныхъ. Но о выборѣ таковаго я писалъ прежде къ Васильчикову.

О графѣ Віельгорскомъ доношу вамъ формально.

Андржейковичу объявилъ я отставку и причину оной. Дѣйствительно, теперь думаютъ о службѣ совсѣмъ иначе нежели думали прежде: теперь всякій добивается какъ бы получить почести и отличія и ничего не дѣлать. Мѣра, принимаемая на сей счетъ Государемъ, есть самая лучшая и постоянное наблюденіе ея можетъ отбить охоту у многихъ уклоняться отъ службы.

Формуляръ о службѣ Нарвскаго пѣхотнаго полка маіора Макка при семъ препровождаю. Онъ поступилъ въ нашу службу изъ польскихъ дворянъ и въ 1808 году іюня 11-го, по предписанію генералъ-лейтенанта князя Голицына 5-го, опредѣленъ унтеръ-офицеромъ въ Навагинскій мушкетерскій полкъ.

На вопросъ вашъ кто именно *вышнія власти* и проч. я ничего въ объясненіе сказать болѣе не могу, если вы изъ самыхъ сихъ словъ не можете догадаться. Впрочемъ я уже писалъ къ вамъ, что о подобныхъ моихъ замѣчаніяхъ предоставляю себѣ только лично съ вами объясниться.

О семеновскихъ музыкантахъ я тогда же объяснялся съ Васильчиковымъ и отъ него поручено было Желтухину, а потомъ Удому имѣть за ними строгій надзоръ. Теперь вторично говорилъ я съ Васильчиковымъ, и если что-либо и малѣйшее замѣчено будетъ въ сихъ чинахъ, то въ тоже время выписываемы будутъ подъ предлогомъ дурнаго поведенія въ армію, а на ихъ мѣсто назначу изъ учебнаго карабинернаго полка.

По содержанію письма вашего отъ 30-го января, посылаю къ вамъ допросъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка роты Его Величества фельдфебеля Навалихина и отзывъ коменданта Сукина, о приходившемъ изъ крѣпости бывшаго Семеновскаго полка фельдфебелѣ Брагинѣ.

Къ сему присовокупляю какъ прежнее, такъ и вторичное показаніе писаря Степанова и рапортъ слѣдственнаго пристава Мылова. Кто по симъ послѣднимъ двумъ бумагамъ правъ и кто виновенъ утвердительно сказать не могу, а предоставляю вашему разсмотрѣнію. А какъ въ письмѣ отъ 30-го января *велѣли вы узнать,* кто такой и чиновникъ Валяевъ, въ показаніи писаря Степанова упоминаемый, то доставленный объ немъ отъ Абакумова формуляръ также къ вамъ посылаю.

Препровождаю къ вамъ копію съ записки полиціи о бомбардирѣ Васильевѣ вмѣстѣ съ снятымъ съ него допросомъ при депутатѣ съ военной стороны. Васильева впредь до разрѣшенія вашего отправилъ въ шлиссельбургскую крѣпость.

Разсылка экземпляровъ о стрѣлковомъ ученьи замедлилась отъ вольныхъ переплетчиковъ, которымъ отданы оные были по невозможности своихъ успѣть переплесть въ скорости; но теперь тысяча экземпляровъ уже готова и на будущей недѣли можетъ быть разослана. Два экземпляра сей книжки при семъ посылаю.

Считаю нужнымъ предварить васъ, что московскій комендантъ Волковъ все страдаетъ отъ болѣзни. Ему отдыхъ необходимъ.

Душевно радуюсь, что вы освободились отъ своей болѣзни, это доказывается и еще болѣе тѣмъ, что вы могли даже быть на охотѣ. Но вы приводите меня въ отчаяніе извѣстіемъ о намѣреніи вашемъ ожидать окончанія дѣлъ неаполитанскихъ. Соображая извѣстную медленность австрійцевъ, я предвижу впередъ, что война эта продлится и васъ скоро не увижу. Впрочемъ, начатое Государемъ должно кончить какъ прилично Его величію. Истинно благодарю васъ за участіе въ моемъ здоровьи, но оно все въ одинаковомъ положеніи.

Письмо Раевскаго при семъ посылаю.

115.

4-го марта 1821 г. С.-Петербургъ.

Наконецъ изъ письма вашего, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 15-го (27-го) февраля, увидѣлъ я къ большому моему удовольствію, что возвращеніе ваше сюда приближается; а съ первымъ фельдъегеремъ надѣюсь имѣть отъ васъ увѣдомленіе и о самомъ днѣ вашего выѣзда, каковаго извѣстія съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Съ дѣломъ о нижнихъ чинахъ бывшаго Семеновскаго полка поступлю въ точности, какъ вы ко мнѣ пишете, равно какъ и съ дѣ-

ломъ о флейщикѣ Васильевѣ и рядовомъ Маторовѣ, которое поступило уже въ Аудиторіатъ.

Сравнительный счетъ, что̀ будетъ стоить гвардейская подвижная инвалидная рота и число сторожей, предполагаемыхъ для дома Главнаго Штаба, по составленіи не премину къ вамъ доставить.

Киселевъ дѣйствительно женится на Потоцкой, я получилъ отъ него о томъ письмо; надѣюсь, что онъ и васъ о томъ уже увѣдомилъ.

Вы изволите писать, что Удомъ назначенъ командиромъ между прочимъ и по моему письму къ вамъ; позвольте сказать, почтеннѣйшій князь, что въ письмѣ моемъ отъ 17-го декабря писалъ я къ вамъ о желаніи самого Удома получить это мѣсто, какъ я замѣтилъ изъ его разговора; впрочемъ, какъ прежде писалъ, такъ и теперь считаю нужнымъ увѣдомить васъ, что онъ все слабъ и не выѣзжаетъ, если же и выѣдетъ, то не полагаю, чтобъ надолго.

Какъ всякая шалость находитъ защитниковъ, то и за Корсакова многіе вступались; жалко только, что въ числѣ ихъ были самые его начальники.

Бибикова я спрашивалъ о причинѣ, по коей онъ идетъ въ отставку; онъ сказалъ мнѣ, что его побуждаютъ къ тому единственно разстроенныя домашнія дѣла, для коихъ долженъ онъ непремѣнно прожить три года въ деревнѣ, о чемъ онъ писалъ и къ вамъ. Впрочемъ, я имъ столько же доволенъ, какъ и вы.

Съ княземъ Голицынымъ я говорилъ и онъ вчера еще послалъ чиновника Максимова въ Брестъ-Литовскій.

Андржейковичъ истинно раскаивается въ своемъ поступкѣ, поставляя причиною то единственно, что онъ по долгу признательности къ графу Беннигсену хотѣлъ кончить его порученіе; но теперь со слезами признавался мнѣ, что онъ сдѣлалъ это весьма необдуманно и проситъ опредѣлить его куда угодно будетъ Государю. Письмо его о семъ къ вамъ препровождаю.

Судъ надъ Шварцомъ конченъ и отправленъ по командѣ для дальнѣйшаго разсмотрѣнія и Орловъ уволенъ на 28 дней въ Москву.

27-го января во дворцѣ за обѣдомъ у Императрицы Елисаветы Алексѣевны между генералами Толемъ и графомъ Орловымъ-Денисовымъ произошла ссора. По нездоровью моему я этотъ разъ во дворцѣ не обѣдалъ, а потому не знаю подробностей сей ссоры, но Васильчиковъ пишетъ къ вамъ о семъ обстоятельно.

Больныхъ въ здѣшнихъ госпиталяхъ необыкновенно прибавляется, такъ что если это продолжится, то я скоро буду въ затрудненіи куда

ихъ дѣвать. Сравнительную о числѣ ихъ вѣдомость за январь и февраль посылаю.

Аудиторскія дѣла опять начали у васъ гостить долго; убѣдительнѣйше прошу васъ поспѣшить ихъ окончаніемъ и присылкою сюда.

Посылку въ Тульчинъ къ графинѣ Витгенштейновой отправлю съ первымъ фельдъегеремъ, съ послѣднимъ же къ отправленію не поспѣла.

Письмо къ Паулуччи отправлено по почтѣ.

Душевно благодарю васъ, почтеннѣйшій князь, за участіе ваше въ моемъ здоровьѣ. Согласенъ весьма съ Рейманомъ, что движеніе могло бы мнѣ помочь, но не въ нынѣшнее время. Надняхъ выдержалъ я вновь жестокую головную боль, которая, впрочемъ, и почти всякій день не оставляетъ меня совсѣмъ.

116.

25-го марта 1821 г. С.-Петербургъ.

Письма ваши, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 2-го и 3-го марта, получилъ я 19-го числа въ день вшествія нашего въ Парижъ; дай Богъ, чтобъ это было счастливымъ предзнаменованіемъ.

О недаваніи никакихъ отпусковъ штабъ и оберъ-офицерамъ бывшаго Семеновскаго полка я сообщу Высочайшую волю г. главнокомандующему 1-ю арміею. Обресковъ былъ уволенъ сюда корпуснымъ командиромъ, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ подлиннаго его паспорта. Пріѣхалъ сюда 4-го февраля, а выѣхалъ 3-го числа сего мѣсяца.

При командирѣ 5-го корпуса графѣ Толстомъ находится адъютантомъ на лицо Кавалергардскаго полка поручикъ графъ Шереметевъ, тотъ самый, котораго мать въ замужествѣ за бывшимъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Ивашкинымъ. Тому нѣсколько мѣсяцевъ и я получилъ свѣдѣніе, что онъ пропалъ безъ вѣсти и тогда же писалъ о семъ партикулярно въ Москву, но меня увѣдомили, что онъ проигравшись въ карты и боясь матери, уѣхалъ самовольно въ Серпуховъ, гдѣ пробывши три дня возвратился назадъ. Обстоятельство сіе счелъ я весьма маловажнымъ, чтобъ доводить оное до свѣдѣнія вашего.

Какое производилось въ инспекторскомъ департаментѣ дѣло о безпорядкахъ по харьковскому Военно-Сиротскому отдѣленію, съ онаго выписку при семъ прилагаю. Свѣдѣній же, изъ коихъ бы видно было, что изъ сего отдѣленія назначаются 8 человѣкъ учителей въ рядовые за ложный доносъ на смотрителя, никакихъ я не получалъ, кромѣ того

только, что въ началѣ сего мѣсяца по представленію командира харьковскаго баталіона подполковника Беренгоршта разжалованы были три учителя, но не за ложный доносъ, а за дурное и развратное поведеніе.

О служившемъ въ квартирмейстерской части подпоручикѣ Зубковѣ препровождаю формуляръ.

Благодарю васъ покорнѣйше за реляцію о дѣйствіяхъ австрійцевъ. Желаю имъ всевозможныхъ успѣховъ.

По извѣстіямъ вашимъ о происшествіяхъ въ Туринѣ весьма ясно чего ожидать слѣдуетъ. Бунтовщики могутъ дѣйствовать въ тылъ австрійцамъ, коихъ войска, посланныя къ Неаполю, едва ли достаточны будутъ уничтожить и неаполитанскую армію. Заключеніе ваше на счетъ ненадежнаго положенія Франціи и даже Германіи не подлежитъ сомнѣнію. Тожь можно сказать и объ англичанахъ, которые, по своей торговой разсчетливости, не преминутъ воспользоваться распространяющимися безпокойствами. Прибавьте къ этому происшествіе, вамъ конечно уже извѣстное, о безпокойствахъ въ Молдавіи и Валахіи: будутъ ли равнодушно смотрѣть на это турки? Нельзя надѣяться и на нашихъ сосѣдей шведовъ, ожидающихъ случая возвратить Финляндію. Словомъ, большихъ происшествій ожидать должно и благоразумная предусмотрительность требуетъ брать заблаговременно мѣры.

Основываясь на семъ и имѣя въ виду, что армейскимъ полкамъ и даже гвардіи предназначено двинуться, я полагаю, что границы турецкія не должны быть слабы числомъ войскъ на всякій случай. Здѣшняя же столица и по положенію своему и по тому, что она болѣе иностранный нежели россійскій городъ, должна занять особенно ваше вниманіе. Множество здѣшнихъ разскащиковъ, между коими есть, безъ сомнѣнія, и злонамѣренные, требуютъ, чтобъ начальникъ въ городѣ былъ человѣкъ дѣятельный, рѣшительный и съ особенною властію; постарайтесь разспрашивать пріѣзжающихъ къ вамъ отсюда ѣдущихъ, къ коимъ имѣете вѣру и вы убѣдитесь до какой степени распространяются здѣсь вредные толки. Команду же надъ войсками, которыя здѣсь оставите, должно ввѣрить отличному генералу, который бы дѣйствовалъ въ случаѣ нужды рѣшительно, не спрашивая разрѣшенія. Надо весьма подумать о составѣ арміи и финансахъ. Въ арміи теперь большею частію молодые неопытные офицеры, весьма мало осталось тѣхъ, кои служили послѣднюю кампанію. По отставкамъ вижу, что и теперь безпрестанно выходятъ изъ службы штабъ и оберъ-офицеры отличные и потому нужно теперь же остановить всѣ просьбы, поданныя прежде 1-го января въ отставку, вымаравъ изъ приказовъ какіе у васъ теперь есть,

а я просьбы сіи возвращу къ главнокомандующимъ и къ отдѣльнымъ корпуснымъ командирамъ съ донесеніемъ, что теперь не то время, чтобъ идти въ отставку и тѣмъ нѣсколько остановить выходъ хорошихъ офицеровъ. При томъ не худо открыть свободное опредѣленіе въ службу тѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, кои служили прошедшую кампанію и уволены не за пороки. Остановить по всѣмъ частямъ ассигнованіе суммъ на такіе предметы, кои терпятъ время, чтобъ дать возможность Гурьеву изворачиваться, ибо онъ крехтитъ. Уничтоженіе полковыхъ обозовъ и несформированіе еще фурштатовъ потребуетъ экстраординарныхъ большихъ суммъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о себѣ. Положеніе европейскихъ дѣлъ, движеніе арміи и гвардіи очевидно показываютъ, что я скоро останусь здѣсь съ одними пустыми текущими дѣлами. Вы знаете, почтеннѣйшій князь, что во время нѣсколькихъ кампаній я всегда служилъ на ряду съ другими. Весьма не желаю и считаю для себя унизительнымъ быть въ настоящее время княземъ Гагаринымъ, занимаясь въ столицѣ письменными дѣлами во время военное. При томъ же думаю, что въ настоящее время я гораздо вамъ буду полезнѣе при васъ нежели здѣсь. Если же полагаете, что отъѣздъ мой отсюда произведетъ запутанность въ дѣлахъ, то на этотъ счетъ будьте покойны. По выступленіи войскъ за границу всякій легко исполнитъ здѣсь мою должность. Впрочемъ, я устрою такимъ образомъ, что дѣла пойдутъ точно такъ, какъ бы я здѣсь самъ находился, а развѣ только умножится нѣсколько количество нерѣшенныхъ текущихъ дѣлъ, что не заслуживаетъ особеннаго вниманія, и если бы это случилось, то поправить послѣ не будетъ затрудненія. И такъ, почтеннѣйшій князь, я увѣренъ, что вы не будете отлагать за меня приняться и я жду съ нетерпѣніемъ приказанія вашего къ вамъ отправиться. Приготовленіемъ я уже занялся; оно меня ни мало не задержитъ; число чиновниковъ возьму только нужное. Походный нашъ обозъ, сдѣланный для дежурства, очень теперь пригодится.

Гурьевъ при разговорѣ со мною сказывалъ мнѣ, что весьма бы полезно было, чтобъ полки при выступленіи за границу не брали туда съ собою артельныхъ и другихъ денегъ ассигнаціями, а размѣняли бы ихъ въ Россіи на звонкую монету; или взять у нихъ ассигнаціи въ казну до возвращенія полковъ въ Россію. Сію мѣру признаетъ онъ нужною для того, чтобъ не надѣлали за границею фальшивыхъ нашихъ ассигнацій, какъ въ прежнія кампаніи было. Обстоятельство сіе предоставляю вашему разсмотрѣнію.

Генералъ и флигель-адъютанты, а равно и ваши адъютанты, услы-

тавъ о движеніи войскъ, приступаютъ ко мнѣ, чтобъ имъ объявилъ, нѣтъ-ли какого имъ назначенія; а потому я довожу сіе до вашего свѣдѣнія на тотъ предметъ, чтобъ вы разрѣшили меня, что имъ отвѣчать.

Ермоловъ для объясненія съ Государемъ о дѣлахъ грузинскихъ уѣхалъ къ вамъ вчера.

Ящикъ, доставленный отъ Селявина, отправленъ съ фельдъегеремъ при немъ находящимся.

Бибиковъ на дняхъ къ вамъ отправляется, Кремковскій тоже; они снабжены отъ меня прогонами въ одинъ путь.

По полученіи здѣсь указовъ о движеніи войскъ, на другой же день говорили о семъ въ городѣ, вѣроятно по перепискѣ иностранныхъ министровъ и купеческихъ конторъ. О назначеніи Ермолова также извѣстно въ городѣ, хотя слуховъ о семъ меньше. Великій князь Михаилъ Павловичъ сказывалъ, что о назначеніи Алексѣя Петровича писалъ Цесаревичъ къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Михаилъ Павловичъ спрашивалъ о семъ Ермолова и меня, но отъ обоихъ насъ получилъ отвѣтъ, что мы ничего о семъ не знаемъ.

Всѣхъ находящихся здѣсь изъ разныхъ армейскихъ полковъ въ отпуску штабъ и оберъ-офицеровъ, не смотря на то, что сроки ихъ отпускамъ не кончились, высылаю я къ ихъ командамъ. Когда же получено будетъ повелѣніе о выступленіи гвардіи, то напишу всѣмъ комендантамъ о высылкѣ къ полкамъ и гвардейскихъ офицеровъ, не смотря также на то, что отпуски ихъ не кончились.

Прибывшіе на укомплектованіе гвардіи люди, впредь до возвращенія Государя, прикомандированы были къ гренадерскимъ полкамъ императора австрійскаго, короля прусскаго и наслѣдника принца прусскаго; а какъ оставленіе ихъ при сихъ полкахъ обременило бы оные при движеніи корпуса, то я совѣтовалъ Васильчикову распредѣлить сихъ людей въ гвардейскіе полки, что онъ и приводитъ въ исполненіе.

Посылаю къ вамъ особое донесеніе на счетъ рекрутъ кавказскаго корпуса.

Согласно желанію вашему говорилъ я Ермолову о назначеніи генералъ-маіоровъ: Нейдгарта— начальникомъ штаба, а Шуберта —генералъ-квартирмейстромъ. Но онъ полагаетъ, что Шубертъ не могъ пріобрѣсть въ одномъ корпусѣ бывшемъ во Франціи такихъ познаній, которыя бы могли сдѣлать его способнымъ къ сей должности. Нейдгарта же считаетъ онъ болѣе способнымъ къ занятію мѣста генералъ-квартирмейстра, тѣмъ болѣе, что онъ по сей части употребленъ уже былъ въ послѣднюю кампанію покойнымъ главнокомандующимъ. Дежурнымъ генераломъ на-

значаетъ онъ генералъ-маіора Головина, а о начальникѣ штаба хотѣлъ лично съ вами объясниться.

117.

1-го апрѣля 1821 г. С.-Петербургъ.

Послѣ фельдъегеря, пріѣхавшаго 19-го числа сего мѣсяца, другаго отъ васъ не пріѣзжало. Вы можете себѣ представить, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, какъ непріятно оставаться такъ долго въ невѣдѣніи о томъ, что̀ у васъ происходитъ, особливо въ настоящее время. При томъ же это самое даетъ пищу разнымъ пустымъ толкамъ и слухамъ. Посему я вновь прошу васъ, почтеннѣйшій князь, не скупиться фельдъегерями, а отправлять ихъ сюда ежедневно, буде нѣтъ особенной причины, по которой нельзя сего сдѣлать.

Ермоловъ, готовый уже садиться въ коляску, вдругъ занемогъ лихорадкой и долженъ былъ нѣсколько еще дней здѣсь остаться, чтобъ не занемочь хуже въ дорогѣ. Но завтра непремѣнно уѣзжаетъ.

Успѣхи австрійскихъ войскъ въ неаполитанскихъ владѣніяхъ болѣе не занимаютъ здѣшнюю публику, а обратили вниманіе на происшествія піемонтскія и молдавскія. Послѣднія болѣе всего занимаютъ разсказчиковъ и весьма многіе одобряютъ поступокъ Ипсилантія, совершенно, мнѣ кажется, противный нашей политикѣ.

25-го числа сего (прошлаго?) мѣсяца общество благородныхъ давало концертъ въ пользу двухъ семействъ бѣдныхъ. Офицеры лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Капнистъ и квартирмейстерской части Скалонъ развозили сами по домамъ билеты. Хотя бы это было и къ знакомымъ, то и тогда, полагаю, поступокъ ихъ былъ бы неприличенъ въ нашемъ понятіи о чести и званіи офицера, а тѣмъ хуже, если они ѣздили по незнакомымъ, изъ которыхъ могли нѣкоторые высылать деньги и съ лакеями. Узнавши объ этомъ, я тогда же сказывалъ Васильчикову и Селявину.

28-го числа сего мѣсяца Чаликовъ померъ. Не замедлите назначеніемъ полковаго и дивизіоннаго командира.

Посылаю для свѣдѣнія вашего приказъ Юзефовича по дивизіи отданный.

118.

8-го апрѣля 1821 г. С.-Петербургъ.

Графъ Ожаровскій пріѣхалъ сюда 3-го числа сего мѣсяца, а чрезъ два часа послѣ него прибылъ и Паркачовъ, отправленный отъ васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, 20-го марта. За два привезенныя ими письма ваши, отъ 8-го и 17-го марта, чувствительнѣйше вамъ благодарю; первое изъ нихъ доставленное подпоручикомъ Лукьяненкомъ, ѣхавшимъ съ Ожаровскимъ, было не запечатано, а только вложено въ конвертъ, который при семъ посылаю.

Выступленіе гвардіи произведетъ дѣйствительно въ здѣшней столицѣ уныніе, которая не прежде выступитъ 25-го числа.

Судя по извѣстіямъ отъ васъ сообщеннымъ, піемонтцы послѣ занятія Неаполя, вѣроятно, не окажутъ большаго сопротивленія. Теперь надо смотрѣть только на Францію, останется-ли она въ покоѣ и не приметъ-ли участія въ дѣлахъ Піемонта.

Секретъ вашъ о Ермоловѣ прежде еще его выѣзда сдѣлался здѣсь извѣстнымъ изъ берлинскихъ газетъ, изъ которыхъ выписку при семъ посылаю. Онъ уѣхалъ къ вамъ 2-го числа, но судя по дурной погодѣ и по тому, что онъ еще не совсѣмъ здоровъ, полагаю, что пріѣдетъ къ вамъ не прежде какъ въ концѣ сего мѣсяца. О женитьбѣ его на Пашковой и здѣсь пронесся слухъ, тогда какъ ни онъ, ни со стороны Пашковыхъ о семъ не помышляли. Если же бы было что-либо похожее, то я тогда же бы васъ увѣдомилъ. Изъ словъ Ермолова замѣтилъ я, что ему бы пріятно было, когда бы Государь изволилъ сдѣлать камеръ-юнкеромъ зятя его Павлова, котораго формуляръ на всякій случай при семъ къ вамъ посылаю. Я увѣренъ, что вы, почтеннѣйшій князь, охотно употребите о семъ ваше ходатайство.

Согласно желанію вашему отправилъ я шесть экземпляровъ Свода Законовъ въ Москву къ генералъ-маіору Муравьеву. Предположеніе ваше, чтобъ колоновожатые учились военнымъ законамъ столь общеполезно, что не худо бы включить ихъ въ программу экзамена дворянъ, опредѣляющихся въ гвардію юнкерами, а также и по артиллеріи.

Веселицкій желаетъ носить мундиръ квартирмейстерскій какъ приличный его званію, и смѣю удостовѣрить васъ, что его не унизитъ. Что же касается до дурныхъ дѣлъ по Оренбургу, то онъ въ нихъ ни мало не участвуетъ, занимаясь единственно обязанностію своею по званію начальника штаба. Пріѣхавшій недавно оттуда статскій совѣтникъ Тим-

ковскій говоритъ, что всѣми дѣлами управляетъ у Эссена адъютантъ его Германъ, дежурный штабъ-офицеръ Стеллигъ и оберъ-аудиторъ Терентьевъ; но правда-ли это не ручаюсь. Зная службу Веселитскаго, его познанія и правила, я прошу васъ, почтеннѣйшій князь, исходатайствовать ему просимый мундиръ, что приму я для себя собственно за ваше одолженіе.

Пакетъ къ маркизу Паулуччи получилъ и къ нему отправилъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Михайла Орловъ женившись остепенится и къ хорошимъ своимъ качествамъ прибавитъ скромность, которой у него доселѣ не доставало.

Удомъ все болѣнъ и едва-ли въ состояніи будетъ ѣхать съ полкомъ, который порученъ впредь до его выздоровленія полковнику Шипову.

За увольненіе и награжденіе Карпова приношу мою наичувствительнѣйшую благодарность.

Распоряженіе объ Ипсилантіѣ и его возмущеніи совершенно приличны положенію дѣлъ. Каковъ-то будетъ успѣхъ возмущеній, которыя возникли со всѣхъ сторонъ турецкихъ владѣній. Приказъ объ увольненіи въ отпускъ адъютанта генерала Раевскаго, втораго князя Ипсилантія, уже разосланъ; но если вы писали къ главнокомандующему и къ Раевскому, то дѣйствіе его остановить успѣютъ. Третій князь Ипсилантій, служившій въ Кавалергардскомъ полку штабсъ-ротмистромъ, о коемъ изволите испрашивать, уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ ротмистромъ, приказомъ 20-го октября 1820 года. Формуляръ его при семъ прилагаю.

Послѣдніе строевые мѣсячные рапорты гвардейскаго корпуса и прочіе посылаю къ вамъ при особомъ донесеніи.

Дѣйствительно, полиція дѣлаетъ при развѣдываніи неприличные вопросы рядовымъ, какъ замѣчать можно изъ дѣлъ. Впредь не премину при допросахъ спрашивать у нижнихъ чиновъ, были-ли они въ большой школѣ взаимнаго обученія. О бомбардирѣ Васильевѣ исполню въ точности по Высочайшей объ немъ резолюціи.

Грамоту Желтухину на 2-го Владиміра остановилъ я согласно желанію Васильчикова, который о семъ подробно пишетъ.

О происшествіи, случившемся надняхъ въ одной ротѣ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, получите также подробное донесеніе отъ Васильчикова.

Хотя положеніе европейскихъ дѣлъ подаетъ надежду, что движеніе войскъ нашихъ останется одною мѣрою предосторожности, но не меньше того съ выступленіемъ гвардейскаго корпуса, входящаго въ составъ 1-й

арміи, изъ которой всѣ важнѣйшія донесенія будутъ поступать къ вамъ прямо и отъ васъ непосредственно будетъ дѣлаться разрѣшеніе, занятіи мои здѣсь ограничатся самыми незаслуживающими вниманія бумагами. Вы, почтеннѣйшій князь, сами согласитесь, что оставаться при нихъ въ настоящее время, которое нельзя не назвать военнымъ, тѣмъ для меня чувствительнѣе, что другіе подумаютъ, что я оставаясь здѣсь доселѣ и вовсе употребленъ не буду въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. И потому мыслю, что дойдетъ-ли дѣло до военныхъ дѣйствій или нѣтъ, я въ обоихъ случаяхъ полезнѣе вамъ буду при васъ, нежели здѣсь, и тѣмъ полезнѣе, чѣмъ скорѣе меня вытребуете.

Представляю сего числа на разрѣшеніе ваше, какъ предполагаю поступать съ женами бывшаго Семеновскаго полка здѣсь остававшимися послѣ отправленія мужей ихъ по назначенію.

119.

15-го апрѣля 1821 г. С.-Петербургъ.

Изъ письма вашего, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 24-го марта, съ большимъ удовольствіемъ вижу, что дѣла уже идутъ не къ войнѣ, а къ миру. Съ окончаніемъ дѣлъ піемонтскихъ вѣроятно пріѣхалъ уже къ вамъ Гр. Моцениго, а за симъ не думаю уже, чтобъ во Франціи возникли безпокойства въ нынѣшнее время. Что же будетъ впредь отвѣчать нельзя, да и за самый Неаполь и Туринъ никто не поручится, не смотря на приглашеніе, дѣлаемое отъ народа королямъ, которые, конечно, не безъ внутренняго опасенія возвратятся въ свои столицы.

Удивляюсь, что Киселевъ скрываетъ отъ васъ о своей женитьбѣ, теперь уже довольно гласной.

Больныхъ дѣйствительно всякій годъ прибавляется въ госпиталяхъ къ веснѣ, но въ нынѣшній годъ прибавилось ихъ болѣе прежнихъ лѣтъ, а сіе и побудило меня послать къ вамъ объ нихъ вѣдомость. Впрочемъ, ораніенбаумскій госпиталь имѣлъ я всегда въ виду и всѣ распоряженія на счетъ его мною давно сдѣланы. Теперь прибыль больныхъ уменьшается, а съ выступленіемъ гвардіи и съ наступленіемъ сухаго теплаго времени, еще ихъ будетъ менѣе.

Объ Имбергѣ не премину доставить вамъ свѣдѣніе.

Принцъ Мекленбургскій ѣдетъ въ Москву 19-го числа сего мѣсяца.

Эссенъ провожаетъ его до границы. Я сдѣлалъ всѣ нужныя по сему случаю распоряженіи и вытребовалъ отъ министра финансовъ деньги.

Братъ Алексѣй (Ермоловъ) не такъ скоро къ вамъ будетъ; ѣдетъ онъ тихо отъ болѣзни, которая не совсѣмъ еще его оставила и отъ дурной дороги. Назначеніе ему квартиры близко васъ доставитъ вамъ частое удовольствіе слышать его разсказы весьма забавные и интересные.

Гвардія начинаетъ выступать съ 26-го числа.

Васильчиковъ доноситъ вамъ подробно о происшествіи, случившемся на дняхъ въ Преображенскомъ полку. Согласитесь, почтеннѣйшій князь, что въ гвардіи какъ дурно командуютъ полковые командиры, не зная совершенно обходиться съ своими подчиненными и не умѣя ихъ держать какъ слѣдуетъ, по какой-то неумѣстно употребляемой деликатности! Поведеніе подчиненныхъ зависитъ отъ поведенія и справедливой строгости начальниковъ. Воображаю, какъ непріятно будетъ Государю получить таковыя извѣстія, особенно въ нынѣшнее время, и безъ сомнѣнія, нельзя на нихъ смотрѣть равнодушно. Происшествіе это, а также и прежде случившееся Л.-Гв. въ Финляндскомъ полку, подало поводъ къ распространенію вновь нелѣпыхъ слуховъ. Подобные непріятные случаи, встрѣчающіеся уже довольно часто въ гвардіи, требуютъ, какъ я думаю, обратить особенное вниманіе на полковыхъ командировъ, которые, не бывъ въ состояніи снискать уваженія и почтенія своихъ подчиненныхъ, еще можетъ быть развращаютъ ихъ своими нелѣпыми разговорами. Должно прекратить зло это въ самомъ началѣ. Поздно уже будетъ принимать мѣры, когда отъ сего произойдетъ что либо важное. Имѣйте это въ виду, почтеннѣйшій князь. Отъ офицеровъ молодыхъ, неопытныхъ, вѣтренныхъ, не умѣющихъ уважать начальство и думать и заботиться о своихъ подчиненныхъ, всего дурнаго ожидайте. Они не могутъ быть гвардейскими офицерами: недостаточно того для службы, особливо теперь, что они добры и любезны.—нужно чтобъ умѣли исполнять свои обязанности и заставлять подчиненныхъ уважать себя. Долгъ мой есть сказать вамъ это, почтеннѣйшій князь, отъ васъ же зависитъ поступать по благоусмотрѣнію.

По дѣлу Смоленскому, отосланному по порядку въ Государственный Совѣтъ, прилагаю копію съ заключенія Аудиторіата. Я читалъ его княгинѣ, вашей тетушкѣ.

Здѣшній почтъ-директоръ Булгаковъ проситъ объ опредѣленіи въ пажескій корпусъ племянника его, сына роднаго его брата, дѣйствительнаго статскаго совѣтника; сему малолѣтнему имя Константинъ; отъ роду имѣетъ 8 лѣтъ. Почтъ-директоръ Булгаковъ человѣкъ весьма хорошій,

служилъ и служитъ отлично, и потому если не для его брата, то для его самого, прошу васъ, почтеннѣйшій князь, испросить сію милость Государя. Къ сей просьбѣ побуждаетъ меня и то еще, что Булгаковъ по званію своему большія дѣлаетъ услуги и пособія для дежурства, которое въ противномъ случаѣ весьма бы затруднялось при пересылкѣ бумагъ и книгъ. Нельзя не быть за это благодарнымъ: не всѣ дѣлаютъ для насъ то, что Булгаковъ, какъ, напримѣръ, таможни.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій князь, со всею искренностію за поздравленіе съ праздникомъ; Грушинька благодаритъ васъ равномѣрно; уже съ недѣлю она въ постелѣ отъ нервической лихорадки, которая привела ее въ большую слабость. Грушинька свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

120.

27 октября 1822 г. Петербургъ.

Въ октябрѣ увѣдомилъ васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, что для удостовѣренія дѣйствительно-ли отданъ былъ по 2-й арміи приказъ, который здѣсь по городу ходитъ, послалъ въ Тульчинъ эстафету. Нынѣ съ возвращеніемъ оной получилъ донесеніе отъ дежурнаго генерала 2-й арміи, которое при семъ въ оригиналѣ къ вамъ посылаю. Отвѣтъ сей я немедленно сообщилъ графамъ Кочубею и Милорадовичу, для отысканія гнуснаго сочинителя сего приказа.

Вчера осматривалъ новый и отличный нашъ архивъ, который приводится къ окончанію, и я думаю черезъ мѣсяцъ совсѣмъ будетъ отдѣланъ. Я нашелъ, что строеніе сіе, будучи отдѣлываемо осенью и штукатурено весьма поздно, набрало въ себя столько сырости, что зимою нѣтъ способа перевесть въ оный дѣлъ. Если теперь вздумаете переводить архивъ сей, то почти навѣрное положить можно, что къ веснѣ половина бумагъ перегніетъ отъ сырости. По моему мнѣнію, прежде іюня будущаго года дѣлъ перевозить невозможно. Всю же зиму должно топить архивъ какъ возможно болѣе и тогда можно надѣяться, что сіе зданіе будетъ сухо и сохранитъ дѣла какъ слѣдуетъ.

Присемъ долгомъ считаю напомнить вамъ на счетъ Семеновскаго дѣла. Постарайтесь о скорѣйшемъ окончаніи онаго, чѣмъ многихъ успокоите. Вамъ извѣстно, что у меня хранятся по оному нѣкоторые портфёли и пакеты, принадлежащіе частнымъ лицамъ, да и въ Витебскѣ таковые же оставлены судомъ, въ коихъ есть документы, касающіеся до

собственности сихъ лицъ и другія частныя бумаги, которыя не могу возвратить до окончанія дѣла сходно Высочайшей волѣ и которыя, между тѣмъ, для нихъ весьма нужны.

Въ бытность мою въ Вѣнѣ просилъ васъ о скульпторѣ Орловскомъ, получившемъ отпускную отъ Шатилова. Воля Государя была, чтобъ его отправить въ Италію, и вы сами имъ интересовались и говорили, что писали къ кн. Голицыну передъ вашимъ отъѣздомъ объ отправленіи его. По прибытіи моемъ сюда, вытребовалъ изъ вашей канцеляріи все дѣло о немъ производившееся и изъ отвѣта князя Голицына (съ коего копію присемъ прилагаю) увидѣлъ, что ни онъ, ни президентъ академіи не желаютъ его отправлять и откладываютъ сіе отправленіе на будущее, весьма неопредѣленное время. Между тѣмъ, молодой художникъ теряетъ напрасно время, ибо въ нашей академіи онъ успѣховъ сдѣлать не можетъ, потому что учители, видя въ немъ пришельца, а не ихъ воспитанника, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на его работу; и сверхъ того, онъ самъ, видя таковое къ нему равнодушіе и даже недоброжелательство, теряетъ духъ совершенно, лишаясь надежды быть отправленнымъ въ Италію и видя что здѣсь усовершенствовать себя не можетъ. Даже самъ Мартосъ, по словамъ его, недоброжелательствуетъ ему болѣе и нимало не занимается его работою, обижаясь тѣмъ, что многіе, хваля сдѣланный для биржи бюстъ Государя, приписываютъ оный искусству Орловскаго.

Справедливость требуетъ, чтобы вы, почтеннѣйшія князь, исторгли его изъ нашей академіи и тѣмъ не дали бы погаснуть родившемуся въ семъ молодомъ художникѣ таланту. Вы сами изволили писать Шатилову, что Государю угодно было купить у него сего человѣка, съ тѣмъ чтобы отправить его въ Италію для усовершенствованія. Это одно заставило его дать ему отпускную, ибо онъ прежде хотѣлъ отправить его туда на свой счетъ. За что же теперь, сдѣлавшись вольнымъ, Орловскій лишается той выгоды, которая ему предстояла во время бытности его крѣпостнымъ человѣкомъ? Сверхъ того, какъ изъ бумаги Оленина вы увидите, онъ жалованья никакого не получаетъ, а содержитъ себя собственными трудами. Какіе же онъ можетъ дѣлать успѣхи въ ученіи, когда долженъ вмѣсто ученія работать для того, чтобы содержать себя? Спасите его, прикажите рѣшительно его отправить съ фельдъегеремъ, къ вамъ отправляющимся, дабы лишить академію возможности увертываться и почтите меня увѣдомленіемъ, что въ пользу его сдѣлаете. Теперь же, пока сами будете въ Италіи, время самое удобное отдать его на руки хорошему художнику по вашему усмотрѣнію.

Тетушка ваша третьяго дня пріѣхала сюда и славу Богу здорова; письмо ея при семъ посылаю. Княгинѣ и княжнѣ прошу сказать мое почтеніе.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будте здоровы, веселы, кончайте скорѣе дѣла въ Веронѣ и возвращайтесь къ намъ и не забывайте вамъ душевно преданнаго.

121.

3-го ноября 1822 г. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ искреннѣйшую благодарность, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 8-го октября. Описаніе мѣстъ, которыя вы проѣзжали и въ коихъ теперь находитесь, такъ привлекательно, что завидно думать отъ чего столько прелестей разсыпано природою въ другихъ мѣстахъ и отъ чего такая бѣдность въ оныхъ въ нашемъ краю. Вы кушаете мороженое и любуетесь разцвѣтающими розами, а мы кутаемся въ шубы и отъ непогоды не смѣемъ показаться на улицу.

Вы меня весьма утѣшили увѣдомленіемъ, что вы здоровы. Отъ искренняго сердца желаю, чтобъ вы были освобождены и отъ чирьевъ вашихъ, которые хотя и не могутъ почесться болѣзнію, но не менѣе того весьма безпокойны.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за отправленіе моего письма къ Аграфенѣ Федоровнѣ и за увѣдомленіе о ней.

Любопытно знать, какъ идутъ ваши конференціи въ Веронѣ и скоро-ли онѣ возвратятъ васъ къ намъ. Нетерпѣливо сего ожидаю. Старайтесь, почтеннѣйшій князь, сбывать наши дѣла аудиторіатскія: ихъ такъ много теперь уже у васъ накопилось и такъ давно не высылали оныхъ съ Высочайшими резолюціями. Между тѣмъ, сколько человѣкъ томятся въ ожиданіи рѣшенія своей участи! Штабъ нашъ нашелъ въ томъ же порядкѣ, какъ онъ былъ и прежде; а объ архивѣ я писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ.

По желанію его высочества Николая Павловича ѣздилъ въ Михайловскій замокъ смотрѣть новое помѣщеніе въ ономъ Инженернаго Управленія. Долженъ признаться, что устройство какъ департамента, такъ и инженерной школы и прочихъ частей мнѣ очень понравилось. Все отдѣлано богатою рукою и со вкусомъ, и притомъ удобности также не упущены изъ виду.

Приказы корпуснаго командира, которые и къ вамъ, конечно, доставляются, занимаютъ здѣсь весь городъ и до того прославились своею странностію, что многіе любопытные готовы платить хоть по 10 руб. за листокъ, чтобы только имѣть ихъ. Вотъ какъ дорого цѣнятъ твореніе нашего Федора Петровича (Уварова) и признаться вамъ долженъ, что отъ сихъ сочиненій никто кромѣ службы не терпитъ.

Вчера досталъ копію съ предписанія, даннаго на имя генерала Гельфрейха въ 816 или 17-мъ году въ бытность еще графа Витгенштейна командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса. Оное совершенно сходно съ извѣстнымъ вамъ приказомъ, какъ вы сами изволите увидѣть изъ прилагаемой копіи. По сему сообщилъ г. Гельфрейху немедленно увѣдомить меня дѣйствительно-ли было дано ему таковое предписаніе и прислать мнѣ оное въ подлинникѣ, а по полученіи немедленно оное отправлю къ вамъ. Впрочемъ, если приказъ сей и не иное что какъ сіе предписаніе, то все весьма непріятно видѣть, что есть люди, желающіе унизить званіе главнокомандующаго; ибо съ сею цѣлію только можно было распустить, что таковое предписаніе было главнокомандующимъ объявлено приказомъ по всей арміи.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, возьмите на себя трудъ засвидѣтельствовать мое почтеніе княгинѣ Софьѣ Григорьевнѣ и княжнѣ Александрѣ Петровнѣ; будьте здоровы, веселы. Возвращайтесь къ намъ скорѣе и не забывайте душевно преданнаго вамъ.

122.

1-го декабря 1822 г. С.-Петербургъ.

Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 7-го (19-го) ноября. О причинѣ командировки Жуковскаго въ Ревель прилагаю особую записку, изъ коей усмотрите, что описанныя въ доносѣ злоупотребленія оказались по слѣдствію его вовсе неосновательными. Сходно Высочайшей волѣ мнѣ вами объявленной, я сдѣлалъ сношенія съ княземъ Голицынымъ и Дивовымъ, чтобъ ни приказы военныхъ начальниковъ, ни другія какія-либо распоряженія по военной части безъ моего увѣдомленія не были помѣщаемы, ни въ газетахъ русскихъ или иностранныхъ подъ вѣдомствомъ ихъ издаваемыхъ, ни въ періодическихъ изданіяхъ, какъ то было уже въ 3-хъ книжкахъ журнала «Благонамѣренный», которыя я къ вамъ отправилъ; кажется, что за сими распоря-

женіями можете уже быть покойны, что публика не будетъ имѣть случая видѣть изъ газетъ отличныя творенія и должна будетъ стараться доставать самые приказы для корпусовъ печатаемые, чтобы ими любоваться. Иностранцы же вовсе будутъ лишены сего удовольствія, такъ какъ они оные только изъ газетъ почерпали. Во время вашего и моего пребыванія за границею, одинъ изъ приказовъ Уварова былъ помѣщенъ въ «Русскомъ Инвалидѣ»; я истребовалъ отъ директора типографіи объясненіе, на чемъ основываясь онъ его напечаталъ и оное въ оригиналѣ при семъ къ вамъ препровождаю на разсмотрѣніе. На будущее же время сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ и въ «Инвалидъ» таковыхъ помѣщаемо не было безъ особаго моего приказанія.

29-го ноября было въ присутствіи корпуснаго командира ученье одного эскадрона Конной Гвардіи; я ходилъ смотрѣть оное и нашелъ, что лошади въ ономъ эскадронѣ славныя и хорошо выѣзжаны—тутъ видѣлъ я скачку такую, каковой на ученьѣ при Государѣ видѣть не случалось. Полковые командиры отъ сего въ отчаяніи и увѣряютъ, что если это продолжится долго, то всѣ лошади въ полкахъ будутъ разбиты.

Алексѣй Орловъ, хотя и уволенъ по Высочайшему приказу въ отпускъ, но не желаетъ онымъ воспользоваться до возвращенія Государя, дабы въ точности исполнять волю корпуснаго командира, и я нахожу, что для пользы службы онъ это хорошо дѣлаетъ.

Въ день Святаго Георгія былъ храмовой праздникъ въ нашей церкви Главнаго Штаба; всѣ генералы къ штабу принадлежащіе, какъ-то: Толь, Княжинъ, Селявинъ, Хатовъ, всѣ старшіе адъютанты, офицеры квартирмейстерской части, чиновники наши и писаря были у обѣдни. Пѣвчіе наши сдѣлали большіе успѣхи, такъ что уже ихъ слушать не больно ушамъ.

Для облегченія доклада вашего Государю по дѣламъ аудиторіатскимъ, которыхъ накопилось довольно, я думаю было бы удобно дѣлать изъ нихъ еще особыя выписки, каковымъ форму при семъ прилагаю на ваше усмотрѣніе. Если вы найдете ее удобною и могущею ускорить рѣшеніе сихъ дѣлъ, то неугодно ли будетъ приказать въ вашей канцеляріи сдѣлать согласно съ оною записку по тѣмъ дѣламъ, которыя уже у васъ находятся. На будущее же время я буду таковыя къ вамъ представлять вмѣстѣ съ докладами, на Высочайшую конфирмацію подносимыми.

О Янушевичѣ была дѣйствительно переписка два года тому назадъ, еще до отданія его въ рекруты, о чемъ особую записку вамъ представляю.

*

При семъ не могу умолчать, чтобъ не сообщить вамъ новость: до сихъ поръ графы Милорадовичъ и Сакенъ, не знаю по какимъ причинамъ, оказывали такое нерасположеніе другъ къ другу, что нигдѣ почти не съѣзжались въ публикѣ и даже не кланялись одинъ другому, что никакъ, по мнѣнію моему, не прилично въ ихъ званіяхъ, чѣмъ давали молодежи весьма дурной примѣръ и вмѣстѣ подавали случай не хорошо говорить на ихъ счетъ. Съ нѣкотораго же времени къ удовольствію всѣ замѣтили въ нихъ ужасную перемѣну, и они уже вездѣ другъ другу оказываютъ большую вѣжливость.

Вчера получилъ отъ графа Витгенштейна пакетъ на ваше имя съ объясненіемъ на счетъ мнимаго приказа, будто бы имъ отданнаго по 2-й арміи, который при семъ препровождаю, равно какъ и письмо его ко мнѣ по сему предмету. Старику Петру Ивановичу, благодаря Бога, становится гораздо лучше. Присланныя отъ васъ письма всѣ по адресамъ доставилъ исправно.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы и возвращайтесь къ намъ скорѣе. Иностранныя газеты обѣщаютъ намъ скоро удовольствіе съ вами увидѣться, но вы о семъ ничего не пишите. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе княгинѣ и княжнѣ и не забывайте душевно вамъ преданнаго.

123.

8-го декабря 1822 г. С.-Петербургъ.

Чувствительнѣйше благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письма ваши отъ 15-го, 16-го и 18-го ноября съ послѣднимъ фельдъегеромъ отъ васъ присланныя. Сердечно былъ радъ видѣть изъ оныхъ, что вы здоровы и опредѣляете уже время вашего къ намъ возвращенія. Весьма бы желательно для насъ было, чтобъ вы оное еще поускорили и встрѣтили бы новый годъ вмѣстѣ съ нами. Очень вамъ благодаренъ за присылку афишъ о вашихъ увеселеніяхъ; праздникъ въ древнемъ римскомъ театрѣ долженъ быть прелестный, тѣмъ болѣе что и погода къ оному благопріятствовала. Любопытно было видѣть 55 тысячъ человѣкъ въ одномъ мѣстѣ соединенныхъ; кромѣ Италіи сего нигдѣ почти увидѣть невозможно.

Вы можете быть покойны, почтеннѣйшій князь, на мой счетъ, что о вашемъ возвращеніи я никому говорить не стану, но, между тѣмъ, нужнымъ считаю васъ увѣдомить, что и безъ того во всемъ городѣ

извѣстно время вашего возвращенія и всѣ о немъ говорятъ, основываясь на иностранныхъ газетахъ, описывающихъ когда всѣ изъ конгресса разъѣдутся и куда поѣдутъ. Тетушкѣ вашей, по вашему желанію, сказалъ о настоящемъ времени, къ коему должна она васъ ожидать.

Увидѣвши изъ вашего письма, что на передѣлку Михайловскаго зàмка отпущено много денегъ (чтò мнѣ не было извѣстно), я не удивляюсь болѣе, что онъ такъ хорошо устроенъ. Чего деньгами нельзя сдѣлать? Его, дѣйствительно, не должно сравнивать съ нашимъ штабомъ, собственными экономическими крохами украшеннымъ; но не менѣе того пріятно видѣть, что и деньги употреблены съ пользою, а не брошены безъ всякаго толку, какъ то нерѣдко случается по разнымъ частямъ.

Страсть къ сочиненію приказовъ едва-ли можетъ когда прекратиться, пока будетъ дана къ тому свобода (горбатаго исправитъ одна могила, говоритъ пословица). Я спрашивалъ у князя Голицына, на чемъ основывалась академія наукъ помѣщать въ издаваемыхъ ею вѣдомостяхъ приказы и полученный отъ него отвѣтъ при семъ посылаю.

Неутѣшительно слышать отъ васъ, что наши аудиторіатскія дѣла никакъ не идутъ съ рукъ: ихъ уже такъ много накопилось, что послѣ не будете знать, что съ ними и дѣлать; а между тѣмъ, сколько несчастныхъ томятся въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи! Я думаю, что и министръ финансовъ не слишкомъ вамъ благодаренъ за неразрѣшеніе до сихъ поръ военной смѣты; это должно его чрезвычайно затруднять въ его планахъ. Скульпторъ Орловскій получилъ, наконецъ, отправленіе отъ академіи, и я, согласно вашему разрѣшенію, отправилъ его съ послѣднимъ фельдъегеремъ; не знаю довезетъ-ли онъ его, ибо онъ слабаго сложенія, и едва-ли будетъ въ состояніи выдержать фельдъегерскую скачку.

Я призывалъ Сеславина и объявилъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему 45 тысячъ и повелѣніе принять въ службу съ состояніемъ по кавалеріи. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ проситъ о принятіи его по кавалеріи съ причисленіемъ въ свиту Его Величества, и если сего сдѣлано не будетъ, то проситъ не отдавать въ приказѣ о его опредѣленіи и даже не посылать вашего отношенія къ министру финансовъ; что онъ на семъ основаніи готовъ отказаться и отъ пожалованныхъ денегъ, не взирая на разстроенное его положеніе, и наконецъ, настоятельно проситъ, чтобы ничего рѣшительнаго на его счетъ не дѣлали до возвращенія Государя, котораго онъ хочетъ лично просить о семъ. Опасаясь, чтобы онъ будучи принятъ противъ его желанія по кавалеріи не сдѣлалъ какихъ-нибудь непріятностей, по возвращеніи вашемъ,

я рѣшился удержать отношеніе впредь до вашего разрѣшенія, и также вымарать его изъ приказа. Если же сіе неугодно будетъ Государю, то вы внесете его вторично въ первый приказъ, какой въ то время утверждать будете и увѣдомите меня объ отправленіи отношенія къ министру финансовъ.

Надняхъ прибылъ сюда Шеншинъ; не взирая на боль въ ногѣ, вступаетъ въ командованіе полка и принимаетъ уже его отъ Палицына на законномъ основаніи. Съ симъ фельдъегеремъ посылается къ вамъ представленіе объ увольненіи полковника Слатвинскаго. Онъ дѣйствительно очень болѣнъ, ему надобно лечиться, и если его не уволите въ отпускъ до излеченія съ полнымъ содержаніемъ имъ нынѣ получаемымъ, то онъ по крайней бѣдности своей не имѣетъ способа пользоваться отпускомъ, и въ такомъ случаѣ проситъ уволить его вовсе отъ службы, какъ вы сами увидите изъ письма его ко мнѣ, которое при семъ для свѣдѣнія вашего препровождаю. Жаль его, славный офицеръ. Ермоловъ въ письмѣ ко мнѣ проситъ моего ходатайства о двоюродномъ братѣ его. Вы, конечно, сами не откажетесь сдѣлать пріятность Ермолову, и потому письмо его въ оригиналѣ препровождаю. Не оставьте меня увѣдомить, что̀ мнѣ ему отвѣчать на оное, причемъ возвратите и прилагаемое письмо его. Равнымъ образомъ препровождаю къ вамъ полученное мною письмо отъ Сабанѣева, поспѣшите разрѣшить меня, что̀ я долженъ ему писать и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо возвратите.

Четвертаго дня лишился я одного отличнаго чиновника изъ моей канцеляріи, переводчика Пальмена, 25-ти лѣтъ, умеръ отъ чахотки. Вообразите, что въ моей канцеляріи эта болѣзнь безпрестанно избираетъ себѣ жертвы. Это пятый уже чиновникъ отъ нее погибнувшій, изъ малаго числа чиновниковъ у меня въ канцеляріи служащихъ. Двое умерло въ службѣ, двое вскорѣ по увольненіи и теперь одинъ служитъ еще, но также страдаетъ чахоткою и близкій кандидатъ къ смерти. Изъ сего можете сами видѣть, почтеннѣйшій князь, что не легка служба, и что она заслуживаетъ обращать на себя вниманіе начальниковъ.

Мое здоровье, благодаря Бога, становится получше и я уже нѣкоторое время не страдаю головными болями; хорошо бы было, еслибы это продолжалось, но не смѣю надѣяться на такое благополучіе.

Письма ваши къ тетушкѣ я доставилъ тотчасъ по полученіи.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы, кончайте скорѣе ваши вояжи, доставьте намъ скорѣе удовольствіе васъ видѣть и до тѣхъ поръ не забывайте душевно преданнаго вамъ.

124.

29 декабря 1822 г. С.-Петербургъ.

Два почтеннѣйшихъ письма вашихъ, отъ 1-го и 7-го декабря, я имѣлъ удовольствіе получить, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, и приношу за оныя чувствительнѣйшую благодарность. Опасенія ваши, чтобы біографія Уварова, въ журналѣ напечатанная, не обратилась въ насмѣшку, весьма справедливы. Всѣмъ кажется она слишкомъ смѣшна и потому много раскупаютъ сей журналъ, тѣмъ болѣе, что въ ономъ помѣщено и толкованіе приказовъ имъ отдаваемыхъ. Оно, кажется, будто служитъ скромнымъ признаніемъ, что приказы до того безтолковы, что безъ поясненія никто понять ихъ не можетъ.

Предположеніе Государя прекратить на будущее время отчисленіе офицеровъ по арміи весьма основательно, ибо теперь по сей части дѣйствительно вкралось большое злоупотребленіе. Многіе штабъ-офицеры не хотятъ имѣть труда заниматься службою въ мирное время, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ сохранить старшинство, дабы въ военное время получить команду, для сего переводятся по арміи, и такимъ образомъ, пользуются трудами тѣхъ, которые отъ службы не уклонялись. Это, конечно, не совсѣмъ справедливо. Сверхъ того дѣйствительно случается, что переводятъ по арміи такихъ, которымъ начальство видитъ себя принужденнымъ отказать отъ команды.

Взятый вами курьеръ Пикаръ, согласно вашему приказанію, по прибытіи въ Петербургъ будетъ немедленно употребленъ на фельдъегерскую службу.

Письмо ваше къ Петру Ивановичу я доставилъ и оно его очень утѣшило. Здоровье его начало поправляться и теперь есть надежда къ выздоровленію.

Изъ послѣдняго письма вашего видно, что Венеція вамъ очень понравилась: вы, кажется, готовы бы были и отдалить хоть немного ваше возвращеніе. Впрочемъ, не мудрено желать осмотрѣть съ большою подробностію такой великолѣпный городъ, единственный въ мірѣ. Я полагаю, что одно должно быть непріятно видѣть—это противоположность между величествомъ и богатствомъ старинныхъ зданій и теперешнею бѣдностію жителей.

Генералъ Уваровъ началъ дѣлать смотры инспекторскіе полкамъ гвардейскаго корпуса.

Поздравляю васъ, почтеннѣйшій князь, съ новымъ годомъ, отъ всей

души желаю, чтобы вы его провели въ полномъ удовольствіи, и чтобы онъ надѣлилъ васъ всѣми благами, какихъ сами пожелать можете. Не замедливайте возвращенія вашего къ намъ и присылайте скорѣе маршрутъ отъ Варшавы до Петербурга и не забывайте душевно вамъ преданнаго.

125.

2-го января 1823 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше отъ 9-го (21-го) декабря вчера я получилъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, и приношу мою благодарность за лестные ваши на мой счетъ отзывы. Между тѣмъ не могу скрыть отъ васъ, по извѣстной моей къ вамъ всегдашней откровенности, что для меня весьма прискорбно видѣть, что вамъ неугодно было уважить сдѣланныя мною представленія о наградѣ чиновниковъ подъ начальствомъ моимъ служащихъ. Изъ онаго я долженъ заключить, что вы не увѣрены точно-ли представляемые мною заслуживаютъ быть награжденными, и потому не рѣшились доложить объ ономъ Государю Императору, или что вы находите представленіе мое не заслуживающимъ уваженія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ предполагается недовѣріе и неуваженіе начальника къ лицу представляющему. Въ семъ положеніи невозможно идти службѣ съ пользою: я лишаюсь средствъ заставлять чиновниковъ убивать себя въ трудахъ, ибо они ясно видятъ, что я ничѣмъ не могу вознаградить безконечныхъ и тягостныхъ трудовъ ихъ. По роду службы будучи заняты всякій день съ утра до вечера и слѣдственно не имѣя возможности ничѣмъ другимъ заняться, не могутъ они быть поощряемы однимъ скуднымъ жалованьемъ, едва насущное пропитаніе имъ доставляющимъ; побочныхъ же выгодъ изъ сей службы извлечь никакихъ не могутъ, хотя бы даже и желали. Что̀ же заставляло ихъ дорожить сею службою? Конечно, ничто другое какъ одна увѣренность, что труды ихъ не останутся безъ награды. Нынѣ же не имѣя способа доставить имъ оной, я не считаю себя въ правѣ и требовать отъ нихъ, чтобъ они убивали себя для службы и даже безполезна была бы всякая въ семъ случаѣ съ моей стороны строгость. Какъ въ семъ положеніи дѣла идти хорошо не могутъ, то я чувствую, что при таковомъ недовѣріи ко мнѣ, я самъ не могу болѣе съ пользою продолжать службы, и потому сталъ бы совершенно напрасно убивать и малый остатокъ моего здоровья. Убѣдясь въ такой невозможности исправлять съ успѣхомъ занимаемую

мною должность, я обязанностію считаю предварить васъ о семъ, почтеннѣйшій князь, дабы вы поспѣшили пріискать для занятія оной человѣка, къ коему вы могли бы имѣть довѣренность и который умѣлъ бы лучше меня угодить вамъ и облегчить труды ваши. Я льщу себя надеждою, что и въ семъ случаѣ никто не упрекнетъ меня въ недостаткѣ усердія къ службѣ; ибо для ея же пользы теперь ее оставляю. Прежде когда я полагалъ себя для оной полезнымъ, я по желанію Его Величества не затруднился оставить жену свою одну больную за границею, самъ не укрѣпившись еще въ силахъ поспѣшилъ сюда добивать занятіями свое здоровье. Слѣдственно, какъ усердный слуга моего Государя, я исполнилъ свои обязанности, и теперь не краснѣя могу просить отдохновенія, увѣренъ будучи, что всѣ товарищи и сослуживцы мои, видѣвшіе мои труды, отдадутъ мнѣ всегда справедливость и засвидѣтельствуютъ, что я всѣмъ жертвовалъ службѣ; что занятія ея предпочиталъ я и удовольствіямъ, и покою, и домашнимъ дѣламъ своимъ и даже здоровью. Я не почиталъ сего въ тягость, ибо полагалъ себя полезнымъ, теперь же видя противное нахожу безразсуднымъ убивать себя безъ всякой пользы.

Государь Императоръ во время присутствія своего въ Вѣнѣ по просьбѣ моей изволилъ мнѣ лично обѣщать уволить меня весною за границу въ отпускъ. Основываясь на всемилостивѣйшемъ обѣщаніи Его Величества, я увѣренъ, что и теперь мнѣ не будетъ отказано въ отпускѣ, необходимо нужнымъ для поправленія моего совершенно разстроеннаго здоровья. Почему и прошу васъ, почтеннѣйшій князь, во уваженіе семилѣтней службы моей подъ вашимъ начальствомъ, исходатайствовать мнѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ до излеченія болѣзни отпускъ за границу съ увольненіемъ вовсе отъ занимаемой мною должности дежурнаго генерала, чѣмъ чувствительнѣйше меня обяжете. Отъ всей души желаю, чтобъ избранный вами на сіе мѣсто могъ пользовался бо̀льшимъ отъ васъ довѣріемъ и уваженіемъ, и чрезъ то могъ бы съ бо̀льшею пользою и пріятностью исправлять трудную свою должность.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, повторяю покорнѣйшую мою просьбу объ исходатайствованіи мнѣ просимаго мною увольненія, и въ ожиданіи скораго на сіе разрѣшенія, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

126.

24-го ноября 1823 г. С.-Петербургъ.

Не нахожу словъ благодарить васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за пріятнѣйшія для меня письма ваши, отъ 14-го, 23-го сентября и 3-го октября, которыя всѣ исправно я получилъ въ Москвѣ. Примите искреннѣйшую благодарность за участіе, которое вы мнѣ оказываете, по случаю новаго моего назначенія. Участіе сіе будетъ для меня незабвенно: оно будетъ для меня всегдашнимъ воспоминаніемъ, сколь пріятно служить подъ начальствомъ вашимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ мнѣ всегда доказательствомъ дружбы вашей, которая для меня столь безцѣнна. Еще благодарю васъ, почтеннѣйшій князь, за лестный вашъ отзывъ на счетъ моей службы въ штабѣ: я очень чувствую, что благорасположеніе ко мнѣ увеличивало въ глазахъ вашихъ мои способности, но не менѣе того, смѣло сказать могу, что въ усердіи къ службѣ я не дамъ никому преимущества предъ собою. Можетъ быть, конечно, я его простиралъ слишкомъ далеко, можетъ быть, оно и послужило поводомъ настоянію нѣмцевъ къ новому моему назначенію. За то я чистъ совѣстью, спокоенъ духомъ, и могу не краснѣя оставить всякую должность, не давши никому повода сдѣлать мнѣ малѣйшаго упрека.

Вы спрашиваете на счетъ моего назначенія истолкованія сей непонятной загадки. Я и самъ вамъ онаго дать не могу, ибо она для меня также неизъяснима. Единственною причиною сему, полагаю, желаніе Дибича, безъ васъ удалить меня отъ штаба, о чемъ писалъ къ вамъ изъ Москвы, послѣ свиданія моего съ Государемъ въ Брестъ-Литовскомъ. Впрочемъ, я и теперь доказалъ свою покорность: принялъ новое назначеніе и послѣ 12-го декабря ѣду въ Гельсингфорсъ, хотя признаюсь вамъ, что прискобно принять на себя должность, въ которой чувствую, что не могу принесть никакой пользы своему отечеству.

По пріѣздѣ моемъ сюда, меня утѣшили старые мои подчиненные, они всѣ какъ дѣти, пришли ко мнѣ прощаться и благодарить меня: нелицемѣрная благодарность сихъ людей служитъ за труды мои истинною наградою, которой никто уже отнять у меня не можетъ; но не могу скрыть отъ васъ, почтеннѣйшій князь, что грустно мнѣ съ ними разставаться и еще болѣе видѣть ихъ поступившими подъ начальство людей, вовсе ихъ не знающихъ и слѣдственно немогущихъ цѣнить ихъ

по прежнимъ заслугамъ. Утѣшаюсь только однимъ, что Шатилова сдѣлали исправляющимъ должность вице-директора инспекторскаго департамента. Онъ знаетъ всѣхъ чиновниковъ, знаетъ какого я былъ о каждомъ изъ нихъ мнѣнія, знаетъ бывшій ходъ дѣлъ при мнѣ, и потому удержитъ всѣхъ на своихъ мѣстахъ, а всего болѣе, сохранитъ въ дѣлахъ тотъ порядокъ, который мы съ вами ввели, и въ достоинствѣ коего удостовѣрились уже по опыту. Вы знаете, сколько я въ немъ бралъ всегда участія, и теперь въ полномъ увѣреніи, что онъ, получивъ столь лестное мѣсто, не взирая на всю трудность онаго, оправдаетъ меня совершенно и докажетъ, что не слѣпое пристрастіе заставляло меня ходатайствовать о немъ какъ о достойномъ и уваженія заслуживающемъ чиновникѣ. Прошу васъ, почтеннѣйшій князь, въ случаѣ возвращенія вашего сюда, не оставить его покровительствомъ вашимъ и быть увѣреннымъ, что всякое благорасположеніе ему оказанное, почту я личнымъ для меня одолженіемъ.

О теперешнемъ состояніи нашего дежурства не стану вамъ говорить; о Потаповѣ не скажу также ни слова, ибо его вовсе почти не знаю.

Вы твердите въ письмахъ вашихъ, почтеннѣйшій князь, объ удаленіи вовсе отъ службы: я же по сердечному участію въ васъ принимаемому, смѣю думать на счетъ васъ совершенно иначе: я полагаю, что для пользы службы, для утѣшенія душевно васъ любящихъ и для васъ самихъ, вы не только обязаны непремѣнно возвратиться сюда и по прежнему вступить въ вашу должность, но даже должны исполнить сіе сколь можно поспѣшнѣе. Сею рѣшимостью вы оправдаете себя предъ отечествомъ, возстановите упадшій духъ подчиненныхъ вашихъ, докажете, что вы для пользы общей жертвуете и здоровьемъ своимъ, и тѣмъ положите предѣлъ всѣмъ нелѣпымъ слухамъ, змѣиной злобой распущеннымъ не только здѣсь, но и по всей Европѣ. Назначеніе Кривляки въ министерство иностранныхъ дѣлъ, вѣроятно, произвело также не малое въ васъ удивленіе, но и это не должно васъ удерживать: вы должны возвратиться непремѣнно.

Здоровье мое поправилось было какъ нельзя лучше, но внезапное мое назначеніе взволновало желчь и снова его поразстроило. Грушенька моя очень поправилась и пополнѣла. Она очень благодаритъ, какъ васъ, такъ княгиню и княжну за воспоминаніе о ней и сердечнѣйше кланяется; прошу васъ и отъ меня сказать имъ искреннѣйшее почтеніе. Мы десятый день уже въ Петербургѣ. Время летитъ такъ быстро, что непримѣтнымъ образомъ приближается отъѣздъ въ Финляндію. Должно

признаться, что дѣйствительно непріятно сравненіе между Гельсингфорсомъ и Италіею, но дѣлать нечего: должно покоряться судьбѣ своей.

Прискорбно слышать отъ васъ и отъ видѣвшаго васъ, что здоровье ваше все плохо: пора бы вамъ разстаться съ болѣзнями. Послушайтесь меня, почтеннѣйшій князь, киньте ваши чирья и возвращайтесь скорѣе къ прежнему мѣсту. Оживите пріѣздомъ вашимъ осиротѣвшее дежурство и не отдавайте его на съѣденіе нѣмцамъ; докажите чрезъ то соотечественникамъ, что вы всему предпочитаете матушку Россію и болѣе всего желаете добра русскимъ.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы, веселы, счастливы и сохраните ко мнѣ дружбу вашу. Я же съ своей стороны смѣю васъ увѣрить, что я никогда не забуду времени служенія моего подъ начальствомъ вашимъ и дружбы, вами мнѣ оказываемой и что я по гробъ свой пребуду сердцемъ и душою вамъ преданный.

P. S. Вы пеняете, что я ничего не пишу къ вамъ. Я однако же, тотчасъ по полученіи извѣстія о моемъ назначеніи, писалъ къ вамъ изъ Варшавы по почтѣ, послѣ того еще писалъ изъ Москвы. Слѣдственно, не моя вина, если вы не получаете моихъ писемъ: видно имъ не позволено доходить къ вамъ. Не забудьте, почтеннѣйшій князь, подѣлиться со мною планами для садовъ и разныхъ деревенскихъ строеній, коими вы запаслись для Суханова; я можетъ быть не замедлю имѣть въ нихъ надобность.

Сдѣлайте одолженіе, пришлите ко мнѣ копію съ отвѣта къ вамъ Дибича, на счетъ послѣдовавшаго моего назначенія и по какимъ причинамъ сіе сдѣлано.

127.

4-го декабря 1823 г. С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 3-го (15-го) ноября я имѣлъ удовольствіе получить, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ. Примите искреннѣйшую мою благодарность за неоставленіе меня вашими письмами; они будутъ мнѣ всегда особеннымъ утѣшеніемъ, ибо служатъ доказательствомъ дружескаго ко мнѣ расположенія, которое я получилъ въ награду 8-ми-лѣтняго и пріятнѣйшаго подъ начальствомъ вашимъ служенія.

Не удивляйтесь такъ много, что я рѣшился принять возложенную на меня должность: я сіе сдѣлалъ для того, чтобы всѣмъ показать

покорность мою Государю и готовность служить вездѣ, куда захотятъ меня употребить. Но я и самъ чувствую, что въ семъ мѣстѣ я пользы принесть не могу, а труда мнѣ будетъ много. Незнаніе языка будетъ поставлять мнѣ преграды на каждомъ шагу, коль скоро примусь за улучшеніе сего края и за истребленіе вкоренившихся уже злоупотребленій; я это предвидѣлъ съ первой минуты, все объяснялъ откровенно Государю, но Его Величеству непремѣнно угодно было, чтобъ я принялъ сіе званіе. Повинуюсь — и ѣду въ Гельсингфорсъ, а тамъ увижу, что мнѣ надобно дѣлать.

На счетъ вашъ, почтеннѣйшій князь, позвольте мнѣ не быть согласнымъ съ вашими мнѣніями. Воля ваша, вы не правы, когда не хотите возвратиться къ вашей должности. Теперь на васъ устремлены всѣ глаза,—всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ вашего возвращенія и появленія въ настоящемъ вашемъ званіи, съ блескомъ вами носимымъ. Не одни военные сего желаютъ и ожидаютъ. Вспомните, что за сей шагъ вы должны дать отвѣтъ отечеству, что отказъ вашъ отъ возвращенія истребитъ все доброе, вами съ такими трудами заведенное, и предастъ все на съѣденіе нѣмцамъ, нелюбящимъ ничего служащаго къ пользѣ нашей матушки Россіи. Чтобъ любить Россію, надобно имѣть чувства настоящаго русскаго, а для сего родиться русскимъ. Пришлецы же сего возвышеннаго чувства любви къ отечеству имѣть не могутъ. Бога ради возвращайтесь, почтеннѣйшій князь; теперь еще не все испорчено: съ небольшими трудами и малыми перемѣнами все по прежнему устроить можете. Еще чиновники не разбѣжались, благонамѣренность старается ихъ удерживать; слѣдственно, прежній порядокъ водворить не трудно. Но спѣшите, а не то все найдете кверху дномъ и тогда помочь будетъ невозможно. Новость дежурнаго генерала, не должна васъ останавливать: вы найдете способъ сему помочь; а въ случаѣ надобности для пользы службы и удалить его. Неспособности Татищева вамъ извѣстны, слѣдовательно, вы такъ и дѣйствовать будете, не смотря что онъ поддержанъ злодѣемъ (Аракчеевымъ). Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ копію съ отвѣта Дибича на ваше письмо къ нему, въ которомъ спрашиваете рѣшительнаго увѣдомленія о причинѣ всѣхъ случившихся перемѣнъ. Я весьма любопытенъ его видѣть.

Вы спрашиваете, что здѣсь дѣлается: право ничего особеннаго и новостей интересныхъ вовсе нѣтъ. На-дняхъ пріѣхалъ сюда принцъ Оранскій. 5-го числа будетъ мvропомазаніе принцессы Шарлотты, 6-го будетъ обрученіе, а 9-го января и свадьба. 1-го числа скоропостижно умеръ графъ Шуваловъ, генералъ-адъютантъ.

Грушенька моя, какъ вамъ, такъ и княгинѣ усердно кланяется: она вчера занемогла не на шутку, такъ что я принужденъ былъ ночью посылать за Рейманомъ, но сегодня, благодаря Бога, лучше.

Мнѣ очень досадно, что вы не получили моего письма изъ Варшавы, которое просилъ коменданта къ вамъ доставить.

Не понимаю и не вѣрю, что вы были такъ откровенны Бутурлину и поручили доложить ваше желаніе Государю, о которомъ теперь говорить не могу.

Вчера мнѣ говорили, что вы возвращаетесь сюда и вступите въ должность, и вамъ Государь даетъ помощникомъ Дибича, на что сей весьма согласенъ. Справедливы-ли сіи слухи или нѣтъ, не знаю.

Вы заботясь о дѣтяхъ, собственно для нихъ должны скорѣе сюда возвратиться и вступить въ отправленіе своей должности. Давши имъ дорогу и уладивши все какъ вамъ хочется, всегда можете удалиться по вашему желанію и препятствій противъ воли вашей никакихъ быть не можетъ.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, будьте здоровы и веселы. Отъ всего сердца желаю, чтобъ это письмо не застало васъ болѣе за границею, или по крайней мѣрѣ, чтобъ оно было послѣднее. Прошу васъ сказать мое искреннее почтеніе княгинѣ и княжнѣ, и умоляю, не лишить меня дружескаго вашего расположенія и быть увѣреннымъ, что вамъ сердцемъ и душою преданъ.

128.

14-го декабря 1823 г. С.-Петербургъ.

Отъ искреннѣйшаго сердца поздравляю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, съ полученіемъ ордена св. Андрея, награды столь давно вами заслуженной. Не стану васъ увѣрять, сколь я былъ обрадованъ, узнавши объ оной; вы меня знаете, увѣрены въ сердечной моей къ вамъ привязанности, и потому сами не должны сомнѣваться въ чувствахъ моихъ при семъ пріятномъ событіи. Всего болѣе однако же поздравляю васъ со всеобщею радостію, которую произвела сія награда ваша; не было человѣка во дворцѣ, никакого званія, который бы не изъявлялъ радости и не разсказывалъ другъ другу съ особеннымъ удовольствіемъ, что вамъ дали такую награду, которая одна еще болѣе оживила и безъ того уже 12-е число. Всеобщая радость сія еще болѣе увеличилась, когда къ вечеру разнеслась новость, что вы возвращаетесь

къ прежней должности и что о семъ получено отъ васъ въ тотъ день извѣстіе. Вотъ вамъ, почтеннѣйшій князь, истинная награда за огромные труды ваши, которой у васъ никто отнять не можетъ, а немногіе могутъ оною похвастать. Болѣе сей награды добиваться нечего, и многимъ пожертвовать можно, чтобы достичь оной и поддержать ее. Тутъ уже цѣлое отечество изъявляетъ вамъ благодарность за ваши труды и за добро, которое вы дѣлали, а не нѣсколько человѣкъ. Какъ же вамъ не отблагодарить его за справедливость, которую оно отдаетъ вамъ? И чѣмъ же можете вы сіе сдѣлать какъ не принеся себя на жертву ему и не вступить опять въ должность, съ такимъ блескомъ вами носимую?

Приношу вамъ чувствительную благодарность, почтеннѣйшій князь, за пріятнѣйшее для меня письмо ваше отъ 18-го (30-го) ноября и за участіе во мнѣ принимаемое. Будьте увѣрены, что я и то и другое вполнѣ цѣнить умѣю. Отъ всего сердца радуюсь поправленію вашего здоровья и скорому возвращенію въ С.-Петербургъ. Я теперь буду всѣми силами стараться пробыть здѣсь до вашего возвращенія и не ѣздить въ свою Сибирь. Сколь много былъ бы я вамъ благодаренъ, еслибы вы доставили мнѣ удовольствіе непремѣнно васъ увидѣть и для того поспѣшили бы скорѣе пріѣхать, не заживаясь ни въ Вѣнѣ, ни въ Варшавѣ. Много бы имѣли мы поговорить между собою, собственно до васъ касающагося. Признаюсь вамъ, что для меня назначеніе мое неожиданное болѣе всего тѣмъ грустно, что разлучаетъ съ вами. Вѣрно никогда болѣе не буду я служить съ такимъ удовольствіемъ, съ каковымъ служилъ столько времени подъ лестнымъ начальствомъ вашимъ. Хоть я и удаленъ отсюда, но не менѣе того радуюсь вашему пріѣзду для пользы общей, для пользы оставляемыхъ мною чиновниковъ, столь много мною любимыхъ за ихъ усердную службу. Я увѣренъ, что вы по прежнему будете имъ не начальникомъ, а отцомъ, они до сихъ поръ всѣ тѣ же, до сихъ поръ ихъ еще не разогнали и слухъ о вашемъ прибытіи прикуетъ всѣхъ къ своимъ мѣстамъ. Они всѣ столько къ вамъ привязаны, что не взирая на полученныя отъ новаго начальства награды, они всѣ въ восхищеніе приведены извѣстіемъ о вашемъ пріѣздѣ. Для инспекторскаго департамента не поскупились 12-го числа: 21 человѣку дали награжденія. Аудиторіатскій департаментъ не былъ столько счастливъ; всего 5 человѣкъ награждены. Я представляясь Государю, выпросилъ награжденія за прежнюю усердную при мнѣ службу Шатилову и Ноинскому; имъ дали 3-го Владиміра; я почелъ себя въ правѣ сіе сдѣлать, потому что въ отношеніи къ нимъ я не былъ щедръ въ наградахъ, а они трудовъ не жалѣли. При томъ же хотя они служатъ съ тѣмъ же

усердіемъ и теперь, но не умѣя забѣгать сторонними дорогами едва-ли бы удостоились награды отъ нѣмцевъ. Не стану вамъ описывать о всѣхъ наградахъ 12-го числа, ибо полагаю, что вамъ ихъ сообщатъ изъ вашей канцеляріи. Приказъ въ тотъ день доставилъ многимъ радость, между тѣмъ, какъ весьма немногіе полагали быть такъ обрадованными. Не понимаю такого большаго производства въ полные генералы и что съ ними будутъ дѣлать. Братъ Михайла (графъ Воронцовъ) надутъ и остался безъ производства.

На счетъ главныхъ сотрудниковъ вашихъ по пріѣздѣ все узнаете и тогда увидите какъ должно съ ними поступать, а равно и раболѣпство нѣмца (Дибича) къ змѣю (Аракчееву), безъ соизволенія котораго онъ ничего не дѣлаетъ, чего при васъ быть не можетъ и не должно.

Нѣмецъ любитъ новости и потому вѣчно занятъ проектами на подобіе отца; прошу васъ не быть ему во всемъ откровенну, на что имѣю причины говорить, которыя объясню лично вамъ.

Не сердитесь на меня, что Путяту взялъ къ себѣ въ адъютанты, не испрося вашего разрѣшенія. Нѣмцу за порядокъ по штабу дана съ портретомъ бриллiантовая богатая табакерка.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, не распространяю письма моего въ надеждѣ скораго и пріятнѣйшаго для меня свиданія съ вами. Будьте здоровы, веселы, счастливы и пріѣзжайте скорѣе; между тѣмъ, не лишайте дружескаго вашего расположенія душевно вамъ преданнаго.

129.

20-го января 1824 г. С.-Петербургъ.

Привѣтствую васъ, наконецъ, на родимой сторонѣ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, и поздравляю съ вашимъ возвращеніемъ. Давно, давно васъ съ нетерпѣніемъ здѣсь ожидаютъ и безпокоятся о медленномъ вояжѣ вашемъ. Примите искреннѣйшую благодарность за почтеннѣйшее и пріятнѣйшее для меня письмо, ваше отъ 15-го декабря, равно какъ и за изъясненныя въ ономъ чувства дружбы ко мнѣ, которую, повѣрьте, что я умѣю цѣнить въ полной мѣрѣ.

Основываясь на сихъ самыхъ изъясненіяхъ, я почелъ себя въ обязанности писать вамъ прежде вашего пріѣзда сюда и по преданности моей къ вамъ изложить вкратцѣ мое мнѣніе на счетъ вашего перваго свиданія съ Государемъ. Не взыщите за таковую откровенность и припишите ее совершенно одному желанію добра общаго и вамъ въ

особенности. Я полагаю, почтеннѣйшій князь, что вы при первомъ свиданіи должны вооружиться необходимою твердостію и съ самаго перваго раза объявить, что вы рѣшились еще жертвовать собою и вступить въ свою должность во всемъ ея пространствѣ, что вы видѣвши на опытѣ сколько Онъ васъ любитъ и цѣнитъ (если и въ отсутствіе не забылъ отдать вамъ, наконецъ, должной справедливости), изъ благодарности рѣшились еще служить, не взирая на плохое поправленіе вашего здоровья, и, такъ сказать, пожертвовать своимъ здоровьемъ, которое уже разстроили огромныя занятія по службѣ, а еще болѣе всѣ непріятности вами перенесенныя, а довершилъ его, наконецъ, послѣдній случай съ Татищевымъ, который вы должны пересказать отъ слова до слова что было. Вамъ непремѣнно нужно съ перваго раза высказать или, лучше сказать, исчислить Ему все что онъ противъ васъ сдѣлалъ и потомъ заключить, что вы хотите Ему доказать свою любовь и преданность, и не взирая на все вступить въ должность и управлять ею на прежнемъ основаніи. Вы должны это сдѣлать, почтеннѣйшій князь, вы должны помнить, что теперь все отечество наше устремило на васъ глаза свои и ждетъ вашего возвращенія какъ эпохи въ своей исторіи. Вспомните, что вы, отступившись отъ дѣла теперь, предадите все въ пасть змѣю (Аракчееву) и ползающимъ вокругъ его нѣмцамъ. Вы одни ему противостоите и потому вы должны съ рѣшительностію и твердостію сдѣлать первый шагъ въ дверь кабинета царскаго.

Вспомните также и то, что въ цѣлой Европѣ будетъ извѣстно, какъ вы поступите при возвращеніи вашемъ; я думаю, вы не забыли всѣхъ нелѣпостей, какія были печатаны на вашъ счетъ въ иностранныхъ газетахъ, и которыя были для васъ непріятны; вы ихъ всѣ опровергните однимъ разомъ, когда вступите опять въ прежнюю должность. Если же вамъ вздумаютъ предлагать другое званіе, то воля ваша, почтеннѣйшій князь, вы не должны его принимать, подъ какимъ бы оно пышнымъ наименованіемъ не представлялось. Блистательнѣе мѣста въ существѣ своемъ вы не можете уже имѣть, ибо вы занимали всегда первое мѣсто по всей военной и даже первое по гражданской части: и фельдмаршалъ дѣлалъ свои представленія черезъ васъ же. Какое другое званіе съ этимъ сравнится, и въ какомъ другомъ можете вы быть столько полезны! Для поддержанія собственной своей чести и для блага всѣхъ вы не должны принимать другаго мѣста, а вступить непремѣнно въ прежнюю должность во всемъ ея блескѣ.

Не посѣтуйте на меня, что я говорю вамъ съ такою откровенностію; я люблю васъ, люблю и отечество свое. Я русскій! то могу-ли

говорить другимъ языкомъ? Здѣсь не личность заставляетъ меня изъясниться, ибо я уже къ штабу не принадлежу болѣе и слѣдственно лично ничего не выигрываю; но польза общая и привязанность къ вамъ— вотъ причины, заставляющія меня такъ говорить съ вами.

О новостяхъ здѣшнихъ писать нечего: черезъ нѣсколько часовъ по прочтеніи письма сего вы сами будете уже здѣсь и все узнаете. Послѣдняя какая была—это распоряженіе, сдѣланное съ Военно-Сиротскими отдѣленіями. Они всѣ уже вышли изъ подъ вѣдомства инспекторскаго департамента и переданы змѣю въ распоряженіе, что увидите изъ прилагаемаго «Инвалида». Оно для штаба служитъ нѣкоторымъ облегченіемъ для дѣлъ, но жаль отдѣленій здѣшняго и московскаго. Они были приведены въ отличное устройство и, вѣроятно, упадутъ при теперешнемъ все доброе истребляющемъ начальствѣ. Сверхъ того, изъ здѣшняго отдѣленія инспекторскій и аудиторіатскій департаменты всегда заимствовались писарями, а квартирмейстерская часть топографами; теперь же все это прекратится; Змѣй не дастъ ни одного мальчика и велѣлъ уже возвратить въ отдѣленіе тѣхъ, которые были въ командировкѣ въ сихъ департаментахъ. Большою бы пользою было для штаба возвратить это отдѣленіе въ прежнее вѣдомство.

Государь возвратился сюда изъ Царскаго Села 12-го числа больнымъ и съ тѣхъ поръ все еще въ постелѣ, хотя и становится лучше, какъ насъ увѣряютъ лекарскіе бюллетени.

Прощайте, почтеннѣйшій князь, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю вашего возвращенія и минуты свиданія съ вами! Пріѣзжайте скорѣе и съ лучшимъ здоровьемъ для предстоящихъ трудовъ необходимымъ. Не переставайте любить меня и быть увѣреннымъ въ чувствахъ всегдашней къ вамъ привязанности и дружбы.

130.

4-го мая 1824 г. Гельсингфорсъ.

Приношу вамъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, искреннѣйшую благодарность за извѣстія, сообщенныя мнѣ въ письмѣ отъ 28-го апрѣля. Отчетъ мой по управленію дежурствомъ я напечаталъ здѣсь въ 50-ти экземплярахъ не съ другими намѣреніями, какъ чтобы снабдить онымъ однихъ моихъ хорошо знакомыхъ на знакъ памяти. Ежели есть люди, которые находятъ въ немъ стоющее охужденія, это меня не безпокоитъ. Мало-ли такихъ низкихъ душъ, которыя сегодня

подличаютъ, а завтра дерутъ голову вверхъ. Но что я трудился къ лучшему устройству ввѣренной мнѣ части, сіе извѣстно болѣе вамъ, какъ начальнику моему, и многимъ другимъ благонамѣреннымъ особамъ; а сего для меня уже и довольно, чтобы презирать пересуды пустомелей.

На счетъ замѣчанія скажу вамъ, что я не получилъ никакого. По случаю требованія отсюда въ Петербургъ одной бригады, я представлялъ, не угодно-ли здѣсь оставить бывшіе вторые баталіоны для содержанія карауловъ, дабы для оныхъ не придвигать прочихъ войскъ издалека. На сіе не согласились; въ томъ состоитъ и все дѣло.

Когда вы рѣшитесь проситься въ отпускъ, то сдѣлайте мнѣ, почтеннѣйшій князь, одолженіе, увѣдомьте о разговорѣ, быть у васъ могущемъ. Вы знаете, что все до васъ касающееся я принимаю съ живѣйшимъ участіемъ.

Я увѣренъ, что сельскія занятія и покойная жизнь совершенно поправятъ разстроенное ваше здоровье. Грушенька вамъ и тетушкѣ свидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе.

У васъ все свадьбы, а Левашева помолвка на Пашковой не думаю, чтобы была пріятна Васильчикову, послѣ бывшихъ съ нимъ происшествій.

10-го числа отправляюсь для осмотра войскъ и губерній и съ нетерпѣніемъ ожидаю декабря мѣсяца, дабы исполнить желаемое. Прошу сказать мое нижайшее почтеніе тетушкѣ и пожелать ей здоровья.

Будьте, почтеннѣйшій князь, здоровы и сколько можно веселы и помните душевно вамъ преданнаго и почитающаго васъ.

PS. Письма ваши для доставленія ко мнѣ ввѣрьте Шатилову, который знаетъ путь исправнѣйшаго ко мнѣ доставленія.

131.

17-го (29-го) ноября 1824 г. Гельсингфорсъ.

Душевно благодарю васъ, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, за письмо ваше отъ 11-го числа мною полученное. Описаніе ваше претерпѣннаго Петербургомъ бѣдствія и многія другія подобныя извѣстія, полученныя мною вмѣстѣ съ вашимъ отъ добраго нашего Булгакова и другихъ моихъ знакомыхъ, меня поразили; нельзя читать ихъ безъ чувства глубокой горести. Не смотря на скорую помощь, поданную Государемъ, вѣроятно число несчастныхъ терпящихъ нужду велико. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать дальнѣйшихъ свѣдѣній, надѣясь, что наставшая зима предупредитъ заразительныя болѣзни—неминуемое послѣдствіе

таковыхъ наводненій. Любопытно бы знать, какія мѣры будутъ приняты временно учрежденными военными губернаторами къ размѣщенію лишенныхъ убѣжища и ихъ продовольствію? Кажется, въ этомъ случаѣ дѣятельность не только необходима, но повелѣвается даже и человѣколюбіемъ. Буря, постигшая Петербургъ, была кажется общая на водахъ Финскаго залива и свирѣпствовала по всѣмъ берегамъ его. По полученнымъ донесеніямъ отъ ландсгевдинговъ вижу, что въ Выборгѣ, Роченсальмѣ, Або и здѣсь наводненіе причинило нѣсколько частныхъ убытковъ: мосты вездѣ были сорваны; въ первыхъ двухъ изъ сихъ городовъ, частію повреждены укрѣпленія и нѣкоторыя строенія; жители хотя и подвержены были мгновенно опасности, но, къ счастію, одинъ только человѣкъ сдѣлался жертвою этаго неотвратимаго бѣдствія; вообще гористое здѣшнее мѣстоположеніе должно было необходимо служить отпоромъ водѣ и противоставить преграды наводненію.

Радуюсь душевно, почтеннѣйшій князь, что обстоятельства благопріятствуютъ желаніямъ вашимъ, доставляя вамъ снова случай увидѣть дѣтей вашихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ удалиться отъ мѣста, гдѣ вы безпрестанно окружены толпою лицъ не для того созданныхъ, чтобъ радоваться смотря на нихъ, и не смотря на сердечное лишеніе мое не найти васъ болѣе въ Петербургѣ, въ случаѣ пріѣзда моего туда, я душевно желаю, чтобъ поѣздка ваша продлилась и чтобъ хотя нѣсколько счастливыхъ минутъ выкупили бы большое число неудовольствій, такъ часто посѣщающихъ. Аграфена Федоровна и я благодаримъ васъ за предложеніе доставить намъ кой что либо изъ Парижа, кажется на сію минуту ничего нѣтъ; если же что впередъ повстрѣчается, то буду утруждать васъ писавши къ вамъ въ Парижъ. Душевно сожалѣю, что домашнія дѣла ваши идутъ плохо; отсутствіе ваше изъ Петербурга точно не поможетъ онымъ; къ тому же я знаю по опыту, какъ трудно распутывать оные, когда они запущены отъ безпорядочнаго и слабаго управленія. Чтожъ касается до Булгакова, то вѣрно этотъ добрый и никогда неизмѣняющій другъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, чтобъ васъ успокоить.

Аграфена Федоровна и я сердечно благодаримъ княгиню и княжну за ихъ о насъ воспоминаніе. Потрудитесь, князь, увѣрить ихъ въ душевной нашей къ нимъ привязанности. Сожалѣю, что не прощаюсь съ вами лично и не могу пожелать вамъ изустно добраго пути.

Тетушкѣ прошу сказать наше почтеніе, которая вѣрно неравнодушно васъ отпускаетъ.

132.

22-го іюля 1825 г. Гельсингфорсъ.

Письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, изъ Парижа, отъ 14-го (26-го) минувшаго іюня, я получилъ въ Фридрихсгамѣ, за которое приношу вамъ искреннѣйшую благодарность. Весьма радуюсь скорому возвращенію вашему въ Петербургъ; тогда я чаще буду имѣть случай изъяснять вамъ сердечныя мои чувства, кои при теперешней скучной моей жизни доставляютъ неизъяснимую отраду.

Душевно сожалѣю, что прежняя болѣзнь ваша опять начинаетъ показываться, къ прекращенію коей весьма необходимо воспользоваться вамъ нѣсколькими ваннами на обратномъ пути, какъ вы предположили, дабы при семъ удобномъ случаѣ сколько возможно запастись здоровьемъ.

Я ни мало не удивляюсь, что парижская шумная жизнь вамъ надоѣла и что всѣ тамошнія празднества для васъ не въ диковинку; объ умѣренныхъ вашихъ въ сей вояжъ издержкахъ, хотя бы вы, почтеннѣйшій князь, и ни слова мнѣ не сказали, но я вѣрнѣе другихъ знаю, что онѣ сдѣланы по самой необходимости и безъ малѣйшаго излишества. Кому ближе моего извѣстны строгія ваши правила и примѣрная разсчетливость въ сбереженіи казеннаго интереса?

На счетъ переѣзда двора въ Москву, никто вѣрнаго не знаетъ, но если сіе сбудется, то таковой случай вѣрно доставитъ вамъ удовольствіе пожить въ Сухановѣ и заняться хозяйственнымъ распоряженіемъ; какъ бы и я желалъ воспользоваться симъ же, но не знаю, скоро-ли могу вырваться изъ здѣшняго края, въ коемъ гораздо болѣе прежняго чувствую разные припадки и въ особенности головную боль. Вотъ уже кончилъ первый и большой вояжъ мой нынѣшняго лѣта по Финляндіи, продолжавшійся 70 дней и былъ въ Торнео, а въ началѣ августа остается только объѣздить Абосскую губернію.

Весьма хорошо сдѣлали, что везете старшаго сына съ собою; пора уже ему начать службу. Дай Богъ, чтобъ онъ слѣдовалъ по стопамъ вашимъ и былъ столько же добродѣтеленъ и полезенъ отечеству.

Аграфена Федоровна благодаритъ васъ, почтеннѣйшій князь, за память объ ней и взаимно свидѣтельствуетъ свое почтеніе.

За симъ, мнѣ остается только пожелать, чтобъ вы, счастливо окончивъ обратный путь, возвратились въ Россію въ совершенномъ здоровьи и наслаждались сколько можно удовольствіями покойной жизни, если это только возможно.

133.

12-го (24-го) сентября 1825 г. Гельсингфорсъ.

Пріятнѣйшее для меня письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 1-го числа, я получилъ, и приношу за оное мою чувствительнѣйшую благодарность. Желаю душевно, чтобы вояжу вашему благопріятствовала хорошая погода до самаго Таганрога, гдѣ вы останетесь пустынникомъ довольно долгое время. Но дай Богъ, чтобы ваше и окончательное путешествіе кончилось благополучно и сходно съ вашимъ желаніемъ, потому что обязанность на васъ лежащая очень деликатна и отъ которой отказаться вамъ не было никакой возможности.

Ночлегъ у Змѣи (Аракчеева) вамъ не нравится, но вы тѣмъ довольны, что его въ Чугуевѣ не увидите, и конечно съ людьми такого свойства гораздо лучше никогда не видаться; но вамъ, живши въ Петербургѣ, избѣжать сего не только трудно, но даже невозможно, но впрочемъ, взять за правило и видѣвши Змѣя показывать, что его совсѣмъ не замѣчаете, единственно для того, чтобы видѣвши сію рожу не сердиться и не портить понапрасно кровь. Вотъ какой я теперь держусь системы, видѣвши сего гнуснаго человѣка.

Братъ Алексѣй (Ермоловъ) очень недоволенъ происшествіемъ у него случившимся, и я воображаю, какъ онъ нахмурилъ брови и наморщилъ лобъ и тотчасъ собрался идти за сіе отмщать; тутъ-то будетъ порядочная потѣха и пощады никому никакой не будетъ, особенно когда онъ придетъ въ ярость и бѣшенство. Но за то и рескриптъ по сему предмету къ нему посланный, весьма непріятный, который болѣе его взбѣситъ, нежели горцы предъ нимъ находящіеся. Но братъ Михайло (гр. Воронцовъ) видно и въ болѣзненномъ состояніи перетонилъ, что дошелъ до такого состоянія при всѣхъ получаемыхъ нѣжностяхъ.

Простите мнѣ, почтеннѣйшій князь, что я не имѣлъ столько духу, почитая, уважая и любя васъ, писать прямо къ вамъ о моемъ желаніи, но рѣшился писать къ Булгакову и поручилъ передать оное вамъ, если найдетъ онъ то возможнымъ и вамъ незатруднительнымъ. Но вы, при первомъ его о семъ разговорѣ, приняли съ такимъ удовольствіемъ, какъ я всегда ожидалъ и немедленно нашли случай сказать Государю, который никакъ не рѣшился отказать вамъ прямо и принялъ это предложеніе хорошо, дабы васъ не огорчить. Но какъ онъ не слишкомъ ко мнѣ хорошо расположенъ, что и вамъ небезъизвѣстно, то и будетъ ему

теперь служить отговоркою, что передъ отъѣздомъ въ хлопотахъ забылъ. Но признаться вамъ долженъ, мнѣ теперь то досадно, что вамъ это будетъ непріятно и по милости моей ввелъ васъ въ сіи хлопоты. Впрочемъ, для меня все равно, что жена моя имѣетъ сей орденъ или нѣтъ, особенно когда таковой орденъ въ 1822 году даже привезли съ собою въ Вѣну, дабы дать 30-го августа женѣ Ожаровскаго. Но когда рѣшился просить о семъ, то никого болѣе не могъ какъ васъ и быть обязану даже и въ семъ случаѣ вамъ одному. Не менѣе того, я также вамъ очень благодаренъ, почтеннѣйшій князь, какъ бы жена моя сей орденъ получила, ибо вы приняли такъ охотно сіе предложеніе и съ большимъ удовольствіемъ взялись просить, что ясно указываетъ мнѣ всегдашнее ваше ко мнѣ расположеніе и доброжелательство, которыя въ полной мѣрѣ цѣнить умѣю.

134.

10-го декабря 1825 г. Гельсингфорсъ.

Почтеннѣйшій и достойнѣйшій князь Петръ Михайловичъ! Могъ-ли я когда-либо представить себѣ, что доживу до столь ужасной роковой вѣсти, которая, поразивъ внезапно какъ громовымъ ударомъ, содѣлалась еще разительнѣе при полученіи въ одно же почти время горестнаго вашего письма отъ 21-го ноября. Съ какимъ терзаніемъ сердца, я оное перечитывалъ, не въ силахъ изъяснить вамъ. Легко можете вообразить, по собственнымъ своимъ чувствамъ, что въ первыя минуты, по полученіи сей вѣсти партикулярно, я недоумѣвалъ и съ боязненнымъ страхомъ останавливался на мысли: неужели въ правду мы лишились нашего добраго и благодѣтельнаго Государя! Но не долго оставался я въ сей мнимой надеждѣ; вскорѣ другая оффиціальная эстафета, ночью на 30-е число прибывшая, довершила сей жестокій ударъ. Живо чувствую, сколь сильно были поражены вы, почтеннѣйшій князь, ужаснѣйшимъ симъ бѣдствіемъ и сколь много страдали при одрѣ Августѣйшаго больнаго; но вы оставите въ воспоминаніи, что постепенно видѣли ходъ его болѣзни, приготовлялись по предчувствію сердца къ ужасной истинѣ и въ глубокой горести своей умоляли Всевышняго о ниспосланіи больному облегченія. А мы, несчастные, вдругъ и неожиданно должны были испытать сей роковой ударъ постигшей насъ горестной судьбы! Этого ужаса изъяснить невозможно. Я и по сю пору недоумѣваю, какъ могло сіе случиться? Развѣ мало еще испыталъ онъ бур-

ныхъ непогодъ въ разныхъ климатахъ? Сколь судьбы Вышняго неисповѣдимы и непостижимы для смертныхъ! Съ какимъ убійственнымъ страданіемъ переноситъ сію скорбь добрая наша Государыня Елисавета Алексѣевна, и сколько ей потребно силы, при видѣ сей ужасной картины? Сохрани Богъ ея жизнь для утѣшенія россіянъ въ невозвратимой потерѣ. Я не постигаю, почтеннѣйшій князь, сколько вы имѣете еще твердости и силъ, что можете заниматься безпрерывно разными распоряженіями и при всемъ томъ, находите еще минуты извѣщать вамъ преданныхъ? Молю Бога, чтобъ онъ сохранилъ ваше здоровье и укрѣпилъ васъ къ перенесенію сего несчастія, которое на всю жизнь вашу останется неизгладимымъ изъ чувствительнаго вашего сердца. Да и кто можетъ забыть сію потерю? Весьма вѣрю, почтеннѣйшій князь, что по случаю сего горестнаго событія домашнія дѣла ваши еще болѣе разстроятся, но не убѣдитесь-ли вы сами, что это обречены вы испытывать по власти нашего Создателя. Развѣ не по Его святой волѣ ввѣрено вамъ попеченіе о здоровьѣ доброй нашей Государыни и теперь-ли время думать о собственныхъ дѣлахъ, когда страдаетъ все отечество? Великая душа ваша, конечно, перенесетъ сіе бремя безъ роптанія; за то, какое вы будете имѣть утѣшеніе въ маститой старости и сколь завидна будетъ тогда ваша участь?

Слишкомъ жестоко убѣжденъ я вашимъ предчувствіемъ о пресмыкающемся Змѣѣ (Аракчеевѣ), который успѣлъ отравить своимъ ядомъ и послѣднія минуты своего благодѣтеля. Припомните и мое объ немъ мнѣніе; оно сбылось теперь разительно. Не даромъ и я чувствовалъ всегда ужасную къ нему антипатію. Еслибъ вы знали, сколь несносно теперь его существованіе въ глазахъ соотечественниковъ? Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что единогласно почти его ненавидятъ — и какъ чудовища пугаются. Онъ самъ теперь раскрылъ гнусный свой характеръ тѣмъ, что когда постыдная исторія съ нимъ случилась, то онъ, забывъ совѣсть и долгъ отечеству, бросилъ все и удалился въ нору къ своимъ пресмыкающимся тварямъ, а теперь, когда лишился онъ своего благодѣтеля, имѣлъ столько духу, что выползъ изъ западни и принялся по прежнему за дѣла. Послѣ столь гнуснаго поступка, не трудно угадать, какія низкія чувства у сего выродка ехидны.

О себѣ я ничего не могу сказать вамъ въ утѣшеніе. Здоровье мое постепенно умаляется, для поправленія коего хотя я и испросилъ уже чрезъ Дибича Высочайшее разрѣшеніе отправиться на зиму въ Петербургъ, но по теперешнимъ горестнымъ обстоятельствамъ долженъ еще оставаться здѣсь на нѣсколько времени, доколѣ не приведутъ къ при-

сягѣ весь ввѣренный мнѣ край, что, надѣюсь, чрезъ двѣ недѣли будетъ кончено и потомъ уже пущусь туда къ новому году, а можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, рѣшусь испросить на сіе и дозволеніе новаго Императора.

По частнымъ извѣстіямъ изъ С.-Петербурга знаю только, что ожидаютъ туда Государя Константина Павловича съ часу на часъ, но навѣрное о семъ никто не знаетъ. 3-го числа возвратился изъ Варшавы Великій Князь Михаилъ Павловичъ и опять уѣхалъ обратно къ Государю 5-го числа.

Въ заключеніе сего, объ одномъ прошу васъ, почтеннѣйшій князь, не лишайте меня вашимъ увѣдомленіемъ о своемъ здоровьѣ, которое можете вѣрить сколь для меня драгоцѣнно. Аграфена Федоровна свидѣтельствуетъ вамъ искреннѣйшее свое почтеніе и благодаритъ за воспоминаніе объ ней. И такъ, прекратя сіе увѣреніемъ въ безпредѣльныхъ чувствахъ совершеннаго уваженія, остаюсь на всю жизнь мою душевно вамъ преданный и всегда благодарный.

135.

14-го февраля 1826 г. С.-Петербургъ.

Письмо ваше, почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ, отъ 7-го числа сего января, я получилъ, за которое и приношу вамъ искреннѣйшую мою благодарность. Я весьма чувствую, что ниспосланное Россіи несчастіе для васъ болѣе прочихъ было убійственно, и не мудрено, что здоровье ваше сильно разстроено. Дай Богъ, чтобы оное совершенно возстановилось, и чтобы вы обрѣли утѣшеніе въ жизни преклонныхъ лѣтъ. Я не дивлюсь, что скука у васъ должна быть несносная, и весьма вѣрю, что пріѣздъ княгини и княжны облегчаетъ пустынное ваше пребываніе въ Таганрогѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ я обрадовался вашей вѣсти, что Императрица намѣрена поселиться въ какой-нибудь подмосковной. Душевно желаю, чтобы сіе исполнилось въ непродолжительномъ времени. Случай сей доставитъ вамъ совершенную возможность заняться собственными дѣлами, кои неминуемо сего требуютъ; а меня утѣшаетъ тѣмъ, что можетъ быть дастъ Богъ и мнѣ наслаждаться неизъяснимымъ удовольствіемъ, чтобы быть вмѣстѣ съ вами чаще и утѣшаться пріятнымъ воспоминаніемъ протекшаго времени, которое я дѣлилъ вмѣстѣ съ вами. Поздравленіе ваше съ полученною мною наградою пріемлю я съ особеннымъ удовольствіемъ, за что

и примите искреннѣйшую благодарность, каковую прошу покорнѣйше объявить княгинѣ и княжнѣ; а что васъ сія награда моя порадовала, въ томъ я весьма увѣренъ, и тѣмъ пріятнѣе для меня ощущать оную, когда удостовѣренъ въ принимаемомъ участіи близкихъ моему сердцу.

О Змѣѣ (Аракчеевѣ) по слухамъ знаю, что онъ при началѣ весны намѣренъ ѣхать въ Карлсбадъ; но вѣрно не для того, чтобы отогрѣть свое ядовитое замерзшее жало, а чтобъ скрыть себя отъ отечества, которое смотритъ теперь на него какъ на чудовище. Но гдѣ онъ укроется отъ терзанія своего сердца? И можетъ-ли имѣть столько духу, чтобъ возвратиться скоро на зыблемое свое логовище?

31-го января я прибылъ въ Петербургъ, а Аграфена Федоровна съ 18-го декабря находится уже здѣсь для поправленія здоровья, которое примѣтно умаляется, а потому я и приношу вамъ отъ имени ея благодарность, за воспоминаніе объ ней, равномѣрно княгинѣ и княжнѣ, коимъ присоединяю и отъ себя душевное мое почтеніе при желаніи добраго здоровья и благоденствія.

136.

3-го октября 1830 г. Саратовъ.

Почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ! Подареннымъ вами мнѣ, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, уксусомъ я теперь ежедневно, при прочихъ предохранительныхъ средствахъ, опрыскиваю мой платокъ, натираю руки и нахожу составъ сей полезнымъ.

Г. Перовскій, бывъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ холера свирѣпствовала, конечно, извѣстилъ васъ подробно какъ о сей болѣзни, такъ и о мѣрахъ, кои противъ нея употребляемы были мѣстными начальствами. Видѣвшись съ г. Перовскимъ въ Москвѣ, я ему сказывалъ о принимаемыхъ мною къ подавленію холеры распоряженіяхъ. Но ежели вы найдете досугъ прочесть подробности сихъ распоряженій, то на такой случай посылаю къ вамъ по одному печатному экземпляру изданныхъ мною доселѣ циркуляровъ.

Холера быстро разнеслась по той причинѣ, что въ началѣ появленія ея въ Астрахани, а скоро потомъ и въ Саратовѣ, не токмо карантинныя, но даже и полицейскія мѣры не были приведены въ исполненіе. Теперь она всюду ловима будучи на каждомъ шагу своемъ, дѣлается менѣе пагубна и находитъ себѣ менѣе жертвъ. Однако, достигнуть сего нельзя было иначе, какъ оцѣпленіемъ постигнутыхъ холе-

рою мѣстъ и учрежденіемъ карантинныхъ заставъ въ одной губерніи отъ другой. Средства сіи, конечно, тягостны, и безъ сомнѣнія найдутся люди неблагомыслящіе, которые бранятъ меня; но я не уважаю ихъ ропота, заботясь единственно о благѣ общемъ и объ исполненіи моего долга, ибо уже на самомъ дѣлѣ дознано, что гдѣ благоразумные помѣщики оцѣпляли свои деревни и никого въ нихъ не впускали и изъ оныхъ никому не позволяли отлучаться, тамъ не было ни больныхъ, ни умершихъ отъ холеры, хотя эта эпидемія въ то же время и существовала въ сосѣдственныхъ мѣстахъ.

Благопріятная погода прекратилась здѣсь въ Саратовѣ 29-го минувшаго сентября и наступили дни дождливые. Однако, дѣйствіе холеры въ уѣздахъ Саратовской губерніи весьма примѣтно ослабѣваетъ, и потому я послѣ-завтра отправляюсь чрезъ Симбирскъ въ Казань, сколько по причинѣ распространившейся тамъ холерической болѣзни, а не менѣе, что распоряженіями мѣстнаго начальства я не очень доволенъ.

III. Письма Алексѣя Петровича Ермолова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1828 гг.

137.

1812 г., безъ мѣсяца и числа.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! Не могу забыть отъѣзда вашего и признаюсь, что вы такъ искусно избрали время уѣхать, что, конечно, никогда болѣе жалѣть васъ невозможно, какъ въ нашихъ обстоятельствахъ. Правда, что мы замѣстили Михаила Богдановича (Барклая-де Толли) лучшимъ генераломъ, то-есть Богомъ, ибо кажется одинъ уже онъ мѣшается въ дѣла наши, а прочіе всѣ ни о чемъ не заботятся. Мы не знаемъ, что изъ насъ будетъ, никто ни о чемъ не думаетъ и кажется трусость гнусная есть одно наше свойство. Жаль мнѣ чрезвычайно, что за медленностію генераловъ не успѣлъ я доставить свѣдѣній и реляціи о дѣлѣ 7-го августа. Хотѣлось мнѣ, чтобы сіе обработано было вами и чтобы Михаилъ Богдановичъ кончилъ дѣла, которыя происходили въ его командованіе, ибо не было дѣла, котораго бы должны были мы стыдиться. Теперь это пойдетъ чрезъ П. П. Коновницына, который кричитъ, что его дивизія болѣе всѣхъ служила, что ничего никому не дано, что о немъ самомъ ни слова не сказано. Послѣ того можете вообразить, что наши дѣла не въ лучшемъ представлены будутъ видѣ.

Я не бываю въ главной квартирѣ, не хожу къ князю не бывши званъ, но сколько ни рѣдко бываю, успѣлъ замѣтить, что Коновницынъ великая баба въ его должности. Безтолочь страшная во всѣхъ частяхъ, а канцелярія раздѣлена на 555 частей или отдѣленій, департаментовъ и прочее. Пишешь о произведенномъ офицерѣ. Это поручикъ Каргопольскаго драгунскаго полка Кастеляновъ, произведенный въ штабсъ-капи-

таны за исправное исполненіе возложенныхъ на него порученій. О немъ есть у васъ мое представленіе вмѣстѣ съ другимъ чиновникомъ, не помню съ кѣмъ.

Прощай! вѣрь дружбѣ моей и почтенію

душевно любящій *Ермоловъ*.

138.

28-го мая 1815 г. Виндзгеймъ.

Поздравляю съ назначеніемъ въ дежурные генералы. По способности и трудолюбію твоему, мѣсто прекрасное и Государь еще болѣе увидитъ усердіе твое. Люди дѣловые нужны и выборъ похвальный! Ты, какъ созданіе чрезвычайно порядочное, во всемъ успѣешь. Простите, ваше дежурное превосходительство, что по старой пріязни называю васъ *ты*. Оставьте мнѣ прежнюю привычку любить васъ. Я здоровъ, избралъ себѣ пребываніе въ Виндзгеймѣ и ничего въ жизни не видалъ скучнѣйшаго. Въ городѣ, какъ въ степи, а вонь и духота въ барышахъ. Корпусъ мой разрушился. Одна бригада гусаръ и казаки пошли въ авангардтъ графа Ламберта и ему приказано по мѣрѣ нужды брать у меня и другія войска. Я остался при 9-й дивизіи, изъ которой одинъ полкъ уже откомандированъ и съ бригадою гусаръ; вскорѣ ожидаю, что и еще возьмутъ что-нибудь, ибо собственно по составу авангарда будетъ то необходимо. Мнѣ жаль, что Государь не видалъ войскъ, пришедшихъ со мною. Теперь по отдохновеніи еще лучше гораздо сдѣлались. Ему вѣрно было бы пріятно видѣть, а мнѣ сказать ему, что исправность принадлежитъ усердію товарищей моихъ, которыми я имѣлъ счастіе быть любимъ. До прибытія гренадеръ или какъ Богъ дастъ, я въ командѣ у Ланжерона, котораго еще я не видалъ. Бутлера, если только безъ него обойдусь я въ гренадерскомъ корпусѣ, тотчасъ пришлю къ тебѣ, и радъ и благодарю тебя душевно. Если кого еще открою, сообщу, я знаю, что ты не забудешь трудовъ ихъ. Прощай.

139.

Получено 19-го іюля 1815 г.

Вчера писалъ къ тебѣ съ твоимъ курьеромъ, но поспѣшность его не дала мнѣ довольно времени. Теперь прошу тебя какъ друга, хотя

М—пу (Мазепу *) непремѣнно предупредить меня нарочнымъ, что изъ насъ сдѣлаютъ:

1) Расположится-ли дивизія навсегда въ окрестностяхъ Парижа, или когда соберется должна будетъ вступить въ казармы и тамъ имѣть будетъ пребываніе.

2) Не расположится-ли которая либо часть дивизіи въ городѣ, а прочая останется въ окрестностяхъ. Какъ въ обоихъ случаяхъ учредится продовольствіе дивизіи, ибо не думаю я, чтобы деревни имѣли достаточныя для продовольствія средства; тѣмъ болѣе, что число деревень не столько велико и онѣ всеконечно снабжать должны столицу различными припасами по близости ихъ расположенія. Увѣдомь, любезнѣйшій *Ма—па*, неужели тоже назначено продовольствіе солдату какъ въ прошломъ году и неужели не будетъ хотя малѣйшаго пособія бѣднымъ армейскимъ офицерамъ. Я думаю, что Государю угодно будетъ дать время собраться дивизіи, чтобы она вмѣстѣ вошла въ городъ. О семъ прошу заблаговременно предувѣдомить. Мнѣ весьма хочется съ тобою повидаться и обо всемъ переговорить. Я постараюсь прибыть съ головою колонны и пріѣду къ тебѣ. Высланный тобою на встрѣчу можетъ меня проводить къ тебѣ.

Я посылаю оберъ-квартирмейстера Иванова и прошу дать ему полное наставленіе, которое вы заблагоразсудите. Прошу васъ не докладывать Государю о второй дивизіи *Паскевича* **) до моего пріѣзда. Вы увидите, что это необходимо нужно, ибо я знаю всѣ обстоятельства, до дивизіи относящіяся и буду умѣть объяснить ихъ выгоднымъ образомъ для *Паскевича*. Также умедлите представленіемъ фельдмаршала о переводѣ полковника *Слюняева* изъ Фанагорійскаго полка. Тутъ есть немного со стороны генерала Рота непозволительнаго. Я, увидѣвшись, съ вами переговорю.

Помогите, любезный Арсеній Андреевичъ, чтобы дали мнѣ и моимъ товарищамъ въ Парижѣ квартиры. Безъ пособія вашего нашего брата русскаго затолкаютъ!!!

---

*) Подъ этимъ именемъ А. А. Закревскій былъ извѣстенъ между товарищами и друзьями.

**) Курсивомъ набрано какъ здѣсь, такъ и далѣе все подчеркнутое самимъ Ермоловымъ.

140.

14-го ноября 1815 г. Варшава.

Я получилъ, какъ тебѣ извѣстно, отпускъ и теперь пирую въ Варшавѣ. Съ одного праздника на другой. Городъ въ блистательномъ видѣ. Народа милліонъ, женщины чудесныя. Государь здѣсь боготворимъ, и если захочетъ, то душу возьметъ у каждаго. Я довелъ до *Познани* корпусъ мой, ибо до границъ царства хотѣлось видѣть, что съ нимъ будетъ. Прошелъ всѣ прелестныя мѣста Германіи, гдѣ вѣрность солдата поколебаться можетъ и къ радости моей видѣлъ, что побѣги нынѣшняго года совершенно незначащіе и пятой доли прошлогоднихъ не составляютъ. Слава Богу! Помню замѣчаніе твое, что во второй дивизіи лучше обращеніе. Справедливо! Завтра хочу пуститься далѣе. Надобно навѣстить стариковъ моихъ. Болѣзнь моя продолжается, но ничего не значитъ. Но возобновляется та, которая такъ долго мучила меня въ Краковѣ. Пока еще до водъ кавказскихъ, боюсь зимы. Срѣжетъ, злодѣйка. Никакъ невозможно избѣжать поѣздки на воды.

Поклонись моимъ знакомымъ, а паче Петру Федоровичу Желтухину. Я къ нему писалъ изъ Лейпцига съ княземъ Гагаринымъ. Просилъ его увѣдомить, заплатилъ-ли ему Мамоновъ долгъ мой и сколько я ему остался должнымъ. Мнѣ кажется, Петръ Федоровичъ хочетъ доказать, что онъ столько же снисходительный заимодавецъ, какъ добрый пріятель. Однако же сдѣлай дружбу, уговори его написать ко мнѣ обо всемъ обстоятельно. Теперь у меня милліоны и никогда лучше заплатить не буду я въ состояніи.

Посылаю, любезный Арсеній, рапортъ къ военному министру, которымъ испрашиваю о присылкѣ Александровскаго брилліантоваго ордена. Узнай обстоятельно, по дружбѣ прошу, точно-ли я его имѣю. Мучитъ сомнѣніе, какъ сердце говоритъ, что обманываюсь. Избави Боже! Пропали сокровища и милліоны. Ежели можешь, то пришли къ новому году въ Орелъ, въ глуши подумаютъ значущимъ меня человѣкомъ или по крайней мѣрѣ, порядочнымъ. Въ Орлѣ, любезной родинѣ моей, я стану умничать и пускать пыль. Безъ брилліантовъ вѣрить знатности не станутъ. Не сдѣлай безъ обновъ къ празднику! Я прилагаю всю возможную нѣжность, чтобы подвигнуть военнаго министра. Неужели не смягчится? Прощай, будь здоровъ и счастливъ.

PS. Прилагаю при семъ письмо Кутузова къ женѣ его. Сдѣлай одолженіе, прикажи доставить его вѣрнѣе. Онъ пишетъ объ отправленіи

книгъ моихъ и сокровищъ, въ Петербургѣ безполезно сгнивающихъ. Мнѣ онѣ нужны. Я со всѣхъ странъ свѣта собираю разсѣянныя мои богатства.

Если нужна довѣренность на полученіе ордена, прошу за меня подписать.

141.

3-го января 1816 г. Орелъ.

Пріѣхавъ въ Орелъ нашелъ я первое письмо ваше, потомъ вскорѣ получилъ и второе, когда доставили вы мнѣ алмазные знаки. Ваше превосходительство скорымъ просьбы моей исполненіемъ доказали, что не забываете старыхъ вашихъ знакомыхъ.

Прошу замѣтить какъ пишутъ къ особамъ значущимъ, какъ напримѣръ дежурному генералу Государя. Но я лучше стану по просту писать къ старому пріятелю и скажу отъ души, любезный и почтенный Арсеній, благодарю тебя за исполненіе моего порученія. Я заслѣпилъ глаза здѣсь алмазами; что за прекраснѣйшій народъ живетъ въ провинціяхъ! Я какъ пріѣхавши налѣпилъ три свои звѣзды, такъ и думаютъ, что я Богъ знаетъ что за человѣкъ. На силу въ 10 дней могъ увѣрить, что я ничего не значу, и то божиться надобно было и святыхъ подымать. Я подорву кредитъ нашей братіи, которые здѣсь пыль въ глаза пускаютъ. Надобно что нибудь дѣлать; а это не безполезно.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ новою должностію. Спасибо Царю за добрый выборъ. Не робѣй! Ты сладишь. Говори другимъ, а я тебя знаю. Все будетъ исправно. Искусный *М—па* (Мазепа) обращеніемъ своимъ всѣхъ пріохотитъ заниматься и дѣло будетъ въ порядкѣ. Ты еще можешь поучить другихъ. Изъ газетъ видѣлъ я обширность должности твоей, но съ твоимъ трудолюбіемъ, точностію и усердіемъ къ Государю Богъ тебѣ поможетъ. Не измѣни, любезный другъ, прежнему твоему доброму со всѣми обхожденію. Гордыхъ бранятъ и бранятъ сильно. Ты меня разумѣешь. . . . . *). Я живу покойно, но уже въ 10 дней праздность мнѣ наскучила. Много впереди времени, не отчаиваюсь привыкнуть къ новому роду моей жизни. Долго, любезнѣйшій другъ, тебя не увижу, что крайне мнѣ жаль. Въ

---

*) Точки въ подлинникѣ.

Петербургъ не поѣду, боюсь дороговизны! Ожидаю нетерпѣливо весны. Поѣду на Кавказъ. Болѣзнь гонитъ меня въ дальній сей путь, но избавиться невозможно. Не забудь, любезнѣйшій Арсеній, о семъ путешествіи... Я уже давно не засыпаю. Случилось разъ на дорогѣ, но сдѣлалось гораздо хуже и труба уже заливная плохо помогаетъ. Надежда на воды, а гдѣ онѣ лучше какъ на Кавказѣ?

Поклонись отъ меня Коновницыну и поздравь. Порядочно его обработали. Видно привязанъ онъ къ пышнымъ титуламъ. Военный министръ. Громкое дѣло!

Поклонись отъ меня любезному Петру Федоровичу (Желтухину), онъ наказываетъ меня своею деликатностію, я уже и писать къ нему не смѣю.

Завожу процессъ съ *Мамоновымъ* и исполню долгъ мой относительно до Петра Федоровича, которому столько обязанъ.

Прилагаю письмецо къ *В. Р. Марченкѣ,* попроси его чтобы замолвилъ слово о Кутузовѣ. Я боюсь, чтобы доброму сему и бѣдному человѣку не дали худой аренды. Не думаю чтобы можно было болѣе его нуждаться.

О ты, во власти котораго всѣ алмазы міра! Ты украсившій меня оными и удивившій ими отечество мое Орелъ, разсыпь блескъ ихъ и на брата моего Петра Николаевича. Онъ взываетъ къ тебѣ и ждетъ благотворнаго луча для согрѣнія груди его.

Прощай! люби по прежнему

Преданнѣйшаго *Ермолова*.

142.

28-го февраля 1816 г. Орелъ.

Письмо твое получилъ. Одну вещь очень пріятную сказалъ ты мнѣ, что Рт. (Ртищевъ) подалъ въ отставку. Это весьма хорошо, но для меня-ли судьба сберегаетъ сіе счастіе.

По истинѣ скажу тебѣ, что во снѣ грезится та сторона и всѣ прочіе желанія умерли. Не хочу скрыть отъ тебя, что гренадерскій корпусъ меня сокрушаетъ и я боюсь его. Всякій другой вмѣсто его не столько бы страшилъ меня. Не упускай, любезный Арсеній, случая помочь мнѣ и отправить на востокъ; впрочемъ, какъ ты обязанъ наблюдать пользу, то я ни мало роптать не буду, если опредѣлите туда человѣка способнѣйшаго и полезнѣйшаго, по пословицѣ *всякіе люди*

Богу надобны, тогда останусь я тамъ, куда судьба меня броситъ. Такъ и быть!

Увѣдомь, сдѣлай дружбу, если что похоже будетъ на исполненіе желанія моего. Я не прошу тебя писать ко мнѣ, ибо не хочу похищать у тебя время, котораго и лишняго у тебя нѣтъ, и оно на полезнѣйшія занятія необходимо. Тогда только пиши, когда что до Грузіи касаться будетъ.

Вчера получилъ отъ тебя сообщеніе, что я исключенъ изъ списка гвардейской бригады. Я отнюдь не удивлялся тому, ибо по порядку надлежало то сдѣлать, когда занятъ я другою должностію и напрасно занимаю мѣсто, но я изъ сего вижу, что великій Таубе о томъ много хлопоталъ, ибо если бы случилось мнѣ пріѣхать въ Петербургъ я для него гость не самый пріятный. Не удивляюсь я достоинствамъ знаменитаго сего мужа. Меня именнымъ указомъ не заставишь думать, что онъ похожъ на человѣка. И такъ, я уже не принадлежу гвардейской бригадѣ. Но скажи мнѣ не потеряю-ли я съ тѣмъ мое жалованье изъ 6,000 рублей. Тогда я пропалъ и не буду имѣть способовъ существовать въ службѣ. Указъ о семъ жалованьи данъ такой, что я получаю его до тѣхъ поръ какъ командую гвардейскою бригадою.

Тебѣ не можетъ быть неизвѣстно, если дано повелѣніе о прекращеніи его. Узнай подъ рукою, и если еще не дано, то не приводи на память. Я не буду знать что дѣлать, если лишусь его. Поступи съ симъ осторожнѣе! Военный министръ, если узнаетъ, не упуститъ одолжить меня, вспомня старую пріязнь. Понимаешь!..

Недавно былъ здѣсь безцѣнный *Сабанѣевъ*, котораго люблю я душевно за честныя правила и благородныя чувства. Мы съ нимъ провели три дня масляницы. Вспомнили о разныхъ прошедшихъ происшествіяхъ, о многомъ посмѣялись и прожили весело. Я подговариваю его къ Кавказскимъ водамъ лечить ту болѣзнь, отъ которой употребляются заливныя трубы, и которой живущіе въ Петербургѣ не избавляются. Сабанѣевъ почти уже согласился, и тебя, если бы не занимала важная должность, не трудно, конечно, было бы согласить, если въ тебѣ хоть малая есть признательность. Бойся Бога до костей зараженный *М—па* (Мазепа)! Вѣдь худо будетъ!!.

Поклонись отъ меня истинно почтенному Василію Романовичу (Марченко), котораго я много весьма уважаю.

Къ *Розену* недавно я писалъ. Каковъ проворъ? Выхлопоталъ женѣ знаки. Не безъ труда, думаю, было. Великій механикъ! Какія, думаю, подвелъ пружины! Ожидаю, что вскорѣ нѣсколько членовъ Бар-

клаевой фамиліи того же добьются. Не худо! Очередь *Дибича* и товарища вашего Толя. Что будетъ Розенъ просить *Мишелю?* Загадка! Прощай! Еще повторяю тебѣ не пиши, не теряй напрасно время. Развѣ что нужно увѣдомь.

Доброму товарищу П. Ф. Желтухину мой поклонъ. Благородный и славный малый!

143.

24-го марта 1816 г. Орелъ.

Дабы не занимать тебя вздоромъ и не отнимать времени, котораго, конечно, лишняго не имѣешь, я въ письмѣ моемъ условился, чтобы ты не писалъ ко мнѣ иначе, какъ что нибудь до меня касаться будетъ, и потому удивляюсь, что ты ни слова не сказалъ мнѣ о томъ, что *Волконскій* объявилъ мнѣ Высочайшую волю, дабы я пріѣхалъ въ Петербургъ. По полученіи сего я тотчасъ бы пустился въ путь, но я весьма болѣнъ. Ко всѣмъ прежнимъ и общимъ съ тобою болѣзнямъ присоединился еще и сильный ревматизмъ, такъ что нѣсколько дней не только ходить ниже не могъ пошевелиться. Я писалъ бумагу къ Волконскому по службѣ, что я болѣнъ и потому не выѣзжаю тотчасъ, но что гораздо прежде окончанія отпуска моего пріѣду. Писалъ также и партикулярно. Боюсь чтобы замедленіе мое мнѣ не повредило. Я прошу тебя, почтенный Мазепа, употребить со своей стороны приличный способъ къ моему извиненію. Ты великое мнѣ сдѣлаешь одолженіе. На святой же недѣли, не взирая ни на здоровье, ни на дорогу, я непремѣнно выѣду. Если же, къ несчастію, мнѣ не нужно уже будетъ ѣхать, то увѣдомьте меня, ибо я напрасно ѣхать и сдѣлать для меня чувствительныя издержки не хочу. Сдѣлай дружбу увѣдомь, что тебѣ скажетъ *Волконскій*. Я успѣю еще получить здѣсь твое письмо. Не оставь просьбы моей въ разсужденіи извиненія моего.

Отдай Каліостро (князю Меншикову?) записочку мою.

144.

18-го ноября 1816 г. Тифлисъ.

Не льстя тебѣ скажу, что въ свободныя минуты моей здѣсь жизни, одно имѣя удовольствіе воспоминать о маломъ числѣ друзей моихъ, знаю я тебя однимъ изъ наилучшихъ, люблю и почитаю тебя душевно.

Скажу тебѣ о путешествіи моемъ и что доселѣ замѣтилъ. Въ Георгіевскѣ прожилъ я болѣе недѣли. Занимался гражданскими дѣлами. Былъ въ судахъ. Не удивлялся нѣкоторымъ безпорядкамъ, ибо они вездѣ почти одинаковы, но досадно мнѣ нерадѣніе, и кажется мнѣ, что я заставилъ себя остерегаться. Гражданскую власть нашелъ въ ссорѣ съ военною, по общему вездѣ порядку, но какъ это не мой порядокъ, старался примирить ихъ.

Войска на линіи, которыя случилось мнѣ видѣть на пути, всѣ прекрасныя, всѣ таковы, какія должны быть славной арміи великаго Государя. Начальствующій линіею г. м. Дельпоццо, человѣкъ усердный къ службѣ, самый благонамѣренный и безкорыстный, но такъ старъ и болѣе еще слабъ, что на линіи безпрерывныя случаются происшествія, кордонная стража сонная, нерадивая и горскіе народы дѣлаютъ дерзкія шалости. Я ругаюсь и не люблю потворства, но я ѣду далѣе и будетъ не хорошо, вы увидите. На линіи долженъ быть начальникъ строгій и дѣятельный. Поговори о томъ съ княземъ Петромъ Михайловичемъ (Волконскимъ), надобно объ этомъ подумать. По мнѣнію моему, очень хорошъ можетъ быть въ семъ мѣстѣ генералъ-лейтенантъ Эмануель, а можетъ быть вы и другого найдете. Дельпоццо надобно однакоже наградить, онъ много сдѣлалъ хорошаго. Крѣпость Владикавказъ, чрезвычайно для насъ важную, устроилъ почти безъ всякой казнѣ издержки. Выселилъ изъ горъ непріязненные намъ народы, которые обезпокоивали Грузинскую дорогу, а теперь вмѣсто насъ дерутся съ чеченцами.

Мой поклонъ Котляревскому. Адаму Ивановичу, Кондратью Яковлевичу, Красотѣ и Крѣпкой натурѣ. Увѣдомь, получалъ-ли фельдмаршалъ отъ брата Михаила (графа Воронцова) письма.

Обстоятельно вникалъ я въ образъ жизни войскъ на линіи и въ Грузіи. Нимало не удивляюсь чрезмѣрной ихъ убыли. Если нашелъ я кое-гдѣ казармы, то сырыя, тѣсныя и грозящія паденіемъ, въ коихъ можно только содержать людей за преступленіе; но и таковыхъ мало, большею частію землянки, истинное гнѣздо всѣхъ болѣзней, опустошающихъ прекрасныя здѣшнія войска. Какая тяжкая служба офицеровъ, какая жизнь несчастная! Предупредите Государя, что я буду просить денегъ на постройку казармъ и госпиталей и ручаюсь, что кромѣ сохраненія людей, сберегу я и деньги въ другихъ многихъ случаяхъ. Я недавно здѣсь, но вижу возможность уменьшить издержки по продовольствію войскъ. Дайте возвратиться изъ Персіи. Богъ будетъ за добрыя мои намѣренія. Ничего столько не желаю какъ мира и спокойствія. Много въ землѣ сей можно сдѣлать пользы государству. Сегодня принимаю я

посланцовъ ко мнѣ отъ одного народа. Вчера уже говорилъ съ ними, и есть у насъ въ виду богатѣйшая свинцовая руда, каковымъ изобиліемъ можетъ быть нѣтъ равныхъ. Здѣсь все есть, а у меня все время на службу Государя. Нѣтъ ни жены, ни любовницы, никакой страсти, ни развлеченій. Съ утра до вечера за дѣломъ. Какъ рано всѣ встаютъ. Какъ всѣхъ подстрекаю. Въ судахъ сидятъ и при свѣчахъ, безъ моего принужденія, а только грожу посѣщеніемъ.

Провіантская часть съ ума сводитъ. Въ магазинахъ нѣтъ ничего. Денегъ не присылаютъ вѐ время, присылаютъ мало, и досихъ поръ всѐ почти ассигнаціями, которыхъ здѣсь не берутъ или чрезвычайно невыгодны для казны. Скажи князю П. М. (Волконскому), чтобы третью часть на продовольствіе непремѣнно присылалъ серебромъ, такъ было представляемо и предмѣстникомъ моимъ; я военному министру дѣлаю о семъ представленіе. Теперь въ такомъ безпорядкѣ часть сія здѣсь, что всѣ войска въ Грузіи мѣстными способами довольствуемыя, остаются безъ запасовъ и живутъ отъ одного дня до другого. Ручаюсь вамъ, что сего впредь не будетъ, но не прежде какъ по возвращеніи изъ Персіи, которая, отвлекая меня отсюда, много дѣлаетъ вреда.

Кутузова ожидаю я нетерпѣливо. Ему въ отсутствіе мое надобно командовать здѣсь войсками, но какъ здѣсь есть старшіе, которымъ нельзя того поручить, то надобно чтобы князь Петръ Михайловичъ написалъ мнѣ, что ему поручается начальство какъ старшему. Тогда никто не усумнится, чтобы онъ не имѣлъ права на командованіе. Кавказской же линіи начальнику до прибытія моего предпишу я относиться по службѣ къ князю Петру Михайловичу. Вижу я, какіе здѣсь будутъ безпорядки безъ главнаго здѣсь управленія, но чтѐ дѣлать.

Если же вы что лучше придумаете, то поспѣшите чрезъ нарочнаго дать мнѣ знать. Не пренебрегайте симъ обстоятельствомъ. По положенію края сего, оно весьма важно. Прощай!

Дополненіе. Хотѣлъ ограничить себя четырьмя прежними страницами, но никакъ невозможно. Видѣлъ я какъ ты принимаешь длинныя письма. Достается и брату Михайлѣ (графу Воронцову), что любитъ пописать, но пощади мои письма, какъ жителя далекихъ странъ, которому рѣдки случаи скучать любезному Арсенію. Ты можешь припомнить слова Воронцова, обыкновенно на концѣ 8 или 12 страницы: «*Спѣшу кончить, виноватъ, за скорымъ отправленіемъ курьера не могъ на сей разъ ничего сказать, но съ будущимъ напишу обстоятельно*». Едва было и мнѣ не случилось *пилить* тебя двѣнадцатью, но изъ благопристойности я рѣшился стѣснить строки. Не знаю что дѣлаетъ братъ Михайло, но если

до сихъ поръ я того же не дѣлаю, твоя вина. Нѣтъ типографіи, нѣтъ приказовъ, а меня на приказы очень позываетъ. Отъ скуки пустился я въ манифесты къ разнымъ народамъ. Здѣсь мои предмѣстники слабостію своею избаловали всѣхъ *хановъ* и подобную имъ каналью до такой степени, что они себя ставятъ не менѣе султановъ турецкихъ, и жестокости, которыя и турки уже стыдятся дѣлать, они думаютъ по правамъ имъ позволительными. Предмѣстники мои вели съ ними переписку какъ съ любовницами, такія нѣжности, сладости и точно какъ будто мы у нихъ во власти. Я началъ вразумлять ихъ, что безпорядковъ я терпѣть не умѣю, а порядокъ требуетъ обязанности послушанія и что таковое совѣтую я имъ имѣть къ волѣ моего и ихъ Государя, и что я берусь научить ихъ сообразоваться съ тою волею. Всю прочую *мелкую каналью,* дѣлающую намъ пакости и наглыя измѣны, начинаю прибирать къ рукамъ. Первоначально, стравливаю между собою, чтобы не вздумалось имъ быть вмѣстѣ противъ насъ и нѣкоторымъ уже обѣщалъ истребленіе, а другимъ казнь аманатовъ. Надобно по необходимости нѣкоторыхъ удостоить отличнаго возвышенія, то есть висѣлицы. Не уподоблюсь слабостію моимъ предмѣстникамъ, но если хотя немного похожъ буду на князя Циціанова, то ни здѣшній край, ни вѣрные подданные Государя нашего ничего не потеряютъ.

Сдѣлай дружбу, любезный Арсеній, для пользы службы самой прошу, будь при томъ какъ будетъ читать бумаги мои князь Петръ Михайловичъ. Я въ нихъ пишу о такихъ вещахъ, которыя требуютъ непремѣнно скораго исполненія. Я знаю твою настойчивость и она нужна, необходима въ семъ случаѣ.

Я воспользовался отправленіемъ людей въ гвардію, и капитана, который ихъ ведетъ, назначаю для познанія порядка службы. При немъ есть особенный унтеръ-офицеръ и рядовой. Прикажи ихъ славно одѣть на мой счетъ. Мы послѣ разочтемся. Офицера сего возьми подъ свое покровительство и поручи Карлу Бистрому. Пошли за моимъ Ермоловымъ и ему, какъ хорошему офицеру, прикажи, чтобы имъ занимался.

Вспомни, что это сдѣлано *по условію* и выведи изъ сего славную исторію. Скажи, что я сдѣлался совсѣмъ годный человѣкъ, даже люблю фронтъ. Здѣсь нашелъ я войска, похожія на персидскихъ *сарбазовъ.* Но люди прекрасные и молодцы. Народъ храбрый, жаль что миръ необходимо нуженъ. Обманутся *непріятели мои*, думая что я заведу драку. Неправда! Вижу что надобно спокойствіе для пользы нашей, и Богъ свидѣтель, что на всѣ средства пущусь, чтобы выторговать нѣсколько лѣтъ мира. Употреблю кротость, ласку, лесть и всѣ способы·

Но если успѣю, то ручаюсь, что послѣ не по прежнему будемъ оканчивать войну въ здѣшнемъ краю.

Посылаю по службѣ бумагу объ утвержденіи командирами полковъ. Я избралъ лучшихъ офицеровъ. Но здѣсь не въ каждый полкъ достанется молодецъ, ибо надобно дожидаться, чтобы нѣкоторые вышли. Есть ужасная дрянь, которую по тому терпятъ что давно служатъ. Въ послѣднее производство пожалованы полковниками *Ладинскій* и *Дьяковъ*. Не знаю почему обошли вы старшихъ и ихъ обидѣли безвинно. *Ладинскій* мало служилъ, былъ окружнымъ начальникомъ и въ должности коммиссіонера. Не его дѣло командовать карабинернымъ полкомъ. Офицеръ знакомый въ канцеляріяхъ начальниковъ. *Дьяковъ* храбрый весьма человѣкъ, но весьма простой и былъ бы счастливъ имѣть полкъ не гренадерскій, гдѣ бы желательно опредѣлять офицеровъ, которые впередъ что нибудь обѣщаютъ. Сіе служило бы отличіемъ. Въ Херсонскомъ полку подполковникъ Рябининъ, старый офицеръ, но въ томъ полку надобно бы лучшаго командира. Онъ хорошій фронтовой, но внутренность полка несчастная. Весьма было бы справедливо 7-й Карабинерный и Херсонскій полки дать хорошимъ полковникамъ изъ гвардейскихъ. Скажи о томъ князю Петру Михайловичу, чтобы онъ сказалъ желаніе мое Государю. Ладинскому можно дать другой полкъ. Онъ молодъ и подождетъ. Рябинина опредѣляю окружнымъ начальникомъ, гдѣ также надобны надежные офицеры. Нельзя ли выпросить мнѣ подполковника *Пузыревскаго* въ корпусъ. Отличный сей офицеръ мнѣ былъ бы весьма полезенъ, у него и полкъ будетъ хорошъ. Здѣсь есть молодой офицеръ, подполковникъ Абхазовъ, ученикъ Котляревскаго, храбрый и славный человѣкъ, достойно воспоминающій о своемъ наставникѣ, на него имѣю я глаза и у Государя будетъ необыкновенный человѣкъ для здѣшняго края. *Котляревскій* срѣзалъ меня. Онъ таковъ, что его здѣсь никѣмъ не замѣнишь, да и вездѣ подобные ему рѣдки. Про него по истинѣ надобно сказать герой! Я писалъ объ немъ Государю, прося особеннаго воззрѣнія. Скажи о семъ брату его.

Мадатовъ назначенъ главнокомандующимъ въ Карабахъ, мѣсто его рожденія. На меня сердитъ. Говоритъ, что я змѣй и хуже Сабанѣева. Мысль прекраснѣйшая! Прощай.

Пришли, сдѣлай милость, списокъ генеральскій, который я забылъ у тебя въ Петербургѣ и полковничій. Поклонъ моимъ знакомымъ: П. Ф. Желтухину, Каліостро, Киселеву и Орлову.

145.

4-го января 1817 г. Тифлисъ.

Существующая во Владикавказѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кавказской линіи чума подвергаетъ курьеровъ продолжительному карантинному очищенію, почему и не посылаю я сей разъ фельдъегеря, а отправляю бумаги по пересылкѣ, хотя это не лучшій способъ, но единственный для ускоренія.

Я здоровъ. Здѣшній климатъ мнѣ въ прокъ. Не знаю, что отъ жаровъ будетъ лѣтомъ. Веду жизнь ту самую, какъ тебѣ описывалъ, а потому и не жирѣю. Благодаря предмѣстникамъ дѣла довольно, работаю какъ волъ. Доброй воли много, Богъ дастъ, наконецъ, слажу.

Недавно возвратился отъ обозрѣнія границъ. Видѣлся съ тремя ханами. Давно бы надобно было мнѣ познакомиться съ ними. Тутъ узналъ я, что не худо здѣсь быть главнокомандующимъ. Но если можно спросить прежнихъ, они еще лучше то знаютъ. Мнѣ дѣлаемы были подарки (не знаю точно, по обычаю-ли земли или по обычаю главнокомандующихъ); они состояли изъ прекраснѣйшихъ верховыхъ лошадей, дорогихъ золотыхъ приборовъ, драгоцѣннаго оружія, великолѣпныхъ шалей, отъ которыхъ глаза нашихъ красавицъ, конечно, разбѣжались бы. Я жалѣлъ, что не женатъ, тогда бы предложили жемчуги и коечто для хозяйства не лишнее. *Какіе добрые люди! Вѣдь обижаются коли не принимаешь!* Я нѣкоторымъ позволилъ подарить мнѣ изъ простаго ремня по одной уздѣ и плеткѣ. А какъ здѣсь изъ всего выводятся толки и заключенія, то я нарочно выдумалъ сіи эмблематическіе подарки. Но чтобы не обидѣть отказомъ подарковъ, со всѣхъ хановъ взялъ *баранами* и уже у меня есть до *семи тысячъ.* Весною отъ полковъ посланы будутъ за ними пріемщики прямо къ ханамъ. Полкамъ запрещеніе два года употреблять ихъ въ пищу, а стараться о размноженіи. Чрезъ два года, два раза въ недѣлю солдатамъ мясо. Чрезъ нѣкоторое время полушубки на войска. Государю не будетъ стоить ни гроша. Увидите какъ менѣе будетъ умирать людей отъ улучшенія пищи и одежды. Шинель и мундиръ выслужатъ сроки безъ истребленія. Я намѣренъ и впередъ не быть жестокимъ на отказы подарковъ!!! Семь тысячъ барановъ по здѣшней цѣнѣ по 2 р. 50 коп. серебромъ дѣлаютъ 70 тысячъ ассигнаціями. Все это, однакоже, менѣе тѣхъ подарковъ, что мнѣ предлагали. Опять повторяю, что здѣсь не худо быть главнокомандующимъ!

Меня утѣшаетъ, что я изобрѣлъ такую важную штуку, что *Воронцовъ* самъ лучше не выдумаетъ. А какъ онъ пропечаталъ въ своихъ приказахъ *сотворенiе кваса,* то я пропечатую *созданiе барановъ.* Поживемъ долѣе—не то еще будетъ! Посылаю письмо къ Воронцову, прочти и отправь. Онъ отъ нашихъ шутокъ пришелъ въ ярость, а особливо статья *о законахъ* взяла его за живое и намъ обоимъ досталось порядочно. Я смягчая его еще поддалъ жару, опять пойдетъ въ гору. Однако же, мы счастливы, намъ удалось взбѣсить и онъ не примѣтилъ шутки. Нашъ братъ Исаакiй!—вотъ что его зарѣжетъ. Больно какъ люди обыкновенные надуваютъ! *Братъ Михайло (Воронцовъ) тонкiй человѣкъ,* но напрасно насъ за простоту пренебрегаетъ. Прочти со вниманiемъ письмо мое къ нему. *Моя тиъ* *) *мастеръ* отправленъ въ Карабагское ханство командовать расположенными тамъ войсками и надзирать за управленiемъ хана. Какое предоброе и безкорыстное созданiе. Тамъ надобенъ такой, ибо *Котляревскiй* обворожилъ ихъ своею честностiю и безпристрастiемъ. Этотъ человѣкъ не по однимъ способностямъ военнымъ достоинъ почтенiя. Его надобно уважать и по строгимъ правиламъ его поведенiя. Простой народъ лучшiй въ семъ случаѣ свидѣтель. Жаль, что у насъ немного ему подобнымъ! Я доволенъ, что имѣю *Мадатова.* Если случится война, эта *собака* можетъ быть весьма полезна. Жесты его и русскiй языкъ еще стали совершеннѣе.

Видѣлъ я въ «Инвалидѣ», что Муромцовъ произведенъ въ полковники въ Кабардинскiй полкъ. Тамъ старшiй графъ Гудовичъ подалъ въ отставку и на мѣсто его я представилъ другаго. Теперь, если прiѣдетъ Муромцовъ, я не буду знать, что изъ него дѣлать. Ты вѣрно забылъ, что я просилъ при производствѣ назначить его по армiи, ибо онъ маршаломъ при посольствѣ.

Типографiя, что ты ко мнѣ отправилъ, сидитъ въ Моздокѣ въ карантинѣ. Говорятъ, что по тягости станокъ не можетъ въ зимнее время перейти чрезъ горы и никто его разобрать не умѣетъ. Если выйдетъ производство въ генералы тѣхъ, о которыхъ спрашивалъ моего мнѣнiя, по крайней мѣрѣ, предоставьте мнѣ избрать, кто здѣсь болѣе полезенъ, а не вамъ; но здѣсь не надобныхъ, не оставляя у меня, можно опредѣлить по армiи. Есть изъ прежнихъ на то очень способные.

Мнѣ пришла мысль, по которой ты долженъ ходатайствовать у Государя. *Кутузовъ* по отъѣздѣ моемъ остается здѣсь начальникомъ.

*) Такъ въ оригиналѣ, вѣроятно Мадатовъ.

здѣшнимъ народамъ, а паче азіятцамъ, весьма дико видѣть начальника безъ значущей декораціи. Доложи же Государю, что я прошу ему *Анненскую ленту* и онъ ея заслужитъ и я за нее заслужу, ибо почту за собственное меня награжденіе. Не оставьте безъ вниманія моей просьбы собственно для пользы службы.

Поклонись брату Василію, прочти ему письмо мое, ибо особенно писать теперь нечего. Скажи мой поклонъ тѣмъ, которые меня еще не забыли. Прощай, почтенное и добрѣйшее созданіе М—па (Мазепа).

Перемѣнилъ намѣреніе и посылаю фельдъегеря, а не эстафетъ.

146.

9-го января 1817 г. Тифлисъ.

Подобно брату Михаилѣ (Воронцову) отъ 4-го числа написалъ я тебѣ предлинное письмо. Но послѣ того пріѣхалъ отъ тебя еще фельдъегерь и я приглашенъ тобою будучи писать, пускаюсь далѣе. Фельдъегерь доставилъ мнѣ новости 12-го числа декабря. Прибавленіе жалованья есть предметъ весьма важный. Достойна почтенія заботливость объ улучшеніи содержанія бѣдныхъ офицеровъ! Государь пріобрѣтетъ большую признательность. Я не понимаю сего дѣла, а потому не знаю возможности уровнять выгоды между служащихъ; но кажется мнѣ, что столовыя деньги, въ значущемъ количествѣ положенныя, не равныя представляютъ выгоды человѣку живущему въ столицѣ или польскихъ губерніяхъ и тому, который въ Малороссіи и во многихъ другихъ дешевыхъ мѣстахъ Государства. То истинное мудрое дѣло, кто бы сего достигнуть могъ. И такъ, повидимому, рѣшена судьба фурштатскихъ баталіоновъ. Простите мнѣ, господа придворные жители (ты не въ семъ числѣ), что я по глупости моей сего испугался. Одно званіе *фурштатскій* приводитъ меня въ содроганіе какъ артиллерійскаго офицера.

У насъ нѣкогда артиллерійскія лошади принадлежали особенному фурштату, а не ротамъ. Слѣдствіе того было одно то, что роты не двигались. Боюсь, по глупости, чтобы не произошло того съ провіантомъ. Мнѣ пришла смѣшная мысль, если случится, что арміи будутъ возвращаться къ провіанту, а не провіантъ будетъ подвозимъ къ войскамъ. Надутъ *Жомини* съ своими сочиненіями; тогда надобно будетъ пригласить фурштатскихъ баталіонныхъ командировъ сочинить новую систему какъ вести войну.

Со вниманіемъ приглядываясь къ положенію здѣшняго края, я на-

хожу невозможность учрежденіе баталіоновъ, и когда дойдетъ до меня повелѣніе о преобразованіи, по должности честнаго солдата, я сдѣлаю представленіе. Не послушаютъ, не моя бѣда!

Вчера пріѣхалъ также фельдъегерь, отправленный съ типографіею, но типографія дошла до горъ и гнушаясь ступить на снѣга Кавказа, ожидаетъ улыбки весны и ковра изъ зелени для торжественнаго ея шествія. Я увѣренъ, что все сдѣлано наилучшимъ образомъ, но по удовольствію ругаться, спрошу васъ, какъ не вошло вамъ въ голову разобрать станокъ и научить кого нибудь какъ его складывать? Вы знали что чрезъ горы, а особенно зимою, ничто кромѣ вьюковъ не проходитъ. Теперь я и дожидаюсь весны и то не знаю какъ сладить. Весна въ горахъ не прежде конца апрѣля. Эта толстая типографическая фигура, любезный Быковъ, надѣлалъ хлопотъ. За наказаніе употреби его вмѣсто пресса. Для чего не распечаталъ ты письмо брата Михайлы, оно прелюбопытное. Онъ досадуетъ, что не понялъ нашей шутки, какъ примѣтно, стыдно ему, что онъ противъ насъ дѣлалъ ужасную вылазку. Я его къ тебѣ посылаю.

Правду ты говоришь, что братъ Михаилъ *перетонилъ*, какъ можно подобное сдѣлать предложеніе? Это не лучшій способъ нравиться! Ему и тѣмъ нельзя оправдаться, что онъ не знаетъ обстоятельствъ. Не простъ! выбралъ лучшую дорогу чрезъ Каподистри. Увидимъ, что успѣетъ! Тогда надобно съ нимъ поступить какъ съ колдуномъ. Я не понимаю, что̀ съ нимъ сдѣлалось. Ты знаешь его человѣкомъ не только не роскошнымъ, напротивъ весьма бережливымъ. Если это узнаютъ, онъ потеряетъ въ мнѣніи.

Ты желаешь знать какъ я умничаю. Скажу вкратцѣ. Вчера отпустилъ присланнаго отъ наслѣдника персидскаго престола съ поздравленіемъ о прибытіи моемъ. Ртищевъ *низкимъ уваженіемъ* истолковалъ имъ, что они покрайней мѣрѣ равные намъ. Я писалъ учтивое письмо, на словахъ велѣлъ сказать, что жду удовольствія съ нимъ познакомиться, слыша, что онъ во всемъ уподобляется просвѣщеннымъ европейцамъ. Недавно одинъ изъ ихъ знатнѣйшихъ людей прислалъ мнѣ конфектовъ и пишетъ, что онъ желаетъ, чтобы такъ сладка была между нами дружба и что надѣется имѣть добраго во мнѣ сосѣда. Я отвѣчалъ, что я готовъ быть добрымъ пріятелемъ, но что мѣрою дружбы я пріемлю самые поступки, а потому если онъ себя будетъ лучше вести нежели съ *Ртищевымъ,* то мы поладимъ. Получилъ превѣжливый отвѣтъ и всѣ требованія удовлетворяются. Не знаю что будетъ впередъ, но отвѣчаю, что мы удержимъ должное къ намъ уваженіе. У

насъ есть нѣкоторый родъ собственныхъ *царьковъ*. Это ханы, утвержденные граматами Государя и которымъ трактатами предоставлены права совсѣмъ для насъ невыгодныя и умедливающія устройство земли. Лучшій изъ нихъ ханъ Ширванскій генералъ-лейтенантъ Мустафа. Это сильнѣйшій также, а потому я съ нимъ пріятель и онъ начинаетъ имѣть ко мнѣ великую довѣренность. Далъ слово пріѣхать ко мнѣ въ Тифлисъ съ дѣтьми. Онъ самъ сказалъ мнѣ, что онъ ни для кого изъ начальниковъ того не дѣлалъ. Я его надулъ важнымъ письмомъ и потомъ съ пятью человѣками офицеровъ, не имѣя ни одного казака въ конвоѣ, пріѣхалъ къ нему для свиданія. Вотъ чѣмъ я его зарѣзалъ. Прочіе ханы трепещутъ. Одного жду смерти нетерпѣливо, какъ бездѣтнаго; другаго хочется истребить, ибо молодъ, ждать долго, надѣлаетъ, скотина, дѣтей, которые по трактату должны быть наслѣдниками. Если въ обоихъ сихъ ханствахъ удасться учредить наше правленіе, народы будутъ счастливы и Государь покрайней мѣрѣ получитъ 100,000 червонцевъ доходу. *Ртищевъ* мнѣ и это испортилъ. Онъ именемъ Государя хану карабагскому бездѣтному назначилъ измѣнника наслѣдникомъ, который, имѣвши нашъ полковничій чинъ, бѣжалъ въ Персію, подвелъ непріятеля и у насъ истребили баталіонъ. Онъ посылалъ за нимъ въ Персію, склонилъ возвратиться и простилъ. Я узналъ отъ самого измѣнника, что это сдѣлано не безъ грѣха. *Паулуччи* при бѣгѣ захватилъ его имущество и вещамъ составивши опись по выѣздѣ своемъ отсюда оставилъ ихъ подъ сохраненіемъ въ правительствѣ. Теперь всѣмъ разсказываетъ измѣнникъ, что онъ тѣхъ вещей не получилъ обратно. Вотъ и наслѣдникъ ханства, о которомъ, конечно, Государь не воображаетъ. А ханство покрайней мѣрѣ дало бы 50,000 червонныхъ доходу.

Въ другомъ ханствѣ, по милости *графа Гудовича*, мы имѣемъ хана. Та глупѣйшая с.... принялъ изъ Персіи бѣглеца, доставилъ ему чинъ генералъ-маіора, Анненскую ленту и ханство, которое должно было имѣть нашъ образъ управленія, ибо послѣ хана послѣдняго не было кому заступить мѣсто и не нарушая трактата сдѣлался бы россійскій уѣздъ. Также Гудовичъ роздалъ богатѣйшія около Дербента селенія одному владѣльцу, который одну отправляетъ службу, что даетъ убѣжище нашимъ дезертирамъ. Признаюсь тебѣ, если Гудовичевъ и ему подобныхъ будете сюда присылать начальниковъ, достигнемъ легко что насъ возненавидятъ и проклянутъ имя русское на вѣки. Началы тому уже благонадежныя!

Теперь обратимся къ единовѣрцамъ нашимъ — къ народу Грузію

населяющему. Начнемъ съ знатнѣйшихъ: князья ничто иное есть какъ въ уменьшенномъ размѣрѣ копія съ царей грузинскихъ. Та же алчность къ самовластію, та же жестокость въ обращеніи съ подданными. То же благоразуміе, однихъ въ законодательствѣ, другихъ въ совершенномъ убѣжденіи, что нѣтъ законовъ совершеннѣйшихъ. Гордость ужасная отъ древности происхожденія. Доказательства о томъ почти нѣтъ и требованіе онаго пріемлютъ за оскорбленіе. Духовенство необразованное ...... тѣ же мѣры жестокости употребляемыя въ изученіи истинъ закона; житіемъ своимъ подающіе примѣръ разврата и вскорѣ обѣщевающее надежду, что магометанская вѣра распространится. Многіе изъ горскихъ народовъ и земель принадлежащихъ Портѣ Оттоманской, бывшіе христіане, перестали быть ими и сдѣлались магометанами, безъ всякой почти о томъ заботы. Если наши не такъ скоро ими сдѣлаются, то развѣ потому, что по мнѣнію ихъ весьма покойно быть безъ всякой религіи. Народъ простой, кромѣ состоянія ремесленниковъ, болѣе глупъ нежели одаренъ способностію разсудка; свойствъ болѣе кроткихъ, но чувствуетъ тягость зависимости отъ своихъ владѣльцовъ. Лѣнивъ и празденъ, а потому чрезвычайно бѣденъ. Легковѣренъ, а потому и удобопреклоненъ ко всякаго рода внушеніямъ. Если бы князья менѣе были невѣжды, народъ былъ бы преданъ нашему правительству; но не понимаютъ первые, еще менѣе могутъ разумѣть послѣдніе, что они счастливы принадлежа Россіи; а тѣ и другіе чрезвычайно неблагодарны и непризнательны. Словомъ, народъ не заслуживаетъ того попеченія, тѣхъ заботъ, которыя имѣетъ о нихъ правительство, и дарованныя имъ преимущества есть *биссеръ, брошенный передъ свиньями*. По несчастію, во время послѣднихъ возмущеній въ Грузіи, слабый *Ртищевъ,* управляемъ будучи мошенниками, многихъ изъ явныхъ бунтовщиковъ хорошихъ фамилій оставилъ покойными безъ наказанія и возвратилъ имъ имѣнія. Они возмечтали, что прощеніе имъ даровано, боясь огорчить дворянство и почитаютъ себя намъ опасными. Я начинаю вразумлять ихъ и наконецъ сдѣлаю, что постигнутъ настоящій смыслъ чего они стоятъ и какъ мало страшны. Мнѣ надобно три года мира, чтобы не быть отвлечену отсюда и образъ мыслей они нехотя перемѣнятъ. Войны боюсь потому, что она всегда сопровождаема внутренними безпокойствами. Въ три года съ ними управлюсь покрайней мѣрѣ столько, что они будутъ разумѣть обязанности свои правительству и Государю слишкомъ для нихъ милосердому. Вотъ тебѣ нѣкоторыя замѣчанія о Грузіи, ты ихъ имѣть желалъ. Можешь прочесть ихъ старику *Петру Ивановичу,* который пишетъ, что вы меня ругаете съ нимъ вмѣстѣ

и жалѣете что я далеко. Не для того-ли чтобъ ругать меня въ глаза? Знаю какъ это понимать. Старика люблю какъ отца. Тебя, благороднѣйшее существо, разумѣю какъ заслуживаешь. Хорошъ ты *М—па* (Мазепа), что взялся доставить книгу отъ старика, а того и не разсудили, что листья разрѣзаны и помяты. Вѣрно старикъ давалъ по ней уроки. Я не упустилъ того замѣтить! Скажи ему о томъ.

По приказанію твоему посылаю тебѣ приказъ, отданный мною при вступленіи въ командованіе. Ты, конечно, ожидаешь витійства, напротивъ короткій и простой. Братъ Михайло, полагая во мнѣ такую же страсть къ приказамъ, какъ и въ немъ, просилъ присылать ихъ къ нему—можешь послать ему *копію.* Сдѣлай одолженіе присылай мнѣ его приказовъ по одному экземпляру и съ того времени какъ разставшись съ тобою я уже ихъ не видалъ.

Когда выйдетъ преобразованіе по гражданской части, не умедли увѣдомить. Я ожидаю полезной перемѣны, ибо хуже того, что теперь есть, быть, конечно, не можетъ. Не изобрѣтутъ-ли средства уменьшить грабежъ и разбои. Пришлите тогда ко мнѣ *рецептъ.* Не худо, если бы ввели въ употребленіе послѣднія въ семъ случаѣ операціи, то-есть отсѣченіе головы. У меня здѣсь многіе бы наслѣдовали царство небесное.

Ты хотѣлъ, чтобы я *Петрахану* (кн. П. М. Волконскому) написалъ что нибудь смѣшное. Я это исполнилъ. И насмѣшу и настращаю; возьми у него и прочти.

Сдѣлай дружбу, прикажи вѣрно доставить письма мои къ разнымъ лицамъ въ Петербургѣ. Погоняй порядочно отправленнаго отъ меня прежде фельдъегеря. Онъ дрянь и ѣхалъ какъ *баба.* Послѣдній ѣхалъ какъ молодецъ. За исключеніемъ пребыванія въ карантинѣ, прибылъ на 15-й день. Петру Ивановичу, если можно, отдай самъ письмо мое. Онъ тебѣ его читать будетъ.

Муромцовъ, добившись чина полковника и прельщенный молодою женою, сюда ѣхать не намѣренъ и даже оставляетъ службу. О братѣ моемъ *Ермоловѣ* увѣдомлю тебя послѣ. Если бы можно его сдѣлать полковникомъ при производствѣ по арміи, это было бы большое для него счастіе, ибо старшимъ будучи изъ восьми дѣтей, онъ долженъ заняться устройствомъ разореннаго и оскудѣвшаго имѣнія. Тогда былъ бы онъ въ Москвѣ и хлопоталъ по дѣламъ. Если же невозможно, тогда въ полкъ къ старшему полковнику. Я напишу куда именно. Прощай! Поклонись: *Красотѣ, Крѣпкой натурѣ, Котляревскому, Адаму Ивановичу, брату, Кондратію Быкову,* имѣющему видъ типографическаго пресса.

Будь мнѣ тѣмъ же пріятелемъ душевно мною почитаемымъ.
Прилагаю копію съ отвѣта на рескриптъ о продовольствіи войскъ.

СТИХИ

подполковнику Наумову по случаю пріуготовленія къ празднику въ Новый Годъ.

Любимецъ Марса, Терпсихоры,
Отецъ разводовъ и забавъ,
Котораго проникли взоры,
Различныхъ сихъ вещей въ составъ;
Тебѣ единому возможно,
Соединять въ себѣ не ложно
Толико нужныхъ намъ добротъ.
Дежурствомъ славно управляешь,
Въ парадахъ войска учреждаешь,
И въ играхъ веселишь народъ.

Куда свой взоръ не обращаю,
Вездѣ плоды твоихъ заботъ;
То хитрый вымыселъ встрѣчаю,
То неусыпныхъ слѣдъ работъ.
Одной рукой кроишь мундиры
Другой настраиваешь лиры
И слухъ нашъ ими веселишь.
То обелиски воздвигаешь
Огнями взоры поражаешь
И пальмамъ цвѣсть зимой велишь.

Прости, что слабый гласъ дерзаю,
Къ тебѣ возвысить нынѣ мой
Въ усердьи пламенномъ желаю,
Прославить геній рѣдкій твой;
Хвала тебѣ пусть раздается,
И слава о тебѣ несется,
Къ далекимъ невскимъ берегамъ,
Чтобъ самъ Сипягинъ изумился,
Въ тебѣ собою возгордился,
Дивяся таковымъ дѣламъ.

Сочинилъ ....*въ*.

147.

26-го января 1817 г. Тифлисъ.

Обѣщавши писать съ каждымъ фельдъегеремъ, хотя недавно отправилъ одного съ безконечнымъ письмомъ, теперь пишу опять.

Я отправилъ списки по 20-й дивизіи и гренадерской резервной бригадѣ для производства на вакансіи. Сдѣлай дружбу, ускори производствомъ. Бѣдность ужасная въ офицерахъ, особливо въ баталіонныхъ командирахъ. При производствѣ нѣкоторые хорошіе выйдутъ въ штабъ-офицеры. Списки 19-й дивизіи доставлю послѣ. За отдаленностію нельзя было достать скоро. Здѣсь есть у меня генералъ-маіоръ *Тихановскій*, старый весьма офицеръ и довольно много служившій, но утомленный службою силы свои нерѣдко укрѣпляетъ такими средствами, которыя ноги ослабляютъ. Нельзя-ли меня избавить отъ него, вызвавъ въ Россію. Или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать его по арміи, ибо онъ человѣкъ способовъ для службы весьма ограниченныхъ и я лишась его, ничего не потеряю. Сжальтесь надо мною и безъ него есть у меня генералы ни на что негодные. Въ семъ смыслѣ особенно рекомендую Загорскаго, Мерлини, хорошъ и Пестель. Онъ поѣхалъ въ отпускъ и лично будетъ имѣть честь представить тебѣ свою неспособность. Хотунцовъ у меня умнѣе ихъ многихъ. Онъ отправляетъ должность Имеретинскаго царя. Гордъ какъ великій визирь. Ни съ просьбою, ни съ дѣломъ нѣтъ къ нему доступа. Запасся прекраснѣйшею женою......, а бережетъ, какъ будто одной мало. Сидитъ у самаго входа въ святилище и ничего болѣе не дѣлаетъ! Описалъ бы вамъ другихъ, но боюсь быть увлеченъ строгостію въ обличеніи. Я писалъ къ тебѣ о полковыхъ командирахъ гренадерскихъ полковъ. Если не сдѣлалъ ты никакой еще перемѣны, то останови оную до возвращенія моего изъ Персіи. Изъ нѣкоторыхъ при строгомъ присмотрѣ можно что-нибудь сдѣлать. Если нѣтъ, представлю къ истребленію.

Позволь теперь, любезный Арсеній, собственную мою принесть просьбу. Въ 5-мъ Карабинерномъ полку есть подпоручикъ *Коховскій*, сынъ роднаго брата моего, молодой и весьма хорошо воспитанный юноша. Поговори съ княземъ Петромъ Михайловичемъ, чтобы онъ доложилъ Государю, что я прошу о переводѣ его въ гвардію и опредѣленіи ко мнѣ. Это одинъ ближайшій мнѣ родной и котораго хочется мнѣ сдѣлать способнымъ на службу Государя. Послѣ меня останется онъ, котораго приготовлять я буду какъ сына. Если вы меня находите на что-нибудь

годнымъ, то я ему сообщу мое къ службѣ усердіе и правила. Если невозможно перевесть его въ старые полки гвардіи, то въ молодые. Ежели же и того сдѣлать не захотятъ для меня, то прошу о переводѣ въ 7-й Карабинерный полкъ. Это уже не большая милость, ибо сюда въ Грузію присылаете вы за наказаніе. Постарайся, любезный Арсеній, прошу какъ друга и брата. Кому не удавались подобныя просьбы?

Здѣсь въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку есть разжалованный изъ Кавалергардскаго полка въ солдаты *Розенъ*. Исходатайствуйте ему прощеніе въ память роднаго дяди его покойнаго генерала *Вавржецкаго*, который приверженъ былъ собственно Государю и всегда усердствовалъ пользамъ Россіи. Возвратите его въ гвардію. Богъ свидѣтель, доброе дѣло!

Новое о прибавкѣ жалованья положеніе должно приводить въ отчаяніе артиллерійскихъ генераловъ. Неужели командующіе артиллеріею въ корпусахъ не могли быть сравнены съ бригадными командирами? О нихъ нѣтъ ни слова и нѣтъ имъ столовыхъ денегъ. На Литейной пребываніе артиллеріи, кажется, по сосѣдству. Неужели могла она не прійти на память?

Повторяю просьбу мою о *Кутузовѣ*. Послѣ меня не будетъ ему здѣсь житья безъ ленты. Здѣсь они бывали на ханахъ. Странно будетъ видѣть начальника безъ оной. Я правду говорю! Азіятцевъ поражаютъ наружности! Я какъ представляю предъ нихъ свою фигуру въ 9-ть вершковъ ростомъ и съ широкими плечами, такъ они и думаютъ, что я настоящій начальникъ и что въ назначеніи моемъ не одна была воля Государя, но и самый произволъ небесъ. Прибавь къ сему три звѣзды и пасмурную рожу — все трепещетъ! У *Тормасова* сего послѣдняго не доставало, а съ нѣжною усмѣшкою и румянымъ лицомъ не признаютъ за посланца небесъ. Что-то и въ *Ртищевѣ* нашли сомнительнаго, не знаю!

Въ разсужденіи *Кутузова* я ожидаю, что по первому моему письму вы пришлете мнѣ бумагу, по которой провозглашенъ онъ будетъ сея страны повелителемъ. Это необходимо. Я уже писалъ къ Бѣлому, что именемъ его я учреждаю здѣсь его начальникомъ, хотя есть старшіе. На нихъ, однако же, невозможно положиться, потому что не съ тою доброю волею, не съ тѣмъ жаромъ возьмутся за выполненіе моихъ приказаній послѣ моего отъѣзда. А здѣсь въ томъ и главнѣйшая вина была начальниковъ, что почти каждый поступалъ непремѣнно вопреки намѣреній предмѣстника. По несчастію, послѣ *славнаго Циціанова* былъ *глупый Гудовичъ*, а что еще хуже былъ непримиримый Циціанова непріятель. Не знаю, любезный Арсеній, не надуваешь-ли ты меня, по-

казывая желаніе знать о томъ, что здѣсь происходитъ и что дѣлать я предпринимаю.

Грузія, если Богъ благословитъ насъ необходимымъ миромъ, придетъ мало по малу къ устройству и спокойствію, но меня терзаютъ *мерзавцы чеченцы,* которыхъ по возвращеніи изъ Персіи должно наказать непремѣнно. Отъ Моздока до Кизляра нѣтъ спокойствія на линіи. Безпрерывныя хищничества, увозятъ и убиваютъ людей. Слабое на линіи управленіе избаловало поселенныхъ казаковъ и они нерадиво охраняютъ порученные имъ посты. Пустились въ промыслы, завели пивоварни, мельницы и день-ото-дня дѣлаются похожими на мужиковъ. Дайте мнѣ возвратиться изъ Персіи. Побываю на линіи и приведу ихъ тотчасъ въ порядокъ. Будутъ по прежнему славными казаками. Это не Донскіе казаки, мечтающіе, что они составляютъ особый народъ и котораго вредныя преимущества правительство безпрестанно подтверждаетъ граматами.

Я уже предупредилъ своихъ, что распутства ихъ заставятъ меня дать имъ регулярныхъ войскъ начальниковъ, и что тогда только можно ожидать отъ нихъ порядка и настоящей службы. Это необходимо надобно будетъ привести въ исполненіе. Я по одиночкѣ берусь ихъ перещупать. Въ разсужденіи *чеченцовъ* я не намѣренъ слѣдовать примѣру многихъ господъ генераловъ, которые, нападая на нихъ въ мѣстахъ неприступныхъ и имъ знакомыхъ, теряли множество людей, имъ не наносили вреда, напротивъ, всякій разъ утверждали ихъ въ мнѣніи, что ихъ преодолѣть невозможно, и по сочиненіи *пышной реляціи,* увѣривъ правительство въ геройскихъ своихъ подвигахъ, возвращались, озлобивъ ихъ болѣе прежняго. Я приду на *рѣку Сунжу* въ мѣста прекраснѣйшія и здоровыя. Въ горы ни шагу! Построю редуты и хорошія землянки. Соберу посѣянный ими хлѣбъ и цѣлую зиму не позволю имъ пасти свой скотъ на плоскости. Продовольствіе сыщу у народовъ, называющихся пріязненными намъ, *мирными.* Это злые мошенники подъ личиною друзей, участвующіе во всѣхъ злодѣйствахъ *чеченцовъ,* пропускающіе ихъ чрезъ свои земли и дающіе имъ убѣжище. Останусь до тѣхъ поръ на *Сунжѣ,* пока выдадутъ мнѣ всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, заплатятъ деньги за убытки частныхъ людей, или если достану денегъ довольно, то на Сунжѣ заложу порядочную крѣпостцу, въ которой расположу нѣкоторую часть войскъ, теперь на большомъ разстояніи по линіи разсыпанныхъ. Съ будущею весною уже распоряжено у меня построеніе одного сильнаго редута на Сунжѣ отъ стороны Владикавказа, о чемъ просили меня горскіе народы, враги *чеченцовъ,* же-

лающіе выселиться изъ горъ на плоскость для удобнаго хлѣбопашества. Нѣкоторые изъ таковыхъ народовъ уже выселились, въ короткое время разбогатѣли, развели и скотъ хорошій и хлѣбопашество изобильное. Честь сія принадлежитъ собственно генералъ-маіору Дельпоццо, который честностію своею, безкорыстіемъ снискалъ довѣренность у нѣкоторыхъ горскихъ народовъ и умѣетъ съ ними обращаться, когда обстоятельства не требуютъ ни твердости, ни строгости. Жаль мнѣ, что при всѣхъ добрыхъ и почтенныхъ его свойствахъ, онъ слабъ чрезмѣрно.

Вы не обойдетесь безъ того, чтобы перемѣнить его, но надобно старику дать мѣсто, которое было бы довольно почетное и могло вознаградить перемѣну. Не испугайся намѣреніемъ моимъ наказать чеченцовъ. Я ничего не предприниму безъ вѣрныхъ разсчетовъ и безъ себя ничего сдѣлать не позволю. Стыдно намъ платить дань и не умѣть ея избавиться.

Со времени прибытія моего сюда перемѣнились въ турецкихъ смѣжныхъ съ нами областяхъ начальники и поведеніе ихъ въ отношеніи къ намъ гораздо лучше прежнихъ. Сіе удержитъ въ спокойствіи *закубанскіе народы,* которые дѣлаютъ безпрестанныя хищничества на линіи, а болѣе еще въ земляхъ черноморцовъ. Сіи послѣдніе въ командѣ *Ланжерона*, а потому поговори ты съ княземъ Петромъ Михайловичемъ, что къ черноморцамъ надобно непремѣнно поставить одинъ полкъ пѣхоты, дабы держать въ почтеніи закубанцевъ. Казаки одни не сладятъ съ ними, а въ Крыму праздно стоятъ полки. Содержаніе полка на *Тамани* будетъ стоить дешево и черноморцы охранятся отъ утѣсненія горцевъ, которые вредятъ ужасно богатой ихъ промышленности. Хотя сіе не принадлежитъ до меня, но я пишу тебѣ какъ другу.

Подобно брату Михайлѣ (Воронцову) хочу и я напасть на списокъ генеральскій. Въ немъ невѣрно поставлено старшинство генераловъ Я не по себѣ то примѣчаю, но въ генералъ-маіорахъ и мой Кутузовъ надутъ ужасно.

Прощай, почтенный Арсеній. Не сердись, что много пишу, ты желалъ того самъ и я признаюсь, что весьма большое удовольствіе говорить чистосердечно доброму пріятелю.

Братъ Михайло пишетъ къ *Змѣю* (Аракчееву) и я отправляю манифестъ. Отошли его, сдѣлай дружбу вѣрнѣе. Это дѣло касающееся обстоятельствъ здѣшняго края. Прощай!

Съ *Тихановскимъ* что хочешь сдѣлай, только лучше, чтобы его здѣсь не было.

Мадатовъ преблагородное существо и мнѣ здѣсь весьма полезенъ.

*

Онъ должность свою отправляетъ похвальнѣйшимъ образомъ, какъ лучше я не желаю, и увѣренъ, что приказаніе всегда исполнено въ точности. Всегда честно и безкорыстно. По русски еще лучше сталъ говорить и руками важно разводитъ. На сихъ дняхъ жду его къ себѣ.

148.

19-го февраля 1817 г. Тифлисъ.

Письмо твое, почтенный Арсеній Андреевичъ, получилъ и отъ души благодарю тебя. Ты возлагаешь на меня самое пріятнѣйшее порученіе писать къ тебѣ обо всемъ обстоятельно. Это такъ сходно съ собственнымъ желаніемъ моимъ, что не нужно мнѣ подтверждать о томъ.

Всѣ просьбы мои исполнены и такъ скоро какъ никогда прежде не дѣлывалось. Я вижу работу полезнаго и добраго Арсенія. Благодарю за *Пузыревскаго*. Не знаю будетъ-ли онъ благодарить, ибо назначенное ему мѣсто, по совѣсти, несравненно хуже Сибири, но если полкъ такъ устроитъ, какъ я требую, представлю въ полковники за отличіе и увѣренъ, что никто не позавидуетъ. За *Берникова* не благодарю, но знаю, что не твой выборъ и дѣлать нечего. Я признаюсь тебѣ въ ошибкѣ моей, что не представилъ подполковника *Рябинина* въ полковые командиры, и у меня лежитъ это на душѣ, ибо онъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ здѣсь командировъ и полкъ Херсонскій гренадерскій, которымъ онъ командовалъ, лучше всѣхъ другихъ. Въ Херсонскомъ полку я для того не желалъ его имѣть, что онъ давно не былъ употребленъ противъ непріятеля, а Херсонскій полкъ не имѣетъ славной репутаціи и оную составлять должно, но всякій другой полкъ онъ лучше многихъ устроитъ. Я представляю его въ командиры Севастопольскаго полка; прошу, почтенный Арсеній, исходатайствовать утвержденія, и если нужно, то скажите даже, что я въ немъ ошибся и признаюсь, однакоже, въ ошибкѣ, ибо я далъ слово ни одной изъ нихъ не скрывать. Благодарю за *Кутузова*, отличный сей офицеръ много мнѣ здѣсь полезенъ; но что̀ вы дѣлаете со мною, что не назначаете его начальникомъ во время моего отсутствія. Вы не воображаете сколько вы дѣлаете мнѣ хлопотъ. Если бы было повелѣніе, никто бы и роптать не сталъ, но я на себя накличу проклятіе старшихъ. Не менѣе, однакоже, если и не получу, я учреждаю его начальникомъ.

О бригадныхъ посылаю представленіе. Вы требуете, чтобы я непремѣнно одного изъ своихъ избралъ въ гренадерскую резервную бри-

гаду. Я повинуюсь; но слезы на глазахъ у меня, что прекраснѣйшую сію бригаду долженъ отдать князю Эристову. Онъ храбрый весьма солдатъ, но чрезвычайный грузинъ...... Не будетъ умѣть обходиться съ офицерами, а здѣсь молодымъ надобно давать воспитаніе. Здѣсь нѣтъ городовъ кромѣ гнуснаго Тифлиса, вообще нѣтъ общества, гдѣ бы молодой офицеръ могъ имѣть добрые примѣры въ наставленіе. Они вѣчно въ землянкахъ, вѣчно между собою. Сверхъ службы никакихъ занятій и большая часть оканчиваетъ карьеру пьянствомъ. Начальнику нѣтъ другаго средства къ поправленію, какъ просить судьбу о чумѣ. Она часто посѣщаетъ край сей, но предмѣстники мои не умѣли воспользоваться благотворительнымъ ея дѣйствіемъ. Я постараюсь обратить ея въ пользу. Производствомъ въ генералы вы мнѣ надавали множество лишнихъ, но я нашелъ всѣмъ мѣсто. Генералъ-маіоръ *Хотунцовъ*, котораго предмѣстникъ мой сдѣлалъ управляющимъ Имеретіею и управленіемъ котораго я не весьма доволенъ, представилъ прошеніе въ отпускъ на годъ. Сдѣлай дружбу, постарайся, чтобы скорѣе отпустили. Я боюсь за фельдмаршала Барклая, чтобы не отнялъ онъ у него команды. Онъ такъ старъ въ генеральскомъ чинѣ. Исходатайствуйте ему жалованье на время его отпуска, ибо онъ человѣкъ бѣдный. Я его не видывалъ, но говорятъ, что онъ весьма не глупый человѣкъ и могущій быть годнымъ на дѣло; но гордъ какъ визирь и золъ какъ чесотка. Сему вояжу онъ мнѣ обязанъ, я порядочно *любезныхъ товарищей* прибираю къ рукамъ. Кромѣ славнаго *Котляревскаго* всѣ прочіе позавелись хуторами, табунами и хозяйствомъ, а полкамъ отъ того ни малѣйшей нѣтъ пользы. *Мерлини* дрянное существо, ни на что для службы не надобное, имѣетъ до тысячи штукъ скота и лошадей. Теперь сдавая полкъ вдругъ пополняетъ всѣхъ недостающихъ въ немъ лошадей, въ одинъ казачій полкъ продалъ онъ 70 и подъ экипажемъ его выходитъ на кавказскую линію слишкомъ 40 лошадей. Вотъ какъ командовалъ онъ полкомъ! но кончились эти счастливыя времена. Теперь, если будутъ какія небольшія выгоды, будутъ и расходы въ пользу полковъ. Я дѣлаю представленіе, коимъ *Мерлини* лишается бригады. Что̀ за снисхожденіе къ дряни! Ее такъ много, что нельзя опасаться всея перевести, а надобно когда-нибудь начать. Если не справедливо отъ каждаго требовать чрезвычайныхъ талантовъ, то, по крайней мѣрѣ, не надобно давать быстраго хода совершенно неспособнымъ, и то еще будетъ мѣра весьма человѣколюбивая. Симъ человѣколюбіемъ одушевленный, представляю я *Загорскаго* въ бригадные командиры. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что онъ дуракъ, но крайней мѣрѣ за него хо-

датайствуетъ долговременное служеніе, и какъ человѣкъ, на котораго навелъ я ужасный страхъ, онъ будетъ слѣпой исполнитель воли. Здѣсь полезно завести институтъ подобныхъ слѣпыхъ, и будетъ! *Курнатовскій* старый офицеръ, храбрый и не глупый, гонимъ будучи *Ртищевымъ,* жилъ въ службѣ безъ пользы: я пріѣхалъ, поддалъ старику охоты и онъ у меня дѣлаетъ чудеса. Его представляю я на мѣсто *Хотунцова* въ бригадные командиры. Объясните Государю, что это потому нужно сдѣлать непремѣнно, что та бригада расположена въ Имеретіи, управленіе которою хочу я возложить на *Курнатовскаго.* Онъ все будетъ дѣлать какъ должно и его тамъ любить будутъ. Если же бы случилось, что негодится (въ чемъ, однакоже, сомнѣваюсь), то онъ, какъ временный начальникъ и Государемъ неутвержденный, тотчасъ будетъ мною истребленъ. *Мадатовъ* служитъ похвальнѣйшимъ образомъ. Заботится о сохраненіи солдатъ; войска у него довольствуются и хорошо и дешевле другихъ. Съ ханомъ умно ладитъ, и я надѣюсь съ пособіемъ со стороны его успѣть ханство Карабагское по смерти хана обратить въ россійскій округъ. Къ сему пріуготовляются тамъ разные люди и, можетъ быть, даже достанетъ бумагу отъ хана, что онъ послѣ себя не допускаетъ никакого наслѣдства, а ханство поручитъ милосердію Государя. Сіе для того нужно, чтобы дать законный видъ дѣйствію моему. Впрочемъ, такъ или нѣтъ, по смерти хана ханству не бывать; у меня готовы другія мѣры и также имѣющія благовидную наружность. Я прилагаю у сего рапортъ мой Государю въ копіи, изъ котораго все увидишь. Доведите до Государя о службѣ *Мадатова.*

Что вы не присылаете сюда губернатора; генералъ-маіоръ Сталь, хорошій весьма офицеръ, человѣкъ очень честный, но не годится быть губернаторомъ и быть имъ не желаетъ; мнѣ весьма нуженъ способный, а паче еще хорошихъ свойствъ человѣкъ, ибо онъ главнѣйшій мнѣ помощникъ и одинъ, который можетъ способствовать къ преобразованію свойствъ грузинъ, весьма . . . . . . и гнусныхъ. Господа сіи начинають также понемногу привыкать повиноваться, чего до сихъ поръ не знали. Они попробовали устрашить меня, что неудовольствія могутъ произвести непріятныя слѣдствія, а я имъ толкую, чтобы и не смѣли думать о бунтахъ, что я имѣю единственное средство укрощать ихъ, но что потому только не люблю ихъ, что большею частію страждетъ невинный и глупый, а настоящихъ зачинщиковъ обыкновенно весьма немного и для нихъ не стоитъ проливать кровь. Толкую имъ, что прежде не такъ здѣсь усмиряли бунтовщиковъ, а что я такъ искусно обращать умѣю

къ обязанностямъ, что на сто лѣтъ выбью изъ головъ не только дѣйствіе, но даже самое слово бунта.

Если пять лѣтъ продержите вы меня здѣсь, то ручаюсь вамъ, что будетъ кое-что заведено порядочное и наслѣднику моему передамъ грузинъ шелковыхъ. Въ продолженіе сего времени надѣюсь сладить съ ханами. Я увѣрилъ магометанъ, что я самъ изъ татаръ, что служа Россіи недавно отцы мои перемѣнили законъ. Они рады чрезвычайно и я съ ними важно поступаю. Если бы случилась война, увидишь какъ любезныхъ магометанъ будутъ рѣзать вмѣсто русскихъ. Ежели персіяне имѣютъ глупость помышлять о войнѣ, они не будутъ въ барышахъ. Здѣсь все дѣлалъ одинъ *Котляревскій,* а другіе весьма мало или ничего. У меня нѣтъ *Котляревскаго,* но будутъ дѣлать всѣ, кто что умѣетъ, и общимъ всѣхъ усиліемъ я дамъ порядочную валку. Съ моей стороны будь увѣренъ, почтенный Арсеній, я войны не затѣю, и если возможно пристойнымъ образомъ, то уклонюсь ея. Я замышляю дома большія дѣла, къ которымъ нельзя будетъ приступить, если извнѣ будутъ меня безпокоить. Не бойся, Арсеній, *не посрамимъ земли русской!*

149.

22-го февраля 1817 г.

Что не разрѣшаете вы мнѣ построеніе казармъ и не даете просимыхъ на то мною денегъ? Иначе не достигну я уменьшенія потери солдатъ. Противъ злодѣйскаго здѣсь климата есть нѣкоторыя предосторожности, но доселѣ не строго онѣ соблюдаемы были. Съ выступленіемъ весною въ лагерь, я приказалъ начать испытаніе, и убыль людей въ будущемъ году надѣюсь будетъ менѣе; но когда построю казармы, отвѣчаю честію моею, что вы увидите вдругъ разницу. Доселѣ всѣ почти умирающіе тѣ, которые занемогли въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ. Это время здѣсь убійственное и котораго наиболѣе остерегаться должно.

Весною у меня движеніе въ войскахъ. 7-й Карабинерный полкъ стоитъ теперь на аванпостахъ. Я привожу его ближе къ Тифлису, чтобы гренадерскую бригаду имѣть вмѣстѣ. На его мѣсто станетъ другой. Расположеніе войскъ соображаю съ удобностію продовольствія. Доселѣ въ нѣкоторыя мѣста перевозка провіанта стоила дороже, нежели самый провіантъ. Въ сихъ послѣднихъ распоряженіяхъ имѣлъ участіе управлявшій при *Ртищевѣ* военною частію оберъ-аудиторъ *Ключинъ*. Вотъ разбойникъ, котораго если не истребишь, Богъ тебя накажетъ! У меня

продовольствіе идетъ важно и никогда такъ дешево не бывало. Провіантскіе находятся на пищѣ святаго Антонія. Подвело бока, рожи постныя и мечъ, висящій надъ главою управляющихъ коммиссіею.

Я очень доволенъ, скажи о томъ *Коновницыну*.

Теперь принимаюсь за коммисаріатъ. Никогда изъ Дмитровскаго депо не присылаютъ во-время аммуниціи, никогда не доставляютъ полной. Ежели пришлютъ сукно, не отпустятъ подкладки. Теперь потому остановлены выбранные изъ Нижегородскаго драгунскаго полка люди, что не пришла аммуниція и одѣть нечѣмъ. Весною отправлю въ самое лучшее для дороги время. Мнѣ хочется изъ крѣпости *Св. Димитрія* перевести коммисаріатскую коммисію *въ Ставрополь*. Тамъ построены новыя казармы для квартировавшихъ нѣкогда драгунъ. Строенія прекрасныя и для войскъ на линіи никогда не будутъ надобны. Жаль, если безъ пользы обрушатся. Въ крѣпости Св. Димитрія коммисаріатъ довольствуетъ весь грузинскій корпусъ, и сверхъ того одни только войска въ Крыму стоящія, которыхъ весьма немного; ихъ можно обратить къ какому-нибудь другому депо и не съ меньшею удобностію. Казнѣ стоитъ чрезвычайно дорого перевозка аммуниціи въ Грузію, а когда будетъ коммисаріатъ въ *Ставрополѣ*, начальникъ войскъ на линіи и губернаторъ, оба подчиненные мнѣ, доставятъ ея и дешевле гораздо и всегда въ удобнѣйшее время. Теперь какъ нарочно идутъ транспорты, когда въ горахъ ужасные снѣга и самыя трудныя сообщенія. Я пишу о семъ военному министру и князю Волконскому. Если найдете мысль мою основательною, прошу поддержать; если нѣтъ, откажите. Я не имѣю глупаго самолюбія думать, что предложеній моихъ не можетъ быть лучше. Только не браните, ибо всегда я ихъ дѣлаю, имѣя въ виду пользу. За ошибку наказывать не должно!

Я помышляю теперь о заведеніи на сто человѣкъ кадетскаго корпуса. О семъ предложено было *Тормасовымъ* и возвращено для соображенія, но не отказано. Нужно сдѣлать нѣкоторыя перемѣны. Здѣсь есть училище для дворянъ самое несчастное. Во время *Циціанова* при самомъ учрежденіи онаго выходили надежные люди, а послѣ совсѣмъ нѣтъ. Государь по милосердію своему опредѣлилъ на содержаніе училища доходы двухъ провинцій, составляющіе до 13 тысячъ рублей серебромъ. Теперь безъ всякой пользы выходитъ до 10 тысячъ и ученики безъ всякаго образованія остаются тѣми же *грузинами*. Надобно изъ нихъ сдѣлать русскихъ, а иначе нельзя сдѣлать какъ содержа ихъ подобно кадетамъ, то-есть, отлуча отъ родительскаго дома, гдѣ получаютъ они теперь самые гнусные примѣры невѣжества, грубости

и закоснѣлости въ глупыхъ правилахъ. Первоначально ихъ употреблять въ здѣшніе полки на службу, а потомъ понемногу переводить въ Россію. Такимъ образомъ между здѣшнимъ дворянствомъ, современемъ, водворимъ мы такой образъ понятій, какой согласенъ будетъ съ намѣреніями и цѣлію правительства. Иначе они останутся тою же тварью ни на что негодною, какъ и теперь большею частію.

150.

24-го февраля 1817 г.

Надобно сказать тебѣ что-нибудь и о гражданской части. Не берусь я истребить плутни и воровство, но уменьшу непремѣнно; а теперь на нѣкоторое время пріостановилось. За недостаткомъ знанія въ дѣлахъ я расчелъ, что полезно нагнать ужасъ и пока имъ пробиваюсь. На счетъ грабительства говорю рѣчи публично и для удобнѣйшаго понятія въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ. Открылъ нѣсколько достойныхъ людей и посредствомъ ихъ разныя нечистыя дѣла. Уже наложилъ секвестръ на имущество всѣхъ членовъ казенной экспедиціи и произвожу ужасное дѣло въ утраченномъ отъ нерадѣніи казенномъ доходѣ. Учредилъ въ городѣ полицію, которая существовала по имени и наполнена была здѣшнею каналіею. Установилъ квартирную коммисію, которой и не бывало. Дворянство и прочія сословія не хотѣли избрать членовъ въ оную и тѣмъ показать, что можно противиться воли начальства и узаконеніямъ. Дворянство скоро согласилось, ибо ближе ко мнѣ будучи короче узнало мои правила ничего не уступать изъ того, что потребовано. Граждане и купечество, избалованное нелѣпыми преимуществами, имѣли нѣсколько шумныхъ собраній и немного оказали себя дерзкими. Я велѣлъ сказать, что я ихъ запру и не дамъ ѣсть, пока не изберутъ, и нѣкоторыхъ какъ возмутителей посажу въ крѣпость. Но что если они приказаніе мое почитаютъ за угнетеніе, они имѣютъ право жаловаться на меня Государю и что я просьбу ихъ доставлю вѣрнѣйшимъ образомъ. Тотчасъ выбраны были депутаты и все въ наилучшемъ порядкѣ. Теперь бѣдные изъ жителей, которые ужасно утѣснены были, увидѣли свою пользу и благословляютъ, а какъ таковыхъ болѣе нежели богатыхъ, то я имѣю за себя большинство. Квартирная коммисія дѣйствуетъ съ успѣхомъ. Въ бывшей прежде полиціи нашелъ я слишкомъ 600 нерѣшенныхъ дѣлъ и за 12 лѣтъ не разобранныя дѣла и безъ всякой описи. Я избралъ полиціймейстера новаго,

человѣка расторопнаго, двухъ прежнихъ полицiймейстеровъ и секретаря исполнительной экспедицiи, человѣка здѣсь весьма могущаго и плута, посадилъ въ полицiи подъ караулъ и менѣе нежели въ двѣ недѣли дѣла за 12 лѣтъ приведены въ извѣстность, составлена имъ опись, сданы въ архивъ и отдѣлены нерѣшенныя. Сiя мѣра произвела здѣсь важное дѣйствiе. До тѣхъ поръ какъ не узнаютъ коротко правилъ моихъ и точнаго намѣренiя сдѣлать пользу здѣшнему краю, много будутъ недовольны и дойдутъ вопли до васъ посредствомъ разныхъ армянъ, но вы не бойтесь, всѣ будутъ довольны впослѣдствiи. Я страшусь вашихъ *филантропическихъ правилъ.* Они хороши, но не здѣсь. Въ здѣшнемъ краю и добро дѣлать надобно съ насилiемъ. Не безпокойтесь, все будетъ исправно! Я толкую здѣсь, что, взявъ на себя охраненiе земли и давъ высокое покровительство Грузiи, Россiя должна повелѣвать властiю, а не просьбами. Что грузины дышутъ могуществомъ Россiи, ни мало его собою не утверждая. Что въ огражденiе ихъ льется кровь наша и въ защиту собственной земли ихъ ни одной капли они не проливаютъ. Что подданные здѣшнихъ странъ народы разной вѣры съ нами никогда противъ Россiи не поднимали оружiе и единовѣрцы грузины не переставали возмущаться. Поученiя мои, всегда основательныя и справедливыя, производятъ очевидную пользу; но нѣтъ ничего легче какъ ихъ уничтожить. Пришлите послѣ меня одного подобнаго тѣмъ, какiе были прежде, и я васъ поздравлю съ успѣхомъ.

Посылаю у сего копiю предписанiя моего къ одному хану. Надобно тебѣ замѣтить, что преступленiя его всѣ сдѣланы до моего прибытiя и предмѣстнику принесена была жалоба. Были причины, что по ней не сдѣлано изысканiя. Одинъ изъ потерпѣвшихъ, услыша о скоромъ моемъ прiѣздѣ, дождался меня, скрываясь въ городѣ, и подалъ мнѣ жалобу. Тебѣ дастъ предписанiе мое нѣкоторое понятiе какъ я здѣсь поступаю. Между тѣмъ, однако же, съ ханами, заслуживающими вниманiе, я прiятель. Есть имѣющiе сильныя связи и партiи, тѣхъ глажу по шерсти до времени, но къ счастiю такой одинъ и истинно молодецъ и вѣритъ въ меня какъ въ Магомета. Этого признаюсь, что надулъ исправно. Ты не такихъ обработываешь и даже христiанъ. Грѣхъ передъ Богомъ!!

151.

28-го февраля 1817 г.

Ты разоряешь меня, почтенный Арсенiй, требуя отъ меня 40 экземпляровъ отдаваемыхъ здѣсь приказовъ. На первый разъ я посылаю

ихъ такое число; но сдѣлай милость уменьши ихъ въ половину, по крайней мѣрѣ. Бумага дорога очень и грѣхъ истреблять ее на подобныя вещи. Храня экономію, я велѣлъ напечатать ихъ вмѣстѣ за все время до прибытія типографіи. Не забудь приказать, чтобы доставляли ко мнѣ приказы брата Михайлы (графа Воронцова); ты прежде обѣщалъ мнѣ. Извините, что мои письма не краснорѣчивы, я стараюсь въ нихъ употреблять слогъ для солдата вразумительный, а краснорѣчіе обращено на разные манифесты къ ханамъ посылаемые. Тамъ въ восточномъ вкусѣ такая горячка, что и самъ я часто не понимаю. Нѣтъ пощады ни лунѣ, ни солнцу, ни звѣздамъ, достается звѣрямъ и всѣмъ гадамъ. Братъ Михайло завидуетъ, что не можетъ таковыхъ насылать на европейскіе народы. Здѣсь критики нѣтъ, пиши что хочешь, дѣло въ томъ состоитъ, чтобы подвластные цари принимали съ подобострастіемъ. За симъ наблюдается строго. Вы не знаете, жестокіе люди, что приказами нашими истребляете насъ. Доселѣ многіе, подобно мнѣ, съ невинною простотою передавали чувства свои товарищамъ. Теперь какъ приказы дѣлаются извѣстными всѣмъ, мы начнемъ витійствовать и сдѣлаемъ изъ сего особенную науку. Появятся и въ мирное время реляціи, военное законодательство и многое подобное. Вы будете судить о насъ по произведеніямъ нашимъ, а мы въ простотѣ души нашей не будемъ и подозрѣвать того. Иной прямо въ дураки! Но справедлива судьба, отмститъ вамъ за невинность нашу. Будутъ между нами и таковые, которые очаруютъ васъ пленяющимъ слогомъ. Вы повѣрите ихъ высокому уму, мудрымъ распоряженіямъ, усердію, ревности, трудамъ. И что̀ изъ того? Вы надуты, а герой дуракъ дуракомъ! Если бы можно было обязать каждаго клятвою, чтобы чужіе труды не выдавать за свою работу, повѣрилъ бы я, что страшный судъ не послѣ смерти человѣка. Многимъ можно бы было поставить въ преступленіе, что и грамотѣ учились. И въ Петербургѣ былъ бы переборъ. Тогда сказалъ бы я, согласно священному писанію: *изъ дѣлъ твоихъ сужду тя, рабе лукавый.*

Обратимся къ дѣлу! У меня страшный недостатокъ въ офицерахъ. Сдѣлай одолженіе пришли нѣсколько *душъ*. Я никогда не забываю преостроумнаго сего выраженія. Мнѣ кажется, что ихъ сюда и присылать надобно, ибо при словѣ душа, тотчасъ рождается мысль о будущей жизни человѣка, а изъ числа отправляемыхъ сюда душъ, по крайней мѣрѣ, половина тотчасъ наслѣдуетъ жизнь вѣчную. Можно смѣло адресовать ихъ къ безсмертію. Мнѣ кажется даже, что можно безъ ошибки опредѣлить число, сколько во избѣжаніе казны безполезныхъ издержекъ, должно побивать ихъ въ Петербургѣ при самомъ назначеніи въ

Грузію и кавказскую линію. Покойный *Клейнмихель,* какъ человѣкъ предусмотрительный, прежде самаго выпуска, еще въ Дворянскомъ полку истреблялъ ихъ.

Напоминаю тебѣ обѣщаніе дать въ грузинскій корпусъ нѣсколько обучавшихся музыкѣ школьниковъ. Здѣсь никакихъ нѣтъ средствъ, если не сдѣлаете пособія. Я набралъ изъ лучшихъ музыкантовъ для посольства, но вообразить нельзя что̀ это такое! На несчастіе наше существуетъ опера *Весталка.* Я всегда растроганъ, когда слышу сію музыку. Мнѣ кажется слышишь ея вопли, но не жалобу на то, что ея погребаютъ живую, а что съ нея сдираютъ кожу. Это музыканты чрезвычайно натурально выражаютъ. Директоръ музыки у меня *Наумовъ,* который изъ всѣхъ существующихъ музыкальныхъ инструментовъ знаетъ одинъ *рупоръ,* на которомъ игрывалъ бывши морскимъ офицеромъ. Суди объ успѣхѣ!

Типографія прекрасная и приводитъ всѣхъ въ восхищеніе; но много вещей недослано. Есть буквы, которыхъ такъ мало, что въ наборѣ могутъ сдѣлать помѣшательство. Прикажи прислать при случаѣ съ фельдъегеремъ. Вѣсъ великъ не будетъ. Какое чрезвычайное облегченіе для канцеляріи, и со времени учрежденія здѣсь типографіи я уменьшилъ писцовъ. Теперь занимаюсь строеніемъ для оной и будетъ въ совершенномъ порядкѣ. Я досталъ литеры грузинскія и армянскія и два станка. Они были въ небреженіи и безъ употребленія, со временемъ и ихъ обращу въ дѣйствіе. *Наумовъ* у меня единственный человѣкъ. Усердный, все исполняющій съ доброю волею и совершенно безкорыстный.

Богъ дастъ, почтенный Арсеній, котораго люблю какъ брата, со временемъ заведу здѣсь кое-что порядочное, съ пособіемъ благонамѣренныхъ людей, которыхъ имѣю по счастію. Я долженъ благодарить васъ за *Кутузова.* Это человѣкъ преспособный, хорошо учившійся и трудолюбіемъ своимъ заслуживаетъ уваженіе. Не могу понять, отчего до сего времени не получаю я повелѣнія о назначеніи его въ отсутствіе мое начальникомъ. Будутъ мнѣ хлопоты, ибо здѣсь есть старшіе. Воля Государя всѣхъ бы примирила.

Богу будете вы отвѣчать, что на мѣсто Дельпоццо не готовите начальника на кавказскую линію. Онъ чрезвычайно старъ и долго не прослужитъ. Чего вы жалѣете *Эмануэля?* Мѣсто, которое я ему прошу, вознаграждаетъ его службу и онъ въ немъ болѣе имѣетъ случаевъ быть службѣ полезнымъ, буде вы хорошаго, такъ же какъ и я, о немъ мнѣнія. Кого я могу избрать и какъ мнѣ узнать согласится-ли тотъ, кого я

назначу? По моему правилу, люди должны тамъ служить, гдѣ они полезны, а не тамъ только, гдѣ имъ пріятно. За то начальство имѣетъ способы вознаграждать. Иначе это не служба, а условіе. Подумай, любезный Арсеній, нѣтъ-ли у тебя на примѣтѣ кого славнаго человѣка и сообщи мнѣ, а тамъ вмѣстѣ и опредѣлимъ его въ ссылку на Кавказъ.

Прикажи *Красотѣ*, чтобы при отправленіи ко мнѣ фельдъегерей въ проѣздъ ихъ чрезъ *городъ Елецъ* принимали они на мое имя письма отъ старика отца моего, который одинъ сей случай имѣетъ писать ко мнѣ. Я прилагаю о семъ особенную записку.

Ты не обманулся, что льститъ моему самолюбію опредѣленіе моихъ адъютантовъ командирами гусарскихъ полковъ. Спроси собственныя чувства твои на счетъ успѣховъ по службѣ *Красоты* и увидишь, что весьма большое удовольствіе доставить Государю вѣрныхъ и способныхъ слугъ. Я радъ безъ памяти и въ душѣ благодарю Государя, когда вознаграждаетъ онъ достойныхъ!

Здѣсь та же какъ и вездѣ странная вещь, что полки егерскіе лучше полковъ линейной пѣхоты. Я дѣлаю представленіе въ 20-й дивизіи два полка обратить въ егерскіе. Прочти его и увидишь причину. Здѣсь войска не можно удержать въ томъ составѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ, и покорить тому единообразію, которое такъ удобно въ арміяхъ нашихъ въ Россіи. Здѣсь полки должны быть единообразны, но они могутъ быть различны съ полками въ Россіи. Предупредите Государя, что современемъ представлю я о нѣкоторой перемѣнѣ въ одеждѣ солдата. Я не хочу сдѣлать того безъ собственнаго опыта, но увѣренъ, что достигну способа облегчить солдата для дѣйствія въ знойномъ здѣшнемъ климатѣ, въ землѣ чрезвычайно гористой повсюду. Суди ты, что уже у насъ 22 градуса теплоты на солнцѣ! Что̀ должно быть въ іюлѣ мѣсяцѣ? Вы можетъ быть подумаете, что я, желая вводить новое, представляю о перемѣнахъ. Отъ васъ зависитъ не имѣть уваженія къ моему мнѣнію, даже сказать можете, что я говорю вздоръ и ничего не сдѣлать, но я увѣренъ, что впослѣдствіи времени увидите истину моихъ предположеній, а между тѣмъ уморимъ мы довольно много людей напрасно и выйдетъ, что не я виноватъ, что доселѣ предмѣстники мои или мало обращали на то вниманія, или не смѣли сдѣлать возраженія противъ того, что утверждено вышнею властію. Я по простотѣ моей думаю, что Государь за три тысячи верстъ необходимо долженъ видѣть глазами другихъ, а потому вѣрю, что и моя есть обязанность смотрѣть *На Литейной* дадутъ мнѣ звону за умствованія, но я служу Государю и

служу немного и собственному имени моему. Не наше дѣло помышлять объ огромной славѣ, по крайней мѣрѣ стараться надобно о добромъ имени!

Теперь я не завидую брату Михайлѣ (графу Воронцову), что онъ 42 письма отпустилъ вдругъ. Это немудрено, если только дѣло идетъ о комплиментахъ, можно одно и тоже въ разныхъ представить видахъ, а мое письмо къ тебѣ одно что̀ стоитъ! Однако же, въ оправданіе мое сберегаю письмо твое, въ которомъ приказываешь, чтобы я обо всемъ извѣщалъ тебя обстоятельно. Жалокъ ты мнѣ, если только изъ вѣжливости предложилъ мнѣ о томъ. Замѣть однако же, что сіе состраданіе о тебѣ почувствовалъ я только при концѣ 23 страницы и продолжаю далѣе. Всегда вредила мнѣ чрезмѣрная моя чувствительность! Меня весьма удивило, что пріѣхавшій отъ Нессельроде курьеръ не привезъ отъ тебя ни одной строки. Изъ чего заключаю я, что, конечно, отъ тебя скоро отправленъ будетъ фельдъегерь. Я еще ожидаю отъ васъ нѣкоторыхъ разрѣшеній. Ты, Арсеній, любилъ быть справедливъ, а потому возьми въ покровительство фельдъегеря *Грознова.* Онъ въ 12 дней пріѣхалъ, въ томъ числѣ одну станцію въ горахъ шелъ пѣшій по причинѣ чрезвычайно глубокихъ снѣговъ. Пріѣхалъ и, бѣдный,болѣнъ отъ ужасной усталости. Въ минуту пріятную выпроси у Государя ему офицерскій чинъ. По истинѣ молодецъ, и награжденіе дано будетъ лихому курьеру. Во все время ни одинъ сюда такъ не прилеталъ.

Прощайте! Желаю тебѣ, какъ полезному и благороднѣйшему существу, здоровья и счастья.

Письма къ брату Михайлѣ нарочно посылаю открытыя. Можетъ быть разсудишь ихъ прочесть. Я немного его надуваю, но съ нимъ иначе невозможно.

152.

21-го марта 1817 г. Тифлисъ.

Послѣдній фельдъегерь отъ графа Нессельроде не привезъ мнѣ отъ тебя, любезный и почтенный Арсеній Андреевичъ, ни слова, а потому и вздумалось мнѣ, что конечно скоро долженъ отъ тебя пріѣхать другой, но кажется вы меня забыли. На письмо мое къ *Бѣлому* (Царю), о необходимости выстроить казармы для солдатъ и тѣмъ остановить необычайную смертность, нѣтъ отвѣта. Время уходитъ. Здѣсь работы не могутъ продолжаться, какъ въ Россіи, во весь годъ, по причинѣ кли-

мата, и такъ чего не сдѣлаешь весною, надобно ожидать осени, а между тѣмъ полгода какъ не бывало. Въ продолженіе зимы рубилъ я здѣсь лѣсъ и сберегая отъ прочихъ расходовъ экстраординарную сумму, кое-какъ изъ ней заплатилъ рабочимъ за труды. Но большихъ суммъ такимъ образомъ употреблять я не вправѣ и нѣтъ ихъ. И такъ будемъ безъ казармъ и безъ госпиталей. Я просилъ на то лежащихъ здѣсь безъ пользы 100,000 мѣдью на первый разъ. Не даютъ, не я виноватъ, а между тѣмъ бѣдные солдаты мрутъ большею частію отъ сырыхъ убійственныхъ землянокъ, и весьма скромно считаю, если отъ того собственно умираетъ излишнихъ въ годъ 3,000 человѣкъ. Письмо мое могло у *Бѣлаго* заваляться не распечатано или прочтено безъ вниманія. Сдѣлай милость изъ человѣколюбія напомни о томъ князю Петру Михайловичу (Волконскому) или самъ скажи. Я препровождаю формально мое къ нему о томъ сообщеніе; объяснись прежде съ нимъ, и если не будетъ оно принято съ непріятностію, то отдай его; иначе истреби!

Вы представить не можете, какую дѣлаетъ разницу молчаніе по сему предмету. Я ѣду скоро, и хотя даю наставленіе, но не будучи увѣренъ, что утвердится представленіе мое, не могу тѣхъ сдѣлать распоряженій, какія бы сдѣлалъ я получа разрѣшеніе.

Забыли послать представленіе объ утвержденіи командиромъ Севастопольскаго полка подполковника *Рябинина*, и я опасаюсь, чтобы между тѣмъ не назначили вы другаго при производствѣ. Сдѣлай одолженіе помоги ему. Я виноватъ противъ него и онъ здѣсь весьма многихъ лучше, а полкомъ командовать не знаю можетъ-ли кто лучше его. Херсонскій полкъ, который онъ сдавать будетъ, исправнѣе всѣхъ прочихъ. Съ *Кутузовымъ* дѣлаете вы мнѣ ужасныя хлопоты. Въ письмѣ твоемъ ты одобряешь, что начальнику линіи поручаю я относиться къ начальнику штаба Его Величества, дабы не перессорились, изъ чего заключилъ я, что вы соглашаетесь назначить *Кутузова* начальникомъ послѣ меня, но вы молчите. Неужели трудно вамъ то сдѣлать, что я самъ сдѣлать рѣшаюсь?

Какъ бы я былъ счастливъ, если бы до отъѣзда моего получилъ разрѣшеніе или отказъ на представленія мои. Я поѣхалъ бы совершенно покойнымъ и не мучилъ себя ожиданіями. Я тебѣ какъ истинному другу скажу, что кромѣ ничтожной просьбы моей о племянникѣ моемъ *Коховскомъ*, все прочее прошу я единственно для пользы службы и нѣтъ у меня другихъ видовъ! Я не вижу зла, если бы всѣ такъ заботливы были о должностяхъ своихъ, какъ я, и не вижу причины охлаждать усердія таковыхъ.

Любезный Арсеній, не могу я сравниться съ тобою въ точности и порядкѣ, и знаю что я много отъ того теряю, но усердіемъ, всегдашнимъ занятіемъ, должностію и дѣятельностію, право, уподобляюсь тебѣ, что, впрочемъ, не легко, а потому возьми ты себя въ примѣръ, какъ досадно когда не такъ идетъ какъ хочешь и какъ нужно необходимо. Я готовъ уже былъ отправиться въ Персію, и передовой мой уѣхалъ уже съ предувѣдомленіемъ о томъ пограничнаго начальника, но курьеръ *графа Нессельроде* меня остановилъ и я уже болѣе двадцати дней жду другаго курьера, который чрезъ недѣлю послѣ перваго долженъ былъ отправиться. У васъ я вижу новое счисленіе времени и вы мнѣ на то не присылаете оффиціальной бумаги. Я думаю, что по части иностранной коллегіи гораздо съ большимъ, нежели гдѣ либо, успѣхомъ приведутъ сіе въ систему. Однако же, какъ ни хитеръ дипломатическій корпусъ, я примѣтилъ то еще изъ Петербурга не выѣзжая. Вотъ что̀ значитъ самому быть министромъ! Я боюсь, чтобы способностію моею не устрашить дипломатовъ. Графъ Нессельроде не даромъ говорилъ, что я не хуже его вижу (но только глазами).

Забылъ тебѣ послать *Мадатова* портретъ, теперь препровождаю. Нѣтъ ли у васъ еще такихъ уродовъ, присылайте ихъ ко мнѣ. Онъ такъ здѣсь служитъ и такъ благородно себя ведетъ, что мнѣ одного жаль, что онъ не русскій, ибо онъ сдѣлалъ бы честь намъ своею службою и безкорыстіемъ. Многимъ изъ здѣшнихъ нашихъ можно поставить его въ примѣръ. Но за то какой шутъ и какъ начинаетъ говорить. Часъ отъ часу хуже! Тебя любитъ чрезвычайно и брата Василія отлично уважаетъ. Впрочемъ, ругаетъ весь свѣтъ и со мною частыя весьма схватки.

Окончится мартъ и всѣ возвратятся изъ отпусковъ. Трепещу, что мой *Пестель* какъ тутъ и есть! Братъ ограбилъ его умомъ и способностями и мой *Пестель* пренесчастное существо! Онъ передъ отъѣздомъ имѣлъ великодушіе успокоить меня на счетъ возвращенія своего, чтобы не впалъ я въ отчаяніе, и я боюсь, что онъ какъ *нѣмецъ* будетъ имѣть *акуратность* въ исполненіи обѣщанія. О Боже! хотя бы на минуту пересталъ онъ быть нѣмцомъ!

Посмотрю я твою ловкость, какъ ты отсюда отдалишь *г.-м. Тихановскаго*, или оставишь его здѣсь для испытанія винограда, который во множествѣ земля сія производитъ. Замѣть, что онъ въ шести стахъ верстахъ отъ меня командуетъ бригадою и управляетъ *Дагестаномъ*, гдѣ народы воинственные, сильные и хитрые. Каково мое положеніе?

Если отзовете его, то дайте кого нибудь *). Мнѣ совершенно опредѣлить не кого изъ здѣшнихъ. Сіе и потому необходимо, что по возвращеніи изъ Персіи, войска изъ *Дагестана* обращу я для наказанія *чеченцовъ*, и хотя безъ себя ничего не позволю я сдѣлать, но какъ не всегда онъ будетъ подъ глазами и невозможно наблюдать за каждымъ шагомъ, то не мѣшаетъ имѣть лучшаго генерала. Жаль! Говорятъ, что смѣлый офицеръ и давно служащій!

Не опасайтесь намѣренія моего наказать *чеченцовъ*. Я безъ пути ничего не предприниму. Противъ разбойниковъ не тщеславіе ведетъ меня. Они не сдѣлаютъ мнѣ военной славы, но сносить невозможно наглости и дерзости ихъ и примѣръ ихъ питаетъ возмутительный духъ въ другихъ народахъ, которые злодѣйства ихъ видя не наказанными, увѣрены въ недостаткѣ средствъ нашихъ и не признаютъ власти. Я такъ сдѣлаю, какъ описывалъ тебѣ прежде. Хочется мнѣ затащить съ собою по нѣскольку войскъ отъ каждаго изъ подвластныхъ намъ владѣтелей, съ тѣмъ чтобы ихъ перессорить съ *чеченцами* и тѣмъ отдалить впредь всякое ихъ съ симъ народомъ соединеніе. Мимоходомъ отъ нѣкоторыхъ народовъ потребую возвращенія нашихъ дезертировъ, которые во множествѣ проживаютъ въ горахъ. Если кротость и милосердіе Государя дѣлаютъ ему безсмертную славу между народами европейскими, то здѣсь снисходительное наказаніе преступленій, народами не просвѣщенными, принимается за слабость. Здѣсь за важныя преступленія необходима казнь, и строгость сія предупредила бы много преступленій. Доложите Государю, что бѣглецовъ нашихъ къ горскимъ народамъ необходимо надобно разстрѣливать. Конечно, не всѣхъ, которые въ руки попадутся, но виновнѣйшихъ изъ нихъ и которые по закоренѣлости въ преступленіи не хотѣли даже воспользоваться всемилостивѣйшимъ манифестомъ, который многимъ изъ нихъ извѣстенъ. На сихъ дняхъ привели ко мнѣ восемь человѣкъ и изъ нихъ нѣкоторые жили въ горахъ по 10 и 15 лѣтъ. По производствѣ надъ ними суда я нарочно пришлю къ тебѣ съ нихъ допросы. Они всѣ населятъ у меня Сибирь, но тѣ кои и тамъ ни на что не надобны, полезно было бы ихъ разстрѣлять, разославъ въ такіе полки, гдѣ примѣръ сей весьма поучителенъ. Не считайте меня жестокимъ. Я хочу, принеся въ жертву справедливому наказанію нѣсколько разбойниковъ, из-

*) Я на мѣсто его придумалъ опредѣлить г.-м. Дренякина, что по квартирмейстерской части. Онъ не мудрый человѣкъ, но офицеръ усердный, поведенія отлично хорошаго и храбрый. Его надобно будетъ сдѣлать бригаднымъ командиромъ.

бавить отъ преступленія невинныхъ, которыхъ вовлечетъ одна надежда мало соразмѣреннаго наказанія. Здѣсь за кражу, грабительство и самое даже убійство одно наказаніе — шпицрутеномъ и сосланіе на поселеніе или работу въ Сибирь. Я учредилъ новый разрядъ преступникамъ. За смертоубійство въ Сибирь въ работу. За все прочее въ солдаты и сибирскіе гарнизоны. Почему имъ не служить, если вина ими сдѣланная можетъ быть заглажена усердіемъ и вѣрностію. Сіе относится до грузинъ, армянъ, магометанъ и вообще всѣхъ народовъ области нашей населяющихъ!

Что сказать тебѣ о гражданскомъ моемъ служеніи? По малу все идетъ изрядно. На сихъ дняхъ сидѣлъ я часа по четыре въ уѣздномъ судѣ и уголовной палатѣ, ибо набралось много колодниковъ и дѣла шли нѣсколько медленно. Потомъ забравши съ собою предсѣдателя палаты и уѣзднаго судью, секретарей и журналы, отправился съ ними въ крѣпость, гдѣ содержатся арестанты. Свѣрилъ давно-ли каждаго производится дѣло, за какія именно преступленія и скоро-ли могутъ быть окончены. Нѣкоторыхъ по возможности облегчилъ участь или покрайней мѣрѣ ускорилъ рѣшеніе судьбы.

Посѣщаю иногда присутственныя мѣста. Нагналъ ужасный трепетъ. Дѣлаюсь ужаснѣйшимъ сутягою. Какъ грузины мои начинаютъ повиноваться исправно и не отчего болѣе какъ отъ настоятельнаго требованія исполненія того, что приказано безъ всякой перемѣны приказанія или уступки, какъ прежде сего водилось и чѣмъ слабое начальство пріучило къ ослушанію. Завожу понемногу въ городѣ порядокъ. Недавно надобно было сломать стѣны ветхаго внутри города находящагося кладбища армянскаго. Я предложилъ имъ, но по привычкѣ дѣлать по своему не хотѣли. Я въ память погребеннымъ назначилъ построить часовню, гдѣ ежегодно учреждено будетъ поминовеніе. Кладбище приказалъ засыпать камнемъ и обратить въ площадь. Прахъ усопшихъ остался почтенъ. Стѣны въ одинъ день исчезли и въ городѣ тѣсномъ, неопрятномъ и вонючемъ площадь прекрасная. Всѣ очень довольны, и нѣтъ ропота.

Помилуй, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, что̀ дѣлаетъ *братъ Михайло* (графъ Воронцовъ)? Читаю въ газетахъ, что онъ членъ общества Библейскаго и старается о распространеніи слова Божія между командуемыми имъ войсками! Ничего не проронитъ. Мимо ничто не пройдетъ, изъ чего можно извлечь пользу. Если нужно хоть въ стихарь! И фельдмаршалъ упражняетъ мирные свои досуги проповѣданіемъ въ арміи евангельскаго ученія. Также видно изъ газетъ. Хотя братъ Михаилъ и тонкая особа,

по фельдмаршалъ поисправнѣе будетъ въ сей должности, ибо и прежде всегда походилъ на пастора.

Съ симъ фельдъегеремъ, подобно брату Михайлѣ, собственной руки отправилъ я множество бумагъ, но мои болѣе по дѣламъ службы. Чтобы не повторять одно и тоже, прочти мои бумаги къ князю Петру Михайловичу, изъ нихъ увидишь многое относящееся до обстоятельствъ здѣшняго края. Приложи стараніе о исполненіи просимаго мною. Я ничего безъ точной нужды не требую. У сосѣдей моихъ большія пріуготовленія и уже неподалеку появляются войска, которыхъ не было прежде. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что не только не радъ войнѣ, но дамъ три года изъ жизни моей за три года мира. Такъ онъ здѣсь нуженъ! Учини нападеніе на провіантскій истребляющій голодомъ департаментъ. Онъ гроша денегъ не присылаетъ. Поговори о томъ съ министромъ военныхъ, провіантскихъ и коммисаріатскихъ силъ. Они меня убиваютъ! Коммисары—адскія силы недавно только прикрыли наготу нашу. Если они разсчитываютъ на благосклонный климатъ, то хотя нѣтъ у насъ зимъ, но есть дожди и ненастье.

Посылаю тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній, вѣдомость представленій моихъ, на которыя еще не вышло разрѣшенія. Если можно, ты, конечно, ускоришь.

Приготовь мнѣ свой портретъ такой, какъ видѣлъ я у *Сипягина* и пришли. Я къ тебѣ прикомандирую свою рожу, снятую когда въ ярости говорю рѣчи грузинцамъ. Нельзя-ли *съ брата Василія* снять *планъ*. Мнѣ бы очень хотѣлось.

Если фельдъегерю Грознову доставишь чинъ, то будетъ весьма справедливо. Онъ шедши въ горахъ станцію пѣшкомъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ 12 сутокъ. Со времени пребыванія здѣсь россіянъ въ 16 лѣтъ былъ одинъ только подобный случай. Заслуга та его не мала, что онъ успѣлъ застать меня здѣсь, ибо я готовъ былъ выѣхать, передовой мой былъ уже въ Персіи, а совсѣмъ не мѣшаетъ, что я не выѣхалъ. Поклонись всѣмъ твоимъ. Благодарю *Кондратія Яковлевича* за память. Я люблю искренняго и добраго сего жениха и волокиту. *В. Михайловичу, Ад. Ивановичу* мое почтеніе. *Красоту* пріятно поцѣловать. Крѣпкой натурѣ желаю лучшаго дѣйствія слабительныхъ. Живъ-ли *великій Карабинеръ*, ничего не слышу? Фельдмаршалъ, другъ брата нашего Михайлы, будетъ ли генералиссимусомъ, желаю знать. Богъ судья, что его не производите!

Жаль мнѣ чрезвычайно, что милая и ласковая жена *П. Фед. Желтухина* больна и не поправляется. Дайте мнѣ его въ начальники

на линію, онъ со мною не откажется служить и заслужимъ важно! Поклонись *Орлову* и *Киселеву*. Эти повѣсы для того ко мнѣ не пишутъ, что по русски писать не умѣютъ. Пусть пишутъ по французски, теперь есть у меня народы, могущіе въ отвѣтъ отпустить *министерьельную ноту*, а я подпишу. Не разъ въ жизни случится каждому изъ насъ чужой трудъ выдать за свой. Я какъ знатный господинъ уже тѣмъ промышляю.

Прощай! Будь тотъ же безподобный Арсеній.

153.

9-го апрѣля 1817 г. Тифлисъ.

Ожидалъ нетерпѣливо отъ тебя письма и наконецъ ты наградилъ меня довольно пространнымъ. Благодарю тебя, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ! По многотруднымъ занятіямъ твоимъ невозможно тебѣ удѣлять много времени на переписку со мною, а потому и предлагаю тебѣ тотъ же способъ, о которомъ говорилъ и прежде. По отправленіи фельдъегеря тотчасъ принимайся опять писать. Каждый день нѣсколько строкъ не отнимутъ у тебя время, а въ продолженіе многихъ дней и выйдетъ цѣлое письмо. Иначе мнѣ бы совѣстно было ожидать отъ тебя писемъ, ибо тебѣ надлежало (бы) похищать нѣсколько у сна твоего.

Радъ былъ я чрезвычайно, что произволу моему предоставлено было ѣхать въ Персію или вмѣсто себя послать другаго. Долго я разсуждалъ о семъ и наконецъ рѣшился ѣхать самъ. По волѣ Государя, объявленной мнѣ графомъ Нессельроде, весьма ясно и обстоятельно поручено тогда только остаться, когда точно удостовѣрюсь я, что Персія имѣетъ непріязненныя намѣренія, и если то въ чемъ либо не нарушитъ дружественныхъ связей между обѣими державами существующихъ. Я доносилъ о пріуготовленіяхъ Персіи и точно они дѣлаются чрезвычайныя, но послѣ донесенія моего прошло три мѣсяца и кажется безъ ошибки вижу, что всѣ пріуготовленія дѣлаетъ страхъ, а не желаніе еще испытать судьбу оружія. Званіе мое главнокомандующаго сосѣдственныхъ земель вселяетъ величайшій ужасъ, чему не мало способствовало пребываніе мое здѣсь шесть мѣсяцевъ и тотъ образъ, какимъ я принялся за дѣла и разныя лица. Тифлисъ наполненъ персіянами, ведущими торгъ, и мнѣ извѣстно, что шпіоновъ множество, которые о малѣйшемъ поступкѣ моемъ даютъ извѣстіе.

Недавно случилось мнѣ заболѣть страннымъ образомъ. Сидя весьма

покойно я чхнулъ и тотчасъ послѣ того едва уже дойти могъ до постели и пролежалъ десять дней. Отсюда ту минуту отправлено извѣстіе, что я отчаянно болѣнъ и нѣтъ надежды чтобы былъ живъ. Изъ Персіи ко мнѣ пришли извѣстія, что я умеръ и въ Грузіи бунтъ. Мое счастіе необыкновенное, я увѣренъ, что съ нимъ все кончу какъ надобно и не увѣренъ чтобы кончилъ кто другой, ибо не шутки говорю тебѣ, что меня ужасно боятся. Какъ вѣжливы пограничные начальники, какая услужливость! Исполняются всѣ по дѣламъ случающіяся требованія и я имъ отпускаю благородные рескрипты. Не могу не ѣхать, боюсь чтобы мнѣ не поставили послѣ въ вину, если въ чемъ нибудь не сдѣлается по желанію. Если я въ чемъ не успѣю, скажутъ всѣ, что было невозможно успѣть. Если бы на мѣсто меня поѣхалъ человѣкъ несравненно меня способнѣйшій, его неудачу непремѣнно отнесутъ мнѣ на счетъ, что я ѣхать не захотѣлъ. Еще скажу одну важнѣйшую причину. Кто можетъ болѣе вникнуть въ состояніе Персіи, какъ я, которому судьба на долгое время назначила здѣсь пребываніе. Кому полезнѣе знать сосѣдей, какъ мнѣ, имѣя всегда съ ними необходимыя сношенія? Словомъ я, конечно, съ большимъ стараніемъ буду искать познакомиться съ ихъ способами и средствами. Мнѣ нужно узнать непремѣнно два обстоятельства, имѣющія вліяніе впослѣдствіи на мое въ здѣшнемъ краю управленіе. Первое, можно-ли полагаться на продолженіе дружественныхъ отношеній съ Персіею и постигаетъ-ли она, что въ томъ есть существенная ея выгода? Или Персія, постороннимъ вліяніемъ управляемая, можетъ надѣяться оружіемъ пріобрѣсти выгоды? Второе, если нельзя положиться на прочность связи съ Персіею, то нужно знать до какой степени могутъ велики быть безпорядки и междоусобія послѣ смерти шаха, дабы мнѣ, предавъ ихъ лютости внутреннихъ раздоровъ и растравляя ловкимъ образомъ, имѣть время управиться съ разными народами, населяющими горы въ тылу нашемъ, которые хотя не весьма опасны, но весьма безпокойны. Между ими безпрерывно посѣиваемъ мы вражду и раздоръ, развѣ болѣе преступленія разжечь войну между персіянъ? А мнѣ надобенъ покой со стороны сихъ послѣднихъ, чтобы ловче приняться за своихъ, надобно пожать... грузинъ, еще не внемлющихъ необходимости устройства для собственнаго ихъ блага.

Какъ мнѣ не ѣхать? Изъ Тегерана отъ бывшаго у насъ посла пріѣзжалъ нарочный узнать когда я буду? Ему, конечно, приказано было узнать, а не онъ послалъ изъ одной ко мнѣ дружбы. Отъ Абасъ-Мирзы наслѣдника шахскаго было двое нарочныхъ, изъ коихъ одинъ значущій чиновникъ. Два раза уже приходили войска къ границамъ

нашимъ для встрѣчи и все приготовлено. Я думаю, что Персія не рада уже и посольству, а что жители, конечно, нѣтъ, ибо съ нихъ дерутъ кожу, чтобы вооружить множество войскъ, получше одѣть ихъ и мнѣ похвастать. Я уже готовъ. Впередъ приготовилъ множество привѣтствій и сочинилъ довольно похвальныхъ словъ. Если они мастера говорить великолѣпный вздоръ, то я отвѣчаю, что они услышатъ высокопарную нелѣпицу. Отъ сего дня чрезъ недѣлю пускаюсь. Долго не отвѣчали на донесенія мои отъ 9-го января и меня продержали до того, что я долгое въ дорогѣ время захвачу несносныхъ уже жаровъ. Какъ вспомню о 1300 верстахъ верховой ѣзды, въ землѣ знойной, гадкой, бѣдной, ей-Богу ужасъ беретъ. Такое разстояніе составляетъ болѣе двухъ третей пути отъ границъ нашихъ до Парижа. Прогулки—не похода! Получа окончательныя наставленія по части дипломатической, я уже не надѣюсь отъ Нессельроде имѣть курьеровъ въ Персіи, но тебя, почтеннѣйшій Арсеній, прошу писать когда посылать будешь фельдъегерей къ Кутузову. Изъ Тифлиса будутъ отправляться деньги на содержаніе посольства и другіе случаи.

Что сказать тебѣ о Грузіи? Ты желаешь, чтобы я всегда что нибудь сообщалъ тебѣ о ней и я повинуюсь. Теперь представляю я объ учрежденіи небольшой военной школы, на подобіе нашихъ губернскихъ военныхъ училищъ. Еще Тормасовъ представлялъ о томъ, но возвращено было для нѣкоторыхъ поправленій. Здѣсь есть благородное училище, на которое употребляются большія издержки и безъ малѣйшей пользы. Надобно, чтобы учащіеся удалены были отъ родительскихъ домовъ, дабы молодость, удобная ко всякаго рода впечатлѣніямъ, не имѣла въ глазахъ гнусныхъ примѣровъ отцовъ своихъ, которые въ домашней жизни своей распутные мужья, нерадивые о дѣтяхъ родители, жестокіе въ обращеніи съ своими слугами, въ жизни публичной—мятежные граждане и неблагодарные подданные, непокорливые. Молодые люди, воспитанные въ духѣ нашего правленія, будутъ образцомъ просвѣщенія и началомъ введенія обычаевъ нашихъ въ здѣшнемъ краю. Желалъ бы я, чтобы утвердили представленіе мое, тѣмъ болѣе, что на содержаніе школы немного надобно прибавить противъ того, что теперь употребляется на училище. Грузія, чѣмъ болѣе вникаю я, тѣмъ нахожу болѣе возможности привести ее въ лучшее состояніе. Ободряю хлѣбопашество, дабы пріохотить жителей къ жизни постоянной, ибо, уподобляясь нашимъ ханствамъ и вообще всѣмъ провинціямъ магометанскаго закона, имѣютъ еще наклонность къ переселенію и жизни бродяжнической, къ которой нерѣдко побуждаетъ ихъ худое обращеніе съ ними помѣщиковъ. Въ ханствахъ

наиболѣе стараюсь пріохотить ихъ къ хозяйству. Съ самаго пріѣзда моего сюда, большое довольно количество войскъ, которое прежде довольствовалось привознымъ изъ Россіи хлѣбомъ, я довольствую въ самой землѣ и гораздо дешевле. Магометане лакомы къ деньгамъ и видя, что хлѣбопашество даетъ большія выгоды, привяжутся къ земледѣлію, а чрезъ то въ непродолжительномъ времени ослабнетъ наклонность къ кочевой жизни. Сіе наиболѣе полезно намъ будетъ въ земляхъ границу нашу составляющихъ.

Въ Грузію начинаютъ, по счастію моему, появляться иностранцы для заведенія нѣкоторыхъ фабрикъ. Пріѣхалъ нѣмецъ для стекляннаго завода. Ты не повѣришь, что здѣсь бутылка обыкновенная 20 и 25 копѣекъ серебромъ! Въ домахъ потому бумагою заклеены окошки, что стекла неимовѣрной цѣны. Пріѣхалъ кожевникъ и будетъ заводъ великолѣпный. Теперь не умѣютъ хорошо выдѣлывать кожъ, и у насъ сырыя буйволовыя кожи, могущія доставлять большой доходъ, чрезъ турокъ и грековъ выкупаютъ англичане, впуская за нихъ турецкія шелковыя и бумажныя матеріи и весьма рѣдко деньги. Здѣсь въ ханствахъ шелковичныя заведенія начинаютъ быть въ хорошемъ состояніи. По возвращеніи моемъ изъ Персіи я займусь тѣмъ особенно, а наиболѣе когда (какъ уже писалъ тебѣ) введу въ нѣкоторыхъ наше правленіе, то добьюсь весьма значущихъ выгодъ и богатой отрасли промышленности.

Если Богъ благословитъ меня успѣть въ нѣкоторыхъ предполагаемыхъ мною преобразованіяхъ, то чрезъ пять лѣтъ можетъ быть не будемъ мы вывозить изъ Россіи сюда серебряныхъ и золотыхъ денегъ.

154.

12-го—17-го апрѣля 1817 г. Тифлисъ.

По уваженію къ тебѣ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, мнѣ весьма пріятно, что ты одобряешь нѣкоторыя изъ бумагъ моихъ, какъ напримѣръ донесеніе по дѣлу *Эристовыхъ*. Я думаю немного изъ знатныхъ людей сдѣлалъ я себѣ пріятелями, но у меня глупая душа простолюдима, которая и не любитъ вельможъ и не боится. Каждый изъ нихъ можетъ ожидать быть важно атакованъ, лишь бы представился случай. Съ симъ фельдъегеремъ нападаю на морскаго министра, и надобно признаться, что важная дрянь. Я пишу объ немъ и къ князю Петру Михайловичу. Ты увидишь, какъ я сражаюсь противъ гордой его глупости, и твоей прошу помощи! Я надѣюсь тебѣ понравилась и та бумага, что

писалъ я къ Государю и въ которой изобразилъ простосердечно важныя дѣла графа Гудовича и Ртищева и то какъ я берусь истребить одного хана. Я приложилъ тебѣ копію. Теперь прилагаю копію съ одного манифеста къ кабардинскому народу. Я самъ смѣюсь, писавши такіе вздоры, но я разъ сказалъ шутя истину, что здѣсь такіе писать должно и что симъ способомъ скорѣе успѣешь. Ты въ семъ манифестѣ узнаешь слогъ *Бонапарте*, когда въ Египтѣ, будучи болѣнъ горячкою, говаривалъ онъ рѣчи. Я брежу и безъ горячки! Однакоже, какъ бы то ни было, я въ горахъ между непріязненными намъ народами начинаю поселять величайшій ужасъ. Трепещутъ и называютъ хуже *Цицïанова!* А намъ подвластные стараются мнѣ нравиться отличными дѣлами. Недавно адресовался я къ аварскому хану, предлагая ему подарокъ деньгами съ тѣмъ, чтобы онъ досталъ *Швецова*. Выкупать, а особливо начальствующему здѣсь не ловко, ибо таковымъ поступкомъ ободришь мошенниковъ къ разбоямъ. Ханъ отвѣчаетъ мнѣ, что, не имѣя собственныхъ денегъ, онъ предлагалъ *чеченцамъ* въ закладъ вещи и оружіе, но они безъ денегъ отдать *Швецова* не согласились, проситъ меня чтобы я приказалъ выдать жалованье его за два года 10 тысячъ рублей серебромъ, что онъ не требуя подарка и денегъ за труды свои выкупаетъ своимъ жалованьемъ, ибо слышалъ онъ, что на выкупъ Швецова собрали деньги офицеры, которыхъ онъ, какъ людей небогатыхъ, не хочетъ лишить знатной суммы. Разумѣется я, послалъ на выкупъ деньги, поблагодарилъ за предложеніе и на него не согласился. Написалъ рескриптъ и чрезъ нѣкоторое время Швецовъ будетъ свободенъ. Каковъ поступокъ? Не каждый изъ просвѣщенныхъ европейцевъ сіе сдѣлаетъ. Предложи любому нѣмцу потерять 10 тысячъ рублей серебромъ—увидишь кислую рожу.

Дельпоццо моимъ начинаю я быть весьма довольнымъ. Я поддалъ ему перцу и онъ важно поступаетъ. Я велѣлъ ему нахватать и посадить въ тюрьму сколько можно болѣе изъ тѣхъ князей, чрезъ земли которыхъ *чеченцы* провели *Швецова* и тѣхъ кои съ сими мошенниками въ дружбѣ и заставить ихъ выкупить *Швецова*. Надлежало сіе сдѣлать моему предмѣстнику, и тотчасъ когда его схватили, но сіе упущено было безъ вниманія, и когда я пріѣхалъ, то немногихъ можно было уже схватить, однакоже, до сего времени 5,500 рублей серебромъ стянулъ съ нихъ и контрибуція продолжается. Деньги годятся на какія нибудь полезныя заведенія, а мошенникамъ то самое чувствительное наказаніе. Имѣю уже извѣстіе и о *чеченцахъ*. Ожидаютъ казни и гнѣва моего и боязнь проложила пути къ ихъ сердцу. Они видятъ, что я

ловко принимаюсь за нихъ. Теперешнею весною устраивается на *Сунжѣ* редутъ новый и выселяются изъ горъ къ нему народы злодѣи *чеченцовъ*. Понемногу буду спускаться по *Сунжѣ* и заложу по возвращеніи изъ Персіи порядочную крѣпостцу. Они мнѣ заплатятъ за издержки съ избыткомъ. Я не оружіемъ намѣренъ наказывать, а подъ покровительствомъ онаго наказывать деньгами! Ничего такъ я не желаю, какъ 3 или 4 года мира. Хочется мнѣ для несчастныхъ здѣшнихъ войскъ выстроить хорошія жилища и улучшить образъ жизни ихъ. Сіе есть единственное средство избѣжать смертности, опустошающей здѣшнія войска. Съ ноября мѣсяца прошу я, чтобы мнѣ отдали въ распоряженіе 100,000 мѣдью, которыя здѣсь находятся безъ употребленія и до сего времени отвѣта не имѣю. Пришло время начать работы и пріуготовленіе разныхъ матеріаловъ, у меня нѣтъ денегъ и не будучи увѣренъ, что ихъ когда нибудь дадутъ мнѣ, не смѣю употреблять большаго количества изъ экстраординарной суммы. Пройдетъ весна, лѣтомъ отъ жаровъ работать невозможно и такъ годъ уже почти и потерянъ. А людей въ лишній годъ столько умретъ безъ нужды, что и всею требуемою суммою не замѣнишь. Сдѣлайте милость, какъ люди близкіе Государю, доложите ему; онъ, безъ сомнѣнія, не сдѣлаетъ не только въ томъ затрудненія, но одобритъ заботливость мою.

Теперь вникнувъ въ службу въ здѣшнемъ краю офицеровъ и солдатъ, вижу я, что въ Россіи о ней понятія не имѣютъ и не отдаютъ ей должнаго уваженія. Представь состояніе офицера. Полки раздроблены мелкими частями. Рѣдко по нѣскольку офицеровъ живутъ вмѣстѣ. Случается, что офицеръ живетъ одинъ въ несчастной землянкѣ, если на границѣ, то непремѣнно въ степи, ибо по причинѣ войнъ жители близкіе къ границамъ мѣста оставляютъ. Но если бы даже и селенія были близки, они такъ бѣдны, что не рѣдко вещей первѣйшей потребности не могли бы доставить нуждающемуся офицеру. Прибавь къ тому незнаніе языка земли. Я не понимаю какъ живутъ офицеры, что̀ могутъ они доставать въ пищу себѣ. Бога ради самаго выпросите у Государя деньги на казармы. У меня рѣдко гдѣ менѣе баталіона будетъ вмѣстѣ, будутъ и по два имѣть непремѣнныя квартиры. Я буду всевозможно избѣгать раздробленій и кромѣ необходимѣйшихъ постовъ не буду отдѣлять войска или по крайней мѣрѣ цѣлою ротою вмѣстѣ и сіи посты будутъ служить школою офицеровъ, въ которой будетъ усматриваться расторопность ихъ, смѣтливость, способность распорядиться и заботливость о сбереженіи людей. На посты сіи будутъ избираемы благонадежнѣйшіе офицеры и посты сіи будутъ крѣпкою заставою, чрезъ ко-

торую оберъ-офицеръ долженъ пройти къ производству за отличіе. Здѣсь въ короткое время моего пребыванія замѣтилъ я нѣсколько отличныхъ офицеровъ, которые впослѣдствіи должны быть наилучшими помощниками начальникамъ здѣшней земли.

О представленныхъ мною къ производству въ полковники я не настаиваю, ибо, видя, что по арміи многіе есть старѣе, несправедливо требовать и я очень знаю, что не успѣлъ бы. О *Кутузовѣ* теперь молчу, хотя бы и не думалъ, что офицеру достойному откажутъ такое награжденіе, которое не знаю я, кто не получаетъ и даже многіе такіе, которые ордену не дѣлаютъ чести. По совѣту твоему я потерплю и по возвращеніи изъ Персіи представлю, ибо тогда будетъ за что дать по справедливости, если онъ все то исполнитъ, что мною поручено будетъ. Я тебѣ какъ другу говорю, что мнѣ сей отказъ былъ нѣсколько огорчителенъ. Съ меньшимъ неудовольствіемъ принялъ я отказъ о переводѣ племянника моего въ гвардію, ибо точно по молодости не могъ быть употребленъ въ прошедшей войнѣ и Государь можетъ имѣть правило, которое измѣнить не хочетъ. Къ тому же человѣкъ незнатнаго происхожденія, простолюдинъ, не имѣетъ права роптать на неудачу, хотя, впрочемъ, адъютантъ генерала Эссена, также въ прошедшую войну нигдѣ не употребленный, переведенъ въ старую гвардію. По крайней мѣрѣ, постарайся перевести его въ 7-й Карабинерный полкъ, если бы даже и съ тѣмъ условіемъ, что впередъ зачтется мнѣ сіе въ награжденіе. Мнѣ до того нужды нѣтъ, ибо мнѣ необходимо одно только награжденіе то, чтобы я самъ былъ доволенъ отправленіемъ должности и чувствовалъ приносимую служеніемъ моимъ пользу. Вотъ въ чемъ я нынѣ заключаю все мое честолюбіе, впрочемъ, ко всему равнодушенъ и всему свѣту желаю быть фельдмаршалами. Сюда ни одного не принесетъ чортъ ко мнѣ на шею! Ты удивляешься безстрашію моему, что я смѣю желать фельдмаршаловъ, тогда какъ и одного *Барклая* довольно къ неудовольствію россійскихъ армій.

Какъ благодаренъ я вамъ за исходатайствованіе повелѣнія, чтобы за наказаніе офицеровъ и солдатъ не опредѣлять въ грузинскій корпусъ. До сего времени мы бѣглецами своими комплектовали непріятельскія войска. Къ стыду нашему есть у нихъ и офицеры наши, но надѣюсь не будетъ того впредь. Я о семъ отдалъ приказъ по корпусу.

Попроси князя Петра Михайловича, чтобы доложилъ по представленію моему въ разсужденіи возвращающихся изъ заграницы солдатъ нашихъ. Я просилъ позволенія обращать въ казаки желающихъ изъ нихъ. Я распространялъ сіе на однихъ попавшихся въ плѣнъ по раз-

нымъ случаямъ, но не измѣнниковъ или бѣглецовъ. Сіе заставитъ нхъ къ намъ возвратиться, чего теперь они не дѣлаютъ, избѣгая опять попасться въ тягостную въ полкахъ службу. Нагнавъ ужасъ на горы, я начинаю доставать нашихъ дезертировъ и не наказывая ихъ здѣсь, отправляю въ сибирскіе гарнизоны, гдѣ они, по сообщенію моему, будутъ отданы подъ судъ и наказаны. По возвращеніи изъ Персіи я надѣюсь въ одномъ мѣстѣ достать ихъ нѣсколько сотенъ.

Мучитъ меня страшное желаніе въ 20-й дивизіи полки линейной пѣхоты обратить въ егерей, такъ чтобы кромѣ егерской бригады въ обѣихъ прочихъ было по одному егерскому полку, то-есть въ 6-ти полкахъ дивизіи будетъ 4 полка егерскихъ. Сіе необходимо по роду войны въ здѣшнемъ краю, часто малыми частями, всегда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ егеря гораздо съ большею употребляются выгодою. Вы мнѣ скажете, что также можетъ быть употреблена линейная пѣхота. Я у васъ спрошу: почему же по пропорціи войскъ гораздо болѣе хорошихъ егерскихъ полковъ? Не мало дѣлаетъ ихъ таковыми родъ самаго ученья, а еще болѣе особенный способъ употребленія. Преобразованіе сіе приличествуетъ здѣсь и потому, что для резерва есть гренадерская бригада. Я не дѣлаю еще о семъ формальнаго представленія, дабы по краткости времени не могли вы почесть его неосновательнымъ, и потому что не имѣлъ я случая вникнуть въ обстоятельства, но я увѣряю васъ, что я очень хорошо разсмотрѣлъ того пользу и прошу васъ предложить то Государю на разсужденіе.

Благодарю тебя за обѣщаніе постараться о Семеновскомъ *Ермоловѣ*. Если возможно сдѣлай его по арміи, что поставитъ его въ состояніе заняться дѣлами бѣднаго его семейства. Если нельзя по арміи, то опредѣлите къ старшему въ полкъ, одинъ изъ тѣхъ, что въ Москвѣ или окрестности оной. Онъ приметъ сіе за величайшую милость, а впослѣдствіи можете дать ему полкъ, ибо онъ многихъ весьма не будетъ хуже.

Очень доволенъ, что пустыми письмами моими заставляю васъ иногда смѣяться. Ты увѣдомляешь о томъ, что я писалъ къ князю Петру Михайловичу. Недавно получилъ отвѣтъ его съ *Берниковымъ*. Скажи ему, что я люблю уважать въ немъ добрыя его свойства и чувства прямаго русскаго, дѣлающія ему честь. Я по истинѣ люблю его! Князь Петръ Михайловичъ и ты, любезнѣйшій Арсеній, оба превеличайшіе шуты. Я лью горькія слезы, описывая вамъ моихъ генераловъ и прошу мнѣ дать, хотя нѣсколько годныхъ, а вы присылаете въ насмѣшку списокъ *военной контрабанды* и между ими поручаете

сдѣлать выборъ. Признайтесь, кто изъ васъ сдѣлалъ въ спискѣ злодѣйскія помѣтки? Я могу утвердить, что замѣчены наилучшіе люди, которыхъ совѣстно отнять у васъ и я увѣренъ, что отечество не согласится на сосланіе ихъ въ Грузію подъ начальство жестокаго изъ *проконсуловъ*. Судитъ васъ Богъ, если вы не пріуготовите хорошаго начальника для кавказской линіи на мѣсто Дельпоццо, котораго не знаю почему почитаете вы безсмертнымъ. Тамъ надобно молодца и мѣсто столько важное, что можно бы опредѣлить кого-нибудь изъ лучшихъ дивизіонныхъ командировъ, ибо и команда большая. Будете жалѣть и трудно будетъ поправить. У меня нѣтъ ни одного, кто бы замѣстить могъ его.

Благодарю за приказы *брата Михайлы* (графа Воронцова). Изъ нихъ вижу я, что у него много хлопотъ по продовольстію и таможнямъ. Обѣ части могутъ съ ума свести порядочнаго человѣка. Вижу также, что не мало и побѣговъ и суды безпрерывные. Это предзнаменуетъ, что при выходѣ корпуса изъ Франціи, порядочно *шарахнутся* его легіоны и онъ самъ не мало будетъ тому причиною, ибо многіе приказы прочитываются у него въ ротахъ такіе, о которомъ могъ бы солдатъ и не знать никогда. Я согласенъ съ тѣмъ извѣстіемъ, о которомъ ты пишешь, что у него ослабѣваетъ дисциплина и иногда оказывается непослушаніе. Онъ русскаго солдата трактуетъ на манеръ иностранный. Онъ ударился въ законы и бѣда!

Не правда-ли, что *брата Михайлу* надулъ я баранами? Отпечаталъ важный приказъ, послѣ котораго *квасъ* его хуже уксуса. То-ли будетъ впередъ какъ пущусь печатать. Нужна только равная съ нимъ охота. Не ручаюсь, чтобы не соблазнился. Если ты не шутишь, что съ однимъ курьеромъ прислалъ онъ 42 партикулярныхъ письма, то онъ человѣкъ непостижимый, ибо если полагать его подобнымъ всѣмъ намъ, то я первый признаюсь, что при всей способности писать вздоръ и пустяки, меня не станетъ на 42 письма, развѣ нѣкоторыя изъ нихъ часть *циркуляры* или со вложеніемъ газетъ. Скажи, что за чудная мысль просить прибавленія денегъ на содержаніе? Всѣ разумѣютъ его человѣкомъ имѣющимъ огромное состояніе изъ числа богатѣйшихъ въ государствѣ, или, по крайней мѣрѣ, такое, которое, конечно, не допускаетъ никакой нужды и недостатка. Мнѣ жаль, что подобная неосмотрительность можетъ сдѣлать непріятное на его счетъ заключеніе, ибо первое что представится, что онъ не воздерженъ и чрезъ мѣру роскошенъ, тогда какъ ни того, ни другаго въ немъ нѣтъ. Не всегда въ одинаковыхъ будетъ онъ обстоятельствахъ и проживать столько какъ

теперь. Если бы и случилось сдѣлать нѣкоторый долгъ, возвратясь въ Россію, непродолжительнымъ воздержаніемъ могъ бы поправить.

Я дѣлаю представленіе о выдачѣ нѣкоторой части войскъ мясной и винной порцій, по примѣру того, какъ отпускается войскамъ въ Крыму и Бессарабіи, гдѣ они имѣютъ гораздо лучшій климатъ и несравненно менѣе трудовъ. Число таковыхъ войскъ ограничилъ я сколько возможно и назначилъ тѣ только мѣста, гдѣ безъ сего пособія люди существовать не могутъ и мы гораздо болѣе терять будемъ отказавъ сіе содержаніе, нежели употребя издержку, которая, впрочемъ, не весьма и значительна. Несравненно болѣе сего и даже болѣе нежели въ два раза сохранимъ мы отъ перевозки изъ Астрахани провіанта ежегодно и покупкою провіанта на кавказской линіи, которую учредилъ я по прибытіи моемъ сюда. Представьте о семъ Государю и подкрѣпите вашимъ ходатайствомъ, попроси князя Петра Михайловича отъ меня и если возможно прочтите ему въ подлинникѣ рапортъ мой. Тогда можно будетъ ручаться, что достигнемъ знатнаго уменьшенія потери людей, особливо какъ я предполагаю уничтожить нѣсколько постовъ, которые какъ нарочно расположены въ самыхъ нездоровыхъ и убійственныхъ мѣстахъ. Я намѣренъ всѣ лежащія по берегамъ обоихъ морей укрѣпленія оставить съ самыми малѣйшими гарнизонами единственно для карауловъ, а войска имѣть въ одномъ переходѣ поселенныя въ хорошихъ жилищахъ, откуда они могутъ приспѣвать куда надобность потребуетъ. Иногда нѣсколько далѣе избранное подобное мѣсто можетъ снабжать войсками не одно укрѣпленіе. Хотя съ трудомъ добьюсь, что не будетъ истребляться много людей и даже немного болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ. Прошу васъ самимъ Богомъ доложить Государю, чтобы какъ на построеніе казармъ, такъ и порціи войскамъ отпущены были деньги.

Я надѣюсь ты не упрекнешь мнѣ, что я мало пишу. Между прочимъ, многое попадется, которое тебя совсѣмъ не займетъ или мало, но въ томъ виноватъ ты самъ, ибо поручаешь обо всемъ увѣдомлять что касается до Грузіи и о томъ, что я дѣлаю. Я повинуюсь твоей волѣ.

Письма *брата Михайлы* не присылай ко мнѣ не прочитавши, какъ и прежде мы условились. Мы между собою ничего не пишемъ, чтобы нельзя было прочесть каждому изъ насъ трехъ.

Посылаю тебѣ рожу мою, о которой писалъ прежде; ты найдешь ее чрезвычайно сходною. Сдѣлай дружбу, пришли свой портретъ къ моему возвращенію изъ Персіи.

Отправь письмо мое къ брату Михайлѣ; ему также препровождается рожа взамѣнъ за его портретъ.

Забылъ тебѣ сказать, что съ января мѣсяца ты увидишь нѣкоторое дѣйствіе моей строгости. Вѣдомости о умирающихъ совсѣмъ не тѣ, что прежде. Въ одномъ мѣстѣ много умерло, но невозможно иначе, ибо люди осенью до моего сюда прибытія употреблялись въ тяжелую работу и отъ того размножилась между ими жестокая цынготная болѣзнь.

Прощай. Такъ дѣла много, что неуспѣвши до отъѣзда моего отправить фельдъегеря, беру его съ собою и отправлю съ дороги. Будь здоровъ, поклонись отъ меня брату Василью, не успѣлъ отвѣчать ему на письмо, но онъ прочитаетъ то, что къ тебѣ пишу. Марьѣ Осиповнѣ мое почтеніе.

155.

25-го апрѣля 1817 г. Сел. Караклиса, близъ персидской границы.

Хотя уже, любезный и почтенный Арсеній Андреевичъ, и писалъ я къ тебѣ съ симъ самымъ фельдъегеремъ пространное письмо, но какъ будто зналъ, что нужно еще будетъ писать, взялъ я его съ собою до самой почти границы Персіи и теперь скажу тебѣ странныя случившіяся со мною обстоятельства. Я, приблизившись къ границамъ, не смѣю ѣхать въ Персію и, конечно, никто изъ самыхъ тончайшихъ нашихъ дипломатовъ не отгадаетъ причины. Вотъ она, и я самимъ Богомъ клянусь, что ни мало не виноватъ. Вся Эриванская область взбунтовала, какъ жители, такъ и самыя войска, и ожидаютъ только прибытія моего, чтобы занять крѣпость Эриванскую, представить ко мнѣ персидскаго сардаря (то есть главнокомандующаго) и всю провинцію отдать мнѣ до рѣки Аракса. Дѣло въ томъ только состоитъ, что желаютъ знать, угодно-ли мнѣ живаго или мертваго начальника персидскаго. Баталіонъ новыхъ регулярныхъ войскъ также ожидаетъ моего повелѣнія. Всѣхъ персидскихъ войскъ на первый случай въ совершенной командѣ состоящихъ у меня слишкомъ пять тысячъ человѣкъ, но увѣряютъ, что за рѣкою Араксомъ ожидаютъ только что я сдѣлаю съ Эриванскою областію, чтобы послѣдовать примѣру. Все готово вооружиться и я въ три недѣли могу быть въ Тавризѣ, столицѣ наслѣдника персидскаго, любимаго сына шаха. Сего послѣдняго я бы не сдѣлалъ, конечно, ибо безполезно для Россіи и кромѣ пустаго шума ничего бы не принесло; но признаюсь, что локти кусаю у себя, что

область Эриванскую не могу взять, ибо объявлено мнѣ строжайшее Государя повелѣніе стараться всѣми образами удержать дружественныя съ Персіею связи. Пріобрѣсти богатѣйшую провинцію, границы по Араксъ и безъ выстрѣла, ту самую, которая стоила намъ стольких трудовъ, потери стольких войскъ! Боже мой! Сердце мое обливается кровью и я не смѣю того сдѣлать! Какая дружба съ коварною и измѣнническою Персіею. Никогда въ жизни не представится такого случая, но я долженъ исполнять волю Государя. Текутъ съ досады слезы мои, свидѣтельствуюсь Богомъ! Я уже трехъ человѣкъ отправилъ въ Эривань убѣждать жителей, чтобы они были покойны и повиновались персидскому правительству, или покрайней мѣрѣ дождались бы моего изъ Персіи возвращенія. Сомнѣваюсь успѣть въ томъ. Они взбунтуютъ, когда я уже буду въ Персіи. Никто не поддержитъ ихъ; правительство персидское отмститъ имъ истребленіемъ ихъ. Эривани мы имѣть не будемъ, потеряемъ довѣренность въ народахъ на насъ уповающихъ, на меня падетъ подозрѣніе Персіи, дружбы ея никакъ тогда я не снищу и легко быть можетъ, что меня арестуютъ, посадятъ въ тюрьму или даже отравятъ. Вотъ прекрасная перспектива погибнуть и безъ пользы для отечества! Я остановился немного въ ожиданіи отвѣтовъ съ моими посланными, поѣду непремѣнно далѣе. Если остаться, необходимо надобно взять Эривань, ибо и безъ того исчезнетъ дружба съ Персіею. Каково, любезный и почтенный Арсеній, счастіе мое? Лишь только пріѣхалъ сюда, какъ въ пользу нашу перемѣнились обстоятельства, но каково же и несчастіе, что я всѣмъ тѣмъ пользоваться не могу! Не знаю, что изъ меня будетъ, но надобно особенное покровительство судьбы, чтобы я выпутался изъ Персіи. Тогда ставъ на колѣна предъ моимъ счастіемъ, скажу что нѣтъ ему подобнаго!

Я дѣлаю согласно твоему совѣту представленіе о награжденіи Кутузова Анненскою лентою; сдѣлай одолженіе, любезный Арсеній, приложи твое стараніе. Тебѣ никогда не было трудно помогать добрымъ людямъ и въ добрыхъ намѣреніяхъ.

Графъ Нессельроде долженъ будетъ прислать ко мнѣ курьера въ Персію. Сдѣлай дружбу, не пропусти сего случая писать ко мнѣ, ибо уже надолго долженъ я отказать себѣ сіе удовольствіе. Письмо мое къ *Каподистрію* вели доставить вѣрнымъ образомъ, также и къ Нессельроде конверты. Въ нихъ есть интересные рапорты Государю.

Почтеннѣйшему брату Василію поклонись. Я для того не пишу къ нему особенно, ибо онъ прочтетъ письмо мое къ тебѣ.

Не истребляй письма сего. Можетъ быть я не возвращусь изъ

Персіи, оно будетъ служить доказательствомъ, что я предузнавалъ мою участь. Прощай.

156.

15-го августа 1817 г. Султаніэ.

Письма твои, пришедшія послѣ моего отъѣзда, я получилъ исправно. Не отвѣчаю теперь обыкновеннымъ моимъ порядкомъ на каждую статью особенно, ибо содержаніе оныхъ наиболѣе относится къ дѣламъ моимъ по Грузіи; могу только сказать, что нѣтъ ни одного рѣшенія Государя относительно до Грузіи, за которое бы не мало было благодарить на колѣнахъ. Онъ вырвалъ у меня слезы благодарности за назначенныя для продовольствія войскъ мясомъ деньги. Богъ долженъ наказать насъ, если не всѣ употребимъ усилія изыскивать средства доказать, что̀ могутъ люди преданные своему Государю. Награжденіе усердствующихъ и у мѣста разсыпанныя милости оживляютъ духъ моихъ товарищей. Скажи Государь, что онъ хочетъ, и нѣтъ ничего для насъ труднаго!

Изъ какой дальней пишу я къ тебѣ стороны. Судьба забросила меня сюда для тяжкаго испытанія многихъ непріятностей. Возвращусь, ты все обстоятельно узнаешь.

Я принятъ здѣсь шахомъ съ изъявленіемъ возможнаго уваженія къ званію моему. Шахъ не упускаетъ ни одного случая оказывать глубокое его почтеніе къ Государю. Въ разсужденіи дѣлъ однакоже все это здѣсь немного значитъ, ибо симъ шахъ наименѣе занимается, а тѣ которымъ онѣ поручены, имѣютъ свой образъ понятія о вещахъ. Имъ кажется, что довольно шаху чего нибудь пожелать, что все такъ и должно быть сдѣлано, и что тотъ и счастливъ, который ему угодить можетъ, хотя бы и съ потерею чести, которая здѣсь есть нѣчто баснословное. Въ ихъ разумѣніи нѣтъ блага отечества, славы національной. Все заключается въ рабственномъ угожденіи неограниченной волѣ шаха. Всегдашняя низкая лесть пріучила его сему вѣрить, и мнѣ удивляются, что каждое его желаніе не есть для меня священнѣйшимъ закономъ. Во всеобщемъ понятіи я долженъ быть на ряду съ прочими угождателями. Довольно для тебя сего!!!..

Со времени выѣзда моего изъ Грузіи, проѣзжая города, имѣлъ я квартиры, но все прочее время живемъ лагеремъ. Мѣстахъ въ трехъ или четырехъ закрыты мы были тѣнію садовъ, но въ самые знойные мѣсяцы года мы на чистомъ воздухѣ, съ милліонами гадовъ на землѣ.

нѣтъ ни у кого постели и даже не безъ труда ковры достаемъ мы на подстилку. Если бы не взяли мы съ собою столовъ и стульевъ, то не на чемъ было бы отобѣдать. Недавно увидѣли мы вино, которое можно не считать отравою, а то должны были съ дороги посылать за нимъ въ Тифлисъ. Не хочу занимать тебя многими другими мерзостями.

Вотъ вниманіе, на встрѣчу чрезвычайнаго посольства, о которомъ годъ знали прежде. А въ разговорахъ ежеминутно великій Государь, Царь - Царей, великое государство и изъ снисхожденія равное Россіи; но Богомъ божусь, что въ мнѣніи во всемъ насъ превосходятъ.

Я здѣсь нашелъ *друзей нашихъ* европейцовъ. Какими неистовыми подлостями снискиваютъ они едва примѣтное вниманіе. Вотъ какъ достается золото! Едва-ли изъ кремнистой скалы труднѣе оно достается.

Я здоровъ и огромною своею фигурою многихъ здѣсь поражаю страхомъ. Министерство не имѣло сего въ виду, а увѣряю, что не мало можетъ содѣйствовать успѣху дѣлъ. Божусь, что не говорю въ шутку.

Прощай, завидую жизни крестьянъ послѣдней русской деревни.

157.

15-го августа 1817 г. Султаніэ.

Поклонись отъ меня *Киселеву*. Мнѣ чрезвычайно жаль, что я получилъ письмо его уже здѣсь и недавно, и потому не въ состояніи былъ оказать услугъ моихъ отцу его, находившемуся у водъ на Кавказской линіи. Кромѣ уваженія, которымъ я ему обязанъ, мнѣ бы пріятно было сдѣлать все угожденіе ему собственно по дружбѣ къ Павлу. Не менѣе досадно мнѣ и потому, что онъ не могъ найти ни малѣйшихъ выгодъ во время пребыванія у водъ, ибо въ проѣздъ мой чрезъ Георгіевскъ я былъ тамъ нарочно и ужаснулся страшнаго безпорядка, которому не могъ я помочь по причинѣ скораго отъѣзда моего въ Персію. Что можно было я сдѣлалъ, осмотрѣны воды, сдѣланъ планъ строенію для удобства купающихся и это уже составило значущую сумму, а за покои для жилья и приняться не смѣю, ибо и кустарника нѣтъ, которымъ бы обжигать кирпичъ, не только строить что нибудь изъ дерева, гдѣ одно хорошее бревно стоитъ болѣе 25 рублей. Откуда возьму я деньги и смѣю-ли я просить, когда на необходимѣйшіе предметы прошу я съ осмотрительностію. Однако же по возвращеніи съ пособіемъ вѣрныхъ

нашихъ солдатъ примусь я дѣлать понемногу заготовленія, и можетъ Богъ дастъ мнѣ способъ болѣе предмѣстниковъ моихъ сохранять экстраординарную сумму, изъ которой буду я удѣлять по частицѣ.

Устроеніе водъ въ порядокъ должно бы, однако же, быть занятіемъ правительства, ибо издержки на то употребленныя возвратятся съ выгодою. Сіе заведеніе не менѣе достойно вниманія какъ и инвалиды, на которыхъ всѣ состоянія государства безпрерывныя дѣлаютъ пожертвованія. Я по возвращеніи въ Грузію намѣренъ сдѣлать изъ жалованія моего первое пожертвованіе и сообщить министру полиціи для приглашенія прочихъ желающихъ. Сдѣлай милость, доложи при случаѣ Государю, благоугодно-ли будетъ ему сія мѣра, и дай мнѣ знать къ прибытію моему въ Тифлисъ. У сихъ же водъ израненый солдатъ возобновившій силы на продолженіе вѣрной Отечеству службы, благодарить будетъ за попеченіе о немъ правительства. Здѣсь же несчастное семейство обмоетъ слезы свои, видя сына исцѣлившагося, въ которомъ была единственная его надежда и подпора. Прошу тебя, какъ друга военныхъ, поговорить о томъ Государю и отвѣчать мнѣ.

Удержи письма на имя *Каподистрія* до его возвращенія и не забудь отдать по пріѣздѣ его. Повидайся съ братомъ Василіемъ и отдавъ ему письмо, прочти мое къ тебѣ.

Пишу къ *брату Михайлѣ* (графу Воронцову), величайшему изъ министровъ, военному законодателю. Посмотрѣлъ бы я, чтобы онъ здѣсь сдѣлалъ съ своею ловкостію, а особливо, какъ бы онъ смотрѣлъ *на друзей нашихъ* того почтеннаго народа, между которымъ онъ былъ воспитанъ и гдѣ проведенная молодость приняла многія впечатлѣнія въ пользу его. Они намъ здѣсь важныя оказываютъ услуги, которыя къ утѣшенію моему получатъ они въ свою очередь отъ другихъ. Тутъ бы долженъ онъ былъ похоронить свою къ нимъ привязанность. У насъ прежде бывали между собою жестокія за нихъ схватки и я однако же не всегда бывалъ виноватъ, что съ ребячества ѣдалъ простой хлѣбъ русскій, хотя сіе и не столько благородно по нынѣшнему образу мыслей.

На сей разъ не успѣлъ написать брату Михайлѣ, ибо съ Грузіею съ одною едва могъ отдѣлаться. Вскорѣ другаго отправлю курьера и тогда напишу.

Кланяйся моимъ знакомымъ и Красоту поблагодари за аккуратное исполненіе моего порученія.

Къ Каліостро (кн. Меншикову?) будетъ посланіе послѣ, теперь нѣтъ времени.

158.

25-го сентября 1817 г. Нахичевань въ Персіи.

Съ чудесною скоростію окончивъ дѣла мои въ Персіи и сходно съ волею Государя Императора, возвращаюсь я къ половинѣ будущаго октября въ Тифлисъ. Съ начала приняли было ловко меня персіяне, но окончилось тѣмъ, что я ихъ застращалъ такъ, что отказались отъ конференцій со мною и оставили всѣ свои претензіи на возвращеніе имъ земель нами завоеванныхъ. Я вершка не уступилъ, хотя предоставлено мнѣ было найти возможность сдѣлать шаху угодное. Происходило такъ, что я объявилъ министрамъ персидскимъ, что если малѣйшую увижу я холодность или намѣреніе прервать дружбу, то я для достоинства Россіи не потерплю, чтобы они первые объявили войну, тотчасъ потребую по Араксъ и назначу день, когда приду въ Тавризъ. Надобно замѣтить, что это столичный городъ любимаго сына, назначеннаго наслѣдникомъ. Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда говорилъ я о войнѣ, то она принимала на себя выраженіе чувствъ человѣка, готоваго хватить зубами за горло. Къ несчастію ихъ замѣтилъ я, что они того не любятъ и тогда всякій разъ, когда не доставало мнѣ убѣдительныхъ доказательствъ, то я дѣйствовалъ звѣрскою рожею, огромною моею фигурою, которая производила ужасное дѣйствіе, и широкимъ горломъ, такъ что они убѣждались, что не можетъ человѣкъ такъ сильно кричать, не имѣя справедливыхъ и основательныхъ причинъ. Когда доходило до шаха извѣстіе, что я человѣкъ-звѣрь неприступный, то при первомъ свиданіи съ нимъ я отпускалъ ему разныя нѣжности и отравлялъ его лестью, такъ что уже не смѣли ему говорить противъ меня и онъ готовъ былъ обвинять того, кто мнѣ угодить не умѣетъ. Не говори братъ Арсеній, а разъ случилось, что я, выхваляя рѣдкія и высокія души его качества и увѣряя, сколько я ему преданъ и тронутъ его совершенствомъ, призвалъ слезу на глаза и шахъ растаялъ отъ умиленія. На другой день только и говорено обо мнѣ и что не было такого человѣка подъ солнцемъ. Послѣ сего не смѣлъ никто говорить противъ меня и я съ министрами поступалъ самовластнымъ образомъ. Чего они не смѣли докладывать, я самъ объяснялъ, и до того довелъ шаха, что онъ шутя и смѣясь разспрашивалъ почему я ему никакой области не отдаю. Сему повѣрить невозможно, чтобы о томъ предметѣ, котораго исполненія ожидалъ онъ съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ долго могъ онъ разсуждать не только равнодушно, но даже

съ шуткою. Министры удивились сему происшествію и говорили, что я ворожея. Вотъ, сказать по справедливости, надулъ важно, но сіе потому извинительно, что тутъ ничего не возьмешь порядочнымъ образомъ. Теперь нѣкогда, спѣшу отправленіемъ курьера, но изъ Тифлиса буду писать обстоятельнѣе, или если успѣю кончить собственный мой журналъ, то лучше пришлю его, чтобы ты когда свободно прочитывалъ. При немъ будутъ и всѣ мои бумаги, которыя всѣ безъ исключенія писалъ я собственною рукою, дабы никто не могъ взять чего-либо на свой счетъ. Меня отправляли какъ невиннаго юношу и дали мнѣ наставниковъ, а я ихъ оставилъ въ покоѣ и самъ маралъ какъ Богъ положилъ по сердцу. Избави Боже, если бы я послѣдовалъ обыкновенному порядку, то бы мнѣ сѣли персіяне на плечи, а теперь я такого задалъ страху, что думаютъ довольно мнѣ задумать о гибели Персіи, то я сдѣлаю, что и Государь не провѣдаетъ, а его имя дрожатъ. Здѣсь подлые англичане, живущіе на жалованьи у персіянъ, въ угожденіе имъ дѣлали самыя гнусныя на счетъ нашъ внушенія. Разскажи Государю пресмѣшную случившуюся со мною исторію. Я пріѣзжаю въ Тавризъ, одинъ бѣглый французъ, кавалеръ почетнаго легіона, находившійся при лицѣ Наполеона и въ персидской службѣ полковникомъ, осмѣлился двухъ моихъ музыкантовъ, поставленныхъ на квартиру въ домъ гдѣ онъ жилъ, ударить саблею и выгнать вонъ. Я послалъ требовать отъ наслѣдника, чтобы онъ былъ наказанъ за дерзость. Мнѣ обѣщали удовлетвореніе и не сдѣлали. Я среди столицы поставилъ свой караулъ, велѣлъ взять полковника-наполеониста подъ стражу и обиженнымъ музыкантамъ отмстить за обиду. Онъ былъ наказанъ пощечиною и высѣченъ плетьми, а саблю я отослалъ къ наслѣднику и онъ тотчасъ былъ высланъ изъ города. Вотъ какимъ образомъ въ безтолковой сей землѣ поступать надлежитъ или ничего не добьешся! Это не дипломатическій поступокъ, но весьма удачный и рѣшительный. Прощай! Поклонись брату Василью и Кикину, буде онъ въ Москвѣ. Изъ Тифлиса буду ко всѣмъ писать.

159.

22-го октября 1817 г. Тифлисъ.

Фельдъегерь доставилъ мнѣ послѣднее письмо твое. Онъ въ шестой день былъ уже въ Моздокѣ, но снѣгъ ужасный въ горахъ заставилъ его идти пѣшкомъ и онъ сюда не прежде могъ пріѣхать какъ въ одиннадцатый день.

И такъ, любезный братъ, возвратился я изъ Персіи и дѣла мои кончились, благодаря Бога, сходно съ желаніемъ. Я самъ не думалъ, что такъ скоро могу отдѣлаться; но мое счастье богатырское. Съ тобою какъ съ другомъ могу говорить откровенно; вообрази ты положеніе мое! Совсѣмъ не знаю дѣла, никогда не входитъ въ голову военнаго человѣка пріуготовлять себя на подобное препорученіе. Отправляюсь въ такую землю, о которой ни малѣйшаго понятія не имѣю; получаю инструкцію, противъ которой долженъ поступать съ самаго перваго шагу, ибо она основана на томъ же самомъ незнаніи о землѣ. Въ ней поручено мнѣ поступать по общепринятой нынѣ *филантропической системѣ*, которая совсѣмъ здѣсь не приличествуетъ и всякая мѣра кроткая и снисходительная принимается за слабость и робость. Ѣду ко двору извѣстному нестерпимою гордостію и надменностію и что̀ же везу съ собою? Отказъ на возвращеніе областей, которое шахъ ожидаетъ четыре года, а вмѣстѣ съ тѣмъ грамата Государя къ нему и письма графа Нессельроде, объясняющія ему, что на меня возложена обязанность изыскать средство сдѣлать ему угодное. Ко всему тому шахъ и министерство увѣрены, что посольство не можетъ быть отправлено съ другимъ намѣреніемъ, какъ искать высокаго его дружества и съ покорностію поднести требуемыя провинціи.

Призвавъ Бога на помощь и всегда покровительствующее меня счастіе, пускаюсь. На самой границѣ встрѣчаютъ меня чиновники и назначенный ко мнѣ главнымъ приставомъ довольно знатный человѣкъ, бывшій самъ посломъ два года при Наполеонѣ. Встрѣчаю ихъ съ ужаснѣйшею гордостію и первый вопросъ будетъ-ли ко мнѣ на встрѣчу *сердарь эриванскій?* Надобно замѣтить, что это одинъ изъ знатнѣйшихъ людей въ государствѣ, приближенный къ шаху и командующій пограничными провинціями, который терпѣть насъ не можетъ и славится въ Персіи двумя несчастливыми нашими предпріятіями на Эриванскую крѣпость, которую онъ защищалъ противъ насъ. Шахъ уважаетъ его отлично и онъ одаренъ особенною довѣренностію и преимущественными предъ прочими правами. Въ составленномъ для встрѣчи моей церемоніалѣ именно сказано было, что онъ не встрѣчаетъ. Я потребовалъ, прикрикнулъ и онъ исполнилъ мое желаніе. Потребовалъ потомъ, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ визитъ и онъ пріѣхалъ первый. Далѣе въ Тавризѣ, гдѣ живетъ наслѣдникъ и скопище нашихъ непріятелей, я не былъ доволенъ пріемомъ, уѣхалъ не простясь и ругалъ какъ каналью перваго его министра, съ которымъ поссорился я съ намѣреніемъ, чтобы онъ не могъ при переговорахъ о дѣлахъ употребленъ

быть непосредственно, ибо я рѣшился требовать, чтобы онъ удаленъ былъ отъ участія. Шахъ узналъ, что я непріятно разстался съ наслѣдникомъ любимымъ его сыномъ и былъ въ отчаяніи, особливо, когда взялъ я на себя трудъ довольно ясно истолковать, что на персидскій престолъ всходить не легко безъ главнокомандующаго въ Грузіи. Понеслись извѣстія къ шаху, что я человѣкъ чрезвычайно гордый, характера звѣрскаго и стараюсь изыскать всѣ причины къ враждѣ. Шахъ высылаетъ ко мнѣ одного изъ любимцевъ своихъ третьяго министра, человѣка весьма умнаго, подъ видомъ будто бы занимать меня, чтобы не скучно было мнѣ до его пріѣзда, который отложенъ былъ на три недѣли, а точное намѣреніе состояло въ томъ, чтобы узнать, которыя изъ провинцій отдать я соглашаюсь и какъ далеко можно простирать требованія. Онъ имѣлъ *полную мочь* вступить со мною въ переговоры. Онъ препроводилъ письменную сію довѣренность и я не прочтя возвратилъ ему обратно, объяснивъ, что я не бухарскій посланецъ, которые къ нимъ пріѣзжаютъ на поклонъ съ шалями; что не имѣвши пріемной у шаха аудіенціи, я ни съ кѣмъ переговоровъ о дѣлахъ не имѣю, но съ нимъ, какъ съ человѣкомъ умнымъ и котораго желаю я пріобрѣсть дружбу, я весьма охотно хочу разсуждать о дѣлахъ не офиціально, но пріятельски. И такъ все то, чего не могъ бы я говорить какъ министру, я говорилъ какъ пріятелю. Были споры, ссоры, меня стращали войною, я по обстоятельствамъ, то боялся отвѣтственности предъ Государемъ за оную, то самъ вызывалъ, увѣряя, что я душевно желаю оной и что мнѣ въ оправданіе предъ Императоромъ только то надобно, чтобы я не былъ причиною. Что, впрочемъ, это желаніе всѣхъ русскихъ. Одно, что было постоянно въ моихъ разговорахъ, это отказъ провинцій. Двадцать дней мучилъ онъ меня скучными повтореніями требованій, но какъ человѣкъ весьма умный замѣтилъ мою рѣшительность и твердость и что нѣтъ никакой на то надежды. Наконецъ отправился онъ на встрѣчу шаху и, конечно, обо всемъ донесъ ему. Шахъ пріѣхалъ и я имѣлъ мой въѣздъ въ Султанію. Онъ былъ пріуготовленъ видѣть во мнѣ ужаснѣйшаго человѣка и самаго злонамѣреннаго. Какъ удивился шахъ, когда съ перваго шагу началъ я ему отпускать такую лесть, что онъ не слыхивалъ въ жизни и всѣ придворные льстецы остались назади. Чѣмъ болѣе я льстилъ и чѣмъ глупѣе, тѣмъ болѣе нравилось и я снискивалъ его довѣренность и до того достигъ, что онъ даже о самыхъ дѣлахъ разсуждалъ со мною, чего по обычаямъ шахъ не дѣлаетъ, а особливо съ иностранцами. Министры ужаснулись, ибо

послѣ того не могли они умничать или что-либо дѣлать вопреки, боясь, чтобы я не пожаловался шаху, говоря обо всемъ свободно.

Шахъ давалъ праздники, забавлялъ меня и всячески старался сдѣлать удовольствіе. Не было разговора обо мнѣ, чтобы онъ не распространился въ чрезвычайныхъ на счетъ мой похвалахъ, поручая вельможамъ своимъ, чтобы они оказывали мнѣ возможное вниманіе. Онъ даже одинъ разъ въ присутствіи ихъ сказалъ, что какъ я имѣлъ счастіе быть удостоинъ довѣренности Императора, то и онъ уполномочиваетъ меня съ своей стороны все то дѣлать, что можетъ служить къ утвержденію согласія между обоими государствами. Можешь представить, чтò значатъ подобныя слова въ устахъ деспота, произнесенныя рабамъ! Я послѣ сего вельможами уважаемъ былъ какъ будто самъ изъ первѣйшихъ членовъ государства. Иногда я самъ поступалъ съ ними какъ съ невольниками, и если бы нужно было для пользы дѣлъ моихъ потребовать чей-нибудь носъ или уши, то едва-ли бы сдѣлали въ томъ затрудненіе. Вотъ, братъ Арсеній, какъ я шаха надулъ и теперь бѣда тому, кто бы сталъ обо мнѣ говорить худо. Онъ увѣренъ, что я исполненъ удивленія къ высокимъ его добродѣтелямъ и люблю его славу и что преданъ ему душою. Какъ уговаривалъ онъ меня, чтобы я познакомился ближе съ сыномъ его наслѣдникомъ престола и полюбилъ его. Какой строгій былъ посланъ фирманъ, чтобы наилучшимъ образомъ былъ я принятъ въ Тавризѣ и чтобы выѣхалъ довольнымъ. Шахъ, отпуская меня, сказалъ мнѣ при всѣхъ, что языкъ его не хочетъ выговорить, что онъ меня отпускаетъ. Чтò оставалось мнѣ сдѣлать изъ благодарности? Я навелъ слезы на глаза и шахъ тронутъ былъ моею чувствительностію и чистосердечіемъ. Я при выѣздѣ изъ Султаніэ сдѣлалъ производство въ память россійскаго посольства. Главному приставу, сопровождавшему меня, выпросилъ милостивый фирманъ, и двухъ ужаснѣйшихъ подлецовъ, находившихся при посольствѣ, пожаловали въ ханы лишь только я пожелалъ того. Я выдалъ себя за потомка славнаго *Чингисъ-хана,* покорившаго нѣкогда Персію. Шахъ знаетъ, что въ то же самое время татары владѣли Россіею и что многія провинціи сего народа принадлежатъ нынѣ Россіи, сохраняя законъ свой и обычаи. Мнѣ повѣрили и съ радостію смотрѣли на меня, какъ на человѣка, происходящаго отъ знаменитой крови и мусульманина. Страшные усы мои, которые по обыкновенію азіятскому подкрашиваю я черною краскою, утвердили ихъ въ вѣроятіи, и теперь въ Персіи, если назовешь по фамиліи, немногіе знаютъ; если скажешь потомокъ Чингисъ-хана—всѣ знаютъ непремѣнно.

Государь не подозрѣваетъ, что онъ между подданными своими имѣетъ столько знаменитаго человѣка, предупреди его, хотя для того только, чтобы не взыскано было съ меня за усы, которые пріобрѣли мнѣ великое въ Персіи уваженіе. Легко весьма быть можетъ, что персіяне узнавать будутъ, точно-ли я чингисъ-хановой породы. Я писалъ и къ Каподистрію. Не сказалъ я тебѣ, что шахъ, изъ особеннаго вниманія къ русскимъ, далъ моимъ чиновникамъ свой орденъ *Льва и Солнца* и мнѣ первой степени онаго. Я просилъ князя Волконскаго о позволеніи помѣстить его въ число имѣемыхъ мною орденовъ.

Многіе, любезный Арсеній, изъ завидующихъ моему счастію, взбѣсятся, что дѣла мои кончилъ я столько удачнымъ образомъ. Имъ бы хотѣлось, чтобы увлеченный желаніемъ начальствовать отдѣльными войсками по собственному произволу, заварилъ я кашу и тѣмъ бы не исполнилъ воли Государя. Обманулись! Я очень знаю, гдѣ польза моя собственная должна молчать предъ пользою моего Отечества, и если бы надобно было и еще бо̀льшія принести въ жертву выгоды, то бы я ни минуты не задумался. Ты далъ мнѣ извѣстіе о *Каподистріи*, что онъ въ пользу мою говоритъ *Самому*. Это происходитъ отъ удовольствія, что простой солдатъ не изгадилъ ихъ плановъ и намѣреній. Я люблю сего человѣка, какъ отлично умнаго, и отдаю ему справедливость, что никто лучше не видитъ пользы политическихъ нашихъ дѣлъ.

Въ письмѣ твоемъ ты говоришь мнѣ, что о замѣщеніи покойнаго Кутузова пишешь ко мнѣ по волѣ Государя, но ты ничего о томъ не прислалъ. Увѣдомь меня, какія вы имѣете намѣренія и кого мнѣ дадите. Едва-ли возможно замѣстить его кѣмъ либо ему подобнымъ. Потерялъ я наилучшаго помощника, столько же усерднаго службѣ, сколько сберегавшаго доброе мое имя. Помоги, любезный Арсеній, пособить бѣдному его семейству, когда буду я просить Государя. Дайте Бога ради кого нибудь годнаго человѣка. Я одинъ сдѣлать ничего не успѣю. Весною надобно мнѣ быть на кавказской линіи и не на кого положиться въ моемъ отсутствіи. Приготовьте также способнаго человѣка на мѣсто Дельпоццо. Въ его лѣта мудрено не дѣлать много вздора и пора думать, давъ ему спокойное мѣсто, его перемѣнить другимъ. Видите вы необходимость въ двухъ хорошихъ генералахъ. Мнѣ надобно часто отлучаться, дабы узнать землю и придумать способы привести ея къ лучшему состоянію. Безъ точныхъ свѣдѣній ничего сдѣлать нельзя и все самому видѣть надобно. Дайте мнѣ способы и вы что нибудь увидите порядочное. У меня все такіе генералы, исключая *Сталя*, что я собралъ ихъ въ Тифлисъ, находя полезнѣе не отпускать ихъ по мѣстамъ.

Кто вамъ вложилъ въ голову сдѣлать *Дренякина* командиромъ 1-й бригады? Съ мѣстомъ симъ соединено начальство надъ *Дагестаномъ*, землею обширною, часто неспокойною и отъ меня отдаленною на 700 верстъ. Тамъ необходимъ человѣкъ умный и смѣтливый, а про него кто же не знаетъ, что онъ человѣкъ ужасно тупой и въ сей должности совершенно негодный. Во всякой другой бригадѣ его терпѣть весьма можно. Вы скоро получите представленіе мое о большой перемѣнѣ мѣстъ между генералами. Какими судьба казнитъ меня товарищами! Надобно поблагодарить тебя, почтенный Арсеній, за *Наумова*. Мы очень хорошо понимаемъ, что онъ тебѣ обязанъ производствомъ, ибо его втащилъ ты на самомъ концѣ. Знаю я и то, что ты же причиною, что *Ховенъ* произведенъ въ генералъ-маіоры. Вотъ достойнѣйшій человѣкъ, котораго бы почелъ за счастіе имѣть здѣсь, если бы не препятствовало бѣдное его семейство. Не худо и тебѣ его присвоить къ себѣ. Доволенъ будешь. Поздравляю васъ съ богатымъ производствомъ въ генералы. Скажи *Орлову* и *Киселеву*, что я весьма радъ. Бѣдняжка простячокъ *Каліостро* важное пригрѣлъ себѣ мѣстечко. Свернетъ онъ голову многимъ изъ коллеговъ своихъ.

Скажи откуда столько нечаянно напало графство на *Мишо?* Неужели Россія не могла безъ того обойтиться? Если же *Папа* производилъ его, то можно позавидовать!

Пришли, сдѣлай дружбу, квартирное росписаніе армій, я ничего не знаю; а какъ то можетъ быть тайна, то я сохраню ея.

Теперь важная предстоитъ просьба. Разбогатѣвши отъ сдѣланныхъ мнѣ въ Персіи подарковъ, вздумалъ я самъ дѣлать подарки, состоящіе въ шаляхъ, которыя мнѣ, солдату, беречь для себя непристойно, ни продавать не приличествуетъ. Выбравши лучшія изъ нихъ, посылаю я царской фамиліи, а прочія знакомымъ. Я пригласилъ здѣсь купечество и оно оцѣнило всѣ сдѣланные мнѣ подарки. Однѣхъ шалей было на 44 тысячи рублей. Я вообще всѣхъ ихъ разослалъ и у меня ни одной не осталось. Прочихъ вещей всякаго вздора было на 28 тысячъ и 9 лошадей, изъ коихъ нѣкоторыя весьма хорошія. Ихъ не отдаю, но заведемъ заводъ и тебѣ конь будетъ добрый. Хочу нѣкоторыхъ отослать въ Россію, ибо здѣсь они меня разорятъ, но боюсь, что не выдержатъ нашего климата, тогда какъ и въ Персіи никакъ минуты не бываютъ онѣ безъ попонъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но весною путешествуютъ они въ любезное отечество—Орелъ. Я прилагаю у сего списокъ, кому посылаю шали. Сдѣлай дружбу, прикажи снять обшивку съ ящиковъ и разошли шали, а царской фамиліи изыщи средство чрезъ

кого нибудь представить. Также посылаю я два ковра графу Аракчееву и князю Петру Михайловичу. Поручи все это Красотѣ Ивану Васильевичу, тебѣ нельзя заняться пустяками. Шали же идущія заграницу, сдѣлай милость отправь съ первыми курьерами.

Тебѣ, почтенный Арсеній, посылаю также шаль. Прими, какъ добрый пріятель бездѣлицу на память.

Не взыщи съ меня, что отсюда отправилъ я фельдъегеря чрезъ Орелъ. Мнѣ хотѣлось старику отцу дать извѣстіе о моемъ возвращеніи.

Свалившійся съ горъ снѣгъ засыпалъ дороги и не могъ я скоро отправить курьера. Обвалы такъ велики, что старики не помнятъ подобныхъ. Болѣе трехъ сутокъ остановилось теченіе Терека и на три версты пространства засыпало дорогу снѣгомъ толстотою на пятьдесятъ саженей и даже болѣе. Намъ иногда пишутъ о снѣжныхъ глыбахъ Швейцаріи, если (писать?) о нашихъ, то никто не повѣритъ.

Фельдъегерь Дешевой пріѣхалъ въ 6-й день въ Моздокъ и очень скоро сюда. Вскорѣ по его проѣздѣ обрушился снѣгъ. Это славный малый и хорошаго поведенія. Не знаю откуда ты достаешь ихъ? Фельдъегерь Матвѣевъ, котораго ты давалъ въ посольство, во время пути въ Персію сходилъ съ ума. Сіе приписали дѣйствію чрезвычайныхъ жаровъ, но вылечили тотчасъ. По возвращеніи въ Тифлисъ повторился тотъ же припадокъ, но бросили кровь и въ одинъ день помогли и прошло совершенно. Докторъ поручилъ ему дѣлать болѣе движенія. Онъ былъ безпрестанно на глазахъ, получилъ жалованье и пропалъ безъ вѣсти. На рукахъ его были вещи посольства, какъ у человѣка особенно честнаго и вѣрнаго. Все совершенно сбережено и даже собственное жалованье его цѣло до копѣйки. Жаль прекраснаго сего человѣка и ты получишь формальную бумагу.

Не забудь обѣщанныхъ мнѣ музыкантовъ изъ военной школы. Здѣсь во всѣхъ полкахъ прежалкіе. Я едва могъ собрать для посольства и теперь ихъ распустить не могу. Здѣсь нельзя не имѣть музыки для наружности, которая между здѣшними народами необходима. Все подобное внушаетъ уваженіе, а здѣсь не рѣдко надобно дѣйствовать на мнѣніе людей, особенно такихъ, которыхъ поражаетъ наружность. При сихъ музыкантахъ намѣренъ я сдѣлать нѣкоторый родъ школы для полковъ, и если дашь ты мнѣ нѣсколько человѣкъ, то они усовершенствовавшись разойдутся по полкамъ. Ты желаешь имѣть мой журналъ, но у меня его нѣтъ, а есть нѣкоторыя пустыя и глупыя записки на все то, что видѣлъ я смѣшнаго въ Персіи. Переписавши ихъ я тебѣ доставлю, и какъ въ нихъ все вздоръ, то можешь ихъ показать кому угодно.

Прощай. Будь здоровъ, ибо я всегда говорилъ тебѣ, что ты человѣкъ полезнѣйшій, присоединяющій къ тому и прекраснѣйшую душу.

Записка о препровождаемыхъ шаляхъ.

Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.
» Елисаветѣ Алексѣевнѣ.
Великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ.
Въ особенныхъ ящикахъ за границу.
Ея величеству Екатеринѣ Павловнѣ.
Великой княгинѣ Маріи Павловнѣ.
» » Аннѣ Павловнѣ.
Его высочеству Константину Павловичу.

Василію Романовичу Марченкѣ.
Петру Андреевичу Кикину.
Александру Васильевичу Казадаеву, въ особенномъ ящикѣ.
Брату Арсенію (Закревскому).

Коверъ графу Аракчееву.
Коверъ князю Волконскому.

160.

5-го ноября 1817 г. Тифлисъ.

Только что пріѣхалъ *Стабушъ* и я сажусь писать къ тебѣ. Благодарю за его производство. Я не знаю человѣка лучшаго поведенія и скромнѣйшаго. Пришли его обратно, мнѣ нужно будетъ послать его въ Персію когда-нибудь, а тамъ надобенъ человѣкъ не лакомый на подарки. Онъ испытанъ мною и точно таковъ. Какое благодѣяніе сдѣлалъ ты возвращеніемъ чина несчастному Розену. Жаль, что въ приказѣ, когда онъ былъ разжалованъ, не было сказано объ орденахъ его и потому въ виду они не были, когда ему отдали чинъ, ибо нѣтъ сомнѣнія, что и ихъ бы возвратили подобно какъ Кавалергардскаго полка офицерамъ.

Какія чудесныя получилъ я съ Стабушевымъ письма. Каподистри и Нессельроде не говорятъ ни слова о моемъ дѣлѣ, такъ точно какъ будто или я не ѣздилъ въ Персію или, по крайней мѣрѣ, все перепортилъ. Если бы оберъ-офицеръ дѣлалъ какое-нибудь пустое слѣдствіе,

то бы и оно обратило болѣе вниманіе. Я вижу изъ писемъ недовѣрчивость къ здравому моему смыслу и что я только все кончилъ на словахъ и ни на что нѣтъ доказательства или бумаги. Тебѣ скажу правду съ тѣмъ, чтобы ты не говорилъ никому, что не только есть всѣ нужныя бумаги, но посылаю къ Нессельроде и мнѣніе мое, что ему впередъ дѣлать надобно. Послѣ всего того безъ досады приму, если онъ удивится скорому окончанію. Надобно думать, что онъ привыкъ къ медленности, или имѣлъ дѣло съ людьми не весьма расторопными или такими, которые его важно надували. Я не виноватъ, что случилось мнѣ избрать хорошій способъ и что меня нѣсколько испугались, что, впрочемъ, не должно быть страннымъ, ибо нужно только дать разумѣть, что̀ Россія и Государь Россійскій. Не мнѣ должно упрекать, если другіе не умѣютъ столько сами чувствовать и другихъ заставить, кому они принадлежатъ. Я по дѣламъ политическимъ былъ бы величайшею невѣждою при европейскихъ дворахъ, а въ Азіи послѣ того, какъ присмотрѣлся, сомнѣваюсь, чтобы мнѣ нужно было получать наставленіе отъ иностранной коллегіи. Данные мнѣ помощники ничего болѣе меня не знали и ничему меня не научили. Я посылаю письмо къ брату Михайлѣ (графу Воронцову)—онъ меня мучилъ, чтобы я ему написалъ о Персіи. Прочти его и отправь. Увидишь, что̀ я говорю о любезной ему націи. Будетъ мнѣ хлопотъ съ нимъ, но за правду и терпѣть можно. На меня нашелъ *столбнякъ*, ибо я тогда только вспомнилъ, что у него сестра за англичаниномъ.

Ты увидишь изъ письма вкратцѣ состояніе Персіи. Увидишь всю истину на счетъ поведенія тамъ иностранцевъ. Я не былъ бы сердитъ, еслибы о томъ въ точномъ видѣ дойти могло и далѣе. Богъ знаетъ, такъ-ли доходятъ свѣдѣнія?

Мнѣ *Стабушъ* сказывалъ, что ты не очень здоровъ и увѣдомилъ меня о твоей потерѣ. Жаль, любезный братъ, и не менѣе потому, что тебя огорчаетъ.

Михайлова дѣльно вы отваляли и *Дельпоццо старому макарону* не даромъ помоете голову. Примѣтъ пакостное намѣреніе, лишь только я отлучился, то онъ и сдѣлалъ представленіе... Лишь только весною можно будетъ проѣхать чрезъ горы, тотчасъ отправляюсь на линію. Надобно уничтожить нѣсколько крѣпостей, которыя хороши были 30 лѣтъ назадъ, надобно нѣкоторыя сдѣлать (вновь?). Нужно сдѣлать положеніе линейнымъ казакамъ, которые доведены до ужаснѣйшаго распутства и мошенничествомъ полковыхъ своихъ командировъ несутъ неравныя тягости и чрезвычайно терпятъ. Видишь-ли, почтенный Арсеній, что мнѣ

надобенъ весьма способный человѣкъ для командованія кавказскою линіею. Доложи Государю о томъ. Я одинъ ничего не сдѣлаю безъ помощниковъ. Силъ не станетъ человѣческихъ. Невозможно и изъ Грузіи на долго отлучаться. Весною у меня назначено начертаніе границъ съ Персіею и тутъ не безъ хлопотъ будетъ!

Между тѣмъ наскучили чеченцы и дерзкое поведеніе ихъ даетъ вредный примѣръ другимъ народамъ, которые, смотря на ихъ успѣхи, думаютъ, что мы не въ состояніи усмирить ихъ. Это совершенная правда, что нельзя смирить прежними способами, ходя къ нимъ въ горы и теряя напрасно людей, но какъ я взялся, то смиримъ и не весьма въ продолжительное время. Я объ этомъ напишу къ вамъ по службѣ подробно и прошу пользоваться спокойнымъ временемъ, чтобы въ продолженіе онаго сдѣлать то, что въ другое время сдѣлаться можетъ вреднымъ и помочь будетъ невозможно. Какъ хотите, но дайте мнѣ одинъ полкъ пѣхоты на линію. Будетъ время я и самъ его лишняго имѣть не захочу. Сообразите, сдѣлайте милость, что съ линіи взяты Борисоглѣбскій и Нарвскій драгунскіе полки и уже съ пріѣзда моего отпущены два полка донскихъ казаковъ. Арсеній, другъ любезный, возьми свои мѣры, чтобы мнѣ не сдѣлали отказа и начатое мною распоряженіе занять рѣку Сунжу не осталось бы безъ уваженія. Тогда я брошу сіе предпріятіе и вамъ стыдно будетъ переносить дерзость и нахальство чеченцевъ, которое производитъ весьма худое вліяніе на горскіе народы. Вы получите обстоятельный сему планъ и я хотѣлъ приступить къ тому съ начала весны, когда самъ я буду на линіи, ибо не подъ своими глазами я не хочу сего дѣлать.

Прощай, любезнѣйшій другъ, будь здоровъ. Вскорѣ пришлю я фельдъегеря *Дешеваго* съ разными нужными бумагами, а Стабуша возврати ко мнѣ.

161.

30-го ноября 1817 г. Тифлисъ.

Благодарю тебя за доставленіе отъ Воронцова книгъ и моего портрета, который, впрочемъ, всѣ находятъ непохожимъ. Братъ Михайло точно поступаетъ по-братски, присылаетъ появляющіяся вновь военныя книги и мы иногда почитываемъ ихъ въ скучной нашей жизни. Наливка твоя чудесная и я начинаю подозрѣвать не коснулась-ли ея какая-нибудь прекрасная рука, ибо твоего собственнаго искусства на-

ливки были убійственныя; я очень помню, что онѣ въ глазахъ моихъ производили движеніе подобное *молніеноснымъ содроганіямъ* нашего нѣкотораго пріятеля. Но присланная тобою по истинѣ удивительная. Неужели у тебя произрастаетъ паленица въ томъ самомъ саду, гдѣ всегда цвѣты превращались въ салатъ, гдѣ за нѣжную розу, съ нетерпѣніемъ ожидаемую, награждаемы бывали мы *пушистою крапивою,* или за прелестную лилію, которую каждый изъ насъ желалъ видѣть первый рождающуюся, получали мы *махровый репейникъ.* Признайся, Арсеній, нѣтъ-ли прекраснаго существа, принявшаго на себя труды домашняго устройства?

Сколько ни говори пустаго, надобно, наконецъ, приступить къ дѣлу. Три дня принимался за перо и откладывалъ, не зная что̀ написать тебѣ о моихъ товарищахъ генералахъ. Тифлисъ похожъ сталъ на знаменитую главную квартиру; сюда собралъ я всѣхъ генераловъ и живу между ими. Не подумай, любезный Арсеній, что для того собраны они, что я безъ нихъ обойтись не могу и они нужны мнѣ для наставленія меня по новости. Нѣтъ! Для того, что разослать ихъ къ мѣстамъ я не смѣю. Если бы только лежали на нихъ занятія по званію бригадныхъ командировъ, они были бы терпимы, но мое положеніе тѣмъ непріятно, что на нихъ долженъ я возлагать управленіе областями и не подъ глазами моими, и такъ я рѣшился жить съ ними вмѣстѣ и дѣла производить чрезъ способныхъ штабъ-офицеровъ. Одного изъ генераловъ согласилъ я перейти во внутреннюю стражу и по несчастію онъ изъ числа лучшихъ, но меня понудила къ тому старость его, ибо уже онъ сорокъ два года въ службѣ, а мнѣ здѣсь нужны люди живые и быстрые, а паче теперь, когда бригада его употреблена будетъ противъ чеченцевъ. Сдѣлай дружбу, уважая порядочную и безпорочную его службу, исходатайствуй ему назначеніе во внутреннюю стражу и въ край полуденный, гдѣ ему удобнѣе существовать безъ состоянія. Теперь что̀ дѣлать мнѣ съ *Загорскимъ?* Сего невозможно мнѣ отправить во внутреннюю стражу, ибо онъ совершенно ничего не имѣетъ и умретъ съ голода, а также весьма скоро и онъ сорокъ лѣтъ въ службѣ и невозможно не уважать столько долговременнаго служенія и онъ еще весьма усердный и съ доброю волею служащій человѣкъ. Ты сдѣлаешь и ему и мнѣ благодѣяніе, если бригаднымъ командиромъ переведешь его въ другую дивизію, онъ тамъ будетъ преисправный, а мнѣ, пусть Богъ будетъ свидѣтелемъ, ни на что не надобенъ и достаточно не мудръ! Покойный Кутузовъ надѣлалъ мнѣ хлопотъ своею смертію и я не знаю кого просить на мѣсто его. Придумалъ, наконецъ, генералъ-

лейтенанта *Вельяминова.* Я не искалъ въ немъ фронтовыхъ способностей, ибо здѣсь дивизія расположена на безконечномъ разстояніи и исправность полковъ должна лежать на бригадныхъ командирахъ; но мнѣ полезны будутъ его знанія, ибо онъ отлично хорошо учился. Если однако же затруднительно будетъ его сюда перемѣстить, то въ такомъ случаѣ опредѣлите генералъ-маіора Сталя 2-го, котораго, впрочемъ, несравненно лучше имѣть начальникомъ кавказской линіи. Въ немъ нѣтъ того огня, который желалъ бы я имѣть въ чиновникѣ, управляющемъ обширною частію; но взамѣнъ того, я знаю его усердіе и увѣренъ въ честности и благородныхъ его правилахъ. Вы люди чудесные и хотите дать законы самой природѣ и отъ 70-ти-лѣтняго *Дельпоццо* требуете такихъ способностей, какъ отъ человѣка со всею свѣжестію разсудка и съ полною силою души. Онъ устарѣлъ ужасно, слабо смотритъ за линіею; тамъ безпорядки чрезвычайные, между войсками нѣтъ устройства, окружающіе его люди страшныя дѣлаютъ лихоимства и нѣтъ командира казачьихъ полковъ, который бы не платилъ дани. Ко мнѣ безпрерывно приходятъ жалобы, и я очень рано весною ѣду самъ на линію. *Михайловъ,* котораго вы весьма справедливо разжаловали въ солдаты, мошенникъ величайшій; онъ въ вечеръ проигрываетъ по двѣсти и болѣе рублей въ карты и изъ старичишки Дельпоццо, по незнанію его русскаго языка, законовъ земли и самаго порядка службы, дѣлаетъ что хочетъ. Я пишу рапортъ и представляю его за прежнюю службу къ ордену Владиміра 2-го класса. Не пожалѣйте дать его человѣку, который, конечно, одной ленты износить не успѣетъ. При семъ случаѣ можно ловкимъ образомъ отозвать его къ другой должности.

Помоги, любезный Арсеній, моего *Вельяминова* произвесть въ генералъ-маіоры. Онъ, какъ ты знаешь, достойнѣйшій офицеръ и между тѣмъ въ послѣднее производство поступили нѣкоторые не старѣе его и между ими *Кишкинъ* и *Самбурскій.* Послѣ сихъ двухъ рыцарей, я надѣюсь, можно произвесть *Вельяминова.* Онъ у меня совершенно на каторжной работѣ. Не огорчите меня отказомъ, отнимете охоту трудиться. Вѣдь я и здѣсь не въ удовольствіяхъ живу. Еще представляю одного молодца подполковника князя *Севарсемидзева.* Этотъ современемъ заступитъ Котляревскаго, а на Лисаневича и теперь не промѣняю. Меня оскорбляетъ часть путей сообщенія. Я представляю о награжденіи офицеровъ, которые въ безпрерывныхъ трудахъ, а имъ комитетъ сего департамента объявляетъ признательность отъ лица начальствующаго онымъ. Скажи, сдѣлай дружбу, какой хорошій офицеръ станетъ служить изъ благодарности *Деволана?* Прошу дать сему лучшій оборотъ,

или я принужденъ буду съ *водяными* ругаться, а у меня не всегда легко выиграть. Меня побранятъ *свыше,* я перенесу, а какъ *Деволану* слегка скажутъ, то придворную душу параличъ хватитъ. Возьми на себя, почтенный Арсеній Андреевичъ, трудъ просмотрѣть всѣ мои представленія къ Государю. Мнѣ полезно, чтобы ты взглянулъ на нихъ со вниманіемъ. Я многое говорю дѣльное! Надобно подумать о чеченцахъ. Не бойтесь, я не драться съ ними хочу, а просто усмирить. Время мира къ тому удобное. Дайте, ради Бога, одинъ егерскій полкъ. Не дадите, я не возьмусь за дѣло и стыдно будетъ терпѣть срамъ отъ мошенниковъ. Послѣ захотите—поздно будетъ!

Не назначайте моихъ генераловъ именно въ какую бригаду, утверждайте просто бригадными командирами и довольно, а то я не знаю, что дѣлать и кому поручить областей управленіе противъ здѣшнихъ народовъ, а паче, когда сосѣди не перестаютъ подстрекать ихъ, надобно начальниковъ ловкихъ и смѣтливыхъ. Невозможно-ли мнѣ разрѣшить по одиночкѣ ихъ къ вамъ доставить полюбоваться на нихъ. О бригадныхъ я дѣлаю представленіе, и хотя есть у меня *чудаки,* но когда предоставлено мнѣ самому будетъ распредѣлять ихъ, то кое-какъ получше размѣщу ихъ нежели теперь. Взываю къ тебѣ, о, Арсеній! возьми отъ меня *Загорскаго,* но не лиши его существованія, коего способы доставляютъ ему однѣ столовыя деньги. Онъ бѣденъ, но за то честный человѣкъ!

Какъ не пришло въ голову опредѣлить столовыя деньги дежурнымъ въ корпусахъ штабъ-офицерамъ. Когда получаютъ ихъ полковые командиры, то по справедливости можно и имъ дать ихъ также, особливо, когда столько въ маломъ числѣ. Государь, какъ видно изъ приказовъ, объѣзжая корпуса, произвелъ многихъ штабъ-офицеровъ; я также представилъ, кромѣ *князя Севарсемидзева,* еще двухъ, которые вскорѣ должны командовать полками. Я пріуготовляю имъ мѣста.

Со мною были въ Персіи кабардинцы, одинъ изъ князей сынъ знаменитаго человѣка и нѣсколько узденей, изъ которыхъ намѣренъ я впослѣдствіи сдѣлать людей полезныхъ намъ для Кабарды. Князю прошу я поручичій чинъ, а прочимъ чины прапорщиковъ. Если откажутъ, то прекрасно рекомендуютъ меня въ Кабардѣ.

Ты увидишь одну бумагу мою, въ которой доношу я, что издержалъ данную мнѣ въ посольство экстраординарную сумму, состоящую изъ 100 тысячъ рублей ассигнаціями, но что я возвращаю ихъ изъ суммъ положенныхъ на содержаніе. Сіи послѣднія даны мнѣ въ полное распоряженіе и безъ отчета, взамѣнъ также и жалованья, которое я

принять не согласился. Ты вѣрно доволенъ, что подобный тебѣ богатствомъ человѣкъ дѣлаетъ подарки цѣною въ сто тысячъ рублей. Знай нашихъ, братъ Арсеній! Пожалуй, обрати на это вниманіе Государя, не мѣшаетъ, если онъ увидитъ, что въ деньгахъ я не первое поставляю счастье.

Въ Персіи я могъ, по крайней мѣрѣ, взять милліонъ съ Аббазъ-Мирзы, котораго надобно только было признать за наслѣдника престола. Я сіе могъ сдѣлать на основаніи данной мнѣ инструкціи, которая меня разрѣшала, но я видѣлъ въ томъ намъ вредъ и за сто милліоновъ бы не согласился. Много нашлось бы мастеровъ, которые бы и деньги взяли и поступку своему придали похвальный видъ. Меня многіе примутъ за дурака!

Жаль мнѣ будетъ, если ты описаніе всего со мною случившагося принимать будешь за хвастовство съ моей стороны. Мое, божусь, не то намѣреніе, а я признаюсь тебѣ, что мнѣ пріятно сказать о томъ, что въ глазахъ добрыхъ друзей моихъ даетъ мнѣ нѣкоторую цѣну, ибо я дорожу ихъ обо мнѣ мнѣніемъ.

Ты поступилъ со мною злодѣйски, совершенно какъ *М—па* (Мазепа). Зачѣмъ тебѣ было спрашивать вывозить-ли отсюда генералъ-лейтенанта князя Орбеліани. Неужели губернаторъ представитъ что-либо противное моему намѣренію. Цапнули бы, дѣло въ шляпѣ и я правъ! Но теперь когда угодно вамъ знать мое мнѣніе, вотъ оно и съ нѣкоторыми подробностями. *Орбеліани* вызвать надобно, ибо онъ въ командованіе Ртищева будучи совершеннымъ его пріятелемъ дѣлалъ здѣсь что хотѣлъ и имѣлъ большую власть. Многимъ доставлялъ мѣста и важный производилъ поборъ. Теперь удаленъ будучи отъ службы, а отъ меня вмѣсто довѣренности получая одни только комплименты и никакого вліянія на дѣла, онъ очень недоволенъ, жалуется на несправедливость правительства, неуважающаго долговременную его службу и жалобами своими производитъ не хорошее впечатлѣніе. Въ многочисленной фамиліи Орбеліани онъ находитъ многихъ готовыхъ къ неудовольствіямъ, ибо они, принадлежа къ знатнѣйшему сей земли роду, съ огорченіемъ видятъ себя лишенными тѣхъ преимуществъ, которыя давало имъ безпутное царей правленіе и не понимаютъ, что другіе могутъ имѣть равныя съ ними права. Желательно было бы, чтобы вы вызвали его къ какой-нибудь должности, хотя незначущей, а тѣмъ самымъ недовольнымъ не дали бы повода роптать съ основаніемъ. Вызвать его непремѣнно надобно, а теперь и очень ловко, ибо онъ ожидаетъ отвѣта на письмо, писанное имъ къ князю Петру Михайло-

вичу, и ему можно будетъ написать, что потому не было долго отвѣта, что уважая его службу, хотѣли вмѣстѣ извѣстить его и объ опредѣленіи къ должности. Не понимаю, куда опредѣлить можно генералъ-лейтенанта и человѣка, кромѣ личной храбрости никакихъ другихъ способностей не имѣющаго? Соглашусь, что вы мудрецы, если ему и Дельпоццо пріищите мѣсто?

Напиши, любезный Арсеній, по пріятельски, какъ говорятъ о скоромъ моемъ окончаніи дѣлъ въ Персіи? Я боюсь дипломатовъ, ибо солдатомъ будучи, не мудрено, что я имъ можетъ быть не во всемъ угодить умѣлъ. Мнѣ кажется главное дѣло то, чтобы ничего не дать и не возбудить вражды. Это я сдѣлалъ, а болѣе право невозможно и отъ меня требовать не въ правѣ, особливо граматами Государя и письмами перваго министра, давши прежде большія надежды и сказавши даже, что на меня возложена обязанность изыскать средства къ удовлетворенію желаній шаха. Напиши чтобы то ни было, хвалятъ или бранятъ, досадно будетъ если несправедливо, но я не умру съ горя, ибо я не могу имѣть въ предметѣ сдѣлать себѣ имя въ дипломатической карьерѣ.

Я ожидаю отъ тебя любопытныхъ извѣстій въ награжденіе того, что меня не можно упрекнуть лѣностію и потому что весьма долгое время мы съ тобою обстоятельной переписки не имѣли. Скажи мнѣ о твоихъ занятіяхъ по службѣ и въ свободное время, буде его имѣешь. Кто составляетъ твое общество, съ кѣмъ ты иногда проводишь время, какъ иногда бывало въ Петербургѣ? Что нашъ *братъ Василій* дѣлаетъ? котораго я люблю вѣрно болѣе, нежели онъ меня, ибо его добрыя качества скорѣе можно видѣть, нежели то, что во мнѣ есть не худое. Я увѣренъ, что онъ видитъ у тебя мои письма и потому безполезно писать къ нему повторенія. Поклонись *Кикину*, онъ счастливѣе насъ, ибо онъ, будучи въ Москвѣ, можетъ съ должностію согласить пріятности семейной жизни. Съ тобою тоже случится, что и со мною, придетъ непремѣнно на службѣ время, придавитъ дряхлость и не будетъ жены. Я здѣсь чувствую сей недостатокъ, общества нѣтъ, женщины дики, мужья ревнивы и продовольствіе весьма худое. По знатному чину моему требуютъ дорогой платы, и храня пристойность, дѣла сіи прикрываю я такою тайною, каковой у насъ не требуетъ и самая наиболѣе о чести пекущаяся праведница. Прегадкая жизнь! Остерегись, Арсеній!

Прошу еще о *Вельяминовѣ*, и если будетъ онъ произведенъ, то скажи *Красотѣ*, чтобы прислалъ шитье на мундиръ и эполеты, а первый фельдъегерь привезетъ деньги, чего будутъ стоять.

Чтобы тебѣ представить предъ глаза вдругъ, всѣхъ о производствѣ

коихъ я прошу, препровождаю списокъ и прошу подтвердить *Каліостро* (князю Меншикову), чтобы онъ не забылъ о тѣхъ, о коихъ прямо писано къ князю Волконскому.

Я прошу также Государя о полномъ пенсіонѣ *женѣ Кутузова*, прочти мою бумагу и помоги семейству бѣдному и несчастному. Надобно думать, что у сихъ сиротъ нѣтъ помощи, если я ихъ ходатаемъ! Жена вздумала было везти тѣло его въ Россію, я взбунтовалъ противъ сей мысли, ибо состояніе не позволяетъ дѣлать подобныхъ издержекъ и 24-го числа его здѣсь похоронилъ. Всякій день съ горестью вспоминаю о его потерѣ и никогда, конечно, не замѣню другимъ, который бы столько любилъ меня и усердно помогалъ въ трудахъ моихъ. Я не знаю что̀ дѣлать? Надобно весною быть на линіи, надобно быть здѣсь, ибо начнется начертаніе границъ съ Персіею и въ то же время надобно быть на берегахъ Каспійскаго моря. *Вельяминова* посылалъ во время пребыванія моего въ Персіи на Черное море и теперь могу самъ не быть нѣсколько времени, но кого въ отсутствіе мое оставлять буду въ Тифлисѣ, не понимаю? Дѣла столько, что если не на долго отлучиться, столько наберется, что послѣ сладить невозможно.

Вижу, почтенный Арсеній Андреевичъ, что такъ работая, какъ я, не станетъ силъ моихъ на долгое время и я измучась и съ отчаяніемъ въ душѣ, что ничего не могъ сдѣлать порядочнаго, долженъ буду бѣжать отсюда. Нѣтъ людей способныхъ и совсѣмъ нѣтъ помощниковъ.

Вскорѣ дѣлаю тебѣ представленіе о награжденіи мошенника *аудитора К.*, ибо я видѣлъ изъ приказовъ, что награждены чинами адъютанты *Ртищева*... Неужели въ этомъ нельзя было отказать блаженному *Ртищеву,* который самъ *подлежитъ взысканію,* какимъ онъ образомъ укрался въ генералы отъ инфантеріи. Увѣдомь, пожалуй, правда-ли что ему дали все то содержаніе, какое онъ имѣлъ въ Грузіи! Нѣтъ-ли у васъ тайнаго положенія всѣмъ .... давать награжденія, не смотря и на то даже, когда они сами порядочно промышляли о снабженіи себя. Я не изъ зависти говорю о томъ, ибо я о денежныхъ наградахъ не думаю и деньги Государевы славно сберегаю. Заставляетъ говорить досада, ибо за что ни возьмусь здѣсь, нѣтъ ничего, ниже первыхъ началъ къ какому нибудь порядку или устройству и по наслѣдству отъ него досталось столько мошенниковъ, бывшихъ подъ покровительствомъ или жены его, или канцеляріи, или адъютантовъ и прочихъ довѣренныхъ особъ.

Пришла въ голову пресчастливая мысль на счетъ опредѣленія *князя Орбеліани,* спѣшу сообщить ея, дабы не вышла изъ памяти. Едва было не забылъ, что въ прошломъ году въ Петербургѣ случилось мнѣ

засѣдать въ совѣтѣ военнаго департамента, гдѣ также присутствуетъ *князь Салаговъ*, который столько уже отъ старости сдѣлался неспособенъ, что не лучше *Орбеліани*. Посадите туда же сего послѣдняго, и его увѣрить можно, что онъ тамъ надобенъ на случай постановленій, дѣлаемыхъ по Грузіи, какъ человѣкъ хорошо край знающій. Онъ будетъ въ восхищеніи, что безъ него правительство обойтись не можетъ. Если же выйдетъ онъ въ отставку, сюда его никакъ не пускайте.

Въ представленіяхъ моихъ увидишь о *ген.-маіорѣ Ховенѣ*; сдѣлай дружбу, помоги мнѣ достать его и какъ случиться можетъ, что дрянь жена его нападетъ на него и будетъ препятствовать, то ни слова не говоря и не спрашивая его согласія опредѣлите сюда и дайте на проѣздъ нѣсколько денегъ, а я знаю, что онъ будетъ послѣ весьма доволенъ своимъ назначеніемъ. У меня будетъ и честный и толковый губернаторъ; а сія часть у меня весьма немного имѣетъ порядка.

Къ тебѣ явится коллежскій совѣтникъ *Мазаровичъ*, который при посольствѣ назначенъ былъ докторомъ и котораго по способности употребилъ я иначе и четыре мѣсяца прежде себя послалъ въ Персію. Если только разумѣть будешь его русскій языкъ, онъ тебѣ много любопытнаго скажетъ о Персіи и весьма подробно о томъ, что со мною тамъ происходило; онъ былъ свидѣтель всего. Приласкай его по дружбѣ ко мнѣ, онъ человѣкъ весьма умный. Я отправилъ его къ *Нессельроде* съ порученіями по дѣламъ съ Персіею.

Вскорѣ пришлю я къ тебѣ вѣдомость о состоящихъ въ полкахъ ружьяхъ, изъ которой увидишь, какихъ многоразличныхъ они калибровъ и сколько такихъ, которыя во всѣхъ прочихъ мѣстахъ уже не въ употребленіи. По расположенію полковъ на большомъ разстояніи нѣтъ никакой возможности передать ихъ изъ одного въ другой. Единое средство состоитъ въ томъ, что ежегодно надобно, по крайней мѣрѣ, чтобы вы присылали новыхъ ружей на три полка, начиная прежде съ егерскихъ полковъ. Старыя буду я отбирать и сохранять въ крѣпостяхъ, гдѣ ружья всякаго калибра, хотя съ нѣкоторымъ неудобствомъ, быть однако же могутъ. Впослѣдствіи вы получите проектъ мой о сформированіи въ здѣшнемъ краю гарнизоновъ совсѣмъ на особомъ положеніи, нежели до сихъ поръ. Сіи гарнизоны могутъ быть вооружены отобранными отъ полковъ ружьями и могутъ служить запасомъ для пополненія въ полкахъ убыли во время войны. Тамъ будучи собраны, разобраны будутъ по сортамъ. Помоги, Бога ради, мнѣ въ семъ случаѣ; ты представить себѣ не можешь, въ какомъ ужасномъ они здѣсь состояніи и поправить нѣтъ способовъ, не такъ какъ въ Россіи. Недавно получилъ я росписаніе о

нижнихъ чинахъ, поступающихъ ко мнѣ по уничтоженіи вторыхъ въ полкахъ баталіоновъ. Взгляни, любезный Арсеній, какъ Бога не боятся, что сюда посылаютъ людей изъ Финляндіи. Одно разстояніе и путь въ зимнее время достаточны истребить людей, а еще болѣе разность ужасная климата, а послѣ будете взыскивать за убыль людей. Неужели невозможно было назначить изъ ближайшаго корпуса. Грѣхъ у васъ будетъ на душѣ и я напрасно потерплю непріятность. Вы можете еще перемѣнить сіе распоряженіе весьма удобно. Подумайте о семъ.

Не забудьте по обѣщанію назначить въ бѣдный мой корпусъ нѣсколько музыкантовъ изъ солдатскихъ дѣтей. Ты приказываешь мнѣ подождать и я уже годъ терпѣливо ожидалъ. Я получилъ новое положеніе о казачьемъ Астраханскомъ войскѣ. Все прекрасно и благодарить васъ должно, кромѣ одной непростительной погрѣшности. Какъ можно постановить правиломъ непремѣнно между самимъ войскомъ избирать атамана и полковыхъ командировъ. Вы отнимаете у себя выгоды или опредѣлять людей по способности или изъ самихъ же ихъ, но вмѣняя имъ въ особенное то награжденіе.

Будучи весною на кавказской линіи я вамъ представлю проектъ о поселенныхъ на линіи казакахъ, которые въ ужаснѣйшемъ разстройствѣ, но я буду просить въ командиры полковъ непремѣнно штабъ-офицеровъ кавалерійскихъ, если собственно изъ нихъ не будетъ молодцовъ и облегчу сіе тѣмъ, что самъ опредѣлю нѣкоторыхъ на мѣста негодныхъ полковыхъ командировъ, которые дѣлаютъ нетерпимыя мошенничества по слабости и неразумѣнію *Дельпоццо*. Эту дрянь надо успокоить!

Фельдъегерь *Дешевой*, скоро весьма сюда пріѣхавшій и здѣсь очень похваляемый за поведеніе, просилъ меня, чтобы я ходатайствовалъ у тебя о присылкѣ его обратно въ Грузію. Онъ симъ ищетъ заслужить ваше вниманіе и, кажется, нѣкоторый проступокъ свой. Я по всей справедливости его одобряю. Онъ молодецъ! Прошу о немъ весьма!

За домашнюю твою наливку ничего не могу я послать домашняго, ибо не можетъ быть болѣе безпорядочнаго хозяйства, но узнавши, что ты любишь орѣхи, посылаю тебѣ произростающихъ въ здѣшней странѣ весьма хорошихъ орѣховъ и плода, называемаго *алибухара;* въ особенномъ ящикѣ найдешь ты конфекты персидскія, вчерашній день полученныя мною въ подарокъ отъ одного изъ знатнѣйшихъ персидскихъ вельможъ. Ты можешь по нихъ судить о ихъ вкусѣ и нѣсколько о роскоши. Не подумай, чтобы я избралъ худшія, но онѣ почти всѣ такого рода и весьма немногія изъ нихъ безъ примѣси бараньяго сала.

Старикъ отецъ мой, описывая мнѣ проѣздъ Государя чрезъ Орелъ и

всю свиту его и тѣ вѣжливости, кои оказаны были ему нѣкоторыми знающими меня, ничего не писалъ о тебѣ. Безъ сомнѣнія, ты, любезный Арсеній, оставался какъ и въ прошломъ году въ Петербургѣ, обремененный своими дѣлами. Конечно, ты бы не потаилъ отъ старика, что мы пріятели.

Прощай! Отошли *Воронцову* письмо мое. Я для того посылаю его запечатаннымъ, что въ немъ одно извѣстное тебѣ описаніе поѣздки моей въ Персію. *Каліостро* покажетъ тебѣ писанное къ нему.

Сохрани ко мнѣ лестную для меня твою дружбу.

Напиши, позволительно-ли мнѣ надѣяться когда-нибудь перевести Коховскаго въ гвардію? Неужели мнѣ одному надобно испытывать отказы относительно до ближайшихъ моихъ.

162.

27-го января 1818 г. Тифлисъ.

Податель письма сего квартирмейстерской части прапорщикъ Воейковъ, находившійся при посольствѣ въ Персіи, какъ достойный молодой офицеръ, заслуживаетъ добрый твой пріемъ, о которомъ я и прошу тебя. Если случится у тебя свободная минута, онъ можетъ разсказать тебѣ кое-что и о путешествіи моемъ въ Персію. Тебѣ хотѣлось имѣть журналъ мой, но какъ я имѣю только пустыя записки, ежедневно мною составляемыя, то и не могутъ онѣ ничего представить тебѣ любопытнаго, которыя для того чтобы не измѣнить привычкѣ моей ничего отъ тебя не скрывать, у сего препровождаю. Когда во время отдохновенія твоего въ вечеру заставишь ты Красоту прочесть ихъ, то обрати ихъ ко мнѣ, ибо довольно взгляда одного на нихъ, чтобы краснѣть мнѣ за такое пустое и вздорное произведеніе. Въ пользу мою есть одно только извиненіе, что я писалъ среди заботъ и скуки, и что въ такомъ состояніи трудно написать что нибудь порядочное. Занимаясь пустяками, я по крайней мѣрѣ отвлекалъ вниманіе мое отъ предметовъ непріятныхъ и сія есть единственная выгода, которую извлекъ я изъ путешествія моего весьма мало забавнаго.

Нынѣшняя почта привезла мнѣ изъ Москвы письма и вмѣстѣ извѣстіе о производствѣ Вельяминова. Совсѣмъ не удивляюсь я, что ты не писалъ ко мнѣ, ибо знаю я твои занятія и сколько мало тебѣ свободы, но скажи по истинѣ, не должно-ли аркебузировать Красоту или Крѣпкую Натуру, за то что не увѣдомили меня о дѣлѣ столько мнѣ

пріятномъ. Благодарю тебя, почтенный Арсеній, за ходатайство, ибо безъ пособія сего, думаю, для меня бы не сдѣлали, хотя есть генералы Киткины, Абамелики и тому подобныя . . . . . , оставляющія испытателей природы въ недоумѣніи, къ которому царству они принадлежатъ.

Прощай! не забывай и люби по прежнему.

163.

12-го февраля 1818 г. Тифлисъ.

Душевно обрадованный производствомъ Вельяминова и прочихъ достойныхъ офицеровъ, благодарю за ходатайство твое. Государь наградилъ людей, которые ему славно служить будутъ и меня не устыдятъ, что я о нихъ старался. Весьма благодаренъ я, что въ 20-ю дивизію назначили Вельяминова. Мнѣ здѣсь не столько нуженъ великій человѣкъ по фронту, ибо по обширности земли и какъ разбросаны полки, онъ ихъ рѣдко видѣть можетъ, но надобенъ умный человѣкъ, которому бы поручить можно всѣ дѣла во время моего отсутствія, а въ семъ смыслѣ я надѣюсь на него. Когда поѣхалъ я въ Персію, роптали на меня старшіе генералы, что я подчинилъ ихъ *Кутузову* и теперь собирался всѣмъ заправлять *Дренякинъ*, яко старшій; но Богъ свидѣтель, что онъ величайшая . . . . . . и сколько ни могущественно покровительство (генерала Толя), но отъ того не будетъ онъ способнѣе и умнѣе. Теперь сраженъ онъ внезапнымъ назначеніемъ командира въ 20-ю дивизію, который при томъ выше чиномъ. При семъ посылаю письмо къ Вельяминову, не знаю гдѣ онъ. Это по части *Красоты*, который буде не избаловался въ Москвѣ, отошлетъ куда надобно, такъ равно и письмо къ Граббе, нѣкогда его товарищу.

Я по совѣту твоему писалъ къ князю П. М. (Петру Михайловичу Волконскому) письмо о старикѣ Печерскомъ и сдѣлалъ также представленіе. Помоги старому и честному солдату, а между тѣмъ я буду жалованье давать изъ экстраординарной суммы. Не долженъ я терпѣть, чтобы военный человѣкъ могъ жаловаться на равнодушіе начальства къ его бѣдности; я былъ бы виноватъ за то предъ Государемъ.

Неужели вы чего нибудь не выдумаете лучшаго, нежели опредѣлить Дельпоццо въ Астрахань комендантомъ? но чтобы то ни было дѣлайте скорѣе. Судитъ васъ Богъ, если *Загорскаго* не переведете куда нибудь. Впрочемъ, я человѣкъ весьма сговорчивый, если не его, то *Дренякина*, можетъ быть сей послѣдній будетъ вамъ нужнѣе. А если

нѣтъ, то кого угодно изъ прочихъ. Представьте мое положеніе, что у меня *Пестель* изъ лучшихъ, кромѣ находящагося на линіи *Дебу*, который всѣхъ ихъ умнѣе. Берите кого угодно, могу-ли я противиться вашей волѣ и смѣю-ли роптать?—но благодаря судьбѣ, установившей генеральскіе списки, къ утѣшенію моему вижу я, что и въ другихъ мѣстахъ не всѣ мудрецы. Здѣсь по крайней мѣрѣ прячемъ мы простоту нашу за незнаніемъ языковъ здѣшнихъ народовъ, а у васъ и этой нѣтъ выгоды, ибо все наружи какъ на ладони.

Дерзнулъ написать о Коховскомъ и посылаю къ тебѣ. Я простолюдинъ и меня однимъ отказомъ не устрашили, я опять возвращаюсь къ атакѣ. Теперь, если откажутъ, буду искать, чтобы кто нибудь другой просилъ за него, и можетъ быть счастье дастъ ему въ покровители нѣмца для вѣрнѣйшаго успѣха. Я отнялъ у него счастіе, ибо генералъ *Ротъ* хотѣлъ взять его къ себѣ въ адъютанты, и поступившій на мѣсто его уже переведенъ въ гвардію. Мнѣ можно отказывать, ибо я не нѣмецъ и не за нѣмца прошу.

Прощай! Дай Богъ вамъ счастья за то, что дали егерскій полкъ, теперь съ увѣренностію въ успѣхѣ принимаюсь я за Сунжу и чеченцовъ. Больно и стыдно было терпѣть ихъ наглости. Увѣрь князя П. М. (Петра Михайловича Волконскаго), что я не воевать иду, и что тѣмъ только хвастать буду, если выстрѣла не сдѣлаю.

P. S. Если переведенъ будетъ Коховскій въ гвардію, то нельзя-ли сдѣлать его адъютантомъ къ генералъ-маіору Вельяминову. Если же то противно порядку, то я брату его генералъ-лейтенанту Вельяминову постараюсь передать его и единственно для того, что онъ не имѣетъ состоянія служить въ полку въ Петербургѣ. Если можно то сдѣлай, а я представленіе пришлю послѣ.

164.

10-го марта 1818 г. Тифлисъ.

Любезный и почтенный Арсеній Андреевичъ! Не отъ лѣни давно я не писалъ къ тебѣ, но не было довольно важнаго обстоятельства, чтобы послать можно было курьера, а прислать съ чѣмъ нибудь пустымъ, боюсь замѣчанія. Къ тому же послѣдніе присланные отъ васъ фельдъегери едва привозили по нѣскольку отъ тебя строкъ, и сіе заставило меня думать, что вы заняты чрезвычайно. Съ какою неимовѣрною скоростію переноситесь вы изъ одной столицы въ другую! Намъ,

въ отдаленности живущимъ, остается только удивляться. Надобно большая привычка къ дѣятельности! Я такъ быстро проскакавши отъ Москвы до Петербурга не пріѣхалъ бы способнымъ на дѣло, а вы тотчасъ сѣли на конь и ну работать! Въ газетахъ описанъ парадъ! Ты нынѣ также искусно маневрируешь, ибо увѣдомляешь, что не сопутствуешь Царю въ Варшаву. Тамъ будутъ горы дѣла.

Съ послѣднею почтою увидѣлъ я изъ газетъ производство Пузыревскаго въ полковники. Это твое дѣло, добрый и благородный Арсеній, и я благодарю тебя, ибо по справедливости онъ офицеръ достойный и должно ободрить человѣка, котораго судьба загнала служить въ страну подобную ссылкѣ. Всякій день благодарю счастіе мое, доставившее мнѣ твою дружбу, ибо ею дѣлаю я добро многимъ отличнымъ людямъ, которые усердіемъ и трудами большую впослѣдствіи принесутъ пользу. Если бы другой былъ па твоемъ мѣстѣ, не могъ бы я имѣть къ нему такой довѣренности. Представленія безъ ходатайства не всегда пріемлютъ благосклонно, а отказы, хотя я и болѣе другихъ къ нимъ равнодушенъ, не дѣлаютъ удовольствія или всеконечно то производятъ, что воздерживаешься отъ представленій, хотя бы они и справедливы были. Я могу привести въ примѣръ, если не совершенно такой, то подобный сему случай моего *Коховскаго*. Видя, что безъ всякаго разбора переводятся офицеры въ гвардію, я не смѣлъ уже писать о немъ, если бы ты не далъ мнѣ на то наставленія. Вотъ дѣйствіе отказовъ; но суди самъ сколько бы еще чувствительнѣе были они, если бы испрашивалъ я награжденіе отличнаго и славнаго офицера! Я представилъ о полковникѣ путей сообщенія *Вороновѣ*, который проситъ увольненія къ водамъ за границу. Онъ имѣлъ несчастіе упасть и повредить раненую свою ногу. Какъ человѣку совершенно безъ состоянія я прошу ему жалованье и пособіе на дорогу. Помоги, почтенный Арсеній, сему усердному, достойному и безкорыстному офицеру. Я много весьма теряю, что онъ оставляетъ Грузію, ибо невозможно найти человѣка болѣе благонамѣреннаго и трудолюбивѣйшаго.

Скажи, зачѣмъ Пивоваріусъ (Пезаровіусъ), издатель «Инвалида», напечаталъ рескриптъ на орденъ Дельпоццо, тогда какъ мнѣ предписано не прежде его послать къ нему, какъ вмѣстѣ съ его новымъ назначеніемъ! Я ожидаю нѣкоторыхъ хлопотъ съ перемѣщеніемъ старика, который, конечно, не будетъ доволенъ, ибо мечтаетъ, что онъ созданъ для командованія.

Что ты не утѣшишь меня переводомъ *Загорскаго* въ другую дивизію въ Россію? Онъ престарательный и усердный человѣкъ, но здѣсь

надобно поумнѣе немного, впрочемъ за бригадою онъ славно смотрѣть можетъ и на всякія уставы преспособный. Не подумай, однакоже, чтобы я хотѣлъ сбыть его съ рукъ, божусь нѣтъ и даже я не менѣе въ состояніи хлопотать, чтобы ты перевелъ *Дренякина*. Этотъ не менѣе глупъ, но никакъ не хочетъ того чувствовать и умничаетъ отъ того, что долго квартирмейстерская часть равнодушно смотрѣла на его неспособность. Избавь меня хотя отъ этого, Богъ свидѣтель тяжелъ очень! Не могу я похвастать и германскимъ рыцаремъ *Пестелемъ*, но онъ у меня изъ лучшихъ и все по службѣ исполняетъ исправнѣйшимъ образомъ. Жаль, что въ немъ нѣтъ живости; онъ также принадлежитъ къ тому числу людей, которыхъ по справедливости уподоблю я Ледовитому полюсу. Мерлини у меня такая рѣдкая ...., что уже грѣхъ кого нибудь снабдить имъ, и всеконечно надобно оставить у меня, ибо я почитаю въ лицѣ его волю Бога меня наказующую. Есть какіе нибудь тяжкіе грѣхи мои! Представь жалостное мое положеніе, что я долженъ еще дать ему бригаду .... Истолкуй мнѣ, почтенный Арсеній, какой злой духъ понуждаетъ васъ производить подобныхъ генераловъ? Не изобрѣлъ-ли кто системы, доказующей, что генералы суть твари совсѣмъ для войскъ не надобныя и что они могутъ быть болванами, для удобнѣйшей просушки съ золотымъ шитьемъ мундировъ? Это было бы прелолезное открытіе, которое бы многимъ простакамъ доказало, какъ грубо доселѣ они ошибались. Сообщи мнѣ о семъ для моего успокоенія, если то не тайна государственная!

Теперь я принимаюсь за инспекторскіе смотры полковъ чрезъ генераловъ и нѣкоторые полки требуютъ большаго поправленія, нѣкоторые думаю самъ буду смотрѣть. Въ войскахъ на Кавказской линіи наибольшее разстройство и изъ всѣхъ прилежнѣйшій офицеръ командиръ 16-го Егерскаго полковникъ Грековъ, который въ скорое время приведетъ полкъ въ то состояніе, какого я желаю. Таковы, по крайней мѣрѣ, доходятъ до меня слухи; тамъ что найду, обо всемъ тебя увѣдомлю.

Предупреди, сдѣлай дружбу, Государя, что мнѣ нужно крайне, по крайней мѣрѣ, три штабъ-офицера кавалерійскихъ славныхъ, которые бы хотя на время сдѣлать командирами полковъ поселенныхъ на линіи казаковъ. Теперь они въ рукахъ собственныхъ офицеровъ и изъ славныхъ казаковъ дѣлаются мужиками. Служба отправляется нерадивымъ образомъ, тягость оной разлагается неуравнительно и падаетъ болѣе на бѣдныхъ, которые отъ того никогда не поправляютъ своего состоянія и на службу выступаютъ неисправными. Теперь боясь меня, нѣсколько уменьшилось зло, а до сего все было продажное, и надобно было за-

платить за дѣла мелочныя своему командиру, а гдѣ власти его было недостаточно,—въ дежурствѣ командующаго на линіи. Начальники вдались въ домоводство, размножились хозяйственныя заведенія, хутора, табуны, и солдаты и казаки принялись за мастерства, а не за ружье, угождая воли начальниковъ.

Предвижу величайшіе хлопоты и труды на линіи и тьму непріятностей.

Я послалъ къ князю Волконскому проектъ о крѣпостяхъ и о снабженіи ихъ обороною, независимо отъ войскъ здѣшняго корпуса, то есть чтобы, какъ прежде, не развлекать на защиту ихъ полковъ изъ корпуса, отъ чего всѣ дѣйствія наши были частныя и нерѣшительныя, хотя многія весьма блистательныя и славныя для оружія.

Увѣдомь, почтенный Арсеній, скоро-ли вы переведете *Дельпоццо* въ Астрахань или куда лучше придумаете, ибо время туда отправить *Сталя*, когда прибудетъ сюда Вельяминовъ. Поспѣшите прислать скорѣе *Ховена*, онъ мнѣ необходимъ, ибо часть гражданская здѣсь въ ужасномъ разстройствѣ. Я ему для того не писалъ, чтобы не дать время толковать съ женою, боясь чтобы она не имѣла на него вліянія своими убѣжденіями. Онъ здѣсь получая хорошее содержаніе можетъ имѣть средства воспитывать дѣтей въ Россіи, и увѣренъ я, что будетъ доволенъ своимъ назначеніемъ.

Доброе дѣло, что вы князя Багратіона опредѣлили по арміи. Онъ здѣсь всѣми неправдами согласилъ казаковъ на выборъ его атаманомъ, и бывшій астраханскій комендантъ *Отто* не мало помогалъ ему. Нужно было бы взглянуть на сихъ казаковъ: говорятъ, что весьма безпутные. Не похожи эти Багратіоны на покойнаго князя Петра Ивановича. Онъ унесъ съ собою въ гробъ умъ и способности всей фамиліи.

Исходатайствуй Арсеній благодарность въ приказахъ полковымъ командирамъ за старательный присмотръ за людьми, ибо въ прошедшемъ 1817 году умершихъ въ половину противъ прежняго времени, бѣжавшихъ въ четвертую долю. Кавказская линія того не заслуживаетъ, ибо тамъ всѣ прежніе безпорядки. Я дѣлаю о семъ представленіе и приказъ мой по корпусу то объясняетъ. Дѣла удерживаютъ меня въ Тифлисѣ и гнусная и безпутная гражданская часть отнимаетъ большую часть моего времени; а я увѣренъ, что если разъ объѣду полки, то они будутъ впередъ исправнѣе и съ людьми лучше будетъ обращеніе.

Я дѣлаю представленіе о нѣкоторыхъ офицерахъ квартирмейстерской части, бывшихъ со мною въ Персіи; помоги доставить имъ нѣкоторыя награжденія, они славно сняли дорогу до Султаніэ, что стоило

труда и осторожности. Ты знаешь полковника Иванова, котораго службою я весьма доволенъ.

Теперь позволь, почтенный Арсеній, поговорить съ тобою о последнемъ письмѣ твоемъ, то есть о дѣлѣ собственно до меня относящемся. Ты увѣдомилъ меня, что подстрекаешь нашихъ дипломатиковъ, чтобы они хлопотали о награжденіи меня и что стыдно имъ будетъ, если я безъ онаго останусь. Я удивляюсь, что они до сихъ поръ не получили за дѣла съ Персіею награжденія, а не тому, что мнѣ не даютъ онаго. По части дипломатической это весьма обыкновенно, что они берутъ на свой счетъ и что тотъ кто трудится называется орудіемъ или болваномъ ихъ волею движимымъ. Это правда, что я ничего не сдѣлалъ чрезвычайнаго, но потому больно быть болваномъ ихъ, что я если и успѣлъ что нибудь сдѣлать, то потому, что не слѣдовалъ даннымъ мнѣ наставленіямъ. Они дали мнѣ инструкціи точно какъ бы посланъ я былъ ко двору европейскому, и если бы такъ я поступалъ, то до сихъ поръ можно бы меня наказать за дѣла съ Персіею. Когда нибудь увижу я тебя и ты узнаешь такія вещи, которыя мнѣ теперь сказать тебѣ не ловко. Поблагодаришь меня какъ добрый русскій и пріятель—это дѣлалъ я не по инструкціи! Но какъ бы то ни было, если не заслужилъ я награжденія или по нѣкоторымъ причинамъ дать мнѣ его невозможно, по крайней мѣрѣ, въ четыре мѣсяца надлежало бы уже сказать такъ ли исполнилъ я возложенное порученіе или нѣтъ и дать разрѣшеніе или на представленія мои, которыя не терпятъ отлагательства, или наставленіе какъ исправить ошибки, буде я сдѣлалъ таковыя. Въ четыре мѣсяца ни слова! Что могутъ думать персіяне, что домогавшись всѣми силами утвердить доброе согласіе и связи дружества, шесть мѣсяцевъ какъ уѣхалъ я изъ Султаніэ и нѣтъ обо мнѣ слуха, тогда какъ *шахъ* отъ Государя даже ожидалъ пріятнаго какого нибудь отзыва. Господа дипломаты слишкомъ мудры, если думаютъ, что ошибку ихъ или даже и неблагоразуміе приму я на свой счетъ. Сколько ни мало уважительно мнѣніе персіянъ, но и въ ихъ понятіи не хочу я быть виноватымъ, и такъ я ничего на себя не возьму, а господа дипломаты могутъ меня наказать тѣмъ, что впередъ не сдѣлаютъ мнѣ никакого препорученія и я имъ позволяю считать сіе за казнь и великое для меня несчастіе, а въ самомъ дѣлѣ это мнѣ одолженіе, ибо хорошаго препорученія я не ожидаю, а нехорошія не всегда удобно съ рукъ сходятъ. Замѣть, любезный Арсеній, что *Строгоновъ* въ Константинополѣ не болѣе меня успѣлъ сдѣлать, а награжденіе тотчасъ дали. Я правду тебѣ говаривалъ, что одно изъ преступленій моихъ

то, что я незнатной фамиліи и что начальство знаетъ, что я кромѣ службы другихъ средствъ никакихъ не имѣю.

Ты пишешь ко мнѣ, что, по мнѣнію твоему, чинъ для меня не лишнее и что ты о томъ хлопочешь и спрашиваешь понравится-ли мнѣ то, или бы въ противномъ случаѣ я тебя увѣдомилъ. Смѣшно было бы, если бы вздумалъ я увѣрять тебя, что я весьма равнодушенъ къ тому дадутъ-ли мнѣ чинъ или нѣтъ. Конечно, чинъ есть самое въ моемъ положеніи пріятнѣйшее для меня награжденіе, особливо когда выѣду я изъ сего края, онъ доставитъ мнѣ тѣ выгоды, что всегда надѣяться буду я имѣть команду или, по крайней мѣрѣ, не каждому изъ генералъ-лейтенантовъ дадутъ оную прежде меня и то, что не каждому полному генералу подчинятъ меня подъ начальство. Признаюсь тебѣ, добрый другъ мой Арсеній, что крайне больно мнѣ, что о вознагражденіи меня нужны хлопоты и ходатайство, и что только въ отношеніи ко мнѣ одному начальство не имѣетъ собственной къ тому наклонности, тогда какъ многимъ весьма другимъ за меньшія гораздо заслуги успѣли бы сдѣлать множество пріятностей.

Скажи, если бы въ моемъ положеніи нашелся *братъ Михайло* (гр. Воронцовъ), чтобы ему до сего времени сдѣлали? Я умалчиваю о множествѣ нѣмцевъ, которые, по крайней мѣрѣ, равныя съ нами имѣютъ преимущества. Больно, любезный Арсеній, хотя необыкновенное счастіе мое всегда щедро вознаграждаетъ меня за претерпѣваемыя мною непріятности. Я бы желалъ знать, чѣмъ другимъ можно наградить меня кромѣ чина и потому не нахожу я что̀ отвѣтствовать на вопросъ твой нравится мнѣ или нѣтъ?

Если, первое, дать мнѣ *Владиміра первой степени*, то можно получить его подобно *Яшвилю* при какомъ нибудь смотрѣ войскъ. Выпишите меня къ пріуготовляемымъ вами для короля прусскаго маневрамъ и сего довольно. Второе, дать мнѣ графское достоинство я ручаюсь, что жизни не ради будутъ, ибо подамъ рапортъ, въ которомъ изъясню причины, почему не желаю имѣть его. Довольно для васъ Милорадовичей и Тормасовыхъ, которые отъ подобныхъ пустяковъ безъ памяти, а мнѣ всѣ средства въ службѣ заключающему надобно то, что даетъ право на нѣкоторую команду, единый способъ оказать усердіе къ службѣ и добрую волю къ трудамъ. Я очень хорошо понимаю, что я и въ Грузію не попалъ бы, если бы нашлись другіе желающіе, а въ званіи полнаго генерала не всегда легко обойти безъ особенныхъ причинъ. Третье, если бы хотѣли *дать мнѣ денегъ?* Я самъ далъ сто тысячъ собственныхъ, въ которыхъ никому не обязанъ былъ отчетомъ, ибо они въ мое

собственное даны были распоряженіе въ замѣну жалованья, котораго не принялъ я по званію посла. Конечно, не дали бы мнѣ столько, то и въ награжденіе почесть невозможно, да я если бы служилъ изъ денегъ, то здѣсь умѣлъ бы я достать ихъ и безъ соизволенія на то начальства, а вы взгляните, чтò я ихъ ежегодно по всѣмъ частямъ управленія сберегаю въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось прежде. И такъ, почтенный Арсеній, дѣлайте, что Богъ вамъ положитъ по сердцу или ничего не дѣлайте, какъ вы заблагоразсудите. Я знаю, что ты не выпустишь изъ виду того, что мнѣ полезно, а если теперь ничего нельзя сдѣлать, то вооружимся терпѣніемъ, ибо это уже не въ первый разъ, а тамъ покровительствующее меня счастіе не оставитъ. Я пишу къ П. И. Миллеру доброму начальнику. Когда увидишься съ нимъ поговори обо мнѣ. Нѣкоторыя слова письма твоего кажутся мнѣ немного удивительными. Ты говоришь, что согласилъ *Петрахана* (князя П. М. Волконскаго) хлопотать о моемъ производствѣ. Неужели онъ противился тому, получа самъ все то, что можно. Я по совѣсти скажу, что не позавидовалъ ему, хотя онъ былъ меня моложе и точно понималъ, что служба близъ Государя и въ его званіи онъ не можетъ быть въ наградахъ подчиненъ общему порядку. Въ чемъ можетъ препятствовать ему мое производство!

Если ты упрекаешь мнѣ лѣнью, то и я похвастать не могу, чтобы и ты съ нѣкотораго времени пускался въ большую переписку, а ты вѣрно болѣе имѣешь сказать мнѣ любопытнаго, нежели я живущій въ ссылкѣ и которому не о чемъ сообщить, развѣ о снѣжномъ обвалѣ въ кавказскихъ горахъ, каковыхъ недавно свалилось три, прервавшихъ почти сообщеніе. О землятресеніи или о сильномъ громѣ бывшемъ 5-го марта? Хотя всѣ сіи происшествія для васъ необыкновенны, но нѣтъ ничего въ нихъ хорошаго. Настаивай и подкрѣпи мнѣніемъ своимъ представленіе мое о устроеніи въ здѣшнемъ краю крѣпостей и сформированіи для нихъ постоянной обороны. Тогда, имѣя свободными нѣсколько войскъ, учрежу я безпрепятственное сообщеніе съ Россіею чрезъ Дербентъ и устрою порядочную дорогу, теперь весьма небезопасную. Весьма непріятно не имѣть вѣрнаго сообщенія и не имѣть возможности надѣяться на доставленіе необходимыхъ для войскъ потребностей. Сформированіе крѣпостей для защиты я предлагаю самымъ хозяйственнымъ образомъ, распредѣливъ на сроки. Можетъ быть негодовать будутъ на меня, что я нахожу нѣкоторыя вещи въ одеждѣ солдата несвойственными здѣшнему климату и представляю о перемѣнѣ ихъ, но я не виноватъ, что здѣсь солнце болѣе согрѣваетъ, нежели у васъ, и что здѣсь природа если не бóльшимъ трудамъ подвергаетъ солдата, то всѣ ко-

нечно совсѣмъ другаго рода. Я вижу возможность сдѣлать одно постановленіе для войскъ по всему пространству Россіи, ибо оно у насъ существуетъ, но одной высочайшей воли недостаточно, чтобы оное равно было удобно для Камчатки и Грузіи. Вотъ мое оправданіе!

Похлопочи о производствѣ представленныхъ мною квартирмейстерскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Персіи. Я писалъ о нихъ также князю Петру Михайловичу, которому должна быть пріятна заботливость моя о его подчиненныхъ, особливо когда разборчивъ я въ испрашиваемыхъ имъ наградахъ.

Не отказывайте мнѣ въ представленіяхъ моихъ, ибо, конечно, рѣдко скромнѣе или лучше сказать скупѣе меня, тогда какъ каждые приказы должны бѣсить порядочнаго человѣка безстыдными многихъ представленіями. Напримѣръ, Глазенапъ старичишко корпуса своего дежурнаго штабъ-офицера представилъ за отличіе, а онъ будучи на Кавказской линіи дежурнымъ Портнягина вмѣсто имени своего *Гаврило* назывался *Грабило* и сей произведенъ! Отличныхъ людей ни въ одномъ вѣкѣ столько не бывало, а особливо нѣмцевъ. По простотѣ нельзя не подумать, что у одного *Барклая* фабрика героевъ! Тамъ расчислено, кажется, на сроки и каждому нѣмцу позволено столько времени занимать мѣсто, сколько онаго потребно для отысканія другаго нѣмца, сверхъ ежегодно доставляемаго *Квочкою* изъ Лифляндіи приплода. Приготавливай, любезный Арсеній, нѣмецкую типографію, не одни военныя узаконенія, но и самые приказы скоро не будетъ армія понимать на русскомъ языкѣ. Толстому Быкову будетъ подрывъ развѣ искусится въ божественномъ языкѣ.

Прочти, сдѣлай дружбу, *Духа журналовъ* нынѣшняго года въ книжкѣ 6-й статью о конскрипціи въ прусскихъ владѣніяхъ. За это можно вступиться, ибо тамъ одежда солдата по образцу нашему. Я уже не говорю, что по свойству можно бы защищать нѣкоторую невинную наклонность къ наградамъ. Если такіе злые будутъ сатиры, то хотя запирай экзерциргаузы и сколько должно погибнуть знаменитыхъ мужей симъ искусствомъ прославившихся. Прахъ Клейнмихеля содрогнется!

Для разныхъ здѣсь казенныхъ строеній поручено купить столярный инструментъ въ Петербургѣ. Къ тебѣ явится человѣкъ, у котораго будетъ записка Вельяминова, чтобы онъ къ тебѣ ихъ представилъ. Прикажи, почтенный Арсеній, хотя по частямъ сей инструментъ сюда доставить.

Сію минуту признался *Мадатовъ*, что онъ къ тебѣ писалъ разныя обо мнѣ мерзости, что я отъ скупости берегу казенныя вещи и только дарю одними футлярами. Онъ первый испыталъ сію умѣренность въ

расходахъ надъ собою, ибо ему отпускается столько прогоновъ, что, по крайней мѣрѣ, онъ половину дороги ходитъ пѣшкомъ, и уже въ пищѣ ограниченъ или скромнымъ завтракомъ изъ сорочинскаго весьма дешеваго здѣсь пшена или нѣкоторымъ количествомъ производимаго здѣшнимъ краемъ шафрана.... У него нѣтъ гроша денегъ и онъ продаетъ свои эполеты, чтобы имѣть обѣдъ раза два въ недѣлю.

Воейковъ квартирмейстерскій офицеръ, думаю, доставилъ уже тебѣ мои о Персіи записки. Я предупредилъ тебя, что онѣ ничего дѣльнаго въ себѣ не заключаютъ и изъ нихъ ничего не узнаешь ты о Персіи, но ты хотѣлъ имѣть ихъ и я тебѣ повиновался.

Время кончать, ибо и дѣло и вздоръ все я переговорилъ. Прощай! Пиши, если достанетъ у тебя время, ибо читая твои письма я могу сказать одно имѣю пріятное время. Несносна здѣсь жизнь и отягчена большими заботами, не долго можно пробыть здѣсь человѣку, который все время свое любитъ употреблять на службу, не станетъ силъ и возьметъ чортъ. Фельдъегерь прапорщикъ Яковлевъ пріѣхалъ сюда судя по состоянію дороги чрезвычайно скоро и во все время здѣсь прекрасно велъ себя. Ободри его какимъ нибудь награжденіемъ или ласкою.

165.

26-го марта 1818 г. Тифлисъ.

Отлагаю писать къ тебѣ пространнѣе до другаго фельдъегеря и съ симъ пишу только нѣсколько строкъ, но отложить не могу благодарности моей не за одно увѣдомленіе о моемъ производствѣ, но и за то, въ чемъ ты по деликатности твоей не признаешься: за стараніе и хлопоты о томъ. Можно-ли благороднѣе и великодушнѣе сдѣлать поступокъ того, что ты писалъ съ фельдъегеремъ къ старику отцу моему? Мнѣ казалось, что я коротко тебя знаю, но я безпрестанно открываю новыя качества благороднѣйшей души твоей, которыя почитать обязанъ, и если бы отдалъ тебѣ душу мою, едва-ли бы жертва соразмѣрна была дружбѣ твоей и одолженіямъ, почтеннѣйшій Арсеній! Мнѣ сказывалъ фельдъегерь, что ты сдѣлалъ съ старикомъ моимъ. Онъ плакалъ и смѣялся въ одно время, а въ письмѣ ко мнѣ говоритъ, что онъ къ семейству своему мысленно причислилъ и тебя, любезный Арсеній, но похищаетъ у меня безцѣнное наименованіе брата, ибо таковымъ тебя называетъ.

Благодарю теперь за себя и вижу весьма какія преодолѣли вы трудности. Пожалованный мнѣ чинъ исполнилъ всѣ мои желанія и я признаюсь, что я не совсѣмъ твердую въ томъ имѣлъ надежду, предполагая не безъ основанія многія препятствія и со стороны старшихъ и со стороны завиствующихъ счастію моему, которыхъ судьба ко мнѣ благосклонная пріуготовила мнѣ во множествѣ. Съ будущимъ фельдъегеремъ пишу обо всемъ обстоятельно и къ Петрахану (князю П. М. Волконскому) и къ Каподистрію. Я на сихъ днях ѣду на Кавказскую линію и въ самое ужасное время. Надобно нѣкоторое счастіе, чтобы проѣхать горы безопасно, но дѣлать нечего, а ѣхать вокругъ и время потеряешь много безъ пользы и поздно приняться надобно будетъ за дѣла на линіи. Прощай.

166.

17-го апрѣля 1818 г. Моздокъ.

Съ послѣднимъ фельдъегеремъ писалъ я къ тебѣ нѣсколько словъ, надѣясь вскорѣ за нимъ отправить другаго, но трудный чрезъ горы проѣздъ и вдругъ скопившееся множество бумагъ умедлили отправленіе его. Теперь отвѣчаю на письмо твое, которому ты далъ наименованіе *грознаго*, но мнѣ кажется ты не совсѣмъ справедливо винишь меня. Иногда возстаю я противъ нѣкоторыхъ замедленій въ разрѣшеніи представленій моихъ, но можно-ли винить противу нетерпѣнія моего, когда служба есть единственная цѣль моя. Ты скажешь, что много и безъ меня дѣлающихъ представленія и ожидающихъ разрѣшеній — правда! Но невозможно тебѣ не согласиться, что большая часть изъ таковыхъ не находится въ томъ положеніи, что все надобно начинать съ первыхъ основаній и за что ни возмешься, оно выходитъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ и требуетъ особеннаго начальства или разсмотрѣнія или постановленія. Всѣ же прочіе, подобные мнѣ, корпусные командиры мало скучаютъ вамъ дѣлами своими, которыя, хотя и въ большомъ количествѣ стекаются у васъ, но за то по большей части, покорствуя обыкновенному ходу, удобнѣе разрѣшаются. Не вини меня, другъ почтеннѣйшій Арсеній, что я иногда тороплюсь немного, божусь, хочется что-нибудь успѣть здѣсь сдѣлать, а такъ много предметовъ требующихъ улучшенія, что по которому истребую разрѣшеніе, то я счастливъ,—и приступаю къ другому, и сія есть истинная причина моего иногда нетерпѣнія.

На мнѣ сидятъ также министры ваши, отъ которыхъ надобно отдѣлываться. Сей фельдъегерь везетъ кучи бумагъ къ Нессельроде и Каподистрію. Моя политика какъ-то не встрѣтилась съ нынѣшними правилами благочестія, основаннаго на священномъ законѣ; надобно было пространное объясненіе. Предложенія мои не годились и я по даннымъ мнѣ наставленіямъ долженъ дѣла мои съ Персіею вести на точномъ духѣ христіанства и истинъ библейскихъ. Кто хотя мало знаетъ персіянъ, никакъ согласиться на сіе не можетъ. Я знаю обязанность повиновенія и въ строгомъ смыслѣ буду поступать какъ приказываютъ, но дабы не упрекнули, что я не сказалъ своихъ мыслей и желая оправдать свое впредь поведеніе, я написалъ мое мнѣніе, смиривъ сколько возможно перо мое, которое нерѣдко слѣдуетъ за кипящимъ моимъ характеромъ. Будь остороженъ, любезный Арсеній, и не говори, что я тебѣ о семъ пишу, мнѣ можетъ сіе много повредить.

Благодарю за поздравленіе меня съ чиномъ, но я по справедливости долженъ еще болѣе благодарить тебя за старанія въ пользу мою. Мнѣ старикъ П. И. Миллеръ все обстоятельно пишетъ, что ты какъ истинный другъ не могъ бы болѣе принимать участія для роднаго брата. Скажи, Арсеній, что ты за пречудесное созданіе, и когда могу я заслужить дружбу твою?

Вы важную одержали побѣду надъ супостатами разныхъ племенъ и закона. Все попалось подъ одинъ почеркъ!

Я воображаю, какими смотрѣли на васъ глазами всѣ обиженные. Нельзя было имъ не догадываться, что ты и Петраханъ (кн. П. М. Волконскій) мнѣ благопріятствовали. Вы по должности своей слишкомъ выставлены на виду, чтобы дѣйствія ваши были непримѣтными и ты, почтеннѣйшій Арсеній, сколько, впрочемъ, ни *М—па* (Мазепа), вѣрно въ семъ случаѣ никого не надулъ, ибо любя меня показалъ удовольствіе и радость. Какъ нарочно всѣ старшіе *нѣкогда товарищи мои*, нынѣ подчиненные *) собрались въ Москву, чтобы торжествовать мое производство, и вы не хотѣли трудовъ ихъ сдѣлать напрасными, вы ихъ утѣшили! Я представляю длинныя рожи, дрожащіе голоса, рожи плачевныя! Вижу угрозы оставить службу, вижу упреки отечеству неблагодарному! Вижу *Яшвиля,* который отвергаетъ возможность, чтобы кто другой удостоился награжденія, когда онъ не имѣлъ случая заслужить его.

Я могу большимъ числомъ считать умножившихся друзей моихъ,

---

*) Каково мы нынѣ говоримъ? Совсѣмъ не гордо и простосердечно! Прим. Ермолова.

ибо не противъ однихъ только виноватъ я старшихъ, но и противъ тѣхъ, которые превосходятъ меня рожденіемъ, воспитаніемъ, знатными связями, извѣстностію у двора и проч. и проч. Тутъ входятъ всѣ завидующіе, которые на старшинство не смотрятъ. Но какъ бы то ни было я восхищенъ милостію Государя и признателенъ и тебѣ, какъ истинному другу. Признаюсь, что радостію моею много обязанъ я тому, что Государь наградилъ во мнѣ простаго солдата, усерднаго къ службѣ его и не остановился за тѣмъ, что имя мое не столько знакомо общему слуху или не такъ пріятно звучитъ въ ушахъ, какъ имя воспоминающее знаменитыя заслуги или происшествія, то-есть, что Государь не основывается на томъ, что достоинства праотцевъ должны быть непремѣнно наслѣдіемъ потомковъ, а смотритъ на дѣла каждаго. Иначе и тебѣ и мнѣ, какъ и подобнымъ намъ, доставались бы въ удѣлъ большіе труды и весьма малыя пріятности.

По совѣту твоему отпустилъ важныя письма къ *Петрахану* (князю П. М.. Волконскому) и *Каподистрію* и благодарю тебя какъ друга, что сообщилъ мнѣ мысль свою, а ты, сдѣлай мнѣ одолженіе, скажи Петру Ивановичу (Меллеру-Закомельскому?) какъ я благодаренъ ему за его старанія. По истинѣ говорю, что я въ этомъ человѣкѣ имѣлъ и начальника достойнѣйшаго и благодѣтеля, который всегда желалъ мнѣ добра и давалъ полезные совѣты.

Ты увѣдомляешь меня объ описаніи военныхъ 1812 года дѣйствій, составленномъ фельдмаршаломъ Барклаемъ и не прежде соглашаешься доставить оное ко мнѣ, какъ взявъ прежде отъ меня слово, что я не пущусь въ дружескую съ нимъ переписку. Если сочиненіе сіе не печатное и не выпущенное въ публику, а только имъ самимъ раздаваемое нѣкоторымъ особамъ по довѣренности, то я и не смѣю тебя выдавать нескромностію моею; если же печатное дойдетъ до меня и тогда противъ тебя я не погрѣшаю и могу возражать какъ Богъ по сердцу положитъ мнѣ. Во всякомъ случаѣ могу тебя увѣрить, что мнѣ теперь заниматься симъ нѣкогда и время на то терять я не стану. Долженъ однако же я замѣтить, что Барклай не прежде взялся за сочиненіе, какъ пріобрѣлъ въ семейство свое людей писать умѣющихъ. И какъ вся фамилія засядетъ писать, то не дай Господи съ ними и связаться, а собственныя его способности сочинять тебѣ лучше каждаго извѣстны. И такъ, присылай сіе достопамятное твореніе, а мы станемъ любоваться.

Описаніе или лучше сказать весьма глупыя и пустыя записки о вояжѣ моемъ въ Персію, я отправилъ къ тебѣ въ Москву съ прапорщикомъ квартирмейстерской части *Воейковымъ*, но его, по мудрому

распоряженію *Вязмитинова*, такъ долго держали во всѣхъ карантинахъ, что онъ не засталъ тебя уже въ Москвѣ и не знаю что съ ними сдѣлалъ. Онъ, какъ слышалъ я, возвращается опять въ Грузію и если не отослалъ онъ ихъ къ тебѣ, то получа отъ него обратно, пришлю съ фельдъегеремъ. Теперь у меня остается кромѣ Стабуша одинъ фельдъегерь Силинъ, то присылай какого-нибудь еще, ибо по отправленіи буде потребуютъ обстоятельства Силина, останется Стабушъ, котораго я берегу на случай послать въ Персію, какъ человѣка весьма скромнаго и отлично благороднаго въ поступкахъ. Дубининъ прекраснаго поведенія и какъ красная дѣвушка, возьми его на благосклонное замѣчаніе, онъ благонадежный молодой человѣкъ.

Сію минуту раскрылъ конвертъ, содержащій вопросъ: можно-ли Астраханскій гарнизонный полкъ обратить во внутреннюю стражу? Я буду отвѣчать вамъ о причинахъ, по коимъ сіе невозможно и я къ несчастію вижу, что сіе обстоятельство оставляетъ на рукахъ моихъ *Дельпоццо*. Ради Бога и службы возьмите сего человѣка, я уже на сей сторонѣ кавказскихъ горъ, тамъ, гдѣ онъ командуетъ, слѣдовательно еще основательнѣе говорю вамъ, что онъ здѣсь не надобенъ. Не прими, почтеннѣйшій братъ Арсеній, сіе за сѣтованіе мое. Я бы желалъ, чтобы ты его видѣлъ и только пять минутъ и, конечно, онъ долѣе бы не считался въ здѣшнемъ мѣстѣ.

Прощай, о всемъ что здѣсь дѣлать буду, кромѣ должныхъ донесеній, буду тебѣ писать какъ другу. Не обвиняй меня, если немного буду строгъ въ искорененіи закоснѣлыхъ на линіи мошенничествъ и потребую истребленія разбойниковъ. Зло такъ уже велико, что требуетъ крутыхъ и сильныхъ мѣръ. Развращеніе отъ слабости и корыстолюбія многихъ начальниковъ въ верховной степени. Прошу помогать въ истребленіи и не ослабѣть отъ состраданія. Люби по прежнему вѣрнаго и преданнаго по смерть *А. Ермолова.*

Прибавленіе. По приказанію твоему препровождаю у сего вѣдомость представленіямъ моимъ, на кои не послѣдовало еще отвѣта. Вижу восхищеніе твое, что по частямъ тобою управляемымъ почти нѣтъ ни одной бумаги безъ отвѣта, и ежели находятся нѣкоторыя, то потому, что тебѣ нужно по онымъ объясненіе и толкованіе съ другими. Просмотри, сдѣлай дружбу, сію вѣдомость и порадуйся на вашего министра. Я помню слова твои и право думать начинаю, что съ именемъ военнаго министра неразлучна черная книга, извѣстная подъ именемъ *Оматъ*. Онъ не виноватъ—это уже судьба такая! Есть, братъ Арсеній, и за *Петрахановъ* (кн. П. М. Волконскимъ) залеглыя бумаги, да теперь

уже и дѣлать нечего, имъ, я думаю, кружатъ голову разными пирами и торжествами. Съ симъ вмѣстѣ представляю я о увольненіи отъ службы 9-го егерскаго полка командира полковника Якимова за болѣзнію, и объ утвержденіи на мѣсто его подполковника *Реутта*, славнѣйшаго и рѣдкаго офицера. Исходатайствуй, другъ любезный, первому, какъ хорошему и бѣдному офицеру, просимое мною денежное награжденіе. Я для облегченія сего нарочно прошу деньги изъ экстраординарной моего распоряженія суммы.

Въ 9-мъ егерскомъ полку есть по списку полковникъ *Анненковъ,* но онъ отправляетъ должность коменданта въ Тифлисѣ, а ему можно будетъ отыскать другой современемъ полкъ, а въ егерскомъ надобенъ офицеръ, знающій землю, родъ войны и сосѣдей. Я не посылаю просьбы Якимова, но за симъ не затрудняйся, и если надобно необходимо, то я послѣ доставлю. Если же безъ того невозможно его уволить отъ службы, то, по крайней мѣрѣ, за болѣзнію его и отсутствіемъ отъ полка, утвердите Реутта командиромъ, а между тѣмъ, придетъ чрезъ нѣсколько времени и его просьба. Онъ въ Карабагѣ сдаетъ полкъ и далеко.

Раскрываю письмо для того, чтобы сказать, что сейчасъ отъ тебя прибылъ фельдъегерь и привезъ мнѣ два письма, которыя едва успѣлъ я пробѣжать и готовлю себѣ удовольствіе прочитывать со вниманіемъ, когда буду на свободѣ и дадутъ мнѣ покой *пилильщики*. Фельдъегеря не задержу. Прощай.

167.

Получено 13-го мая 1818 года.

Два письма твои отъ 29-го марта и 4-го апрѣля получилъ. —Ты знаешь, что господствующая страсть моя есть служба и потому въ чувствахъ моихъ принадлежитъ тебѣ благодарность во-первыхъ за то, что вообще дѣлаешь ты для службы и мнѣ вспомоществуешь быть полезнымъ, ибо по дѣламъ военнымъ имѣю я разрѣшенія и скорыя и удовлетворительныя; во-вторыхъ, благодарю тебя за письма; ты, какъ добрый другъ, отнялъ у себя время малаго своего отдохновенія. Люблю тебя, Арсеній, и всякій разъ болѣе научаюсь почитать благороднѣйшія свойства твои, которыя рѣдко природа сотворяетъ. Это написалъ бы я тебѣ кровью моею! правдѣ Богъ свидѣтель!

По условію, то есть не по порядку и что пришло въ голову.

Скажи, Арсеній, какой злой духъ изощрилъ тебя искусству наду-

вать меня! ты, кажется, сочеталъ меня вѣчнымъ союзомъ съ *Дренякинымъ* и *Загорскимъ*? Отдѣлался отъ меня шутками и одно даешь мнѣ утѣшеніе, что подобными обогащены и прочіе корпуса. Какое могущественное средство къ успокоенію! Скажи правду, другіе подобные мнѣ начальники вопіютъ-ли на злую участь свою какъ я? Если нѣтъ, то отдай мнѣ справедливость, ибо молчаніе въ такомъ случаѣ есть верхъ гордости потому, что они думаютъ недостатки другихъ дополнить своими способностями, а я лучше хочу признаться, что мнѣ нужны помощники и на часть каждаго удѣливъ труды, отдать и то что принадлежитъ ихъ достоинствамъ. Правда, что весело взглянуть въ списокъ генеральскій: кажется счастіе для всѣхъ было одинаково щедро.

Назначеніе Дренякина *гевальдигеромъ* въ Персидскую армію такъ чудесно, что думаю я и *Толь* лучше бы не придумалъ.

Печерскій весьма хорошій старикъ. По новому внутренней стражи росписанію видно, что получилъ мѣсто; но ты получишь мнѣніе мое на счетъ Астраханскаго гарнизоннаго полка и внутреннихъ баталіоновъ въ Грузіи, Имеретіи и Мингреліи и онъ будетъ опять безъ мѣста. Ты найдешь мнѣніе мое справедливымъ и поддержи его.—Признаніе въ ошибкѣ моей совсѣмъ необыкновенно, но для службы полезное, чтобы я не скрылъ оную. Пестель у меня въ отличныхъ людяхъ, но шутки въ сторону я доволенъ тѣмъ, что онъ вѣрный исполнитель и боясь меня какъ чумы дѣлаетъ что можетъ точнѣйшимъ образомъ. Какъ вы по секрету отпустили фельдмаршала за границу и въ приказѣ не хотѣли отдать, а болтливыя газеты всему свѣту тайну сію сообщили? Скажи Петру Михайловичу, что я объ отбытіи героя узналъ и что теперь некого уже поставить противъ меня. Вотъ благопріятствующая минута и я уже начинаю забирать въ плѣнъ старика *Дельпоццо* съ его соннымъ войскомъ. На первый случай и то не худо!

Полкъ 8-й егерскій подоспѣлъ во-время, жаль только что молодъ и не видывалъ непріятеля. Сего бы и Барклай одолѣлъ! Но шутки въ сторону, онъ такъ молодъ, что боясь чтобы не растащили его чеченцы или черкесы, я на первую зиму располагаю его въ квартирахъ сколько можно далѣе отъ границы. Полковникъ старательный молодой офицеръ и полкъ уже около Георгіевска и приведенъ въ порядокъ.

Чеченцы друзья наши, кажется, уже надуты. По пріуготовленіямъ думалъ я, что они оставятъ ближайшія селенія и разбѣгутся, но они лучше сдѣлали, они въ совершенной безпечности, что я по примѣру прежнихъ на линіи начальниковъ дождусь глубокой осени и когда лѣсъ обнажится отъ листьевъ, пойду пожигать ихъ селенія, изъ которыхъ

обыкновенно удалятъ они своихъ женъ и лучшее имущество и наши рыцари придутъ, пожгутъ пустые дома, потеряютъ множество людей и всѣ подвиги заключатъ лживыми и пышными реляціями.

Я, напротивъ, прикинулся не желающимъ другаго какъ оградить себя отъ хищничествъ и разбоевъ, увѣряю ихъ, что они люди честные, не мѣшаю въ сельскихъ ихъ работахъ и занятіяхъ, а посѣянный ими хлѣбъ возьму на себя трудъ жать солдатами и сѣно ихъ скошу въ пользу войскъ. Теперь, чего никогда еще здѣсь не бывало, открываю подряды на перевозку къ Сунжѣ провіанта и нѣкоторое количество берутся ближайшія чеченскія деревни перевозить за плату, которая не выше будетъ той, что даемъ мужикамъ нашимъ. Въ нынѣшнемъ году не успѣлъ я занять всей Сунжи, а въ будущемъ нѣкоторыя изъ деревень, кои называются *мирными* и кои дѣлаютъ намъ ужаснѣйшій вредъ, получатъ благосклонное приглашеніе удалиться въ горы и оставить прекраснѣйшія земли свои въ пользу стѣсненныхъ казаковъ нашихъ и вѣрныхъ намъ и добрыхъ нагайцевъ, около Кизляра живущихъ. Удалиться въ горы значитъ на пищу св. Антонія. Не надобно намъ употреблять оружія, отъ стѣсненія они лучше насъ другъ друга истреблять станутъ. Вотъ вѣрнѣйшій планъ, котораго если бы держались мои предмѣстники давно бы мы были покойнѣе на линіи. Ты слегка говори объ немъ, почтенный Арсеній Андреевичъ, ибо я и безъ того слыву уже человѣкомъ, для котораго нѣтъ затрудненія въ выборѣ способа. Однако-же со всѣмъ тѣмъ сегодня имѣю рапортъ, что одинъ весьма богатый кизлярскій купецъ, недавно схваченный и за выкупъ котораго просили 10,000 серебромъ, возвращенъ и намъ не стоитъ ни гроша. Я тоже употребилъ средство, какъ для *Швецова*, велѣлъ посадить въ крѣпость нѣсколько богатыхъ кунаковъ чеченскихъ и секвестровать скотъ—и армянинъ тотчасъ доставленъ. Не мудрая, но спасительная тактика, ея здѣсь знать не хотѣли!

Жаль почтеннаго старика Петра Ивановича, котораго должна убивать смерть его сына и смерть въ глазахъ благомыслящаго человѣка не оставляющая по себѣ сожалѣнія.

Напиши, когда узнаешь истинную тому причину. Я предполагаю любовь, ибо молодой сей человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ необычайно воздержаный, не могъ, кажется, быть подверженнымъ другой страсти. Петръ Ивановичъ увѣдомляетъ, что онъ получилъ по службѣ пріятность, но не говоритъ какую. Напиши о семъ также, ибо я почитаю старика ко мнѣ постоянно благорасположеннаго.

Я посылаю тебѣ формальную бумагу о необходимости дать здѣшнимъ казакамъ хорошихъ полковыхъ командировъ регулярной кавалеріи.

ибо безпорядки достигли до неимовѣрной степени. Поторопитесь прислать ихъ, потому что во время моего здѣсь пребыванія казаки все сдѣлаютъ что только я хочу, безъ меня не такъ ловко будетъ. Великая была бы твоя дружба, если бы въ числѣ сихъ присланъ былъ маіоръ или подполковникъ *Петровъ,* служащій въ Александрійскомъ гусарскомъ полку, онъ мнѣ здѣсь былъ бы полезенъ въ полку на границѣ чеченской. Я знаю его способности и умъ. Не мѣшало бы, если бы съ ними присланы были хотя по одному хорошему оберъ-офицеру.

Нельзя видѣть безъ досады, въ какомъ разстройствѣ славные казаки. Прежніе здѣсь многіе начальники кромѣ *Дельпоццо*, человѣка честнаго, требовали отъ казачьихъ начальниковъ непозволительныхъ угожденій, какъ то и лошадей и скота изъ полученной добычи и даже изъ воровства части и за все, то надобно было сквозь пальцы смотрѣть на ихъ безпутства, а потому теперь средствами обыкновенными поправить невозможно.

Благодарю за прекрасную рѣчь, говоренную новымъ царства Польскаго подданнымъ. Счастливы поляки толикимъ о нихъ попеченіемъ и гордость сродная надменному сему народу питается тѣмъ, что они впослѣдствіи должны служить намъ примѣромъ. Судьба на дала имъ другаго рода торжества надъ нами, по крайней мѣрѣ льститъ имъ со стороны образованности и просвѣщенія. Это не относится вообще къ народу, который несравненно глупѣе нашего, но собственно касается возвышеннаго класа онаго, то есть дворянства. Это намъ привѣтствіе! Ты требуешь на сіе откровенныхъ моихъ мыслей, онѣ конечно не будутъ различествовать отъ твоихъ.

Я думаю судьба не доведетъ насъ до униженія имѣть поляковъ за образецъ и все останется при однихъ обѣщаніяхъ всеобъемлющей перемѣны. Въ Польшѣ классъ дворянства издавна истребилъ въ понятіи и чувствахъ простаго народа свободу и поселянинъ заключаетъ ея въ одномъ томъ смыслѣ, когда безпрепятственно можетъ онъ въ корчмѣ жида пропивать свое благосостояніе. Въ Польшѣ простой народъ, если бы и разсуждалъ о предметахъ, то безпутнымъ долгое время существовавшимъ правленіемъ, провождаемъ будучи отъ одного измѣненія къ другому, можетъ ожидать въ перемѣнѣ выгодъ, но онъ не разсуждаетъ, а допускаетъ всегда дѣйствовать одно дворянство. У насъ народъ удобенъ разсуждать исключительно въ свою пользу, которую весьма понимаетъ и по малому еще образованію не допускаетъ совмѣстность пользъ другаго состоянія людей, а потому власть дворянства есть необходимая сила для удержанія равновѣсія и выгода правителя состоитъ въ точномъ опредѣленіи сей

силы, ибо чрезмѣрность съ той или другой стороны лишаетъ его власти ему приличествующей и которая по свойству народа, по обширности земли, по многосложному составу разнообразныхъ частей, необходима въ той степени, которая для всякаго другаго народа была бы излишнимъ и тягостнымъ. Напрасно думаютъ, что дворянство въ Россіи много потеряетъ отъ перемѣны: оно сыщетъ способъ извлечь пользу изъ своего положенія по мѣрѣ той надобности, которую имѣетъ простой народъ, не въ состояніи будучи найти въ себѣ самомъ всѣ способы, замѣнить его по непросвѣщенію своему, а потеряютъ одни правители, лишась дворянства яко подпоры, ибо оное соединя близко свои выгоды съ народомъ, найдетъ пользу быть съ его стороны и въ рукахъ правителя останется одна власть истребленія, то есть силою оружія заставлять покорствовать народъ своей волѣ, когда законы запрещаютъ раболѣпствовать предъ нею! Вотъ мои мысли, и я очень вѣрю, что при моей жизни не послѣдуетъ никакой перемѣны, то есть Государь при жизни своей оной не пожелаетъ.

Я заболтался и также сокращу какъ ты.

Копіи съ шести писемъ въ 1812 году въ большой мнѣ вредъ изобрѣтенныхъ я не имѣю, ибо тебѣ извѣстна привычка моя писать на бѣло. Я самъ желалъ бы имѣть ихъ теперь, какъ памятникъ пылкости и можетъ быть неблагоразумія тогдашнихъ моихъ лѣтъ и хотѣлъ бы сдѣлать повѣрку такъ-ли бы теперь я видѣлъ вещи. Я ни минуты не замедлилъ бы прислать ихъ тебѣ, если бы у меня хотя одна строчка была.—Въ одномъ изъ нихъ важно надулъ я брата *М—пу* (Мазепу), и теперь вспоминаю съ восхищеніемъ о томъ, ибо я сказалъ правду и съ наилучшимъ намѣреніемъ. Не понимаю, какъ тогда живши всегда вмѣстѣ не могъ я показать тебѣ. Сему не могло быть другой причины, какъ и твои и мои тогдашніе хлопоты, ибо подобнаго письма не могъ я имѣть выгоды скрывать отъ тебя и на твое же свидѣтельство ссылаясь. Скажи, Арсеній, не упоминаетъ-ли чего о томъ *Барклай* въ своихъ запискахъ, ты какъ-то подозрительно меня спрашиваешь. Если догадки мои справедливы, то онъ хватилъ насъ обоихъ *ножичкомъ*. А ты взялъ съ меня обѣщаніе не возражать. Погубилъ ты меня!

Когда нибудь отъищемъ нѣкоторыя о 1812 годѣ записки. Теперь онѣ разбросаны и замараны, а тебѣ какъ другу я ихъ со временемъ непремѣнно сообщу.

Ты увѣдомляешь, что *Воейковъ* доставилъ тебѣ записки о поѣздкѣ моей въ Персію. Я сказалъ тебѣ, что я писалъ ихъ для смѣха, и хотя въ нихъ все справедливо, но представлено въ шуточномъ видѣ, но когда

увидимся, я покажу тебѣ что я писалъ пообстоятельнѣе. Теперь ты самъ отъ меня ихъ не потребуешь. Когда прочтешь ихъ, сдѣлай дружбу пришли ихъ обратно, ибо у меня остались клочки и въ такомъ безпорядкѣ, что я ихъ собрать не могу.

Ты шутишь на счетъ проекта моего о крѣпостяхъ и оборонѣ оныхъ независимо отъ войскъ корпуса. Ты, какъ истинный русскій, долженъ употребить весь свой кредитъ для поддержанія проекта сего, въ немъ первое достоинство то, что нѣтъ ни малѣйшей пользы для составившаго оный, ибо невозможно, чтобы въ странѣ сей пробылъ я столько времени, что построятся и въ совершенномъ порядкѣ учредятся крѣпости; что гарнизоны, кои первоначально употребятся на работу, успѣютъ потомъ быть въ приличномъ воинственномъ видѣ. Столько времени при моей дѣятельности я не вынесу. А къ тому скажу тебѣ, какъ другу, что въ три и четыре года сосѣди наши не придутъ еще въ такое состояніе, чтобы были для насъ весьма опасными, да къ тому я не даромъ былъ въ Персіи, *ибо тамъ нашелъ способы, какъ вредить ей болѣе, нежели нашими крѣпостями,* но и то скажу тебѣ, *что заступившій мое мѣсто, сихъ способовъ можетъ быть имѣть не будетъ.* Я современемъ дамъ тебѣ объясненіе сихъ подчеркнутыхъ строкъ, а ты и самъ смѣкать умѣешь. *Бога ради молчи о семъ!*

Видишь-ли, почтенный Арсеній Андреевичъ, что я хлопочу не за себя, а за того, кто будетъ послѣ. Увидите, что по быстрому ходу всѣхъ воинственныхъ въ Персіи учрежденій, ему не такъ уже легко будетъ, и что потерявъ теперешнее время, поздно будетъ помышлять о семъ послѣ. Не дожить бы до стыда, не зная другаго, кромѣ славы! Еще повторю: употреби свой кредитъ и взгляни со вниманіемъ на сроки, которые положилъ я на составленіе гарнизоновъ и ты еще болѣе убѣдишься, что я не въ свою собственную пользу толкую. Не будете имѣть ни одного на моемъ мѣстѣ, который бы такъ мало помышлялъ о войнѣ, какъ я. Къ моимъ проектамъ можно быть довѣрчивѣе. Скажи мнѣ не шутя мысли свои о семъ проектѣ, не говоря о перемѣнѣ амуниціи, за которую можетъ быть и побранятъ, но она не составляетъ важнаго пункта, а я лишь бы сказалъ правду, брани не боюсь!

Успокой Петрахана (кн. П. М. Волконскаго), я право начинаю вѣрить, что онъ иногда чортъ знаетъ что обо мнѣ мыслитъ, а какъ еще подумаешь, что ему маршировать вмѣсто Барклая, то прощай всѣ мои проекты. Съ нимъ можно примириться тѣмъ, что прежде могутъ выступить Витгенштейнъ и Милорадовичъ!!! О назначеніи перваго изъ сихъ во 2-ю армію ты писалъ ко мнѣ о носящемся слухѣ, но скажи, что второй

значитъ въ представительномъ правительствѣ, въ новомъ нашемъ царствѣ? Помнится мнѣ, что ни въ одной конституціи въ свѣтѣ нѣтъ особеннаго законоположенія о шутахъ. Зачѣмъ выпустили вы его въ Варшаву, на немъ Андреевская лента и сердце мое обливается кровью, вспоминая *о чинѣ его*. Примѣчаешь-ли, что я уже о семъ весьма забочусь. Какъ не завидовать генералъ-лейтенантамъ, имъ нѣтъ никакой нужды быть неравнодушными. Исторія производства моего чрезвычайно интересна. Ты, почтенный Арсеній, и самъ поступалъ и другихъ подстрекалъ важно. Какъ отчаянно дѣйствовалъ Петраханъ, скажи не задалъ-ли ты ему шпанскихъ мухъ!

Совершенно справедливо мнѣніе твое, что съ чиномъ никакого награжденія сравнивать нельзя, но что благоволительный рескриптъ гораздо лучше и лестнѣе 1-го Владиміра. Симъ послѣднимъ вы бы меня исправно рѣзанули.

По дружескому твоему совѣту я благодарилъ Петрахана и Каподистрія, но слегка, ибо письма ихъ могутъ быть прочитаны, я боялся сдѣлать имъ самимъ вредъ. Теперь прилагаю у сего по запискѣ каждому, которыя удержи у себя и отдай самъ, какъ они возвратятся.

Весьма непріятно мнѣ было прочесть то, что пишешь о братѣ Михайлѣ (графѣ Воронцовѣ). Какъ онъ съ чудесною своею дѣятельностію не успѣлъ достать ко времени ремонты? Но впрочемъ, если и чувствительно было получить о томъ указъ, лучше было бы признаться въ неосмотрительности, нежели писать, что онъ примѣчаетъ дѣлаемыя ему неудовольствія. Подобное письмо можетъ быть причиною непріятнаго на счетъ его заключенія и недостойно его, ибо кто согласится съ нимъ, чтобы имѣли въ виду огорчать его при его способностяхъ, при его рвеніи въ службѣ, которую предпочитаетъ онъ всѣмъ прочимъ занятіямъ, при заслугахъ имъ оказанныхъ? Кто не понимаетъ, что Государю пріятно и даже удобно благотворить такому человѣку, котораго достоинства подкрѣпляемы и знатною породою и извѣстнымъ именемъ и памятію заслугъ праотцевъ. Многіе подумать могутъ, что онъ человѣкъ недовольный! Ты, почтенный Арсеній Андреевичъ, долженъ остерегать его, какъ человѣка тебя душевно любящаго и при подобныхъ указахъ предупредить, что̀ ему дѣлать, особливо зная его характеръ. Онъ всеконечно будетъ тебѣ благодаренъ, а то съ нимъ случится, что со всѣми, имѣющими завистниковъ, что воспользуются обстоятельствами и будутъ искать вредить. Говоря съ тобою откровенно, могу сказать, что до сего доводитъ брата Михайлу чрезмѣрная его тонкость и онъ, конечно, рѣшившись послать письмо, имѣлъ что-нибудь въ предметѣ, что мы съ тобою оба не понимаемъ. Зачѣмъ

ему необыкновенныя средства, онъ имѣетъ столько выгодъ съ своей стороны, что ему довольно одной прямой дороги?

Прелюбопытно описаніе воинскаго поселенія, но я трудно его понимаю, ибо оно совсѣмъ измѣнилось противъ прежняго предположенія. Тамъ выгоняли поселянъ на кочевье, чтобы воспользоваться ихъ землею, а теперь поселяне кажется хотятъ бросить землю, но ихъ бѣжать не пускаютъ. Не зная постановленій, не могу ничего сказать; я письмомъ прошу графа Аракчеева прислать мнѣ узаконенія о семъ новомъ совершенно учрежденіи. Нельзя не удивиться, какія орудія избраны для приведенія въ исполненіе сего труднаго и многосложнаго плана. Лисаневичъ, Виттъ, Княжнинъ и Александровъ не самые благонадежные залоги въ успѣхѣ. Я постигаю возможность здѣсь сдѣлать хорошія заведенія, но совсѣмъ въ другомъ родѣ и здѣсь они не представляютъ ни малѣйшей опасности, ибо поселяне, угрожаемые отъ сосѣдей опасностію, весьма близки къ воинственному состоянію и знакомы съ оружіемъ, то истинная перемѣна будетъ состоять болѣе въ званіи или имени нежели въ самой вещи, но и къ сему не иначе приступить должно, какъ съ чрезвычайною осторожностью. Я о семъ буду думать и составлю замѣчаніе; теперь собственно изъ осторожности запасаюсь разными свѣдѣніями.

Не можно-ли, почтенный Арсеній Андреевичъ, достать въ дѣлахъ бывшей военной коллегіи постановленіе о поселеніи гусарскихъ полковъ изъ сербовъ и молдаванъ на Днѣпровской линіи. Оно, кажется, мнѣ проектировано было генераломъ (Алексѣемъ Петровичемъ) Мельгуновымъ въ 1764 или близкихъ годахъ. Сдѣлай дружбу, прикажи порыться въ бумагахъ, а между тѣмъ я пишу на удачу къ екатеринославскому губернатору, нѣтъ-ли тамъ какихъ слѣдовъ онаго. Кто сей молодецъ, который бы отыскалъ въ военной коллегіи планъ *графа Захарія Григорьевича Чернышева* о поселеніи войскъ и противъ коего Екатерина II возразила однимъ тѣмъ только, что въ такомъ большомъ количествѣ соединенные военные люди могутъ быть опасными внутреннему спокойствію государства. Извѣстно тебѣ, что человѣкъ сей былъ одинъ изъ умнѣйшихъ, каковыхъ производитъ природа, и легко быть можетъ, что у него найдемъ мы лучшее основаніе учрежденіямъ, которыя мутятъ теперь головы и нерѣдко заставляютъ поступать ощупью тамъ, гдѣ можно бы идти съ большею вѣрностью при свѣтѣ опытности. Не заставляй отыскивать своего собственнаго Княжнина, онъ сообщитъ другому, подъ мудрымъ коего наблюденіемъ процвѣтаютъ нынѣшнія поселенія,

мы вызовемъ сильную вражду и препятствія разнаго рода, если когда надобно будетъ приняться за дѣло.

Спасибо за прапорщика Яковлева, что ты простилъ его поступокъ. То, что другіе дѣлаютъ строгостію, ты имѣешь даръ исправлять великодушіемъ. Одно другаго гораздо лучше! Старикъ нашъ графъ Беннигсенъ, какъ ты говоришь, идетъ въ отставку. Жаль было бы еще болѣе достойнаго сего человѣка, если бы ему двадцатью годами было менѣе, теперь и онъ уже мало способенъ. Но со всѣмъ тѣмъ вы его не вознаградили Витгенштейномъ. Совсѣмъ не удивляюсь, что *Рудзевичъ* съ симъ послѣднимъ служить не намѣренъ, человѣкъ такъ хорошо извѣстный не потерпитъ безпутства, еще менѣе взять ихъ на свой счетъ.

Формальная бумага моя покажетъ тебѣ какимъ образомъ укомплектовывается мой корпусъ людьми изъ вторыхъ баталіоновъ 1-й арміи. Ты представить не можешь, какія поступаютъ каррикатуры, но на сіе роптать не имѣю права, ибо гдѣ бы то ни было, они будучи еще годными, служить должны. Но ко мнѣ поступило и въ числѣ способныхъ, все дряхлое, вялое, неопрятное и даже бывшіе нестроевыми. Какъ можно требовать отъ сихъ людей дѣятельной и живой службы, здѣсь по истинѣ не менѣе необходимой, какъ и въ 1-й арміи. Послѣ сего удивляться будутъ, что впослѣдствіи много людей оказываться будутъ неспособными и вѣчно требовать пополненіе. Я самъ осматривалъ каждаго неспособнаго порознь со вниманіемъ, многихъ не показалъ таковыми и теперь заваливаю ими и госпитали и полковые лазареты. Сими вторыми баталіонами приказано было пополнить недостатокъ въ двухъ дѣйствующихъ, но люди мнѣ показали, что въ баталіонахъ перемѣняли наличныхъ людей. Доведи о семъ въ разговорѣ до свѣдѣнія Государя, за что здѣшній корпусъ долженъ быть вмѣстилищемъ всѣхъ мерзостей 1-й арміи. Новый главнокомандующій вашъ *Дибичъ* поступилъ не честно и не знаетъ, что дѣлалось въ полкахъ.

Прощай! люби по прежнему душевно тебя почитающаго

А. Ермолова.

Еще вторительно благодарю тебя за племянника моего Коховскаго. Если бы не настоятельность твоя, почтенный Арсеній Андреевичъ, можетъ быть и ничего бы не было, а ты Петрахана (кн. П. М. Волконскаго), такъ сказать, изнасильствовалъ. Если затрудняетъ тебя къ которому изъ Вельяминовыхъ назначить его въ адъютанты, то напиши къ моему, то-есть начальнику штаба, у него по недавности въ чинѣ еще нѣтъ онаго. Я воображаю, какую это сдѣлаетъ радость отцу его, который, имѣя его одного сына, отдалъ на службу въ армейскій полкъ унтеръ-офице-

ромъ. Хорошо, что тогда можно было скоро выпросить въ прапорщики, а могъ бы и долго не быть имъ. Онъ содержится у меня въ страхѣ Божіемъ. Ему внушается, что онъ бѣдный человѣкъ и незнатной породы и что ему надобно трудиться, чтобы службою достать что-нибудь. Переводъ въ гвардію есть такое для него счастіе, которое, конечно, онъ не ожидалъ, да и я не совсѣмъ смѣлъ на то надѣяться и пока благодѣяніе, что назначаете адъютантомъ; онъ по недостатку не могъ бы содержать себя въ гвардіи и долженъ бы лишиться пріобрѣтенныхъ переводомъ выгодъ. Благодарю тебя, почтеннѣйшій Арсеній.

Если Самойлову, который у меня, не мѣшаетъ чинъ подпоручика, то сдѣлай его адъютантомъ ко мнѣ. Онъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Если же мѣшаетъ, то въ должность адъютанта. Мнѣ бы не хотѣлось прекраснаго сего молодаго человѣка отлучать отъ себя и его мать того желаетъ. Онъ принадлежалъ къ посольству, какъ кавалеръ онаго, и я его удерживаю—не знаю почему. Сдѣлай дружбу, присвоеніе его мною сдѣлай законнымъ. Я былъ нѣкогда облагодѣтельствованъ отцомъ его и былъ его адъютантомъ; мнѣ пріятно было бы, въ свою очередь, быть полезнымъ его сыну. Ты вѣрно одобришь сіе чувство и намѣреніе. Дождись Государя и тогда сіе сдѣлай. Я представляю о переводѣ штабсъ-капитана Попова изъ Казанскаго полка въ 15-й егерскій. Сдѣлай дружбу, переведи, офицеръ хорошій и въ полку гонимъ командиромъ и уже много потерпѣлъ, такъ что хотя и важно надулъ я командира, но ему въ полку никакъ остаться невозможно. Скажи, что въ 15-мъ егерскомъ нужны офицеры, ибо полкъ почти весь расположенъ по-ротно и важные занимаетъ посты. Не откажите, Бога ради, боюсь пропадетъ хорошій офицеръ, а у меня таковыхъ немного.

168.

31-го мая 1818 г. лагерь на р. Сунжѣ.

Послѣднее письмо твое получилъ съ фельдъегеремъ Ивановымъ и радъ чрезвычайно, что съ такимъ человѣкомъ, который умѣлъ мнѣ разсказать нѣкоторыя подробности о твоей жизни. Не можешь представить, любезный братъ Арсеній, какъ въ сторонѣ такой, какъ я живу, радостно слышать добрую вѣсть о хорошемъ пріятелѣ. Онъ сказывалъ мнѣ, что чудесное устройство управляемыхъ тобою частей даетъ уже тебѣ возможность иногда послѣ обѣда быть свободнымъ и помышлять о нѣкоторыхъ прогулкахъ. Простое сіе замѣчаніе имѣетъ однакоже основа-

тельность, ибо онъ же въ продолженіе многаго времени могъ видать тебя столько занятаго, что и на сонъ едва-ли доставало времени.

Всѣхъ лучше *Ив. Алекс.* Вельяминовъ могъ, какъ человѣкъ умный, разсуждать о томъ успѣхѣ въ устройствѣ, котораго достигъ ты неимовѣрными трудами твоими и терпѣніемъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что давши и быстрый и порядочный всему ходъ, ты даже не упустилъ изъ виду и самую типографію твою сдѣлать общимъ удивленіемъ. Желалъ бы я хотя минуту все это видѣть и сему, любезный Арсеній, надобно случиться, конечно не будущую зиму, но слѣдующій годъ мнѣ можетъ быть необходимымъ взглянуть на васъ хотя мигомъ. Сего можетъ потребовать польза самой службы. Я обниму тебя, какъ истиннаго друга, и ты увидишь еще большее почтеніе, которое имѣю я къ благороднѣйшимъ свойствамъ рѣдкой души твоей.

Болтливая молва донесла и въ дальній мой край слухъ о твоей женитьбѣ и любящіе тебя увѣдомляютъ меня о томъ, а ты скрываешь отъ меня и не говоришь ни слова. Мало у тебя близкихъ, кого же можешь ты болѣе меня тѣмъ обрадовать? Я забочусь о женѣ, но увѣренъ, что и ты изберешь и судьба справедливая дастъ тебѣ жену достойную. Не менѣе знаю, что не безполезно и хорошее состояніе, ибо ты и нужное у себя отъемля, умѣлъ надѣлять нуждающихся. Прошу Бога отъ сердца чистаго о твоемъ счастіи, но ты скрываешь отъ меня и не говоришь ни слова.

Теперь и я скажу тебѣ о томъ, что здѣсь происходитъ.

Переправясь чрезъ возвысившіяся весьма воды Терека, я съ 24-го числа нахожусь на Сунжѣ. Предшествовавшій явленію ужасной рожи моей слухъ обо мнѣ еще ужаснѣйшій содержитъ чеченцевъ въ страхѣ и трепетѣ. Ближайшіе изъ нихъ, которыхъ постигнуть можетъ казнь, чрезвычайно покорны, возятъ мнѣ въ лагерь хворостъ и 500 повозокъ съ Терека перевозятъ мнѣ провіантъ безденежно. Живущіе за Сунжею присылали уже старшинъ просить позволенія жить безмятежно и въ безопасности. Отвѣтъ мой: отдайте всѣхъ плѣнныхъ русскихъ и тогда стану я говорить съ вами и можете надѣяться пощады и милости. Я успѣлъ увѣрить ихъ, что не Сунжа есть главнымъ моимъ предметомъ, но что въ сердцѣ земли ихъ устрою я крѣпость. Между тѣмъ, бѣгутъ изъ-за Сунжи многія деревни, женъ и дѣтей увозятъ въ горы, бросаютъ хозяйство и въ душѣ отчаяніе. Я готовъ весьма на то, что мнѣ плѣнныхъ не отдадутъ, особливо такихъ, которые уже перемѣнили законъ, обженились и имѣютъ дѣтей и сему причиною будетъ надежда ихъ на высокія въ Сунжѣ воды и на лѣсъ густымъ листомъ покры-

тый; спадутъ и воды и листья, главнѣйшая ихъ оборона и я увижу ихъ покорнѣйшими. Между тѣмъ, уже обѣщаютъ продать мнѣ строевой для крѣпости лѣсъ или по крайней мѣрѣ до того дойти надѣюсь, что допустятъ меня вырубать оный безъ большой опасности. Какъ бы перемѣнили они мнѣніе свое, если бы узнали, что мнѣ нѣтъ никакой пользы идти за Сунжу, и что я даже того сдѣлать не могу, ибо три четверти людей моихъ такъ молоды и недавно въ службѣ, что не видывали непріятеля и что таковыхъ не пріуча нѣсколько прежде не поведу я противъ звѣрей, каковы чеченцы и которыхъ самая крайность призоветъ къ оборонѣ. Я избралъ вѣрнѣйшую систему. Позволю имъ храбриться и между тѣмъ буду строить крѣпости. Во все продолженіе лѣта простоятъ они подъ ружьемъ и въ робкой осторожности, ни жать хлѣба, ни сѣна возить нельзя будетъ и семейства ихъ скитаясь въ горахъ удалены будутъ отъ хозяйства. Настигнетъ глубокая осень, у меня будутъ крѣпости, у нихъ не будетъ хлѣба, обнажится лѣсъ и не будетъ защиты,—осторожность утомитъ ихъ; рѣка Сунжа будетъ глубиною по колѣно и отъ крѣпостей моихъ до самыхъ злодѣйскихъ селеній не далѣе 20 или 25 верстъ. Тогда я буду господствовать и заплатимъ за слезы и кровь русскую пролитыя разбойниками.

До сего времени съ ихъ стороны было нѣсколько пустыхъ выстрѣловъ ночью по цѣпи лагеря. Съ нашей стороны одинъ ружейный выстрѣлъ, сдѣланный молодымъ солдатомъ отъ робости. Далѣе что случится, буду тебѣ писать обстоятельно.

Благодарю за исходатайствованіе командировъ въ поселенные казачьи полки. Казаки такъ нерадиво служатъ, что я такой мерзости не видывалъ. На пикетахъ спятъ какъ на квартирахъ и все причиною негодные ихъ чиновники (офицеры), но у меня въ большомъ дѣйствіи плети. Ими надѣляю казаковъ, а офицеровъ ихъ приглашаю къ себѣ въ ставку по дружески и тамъ безъ свидѣтелей за святыя и въ потасовку. Имъ объявлено, что если кто изъ нихъ будучи въ должности найденъ будетъ ночью спящимъ, а паче еще въ постелѣ, то немедленно наказанъ будетъ плетьми, подъ видомъ будто деньщикъ (драбантъ), воспользовавшись отсутствіемъ своего офицера, дерзнулъ влѣзть на его постель.

Сіе счастливое изобрѣтеніе весьма ихъ устрашаетъ и таково, что нельзя никакъ ко мнѣ привязаться.

Шультенъ, о коемъ ты пишешь, есть славнѣйшій храбрый и отлично благородный человѣкъ, словомъ достойный пріятель *Котляревскаго*, но причины по коимъ не можетъ онъ съ пользою быть командиромъ казачьяго полка, объяснилъ я тебѣ въ формальной бумагѣ. Я

радъ былъ бы душевно, если бы онъ избралъ какое мѣсто въ Грузіи, ибо онъ сокровище, а такъ много мѣстъ гдѣ бы онъ былъ нуженъ.

По приказанію твоему сообщать тебѣ обо всемъ до здѣшняго края относящемся, я препровождаю тебѣ нѣсколько копій съ письма и бумагъ моихъ къ Государю. Ты изъ нихъ увидишь планъ новой линіи лѣваго фланга, которую необходимо учредить надобно. Письмо же объяснитъ тебѣ состояніе здѣсь гражданской части; о семъ послѣднемъ не говори ради Бога никому, ибо мошенники легко могутъ предупредить и отвратить дѣйствіе онаго. Вотъ проклятая часть, отъемлющая у меня большую часть времени. Одна бумага, которою требую я права лишать чиновъ офицеровъ иррегулярныхъ войскъ по приговорамъ военнаго суда, также равно иновѣрцевъ чины офицерскіе имѣющихъ. Я теряю симъ преимущество, которое надъ многими начальниками я имѣю, то есть привязанность ко мнѣ офицеровъ, но меня къ тому понудила самая необходимость. Здѣсь безъ страха ничего не сдѣлаешь, а надобно только весьма небольшое число строгихъ примѣровъ. Вѣрь, любезный другъ, что сколько я ни строгъ, но не легко однакоже мнѣ дѣлать несчастливыхъ, ибо я сдѣлалъ надъ собою самимъ полезный опытъ, какъ тяжко переносить несчастье.

Старика Дельпоццо огорчило его назначеніе, ибо онъ принимаетъ оное за неблаговоленіе Государя и онъ меня весьма тронулъ, ибо прискорбно видѣть старика слишкомъ гораздо 70 лѣтъ, отчаявающагося въ милости Государя въ преддверіи почти гроба. Если по порядку тебѣ лучше извѣстному, возможно исходатайствовать ему рескриптъ за собственноручнымъ подписомъ, въ которомъ упомянуть, что за безкорыстіе жалуются ему, яко человѣку недостаточному, столовыя деньги, тѣ о коихъ я прошу, то ты отпустишь старика счастливымъ на тотъ свѣтъ и онъ еще при жизни будетъ въ раю. Сдѣлай сіе благодѣяніе и меня успокоишь, ибо хотя скромный старикъ не говоритъ мнѣ, но кажется обвиняетъ меня въ несчастіи, а я терплю за васъ, ибо просилъ ему другаго мѣста!

Какъ благодарить тебя за Коховскаго? Онъ благополученъ свыше моего ожиданія. Я признаюсь, что я потому только повѣрилъ глазамъ моимъ, читая о переводѣ въ Егерскій гвардейскій полкъ, что зналъ о твоемъ для меня стараніи.

Ты чрезвычайно тронулъ меня письмомъ твоимъ, почтеннѣйшій Арсеній, въ отвѣтъ на то, которымъ благодарилъ я тебя за обрадованіе отца моего извѣстіемъ о моемъ производствѣ. Скажи, благороднѣйшій Арсеній, какъ мнѣ не любить и не почитать тебя какъ брата? Прочти въ душѣ моей и, конечно, будешь мнѣ другомъ!

За что убиваешь ты меня производствомъ *барона Вреде* въ генералъ-маіоры! Неужели недовольно горести и несчастія моего отъ кончины Загорскаго? Представь, что тотъ, котораго въ низкихъ чинахъ не истребили палочные удары, въ полученіи коихъ онъ хвастливо признавался; тотъ, котораго въ степеняхъ вышнихъ не сокрушила и самая язва, нынѣ палъ подъ слабыми обыкновенной болѣзни усиліями...

Поблагодари Марью Осиповну Марченкову за наливку. Я вѣрю, что она должна была быть чрезвычайная, судя по одной оставшейся бутылкѣ, ибо прочія, къ сожалѣнію, разбились въ дребезги. Какого лишенъ наслажденія человѣкъ живущій въ лагерѣ! Однакоже я не менѣе благодарю сестру. Братъ Василій не забылъ меня и писалъ изъ *Варшавы*.

Государя я не видалъ, ибо въ то самое время переправлялъ я войска за Терекъ и не смѣлъ отлучиться, впрочемъ онъ былъ въ Черкаскѣ только сутки и слѣдовательно въ суматохѣ.

169.

9-го іюля 1818 г., лагерь на Сунжѣ.

Наконецъ и въ наши страны отдаленныя достигъ слухъ о кончинѣ фельдмаршала! Съ робостію ожидалъ я, что вѣсть сія произведетъ отчаяніе въ войскахъ, но мало здѣсь служившихъ подъ его знаменами, мало весьма нѣмцевъ и потому мало слезъ. Я думалъ не горесть-ли стѣснившая ихъ сердца остановила теченіе ихъ; ожидалъ и нѣтъ ни капли! Растерзанный печалію, которая тѣмъ тягостнѣе, что никто ея не раздѣляетъ, я обратился, наконецъ, къ Виртембергской моей колоніи. Неблагодарные! они говорятъ, что не одна земля произвела ихъ съ героемъ. Не знаютъ, что великіе люди принадлежатъ вообще всѣмъ народамъ. Неужели судьба жестокая возложитъ всю печаль на однихъ лифляндцевъ!

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ ничего не сказалъ я тебѣ о замѣчаніяхъ его на кампанію 1812 года, которыя ты мнѣ съ такими ужасными условіями доставилъ. Не знаю съ какимъ намѣреніемъ онъ ихъ писалъ! Ошибки не преступленія и въ нихъ не было нужды оправдываться, а что съ честію и усердіемъ служилъ онъ, то и самые непріятели его не сомнѣваются. Не дай Господи и оправдываться такимъ неловкимъ образомъ! Онъ многихъ насъ старался обработать. Мнѣ напрасно далъ наименованіе интриганта, ибо я весьма явнымъ образомъ признавался, что я въ немъ ничего не видалъ, кромѣ человѣка весьма

обыкновеннаго и даже посредственнаго. Какъ примѣтна злоба его на меня за приверженность мою къ Великому Князю и за то, что я привязанъ былъ къ покойному князю Багратіону. Мѣщанская холодная нѣмецкая душа незнакома съ чувствами благодарности. Я до смерти не забуду благодѣяній перваго и память послѣдняго почту искреннѣйшимъ воспоминаніемъ. И рижскій мѣщанинъ хотѣлъ, чтобы я измѣнилъ священнѣйшимъ обязанностямъ! Часто помню я разсужденія твои о свойствахъ души умершаго и вижу справедливость. Довольно двухъ страницъ для человѣка, которому и двухъ строкъ нельзя посвятить безъ упрека совѣсти!

Теперь о дѣлѣ.

Ты увидишь рапортъ мой о смерти полковника барона Шульца. Надобенъ на мѣсто его хорошій командиръ для полка совершенно молодаго, о которомъ онъ заботясь много, сыскалъ общую всѣхъ привязанность и оплакиваемъ всѣми. Я мало видалъ столько молодой полкъ, и по несчастію въ немъ есть не мало опредѣленныхъ изъ бродягъ, которые даютъ всякіе развратные примѣры; бѣжавшіе также нерѣдко случаются. Старайся, почтенный Арсеній, чтобы полковой командиръ былъ съ нѣкоторымъ состояніемъ, ибо полкъ весьма бѣденъ и здѣсь при средствахъ весьма малыхъ, не будетъ онъ въ томъ состояніи устройства, который даетъ позволительный избытокъ.

Жаль мнѣ, что бывшій въ Егерскомъ гвардейскомъ полку Ермоловъ подпалъ подъ гнѣвъ Государя. Здѣсь его настоящее мѣсто. Онъ неблагопристойно счастливъ былъ по службѣ и потому надобно еще то заслуживать; весьма молодъ и нѣсколько проведенныхъ здѣсь лѣтъ можетъ еще не считать потерею, на что, конечно, многіе не рѣшатся, ибо отказаться надобно отъ всѣхъ въ жизни удовольствій, которыя молодыми людьми ставятся въ большой очень цѣнѣ. Имѣетъ состояніе, которое здѣсь ни на что не надобно, если не употреблять его на пользу службы или въ помощь бѣднымъ офицерамъ. Я, любезный Арсеній, хотѣлъ только сказать мое мнѣніе, впрочемъ, не прошу тебя ходатайствовать за Ермолова, онъ долженъ самъ заслуживать доброе замѣчаніе и имѣвши такое воспитаніе какъ онъ и такъ хорошо учившись, рано или поздно увидятъ, что онъ весьма годенъ. Служба наша не слишкомъ богата мудрецами! При мнѣ есть братъ, служившій въ Семеновскомъ полку—не опредѣлите его какъ-нибудь. Онъ человѣкъ весьма бѣдный и будучи старшимъ въ семействѣ, имѣетъ семь человѣкъ на своихъ рукахъ; его сіе назначеніе погубитъ. Онъ можетъ быть весьма хорошій полковой командиръ, но я буду послѣ просить ему полкъ въ

Россіи, гдѣ можетъ онъ имѣть нѣкоторый присмотръ и за бѣднымъ своимъ семействомъ. И Хотунцевъ умеръ! Еслибы не гордость въ немъ турецкаго султана и злобный характеръ, за который ненавидѣли его подчиненные и который наклонялъ его къ большимъ несправедливостямъ, я бы жалѣлъ его, какъ лучшаго изъ здѣшнихъ генераловъ. По старшинству въ чинѣ его я не зналъ, что изъ него дѣлать и смерть большія разрѣшила затрудненія. Хорошо, что онъ умеръ въ Россіи, а то подозрительно, что я по малу сбываю съ рукъ.

Горе заставило просить о производствѣ полковника *Краббе*. Онъ изъ старшихъ полковниковъ, конечно, лучшій, но не мѣшало бы, еслибы на мѣсто его дали мнѣ лучшаго, но гдѣ они у васъ въ излишествѣ и кто захочетъ жить въ Дагестанѣ, въ сравненіи съ которымъ и Грузія есть уже земля просвѣщенная. Стану на колѣни, если дадите мнѣ молодца для Дагестана. Земля сія издавна служитъ убѣжищемъ измѣнникамъ и всѣмъ злонамѣреннымъ людямъ, которыхъ Персія употребляетъ какъ орудіе для возмущенія горскихъ противъ насъ народовъ, гдѣ могутъ стать большія противъ насъ силы и народовъ болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ согласныхъ.

До сего времени продолжительныя возмущенія въ Грузіи, предмѣстниковъ моихъ при малыхъ ихъ средствахъ заставляли ихъ ласкать сіи народы и смотрѣть сквозь пальцы на разныя злодѣйства ихъ и злоумышленія, а иногда по необходимости даже и быть снисходительными въ самыхъ преступленіяхъ. Теперь видятъ они, что нельзя всего того дѣлать, что прежде и что многіе изъ управляющихъ сими народами теряютъ отъ того власть свою и большія выгоды, они стараются тѣснѣйшею соединиться дружбою и возбудивъ глупый народъ внушеніями, что вѣра магометанская угрожаема опасностію, пріуготовить его возстать на насъ всѣми силами, когда внѣшняя война будетъ къ тому благопріятствовать. Тебѣ какъ другу вѣрному скажу, что я вижу сіи замыслы и собирающуюся грозу.

Притворяюсь до времени, что я того не примѣчаю и многихъ изъ самыхъ мошенниковъ увѣряю въ дружбѣ и признательности за ихъ вѣрность. Хотѣлъ осенью быть въ Дагестанѣ, но думаю, что здѣшнія обстоятельства не допустятъ. Весною же буду непремѣнно и замысламъ злодѣевъ—ударъ. Тотчасъ между ими родится ссора, явятся предатели и ничего не будетъ сокровеннаго. Не изъ хвастовства скажу тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній, что здѣсь одно имя мое замѣняетъ нѣсколько баталіоновъ; трепетъ ужасный! Между здѣшними народами невозможно поступать иначе. Если все силою и оружіемъ, у Государя не

станетъ солдатъ. Я былъ бы съумасшедшій, еслибы думалъ Дагестанъ удерживать силою; тамъ у меня четыре баталіона весьма не комплектныхъ и самыхъ скверныхъ полковъ, которые теперь только и весьма еще мало начинаютъ поправляться. Дагестанцевъ двадцать и болѣе тысячъ легко собраться могутъ. Не шутя найдите молодца или мнѣ надѣлаете хлопотъ. Доложи Государю, что я знаю способнаго для того человѣка полковника *Николая Столыпина*, командира Оренбургскаго уланскаго полка. Онъ офицеръ неустрашимый, что необходимо надобно; безкорыстный, что не менѣе нужно, ибо многіе бывшіе тамъ начальники не могли симъ похвастать и имени русскому немного сдѣлали чести. Если произведутъ его въ генералъ-маіоры, онъ можетъ имѣть 1-ю бригаду 20-й пѣхотной дивизіи и управлять Дагестаномъ, а горскихъ народовъ управленіе я возьму на себя и буду помогать ему, что и теперь дѣлаю не менѣе. Краббе можетъ имѣть другую въ той же дивизіи бригаду, а произведенный недавно изъ артиллеріи *баронъ Вреде* можетъ быть при дивизіонномъ командирѣ. Чтобы Великій Князь не прогнѣвался, что я прошу офицера изъ кавалеріи безъ его соизволенія, я пишу о томъ къ Курутѣ, которое письмо прошу приказать ему доставить. Я живу въ лагерѣ на Сунжѣ. Чеченцы, на лѣвомъ берегу сея рѣки живущіе, начинаютъ понемногу пріучаться къ необходимости покорствовать намъ и къ удивленію въ полтора мѣсяца пребыванія здѣсь войскъ оказываютъ нѣкоторое усердіе, конечно, изъ страха, ибо хлѣбъ ихъ и скотъ весь на нашей сторонѣ. Родственныя и мошенническія связи всѣ за рѣкою, гдѣ жители, защищенные густыми лѣсами и трудными проходами, намъ противятся, и удаливъ въ лѣса женъ, дѣтей и имущество, всѣ подъ ружьемъ ожидаютъ моего прибытія, которому весьма вѣрятъ и не подозрѣваютъ, что я и въ помышленіи того не имѣю. Не смѣютъ приняться за сѣнокосы и уборку хлѣба, который хотя на той сторонѣ рѣки, но по близости отъ нашего лагеря. Между тѣмъ многія уже деревни ищутъ примиренія и даютъ аманатовъ, но я предлагаю условія, которыя имъ не нравятся. Я въ томъ нахожу довольно вѣрный счетъ, ибо не соглашаясь содержу ихъ въ опасности, отвлекаю отъ домашнихъ работъ, а въ продолженіе того приблизится осень и листъ обнажа лѣса, теперешнюю ихъ твердыню, покажетъ имъ, что противиться долѣе невозможно и я получу то, что требую или, по крайней мѣрѣ, конечно, въ будущемъ году того достигну. Мнѣ надобны всѣ схваченные ими въ плѣнъ русскіе люди, а паче бѣглые и уже принявшіе законъ ихъ. Сіи два обстоятельства наитруднѣйшія, но необходимо нужныя, дабы солдаты наши воздержались отъ побѣговъ, видя,

что чеченцы укрывать ихъ не могутъ. Въ семъ можетъ быть и не успѣю скоро, но возвратить плѣнныхъ, которые закона не перемѣнили и у нихъ не оженились, въ семъ не откажутъ и уже есть къ тому готовность. Теперь непреклонность ихъ происходитъ отъ того, что они ожидаютъ помощи отъ сосѣдственныхъ лезгинъ, жителей горъ, въ которыя не проникало оружіе наше. Мнѣ жаль, что они обманутся въ надеждахъ своихъ и столько не получатъ помощи какъ ожидаютъ. Можетъ быть они осмѣлились бы выдти изъ засадъ своихъ и тогда чеченцевъ и лезгинъ можно бы было задушить однимъ разомъ для сокращенія хлопотъ.

Не можешь представить себѣ, какую скучную веду я жизнь на Сунжѣ; если бы не дѣла, которыхъ множество, можно сойти съ ума. Копаю крѣпость, которую при освященіи наименовалъ *Грозною*. Конечно, она не дастъ покойнаго сна чеченцамъ, стоя близъ большихъ самыхъ дорогъ и удобнѣйшихъ самыхъ бродахъ, чрезъ которые обыкновенно переправлялись они для нападеній па кавказскую линію, куда потому уже не такъ свободенъ доступъ, что возвращеніе не столько, какъ прежде, безопасно.

Будущій годъ съ удовольствіемъ увижу большія во многомъ перемѣны, особливо когда порядочно примусь за самозванцевъ-князей, живущихъ по самому Тереку, которые подъ именемъ мирныхъ, дѣлали наивеличайшія злодѣйства. Я скажу тебѣ объ одномъ изъ главнѣйшихъ сихъ князей-мошенниковъ и по какому праву пользуется онъ прекраснѣйшею землею и довольно значущимъ отъ нефти доходомъ. Командовавшій на линіи (и потомъ въ Грузіи) генералъ Кноррингъ, любилъ весьма женщинъ; трое братьевъ-князей сихъ достали ему дѣвку, укравши оную отъ семейства; братъ сей дѣвки, мстя за похищеніе, убилъ одного изъ трехъ князей. Кноррингъ, опасаясь, чтобы будучи причиною смерти не сдѣлался самъ жертвою ихъ злобы, въ удовлетвореніе ихъ далъ имъ землю прекраснѣйшую, на самомъ берегу Терека, противъ станицы Моздокскаго казачьяго полка, у котораго земли и недостаточно и та гадкая.

Подобными симъ правами многіе пользуются здѣсь снисхожденіемъ нашего начальства. Меня и дѣвкою пріобрѣсть невозможно; ни подарковъ, ни лошадей не беремъ, другъ любезный, и мошенникамъ пришла жизнь плохая...

Не шутя о женщинахъ, имѣю я одинъ полезный планъ. Мнѣ кажется, что тифлисскій внутренній баталіонъ не худо было бы обратить въ поселеніе или здѣсь или въ Грузіи и дать ему женъ изъ вдовъ, оставшихся послѣ солдатъ въ россійскихъ деревняхъ. Они бы въ пустыхъ

мѣстахъ развели хорошія селенія, современемъ нѣкоторыя заведенія, какъ, напримѣръ, суконную въ Грузіи фабрику, и если не брать отъ нихъ дѣтей въ службу, то можно современемъ завести фабрики и ситцевъ или другихъ бумажныхъ матерій. Здѣсь и шерсть и бумага весьма хорошія. Поселеніе сіе можно произвести раздѣля роты, особенно смотря по удобности, и если правительство можетъ имѣть въ предметѣ размноженіе сихъ селеній или таковыхъ, откуда бы дѣти поступали въ военную службу *), то можно причислять къ нимъ изъ полковъ тѣхъ солдатъ, которые по неспособности и безъ того поступили бы во внутреннюю стражу. Напиши мнѣ о семъ твое мнѣніе и что на то скажутъ, если ты сообщишь оное знакомымъ изъ людей дѣловыхъ.

Если (что я ожидаю) неудобно давать въ замужество солдатскихъ вдовъ, то нельзя-ли на первый случай баталіонъ пополнить при будущемъ наборѣ женатыми рекрутами, а тамъ отъ нихъ будутъ дѣти и между собою переженятся.

Человѣкъ, служившій солдатомъ, рѣдко можетъ быть хорошимъ хлѣбопашцемъ. Его трудно увѣрить, чтобы земледѣлецъ не былъ состоянія низшаго, нежели человѣкъ несшій оружіе за отечество. Кромѣ того и сама долговременная отвычка уничтожаетъ уже способность. Здѣсь, въ Грузіи, фабрики могутъ придать ему охоту къ занятіямъ, ибо отъ пріобрѣтенныхъ выгодъ, щедро платить за трудъ возможно, или если и безъ фабрикъ будутъ нѣкоторыя селенія, то виноградные сады вознаградятъ съ избыткомъ всякое другое воздѣланіе земли и въ понятіи простаго человѣка не уничтожатъ его занятіемъ сохою.

Фабрика стеклянная дастъ казнѣ такой доходъ, которому повѣрить невозможно, ибо въ Грузіи бутылка 25 копѣекъ серебромъ стоитъ, немного порядочнѣй—рубль серебромъ. Я писалъ къ министру финансовъ, чтобы прислали съ казенной петербургской фабрики мастера осмотрѣть удобство и какъ устроить заводъ, онъ отвѣтствуетъ, что нѣтъ мастера свободнаго.

Адресовался я къ министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы пригласить людей партикулярныхъ, онъ даетъ мнѣ знать, чтобы я самъ ихъ вызвалъ. Вотъ отвѣты, достойные министровъ страшнѣйшей въ свѣтѣ монархіи, вотъ пособія, преподаваемыя усердному и пламенному ревнителю пользы!

Въ приказахъ Барклая, апрѣля 17 сего года, за № 67, упоми-

*) Таковые не должны быть въ Грузіи, развѣ только на линіи, ибо въ Грузіи полезнѣе будутъ они работниками при фабрикахъ, а солдатъ можно имѣть другихъ.

нается о какомъ-то наставленіи для обученія карабинерныхъ и егерскихъ полковъ, также и состоящихъ стрѣлковъ въ гренадерскихъ и пѣхотныхъ полкахъ. Говорится также и о «правилахъ разсыпнаго строя, или наставленіи о разсыпномъ дѣйствіи пѣхоты».

Прикажи, сдѣлай дружбу, мнѣ оныя доставить поскорѣе. Я, ничего о семъ не зная, но по свойству земли и образу войны здѣшнихъ народовъ, симъ уже занимаюсь, а еще лучше, ежели и сіи постановленія можно употребить въ пользу.

Прикажи прочесть сей приказъ Барклая и по оному все мнѣ доставить.

Поручи также кому нибудь изъ твоихъ адъютантовъ всѣ подобныя до войскъ относящіяся новости доставлять ко мнѣ, ибо иначе я ни о чемъ не услышу. Пусть присылаетъ онъ и то, что составлено будетъ въ Дибичевой арміи или въ какомъ-нибудь изъ корпусовъ, все равно, что хорошее изобрѣтается, гдѣ бы то сдѣлано ни было, а послѣдовать доброму всегда полезно.

Я послалъ къ тебѣ съ послѣднимъ фельдъегеремъ письмо, которое писалъ я Государю въ разсужденіи безпорядковъ въ Кавказской губерніи и просилъ ревизора изъ сенаторовъ также и для Астрахани. Чтò, думаешь ты, сдѣлалось съ симъ письмомъ? Конечно, не угадаешь. Его принялъ онъ какъ донесеніе и отправилъ въ копіи въ комитетъ министровъ. Вотъ твой способъ внушить въ меня довѣренность. Такимъ образомъ можно только заставить молчать и о самой правдѣ, какая выгода можетъ быть поссорить меня со всѣмъ свѣтомъ.

Давно чрезвычайно не имѣю я писемъ отъ брата Михаила (графа Воронцова); намедни въ двухъ только словахъ увѣдомилъ, что ожидаетъ Михаила Павловича. Прикажи отправить мое къ ему письмо о пребываніи на Сунжѣ. Онъ знаетъ старую сію мысль, но не знаетъ новаго къ тому дополненія моего. Еслибы и онъ здѣсь командовалъ, то бы, конечно, не пренебрегъ бы симъ планомъ. Скажи, часто-ли ведетъ онъ съ тобою переписку? Неужели охладѣлъ ко мнѣ?

Производство мое не можетъ быть тому причиною. Онъ слишкомъ благородный человѣкъ, я же былъ его старѣе въ чинѣ и безъ несправедливости нельзя было обойти меня, когда нѣтъ случая сдѣлать что-нибудь полезное.

Скажи, продолжаются-ли слухи о конгрессѣ и когда поѣдетъ Государь? Ты, почтенный Арсеній, пустишься-ли также странствовать или дѣла твои прикуютъ тебя въ Петербургѣ? Признайся въ женитьбѣ хотя нѣсколькими словами, никто болѣе меня тебѣ добра не пожелаетъ!

Грусть мучительная безпрестанно приводитъ на память Барклая. Кто назначается на его мѣсто? Сакенъ, конечно, по всему праву того ожидаетъ, не собирается-ли Милорадовичъ, не надѣется-ли Раевскій? Одного претендента вы уже помѣстили и весьма хорошо, а иначе пришлось бы теперь дать ему большую армію. Или дабы заставить молчать зависть, будетъ Дибичъ начальствовать арміею именемъ Барклая, дабы сего послѣдняго такимъ хотя образомъ сдѣлать безсмертнымъ. Это мысль премудрая! Старшіе генералы повинуясь ему собственно, отъ сего не получили облегченія, что онъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ или сіе званіе не допускаетъ никакого разсчета во времени службы!

Не шутя, увѣдомь меня; я, право, не знаю, а часто и отъ невѣдѣнія погрѣшаешь.

Прощай, почтеннѣйшій Арсеній. Прежде завоюютъ меня чеченцы, нежели я измѣню чувствамъ искренней моей къ тебѣ привязанности и почтенія, и то и другое равно невозможно!

P. S. Прочти письмо мое къ Воронцову, ты увидишь краткую картину земли здѣшней *).

170.

10-го августа 1818 г., лагерь на Сунжѣ.

По справедливости долженъ я начать письмо мое удивленіемъ, что при всей торжественной и праздничной вашей суматохѣ, при множествѣ хлопотъ, съ такою скоростію разрѣшаете вы мои представленія. Ты насмѣшливымъ образомъ называешь ихъ предписаніями, но мнѣ до того нужды нѣтъ и я безъ смѣха скажу тебѣ, благороднѣйшій Арсеній, что нерѣдко и самыя предписанія такъ быстро не исполняются и я все-таки къ тебѣ, какъ источнику необычайной дѣятельности, обращаюсь съ благодареніемъ. Ей-Богу, чудесно! Скажи мнѣ, не ругаете-ли вы меня за безконечныя мои представленія? Но что̀ мнѣ дѣлать, когда всѣ нужды представляются заботливому человѣку, у котораго служба Государю одно занятіе. Не имѣю я права негодовать, что нѣкоторыя изъ представленій остаются безъ исполненія, ибо знаю хорошо, что многія могутъ или не приличествовать обстоятельствамъ, которыя отъ меня сокрыты, или могутъ быть уважены впослѣдствіи времени.

---

*) Письмо это напечатано въ «Архивѣ князя Воронцова», книга XXXVI, стр. 208.

Мнѣ вы должны въ непремѣнную поставить обязанность дѣлать всякаго рода представленія, ибо можетъ на мѣстѣ моемъ быть столько же усердный и даже гораздо способнѣйшій офицеръ, которому легче уже будетъ усовершенствовать и сообразить вещь, когда о ней сдѣлано уже предложеніе, нежели начинать съ первыхъ основаній. Такимъ образомъ, одинъ другому можетъ служить указателемъ полезныхъ предметовъ; а способнѣйшему дастъ счастіе честь исполненія! Но въ то же время должны вы мнѣ позволить одно желаніе, чтобы на всякое мое представленіе сказано мнѣ было: 1) оставлено по обстоятельствамъ безъ исполненія. 2) Можетъ быть приведено въ исполненіе современемъ. 3) Не можетъ быть уважено по причинамъ; но сіи должны быть точно основательныя и весьма уважительныя. И наконецъ разныя другія, которыя всегда начальство удобно находитъ и подчиненному заграждаетъ уста. Сему учить ни котораго изъ начальниковъ не должно.

За Пятерикова вы меня побранили, но лучше за нѣкоторое снисхожденіе, нежели за неуваженіе полковника и болѣе 40 лѣтъ службы. Я не сердитъ! а за хорунжаго не стоило бы дать выговора. Правда, что я присвоилъ нѣкоторую власть, но это не болѣе странно, нежели командовать арміею именемъ умершаго. Развѣ однимъ нѣмцамъ могутъ приличествовать такія чудеса?

Какъ я разумѣю тебя, почтенный Арсеній Андреевичъ, ты слова не напишешь о томъ, что тебѣ собственно за меня непріятно, но почему же ты не посмѣялся данному мнѣ уроку, какъ писать по формѣ рапорты или для смѣха не доставало, чтобы прислать образецъ прописи, которой долженъ я сообразоваться и въ самомъ почеркѣ? Деликатность твоя удержала руку отъ начертанія на объявленіи нумера, но ты тоже виноватъ противъ могущественной формы!

Признаюсь, что не безъ благодарности прочелъ я мнѣніе твое, что представленіе объ оборонѣ крѣпостей и потому нужно, что войскъ по обширности земли весьма немного. Это я весьма чувствую по обстоятельствамъ, въ которыхъ теперь нахожусь. Нарочно рапортъ мой къ князю Петру Михайловичу (князю Волконскому) препровождаю въ твоемъ конвертѣ, чтобы ты прочелъ его. Я знаю, что онъ закричитъ противъ меня, но пусть что-нибудь найдетъ въ опроверженіе.

Тебѣ могу я говорить откровенно, что если хотятъ, чтобы въ короткое время учредилъ я здѣсь нѣкоторый порядокъ и далъ ему основанія прочныя, то надобно непремѣнно усилить мой корпусъ, пока спокойствіе и миръ съ Персіею продолжаются и пока внутреннее ея состояніе весьма далекое отъ тишины тому способствуетъ.

Теперь нужно войскъ на время и не такъ много; послѣ будете давать болѣе, но поздно, ибо не принесутъ такой пользы. Сколько у васъ праздныхъ ничего недѣлающихъ внутри Россіи войскъ, которыхъ и продовольствіе немного дешевле здѣшняго, а можетъ быть и дороже. У меня они, по крайней мѣрѣ, сдѣлали бы дороги, помогли бы дѣлать строенія, чего я войсками корпуса, повсюду разбросанными, конечно, сдѣлать не успѣю.

Твой голосъ силенъ какъ человѣка благоразумнаго, представь имъ основательность моихъ желаній, ибо когда буду я оправдываться, что не успѣлъ въ томъ или другомъ, примутъ-ли въ оправданіе, что я не имѣлъ способовъ? Не всѣ-ли говорить будутъ, что мнѣ ни въ чемъ не отказывали и что я все изгадилъ моею неспособностію и только что хвасталъ и писалъ?

Я знаю, что не дадутъ мнѣ большихъ способовъ, но думаю, что весьма справедливо корпусъ мой составить изъ трехъ дивизій пѣхоты, то-есть въ резервную бригаду прибавить одинъ полкъ егерскій и два линейной пѣхоты, но не включать 8-й егерскій полкъ въ то число, который я возвращу по окончаніи новой учреждаемой линіи, какъ случая экстраординарнаго. Прибавленіе сихъ войскъ весьма умѣренно и нужно только до совершеннаго сформированія обороны крѣпостей. Тогда многіе изъ войскъ корпуса будутъ свободны и уменьшить будетъ возможно. Если бы прибавили полки, нужно двѣ роты легкой артиллеріи, ибо здѣсь пушки замѣняютъ весьма большое число людей и не требуютъ дорогаго содержанія. Если бы не пушки, мнѣ бы и здѣсь не легко было бы удержаться или конечно до сего времени имѣлъ бы я чрезвычайную въ людяхъ потерю. Сихъ двухъ ротъ можно бы тотчасъ сдѣлать назначеніе и безъ потери времени, они могутъ быть осенью нужны.

Рапортъ мой встревожитъ Петрахана (князя П. М. Волконскаго), но если только малѣйшее обратятъ вниманіе, то нѣтъ ни малѣйшей въ немъ неосновательности и труда удовлетворить его! Ты можешь о семъ при случаѣ отпустить слово Бѣлому. Не пренебреги симъ средствомъ для самой службы.

За что братъ Михайло (графъ М. С. Воронцовъ) къ намъ не чистосердеченъ? Какъ справедливо говоришь ты, что намъ въ немъ кромѣ дружбы его ничто не надобно. Не думаю, чтобы могъ онъ найти людей болѣе его любящихъ и желающихъ ему счастія. Неужели вина наша, что въ обоихъ насъ не находитъ онъ равной ему знатности, но, впрочемъ, въ отношеніи къ нему, конечно, ничѣмъ другимъ упрекнуть намъ невозможно!

Я въ сравненіи съ тобою могу назваться новымъ ему знакомымъ, но противъ тебя перемѣниться еще болѣе непростительно. Меня, я думаю, погубилъ чинъ, но можно-ли когда мѣшать графу Воронцову? Намъ, почтенный Арсеній, это урокъ и мы научаемся до гроба не перемѣниться одинъ къ другому. Многія имѣю я причины уважать твою дружбу, но и того забыть не могу, что ты сдѣлалъ съ старикомъ отцомъ моимъ. Ты вырываешь слезы мои!

Весьма радъ, что ты доволенъ признаніемъ моимъ о внутренней стражѣ, правда что чудесное!

Я замѣчаю весьма странное стеченіе обстоятельствъ, что предшествовавшіе обѣихъ армій главнокомандующіе и теперь оными начальствующіе, ни одинъ не имѣетъ русской фамиліи. Былъ еще въ запасѣ Винцингероде, но судьба хочетъ кому-нибудь изъ русскихъ дать мѣсто! Въ самой вещи однакоже сіе не мало случается странно.

Петровъ точно ротмистръ и что странно, что я его отыскалъ здѣсь у водъ и онъ въ здѣшнемъ краю женится на Столыпина родной племянницѣ, чего до вчерашняго дня я не зналъ и послалъ за нимъ, чтобы онъ ко мнѣ пріѣхалъ. Его точно я желаю, но другихъ, право, никого не знаю въ кавалеріи и даже списка не имѣю штабъ-офицеровъ кавалерійскихъ, которые бы привели кого-нибудь изъ знакомыхъ на память. Пришли, сдѣлай дружбу, списки, а между тѣмъ, если возможно, изъ того же Александрійскаго гусарскаго полка дай ротмистра Верзилина. Онъ храбрый офицеръ и имѣетъ Георгіевскій крестъ. Потомъ и о другихъ помышлять будемъ, но признаюсь, что по распутству казаковъ нельзя терять времени!

Теперь, почтенный Арсеній Андреевичъ, съ сердцемъ искреннимъ, съ душевною радостію поздравляю тебя съ намѣреніемъ сочетаться съ графинею Аграфеною Федоровною. Тебя зная, не менѣе знаю я, чего ты желаешь въ своей женѣ; слѣдовательно, какъ будто знакомъ я и съ графинею. Засвидѣтельствуй ей мое совершенное почтеніе и познакомь ея съ моими странностями, изъ коихъ первою почтетъ она ту, что я въ ней вижу какъ добрую мнѣ родную. Дѣвушкѣ большаго свѣта удивительною покажется такая смѣлость непросвѣщеннаго чеченца, но узнаетъ меня и проститъ простотѣ моей. Хорошее вздумалъ ты дѣло, любезный Арсеній Андреевичъ; я нахожу, что никому болѣе какъ тебѣ не приличествуетъ состояніе супруга, ибо холостымъ былъ ты порядочнѣйшимъ человѣкомъ, былъ почитаемъ всѣми твоими сослуживцами, теперь съ тѣми же благороднѣйшими свойствами будетъ у тебя жена

добрая и милая и окружающіе васъ будутъ любить безъ памяти, а я точно какъ у родныхъ буду въ домѣ.

Въ 19 (1819) году послѣдуя твоему совѣту пріѣду зимою въ Петербургъ. По дѣламъ здѣшняго края нужно было бы въ нынѣшнемъ году, но не знаю можно-ли мнѣ будетъ по нѣкоторымъ здѣсь безпокойствамъ; впрочемъ, кажется мнѣ, что и ты въ письмѣ своемъ говоришь не о будущей зимѣ, а о дальнѣйшей. Напиши, сдѣлай дружбу, какъ я понимать долженъ?

Благодарю, что отдалъ мои записочки Петрахану (князю Волконскому) и Каподистрію. Онѣ написаны по твоему совѣту и потому ты долженъ производить надуваніе.

О поселеніи военномъ въ здѣшнемъ краю я точно подумаю и оно здѣсь чрезвычайно полезно быть можетъ, но если не будетъ оно уподобляться теперешнему и, сверхъ того, если разсматриваемо будетъ на *Литейной* *), то можетъ быть и смѣшается съ грязью; но я сердиться не буду, ибо такія вещи и впослѣдствіи могутъ находить защитниковъ, а я правъ буду, что сдѣлаю представленіе. Я досталъ изъ Екатеринославской губерніи о томъ свѣдѣнія.

Самый жестокій критикъ не можетъ не одобрить съ удовольствіемъ изданія военной типографіи объ отличіяхъ войсками полученныхъ. Изданіе роскошное! Достойно было бы твоей типографіи изданіе исторіи всѣхъ войскъ въ Россіи съ самаго начала учрежденія каждой части, съ объясненіемъ всѣхъ происшедшихъ въ оныхъ перемѣнъ и съ точнымъ описаніемъ походовъ или отличныхъ дѣлъ. Есть уже, сколько помню, что-то сему подобное, но не обстоятельное и о весьма небольшомъ числѣ войскъ. Скажи, почтенный Арсеній, свое о семъ мнѣніе! Желалъ бы я хотя на одинъ день впустить моего Наумова въ твои департаменты, дабы научиться порядку и хотя весьма въ маломъ видѣ оному уподобиться. Я не знаю безцѣннѣе человѣка для устройства и точности. и хотя великій Сипягинъ не благоволилъ къ нему, опасаясь въ немъ счастливаго соперника, но я знаю, что ты бы весьма дорого далъ за сего трудолюбиваго и благороднѣйшаго офицера.

Хотя и сбитъ, какъ ты говоришь, *великій человѣкъ* съ поля славы, однакоже вижу я, что онъ сохранилъ свою коммуникацію съ Всеволожскимъ и это изъ ретирадъ, конечно, не весьма худая.

Правду и весьма правду говоришь, почтеннѣйшій братъ Арсеній Андреевичъ, что письмо мое зло и тебѣ не должно нравиться; но кто

*) На Литейной жилъ графъ Аракчеевъ.

могъ ожидать предательскаго способа, каковымъ съ нимъ поступлено. Послѣ сего станутъ еще сомнѣваться, что простосердечіе мое не вредитъ мнѣ. Конечно, послѣ сего и самую правду буду я говорить сквозь зубы, если за нее долженъ я покупать себѣ злодѣевъ, которыми и безъ того очень изобилую. Воображаю, какъ на меня дуются министры и какія готовы дѣлать мнѣ пакости, но я не буду сердиться и ихъ въ свою очередь буду сколько возможно истреблять, хотя весьма увѣренъ я, что сраженія не всегда будутъ въ мою пользу. Жалѣю, но поздно, другъ любезный, о семъ письмѣ и признаюсь, что не надѣялся такого поступка. Не знаю что за Гельмерсенъ, но знаю очень, что Саблинъ не бритва. Однакоже я и за ними смотрѣть буду и нарочно послѣ нихъ буду самъ осматривать въ подробности всѣ суды. Я не пощажу!

Хотѣлось бы взглянуть на почтеннаго и постояннаго камрада Сабанѣева. Я люблю и умъ и правила сего достойнаго человѣка.

Любопытенъ знать кто будетъ командиромъ Литовскаго корпуса и отгадать не умѣю. Не Ожаровскій ли?

Важный придворный маневръ учинили вы съ Голицынымъ, а Васильчиковъ искусно въ семъ случаѣ фланкировалъ. Братъ Михайло (графъ Воронцовъ) будетъ въ восхищеніи отъ Сакенова корпуса, но я нахожу, что гренадерскій еще бы болѣе ему приличествовалъ, ибо войско отборное и онъ молодецъ!

Жалѣю, что не сохранилъ копій съ писемъ, писанныхъ въ 812 году къ извѣстному пріятелю. Теперь онъ такъ занимается и зарытъ въ дѣлахъ, что у него оныхъ не добьешься.

Воображаю, какъ замучили васъ праздники, почти не прерывавшіеся для короля прусскаго. Извинитъ его прусское величество, если усумнимся мы, чтобы у него могло что нибудь быть лучше, нежели что онъ видѣлъ. Совершеннѣйшее, что онъ имѣлъ, красавицу дочь его, и та въ землѣ нашей!

Любопытно постановленіе о намѣстникахъ, но если и они, подобно губернаторамъ, будутъ рабами каждаго изъ министровъ, то это никуда не годится и лучше стараго безпутства не умножать новымъ. Иначе будутъ они весьма непристойнымъ Государя изображеніемъ.

Послалъ я къ Петрахану (князю П. М. Волконскому) представленіе о назначеніи брата моего полковника Ермолова командиромъ Грузинскаго гренадерскаго полка на мѣсто умершаго полковника Дьячкова. Если возможно постарайся, чтобы не отказали, ибо въ Херсонскомъ полку Берниковъ ни въ чемъ ему не равенъ. Если же онъ не будетъ

удостоенъ, то дайте поскорѣе кого вамъ угодно. У меня одинъ полковникъ Анненковъ, но сему достаточно и не гренадерскаго полка.

Не слыхалъ-ли ты чего о егерскомъ моемъ Ермоловѣ? Долго-ли будетъ онъ наказываемъ, ибо видѣлъ я, что всѣ прочіе офицеры, бывшіе подъ наказаніемъ, возвращаются въ гвардію. Неужели ему никогда не дадутъ полка? Зарѣзалъ его Бистромъ самымъ злодѣйскимъ образомъ!

Наборъ съ 500 по два безъ труда предвидѣть возможно было, ибо по малому числу во вторыхъ баталіонахъ людей невозможно пополнить убыли въ полкахъ. Можетъ быть и ко мнѣ попадутся не уроды, какими обезображенъ мой корпусъ.

Не забудь меня, любезный Арсеній, при укомплектованіи. Божусь честью, что такіе люди здѣсь только умножаютъ бѣглецовъ у нашихъ злодѣевъ, ибо между ими всѣ люди наигнуснѣйшаго поведенія соединены вмѣстѣ.

Чеченцы мои умничаютъ и призвавъ въ помощь толпы горскихъ народовъ, участниковъ ихъ злодѣйствъ противъ насъ, думаютъ понудить меня къ снисходительнѣйшимъ условіямъ, къ каковымъ пріучила ихъ непростительная слабость многихъ моихъ предмѣстниковъ. Нерѣдко нападаютъ они на мои транспорты и одинъ разъ осмѣлились приблизиться къ самому лагерю, но какъ одна конница была безъ пѣхоты, то и ушла поспѣшно и безъ большой потери. Гдѣ однакоже случается, ихъ всегда бьютъ сколько возможно.

Ты увидишь рапортъ мой къ Волконскому о происшествіяхъ. Я надѣюсь, что меня не упрекнутъ драчливостію. Прикажи разсказать фельдъегерю, какъ я здѣсь живу и какъ наметаны у меня войска. Каждый день предъ свѣтомъ всѣ на линейкахъ и я передъ фрунтомъ, музыка играетъ и пѣсни повсюду. Противъ здѣшнихъ народовъ самое опаснѣйшее время утренняя заря и нѣтъ ихъ способнѣе для внезапнаго нападенія. Прощай! Не забывай душевно преданнаго и почитающаго по смерть *А. Ермолова.*

Прикажи, почтенный Арсеній, Красотѣ нашей подписаться за меня на полученіе картинъ, издаваемыхъ генералъ-адъютантомъ Сипягинымъ знаменитыхъ боевъ прошедшей войны. Красотѣ пришлю я деньги, а теперь нѣтъ со мною гроша. Одной изъ сихъ картинъ видѣлъ уже я описаніе въ «Военномъ журналѣ». Я видѣлся съ ротмистромъ Александрійскаго гусарскаго полка Петровымъ и прошу его опредѣлить. Я ему готовлю самый распутный полкъ казачій и знаю что онъ поправитъ. Писалъ я къ тебѣ о Верзилинѣ, но узналъ послѣ, что онъ уже въ отставкѣ. Если возможно дайте мнѣ еще Александрійскаго гусарскаго

полка ротмистра Ефимовича. Онъ со мною охотно будетъ служить и я его весьма съ хорошей стороны знаю. Если надобенъ на сіе отъ меня рапортъ, то я его пришлю заднимъ числомъ, а между тѣмъ составьте записку отъ моего имени и по оной исходатайствуйте опредѣленіе, дабы не терять времени.

Фельдъегерь, податель сего, не взирая на то, что имѣлъ множество развозить посылокъ, пріѣхалъ чрезвычайно скоро. У меня живетъ фельдъегерь Силинъ, сокровище поведеніемъ и скромностію и бѣденъ до крайности.

171.

17-го августа 1818 г. Лагерь на Сунжѣ.

Съ чудесною дѣятельностію твоею, другъ любезный, дѣла мои разрѣшаются съ неимовѣрною быстротою.

Благодарю за указъ о казачьихъ офицерахъ; увѣряю тебя, что я только на первый разъ употреблю его силу и потомъ сколько можно рѣдко, ибо надѣюсь дѣлать много страхомъ и совсѣмъ не желаю дѣлать несчастливыхъ, если можно исправлять ихъ другимъ образомъ.

Какъ могу я благодарить тебя за егерскаго Ермолова, ты угадалъ желаніе мое и точно онъ того достоинъ. Видѣлъ я изъ приказовъ, что въ одно съ нимъ время выписанные изъ полка офицеры всѣ возвращены въ гвардію, слѣдовательно не могу нѣкоторой не допустить надежды, чтобы и ему отказали милость. Но всѣ тебѣ будемъ и я и онъ обязаны, а для 8-го егерскаго полка по истинѣ нѣтъ приличнѣйшаго командира.

Столыпинымъ меня надули, но весьма понимаю, что невозможно во всѣхъ непремѣнно успѣть желаніяхъ и я ни мало не ропщу, только простительно мнѣ удивляться, что не хотятъ разумѣть, гдѣ офицеръ принести можетъ бо̀льшую пользу службѣ. Жаль, что подобныя назначенія не зависятъ отъ любезнаго моего Арсенія, всегда бы встрѣтились мыслями относительно до пользы нашего Государя. Изъ моихъ генераловъ, конечно, лучшій для Дагестана Краббе, но все не таковъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Изъ вашихъ не знаю кого попросить? Попадешь на героя, вамъ будетъ надобенъ въ бригадные, или такого выберешь, что сядетъ на шею, какъ Дренякинъ.

Представленіе мое объ уничтоженіи тифлискаго баталіона легло въ черный портфель. Ты въ своемъ письмѣ подчеркнулъ сіи слова и я уразумѣлъ, что сіе значитъ, а особливо не забывъ прежняго тобою

даннаго названія, омутъ. Змѣй (графъ Аракчеевъ) забунтуетъ противъ сего, по крайней мѣрѣ уже вновь не сдѣлаютъ баталіона въ Имеретіи, если отъ сего безполезнаго не избавятъ.

Планъ мой о вдовахъ солдатскихъ важно ты отдѣлалъ и люблю, ибо основательно и я тотчасъ же его выбросилъ изъ головы, потому что несчастный по истинѣ. Я прошу, почтенный Арсеній, всегда такъ говорить мнѣ, ибо я не перестану всегда спрашивать твоего мнѣнія. Рекрутъ на укомплектованіе весьма полезно дать сюда женатыхъ, но какъ же доставятъ такъ далеко женъ ихъ? Если не такъ велики затрудненія, то весьма одолжишь, если прикажешь. Я начинаю замѣчать, что здѣсь не мало причиною побѣгамъ то, что солдаты живутъ вѣчно безъ женщинъ, особливо между мусульманками, гдѣ женщинъ скрываютъ тщательнѣйшимъ образомъ... Я предлагалъ укомплектовать баталіонъ внутренней стражи только одинъ разъ женатыми рекрутами и то въ такомъ случаѣ, если баталіонъ назначено было поселить или обратить на фабрики. Иначе я знаю, что сіе выходитъ изъ обыкновеннаго порядка.

Радъ я душевно, что братъ Михаилъ (графъ М. С. Воронцовъ) возобновилъ по прежнему съ тобою переписку, но я по любви его къ тебѣ всегда того ожидалъ, а нѣкоторое время точно онъ казался перемѣнившимся единственно отъ грусти, ибо письмо его ко мнѣ доказываетъ, что онъ имѣетъ какое-то огорченіе и не скрываетъ, что онъ чрезвычайно недоволенъ чѣмъ-то по службѣ. Онъ весьма принимаетъ къ сердцу и его столько это трогаетъ, что онъ говоритъ объ отставкѣ и даже о смерти. Не знаю, что̀ могло его до такой степени огорчить? Ты мнѣ ничего не говоришь о томъ, а онъ пишетъ, что не хочетъ описаніемъ того наводить мнѣ скуки. Жаль было бы, однако же, если бы основательно имѣлъ онъ причину негодовать. Такого молодца, какъ братъ Михаилъ, надобно сберегать и нѣжить всѣми способами, ибо во всѣхъ отношеніяхъ ему мало подобныхъ и можетъ даже быть, что и совсѣмъ нѣтъ таковыхъ. Я надѣюсь, что возвратясь обратно изъ Франціи и получа, какъ ты говоришь, 3-й корпусъ, онъ успокоится и будетъ совершенно доволенъ и пройдетъ грусть его. Онъ ко мнѣ также долго не писалъ, но теперь пишетъ совершенно по прежнему и я люблю его душою!

И такъ рѣшено уже, что нынѣшній годъ союзныя войска оставятъ Францію. Она, кажется, не выпускаетъ изъ виду составленія армій и и о крѣпостяхъ заботится.

Я, сидя здѣсь въ отдаленіи, отъ сердца желаю ей счастія, ибо надобна узда на несносную надменность нѣмцевъ, особливо новой нашей

родни и на всемірныхъ ростовщиковъ Пудинговъ (англичанъ), которые не къ добру себѣ начали вылѣзать на твердую землю. Затмившійся блескъ оружія возвращается обыкновеннымъ средствомъ побѣдою, и это сдѣлаетъ Франція подобно другимъ народамъ, но я ожидаю гораздо большаго, когда мстить она будетъ претерпѣнныя ею въ послѣдніе три года наглости и оскорбленія. Тутъ пойдетъ работа!

Весьма любопытенъ слухъ о раздѣленіи на 12 намѣстничествъ. Отличныя мѣста сіи, по крайней мѣрѣ, ту принесутъ пользу, что почетнымъ образомъ можно удалить нашу братію изъ арміи. А какъ мы и за сіи должности возьмемся съ усердіемъ, то современемъ уподобимся сенату! Впрочемъ, если будутъ люди способные, то, конечно, могутъ принести пользу.

Благодарю за доставленіе новостей, выходящихъ въ арміи и корпусахъ, а егерскіе маневры Сабанѣева ожидаю съ нетерпѣніемъ, и извлекши изъ нихъ, что въ здѣшнемъ краю можетъ быть полезно, буду держаться правилъ сего отличнаго и достойнаго офицера. До сего времени нѣтъ ничего постояннаго о егеряхъ, а мы здѣсь только ими и дышемъ. Вотъ великое сдѣлаемъ дѣло, если успѣемъ умножить въ здѣшнихъ войскахъ егерей, обратя въ оныхъ полки линейной пѣхоты. Дѣло почти свыше силъ человѣческихъ, но предвидѣть нельзя, чтобы непремѣнно не могло исполниться.

Увѣдомь меня, какое произвелъ дѣйствіе на Петрахана (князя П. М. Волконскаго) рапортъ мой о нѣкоторыхъ въ Дагестанѣ безпокойствахъ и что я не могъ въ семъ случаѣ двинуть болѣе двухъ батаріоновъ пѣхоты и ясно излагаю ему, что войскъ, по обширности здѣшняго края, чрезмѣрно мало. Подумайте со вниманіемъ о семъ предметѣ, не должно смотрѣть на сіе равнодушно. Если вы прибавите, какъ я писалъ тебѣ, три полка, дабы съ 3-мъ Гренадерскимъ было три дивизіи пѣхоты и еще двѣ роты легкой артиллеріи, то я много сдѣлать успѣю, а по мѣрѣ составленія обороны крѣпостей, ихъ можно обратить въ Россію, ибо точно они безъ нужды были бы въ тягость. Сдѣлай наблюденія свои о семъ важномъ для меня предметѣ, ибо иначе буду я мучиться, растерзаюсь и въ десятую долю не буду полезенъ государству, какъ бы я могъ и какъ умѣю.

Хорошо, что вы въ запасъ приголубливаете Раевскаго. Но что̀ за участь, что мы безпрестанно должны оплакивать вождей нашихъ? Жаль, однако же, что болѣзни одолѣваютъ Сакена, ибо онъ достойный и умный начальникъ (кромѣ нѣкоторой слабости, что обыкновенно имѣетъ онъ къ окружающимъ). Сіи частыя перемѣны всегда происходить

будутъ, когда въ командующіе арміями непремѣнно должны поступать старые обветшалые люди. Витгенштейнъ и Раевскій, какъ люди довольно молодые, дадутъ вамъ надолго роздыхъ! Что скажетъ Милорадовичъ? Правда, что вы благоразумныя принимаете мѣры заблаговременно сдѣлать изъ него Вязьмитинова. Я нахожу тутъ нѣчто въ честь Васильчикова, ибо искуснымъ его маневромъ отрѣзанъ отъ гвардіи князь Голицынъ и брошенъ на 2-й корпусъ. Теперь, кажется, сбиваетъ онъ съ позиціи и Милорадовича, которую надолго займетъ онъ торжественно! Сего искусства не предполагалъ я въ военномъ человѣкѣ!!

Вотъ, почтенный Арсеній, несравненно тончайшіе люди, а меня, или мнѣ подобныхъ колпаковъ, нерѣдко обвиняютъ въ тонкости. У нихъ учиться надобно со всѣми жить ладно, никому не досадить, всѣмъ угодить и общимъ всѣхъ пособіемъ идти со всѣми пріятностями и удовольствіями къ своей цѣли! А я и счетъ уже потерялъ моимъ непріятелямъ и въ самыхъ наилучшихъ намѣреніяхъ находить долженъ возможныя препятствія и радость общую о неудачѣ!

Кого-то изберетъ Великій Князь въ литовскій корпусъ? Это загадка, но я думаю не обманусь назначая Дибича! О немъ и Царя и Царевича мнѣніе самое наилучшее и общее всѣхъ согласуется съ ними, а къ тому же помню слова твои, что Сакенъ и прежде не очень съ нимъ ладилъ.

Это будетъ вѣрный шагъ и къ чину и къ командованію арміею. Но только запасайте мѣсто и своему генералъ-квартирмейстеру, если хотите быть покойными, а не то быть бѣдѣ! Вы недаромъ провозгласили ихъ въ Петергофѣ главнокомандующими и мы поняли, что это должно служить предуготовленіемъ насъ къ будущему. Быть по сему и дѣло въ шляпѣ.

Ты требуешь, чтобы я не скупился и чаще присылалъ курьеровъ, но развѣ ты не примѣчаешь, что сіе было бы безполезно, ибо, конечно, нѣтъ возможности писать болѣе меня, и братъ Михайло (графъ Воронцовъ) того не можетъ, а только рѣдкія строки растягиваетъ на нѣсколько листовъ; я же отъ чистаго сердца сыплю мелкимъ бисеромъ. Одна мысль утѣшаетъ меня, что и самый умный человѣкъ, не умѣлъ бы столько писавши, обойтись безъ вздора, какъ и я дѣлаю, а потому и продолжаю смѣло!

Писаревъ прислалъ мнѣ свое сочиненіе о кампаніи 812 года. Чего тамъ не написано, даже и для меня нашлось мѣсто! Вотъ удивительное трудолюбіе! Нѣтъ ни одной книги, упоминающей о сей достопамятной войнѣ, которую бы онъ или не прочелъ или бы не пробѣжалъ. Вижу,

*

однако же, что не легко писать о нашей войнѣ отечественной и что то не одного человѣка дѣло, ибо доселѣ выходятъ все отрывки или частныя описанія и нѣтъ ни одного объемлющаго общую связь кампаніи 1812 года. То же дѣлаетъ Сипягинъ, собирая отъ каждаго частныя дѣла, а Толь подъ своимъ именемъ слово въ слово напечаталъ мою реляцію о кульмскомъ дѣлѣ, которую я представилъ графу Остерману, поручившему мнѣ написать другую и отъ его имени. Я ожидаю, что при бородинскомъ дѣлѣ также попадетъ моя реляція о взятой мною батареѣ, которой овладѣніе насильно приписываютъ другимъ и никто еще не отнесъ на счетъ мой, кромѣ Барклая. Тогда появиться должны и мои записки, которыя написаны будутъ какъ оправданіе въ щедрыхъ наградахъ, которыя разсыпалъ на меня Государь въ своемъ милосердіи.

Тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній, пришлю я ихъ непремѣнно, но заклинаю тебя именемъ твоей чести никому ихъ не показывать, ибо я пишу по большей части о томъ, что непосредственно до меня относилось въ 1812 примѣчательнѣйшемъ году въ моей жизни, или о томъ, что случилось мнѣ самому видѣть или слышать и тутъ иногда многіе изъ героевъ являются на сценѣ не въ точномъ видѣ великихъ людей. Ты найдешь много вздора и нѣчто смѣшнаго, которое вмѣшивалъ я, чтобы иногда прерывать единообразное и сухое описаніе происшествій, весьма нерѣдко между собою сходствующихъ, которымъ одно только искусное перо умѣетъ придавать видъ различный, не терзая читателя томительными повтореніями, не казня его за терпѣніе и не выпрашивая со слезами снисхожденія, безъ чего ни одинъ нашъ братъ писачка не можетъ обойтись. Чуръ, слово честное никому не показывать. Жаль мнѣ, что братъ нашъ Василій не въ ладахъ со Змѣемъ (Аракчеевымъ); я боюсь, чтобы сіе не повредило его службѣ, особливо съ его бѣднымъ состояніемъ и съ большимъ семействомъ. Сего я не ожидалъ никакъ, ибо и вѣрность его и честность ручались за противное.

Государь, какъ есть слухи, ѣдетъ на конгрессъ; дай Богъ счастливо и кончить безъ шуму, въ которомъ нѣтъ намъ пользы и весьма не мѣшаетъ спокойствіе. А Императрицы зачѣмъ ѣдутъ? Кто же будетъ у насъ князь Салтыковъ?

Скажи, не отъ того-ли не ѣдетъ ко мнѣ Ховенъ, что вы ничего не дали на подъемъ? Онъ совершенно бѣдный офицеръ и по истинѣ ему нечѣмъ будетъ подняться. Выпроси, Бога ради, ему пособіе.

Послѣ всѣхъ твоихъ одолженій, послѣ чудесно скораго на многія представленія мои разрѣшенія, не долженъ бы я, кромѣ благодарности,

ничего другаго и говорить, но по приказанію твоему кое-о-чемъ привожу тебѣ на память.

Не имѣю отвѣта:

1) На представленіе мое о ружьяхъ въ корпусѣ, при коемъ вѣдомость по калибрамъ отъ войскъ въ Грузіи отъ меня; о тѣхъ, что на линіи, прямо отъ Дельпоццо. Я просилъ давать нѣкоторую часть новыхъ, дабы тѣмъ поровнять прочія по невозможности передавать изъ одного полка въ другой, по причинѣ разстояній. Здѣсь на линіи нашелъ я множество гнуснѣйшихъ ружей.

2) Представленіе о жалованьи Дельпоццо, ибо я для успокоенія старика долженъ былъ увѣрить его, что не въ примѣръ ему назначенъ трактаментъ дивизіоннаго. Большая была бы милость, если бы дали ему рескриптъ.

3) Представленіе объ атаманѣ въ Астраханское казачье войско. Я принужденъ удерживать отъ того ни на что не надобнаго князя Багратіона.

4) Изъ комитета гг. министровъ не послѣдовало разрѣшенія о представленномъ штатѣ для полеваго грузинскаго управленія.

5) Слезное прошеніе мое о производствѣ по прежнему жалованья всѣмъ чинамъ грузинскаго корпуса по курсу, утверждаемому главными здѣсь начальниками въ комитетѣ гг. министровъ.

6) Представленіе мое рапортомъ Государю, мая отъ 18 числа, съ Кавказской линіи о выдачѣ мнѣ указа для занятія новой линіи лѣваго фланга отъ рѣки Сунжи чрезъ Аксаевскія и Андреевскія селенія до рѣки Сулака, для огражденія поселенныхъ по Тереку казачьихъ полковъ и города Кизляра. Указъ потому нуженъ, что при нынѣшнемъ урожаѣ долженъ я сдѣлать заготовленіе въ Саратовѣ провіанта и прочія снабженія учредить къ раннему весеннему времени, каковая операція по здѣшнему краю довольно многосложна и надобно приступать заблаговременно.

Прощай, люби по прежнему вѣрнаго и душевно преданнаго *А. Ермолова.*

172.

Получено 30-го декабря 1818 г.

Никогда, почтеннѣйшій и любезный Арсеній Андреевичъ, не случалось мнѣ такъ долгое время не писать къ тебѣ, но теперь обо всемъ случившемся обстоятельно тебя увѣдомлю.

Начинаю по порядку происшествій.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ ѣздилъ я на границу Кабарды, гдѣ собиралъ всѣхъ князей и отличнѣйшихъ изъ узденей, дабы представить и истолковать имъ, сколько неблагоразумно ихъ поведеніе и какимъ подвергаются они опасностямъ, съ такою наглостію поступая противъ россійскихъ подданныхъ. Я предувѣдомленъ былъ, что мое присутствіе нужно, ибо никогда не было въ Кабардѣ такого ужаса и что надобно пользоваться имъ. Въ самомъ дѣлѣ, князья трепетали, я далъ имъ наставленіе и ничего не перемѣняя въ образѣ ихъ правленія, обѣщалъ въ будущемъ году ввести нѣкоторый между ими порядокъ. Точно въ нынѣшнемъ году нѣкогда было мнѣ ими заниматься! Стыдно мнѣ сказать, что при свиданіи съ кабардинцами, не могъ я имѣть съ собою болѣе 250 человѣкъ пѣхоты и 60 несчастныхъ казаковъ, смѣненныхъ съ почтъ. Еще стыднѣе, что не имѣлъ другой съ собою артиллеріи, кромѣ трехъ гарнизонныхъ орудій, подъ которыми запряжены были мужичьи лошади и мужики ими управляли.

Вотъ, любезный Арсеній Андреевичъ, лучшее доказательство, что здѣсь войскъ чрезмѣрно мало.

По возвращеніи на Сунжу спѣшилъ я окончить работы при крѣпости Грозной, ибо предувѣдомленъ я былъ генералъ-маіоромъ Пестелемъ, что жители Дагестана собираются въ большихъ силахъ, дабы напасть на него и понудить выдти изъ города Башлы, который онъ занималъ войсками своими, какъ мѣсто подозрительное по связямъ съ непріятелями нашими и просившее помощи у горскихъ народовъ. Я предувѣдомленъ уже былъ, что всѣми собирающимися мятежниками начальствуетъ вѣроломный Аварскій ханъ, имѣющій чинъ нашъ генералъ-маіора и 5,000 серебромъ пенсіона; что съ симъ мошенникомъ, родной братъ его злой непріятель нашъ и прочіе подобные разбойники. Я вознамѣрился идти къ сторонѣ Андреевскихъ владѣній, которыхъ, какъ слышалъ я, стараются горскіе народы склонить къ своей сторонѣ, дабы движеніемъ симъ какъ ихъ удержать въ повиновеніи, такъ и самыхъ мятежниковъ, заставя обратить на меня вниманіе, отклонить отъ намѣренія идти на Кубинскую нашу провинцію, въ которой по выступленіи Пестеля оставалось у меня такъ мало войска, что не съ чѣмъ было ему противиться, особливо когда и то малое количество разбросано, чтобы содержать сосѣдственные народы въ почтеніи.

Октября 26-го дня выступилъ я отъ крѣпости Грозной, со мною пошло пять баталіоновъ пѣхоты, до 400 весьма утомленныхъ службою на Сунжѣ казаковъ и 15 орудій артиллеріи, всего вообще до четырехъ тысячъ человѣкъ. Признайся, любезный другъ, что съ такою арміею,

особливо когда еще между тѣмъ два баталіона 8-го егерскаго полка, составленные изъ дѣтей, никогда еще не видывали непріятеля, не весьма забавно пуститься на какое нибудь предпріятіе, но нечего было дѣлать, и я прибылъ въ Андреевскія владѣнія 30-го числа и слѣдующій день далъ войскамъ на отдохновеніе. Здѣсь отовсюду получилъ слухи, что лезгины въ большихъ весьма силахъ нѣсколько дней сряду дрались съ Пестелемъ и что онъ вышелъ изъ Башлы, что въ окрестныя селенія привезены уже убитые въ сраженіи лезгины. Тутъ же получилъ свѣдѣніе, что Шамхала Тарковскаго владѣнія взбунтовали противъ насъ, кромѣ одного города Тарки, и что самъ Шамхалъ вѣрный Императору находится съ Пестелемъ. Съ симъ послѣднимъ прервано уже было сообщеніе и всѣ предписанія мои оставались въ Тарки.

Дабы получить о Пестелѣ обстоятельнѣйшее свѣдѣніе рѣшился я идти въ Тарки и сблизиться съ мятежниками. Проливные дожди задержали меня девять дней въ Тарки, которое время употребилъ я на приготовленіе провіанта. Наконецъ получилъ я рапортъ генералъ-маіора Пестеля, что лезгины и въ помощь имъ пришедшіе изъ горъ народы въ числѣ болѣе 25,000 человѣкъ, раздѣлились на двѣ части, изъ коихъ одна атаковала его въ Башлы, другая ожидая послѣдствія сраженія готова была броситься на Кубинскую нашу провинцію; что три дня сряду дрались они съ жестокостію въ Башлы, гдѣ занималъ Пестель зàмокъ и прилежащіе къ оному дома, приготовленные имъ къ оборонѣ; что онъ, опасаясь движенія непріятеля на Кубу и будучи уже отрѣзанъ отъ Дербента, откуда не могъ получать ни провіанта, ни снарядовъ, и что сверхъ того началъ непріятель малый отрядъ его окружать окопами, рѣшился онъ оставить городъ Башлы и отошелъ на прежній свой лагерь, не доходя Дербента. Непріятель на пути два раза его атаковалъ и былъ отбитъ съ урономъ. Надобно отдать справедливость Пестелю, что онъ противъ непріятеля въ восемь разъ превосходящаго его силами выдержалъ упорнѣйшее сраженіе и имѣлъ мужество его дождаться, ибо иначе непріятель возгордился бы и, безъ сомнѣнія напалъ на Кубу. Потеря непріятеля его остановила и нашъ уронъ по образу здѣшней войны весьма чувствителенъ, ибо убитыми и ранеными простирается за 370 человѣкъ, что весьма необычайно. Я говорилъ съ чиновниками Шамхала, бывшими въ сраженіи съ нашей стороны, и они всѣ единогласно говорятъ, что никогда такой храбрости войскъ нашихъ они не видывали.

Постарайся, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, ходатайствовать о вознагражденіи храбрыхъ сихъ войскъ, ибо если въ такомъ случаѣ не поощрить ихъ достойно, то не въ состояніи я буду требовать, чтобы

горсть людей сражалась противъ тысячъ. Здѣсь прежде меня за многія ничтожныя дѣла во время бунта въ Кахетіи даны были важныя награжденія.

Въ Таркахъ дождался я лучшей погоды и что проливные дожди прекратились. Я выступилъ къ городку Параулъ, мѣсту рожденія и жительству Аварскаго хана, измѣнника предводительствовавшаго мятежниками, который торжественно объявилъ имъ, что онъ охотно оставляетъ и чинъ генералъ-маіора и 5,000 серебромъ жалованья. Трудная въ горахъ дорога и ужасная грязь дали время непріятелю занять дефиле, которое долженъ былъ я проходить. Усталыя войска и растянувшійся обозъ заставили меня расположиться у подошвы горы лагеремъ и день кончился нѣсколькими пушечными выстрѣлами и небольшимъ ружейнымъ огнемъ. Непріятель разными ругательствами изъявлялъ радость, что отнялъ у насъ дорогу. Въ десять часовъ вечера въ темное весьма время приказалъ я одному баталіону обойти гору и нечаянно напасть на непріятеля. Сіе такъ удачно исполнено было, что мятежниковъ застали у огней въ разныхъ веселостяхъ и поющихъ ругательныя собственно на имя мое пѣсни. Вдругъ залпъ и «ура»! такъ испугали мошенниковъ, что многіе бѣжали оставивши ружья, другіе заколоты были не сдѣлавъ выстрѣла, а нѣкоторые оставили и штаны и обувь. Такимъ образомъ овладѣли мы высотою и спускомъ съ оной, которые уже непріятель не защищалъ.

Цѣлыя сутки подымалъ я артиллерію и обозъ на гору и пришелъ въ Параулъ, изъ котораго бѣжалъ и Аварскій ханъ и жители.

На другой день пошелъ я къ городку Дженгутаю,—мѣсту всегдашняго пребыванія мошенника брата Аварскаго хана. Армія моя была уже гораздо слабѣе, ибо оставлена была часть у прикрытія тягостей въ Тарки, гдѣ и паркъ запасный. Дженгутай нашелъ я защищаемый непріятелемъ, который довольно въ большихъ силахъ расположенъ былъ въ окопахъ по крутымъ высотамъ. Огонь ружейный былъ весьма силенъ, а распространившійся густой туманъ способствовалъ намъ подойти весьма близко, и въ короткое время окопы взяты были на штыкахъ съ весьма малою со стороны нашей потерею.

Но тотъ же самый туманъ непріятелю далъ средство къ отступленію, ибо въ шестидесяти шагахъ нельзя было видѣть человѣка. Мятежники бѣжали самымъ спѣшнымъ образомъ, какой намъ неизвѣстенъ живущимъ въ Европѣ. Селенія Дженгутай, Большой и Малый, прекраснѣйшія и лучшія нежели многіе изъ уѣздныхъ нашихъ городовъ, истребилъ я до основанія. На другой день послѣ разбитія всѣ не только

окрестныя селенія, но даже въ горахъ лежащія, куда почти нѣтъ дороги, пришли просить пощады и помилованія. Всю фамилію мошенника Аварскаго хана я разорилъ до конца. Лучшую часть владѣній брата его отдалъ въ вознагражденіе Шамхалу Тарковскому, генералъ-лейтенанту, сохранившему вѣрность Государю и находившемуся при Пестелѣ. Въ числѣ сихъ и Параулъ столица Аварскаго хана. Нѣсколькимъ селеніямъ объявилъ свободу и что они не принадлежатъ никому кромѣ Императора, и тутъ современемъ учрежду особеннаго пристава, ибо впослѣдствіи можетъ здѣсь быть наилучшее сообщеніе кавказской линіи съ Дербентомъ. Здѣсь никогда еще не бывали русскія войска и прекраснѣйшія мѣста здѣшнія были намъ незнакомы. Здѣсь послѣдняя долина и далѣе лежатъ горы неприступныя. Владѣя сими мѣстами лучше нежели оружіемъ можно покорить горы, ибо у жителей горъ нѣтъ земли и богатѣйшее скотоводство, ихъ единственное имущество, сохраняется въ сихъ долинахъ, которыя сверхъ того снабжаютъ ихъ хлѣбомъ.

Не думалъ я, чтобы въ такое короткое время могъ я успокоить довольно обширный край и весьма многолюдный, и найти столько готовности и покорности нашей власти. Здѣсь, какъ примѣчаю я, народъ скорѣе многихъ другихъ пріобыкнетъ къ нашему правленію, и не малую со временемъ можетъ принести намъ пользу. Не хочу обманывать себя, чтобы все сдѣлалъ я однимъ оружіемъ; мнѣ много способствовало и время, ибо уже здѣсь зима и жители съ женами и дѣтьми и скотомъ не могутъ въ лѣсахъ укрываться, а въ деревняхъ боятся жить, дабы не подвергнуться истребленію. Тебѣ по пріятельски могу я сказать, что здѣсь вселяетъ ужасъ и мое имя, ибо я имѣю совсѣмъ другое поведеніе, нежели мои предмѣстники, которые ласкою и подарками такъ избаловали здѣшнихъ мошенниковъ, что они получали ихъ какъ дань имъ принадлежащую, и сего въ доказательство могу тебѣ сказать одинъ примѣръ: недавно весьма Аварскій ханъ писалъ ко мнѣ, что злодѣй братъ его и другой мошенникъ родственникъ его желаютъ быть подданными Государя, но хотятъ знать напередъ какую получать отъ него милость? Представь, другъ любезный, что подлецы думаютъ, что Государь покупаетъ подданныхъ и что они съ нимъ могутъ торговаться! Вотъ плоды управленія моихъ предмѣстниковъ, и мнѣ, несчастному, надобно преодолѣвать и перемѣнить сіи затрудненія. Божусь, что минуты не имѣю я покоя.

Но самыхъ сихъ торговавшихся мошенниковъ допустилъ меня Богъ наказать жестоко и лишить совершенно всѣхъ ихъ владѣній. По рас-

поряженію моему выступившій вторично изъ Дербента Пестель разорилъ до основанія городъ Башлы, для спасенія котораго весь Дагестанъ вооружился. Я зналъ, что пребываніе мое въ горахъ не допуститъ мошенниковъ помышлять о его защитѣ.

Не думай, другъ любезный, что симъ довершилъ я успокоеніе обширнаго Дагестана. Еще остается сильный весьма народъ акушинцы, нѣсколько болѣе прочихъ воинственный, гордый прежними своими подвигами и имѣющій связи съ горцами. Сей народъ возмутилъ весь Дагестанъ въ глупомъ мечтаніи, что отниметъ у насъ путь съ линіи до Дербента. Его непремѣнно надобно наказать или вѣчныя будутъ безпокойства въ Кубинской и прочихъ нашихъ провинціяхъ, ибо у него прибѣжище всѣмъ врагамъ нашимъ. Теперь по быстротѣ движенія моего не могъ онъ собраться противъ меня, и если бы точно не зналъ я о томъ, я не рѣшился бы идти въ горы. Не безъ основанія могъ бы я просить не малаго числа войскъ для усмиренія сихъ злодѣевъ, но теперь, познакомясь съ землею, нахожу, что могу сдѣлать съ десятью тысячами войскъ и потому прошу трехъ полковъ и двухъ ротъ легкой артиллеріи. Полки разумѣю я въ три баталіона. Надобно, чтобы 8-й егерскій полкъ не былъ включенъ въ то число и оставался здѣсь на нѣкоторое еще время. Прошу тебя и честію оружія нашего заклинаю способствовать къ исходатайствованію сего у Государя. Если откажутъ, я потеряю всѣ плоды пріобрѣтенные внушеннымъ теперь страхомъ, и Боже избави, если впадутъ злодѣи въ Кубу, ибо затѣмъ неминуемо послѣдуетъ возмущеніе въ ханствахъ, изъ коихъ въ Ширванскомъ было уже оно весьма близко.

Доселѣ власть наша была здѣсь уважаема, и я лучше соглашусь потерять мое мѣсто, нежели такъ занимать его какъ мой предмѣстникъ. Поговори о семъ съ княземъ Петромъ Михайловичемъ (Волконскимъ). Тебѣ, какъ другу, безъ всякаго самохвальства скажу, что тяжело будетъ послѣ меня другому и поздно уже если не воспользуемся теперешнимъ мирнымъ временемъ. Поспѣшите, ради Бога, дать мнѣ знать откажутъ или нѣтъ въ моей просьбѣ, ибо необходимо заблаговременно сдѣлать распоряженіе въ разсужденіи продовольствія, которое требуетъ времени. Тогда безъ всякой огласки можетъ быть и здѣсь найду я купить нѣкоторую часть продовольствія и не весьма дорогою цѣною.

30-го ноября войска перешли обратно Терекъ и такъ счастливо, что черезъ два дня пошелъ густой ледъ и нѣсколько дней не было переправы.

Я посылаю моего Попова курьеромъ съ донесеніемъ. Похлопочи,

почтенный и любезный Арсеній, чтобы награждены были рекомендованные мною. Богъ свидѣтель, что войска молодцы и офицеры готовы всюду. Надобно ободрить ихъ, ибо здѣсь прежде награждались по протекціямъ и много весьма храбрыхъ, которые ничего не получили. Я представляю число умѣренное, но такихъ, которымъ нѣтъ ничего труднаго. Адъютантовъ своихъ не представляю ни одного и никого мнѣ принадлежащаго. Я не хочу уподобиться предмѣстникамъ моимъ, которые на нихъ предпочтительно обращали награды, но по пріятельски скажу тебѣ, что я былъ бы доволенъ, если бы Попову дали Владимірскій крестъ, ибо онъ пламенной храбрости. Ему принадлежалъ онъ за Парижъ, но Таубе при многихъ признался мнѣ, что онъ потому его не представилъ, что почиталъ его подъ покровительствомъ Сухозанета. Это извѣстная исторія! Достань ему крестъ за привезенное извѣстіе и ты на меня можешь сослаться, что я одобряю его храбрость.

Нашъ Мадатовъ, по извѣстіямъ, дошедшимъ въ Тифлисъ, былъ посланъ генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ, чтобы пройти на помощь Пестелю, котораго думали окруженнаго и непремѣнно близкаго къ погибели. Онъ пріѣхалъ въ Дербентъ и былъ въ отчаяніи, что нашелъ уже Пестеля тамъ. Писалъ ко мнѣ прегорькое письмо, что Пестель былъ выгнанъ, что бѣжалъ, что непріятели теперь ободрятся и видя со стороды нашей подобную трусость и что отъ того должны быть величайшія слѣдствія; что напрасно приказалъ я вторично идти Пестелю изъ Дербента, что съ нимъ войска непремѣнно должны погибнуть. Примѣчаешь-ли, что Мадатовъ въ отчаяніи, что ему не случилось схватиться съ лезгинами и ему тоска отъ праздности. Нетерпѣливо желаю его видѣть и руки будутъ въ чрезвычайной работѣ. Боже, если Пестель получитъ ленту, которую точно надобно дать за чудесное сопротивленіе съ горстью людей противъ силъ ужасныхъ и за непонятное отступленіе, въ которомъ не оставилъ онъ даже ни одного раненаго. У него былъ маіоръ Износковъ 1-й, какъ я слышалъ, совершенно такой храбрости, какъ описываются древніе герои.

У меня кровь остановилась въ жилахъ, когда услышалъ я, что такія пошли лезгинъ силы. Прочти рапортъ мой Государю и донесеніе обстоятельное князю Петру Михайловичу, но за то какъ гора свалилась съ плечъ, когда разсѣявши измѣнниковъ вышелъ я изъ горъ обратно.

Похлопочи, Бога ради, о ружьяхъ; въ иныхъ полкахъ такія гадкія и столько разныхъ калибровъ, что невозможно принимать изъ парковъ готовыхъ патроновъ...

Дня черезъ два собираюсь въ Грузію; ужасно наскучила жизнь кочующая. Представь: семь мѣсяцевъ не видать крышки!

Теперь надобно сказать тебѣ и о сенаторахъ. Они здѣсь осматривать губерніи вознамѣрились на повозкахъ. Повсюду они пробыли короткое время и нельзя не видать, что получили приказаніе находить все въ хорошемъ видѣ болѣе нежели есть въ самомъ дѣлѣ. Ко всему придираются, чтобы сколько возможно извинить безпорядки, словомъ примѣтно, что ищутъ сдѣлать представленіе противное тому, какъ говорилъ я о здѣшнихъ гражданскихъ разбойникахъ.

Нельзя при царствующихъ нынѣ министрахъ, при дремлющемъ инвалидномъ Сенатѣ достигнуть правосудія!

Гермесъ я вижу посланъ былъ въ надеждѣ на чуму или на горячку, по крайней мѣрѣ, но какъ ужасно обманулся, еще возвращается онъ навозить землю русскую!

Мертваго весьма умный человѣкъ, но чувствуетъ недавно еще нанесенное пораженіе и кажется знаетъ десницу его каравшую, боится повтореній! И онъ не выступитъ на бой. Не знаю зачѣмъ посылаютъ сихъ господъ? Гораздо лучше послать перваго плацъ-адъютанта, который простымъ порядкомъ ордонансъ-гауза найдетъ истину.

Я радъ чрезвычайно, что съ ними не случилось мнѣ видѣться, я бы откровененъ былъ на ихъ счетъ и если бы долженъ былъ почесть въ нихъ званіе, то я бы объяснился на счетъ весьма неблагонамѣреннаго ихъ къ безпутствамъ снисхожденія и какъ солдатъ подвелъ бы законъ военный, по которому у насъ наказываются смертію тѣ вины, отъ которыхъ они искусствомъ и изворотами только развѣ подвергнутся слабому замѣчанію. Трудно повѣрить мнѣ, что сенаторы уѣхали 23-го ноября, а отъ 30-го ноября поступилъ мнѣ ужаснѣйшій доносъ на злоупотребленія гражданскаго начальства. А изъ Астрахани, въ то время какъ они тамъ находятся, доносъ чрезъ военное тамъ начальство представляется ко мнѣ. Изъ сего должно заключить или доступу къ нимъ нѣтъ, или они не принимаютъ жалобъ, или примѣтя виновное ихъ снисхожденіе не смѣютъ къ нимъ адресоваться. Какъ бы то ни было ожидать должно, что правительство отъ подобныхъ ревизоровъ ничего обстоятельнаго не узнаетъ, а думать будетъ, что все ими исправлено. Признаюсь, что если со мною еще подобнымъ образомъ разъ нѣсколько поступлено будетъ, я донесу Государю. Сенату, похитившему имя столь знаменитое и столь мало ему приличествующее, все опишу и брошу службу. Пусть судитъ Богъ, если можно быть гнуснѣйшему безпорядку. Я попробывалъ бы говорить правду Государю—но какъ представлено ему

то будетъ? Назовутъ меня дерзкимъ, строптивымъ и когда буду я просить одного взгляда на злодѣйства и беззаконія, въ то время отвратятъ вниманіе отъ жалобъ моихъ и не будетъ мнѣ довѣрія. Не мнѣ дѣлаютъ обиды и угнетенія. Обязанъ я доводить до Государя стонъ угнетаемыхъ!

Сдѣлай дружбу, отошли къ брату Михайлѣ (графу Воронцову) письмо мое и одну шаль, которую попроси его, чтобы онъ отправилъ въ Парижъ. У меня на Сунжѣ былъ извѣстный Жубертъ и я получивъ отъ него новаго изобрѣтенія инструментъ, посылаю шаль въ подарокъ женѣ его. Другую шаль и письмо прикажи отправить въ Варшаву. Это одной старой женщинѣ, въ домѣ которой въ Краковѣ принимаемъ я былъ весьма дружественнымъ образомъ и мужъ которой извѣстный человѣкъ и рѣдкихъ добродѣтелей, весьма любилъ меня. Боюсь, что брата Михайлу найдетъ письмо далеко отъ Франціи и онъ затруднясь доставить его въ Парижъ, меня погубитъ.

Повѣдай, почтенный Арсеній, что слышно о представленіи моемъ въ разсужденіи учрежденія въ Грузіи крѣпостей, приказано-ли разсмотрѣть его или нѣтъ?

Вельяминову моему прошу я Анненскую ленту, поддержи твоимъ мнѣніемъ, у насъ часто явятся завидующіе и будутъ противорѣчить. Надобно знать труды, наваленные на сего человѣка и знать его способность. Онъ будетъ нуженъ и потому не надобно останавливать! У насъ такихъ людей нѣтъ лишнихъ. Потяни на сторону достойнаго!

Болѣзни нынѣшнее лѣто здѣсь ужаснѣйшія и гибло чрезвычайно много всякаго народа, досталось и бѣднымъ войскамъ, кромѣ бывшихъ на Сунжѣ. Вы назначили мало весьма рекрутъ, постарайся сіе поправить, ибо великъ недостатокъ.

Прощай, вѣрный по смерть. *А. Ермоловъ.*

Позволь теперь собственно въ разсужденіи себя объясниться по дружески. Боюсь, чтобы не вздумали обидить меня какимъ нибудь награжденіемъ за труды нынѣшняго года. Мнѣ будетъ стыдно, ибо похоже будетъ на то, что я не долженъ дѣлать одного шага, не получая за то платы. Чина мнѣ хотѣлось ужасно и я не стыжусь признаться, но также долженъ сказать правду, что если случится мнѣ оказать нѣсколько важную услугу, то и тогда не надобно помышлять о моемъ награжденіи. Сдѣлай мнѣ одолженіе, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, прошу тебя какъ брата, внуши сіе князю Петру Михайловичу (Волконскому), и если бы могла быть мысль сія, то помоги сдѣлать по моему желанію и отврати то, чтобы меня краснѣть заставило. Ради Бога, прошу тебя о томъ! Если бы былъ я такъ знакомъ съ княземъ Петромъ Михайло-

вичемъ, чтобы могъ говорить ему о собственныхъ дѣлахъ моихъ, то я бы самъ писалъ къ нему о томъ, а по сей причинѣ и не скрывай отъ него, что я прошу тебя.

О испрашиваемыхъ мною наградахъ пюхлопочи въ пользу храбрѣйшихъ офицеровъ и войскъ. Здѣсь вѣчные имъ труды, нѣтъ удовольствій и даже нѣтъ покоя.

Непріятель, конечно, не весьма страшный, но мира нѣтъ никогда!

Ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ скажи мое совершеннѣйшее почтеніе и иногда напоминай обо мнѣ, ибо я увѣрилъ себя, что жена благороднаго Арсенія будетъ расположена ко мнѣ какъ добрая родная, а потому и не могу не желать, чтобы предварительно была предупреждена, по крайней мѣрѣ, на счетъ моей странности.

Прощай, будь мнѣ тотъ же добрый пріятель, котораго люблю я какъ брата.

173.

« » февраля 1819 г. Тифлисъ.

Два письма твои, отъ 3-го декабря и 3-го января, съ послѣднимъ фельдъегеремъ получилъ, изъ которыхъ вижу, что прибытіе Государя еще болѣе умножило твои занятія, съ которыми и прежде могла сладить одна твоя дѣятельность.

Вы начали новый годъ весьма весело, производствомъ множества генераловъ, и ты, Арсеній, не забылъ трудящихся съ тобою. Наконецъ успокоили и Яшвиля, или справедливѣе сказать себя успокоили, ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ кричалъ противъ непризнательности вашей къ отличнымъ его достоинствамъ и думаю даже укорялъ въ неблагодарности. Не знаю я почему болѣе испугались вы его шуму, нежели маркиза Паулуччи, который, конечно, не менѣе кричать будетъ. Не говорю я о графѣ Штейнгелѣ, но за прочихъ благодарю судьбу, что не вмѣстѣ меня возвысила, ибо я не нахожу ничего худаго, что произведенъ прежде ихъ, на всякій случай, если когда уважаемо будетъ старшинство. Можно васъ поздравить, что вы обогатились полководцами, пріуготовляйте одного изъ нихъ на мое мѣсто, ибо если вы для благоустройства здѣшняго края откажете мнѣ въ трехъ полкахъ пѣхоты (которые здѣсь не болѣе потеряютъ, какъ у васъ отъ парадовъ), по чести говорю тебѣ, что я не хочу здѣсь служить какъ Тормасовъ и Ртищевъ, и не могу понимать, чтобы власти могущественнаго Го-

сударя могли не повиноваться мошенники. Прошу тебя собственно для пользы Государя довести сіе до его свѣдѣнія. Я не хлопочу о своихъ выгодахъ, ибо все лучше проживу моихъ предмѣстниковъ, не затѣю безполезныхъ безпокойствъ и еслибы они могли случиться, не кончу ихъ хуже. Но боюсь я, что мы не воспользуемся мирнымъ расположеніемъ сосѣдственныхъ земель и не укротимъ внутреннихъ безпорядковъ, а когда случится война внѣшняя, то всѣ горскіе народы и сядутъ намъ на шею. Желаю я, чтобы сего не случилось, но вы не давъ войскъ, тому много будете способствовать. Чтобы, впрочемъ, вы ни сдѣлали я долженъ идти и еще осенью пойду въ Дагестанъ, и если не буду имѣть средствъ укротить народъ акушинскій, о которомъ есть мое по службѣ донесеніе, то долженъ, по крайней мѣрѣ, наказать разбойниковъ за то, что нѣтъ проѣзда изъ Дербента на Кавказскую линію и грабятъ купцовъ и большіе съ товарами караваны. Сего, по крайней мѣрѣ, намъ допускать неприлично. Я вмѣстѣ съ симъ пишу письмо къ Государю, а ты со стороны своей способствуй мнѣ полезнымъ внушеніемъ.

Ты пишешь, что многіе по расположенію ко мнѣ важно говорятъ о моихъ здѣсь дѣлахъ и что тебѣ даже досадно. Перестань негодовать, не только я, но рѣдкій изъ людей необыкновенныхъ кто-либо избѣгалъ молвы ядовитой. На мой счетъ и потому многое говорить будутъ, что вопреки желанію злословящихъ, счастіе не устаетъ благотворить мнѣ. Посмотримъ молодца на моемъ мѣстѣ и посмотримъ на дѣла! Не шутя говорю, пріуготовляйте кого-нибудь изъ хвастуновъ. Сюда дошли слухи о преобразованіяхъ по части гражданской. Вы какъ будто беременны ею, что всѣ ожидаютъ разрѣшенія, дай Богъ благополучно, но иногда бываютъ и несчастливыя родины, которыхъ, впрочемъ, нельзя вамъ опасаться, ибо ничего не будетъ хуже теперешняго.

Нельзя-ли сдѣлать, чтобы судьи не воровали, или бы не воровали столько безбожнымъ образомъ? Будетъ чудо!!!

Бумагу для рисунковъ получилъ, но живописецъ мой такъ болѣнъ, что все лучшее время осени пролежалъ и ничего не успѣлъ сдѣлать. Я его удерживалъ здѣсь съ намѣреніемъ сдѣлать нѣсколько видовъ здѣшняго края для Государя, но и онъ подпалъ всеобщей прошлаго года болѣзни, которая ни одного состоянія не пощадила. Здѣсь въ корпусѣ самихъ лекарей умерло болѣе десяти человѣкъ и недостатокъ въ нихъ ужаснѣйшій. Поговори, сдѣлай всѣмъ намъ милость, чтобы Виллье назначилъ въ полки лекарей и сколько можно менѣе изъ Москвы, ибо тамъ они никакой практики не имѣютъ.

того некогда. Я признаюсь, изъ опыта, сколько желаніе сіе безпокойно. Теперь я пришелъ въ благополучное состояніе ничего не желать болѣе, какъ чрезъ нѣкоторое время вырваться отсюда, чего, впрочемъ, и отказать не можно! Охотники на мое мѣсто избавятъ отъ затрудненія.

Некогда говорилъ я съ тобою, почтеннѣйшій Арсеній, что мнѣ нужно побывать въ Петербургѣ, и я точно вижу того необходимость, но я отнюдь не хочу, чтобы мнѣ почли то за отпускъ, ибо я никакой не имѣю нужды по собственнымъ дѣламъ, а единственно по дѣламъ службы. И такъ надобно, чтобы мнѣ приказали пріѣхать и не назначая времени, ибо не всегда мнѣ можно отлучиться и мнѣ по обстоятельствамъ легче самому избрать время и то еще весьма непродолжительное, почему и не должно удерживать меня въ Петербургѣ напрасно.

Если сіе не противно порядку вещей, то ты это распоряди и пріуготовь какъ за благо разсудишь и меня ни о чемъ не спрашивай. Не пренебрегайте здѣшнимъ краемъ, ради Бога! Прикажи обстоятельно увѣдомить меня о литографіи, мнѣ необходима она для народовъ мусульманскихъ, ибо и способъ легокъ и издержки умѣреннѣе, нежели завести типографію; кстати о семъ: вспомнилъ я *о Быковѣ,* котораго ты прислалъ сюда. Онъ довольно дерзкій болтунъ и столько похожъ на гвардіи капитана, какъ я на епископа. Проѣзжая Москву, онъ сказывалъ старику тестю твоему, что здѣсь войска наши вырѣзаны и что обо мнѣ нѣтъ слуху. Я не знаю почему онъ не убилъ меня, ибо по здѣшнимъ слухамъ, въ самомъ Тифлисѣ сочиняемымъ, я непремѣнно всегда убитъ, и даже иногда и не выѣзжая изъ города. Мнѣ досадно, что у *старика Быкова* сынъ не имѣетъ его головы.

У насъ зима жесточайшая, каковой никто не помнитъ и въ Тифлисѣ около двухъ мѣсяцевъ лежитъ снѣгъ и весьма холодно. Рѣка Кура была покрыта льдомъ, стали всѣ мельницы, такъ что нельзя было молоть нѣсколько времени провіанта. Стали всѣ подвозы, особливо у насъ, гдѣ все дѣлается быками, а на лошадяхъ только на разбой ѣздятъ.

Прощай, скажи мое совершеннѣйшее почтеніе ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ.

Я подробно разспрашивалъ, какъ ты живешь, и знаю, что ея благодарить надобно, что свободныя отъ трудовъ минуты проводишь ты пріятнѣйшимъ образомъ. Бывало и у насъ четверть часа свободы передъ тѣмъ какъ ложиться спать, какъ вели мы жизнь монашескую и бывало *побранимъ, побранимъ* кто попался и ляжемъ, но это однакоже не самое лучшее дѣло! Душевно любящій и преданный *Ермоловъ.*

174.

20-го мая 1819 г. Тифлисъ.

Наконецъ, возвратился Поповъ, но заболѣвши на дорогѣ остался въ Георгіевскѣ и до меня не доѣхалъ, и такъ чтобы на словахъ могъ пересказать, я ничего не знаю.

Скажу безъ сердца, но не безъ сожалѣнія, что я не воображалъ посылать его за лентою Пестеля и нѣкоторыми другими мелочными наградами и не думалъ, чтобы сіи разрѣшенія такъ долго могли его удерживать.

Теперь могу сказать тебѣ, какъ истинному другу, что я ничего не предприму по дѣламъ здѣшняго края, а буду только того избѣгать, чтобы не пришли взять за горло. Ты правду говоришь, что за здѣшніе народы принялся я иначе, нежели было до сего времени, но если увидятъ они недостатокъ моихъ средствъ и уразумѣютъ, что нѣтъ причинъ меня бояться, тогда не безъ хлопотъ здѣсь будетъ и, конечно, не я буду имѣть безразсудность того дожидаться. Жаль, что мы упускаемъ мирное время и внутреннее неустройство сосѣдей и сими не пользуемся обстоятельствами. Послѣ будемъ жалѣть и поздно!

Ты увѣдомляешь меня, что реляціи и списки доселѣ не разсмотрѣны. Сдѣлайте милость, исходатайствуйте рѣшеніе по онымъ, ибо съ тѣми же войсками надобно мнѣ нынѣшнее лѣто работать и осенью драться въ Дагестанѣ. Совѣстно предъ офицерами, которые служатъ славно и всегда награждаемы худо. Если и теперь при справедливомъ стараніи моемъ о нихъ ничего они получить не удостоятся, то чего имъ ожидать возможно будетъ! Здѣсь, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, надобно ободрять несчастныхъ офицеровъ.

На счетъ прибавленія войскъ я по письму твоему потерялъ совсѣмъ надежду. Государь намѣревается о семъ написать ко мнѣ. Трудъ напрасный! ибо отъ того не будетъ отказъ менѣе непріятнымъ, ни дѣла не пойдутъ успѣшнѣе. Дерзости непріятелей я не укрощу, и если теперь не будетъ она имѣть вредныхъ очень слѣдствій, то при случаѣ внѣшней войны, мы весьма ея почувствуемъ. Отъ недостатка средствъ долженъ я буду оставить многія изъ предпріятій и столько же мало сдѣлать пользы, какъ и мои предмѣстники. Не знаю, какіе важнѣйшіе виды заставили не дать трехъ полковъ, когда столько многочисленны наши арміи? Еще менѣе для меня понятно, какая крайность могла заставить отвратить рекрутъ при большомъ недостаткѣ людей въ корпусѣ. Я ду-

*

малъ, что нужны они для укомплектованія по границѣ расположенныхъ войскъ, но увидѣлъ, что назначены они въ Московскій корпусъ. Намѣреніе весьма хитро скрытое! Однакоже, тысячи двѣ рекрутъ, не взирая на распоряженіе, успѣли прорваться и кажется еще одна партія успѣетъ тоже сдѣлать. Отнятіе рекрутъ могъ бы я почесть за насмѣшку надо мною, особливо когда прошу я прибавленія войскъ, но думаю, что какъ не очень забавны могутъ быть слѣдствія, то, конечно, не насмѣшка была въ предметѣ.

Вельяминова важно обработали орденомъ. Въ тѣхъ же газетахъ данъ онъ многимъ пресѣдателямъ уголовныхъ палатъ. Сравненіе для него выгодное и обдуманное!

Жалѣю, что Попову не могъ выхлопотать креста, который никому изъ ординарцевъ не отказывался. Конечно, я одинъ изъ генераловъ, который думалъ прежде о награжденіи строевыхъ офицеровъ нежели адъютантовъ, но и сіе не заслужило уваженія.

Говоришь, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, о лентѣ *Мадатову*. Я службою его весьма доволенъ и нынѣшняго лѣта предназначается онъ на важныя довольно занятія, и если по справедливости заслужитъ онъ ленту, я не вижу причины почему не поступить съ нимъ какъ съ Вельяминовымъ, которому менѣе справедливо отказать оную, хотя и говоришь, что не уйдетъ отъ него. Точно не уйдетъ!

Сенаторы славно обозрѣвали губерніи, и какъ Мертваго по справедливости слыветъ за умнаго человѣка, то не должно по той же справедливости отнимать у него достойнства быть отличнымъ изъ п...... Я уже развѣдалъ кому въ угожденіе хвалили они губернаторовъ! Они возвратясь въ Петербургъ задрали меня бумагою, поданною князю Лобанову и дошедшею до Государя. Я посылаю копію съ бумаги, писанной мною къ князю Лобанову по тому предмету. Отдай ее кому нибудь изъ людей скромностію подобныхъ газетамъ. Надобно, чтобы знали поступки сенаторовъ!

Не смѣю вѣрить слухамъ, которые можетъ быть разглашаетъ клевета, но говорятъ будто они въ Астрахани счастливо играли въ карты. Узнаю вѣрно и тебя увѣдомлю. Жалѣю, что не имѣю копіи съ партикулярнаго письма моего къ князю Лобанову о нихъ.

Хорошо, что братъ Михайло (графъ Воронцовъ) женится. Жена красавица и не худо, что богата. Теперь важно заправитъ теща его имѣніемъ. Постниковъ долженъ готовиться къ отчету, ибо съ нею не легче имѣть дѣло, какъ съ *Мемельскою коммиссіею*. Можно безбоязненно и самому *шурину* поручить въ управленіе часть хозяйственную!!!

Жаль весьма, что братъ Михайло имѣетъ по службѣ непріятности. Надобно беречь подобныхъ ему людей; у васъ нѣтъ таковыхъ излишнихъ! Не по дружбѣ къ нему, но по самой строгой справедливости оцѣните его и, безъ сомнѣнія, найдете, что люди съ его достоинствами рѣдки. Прибавьте и ту выгоду, что онъ молодъ и государство долго можетъ пользоваться его услугами.

Во всемъ свѣтѣ люди на высокія степени по большой части восходятъ поздно. Тѣмъ лучше, что человѣкъ способный можетъ достигнуть ихъ въ молодости! Я очень люблю Киселева, но кто не согласится со мною, что не онъ долженъ замѣнить брата Михайлу. Киселевъ не чувствуетъ, что мнѣ обязанъ своимъ мѣстомъ, ибо я первый отвалилъ камень съ дороги въ начальники штаба арміи. Я признаюсь, что былъ менѣе его неустрашимъ, чувствовалъ, что надобно было готовиться къ сему званію и отъ него отказывался. Свидѣтели тому самъ Государь и графъ Аракчеевъ. Я не обманулъ ихъ, ибо послѣ меня выгнали, конечно, не для того, чтобы испытать затрудненіе кѣмъ замѣнить меня. Досадно, если и ложи массонскія могли способствовать непріятностямъ. Онъ, конечно, учредилъ ихъ съ хорошимъ намѣреніемъ, но неужели не можно было безъ нихъ обойтись? Это дѣло не его ума и во Франціи эти ложи и еще менѣе надобны были. Хорошо, любезный Арсеній, что намъ случилось избѣжать сихъ вздоровъ. Много разъ старались меня вовлечь въ общество массоновъ, я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но разсуждаю какъ простой человѣкъ, что общество, имѣющее цѣль полезную, не имѣетъ необходимости быть тайнымъ. Сипягинъ для тона былъ массонъ и вѣрно ложа не столько имѣла въ немъ надобности, какъ генеральный штабъ гвардейскаго корпуса. Отдаленіе отъ столицы, уменьшая его занятія, рѣдко представитъ случай отличиться, а намъ остается вопрошать: *како паде сей сильный?*

Наконецъ, дошло время и до представленія о крѣпостяхъ Грузіи, то есть, что изъ портфеля князя Петра Михайловича (Волконскаго) перейдутъ они въ безчисленныя кипы бумагъ, лежащихъ въ кабинетѣ Государя. Смѣю думать, что полезнѣе было прежде отдать ихъ на разсмотрѣніе инженернаго департамента, который съ своими замѣчаніями и сократя скучную бумагу менѣе бы затруднилъ въ прочтеніи. Теперь, по крайней мѣрѣ, годъ ожидать надобно рѣшенія.

Сей губительной медленности подвержено, кажется, представленіе мое о ружьяхъ, и я слѣдуя совѣту твоему, почтенный Арсеній Андреевичъ, дѣлаю оное вновь и прошу перемѣны въ два года.

О лекаряхъ также представлю, у насъ въ нихъ величайшій не-

достатокъ. Учащіеся въ Москвѣ никакой практики не имѣютъ и снискиваютъ опытность на счетъ жизни солдатъ. Приближаются жары и сердце замираетъ, ожидая обыкновенныхъ въ сіе время болѣзней, а паче при недостаткѣ необходимыхъ лекарей. Я представилъ о умноженіи нѣкоторыхъ лекарствъ въ полки доставляемыхъ. Въ перемѣнѣ количества и рода ихъ сообразовался я съ свойствами господствующихъ здѣсь болѣзней. О семъ сообщилъ я Виллье; онъ не можетъ того опровергнуть, ибо сдѣланъ былъ комитетъ изъ лекарей давно живущихъ здѣсь и весьма искусныхъ, и представленіе есть плодъ ихъ опытности и разсужденій. Моего тутъ быть ничего не можетъ!

Что дѣлать, если Портнягину ничего доставить нельзя. Я заботился не о немъ, но о долговременной службѣ его. Теперь объявлю ему на отрѣзъ!

Клейнмихель важно идетъ впередъ. Вотъ еще рыцарь, готовый въ генералы и вѣрно очень скоро. Неужели онъ надобенъ для успѣха поселеній? Важнѣйшую услугу, которую можно оказать въ его званіи въ томъ состоитъ, чтобы прекратить ропотъ и негодованіе какъ жителей обращаемыхъ въ военные поселяне, такъ и самыхъ поселяемыхъ войскъ, которыя, какъ слышно, весьма недовольны. Это не думаю, чтобы легко было сдѣлать! Пришли, сдѣлай милость, всѣ постановленія, вышедшія по предмету поселенія войскъ, я никакого понятія о томъ не имѣю; о кавалеріи же и въ голову мнѣ не лѣзетъ. Весьма рѣшительно приступили къ поселенію вдругъ большаго числа войскъ. Мнѣ кажется, нужно было сдѣлать испытаніе надъ небольшимъ числомъ, что и въ разсужденіи издержекъ не было бы излишнимъ.

Поселяне могутъ получить такую ненависть къ военнымъ, что въ насъ будутъ, наконецъ, бросать каменьями, а изъ насъ не каждый достоинъ быть св. Стефаномъ. Это одинъ случай, въ которомъ графъ Аракчеевъ не сыщетъ завидующихъ.

О фонъ-Визинѣ говоришь, что есть многіе старѣе его непроизведенные въ генералы. Мнѣ кажется, что есть нѣкоторые моложе, которые произведены! Съ котораго времени столько строго соблюдается старшинство? Или только для однихъ менѣе достойныхъ законъ не писанъ?

За четырехъ маіоровъ, произведенныхъ въ чинъ, нельзя не благодарить чистосердечно. Въ нѣкоторыхъ признаюсь и не будетъ большаго весьма толку, но за то одинъ чего стоитъ и это уже много.

Наумовъ у меня истинное сокровище. Немного есть людей бѣднѣе его въ мірѣ, но, конечно, не можетъ быть честнѣйшаго и усерднѣйшаго въ службѣ. Не вините его, что онъ не умѣлъ нравиться Сипягину.

Взгляните, что съ того времени не одинъ уже дежурный штабъ-офицеръ перемѣнился въ гвардіи, а я перемѣнять Наумова и не помышляю. Прошу тебя, какъ друга и какъ брата, пристроить его къ мѣсту по военному департаменту, когда я выѣду изъ Грузіи; ты жалѣть о томъ не будешь! Вамъ усердные, дѣятельные и безкорыстные люди надобны. Не думай, другъ почтеннѣйшій, чтобы о выѣздѣ изъ Грузіи говорилъ я по самолюбію, то есть, допуская мысль, что я могу быть нуженъ въ другомъ мѣстѣ. Пусть накажетъ меня Богъ за такое помышленіе, но я не только безъ всякой досады и ни малѣйшихъ не имѣя по службѣ непріятностей, напротивъ, имѣя выгоды виднаго весьма мѣста, думаю его занимать не долго, ибо совѣстно пользоваться милостями Государя и никакой не приносить пользы. А оттуда выѣхавши я васъ собою обременять не буду и вы если вздумаете на что употребить меня, хорошо; если же не употребите, и то не худо, ибо послѣ пребыванія здѣсь и на такой какъ я работѣ, отдохновеніе весьма будетъ нужно. Одно желаніе мое было сдѣлать здѣшній край покойнымъ и покорнымъ и ввести хотя начало устройства. Съ тѣми средствами, которыя я имѣю, успѣть въ томъ невозможно, а напрасно жить здѣсь или жить подобно моимъ предмѣстникамъ, не нахожу счета (разсчета?) и не съ моимъ характеромъ пачкаться и страмиться.

Согласенъ съ тобою, любезный Арсеній, что мнѣ нужно быть въ Петербургѣ по дѣламъ службы и я просить буду позволеніе, но если мнѣ предоставлено будетъ въ видѣ отпуска, то я въ немъ нужды не имѣю и чувствительныхъ для меня издержекъ дѣлать не намѣренъ. Теперь о томъ бумаги не посылаю, ибо хочу еще посмотрѣть на обстоятельства, пришлю когда буду на линіи.

Благодарю за Дренякина и Мерлини, которыхъ, какъ бы то ни было, хочешь взять отсюда. Признаюсь, что оба они ни на что здѣсь не надобны.

13-го числа отправилъ я *Вельяминова* на линію и какъ провіантъ скоро станетъ прибывать изъ Астрахани, велѣлъ поспѣшно собираться войскамъ, дабы идти къ селенію Андреевскому, гдѣ въ нынѣшнемъ году, если не помѣшаетъ Дагестанъ, намѣренъ я построить крѣпостцу.

Между народами Дагестана сдѣлана общая противъ насъ присяга и уже они собираются. Боязнь моя за Кубинскую прекраснѣйшую провинцію, гдѣ мало весьма войскъ. Если они туда обратятся, то мнѣ и помышлять о работахъ нельзя будетъ, а надобно тотчасъ вступить въ горы, откуда близко находиться буду. Одна надежда на скотскую глупость дагестанцевъ и мое счастіе. Персіяне посылаютъ къ нимъ деньги, которыя

доставляютъ ханы наши подданные и я долженъ притворствовать, что того не примѣчаю. Если и впредь столько же мало давать будете мнѣ средствъ, то дождемся чего нибудь худаго. Васъ бѣдныхъ три полка пѣхоты и двѣ роты артиллеріи сдѣлаютъ весьма слабыми и поставятъ въ политическую зависимость въ Европѣ. А здѣсь я ими все бы сдѣлалъ. Ты говоришь, чтобы я не настаивалъ на прибавленіи войскъ. На моемъ мѣстѣ ты настаивалъ бы конечно, ибо требуетъ того польза Государя, и въ такомъ случаѣ оба мы молчать не умѣемъ. Даю тебѣ, какъ офицеръ, честное слово, что я въ послѣдній разъ иду въ Дагестанъ, ибо теперь если бы и даны были мнѣ полки, чрезъ мѣсяцъ они прибыть не успѣютъ, а чрезъ мѣсяцъ могутъ найти меня непріятели и потому обязанъ я употребить все, что отъ меня зависитъ. Я кончу нынѣшній годъ какъ умѣю, а далѣе, честное даю слово, что не служу и вамъ выгоднѣе найти человѣка, который лучше меня все сдѣлаетъ. Прошу сохранить сіе между нами, ибо не надобно утѣшать симъ моихъ непріятелей, а въ Петербургѣ будучи, я объявлю о томъ оффиціально. Я не былъ лѣнивъ на службу и не всѣ повѣрятъ, что вдругъ сдѣлался неспособнымъ. Какъ хотите! Не подумай, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, чтобы говоря вообще, могъ я тебя заключать вмѣстѣ.

Спрашиваешь меня о Толстомъ. Я прежде писалъ къ тебѣ о немъ и теперь пріятно мнѣ повторить, что онъ преблагородный человѣкъ и наилучшихъ свойствъ. Я надѣюсь, что онъ не захочетъ со мною разстаться. Надобно, Арсеній Андреевичъ, подумать перевесть его въ гвардію и ускорить ходъ его по службѣ, иначе ото всѣхъ отстанетъ. Дагестанъ дастъ мнѣ случай его рекомендовать, а твое будетъ дѣло хлопотать. Мнѣ многое въ немъ нравится, а къ тому еще и сходство въ состояніи должно сближать насъ. Намъ обоимъ терять, кажется, немного. Признаюсь, что я люблю, когда знатныя фамиліи хотя чѣмъ нибудь съ нами равняются.

Скажи совершеннѣйшее мое почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ. Я знаю, что, по дружбѣ твоей ко мнѣ, она хочетъ видѣть чтò я за человѣкъ, котораго ты любишь? Что нужды, что я *чудакъ*, но она увидитъ, что я привязанъ къ тебѣ какъ къ брату. Предупреди ее, что я не живалъ въ столицѣ и что она должна извинить нѣкоторыя неловкости человѣка, привыкшаго къ лагерной жизни.

175.

1-го іюня 1819 г. Тифлисъ.

Вельяминовъ мой встрѣтился во Владикавказѣ съ ѣдущимъ отъ тебя *Дешевымъ*. Ему извѣстно было, что я отправляю къ тебѣ фельдъегеря и потому приказалъ онъ Дешевому возвратить его въ Тифлисъ, если попадется на дорогѣ. Такъ точно и сдѣлалось, и я весьма радъ, что могъ перемѣнить нѣкоторыя бумаги, ибо разрѣшенія съ Дешевымъ полученныя совсѣмъ дали другой видъ дѣламъ моимъ. И такъ податель сего отправляется въ другой уже разъ!

Теперь, любезнѣйшій другъ, начинаю письмо совсѣмъ съ другимъ духомъ. Предисловіемъ къ радости была милость Государя въ награжденіи офицеровъ, которые по истинѣ достойны и, конечно, не можетъ быть храбрѣйшихъ.

Прибавленіемъ войскъ вы въ первый разъ дали мнѣ чувствовать, что проживу здѣсь съ пользою и безъ стыда. Начиналъ я терять надежду и устрашали меня упреки. Ты знаешь мой характеръ огненный и къ несчастію моему я еще болѣе нетерпѣливъ, когда дѣло идетъ о службѣ. У меня многіе замыслы и безъ хвастовства скажу тебѣ, дѣльные и довольно обширные. Теперь есть возможность привести многіе въ исполненіе и я щадить трудовъ не буду.

Замирало сердце князя Петра Михайловича (Волконскаго), когда рѣшили дать мнѣ войска; онъ вѣрно думалъ, что я заварю какую нибудь кашу. Напротивъ, я только усмирю мошенниковъ дагестанскихъ, которыхъ пріязненная Персія возбуждаетъ противъ насъ деньгами, а тамъ все будетъ покойно! Правда, что многочисленны народы, но быть не можетъ у нихъ единодушія и болѣе сильны они въ мнѣніи. Здѣсь всѣ думаютъ, что они ужасны и привыкли видѣть ихъ таковыми, ибо въ прежнія времена въ здѣшней странѣ не происходило ни одной войны или набѣга, въ которыхъ бы они не участвовали и всегда въ силахъ. Многолюдство давало имъ сіи выгоды! Съ того времени вселили они ужасъ. Я довольно хорошо познакомился со свойствами здѣшнихъ народовъ и знаю, что не столько оружіемъ смирить ихъ удобно (ибо они убѣгаютъ), какъ пребываніемъ между ими войскъ, чѣмъ угрожается ихъ собственность, состоящая большею частію въ табунахъ и скотоводствѣ, которые требуютъ обширныхъ и открытыхъ мѣстъ. А въ сихъ-то мѣстахъ войска наши, хотя и въ умѣренномъ числѣ, но всегда непобѣдимы. Въ два года Дагестанъ, повсюду гдѣ есть путь войскамъ, будетъ поря-

дочно изученъ покорности. Меня восхищаетъ, что я власть Государя могущественнѣйшаго въ мірѣ заставлю почитать между народами, которые никакой власти не признавали, и гордость сихъ буйныхъ чадъ независимости достойна пасть во времена Александра. Какъ ханы наши сдѣлаются смиренны и благочестивы въ ожиданіи обузданія ихъ безчеловѣчной власти и кажется отдохнутъ стенящіе подъ ихъ управленіемъ народы.

Еще замышляю я важнѣйшую сдѣлать дорогу, но донести не хочу о ней, не сдѣлавъ обстоятельнаго обозрѣнія. Теперь отъ Тифлиса до Дербента 700 верстъ. Дорога проходитъ мѣстами, гдѣ народъ въ лѣтнее время оставляетъ жилища и отъ несносныхъ жаровъ укрывается на кочевье въ горы. Палящее солнце выжигаетъ поля и уже въ іюнѣ нѣтъ для лошадей корма, и войска кромѣ раннею весною или осенью проходить сими мѣстами не могутъ. Новая моя дорога сократится безъ малаго 300 верстами, проходить будетъ мѣстами населенными и гдѣ народы прочное имѣютъ жительство, гдѣ лѣтомъ нѣтъ жаровъ несносныхъ. Народонаселеніе и земля изобильная облегчатъ мнѣ способы транспортированія, что здѣсь очень важно. Есть неудобства, которыя требуютъ большаго терпѣнія для преодолѣнія ихъ. На нѣкоторое разстояніе дорога должна проходить близко отъ хищныхъ и безпокойныхъ народовъ, но тутъ мы имѣемъ выгоду довольно открытыхъ мѣстъ. Я долженъ прорѣзаться чрезъ хребетъ высокихъ и каменистыхъ горъ, и не менѣе 16 верстъ разстоянія и вотъ главнѣйшее затрудненіе! Однакоже сія вѣтвь Кавказа не столько высока и неудобна, какъ та, которую теперь переѣзжаемъ мы по дорогѣ изъ Тифлиса въ Россію. На новой дорогѣ также бываютъ снѣжные обвалы, но не столько большіе. Все прочее пространство дороги довольно удобно и большихъ работъ не требуетъ. Если и предположить, что дорога сія въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ зимы будетъ неудобна, то въ сіе время горскіе народы завалены непроходимыми снѣгами и бываютъ совершенно для насъ безопасны. Въ остальные же мѣсяцы года она прекрасная. Войска изъ Грузіи въ Дагестанъ могутъ приходить въ короткое время. Въ случаѣ войны съ Персіею дорога сія закрыта теченіемъ Куры и безопасна для транспортовъ. Кубинская богатѣйшая провинція и Дагестанъ будутъ имѣть торговлю съ Грузіею, которой они теперь не знаютъ. Товары русскіе въ большомъ количествѣ проходящіе изъ Макарьевской ярмарки, возьмутъ тогда направленіе по новой дорогѣ несравненно удобнѣйшей. Содержаніе и исправленіе дороги современемъ заплатятъ торгующіе, тогда какъ

теперешняя дорога требуетъ ежегодно значительныхъ издержекъ и трудности едва преодолимы!

Вотъ намѣреніе, могу безъ хвастовства сказать, счастливое и стоитъ труда безъ сожалѣнія.

Указъ о умноженіи войскъ написанъ довольно темно и нельзя благодарить того, кто взялъ на себя трудъ такого сочиненія. Я сидѣлъ съ грифелемъ, чтобы не обмануться въ разсчетѣ людей и кажется меня имъ не надули. Князю Петру Михайловичу донесеніе мое покажетъ, что я остороженъ. Тебѣ нужно просмотрѣть его со вниманіемъ. Рапортъ мой Государю не въ собственныя руки и прошу прочесть какъ объяснился я, что мнѣ не нужны *побочнымъ образомъ* предувѣдомленія. Не знаю почему угодно ему считать меня шпіономъ? Кажется я и открыто не боюсь говорить мои мысли? Признаюсь, что мнѣ непріятно было подобное обо мнѣ заключеніе, равно какъ и о тѣхъ, которые могутъ быть со мною въ сношеніи. Видно еще не хорошо я извѣстенъ.

Я пишу Государю *о Мадатовѣ!* Ему ханъ карабагскій, какъ уроженцу Карабага, даетъ хорошія помѣстья и проситъ меня объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія о принятіи оныхъ. Мадатовъ усердный служивый, храбрый, бѣдный и честный, а потому и надобно помогать ему и на твою долю также.

Похлопочите достать мнѣ о семъ повелѣніе поскорѣе.

Прекрасный способъ награждать безъ всякой казны потери. Онъ заживетъ господиномъ! Многіе будутъ завидовать, что не татары подобные Мадатову, а права̀ его, по истинѣ, точно столько же основательны какъ мои на Римскую Имперію! Не надобно упускать случая, ибо Мадатовъ въ томъ же ханствѣ Карабагскомъ за то заслужитъ, а время недалеко, чтобы избавиться глупаго и гнуснаго правленія хановъ. Тутъ Мадатовъ будетъ надобенъ!!!

Нынѣшнее лѣто Мадатовъ будетъ у меня употребленъ съ отрядомъ въ Дагестанѣ и уже конечно хуже *Пестеля* ничего не сдѣлаетъ. Сего спасъ Богъ отъ гибели, но видно съ перепугу онъ еще сталъ безтолковѣе. Препровождается на линію къ бригадѣ и ему сдѣлано особенное и важное порученіе *ни во что совершенно не мѣшаться!* Иначе свяжетъ онъ *Грекова,* который служитъ съ отличною пользою.

Доселѣ чрезвычайно доволенъ я поведеніемъ *барона Вреде* въ Кубинской провинціи и все дѣлаетъ онъ съ толкомъ. Теперь начинаю я узнавать, что онъ способнѣе всѣхъ почти здѣшнихъ генераловъ. Сжальтесь надъ *Мерлини,* ему нечего ѣсть и онъ какъ медвѣдь сосетъ уже лапу. Худое командованіе полкомъ происходило отъ добродушія съ при-

мѣсью нѣкоторой глупости, но отнюдь не отъ недостатка усердія къ службѣ. Не шутя прошу тебя сыскать ему мѣсто гдѣ бы не умеръ онъ съ голоду. Онъ честенъ и можно поручить ему интересныя дѣла, гдѣ надобна вѣрность!

О Дренякинѣ безъ зазрѣнія совѣсти скажу, что какъ ни по тирански я съ нимъ поступаю, его никогда безъ твоего пособія не сбуду съ рукъ. Скоро долженъ будетъ отправляться и любезный мой Курнатовскій, который похожъ дряхлостью на Глазенапа. Этотъ моей фабрики, ибо я свидѣтельствовалъ о немъ, но обманула меня продолжительная его служба и безкорыстіе, которыя почиталъ я себя обязаннымъ уважать. Справедливо совершенно, что онъ точно таковъ, но за то уже какъ и неспособенъ! Его въ управленіи Имеретіи замѣщу Пузыревскимъ, которому приказано уже собирать о ней свѣдѣнія. Офицеръ сей расторопный, умный и дѣятельный, надѣюсь перемѣнитъ видъ Имеретіи и конечно въ короткое довольно время!

Посылаю тебѣ записку о несчастномъ лишенномъ дворянскаго достоинства унтеръ-офицеръ Рыкѣ. Если можно при случаѣ что нибудь ему сдѣлать, не упусти онаго изъ сожалѣнія.

Не браните меня за приказъ, которымъ предписываю я въ полкахъ обучать по нѣскольку человѣкъ услугѣ при артиллеріи. Здѣсь безъ сего никакъ невозможно! Впрочемъ, я не думаю, чтобы это было худо! Съ удовольствіемъ могу тебѣ сказать, что войска здѣсь совсѣмъ перемѣняютъ свой видъ, а до сего были въ ужаснѣйшемъ запущеніи и на солдатъ едва походили, кромѣ храбрости, которою всегда отличались. Я запрещаю много занимать ихъ ученьемъ, ибо повсюду большіе караулы, довольно тяжелая работа и близость границъ, привлекающая къ побѣгамъ, но со временемъ и терпѣніемъ будутъ въ хорошемъ состояніи.

Получилъ о полковыхъ обозахъ письмо и постараюсь выполнить какъ совѣтуешь.

Съ фельдъегеремъ посылается сабля, которую знаменитый здѣшній оружейникъ представляетъ Великому Князю Константину Павловичу. Два года назадъ представлена имъ сабля Императору.

Прочти со вниманіемъ и съ прежнимъ участіемъ во всемъ томъ, что до меня касается записку мою подъ названіемъ *добавленіе С*, Прощай, почтеннѣйшій и благороднѣйшій изъ людей.

176.

2-го іюня 1819 г. Тифлисъ.

Добавленіе С. Объясни мнѣ, сдѣлай милость, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, смыслъ указа о умноженіи войскъ въ корпусѣ.

Долженъ-ли я разумѣть, что корпусъ впредь комплектоваться по новому числу людей будетъ? Меня приводятъ въ недоумѣніе два мѣста въ указѣ, которыя при семъ слово въ слово выписываю:

1-е. «Я могу *временно* выслать подъ начальство ваше десять полковъ пѣхоты съ тѣмъ предположеніемъ, чтобы ими укомплектовать *единожды* надежнымъ образомъ Грузинскій корпусъ».

2-е. «Такимъ образомъ корпусъ вамъ ввѣренный, конечно, можетъ имѣть *всегда* подъ ружьемъ здоровыхъ болѣе 50,000 человѣкъ».

«Симъ же средствомъ равномѣрно можетъ быть выполнено предположеніе ваше о назначеніи *непремѣнной обороны для крѣпостей*».

Изъ сего ясно, что Государь назначаетъ новый комплектъ полковъ Грузинскаго корпуса прочнымъ на будущее время.

Но выраженіе укомплектовать *единожды надежнымъ образомъ* чрезвычайно непонятно.

Въ концѣ самаго указа весьма внятно сказано:

«Сими распоряженіями вы будете имѣть средство *единожды навсегда* устроить превосходнымъ образомъ Грузинскій корпусъ *въ надлежащую силу*».

Взгляни на тотъ пунктъ указа, гдѣ сказано прислать изъ здѣшнихъ полковъ кадры; вотъ содержаніе онаго:

«Изъ опыхъ предоставляю вамъ перевесть въ корпусъ вамъ ввѣренный всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, коихъ служба и опытность признана будетъ вами полезна въ Грузіи и на линіи. Вы пришлите имъ списки съ означеніемъ, въ которые полки они будутъ вами переведены. Симъ же самымъ образомъ вы укомплектуете по лишнему офицеру въ роту».

Сего я совершенно не понимаю, ибо я съ кадрами разумѣю должно возвратить тѣхъ самыхъ офицеровъ, которые прибудутъ изъ Россіи съ полками, а не изъ Грузинскаго корпуса, гдѣ офицеровъ всегда недостатокъ, слѣдовательно мнѣ и посылать съ кадрами некого, а по той самой причинѣ и выбирать также не изъ кого.

Не могу я думать, чтобы я долженъ былъ оставить здѣсь офицеровъ, которые прибудутъ съ полками, ибо что̀ дѣлать мнѣ со всѣми полковыми командирами и множествомъ штабъ и оберъ-офицеровъ?

Не можетъ также быть полезно для службы перемѣнить офицеровъ, то есть съ кадрами послать здѣшнихъ и взять такихъ, которые не знаютъ здѣшняго края.

Я боюсь надѣлать глупостей отъ невиннаго недоразумѣнія; знаю также, что именныхъ указовъ толковать не позволено, а потому сдѣлайте милость спасите меня отъ непріятностей и дайте объясненіе на всѣ пункты моихъ сомнѣній.

Я рапортомъ требую отъ князя Петра Михайловича (Волконскаго) нѣкоторыхъ по предметамъ состоявшагося указа наставленій и при семъ случаѣ вамъ весьма удобно предписать все то, что необходимо для объясненій. Божусь, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, что я надѣлаю большихъ ошибокъ, которыя легче вамъ отвратить нежели исправлять послѣ. Пока устрою я новымъ посѣтителямъ Грузіи путевое продовольствіе, я не посылаю приказанія о выступленіи войскъ изъ теперешняго ихъ расположенія, а потому прежде нежели они сюда придутъ успѣете вы прислать фельдъегеря съ нужными наставленіями. Убѣждаю васъ войти въ мое избавленіе, особливо на счетъ офицеровъ, что крайне меня затрудняетъ! Попроси отъ меня князя Петра Михайловича, онъ, конечно, не съ удовольствіемъ приметъ, если я надѣлаю глупостей. Прощай, вѣрный до смерти *А. Ермоловъ.*

Не могъ ранѣе отправить какъ завтра поутру!

177.

27-го іюня 1819 г. Моздокъ.

Наконецъ пріѣхалъ я на линію и по прежнему принимаюсь за дѣло. Нынѣшній годъ, думаю, еще болѣе у меня будетъ заботъ и потому, что не могъ ранѣе приняться за работу. Прошедшая жестокая зима, рано открывшаяся, охватила льдомъ въ устьяхъ Волги шедшія суда съ провіантомъ и я не могъ получить онаго прежде какъ возстановилось моремъ сообщеніе, а на раннюю весну не имѣлъ зерна въ запасѣ.

Не могу изобразить тебѣ, сколько вреда сдѣлало мнѣ то, что долгое время не разсмотрѣны были мои представленія. Я не могъ предузнавать, что даны мнѣ будутъ войска, а потому въ продолженіе зимы не могъ сдѣлать покупки провіанта въ Воронежѣ, который былъ бы уже на мѣстѣ. Теперь совсѣмъ нѣтъ хлѣба и въ Кавказской губерніи ожидается худой весьма урожай. На одно путевое продовольствіе вой-

скамъ, идущимъ изъ Россіи, не могъ я купить одной четверти, и я готовъ былъ на нынѣшній годъ отказаться отъ войскъ, еслибы не сельскіе магазины, изъ которыхъ взялъ я заимообразно необходимое количество.

Теперь были бы войска у меня, а они не прежде придутъ какъ чрезъ полтора, а нѣкоторые и чрезъ два мѣсяца, тогда какъ непріятель собирается между тѣмъ въ большихъ силахъ и можетъ напасть на прекраснѣйшую Кубинскую провинцію, гдѣ головы также татарскія наклонныя къ безпокойствамъ. У меня нѣтъ тамъ войскъ достаточнаго числа и некѣмъ было ихъ умножить. Тебѣ какъ другу говорю я всѣ мои чувства. Государь не могъ милостивѣе рѣшить моихъ представленій, я не долженъ былъ ожидать, ни желать даже, лучшаго онымъ успѣха, ибо все то утверждено, что нужно, но нельзя принять безъ нѣкоторой досады, что я на счету такихъ пустыхъ людей, которыхъ бумаги можно не читать четыре или пять мѣсяцевъ. Такъ сдѣлано со мною, а отъ сего и произошло, что я впалъ въ излишнія затрудненія и почти на годъ надобно отсрочить то, чтобы я теперь же сдѣлалъ. Прочти мою бумагу къ князю Петру Михайловичу о здѣшнихъ происшествіяхъ и видя поведеніе мошенника хана Ширванскаго, уразумѣешь, легко-ли мнѣ притворствовать лишній годъ, тогда какъ онъ самъ долженъ чувствовать, что поведеніе его слишкомъ явно и непримѣчаемо быть не можетъ.

Когда повѣрите вы мнѣ, что здѣшній край многихъ не хуже я знаю и что донесенія мои заслуживаютъ нѣкоторое уваженіе?

Изъ доставленныхъ мною извѣстій усмотришь поведеніе шахскаго сына Аббасъ-Мирзы. Въ бытность мою въ Персіи нѣсколько трудно мнѣ было отдѣлаться отъ признанія его наслѣдникомъ, хотя въ инструкціи дано мнѣ было на то право. Я видѣлъ злобу противъ насъ и черную гнуснѣйшую его душу; видѣлъ съ неудовольствіемъ во всемъ его умѣренность и что будучи шахомъ, теперь накопленныя сокровища и доходы государства все обратитъ онъ на регулярныя войска и на учрежденіе разныхъ заведеній, пригласитъ искусныхъ иноземцевъ и персіяне будутъ приходить въ цвѣтущее состояніе, тогда какъ ненавистныя свойства сего презрительнаго народа должны по справедливости удерживать его во всякомъ родѣ безпорядка, безпутства и междоусобіяхъ. Мнѣ скажутъ, что желать сосѣдямъ послѣдняго невеликодушно, и далеко человѣколюбивыхъ правилъ нынѣшняго времени. А я скажу, какъ простолюдинъ, что при всѣхъ нынѣшнихъ мудрыхъ и утонченныхъ средствахъ не видалъ я, чтобы медвѣдей привязывали розовою лентою, а не

цѣпью желѣзною, или бы научали ихъ одними знаками, а не толстою дубиною? Теперь довольно правдоподобный дошелъ до меня слухъ, что Аббасъ-Мирза признанъ наслѣдникомъ. Чтò скажутъ сами персіяне о насъ? Не могутъ-ли они подумать, что трактовать о семъ важномъ для нихъ предметѣ довольно было послать конюха, которому поручено было довести лошадей? Въ дѣлахъ съ народомъ, до чрезвычайности надменнымъ, необходимо сохранять важность въ поступкахъ! Отъ чего произошло признаніе наслѣдникомъ? Отъ той же самой причины, что нѣтъ довольно довѣрія къ моимъ донесеніямъ, въ которыхъ нельзя упрекнуть мнѣ, чтобы я называлъ людей не точными ихъ именами. Надобно было видѣть, какой сдѣлалъ я портретъ Аббасъ-Мирзы и въ точности онаго честь моя порукою! Прошу тебя, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, о семъ никому не говорить, дабы не могли заключить, что я привязанъ къ своему мнѣнію и что недовѣрчивостію ко мнѣ почитаю себя оскорбленнымъ. Не всякій приметъ въ видѣ хорошемъ мое сѣтованіе. Кто такъ какъ ты знаешь, что за малѣйшую пользу стою я горою? Молчи, другъ любезнѣйшій, послѣдствія меня оправдаютъ! А тебѣ пишу для того, чтобы ты зналъ, что я того не просмотрѣлъ. Признаюсь тебѣ, что я не изъ числа тѣхъ, которые Нессельроде почитаютъ великимъ политикомъ, особенно въ случаяхъ до Персіи относящихся, которая столько же извѣстна ему, какъ всѣмъ намъ верхній Египетъ.

Прочти партикулярное письмо мое къ князю Петру Михайловичу (Волконскому), гдѣ признаюсь я ему въ моихъ недоразумѣніяхъ и прошу пояснить ихъ. Возьми на себя трудъ истолковать то, что не такъ я разумѣю, ибо стыдно бы было сдѣлать ошибку. Есть еще время, пока придутъ полки къ своимъ назначеніямъ, дать мнѣ полное разрѣшеніе. Иначе найдусь я въ величайшемъ затрудненіи и послѣ вы меня бранить станете. Напишите ко мнѣ скорѣе о гарнизонномъ Гурійскомъ полку и баталіонахъ Бакинскомъ и Дербентскомъ, которые тотчасъ по новомъ укомплектованіи корпуса должно уничтожать. Ружей съ прибывшими людьми поступитъ на перемѣну худыхъ и старыхъ по счету моему столько, сколько теперь не достаетъ людей въ комплектъ по прежнему полковъ штату, то-есть болѣе 12 тысячъ ружей. Посему можете вы сдѣлать разсчетъ сколько впослѣдствіи времени надобно будетъ прислать ружей въ корпусъ. Сіи новыя ружья дѣлаютъ мнѣ большую весьма пользу, а то сколько совсѣмъ негодныхъ, которыя не могутъ быть въ употребленіи.

Похлопочи, почтенный Арсеній Андреевичъ, о сдѣланномъ мною представленіи объ уничтоженіи теперешняго полеваго провіантскаго при

корпусѣ управленія. Оно никакъ существовать не можетъ и по причинѣ чрезвычайной обширности земли, и паче по затруднительнымъ сообщеніямъ производитъ величайшія запутанности. Я препроводилъ статьи новаго предлагаемаго мною управленія раздѣленнаго на двѣ части, Грузинскую и Кавказскую, подъ наблюденіемъ и отчетностію состоящаго при корпусѣ оберъ-провіантмейстера. Каждый день испытываю я неудобства теперешняго управленія, и кто не согласится со мною, что таково должно оно быть, когда изъ Тифлиса должно управлять дѣйствіями коммиссіонеровъ, производящихъ главнѣйшія закупки въ Воронежѣ и Саратовѣ. Каждая малѣйшая перемѣна, всякое ничтожное приказаніе не иначе послѣдовать можетъ какъ изъ Тифлиса. Поспѣшите сдѣлать разрѣшеніе и избавить меня отъ теперешняго порядка, который долго я не вводилъ, но и терплю ужасно!

Андреевцы, куда назадъ тому дней пять прибылъ отрядъ войскъ нашихъ, показывали наклонность къ возмущенію, но люди богатые и купцы не воины и потому безъ труда и безъ шуму все приходитъ въ должный порядокъ и покорность. Такимъ образомъ въ короткое время будетъ и во многихъ мѣстахъ. По Сунжѣ нынѣшній годъ никакихъ не будетъ производиться работъ, ибо полки придутъ поздно, а до того совсѣмъ нѣтъ войскъ, что весьма жаль, ибо они отъ одной ничтожной *Грозной* весьма перемѣнились и даже нѣсколько присмирѣли. *Кабардинцы* продолжаютъ свои шалости съ тою только разницею, что дѣлаютъ мелочныя, а большихъ опасаются; но я принялъ до сего весьма удачныя мѣры; за украденный скотъ требую у нихъ уплаты скотомъ же или деньгами, за похищенныхъ или убитыхъ людей всякаго состоянія,— ловлю людей. Теперь требую нѣсколькихъ убійцъ и знаю, что мнѣ ихъ не представятъ, данъ срокъ и знаю, что пройдетъ безъ всякаго успѣха. Чрезъ мѣсяцъ человѣкъ десять годныхъ въ солдаты отправляю на службу въ Россію. Солдаты будутъ славные, но только подалѣе, дабы не могли уйти. Кабардинцы еще не видали подобныхъ случаевъ и можетъ быть примѣръ полезно на нихъ подѣйствуетъ! Не сдѣлаешь шагу здѣсь, чтобы не встрѣтить въ душѣ непріятеля, съ которымъ трудно примиреніе, ибо звѣрскій, а паче худо толкуемый законъ разжигаетъ его злобу противъ насъ.

Ты удивился, получа два мои письма съ послѣднимъ фельдъегеремъ, а сколько различно обоихъ ихъ содержаніе. Первое писано въ не наилучшемъ расположеніи духа. Пришли мнѣ положеніе поселяемыхъ войскъ, я о нихъ не имѣю ни малѣйшаго понятія и каждый о томъ разсказываетъ по своему. Изъ числа находящихся у меня фельдъеге-

рей, *Стабушъ*, какъ человѣкъ самый вѣрный и отлично честный, употребляется на разныя порученія и важныя слѣдствія. *Лащевскій* посланъ съ предписаніями о выступленіи полкамъ; *Дешевой* такъ сильную имѣетъ грудную боль, что не могъ бы доѣхать до Петербурга и я принужденъ отправить его лечиться къ минеральнымъ водамъ. Затѣмъ долженъ я былъ послать пятидесятника, не имѣя никакого другаго, прошу имѣть вниманіе, что то сдѣлалъ я по необходимости. Я хотѣлъ послать эстафету, но по новому положенію стоитъ отсюда 702 рубля и я испугался, а пятидесятника можешь или отправить обратно при фельдъегерѣ или отдать адъютанту моему для препровожденія персидскаго хана. Ему надобны люди.

Толстой твой—сокровище, онъ ѣздитъ со мною на телѣгѣ, я ему не даю спать, иногда ѣсть и мы все путешествуемъ благополучно. Солнцемъ нажгло намъ обоимъ уши, они распухли какъ подушки, лѣзетъ кожа и кажется безъ оскорбленія не останутся и прелестныя наши лица. Толстой на все рѣшается и сегодня обыкновеннымъ порядкомъ продолжаемъ путь нашъ далѣе!

178.

6-го августа 1819 г. Лагерь при Андреѣ.

Послѣднее письмо твое доставилъ мнѣ фельдъегерь Соболевъ. Справедливо выговариваешь мнѣ, что я со всѣмъ свѣтомъ перебранился, и что непріятелей у меня число несмѣтное.

Слушаю твоего дружескаго совѣта и начинаю смягчаться.

Ты не знаешь, что съ министромъ юстиціи пріятельская переписка; правда, что чрезвычайно рѣдко. Съ министромъ полиціи самыя сладкія привѣтствія взаимно. Финансы неблагосклонны, но если то отъ гордости, то не будетъ ему пощады, и я знаю то, что самое счастливѣйшее царствованіе Александра ничѣмъ не сдѣлаютъ его лучше того, что онъ есть и о уваженіи къ нему (министру) нельзя отдать въ приказѣ. Впрочемъ, какъ онъ самъ тебѣ жалуется на меня, то увѣрь его, что, конечно, несправедливо внушаютъ ему обо мнѣ. Я повинуясь тебѣ и ему даже пишу комплименты и всему достохвальному его семейству, то-есть графу Нессельроде, который точно человѣкъ прекраснѣйшій, но я не виноватъ, что имѣю съ нимъ дѣло какъ съ министромъ. На обѣдѣ, завтракѣ при устрицахъ я всегда ему пріятель; по службѣ Государя я требую не одной любезности!

Быть по волѣ твоей! Не буду сердиться за медленность разрѣ-

шеній и не бранясь буду только дѣлать повторенія, а вы дѣлайте, что за благо вамъ разсудится, лишь на мнѣ не взыскивайте.

Теперь скажу о моихъ дѣлахъ.

Нынѣшній годъ тяжелъ для меня чрезвычайно. Въ татарскихъ областяхъ, называемыхъ здѣсь дистанціями, едва было не сдѣлалось возмущенія и примѣру ихъ многіе бы послѣдовали. Въ Имеретіи бунтъ, но благодаря Бога, кажется, обойдется безъ пролитія крови. Причиною сему пожалованный вновь митрополитомъ Ѳеофилактъ, человѣкъ рѣдкаго ума и необыкновенныхъ достоинствъ, но недавно награжденный за пріумноженіе церковныхъ доходовъ, разсчелъ, что за нихъ же еще можно получить и Андреевскій орденъ. Онъ началъ неистовымъ образомъ собирать деньги и сіе произвело бунтъ, ибо онъ коснулся и частныхъ имуществъ самымъ несправедливымъ и наглымъ образомъ. Народъ возмутившійся сталъ возвращаться къ спокойствію, когда онъ выѣхалъ изъ Имеретіи: столько всѣми былъ онъ тамъ ненавидимъ. Надобно замѣтить, что умножаетъ онъ церковный доходъ мѣрами чрезвычайно утѣснительными. Еслибы обстоятельства бунта потребовали употребленія оружія, я не зналъ бы что дѣлать, ибо въ двухъ полкахъ, находящихся къ сторонѣ Чернаго моря, такой недостатокъ въ комплектѣ, что въ самой Имеретіи нѣтъ и 2,000 человѣкъ. Я весьма обязанъ благоразумію и хладнокровію старшаго Вельяминова. Впрочемъ, я и самъ, не взирая на огненный характеръ мой, долженъ бы былъ смириться. Жаль мнѣ очень, что до крайности слабое здоровье Вельяминова не допуститъ его долго служить въ здѣшнемъ краю, а то съ его трудолюбіемъ и до того познакомясь съ обстоятельствами и народами, онъ могъ быть весьма годнымъ здѣсь начальникомъ. За моего Вельяминова отвѣчаю, что когда по чину можно ему будетъ командовать, то не надобно вамъ будетъ искать другаго, ибо я такимъ образомъ употребляю его на службу, что онъ совершенно на все готовъ будетъ.

Въ Кубинскую прекраснѣйшую провинцію готовы были вступить горцы и воспрепятствовало одно ихъ несогласіе. Тамъ было нѣсколько сообщниковъ извѣстнаго бѣглаго дербентскаго хана, которые въ пользу его возмущали противъ насъ народъ. Я приказалъ схватить ихъ и они путешествуютъ моремъ въ Астрахань, учиться вѣрности своему Государю, послѣ чего стало спокойно чрезвычайно. Командующимъ тамъ генералъ-маіоромъ барономъ Вреде я отлично доволенъ и онъ какъ поведеніемъ благоразумнымъ, такъ и совершенною честностію пріобрѣтаетъ довѣренность народа. Я нашелъ его болѣе способнымъ нежели ожидалъ. Но за то какая мокрая курица у меня Курнатовскій......

Какъ уже нѣтъ надежды съ ними разстаться добрымъ манеромъ, придется понемногу снабдить ими графа Комаровскаго. Я уже отправилъ туда авангардъ, состоящій изъ генералъ-маіора Печерскаго и его поздравляю!

Братъ Михайло (графъ Воронцовъ), имѣвшій нѣсколько въ предметѣ Грузію, теперь думаю о ней и помышлять не станетъ. Не повѣрю, чтобы теща согласилась его отпустить сюда и взбунтуетъ жена молодая, прекрасная; а ему здѣсь можно бы было побыть нѣкоторое время!

Вижу благодарность за поселеніе войскъ и думать надобно, что успѣхи чрезвычайно велики, но удивляюсь, что Клейнмихель не произведенъ въ генералы, а уже время!!!

Досадно однакоже, что я не могу имѣть постановленій, изданныхъ по предмету поселеній и никакого о томъ понятія не получаю. По особенному приказанію не давать ихъ тебѣ, я вижу существующую между вами услужливость, которою противникъ твой всегда отличался. Поповъ мой сказывалъ, что я кажется лишился высокихъ милостей и не понимаю, право, за что? Я такъ велъ себя осторожно. Теперь вознегодуетъ на меня за полевое провіантское управленіе, о уничтоженіи коего я представилъ, ибо не можетъ быть учрежденія противнѣйшаго мѣстнымъ обстоятельствамъ, и я проклинаю день, въ которой допустилъ его здѣсь существованіе. Я никогда не дѣлалъ несчастнѣйшаго испытанія!

По совѣту твоему, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, я прошу позволенія пріѣхать въ Петербургъ по дѣламъ службы, но боюсь, чтобы сего не сочли мнѣ въ отпускъ, въ которомъ я нужды ни малѣйшей не имѣю. Мнѣ тяжело лишиться жалованья, ибо у меня нѣтъ ничего другаго. Не подплетите меня! Жаль, что ты мѣшаешь мнѣ сказать о Петербургѣ, что я ѣду въ такой городъ, гдѣ кромѣ пріятелей никого не встрѣчу. Съѣдусь съ друзьями и Боже дай терпѣніе. Вижу, что много на меня злыхъ и ихъ хорошо знаю, но знаютъ-ли они, что я человѣкъ неприступный страху?

Государь предпріемлетъ, если не далекій путь, то чрезвычайно непродолжительное полагаетъ на него время. Великій Князь манитъ его въ Польшу, и еслибы во всѣхъ возрастахъ человѣка равно могли женщины плѣнять, то я не переставалъ бы говорить о Польшѣ, что земля прелестнѣйшая. О нихъ теперь разсуждаю я какъ старикъ, а о самой Польшѣ какъ ребенокъ, не понимая чудеснаго сего царства.

Благодарю за увѣдомленіе о Медвѣдевѣ, которое успокоило меня на счетъ сего достойнаго офицера.

Сдѣлай милость, увѣдомь о моемъ Граббе: здѣсь непріятный слухъ, будто онъ застрѣленъ однимъ изъ его офицеровъ. Жаль было бы сего отличнаго молодаго человѣка, дающаго большія надежды.

Удивленъ я назначеніемъ Капцевича и вижу могущество ходатайствовавшаго о немъ. Надобно признаться, что трудно было избрать болѣе неспособное созданіе. Послѣ сего пусть осмѣлятся усумниться, что я вскорѣ буду командовать арміею. Мнѣ подобныя назначенія много придаютъ гордости, ибо жду своей очереди, но и нельзя не жалѣть того, что вы не можете отъ того отдѣлаться. Я предсказываю вамъ, что вскорѣ потребую армію и какъ вы отъ меня избавитесь, если хотя мало у васъ есть совѣсти. Я покажу по соразмѣрности на Капцевича и проч. Но прежде нежели получу армію, скажу тебѣ, почтеннѣйшій другъ, о теперешнемъ моемъ положеніи.

Я живу между народомъ сто лѣтъ называющимся подданными Россіи и, конечно, трудно найти величайшихъ злодѣевъ и между самыми злѣйшими врагами. Пребываніе наше здѣсь весьма не нравится, ибо нельзя продолжать дѣлать разбои и надобно покорствовать. Измѣны ежечасныя; исключая нѣкоторое число людей благоразумныхъ, всѣ прочіе явно со стороны непріятелей. Городъ Андрей не менѣе 1,600 домовъ и теперь нѣтъ въ немъ пятидесяти семействъ, всѣ разбѣжались, показывая видъ, что боятся приближенія лезгинъ, которыхъ они сами прислали. Остаться имъ было невозможно, ибо явно обнаружилось бы ихъ соучастіе, когда лезгины пришедши не стали бы дѣйствовать противъ нихъ и никакого вреда имъ бы не сдѣлали. Надобно знать, что мѣсяцъ цѣлый вывозили скрытнымъ образомъ свое имущество къ тѣмъ самымъ народамъ, которые теперь поднимаютъ противъ насъ оружіе. Старшій владѣлецъ увѣдомлялъ меня обо всемъ, но я не имѣлъ средствъ удержать ихъ и было бы несправедливо обнаружить подозрѣніе тогда, какъ никто еще не собирался изъ горскихъ народовъ и нельзя было уличить ихъ въ согласіи съ ними, ибо и самые горскіе народы не показывали себя непріятелями. Измѣнникъ Аварскій ханъ собираетъ большія силы, ему содѣйствуютъ всѣ вообще чеченцы, всѣ почти деревни владѣній Андреевскихъ и большая часть Аксаевскихъ. Завтра будетъ часть скопищъ ихъ верстахъ въ 20 отсюда. Они прячутся въ лѣсахъ, пока соберутся со всѣми силами для общаго нападенія. Соединеніе всѣхъ и начало дѣйствій положено на сихъ дняхъ.

Я продолжаю построеніе начатой крѣпости и остаюсь, не взирая на весьма малое число войскъ со мною. Опасно отступленіемъ ободрить измѣнниковъ, ибо тогда возстанутъ многіе и потеря во мнѣніи ихъ

долго и самыми успѣхами не вознаградится. Изъ рапорта къ князю Петру Михайловичу (Волконскому) ты увидишь, съ какою страшною стою я здѣсь арміею и ожидаю тучи непріятелей. Поздно извѣщенъ будучи о прибавленіи войскъ къ корпусу, затрудненъ я былъ въ пріуготовленіи для нихъ продовольствія и потому одинъ самый ближайшій полкъ не прежде еще будетъ какъ чрезъ десять дней, хотя и ускорилъ я его маршъ. Всѣ прочіе придутъ гораздо послѣ. Фельдъегерь посланный отъ меня нашелъ нѣкоторые полки недошедшими до квартиръ, назначенныхъ имъ въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ; отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся люди въ караулахъ въ большомъ разстояніи и даже цѣлыми баталіонами, которыхъ полки дожидаясь не выступаютъ въ предписанное время. Двѣ роты артиллеріи, назначенныя въ корпусъ, находятся въ Полтавѣ, и когда отыскалъ ихъ фельдъегерь, то онѣ не имѣли лошадей, слѣдовательно изъ такого отдаленія скоро-ли придти могутъ? Вотъ положеніе моихъ дѣлъ и, конечно, не самое лучшее! Въ предписаніи ко мнѣ сказано, что въ 10-ти полкахъ пѣхоты, идущихъ изъ Россіи вмѣстѣ съ 8-мъ егерскимъ здѣсь находящимся, состоитъ людей до 26 тысячъ человѣкъ. Теперь получаю я отъ полковъ рапорты и рѣдкій изъ нихъ въ двѣ съ небольшимъ тысячи человѣкъ, но многіе гораздо менѣе, а объ одномъ уже извѣстно, что пяти комплектныхъ ротъ не составляетъ. Я думаю, что съ прорвавшимися четырьмя тысячами рекрутъ не будетъ даже до 26 тысячъ. Полки идутъ обремененные заручною отъ расформированныхъ 2-хъ баталіоновъ и недостающихъ въ комплектъ людей аммуниціею, и я не знаю, что дѣлать; полкамъ на свозъ оной не отпущено ни малѣйшей коммиссаріатской суммы и они вѣрно разбросаютъ ея по дорогѣ, и тѣ ружья, которыхъ ожидалъ столько нетерпѣливо.

Не подумай, другъ любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, что я говорю тебѣ съ огорченіемъ. Оно безполезно, и теперь знаю я кто дѣлалъ распоряженіе, слѣдовательно не укорять хочу кого-нибудь. Но желаю, чтобы ты зналъ, какъ другъ мой, какъ все то дѣлается и какъ не во-время всѣ получаю я пособія, впрочемъ, по справедливости чрезвычайныя. Послѣ сего прошу судить о затрудненіи, въ которомъ я находиться долженъ и мудрено-ли, если ошибусь я въ нѣкоторыхъ разсчетахъ.

Ты пишешь, что прислали вы объясненія на мои вопросы, но кажется, нужны еще будутъ нѣкоторыя на тѣ вопросы, что отправилъ я съ урядникомъ казачьимъ, изъ Моздока.

Фельдъегерь твой Лащевскій ведетъ себя прекраснѣйшимъ образомъ, но чрезвычайно попрашивался въ Петербургъ, однако, по при-

казанію твоему пришлю я его нѣсколько выдержавши; Дешевому есть легче, но здоровье его неблагонадежно, а за то Силинъ занемогъ лихорадкою жестокою въ проклятомъ Моздокѣ, гдѣ находится онъ съ вещами. Не знаю, откуда берешь ты фельдъегерей, но я не видалъ еще ни одного, котораго бы поведеніе не заслуживало одобреніе.

Принеси совершеннѣйшее мое почтеніе ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ.

Толстой твой часъ отъ часу лучше. Нельзя быть скромнѣе, осмотрительнѣе и осторожнѣе какъ онъ, и для военнаго времени долженъ онъ быть человѣкъ безцѣнный; я его люблю душевно!

Прощай, продолжи мнѣ несравненную твою дружбу.

179.

28-го августа 1819 г. Кр. Внезапная.

Послѣдній фельдъегерь вашъ привезъ мнѣ многія разрѣшенія, облегчающія меня въ не малыхъ затрудненіяхъ, но какъ я ничего столько не боюсь, какъ не угадать воли начальства, то хотя и буду казаться вамъ скучливымъ, рѣшаюсь однакоже еще сдѣлать нѣкоторые вопросы, о коихъ посылаю оффиціальныя бумаги.

По привычкѣ увѣдомлять тебя обо всемъ со мною случающемся я пишу обо всемъ, что приходитъ мнѣ въ голову.

Противъ меня въ заговорѣ всѣ возможныя затрудненія, и я не понимаю, какъ изъ нѣкоторыхъ я выпутываюсь. Въ прошломъ году, какъ тебѣ извѣстно, замерзъ мой провіантъ при устьяхъ Волги; теперь, по удивительной дѣятельности астраханскаго губернатора, провіанта у меня множество, но отъ пристани развозить нечѣмъ. На линіи скотскій падежъ ужаснѣйшій, и нагайцы, которыхъ самъ я пригласилъ къ перевозкѣ, даже и то количество, которое они поставлять обязаны, перевезть не въ состояніи, а мнѣ надобно двойное. Тутъ я сталъ въ пень! Отъ сего можетъ не состояться мой походъ на Дагестанъ, который намѣревался я сдѣлать приходящими изъ России войсками до ихъ по полкамъ распредѣленія, ибо когда разойдутся по назначенію, то опять трудно мнѣ будетъ собрать достаточное для дѣйствій количество. Вотъ, другъ почтеннѣйшій, досадныя встрѣчи и которыхъ никакая не въ силахъ отвратить дѣятельность, хотя ты во мнѣ находилъ оную.

Посмотримъ, что будетъ, если не злодѣйскимъ Дагестаномъ, то займусь ближайшими сосѣдями чеченцами, которые дѣлаютъ наглѣйшія

шалости. Одна въ прошедшемъ году построенная крѣпость Грозная, оказывая намъ величайшія услуги, не можетъ однакоже смирить сильный народъ и избалованный. Другая такая познакомитъ ихъ съ голодомъ, а лѣвый флангъ линіи отдохнетъ отъ бѣдствій.

Я теперь въ Андреевѣ. Неимовѣрною скоростію строющіяся укрѣпленія въ такое приведены состояніе, что я ожидаю горцевъ спокойно и даже въ маломъ числѣ моихъ войскъ нахожу излишество. Сообщенія мои не самыя только вѣрныя, но скоро придетъ 42-й егерскій полкъ, тогда и о томъ заботиться не буду.

Лезгины соединились съ чеченцами и всѣ почти подвластные андреевскихъ владѣльцевъ съ ними въ заговорѣ. Жители самаго города Андреева разбѣжались, боясь будто приближенія непріятеля, тогда какъ достовѣрно знаю я, что они сами приглашали измѣнника хана Аварскаго придти для ихъ освобожденія отъ русскихъ.

Глупымъ народомъ населяющимъ Андреевъ управляютъ нѣсколько злодѣевъ старшинъ и сіи то желали бы весьма, чтобы нога русскихъ не была на землѣ ихъ. Я притворствую, что вѣрю страху ихъ, не удивляюсь, что жители разбѣжались, нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ возмутителей удерживаю особыми ласками, ожидая, что, увѣрясь въ простотѣ моей, соберутся они въ большемъ количествѣ и тогда въ одно прекрасное утро я ихъ *цапну*. Увидятъ бѣдные и невинные, что наказаны возмущавшіе ихъ, и получатъ къ намъ привязанность.

Мадатовъ нашъ командуетъ пречудеснымъ войскомъ, съ нимъ собранные съ ханства татары и весьма мало войскъ нашихъ. Ему строго приказано не только не раздражать сильныхъ непріятелей, но даже показывать, что ни малѣйшаго о нихъ не имѣетъ помышленія. Сдѣлай одолженіе, для общаго пріятеля, постарайся, чтобы графъ Нессельроде вошелъ къ Государю съ докладомъ по моему представленію, въ разсужденіи имѣнія возвращаемаго ему ханомъ Карабагскимъ. Мадатовъ служитъ похвальнѣйшимъ образомъ, и мнѣ по обстоятельствамъ необходимо, что онъ пріобрѣлъ довѣренность хана. Я боюсь, чтобы графъ Нессельроде, сердясь на меня, не повредилъ ему. Для тебя онъ все сдѣлаетъ, а меня крайне бы огорчило, если бы оставили мое представленіе. Я знаю состояніе и нужду семейства Мадатова, у него жива еще мать старуха, о которой онъ заботится.

Спроси князя Петра Михайловича (Волконскаго), гдѣ назначитъ онъ мѣста, куда бы могъ я посылать отсюда на службу разные народы? У меня здѣсь столько шалуновъ, возмущающихъ спокойствіе людей, готовыхъ быть добрыми подданными Государя. Хотѣлъ я че-

ченцевъ и кабардинцевъ отправлять въ Сибирь въ войска, но не знаю, почему оттуда посланные даже въ работу уходятъ безъ большихъ затрудненій. Въ одномъ ханствѣ шекинскомъ имѣю я таковыхъ недавно возвратившихся изъ Сибири 22 человѣка. Есть въ Персіи и даже здѣсь въ Андреѣ былъ одинъ. Они проходятъ чрезъ киргизцовъ, а бухарцы, какъ единовѣрцевъ, принимаютъ хорошо и даютъ всякое пособіе—въ прошедшемъ году нѣсколько чеченцевъ отправилъ я въ Камчатку изъ предосторожности отъ побѣговъ, но я самъ знаю, что это худое средство, ибо многіе современемъ могли бы быть годными, а не каждый вынести дальній путь можетъ. Нельзя-ли на островъ Эзель, въ Финляндію или Архангельскъ? Здѣсь есть разные *беки*, *беи*,—то есть владѣльцы, которые почитаютъ храбростью и удальствомъ собственными руками убивать своихъ подвластныхъ. Нельзя наказывать ихъ какъ преступниковъ, пока законы наши не будутъ распространены на нихъ, особливо когда между здѣшними народами подобныя дѣянія пріемлются отличіемъ, но нельзя вразумить ихъ, что то преступленіе, иначе какъ нѣкоторымъ смиреніемъ и таковыхъ, по мнѣнію моему, надобно опредѣлять въ службу унтеръ-офицерами, какъ людей принадлежащихъ высшему состоянію или здѣшнему дворянству. У меня теперь уже сидитъ одинъ въ крѣпости ребенокъ едва въ 18 лѣтъ возраста и уже убившій двухъ человѣкъ, о чемъ никто не сказалъ ни слова, какъ о происшествіи весьма обыкновенномъ. Онъ изъ владѣльцевъ и хорошей фамиліи и отправится съ кадрами въ Россію. И такъ мнѣ надобно разрѣшеніе, куда въ дальнія мѣста отправлять *простолюдиновъ* въ солдаты, и куда не столько далеко отправлять людей *лучшаго* происхожденія въ унтеръ-офицеры. Пригласи, сдѣлай милость, князя подумать о семъ обстоятельно.

Въ Имеретіи происходитъ у меня величайшее смятеніе, благодаря распоряженіямъ главнаго здѣшняго духовенства, которое всякими и даже не самыми обстоятельствамъ приличествующими средствами хочетъ умножить церковные доходы. Едва было не дошло до оружія и мы не могли бы угасить мятежъ и скоро и достойнымъ образомъ; а въ такихъ случаяхъ невыгодно показать недостатокъ способовъ. И такъ, я, соблюдая возможную умѣренность, рѣшился поступкамъ моимъ давать видъ сожалѣнія къ заблужденію народа и всю наружность великодушія. Нельзя было въ семъ случаѣ лучшаго имѣть поведенія, какъ генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 1-й, который все распорядилъ въ мое отсутствіе изъ Грузіи и до сего времени не было ни одного выстрѣла. По послѣднимъ оттуда извѣстіямъ начинаютъ не съ прежнимъ жаромъ составляться скопища мятежниковъ и нѣкоторые изъ главныхъ возмутителей не ту

уже имѣютъ силу въ народѣ. Богъ дастъ все обойдется скромнымъ образомъ и точно мы обязаны симъ *Вельяминову*. Между разговорами старайся довести о семъ до свѣдѣнія съ хорошей стороны и упомяни о *Сысоевѣ*, который тамъ употребленъ теперь и командуетъ войсками.

Я получилъ письмо отъ бывшаго адъютанта моего полковника фонъ-Визина, которымъ убѣждаетъ онъ меня, чтобы я просилъ тебя, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, о переводѣ его въ Грузинскій корпусъ. Не знаю почему надѣется онъ на сихъ дняхъ произведенъ быть генералъ-маіоромъ, но признаюсь тебѣ, что въ чинѣ генерала онъ здѣсь еще болѣе мнѣ нуженъ. Постарайся, сдѣлай милость, перевесть его, все равно будетъ-ли онъ произведенъ или нѣтъ, я посылаю къ тебѣ оффиціальную о томъ бумагу, употреби ходатайство твое у Государя.

Вы совсѣмъ загоняли меня упреками, что я пишу очень рѣзко, такъ что я уже и безъ желанія писать рѣзко не знаю какъ составлять мои по службѣ бумаги, а потому тебѣ только дружески скажу, что полки идущіе сюда изъ Россіи совсѣмъ не въ томъ числѣ людей какъ сказано въ указѣ. Не знаю кому было выбрать приказано полки, но выборъ по истинѣ чрезвычайный. Есть такіе, что не сильнѣе одного баталіона по здѣшнему новому положенію, но идутъ со множествомъ офицеровъ, ведутъ лошадей и тьму нестроевыхъ людей, которые фуражомъ и провіантомъ разорятъ меня совершенно.

Въ 45-мъ егерскомъ полку какая-то дрянь изъ гвардіи полковникъ, который безпрестанно пишетъ рапорты на офицеровъ, а они на него жалобы, и я не видавъ еще на грошъ отъ нихъ пользы, долженъ уже начинать арестами и военнымъ судомъ.

42-й егерскій полкъ теперь у меня находящійся точно весь выпущенъ изъ школы, начиная съ самихъ офицеровъ, между коими три или четыре имѣютъ видъ человѣческій; солдаты же всѣ дѣти и только что довольно одѣты чисто, но о настоящей службѣ понятія не имѣютъ. Командующій имъ ожидаетъ чина генеральскаго. Онъ точно старый офицеръ, но, кажется, нѣтъ въ немъ большой нужды.

Апшеронскій полкъ хвалятъ и я его вскорѣ сюда ожидаю; когда прибудетъ, тебя подробно увѣдомлю. Я не сомнѣваюсь, что онъ въ порядкѣ, ибо братъ Михайло (графъ Воронцовъ) доставлялъ командирамъ весьма большія выгоды и стыдно было бы имъ не имѣть полковъ въ исправности.

43-й егерскій полкъ, какъ я слышалъ, состоитъ весь изъ рекрутъ и пренесчастный.

Вообще въ полкахъ множество людей неспособныхъ къ службѣ,

нѣкоторыхъ надлежало бы освидѣтельствовать и сюда не засылать далеко понапрасно.

По большому въ полкахъ недостатку людей множество заручной аммуниціи долженъ я былъ приказать оставить въ вѣдѣніи коммиссаріата и съ тѣмъ вмѣстѣ остались ружья, которыми бы нужно перемѣнить негодныя въ здѣшнихъ полкахъ, но я не знаю когда и какъ въ состояніи буду ихъ перевезть. Словомъ, я не понимаю какимъ образомъ я укомплектуюсь и какъ слажу съ ужаснѣйшими хлопотами собственно отъ образа укомплектованія происходящими. Не прими, другъ любезнѣйшій, сіе за жалобу, тебѣ одному говорю о томъ и въ десятую долю не напишу оффиціально. Увидите только какъ велика погрѣшность ваша въ исчисленіи людей и какъ за тѣмъ великъ будетъ въ людяхъ недостатокъ, который необходимо должно будетъ пополнять рекрутами. Не откажите мнѣ ихъ въ будущемъ году, ибо мнѣ и дѣйствовать и работать надобно!

Хотѣлъ еще продолжать письмо и отправить фельдъегеря, но останавливаю его до моего возвращенія. Завтра иду противъ лезгинъ, которыхъ собралъ измѣнникъ Аварскій ханъ довольно въ большихъ силахъ и почитая меня слабымъ и занимающимся строеніемъ крѣпости, осмѣлился подойти довольно близко. Вскорѣ увѣдомлю я тебя о послѣдствіи и до того фельдъегерь не поѣдетъ.

Не прощаюсь, буду писать болѣе.

180.

10-го сентября 1819 г. Андрей.

Я сдержалъ свое слово и не долго остановивъ фельдъегеря пишу къ тебѣ.

Предъ разсвѣтомъ 29-го числа августа пошелъ я противъ лезгинъ, которыхъ измѣнникъ Аварскій ханъ, соединивъ съ чеченцами и другими горскими народами, имѣлъ не менѣе 6 тысячъ человѣкъ. Укрѣпленіе ихъ было въ мѣстахъ чрезвычайно твердыхъ положеніемъ, но они съ нѣкоторыми силами имѣли глупость выдти на встрѣчу. Двѣ роты нашихъ егерей два раза опрокинули гораздо бо́льшія силы, но должны были уступить, когда въ третій разъ съ большимъ остервененіемъ бросились они въ кинжалы и сабли. На такую схватку рѣдко пускаются здѣшніе народы и въ семъ случаѣ дорого заплатили за дерзость. Непріятель не могъ видѣть расположенныхъ за возвышеніемъ

семи ротъ Кабардинскаго полка, изъ числа которыхъ двѣ врѣзались въ самую толпу штыками, и когда хотѣлъ непріятель бѣжать въ сторону, встрѣтилъ три роты того же полка, зачѣмъ и послѣдовало такое поспѣшное бѣгство, что только можно было успѣть преслѣдовать двумя егерскими ротами, дравшимися прежде, и двумя кабардинскими, опрокинувшими всю толпу, къ коимъ присоединились спѣшенные казаки, ибо съ такой высоты сброшенъ былъ непріятель, что не безъ труда и пѣхота могла спуститься. Непріятель послѣ сего засѣлъ въ пріуготовленныхъ окопахъ, конечно, ожидая, что преслѣдующія войска наши бросятся въ оные, но я, напротивъ, собралъ войска, расположилъ ихъ въ долинѣ довольно покойнымъ лагеремъ и только передовыми постами и артиллеріею стѣснилъ въ ущельи непріятеля и отрѣзалъ ему сообщеніе съ долиною, гдѣ отъ неблагонамѣренныхъ намъ жителей получалъ онъ продовольствіе. Въ семъ положеніи продержалъ я его четверо сутокъ, въ продолженіе коихъ хотя и получилъ онъ сикурсы, но только могла переправиться одна конница, ибо вода въ рѣкѣ Сулакѣ слишкомъ высока была для пѣхоты. Въ ночи на 3-е число непріятель побѣжалъ и разсѣялся совершенно. Я сдѣлалъ одинъ маршъ въ горы такими мѣстами, что войска наши ужаснулись и жители земли теперь вѣрятъ тому съ изумленіемъ. Я не встрѣтилъ ни одного человѣка, и еслибы не призывали меня работы въ крѣпости Внезапной, я могъ бы пройти въ горахъ куда хотѣлъ и едва-ли бы больше нашелъ препятствіе, развѣ отъ самой природы!

Не вообразишь, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, какое особенное счастіе представило (?) мнѣ сихъ глупыхъ лезгинъ. Предводитель ихъ, измѣнникъ Аварскій ханъ, взялъ со всѣхъ присягу на истребленіе русскихъ, повсюду разосланы были возмутительныя прокламаціи, глупые мусульманскіе муллы возбуждали закономъ, представляя его угрожаемаго паденіемъ и что хуже колебались подвластные намъ народы, а нѣкоторые и измѣнили. Разсѣяніе непріятеля сдѣлало всѣхъ услужливыми и мягкими, а распространившійся ужасъ приготовилъ мнѣ добрыхъ слугъ, которые на походъ мой въ Дагестанъ будутъ исправно возить мнѣ провіантъ, котораго не находилъ я средства транспортировать, и я не заплатя за то ни гроша, за величайшее милосердіе выставлю то, что я пощадилъ ихъ и даже даровалъ жизнь. Жаль мнѣ, что не зная здѣшнихъ народовъ, не примутся въ настоящемъ видѣ здѣшнія дѣла, ибо важность оныхъ привыкли мы оцѣнивать количествомъ нашей потери. При моей осторожности сего не должно случиться, развѣ силы непріятеля будутъ чрезвычайно превосходны, но и

тогда употреблю я всѣ отъ меня зависящія средства и на успѣхъ оныхъ не могу не надѣяться!

Сдѣлай дружбу, постарайся, чтобы представленные мною офицеры были награждены; я выбралъ число весьма малое, а собственно мнѣ принадлежащихъ я назначилъ тѣхъ только, напримѣръ: князя Бековича и Самойлова, которымъ за дѣла прошлаго года я ничего не просилъ и, конечно, всякій бы другой имъ доставилъ. Ты можешь судить о скупости моей въ сихъ случаяхъ потому, что я молчу о твоемъ *графѣ Толстомъ,* котораго я люблю много. Я нарочно не представляю о немъ, что у меня въ виду экспедиція на чеченцевъ и по средствамъ, которыя имѣю я теперь несомнѣнныя; тогда упомянувъ о службѣ его въ теперешнемъ случаѣ и въ новомъ буду просить о переводѣ его въ гвардію. Ему нечего уже давать и надобно его подвинуть впередъ. Изъ него будетъ добрый, старательный чрезвычайно и осмотрительный офицеръ, съ которымъ не долженъ я разстаться, пока я здѣсь самъ. Между тѣмъ, прошу поставить на видъ стороною, что будучи тебѣ истиннымъ другомъ, ничего, однакоже, для дружбы не дѣлаю. Это принесетъ большую пользу и теперешнимъ и будущимъ моимъ представленіямъ и мнѣ легче будетъ ободрять службу достойныхъ офицеровъ. Имѣй уваженіе къ сему моему намѣренію. Мои адъютанты важно служатъ: *Бековичъ* въ свалкѣ съ лезгинами изрубилъ собственною рукою двухъ человѣкъ, а графъ Самойловъ изъ пистолета застрѣлилъ одного. Столько каждый изъ служащихъ желаетъ отличиться. У всѣхъ много доброй воли, и я долженъ сказать о Кабардинскомъ полку, что онъ храбростію своею стоитъ тысячей и чрезвычайно хорошо знаетъ родъ здѣшней войны. Если встрѣтится важный случай я не обойдусь безъ сего полка и буду просить ему Георгіевскихъ знаменъ. У него есть Мальтійскія знамена покойнымъ Императоромъ пожалованные за храбрость.

Если случится разговоръ, то скажи слово о семъ полку. Досадно, что, по описаннымъ мною въ рапортѣ обстоятельствамъ, полкъ сей долженъ перемѣнить свое имя, въ которомъ оказалъ онъ отличныя заслуги и я не знаю, что дѣлать съ его жалованными знаменами?

Пришелъ, наконецъ, и Апшеронскій полкъ, о которомъ говорилъ я тебѣ въ первомъ письмѣ. Я незнакомъ еще съ нимъ коротко, кажется, что долженъ быть исправенъ. Оружіе у него прекраснѣйшее и аммуниція. Людей подъ ружьемъ немного, въ числѣ ихъ до 150 человѣкъ неспособныхъ, частію поступившихъ изъ милиціи старыхъ и не мало отморозившихъ пальцы на ногахъ во время пребыванія ихъ въ Москвѣ. Таковыхъ не надлежало бы посылать сюда для того только,

чтобы сдѣлавъ дальній путь показать мнѣ то, что должны были видѣть начальники до ихъ отправленія. Еще повторяю тебѣ, что полки приходятъ сюда въ весьма маломъ числѣ людей и вы увидите какой будетъ недостатокъ въ людяхъ по новому комплекту.

Я копаюсь съ своими крѣпостями, которыя занимаютъ чрезвычайно много время, но безъ которыхъ нельзя никакъ здѣсь обойтись. Нынѣшній годъ также свирѣпствуютъ здѣсь болѣзни; жары большія и ночи весьма холодныя. Простуда у насъ одолѣваетъ и больныхъ ужасно много. Для сохраненія людей я перевелъ войска на квартиры въ Андреевскую деревню и ожидаю, что число больныхъ много уменьшится.

Повторяю просьбу мою о фонъ-Визинѣ: сдѣлай милость постарайся о его переводѣ въ грузинскій корпусъ. Онъ вамъ не столько нуженъ и, конечно, Государь не захочетъ отказать мнѣ офицера, который служилъ мнѣ адъютантомъ. Уважьте мою бѣдность въ генералахъ, а онъ, если бы и не былъ еще произведенъ, то по старшинству своему займетъ мѣсто онаго справедливо. Онъ самъ того желаетъ и очень проситъ. Я думаю, что онъ просить тебя самъ о томъ будетъ. До сихъ поръ офицеровъ, которыхъ видѣлъ я съ пришедшими полками, то не многихъ я здѣсь оставлю, а прочіе возвратятся въ Россію съ кадрами. Не знаю, что въ тѣхъ полкахъ, которые прямо пошли въ Грузію? Видно однакоже, что и у васъ не великій избытокъ въ славныхъ офицерахъ.

Засвидѣтельствуй мое совершеннѣйшее почтеніе ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ; хотѣлъ было пуститься писать къ ней на французскомъ языкѣ, но не могъ ничего выдумать, ибо для меня это не такъ легко.

Напиши, сдѣлай дружбу, о братѣ Михайлѣ (графѣ Воронцовѣ). Н. Н. Раевскій увѣдомлялъ меня, что его вскорѣ ожидаютъ въ Россію. Онъ пишетъ, что онъ сдѣлался еще интереснѣе прежняго и увѣряетъ, что много весьма выигралъ своею женитьбою. Здѣсь былъ у меня Франкъ и сказывалъ, что то сдѣлалось совсѣмъ неожиданнымъ образомъ и братъ Михайло прежде о томъ не помышлялъ. Теперь не заманишь его въ Грузію, а я, право, думалъ, что онъ скоро явится смѣнить меня. Онъ занимается здѣшнимъ краемъ и не мудрено, если воспоминаешь о немъ съ пріятностію, ибо онъ былъ во времена славнаго по истинѣ Циціанова.

Прощай, другъ почтеннѣйшій, прикажи вѣрнѣе доставить письмо мое старику Петру Ивановичу. Я отправилъ къ Государю славнѣйшую персидскую лошадь и она должна нѣкоторое время побыть на конюшнѣ

старика, чтобы отдохнуть съ дороги. Нельзя-ли, когда приведутъ ее, предупредить, чтобы не вздумали мнѣ платить за нее, ибо я не съ тѣмъ послалъ намѣреніемъ, чтобы стащить деньги или какой-нибудь подарокъ. Меня бы это обидѣло!

Еще есть усерднѣйшая до тебя просьба, чтобы ты отклонилъ отъ меня всякую награду за здѣшнія дѣла. Я божусь самимъ Богомъ, что и за важнѣйшія, если случатся, мнѣ досадно будетъ получить что-нибудь, ибо столько доволенъ я своимъ положеніемъ, что безсовѣстно было бы желать чего-нибудь болѣе.

Прощай, люби меня попрежнему и вѣрь вѣчной моей приверженности.

Не забудь попросить *графа Нессельроде,* чтобы доложилъ Государю объ имѣніи, которое отдаетъ князю Мадатову ханъ Карабагскій. Можетъ быть сердясь на меня онъ и ему сдѣлаетъ вредъ, а съ тобою будучи въ хорошемъ отношеніи онъ не испортитъ. А нынѣшнюю зиму надобно *тиъ мастеру* и лента! Онъ, право, молодецъ.

181.

30-го сентября 1819 г. Кр. Внезапная.

Ты не перестаешь быть другомъ, въ которомъ я всегда болѣе познаю и душу прекраснѣйшую и свойства благородныя. Спрашиваешь скоро-ли могу я быть въ Петербургѣ и желаешь, чтобы я у тебя остановился въ домѣ. Мнѣ приказываетъ о семъ и Аграфена Федоровна, чему я и не удивляюсь, ибо отъ многихъ слышалъ я, что у тебя и жена любезностію и добротою чудесная. Ты весьма угадалъ, что мнѣ не мало двухъ небольшихъ комнатъ, но мнѣ тебѣ не должно обманывать и потому скажу тебѣ, что мнѣ казаться будетъ, что я васъ безпокою. Если я и въ ближайшемъ стану трактирѣ, то я всегда буду у тебя, ибо я не намѣренъ бѣгать по городу, и гдѣ такіе знакомые, у которыхъ было бы мнѣ лучше нежели у моего достойнѣйшаго Арсенія Андреевича? Во всякомъ случаѣ прежде февраля мѣсяца мнѣ никакъ пріѣхать невозможно, ибо необходимо долженъ я идти зимою въ Дагестанъ. Зима—то время, въ которое не все однимъ оружіемъ пріобрѣтается успѣхъ, слѣдовательно, и съ меньшею гораздо потерею, по той причинѣ, что народы въ одномъ скотоводствѣ имѣющіе все свое богатство и за него страшатся, особливо когда овладѣю я плоскими мѣ-

стами, гдѣ непремѣнно стада должны находиться или погибнуть непремѣнно отъ стужи.

Въ бумагѣ твоей сказано, что не прежде могу я воспользоваться позволеніемъ ѣхать въ Петербургъ какъ по укомплектованіи корпуса. Я надѣюсь, однакоже, что ты сіе передѣлаешь или мнѣ нынѣшнюю зиму совсѣмъ не ѣхать. Я посылаю на сей счетъ оффиціальную бумагу, изъ коей увидишь причины и сдѣлай милость постарайся. Презатруднительное укомплектованіе меня губитъ, и я вижу величайшія непріятности за медленное отправленіе отсюда кадровъ, но и на сей предметъ есть къ тебѣ отношеніе, которое совершенно меня оправдываетъ. Я боюсь ужасно неудовольствій, когда нѣтъ ни малѣйшей вины со стороны моей. Ты говоришь мнѣ, чтобы я не опасался Петербурга. Морозъ по кожѣ подираетъ! развѣ снисходительны будутъ къ неловкости жителя Азіи, иначе я пропалъ! Однакоже, столько власти, любезнѣйшій другъ, имѣютъ надо мною твои совѣты, что я по новой системѣ не отчаяваюсь успѣть во многомъ. Благодарю за графа Нессельроде, онъ весьма благородный человѣкъ и мнѣ самому жаль, что я противъ него дѣйствовалъ наступательно. Я еще пишу къ нему и мы поладимъ! У меня и съ финансами давно нѣтъ спора и мы находимся въ пресладкихъ вѣжливостяхъ, но точно мутятъ его душою, иначе имѣлъ бы я въ ней уголокъ, изъ Петербурга не выѣду не занявъ въ ней постоя. Полно воевать, особливо всегда здѣсь злодѣйствуя совсѣмъ отвыкнешь отъ мирнаго обращенія.

За что раздираешь ты мнѣ сердце воспоминая, что никогда не избавлюсь я Дренякина и Мерлини. Сего послѣдняго мнѣ уже и жаль. Онъ безъ столовыхъ денегъ состоитъ на пищѣ св. Антонія, и похудѣлъ до крайности. Не примутъ-ли худо, если я ему отыщу такую бригаду, которой онъ почти и видѣть не будетъ, слѣдовательно будетъ годенъ. Если изъ человѣколюбія позволятъ сіе сдѣлать, то напиши ко мнѣ, а въ Россіи, божусь, онъ могъ бы быть бригаднымъ командиромъ. Тамъ не поручаются области и народы въ управленіе и слишкомъ хорошъ надзоръ, чтобы можно быть негоднымъ!

Вреде не зналъ я хорошо, и по веселому характеру почиталъ его шутомъ, но онъ умный человѣкъ и совершенно безкорыстный, знаетъ здѣшніе народы и будетъ полезенъ. Я весьма доволенъ имъ!

Курнатовскаго скоро выкурю, но долженъ уважать храбрость сего офицера и долговременную службу. Ему ничѣмъ нельзя упрекнуть, кромѣ чрезмѣрной слабости. Если дадите вы мнѣ *фонъ-Визина*,

то я буду имѣть славнаго частнаго начальника, умнаго и способнаго. Не откажите, ради Бога.

Вельяминовы у меня золото: 1-й—человѣкъ умный, строгой честности и самый усерднѣйшій слуга Государя; жаль только, что наклонность къ жизни уединенной отдаляетъ его отъ людей. Мнѣ онъ помощникъ удивительный. Я веду жизнь кочующую и за Грузію совершенно покоенъ; какъ бы ни продолжительно было мое отсутствіе, онъ ничего не просмотритъ! 2-й—офицеръ рѣдкихъ способностей и благороднѣйшихъ свойствъ и будетъ надобный человѣкъ Государю, но хотя ты и говоришь, любезный другъ, что онъ и безъ меня полезенъ будетъ въ здѣшнемъ мѣстѣ съ теперешнимъ его званіемъ, однако, скажу тебѣ, что я его буду просить съ собою куда бы вы меня ни бросили. Я имѣю въ немъ пріятеля и отъ того вдвойнѣ онъ мнѣ полезенъ на службу Государя, и мнѣ нечего опасаться сдѣланной къ нему привычки. Нѣтъ, любезный Арсеній, съ нимъ не разлучатъ *и за келью* сказать можно, что вы мнѣ никѣмъ другимъ его не замѣните.

У меня теперь сынъ Н. Н. Раевскаго, и я часто говорю съ нимъ о братѣ Михаилѣ (графѣ Воронцовѣ). Раевскій привязанъ къ нему и хорошо его знаетъ. Онъ говоритъ, что господствующая страсть его служба, что нѣтъ никакихъ другихъ и потому заключаю я, что онъ не имѣетъ намѣренія оставить службу. Признаюсь, что мнѣ казалось бы странною мысль сія и если бы видѣлъ я его, то имѣлъ бы съ нимъ схватку. Я люблю его и слишкомъ люблю пользу Государя, чтобы не стараться побороть такую дикую мысль. Кому же служить можно, если не служить графу Воронцову? Его воспитаніе, его счастливыя способности всегда уважаемы будутъ достойно и, конечно, никто затмить его не въ состояніи. Ты какъ хорошій ему пріятель старайся устыдить его подобною мыслію, но, впрочемъ, я не думаю, чтобы столько могъ онъ быть неосновательнымъ. Со времени женитьбы его, онъ уже не писалъ ко мнѣ, но сему думаю то причиною, что онъ по почтѣ писать не хочетъ. Если пріѣдетъ онъ въ Петербургъ, какъ бы желалъ я съ нимъ встрѣтиться! Но если бы и не случилось того, то къ твоимъ убѣжденіямъ присоедини и мое мнѣніе, и скажи ему, что я просилъ о томъ тебя. Меня здѣсь въ отдаленіи мучитъ, что выдаютъ его за недовольнаго и огорченнаго. Я бѣшенный и самый опрометчивый человѣкъ, но знаю, что эта роль не самая выгодная, и не желаю ему оной!

Ты говоришь, что Клейнмихель произведенъ можетъ быть 12-го декабря, слѣдовательно, будетъ производство и другихъ также. Я прошу тебя взглянуть на старшинство артиллеріи полковника Базилевича. Есть

уже младшіе произведены и даже по артиллеріи, что весьма обидно хорошему офицеру, а особенно когда тѣ ничѣмъ не лучше.

Я писалъ намедни къ тебѣ о командирѣ 42-го егерскаго полка полковникѣ Ляховичѣ; теперь короче узнавши его скажу, что полкъ содержитъ онъ въ исправности и уважаемъ мною за прекрасную въ полку нравственность. Стоитъ въ квартирахъ между татарами съ отличною скромностію.

Меня жестокая погода и холодныя ночи загнали въ квартиры и я наказываю вѣтренныхъ жителей Андрея постоемъ, къ чему еще въ прошломъ году началъ я пріучать дагестанцевъ и чего не смѣли прежде. Удивиться надобно какъ скоро привыкаютъ и какая тишина! Лавки открыты и торгъ производится покойнѣйшимъ образомъ. Мнѣ кажется, что смѣлыя женщины дадутъ средство перемѣнить и породу измѣнниковъ.

Какъ обрадовалъ ты меня извѣстіемъ о Граббе. Жаль бы было потерять и храбраго офицера и рыцаря въ благородствѣ. Какіе глупые слухи и они-то всегда разсказываются съ правдоподобіемъ. Если ты коротко знаешь его, то вѣрно нашелъ его достойнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ.

Вижу, что поселенія ваши хуже идутъ нежели мои Виртембергскія колоніи; у васъ идутъ войска для усмиренія, а я своихъ главныхъ вольнодумцевъ и зачинщиковъ безпорядка просто посадилъ въ крѣпость и вмѣсто того, чтобы мучить продолжительнымъ судомъ и отвлекать отъ семействъ, лишая оныя пропитанія, просѣкъ немного розгами и все благополучно! Незавидное положеніе Гр. Ар. (графа Аракчеева) усмирять оружіемъ сограждан. Я подобное дѣло почелъ бы величайшимъ для себя наказаніемъ. Надобно думать, однакоже, что не шутка, ибо онъ ведетъ нѣсколько полковъ. Доселѣ не понимаю тайны, какъ селить конницу!

Съ того времени какъ ты женатъ, нападаешь на меня, чтобы и я женился также. Между нами въ семъ случаѣ есть нѣкоторая разница. Мнѣ уже перешло за сорокъ, ты молодъ; мнѣ еще надобно выбирать жену и Богъ знаетъ на какую попаду, а тебѣ онъ уже далъ и молодую и хорошую и любезнѣйшую, которая тебя любитъ. Итакъ, другъ любезнѣйшій, тебѣ хорошо толковать, а я буду искать удовольствія, радуясь счастію друзей моихъ, между которыми станетъ на первомъ мѣстѣ мой благороднѣйшій Арсеній Андреевичъ.

Жаль мнѣ, что я старѣю, а то взялся бы я за дѣтей вашихъ и имъ приносить пользу было бы большимъ наслажденіемъ. Ты говоришь о потомствѣ. До такой степени не простираю я моего самолюбія. Графъ

Румянцовъ былъ не я—и что послѣ него осталось? Молодой Суворовъ съ наилучшими качествами его не замѣнилъ бы безсмертнаго отца своего! Много-ли у насъ отличныхъ людей изъ фамиліи знаменитыхъ, а отцы ихъ заботились о потомствѣ, ибо фамиліи существуютъ. Дай Богъ свой вѣкъ прожить порядочно, не заботясь будетъ-ли сынъ мой *пачкать* имя мое или возобновитъ его въ памяти другихъ. Было время, что не помышляя о потомствѣ имѣлъ бы я его, ибо весьма близокъ былъ отъ женитьбы, но скудное состояніе съ моей стороны и ея бѣдность не допустили меня затмиться страстію. Чтобы изъ меня теперь вышло? Я, какъ и ты, имѣю правило ничего не просить, а дать мнѣ можетъ быть не догадались бы и я теперешнюю свободу промѣнялъ бы на всегдашнее сѣтованіе. Теперь нѣтъ богатѣйшаго человѣка въ мірѣ! Итакъ, другъ любезный, дай нѣкоторую цѣну тому, что я люблю тебя какъ брата и прости мнѣ, что не будетъ у меня сына, который бы любилъ тебя столько же!

Тебѣ, имѣющему вниманіе на все до меня относящееся, скажу о здѣшнихъ обстоятельствахъ: разсѣявши лезгинъ и другіе горскіе народы, приходившіе съ измѣнникомъ Аварскимъ ханомъ, я совершенно покоенъ. Повсюду распространился ужасъ и я именемъ великодушнаго Государя даю уже многимъ прощеніе.

Къ числу помилованныхъ всегда у меня принадлежатъ тѣ, которыхъ не могу я наказать теперь же, имѣя въ предметѣ другія занятія, но какъ здѣсь всѣ народы склонны къ измѣнѣ или могутъ дать причины къ основательнымъ неудовольствіямъ, то прощеніе есть отсрочка наказанія; а иногда они и исправляются. Еще снискиваютъ помилованіе тѣ, которые пособіями отъ нихъ получаемыми могутъ быть мнѣ полезными для наказанія другихъ. Тѣ народы, которыхъ посѣтилъ я въ прошедшемъ году въ Дагестанѣ, участвовали въ безпокойствахъ и теперь уже прячутъ въ лѣса женъ и дѣтей своихъ, страшась истребленія. Я умножаю ужасъ сколько возможно и они не воображаютъ снискать прощеніе. Они будутъ прощены и примутъ за благодѣяніе, что я возьму у нихъ скота на порцію войскамъ и дадутъ мнѣ подводы подъ провіантъ, которыхъ здѣсь ни за какія деньги достать невозможно. Съ сими способами пойду я противъ другихъ или иначе ни шагу впередъ.

Многіе завидуя дѣятельной моей жизни, можетъ быть возразятъ противъ употребляемыхъ мною средствъ, но я уже познакомился съ землею и знаю, что всякія другія мѣры не успѣшны. Къ симъ средствамъ долженъ прибѣгнуть каждый начальникъ и даже во сто разъ меня способнѣйшій.

Мадатовъ служитъ похвальнѣйшимъ образомъ и дѣлаетъ невѣроятные успѣхи. У него до сихъ поръ только два раненыхъ казака и вся потеря въ однихъ татарахъ. О немъ получите вы донесеніе. Посылаю также рапортъ о Сысоевѣ. Онъ имѣлъ чрезвычайно горячее дѣло съ чеченцами, штурмовалъ деревню, въ которой жители защищались отчаянно до послѣдняго. Ихъ вырѣзано не менѣе 500 человѣкъ, исключая женщинъ и дѣтей, взято въ плѣнъ только 14 мужчинъ въ совершенномъ обезсиленіи, нѣсколько женщинъ и дѣтей. Сами женщины, закрывъ одною рукою глаза, бросались съ кинжаломъ на штыки въ толпы солдатъ. Мужья убивали женъ и дѣтей, чтобы намъ не доставались. Здѣсь не было подобнаго происшествія и я сдѣлалъ съ намѣреніемъ сей примѣръ съ самыми храбрѣйшими изъ чеченцевъ, дабы устраша ихъ избѣжать впослѣдствіи потери, ибо нигдѣ уже впередъ не найдемъ мы женъ, дѣтей и имущества, а безъ того никогда чеченцы не дерутся съ отчаяніемъ. Небольшой отрядъ нашъ дрался съ невѣроятною храбростію и по справедливости заслуживаетъ отличное награжденіе. Мой графъ Толстой командовалъ въ семъ дѣлѣ частію пѣхоты и казаковъ, и велъ себя достойно уваженія. Онъ и теперь съ Сысоевымъ посланъ чрезъ крѣпость Грозную въ Чечню, гдѣ на сихъ дняхъ будетъ дѣло и я самъ иду отъ Андрея на селенія чеченскія, называемыя качкалыкскими. Толстой служитъ не такъ какъ адъютантъ, и я прошу не оставить безъ уваженія представленія моего о немъ. Я умѣлъ не рекомендовать его прежде, но теперь не вправѣ того дѣлать, ибо по самой строгой справедливости надлежитъ наградить его.

Сысоевъ самъ раненъ пулею въ ногу, но славный сей офицеръ по двумъ словамъ моимъ, какъ товарищъ и пріятель, не говоритъ мнѣ о ранѣ и идетъ въ Чечню. Не могу безъ чувствительности сказать тебѣ съ какою вѣрностію и усердіемъ служатъ всѣ Государю отъ солдата до генерала. Сысоевъ уже смѣненъ другимъ генераломъ, пришедшимъ съ донскими полками, но я оставилъ его на походъ въ Дагестанъ, ибо онъ мнѣ весьма нуженъ. Доложи о семъ Государю, чтобы за сіе не было мнѣ непріятности; поговори также объ отличной его службѣ. Я ему и Мадатову прошу ленты. Сдѣлай такъ, чтобы могло дойти, что я прошу сего за особенную милость, ибо и стыдно мнѣ и грѣшно, если оба сіи храбрѣйшіе офицера останутся безъ награды, а имъ кромѣ лентъ и дать нечего, ибо все прочее имѣютъ. Ты обоихъ знаешь и со стороны твоей надобно ходатайство. Меня огорчили отказомъ Вельяминову, который обремененъ у меня трудами; можно бы было князю Петру Михайловичу при семъ случаѣ между словъ напомнить. О Ма-

датовѣ и Сысоевѣ можно сказать, что у нихъ впереди еще тяжелая въ Дагестанѣ служба и что наградою за теперешнюю надобно ободрить ихъ къ трудамъ.

Теперь къ тебѣ какъ доброму другу отношусь и съ собственною просьбою. Можетъ быть за хлопотливую жизнь мою и нѣкоторые встрѣчающіеся труды вздумаютъ чѣмъ нибудь наградить меня, сдѣлай милость употреби стараніе, чтобы того не дѣлали, ибо совѣстью божусь, что я чрезвычайно доволенъ моимъ положеніемъ и ничего не желаю болѣе. Если хотятъ искренней благодарности моей, то пусть наградятъ представленныхъ офицеровъ: свыше сей милости нѣтъ для меня, ибо тѣ труды, каковыхъ требую я отъ войскъ, то надобно, чтобы они видѣли мое о нихъ попеченіе. Сдѣлай милость, похлопочи обо мнѣ собственно и не огорчите меня награжденіемъ, право оно будетъ не у мѣста!

Писалъ я къ тебѣ прежде и теперь прошу испросить разрѣшеніе, куда на службу отправлять мнѣ разные отсюда народы. Всегда бываетъ нѣсколько человѣкъ изъ чеченцовъ и прочихъ годныхъ въ солдаты. На рудокопные заводы еще приличнѣе назначеніе, но не всякій туда дойти можетъ и жаль терять людей.

Вскорѣ за симъ отправлю я другого фельдъегеря, а между тѣмъ долженъ сказать, что я ни одного изъ сихъ господъ не видѣлъ, чтобы не былъ отличнаго поведенія и справедливо принадлежитъ имъ всякая похвала. Лащевскій ведетъ себя чрезвычайно хорошо и за симъ онъ уже присланъ будетъ. Здѣсь онъ порядочно выдержанъ. Силинъ великій рыцарь, но болѣнъ лихорадкою въ Моздокѣ, это прехорошій молодой человѣкъ.

Прощай, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, не прошу тебя о продолженіи дружбы, ибо не съ твоими свойствами перемѣниться возможно. Вѣрь непоколебимой моей привязанности.

P. S. Милостивой государынѣ Аграфенѣ Федоровнѣ прошу принесть мое совершеннѣйшее почтеніе и поцѣловать ручку за позволеніе пріѣхать въ домъ вашъ. Столько обязательное предложеніе показываетъ мнѣ, какъ я долженъ быть благодаренъ.

182.

11-го ноября 1819 г. У переправы чрезъ Сулакъ.

Долго не имѣлъ я отъ тебя никакого извѣстія, наконецъ, пріѣхалъ фельдъегерь Гусевъ, но и тутъ едва было не лишенъ я былъ твоихъ

писемъ, ибо онъ проѣзжая земли Донскія потерялъ чемоданъ, въ которомъ и твои письма и бумаги по службѣ находились. Чемоданъ вскорѣ былъ отысканъ, ибо похитившій оный, воспользовавшись нѣкоторыми посылками, бросилъ его въ воду, гдѣ найдены всѣ бумаги кромѣ нѣсколькихъ утратившихся. Тебѣ, думаю, далъ о семъ знать оффиціально атаманъ донской, ибо увѣдомилъ меня, задержавъ фельдъегеря до отысканія чемодана.

Ты пишешь о глупыхъ слухахъ на счетъ здѣшнихъ происшествій. Не понимаю, кто изобрѣтаетъ ихъ, но думать надобно, что люди, неразумѣющіе здѣшнихъ обстоятельствъ, ибо то что̀ говорятъ никогда случиться не можетъ, если даже предположить, что я безразсудный и неосмотрительный человѣкъ. Напримѣръ: я хожу въ горы и, конечно, между народовъ несравненно сильнѣйшихъ насъ, но я хожу съ пушками, а здѣсь съ ними, если уже куда прошелъ, то онѣ же и назадъ путь отворяютъ свободный, слѣдовательно отрѣзать или окружить невозможно. И такъ все что случиться можетъ въ томъ состоитъ, что или не достигнешь предназначенной цѣли и тотчасъ замѣнишь другимъ столько же полезнымъ предметомъ, или имѣя горячую схватку потеряешь лишнихъ до ста человѣкъ, но столько нанеся вреда, что отнимешь охоту нападенія. Ты видишь, почтеннѣйшій другъ, до какой степени вѣрить слухамъ возможно! Теперь допусти ты тотъ еще разсчетъ, что я не совсѣмъ безразсуденъ и нѣсколько осмотрителенъ, то какія должны быть со стороны моей выгоды? Замѣть, что я хожу въ такое время, когда зима препятствуетъ удобному народовъ соединенію, ибо завалены снѣгами горы и почти невозможны сообщенія, слѣдовательно силы противъ меня несовокупны. Солдату нашему холодное время отдыхъ и не такъ переносятъ его здѣшніе народы или, по крайней мѣрѣ, лучше быть желаютъ покойными. Я нахожу фуражъ готовый и не раздробляю силъ для собиранія онаго. Всѣ у меня вмѣстѣ и всѣ въ минуту подъ ружьемъ. Солдаты и офицеры храбрые, всюду готовые и меня любятъ. Не мнѣ въ здѣшнемъ краю испытывать неудачи, и счастіе покровительствующее мнѣ сдѣлало имя мое страшилищемъ здѣшнихъ народовъ. Причина сему самая простая: я самъ повсюду и никакъ не увѣришь народы, чтобы съ главнымъ начальствомъ не были силы ужасныя. Нынѣшній годъ я опоздалъ, но за то идущими впереди страхомъ и трепетомъ пріуготовлены уже народы къ покоренію и я безъ большихъ затрудненій дойду до гордаго акушинскаго народа. Здѣсь встрѣчу большія силы, но имѣю за себя мѣстоположеніе, разобью ихъ и возвратясь запру имъ выходы на плоскость, гдѣ зимою пасутъ они скотъ

свой, главнѣйшее ихъ богатство. На плоскости войска наши непобѣдимы и я буду по-очереди отдѣлять полки въ Кубу для сформированія войскъ въ новый комплектъ, ибо иначе потребовалось бы время весьма продолжительное. Не безпокойся, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, а только наблюдай дѣйствія мои. Лѣтомъ я не пойду въ горы, а въ сентябрѣ сдѣлалъ я одинъ трудный чрезвычайно маршъ почти мѣстами непроходимыми, но я знаю, что̀ значитъ здѣшній непріятель разъ уже разбитый и тому доказательство, что я вышелъ изъ горъ не потерявъ человѣка.

Непріятна предмѣстникамъ моимъ дѣятельная и подвижная жизнь моя, тогда какъ или обстоятельства не выпускали ихъ изъ Грузіи, или пріятнѣе находили они пребываніе въ Тифлисѣ, нежели въ лагерѣ, гдѣ провожу я большую часть года. Конечно, ни Тормасову, ни Ртищеву не сдѣлаютъ удовольствія мои успѣхи, но я когда и терять буду способности мои, хуже ихъ не буду.

Недавно схватилъ было я порядочную горячку, но воздержаніе и силы въ пять дней дали болѣзни оборотъ, только возвращеніе силъ было нѣсколько медленно, теперь однакоже я оправился и сегодня выступаю въ походъ въ Дагестанъ. Сегодня же въ Тарки (за четыре отсюда перехода) вступаютъ четыре баталіона и 13 орудій артиллеріи, которые поспѣшилъ я отправить, ибо мошенники акушинцы хотѣли напасть на семейство Шамхала, наилучшаго и вѣрнаго Государю подданнаго, чего они теперь сдѣлать не посмѣютъ. У насъ дня три лежитъ снѣгъ въ Андреѣ, что весьма необыкновенно и начавшіеся холода смирятъ нашихъ злодѣевъ. Мадатовъ ведетъ себя чрезвычайно благоразумно и грѣхъ не наградить его службы. Ты давно говорилъ о лентѣ, теперь справедливо можно дать оную и я сдѣлалъ представленіе о двухъ храбрыхъ: о немъ и Сысоевѣ. Рана сего послѣдняго совершенно легкая, но по болѣзни ему приключившейся, долженъ я былъ отпустить его на Донъ, а Мадатову предстоитъ еще служба не легкая.

Сей разъ пишу я къ тебѣ противъ обыкновенія моего чрезвычайно мало. Долго не будете вы имѣть отъ меня извѣстія, ибо вошедши въ горы сообщенія мои съ линіею не будутъ безопасны, но прошу не безпокоиться и не вѣрить слухамъ.

Принеси мое совершеннѣйшее почтеніе твоей Аграфенѣ Федоровнѣ. Прощай, будь всегда добрымъ моимъ другомъ и которому не имѣю я подобныхъ.

183.

20-го декабря 1820 г. Тифлисъ.

Недавно весьма писалъ я къ тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, но какъ отправляется фельдъегерь, не долженъ пропустить случая и еще пишу.

Не поздравить-ли тебя послѣ 12-го числа, дня радостнаго? И по сердцу было бы для меня пріятно и по трудамъ твоимъ и заслугамъ справедливо! Вижу повсюду щедрыя награды, а трудовъ болѣе твоихъ нѣтъ! Надѣюсь и я пріѣду къ тебѣ радоваться. Ты въ пользу свою имѣешь общее мнѣніе и твои одни лишь успѣхи не возбуждаютъ зависти.

Доволенъ я чрезвычайно, что моего Горчакова произвели въ генералъ-маіоры. Я поспѣшилъ представленіемъ, ибо, кажется, уже произведены нѣкоторые съ меньшимъ старшинствомъ. Онъ офицеръ достойный и новое мѣсто его открыло въ немъ способности, которыхъ я не подозрѣвалъ въ такой степени. Онъ современемъ будетъ весьма полезнымъ службѣ.

Изъ приказовъ вижу я еще какую-то исторію въ гвардейской артиллеріи противъ полковника Давыдова и нѣсколькихъ офицеровъ наказанными. Какія непріятныя и досадныя происшествія! Какъ начальники не умѣютъ сыскать въ своихъ подчиненныхъ, чтобы они берегли ихъ? Даже въ армейскихъ полкахъ, гдѣ, конечно, быть не можетъ такого выбора офицеровъ, но подобные рѣдко встрѣчаются случаи. Присылайте виновныхъ ко мнѣ, у меня молодые люди не шалятъ, а многіе можетъ быть и поправятъ свои ошибки службою.

Нетерпѣливо желаю, почтеннѣйшій братъ, къ вамъ ѣхать, навезу дѣла кучу, и если васъ мало буду *пилить*, то министрамъ не безъ хлопотъ со мною будетъ.

Правду не разъ писалъ ты ко мнѣ, что необходимо нужно мнѣ пріѣхать въ Петербургъ. Меня одно страшитъ, что безъ всякой нужды долго меня задержатъ, а здѣсь и дѣла много и не хорошо, чтобы отсутствіе мое было продолжительно. Бога благодаря, начинаетъ у меня многое приходить въ тотъ видъ, отъ коего можно ожидать пользы и вновь необходимо строгое наблюденіе, а здѣсь вѣрятъ всѣ, что я человѣкъ весьма страшный и отъ моего здѣсь пребыванія многіе обучаются быть покойными.

Еще повторю мою просьбу, чтобы предупредилъ ты о моемъ пріѣздѣ. Не знаю, почему думаю я, что на меня разсердятся, что поль-

зуюсь позволеніемъ прошлаго года и не просилъ новаго позволенія. Во-первыхъ, надобно сего избѣжать, а потомъ совокупно станемъ работать, чтобы не подумали, что я пріѣхалъ похлопотать о чемъ-нибудь въ свою пользу. Тебѣ, какъ истинному другу, и прежде сказалъ я, что, будучи совершенно моимъ положеніемъ доволенъ, я ничего не могу желать.

Поздравь отъ меня Красоту съ производствомъ въ полковники, но горе мнѣ, если не найду его въ Петербургѣ. Онъ чудесный коммиссіонеръ, а какъ я намѣренъ быть отчаяннымъ щеголемъ, то я безъ него пропалъ и разные проекты останутся безъ исполненія.

Напомни, сдѣлай милость, Кикину о дѣлѣ брата моего Коховскаго, онъ знаетъ, что надобно и даже хорошо бы сдѣлалъ, если бы сказалъ о немъ министру финансовъ. Если самъ я просить буду, могу испортить.

Мадатовъ нашъ возвратился изъ Ширванской провинціи и едва не умеръ; теперь понемногу поправляется. Сталъ менѣе разводить руками, но за то чудесно говоритъ по-русски. Въ отчаяніи, что нѣтъ рѣшенія по представленію моему о Карабагскомъ его имѣніи, и я самъ удивляюсь, что нѣтъ никакого отвѣта. Вели ловкимъ образомъ развѣдать, что̀ происходитъ по сему дѣлу, или попало оно въ *омутъ?* Жаль, что ему отказываютъ, а то бы много мнѣ способствовало проложить путь къ бѣгству послѣднему хану, каковыхъ, сколько возможно скорѣе, надобно избавиться.

Лично лучше объясню тебѣ, какія здѣсь въ короткое время произошли большія перемѣны и я понемногу подбираю разныя земельки въ казенное управленіе, что и народъ вскорѣ сдѣлается довольнымъ нами и доходъ казны знатно умножается. Надѣюсь, что начальство должно быть симъ довольно, ибо прежнею методою долго бы до того не достигнуть!

Представь мое совершеннѣйшее почтеніе ея превосходительству Аграфенѣ Федоровнѣ. Прощай!

184.

3-го февраля 1821 г. Орелъ.

Едва выбралъ время вырваться изъ скучной страны моей, гдѣ зима одна даетъ нѣкоторое спокойствіе, и поспѣшилъ къ вамъ, какъ пріѣхавъ въ Орелъ къ старику отцу моему узналъ изъ газетъ, что конгрессъ перенесенъ въ Лайбахъ. Этого одного достаточно было меня

разстроить, не зная времени возвращенія Императора, но къ тому еще изъ партикулярныхъ извѣстій слышу, что конгрессъ перейдетъ въ Италію и что Государь не прежде мая мѣсяца возвратится въ Россію. Долго не рѣшался я, что̀ мнѣ дѣлать, но проѣхавъ уже такъ далеко, вознамѣрился продолжать путь мой въ Петербургъ и повидаться съ вами, то-есть съ тобою, болѣе нежели съ кѣмъ-нибудь. Представить себѣ не можешь, какъ мучитъ меня, что выѣхалъ я изъ Грузіи, не дождавшись обстоятельнѣйшихъ извѣстій, впрочемъ невозможно было сего предвидѣть, и я всего болѣе полагался на твои письма, въ которыхъ давно уже толковалъ ты мнѣ, сколько необходимо мнѣ пріѣхать въ Петербургъ.

Большую бы ты мнѣ сдѣлалъ милость, если бы, получа отъ меня фельдъегеря, предупредилъ меня, что такъ долго еще не возвратится Государь, и я остановился бы на линіи, не предпринимая дальнѣйшаго пути. Теперь возвратиться было бы весьма странно для народовъ мною управляемыхъ и я между невѣждами далъ бы поводъ къ различнымъ невыгоднымъ толкамъ. Такъ и быть, ѣду къ вамъ, почтеннѣйшій и любезный другъ, твое дѣло будетъ стараться, чтобы не сдѣлали мнѣ за то непріятности. Пробывъ здѣсь весьма немного времени, я отправляюсь.

Прощай, принеси совершеннѣйшее почтеніе мое ея превосходительству Аграфенѣ Ѳедоровнѣ.

185.

Получено 3 апрѣля 1821 г.

Прочелъ всѣ бумаги и вижу, что Государь не скоро будетъ — мнѣ только и надобно знать.

О себѣ не нашелъ ни слова, вѣрно полагаютъ меня въ дорогѣ.

О взятіи Неаполя нѣтъ ни слова и не вижу, чтобы австрійцы все уже сдѣлали. Арміи наши идутъ.

Разспроси фельдъегеря, ему какой-то проѣзжій сказывалъ, что Ожеровскій утонулъ. Эта вѣсть непріятная и хуже того, что бумаги съ нимъ пропали.

Чрезмѣрно неосторожно, что на письмѣ Волконскаго забыли положить печать и оно открытое было всю дорогу у фельдъегеря, а въ немъ многое написано тайное.

Какой Ипсилантій? Прощай, ожидать меня болѣе нечего: ѣду далѣе.

186.

7-го апрѣля 1821 г.

Быть можетъ дѣла въ Италіи и безъ насъ обойдутся и дай Боже. Это было бы счастливо для Россіи по средствамъ ея небогатымъ. Но что-то не совсѣмъ вѣрю я, чтобы все утихло отъ одного повелѣнія выступить войскамъ. Это лесть министровъ. Выступить и прибыть не все равно. Что̀ скажетъ Франція? Но одни австрійцы и Италіи не удержатъ, не оставить бы и тамъ брата Михаила (графа Воронцова). Рано Волконскій заготовилъ квартиру, а я еще и до Великихъ-Лукъ не дотащился. Весьма нездоровъ и дорога измучила. Правду онъ думаетъ, что будетъ разсказовъ и увѣреній и не то еще, а я ихъ *заговорю*. Прощай, спѣшить я не буду, ибо легко случится, что и возвратятъ. Опять позволь къ тебѣ.

Поцѣлуй ручку у ангела жены твоей.

187.

11-го апрѣля 1821 г. м. Орша.

Не ѣду, мучусь! не рѣдко въ день не болѣе 50 верстъ и болѣнъ. Представь мое отдохновеніе, я ѣду въ перекладной повозкѣ для того, чтобы выиграть нѣсколько часовъ, ибо коляска, не взирая на то, что весьма легка, нѣкоторыя станціи дѣлаетъ по 8 или 10 часовъ. Въ Бѣлоруссіи жиды, содержатели почтъ, встрѣтили меня извѣстіями, что я назначенъ главнокомандующимъ. Какъ они люди самые достовѣрные, то я и не смѣлъ усумниться въ истинѣ! И такъ тебѣ, любезный другъ, остается меня поздравить.

Какъ ни забавны эти глупости, но меня въ отчаяніе приводитъ злодѣйская дорога. Я думаю, что она можетъ сносною казаться одному спасающемуся отъ висѣлицы, но ни для какого благополучія нельзя дѣлать ее терпѣливо.

Письмо сіе заготовилъ я въ ожиданіи проѣзжаго фельдъегеря. Поздравляю тебя съ праздникомъ, и я, какъ добрый христіанинъ, отслушалъ заутреню и обѣдню въ Витебскѣ и послѣ пустился въ путь.

Поцѣлуй ручки у Аграфены Федоровны и какъ по выѣздѣ изъ Петербурга не успѣлъ я поблагодарить ее, то скажи, сдѣлай милость, что я отъ самаго чистаго сердца признателенъ ей за обязательный

пріемъ, котораго удостоила она меня въ своемъ домѣ, заставивъ пріятнымъ и милымъ обращеніемъ своимъ забыть, что я не въ домѣ самой любезной родной моей. Если бы смѣлъ я, то назвалъ бы ее милою сестрою моею.

Прощай! Не знаю, какъ поѣду далѣе, но стращаютъ меня дорогою между Брестомъ и Краковымъ и быть можетъ, хотя и не былъ намѣренъ, пущусь черезъ Варшаву.

188.

15-го апрѣля 1821 г. Брестъ-Литовскій.

Благодарю за письмо съ послѣднимъ фельдъегеремъ. Какую кучу бумагъ прислалъ ты ко мнѣ, пришедшихъ изъ Грузіи. Есть и пріятныя и также не безъ досадныхъ, однако же, Бога благодаря, все тамъ покойно, а Грековъ мой дѣлаетъ чудеса съ чеченцами. Открыты дороги въ самыя твердыя и послѣднія ихъ убѣжища и все безъ выстрѣла. Одинъ казакъ только раненъ измѣннически мошенникомъ, но никто другой виновнымъ не былъ. Теперь повсюду намъ путь, куда безъ большихъ потерь никогда войска не хаживали. Это и мнѣ, знающему край, кажется удивительнымъ.

Генералъ-маіоръ князь Эристовъ стоитъ съ малымъ отрядомъ около селенія Чары (Джары), гдѣ во время князя Циціанова убитъ генералъ Гуляковъ и 700 человѣкъ солдатъ. Нѣтъ выстрѣла, даютъ намъ въ большомъ количествѣ хлѣбъ, въ которомъ въ Грузіи величайшій недостатокъ. Вотъ что значитъ нагнанный страхъ, но я боюсь, чтобы не исчезъ онъ, когда вы меня оттуда удалите. Объ этомъ даже пишетъ ко мнѣ мой Вельяминовъ!

Здѣсь отъ Великаго Князя было повелѣніе принять меня съ величайшими почестями, но я, въѣхавъ въ городъ и увидѣвъ пріуготовленія, выскочилъ изъ коляски и скрылся въ жидовскіе переулки. Едва меня отыскали и я тогда возвратился въ квартиру, какъ уже ни одного не было часоваго. Великому Князю пошелъ эстафетъ о законопротивныхъ моихъ поступкахъ. Ту же встрѣчу приказано мнѣ сдѣлать въ Люблинѣ и также спасусь я бѣгствомъ. Чрезвычайно странно, что во всѣхъ уже газетахъ названъ я главнокомандующимъ. Великій Князь встрѣчалъ Канкрина, думая, что я ѣду и я одинъ о томъ не долженъ ничего знать. Это шутка презабавная, но и я отшутить надѣюсь порядкомъ!

Благодарю, почтеннѣйшій братъ, за сохраненіе моихъ сокровищъ.

Панцырь и шишакъ отошли Денискѣ Давыдову, онъ для него привезенъ. Вели всѣ открыть пистолеты и если присланы французскіе, то прикажи отдать ихъ хорошему мастеру въ починку и послѣ отослать къ Вельяминову, ибо они принадлежатъ экстраординарнымъ вещамъ. Азіятскіе пистолеты мои прикажи сохранять при твоихъ вещахъ, равно какъ и сабли, отъ Павлова доставленныя. Тюкъ съ шалями прикажи отдать подъ росписку служащему въ кабинетѣ господину *Летошинскому*, который былъ отправленъ съ подарками въ Персію. Онѣ посылаются къ нему отъ одного персіянина посредствомъ нашего Мазаровича и при семъ къ нему препровождаю письмо. Все это можетъ сдѣлать мой А. И. Рыхлевскій.

Вотъ распоряженіе всѣхъ сокровищъ.

Въ иностранныхъ газетахъ есть, что 40 тысячъ французскихъ войскъ собирается къ сторонѣ Піемонта и будто Лудвигъ XVIII сложилъ съ себя корону. Если это неправда, то довольно и первое нехорошо!

Поцѣлуй ручки у жены твоей чудесной и премилой.

Забылъ сказать вамъ, почтенный другъ Арсеній Андреевичъ, что̀ меня мучило всю дорогу: написали-ли вы повелѣніе объ отправленіи изъ моихъ рекрутъ одной партіи не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ въ Ставрополь? Они тамъ необходимо нужны, и потому, если еще не дали вы повелѣнія, то прикажите поскорѣе. Новый начальникъ резервной арміи можетъ быть сдѣлаетъ затрудненіе въ конвоѣ, но оный непремѣнно нуженъ до города Ставрополя, что, впрочемъ, не такъ далеко, но мнѣ послать за ними самому, ей-Богу, некого, до такой степени заняты всѣ вообще войска.

Назначеніе начальника въ резервную армію меня не мало удивило, но онъ, конечно, предупрежденъ былъ, ибо говорилъ мнѣ о предположенномъ составленіи сей арміи. Давай Боже счастья!

Я думаю, вы замѣтили, сколько на имя его было конвертовъ съ собственноручною подписью съ послѣднимъ фельдъегеремъ. Я удивился, когда станетъ на то время. Было письмецо и къ *Мещерской*. Теперь при крестообразномъ поклоненіи обо всемъ будетъ знать. Дорогою обо всѣхъ передумалъ и нѣтъ по сердцу начальника главнаго штаба, добраго помощника!

Прикажи съ первою почтою отправить конверты мои въ Грузію и на Кавказскую линію. Многое успѣлъ написать, всю ночь ни на минуту не ложась спать. *Вольскій* въ восхищеніи будетъ отъ подобнаго желѣзнаго здоровья.

189.

16-го апрѣля 1821 г.

Не смѣлъ распечатывать конверты на твое имя и потому письма Волконскаго не видалъ. Теперь ѣду безъ извѣстій, какъ въ потемкахъ, и какъ я угадывалъ, то глупые слухи на каждомъ шагу, что ужасно мучительно. Прощай, я черезъ Варшаву не поѣхалъ.

190.

22-го апрѣля 1821 г. Вишау. 4 мили отъ Брюна и гораздо ближе отъ Аустерлица.

Едва пробрался я мучительною дорогою отъ Бреста прямо на Краковъ. Какія гнусныя дороги, какія скаредныя лошади въ царствѣ безподобномъ! Прочелъ послѣднее письмо Волконскаго и въ восхищеніи! Кажется, что все уже и безъ насъ кончено, и если еще двигаются войска къ границамъ, то вы не торопясь все успѣете сдѣлать въ порядкѣ и матушкѣ Россіи не столько будетъ стоить какъ пустой походъ заграничный. Не можешь себѣ вообразить, какъ я радъ и я думаю первый еще главнокомандующій съ такими чувствами. Люблю, другъ почтенный, пользу моего отечества и о своей не помышляю.

Видишь-ли, что тебѣ ни минуту не оставаться въ Петербургѣ, если бы дѣла пошли поважнѣе немного и признаюсь, мнѣ это пріятно было прочесть. Боюсь я, любезный братъ, чтобы и мнѣ не приказали жить гдѣ нибудь въ Россіи, пока еще войска наши будутъ на границѣ и будетъ продолжаться сія демонстрація.

Въ Италіи во всѣхъ газетахъ я пропечатанъ начальствующимъ войсками, слѣдовательно подумаютъ, что меня не ловко отпустить въ Грузію. По разсчету моему я встрѣчу Государя на дорогѣ и вѣрно мнѣ сказано будетъ возвратиться въ Петербургъ, и такъ, поцѣловавши ручку у милой хозяйки, проси, чтобы *пріемыша* приняла опять въ домъ, впрочемъ не дѣлай церемоніи и если нельзя, то прикажи нанять тѣ комнаты, гдѣ жилъ *Рыхлевскій* и я ежеминутно буду у тебя.

Довольно скучную сдѣлалъ я прогулку и Волконскій безбожно поступаетъ, что ни слова и никогда мнѣ не написалъ.

Прощай!

191.

27-го апрѣля 1821 г. Лайбахъ.

Вчера пріѣхалъ я сюда во время обѣда и въ тотъ же день приказано мнѣ къ вечеру представиться Государю. Онъ занятъ былъ дѣлами съ Меттернихомъ до 10 часовъ, и съ того часу до половины перваго по полуночи позволилъ мнѣ быть у себя. Главнѣйшій разговоръ, что Государь взялъ на себя трудъ изобразить мнѣ картину положенія политическихъ дѣлъ и я признаюсь, что я ни отъ кого болѣе и яснѣйшихъ понятій не могъ бы имѣть. Мнѣ Государь изволилъ объяснить о моемъ назначеніи начальникомъ арміи и о причинахъ къ тому побудившихъ, и хотя, для блага нашего, радъ я, что мы уклонились дѣйствій, но изъ основательнаго разсужденія его вижу, что они были необходимы. Государь ко мнѣ по обыкновенію милостивъ и въ званіи главнокомандующаго, хотя, впрочемъ, мнимаго, удостоилъ меня нѣсколько бóльшей, нежели прежде, степени довѣренности. Успѣлъ о многомъ разспросить относящемся до края, гдѣ я живу и свѣдѣніями объ этомъ показалъ, что онъ имѣетъ большое на дѣла онаго вниманіе.

Болѣе на первый случай не могу тебѣ сказать, и кажется ничего уже болѣе и не будетъ, ибо Государь весьма занятъ дѣлами и скоръ отъѣздъ его отсюда, а мое здѣсь пребываніе не продолжится долѣе трехъ сутокъ.

Поцѣлуй ручку у милой твоей Аграфены Федоровны.

Скажи моимъ народамъ, что чрезъ мѣсяцъ я возвращусь къ нимъ.

192.

5-го мая 1821 г. Вѣна.

Послѣднія бумаги твои получилъ и не знаю, какъ благодарить тебя. Я здоровъ, отдыхаю въ *Вѣнѣ* и между тѣмъ доканчиваютъ коляску, которую долженъ я былъ здѣсь купить.

Посылаю бумаги, чрезвычайно для меня важныя, прикажи ихъ тотчасъ отправить по адресу, паче въ Грузію скорѣе!

Въ половинѣ іюня я предъ вами, и поговорить есть многое, и правды и надуванія. Теперь спѣшу ужасно и минуты нѣтъ времени.

193.

27-го мая 1821 г. Варшава.

Съ 20-го мая я здѣсь и прежде 2-го іюня выѣхать не надѣюсь, ибо Великому Князю угодно, чтобы я видѣлъ вступающую 1-го числа въ лагерь польскую армію. Здѣсь бываю я всякій день, или на ученьи или у развода или осматриваю какого нибудь рода заведенія, весьма любопытныя, и радъ очень, что такъ проходитъ время, ибо скука въ городѣ смертельная. Всѣ разъѣхались по деревнямъ и городъ ужасно пустъ.

Скажи, сдѣлай дружбу, князю Петру Михайловичу (Волконскому), о продолженіи моего здѣсь пребыванія, и что если къ 10-му числа іюня я не пріѣду въ Петербургъ, какъ я доложилъ Государю, то потому единственно, что здѣсь пробуду я сверхъ предположенія моего долго. Великій Князь говоритъ, что Государь приказалъ меня удержать сколько ему угодно. Въ Вильнѣ нужно мнѣ повидаться съ роднымъ братомъ, съ которымъ въ 15-ть лѣтъ я почти не видался. Боюсь, что по состоянію твоего здоровья я тебя не застану и буду въ отчаяніи, если уже ты уѣхалъ отдыхать отъ трудовъ твоихъ.

Поцѣлуй ручку у жены твоей. Прощай!

Когда буду я въ Грузіи, не знаю?

194.

1-го іюня 1821 г. Варшава.

Я зажился здѣсь гораздо болѣе нежели предполагалъ, ибо такъ угодно Великому Князю; надѣюсь, однакоже, что по вступленіи войскъ въ лагерь мнѣ дозволено будетъ отправиться. Давно не видалъ я моего брата или лучше сказать въ 15-ть лѣтъ видѣлъ его не болѣе двухъ недѣль, а здѣсь скучаю смертельно и время теряю напрасно!

Безчеловѣчно насылаетъ на меня тучи бумагъ сотрудникъ мой Вельяминовъ, самъ могъ бы по многимъ дѣлать исполненіе и даже рѣшать, у меня ни канцеляріи нѣтъ для справокъ, ниже переписчика и Самойловъ мой остался больной въ Вѣнѣ. Ты, другъ почтеннѣйшій, при множествѣ твоихъ занятій, обременяющихъ сильно уже разстроенное твое здоровье, разбираешь съ дружескимъ вниманіемъ кучи моихъ бумагъ и отъ многихъ меня избавляешь. Теперь видишь разнообразіе

моихъ занятій и мудрено-ли, что я часто обращаюсь къ вамъ съ вопросами?

Еще многія обстоятельства удаляетъ отъ васъ моя рѣшительность. Надобно быть страстну къ службѣ, чтобы желать подобнаго моему мѣста, а я похожъ на сумасшедшаго, что разъ выѣхавши изъ Грузіи, желаю туда возвратиться.

Не умѣю сказать тебѣ, какъ желаю тебя видѣть. Боюсь, чтобы худое состояніе здоровья не заставило тебя скоро выѣхать изъ Петербурга. Я соскучу тогда ужаснѣйшимъ образомъ!

Кажется, 4-го числа я отсюда выѣду, пробуду нѣсколько у брата и 20-го іюня я у васъ! Не подумайте, что здѣсь я живу, бѣгая за увеселеніями. Не въ моемъ положеніи о нихъ думать и здѣсь же скука смертная. Прикажи разослать мои бумаги и въ Грузію сколько можно поспѣшнѣе!

Поцѣлуй за меня ручку почтенной жены твоей. Поклонись почтенному старику Петру Ивановичу. Нетерпѣливо желаю тебя видѣть!

195.

8-го октября 1821 г. Орелъ.

Грустно весьма было разстаться съ вами, живши такъ долго вмѣстѣ, и какъ съ наилучшими родными быть съ вами сдѣлалось для меня необходимостію.

Прими благодарность мою, почтенный другъ, за пріятнѣйшее и обязательное твое ко мнѣ расположеніе; никогда не забуду дружбы твоей всегда одинаковой и постоянной, умѣю знать ей цѣну и при всѣхъ странностяхъ моихъ судьба не отказала мнѣ въ чувствительности!

Я пріѣхалъ въ Орелъ, нашелъ отца здороваго, но уже старость примѣтно разрушаетъ его силы и кажется свиданіе мое съ нимъ уже послѣднее.

Я здѣсь живу праздно и нѣтъ разсѣяній, могущихъ отвлекать мысль мою отъ моихъ пріятелей, и такъ ты первый въ головѣ, какъ наилучшій изъ оныхъ.

Размышляя о положеніи вашемъ объ устроеніи хозяйства, не забылъ я, что тебѣ надобно сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ образѣ твоей жизни, то-есть: такъ расположить твои занятія по службѣ, чтобы имѣть нѣсколько часовъ для себя всякій день. Это дастъ тебѣ средство сдѣлать знакомство пріятное и для тебя и для хозяйки. Молодой женщинѣ

нужно общество и нѣкоторыя забавы. Для чего не потанцовать и не порѣзвиться? Невозможно всегда сидѣть одной дома, не всегда прилично безпрестанно бѣгать со двора, еще менѣе пристойно имѣть общество однихъ молодыхъ людей. Зачѣмъ давать поводъ къ разнымъ заключеніямъ, которыя тогда только не вредятъ, когда уничтожаетъ ихъ твердо основанная репутація. Хозяйка при всѣхъ наилучшихъ склонностяхъ, при сердцѣ прекраснѣйшемъ, такъ еще молода, что подобной репутаціи основать не имѣла времени и потому должна остерегаться наружностей, которыя могутъ быть толкованы невыгоднымъ образомъ. Лучшее ручательство въ поведеніи есть хорошее знакомство, а для женщины и еще болѣе оное необходимо.

Исполняя противъ тебя обязанности вѣрнаго пріятеля, долженъ напомнить тебѣ, что хозяйкѣ надобно съ бо̀льшимъ приличіемъ почитать память покойной ея матери, ибо многіе знаютъ, что она небольшую имѣла къ ней привязанность. Нѣтъ выгоды размножать на свой счетъ слухи злорѣчивые; общимъ мнѣніемъ пренебрегать не должно. Не менѣе и тебѣ, любезный другъ, должно исполнять послѣднюю волю тещи. Я надѣюсь, что ты не забылъ, что ей угодно было, чтобы ты отпустилъ англичанку. Не мое дѣло разсуждать, до какой степени права покойная, но я то знаю, что о репутаціи дочери никто не можетъ заботиться болѣе, какъ мать и вѣрно есть какая-нибудь причина, что она желала удаленія миссъ. Я любилъ англичанку, но на мѣстѣ твоемъ, повинуясь волѣ родителей, отпустилъ бы ее тотчасъ. Представляю себѣ, какъ недовольна будетъ мнѣніемъ моимъ хозяйка, но я всегда скажу мысли мои, и потому, что я привязанъ къ ней, долженъ быть чистосердечнымъ. Она не можетъ усумниться, что я люблю ее какъ сестру и обоихъ васъ счастіе близко къ моему сердцу. Она не должна сердиться.

Прощай, буду еще писать отсюда.

196.

14-го октября 1821 г. Орелъ.

Тебѣ, участвующему во всемъ до меня касающемся, скажу я и о домашнихъ дѣлахъ моихъ. Старика моего нашелъ я слабымъ, имѣніе наше не только управляемое худо, но почти безъ надзора. Въ первый разъ обстоятельно узналъ я, въ чемъ заключается состояніе наше и теперь открыто мнѣ, что, раздѣливъ съ сестрою имѣніе, не болѣе будетъ у меня семи тысячъ годоваго дохода. На имѣніи есть довольно

значительный казенный долгъ, слѣдовательно и при самой строгой умѣренности моей, едва буду я имѣть способы существованія и тогда даже, какъ присоединю я принадлежащее мнѣ по законамъ за 30-лѣтнюю въ офицерскомъ чинѣ службу половинное жалованье и получаемый за Георгіевскій крестъ пенсіонъ. Повѣришь-ли, другъ любезный, что при всемъ ничтожномъ состояніи семъ покупаю я подъ Москвою деревню. Вотъ разрѣшеніе загадки.

У меня есть алмазные знаки Александра, есть три перстня, пожалованные Императорскою фамиліею, ихъ я продаю; есть до двадцати тысячъ рублей денегъ, все обращаю на покупку деревни. Мнѣ даютъ родные въ добавокъ сумму за самые умѣреннѣйшіе проценты, сами выбираютъ и покупаютъ имѣніе, имъ управляютъ и изъ доходовъ платятъ проценты и ежегодно нѣкоторую часть капитала. Ты не удивишься, что въ числѣ домовъ, росписанныхъ подъ постой въ Москвѣ, назначена и у тебя квартира. Мнѣ по состоянію нельзя имѣть собственно въ Москвѣ дома и потому буду я пріѣзжать и жить у родныхъ и друзей моихъ. Я постоялецъ покойный и неприхотливый, и конечно никому не наскучу.

Съ первымъ фельдъегеремъ пришлю я мои вещи и прошу тебя отдать ихъ *Сергію Ивановичу Комарову*, который уже отъ меня предупрежденъ лично. Деньги по полученіи отошли къ *Хрущовымъ*, живущимъ въ Москвѣ.

Скажи мнѣ, любезный другъ, что̀ мнѣ дѣлать съ табакеркою, пожалованною Государемъ. И жаль мнѣ снять съ нея брилліанты и боюсь того сдѣлать, но на что̀ она бѣдному человѣку, у котораго ничто ей соотвѣтствовать не будетъ?

Долго оспаривалъ я желаніе многихъ оставить службу для присмотра за имѣніемъ, но скажи мнѣ, что̀ мнѣ дѣлать, чтобы не лишиться скуднаго моего состоянія? Неужели и отпускъ мнѣ отказанъ будетъ?

Если еще судьба допуститъ меня продолжать службу, прошу тебя, почтенный другъ, какъ человѣка, имѣющаго честь служить при Государѣ, слѣдовательно у источника милостей, употребить стараніе въ случаѣ, если и на меня обратится вниманіе, чтобы мнѣ не дано было или аренды или денежной награды. Не меньшимъ почелъ бы я наказаніемъ, еслибы пожаловали меня и графомъ. Не есть это дѣло невозможное, ибо столько есть ихъ и не все люди чрезвычайные въ нихъ попадаютъ; я также прошу тебя употребить ходатайство, дабы отвратить отъ меня сію награду, ибо я ни минуты не останусь служить

и не приму сего титла, хотя бы и самое наказаніе испытать должно было.

Вотъ тебѣ, любезнѣйшій другъ, моя исповѣдь и самыя душевныя тайны мои. Прощай!

197.

15-го октября 1821 г. Орелъ.

Какой чудакъ нашъ Денисъ (Давыдовъ)! Всякій день бывали мы вмѣстѣ и никогда ни слова не сказалъ онъ о дѣлѣ, о которомъ не безполезно было бы и посовѣтоваться вмѣстѣ. Надобно намѣреніе его разсмотрѣть во многихъ отношеніяхъ и тѣмъ мнѣніе мое должно быть рѣшительно менѣе прочихъ, что оно не безпристрастно, ибо съ Денисомъ желаю я служить вмѣстѣ и могъ бы изъ способностей его извлечь большую себѣ помощь. Если Котляревскій откажется служить, я сдѣлаю о Денисѣ представленіе, ты будешь въ Петербургѣ и подкрѣпишь своимъ кредитомъ, и я не знаю почему не успѣть въ томъ? Но если будетъ война съ турками, что̀ будетъ дѣлать Денисъ на линіи, гдѣ предполагаю я дѣйствія ничтожныя и одинъ важнѣйшій пунктъ *Анапу*. Денисъ будетъ разрываться съ досады и справедливо и въ то самое время равные ему въ чинѣ и весьма не равные въ способностяхъ, но служа въ дѣйствующихъ войскахъ и можетъ быть подъ глазами Государя, достигнутъ выгодъ, которыхъ онъ лишенъ будетъ.

Въ одно мирное время, когда у насъ повсюду одно упражненіе въ обученіи солдатъ, или лучше сказать парадное истребленіе войскъ, начальствованіе на линіи, конечно, лучшее мѣсто, ибо можно сдѣлать много полезнаго, но и тутъ, думаю, Денисъ въ нѣкоторый введетъ разсчетъ то, чтобы служить со мною вмѣстѣ. Ты самъ знаешь мое намѣреніе, и что въ Грузіи болѣе двухъ лѣтъ я никакъ не пробуду и можетъ быть менѣе. Сдѣлай дружбу, поговори съ нимъ обо всемъ обстоятельно и меня увѣдомь. Скажи ему отъ меня, что онъ и себя и меня мало знаетъ, что не хотѣлъ сказать ничего въ бытность мою въ Москвѣ. Я самъ для того не пишу къ нему.

Здѣсь нашелъ я пустоту ужасную. *Корфъ* при иноземныхъ цѣлительныхъ водахъ укрѣпляетъ разрушенныя годами его прелести. *Кретовъ* въ Курскѣ плѣняется увѣреніями одной женщины, что еще можно слушать его безъ скуки и будто видѣть безъ отвращенія. Пьетъ и лесть и вино до насыщенія. Ершовъ пріѣхалъ при мнѣ и изощряетъ

кирасиръ на истребленіе враговъ на площадяхъ городскихъ. Но, кажется, разумѣютъ кирасиры настоящее назначеніе свое пожирать всѣ средства истощенной голодомъ Орловской губерніи. Одинъ Евдокимъ Давыдовъ прекрасно проводитъ свое время и малый любезный. Съ нимъ большое дѣлаютъ *свинство*, что не даютъ бригады, тогда какъ есть многіе бригадиры въ поношеніе человѣчества.

Братъ Михайло (графъ Воронцовъ) напрасно боится, чтобы ему предпочли *Рота*. Это быть не можетъ и потому, что онъ и по фронту даже превзойдетъ его и потому, что можетъ угодить начальству. И Сакенъ не забудетъ, что въ немъ имѣлъ онъ сильнаго защитника. Братъ Михайло немного дѣлаетъ себѣ пользы, шатаясь въ чужихъ краяхъ, будто мы въ Россіи не годимся и для жены его необходимы пособія врача иностраннаго.

Успокойся на счетъ Васильчикова; я твоего мнѣнія, что нѣсколько поцѣлуевъ усладятъ его и онъ смягчится. Дибичу сдѣлается колика, но кончится тѣмъ, что онъ воцарится въ гвардіи и тогда-то начнутся счастливые дни *Бѣлаго*. Пропалъ тогда Петраханъ (князь П. М. Волконскій), ибо онъ и его оттереть успѣетъ и нѣмецкая гибкость проложитъ себѣ пути неизвѣстные. Вотъ будетъ нѣмцамъ масляница. Однакоже и изъ сего можно будетъ ту извлечь пользу, что скорѣе возненавидятъ сихъ фигляровъ.

Отошли, сдѣлай милость, письмо мое къ Хрущову и къ сестрѣ. Будь къ роднымъ моимъ благосклоненъ, имъ судьба не предопредѣлила никакой защиты и меня лишила средствъ быть имъ полезнымъ.

Поцѣлуй за меня ручку у милой хозяйки, поклонись Аннѣ Александровнѣ.

Письмо твое посредствомъ почтъ-директора можетъ дойти ко мнѣ вѣрнѣйшимъ образомъ, слѣдовательно, можешь не ожидать фельдъегеря и писать ко мнѣ.

198.

15-го октября 1821 г.

Посылаю при семъ письмо по условію составленное, которое, если разсудишь, можно показать будетъ. Въ немъ сказалъ я тебѣ все, что у меня на душѣ и точныя намѣренія мои. Между тѣмъ, точно пришлю я вещи, которыя отдай Комарову. Табакерку я не пришлю въ Каби-

цетъ, дабы не возбудить противъ себя неудовольствія, ибо когда увидятъ письмо твое, вѣрно послѣ возьмутъ свѣдѣнія. Съ сею почтою посылаю Хрущову вѣрющее письмо на покупку подмосковной.

Благодарю тебя, почтенный другъ, за великодушное попеченіе о сестрѣ моей. Здѣсь все я употребилъ, дабы склонить старика отца къ прощенію и все безуспѣшно. Раздираютъ сердце мои домашнія обстоятельства и ничто меня не утѣшаетъ.

Большое сдѣлаешь благоволеніе, если достанешь мѣсто Павлову, ибо и теперешнее званіе ты же ему доставилъ; но колеблюсь и даже не желаю, чтобы для того, что жена его сестра моя, что нибудь ей дано было. Я не хочу быть обязанъ никакимъ благодѣяніемъ. Скорѣе дамъ я все, что имѣю мнѣ принадлежащее, но отнюдь не соглашусь, чтобы за меня дано было сестрѣ моей, безъ малѣйшихъ заслугъ ея мужа. Можетъ быть уже до того времени я служить не буду и тогда пусть даютъ и дѣлаютъ что хотятъ, я и знать о томъ не хочу! Пусть Павловъ попробуетъ доставать своими трудами, какъ дѣлали и ты, и я.

Радъ я, что вы безъ приключеній возвратились изъ Царева, могла бы возобновиться болѣзнь ея.

Теперь хочу сказать тебѣ одно дѣло, но беру честное слово, что ты даже не дашь вида, что я открылъ тебѣ о томъ, что скрывать обѣщался. Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Москвы старикъ тесть твой сказалъ мнѣ и такъ благородно, чтобы я тебѣ не сообщилъ и никому изъ служащихъ при тебѣ, что лишь пріѣдетъ онъ въ Петербургъ, то сдѣлаетъ духовную и имѣніе, ему принадлежащее, отдаетъ тебѣ именно, но не дочери своей. Онъ добавилъ сими словами: «къ вамъ напишутъ о семъ и дочь моя и зять мой и при семъ случаѣ скажу я имъ, что я еще въ Москвѣ открылъ вамъ мое намѣреніе, какъ доброму другу дѣтей моихъ».—Видишь-ли, почтенный Арсеній Андреевичъ, что ты обязанъ не только молчать, ниже дать чувствовать, что я изъ привязанности къ тебѣ не хотѣлъ сохранить тайну. Тебѣ пріятно должно быть, что я заслужилъ довѣренность твоего тестя и столько же жаль будетъ, если замѣтитъ старикъ, что за оную заплатилъ я нескромностію Признаюсь тебѣ, что весьма уважаю сіе благородное его намѣреніе и радуюсь, что онъ такъ хорошо узналъ тебя. У тебя и друзей много, которые лучше тебя знать не умѣютъ!

Не у мѣста было бы мнѣ совѣтывать тебѣ ласкать старика, ибо поведеніе его само по себѣ того достойно; слѣдовательно, ты будешь дѣлать должное! Но хочу сказать тебѣ, что надо бы старика взять съ собою и если бы обѣщалъ онъ послѣ пріѣхать и скоро, безъ себя не

оставлять его одного въ Москвѣ. Я, какъ истинный другъ, прошу васъ о семъ и имѣю на то причины!

Павловъ адъютантъ пріѣхалъ и сказывалъ, что ты 6-го ноября отправишься въ Петербургъ. Боюсь я прошлой твоей должности и того, что ты не имѣлъ ни малѣйшаго отдохновенія. Прощай!

199.

16-го октября 1821 г. Орелъ.

Совсѣмъ неожиданнымъ образомъ А. П. Красовскій, отъѣзжая по приглашенію твоему, далъ мнѣ случай писать къ тебѣ. У меня было готово письмо для отправленія по почтѣ и потому теперешнія нѣсколько словъ есть прибавленіе къ оному. Совѣсть зазрѣла, что ничего не написалъ къ хозяйкѣ. Отдай ей прилагаемую у сего записку.

Повторяю просьбу мою отослать письмо къ сестрѣ и Хрущову. Сіе послѣднее заключаетъ вѣрющее письмо на покупку деревни. Не повѣришь, почтенный другъ, какъ возрастаетъ во мнѣ охлажденіе къ службѣ и за какую несносную потерю почитаю я возвращеніе въ Грузію. Теперь единственное желаніе, чтобы не было войны съ турками, которая могла бы удержать меня.

Разрѣшаю я слишкомъ долго продолжавшееся заблужденіе мое, что безъ службы существовать невозможно.

Пиши, ради Бога, это одно утѣшеніе въ моемъ отдаленіи. Увѣдомь, какое дѣйствіе произведетъ письмо мое, которое покажешь ты ловкимъ образомъ *Петрахану* (князю П. М. Волконскому) по возвращеніи въ Петербургъ. Увѣрь ты ихъ, что я ни о чемъ не помышляю, кромѣ отпуска, то-есть, необходимаго мнѣ отдохновенія. Старайся убѣдить, что причиною удаленія моего отнюдь не есть неудовольствіе или негодованіе; мнѣ весьма низкою кажется роль человѣка недовольнаго. Отдаю въ руки твои, какъ наилучшаго изъ друзей, дѣло самое для меня деликатное.

Здѣсь отыскалъ я людей и между прочими Красовскаго весьма знакомаго Котляревскому, и меня увѣряютъ, что онъ не въ силахъ возвратиться къ дѣятельной службѣ. Скажи мнѣ свое мнѣніе на счетъ *Дениса* (Давыдова) по пріятельски, и то что онъ скажетъ тебѣ на письмо мое. Его легко остановить можетъ то, что не намѣренъ я долго пробыть въ Грузіи. По способностямъ *Дениса* каждый изъ начальниковъ будетъ

къ нему хорошъ, но не мѣшаетъ однакоже имѣть въ начальникѣ хорошаго пріятеля.

Прощай, люби по прежнему, никогда не забуду я твоихъ одолженій и заслужить ихъ не въ состояніи.

Не забудь прислать мнѣ портретъ твой, обдѣланный въ черную простую табакерку, ибо я хочу носить его.

Прочти мое письмо къ хозяйкѣ и отдай, но чтобы читалъ *Красота,* а не другой.

200.

9-го ноября 1821 г. Ставрополь.

Наконецъ, я на своей сторонѣ доѣхалъ съ ужаснымъ трудомъ, по гнусной и несносной дорогѣ и времени. Былъ въ войскѣ Черноморскомъ. Непостижимое распутство въ сей толпѣ не войска, но можно сказать *бурлаковъ.* Прочти о семъ партикулярное письмо мое къ Петрахану (князю П. М. Волконскому) и довольно.

Въ Грузію не знаю какъ проберусь; дорога, какъ тебѣ извѣстно, разрушенная Терекомъ, не успѣла быть исправлена, а теперь завалена ужаснѣйшими снѣгами. Вьюги страшныя встрѣчаютъ повелителя Кавказа и я чрезъ нихъ дѣйствую пѣшкомъ!

Мой донской генералъ-маіоръ Власовъ важно отработалъ злодѣевъ закубанцевъ. Турки ихъ противъ насъ подстрекаютъ, но сами въ здѣшней странѣ чрезвычайно безсильны и каналью можно бы было проштрафовать. Англичане въ Персіи дѣлаютъ намъ пакости и успѣли прекратить военныя дѣйствія персіянъ противъ турокъ.

Прощай, послѣ буду писать обстоятельно.

Поцѣлуй ручку милой хозяйки.

201.

21-го ноября 1821 г. Георгіевскъ.

Получилъ съ фельдъегеремъ письмо твое. Благодарю душевно за попеченіе о родныхъ моихъ, великодушное и могу сказать благодѣтельное. Сестра моя умѣетъ знать полную тому цѣну. Не знаю, что изъ Павлова будетъ, но служба, кажется, единое средство. Какъ не глупый человѣкъ, если будетъ прилеженъ, успѣть можетъ. Отъ тебя

не скрою, но мнѣ кажется онъ въ дѣлахъ своихъ не акуратенъ и едва-ли еще не мотоватъ.

Кто стыдится бѣднаго своего состоянія и, бѣдность закрывая, дѣлаетъ долги, тотъ не *мой человѣкъ*. Жить соразмѣрно способамъ, хотя бы, впрочемъ, и скудно, никогда не безчестно. Такъ я приближился къ старости моей и мнѣ бѣдностію не упрекали! Еще и отъ души благодарю тебя, почтенный другъ, за великодушіе твое въ отношеніи къ нимъ!

Мнѣ досадно, что старикъ вашъ куралеситъ и пустился въ распутство. Онъ человѣкъ слабый характеромъ и сею наклонностію могутъ воспользоваться проворные мошенники. Ни подъ какимъ видомъ не оставляйте его одного и долго. Каталогъ въ Петербургѣ еще удобнѣе дѣлать и можно туда перевезти библіотеку. Мнѣ замыслы его ужасно не нравятся и его могутъ сбить съ толку!

Весьма благородно сдѣлалъ онъ, что далъ тебѣ вѣрющее письмо и сіе необходимо для спасенія имѣнія отъ его распоряженій. Не даромъ покойница въ руки ему его не отдавала. Важно бы управилъ! Пора и тебѣ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, устраивать въ запасъ пристанище. На службѣ твоего рода не мудрено, что когда-нибудь измѣнятъ силы, ты небережливо съ ними поступаешь!

Хозяйка пишетъ мнѣ горькое письмо объ англичанкѣ, но рѣшилась отпустить ее, сколько ей ни прискорбно. Еще больше убѣдился я въ отличной добротѣ ея сердца, ибо не взирая на то, что я былъ тутъ дѣйствующимъ лицомъ, она безъ всякаго на меня огорченія пишетъ и говоритъ, что готова исполнить волю матери. Даже выговариваетъ мнѣ за то, что я предполагалъ, что она на меня разсердится и увѣряетъ, что она не можетъ не уважить полезнаго совѣта. При занятіяхъ твоихъ умѣй удѣлить время, чтобы доставить ей нѣкоторыя веселости и точно молодой женщинѣ вѣчныя бумаги твои могутъ наводить тоску.

Теперь рѣчь о постороннихъ дѣлахъ.

Васильчиковъ въ Совѣтѣ! Мѣсто однакоже почетное и значительное. Можно было удалену быть отъ гвардіи и безъ сего вниманія. Не ожидалъ-ли онъ, что его удерживать будутъ? Къ чему служило ему, если онъ не хотѣлъ остаться, истреблять столько народа, чтобы дѣйствовать на просторѣ? Не думаю, чтобы онъ оставилъ по себѣ много плачущихъ въ гвардіи, развѣ Сухозанета и подобныхъ. Великая слава! Не разсердись, какъ добрый ему пріятель, но не такіе люди называются отличными! Вѣрю въ душѣ, что Дибичъ будетъ на его мѣстѣ и тому

вѣрю, что при семъ назначеніи сохранитъ вліяніе и на первую армію и что въ ней ни производствъ, ни перемѣнъ не будутъ дѣлать безъ его совѣта. Будемъ мы въ совершенномъ плѣну у нѣмцевъ и изъ сего произойдутъ весьма непріятныя слѣдствія. Судами и наказаніями не всегда смирить удобно. Будутъ шумѣть, а за слова не всегда наказывать ловко и не успѣешь.

Справедливо ты замѣтилъ, что я не весьма охотно сюда ѣхалъ, но сіе надобно необходимо для приведенія дѣлъ въ нѣкоторый порядокъ, за то отсюда отправлюсь не скучая и кажется уже я не слуга, ибо необходимую чувствую нужду въ отдохновеніи и жизнь, подобную моей, невозможно вести долгое время; надобно здоровье желѣзное, а мое измѣнять начинаетъ.

Князю Петру Михайловичу (Волконскому) пишу о Котляревскомъ, прочти у него письмо мое. Прошу Дениса (Давыдова), но желалъ бы поступить деликатно съ Сталемъ. Онъ благородный человѣкъ и того достоинъ. Пишу также объ Эртелѣ. Тебѣ надобно непремѣнно видѣть письмо мое и по другимъ заключающимся въ немъ предметамъ. За что насильно навязывается на меня Эртель, и если онъ нуженъ былъ Барклаю, то это не значитъ, чтобы мнѣ былъ надобенъ. Если же это шпіонъ для надзора за мною, то по старшинству я ему сдаю въ команду корпусъ. Это я сдѣлаю; я служу не изъ крайности и не однимъ симъ средствомъ могу доставать себѣ существованіе.

Не знаю, дадутъ-ли мнѣ Дениса, но я увѣренъ, что человѣкъ съ его умомъ и его пылкостію, скоро привыкнувъ къ дѣламъ, былъ бы весьма полезенъ. Если же назначеніе сіе не угодно, то прошу оставить у меня Сталя, ибо не узнаешь, кого пріобрѣтешь.

Испроси позволеніе нѣкоторыхъ изъ офицеровъ отпустить въ отпускъ. Есть люди, имѣющіе крайнюю въ томъ нужду и могутъ разориться такъ, что послѣ необходимо уйдутъ изъ службы, а отпускомъ отвратить сіе возможно. Здѣсь въ зимнее время они не нужны, не такъ какъ въ другихъ мѣстахъ, и потому можно сдѣлать исключенія изъ общаго положенія. Поспѣши о семъ меня увѣдомить, дабы не упустить время и предоставьте сіи отпуска и за январь мѣсяцъ, то-есть далѣе онаго.

Черезъ часъ ѣду въ Тифлисъ. Здѣсь попался въ адъ бумагъ и тамъ будетъ не лучше. Кричу караулъ! Такъ все наскучило, скоро вамъ надобно будетъ отпустить меня, нѣтъ силъ!

Прощай, люби по прежнему, нѣтъ у меня другаго брата Арсенія.

202.

6-го января 1822 г. Тифлисъ.

Просидѣвъ долгое время во Владикавказѣ и не дождавшись ни хорошей дороги, ни хорошей погоды, пустился я далѣе и съ большимъ трудомъ переправился пѣшкомъ чрезъ горы. Снѣгъ ужаснѣйшій выпалъ давно уже ранѣе обыкновеннаго.

13-го числа я пріѣхалъ въ Тифлисъ и не знаю, другъ любезнѣйшій, продолжительная-ли дорога причиною или усталость, но здѣсь скучнѣе мнѣ прежняго. Не хочу примѣчать, но, кажется, начинаетъ спокойствіе имѣть для меня нѣкоторыя пріятности. Не здѣсь, впрочемъ, возможно находить его, и если повсюду служба требуетъ дѣятельности, то здѣсь большей степени оной.

До прибытія моего сюда распространялись слухи, что я не возвращусь и надежды сіи не весьма малому числу были пріятны; были однакоже и таковые, которые безъ меня тотчасъ бы оставили Грузію и сіи не будутъ худшіе люди, слѣдовательно начальству удаленіе ихъ должно быть чувствительно. Нельзя угадывать обстоятельствъ, но если бы встрѣтились таковыя, которыя отзовутъ меня къ другому назначенію, мнѣ нужно будетъ имѣть съ собою начальника корпуснаго штаба Вельяминова 3-го, а потому повтори просьбу мою князю Петру Михайловичу, чтобы прислали сюда полковника князя Горчакова, находящагося въ корпусѣ генерала Раевскаго, или Воронцова. Офицеръ сей съ отличными способностями и прежде здѣсь бывшій, тотчасъ познакомится съ обстоятельствами края и замѣнитъ Вельяминова.

Не отнесите просьбы сей къ тому, чтобы хотѣлъ я перемѣнить мое мѣсто или бы желалъ дать о томъ чувствовать. Божусь, не имѣю сего въ мысляхъ, ибо угасли пламенные мои замыслы и многое уже кажется мнѣ химерою; но въ то же самое время знаю, что увлеченъ могу быть обязанностями и долженъ буду продолжать службу, но въ такомъ случаѣ не скрою я, что мнѣ не весьма пріятны будутъ нѣмцы, каковыми уже снабженъ я былъ въ Италію и которыхъ такъ не трудно замѣнить другими. Ни одинъ изъ тѣхъ не стоитъ Вельяминова.

Подумай о семъ обстоятельнѣе.

Не знаю, что у васъ происходитъ съ турками, здѣсь они лучшаго теперь поведенія, нежели когда нибудь. По недостатку у насъ продовольствія продавали намъ хлѣбъ изъ карсскаго пашалыка и даже требовали, чтобы войска наши взяли на себя препровожденіе онаго, ко-

торыя и были у нихъ нѣкоторое время въ границахъ и турки обращались съ ними весьма дружелюбно. У нихъ съ персіянами были непріязненныя дѣйствія и пребываніе войскъ нашихъ въ ихъ предѣлахъ спасло нѣкоторую часть земли ихъ отъ разоренія персіянъ. Войска наши возвратились весьма ими довольны и дружба продолжается. Турки и теперь продолжаютъ доставлять намъ провіантъ. Въ ахалцыхскій пашалыкъ прибылъ новый паша и всемѣрно старается прекратить издавна вкоренившіеся разбои и набѣги въ границы наши. Неурожай двухлѣтній, паче же нынѣшняго года, поставилъ насъ въ затруднительное положеніе и если бы не турки и горскіе жители (доселѣ худо повиновавшіеся) дали намъ хлѣбъ, я не зналъ бы, что дѣлать съ войсками. Странныя происшествія, но тебѣ какъ другу могу сказать, что не каждый воспользуется подобными средствами. Вотъ гдѣ настоящее счастіе!

Какой жестокій годъ, какія ужасныя въ войскахъ и даже между самыми жителями болѣзни; но къ удивленію смертность не болѣе прежнихъ лѣтъ. Рекруты болѣютъ во множествѣ. Снѣга и метели въ горахъ остановили ихъ на пути и стѣснены будучи въ бѣдныхъ горскихъ селеніяхъ и сами заболѣли и повсюду зародили болѣзни. Теперь въ одномъ Тифлисскомъ госпиталѣ болѣе тысячи человѣкъ рекрутъ и до пяти сотъ ихъ женъ.

Исходатайствуй, почтенный другъ, чтобы леченіе и содержаніе въ госпиталѣ рекрутскихъ женъ было принято на счетъ коммисаріата. Полугодовой провіантъ, выданный онымъ, для того недостаточенъ. Его недовольно и для здоровыхъ, ибо ничего не можетъ остаться хотя для нѣкотораго обзаведенія, что впрочемъ необходимо. Иначе было бы сіе весьма недорогое военное поселеніе и такъ даже, что дешевле вашихъ. Сего не должно допускать какъ оскорбленіе!

Забылъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ сказать тебѣ, что мнѣ ничего не отвѣчали на записку мною въ Петербургѣ поданную въ разсужденіи Владикавказскаго гарнизоннаго полка. Нынѣшній годъ болѣе нежели когда нибудь могъ я видѣть его вѣчныя въ горахъ работы. Лѣтомъ наводненіе разрушило всѣ плотины и мосты и надобно было возобновить оные; зимою безпрерывная расчистка снѣговъ и ужасныхъ обваловъ. Одно даже конвоированіе есть уже трудъ великій. Но кромѣ того тѣ же люди во всегдашней опасности и не рѣдко дерутся съ горцами и все это должны дѣлать солдаты гарнизонные, полка наполняемаго неспособными. Повсюду употребляются офицеры, которые живутъ въ мѣстахъ, гдѣ все въ цѣнѣ ужаснѣйшей и у нихъ бѣдное гарнизонное жалованье, на которое одну только одежду едва здѣсь имѣть возможно.

Не попеченіе правительства, но просто одно состраданіе должно перемѣнить сего полка положеніе. Неужели можетъ сему воспрепятствовать одно то только, что полкъ по составу дивизій будетъ излишнимъ, если изъ гарнизоннаго сдѣлается полевымъ? Если же сего никакъ сдѣлать невозможно, то хотя офицерамъ, въ сравненіе съ полками армейскими, положите добавочное жалованье подъ именемъ *столовыхъ денегъ.* Это уже улучшитъ ихъ состояніе! Сдѣлайте что-нибудь или откажите на бумагѣ, чтобы могъ я оправдаться въ глазахъ подчиненныхъ моихъ, что я ходатайствую о воздаяніи за труды ихъ. Императоръ отказомъ можетъ не огорчить; мое равнодушіе къ нуждамъ — подчиненнаго оскорбляетъ.

У меня недостаетъ одного генерала въ корпусѣ на мѣсто выбывающаго *Дренякина.* Не опредѣляйте, сдѣлайте милость, никого, ибо отличныхъ и у васъ немного, а въ худомъ и мнѣ нѣтъ нужды. Я къ производству могу представить полковника и молодца, а медлю только потому, что на него возложено порученіе и по окончаніи онаго производство можетъ быть наградою. Лучше не даромъ! Бога не боитесь, что дали мнѣ *Шабельскаго.* Сей скороспѣлый герой принадлежалъ бы лучше главной квартирѣ Витгенштейна, въ которой и прижитъ онъ генераломъ *Довре* 1812 года въ Полоцкѣ, у коего будучи адъютантомъ, стяжалъ онъ всю славу. Полковникъ, не имѣющій полка, когда даются оные многимъ подполковникамъ, худо себя рекомендуетъ. Жалѣю, что не удостоилъ я князя Чавчавадзева: онъ, всеконечно, лучше его несравненно.

Лежитъ передо мною бумага князя П. Михайловича (Петра Михайловича Волконскаго) *объ Эртелъ* и отвѣчать на оную оффиціально не легко. Если это шпіонъ за мною—безполезно; если онъ долженъ меня заступить здѣсь—не болѣе полезно! Ежели не надобно, чтобы я здѣсь былъ, то безъ околичностей сказать о томъ и я удалюсь безъ сожалѣнія. Я не ставлю себя въ число тѣхъ людей, которые въ претензіи на нѣжности и потому мнѣ услажденія не надобны. Узнай о семъ, любезнѣйшій другъ, и увѣдомь.

Между дѣломъ и вздоръ идетъ въ голову: прикажи сдѣлать мнѣ ту чудесную трубу, на коей унтеръ-офицеръ Измайловскаго полка игралъ на театрѣ концертъ въ Великій постъ. Присоедини къ сему и то одолженіе, чтобы одинъ изъ военныхъ воспитанниковъ, знающій ключъ сего инструмента, былъ сюда присланъ, дабы обучить насъ. Ты мнѣ обѣщалъ сіе.

Посылаю, почтеннѣйшій другъ, всѣ мои сокровища, состоящія въ

алмазныхъ знакахъ св. Александра и трехъ перстняхъ. Прикажи кому нибудь изъ моихъ знакомыхъ, служащихъ при тебѣ, оцѣнить ихъ у ювелира, дабы знать, чѣмъ менѣе заплатятъ за нихъ въ Кабинетѣ, гдѣ (куда?), не взирая на то, надобно отдать ихъ, ибо не купятъ въ другомъ мѣстѣ. Деньги, по условію, прикажи переслать къ *Хрущовымъ*.

Не на шутку пускаюсь я въ пріобрѣтеніе имѣнія и минуты скуки моей не мало услаждаетъ воображеніе будущей жизни.

По желанію твоему я представилъ о переводѣ въ корпусъ подполковника Понеровскаго. Изъ формуляра видна давняя и хорошая его служба, но онъ долженъ быть весьма уже не молодой человѣкъ и удивительно мнѣ желаніе его служить въ здѣшней странѣ.

Я говаривалъ съ тобою нѣкогда о старшемъ шахскомъ сынѣ, который былъ непріятелемъ брата своего, назначеннаго наслѣдникомъ и оспаривалъ престолъ. Онъ умеръ и я потерялъ человѣка, бывшаго совершенно въ моемъ распоряженіи, предпріимчиваго, пылкаго и молодца. Теперь наслѣдникъ будетъ гораздо покойнѣе. Это отнимаетъ у меня большіе способы.

Если бы съ турками случилась война, есть у меня въ Ахалцыхѣ приверженный человѣкъ, имѣющій сильную партію и могущій быть нашимъ собственнымъ пашою. Жаль только, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, что трудно мнѣ будетъ взять отъ васъ войска, ибо не могу изыскать средствъ продовольствовать войска на пути и что досаднѣе въ нашихъ границахъ, далѣе же въ землѣ непріятельской я бы все нашелъ въ изобиліи, ибо успѣхи оружія ничто бы не остановило. Къ сему надобно ввести въ разсчетъ и мое счастіе, ибо здѣсь страшатся имени моего. Не прими, другъ любезный, за хвастовство.

Дренякинъ не ѣдетъ на свое иркутское княженіе, но проситъ отставки. Онъ нѣсколько не дослужилъ до 40 лѣтъ, но не затрудняйтесь дать ему увольненіе и по справедливости полное окладное жалованье.

Прочти письмо мое къ князю П.(етру) Михайловичу, гдѣ прошу я нынѣшній 1822 годъ не брать отсюда людей въ гвардію и описываю выборъ лучшихъ изъ моихъ рекрутъ вмѣсто данныхъ въ конвой людей изъ поселяемыхъ баталіоновъ. Это славное дѣло славнаго генерала *Мелко-Мишина* (Клейнмихеля)!

Я прошу о множествѣ наградъ, самыхъ, впрочемъ, справедливѣйшихъ. Помоги исходатайствованію оныхъ, почтеннѣйшій другъ! Неужели послѣ того, что дано въ Бешенковичахъ можно отказывать за истинные труды?

Прежде воспрещенія отставокъ офицерамъ представлено отсюда о увольненіи нѣкоторыхъ и я прошу, буде можно, не задерживать ихъ, ибо они въ службѣ ни на что не надобны. Хорошаго офицера я умѣю соглашать на продолженіе службы и мало таковыхъ меня оставляетъ.

Старшій Вельяминовъ проситъ о переводѣ адъютанта его *Медокса* въ младую гвардію. Не должно оскорблять его отказомъ, хотя адъютантъ его величайшая дрянь, но многихъ адъютанты не лучше его, впрочемъ, въ гвардію переведены.

Прощай. Люби меня по прежнему и пиши, буде останется время свободное.

203.

Получено 29-го января 1822 г.

Отправляя къ тебѣ, любезный Арсеній Андреевичъ, мои сокровища, возбудилъ я ропотъ моихъ окружающихъ, что посылаю я знаки Александровскіе. Но сіе долженъ я былъ сдѣлать непремѣнно, по извѣстнымъ тебѣ моимъ намѣреніямъ; впрочемъ, пользѣ моей не мѣшаетъ, чтобы вещи были проданы дороже и потому увѣряютъ меня, что будто если нельзя продать перстни ювелиру работающему на Кабинетъ, то, конечно, возьметъ онъ выгоднѣе орденъ и я менѣе потеряю нежели десять процентовъ, которые вычтутъ съ меня въ Кабинетѣ.

Сдѣлай, другъ любезнѣйшій, какъ разсудишь за благо; я много выиграю, если не разсердишься на меня, что занимаю тебя случайными просьбами.

Говоря о драгоцѣнностяхъ, не долженъ забыть о *Денисѣ Давыдовѣ*. Чтò вы намѣрены съ нимъ дѣлать? Дадите-ли мнѣ его или откажете, а право онъ весьма многихъ лучше и здѣсь онъ мнѣ весьма полезенъ. Не могу не сказать похвалы о *Сталѣ*, но въ теперешнемъ мѣстѣ онъ ни мало не годится, а вы, Богъ знаетъ, дадите-ли лучшаго, ибо и вы не богаты хорошими. Увѣдомь объ отвѣтѣ Государя, каковъ бы онъ ни былъ.

204.

11-го января 1822 г. Тифлисъ.

Письмо было уже къ тебѣ готово, но пріѣхалъ фельдъегерь и я принимаюсь за другое.

Онъ сказывалъ, что встрѣтилъ тебя близко Новгорода, изъ чего заключаю я, что болѣзнь хозяйки долго въ Москвѣ тебя задержала. Мнѣ объ оной писала сестра моя. Увѣдомь, что съ нею случилось и я готовъ думать, что неосторожность тому причиною.

Въ отсутствіе твое много сдѣлалось перемѣнъ въ гвардіи и *Желтухинъ* достигъ желаемаго, не переставая говорить, что онъ, презирая суетности міра и находя одно блаженство въ прилѣпленіи къ Богу, ничего уже не хочетъ въ жизни. А мнѣ кажется, не безполезно пока и къ гвардіи прилѣпиться!

Неужели суждено *Депрерадовичу* до фельдмаршальскаго чина быть командиромъ Кавалергардскаго полка?

Преважное назначеніе *Бенкендорфа*, но доволенъ-ли онъ таковымъ? и *Мартьяновъ* весьма у мѣста и лента, конечно, не мало его подкрасила, что не безполезно!

Ты, другъ любезный, и братъ мой *Дениска* (Давыдовъ), изрядно надуты назначеніемъ *Уварова*, вы оба думали на *Дибичи* и право жаль что ошиблись, ибо лучше его для потѣшной команды изобрѣсти невозможно. Нѣмцы вѣрно въ горести, ибо отъ того нѣсколько менѣе быстръ ходъ ихъ, на глазахъ будучи удобнѣе испрашивать милости.

Ожидаю срочнаго фельдъегеря отъ 1-го января и извѣстія о наградахъ 12-го декабря, о которыхъ, конечно, многіе вздыхаютъ. Чинъ полнаго генерала не мало мучитъ, и между друзьями нашими есть претенденты. Ты съ *Васильчиковымъ*, а я съ *Воронцовымъ;* всѣхъ же благонадежнѣе *Паулуччи* съ могущественнымъ покровительствомъ. Нельзя-ли еще дать что нибудь *маркизу Траверсе?* Какъ любезный *Петраханъ* (Князь П. М. Волконскій) безъ ленты Андреевской? Когда уже *Селявинъ*, только что секретарь одной части обширнаго управленія его, изукрасился въ продолженіи небольшаго времени. Грызетъ нашего *Каліостра* досада, но вы безъ 2-го Владиміра отъ него не отдѣлаетесь! и онъ правъ! Истреби, почтеннѣйшій другъ, письмо сіе, и безъ того мало у меня пріятелей; дѣлай тоже и со всѣми отъ меня получаемыми, какъ ты по дружбѣ и обѣщалъ мнѣ. Не долго суще-

ствовать мнѣ на службѣ и нѣтъ разсчета заѣдаться, отыщутъ злодѣи и въ жизни спокойной!

Начинэю отдыхать отъ страха войны съ турками. Она мнѣ помѣшала бы въ моихъ здѣсь упражненіяхъ, которыя гораздо лучше пустой славы, коей можетъ быть я даже и достигнуть не могъ бы, не будучи на сценѣ главныхъ происшествій. Поразила меня мысль твоя, дать здѣсь чему нибудь *имя мое* и мнѣ хочется открыть лучшую чрезъ Кавказъ дорогу и, конечно, прилично будетъ оставить память человѣка, пробывшаго въ несносной здѣшней странѣ долгое время, когда гораздо лучше быть онъ могъ въ другомъ мѣстѣ. Кажется, мы войны не желаемъ, и если льститъ она честолюбію многихъ, я не въ числѣ сихъ послѣднихъ и ея не хочу.

Теперь о собственныхъ дѣлахъ.

Посылаю 500 рублей на извѣстную трубу, о которой писалъ прежде; 400 рублей на серебряные генеральскіе эполеты, которые прикажи сдѣлать на казенной фабрикѣ и чтобы были *матовые* и двѣ пары. Посылаю *брегетовые* мои часы, которыхъ не умѣли поправить въ Петербургѣ, и какъ они весьма бѣгутъ, то заключаю я, что повредились оси и потому попроси Константина Яковлевича *Булгакова,* чтобы отослалъ ихъ въ Парижъ и поручилъ бы сдѣлать, чтобы всѣ оси обращались въ камняхъ. Лучше всего самому отдать ихъ Брегету, который и прежде повѣрялъ ихъ. Ты меня весьма одолжишь симъ и я терпѣливо ожидать ихъ буду, чтобы уже имѣть ихъ надежными.

Не будьте скупы и присылайте иногда фельдъегерей; теперь таковы обстоятельства, что скучно быть долгое время безъ извѣстій. Вы затѣете съ турками войну, а я и знать не буду. И то случиться иногда можетъ, что забывши обо мнѣ, не подумаете мнѣ прибавить войскъ, и хотя турки не сдѣлаютъ мнѣ много вреда, но я буду играть весьма печальную и въ то же время смѣшную роль. Ты самъ согласишься, что мнѣ срамиться нѣтъ выгоды и я съ моими правилами, хотя, впрочемъ, и странными, не подорожу моимъ мѣстомъ и службою.

Прощай, почтеннѣйшій другъ, поцѣлуй ручку у милой хозяйки и увѣдомь, что и какъ сдѣлали вы съ англичанкой.

Забылъ просить тебя о дѣлѣ весьма важномъ. По недостатку казенныхъ инструментовъ и давно прося ихъ безуспѣшно, обратился я къ Бетанкуру и онъ для меня, надѣюсь, выпишетъ изъ Англіи и гораздо дешевле нежели у насъ. Сдѣлай дружбу, дай ему на мой счетъ денегъ, сколько потребуетъ; я тотчасъ возвращу съ благодарностію.

205.

23 февраля 1822 г. Тифлисъ.

Давно уже не имѣю я отъ васъ извѣстій и послѣднее письмо, по причинѣ болѣзни глазъ твоихъ, было весьма сокращенное. Непріятно жить въ такомъ отдаленіи, особливо когда сближаемся мы со временемъ, въ которое должны случиться важныя происшествія. Все такъ медленно доходитъ до нашей страны отчужденной! Не знаю, что сдѣлаете вы съ турками, но, кажется, не легко избѣжать войны. Иностранные кабинеты, особенно англійскій, стараются о возстановленіи нашихъ съ Портою сношеній. Имъ выгодно продолжить время, ибо они истощеваютъ малыя средства всѣмъ свѣтомъ оставленныхъ грековъ и насъ виновною терпѣливостію и бездѣйствіемъ поставляютъ предъ всѣми народами въ невыгодномъ видѣ. Кончится тѣмъ, что въ грекахъ, намъ приверженныхъ, оставимъ мы справедливое на насъ озлобленіе! Я, какъ тебѣ извѣстно, весьма несчастный политикъ и, конечно, о политикѣ говорю вздоръ, но и безъ дипломатическихъ глубокихъ знаній можно чувствовать свое достоинство. И я не даромъ принадлежу народу могущественному! Никогда въ такомъ родѣ не писалъ я къ тебѣ чепухи, но прости говорящему сердцу.

Долго ты, любезный другъ, зажился въ Москвѣ и по обыкновенному ходу зависти, уже пріуготовляла молва другого на твое мѣсто. Монашествующій *Желтухинъ*, столько чуждый суетѣ міра, думаю не совсѣмъ былъ оскорбленъ сею молвою. Онъ безъ всякихъ видовъ, смиренно, принялъ бы трудъ сей въ пользу отечества, но полагаю, заставилъ бы попросить себя прежде и согласіе свое выставилъ бы не малымъ пожертвованіемъ! Ты возвращеніемъ своимъ разрушилъ мечту его, впрочемъ и теперешнимъ положеніемъ можно быть еще ему довольнымъ. Къ какому назначенію пріуготовляете вы *Криднера*; я видѣлъ, что онъ уже флигель-адъютантъ. Неужели онъ вамъ такъ необходимъ?

Сію минуту пришла странная мысль въ голову и не могу не сообщить ея. Тебѣ необходимо ѣхать надобно весною къ водамъ. Воды кавказскія по справедливости чудесныя и точно роду болѣзни твоей приличествующія, подумай о нихъ! Мы бы тебя успокоили и носили на рукахъ! Я одно вижу препятствіе—милую хозяйку, которой весьма основательнымъ образомъ захочется лучше пріятно провести время въ чужихъ краяхъ, нежели ѣхать въ край скучный и пустой. Но если бы

знала она, какъ ей воды наши полезны! Какою бы отрадою могъ быть намъ *Денисъ* (Давыдовъ), если его опредѣлятъ на линію. О немъ что-то молчитъ Петраханъ (князь П. М. Волконскій) и я изъ сего не самыя хорошія извлекаю заключенія. Впрочемъ онъ потому, что былъ уже начальникомъ корпуснаго штаба и собственно по старшинству въ чинѣ можетъ занять сіе мѣсто.

Не знаю, будетъ-ли соизволеніе на разныя мои представленія, посланныя съ прежними фельдъегерями. Я просилъ произвести Грекова въ генералъ-маіоры, Эристову и Власову 3-му—Анненскія ленты. Неужели можно отказать, когда дали оную великому адміралу Карцову!

Съ теперешнимъ фельдъегеремъ идетъ штатъ провіантскій къ военному министру, по утвержденному прежде преобразованію здѣшняго провіантскаго управленія. Я составилъ его сколько возможно бережливымъ образомъ, хотя противъ прежняго сумма умножена гораздо. Попроси старика Петра Ивановича, чтобы скорѣе представилъ къ разсмотрѣнію и Мордѣ (Абакумову) скажи, чтобы по прежнему не дѣлалъ помѣшательствъ, ибо я ругаться съ нимъ стану. Теперешняя провіантская часть у меня въ жалостнѣйшемъ положеніи!

Сдѣлай милость, подобно какъ перевели капитана *Шишкова*, переведи 41-го егерскаго полка *маіора Маркова* въ который нибудь изъ полковъ въ Россіи. Здѣсь ведетъ онъ себя гнуснѣйшимъ образомъ, такъ напроказилъ, что неизбѣжно могъ быть солдатомъ. Онъ племянникъ родной Евгенію Ивановичу Маркову, весьма не глупый и способный офицеръ и мнѣ совѣстно было подвергнуть его несчастію, когда дядя его, мнѣ его рекомендовавшій, всегда былъ моимъ начальникомъ и желалъ мнѣ добра. Не пренебреги моей просьбы!

Прошу я о переводѣ квартирмейстерской части полковника Верховскаго командиромъ въ Куринскій пѣхотный полкъ; постарайся, чтобы князь Петръ Михайловичъ не воспрепятствовалъ. Въ рапортѣ моемъ сказалъ я всѣ истинныя причины и мнѣ въ семъ случаѣ отказать не должно.

Вы вѣрно удивитесь, получая рапорты объ убыли людей. Отъ прошлаго года остались намъ свирѣпыя болѣзни и смертность не только въ войскахъ, но и между самыми жителями ужаснѣйшая. Не отнесите потери къ недостатку попеченія о людяхъ или къ худому состоянію госпиталей. Все соблюдается строжайшимъ образомъ, а въ полкахъ лазареты по истинѣ заслуживаютъ одобренія. Но при всей потерѣ нашей мы еще счастливы въ сравненіи съ сосѣдями нашими персіянами, у коихъ въ Эриванской области не собрано половины съ полей

хлѣба за болѣзнію поселянъ, а въ Индіи считаютъ болѣе полутора милліона убыли людей. Многіе думаютъ, что въ самомъ воздухѣ были причины къ зарожденію сихъ болѣзней и мы не менѣе подпали сему бѣдствію. Впрочемъ замѣтить должно, что большая смертность началась со времени прибытія рекрутъ и едва-ли не причиною тому два года совершенный неурожай въ Россіи хлѣба, доводящій людей до изнуреннаго положенія. Рекруты, поступившіе въ арміи, въ Россіи расположенныя, небольшой подверглись разницѣ въ климатѣ и могли перенести оную, а сюда прибывшіе не выдерживаютъ оной.

Полковникъ квартирмейстерской части *Муравьевъ*, извѣстный тебѣ поѣздкою его въ Хиву, проситъ также о переводѣ его въ армію и я весьма охотно предлагаю ему полкъ. Я предупредилъ о семъ князя Петра Михайловича письмомъ, но если ты не замолвишь, то онъ въ состояніи сдѣлать пакость отказать мнѣ. Ему можешь откровенно сказать, что для теперешней службы *Муравьевъ* особенныхъ дарованій не имѣетъ, но что въ арміи будетъ онъ штабъ-офицеръ и командиръ полка отличнѣйшій и что, конечно, полезно распредѣлять чиновниковъ по способностямъ.

Скажу тебѣ по пріятельски, что я перемѣняю имъ командира 41-го егерскаго полка подполковника Авенаріуса, бывшаго старшимъ адъютантомъ въ 1-й арміи. Его вызвалъ генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ 1-й... Старикъ и прекрасный человѣкъ Вельяминовъ, когда я назначался въ Италію, готовился быть здѣсь корпуснымъ командиромъ и уже проговаривалъ, по слабости человѣческой, о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ и намѣревался перемѣнить многихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, многимъ кажется, что можно дѣлать и поступать лучше другаго! А между нами сказать, и прошу тебя не сообщать никому, что здѣсь надобно другаго начальника, ибо онъ весьма нелюбимъ по странному образу его обращенія и по удивительной застѣнчивости, имѣя, впрочемъ, всѣ наилучшія качества.

Пришли мнѣ, изъ любопытства прошу, вѣдомость за 1820 и 1821 года о числѣ умершихъ нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ вообще войскъ въ 1-й и 2-й арміяхъ, означивъ убыль каждаго мѣсяца особенно. Мнѣ хочется знать, чѣмъ мы болѣе убиваемъ народа, а паче противъ 2-й арміи, у которой есть часть войскъ въ Бессарабіи, мѣстахъ очень нездоровыхъ.

Прощай, отдай записочку мою милой хозяйкѣ.

206.

12-го марта 1822 г. Тифлисъ.

Письмо сіе пишу, ожидая, что оно уже тебя не застанетъ и даже того желаю, ибо до сего времени пребываніе твое въ Петербургѣ не иначе могло бы продолжиться, какъ по болѣзни. Ты вѣрно поспѣшилъ послѣднимъ зимнимъ путемъ проѣхать по крайней мѣрѣ до границъ нашихъ и вмѣстѣ съ весною вступить въ земли чужія. Я полагалъ, что ты нѣсколько пробудешь въ Варшавѣ, но теперь не знаю, видя что Великій Князь у насъ въ гостяхъ; надѣюсь, однако же, что предъ отъѣздомъ ты меня увѣдомишь, какъ располагаешь путь свой и пребываніе заграницею. Для меня весьма продолжительнымъ покажется твое отсутствіе по многимъ причинамъ и собственно по служебнымъ дѣламъ, коихъ ходъ ускорялъ ты чрезвычайно и не менѣе по всему тому, что относилось до здѣшняго корпуса. Примѣчаю, другъ любезнѣйшій, что уже прималчиваютъ на нѣкоторыя изъ бумагъ моихъ и даже ничего не выходитъ по сдѣланнымъ о наградахъ представленіямъ, тогда какъ оныя не отказываются и менѣе трудящимся. Какой лучше примѣръ адмирала начальствующаго флотомъ у Каменнаго острова, впрочемъ, конечно, исправнѣйшею частію морскихъ нашихъ ополченій.

Сказать тебѣ новаго ничего не имѣю; снѣгами завалены горы и со стороны сосѣдей покойно, внутри дѣлаются шалости въ надеждѣ, что война съ турками займетъ наши силы и бунтовать удобно будетъ, но до того еще времени ихъ порядочно смиряютъ. Не знаю, что со стороны вашей покажетъ весна? Дипломатики наши молчатъ и оставляютъ меня въ совершеннѣйшемъ невѣдѣніи объ обстоятельствахъ, но думаю, что и они немного знаютъ болѣе, когда за нихъ англичане и австрійцы работаютъ въ Константинополѣ. Мы прекрасныхъ и вѣрныхъ имѣемъ стряпчихъ. Между тѣмъ греки, оставленные всѣмъ міромъ безъ помощи, одни несутъ на себѣ неистовства ожесточенныхъ мусульманъ и тогда возстановимъ мы переговоры съ Портою, когда не о чемъ переговаривать будетъ.

Исторія прославитъ наше время и намъ собственно отдастъ должную похвалу. Уже годъ цѣлый, какъ лютость турокъ христіанскія державы насыщаютъ кровію грековъ и, кажется, недовольно!

Важно обработанъ въ приказахъ несчастный князь Вадбольскій, а офицеръ отличнѣйшій. Напиши, что за происшествіе; я очень его уважаю. Неужели нельзя наказывать не посрамляя?

Я съ нѣкотораго времени нездоровъ; кажется, привезъ изъ любезнаго отечества ревматизмы. Растравляю болѣзнь свою множествомъ хлопотъ и служба смертельно начинаетъ скучать мнѣ. Не долго могу я подобнымъ образомъ упражняться. Приводи къ счастливому окончанію дѣла мои, другъ любезнѣйшій, и отправляй къ Хрущовымъ милліоны, если Кабинетъ не отказываетъ принять моихъ сокровищъ.

Поцѣлуй ручку милой хозяйки, не оставь по прежнему благотворить семьѣ моей и люби меня, какъ всегда.

207.

29-го апрѣля 1822 г. Тифлисъ.

Пишу и воображаю, что письмо мое въ Петербургѣ уже не застанетъ тебя. Какъ грустно думать, что долгое время не буду имѣть о тебѣ извѣстій.

Благодарю, почтенный другъ, за хлопоты о моихъ сокровищахъ и за отосланіе къ *Хрущову* денегъ. Ты скрылъ отъ меня, но я случайно узналъ, что ты ѣздилъ нарочно къ министру финансовъ, чтобы упросить его взять въ казну мои перстни. Странно, что онъ тебѣ отказалъ, а мнѣ я зналъ, что онъ ничего пріятнаго сдѣлать не захочетъ. Впрочемъ, и сумма ужасная 12,000 ассигнаціями, которой не сыскалось.... Перстни всегда сего стоютъ и мы сбережемъ ихъ до времени. Пришли ихъ ко мнѣ обратно, можетъ быть въ Москвѣ набѣжитъ какая нибудь щеголиха.

Отработали Граббе препорядочно и отличный сей офицеръ остается безъ пропитанія. Ему дѣлать нечего какъ идти въ иностранную службу. Я боюсь, что и сіе почтется за вольнодумство, когда ничто иное есть какъ совершенная крайность. Наказать надобно непремѣнно, но не слѣдовало бы выпускать его изъ службы, или покрайней мѣрѣ чрезъ нѣкоторое время выгнать и Васильчикова, совершенно ни на что не надобнаго.

Понемногу являются въ газетахъ награды по моимъ представленіямъ, но нѣтъ ничего о генералъ-маіорѣ Власовѣ, о которомъ просилъ я прежде всѣхъ послѣ пріѣзда моего сюда. Благодарю тебя отъ души за стараніе объ ономъ; не забудь предъ отъѣздомъ твоимъ приказать и о прочихъ напомнить Петрахану (князю П. М. Волконскому).

Весьма хорошо, что не докладывано о князѣ Горчаковѣ: онъ только что женился и это бы его ужасно разстроило. Да и нѣтъ въ томъ

нужды, ибо кажется, что уже отсюда ни на какую не попаду я службу, слѣдовательно и Вельяминовъ мой не будетъ мнѣ надобенъ. Боже мой, до какой степени мнѣ все наскучило, невѣроятно!

Перепугались, что войска мои были въ границахъ турецкихъ, а турки благодарили за милость. Попроси у Петрахана посланный мною къ нему рапортъ одного полковника и увидишь! Теперь просили турки, чтобы прислалъ я войска, но мнѣ запрещено, а потому персіяне вошли въ Карсскій пашалыкъ и его разоряютъ до основанія. На случай войны и у меня такія же впереди степи какъ въ Молдавіи. Чтò за мысль, что меня обманутъ? Мнѣ нельзя о себѣ хвастать и потому не знаютъ на какомъ счету людей и здѣсь, и что, конечно, болѣе извѣстенъ я моимъ сосѣдямъ нежели правительству своему.

На счетъ положенія дѣлъ нашихъ съ Турціею у насъ дѣлаютъ великую тайну, а въ газетахъ говорятъ о томъ, и какъ нарочно, весьма основательно. Мы поступаемъ прекрасно и съ большою для себя честію. Невѣроятно, чтобы поѣздка Татищева въ Вѣну повела къ чему-нибудь рѣшительному, кажется непремѣнно есть намѣреніе отдѣлаться отъ войны, хотя, впрочемъ, турки дѣлаются чрезвычайно несносными.

Огорчили меня отказомъ Дениса (Давыдова) и весьма несправедливо, если имѣютъ о немъ прежнія невыгодныя мысли. Поговори Петрахану (князю П. М. Волконскому), что они лишаютъ дѣятельности человѣка способнаго, и что не весь генеральскій списокъ наполненъ людьми нужнѣйшими. Я ему пишу довольно ясно.

Если правда, какъ пишутъ, что на мѣсто старика Петра Ивановича возьмете вы старшаго Вельяминова, то и еще буду просить у васъ генерала; посмотримъ кого мнѣ дадутъ?

Наконецъ достали вы старика, который нѣсколько въ Москвѣ пришаливалъ. Этого не было примѣтно, чтобы онъ былъ такимъ нѣжнымъ любовникомъ. Однакоже, я весьма его уважаю за благородный его съ тобою поступокъ, и дѣлаетъ ему честь, что въ семъ случаѣ была одна собственная его воля и никакое постороннее внушеніе. Онъ ко мнѣ обо всемъ пишетъ, но извини, что не имѣлъ я время отвѣчать и чтобы старикъ не разсердился.

Важно обработали дѣла въ твое отсутствіе, если надобно было сидѣть по утру и послѣ обѣда нѣсколько недѣль. Я воображаю, чтò будетъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ! Ты ни слова не сказалъ о пребываніи у васъ Великаго Князя; такъ ли онъ расположенъ къ тебѣ, какъ и прежде?..

Какъ хорошо ты дѣлаешь, что сожигаешь мои письма и мнѣ

жаль твоихъ чрезвычайно, но я съ ними дѣлаю тоже. Будемъ оба постоянно исполнять обѣщанное.

Поклонись отъ меня милой хозяйкѣ; теперь я не пишу ничего. Но готовъ вступить въ переписку на русскомъ языкѣ, и она несправедлива будетъ, если потребуетъ языка французскаго, на которомъ я столько же искусенъ какъ она на русскомъ. Но съ симъ она познакомится скоро, а того я не выучу никогда. Вотъ разница!

Завтра выѣзжаю я на линію. Кабардинцы дѣлаютъ большія пакости по наущенію закубанцевъ, которые, партіями приходя къ нимъ въ помощь, нападаютъ на линію. Я пять лѣтъ терпѣлъ, на многое смотрѣлъ сквозь пальцы, ибо занятъ былъ въ другомъ мѣстѣ, но теперь пришла ихъ очередь и я намѣренъ порядочно уже проучить ихъ, и если успѣю, то даже хочу перемѣнить и положеніе прежней линіи, которая имѣетъ величайшіе недостатки. Доведи о семъ до свѣдѣнія выше... *).

208.

8-го октября 1822 г. Тифлисъ.

Съ удовольствіемъ воображаю, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, что письмо придетъ къ самому времени твоего возвращенія, если только ты не замедлишь. Какое продолжительное твое отсутствіе! Хорошо, если воды принесли тебѣ облегченіе, чего, впрочемъ, по роду болѣзни твоей, непремѣнно я ожидаю, какъ и того, что неумѣренныя занятія твои опять могутъ тебя разстроить. Неужели не съ большею какъ прежде осмотрительностію будешь ты располагать твоими трудами? Послѣдуй, почтенный другъ, моему замѣчанію, что надобенъ тебѣ другой въ отправленіи дѣлъ порядокъ, и чтобы не все на тебѣ одномъ обрушивалось. Умножь число помощниковъ или чтобы объясняли тебѣ словесно нѣкоторую часть дѣлъ, а ты сдѣлаешь распоряженіе. Это можно будетъ и не сидя вѣчно дѣлать и даже при нѣкоторомъ отдохновеніи. Тебѣ вредитъ твоя неподвижность.

Я представляю себѣ какъ теперь засядешь. Быть не можетъ, чтобы все такъ шло, какъ ты желалъ; случится даже, что и не всѣ дѣла обработаны, а я знаю твою привычку хотѣть все вдругъ поправить и ты возвратишься вдругъ къ прежнимъ трудамъ, а съ ними

---

*) Точки въ оригиналѣ.

вмѣстѣ возвратиться могутъ и прежнія болѣзни! Горестно въ лѣта твои прибѣгать къ пособіямъ водъ и лекарствъ. Нельзя-ли тебѣ сдѣлать конвенцію, чтобы въ каждый годъ имѣть два мѣсяца для разъѣзда. Можно бросить взглядъ на дѣла хозяйственныя и сего времени половину употребить въ пользу службы, обозрѣвая части военному управленію подчиненныя.

Какъ досадно, что я говорю напрасно; вижу, что все сдѣлается иначе!

Пришли мнѣ твой журналъ путешествія и всѣхъ твоихъ замѣчаній. Если нужно, я сохраню въ непроницаемой тайнѣ. Ты не откажешь, ибо я ничего не скрывалъ отъ тебя.

Что я скажу тебѣ, другъ любезнѣйшій? Скучаю ужасно, обстоятельства безпрерывно рождаютъ дѣла новыя, многое не ладится, многое улучшается чрезмѣрно медленно, не согласуясь съ нетерпѣливымъ моимъ усердіемъ, съ моимъ пламеннымъ характеромъ. Употребляю усилія возможныя, но успѣхи самымъ постояннымъ трудамъ не соотвѣтствуютъ. Какая жизнь несносная! Въ продолженіе отсутствія твоего, Петербургъ былъ для меня иностраннымъ городомъ; рѣдко отъ кого придетъ письмо; замолкло и малое число пріятелей моихъ.

Красота Иванъ Васильевичъ почти одинъ, но и тотъ весьма не часто писалъ ко мнѣ.

Братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) со времени возвращенія изъ-за границы не пишетъ ко мнѣ и не увѣдомилъ даже о пріѣздѣ. Кто нибудь, конечно, старался насъ поссорить, я писалъ къ нему чрезъ Красоту недавно и просилъ чтобы объяснилъ причину молчанія. Ты можешь узнать отъ Лонгинова. Что можетъ поселять между нами непріязнь, положеніе насъ обоихъ столько между собою различно и если позволительно допустить чувство зависти, то, конечно, не со стороны его должна она имѣть доступъ. Увѣдомь, что дѣлаетъ старикъ вашъ и доволенъ-ли былъ ты имъ въ путешествіи? Лучше-ли здоровье милой хозяйки? Конечно, съ удовольствіемъ видѣла она земли для нея новыя и послѣ нашей не могли онѣ ей не нравиться. Обо всемъ, почтенный другъ, напиши обстоятельно. Все до тебя касающееся, мнѣ чрезвычайно любопытно.

Прощай! Сохрани мнѣ прежнюю твою безцѣнную для меня дружбу.

P. S. Съ фельдъегеремъ посылаю принадлежащее графу Толстому жалованье. Доставь его къ нему и напиши что дѣлаетъ чудакъ сей?

209.

« » ноября 1822 г. Тифлисъ.

Два письма твои получилъ я вдругъ: одно изъ Францбруна и послѣднее изъ Вѣны. Благодаря Красотѣ, онъ хотя и не часто, но увѣдомлялъ меня о тебѣ и я уже зналъ, что теплицкія воды не сдѣлали тебѣ пользы. Не знаю почему кажется мнѣ, но я увѣренъ, что здѣшнія воды тебя бы исцѣлили. Легко быть можетъ, что по многотрудной должности твоей, не скоро уже вырвешься изъ Петербурга, но не мѣшало бы испытать дѣйствіе ихъ и отсутствіе отъ мѣста не столько нужно продолжительное какъ за границу.

Жаль, что здоровье хозяйки требуетъ пребыванія въ чужихъ краяхъ, но лучше разъ излечиться порядочно, нежели временно получать облегченіе. Нельзя пренебрегать болью въ боку и еще довольно уже продолжающеюся. Не мало разстроитъ домашнія дѣла твои ея путешествіе, ибо она не весьма сильна въ экономіи, но дѣлать нечего! Все до тебя относящееся любопытно мнѣ знать и потому скажи мнѣ пріятельски, что тебѣ стоитъ твоя поѣздка вообще? Увѣдомь, какъ по возвращеніи найдешь дѣла. Точно лучше нельзя было сдѣлать, какъ поручить ихъ доброму старику Петру Ивановичу. Лѣность его могла только не дать довольно быстраго хода бумагамъ и могли дѣла залежаться не рѣшенными, но онъ сохранилъ порядокъ прежній теченія ихъ и не сдѣлалъ никакой перемѣны, которыя по большей части производятъ болѣе путаницы, нежели пользы. Твоя чудесная дѣятельность, постоянный и строгій надзоръ, привычка къ тебѣ твоихъ отличныхъ чиновниковъ придастъ всему прежній успѣхъ.

Если и не совсѣмъ тебѣ пріятно, но благоразумно сдѣлано, что на время отсутствія Государя приказано тебѣ возвратиться въ Петербургъ. Не всѣ непремѣнно таланты могли достаться въ удѣлъ Милорадовичу и Уварову. Сакенъ слишкомъ старъ, чтобы исправлять должность надзирателя надъ ними! Развѣ и тутъ поможетъ ему Дибичъ!

Весьма хорошее дѣло, что согласился ты заѣхать къ брату Михайлѣ (графу Воронцову) въ Бѣлую церковь. Посмотришь, какъ живетъ среди польской родни своей въ очарованномъ зàмкѣ? А теща его точно волшебница и его, конечно, обворожила. Слышу ото всѣхъ, что жена достойная и чрезвычайно любезная женщина. На меня, кажется, братъ Михайла сердитъ, ибо по возвращеніи его въ послѣдній разъ въ Россію, даже и не увѣдомилъ меня. Вѣрно кто-нибудь старался насъ поссорить,

хотя бы, впрочемъ, надлежало прежде объясниться. Я писалъ къ нему чрезъ Красоту и думаю, что, по крайней мѣрѣ, изъ вѣжливости отвѣчать будетъ, а сего довольно, чтобы увидѣть продолжать-ли или прекратить переписку.

Неужели братъ Михаилъ, человѣкъ въ наисчастливѣйшемъ положеніи, можетъ въ чемъ-нибудь мнѣ завидовать? Какъ во всемъ различно состояніе наше! Онъ можетъ имѣть минутныя неудачи, но несправедливо было бы не пользоваться его способностями и достоинствами и онъ всегда будетъ человѣкомъ надобнымъ. Его привязанность къ службѣ извѣстна и она составляетъ главнѣйшую его наклонность. О себѣ скажу тебѣ откровенно: не могу я не чувствовать нѣкоторыхъ въ себѣ къ службѣ способностей, дѣятельность моя имѣетъ кругъ довольно обширный и можетъ быть замѣчаема, но служба не только уже не есть, какъ прежде, господствующею моею страстью, но я начинаю совершенно къ ней охлаждаться.

Человѣку трудящемуся для возбужденія дѣятельности или возобновленія, такъ сказать, силъ, надобны желанія и цѣль. Нѣтъ у меня другаго желанія, какъ жизнь свободная и покойная! Я думаю, что не былъ бы я и здѣсь такъ долго, если бы не удерживали меня нѣкоторыя дѣла или неполучившія еще надлежащаго вида, или которымъ не успѣлъ я дать прочнаго основанія, а мнѣ не хочется, чтобы занятія, стоющія заботъ и усилій, могли уничтожены быть произволомъ моего наслѣдника. Вотъ какъ день-ото-дня проходитъ время мое и я зажился въ странѣ здѣшней. Повторяю тебѣ, почтеннѣйшій другъ, прежнія слова мои: ужасно наскучила мнѣ служба и мои упражненія и отдохновеніе мнѣ необходимо!

Изъ сего ты видишь, что если бы и могъ я быть соперникомъ по службѣ брату Михайлѣ, то я оставляю ему поле широкое и на немъ ему не встрѣчусь, а напротивъ охотно признаюсь, что не имѣю равныхъ ему способностей и состояніе бѣдное не могло доставить мнѣ равныхъ способовъ воспитанія..

Удивляюсь, что онъ не имѣетъ нѣкотораго терпѣнія и усильно хочетъ получить мѣсто. Мѣсто Ланжерона точно видное и полезное, особливо когда мирное время не представляетъ лучшихъ занятій, и я нахожу весьма благоразумнымъ сіе его желаніе, но неужели можно отказать ему въ томъ, что не затруднились предоставить Ланжерону? Не позволительно столько мало справедливости въ отношеніи къ брату Михайлѣ! Зачѣмъ однакоже искать сего и чрезъ Кочубея. Вотъ непростительный шагъ и менѣе всего ему приличествующій! Могущественный

Дибичъ не соизволяетъ на предоставленіе корпуса. Время нѣмцевъ, и Ротъ, конечно, надобенъ!

Весьма огорчаетъ меня несчастная исторія Граббе. Какъ за ничтожнаго Васильчикова долженъ пострадать офицеръ достойнѣйшій? Хорошо что ты меня объ немъ обстоятельно увѣдомилъ, а я едва было на счетъ его не отозвался къ князю Волконскому. Ему бы я не помогъ и на себя навлекъ неудовольствіе. Хорошо, если бы мнѣ его отдали, онъ нигдѣ не былъ бы столько полезенъ.

Любопытно весьма, чтὸ произведетъ конгрессъ? Великодушно намѣреніе Государя сохранить въ Европѣ миръ и тишину, и желательно, чтобы онъ успѣлъ въ томъ. Но преданіе грековъ на истребленіе сохранитъ-ли наше достоинство? Черное пятно сіе не изгладится изъ исторіи нашей и нынѣшняго царствованія. Кто не видитъ, что мы теряемъ существенныя наши выгоды? Какую боязнь внушаетъ Англія, народъ совсѣмъ не страшный. Вся бѣда, что рѣдокъ у насъ будетъ сахаръ и кофе и щеголихъ юбки не будутъ англійскія. Дѣла Италіи и Испаніи намъ очень нужны и конгрессу до нихъ дѣло! Испанцы и знать не хотятъ о конгрессѣ, а колпака короля не выпустятъ. Не вздумаютъ-ли героя Веллингтона на нихъ направить, но Англія имѣла въ Испаніи соперникомъ Наполеона ей опаснаго, а смирять испанцевъ для того, чтобы возвратить королю утѣснительную прежнюю власть и отдаться въ руки глупаго человѣка, она не найдетъ своихъ выгодъ и народъ свободный похищать у другаго не станетъ. Англійскому купеческому народу надобны торговыя выгоды и Испанія ихъ не представляетъ!

Греки не выходятъ мнѣ изъ головы, и признаюсь, что, еслибы случилось дорваться до турокъ, я бы припомнилъ ихъ поступки порядочно. Вотъ была бы война чудесная, особенно въ здѣшней сторонѣ; развѣ бы употребили турки силы чрезвычайныя, иначе ихъ валять можно въ гробъ, ибо даже самые персіяне умѣютъ не весьма уважать ихъ!

О Денисѣ (Давыдовѣ) не ожидаю никакого благосклоннаго отзыва, хотя я въ послѣднихъ числахъ августа еще писалъ къ Петрахану (князю П. М. Волконскому). Теперь по новому образованію управленія Кавказской области мнѣ еще болѣе нуженъ начальникъ дѣятельный, и генералъ-маіоръ Сталь 2-й совершенно не годится. Не понимаю, почему на счетъ Дениса столь несправедливое предубѣжденіе? Неужели вѣчно продолжается молодость человѣка безъ перемѣны? Сталю можно бы дать кавалерійскую или даже пѣхотную дивизію и онъ будетъ очень годенъ.

Старикъ Петръ Ивановичъ губитъ меня, требуя, чтобы повѣсу сына его, который у Левенштерна, взялъ я къ себѣ въ адъютанты. Самъ

признается, что онъ лѣнивъ, всегда былъ тупъ въ наукахъ и что онъ ожидаетъ только, что онъ будетъ офицеръ храбрый. Ты знаешь, что я всегда хвасталъ адъютантами и что точно много было у меня молодцовъ, но сей мнѣ чести не сдѣлаетъ. Не понимаю, какъ отъ него отдѣлаться? Не поможешь-ли ты мнѣ въ семъ случаѣ? Старику можно представить, что его уважая, не буду я къ сыну взыскательнымъ, что не употреблю надъ нимъ довольной строгости и онъ еще болѣе своевольствовать станетъ. Старикъ обѣщалъ мнѣ другаго изъ сыновей, котораго я беру чрезвычайно охотно и прошу только прямо опредѣлить ко мнѣ. Если почтешь за нужное, то признайся, что я откровенно къ тебѣ пишу на сей счетъ. Старикъ благоразумнѣйшій человѣкъ, конечно, на меня не разсердится, а я боюсь взять сына къ себѣ, чтобы не вышло какой-нибудь непріятной исторіи. Ты знаешь причины, что мнѣ менѣе нежели кому другому можно имѣть у себя адъютантомъ шалостливаго молодаго человѣка. Не я буду виноватъ, но многіе захотятъ вину отнести на мой счетъ.

Странно, что Константинъ Павловичъ ничего не говорилъ тебѣ обо мнѣ. Видно уже и къ тебѣ не та довѣренность! Я слышалъ отъ драгунскаго Розена, который былъ на водахъ, что ко мнѣ уже не благоволитъ. Вотъ совершенно не знаю причины!

Тебѣ уже вѣрно извѣстно, что я получилъ рескриптъ на перенесеніе, по предложенію моему, Кавказской линіи. Я надѣюсь, что скоро увидятъ сей перемѣны выгоды. Кабардинцамъ не нравится, что за ними учреждается ближайшій присмотръ. Многіе уже бѣжали за Кубань и многіе бѣжать собираются. Имъ бы хотѣлось, чтобы мы по прежнему снисходительны были къ ихъ измѣнамъ и разбоямъ. Видно давно надобно было такимъ образомъ за нихъ приняться. Представить себѣ не можешь, какая прекраснѣйшая земля и какой здоровый климатъ! Военные люди и поселяне Кавказской линіи будутъ мнѣ благодарны!

Мадатовъ мой часъ отъ часу лучше, ловчѣе и искуснѣе въ русскомъ языкѣ. Теперь онъ по особеннымъ порученіямъ отправленъ въ ханствы, гдѣ пребываніе его нужно и потому едва-ли нынѣшнею зимою можно отпустить его въ отпускъ; но мнѣ кажется, что ему, какъ состоящему по арміи и неимѣющему команды, можно дать увольненіе и лѣтомъ, что я и намѣренъ сдѣлать, только увѣдомь, позволительно-ли сіе по установленному порядку. Впрочемъ, если только не очень бранить будутъ, то по усердію Мадатова я на сіе пущусь. Онъ очень хорошо служитъ и въ сію минуту бьется объ умноженіи въ одной провинціи казеннаго дохода.

Какъ до сихъ поръ Желтухинъ не генералъ-адъютантъ? Я думаю онъ кричитъ противъ неблагодарности и что не видятъ заслугъ его. Я помню, что онъ готовился на твое мѣсто. Однакоже появился Криднеръ и, конечно, Желтухинъ имѣетъ въ немъ опаснаго соперника. Каково-то идетъ его набожность и ѣздитъ-ли онъ поститься въ Финляндію? Что, еслибы Криднеръ пошелъ по сей дорогѣ и по душеспасительнымъ назиданіямъ знаменитой госпожи сего имени, онъ бы еще былъ опаснѣе. Не догадался!.. *) Говоритъ-ли Желтухинъ о суетности міра и что онъ ничего на землѣ не желаетъ?

Пишешь, что въ Австріи не любятъ Каподистрія. Вѣроятно, но за то, безъ сомнѣнія, любятъ Нессельроде. Теперь Меттерниху праздникъ! Мнѣ кажется, что немного опасенъ ему и великій Татищевъ. Думать надобно, что не богаты вы людьми, когда сей господинъ вышелъ въ великіе герои! Посмотримъ, каково пойдутъ дѣла наши на конгрессѣ? Весьма часто повторяютъ цари сіи дипломатическія прогулки, которыя, конечно, не дешево стоютъ. . . . . .

Старшаго Вельяминова, какъ говоришь ты, помышляли опредѣлить на мѣсто Петра Ивановича. Я по истинѣ скажу, что онъ для сей должности человѣкъ единственный, ибо честности примѣрной, дѣятельности и точности удивительной. Онъ жестокій гонитель воровства и смотрѣлъ бы за тѣмъ самымъ бдительнымъ образомъ. Я увѣренъ, что вскорѣ замѣтили бы порядокъ въ дѣлахъ его и бережливость. Если когда коснется до него разговоръ, скажи мое мнѣніе, а для пользы службы и то думаю, что въ званіи военнаго министра не мѣшало бы допустить его вліяніе и на генералъ-индендантовъ обѣихъ армій, ибо онъ не просмотритъ и тамъ за выгодами казны. Впрочемъ, не всегда быть ему здѣсь и современемъ надобно помышлять дать ему корпусъ. Нельзя, думаю, отказать ему, когда командовалъ Гельфрейхъ, командуютъ князь Шаховской, Ротъ и даже Волковъ. Но я бы предпочелъ мѣсто министра! Кого-то назначите вы на мѣсто Коновницына? А когда-нибудь нужно приняться, чтобы въ корпусахъ не одному обучались ружью и фронту. Отъ сего десятый не выходитъ офицеромъ полезнымъ. Неужели не примѣчается сей недостатокъ? Перемѣна, которую дѣлаю я въ Кавказской линіи, Государемъ утверждена и уже въ половину приведена въ исполненіе. Скоро примѣтите вы, какъ умѣренна будетъ потеря въ войскахъ въ новыхъ сихъ мѣстахъ расположенныхъ и какъ удобна будетъ земли оборона. Я уже успѣлъ построить нѣсколько укрѣп-

*) Точки въ подлинникѣ.

леній и временныя на зиму жилища. Какъ доволенъ я войсками, и ты, другъ любезнѣйшій, не повѣришь, какіе труды они переносили въ самое ненастное время и жестокіе жары. Менѣе двухъ мѣсяцевъ были они въ движеніи и сдѣлали 1,400 верстъ всегда съ веселою рожею и съ пѣснями. Мнѣ можно сказать тебѣ, какъ другу, и ты не почтешь наглымъ хвастовствомъ, что войска ко мнѣ привязаны и негодуютъ на то только, что я переношу труды наравнѣ съ ними. Не разъ говорили: «зачѣмъ ходишь самъ, прикажи намъ, мы все сдѣлаемъ!»

Благодарю, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, за великодушное намѣреніе имѣть попеченіе о моемъ Павловѣ. Не знаю, какого добивается онъ мѣста, но я также примѣтилъ, что онъ умѣреннымъ пользоваться не умѣетъ. Какъ мучитъ меня сихъ несчастныхъ положеніе, но не изыскиваю средствъ наклонить отца къ прощенію и никто не въ состояніи уговорить его. Такъ, кажется, продолжится до смерти. Желалъ бы я лучше, чтобы Павловъ получилъ мѣсто въ губерніи и не жилъ бы въ столицѣ. Ты лучше успѣешь его вразумить, а по званію его можно дать мѣсто порядочное. Если же безразсудно захочетъ онъ быть вице-губернаторомъ, то сіе непристойно и тебѣ не приличествуетъ помогать ему.

Ты утѣшаешь меня извѣстіемъ, что твой старикъ поступаетъ съ тобою хорошо и благородно. Весьма полезно, что вы съ собою его провозили и тамъ не доставало ему времени на любовныя дѣла. Я въ удовольствіе тебѣ буду ему охотно писать, пусть что-нибудь напишетъ. Заведу и съ милою хозяйкою великую корреспонденцію и по возвращеніи твоемъ ты уже нашелъ письмо мое къ ней. Я признаюсь тебѣ, что пишу рѣдко не отъ лѣни, но мнѣ французскій языкъ не такъ знакомъ и потому не безъ труда обходится. Хорошо, еслибы пустились мы на русскомъ.

Ты удивишься, почтенный Арсеній Андреевичъ, что едва успѣлъ ты появиться, какъ уже нападаю я на тебя съ просьбою. Это о двоюродномъ братѣ моемъ прапорщикѣ Ермоловѣ. Я на особенной бумагѣ прилагаю у сего, чтобы ты могъ показать князю Волконскому. Увидишь обстоятельства просьбы и, конечно, по возможности, не откажешь помочь ему.

Прощай. Желаю, чтобы здоровье твое не разстроило то множество дѣлъ, которыми обремененъ ты безпрерывно и вспомни, что не разъ я говаривалъ сколько нужно иначе расположить твои занятія.

Съ сею почтою получилъ отъ тебя бумагу о твоемъ возвращеніи. Отъ брата Михайла (графа Воронцова), что съ тобою видѣлся и будто

много обо мнѣ говорили. Раевскій увѣдомляетъ, что ты проѣхалъ. Братъ Коховскій пишетъ, что просилъ тебя объ опредѣленіи дежурнымъ штабъ-офицеромъ (въ корпусъ Раевскаго) сына его, служащаго адъютантомъ у графа Сакена главнокомандующаго. Если это возможно, то я прошу тебя покорнѣйше, но съ тѣмъ, чтобы не перевели его изъ гвардіи, ибо тогда потерялъ бы онъ выгодную карьеру. Впрочемъ, примѣры сіи не рѣдки и такимъ образомъ былъ у меня полковникъ Наумовъ, принадлежавшій гвардіи.

Замѣть, какъ я радъ возобновленной перемѣнѣ. Какъ бисеромъ нанизываю каждую страницу и все еще конца нѣтъ!

210.

« » ноября 1822 г.

Ноября 14-го получилъ эстафету твою.

Жалѣю, почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, что ты оставилъ хозяйку, ибо не сдѣлалъ бы того, если бы не было разстроено ея здоровье и достаточно помогли ей воды. Я думаю, однако же, что болѣе самихъ водъ принесетъ ей пользу то, что проведетъ она зиму въ кроткомъ климатѣ. Гдѣ она въ Италіи жить намѣревается, или будетъ переѣзжать изъ мѣста въ мѣсто?

Прелюбопытное сообщилъ ты мнѣ о братѣ Михайлѣ (графѣ Воронцовѣ) свѣдѣніе. Я увѣренъ былъ, что онъ обворожитъ волшебницу свою тещу, но не думалъ, чтобы до такой степени, а если уже, говоря о немъ, пускаетъ она слезы и онъ также отъ умиленія плачетъ, къ тому же, какъ ты замѣтилъ, началъ онъ любить деньгу, то великій наслѣдникъ графъ Браницкій долженъ быть осторожнымъ! Мнѣ казалось и прежде, что бережливъ онъ былъ въ деньгахъ, а теперь тѣмъ оправдывать будетъ привязанность къ деньгамъ, что сохраняетъ ихъ въ пользу дѣтей. Однако же, какъ вижу изъ письма твоего, онъ уже не столько, какъ прежде, къ тебѣ откровененъ, ибо не сказалъ, какъ былъ принятъ въ Петербургѣ и что желалъ мѣсто Ланжерона. Также и ко мнѣ пишетъ, что не хотѣлъ корпуса и надѣется надолго отъ него избавиться. Онъ, кажется, обоихъ насъ надуваетъ. Къ чему это ему надобно, или дѣлаетъ то по привычкѣ. Тебя же ему и обмануть не легко, ибо ты живешь въ Петербургѣ у самаго источника и подобныя обстоятельства не могутъ укрыться отъ твоего свѣдѣнія. Хорошо мнѣ разсказывать, живущему въ глуши.

Ты забавно описываешь, какъ Сакенъ дѣйствуетъ съ Милорадовичемъ, но больно видѣть, что Государь не можетъ свести двухъ человѣкъ вмѣстѣ, чтобы они не перессорились. Неужели въ личной враждѣ нельзя не вмѣшивать службу? Кажется, что это двѣ вещи совершенно разныя. Какія странныя свойства людей и сіи выставлены будучи на первѣйшія степени государства, находясь на виду, даютъ собою другимъ примѣръ весьма развратный.

Какъ часто у насъ люди не на своихъ мѣстахъ, и, ей Богу, нельзя требовать отъ насъ такого ослѣпленія, чтобы мы даже того и не видали. Почувствуешь или увидишь, тотчасъ же запишешься въ карбонари! Счастливы люди свободные, никакими должностями не обязанные. Вотъ чего я добиваюсь всѣмъ сердцемъ.

Происшествіе въ академіи (художествъ) прелюбопытно. Такимъ образомъ, въ члены оной попасть не весьма пріятно. Однако же, Лабзинъ весьма дерзокъ и подобное поведеніе, по справедливости, заслуживаетъ наказанія. Хорошо платитъ г. Лабзинъ за особенныя милости Государю. Вотъ примѣръ, который научить долженъ съ большею осмотрительностію избирать людей. Поступокъ сей ближе всего къ карбонарству и замѣтить надлежитъ, что происходитъ отъ людей, которыхъ таковыми не почитали. Многихъ еще дождемся подобныхъ происшествій, ибо то же повторю, что многіе не у мѣста и что многіе избалованы неприличествующимъ уваженіемъ и наградами, которыхъ никакими заслугами недостойны. Посмотримъ, какой конецъ будетъ имѣть сія исторія?

За инструменты отъ Бетанкура доставленные благодарю что заплатилъ деньги, которыя при семъ же посылаю. О трубѣ, которую для меня дѣлали, писалъ я Красотѣ и держу съ нимъ баталію, ибо въ такомъ прислана ящикѣ, что она разбилась совершенно и негодна на употребленіе. Ему посылаю долгъ мой и назначенные тобою сто рублей Шелгунову. Отдай ему письмо мое.

Боюсь, чтобы то же не послѣдовало и съ математическими инструментами, которые ты намѣренъ отправить. Прикажи ихъ уложить хорошо и чтобы ящики были крѣпки. Въ Петербургъ пріѣдетъ Похвисневъ, служившій у Константина Булгакова въ московскомъ почтамтѣ. Если можешь оказать ему милость, меня одолжишь чувствительно. Онъ человѣкъ весьма хорошій и ты самъ опредѣлилъ сына его въ инженерную школу.

Мадатовъ, не думаю, чтобы нынѣшнюю зиму успѣлъ быть въ Петербургѣ, ибо онъ мнѣ весьма нуженъ здѣсь по обстоятельствамъ.

Мерзости, которыя, какъ тебѣ извѣстно, мнѣ писали, я оставилъ, чтобы не уничтожить человѣка въ его чинѣ. Онъ самъ только тѣмъ виноватъ, что не остановилъ ихъ, когда дѣлалъ его ближайшій родственникъ. А если бы ты зналъ, что за родня его? Есть ужаснѣйшія канальи и подлецы. Впрочемъ, его, какъ состоящаго по арміи, могу я отпустить и лѣтомъ. Прощай.

211.

15 декабря 1822 г. Тифлисъ.

Пишу потому, что отправляю фельдъегеря, но такъ писалъ много съ послѣднимъ, что теперь почти сказать нечего.

Кажется забылъ объясниться по поводу приглашенія твоего сообщить замѣчанія мои на такъ называемую *желтую книгу*, которой недостатки намѣреваетесь вы исправлять всѣмъ соборомъ начальниковъ главныхъ и прочихъ штабовъ. Скажу тебѣ откровенно, что я такъ давно не заглядывалъ въ оную, что почти совсѣмъ незнакомъ съ нею, слѣдовательно надлежало бы нѣсколько разъ перечитывать, чтобы въ состояніи быть сдѣлать на нея примѣчанія, а у меня нѣтъ лишняго времени, или же, конечно, лучше можно употребить его, нежели на *желтую книгу*. Впрочемъ, при исправленіи ея нужно имѣть въ соображеніи военныя постановленія прочихъ государствъ, которыя могутъ заключать въ себѣ полезные примѣры, а здѣсь ничего таковаго имѣть я не могу, слѣдовательно и взялся бы я за работу, которую не могу сдѣлать порядочно. И такъ *да мимо меня идетъ чаша сія!* Я, напротивъ, прошу тебя, любезнѣйшій другъ, если бы у кого изъ генераловъ и спросили по сему предмету мнѣніе, отъ меня его не требовать. Пустаго я дать не пожелаю, а порядочное займетъ много времени и я не возьмусь за него. Отказъ же со стороны моей можетъ мнѣ навлечь непріятности. Такимъ образомъ, о семъ ни слова болѣе!

Скажу о себѣ:

Разъѣзжаю по разнымъ мѣстамъ Грузіи, которая по безпрерывнымъ занятіямъ моимъ, доселѣ была совершенно мнѣ незнакома. Вскорѣ ѣду осматривать ханства, которыя поступили въ управленіе наше по разнымъ случаямъ, какъ-то: послѣ смерти или бѣгства хановъ. Недавно ханъ Карабагскій, одной изъ прекраснѣйшихъ провинцій, бѣжалъ въ Персію, оставя намъ пріятную заботу управлять его владѣніемъ и собирать въ казну доходъ. Я безъ негодованія принялъ его поступокъ

и даже не завидую, что онъ жить будетъ въ Персіи, сколько, впрочемъ, не лестно быть шуриномъ его величества шаха, за коимъ въ замужествѣ сестра его. Признаюсь, давно хотѣлось мнѣ, чтобы сей царекъ отправился, ибо живетъ на границѣ и перешептываетъ съ персіянами. Мадатовъ въ семъ случаѣ не мало помогалъ мнѣ; теперь заправляетъ въ Карабагѣ въ ожиданіи моего пріѣзда. Онъ важно заслуживаетъ милость, которую сдѣлалъ ему Государь позволеніемъ принять отъ хана имѣніе. Не худо было бы довести до свѣдѣнія въ разговорахъ, что я службою его здѣсь очень доволенъ. Не можетъ ничто быть выгоднѣе для Правительства нашего здѣсь, какъ удаленіе сихъ хановъ. Въ нихъ никогда не было къ намъ приверженности и предоставленныя имъ права не допускали власть начальства дѣйствовать рѣшительно. Теперь, почтенный другъ, кажется уже и бѣжать некому, ибо всѣ земли, которыя должны быть нами управляемы, всѣ у насъ въ рукахъ. Здѣсь въ короткое время произошли чрезвычайныя перемѣны и вамъ на мѣсто мое надобно избирать, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ я, счастливаго начальника. Не прими за хвастовство слова мои, а меня въ семъ случаѣ оправдаютъ всѣ, которые только захотятъ сказать истину.

Недавно истребился также одинъ изъ сильныхъ владѣтелей, изгнанный мною въ 1820 году и не перестававшій дѣлать намъ нѣкоторыя пакости. Его искусно поссорили съ однимъ изъ приверженныхъ намъ людей и сей по враждѣ убилъ его. Такъ исчезаютъ непріятели наши! Не скучай, другъ любезный, что о всякой подробности пишу къ тебѣ, ибо иначе чтобы сказать могъ тебѣ при жизни моей здѣсь столько однообразной.

Теперь кончился уже конгрессъ, общее всѣхъ любопытство привлекающій и мы въ отдаленности живущіе не менѣе другихъ желаемъ знать о послѣдствіяхъ. Если что сдѣлается извѣстнымъ, сдѣлай дружбу, увѣдомь! Меня терзаетъ участь грековъ, и горько будетъ, если не смирятъ звѣрскихъ поступковъ турокъ. Они привыкнутъ позволять себѣ неуваженіе къ требованіямъ нашимъ и, наконецъ, не обойдется безъ непріятностей. Не великій я дипломатъ, но кажется мнѣ, что если бы въ прошедшемъ году корпусъ Сабанѣева появился на Дунаѣ, Молдавія и Валахія не были бы пустынями, бѣдные обитатели оныхъ не подверглись бы безчеловѣчнымъ истязаніямъ злодѣевъ, и если въ общей политической системѣ нельзя допустить совершенной свободы грековъ, то уже бы рѣшена была ихъ участь, они избѣгли бы продолжительныхъ бѣдствій. Посмотримъ, что сдѣлаютъ съ Испаніею, но случиться

*

может, что кортесы и народ не почтут себя въ обязанности исполнять волю конгресса. Лишь бы не насмѣялись!

Пришли мнѣ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, копію съ указа покойной Екатерины II, изданнаго по случаю отобранія въ казну церковныхъ имѣній. Хочу и я предложить сдѣлать здѣсь тоже и, конечно, не въ состояніи изыскать основательнѣйшихъ резоновъ, каковые въ указѣ тамъ описаны. Не прилично имъ (духовнымъ?) управлять имѣніями и я шлюсь на самыя отдаленныя времена, что не было болѣе алчной, какъ сія ..... Она все бы старалась присвоить, если бы тому не поставляли препятствій. Сколько здѣсь съ церковью тяжбъ, въ какія вдается она безсовѣстныя ябеды, сего представить невозможно. На меня озлоблена будетъ священная ....., но я пренебрегаю и самимъ оной проклятіемъ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ копіи сего указа.

Получилъ отъ Дениса (Давыдова) увѣдомленіе, что вновь еще по просьбѣ моей отказано его сюда назначеніе. Конечно, уже не стану говорить о немъ впередъ, но это не заставитъ меня не примѣчать, что съ нимъ поступаютъ весьма несправедливо. Впечатлѣніе, сдѣланное имъ въ его молодости, не должно простираться и на тотъ возрастъ его, который ощутительнымъ весьма образомъ дѣлаетъ его человѣкомъ полезнымъ. Такимъ образомъ можно лишать службы людей весьма годныхъ и это будетъ или капризъ, или предубѣжденіе. Признаюсь, что это мнѣ досадно, а князь Волконскій даже и не отвѣчаетъ на письмо. Словомъ, насмѣхаются нашимъ братомъ. Подобнаго успѣха ожидаю я и по прочимъ просьбамъ. Не я теряю, ибо человѣкъ моего состоянія не рискуетъ лишиться кредита, имъ никогда не пользовавшись, но служба не найдетъ своихъ разсчетовъ, удаляя достойныхъ.

Я посылаю Стабуша съ тѣмъ, чтобы онъ легче могъ достигнуть намѣренія своего—перейти въ статскую службу. Возьми его, почтенный другъ, въ свое покровительство и, какъ человѣку отличнаго поведенія и честности, не откажи сдѣлать помощь. Онъ будучи довольно давно капитаномъ, можетъ получить при отставкѣ чинъ ассессора и опредѣлиться на службу въ Грузію, куда за пріѣздъ дадутъ ему чинъ надворнаго совѣтника. Все сіе въ порядкѣ вещей обыкновенныхъ, но гораздо легче сдѣлаться можетъ, когда ты замолвишь за него слово. Ему приказано *пилить* тебя.

Ты прислалъ мнѣ отзывъ полеваго оберъ-священника Державина, на представленіе мое къ наградѣ одного протоіерея. Въ своихъ отвѣтахъ и я прошу сдѣлать извѣстнымъ оффиціальный отзывъ мой по сему предмету. Дѣло бы г. министра, князя Голицына, не терпѣть

неприличныхъ отвѣтовъ Державина, но онъ сего не разумѣетъ, ибо собственнаго достоинства не чувствуетъ.

Ты писалъ мнѣ о Лабзинѣ и съ нѣкотораго времени есть извѣстія, что уже ему приказано выѣхать изъ столицы. Весьма справедливо наказана дерзость и ему-ли позволительно быть неблагодарнымъ? Вотъ что значитъ расточать милости недостойнымъ! Какія заслуги могли его поставить на ряду съ людьми полезными?

Недавно писалъ я къ Красотѣ, чтобы прислалъ мнѣ новоизобрѣтенный инструментъ (трубу), которую доставили ко мнѣ совсѣмъ изломанною. Скажи ему, чтобы кромѣ укладки въ прочномъ ящикѣ, который бы выдержалъ дорогу, надобно, чтобы она лежала на мягкомъ и таковымъ же была обложена. Иначе опять придетъ въ обломкахъ. Изъ музыки моей, весьма немногочисленной, убыло нѣсколько человѣкъ; не можешь-ли, почтеннѣйшій другъ, какъ прежде, дать мнѣ обученныхъ нѣсколько кантонистовъ? Въ квартирмейстерскомъ депо издаются картины сраженій послѣдней войны. Ежели есть на то подписка, прикажи за меня подписаться и дай на то деньги. Если же просто продаются, прикажи купить вышедшія и доставь ко мнѣ.

Спроси изъ любопытства, не вышло-ли сколько-нибудь гравированныхъ портретовъ генераловъ, на которые и я, между прочими, сдѣлалъ г. Дову подписку.

Сію минуту пришла мнѣ преглупая мысль въ голову, читая въ газетахъ объ отсрочкѣ графа Головина лотереи, чтобы взять *два* билета. Прикажи взять ихъ на счастье и я съ благодарностью прилагаю у сего сто рублей. Въ такомъ количествѣ натурально можно надѣяться на выигрышъ, особливо когда въ подобныхъ случаяхъ и прежде я ни булавки не выигрывалъ. Мадатовъ взялъ нѣсколько билетовъ; я такъ вѣрю въ постоянное его счастье, что непремѣнно ожидаю, что онъ что-нибудь пріобрѣтетъ важное.

Князь Волконскій не отвѣчаетъ уже на мои письма, вѣрно потому, что чрезвычайно занятъ конгрессомъ. Какъ туда еще не потребованъ Уваровъ? Недавно появилось въ журналѣ «*Благонамѣренный*» великолѣпное описаніе сего послѣдняго рыцаря, гдѣ онъ расхваленъ какъ бы и о Суворовѣ сказать болѣе невозможно было. Не полѣнись, просмотри статью сію, она любопытна очень! Это, конечно, Смирновъ, который сочинилъ жизнь и военныя дѣла (или приличнѣе назвать похожденіе) графа Платова.

Если увидишься съ любезнымъ Константиномъ Булгаковымъ, напомни ему о часахъ моихъ, которые отправлены въ Парижъ къ Бре-

гету для постановленія всего хода на камни. Какое имѣетъ о нихъ извѣстіе? Я тебя мучу такими мелочами и бездѣлицами, что если ты хотя мало справедливъ, то долженъ скоро плюнуть мнѣ въ рожу.

Помню упреки твои, что я скупъ на фельдъегерей. Остерегись, чтобы тѣмъ же я тебя не упрекнулъ. Сюда иногда изъ жалости надобно присылать ихъ, ибо мы въ такой глуши, что ничего не знаемъ. Боже, какая жизнь скучная!!!

Я отпустилъ въ отпускъ моего Попова, который не зналъ, что старикъ отецъ его умеръ. Еслибы вздумалъ онъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, остаться въ Россіи, не допусти его къ тому, ибо онъ можетъ тѣмъ повредить себѣ на службѣ и я желалъ бы, чтобы онъ былъ здѣсь, потому что любимъ въ полку и имъ хорошо весьма командуетъ.

Замѣть, что большая часть изъ бывшихъ моихъ адъютантовъ исчезли:

Граббе, офицеръ достойнѣйшій—несчастливъ.

Фонъ-Визинъ, съ отличными способностями,—кажется не на хорошемъ замѣчаніи.

Поздѣевъ, исправнѣйшій полковникъ, умеръ.

Не говорю о другихъ, менѣе заслуживающихъ вниманіе. Остаются Поповъ, который будетъ полезнымъ слугою и дастъ себя замѣтить.

Самойловъ, который не знаю, когда перестанетъ быть повѣсою. Но впрочемъ въ походѣ нынѣшній годъ въ Кабардѣ сдѣлалъ я его дежурнымъ по отряду, и въ исправности, заботливости и порядкѣ ни одинъ изъ офицеровъ, болѣе его опытныхъ, съ нимъ не могъ сравниться. Онъ таковъ, что и тебѣ аккуратнѣйшему изъ людей, конечно, умѣлъ бы понравиться.

Увѣдомь меня, что будетъ съ Граббе и можно-ли мнѣ послать ему нѣкоторое пособіе? Я бы сдѣлалъ осторожно, ибо препроводилъ бы къ губернатору письмо мое незапечатанное, слѣдовательно никому не подверженное подозрѣнію. Отвѣчай мнѣ скорѣе по сему предмету, ибо мнѣ совѣстно, что до сего времени я не писалъ къ нему.

Прощай, будь здоровъ и умѣреннѣе въ твоихъ занятіяхъ. Одному человѣку всего не передѣлать. Вѣрный по смерть *Ермоловъ.*

Что успѣлъ ты сдѣлать по просьбѣ моей отклонить старика Петра Ивановича отъ намѣренія дать мнѣ въ адъютанты повѣсу его сына? Меня мучитъ мысль, что мнѣ не ловко отказать ему въ сей просьбѣ. Избавь меня!

212.

2-го марта 1823 г. Тифлисъ.

Получилъ письма твои отъ 31-го декабря и января отъ 8-го, а послѣднее съ эстафетою отъ 25-го числа. Первымъ изъ нихъ ты хотѣлъ кажется наградить меня за весь прошедшій годъ, ибо столько большаго письма никогда отъ тебя не получалъ. Хорошо, если бы могъ я по оному заключать, что ты имѣешь болѣе свободнаго времени, нежели прежде, но едва-ли сему долженъ я вѣрить и скорѣе думаю, что на однихъ словахъ у тебя новое распредѣленіе твоего времени, которымъ однажды ты мнѣ похвасталъ. Вижу, что мучатъ тебя занятія, ибо не даромъ желаешь ты опять ѣхать заграницу. Жаль мнѣ сего, но, другъ почтеннѣйшій, прежде нужно здоровье, а съ нимъ всегда надобенъ ты будешь службѣ. Не разъ о семъ мы съ тобою говаривали! Всему есть время, нельзя отъ человѣка требовать совершеннаго отъ всѣхъ удовольствій отреченія, ты не одинокій и потому болѣе у тебя обязанностей. И мнѣ, бобылю, скучаютъ мои упражненія!

Кажется чрезвычайная деликатность твоя заставляетъ тебя говорить, что по возвращеніи нашелъ ты дѣла свои въ порядкѣ. Быть не можетъ, чтобы не потребовали они трудовъ, пока далъ ты имъ прежнее теченіе. Кто замѣнить могъ твою ужасную дѣятельность? Хотѣлъ бы я на сей счетъ испытать самыхъ хвастливыхъ!

И такъ въ маѣ мѣсяцѣ ты ѣдешь въ Карлсбадъ и оттуда возвратишься съ любезною хозяйкою. Проведенная ею зима въ Италіи, безъ сомнѣнія, поправила ея здоровье и вѣрно не нужно будетъ продолжительное пребываніе въ Карлсбадѣ.

Вижу изъ письма твоего, что не малозначущихъ издержекъ стоитъ ихъ путешествіе. Хозяйкѣ нельзя упрекнуть большею бережливостію и ты чрезвычайно хорошо сдѣлалъ, поручивъ домашніе разсчеты графу Андрею; нельзя требовать, чтобы занялась она всѣми мелочами и точно не стало бы и большаго терпѣнія. Но никакъ не думалъ я, чтобы старикъ такой былъ мотъ, что не взираетъ на самую запутанность домашнихъ дѣлъ.

Какъ при начальномъ описаніи имѣнія твоего худо знали разстроенное его положеніе. 450,000 рублей долгу тяжело при томъ, какъ ты необходимо проживать долженъ много, и по занятіямъ твоимъ, не можешь удѣлить времени на приведеніе въ порядокъ хозяйства, требующаго по сложности своей большой бдительности. При таковомъ состояніи

дѣлъ старикъ слишкомъ прихотливо назначилъ себѣ часть доходовъ, можно бы менѣе! Я не полагалъ долговъ и половины и тогда часть его была бы умѣрена! Жаль, что я не имѣю и надежды съ нимъ увидѣться, а то далъ бы баталію. Ты шутишь, что онъ меня прибаивается, но хорошо бы, безъ шутокъ, чтобы онъ нѣсколько боялся и мы общими силами нѣсколько бы его смирили. Я точно ожидаю, что въ Италіи надѣлаетъ онъ долговъ; тамъ столько предметовъ и въ его наклонностяхъ. На всякій случай, однако же, по наставленію твоему пишу къ нему письмо. Со стариками надобно и дѣло говорить шуткою.

Грустно было изъ письма твоего видѣть болѣзненное состояніе почтеннаго старика Петра Ивановича, но недавно получилъ бумаги за его подписаніемъ, слѣдовательно миновалась опасность. Его положеніе не блистательное и по огромности семейства его, паче по свойству шалуновъ дѣтей, смерть его будетъ причиною большихъ домашнихъ безпорядковъ. Не на долго будетъ пособіемъ жалованье, которое получитъ онъ при отставкѣ, а болѣе мудрено.

По совѣту твоему о сынѣ Петра Ивановича пишу я къ Петрахану (князю П. М. Волконскому), а ты постарайся, чтобы отвѣчалъ онъ мнѣ, что адъютантомъ ко мнѣ опредѣлить его невозможно и старикъ менѣе огорчится. Сдѣлай милость устрой сіе получше.

Мадатовъ начинаетъ здѣсь скучать и помышляетъ о Россіи, что и неудивительно, ибо онъ почти уже семь лѣтъ здѣсь. Впрочемъ, онъ затѣваетъ разныя въ имѣніи своемъ заведенія, какъ-то: строенія, суконную фабрику, имѣетъ у себя умнаго человѣка иностранца, который за всѣмъ присматриваетъ, и мнѣ кажется, что нѣкоторое время невыгодно было бы ему оставить край сей. Побывать однакоже ему у васъ надобно и кажется онъ мною недоволенъ. Я тебѣ скажу по дружески и прошу не сообщать ему. Онъ до крайности самолюбивъ, ему кажется недостаточно награжденъ онъ за службу и во снѣ видитъ генералъ-лейтенантскій чинъ, почитая меня въ обязанности доставить ему оный и ни мало не разсуждая, что и при стараніи съ моей стороны успѣть въ томъ невозможно, особенно когда знаю я хорошо, что подобное производство многихъ и справедливо бы обидѣло. Тебя не мало удивитъ, что мы и въ правилахъ не совсѣмъ съ нимъ сходны. Прошу на сіе молчанія!

Смѣшную весьма вещь разсказываешь ты о приказахъ Уварова. Жаль, что запрещено печатать ихъ въ журналахъ и молодые люди лишены хорошихъ образцовъ. Я читалъ уже одинъ изъ приказовъ въ иностранныхъ газетахъ.

Почему Желтухинъ, предавшійся христіанской кротости, чуждый суетъ міра и прилѣпившійся къ Богу, не умѣетъ съ нимъ поладить? Онъ измѣняетъ тому, чѣмъ казаться желаетъ. Ничего не хочетъ, ничего не ищетъ кромѣ душевнаго спокойствія, а для будущей вѣчной жизни и ему въ семъ мірѣ, кажется, нужно званіе генералъ-адъютанта. Трудно нынѣ заставить смѣтливыхъ людей видѣть вещи не съ настоящей стороны.

Благодарю, почтеннѣйшій другъ, за стараніе о моемъ двоюродномъ братѣ. Его можетъ достигнуть старость въ прапорщичьемъ чинѣ и я право не такъ самолюбивъ, чтобы думалъ, что лучшая карьера принадлежать должна человѣку моей фамиліи, но жаль офицера способнаго. Переводъ его въ пѣхотную гвардію его подвинетъ впослѣдствіи, но я прошу оставить его при мнѣ или при кавказскомъ корпусѣ. Онъ здѣсь работать будетъ. Въ С.-Петербургѣ трудно или невозможно существовать ему по бѣдности. Не разорите! Благодарю за письмо къ брату Боховскому о его сынѣ. Ты побѣдилъ его твоею чудеснѣйшею вѣжливостію. Немногіе сіе сдѣлаютъ для человѣка, живущаго въ неизвѣстности. Онъ одинъ сынъ у него и отецъ разумѣетъ твое благосклонное попеченіе!

Братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) возобновилъ со мною переписку и иногда, по великодушію, прикидываетъ нѣсколько комплиментовъ. Онъ тебя уважаетъ, ибо во всякомъ письмѣ не упускаетъ сказать, какъ пріятно было ему, что ты къ нему заѣзжалъ въ Бѣлую церковь. А Браницкому зѣвать не должно.

Но сказать можно не шутя, что положеніе брата Михаила пресчастливое. Жена характера прелестнаго и умная, есть дѣти и состояніе огромное. Всякаго ли судьба симъ надѣляетъ? а у меня ничего изъ того не будетъ. За что онъ мнѣ завидуетъ?

Математическіе инструменты довезены въ совершенной исправности и словомъ ничто не повредилось. Увѣренъ, что Красота также и трубу уложить прикажетъ. Мнѣ уже жаль, что ты ему далъ баталію, онъ преакуратнѣйшій молодой человѣкъ и коммиссіонеръ чудесный. Въ отсутствіе твое я много обязанъ ему за извѣстія о тебѣ и люблю его много.

Нѣтъ намъ удачи съ Денисомъ (Давыдовымъ) и больно видѣть, что неосторожность и нѣкоторыя шалости въ молодости могутъ навсегда заграждать путь человѣку способному. Это несправедливо и почему теперь не хотятъ взглянуть на образъ его жизни. Онъ лучшею можетъ быть порукою! Нечего дѣлать и я прекращаю мои домогательства до лучшаго вре-

мени. Ты говоришь, что можно Сталю дать дивизію въ 1-й арміи. Это нужно, но кого дадите вы мнѣ начальникомъ на Кавказскую линію? Надобенъ и солдатъ хорошій и вмѣстѣ разумѣющій дѣла гражданскія. Много-ли у васъ таковыхъ, а еще добавьте къ тому, что жить надобно на линіи, которая есть нѣкоторый родъ ссылки. Кто не предпочтетъ мѣста въ Россіи и жизни пріятной?

Ты прислалъ мнѣ *два билета* на лотерею Головина. Безъ сомнѣнія, при таковомъ количествѣ билетовъ можно надѣяться на выигрышъ. Но какъ бы я гордъ былъ, если бы что нибудь мнѣ досталось, ибо я булавки въ жизни мою не пріобрѣталъ.

Изъ списка выгравированныхъ портретовъ генераловъ вижу, что Довъ пустился на предпріятіе, отъ котораго можетъ быть въ накладѣ. Я ожидаю когда умножится число оныхъ и сдѣлаю изъ нихъ выборъ. Я уже подписался на нѣсколько оныхъ. О моемъ портретѣ тебѣ сказала *Е. А.*, что сердитъ написанъ. Это немного справедливо и мнѣ кажется, что самъ Довъ по свойству лица моего пріискивалъ приличное ему выраженіе. Его я точно плѣнилъ, ибо иначе нельзя хотѣть дѣлать и бюстъ мой и портреты въ разныхъ видахъ. Но при семъ могу сказать тебѣ откровенно, что весьма бы не худо сдѣлалъ ты, если бы прислалъ мнѣ свой гравированный портретъ, ибо прежнимъ твоимъ я недоволенъ и находилъ чрезвычайное сходство въ портретѣ, который писалъ Довъ. Сего-то мнѣ и хочется. Жду съ первымъ курьеромъ!

Саблукова къ удивленію постоянна въ своихъ чувствахъ, но она, какъ тебѣ извѣстно, весьма нужная намъ особа, ты долженъ иногда дѣлать ей нѣжности, только не отъ моего имени...

Жаль мнѣ моего Граббе и хотя совсѣмъ не вѣрю сдѣланному о немъ замѣчанію, но, впрочемъ, таково его положеніе, что я не смѣю вызваться съ моимъ пособіемъ. Весьма грустно, что участь такая постигла отличнаго молодаго человѣка. Вижу, наконецъ, изъ приказовъ и отставку фонъ-Визина. Теперь мнѣ некого терять, ибо у меня только два адъютанта еще весьма незамѣтные. Хочу изъ армейскихъ выбрать молодца офицера, незнатнаго и бѣднаго и не нахожу. Надобно думать, что таковыхъ не весьма у насъ много. Самойловъ мой дѣлаетъ небольшія повѣсничества, но чрезвычайно перемѣнился и, кажется, писалъ я тебѣ, что въ походѣ былъ онъ у меня за дежурнаго, каковыхъ у меня и не бывало прежде заботливостію и дѣятельностію. Онъ перебѣсившись славнѣйшимъ будетъ офицеромъ и полкъ у него будетъ отличный.

Точно, какъ говоришь, выходятъ мои представленія и рѣдко бы-

ваютъ отказы. Но, другъ любезнѣйшій, отдай справедливость безкорыстію моихъ просьбъ. Я ходатайствую за людей или усердно и вѣрно служащихъ, или по способностямъ обѣщающихъ быть полезными. Хвалю-ли я кого по собственнымъ разсчетамъ и видамъ? Люблю людей Государю и землѣ нашей надобныхъ. По сему не я теряю въ дѣлаемыхъ мнѣ отказахъ. Ты меня знаешь и то, что самому мнѣ ничего не надобно. Завтра не понравится мнѣ что нибудь и завтра я не служу, ибо ничего не домогаюсь. Имѣю самолюбіе исполнять обязанности мои столько хорошо, сколько разумѣю и дѣйствую всѣми отъ меня зависящими средствами. Плата за сіе принадлежитъ помогающимъ мнѣ сотрудникамъ. За нихъ мои старанія и Богъ споспѣшествуетъ моимъ усиліямъ. Вижу, однакоже, что съ медленностію идутъ занятія, ибо представленія мои выходятъ не по обыкновенію, но клочками. Петраханъ (князь П. М. Волконскій) не щеголяетъ дѣятельностію и способности его старѣютъ. Доклады твои по аудиторіату наиболѣе то свидѣтельствуютъ. Или овладѣла имъ еще бóльшая прежняго робость. Теперь еще ты во многомъ способствуешь, но поѣдешь заграницу и тогда хотя и не пиши. Въ концѣ письма прибѣгну съ просьбами и только на твое содѣйствіе возлагаю надежду. Не знаю почему кажется мнѣ, что онъ ничего для брата моего не сдѣлаетъ. По его же милости переведенъ онъ былъ въ гвардейскій генеральный штабъ, но только годомъ позднѣе, потому что забылъ о письмѣ моемъ и отъ того произошло, что онъ не попалъ въ производство, а до сего времени состоитъ въ высокомъ званіи прапорщика уже пять лѣтъ.

Получилъ виды баталій, за которые благодарю, но оные по роду рисованія мнѣ не нравятся и потому болѣе прошу ко мнѣ не присылать. Труба доставлена и въ совершеннѣйшей цѣлости, какъ будто съ мѣста тронута не была. Теперь остается Красотѣ прислать нѣсколько хорошихъ для оной нотъ.

Стабушъ выгодою своею по службѣ обязанъ будетъ единственно твоей милости.

Хорошо сдѣлалъ, что отсрочилъ князю Горчакову; точно, по случаю женитьбы ему сіе необходимо. Я съ своей стороны доволенъ тѣмъ, что молодой человѣкъ, имѣя средства жить съ удовольствіемъ, пренебрегаетъ сими выгодами и соглашается ѣхать въ край несноснѣйшій, на службу трудную, собственно уважая довѣренность, которую я къ нему имѣю. Мнѣ нельзя не быть обязаннымъ подобнымъ сотрудникамъ, а Горчаковъ еще столько мнѣ нуженъ, что мнѣ и замѣстить его некѣмъ. Не менѣе готовъ я на отсрочку моему Попову, ибо онъ славно заправ-

ляетъ полкомъ и малый предостойный! Сюда таковыхъ заманить не легко и сіе можетъ только принадлежать моему счастью!

Противъ выбора людей въ гвардію, я уже и не возражаю; вижу, что безъ нихъ русская армія слаба будетъ. Пресмѣшное дѣло, что въ подобныхъ распоряженіяхъ не смотрятъ на издержки и на недостатокъ людей въ здѣшнемъ корпусѣ. И того и другого должно быть достаточно для отмѣны сей нелѣпости.

Какъ наконецъ согласились вы усмотрѣть, что графъ Штейнгель ни на что не надобенъ. А что давно полезно было бы удалить его, мы всѣ знали! Толь не откажется на его мѣсто и онъ таковъ, что не проронитъ своихъ выгодъ. Въ семъ смыслѣ онъ жесточайшій нѣмецъ.

Не знаю радъ-ли Кутузовъ своему мѣсту, но если все управленіе корпусами зависитъ отъ Варшавы, то едва-ли лучше прежняго они будутъ. А не богаты мы славными офицерами и откуда вы доставать ихъ будете, непонятно!

Надобно сказать тебѣ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, что я выбралъ наконецъ время объѣздить и осмотрѣть провинціи наши бывшія ханствами. Не знаю скоро-ли можетъ въ провинціяхъ сихъ водвориться порядокъ, но онѣ дадутъ большія выгоды; народъ татарскій удобенъ уразумѣть обязанности вѣрныхъ подданныхъ, если любить будетъ правительство, и гораздо прежде можно на него будетъ положиться, нежели на единовѣрцевъ нашихъ въ сихъ странахъ обитающихъ. Вотъ люди примѣрно неблагодарные и кажется ......, ничего нѣтъ хуже подъ солнцемъ во многихъ отношеніяхъ. Какія богатыя и прелестныя мусульманскія наши области; какой народъ воинственный! Жаль что не ранѣе достались онѣ въ руки правительства. Если-бы имѣлъ я для управленія ими людей способныхъ и нѣсколько таковыхъ, кои бы разумѣли нѣкоторыя искусства въ хозяйствѣ необходимыя, можно бы извлечь величайшую пользу, но въ семъ отношеніи повѣрить нельзя до какой степени мало у меня средствъ.

Я жителями повсюду былъ принятъ хорошо, но замѣтилъ, что не мѣшаетъ имѣть имя вселяющее нѣкоторый страхъ. Моя малѣйшая ласка идетъ за награду. Въ Карабагѣ жители города и старшины управляющіе въ провинціи подносили мнѣ саблю съ великолѣпною надписью. Это можетъ служить доказательствомъ, что провинція не огорчена бѣгствомъ хана и ожидаетъ счастья своего отъ россійскаго правительства, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ко мнѣ имѣетъ довѣренность. Подобное чувство въ жителяхъ земли пограничной, гдѣ персіяне всегда стараются имѣть партію, весьма для насъ пріятно. Въ разговорѣ упомяни о семъ *въ при-*

личномъ мѣстѣ, ибо пріятно, чтобы знали мое здѣсь поведеніе и не подумали, что я собираю подарки. Сабля стоитъ *пятьдесятъ червонцевъ*. Ты совѣтывалъ мнѣ быть осторожнымъ въ моемъ путешествіи. Я точно поступаю согласно съ характеромъ народовъ и для того по обѣимъ сторонамъ Кавказа поведеніе мое различно. На Кавказской линіи мало кому я вѣрю, здѣсь есть многіе, въ которыхъ сомнѣнія не имѣю. Теперь у меня и караулъ и конвой были татарскіе, и затѣмъ они, конечно, болѣе боялись. Я знаю, что не могу здѣсь быть любимымъ и для самыхъ сосѣдей, я не весьма любезный человѣкъ. Но вѣрь, все будетъ благополучно.

Ты, почтенный Арсеній Андреевичъ, изъ постоянной дружбы твоей ко мнѣ, хвалишь многія изъ моихъ предпріятій, занимаешься тѣмъ, что я сдѣлалъ, съ удовольствіемъ смотришь на труды мои и нѣкоторые успѣхи, но сколько ни лестны мнѣ твои одобренія, я вижу, что иногда ты на счетъ мой не безпристрастенъ и ты свыше справедливости иногда меня одобряешь. Ты хочешь, чтобы я здѣсь былъ и что будто это нужно для нѣкоторыхъ моихъ предположеній. Не согласуешься, чтобы мыслилъ я объ отдохновеніи. Я уважаю твое мнѣніе и грустно мнѣ, что оно одинаково съ моимъ. Безъ самолюбія признаюсь, что здѣсь надобенъ послѣ меня начальникъ дѣятельный и могущій внушить къ себѣ почтеніе, что уже сдѣланы многія начала и во многихъ случаяхъ нужно только слѣдовать проложенному пути, не увлекаясь желаніемъ измѣненій. По сей единственной причинѣ донынѣ одинъ разрушалъ труды другого и почти не оставалось признаковъ ни малѣйшаго улучшенія. Скоро будетъ семь лѣтъ моего здѣсь пребыванія и оные будучи проведены съ трудолюбіемъ много должны облегчить моихъ наслѣдниковъ. А мнѣ, другъ почтеннѣйшій, по справедливости, скоро можно будетъ удалиться на нѣкоторый покой!

Разными средствами выживаю я отсюда людей безполезныхъ и между таковыми генералъ-маіора барона Вреде. Онъ по нѣмецкой своей породѣ слишкомъ любитъ выгоды и празденъ до такой степени, что кромѣ собственныхъ дѣлъ ничѣмъ не занимается. Постарайся о скорѣйшемъ разрѣшеніи просьбы его объ отпускѣ за болѣзнію съ отчисленіемъ по арміи.

Я представляю къ производству за отличіе полковника Ермолова. Досадно, если подумаютъ, что я забуду о немъ какъ о родственникѣ. Ему шесть лѣтъ въ чинѣ, а изъ полковниковъ, по обыкновенному порядку, производятъ въ семь лѣтъ. Онъ офицеръ способный, имѣетъ въ здѣшнемъ краю выгоду опытности. Вы мнѣ, конечно, лучшаго не дадите!

На мѣсто его представляю Петрахану (князю П. М. Волконскому) въ командиры полка артиллеріи полковника Копылова, и въ то же время рапортомъ просилъ Его Высочества фельдцейхмейстера, чтобы опредѣленію его не препятствовалъ. Если случится, скажи ему о семъ между словъ.

Если же онъ откажетъ, то получишь мою бумагу, чтобы командиромъ назначить подполковника графа Симонича, а того полка полковника князя Чавчавадзе прошу опредѣлить при мнѣ для особыхъ порученій, ибо ему рано еще дать полкъ.

Повторяю просьбу объ отчисленіи по арміи командира 41-го егерскаго полка подполковника Авенаріуса. Несправедливо отказать то, что сдѣлано для другого, напримѣръ командира 7-го карабинернаго полка Ладинскаго.

Тебѣ скажу откровенно, что я его здѣсь имѣть не желаю, по особенному къ нему расположенію генералъ-лейтенанта Вельяминова 1-го и предпочтенію, которое другихъ оскорбляетъ. Онъ же не умѣлъ вести себя съ офицерами. На мѣсто его въ командиры представилъ подполковника Понеровскаго, тобою опредѣленнаго въ корпусъ. Онъ также не орелъ, но давно весьма служитъ и его испытать должно!

Пишу опять Нижегородскаго драгунскаго полка о Якубовичѣ, офицерѣ совершенно отличномъ. Государя воля не переводить его въ гвардію, но за службу хотя другую награду отказывать непристойно!

Употреби по всѣмъ симъ просьбамъ моимъ свое благосклонное ходатайствованіе и прикажи, у Петрахана отыскавъ многія другія мои представленія, дать имъ ходъ, ибо давно нѣтъ на нѣкоторыя отвѣта.

Старикъ Петръ Ивановичъ предлагаетъ мнѣ купить для Тифлиса его библіотеку. Онъ заключаетъ въ себѣ отличный выборъ книгъ и многоразличные предметы, слѣдовательно дорого, а потому не приличествуетъ Тифлису. Предложеніе сіе означаетъ, конечно, недостатокъ, а потому нельзя-ли будетъ сказать, что прилично купить такую библіотеку для котораго нибудь изъ учебныхъ заведеній, какъ-то: Пажескаго корпуса, Лицея и проч. Я сообщилъ ему, что къ тебѣ писалъ о семъ. Увѣдомь что сдѣлаешь?..

Ты пишешь, что я сживаю Вельяминова, рекомендуя его въ военные министры. Отнюдь нѣтъ! вотъ истина: у васъ другого способнѣйшаго на сіе мѣсто, конечно, нѣтъ, по его точности и чудесной дѣятельности, но у меня вы отнимите такого помощника, каковаго, конечно, у меня не будетъ. Онъ занимается чрезвычайно и уже много пріобрѣлъ опытности для здѣшняго края. Я рекомендовалъ его потому,

что самъ здѣсь долго не пробуду, но начальникомъ здѣсь, конечно, могъ бы другой быть и не съ меньшею для края пользою. Впрочемъ, какъ сами хотите!

Не знаю чего уже не написалъ я къ тебѣ, и потому благопристойно и кончить когда нибудь. Прощай, другъ почтеннѣйшій. Мадатовъ сидитъ и тебѣ приказываетъ сказать разныя привѣтствія; всѣ эти дни писалъ къ тебѣ. Вотъ рукописи, которыя сохранять надлежитъ, а мои, сдѣлай дружбу, предавай истребленію, какъ ты и обѣщалъ мнѣ.

Прикажи приложенныя письма доставить съ вѣрностію.

213.

10-го марта 1823 г. Тифлисъ.

Послѣднее письмо твое, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, по эстафетѣ отъ 12-го февраля получилъ.

Отправленіе людей въ гвардію остановилъ и весьма распоряженіемъ симъ доволенъ, ибо они мнѣ не малую дѣлаютъ разницу, особливо когда въ нынѣшнемъ году употреблю я всѣ усилія ускорить производимыми работами, ибо безъ особенныхъ мѣръ, по множеству предметовъ, едва какіе либо примѣтны успѣхи.

Пишешь, что подозрѣваешь у старика Петра Ивановича водяную въ груди. Если точно такова болѣзнь его, то напрасно доктора отправляютъ его сюда къ водамъ, онѣ только ускорить могутъ смертію.

Поговори Петрахану (князю П. М. Волконскому), чтобы сколько можно вѣжливѣе отказали мнѣ сына его въ адъютанты, онъ менѣе огорченъ будетъ. Но мнѣ кажется, что онъ угадываетъ, что я его не желаю.

Въ разсужденіи отсрочки Попову по 1-е мая для чего не прислалъ ты бумаги, а то въ мѣсячномъ рапортѣ будутъ его показывать въ просрочкѣ. Не забудь приказать о семъ въ инспекторскомъ департаментѣ, чтобы не поставляли на видъ, точно продолженіе отпуска необходимо!

Какой нелѣпый врутъ вздоръ французскія газеты, но я не менѣе благодаренъ за присланную выписку. Я примѣчаю, что съ нѣкотораго времени сдѣлался весьма интересною особою для иностранцевъ. Недавно одинъ пропечаталъ въ книгѣ и въ числѣ исполнителей обширныхъ Россіи замысловъ (которыхъ не существуетъ) на востокѣ, наименованъ *le fier Yermoloff*—гордый Ермоловъ. Видишь-ли какъ коротко меня

знаютъ! Такимъ обо мнѣ мнѣніемъ заставятъ наконецъ полагать меня чего нибудь стоющимъ и нѣкоторое имѣть ко мнѣ уваженіе.

Но сколько все сіе ни смѣшно, на меня будутъ сердиться ваши главнокомандующіе, что меня почитаютъ достойнымъ равной съ ними довѣренности начальствовать арміею. Развѣ ихъ успокоитъ Дибичъ, который *въ совѣщаніяхъ* истолкуетъ нелѣпость подобныхъ разсужденій и мое ничтожество. Сильный за нихъ ходатай и который никогда впереди себя не дастъ мнѣ мѣста. Давайте ему армію въ Гишпанію и куда хотите! безпрекословно онъ болѣе имѣетъ навыка ею командовать, ибо кто не видитъ, что не Сакенъ, а онъ давно ею начальствуетъ? Завидная жизнь Чернышева, онъ подобно намъ, азіятцамъ, можетъ имѣть женъ сколько хочетъ и празденъ не бываетъ. Хорошо, что истребили разбойника Болгарскаго, но если онъ въ Петербургѣ, опять овладѣетъ его душою. На Дону многіе будутъ помнить его благодѣянія!

Брату Михайлѣ (графу Воронцову) писалъ. Ему бы, по страсти къ законодательству, хорошо бы тамъ быть и я увѣренъ, что онъ не оставилъ бы недовольныхъ. Пишу къ нему и у сего письмо посылаю. Напиши что дѣлаетъ онъ у васъ и каково ему жить?

Каковъ Демидовъ, что и Штейнгель мѣста его не желаетъ. Не тоже-ли армія въ предметѣ, но онъ Дибичу столько же какъ и я мало опасенъ.

Посылаю открытыми письма (запечатай облаткою послѣ прочтенія) мои къ старику графу и милой хозяйкѣ; хочу, чтобы ты прочелъ ихъ. Старику писалъ по твоему желанію, но самъ не рѣшился бы; впрочемъ, я увѣренъ, что за такое письмо онъ сердитъ быть не можетъ. Я, однакоже, на счетъ небережливости ясно выразился. Въ самомъ дѣлѣ, другъ любезнѣйшій, надобно подумать о долгахъ твоихъ, но болѣе еще объ устройствѣ имѣнія и присматривать за старикомъ, чтобъ не моталъ. Весьма выгодно безъ всякихъ трудовъ, ничего не дѣлая, брать 60,000 рублей, тогда особенно, какъ по разстройству дѣлъ составляетъ половину всего дохода. Но дѣлать долги весьма не великодушно! Я воображаю, какъ обманываютъ его въ Италіи и какого онъ накупилъ вздора и за цѣну дорогую!

Ты пишешь, что если не помогутъ тебѣ воды за границею, то пріѣдешь къ кавказскимъ. Съ симъ условіемъ я отрекаюсь отъ удовольствія тебя видѣть. Но полезно тебѣ собственно по службѣ дѣлать проѣздки. О братѣ моемъ Ермоловѣ поручилъ тебѣ Петраханъ (князь П. М. Волконскій) сказать мнѣ, что онъ, служа въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, ничего не потеряетъ. Я на сей предметъ прилагаю тебѣ особенно небольшую записку съ намѣреніемъ, чтобы ты показалъ

ея Петрахану и объясняюсь откровенно! Сдѣлай дружбу, опредѣлите ко мнѣ постояннаго фельдъегеря, какъ былъ нѣкогда Стабушъ. Конечно, не для почести онъ мнѣ нуженъ, но случится послать съ чѣмъ нибудь важнымъ и не будетъ кого. По обѣщанію твоему терпѣливо ожидаю музыкантовъ, въ которыхъ весьма нуждаюсь. Прилагаю сколько и каковыхъ мнѣ нужно, но если число таковыхъ покажется тебѣ чрезмѣрнымъ, назначишь по твоему благоусмотрѣнію. Въ семъ случаѣ мнѣ не позволительно прихотничать. Красотѣ Ивану Васильевичу поручаю напоминать тебѣ о семъ. Прощай!

214.

8-го іюня 1823 г. Тифлисъ.

Послѣ письма твоего, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, съ срочнымъ фельдъегеремъ, мы имѣемъ съ почтою извѣстія о большихъ у васъ перемѣнахъ. Отъ перваго тебя зналъ я о Дибичѣ, а наконецъ и копію съ указа Сенату сообщилъ князь Волконскій.

Братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) ничего не сказалъ мнѣ о двухдневномъ его объясненіи, о которомъ ты упоминаешь. Зачѣмъ дѣлаетъ онъ изъ того тайну? Я, конечно, не позавидую, чтобы съ нимъ ни случилось счастливаго, напротивъ жаль всѣмъ намъ, его знакомымъ, что долгое время оставался онъ празднымъ. Но если основательны слухи, что онъ заступаетъ мѣсто Репнина въ Малороссіи, то о семъ весьма жалѣю, ибо могъ онъ быть полезнымъ въ другомъ назначеніи и генераловъ, каковъ Воронцовъ, смѣю думать, у насъ и вездѣ немного! Неужели могъ онъ желать его? Если же не трудно было удалить его отъ арміи, то, конечно, лучше опредѣлить его въ Одессу, гдѣ графъ Ланжеронъ не болѣе его надобенъ.

Какое внезапное паденіе Гурьева и многихъ, думаю, удивило назначеніе Канкрина. Но финансы, безъ сомнѣнія, будутъ въ лучшемъ состояніи, судя по его знаніямъ и способности. Я, какъ обитатель горъ, могу уподобить паденіе вельможи отторгающейся скалѣ, за которою вслѣдъ непримѣтно валятся въ долину множество небольшихъ каменей. Между каменьями, ты знаешь, что есть называемые *голышами*. Но не въ семъ разрядѣ будутъ Обрѣзковъ, Дружининъ, Взмѣтневъ и множество имъ подобныхъ.

Видно Чернышевъ успѣлъ въ хорошемъ видѣ представить свое законодательство, судя по наградѣ ему данной и по производству въ се-

наторы Болгарина (Болгарскаго), величайшаго изъ разбойниковъ, который, по старой привычкѣ, грабилъ и на Дону......

Весьма искусно развели Толя съ Дибичемъ, но лучше еще, что дали ему званіе генералъ-адъютанта, ибо покрайней мѣрѣ будетъ онъ себѣ подобныхъ болѣе уважать и во дворцѣ воздержится ругаться непристойно.

Хорошо замѣнили и Желтухина. Нейдгартъ точно офицеръ отличный, а понравиться умѣетъ не менѣе предмѣстника, имѣя сверхъ того ту неоцѣненную выгоду, что онъ нѣмецъ и любимецъ Дибича. Теперь только прочнымъ образомъ основалось царство нѣмцевъ и, конечно, попользуются они случаемъ.

Тебѣ угодно, какъ доброму пріятелю, спросить мнѣнія моего, прилично-ли оставаться при теперешней должности, если кн. Волконскій не возвратится къ своему мѣсту?

Признаюсь, почтенный Арсеній Андреевичъ, странно было бы видѣть тебя докладывающаго Дибичу. Болѣе сіе было бы сносно, если бы онъ не въ одномъ съ тобою былъ чинѣ, чего, впрочемъ, весьма скоро ожидать надлежитъ, но и совсѣмъ тѣмъ, какая необходимая нужда домогаться тебѣ безконечными трудами истребить послѣднія силы твои. Если по какимъ либо видамъ желаешь ты продолжать непремѣнно службу, то неужели нѣтъ другихъ должностей? Подумай о семъ и скажи мнѣ какія будутъ твои мысли?

Многіе одолжены назначеніемъ Дибича, и если благоволеніе къ нему предуготовляетъ главнѣйшія мѣста въ государствѣ, то занимаемое имъ теперь могло бы приличествовать кому нибудь изъ русскихъ.

Изъ уменьшенія во 2-й арміи войскъ расформированіемъ 2-хъ баталіоновъ, вижу, что мы рѣшительно войны уклонились. По многимъ причинамъ сіе чрезвычайно полезно, но жаль, что турки, увѣрившись въ томъ, умножатъ несносную свою гордость.

Всякій баронъ имѣетъ свою фантазію, и я позволяю себѣ думать, что лучше было бы цѣлый корпусъ около Москвы расположенный обратить въ кадры, нежели на границахъ стоящую армію. Экономія не менѣе была бы соблюдена! Съ досадою читаемъ въ иностранныхъ газетахъ, что туркамъ объявилъ англійскій посланникъ въ Константинополѣ, что союзные монархи оставляютъ грековъ въ полномъ ихъ распоряженіи и рѣшительно безъ помощи. Сіе великодушіе восхвалятъ будущія времена и свое возьметъ исторія!

И такъ, любезнѣйшій другъ, я почитаю тебя уже выѣхавшимъ изъ Петербурга, хотя послѣднія отъ тебя бумаги были 21-го апрѣля.

Жаль, что къ тому понуждаетъ разстроенное твое здоровье, которое, какъ кажется, порядочно ты обработалъ твоею несноснѣйшею должностію. Возвратись скорѣе и привези милую хозяйку; пора вамъ заняться устройствомъ домашнихъ дѣлъ. Нужно ускромить старика или онъ надѣлаетъ вамъ кучу долговъ, ибо весьма не худо ничего не дѣлая, никакихъ заботъ на себя не пріемля, получать хорошій доходъ и даже проживать свыше онаго. По пріятельски могу сказать тебѣ съ откровенностію, что ты долженъ построже съ нимъ обходиться въ разсужденіи его издержекъ. Онъ по добротѣ своей слушаться будетъ!

Позволь поблагодарить за помощь и ходатайство по моимъ представленіямъ. Почти всѣ уважены и только остается мнѣ жалѣть, что отказываютъ несчастнымъ, которыхъ вины долговременнымъ служеніемъ заглаждаемыя, могли бы наклонить къ нѣкоторому снисхожденію. Музыкантами великую сдѣлалъ ты намъ помощь, и хотя не ожидаю я изъ нихъ людей чрезвычайныхъ, но намъ они необходимы.

Портретъ твой похожъ чрезвычайно, и хотя г. Довъ весьма экономически ихъ гравируетъ, ибо родъ гравированія не высокій, но вообще сдѣлано съ искусствомъ. Я чувствительно благодарю, что ты прислалъ мнѣ оный и я изгналъ прежній тобою доставленный, котораго въ сравненіи съ симъ терпѣть невозможно. Вели истребить всѣ экземпляры.

Теперь позволь, другъ почтеннѣйшій, поговорить о собственныхъ дѣлахъ.

Съ положеніемъ сестры моей что̀ дѣлать не придумаю, и если тебѣ прислалъ Павловъ письмо, которое не дѣлаетъ чести его чувствамъ, то я, въ свою очередь, получилъ отъ сестры письмо престранное. Она почти упрекаетъ мнѣ равнодушіемъ къ ея бѣдственному состоянію. Весьма ясно даетъ мнѣ разумѣть, что я долженъ просить у Государя ей помощи и что сіе есть единственное средство спасти ея. Обращусь къ безпристрастному сужденію твоему въ семъ случаѣ. Какъ просить мнѣ чего либо, когда нѣтъ у меня другого помышленія какъ оставить службу сколько можно скорѣе. Принявъ награду, а паче выпросивъ ея, справедливо навлеку я на себя наименованіе неблагодарнаго, если не заплативъ за оную трудами, удалюсь отъ службы. Или долженъ я принести въ жертву свободу мою, угождая прихотливой и неразсчетливой жизни любезнаго зятя. Что отъ меня зависѣло, или могъ я сдѣлать собственными средствами, я исполнилъ. Теперь предлагаю сестрѣ удѣлять ежегодно отъ моего жалованья отъ полутора до двухъ тысячъ рублей, соглашая ея жить у брата нашего Коховскаго или

родной теткѣ, одинокой, живущей спокойно недалеко отъ Москвы въ небогатой деревушкѣ. Ближайшіе родные сіи будутъ ей весьма рады и найдутъ удовольствіе въ ея бесѣдѣ. Кажется мнѣ, что лучшаго предложенія сдѣлать я не могу, но всеконечно не соглашу на оное. Оба они не престаютъ твердить, что *сестрѣ моей* не приличествуетъ быть въ состояніи столько бѣдномъ. Нарочно подчеркнулъ я слова *сестрѣ моей*, чтобы дать тебѣ замѣтить сколько самолюбиво и нелѣпо подобное разсужденіе. Я доказывалъ имъ, что случайно послужившее мнѣ счастіе не сдѣлало меня богатымъ, не вывело насъ изъ состоянія въ коемъ мы рождены. Что не можетъ лежать на правительствѣ забота о благосостояніи семейства каждаго изъ служащихъ, что подобной обязанности не могутъ возлагать на него даже великіе люди отечества нашего, не только я отличныхъ заслугъ и подвиговъ не оказавшій. Итакъ, *самъ я* и *сестра моя*, не выходя изъ класса людей обыкновенныхъ, должны, уклонясь неумѣстнаго самолюбія, почитать себя въ равныхъ правахъ съ прочими.

Сверхъ того, припомнилъ я Павлову, что онъ долженъ былъ ожидать встрѣтиться съ нуждами, избирая жену въ семействѣ небогатомъ, чего нельзя было ему не предвидѣть.

Знаю, другъ любезнѣйшій, что сколько разсужденіе мое ни основательно, но оно возбудитъ негодованіе.

П. А. Кикинъ, съ которымъ я хорошій пріятель, уже горячо упрекаетъ мнѣ, что я не хочу помочь ближайшимъ роднымъ и называетъ поведеніе мое *самолюбіемъ* и *эгоизмомъ*. Между нами сказать онъ не судья въ подобныхъ обстоятельствахъ, ибо брату своему, человѣку нигдѣ не служащему, напротивъ если и извѣстному, то не съ лучшей стороны, выпросилъ онъ заимообразно и значительную весьма сумму.

Такъ поступить я не въ состояніи и не могу иначе понимать, что каждому трудами своими доставать должно. Мнѣ жаль, что въ отсутствіе твое могутъ довести *выше* о бѣдности ихъ положенія и не въ настоящемъ видѣ, чтобы склонить къ себѣ вниманіе. Я увѣренъ, что средство сіе употреблено будетъ и некому объяснить настоящаго! При таковомъ случаѣ можно и на счетъ мой быть недовольно справедливыми. Вотъ, другъ любезный, непріятное положеніе и неудовольствіе отъ ближнихъ есть вещь самая тяжелая!

Отъ твоего великодушія ожидаю, что ты ему достанешь мѣсто, но и тутъ боюсь, что онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно, когда ты готовишься въ путь. Слышу стороною, что онъ изъ Москвы выѣхалъ, но самъ ко

мнѣ не пишетъ. Тебѣ благотворящему ему предвижу будутъ хлопоты отъ неумѣренности его желаній.

Отъ сына старика Петра Ивановича, кажется, я отдѣлался, ему пишу я, что отъ Волконскаго не получилъ отвѣта. Объ отъѣздѣ Волконскаго жалѣю, ибо не успѣлъ онъ ничего сдѣлать брату моему Ермолову, вѣчному прапорщику гвардейскаго генеральнаго штаба. До возвращенія его нечего ему ожидать! Впрочемъ и то случиться можетъ, что сдѣлается привычка къ отсутствію его и онъ болѣе уже надобенъ не будетъ. Я не имѣю ни малѣйшей причины быть имъ недовольнымъ, собственно въ отношеніи ко мнѣ и потому мнѣ его жаль. Всеконечно не съ такою пріятностію можно съ Дибичемъ имѣть дѣло какъ съ нимъ, и я, сколько можно, буду избѣгать сихъ случаевъ. По совѣту твоему, посылаю чрезъ Красоту письмо къ Петрахану (князю П. М. Волконскому) и тѣмъ болѣе хочу, чтобы онъ видѣлъ, что я не по мѣсту его только оказывалъ ему уваженіе.

Прощай, почтеннѣйшій и родной другъ, желаю, чтобы здоровью твоему принесло пользу твое путешествіе. Поправь его и все прочее будетъ тебѣ принадлежать по справедливости. Поклонись отъ меня милой твоей хозяйкѣ и возвращайтесь къ намъ скорѣе.

215.

12-го января 1824 г. въ Дагестанѣ.

Прошло время безконечное, что я не писалъ къ тебѣ, ибо иначе какъ съ вѣрнымъ случаемъ я того не дѣлаю, теперь же фельдъегери давно уже рѣдки.

Я не отвѣчалъ тебѣ на письма отъ 10-го августа изъ Пирмонта; 6-го и 31-го октября изъ Москвы, которыя пришли одно послѣ другаго немного спустя времени.

И такъ, ты въ новомъ своемъ мѣстѣ! Я скажу только, что досадно могло тебѣ быть, что послѣдовало назначеніе до возвращенія твоего изъ чужихъ краевъ и что Государь чиновника близкаго и давно при немъ служащаго могъ бы опредѣлить о томъ предупредивши. Но ты изъ объясненія видѣлъ, что о томъ заботился человѣкъ сильный. Съ основательностію могъ Государь предполагать, что съ небольшимъ удовольствіемъ служилъ бы ты подчиненнымъ Дибича и лучшаго, конечно, не было средства развести васъ. Теперь скажу о мѣстѣ: важное, почетное и прекрасное! Правительство само много выигрываетъ,

опредѣляя тамъ начальника съ твоими правилами и честностію, а я сверхъ того думаю, что должность столько обширна, что займетъ трудолюбіе твое и дѣятельность. Предмѣстникъ твой немногое, думаю, сдѣлалъ; а слишкомъ много къ стыду дѣлала дражайшая его супруга. Великолѣпнымъ и превозносящимъ до небесъ рескриптомъ сего не закроешь!

Совсѣмъ не мѣшаетъ, что съ важною должностію ты соединяешь званіе отдѣльнаго корпуса командира. Я увѣренъ, что братъ Михайло (графъ Воронцовъ) не почелъ бы лишнимъ имѣть корпусъ и отдѣльный! Я скажу по дружески, что напрасно хочешь ты ограничить малымъ временемъ свое въ теперешнемъ мѣстѣ служеніе.

Если можешь ты найти человѣка, который бы, подъ руководствомъ твоимъ, завелъ нѣкоторый порядокъ въ хозяйственныхъ твоихъ дѣлахъ, то не оставляй твоего мѣста, послушай меня! На прежнемъ остаться тебѣ было уже невозможно, или бы кончилъ ты совершеннѣйшею потерею твоего здоровья. Ничего нѣтъ пріятнаго часто ѣздить на минеральныя заграничныя воды! Ты самъ говоришь, что нельзя избрать мѣста удовлетворительнѣе честолюбію служащаго, слѣдовательно нѣтъ причины оставить. Я вижу одно неудовольствіе, незнаніе языка, но это встрѣтилось бы съ большею частію генераловъ, ибо тамъ знать надобно или земли языкъ или нѣмецкій, а сего послѣдняго мало мастеровъ. Удаленіе твое отъ прежней должности истолковало мнѣ, что Петрахану (князю Волконскому) не бывать въ прежнемъ мѣстѣ и назначеніе Дибича членомъ совѣта, кажется, не менѣе то доказываетъ. Власть нѣмецкая, повидимому, на прочномъ утвердилась основаніи!

Чудесный выборъ сдѣланъ въ Потаповѣ, посмотримъ, на долго-ли!

Слатвинскій весьма хорошій офицеръ и я желаю ему всякаго добра, но, кажется, забытъ Монтрезоръ. Напрасно не взялъ онъ у меня въ корпусѣ драгунскаго полка? Я былъ бы доволенъ и онъ можетъ бы не потерялъ.

Возвращаюсь опять къ твоему новому мѣсту. Ты намѣреваешься пробыть въ ономъ до сентября будущаго года и потомъ смотрѣть, что будетъ надобно дѣлать? Обѣщаешь однакоже спросить моего на то совѣта. Ожидаю! Чувствительнѣйшимъ образомъ тронулъ ты меня, почтеннѣйшій другъ, требуя моихъ совѣтовъ и называя меня вторымъ отцомъ твоимъ. Доселѣ любилъ я тебя какъ брата и не понимаю, что еще прибавить могъ къ моей привязанности, но чувствую, что довѣренностію твоею ты болѣе сдѣлалъ меня тебѣ преданнымъ. Божусь тебѣ, что всегда сердцемъ откровеннымъ скажу тебѣ мысль мою и,

конечно, самому себѣ лучшаго ничего не пожелаю. Люби ты меня попрежнему, давнее наше знакомство не укрыло отъ тебя свойствъ моихъ и, конечно, тебѣ не тѣмъ я кажусь, какъ обо мнѣ думаютъ многіе!

Благодарю искренне за стараніе доставить *Павлову* мѣсто. Я не далъ ему подозрѣнія, что знаю отъ тебя какъ онъ писалъ о старикѣ отцѣ моемъ. Признаюсь, что я не знаю что̀ мнѣ дѣлать? Сестра, имѣющая нравъ ангельскій и та пишетъ мнѣ оскорбительныя вещи. Говоритъ, что я будучи въ положеніи счастливомъ, не могу чувствовать горести ихъ и бѣдности. Не зналъ я, что можно завидовать богатому моему состоянію. Неужели неизвѣстно ей, что жалованье есть единственное мое достояніе и что если не даетъ ей отецъ довольно, то я и совсѣмъ ничего отъ него не получаю?

Не повѣришь до какой степени мучатъ меня дѣла моихъ ближнихъ. Братъ мой Коховскій, человѣкъ отлично умный, также разстроенный въ состояніи своемъ, вздумалъ женить сына своего не болѣе имѣющаго 22 лѣтъ, на дѣвушкѣ совершенно безъ всякаго средства существованія. И всѣ думаютъ, что я долженъ вѣчно служить и что мнѣ вѣчно благотворить будутъ.

Согласенъ ты съ мнѣніемъ моимъ, что Павлову не мѣсто жить въ столицѣ. А теперь въ тебѣ потеряли они и послѣднюю помощь, ибо ни отъ кого другаго получать оную непристойно!

Ты желаешь, почтенный другъ, знать, справедливы-ли доходящіе до тебя слухи, что я намѣренъ удалиться изъ Грузіи? Вотъ чистосердечное помышленіе мое: въ 1825 году хочу я поѣхать на минеральныя воды, тамъ возьму курсъ, сдавъ прежде формально команду старшему, и потомъ подамъ рапортъ, что разстроенное здоровье требуетъ лучшаго пользованія и успокоенія. Къ тому времени, кажется, будетъ сорокъ лѣтъ службы по формуляру, разумѣется, со включеніемъ унтеръ-офицерской въ гвардіи, и я попрошу отпуска съ полнымъ жалованьемъ, ибо иначе мнѣ нельзя существовать. Между тѣмъ, сдѣлай дружбу, поручи Красотѣ, чтобы онъ приказалъ отыскать формуляръ въ артиллеріи, гдѣ во время Екатерины II служилъ я капитаномъ, ибо послѣ того не приказано было помѣщать въ формулярахъ унтеръ-офицерской службы. Красота все отыщетъ, ибо ему въ томъ не откажутъ!

Не думаю, чтобы хотѣли удержать меня противъ воли, особливо, когда будутъ охотники на мое мѣсто. Не повѣрю, чтобы то сдѣлать было возможно!

Трудно мнѣ будетъ прожить первый годъ, сдѣлавъ привычку къ жизни дѣятельной, но, конечно, второй послѣ того и всѣ послѣдующія

не будетъ помышленія моего о службѣ. У меня два сына и не въ глазахъ отца, но по мнѣнію постороннихъ, молодцы преумные; третій въ готовности! Они составятъ занятіе мое, ибо намѣренъ я воспитать ихъ важно и сдѣлать понадобнѣе себя. Возьми къ себѣ одного, когда наслаждаться будешь жизнію покойною и свободною. Къ тому времени можетъ быть дастъ тебѣ Богъ сына и мой татаринъ имѣть будетъ любезнаго товарища. Ты увѣдомляешь, что Цесаревичъ спрашивалъ у тебя обо мнѣ? Не то уже ко мнѣ его расположеніе и.... весьма жаль, безъ вины, потерять расположеніе человѣка и желавшаго и дѣлавшаго мнѣ добро долгое время. Не упрекнетъ онъ мнѣ неблагодарностію, какъ бы онъ ни поступилъ впредь со мною.

Дениса Давыдова мнѣ не дали и онъ писалъ ко мнѣ, что не имѣя болѣе надежды получить мѣста, гдѣ бы могла быть видна его дѣятельность, намѣревается оставить службу. Жаль будетъ человѣка весьма способнаго!

Меня увѣряли, будто замѣтили во время бытности *Меньшикова* на водахъ, что онъ желалъ бы получить мѣсто начальника на Кавказской линіи. Онъ пріятель моему Вельяминову, но однакоже о томъ ничего не говорилъ! Тебѣ скажу по дружески, что при всѣхъ его счастливыхъ способностяхъ, онъ здѣсь способнѣе *Дениса* не будетъ!

Важно умножается Государственный Совѣтъ и думать надобно, что большой въ людяхъ недостатокъ, если и Сукинъ сдѣлался необходимымъ! Не знаю, чего нельзя достигнуть терпѣніемъ и низкопоклонностію? Здѣсь пронесся слухъ, что Петрахану (князю П. М. Волконскому), московскому Голицыну, Толстому и Уварову даны Андреевскія ленты. Но потомъ слухи сіи не подтвердились. Это право жаль!

Мадатовъ, наконецъ, собирается ѣхать въ отпускъ и я писалъ Вельяминову, чтобы онъ не задержалъ его. Письмо твое къ нему отправилъ и сверхъ того писалъ, что ты желаешь, чтобы онъ пріѣхалъ къ тебѣ въ Финляндію. Весьма не дурно, еслибы онъ женился и я увѣренъ, что, по армянскому его счастію, онъ сыщетъ жену достойную. Но думаю я, что онъ намѣренія сего не имѣетъ, ибо здѣсь влюбленъ смертельно въ одну замужнюю женщину грузинку. Не понимаю, что его привязываетъ. Она только что не дурна, но глупа до крайности и кажется весь умъ ея въ томъ состоитъ, что она ему не поддается и человѣкъ рожденный въ здѣшнемъ палящемъ климатѣ, готовъ на все рѣшиться. Не сказывай ему, что я писалъ о семъ, ибо онъ готовъ разсердиться на вѣки! На счетъ поведенія и службы Мадатова долженъ отозваться справедливо, что я имъ доволенъ!

Изъ послѣдняго письма твоего вижу съ удовольствіемъ, что милая хозяйка возвратилась изъ чужихъ краевъ и что путешествіе поправило ея здоровье. Она такъ была любезна, что прислала мнѣ портфель съ своимъ портретомъ. Жаль, что не видалъ я его, ибо сберегая его, сюда ко мнѣ не прислали. Чувствительно одолжила воспоминаніемъ о человѣкѣ любящемъ ея какъ родную, а я получивши прекрасную твою табакерку съ портретомъ, вмѣстѣ съ благодарностію готовъ былъ упрекнуть тебѣ, что по просьбѣ моей и твоему, въ бытность въ Москвѣ, обѣщанію, ты мнѣ не прислалъ ея портрета. Потомъ она мнѣ истолковала, что на то была твоя воля.

Я пишу къ ней письмо у сего прилагаемое, но прошу сверхъ того поблагодарить особенно.

Хорошо дѣлаешь, что старика везешь съ собою. Пусть въ новомъ царствѣ твоемъ собираетъ новыя сокровища. Ко мнѣ пишетъ пространное письмо и такъ вывертывается, что можно почесть его воздержнымъ и въ издержкахъ бережливымъ. Онъ хвастаетъ, что не только не разстраиваетъ онъ ни мало состоянія, но что, напротивъ, онъ величайшій хозяинъ и что имъ и порядокъ держался. Не поссорь насъ между собою, ибо не мѣшаетъ, что старикъ имѣетъ ко мнѣ довѣренность.

По дѣламъ весьма примѣчаю я, что не съ тобою, но съ другими имѣю я дѣло. Лежатъ представленія безъ разрѣшенія, являются отказы, которые можно бы, и даже было бы прилично, не дѣлать. Дѣлаются шиканскіе запросы и надобно будетъ бросить нѣмецкое царство. Словомъ, изобрѣтаются всѣ средства поселить къ службѣ всякаго рода охлажденія.

Прочти письма мои у сего прилагаемыя къ старику графу и милой хозяйкѣ. Послѣднюю утѣшаю я на счетъ Финляндіи, доказывая, что тебѣ выгодно сохранить сіе мѣсто для будущихъ видовъ, а что она можетъ имѣть тамъ пріятное общество, которое не дастъ мѣсто скукѣ. Старику закинулъ слово о бережливости.

Братъ Михайло (графъ Воронцовъ) ничего не пишетъ и только вижу, что по его представленіямъ даются награды. Кажется онъ собираетъ около себя собственныхъ людей. Не онъ-ли хлопоталъ о лентѣ одесскому Гурьеву?

Прощай, сохрани мнѣ прежнюю твою безцѣнную дружбу и вѣрь, что моя привязанность вѣчно постоянная!

Напиши, какъ принятъ будетъ *Волконскій* по возвращеніи и что изъ него сдѣлаютъ, а нѣмецъ не допуститъ до прежняго мѣста.

Не слыхать-ли чего о *Каподистріи*? Давно никакого нѣтъ извѣстія! *Каліостро* пріискалъ себѣ назначеніе и не сомнѣваюсь, что дастъ себя замѣтить, имѣя счастливыя чрезвычайно способности!

216.

23-го января 1824 г. въ Дагестанѣ.

Давно готово было письмо къ тебѣ, но я задержалъ фельдъегеря и теперь имѣю случай еще писать.

Не заботься о формулярѣ моемъ. Недавно отправляя срочныя бумаги, видѣлъ къ досадѣ моей, что въ 1825 году не будетъ мнѣ сорока лѣтъ службы и что я могу лишиться полнаго жалованья, на которое я разсчитывалъ. Это горько, но въ здѣшнемъ заботливомъ мѣстѣ я дотягивать не намѣренъ.

Я не отчаяваюсь получить отпускъ съ жалованьемъ, но когда просить буду о совершенномъ увольненіи, то и потеряю на жалованье право, ибо за вычетомъ времени отпуска, тотъ же будетъ до 40 лѣтъ недостатокъ.

Я въ состояніи буду дослуживать при какомъ нибудь оружейномъ или пороховомъ заводѣ или въ совѣтѣ военнаго министерства на мѣсто выбывшаго *Сукина*. Ты, я вижу, смѣешься, но мнѣ право не шутки!

Мадатовъ долженъ быть уже въ дорогѣ, скачетъ безъ памяти. Близокъ великій постъ, охота жениться смертная! Я искренно совѣтовалъ ему сіе сдѣлать и хотя безъ стыда лжетъ онъ на счетъ лѣтъ своихъ, но видно, что уже вянетъ красота его. Теперь долженъ сказать тебѣ о немъ по истинѣ. Ты помнишь, что по полученнымъ въ бытность мою въ Петербургѣ изъ Грузіи письмамъ, я былъ имъ недоволенъ, но возвратясь въ Грузію и до сего времени я не только не имѣлъ тѣни неудовольствія на него, напротивъ, по ханству Карабагскому сдѣлалъ онъ для службы великую весьма пользу, ибо умѣлъ искусно сжить съ рукъ хана. И вообще долженъ я похвалить его служеніе. Изъ имѣнія, которое онъ получилъ, я для облегченія жителей уменьшилъ доходы и онъ безъ ропота на то согласился. Ты можешь сказать ему какъ о немъ я отзываюсь.

Дошли, наконецъ, и до насъ извѣстія о милостяхъ, ознаменовавшихъ 12-ое декабря. Вижу *Петрахана* (князя П. М. Волконскаго) въ восхищеніи, но не видать ему прежняго его мѣста и уже иностранныя газеты возвѣщаютъ о новомъ его назначеніи, которое если не совсѣмъ справедливо, то, по крайней мѣрѣ, весьма правдоподобно придумано.

Въ какихъ попыхахъ вижу *Уварова*, но это не послѣдняя степень возвышенія.

Въ полныхъ генералахъ, надобно думать, большая была нужда.

Долголѣтіемъ всего достигнуть возможно! и Сукинъ дождался. Однакоже, онъ и Эртель даютъ надежду на вожделѣнный миръ. Теперь изъ благопристойности надобно дать имъ соотвѣтствующія мѣста. Неужели въ семъ чинѣ можно быть комендантомъ и полиціймейстеромъ арміи? Ты скажешь, что есть калиточка, въ которую выходятъ въ генералъ-губернаторы. Правда! Но это, кажется, не лучшій способъ обезпечить порядокъ внутренняго управленія государства.

Я радъ многимъ получившимъ награду, но болѣе всѣхъ, конечно, *Сабанѣеву*, какъ человѣку прекраснѣйшему и полезному. Жаль, что графъ Паленъ вышелъ въ отставку, вотъ еще человѣкъ отличнѣйшій!

Но если произведенъ *Бахметьевъ*, почему лишенъ того *Обрѣзковъ?*

Признаюсь, что послѣ подобныхъ наградъ можно надѣяться всего достигнуть, но уваженіе къ чинамъ симъ не умножится!

Отъ брата Михайлы недавно получилъ письмо, въ которомъ описываетъ труды свои и занятія. Онъ точно со времени опредѣленія своего мало былъ на мѣстѣ, и если такъ продолжать будетъ, то сдѣлаетъ много полезнаго. Мнѣ жаль, что съ горестію приметъ онъ, что не попалъ въ такое всеобъемлющее производство. Его можно бы было потѣшить симъ, какъ человѣка, по способностямъ его, примѣчательнаго и котораго весьма многими изъ произведенныхъ нынѣ, замѣнить, конечно, невозможно, даже и великимъ пріятелемъ твоимъ Васильчиковымъ.

Я на сихъ дняхъ ѣду по разнымъ провинціямъ, кончивши дѣла мои здѣсь наилучшимъ образомъ. Мнѣ удалось взять аманатовъ отъ народовъ, которые не только не покорствовали намъ, но надѣясь на крѣпкія мѣста ими обитаемыя, куда пути непроходимы, вели себя весьма гордо и возмущали намъ повинующихся, а въ прошедшемъ году дрались противъ войскъ нашихъ. Аманатовъ взялъ я безъ выстрѣла, дѣлая небольшія войсками демонстраціи. Это мнѣ не мало сдѣлало удовольствія, ибо понуждая къ тому оружіемъ могъ бы подвергнуться чувствительной потерѣ. Хорошо сдѣлать однимъ страхомъ, котораго прежде здѣсь не знали удаленные отъ насъ обитатели горъ.

Теперь повсюду сдѣлался я ихъ сосѣдомъ! Далеко ходятъ войска и препятствія преодолѣваютъ съ твердостію. Не хвастаю, тебѣ другъ любезный и рѣдкій, но скажу, что никогда прежде войска такой довѣренности сами къ себѣ не имѣли. Теперь нѣтъ труднаго! Вчера получилъ послѣднее письмо твое отъ 2-го января, которое привезъ фельдъегерь.

Новый годъ почти никакими не отличенъ милостями или малымъ числомъ оныхъ. Какъ будто 12-го декабря ихъ истощило. Я ожидалъ

нѣсколькихъ генералъ-лейтенантовъ, ибо многіе есть и достойные и въ чинахъ старые генералъ-маіоры.

По совѣту твоему пишу къ Петрахану (князю Волконскому) и радъ весьма, что возвращается утѣшаннымъ наградою. Я ожидаю, что многіе были бы довольны, если бы занялъ прежнее мѣсто. Я самъ кладу бѣлый шаръ въ пользу его и признаюсь, что со времени отъѣзда его я чувствовалъ въ сношеніяхъ моихъ нѣкоторыя непріятности.

Не скрою я, что небольшой охотникъ я до нѣмцевъ и не перестану думать, что не въ такомъ мѣстѣ быть имъ приличествуетъ, ибо нѣтъ пользы знакомить чужеземца, и даже еще неподданнаго Россіи, со всѣми внутренними нашими средствами. Это никому не пришло въ голову, а кажется не бездѣлица! Если не повредитъ мнѣ, скажи сіе замѣчаніе мое Петрахану. Внуши ему, что я ему всего добраго желаю. Ты упоминаешь мнѣ о разговорѣ твоемъ въ разсужденіи Швеціи. Этого ты, конечно, и ожидалъ по прежнему ходу дѣлъ и, безъ сомнѣнія, сіе не совсѣмъ согласно съ твоимъ образомъ мыслей, *но знаютъ про то пиршіе* (?). Къ сему обязанъ ты принаровиться и исполнять по желанію.

Я все не престаю мѣсто твое разумѣть прекраснѣйшимъ и важнымъ и смотрю на него какъ на ступень, проводящую къ обширнѣйшимъ порученіямъ. И ты какъ отъ друга требуя отъ меня мнѣнія, заставляешь меня сказать тебѣ, чтобы ты не скучалъ твоимъ назначеніемъ, ибо съ твоимъ трудолюбіемъ, съ твоею постоянною дѣятельностію, безкорыстіемъ, ты будешь любимъ въ землѣ, а военные тамъ заброшенные обрадуются тебѣ безъ памяти.

Я имѣю предчувствіе, что тебѣ не долго тамъ заживаться, а между тѣмъ ты поправить можешь здоровье, ибо занятіямъ твоимъ давъ болѣе правильности, ты будешь имѣть время и для отдохновенія и для удовольствій. И такъ, ступай, почтенный другъ, тебѣ и жить долго въ Петербургѣ непристойно. На всякій случай къ тебѣ письма, хозяйкѣ и новому сенатору отправляю особенно къ Ивану Васильевичу. Пиши какъ пріѣдешь ты въ новое герцогство, въ какомъ положеніи найдешь дѣла, кто будетъ главными твоими помощниками; кого избралъ ты правителемъ гражданской твоей канцеляріи? Меня все къ тебѣ относящееся интересуетъ, ибо я уже испыталъ трудности гражданскихъ дѣлъ.

Прощай, любезный Арсеній Андреевичъ, болѣе писать къ тебѣ нечего.

Забылъ сказать тебѣ, что по отъѣздѣ твоемъ заграницу, потерявъ надежду вывести брата моего *Ермолова* изъ прапорщиковъ, долженъ я былъ, сколько ни тяжело, просить о немъ Дибича и онъ соизволилъ на мое прошеніе!

217.

30-го мая 1824 г. Тифлисъ.

Получилъ, любезный и почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, письмо твое изъ Гельсингфорса. Рѣдки уже случаи, когда мы одинъ къ другому писать можемъ, ибо кромѣ очередныхъ фельдъегерей другіе уже не бываютъ, а скоро быть можетъ и сіи отмѣнятся.

И такъ ты вступилъ въ новую свою должность, которая, по мнѣнію моему, весьма лестна, а по образу какъ отправлялъ ея твой предмѣстникъ, сдѣлаетъ тебя полезнымъ краю тебѣ ввѣренному и умножитъ уваженіе, которое всѣ къ тебѣ имѣютъ. Люди твоихъ правилъ и свойствъ суть рѣдкія явленія въ нынѣшнее время и ты повсюду пріобрѣтешь любовь и почтеніе.

Знаю непріятность, которая происходитъ отъ незнанія языка земли и законовъ. Точно тоже и мое здѣсь положеніе, но здѣсь по судопроизводству никогда не представляются дѣла столько важныя, какъ въ твоей странѣ. Конечно, выгоднѣе было бы узнать ихъ, но развѣ одни мы изъ начальниковъ испытываемъ сіи затрудненія. Сіе весьма обыкновенно въ другихъ государствахъ, а въ Англіи обширныя колоніи ея всѣ такимъ образомъ управляемы. Скажу тебѣ дружески, что на мѣстѣ твоемъ не оставилъ бы я твоей должности, во-первыхъ, какъ весьма видной и гдѣ никакъ не скроются труды твои, а не менѣе и потому, что при дѣятельности твоей и трудолюбіи не найдешь ты безъ службы занятій достаточныхъ. Обстоятельно разсуди о семъ и рѣшайся скоро. Не вѣчное мѣсто ты занимаешь, могутъ дать тебѣ другую должность, вмѣстѣ съ которою и большая представится удобность озаботиться устройствомъ дѣлъ твоихъ домашнихъ.

550,000-ый долгъ весьма тяготительный и, конечно, требующій размышленія. Я вѣрю, что нельзя быть покойнымъ, не сдѣлавши нѣкоторыхъ распоряженій и можетъ быть собственными не взглянувши глазами. Но для сего надобенъ отпускъ, а не отставка. Не раздражай, показывая неудовольствіе! Ты былъ столько благороденъ, что объяснился съ Государемъ и представилъ, что въ новой должности твоей ты не принесешь пользы, соотвѣтствующей твоему усердію. Пусть это такъ, но за симъ слѣдуетъ вопросъ самый естественный: легко-ли замѣнить тебя такимъ, который бы могъ быть полезнѣе и могутъ-ли таковые люди быть праздными и другими не заняты обязанностями? Кажется, не на излишество людей способныхъ мы жаловаться должны. Обо всемъ ты размыслить долженъ,

а мнѣ какъ человѣку истинно къ тебѣ привязанному нельзя не страшиться и того, чтобы не навлекъ ты себѣ непріятность. И у тебя, конечно, есть завистники, которые намѣреніямъ твоимъ дадутъ несправедливое истолкованіе и представятъ недовольнымъ.

Не въ наилучшемъ положеніи нашелъ ты управленіе земли, но сіе потому для тебя выгодно, что каждому о томъ извѣстно и о поступкахъ хищническихъ супруги твоего предмѣстника, слѣдовательно будутъ знать и о томъ, когда смиришь ты лихоимство и злоупотребленія.

Рѣдко случается, чтобы за 70 лѣтъ человѣкъ могъ быть способнымъ, а предмѣстникъ твой можетъ быть и въ самой молодости имѣлъ способности не гражданскаго человѣка. Зачѣмъ было такъ долго его удерживать какъ необходимаго. При тебѣ, почтенный другъ, остались его чиновники; пока отыщешь лучшихъ, сихъ остерегайся, ибо слышно, что плуты величайшіе. Чѣмъ скорѣе съ рукъ, тѣмъ лучше!

Я воображаю, что и самая жизнь не весьма пріятна и общество твое должно быть изъ нашихъ чиновниковъ, которыхъ тамъ чрезвычайно мало. Болѣе еще скучать должна твоя хозяйка, но ты не допускай ея склонять тебя оставить мѣсто, ибо можно по близости столицы пользоваться ея увеселеніями нѣкоторое въ году время и думаю даже не каждый годъ непремѣнно, лучше нежели оставить службу для того, чтобы жить въ Москвѣ.

Не можешь-ли ты избрать благонадежнаго человѣка, который бы умѣлъ войти въ разсмотрѣніе, какія лучшія средства устроить твое хозяйство, а можетъ быть даже и продать что нибудь изъ менѣе нужнаго. Ты же можешь самъ поумѣрить между тѣмъ издержки въ домѣ и вѣроятно въ Финляндіи удобно сіе сдѣлать и, конечно, твой предмѣстникъ не роскошествовалъ, къ чему, впрочемъ, жители и по собственному состоянію не привыкли.

И такъ, другъ любезный, дѣла Петрахана (князя П. М. Волконскаго) кончены такимъ образомъ, какъ онъ, самъ ты и многіе другіе не ожидали. Теперешнее положеніе его незавидно. Восторжествовали пришельцы и помощію *могущественнаго* (Аракчеева) прочно утвердятся. Разсчетъ дальновидный и весьма не безвыгодный! Хочу не сомнѣваться, что все пойдетъ въ наилучшемъ порядкѣ и намъ приведется полюбоваться, но кажется издали, ибо мнѣ служба перестала уже представлять удовольствія и вотще ожидать я буду пріятностей. Точно хотѣлъ бы я въ 1825 году отправиться отсюда; но случиться могло бы, что лишній одинъ годъ пробуду для окончанія нѣкоторыхъ предположеній и основанія довольно важныхъ предметовъ, какъ-то: проложенія выгоднѣйшей

чрезъ Кавказъ дороги, къ чему собраны мною многія нужнѣйшія свѣдѣнія и часть дороги даже осмотрѣна. Но не ручаюсь, чтобы не выгнали меня непріятности прежде, ибо по дѣламъ не рѣдко встрѣчаются таковыя, особенно съ гг. министрами мнѣ не благоволящими. Нельзя чтобы не дѣлалъ я ошибокъ и по множеству занятій моихъ, а иногда и по малому свѣдѣнію въ нѣкоторыхъ предметахъ, всякая таковая ошибка выставляется въ бо̀льшемъ гораздо видѣ и пользуются случаемъ вызвать противъ меня неблаговоленіе. Извѣстно мнѣ, что самую нравственность мою и даже образъ жизни подвергаютъ строгой рецензіи.

Каждый изъ осуждающихъ меня неужели безъ упрека и неужели осужденъ я въ каждомъ видѣть совершенства, тогда какъ отказано мнѣ и малѣйшее съ ними сходство.

Такъ, любезный и рѣдкій другъ, не долго наслужишь безъ неудовольствія, а могутъ сдѣлать обиду, вызвать на поступокъ неосторожный и воспользовавшись онымъ придать самому оскорбленію видъ справедливости. Сего дожидаться не благоразумно! Я работаю какъ поденьщикъ и служба потеряла для меня прежнее могущественное очарованіе. Изъ-за андреевской ленты не сдѣлаю я ни одного лишняго шагу. Ея могли многіе получить легко, могли долго не давать Мордвинову, конечно достойному человѣку, а я и безъ ней могу прожить очень довольнымъ, когда и теперешнія декораціи мои, при моемъ состояніи, будутъ мнѣ тягостными въ отставкѣ. И такъ болѣе о семъ и никогда ни слова!

Съ чувствительностію принялъ я дружеское предложеніе твое взять одного изъ сыновей моихъ на воспитаніе. Поступокъ со стороны твоей великодушенъ и какъ я тебя знаю, то оному и не удивился, а потому и не покраснѣю принять предложеніе. Благодарю искреннѣйшимъ образомъ и воспользуюсь симъ пособіемъ для меня во многихъ отношеніяхъ важнымъ. Порадовался бы я, если бы далъ ты сыну моему хорошаго *товарища*. Воображаю какъ бы тебя сдѣлало сіе счастливымъ, а особливо когда наконецъ прибѣгнешь и ты подъ кровъ жизни свободной и спокойной! Благодарю за домикъ, который намѣреваешься выстроить для меня на Москвѣ-рѣкѣ. Точно имѣя собственный и потому что планъ онаго тобою мнѣ предоставляемый, будетъ въ размѣрѣ весьма скромномъ, онъ не разоритъ тебя, но теперь о семъ не будемъ мы заботиться, ибо на нѣкоторое время послѣ удаленія моего отъ службы мнѣ нужна жизнь безвѣстная и я располагаю имѣть пребываніе въ Крыму, гдѣ благодаря доброму *Попову*, нѣкогда моей собственности, нынѣшній годъ будетъ домъ выстроенъ. Первое время въ Москвѣ мнѣ

жить неприлично, ибо мнѣ придадутъ видъ недовольнаго, а это мнѣ невыгодно и сверхъ того несправедливо. Впослѣдствіи мы снесемся между собою и я отъ домика на Москвѣ-рѣкѣ не прочь!

Братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) вправѣ роптать, что онъ не произведенъ послѣ большаго и, конечно, необходимаго производства, ибо достоинства его дѣлаютъ его для службы и полезнымъ и нужнымъ, а произведенные многіе никогда таковыми не будутъ. Что за страсть у него къ Гурьеву, которому хлопоталъ онъ достать ленту. Впрочемъ, кто же нынѣ оной не имѣетъ!

Денисъ (Давыдовъ) долженъ былъ надѣть фракъ, жаль только, что онъ и охоту служить имѣлъ и способенъ, но что же оставалось ему дѣлать?

Доволенъ я, что *Мадатовъ* въ Петербургдѣ велъ себя хорошо, онъ весьма не простъ натурально, но и ты равно какъ и я не знали, что великій армянинъ и деньгу любитъ ужасно. Прежняя расточительность была изъ выигрышныхъ, слѣдовательно не собственныхъ денегъ, теперь знаю я его совсѣмъ иначе и послѣдняя моя поѣздка чрезъ нѣкоторыя ханства точнѣйшее дало мнѣ о немъ понятіе.

Давно грызетъ его страсть генералъ-лейтенантства и онъ никакъ не допускаетъ, что нельзя произвести его безъ обиды другихъ. Самолюбіе у насъ безпредѣльное! Производство *Эртеля* и подобныхъ не даетъ права смирять самолюбіе прочихъ и даже нельзя не снисходить оному, а Мадатовъ и не того еще желаетъ.

Павловъ, извѣстивъ меня о разныхъ тебѣ извѣстныхъ вещахъ, удивилъ меня присланнымъ отъ архимандрита *Фотія* образомъ. Я никогда не былъ знакомъ съ нимъ и мы одинъ другаго даже не видали. Нельзя не почесть его монахомъ весьма храбрымъ, ибо сражается противъ клеветы многочисленными непріятелями моими изобрѣтаемой и не скрываетъ добра, которое желаетъ мнѣ. Дѣло не легкое! Надпись на данной тебѣ имъ печати имѣетъ смыслъ значительный и, конечно, служитъ предостереженіемъ. Мнѣ видно уже не достаточно осторожности и онъ однѣми молитвами ищетъ оградить меня.

Хорошо, что взялся *Павловъ* за набожность, ибо она открыла ему путь къ мѣсту и сестрѣ не безполезна оная, ибо ею, конечно, снискано знакомство съ графинею *Орловой*, которая предложила ей домъ свой въ Москвѣ и все нужное. Посмотримъ, что Павловъ сдѣлаетъ далѣе, но какъ я говорю, доселѣ было бы выгоднѣе ему быть за кухмистерскимъ столомъ, нежели за оберъ-прокурорскимъ!

Мѣсяцъ уже какъ возвратился изъ моей поѣздки. Объѣхалъ нѣ-

которыя провинціи, гдѣ нуженъ былъ взглядъ мой и успѣлъ кое-что сдѣлать. Чрезъ мѣсяцъ опять ѣду, буду въ Кабардѣ, заѣду на воды посмотрѣть начинающіяся строенія и что дѣлается въ назначенномъ мною новомъ для полковъ расположеніи и все кончивши можетъ быть, при началѣ осени, если не воспрепятствуютъ особенныя обстоятельства, пройду и чрезъ Кавказъ, гдѣ быть новой въ Россію дорогѣ. Если успѣю сдѣлать сіе я много уже пріуготовлю отъѣздъ мой отсюда.

Прощай, принеси совершенное почтеніе мое Аграфенѣ Федоровнѣ. Я чрезвычайно доволенъ былъ узнавъ, что вы поѣхали вмѣстѣ, ибо здѣсь былъ слухъ, что она по причинѣ болѣзни въ Петербургѣ осталась. Здѣсь я нашелъ портфель съ ея портретомъ, но прежде нежели могъ я открыть его, уже вышло стекло, которымъ покрытъ портретъ и я ожидалъ, что испорчена живопись, однакоже, непонятнымъ образомъ, сохранилась оная. Я нахожу весьма много сходства, хотя артистъ, конечно, былъ не превосходный!

Скажи милой хозяйкѣ, что я воображаю ея говорящею чрезъ переводчика и что такая пріятная бесѣда, конечно, не приглашаетъ къ словоохотливости. Я съ собою всякій день сіе испытываю и прекрасныя грузинки потому не большіе слышатъ комплименты. Однакоже, весьма похвально терпѣніе, съ которымъ она привыкаетъ къ новому роду жизни и вѣроятно находятся люди и пріятные и уваженія достойные.

Прощай, писать болѣе нечего и тебѣ наскучилъ бы мелочами. Будь здоровъ и благоразумно умѣряй труды, которые всегда допускалъ ты свыше силъ и платилъ за то здоровьемъ.

Благодарю, почтеннѣйшій другъ, за деньги *тысячу рублей*, данныя *Павлову*. Я для доставленія ихъ тебѣ препроводилъ къ Красотѣ Ивану Васильевичу. Знаю, что ими ссудилъ ты тогда, какъ у самого тебя весьма мало было!

Забылъ поговорить о *Каліостро* (князѣ Меншиковѣ). Знаю весьма, что онъ не хотѣлъ и не могъ, по званію его, быть въ корпусѣ начальникомъ штаба, но онъ весьма ясно давалъ уразумѣть, что онъ принялъ бы мѣсто генералъ-маіора Сталя 2-го, т. е. командующаго войсками на Кавказской линіи и областнаго начальника и сіе можетъ казаться правдоподобнымъ, ибо мѣсто видное.

218.

8 марта 1824 г. Георгіевскъ.

Давно ничего не знаю о тебѣ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, и послѣдній срочный фельдегерь ничего не привезъ отъ тебя и ни строки отъ Красоты. Я подозрѣваю, что и сіе средство переписки не сдѣлалось-ли уже невѣрнымъ. Такъ мало у меня близкихъ, немного таковыхъ, съ кѣмъ имѣю переписку, что лишиться сего удовольствія крайне досадно! Красота скроменъ и ничего не скажетъ, но такъ мнѣ кажется. Отъ тебя онъ не утаитъ. Не знаю, какъ живешь ты на сѣверѣ, слышу, что множество, благодаря предмѣстнику, имѣешь заботъ и упражняешься въ трудахъ и дѣятельности подобныхъ прежнимъ. Ласкаю себя мыслями, что мѣста твоего не оставишь, какъ о томъ помышлялъ прежде и какъ убѣждалъ я тебя неоднократно того не дѣлать для общей и твоей собственно пользы. Воображаю не весьма веселою жизнь твою, но знаю, что къ таковой и прежде не привыкалъ ты и что занятія уменьшаютъ скуку.

Ты дружески позволялъ мнѣ говорить тебѣ мои мысли и я не измѣняя чувствъ моихъ желать тебѣ добра, еще повторю, что полезной службы твоей ты оставлять не долженъ и хотя дѣла хозяйственныя терпятъ отъ того разстройство, лучше на время изобрѣсти средство нѣкотораго улучшенія, но для сего предмета не удаляться отъ службы.

Часто случаются въ глазахъ нашихъ перемѣны и почему ты не можешь ожидать, что и тебя приблизятъ обстоятельства и что получишь бо̀льшую удобность направлять устройство твоихъ домашнихъ дѣлъ и успокоить (?) долги, много тебя досадующіе. Все это случиться можетъ!

И такъ, Петраханъ (князь П. М. Волконскій) успѣлъ устраниться отъ новой своей должности. Не мудрено, что послѣ прежней не кажется она занимательною. Уничтоженъ онъ могущественнымъ наслѣдникомъ безвозвратно. Сей подставилъ подъ себя твердыя подпоры и не колеблется развѣ при случаѣ чрезвычайномъ. Онъ дѣйствуетъ съ вѣрнѣйшимъ разсчетомъ. Но *Пе—ханъ* поступилъ благоразумно, если не грызетъ его желаніе знатности. Есть несчастные, которые преслѣдуемы ненасытимостію онаго.

Я здоровъ, перехожу отъ однихъ хлопотъ къ другимъ. Недавно укрощалъ мятежъ въ Дагестанѣ, теперь потушаю бунтъ въ Абхазіи. Сюда пріѣхалъ по множеству призывающихъ меня дѣлъ и надобно

было случиться тому еще, что генералъ-маіоръ Сталь умеръ и линія Кавказская остается безъ начальника.

Не знаю, кого мнѣ дадутъ, но сомнѣваться нельзя, что не дадутъ хорошаго. Ты вспомнишь, любезный другъ, что не разъ просилъ я *Дениса* (Давыдова). Теперь былъ бы онъ мнѣ наилучшимъ и дѣятельнымъ помощникомъ. Столько же, какъ и другой, былъ бы онъ новъ по гражданской части, но онъ умѣлъ бы заставить и пріохотить людей знающихъ усердно помогать ему, а сего многіе другіе не сдѣлаютъ. Хотя не разъ мнѣ отказано, хотя Денисъ въ отставкѣ, но я рѣшаюсь писать о немъ *чрезъ Дибича*. Посмотрю что будетъ?

Недавно получилъ отъ него письмо, изъ котораго вижу, что не такъ легко можетъ онъ привыкнуть къ спокойной и недѣятельной его жизни.

Тоже и съ тобою, а можетъ быть даже и болѣе случиться можетъ, по большему твоему къ трудамъ навыку. Утѣшаю себя, что съ человѣкомъ моихъ лѣтъ, по силамъ уже утомленнымъ, произойти сего не можетъ.

Не забываю, другъ любезнѣйшій, чувствительнаго для меня обѣщанія твоего взять нѣкогда одного изъ дѣтей моихъ на воспитаніе подъ твоимъ надзоромъ. Начинаю уже помышлять о томъ и вижу, что въ одолженіи твоемъ имѣть буду нужду. Старшій мой взростаетъ отлично умнымъ и предобрѣйшимъ. Мнѣ не сдѣлаетъ онъ стыда и тебя не заставитъ краснѣть, что облаготворишь его твоимъ о немъ попеченіемъ.

Увѣрь въ совершенномъ почтеніи моемъ милую твою хозяйку. Съ удовольствіемъ слышу, что пребываніе въ Финляндіи не находитъ она непріятнымъ. Желаю сего отъ всего сердца и не сомнѣваюсь, что если только захочетъ она, то найдетъ въ ономъ нѣкоторыя удовольствія и если небольшое, но можетъ составить пріятное довольно общество.

Прощай, люби по прежнему.

219.

10 декабря 1824 г. Тифлисъ.

Довольно уже давно не имѣю я отъ тебя извѣстія и съ послѣднимъ курьеромъ не получилъ. Красота всегда о тебѣ увѣдомляетъ. Знаю, любезнѣйшій другъ, какія непріятности сопровождаютъ служеніе

*

твое и что ты почти уже рѣшился оставить службу. Можетъ быть письмо мое найдетъ тебя къ тому приступившимъ. Жаль весьма и для службы и для тебя, ибо непродолжительное со стороны твоей терпѣніе, можетъ быть дало бы другой видъ дѣламъ твоимъ. Понравилась мнѣ приведенная Красотою на память пословица: въ годъ воды много утечетъ.

Впрочемъ, если уже палъ жребій, то могу я себѣ обѣщать, по крайней мѣрѣ, удовольствіе скоро тебя видѣть. Не можно мнѣ долго здѣсь оставаться, ибо не достаетъ силъ и занятія безпрерывныя меня утомили. Хотѣлось бы дотянуть до 40 лѣтъ службы, каковой срокъ весьма не отдаленъ, ибо по состоянію моему нельзя пренебрегать пенсіономъ, который я даже скуднымъ не почитаю. На большее ни на что я права не имѣю, но жалованье доставитъ нѣкоторое пособіе для воспитанія дѣтей. Я обогатился ими. Трое на лицо и готовится четвертый! У меня всегда сыновья и это еще счастье!

Ты меня порадовалъ мыслію построить для меня маленькій домикъ подъ Москвою. Я принимаю то за величайшее одолженіе и, конечно, имъ воспользуюсь. Неужели внѣ службы нѣтъ для человѣка удовольствій? Ты молодъ и по свойствамъ имѣешь нужду въ дѣятельности, а потому одни занятія по дѣламъ домашнимъ могутъ не наполнить всего времени. Я гораздо старѣе тебя и мнѣ кромѣ упражненій хозяйственныхъ, по состоянію моему, весьма ограниченныхъ, есть заботы воспитанія дѣтей, слѣдовательно совершенно празднымъ не буду я, но и занятій найдется достаточно.

Старикъ мой, какъ слышу я, жизнію не довольно разсчетливою порядочно поразстроилъ состояніе и умножилъ долги, слѣдовательно на первое время я и не безъ хлопотъ буду. Я тебѣ никогда не говорилъ о семъ, ибо матерія не самая пріятная, да и самъ не хотѣлъ тому вѣрить. Какъ нерѣдко случается, что люди старые возвращаются къ погрѣшностямъ молодости.

Научи меня, какъ приступить мнѣ къ испрошенію дѣтямъ моимъ дворянскаго достоинства и какой-нибудь фамиліи? Чрезъ кого я долженъ дѣйствовать? Весьма недавно были примѣры и, между тѣмъ, сдѣлали то для генералъ-лейтенанта Талызина. Неужели мнѣ-то откажутъ? Я ожидать буду обстоятельнаго отъ тебя увѣдомленія.

Ты, конечно, уже знаешь великодушный поступокъ графини Орловой съ моею сестрою. Это великое благодѣяніе, дающее сестрѣ средства безбѣднаго существованія. Какъ восхищенъ я тѣмъ и что не было крайности прибѣгнуть къ другимъ способамъ. Благодарю Бога, что не

былъ я въ положеніи просить для нихъ. Тягостно принять благодѣяніе, не имѣя на оное права, не оказавъ заслугъ. Еще благотворящая судьба до того не допустила!

Я воображаю тебя въ Петербургѣ свидѣтелемъ большихъ перемѣнъ, новыхъ на сценѣ лицъ! Такъ, другъ почтенный, все перемѣняется. Такъ прешедшими увидимъ мы могущественнѣйшихъ!

Я, благодаря Бога, мнѣ милосердаго, здоровъ; лѣта смиряютъ кипящій мой характеръ и я ко всему привыкаю! Въ столицѣ по прежнему сильные не благоволятъ мнѣ. Пріучаюсь къ отказамъ, хотя себѣ собственно ничего не прошу. Знакомлюсь съ неудовольствіями и не долженъ роптать, ибо, конечно, не одинъ я имъ подверженъ.

Прощай, пиши ко мнѣ; все до тебя касающееся меня занимаетъ. Люби меня по прежнему, ибо не для привѣтствія скажу, что нѣтъ у меня ближайшаго къ сердцу человѣка.

Скажи мое почтеніе милой хозяйкѣ и поцѣлуй у нея за меня ручку.

220.

20-го января 1825 г. Тифлисъ.

Раздѣляющее насъ разстояніе сдѣлало переписку нашу весьма рѣдкою. Почти никого не вижу я кромѣ срочныхъ фельдъегерей, и если кто пишетъ ко мнѣ, въ каждомъ замѣчаю ту же осторожность, какъ бы и по почтѣ. Держится и Красота сего правила, и такъ я одинъ никакихъ извѣстій не имѣю и только отъ другихъ нѣчто слышу. Скучно жить подобнымъ образомъ въ такомъ отдаленіи.

Что дѣлаешь ты, любезный другъ, съ собою? Знаю намѣреніе твое оставить теперешнее мѣсто и смотрю въ приказы, кто назначается на оное? Бенкендорфъ случившимся въ пользу его наводненіемъ, кажется, сблизился съ Финляндіею. Думаю, я не ошибаюсь, ибо сыпятся милости на все ему принадлежащее!

Исчезъ со сцены Уваровъ и, воображаю, сколько было готовящихся на его мѣсто. Но, конечно, никому не приходилъ въ голову теперешній начальникъ!

Отпускъ Раевскаго, кажется, продолжительнымъ и едва-ли, по состоянію здоровья его, возвратится онъ на службу. Для военнаго времени имѣлъ онъ весьма полезныя способности. До меня дошелъ слухъ о какихъ-то будто бы потерпѣнныхъ непріятностяхъ, но вѣрнаго не знаю.

Въ послѣднее производство не попалъ братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) и сего жаль очень. Онъ большія дѣлаетъ у себя перемѣны и хищниковъ настойчиво преслѣдуетъ. Но сильно и многочисленно сіе сословіе и одолѣть его невозможно. Разумѣетъ онъ, что Дибичъ долго его въ семъ чинѣ не задержитъ.

Сабанѣевъ нашъ, какъ умный человѣкъ и славный офицеръ, какъ слышу, важно заправлялъ дѣлами и въ строгомъ порядкѣ. Теперь изъ людей знатныхъ возвратился въ наше состояніе. Полезно, что его лучше узнали. Есть о Красотѣ слухи, что идетъ въ отставку. Жаль сего, и какъ онъ слушается тебя, я на твоемъ мѣстѣ воспретилъ бы ему, ибо онъ для сей должности человѣкъ отлично способный и по службѣ надѣяться можетъ на хорошую перспективу. Слышу, будто не расположенъ къ нему дежурный генералъ, но весьма хорошо знаетъ его и уважаетъ Дибичъ; слѣдовательно, терять онъ ничего не можетъ.

Такимъ образомъ небольшое число знакомыхъ моихъ въ Петербургѣ еще уменьшится.

Успѣшно-ли идетъ строеніе твое на *Трехъ горахъ?* Мнѣ полезно знать о семъ, ибо тамъ есть и для меня уголъ, какъ по дружески обѣщалъ ты мнѣ. Нѣкогда заживемъ мы въ пріятной свободѣ и безпечности. Тебѣ много представятъ занятій разстроенныя дѣла твоего хозяйства, а мнѣ предлежитъ забота о воспитаніи взростающихъ рыцарей.

Скажи мнѣ, какими путями испрашивается фамилія и дворянское достоинство *воспитанникамъ*, чему есть многіе примѣры и еще весьма недавно сдѣлано то для генералъ-лейтенанта Талызина, человѣка не чрезвычайно знаменитаго. Можетъ быть и мнѣ не откажутъ. Я ожидаю твоего наставленія и никому о томъ не говорилъ.

Я здоровъ, живу въ той же скукѣ, въ тѣхъ же заботахъ. Прошедшій годъ богатъ былъ разными досадными происшествіями и сопровождался многими непріятностями. Болѣзни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произвели ужасныя опустошенія. И у насъ было наводненіе и на берегахъ Мингреліи разбило небольшое военное наше судно.

Милой супругѣ твоей приношу мое совершенное почтеніе. Воображаю, какъ мало станетъ она жалѣть, когда разстанешься ты съ прелестнымъ твоимъ краемъ. Не думаю, чтобы большими весьма удовольствіями сопровождалось ваше тамъ существованіе, — я по себѣ сужу, ибо по одному жестокому климату, я бы туда не пошелъ въ цари.

Прощай, продолжи мнѣ безцѣнную твою дружбу.

Изыщи случай доставить мнѣ списанныя для тебя *записки мои кампаніи 1812 г.* Я сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя поправки и даю

тебѣ слово прислать копію. Я прежде писалъ тебѣ о семъ, но ты не отвѣчаешь и меня досадуетъ твоя недовѣрчивость. Здѣсь мало мнѣ свободнаго времени, но я также успѣлъ намарать нѣкоторыя для памяти записки и намѣреваюсь въ свободной нѣкогда жизни привести ихъ въ порядокъ для воспоминанія о пребываніи моемъ здѣсь и занятіяхъ его сопровождавшихъ.

221.

12-го іюля 1825 г Тифлисъ.

Отвѣчаю на письмо твое съ Павловымъ отъ 13-го марта и кажется большаго не надобно доказательства, какъ рѣдка наша переписка и сколько на прежнюю не похожа. Мало вѣрныхъ случаевъ, съ которыми бы можно было писать и Красота собственнымъ примѣромъ осторожности научилъ меня быть осмотрительнымъ.

Съ какимъ удовольствіемъ прочелъ я, что готовится домъ на *Трехъ горахъ,* и что въ немъ будетъ и для меня уголъ. Не заставлю я повторить о семъ извѣстіи, ибо такъ велико мое желаніе тѣмъ воспользоваться.

Надобно, другъ любезнѣйшій, чтобы когда нибудь насъ соединила жизнь свободная. Почему не желать намъ жить для себя нѣкоторое время? Ты приведя въ устройство твое имѣніе, на службу еще можешь возвратиться, если спокойствіе тебѣ наскучитъ. Умѣренныя лѣта твои допустятъ то сдѣлать и, между тѣмъ, поправится потерпѣвшее здоровье.

Не въ томъ положеніи я, ибо уже къ старости клонятся мои лѣта и мнѣ уже почти не принадлежитъ удовольствіе. Не по силамъ были труды мои и утомленіе призываетъ болѣзни. Прошу Бога, чтобы могъ разстаться со службою безъ большихъ оскорбленій.

Скоро возростутъ дѣти и потребуютъ воспитанія, вотъ въ праздности мои занятія. Кажется, они даютъ хорошую надежду и не заставятъ жалѣть о употребленныхъ на нихъ трудахъ.

Ты не чувствуешь какое благодѣяніе мнѣ оказываешь, желая взять одного изъ сыновей. Кому лучше могу я его ввѣрить и чье будетъ великодушнѣе о немъ попеченіе? Не малымъ одолженіемъ почитаю я и то, что буду облегченъ въ издержкахъ, чего равнодушно нельзя принимать по моему состоянію, коего я не имѣю средствъ улучшить, ибо служба мнѣ ничего не доставитъ.

Пособіе, которое я отъ тебя одного соглашусь принять, дастъ мнѣ способъ безъ нужды воспитать другихъ дѣтей и я тогда по справедливости назову себя счастливѣйшимъ человѣкомъ.

Воображаю какъ гордо я живу на Трехъ горахъ, ибо ни въ комъ не имѣю нужды. Не думаю, чтобы было трудно разстаться съ суетною жизнью, особливо какъ оставишь съ нею вмѣстѣ преслѣдованія досады и горести. Не отмѣни твоего намѣренія взять моего сына, это меня много успокоиваетъ и утѣшаетъ.

Нѣтъ мнѣ времени самому смотрѣть за нимъ, а ты можешь его поручить кому нибудь изъ приверженныхъ тебѣ людей, чего я не могу сдѣлать. Я ѣду скоро на линію, увижу тамъ Сабанѣева, который уже давно пріѣхалъ къ водамъ, увижу Кикина и спрошу, что его заставляетъ куртизанствовать?

Братъ Михайло (графъ Воронцовъ), кажется, прекрасно обработалъ свои дѣла. У него все идетъ какъ по маслу, и онъ, конечно, доволенъ. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ много хорошаго. Разоряетъ управляемый имъ край греческая война, ибо пресѣклась торговля. Дорого намъ это стоитъ и отзовется впослѣдствіи.

Здѣсь я сосѣдъ турокъ, и слышу, что обстоятельства ихъ не въ лучшемъ положеніи. Богъ, удаливъ отъ грековъ помощь царей христіанскихъ, взялъ ихъ дѣла въ свою опеку.

Павловъ мой пріѣхавъ на линію заболѣлъ, и потому не могъ мнѣ ничего сообщить, и о тебѣ ничего не знаю. Изъ приказовъ вижу, что ты объѣзжалъ управляемый тобою край и корпусъ. Вотъ всѣ извѣстія.

Я живу въ тѣхъ же заботахъ и хлопотахъ, спорю съ персіянами за границы и потому еще не на линіи, гдѣ ожидаетъ меня множество дѣлъ. Немного у меня было помощниковъ, но мнѣ дали еще Лисаневича, который самыхъ обыкновенныхъ понятій не имѣетъ и послѣ сего будутъ кричать, что я въ дѣлахъ не имѣю успѣха. Послѣ смерти Сталя, я просилъ о Денисѣ (Давыдовѣ), но мнѣ отказано такимъ образомъ, что я и рта не могу болѣе разинуть. Жаль, что его хорошо не знаютъ и остаются его способности безполезными.

Скажи мое совершеннѣйшее почтеніе милой хозяйкѣ, я воображаю ея скучную жизнь въ вѣчныхъ льдахъ твоего края. Прощай, желаю тебѣ здоровья и успѣха. До Трехъ горъ прощай! Душевно любящій и вѣрный *Ермоловъ*.

Слышу, что Тимковскій опредѣляется къ брату Михаилу, жаль если о немъ онъ будетъ говорить столько же мерзостей, какъ обо мнѣ. Здѣсь онъ ничего не дѣлалъ, не желалъ занятій, которыя я ему пред-

лагалъ, любилъ праздность, весьма любилъ вино, а послѣ ругаетъ, что онъ напрасно много времени потерялъ. Прекрасныя свойства!

222.

13-го декабря 1825 г. Кавказская линія.

Не имѣя случая, не отвѣчалъ я тебѣ на послѣднее письмо, теперь пользуясь отъѣзжающимъ фельдъегеремъ скажу нѣсколько словъ. Я выѣхалъ въ концѣ іюля изъ Тифлиса, въ началѣ августа былъ болѣнъ безъ всякой надежды, и отказался отъ всякихъ лекарствъ, ибо не было спасенья кромѣ Бога, и я выздоровѣлъ. Едва поднялся на ноги, я пустился противъ мятежниковъ. Не было почти никакихъ дѣлъ, а я и выстрѣла не слыхалъ до сего дня, но присутствіе главнаго начальника, съ которымъ здѣшніе народы предполагаютъ всегда ужасныя ополченія, безпрерывныя движенія, къ которымъ понуждали меня мои весьма небольшія силы и чего мятежники не разумѣютъ, заставили ихъ смириться и обуздали ихъ предпріимчивость. Явившійся между ними пророкъ потерялъ много довѣренности и переставъ прорицать успѣхи, сдѣлался по прежнему дуракъ дуракомъ!

Недавно начавшаяся худая погода обратила мои легіоны подъ крышку на Кавказскую линію, однакоже не на долго, ибо вскорѣ намѣреваюсь идти не для усмиренія уже, но для наказанія.

Что̀ будутъ дѣлать чертоги, устроенные *на Трехъ горахъ*, *гдѣ*, по дружбѣ, ты мнѣ назначилъ уголокъ. Думаю, что обстоятельства измѣнятъ твои намѣренія, и мы Богъ знаетъ когда увидимся. Но ты не измѣнишь твоего дружескаго ко мнѣ расположенія и великодушнаго намѣренія взять на воспитаніе одного изъ моихъ сыновей. Онъ не опоздалъ, ибо ему только недавно пять лѣтъ, но я хочу его отправить въ будущемъ году. Не знаю, какъ ты его пристроишь и кому поручишь на руки? Нѣтъ-ли у кого изъ твоихъ друзей учащихся дѣтей, вмѣстѣ съ ними было бы всего лучше, но тебѣ не должно забыть, что мой сынъ не имѣетъ моей фамиліи, ибо жаль было бы, еслибы онъ съ самаго младенчества почувствовалъ пренебреженіе къ нему.

Мало людей чуждыхъ предразсудковъ.

Подумай о семъ, какъ мой добрый и постоянный другъ!

Ты спрашиваешь о родѣ воспитанія. На сіе скажу въ отвѣтъ: пусть имѣетъ хорошія правила и будетъ честный человѣкъ. Надобно

твердить ему, что происхожденіе и бѣдность его могутъ вознаградить одни достоинство и способность. Одинъ для него путь, военная служба! Дѣтямъ буду просить дворянское достоинство: многимъ оное дали, неужели откажутъ мнѣ одному.

Приближающаяся старость истолковываетъ обязанность ускорить ихъ образованіемъ, ибо, кажется, сіе одно останется наслѣдіе.

Принеси мое совершенное почтеніе милой хозяйкѣ Аграфенѣ Федоровнѣ.

Будь здоровъ и благополученъ. Прощай!

223.

12 января 1826 г. Кавказская линія.

Проживая на Терекѣ, въ казачей станицѣ, въ глуши ужаснѣйшей, конечно, не о чемъ писать тебѣ, но пишу для того, чтобы сказать тебѣ, что я здоровъ, и симъ отвратить какіе-нибудь изобрѣтательные на мой счетъ слухи.

О насъ обыкновенно говорятъ, что мы всѣ вырѣзаны, все истреблено и линіи уже не существуетъ. Я въ короткое время по нѣсколько разъ убитъ или раненъ.

Могутъ тебя по дружбѣ подобные слухи безпокоить, и если ты въ десятую повѣришь долю, то уже довольно будетъ по разсказамъ!

Я, шатавшись болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ будто для того возвратился на линію, чтобы услышать о кончинѣ Императора и въ то время, когда предупрежденъ будучи многими извѣстіями, что Императрица Елисавета Алексѣевна намѣрена пріѣхать къ минеральнымъ здѣшнимъ водамъ, послалъ я въ Таганрогъ нарочнаго съ письмомъ къ князю Волконскому, дабы въ томъ удостовѣриться и успѣть сдѣлать нужныя къ веснѣ пріуготовленія. Представь, какъ должно было поразить внезапное извѣстіе!

Съ братомъ Михайлою (графомъ Воронцовымъ) давно мы взаимно замолкли, но ему, конечно, не мало было хлопотъ по случаю печальнаго происшествія въ областяхъ его управленія. Спасибо Свиньину, онъ пропечаталъ, что для меня купилъ онъ дачу въ Крыму и въ прекрасномъ мѣстоположеніи. Писатель обнаружилъ его деликатность и можетъ быть лишилъ удовольствія сдѣлать какой-нибудь *сюрпризъ!*

Примѣчаешь-ли ты, любезный другъ, что совсѣмъ не воображая, дѣлаюсь я обладателемъ разныхъ увеселительныхъ замковъ. Таковой

и также въ Крыму строитъ мнѣ Поповъ и помнится о намѣреніи и на *Трехъ горахъ* устроить для меня пребываніе. Не знаешь-ли ты чего-нибудь о семъ? Признаюсь, что довольно выгодно имѣть столько попечительныхъ пріятелей! Доселѣ распоряжаю я чужими средствами, своей собственности не имѣя, кромѣ той, въ которой ты со мною обѣщалъ подѣлиться, и распоряжаю, кажется, довольно благосклонно!

Прощай, поклонись отъ меня милой хозяйкѣ. Когда мы увидимся?

224.

25 февраля 1826 г. Кр. Грозная.

Душевно поздравляю тебя съ полученною отъ Государя наградою. Восхитительна подобная справедливость, когда не забыты многіе другіе.

Не менѣе радъ, что есть причина, долженствующая удержать тебя въ службѣ, чего всегда я желалъ для пользы оной.

Я здоровъ, таскаюсь по чеченской землѣ, наказываю злодѣевъ за гнусную измѣну, наказываю строго!

Живу на бивуакахъ, союзница моя зима строгая, она не менѣе караетъ ихъ! Всѣ укрываются въ лѣсахъ, страждутъ семейства, страхъ распространился ужаснѣйшій.

Надобенъ примѣръ наказанія непокорныхъ! Въ злодѣйской странѣ здѣшней всегда много готовыхъ на возмущеніе.

Думаютъ, что я не тѣ употребляю мѣры, которыя надобны, хотятъ евангельской кротости. Жду мудреца на мое мѣсто.

До васъ доходятъ слухи по большей части несправедливые, можетъ быть съ намѣреніемъ вредить мнѣ; слухи всегда не въ пользу нашу.

Ты по дружбѣ ко мнѣ безпокоишься таковыми, но я для того пишу, чтобы ты зналъ нелѣпость ихъ.

Не думай, другъ любезнѣйшій, обо мнѣ. Неужели въ десять лѣтъ моего здѣсь пребыванія, я не познакомился съ землею, съ народами и не знаю, что они могутъ сдѣлать и что для меня возможно.

Пусть умствуютъ завиствующіе, я все дѣлаю, что умѣю и дѣлаю усердно.

Клевета противъ меня все истощила и мнѣ худшаго ожидать нельзя.

Поклонись отъ меня милой хозяйкѣ. Прощай!

225.

31-го марта 1826 г. Кавказская линія.

Получилъ письмо твое отъ 11-го марта.

Прежде всего скажу сколько обрадованъ я извѣстіемъ о беременности Аграфены Федоровны и воображаю восхищеніе твое. И такъ будетъ у тебя рыцарь, а если на первый случай и красавица, то и ею можно любоваться.

Это маленькое существо,—удовольствіе вашей домашней жизни сдѣлаетъ несравненно пріятнѣйшимъ.

Попеченія о ней доставятъ любезной супругѣ твоей восхитительныя занятія, и я отъ всего сердца могу тебя поздравить.

Наконецъ успокоился ты на мой счетъ и увидѣлъ, что увеличенные разсказы о происшествіяхъ въ здѣшней странѣ такъ же мало достойны были вѣроятій, какъ вымышляемые до сего.

Была на мой собственно счетъ молва довольно оскорбительная, но, конечно, таковая принята была тобою за нелѣпую. Я уже перестаiъ трогаться подобными! Вѣрь, другъ любезнѣйшій, что ничѣмъ постыднымъ не заставлю краснѣть моихъ пріятелей! Ты знаешь лучше другихъ мои правила и что меня даже и то бѣситъ, когда я вижу поступки другихъ преступными.

Благодарю за приказаніе прислать моего старшаго рыцаря. Я помню твое обѣщаніе и полагаюсь на твою дружбу. Не разумѣю обѣщанія иначе какъ милостію, но чтобы не оскорбить твою деликатность, я соглашаюсь признавать милостію для юноши. Воспитаніе дашь ты ему приличествующее военному человѣку, а если противны тому будутъ его наклонности, онѣ не скроются и покажутъ направленіе, которому слѣдовать выгоднѣе. Пусть изъ него будетъ то, что судьбѣ угодно, одно лишь необходимо, чтобы онъ имѣлъ хорошія правила, во всякомъ состояніи весьма уважительныя!

Ты пишешь, что братъ Михайло (графъ Воронцовъ) болѣнъ, но я не зналъ о семъ, хотя изъ ближайшихъ къ нему по разстоянію. Впрочемъ, говоришь однакоже, что скоро будетъ въ Петербургѣ, слѣдовательно болѣзнь не можетъ быть опасною.

Ты разрушилъ благополучіе мое, подозрѣвая, что Свиньинъ поетъ хвалу одной крымской дачѣ, но не мнѣ принадлежащей. Сразилъ ты меня, ибо не знаю почему мечталъ я, что я обладатель сего сокровища?

А легко быть можетъ и кажется правдоподобнѣе, что если дача

прелестна, то барона Дибича, ибо *даровавшій* оную имѣлъ нѣкоторые способы. Когда пріѣдетъ братъ Михайло, удостовѣрься въ семъ.

Совсѣмъ бы не мѣшало имѣть мнѣ тамъ пристанище, ибо съ давняго времени жизнь въ тепломъ климатѣ, особенно же послѣднія десять лѣтъ здѣсь, полуденный край сдѣлался мнѣ необходимою на старость потребностію.

Пишешь о желаніи оставить Финляндію. Не удивляюсь сему, хотя мѣсто весьма важное и видное. Но радъ я, что, до нынѣшняго времени, не успѣлъ ты оставить службы и торжествую, что я всегда былъ того мнѣнія, что тебѣ удаляться не должно.

Что старикъ твой пустился въ мотовство? Неужели надъ нимъ не имѣете вы никакой силы убѣжденія? Жаль однакоже, что онъ сдѣлалъ много долговъ и поставляетъ тебя въ необходимость приступить къ раздѣлу имѣнія. Чѣмъ виноваты несчастные, которые попадутся въ его управленіе и не лучше-ли бы было сдѣлать другое какое-либо распоряженіе? Жаль, что я давно не видался съ прихотливымъ старикомъ, я думаю, что я устыдилъ бы его расточительностію. Нѣкогда онъ слушался моихъ внушеній. Ты съ деликатностію своею ничего не сдѣлаешь!

Меншиковъ проѣхалъ, и я собственно для пользы здѣшняго края и даже для моего спокойствія желаю ему успѣха.

Шрёдеръ возвратилъ мнѣ мои часы, но въ нихъ не сдѣлано, что я желалъ. Видно человѣкъ аккуратный! Кто мнѣ ихъ возвратилъ я не знаю, ибо даже записки при нихъ не было.

(Приписка). Могу поздравить васъ, милая хозяйка, чуть было не сказалъ отъ радости прямо какъ желалъ, но поправился и скажу, что съ праздникомъ, ибо къ сему точно времени пріѣдетъ фельдъегерь. Однакоже я вижу, что вы не разсердитесь, если говорить стану и о беременности. Молодой женщинѣ это украшеніе и въ глазахъ каждаго дѣлаетъ ее интересною. Первая мысль матери имѣть дочь, а я успѣлъ уже пожелать вашему мужу солдата. Я и потому сего желаю, чтобы не лишиться удовольствія, когда я пріѣзжаю, жить у васъ по прежнему въ домѣ, иначе вы, конечно, не допустите, чтобы я, молодой человѣкъ и женихъ, жилъ въ одномъ домѣ съ дѣвушкою. Злословіе дастъ мѣсто вымысламъ! И такъ право лучше солдата!

Прощайте, милая хозяйка, вы сто разъ будете мнѣ милѣе и безцѣннѣе, сдѣлавъ счастіе истиннаго и рѣдкаго моего друга.

Прочти, почтенный Арсеній Андреевичъ. Прощай.

226.

30 мая 1826 г. Станица Червленная.

Благодарю за письмо, которымъ обрадовалъ ты меня, извѣщая о твоемъ выздоровленіи. Я ничего не зналъ, ибо давно весьма не было отъ тебя ни строки. Воображаю восхищеніе твое беременностію Аграфены Федоровны и точно ты въ семейной жизни твоей познаешь такое удовольствіе, о которомъ не имѣлъ ты понятія.

Ты отослалъ ее въ Москву, полагая, что и самъ скоро туда поѣдешь, но теперешнія обстоятельства должны тебя отдалить отъ нее па нѣкоторое время, а весьма нужно бы предъ родами имѣть за нею наблюденіе, ибо едва-ли будетъ она довольно осторожна.

Не вообразишь, какъ я желаю, чтобы у тебя былъ сынъ, ибо моему хорошо бы было при немъ жить и впослѣдствіи даже учиться. Моему только 6-й годъ, слѣдовательно сколько-нибудь еще времени случиться имъ сидѣть вмѣстѣ за книгою.

Ты пишешь, что братъ Михайло (графъ Воронцовъ) купилъ для меня въ Крыму дачу и даже въ прелестномъ мѣстоположеніи. Онъ хочетъ предложить мнѣ ее въ подарокъ, но со всѣмъ тѣмъ, что сіе не разоритъ его, ибо говоришь ты, что стоитъ 5000 руб., но я не рѣшаюсь принять безъ твоего на сей счетъ мнѣнія. Скажи мнѣ его чистосердечно, ибо ни отъ кого другаго я онаго не потребую.

Я непремѣнно желаю имѣть въ Крыму небольшое пристанище, ибо по домашнимъ обстоятельствамъ моимъ, негдѣ мнѣ помѣстить моего семейства, если случится мнѣ выѣхать отсюда къ другому назначенію или вовсе удалиться отъ службы. Но при всемъ томъ я въ состояніи заплатить столько умѣренную цѣну, о какой ты пишешь. Можно сдѣлать сіе такимъ образомъ, что братъ Михайло не обидится. Придумай ты, какъ это сдѣлать и, наконецъ, вотъ средство послѣднее: ты сію дачу возьми для себя и даже упроси его, чтобы прикупилъ къ ней лѣсу, какъ онъ самъ предлагаетъ. Быть не можетъ, чтобы нуждался онъ въ суммѣ, что все это стоить будетъ, слѣдовательно денегъ тотчасъ отъ тебя не потребуетъ, а я въ продолженіе нынѣшняго еще года вышлю къ тебѣ деньги и за лѣсъ и за дачу вмѣстѣ.

Не думай, почтеннѣйшій другъ, чтобы это сколько-нибудь меня разстроило. Ты знаешь, что у меня есть нѣсколько денегъ, а къ тому еще кочующая моя жизнь, почти каждый годъ, доставляетъ мнѣ средства сберечь нѣкоторые остатки. Таковыхъ на все слишкомъ будетъ

достаточно и я уже, на сей собственно предметъ, приказалъ требовать изъ казенной палаты столовыя мои деньги по Кавказской области. И такъ, я уже не ожидаю никакихъ затрудненій. Между тѣмъ Поповъ строитъ мнѣ небольшой домикъ въ своемъ имѣніи, который охотно я принимаю, гдѣ на первый случай будетъ убѣжище моей семьѣ, пока приведется въ порядокъ дача.

Все, благодаря Бога, устроится и меня сіе не мало успокоиваетъ. Пиши ко мнѣ.

Поклонись отъ меня милой хозяйкѣ. Я не пишу къ ней, ибо не знаю, какъ доставить отвѣтъ.

Богъ знаетъ, когда мы увидимся?

Я возвратился изъ *Чечни* и, кажется, за мятежъ, за убіеніе нашихъ генераловъ, отомщено порядочно злодѣямъ.

Желалъ бы я дать имъ чувствовать болѣе, но всѣ бѣгутъ, скрываются въ лѣсахъ, и страхъ, повсюду распространившійся, не допускаетъ ихъ схватиться съ нами съ твердостію. Словомъ, всѣ мы не узнаемъ чеченцевъ, которые имѣли репутацію быть здѣсь изъ храбрѣйшихъ.

Черезъ мѣсяцъ я въ Тифлисѣ. Прощай!

227.

19 іюня 1826 г. Екатериноградъ.

Слышу, что твоя болѣзнь продолжается и жалѣю, что такъ долго не можешь отъ нея отдѣлаться.

Недавно писавши къ тебѣ, ничего не остается сказать, развѣ мою догадку, что, конечно, за скорымъ отъѣздомъ брата Михайла (графа Воронцова) ты не успѣлъ переговорить съ нимъ о дачѣ на берегу Чернаго моря. Онъ, конечно, уступилъ бы ее тебѣ, если же обидится тѣмъ, что я не хочу отъ него принять оной, а иначе нельзя получить ее, то я соглашусь принять, особливо же судя по весьма умѣренной и, можно сказать, ничтожной цѣнѣ ея, что она не прихотлива, я его не разорю и буду еще въ состояніи поквитаться какимъ-нибудь образомъ. Жаль только, что это будетъ пустошь и никакого на ней пріюта.

Впрочемъ Поповъ выводитъ меня изъ затрудненія, какъ прежде тебѣ писалъ.

Надобно когда-нибудь подумать о хозяйствѣ. Лѣта моего отца не

молодыя,—когда мнѣ уже 50-й годъ,—слышу, что слабѣетъ примѣтнымъ образомъ, домашнія дѣла въ совершенномъ разстройствѣ и небольшое состояніе обременяется долгами.

Десятилѣтнее здѣсь пребываніе и мой вѣкъ сократило. Меня уже начинаютъ посѣщать болѣзни, съ которыми не бывалъ знакомъ прежде. Два года уже скоро, какъ смотрю въ очки, и силы, прежде неистощимыя, ощутительно измѣняютъ.

Когда остановлю мысль на положеніи моемъ, съ какимъ чувствомъ благодарности принимаю одолженіе твое, что берешь на воспитаніе одного изъ дѣтей моихъ. Боялся оскорбить тебя и потому вмѣсто благодѣянія, написалъ нехотя одолженіе.

Теперь надобно къ совершенной моей радости, чтобы милая хозяйка твоя родила сына и тогда мой, пятью годами старѣе, по природѣ весьма скромный, совсѣмъ не рѣзвый и не похожій на возрастъ свой, будетъ за твоимъ наблюдателемъ.

Изъ моего, какъ я сказалъ прежде, сдѣлай добраго человѣка и это не трудно будетъ по его наклонностямъ и сдѣлай военнаго. У него не будетъ ничего и онъ все доставать долженъ трудами и службою.

Ты пишешь, что надѣешься быть въ Москвѣ; мнѣ крайне жаль, что не могу пріѣхать на коронацію, ибо неприлично отлучиться отсюда, пока князь Меншиковъ не кончилъ переговоровъ своихъ съ Персіею. Не сомнѣваюсь, что все сдѣлаетъ онъ наилучшимъ образомъ, но не менѣе того я долженъ ожидать окончанія. Если бы не такъ скоро была коронація, я непремѣнно просилъ бы позволенія пріѣхать. Завтра, если успѣю, отправлюсь въ Грузію, но прежде осмотрю проложенную чрезъ Кабарду новую отъ Владикавказа дорогу.

Скоро уже годъ, какъ я изъ Тифлиса и время сіе провелъ самымъ скучнымъ и безпокойнымъ образомъ.

Прощай, почтеннѣйшій другъ и не забывай меня.

228.

13-го іюля 1827 г.

Давно чрезвычайно не писалъ я тебѣ, но теперь начну благодарностію за сына моего. Ты дѣлаешь благодѣяніе юношѣ, который вступитъ въ свѣтъ безъ всякаго покровительства и съ единственнымъ наслѣдствомъ толпы непріятелей моихъ, никакихъ другихъ правъ не имѣя. Будь милостивъ къ нему, любезнѣйшій другъ! Я предувѣдомлю тебя,

когда его отправлю, но, конечно, не прежде будущей весны. Сдѣлай къ тому времени твое распоряженіе. Ученіе его прикажи учредить такимъ образомъ, чтобы онъ зналъ иностранные языки нужные и пріуготовленъ былъ къ военной службѣ, если не обнаружится другихъ рѣшительныхъ наклонностей. Всего прежде нужно, чтобы онъ былъ добрый человѣкъ и непоколебимыхъ правилъ чести. Можетъ быть сіе послѣднее небольшія принесетъ выгоды въ жизни, но онъ будетъ умѣть находить утѣшеніе, если природа надѣлитъ его дарованіями.

Я 15-го числа прошедшаго іюня пріѣхалъ въ деревню къ старику отцу моему, которому придало силы мое присутствіе. Старикъ съ неописаннымъ великодушіемъ принялъ дѣтей моихъ и называетъ ихъ сиротами. Я живу весьма покойно и сія жизнь кажется мнѣ не безъ пріятностей. Давно нужно мнѣ было отдохновеніе, къ которому впрочемъ могъ я перейти не такимъ образомъ. Но, почтеннѣйшій другъ, чиста у меня совѣсть и не оставитъ судьба безъ наказанія враговъ моихъ, оклеветавшихъ меня предъ Государемъ. Что̀ дѣлали со мною въ Грузіи! Какой . . . . . ябедникъ Паскевичъ, непостижимо! Когда нибудь увидѣвшись переговоримъ. Желтухинъ заѣзжалъ ко мнѣ на нѣсколько часовъ и мнѣ любопытно было его посѣщеніе.

Теперь прошу тебя объяснить мнѣ, какимъ образомъ пожаловано мнѣ 5,000 рублей серебромъ столовыхъ денегъ? Государь и безъ сей новой милости пожаловалъ мнѣ жалованье по чину и столовыя деньги по званію корпуснаго командира, чѣмъ я совершенно былъ доволенъ и чего (ничего) болѣе не могъ желать. Теперь, если 5,000 рублей серебромъ отмѣняютъ прежнее назначеніе, то я въ накладѣ, ибо сего послѣдняго дара, если и не смѣлъ я отказать, то, по крайней мѣрѣ, не обращу въ свою пользу, что увидишь изъ прилагаемой у сего копіи письма моего графу Дибичу. Я не долженъ былъ поступить иначе и, конечно, ты ожидалъ отъ меня сего. Угадываю, что непріятели и самую милость Государя будутъ умѣть истолковать во вредъ мнѣ. Скажутъ, что мнѣ заплачено за удаленіе меня изъ службы и обнаруженіе негоднымъ. И по истинѣ такова наружность сей награды. Увѣдомь меня, сохранятъ-ли мнѣ прежнее жалованье и столовыя деньги, указомъ 4-го апрѣля министру финансовъ данныя?

Я теперь занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ моей библіотеки, которая не будучи весьма большою, довольно однакоже хороша. Ѣзжу верхомъ, дабы сохранить прежнюю подвижность и по возможности продолжить какого либо рода дѣятельность. Не вѣрь, почтеннѣйшій другъ, распускаемой на счетъ мой лжи, что будто я облѣнился, сдѣлался празд-

нымъ и лишился прежней способности. Все это изобрѣтено злобою и ты увѣришься въ томъ при свиданіи. Вѣрь, что я не потерялъ правъ на прежнюю твою дружбу.

Находясь въ 12-ти верстахъ отъ Орла, я тамъ еще не былъ и у меня нѣтъ тамъ знакомыхъ, какъ будто въ иностранномъ городѣ. Зимою, однакоже, надобно жить тамъ, ибо въ деревнѣ домъ изъ щепокъ и нѣтъ ни одной печи. Желалось бы побывать зимою въ Москвѣ, но не знаю удастся-ли; впрочемъ, жалованье даетъ средства. Не подумай, что я говорю о 5,000 руб. серебромъ, я не коснусь ихъ! Что если бы домашнія дѣла твои привели тебя въ Москву и могли бы мы пожить нѣсколько времени вмѣстѣ? Сомнѣваюсь я въ семъ и кажется забавляю себя пустою надеждой. Напиши, однакоже, будетъ ли сіе возможнымъ.

Прощай, любезный другъ, узнай какъ будетъ *новымъ графомъ* принято письмо мое, которое я съ тѣмъ писалъ, чтобы по оному было доложено Государю. Мнѣ можетъ быть одно и осталось преимущество не казаться корыстолюбивымъ и сего не намѣренъ я лишиться.

Здѣсь слышу, что братъ Михаилъ (графъ Воронцовъ) скоро возвратится. Напомни ему о дачѣ на полуденномъ берегу Крыма. Быть можетъ онъ забылъ о семъ, но теперь было бы сіе весьма прилично и я не отказалъ бы.

Продолжи мнѣ лестную свою дружбу.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Копія съ письма Ермолова къ графу Дибичу отъ 13-го іюля 1827 года.

Спѣшу отозваться на почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, извѣщающее о новой наградѣ, которою Его Императорское Величество Всемилостивѣйше ущедрять меня изволитъ, назначая 5,000 рублей серебромъ въ годъ столовыхъ денегъ.

Исполненный вѣрноподданническихъ чувствъ признательности принялъ я прежнюю милость Государя, которою опредѣлено мнѣ жалованье по чину и столовыя деньги по званію корпуснаго командира. Милость сія, оказываемая другимъ въ одинхъ со мною чинахъ, въ одинаковомъ положеніи,—столько, по образу жизни моей, велика для меня, что всякій другой даръ содѣлываетъ излишнимъ. Но не осмѣливаясь уклониться новой награды, дабы не умножить неблаговоленія Его Императорскаго Величества, которое имѣю несчастіе явно носить на себѣ, я, пріемля оную, буду чувствовать обязанность мою щедроту Монарха употребить достойнымъ ея образомъ, ничего не отвращая въ пользу свою.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью.

229.

6-го августа 1827 г. Орелъ.

Такъ рѣдки вѣрные случаи писать, что я оставляю тебя на счетъ мой въ совершенной почти неизвѣстности и столько же мало знаю о тебѣ. Податель сего г. Мазаровичъ перескажетъ тебѣ обстоятельно все до меня относящееся. Приласкай его, какъ человѣка десять лѣтъ постоянно ко мнѣ расположеннаго. Ты съ любопытствомъ услышишь о послѣднемъ времени моего пребыванія въ Тифлисѣ, о коемъ скажу самъ вкратцѣ.

Графъ Дибичъ соблюдалъ со тщаніемъ всѣ наружности въ обращеніи со мною. При самой первой встрѣчѣ сказалъ мнѣ, что поведеніе его докажетъ мнѣ совсѣмъ противное общей молвѣ, что онъ мнѣ непріятель и что ко враждѣ между нами не существуетъ никакихъ причинъ. Въ началѣ думалъ онъ поладить насъ съ Паскевичемъ, далѣе говорилъ мнѣ, что онъ весьма хорошо видитъ, что намъ вмѣстѣ быть невозможно и не менѣе четырехъ разъ утвердительно говорилъ, что Паскевичъ отозванъ будетъ непремѣнно. Паскевичъ долгое время сказывался больнымъ и не показывался; я работалъ какъ невольникъ, дабы пріуготовить все къ войнѣ нужное, и скажу тебѣ какъ честный человѣкъ, что сдѣлалъ все, что въ тамошней странѣ физически возможно.

Дибичъ долженъ былъ признаться, что онъ какъ войска, такъ существующій въ нихъ духъ и дисциплину нашелъ противными тому, какъ было донесено; видѣлъ выступавшія войска въ авангардѣ съ Бенкендорфомъ въ новой совершенно одеждѣ и съ весьма исправными обозами. Не знаю, какъ онъ доносилъ, но примѣтно было, что хвалить для него тягостно было, ибо надлежало говорить вопреки Паскевича, которому Государь оказывалъ особенную довѣренность и благоволеніе и вопреки Бенкендорфа, у коего братъ человѣкъ могущественный и близкій. И такъ, думаю, Дибичъ, въ придворной премудрости своей, опредѣлилъ принести меня въ жертву. Онъ не переставалъ повторять, что медленныя дѣйствія, не согласующіяся съ желаніемъ Государя, который ожидаетъ возможной быстроты, его прогнѣваютъ, и я подвергнусь непріятностямъ. Никакія разсужденія не принимались и только подтверждаемо было: скорѣй, скорѣй! Такъ безъ всякаго толку посланъ былъ Бенкендорфъ съ авангардомъ въ самое гнусное время и по непроходимой дорогѣ и вскорѣ оказался недостатокъ въ продовольствіи, ибо доставлять его въ слѣдъ было невозможно. Пусть спросятъ войска, чтò они терпѣли и

что̀ сдѣлали? Бенкендорфъ, столько же великій генералъ, какъ и великій министръ, дѣлалъ одну ошибку за другою и, наконецъ, отправлено было ложное донесеніе объ одержанной имъ побѣдѣ, которая ничто иное была, какъ ничтожная перестрѣлка. Донесено было, что онъ разбилъ непобѣдимыхъ куртинцевъ. Въ Тифлисѣ всѣ знали подробности сей мнимой побѣды, Дибичъ еще не выѣзжалъ и я также, онъ могъ узнать обо всемъ достовѣрно, но согласился, однакоже, сдѣлать хвастливое и несправедливое донесеніе. Онъ могъ бы употребить тѣхъ же самыхъ шпіоновъ, коихъ вѣрилъ клеветѣ на счетъ мой и они бы не смѣли не довести объ общей молвѣ въ народѣ, о побѣдѣ.

Конечно, по его же донесенію напечатано было въ газетахъ, что лишь только принялъ Паскевичъ команду надъ войсками, тотчасъ отправлены были войска подъ начальствомъ Бенкендорфа, дабы войти въ непріятельскую землю. Не могъ онъ забыть, что инструкція Бенкендорфу составлена была съ общаго моего и его согласія и повелѣніе о выступленіи мною подписано. Вскорѣ послѣдовавшая перемѣна не даетъ, однакоже, права распоряженіе сіе относить на счетъ Паскевича.

Потомъ распустили молву о недостаткахъ въ продовольствіи и что нѣтъ къ войнѣ никакихъ пріуготовленій. Еще въ бытность Дибича, согнали въ Тифлисъ купленныхъ мною быковъ для провіантскихъ транспортовъ, не было даже признака подножнаго корма и между ими открылся падежъ. Вотъ плоды неумѣстной скорости, и со всѣмъ тѣмъ великій вождь Паскевичъ, по изгнаніи моемъ, не прежде умѣлъ выдти изъ Тифлиса, какъ почти чрезъ полтора мѣсяца, не взирая на всѣ пособія Дибича съ его могущественною и всеразрѣшающею властію. Отъ чего же во мнѣ только найдена была медленность и недѣятельность и десятилѣтняя моя опытность почтена ни во что? Дибичъ долженъ былъ лучше употреблять довѣренность Государя!

Больно, достигнувши званія моего, службою довольно продолжительною и довольно усердною, быть неизвѣстнымъ до той степени, что принимались противъ меня самые гнусные доносы, по которымъ производились самыя низкія розысканія. Выслушивались съ довѣренностію презрительнѣйшіе мерзавцы и никого не спрашивали изъ людей порядочныхъ. Таково было поведеніе п..... и злобнаго Паскевича, который говорилъ, что онъ непримиримый врагъ мой за то, что я отнялъ у него славу покорить Тавризъ, послѣ одержанной имъ побѣды, и такъ поступалъ графъ Дибичъ! Словомъ, для истребленія моего, нельзя было избрать лучшихъ орудій.

Бенкендорфъ, не взирая на ограниченныя способности свои, игралъ

также не маловажную роль. Паскевичъ, многія ябеды свои передавалъ чрезъ него, могущественному его брату, дабы придать имъ болѣе вѣроятія и быть самому въ сторонѣ. Нашъ Бенкендорфъ всему вѣрилъ и все казалось ему возможнымъ, а дабы удерживать его въ благородномъ расположеніи вредить мнѣ, отъ Паскевича приставлены были къ нему генералъ-лейтенантъ Красовскій, у котораго въ понятіи всѣ средства позволительны, и походный атаманъ Василій Дмитріевичъ Иловайскій, котораго Бенкендорфъ радъ былъ найти глупѣе себя, а потому думалъ, что онъ ничего не скажетъ изъ хитрости. Вотъ шайка, составившаяся противъ меня, въ которой Паскевичъ былъ главою. Онъ пріуготовлялъ себѣ мое мѣсто, но тѣ и со мною ничего бы не потеряли, Бенкендорфу братъ все доставитъ и безъ заслугъ. Красовскому доставитъ Дибичъ, имѣющій о немъ высокое весьма понятіе и не безъ удовольствія выслушивающій низкую его лесть. Онъ разъ сказалъ ему: «Васъ судьба привела въ Грузію для ея спасенія, немного послѣ, было бы уже поздно!» Паскевичу въ его очередь также расточали лесть, за обѣдомъ пивши его здоровье генералъ-лейтенантъ князь Эристовъ сказалъ ему, что онъ отецъ избавитель Грузіи. Жаль, что не истолковалъ, отъ меня-ли избавилъ ее или отъ непріятеля, и Паскевичъ не нашелъ комплимента лишнимъ!

Множество есть пресмѣшныхъ вещей, о которыхъ перескажу увидѣвшись. Покажи письмо сіе Кикину и брату Василью, которые ничего обо мнѣ не знаютъ и можетъ быть упрекаютъ мнѣ, что ихъ не извѣщаю.

Я здоровъ, живу въ деревнѣ съ моимъ старикомъ, весьма уже слабымъ. Занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ небольшой моей библіотеки. Въ городѣ былъ два раза, но ни съ кѣмъ не видался. Приступаю къ построенію великолѣпнаго каменнаго дома, имѣющаго въ фасадѣ до шести саженей и въ два этажа. Тутъ будутъ у меня три комнаты для жилья и двѣ довольно большія для книгъ. Я, благодаря Бога, нахожу средства быть довольнымъ моимъ положеніемъ, сколько то можно! Понемногу взростаютъ мои рыцари и, кажется, не глупы будутъ. Не забудь о старшемъ и благодѣтельствуй всѣмъ!

Скажи мое совершеннѣйшее почтеніе милостивой государынѣ Аграфенѣ Федоровнѣ.

Прощай, продолжи мнѣ расположеніе свое, всегда для меня лестное.

230.

« » октября 1827 г. Орелъ.

Получилъ письмо твое, за которое душевно благодарю. Знаю изъ него, что ты долженъ уже быть въ Петербургѣ и уже о пріѣздѣ твоемъ подтвердила сестра моя, недавно сюда пріѣхавшая. Ты получишь письмо, въ которомъ подробно объяснилъ я тебѣ все происшедшее со мною. Судить можешь какъ со мною поступлено, и что если бы я былъ чистъ, какъ Христосъ, я все былъ бы брошенъ, ибо говорятъ, что прежде отъѣзда своего изъ Петербурга Дибичъ не скрывалъ, что я смѣненъ буду и Паскевичъ, которому онъ доброжелательствуетъ, пріѣхалъ съ полною увѣренностію, что займетъ мое мѣсто. Слѣдовательно, все было улажено прежде и мнѣ избѣжать было невозможно. Жалѣю, что не могу долго имѣть отвѣта твоего на мое письмо, мнѣ полезно было бы твое разсужденіе и замѣчанія, съ ними во многомъ бы я сообразоваться желалъ.

Какъ великодушенъ графъ Дибичъ, заботясь доставить мнѣ 5,000 рублей серебромъ. Это плутни, которыми хотѣлъ онъ закрыть поступки свои противъ меня. Можетъ быть имѣлъ даже мысль, что можно платить мнѣ деньгами за оскорбленіе!

Мнѣ жаль, что Государь обманутъ на счетъ мой до такой степени и что хуже, что перемѣна моя доселѣ не принесла никакой пользы. Меня упрекали медленностію, но теперь въ чемъ же видна особенная быстрота? Она, кажется, не соотвѣтствуетъ той нетерпѣливости, съ какою отъ меня требуемо было. Слышно даже, что дѣла въ Персіи не совсѣмъ идутъ хорошо. Самыя реляціи, по которымъ зная землю, могу я судить, обнаруживаютъ ходъ дѣлъ и, кажется, неудачи. Персіяне никогда не были столько дерзкими, и во всякое другое время произошли-бы уже между ними несогласія и измѣны. Я начинаю подозрѣвать, что они познали Паскевича, и что войска, еще съ нимъ не познакомившіяся, не имѣютъ всей довѣренности къ его распоряженіямъ.

Надобенъ тамъ будетъ геній Дибича, который мечтаетъ, что отъ одного взгляда его все пойдетъ хорошо. Посмотрю я, однакоже, какъ они заставятъ персіянъ заплатить издержки войны, особливо если между тѣмъ послѣдуетъ разрывъ съ турками. Тогда не Паскевичевой головѣ управлять дѣлами тамошняго края. Дибичъ не промѣняетъ своего мѣста на его.

Слышно, что Паскевичъ пустился на Тавризъ. Его онъ займетъ

безъ труда, ибо, конечно, персіяне не станутъ защищать города и онъ въ немъ кромѣ однихъ бѣдныхъ жителей никого не найдетъ. Распишетъ пышную реляцію, которая насъ можетъ утѣшить и долженъ будетъ скоро оставить городъ, ибо персіяне могутъ дѣйствовать въ силахъ на его коммуникаціи и не пропускать продовольствія. Я увѣренъ, что они это сдѣлаютъ! Странно, что о взятіи Эривани ничего не слышно, кажется Сипягинъ давно уже доставилъ туда осадную артиллерію.

Забылъ тебѣ сказать, что Красовскій, которому ты всегда благопріятствовалъ, есть величайшій ...... Ты не можешь представить, что онъ дѣлалъ въ угожденіе Паскевичу и Бенкендорфу! Какую гнусную лесть онъ расточалъ предъ Дибичемъ и какъ старался мнѣ вредить.

Благодарю тебя, почтеннѣйшій другъ, за сына моего и за постоянное намѣреніе благотворить ему. Онъ возрастаетъ и уже время начинать учить его, а у меня, какъ ты знаешь, средствъ немного и еще менѣе они будутъ, когда возьму я отставку, ибо вѣроятно мнѣ ничего не дадутъ. Просьбу объ отставкѣ я намѣренъ чрезъ мѣсяцъ отправить.

Скажи мнѣ, кому поручишь ты принять моего сына, и если не привезу я его съ собою зимою въ Москву, то весною отправлю непремѣнно. Поручи его въ хорошія и строгія руки. Ему надобно ко всему привыкать, ибо по рожденію не имѣя ни на что правъ, онъ долженъ будетъ доставать все способностями своими и трудами.

Будь благодѣтелемъ его и дай ему тщательное воспитаніе. Надѣюсь, что за него ты краснѣть не будешь!

Ты, котораго никакія обстоятельства не измѣняютъ противъ меня, выполни, прошу тебя, мою о сынѣ просьбу. Гдѣ хочешь помѣсти его, въ Петербургѣ или Москвѣ, мнѣ все равно. Я могу не видать его, но лишь бы только учился хорошо, лишь бы не избаловался! Послѣ сего я буду покоенъ и ничего не пожелаю. Я привыкаю къ новой жизни моей, съ нетерпѣніемъ ожидаю *фрака*, знаменія свободы и совершенно простился со всѣми мечтами и тщеславіемъ.

Желаю тебѣ, любезный другъ, здравія и благополучія.

(Приписка). Я слышалъ, что Каліостро (кн. А. С. Меншиковъ) на счетъ мой выпускаетъ разныя шуточки, которыя дѣлаютъ мнѣ вредъ. Не пользуясь средствами общими, онъ, какъ умный человѣкъ, могъ бы изобрѣсти свое собственное, и я потому только жалѣю о семъ, если правда. Не взирая на то, однакоже, скажи ему отъ меня, что онъ также имѣетъ непріятелей, между коими Паскевичъ и за-Аракскій Бенкендорфъ, которые, соединясь вмѣстѣ, не будутъ дѣлать ему добра.

Дибичъ освѣдомлялся о всемъ случившемся съ нимъ въ Персіи и, какъ кажется, не имѣетъ къ нему большой нѣжности, но умѣетъ то скрывать и мнѣ говорилъ даже величайшія о немъ похвалы. Тѣже два мудреца совсѣмъ и не скрываютъ неудовольствія.

231.

19-го декабря 1827 г. Орелъ.

Давно не писалъ я тебѣ, не имѣя вѣрнаго случая и потому не благодарилъ за предложеніе имѣть мѣсто въ московскомъ твоемъ домѣ. Г. Коризна, по приказанію твоему, тотчасъ отозвался ко мнѣ съ предложеніемъ. Весьма чувствительно принимаю я вниманіе твое, но кажется мнѣ, что въ моихъ обстоятельствахъ не долженъ я воспользоваться твоимъ позволеніемъ. Я буду въ Москвѣ на короткое весьма время и остановлюсь у брата моего двоюроднаго, Ермолова, котораго ты знаешь, гдѣ намѣренъ я прожить сколько возможно неизвѣстнымъ. Живши особенно я не могъ бы не принимать нѣкоторыхъ знакомыхъ, но я и этого не хочу.

Итакъ, почтеннѣйшій другъ, я въ отставкѣ и уже не долженъ возбуждать злобу моихъ непріятелей. Можетъ быть теперь не станутъ язвить меня клеветою, ибо не будетъ завидующихъ нѣкогда моему счастію.

Ты спрашиваешь о состояніи отца моего и въ какомъ онъ положеніи. Я хорошо его не знаю, но кажется могу видѣть безъ ошибки, что доходы съ имѣнія могутъ простираться до 12,000 или 13,000 рублей въ годъ, но и то, чтобы годъ былъ хорошій, а не такой скудный урожай, какой мы въ нынѣшнемъ имѣли. Есть казенный долгъ и хозяйство въ величайшемъ разстройствѣ, на возстановленіе котораго надобно употребить деньги. Словомъ, состояніе, при коемъ иначе какъ бѣдно жить невозможно, особливо когда имѣю я намѣреніе удѣлить сестрѣ половину, когда отецъ мой предоставитъ мнѣ управленіе имѣніемъ, котораго, впрочемъ, я теперь не имѣю. Старость отца, препятствовавшая заниматься хозяйствомъ, довела оное до совершеннаго безпорядка. Нѣтъ въ деревнѣ дома, хотя бы изъ четырехъ комнатъ удобныхъ, нѣтъ сарая, амбара, скотнаго двора, словомъ ничего! Есть много лишнихъ лошадей, на которыхъ уже съ октября покупаю я сѣно.

Вотъ истинная картина моего состоянія, которое улучшить я способовъ не имѣю. Не знаю, въ чемъ состоитъ предоставленное мнѣ при

отставкѣ жалованье, но если обыкновенное окладное, то можешь представить себѣ, что я не весьма разбогатѣю. Впрочемъ, я не смѣю ожидать бо̀льшаго. Если же бы сверхъ чаянія дали мнѣ болѣе, то я нахожу выгоду не взять на себя хлопотъ управлять ничтожнымъ имѣніемъ, а буду жить пенсіономъ. Безпокоютъ меня дѣти, но неужели не будетъ великодушныхъ людей, которые бы у меня ихъ взяли и дали имъ воспитаніе?

Я въ семъ случаѣ надѣюсь и на брата Михаила (графа Воронцова).

Онъ пишетъ мнѣ о дачѣ въ Крыму и я намѣренъ воспользоваться его предложеніемъ. Мнѣ приличествуетъ пребываніе уединенное или по крайней мѣрѣ на время полезно туда удаляться по сдѣланной привычкѣ къ теплому климату.

Прошеніе мое объ отставкѣ посылалъ я къ Дибичу, который всегда желая мнѣ добра, и въ семъ случаѣ по разсчету моему доставилъ мнѣ отставку менѣе нежели въ двое сутокъ по полученіи просьбы. Все зло, которое я потерпѣлъ, конечно имъ сдѣлано. Ни во что поставлена довольно изрядная моя служба и еще оклеветанъ я самымъ гнуснѣйшимъ образомъ. Неужели могущество его будетъ вѣчнымъ? Есть правосудіе Божіе!

Ничего не пишешь ты, почтеннѣйшій другъ, о моемъ сынѣ; куда ты его намѣренъ отдать учиться и что ты придумалъ? Ему только семь лѣтъ, слѣдовательно, ему нужны начала и внимательное наблюденіе за нравственностію. Ты знаешь, что . . . . однѣ способности должны дать ему дорогу, слѣдовательно, надобно учить хорошо.

Сдѣлай одолженіе, напиши мнѣ по сему предмету. Признаюсь тебѣ, что я почелъ бы себя весьма счастливымъ, если бы не было у меня дѣтей. Преслѣдуетъ меня судьба!

Хотѣлось бы мнѣ современемъ и не весьма отлагая, побывать въ Петербургѣ. Что ты о семъ скажешь, чистосердечно?

Прощай, любезный другъ, скажи мое совершеннѣйшее почтеніе милостивой государынѣ Аграфенѣ Федоровнѣ. Продолжи мнѣ прежнее твое расположеніе, которое не должно перемѣнить теперешнее мое положеніе. Не хочу думать, чтобы ты повѣрилъ гнуснымъ клеветамъ на меня вымышленнымъ. Прощай, будь благополученъ.

232.

10 марта 1828 г. Москва.

Видѣвши Казначеева я былъ радъ узнать, что ты здоровъ и благополученъ, чего желаютъ тебѣ всѣ почитающіе тебя.

Скажу о себѣ:

Передъ самою масляинницею пріѣхалъ я сюда и началъ съ того, что заплатилъ дань лютой зимѣ простудою, отъ чего и теперь лѣчусь.

Одичавъ въ отдаленной странѣ и давно ничего не видавши, я былъ въ благородномъ собраніи. Я удивляюсь множеству людей, убранству и щегольству красавицъ, хотя, по увѣренію здѣшнихъ, собранія совсѣмъ не похожи на прежнія. У всѣхъ однѣ причины: что мало денегъ, худы урожаи, низки цѣны на хлѣбъ и прочее.

Я вытвердилъ это какъ деревенскій житель безъ всякой, впрочемъ, нужды, ибо щедрая награда Государя поставила меня выше всѣхъ недостатковъ и, по образу моей жизни, я могу справедливо себя назвать весьма богатымъ человѣкомъ. Не только могу я жить, ни въ чемъ не нуждаясь, но есть средства даже тщательно воспитывать моихъ дѣтей. Это по истинѣ благодѣяніе и ты можешь судить, какъ я благодаренъ.

Не понимаю, какъ это сдѣлалось и не перестану признавать, что я не могъ имѣть на то права.

Награду въ половину я бы почелъ бы величайшею милостію! Меня сіе сдѣлало весьма интереснымъ въ глазахъ здѣшнихъ жителей и на меня смотрѣли съ немалымъ любопытствомъ.

Я почти нигдѣ не бываю, кромѣ моихъ родныхъ, которыхъ собралось довольно много и съ которыми, можно сказать, я начинаю знакомство, ибо прежде видалъ ихъ рѣдко, будучи отвлекаемъ службою. Бесѣду нашу оживляетъ Денисъ (Давыдовъ), который, однако же, часто бываетъ болѣнъ и уже не такъ веселъ, какъ прежде. Съ прежними знакомыми, вообще, встрѣчаюсь рѣдко и съ такою осторожностію, которою ты былъ бы доволенъ. Словомъ, на меня можно изобрѣсти клевету, но, по справедливости, нельзя мнѣ вредить.

Москва, подобно прежнему, изобилуетъ новостями и, кажется, сама ихъ сочиняетъ. Здѣсь прервали мирные переговоры съ Персіей, и Паскевича, утомленнаго уже побѣдами, ведутъ къ новымъ завоеваніямъ. Ему не даютъ ни гроша денегъ вмѣсто милліоновъ, которыхъ ожидалъ. Будто Аббасъ-Мирза трактовалъ о мирѣ, не имѣя на то полно-

мочія шаха, а сей намѣревается продолжать войну. Словомъ, разсказываютъ неимовѣрные вздоры и какъ будто персіяне могли обмануть Паскевича! Нелѣпости!

Мнѣ кажется, что нѣкоторое замедленіе въ извѣстіяхъ есть лучшее доказательство, что будетъ миръ, ибо вѣроятно, судя по времени, во всѣхъ главныхъ статьяхъ успѣли согласиться, но Паскевичъ ожидаетъ прибытія денегъ для окончательнаго утвержденія и сія предосторожность не лишняя съ коварными персіянами. Предусмотрительность сія дѣлаетъ ему много чести.

Москва не такъ озлоблена противъ туровъ.

Я люблю, что здѣсь не только войны объявляются, но иногда даже и начальники назначаются. Между прочимъ и для графа Витта была составлена какая-то резервная армія въ 90 т. человѣкъ.

Разсуждать не мое дѣло, но забавляюсь, слушая разные вздоры, справедливымъ признаю одно только могущество графа Дибича! По опыту!

Въ началѣ марта, какъ помѣщикъ, по послѣднему пути, отправляюсь въ деревню, гдѣ займусь построеніемъ себѣ хижины, ибо нѣтъ пристанища. Городъ украшаю великолѣпнымъ зданіемъ въ два этажа, которое на шести саженяхъ въ фасадѣ представляетъ мнѣ весьма роскошное помѣщеніе даже вмѣстѣ съ моими книгами, которыя теперь въ состояніи умножать полезнѣйшими. Маленькіе мои подростаютъ и, кажется, не будутъ дураками. Словомъ, мое положеніе, по милости Божіей, не могу иначе признавать, какъ весьма счастливымъ.

Скажи мое совершенное почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ.

Продолжи мнѣ безцѣнную дружбу твою и покажи рѣдкій примѣръ въ нынѣшнемъ свѣтѣ, что могутъ не перемѣниться люди.

IV. Письма графа Өедора Васильевича Растопчина къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1824 гг.

233.

1812 г. безъ мѣсяца и числа.

Благодарю васъ за дурное извѣстіе. Если армія пойдетъ назадъ, то я сожгу и село и домъ мой здѣсь. Пусть то мѣсто, гдѣ я счастливо жилъ восемь лѣтъ, не достанется злодѣямъ на ругательство и не осквернится ихъ прѐбываніемъ. Прощайте.

234.

21 ноября 1812 г. Москва.

Пріятно для меня было, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, получить письмо ваше, но еще пріятнѣе будетъ, когда вы мнѣ напишите, что вы генералъ-маіоръ и ѣдете къ Сабанѣеву. Я сужу потому, что знаю на опытѣ: въ войнѣ и вездѣ единодушіе производятъ успѣхъ. Довольно и вашей похвалы, чтобы я взялъ въ адъютанты г. Кромина, а къ тому и Михайло Богдановичъ (Барклай-де-Толли) имѣетъ право отъ меня требовать слабыхъ заслугъ, одолжая человѣкомъ опытнымъ и съ достоинствами. Вы себѣ представить можете, сколько мнѣ дѣла и какъ теперешнее мое положеніе еще заботливѣй и труднѣй лѣтняго. Тогда все было въ чаду, жару и бреду, а теперь, въ естественномъ положеніи, все на ногахъ. Но здѣсь многіе могутъ умереть съ голоду и холоду и все у меня на рукахъ. Жаль мнѣ, что графъ Воронцовъ не генералъ-лейтенантскаго покроя, что можетъ быть современемъ и фельдмаршаломъ. Пожалуйста отпишите, что подѣлывается, я болтанію Куту-

зова не болѣе вѣрю, какъ тысячи одной ночи, а онъ и днемъ спитъ. Сынъ въ Твери, очень горячится и хочетъ на войну, а я сомнѣваюсь, чтобы на тотъ годъ была кампанія. Прощайте. Прилагаю письмо и прошу доставить къ Михайлѣ Богдановичу. Будьте здоровы, сего желаетъ вамъ истинно почитающій и проч.

P. S. Небольсинъ съ ополченіемъ идетъ въ Глуховъ; пора бы это ополченіе отпустить по домамъ.

235.

16 января 1813 г. Москва.

Приношу вамъ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, чувствительную и отцовскую благодарность за участіе, пріемлемое вами въ графѣ Сергѣѣ Ѳедоровичѣ (Растопчинѣ). Я совершенно вашего мнѣнія и это было мое желаніе, чтобы онъ былъ адъютантомъ у Михаила Богдановича (Барклая-де-Толли). Если вы поѣдете черезъ Москву, какъ пишетъ сынъ, то я надѣюсь, что вы избавите полицію отъ труда отводить вамъ постой, въѣхавъ прямо ко мнѣ на дворъ и принявъ по-русски нашу хлѣбъ соль. Кроминъ ѣдетъ также въ армію; я похваляю его намѣреніе и приверженность къ прежнему начальнику. Мнѣ кажется, что вы нынѣшнее лѣто будете гулять по сѣверной Германіи, развѣ Гданскъ осаждать станете. Вы себѣ представить не можете, какое дурное дѣйствіе произвели въ народѣ 40 пудовъ серебра, отосланнаго Кутузовымъ въ Казанскій соборъ. Онъ же самъ говоритъ, что оно съ образовъ; за что грабить еще Москву. Хорошъ и кумъ Матвѣй (Платовъ). Не знаю, какъ устроится начальство. Михаилъ Богдановичъ не охотно, я думаю, пойдетъ служить подъ команду этой старой придворной собаки. Я не очень здоровъ и отъ прошедшаго и отъ настоящаго. Впрочемъ, воля Божія! Прощайте. Забылъ вамъ сказать, зная, сколь вы любите друзей, что Н. А. Небольсинъ прошелъ Тулу съ своимъ полкомъ и идетъ въ Малороссію.

236.

17 марта 1813 г. Москва.

..... Я ѣздилъ объѣзжать четыре уѣзда и былъ на Бородинскихъ поляхъ. Тамъ все истреблено и, страшно сказать, труповъ людскихъ

56,811, а лошадиныхъ 31,644! Теперь я совершенно спокоенъ насчетъ послѣдствій. Не могу довольно надивиться тому, что Бонапарте далъ тутъ баталію, имѣя вдвое противъ насъ войска. Чего бы ему лучше, какъ занявъ насъ демонстраціею, прямо изъ Колоцкаго монастыря пройти на Верею и отрѣзать отъ Москвы и отъ Калуги. Но Провидѣніе его ослѣпило и послало сильное счастіе кривому полководцу. Прощайте. Богъ съ вами. Если можно будетъ, напишите ко мнѣ съ симъ курьеромъ о себѣ, а я васъ обнимаю и остаюсь навсегда вамъ преданнымъ.

237.

30 марта 1813 г. Москва.

Давно я не имѣлъ никакого извѣстія о сынѣ, и такъ какъ винить нельзя не знавъ, точно живъ-ли онъ, не раненъ и не въ полону, то я и питаюсь однимъ огорченіемъ, не дивясь ни безпечности, ни холодности, а еще меньше неблагодарности дѣтей, ибо эта зараза мерзкой французской революціи привита французами въ нашемъ несчастномъ сословіи. Киселевъ просилъ меня очень препроводить для вѣрнаго доставленія къ его сыну 250 р. и я ихъ адресую къ вамъ, прося Киселеву, который адъютантомъ у графа Милорадовича, ихъ отдать. Мы въ совершенной неизвѣстности о дѣлахъ военныхъ и, не имѣя оффиціальныхъ извѣстій, принуждены слушать безпокойныя иногда новости.

Я все еще нездоровъ; лекарства мнѣ ничего не сдѣлали. Теперь жду излеченія отъ хорошей погоды и просился у Государя къ липецкимъ водамъ. Изъ Москвы вышла несносная, сумасбродная и злая вѣдьма и я только жду возвращенія Государя, чтобы съ ней проститься. Будьте здоровы и любите, какъ васъ любитъ преданный вамъ.

238.

19-го іюня 1813 г. Москва.

..... О происшествіяхъ заграницей ничего не скажу—воля Божія, такъ опредѣлено. Но все уныло и нѣсколько въ страхѣ. Народъ Бонапарта знаетъ лучше чѣмъ Государи и ихъ министры. Но изъ арміи пишутъ и сіе вездѣ сдѣлалось гласно, что армія наша подъ Бауценомъ спасена Михаиломъ Богдановичемъ (Барклаемъ-де-Толли), чему я радъ, почитая его и для уничтоженія новыхъ злоключеній происшедшихъ отъ

прежнихъ впечатлѣній и отъ разглашеній сиротъ Смоленскаго. Пожалѣйте объ Авдотьѣ Селивестровнѣ: у нея сгорѣлъ самый большой ея заводъ и убытку много очень; но теперь вѣкъ страданій. Кажется, что и Бонапарте довольно сдѣлалъ, но есть прибавленія. Прощайте, я страдаю почти всякій день головою и въ ней сидитъ и дѣйствуетъ 1812 годъ. Богъ съ вами.

239.

3-го іюля 1813 г. Москва.

Два письма ко мнѣ и одно къ Булгакову хотя и успокоили меня на счетъ жизни сына, но приводятъ въ безпокойство о здоровьи. Я съ удовольствіемъ читалъ въ приказахъ, что адъютанты Михаила Богдановича произведены за отличіе ...... Возьмите на себя трудъ поблагодарить почтеннаго генерала Сабанѣева о попеченіи его о сынѣ. Если за то, что я не зная его лично давно почитаю какъ русскій русскаго, честный честнаго, то я совершенно имѣю право на его дружбу и прошу его съ перваго раза отпустить и довѣренность и любовь. Очень обрадовался, узнавъ, что онъ занимаетъ важнѣйшее въ арміи мѣсто. Дай Богъ, чтобы у насъ умолкъ ропотъ глупыхъ и вранье недовольныхъ, а въ послѣднія войны, особливо Кутузовъ, ввели Цесарское маранье бумагъ и самохвальство. Мнѣ казалось, читая реляціи Чернышова и компаніи, что они поютъ:

Самъ себѣ дивуюся
Съ пробщемъ *) цѣлуюся.

Здѣсь много слуховъ и разглашеній, но очень всѣ боятся мира. Такъ какъ я ни одной минуты не надѣялся ни на цесарцевъ, ни на шведовъ, то и не очень огорченъ событіемъ происшествій, гдѣ они могли играть блистательную роль. Я все держусь того мнѣнія: выгони французовъ изъ Россіи, истреби внутри грабежи, стань на своей границѣ и спи спокойно.

Не можно-ли сыну влѣпить что нибудь прусское, и кажется Mérite прусскій нерѣдокъ. Поздравьте отъ меня Кромина съ чиномъ. Я видѣлъ здѣсь его брата. Прощайте, пожалѣйте объ Авдовьѣ Селиверстовнѣ, у нея сгорѣлъ въ Тамбовской деревнѣ заводъ и убытки на 50,000 руб. Васъ истинно почитающій и проч.

---

*) Это слово написано неразборчиво.

240.

13-го іюня 1813 г. Москва *).

...... Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ извѣстія по окончаніи послѣдняго перемирія, и можетъ быть вчера вы уже дрались. Не жаль крови, если она купитъ славный миръ; но тяжело, если пролита будетъ какъ въ Бородинѣ. Я послалъ, между прочимъ, представленіе, чтобы изъ суммъ, кои я успѣлъ спасти отъ общаго грабежа въ теченіе зимы, мнѣ позволено было на томъ мѣстѣ, гдѣ была батарея у дороги на центрѣ позиціи, построить церковь, гдѣ бы цѣлый годъ служили панихиды по убіеннымъ 24-го и 26-го числъ.

Мнѣ жаль, если сыну не дадутъ чина какъ Кромину; я думаю, что и онъ свое дѣло также дѣлалъ. Прошу васъ г. Сабанѣеву отъ меня сказать, что я ему вѣчно обязанъ за участіе въ сынѣ, и если останусь долго живъ, то найду вѣрно случай доказать ему, что я болѣе дѣлаю, чѣмъ говорю.

Москва строится и одумавшись очень изволитъ гнѣваться на безсмертнаго воеводу Михаила (Кутузова).

241.

31-го января 1814 г. Москва.

Письмо ваше, почтенный Арсеній Андреевичъ, отъ 23-го декабря, изъ Фрейбурга, я получилъ и очень благодарю васъ за всѣ хорошія извѣстія. По моему мнѣнію, къ марту все должно кончиться или низложеніемъ тирана ро́да человѣческаго или гнуснымъ для него миромъ. Тутъ много вѣроятно будетъ политическихъ препонъ; но это все есть дѣло обрадовать того, кто умѣлъ въ 14 мѣсяцевъ истребить 700,000 непріятелей и попрать Наполеона. Не могу понять съ кѣмъ онъ будетъ сопротивляться и людей собрать трудно. Но выучить канонеръ и кавалеристовъ невозможно. Это будетъ парижская Маркова сила, которую я къ вамъ отправилъ въ Бородино. Желательно получить скорѣе извѣстіе, что армія Наполеонова разбита и что его нѣтъ въ живыхъ. Не знаю, почему мнѣ часто приходитъ въ голову, что злодѣй кончитъ какъ Пугачевъ и будетъ выданъ своими. Тутъ онъ получитъ въ награду

---

*) Пропуски въ письмахъ Растопчина относятся до семейныхъ дѣлъ, не имѣющихъ значенія.

сходство судьбы съ бородатымъ самозванцемъ. Русскій погибнулъ отъ того, что не шелъ въ Москву, а французскій, что зашелъ въ Москву.

Мнѣ очень жаль, что Ефимъ у сына умеръ; онъ былъ добрый, усердный и вѣрный слуга. Я посылаю сыну 150 червонцевъ съ Вольфомъ. Здоровье мое тихо поправляется, потому что крѣпко разстроено было и я очень жду лѣта, чтобы въ случаѣ нужды съѣздить къ липецкимъ водамъ.

Москва завеселилась отъ баловъ, театровъ, маскарадовъ. Этотъ городъ никто разорить не можетъ; вы молоды и увидите черезъ пять лѣтъ чтò здѣсь выростетъ. Я прилагаю здѣсь записку о Носовѣ, коего я представлялъ и представляю еще къ себѣ въ адъютанты, а Обрѣзковъ мой въ подагрѣ и въ брачномъ союзѣ. Чуйкевичъ на возвратномъ пути былъ у меня. Хорошо слѣдствіе о госпиталяхъ! Тысячи съ голоду поморили. Я кидаюсь какъ собака, то на коммисаріатскихъ, то на провіантскихъ, штукъ съ десять засудилъ по одному пункту—по воровству. За одного вступясь мнѣ писали слѣдующее въ облегченіе его судьбы: «*онъ несчастливъ уже тѣмъ, что отецъ ему подалъ дурной примѣръ и послѣдовалъ общей наклонности нашего вѣка*».

Прощайте, обнимаю васъ русскимъ сердцемъ. Письмо къ счастливому отцу вашему навѣрно доставлено. Богъ съ вами; когда онъ насъ сведетъ поговорить и побесѣдовать.

Вольфъ вручитъ вамъ 100 червонныхъ, для врученія сыну, когда востребуется нужда.

242.

28-го апрѣля 1814 г. Москва.

Я знаю, что вы въ Парижъ въѣзжали здоровый и очень сему радъ. Наконецъ злодѣйство кончилось въ гнусномъ твореніи Бонапарта, а французское возмущеніе — возвращеніемъ законныхъ государей! Дай Богъ, чтобъ нашъ, облагодѣтельствовавшій Европу и цѣлый свѣтъ, поскорѣе возвратился на Русь и прекратилъ не ночной, а дневной разбой. Нынѣ, тотъ кто не крадетъ, почитается дуракомъ. Мы крѣпко праздновали занятіе Парижа и для васъ прилагаю при семъ описаніе. Не забыты и раненые воины и еще скоро доставлю для нихъ кой-что. Мнѣ сказывали, что по входѣ во Францію, вы обыкновенно бывали при Михаилѣ Богдановичѣ (Барклай-де-Толли). Я и за него радъ, а больше признаюсь тому, что мой сынъ имѣлъ случай быть у васъ на глазахъ.

Я посылалъ курьеровъ по тремъ дорогамъ съ извѣстіемъ о занятіи Парижа; одинъ возвратился, ѣздившій въ Тулу, въ Орелъ и въ Курскъ. Судите какъ обрадовались, что онъ привезъ 3,600 рублей деньгами и четыре золотыя табакерки. Здоровье мое немного поправилось и я переѣзжаю скоро на дачу и просился у Государя на два мѣсяца въ Липецкъ. Если же къ зимѣ не выздоровлю, то принужденъ буду ѣхать въ чужіе края, а Москва по многимъ причинамъ мнѣ огадилась. Здѣсь страсть безпрестанно все ругать.

Авдотья Селиверстовна въ подмосковной и сокрушается то о братѣ, то о племянникѣ. Прощайте, я радъ, что Михаилъ Богдановичъ фельдмаршалъ. Государь съ процентами ему выплатилъ старый долгъ. Обнимаю васъ отъ души и здѣсь и вездѣ вашъ преданный.

P. S. Я получаю въ сію минуту письмо ваше отъ 23-го марта. Поздравляю отъ души съ Анненскою лентою, а еще больше радъ за вашего батюшку, что онъ такого имѣетъ достойнаго сына. Прощайте; письмо ваше въ Зубцовъ доставлено будетъ исправно.

243.

29 декабря 1816 г. Парижъ.

Пользуясь отъѣздомъ курьера графа Воронцова отправляю сіе письмо и намѣренъ вамъ нѣчто сказать о семъ вавилонскомъ столпотвореніи. Я здѣсь полтора мѣсяца и намѣренъ еще пробыть до апрѣля. Мнѣ нуженъ покой и хотя нервическія болѣзни и унялись, но вмѣсто того геморрой мучаетъ очень часто, не смотря на единообразную жизнь, ѣду и занятія. Здѣсь все волнуется, все кружится, все поетъ и все боится. Французъ отмѣнно учтивъ и скроменъ, но французы вздорны и дерзки, до сихъ поръ непобѣдимы и новыя есть утѣшительныя доказательства. Въ 1812 году холодъ помѣшалъ окончить завоеваніе Россіи; въ 1813 году отверженіе саксонцевъ подъ Лейпцигомъ заставило отступить; въ 1814 году союзники были въ Парижѣ по причинѣ измѣны фельдмаршаловъ, а въ 1815 году опять пришли въ Парижъ оттого, что Бонапарте потерялъ голову.

Я очень здѣсь хорошо принятъ и извѣстенъ на улицахъ, какъ адмиралтейскій шпицъ въ Петербургѣ. Всякій день съ Воронцовымъ и изъ русскихъ часто вижу Орлова, Стренкевича (Старынкевича?) и Свѣчину. Не могу привыкнуть къ часу обѣда и ѣмъ дома въ четыре часа. Я надѣюсь, что сынъ къ апрѣлю получитъ свой отпускъ къ

водамъ и пріѣдетъ къ іюню ко мнѣ; а въ концѣ лѣта надѣюсь соединиться и со всею своею семьею. Здѣсь мой пріятель Лисаневичъ. Вотъ французскія извѣстія. Пожалуйста одолжите меня присылкою календаря на 1817 годъ; безъ него я какъ Козодавлевъ безъ переднихъ, Пестель безъ Пукалова, а Пукаловъ безъ просителей. Прошу приложенные два пакета отослать къ Калинину и къ графу Головину. Съ Понкратьевымъ я еще къ вамъ писать буду, также и къ сыну, а теперь очень усталъ, дурно спалъ и по дворянскому расположенію надѣваю колпакъ, помолясь Богу и объ васъ, пойду спать. Это самое невинное занятіе, коимъ, я думаю, вы не по волѣ пользуетесь.

Прощайте, Арсеній Андреевичъ. Меня здѣсь всякое утро мучаютъ родные за мерзкихъ французовъ, коихъ отыскиваютъ мерзкіе стихотворцы и милыя... кои съ рекомендаціями являются на работу. Но у меня носъ малъ, самолюбіе много и силы не въ комплектѣ. Итакъ, я раздѣлываюсь любезностію и комплиментами, что нравится при входѣ и навлекаетъ при исходѣ на меня брань и проклятіе. Богъ съ вами. Вамъ преданный.

P. S. Горчаковъ вралъ здѣсь пять недѣль и поѣхалъ врать по разнымъ нѣмецкимъ дворамъ. При отъѣздѣ выпросилъ у короля аудіенцію, дабы спросить: «не изволите-ли чего приказать Государю». Жаль, что его выпустили за границу. Сказываютъ, что Витгенштейна онъ довелъ въ Лондонѣ до отчаянія, не давая ему сказать ни единаго слова и Цицеронъ военной коллегіи замазалъ ротъ спасителю Петрова града.

244.

1-го января 1817 г. Парижъ.

Новаго въ теченіе сутокъ нѣтъ, только то, что французы отъ мороза заплясали и дуютъ въ кулаки, что напоминаетъ мнѣ побѣдоносную ретираду Наполеона въ 1812 году и славный фланговый маршъ безсмертнаго князя Михайлы (Кутузова), иже въ Казанской.

О славномъ мужѣ семъ, нельзя сказать инова,
Слѣпое счастіе напало на кривова.

Прощайте. Прошу не оставить сына касательно его намѣренія проситься къ водамъ, чтобъ въ приказѣ не ввернули чего по милости друзей, коихъ въ землѣ и на землѣ у меня довольно.

245.

5-го (17-го) іюля 1818 г. Парижъ.

Получилъ изъ департамента вашего требованіе о сообщеніи списка о награжденіяхъ въ службѣ мною полученныхъ. По первому я отвѣчалъ еще въ прошломъ году. Но судя по второму требованію полагаю, что мой отвѣтъ до васъ не дошелъ, и такъ повторяя мою исповѣдь при семъ прилагаю, замѣтя, что не имѣю здѣсь нужныхъ бумагъ, помню лишь года, а число можно будетъ повѣрить или приказами или жалованной грамотой на графское достоинство въ 1799 г., гдѣ все подробно означено.

Я зажился здѣсь отъ лѣни на подъемъ, а отнюдь не отъ лишней забавы. Мнѣ Парижъ довольно пріятенъ, но французы несносны. Они сперва покажутся любезны, потомъ станутъ тягостны и кончатъ сдѣлавшись отвратительными или лучше сказать гадкими. Веселятъ себя куплетами и скверными эстампами; готовы опять завоевать вселенную и проч... Теперь всѣ ждутъ вывода войскъ, кои ихъ очень пугаютъ, хоть, впрочемъ, весь Парижъ желалъ бы третьяго пришествія союзныхъ войскъ, разсчитывая на поборы трактировъ, купцовъ, театровъ и милыхъ женщинъ. Я бы желалъ, чтобы войска остались. Малая часть благоразумныхъ французовъ сего желаютъ, но король не смѣетъ сего требовать, а министерство, имѣя свои виды, спѣшитъ освободиться отъ приставовъ за ихъ сумасшествіемъ. Если бы они удовольствовались междоусобной войной, то бы тутъ и мѣшаться постороннимъ не зачѣмъ, но революціонная тактика и Бонапортова послужатъ правиломъ тѣмъ, кои на первый разъ управлять станутъ, и чтобы покойнѣе заниматься дѣлами своими для блага общаго отправятъ на смерть сотни двѣ или три тысячъ разбойниковъ къ сосѣдямъ не для вольности и равенства, а для отмщенія за измѣну нѣмцамъ и отнятія завоеванныхъ земель. Сентябрь рѣшитъ судьбу Франціи и Европы. Нашъ чрезвычайный Поццо впутался въ заемъ и непристойно ругается и англійскими газетами и здѣшними банкирами. Но онъ человѣкъ умный и если приберетъ (какъ увѣряютъ) три милліона франковъ, то перенесетъ все по примѣру Козодавлева, Пестеля и компаніи.

Вы, вѣрно, жалѣете о Барклаѣ, онъ имѣлъ много хорошихъ качествъ, но не могъ сохранить достоинства, не имѣвъ твердости. Я увѣренъ, что другой до Бородина армію бы не довелъ; вышелъ на верхъ почестей бывъ безгласнымъ человѣкомъ и кончилъ жизнь какъ много-

страдальный Іовъ, а Михайло Кутузовъ отдыхаетъ въ Казанской на спинѣ, ползавъ весь вѣкъ на брюхѣ. Я ѣздилъ въ Мобежъ и тамъ познакомился съ братомъ вашимъ.

Или я ничего не понимаю или Воронцова корпусъ весьма близокъ къ совершенству: порядокъ, присмотръ и строгость привели Воронцова въ любовь и въ почтеніе какъ у подчиненныхъ, такъ и у жителей. Авдотья Селиверстовна пропала; писала изъ Флоренціи, что ѣдетъ сюда уже тому два мѣсяца, но съ тѣхъ поръ и слуху о ней нѣтъ. Вотъ мои извѣстія. Прошу васъ приложенный при семъ пакетъ и ящичекъ отослать повѣрнѣе къ Адаму Фомичу Брокеру, который полицймейстеромъ въ Петербургѣ. Затѣмъ пожелавъ вамъ здоровья и веселья пребуду съ искреннею дружбою вамъ преданный.

246.

12-го (24-го) сентября 1818 г. Парижъ.

Весьма для меня пріятно было, почтенный Арсеній Андреевичъ, письмо ваше исправно ко мнѣ доставленное. Поздравляю васъ отъ души съ рѣшительнымъ основаніемъ судьбы. Знаю очень тестя вашего, служа нѣкогда съ нимъ въ одномъ полку, а о невѣстѣ вашей чрезвычайно много наслышался отъ графини и дочерей, которыя ее поздравляютъ. Булгаковъ писалъ мнѣ изъ Петербурга, что вы вмѣстѣ ѣдете въ Москву, гдѣ исполнится бракъ вашъ. Возьмите его въ примѣръ и постарайтесь ежегодно отпускать для Россіи по маленькому Закревскому. Я сему въ противномъ смыслѣ столько же буду радоваться какъ бездѣтію Аракчеева, Козодавлева, Лобанова и прочимъ симъ подобнымъ. Дай Богъ, чтобы и впредь таковые великіе мужья остались съ холостымъ потомствомъ.

Я принужденъ еще зиму провести здѣсь. Геморрой столь сдѣлалъ меня чувствительнымъ къ движенію, что я съѣздивъ въ Мобежъ мѣсяца два страдалъ. Притомъ графъ Сергѣй Федоровичъ требуетъ большаго вниманія; теперь его лечитъ докторъ Галь, но припадки его хотя и слабѣе прежняго, но приходятъ такъ вдругъ, что нельзя подвергнуть его опасности дальняго пути, какъ я предполагалъ ѣхать въ Италію. Мы живемъ здѣсь спокойно; французы, не знаю за что, но меня любятъ (по своему) и называютъ просто губернаторомъ. Теперь уже собралось довольно русскихъ и все разнаго калибра, какъ-то: Чичаговъ, Лунинъ, Куракинъ, Пассекъ. Авдотья Селиверстовна опять пропала; ѣдетъ во второй разъ въ Парижъ и все не доѣзжаетъ, а мы ждемъ.

Дѣла здѣсь стоятъ, а идутъ языки, и правительство испытанное дѣйствіемъ словъ пускаетъ по волѣ Божіей, зная, что перемелится, все мука будетъ. Мы какъ сироты въ Европѣ. Министры наши у чужихъ дворовъ бывъ не русскіе совсѣмъ для насъ чужіе. Я отдалъ, однакожь, справедливость его превосходительству Поццо-ди-Борго. Не знаю, какъ онъ исправляетъ дѣла государскія, а свои славно и не дурно бы Пестелю прислать къ нему дѣтей на выучку. Онъ такъ ловко вмѣшался въ послѣдній здѣшній заемъ, что ни кладя ни копѣйки своихъ денегъ прибралъ до двухъ милліоновъ французскихъ. Корпусъ нашъ сбирается оставить землю, гдѣ долго о немъ помнить будутъ. Честь и слава графу Воронцову; я знаю, что онъ много имѣетъ непріятелей, ибо возбуждаетъ зависть; но я знавъ человѣка и его образъ мыслей почитаю его рѣдко благороднымъ человѣкомъ. Онъ намѣренъ на время отпроситься, проводя корпусъ за Рейнъ, потомъ учредя дѣла свои здѣсь, поѣхать на нѣсколько мѣсяцовъ къ отцу, коему 76 лѣтъ и который по справедливости гордится сыномъ. Вотъ вамъ часть старыхъ и новыхъ извѣстій. Вамъ желаю здоровья и черезъ девять мѣсяцевъ по вѣнчаніи колыбель съ ребенкомъ. Живите спокойно, сомнѣвайтесь во многомъ, но вѣрьте тому, что я навсегда васъ люблю, почитаю, въ чемъ и подписуюсь собственноручно.

247.

7-го марта 1819 г. Парижъ.

Умные и глупые люди привыкли говорить, что привычка есть вторая природа. Этому и я по наслышкѣ вѣрю и вамъ доказываю, что васъ люблю по прежнему и не смотря что у васъ ни минуты свободной нѣтъ, препровождаю пакетъ съ двумя письмами, увѣренъ бывъ, что они дойдутъ исправно по надписи.

Здѣсь чудеса въ рѣшетѣ и въ Парижѣ въ одно утро все пришло въ движеніе; пустыя вѣчно головы на нѣсколько дней заразились любовію къ отечеству и хотятъ: иные уничтожить, другіе удержать законъ выбора народныхъ депутатовъ. Министерство глупое, вольнодумное и въ заговорѣ на изгнаніе негодныхъ ни на что Бурбоновъ. Король думаетъ о себѣ, такъ какъ и Деказъ наперсникъ Его Величества планъ сдѣлалъ удалить отъ престола графа Дартуа и его сыновей и, провозглася Наполеона II, назвать регентомъ Богарне. Не смотря на высокопространный умъ Поццо и глубокое наблюденіе рыжаго генія Нессель-

роде вліянія посторонняго нѣтъ, и Деказъ съ одной, а либеральные съ другой стороны идутъ быстрыми шагами къ разрушенію всего зданія союзныхъ царей, плодовъ конгрессовъ и тишины, водворенной трехлѣтнимъ пребываніемъ войскъ иностранныхъ во Франціи. Но пока что нибудь рѣшится жители сей вѣтреной столицы забавляются и надо всѣмъ смѣются, начиная съ Бога и кончая Поццомъ.

Вы получите извѣстіе о женитьбѣ гр. Воронцова; выборъ прекрасный. Дай ему Богъ счастія! Мнѣ жаль того, что тутъ много польскаго языка. Потоцкихъ кучи и нельзя откровеннѣй другъ друга ненавидѣть, какъ русскіе и поляки, съ тою разницею, что первые вторыхъ презираютъ, а вторые первыхъ боятся. Прощайте, почтенный Арсеній Андреевичъ. Меня пугаетъ ревматизмъ и сынъ больной, не получая облегченія отъ прежней болѣзни, очень худѣетъ и не въ состояніи предпринять путь. Все это не придаетъ духа радости, да правду сказать мало есть чему радоваться. Что-то будетъ на томъ свѣтѣ? а здѣсь я вамъ преданный.

248.

20-го іюля (1-го августа) 1820 г. Парижъ.

Давно я къ вамъ не писалъ не отъ лѣни или равнодушія, еще менѣе отъ забвенія, но единственно по той причинѣ, чтобы васъ не принудить отвѣчать, и не отнять у васъ четверть часа свободнаго отъ занятій время. При семъ препровождаю къ вамъ порученныя мнѣ для доставленія два письма: одно отъ фельдмаршала Віондениля, другое отъ англійскаго капитана, который въ 1814 году былъ при Сеславинѣ и напоминаетъ о себѣ сему достойному русскому генералу, безъ дѣятельности котораго Бонапарте въ 1812 году пробрался бы безъ препятствія рубежомъ Калужской губерніи въ Вильну, не смотря на остальной слабый глазъ безсмертнаго и многорѣчиваго князя Кутузова.

Я совсѣмъ изготовился ѣхать въ Италію и провести зиму во Флоренціи, но послѣднія происшествія въ Неаполѣ принуждаютъ меня отдалить отъѣздъ отсюда и переселиться осенью въ Брюссель. Судьба Италіи зависитъ отъ поспѣшности двора вѣнскаго и вѣрности сардинской арміи. Сіи два послѣдніе бунта, въ Испаніи и въ Неаполѣ, должны заставить государей заняться будущимъ, ибо паденія правительствъ начинаютъ концомъ и производятся первою подпорою царской власти — вооруженною силою. Дѣло не въ томъ, чтобы заниматься погашеніемъ

сажи, коя выметается изъ трубы, но должно передѣлать печи и удалить нынѣшнихъ истопниковъ. Я держусь того мнѣнія, что если теперь не будутъ приняты сильныя мѣры, къ возстановленію прежняго порядка вещей, то черезъ двадцать лѣтъ большая часть европейскихъ державъ, пройдя сквозь ужасныя потрясенія, падетъ подъ иго самодержавнаго военнаго правленія и вотъ истинные плоды просвѣщенія, хода вѣка и направленія не умовъ, а мозговъ нынѣшняго поколѣнія.... *). Французы, изъ самолюбія, страха и корысти, поставляютъ ихъ блаженствомъ въ распространеніи безбожныхъ и мерзкихъ правилъ, коими они столь много зла навлекли на свое отечество. Но сего чувства любви къ отечеству, я не въ одномъ французѣ не открылъ, и они совсѣмъ силою не опасны, бывъ отдалены отъ единодушія, занятіемъ каждаго собою. ... **).

Здоровье мое разстроенное становится хуже прежняго и геморрой, который мучилъ меня пять лѣтъ закрывшись, теперь разслабѣваетъ потерею слишкомъ крови. Хотя мнѣ и 55 лѣтъ, но жилъ много и принимая слишкомъ все къ сердцу, скоро доѣхалъ до погоста.

Прощайте, я ѣздилъ на мѣсяцъ въ Лондонъ, для свиданія съ графомъ Воронцовымъ и нашелъ, что и тамъ болѣзнь сумасшествія заразила многихъ, не смотря на глубокій англійскій разсудокъ и тяжелый умъ. Будьте здоровы и спокойны. Первое главное, но второе почти невозможно и предоставляется четвероногимъ и двуногимъ скотамъ. Вамъ преданный.

249.

3-го января 1824 г. Москва.

Очень васъ благодарю, почтенный Арсеній Андреевичъ, за извѣщеніе объ отпускѣ меня на волю, а я строго буду наблюдать требуемое воинскимъ артикуломъ, т. е. буду брить бороду и ходить въ нѣмецкомъ платьѣ. Его сіятельство графъ Аракчеевъ изъ вниманія ко мнѣ или себѣ на потѣху, но не замедлилъ при письмѣ сообщить мнѣ списокъ съ указа въ Совѣтъ о моей отставкѣ.

Мнѣ очень хочется, чтобы вы не ѣздили въ Финляндію, а какъ нибудь остались во градѣ Петра. Здѣсь погода такъ мѣняется, что чудесно и мы сутокъ въ двое пробѣгаемъ градусовъ по 50, съ точки на

*) Нѣсколько словъ не разобрано.

**) Далѣе нѣсколько строкъ, относящихся до семейныхъ дѣлъ.

28 и потомъ обратно на точку. Доктора и аптекари очень довольны симъ временемъ и имъ работы довольно. У меня больница не перестаетъ. Лиза еще не выѣзжаетъ, хотя ей и лучше, но въ маѣ она ѣдетъ съ матерью въ теплыя земли, а я намѣренъ побывать въ Крыму. Наталья Федоровна на пятый день отъѣзда мужа въ Одессу лишилась меньшаго сына, ребенка полутора года прекраснаго.

Хотя я въѣхалъ въ Москву и не въ понедѣльникъ, но несчастливо и всѣ неудовольствія въ три мѣсяца не прибавили любви моей къ сей огромной и пустой во всѣхъ отношеніяхъ столицѣ. Она весьма занята, ибо кромѣ вѣчныхъ ея правъ бранить начальниковъ и преосвященнаго, очень заботится возвращеніемъ князя Петра Михайловича (Волконскаго) и разбираетъ тарифъ. Я уже встрѣтился съ одной забытой смертію старухой, которая осудила Канкрина въ Сибирь за то, что цѣна прибавлена на мускатный орѣхъ, безъ коего она жить не можетъ. Должно сказать по истинѣ, что здѣсь народу много, а людей мало. Прощайте; поживайте, гдѣ судьба приведетъ, и сносите погоду, труды, скуку и родъ человѣческій, отъ коего и ему самому не есть спасенія. Вамъ преданный.

V. Письма графа (впослѣдствіи князя) Михаила Семеновича Воронцова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1812—1825 г.г.

250.

19-го мая 1812 г. Луцкъ.

Мы перемѣняемъ квартиры, любезный Арсеній Андреевичъ, и приближаемся къ вамъ, чему я очень радъ, ибо чѣмъ кучнѣе тѣмъ вѣрнѣе, какъ они ни хитри, а надо дойти до штыковъ, тогда увидимъ. Боюсь только, что тамъ будетъ голодно. Ежели только простая будетъ стоянка, то жаль оставить Волынь, земля прекрасная.

Графъ Сенъ-При будетъ къ вамъ писать о Митюшѣ Нарышкинѣ. Научите, Бога ради, какъ бы можно его причислить къ намъ, кажется, что въ главной арміи штабъ, его требовать можно подъ какимъ нибудь предлогомъ, а право надо бы его имѣть здѣсь, мальчикъ славный и изъ него будетъ путь.

Скажите, какъ вамъ не стыдно не давать намъ ни одного порядочнаго артиллерійскаго генерала. Вѣдь это не шутка, у васъ ихъ три: Кутайсовъ, Яшвиль и Ермоловъ, вольно вамъ изъ послѣдняго (лучшій артиллерійскій офицеръ въ Россіи) сдѣлать пѣхотнаго гвардейскаго. У насъ по этой части все уроды: Аракчеевъ, Сиверсъ, а теперь слышно, будетъ Левенштернъ, одинъ другаго хуже. Хоть бы Бастіани (?) *) изъ Молдавіи выписать, а этакъ у насъ по этой части въ день сраженія пойдетъ дурно. Вообще у насъ въ Россіи всегда жалуются, что нѣтъ людей, а тѣхъ которые есть не употребляютъ. Скажите, не грѣшно ли Воинова, Остермана не имѣть въ службѣ, когда предстоитъ война, отъ коей зависитъ судьба наша. Теперь, напримѣръ, Ламберта у насъ взяли,

---

*) Фамилія написана весьма неразборчиво.

можетъ быть онъ и случая не будетъ имѣть служить, какъ въ другомъ мѣстѣ, а онъ изъ первыхъ людей для кавалеріи, какихъ только желать можно.

Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта объ офицерахъ, которыхъ я просилъ въ полкъ. Это будетъ для меня большое благодѣяніе и я тогда буду совершенно спокоенъ на счетъ онаго.

Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ. Марковъ увѣрилъ было насъ, что миръ съ турками подписанъ, но мы начинаемъ сомнѣваться.

Податель сего письма, графъ Витъ, будетъ имѣть съ вами дѣло, и проситъ, чтобы я его съ вами познакомилъ. Онъ человѣкъ умный и съ большими свѣдѣніями, особливо обо всемъ, что у французовъ завелось и заводится.

251.

10-го іюля 1812 г. На маршѣ близъ Ст.-Выхова.

Благодарю васъ, любезный Арсеній Андреевичъ, за письмо ваше. Сенъ-При присылалъ мнѣ то, что вы къ нему писали и которое весьма для насъ было интересно. Позвольте мнѣ, только, вамъ сказать, что вы меня мало знаете, ежели думаете, что могу занимать то мѣсто въ 1-й арміи, про которое вы упоминали. Сверхъ того, что я никакъ бы не могъ взять на себя отвѣтственность столь важнаго мѣста, тутъ надо много такого чего у меня нѣтъ, да и сверхъ того надо умѣть жить при дворѣ, а вы знаете каковъ я придворный, одна безпрестанная форма убьетъ меня и здоровье у меня не такое чтобъ день и ночь быть на ногахъ. Во фронтѣ какъ бы форсировано не шли, а все есть время отдыховъ, а въ такомъ мѣстѣ по моему сужденію о покоѣ и думать нельзя. Благодарите Бога, что у васъ теперь Ермоловъ, нельзя было лучше выбрать по всѣмъ отношеніямъ, да сверхъ того и артиллерійскія его достоинства теперь пропадшими не будутъ, ибо въ день сраженія онъ уже разставитъ многочисленную нашу артиллерію совсѣмъ иначе, какъ обыкновенно у насъ водится.

Какой-то Мещерскій изъ Желтухина полка, подалъ прошеніе чрезъ графа Сенъ-При и говорятъ, что ко мнѣ въ полкъ. Бога ради, не дѣлайте сего, моимъ только что обида, а этотъ Мещерскій пьяница и негодяй. Сенъ-При не знаетъ куда онъ просился и не читалъ его прошенія. Сдѣлай милость, любезный Арсеній Андреевичъ, не принимайте никого ко

мнѣ безъ моего согласія. Вы мнѣ отказали тѣхъ, коихъ я просилъ, по крайней мѣрѣ, не давайте такихъ, которыхъ я и знать имя не хочу. Бога ради, прикажите въ канцеляріи записать имя капитана Громкау, чтобы тогда какъ произведутъ его въ маіоры, его бы не выписали въ другой полкъ, а оставили бы у меня. Онъ самый надежный офицеръ и 20 лѣтъ въ полку. Хотѣлось еще много о чемъ поговорить, но нельзя, надо идти, а мы маршируемъ форсировано.

Прощайте, любезный другъ.

252.

Любезный Арсеній Андреевичъ, скажите Бога ради, какъ у васъ дѣла идутъ. Надо держаться въ Смоленскѣ до послѣдняго, мы всѣ рады умереть здѣсь. Непріятель можетъ пропасть, истребляя лучшую свою пѣхоту. Онъ отъ упрямства часто рисковалъ, но никогда столько какъ сегодня, ибо уйти ему будетъ трудно.

Мы всѣ здѣсь готовы васъ подкрѣпить. Ради Бога, чтобъ арміи наши не расходились и составляли бы одну, какъ теперь. Я бы желалъ и еще ближе быть.

Бога ради, или атаковать его, или держаться въ городѣ. Напиши два слова. Преданный тебѣ М. Воронцовъ.

Пожалуйста покажи офицеру, гдѣ Вильсонъ.

253.

22-го сентября 1812 г. С. Андреевское.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, ежели, какъ ты мнѣ пишешь, ты поѣдешь въ Петербургъ сдавать бумаги, Андреевское, будучи на дорогѣ, я надѣюсь, что мимо насъ не проѣдешь. Есть кое объ чемъ и поговорить и потужить и порадоваться.

Государь непреклонно рѣшился никакъ о мирѣ не думать и драться до послѣдняго, а лучше сего и не надобно. Все поправится и война должна кончиться въ нашу пользу.

Вы пишите, что даже казаковъ не посылаютъ въ задъ и фланги непріятеля, а здѣсь увѣряютъ насъ, что наши партіи безпрестанно бываютъ на Смоленской дорогѣ, что Дороховъ тамъ такъ и стоитъ и что безпрестанно таскаютъ у непріятеля плѣнныхъ, обозы и пр. На-

пишите, пожалуйста, о семъ и зачѣмъ цѣлая армія наша не переходитъ гораздо ближе къ Смоленской дорогѣ или совсѣмъ на оную, тогда французамъ никакъ уже въ Москвѣ остаться нельзя бы.

Ежели есть ко мнѣ письма, пожалуйста, отдайте подателю сего и также велите спросить въ канцеляріи фельдмаршала, нѣтъ-ли тамъ чего на мое имя.

Прощайте, любезный другъ. Преданный вамъ М. Воронцовъ.

P. S. Михайло Богдановичъ (Барклай-де-Толли) дурно дѣлаетъ, что просится въ отставку; служба его нужна, первое для государства, второе же и для него самого. Разныя трудныя обстоятельства обратили на него отъ многихъ негодованіе. Это пройдетъ какъ все усмирится, и ему во многомъ отдадутъ справедливость. Выходя же въ отставку, онъ дѣлаетъ то, что непріятели его желаютъ, а прочимъ покажется еще больше виноватымъ. Повѣрь мнѣ, что, наконецъ, меньше будутъ думать о Дриссѣ, объ оставленіи Смоленска и пр., нежели о томъ, что ему мы обязаны тѣмъ укомплектованіемъ, коимъ арміи наши теперь держатся и даже что онъ первый и онъ одинъ причиной, что послѣдовали роду войны, которой со всѣми ошибками и со всѣми несовершенствами въ исполненіи есть одинъ, который могъ насъ спасти и долженъ наконецъ погубить непріятеля. М. Б. (Михайло Богдановичъ) и во фронтѣ и въ совѣтахъ можетъ быть полезенъ отечеству и теперь такое время, что никто отъ своего мѣста отходить не долженъ.

Сенъ-При къ вамъ послѣ завтра хочетъ ѣхать, а я дней черезъ 10 или 15.

254.

14-го октября 1812 г.

Арсеньевъ пріѣхалъ изъ арміи съ подробностями сраженія 6-го числа, которыя вамъ почти всѣ извѣстны. Пріѣздъ вашего фельдъегеря будетъ гораздо любопытнѣе, ибо тогда въ арміи будетъ извѣстно, что Москва оставлена. О Витгенштейнѣ ничего не знаю, но Чичаговъ точно идетъ на Борисовъ.

Ссора между Кутузовымъ и Беннигсеномъ еще умножилась по случаю 6-го числа, ибо сей послѣдній жалуется, что его выдали. Хороши они всѣ.

Прощайте, любезный Арсеній Андреевичъ, прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе Михайлѣ Богдановичу (Барклаю-де-Толли). Извѣстій вашихъ жду съ нетерпѣніемъ.

1-й арміи награжденія уже всѣ въ приказѣ, нашей надняхъ будутъ. Платовъ, кажется, еще никуда не посланъ. Ермоловъ мараетъ вторую армію какъ можно хуже. Хороша душа, его прежде не знали.

255.

17-го октября 1812 г.

Любезный Арсеній Андреевичъ. Нарышкинъ пріѣхалъ изъ Москвы. Вы можетъ уже знаете, что Винцингероде попался французамъ и съ нимъ Левушка Нарышкинъ, наканунѣ выхода французовъ. Теперь тамъ командиръ Иловайскій 4-й. Объ арміи ничего не знаютъ. Въ Москвѣ взяли французовъ: раненыхъ 3.000, здоровыхъ 1.000. Они говорятъ, что Бонапарте идетъ прямо на Нѣманъ. Цесарскій Императоръ умеръ, Карлъ регентомъ и политика перемѣняется. Надѣюсь, что Чичаговъ, не имѣя въ виду непріятеля, со всей своей арміей станетъ на дорогу г. Бонапарте и тогда посмотримъ каково ему будетъ. Мнѣ кажется, что собакѣ конецъ неизбѣжный. Александръ Афанасьевичъ на словахъ еще вамъ разскажетъ. Бога ради, присылайте поскорѣе извѣстія изъ арміи, также изъ Петербурга. Мое нижайшее почтеніе Михайлѣ Богдановичу.

256.

17-го (29-го) февраля 1816 г. Мобежъ.

Я вижу по новому распредѣленію военнаго министерства, что часть судная, между прочимъ, или аудиторіатъ досталась къ тебѣ въ руки, любезный Арсеній Андреевичъ, и сіе меня побуждаетъ переговорить нѣсколько съ тобою о семъ весьма важномъ, но забытомъ въ нашей службѣ пунктѣ.

Я часто занимался судопроизводствомъ нашимъ въ арміи, видѣлъ и размышлялъ объ образѣ теченія онаго, и жалѣлъ сердечно, что эта часть такъ далека отъ той степени, до коей дошли почти всѣ прочія въ арміи нашей.

Мнѣ случилось быть въ двухъ судахъ ассессоромъ, а въ 3-мъ презусомъ; первые два длились нѣсколько лѣтъ, я не видалъ ни начала ни конца оныхъ, да и врядъ былъ-ли въ нихъ членъ, который бы во все теченіе оныхъ присутствовалъ; въ послѣднемъ же хотя мы и скоро рѣшили, но дѣло ни лучше. ни яснѣе не окончено, хотя вѣрно совѣсть

была у меня чистая. Я долго думалъ, что это происходило отъ недостатка у насъ по сей части законовъ и правилъ. Занявшись же недавно здѣсь книгами до того касающимися и особливо сравнивая вмѣстѣ изображенія процессовъ (изъ артикула Петра Великаго) и желтую книгу, я нашелъ съ удивленіемъ и радостію, что то, что я почиталъ порокомъ военныхъ нашихъ уложеній, было ничто иное, напротивъ того, какъ упущеніе правилъ оными изложенныхъ и что сіе упущеніе происходило и происходитъ больше всего отъ аудиторовъ нашихъ. Вмѣсто того, чтобы быть законниками, они у насъ всѣ пережалованы изъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ.

Петръ Великій основатель всего у насъ и виновникъ величія Россіи, говоря о военныхъ судахъ, признаетъ, что офицерамъ нельзя имѣть большихъ свѣдѣній о законахъ, ибо другимъ должны заниматься искусствомъ, но за то говоритъ, должны быть при арміи аудиторы, кои должны быть *хорошіе юристы* и знать совершенно *всѣ права и законы!*

Какая критика на нашихъ аудиторовъ! Вмѣсто того, чтобы имѣть юриста понимающаго, какъ общія права, такъ и духъ и смыслъ законовъ, у насъ аудиторъ, а иногда въ отсутствіи оныхъ (что, впрочемъ, все равно) фельдфебели и унтеръ-офицеры изъ крестьянъ, чуть-чуть читать и писать умѣющіе, и привыкшіе думать, а часто и *чувствовать,* что палка есть единственный законъ и управленіе роты верхъ человѣческаго искусства. Какое варварское противорѣчіе! Откуда взялось оное и отчего могли аудиторіаты наши допустить до такого зла? Какой вредъ для арміи и какое убѣжище для виновныхъ, имѣющихъ способъ продлить дѣланныя надъ ними слѣдствія! Военные законы вездѣ, а особливо у насъ, довольно строги, чтобы виноватый при самомъ законномъ и порядочномъ судопроизводствѣ былъ въ полной мѣрѣ наказанъ, сей же порядокъ всегда бы оправдалъ невиноватаго; теперь же сей послѣдній никакъ не можетъ надѣяться на справедливость и всякій шельма чрезъ медленность, запутанность и незнаніе судей можетъ надѣяться или быть оправданнымъ или чрезъ долгое время истребить всю ненависть къ винѣ своей и сдѣлаться предметомъ соболѣзнованія, а не укоризны публики. Отъ сего-то неравенства, отъ сихъ-то злоупотребленій происходитъ у насъ слово *несчастный,* которое вообще дано всѣмъ осужденнымъ и которое несправедливо, какъ скоро справедливъ судъ его обвинившій.

Не знаю моего-ли ты на сей счетъ мнѣнія; ежели нѣтъ, то напиши свои разсужденія, я радъ ихъ слушать и чему-нибудь вы-

учиться—ежели же ты то самое думаешь, что и я, то постарайся, Бога ради, обратить на сіе вниманіе Государя, и сколько можешь съ своей стороны пекись о преобразованіи аудиторовъ и о соблюденіи правилъ всѣми народами принятыхъ и въ нашихъ же уложеніяхъ начертанныхъ. Въ разсужденіи аудиторовъ надобно: 1) не производить въ чинъ сей изъ унтеръ-офицеровъ за храбрость или за безпорочную 12-ти-лѣтнюю службу, сопряженную съ умѣніемъ грамоты, ибо сіи качества, хотя почтенныя, не имѣютъ никакого отношенія съ должностію указателя и блюстителя законовъ; 2) поставить аудиторовъ на лучшую ногу и дать имъ больше жалованья. Сіе не только нужно, какъ скоро они будутъ люди порядочные, а не капралы, но и во всякомъ случаѣ необходимо. Мы имѣемъ по части медицинской живой примѣръ, что̀ дѣлаетъ перемѣна къ лучшему въ состояніи людей и снабженіе ихъ способами жить честно и хорошо. Ты помнишь, каковы были у насъ лекаря и госпитали прежде аустерлицкой и прусской кампаніи. Посмотри каковы они теперь, отними у нихъ хорошее жалованье, отнимешь и возможность вести себя честно и прилежанье къ ремеслу и болѣе всего помѣшаешь порядочнымъ людямъ входить въ эту службу. Тоже самое и съ аудиторами, имѣйте ихъ меньше, двухъ въ дивизіи весьма довольно, но чтобы были люди порядочные и чтобы имѣли чѣмъ жить безъ нужды и безъ искушеній.

Посылаю при семъ тебѣ правила *), кои я выдалъ для судопроизводства въ своемъ корпусѣ, разумѣется, что я не могъ и не смѣлъ бы въ такомъ случаѣ написать что-нибудь своего, все взято изъ законовъ и изъ тѣхъ законовъ, коими въ арміи судиться должны, но многаго аудиторы наши не примѣтили. Три вещи по моему всего нужнѣе, чтобы поправить у насъ сіе дѣло: 1) чтобы все шло на словахъ; 2) чтобы во всякомъ случаѣ былъ показатель вины или потому что онъ самъ жалуется или доноситъ или хоть и наряженный для сего посторонній офицеръ, ибо судъ не долженъ отыскивать вины, а выслушавъ показаніе оной и оправданіе подсудимаго судить виноватъ-ли или нѣтъ; 3) чтобы всѣ суды были публичны, тогда мало-по-малу все приведется въ порядокъ, и суды пойдутъ плавно, ясно и справедливо.

Всѣ эти три вещи по моему необходимыя находятся въ законѣ нашемъ, только стоитъ отъ нихъ не отдаляться. Напиши мнѣ свое мнѣніе о моемъ проектѣ, и ежели найдешь оной хоть отчасти справед-

---

*) Приложеній при письмѣ нѣтъ.

ливымъ, то старайся съ своей стороны производить въ дѣйствіе, то что ты думаешь можетъ быть полезнымъ.

При сихъ же правилахъ посылаю тебѣ копію съ циркуляра моего о томъ же къ дивизіоннымъ командирамъ.

Прощай, любезный другъ, я еще тебѣ буду писать въ другомъ письмѣ, такъ какъ сіе и такъ уже длинно и чтобы не мѣшать матеріи.

257.

4-го (16-го) сентября 1816 г. Мобежъ.

Благодарствуй, любезнѣйшій другъ, за письмо твое отъ 2-го августа; оно поздно дошло, ибо иностранный департаментъ удержалъ фельдъегеря еще 10 дней.

За двѣ части собранія законовъ и постановленій, да части военнаго управленія и пр. весьма благодаренъ и на первый случай прошу за меня собственно подписываться на два экземпляра, изъ коихъ одинъ прошу оставлять всегда въ нашемъ домѣ у Лонгинова, а другой присылать ко мнѣ. Изъ корпуса многіе подпишутся и я объявляю о томъ предложеніи въ приказѣ. Въ самую минуту полученія твоего о томъ письма и самой книжки, всѣ присутствующіе въ комнатѣ кинулись съ жадностію на оную и всѣ кричали: «Военные законы! Военныя постановленія! Надо подписаться, надо!» Но вдругъ, вообрази несчастіе, отворяютъ книгу и какъ будто нарочно на листкѣ, который при семъ прилагается, а именно, что запрещается изъ за галстуха показывать рубашки—приказъ Волконскаго, всѣ охладѣли, повернулись и никто не подписывается. Я ихъ уговариваю, обращаю вниманіе на вещи еще важнѣе сего, но всѣ какъ глухіе мнѣ и не отвѣчаютъ, ужасно упрямый народъ.

Твои старанія о всемъ семъ, о порядкѣ въ дѣлахъ тебѣ порученныхъ, въ типографіи и проч., меня ни мало не удивляютъ и на тебя похожи. Нельзя-ли настоять еще на одномъ, чтобъ печаталось все у васъ на лучшей бумагѣ. Право стыдно; конечно, оно дешевле, но сію малую экономію можно-ли сравнить съ тѣмъ, что даже чужимъ показывать нельзя то что у васъ печатается. Ни въ одномъ государствѣ, ни въ одномъ городѣ въ Европѣ теперь таковой бумаги не употребляютъ, она пахнетъ XVII столѣтіемъ.

Вода, о коей ты просилъ, чтобъ купить на 100 франковъ, будетъ доставлена съ будущимъ курьеромъ.

Нумера ротамъ артиллерійскимъ такъ часто перемѣняютъ, что это все равно, какъ когда при Павлѣ назывались именами; неужто и въ нумерахъ нуженъ ранжиръ или форма. По этому надо бы и полки въ дивизіяхъ по алфавиту росписать, въ первой начинающіяся съ а, какъ Апшеронскій, во второй—Бѣлевскій и прочіе.

На бумагу о запросѣ, какъ Ванниковъ произведенъ былъ въ унтеръофицеры, я отвѣчаю тебѣ оффиціально, но Алексѣевъ проситъ, коли возможно, объ этомъ промолчать. Онъ его произвелъ подъ Мецомъ, за храбрость, не зная, что онъ былъ разжалованъ и его ужь разъ бранилъ за то фельдмаршалъ, такъ этого, кажется, и довольно. Постарайся, пожалуйста, чтобъ это дальше не шло. Впрочемъ, кажется, что сей Ванниковъ находится на запискѣ, которую ты мнѣ оставилъ при отъѣздѣ и по коей я все возможное сдѣлалъ.

Гудовичу двойная радость: произведенъ въ полковники и родился у него сынъ.

У насъ будетъ большой смотръ всего корпуса между Рокроа (Rocroy) и Мобежъ Фонтенъ, о коемъ обстоятельно тебѣ писать буду. Между тѣмъ мы праздновали Государевы именины какъ можно громче и веселѣе. Солдаты сами по себѣ освѣтили здѣсь всѣ казармы, какъ нельзя лучше, да и французы праздновали, какъ бы и русскіе. Столовыхъ денегъ своихъ, серебромъ, брать не рѣшусь, ибо для себя я казенными деньгами никогда располагать не буду, что и съ начала здѣсь дѣлалъ, ибо положивъ столовыхъ денегъ дивизіоннымъ командирамъ, по 25 франковъ, я себѣ не назначилъ ни копѣйки, но впослѣдствіи этого нельзя выдержать, ибо я разоряюсь и коли надо здѣсь остаться, то принужденъ буду просить у Государя войти въ мое состояніе и назначить что нибудь, по примѣру всѣхъ оставленныхъ въ подобныхъ случаяхъ начальниковъ.

Посылаю тебѣ при семъ два пакета, въ этомъ же письмѣ, для того чтобы въ случаѣ ежели найдешь, что докладывать нельзя, то или на время остановить или переслать назадъ ко мнѣ.

За перья ты мнѣ долженъ 15 червонцевъ и за книги 70 франковъ, которые и отдай Лонгинову, взявъ, что нужно, чтобы подписаться за меня на выходящую у васъ книгу.

Дмитріева прошу ко мнѣ поскорѣе прислать обратно, ему и прогоны даны на оба конца. Я съ нимъ отправляю и Бенжамина, который по дружбѣ къ намъ взялся за дѣла дома нашего въ Петербургѣ и близъ лежащаго тамъ имѣнія. Для сего я далъ изъ своихъ денегъ Дмитріеву на третью лошадь, а Бенжамину 100 червонцевъ, чтобъ ѣхать изъ Варшавы.

Въ послѣднія три недѣли прибыли сюда изъ Россіи по крайней мѣрѣ 6 или 7 офицеровъ, переведенные или просто прикомандированные по протекціи сюда, для того только чтобъ пользоваться здѣшнимъ содержаніемъ. Я бы хотѣлъ, чтобъ Государю напомнили, что это онъ, а не французы, кои за это платятъ, ибо суммы получаемъ мы, и ежели что не издержано, то оно остается въ казнѣ, а этакъ скоро этихъ суммъ и не станетъ. Помните, что всякій штабъ-офицеръ стоитъ здѣсь Государю ежегодно отъ 8 до 14,000 рублей. Прислали Витгенштейна, коему, по его же словамъ, нельзя ничего поручить и подполковникъ. Прислали Шарлемана, чтобъ лечиться въ отпуску и все получать какъ будто бы служитъ и проч. и проч., это не хорошо. Прощай, любезный Мазепа, будь здоровъ и люби любящаго тебя душевно.

Письма прошу разсылать какъ можно вѣрнѣе.

258.

5-го (17-го) ноября 1816 г. Мобежъ.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, любезный Мазепа, ты на меня сердишься за двѣ вещи. Первое, за то, что я писалъ на твой счетъ Ермолову и здѣсь должно мнѣ замѣтить, что хотя писано это ему, я все-таки не думалъ, что отъ тебя это скрыто будетъ, ибо я зналъ, что онъ тебѣ это или покажетъ или напишетъ, да притомъ же я всегда готовъ сказать другу, то что я думаю. Человѣку, котораго не люблю и не уважаю, я безъ нужды не открою своего объ немъ мнѣнія, тебѣ же всегда скажу все, что на душѣ лежитъ, ибо разница въ образѣ видѣть въ нѣкоторыхъ только пунктахъ, не можетъ имѣть сравненія съ чувствами дружбы и того уваженія, безъ коего дружба состоять не можетъ, и вліянія на оное также не имѣетъ. Покойнаго твоего благодѣтеля (графа Н. М. Каменскаго) я почиталъ, былъ ему душевно преданъ и, покуда живъ, останусь благодарнымъ за милости мною отъ него и чрезъ него полученныя, но сіе не мѣшаетъ мнѣ имѣть свободное свое мнѣніе о нѣкоторыхъ чертахъ его характера, а еще пуще о характерѣ отца и брата его; слѣдственно я и могъ сказать, что онъ принадлежитъ нѣкоимъ образомъ къ роду тиранскому. Потомъ могу я ошибаться, но позволено мнѣ воображать, что человѣкъ воспитанный отцомъ такимъ, каковъ былъ графъ Михаилъ Федотовичъ, видѣвши ежедневно поступки своего отца съ солдатами, съ слугами, съ крестьянами, поступки варварскіе и которые, наконецъ, довели его до извѣстнаго всѣмъ конца, позволено мнѣ ду-

Братъ твой здоровъ, мы теперь отдыхаемъ отъ маневровъ, но я завожу два раза въ недѣлю походъ отъ 15 до 25 верстъ, чтобы люди не болѣли отъ лежанія.

Прощай, будь здоровъ и люби любящаго тебя душевно.

P. S. Великій Князь Николай Павловичъ, на возвратномъ пути изъ Англіи, заѣдетъ къ намъ въ Мобежъ.

259.

4-го (16-го) января 1817 г. Мобежъ.

Поздравляю тебя отъ всей души съ новымъ годомъ, любезный Мазепа, и желаю тебѣ всякаго счастія и благополучія. Я пріѣхалъ изъ Парижа сюда 30-го числа, а фельдъегерь, пріѣхавшій сюда, въ это время уѣхалъ въ Парижъ и хоть вѣрно по дорогѣ могъ узнать, что я проѣхалъ обратно сюда, но не воротился, оставивъ бумаги по дежурству здѣсь всѣ, партикулярныя и проч., и, между прочимъ, письмо отъ тебя увезъ съ собою; наконецъ, третьяго дня къ вечеру пріѣхалъ и отдалъ мнѣ письмо. Твое письмо немного сердито и я еще болѣе тебя согласенъ на то, чтобы объ этомъ болѣе не говорить (то-есть на счетъ графа Ник. Мих. (Каменскаго), хотя разница въ мнѣніяхъ у насъ не велика, но долженъ, однако, для оправданія себя тебѣ сказать, что ты худо прочелъ мое письмо, когда понимаешь, что я говорю про людей загнанныхъ сквозь строй за рущукскій штурмъ. Видно, или ты читать позабылъ, или я писать разучился, скорѣе послѣднее, ибо я чувствую, что рука у меня всякій день больше портится, а когда спѣшу, то и слогъ весьма плохъ, но въ письмѣ моемъ я говорю, что лучше бы было казнить за трусость подъ Рущукомъ, нежели въ другихъ случаяхъ гнать сквозь строй безъ суда и до смерти, а это было (по крайней мѣрѣ вся армія это говорила) нѣсколько разъ между Силистріей и Шумлою. Теперь, сдѣлай милость, бросимъ это, мнѣ должно было изъяснить тебѣ, что я тебѣ писалъ, но больше говорить про это не буду и отвѣчать не буду, ежели и ты будешь писать. Я не могу понять, какъ это мы теперь мѣсяца два на бумагѣ ссоримся, тогда какъ столько лѣтъ никогда другъ на друга и не покосились.

Коммиссій твоихъ на сей разъ исполнить не могъ, ибо былъ въ Парижѣ такъ занятъ дѣлами, о коихъ пониже напишу, а потомъ разстроенъ болѣзнею батюшки, что не имѣлъ свободной минуты, да и не имѣлъ Дмитріева, который лучше всѣхъ знаетъ, гдѣ достать лучшіе

женскіе уборы, о коихъ я никогда (даже когда былъ влюбленъ) не имѣлъ понятія. На будущей недѣлѣ, я это все сыщу и съ курьеромъ февральскимъ отправлю. Въ разсужденіи же большой коммиссіи, то я намѣренъ купить сперва бронзовые часы, которые и пойдутъ съ фрегатомъ.

О Быковѣ я опять прошу разрѣшенія, представить-ли его въ военную службу или нѣтъ, а между тѣмъ онъ ничего не дѣлаетъ, и я принужденъ буду заставить его заняться тѣмъ, что теперь составляетъ долгъ его до перемѣны (коли послѣдуетъ) ради служенія его.

На счетъ столовыхъ я весьма спокоенъ, я сдѣлалъ должное, и сказалъ правду, коли не почтутъ вниманіемъ, *не мнѣ* стыдно.

За списки весьма тебѣ благодаренъ, буду ждать новости, о коихъ пишешь. Насъ все пугаютъ фурштадтомъ на австрійскій манеръ, боюсь, чтобы это не былъ первый шагъ для сдѣланія изъ насъ австрійской арміи.

При семъ идетъ представленіе объ Арсеньевѣ въ Смоленскій полкъ. Я хотѣлъ еще тебя просить, любезный другъ, на случай производства на вакансіи въ полковники Раевскаго и Митюши Нарышкина, чтобы ихъ оставили покамѣстъ при мнѣ, какъ было съ Арсеньевымъ. Я ихъ буду приготавливать въ полковые начальники, а при случаѣ и когда будетъ пора, представлю командовать полками. Они, конечно, молоды, но этотъ порокъ каждый день поправляется самъ по себѣ, а другаго за ними право нѣтъ, и они будутъ отлично служить своему Государю и отечеству.

Панкратьевъ, котораго я нашелъ въ Парижѣ и уговорилъ пріѣхать сюда со мною, разскажетъ то же про наше житье-бытье, про клубъ нашъ, который начался 1-го числа съ большимъ успѣхомъ и проч. Онъ тебѣ же скажетъ, что въ Парижѣ идетъ большой толкъ объ уменьшеніи здѣсь союзной арміи. Не знаю, чѣмъ кончится, но ежели бы по моему, то лучше весь россійскій корпусъ отозвать назадъ. Ежели же захотятъ взять только отсюда маленькую часть, то я бы охотнѣе разстался съ бригадою драгунъ, нежели съ чѣмъ другимъ.

Прощай, мой любезный другъ, прошу приложенные пакеты переслать исправно къ Ник. Мих. (Лонгинову?), къ Ермолову и къ Сабанѣеву, тамъ есть книги интересныя, о коихъ тебѣ разскажетъ Лонгиновъ.

Часть цвѣтовъ тебѣ теперь посылается, прочіе и платья достану въ Парижѣ.

При семъ пакетъ отъ Растопчина, который тебѣ очень кланяется.

P. S. Ты мнѣ пишешь, любезный другъ, что дѣти Алексѣева ежели и будутъ назначены въ здѣшніе полки, то отправятся въ резерв-

ные эскадроны. Неужели въ разсужденіи отца нельзя будетъ особо просить о нихъ Государя? Онъ вѣрно не откажетъ.

За цвѣты, теперь посылаемые, я заплатилъ 50 франковъ, кои и прошу записать въ нашъ съ тобою счетъ. За духи же, прежде присланные, забылъ, что заплатилъ, но узнаю въ Парижѣ и послѣ напишу.

Бумаги о Боркѣ и объ Арсеньевѣ поручаю въ дружеское твое покровительство. Доставленіемъ первому желаемаго имъ назначенія ты сдѣлаешь угодное Императрицѣ.

260.

6-го (18-го) февраля 1817 г. Мобежъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! Январскій курьеръ вашъ еще сюда не прибылъ. Не понимаю, отчего онъ такъ опоздалъ, но это большая разстройка для нашихъ текущихъ дѣлъ. Ты бы долженъ настоять, чтобы курьеръ съ обыкновенными бумагами всегда былъ отправленъ аккуратно, а потомъ ежели есть что важное, то небольшая мудрость послать другаго.

На сей разъ посылаю Лобанова, будь къ нему такъ же милостивъ, какъ былъ къ Нарышкину и Раевскому. Я пишу съ нимъ Государю о рѣшенномъ уже здѣсь уменьшеніи союзной арміи и ты изъ рапорта моего увидишь, что мудрые министры наши не почли меня достойнымъ знать это дѣло, хотя я все время и все зналъ отъ Веллингтона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не вздумали напомнить въ нашу пользу и замѣтить разницу между прусскими войсками, которыя, будучи во Франціи, все-таки на своихъ границахъ и нашими, которые отдѣлены какъ бы на другомъ свѣтѣ. Мнѣ кажется, что можно бы было симъ случаемъ воспользоваться, чтобы весь корпусъ русскій взять назадъ, но ежели этого не хотятъ, то частнаго уменьшенія не должно бы дѣлать потому, что оное разстроитъ корпусъ, а нѣкоторыя мелкія нѣмецкія дружины могли бы замѣнить это уменьшеніе и именно король Виртембергскій, который желаетъ своихъ взять назадъ и распустить. Ежели же непремѣнно хотятъ взять отсюда части, то я бы охотнѣе отдалъ изъ драгунъ бригаду Каблукова и изъ пѣхоты бригаду Полторацкаго, т.-е. вторую изъ 9-й дивизіи и на тотъ случай, что берутъ бригады, но другія, посылаю тебѣ письмо отъ себя къ Волконскому, въ коемъ о семъ прошу. Ты отдай оное только въ томъ случаѣ, что оно можетъ

подѣйствовать для назначенія бригадъ, ибо разрѣшеніе могло бы еще успѣть, коли послать оное просто по почтѣ, не дожидаясь курьера.

Фельдъегеря я отдалъ Поццо-ди-Борго и я думаю, что оный уже къ вамъ посланъ, съ нимъ ты получишь перья женскія. О бронзовыхъ часахъ и проч. я сдѣлалъ уже справки и могу доставить тебѣ славные, но надо, чтобы деньги были сюда присланы чрезъ банкира, своихъ у меня мало, да сверхъ того по курсамъ не могли бы разсчитаться. Пришли деньги тѣхъ, кои дали тебѣ коммиссіи и сколько будетъ прислано, на то число будетъ куплено желаемыхъ вещей и будутъ отправлены, какъ вы хотите, на фрегатѣ или на купеческомъ суднѣ. Повторяю просьбу мою на счетъ Раевскаго и Митюши Нарышкина, въ случаѣ ежели произведутъ ихъ въ полковники, т.-е. чтобы оставили ихъ при мнѣ, какъ было съ Арсеньевымъ, и потомъ я ихъ со временемъ и когда будетъ случай, представлю въ полковые командиры. Славные будутъ изъ нихъ люди, я тебя увѣряю.

Прощай, любезный Мазепа, будь здоровъ и люби любящаго тебя.

261.

21-го іюня (3-го іюля) 1817 г. Кале.

Какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ — сегодня всѣ войска на эскадрѣ посажены и можетъ вечеромъ въ море пойдутъ, однако безпокойства было довольно, вчера особливо, такой былъ штормъ, что опасность была не шуточная. Дай Богъ, чтобъ все прошло хорошо. Тѣмъ по крайней мѣрѣ можно похвастаться, что во всѣхъ частяхъ идущихъ въ Россію войскъ, не было во все время ни одного бѣжавшаго, это мнѣ кажется доказываетъ, что мы здѣсь не совсѣмъ избаловались.

Къ тебѣ идутъ посылки, но о цѣнѣ и векселя пошлю съ будущимъ курьеромъ.

О Мену (?) *) пишу обстоятельно Волконскому, сдѣлай милость постарайся тоже о немъ. Судъ, мнѣ кажется, рѣшилъ какъ должно, впрочемъ, конфирмаціи я не положилъ, а представилъ Государю, ибо по мнѣ такъ и суду не слѣдовало быть.

Прощай, будь здоровъ.

---

*) Фамилія написана такъ, что разобрать трудно.

262.

2-го (14-го) декабря 1817 г. Мобежъ.

Письмо твое, любезный Арсеній Андреевичъ, отъ 31-го октября, съ курьеромъ Поццо-ди-Борго я получилъ и весьма благодаренъ за всѣ извѣстія, въ ономъ мнѣ данныя. Думаю ждать съ нетерпѣніемъ, что вышло по справкѣ, сдѣланной вами въ канцеляріи князя Волконскаго о представленіи мною иностранныхъ чиновниковъ. Это дѣло не одна личность, но по здѣшнимъ обстоятельствамъ весьма нужно знать, что по таковымъ представленіямъ дѣлается. За предложеніе, что ты мнѣ дѣлаешь, заняться отыскиваніемъ тѣхъ изъ моихъ бумагъ, которымъ нѣтъ еще отвѣта, я весьма благодаренъ и буду онымъ пользоваться по формѣ, вами присланной. Впрочемъ, послѣ шести мѣсяцевъ и по доброжелательству ко мнѣ вашего начальника, мало надежды, что по тогдашнему представленію что нибудь будетъ сдѣлано: по крайней мѣрѣ я хотѣлъ бы знать, что по подобнымъ случаямъ будетъ сдѣлано впередъ. Дѣла сіи не мои, а государевы, и хотя бы я и выучился сносить личныя непріятности, я не долженъ молчать, когда служба терпитъ.

Ты говоришь, что тебѣ прискорбно, что я сравниваю тебя съ моими офицерами въ разсужденіи посылокъ, что они болѣе посылаютъ, нежели есть на твое имя и что фельдъегери охотно для тебя будутъ возить. О семъ послѣднемъ я не токмо никогда не сомнѣвался и даже о сю пору давалъ имъ все то, что ты меня просилъ тебѣ посылать. За совѣтъ приказать офицерамъ менѣе посылать, я весьма тебѣ благодаренъ; но такъ какъ я сего имъ никогда не позволялъ, то и противнаго имъ приказать не могу; все, что я могу сдѣлать, это что приказать, чтобы въ спискѣ изъ дежурства никакихъ посылокъ не вписывать, а ежели они будутъ посылать съ согласія фельдъегерей и на рискъ, то я этого знать не могу и не хочу. Ты видишь посему, что я тебя никогда не сравнивалъ съ офицерами, посылки коихъ мнѣ совершенно чужды, но признаюсь, что я былъ душевно радъ, чтобы вся контрабанда, чья-бы ни была, была на таможнѣ конфискована и чтобы люди знатные не давали фельдъегерямъ примѣра того самаго, за что ихъ послѣ наказываютъ.

Бала Чернышеву я никогда не дѣлалъ, а призвалъ его на балъ, который я давалъ англійскимъ дамамъ изъ Камбре. Дружбы ему показывать не могъ, потому что оной не чувствую; учтивость же должна быть оказана каждому, а особливо человѣку, котораго отличаетъ Государь.

Десять экземпляровъ портрета Ермолова по желанію твоему при семъ посылаю. Деньги буду давать тѣмъ, которые письменно мнѣ объявятъ, что имѣютъ отъ тебя препорученія и буду переводить векселями. Прежнюю коммисію, про которую ты говоришь, я бы съ радостію исполнилъ, но сколько ни искалъ въ твоихъ письмахъ, ничего не нашелъ такого, чего уже бы прежде не исправилъ. Ежели ты говоришь о трехлистной запискѣ, которую я получилъ прошлаго года, то исполнивъ третью часть оной, я тогда же просилъ тебя о прочемъ послать мнѣ новую записку, потому что нѣкоторую часть исполнялъ за тебя Березовскій, и я боялся послать что нибудь вдвойнѣ.

Фельдъегеря Визгалова я послалъ къ Поццу, который меня о томъ просилъ, а такъ какъ Казначеевъ весьма желаетъ побывать въ Россіи и видѣть отца своего, то я и радъ былъ дать ему сей случай.

Фонъ-Визинъ недѣли черезъ двѣ къ вамъ отправится. Письмо сіе пишетъ за меня Нарышкинъ, потому что я третьяго дня обрѣзалъ себѣ палецъ.

Прощай, любезный Арсеній Андреевичъ, какъ бы ты противъ меня не перемѣнился, я не могу тебя не любить, и какъ прежде тебѣ писалъ, больно терять старыхъ друзей тому, кто не любитъ заводить новаго знакомства.

Пакеты къ Сабанѣеву и Ермолову, сдѣлай милость, отошли.

Прощай, живи здорово и весело. Весь твой.

263.

4-го (16-го) мая 1818 г. Мобежъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! Письмо твое отъ 1-го апрѣля я получилъ, за которое весьма тебѣ благодаренъ. Курьеровъ буду отсылать въ положенное время и прямо въ Петербургъ. О Бутурлинѣ вышелъ отказъ, стало и рапортъ мой о немъ, сдѣлай милость, истреби.

Что ты мнѣ говоришь о моихъ письмахъ въ Варшаву, доказываетъ мнѣ твою дружбу и участіе, что ты берешь въ моихъ дѣлахъ, и потому меня обрадовало сердечно, но ты меня слишкомъ хвалишь и съ другой стороны не хочешь признаваться, что меня гонятъ. Я сужу потому что̀ со мною дѣлаютъ, по бумагамъ что̀ я получаю и по своимъ чувствамъ. Съ тѣхъ поръ что я здѣсь, я ни одного слова пріятнаго не получилъ, и въ теченіе послѣднихъ 10 мѣсяцевъ почти безпрестанно какая нибудь непріятность до того, что при пріѣздѣ каж-

даго фельдъегеря руки не поднимаются распечатывать пакетъ и ежели подъ вечеръ, то оставляю до утра, дабы какой нибудь выговоръ не помѣшалъ сну. Что это за состояніе, и почему долженъ я присудиться на оное на всю жизнь свою? Чѣмъ заслужилъ я это? Ежели въ чемъ есть погрѣшимости, то надо ихъ свѣсить положа и съ услугами. Ежели за одно бранятъ, то пусть за другое объявятъ удовольствіе. Ежели Полторацкаго бригада и въ самомъ дѣлѣ такъ дурна, что я заслуживаю за оную строгій выговоръ, то пусть бы дали оный, но также пусть бы что нибудь сказали и за то, что въ три года почти здѣсь пребыванія, корпусъ остался совершенно русскимъ, люди сбережены, умершихъ и больныхъ почти нѣтъ, дисциплина такая что жители насъ любятъ. Какое же это правосудіе? За дурное безъ разбору бранятъ, за хорошее не хвалятъ, на письма справедливыя и покорныя не отвѣчаютъ, и ты хочешь послѣ этого, чтобъ я все былъ покоенъ, увѣренъ въ милости и остался бы навсегда въ таковомъ положеніи; нѣтъ, любезный, я это не въ силахъ сдѣлать. Я совсѣмъ не думаю, чтобъ я нуженъ былъ службѣ, напротивъ, она мнѣ нужна, потому что я къ оной привыкъ, что проведши въ оной лучшее время жизни моей, всякое другое состояніе мнѣ сперва покажется скучно; но нельзя съ нею не растаться, когда она сопряжена съ униженіемъ, и мнѣ лучше будетъ не только быть внѣ оной, но хоть въ пустынѣ, нежели всякій день ждать непріятность и быть трактованнымъ какъ послѣдній человѣкъ. Слава Богу, осенью будетъ Государь сюда, худо-ли мнѣ будетъ или хорошо, но отставки кажется отказать нельзя, а можетъ быть и не дождутся просьбы, чтобы уволить. Я все употреблю, чтобы показать корпусъ какъ должно и съ тѣхъ поръ какъ печатное ученіе есть, то у насъ учатся всякій день по оному, но за малую или большую ошибку ручаться нельзя, и будетъ со мною что было съ Петромъ Кириловичемъ Эссеномъ подъ Вертю. Ежели же будетъ удача, то я буду просить въ награжденіе то, чего не досталось въ видѣ наказанія.

Теперь мы ждемъ Великаго Князя Михаила Павловича, онъ долженъ смотрѣть корпусъ и донести объ этомъ Государю. По вышеозначеннымъ причинамъ я буду ждать его сужденія съ почтеніемъ, но приготовясь къ худшему.

Вотъ, мой истинный и любезный другъ, чистыя мои чувства, о коихъ я ни съ кѣмъ не говорю, потому что оное ни къ чему не служитъ, да я притомъ же того мнѣнія, что покамѣстъ человѣкъ еще не уволенъ, онъ не долженъ подавать примѣръ, что можно въ военной службѣ показывать неудовольствіе на высшую власть.

Никому о семъ не пишу, ни съ кѣмъ не говорю — и ни родные мои, ни окружающіе не знаютъ что у меня лежитъ на сердцѣ—и коли примѣчаютъ въ веселомъ (прежнемъ) духѣ перемѣну, то приписываютъ оную нездоровью. Можетъ быть поговорю о семъ съ Паскевичемъ какъ со старымъ другомъ, а не пишу даже и Сабанѣеву, хотя считаю его истиннымъ другомъ. Впрочемъ, съ нимъ я думаю то же будетъ что со мною, и его также гонятъ и говорятъ увѣрили Государя, что онъ пьяница. Рудзевича я почитаю славнымъ офицеромъ, но характеру его не вѣрю; коли онъ также соединится съ другими противъ Сабанѣева, то его свалятъ непремѣнно и Государь потеряетъ одного изъ лучшихъ генераловъ, коихъ только можно имѣть.

Прощай, любезный другъ, люби меня по прежнему и будь увѣренъ, что я тебѣ всею душою преданъ.

264.

4-го (16-го) іюня 1818 г. Мобежъ.

Письмо твое, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, съ послѣднимъ курьеромъ я получилъ и весьма тебѣ за оное благодаренъ. Я думаю, что сего года непремѣнно рѣшатъ нашъ отходъ отселѣ и весьма сему радуюсь, хотя для войскъ идти осенью и зимою будетъ не хорошо, и не вижу для чего не дождаться весны, развѣ хотятъ сдѣлать удовольствіе французскимъ якобинцамъ, коихъ теперь черезъ-чуръ ласкаютъ.

Великій Князь смотрѣлъ насъ довольно подробно и я ему показалъ все, что имѣлъ, ибо кромѣ части Нашебургскаго полка, для гарнизона оставленнаго въ крѣпостяхъ Шарлемонъ и Кенуа, все безъ изъятія было собрано здѣсь.

Не знаю, что напишетъ, а здѣсь казался довольнымъ, особливо еще потому, что насъ видно такъ у васъ при дворѣ описали, что онъ думалъ найти не русскій, а французскій корпусъ, а въ отношеніи фронта даже не скрывалъ удивленія, что Нарвскій баталіонъ хорошо учился въ баталіонномъ ученьи.

Слышавъ уже прежде какъ насъ описываютъ, я нарочно показалъ ему изъ своей дивизіи и своего стараго полка ученье въ предписанномъ движеніи, ибо ежели бы у меня точно была заведена, какъ у васъ говорятъ, татарщина, то они скорѣе бы еще были въ моей дивизіи и въ моемъ старомъ полку. Великій Князь намъ сказалъ: что мало армейскихъ полковъ въ Россіи такъ учатся, какъ этотъ баталіонъ при

немъ учился. Я же тебя увѣряю, что по моему ежели-бъ не по вышеприписанной причинѣ, я бы скорѣе показалъ ученье изъ 2-й бригады или изъ 41-го полка. Съ тѣхъ поръ, какъ книги печатныя объ ученьяхъ присланы, всѣ полки натурально должны были утвердиться въ оныхъ и мнѣ кажется, что ежели въ Петербургѣ вѣрили (а что вѣрили, въ томъ и сомнѣнія нѣтъ), что я здѣсь завожу татарщину и не занимаюсь предписаннымъ, то должно бы меня тотчасъ смѣнить, ибо положимъ, чтобы у меня и были мысли въ разсужденіи ученья несогласныя съ предписаннымъ, все-таки надо мнѣ быть сумасшедшему или пошлому дураку и скотинѣ, чтобы думать и смѣть дѣлать въ войскахъ государевыхъ, не по повелѣнію Государя, а по моей головѣ. Сумасшедшему же или пошлому дураку, кажется, не должно давать команду надъ корпусомъ и еще въ чужой землѣ, гдѣ есть еще и кромѣ ученій нѣкоторыя обязанности и хлопоты. Паскевичъ и Алединскій мнѣ сказали, что они ждали найти корпусъ въ безпорядкѣ. Неужели Паскевичъ, служившій со мною четыре года вмѣстѣ, могъ сему повѣрить на мой счетъ; какіе же должны быть па мой счетъ у васъ толки? И какія должны быть мои чувства, когда я вижу подобное возмездіе за усердіе и стараніе, коимъ нѣтъ свидѣтеля кромѣ Бога. Не могу описать тебѣ, сколь мнѣ отвратительно объ этомъ думать и сколь я болѣе и болѣе чувствую, что остаться служить не могу и не долженъ. Ежели при узнаніи правды и сказали бы спасибо, то эти два года мученія и униженія не изгладятъ, и я только сплю и вижу, когда бы это все кончилось и когда послѣ проклятой сей коммиссіи можно мнѣ быть на волѣ и независимымъ отъ злости и интригъ. Смерть фельдмаршала (Барклая-де-Толли), которую видимъ въ газетахъ, также еще подкрѣпляетъ мое намѣреніе. Онъ былъ дѣйствительно одинъ покровитель мой въ арміи и всегда былъ ко мнѣ милостивъ.

Я знаю, что у васъ его мало чтили, но современемъ увидишь, что его замѣстить не легко, да еще дай Богъ, чтобы порядокъ имъ заведенный въ арміи не былъ скоро разстроенъ.

При семъ найдешь ты рапортъ на имя Государя, въ разсужденіи Нашебургскаго полка, на счетъ коего я долженъ войти въ нѣкоторыя объясненія. Полковникъ сего полка Жоховъ, есть человѣкъ, который не умѣлъ себѣ пріобрѣсть почтеніе офицеровъ и кромѣ того придерживается немного горячимъ напиткамъ (сіе остается между нами); впрочемъ, на него жаловаться не могу, и полкъ держалъ всегда въ исправности, особливо по хозяйственной части. При послѣднемъ смотрѣ, бригаднымъ командиромъ сдѣланномъ, два штабъ-офицера сего полка

представили генералу, что полковой командиръ часто бываетъ при фронтѣ пьянъ и никакого почтенія къ себѣ не вселяетъ. Дивизіонный командиръ хотѣлъ было сперва сіе дѣло остановить и кончить безъ шуму; но такъ какъ съ обѣихъ сторонъ не хотѣли мириться и кончилось бы слѣдствіемъ, а можетъ быть и военнымъ судомъ, то уговорили, наконецъ,. съ большимъ трудомъ на слѣдующее:

Жоховъ самъ почувствовалъ, что ему остаться въ семъ полку нельзя и просится во внутреннюю стражу. Я же дабы не ободрять доносы противъ начальниковъ, хотя даже и справедливые, обоихъ маіоровъ, подавшихъ жалобу бригадному командиру, прикомандировалъ къ другимъ полкамъ, и теперь о переводѣ ихъ въ оные представляю. Въ полковые же командиры, вмѣсто Жохова, представляю подполковника Врангеля, стараго и преотличнаго офицера во всѣхъ частяхъ, т. е. для мира, для войны и для ученья. Сдѣлай милость, помоги о семъ переводѣ и коли нужно, то и скажи сколько захочешь изъ содержанія письма сего.

Теперь о другомъ и совершенно о партикулярномъ дѣлѣ: такъ какъ оно можетъ быть дошло бы и безъ того, то лучше, чтобы ты зналъ всю правду.

Съ послѣднимъ курьеромъ я доносилъ Государю, что м....... Мордвинова Тверскаго полка отсылаю въ резервный эскадронъ; послѣ перваго сдѣланнаго по сему слѣдствія, онъ напалъ на Каблукова не позволительнымъ манеромъ за то, что будто слѣдствіе о его дѣлѣ не хорошо сдѣлали; Каблуковъ, разумѣется, лучше бы сдѣлалъ когда его арестовавъ, мнѣ о томъ представилъ, онъ вмѣсто того, только велѣлъ слѣдствіе снова сдѣлать, и какъ по оному открылось, что первое было справедливо и что точно онъ жестокостію своею былъ причиною смерти эскадроннаго закройщика, то я приказалъ отправить его въ резервный эскадронъ. Теперь я узналъ, что такъ какъ Каблуковъ счелъ его вышедшимъ изъ подъ его команды, то за грубое его обхожденіе послѣ перваго слѣдствія, вызвалъ его на дуэль. Они дрались на пистолетахъ и Мордвиновъ раненъ въ ногу.

Я пишу Алексѣеву, чтобы какъ скоро рана позволитъ ему отправиться, онъ бы непремѣнно былъ отправленъ какъ наискорѣе къ своему мѣсту.

Прощай, любезный другъ, рекомендую тебѣ приложенныя письма; братъ твой здоровъ; у насъ слышно, что ты женишься; дай Богъ, чтобы это была правда и чтобы ты надѣлалъ маленькихъ Закревскихъ, которые бы современемъ были такіе же честные люди, какъ и ты.

265.

4-го (16-го) іюля 1818 г. Мобежъ.

Три дня тому назадъ пріѣхалъ сюда Казначеевъ, а на другой день и Безлеръ, чрезъ коихъ получилъ и письма твои, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ. Отъ всей души и сердца поздравляю тебя съ женитьбою твоею. Все, что я слышу о невѣстѣ твоей, увѣряетъ меня, что ты въ ней найдешь то счастіе, коего ты достоинъ. Прошу тебя, засвидѣтельствуй ей мое усерднѣйшее почтеніе и просить ее принять оное отъ меня, какъ отъ человѣка искренно и давно любящаго ея мужа.

Прежде еще пріѣзда Казначеева я былъ успокоенъ на счетъ твоей дружбы ко мнѣ, но слова его еще болѣе меня обрадовали, увѣривъ меня совершенно, что ты противъ меня не перемѣнился и что наши маленькіе споры не ослабили старинную нашу связь. Вѣрь, что для меня дружба твоя всегда будетъ драгоцѣнна, что видовъ тонкихъ ни хитрыхъ я никогда не имѣлъ и ежели имѣлъ, то не смѣшивалъ бы съ чувствами истинной привязанности и что въ службѣ или отставкѣ, вблизи или вдали, буду тебя любить и дорожить твоею ко мнѣ дружбою. Спорить же, когда различнаго мнѣнія, всегда буду, ибо фальшивымъ или скрытнымъ не бывалъ и не буду.

Черезъ Казначеева я много узналъ любопытнаго; пріятели мои такъ насъ описали въ Россіи, что даже какой-то епископъ у него спрашивалъ: «правда-ли, что весь корпусъ здѣсь совершенно избалованъ и испорченъ»? Ежели такая слава идетъ въ епархіяхъ, то каково же должно быть при дворѣ и въ мудрыхъ нашихъ дворянскихъ обществахъ, въ коихъ, какъ слышно, увѣряютъ, что крестьяне ихъ бушуютъ, потому что Государь говорилъ великодушную и прекрасную рѣчь въ Варшавѣ. Дай Богъ только, чтобы поскорѣе пріѣхалъ Государь, я знаю, что корпусъ послѣ войскъ въ Россіи и особливо въ столицахъ, въ глаза не кинется, то, по крайней мѣрѣ, онъ увидитъ, что мы все-таки русскіе, а не французы. Послѣ сего я только и желаю скорый конецъ теперешняго нашего положенія безъ отвѣтственности и безъ зависти, а тамъ и я можетъ быть поищу невѣсту и постараюсь послѣдовать твоему примѣру, но для сего надо поправить здоровье, и надо спокойствіе духа, коего уже болѣе года не имѣю.

Съ симъ курьеромъ представленій отъ меня никакихъ нѣтъ, кромѣ выслуживших своимъ порядкомъ сроки унтеръ-офицеровъ, да о переводѣ двухъ штабъ-офицеровъ въ Нашебургскій полкъ, вмѣсто тѣхъ двухъ, коихъ я оттуда взялъ для соблюденія тамъ субординаціи.

Объ исполненіи по сему прошу тебя постараться для пользы полка того, оно не въ одолженіе ни мнѣ, ни другому кому, а единственно для выгоды службы. Что же касается до представленій о милостяхъ, то теперь и въ корпусѣ мало кто о нихъ думаетъ, ибо знаютъ, что по моимъ представленіямъ не выходятъ и что весь корпусъ не въ милости. Нѣтъ зла безъ добра, и отъ сего и я въ ожиданіи скораго конца всей исторіи, самъ спокойнѣе и не боюсь всегда непріятныхъ отказовъ.

О назначеніи Сакена узнали мы чрезъ Казначеева, не знаю какъ теперь сладятъ съ Витгенштейномъ, ежели онъ найдетъ, что 2-я армія мала, и съ Дибичемъ, ежели начальникомъ штаба не захочетъ быть у Сакена. Впрочемъ, мѣсто начальника штаба таково, что непремѣнно должна быть не только довѣренность, но и привычка между онымъ и командующимъ, безъ чего дѣла не могутъ идти плавно.

Батюшка пишетъ ко мнѣ, что получилъ отъ тебя отношеніе о формулярѣ своемъ, но не имѣвъ онаго со времени, что оставилъ военную службу и не знавъ формы какъ отвѣчать. онъ просилъ меня приготовить ему письмо къ тебѣ, въ коемъ онъ тебѣ скажетъ все, что по сему помнитъ. Съ будущимъ курьеромъ оно будетъ отправлено.

Прощай, любезнѣйшій другъ, мнѣ на дняхъ придется съѣздить въ Парижъ для требованія законнаго сужденія, по всей строгости, шельмовъ дуанщиковъ, кои опять застрѣлили казака. Правда и казаки несносны, ихъ уже и наказывали и сквозь строй гнали, и все-таки изрѣдка кто нибудь да пускается на контрабанду. Правда, живутъ на границѣ, и если они мужиками подговорены бываютъ купить табаку или сахару, то ужасно трудно увѣрить людей, что въ этомъ есть грѣхъ. Все это, однако, не извиняетъ дуанщиковъ, ибо по законамъ они не могутъ стрѣлять иначе какъ въ свою собственную защиту, а сіи казаки были безъ оружія и даже не останавливались.

Въ Парижѣ я похлопочу и все узнаю про твои коммиссіи и во всемъ возможное сдѣлаю.

Коли можешь дай знать, когда намъ здѣсь должно ждать Государя, ежели какъ пишутъ, онъ только въ сентябрѣ с. с. (стараго стиля) выѣдетъ, то не скоро же будетъ—мы же думали, что въ октябрѣ намъ походъ.

266.

8-го (20-го) сентября 1818 г. Мобежъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ.

Курьера сего мѣсяца отправить прежде не могъ, потому что у насъ много было смотровъ, а именно: большой англійскій вмѣстѣ съ саксонцами, датчанами и ганноверцами, потомъ нашей пѣхотѣ, казакамъ и артиллеріи въ присутствіи герцога кентскаго, сына англійскаго короля. Завтра же ѣду на саксонскій праздникъ, куда меня звали, почему и не успѣю много писать.

Лобанова посылаю въ Ахенъ съ бумагами о предполагаемыхъ моихъ распоряженіяхъ на случай похода, для утвержденія Государя.

Остается желать одно, а именно: чтобы Государь пріѣхалъ къ намъ сюда до выступленія нашего; нѣкоторые люди думаютъ, что онъ не будетъ и я почту сіе за совершенное несчастіе, ибо какъ бы ни удалось показать корпусъ, худо или хорошо, но все Государь бы увидѣлъ, что оный не испорченъ и буду ли я еще служить или нѣтъ, но крѣпко желаю, чтобы Государь мой и соотечественники знали, что корпусъ въ рукахъ моихъ не испортился и не офранцузился. Ежели же, къ несчастію, Государь оный не увидитъ, то я не предвижу конца ни непріятностямъ, ни фальшивымъ толкамъ, корпусъ разойдется и въ настоящемъ видѣ никогда уже не явится.

Дай Богъ, чтобы съ будущимъ курьеромъ я могъ тебя увѣдомить, что корпусъ былъ представленъ и что мое дѣло кончено.

Лонгинова можетъ быть скоро увижу—тебя я думаю не скоро еще, какъ бы лично сего не желалъ.

Коммиссіи твои всѣ въ работѣ и я пекусь о нихъ, какъ о своихъ. Прощай, любезнѣйшій другъ, будь здоровъ и люби истинно тебя любящаго.

267.

19-го (31-го) октября 1818 г. Мобежъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, наконецъ смотръ корпуса нашего кончился благополучно. Изъ приказа, отданнаго Государемъ, и изъ писемъ, что ты вѣрно получишь, ты увидишь, что насъ нашли въ совершенномъ порядкѣ и устройствѣ, что Государь нѣсколько разъ

повторялъ; одно только примѣчаніе было на счетъ того, что люди недовольно вытягиваютъ внизъ носки

Мнѣ пожалована владимірская лента и, что лучше того, Алексѣеву, Понсету и Лисаневичу даны аренды. За сіе я несчетно благодаренъ Государю, ибо сіи почтенные и заслуженные люди почти не имѣютъ чѣмъ жить. Что же касается до меня, то признаюсь тебѣ какъ другъ, что послѣ примѣровъ Ермолова, Волконскаго и Коновницына мнѣ казалось, что я могъ надѣяться на полученіе чина, ибо въ мирное время никакого случая нельзя найти подобнагот ому, который представился (бы) въ мою пользу, и потерявъ теперь и остатки куража и надежды не могу не видѣть особливое противъ меня неблаговоленіе. Совѣсть меня ни въ чемъ не упрекаетъ, корпусъ поддерживалъ въ теченіе трехъ лѣтъ и даже возвысилъ честь имени русскаго, притомъ остался совершенно русскимъ, не потерялъ ни въ чемъ ни привычекъ, ни обычаевъ своей родины; люди всѣмъ довольны, одѣты, смертности такъ мало, что и примѣра тому никогда не было, бѣглыхъ почти нѣтъ, суммы такъ сбережены, что при всемъ скудномъ положеніи отъ Канкрина и при богатомъ и полномъ удовольствованіи всѣхъ чиновъ на будущій годъ, я представилъ слишкомъ два съ половиною милліона экономіи. Въ добрый часъ и людямъ, которымъ при дворѣ хорошо, сія статья одна бы доставила владимірскую ленту, особливо коли помнить, что, кромѣ того, я имѣлъ разрѣшеніе употребить еще въ пользу офицеровъ по 500,000 въ годъ, изъ коихъ ни гроша не употребилъ и за три года, вмѣстѣ съ прежде сказанной экономіей, это составляетъ 4 милліона, которые я сберегъ для казны. Я знаю, что я не старъ и что производствомъ многихъ бы обошелъ, но коммиссія, которую я здѣсь имѣлъ, была такова, что по счастливому окончанію оной, производство мое никого бы не удивило, и даже Паленъ и Сабанѣевъ врядъ бы обидѣлись, ибо знаютъ, что эти три года за дѣйствительную службу могли бы считаться. Не знаю, былъ-ли бы того же мнѣнія Васильчиковъ, но при всемъ моемъ душевномъ къ нему почтеніи за его службу въ 1812 году, я знаю также, что я, по крайней мѣрѣ, служилъ кампаніи пять лѣтъ больше, нежели онъ, и обойти его мнѣ бы совсѣмъ не было совѣстно.

За одну личную ко мнѣ милость я очень благодаренъ, а именно, что мнѣ разрѣшено оставить корпусъ въ Германіи, когда почту приличнымъ, и ѣхать въ отпускъ, на сколько я захочу, къ батюшкѣ. Потерявъ куражъ и ревность къ службѣ, буду, по крайней мѣрѣ, наслаждаться покоемъ между родными, далеко отъ зависти, отъ злобы и отъ заботъ.

Съ Волконскимъ я объяснился весьма хорошо и, кажется, что онъ теперь меня не гонитъ. Великіе Князья (особливо Михаилъ Павловичъ) весьма ко мнѣ были милостивы. Чернышевъ и Ожаровскій и даже толстякъ Потоцкій не скрывали ко мнѣ злость и она была примѣтна на лицахъ у нихъ. Лонгиновъ былъ здѣсь и вчера уѣхалъ въ Парижъ, куда и я ѣду завтра дня на три. Мы много говорили о тебѣ, хотя оно уже и не нужно было, но онъ еще болѣе успокоилъ и увѣрилъ меня въ твоей ко мнѣ дружбѣ. Гдѣ бы я ни былъ и чтобы я ни дѣлалъ, она будетъ для меня всегда драгоцѣнна и лестна и вѣрь, что я тебя всегда буду любить душевно.

Больше писать сегодня не могу, ибо дѣла много, нѣкоторые полки уже выступили. Корпусная квартира выступила 6-го (18-го) октября.

Прощай, любезнѣйшій другъ. Приложенное письмо, сдѣлай милость, доставь.

268.

12-го (24-го) ноября 1818 г. Ахенъ.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, благодарю тебя отъ всего сердца за письмо отъ 21-го октября. Поздравляю тебя съ вступленіемъ въ новый и, конечно, лучшій родъ жизни и желаю обоимъ вамъ благополучія, коимъ въ семъ свѣтѣ пользоваться можно.

Что я тебѣ сказалъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ про брата твоего, къ несчастію оказалось справедливымъ. Государь много милостей намъ въ корпусѣ сдѣлалъ, многихъ пожаловалъ, но въ производствѣ нѣкоторыхъ отличныхъ штабъ-офицеровъ, между коими и братъ твой находился, никакъ нельзя было успѣть и вышелъ отказъ.

Нечего дѣлать и вотъ попозже можно будетъ еще попробовать. Черезъ нѣсколько дней еще писать буду, а курьера за ноябрь отправлю, я думаю, изъ Касселя, ибо въ походѣ полки на большихъ дистанціяхъ и не могутъ въ обыкновенное время доставлять рапорты.

Прощай, Богъ съ тобою.

(Приписка). Вы уже вѣрно знаете про заговоръ, сдѣланный противъ Государя, это точно справедливо и кабы недостатокъ въ деньгахъ не принудилъ ихъ адресоваться къ людямъ, кои ихъ предали, эти шельмы можетъ быть бы успѣли въ ужасномъ намѣреніи своемъ, пагубномъ для Россіи и для Европы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безполезномъ и для нихъ самихъ. Но люди, кои не имѣютъ ни совѣсти, ни состоя-

нія, всегда готовы на шумъ и несчастіе, ибо терять имъ нечего, а выиграть что-нибудь всегда надѣятся.

Государь принялъ все это со свойственной ему твердостію и хладнокровіемъ и даже трудно было его уговорить, чтобы Веллингтонъ могъ велѣть взять нужныя мѣры предосторожности на дорогѣ отъ Ахена въ Брюссель.

269.

2-го (14-го) декабря 1818 г. Витценгаузенъ, близъ Касселя.

Любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ! По неимѣнію подъ рукой обыкновенной бумаги, пишу на большой, однако прошу не пугаться, письмо отъ этого длиннѣе не будетъ.

Курьеръ сей съ октябрскими рапортами отправленъ поздно, но все еще прежде Государя будетъ въ Петербургѣ.

Имѣю отвѣчать на два письма твои, отъ 21-го октября и 3-го ноября. Въ разсужденіи коммиссій твоихъ не надо меня благодарить, ибо я болѣе имѣю удовольствія, когда могу тебѣ сдѣлать пріятное, нежели когда для себя хлопочу самого. Все возможное по твоимъ приказаніямъ сдѣлалъ и надѣюсь, что многое тобою получено и въ хорошемъ видѣ. Два тюка еще остались въ Мобежѣ, которые пойдутъ весною и я ихъ снабжу листами для провоза чрезъ таможню безъ хлопотъ и не спрашивая ни у кого, то же самое и съ тѣми, кои будутъ еще въ Парижѣ. Третьяго дня въ Касселѣ получилъ я письмо твое, 27-го октября, съ новой коммиссіей о блондахъ и кружевахъ, теперь стало нельзя было по оной исполнить, но по возвращеніи въ Парижъ имѣю намѣреніе ѣхать въ Англію чрезъ Мобежъ и Брюссель. Я самъ эту коммиссію исполню и съ первымъ тогда курьеромъ отъ Великой Княгини къ тебѣ отправлю.

Передъ тѣмъ, какъ оставлю корпусъ, я еще буду писать къ тебѣ подробно и пошлю рапорты ноябрскіе, также нѣкоторыя общія свѣдѣнія о возвращающихся войскахъ.

Мы идемъ благополучно, и по трехлѣтнемъ пребываніи въ землѣ французской, при оставленіи оной, изъ 30-ти тысячъ не оставили 15-ти дезертировъ, изъ коихъ еще большее число изъ людей найденныхъ во Франціи и по наказаніи записанныхъ въ наши полки. Такого счастья признаюсь что я и не ожидалъ, и хотя надѣялся, что бѣглыхъ будетъ

мало, но не могъ думать, что во всемъ корпусѣ будетъ меньше, нежели въ нѣкоторыхъ гвардейскихъ ротахъ въ 1814 году. Я послѣ о семъ подробно же донесу. Теперь мы идемъ по ужаснымъ дорогамъ и проходя по 4 и по 5 нѣмецкихъ миль, но все я утѣшаюсь тѣмъ, что вывелъ столь счастливо ввѣренный мнѣ россійскій корпусъ изъ чужой и не благословенной земли. Когда меня здѣсь оставили, то такого успѣха не ждали, впрочемъ я зналъ, что за это спасибо не скажутъ, хотя въ случаѣ противномъ вся отвѣтственность легла бы на меня.

Ты писалъ мнѣ о Голицынѣ, а онъ уже былъ тогда переведенъ въ гвардію, что меня весьма обрадовало, ибо онъ славный офицеръ, съ способностями, воспитаніемъ и преблагородныхъ правилъ. Вообще я чувствую, что ежели меня не хотѣли наградить, по крайней мѣрѣ много показали милостей представленнымъ мною и еще меня тѣмъ болѣе обрадовало, что безъ этого мнѣ бы стыдно было разстаться съ корпусомъ и ежели надо уже бы было выбирать изъ двухъ одно, т.-е. чтобы наградили одного меня, а другимъ отказъ, или чтобы меня забыть, а довольное число товарищей моихъ наградить, то я бы, конечно, выбралъ послѣднее, ибо на чтобы мнѣ и чинъ, коли и съ онымъ мнѣ было бы стыдно показаться сослуживцамъ моимъ? Внѣ же службы всѣ чины почти равны.

Не думай, впрочемъ, оттого, что я почитаю себя достойнымъ непремѣнно производства и что я мало чту владимірскую ленту. Ежели бы не примѣры Ермолова, Волконскаго и пр. я бы не могъ ожидать производства, хотя моя коммиссія здѣсь была особая и что еще въ 1815 году мнѣ говорили люди, коимъ можно было вѣрить, что въ случаѣ благополучнаго исполненія сего препорученія, я могу надѣяться быть произведеннымъ. Съ Ермоловымъ въ достоинствахъ и въ пользѣ, которую онъ, конечно, принесетъ въ Грузіи, я равняться не могу и сіе говорю по совѣсти и какъ передъ Богомъ, но коли его за одно посольство произвели, то я могъ ждать того же и долженъ видѣть и чувствовать, что меня не хотятъ произвести по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ. Чтò же мнѣ теперь ждать? Случая никогда подобнаго бы нельзя выдумать и я оставленъ въ то время, когда другихъ производятъ, стало завтра можетъ быть произведутъ Поццо-ди-Борго или Чернышева или другаго, коему дадутъ препорученіе и я бы долженъ это видѣть, чувствуя, что имѣлъ также препорученіе особливо важное и необычайное и за которое не награжденъ, хотя оное исполнено коли не искусствомъ, то, по крайней мѣрѣ, съ особымъ счастіемъ. А ты знаешь, что въ исполненіи важныхъ коммиссій въ нашемъ ремеслѣ не надо очень раз-

бирать, между этими двумя способами, и я хоть бы чувствовалъ, что у меня все было счастіе, а не искусство, но вы мнѣ сего доказать не можете. Вотъ, мой любезный другъ, что во мнѣ убиваетъ всякую охоту и склонность къ службѣ и заставляетъ думать о тысячи непріятныхъ вещахъ, ибо для меня всѣ планы, не сопряженные со службою, какъ бы ни выгодны по многимъ отношеніямъ, безъ привычки и сначала, кажутся скучными. Ежели бы я былъ женатъ, то скорѣе бы привыкнулъ, но сего не будетъ, пока не встрѣчу невѣсты точно по склонности и знакомству и, слѣдовательно, не скоро еще будетъ, а между тѣмъ, служить какъ будто подъ наказаніемъ, безъ всякой по совѣсти причины, никакъ не могу.

Говоря про награды въ корпусѣ, нѣкоторые только не доставали, чтобы меня совсѣмъ утѣшить и, между прочимъ, производство нѣкоторыхъ штабъ-офицеровъ, между коими и братъ твой. Не мудрено, мнѣ въ семъ не повѣрили, но на примѣръ смѣло могу сказать, что у Государя нѣтъ въ арміи лучше, способнѣе и почтеннѣе полковаго командира, какъ Врангель, коего я просилъ произвесть въ полковники, и что нѣтъ человѣка, коего полезнѣе бы было одобрить. Лисовскаго то же право грѣшно не произвесть, тогда какъ въ глазахъ нашихъ производятъ Брашныхъ и другихъ, кои меньше лѣтъ въ службѣ, нежели Лисовскій въ одномъ полковничьемъ чинѣ.

Письма твои къ Желтухину исправно отданы и отъ него къ тебѣ посылка при семъ посылается.

Софьѣ Алексѣевнѣ Раевской прошу изъявить мое нижайшее почтеніе и сказать, что сына ея я отправлю по желанію Николая Николаевича въ Кіевъ, откуда ему легко будетъ поѣхать въ Петербургъ и коли нужно, то Сакенъ не откажетъ позволенія.

Приложенный пакетъ на имя Бенжемини прошу покорнѣйше отослать въ нашъ домъ. Фельдъегерь твой въ Парижъ поѣхалъ.

Прощай, любезнѣйшій другъ, будь здоровъ и веселъ и люби того, который вѣкъ любить тебя будетъ.

P. S. Я забылъ тебѣ сказать или лучше сказанное повторить, что во все время, что я имѣлъ близкія сношенія съ Волконскимъ, онъ не только меня не гналъ, но во всякомъ случаѣ оказывалъ помощь и дружеское расположеніе, за что я ему истинно благодаренъ. То же самое долженъ сказать и про Меншикова.

Волконскій уже мнѣ сказалъ, что просилъ Государя о моемъ производствѣ. Немилость идетъ видно свыше.

Хотѣлъ было писать меньше, но написалъ много, въ чемъ и

прошу прощенія. Когда пишу къ другу обо всемъ откровенно, то не умѣю въ пору остановиться.

270.

9-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Любезный Арсеній Андреевичъ, письмо твое изъ Москвы я вчера получилъ и весьма за оное тебя благодарю. Каждый знакъ твоей ко мнѣ дружбы и памяти, сердечно меня радуетъ, ибо ты мнѣ старый другъ, я тебя люблю душевно, познакомились мы не въ переднихъ и не на вахтъ-парадѣ, а тамъ, гдѣ людей узнаютъ и гдѣ связи основываются твердыя, ибо начало оныхъ, смѣю сказать, взаимное уваженіе. Ты меня спрашиваешь, что я намѣренъ дѣлать? Планы мои почти тѣ же о сію пору, что были прежде пріѣзда моего сюда.

Государь меня принялъ весьма милостиво и ежели ему непріятно, чтобы я пошелъ въ отставку, то я не пойду, но служить также я не расположенъ и не гожусь и потому воспользуюсь, я думаю, позволеніемъ быть и жить, гдѣ по здоровью и по домашнимъ обстоятельствамъ мнѣ лучше. Здѣсь многіе думали, что иду въ отставку отъ того, что не производятъ, правда, во Франціи я могъ сего ждать и желать, теперь же и думать о томъ нельзя мимо Васильчикова. Мнѣ бы самому было стыдно съ нимъ встрѣтиться, а я, слава Богу, еще не стыдился никогда полученныхъ награжденій по службѣ. Стало быть эта причина не могла дѣйствовать, а склонили меня другія, о коихъ ты вѣрно могъ догадаться и о коихъ мы поговоримъ, когда ты здѣсь будешь. Съ нетерпѣніемъ буду тебя ждать, любезный другъ, и также съ большимъ нетерпѣніемъ буду ждать пріѣзда Ермолова.

Прощай, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, мое почтеніе твоей супругѣ. Жена благодаритъ тебя за память и вамъ обоимъ кланяется. Мы здѣсь остаемся до мая мѣсяца, слѣдовательно еще съ вами здѣсь поживемъ.

271.

26-го января 1820 г. С.-Петербургъ.

Любезный Арсеній Андреевичъ, послѣ послѣдняго моего къ тебѣ письма, я имѣлъ разговоръ съ Государемъ, который поступилъ со мною

такъ милостиво, что мнѣ нельзя уже продолжать проситься въ отставку. Отпускъ у меня остается и въ чужіе края на полтора года, послѣ чего я готовъ служить гдѣ угодно Его Величеству, только просилъ милости, чтобы это было въ южныхъ провинціяхъ, что угодно было Государю и обѣщать.

Что больше всего меня обрадовало, это рескриптъ, который ты уже видѣлъ въ газетахъ и въ коемъ Его Величестко столь лестно говоритъ на счетъ корпуса и всѣхъ мѣръ мною взятыхъ для выполненія препорученности на меня возложенной. Сей рескриптъ совершенно долженъ успокоить и меня и товарищей моихъ, имѣвшихъ причину думать, что нами Государь былъ недоволенъ. Его Величество еще лично мнѣ изволилъ сказать, что поведеніе всѣхъ полковъ, возвратившихся изъ Франціи, вездѣ есть отличное и что всѣ корпусные командиры оные весьма хвалятъ. Все сіе дѣлаетъ, что мнѣ не стыдно будетъ съ старыми товарищами встрѣтиться, ежели служба когда-нибудь меня къ тому приведетъ, я больше и желать не былъ въ правѣ.

Въ разсужденіи адъютантовъ, Государь также изволилъ, чтобы они при мнѣ остались даже и въ отсутствіи въ чужіе края, прикомандируя ихъ на то время въ другіе корпуса, для того, чтобы быть при ученьяхъ и маневрахъ

Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ тебя здѣсь, я остаюсь въ Петербургѣ до мая мѣсяца. Жена, я думаю, черезъ недѣлю родитъ. Дай Богъ, чтобы было счастливо. Супругѣ твоей отъ насъ обоихъ низкій поклонъ. Прощай, будь здоровъ, пріѣзжай и привези къ намъ Ермолова.

272.

8-го января 1826 г. Одесса.

Еще изъ Таганрога хотѣлъ я писать къ тебѣ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, но безпрестанныя печальныя тамъ занятія и невозможность, по слабости глазъ моихъ, писать самому, мнѣ въ томъ помѣшали. Теперь тѣмъ болѣе спѣшу побесѣдовать съ тобою, что имѣю пріятный долгъ поздравить тебя съ полученіемъ Александровской ленты. По перепискѣ твоей съ княземъ Петромъ Михайловичемъ (Волконскимъ) узналъ я о твоемъ намѣреніи быть въ Петербургѣ, но что ты былъ задержанъ присягою Его Высочеству Константину Павловичу, потомъ настала пріятнѣйшая присяга Николаю Павловичу. И такъ я полагаю, что ты не могъ прежде привести въ дѣйствіе намѣреніе свое, какъ тогда, когда

всѣ твои чухонцы присягнули на вѣрность сему новому Государю, Богомъ намъ данному, какъ единственное утѣшеніе послѣ ужаснаго несчастія насъ постигшаго. Мое намѣреніе было проситься въ Петербургъ, дабы присутствовать и отдать послѣдній долгъ во время похоронъ покойнаго нашего Благодѣтеля; но проклятая чума, появившаяся не у насъ, но въ Молдавіи и въ самыхъ Яссахъ, заставляетъ меня быть на мѣстѣ и въ готовности для предупрежденія, сколько возможно, зла сего въ наши предѣлы. Надѣюсь, что Богъ дастъ все будетъ хорошо, и что чрезъ нѣсколько времени опасность минуетъ. Напиши мнѣ, что дѣлаешь и что ты дѣлать хочешь? Я воображаю удивленіе и злость твою, когда услышалъ о предпріятіяхъ въ Петербургѣ 14-го декабря; надѣюсь, что это не кончится безъ висѣлицы и что Государь, который столько собою рисковалъ и столько уже прощалъ, хотя ради насъ, будетъ теперь и себя беречь и м......... наказывать. Изъ окрестностей Тульчина отправили порядочную партію мудрецовъ 2-й арміи; при нихъ есть и отставные, между коими Александръ Раевскій. Сожалѣю о немъ, и еще болѣе объ отцѣ его; но не удивляюсь, ибо въ послѣднее времена я столько въ немъ замѣтилъ страннаго и нехорошаго, что перестала почти съ нимъ и говорить.

Прощай, любезный другъ! Сабанѣевъ два раза болѣлъ; теперь ему, слава Богу, лучше.

273.

3-го ноября 1826 г. Любомъ.

Давно хотѣлъ я писать къ тебѣ, любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, но все что-нибудь мнѣ въ семъ мѣшало, а болѣе всего невозможность писать самому, къ чему я еще никакъ не могу привыкнуть. Сегодня увидя въ кабинетѣ Браницкаго портретъ твой, я поклонился оному, и тотчасъ сказалъ, что сегодня же буду къ тебѣ писать. Чрезъ два дня я буду за границею, и потому тѣмъ болѣе прошу тебя не забывать меня и дать о себѣ иногда извѣстіе. Нетерпѣливо хочу знать, какъ ты раздѣлаешься съ своими чухонцами, и будешь-ли, наконецъ, на такомъ мѣстѣ, гдѣ при пользѣ службѣ и тебѣ самому будетъ пріятно; надѣюсь однакоже, что при такой перемѣнѣ ежели она сбудется, на твое мѣсто все-таки пошлется русскій, ибо безъ того Финляндія сдѣлается еще болѣе для насъ чужимъ краемъ.

Я надѣюсь, что ты былъ доволенъ концомъ переговоровъ нашихъ

въ Аккерманѣ; воля Государя во всемъ исполнена, и честь великой Имперіи ни въ чемъ не упущена. Проѣздомъ чрезъ Бердичевъ, я узналъ, что ратификаціи повезены уже въ Петербургъ.

У Алексѣя Петровича (Ермолова) дѣлаются чудеса, персіяне съ ума сошли и зачали бой неравный безъ причины и безнадежный. Одного еще не понимаю, это—какъ Ермоловъ могъ послать Паскевича впередъ, въ самую важную минуту, и самъ остаться назади; онъ упустилъ изъ рукъ лучшій цвѣтокъ въ сей операціи и можетъ быть потерялъ возможность воспользоваться успѣхомъ, болѣе нежели можетъ Паскевичъ и потому что сей не имѣетъ той же власти и кромѣ одной храбрости и тѣхъ же достоинствъ. Всѣ сіи событія для меня странны и непонятны. По возвращеніи изъ Крыму, я писалъ Ермолову о приготовленномъ мною для него кускѣ на южномъ берегу; онъ получитъ оное, когда только захочетъ и, я надѣюсь, будетъ имъ доволенъ.

Я видѣлъ Сабанѣева по возвращеніи его съ карлсбадскихъ водъ, которыя ему помогли, но не совершенно вылѣчили и ему надобно будетъ еще разъ съѣздить. Между тѣмъ, пріятель твой Желтухинъ, во время его отсутствія, командуетъ его корпусомъ и дѣлаетъ всякія пакости. Богъ тебѣ проститъ, если такъ Его милосердію угодно; но я тебѣ никогда не прощу, что ты меня заставилъ въ Парижѣ представить сего .... къ награжденію.

Прощай, любезный другъ, будь здоровъ, цѣлую ручки у жены твоей, а моя Лиза вамъ обоимъ кланяется. Остаюсь на вѣкъ.

VI. Письма Дениса Васильевича Давыдова къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1831 гг.

274.

1-го мая 1815 г. Новомосковскъ.

Любезный и милый другъ, Арсеній Андреевичъ. Наши сонные и робкіе корпусные *командующіе,* Кернъ и Эмме, то боятся, то забываютъ отсылать просьбы объ отставкѣ несчастныхъ офицеровъ, у коихъ можетъ каждый часъ уносить по ломтю насущнаго хлѣба. Такъ какъ ты не изъ того класса, который въ колыбели валяется на розовыхъ листахъ, и въ зрѣлыхъ лѣтахъ не сходитъ съ атласнаго дивана, а изъ нашихъ братьевъ перешедшихъ на диванъ (и то кожаный, и по милости Царя и вѣрной службы) съ пука соломы, то я смѣло рѣшаюсь опять безпокоить тебя моею просьбою о Маріупольскаго гусарскаго полка корнетѣ Гориголовѣ, причемъ посылаю и всѣ нужныя для его отставки бумаги. Одолжи, братъ любезный, будь покровителемъ безпокровному, чѣмъ крайне обяжешь твоего вѣрнаго друга *Дениса Давыдова.*

P. S. Такъ какъ въ Александрійскомъ гусарскомъ полку есть много подполковниковъ, то я боюсь, чтобы тѣхъ, которыхъ я и полковой командиръ этого полка желаемъ имѣть, не перевели въ другіе полки. Если это отъ тебя зависитъ, любезный другъ, то сдѣлай милость оставь мнѣ подполковниковъ Гейльфрейха и Давыдова, а Филипьева, который около 40 лѣтъ слуга отечества, и Лукичъ, который очень будетъ доволенъ снова служить у г. Ламберта, предаю на вашу волю. Такъ какъ вамъ только нужно равенство въ чинѣ штабъ-офицеровъ, то слѣдственно вамъ все равно будетъ тѣ или другіе будутъ переведены. А очень одолжишь меня, если Гейльфрейха, Веселовскаго и Да-

выдова у меня оставишь. Я бы и отъ Лукича не прочь—онъ хорошій офицеръ,—но надо жертву; въ случаѣ нужды я прибавлю и Веселовскаго.

275.

1-го іюня 1815 г. Варшава.

Милый другъ Арсеній Андреевичъ. Вотъ дѣло о чемъ идетъ: я ѣхалъ, скакалъ, спѣшилъ къ своему мѣсту, то-есть въ Ахтырскій полкъ, но проѣзжая чрезъ Варшаву остановленъ Великимъ Княземъ подъ предлогомъ, что онъ имѣетъ повелѣніе останавливать всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, ѣдущихъ изъ отпусковъ въ армію. Между тѣмъ всѣ проѣзжаютъ, а я живу и имя мое слышать не хочетъ, говоритъ только—я не смѣю, я имѣю на то повелѣніе. Я писалъ о семъ князю Петру Михайловичу Волконскому,—къ Дибичу, къ Ермолову, рапортъ къ фельдмаршалу, но ни на что не имѣю отвѣта. Такъ какъ ты мой старый другъ и другъ, на котораго я болѣе увѣренъ, нежели на кого-нибудь, то прошу тебя войти въ мое положеніе и употребить всѣ старанія вытащить меня отсюда. Я одно слово скажу тебѣ: способенъ-ли я для парадовъ и формировкѣ?—и каково мнѣ терпѣть, когда другіе идутъ драться. Къ тому же за прошедшую войну не получилъ даже спасибо. Сдѣлай милость, постарайся, милый другъ, и поспѣши мнѣ выхлопотать на сіе ордеръ или отъ Императора или отъ фельдмаршала.

Прости, твой другъ вѣрный *Денисъ*.

276.

17-го іюня 1815 г. Варшава.

Неужели и ты откажешься, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, помочь мнѣ? Я писалъ, писалъ, просилъ, просилъ, чтобы вытащили меня изъ этой пропасти — ни откуда не имѣю отвѣта, а кажется многаго не прошу—право не чужой, а свой лобъ хочу подставить и право не прошу и не буду просить за это награжденія. Напомни, милый другъ, князю П. М. Волконскому о письмѣ, которое я писалъ къ нему—медлить нѣкогда; и что̀ мнѣ здѣсь дѣлать? Резервами командовать не способенъ, а формировать еще менѣе—да къ тому же я не при резервахъ, просто послѣднія деньги проживаю въ Варшавѣ, когда могу коман-

довать полкомъ въ передовомъ корпусѣ. Неужели же у васъ такъ много молодцовъ, что и безъ меня обойтиться можно? Вѣрьте, что въ семъ случаѣ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Я надѣюсь на тебя какъ на каменную стѣну, что не только у Волконскаго, но у другихъ кои нужны, ты мнѣ поможешь. Ермоловъ писалъ обо мнѣ Великому Князю и убѣдительно просилъ, чтобы меня отпустить въ полкъ—и хотя онъ въ большой милости, но всѣ труды были напрасны. Постарайся, другъ любезный, и тѣмъ крайне обяжешь твоего друга *Дениса Давыдова.*

277.

15-го іюля 1815 г. Варшава.

Милый другъ, Арсеній Андреевичъ, хотя я писалъ тебѣ съ недѣлю тому назадъ и благодарилъ за скорый отвѣтъ, но еще тебя намѣренъ бомбардировать другимъ письмомъ. Если ты откажешься помочь мнѣ исторгнуть меня изъ пропасти, въ которой я теперь, то уже не къ кому мнѣ будетъ прибѣгнуть. Ради Бога, любезный другъ, постарайся; я получилъ письмо отъ Дибича, который мнѣ говоритъ, что при всемъ желаніи мнѣ помочь фельдмаршалъ не имѣетъ права на офицеровъ, которые въ резервахъ. Но я не въ резервѣ, а просто удержанъ Великимъ Княземъ подъ предлогомъ, что будто онъ имѣетъ бумагу отъ фельдмаршала, дабы останавливать всѣхъ офицеровъ, ѣдущихъ въ армію. Этой бумаги не существуетъ, я это навѣрное знаю, и ты можешь велѣть справиться; да къ тому же почему Великій Князь всѣхъ пропускаетъ, кромѣ меня, котораго держитъ даромъ въ Варшавѣ. Сдѣлай милость, постарайся за меня или чтобы мнѣ отдали чинъ, который, сказано въ бумагѣ, оставленъ впредь до разрѣшенія, или чтобы позволили ѣхать въ полкъ мой, гдѣ я старшій—вѣдь куда-нибудь да надо меня приписать. Я увѣренъ въ твоей дружбѣ и остаюсь покоенъ. Прости, боюсь тебѣ надоѣсть моими письмами, тѣмъ паче, что у тебя вѣрно тьма работы.

278.

1-го сентября 1815 г.

Почтеннѣйшій другъ, Арсеній Андреевичъ! Мнѣ непремѣнно нужна отсрочка до 23-го мая 1816 года; срокъ мой шестимѣсячный исходитъ

23-го ноября, я писалъ о томъ Ларіону Васильевичу (Васильчикову) и просилъ его постараться выхлопотать мнѣ продолженіе отпуска. Похлопочи, любезный другъ, я въ твоей дружбѣ и аккуратности увѣренъ.

Жаль, что тебя здѣсь не засталъ, такъ же какъ и Васильчикова, и съ горя удалился въ деревню, гдѣ теперь живу въ покоѣ и уединенно. Пишу, что я видѣлъ въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ и уже кончилъ первую часть, то-есть до занятія Москвы. Занимаюсь теперь отступленіемъ — обширное поле *брани!!!* Есть гдѣ погулять на чужой счетъ!

Простите, ваше превосходительство! надѣясь на вашу дружбу, вѣчно вамъ душевно преданный.

279.

8-го сентября 1815 г. Варшава.

Любезный, милый и почтенный другъ, Арсеній Андреевичъ! Письмо твое отъ 1-го августа я получилъ; благодарю, братъ, что не забываешь своихъ вѣрныхъ пріятелей, жаль только, что не можешь вытащить меня изъ этого проклятаго омута. Ей-Богу, не для веселья хотѣлъ бы быть въ Парижѣ. Но ты знаешь мои обстоятельства — вотъ ровно годъ, что я сверхъ особыхъ притѣсненій, не знаю что̀ я полковникъ-ли или генералъ? Пора рѣшить меня или уже вовсе вытолкнуть изъ службы.

И потому я рѣшился написать къ Царю письмо, которое подъ открытой печатью посылаю къ тебѣ какъ къ другу, на котораго я надѣюсь совершенно. Во всемъ полагаюсь на тебя, прочти его, ты увидишь, что оно написано просто и представляетъ мою исторію, необыкновенную, очень обыкновеннымъ образомъ. Надписи я не поставилъ — прошу тебя ея написать, ибо я не знаю какъ пишется. Только умоляю тебя, доказать мнѣ еще разъ твою дружбу доставленіемъ онаго письма Императору и быть ходатаемъ по сему дѣлу. Мнѣ бы пріятно быть болѣе тебѣ обязану, нежели другому. Болѣе писать тебѣ нечего. Скажу только, что по отъѣздѣ моего тюремщика, я надѣялся безпрепятственно также ѣхать къ вамъ, полагаясь на обѣщаніе, сдѣланное мнѣ на сей счетъ Миллеромъ, но увы *всѣ люди Степаны!* теперь онъ не смѣетъ выпустить меня противъ воли Великаго Князя! и зачѣмъ меня держутъ? Всѣ полки, баталіоны и эскадроны имѣютъ своихъ начальниковъ — я совершенно лишній. Но надо тѣснить, потому что старшіе тѣснятъ!

Прости, милый другъ; повторяю еще просьбу и увѣреннымъ въ твоей дружбѣ остаюсь твой вѣрный другъ *Денисъ*.

Всѣмъ *нашимъ* кланяйся.

280.

21-го сентября 1815 г. Москва.

Почтенный другъ, Арсеній Андреевичъ. Искренно благодарю тебя за письмо твое, такая *аккуратность* удивила бы меня, еслибы я зналъ тебя менѣе, но чѣмъ болѣе имѣю это удовольствіе, тѣмъ яснѣе вижу, что ты (какъ я уже прежде говаривалъ) составъ всѣхъ добродѣтелей союзныхъ армій. Сердце твое русское, твердость англійская, а *аккуратность* нѣмецкая, единственное доброе качество сей націи. Ты мнѣ совѣтуешь принять полкъ, но если я буду произведенъ въ генералы, то къ чему мнѣ снимать сію обузу на нѣсколько дней, чтобы опять сваливать ее на другаго и можетъ статься запутать себя или по добродушію своему или по невѣжеству сей части. Если же не буду произведенъ, то намѣреніе мое непоколебимо, я оставлю службу, дабы избѣгнуть въ другой разъ быть батракомъ ласкателей сильныхъ. Я увѣренъ, что ты, разсуждая безпристрастно, похвалишь мое намѣреніе. Что же касается до отпуска, я о семъ писалъ къ Сабанѣеву и просилъ его постараться подъ какимъ-нибудь предлогомъ отсрочить отпускъ. На сей почтѣ о томъ же пишу и Горчакову. Если мои просьбы останутся втунѣ, то я рапортуюсь больнымъ и до тѣхъ поръ останусь дома, пока не отдадутъ мнѣ должнаго, то-есть чинъ и Георгія 3-го, къ коимъ я представленъ.

Вотъ, любезный другъ, мои намѣренія. Сочиненія мои теперь къ тебѣ не присылаю, ибо они еще у Карамзина, но только что отберу ихъ, то непремѣнно выполню твое желаніе. Прости, желаю тебѣ удовольствія, если оно въ Петербургѣ, потому что я недавно видѣлся съ нимъ въ моемъ смиренномъ уединеніи.

281.

13-го октября 1815 г. Москвн.

Сейчасъ получилъ я письмо твое, милый и любезный Арсеній Андреевичъ, за которое много и много благодаренъ. Я вижу, что разстояніе,

время и обстоятельства тебя не перемѣняютъ противъ друзей твоихъ, между коими прошу тебя считать меня до конца жизни моей. Ты похваляешь, что я отговариваюсь принять полкъ по извѣстнымъ тебѣ обстоятельствамъ—и я былъ въ этомъ увѣренъ, но не извѣщаешь меня на сколько времени отсрочилъ мнѣ князь Горчаковъ отпускъ? Сдѣлай милость, доставь мнѣ оное позволеніе какъ можно скорѣе, чѣмъ крайне меня обяжешь.

Наконецъ, ты пишешь, что еслибы не армейскіе наши товарищи, то бы умеръ отъ скуки въ Петербургѣ, къ коего большому свѣту ты пріучить себя не можешь—вѣрю, братъ, и похваляю! И я такъ же здѣсь живу, вижусь съ одними короткими, а вельможъ и знать не хочу. Желалъ бы повидаться съ тобою, Сипягинымъ и Желтухинымъ, но Богъ знаетъ, случится-ли это! Между тѣмъ, пожалуйста отъ меня имъ кланяйся. Звалъ бы васъ сюда на зиму *жениться*, да что-то невѣстъ мало! Я и самъ за замужней пустился отъ нечего дѣлать волочиться. Однакоже скажи Сипягину, что если у него нѣтъ ленты, то чтобы сюда и не ѣздилъ—здѣсь непремѣнно нужно, хоть пеструю съ фольговою звѣздою, но все ленту и звѣзду—право, пріѣзжайте! Какъ не вертись, а развязку комедіи нашей жизни совершить надо. Посмотри-ка на Кикина! вотъ какъ дѣла дѣлаютъ.

Я тебѣ пишу съ Николаемъ Николаевичемъ, который нынче ѣдетъ въ Петербургъ, съ нимъ калмыкъ Темировъ, который, какъ кажется, хочетъ войти въ иностранную коллегію. Эта одна служба еще ему неизвѣстная! Итакъ, прости милый и любезный другъ, постарайся отсрочку переслать поскорѣе.

— —

282.

23-го января 1816 г. Кіевъ.

Почтенный и милый другъ, Арсеній Андреевичъ, я къ тебѣ писалъ по почтѣ недавно, и еще пишу съ Пяткинымъ, что, кажется, и вѣрнѣе и скорѣе. Мнѣ сказывали, что я назначенъ въ 1-ю драгунскую дивизію; нельзя-ли сіе какъ-нибудь передѣлать? Служа цѣлый вѣкъ по легкой, за что меня назначаютъ въ это пресмыкающее войско? Я надѣюсь на тебя, милый другъ,—ради Бога, постарайся, чтобы меня переписали въ какую-нибудь легкую дивизію, тѣмъ легче оное сдѣлать, что довольное число генераловъ выходитъ въ отставку. Но уже если судьбою я назначенъ служить въ драгунахъ, то, по крайней мѣрѣ,

перепишите меня въ ту дивизію, которая во Франціи. На все это буду ожидать отвѣта твоего въ Кіевѣ и по немъ расположу, что мнѣ дѣлать. Прости, любезный Арсеній Андреевичъ, боюсь тебѣ помѣшать въ твоихъ занятіяхъ,—я отсюда вижу тебя зарытаго въ бумагахъ.

283.

5-го мая 1819 г. Москва.

Давно не получалъ отъ тебя ни слова, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и хотя видѣлъ въ «Инвалидѣ» и благодарность и рескриптъ, но нѣкоторые слухи о тебѣ едва меня не поразили, еслибы я не узналъ источникъ откуда они проистекли. Нѣкто пріѣзжій изъ Петербурга, нѣкогда командующій фельдъегерями, выпустилъ слухъ здѣсь, что ты едва не лишился мѣста своего по старанію А... (Аракчеева?) Это меня страхъ какъ огорчило, и только тогда я успокоился, какъ узналъ сочинителя оной новости.

Хотя отсрочка моя до 1-го мая, но сборы задержутъ меня до 12-го. Повѣрить не можешь сколько хлопотъ женатому; я говорю, повѣрить не можешь, ибо ты ѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ все достать можно, а я въ такое мѣсто, гдѣ почти ничего нѣтъ хорошаго.

По приказамъ вижу я, что почти всѣ начальники штаба, кромѣ меня и Орлова, переведены въ квартирмейстерскую часть; я не хочу и совѣстно мнѣ мучать письмами князя Петра Михайловича (Волконскаго), но крайне меня обяжешь, возставши противъ перевода моего въ сію часть, если когда-нибудь о семъ возмечтаютъ, иначе, право, лишатся добраго начальника штаба, или чтобы формально позволено мнѣ было носить усы и саблю въ квартирмейстерскомъ мундирѣ. Ты смѣешься... *) но даю тебѣ честное слово, что минуты не останусь начальникомъ штаба, если вздумаютъ лишить сихъ остатковъ моего партизанства—особенно усовъ, которые я ношу съ тѣхъ поръ, какъ они пробиваться стали. Къ тому же самъ Государь сказалъ мнѣ, проѣзжая чрезъ Бѣлицу (когда я только-что былъ переведенъ изъ драгунской дивизіи въ легкую кавалерію): «что? усы при тебѣ остались?» я ему отвѣчалъ: «Государь, я къ нимъ привязанъ какъ къ чести». Онъ на это сказалъ: «Ну! они при тебѣ навсегда останутся». Это можетъ быть забыто, но я очень помню. Ради Бога, любезный другъ, спаси меня

*) Точки въ подлинникѣ.

отъ посрамленія! довольно и того, что я сбрилъ бороду. Неужели же положено меня посвятить въ кастраты, и лишить вывѣски силы и мужества. Постарайся также и о братѣ Львѣ. Ты ему обѣщалъ полкъ егерскій—очень бы одолжилъ, еслибы поскорѣе это сдѣлалъ.

Прости, другъ любезный, вѣрь въ непоколебимой дружбѣ душою тебѣ преданнаго *Дениса*.

P. S. Мнѣ Бутурлинъ писалъ, что онъ уже давно отдалъ «Опытъ о партизанахъ» мой князю П. М. Волконскому; и что не имѣетъ о немъ ни слуху, ни духу. Я вторично писалъ и просилъ князя поднести его Государю, но не имѣю отвѣта. Пожалуйста, постарайся объ этомъ и увѣдомь, какъ будетъ онъ принятъ Царемъ.

284.

18-го мая 1819 г. Москва.

Я получилъ письмо твое, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, въ одно время съ пріѣздомъ Евдокима. Ты мнѣ пишешь, чтобы я увѣдомилъ тебя, когда я оставлю Москву, и увѣряешь, что усы при мнѣ останутся. На первое отвѣчаю тебѣ, что я выѣзжаю 23-го, если какія-нибудь необыкновенныя препятствія не остановятъ меня; ты знаешь сколько хлопотъ женатому человѣку! а за послѣднее благодарю тебя отъ всей души: я усы ни за что не сбрѣю! Еще ты пишешь мнѣ, что «Партизаны» мои завалились къ Волконскому и оттуда не выходятъ. Ради Бога, постарайся, чтобы онъ подалъ Государю, за что же труды мои пропадутъ? Ну, ежели и впрямь они могутъ быть полезны арміи? Пожалуйста, постарайся, а я даю честное слово, не только самъ не буду никакой мысли, никакого мнѣнія подносить къ престолу, но отговаривать отъ того каждаго трудящагося для пользы общей. Пусть выдумываетъ Клейнмихель, Вельяшовъ и комитетъ министровъ, и пусть восхищаются ихъ выдумками! Если такое будетъ поощреніе нашей братьи, то многаго не узнаютъ! Къ слову пришло, я увѣряю тебя безъ малѣйшаго хвастовства, что никто еще не писалъ объ употребленіи легкихъ войскъ, какъ я писалъ въ извѣстномъ тебѣ *опытѣ*, и всѣ, которые читали его, увѣряли меня, что онъ достоинъ Монаршаго воззрѣнія, особенно въ такое время, какъ (когда?) миръ даетъ намъ время приводить всѣ части арміи въ порядокъ.

Ради Бога, постарайся, чтобы князь Петръ Михайловичъ поднесъ мое сочиненіе Императору, что̀ ему стоитъ это сдѣлать? Я же ничего не прошу за него, кромѣ вниманія.

Евдокимъ разсказывалъ мнѣ о глупости или вѣтренности своей выдти въ начальники штаба, я и былъ и есмь его мнѣнія совершенно!

Онъ всегда служилъ во фронтѣ въ кавалеріи и знаетъ это дѣло, тогда какъ понятія не имѣетъ въ той части и какъ ему ужиться съ милымъ для насъ съ тобою. но ярымъ со всѣми Сабанѣевымъ? и гдѣ же? въ бессарабскихъ степяхъ!

Онъ просилъ Васильчикова о возвращеніи своемъ опять или въ гвардію или къ Особѣ Императора просто. Сказывалъ мнѣ, что и тебѣ о томъ говорилъ—пожалуйста, другъ любезный, постарайся. Ни службѣ, ни ему выгоды не будетъ, если онъ останется начальникомъ штаба. Экій вѣтренникъ! въ его-ли лѣта пить уксусъ, чтобы нравиться женщинамъ, и переходить изъ мѣста въ мѣсто не обдумавшись! Пожалуйста, постарайся исправить его глупости, чѣмъ крайне одолжишь тебѣ душою преданнаго *Дениса Давыдова.*

Жена моя тебѣ кланяется, хотя еще съ тобою лично незнакома, также и Аграфенѣ Федоровнѣ, которой я свидѣтельствую мое почтеніе.

285.

10-го іюня 1819 г. Кременчугъ.

Любезный другъ, Арсеній Андреевичъ—я пріѣхалъ сюда въ первыхъ числахъ сего мѣсяца и хлопочу съ утра до вечера: клею, мажу и штукатурю. Вотъ что значитъ обабиться. Бывало кроватью *мать сыра земля,* а кровлею синее небо, а нынче... О роскошь! ты погубила Римъ!

Такъ какъ я вижу, что «Партизаны» мои не подвигаются, и что князю Петру Михайловичу (Волконскому) неугодно ихъ представить Государю, то прошу тебя, любезнаго друга, исторгнуть ихъ изъ кипъ бумагъ его сіятельства и переслать сюда ко мнѣ. Я пошлю ихъ по почтѣ прямо или по командѣ, какъ ты мнѣ присовѣтуешь, авось-ли они будутъ счастливѣе. Пожалуйста, немедли присылкою, я ихъ буду ожидать съ нетерпѣніемъ.

Жена моя кланяется Аграфенѣ Федоровнѣ.

Если увидишь Бутурлина, скажи ему, что стыдно забывать просьбы друзей и такъ долго не присылать черной тетради «Партизановъ» моихъ.

286.

17-го іюня 1819 г. Кременчугъ.

Вотъ, любезнѣйшій другъ, до чего промедлилъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій представленіемъ опыта моего о «Партизанахъ». Толь, коего письмо при семъ прилагаю, назначенъ сочинять о дѣлѣ, котораго онъ не понимаетъ и, почерпнувъ изъ сочиненія моего все что нужно, сдѣлаетъ всѣ труды мои *хоть брось*. Посылаю къ тебѣ копію съ отвѣта моего. Увѣдомь доволенъ-ли ты будешь имъ? Тутъ помазано по губамъ, съ маленькимъ щелчкомъ по носу.

Ради Бога постарайся, если князь никакъ не захочетъ уже подать самъ Государю сочиненія моего, то постарайся его *исторгнуть* изъ рукъ его и перешли поскорѣе сюда—я пошлю по почтѣ. Или пусть Ларіонъ Васильевичъ (Васильчиковъ) подастъ, такъ какъ я имъ былъ посланъ партизаномъ и всю войну считался въ полку его. Я ему писалъ объ этомъ и просилъ его. Прости, любезный другъ—мы приготовляемся къ смотру главнокомандующаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо барона К. Ф. Толя—Д. В. Давыдову.

29-го мая 1819 г. № 6. С.-Петербургъ.

Государь Императоръ соизволилъ поручить мнѣ сочиненіе правилъ о службѣ на передовыхъ постахъ, и вообще во всѣхъ малыхъ отрядахъ. Будучи извѣстенъ о познаніяхъ вашихъ и опытности по сей части, которыя вы довольно уже показали въ достопамятный походъ 1812 года и узнавъ стороною, что вы даже издали въ свѣтъ сочиненіе о малой войнѣ, покорнѣйше прошу васъ снабдить меня однимъ экземпляромъ онаго. Я увѣренъ, что сочиненіе ваше не мало облегчитъ трудъ мой и поможетъ съ лучшею пользою выполнить порученіе Высочайше на меня возложенное.

II.

Письмо Дениса Васильевича Давыдова барону Карлу Федоровичу Толю.

Безъ мѣсяца и числа.

Почтенное письмо вашего превосходительства, наполненное лестнѣйшими для меня выраженіями, я имѣлъ честь получить, и буду также говорить откровенно, какъ говаривалъ я въ незабвенномъ 1812 году, единственному совѣщателю спасителя оте-

чества (князю Кутузову). Мы всѣ живемъ для славы, милостивый государь Карлъ Федоровичъ, слѣдовательно ваше сердце пойметъ чувствованія моего и проститъ благородной его слабости.

Правда, я написалъ нѣчто объ отрядахъ, гдѣ отстранивъ все то чему учатся опытомъ, а не на бумагѣ, первый изложилъ стратегическія правила партіямъ и согласилъ дѣйствіе ихъ съ дѣйствіями главной арміи,—вотъ мысль которую не хотѣлось мнѣ видѣть въ чужомъ сочиненіи; и потому, если вамъ угодно удостоить нѣкоторыя наблюденія мои помѣщеніемъ ихъ въ сочиненіе, Государемъ Императоромъ на ваше превосходительство возложенное, то покорнѣйше прошу отмѣчать мысли мои сими словами: *изъ сочиненія партизана Дениса Давыдова.*

Сей подвигъ справедливости будетъ приличенъ душѣ вашей и удовлетворителенъ для моего честолюбія.

Требуемый вашимъ превосходительствомъ экземпляръ моего сочиненія переписывается и коль скоро будетъ готовъ представлю къ вамъ его.

287.

20-го сентября 1819 г. Кременчугъ.

Вотъ случай, въ которомъ я ни къ кому не хочу адресоваться какъ къ тебѣ, ни отъ кого не требую совѣта какъ отъ тебя.

Забудь на время, что ты государственный человѣкъ, забудь на время уставомъ вашей братіѣ предписанные отвѣты, болѣе: обозри желаніе мое окомъ чуждымъ призраковъ и скажи мнѣ, какъ истинный другъ, не потеряю-ли я впослѣдствіи чрезъ просьбу отпуска до излеченіи болѣзни за границу? Замѣть, что намѣреніе мое основано единственно на томъ, чтобы возвратясь считаться по кавалеріи и выдти изъ начальниковъ штаба.

Причина сему та, что я пробовалъ себя и удостовѣрился что нѣтъ мѣста для меня въ мирное время. Я былъ два года бригаднымъ командиромъ—что же я былъ? Телеграфъ, который передавалъ повелѣнія дивизіоннаго командира полковымъ командирамъ и рапорты сихъ послѣднихъ первому, но отвѣчать долженъ былъ какъ сѣдельникъ за ремешки, какъ слесарь за пряжки, какъ закройщикъ за мундиры, какъ берейторъ за верховую ѣзду гусаръ и пр. и пр. Скажи, любезный другъ, мое-ли это дѣло?

Увидя Михаила Орлова начальникомъ штаба я за честь почелъ стать на ряду съ симъ отличнымъ человѣкомъ, и смѣю сказать, что мы подняли цѣну званія, прежде насъ доставшееся въ удѣлъ Волковымъ, Языковымъ, Бергамъ и прочимъ нищимъ въ дарованіяхъ; уже многіе извѣстные по службѣ своей бригадные генералы искали для

себя мѣста начальниковъ штаба—что же вышло? Назначили Киселева начальникомъ главнаго штаба арміи, а полковниковъ Давыдова и Гурко начальниками корпусныхъ штабовъ, и званіе наше опять упало! Но это бы ничего не значило, если-бъ права начальниковъ штаба сами собою были бы уважительны—скажи по совѣсти что я въ существѣ службы моей? не правитель-ли канцеляріи корпуснаго командира? Горчаковъ уѣдетъ въ отпускъ, я иди съ бумагами къ Роту,—Ротъ уѣдетъ, я иди къ Ушакову, не такъ-ли?

Какія же бумаги проходятъ чрезъ мои руки? Стоютъ-ли онѣ взгляда умнаго человѣка? требуютъ-ли онѣ хоть минуты размышленія?

Между тѣмъ я 19-й годъ въ службѣ и ни минуты не имѣлъ своей! Гдѣ я убилъ и убиваю послѣдніе дни лучшей части жизни моей? Въ не просвѣщенныхъ провинціяхъ, въ степяхъ, въ городкахъ и деревняхъ; еще коли бы я тѣмъ приносилъ пользу отечеству; но какая польза ему, что я подписываю: «*къ свѣдѣнію, справиться тамъ-то* и *предписать* и *донести о томъ-то?*» Во сто разъ глупѣе меня человѣкъ не то-ли сдѣлаетъ? И такъ, скажи прямо, любезный другъ, не правъ-ли я, что оставляю честнымъ образомъ нынѣ занимаемое мною мѣсто? и неужели за то въ военное время не употребятъ меня? Кажется я не изъ тѣхъ генераловъ, которыми можно пренебрегать въ рѣшительныя минуты? Если же пренебрегутъ то имъ же хуже.

Прежде нежели я получу отъ тебя отвѣтъ, я ничего не предприму—но коль скоро ты согласишься въ мысляхъ моихъ, то начну дѣйствовать—дѣло только въ томъ, прямо-ли проситься до излеченія болѣзни за границу—или прежде просто ѣхать въ отпускъ и оттуда проситься за границу?

Поспѣши своимъ отвѣтомъ и благослови Владыко!—я жду письма твоего съ нетерпѣніемъ.

Жена моя напоминаетъ себя Аграфенѣ Федоровнѣ и свидѣтельствуетъ ей свое почтеніе.

Я такъ застращалъ тобою Херсонское отдѣленіе, что комендантъ по сіе время относится ко мнѣ, опасаясь, чтобы я чрезъ тебя не истребилъ его—я тѣмъ пользуюсь, даю ему совѣты, и по мѣрѣ возможности помогаю отдѣленію. Недавно на мой счетъ ѣздилъ въ Кіевъ инженерный офицеръ Воронецкій, чтобы совершенно дать тотъ-же ходъ ученію и въ Херсонскомъ отдѣленіи. Киселевъ говорилъ мнѣ, что хочетъ назначить туда Бурцова—онъ человѣкъ отличный, но имѣетъ другія обязанности и потому будетъ дѣлать туда одни наѣзды, что неудовлетворительно. Пожалуйста, держись инженернаго подпоручика Воронецкаго,

котораго ты опредѣлилъ туда по моему представленію, онъ отличныхъ познаній, молодъ и изъ кожи лезетъ отъ честолюбія. Позволь ему также прямо къ тебѣ адресоваться въ случаѣ необходимой нужды по учебной части отдѣленія. Прилагаю при семъ письмо его ко мнѣ, ты увидишь въ чемъ онъ нуждается.

288.

15-го марта 1820 г. Москва.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ! Ничего не имѣю болѣе сказать тебѣ какъ то, что съ нетерпѣніемъ жду свободы моей—ради Бога срывай съ меня оковы! Нѣтъ случая, который-бы могъ измѣнить мое намѣреніе! Мнѣ все такъ огадилось, что если я не совсѣмъ сбрасываю ливрею, то это потому что неравно война... Еще кровь кипитъ! Но еслибы хотѣли отказать мнѣ отпустить за границу, я и ливрею къ чорту. Нѣтъ, силъ недостаетъ! Прости, любезный другъ, жду твоего отвѣта какъ Мессію ждутъ жиды. Прости, твой вѣрный другъ *Денисъ*.

Формальную просьбу я послалъ въ главную квартиру, но нельзя-ли безъ нее обойтиться?

289.

23-го марта 1820 г. Москва.

Крайне ты меня обрадовалъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, письмомъ твоимъ! Хотя я привыкъ къ доказательствамъ твоей дружбы, но всякое новое доказательство меня болѣе и болѣе привязываетъ къ тебѣ, да идетъ мимо тебя чадъ придворный, отъ котораго угорѣли такъ много мнѣ извѣстныхъ и нѣкогда почитаемыхъ мною людей! Будь что ты есть и будешь единственнымъ!

Наконецъ, я свободенъ: учебный шагъ, ружейные пріемы, стойка, размѣръ пуговицъ изгоняются изъ головы моей! Шварцы, Мартыновы, Гурки и Нейдгарты торжествуйте, я не срамлю ваше сословіе! Слава Богу, я свободенъ! Едва не задохся; теперь я на чистомъ воздухѣ!

Но отчего Петраханъ (князь Петръ Михайловичъ Волконскій) такъ долго кофянится съ тобою, касательно доклада обо мнѣ? Что ему во мнѣ? Любой прапорщикъ гвардіи способнѣе меня въ нынѣшнее время быть начальникомъ штаба. Мнѣ хотѣлось бы знать, что ему сказано при

докладѣ, и именно потому, что если загремятъ въ полѣ—какъ приняться мнѣ, чтобы не быть забытымъ; я только въ куклы играть не хочу, и не хочу быть куклою, но отъ дѣла я не только не прочь, а изъ кожи готовъ лѣзть. Какъ ты думаешь, трудно мнѣ будетъ войти, или легко войду въ *дѣйствующіе,* когда двинутся впередъ?

Ты пишешь о Ермоловѣ и ждешь его, но въ послѣднемъ письмѣ его къ сестрѣ, онъ рѣшительно говоритъ, что не будетъ. Впрочемъ, ты долженъ знать это еще вѣрнѣе, если послалъ эстафету къ нему. Кстати о Ермоловѣ: кому ты давалъ читать на домъ, или кто у тебя украдкой переписалъ послѣднее письмо его къ тебѣ? (то, что я читалъ въ кабинетѣ у тебя) Знаешь-ли, что копіи его слово въ слово ходятъ по Москвѣ, пробѣги оригинальное письмо и ты увидишь, что есть статьи *о братѣ Михайлѣ* (графѣ Воронцовѣ), *о Нессельроде,* и пр. и пр., которые сдѣлаютъ ему непріятности. А потому не напишешь-ли ты Шульгину и Волкову, чтобы они секретнымъ и осторожнымъ маневромъ постарались бы перехватить эти копіи и уничтожить. Я, между тѣмъ, и самъ имъ скажу, а еще лучше, чтобы это предложеніе отъ тебя воспослѣдовало.

Еслибы ты зналъ какъ я благодаренъ тебѣ за свободу! Куда-то Евдокимъ дѣнеться, когда произведутъ его? Я бы на его мѣстѣ взялъ бригаду, по крайней мѣрѣ, на годъ или два. Боюсь, чтобы онъ не попалъ въ (число) тѣхъ генераловъ по кавалеріи, которые ѣздятъ въ экзерциргаузъ и ...... вседневно!

Прости, другъ почтенный и душевный, вѣрь искренней привязанности *Дениса Давыдова.*

P. S. Скажи, пожалуйста, можно-ли отставному Измайловскаго полка полковнику войти въ службу съ тѣмъ, чтобы считаться по арміи?

190.

3-го мая 1820 г. Москва.

Любезный другъ, Арсеній Андреевичъ! увѣдомь меня, сдѣлай милость, откровенно, можно-ли мнѣ чрезъ Л. В. Васильчикова поднести Царю *Опытъ* мой *о Партизанахъ?* Тотъ, который у тебя въ канцеляріи переписывали, видно завалялся въ бумагахъ князя Петра Михайловича (Волконскаго), такъ о немъ и нечего говорить; у меня есть другая тетрадь, которую я дополнилъ и набѣло переписалъ. Причина отчего я

хочу поднести Государю сочиненіе сіе, основывается на желаніи пресѣчь совершенно путь сочиненію Толя,-- это сказано между нами. Пожалуйста, увѣдомь, возьмется-ли Ларіонъ Васильевичъ за сіе; пока я былъ начальникомъ штаба, то, конечно, мнѣ нельзя было идти мимо князя Петра Михайловича, но теперь я по кавалеріи, слѣдовательно, командировъ не имѣю, а такъ (какъ) сочиненіе мое ничто какъ слѣдствіе опытовъ, полученныхъ мною въ партизанской службѣ, во время которой я считался въ Ахтырскомъ гусарскомъ полку, коего шефомъ былъ Ларіонъ Васильевичъ, то я увѣренъ, что независимо благосклонности его ко мнѣ, по одному сему резону онъ не откажется отъ моей просьбы. Пожалуйста, поскорѣе увѣдомь меня обо всемъ и вѣрь истинной дружбѣ твоего вѣрнаго друга *Дениса Давыдова.*

P. S. Въ бытность твою въ Москвѣ, я говорилъ тебѣ о двоюродномъ братѣ моемъ Александрійскаго гусарскаго полка подполковникѣ Давыдовѣ, который былъ раненъ двумя штыками подъ Кульмомъ и двумя пиками подъ Лейпцигомъ и взятъ былъ въ плѣнъ. Онъ ѣздилъ лечиться на Кавказъ и въ Карлсбадъ, но отъ ранъ не имѣетъ облегченія, а такъ какъ ему продолжать фронтовой службы нельзя до совершеннаго излеченія ранъ, которое требуетъ времени, то онъ просится быть причислену по кавалеріи. Ты мнѣ сказалъ, что это можно будетъ сдѣлать и чтобы онъ подалъ просьбу по командѣ—онъ ее теперь подалъ и она, если не у тебя, то скоро придетъ. Сдѣлай милость, употреби свое стараніе помочь ему, ты меня тѣмъ на вѣкъ обяжешь, и прибавишь къ тысячи одолженіямъ твоимъ новое.

291.

10-го мая 1820 г. Москва.

Ты мнѣ пишешь, любезный другъ, что тебѣ нужны оффиціальныя бумаги отъ брата Льва, чтобы причислить его по арміи, но увѣдомь, какого рода должна быть сія оффиціальная бумага? Если писанная рапортомъ, то она не можетъ идти отъ него прямо къ тебѣ, а слѣдуетъ быть подана имъ тому подполковнику, котораго избрали блюстители субординаціи командиромъ двухъ полковниковъ; если просто письмомъ, то онъ уже писалъ къ тебѣ чрезъ кавалергардскаго Львова 2-го, гдѣ просилъ тебя причислить его по арміи или вовсе отставить, о чемъ и я покорнѣйше прошу тебя. Вотъ пришло время! подполковнику даютъ въ команду двухъ полковниковъ, и сверхъ сего противозаконія, рав-

няютъ того, который едва могъ черезъ четыре года вытащить изъ ляжки пулю съ кускомъ кости, съ тѣмъ, который выписанъ за наказаніе! Что на это скажутъ вербовщики и хвалители нынѣшней нашей военной службы? Сдѣлай милость, другъ любезный, постарайся безъ оффиціальной просьбы удовлетворить неоффиціальную! Крайне ты насъ обоихъ обяжешь!

Я не могу довольно нарадоваться моей свободы! Надняхъ покупаю себѣ деревню въ 70 верстахъ отъ Москвы въ мѣстахъ прелестныхъ, съ домомъ, садомъ и со всѣми принадлежностями; туда я уклоню буйную мою головушку, и оттуда буду съ улыбкою глядѣть на вашу братію, рабовъ труда и безпокойства! Но оттуда тоже, готовъ сѣсть на конь и явиться на *настоящую службу,* а *не въ кукольную комедію,* во время которой поживу для себя.

Какимъ образомъ Вельяшевъ, который мостилъ сундуки свои червонцами, вымостилъ себѣ ленту? Неужели послужила къ сему та дорога, которую онъ намостилъ шалями для прохода Пуколовой къ Аракчееву?

Изъ Тулы мнѣ пишутъ (какъ все нынче занимается наружностью), что графъ Васильевъ вмѣсто того, чтобы войти въ дѣла губерній, хлопочетъ о дѣланіи тротуаровъ и крашеніи домовъ; у одного бѣднаго жителя велѣлъ полиціи разломать домъ потому, что тотъ не въ состояніи былъ передѣлать фасадъ его, и сей несчастный живетъ въ шалашѣ, собранномъ изъ бревенъ разбросаннаго дома. Если это правда, то врядъ-ли въ Турціи можно найти подобный примѣръ!

Ты спрашиваешь какой Андреевскій женится? Неужели ты еще не знаешь, что это Николай? по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ сказывалъ Степанъ. Онъ женится на княжнѣ Щербатовой, а какой, не знаю. Я ее видѣлъ раза два съ Масаловой.

Изъ Владиміра мнѣ пишутъ (только, пожалуйста, чтобы это было между нами), что Гурко въ холодныхъ сношеніяхъ съ Горчаковымъ, а съ дивизіонными въ совершенной распрѣ и что словамъ его: *я и Государь Императоръ* нынѣ уже не вѣрятъ, и что онъ хочетъ выходить вонъ. Какъ ошибутся, если подумаютъ, что я это мѣсто желаю, или приму, когда подумаютъ мнѣ предложить его! Загремятъ въ полѣ,— бросьте меня куда хотите, только не въ резервъ—вездѣ готовъ. А покамѣсть *да здравствуетъ свобода!*

Игнатьевъ опять къ *мамы* бросился—ты знаешь, что когда ребенку не даютъ чего онъ хочетъ, тогда онъ кричитъ *мама!* и бросается къ кормилицѣ, а Игнатьева кормилица Витгенштейнъ. Что за

несчастье этому человѣку: полвѣка просватался, краска уже не беретъ бѣлые волоса, а все неудача!

Прости, другъ любезный, сейчасъ ѣду на окончательный торгъ деревни, и оттого кончаю письмо. Прошу тебя еще разъ постараться о братѣ Львѣ, о братѣ Васильѣ Давыдовѣ, о которомъ я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, и увѣдомить меня на счетъ вопроса моего объ «*Опытѣ о Партизанахъ*». Прости, будь здоровъ, и люби преданнаго тебѣ друга *Дениса Давыдова.*

Скажи мое почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ, жена моя ей кланяется, и готовится родить, а вамъ стыдно!

292.

3-го іюня 1820 г. Москва.

Увѣдомляю тебя, любезный другъ, что 31-го мая, въ 11 часовъ утра, Богъ мнѣ далъ дочь Елисавету. Жена слава Богу здорова, только ребенокъ немного слабъ, но авось все будетъ хорошо.

Письмо чрезъ Евдокима получилъ—и такъ никто не берется представить Государю сочиненіе, хотя не столь полезное какъ разсужденіе о выпушкѣ на погонахъ и о цвѣтѣ темляковъ, но также не пустое, какъ объ немъ великіе наши преобразователи думаютъ!

Очень радъ, что мнѣ развязали руки, я его отдаю въ печать и никому не подношу. И впрямь, съ моей-ли рожею подносить что-нибудь великимъ въ мірѣ? Прости, любезный другъ, болѣе писать нѣкогда. Скажи мое почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ, посылалъ къ батюшкѣ и матушкѣ ея объявлять о моей радости, но они уже въ деревнѣ.

293.

6-го іюня 1820 г. Москва.

Очень ты меня обрадовалъ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, увѣдомленіемъ о назначеніи Михаила Орлова командиромъ 16-й дивизіи. Если бы все такихъ людей подвигали впередъ, то, право, не раскаялись бы!

Вотъ теперь мнѣ досадно, что я оставилъ мѣсто начальника штаба 3-го корпуса; при семъ случаѣ ничего бы не стоило перевести меня въ 4-й корпусъ, но кто же могъ сіе предвидѣть? Ты правду говорилъ,

что если бы мнѣ и предлагали подобное мѣсто, то мнѣ не должно принимать его прежде конца сего года; да правду тебѣ сказать, мнѣ-таки нельзя этого и сдѣлать, надо поправить не физическое, но моральное мое здоровье, то-есть доходы.

Секретно. Если бы ты могъ сдѣлать, чтобы до весны мѣсто начальника штаба 4-го корпуса оставить вакантнымъ, какъ оно остается до сего времени въ 3-мъ корпусѣ, съ тѣмъ, чтобы весною меня туда назначить, куда бы обязалъ меня.

Признаюсь, что мнѣ очень хочется послужить съ Николаемъ Николаевичемъ (Раевскимъ), мнѣ дураки и изверги надоѣли. Увѣдомь, можно-ли на это надѣяться и возьмешься-ли ты для меня побороться съ Волконскимъ и съ судьбою, чтобы защитить это мѣсто отъ тѣхъ, кои наступать на него будутъ прежде весны? Отстаивай его, любезный другъ, всѣми силами и всѣми хитростями, если ты меня любишь и подари имъ меня, какъ время придетъ.

Я писалъ къ Раевскому, чтобы узнать, будетъ-ли онъ доволенъ, если я поступлю на это мѣсто? Это проформа—я въ отвѣтѣ увѣренъ. Благодарю тебя за Петригина и за брата Льва. Добрый ты человѣкъ и заслуживаешь данное мною тебѣ названіе *покровитель безпокровныхъ.* Да приклеили-ли Петригина къ мѣсту? Вѣрь, онъ бѣденъ какъ церковная крыса, до сего времени онъ хоть жалованьемъ жилъ, а безъ жалованья на полковничій чинъ ни штановъ, ни сухаря не купишь.

Нѣтъ, братъ, радости безъ горя, женѣ каждый день лучше и лучше, но ребенокъ не пережилъ трехъ дней; горько мнѣ очень, но ежели необходимо чѣмъ-нибудь заплатить судьбѣ за счастье, которымъ я пользуюсь, то еще хорошо отдѣлался.

За что ты мнѣ попрекаешь, что я далъ отрывокъ дневника моего Свиньину. Я не Свиньину его далъ, а помѣстилъ въ «Отечественныя Записки». Ты говоришь, что такія сочиненія должно однимъ пріятелямъ читать, а я думаю напротивъ. Благо есть что про себя сказать, почему не говорить? Особенно въ такое время, въ которое стараются предать забвенію и событія и людей, ознаменовавшихъ сію великую эпоху, коей слава есть собственность Россіи.

Мы уже видимъ портреты Чаликова и Каблукова готовыми перейти въ потомство и по усамъ Чаликова и по рожѣ Каблукова не мудрено, что оно (потомство?) отдастъ славу партизанства имъ, а не мнѣ, ни Сеславину, ни Фигнеру, ни Кудашеву, надо открыть глаза и представить и Чаликова и Каблукова на Царицыномъ лугу, а не на равни-

нахъ Вязьмы и Краснаго. Вотъ причина, отъ чего я бросилъ отрывокъ мой въ журналъ и готовлюсь весь дневникъ мой напечатать.

Прости, любезный другъ, пожалуйста отвѣчай на это письмо безъ замедленія, очень меня одолжишь.

Скажи мое и жены моей почтеніе Аграфенѣ Федоровнѣ.

294.

17-го октября 1820 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ, присланное тобою письмо Федору Американцу исправно, въ тотъ же часъ, какъ получилъ, доставлено. Ты мнѣ пишешь, что не забудешь похлопотать обо мнѣ, коль скоро загорится заграницами и наши ребята двинутся, но что по сію пору нѣтъ о томъ слуховъ. У насъ, однако, очень поговариваютъ, что Воронцовъ съ корпусомъ идетъ въ Галицію. Пожалуйста, увѣдомь поаккуратнѣе, правда-ли это? Хотя я прошу Бога о мирѣ и клянусь, что не хочу войны, но если загремятъ въ полѣ, ради Бога постарайся, чтобы меня употребили въ авангардѣ, хотя бы командовать аванпостами или чѣмъ хотятъ. Я ужь на тебя, какъ на каменную стѣну надѣюсь!

Ты пишешь, что рекрутскій наборъ никого не повеселилъ; здѣсь такъ перепугались четыремъ съ 500, что уже выдумали, будто двухъ еще прибавили, и я хоть сему не вѣрю, но ни мало не удивлюсь, если случится.

Мнѣ прислали изъ Грузіи благодарный приказъ Ермолова войскамъ Мадатова, писанный, какъ все пишется Ермоловымъ. Какъ-то Мадатовъ прочиталъ его? Право, я бы совѣтовалъ завести ланкастерскую школу для нѣкоторыхъ генераловъ, какъ Мадатова, Делянова, Гундіуса и пр. Будетъ-ли нынѣшнюю зиму Ермоловъ въ Петербургѣ? Увѣдомь, я боюсь, чтобы его навсегда не зарыли бы въ Грузіи. Это мѣсто, конечно, хорошо и блистательно, но не такъ, чтобы въ немъ зарыть такія достоинства, каковы Ермолова. Для такого человѣка, какъ онъ, оно должно бы быть подножіемъ къ вышнимъ степенямъ, то-есть къ мѣсту главнокомандующаго главною нашей арміею. Право, я боюсь, чтобы добрые люди не заковали на немъ Ермолова, какъ въ баснословное время боги заковали Прометея на вершинахъ Кавказа.

Какъ ты не говори, а . . . . . здорово. Посмотри на Воронцова, опять пошелъ въ гору. Когда вы ожидаете Царя?

Прости, любезный другъ, вѣрь искренней и нелицемѣрной дружбы вѣрнаго друга *Дениса Давыдова.*

295.

15 ноября 1820 г.

Получилъ я твое письмо, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, и очень радъ, что слухи о движеніи Воронцова корпуса несправедливы. Еще бы пріятнѣе мнѣ было узнать, что слухи, о которыхъ ты умолчалъ мнѣ, такого же рода, какъ и первые; но ты что-то скромничаешь, и отъ этого болѣе наводишь сомнѣніе.

Съ нѣкотораго времени Сипягинъ съ женою въ Москву пріѣхалъ на свадьбу Всеволодскаго, который женился третьяго дня. Мы съ нимъ всякій день видимся и живемъ очень близко одинъ отъ другаго. Сынишка у него малый хоть куда, да мнѣ кажется и другой готовъ. Ты мнѣ пишешь о Ермоловѣ такимъ образомъ, что какъ будто у тебя готова и невѣста. Увѣдомь, кто такая? Я не прочь женить его, но какъ его уломаешь и кто осмѣлится ѣхать съ нимъ въ Грузію?

Бумаги, которыя я обѣщалъ тебѣ, то-есть обозрѣніе мое 1812 года и стихи мои, переписываются для тебя. Медленности сей причиною было то, что насилу я нашелъ здѣсь писаря: хорошіе заняты, а дрянные такъ пишутъ, что прочесть нельзя. Смотри, сдержи и ты свое слово касательно бумагъ Багратіона 1812 года и журнала графа Н. Мих. Каменскаго въ Финляндіи и въ Турціи. Если будетъ время, мнѣ хочется хотя слегка написать о сихъ двухъ герояхъ нашихъ, которые упадаютъ въ забвеніи отъ лѣни нашей, или лучше сказать отъ равнодушія нашего ко всему великому. Если бы можно отыскать что-нибудь о Суворовѣ и всѣ бумаги касающіяся до Багратіона, ты бы меня крайне одолжилъ.

«Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія въ Россіи» я совершенно перекроилъ и онъ уже готовъ. Мнѣ хочется печатать его у тебя въ типографіи. Увѣдомь, можно-ли это сдѣлать и для сего долженъ-ли онъ предварительно пройти чрезъ жестокія руки цензоровъ.

Въ случаѣ, если мнѣ захочется въ рукописи доставить его Царю, то какъ за это взяться, чтобы онъ опять не завалялся въ канцеляріи князя Петра Михайловича (Волконскаго). Пожалуйста, объ всемъ этомъ увѣдомь. Какъ ты думаешь, нужно мнѣ будетъ на будущую весну съѣздить заграницу? Боюсь, чтобы не разсердились на меня за то, что

отпросясь въ отпускъ для излеченія болѣзни за границу, я живу въ Россіи, или объ этомъ не вѣдаютъ? Прости, любезный другъ, вѣрь искренней и вѣчной дружбѣ.

Поцѣлуй за меня ручку у Аграфенѣ Федоровнѣ. Жена моя свидѣтельствуетъ ей свое душевное почтеніе.

296.

12-го іюня 1821 г. С. Пріютово.

Давно я не писалъ къ тебѣ, любезный другъ Арсеній Андреевичъ; этому причина та, что я давно уже живу въ деревнѣ. Что буду писать? Жизнь моя единообразна, встаю рано, пишу, роюсь въ огородѣ, скачу по полямъ за зайцами, покоенъ и счастливъ, болѣе нежели ожидалъ когда нибудь быть столько счастливымъ! Къ этому всему запретилъ даже и газеты присылать сюда; изрѣдка, очень изрѣдка прорываются письма друзей, которые пишутъ болѣе о чувствахъ, нежели о новостяхъ, иногда слышу что въ нѣсколько верстахъ отъ меня проѣзжаютъ генералъ-адъютанты, ѣдущіе въ Коломну или Рязань... и я благодарю Бога что въ мирное время онъ избавилъ меня отъ занятій, которыхъ я не люблю и не понимаю—и спасъ отъ неудовольствій, которыя бы заслужилъ, какъ и другіе, взявшись не за свое дѣло!

Надняхъ отпечаталось сочиненіе мое «*Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія,*» и на дняхъ экземпляръ одинъ явится къ тебѣ. Увѣдомь, пожалуйста, могу-ли я хорошо переплетенный экземпляръ поднести Царю чрезъ Волконскаго? и какъ это сдѣлать. Увѣдомь также, гдѣ почтенный нашъ Проконсулъ (Ермоловъ), въ Петербургѣ-ли? или прямо проѣхалъ *во царствіе свое?* Прости, вѣрь непоколебимой дружбѣ *Дениса Давыдова.* Адресуй письма по старому черезъ Волкова.

297.

22-го іюля 1821 г.

Любезный и почтенный другъ Арсеній Андреевичъ. По твоему совѣту посылаю письмо къ Императору и къ князу Волконскому, также и экземпляры имъ назначенные. Сдѣлай милость, постарайся, если примутъ благосклонно книгу мою, чтобы не вздумали мнѣ сдѣлать какого нибудь подарка; я какъ огня этого боюсь, и доволенъ буду тѣмъ

что не осердятся, ибо хотя цензура и пропустила сочиненіе, но находятся въ немъ нѣкоторыя выходки и слова, на которыя можно ощетиниться,—это я между нами говорю, не повторяй сихъ словъ, чтобы они не открыли глаза.

Впрочемъ, прежде нежели пускать книгу сію въ горніе предѣлы и даже по бѣлу-свѣту, одолжи меня, прочти ее внимательнѣе и рѣши самъ можно-ли ее подносить Государю и распускать въ публику безъ опасности. Я до твоего отвѣта удержу всѣ экземпляры у себя, и тогда только раздавать буду, когда ты увѣдомишь, что можно раздавать ихъ. Ежели же ты не найдешь ничего чрезвычайно дерзкаго и перекрестясь подашь прямо, то я думаю лучше сдѣлаешь. Повторяю, все отдаю на твою волю.

При семъ прилагаются экземпляры: тебѣ, брату Алексѣю Петровичу (Ермолову), Л. В. Васильчикову, Толю и Бутурлину.

298.

28 іюля 1821 г.

Любезный и почтенный другъ Арсеній Андреевичъ! Ты долженъ уже получить посланные мною тебѣ семь экземпляровъ моего «*Опыта*». Признаюсь тебѣ, любезный другъ, что чѣмъ болѣе размышляю я о нѣкоторыхъ выходкахъ въ сей книгѣ, тѣмъ болѣе опасаюсь, чтобы мнѣ за нихъ не досталось. И потому, пожалуйста, прочти все со вниманіемъ, и если будешь моего мнѣнія, то останови подавать экземпляры Царю и Волконскому назначенные, такъ же и другіе (кромѣ твоего и Проконсульскаго (Ермолова), и увѣдомь, что нужно перемѣнить; я въ осторожность остановилъ переплетаніе до твоего отвѣта. Странно было бы получить отставку отъ военной службы за военное сочиненіе.

Полагаюсь во всемъ на тебя и на почтеннаго брата Алексѣя Петровича. Разсудите и рѣшите, я во всемъ буду слѣдовать мнѣнію вашему безпрекословно.

299.

15-го августа 1821 г.

Я получилъ письмо твое, почтенный и милый другъ Арсеній Андреевичъ, писанное въ самый день рожденія моей дочери Софьи, т. е.

8-го сего мѣсяца. Рекомендую тебѣ и Аграфенѣ Федоровнѣ мою мосечьку.

Теперь не могу не поблагодарить тебя за совѣтъ твой—напрасно ты думаешь, что послѣ онаго я еще буду держаться прежняго моего намѣренія. Ты воплощенное благоразуміе! Твои слова такъ справедливы, что нѣтъ отговорокъ. И потому я все дѣлаю что ты совѣтуешь, т. е. дожидаюсь тебя и по твоимъ мыслямъ перемѣню то, что слѣдуетъ перемѣнить. Покамѣсть я никому не далъ ни одного экземпляра, кромѣ того, что ты отдалъ Проконсулу (Ермолову), а я Киселеву послалъ. Но это такъ мало, что нечего о томъ и говорить. Признаюсь, что только по словамъ нѣкоторыхъ я увидѣлъ, что я занесся во многихъ мѣстахъ, что̀ дѣлать? Этотъ проклятый огонь невидимо и не чувствительно изъ меня изрыгается! Теперь буду осторожнѣе. Мое счастье въ томъ, что при всѣхъ залетахъ моихъ какое-то разнородное со мною благоразуміе велѣло мнѣ съ тобою посовѣтоваться, иначе бы я попалъ въ просакъ. Благодарю тебя, милый и единственный другъ, за твой совѣтъ, я чувствую что онъ меня спасъ отъ многихъ неудовольствій. Вѣрь непоколебимой и душевной привязанности вѣрнаго твоего друга *Дениса Давыдова.*

P. S. Пришли или привези съ собою книги и письма, которыя я къ тебѣ послалъ.

300.

30-го августа 1821 г.

Благодарю тебя душевно, любезный и почтенный другъ Арсеній Андреевичъ, за участіе, которое ты берешь во всемъ что до меня касается. Но слухи, которые дошли до тебя на счетъ моей нескромности, вовсе несправедливы. Ежели бы я что и совралъ, то никто бы пересказать не могъ мною совранное, ибо я совершенно никуда не выѣзжаю и никого не принимаю. Я знаю, какъ и другіе, что Москва не менѣе Петербурга наводнена людьми, которыхъ я не опасался-бы, если-бъ они доносили о томъ что слышатъ, но чего не сочинитъ мерзавецъ для того чтобы выслужиться? Къ тому же (горькая истина!), какая храбрая служба, какая благородная жизнь перевѣситъ можетъ доносъ бродяги, продавшаго честь свою полиціи? Послѣ того, любезный другъ, кто будетъ не токмо не скромничать, но даже въ свѣтѣ показываться? Что до меня касается, я живу какъ схимникъ, и такъ счастливъ въ моемъ семействѣ, что, право, жаль удѣлять минуты на критику чего нибудь.

Не опасайся, любезный и почтенный другъ, за меня. Ежели что и дойдетъ до тебя на мой счетъ, говори прямо: *неправда* и скажешь правду. Отъ ложныхъ доносовъ человѣкъ не можетъ спасти себя, но отъ справедливыхъ я себя спасъ.

301.

26-го декабря 1821 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ. У насъ очень поговариваютъ о войнѣ съ турками. Я боюсь, чтобы не подумали обо мнѣ, что я хочу укрыться отъ войны чрезъ помѣщеніе себя на кавказскую линію. Почему прошу тебя, любезнаго и почтеннаго моего друга, не терять сего изъ вида и дѣйствовать по обстоятельствамъ. Отдаю на волю твою куда меня бросить, на Кавказъ или на Балканъ: дѣло въ томъ (что) я хочу, въ мирное время избѣгнуть гусинаго шага, а въ военное, покоя и бездѣйствія.

Сдѣлай же дружбу, не спѣши помѣщеніемъ меня на кавказскую линію, пощупай мнѣніе обо мнѣ, и употреби меня туда, гдѣ ты думаешь, что и мнѣ и службѣ будетъ полезнѣе.

Жду рѣшенія судьбы моей съ нетерпѣніемъ. Правду тебѣ сказать, что мнѣ очень прискорбно будетъ сидѣть на Кубани, когда другіе будутъ драться. Впрочемъ, дѣлай что ты хочешь, я такъ увѣренъ въ дружбѣ твоей, что ни спорить, ни прекословить не буду.

302.

27-го февраля 1822 г. Москва.

Любезный и почтеный другъ Арсеній Андреевичъ! Сейчасъ получилъ письмо твое, писанное отъ 20-го сего мѣсяца. Не удивляюсь отказу, такъ быть должно. Если будешь писать къ Проконсулу (Ермолову), то увѣрь его сколько мнѣ прискорбно лишиться случая показать ревность мою человѣку, коего одобреніе для меня выше всего на свѣтѣ, да сверхъ того быть невиннымъ виновникомъ перваго ему отказа; чтобы избавить его отъ послѣдняго, я не знаю чего бы я не далъ!

Прошу тебя, ежели поѣдетъ экстренный фельдъегерь въ Грузію, велѣть ему ко мнѣ заѣхать, срочнаго же дожидаться долго, и потому я буду писать также и по почтѣ... разумѣется не на крѣпкомъ

бульонѣ. Чувствуя до куда простираются дарованія мои, я желалъ мѣста сего единственно для того, чтобы быть полезнымъ. Я отказался бы отъ лентъ, сихъ красивыхъ помочей, на коихъ водятъ честолюбцевъ, и отъ чиновъ, сихъ мыльныхъ пузырей, за коими они гоняются. Не говорю о корыстолюбіи; ты меня знаешь пятьнадцать лѣтъ, слѣдовательно нечего марать себя даже и разговоромъ о сей гнустности, которая не послѣдняя статья на кавказской линіи. Но дѣло сдѣлано и я отринутъ!

Теперь пусть дружба твоя, которая есть единственная моя опора, отыскиваетъ способы дать мнѣ блистательную команду (ибо я другой не возьму) при начатіи войны съ турками, ежели война сія откроется прежде сентября; ибо, въ противномъ случаѣ, я рѣшился подать въ отставку 1-го числа онаго мѣсяца. Я не Булатовъ—у меня на совѣсти ничего нѣтъ кромѣ нѣсколькихъ роптаній за несправедливости, понесенныя мною въ теченіе 20-ти лѣтней, смѣю сказать, залетной и молодецкой службы.—Богъ имъ судья!

303.

16-го марта 1822 г. Москва.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, я получилъ письмо твое вчера съ фельдъегеремъ, ѣдущимъ въ Грузію. Благодарю тебя за дружественный совѣтъ, я въ немъ вижу истинно любящаго меня человѣка и принимающаго дѣла мои къ сердцу. Но, любезный другъ, ты ошибаешься, если думаешь, что намѣреніе мое было служить на Кавказѣ только при Ермоловѣ и выдти, когда онъ выйдетъ. Ежели бы таковы были мои виды, то точно я подалъ бы поводъ говорить на мой счетъ, что я *хотѣлъ только служить съ роднею и выхожу когда родня выходитъ*. Нѣтъ, я намѣренъ былъ остаться на семъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ года три, не смотря на перемѣну главноуправляющихъ. Причина сему та, что въ этомъ краѣ я могъ бы показать дарованія мои или ничтожество мое въ полномъ видѣ, ибо тамъ и созидать и разрушать—всего довольно. Къ тому я хотѣлъ, вышедши оттуда, имѣть уже мѣсто на что-нибудь похожее, а не быть телеграфомъ, то-есть бригаднымъ командиромъ или балетмейстеромъ, то-есть начальникомъ штаба. Все это рушилось. Такъ и быть! *Честь предложена, убытка Богъ избавилъ*, говоритъ русская пословица, и я остаюсь бригадирствовать въ Москвѣ съ вольнопрактикующимъ Марковымъ и на подножный кормъ

пущеннымъ Алексѣевымъ. Прости, любезный другъ, жена моя кланяется милой твоей хозяйкѣ и я у ней ручки цалую.

P. S. Какъ жаль милаго нашего Петра Ивановича! Да какой это Голицынъ убилъ его сына? Я никакого Голицына въ Тульчинѣ не знаю. Теперь, такъ какъ всѣ проекты мои пошли ко дну, то я опять обращаюсь къ тебѣ съ просьбою прислать мнѣ обѣщанные тобою приказы Павла. Только, сдѣлай милость, отъ 6-го ноября 1796 года до 12-го марта 1801 года. Пожалуйста, не забудь, любезный другъ. Знаешь-ли, что я подмосковную мою продалъ за 118 тысячъ, а покупаю другую на Москвѣ-рѣкѣ, въ 55 верстахъ отъ Москвы и на безподобномъ мѣстѣ. Е.....ву (Ермолову) по сію пору не могутъ найти порядочной подмосковной.

304.

2-го апрѣля 1822 г. Москва.

Возвратясь вчера изъ Кіева, я нашелъ письмо твое, милый мой и почтенный другъ Арсеній Андреевичъ. Съ нимъ вмѣстѣ и пакетъ съ копіями писемъ Ермолова. За все это благодарю тебя очень и очень. Деньги къ безподобной твоей хозяйкѣ должны уже быть получены. Вотъ все, что я могу сказать въ отвѣтъ на письмо твое. Теперь скажу тебѣ на счетъ моего опредѣленія на кавказскую линію: работай и рѣшай дѣло. Пора! Я рѣшился, не смотря на войну съ турками, принять это мѣсто. Чѣмъ болѣе я разспрашивалъ, чѣмъ болѣе я получалъ свѣдѣнія о семъ краѣ, тѣмъ болѣе нахожу, что могу быть полезенъ тамъ, слѣдовательно, медлить теперь не къ чему. Я писалъ къ тебѣ изъ Кіева о братѣ Васильѣ Давыдовѣ, а изъ Орла о Евдокимѣ. Сдѣлай дружбу, помоги имъ: одного чтобы скорѣе отставили за ранами, а другого, чтобы не переводили въ другую дивизію. Ты меня симъ крайне обяжешь. Да увѣдомь, пожалуйста, писалъ-ли Ермоловъ о подполковникѣ Бѣгичевѣ для опредѣленія его атаманомъ въ астраханское казачье войско?

Читалъ я выговоръ Вадбольскому, жестоко! Истинно скажу тебѣ, что ежели бы со мною это было, я бы бросилъ все и взорвалъ бы черепъ Роту. Что сей послѣдній дѣлаетъ, это описать нельзя! Я былъ въ смежности съ его дивизіею... Людей ѣстъ! Напрасно думаютъ, что лишняя строгость нестерпима, нѣтъ; нестерпимо несправедливое варварство, капризы и пристрастія, вотъ что нестерпимо! А Ротъ этого

дѣла мастеръ. Прости. Кончаю отъ того, что боюсь распространиться на сей счетъ, ибо право волосъ дыбомъ становится, какъ подумаешь о несчастныхъ, ему пожертвованныхъ.

P. S. У милой хозяйки милліонъ разъ цѣлую ручки. Анну Александровну цѣлую въ шейку, которая прекрасная—это я давно примѣтилъ, но по сродной мнѣ застѣнчивости, не смѣлъ говорить словесно, а говорю письменно. Жена моя свидѣтельствуетъ свое почтеніе твоей женѣ и тебѣ, также и курносая моя Сонечка.

305.

13-го ноября 1822 г. Москва.

Наконецъ я получилъ письмо отъ тебя, почтенный и любезный другъ Арсеній Андреевичъ. Въ немъ увидѣлъ и рѣшеніе на вторичное представленіе Ермолова. Кажется, совѣсть моя мнѣ упрекать не можетъ: я хотѣлъ служить, и служить въ такомъ краю, который, большею частію военнослужащихъ нашихъ, почитаемъ ссылкою. Признаться долженъ, что будучи обременъ семействомъ, и я не безъ побѣды надъ собою рѣшился стяжать сіе мѣсто. На сіе побудило меня, съ одной стороны, страхъ, чтобы не истратить плодороднѣйшую часть моего вѣка, для собственной только пользы, а съ другой, увѣренность, что я былъ бы полезнѣе для Россіи на Кавказѣ, нежели на площадяхъ, протоптанныхъ учебнымъ шагомъ. Что дѣлать! Надо повиноваться судьбѣ, успѣхъ и неудача въ ее власти! И такъ, я снова обращаюсь къ сохѣ, ибо ни за что на свѣтѣ не приму здѣсь ни начальства штаба, ни бригады, ни дивизіи. Мѣста сіи сдѣлались весьма опасными: они между своевольствомъ, вкравшемся въ классъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и неограниченной власти главнокомандующаго. Самъ Ротъ, коего нельзя упрекнуть въ человѣколюбіи, самъ Ротъ сноситъ отъ подначальствующихъ своихъ оскорбительныя поруганія, и если еще не раздавленъ главнокомандующимъ за неприведеніе къ субординаціи команды своей, то сему причиною обстоятельства, о коихъ умолчу. Тогда какъ я, за одну изъ ста исторій, случившихся въ его корпусѣ, давно лишился бы и команды, и чести, пріобрѣтенной цѣною 22-хъ-лѣтней боевой и безпорочной моей службы. Сохрани меня Богъ разглашать сіи мысли, я тебѣ говорю какъ другу, да и тебя прошу сжечь письмо сіе. Любя славу Царя и отечества, сердце разрывается видѣть армію нашу въ такомъ положеніи! Въ ней грубость начальниковъ и непо-

слушаніе подчиненныхъ замѣнили благородное обхожденіе первыхъ и субординацію послѣднихъ. Впрочемъ, я пишу тебѣ не новое, ты не хуже меня сіе знаешь.

Теперь обратимся ко мнѣ. Мнѣ хочется идти въ чистую отставку. Какъ ты мнѣ присовѣтуешь? По какимъ причинамъ подать оную? Я думаю по причинѣ той же болѣзни, для излеченія которой я былъ отпущенъ въ отпускъ. Жду па сіе твоего отвѣта. Скучно. Полно служить!

На-дняхъ получилъ я изъ инспекторскаго департамента форму подписки, что я отказываюсь отъ *братій масоновъ*. А такъ какъ я не былъ, не есть и не буду ни въ масонскихъ, ни въ какихъ другихъ тайныхъ обществахъ и въ томъ могу подписаться кровью, то эта форма для меня неприлична. Прошу прислать другую, или не написать-ли мнѣ просто о томъ рапортъ? Я о семъ отъ тебя жду разрѣшенія.

Какъ бы мнѣ хотѣлось поговорить съ тобою лично! Бумага терпитъ все, но многіе не терпятъ то, что на бумагѣ написано. Хотя то, о чемъ я говорить съ тобою хочу, относится единственно къ частнымъ лицамъ и совершенно чуждо политики и правительства; но есть и частныя лица, которыя могутъ быть опасны. Въ Турціи тарантулы кусали насъ не за то, что мы ступили на турецкую землю, а единственно для нанесенія вреда и смерти; страсть данная имъ природою.

Другъ любезный! Съ какимъ нетерпѣніемъ жду весны! Уѣду въ деревню и еще нелюдимѣе буду, нежели теперь. Теперь я еще бываю въ театрѣ, раза три въ году на обѣдѣ графа Петр. Ал. Толстаго или военнаго генералъ-губернатора, но какъ скоро сниму эполеты, полно! Соха, коса, деревня, жена и дѣти. Вотъ что будетъ единственное мое занятіе! И такъ прости. Пожалуйста, сожги письмо, тутъ много вздора.

306.

6-го марта 1824 г.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Очень ты меня огорчилъ извѣстіемъ о твоей болѣзни; неужели все та же, отъ коей ты два года отбиваешься? Если все головныя боли, то увѣряю тебя, что онѣ усилятся съ прибавленіемъ хлопотъ и занятій въ Финляндіи. Нѣтъ другого средства быть здоровымъ тебѣ, какъ нѣсколько-лѣтній покой и свобода. Повѣрь мнѣ, пока будешь застегнутъ какъ чемоданъ, и пока

на головѣ носить будешь треугольную шляпу, нѣтъ тебѣ здоровья, сбрось это долой, и я ручаюсь, что черезъ годъ себя не узнаешь.

Сипягинъ сегодня отправляется въ свою дивизію. Путята также скоро ѣдетъ обратно въ Питеръ. У Никол. Ив. Демидова былъ, но не засталъ дома; онъ былъ у меня и также неудачно. Постараюсь сегодня съ нимъ увидиться.

Что тебѣ еще сказать? Да, и забылъ самое важное:

Сдѣлай милость, постарайся за Баратынскаго, разжалованнаго въ солдаты; онъ у тебя въ корпусѣ. Гнетъ этотъ онъ несетъ около восьми лѣтъ или болѣе, неужели не умилосердятся? Сдѣлай милость, другъ любезный, этотъ молодой человѣкъ съ большимъ дарованіемъ и вѣрно будетъ полезенъ. Я приму стараніе твое, а еще болѣе успѣхъ въ семъ дѣлѣ за собственное мнѣ благодѣяніе. Увѣдомь, пожалуйста, о братѣ Алексѣѣ (Ермоловѣ), что съ нимъ дѣлается? Ни слуху, ни духу! Письмо, приготовленное къ нему съ фельдъегеремъ, и по сію пору у меня лежитъ. При тебѣ этого не дѣлалось!

Я надѣюсь, что письмо сіе застанетъ тебя еще въ Петербургѣ и потому адресую его чрезъ Шатилова. Прости, поцѣлуй ручки у милой Аграфены Федоровны, которой жена моя и Сонька кланяются.

P. S. Что сдѣлалось съ Меншиковымъ! Такъ похудѣть я не видовалъ человѣка. Живъ-живъ курилка, а у курилки ножки тоненьки.

307.

23-го іюня 1824 г. Москва.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ. Я получилъ письмо твое отъ 3-го іюня въ Москвѣ, куда переѣхалъ для пользованія фаворитки милой Аграфены Федоровны. Благодарю тебя, что сердце твое не застываетъ ко мнѣ и подъ созвѣздіемъ медвѣдицы. Жаль, что ты не можешь отбиться отъ своей болѣзни; вѣрь, что одно тѣлесное и душевное спокойствіе могутъ прекратить недуги твои. Въ самый тотъ день, какъ я пріѣхалъ сюда изъ деревни, прибылъ изъ Петербурга князь Петръ Михайловичъ (Волконскій) проѣздомъ въ Тамбовъ и Саратовъ, такъ онъ мнѣ сказывалъ. Между прочимъ, говорилъ онъ мнѣ, что давно отъ тебя не имѣетъ (извѣстій?), а такъ какъ я ему сказалъ, что надняхъ получилъ отъ тебя, то онъ весьма интересовался знать о твоемъ житьѣ-бытьѣ, я ему разсказалъ все то, что ты мнѣ пишешь. Ѣздивъ всегда съ Государемъ, для коего и украдкой отъ коего, не смотря на *рабочее*

время, губернаторы выгоняютъ цѣлыя губерніи для работы дорогъ, Волконскій теперь увидѣлъ во всей наготѣ тѣ дороги, по коимъ мы, грѣшные, ѣздимъ или лучше сказать тѣ, кои мы, грѣшные, объѣзжаемъ, ибо по нимъ ѣздить нѣтъ возможности! Словомъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Суханово верхомъ и то на 7-й верстѣ была поставлена для него перемѣнная лошадь.

Мое намѣреніе въ началѣ іюня сдѣлать большой вояжъ. Я ѣду въ Симбирскую губернію, а оттуда чрезъ Оренбургскую, Казанскую, Нижне-Новгородскую, домой. Нѣтъ силъ терпѣть! Хотя я первый годъ только принялся за управленіе своего имѣнія, и тутъ увидѣлъ кражу: надо ударить иныхъ по шеѣ, другихъ по рожѣ.

Повторяю о Баратынскомъ, повторяю опять просьбу взять его къ себѣ. Если онъ на замѣчаніи, то вѣрно по какой-нибудь клеветѣ; впрочемъ, молодой человѣкъ съ пылкостію можетъ врать—это и я дѣлалъ, но ручаюсь, что нѣтъ въ Россіи приверженнѣе меня къ Царю и отечеству; еслибы я этого и не доказалъ, то поручатся за меня въ томъ всѣ тѣ, кои меня знаютъ; таковъ и Баратынскій. Пожалуйста, прими его къ себѣ. И такъ, прости, другъ любезный, кланяйся отъ меня Петру Григорьевичу Сократову и вѣрь въ совершенной преданности вѣрнаго твоего друга *Дениса*.

Пока ты пріѣдешь въ Ивановское много разродится фруктовыхъ деревьевъ; пока напиши Коризнѣ, что ты мнѣ даришь деревъ пятокъ персиковыхъ и грушевыхъ, весьма одолжишь.

308.

10-го декабря 1825 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ! Я давно не писалъ къ тебѣ, ибо давно уже не слѣзалъ съ лошади. Теперь *пороши* кончились, нѣсколько десятковъ зайцевъ, лисицъ и волковъ затравлено, и я отъ враговъ моихъ обращаюсь къ друзьямъ моимъ. Но что тебѣ писать? Общая горестная новость летаетъ изъ устъ въ уста, изъ города въ городъ, слѣдовательно нечего и писать тебѣ о ней, ибо ты не только о ней извѣщенъ, но подобно намъ, конечно, уже и присягнулъ новому Императору.

Сипягинъ уѣхалъ въ дивизію свою; Коризна твой поскакалъ подряжаться на вино въ Пензу, я завожу мериносовъ, у брата Алексѣя (Ермолова) шло плохо, но теперь все приходитъ въ прежде бывшій порядокъ, такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ. Адъютантъ твой князь

Львовъ—очень болѣнъ, я боюсь, чтобы онъ не рехнулся, повидимому, ему этого не избѣжать. Жалко на бѣднаго смотрѣть! Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Ты, конечно, будешь на коронацію; съ какимъ удовольствіемъ я ожидать буду этой минуты; еслибы къ намъ соединился еще и братъ Алексѣй, то счастье мое дошло бы до высшей степени.

Мой *протеже* Баратынскій здѣсь, часто бываетъ у меня, когда не болѣнъ, ибо здоровье его незавидное. Онъ жалокъ относительно обстоятельствъ его домашнихъ, ты ихъ знаешь—мать полоумная и слѣдовательно дѣла идутъ плохо. Ему надо непремѣнно идти въ отставку, что я ему совѣтовалъ и онъ совѣтъ мой принялъ. Сдѣлай же милость, одолжи меня, позволь ему выдти въ отставку и когда просьба придетъ, то рѣши скорѣе—за что я въ ножки поклонюсь тебѣ, ты меня этимъ на вѣкъ обяжешь.

309.

23-го декабря 1825 г. Москва.

Сто лѣтъ какъ не имѣю отъ тебя ни слова, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! Недавно писалъ къ тебѣ и жду ответа. Пока скажу тебѣ, что я какъ солдатъ воскресилъ свои надежды. Царь у насъ молодой и молодецъ, авось-ли будетъ какая-нибудь *войнишка* и мы поработаемъ вѣрой и правдой. Эта мысль заставила меня представить желаніе вступить обратно въ службу. Говорятъ, что онъ чрезвычайно свѣдущъ въ военномъ искусствѣ, тѣмъ лучше, будутъ побѣды и мы, старые инвалиды, душою и саблею поддержимъ его предпріятія и Европа затрепещетъ! Увѣдомь, что ты дѣлаешь? Не будешь-ли сюда на коронацію? Куда бы я радъ былъ съ тобою увидѣться, я совершенно оставилъ свѣтъ, хотя живу въ Москвѣ—все дома, да дома среди семьи моей; мальчишка старшій подростаетъ и всякій день милѣе, маленькій также поправляется; вотъ всѣ мои новости. И такъ, прости, другъ любезный, поцѣлуй ручки у милой Аграфены Федоровны и вѣрь непоколебимой дружбѣ вѣрнаго друга *Дениса Давыдова.*

310.

9-го января 1826 г.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! При восшествіи на престолъ нынѣшняго Государя, я захотѣлъ служить и писалъ о томъ къ

Ларіону Васильевичу Васильчикову. Не знаю, какъ это письмо съ нимъ разъѣхалось. Желаніе мое тоже, да къ тому же и мѣсто открылось для меня пріятное: начальникъ штаба гренадерскаго корпуса Столыпинъ умеръ. На мѣсто это будетъ много охотниковъ; если ты имѣешь способъ сдѣлать такъ, чтобы меня приняли въ службу по кавалеріи и немедленно назначили бы начальникомъ штаба въ гренадерскій корпусъ, то сдѣлай милость употреби на это твое стараніе. Надо спѣшить, я было хотѣлъ дождаться пріѣзда Ларіона Васильевича, но будетъ поздно. Болѣе писать нечего, поцѣлуй ручки у Аграфены Федоровны за вѣрнаго твоего друга *Дениса.*

311.

16-го февраля 1826 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ! Сто лѣтъ отъ тебя ничего не имѣю и узналъ только по газетамъ, что ты въ Петербургѣ, почему и пишу тебѣ съ братомъ Львомъ, котораго тебѣ препоручаю, увѣренъ, что все то, что только можно сдѣлать для него, ты сдѣлаешь. Впрочемъ, желанія его не чрезвычайны, распространяться о нихъ не буду, онъ живая грамота и все тебѣ самъ разскажетъ. Благодарю тебя отъ души за отставку Баратынскаго, онъ веселъ какъ мѣдный грошъ и считаетъ это благодѣяніе твое не менѣе перваго.

Я просилъ Л. В. Васильчикова *записать* меня въ службу, и удивляюсь, что по сіе время ничего не выходитъ. Мнѣ хотѣлось быть бы начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса, а если этого нельзя, то быть приняту по кавалеріи, гдѣ я могу оглядѣться и выбрать мѣсто по своимъ способностямъ. Сдѣлай дружбу, постарайся объ этомъ.

Въ случаѣ, если меня и назначатъ начальникомъ штаба въ гренадерскій корпусъ, то мнѣ очень пріятно было бы, чтобы это было безъ перевода въ квартирмейстерскую часть, какъ то обыкновенно дѣлаютъ. Я вижу, что уже ты улыбаешься—и догадываешься, что это желаніе сохранить *усы.* Точно!

Увѣдомь, пожалуйста, будешь-ли ты въ Москвѣ на коронацію; если будешь, какой для меня праздникъ! Я имѣю извѣстіе о братѣ Алексѣѣ (Ермоловѣ), онъ пошелъ въ Чечню и здоровъ. И такъ, прости, другъ любезный, не забывай и вѣрь непоколебимой дружбѣ вѣрнаго твоего друга *Дениса.*

312.

Получено 26-го марта 1826 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ! Пока продолжалось печальное приготовленіе для отданія послѣдняго долга покойному Государю — я ожидалъ терпѣливо рѣшенія о принятіи меня въ службу; но погребеніе кончилось 13-го числа. а теперь уже 22-е и я ничего еще не имѣю на счетъ мой! Ты есть единственная моя подпора во всѣхъ случаяхъ, и если я не чрезъ тебя приступилъ къ этому дѣлу, то потому что тебя тогда не было въ Петербургѣ. Но такъ какъ ты теперь тамъ, то сдѣлай милость, употреби свое стараніе, чтобы мнѣ сказали *да* или *нѣтъ*. Я надѣюсь, что скажутъ *да*, да зачѣмъ такъ медлить? На счетъ 2-й конно-егерской дивизіи то можно такъ сдѣлать, что, не назначая меня дивизіоннымъ начальникомъ, дать мнѣ оную дивизію, опредѣля одного изъ бригадныхъ въ бригаду другой дивизіи (только не Ольшевскаго, съ которымъ всякій благородный человѣкъ не желаетъ жить и умереть), а меня пока оставишь *командующимъ*. Поговори о томъ, пожалуйста, графу Орлову-Денисову. Повторяю тебѣ, пусть вспомнятъ, что Царь нашъ и молодъ и молодецъ, неужто долго будемъ топтаться въ экзерцисъ-гаузахъ?—Авось-ли Богъ дастъ и грянемъ; тогда надо будетъ людей закаленныхъ въ огнѣ, а я, слава Богу, закаливался не годъ, а 8 лѣтъ сряду, и кузнецомъ былъ Наполеонъ. Пожалуйста, почтеннѣйшій другъ, постарайся о сей дивизіи, а если уже нельзя, то *пока* пусть причислятъ меня по кавалеріи, тогда я огляжусь и найду другое мѣсто. Я обо всемъ этомъ писалъ Ларіону Васильевичу, къ нему же послалъ и форменную просьбу и письмо къ Императору. Но я не знаю, отчего дѣло не двигается впередъ. Пожалуйста, поговори ему объ этомъ, и постарайся за меня.

Мнѣ братъ пишетъ, что ты по уши въ бумагахъ, и болѣе занятъ нежели когда нибудь—въ чемъ ему вѣрю, ибо никогда такъ долго не былъ безъ писемъ отъ тебя. Винокуренный заводчикъ! говорятъ, что будетъ вольная продажа. Правда-ли? Если правда, то мы всѣ будемъ Бога благодарить, и не одни заводчики, но и другіе помѣщики и самые крестьяне, ибо хлѣбъ будетъ дороже и какъ отъ насъ, такъ и отъ нихъ недоимокъ не будетъ, да и хлѣбъ, который теперь гніетъ, будетъ въ ходу. Эта статья важная, увѣдомь ради Бога, вся Россія воспрянетъ съ радостію и прибавитъ новыя благодаренія къ благодареніямъ Монарху.

Если увидишь П. А. Кикина, поблагодари его за меня — онъ знаетъ за что.

313.

30-го марта 1826 г.

Я не знаю какъ благодарить тебя, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, за твое дружеское, истинно дружеское вниманіе. — Я заранѣе знаю, что ежели я жду чего пріятнаго для себя, то вѣрно ты первый, который о томъ меня увѣдомишь, сверхъ старанія, которое ты употребляешь, чтобы это пріятное со мною случилось. Повѣрь, что я умѣю цѣнить въ полной мѣрѣ твою пятнадцатилѣтнюю неизмѣнную дружбу.

Я отъ тебя перваго получилъ извѣстіе о принятіи меня въ службу третьяго дня. Мнѣ жить невозможно было въ отставкѣ, я крѣпился долго, нѣтъ это было не по мнѣ, кровь еще слишкомъ быстро кругообращается, и хотя мнѣ уже 42-й годъ, но я еще слишкомъ молодъ для сохи и мыслями и чувствами. Надо покрайней мѣрѣ еще лѣтъ пять и двѣ или три войны, тогда только укатаютъ бурку крутыя горки, какъ говоритъ пословица.

Я теперь по кавалеріи — этого мнѣ нужно для устройства дѣлъ моихъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ буду искать мѣсто, а если бы и теперь представилось хорошее, то не прочь. Мнѣ говорятъ, что мѣсто начальника штаба гренадерскаго корпуса обѣщано Герману; если это правда, то нечего о томъ думать, но если неправда куда бы хорошо мнѣ оное дать. Поговори о томъ, другъ любезный, съ кѣмъ можно и съ кѣмъ должно, авось-ли успѣешь. Мнѣ о Германѣ давно уже говорили, и если бы это было справедливо, то онъ давно былъ бы туда назначенъ. Если нужно, чтобы попасть на сіе мѣсто, присутствіе мое въ Петербургѣ, то увѣдомь; я сейчасъ явлюсь, но увѣдомь такъ, чтобы не даромъ мнѣ ѣздить, ибо дѣлъ и хлопотъ у меня много, а денегъ мало. И такъ, прости, другъ любезный.

314.

Понедѣльникъ послѣ Свѣтлаго Воскресенія.
Получено 23-го апрѣля 1826 г.

Любезный другъ Арсеній Андреевичъ. По послѣднему письму твоему и по письму брата Льва, я узналъ, что ты опять болѣнъ — долго-ли

тебѣ торопиться къ старости? Увѣряешь, что меня моложе, а не можешь отдѣлаться отъ болѣзней. Право, я думаю, что это твоя сидячая жизнь тому причиною; да неужели ты не можешь выгодать хотя часа два для моціону? Повѣрь мнѣ и я по опыту говорю, что одно движеніе, а не лекарство, поставятъ тебя на ногу. Я знаю, что ты послѣ обѣда любишь также *заниматься*, и это нехорошо, давай своей головѣ работу, да не отнимай и у ногъ имъ принадлежащее, а ночь достаточно для отдыха, особенно при сидячей жизни. Ты будешь смѣяться, что цѣлая страница письма моего заключаетъ въ себѣ рецептъ противъ твоей болѣзни, но этотъ рецептъ самый лучшій—повторяю тебѣ ходи, ходи и ходи, по крайней мѣрѣ часа два въ день, ѣшь досыта, и спи 6 часовъ въ сутки; повѣрь мнѣ что совсѣмъ другимъ будешь. Я ожидаю сильнаго возраженія, но впередъ говорю, что какъ бы оно логически не было выражено—я никакъ не соглашусь, ибо по себѣ знаю что я правъ.

Я къ тебѣ писалъ о мѣстѣ начальника штаба гренадерскаго корпуса. Меня два мѣсяца тому назадъ увѣряли, что это мѣсто обѣщано Герману, но по сіе время ничего нѣтъ въ приказѣ, почему я полагаю, что слухи, дошедшіе до меня, несправедливы. Сдѣлай милость, употреби свое стараніе, чтобы это мѣсто мнѣ дали. Ежели ревность и неусыпность достаточны для сего званія, то мною будутъ довольны, а я служить хочу и не для того надѣлъ мундиръ, чтобы таскать его по Москвѣ. Пожалуйста, другъ любезный, постарайся, чѣмъ чрезвычайно одолжишь меня, вѣрнаго твоего друга *Дениса*.

Увѣдомь, вѣрно-ли будешь на коронацію въ Москву и не знаешь-ли будетъ-ли тамъ же и братъ Алексѣй (Ермоловъ)?

315.

5-го января 1827 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Если ты въ претензіи на меня за мое долговременное молчаніе, то напрасно. Ты знаешь, сколь почты и фельдъегеря невѣрны, можно-ли имъ другое поручать какъ водяныя письма, а въ водяныхъ письмахъ какой прокъ? Вотъ почему я къ тебѣ не писалъ отъ самаго отбытія моего изъ Москвы. Теперь возвратясь домой и пользуясь отъѣздомъ Бутурлина, я посылаю къ тебѣ письмо полное жизнію, а не скелетъ безчувственный. Теперь слушай же:

Я пріѣхалъ въ Грузію въ полномъ увѣреніи, что тамъ все верхъ дномъ: въ томъ меня удостовѣрила суматоха и хлопоты придворныя. Меня здѣсь *большіе люди* увѣрили, что не токмо въ опасности вся Грузія, но что и проѣздъ чрезъ горы между горскихъ народовъ весьма опасенъ, ибо и они поднялись на Россію, вслѣдствіе жестокости Алексѣя Петровича (Ермолова), что вся та страна противъ него и что онъ ненавидимъ.

На дорогѣ некому было меня разувѣрить въ этихъ слухахъ и я, напитанный самъ симъ мнѣніемъ, достигъ до Кавказской линіи съ горестью, ибо, любя и уважая Алексѣя Петровича съ дѣтства моего, мнѣ тяжело было видѣть своими глазами разстройство, коему онъ самъ причиною.

Но каково было удивленіе мое, когда я коснулся только до границы странъ его управленію ввѣренныхъ! И какъ удивленіе мое усиливалось по мѣрѣ путешествія моего далѣе и далѣе! Я попалъ въ другой міръ! Я оставилъ тотъ, гдѣ ему поютъ анафему, и вступилъ туда, гдѣ только-что не служатъ ему молебны! Это отецъ и покровитель всѣхъ отъ малаго до большаго, отъ бѣднаго до богатаго! Вмѣсто того, чтобы найти горцевъ возмущенныхъ, они никогда не были смирнѣе; въ нынѣшнемъ году не было даже и слабыхъ набѣговъ въ 10 и 15 человѣкъ; вмѣсто того, чтобы грузины помогали персіянамъ, всѣ отъ одного слова Ермолова поднялись на войну противъ общаго врага. Самые дагестанцы, получившіе фирманы для дѣйствія противъ насъ, остались спокойными и прислали фирманы сіи въ оригиналѣ къ Алексѣю Петровичу. Однѣ провинціи занятыя персіянами отъ насъ отложились и потому что къ этому принуждены были силою и потому что жители магометане. Между тѣмъ, я уже нашелъ войска наши собранными, ихъ было хотя мало, но Алексѣй Петровичъ, зная персіянъ, увѣренъ былъ, что для отраженія ихъ этого было достаточно, и потому хотя денно и нощно работалъ, распоряжалъ и приказывалъ, но былъ такъ веселъ, твердъ и свѣжъ, какъ петербургскій житель на вахтъ-парадѣ.

Около 7,000 было собрано противъ Аббазъ-Мирзы и около 3,000 противъ сердаря эриванскаго. Алексѣй Петровичъ хотѣлъ надняхъ отправиться къ первому отряду, а вторымъ послать командовать Алексѣя Александровича Вельяминова. Нѣкоторыя окончательныя распоряженія остановили его въ Тифлисѣ на нѣсколько дней.

Въ сіе время пріѣхалъ Паскевичъ, а черезъ три дня и я. Алексѣй Петровичъ, угадывая желаніе Государя предоставить обоимъ намъ

средства отличиться и считая себя довольно богатымъ 35-лѣтнею отличною службою — пожертвовалъ собою и вмѣсто себя отправилъ Паскевича, а на мѣсто Вельяминова — меня; послѣдствія ты знаешь.

Между тѣмъ, прибытіе Паскевича въ качествѣ корпуснаго командира, хотя съ оговоркою *подъ начальствомъ Ермолова,* произвело болѣе зла, нежели десять побѣдъ надъ персіянами могутъ принести выгоды. Народы обитаемые въ Грузіи суть народы хитрые, и къ интригамъ падкіе, также и въ войскахъ нашихъ есть *двуличкы* и *лукавки,* какъ говорилъ Суворовъ, ибо въ семьѣ не безъ урода. Все раздѣлилось на партіи и если двойное сіе командованіе продолжится, то я предвижу много худаго. То что одинъ вкоренилъ уже, то другой явно находитъ въ томъ неудобство, говоритъ о томъ громко, порочитъ. Кажется эта не мысль Царя нашего, онъ прислалъ Паскевича помощникомъ и подкомандующимъ, а не командиромъ Ермолову, и какое войско можетъ сохранить долго порядокъ съ двумя начальниками, почти другъ отъ друга независимыми! Ибо зависитъ-ли Паскевичъ отъ Ермолова, когда онъ смѣетъ явно и гласно критиковать его и пишетъ мимо его къ самому Государю. Не знаю, кто посовѣтовалъ послать въ Грузію Паскевича съ такою огромною довѣренностію, но тотъ кто это сдѣлалъ, плохой слуга Царю, онъ отъ вражды къ Ермолову пожертвовалъ пользою отечества и славою Царя. Вся моя надежда на необычайный умъ Алексѣя Петровича, авось-ли онъ уладитъ все до конца какъ сладилъ сначала, но человѣкъ все не Богъ, иногда и терпѣнія не достанетъ. Тѣмъ болѣе, что въ началѣ Паскевичъ обходился со всѣми очень хорошо и съ Алексѣемъ Петровичемъ былъ на ногѣ пріятельской. Теперь какая-то фаланга или скорпіонъ укусили его, онъ открылъ двери наушникамъ и всѣмъ вѣритъ. При отъѣздѣ моемъ изъ Тифлиса, Ермолова еще тамъ не было, онъ находился въ *Чарахъ* (Джарахъ) и вводилъ порядокъ въ разстроенныя персіянами ханства, а Паскевичъ четыре дня уже кутилъ и мутилъ въ Тифлисѣ, не оставилъ ни одного чиновника, кому не сдѣлалъ бы неудовольствія, даже грубости, гласно порочилъ Ермолова во всемъ, забралъ всѣ дѣла и давалъ на нихъ рѣшенія вдоль и поперегъ. Грустно, право, видѣть это всякому преданному общей пользѣ! Еслибы я былъ человѣкомъ близкимъ къ Царю, я палъ бы къ ногамъ его и просилъ рѣшительно что-нибудь сдѣлать, или отозвать Ермолова или Паскевича, ибо, какъ говорилъ Наполеонъ, лучше имѣть одного дурнаго командира въ арміи, нежели двухъ хорошихъ. Алексѣй Петровичъ не знаетъ еще о явномъ открытіи ему войны Паскевичемъ и не смотря на обширный умъ его, боюсь, чтобы

при пріѣздѣ его въ Тифлисъ чего-нибудь дурнаго не воспослѣдовало. Да сохранитъ Богъ этотъ корпусъ, а съ нимъ вмѣстѣ и славу Царя и русскаго оружія.

Главная причина отчего Паскевичъ взбѣшенъ на Ермолова (это онъ самъ мнѣ говорилъ и я всѣми силами старался успокоить и разувѣрить его и водворить между ними дружбу) состоитъ въ томъ, *зачѣмъ такъ мало о немъ говорятъ въ газетахъ*. Какъ будто Ермоловъ редакторъ газетъ, издаваемыхъ подъ надзоромъ иностранной коллегіи? Правда, что статьи о немъ выбираются изъ донесеній Ермолова — но тамъ есть и собственныя донесенія Паскевича, посылаемыя имъ самимъ мимо Ермолова, чѣмъ же тутъ Ермоловъ виноватъ? Да еслибы и такъ было, долгъ подкомандующаго спросить о томъ у него наединѣ, а не явно и не громогласно порочить его при всѣхъ и во всемъ. Что скажетъ онъ, когда тоже съ нимъ сдѣлаетъ подкомандующій его? Чтобы имѣть право требовать повиновенія отъ другихъ, надо самому примѣръ подавать повиновенія къ старшему, иначе нельзя служить. А тѣ господа, которые торжествуютъ въ Петербургѣ, что приславъ Паскевича въ Грузію съ такою огромною довѣренностію и посѣя трудами своими междоусобіе и двоеначаліе, въ народахъ и войскѣ, неужели не чувствуютъ, что тоже и съ ними сдѣлаютъ враги ихъ, когда по какимъ-либо обстоятельствамъ имъ препоручится армія? Неужели не видятъ, что они сами на себя куютъ оружіе?

Между тѣмъ Ермоловъ, какъ Эльборусъ, стоитъ непоколебимо и всѣ тучи попираетъ пятою, но долго-ли это будетъ, не знаю? Ибо всему есть мѣра. Что же касается до Паскевича, мы его съ тобою знаемъ 20 лѣтъ и знаемъ за человѣка бѣшено-храбраго, простаго, непросвѣщеннаго и добродушнаго; такъ мы его знали до генералъ-лейтенантскаго чина. Съ новымъ званіемъ *средніе два недостатка* выразились яснѣе, и еслибы не горесть видѣть какъ общая польза пожертвована враждѣ противъ Ермолова, еслибы не предвидѣніе мое, что сіе двоеначаліе причиною будетъ большаго несчастія, то я хохоталъ бы что есть силы, но теперь, право, не до того, грустно и грустно!

Теперь, любезный другъ, я скажу тебѣ о самомъ себѣ. Я заплатилъ дань грузинскому губительному климату. Занемогъ лихорадкой, и когда? Наканунѣ выступленія моего на сердаря эриванскаго и на Гассанъ-хана. Боясь остаться въ постелѣ, я на конѣ и на бивакахъ ѣлъ хину какъ хлѣбъ, т.-е. вдвое и втрое болѣе нежели слѣдуетъ. Отъ этого лихорадка меня оставила, за то посѣтила другая болѣзнь, еще болѣе и мучительная: абструкція. И такъ, разстроенное мое здо-

ровье и состояніе принудили меня отпроситься въ отпускъ до начатія дѣйствій, авось-ли къ тому вренени я буду готовъ. Теперь я въ Москвѣ, куда насилу доѣхалъ, сижу между четырехъ стѣнъ и лечусь, дай Богъ скорѣе освободиться отъ этой мучительной болѣзни и быть опять на ратномъ полѣ при первой пѣснѣ жаворонковъ. Ты скажешь, охота тебѣ таскаться! Другіе получаютъ награжденія, а тебѣ никогда ничего нѣтъ. Правда, и разсудокъ часто совѣтуетъ мнѣ бросить избранное мною поприще, но какая-то необоримая сила, какая-то, могу сказать, чертовщина влечетъ меня туда, гдѣ дерутся. Что дѣлать? Всякій имѣетъ свой пунктъ сумасшествія,—это мой, и дорого далъ бы, чтобы кто-нибудь отъ онаго излѣчилъ меня!

Однако, сколько я ни равнодушенъ къ наружнымъ награжденіямъ, что доказываетъ, смѣю сказать, военная репутація моя въ сравненіи съ оберъ-офицерскими крестишками, которые я ношу такъ давно—при всемъ томъ меня весьма огорчаетъ невниманіе Государя къ моему дѣлу съ Гассанъ-ханомъ. Всѣ награждены, а я какъ обсѣвокъ въ полѣ. Неужели находятъ что дурнаго въ этомъ дѣлѣ? До моего принятія отряда, опредѣленнаго для закрытія Тифлиса, персіяне дѣлали набѣги почти до окрестностей города; спроси Меншикова. Я пошелъ на нихъ, побилъ ихъ, первый вступилъ въ предѣлы непріятеля; и съ тѣхъ поръ не только наѣзды не были, но ни одинъ персіянинъ не подъѣзжалъ къ границѣ нашей, которая болѣе 200 верстъ отъ Тифлиса. Что же тутъ дурнаго? Видно замѣчаніе на пословицу справедливо: за Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропа*дали бы, еслибы между тѣмъ и другимъ не было у насъ посредниковъ*.

Помнишь-ли я говорилъ тебѣ о желаніи моемъ, чтобы Государь продолжилъ мнѣ аренду мою? Л. В. Васильчиковъ говорилъ ему о томъ и онъ сказалъ, что согласенъ, только надо знать, продолжалъ онъ, не отдана-ли эта аренда другому. Теперь мнѣ сказываютъ, что она будто отдана, но кому? и когда? Не извѣщаютъ, даже и извѣстіе, что она отдана, не совершенно основательно.

Я знаю, что мало есть людей на свѣтѣ, которые мнѣ болѣе тебя желаютъ добра. Я же теперь чрезъ поѣздку въ Грузію, чрезъ тамошнее житье и отъ неполученія нѣсколько лѣтъ достаточнаго дохода совершенно разстроилъ мое состояніе; мнѣ необходимо нужна помощь Царская. Сдѣлай милость, другъ любезнѣйшій, препоручи кому-нибудь, не теряя времени и немедленно, узнать вѣрнѣе и аккуратнѣе, точно-ли аренда моя отдана другому, кому и когда? Если въ случаѣ она еще не отдана, то поговори о томъ съ Ларіономъ Васильевичемъ, какимъ

образомъ сдѣлать, чтобы мнѣ оную продолжили еще на 12 лѣтъ. Я знаю, ты чрезъ Дибича сдѣлать ничего не можешь, но у тебя есть другія связи, постарайся, другъ любезный, нельзя-ли чрезъ князя Петра Михайловича (Волконскаго), который всегда былъ ко мнѣ благосклоненъ. Это дѣло надо только скорѣе дѣлать, ибо я боюсь совершенно разориться.

Ради Бога, прикажи немедленно освѣдомиться о моей арендѣ и куй желѣзо. Совершенно надѣясь на тебя какъ на истиннаго друга, буду ожидать письма твоего на сей счетъ съ несказаннымъ нетерпѣніемъ.

316.

8-го января 1827 г. Москва.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Ты видишь, что нечего тебѣ жаловаться, коль скоро предстоитъ мнѣ вѣрная оказія писать къ тебѣ. Сегодня ѣдетъ маленькій абхазскій князь въ Пажескій корпусъ, я его привезъ до Москвы и вручаю ему это письмо, чтобы онъ оное отдалъ тебѣ изъ рукъ въ руки.

Я тебѣ писалъ уже, что я въ Москвѣ, болѣнъ и лечусь. Но недавно дошла до меня вѣсть непріятная: будто бы *свыше* мною недовольны, зачѣмъ я отпущенъ въ отпускъ Алексѣемъ Петровичемъ (Ермоловымъ) и зачѣмъ я симъ отпускомъ воспользовался. Неужто это правда? Я не могу этому повѣрить! Я болѣнъ и очень болѣнъ съ самаго моего прибытія къ отряду, которымъ я командовалъ; но зная необходимость остаться тамъ, я все перенесъ до того времени, какъ отрядъ мой распустили, какъ отрядъ Паскевича вступилъ на зимнія квартиры, и какъ я удостовѣрился, что до конца апрѣля не будетъ никакихъ военныхъ дѣйствій. Видя себя ненужнымъ въ Грузіи до того времени, зная, что все равно для общей пользы житье мое въ Тифлисѣ или въ Москвѣ, я рѣшился выпроситься у Ермолова въ отпускъ. Къ тому же, боясь усиленія и даже такого положенія болѣзни, въ которомъ она теперь, дабы отъ того со всѣмъ рвеніемъ моимъ не лежать въ постели, я увѣренъ былъ, что лучше я пожертвую антрактомъ, нежели самимъ дѣйствіемъ. Вотъ почему я здѣсь, лечусь и сижу между четырьмя стѣнами. Если подумаютъ, что я отбылъ отъ того, что не награжденъ за мирагское дѣло—это напрасно, ибо я привыкъ къ этому. Мнѣ только прискорбно и очень прискорбно невниманіе Императора. Я такой чело-

вѣкъ, что если дурно дѣлаю, готовъ на наказаніе, а если хорошо, то скажи хоть спасибо, *не въ приказахъ*, ибо это дѣлается за строй и за маневры, а своеручнымъ письмомъ и это будетъ для меня свыше всѣхъ лентъ и крестовъ; но зачѣмъ же обижать слугу преданнѣйшаго и вѣрнѣйшаго! Впрочемъ, да будетъ воля Его!

Увѣренъ на тебя, какъ на каменную стѣну. Прошу тебя, ради Бога, узнать, не сердятся-ли точно на меня и за что (неужели за отпускъ?) и увѣдомить немедленно объ этомъ. Сдѣлай милость, другъ любезнѣйшій, не откажи скорѣйшимъ на сей счетъ меня увѣдомленіемъ.

Между тѣмъ долженъ увѣдомить тебя, что меня пользуетъ здѣсь докторъ Шнаубертъ и мнѣ лучше, такъ что думаю недѣли черезъ двѣ выѣхать изъ дома, а черезъ двѣ недѣли послѣ этого отправиться обратно. Можетъ быть одна страсть моя къ войнѣ, которая даетъ мнѣ сію надежду, но думаю, что это я могу предпринять, если хуже не будетъ. Ты меня знаешь и всѣ тѣ, кои меня знаютъ, вѣрно поручатся, что если только слезу съ постели, то буду на конѣ и на своемъ мѣстѣ, и что только хотя немного отойдетъ завалъ въ боку, то не останусь въ постелѣ. Пожалуйста, увѣрь въ этомъ тѣхъ, кои меня не знаютъ. Все это, какъ извѣщеніе, о коемъ я просилъ тебя, такъ и это, препоручаю твоей непоколебимой и горячей дружбѣ.

317.

10-го августа 1827 г. Москва.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! По милости Божіей и Царской я дома. Огорченія, причинившія мнѣ серьезную болѣзнь, заставили меня оставить Грузію и отбыть къ минеральнымъ водамъ, а тамъ я получилъ Высочайшее разрѣшеніе возвратиться въ Россію. Воды меня спасли отъ убійственной одышки и водяной болѣзни, мнѣ уже угрожавшей; но я еще слабъ, что, однако, безъ сомнѣнія, исправится спокойною и уединенною жизнію. Вотъ чѣмъ кончилось, любезный другъ, и труды и рвеніе мое, могу сказать и служба моя. Прошедшаго года, за нѣсколько дней передъ коронаціею, самъ Царь избираетъ меня въ Грузію, тогда находившуюся въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Ты знаешь, какъ я мало избалованъ на сей счетъ начальствомъ, сей выборъ мнѣ голову смутилъ отъ гордости, отъ восхищенія. Я бросаю все, и беременную жену, и разстроенное и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разрушающееся состояніе, и дѣтей,

и всю сладость семейной жизни, лечу въ Грузію, являюсь туда, принимаю команду и, какъ кажется, ни мало не осрамляю выборъ, столь высоко поднявшій мое самолюбіе, ибо до меня персіяне дѣлали набѣги за 50 верстъ отъ Тифлиса, а послѣ разбитія мною ихъ при Мирагахъ, преслѣдованія и вступленія въ ихъ предѣлы, не одинъ уже не являлся даже за черту нашей границы. Я говорю о томъ, что дѣлалось на той сторонѣ, гдѣ я командовалъ. Послѣ сего я занемогъ, съѣздилъ въ Москву и еще не оправившись, прискакалъ за мѣсяцъ до срока къ своему мѣсту, чрезъ горы и долы, по снѣгамъ и ростопели, дабы не опоздать къ начатію кампаніи. Что же изъ этого вышло? Не только мнѣ не дали никакой команды, но дали самую блистательнѣйшую команду генералу тремя годами меня младшему. Я увидѣлъ, что меня хотятъ спровадить и просился прочь, это приняли съ восхищеніемъ, отъ неимѣнія ко мнѣ довѣренности. Какъ будто при перемѣнѣ начальника Царь и честь моя не тѣ же? Я уѣхалъ, но несправедливость сія такъ потрясла всю нравственную систему мою, что я занемогъ и серьезно; тутъ, братъ, и старинная философія моя ни къ чему не послужила. Славу Богу теперь мнѣ получше, Богъ дастъ, что современемъ и совсѣмъ оправлюсь, а быть можетъ, что въ другой войнѣ и докажу, что могъ быть не лишнимъ и въ войну противъ персіянъ, какъ считали люди высокаго полета. Заслужу еще выборъ Царскій лихо, только чтобы меня употребили въ другой войнѣ, если, впрочемъ, получу облегченіе отъ недуговъ, ибо хворому, какъ старому, служить не можно.

Я къ тебѣ не писалъ потому, что водяныхъ писемъ не люблю писать, и это хотя порядочно водяно, но пишу для того, чтобы тебѣ дать знать, что я живъ и что я въ Москвѣ, или лучше сказать, въ подмосковной. Надѣюсь, что ты будешь по старинному отвѣчать, только, ради Бога, не водяными письмами, какъ ты дѣлалъ въ прошедшій пріѣздъ мой въ Москву, за то какъ я на тебя сердился, какъ я тебя мысленно ругалъ!

Я проѣздомъ былъ у брата Алексѣя (Ермолова), онъ здоровъ, твердъ и веселъ, часто говорили о тебѣ, ибо онъ тебя любитъ истинно, какъ брата, и уважаетъ болѣе всѣхъ.

И такъ, прости, любезнѣйшій и почтеннѣйшій, поцѣлуй за меня ручку у Аграфенѣ Федоровнѣ, а маленькую поцѣлуй въ губки. Какой хватъ у меня родился (четвертый сынъ), такъ это чудо! Имя ему Ахиллъ—нельзя быть не героемъ. Прости, напиши о себѣ хотя словечко.

318.

4-го октября 1827 г. Москва.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! Я тебѣ писалъ по пріѣздѣ моемъ въ Москву и по сіе время ничего отъ тебя не имѣю. Увѣдомь, ради Бога, что съ тобою дѣлается? Причина такому большому промежутку между первымъ и этимъ письмомъ моимъ была болѣзнь моя; я очень былъ болѣнъ и недавно только началъ оправляться. Проклятая Грузія и физически и морально меня разстроила и вотъ все слѣдствіе моего рвенія и службы. Всякій созданъ по своему, *иному хоть плюй въ глаза, а онъ говоритъ Божья роса*, а я съ глупа все къ сердцу принимаю. Какъ со мною поступили въ Грузіи, то это истинно безпримѣрно! Но что надоѣдать тебѣ моими жалобами, дѣло сдѣлано и его не исправишь, слѣдственно лучше молчать.

Увѣдомь меня, пожалуйста, каковы твои: и Аграфена Федоровна и малютка твоя? Меня Богъ благословилъ еще сыномъ и теперь ихъ четыре; дай Богъ имъ только здоровья, авось-ли ребята будутъ лихіе. Одного мнѣ хочется образовать къ докторству, дабы онъ не только чтобы самъ имѣлъ кусокъ хлѣба, но и братьевъ бы кормилъ, когда они воротятся домой съ войны калѣками. Пока будутъ глупцы на свѣтѣ— докторамъ житье, и каждый день имъ доходъ приноситъ.

Я думаю, что абовское приключеніе тебѣ много хлопотъ принесло? Какое несчастіе!

Братъ Алексѣй (Ермоловъ) зябнетъ въ Орловской губерніи, теперь занимается строеніемъ какого-то чулана для своей библіотеки. Тамъ будетъ онъ и читать и писать, а этого дѣла онъ мастеръ, грамотѣ ему не учиться.

Что касается до меня, то я въ совершенномъ уединеніи между женой и дѣтьми, и ничего не знаю, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ, даже газетъ не получаю, и если на письмѣ семъ поставилъ *Москва*, то это для того, чтобы ты писалъ въ Москву, ибо самъ я живу почти безвыѣздно въ подмосковной и пріѣзжаю въ Москву только для свиданія съ докторомъ.

Каковъ нашъ Мазепа-Красовскій? Славно дрался! Это одно истинное дѣло цѣлой кампаніи и лихое, оно напоминаетъ дѣло съ французами.

Живя въ уединеніи, я зналъ о побѣдахъ войскъ нашихъ въ Персіи чрезъ молебствія; и какъ русскій отъ всей души радовался, и какъ

солдатъ сожалѣлъ, что гадкое чувство гадкаго человѣка лишило меня чести раздѣлять славу моихъ товарищей и оправдать выборъ Великаго моего Монарха, выборъ, который я, однако, не осрамилъ прошедшею кампаніею, изгнавъ непріятеля изъ предѣловъ нашихъ и вступя первый въ его предѣлы.

Теперь давно что-то нѣтъ молебствій, почему я полагаю, что эти мерзавцы персіяне бѣгутъ и нигдѣ не смѣютъ драться: дай Богъ въ добрый часъ и послѣднее молебствіе за взятіе Тавриза! Судя по времени, наши войска, безъ сомнѣнія, уже близко сего гнѣздилища разврата.

И такъ прости, почтеннѣйшій и любезнѣйшій другъ, напиши хотя строчку, гдѣ ты и что ты дѣлаешь?

319.

10-го ноября 1827 г. Москва.

Письмо твое, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, писанное отъ 14-го октября, я получилъ на одрѣ смерти. — Я такъ былъ болѣнъ воспаленіемъ въ кишкахъ отъ взволнованія желчи, что уже готовъ былъ на переселеніе изъ здѣшняго міра въ другой, Богу извѣстно лучшій или худшій! Надняхъ только я сталъ оправляться и вотъ причина почему я такъ долго не отвѣчалъ тебѣ.

Ты напоминаешь мнѣ слова твои при отъѣздѣ моемъ въ Грузію; помню ихъ, любезный другъ, и очень помню, но тогда я въ рвеніи моемъ ничему вѣрить не хотѣлъ, да и какъ мнѣ подумать, что, будучи избранъ милостію Царя, я буду удаленъ недоброхотствомъ Паскевича? Пословицу русскую, которая говоритъ что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не проподаетъ, надо бы передѣлать такъ: за Богомъ молитва не пропадаетъ, а за Царемъ служба не пропа*дала бы, если бы между нимъ и нами не было посредниковъ;* этотъ-то народъ все и портитъ. Но что объ этомъ говорить, дѣло прошлое, и если я въ дуракахъ, то по крайней мѣрѣ совѣсть моя чиста, ибо я всѣ умственныя и душевныя способности употребилъ на то, чтобы быть достойнымъ Высочайшаго выбора. Не повезло! что дѣлать? я къ этому привыкъ, всѣ 14 кампаній мною прослуженныхъ основаны на неудачахъ не противъ непріятеля, а относительно къ пріятелямъ.

Я прошлаго года пріѣхалъ въ Грузію, которая была не въ томъ положеніи, какъ въ началѣ нынѣшняго года—свободная отъ непріятеля и полная войсками,—а пріѣхалъ я въ самый кипятокъ обстоя-

тельствъ,—когда войскъ нашихъ было не болѣе 10 тысячъ и съ одной стороны 50 тысячъ съ Аббазъ-Мирзою въ 150 верстахъ отъ Тифлиса, а съ другой сардарь Эриванскій съ 12 тысячами въ 130 верстахъ отъ этого города. Не смѣю равнять себя съ героемъ нашего времени, но справедливость позволяетъ мнѣ сказать, что какъ онъ съ своей стороны, такъ и я съ своей стороны разбилъ и выгналъ непріятеля изъ границъ нашихъ и вступилъ въ его предѣлы.—Кажется въ этомъ случаѣ я не осрамился?

Ты совѣтуешь мнѣ не выходить въ отставку, но я о томъ и не мыслю, теперь живу въ уединеніи, а если повелитъ Царь, опять готовъ сѣсть на конь и толкнуть его въ дымъ сраженій.

Какъ бы мнѣ хотѣлось съ тобою повидаться! Вѣдь мы съ тобою не видались отъ самаго моего отъѣзда въ Грузію; многое бы я тебѣ разсказалъ, и мы посмѣялись бы и потужили вмѣстѣ. Не будешь-ли ты хоть зимою въ Москву? Хотя на нѣсколько дней? Я на будущій годъ, если обстоятельства и здоровье позволятъ, на цѣлый годъ ѣду въ дальную деревню Симбирскую. Проклятая моя поѣздка въ Грузію не только что здоровье, но и хозяйственныя дѣла мои разстроила; поѣду если—не распоряженіемъ, то скромною жизнью исправлять и то и другое.

Растолкуй мнѣ, пожалуйста, что это значитъ? Девять мѣсяцевъ спустя послѣ дѣла моего при Мирагахъ и изгнанія непріятеля изъ нашихъ границъ, я получилъ въ приказахъ Высочайшее благоволеніе; теперь на дняхъ получаю бумагу отъ Паскевича, съ которой при семъ посылаю тебѣ копію—неужели всякому тому, коему объявляется въ приказахъ Высочайшее благоволеніе, сверхъ того присылается и отъ начальства подобныя бумаги?—Кажется нѣтъ. Впрочемъ ты это лучше меня знаешь, бывъ дежурнымъ генераломъ, ибо въ бумагѣ Паскевича сказано, что онъ оную пишетъ вслѣдствіе полученной имъ бумаги отъ дежурнаго генерала.

И такъ, прости, другъ любезнѣйшій, цѣлую ручку у милой Аграфены Федоровны и у невѣсты одного изъ сыновей моихъ, которыхъ даю ей на выборъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Состоящему по кавалеріи господину генералъ-маіору и кавалеру Давыдову.

Государь Императоръ по представленію предмѣстника моего объ отличіи, оказанномъ вашимъ превосходительствомъ въ сраженіи противъ персіянъ со ввѣреннымъ

вамъ отрядомъ, объявляетъ вамъ Высочайшее свое благоволеніе, о чемъ и состоялся уже Высочайшій приказъ.

О таковой Монаршей волѣ, сообщенной мнѣ г. дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества отъ 13 іюля сего года № 6719-й, увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащаго свѣдѣнія.

Генералъ отъ инф. ген.-адъютантъ *Паскевичъ.*

3-го сент. 1827 г. № 262.
Въ лагерѣ при Эриванѣ.

320.

6-го августа 1828 г. С. Мышецкое возлѣ Москвы.

Ровно сто лѣтъ какъ я ничего не знаю о тебѣ иначе какъ по указамъ и газетамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! Доходятъ до меня слухи, что ты занятъ болѣе даже нежели бывалъ занятъ, бывъ дежурнымъ генераломъ; что даже вечеромъ нѣкогда и въ вистъ поиграть! И такъ ты изъ омута въ омутъ. Да когда же ты успокоишься? Когда, подобно мнѣ, съ посошкомъ въ рукахъ, будешь управлять стадомъ мериносовъ, сѣять, жать, косить и въ свободныя минуты писать *записки*, *воспоминанія* и *анекдоты*, случившіеся во время твоего дѣйствія на сценѣ свѣта, — а тебѣ есть что, или лучше сказать, будетъ что написать!

Ты вѣрно знаешь, что я не выдержалъ и просился на битвы — но мнѣ добрые люди, коимъ я препоручилъ о томъ стараться, даже и не *отвѣчали!* Богъ съ ними, дѣла хорошо идутъ и безъ нашей братьи сѣдыхъ усовъ, дай Богъ въ добрый часъ, а намъ пора и на покой! Какъ я помню слова твои при отъѣздѣ моемъ въ Персію, но я имъ тогда не хотѣлъ вѣрить, бывъ исполненъ пламени и восторга! Что дѣлать? Такова судьба моя! А послужилъ бы лихо, и право ни въ чемъ не уступилъ бы придворнымъ героямъ, нынѣ дѣйствующимъ! Увѣдомь, ради Бога — въ минуту досуга — здорова-ли Аграфена Федоровна и твоя малютка. У меня четыре сына по милости Божіей и пятый готовится предстать на позорище свѣта.

Теперь ты министръ внутреннихъ дѣлъ, слѣдственно никакой губернаторъ не посмѣетъ ни въ чемъ отказать тебѣ, но прошедшую зиму знаешь-ли что я выхлопоталъ что-то такое для Ивановскаго твоего? Коризна былъ въ отсутствіи и управляющій твой, Иванъ Сергѣевъ, боясь прямо адресоваться къ губернатору, ко мнѣ адресовался — и я не-

медленно все сладилъ; видишь, что и я могу быть повѣреннымъ въ дѣлахъ, и не все воюю да сочиняю.

Сипягину везетъ: Владиміра 2-го и Александра получилъ, но что̀ главное, выписалъ брата жены въ губительный климатъ и присоединилъ чрезъ то порядочный клочокъ имѣнія. Красовскій дома, побивъ непріятеля *боками своими*, отдыхаетъ на лаврахъ какъ искусанный песъ на сѣнѣ, лижитъ раны и рычитъ на Паскевича.

Шатиловъ оффиціально требуетъ отъ меня формулярнаго списка; когда увидишь его, то скажи ему, пожалуйста, что въ первую свободную минуту напишу и доставлю ему немедленно.

Разскажи, ради Бога, образъ жизни твой—я увѣренъ, что оный совсѣмъ измѣнился—во первыхъ, чрезъ умноженіе трудовъ, а во вторыхъ, и отъ круга подвластныхъ, которые, какъ я слышалъ, весьма избалованы. Чортъ знаетъ что далъ бы—повидаться съ тобою! Не будешь-ли въ Москву зимою? Какъ бы желалъ этого. Осенью я ѣду въ дальныя деревни мои, устраивать и ковать деньги. Поѣздка моя въ Персію ничего другого не принесла мнѣ какъ денежное разстройство. Пора подумать какъ набить мѣшочекъ, да ѣхать въ чужіе края, ибо дѣти подростаютъ, надо подумать и о воспитаніи ихъ; здѣсь далеко не уѣдешь относительно ученія.

И такъ, прости, почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, будь здоровъ и не забывай на вѣкъ тебѣ преданнаго друга.

321.

13-го іюля 1829 г. с. Шукша.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! Кажется судьбою опредѣлено мнѣ тебя дожидаться: въ Москвѣ я былъ счастливѣе, дождался тебя; въ здѣшней губерніи ждалъ тебя до 14-го и не могъ дождаться, ибо крайнія обстоятельства влекутъ меня въ Оренбургскую губернію, гдѣ я перестраиваю винокуренный заводъ и гдѣ присутствіе мое необходимо. Повѣрить не можешь, какъ мнѣ прискорбно выѣзжать отсюда, не видавшись съ тобою; о многомъ мнѣ хотѣлось бы съ тобою поговорить и хотя письмо это идетъ чрезъ весьма вѣрнаго человѣка, а именно, чрезъ двоюроднаго брата моего Блохина, но все не съумѣешь того написать, что словами съумѣлъ бы сказать. Не думай, однако, чтобы это было что-либо касающееся до сей губерніи, нѣтъ—не мое дѣло вмѣшиваться въ дѣла чужія; я только исполняю данную мнѣ тобою ком-

миссію подтверждать вездѣ мнѣніе, что ты ужасной строгости человѣкъ, умѣешь награждать, но умѣешь и карать жестоко.

Мнѣ хотѣлось потолковать съ тобою о другихъ предметахъ, между прочимъ, и о недовершенной и какой-то темной побѣдѣ Дибича надъ визиремъ, подъ Шумлою. Что это за побѣда? Турецкая армія *истреблена,* а взято только 1,500 плѣнныхъ! Къ тому же въ нѣмецкихъ газетахъ пишутъ, что султанъ получилъ извѣстіе или донесеніе отъ визиря о разбитіи Дибича... Это вздоръ, ибо, какъ кажется, что визирь точно былъ побитъ, но не *разбитъ,* что необходимо должно было случиться, еслибы Дибичъ вмѣсто пяти дней употребилъ бы только три дня на проходъ отъ Силистріи къ Шумлѣ (72 версты) или прибывъ въ *Мадеру* (Мадарду) немедленно двинулся бы всѣми силами на визиря, склоняясь мало-по-малу къ Марашу. Но видно *Мадера* есть вещь слишкомъ упоительная для силезскаго героя и онъ не любитъ ее скоро оставлять. По реляціи видно, что вмѣсто того, чтобы ему идти всѣми силами, онъ послалъ отрядъ Отрощенки, который былъ задавленъ всѣми силами визиря. Видя неудачу, онъ послалъ другой отрядъ на выручку Отрощенки, все оставаясь самъ при *Мадерѣ* (Мадардѣ). Это было причиною, что нашъ уронъ такъ огроменъ, а визирь, пользуясь временемъ, пока подавленныя войска наши отступали къ главной арміи въ смятеніи (что въ реляціи поставлено временемъ отдыха, никогда въ сраженіяхъ небывающаго, а для Дибича непростительнаго, ибо для него каждая минута должна быть дорога), потянулся на Марашъ никѣмъ не занятый и ушелъ въ Шумлу, оставя 40 пушекъ, безъ сомнѣнія, не полевыхъ, а чугунныхъ, которыми онъ осаждалъ Праводы. Вотъ какъ я разумѣю это дѣло. Могу ошибаться, но кажется такъ было. Нельзя не отдать справедливости, что движеніе отъ Силистріи было весьма хорошо обдумано, но исполненіе оному не соотвѣтствовало, а одно безъ другаго идти не можетъ и тутъ-то и видѣнъ талантъ полководца. Послѣ этого сраженія Дибичъ далъ мѣру своимъ дарованіямъ. Визирь былъ въ рукахъ, но вырвался и вырвался такъ, что, нанеся намъ чувствительную потерю, ушелъ туда, куда не ожидали, ибо Паленъ былъ отряженъ въ преслѣдованіе за нимъ къ Марковцамъ и Праводамъ, полагая, что онъ туда отступилъ, тогда какъ уже онъ былъ въ Марашѣ и въ Шумлѣ, т.-е. совсѣмъ въ противной сторонѣ той, по коей полагали его отступленіе. И это сраженіе сравниваютъ въ газетахъ съ Кагуломъ и Рымникомъ!...

Увѣряютъ, или слухи есть, что Силистрія сдалась; не знаю, правда-ли, но сомнѣваюсь.

Какъ мнѣ досадно, что я не могъ дождаться въ Москвѣ брата Алексѣя (Ермолова)! Ты вѣрно его видѣлъ и не разъ; увѣдомь что-нибудь о немъ. Повторяю тебѣ, ты можешь писать *начисто* и доставить письмо твое двоюродному брату моему Владиміру Алексѣевичу Блохину, который ко мнѣ перешлетъ его съ нарочнымъ, *а не по почтѣ.* Блохинъ живетъ отъ тебя верстахъ въ 30-ти въ с. Шукшѣ, между почтовыми станціями Вазерки и Кутля, на берегу Суры, въ трехъ верстахъ отъ большой саратовской дороги. Далъ-ли ты какой-либо совѣтъ брату Алексѣю? Ему надобенъ добрый совѣтъ. Я полагаю, что если кампанія кончится по сю сторону Балкана и безъ мира, то ему должно будетъ зимою съѣздить въ Питеръ съ старшимъ сыномъ для помѣщенія его въ какое-нибудь училище. Такимъ образомъ можно будетъ воспользоваться и имѣть свиданіе глазъ-на-глазъ, а этого будетъ довольно, чтобы ему очистить себя въ мнѣніи и опровергнуть козни его злодѣевъ; въ случаѣ что не примутъ глазъ-на-глазъ, есть отговорка помѣщеніемъ сына. Какъ думаешь? вѣдь это можно сдѣлать. Мнѣ сказывали, что ты задалъ важный балъ на Трехъ-Горахъ въ день рожденія твоей малютки. Сожалѣю, что меня не было на немъ. Такъ какъ я не пляшу, то и на балѣ твоемъ не плясалъ бы, но такъ какъ еще пью, то выпилъ бы бокалъ шампанскаго за здравіе твоей милой новорожденной, тебя, милаго друга, и любезнѣйшей Аграфены Федоровны.

Нужно-ли мнѣ увѣрять тебя въ моей дружбѣ и привязанности къ тебѣ, продолжавшихся болѣе 20 лѣтъ безъ малѣйшаго измѣненія? Кажется не нужно! И потому такъ какъ все, что до тебя касается, я принимаю къ сердцу точно такъ, какъ бы это касалось до меня собственно, то долженъ сказать тебѣ, что тебя здѣсь ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Такъ какъ истинный твой другъ, позволь мнѣ дать совѣтъ тебѣ: если ты захочешь въ краткое пребываніе твое открыть всѣ неисправности и даже несправедливости, то ты ихъ не откроешь и *потеряешь во мнѣніи,* а надо схватить или ухватиться за самые громогласные, для сего поговори съ уѣздными предводителями, особенно съ *Левинымъ,* онъ, или они, тебѣ представятъ множество; избери важнѣйшіе и хвати! Однако, надо сказать и то, что такъ какъ все почти дворянство ожесточено на губернатора, то и оно можетъ отъ ненависти быть несправедливымъ. Не мое дѣло впутываться въ дѣла до меня не касающіяся, но о дѣлѣ, гдѣ гибнетъ невинность, не могу умолчать. Вотъ оно: во время маневровъ при *покойномъ,* потоптали засѣянныя поля у казенныхъ мужиковъ, не помню какого-то села близъ Пензы. Государь приказалъ за это заплатить, деньги выданы и какъ

водится не дошли до крестьянъ—они просили Горголія—ихъ осудили въ непослушаніи и хотятъ сѣчь плетьми за несправедливый доносъ. Спаси несчастныхъ, если это правда!

322.

23-го сентября 1829 г. Симбирской губерніи, Сызранскаго уѣзда, с. Маза.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! Письмо твое, писанное во время пребыванія твоего въ Муратовкѣ и посланное чрезъ двоюроднаго брата моего Блохина, я получилъ исправно. Досадно мнѣ очень, что я не могъ тебя видѣть ни въ Пензѣ, ни въ Муратовкѣ; хотѣлъ было ѣхать въ Нижній, чтобы тебя тамъ застать, но проклятыя хозяйственныя дѣла не позволили, и такъ Богъ знаетъ, когда мы съ тобою увидимся! Развѣ когда я сниму наплечныя золотыя кандалы и прикроюсь фракомъ и круглою шляпою, ибо въ мундирѣ я не ѣздокъ въ Питеръ. Я полагаю, что когда ты получишь письмо это—все у васъ будетъ въ радости на празднествѣ мира. Нечего сказать, а блистательная кампанія, нельзя сказать славная, ибо для славы *надо крови побольше*, а что блистательна такъ блистательна, въ этомъ согласится всякій злодѣй графа Дибича. Ура наша! Я полагаю, что Веллингтонъ и Меттернихъ надѣнутъ трауръ, да и новые французскіе министры не въ розовыхъ кафтанахъ будутъ ходить не малое время.

Что тебѣ сказать про себя? Я живу въ степяхъ, въ уединеніи, занимаюсь хозяйствомъ; отъ скучнаго этого занятія развлекаю себя книгами и охотою, иногда ѣзжу въ даль. Такъ, напримѣръ, мѣсяцъ тому назадъ я былъ въ Саратовѣ въ гостяхъ у Голицына, гдѣ я провелъ нѣсколько дней и сожалѣлъ отъ всей души, что ты не могъ изъ Пензы побывать тамъ, ты, который любишь справедливость, дѣятельность, строгость, порядокъ и чистоту. Я бывалъ въ мой вѣкъ во многихъ, или лучше сказать, во всѣхъ почти европейскихъ россійскихъ губерніяхъ, но подобно Саратовской не видывалъ. Что за канцелярія, это будуаръ женскій по чистотѣ! Какъ все въ порядкѣ! Какая дѣятельность! Да и нельзя быть иначе, ибо Голицынъ платитъ прибавку жалованья изъ собственныхъ своихъ денегъ; какой губернатръ это дѣлаетъ? За то какіе и чиновники! Надо видѣть чистоту и порядокъ въ губернскомъ правленіи; надо видѣть пожарную команду, которая при поднятіи флага на дворѣ губернаторскомъ прискакала къ дому его

менѣе чѣмъ въ четыре минуты; что за лошади, что за упряжь, это чудо! Признаюсь я въ совершенномъ восторгѣ былъ въ Саратовѣ и вмѣстѣ съ Голицынымъ сожалѣлъ, что обстоятельства не позволили тебѣ побывать тамъ, увѣренъ, что ты раздѣлилъ бы мой восторгъ, ибо увѣренъ, что ни въ одной губерніи ты того не видалъ, что увидѣлъ бы въ этой. Какъ дѣла идутъ успѣшно или нѣтъ, это ты лучше знаешь, ибо я говорю только о наружности и могу сказать о томъ, что всѣ жители, кромѣ дурныхъ людей, имъ весьма довольны, ибо онъ строгъ, справедливъ и желаетъ общей пользы, а какъ онъ это приводитъ въ исполненіе, повторяю тебѣ, что ты лучше меня о томъ извѣстенъ.

На дняхъ я получилъ письмо отъ моего Бѣгичева, не знаю, что у васъ съ нимъ было, но онъ въ изступленіи восторга отъ твоего съ нимъ обращенія и откровеннаго, безъ всякихъ околичностей, предложенія вступить подъ твое начальство. Онъ ни мало не колеблясь ввѣряетъ тебѣ въ полной мѣрѣ судьбу свою и надѣется съ Божіею помощью доказать на опытѣ, что онъ умѣетъ быть благодарнымъ и цѣнить достоинства такихъ людей какъ ты. Что касается до его трудолюбія и честности, въ томъ я и братъ Алексѣй (Ермоловъ) кровью тебѣ подпишемъ; могу сказать, что по чистотѣ нравственной и знаніи своего дѣла, также и дѣятельности мало такихъ людей на свѣтѣ; впрочемъ, ты самъ узнаешь его на дѣлѣ, слѣдовательно мнѣ нечего говорить о немъ заранѣе.

Какъ мнѣ грустно, что такіе люди какъ Бутурлинъ и Вельяминовъ удалились изъ арміи, безъ сомнѣнія, отъ какихъ-либо нестерпимыхъ непріятностей. Они не дюжинные и могли бы быть впередъ полезны отечеству, но они еще живы и судьба измѣнчива, слѣдовательно они могутъ еще быть опять на поприщѣ. А кого мнѣ неизъяснимо жаль — это Бурцова; онъ уже безъ возврата пропалъ для службы. Это былъ необыкновенныхъ дарованій и учености офицеръ!

Ты я думаю удивляешься, что я говорю о происшествіяхъ такъ давно вамъ извѣстныхъ, но я живу въ такой глуши, что недавно только получилъ о томъ извѣстіе. Я уподобляюсь Головнину, бывшему плѣнникомъ у японцевъ, который въ 1814 году, т.-е., когда мы вступали въ Парижъ, узналъ только о вступленіи Наполеона въ Москву; я точно въ томъ же положеніи.

И такъ, прости, другъ любезнѣйшій. Цѣлую ручки у милой Аграфены Федоровны и ножки у малютки твоей.

323.

16-го октября 1829 г. Симбирской губерніи Сызранскаго уѣзда, село Маза.

Поздравляю съ миромъ, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ! До насъ, отдаленныхъ жителей столицъ и городовъ, только-что недавно дошло оффиціально о томъ извѣстіе. Каковы турки и каковъ султанъ! Вотъ какъ все въ моральномъ мірѣ кажется огромнымъ въ отдаленности, вопреки закона физической перспективы. Полагали Турцію гранитною горою, пощупали и нашли, что она ничто иное, какъ яблочный пирогъ, надутый пузырь, и все тутъ!

Должно ожидать, что новые фельдмаршалы помѣстятся по званію ихъ: старшій будетъ командовать первою арміею, а младшій—второю. Кого-то назначатъ на мѣсто эриванскаго? Не Емануэля-ли?

Секретно. Знаешь какая мысль мнѣ пришла опять въ голову? Мнѣ подъ Паскевичемъ служить нельзя; тебѣ извѣстно, что я съ нимъ сойтиться не могу, не взирая на его моральную огромность—но подъ всякимъ, кто на его мѣсто назначенъ будетъ начальникомъ кавказскаго корпуса, я служить готовъ, т.-е., я принять готовъ одно мѣсто, а именно: *начальника Кавказской области.* Такъ какъ это мѣсто все сколько-нибудь состоитъ подъ веденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, хорошо бы ты сдѣлалъ, еслибы, въ пылу перемѣщеній великихъ особъ, ты меня двинулъ на это мѣсто. А я за себя отвѣчаю, что я не воръ и не дуракъ, къ тому же, ручаюсь, что изъ кожи полѣзу въ работѣ и, конечно, не отстану ни отъ одного изъ самыхъ лучшихъ твоихъ губернаторовъ. Сверхъ того, я въ этой области провелъ довольно времени узнавая обо всемъ и знаю, что̀ надобно въ ней дѣлать, а между тѣмъ пріятно и то, что все-таки въ годъ раза два просвиститъ пуля мимо уха. Независимо того, что ты самъ бы могъ приступить къ этому дѣлу какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, ты много можешь сдѣлать и по вліянію твоему на людей и сношенію съ тѣми изъ нихъ, отъ кого оно непосредственно зависитъ. Ты этимъ большое мнѣ добро сдѣлаешь и повторяю тебѣ, что краснѣть за меня и раскаиваться не будешь. У меня не будетъ *ни конскихъ заводовъ, ни мельницъ, ни дачъ собственныхъ,* а буду хорошій областный начальникъ, въ чемъ увѣряю честію до 45 лѣтъ жизни, чистою отъ пятна не только чернаго, но даже сѣренькаго.

Эту мысль, вошедшую мнѣ въ голову сейчасъ, я предлагаю тебѣ

на твое разсужденіе и на твою добрую волю и твоему дружеству. Если можно, сдѣлай; если нельзя, то оставь оную подъ спудомъ, *не объявляя о ней никому*. Другаго мѣста по обстоятельствамъ взять не могу, ибо и этого хочу потому что оно лестно—всѣ начальники сей области, кромѣ князя П. Горчакова, были или олухи или воры, а одинъ изъ нихъ и то и другое, слѣдовательно есть что тамъ дѣлать; поджавши руки сидѣть не будешь съ честолюбіемъ и съ самолюбіемъ.

Я читалъ программу «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», этотъ журналъ долженъ быть весьма любопытенъ, *подари* мнѣ годовое изданіе и вели пересылать въ Симбирскую губернію, Сызранскаго уѣзда, въ село Мазу. Я увѣренъ, что ты въ этомъ подаркѣ мнѣ не откажешь, чѣмъ весьма одолжишь меня.

Поздравь отъ меня Шатилова полу-генералъ-адъютантомъ или генералъ-флигель-адъютантомъ. Онъ меня недавно насмѣшилъ. Зная, что я бивачный солдатъ и вѣкъ не употреблялъ ни помадъ, ни духовъ, рѣдко бывалъ въ Петербургѣ и то наскокомъ, онъ вторично адресуетъ мнѣ оффиціальную эпистолу о заплатѣ 500 руб. живущей въ Петербургѣ какой-то итальянкѣ, торгующей духами и прилагаетъ счетъ, весь наполненный этой дрянью. Я ему отвѣчалъ рапортомъ о семъ предметѣ. Пожалуйста, вели ему показать этотъ рапортъ и посмѣйся.

Прочитавъ письмо это—на меня напала совѣсть, что я утруждаю тебя *собою*, но такъ какъ это въ первый разъ, и такъ какъ просьба эта адресуется истинному другу, то такъ и быть! Пускаю ее какъ она есть, увѣренъ, что если можно и если отъ тебя зависитъ, ты все сдѣлаешь—если нѣтъ, то скажешь нельзя, никому не объявишь о моей просьбѣ и дѣло кончено. Право, не рѣшился бы на нее, еслибы не увѣренъ былъ, что могу быть полезенъ въ этомъ краѣ: не нужно большаго самолюбія, чтобы дать себѣ преимущество надъ многими управляющими губерніями и областями.

Прости, другъ любезнѣйшій, вѣрь непоколебимой дружбѣ вѣрнаго друга *Дениса*.

324.

17-го іюля 1831 г. м. Куровъ.

Любезнѣйшій другъ, графъ Арсеній Андреевичъ! Давно я къ тебѣ не писалъ, но этому причину ты самъ угадаешь: безпрерывныя движенія и безпокойства биваковъ, такіе, что я часто по десяти дней не

мылся и бѣлья не перемѣнялъ и только что изрѣдка успѣвалъ писать письма по двѣ строчки женѣ—вотъ что отвлекало меня по сіе время напомнить о себѣ старинному и почтеннѣйшему моему другу. Теперь найдя случай, хотя и на бивакахъ, писать къ тебѣ, я пользуюсь онымъ и увѣдомляю тебя, что я живъ и здоровъ. Что касается до службы моей, то ты вѣрно читалъ уже въ газетахъ о владимірскомъ моемъ дѣлѣ, за которое я представленъ къ Георгію 3-му еще въ концѣ апрѣля— и объ участіи, которое я имѣлъ въ побѣдѣ нашей за Вепржемъ 7-го іюня, побѣда, за которую я представленъ къ перемѣнѣ чина, носимаго мною уже 17-й годъ. Надо правду сказать, что независимо отъ сраженій и стычекъ, въ коихъ я находился, я самъ себѣ удивляюсь, какъ въ мои лѣта я могъ перенести тѣ труды, которые я перенесъ—именно, и ты знаешь, что я не люблю хвастаться, а служилъ я важно; можешь спросить у всякаго.

Конечно, всего пріятнѣе, когда совѣсть чиста и ни въ чемъ не упрекаетъ, но что за странность, когда служишь хорошо, когда начальники довольны и представляютъ къ награжденіямъ, когда я слышу, что и Царь благоволитъ за службу—что за странность, что по сіе время мнѣ еще не присланъ Георгій 3-го класса, тогда какъ представленіе объ ономъ пошло изъ главной квартиры вотъ уже два мѣсяца съ половиною! Надо моему несчастію для этого, ибо люди гораздо хуже меня служившіе и представленные мѣсяцъ тому назадъ къ награжденіямъ получили оные съ первыми курьерами! Вотъ что значитъ служить безъ протекціи! Если можешь, узнай, другъ любезный, будетъ-ли этотъ крестъ и скоро-ли? Что касается до чину, то такъ какъ я представленъ къ нему недавно, т.-е. въ половинѣ іюня, это награжденіе Богъ знаетъ когда будетъ и видно мнѣ эту кампанію протянуть подъ начальствомъ многихъ тѣхъ, которые два года тому назадъ были полковниками, а теперь произведены въ генералъ-лейтенанты.

Нельзя-ли также вторично написать тебѣ харьковскому губернатору Коховскому, ибо отвѣтъ его на первую твою (записку?) былъ весьма неудовлетворителенъ и таковой какой пишутъ всегда гражданскіе чиновники, желающіе прикрывать беззаконныя дѣла. Что кажется мудренаго взыскать 6,000 руб., которые мнѣ должны (заемное письмо передано мною титулярному совѣтнику Тимофѣеву, единственно для хожденія за дѣломъ) около восьми лѣтъ! Мужъ занялъ, жена порукою, первый не имѣетъ никакого имѣнія, жена богата—кому платить? И этого по сіе время не можетъ самъ Сенатъ принудить губернское правленіе привести въ исполненіе; наконецъ, ты пишешь и тебѣ отвѣчаетъ губер-

нагоръ фразами присяжными. Сдѣлай милость, другъ любезнѣйшій, прикрикни на него, какъ ты умѣешь прикрикивать когда должно, и я увѣренъ, что разомъ будетъ все сдѣлано. Извини, что такъ связно пишу—пишу на бивакахъ и вѣтеръ вырываетъ бумагу изъ подъ пера. Прости, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ; поцѣлуй ручки отъ меня у графини Аграфены Федоровны, а Лидиньку расцѣлуй.

325.

13-го ноября 1831 г. Москва.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ графъ Арсеній Андреевичъ! Послѣднее письмо твое я получилъ передъ самымъ выѣздомъ моимъ изъ арміи и потому не могъ писать тебѣ до пріѣзда въ Москву. Здѣсь я нашелъ Императора, который удостоилъ меня весьма милостивымъ принятіемъ, и нашелъ семью мою, среди которой я всѣ эти дни провелъ въ радости такой, что едва теперь могу опомниться; вотъ почему я нѣсколько промедлилъ писать тебѣ и изъ Москвы. Какъ я счастливъ, что дома и какъ я счастливъ, что всѣхъ моихъ нашелъ здоровыми! Къ постоянному блаженству привыкаешь—надо иногда отрываться отъ онаго, чтобы чувствовать всю цѣну семейной жизни. Я теперь чувствую это вполнѣ и молю Бога, чтобы сія жизнь продолжалась какъ можно болѣе. Что тебѣ сказать про Москву? У насъ балы слѣдуютъ за балами, театры, концерты и всѣ шумныя удовольствія не прерываются. Я гляжу на нихъ издали, ибо домашній мой спектакль, жена и дѣти, отвлекаютъ меня совершенно отъ публичныхъ спектаклей.

Я здѣсь нашелъ брата Алексѣя Петровича (Ермолова) въ эполетахъ, что меня очень удивило и обрадовало; мы съ нимъ ежедневно видимся. По сіе время я еще не былъ ни у Небольсина, ни у одного изъ нашихъ пріятелей, а видѣлъ вчера старика Ивана Антоновича. Когда устроюсь и возьму осѣдлость, то поѣду по всѣмъ Христа славить.

Когда-то мы съ тобой увидимся! Богъ знаетъ какъ хочется обнять тебя, стариннаго и любезнѣйшаго друга, послѣ не столько давней разлуки, какъ разлука, которая могла бы продолжиться на вѣки-вѣковъ—ибо война была горячая. Слава Богу, что я опять отдѣлался отъ опасностей, невредимъ и еще можетъ быть здоровѣе чѣмъ поѣхалъ. Одно меня безпокоитъ, это ушибъ мой: я, при преслѣдованіи корпуса Ружицкаго, ночью, обрушился съ лошадью въ ровъ; съ тѣхъ поръ у меня сильно болитъ поясница и грудь.

Ты уже знаешь, что я получилъ Анненскую ленту и чинъ, а сверхъ того, представленъ къ Владиміру 2-й степени; къ несчастію, всё-таки Георгія 3-го нѣтъ какъ нѣтъ! Крестъ, за который бы я отдалъ и двѣ звѣзды и руку или ногу и къ которому я былъ представленъ, но покойный фельдмаршалъ перемѣнилъ и вмѣсто онаго представилъ къ лентѣ. Впрочемъ, всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ.

Прости, любезнѣйшій другъ—будь здоровъ и не забывай на вѣкъ преданнаго и вѣрнаго друга *Дениса*.

VII. Письма Ивана Васильевича Сабанѣева къ Арсенію Андреевичу (впослѣдствіи графу) Закревскому.

1815—1828 гг.

326.

20-го іюля 1815 г. Нанси.

Кто не чувствуетъ милости Божіей, тотъ ея и не стоитъ. Я со времени удаленія моего отъ начальства главнаго штаба не могу не чувствовать благословенія небесъ. Въ мірѣ, особенно въ такомъ пакостномъ вѣкѣ, да и во всякомъ, не безъ заботъ (да стыдно бы было и желать невозможнаго), но, по крайней мѣрѣ, я теперь не въ числѣ *Нероновъ*—имя невинно, даже отъ добрыхъ пріятелей заслуженное. Сообщаю тебѣ, любезный старый camarade, чувства мои, читай, если досугъ, а нѣкогда такъ брось; только прошу сказать почтенному молодому человѣку Казначееву, что я истинно знаю ему цѣну и чту его достойно, а притомъ прошу поручить ему потрудиться отыскать въ Парижѣ нѣкоего Grobert capitain d'artillerie directeur au muséum d'artillerie, гдѣ лежатъ всякаго рода артиллерійскія и другія огнестрѣльныя древнія и новыя оружія. Это близко бывшей прошлаго года нашей съ фельдмаршаломъ квартиры. М-г. Grobert приносилъ ружье новаго изобрѣтенія графу. Отыскавъ его отдать прилагаемое у сего письмо.

Я боюсь смотра какъ огня, не потому чтобы я не умѣлъ кричать передъ фронтомъ, но потому что аммуниція, требуемая въ реквизицію, скоро не можетъ быть готова. Сукно, которое здѣсь сбиралось по лоскутамъ, Канкринъ велѣлъ отправить въ Парижъ. Слѣдовательно, я еще ни лоскута не получилъ, а голыхъ много.

Артиллерія и ружья чинятся и будутъ въ совершенствѣ, но кто на это посмотритъ? На витишкеты, кивера, гренады и проч. мелочи дѣ-

лается подрядъ отъ Алопеуса, но скоро-ли можно кончить эдакую пропасть, хотя Алопеусъ дѣйствительно дѣлаетъ для меня все, что только можно. Но я по старому дуракъ, принимаюсь всегда сперва за полезное прежде, а потомъ за красивое. Я знаю, что мнѣ достанется, но коли слишкомъ больно, такъ нечего и служить, а коли побранятъ на единѣ, такъ что же дѣлать, хотя не весело, но терпѣть должно.

Прощай, дружище.

Еслибы m-r. Grobert потребовалъ денегъ на покупку книгъ или пересылку моделей, я прошу получить оныя отъ Рыкова—все это поручаю попеченію Алекс. Ивановича Казначеева.

327.

4-го августа 1815 г. Нанси.

Вообрази себѣ, почтенный дружище, въ какихъ я заботахъ въ разсужденіи смотра. Артиллерія, ружья и сытые люди—вотъ моя забота, за это головою отвѣчаю. Но для смотра надо блеснуть. Ну, куда мнѣ слѣпому?

Скажи, пожалуйста, буде знаешь и не тайна, которую я знать не хочу: 1) Когда ожидать можно смотръ? 2) Когда домой? 3) Оставятъ здѣсь кого? Я, какъ сирота, пожалуй, остаться желалъ бы, но не одинъ. И такъ далѣе, что вздумаешь. Я, благодаря Бога и добрымъ людямъ, живу порядочно. Прошусь въ Парижъ на минуту за дѣломъ, когда будетъ можно. Я знаю, что Государь ко мнѣ не благоволитъ. Ну, да, Богъ бы съ нимъ, я Ему все-таки служу вѣрою. Боюсь смотра какъ огня—боюсь и въ Парижъ пріѣхать, потому что Государь гнѣвается, придворные не любятъ и примутъ меня какъ собаку. Служа 26 лѣтъ, горестно безъ вины заслужить гнѣвъ Царскій. Впрочемъ, я вѣдь не виноватъ и служу какъ могу и умѣю, слѣдовательно не добиваясь ничего легко себя утѣшаю, вѣдь, не правда-ли? Кто Бога боится, тотъ никого не боится.

Я недавно послалъ Казначееву письмо, адресованное одному французскому артиллеристу; сдѣлай дружбу, спроси, отдалъ-ли онъ его или въ суетахъ между дѣломъ забылъ бездѣлье. Это вещь возможная и позволительная.

Не видалъ-ли Воронцова? Пришли, братъ, хорошаго бордо дюжину—здѣсь нѣтъ, а деньги пришлю или отдамъ при свиданіи.

328.

7-го августа 1815 г. Нанси.

Боже мой! Боже мой! Съ этимъ смотромъ такая суматоха, что не знаешь за что ухватиться. Теперь только получилъ, что адъютанты имѣютъ особые мундиры, а какъ образца нѣтъ, то и долженъ послать въ Парижъ, какъ за образцомъ, такъ и за тѣмъ, чтобы спросить, касается-ли эта перемѣна до бригадныхъ и полковыхъ адъютантовъ. Сдѣлай дружбу, научи посланнаго, и если нужно какое шитье, заплати Христа ради; ему поручено купить, я тебѣ послѣ на ревю съ благодарностію отдамъ.

329.

2-го (14-го) сентября 1815 г. Orbaix.

Какъ солнце ясно, мой любезный дружище, что я ничего для себя выпросить не умѣю, слѣдовательно зачѣмъ же ѣхать въ Парижъ. Разсудокъ съ безпристрастіемъ согласились на слѣдующее:

1) Дабы отъ послѣдствій стараго распутства не сдѣлаться инвалидомъ во всѣхъ отношеніяхъ, рѣшился, дойдя съ дивизіею до Рейна, рапортоваться больнымъ и безсильнымъ слѣдовать далѣе; потомъ отправиться къ чудотворнымъ висбаденскимъ водамъ, а оттуда къ своему мѣсту, а потомъ, буде обстоятельства позволятъ, взглянуть на родину свою.

2) Прилагаемымъ у сего письмомъ прошу у Государя 20 тысячъ рублей взаймы съ процентами и вычетомъ оной суммы изъ получаемаго мною пенсіона.

Просить Государя объ отпускѣ показалось мнѣ слишкомъ нахально, несовмѣстно съ порядкомъ службы, а можетъ быть, показалось бы непріятно фельдмаршалу, чего отнюдь не ищу дѣлать; но просить милости у Государя вольно всякому, и какъ на это нѣтъ никакого права, кромѣ надежды на милость Царскую, а слѣдовательно и мольба идетъ не по командѣ безъ формы, гербовой бумаги и пошлины. А потому въ семъ случаѣ я думаю быть безгрѣшенъ. Положимъ, наконецъ, что Государь не внялъ бы всеподданнѣйшей моей просьбѣ, и не далъ ни шелега, что, конечно, будетъ знакомъ Его ко мнѣ гнѣва, но что же дѣлать? Вѣдь мы живемъ не въ тѣ вѣка, когда ангелъ Господень смѣшалъ

даромъ мутную воду, исцѣлявшую недуги вѣрующихъ. Теперь надобны деньги, деньги и деньги. Гнѣвъ Царскій безъ преступленія, а награда безъ заслуги суть близнецы.

Дружба твоя не позволяетъ мнѣ сомнѣваться, чтобы письмо мое не было доставлено, и буде бы оно было по твоему департаменту, закинь словцо за меня, грѣшнаго.

Еслибы опытъ мой былъ удаченъ, то сдѣлай дружбу, дополни чашу спасенія, состряпай, чтобы повелѣно было отпустить деньги изъ интендантскаго казначейства и мнѣ о таковой радости чрезъ нарочнаго увѣдомь (разумѣется на счетъ мой).

Благослови тебя Богъ на помощь.

Письмо Государю отдай самъ какъ знаешь и буде не такъ состряпано, можешь распечатать и переписать.

330.

16-го января 1816 г. Дубно.

Наконецъ, совершилось желаніе мое, и я отправился въ путь, только не заграницу, а въ Москву и домой; хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, но денежныя обстоятельства и время не позволили.

Прилагаемыя у сего бредни мои хотѣлъ было представить Государю, но представленія такого рода безъ личныхъ объясненій не служатъ ни къ чему. Посылаю ихъ тебѣ, дѣлай что хочешь.

Прощай, мой любезный дружище.

P. S. Весьма ощутительно съ 22,000 жалованья за границею получаемаго, спуститься на 2,700, и съ назначеніемъ въ корпусные потерять 2,000 инспекторскихъ и 7,200 столовыхъ въ годъ.

331.

18-го февраля 1816 г. Орелъ.

Въ проѣздъ мой чрезъ Орелъ встрѣтилъ я здѣсь стараго своего знакомаго, отставнаго генералъ-маіора Хитрово, котораго ты, почтенный сотоварищъ, вѣрно помнишь по Молдавіи. Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше, такъ и вручитель сего, по истинѣ человѣкъ преблагороднѣйшій и предобрѣйшій. Полагая меня, не знаю по какому-то почти общему предубѣжденію, человѣкомъ сильнымъ и на горизонтѣ даже придворномъ значущимъ, адресовался ко мнѣ. Я ничего не на-

шелъ лучше какъ поручить его твоему покровительству и помощи, любезный Арсеній. Сдѣлай дружбу, помоги ему въ чемъ можешь. Просьба его весьма основательная и справедливая. Служа безпорочно 36 лѣтъ и не имѣть куска хлѣба; человѣку въ лѣтахъ, обремененному семействомъ, нельзя не искать помощи и грѣшно ему не помочь. Вся претензія его состоитъ въ томъ, чтобы имѣть какое-нибудь комендантское мѣсто или другое какое-нибудь, хотѣлъ по статской службѣ въ полуденномъ краю, т.-е. Одессѣ или другомъ какомъ, хотя и въ Бессарабіи. Это для климата, но не для другихъ разсчетовъ. Онъ, бѣднякъ, семьянинъ, бѣденъ и хворъ. Помоги же, братъ, ему сколько можешь. Богъ тебѣ заплатитъ за пособіе, которое ты ему сдѣлаешь. Гартингъ въ параличѣ, вотъ бы ему это мѣстечко во всѣхъ отношеніяхъ даже и для службы, было бы прилично. Кобле набилъ карманъ весьма плотно, можно бы и уступить такое теплое мѣстечко другому, впрочемъ, онъ даже и въ Овидіополь согласится. Словомъ, поговори съ нимъ, онъ самъ лучше разскажетъ, что ему надобно.

Я до Святой располагаю прожить въ Ярославлѣ и Москвѣ. Если хочешь ко мнѣ писать, присылай на имя Александра Булгакова. Въ концѣ апрѣля думаю пуститься на Кавказъ, куда собирается и Ермоловъ. Съ Кавказа же непремѣнно въ корпусъ. Скажи, пожалуйста, кому я обязанъ этой милостію, по ходатайству или самъ Государь вспомнилъ о Сабанѣевѣ. Такъ или такъ, я все весьма доволенъ и буду Ему служить вѣрою и правдою до послѣдняго издыханія или до тѣхъ поръ, пока служба моя будетъ Ему угодна.

Ну, братъ, чуть было я не попался бабѣ въ когти. Въ Нанси былъ смертно влюбленъ, и подлинно чудесная женщина. Вотъ отчего не пріѣхалъ къ вамъ въ Люневиль. Она провожала, или лучше сказать, я везъ ее до Франкфурта, куда намѣренъ былъ возвратиться, но время все истребляющее истребило и страсть мою. Слава Богу!

Прощай, мой другъ, сдѣлай дружбу, не презри мольбѣ почтеннаго вручителя. Наставь его на путь истинный.

332.

13-го октября 1816 г. Бендеры.

Благодаренъ, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, весьма благодаренъ за присылку кавалерійскаго устава и прочаго. У насъ въ свѣдѣніяхъ такого рода большая нищета и ты или, по крайней мѣрѣ, *я*,

учусь во всю мочь фронтовой службѣ, понеже азъ есмь четыредесяти лѣтній отрокъ, а не-могу-знайка. Прошу снабдить пѣхотнымъ уставомъ.

Желаешь, чтобы я чаще къ тебѣ писалъ, ну, да объ чемъ писать? Полно, братъ, пустое говорить, ужели скажешь, что тебѣ еще бумага не надоѣла? Не хочу тебя мучить. Прощай, будь здоровъ, волочись счастливо и помни преданнаго душевно.

333.

8-го ноября 1816 г Ольвіополь.

Сдѣлай дружбу, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, помоги, не грѣша противъ правды, новому пріятелю моему Малороссійскаго полка подполковнику Брандту. Вотъ и записка чего онъ желаетъ. Да прошу тебя сдѣлать одолженіе увѣдомить меня, какимъ образомъ поступать съ бѣдными сиротами, кои останутся послѣ служившихъ въ корпусѣ моемъ штабъ и оберъ-офицеровъ? Какое на то законное постановленіе? Также является много и постороннихъ, какой имъ давать совѣтъ—не знаю. Хотя я и не люблю людей за ихъ злобу и лукавство, но нельзя не пожалѣть о бѣдныхъ птенцахъ, которые, получа худое или совсѣмъ никакого образованія, сдѣлаются еще злѣе. И такъ, сдѣлай дружбу, увѣдоми меня, какъ имъ помогать, а такихъ въ пространствѣ корпусомъ моимъ занимаемомъ весьма много, которые ни о милостивомъ намѣреніи Царскомъ, ни объ учрежденіяхъ на предметъ тотъ ничего не знаютъ, да и пользоваться не умѣютъ или не могутъ.

334.

27-го ноября 1816 г. Бендеры.

За все, за все премного благодаренъ любезнѣйшему доброму старому камараду Арсенію Андреевичу, въ особенности за присылку собранія законовъ и генеральскихъ списковъ. Конечно, прекрасно, что всѣ военныя постановленія собраны въ одно мѣсто, а то, бывало, ищемъ, ищемъ и сыскать ничего не можемъ. Теперь не худо бы полкамъ послать штаты, буде есть вновь утвержденные, ибо противъ старыхъ много сдѣлалось перемѣны, да и тѣ во многихъ полкахъ въ прошедшую кампанію растеряны.

Жаль, если Бурманъ оставитъ службу, и еще есть такой же Симбирскаго полка Рындинъ, который тоже отъ бѣдности идетъ въ отставку.

Знаешь, какая это потеря, мой любезнѣйшій? Оба прекраснѣйшіе полковые командиры, послѣдній идетъ отъ того, что не въ состояніи командовать полкомъ. Представь себѣ, мой любезный, такая противоположность вредная для службы, напримѣръ, тамъ, гдѣ провіантъ и фуражъ дешевы и продовольствіе въ порядкѣ натурою. Словомъ, гдѣ солдатъ сытъ и лошади накормлены, тамъ полковые командиры разоряются и дѣйствительно полковъ содержать не въ состояніи безъ собственности. У насъ же, напримѣръ, гдѣ подрядчики сдѣлывались деньгами, полковые командиры деревни наживали на счетъ солдатскаго брюха. Вотъ какой порядокъ нынѣшней службы. Хорошій полковой командиръ себѣ возьметъ и на полкъ положитъ, а дрянь все еще будетъ плакать. Новый порядокъ продовольствія войскъ ничѣмъ не лучше стараго. А торги въ казенныхъ палатахъ настоящая пантомима, гдѣ дѣйствующія лица не говорятъ ни слова, а зрители толкуютъ о вещахъ постороннихъ. Въ Херсонѣ даже никто не явился къ торгамъ. Полковыхъ командировъ, кои прежде назначались по одобренію, теперь опять начали давать, кажется, по очереди. Ахти какіе есть! Посудите, мой любезный, какой вредъ для службы! Терять Бурмана и Рындина, а оставлять всякую всячину. А кто командуетъ ротами? Подпоручики и даже прапорщики. Чинъ, конечно, ничего не значитъ, потому что есть и капитаны хуже прапорщиковъ, но какой же хотѣть отвѣтственности (?) *) отъ первыхъ. Вотъ предметы, о коихъ надобно бы барамъ въ Государственномъ Совѣтѣ потолковать, спрося прежде мнѣнія отъ насъ, служащихъ генераловъ, напримѣръ, отъ корпусныхъ, и потомъ судить и разсмотрѣть, что можно и что нельзя. Три предмета: *полковой командиръ, ротный командиръ и продовольствіе.* Не худо бы и объ одеждѣ и о жалованьѣ, но первой Государь не перемѣнитъ, а послѣдняго прибавить не изъ чего, однакоже чѣмъ-нибудь помочь нужно.

Сдѣлай дружбу, перешли приказъ мой, къ тебѣ прежде доставленный, Воронцову. Вотъ и письмо мое къ этой собакѣ. Зачѣмъ, зачѣмъ его не произведутъ: вотъ бы кстати 12-го декабря, и чтобы Алексѣй нашъ не обижался—обоихъ; вѣдь они оба и по мѣстамъ и по достоинствамъ главнокомандующіе. Другіе надуются ...., а я порадуюсь.

Объ Арсеньевѣ я недавно сдѣлалъ представленіе и прежде полученія письма твоего, мой любезный другъ.

Я просилъ считать его по арміи, но не знаю, представитъ-ли

*) Слово это написано весьма неразборчиво.

главнокомандующій, только я писалъ не по болѣзни, а потому что онъ командуетъ въ Аккерманѣ, то чтобы не занимать вакансію въ полку. Въ коменданты мнѣ его и представить было нельзя потому, что коменданты всѣ подчинены Бахметьеву, а не мнѣ.

335.

15-го декабря 1816 г. Бендеры.

На прошедшей почтѣ, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ, отправилъ я рапортъ объ опредѣленіи ко мнѣ на вакансію въ полки аудиторовъ. По истинѣ чиновники весьма нужные, каковыхъ у меня, вопервыхъ, нѣтъ комплекта, да и выбрать не изъ кого; во-вторыхъ, тѣ, кои есть, никуда не годятся по совершенному незнанію своего дѣла, и часто бываютъ такія судопроизводства, что ужасно. Дѣлъ судныхъ тьма и есть довольно важныя и запутанныя; а между тѣмъ, всякое почти дѣло раза два, три долженъ возвращать назадъ для пересужденія, потому что какъ рѣшеніе, такъ и самое производство дѣла ни на что не похоже. И если бы не оберъ-аудиторъ, человѣкъ благороднѣйшій и честный Креневъ, то надобно бы было или самому дѣла разсматривать, или дѣлать приговоръ противъ закона и совѣсти. Вотъ, мой любезнѣйшій, въ какомъ положеніи эта важная часть. Я думаю и вездѣ тоже......

336.

8-го февраля 1817 г. Бендеры.

Зная изъ опыта, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, сколь мало свободныхъ минутъ имѣешь, могу-ли претендовать, если не на всѣ мои докуки отвѣчаешь.

Мысль о солдатѣ у тебя уже была и ты ее читалъ; впрочемъ, если хочешь опять пришлю когда спишутъ.

Куска хлѣба теперь просить нужды не имѣю. Слава Царю и Богу.

Жестокости, тиранство и всякое самоуправіе законамъ противное истреблю. Не знаю, почему кажется тебѣ поступокъ мой въ семъ случаѣ снисходительнымъ? Преступникъ подъ судомъ, въ кою же мѣру мѣрилъ возмѣриться и ему, чего же болѣе? Всѣ знаютъ и онъ наказанъ быть долженъ.

Продовольствіе было плохо и не могло быть иначе по чрезвычайно низкимъ выпрошеннымъ подрядчиками цѣнамъ.

Рудзевичъ человѣкъ добрый и почтенный, ни мало не виноватъ. Теперь надѣяться должно лучшаго продовольствія съ 1-го января.

Говорятъ, будто есть указъ, что выпускаемые изъ разныхъ гимназій студенты имѣютъ право послѣ шестимѣсячнаго служенія на чинъ офицерскій. Указа сего не находится въ собраніи законовъ. Сдѣлай дружбу, братъ, увѣдомь Бога ради. У меня есть одинъ изъ студентовъ таковыхъ, человѣкъ предостойный. Иду на ученье. Здѣсь у меня собранъ учебный баталіонъ, все дѣлаю что могу и желаю угодить всею душою; но Государь, привыкнувъ видѣть гвардію, не можетъ быть доволенъ оборышами.

P. S. Вотъ еще покорнѣйшая просьба. Бывшій однополчанинъ мой Каменскій, изрубленный безчеловѣчно подъ Шумлою, живетъ здѣсь и едва не умираетъ съ голоду; долженъ получить золотую шпагу, на которую и рескриптъ имѣетъ. Сдѣлай милость, дружище, выхлопочи ему за нее деньги и доставь ко мнѣ. А дабы пристроиться ему къ мѣсту, коего онъ по службѣ своей достоинъ, сегодня же писалъ я бумагу въ вашъ комитетъ.

337.

13-го февраля 1817 г. Бендеры.

За пересылку устава, любезнѣйшій камарадъ, Арсеній Андреевичъ, много благодаренъ. До сихъ поръ ходили мы во тьмѣ и учились по преданіямъ. Теперь возсія свѣтъ на ны. Прежде это было таинство—теперь откровеніе. У меня до сихъ поръ былъ собранъ баталіонъ въ корпусную квартиру для ученья офицеровъ. Служившій въ гвардіи полковникъ Пущинъ (малый рѣдкій, умный, честный, усердный, словомъ, прекраснѣйшій) былъ профессоромъ сей фронтовой тактики; но какъ и онъ давно уже изъ Петербурга, то можетъ и самъ ошибиться. Теперь мы всѣ профессора по дружбѣ твоей. Кто бы не хотѣлъ узнать то, чего требуетъ Царь? Онъ хозяинъ, воля Его, рады стараться,—словомъ, за выдумку напечатать уставы и планы спаси васъ Богъ! Пришли, братъ, для полковъ, да выгоните Талызина изъ Питера, время-ли теперь отлучаться отъ дивизіи?

За отставку Анша *) и Корочекова *) всѣ благодарятъ, кто имѣлъ

*) Фамиліи эти написаны весьма неразборчиво.

случай узнать ихъ. Да и самому почтеннѣйшему нашему старику сдѣлали вы большое добро удаленіемъ ихъ отъ него. Такого любезнѣйшаго и добраго начальника должны окружать люди честные. Касательно Рудзевича, скажи мой любезный, что ему дѣлать? Можетъ-ли онъ отвѣчать за то, что утвердитъ главнокомандующій и можетъ-ли онъ остановить утвержденное имъ же? Я самъ былъ на мѣстѣ Рудзевича, истинно такое мѣсто, гдѣ всегда безъ вины виноватъ. Что можетъ начальникъ главнаго штаба? Говорить главнокомандующему истину? Онъ то и дѣлалъ, и не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, т.-е. на бумагѣ подалъ прожектъ о продовольствіи. Но что же дѣлать, если онъ не только не одобренъ, но въ отсутствіи его совсѣмъ передѣланъ. Не мудрено обвинять, мой любезный, а, право, быть на мѣстѣ Рудзевича я бы скорѣе хотѣлъ быть солдатомъ.

Пришли же, сдѣлай дружбу, уставъ для полковыхъ.

Могу-ли я быть въ претензіи, если ты мнѣ не регулярно отвѣчаешь на мои пустыя письма. Нѣтъ, мой любезнѣйшій, старый товарищъ, Богъ меня забудетъ, буде я на тебя пожалуюсь.

Дайте, Христа ради, солдатскихъ дѣтей, истинно грамотныхъ нѣтъ, писанья пропасть, а писать некому.

Перешли, сдѣлай дружбу, письмо Винтенштету (Витгенштейну?).

338.

27-го марта 1817 г. Бендеры.

При осмотрѣ корпуса, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, находилъ я во всѣхъ полкахъ не совсѣмъ позволительныя статьи расходовъ изъ солдатской собственности, однакоже не изъ артелей, но изъ экономическихъ суммъ.

Сіе довольно важное обстоятельство прошу сдѣлать дружбу выслушать со вниманіемъ.

1-я статья экономіи суть зарабатываемыя деньги. 16-я дивизія не сдѣлала почти никакого новаго приращенія потому, что еще до пріѣзда моего въ корпусъ, Талызинъ по неопытности своей счелъ, что солдатъ чрезъ то опускается и деретъ аммуницію, и потому не изволилъ отпускать на работу. Я послѣ хотя и разрѣшилъ, но уже было поздно. 13-я дивизія вырабатывала много денегъ, коими нижніе чины поравнивались въ артелѣ и остальное отдавали имъ на руки, чего и я требовалъ, почитая заработанныя деньги ихъ собственностію. Галицкій

полкъ, стоящій въ Одессѣ, держится единственно симъ средствомъ, безъ коего отъ проклятыхъ, мерзкихъ, сырыхъ и нездоровыхъ казармъ пропалъ бы, еслибы дѣйствительно отеческимъ попеченіемъ полковаго командира и вырабатываемыми деньгами не былъ поддержанъ.

2-я статья экономіи—есть провіантъ. Вотъ по сей-то части ужасное зло, на которое, однакоже, и я смотрю сквозь пальцы. Напримѣръ, полковые командиры отъ подрядчиковъ стараются получить деньгами, на что и подрядчики охотно соглашаются. Жители кормятъ какъ-нибудь, полковые командиры удовлетворяютъ ихъ чѣмъ-нибудь, а сіи послѣдніе кормятъ тоже чѣмъ-нибудь. Нерѣдко гражданское правительство требуетъ, чтобы жители удовлетворены были провіантомъ въ натурѣ или деньгами, но по такой-то цѣнѣ, разумѣется, изъ усердія къ своему карману. Вотъ и пошелъ дѣлежъ и все *на счетъ солдатскаго брюха.* Хотя я и запретилъ денежныя сдѣлки за провіантъ, но все тоже дѣлается, что и прежде потому, что иначе содержать полкъ нѣтъ возможности. Напримѣръ: представь себѣ, что я самъ испыталъ и могу тебя увѣрить, что это такъ: за киверъ отпускается отъ казны безъ прибора 1 р. 68 к., а киверъ стоитъ 5 р. 46 к., вотъ на каждомъ киверѣ 3 р. 78 к., а на 3,000 киверовъ около 5,000 руб. на одни кивера. Сколько же теперь на краги, ремни, ранцы и пр. Гдѣ же ихъ взять? И потому вижу зло, а молчать долженъ. Сталъ взыскивать, стали многіе входить рапортами и разсчетами о невозможности содержать полковъ безъ экономіи, а экономія беззаконная. Что же съ этимъ дѣлать? Представлять по командѣ о такихъ вещахъ нахожу неприличнымъ, ибо правительство и само о томъ знаетъ. Хорошо бы объяснить о томъ Государю на словахъ и о многомъ другомъ, если Ему угодно, но когда я Его увижу? Пріѣхать не смѣю, дожидаться Его пріѣзда, Богъ знаетъ когда Онъ будетъ, а и тогда хорошо, если угодимъ, хотя и стараемся сколько силъ нашихъ есть, но истинно на такомъ пространствѣ не только мнѣ, но и дивизіоннымъ усмотрѣть трудно. Представь себѣ, что полки разбросаны по Бессарабіи на 200 верстъ и болѣе. Здѣсь же проклятыя крѣпостныя работы отвлекаютъ людей отъ настоящаго ихъ занятія. А что это за крѣпости, если ни въ одной изъ нихъ нѣтъ ни одного жилаго покоя, ни магазиновъ, ни арсеналовъ. Словомъ, дрянь, которая стоитъ Государю много, а толку ни на грошъ, кромѣ изнуренія бѣдныхъ солдатъ.

И такъ, я считаю необходимымъ: 1) указать именно, въ чемъ должна состоять и какимъ образомъ пріобрѣтается солдатская экономія. 2) Гдѣ солдатъ хорошо отъ крестьянина довольствуется и послѣдній

захочетъ подарить провіантъ въ томъ подъячему народу не мѣшать. 3) Войска въ Бессарабіи (если политическія обстоятельства не требуютъ) слишкомъ много, а въ Елисаветградскомъ и Ольвіопольскомъ уѣздахъ и Кіевской губерніи по препорціи мало. Можно бы 13-ю дивизію подвинуть къ Елисаветграду, Украинскую къ Умани, а 16-ю перевести на лѣвый берегъ Днѣстра, оставя полка два около Измаила; и можно также оставить въ Хотинѣ, но тогда должны уничтожиться днѣстровскіе совершенно ничтожные карантины. Словомъ, какъ началъ писать, такъ не скоро и кончилъ.

Увѣдомь, кого берутъ отъ Воронцова, и что это значитъ, что отъ него болѣе мѣсяца ничего не имѣю.

339.

15-го августа 1817 г. Тирасполь.

Охотникъ я или не охотникъ до таковыхъ посланниковъ какъ Киселевъ, дѣлать нечего! Воля Царская, мой любезный старый товарищъ! Намѣренія Государя въ семъ случаѣ мнѣ скрыты, и потому о пользѣ таковыхъ инспекторовъ никакого заключенія сдѣлать не могу; а вредъ для службы величайшій. Всякій изъ подчиненныхъ моихъ видитъ въ Киселевѣ того человѣка, который можетъ дать цѣну его заслугамъ. Что же я? Мнѣ вольно только кричать, взыскивать, наказывать и пр. Изъ того родится неуваженіе и болѣе. Если Киселевъ только для фронтоваго обозрѣнія, чего однакоже я никакъ не полагаю, то ужель этой пустой грамотѣ (фронту) даютъ такую цѣну, что (до которой?) мы обыкновенные люди подняться не можемъ. Я и тому не вѣрю, чтобы такъ думали, и знаю свое дѣло во всѣхъ отношеніяхъ не только лучше Киселева (чѣмъ и гордиться не хочу), но и многихъ другихъ. Кто не пойметъ устава? Тотъ, кто русской грамоты не знаетъ. Довѣренность Киселеву уничтожаетъ насъ всѣхъ до одного. Напримѣръ: я смотрѣлъ и нѣкоторыхъ хвалилъ, какъ они и дѣйствительно того стоятъ, а Киселевъ находитъ, что у нихъ все дурно и это все онъ видитъ въ четверть часа. Ты спросишь меня, отчего же это? Изволь, я тебѣ растолкую. Напримѣръ, я говорю хорошо, потому что лучше прошлогодняго, а не потому, что совершенно, и осмотря полкъ объявляю мои замѣчанія, что̀ именно и въ чемъ и какъ поправить должно. При будущемъ смотрѣ вижу успѣхъ или упущеніе, чего Киселевъ видѣть не можетъ. Мнѣ теперь никого похвалить нельзя, а похвала моя ничего не значитъ. Не

одинъ я, а всѣ мы, начиная отъ главнокомандующаго, точно въ такомъ положеніи. Воля Царская! Наше дѣло повиноваться. Я же въ особенности поставляю себя въ обязанность служить Государю и отечеству, за прежнія его ко мнѣ милости и признательность моихъ соотечественниковъ.

Я Киселева видѣлъ въ Тульчинѣ и нахожу, что онъ малый благородный, слѣдовательно на лицо его никакихъ неудовольствій имѣть не могу, а говорю истинно для того, что вижу явный вредъ отъ возрождающагося чрезъ то неуваженія и недовѣренности къ начальству.

Вотъ записка, которую отдамъ я Киселеву или съ нимъ объ ней потолкую, и если Государю угодно будетъ по ней меня спросить, я готовъ подробнѣе объяснить мое мнѣніе.

Продовольствіе въ здѣшнемъ краю (я говорю о хорошей губерніи) ничего не будетъ стоить, если только позволить солдату работать двѣ недѣли на помѣщиковъ; тогда они ихъ круглый годъ прокормятъ (въ томъ надѣюсь); въ прочихъ мѣстахъ устроить можно также выгоднѣе обыкновенныхъ форменныхъ законныхъ учрежденій. Самъ знаешь, что у насъ все лишь бы было по формѣ, а мнѣ кажется, что отъ нихъ-то и разоряется казна. Надобно, чтобы Государь кому-нибудь довѣрилъ и для того формъ нѣтъ.

Прости, братъ, Арсеній. Право, грустно, служа 27 лѣтъ въ полѣ, посѣдѣть и лишиться самаго пріятнаго по службѣ,—довѣренности подчиненныхъ.

Прилагаемое у сего письмо Воронцову прошу отправить.

340.

7-го іюля 1819 г. Одесса.

Я теперь здѣсь на купаньѣ, почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, но на мою бѣду какъ нарочно лѣто прехолодное. Послѣ сильныхъ жаровъ съ вѣтрами въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ начались дожди. И то и другое мѣшаетъ пользѣ купанья. Я на рукахъ у Малахова и Вицмана, но кажется, что морскія ванны меня не вылечатъ.

Малаховъ проситъ о племянникѣ своемъ Малаховѣ же, который изъ 2-го егерскаго полка перешолъ въ Черниговскій внутренній гарнизонный баталіонъ. Словомъ, человѣкъ молодой и способный, сдѣлалъ глупость—это по молодости. У меня есть вакансія старшаго адъютанта,

сдѣлай одолженіе, научи, какъ бы его перевести. Я ожидаю твоего отвѣта.

Киселевъ на сей разъ или, лучше сказать, до сихъ поръ, ведетъ себя прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ молодой, не безъ способностей, поощренъ Государемъ какъ нельзя болѣе, получилъ опытность и будетъ полезенъ. Кому же и служить какъ не такимъ. Съ полною Царскою довѣренностію, извѣстною всѣмъ и каждому, все сдѣлать можно. Напримѣръ, требованія его исполняются гораздо скорѣе и безъ всякаго прекословія, нежели кого другого, потому что боятся, зная доступъ его къ престолу. Такимъ чиновникамъ такъ и быть подобаетъ. Мы, грѣшные, иное дѣло,—такъ и быть должно потому, что начальниковъ штаба только двое, а насъ какъ собакъ.

Ну, братъ, поддѣли меня съ арендой, представить себѣ не можешь, что это за дрянь. Болѣе 5 тысячъ бумажекъ не даетъ въ годъ, потому что хлѣбъ подешевелъ, а серебро упало. Вотъ какъ надежны министерскія обѣщанія. Это значитъ Царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ. Богъ съ ними! Я по милости Божіей съ голоду не умру и для меня не нужно милліоновъ, но обидно, крайне обидно противъ другихъ.

Бабѣ Комнина дано земли, за которую даютъ ей 90,000 рублей— за какія услуги? Доложилъ грекъ: бѣдная вдова, ей надобно воспитывать дѣтей, а у ней двѣ дочери замужемъ, да сынъ въ службѣ, кого же воспитывать? Какъ захотятъ, такъ и Царя обмануть не остановятся. Виноватъ! Я тебѣ надоѣлъ! Какъ же быть? Чиномъ объѣхали, арендой наградили такою, что и не въ моемъ чинѣ получаютъ гораздо выгоднѣйшія, совсѣмъ отобьютъ охоту къ службѣ, а дѣваться некуда, ну, такъ, хоть пожалуюсь. Прощай.

241.

14-го февраля 1821 г. Тирасполь.

Письмо твое, почтеннѣйшій товарищъ, Арсеній Андреевичъ, отъ 1-го сего мѣсяца получилъ, изъ коего вижу, что слухи въ Петербургѣ на счетъ мой не весьма благопріятны, вотъ же и тебѣ откровенное мое на то объясненіе.

Не могу равнодушно видѣть уныніе и изнуреніе войскъ русскихъ, измученныхъ безконечнымъ и безпрестаннымъ ученьемъ, примѣркой и передѣлкой аммуниціи и проч. Всѣ обратились единственно къ симъ предметамъ, забывъ священнѣйшія обязанности свои. Всѣ готовятся къ

смотру и дѣлаютъ только то что̀ при смотрѣ Государь видѣть можетъ. Ученье день и ночь, даже со свѣчами. Солдаты не имѣютъ ни минуты отдохновенія. Отъ того побѣги, отъ того смертность, отъ того никто не выслуживаетъ указанныхъ лѣтъ. Вообрази, что у меня въ корпусѣ, состоящемъ только изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, кои никогда не были комплектны съ 1816 до 1821 года, выбыло однихъ неспособныхъ 4,115 человѣкъ, изъ коихъ выслужило срокъ только 53 человѣка. Умершихъ (полагая одинаковое число съ нынѣшнимъ годомъ) 3,600, бѣжавшихъ столько же; всѣхъ же нижнихъ чиновъ съ деньщиками, полагая комплектное число (котораго никогда не было), 43,106 человѣкъ, слѣдовательно въ теченіе пяти лѣтъ убыло болѣе $^{1}/_{4}$ части и, конечно, близко $^{1}/_{3}$.

Изъяснивъ тебѣ откровенно въ какомъ положеніи армія, скажу съ тою же откровенностью, что̀ сдѣлаю я для уменьшенія сего столь яснаго для Государя и отечества вреда? Писалъ, говорилъ, писать и говорить буду: первая мысль, будто бы Государь требуетъ доведенія войскъ по фронту съ пожертвованіемъ ихъ здоровья и украшенія полковъ на счетъ геройскаго ихъ желудка—есть истинное оскорбленіе Величества; 2) сперва сберечь, потомъ выучить; 3) внушить солдату обязанности его; 4) за грубости, ослушанія не наказывать безъ суда и отнюдь такихъ преступленій не прощать и пр.

Вотъ мои правила: они заключаются всѣ въ извѣстныхъ тебѣ военныхъ уложеніяхъ, приказахъ моихъ и наставленіяхъ полковымъ и другимъ частнымъ командирамъ. Съ такими правилами и съ помощію Божіею не уроню дисциплины и не дождусь исторіи семеновской, кексгольмской и пр.; войска будутъ сбережены по возможности и выучены не хуже другихъ. Нѣтъ, мой любезный товарищъ, не я уроню дисциплину, а тѣ, кто готовитъ войска только къ смотру, кто хочетъ заслужить милость Государя съ пожертвованіемъ всѣхъ Его и государственныхъ интересовъ. Не я дамъ отчетъ Богу и Государю въ небреженіи священнѣйшихъ обязанностей моихъ. Не я буду искать благоволенія Царскаго на (по) пути Шварца и другихъ ему подобныхъ. Если служба моя Государю не угодна—воля Его Величества, я готовъ быть жертвою у судіи моего ко благу общему: «блаженни изгнаніи правды ради, яко тѣхъ есть царствіе Божіе». Пренебрегаю клеветою и стыжусь оправдаться въ томъ, чѣмъ ты меня упрекаешь (?). Какая надобность мнѣ толковать съ подчиненными, что полезно и что безполезно, если я не въ правѣ перемѣнить того, что требуетъ начальство. Глупые, лѣнивые или, наконецъ, злые люди толкуютъ слова мои

какъ хотятъ. Если я говорю, что небреженіе стрѣльбы въ цѣль непростительно, что это важнѣе плутоножной пальбы, что начальникъ не долженъ казаться тираномъ въ глазамъ его подчиненныхъ, но отцомъ, попечителемъ о ихъ благосостояніи, что служба не каторга и пр. Такъ развѣ это грѣхъ? Спроси у своей совѣсти! Вотъ мое признаніе.

За списокъ генераловъ усердно, другъ, благодарю.

Вотъ тебѣ копія съ письма, оставленнаго однимъ бѣжавшимъ солдатомъ на квартирѣ фельдфебеля. Оно, конечно, глупо; но не менѣе того все то справедливо, на что онъ жалуется.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо бѣжавшаго рядоваго 31-го Егерскаго полка.

Желаю тебѣ служить на многія лѣта
А на вопросъ мой не надо другого отвѣта:
Я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.
Знать судьба наша такая,
Что обижаютъ насъ до края.
Всегда мучаютъ и бьютъ
И спокою не даютъ.
Хоть и самъ того не смыслитъ,
А по зубамъ небось славно чиститъ.
Не за дѣло, а напрасно.
Со стороны смотрѣть ужасно.
Ты стоишь вѣдь не ладно
Думаешь время провести прохладно.
Дай ко палками принудить
Вѣрно такъ добра не будетъ.
Или зубы вотъ почищу,
Вы напрасно жрете пищу.
Увидѣлъ чуть пошатнулся,
Вотъ, говоритъ, ты ужь натянулся.
А онъ же три дня хлѣба не видалъ
И ученьемъ всѣхъ замучилъ
Принужденъ стоять не благополученъ.
Когда сдѣлалъ подъ прикладъ,
То замучить совсѣмъ радъ.
Когда взялъ кто подъ курокъ
Нутко выдь, братъ, ты впередъ,
Завалика ты ему горячихъ пятьдесятъ въ спину
Анъ впередъ не будетъ дѣлать ту причину.
Однако полно мнѣ здѣсь прохлаждаться.
Надо въ ночь укладаться.

Заслужены вещи взять съ собою
И ружье для отбою.
Есть въ артели денегъ рублей двадцать пять
Ружье справьте опять.
Хоть все то я испорчу,
Да на томъ желаньи кончу.
Не отъ добраго идешь, отъ напасти,
Но не здѣсь только пропасти.

342.

22-го апрѣля 1821 г. Одесса.

Благодаренъ, весьма много благодаренъ за присылку росписанія арміи.

Посылаю старому другу приказъ мой относительно нравственнаго образованія солдата. Не странно-ли, что до сихъ поръ между множествомъ вновь вышедшихъ военныхъ постановленій нѣтъ ни одного о предметѣ столь важномъ. Рекрутъ, обремененный горестью разлуки со всѣмъ, что есть у него драгоцѣннѣйшаго, съ цѣпями поднимаетъ руку и едва-ли повторяетъ читаемую священникомъ присягу, и это называемъ мы клятвою. Всякій изъ насъ знаетъ, что онъ присягалъ, но много-ли такихъ, которые бы понимали данную имъ клятву? Я спрашивалъ не у одной тысячи и не нашелъ ни одного. Это поразило меня удивленіемъ собственной безпечности моей.

Прощай, почтеннѣйшій товарищъ.

343.

16-го мая 1821 г. Одесса.

За отвѣтъ на письмо мое о переводѣ штабсъ-капитана Пантелѣева много благодаренъ почтеннѣйшему старому товарищу. Теперь все по прежнему и переводъ не нуженъ. Все по прежнему, кромѣ гвардіи, изгнанной изъ Петербурга куда и зачѣмъ? Богъ и Государь о томъ знаютъ.

Въ Италіи все кончено, но мнѣ кажется (какъ говорилъ Суворовъ) недорубленный лѣсъ опять выростетъ. Преграда дѣйствій во власти сильнаго, преграда воли—не въ предѣлахъ земной власти.

Полученныя мною сейчасъ извѣстія о грекахъ при семъ посылаю, прошу сообщить ихъ Н. М. Лонгинову. За справедливость сихъ извѣ-

стій не ручаюсь, особенно числу войскъ басурманскихъ не вѣрю. Побѣда, однакожь, подтверждается еще и другими полученными здѣсь извѣстіями.

На-дняхъ я былъ въ Скулянскомъ карантинѣ, видѣлъ тысячи испуганныхъ молдаванъ.

Пора Царю нашему домой, давно пора! Дома нездорово! Семеновская исторія недорубленный лѣсъ. Причины, возродившія сію гидру, не уничтожены. Вотъ дѣло по истинѣ достойное попеченій царскихъ.

Не забывай стараго своего сослуживца и преданнаго душевно.

344.

13-го іюля 1821 г. Кишиневъ.

Письмо твое, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 29-го іюня изъ Царскаго Села, я теперь только получилъ и отвѣтъ на оное намѣреваюсь отправить чрезъ Киселева, котораго ожидаемъ сюда съ главнокомандующимъ послѣ завтра. Если же курьеръ изъ арміи будетъ уже отправленъ, то пошлю чрезъ почту.

Изъ письма твоего заключаю, что я еще не совсѣмъ уничтоженъ въ мысляхъ земнаго владыки. Радъ случаю оправдать преданность мою Государю и отечеству. Усердіе мое къ нимъ не измѣнилось. Богъ помощникъ мой. Вотъ въ короткихъ словахъ мнѣніе мое на счетъ предстоящей войны.

Я думаю, что надобно имѣть двѣ арміи: одну противъ турокъ, собравшихся нынѣ въ Молдавіи, и занятія дунайскихъ крѣпостей, а другую для наступательныхъ дѣйствій въ направленіи къ Царьграду. Первая изъ 60 т., а другая изъ 150 т.

По извѣстіямъ, какія я по малымъ способамъ моимъ имѣть могъ, турки запасаютъ провіантъ въ Яссахъ и Текучѣ и снабжаютъ онымъ крѣпости. Если начнемъ съ нынѣшняго лѣта, то магазины Ясскій и Текучскій должны принадлежать намъ, если ихъ не сожгутъ. Хлѣба, оставшагося отъ бѣжавшихъ бояръ, довольно, но надобно предупредить, чтобы турки всего его не вывезли. На посѣвъ нынѣшняго года и на урожай будущаго надѣяться нельзя, ибо жители всѣ почти разбѣжались; хлѣба собрать не успѣли и хотя вѣроятно, что со вступленіемъ войскъ нашихъ и они возвратятся, но ожидать будущаго будетъ долго. Слѣдовательно, съ начатіемъ войны вся надежда на отня-

тіе собраннаго турками. Въ Бессарабіи урожай плохой, да и перевозка сухопутная самъ знаешь какова, особенно въ зимнее время.

Флотилія на Дунаѣ доставила бы по предмету транспортированія снарядовъ и припасовъ величайшую выгоду, но для сего надобно имѣть, по крайней мѣрѣ, Исакчу и Браиловъ.

Понтоны наши для переправы чрезъ Дунай не годятся, слѣдовательно по всему въ нынѣшнемъ году ничего нельзя болѣе сдѣлать. какъ занять Молдавію и Валахію, да и то не надобно бы медлить, Зимняя кампанія самъ знаешь, какъ трудна была всегда, а теперь при недостаткахъ и малолюдствѣ будетъ еще труднѣе.

Вотъ въ краткихъ словахъ мое мнѣніе. Добавлю еще, что армія, дѣйствующая въ направленіи къ Царьграду, не должна полагать на сообщеніе съ Болгаріею и Валахіею по переходѣ чрезъ Балканы, но флотъ долженъ ей содѣйствовать подвозомъ припасовъ и снарядовъ въ Бургасъ, который необходимо укрѣпить должно и отъ Адріанополя и Бургаса начать операціи къ Константинополю. Сербовъ и болгаръ вооружить.

Я не знаю, какой приказъ мой угодно тебѣ имѣть. А впредь буду присылать тѣ изъ нихъ, кои особенно относятся къ образованію нравственному, къ сбереженію, къ обязанностямъ начальниковъ и пр. Я думалъ, что всѣ приказы мои посылаются въ Петербургъ, такъ говорилъ мнѣ Киселевъ и потому предписано мнѣ всѣ ихъ посылать въ главную квартиру. Признаюсь, что мнѣ было это прискорбно, ибо пахло подозрѣніемъ, коего я, кажется, не заслуживаю.

Сдѣлай дружбу, любезнѣйшій camrade, перешли прилагаемое у сего письмо и посылку Воронцову. Постоянно и душевно преданный.

345.

10-го августа 1821 г.

Берегись, почтеннѣйшій товарищъ Арсеній Андреевичъ, берегись привести машину въ разслабленіе, особенно избѣгай душевныхъ волненій и занятій отяготительныхъ, не входи въ тѣсный союзъ съ аптекою. Вѣрь мнѣ, что лекарства палліативныя въ болѣзняхъ хроническихъ и особенно въ нервныхъ припадкахъ полезны болѣе для медиковъ и аптекарей, нежели для болящихъ. Послушайся друга, который истинно интересуется твоимъ здоровьемъ, поѣзжай будущею весною на Кавказъ. Живущій въ Москвѣ докторъ Гасъ (кажется при Голи-

цинской больницѣ) знаетъ чудесные источники Кавказа и можетъ быть въ семъ случаѣ весьма полезнымъ наставникомъ. Я былъ два раза на Кавказѣ и пользовался его наставленіями по книгѣ, слѣдовательно говорю по опыту. Ради Бога, не упускай времени, не слушай докторовъ, не знакомься съ латинскою кухнею, будь болѣе на открытомъ воздухѣ, ищи разсѣянія въ кругу друзей и родныхъ, убѣгай шумныхъ сборищъ, дѣлай болѣе движенія, безъ аппетиту не ѣшь, ложись спать ранѣе полуночи (если это въ Москвѣ возможно), вставай не позже шести часовъ и, наконецъ, весною *маршъ на Кавказъ!*

Мерзавцы сосѣди наши дѣлаютъ свое дѣло, продолжаютъ грабежи, убійства, насилія, не позволяютъ снимать хлѣба, снабжаютъ крѣпости запасами и приводятъ ихъ въ лучшее оборонительное состояніе, усилили гарнизоны. Словомъ, пользуются временемъ и уроками прошедшей войны и, наконецъ, говорятъ (но сіе извѣстіе не есть еще утвердительное, хотя и весьма вѣроятное), будто турки намѣрены вывести молдаванъ въ Азію, съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ магометову вѣру или, въ случаѣ непокорности, истребить. Въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ могли бы мы быть на Дунаѣ и безъ труда овладѣть крѣпостями и устьемъ Сулинскимъ, необходимымъ для флотиліи. Тогда, остановясь по Дунаю до Черноводъ, а оттуда до Кюстенджи по Троянову валу, можно бы заставить турокъ говорить по-русски. Теперь! Теперь! Какая разница! Тогда всѣ выгоды были на нашей сторонѣ, теперь всѣ неудобства, и чѣмъ позже, тѣмъ хуже.

Говорятъ Канкринъ полководецъ. Не спорю, мундиръ военный, да къ тому же Deutschmann, чего же болѣе.

Прости, братища, не пренебрегай совѣтами преданнаго тебѣ всею душою.

346.

5-го ноября 1821 г. Тирасполь.

Съ новою Царскою милостью почтеннѣйшаго товарища поздравляю. Но воздаяніе заслугъ обязываетъ насъ продолжать служеніе, а для службы потребно здоровье и потому совѣтую, не теряя времени, ѣхать къ водамъ.

Сосѣди наши живутъ съ нами мирно, но молдаванъ тѣснятъ ужаснѣйшимъ образомъ. Никто изъ бояръ къ намъ выѣхавшихъ, въ Молдавію не возвратился, но изъ валахскихъ, выѣхавшихъ къ австрій-

цамъ, поѣхалъ одинъ изъ первѣйшихъ Барбушанъ Вакареско съ нѣкоторыми другими бѣдными и, какъ говорятъ, въ большомъ раскаяніи, хотя первый изъ нихъ и сдѣланъ вистіаромъ.

Требованія турокъ отъ земли столь велики, что нѣтъ почти возможности удовлетворить. Наглость и своеволіе ужасныя. Словомъ, Молдавія и Валахія погибли, даже и самое вступленіе нашихъ войскъ (если бы сіе случилось) вовлечетъ ихъ въ неминуемую гибель и разореніе. Турки при первомъ о томъ извѣстіи начнутъ истреблять все огнемъ и мечомъ.

По извѣстіямъ въ Молдавіи и Валахіи, турокъ до 40 т. Съ помощію Божіею эту дрянь можно подушить съ одною дивизіею и нѣсколькими казаками, но гдѣ способы продовольствія? У турокъ! И потому быстрота и тайна предпріятія—безъ того успѣха ожидать нельзя.

О капитанѣ Грумбахѣ повторяю прежнюю мою просьбу, съ присовокупленіемъ таковой же о переводѣ маіора Спиридова въ Екатеринбургскій полкъ изъ Саратовскаго. Сей офицеръ отличныхъ способностей не имѣетъ тамъ даже баталіона, когда у меня некого назначить въ баталіонные командиры. Я знаю Спиридова коротко, ибо онъ былъ у меня дежурнымъ штабъ-офицеромъ и выбылъ потому только, что полкъ вышелъ отъ меня въ первую армію.

Спрашиваешь меня, мой любезнѣйшій Арсеній Андреевичъ, весело-ли я живу? Какія веселости для человѣка уничтоженнаго, заслужившаго невинно гнѣвъ Государя? Признаюсь тебѣ, какъ старому пріятелю и сослуживцу моему, что видимое нерасположеніе ко мнѣ Царя укрощаетъ вѣкъ мой, но никакъ не перемѣнить правилъ моихъ. Я готовъ умереть на службѣ изъ обязанности быть полезнымъ отечеству и признательности къ прежнимъ милостямъ Государя. Никогда не буду угождать Его Величеству со вредомъ для Него, никогда не буду льстить Ему и обманывать изъ собственной корысти, какъ другіе. Пусть будутъ они Его временщиками, но я ни за какія милости не хочу измѣнить обязанности моей, не хочу обманывать Его нигдѣ, ни въ чемъ и готовъ терпѣть все.

На-дняхъ получили мы приказъ начальника штаба Его Императорскаго Величества, коимъ вмѣняется въ обязанность полковыхъ командировъ егерскихъ полковъ передѣлать котлы и патронные ящики во всей пѣхотѣ. Знаешь-ли, мой любезный, что это будетъ стоить каждому не менѣе шести тысячъ руб. Никто не въ состояніи дѣлать издержекъ столь значительныхъ (изъ своего кармана), каковыя безпрестанно требуются отъ полковыхъ командировъ. Все падетъ на бѣднаго солдата и

самой казны. Долго-ли правительство будетъ само себя обманывать и давать поводъ къ привелигированному воровству. Мнѣ кажется, до сихъ поръ вся сія зловредная система основывалась единственно на словѣ: *благоразумная позволительная экономія*. Мечта неопытности! Не угодно-ли Государю узнать покороче, какіе способы употребляются къ пріобрѣтенію сей мнимой экономіи? Тогда увидитъ Онъ, что нѣтъ ни одного позволительнаго, но все воровство и притѣсненіе Его арміи. Льстецы скажутъ, какъ не быть экономіи! Жители уступаютъ провіантъ. Полковые командиры покупаютъ деревни и пр. Все это правда, но не всегда и не вездѣ. Деревни отъ провіанта купить нельзя. Есть и кромѣ того множество источниковъ, но всѣ они суть ничто иное, какъ наглое воровство и ужаснѣйшее притѣсненіе. Я бы хотѣлъ, чтобы меня о томъ спросили и другихъ, кто посѣдѣлъ на службѣ и хочетъ говорить нелестно.

Котлы всегда возились за ящиками и никогда на людяхъ не были. Давно придуманъ способъ облегчать несчастныхъ легко-пѣхотинцевъ, на коихъ нагрузили, какъ на верблюдовъ. Слѣдовательно, передѣлка будетъ безполезная. Ящики всѣ будутъ сдѣланы изъ сыраго дерева, слѣдовательно, вездѣ будетъ одна только блестящая наружность. Другой полковой командиръ заготовлялъ или хлопоталъ строить новый обозъ, и только лишь кончилъ, вдругъ перемѣна. Закружатся головы поневолѣ, надобно подниматься на выдумки о пріобрѣтеніи экономіи, какими бы то средствами ни было. Не лучше-ли бы позволить новые ящики строить по новой формѣ, не передѣлывая старыхъ, да и самая укладка въ новыхъ никуда не годится, ибо патронъ, поставленный пулею вверхъ, будетъ давить порохъ.

Желтухинъ подъѣхалъ съ выдумкою и небось восхищается своею премудростію. Никто не смѣетъ сказать Государю правды. Не можетъ быть ничего хуже.

Прости, мой почтеннѣйшій другъ, дай Богъ тебѣ здоровья, сего душевно желаетъ преданный тебѣ навсегда.

У меня спрашиваетъ живописецъ Дове, когда я пріѣду въ Петербургъ для снятія рожи моей и помѣщенія въ Эрмитажъ. Какъ можно мнѣ ѣхать, когда отпуски запрещены, да и съ чѣмъ, и потому пришлю мой портретъ, похожій на меня, какъ двѣ капли воды.

У сего прилагаю образчикъ, какимъ образомъ пріобрѣтается экономія. Прошу, ради Бога, чтобы это осталось между нами.

347.

12-го марта 1822 г. Тирасполь.

Писалъ бы и чаще, мой любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, но знаю изъ опыта сколько людямъ озабоченнымъ несносны пустыя письма. Теперь считаю нужнымъ отвѣчать тебѣ на письмо твое отъ 27-го февраля.

Сосѣди наши надняхъ выжгли въ Ясоахъ въ одну ночь 452 дома. Прежній ихъ паша умеръ, и съ кончиною его начались опять грабежи, насильства и всякаго рода самоуправства. Несчастные жители въ ужаснѣйшемъ положеніи и въ случаѣ открытія войны съ турками въ началѣ нѣтъ возможности считать на пособіе Молдавіи и Валлахіи. Но впослѣдствіи, при хорошей администраціи, поправиться могутъ, только, разумѣется, не надобно повторять прежнихъ ошибокъ въ управленіи.

Здѣсь пронесся площадный слухъ, что австрійцы 15-го сего мѣсяца вступятъ въ Молдавію. Еще-ли проклятая эта нехристь недовольна грабительствомъ цѣлой почти Италіи? Впрочемъ, это не по моему департаменту, что приказано будетъ, то и выполню.

Безъ денегъ о войнѣ думать нельзя. Бѣда деньги родитъ.

Богъ васъ знаетъ, куда посланъ Татищевъ. Мы въ глуши здѣсь ничего не знаемъ, впрочемъ, за нами дѣло не станетъ, прикажутъ— готовы.

Я никакихъ вѣрныхъ доводовъ нерасположенія ко мнѣ Государя не имѣю; но, во-первыхъ, я обойденъ, во-вторыхъ, обхожденіе его со мною весьма перемѣнилось и, наконецъ, знаю, что ему дуютъ въ уши, что я не занимаюсь тѣми мелочами службы, за коими другіе все забываютъ. Говорятъ можетъ быть и болѣе, но я правъ. Говорилъ, говорю и говорить буду. *Служба Государева не каторга. Есть время и ученью и отдохновенію.* Я никому не только не мѣшаю исполнять требуемаго, но не хочу, чтобы убивали людей и ссылались въ томъ на волю Царскую. Впрочемъ, правила мои тебѣ извѣстны.

Для меня страненъ твой вопросъ о камчатской исторіи. Вѣдь вамъ вѣрно было о томъ донесено. Происшествіе мерзкое и постыдное, но оно имѣло причины. Рѣшеніе главнокомандующаго рѣшительно и благоразумно. Не знаю, что писали вы съ фельдъегеремъ о семъ дѣлѣ, не знаю какъ объяснить вамъ донесеніе, но надѣюсь, что точно въ томъ видѣ какъ было. Происшествіе сіе открыто мною случайно. Чего смотрѣли дивизіонные, спросите у главнокомандующаго. Мнѣ мимо (его)

все говорить нельзя. Дастъ Богъ пріѣдетъ Государь. Пусть спроситъ, кого Ему угодно; Ему, конечно, никто ничего не утаитъ.

Я сегодня пріобщился святыхъ тайнъ. Я христіанинъ. Всевышній видитъ мысли мои и сокрушеніе сердца.

Прости мой любезнѣйшій — некому ввѣрить мыслей моихъ бумагѣ.

348.

18-го марта 1822 г. Тирасполь.

Сдѣлай милость, почтеннѣйшій старый товарищъ Арсеній Андреевичъ, спаси отъ напасти молодаго шалуна, который за шалость свою другой годъ сидитъ на гауптвахтѣ въ Петербургѣ. Это выпущенный изъ корпуса прапорщикъ Ушаковъ. Онъ будучи отправленъ изъ Петербурга въ Грузію, возвратился назадъ съ первой станціи и въ Петербургѣ встрѣченъ во фракѣ дежурнымъ, которому и нагрубилъ. Виноватъ и оправдывать не смѣю; но сидитъ другой годъ. Дайте ему средство заслужить преступленіе. Ради самаго Бога спаси несчастнаго молодаго человѣка если можно. Онъ мнѣ хотя не ближайшій, но родственникъ—одолжи на вѣки. Здѣсь толкуютъ опять о конгрессѣ во Флоренціи. Опять Государь уѣдетъ, а какъ бы мнѣ хотѣлось Его видѣть—пріѣздъ Его много дѣлаетъ хлопотъ, но, по крайней мѣрѣ, много иногда и добра сдѣлать можно.

Сосѣди наши готовятся къ войнѣ и у нихъ сіе объявлено уже фирманомъ. По извѣстіямъ изъ Константинополя война объявлена за вѣру и по собраніи чрезвычайнаго совѣта и даже съ согласія самаго ихъ первосвященника (муфти). Французскій посланникъ выѣхалъ изъ Константинополя. Англичане объявили Портѣ нейтралитетъ, и что они, по случаю неизбѣжной войны между турками и Россіею, считаютъ необходимымъ усилить войска свои въ островахъ Іоническихъ. Вотъ здѣшнія новости. А у насъ ничего не слышно, мы все еще въ томъ же невѣдѣніи какъ и прошедшаго года.

Прощай, мой любезнѣйшій другъ, не оставь моей просьбы.

349.

Получено 19-го іюня 1822 г. въ Карлсбадѣ.

Послѣднее письмо твое, мой почтенный товарищъ Арсеній Андреевичъ, отъ 15-го апрѣля получилъ. Я правилъ моихъ по службѣ пере-

мѣнить не въ состояніи при исходѣ службы, и потому пока служу, правды говорить не перестану. Могу сдѣлать упущенія, могу какъ человѣкъ подпасть подъ взысканіе, но въ намѣреніяхъ моихъ всегда готовъ дать отчетъ самому Богу.

Здѣсь меня безпрестанно дѣлаютъ то херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, то намѣстникомъ бессарабскимъ. Молдаване перетрусились ужасно и вдругъ никогда у меня не бывая, стали мучить визитами, до которыхъ я, какъ ты знаешь, большой охотникъ и знаменитый комплиментистъ.

Поступокъ мой по исторіи Камчатскаго полка отдаю на судъ цѣлому свѣту, но подобное происшествіе не могло не огорчать меня. Чтобы сказалъ Государь, еслибы дошло о томъ какъ-нибудь стороною, и мнѣ, посѣдѣвшему на службѣ Царской, потерять все заслуженное пѡтомъ и кровью было бы слишкомъ больно, да какъ и теперь Государю представлено не знаю. Можетъ быть я и попалъ на замѣчаніе, за что же? За неопытность и неудачные опыты Орлова.

Прошу о покровительствѣ погибающему въ началѣ службы бѣдному молодому человѣку Ушакову.

Я объ эстампахъ никогда не писалъ, а писалъ о конвертахъ изъ толстой бумаги, и просилъ ихъ мнѣ купить.

Дай Богъ тебѣ не потерять напрасно времени въ Карлсбадѣ. Впрочемъ, развлеченіе и свобода сдѣлаютъ, безъ сомнѣнія, много пользы. Прошу тамъ пить . . . . . .[1]) вино и привезти мнѣ хоть дюжину бутылокъ сего нектара, если возможно.

Лошадь боевая будетъ, а парадной не знаю гдѣ достать.

350.

18-го ноября 1822 г. Тирасполь.

Шесть недѣль ровно жилъ я въ 32-мъ егерскомъ полку для извѣстнаго дѣла Раевскаго, производимаго по Высочайшей волѣ подъ надзоромъ моимъ. Дѣло ясное, но свидѣтельства слабыя, словомъ, многосложное сіе дѣло требуетъ многихъ изустныхъ объясненій, особливо по предмету союза и приглашенія за Днѣстръ къ Вознесенску. Боюсь и самъ впасть въ подозрѣніе въ послабленіи производимаго надъ Раевскимъ дѣла; но я увѣренъ, что всякій другой и того бы не сдѣлалъ,

---

[1]) Одно слово не разобрано.

что я сдѣлалъ. А потому и прошу у тебя дружескаго совѣта, почтеннѣйшій Арсеній Андреевичъ: скажи, что мнѣ дѣлать? Кромѣ обыкновеннаго заключенія моего при донесеніи, я, для собственнаго моего оправданія, желалъ бы объяснить дѣло изустно, но поѣздка въ Петербургъ при моемъ состояніи сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разстройку. Нельзя-ли тебѣ объяснить сего обстоятельства князю Петру Михайловичу (Волконскому), и доложить ему, что если рѣшеніе теперешняго суда покажется недовольно полнымъ, то пусть бы прислали кого-нибудь для объясненія тѣхъ статей, кои покажутся сомнительными, или пусть меня потребуютъ въ Петербургъ; но сіе послѣднее, какъ и выше сказалъ, будетъ для меня весьма чувствительно. Впрочемъ, если необходимо нужно что же дѣлать? Сдѣлай же дружбу, увѣдомь меня заблаговременно, чтобы я могъ успѣть заготовиться необходимымъ капиталомъ, изъ числа находящихся въ коммерческомъ одесскомъ банкѣ 50 тысячъ рублей. Здѣсь занять негдѣ, да и на что занимать, имѣя свои деньги.

Прости, мой любезный другъ. Желаю тебѣ чего ты самъ себѣ желаешь

P. S. Лучше, еслибы кого прислали, съ кѣмъ бы я могъ объясниться, или поручили бы Киселеву, или кому угодно.

351.

Получено 19-го января 1823 г.

Ради самого Бога поѣзжай на Кавказъ. Употреби кисло-сѣрную ванну и потомъ желѣзныя воды съ употребленіемъ внутреннимъ кислыхъ водъ. За успѣхъ головой отвѣчаю. Что вашъ Карлсбадъ и пр. и пр. и пр., все дрянь! Если поѣдешь, напиши мнѣ. Когда не будетъ войны, то и я готовъ ѣхать, лишь бы отпустили.

Повѣрь совѣту искренняго друга твоего, который понимаетъ тебя лучше эскулаповъ, изъ собственнаго опыта своего.

P. S. Выѣхать изъ Москвы надо въ началѣ мая.

Прошу при случаѣ помочь бѣдному страдальцу ген.-маіору Тучкову. Онъ по дѣлу всѣми коммиссіями оправданъ, но все благодѣяніе состоитъ въ томъ, чтобы скорѣе кончить его судъ.

352.

16-го февраля 1823 г. Тульчинъ.

По всѣмъ слухамъ я назначаюсь, какъ говорятъ всѣ, военнымъ министромъ. Господи Боже мой! Мнѣ, право, жить не долго, и если кому-нибудь нужно мое мѣсто, то пусть опредѣлятъ меня куда хотятъ только не въ министры. Мнѣ-ли, грѣшному, старому инвалиду фигурировать на узорчатомъ паркетѣ? Какую пользу принесу я, занявши такой постъ? Умоляю тебя, какъ истиннаго моего друга, сдѣлай милость, увѣдомь меня о томъ. Знаю, чѣмъ обязанъ я Царю и царству. Готовъ былъ умереть солдатомъ, но если высшей власти то неугодно, то буду просить заблаговременно увольненія, ибо при полученіи уже назначенія просьбу объ отставкѣ справедливымъ образомъ сочтутъ за упрямство. И потому представь себѣ какое сдѣлаешь ты мнѣ одолженіе, когда увѣдомишь въ свое время.

Къ осени ожидаемъ Государя, по словамъ начальника генеральнаго штаба, хлопотъ бездна, а министерство отнимаетъ руки: какъ вспомню, что надобно разстаться, такъ и сердце кровью обливается. Посуди, любезный, вотъ уже 36 лѣтъ живу съ солдатомъ, и, наконецъ, въ преклонныхъ лѣтахъ вмѣсто покоя назначаютъ министромъ! Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего отвѣта.

Киселевъ мнѣ этого не говорилъ, но я думаю онъ сполитиковалъ по придворному.

Петръ Ивановичъ старѣе меня, да былъ министромъ, но Петръ Ивановичъ почтеннѣйшій Петръ Ивановичъ, дай Богъ ему здоровья, вѣкъ свой провелъ въ Петербургѣ, а я въ полѣ. Если думаютъ, что я дрянной генералъ, такъ вѣдь у Государя мѣстъ много,—да пускай взглянутъ и на другихъ лучшихъ.

353.

20-го марта 1823 г. Тирасполь.

Я хотѣлъ быть въ Петербургѣ по дѣлу Раевскаго для того только, что изустное объясненіе лучше всякаго другого, а притомъ хотѣлъ сказать, что съ удаленіемъ Раевскаго истинно нѣтъ никакой опасности, ибо нижніе чины, привыкшіе къ слѣпому повиновенію, не постигали его намѣренія, и какъ мнѣ кажется многаго не понимали. Дѣло кончено

и на слѣдующей почтѣ будетъ отправлено. Оно мнѣ кажется довольно ясно и выведено все обстоятельно, слѣдовательно, мнѣ ѣздить въ Петербургъ, ожидая въ августѣ прибытія Государя къ намъ, была бы совершенно пустая и безполезная издержка. Особенно въ теперешнее время, когда надобно заняться корпусомъ, да и тощему карману моему было бы накладно.

Благодарю любезнѣйшаго друга за успокоеніе относительно назначенія меня военнымъ министромъ. Я отъ этого проклятаго слуха покоя лишился. Готовъ служить Богу и Государю, покуда силы позволяютъ, но служить тамъ, гдѣ могу употреблять способности мои съ пользою. Такіе слухи и совершенное забвеніе, въ какомъ я нѣсколько лѣтъ прожилъ, допускаютъ поравняться со мною многихъ, которыхъ я въ теперешнемъ моемъ чинѣ зналъ гвардіи офицерами, крайне огорчительны, но дѣлать нечего. Терпи казакъ атаманомъ будешь; былъ и на нашей улицѣ праздникъ, увидимъ, что покажетъ нынѣшній смотръ. Всѣ силы всѣхъ вообще устремлены къ тому, чтобы угодить, но свыше возможнаго требовать нельзя. А мое дѣло смотрѣть, чтобы лишній задоръ былъ безъ вреда службѣ. Я не хочу покупать милостей Царскихъ разореніемъ и кровію другихъ, но единственно моимъ и сотоварищей моихъ усердіемъ и трудами.

Не знаю можетъ-ли Тучковъ писать Государю въ собственныя руки, развѣ только потому что онъ начальства не имѣетъ, слѣдовательно, можетъ адресоваться прямо.

Сдѣлай, братъ Арсеній Андреевичъ, дружбу, купи мнѣ для будущаго смотра хорошую, т.-е. хорошей..... *) шляпу безъ петлицъ и знаменитый султанъ рублей во 100. Что будетъ стоить, я съ благодарностію пришлю.

Дай Богъ тебѣ здоровье и благополучіе.

354.

19-го августа 1824 г. Тульчинъ.

Наконецъ, любезный другъ и старый товарищъ Арсеній Андреевичъ, вспомнилъ крикуна Сабанѣева, который никогда тебя не забывалъ, а не писалъ то отъ лѣни, то отъ хлопотъ, то отъ невѣдѣнія, гдѣ тебя искать. Молчалъ, но все-таки любилъ и помнилъ.

*) Одно слово неразобрано.

Желаешь-ли знать о моемъ житьѣ-бытьѣ, изволь, братъ, скажу все и со всею откровенностію; начну съ обветшалой моей физики. Сѣдъ какъ лунь, иногда прихварываю, но еще довольно бодръ и на службу покуда годенъ. Душевно покоенъ. По службѣ, сижу на воеводствѣ въ Тульчинѣ, бранюсь всякій день, особенно съ интендантствомъ и коммиссіями. Богатъ по старому: голоднаго накормить, жаждущаго напоить, нищему подать милостыню, могу. У бабы сарафанъ, у меня мундиръ, сюртукъ, шинель и пр. имѣются, но когда пришибетъ старость, когда одолѣютъ недуги, головы преклонить некуда. Въ резервѣ ничего. Вотъ обстоятельство довольно важное, но я, какъ и въ старину, живу день до вечера и мало о томъ думаю.

Жалѣю крайне, если повредилъ Буткову, котораго даже и не знаю, а слышалъ только отъ Воронцова, что ему египетская глазная болѣзнь знакома и онъ ее лечилъ; а какъ здѣшніе доктора писали только диссертаціи, а между тѣмъ, люди лишались зрѣнія, то и я написалъ въ Петербургъ, чтобы прислали Буткова. Я думаю, что и всякій бы на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ тоже.

У насъ здѣсь лѣто было прекрасное, урожай на все чудесный, кромѣ однакоже нѣкоторой части Херсонской губерніи, части Бессарабской области и всей Таврической губерніи, гдѣ ничего нѣтъ. Засуха была ужаснѣйшая. Саранча была почти по всѣмъ мѣстамъ, но вреда сдѣлала мало. Теперь время здѣсь удивительное, не жаркое, не холодное, вотъ климатъ для тебя преполезный. На твое мѣсто можно бы послать какого (нибудь) нѣмца, а тебя къ намъ поближе. Вотъ бы дѣло-то и въ шляпѣ. Воронцовъ такъ же сѣдъ какъ и я; мы живемъ съ нимъ по сосѣдству, и нерѣдко видимся. Онъ, бѣднякъ, схватилъ нынѣшняго лѣта лихорадку въ Крыму, однакоже по послѣднему письму, которое отъ него имѣю, ему лучше. Что за удивительный человѣкъ, дай Богъ такихъ людей болѣе, но и имъ недовольны. Кто же можетъ угодить? Никто, да и не надо угождать. Иди по чистой совѣсти и по стопамъ заповѣди, вотъ и все искусство управлять людьми, т.-е. для управленія людьми надобно сперва умѣть управлять собою.

Прости, мой любезнѣйшій дружище, обнимаю тебя отъ всей души.

Я пришлю тебѣ свѣжихъ орѣховъ воложскихъ.

P. S. Здѣсь пронесся слухъ, что camarade нашъ Ермоловъ болѣнъ грудною водянкою. Жаль какъ товарища и какъ человѣка, по истинѣ государственнаго. Дай Богъ, чтобы то было солгано.

355.

15-го сентября 1824 г. Брацлавль.

Сейчасъ получилъ извѣстіе весьма важное, которое вмѣстѣ съ симъ старому другу и товарищу посылаю.

Здѣсь собрана почти вся 2-я армія для примѣрной войны. Сейчасъ ѣду на поле кровопролитной брани.

Толстая собака Гудовичъ предстоитъ предо мною и тебѣ кланяется такъ низко, сколько брюшище допускаетъ наклониться.

Прости, мой любезный другъ, вѣчно твой.

356.

Получено 31-го октября 1824 г.

Спасибо старому товарищу, что вспомнилъ прежняго однослуживца своего. Сдѣлай дружбу, давай мнѣ порученія, если тебѣ что изъ обѣтованной нашей земли доставить нужно. Калифатство мое кончилось, и я здѣсь только до разрѣшенія рапорта главнокомандующаго, коимъ доноситъ онъ о прибытіи своемъ къ арміи.

Благодарю Бога, командованіе мое, кажется, оканчивается благополучно. Происшествій и замѣчаній Богъ избавилъ. По смѣтѣ убавлено до 1.300,000 рублей, да противъ прошлогодней смѣты на одномъ фуражѣ съ 1-го сентября по 1-е января болѣе 300 тысячъ; да если торги на провіантъ и фуражное продовольствіе продолжатся съ такимъ же успѣхомъ, то надѣюсь, что и противъ смѣты на будущій годъ будетъ экономіи еще болѣе милліона. И такъ можетъ быть до $2^1/_2$ милліоновъ. Заплатилъ Царю за Его милости ко мнѣ. Здоровье плохо, болѣе недѣли не выхожу изъ комнаты. Наливку надѣюсь получить и выпью за твое здоровье всенародно.

Въ Питерѣ нужно бы побывать, да, вѣдь, ты знаешь, какой я дикарь. Я на своемъ мѣстѣ именно здѣсь, а въ Петербургѣ никуда не гожусь. А притомъ признаться долженъ, что и финансовые мои способы не въ цвѣтущемъ положеніи. Хотя я теперь и женатый человѣкъ, но все по старому, по солдатски. Ѣзжу въ брыкѣ, сплю на тюфякѣ и пр. и пр.

Скажи, пожалуйста, да скажи же откровенно, за что забылъ меня старый дружище собака-дипломатъ Булгаковъ. Не только не пишетъ,

но и на мои письма не отвѣчаетъ. Я думаю отъ хлопотъ, коими онъ столько озабоченъ.

Воронцовъ будетъ въ Питерѣ и хочетъ отправиться въ концѣ ноября. Не повѣришь какъ онъ посѣдѣлъ. Какъ лунь бѣлый! Правду сказать и меня не скоро разберешь какой я масти, но Воронцовъ передо мною лѣтами молокососъ. Мнѣ будетъ уже 52 года, а ему, я думаю, не болѣе 43, правда, что мы съ нимъ пожили и кой-чего поѣли. Какъ-то ты, дружище: старъ или молодъ? Дряхлъ или бодръ? Въ парикѣ или еще не нужно!

Гудовича увижу и поклонюсь ему отъ тебя; его разнесло горою, и Александрина часто толстѣетъ, всякій годъ съ брюшкомъ. И другая кума, бывшая Мантейфель, тещинька (?) Гудовича здѣсь же въ сосѣдствѣ. Я у ней бываю довольно часто. Къ толстому Гудовичу пріѣхалъ тесть его, старый б...... Григорьевичъ. Надежда, Вѣра Оболенскія и всѣ собрались на свадьбу. Отдаютъ Софью за Энгельгардта, за брата бывшаго у насъ хромаго Энгельгардта; богатый женихъ, но счастье не въ богатствѣ.

Прощай, мой любезный Орестъ. Вѣчно твой.

P. S. Киселева ожидаютъ здѣсь въ началѣ ноября.

357.

28-го ноября 1824 г. Тирасполь.

Худой отдыхъ, почтеннѣйшій другъ мой Арсеній Андреевичъ. Я не успѣлъ ногу показать изъ Тульчина, какъ курьеръ на встрѣчу съ извѣстіемъ о чумѣ въ Измаилѣ. Вотъ тебѣ отдыхъ. Поскакалъ въ Измаилъ и пробылъ тамъ двѣ недѣли на бивакахъ, покуда все объяснилось и что отъ меня зависитъ устроилось. Воронцовъ и я хотѣли ѣхать въ Петербургъ, но теперь до окончанія открывшейся въ Измаилѣ чумы ни тому, ни другому отлучиться отъ своего мѣста не простительно. Я же, сверхъ того, разсчелъ, что мнѣ гораздо лучше опредѣленныя на вояжъ сей деньги употребить на вспоможеніе разорившимся во время послѣдняго наводненія. Помощь моя, конечно, незначительна, но на сей разъ дать болѣе трехъ тысячъ не могъ, впредь охотно пожертвую и болѣе. Воля Всевышняго! Годъ 24-й не лучше 12-го. Тогда жертвовали мы кровію, теперь никто не откажется жертвовать состояніемъ.

Коммиссія твоя, любезнѣйшій товарищъ, исполнена будетъ.

Главная квартира меня порядочно помучила, болѣе всего интен-

дантство. Ты знаешь правила мои на сей счетъ, знаешь и обычай интендантствъ, слѣдовательно, можешь посудить, каково мнѣ было съ ними управляться, особенно будучи калифомъ на часъ.

Главнокомандующій нашъ получилъ весьма лестный рескриптъ, коимъ Государь изволитъ вручать ему командованіе арміей, а мнѣ за всѣ мои старанія пріобрѣтенія и пр. ни полслова. Вотъ ясное доказательство, что заслуги безъ подпоры остаются безъ вниманія. Мнѣ все равно, ничего не нужно, особенно при теперешнемъ несчастіи, постигшемъ Царя и столицу; напротивъ, я готовъ свое отдать, и отдать съ истиннымъ душевнымъ утѣшеніемъ. Но таковое равнодушіе къ службѣ ревностной (если находятъ командованіе мое таковымъ) службѣ вредно, а мнѣ унизительно. Такъ и быть. Покуда смогу служить, буду я съ тою же ревностію какъ и всегда.

Собака-дипломатъ человѣкъ, конечно, честный, то-то и досадно, что онъ меня забылъ, и забылъ безъ причины. Заботъ у него всегда было не менѣе, но все-таки хоть изрѣдка да писалъ и отвѣчалъ, а теперь хоть тресни. Что нибудь да не даромъ. Ну, Богъ съ нимъ. Я, право, передъ нимъ ни въ чемъ не виноватъ, если бы кто другой, а не Булгаковъ меня забылъ, то я бы не замѣтилъ.

Прощай, мой любезный, будь здоровъ и веселъ. Вѣчно твой.

P. S. Вицманъ тебѣ кланяется. Чупруновъ, я думаю, къ тебѣ уже пріѣхалъ. Я еще до отъѣзда изъ Тульчина сдѣлалъ мое представленіе.

358.

Получено 31-го декабря 1824 г.

Поздравляю тебя, любезный Арсеній Андреевичъ, съ хорошимъ помощникомъ. Вручитель сего ген. Чупруновъ сдѣлался мнѣ извѣстнымъ въ продолженіе командованія моего 2-ою арміею. Я имѣлъ случай испытать его дѣятельность. Онъ весьма радъ, что будетъ служить подъ твоимъ начальствомъ, съ чѣмъ тебя, стараго дружища, и поздравляю.

Мнѣ бы нужно побывать въ Питерѣ, да, во-первыхъ, здоровье, а во-вторыхъ, финансы дѣлаютъ двѣ важныя преграды таковому намѣренію. Ну, какъ опять также будетъ трудно вырваться изъ Петербурга какъ въ прошломъ 1818 году, то слуга покорнѣйшій. Я не могу жаловаться на недостаточное состояніе. Нѣтъ! У меня отъ расходовъ остается въ годъ тысячъ до трехъ, но вояжъ въ Петербургъ и необходимость побывать въ Москвѣ, будутъ стоить, конечно, до шести тысячъ.

Это уже надобно взять изъ капитала, т.-е. изъ 80 тысячъ, вотъ мое состояніе.

Въ Петербургѣ нужно бы побывать для того, что здѣсь во время смотра Дибичъ говорилъ, что я рѣдко ѣзжу въ Петербургъ, а какъ мнѣніе начальника штаба есть мнѣніе Государя, то и нельзя ему противиться; впрочемъ, Богъ знаетъ, я съ дворомъ незнакомъ.

Прощай, любезный товарищъ, дай Богъ тебѣ здоровья. Душевно преданный

359.

19-го іюня 1826 г. Карлсбадъ.

Много благодаренъ старому товарищу, что не забываетъ хвораго Сабанѣева. По увѣренію эскулаповъ здѣшнія воды особенно приличны въ моихъ припадкахъ, и я въ надеждѣ на помощь Всемогущаго ожидаю съ нетерпѣніемъ спасительнаго дѣйствія оныхъ. Говорятъ, что сего ожидать должно по окончаніи полнаго курса. Между тѣмъ вышло уже болѣе 60 камней желчныхъ, изъ коихъ нѣкоторые не признаны таковыми многими изъ медиковъ. Я думаю послѣ завтра съѣздить въ Дрезденъ, посовѣтоваться съ знаменитымъ Крейцигомъ и показать ему спорные камни. Ничего такъ не желаю, какъ отслужить новому милостивому Царю за незаслуженное ко мнѣ благорасположеніе. Продли, Господи, Его Царствованіе, даруй Ему, Боже, мудрость Соломонова. Кто не почувствуетъ великодушіе Его съ преступниками-злодѣями; но опасно, чтобы милость къ подобнымъ злодѣямъ не была во вредъ. Ко мнѣ возвратили двухъ молодцовъ, ахти не надежныхъ. Одинъ нѣмецъ, служилъ по квартирмейстерской части, а другой—принадлежалъ первому корпусу. У меня, благодаря Бога, этой дряни нынѣ не открылось оттого единственно, что я ихъ придушилъ еще въ 1822 году. Симъ обязанъ я Орлову.

Не смотря на многолюдство, грустно по отчизнѣ. Хотѣлось бы еще разъ прежде смерти взглянуть на родину и родныхъ, коихъ съ 1818 года не видалъ. Болѣзнь разстроила всѣ мои планы и состояніе. Государь хотя изволилъ предложить мнѣ пособіе, но я принять онаго безъ новыхъ заслугъ не согласился. Пусть Онъ будетъ у меня въ долгу, а не я у Него.

Прощай, любезный Арсеній Андреевичъ, если ты будешь постоянно жить въ Петербургѣ, то можетъ быть увидимся зимою. Я обязанъ пріѣхать поклониться новому Государю, если болѣзнь не помѣшаетъ.

360.

14-го іюля 1826 г. Карлсбадъ.

Худо, братъ, Арсеній Андреевичъ. Болѣе нежели когда-нибудь чувствую обязанности служить, но лихая немочь гнетъ въ дугу Царскаго слугу. Дорого расплачиваюсь за старые грѣхи. Покоряюсь воли Всемогущаго Творца и безъ роптанія переношу мучительные припадки, коимъ и конца не вижу.

Государь, увольняя меня, изволилъ, вѣроятно, узнать о скудномъ положеніи моихъ финансовъ, и потому приказалъ спросить, не имѣю-ли я надобности въ какомъ особенномъ пособіи, которое Его Величество съ удовольствіемъ готовъ сдѣлать. Таковое милостивое предложеніе безъ особенныхъ заслугъ моихъ, тѣмъ болѣе заставило меня отказаться отъ новыхъ милостей Царскихъ, что онѣ обязывали меня продолжать службу, а какъ я не увѣренъ въ возможности сего, то и не могъ рѣшиться принять онаго. Идти въ отставку, пристанища не имѣю. Вотъ положеніе стараго товарища твоего, любезный другъ Арсеній Андреевичъ; плохо и тѣмъ болѣе плохо, что пособить нечѣмъ. Воды выпилъ пропасть, а пользы не вижу, обѣщаютъ впослѣдствіи. Что будетъ увидимъ.

Весьма хотѣлось быть въ Петербургѣ, поговорить и посовѣтоваться съ добрыми пріятелями какъ лучше, потомъ, если возможно, объясниться съ самимъ Государемъ. Но если будетъ война,—остаюсь на мѣстѣ, пусть доколачиваютъ разсохшуюся мою машину, она никуда болѣе не годится. Если же роковой пули не найду, то все-таки послѣ буду имѣть болѣе права на милости Царскія. Вотъ мои виды—виды всѣхъ смертныхъ, похожіе на мыльные пузыри. Орловъ отдѣлался весьма счастливо для него, но не знаю, правъ-ли онъ по совѣсти. Говорятъ, что онъ уже шесть лѣтъ какъ отказался отъ тайнаго общества, но тому только три года какъ затѣивалъ новыя чудеса въ 16-й дивизіи.

Съ Васильемъ Александровичемъ Пашковымъ мы сходимся всякій день играть въ вистъ къ Бистрому, исключая тѣхъ дней, въ которые пришибетъ меня лихая немочь.

Прости, старый артельщикъ, не забывай душевно и постоянно преданнаго *И. Сабанѣева.*

P. S. Не повѣришь въ какомъ я затруднительномъ положеніи,—не хочу скучать тебѣ моимъ горемъ. Господи, спаси Царя! Богъ и Государь, вотъ моя надежда!

361.

28-го октября 1826 г. Тирасполь.

По всѣмъ отношеніямъ мнѣ должно бы быть въ Петербургѣ, но дряхлая моя машина и думать о томъ не позволяетъ. Карлсбадскія воды, хотя и сдѣлали нѣкоторое облегченіе, но по общему мнѣнію всѣхъ эскулаповъ повтореніе еще одного курса карлсбадскихъ водъ признается необходимымъ. Чувствую, что повтореніе одной и той же просьбы третій годъ сряду, по принятому правилу, не позволяетъ надѣется, чтобы оставили меня на службѣ, хотя главнокомандующій и взялся быть моимъ ходатаемъ. Воля Государя моего со мною. Но если отчислятъ меня по арміи или уволятъ за болѣзнію, не оставя при мнѣ ни жалованья, ни столовыхъ, ни деньщиковъ, тогда останусь безъ пристанища, и даже безъ прислуги. Не боюсь козней, надѣюсь на милость Божію и справедливость Царскую. Помоги, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, нельзя-ли найти случай объяснить Государю мое положеніе. Оно заключается въ слѣдующемъ:

Состояніе здоровья моего требуетъ еще одного послѣдняго опыта карлсбадскими водами, если и затѣмъ здоровъ не буду, тогда и самъ буду просить увольненія.

Состояніе мое заключается въ арендѣ, съ которой получаю только 3,000 серебромъ въ годъ и 60 тысячъ капитала. Аренда оканчивается чрезъ пять лѣтъ.

Служу 39 лѣтъ,—въ будущемъ январѣ кончится 40. Имѣю три раны огневыя и четвертую штыковую,—вотъ мои права на милость Царскую.

Не считаю себя въ правѣ безпокоить Государя исключительными милостями, въ сравненіи съ прочими удостоившимися таковыхъ, но прошу того, что всѣмъ даютъ,—отпуска съ жалованьемъ до 1-го августа, или отчисленія по арміи, также съ жалованьемъ, деньщикомъ и столовыми.

Знаю, что самому мнѣ бы нужно и полагаю возможно было объяснить положеніе мое Государю, но съ моимъ-ли здоровьемъ пуститься въ такой дальній путь, въ страну Гиперборейскую, въ лютые морозы быть въ мундирѣ. Теперь я сдѣлать сего не въ силахъ. Припадки хотя бываютъ и временно и продолжаются послѣ водъ не болѣе однѣхъ или по большей мѣрѣ двухъ сутокъ, но малѣйшая неосторожность въ пищѣ или простуда даромъ не проходятъ, какъ же уберечься въ такую дальную дорогу, да и въ самомъ Петербургѣ?

Радъ бы всей душою взять Бакунина въ адъютанты, но вакансіи теперь нѣтъ, а кажется скоро будетъ, ибо одинъ изъ моихъ адъютантовъ собирается въ отставку. Коль скоро онъ подастъ, и самъ я изъ службы выгнанъ не буду, увѣдомлю.

362.

9-го февраля 1827 г. Тирасполь.

Незавидное положеніе стараго товарища твоего, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Вѣкъ мой провелъ въ войнѣ и въ Тирасполѣ. Настала хворость, всѣ виды исчезли, и старый инвалидъ безъ пристанища. 70 тысячъ капиталу и 5 тысячъ пустой степи въ Бессарабіи составляютъ все мое достояніе. Необходимость ѣхать въ Карлсбадъ заставила просить помощи у Государя, помощи, которую Его Величество самъ изволилъ мнѣ предлагать въ прошломъ году, и которой я изъ деликатности, безъ особыхъ заслугъ, не принялъ, не предвидя надобности опять ѣхать за границу. Но теперь, когда вижу надобность повторить тотъ же вояжъ, крайне затрудняюсь въ способахъ. Главнокомандующій, взявшійся хлопотать, привезъ только отпускъ, о пособіи же молчитъ, слѣдовательно, не хочетъ только сказать, что Высочайшаго соизволенія не послѣдовало. Не могу думать, чтобы Государь, соизволя самъ вызваться въ прошломъ году на пособіе, въ нынѣшнемъ отказалъ; но чтò же это значитъ? Я рѣшился бы и самъ писать къ Государю, но, во-первыхъ, съ трудомъ могу рѣшиться просить денегъ, не видя возможности заслужить; во-вторыхъ, не имѣя вѣрнаго отказа, новая просьба законно можетъ почесться докукою и жадностію къ деньгамъ. Прошу твоего совѣта, что мнѣ дѣлать. Сдѣлай милость, увѣдомь, и если думаешь, что писать нужно, позволь мнѣ письмо послать чрезъ тебя, т.-е. нельзя-ли тебѣ его отдать замолвя словечко. Вотъ, братъ, каково не беречь денежку про черный день. Если бы я копилъ деньги до сихъ поръ, имѣлъ бы чѣмъ безбѣдно дожить вѣкъ, не докучая никому—что же дѣлать? Будетъ война—готовъ служить, а не будетъ, то необходимо взять на нѣкоторое время отдыхъ отъ всѣхъ дѣлъ. Истинно не въ моготу.

Что сдѣлалъ я старому собакѣ-дипломату (К. Я. Булгакову)? За что онъ меня совершенно забылъ? Если только отъ заботъ, я охотно ему прощаю и даже прошу безъ нужды не писать, но кажется онъ мнѣ на нѣкоторыя письма мои, т.-е. прежде даже не отвѣчалъ. Это на него

не похоже. Развѣ онъ на придворномъ паркетѣ не тотъ же милый, любезный Костикъ (Константинъ), что былъ доселѣ въ Бухарестѣ. Досадно, если и такимъ людямъ, какъ нашъ Булгаковъ, не совсѣмъ довѣрять можно. Но я все-таки еще не вѣрю столь чудесному превращенію характера.

Если будетъ война, ни денегъ, ни отпуска не прошу. Заслужу или не буду имѣть ни въ чемъ земномъ нужды.

Сдѣлай милость, напиши. Съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Сейчасъ читаю, что Желтухинъ 2-й назначенъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ. Вотъ что̀ значитъ служить по гвардіи и служить на Прутѣ и Дунаѣ. Здѣсь охраняй царство, отвѣчай за всякаго казака, и никто службы не цѣнитъ, и даже не знаютъ, а въ Питерѣ все на чеку. Мѣсто Желтухина было бы и мнѣ, инвалиду, по сердцу. Климатъ и городъ все было бы кстати. Чувствую необходимость предстать предъ Царемъ Бѣлымъ, но что же дѣлать, когда силы не позволяютъ. Я и здѣсь мерзну, а у васъ и говорить нечего. Одна дорога замучитъ. Ѣхать надо въ Карлсбадъ, а оттуда, если Богу угодно, проѣду и въ Питеръ, какъ войны не будетъ.

363.

10-го мая 1827 г. Кавк. мин. воды.

Милости Государя превзошли ожиданія мои, почтеннѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Лестные отзывы Его Величества на счетъ мой налагаютъ на меня священнѣйшую обязанность служить Ему до гроба.

Съ сердечнымъ сокрушеніемъ разстаюсь съ моими сослуживцами. Десятилѣтнее командованіе 6-мъ корпусомъ познакомило меня съ нимъ коротко; оставляю его по совершенной необходимости и можетъ быть въ такую минуту, когда открываются надежды къ войнѣ, которая одна могла вознаградить десятилѣтніе труды мои и скуку тираспольской жизни. Но что дѣлать!—повинуюсь волѣ Всемогущаго Творца.

Здоровье мое до сихъ поръ въ прежнемъ положеніи, я потерялъ всю довѣренность къ медицинѣ и къ прозелитамъ, потерялъ, потому что третій годъ на испытаніи эскулаповъ, которые доселѣ не только мнѣ не помогли, но и болѣзни не узнали. Послѣдній, кажется, годъ прибѣгаю къ минеральнымъ водамъ, если и за симъ облегченіе не будетъ, поѣду въ Англію или Францію совѣтоваться съ тамошними докторами. Но коль скоро получу хотя малѣйшую возможность продолжать службу,

не замедлю представиться Государю. Да будетъ воля Его со мною. Онъ мой Царь и благодѣтель. Я Его вѣрнѣйшій подданный, обязанный благодарностію.

Оттуда предполагаю ѣхать въ Кіевъ, гдѣ и намѣренъ я поселиться, дабы въ случаѣ старости и дряхлости имѣть пристанище, коего до сихъ поръ нигдѣ не имѣлъ.

Сдѣлай одолженіе, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, узнай будутъ-ли мнѣ во время отпуска производить выдачу жалованья и столовыхъ денегъ. Объ этомъ въ приказѣ не отдается, а ко мнѣ ничего никто о томъ не пишетъ.

Одолженія твои цѣню весьма дорого и не забуду ихъ до гроба.

P. S. До августа прошу писать ко мнѣ на Кавказъ, а позже сего въ Кіевъ, съ надписью ожидать туда моего прибытія. Я избралъ Кіевъ для климата, который по умѣренности своей въ болѣзненномъ еще состояніи моемъ болѣе мнѣ приличествуетъ. Когда сколько-нибудь поправлюсь въ моемъ здоровьи, лежать даромъ не буду. Я прежде писалъ тебѣ, любезнѣйшій другъ, о генералъ-губернаторствѣ, или о мѣстѣ подобномъ мѣсту Петра Желтухина. Это только по причинѣ слабаго моего здоровья, которое въ мои лѣта не весьма надежно совершенно возстановиться можетъ. Впрочемъ, военную службу ни на какую другую не промѣняю, тѣмъ болѣе, что она мнѣ совершенно знакома, да и по состоянію, которое съ мѣстомъ генералъ-губернатора не совсѣмъ въ гармоніи.

Но будь воля Государя отца и благодѣтеля со мною, я обязанъ, обязанъ служить Ему.

Правда-ли, что Бахметьевъ идетъ въ отставку. Вотъ бы для тебя хорошій постъ, по моему мнѣнію. Но, право, по четыре и пять губерній на одного человѣка взваливать на плечи, значить требовать выше силъ. Мнѣ кажется, двѣ или три по самой большой мѣрѣ есть крайняя мѣра.

364.

26-го августа 1827 г. Одесса.

Любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ смотрю на пріуготовленія къ походу, но дѣлать нечего.

Здоровье такъ плохо, такъ плохо, что и подумать служить нельзя.

Я поселился здѣсь въ Одессѣ, готовъ по возможности силъ моихъ быть твоимъ коммиссіонеромъ.

Стыдно мнѣ брать даромъ жалованье и столовыя. Пусть бы сдѣлали меня хотя попечителемъ здѣшняго лицея, на мѣсто графа Вита, который, вѣроятно, пойдетъ на войну, да и безъ того у него дѣла, я полагаю, много, а я бы въ свободное отъ болѣзни время могъ иногда присмотрѣть за симъ прекраснымъ, но, какъ говорятъ, весьма запущеннымъ заведеніемъ.

P. S. Вручитель сего человѣкъ благороднѣйшій. Помоги ему.

365.

24-го января 1828 г. Одесса.

Худо мнѣ, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, очень худо. Не взирая на то, не могу жаловаться на судьбу мою: многимъ подобнымъ мнѣ страдальцамъ гораздо хуже. Я въ болѣзни моей имѣю нѣкоторые промежутки; припадки не всегда бываютъ смертельные; словомъ, я привыкъ къ страдальческому моему состоянію; я хотя не въ изобиліи, но не нуждаюсь въ необходимомъ; не всякій нашъ братъ инвалидъ похвалиться тѣмъ можетъ. То-ли дѣло какъ я былъ егерскимъ штабъофицеромъ, начиная съ войны итальянской до окончанія финляндской? Молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ссылаюсь на всѣхъ тогдашнихъ моихъ начальниковъ и товарищей. Гдѣ что дѣвалось? Уже нѣтъ меня и половины, немощи уничтожили здоровье, притупили и самыя способности. Но въ семъ тлѣнномъ мірѣ всему есть конецъ.

Съ священнымъ благоговѣніемъ и слезами читалъ я указъ о пенсіонахъ, давно мы подобныхъ указовъ не читывали. Теперь рѣдкая почта не привезетъ какихъ-либо всенародныхъ милостей. Напримѣръ, указъ о гильдіяхъ, или лучше сказать, измѣненія по гильдейскимъ постановленіямъ кому не ощутительны? Въ указѣ о пенсіонахъ чего не придумано, по мнѣнію моему, есть даже мѣста, кои слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ образомъ ограничить, напримѣръ § 40. «Выходящіе въ отставку по разстроенному совершенно здоровью или неизлѣчимымъ болѣзнямъ»... произведетъ: 1) Никто не выйдетъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ, но всѣ по разстроенному на службѣ здоровью, и это будетъ стоить не болѣе какъ отъ 100 до 500 рублей, смотря по чину. 2) Казна найдется въ невозможности покрывать всѣ потребные по предмету сему расходы. 3) Военное честолюбіе, или такъ сказать, военная гордость исчезла въ арміи нашей съ тѣхъ поръ, какъ мы выключены изъ числа непобѣдимыхъ. Большая часть ищетъ тепленькаго мѣстечка, до сихъ поръ много шло въ отставку, теперь пой-

дутъ еще болѣе; развѣ Богъ и Государь возведутъ насъ опять на прежнюю степень непобѣдимыхъ, служба содѣлается пріятнѣйшею; на все будетъ свое время, т.-е. время службы и время отдохновенія, словомъ, состояніе военнаго сословія улучшится, иначе побѣгутъ всѣ въ отставку.

Справедливо-ли сравнивать человѣка, потерявшаго здоровье на службѣ, напримѣръ, квартирующаго въ Измаилѣ отъ свирѣпствующихъ тамъ лихорадокъ, съ тѣмъ, который на службѣ же потеряетъ носъ отъ .....? Послѣдній, по мнѣнію моему, достоинъ сожалѣнія, по не долженъ равняться съ первымъ. Указъ ни того, ни другого не лишаетъ права на пенсіоны.

Я собираюсь ѣхать за границу, ожидаю только лучшаго времени. Здѣсь зима необыкновенная и несчастные степные жители лишаются скота еще болѣе нежели въ прошломъ 1824 году. Зима стала въ половинѣ ноября и держится постоянно до сихъ поръ. Въ половинѣ февраля хотѣлось бы выѣхать, дабы долѣе прожить у Крейциха въ Дрезденѣ.

Намѣреваюсь купить здѣсь домишко и симъ пристанищемъ обязанъ буду Его Величеству. Продаю послѣдній участокъ бессарабской земли, но такое безденежье, что никто не покупаетъ; увѣдомь, сдѣлай милость, не покупаетъ-ли казна, и въ чемъ принимаются десятина подъ залогъ въ банкѣ, только ради Бога, это между нами, я не хочу, чтобы Государь о томъ зналъ, иначе это будетъ похоже на лукавую просьбу, на хитрость, словомъ, на безсовѣстный поступокъ.

Прости, мой любезный другъ, не забывай твоего инвалида.

P. S. Война загорается, и мы здѣсь печемъ сухари, и я какъ гражданинъ Одессы беру въ томъ участіе. Тошно и даже стыдно быть празднымъ, но что же дѣлать? Если бы не ѣхать за границу, то можно бы мнѣ поручить хотя резервные баталіоны. Теперь предполагаю возвратиться изъ-за границы не прежде осени. Куда меня дѣвать въ моемъ чинѣ? Развѣ въ неслужащій инвалидъ.

366.

5-го (17-го) августа 1828 г. Карлсбадъ.

Сейчасъ утѣшенъ полученіемъ письма твоего, любезнѣйшій другъ Арсеній Андреевичъ, отъ 19-го іюля.

Страданія мои кончатся развѣ съ жизнію, но что обо мнѣ говорить, я инвалидъ навсегда.

Ты—почтенный нашъ министръ, занимая столь обширный кругъ государственнаго управленія, начинаешь уже жаловаться головною и глазною болью. Послушай совѣта истинно преданнаго тебѣ человѣка. Очищать запущенныя дѣла предмѣстникомъ твоимъ, конечно, нужно, но всему есть вѣсъ и мѣра. Я бы на мѣстѣ твоемъ вотъ что сдѣлалъ: я бы просилъ у Государя позволенія объѣхать, по крайней мѣрѣ, внутреннія губерніи Россіи, и нашъ Новороссійскій край, дабы познакомиться ближе, какъ съ народными потребностями, такъ и чиновниками въ министерствѣ твоемъ состоящими. Всѣ гг. министры знакомы съ Россіею по пересказамъ и донесеніямъ. Сіе путешествіе кромѣ ощутительной пользы службы было бы собственно и для тебя полезно. Дѣла текущія могутъ присылать къ тебѣ съ курьерами. Взгляни на своихъ губернаторовъ (образчики которыхъ и въ Петербургѣ можно видѣть), взгляни и полюбуйся, что за народъ; не терпи долго вакансіи губернаторовъ; я видѣлъ, какое зло отъ того происходитъ, да еще гдѣ же? у Воронцова, или лучше сказать, у благороднѣйшаго и благонамѣреннаго Палена, когда Тимковскій выпивалъ по котлу всякой всячины, начиная съ водки и выкуривалъ по 60 трубокъ. Вѣришь-ли, что я Тимковскаго ни разу не видалъ Тимковскимъ, и весьма занимательный говорятъ, онъ человѣкъ умный, я такимъ не видалъ его ни разу. Не одинъ Тимковскій, есть и въ другомъ родѣ милые ребята. Полюбуйся на полицiймейстеровъ, особенно присылаемыхъ изъ комитета. Словомъ, увидишь всю свою часть и тогда садись работать. Вели составить государственную статистику буде ее нѣтъ. Наконецъ, пріѣзжай въ Одессу къ старымъ друзьямъ твоимъ, Сабанѣеву и Воронцову. Если меня не будетъ, то хозяйка моя поставитъ щей горшокъ, а дочка по-русски попляшетъ. Вотъ что называется служить съ пользою и удовольствіемъ. Если я попалъ на твою мысль очень радъ, а не попалъ такъ и бѣги въ воду. Можно и въ Питерѣ не надсѣдаться: опредѣли часы занятія и часы отдохновенія.

Если бы я тебя всею душою не любилъ, то не намаралъ бы такого пространнаго письма.

Куда бѣдному Бистрому ѣхать до Петербурга, я не знаю, какъ онъ дотащится до Дрездена, гдѣ мы съ нимъ оба останемся зимовать, но на землѣ или въ землѣ Богъ вѣдаетъ.

Прости, мой любезнѣйшій другъ. Обнимаю тебя со всею искренностію солдатскаго моего сердца.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ, УПОМЯНУТЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИДЕСЯТИ-ВОСЬМИ ТОМОВЪ СБОРНИКА

Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Томъ IV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ. Часть I.. Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма имп. Александра I и другихъ особъ царствующаго дома къ Ф. Ц. Лагарпу. Сообщено Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Проектъ кн. М. И. Волконскаго о лучшемъ учрежденіи судебныхъ мѣстъ, поданный имп. Екатеринѣ II въ 1776 г. Сообщено А. Н. Поповымъ. — Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщено изъ семейнаго архива кн. Н. В. Репнинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе им. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ дѣлъ саксонскаго государственнаго архива, въ Дрезденѣ, Э. Германомъ. Письма гр. Петра Ив. Панина къ сыну гр. Никитѣ Петровичу. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письмо адмирала Чичагова къ имп. Александру I. Сообщено М. И. Богдановичемъ.—Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ. Сообщено гр. В. Н. Панинымъ.—Государственные доходы и расходы въ царствованіе им. Екатерины II. Сообщено А. Н. Куломзинымъ.—Бумаги кн. Н. В. Репнина. Сообщ. кн. Н. В. Репнинымъ.—Записка князя А. А. Чарторижскаго имп. Александру I, 26 іюня 1807 года.—Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. Сообщено изъ саксонскаго государственнаго архива Э. Германомъ. Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Собраны и изданы, съ Высочайшаго соизволенія, по предначертанію Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, академикомъ Пекарскимъ (здѣсь помѣщено болѣе 400 преимущественно собственноручныхъ бумагъ Императрицы съ 1744 по 1764 г. включительно). Часть I........Цѣна 3 р.

Томъ VIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ Часть II.. Цѣна 3 р.

Томъ IX. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ 1782 г. Сообщен. кн. П. А. Вяземскимъ; документы эти напечатаны съ разрѣшенія Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. 2) Переписка относительно несостоявшагося брака Густава-Адольфа IV съ Великою Княжною Александрою Павловною. 3) Переписка гр. П. А. Румянцова съ гр. Н. И. Панинымъ въ 1765 и 1771 гг. 4) Письма кн. А. А. Чарторижскаго къ Н. Н. Новосильцеву. 5) Изъ бумагъ Ивана Ивановича Шувалова (Письма Апраксина, Румянцова, Бутурлина и Салтыкова къ И. И. Шувалову). Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги имп. Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ м. и. д., съ 1765—1771 г. Собраны и изданы съ Высочайшаго соизволенія академикомъ Пекарскимъ. Часть II.................................. Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I, доставленные кн. П. Д. Волконскимъ и Н. В. Калачевымъ и извлеченные изъ архива Прав. Сената. Всѣхъ документовъ свыше 600. Изданы академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ........ Цѣна 3 р.

Томъ XII. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1762 по 1769 г. включительно. Сообщено изъ Англійскаго Госуд. архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть I.... Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги имп. Екатерины II, хран. въ Госуд. архивѣ м. и. д., съ 1771—1774 г., изданы академикомъ Я. К. Гротомъ. Часть III........ Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и изданныя Д. В. Полѣновымъ. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. 1) Бумаги изъ архива дворца въ г. Павловскѣ. 2) Донесеніе барона Мардефельда, прусскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 3) Бумаги князя Репнина за время константинопольскаго посольства........................ Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги кн. Н. В. Репнина за время управленія его Литвою, изд. Н. И. Костомаровымъ.. Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка имп. Екатерины II съ Фальконетомъ...... Цѣна 3 р.

Томъ XVIII. Донесеніе графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи и государственному канцлеру графу Кауницу-Ритбергу, съ 5-го января новаго стиля 1762 года по 24 іюля нов. ст. 1762 года, и переписка гр. Мерси съ русскимъ министерствомъ. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть I.................. Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ дворѣ съ 1770 по 1776 г. включительно. Сообщено изъ Англійск. Госуд. архива и архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть II.... Цѣна 3 р.

Томъ XX. 1) Дипломатическіе матеріалы сборнаго содержанія, относящіеся къ царствованію Петра Великаго. 2) Дипломатическіе документы, относящіеся къ исторіи Россіи XVIII столѣтія. 3) Переписка императрицы Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II. Сообщено Имперскимъ Канцлеромъ Княземъ Бисмаркомъ и Госуд. Канцлеромъ Княземъ А. М. Горчаковымъ. 4) Собственноручныя письма Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны (впослѣдствіи императрицы) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 5) Письма Великаго Князя Павла Петровича (впослѣдствіи императора Павла I) къ барону Карлу Ивановичу Сакену, посланнику при датскомъ дворѣ. 6) Проектъ императрицы Екатерины II объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей. 7) Записка Государственнаго секретаря А. Н. Оленина о засѣданіи Государственнаго Совѣта, по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Александра I. 8) Отчетъ о годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, происходившемъ 17-го марта 1877 г., въ Аничковскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича. 9) Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой. Сообщено академикомъ Я. К. Гротомъ........................... Цѣна 3 р.

Томъ XXI. 1) Донесенія А. И. Чернышева имп. Александру I, 1810 и 1811 гг. 2) Донесенія А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву, 1811 г. 3) Письма А. И. Чернышева канцлеру графу Н. П. Румянцеву, 1809 г. 4) Донесенія имп. Александру I кн. А. Б. Куракина, 1811 и 1812 гг. 5) Донесенія кн. А. Б. Куракина канцлеру Н. П. Румянцеву, 1811 и 1812 г. 6) Письмо графа П. А. Шувалова имп. Александру I, 1811 г. 7) Донесенія бар. Сухтелена имп. Александру I, 1812 г. Сообщено А. Н. Поповымъ изъ дѣлъ Госуд. архива въ С.-Петербургѣ. 8) Отчетъ о дѣлахъ, представленный имп. Александру I, 1801 г., М. М. Сперанскимъ. Сообщ. А. Ѳ. Бычковымъ.................................... Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Дипломатическая переписка прусскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ. 1) Донесеніе гр. Сольмса Фридриху II и отвѣты короля, съ 1763 по 1766 г. 2) Шесть приложеній къ донесенію гр. Сольмса королю отъ 15 (26) октября 1766 г. Сообщено изъ Берлинскаго Госуд. архива. Документы изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть I.................................... Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма имп. Екатерины II барону Мельхіору Гримму. Сообщ. изъ Госуд. архива мин. ин. дѣлъ въ С.-Петербургѣ. Изд. академик. Я. К. Гротомъ. Ц. 3 р.

Томъ XXIV. Донесенія нидерландскихъ посланниковъ о ихъ посольствѣ въ Швецію и Россію въ 1615 и 1616 гг. Сообщ. изъ Нидерландскаго Государственнаго архива. Изданы А. Х. Бекомъ.... .... Цѣна 3 р.

Томъ XXV. Переписка и бумаги гр. Бориса Петровича Шереметева (1704—1722 гг.). Съ портретомъ имп. Петра Великаго. Изданы гр. С. Д. Шереметевымъ. Ц. 3 р.

Томъ XXVI. Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ гравюрою и снимками почерковъ. 1747—1787 г. Томъ I.. Цѣна 3 р.

Томъ XXVII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящ. въ Госуд. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, съ 1774 по 1788 г. Собраны академ. Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV .... Цѣна 3 р.

Томъ XXVIII. Финансовые документы царствованія импер. Екатерины II. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. I.......................... Цѣна 3 р.

Томъ XXIX. Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Н. И. Григоровича. Съ 2-мя гравюрами и планомъ 1788—1799 гг. Т. II... Цѣна 3 р.

Томъ XXX. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т. I................................ Цѣна 4 р.

Томъ XXXI. Годы ученія Его Импер. Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Т II............................... Цѣна 4 р.

Томъ XXXII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напеч. подъ наблюд. проф. В. И. Сергѣевича Часть IV. . . . . Ц. 3 р.

Томъ XXXIII. 1) Письма барона Мельхіора Гримма къ импер. Екатеринѣ II съ приложеніями. 2) Письма Эрнеста-Іоганна Бирона посланнику Герману Кейзерлингу. 3) Письма Дидро къ импер. Екатеринѣ II, съ примѣчаніями, напеч. подъ наблюденіемъ Я. К. Грота и Г. Ѳ. Штендмана.......................... Цѣна 3 р.

Томъ XXXIV. Донесенія французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ въ дѣлахъ при Русскомъ дворѣ и отчеты о пребываніи русскихъ пословъ, посланниковъ и дипломатическихъ агентовъ во Франціи, съ 1681 по 1718 годъ. Сообщено изъ архива мин. иностр. дѣлъ въ Парижѣ. Напеч. подъ наблюд. А. А. Половцова, А. Ѳ. Бычкова и Г. Ѳ. Штендмана. Часть I.................................. Цѣна 3 р.

Томъ XXXV. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Польшею въ царствованіе Вел. Кн. Ивана Васильевича, съ 1482 года. Напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова..Цѣна 3 р.

Томъ XXXVI. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича. Часть V.. Цѣна 2 р.

Томъ XXXVII. Дипломатическая переписка прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при Русскомъ дворѣ. Сообщено изъ Берлинскаго Государственнаго архива. Издано подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XXXVIII. Документы, касающіеся сношеній Россіи съ Англіею съ 1581 по 1601 г. Документы эти получены изъ Московскаго архива Мин. Иное. Дѣлъ Ю. В. Толстовымъ и начаты печатаніемъ подъ его надзоромъ; послѣ же его смерти изданіе окончено проф. Бестужевымъ-Рюминымъ........................ Цѣна 3 р.

Томъ XXXIX. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при Русскомъ дворѣ, съ 1704—1708 г. Сообщено изъ Англійскаго госуд. архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть III............................Цѣна 3 р.

Томъ XL. Донесенія французскаго консула въ С.-Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона съ 1719 по 1722 г., изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II.................... .... Цѣна 3 р.

Томъ XLI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Нагайскою ордами и съ Турціей. Т. I (съ 1487 по 1533 г.). Напеч. подъ наблюд. Г. Ѳ. Карпова..................................Цѣна 3 р.

Томъ XLII. Бумаги имп. Екатерины II, хранящ. въ Госуд. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, съ 1788 по 1796 г. Собраны академ. Я. К. Гротомъ и напеч. подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть V................................ Цѣна 3 р.

Томъ XLIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской Коммисіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ проф. В. И. Сергѣевича. Часть VI...Цѣна 3 р.

Томъ XLIV. Письма барона Мельхіора Гримма къ имп. Екатеринѣ II. Напечат. подъ наблюденіемъ члена совѣта Я. К. Грота...................... Цѣна 3 р.

Томъ XLV. Финансовые документы царствованія имп. Екатерины II, императоровъ Павла I и Александра I. Собраны и изданы А. Н. Куломзинымъ. Т. II. Ц. 3 р.

Томъ XLVI. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи-Терезіи и государственному канцлеру, графу Кауницу-Ритбергу. Изданы Г. Ѳ. Штендманомъ. Часть II.. Цѣна 3 р.

Томъ XLVII. Бумаги посланника Я. И. Булгакова, съ 1779—1798 г. Рескрипты императрицы генераламъ Коховскому и Кречетникову и донесеніе ихъ императрицѣ. Собраны и изданы Н. Ф. Дубровинымъ..........................Цѣна 3 р.

Томъ XLVIII. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1762—1764 г. Ч. I. Томъ изданъ барономъ Ф. А. Бюллеромъ, при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго..................................Цѣна 3 р.

Томъ XLIX. Донесенія французскаго консула въ С.-Петербургѣ Лави и полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1722 по 1724 г. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III.............. ....Цѣна 3 р.

Томъ L. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, съ 1708 — 1712 г. Сообщено изъ Англійскаго Госуд. архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Часть IV............................... Цѣна 3 р.

Томъ LI. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, съ 1764—1766 г. Часть II. Томъ изданъ барономъ Ф. А. Бюллеромъ, при содѣйствіи магистра Ульяницкаго...Цѣна 3 р.

Томъ LII. Донесенія французскаго посла при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1723—1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть IV. Цѣна 3 р.

Томъ LIII. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи, съ 1533—1558 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова..Цѣна 2 р.

Томъ LIV. Переписка герцога Ришелье съ Императоромъ Александромъ, его министрами и частными лицами.—Бумаги извлечены изъ французскихъ и русскихъ архивовъ. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова. Цѣна 3 р.

Томъ LV. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 г. Изданы подъ редакціею Н. Ф. Дубровина. Ч. I. (февраль—іюль 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVI. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта, 1726—1730 г. Изданы подъ редакціею Н. Ф. Дубровина. Ч. II. (іюль—декабрь 1726 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, съ 1766—1767 г. Ч. III. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюллеромъ при содѣйствіи магистра Ульяницкаго..Цѣна 3 р.

Томъ LVIII. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона, за 1725 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. (Ч. V). Цѣна 3 р.

Томъ LIX. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1533—1560 г. Томъ изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова..Цѣна 3 р.

Томъ LX. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей, для составленія русскаго біографическаго словаря. Изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана Часть I. Буквы А—Л..Цѣна 3 р.

Томъ LXI. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ, съ 1711—1719 гг. Ч. V. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества А. А. Половцова..............................Цѣна 3 р.

Томъ LXII. Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей, для составленія русскаго біографическаго словаря. Изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть II..Цѣна 3 р.

Томъ LXIII. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта 1726—1730 гг. Изданы подъ редакціею Н. Ф. Дубровина. Ч. III. (январь—іюль 1727 г.). Цѣна 3 р.

Томъ LXIV. Донесенія французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Кампредона и повѣреннаго въ дѣлахъ Маньяна за 1726 и 1727 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана..............................Цѣна 3 р.

Томъ LXV. Дипломатическіе акты изъ архива князя Н. В. Репнина, относящіеся до Тешенскаго конгресса 1779 г. Изданы профессоромъ Ф. Ф. Мартенсомъ. Цѣна 3 р.

Томъ LXVI. Дипломатическая переписка англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ съ 1728—1733 гг. Сообщено изъ англійскаго государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Ч. VI..............................Цѣна 3 р.

Томъ LXVII. Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II съ 1767—1768 гг. Ч. IV. Томъ изданъ барономъ Ѳ. А. Бюллеромъ при содѣйствіи магистра В. А. Ульяницкаго..Цѣна 3 р.

Томъ LXVIII. Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Собраны и напечатаны подъ наблюденіемъ профессора В. И. Сергѣевича. Ч. VII..Цѣна 3 р.

Томъ LXIX. Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта съ 1-го іюля по конецъ декабря 1727 года. Часть IV. Изданы подъ редакціею Н. Ф. Дубровина .... Цѣна 3 р.

Томъ LXX. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Часть 1-я, 1880—1802 гг. Изданы подъ редакціей А. С. Трачевскаго... Цѣна 3 р.

Томъ LXXI. Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, съ 1560 — 1570 гг. Изданы подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Карпова.. Цѣна 3 р.

Томъ LXXII. Дипломатическая переписка Прусскаго короля Фридриха II съ гр. Сольмсомъ, посланникомъ при русскомъ дворѣ. Сообщена изъ Берлинскаго государственнаго архива. Изданъ подъ наблюденіемъ Г. Ѳ. Штендмана. Часть III. Цѣна 3 р.

